

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

Книги 11-20

СВАРОГ

Александр Александрович Бушков
Александр Бушков
Александр Бушков

Сборник "Спаситель Короны"

Скучающий в провинциальной воинской части майор ВДВ Станислав Сварог подсознательно жаждет битв. Старый монгольский шаман помогает ему обрести желаемое – в один прекрасный день Сварога засасывает страшная воронка и он попадает на планету Талар, в мир, где живут лары – могучие колдуны, правящие миром. Они практически бессмертны. Они проводят жизнь в увеселениях и дворцовых интригах. Они живут на летающих островах и не интересуются делами простых смертных – обитателей планеты. И Сварог – один из них. С его появлением в этом мире связывают древнее пророчество, вдобавок ему удастся найти легендарное магическое оружие, утерянное несколько сот лет назад. И начинается длинный путь познания и становления в этом странном и опасном мире. Хронология размещения романов согласно нумерации из печати.

Содержание:

11. Александр Бушков: Спаситель Короны
12. Александр Бушков: Печать скорби
13. Александр Бушков: Война за мир
13. Александр Бушков: Чертова Мельница
7. Александр Бушков: Слепые солдаты
- 8 Александр Бушков: Из ниоткуда в никуда
9. Александр Бушков: Король и его королева
17. Александр Бушков: Вертикальная вода
18. Александр Бушков: Алый, как снег
19. Александр Бушков: Над самой клеткой льва
20. Александр Бушков: Радиант

Содержание

Александр Бушков Спаситель Короны (Сварог – 11).....	0006
Часть первая СКВОЗЬ ВРЕМЯ.....	0006
Часть вторая СКВОЗЬ ПРОСТРАНСТВО.....	0099
ГЛОССАРИЙ.....	0149
Александр Бушков Печать скорби.....	0153
Пролог СУДНЫЙ ДЕНЬ.....	0153
ИГРОК НОМЕР ОДИН.....	0159
ИГРОК НОМЕР ДВА.....	0203
ИГРОК НОМЕР ОДИН.....	0250
ИГРОК НОМЕР ДВА.....	0290
ИГРОК НОМЕР ОДИН.....	0324
ИГРА.....	0350
Александр Бушков Сварог. Война за мир.....	0400
Игрок номер два.....	0400
Игрок номер один.....	0434
Игра.....	0460
Александр Бушков ЧЕРТОВА МЕЛЬНИЦА.....	0509
Глава I ВЫСОКОЕ ИСКУССТВО ДИПЛОМАТИИ.....	0510
Глава II ИНЫЕ НЕБЕСА.....	0533
Глава III МИЛЫЕ ДЕТСКИЕ ЗАБАВЫ.....	0541
Глава IV ПЕЧАЛЬНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ.....	0554
Глава V ЧЕРТОВА МЕЛЬНИЦА.....	0563
Глава VI МАРЧЕРЕТ.....	0570
Глава VII ПРОСТАЯ ДЕТСКАЯ ИГРА.....	0594
Глава VIII КОРОЛЬ ПОСРЕДИ БУДНЕЙ.....	0603
Глава IX БЕГЛЕЦ.....	0612
Глава X ПРОЩАНИЕ С ЮНОСТЬЮ.....	0626
Глава XI ОТ КАРЬЕРИСТОВ ТОЖЕ БЫВАЕТ ПОЛЬЗА.....	0636
Глава XII ТЯФ! ТЯФ! ТЯФ!.....	0653
Глава XIII БЛАГОНАДЕЖНЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ И ЧЕСТНЫЙ ПРОДАВЕЦ, ДОВОЛЬНЫЕ ДРУГ ДРУГОМ.....	0667
Глава XIV В УЧЕНОМ ОБЩЕСТВЕ.....	0677
Глава XV СТРАННИКИ.....	0687
Глава XVI ТИХАЯ УЮТНАЯ ДЕРЕВНЯ.....	0700
Глава XVII ОДИН-ОДИНЕШЕНЕК.....	0709
Глава XVIII ЛЮДИ И ЗВЕРИ.....	0718
Глава XIX ОБИТАТЕЛИ УКРОМНЫХ УГОЛКОВ.....	0724
Глава XX И УВИДЕЛ КОННЫЙ, И ПРИНИК К КОПЬЮ.....	0736
Глава XXI ...И ОХОТНИК ВЕРНУЛСЯ С ХОЛМОВ.....	0744
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	0751
Александр Бушков СЛЕПЫЕ СОЛДАТЫ.....	0790
#1.....	0793
Карты.....	0792
Глава I КОРОЛЕВСКИЕ БУДНИ.....	0793
Глава II О СКУЧНЫХ ФИНАНСАХ.....	0806
Глава III ЖИЛА-БЫЛА ДЕВОЧКА.....	0829
Глава IV НЕВЕСТА И ЗМЕЙ.....	0855
Глава V НОВОСТИ, ПРЕТЕНЗИИ, ЗАГАДКИ.....	0875
Глава VI ПОХВАСТАТЬСЯ НЕЧЕМ.....	0884
Глава VII ОБЛАКА ПОД НАМИ.....	0899
Глава VIII ВРЕДНЫЙ ВРЕД И БЕЗВРЕДНЫЙ ВРЕД.....	0911

Глава IX О МЕТОДАХ ВОСПИТАНИЯ И ПРОЧЕМ.....	0932
Глава X ПЕРЕБЕЖЧИЦА.....	0939
Глава XI ПОВЕСТВУЮЩАЯ О ТОМ, ЧТО В ТЕАТРЕ СПЛОШЬ И РЯДОМ САМОЕ ИНТЕРЕСНОЕ ПРОИСХОДИТ НЕ НА СЦЕНЕ, А ЗА КУЛИСАМИ.....	0957
Глава XII СИНЕГЛАЗОЕ ГОРЕ.....	1000
Глава XIII ОТНЮДЬ НЕ ПОСЛЕДНЯЯ.....	1022
Приложения.....	1028
Александр Бушков ИЗ НИОТКУДА В НИКУДА.....	1066
Карты.....	1066
Глава I ПЕРВЫЕ ШАГИ.....	1068
Глава II ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ.....	1082
Глава III ЗЕМЛЯ И ВОДА.....	1099
Глава IV О ДРЕВНЕМ ВЕТРЕ И НЕ ТОЛЬКО О НЕМ.....	1114
Глава V СЮРПРИЗЫ И ТАЙНЫ.....	1124
Глава VI ПРИКЛАДНАЯ АСТРОНОМИЯ ПО МЕТОДУ КАНЦЛЕРА.....	1144
Глава VII ВСАДНИК НА ДИКОВИННОМ КОНЕ.....	1155
Глава VIII КОРОЛЕВСКАЯ ОХОТА.....	1168
Глава IX ХОД ФЕРЗЕМ.....	1181
Глава X СЮРПРИЗ ИЗ СЮРПРИЗОВ.....	1187
Глава XI ЦВЕТ ПОДВЕНЕЧНЫЙ, ЗОЛОТОЙ.....	1195
Приложения.....	1208
Александр Бушков КОРОЛЬ И ЕГО КОРОЛЕВА.....	1246
Глава I Эскадрилья амуров.....	1246
Глава II Свадебный подарок поутру.....	1256
Глава III Порыв Древнего Ветра.....	1267
Глава IV Полет Золотых Шмелей.....	1280
Глава V Сюрпризы и находки.....	1295
Глава VI Ночной полет.....	1312
Глава VII Чрезвычайный и полномочный.....	1323
Глава VIII О задних комнатах иных кабаков.....	1330
Глава IX Независимый эксперт.....	1342
Глава X Визитеры, сплошь незваные.....	1353
Глава XI Страшный бородач и другие.....	1364
Глава XII Гении во плоти и крови.....	1372
Эпилог.....	1384
Приложения.....	1387
Карты.....	1424
Александр Бушков Вертикальная вода.....	1425
Глава I Хлопоты победителей.....	1426
Глава II Тайн прибавляется.....	1440
Глава III Белокурая еретичка.....	1448
Глава IV Воспитатель и дипломат.....	1459
Глава V Пейзаж перед боем.....	1468
Глава VI Встречи и расставания.....	1479
Глава VII Смотрины, стало быть, у них.....	1497
Глава VIII Он ушел в лихой поход.....	1504
Глава IX «Вы поедете на бал?».....	1523
Глава X Сюрпризы чередой.....	1538
Глава XI Волчицы.....	1554
Глава XII И кавалькады в чаще.....	1560
Глава XIII Ключи последнего дня.....	1565
Глава XIV Высокое искусство бегства.....	1573
Эпилог.....	1577
Александр Бушков АЛЫЙ, КАК СНЕГ.....	1582

#1.....	1582
#2.....	1582
Глава I ДЕЛА ТЕКУЩИЕ.....	1583
Глава II ЗАЗЕРКАЛЬЕ БЕЗ АЛИСЫ.....	1595
Глава III ОНИ ПРИХОДЯТ.....	1606
Глава IV БАЛЛАДА О ФРЕГАТЕ.....	1613
Глава V ОКРЕСТНОСТИ В ПОЖАРЕ.....	1625
Глава VI ОТЗВУК БЫЛЫХ ВЕКОВ.....	1635
Глава VII В ТИХОМ ОМУТЕ.....	1644
Глава VIII СТЕНА И НОЧНЫЕ КАВАЛЬКАДЫ.....	1651
Глава IX КРУЖЕВНАЯ СВАДЬБА С СЮРПРИЗАМИ.....	1665
Глава X НА ДАЛЬНИХ ПОДСТУПАХ.....	1677
Глава XI ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ ПУТИ.....	1688
Глава XII ТРИ ЧЕТВЕРТИ ПУТИ.....	1701
Глава XIII ДВЕ ЧЕТВЕРТИ ПУТИ.....	1709
Глава XIV ЧЕТВЕРТЬ ПУТИ.....	1716
Глава XV ПЯТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ПУТИ.....	1723
ЭПИЛОГ.....	1736
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	1738
Александр Бушков НАД САМОЙ КЛЕТКОЙ ЛЬВА.....	1776
Глава I МЕЧ И КОРОНА.....	1777
Глава II СЛОЖНОСТЕЙ ПРИБАВЛЯЕТСЯ.....	1796
Глава III КАМНИ, РУЧЕЙКИ, ДЕВУШКА.....	1816
Глава IV О КАМНЯХ И НЕ ТОЛЬКО О НИХ.....	1840
Глава V ДВОРЦОВЫЕ БУДНИ.....	1879
Глава VI МИМОЛЕТНЫЕ ПОБЕДЫ, ДОСТИЖЕНИЯ И ОТКРЫТИЯ.....	1902
Глава VII ВСЕ ТЕ ЖЕ ЛЬДЫ, ОБРЮЗГШИЕ МОРЖИ.....	1921
ЭПИЛОГ.....	1928
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	1930
Александр Бушков РАДИАНТ.....	1967
Глава I О СМЕРТИ И ЖИЗНИ.....	1967
Глава II ДЕВУШКА ИЗ БАЛЛАДЫ И ПРОЧИЕ.....	1983
Глава III КОГДА ПОЛЗАЮТ КАМНИ.....	2008
Глава IV БЕЗМЯТЕЖНЫЕ ПЛЯСКИ.....	2017
Глава V «КАМЕННЫХ ДЕЛ МАСТЕРА».....	2031
Глава VI ЛИРИЧЕСКИЕ БЕСЕДЫ У КАМИНА.....	2057
Глава VII ПОЩЕЧИНА И ПРОЧИЕ СЮРПРИЗЫ.....	2069
Глава VIII НОВОСТИ И РАЗГОВОРЫ.....	2082
Глава IX БЛИЦКРИГ: ПРЕЛЮДИЯ, ОНА ЖЕ УВЕРТЮРА.....	2090
Глава X АНГЛИЙСКИЙ ДЖЕНТЛЬМЕН ПРИЕХАЛ В БЕНАРЕС.....	2110
Глава XI БЛИЦКРИГ: СКРЫТЬСЯ ОТ ОСЕНИ.....	2137
ЭПИЛОГ.....	2148

Александр Бушков Спаситель Короны (Сварог – 11)

*Да вам, куда ни сошли, – хуже не будет. Так что прощайте! И зла не держите! Налегке, оно легче уходить...
Г. Горин. «Поминальная молитва»*

Часть первая СКВОЗЬ ВРЕМЯ

ГЛАВА 1 КАК СВАРОГ УМЕР...

Честное слово, каких-то полчаса назад все было нормально. Полчаса назад все было... ну, не сказать чтобы отлично, но весьма неплохо: наконец-таки у Сварога вроде бы появился шанс. Появилась вроде бы возможность убраться из этого мира – и не просто убраться, а найти дорогу на Талар. Если, конечно, Праматерь Пон-Тулла не врала. Наверное, не врала – по крайней мере детектор лжи Сварога сонно помалкивал в течение всей аудиенции.

Равно как молчал и детектор опасности – как всегда, до поры до времени. Сволочь...

А вот теперь все изменилось. В одночасье изменилось, в одноминутье! И ничего нельзя было повернуть назад. Теперь его величество Сварог Первый, граф Гэйр, маркиз и все такое прочее, что в принципе уже не столь важно, лежал навзничь на холодных каменных плитах не то алтаря, не то первобытного операционного стола. Совершенно обнаженный. Опутанный лишь паутиной не то проводов, не то... не то и в самом деле паутиной.

Лежал и умирал. В прямом смысле этого малоприятного слова.

Умирал от проникающего ранения. Но самое идиотское, что удар был нанесен оружием, которое держала рука человека, так что, господа, никаких претензий к магии! Родная магия, сказавши напоследок: «А я ведь предупреждала!» – ушла от лара, хлопнув дверью...

Нет, ну вот ведь блин, а?! В общем, расслабились вы, милорд, со всех сторон неуязвимым себя возомнили – вот и получайте. По полной программе.

И ладно бы геройски пасть в бою, сражаясь с превосходящими силами противника, яростно отбивая одну атаку за другой, не замечая ран и не считая трупы врагов – не так это, понимаете ли, стыдно. И не то что очень уж хочется, перекинувшись, попасть именно в Валгаллу, но все-таки...

Больно уже не было. По крайней мере было не так больно, как полчаса назад, когда клинок обжигаяще холодной, ослепительно яркой иглой вонзился в королевскую плоть, вспарывая кожу, мышцы и внутренние органы...

Оказывается, за время странствий по мирам и вселенным Сварог порядком позабыл, что такое настоящая боль. Не душевные терзания, нет, не моральные страдания, а самая что ни на есть физическая мука, примитивная, запредельная, та самая боль, когда осознаешь, как жизнь тягуче вываливается из тебя, будто варенье из перевернутой банки, когда отчетливо понимаешь, что вот оно, что это всё, конец, что здесь уже ничего не будет, а если что и будет, то

только там, и появляется ощущение полного бессилия, смешанного с какой-то детской обидой, а еще растет, ширится страх перед ждущим тебя там, за чертой, и тело перестает слушаться, и вместе с чувствами постепенно уходит реальность и появляется Тоннель...

Дыхание было лихорадочным и неглубоким, и это было странно – Сварог явственно чувствовал, как удары сердца становятся все более редкими, все более гулкими, тамтамом отдаваясь в висках: стало быть, и кровушка должна медленнее протекать по венам и прочим артериям, стало быть, и легкие должны сокращаться реже...

А кровь, вот, кстати? Е-мое, куда кровушка-то моя девается из раны? Стекает на пол? Фи, милорды, как пошло – для столь влиятельной-то персоны...

Страх, чувство бессилия, ощущение конца куда-то пропали. Осталось только глухое любопытство – что происходит сейчас и что будет дальше. Ну, и еще боль оставалась, конечно. Пульсирующая и нудная, как при флюсе. Боль кольцом концентрировалась вокруг раны, горела ацетиленовым огнем, а глубже, непосредственно под кожей, растекалась ледяным онемением. Ног и рук он уже не чувствовал: ноги и руки, стянутые кожаными ремнями на то ли хирургическом столе, то ли алтаре, уже отделились на расстояние в миллион световых лет и стали совершенно чужими, незнакомыми, а онемение поднималось и поднималось выше, смыкаясь вокруг раны.

И да, было еще любопытство. Тупое и безразличное. Отстраненное. Сварог видел тускнеющим взором склонившуюся над ним Праматерь Пон-Туллу. Праматерь внимательно прислушивалась к его агонии, пока четыре Матери суетливо тянули к умирающему телу Сварога концы разноцветной паутины, противоположные нити которой исчезали где-то в полутьме зала, а восемь Дочерей вокруг занимались производственной гимнастикой в весьма замедленном темпе. Колдовали, не иначе. Сучки.

– Ты уходишь, – внятно сказала Праматерь. – Ты слышишь меня? Ты запомнил мои слова? У тебя еще остались силы кивнуть.

У Сварога, откровенно говоря, еще оставались силы послать Пон-Туллу по самой дальней Праматушке, однако он не стал расходовать их на столь бесперспективное дело. Поэтому Сварог медленно кивнул.

Праматерь в ответ слабо улыбнулась и осторожно положила ему в ноги Око Бога.

– Не бойся, – как всегда, зело понятно сказала она. – Око Бога настроит тебя на себя. Оно послушается, когда придет срок. И тогда не промахнись... Замкни круг, и обретешь себя.

На этот раз у Сварога достало сил растянуть непослушные губы в усмешке – хотел в презрительной, но усмешка вышла какой-то... беспомощной, что ли. И только. Боль исчезла окончательно, даже вокруг раны, онемение растеклось по всему телу, захватило сердце, оккупировало мозг и погрузило сознание Сварога в мутную тишину.

...Банально, конечно, но говорят, что в момент смерти перед человеком прокручивается вся его жизнь, хотя, насколько известно, пока еще никто не рискнул добровольно проверить сие утверждение на собственном опыте, чтобы потом рассказать всем интересующимся.

Сварог же мог считать себя в этом вопросе теперь специалистом. Вся не вся, но события последних дней урывками пронеслись перед его внутренним взо-

ром с головокружительной скоростью.

Черт возьми, а как неплохо все начиналось!

...Город Некушд, очаг контрреволюции. Таинственный кристалл Око Бога, который Сварог по заданию Визари, предводительницы магов-повстанцев, привез сюда, чтобы организовать в городе пятую колонну. Арест на вокзале...

И, черт подери, Гор Рошаль, живой и здоровый. Честное слово, Сварогу в первый момент захотелось ущипнуть проклятого охранителя – удостовериться, что это не галлюцинация. Или ущипнуть себя – удостовериться, что он не спит.

Он не спал, и перед ним холодно улыбалась отнюдь не галлюцинация. И это не было ни колдовством, ни наведенной иллюзией, ни всяким прочим магическим воздействием – если, конечно, не появилась магия, которую не заметит «третий глаз» лара. А «третий глаз» лара видел перед собой несомненно человека, из плоти и крови...

Сварог пребывал в состоянии полного обалдения всю дорогу, пока их в закрытом автомобиле везли, как выразился Рошаль, в «его скромную резиденцию». Индикатор опасности тихонько попискивал, но как-то нерешительно. Девушка по имени Келина Ван-Ради, которая выдавала себя за жену Сварога, а на самом деле была соглядатаем, навязанным Визари, – была потрясена не меньше. И можно было понять девчущку: «супружеская пара» благополучно достигла вражеского Некушда, миновала линию оцепления Каскада – и вдруг появляются солдаты, и начинается драка, и падают с потолка решетки, отрезая путь к бегству... И вылезает откуда-то долговязый тип, «муженьку» явно знакомый, и все неожиданно успокаиваются. Каскадовцы холодно-вежливы и угрюмо-предупредительны. Хотя оружия не опускают. А теперь вот черный электро-«воронок» – и полная неизвестность впереди...

– Мы арестованы? – напряженно спросила Келина, прислушиваясь к звукам за бортом. Мобиль несколько раз повернул и начал набирать скорость.

– Нет, – успокаивающе сказал Сварог. Подумал и добавил: – Очень надеюсь, что нет...

По крайней мере шаур и Око у него не отобрали. Что внушало оптимизм.

– Куда нас везут?

– Понятия не имею.

– Кто этот человек?

– Друг.

– Наш друг или твой друг?

– Мой друг – твой друг, знаешь ли...

– Он помогает Визари?

– А ты задаешь не слишком много вопросов?

– Почему ты не достал Око? Мы бы уже были на свободе. Ты заодно с ними?

– Келина, давай сначала разберемся, что к чему. Я и сам не до конца все понимаю... Иными словами, вообще ничего не понимаю. Поэтому и не делаю неосмотрительных шагов. И душевно тебя прошу: не предпринимай ничего, пока... ну, пока я не дам сигнал. У тебя оружие есть?

– В смысле?

Сварог почувствовал раздражение.

– Парализатор. Нож. Удавка. Дубинка. Маникюрные ножницы.

– Отравленный стилет был в тайнике в сумке. Сумку отобрали.

Она не врала. Но – отравленный стилет, как трогательно...

– Мою шляпу с противомоскитной сеткой тоже отняли, – вздохнул Сварог.

Мяукнул клаксон, за бортом послышался отчетливый лязг раскрывающихся ворот, потом мобиль остановился, распахнулись дверцы. Пленных (или все ж таки гостей?) вывели во двор мрачного серого строения, наводящего на самые мрачные ассоциации, и появившийся из другого мобиля Рошаль (оказывается, он ехал в другом мобиле, не «воронке», а простом, пассажирском) сказал невыразительно:

– Будьте любезны, граф, наденьте это. Извините, госпожа Ван-Ради, но такая необходимость. Осторожность, как говорится, лучше, чем неосторожность...

И он протянул два плотных полотняных мешка.

– Слушайте, Рошаль... – начал было Сварог, но бывший охранитель перебил повелительно:

– Прошу прощения, граф.

И что прикажете делать? Детектор опасности пребывал в прежнем полусонном состоянии. Поэтому, пожав плечами и кивнув Келине, он натянул мешок на голову. До самой шеи. Жаль, что в многогранные возможности ларов не входит умение видеть сквозь преграды. Он нащупал в кармане рукоять шаура.

Ступени. Коридор. Поворот. Скрип дверей. Отдаленные голоса. Поворот. Опять ступени. Еще один коридор. Легкий ветерок, щебет птиц – терраса, что ли? Поворот. Дверь. Стоп. Они очутились в небольшой комнатке – жилой, судя по уютной двуспальной кровати под балдахином и столу возле окна. Окно, правда, забрано решеткой. А конвой, если таковой и был, остался за закрытой дверью. Хлипкой, на первый взгляд...

– Это и есть ваша скромная резиденция? – спросил Сварог.

– Здесь вы сможете отдохнуть с дороги. Это, конечно, не гостиница «Свет Некушда», но и не тюремная камера, – по непроницаемому лицу Рошалья совершенно невозможно было понять, шутит он или говорит всерьез.

– Я хочу знать, на каком основании нас арестовали, – ледяным тоном осведомилась Келина.

– Арестовали? – брови Рошалья недоуменно взлетели вверх. – Ах, арестовали... – брови задумчиво сдвинулись к переносице. – А что, это, пожалуй, мысль...

– Ладно, Рошаль, в самом-то деле, кончайте, – перебил Сварог и уселся на стул. Плевать на приличия. Демонстративно достал шаур, положил перед собой на столешницу. – Объясните, что происходит. Мы гости или пленные? О том, как вам удалось выбраться из-под могильного камня, я спрошу позже.

– Это зависит от многих факторов, – сказал Рошаль, по-прежнему стоя у дверей и держа руки в карманах. – Это мы с вами должны решить в ближайшее же время. Милейшая Келина, что ж вы застыли, как памятник жертвам революции? Располагайтесь, вам тут жить некоторое время... Честь имею, господа: я – Гор Рошаль, верх-победитель[1] Каскада провинции Некушд, старший управляющий провинции Некушд, главнокомандующий Армией Противодействия.

И пока «гости» переваривали услышанное, добавил:

– И моим распоряжением с сегодняшнего дня въезд в город закрыт для всех без исключения. Провинция Некушд переходит на военное положение. Так что вам еще повезло...

– Вы так считаете? – с мрачной иронией спросил Сварог.

– Значит, это ты? – выдохнула Келина. – Сам?

Рошаль лишь поклонился.

– Доказательства!

Рошаль пожал плечами:

– Мой ультиматум Монитории от пятого числа. Точнее, зашифрованная приписка к нему. Вам зачитать наизусть? Извольте: «Визари, душечка, сим официально извещаю вас, что не пройдет и недели, как ваши стройные, неколебимые ножки дрогнут и разомкнутся под натиском моего боевого...» Ну, и так далее. Согласен, получилось несколько оскорбительно для нежных девичьих ушек, я не мастер красивых слов, однако в целом и по сути верно.

Сварог понял, что сидит, открывши рот... А Келина шагнула к Рошалю, остановилась на полпути, сжала кулаки. Сказала, едва не задыхаясь от ярости:

– Откуда... Об этом знают только четверо!

Бывший охранитель, а ныне верх-победитель, поклонился вторично:

– Достаточно доказательств?

– Так, минуточку, – наконец вышел из ступора Сварог. – Что-то я перестал понимать...

– Вы многого не понимаете, маскап.

Келина вдруг успокоилась. Улыбнулась.

Развела руки в стороны. Сказала:

– Я, признаться, и не думала, что это будет просто... Во имя революции, по приказу правительства Монитории...

И она резко вскинула руки над головой, выкрикнула несколько гортанных слов...

Сигнализатор опасности буквально-таки взвыл! Сварог, еще не соображая, что происходит, не понимая, кому, кроме него, грозит беда, Келине или Рошалю, рефлекторно прыгнул вперед... И был отброшен к стене пинком невидимой ноги. Трико Келины треснуло в десятке мест одновременно и разлетелось в клочья. «Супруга» осталась стоять посреди комнаты, нагая, как Афродита, с поднятыми руками. Пахнуло едким жаром...

Келина не врала: у нее не было при себе оружия.

Она сама была оружием.

ГЛАВА 2 ...И КАК ОЖИЛ РОШАЛЬ

Все последующее произошло быстрее, чем его бешено колотящееся сердце успело трижды бухнуть о ребра, хотя позже Сварог готов был поклясться, что бой длился не меньше минуты.

Оказывается, смуглое тело Келины сплошь покрывали татуировки – красные извивающиеся гады, черные драконы с разинутыми пастьями, сплетенные в клубки желтые ящерицы... И эти рисунки стремительно оживали. Оживали, отделялись, отлеплялись от кожи, бесшумными призраками бешено змеились по воздуху, окутывали «супругу», как яростные струи разноцветного дыма... А потом рванулись в сторону Рошалья.

«Шаур!» – Сварог рывком перевернулся на четвереньки и метнулся к столу.

Он опоздал.

Рошаль выдернул руки из карманов, вскинул на уровень плеч. В руках было зажато по непривычного вида пистолету, он лихорадочно давил на спусковые крючки, но выстрелов не было, не было ни звука... Лишь воздух в комнате мелко завибрировал, пошел рябью, очертания предметов смазались...

Змеи и прочие призрачные твари исчезали в этом мареве, растворялись, расплывались, точно капля чернил в стакане воды!

Келина пронзительно завизжала, бросилась на Рошалья самолично. Рошаль упал назад, вышибая спиной дверь, взметнулись полы его плаща... А в комнату уже лезли люди в черно-зеленых одеяниях с какими-то палками наизготовку, и помещение наполнилось ветвящимися молниями, и треском, и запахом озона. Разряды парализаторов, но не полицейских, а в десятки раз мощнее, вонзались в обнаженное тело революционной подруги. Разом замолкшую Келину скрючило, выгнуло дугой, затрясло, от чистой, без единого рисунка кожи пошел дым, потом тело ее вспыхнуло...

– ...Н-да, – пробормотал Рошаль, когда обугленное тело унесли и дым выветрился. – Нечто такое я и предполагал, но, откровенно говоря, не думал, что... Впрочем, пустое. Вы целы, граф?

– Еще не знаю, – простонал Сварог, прикурил сигарету, с отвращением посмотрел на дымящийся кончик и выбросил. – А что это было?

– Хитрая штука, я о таком только читал. Нечто вроде «замороженной» магии. Активируется только *после* произнесения заклинания, поэтому *до* никакими детекторами, никакими аппаратами «боро» не регистрируется... Вы что же, думали, будто ваша подружка Визари послала эту девку только для того, чтобы за вами приглядывать? Не смешите. У девки был свой план. Если б у вас не получилось с этим камнем, она наводнила бы зверюшками весь город, и вылавливай их потом... Почему же вы не кричите: «Не верю! Ведь тогда и я, посланник Визари, верный сподвижник Визари, пострадал бы от зубов волшебных тварей!»

– Вы хотите сказать, – медленно произнес Сварог, – что Визари готова была пожертвовать мной?

– Ничего я не хочу сказать, сами решайте. Скажите лучше... Насколько я понял по высказываниям вашей *супруги*, Ключ при вас?

– Это который? – не понял Сварог.

– Понятия не имею. Не то волшебный кристалл, не то колдовской камень...

Ох ты, е-мое... А он-то откуда знает?..

– Понял, – кивнул Рошаль, не дожидаясь ответа. – Мне он не нужен, просто хотел проверить...

– Учтите, Рошаль...

– Да сказал ведь уже: не нужен он мне. Где ваш дар отличать правду от лжи?

Он потыкал носком черную, еще исходящую дымком прогалину на полу.

– Я, маскап, знаете ли, намедни войну объявил вашей Монитории. Не спрашиваю, на чьей вы стороне, просто хочу, чтобы вы знали, прежде чем мы начнем серьезный разговор.

– Вопрос разрешите, мастер главнокомандующий? – спросил Сварог.

– Разрешаю, мастер шпион.

– Из чего вы этих милых змеюшек поубивали?

Рошаль достал несуразный, как будто самодельный, револьвер, весьма отдаленно напоминающий знаменитый «бульдог», осмотрел со всех сторон и спрятал обратно в карман. – Недурно, да? Антимагическое оружие. В здешних арсеналах много полезного пылится, но пока не появился я, ни у кого руки не доходили посмотреть: а вдруг что полезное найдется... А вы, любезнейший, что же, о татуировках на теле любимой не знали?

– Откуда?!

– Я вам, право, удивляюсь. А еще муж называется...

Они сидели в кабинете Рошаля – надо сказать, обставленном с долей помпезности: витые колонны по обеим сторонам от исполинского стола, панорамное окно с видом на небоскребы Некушда, мягчайший ковер под ногами, картины (наверняка оригиналы) на драпированных стенах – и запах. Отчетливый запах достатка и роскоши. Сидели и попивали коньячок (по крайней мере напиток, более чем на коньяк похожий) в обстановке мира и покоя. Смеркалось, со стороны гор напозлали тучи. Наверное, будет дождь. Или, судя по погоде, скорее снег...

– Да не таращитесь вы так по сторонам, – сказал Рошаль, – все это изобилие осталось от моего предшественника. Ну не убирать же. Пусть будет.

– Боюсь подумать, что с вашим предшественником стало...

– Правильно, лучше не спрашивайте. Бездарный был человечиска... Ну-те-с, что ж вы молчите? Спрашивайте, друг мой, спрашивайте. Вижу, вам не терпится...

Хотя видно было невооруженным глазом, что это именно Рошалью не терпелось рассказать о своем чудесном спасении. Сварог ни о чем спрашивать не стал – просто потому, что вопросов в голове крутилось уйма, так что он развел руками и смог выдать лишь классическую фразу Ватсона-Соломина, узревшего Холмса живым и невредимым после Рейхенбахского водопада: «Но, черт возьми... как?!..»

Рошаль усмехнулся, взял из вазы фрукт, подозрительно напоминающий апельсин, и принялся вдумчиво счищать ножичком кожуру. Сказал поучительно:

– Лет триста назад у нас в Гаэдаро – помните такое затонувшее государство, мастер Сварог? – лет триста назад там существовал некий орден благородных воителей, который назывался Шалаш Золотых Копий. И был в нем принят некий свод установлений, законов, правил, называйте как хотите, – в общем, кодекс, согласно которому был обязан жить, сражаться... и даже умереть каждый воитель. И было в этом кодексе следующее определение: «Ты не можешь быть уверен, что твой враг повержен, пока своими глазами не увидишь его труп». Улавливаете мысль? Так вот: надеюсь, я до сих пор вам не враг... однако меня, право, удивляет, что вы даже не подумали о такой пустяковой возможности: а вдруг старый занудный охранитель еще жив?

– А могила? А горбун, слуга патронессы, который видел ваше тело... – начал было Сварог, но прикусил язык. До него постепенно начало доходить. В памяти всплыли слова Щепки: «Да, я заразила Рошаля. Однако никакая это была не каменная лихорадка! Это было простенькое заклинание, вызывающее лишь *симптомы* болезни, внешние ее проявления, которые прошли бы сами собой

через трое суток...» – и он почувствовал себя в высшей степени глупо.

– Все правильно, – сказал Рошаль, с любопытством наблюдая за просветлением Сварога. – На то и было рассчитано. Вы видели только могильный камень, слуга видел только распухшее обезображенное тело. Ему сказали, что я мертв, и он передал вам, что я мертв. Вот вы и поверили. А на деле все обстояло чуточку иначе...

На деле же все обстояло так. Рошалья в бессознательном состоянии доставили в карантин при местном отделении Каскада, но там эскулапы быстренько разобрались, что если арестованный и болен, то отнюдь не каменной лихорадкой, да и вообще сомнительно, что он болен, – это типичная порча... Когда же Рошаль пришел в себя, его перевели в одиночную камеру при том же отделении, где он имел несколько милых бесед со следователем... Надо сказать, его не били. Пальцем ни разу не тронули. Следователь был приветлив, вежлив и обходителен, и это настораживало, однако Рошаль с первой же встречи наотрез отказался принимать любое участие в диалоге, пока ему не предоставят аудиенцию с его, следователя, начальником регионального отделения Каскада, или как там он у вас называется, поскольку информация, которой-де располагает Рошаль, слишком важна, чтобы посвящать в нее уши простого, извините, исполнителя...

Что характерно, аудиенцию предоставили достаточно быстро.

– И тут уж я, позволю заметить с ложной скромностью, показал себя во всей красе... – мечтательно вспоминал Рошаль, чуть ли не закатывая глаза от удовольствия. – Ловьяд подери, давненько я не вел допрос с таким наслаждением!..

Рошаль пошел в наступление, едва за ним закрылась дверь кабинета. Хозяин сего кабинета, начальник отделения Каскада (а именно – фаланги «Отпор» регистра «Противодействие»[2]), в течение каких-то полутора часов разговора был аккуратненько смят, ласково размазан по стенке и вежливо поставлен к стенке – сиречь поставлен перед единственно возможной для него альтернативой; причем любые попытки начальничка спорить, сомневаться и подозревать провокацию немедля хоронились под лавиной убедительнейших аргументов, убойных контраргументов и непробиваемых логических выводов. В результате начальник оказался перед выбором: либо он, не поверив ни единому доводу задержанного, отправляет последнего обратно в камеру и радостно рапортует в верхи об аресте никому не известного субъектика, на которого по никому не известной причине было наложено заклятие мнимой каменной лихорадки, либо...

Либо он, начальник, доверяется Рошалю. И тогда у него, начальника, появляется реальный шанс самолично, в одиночку вычислить, локализовать, нейтрализовать и захватить самого главного преступника современности – предводителя магического подполья Визари. Как? Элементарно. Помните погоню за двумя неизвестными в самом центре Вардрона? И как их арестовали? И как им удалось бежать из штаб-квартиры Каскада? У вас наверняка есть словесные портреты преступников. Вот и сравните их с моим обликом... Ага, узнали? Так вот: оба мы были первыми помощниками мага Визари. В какой-то момент я, Гор Рошаль, отказался участвовать в его дальнейших притязаниях на власть, мы с напарником поссорились, подрались, потеряли бдительность – поэтому и были схвачены. Испугавшись, что я начну говорить, маг Визари на-

слал на меня заклинание каменной лихорадки – вам докладывали о всплеске магического поля во время моего допроса? – потом выкрал мое тело и бежал... Спрашиваете, зачем же он тогда отвез меня в больницу, а потом и к предательнице Эйлони? Ну-у, не знаю... видите ли, мы все-таки были очень близки, и он, я думаю, не терял надежды, что я одумаюсь, вернусь под знамена Визари... Почему он все-таки бросил меня? А как бы вы поступили на его месте? Вот именно! Он испугался. Элементарно испугался. Каскад идет по нашим следам, а я могу стать для него обузой.

Но!

Напарник не видел, как я умер, следовательно, он обязательно вернется в дом Эйлони, чтобы проверить. И ложная могила – самый надежный способ убедить его в этом. А как только он окажется поблизости, мы установим за ним слежку. *Брать?* Зачем брать?! Слежка приведет нас аккурат к логову Визари... Я? Нет, я не знаю, где сейчас прячется заговорщик: после нашего провала он наверняка перебрался в другое место...

И еще одно «но». Руководить слежкой за моим бывшим напарником буду я. Что значит – почему? Да потому, что...

– И тут я окончательно убил остолопа, – гордо заявил Рошаль. – Представляете, эти ослы даже не удосужились проверить, где я рос, где работал, состояли ли на учете в Каскаде! У меня, разумеется, был заготовлен ответ, но ведь они *даже не удосужились!*

И Рошаль наглядно продемонстрировал раздавленному начальнику все недочеты в работе конкретной фаланги регистра Каскада, он указал на вопиющие дыры в агентурной сети («Ума не приложу, как с такой организацией вы вообще еще умудряетесь что-то делать!»), он нарисовал схему реструктуризации фаланги, которая позволит при минимуме затрат и сохранении финансирования улучшить отчетность и уменьшить незапланированные расходы, как денежные, так и рабочие...

«Вы хотите, чтобы при такой работе Визари никогда не поймали?!» – кричал Рошаль.

Крыть было нечем...

Короче, он убедил начальника фаланги, что только при его, Рошалья, схеме операцию ждет успех.

Расчет был прост: ни один чиновник никогда не устоит перед соблазном одним махом перепрыгнуть через несколько ступенек вверх по иерархической лестнице...

Однако что-то пошло не так – исключительно по причине идиотизма местной фаланги, из-за чего еще! За Сварогом слежку установили, но он, мерзавец эдакий, сумел оторваться от нее где-то на реке, в предгорьях, и тогда излишне ретивые исполнители, запаниковав, без всякого ведома Рошалья приказали подняться в воздух отряду «пауков». Так что след Сварога был потерян. А потом...

А потом появление нового толкового, но крайне подозрительного сотрудника фаланги заприметили где-то *наверху*, налетели, под конвоем перевезли в штаб-квартиру, где и попросили продемонстрировать организаторские умения.

– Ну, я и продемонстрировал, – скромно сказал Рошаль, отправляя в рот дольку апельсинообразного фрукта. – Верх-победитель Арт-Гвидо в результате

оказался человеком умным, рискнул, при моей, конечно, помощи – и спустя месяц совершенно, как вы говорите, *левого* человека назначил главой Регистра «Противодействие» Каскада в Некушде. А уж верх-победителем, старшим управляющим Некушда и командармом я стал, простите, самостоятельно, когда началась заварушка в столице, – он хищно улыбнулся. – В общем, я здесь, готовлюсь к войне с Визари... – он вдруг замолчал и посмотрел Сварогу прямо в глаза. Сказал с непонятной интонацией: – Я искал вас, маскап, когда вы вернулись в Вардрон, пытался выйти на связь... Хотя мы и оказались волею судеб по разные стороны баррикады, но я узнал, что предначертанного не избежать, и вы прибудете сюда...

Оп-па.

Сварог, малость расслабившийся после приключения с ожившими татуировками, мигом подобрался. Еще никогда, насколько он помнил, мастер старший охранитель не изъяснялся столь метафизическим штилем... Что-то это означало.

– Значит, вы и есть тот таинственный противник Визари, окопавшийся в Некушде и просчитывающий каждый ее шаг, – сказал Сварог, меняя тему.

– Искренне надеюсь, что я... Собственно, там и просчитывать-то особо нечего: тут подумал малость, там поставил себя на ее место – а как бы я поступил? – здесь проанализировал сообщения агентуры.

– Значит, вы теперь лидер оппозиции.

– Почему – теперь? – искренне удивился Рошаль. – И почему – оппозиции? Можно подумать, я когда-нибудь поддерживал реакционеров. Нет, милейший, по-моему, это вы с вашей Мониторией – оппозиция...

Он раздраженно бросил ножик для фруктов на стол.

– Я, да будет вам известно, граф, консерватор. Мне не нравятся перемены – будь то зигзаги в государственном строе или же в меню князя. Любые перемены заставляют настораживаться, просчитывать последствия и приспособляться и, следовательно, заставляют напрягаться. А у меня и без того достаточно причин напрягаться... особенно в вашей компании. У меня в крови, граф, тяга к ровному и спокойному постоянству, и я, увы, не могу себя переделать. Переменить себя не могу. Да и не хочу... Да и не в том дело, в конце-то концов. Вы же знаете мое отношение к магии? Мне не нравится магия, маскап. Мне не нравится идея всеобщего счастья на основе всеобщей волшебизации всей планеты. Потому что это тупик...

– О как... – буркнул Сварог.

– Именно так, – сказал Рошаль. И спросил удивленно: – А вы что, считаете иначе?

– Признаться, я уже никак не считаю, – вздохнул Сварог. – Признаться, мне надоели и магия, и всякие прочие революции. Однако...

– Однако ничего хорошего в замене нормального прогресса магией нет, – уверенно сказал Рошаль. – И в этом вы меня не переубедите. И не собираюсь. Но вот только с каких это пор вы, мастер охранитель, печетесь о прогрессе?

– Я? О прогрессе? Полноте, граф. Я пекусь о собственном спокойствии. Просто как-то так получилось, что оно, спокойствие это, напрямую связано с работой, которую я делаю.

– И что же вы намереваетесь делать? – спросил Сварог напрямик.

– Это зависит от того, что намереваетесь делать вы, – быстро сказал Ро-

шаль.

Сварог поразмыслил, закурив сигаретку.

– Вы мне не доверяете.

– Не доверяю, – буднично и без колебаний ответил Рошаль. – И не потому, что я лично вам не доверяю, а потому, что никому не доверяю... А лично вам, маскап, я не доверяю, поскольку, как я уже говорил, вы шпион и под чужой личиной проникли в Некушд, имея целью посеять смуту среди жителей Вольной Республики.

Сварог насупился.

Что правда, то правда, и крыть тут было нечем. Разве что по-детски пролепетать в собственное оправдание: «Я не знал...»

А и в самом-то деле, кто в Монитории мог знать, что силы сопротивления, сконцентрированные в провинции Некушд, возглавляет лучший друг Сварога? Того самого Сварога – Хранителя Ока Бога, а заодно и лучшего друга Визари?..

– Впрочем, – как ни в чем не бывало продолжал Рошаль, – если бы я действительно считал вас врагом, маскап, я давно приказал бы отобрать у вас бульжник, который вы с таким тщанием везли мне через полстраны, а вас самого казнить как вражеского диверсанта. Или, полагаете, у меня не хватило бы силенок совладать с вами?

Сварог промолчал. Рошаль был прав на сто кругов.

– Не берите в голову, граф, – сказал Рошаль, будто прочитав его мысли. – На счет недоверия к вам я пошутил.

«Ха-ха», – подумал Сварог.

– Я действительно хочу вам помочь... Ловьяд знает почему, но вы, пожалуй, первый за всю мою жизнь человек, к которому я готов повернуться спиной, не просчитав заранее все последствия. Так что можете гордиться собой... Впрочем, – тут же поправился он, – вполне может статься, моя доверчивость происходит только из того, что вы, маскап, излишне прямолинейны и непростоительно честны. Даже в отношениях с друзьями.

Сварог усмехнулся:

– Лестно слышать, масграм, что вы считаете меня другом...

– ...другом по оружию...

– ...однако я, дорогой верх-победитель, все еще полон решимости убраться из этого мира, – он глядел, как струйка дыма тает под потолком. – И вряд ли вы мне поможете в моих начинаниях. Зато у меня, кажется, теперь появилась крохотная вероятность...

– Ожидаящие, – кивнул Рошаль. Сварог посмотрел на него в изумлении.

– Откуда вы...

– А вы думали, мы тут только тем и занимаемся, что козни против вашей Визари строим? – холодно ухмыльнулся старший охранитель.

Он докушал апельсин, тщательно вытер руки салфеткой.

– Хотя, признаться, я бы и знать не знал ни о каких Ожидаящих, если б они сами ко мне не заявили. Три тетки в балахонах, монахини какого-то ордена где-то неподалеку от побережья. Сначала они плели что-то о Вселенской Книге, а Гаранд, мол, это лишь одна страничка из сотен миллионов других, что у Книги этой существует Оглавление и, если заглянуть в него, то можно узнать судьбы мира и даже по влиять на них, что они, Ожидаящие, несколько столе-

тий ждут того, кто сможет открыть эту Книгу... Ну, и в таком духе. Я уж было позвал охрану, никогда терпеть не мог сектантов, но потом... – Рошаль поднялся с кресла и принялся мерить кабинет шагами. – Потом они перешли к сути. Они рассказывали о вас. Правду рассказали. Что вы заблудились среди вселенных. Что более всего на свете мечтаете вернуться в какой-то мир, куда вы были званы. И они, дескать, готовы помочь – при определенных, разумеется, условиях. Поэтому, если многоуважаемый верх-победитель будет столь любезен удовлетворить нижайшую просьбу скромных монахов и обеспечить встречу с ними Сварога, каковой прибудет в Некушд, а он обязательно сюда прибудет, ибо таково предназначение, ибо его ведет сюда Ключ, столь трепетно любимый Ожидающими...

Рошаль сделал паузу. Порыв ветра ударил в окно, разметал по стеклу горсть сухого снега.

– Они убедили меня, мастер капитан. Я знаю, некоторые колдуны умеют читать мысли, они могли узнать о Свароге из моей собственной головы, поэтому... Но *эти* монахини рассказали не только то, что я и так о вас знал. Они рассказали кое-что еще...

– А именно? – напряженно спросил Сварог. Забытая сигарета догорела почти до фильтра, и он размочалил ее в пепельнице.

– Что вы приедете в Некушд именно сегодня, как посланник моего врага. Что вы привезете с собой некий предмет, который они именуют Ключом, магический, но я не должен беспокоиться: природа его магии и его назначение совершенно иные, не имеющие отношения к грядущей войне... Конечно, они могли оказаться агентами Монитории, но... А еще, мастер Сварог, у вас есть враг, – добавил он тише. – Не человек, существо более могущественное и грозное, обитающее вне времени и *вне жизни*, что оно еще не оставило попыток помешать вам, и исход вашего противостояния зависит от вашего выбора...

Опять захотелось курить, но Сварог сидел неподвижно.

– Это существо... Это тот, о ком я думаю? – спросил Рошаль.

– Боюсь, что да.

Рошаль отвернулся к окну. Снег прекратился, так толком и не начавшись.

– Удивительный вы человек, маскап. Вы будете говорить с Ожидающими?

– Для того я и приехал, – сказал Сварог. – Но я и предположить не мог, что в стане врага... Зачем вы объявили войну Монитории? – спросил он напрямик.

– Чтобы Монитория не объявила войну мне, – не задумываясь, сказал Рошаль. – Визари пока не готова нанести мне первый удар, она копит силенки, а мне это не надо. Так что мой... э-э... скажем так, шаловливый ультиматум подстегнет ее. Уверен, девчонка сорвется, возмутится и пошлет против Некушда войска. Войска будут сняты с других фронтов. Колеблющиеся протектораты вроде Гвидорских стран тут же попытаются всадить Монитории нож в спину. Противники магии в подполье поднимут голову... И Визари не сможет разорваться на части. Она проиграла.

– И у вас хватит сил противостоять ей?

– Еще как! Особенно если учесть, что проект «Буреносец» завершен... О, маскап, когда вы увидите мое детище, вы поймете, что пособники магии проиграли, даже не начав войну. Чертежи пылились в архиве, я всего лишь пустил их в дело, нашел специалистов, но все равно «Буреносец» – мое творение.

– И что же это такое?

– Я вам покажу. Обещаю. А пока... пойдете, что ли, подберем вам одежду по погоде. Да и поизносились вы, маскап, за время пути, как я погляжу...

...Забегая вперед, надо сказать, что обещания своего Рошаль не сдержал – по причине насквозь тривиальной: к послезавтрашнему вечеру Сварог уже был мертв.

ГЛАВА 3 ГДЕ ОЖИДАЮТ ОЖИДАЮЩИЕ

Обитель секты Ожидающих располагалась под землей, в усыпанном каменистыми холмами, как бородавками, пригороде города Некушда – практически незаселенном по причине как раз таки каменистости и бесперспективности что земледелия, что промышленности. К сей обители вела петляющая среди холмов древняя бетонка, некогда, наверное, ровная и гладкая, а нынче же заброшенная, потрескавшаяся, с кое-где вздыбившимися плитами, с просшим сквозь щели бурьяном чуть ли не в человеческий рост.

Беспросветное небо над холмами в той стороне, где находилась столица Короны, озаряли далекие бесшумные вспышки, желтые и фиолетовые. Было красиво, и Сварог собрался было спросить, уж не артподготовка ли это армии магов, но не стал. Ни к чему. Так и ехали молча. Шуршали протекторы, негромко жужжал мотор, изредка взрыкивая, когда колесо мобиля все ж таки проваливалось в колдобину. С небосвода, затянутого серыми тучами, сыпалась какая-то мелкая дрянь, напоминающая не то пепел, не то стиральный порошок, – не иначе, начинался здешний снегопад, и, стало быть, холодный сезон не за горами. Порывистый ветер с океана закручивал порошу на бетонке в водоворотики.

В электромобиле было тепло. И вообще машина впечатление производила – в отличие от тех, по крайней мере, которые встречались Сварогу. Каплевидная, похожая на хищную рыбу; высокая посадка, широкие шины – для пущей устойчивости при резких виражах – и, кажется, даже пуленепробиваемые стекла. А дабы у непосвященного путника не возникло и тени сомнения, что перед ним именно государственный бронемобиль, а не какой-нибудь там пижонский таксомотор, вдоль маслянисто-черного борта тянулась белая пояснительная надпись: «ОТДЕЛ НУЛЕВОЙ ГРАНИЦЫ БЕЗОПАСНОСТИ». Более того: из люка в крыше торчала турель, но не пулемета, а... а не поймешь чего, однако вида весьма устрашающего – короткий толстый ствол из какого-то отливающего синевой сплава в серебристой оплетке, однако без всякого намека на дульное отверстие, прозрачный наклонный щиток с нанесенным черной краской прицелом. Управление стрельбой, судя по всему, ведется с заднего сиденья, специально для того оборудованного – вращающееся вместе с турелью кресло, рукояти, гашетка... Но каким именно манером производилась эта стрельба, понять было решительно невозможно.

Почти весь путь до обители они не проронили ни слова: Рошаль – потому что следил за дорогой, объезжая предательские ухабы и трещины, а Сварог... а Сварог потому, что говорить, собственно, было уже не о чем. Да и никакого настроения вести беседы.

Лишь когда они миновали покосившийся щит с угрожающим текстом: «СНИЗИТЬ СКОРОСТЬ. ПРИГОТОВИТЬСЯ К ДОСМОТРУ. ВЪЕЗД ТОЛЬКО ПО ДОПУСКУ КЛАССА “Р”», а по обочинам тут и там стали попадаться обрывки про-

ржавевшей насквозь колючки, – только тогда Рошаль заговорил.

– Здесь была береговая пограничная застава, – объяснил он ровным голосом экскурсовода, к Сварогу не оборачиваясь. – Давно, еще во времена Белого конфликта с Гвидором. Лет, пожалуй, пятьдесят тому как. Потом ее законсервировали. Бросили, проще выражаясь. А потом из старого монастыря сюда переселились эти... Ожидающие.

Последнее слово он произнес с отчетливым раздражением.

Сварог покосился на Рошаль и спросил осторожно:

– Скажите-ка, мастер охранитель... вы уверены?

Верх-победитель скривился, не отрывая взгляда от дороги, хлопнул ладонью по рулю.

– Да ни в чем я не уверен. Вы стремитесь попасть к монахам – вот я вас туда и везу.

– Однако... – Сварог помедлил, – однако все же позволю предположить, что наша увлекательная поездка к Ожидающим преследует и иные цели – помимо вашей дружеской помощи лично мне, не так ли?

Рошаль ничего не сказал, и Сварог продолжил:

– Например, вам известно, что я принадлежу к близкому кругу некоей особы по имени Визари. Так отчего бы уважаемому верх-победителю не подстраховаться? А вдруг некий Сварог сошелся с ней слишком близко. Осторожность, как вы сами утверждали, лучше чем неосторожность.

– При чем здесь неосторожность... – буркнул Рошаль. И сказал, помолчав: – Повторю: я не вас опасаюсь, граф, хоть вчера на вечернем совете мне... Неважно. Я опасаюсь той штуковины, которая болтается у вас на шее. Я не знаю, чего от нее ждать, кроме превращения нормального человека в мага. Как показал эпизод с вашей очаровательной «супругой», у Визари в ладони спрятан не один скорпион... А с другой стороны, насколько я понимаю, вы твердо намерены выбраться *отсюда*, а для этого вам нужны Ожидающие. Ожидающим нужен этот камень, а мне нужно избавиться от камня, мне он без надобности, он мне мешает... Так почему бы не помочь друг другу? К взаимной выгоде всех трех сторон?

«Всех, кроме Щепки», – подумал Сварог, но вслух ничего не произнес.

И вроде бы Рошаль не врал. Даже если не учитывать молчания индикатора лжи, который, признаться, все чаще и чаще подводит. Одно то, что предводитель антимагического сопротивления не взял с собой эскорт и даже личной охране приказал остаться в цитадели, говорило о том, что он Сварогу всецело доверяет... Хотя это могло говорить и о чем-нибудь другом. Равно как и о третьем, и о сорок восьмом: поди разберись, что за комбинации выстраиваются в мозгу у старого волчары контрразведки, тут никакой индикатор лжи не поможет... Как бы то ни было, факт оставался фактом: в путь к обители Ожидающих они отправились вдвоем. А вот сколько оттуда вернется и кто именно – все же бо-ольшой вопрос...

Да нет, не паранойте, ваше величество.

Изорванное полотно дороги с шелестом наматывалось на колеса мобиля. Снег усиливался, и Рошаль включил ближний свет. Детекторы опасности и лжи единодушно молчали.

«Цивилизация, основанная на магии, – лениво думал Сварог. – Нет промышленности, нет сельского хозяйства, нет точных наук, потому что нет в

них нужды, все достается всем прямо из воздуха, бесплатно. Значит, нет прогресса и, следовательно, впереди – полная деградация... Щепка говорила, что маги не собираются заваливать всех дармовой продукцией... Но разве получится? Кто будет добровольно трудиться, когда достаточно произнести заклинание – и вот оно, изобилие... Значит, стагнация. Миллиардам людей просто-напросто нечем заняться! Исчезает разделение на социальные слои. Значит, общество упрощается, следовательно – опять же деградирует... Что еще? Колдуны-целители, ворожеи и прочие хилеры. Люди захотят жить, если не вечно, то хотя бы долго. И что? Замедляется смена поколений, эволюционное развитие замедляется, следовательно... Где это я читал про индейцев, которые освоили магию и оттого вымерли все поголовно? У старика Кастанеды, что ли...»

– А вы, масграм? – неожиданно для самого себя спросил Сварог. – Вы не собираетесь покинуть Гаранд вместе со мной?

– Ну вот и приехали, – бодро сказал Рошаль, притормаживая. – В сем живописном уголке природы и обитают наши таинственные монахи.

Мобиль остановился, начальник всей местной контрреволюции выключил мотор, и они выбрались на обширную площадку. Огляделись.

М-да. Живописный уголок являл собой, откровенно говоря, прежалкое зрелище. Мокрый, пронизывающий до костей ветер, налетающий со стороны океана, сметал с пустого бетона весь снег, оголяя серые шершавые плиты. Сквозь снежную круговерть проступали силуэты отдаленных сооружений – ангар, вышка, останки периметра, казарма, еще какие-то постройки... Несомненно пустующие, несомненно заброшенные. И вообще у Сварога появилось ощущение, что он попал на съемки фильма то ли о романтике жизни на антарктических станциях, то ли об ужасах ядерной зимы.

– Миленко, – прокомментировал он, пряча нос в воротник мехового плаща. – Значит, здесь Ожидающие и ожидают...

Рошаль промолчал, щурясь от снега.

– Тут присутствует магия, вы знаете? – сказал Сварог, оглядевшись «третьим глазом». – Несильная, но тем не менее.

– А где же ее нет, – проворчал Рошаль.

– Эт-точно...

– Я же вам говорил: я не против магии как таковой. Я против *засилья* магии.

– Говорили, говорили, – вздохнул Сварог, накинул капюшон и похлопал по стволу непонятного орудия, возвышающегося над крышей электромобиля. – А я вот всю дорогу хотел спросить: это что за хреновина? Если, конечно, не военная тайна.

– Да перестаньте, какая тайна... А что, в Монитории о подобных штучках не слышали?

– По крайней мере, я не слышал.

Цепкий взгляд:

– Или вам просто не сообщали?

– Ну так и что же это такое?

Рошаль натянул перчатки и сунул руки в карманы плаща. Сказал, отвернувшись от ветра:

– Называется «стрела». Прототип той штуки, которую вы видели, когда ва-

ша «супруга» предстала перед нами во всей своей наготе. Откровенно говоря, я не специалист и как точно работает, не знаю... В общем, она посылает в цель какое-то электрическое облако – и чем сильнее аккумулятор, тем больше дальность выстрела. Облако невидимое, однако на магические способности врага действует безотказно, уж поверьте. Напрочь нейтрализует любые проявления волшебства...

«Типа, что ли, генератора электромагнитного поля?» – подумал Сварог.

– Но это тоже старый образец, – сказал Рошаль. – Слабенький и без «пары».

– Без чего? – Сварог с любопытством посмотрел на противомagicеское оружие. Более всего оно напоминало знаменитое изобретение некоего барона по имени Хайрэм Максим, за которое он, собственно, титул барона-то и получил.

– Без спаренного со «стрелой» обычного оружия... – ответил Рошаль. – Вы же не полагаете, маскап, что достаточно лишить противника его колдовской силы, и он тут же сдастся на милость победителю?

– Ну, это да, это конечно... – протянул раздумчиво Сварог, вспомнив обугленный труп Келины.

– По сравнению с последними разработками это так, детская пукалка... Я вам еще «Буреносец» покажу!

Старый образец, видите ли. Значит, существуют новые образцы? Более совершенные? Тогда позвольте спросить, господа хорошие: почему он, Сварог, будучи вхож в реввоенсовет Монитории, слыхом не слыхивал о механизмах, блокирующих магические воздействия? Либо каскадовцы пока держат их существование в строжайшей тайне, либо...

Либо и в самом деле Визари посвящала Сварога далеко не во все свои повстанческие дела.

А тут еще «Буреносец» какой-то...

– Ну и где же комитет по торжественной встрече дорогого меня? – мрачно спросил Сварог, чтобы сменить тему.

– Да вон, – Рошаль нехотя вынул руку из кармана и указал на приближающуюся сквозь снегопад фигуру в развевающихся на ветру одеждах. – Насколько я понимаю, аудиенция назначена вам лично. Так что я тут вас подожду, мастер капитан. В общем... кричите, если что.

Обнадежил напарничек... Еще раз забежим вперед: больше в этой жизни они не встретятся.

ГЛАВА 4

ТУМАННЫЕ БЕСЕДЫ С ЛЕТАЛЬНЫМ ИСХОДОМ

Одежды на фигуре при ближайшем рассмотрении оказались чем-то вроде куска светло-зеленой ткани, обернутой вокруг тела по типу сари (и непонятно было, как человек не промерзает до костей в такой одежде при такой сволочной погоде), а сама фигура была явственно женского пола. Мадам монахиня Сварогу поклонилась и жестом попросила следовать за ней.

Подошли к распахнутому входу в подземный бункер, и Сварог с содроганием вдруг вспомнил совсем другой бункер – там, в дебрях всплывшего материка Граматар, где у экипажа «Серебряного удара» было малоприятное знакомство с ополоумевшим компьютером-картежником.

Чур меня, чур...

Здесь работало не только освещение, но и отопление, так что Сварог капюшон откинул. Ага, стало быть, электричество в этом импровизированном мо-

настыре исправно текло по проводам. Или у монахов был собственный источник питания, или они самовольно подключились к какой-нибудь местной ЛЭП. Или же энергию просто-напросто забыли отрубить пограницы, когда консервировали базу...

Без единого слова они спустились по бетонным ступеням, двинулись низким коридором в глубь монастыря. Хотя какой это монастырь? Ни лампад, ни образов, ни прочих атрибутов обители затворников – голые стены, голый пол, потолок со свисающими лампами в металлической оплетке. Бункер, обычный военный бункер, типичнейший... А что нам говорит чувство опасности? Чувство опасности безмолвствует. Ну, это как всегда.

Коридор закончился, упершись в круглую бронированную дверь с гидравлическим воротом. Люк был открыт настежь, изнутри струился тусклый электрический свет, и провожатая, все так же молча, пригласила Сварога заходить. Типа будьте как дома, уважаемый.

Ну-ну.

Сварог опасливо заглянул внутрь. Ничего эдакого. Никаких тебе перевернутых распятий, пентаграмм и замученных черных петухов вкупе с черными козлятами. Обширный полукруглый бетонный зал. Полупустой, полутемный. Лишь посреди возвышается небольшой подиум с двумя аскетичными деревянными креслицами, да около противоположной стены, на полу, застыл силуэт согбенной монашки на коленях. По всему видать, молится. Сварог глянул на провожатую. Провожатая кивнула. Сварог вздохнул. Просканировал обстановку по всем параметрам – магическое присутствие, угроза проявления черного колдовства – ничего подозрительного не обнаружил (ну, кроме слабого магического фона) и, пробормотав: «Надеюсь, ты меня тут не замуруешь, сестра...» – храбро шагнул в зал.

А ведь это, кстати и между прочим, бывший командный пункт, ногу можно дать на отсечение, разве что разворованный до голых стен. Вон и обрывки проводов через равные промежутки из стен свисают, и темные квадраты на стенах – на том месте, где были прикручены пульта и всяческие панели управления, и дырки в полу, где крепились кресла...

Он обернулся: провожатую как ветром сдуло. И? Чего ждем?

– «Отверзнутся Врата, кои вширь до пределов земных, вглубь до черных кипящих камней и еще глубже, – нараспев вдруг продекламировала молящаяся монашка и медленно встала. – Падут ниц народы и расы. Отринут богов неправедных и примут богов истинных...» Так говорится в предсказании, которому около тысячи лет, человек по имени Сварог.

Ах, вот в чем дело...

– Интересно, – сказал Сварог вежливо. – Только лично мне напрочь непонятно.

– Ключ у тебя? – спросила монашка. И пояснила: – Камень, который вы называете Око Бога.

Сварог смотрел на нее, нахмурившись и пытаясь понять, в какие игры играет девчонка. Ну да, именно что девчонка. В точно таком же сари, только темно-темно-зеленом, скорее даже – черном с прозеленью, большеглазой, с русыми распущенными волосами до лопаток, ей было не больше восемнадцати. И о чем, позвольте узнать, мне с ней разговаривать? А фигурка-то фотомодельная... «Правильных, однако, послушниц принимают в сию обитель», – совер-

шенно некстати промелькнуло в голове у Сварога.

Поколебавшись, он развязал шнуровку плаща, снял с шеи мешочек, потряхнул кристалл на ладонь. По бункеру тут же растеклось переливчатое лимонно-желтое сияние, густое, как кисель. Девушка смотрела куда-то мимо кристалла, склонив голову набок, но даже не делая попытки притронуться к нему.

– Да, это он, – протянула она задумчиво, нараспев. – Что ж, значит, предначертанное исполняется. Значит, так тому и быть. Сотни лет ожидания закончились, и благодать переполняет наши сердца...

Она поклонилась Оку Бога и вдруг сказала нормальным голосом:

– Меня зовут Праматерь Пон-Тулла. Вы можете обращаться ко мне просто: госпожа Праматерь. Я – старшая Ожидающая.

– О, – позволил себе толику удивления Сварог. Какие бы порядки ни руководили монастырем, но, хоть убейте, на бабушку восемнадцатилетняя красотка отчетливо не тянула.

– Так было заведено много лет назад, – очень серьезно объяснила юная Праматерь, по-прежнему на гостя не глядя. Глаза ее были очень светлыми, бледно-голубая радужка почти сливалась с цветом белка, – и не нам ломать старые устои. Глава монастыря испокон века именуется Праматерью, ее ближайшие помощницы – Матерями, дальше идут Сестры – и так далее, до Младших Дщерей...

Сварог собрался было спросить насчет Праотцов и Сыновей, но вовремя прикусил язык.

– Что такое человек? – неожиданно спросила Пон-Тулла. – Материальное тело? Но если отрезать человеку руку или лишит зрения, станет ли он от этого, меньше человеком? Вряд ли. Значит, тело – это лишь одежда. Тогда, может быть, человек – это его разум, его мысли?

И она замолчала, глядя куда-то поверх головы Сварога и явно ожидая ответа. Ожидающая, прамаму ее дышло...

Сварог, признаться, смешался. Уж куда-куда, а на философский диспут он попасть не рассчитывал. Чего ей надо? Проверяет подкованность в вопросах, о которые обломало зубы не одно поколение высоколобых очкариков?.. Но что-то ответить надо, бляха-муха. И Сварог, чувствуя себя полным кретином, ляпнул первое, что пришло на ум:

– Я мыслю, следовательно, существую.

Праматерь несколько секунд размышляла над ответом, потом покачала головой:

– Хорошо сказано. Но... Если человек спит? Или находится в забытии? Или пьян? Значит, в тот момент его не существует?.. Может быть, человек – это душа. Но что такое душа? Какая у нее форма, какой цвет, сколько она весит и какой длины? Как ее измерить?

И опять выжидательное молчание. Сварог начал злиться. Хоть бы присесть предложила.

– А какого цвета гром? – проникновенно спросил он. – И как звучит хлопок одной рукой?

На этот раз обдумывание длилось чуть дольше. Наконец Пон-Тулла сказала, не замечая колкости:

– Красиво. Но непонятно. Потому что красивое не может быть понятным,

оно не поддается измерению... Как объяснить просто: что такое человек?

Ах так, да? Ну, я щас тебя... Он сформулировал в голове фразу и медленно, чтоб дошло сразу (ну, и чтоб не сбиться) произнес:

– Человек – это комплекс параметров, которые принято называть личностью: интеллект, память, эмоциональный ряд и мотивационные характеристики, причем последние два определяются условиями обитания носителя этой личности, памятью прошлых поколений, привитыми инстинктами и выборочными индивидуальными особенностями тела.

Уф.

На что Ожидающая понятливо кивнула... А вот интересно: она филфак часом не заканчивала?

– Человек, – сказала она, – это то маленькое нечто, которое смотрит в иллюминаторы ваших глаз, поворачивает штурвал и нажимает на рычаги. Это нечто мы называем Осью. Ось – постоянная, но изменяющаяся с течением времени главная составляющая человека. Ее можно измерить, а значит, ее можно отделить от тела... Я просто хотела узнать твое мнение на этот счет, человек по имени Сварог.

– А еще вы хотели встретиться со мной, – холодно напомнил Сварог.

Ей что, поговорить больше не с кем?

– Хотели, – наконец-таки улыбнулась Пон-Тулла. – Вот и встретились. Как и было предсказано... Впрочем, позволь мне опустить все причитающиеся великому событию слова и сразу перейти к делу. А о делах лучше говорить сидя. Прошу. Я рада, что ты, человек по имени Сварог, оказался именно таким.

Это каким, позвольте спросить, таким?! Ох, беда с этими затворниками...

Она плавно, неторопливо взошла на подиум, опустилась в кресло. Сказать, что Сварог чувствовал себя преглупо, значит ничего не сказать. Он последовал за ней. Сел.

Да и сидеть было дьявольски неудобно. И, главное, в который раз Сварог понял, что не он управляет событиями, а вовсе даже наоборот. И это, признаться, раздражало. Ага, вот именно. Пауза затягивалась, но Сварог понятия не имел, что сказать. «А где тут у вас Дверь в Поток?» Или: «А откуда вы знаете, что я не местный?» Бред.

– Око Бога, – сказала наконец Пон-Тулла, водрузив подбородок на сжатый кулак. – Или Ключ. Полагаю, ты уже понял, что этот камень не просто предмет, имеющий магическое, но весьма поверхностное воздействие на живые организмы... Его нельзя пощупать, нельзя взвесить, нельзя измерить его размеры. А все потому, что этот предмет, Ключ, *не существует в нашей реальности*. Это, если хочешь, одна из проекций, теней, отражений Истинного Ключа на все плоскости мироздания. Ключа, который отпирает Книгу...

Под кайфом она, что ли? Странно было слышать метафизические заключения из уст восемнадцатилетней девчонки. Пусть и зовущейся Праматерью.

– Книгу Вселенной, – вспомнив Рошалю, понятливо ввернул Сварог, но Праматерь восприняла его осведомленность со спокойствием сфинкса.

– Именно, – кивнула она. – Свет Ключа пронизывает все страницы Книги, все миры во Вселенной, и в каждом оставляет свой след. Есть такой след и на нашем бедном мире... Человек, способный пройти вдоль по лучу, способен добраться и до Оглавления. Прочитать его. Или изменить.

Сварог молчал, склонив голову набок.

– По лучу способен пройти ты, человек по имени Сварог, – размеренно, как заученное стихотворение, продолжала Праматерь. – Почему? Потому что ты не принадлежишь этому миру. Ты чужой. Ты везде чужой, человек по имени Сварог. Скиталец. Мечешься, не видя дороги... А дорога есть. И мы готовы помочь тебе ее увидеть.

– Дорога, Тропа, Стежка... – наконец позволил себе поморщиться Сварог. – Какая разница? Я хочу вернуться на Талар, вот и все. При помощи Ока или же без оной. И если вы в состоянии...

– В состоянии, – отрезала Пон-Тулла. – Показать дорогу, которая приведет тебя туда, куда ты захочешь прийти... Око Бога как раз и открывает выход на нее. Вот только... – она вздохнула, раскинула руки по подлокотникам и окончательно перестала быть похожей на монахиню. – Вот только воспользоваться Оком-Ключом не так-то просто. Око становится Ключом в определенные моменты времени и при совпадении множества условий.

Та-ак... Впрочем, никто и не говорил, что будет легко.

– И когда наступит такой момент? – очень вежливо спросил он.

– Ты неправильно ставишь вопрос, человек по имени Сварог. Ты должен спросить: «А когда я смогу создать все условия для того, чтобы воспользоваться Ключом?»

– Ну, считайте, спросил, – вздохнул Сварог.

– Ты должен замкнуть круг. Свести порванные нити судеб воедино.

Все-таки она издевается – понял он. Хотя и не врет, как показывает детектор.

– Ты пришел в этот мир, и очень многое изменилось. Должен быть восстановлен порядок – и тогда Ключ сработает.

– И как мне восстановить порядок? – устало спросил он.

– Наша миссия завершена, – невпопад ответила Праматерь. – Скоро монастырь исчезнет с лица земли, но не бойся: твое тело останется в целости и сохранности, даже если сверху рухнут горы.

Чего?!

– Так, стоп, – Сварог привстал. – Это в каком смысле?

– Запоминай точно. Найди свое тело, и найдешь Ключ. Найдешь Ключ – найдешь выход из этого мира... Ось, о которой я говорила, та самая, неизменная составляющая человека, – не нуждается в физической оболочке. Она сама найдет подходящую оболочку, чтобы замкнуть круг.

Сварог вдруг заметил, что до побелевших костяшек сжимает подлокотники кресла. Он расслабил пальцы, потряс ладонями и признался:

– Я ничего не понял, госпожа Праматерь. Можете сказать мне просто и понятно: что я должен сделать, чтобы покинуть Гаранд?

Она грустно улыбнулась.

– Слов не всегда хватает. Но я попробую. Итак. Чтобы воспользоваться Ключом, ты должен исправить кое-что в этом мире, замкнуть круг судеб. Но в этом теле ты не сможешь ничего сделать.

– Почему? – быстро спросил Сварог.

– Потому что тебя ищет твой Враг. И потому, что это твоя судьба.

Сварог поднял брови и сказал:

– Ах, вот как... Ну ладно. Позволь, теперь я попробую, с самого начала. Чтобы убраться из этого мира, я должен замкнуть какой-то круг судеб. Допустим.

Но в своем собственном теле я этого сделать не могу, потому что не судьба. Так?

– Так.

– Во, уже продвинулись... Идем дальше. Для исполнения предначертанного мою душу – Ось – нужно перенести в другое тело. Так?

– Не так. Ось сама найдет другое тело, ей соответствующее.

– Ну пусть сама, пусть! – он едва сдержался. – А что потом?

– Потом ты должен будешь отыскать свою нынешнюю оболочку. Она будет ждать здесь, на нижнем этаже этого бункера. И когда ты найдешь себя, Ось вернется на место, круг замкнется, и ты покинешь Гаранд.

Сварог с шумом выпустил воздух из легких.

– Последний вопрос, с вашего разрешения. Каким образом вы собираетесь извлечь мою Ось из моей же оболочки?

– Очень простым, – сказала Праматерь Пон-Тулла. – Вот так.

Взвыло чувство опасности, но, как всегда в последнее время, поздно. Сварог и подумать не мог, что у этой девчонки такая реакция... Или он просто был одурманен ее бессмысленными словесами?

Так или иначе, но искрой мелькнуло в воздухе лезвие кинжала – ледяной иглой глубоко вонзилось в живот Сварога – чуть провернулось – и вновь спряталось в складках сари. А следом за лезвием на каменный пол громко плеснуло кровью, будто сплюнул кто-то.

Все произошло за какие-то доли секунды, Сварог еще ничего не понимал. Просто сидел и чувствовал, как онемение нарастающими волнами прокатывается по телу. Помещение быстро наполнялось монахинями, они окружали подиум, бесстрастно смотрели на Сварога, ожидали чего-то... Ожидющие, мать их!

Праматерь наклонилась к нему и наконец посмотрела глаза в глаза: – Ты обладаешь многими способностями, но я не знаю, входит ли в них умение заживать раны. Поэтому клинок был смазан ядом, эту рану тебе затянуть не удастся. Однако не бойся, человек по имени Сварог, ты не умрешь. Смерти нет... Найди свое тело здесь, в этом бункере, – и сможешь уйти.

ГЛАВА 5 И ДОЛЬШЕ ВЕКА ДЛИТСЯ БОЙ

Черная и густая, как кисель, пустота была повсюду. Хотя слово «черная» не совсем подходило – поскольку в этой пустоте не было *ничего*, даже цвета, и нельзя было сказать: «черная». А на самом деле, не было даже самой пустоты, и уж тем более не было в ней Сварога.

«Но если меня нет, то кто тогда думает, что меня нет?» – подумал... блин, никто не подумал. Ничего не было. Вообще ничего.

Стоп. Как так ничего? А парадокс насчет кто думает, если никто не думает? Значит, как минимум парадокс есть! А вы говорите – «ничего»...

Эта несуществующая мысль послужила толчком к изменениям. Сначала в черной пустоте появились черные тени, они кружились, перетекали друг в друга, съеживались в точку, распухали до размеров Вселенной, выли, хохотали и издевались над беспомощным, размазанным по бесконечности Сварогом.

Ага, хохотали? Стало быть, есть и звуки!

Зрение прояснилось, Сварог осознал себя, отделил от окружающего мира и...

Вокруг было жарко, душно и влажно, как в плохой бане. Более того: отвратительно тянуло дымом и гарью. И весь окружающий мир был затянут туманом. А еще отовсюду доносился некий настойчивый звук.

«Бульканье, – вяло подумал Сварог, – вот что это такое».

С головой творилось примерно то же самое: в мозгу клубился вонючий туман, в мозгу что-то отвратно хлюпало... и вообще было жарко под черепной коробкой.

Ад. Он попал в ад, никаких сомнений. И ножевая рана не болит, вообще не болит... Значит, он и вправду умер.

Резкий порыв ветра подразогнал туман, и... И стало ясно, что никакой это не туман, а пар. Самый натуральный пар. Повсюду, насколько хватало взгляда, была вода, вода кипела, булькала, вздуваясь огромными пузырями, и над ней поднимался пар.

Ни на ад, ни на рай это похоже не было. Хотя – кто может утверждать с уверенностью?..

Сварог обнаружил, что лежит на крохотном гранитном островке – ежели считать в метрах, то где-то три на три – посреди бурлящей воды. Островок был мшистый, серый, исчерченный трещинами... и очень горячий. Не то чтобы обжигает, но все же неприятно. Блин, куда ж это меня занесло?.. Он лежал, приподнявшись на локтях, и вертел головой. Тело было ватным, он едва чувствовал конечности... И вообще с телом было что-то не то, но что именно, он сообразить не мог. Так, а это что еще? Справа от него, на расстоянии вытянутой руки, валялось... оружие, что ли? Ну да, похоже. Причем конструкции совершенно бредовой: от деревянного приклада до затвора – обрез как обрез, а вот вместо ствола к ложу была присобачена вогнутая металлическая тарелка с короткой антенной посередине. Ни дать ни взять бластер, смастеренный второклассником, насмотревшимся «Звездных войн». Причем с этим бластером, судя по всему, второклассник прошел не одну галактическую битву против таких же, как он, охламонов во дворе: приклад вытерт до лоска, тарелка-локатор помята и местами даже окалиной покрыта... Как стрелять из такой пукалки, было непонятно: ни магазина, ни прицела.

Он протянул руку, чтобы взять хреновину... Что еще за чертовщина? Мать твою! Рука не повиновалась. Не выполняла приказ, и все! Да и не только рука. Сварог захотел встать – и не смог. Захотел повернуть голову, вытереть пот со лба – не вышло, попытался хотя бы моргнуть – не получилось...

Да что ж это делается-то, а?!

Зато, вопреки намерениям разума, тело вдруг выпрямилось, село, согнуло ногу в колене, руками подтянуло голенище сапога. Только сейчас Сварог обратил внимание, что на нем полевая форма. Пошива также незнакома, но форма, несомненно, не офицерская, форма рядового. Судя по отсутствию нашивок на обшлага рукава – даже не просто рядового, а самого натурального салабона, отслужившего меньше года... Хотя – пес знает, какие здесь приняты знаки отличия, где бы это здесь ни находилось...

Форма «на нем», говорите? А на ком – на нем? Руки были явно не его, не Сварога, уж ему ли свои не знать! *Эти* ручки принадлежали кому-то помоложе, кому-то, с физическим трудом познакомившемуся совсем недавно: тонкие пальчики, обломанные грязные ногти, первые кровоточащие мозоли на ладошках. И ноги шире в бедрах, и голенастее, да и сапоги на два размера меньше

Свароговых... И, главное, зубы. Зубы, вот что было страшнее всего. Как бы это объяснить... Вам когда-нибудь вырывали зуб? Согласитесь: в течение нескольких дней после сей малоприятной операции ваш язык безостановочно ощупывает дупло, гладит покалеченную десну, елозит по зубам соседним, проверяя, все ли нормально там, и постепенно *привыкая* к изменениям во рту... А теперь отвлекитесь на мгновение и представьте: вы просыпаетесь утром, а некие мистические силы подменили все ваши зубы на совершенно незнакомые: другой прикус, другая форма, другая гладкость...

«Он – это не я. Я в теле кого-то другого!» Сначала возникло омерзительное чувство тошноты. Потом удушающей волной накатила паника, впервые за всю жизнь он почувствовал острейший приступ клаустрофобии. Да что зубы! Захотелось немедленно высвободиться, разодрать тесный кокон пленившего его чужого тела, бежать куда-то, все равно куда, лишь бы подальше от этого кошмара... но усилием непонятно откуда взявшейся воли он заставил себя успокоиться. Себя? Опять же: кого это – «себя»? Хозяин тела, похоже, присутствия постороннего даже не замечал...

Сейчас бы не мешало вытереть пот с лица, попытавшись заодно смахнуть с глаз наваждение, не говоря уж про то, что не мешало бы закурить. Но как тут закуришь, когда руки тебе не принадлежат? А если еще и этот Сварог-прим окажется и вовсе некурящим... «А как, кстати, с заклинаниями? Проговорить ни одно из них я не могу, это точно, но ведь...»

Додумать мысль помешал взрыв.

Грохнуло со звоном, с неестественным дребезжанием, вдавливая барабанные перепонки в мозг. Над бурлящей, как в кастрюле, водой, поднялся столб грязи, опал... но в воздухе остался висеть его, столба, двойник – полупрозрачный, с застывшими в полете мутными каплями, излучающий желтый нутряной свет... Большого Сварогу рассмотреть не удалось: исконный обладатель тела упал на живот, накрыл голову руками. Сварог же чувствовал себя омерзительно. Так, наверное, мог бы чувствовать себя капитан океанского лайнера, вдруг обнаруживший, что его капитанская рубка – фуфло и полная бутафория. Что он может сколько влезет крутить штурвал, с виду самый что ни на есть настоящий, что угодно орать в голосоотвод, любыми зигзагами прокладывать на карте маршрут – все равно кораблем управляет не он, а кто-то другой, из настоящей рубки. И липовому капитану остается только ходить по рубке, любоваться окрестностями, вспоминать былое и ждать, чем закончится плаванье... Но Сварог даже ходить был не в состоянии!..

Так. Минутку. Спокойно. Что там Праматерь говорила об Оси, о перемещении? После смерти, елы-палы, он что, переместился в тело этого сопляка? Реинкарнация, блин? Это и есть подходящее для него тело? И что, это теперь до тех пор, пока он не найдет свое тело?! Худшее из заточений, какое можно вообразить! Даже не покончить с собой, потому что нечем покончить!..

Упавшее зернышко тревоги стало на глазах расти, грозя опять вымахать в ощущение беспросветной безнадёги. «Стоять! – сам себе приказал Сварог. – А-атставить паникерство! Вспомни, сам же говорил: я мыслю, следовательно, существую. Еще и пальцем не пошевелил, чтоб исправить и наладить, а туда же – горевать! Кто сказал, что нельзя подчинить себе это тело? Всегда и везде есть лазейка...»

– Эй, Гартош! – услышал он крик.

– Я! – отозвался хозяин их общего тела. После чего где-то совсем неподалеку зашуршали камни под чьими-то тяжелыми шагами, потом что-то увесистое, железное, звякнув сочленениями, упало на камень, потом стало слышно, как некто разбегается, выкрикивает что-то вроде «опа» – и этот некто, вылетев из белесого пара, приземлился на островке, рядом с рядовым Гартошем-Сварогом.

Рядовой проворно вскочил и вытянулся во фрунт. И неудивительно – рядом с ним стоял, отряхиваясь, капрал.

Нет, ну надо же. Стало быть, война? Взрыв опять же... Интересно, которая. И в каком мире, интересно...

Взгляд Гартоша был устремлен за спину капралу, и Сварог его глазами разглядел в клубах пара темные очертания еще одного островка. Или не островка, а большой земли? Но тогда почему... Впрочем, вопросов было столь много, что нечего и перечислять. Начав с одного, тут же запутаешься в них, как рыба в сетях. Р-разберемся во всем помаленьку...

Сварог почувствовал как по не-его телу заструились ручейки пота: по виску, под мышками, по спине. По всей видимости, рядовой Гартош испытывал перед непосредственным начальством нешуточный трепет. Капрал же, сразу видно, был битый, повидавший виды вояка. Лет сорока, с худым, обветренным лицом героя вестернов. Жилистый, насквозь пропеченный солнцем, как те же герои вестернов. Капрал окинул рядового с ног до головы цепким взглядом.

– Сядем, Гартош. Отдохнем, поговорим.

По одному такому зачину Сварог мог смело утверждать, что ничего хорошего Гартошу от разговора с капралом ждать не приходится.

– На, сынок, выпей! – капрал отстегнул от пояса и протянул рядовому плоскую армейскую флягу.

– Н-нет, – замотал головой Гартош-Сварог, – нет, благодарю вас, я... я не пью. Совсем.

– Пей! – угрожающе прорычал капрал, всунул в руку флягу. – Это приказ.

Гартош, хоть и недолго прослужил, видимо, научился за это время беспрекословно повиноваться. Поднес горлышко фляги к губам, с силой выдохнул, зачем-то зажмурился и, воткнув флягу в губы, наклонил. Жидкость, градусностью сходная со спиртом, но, в отличие от спирта, обладающая вкусом, и вкусом пережаренного сахара, обожгла нёбо, струей горящего бензина понеслась по пищеводу.

Кaprал не дал оторвать Гартошу флягу от губ – придержал за доньшко, другой рукой сжал рядовому подбородок и запрокинул ему голову.

– Все, все, – наконец капрал оторвал флягу от губ рядового и быстро завинтил крышку. – Дыши через нос, солдат! Не сблевывать мне! Попробуй сблевать, р-расстреляю! – проорал он Гартошу в ухо. – Сильнее дыши, еще сильнее!

Гартош закашлялся, схватился за горло. Наклонился вперед, глубоко и часто задышал. Капрал похлопал его по спине.

– Вот так, вот так, хорошо, сынок. Для тебя же делается. Из личного НЗ тебе выделяю. Сам бы сейчас хлебнул за милую душу, да тебе нужнее.

Сварог прекрасно понимал, что происходит. Слишком уж знакомая тоска проступала в усталых глазах капрала. Объяснение этому могло быть только

одно. Капрал вынужден посылать необстрелянного новобранца на верную смерть, ему этого не хочется делать, у него, может быть, у самого такой же сын, но другого выхода нет. И он вынужден пудрить юнцу мозги, изображать, что все идет как надо, заставляя его выпить для поднятия духа.

А крепкий напиток тем временем производил в организме перемены. Сварог-Гартош почувствовал теплоту во всем теле, уходила из организма усталость, на ее месте появлялась легкость. Мышцы налились упругой силой, захотелось эту силу выплеснуть, растратить куда-то. Правда, на ясности рассудка Сварога выпитое не отразилось, но рассудок Гартоша – другое дело, он закрыт от Сварога непроницаемыми шторами.

– Слушай сюда, рядовой Гартош! – деланно бодрым голосом заговорил капрал. – Командование поручает тебе ответственное задание. Вызвал меня верховодящий и спрашивает: «Кто у вас в полку лучший?» «Гартош», – говорю, не задумываясь. «Тогда ему мы и доверим наши жизни, – говорит верховодящий. – Так и передай ему, – говорит, – что ему вручаем судьбу всего полка и всего наступления. Выполнит, что надо, представим сразу к капралу и наградим Алым Пятилистником».

Капрал расстегнул подсумок, достал связку из двух гранат, протянул Гартошу.

– Подберешься к развалинам Юдоли и кинешь внутрь.

– Но там же...

– Нет там ничего! – гаркнул капрал. Сморщился, точно от лимона, а потом постарался улыбнуться как можно беззаботнее. – И никого там нет. Наши парни давно уже всех оттуда выкурили. Не дрейфь, сынок. И доберись до этих развалин, душевно тебя прощу... Это даже не приказ, это просьба. Очень многое зависит от того, сумеешь ли ты... В общем... Вперед, Гартош. Дорогу знаешь.

Гартош шумно, с каким-то повизгиванием вздохнул, сунул гранаты за ремень, вскочил на ноги, разбежался, перепрыгнул на соседний островок, едва не поскользнувшись на влажном лишайнике. Но на ногах удержался, подошел к краю островка, сел, спустил ноги вниз. Потом аккуратно сполз по осыпающимся камням к самой воде. А вот здесь было по настоящему горячо от пара. Штаны моментально пропитались обжигающей влагой... Куда это его несет? Ага. Вот куда.

Из воды не более чем на полметра выступала узкая, в две ладони шириной, каменная гряда, пропадающая из виду в белых парах. По этой неверной тропке и пошел Гартош. Соскользнешь – сварись, как рак. А тут еще иной раз приходилось прыгать с камня на камень, потому что тропка была не сплошной, имелись в ней разрывы, длиной подчас до метра.

Вот почему капрал влил в рядового Гартоша порцию огненной воды. На такой дорожке, да еще над кипящим болотом, трудноато без допинга не растерять уверенность. Ежели ты, конечно, не специально тренированный человек. А тут? Самый что ни на есть салабон... И потому Сварог думал, что напиток был не простой спиртягой, имелись в нем какие-нибудь хитрые добавки – из числа тех, что на время превращают даже самого отъявленного труса в отъявленного храбреца.

А вот кстати! – промелькнула посторонняя мысль. Что произойдет с его, Сварога, сознанием, душой, Осью – или как там называется то, что переселилось в тело несчастного солдата, – ежели это самое тело погибнет?

Гартош, к счастью, не упал и не сварился. Добрался до выступающей из воды сварной металлической конструкции, похожей на вышку электропередачи. Кто ее знает, может, вышка это и была. Чтобы убедиться, так это или не так, следовало задрать голову, но Гартош наверх отчего-то не смотрел. Гартош оттолкнулся от крайнего камня, пролетел над кипящей водой, ухватился за косую перекладину в виде уголка, удержался – молодец, не упал, а Сварог чувствовал, какого напряжения от него это потребовало! – подтянулся, закинул на перекладину ноги. Повис на перекладине, спиной вниз, поболтался так некоторое время, потом стал продвигаться, перебирая руками и ногами по ржавому металлическому уголку, как по канату. Добрался до толстой вертикальной трубы – надо понимать, опорной стойки вышки. Там забрался ногами на перекладину, застыл, обхватив трубу. Дух переводил. Ему действительно требовался отдых. То, что для тела Сварога было бы сущей ерундой, для тела Гартоша было нелегким испытанием сил.

Отсюда, с высоты, виднелись темные развалины строений... Нет, не так: ничего, кроме развалин, отсюда видно не было. Он не мог обозреть всю панораму, потому что Гартош головой не вертел, но и без того напрашивались кое-какие выводы. Кажется, Сварог начинал понимать, что это за островки такие, геометрически правильной формы, и при чем тут вода. Некий населенный пункт – город или городской район – подвергся разрушению и затоплению. Хотя и не обязательно в такой последовательности. Непонятно, правда, откуда столько воды – поблизости ни плотины, ни водоема. Более того: городишко, скрытый практически под корень, отчетливо стоял на возвышенности... И совсем уж непонятно, почему вода кипит... Да хрен его знает! Поди раскуси все, что у них тут творится...

Тем временем Гартош продолжил свой путь. Таким же, что и прежде, макаром, он обогнул вышку по периметру. Добрался до противоположной стороны... и спрыгнул вниз на твердую землю.

Ага. Тут уже не островок, а целый остров. А может, уже и материк. По крайней мере, Сварог противоположного края сей земли не видел, поди тут увидь сквозь завесу пара. Зато видел он кое-что другое. Трупы. Множество трупов в серой форме, повсюду. И еще... Ну да! Земля была прямо-таки усеяна птичьими трупиками. Сороки, галки, журавли, голуби, мелкие птахи вроде воробьев и стрижей... Сотни, тысячи. Запаха, однако, гниющей плоти не ощущалось... И что все это значит, а?!

А впереди возвышались руины некоего величественного сооружения. Уж не те ли руины загадочной Юдоли, к которым и был послан боец Гартош? И Гартош уже остановился, присел. Судорожно оглянулся. Или действие похожей на спирт жидкости пошло на убыль, или страх перед этим местом был так силен, что никакая наркотическая встряска не могла его преодолеть. Ладони солдата затряслись и мгновенно вспотели. Гартош вытер руки о гимнастерку. Он, похоже, не слишком торопился вперед, к руинам. Но приказ есть приказ, и рядовой двинулся в сторону развалин.

Он двигался не спеша, ставил ногу так, чтобы не наступить ни на птицу, ни на человека, сжав рукоять ножа. Оружием, кстати, он был не увешан – мягко говоря, – гранаты и нож...

Нет, а все же что-то странное было в этих трупах, что-то неправильное. Гартош в них не вглядывался, не наклонялся, не рассматривал, будто и без того

знал, что увидит... А может, просто не замечал несообразностей. Зато он всматривался в горизонт, бросал взгляд на небо, к чему-то прислушивался. Ага, вот, выбирая, куда поставить ногу для очередного шага, бросил взгляд на убиенного. Покойник лежал на спине, запрокинув голову... На месте глаз у трупа зияли две рваные черные дыры! И лицо похоже на дырявую маску. Да и у остальных...

То, что Сварог сперва принял за следы массивированного обстрела картечью – в ключья изодранная одежда, многочисленные мелкие раны, – это все... это же... Птицы...

Заклеваны!

И едва он сделал это открытие, как послышалось хлопанье тысячи крыльев, и в небе появился черный клин. Исполинская птичья стая, видимо, караулившая где-то неподалеку, поднялась в воздух, и острие клина было нацелено в сторону Гартоша.

«Назад!» – прокричал... Или как это называется? Мысленно прокричал. Словом, Сварог попытался достучаться до сознания Гартоша. Да нет, поди тут достучись... Гартош в ужасе заревел что-то нечленораздельное и метнулся к развалинам. Сварогу оставалось быть лишь зело переживающим за сюжет зрителем этого цветного стереофильма ужасов.

«Да не успеешь же, мать твою!»

Вряд ли Гартош каким-то чудом услышал Сварога. Скорее сам понял, что не успеет. Слишком быстро приближалась стая, слишком большое расстояние необходимо было одолеть. И тогда рядовой сделал то, что Сварогу в голову вряд ли пришло бы.

Он перепрыгнул покойника, но зацепился за что-то, рухнул, ощутимо треснувшись локтем о приклад брошенного «бластера» (Сварог чувствовал его боль, как свою). «Бластер», однако, подбирать не стал, вскочил на ноги, пробежал еще немного, нагнулся, содрал с первого попавшегося трупа каску, нахлобучил себе на голову... а потом взвалил мертвое тело на спину. И уже с мертвецом на спине тяжело побежал к развалинам.

А через несколько пуль пролетевших секунд начался форменный Хичкок. Вокруг потемнело. Вокруг захлопало и затрепетало. Все вокруг наполнилось клетотом, карканьем, визгливыми криками. И посыпались удары: в голени, в бедра, в локти, в щеки... Казалось, десятки пинцетов захватывают кожу через одежду и тянут, тянут, вырывая вместе с кожей и мясо. И когтистые лапы тоже раздирали одежду и плоть. Боль Гартоша была и его, Сварога, болью. Он чувствовал тело, которое кромсали клювы, в которое вонзались когти, но управлять им был не в состоянии.

Если б не сообразительность рядового, прикрывшего спину убитым, а голову каской, валяться бы сейчас бедолаге истерзанным на горячей земле среди тех, кто также не дошел до руин. Однако Гартош продвигался вперед, хотя с каждым шагом ему становилось все труднее – уходили силы, раны прибывали. Не шибко физически силен был Гартош, чтобы спокойно волочь на себе многокилограммовую ношу...

А обезумевшие птицы налетали и налетали, образуя вокруг бредущего человека копошащийся клубок.

Хорошо еще, что крохотный птичий мозг не позволял этим тварям обдумать ситуацию и выбрать верную тактику. А додумайся они атаковать снизу,

целя в незащищенные лицо и живот, – все было бы кончено в одночасье. Птицы же пикировали сверху, вклиниваясь в шевелящуюся, бьющую крыльями гущу, цеплялись когтями во что придется, долбили и рвали клювами, что оказывалось под ними... а под ними оказывались и их сородичи в том числе. Забитые своими же птицы замертво падали под ноги, и Сварог видел распахнутые клювы, бессмысленные бусины глаз. Клубились облака перьев.

Рук он уже не чувствовал и боялся представить себе, во что они превратились. В фарш, не иначе. Разве что ладони Гартош прятал как мог. Ноги и ладони – вот важнейшие для него сейчас части тела.

Однако все шло к тому, что они до руин не дотянут. Тем более что уставал Гартош с каждым шагом все сильнее. Лишь бы не сбросил с плеч мертвеца – в противном случае через мгновение его растерзают в клочья.

Ясно было, что рядовой Гартош уже поставил на своей жизни крест. «Пущечное мясо»... Не иначе, сам себя так не называя, солдатик понял, что именно таковым и является. И внутренне примирился с необходимостью пожертвовать собой во имя выполнения боевой задачи. Он уяснил истинное положение вещей: единственное, что ему остается, – исполнить приказ, спасти боевых товарищей и заработать посмертную славу себе. Ну, быть может, и для родных заработать мало-мальскую пенсию по утрате кормильца. Если, конечно, у него есть родные и если здесь назначают подобные пенсии.

Гартош, хоть головы и не поднимал, хоть и петлял, как заяц, но все же каким-то наитием выворачивал к руинам. До каменной кладки оставались считанные шаги.

Гартош споткнулся. Припал на колено. Упасть для него означало погибнуть. Будет уже не подняться.

Рядового спасло то, что он уже перешагнул тот порог, за которым или человек теряет сознание от боли, или совершенно перестает боль чувствовать. Гартош боль чувствовать перестал. Только поэтому он сумел подняться с колена и пройти последние метры.

Он протиснулся в щель в кирпичной стене и ввалился внутрь развалин Юдоли. Птичья сволочь, напоследок ударив в спину всей массой, осталась за разрушенными стенами. Ни одна из пернатых тварей не попыталась преследовать жертву в пределах разрушенного здания – видимо, птичкам вход сюда был кем-то (или чем-то?) заказан. Гартош сбросил с себя ношу, которая уже мало была похожа даже на покойника – нечто изорванное, изодранное; свисающее лоскутами мясо в клочьях ткани. Ладони Гартоша скользнули к поясу, нашаривая гранаты.

Рядовой спас глаза – во многом благодаря тому, что каска оказалась велика и сползала на лицо. И посреди кирпичного крошева, разбросанных скамеек и валяющихся треножников Сварог увидел человека в серой мешковатой хламиде. Тот стоял в центре разрушенного строения, спиной к Гартошу. А под ним...

Под ним, на расчищенном от хлама участке пола, полыхал огонь. Нет, слово «полыхал» не годилось, как, наверное, не годилось и слово «огонь». Под ним с зачаровывающей плавностью перетекала желто-красно-черная лава, взрывалась огненными выплесками, ходила огненными водоворотами, переливалась нутряным светом, как остывающие угли... Вот только лава эта остывать не собиралась. И обладатель в серой хламиде стоял босыми ногами пря-

мо на лаве. Зрелище было, прямо скажем, жутковатое.

Стоял он перед огромным, в две трети человеческого роста, серым котлом с закопченными стенками и что-то аккуратно сыпал из пузатой реторты в кипящую, бурлящую, исходящую паром воду. Котел нагревался, по всей видимости, подземным огнем, поскольку никаких дров под ним не наблюдалось. Когда в развалинах появился Гартош, обитатель руин резко обернулся. Отбросил с лица седые лохмы; вперил в Гартоша яростный взгляд. Изможденное бледное лицо, нечесаные волосы, горящие глаза фанатика.

– Баль-Мирг... – потрясенно прошептал Гартош. И крикнул вдруг – облегченно, радостно, в каком-то даже бешеном восторге, будто минуту назад объявили, что война закончилась полной и безоговорочной победой наших и все солдаты – марш по домам: – Баль-Мирг, дружище, ты! Вот это да!

Человек в серой хламиде смотрел на Гартоша бесстрастно, и было непонятно, узнал он салабона или нет.

– Баль-Мирг, черт волосатый, ты-то какими судьбами?

Он скинул каску, от полноты чувств зафутболил ее за груды битого кирпича. При том совершенно не замечая, на чем именно стоит лохматый.

– Гартош, на тебе форма Вольной Республики, – наконец глухо отметил Баль-Мирг.

Гартош-Сварог в недоумении оглядел себя. И наконец до него стало доходить. Наконец он увидел лаву.

– Да, но... а ты... что ты...

Секунду назад у него, пожалуй, еще был шанс унести отсюда ноги. Но секунда прошла.

– Ты не помешаешь мне, – сказал Баль-Мирг. – Ты не помешаешь *нам*. «Дружище», сказал ты?..

И зашептал что-то, двигая руками так, будто крутит тяжеленный ворот колодца. Порыв неощутимого ветра рванул его хламиду, растрепал волосы.

– Ты маг? – выкрикнул прозревший Гартош. – Ты – маг?!

Лохматый выбросил в сторону солдатика руку с растопыренной пятерней. Из ниоткуда, из сгустившегося воздуха вырвалось, распластавшись в мощном прыжке, нечто. Зверь. Невозможный, огромный, полупрозрачный, ящероподобный: черный, будто вымазанный дегтем, с короткими крокодильими лапами и головой собаки, с полыхающими рубиновым светом глазами. Гартош инстинктивно зажмурился, но тут же пересилил себя, распахнул глаза, заорал нечленораздельно, истошно, страшно, выплескивая из себя всю обиду и злость на несправедливость этого мира, на такую короткую жизнь, и бросился... или вернее кинул себя навстречу черному ящеропсу. На ходу выдергивая гранаты из-за пояса, а из гранат чеки. Клыкастая слюнявая челюсть сомкнулась на шее Гартоша, хрустнули позвонки. Сварог даже не успел почувствовать боль и содрогнуться в своей клетке из чужой плоти, как его накрыл с головой вал бушующего, ослепительно белого пламени, пожирающего весь мир.

ГЛАВА 6 ВОЙНА В ВОЗДУХЕ

Пустая чернота была повсюду. Но на этот раз несуществующий Сварог сориентировался быстрее и задал черноте вопрос: «Что значит – была? А где она сейчас?»

Вопрос, конечно, абсурдный и чисто лингвистический, однако сработало:

понятия «пустая», «чернота», «была» и «повсюду» существовали, следовательно, существовало нечто помимо «ничего». И «ничего» существовало – даже если ничего внутри него не существовало... Тьфу, бя...

Легкое покачивание, и знакомое жужжание: так работает электромотор аэропила. Не менее знакомые тросы, что тянутся от хвоста до кабины. Скользящие по ним кресла. В конкретно этой летающей машине кресла, правда, скользили вдоль одного борта всего по двум открытым тросам, остальное пространство салона аэропила было накрыто дощатым помостом. Помост был практически пуст, на нем находился лишь стол, придвинутый вплотную к правому борту, и возле него четыре простых деревянных стула, судя по всему, намертво прикрепленные к полу. Четыре человека склонили головы над картой, расстеленной на столе. И одним из этих четверых был Сварог. А точнее – Сварог смотрел посредством глаз очередного *хозяина* тела. Хозяин этот напряженно глядел в овальный обзорный иллюминатор, за которым кучерявились белые облака.

Ч-черт, а на этот-то раз что?!

– ...следовательно, – произнес чей-то усталый надтреснутый голос, – как ни высокопарно это звучит, но от исхода боя, думаю, будет зависеть исход всей войны.

Взгляд Сварога, до того блуждавший по салону машины, опустился на карту, где крупная мужская рука обвела карандашом нанесенный на мелкомасштабную карту город. Прямые белые полосы улиц с указанием километража, окружности площадей с указанием радиусов, заштрихованные зеленым островки парков и скверов, круги и квадраты, обозначающие отдельные здания, множество непонятных значков и символов. В карту в разных местах было воткнуто десяток булавок с белыми и черными флажками. Сварог успел прочитать несколько названий: «Парк фонтанов», «Парк аэропилов Коль-Родога», «Университет святого Пар-Лода».

– Не бойтесь высокопарных слов, резерв-победитель, – раздался глубокий бас слева. – Все просто: удержим Некушд – погоним эту нечисть до самого Эшта. Они возьмут город – моральный крах, а затем смерть всей Республике. Нас разрознят и добьют в считанные дни.

– Братъ и защищать уже нечего, ваффен-победитель. Города нет, одни руины.

Ого! Оказывается, он присутствует при исторической битве за Некушд! Это ж через сколько дней он перенесся? Или лет?..

Взгляд Сварога остановился на лице очень худого человека с четырьмя вышитыми совами на рукаве и с черным кругом под единственным глазом. Левый глаз прикрывала повязка – матерчатая заплатка на черном шнуре. Ни дать ни взять опереточный адмирал Дрейк. Форма на нем была, несомненно, военная, однако подобной Сварог в Короне еще не встречал: никаких тебе трико, плащей и поясов – строгие серые френчи, несильно разнящиеся лишь покроем да нашивками, с костяными простыми пуговицами, узкие брюки; ни погон, ни аксельбантов... А форма-то, кстати, наверняка высшего офицерского состава, потому как в такой одежке на передовой не повоюешь.

«Совещание штабов, – понял Сварог. – Эвон куда меня закинуло, из рядовых-то...»

Совещание сие проходило отнюдь не в теплой дружественной обстановке.

Даже Сварог несуществующей кожей буквально ощущал напряжение в атмосфере.

– Не распускайтесь, Ак-Мистар, – жестко сказал обладатель густого баса, который водил карандашом по карте.

Ага, вот Сварогу довелось рассмотреть и его: невысокий, широкоплечий, с багровым лицом человека, склонного к апоплексии. На рукаве у него алели четыре силуэта оскаленной волчьей морды.

– Я не умею распускаться, – Ак-Мистар холодно посмотрел на оппонента, – и вам это известно. Просто я по-прежнему не вижу ни малейшего смысла продолжать оборону уничтоженной столицы Республики – в то время, когда каждый солдат на счету на других, более важных участках...

– Вы понимаете не хуже меня, – в его лосе багроволицего сквозило нескрываемое презрение, – что дело не в руинах, а в том стратегическом положении, которое занимает город. И без поддержки ваших эскадрилий не обойтись. Это ключ к побережью, к морской границе... Но гораздо более важен идеологический аспект, смею вас уверить. Победа в битве за Некушд, сердце Вольной Республики, вдохнет силу в одних и деморализует других.

Одноглазый ваффен-победитель мрачно возразил:

– Я родился здесь, Рен-Потор, для меня Некушд никогда не будет просто точкой на штабной карте. Для меня это – мир моего детства и моей юности. Лестница Ушедших Богов. Поле Сияющих Солнц. Первая девушка. Парад на Кубической Площади в честь сорокалетия Белой победы. Здесь я окончил кадетское училище... Однако защищать мертвеца, если миллионы живых нуждаются в твоей помощи...

– Очень образно. Но давайте сантименты оставим на другое время! – раздраженно перебил Рен-Потор. – Город еще не пал, не нужно хоронить его раньше времени!..

– Правительство в мобильной резиденции, – размеренно, со спокойствием тикающего часового механизма сказал Ак-Мистар, – мирное население практически эвакуировано, заводы демонтированы, архивы вывезены... За что вы еще держитесь? За *материальные* ценности?!

В этих словах явно был какой-то подтекст...

– Вчера в бою за район Гиг, – быстро сообщил надтреснутый голос, – противник перешел в контрнаступление с применением новой разновидности колдовства, которое не смогли заблокировать наши установки. Контрнаступление, разумеется, захлебнулось, однако тенденция, согласитесь, тревожная. Наши специалисты пока не сумели классифицировать характер магического воздействия. И если враг снова, уже массированно, использует...

«Бла-бла-бла... Черт, – подумал Сварог, – у них тут что, демократическое заседание? Типа – будем защищать город или ну его на фиг? Ай-ай-ай, так войну не выиграешь... А где же главнокомандующий? Они б еще референдум провели...»

– То что?

– Я считаю, мы должны ускорить переговоры с Гвидором. А если надо, то и надавить на него!

Ага, вот и обладатель этого голоса: половина лица у него изуродована огромным фиолетовым пятном от ожога.

– В конце концов, государства Гвидора юридически остаются протектората-

ми и колониями Короны, и их статус пока никто не менял. По всем установлениям они обязаны нам помочь. Их техника и живая сила...

– Хотелось бы знать, каким образом вы заставите их выполнять свои обязательства *сейчас*, – с сарказмом произнес ваффен-победитель Ак-Мистар. – Когда Империя трещит по швам, резерв-победитель, соседи только и ждут удобного момента, как бы подтолкнуть пошатнувшийся колосс...

– А вам всем не кажется, господа, что подобными вопросами должен заниматься дипломатический корпус? – яростно ударил ладонью по карте ваффен-победитель с волчьими мордами на обшлаге рукава. Посыпались воткнутые булавки. – Если б каждый занимался своим делом, и занимался им *честно*, мы бы не оказались в такой жопе! («Золотые слова», – вздохнул Сварог в черепной коробке молчавшего до сих пор вояки.) И лично мне насрать, что вы там, резерв-победитель, «считаете»! Я хочу знать, готовы ли *ваши* корабли для высадки *моего* десанта на побережье!

– А я говорю, что сила не в числе бойцов! А в боевом духе защитников Некушда! – взорвался резерв-победитель с обожженным лицом. На его рукаве голубели силуэты акул, числом в три штуки. – Они верят, что подкрепление придет. Мы убеждали их – они поверили. А перестанут верить – и начнется массовое дезертирство!

Аэропил на мгновение ухнул в воздушную яму, все ухватились за стол.

Признаться, Сварог был ошеломлен. Чтоб *так* разговаривали с вышестоящим офицером? А тот даже не вспыхнул! Да что ж тут у них делается? Да их расстрелять мало, всех четверых!.. И, кстати, обратите внимание: на вопрос о готовности кораблей полкаш не ответил. А чего, кстати, мой хозяин отмалчивается? Сказать нечего? Ох, как я его понимаю...

Нет, в его молчании было что-то другое. Он нервничал. Он волновался, как перед олимпийским забегом, но природу этого волнения Сварог определить не смог. Может, он высоты боится?..

Ваффен-победитель Рен-Потор будто прочитал его мысли. Он круто повернулся и пристально посмотрел Сварогу в глаза. Будто разглядел чужую личность в сознании соратника. Спросил отрывисто:

– А вы что думаете?

И тут Сварог наконец определил *свое* звание. Исконный обладатель их общего тела поднял руку, чтобы потеревить кончик носа (наверное, одно из неконтролируемых, невротической природы движений, которые есть у каждого из людей). Нашивки на его рукаве оказались также полковничьи – три желтых паука. Любопытно, какой род войск он представляет на этом позорище.

– Я думаю, – услышал он «собственный» невозмутимый голос, – весьма прискорбно, что верх-командир Рошаль не смог прибыть на это позорище. («Он никак мои мысли читает? Ай, молодца...») Если б необходимость личного присутствия на перегоне «Буреносца» не заставила его задержаться...

Нет, Сварог ошибся: расстрелять следовало не четверых, а троих. *Его* резерв-победитель вроде бы оказался мужиком нормальным.

– Сегодняшнее совещание, – высокомерно перебил одноглазый, – прекрасно обойдется и без того, кто умеет принимать только собственные решения.

Сварогу захотелось немедленно двинуть уроду в оставшееся буркало...

Рука «резерв-победителя Сварога», уж было опущенная вниз, вдруг как-то

странно дернулась, будто некий кукловод случайно задел невидимые нити. И Сварог вдруг неведомым образом почувствовал *чужие* недоумение и растерянность... А вот эт-то уже до жути интересно и до крайности важно. Неужели можно достучаться?

Сварог поднапрягся, приказал левой руке пригладить волосы. Резерв-победитель неуверенно повел плечом... и все, на этом все и закончилось.

Как бы не так, «закончилось»! Воображаемая переборка между сознаниями колыхнулась, выгнулась в сторону истинного «носителя» тела. Черт знает какими фибрами души и иными потаенными путями, но Сварог это явственно почувствовал. Ага, блин, значит, все же можно *прорваться!*

Вот оно! *Носитель* провел ладонью по лбу. Видимо, и он ощутил некие странности в собственном организме.

– Господа офицеры, подлетаем, – сказал багроволицый ваффен-победитель Рен-Потор, пресекая назревающий конфликт, и вытянул руку в сторону панорамного иллюминатора.

Там, за окном, уже не было сплошных облаков – видимо, аэропил спустился ниже «перины», и теперь ничто не заслоняло вид на город.

Ох ты, е-мое... Сварог неожиданно для себя почувствовал грусть. Зрелище удручало. Так или примерно так, наверное, выглядел с высоты птичьего полета Сталинград сорок третьего. Ни одного уцелевшего здания. Помнится, некий пилот по имени Юж-Крагт назвал Некушд «городом тысячи шпилей». Сварог помнил серпантины виадуктов с летящими по ним машинами, высоченные башни из стекла и металла, ажурные эстакады, движущиеся тротуары. А теперь... Все было обращено в руины. В пыль. В прах. От некогда высотных зданий остались лишь решетчатые несущие конструкции, выгоревшие изнутри дотла, царапающие небо изогнутыми крючьями арматуры, полотна скоростных автострад тут и там зияли черными провалами, от целых кварталов вообще ничего не осталось – кроме груд бетонных обломков, размерами сравнимых с пирамидами Гизы. То и дело панораму локального армагеддона завлакивали черные копотные дымы, подсвеченные огнями пожаров. То здесь, то там в теле умирающего города лопались гнойники взрывов... причем некоторые взрывы были весьма и весьма странные: в отличие от обычных, *эти* более всего походили на стремительно растущие мыльные пузыри, полупрозрачные, переливающиеся. А потом, достигнув примерно двадцатиметрового диаметра, лопающиеся на тысячи радужных осколков и исчезающие без следа... Что происходило в результате этих непонятных разрывов, Сварог не понимал, при виде очередного вспухающего пузыря честный полковник старательно отводил взгляд и на душе у него становилось как-то... как-то маятно, что ли. Неуютно и тоскливо.

А, вот и знакомый железнодорожный вокзал! Сварог узнал не здание. Здания-то, собственно говоря, и не осталось, лишь похожий на руины рейхстага обгоревший остов полукруглой крыши и издырявленные, как кусок пемзы, истерзанные стены. Сварог *угадал* вокзал лишь по обилию рельсовых путей, веером расходящихся из одной точки, да по темным полосам перронов. А над вокзалом, над перронами, над путями схлестывались ослепительные ветвистые молнии, свивались в невообразимые петли, змеились, раскручивались в небо, изгибались дугой и вонзались в землю, поднимая в месте удара фонтаны фиолетовых искр. Вот как, оказывается, выглядит война между техникой и

магией... Офицеры в аэропиле ничуть не удивлялись этой свистопляске молний. Да и вообще они ничему не удивлялись. Похоже, битва за Некушд продолжалась уже давно, всякого тут повидали. Тем временем аэропил спустился еще ниже, стали видны черные точки, суматошно передвигающиеся по разоренным улицам и эстакадам. Люди? Вряд ли, с такой высоты людей не разглядеть. Техника? Тоже сомнительно: уж больно хаотично движутся точки... Аэропил пролетал над пересекающим город каналом – судя по его исключительной прямой, искусственного происхождения; все до единого мосты были разрушены – и взял курс на окраины.

– Посмотрите на поля Десяцкого двора. Видите, где у гребного канала смыкаются черная и рыжая пустоши? – сказал ваффен-победитель Рен-Потор, который водил карандашом по карте. Карандашом он сейчас показывал и на иллюминатор. – Сюда предлагаю направить резерв. Ночью соорудим понтоны, по ним переправимся через канал и ударим с тыла.

Никто не возразил.

– Пилот! – повысил голос ваффен-победитель. – Курс на Башню Солнечной Обители! – и повернулся к офицерам: – Посмотрим западную линию обороны.

Рука «резерв-победителя Сварога» скользнула под френч, ладонь легла на рукоять стилета, большой палец незаметным, уверенным движением сбросил петлю, фиксирующую клинок в ножнах. Сварог подумал, что это еще одно неконтролируемое невротической природы движение.

Но ошибся. И случилось невероятное.

«Резерв-победитель» стремительно шагнул влево, вырывая стилет из ножен, и по самую рукоять всадил лезвие в сердце Рен-Потора.

Карандаш вывалился из разжатых пальцев, ваффен-победитель, не успевший даже удивиться, так и не успевший ничего понять, стал заваливаться на пол. «Резерв-победитель» же резким движением вытянул клинок из тела, сильно толкнул мертвого ваффен-победителя, убирая прочь с пути, прыгнул к одноглазому, который дрожащими пальцами пытался нашарить что-то в кармане брюк. Лицо его было искажено более чем изумлением – столь сильное потрясение может испытать только человек, на глазах которого рушатся основы мира. Он не успел вытащить руку: «резерв-победитель» вонзил клинок ему в горло.

Бли-ин, вот отчего он нервничал, вот к чему готовился!

А резерв-победителя с ожоговым пятном в пол-лица врасплох застать не удалось. Тот уже был готов достойно встретить свихнувшегося соратника. Стоял, широко расставив ноги, и в его руках посверкивал точно такой же стилет.

Два резерв-победителя встали напротив друг друга, готовые сойтись в ножевом бою.

– Почему? – приглушенно спросил резерв-победитель с изуродованным лицом, поигрывая стилетом.

– Потому что так надо, – спокойно сказал «резерв-победитель Сварог». – Только и всего.

В нем не было ненависти, одна только холодная рассудительность и готовность к драке.

– Сам погибнешь. На что надеешься?!

– Во-первых, с чего это я погибну? – снисходительно улыбнулся «резерв-победитель Сварог». – Во-вторых, пусть и погибну. Меня возродят. Мне обещали.

– Дур-рак...

Два резерв-победителя одновременно рванулись друг к другу. Одновременно выбросили руки со стилетами. Скрестившись, зазвенели клинки. Оба неплохо владели приемами ножевого боя – Сварог в этом понимал, но ничего, абсолютно ничего не мог сделать, лишь тупо наблюдать за происходящим, – только один из бойцов пользовался прямым хватом, другой – обратным.

Что наступила развязка, Сварог понял, когда стилет, который сжимала рука «резерв-победителя Сварога», вошел во что-то мягкое и податливое, уперся гардой. Каким-то неуловимым маневром «резерв-победитель Сварог» на миг оказался за спиной противника и всадил ему стилет сзади в шею. Потом клинок выдернул, и резерв-победитель с ожоговым пятном рухнул на пол.

– В самом деле, ты спрашивал, почему, – «резерв-победитель Сварог» легонько пнул ногой убитого. – Потому что меня попросили. И за выполнение этой просьбы пообещали достойную награду. Знаешь, какую? Вечную жизнь. Даже если я погибну, меня оживят... Ты бы не согласился?

И «резерв-победитель Сварог» направился к пилоту. А тот, выбравшись из кресла, уже открутил дрожащими пальцами панель под приборной доской, уже освободил от предохраняющих скоб выкрашенный красным рычаг и теперь обеими руками держался за круглый набалдашник, с ужасом наблюдая за приближением «полковника».

– Что происходит? – испуганно закричал пилот.

– Они оказались предателями, – «резерв-победитель» шел к кабине, держа в руке окровавленный стилет. – Перебежчиками. Они задали тебе курс на вражеский тыл. Теперь все хорошо. Мы летим на базу.

– Стойте, полковник! Не подходите! – От страха пилот дал петуха. – Я дерну рубильник! Стойте! Положите стилет и идите в салон. Мы... вернемся на базу, сядем, там пусть разберутся... Стой!..

Пилоту было страшно, запредельно страшно. «Резерв-победитель» шага не сбавлял. И стилет не прятал.

– С-своло-очь... – захныкал пилот. Он отнял одну руку от рукояти, рукавом вытер нос... а другой, зажмурившись изо всех сил, завыв, рванул рубильник.

В хвосте что-то протяжно затрещало с тошнотворным звуком, аэропил резко клюнул носом, кабина вдруг наполнилась сизым дымом. «Резерв-победитель» на ногах не устоял, полетел вперед, вцепился плечом в выступ переборки. Предплечье пронзила ледяная игла боли...

И это было последним, что он почувствовал.

ГЛАВА 7 ПРОЕКТ «БУРЕНОСЕЦ»

На этот раз чернота-пустота лишь мелькнула кошмарной тенью перед глазами и сгинула.

Реальность же была такова.

Было страшно, хоть он и старался не подавать вида. Он что-то шептал, плавно поднимая руки от бедер вперед и вверх. Сварог не слышал, что там шепчет... *напарник*, будем так его называть, зато *слышал* его мысли. Вернее, отголоски мыслей.

Перед внутренним взором Сварога проносились обрывки мыслеобразов. Какие-то черные вихри, разбитое молнией, обугленное дерево, человек с развевающейся белой бородой, испуганное женское лицо. И доносились отзвуки

слов, но ни одно из этих слов он не расслышал явственно – может быть, из-за того, что они были на незнакомом языке.

Хозяин тела поднял руки над головой, задрал голову вверх, соединил, касаясь одними подушечками, растопыренные пальцы двух рук. Потом, выкрикнув непонятное слово, он резко бросил руки вниз, словно стряхивая с кистей воду.

Унеслась вдаль ослепительная фиолетовая молния, и сумерки поблекли, стало светлее. Ага, оказывается, сейчас сумерки.

Хозяин тела тяжело выдохнул и глубоко согнулся в поясе, словно его скрючил ревматический приступ. Постоял так, и в этот момент его голова была совершенно свободна от мыслей, чувств, смутных образов – от всего. Сварог каким-то непостижимым образом отчетливо это чувствовал.

«Колдун? – подумал Сварог. – Очень на то похоже. Интересно, я действительно видел его мысли, или мне померещилось?»

Обладатель тела выпрямился, повернулся, сделал шаг, наклонился, поднял с земли тяжеленный черный тубус, повесил на плечо. Оглянулся вокруг... Пейзаж, куда ни посмотри, расстился преунылый. А может, таковым его делал дождь, который хлестал прямо-таки как ненормальный. Дождь заштриховывал окружающее серыми линиями, смазывал очертания предметов, превращал землю в хлябь.

Хозяин тела стоял на краю огромного черного поля. Вдали виднелось странное сооружение – группа полукруглых башен, соединенных трубами-переходами. Все обгорелое, изрытое снарядами. Прямо за строением начинались стройные леса ветряков. Впрочем, былая стройность их рядов была изрядно подпорчена войной: часть стояков повалена, часть покорежена – иные согнуты, скручены в штопоры неведомой силой, у других оторваны или превращены в лохмотья лопасти.

И везде виднелись взбугорья и холмики, которые не могли быть ничем иным, кроме как человеческими телами. Мертвыми телами. А в глубинах поля стоял, сильно накренившись, неведомым образом занесенный сюда автомобиль, который – Сварог это преотлично знал – может передвигаться только по ровной дороге.

Колдун повернулся, быстро пошел по хлюпающей земле к тянущемуся на многие километры перелеску. Перепрыгнул ров, в котором вповалку валялись трупы. Таковы реалии: трупы не успевают вовремя убирать и хоронить. Обычная картина для любой войны, которую обычно не показывают в фильмах. «Хорошо, что дождь, – подумал Сварог, – стояла бы жара, воняло бы на десятки метров окрест. И мухи...»

Хозяин тела вдруг споткнулся и замер, наклонившись вперед. Потом поднял руки и схватился за голову. «Не может быть! – догадался Сварог. – Так это ж он меня услышал!»

Что с этим всем делать, Сварог пока не понимал.

Но маг быстро справился с потрясением и пошел дальше, правда, не столь быстро, как прежде; его заметно пошатывало. Похоже, старик очень спешил и не позволял себе тратить время на самокопание, выяснение, что творится с головой. Тубус оттягивал плечо.

Миновав перелесок, он вышел на дорогу. Простую грунтовку, не слишком-то и разбитую. Дождь прекратился, в воздухе осталась висеть противная

мокрая взвесь.

– Дол-Мах! Сюда! Сюда! Дол-Мах! Сюда!

Из придорожных кустов выскочил человек, закутанный в длинный, до пят, черный плащ из непромокаемой ткани.

– Ну наконец-то! – облегченно тараторил он. – Наконец-то... Очень тяжело. Пойдемте скорее!

Человек сделал под плащом движение рукой – получилось как крылом взмахнул. И повел мага за собой.

– «Буреносец» здесь! – частил он, то и дело оглядываясь. – Мы просчитались, они готовят прорыв на нашем участке. А... мага третьей ступени не нашлось?

– Не нашлось, – отрывисто сказал маг. – Ош-Гнеси погиб. Исви-Больш держит Сухой канал. Других на нашем участке фронта нет.

Человек в плаще раздвинул кусты – за ними обнаружился спуск (вырезанные в земле ступени, на которые были положены доски) в довольно-таки глубокий окоп. Они спустились вниз, двинулись налево, следуя всем изгибам траншеи, скрывающей их с головой.

– Вы справитесь, Дол-Мах? – в очередной раз оглянулся человек в плаще.

– Я здесь, чтобы справиться, – ответил маг и отдал тубус провожатому.

– Что это?

– Оружие против «Буреносца», – ответил маг и не стал развивать тему.

Раздался нарастающий свист, люди в траншее присели, прижались к стене. Совсем близко прогремел взрыв, в траншею посыпалась земля.

– Где Тар-Энобис? – спросил Дол-Мах, вставая и отряхивая землю с плеч и головы.

– Держит высоту. Можно посмотреть, но... некогда, верно?

– Я должен его увидеть, – твердо сказал маг.

– Хорошо, – согласился человек в плаще. – Давайте поднимемся.

За следующим поворотом траншеи оказалась сложенная из бревен лестница, и маг, ни слова не говоря, проворно поднялся наверх. Лестница вывела его к оборудованному месту наблюдателя – укрепленному бревнами, с деревянным бруствером.

Отсюда, с небольшого возвышения, открывался преотличный вид. Взгляд мага сразу выцелил высокий холм и одинокую фигуру в развевающихся одеждах на его вершине. Он произнес соответствующее заклинание, и фигурка на холме стремительно приблизилась.

– Тар-Энобис, – прошептал маг Дол-Мах.

Невысокий худой человек в свисающем лоскутьями коротком плаще перемещался по холму в диковинном, зачаровывающем танце. Он то сгибал ногу в колене, то скрещивал руки над головой, то приседал, выставляя вперед ногу и вытягивая руку, а другую поднимая над головой и на манер кобры загибая кисть. Если пытаться угадать в его движениях какой-то смысл, то создавалось впечатление – и черт его знает, откуда оно бралось, – что танцующий ловит из эфира невидимые нити и наматывает на руку. Его руки разрезали дождевые струи, ноги взбивали грязь, каждым шагом поднимая фонтаны брызг.

Так-так, а это... Это были темно-зеленые фигуры, вырастающие над изгибом холма. Продолговатые, расширяющиеся на концах предметы в их руках, несомненно, были теми самыми «бластерами». Тар-Энобис развернулся в их сторо-

ну. Танцевальным шагом двинулся навстречу. Не прекращая танец, крест-накрест рубанул воздух ладонью. В голове мага словно теплая волна прошла, смазывая очертания предметов и людей.

А когда вернулась четкость, стало видно, что людей с винтовками отшвырнуло назад, повалило, у многих выбило из рук оружие, некоторые развернулись и в панике бегут, другие копошатся в грязи и ошеломленно, как после сильной контузии, трясут головой.

Маг Тар-Энобис остановился. И аккуратно над стоящей на земле емкостью, напоминающей березовый туесок. Нагнулся, опустил в него руки, вынул... с ладоней стекала изумрудного цвета и сиропной густоты жидкость. Он соединил ладони, потом раскинул руки в стороны, чуть нагнулся вперед и побежал к другому краю холма, постепенно разгоняясь и оставляя позади себя висящий в воздухе изумрудный след от капающей с ладоней жидкости.

Вверх по склону холма карабкались люди в полевой солдатской форме, в касках, с «бластерами» наперевес. А маг Тар-Энобис, добежав до края холма, упал животом на землю и вонзил ладони в податливый, мягкий от дождя грунт. Будто в землю вогнали не кисти рук, а электроды – в месте соприкосновения пальцев и земли зажглась яркая до рези в глазах изумрудно-зеленая дуга. Дуга побежала в обе стороны ломаной линией, быстро обогнула холм по окружности, зеленым обручем забралась на макушку холма... А потом вниз по склону покатила зеленая волна. Она была похожа на горную лавину, за тем лишь исключением, что закручивала в себя и тянула вниз не снежную массу, а дерн, землю, камни. Но так же, как горная лавина накрывает и уносит встретившихся ей альпинистов, эта местного масштаба лавина смела атакующих, отбросила их вниз, к подножью.

А Тар-Энобис вскочил и вновь закружил свой диковинный танец.

– Как он еще держится... – удивленно прошептал маг, в чьем теле находился Сварог.

Сварог не мог разделить это удивление – ему было неизвестно, много ли сил отнимает ведение столь специфического рода боевых действий. Зато он прекрасно понимал, почему за этот холм идет такой яростный бой, – высота занимает господствующее положение на местности. Кто будет на этой высоте, тот станет диктовать противнику свои условия...

Дол-Мах спустился обратно в траншею, бегом вернулся к нетерпеливо приотпыивающему человеку в плаще. Забрал у него тубус.

– Обеспечьте мыслесвязь со всеми подразделениями, – приказал он, вешая тяжелую ношу на плечо. – Начинаем.

– Но Тар-Энобис...

– Он справляется.

– А мы... мы справимся? Скажите мне! Этот монстр, он уже близко... Его же не остановить!

– Прекратить панику! – во весь голос крикнул Дол-Мах. – Обеспечивать связь!

Он вновь поднялся на поверхность, поставил тубус на землю и принялся вглядываться в сумерки. Но теперь он смотрел в другую сторону – на обширное поле, тянущееся, как стол, чуть ли не до самого горизонта, с темными полосами леса по краям. Вновь начался дождь, холодный, морозящий, видимость упала метров до пяти. Дол-Мах включил «кинжальное зрение». По-

прежнему ничего, мерцают лишь яркие пятнышки окопавшихся на пути «Буреносца» магов и едва тлеют точки немагов, сторонников Монитории. Самого монстра пока не видно, зато, задействовав «летучую мышь», Дол-Мах услышал его: ровное гудение, лязг, дребезжание. «Буреносец», последняя разработка ученых Республики, приближался.

Маг сглотнул. Он вовсе не был уверен, что справится. В мозгу возникла картинка: рой рассерженных пчел атакует лезущего в улей медведя. Пчел сотни, но им не пронзить толстую шкуру. Зато медведь, лениво отмахиваясь, ненароком убивает нападающих по десятку за раз... Он отогнал видение. Рано сдаваться. «Алый свет» может пронзить любую защиту от магии – поскольку он сам ничуть не магическое оружие. Вот и проверим, так ли уж непобедим «Буреносец», как его расписывают... Образ черного тубуса заслонил все остальное.

Пелена дождя посветлела на левой оконечности поля. Маг напрягся. Свет нарастал, ширился, и вот уже можно различить десятки прожекторов, вразнобой шарящих по окрестностям, и темную бесформенную громаду, на которой они установлены. Рокочущий монотонный звук усиливался, стали различимы тарахтенье, скрежет, ритмичные...

«Танк! – вдруг понял Сварог. – Это же танк, япона мать!»

Это был не просто танк. Это был танковый монстр. Тут хочешь не хочешь, а вспомнишь Первую мировую и ползущие по театрам военных действий многобашенные бронированные крепости. Точно такая же крепость ползла сейчас и по залитому дождем черному полю... вот только габаритами она отличалась. *Этот* танк был размером с трехэтажный дом, не меньше. Гусеничные механизмы в два человеческих роста, взрывая раскисшую почву, толкали вперед сотни тонн стали. К носу монстра был приварен клиновидный ковш, способный протаранить любую преграду, над ним возвышался десяток башен, оцетинившихся разнокалиберными стволами орудий. Гусеницы по ширине превосходили обычные танковые по меньшей мере раз в пять...

«Буреносец», – прошептал совладелец их общего со Сварогом тела в благоговейном ужасе, но с места не двинулся.

Танк полз неторопливо, тяжело переваливаясь через неровности почвы, он казался неуклюжим и неповоротливым, но если присмотреться, становилось понятно, что это неуклюжесть дракона, который, не обладая повышенной маневренностью, одной своей массой и силой сломит любую преграду. «Неужели на электричестве работает?» – подумал Сварог.

«Пора», – подумал Дол-Мах. И отдал мысленный приказ.

Во невизуальном поле зрения взвились над полем отряды владеющих левитацией магов, точно полчища светлячков. В небе они развернулись, перестроились в два клина и атаковали танк с фронта и тыла. На «Буреносце» заработал генератор антимагического поля, вокруг танка появилось игольчатое сияние, формой повторяющее его абрис, и летуны, которых коснулись мерцающие иглы, падали на землю, как подстреленные птицы. Секунду спустя на борту чудовища застрекотали обычные пулеметы, навсегда впечатывая павших икаров в грязь. Каждая смерть болью отдавалась в сердце Дол-Маха.

«Двойники!» – мысленно крикнул маг.

Летуны круг за кругом продолжали заходить на танк, сбрасывая гранаты, а тем временем на поле появились полчища чудовищ. Взрывы гранат редкими

вспышками высвечивали панораму боя, и без того подсвеченную десятком прожекторов, и от этого картина становилась вовсе уж нереальной. Все чудовища – и те, что с пучком шевелящихся щупалец вместо голов, и что передвигались на омерзительно длинных паучьих лапах, и перекатывались по грязи, оставляя за собой фосфоресцирующий след, – были порождениями магов-«двойников». Но экипажу «Буреносца» это было неизвестно! И ему пришлось распределять огонь между пикирующими летунами и пустотными тварями.

Пора. Маг кубарем скатился по склизкому склону, стараясь не повредить тубус, с трудом поднялся на ноги и побежал по хлюпающей грязи в сторону танка. «Лава!!!» – заорал он, не раскрывая рта.

Дол-Мах рассчитал точно: едва он поравнялся с линией окопов, как оттуда выпрыгнули сотни, тысячи мертвецов, вызванных к жизни магами нулевого уровня, хлынули бурным потоком в сторону танка. Затарахтели другие пулеметы, забухали пушки. Пули и осколки расчленили бегущих, вырывали куски мяса из их тел, но они неслись вперед – лишившись руки, головы, половины туловища. Откуда бойцам в «Буреносце» было знать, что они никого не убивают, что несущаяся на них людская лавина уже мертва? Восставшие мертвецы тупо бежали туда, куда им прикажут, не понимая, зачем бегут, бежали, пока точный выстрел не лишил их ног.

Однако лава укрыла Дол-Маха от прицельного огня.

Он рухнул на колени, задыхаясь, то и дело оттирая лицо от потоков непрекращающегося ливня, раскрыл тубус, с усилием вытянул из него блестящую трубу «красного света». Вскинул ее на плечо и стал ждать, пока громадина пересечет радиус действия.

Лязгающая, громыхающая куча брони приближалась. Маг едва сдерживал себя, чтобы не броситься прочь даже не в паническом, а в мистическом ужасе. Сжав зубы, он ждал. Сварог же, подселившийся в его разум, сейчас прекрасно понимал солдат Первой мировой, оставляющих винтовки и разбегающихся прочь от первого поколения многобашенных танков. А те танки по сравнению с *этим* были как фургон-газель по сравнению с «БелАЗом». Из отводных труб, расположенных над гусеницами по обе стороны, ритмично вырывались струи пара... Видимо, внутри громадины нагревались некие механизмы, их охлаждали водой, а вода выходила паром. Есть! Дол-Мах плавно нажал кнопку на корпусе «красного света». Алый, тонкий, как спица, луч прорезал дождь, уперся в броню нависшего над магом чудовища. Капли воды, попадая на этот луч, превращались в облачка пара, от чего нитка света казалась угрожающе толстой призрачной палкой, ткнувшейся в «Буреносец». И в том месте, где лучик света касался танка, сталь наливалась вишневым цветом, размягчалась, текла медленными, тягучими каплями.

Луч резал броню!

На «Буреносце» примерно выцелили стрелка, сосредоточили огонь на нем. Но сотни безруких, безголовых, падающих и снова поднимающихся мертвецов мешали канонирам, принимали огонь на себя, заслоняли мага своими разлагающимися телами. Наконец луч взрезал некий, судя по всему, жизненно важный орган чудовища. Раздался взрыв, ударной волной разметавший напирających зомби в радиусе километра... И это было последнее, что видел раздавленный взрывом маг Дол-Мах.

ГЛАВА 8 ПРИБЫТИЕ

Он снова открыл глаза. Батальон зомби, эскадрилья летающих колдунов, лазер, вскрывший броню исполинского танка как консервную банку – все исчезло, как предупреденный кошмар.

О, на этот раз что-то новенькое, быть того не может...

На сей раз снаряды не рвались, не трещали электроразряды, над головой не проплывал черный дым, не пахло гарью и озоном, не вспучивалась земля под ударами заклинаний и никто не кричал в предсмертной агонии. И ни одного летающего колдуна. Стояла полная, оглушающая после всех последних событий тишина.

Нуте-с, и куда это нас занесло?

Над головой белел потолок. Самый обыкновенный потолок, высокий, чистый, ровный. Уж никак не потолок блиндажа. Более того: по бордюру шла позолоченная лепка в виде плюща, перевитого виноградом. Сварог чуть повернул голову влево и увидел матовый шар размером чуть больше футбольного, неподвижно висящий под самым потолком, но что это такое, сообразить не успел, потому что...

Стоп. Да стоп же. Минуточку!

Он повернул голову! Тело вновь принадлежит ему!

Сварог рывком сел. И опять все получилось. Тело слушалось и повиновалось, как и положено родному телу! Быстро осмотрелся... и замер, затаив дыхание. Весь восторг улетучился, как корова языком слизнула.

М-да, приехали.

Оказывается, он лежит в постели. А рядом, отвернувшись к стене, разметав светлые волосы по подушке, мирно посапывает некая барышня.

Та-ак... Спокойствие, только спокойствие. Что у нас в первоочередных задачах? Соседку по кровати он рассмотреть еще успеет, сперва надо увидеть себя. И что-то подсказывало Сварогу, что увиденное ему не понравится. В углу спальни стояло большое, в человеческий рост овальное зеркало. Даже ни к чему себя ощупывать и рассматривать отдельно руки и ноги, когда разом можно все и увидеть.

Сварог аккуратненько, чтоб, не дай бог, не разбудить, опустил босые ноги на навощенный паркет. Походя заметил, что облачен в пижаму, и скорчил рожу: никогда, ни при каких условиях он не заставил бы себя влезть в подобный похабный костюмчик. Но, черт возьми, как это, оказывается, приятно – захотеть скорчить рожу и скорчить ее... Тут где-то должны быть тапочки, не могут не быть, но тапки он искать не стал, босым прошлепал к зеркалу.

– Че ты топаешь, – пробурчала сквозь сон женщина. Голос у нее, надо сказать, был далеко не ангельским, чувствовалась в нем укоренившаяся сварливость. Такие голоса обычно бывают у законных жен, уж Сварог-то не забыл свое земное существование. Гм... ну ладно, потом разберемся.

Сварог прикрыл веки, встал перед зеркалом. Открыл глаза. И снова закрыл.

Гос-споди, ну за что мне все это... Конечно, чувствовалось что-то не то в организме, когда поднимался, когда шел. Была некоторая *инакость* ощущений. Что-то не так было... Но чтобы до такой степени *не так!*

В зеркале отражался невысокий человечек с большими залысинами, внушительным брюшком и несколько одутловатой физиономией, выдающей

пристрастие ее, физики, обладателя к алкоголесодержащим напиткам... Типичный бургер, корочка. Которому очень пошла бы запотевшая кружка пенистого пива в короткопалой руке. И у которого, по всем канонам, должна иметься всенепременно сварливая жена. А еще такому типу полагается быть хозяином булочной. Или бухгалтером. Или, на крайний случай, чиновником средней паршивости. О, кстати: на голове, для полноты картины, дурацкий ночной колпак с идиотской кисточкой. Сварог в сердцах сорвал колпак и запустил его в сторону зашторенного окна. Почему-то все сильнее крепла уверенность, что на этот раз он прилип к этому телу, что называется, всерьез и надолго. Может, оттого проистекала эта уверенность, что в спаянности плоти и души не ощущалось ни малейшего разрыва? Швы, конечно, чувствовались. Но швы, как известно, со временем рассасываются... Так что, это и есть конечная остановка, финальное воплощение? Да лучше б я действительно умер от удара кинжалом Праматери...

Между прочим: хоть окно и было зашторено, но сквозь занавески лился дневной свет. Значит, на улице уже давно встало солнце, расталдыкнуло свои лучики по белу свету, туды его в качель!

Одно утешает – он бесспорно владеет, управляет этим малосимпатичным телом. Например, можно закурить. Не то чтобы Сварогу хотелось, физиологических позывов он не чувствовал – видимо, предыдущий хозяин тела был некурящим («А куда он сам, интересно знать, делся?»). Но сказывалась привычка нервное волнение унимать табачным дымком. Сварог создал сигарету...

Стоп, стоп. Что за фигня? Ну-ка еще раз... Сигарета должна была появиться между пальцев. Обязана! Он попробовал зажечь огонь на пальце. И это не сработало. «Третий глаз»? Кошачий глаз? Он стал шептать заклинания одно за другим. Ни одного положительного результата во всей, как говорится, серии опытов. Или он забыл, как это делается, или...

Или все его способности остались *там*, в обители Ожидających. В его истинном теле... Блин, а шаур?! Ну, насчет безотказного метателя звездочек и вовсе можно было не сомневаться. Даже если он и не рассыпался на атомы, то наверняка остался там, в бункере. В общем, прощай, оружие.

Сварог громко, от души, сочно выматерился. И услышал свой новый голос. Вот спасибо, хоть голос был не писклявым или гундосым. Нормальный мужской баритончик. В меру хрипловатый, в меру сексуальный. Как у главных героев в американских черно-белых фильмах.

Но без уже привычных способностей лара он чувствовал себя голым.

– Ну че ты орешь... Че тебе все нейдет... – сонно заворочалась на постели супруга... Отчего-то Сварог ни капельки не сомневался, что это именно супруга и никто иной.

Он притих. Сейчас меньше всего на свете ему хотелось вступать в пререкания с теткой, раскинувшейся под шелковым, с узорами и вышивкой, одеялом. Потеря магических возможностей – удар сильный, но еще не нокаут. Повоюем. Сейчас архиважно выяснить, где он. И когда. И Корона ли это вообще... На цыпочках он прошел к окну, отодвинул занавеску, – выглянул с опаской, как преступник из дома, окруженного полицией. Снаружи не обнаружилось ничего примечательного, кроме дерева. Небольшой простенький дворик внутри высокой каменной ограды, аккуратно постриженная травка, обыкновенное

солнце, нормальные облачка, банальное голубое небо. Но вот то, что торчало посреди двора...

Это да, это, признаться, впечатляло. Сварогу понадобилось некоторое время, чтобы разобраться: а что именно он видит и как ему к этому зрелищу относиться.

Если существуют где-нибудь растения семейства барокко, то это дерево, несомненно, принадлежало к нему. Напоминающее вставшего на голову осьминога с сотней-другой щупалец и отростков, увешанное плодами всевозможных форм и расцветок, покрытое густейшей темно-зеленой листвой – каковая, впрочем, была практически не видна под покрывалом из цветов, разнообразием очертаний и кислотных расцветок не уступающих плодам... Совсем как если бы какой-нибудь переполненный впечатлениями туземец, побывавший на елке в Кремле, разукрасил подобным манером родную пальму, дабы наглядно продемонстрировать соплеменникам эдакое чудо. Но при всем при том дерево казалось *живым*. Цветы и плоды вроде бы не прикручены к ветвям скрытыми проволочками, полное ощущение, что они *растут* на вычурном символе изобилия.

Дерево – полная чаша. Идеи Мичурина живут и побеждают, так, что ли? Бред...

Он задернул занавеску, чтобы уродец не отвлекал от более насущных проблем, быстро огляделся.

С другой стороны кровати возвышалось пышное троноподобное кресло, заваленное одеждой. Значит, там должен был быть и пояс. Какое-то время Сварог все же пожил на Гаранде и немножко разбирался в поясах – сможет по крайней мере определить, к какому сословию принадлежит этот... в общем, человек, чье тело он занял.

Сварог подошел к креслу. Два халата: женский – белый, с опушкой по вороту и рукавам, и мужской – бордовый, с золотистыми галунами по бокам и по краям карманов. Пояс Сварог тут отыскал, да не тот. Пояс был от халата – с золотистыми кистями. А где у нас верхняя одежда? Посмотрите в шкафу, Ватсон. Черт возьми, Холмс, как вы догадались?!

Шкаф тянулся через полстены и был похож на здание Смольного в Ленинграде: помпезный, монументальный, с порталом и колоннами – правда, декоративными. Сварог раздвинул створки. И невольно ухмыльнулся. Ну, это нам знакомо. Как тут в очередной раз не вспомнить первую супругу и особенности, так сказать, их совместного проживания! Девять десятых шкафа занимала женская одежда, все остальное – мужская. И это только та одежда, что висит на плечиках! Что именно хранится на полках и в ящиках, даже не стоит ворошить и сравнивать соотношение – Сварог готов был голову прозакладывать – еще более внушительное.

Но вот чего не было ни среди женского, ни среди мужского гардеробного имущества, так это одежды, хотя бы отдаленно напоминающей трико, помнится, столь популярное у подданных Короны. Не заметил он и коротких плащей. И никаких поясов не висело на скобах, не лежало на полках, не хранилось в ящиках – он не поленился, выдвинул-таки все ящики (стоит ли говорить, кому из супругов принадлежало их содержимое?).

Тэк-с. И что это значит? Значит, он не в Короне? И вообще не на Гаранде? Или же его забросило в будущее этого мира? Или в прошлое? И что теперь

прикажете делать? Что делать вот прямо сейчас? Сварог в задумчивости перебирал плечики с мужской одеждой. Мода была другой. Если гардероб тутошнего обитателя является показателем, то *теперь* и *здесь* мужская часть населения поголовно носит чуть мешковатые пары не первой свежести, застиранные белые сорочки с обтрепанными воротниками и манжетами, широкие мятые галстуки и тупоносые ботинки на толстой подошве – черные или рыжие, однако и те и другие нуждающиеся в незамедлительной чистке.

По крайней мере других фасонов Сварог в шкафу не отыскал.

Так, ладно. Что сейчас? Смысла и дальше торчать в спальне нет никакого, неровен час пробудится ото сна дражайшая... Поэтому сейчас будем надеяться, что выводы Сварога правильны и он (ну, в смысле – не он, а пузатый обладатель пижамы) здесь хозяин, а не ночной гость, и имеет полное право разгуливать по дому в любое время дня и ночи.

Сварог накинул на себя халат, затянул пояс, сунул ноги (с ногтями, тьфу ты пропасть, траченными грибком) в валявшиеся возле самой кровати тапки с длинными, загибающимися кверху носами...

– Куда собрался? – донеслось со стороны постели.

ГЛАВА 9 БУДНИ САМОЗВАНЦА

Проснулась все-таки! Сварог нехотя обернулся.

Почему-то ему подумалось, что благоверная сейчас перевернется на другой бок, вытарацит глаза, зажмет в испуге рот, а потом взорвется истошным визгом – говаривал же один горбатый персонаж: «Баба – она сердцем чувствует»... Но пока все было спокойно. Может, оттого, что женщина поворачиваться и не собиралась, разговаривала, демонстрируя любимому белокурый затылок.

– Ну и че молчишь? – Она перевалилась на спину, чуть приоткрыла глаза. Ухмыльнулась и констатировала с откровенным сарказмом: – Водички поутру захотелось. Сушит во рту.

Судя по этим словам, сердцем она пока ничего не учуяла. Даже того, что супруга своего обвиняет облыжно. Сварог, как полноправный владделец тела, мог утверждать, что накануне в этот организм спиртное не вливали. Уж похмельные симптомы он бы распознал, можете не сомневаться.

И что посоветуете отвечать любимой жене? Как к подобным созданиям обращаются субъекты, одного из которых он давеча наблюдал в зеркале? Кисонька, рыбонька, пусик-мусик?

Пока Сварог решил промолчать. Скорчил гримасу, долженствующую изображать смирение и покорность, и виновато развел руками. Похоже, примерно такой реакции от него и ждали. С чувством собственной правоты и превосходства мадам завалилась обратно в перины. «Супруга. Ни малейших сомнений. На сто двадцать процентов – супруга».

Не сказать, чтобы Сварог как следует рассмотрел свою вторую половину, но вроде бы любоваться там было совершенно нечем. Тем более, дамочка была по-утреннему растрепана и помята лицом. Однакось, на лицо глядячи и по лицу судючи, женщина дородная. Да и под одеялом угадывались очертания весьма внушительных форм.

На цыпочках, дабы снова не разбудить и не вызвать новую порцию вопросов и упреков, Сварог выскользнул в коридор. С одной стороны коридор заканчивался глухой стеной, с другой – выходом на лестницу, ведущую вниз. Под

потолком плавали такие же, как в спальне, матовые шары – но эти излучали приглушенный свет. Ага, светильники, это мы понимать можем.

А квартирка-то, похоже, двухэтажная. Значит, ли это, что зажиточно живем? Не обязательно. На бедняцкое жилище она, конечно, не похожа, но не это удивительно. Домик, судя по всему, был не из самых дешевых, обстановка – тоже, а вот гардероб наводит на грустные размышления о скоротечности финансового благополучия: все три костюмчика были куплены явно в безбедный период, но со временем поизносились, измялись, залоснились на коленях и локтях...

Сварог открыл первую попавшуюся дверь – чулан, набитый коробками, ведрами и швабрами. Тут ловить нечего. Следующая дверь вела в ванную комнату, совмещенную с сортиром. По-русски говоря, «Гаванна» – гавно и ванна. Тоже ничего примечательного, экстраординарного или же с ходу проливающего свет на тайну места и времени Сварогова пришествия.

Сварог (по причине полного слияния тела и души он решил себя и тело разными именами не называть, дабы не свихнуться ненароком от лингвистических и психологических заморочек), так вот Сварог вышел в коридор. На этаже осталось проверить еще одну дверь. Он повернул ручку... Заперто. Опустился на корточки, заглянул в замочную скважину, ни черта не увидел, поднялся и, уже делая шаг прочь, случайно, по инерции нажал на ручку. И на сей раз сим-сим открылся легко и податливо, будто вообще никакого замка, никакого запора не было и в помине.

Ну-ка... Проверая догадку, Сварог снова закрыл дверь и, как было в первый раз, надавил на дверную ручку правой рукой. Дверь не поддавалась, стояла намертво, как немцы под Берлином. Попробовал левой рукой – и дверь открылась с необычайной легкостью.

– Полна ты, жизнь, чудес всяческих и небывалых, – прошептал Сварог, заходя внутрь.

Внутри было темно, свет падал только из коридора, но он уже с порога определил, что это нечто вроде кабинета. Причем кабинета, принадлежащего всецело и безраздельно мужчине, куда не ступает нога женщины, где есть место уютному слою пыли, где на огромном столе мирно сосуществуют тяжеленные фолианты, справочники, фривольные журнальчики, немытая чашка из-под кофе, недопитый бокал и переполненная пепельница, а шляпа нахлобучена на пыльное чучело совы. И где все пропахло табачным дымом. Короче говоря, Сварогу тут понравилось.

Под потолком плавал давешний шарообразный светильник, но погасший. Сварог поискал глазами выключатель, не нашел, плюнул на это дело и сел в полумраке на скрипучий стул с высокой спинкой. Взялся за ручку верхнего ящика стола, скаламбурил вполголоса:

– Я не я, если где-то здесь не найду то, о чем сейчас подумал...

И выиграл сам у себя: в верхнем же ящике, поверх исписанных мелким почерком листов, лежала плоская фляжка, где-то – прикинул на глаз Сварог – граммов на триста. Не густо. Поболтал фляжкой. Совсем не густо, дай бог половина. Он открутил крышечку, поднес ее к носу. Пахло приятно, пахло тем, чем нужно, и Сварог безбоязненно прильнул к горлышку.

М-м-м... славно. Что ж, *этот* мир не совсем пропащ... Но вот чего трудно было ожидать: неужели у такого тютя, чье отражение Сварог рассматривал в

зеркале, и при такой жене может в квартире оказаться своя собственная комната, эдакий оазис мужского отдыха, куда швабрам и тряпкам вход, заказан?

Сделав еще один приличный глоток и ничуть не помышляя убирать флягу в ящик, Сварог приступил к скрупулезному исследованию того, что находилось на и в столе. В первую очередь следовало отыскать табачок, чей запах въелся в эти стены. Потому как – чертовски хочется курить, как говорила те-тушка Чарли.

А на столе, помимо фолиантов и бокалов, находилось много еще чего любопытного. Например, часы. Настольные часики, стилизованные под часы песочные, но с циферблатом, укрепленным на самой перемычке между колбами. Сварог некоторое время задумчиво понаблюдал за движением секундной стрелки, послушал тиканье, потом почувствовал неладное и нахмурился. Повернул хронометр тыльной стороной к себе. Это был некий гибрид обыкновенного анкерного механизма и песочных часов: пересыпаясь, синий песок заставлял работать анкер, вот и все. Но... Песок сыпался, сыпался, однако в верхней колбе его нисколько не убывало, а в нижней соответственно ничуть не прибавлялось, хотя Сварог отчетливо видел синюю струйку, безостановочно бегущую через узкую перемычку... Магия? Еще какая-нибудь фигня? Кто знает... Как бы то ни было, часы шли и, если им верить, сейчас было половина десятого. В общем, трудовой народ уже давно сеет, пашет и дурака не валяет. Да и сам Сварог, в прежнем теле пребывая, подолгу не засыпался. Когда отдашь армии лучшие годы и все эти годы регулярно просыпаешься в шесть, это, знаете ли, как-то входит в привычку.

Получается, новый одноплец ведет ночной образ жизни? При такой-то супруге?! Ой, сомнительно... Сварог скептически покачал головой. Разве только супруга не принимает в ночной жизни самое деятельное участие. Но на светскую красавицу она как-то не похожа...

Дверь кабинета тоненько скрипнула, приоткрылась. В щель проскользнуло очаровательное юное создание в передничке, с выбившимися из-под накрахмаленного чепчика каштановыми локонами. На одной руке она ловко держала поднос, другой до щелчка притворила за собой дверь и, смущенно улыбаясь, направилась к Сварогу. Е-мое, значит, у меня еще и служанка есть?

«А, ну так это совсем другое дело», – такова была первая мысль, которая посетила опешившего Сварога.

Живущий в нем офицер и милорд приказал ему подняться. Сварог повиновался, но тут же сделал вид, будто решил просто ноги размять: хрен знает, принято ли тут вставать в присутствии служанки, пусть и дамы. Или же в присутствии дамы, пусть и служанки. Посмотрел на гостью вопросительно.

– Газета, кофе, – не поднимая глаз, она поставила поднос на стол, вернее, на стопку толстых книг. Сварог, поразмыслив, снова сел.

– Услышала, что вы ходите, значит, проснулись, – она несмело показала на потолок. – Значит, пора пить кофе. Я же знаю, раз проснулись – снова не ляжете.

Двумя пальчиками подняла белую скатерку, прикрывающую поднос. Дымящаяся, распространяющая соблазнительный аромат чашка, две булочки на блюде и не слишком толстая газета. Ну-ну...

– Но не думайте, я помню, через полчаса я бы вас разбудила!

И, сказавши это, создание опустилось Сварогу на колени. Уверенно, бестре-

петно, привычно. Прижалась к плечу грудью.

Все страньше и страньше! Сварога с головой окунули в чужие сложности. Правда... кое-какие из этих сложностей весьма даже ничего. Сварог мысленно подкрутил ус.

– Эта, – небрежный кивок в сторону спальни, – все равно до полудня не встанет. У нас уйма времени... Так, это что еще за запах? – она чуть отстранилась. – Опять коньяк с утра? Фи. Правильно тебя женушка достает. Слушай... – на ее хорошеньком личике вдруг отразилась легкая тревога. – По-моему, она что-то подозревает. Начинает расспрашивать про твою покойную сестру из Радры... Как думаешь, она не догадается, что я никакая не сиротка-племянница, приехавшая покорять Вардрон?

«Ай да предшественничек! – с некоторой оторопью подумал Сварог. – Вот тебе и бургер с кружкой пива... Дает прикурить!»

Слово «прикурить» вызвало у Сварога естественное желание. Ну вообще-то желаний набиралось немало. Аромат кофе будоражит и вызывает желание это кофе выпить. И хлебнуть коньячка очень даже желается, пусть и с утра. И девица на коленях без желаний не оставляет, а совсем даже наоборот. Неплохо бы испытать новое тело с этой точки зрения... ну, просто в качестве эксперимента...

– Да что ты такой бука! – она обиженно хлопнула ладошкой ему по груди. – Молчишь и молчишь...

Эх, милая, если б знать, что говорить! Вот как спрошу тебя, который сейчас год и на какой матушке-планете мы находимся, будешь знать. Или как тебя зовут, к примеру...

– Что-то сегодня состояние... не того, – наконец позволил себе раскрыть рот Сварог и крутанул пальцами в воздухе самым неопределеннейшим образом: мол, понимай, как знаешь. – И настроение под стать.

Услышав его голос, расслышав его слова, девица отнюдь не вскочила с воплем: «Ты кто такой!» – не бросилась к двери с налитыми ужасом глазами. Наоборот – игриво щелкнула Сварога по носу:

– Это, наверное, потому, что вчера ты не мог себе позволить ни капли из-за этой встречи...

– Не иначе, – горестно покачал головой Сварог, лихорадочно соображая, что бы такое сказать, чтобы не выглядеть тупицей.

– Мамочки, встреча! – девица вдруг приложила ладошки к щекам и вскочила с чужих коленей. – Ты не опоздаешь? Уже без пятнадцати! Где твоя книжка?

Нагнулась над столом, повернувшись... э-э... спиной – коротенькая юбчонка задернулась, бесстыдно обнажив стройные ножки практически до самых ажурных трусиков. Сварог, непроизвольно сглотнув, почувствовал, как тело *предшественника* реагирует правильным и совершенно естественным для мужика образом и приказал телу не наглеть... Короче, девица нагнулась над столом, выдрала из нагромождения хлама потрепанную пухлую книжицу в кожаной обложке, застегнутой на замочек. Сварог с невозмутимым видом книжицу принял, замочек расстегнул, раскрыл на странице, где лежала матерчатая закладка...

Страница была пуста. Равно как и все страницы до закладки и все после – Сварог, изо всех сил пытаясь сохранить невозмутимость, пролистал книжицу.

Ничего. Ни слова, ни кляксы. Эх, если б законный владелец тела присутствовал где-нибудь рядышком в сознании! Объяснил бы, что тут к чему...

– Почему-то медленно работает, – отметила служаночка, нахально заглядывая ему через плечо. И не удержалась от шпильки: – Наверное, не узнает тебя трезвого... Или ты просто не хочешь, чтобы я смотрела?..

Разумного ответа Сварог придумать не успел: книжка в его руках вдруг завибрировала мелко-мелко, и страницы принялись сами собой стремительно заполняться плотными строчками рукописных слов, небрежными рисунками на полях, какими-то кривыми табличками...

Ах, вот оно что! Книжица настроена на хозяина, содержание проявляется только в его руках, а в чужих, должно быть, так и останется пустой. Умно. Значит, опять магия. Что же случилось с Рошалем, со Щепкой?

Это был ежедневник. А последняя запись, датированная девятнадцатым числом, на странице с закладкой гласила: «1.00 „Зел. ж.“ Ч.-А. Тот ли? Некушд. ПРОВЕРИТЬ!!! Гров. ст. в/зк.» Ага, стало значительно понятнее... Ну, по крайней мере, хоть выяснили, какое сегодня число, и на том спасибо. Других записей на странице не было.

Безымянная девица, по-свойски склонившись над ним, фыркнула:

– Опять назначил встречу в «Зеленой жабе»?

«Зеленая жаба», во как. Кабачок, что ли, – судя по слову «опять»? Остается узнать, что такое «Гров. ст. в/зк.»

– А что такое «Гров. ст. в/зк.»? – спросила чертовка.

Сварог захлопнул книжку.

– Душа моя, а ты знаешь, что такое профессиональная тайна?

– Ну и ладно, – нисколько не обиделась она. – До «Жабы» четверть стражи на такси, время еще есть. Может, потратим это время с пользой? – и запустила ладошку ему в вырез халата.

– Нет, извини, – твердо сказал Сварог, отводя ее руку и мысленно приободрившись. Пока все идет гладко, даже удивительно. – Мне надо еще... поработать кое над чем.

– Ну и ладно, – повторила она. – Тогда чего в темноте сидишь?

Служаночка посмотрела на выключенный светильник, прошептала что-то короткое, невнятное, и кабинет оказался залит неярким уютным светом.

– Значит, встретимся, как обычно? – чмокнула Сварога в щеку и, демонстративно покачивая бедрами, двинулась к выходу. Обернулась у самых дверей, спросила с неожиданной серьезностью: – Ты все хорошо помнишь, о чем мы вчера говорили?

Сварог энергично кивнул. Дескать, ну как можно забыть! О чем ты говоришь, лапочка!

...Оставшись один, Сварог мрачно глянул на светильник, влил в себя изрядную дозу коньяка (с сожалением отметив, что во фляжке остается всего ничего) и принялся искать курительные принадлежности. Нашел трубку и табак, закурил. Табачок не шедевр, но сойдет. Поставил, чтоб далеко не тянуться, чашку кофе на край стола. Глянул на газету. Газета называлась «Новая Корона».

Уф... Вот и ладненько, вот и хорошо. Если б он очутился не только в чужом теле, но и в чужом мире, то легче было бы сразу в петлю.

Итак, первый раунд он выиграл. Особо не напрягаясь, выяснил массу полез-

ных вещей: это Корона, и это его столица Вардрон. Время здесь по-прежнему измеряют в стражах. Курят трубки. Война, судя по всему, закончилась. Судя по всему, полной победой магии, как и предсказывала сволочная Праматерь. Дальше: его *предшественник* назначил с кем-то встречу, причем важную, – потому что он вчера *не* пил. Встречу в некоем заведении, куда можно добраться на такси. Значит, надо ехать. Может быть, за неявку на встречу тут принято безжалостно убивать или лишать вспомоществования. А поскольку проблем мы хотим как можно меньше, все-таки следует по возможности их избегать. Тем более – в еженедельнике написано: «Некушд». Значит, встреча как-то связана с целью Сварога. Ну, это потом.

А пока...

А пока следовало разобраться с самим собой. Кто таков, какого рода деятельностью занимается, как следует себя держать с людьми... ну и все такое прочее. Газеты можно просмотреть после, в каком-нибудь кабаке – надо только деньги найти, на кабаки и прочие излишества, ведь должны же быть какие-никакие сбережения. И вообще из дома надо убраться как можно скорее, в спокойной обстановке разобраться с происходящим и выработать план действий. Программа минимум – добраться до Некушда, программа максимум – убраться с Гаранда. Сварог принялся листать ежедневник. И удивлялся. Самому себе удивлялся. Оказывается, он вел весьма бурную жизнь!

Практически ни один день не оставался без записи. Из записей понятными были лишь немногие, типа: «Куп. колье, иначе сожрет», – но большинство требовало вдумчивой дешифровки. Например, шо це таке – «Кривой Гасторт. алх. и скоб тов. буз. Два кр. Точно»? Это стояло позавчерашним числом в строчке 8.00.

Если он простой бухгалтер или мелкий чиновник, то к чему такая тайнопись? Одолевают конкуренты? А что, вполне. Достаточно сорваться парочке крайне выгодных и уже обговоренных сделок, чтобы начать дуть на молоко и бояться каждого куста, в том числе и того, что растет в твоём собственном доме. Чтобы заделаться параноиком. Может, предшественник и был параноик. Кто сказал, что рядовой бухгалтер не может свихнуться?..

Сварог кинул ежедневник на стол. Нет, без ключа эти шифровки прочесть невозможно. Он отхлебнул остывающий кофе – вкусно – и оглядел кабинет пристальнее. Будем логичными: у хозяина этой квартирki есть кабинет, куда имеет право входить только он. У него есть записная книжка, открыть которую может только он. Книжка пестрит шифрованными записями – и это не просто скоропись, это именно шифрованный текст. Следовательно, что?

Следовательно, где-то здесь должен находиться и тайничок, не может не быть тайника, ну вот разве что где-то вне стен этого дома... Нет, тайник должен быть в пределах досягаемости.

Ну-ка, ну-ка... Чересчур уж много всякой дряни свалено в углу. По всей комнате хлам разбросан более-менее равномерно, а в углу наблюдается явное изобилие хлама. Разбросав ногами газеты и тряпки, отшвырнув сломанный костыль, отодвинув руками обросшую паутиной сломанную лампу на могучей мраморной подставке, Сварог присел на корточки и принялся простукивать паркет.

Ага, отзывается, родимый! Отчетливая пустота под паркетом. Сварог внимательно взгляделся в зазоры между дощечками. Так-так, вот между этими му-

сора и пыли поменьше. Заранее прихваченным со стола ножиком для резки бумаг Сварог подцепил паркетину, надавил. Опа! Отошла не одна паркетина, а внушительный кусок паркета, открылось углубление в полу.

Но торжествовать победу было рано. Его предшественник надежно упрятал свои секреты – в тайнике под паркетом скрывался небольшой сейф.

– Что ж я там упрятал? – пробормотал Сварог. – Золото-брильянты?

А самое смешное, что на дверце сейфа не было ни замочной скважины, ни кодового замка. Имелась лишь ручка. Массивная, по виду бронзовая, с завитушками и оскаленной мордой зверя непонятной породы. Если ларчик открывается посредством заклинания, то все, труба. Но может, сработает, как с дверью? Дверь кабинета была законтачена исключительно на его руку. Причем только на левую. А тут?

А тут дверца сейфа сработала на прикосновение правой ладони.

– Ну мы и не такое видывали, нас особо-то не удивишь, – сказал Сварог, берясь за ручку.

В сейфе имелось два отделения. В первом хранилось несколько пухлых кожаных папок, а во втором...

Во втором лежал револьвер.

Однако! Вот тебе и бухгалтер...

Сварог осторожно вытащил его, осмотрел, выщелкнул барабан. Тяжелый, блестящий, ухоженный. Вылитый «бульдог», разве что десятизарядный, зато патроны не какие-нибудь там электрические – самые нормальные патроны. Вот только пули в этих патронах странные: прозрачные, из непонятого материала, и внутри каждой клубится как будто голубоватый дымок... Магия, етить ее.

Подумав, Сварог сунул револьвер в карман халата. Пригодится. Вряд ли встреча, назначенная в людном месте, опасна для жизни, но, знаете ли, когда ежедневно не расстаешься с оружием, трудно бывает перестроиться. Ну и опять же, кто может поручиться, что у них тут не пошаливают на углах и в подворотнях?

После чего он достал несколько папок, бегло проглядел названия – каждая папка была снабжена наклейкой с аккуратной надписью от руки: «Бухгалтерия», «Донесения», «Отчеты», «Досье 1, Г-Д.», «Досье 2, И-Г», «Досье 3, А.-Л.»... Папок «Досье» набралось аж восемь штук. Сварог наугад раскрыл ту, что была «Г.-Д.»... блин, на пол посыпались самые обыкновенные черно-белые фотографии, обрывки каких-то квитанций, какие-то официального вида документы с фиолетовыми печатями, какие-то конверты – вывалилась из папки даже простенькая серебряная сережка с прозрачным камешком. На фотографиях в разных ракурсах был запечатлен хмурый, седовласый, лет пятидесяти, дядька выправки явно военной. Вот он в компании смазливых барышень, вот – в дверях несомненно государственного учреждения, вот о чем-то разговаривает с двумя типами наружности самой продувной...

Версия насчет профессии бухгалтера трещала по всем швам. Е-мое, неужели я иностранный шпион?!

Так, стойте, в отделении, где хранился револьвер, на дне что-то еще есть...

Он запустил руку в сейф по локоть, нашарил разбросанные в беспорядке бумажки, выудил несколько.

Та-ак... «Разрешение на ношение оружия». «Договор аренды». «Лицензия на

магическую деятельность». А это что?

Простая белая карточка размером с визитку. Похожа на пластиковую. Чистая с обеих сторон... Нет, ни фига. Подобно тому, как еженедельник заполнился записями, стоило взять его в руки, карточка вдруг стала стремительно темнеть, обрела объем, хотя оставалась плоской – ну совсем как голограмма, и там, в глубине изображения, Сварог увидел медленно поворачивающееся то влево, то вправо лицо человека. Это было его нынешнее лицо, одутловатое и невыразительное. А рядом появилась объемная надпись: «Ирви-Лонг. Частный детектив».

ГЛАВА 10 «ЗЕЛЕНАЯ ЖАБА»

Пожалуй, никогда в жизни Сварог так не опасался нечаянно разбудить даму, которая мирно спала в его постели. Повезло: ему удалось переодеться в один из висящих в шкафу костюмов и выбраться из спальни, не потревожив сон благоверной. Теперь прочь из этого дома, прочь.

Повезло и вторично: во внутреннем кармане мятого пиджака отыскался мятый кошелек, в котором покоилось несколько мятых купюр напроочь незнакомого вида и различного достоинства – от пяти до двадцати «корон». Значит, коммунизм здесь пока не наступил. Что ж, «корона» – это скромненько и с выдумкой. Будем надеяться, на такси хватит. В другом внутреннем кармане лежали документы, а револьвер приятно оттягивал карман боковой, газета в руках – Сварог приободрился. Тем более что частный детектив – это неплохо. Это все же лучше, чем счетовод. Открывает кое-какие возможности... Он вышел на улицу, посмотрел вправо-влево, остановился у бровки тротуара и поднял руку. Улица была как улица, дома как дома – не шибко богатые, но и не лачуги. Так, обиталище среднего класса. Ничего экстраординарного, даже как-то, знаете ли, скучно.

Электромобиль остановился практически тут же. Водитель без предварительных расспросов: «Куда едем?» и «Сколько платим?», – вышел и распахнул перед ним заднюю дверцу, но потрясенный Сварог некоторое время не смог двинуться с места. Он уже встречал этого человека! Постаревший, полысевший, располневший, одетый не в форму, а в простую куртку поверх водолазки, однако это был именно он. Капрал. Тот самый, что послал юного солдата на верную смерть во время войны. Вот вам и скучно...

«Нити судеб сойдутся в точку», – так, кажется, говорила Праматерь?

Таксист Сварога, естественно, не признал, смотрел на него вопросительно. Сварог тряхнул головой, подобрал нижнюю челюсть, полез на заднее сиденье. После будем думать, что означает эта встреча. И означает ли что-нибудь вообще...

За время Сварогова отсутствия столица изменилась мало – наверное, война сюда не докатилась. Вот разве что движение транспорта на улице менее оживленное, чем было в годы всеобщей электрификации. Впрочем, возможно, это потому, что улица малопроезжая, а время неразъездное... Хотя нет: после того, как они выехали на центральные столичные улицы, стало очевидным, что это объяснение не годится. Ибо в центре столицы – Сварог отлично помнил – движение всегда было плотное, вне зависимости от времени суток.

Да и вообще... Нечто странное было со всеми этими машинами. В этом, например, приборная доска, и без того, помнится, не обремененная лишними

приборами, сейчас была таковых лишена напрочь – чернели одни пустые гнезда. Зато в отверстие перед лобовым стеклом, какого допрежь не было – да и зачем оно нужно, скажите на милость! – был вставлен металлический стержень, оканчивающийся хрустальным навершием. Граненый шарик из хрусталя мерцал желтым светом.

А вот по встречной проехал мобиль, у которого та часть, где, как помнил Сварог, размещались аккумуляторы, была переделана в подобие кузова, и в кузове этом покачивались какие-то ящики. Аккумуляторам же, получается, места в этой машине просто не оставалось. Да и вообще, все машины – если брать общее от них впечатление – стали... изношенные какие-то. Что-то это Сварогу мучительно напоминало. И он наконец вспомнил – что именно.

Куба. Социалистическая Куба. Остров Свободы. Прекрасное место, где он, увы, так и не сумел побывать. Служить его туда не отправляли, а самому поехать... Зато Кубу частенько показывали во всяческих «Клубах кинопутешествий». Так вот, по улицам Гаваны и прочих кубинских городов разъезжали автомобили сплошь американские и преимущественно дорогих марок – наследство от богатеньких янки, которых в одночасье, не дав толком собрать вещички, погнали с их любимого курорта. Машины еще исправно ездили, все же таки были сделаны добротно. Но поскольку с момента победы партизан Фиделя прошло времени немало, прежние блеск и лоск с тех авто сошел, как снег в положенное время, да и экстерьером они безнадежно устарели. Примерно так же, как кубинские, выглядели и здешние *бывшие* электромобили. Да, бывшие – Сварог ничуть не сомневался, что нынче эта техника работает на са-авсем другой энергии...

Головой он старался не вертеть, бросал вокруг себя якобы скучающие взгляды, но старался подмечать все. Сам себе он напоминал срочника, отрубившего службу без отпусков, а теперь вернувшегося домой и прогуливающегося по родному кварталу. Вроде все то же, но мелких отличий не счесть, дома и улицы обросли множеством мелких изменений, открывающихся только свежему взгляду. Трещины на крыльце, каких не было, облупившаяся краска, потускневшая облицовка стен, еще более прежнего покосившийся заборчик.

Понятно, здесь сразу бросалась в глаза *неподвижность* над зданиями. Раньше крыши из-за установленных на них ветряков были похожи на заросли диковинных серых камышей, вечно шевелящихся под нестихающим ветром. Теперь же крыши более всего напоминали мертвый лес: стояки ветряков все еще возвышались над ними, однако лопасти были сняты. А кое-где в этом лесу наблюдались прореди – видимо, взялись снимать и стояки, да почему-то бросили это дело. Над головой раньше висели паутины проводов, теперь – лишь отдельные ниточки, и те, думается, просто еще не успели убрать. Люди на улицах. Изменилась мода, никто не носит трико с плащами. Раньше деловито сновали, как и положено в столичных городах, теперь прогуливались неспешно.

Водитель какое-то время молчал, но запас его молчания, видимо, иссяк, как топливо в баке.

– Нет, ну задолбали уже эти «туземцы» и «герои»! – выпалил он вдруг и раздраженно шарахнул ладонями по рулевому колесу. – Вот вы, сразу видать, из «гнездовых». Меня не обманешь, у меня глаз наметан.

На всякий случай он все же обернулся проверить реакцию пассажира на

свои слова. Реакция, вернее, полное ее отсутствие, его вполне устроила, и, приободренный, он продолжил:

– Вот смотрите – я, – он еще раз обернулся назад и ткнул себя пальцем в лоб. – Я никогда не скрывал, что воевал за Каскад, – ну да, ну и что? Потом-то одумался, перешел на другую сторону, опять воевал! Без всякой магии, грудью на «Буреносец» шел! Своими глазами видел, как его подорвали! Потом, после победы, сидел, конечно, но искупил ведь! И ведь выгрыз свое право на два магических умения! А что сейчас? Сейчас каждый второй кричит, что именно он «Буреносец» разнес вдребезги! – Таксист снова, еще более раздраженно двинул рукой по «баранке». – А если всем верить, то что? То окажется, что тогда нас шло на танк несколько тысяч! И вот теперь, значит, эти «герои», мать их, где-то находят свидетелей своих подвигов, где-то добывают документы о своем участии в боях и требуют себе по второму умению! И некоторым дают, дают ведь, мать их! Куда прешь, мать твою!

Последнее относилось к водителю, подрезавшему их мобиль на перекрестке. Они как раз проезжали мимо знакомого Сварогу по первому посещению Вардрона помпезного строения с гигантским куполом Шара Мироздания и каменными буквами через весь фасад: «Музей Новейшей Истории Великой Короны». Ага, понятно, значитца, старую историю вон поганой метлой, началась История Новейшая. Что ж, надо бы сюда зайти. Глядишь, и узнаем что-нибудь о судьбе Рошалья и Щепки...

– Подонки, – согласился с водителем Сварог, и водила немедля перешел на «ТЫ»:

– Воевал?

– Еще как... – вырвалось у Сварога.

– Я и говорю! Сразу видно, что ты настоящий ветеран... А «туземцы»?! – он разошелся не на шутку, и плевать ему было, что пассажир активного участия в беседе не принимает. – Где они были, когда мы кровь проливали! Отсиживались за океаном в своих колониях, дожидались, чем кончится. А теперь, гляди-ка, валом повалили в Корону, и подавай им всем умение. А за что?! Я так считаю: пускай сперва повкальвают своими ручонками, без всякой магии. Рабочие руки до сих пор нужны, скажешь нет? «Искупитель» надо строить? Надо. Оборонять страну от Тварей надо? Вот и пусть докажут, так сказать, горбом, что они достойны, и тогда уж посмотрим, одаривать их магией или нет...

Тварей! Это, простите, кто имеется в виду? Оппортунисты? Очередные подпольщики?

Ничего подобного, как вскоре выяснилось.

Под нескончаемую болтовню выехали на ту самую площадь, куда пилот Юж-Крагт столь памятно приземлил Сварога и Рошалья на спасательном куполе аэропила, и мобиль снизил скорость, объезжая воронки от снарядов... Елки-палки, а это как понимать? Сварог наклонился к окну, уже не скрывая недоуменного любопытства.

Площадь была обращена в руины. Причем уже давно.

Памятник, ранее возвышавшийся в центре, был разрушен, а точнее – раздавлен исполинской лапицей, фонари выворочены с корнем, некогда движущиеся тротуары изуродованы, словно их топтал в ярости великан, на стенах домов, на уровне этажа пятого, остались глубокие отметины когтей и выщерблины от пулеметных очередей... Полное создавалось впечатление, что некогда

на площади материализовался Кинг-Конг и принялся, по своему обыкновению, крушить все на своем пути, а люди подтянули боевую технику и... И что? Победили? Или чудовище исчезло само по себе?

– Во-во, – с чувством кивнул таксист, заметив интерес Сварога, – я про что и толкую. Разве с Тварями какой-то магией справишься? Разве здесь справились десять лет назад, когда они только появились? Нет! Обычным оружием Паука завалили, голыми, можно сказать, руками...

Сварог почел за лучшее промолчать. Подумал лишь: «Дела...»

Интересно, почему площадь не реставрировали? Оставили как память?

Остановились минут через семь – на тихой улочке, около неброского входа в подвальчик, над которым висела табличка «Зеленая жаба». Сварог расплатился – отдал двадцатник, и пес его знает, не содрал ли бывший капрал с него лишнюю десятку. А пожалуй что и содрал, поскольку улыбнулся шире ушей и предложил:

– А хочешь, я тебя здесь подожду.

– Да я не знаю, когда освобожусь, – честно ответил Сварог. – И освобожусь ли.

– Плевать, – махнул ладошкой шофер. – Подожду. Задолбало меня всяких уродов возить, а с понятливым человеком и поговорить приятно.

Сварог лишь пожал плечами.

Когда он спустился в подвальчик, часы пробили половину первой стражи. Пробили весьма своеобразно – кваканьем. Да и сами часы тоже были вполне оригинальны и вполне созвучны названию заведения: громадная нефритовая жаба стояла на стойке, распахнувши рот во всю ширь, во рту и помещался циферблат со стрелками в виде перекрещивающихся меча и кинжала.

С порога Сварог огляделся. Для столь раннего времени народу в заведении было немало. В основном мужская шатия-братия, но имелось и несколько девиц, удобно устроившихся на мужских коленях и хохочущих на всю «Жабу».

Свободных столиков насчитывалось всего два. Сварог выбрал тот, что в темном углу и подальше от двери. Без малейшей проволоочки подкатился щекастый кабатчик в белом фартуке, расплылся в настолько радушной улыбке, что она никак не могла быть искренней.

– Давненько, давненько, господин Ирви-Лонг, – промурлыкал он. – Все дела?

«Не будь ты человеком, – подумал Сварог, – быть тебе котом на сметанном погребе».

– Они, проклятые, – Сварог выдал тяжкий вздох.

– Понимаю, понимаю. В нынешнее время приходится вертеться, иначе пропадешь. Как всегда?

– Как всегда, – сказал Сварог: весьма любопытно будет узнать, что за питейные и гастрономические пристрастия имел *предыдущий*.

– Сейчас все принесут. Давайте вашу... неизменную, – и выжидательно уставился на Сварога.

Сварог тоже уставился на него – непонимающе.

– Ваша фляжечка ведь при вас? – осторожно, как у больного спрашивают о здоровье, спросил Сварога кабатчик.

– Э-э... забыл, представьте. День сегодня какой-то... С утра хожу рассеянный, как полный... Короче, забыл.

– Это мы исправим, – пообещал кабатчик. – Не беспокойтесь, о постоянных клиентах наша полная забота.

Похоже, он еще что-то хотел сказать, уж его рот было открылся, но... в последний момент передумал. Кабатчик скрылся на кухне, а буквально через минуту оттуда выпорхнула проворная девица в белом передничке и с россыпью веснушек на простоватом, но довольно-таки миловидном личике. Она поставила поднос на стол и взглянула на Сварога столь выразительно, что... В общем, никаких недомолвок и неясностей. «Хоть кого-нибудь мой предшественничек пропускал?» – подумал Сварог.

Девица выставила перед ним литровую кружку, над которой возвышалась шапка пены, и блюдо с запеченной рыбой и овощами. Ни мучного, ни картофеля, ни мяса. Похоже, предшественничек вел неравный бой с лишним весом. А еще на столе появилась фляжечка – один в один такая же, что он оставил пустой в ящике стола. Эта – Сварог побултыхал – была полным-полнешенька.

Отлично. До встречи еще полстражи, так что есть время полистать газетку, попытаться разобраться, что это за Твари и кто такой Искупитель...

Время от времени прикладываясь к кружке и делая махонькие глотки, Сварог для начала просмотрел заголовки, и сразу наткнулся на знакомое имя в информационном сообщении: «Президент Визари высказывает мнение касательно торгового договора с Гвидором».

Черт возьми, Визари! Жива! Взбалмошная предводительница магов удержалась-таки у власти! Ну, девка, ну Щепка... Заглянуть, что ли, по старой памяти... Сварог быстро прочитал информашку, ничего интересного, пустая газетная болтовня, и сделал глоток из кружки. Что там еще?

«Обнаружен тайный изготовитель тептов», «Появление...»

Ага, вот, пожалуйста: «Появление Тварей в провинции Тур». Он пробежал статейку глазами... и по-прежнему ничего не понял, что это за звери такие. В заметке говорилось, что Твари напали на несколько деревень в провинции Тур, вырезали почти весь скот и убили около сотни крестьян-немагов. Впрочем прибывшие силы противодействия уничтожили восемнадцать исполинских Пчел, остальным Тварям удалось скрыться. И теперь в полный рост встала проблема снабжения питанием целого района, поскольку маги, обладающие соответствующим *умением*, заняты на других участках. Доколе, дескать, мы будем терпеть вторжения чужеродных организмов на нашу родную планету?!

Тон заметки, набранной петитом и помещенной в «подвале» на второй странице, был спокойным и ровным. Значит, ничего сенсационного в смерти сотни крестьян редакция не видела. Типа, обычное дело. Однако надрыв в финальном призыве искоренить чужеродную заразу столь резко контрастировал с общим фоном, что, пожалуй, был достоин передовицы и крупного шрифта... Дальше.

«Очередная победа магии над природой». Ну-ка, ну-ка... «Группой магов-естествоиспытателей... разработан и испытан... новейший комплекс заклинаний, позволяющий... а также освободить от ручного и умственного труда такие производства, как мосты, опорные конструкции, подвесные сооружения и т. д. Комплекс состоит из последовательных слогов и пассов, выполняемых...»

Ну да, все правильно, сам себе кивнул Сварог, большой спец в области стро-

ительного волшебства. Вспомним, милорды, Хоттабыча, который пытался создать телефонный аппарат, и ни фиги из этого не получилось – потому что он не знал, как устроен телефон. Ведь это только в народных сказках достаточно произнести: «Трах-тибидох!», – и вот перед тобой уже сверкает замок из золота и брильянтов... Но магия-то не знает архитектуры, сопромата, правил выплавки золота или огранки алмазов! Ей глубоко плевать на расчет опор, изгибы балки и прочие крутящие моменты. И на каждое колдовское действие, будь то создание гвоздя или возведение стены требуется отдельное, тщательно выверенное заклинание. Или отдельный специалист, обладающий, скажем, даром превращать свинец в аурум. Разумеется, потом эти заклинания можно скомпилировать, объединить и упростить до отдельного «трах-тибидох», но это тоже требует времени и сил...

Дальше.

Статья, занимающая весь центральный разворот и озаглавленная «Черная Планета будет побеждена», начиналась с таких строк:

«Мечется в окне стеклона пламя. Болът-Лагар умирляет его, делает ручным. Он заставляет пламя покориться. И вот из жерла стеклона стекает, на глазах тяжелея, светящаяся капля. Капля делается все больше и превращается в тонкостенный, с красным отливом шар. Болът-Лагар опускает шар в холодную воду и достает уже готовый эррабус – важнейший элемент „Искупителя“. На мой вопрос, сколько всего необходимо изготовить эррабусов для „Искупителя“, Болът-Лагар отвечает, усмехаясь в усы: „Хорошо, что я сам не знаю об этом. Чем меньше людей знает самые важные тайны Короны, тем скорее их не узнают враги“. Болът-Лагар – один из тысячи рядовых тружеников, которые ежедневно и еженощно работают, приближая Час Победы, приближая час падения Черной Планеты. Горят огни, стучат молотки, возникают и стыкуются детали на огромной Пустоши Победы. Не за горами день последнего эррабуса и последней заклепки для „Искупителя“ – мы все это знаем, мы все в это верим».

И все в таком духе, в духе советских газет. Сварог пробежал несколько абзацев, не читая. Заглянул в середину.

«Я смотрю на *Пустошь*, и душа моя ликует. Я закрываю глаза и вижу ближайшее будущее. Я как наяву вижу „Искупитель“, вонзивший опоры в поганую землю Черной Планеты. Я вижу, как по широким трапам на Черную Планету сходит Небесная Гвардия, ведомая жрецами. Я вижу, как разбегаются в страхе Твари... И я вспоминаю тот день десять лет назад, когда первая Тварь появилась в самом сердце нашего родного Вардрона, и когда после победы над ней, победы, давшей нам с таким трудом, всем нам стало ясно, что мирная послевоенная жизнь еще не наступила, что нас ждут немалые испытания, что все жители Короны, и обладающие *умениями*, и лишенные их, должны в едином строю, неусыпно ковать очередную победу...

Тем временем наступает ночь. Но не прекращаются работы на *Пустоши*. Болът-Лагар, закончив очередной эррабус, поднимает голову к небу и грозит кулаком Черной Планете. Он, как и мы все, не сомневается – Твари будут повержены...»

Блин!

Это что, это значит – инопланетное вторжение? Война миров? Да что ж за непраха у несчастной Короны, то Каскад, то Чужие... Совсем рядом раздалось

вежливое покашливание, и Сварог поднял голову. Высокий худощавый человек с вытянутым, несколько лошадиным лицом без приглашения присел за его столик.

– Господин Ирви-Лонг, полагаю? – спросил незнакомец.

Ага, значит, в лицо мы друг друга не видели, раз спрашивает.

– С кем имею?

– Это от меня вчера приходил человек.

– А-а, – понимающе протянул Сварог, откровенно изучая собеседника. – Скажу вам по секрету, я отчего-то так сразу и подумал.

И внутренне подобрался. Уверенные движения, отточенные манеры, дорогой костюм, за лигу видно, – это, ребята, не простой обыватель. Это если не ферзь, то слон как минимум. И какого хрена ему надо от скромного частного детектива...

– Вы готовы взяться за работу?

– Э-э... Давайте по порядку. Как говорится, сперва чаек, потом закуска, – и Сварог подмигнул собеседнику. Пес его ведает, почему он выбрал именно такой развязный стиль поведения, но уж так как-то само покатило. Ну, например, ляпни он какую-нибудь глупость, ее всегда можно будет объяснить некоторой недалекостью сыщика. – Как мне вас сегодня называть?

– Точно так же: господин Чофо-Агайр. Так вы согласны, господин Ирви-Лонг?

– Тут на удивление славное пиво наливают, – сказал Сварог. – Не желаете? Я угощаю.

Ага! Лошадиное лицо Чофо-Агайра малость взбледнуло, но он великолепно умел держать себя в руках и лишь вежливо покачал головой в ответ: мол, спасибо, пиво я не употребляю-с... Какой из этого следует вывод?

– Так вы согласны, или мне обратиться к другому специалисту? – холодно спросил собеседник.

А вот фига ты, уважаемый, обратишься к другому. Предложение выпить на халяву явственно оскорбило его, однако господин заказчик подавил в себе ярость, значит, ему нужен именно Сварог. То есть Ирви-Лонг, конечно.

– Это зависит, – Сварог окунул губы в кружку, отхлебнул, вытер губы ладонью, – от того, как сложится наш с вами разговор.

– Хорошо. Давайте его складывать. Итак... – Чофо-Агайр побарабанил пальцами по столу. – Как вы уже поняли, дело носит исключительно интимный характер и все, что вы сейчас услышите...

– Предназначено только для вот этого, – бесцеремонно перебил Сварог, тронув себя за мочки ушей, – и дальше не пойдет. Можете не сомневаться. Я дорожу своей репутацией, и если вы решили пригласить именно меня, то должны знать, что я не из болтливых.

– Знаю, – собеседник вытер пот со лба. – Дело, полагаю, вам знакомое и привычное. Ваш профессиональный опыт...

– Можете переходить прямо к делу, – опять перебил Сварог, и опять Чофо-Агайр проглотил бестактность увальня-детектива.

– Хорошо, к делу, – господин Чофо-Агайр заметно волновался... или делал вид, что волнуется. – У меня есть... жена. Ничего необычного, впрочем. – Он нервно хохотнул. – Даже трудно усмотреть нечто необычное в том, что жена младше меня... в общем, намного младше. И у меня появились некие... обосно-

ванные сомнения в ее...

– Иными словами, вы хотите удостовериться, – пришел ему на выручку Сварог. Ему вдруг стало скучно. «Тьфу ты. Примитивная слежка за неверными мужьями и женами... А я-то думал...»

– Я хочу удостовериться, – кивнул господин Чофо-Агайр, внимательно наблюдая за реакцией Ирви-Лонга. – И вы мне в этом поможете. Я создал условия, скажем так, наибольшего благоприятствования для проявления ее сущности, а вам остается удостовериться порядочность моей жены или, чего я, признаюсь, боюсь, – ее... непорядочность.

– Что это за условия?

– Я сказал, что уезжаю до вечера в Лирд с инспекцией... В общем, к чему вдаваться в подробности! Главное – она будет уверена, что до вечера я не появлюсь. Прислугу я тоже отпустил. Все условия... Вы согласны взяться за дело?

– Стойте-ка, – сказал Сварог. – Это что, прямо сегодня?

– Это прямо сейчас, – раздвинул губы в хищной улыбке Чофо-Агайр. – И, может быть, до моего «возвращения».

Наверное, можно было отказаться. Только... зачем? Придется искать весомые причины для отказа. Образ, в котором выступал сейчас Сварог, обязывал его дать согласие. Откажешься – выпадешь из образа. А это есть подозрительно.

– А если ваш... э-э... потенциальный, назовем его так, соперник именно сегодня не придет?

– Этого не может быть, – уверенно покачал головой заказчик. – Вот именно сегодня он не может не прийти. Потому что завтра он уезжает в другой город. Надолго.

– Кто он?

– Вы его не знаете.

– Я берусь за ваше дело, – сказал Сварог неожиданно для самого себя. И отхлебнул пива. Если вдуматься, неожиданное предложение можно обратить себе на пользу. Этот подозрительный муж, по всем признакам судя, не только при деньгах, но и при влиянии. Помогу ему – будет повод потом обратиться к нему с ответной просьбой... Например, доставить его, Сварога, побыстрее в пригород Некушда.

Чофо-Агайр опять улыбнулся, на этот раз как сытый кот. Спросил по-деловому:

– Сколько вы хотите за выполнение?

«А я почему знаю!» – подумал Сварог и сказал:

– Вы в курсе, сколько я беру обычно?

– Мне говорили, – кивнул господин Чофо-Агайр.

– Умножьте на два, – бухнул Сварог. И подумал: «Эт-то я хорошо придумал! Вот все само собой и разрешилось. Переплачивать он не захочет, я упрусь, и пускай катит к моим конкурентам». – Это мое последнее слово, – добавил он для верности.

Господин Чофо-Агайр простучал пальцами по столешнице какой-то ритм, по-прежнему наблюдая за лицом Сварога. Однако теперь в его взгляде читалось легкое недоумение.

– Я знал, с кем имею дело, – задумчиво сказал он. – Навел, знаете ли, справки. Поэтому не удивлен. Конечно, вы подготовились к этому разговору и тоже

узнали обо мне... многое. В том числе и о моих финансовых возможностях. Я ожидал повышения ставки. Хотя, на мой взгляд, вдвойне – это, пожалуй, перебор...

– Слушайте, – вдруг сказал Сварог, – я, наверное, слабо разбираюсь в подобных делах, но... А почему бы вам самому не спрятаться где-нибудь в чулане? И лично убедитесь, и не потратитесь.

Чофо-Агайр надолго замолчал, о чем-то напряженно размышляя, потом вдруг заговорщицки наклонился к Сварогу:

– Что ж, если вы настаиваете... Я отвечу. Давайте вообразим себе на минутку человека, который умеет быть невидимым. Речь ни в коем случае не о вас, откуда взяться запрещенному *уменью* у простого частного сыщика! Но давайте просто предположим. Просто поиграем в допущения. И если мы допустим такую возможность, что некий господин владеет подобным *умением*, то двойная цена вполне оправданна. Правда, и спрос с него тоже будет двойной. Вот, к примеру...

Заказчик достал из кармана черную коробочку размером с портсигар.

– Это фотографический аппарат. Никакой магии. То есть вообще. Правда-правда, не обращайтесь внимания на миниатюрные размеры, модель новая, хотя... хотя, полагаю, вряд ли попадет в массовое производство. Не в том дело. Дело в том, что я бы потребовал от означенного гипотетического невидимки заснять на фотокарточки доказательства.

Теперь настала очередь замолчать Сварогу. Он смотрел на коробочку с крошечным объективом, но думал вовсе не о размерах чудо-аппарата.

«Вот тебе и елки с дымом! Этот гражданин впрямую намекает, что я умею быть невидимым... Интересно, а я умею? Или, если поставить вопрос *ширше*: а что я вообще умею?..»

– Итак, – сказал господин Чофо-Агайр и покосился на рыбу, к которой Лонг-Сварог даже не успел притронуться, – если мы договорились и если вы готовы, рекомендую отправляться. Надеюсь, более чем щедрая награда возместит вам тот ущерб, что вы понесете от несъеденного обеда. И, смею надеяться, уже сегодня вечером. А пока позвольте заплатить за вас.

– Отчего же нет, – буркнул Ирви-Лонг.

– Свою машину я отпустил... в целях, так сказать, конспирации. Не против, если поедем на такси?

– О, да. Тем более что *своему* шоферу я наказал ждать у выхода, – осклабился детектив.

Чофо-Агайр посмотрел на него с удивлением. Уходя, Сварог все же прихватил со стола фляжку. Требовалось многое обдумать, и фляжка в этом деле уж никак не помешает.

ГЛАВА 11

«И НЮХ, КАК У СОБАКИ, И ГЛАЗ, КАК У ОРЛА!»

Господин Чофо-Агайр проживал в двухэтажном доме, окруженном вековыми дубами. Весь квартал был застроен такими домами и, судя по ухоженности дорожек, оград, палисадников, судя по безупречному виду самих домов, в этом квартале проживали люди, что называется, с положением в обществе.

Подозрительный муж остановил такси на соседней улице, оттуда до места они пробирались мимо других домов, через калитки в железных оградах, какими было окружено каждое из жилых строений. Калитки, кстати, тоже бы-

ли, как и замки в доме Сварога, с *хитрецей*. Руке господина Чофо-Агайра они покорялись, отъезжали со всей готовностью и покорностью. А когда Сварог попробовал первым дернуть ручку одной из таких калиток – фигушки.

Видимо, подобные замочки у них тут нынче в моде. Насколько Сварог представлял себе устройство *ихнего* общества, существует некая гильдия замочников или сообщество отдельных частников, владеющих заклинанием замка. Эта способность позволяет настраивать замок или запор только на руку владельца или же на руки тех, кому всецело доверяет этот владелец. А тутошние калитки, думается, настроены на ладони обитателей квартала, чтобы всякий залетный народец не болтался где ни попадя.

В собственный дом господина Чофо-Агайра они не вошли, а, можно сказать, прокрались. С многочисленными оглядками и предосторожностями проникли через заднюю дверь, поднялись по узкой темной лестнице на второй этаж. Чофо-Агайр открыл неказистую обшарпанную дверь, они прошли очень узким – плечи стены задевают, – тускло освещенным скрытыми светильниками коридором и через еще одну дверь попали прямо в рабочий кабинет господина Чофо-Агайра. (Как успел объяснить Сварогу сей господин, его часто посещают люди, которые не желают, чтобы их видела прислуга. Детектив объяснение схавал, не подвергая сомнению и не задавая дополнительных вопросов.)

В кабинете хозяин Сварога и оставил, снабдив инструкциями. Инструкции были такие: дождаться его, Чофо-Агайра, ухода, прикинуть к щели между дверью и косяком (дверь кабинета хозяин в свое отсутствие никогда не закрывает). В случае появления постороннего мужчины «применить свое искусство слушать и наблюдать, что будет происходить в доме» (вот так дословно и сказал), и нажать вот на эту кнопку на аппарате, видите? В случае же «обнаружения неверности» нажимать кнопку неоднократно, ну а фотографический аппарат потом приложить к отчету. Ничего сложного.

После всех этих наставлений ревнивый супруг тем же черным ходом выбрался на улицу и зашел в дом вторично, на этот раз с парадного входа – Сварог услышал его голос с другой стороны, за *официальной* дверью кабинета, там находился холл, куда выходили двери спальни и комнаты жены.

Господин Чофо-Агайр многословно объяснял жене, какого рода производственная необходимость заставляет его столь надолго, аж до позднего вечера, а не исключено, и до ночи, оставлять родимый дом. Вслушиваться Сварог не стал. Откровенно говоря, паршивым ремеслом кормился его предшественник, и Сварог уже жалел, что согласился работать на влиятельного ревнивца. Пусть себе эти господа и госпожи морально разлагаются, сколько захочут. «А об моральном облике пусть ихний синод печется», – вспомнил он фразу из кинофильма, тоже про сыщиков, правда, далеко не про частных. Но теперь уже отступать поздно. В ожидании гипотетически порочной женщины и ее пока не установленного хахаля Сварогу было чем заняться. Во-первых, следовало разобраться с этими намеками на его якобы умение быть невидимым. Оч-ченьно это все, знаете ли, любопытно. Открывает, так сказать, нешуточные перспективы. А особенно если учесть, что Сварог лишился всех прочих магических навыков, без которых враз стало неуютно и одиноко. Вот, значит, задача номер один – додуматься, как да что с превращением в невидимку. И откладывать решение этой задачи в долгий ящик Сварог не стал.

Для начала он решил испробовать простейший способ, который срабаты-

вал с некоторыми простейшими заклинаниями ларов: пожелать чего-то конкретного, отчетливо сие конкретное представить, и нате – сработывал неведомый ему механизм, посредством магической энергии апейрона материализующий некоторые предметы, сигарету там, или кофе с бутербродами. Сварог сосредоточился, вообразил желаемое состояние, то есть представил себя невидимым, дал установку мозгу и подчиненным ему силам организма акцентировать усилия на достижении цели... Ни фи́га не произошло.

А за дверью, возле которой устроился на стульчике Сварог, между тем стало тихо. Значит, муж ушел. Жена осталась. Ну и славно, пусть себе живут своей жизнью. А мы поживем своей.

Так, теперь используем что-нибудь иное. Да, не исключено, что требуется произнести некое заклинание. Тогда – сорри, господин Чофо-Агайр, придется ваш гостеприимный особнячок по-тихому покинуть тем же путем, которым они сюда проникли, вернуться *домой* и покопаться в бумагах и записях предшественника, расспросить жену и... домработницу. Правда, в таком случае, он наживет себе врага в лице ревнивого господина, но тут уж ничего не попишешь: ну не удалось на этот раз стать невидимым, не удалось – и все. Непредвиденные обстоятельства. Магия – она материя тонкая, видите ли, бывает, что и рвется в самую неподходящую минуту...

Сварог вспомнил, как во время собственных реинкарнаций после *смерти* от кинжала Праматери представлял себе перегородку между сознаниями, вынужденными сосуществовать в одном теле. А если попробовать вообразить себе такую перегородку и сейчас? Кто его знает, где сейчас обретается сознание бывшего хозяина тела, найдена ли ему новая оболочка или же оно погружено в глубокую, сродни коме, дрему или в пассивное созерцание того, что творит с его телом новый владелец! Предположим, сознание дремлет. Стало быть, можно до него достучаться, проникнуть сквозь ту самую воображаемую преграду. Нет ничего невозможного.

В общем-то азы аутотренинга. Полностью отрешиться от сущего. Это удалось без усилий, благо в доме стояла гробовая тишина. Представить себе одну-единственную точку, кроме которой ничего в мироздании более не существует. Начать с этой точки и вывести, построить из нее требуемый образ. Сварог представил себе перегородку. С одной стороны – его собственное сознание, с другой – память человека по имени Ирви-Лонг. В перегородке просверлена дырка. Сквозь эту дырку, как дым, просачивается вложенное однажды в эту память знание о том, как сделать себя невидимым. И это знание делает тебя невидимым. Делает невидимым...

Опять не сработало. Ну что ж...

Однако с выводами Сварог явно поторопился. Как раз таки сработало! Потому что руки, на которые он смотрел, вдруг стали тускнеть, меркнуть. И вот он уже сквозь них видит собственные колени, а вот уже сквозь колени видит пол. К подобному зрелищу привыкнуть нелегко, если вообще возможно. Сердечко невольно начинает колотиться сильнее. И как бы ты ни был крепок нервами, а закрадывается тревога – ну как не сумеешь вернуть себе видимость, так и останешься черт-те чем, недочеловеком.

Ладно, теперь попытаемся *вернуться*. Он представил себя на пленке кинофильма и прокрутил ленту обратно. Сработало! В общем, впору было ударить себя кулаком в грудь и выдать: «Ай да Сварог, ай да сукин сын!»

Для закрепления, так сказать, навыка Сварог попробовал еще. Как сплошь и рядом бывает, трудно только в первый раз, а дальше идет как по мазаному. Ну, может не как по мазаному, но все же сделать себя невидимым вторично получилось легче и быстрее.

Что интересно: вместе с плотью становилась невидимой и одежда, что не могло не радовать. Интересно, а прочие вещи? Из невидимого кармана он достал невидимый фотоаппарат. Ну-ка... Положил его на ковер, отпихнул от себя ногой. И вот ведь фокус – оказавшись от Сварога на отдалении в пару уардов, фотоаппарат стал стремительно *проявляться*, словно его быстро-быстро рисовали на стекле, обретая плотность, вес, *материальность*. В общем, не бином Ньютона.

Итак, с невидимостью разобрались. Не самое последнее умение, если подумать... Итак, пока нет никакого резона покидать жилище Чофо-Агайра. Следует беречь, блин, свой образ частного детектива от проблем. Этот образ еще понадобится какое-то время. И, может быть, даже на довольно внушительный срок. Посему не стоило обзаводиться столь влиятельным недругом как господин Чофо-Агайр, поскольку он, как Сварог вывел из недолгого с ним общения, отнюдь не принадлежал к людям, верящим в людскую порядочность, а также другим людям на слово. Подобного сорта люди вообще никому не верят, включая, возможно, и самих себя, и совершенно не исключено, что Чофо-Агайр посадил возле дома верного слугу или еще одного частного детектива, поставив тому одну-единственную задачу: зафиксировать время ухода невысокого полного человека в мятом костюме. Можно, конечно, проскочить невидимкой, но вдруг наблюдатель догадается по пригибающейся траве или по следам на песке дорожки...

Ага! А там у нас происходят какие-то подвижки. Подобрал фотоаппарат, Сварог прислушался. Звенел колокольчик. Дверной? Похоже. Потом простучали быстрые шаги, раздались голоса. Женский и мужской.

Это что ж выходит? Выходит, прав старый муж, ревнивый муж?.. Голоса приближались и теперь доносились уже из холла. Чтобы разобраться, о чем они там воркуют, надо было надеть на себя невидимость и подойти к приоткрытой двери. Стукнула дверь, и голоса стихли. Жена господина Чофо-Агайра и ее... г-хм... гость зашли либо в женскую половину, либо в спальню. Дилемма, господа! К лицу ли графу, лару, барону и тэ дэ подслушивать у замочной скважины, аки охочему до барских тайн слуге? А с другой стороны, частному детективу, зарабатывающему на жизнь именно вот такими...

Оглушительный рык!

Сварога аж подбросило на стуле, рука привычно метнулась к поясу, за которым всегда находила теплую, нагретую животом рукоять шаура. Шаура не было. Черт возьми, зато револьвер в кармане!

Едва он успел вытянуть оружие, как опять повторился тот же звук – могучий рев, переходящий в крик, похожий на обезьяний. За ним последовал глухой удар в стену, от которого в кабинете задребезжали даже стеклянные подвески настольного абажура. И тогда по нервам ударил, пройдя сквозь все перегородки, вопль настолько пронзительный, что совершенно невозможно было понять, человеческий ли. Ударил – и оборвался, словно кричащему с размаху заткнули рот.

Раскудрить твою! Что ж это у них за любовь такая!..

На сей раз у Сварога не сразу получилось сделать себя невидимкой. Наверное, помешал нервный взвод – не настолько он еще мастеровит в новой для него магии, чтобы колдовать, не обращая внимания ни на что. Но со второй попытки он все же управился с задачей.

Человек-невидимка по имени Сварог рывком распахнул дверь, выскочил в холл, держа револьвер наизготовку. А в холле глаза слепит от позолоты, все стены в картинах, чей-то мраморный бюст на подставке, зеркало в золоченой раме от пола до потолка, стулья и кресла из дерева красноватого отлива, все, от ножек до спинок, резные.

За какой из дверей скрылась парочка, Сварог не знал. Распахнул ближайшую дверь и попал куда надо.

То есть наоборот: совсем не надо было ему туда попадать. Попал он крайне неудачно. Именно что – *попал*.

Женская комната: диванчики, пуфики, розовые занавесочки на окнах, шкаф во всю стену, небольшой, для чаепитий предназначенный столик на гнутых ножках, аж три зеркала разной величины и формы. Оба любовничка находились здесь. И жена господина Чофо-Агайра, и ее гость мужеского полу. Любовничка? Да ничего подобного! Оба одеты. Секунду назад сидели за столиком, пили что-то из маленьких чашек, мирно беседовали. За этим занятием их и *застало*...

Оба были мертвы. Хотя «мертвы» – слишком уж нейтральное слово. Жена Чофо-Агайра лежала на спине... И от шеи до живота ее тело было распорото. Даже не подходя и не вглядываясь пристально, Сварог мог сказать, что рана глубокая. Глубочайшая, до самого позвоночника. Неизвестно, как предшественник, который специализировался на слежке за неверными супругами, а уж Сварог повидал всякие раны и кое-что в них понимал. *Такую* рану могли нанести бритвенно-острым клинком или же... длинным и не менее острым когтем. Под женщиной расплылась, увеличиваясь на глазах лужа темной крови.

А ее гость был обезглавлен. Как саблей голову снесли. Тело завалилось под столик, голова откатилась к порогу и пялилась на Сварога вытаращенными пустыми глазами. На лице застыло выражение полного, запредельного ужаса.

Твою мать, надо ж было так влипнуть... Сварог прошелся взглядом по обоим, забрызганным кровью. Возле окна на бежевых с синими цветочками обоях темнели в обрамлении рваной бумаги пять параллельных полос, похожих на следы, оставленные когтями. Сварог отступил на шаг, чтобы не вляпаться в растекающуюся кровь. Мозг работал с лихорадочной быстротой.

Куда делся убийца? Не исключено, что он где-то здесь. Сварог почувствовал, как его мышцы напряглись, подчиняясь рефлексу. Мышцы, кстати, не самые дряблые, но рассчитывать на крепость рук и ног не следует. Станешь действовать, как привык, а руки и ноги тебя подведут. Скорее уж, если на что-то и уповать, то на невидимость. Невидимость даст бесспорное преимущество перед убийцей, если он, допустим, выскочит из шкафа или выкатится из-под кровати...

Есть, кстати, и другой не менее головоломный вопрос: откуда пришел убийца? Окно закрыто, дверь за своим гостем хозяйка наверняка заперла. Еще один потайной ход, подобный тому, через который проник в дом горе-детектив?

Проклятие, а ведь его, Ирви-Лонга... какого, на хрен, Ирви-Лонга, – его, Сварога! – местная полиция заметет за милую душу в первую очередь, и поди доказывай, что ты не верблюд! А как докажешь, если понятия не имеешь, как выглядит местный верблюд?! И дернул черт связаться с этим долбаным Чофо-Агайром!.. Ладно, потом, все потом, сейчас надо уносить отсюда ноги. И быстро. Делать здесь совершенно нечего.

Тишину мертвого дома нарушило судорожное треньканье дверного колокольчика. И тут же посыпались требовательные удары в дверь. Стучали явно во множество рук, и в этот грохот вплетались громкие голоса. Так настойчиво ломиться в чужой дом могли только те самые, недавно помянутые Сварогом органы правопорядка.

Одна радость во всей этой сволочной истории – невидимость. Есть шанс выскользнуть из дома непойманным и незамеченным. Сварог выскользнул в холл.

А входную дверь между тем выламывали уже вовсю. Ненадолго ж хватило терпения у господ из органов. Или заранее знали, что никто им по доброй воле дверь не откроет?

Сварог метнулся в кабинет, на ходу засовывая револьвер за пояс, распахнул дверь черного хода. Да чтоб вас всех! И здесь ломают! Узкий коридорчик, соединяющий кабинет с черным ходом, сотрясался от дружных, ритмичных ударов. Секундочку! Выламывают дверь? И это как прикажете понять? Господин Чофо-Агайр уверял, что оставит черный ход незапертым... Л-ладно... Этим направлением прорываться безнадежно. Через окно?

Сварог бросился к кабинетному окну. Высоко, ноги переломать проще простого. А ведь это не тело лара, которому падения с высоты не страшны. Сварог подергал шпингалет окна – как приваренный. Опять эти ихние штучки с заклипаниями на замки!

Заклинания заклинаниями, а куда им против крепких полицейских плеч, впечатываемых в дверь с разгона. Центральная входная дверь не выдержала, и холл наполнился голосами. Дверь черного хода тоже, думается, держится последние минуты, если не секунды.

Л-ладно, уроды! Единственная возможность – пробираться в режиме невидимости через холл, по парадной лестнице. Больше пространства для маневров и, соответственно, меньше шансов столкнуться с кем-нибудь из непрошенных гостей, чем на узкой черной лестнице. В холле Сварог едва успел вернуться от дюжего молодца, спешащего проверить кабинет. Тут уже металось с десяток человек в форме, распахивались двери во все комнаты. Разумеется, не замедлил и прорезаться возглас:

– Сюда! Сюда!

Вот один из тех, кто первым ворвался в комнату жены господина Чофо-Агайра, вывалился наружу, его вырвало на ковер.

– Ничего не тр-рогать!

Этот плечистый и усатый, понятно, главный в следственной бригаде. Широкой походкой он прошел через холл к месту преступления...

Бочком, бочком, ступая по-кошачьи мягко, не торопясь – сейчас на его стороне играет не спешка, а предельная осторожность – Сварог мимо суесящихся полицейских («Ну а кого ж это еще, такие физиономии не подделаешь!») выскользнул в коридор. Распахнутая настежь входная дверь манила шагах в пят-

надцати по прямому широкому коридору...

Навстречу Сварогу топал один из подотставших блюстителей порядка. Почему-то Сварог вдруг вспомнил, что полиция обычно ненавидит своих коллег из частного сектора и при любой возможности пытается навесить на них всех собак...

Он прижался к стене, разбросал в стороны руки. Не заденет. Ну разве если поскользнется аккуратно напротив Сварога и его мотыльнет на эту стену. Да проходи же, ну!

Полицейский встал, как вкопанный. Более того: вылупился на Сварога, распахнувши рот! Сварог быстро опустил взгляд... А, дьявол! Он становился видимым! Проявлялся в воздухе, как снимок на фотобумаге! То-то остолбенел страж закона. Его чуть подрагивающая рука поползла к поясу. Дождаться, когда представитель полиции окончательно оправится от потрясения, Сварог не собирался. И от души врезал ему по чавке.

Эх, в прежнем теле Сварог вырубил бы гражданина начальника с одного удара, вырубил бы качественно, надолго. Кулак же частного сыскаря Ирви-Лонга подобного эффекта не произвел – полисмен остался в сознании и на ногах, лишь отшатнулся. А сзади уже вопили истошными голосами: «Вот он! Вот он! Хватай! Убийца!»

Сварог скользнул мимо схватившегося за скулу полицейского, выскочил на лестницу. Промчался по ступеням два пролета, и – слава Таросу, который почему-то припомнился первым! – на лестнице полицейские не болтались. Зато внизу, около дверей, топтался один хлопчик – судя по молодой и простецкой физиономии, явно низший чин.

– А я как раз за тобой! – заорал Сварог. – Ты нам нужен! Живо наверх!

Ход примитивный, никто не спорит, однако ж подействовало. Какую-то долю секунды юнец переваривал услышанное и безнадежно инициативу упустил. Сварог с последней (или первой, смотря откуда как считать) ступени, сильно оттолкнувшись, прыгнул на него и свалил с ног.

А сзади по лестнице с грохотом и криками скатывалась погоня.

Сварог выскочил во двор.

Бежать в направлении распахнутых ворот – значит пробежать мимо полицейского мобиля, мимо выбирающихся из него полицейских. (Бляха, да сколько ж их сюда понаехало!) Любое другое направление было перекрыто: ограда. В своем собственном теле Сварог и не задумывался бы – заборчик всего лишь в человеческий рост, пусть и ощерившийся копейными остриями, не преграда... Но вот на что способно тело старины Ирви-Лонга, он пока не знал. Брюшко, незавидный рост и тесная дружба с крепкими напитками особого оптимизма на этот счет не внушали. Но ничего другого не оставалось.

Сварог припустил к ограде. Сзади орали обычное в таких случаях: «Стой!», «Именем закона!», «Стреляю на поражение!» Схватившись за острия, он попытался забросить себя наверх. С первого раза, лихим наскоком, не вышло. Тогда Сварог полез неуклюже, неказисто, елозя ногами по скользким прутьям. Закинул одну ногу, подтянул другую. Уф, наверху. Ну и разумеется! Спрыгивая, Сварог зацепился штаниной за копейное острие, какими была увенчана ограда, и с треском, слышным наверное, во всех окрестных домах, штанина порвалась. Хорошо еще, что именно порвалась, оставив на острие клоч, а то Сварог мог бы и повиснуть, как Буратино, головой вниз. Во где позор-то!

...Он бежал тем же путем, каким вел его к дому Чофо-Агайр. И выскочил точно к тому месту, где они покинули таксомобиль. Выскочил, запыхавшись, как последний ярмарочный карманник, преследуемый улюлюкающей толпой. «Лонг, мать твою, ну ты хотя бы курить бросил, при такой-то жизни!»

Самое смешное – таксомобиль стоял на прежнем месте. Но болтливого водителя в нем не было.

Однажды Сварог уже угонял электромобиль. Эта машина отличалась от прежней лишь отсутствием первого корня: «электро». И, выходит, сложнее от такой потери она не стала. Возможно, все упростилось до полного беспредела, садись и жми педали, магия все сделает за тебя сама. Возможно...

Сварог прыгнул на водительское сиденье. Ни одного тумблера, ни одной надписи «Прогрев механизмов» не увидел. Ну и наплевать. Он двинул вперед рычаг, который, помнится, был связан с реостатом.

Ни хрена. Мотор молчал. Так, а если...

– Ага! – раздался над головой довольный возглас, затем что-то мерзко зашуршало, дробно застучало, покатилося. А горло опутало стальное, удушающее и неотвратимое – как анаконда. Да никакая, на хрен, не анаконда, а чья-то сволочная рука.

– Попался, с-сучара! – прозвучало над ухом.

Сварог узнал голос. Водитель, мать его. И как только подкрался...

Вырваться из захвата не было ни единого шанса. Надо было что-то срочно изобретать.

– Я рядовой Гартош... – прохрипел Сварог первое, что пришло на ум. – Вспомни... Фронт... Юдоль... мертвые солдаты, птицы... Я... был там...

– Врешь, – выдохнул водила, но захват чуть ослабил. – Как попадетесь, так все на фронте были!

– Капрал, ты послал меня взорвать развалины Юдоли, – проговорил Сварог, стараясь не думать, как близко уже могла подобраться погоня.

– Это ты мог и прочесть! О нашем Кипящем Прорыве у Юдоли где только не писали!

– Ты напоил меня какой-то дрянью, спирт с жженым сахаром... Сказал: не сблуй! Сказал: награжу Алым Пятилистником, если бросишь гранаты...

Таксист снял захват так неожиданно, что Сварог едва не вывалился из кабины. Глаза водилы были по пять копеек.

– Откуда ты знаешь... Рядом ведь ни души не... Гартош? Но как ты... как ты выбрался? У-у, суки, колдунишки долбаные! – И он от души двинул ногой по борту мобили. Сварог быстро огляделся, растирая горло. Погоня уже появилась, причем появилась с двух сторон. Видимо, одни охранители закона неслись, как гончие, по следам детектива, другие зашли с тыла, через улицу. И что теперь?! Прочь из мобили, бежать? Куда?! Это тело через сотню метров начнет задыхаться, а еще через пятьдесят рухнет...

– За мной гонятся! – крикнул он.

– Сидеть! – гаркнул таксист, мигом преображаясь, – Кто, эти? Абагоны трёхнутые? Ну, я их щас... Марш с моего места!

Он силой выпихал Сварога на пассажирское сиденье, плюхнулся на место водителя и воткнул жезл с маленьким желтым огоньком, плавающим внутри круглого набалдашника, в отверстие перед стеклом. На миг прикрыл глаза, сосредоточился... Мотор взвыл на повышенных оборотах. А Сварог некстати за-

метил, что именно там катилось и шуршало. Это водитель выпустил из рук пакет с продуктами, и тот шлепнулся за сиденьями, по полу мобилы рассыпались булочки, конфеты, яблоки и прочая дребедень.

– Ты не врешь, рядовой, – сквозь зубы процедил таксист, резво, с визгом по крышек взял с места и бросил мобиль в переулок, в сторону от погони, не обращая внимания на приказы остановиться. – Ума не приложу как, но ты выжил... Я послал тебя на смерть, а ты выжил, клянусь четырнадцатым полком! Ты там был! А они не были! По тылам жировали, мудачье! Полицейские, ха! Понабрали из всякого сброда! Половина из них «костяники», а половина «туземцы»! Ща, отдадим мы тебя, разбежались!

– С огнем играешь, – напомнил Сварог. Мобиль на повороте занесло, едва не впечатало бортом в осветительный столб. Он обернулся к заднему стеклу. Никого, лишь улетает назад дорожное полотно.

– За меня не ссы, я отбодаясь, не впервой! Скажу придуркам, что ты приставил мне к горлу свою пушку и потребовал везти тебя на Эшт. И вообще за долбало возить всякую шелупонь! Вот возьму и подамся в Небесную Гвардию!

«Интересно, как он разглядел, что у меня в кармане револьвер?..»

– Они же видели, что ты не... – начал Сварог.

– Эти слепые уроды не увидят даже дулю под своим носом! – заорал водителя. – У меня медаль за Некушд! У меня две контузии и ранение! Чтоб меня прижали к стене какие-то вонючие абагоны! Я тебе так скажу. Я не знаю, что там у тебя за дела с ними, но раз они за тобой гонятся всей толпой, значит, ты – правильный человек. Наш человек. «Гнездовой».

– Куда мы?

– А я тебя назад везу, – сообщил таксист, лихо сворачивая на оживленную улицу и ни малейшего внимания не обращая на протестующие вопли клаксонов и вой тормозов. Перегрузка прижала Сварога к дверце. – К тому вонючему подвалу, откуда вы с дружкой сегодня на пару вырулили. К «Зеленой жабе». Или тебе не туда?

– Давай лучше к тому дому, где ты меня подобрал! Помнишь?

– Я все помню! – взревел таксист, как турбина, и заложил очередной вираж, которому позавидовал бы и товарищ Нестеров. – К дому так к дому. Я помню, как мы поджарили «Буреносец»! И тебе скажу, солдат, вот что: это были наши лучшие денечки. А теперь? Дохлятина кругом. Тухлятина и дохлятина. Жару нету! Я тебе так скажу: сейчас есть только одно место, где остались «гнездовые». Небесная Гвардия!..

Сварог прикрыл глаза. В голове гудело, мелькали обрывки каких-то невнятных мыслей.

Рано или поздно личность Ирви-Лонга установят. Но даже если рано – у него есть в запасе какое-то время. Во всяком случае времени должно хватить, чтобы добраться до тайника и выгрести из него все подчистую. Что-нибудь полезное там должно быть, не может не быть – не стал бы несчастный Лонг держать в сейфе всякий хлам. При такой работе он обязан был подстраховаться, именно на подобный случай...

ГЛАВА 12 МНОГО ШУМА ПО РАЗНОМУ ПОВОДУ

Сварог открыл дверь «своего» дома и тут же на миг отшатнулся. Не может быть. Ну не могли полицейские опередить его! Разве что номер такси сри-

совали и проследили, куда оно умчалось?.. Но тогда, по уму, полиция должна была оставить здесь засаду, а засада, по логике, должна сидеть тихо... Тогда как изнутри доносились явственные вопли. Женские.

Впрочем, вслушавшись, Сварог понял, что блюстители порядка здесь абсолютно ни при чем. Неистово и самозабвенно ругались женщины. Долетало, казалось, до противоположной стороны улицы: «Шлюха!» – «Сама шлюха!» – «Старая жирная уродина!» – «Подстилка!» – «Он меня любит!» – «Да ему на тебя плевать!» Что-то разбилось. Что-то покатило с кваканьем пустого ведра. Раздался визг и звуки возни. Короче говоря, уж точно не засада. Сварог быстро захлопнул за собой дверь. Вот смеху-то будет, ежели соседи вызовут полицию... Очень хотелось проскользнуть мимо разъяренных фурий незамеченным, но сие было никак невыполнимо – женщины затеяли свару аккурат в холле возле лестницы и к моменту появления на сцене Сварога азартно возили друг друга за волосы. Причем верх пока брала законная супруга – видимо, сказывалось превосходство в габаритах. Она же первой заметила муженька.

– А, явился, кобель! – Она отпустила волосы «племянницы», но перекрыла Сварогу путь на лестницу. – Ты кого здесь пригрел, гад?!

Вот сейчас только и дела было Сварогу, что ввязываться в семейные войны, да к тому же еще и отвечать не за собственные грехи, а разгребать навороченное его сластолюбивым предшественником... Так что он попытался прибегнуть к незатейливой, но действенной военной хитрости.

– Сядем и спокойно поговорим, – он подошел к столику, отодвинул два стула. – Сейчас я все объясню...

– Ты у меня сейчас за все ответишь! – взвизгнула жена.

– У меня с собой, здесь, – не слушая, он похлопал себя по груди, – такие документы, что вы забудете обо всем! Теперь у всех у нас начнется новая, сказочно богатая жизнь. Всем хватит, всех это примирит. Давайте сядем, я вам покажу бумаги, а потом мы разберем наши маленькие неурядицы.

Женское любопытство пересилило все остальное. Растрепанные дамочки, испепеляя друг друга ненавидящими взглядами, прошли к столу и покорно уселись на отодвинутые стулья. «Да провались ты со своими бумагами!» – дала пробный залп благоверная, но выстрел пропал втуне, и она уставилась на мужа глазами бешеной коровы.

А Сварог рванул по лестнице наверх. Да, все это выглядело по-детски, но когда у тебя на хвосте висит полицейская погоня и не исключено, что ввиду особой опасности и изворотливости преступника преследователям дано указание особо с оным преступником не церемониться, – тут уж становится не до выбора средств.

– Подлец! – раздался вдогон полный триумфа вопль прозревшей жены. Сварог промчался по коридору, открыл кабинет, заперся изнутри. Добрался до сейфа, выдернул папки, сколько смог ухватить, сунул под мышку, выгреб бумаги из второго отделения, запихнул в карман. Некогда разбираться, отсеивая ненужные, сперва следовало убраться как можно дальше от опасного места.

В дверь заколотили, сквозь деревянную перегородку что-то требовал и чем-то угрожал визгливый голос супруги. «Нет, все же хорошие в здешнем мире заклинания на замки», – мельком подумал Сварог. Правда, все равно предстояло пройти сквозь строй женщин, никак этого не избежишь... Так, все, больше из этого дома забирать нечего. И Сварог распахнул дверь, рывкнул с порога:

– Ма-алчать, дура! – перехватил занесенную для оплеухи пухлую руку, сдавил. Поджал верхнюю губу, чтоб показались зубы, и заорал голосом десантного генерала: – Стоять! Пришибу, тварь! Забыла, кто тебя содержит? Еще раз тявкнешь на меня! На панель пойдешь!

– Ирви... – булькнула жена, резво снизив децибелы. – Ирви, ты что, милый...

Видимо, никогда допрежь она не видела *такого* супруга, и от потрясения теперича лишь беззвучно открывала-закрывала рот, как вытащенная на берег пучеглазая рыбина. Чтобы прийти в себя и нанести ответный термоядерный удар, ей потребуется некоторое вре...

Но времени, как оказалось, нет ни у кого. Внизу раздались уже до слез знакомые звуки. Внизу принялись ломать дверь, причем без всяких там предварительных стуков и просьб впустить по-хорошему. Посыпалось стекло.

– Полиция! – донесся чей-то мощный, прекрасно обходящийся без мегафонов голос. – Дом окружен!

– Что ты еще натворил?.. – драгоценная женушка без сил прислонилась к коридорной стене и вдруг стала медленно оползать на пол, как студень.

Можно было бы, конечно, присесть возле нее на корточки и подробно расписывать, что и где он натворил, но времени оставалось только на то, чтобы задействовать невидимость. А потом прорываться сквозь окружение. Конечно, бойцы уже в курсе, с кем имеют дело, наверняка встанут плотным, плечо к плечу, кольцом, а то, может, и еще какую каверзу приготовят типа почившего «третьего глаза», но выбора у Сварога не было. Он сосредоточился...

– Чего ты ждешь! – дернула его за руку «племянница». – Сейчас они будут здесь!

И поволокла его по коридору.

– Куда?! – Сварог остановился и свободной развернул служаночку лицом к себе. – Сиди здесь, ни во что не вмешивайся, ничему не удивляйся. Тебя не тронут.

– Да скорей ты! – от волнения она даже подпрыгнула, пропуская его слова мимо ушей. – Они уже в доме!

И в самом деле: судя по звукам, полиция успешно взломала дверь и проникла внутрь. «Тьфу ты, пропасть! – Сварог мысленно ударил себя по лбу. – Потайной ход!»

– Вперед, чего стоишь! – он чуть подтолкнул «племяшку», чтоб бежала немного впереди.

Девица подскочила к кладовке, распахнула дверь, принялась лихорадочно отбрасывать метлы и ведра из правого дальнего угла. И вскоре освободила люк. Сварог пришел ей на помощь, откинул крышку... Открылся круглый лаз, в центре которого была закреплена металлическая труба – как в пожарных командах, для скоростного спуска.

– Иди первой, – скомандовал Сварог. «Племянница» без слов юркнула в лаз, ухватилась за трубу, скользнула вниз и скрылась в темноте. Сварог, прежде чем последовать за ней, пододвинул поближе к люку ведра, швабры и ящики. Потом бросил вниз драгоценные папки. А погоня уже грохотала в коридоре, закрывая за собой крышку, он услышал гневный бас: «Где он?!» – однако дожидаться ответа не стал. И так ясно, что скажет вторая половина.

Столь же ловко втиснуться в лаз, как у худенькой чертовки, у Сварога не

получилось. Пришлось попрыгать, поизвиваться, – но вот и его ноги, наконец, коснулись твердой поверхности. Откуда взялся тут этот ход и как о нем узнала «племянница», Сварог опять же выяснять не стал. Плевать. Драпать надо.

Драпали с максимально возможной для низкого, узкого, темного коридора скоростью, но, к счастью, ход оказался коротким. То есть, к сожалению, – хотя вряд ли стоило ожидать, что он выведет на окраину города. Ход вывел их в садовый домик, построенный перед коттеджем соседей. Еще пришлось повозиться, отодвигая всяческие грабли и совки. В щель между досками стены Сварог разглядел покинутый дом, фигурки бегающих вокруг него бойцов, крыши двух полицейских мобилей. Вот черт! Дверка садового домика была обращена точнехонько к семейному гнездышку детектива, так что в здравом уме выходить через нее не рекомендовалось. Можно, конечно, увешаться граблями и взять в руки по три ведра, – авось примут за садовника. Но отчего-то казалось, что не примут.

Короче. Вряд ли детектив Лонг, проложивший аварийный ход аккуратно до сего места, не позаботился вынуть гвозди из двух-трех досок, не то придется отгибать доски самому. Ну-ка... Сварог потрогал доски и без труда нашел те, что висели на одном верхнем гвоздике.

Раздвинув их, Сварог и «племянница» нырнули прямо в заросли сирени... Или не сирени, а помеси сирени с какой-то чертовщиной. И хвойные иголки тут, и – батюшки-светы – вербные почки... Прячась за деревьями, они отбежали подальше от эпицентра полицейской операции, остановились на идиллической лужайке. Откашлялись, отдышались.

– Ты прелесть! Если б ты не предусмотрел все заранее... – и «племянница» с пылающими восторгом глазами чмокнула его в щеку. – Я тобой восхищаюсь!

– Некогда сентиментальничать, – буркнул Сварог. Поправил норовящие вывалиться из-под мышки папки «Досье». И подумал мельком, но с явным оттенком ревности: «Блин-компот, и чем это Ирви-Лонг баб-то привораживал?» – Давай определяться, подруга.

– Я с тобой, – поспешно заявила «племянница».

– «С тобой»... Со мной, вишь ты, опасно. Ты даже не знаешь, во что я вляпался.

– Мне все равно! – она топнула ножкой.

– Ну и куда ты со мной собираешься?

– А куда мне без тебя собираться?.. Тем более что значит – «куда»? К этому, Эрму-Вадло, разумеется!

– Ну-у... – неопределенно протянул Сварог. Имя точно было незнакомым.

– Ты же все время говорил, что когда под тобой загорится земля, то сможешь довериться только Эрму... и мне.

«Любопытно, а чего так опасался мой сыскарек? – подумал Сварог. – А ведь опасался определенно. Не исключал, что однажды за ним придут. Просто так потайные ходы в собственном доме не устраивают... Впрочем, когда хранишь дома столько досье на всяких разных, в том числе и влиятельных людей, рано или поздно земля обязана загореться под ногами».

– К Эрму, говоришь, – задумчиво проговорил Сварог. Тут было над чем задуматься. Ни крыши над головой, ни знакомых. Ни спасительной, не раз выручавшей магии, кроме невидимости. Он один-одинешенек. И под колпаком у полиции... А ежели имеется человек, готовый помочь, не следует ли прибег-

нуть к этой помощи? По крайней мере обрести временное пристанище и разузнать то, что жизненно необходимо разузнать: как добраться до бывшего города Некушда. А тем более есть все основания надеяться, что друг частного детектива – примерно того же поля ягодка и знаком с разнообразными сторонами здешней жизни и способен дать пару дельных советов, как быть.

Да, но вот вопрос: где он живет? Вряд ли адрес друга Ирви-Лонг держал среди «Досье». И ежедневник с записями про слежку тоже незачем листать, слюнявя пальцы и с жадностью вчитываясь в текст. Сомнительно, что там отыщется запись: «Весь день ходил по пятам за лучшим другом. Проследил за ним до самого дома по улице Блюменштрассе, дом 10, кв. 15, где он живет». В голове, понятно, держал адресок господин частный детектив, где ж еще. Странно, если б было по-иному.

Может, барышня знает?..

– Слушай-ка, племянница... Если нас вдруг случайно разлучат, ты сама сможешь найти дорогу к Эрму?

Она надула губки.

– Я, по-твоему, совсем дура? Как эта? Своей дорогой супруге можешь пять раз показать на дом, мимо которого проходишь, она его не запомнит... Пошли, доведу уж тебя.

...А самое смешное, что он даже не знал, как зовут лучшую подругу. Да и вообще ничего о ней не знал. Но не станешь же спрашивать: «Прости, детка, я тебя люблю, но ты не напомнишь свое имя?..»

ГЛАВА 13 КОЕ-ЧТО О ФАЛЬШИВКАХ

Лучший друг Эрм-Вадло жил всего через две улицы от дома частного детектива, так что удалось добраться быстро и без происшествий. Главное, не пришлось выходить в людные места.

Дверь распахнулась, едва Сварог потянулся, чтобы дернуть шнурок колокольчика, и на пороге возник худощавый мужик неопределенного возраста, с всклокоченными светлыми волосами, в засаленном, заляпанном краской, прожженном в нескольких местах халате.

– Так и знал, что этот переполох на улице из-за тебя, – проворчал он, размешивая пестиком в ступке некую ядовито-зеленую массу. – Ныряйте, чего уж там...

Сварог и псевдоплемянница вошли в полутемную прихожую, где их встретил запах жженой пробки. Зато в гостиной было светло и пахло намного более приятно – жасмином. Квартирка Эрм-Вадло более всего напоминала склад забытых вещей – такой же бессистемный набор совершенно нестыкуемых друг с другом предметов. А теперь представьте, что на этом складе проводили обыск... даже не обыск – форменный шмон, вороша, разбрасывая и распахивая вещи по углам в совершеннейшем беспорядке.

– Ну? – повернулся Эрм-Вадло к Сварогу, продолжая орудовать пестиком. – Ты во что вляпался, чучело? Я ж вижу, что вляпался. Такой серьезной и печальной твоя физиономия была всего лишь однажды – на собственной свадьбе.

– А тебе охота знать? Чем меньше знаешь, тем живее будешь.

– Как хочешь. Только учти, из дома я выхожу редко, но знаю обо всем больше других. Иногда и больше тебя.

– И... что тебе известно?

Эрм подмигнул Сварогу.

– Я ж почти целыми днями у окна сижу. И вот сегодня вижу, как полицейские мобили к твоему дому – шурх! А потом целый отряд туда же – дух-дух-дух! Я на улицу, отловил пробегающего мимо одного старого приятеля, по совместной службе... ну, ты понимаешь, где. И спросил, с чего этот переполох?

Он замолчал.

– Ну? – уставился на него Сварог.

Эрм, продолжая орудовать пестиком, зашел так, чтобы «племянница» оказалась у него за спиной, взгляд его тут же с изменился со смешливо-благодарного на колкий и цепкий, резко контрастирующий с шутовской внешностью. Движением глаз он спросил у Сварога: говорить ли при *этой*? И в общем-то был прав: незачем посвящать лишних людей.

– Потом поговорим, – сказал Сварог.

Взгляд у Эрма вновь стал смешливо-благодарным. Он повернулся сперва к девушке, потом к Сварогу:

– И как зовут твою... подругу?

«Мне тоже хочется знать». Сварог пожал плечами.

– Сам спроси. Не беспокойся, язык у нее весьма бойкий, скажу тебе по секрету. А ты мне пока дай что-нибудь промочить горло.

– Узнаю старину Ирви-Лонга! Возьми вон в том шкафу.

– Меня зовут Лиома-Эспай, – сказала «племянница», игриво склонив голову набок. – На правах друга Ирви можете звать меня просто Лиома.

– В таком случае я просто Эрм.

Он лизнул зеленоватую массу на пестике, покатал во рту, закатив глаза к потолку, удовлетворенно кивнул.

– А что вы готовите? – спросила Лиома.

– Приворотное зелье, – на полном серьезе сказал Эрм. – Ненастоящее, разумеется. По моим сведениям, с завтрашнего дня начнется спрос в лавочках на Рваной улице. Не хотите, кстати, отведать, дети мои? Может, подействует...

Сварог тем временем положил папки на крошечное свободное местечко на столе и открыл шкафчик. Про «горло промочить» он спросил не только ради имиджа закоренелого выпивохи, но еще и потому, что организм действительно испытывал потребность в живительной влаге из магазина «крепкие спиртные напитки». Ай-ай-ай, а вот это не есть хорошо. С этим надо завязывать... Из батареи бутылок он выбрал ту, в которой желтела жидкость того же вида, что он прихлебывал весь сегодняшний день из фляжек. Сразу было понятно, что в этом доме церемоний можно не разводить, так что он скрутил пробку и отпил прямо из горла.

– Ну как? – прищурился, с хитрецей поинтересовался «просто Эрм».

В вопросе явно чувствовался подвох, Сварог не понял, какой именно, и честно ответил:

– Неплохо.

– А теперь глянь на этикетку.

Сварог глянул. «Эрминьок „Древесный лед“. Двадцатилетней выдержки. Из личных подвалов ваффен-победителя Брокко-Ганта, город Камкас». И что, собственно? На выручку пришла племянница:

– Мамочки, неужели это эрминьок эпохи Каскада! Его же запретили!

– Что запрещено, всегда стоит уйму денег, крошка! – рассмеялся Эрм. – Только это не настоящий эрминьок.

– Как не настоящий?

– Как и все остальное, что ты здесь видишь, исключая меня и твоего приятеля Ирви... Деточка, в этом доме ты не найдешь ни одной настоящей вещи, – с гордостью заявил Эрм-Вадло. – Ну-ка, скажи мне, что это такое?

Он наконец отпустил пестик и выдернул из залежей барахла на комодке бриллиантовое кольцо. Глаза Лиомы округлились:

– Это же... Это же кольцо госпожи Неско...

– А вот и нет! Колье Неско пока на ней, покоится в уютной ложбинке, близехонько от сердца госпожи. Но скоро, думаю, его место займет эта скромная и отнюдь не такая дорогая безделушка моего производства. Ох, как бы я не хотел быть рядом, когда госпожа Неско откроет подмену... Но я никогда не спрашиваю у своих заказчиков, для чего им то или другое, однако... делаю предположения. И, знаете, иногда они оправдываются.

– А какое у вас умение? – спросила Лиома.

– Да пустяки, не о чем говорить. А вот умение моего брата – это да! Во время инициации он получил редкостное умение. Дотронувшись пальцем до стенки сосуда, он может вскипятить в нем воду. В два счета кипятит огромные котлы, а уж в кружках... Сейчас работает кипятильщиком на кухне в «Поющем грифоне», в лучшем ресторане столицы. Большим человеком стал, не нам чета. Посмотрите, прелестная Лиома, на это растение, что скажете?

Он подошел к подоконнику, на котором в большом цветочном горшке росло... ну, в общем, то, что с очень большой натяжкой можно было назвать растением. Из насыпанных поверху цветочной земли мелких камней и ракушек поднимался коричневый сосновый ствол толщиной в палец, по всей длине которого были вкраплены крохотные блестящие камушки – то ли стеклянные, то ли драгоценные. От ствола карликовой сосны отходили ветви, и ни одна не повторяла другую: ветвь алоэ, карликовой березы, миниатюрный бамбуковый стебель, тонкая гибкая пупырчатая ветвь неизвестного Сварогу дерева, карликовая пальмовая, ветвь из серебра, ветви из цветного стекла... Листья переливались зеленым и красным нутряным светом. С веток свисали совершенно фантастического вида миниатюрные плоды – и не дотронувшись, нельзя было сказать, из чего они сделаны.

– Красиво, – восторженно прошептала Лиома.

– А что написано на табличке?

– Мастер Юлд-Мажэ, – прочитала Лиома табличку, приклеенную к горшку. – Где-то я слышала это имя.

– Раз вы слышали его всего лишь «где-то», значит, вы не возвращаетесь в высших сферах. Собственно, об этом я и сам догадался. А если б возвращались, так томно закатывали бы глаза при упоминании одного только имени мастера. Когда в моду вошло искусство рорике, древесного портрета, тут же появились и модные мастера. За возможность приобрести их изделия люди из высших сфер готовы были платить огромные деньги. И я ничуть не удивился, когда однажды получил заказ изобразить что-нибудь в непередаваемом стиле мастера Юлд-Мажэ. Ну и изобразил. Но заказчик так и не явился. Подозреваю, не дошел. А я никому другому продавать не стал, себе оставил. Вот, люблюсь каждый день.

– Значит, вы зарабатываете на жизнь подделкой, – серьезно кивнула Лиома.

Эрм склонил голову в изящном поклоне.

– К вашим услугам, моя прелестная госпожа. Если хотите, я изготовлю для вас в точности такое же платье, какое носит супруга Старшего Советника Президента Визари, самонадеянно полагая, что ни у кого нет даже похожего и никогда не будет. И я дам вам самую большую скидку в истории подделок.

– Ну-ка пойдём поговорим, – сказал Сварог, захлопывая папку и подходя к Эрму.

Эрм развел руками.

– У мужчин всегда найдутся дела, чаровница Лиома. Мы вас пока оставим, а вы, душевно вас прошу, ничего здесь не трогайте.

Этого предупреждения Эрму показалось недостаточно, и он добавил:

– Допустим, от вашего неосторожного прикосновения с какой-нибудь вещицы поднимется страшная лиловая пыльца, она может попортить вашу красоту!

Сварог и Эрм вышли на кухню, и Сварог подумал, что более захламленных кухонь он не видел даже в самой первой, советской, жизни.

– Что тебе сказал твой знакомый?

– Это который? – округлил глаза Эрм.

– Не прикидывайся. Которого ты отловил на улице. – Сварог отвинтил крышку прихваченной с собой бутылки этого... как его... эрминьока. Эрм поттер подбородок.

– Да он сам мало знает. Им сказали, что совершено убийство второй значимости и будут объявлены «Кольца» до окончательной поимки. Давненько, говорит, не случалось убийств второй значимости... Давай, Лонг, рассказывай. Я же вижу, что ты сам не свой... Гляжу на тебя и удивляюсь: вроде ты, а вроде и не ты. Взгляд другой, движения, фразы... Значит, случилось что-то из ряда вон, раз тебя так перекосило. А тут еще этот переполох на улицах. Почему-то мне кажется, что это не совпадение.

«Вот сволочь глазастая». Скрывать историю незадачливого частного сыщика не было никакого смысла, и Сварог рассказал о своих злоключениях, начиная со встречи с Чофо-Агайром в «Зеленой жабе». Разве что не расписывал, как глупо попался с внезапным пропаданием невидимости – дабы не будить подозрения. Эрм-Вадло слушал внимательно, не отрывая от Сварога пристального взгляда. Выслушав историю до конца, Эрм наклонил стул, скинул на пол какие-то цветастые тряпки и разложенные на них цилиндрики, сел, наклонил голову, запустил руки в шевелюру.

– Да, – сказал он. – Да. Ты часто попадал в переделки, Лонг, но такой капкан на твоей ноге еще не защелкивался. Что с тобой? Как ты не распознал, что дело тухлое? Не похоже на тебя, Лонг... Ладно. Надо думать, как выпутываться. Чофо-Агайр, Чофо-Агайр... Никогда о таком не слышал. А по твоим описаниям, человек он вроде из заметных. Держу пари, это не настоящее имя... Однако при этом он привел тебя именно к себе домой. Странно... А впрочем...

Эрм поднял голову и посмотрел на Сварога.

– Кто сказал, что к себе? Ты ж не проверял. Он мог воспользоваться стирателем. И кроме меня, в этом городе хватает людей, которые могут изготовить стиратель наложенных заклинаний. Хотя... хотя ты не видел, как он им поль-

зовался... Но он мог сделать это заранее, мог сделать это незаметно, встав так, что ты ничего не заметил... Короче. В первую очередь надо установить, кого ты завалил. Вряд ли переполох поднялся из-за простого обывателя... Ну не ты, понятно, завалил, а те, кто подставил тебя. Я-то тебе верю, как себе, можешь не сомневаться. Я-то знаю, что на мокрое ты не пойдешь. Правда, полицию убедить в этом будет нелегко. Так. Сегодня уже поздно, но завтра я схожу кое к кому и все разведу. Дай-ка!

Эрм забрал у Сварога бутылку и сделал внушительный глоток.

– А следы в доме этого Чофо-Агайра, все эти полосы на обоях и клочки шерсти – липа, – уверенно сказал Эрм. – Хотят не просто повесить на тебя убийство, а еще и утяжелить твою вину, указав на связь с Черной Планетой. Дескать, действуешь по внушению Тварей. В последнее время довольно часто говорили о способности Черной Планеты внушать людям всякую дрянь, так что и очень кстати будет предъявить одного внушенного. Тебя.

– Мне надо выбраться из города, – сказал Сварог. – Мне позарез надо в Некушд. Ты сумеешь помочь?

– Помочь-то сумею... вот только для тебя самое безопасное место – здесь. Этот дом, этот квартал. Мы почти в центре «Кольца», так что здесь они искать начнут в последнюю очередь. К тому же с твоей невидимостью... Словом, отсидишься здесь какое-то время, а там видно будет. Даже в свою «Зеленую жабу», например, можешь сползть.

– В «Жабу», говоришь? – задумчиво пробормотал Сварог.

– Эй! Ты что, всерьез собрался в «Жабу»? Я же пошутил.

– В «Жабу» – нет, а кое-куда поблизости заглянуть хочу. На экскурсию.

– И куда именно? Не скажешь?

– А стоит ли? Просто настала пора разобраться в некоторых глобальных вопросах.

Эрм пожал плечами.

– Темнишь. А сейчас что будем делать?

– А сейчас ты на пару с барышней сообразите нам перекусить, тогда как я пока поищу, что есть интересного во-он в тех папочках на столе. Не одолжишь мне этот... стиратель?

– Так, а твой где? – удивление Эрма было сильным и неподдельным.

– Меня застали врасплох.

– Да-а, – недоверчиво протянул Эрм, – что-то ты, брат, совсем... Нет, ну дам, конечно...

Из гостиной донесся крик, и Эрм со Сварогом бросились из кухни.

– Вот всегда так! – злился на ходу Эрм. – Скольких женщин ни предупреждал, чтобы ничего не трогали, – ни одна не послушалась. Не выдержала. Женюсь, клянусь богами, на той, кто послушно отсидит на стуле хотя бы пять минут, ни к чему не прикоснувшись.

Лиома сидела на столе, испуганно прижав кулачки к подбородку. Внизу покачивалась, шипела, высунув раздвоенный язык, похожая на гадюку песчаного цвета змея. Эрм остановился и шумно перевел дух. Повернулся к Сварогу.

– Везучая у тебя подружка, Лонг. А змеюшка могла бы и за ногу тяпнуть, – он щелкнул пальцами, произнес что-то короткое, односложное, и змейка вдруг с дробным стуком, как горох, опала на пол. И вот уже нету никакой змейки, на полу валяются бусы: продолговатые, янтарного цвета камни на

тонкой золотой нити. – Я же говорил: ничего не трогать!

– Я и не трогала, – холодно поджала губы Лиома. – Она сама.

– Ага... Сама она, видите ли, не умеет, – Эрм поднял бусы, раскрутил на пальце. – Эта штучка превращается в змею только тогда, когда ее надевают. На шею. Хреновина из арсенала тeneвых убийц.

– Так зачем же вы такую страшную... хреновину оставляете где попало?! – только сейчас к «племяннице» с осознанием того, что она находилась столь близко от ядовитого укуса, приходил доподлинный, неподдельный ужас.

– Да завалилась цацка куда-то, – виновато сказал Эрм. – Я поискал, поискал, не нашел и... и забыл. Ладно, пошли на кухню.

ГЛАВА 14 УРОК СУХОЙ И НУДНОЙ ИСТОРИИ

Невидимость держалась минут пять-семь. Это Сварог вывел из печального опыта в доме господина Чофо-Агайра, а потом подтвердил экспериментальным путем, тренируясь в комнатенке Эрма. А вот что Сварог пока не установил – возможно ли моментальное, так сказать, обновление невидимости. Следует как-нибудь поупражняться. Но если никто и ничто не задержит, то до двери музея невидимость должна продержаться. Обязана. До музея от дома Эрма как раз ходу и было где-то минут пять.

Лиома оставаться в доме Эрма категорически не пожелала. Попрепиравшись с нею минут десять, Сварог понял, что легче взять ее с собой, чем отговорить.

Перед взломом двери, как и положено господам домушникам, он бросил взгляд налево и направо. Никого, «пустынна улица ночная». А вот по дороге к музею им попался на углу тип, выдающий себя за пьянчужку. Но не слишком убедительно выдавал, честно-то говоря. Тип провел по Лиоме оценивающим взором, причем ему без труда удалось сфокусировать взгляд, что пьяному в подобную стельку было бы не по силам. Но на углу сей типус поджидал явно не девушек, поэтому не попытался ни остановить, ни окликнуть незнакомку. Хотя странно: ведь полиция наверняка уже в курсе, что из дома детектива бежали двое: подозреваемый в убийстве и его фальшивая племянница...

Сварог приложил к ручке входной двери музея выданную Эрмом хрустальную пирамидку – тот самый стиратель. Внутри пирамидки закрутилось нечто, как червь в стакане водки, похожее на веревку с хитрыми узлами, и эти узлы на глазах разглаживались. Потом пирамидка загорелась ровным матово-белым светом, и замок едва слышно щелкнул. Сварог надавил на ручку – дверь открылась.

Пришло время выяснить, что произошло с миром за время его, Сварога, вынужденного отсутствия. Что стало со Щепкой и Рошалем, какие законы управляют цивилизацией магии, кто такие Твари, что за Черная Планета и «Испытатель»... в общем, много чего предстояло узнать. Но не в библиотеку же лезть – в три часа ночи? Музей – это и наглядно, и поучительно, и достаточно кратко. И хотя, как показывает опыт, не всегда содержащаяся в подобных музеях информация соответствует объективной действительности, но в том-то и дело, что Сварог лично участвовал если не во всех, то во многих исторических событиях революционных лет, он сумеет отличить подлинную правду от правды государственной и – сделать выводы...

Если внутри окажется сторож, Сварог приготовился вырубить его аккурат-

но, но сильно. Не пришлось: музей по ночам никем не охранялся. Свет, разумеется, нигде и никакой не горел. Ну и не надо. Сварог позаимствовал у Эрма-Вадло потайной воровской фонарь, которого просто не могло не оказаться на том складе криминального рода вещей, какой из себя представлял дом приятеля Ирви.

Фонарь умещался в ладони и больше всего походил на прозрачную сигаретную пачку, внутри которой горит негаснущая свеча. Кроме того, что она не гасла, свеча эта, как ни верти и ни крути фонарь, всегда сохраняла вертикальное положение. Светильник сей имел еще одно ценное качество: подкручивая маленькую круглую пимпочку, можно было увеличивать яркость. Думать о том, что свет могут увидеть с улицы, слава местным богам, не приходилось – музейные окна были закрыты ставнями (и тоже, не иначе, заперты на заклинания). Невидимость автоматически выключилась на лестнице, ведущей на второй этаж. Вырубилась аккуратно на лестничном повороте, где висело огромное живописное полотно, изображающее, как гласила золоченая табличка внизу, День Провозглашения Новой Эры. Перед Императорским дворцом на картине ликовала народная толпа. Народ радостно обнимался-целовался, вверх летели шапки, сияли улыбки и так далее, все до боли знакомое. На дворцовом крыльце застыли вожди победителей. Их Сварог решил разглядеть повнимательней, даже привстал на цыпочки и прибавил свет в фонаре.

Ага, так и есть, вот одно знакомое лицо! Мар-Кифай, верх-советник Императора, переметнувшийся на сторону магического подполья, участник Совета под Облаками, когда Щепка наконец сбросила маску и предстала перед собравшимися в качестве вождя Визари. Ну и? Черт побери, где она сама, где главный творец той победы? Л-любопытно... Впрочем, затем Сварог и заявился в музей ночной порой, чтобы все выяснить. Утром он прочитал на вывеске, что помимо экспозиции в музее находится архив, самое крупное в столице хранилище исторических документов, и желающие его посетить должны прийти с соответствующим разрешением, записаться у архивариуса, получить допуск, отнести его на второй этаж... ну и так далее. Так что в правила посещения архива Сварогу вчитываться не было нужды: он собирался нанести визит по собственным правилам.

Так-так. А на нижних ступенях нарисованного крыльца жалась кучка поверженных и проигравших приспешников Империи. Потрепанные, злые, и хари одна гнуснее другой. Стоп, стоп. А это не Рошаль ли будет? Похож, чертяка, но... пока уверенности нет. Себя на картине Сварог не нашел и не очень-то тем расстроился.

В общем, нечего тут заглядываться, да и Лиома нетерпеливо перетаптывается, дергает его за рукав. Картина – это всего лишь пропаганда. Штуковина идеологически верная, но исторически недостоверная. Сие нам знакомо. Ленин и субботники. Сталин в поверженном Берлине. Бодрые плечистые сталевары картинно шагают навстречу новым свершениям. Среди художников и прочих интеллигентов, лакающих из государственной кормушки, всегда находилось немало желающих отлакировать действительность за долю малую. А лучше немалую. Как говорится, во все времена и народы...

Вот как раз когда Сварог уже сделал шаг в сторону от картины, невидимость пропала.

– Никак не привыкну к этим твоим фокусам, – Лиома передернула плеча-

ми. – Будто не с человеком имею дело, а с призраком...

– Не надо о призраках в хранилище древности, – тихо сказал Сварог. – Накликаешь.

– Ты серьезно?

– А то. Вон, видишь, уже того... материализуются...

– Да ну тебя... Помнишь, когда ты меня вытащил из «Розовых слоников»? Я испугалась тебя еще больше, чем громил Порезанного Пальца... Нет, представь, с одной стороны я, еще в сценическом наряде, в этих дурацких перьях на голове, с другой – громилы, которые пугают, что если не поеду петть всю ночь напролет песни Порезанному Пальцу, то со мной будет такое, по сравнению с чем зверства Тварей с Черной Планеты покажутся детской забавой. И вдруг посередине комнаты прямо из воздуха появляешься ты, – Лиома на мгновение прижалась к нему. – Это было потрясающе красиво...

Сварог взял ее за руку, повел на второй этаж. Вошли в первый зал. Под их тихими шагами скрипели половицы, и звук разносился по пустому музею так же отчетливо, как удар металла о металл разносится под водой. Это немного нервировало, хотя вроде и нет тут никого.

Масляно-желтоватый свет фонаря отражался стеклом витрин, за которыми таинственно темнели экспонаты.

– Подожди-ка, – Сварог нагнулся над витриной.

– Перстень с руки Визари, – прочитала Лиома пояснительную надпись, – присланного им в дар музею в честь пятилетия открытия.

– Интересно, – протянул Сварог. Они говорили шепотом, хотя, наверное, необязательно было понижать голос. Однако музейная тишина сама задавала правила поведения.

– Что интересно? – спросила Лиома.

– Перстень интересный. В том смысле, что красивый.

– А по-моему, безвкусица...

Сварог тоже полагал, что так себе вещица. Интересно было другое: перстень этот на самом толстом из пальцев Визари, то есть Щепки, болтался бы, как обруч на дистрофике. Или подделка, или Щепка подарила музею перстень с чужого пальца, или... Или это какой-нибудь волшебный перстень, который, будучи надет на любой палец, тут же облегает его, как родной? Бог весть...

По дороге в архив Сварог задержался еще один раз. В зале исторических костюмов. Нет, трико, плащи и пояса заинтересовать его, конечно, не могли. Еще вчера, можно сказать, он все это носил. Сварога заинтересовал экспонат с табличкой «Антимагический доспех». Такого он не видел и на войне. А-а, вот почему! В табличке на этот счет имелось пояснение.

Оказывается, изготовлен он был лишь в самом конце войны и в военных действиях не использовался. Доспех состоял из округлой кирасы, к которой снизу крепились пять горизонтальных рядов скрепленных между собою пластин. Все из черненого серебра. Наручи из ромбовидных пластин, нашитых на ткань, закрывают руку от основания пальцев до плеча, ноги прикрывают поножи. К доспеху прилагался и полусферический шлем, чей колпак был сделан из десятка расположенных меридианально пластин. Вместо забрала – закопченное стекло.

– Мужские игрушки, – с насмешкой проговорила стоявшая позади Сварога

Лиома.

– Ну и что? – пожал плечами Сварог. – У тебя свои игрушки, женские. Вон там.

Он показал рукой на вывеску «Женская и мужская мода эпохи Империи».

– Кстати, рекомендую осмотреть. Потому что чем-то тебе надо себя занять. Мы, понимаешь ли, уже пришли. Видишь табличку «Архив»? Мне туда, и лучше будет, если никто не станет отвлекать. Ах, да... Фонарик-то один...

– Можешь не волноваться, у меня свой, – Лиома потянула за свисающую с шеи цепочку, достала из выреза кулон, нажала что-то, и камень в оправе кулона загорелся ярким светом.

Лиома фыркнула, резко повернулась и действительно направилась к выставке одежды. А Сварог – к архиву. Дверь с табличкой «Архив» тоже оказалась запертой заклинанием, но и в этот раз чудесная пирамидка не подвела.

Архив как архив. Полки, полки, полки. А на них – бесконечные папки.

Есть еще шкафы с ящиками, на каждом ящике – белая табличка. Вдоль одной стены тянется большой книжный шкаф.

В первую очередь Сварога интересовали вопросы, так сказать, общеисторического масштаба, и он направился к книжным полкам. Быстро отыскал нужные энциклопедии и исторические справочники, устроился на лесенке, при помощи которой достают книги с верхних полок...

В общем и целом обстояло так. Кровопролитная гражданская война закончилась пятнадцать лет назад сокрушительным поражением сил, защищающих прежний имперский порядок. Собственно, все закончилось с падением Некушда, главного очага сопротивления имперских сил, хотя после этого еще какое-то время продолжались стычки, но не столь ожесточенные. К тому же силы Империи после сдачи Некушда оказались разобщенными, пропало управление из единого центра, зато появилось множество командиров мал мала меньше, каждый из которых, как водится, провозглашал себя наиглавнейшим из главных, мнил себя великим стратегом, и в результате все эти крохотные армии были быстро и успешно разбиты. Наступил мир.

Магом Визари было провозглашено, что отныне Корона становится республикой, глава ее будет выбираться достойными из числа достойных. «Обтекаемая формулировочка», – подумал Сварог. И оказался прав.

Выбирать главу Короны стал Совет Достойных, членами которого становились выдающиеся люди страны. А поскольку выдающийся ты или не выдающийся, решать в конечном счете должен был глава Короны, то круг замыкался. Я выбираю тебя, ты выбираешь меня, и попробуй не выбери. При подобной системе не приходится сомневаться, что нынешний глава досидит на своей должности до самой смерти... Если, конечно, что-нибудь (а точнее, кто-нибудь) не приблизит наступление этой самой смерти.

Название государства новые его лидеры менять не стали. По этому поводу маг Визари произнес фразу, ставшую девизом страны на долгие годы: «Мы возьмем из прошлого все лучшее и сделаем это еще лучше».

(Кстати, Сварог в связке с магом Визари везде встречал глаголы в мужском роде: «сказал», «сделал». Что сие означает? Маг Визари подавался народу и воспринимался народом как государственный деятель, пола не имеющий, но поскольку слово «деятель» мужского рода, то и... понятно? Некое сохранившееся революционное завихрение вроде того, что «какая я вам женщина, я – то-

варищ». В общем, Щепка могла выкинуть что-нибудь в этом роде.

Эх, встретиться бы со Щепкой... Ну проберешься во дворец, или где они там обитают, допустим, тебя при этом не пристрелят. Допустим, ты встретишься со Щепкой и, допустим, даже сумеешь убедить ее, что ты – это ты, а не какой-то Ирви-Лонг. Даже сработай все эти допущения, что ты ей скажешь? «Твое задание я выполнял, но тут, видишь ли, такая петрушка началась... Сколько, говоришь, прошло? Пятнадцать лет?! Ай-яй-яй... А еще каких-нибудь поручений нет?» Э-хе-хе...) Как водится, победившие ввели собственное летоисчисление, где за отправную точку был принят год победы над врагом. Как водится, взялись налаживать новую жизнь. И жизнь эта от прежней во внешних своих проявлениях отличалась существенно.

Электричество стало ненужным. Его полностью отовсюду вытеснила магия.

Магия стала обеспечивать все потребности государства. И происходило это следующим образом. Каждый взрослый гражданин Короны наделялся магической способностью или – *умением*. Одним предоставляли возможность *создавать* булки, другим – *производить* сапоги, третьим разрешалось левитировать, двадцать восьмых учили, как завести мобиль и кататься на нем, не тратя ни капли бензина, ни вольта, так сказать, электроэнергии. Мобили вообще работали хрен поймешь на какой энергии... Короче говоря, были охвачены все человеческие потребности.

Наделением занимался Совет Достойных, все члены которого были магами высших ступеней постижения. Гражданин получал право *на умение*, когда достигал восемнадцатилетнего возраста – обряд магической инициации обставлялся весьма пышно, в нем принимали участие все Достойные. Молодые люди приходили на прием во Дворец Республики (бывший императорский), их по одному заводили в Комнату Наделения, где маги высшей ступени вкладывали в иницируемых ту способность, какую выбирал для них Совет Достойных. Кстати, женщины права на магические способности были лишены. И это Сварога удивило. Чтобы Визари так обошлась с представителями собственного пола! А как же женская солидарность, в конце-то концов? Но потом Сварога вдруг осенило. Женщина, как ни крути, всегда остается женщиной. И втайне, неосознанно, на уровне древних инстинктов ненавидит своих конкуренток. Особенно когда конкурентки все сплошь молодые и привлекательные, а ты, несмотря на всю свою магическую силу, увы, с каждым днем все старше...

Также с магией была связана и система поощрения граждан. За большие заслуги перед отечеством или какой-нибудь подвиг человек награждался дополнительным *умением*, что подтверждалось сертификатом.

Сертификат выдавался на каждую способность и заверялся Министерством по контролю за магическими способностями при Совете Достойных, чем-то, как уяснил Сварог, вроде налоговой службы. Некоторые магические умения были запрещены для всеобщего использования. Такие методики, как убийство или управление погодой допускались к производству только специальными службами, сотрудники которых давали клятву о неразглашении. Кстати, *умение* становиться невидимым, которым владел частный детектив Ирви-Лонг, было одним из запрещенных к общему использованию, так что Ирви серьезно рисковал здоровьем, ибо проступок этот чаще всего карался смертной казнью. Полицейские же, в свою очередь, в зависимости от подразделе-

ния, обладали такими возможностями, как временный паралич граждан, или в сотни раз ускоренные реакции, или столь хорошо знакомым Сварогу умением видеть в кромешной темноте, – словом, всем тем, что могло способствовать охране правопорядка.

В последние годы законодательно было закреплено право на наследование умения. Если достигший совершеннолетия гражданин выражал желание перенять отцовскую магическую способность, то от нее добровольно и искренне вначале должен был отказаться в пользу сына отец (чтобы не возникал переизбыток людей одной профессии), а потом уже происходило наделение этим умением сына.

Кстати, о переизбытке. При Совете Достойных существовало Министерство учета и планирования, которое как раз таки и занималось выяснением общественной потребности в том или ином ремесле. Например, если булочников на данный момент было завалили и булки черствели на прилавках, никем не покупаемые, то какое-то время новых булочников не производили. А если, наоборот, обнаруживалась нехватка, скажем, целителей, то сей профессией наделяли большее число иницилируемых. Главной задачей этого Министерства, разумеется, был среднесрочный и долгосрочный прогнозы: сколько и кого будет не хватать завтра, а с кем, наоборот, завтра выйдет перебор. Но все равно переизбыток людей одного ремесла случался довольно часто.

(Предположим, в расчете на тысячу граждан один человек производится в булочки, а он заваливает своими булками аж пять тысяч сограждан. И булки у него сограждане отчего-то покупают охотнее, чем у его конкурентов в соседних городских кварталах. Как быть? Одной из форм борьбы с этим был введенный год назад Закон о дроблении умений. То есть вместо одного, допустим, булочника, теперь наделяют *раздробленными умениями* пятерых: умением заквашивать тесто, умением кипятить воду, умением печь и так далее. Считалось, что раздробленные умения можно при переизбытке применять и в других ремеслах. Как понял Сварог, закон еще находится в стадии испытания жизнью и не ясно, будет ли от него польза или вред...)

Ну а одной из форм наказания за проступки перед обществом стало лишение магического умения. Кстати, таких людей проживало в Короне немало. Кроме лишенцев это были и переселенцы, и гастарбайтеры из протекторатов. Такие люди занимались черновой работой, на которую умения не выделялись и которой, в общем-то, хватало и без того: пасти скот, рыть каналы, класть кирпич, произведенный магическим способом.

Кстати, отношения с протекторатами у Короны складывались непросто. Сварог не стал вникать во все детали текущей внешней политики, но по верхам это выглядело примерно так. Корона (поскольку во главе ее стояли люди, участвовавшие в гражданской войне) не могла простить протекторатам то, что те во время войны заняли выжидательную политику – мол, кто победит, тех мы и поддержим. Мы свою кровь за магию проливали, а они хотят на все готовенькое – пафос был такой. Поэтому магической силой с протекторатами не делились и выходцы из них, перебравшиеся в Корону, могли получить какое-нибудь *умение* только за очень большие заслуги перед государством. Или за долгие годы честного труда на благо Короны.

Причем сколько лет надо оттрудиться, четко не было определено, в каждом конкретном случае этот вопрос решал Совет Достойных.

Промышленность как таковая сошла на нет за ненадобностью. Многие вещи, какими пользовались ранее, больше не производились. Например, электромобили. Считалось, что срок службы тех, что остались от Империи, бесконечен, поскольку любую устаревшую часть можно заменить созданием новой посредством магии. Так зачем производить мобиль целиком? Поэтому даже столица была наводнена обшарпанными, ржавыми машинами. Ездят – и ладно, а новый кузов денег стоит. И чего мы будем зазя их выкидывать? Вот когда провалимся в дыру в кузове, тогда и пойдем к человеку редкого ремесла – производителю новых мобильных корпусов, заплатим ему немалые денежки... Кстати, о денежках. В обращении появились новые, только банкноты, без монет, и только под названием «корона». Гриффоны и иже с ними сошли на нет. На новых деньгах был нанесен слой магической защиты, позволяющий при необходимости выявлять тех, чьи руки касались купюр. Подделка такие деньги считалось невозможным. Но... естественно, подделывали.

«Одного такого умельца я знаю. Наверняка и денежками балуется – при его страсти ко всему ненастоящему», – подумал Сварог.

Стали хиреть отрасли науки, так или иначе не связанные с магией.

Зачем, например, изучать анатомию человека, когда можно вылечить этого человека заговором? Зачем, скажем, изучать электродинамику, когда само электричество стало ненужным?

А десять лет назад появилась Черная Планета.

ГЛАВА 15 УРОК ИСТОРИИ-2

Строго говоря, сама планета ниоткуда не появлялась, как крутилась по своей орбите, так и продолжала. Хотя сперва все же появились чудовища. Твари. И тут же было заявлено с самого верхнего государственного верха, что сие есть происки Черной Планеты. «И откуда же они так сразу узнали?» – подумал Сварог. Как бы то ни было, а узнали. Может, существовал колдовской способ проникновения в суть вещей. Или способ магическим образом приближать планеты к глазам и рассматривать их. И узнали граждане Короны о Черной Планете немало.

Например, что там проживают Антилюди, которые некогда стали сожителями со зверями (в самом что ни на есть половом смысле), и от тех, с позволения сказать, союзов стали появляться на свет Твари. И Тварей стало столь много в той земле, что им понадобились новые земли и новая пища, а питались они, как не трудно догадаться, исключительно человечинкой. Антилюди, наблюдая переизбыток Тварей, которые стали досаждают и им самим, изыскали способ магическим образом отправлять их сюда, на Гаранд. Пока что им удается запузыривать лишь отдельных особей, видимо, самых мерзких даже по параметрам Черной Планеты. Но в ближайшем будущем Антилюди надеются наладить постоянный коридор, по которому Твари хлынут на Гаранд несчислимым потоком. И единственный способ предотвратить это нашествие – первыми нанести удар.

Для чего и задуман был проект «Искупитель».

На одной из пустошей вблизи разрушенного города Некушд начато строительство междупланетного корабля, призванного доставить на Черную Планету боевой элитный отряд Небесная Гвардия, которая и расправится с Антилюдьми и Тварями...

Насколько понял Сварог, при магическом образе жизни у людей стало катастрофически много свободного времени. Например, какой-нибудь портной за один день надевает из воздуха штанов на месяц вперед, и чем ему этот месяц заниматься? Поэтому такой проект, как «Искупитель», случился как нельзя кстати. И вся Черная Планета с ее чудовищами случилась как нельзя кстати. Есть чем занять свободных людей, есть на что перевести избыток энергии сограждан (который при известном повороте может ведь обратиться и против властей предрежащих), есть чем отвлечь от проблем текущего дня.

Очень удобная история про Черные Планеты, Антилюдей и Тварей, чтобы Сварог вот так вот взял и в нее с ходу поверил. Появились у него, знаете ли, серьезные сомнения во всем этом. С другой стороны, это лишь догадки, фактов нет, поэтому оставим вопрос открытым.

Итак, в общем и целом Сварог представление о новейшей истории Короны получил. Теперь хотелось бы некоторых уточнений. За уточнениями он обратился к архивным полкам и быстро – благо тут все было расставлено в алфавитном порядке – отыскал папку с надписью «Некушд».

И он нашел в этой папке, что хотел. Информацию о монастыре Ожидающих.

Официальные отчеты, допросы, еще раз допросы, рассказы очевидцев, рассказы со слов очевидцев, интендантские ведомости, из которых тоже можно было кое-что выудить.

Сварог узнал, что произошло в тот день, когда он переступил порог монастыря. Что произошло после того, как он... ушел. Сухие строчки протоколов Сварог дополнил воображением, основанным на знании реалий и психологии знакомых ему людей.

...Гор Рошаль остался снаружи. Когда прошли все сроки, мастер охранитель забеспокоился и предпринял попытку войти в бункер. Ему не открыли. Не открывали, наплевав на все угрозы. Тогда Гор Рошаль попытался вскрыть дверь. Тщетно. И он отправился за подмогой, а главное, – он отправился за технической поддержкой. Несколько часов спустя начался серьезный, массированный штурм монастыря. Или, что вернее, взлом монастыря. Какая техника или взрывчатка при этом использовалась, Сварог из бумаг так и не понял.

Впрочем, ничего удивительного. Когда штурмом руководил Рошаль, следовало ожидать, что все подробности будут самым тщательным образом засекречены.

Но что засекретить не удалось, а может, и не пытался никто, так это результат штурма. В результате внутри монастыря жажнул мощный взрыв. Бетонный бункер провалился, засыпав вход и похоронив всех находившихся в тот момент в подземной обители.

Вот такая, блин, история с географией... Е-мое, а как же тело? Как мое тело?! Праматерь утверждала, что со Свароговой оболочкой ничего не случится, даже если сверху рухнут горы... Это все прекрасно, но вот как теперь прикажете добираться до него, ежели подземелье завалено?

Уф, ну и дела...

А Рошаль? Что с ним?

Неутомимый контрразведчик возглавил оборону Некушда, но после гибели «Буреносца» и разгрома отрядов обороны Империи следы его затерялись. По

всем документам, до которых смог добраться Сварог, верх-победитель Рошаль числился пропавшим без вести. В девяноста девяти случаях подобная формулировка означала, что человек погиб. А если учесть, что прошло пятнадцать лет и пропавший не объявился, то этот процент вероятности повышался до девяноста девяти целых девяноста девяти сотых...

Итак, до Щепки добраться трудно, а главное, добираться незачем. Рошаль погиб. К кому еще из бывших влиятельных людей, с кем Сварог был знаком, он мог обратиться с просьбой? К Мар-Кифаю.

Про Мар-Кифая он ничего ни в одном справочнике, ни в одной папке не нашел. А ведь не последним человеком был... Это кое-что Сварогу сильно напоминало. Например, хрущевские годы. Когда отовсюду изымались упоминания о попавшем во враги народа, из учебников истории выдирались соответствующие страницы, в книгах вымарывались любые упоминания об одиозных личностях.

Да, ребята...

В попытке найти еще какую-нибудь зацепку Сварог обратился к геральдическому справочнику...

– Ты еще не превратился в книжного червя?

Он обернулся.

Лиома. Которую он сперва даже не узнал. Лиома переделалась в трико с коротким плащом и широкий пояс. Ну ясно – позаимствовала с выставки.

– Ты знаешь, сколько времени прошло?

– Сколько? – спросил Сварог.

– Скоро утро.

– Черт...

– Чего это вы уставились, господин ищейка, будто впервые видите? – спросила она лукаво.

«Ты почти права, – мог бы сказать Сварог. – Где-то близко к тому, что впервые».

– Запрещено трогать музейные экспонаты руками, – сказал Сварог строго.

– Правда? – она сделала большие наивные глаза. – А чем можно? Да не пожирайте меня глазами, хозяин, я барышня стеснительная...

Она подошла, взяла за плечи.

И он понял, что не может ничего с собой поделаться.

Свет потайного фонаря блеснул в ее глазах. Сварог снял с нее плащ, отбросил в сторону. Приобнял, притянул к себе. Почувствовал вдруг мимолетный стыд, что *использует* ее влечение к другому человеку.

Но, в конце-то концов, он в некотором смысле и есть тот человек... Или просто сейчас очень хочет им быть...

– Мне почему-то кажется, – сказала она, закрывая глаза, – что у нас сейчас все впервые... Странно, да? Я даже волнуюсь. Откуда такое?

– А я волнуюсь, что не справлюсь с застежками предыдущей эпохи.

Она прыснула в кулак.

– Ведь это было совсем недавно, каких-то пятнадцать лет назад. Ты уже должен был ухаживать за женщинами. Или тогда просто мало упражнялся в расстегивании женских застежек?

Сварог ничего не сказал, взял ее на руки и понес из пыльного архива в му-

зейный зал. Видимо, как обличение быта темных времен, там демонстрировалась кровать, быть может, даже принадлежавшая последнему императору. Стояла кровать на пяточке, огороженном с четырех сторон плюшевыми шнурами на подставках.

Вокруг были расставлены еще какие-то предметы, наверное, из дворца неудачливого правителя Короны: электроподсвечники, кресло с высокой спинкой, сундук... А кровать была застелена постельным бельем синего шелка, которое вместо узоров украшали гербы Короны.

На фонаре имелась петля из прочного шнура, за нее Сварог повесил потайной фонарь на одну из деревянных шишек, какими была украшена кроватьная спинка. Прикрутил свет фонарика, превратив его в «ночник».

От одежд они освободились в два счета. И чужое тело в этот момент он ощущал как свое, и тело это делало то, что совпадало с велением его души.

Он вошел в нее нежно и неспешно, он сжимал ее плечи, она царапала его руки...

Ее последний самый громкий и продолжительный стон и его самый сильный выдох совпали.

– Ты сегодня какой-то другой, – выдохнула она счастливо, – но это так прекрасно...

– Жаль, что уже утро, – сказал он.

Утро. А на следующую ночь у него запланирован визит к одному любопытному господину, который, при правильном к нему подходе, способен решить некоторые немаловажные проблемы Сварога.

ГЛАВА 16

В ПАСТИ СЕНТИМЕНТАЛЬНОГО ЛЬВА

...С виду это было ничем не примечательное одноэтажное каменное строение, одно из десятков доживающих свой век в не самом престижном районе столицы. А говоря точнее, на самой окраине, терпеливо и, судя по всему, покамест безрезультатно дожидаящееся очереди на снос, реконструкцию и застройку жилищами новыми, современными, оборудованными по последнему слову тех... пардон, магии – в виде волшебных унитазов и колдовских посудомоек.

Сварог отпустил такси за три квартала до цели и оставшееся расстояние преодолел пешком. Быстро смеркалось, и многочисленные граффити на обшарпанных стенах домов начали светиться разноцветным фосфорным светом, переливаться, а некоторые, черт бы эту магию побрал, даже шевелиться, когда Сварог проходил мимо. Где-то в переулке кто-то кому-то сосредоточенно лупил морду, прижав избиваемого к забору, однако экзекуция проходила в полной тишине, молчали оба, раздавались лишь смачные удары да сопение поединщиков. Трущобы, ни дать ни взять. Гарлем. На всякий случай Сварог переложил револьвер из внутреннего кармана в боковой – мало ли какие хулиганы попросят закурить. Тут уж воплем: «Милиция, убивают!!!», не отделаешься, а если оные хулиганы вдобавок ко всему владеют парой-тройкой запрещенных заклинаний, то и никакие боевые навыки не спасут. Тем более, что навыков тела Ирви-Лонга он не знал – судя по набитым костяшкам на пальцах рук, детектив в случае чего мог отмахаться от одного-трех безоружных противников, но проверять это на практике как-то не тянуло. А без привычных колдовских способностей Сварог чувствовал себя уже не просто го-

лым – он чувствовал себя инвалидом без костылей... Шаровидных уличных светильников здесь практически не было, пустынная улица тонула в полумгле, разгоняемой лишь тусклым светом из окон пока еще обитаемых халуп. А свет, между прочим, горел далеко не в каждом доме, и когда он добрался до искомого адреса, стемнело уже окончательно. Неподалеку от номера восемьдесят четыре Сварог остановился – там тень была погуще, – и задумчиво оглядел небольшое, однако ж зело мрачное сооружение темно-красного кирпича за покрытой лишайником каменной оградой, построенное наверняка еще во времена Империи и наводящее на мысль о потайных склепах и неуспокоенных призраках. Вроде здесь. Мобилья Гиль-Донара поблизости не видать, ну да не такой ведь он идиот, чтобы светить свою машину в подобном-то районе. Хотя, с другой стороны, полицейскому появляться в подобном районе, и без охраны – это как раз таки и надо быть круглым идиотом... Над головой мерцали звезды, образуя, ясное дело, совершенно незнакомые созвездия.

Задуманное Сварогом не было ни авантюрой, ни безумием – это было чистой воды самоубийством. Однако ничего другого ему не оставалось! В комнате Эрма он просидел всю ночь, мысленно прикидывая и так, и эдак, раскладывая в голове пасьянс из возможных вариантов, пытаясь отыскать выход из ловушки. Пасьянс не получался. Старик Эрм и милая простушка Лиома могли, конечно, спрятать Ирви на неопределенно долгий срок, но... Но – и что, господа? Сколько он должен, как говаривали сицилианские мафиози, пролежать на матрасах, пока полиция не снимет облаву? Месяц? Год? А судя по тому, с каким рвением органы местного правопорядка взялись за поимку беглого детектива, на квартире Чофо-Агайра был убит не просто любовник его жены – там завалили *персону*. И в подобных случаях полиция будет рыть носом землю и месяц, и год, пока не отыщет свою сладкую косточку. Перекроет все тропки из города. Прошерстит все связи Ирви-Лонга. Поднимет на ноги агентуру в среде нелегальных магов и преступников *обыкновенных*. Предпримет, в конце концов, поиск по каким-нибудь астральным каналам – от которых настоящий Лонг, вероятно, и нашел бы способ закрыться. У настоящего Лонга наверняка имелись свои связи в криминальном мире... Да вот беда: тут не было никакого Лонга, а был лишь ни бельмеса не смыслящий в здешней жизни Сварог, которому отчего-то приспичило попасть в окрестности Некушда. Так что делать нечего, выхода нет.

А, как учат самураи, если не знаешь, что делать, делай шаг вперед.

Вряд ли кто даже из самых башковитых полицейских предположит, что беглец сам полезет в клетку со львом...

Вдалеке завыла собака, другая подхватила, затем третья, и вскоре целый собачий хор затянул форменную какофоническую ораторию. Сварог включил невидимость, огляделся – никого – перебежал дорогу и притаился за каменной оградой. Выждал немного. Тишина. Собачки умолкли. Он двинулся вдоль ограды. Если настоящий Ирви-Лонг не ошибся, где-то тут должна быть дверца во двор... Эх, хорошо бы, конечно, через ограду перемахнуть, да ведь пузо не пустит. Что ж ты, брат, спортом-то не занимался...

Ага, есть!

Сварог нашарил в темноте холодную металлическую ручку, легонько нажал. Никаких сюрпризов, дверца поддалась, открылась без скрипа. То ли прогрессивная магия еще не добралась до этих мест, то ли здесь попросту магию

не жаловали.

Короткая перебежка до задней двери. Заперто, как следовало ожидать. Сварог достал нож, выщелкнул лезвие. Ну-ка, Лонг, где твоя мышечная память... Получилось даже быстрее, чем он рассчитывал: нехитрый замок негромко щелкнул, дверь открылась. Темный коридор. Слева кухня, прямо – деревянная лестница на второй этаж. Значит, нам туда дорога...

Он достал револьвер, крадучись поднялся наверх, стараясь держаться поближе к стене: любой уважающий себя вор должен знать, что возле стены даже самые разошедшие ступени не скрипят. А чем, милорды, мы глупее уважающего себя вора?.. Из-под второй по счету двери лился неяркий свет, но свет какой-то странный – бело-голубой, лихорадочно мерцающий. Оттуда же доносилось негромкое стрекотание, странное не менее: так тарахтели допотопные швейные машинки, еще там, на Земле... Сварог замер, нахмурился. Хоть убейте, это было похоже на что угодно, только не на звуки любовных забав...

Эх, сколько раз подводил его детектор опасности, сколько матов Сварог на него складывал – а вот поди ж ты... Как выяснилось через мгновение, без него не обойтись.

Мерцание прекратилось, стрекотанье утихло, и светильники вспыхнули разом по всему коридору – ярко, обличающе. Он и дернулся было, но тщетно: невидимая паутина в мгновение ока оплела его плотным душным коконом, рывком приподняла над полом, сковала руки и ноги, сдавила шею...

Дверь второй по счету комнаты открылась, и на пороге возник невысокий плотный, коротко стриженный человек. Он был одет в гражданское, но Сварог тут же узнал его – снимками именно этого типа начиналось досье на Гиль-Донара, начальника полицейского управления Вардрона.

Некоторое время Гиль-Донар, склонив голову набок, разглядывал пленника, подвешенного в воздухе с револьвером наизготовку, потом сдавленным голосом сказал кому-то в комнате:

– Рут, опусти пушку. Этот зверь не хищный.

И снова повернулся к Сварогу. У него были очень светлые глаза, ясные, голубые – но не как у ребенка, а скорее как у профессионального убийцы.

– Угадай, Ирви-Лонг, – сказал он с некоторой даже грустью, – почему через пять минут я тебя застрелю и никогда об этом не пожалею? – он достал необъятный носовой платок, с оглушительным треском высморкался, платок спрятал и, откинув полы пиджака, сунул большие пальцы под ремень. – Потому что ты незаконно проник в чужое владение? Не-а. Потому что ты дурак и попер напролом сквозь простейшую охранную магию? Вот еще. Или потому, что узнал обо мне то, чего тебе знать не положено? Мимо... Может, потому, что тебя разыскивает вся полиция города? Опять нет. Я, Ирви-Лонг, застрелю тебя, потому что ты прервал нас на самом грустном месте... И только не надо мне свистеть, что ты пришел сдаваться. Рут!

Из дверей боязливо выглянул еще один персонаж: дряхлый плешивый старикашка в засаленной шерстяной кофте сжимал в руках древнюю винтовку.

– Вы уверены, господин Гиль... – гаркнул было он, но глава полицейского управления перебил:

– Да не трясись, Рут, этот парень сам боится... Ты вот что, ты отволоки его в комнату, мы с ним побеседуем. Ровно пять минут.

– А... установка...

– Ерунда. Он уже никому ничего не скажет.

Дедок, ни слова не говоря, осторожно приблизился к Сварогу, взял за галстук и, как воздушный шарик на веревочке, потащил за собой.

Это не было смешно. Со стороны глядячи, зрелище сие было унижительным донельзя, и Сварог до хруста сжал зубы. Но... Но будем смотреть правде в глаза. Он пошел ва-банк – и проиграл в первом же раунде.

...В скрупулезно составленном Ирви-Лонгом досье значилось: «Карьерист, авторитарен, умеет подчинять других ради достижения собственных целей, склонен к роскоши. С другой стороны: реалист, прагматик, объективен, решителен, к политике нейтрален, готов как на решительные шаги, так и отступить на время, если осознает, что для выполнения поставленной задачи не хватает реальных возможностей, склонен к скрытой сентиментальности и ностальгии». Таков был Гиль-Донар в представлении детектива. Помимо множества познавательных и в высшей степени полезных сведений о деятельности и личной жизни начальника полицейского управления (взятки, покровительство *своих*, незаконное использование официальных магических способностей, любовные интрижки) Сварогу попало и такое:

«Как правило, в конце каждой недели фигурант проводит вечер в доме по адресу: Бычий переулок, дом 84 (см. фото). Домовладелец: Рут-Шанто, не маг (!). Протяженность пребывания – от двух до четырех страж. Фигурант выезжает по означенному адресу один, на личном мобиле, без охраны и сопровождения, тайно. Доподлинно установлено (см. стр. 92): жене, обслуге, детям, коллегам фигуранта о цели поездок неизвестно (оправдание: срочное служебное дело), с домовладельцем они не знакомы, такого адреса не знают. Проникнуть в дом в отсутствие хозяина не удалось: Р.-Ш. жилище практически не покидает. Наличия иных гостей в доме в момент пребывания там фигуранта установить не удалось, однако такая возможность не исключается (см. схему подходов), шторы ВСЕГДА опущены. По истечении срока пребывания фигурант возвращается в свой особняк. Обратить внимание: постоянная смена настроений. До поездки – усталость, раздражительность, озабоченность, напряжение; после – всегда (!) умиротворенность, печаль (изредка – радость), задумчивость, сентиментальность. По причине явного отсутствия контактов с иностранными разведками и криминальными структурами, – ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ: постоянная любовная связь на нейтральной территории. М. б., гомосексуальная. Продолжать разработку, вычислить партнера...»

И так далее. Были там еще данные на этого Рут-Шанто (бывший мелкий спекулянт), фотографии дома номер восемьдесят четыре с разных ракурсов, Гиль-Донара входящего, Гиль-Донара выходящего, схема подходов к дому и проникновения в него, было там еще много всего на начальника полиции, однако еженедельные одиночные отлучки примерного семьянина наводили на определенные соображения.

Нет, это действительно крайне любопытно! Не сама любовная связь, разумеется (пусть и противоестественная), – кто не без греха? – а тот факт, что Гиль-Донар периодически остается вне поля зрения охраны. План Сварога был прост до примитива и нагл до безрассудства, и потому имел шансы на успех. Сварог намеревался проникнуть в означенный дом, разогнать любовников (любownika, любовницу – подчеркните нужное) по углам и лично надавить на

начальника полиции – либо убедив в его, Лонга, невиновности и заставив отозвать загонщиков, либо предъявив компромат и... и тоже заставив отозвать загонщиков.

А что еще оставалось делать?! Прятаться по углам и «малинам»? Сдаться властям, уповая на объективное расследование? Пробиваться на аудиенцию к Визари? Бред еще больший. А время-то уходило! Время текло сквозь пальцы, как песок. День ушел на изготовление факсимильной копии избранных глав досье. Два он потратил на слежку за домом номер восемьдесят четыре.

Но Сварог ошибся. Гиль-Донар оказался, ко всему прочему, еще и хитер, предусмотрителен и осторожен.

Впрочем, справедливости ради следует заметить, что ошибался и Ирви-Лонг.

...Он сидел в одном из двух находящихся в комнате кресел. Мягком, просторном, удобном – в нем очень хорошо было, устроившись с комфортом, расслабиться, отдохнуть вечерком от трудов праведных. И Сварог расслабился бы, да вот беда: запястья его были надежно прикручены к подлокотникам, обитым бархатом. В таком положении отдыхать как-то не тянуло. Второе кресло пустовало: старику Руту Гиль-Донар приказал сидеть внизу и следить за двором.

– Занятная машинка, – похвалил глава столичной полиции, изучая револьвер Лонга. – Надо же, патроны и обыкновенные, патроны и противомagicские, предусмотрительно, весьма предусмотрительно... – Потом он положил конфискованное оружие в карман и принялся ходить из угла в угол. – Все же вы потрясающий человек, Ирви-Лонг. Умеете делать неожиданные ходы, тут вам соперников нет. Я был готов практически к любому вашему шагу, но чтоб *такое*... Давайте-ка выкладывайте, какого дьявола вам тут надо и как вы узнали про это место. Версию насчет того, что явились убить меня, оставьте при себе. Равно как и байки о том, что вы невиновны. У вас пять минут.

Сварог слушал не очень внимательно. Он смотрел на стену за спиной Гиль-Донара – стену, затянутую белой тканью. На этой ткани дрожало застывшее черно-белое изображение: полуобнаженная красавица в позе Данаи раскинулась на роскошной кровати, установленной посреди мрачного подземелья, на ее смазливеньком личике застыл испуг. А позади кресла раскорячился на треноге самый настоящий проекционный аппарат, старинный, бобинный – он-то и выдавал изображение на стену. Хотя – почему старинный... Вдоль же других стен возвышались шкафы, висели полки и стеллажи, и все до одного были набиты точно такими же бобинами. Десятками, сотнями бобин.

Гиль-Донар проследил за его взглядом и, ничуть не смутившись, по-простецки развел руками: дескать, а что тут такого?

– Ну да, «движущийся луч», – сказал он. – Ну да, из *ранешних* времен. Люблю я, понимаешь, лучевые картинки. А вы, скотина эдакая, являетесь в самый печальный момент...

Наверное, это был салон, где отдыхали одинокие или уставшие от семейной жизни мужчины. Наверное... Но Сварога очень беспокоило лицо красотки на экране. Где-то он ее уже видел!

– Ну что ж вы молчите, милейший, – участливо спросил Гиль-Донар. – У вас на все про все четыре минуты.

Он вдруг оказался перед Сварогом, наклонился, ухватившись лапищами за

прикованные запястья пленника, рывкнул прямо в лицо:

– Тебя наняли, чтобы следить за мной, да? Кто? Хар-Туга? Уко-Линн? Обещали взамен свободу?

– Я не убивал тех людей, – просто сказал Сварог. – Вы будете смеяться, но я пришел как раз таки за тем, чтобы сообщить сей неприятный факт.

Гиль-Донар резко отстранился, замер. Сварог почти физически ощущал, как в мозгу предводителя городской полиции идет напряженный мыслительный процесс.

– Докажи, – наконец сказал предводитель, совсем как некогда требовала у Рошалья псевдожена Келина. И пояснил: – Без доказательств ты бы не посмел явиться ко мне.

– А вот доказательств-то у меня и нету, – обезоруживающе улыбнулся Сварог. – И именно потому посмел явиться.

– Откуда знаешь об этом доме? – быстро спросил Гиль-Донар.

Сварог несколько секунд молчал, глядя в глаза полицейскому, и наконец решился. А, ва-банк так ва-банк...

– Во внутреннем кармане пиджака, – сказал он. – Думаю, вам будет интересно.

Гиль-Донар не раздумывая полез в нему в пиджак, рывком выудил сложенные листы бумаги, просмотрел мельком, потом *вчитался*. Прошло и четыре минуты, и пять, и все десять... И за это время Сварог вспомнил, где он видел обнаженную чаровницу. На экране в синематографе, вот где, куда он и Рошаль заглянули, спасаясь от преследования Каскада.

– Ну-ну, – наконец сказал Гиль-Донар, небрежно отбрасывая страницы в угол. Листки разлетелись по полу. – Значит, опустился до шантажа, Ирви?

Он проследил за взглядом Сварога и на секунду смягчился, объяснил:

– Это Галла-Дива. Величайшая актриса прошлых лет...

– А фильм называется «В объятиях Иного Зла», – негромко добавил Сварог.

– Ты знаешь? Откуда? – удивление начальника полиции было неподдельным.

– Видел эту ленту.

– Не может быть. Она давным-давно запрещена, как порочащая магию.

– Давно и видел.

– И... тебе понравилось?

Сварог вспомнил порнографические эпизоды с участием величайшей актрисы и честно кивнул:

– Местами.

Взгляд Гиль-Донара смягчился. Вот, оказывается, чем занимался начальник полиции каждую неделю по вечерам!

Никаких любовных связей, детектив ошибался: он смотрел старые запрещенные фильмы. И тащился. Ну надо же...

– Ты очень странный тип, Ирви-Лонг, никак не могу тебя раскусить... Ну и зачем ты решил меня шантажировать?

Сварог пожал плечами:

– Вы спросили, как я нашел этот дом, – вот вам ответ. Это не шантаж, это страховка.

– И это, разумеется, копия.

– Разумеется.

- Что хочешь в обмен на оригинал?
- Чтобы вы меня выслушали.
- Ну, слушаю.
- Я никого не убивал. Меня подставили.
- Выкладывай.

Гиль-Донар уселся в соседнее кресло.

И не перебил ни разу, пока Сварог сбивчиво пересказывал подробности встречи с Чофо-Агайром и последующие за тем события.

Потом он долго молчал и сказал наконец:

- Ну, я выслушал. Теперь чего ты хочешь?
- Если вы хоть чуть-чуть мне верите, то... Два дня свободы, – сказал Сварог. – Только два дня. Мне... мне нужно добраться до одного места.

Гиль-Донар глубоко вздохнул, потянулся куда-то за кресло и выудил точно такую же папочку, как та, в которой Ирви-Лонг собирал компромат на него самого.

– Смешно, – сказал начальник полиции. – Я как раз сегодня решил прошерстить твоё досье и подумать, где ты можешь прятаться. Так что один – один.

– Почему же, – возразил Сварог, – а по-моему, все ещё один – ноль. Потому что ваше досье на меня грозит мне в лучшем случае отсидкой, а мое на вас – о, такой скандальчик может быть...

– Думаешь отделаться отсидкой?

Гиль-Донар раскрыл папку, дальнозорко отодвинул от лица. Прочитал вслух:

– «Предпочитает независимый образ жизни, тяготеет семьей и семейной жизнью... Скрытен, но внешне на контакт идет легко, умеет нравиться, может быстро расположить к себе собеседника... Честен, обязателен... Нелегальные умения: невидимость...» А, во, главное: «вызов призрачного убийцы».

– Что такое «призрачный убийца»?

– А ты не знаешь, чем владеешь, да? – иронически спросил Гиль-Донар. – Изволь. Есть такое умение: вызывать из Инобытия и материализовывать на короткий срок призраков. А конкретно «призрачный убийца» – это пустотное создание, полудемон, получеловек, подчиняющийся только одному приказу вызвавшего его колдуна: «Убей!» Обычно расчленяет или отрывает жертвам голову. Когтями.

«Какое полезное умение», – с тоской подумал Сварог, а вслух спросил:

– А мотив?!

Гиль-Донар посмотрел на него со странным выражением и, поразмыслив, достал из папки фотографию.

– Узнаешь? Думаешь, я не в курсе?

Со снимка на Сварога смотрела стройная барышня с симпатичным, но несколько кукольным личиком. Жена таинственного Чофо-Агайра. Распоротый от горла до живота труп. Начальник полиции с любопытством наблюдал за его реакцией.

– Кто это? – спросил Сварог.

– Жена твоего «Чофо-Агайра». Убитая.

– Ну, и? – Сварог недоуменно поднял брови.

– Приятель, – вздохнул Гиль-Донар, – либо ты считаешь меня полным идиотом, либо у тебя самого серьезные проблемы с головой... Ладно, освежу твою

память. А пока посмотри.

И он протянул Сварогу еще несколько фотографий. Фотографии, признаться, впечатляли.

Ирви-Лонг и убитая в баре – смеются, склонив головы друг к дружке; Ирви-Лонг и убитая на пороге какого-то особняка – самозабвенно целуются, причем рука детектива лежит точнехонько на ее груди, а ножка красотки с задранной до бедра юбкой обвивает его ляжку; Ирви-Лонг и убитая в постели, в позиции, которую ни один, даже самый прожженный адвокат не сможет назвать «невинной беседой». А Гиль-Донар тем временем монотонно читал из папочки:

– «...в настоящее время имеет сексуальную связь с двумя женщинами помимо супруги: Лиомой-Тафт, бывшей танцовщицей, живет в доме объекта, выдает себя за его племянницу, и Кокто-Линой, супругой министра Внешней безопасности Короны господина Ролн-Терро».

– Фотография этого... Ролн-Терро... у вас есть? – спросил Сварог внезапно охрипшим голосом.

– Не-а, зачем, ты же с ним не спишь... – Гиль-Донар замялся. – Однако, судя по твоему описанию, именно он представился тебе Чофо-Агайром и нанял проследить за женой. Чофо-Агайр и министр Внешней безопасности – один и тот же человек. И жена у него, стало быть, одна и та же... Была.

– Значит, это он меня и подставил!

– Н-да? А если все было не так? А если ты застукал свою подружку в объятиях другого, взревновал, в запале вызвал «убийцу» и кокнул обоих?

Да, это удар. Крыть было нечем. Ну, Ирви-Лонг, ну, кобель, ну, падла, доберусь я до тебя...

– Я этого не делал, – сказал Сварог.

– Рассказывай еще раз, – резко велел Гиль-Донар. – И со всеми подробностями. Что Чофо сказал, что ты ответил, как он на тебя посмотрел...

...Спустя десять минут начальник полиции вдруг резко встал, вышел в соседнюю комнату, но практически тут же вернулся.

– Сейчас сюда приедет один человек... Да не дергайся! Это по другому вопросу. А ты вот что... Ты узнал, кто был тем вторым, кого грохнули вместе с женошкой?

Сварог помотал головой.

– Даже не пытался...

– А еще сыщик... Дранный ты презерватив, а не детектив. Это Тон-Клагг, директор завода, который поставляет оружие для Небесной Гвардии – ребят, что собираются намылить шею Черной Планете.

– И... что?

– А то. Директор подчинялся непосредственно Ролн-Терро.

Гиль-Донар опять встал, принялся ходить по комнате. Свет из кинопроектора бросал на его лицо причудливые разноцветные блики.

– Это информация абсолютно секретная. Но я тебе скажу. Сам пока не знаю, почему... Запоминай четко, второй раз повторять не буду. Я – начальник полиции Вардрона, в мои обязанности входит и контроль за безопасностью всех жителей столицы. Включая самых высокопоставленных чиновников. Включая министра Внешней безопасности Ролн-Терро. А вот его поведение мне последнее время очень не нравится...

Промышленность как таковая, пусть и трижды секретная, Гиль-Донара не волновала абсолютно – есть кому надзирать над спецобъектами и без него. Но вот однажды, где-то с месяц назад, агентура доложила, что сугубо конфиденциальной встречи с ним ищет некий Тон-Клагг, директор как раз таки одного из секретных заводов. Директор сей был чем-то зело озабочен, места себе не находил... а потом взял и встречу отменил. По собственной инициативе.

Нельзя сказать, чтобы Гиль-Донар обеспокоился – ну отменил и отменил, но из чистого любопытства поднял дело этого Тон-Клагга. И заинтересовался. Тон-Клагг работал директором завода, выпускающим, как уже говорилось, вооружение для Небесной Гвардии. И завод этот несколько лет назад приступил к работе над жутко секретным проектом «Стеклянный дождь», вроде бы как-то связанным со звездолетом «Искупитель». «Вроде бы» – потому что никто не мог толком сказать, как именно он был связан. Деньги в проект вбухивались немалые, и немалые деньги оседали в карманах тех, кто поставлен бдительно следить за расходами...

Опять же: эта сторона вопроса начальника полиции вообще не касалась. Но начальник неким верхним чутьем почувствовал запах *измены*. По поводу проекта директор отчитывался лично перед министром Внешней безопасности. Министр Внешней безопасности лично выписывал счета, связанные с расходами на «Стеклянный дождь». И никто в правительстве не знал, что это за проект. Запахло уже не изменой – отчетливо воняло иностранной разведкой. Однако силенок Гиль-Донара не хватало, чтобы прищучить министра. И докладывать о своих подозрениях *выше* он не хотел: тогда вся слава уйдет к другому. А какой начальник полиции, скажите на милость, не мечтает сам лично раскрыть международный заговор?!

И тут вдруг – директор убит аккуратно после того, как он что-то собирался сообщить полиции. Убит вместе с женой своего благодетеля. Странно? Более чем.

– Есть еще две странности, – сказал Гиль-Донар.

И замолк, прислушиваясь к шуму снаружи. Кажется, подъехал мобиль, и Сварог насторожился. Но начальник полиции продолжал как ни в чем не бывало:

– Странность первая: зачем Ролн-Терро понадобилось следить за супругой? Они практически вместе не жили, Кокто-Лина была для него так называемой «светской» женой – то есть исключительно для совместного выхода в свет... А личная жизнь у каждого была своя. С чего бы это он так взревновал? И вторая странность: почему он нанял для слежки именно тебя – любовника собственной жены?..

– Подставил, я ж говорю!

– Короче, так. Предлагаю тебе сделку. В редких случаях полиции разрешено прибегать к помощи гражданского населения. Так что я отменю операцию «Кольца» не на два дня – навсегда. А за это ты... За это ты отправишься на тот завод и попытаешься выяснить, что там прогнило, почему убили Тон-Клагга. Необходимые бумаги, полномочия, документы выдам. И поедешь, разумеется, не один – предоставлю тебе напарника.

На лестнице послышались шаги, в дверь постучали.

– Разрешите, господин начальник?

– Заходи, как раз о тебе говорим.

У Сварога отвисла челюсть.

В комнату вошел Монах, криминальный приятель Щепки из прошлой жизни.

Часть вторая СКВОЗЬ ПРОСТРАНСТВО

ГЛАВА 17 «ИСКУПИТЕЛЬ»

...Внизу горели десятки, а может, и сотни тысяч огней. Огни были разбросаны по огромной площади, размеры которой трудно было оценить на глаз, сравнить с чем-то, приложить к ним какие-то меры длины. Так, подумал Сварог, откуда-нибудь сверху должна была выглядеть расположившаяся на ночлег пятисоттысячная полумифическая армия Чингисхана.

Только вот вряд ли в лагере воинов Чингисхана костры полыхали бы таким ровным и все как один, одинаковой яркости светом, вряд ли над головой кочевников тянулись бы тросы или провода, вряд ли в кочевом лагере можно было увидеть множество геометрически правильных строений – треугольных, квадратных, круглых строений разного размера. Совсем сомнительно, чтобы степные воины плавил бы что-то в огромных котлах и оттуда взлетали вверх ослепительные, распадающиеся брызгами бело-желтые фонтаны. Вряд ли в степи двигались бы механизмы: затейливые, многолапые, ничуть не похожие на все знакомое Сварогу. Но главное... Главное – посреди лагеря татаро-монгольской орды никогда не стояло бы... вот это самое.

А здесь, в центре исполинской строительной площадки... находилось... чему и слова сразу не подберешь. На язык просилось слово «хреновина». Но не передавало всей грандиозности, всей масштабности... Если только так: Хреновина. А выглядела эта Хреновина как забранный строительными лесами цилиндр высотой, наверное, с километр и диаметром метров триста, никак не меньше, с подвешенной к нижнему торцу полусферой чашей вниз. Полусферу тоже опутывали строительные леса, по ним сновали люди, отсюда, с высоты, кажущиеся суетливыми черными муравьями. Да и было их никак не меньше, чем обычно снует по муравейнику этих маленьких шевелювых насекомых...

Да, это был удар. Сварог не питал иллюзий, будто бы ему с легкостью удастся проникнуть в подземелье Ожидающих – где, как утверждала Праматерь, хранится в покое и сохранности его тело... Он думал, что проникнуть будет трудно. Но даже и не предполагал, что это будет *невозможно*.

Потому что аккуратно над подземельем теперь возвышалась километровая Хреновина. Как многотонный обелиск, воздвигнутый над похороненными надеждами Сварога... Не надеждами – над могилой самого Сварога, его тела!

Но больше всего бесило не это. Больше всего бесил сам звездолет. Снаружи космический корабль под названием «Искупитель» (а ведь это именно он, что же еще?) был ярко подсвечен направленными снизу прожекторами. Но и внутри полусфера освещалась расставленными по ее краю прожекторами не менее ярко – там, внутри исполинской «чаши» тоже всю кипела работа. Снаружи люди прилаживали новые листы обшивки, покрывали ее защитным лаком, ставили на заклепки, варили, стучали, подносили и руководили. Внутри шла работа иного рода. Внутри будущий «Искупитель» оборудовали, так

сказать, всем необходимым для полета и для проживания во время одного огромного количества людей на борту – экипажа и Небесной Гвардии. Ставили переборки между будущими каютами, собирали трапы многоэтажного звездного дома; монтировали коридоры, переходы, кокпиты, люки, устанавливали совершенно непонятного назначения механизмы...

Зрелище, что и говорить, потрясало воображение. Но Сварог чувствовал, как потрясение в его душе быстро сменяется недоумением, затем подозрительностью... а теперь он не чувствовал ничего, кроме глухой ярости. Хотелось немедленно встретиться с главным конструктором... или, точнее, с главным дизайнером и вытрясти из него душу. Посмотреть хотелось, что у него в голове, узнать: верит ли сам он, что ЭТО должно взлететь? Если верит, то откуда черпает конструкторские идеи? А если *не* верит, то тем более – *откуда* он их черпает?.. А еще Сварог мельком подумал о том, что в эдакий звездолетище и вправду можно поместить если не всю армию Чингисхана вместе с лошадьми, то армию без лошадей – запросто.

– Великое зрелище для очей моих, – под влиянием момента у Монаха даже прорезалась былая лексика.

– Но насколько же величественно это чудо, должно быть, выглядит поблизости! – зачарованно прошептал кто-то из зрителей.

Восхищение грандиозностью зрелища Сварог мог вполне разделить с Монахом и с другими людьми, находящимися на обзорной площадке. А люди своих восторгов не скрывали: охали, ахали, выкрикивали лозунги самого урапатриотического содержания, некоторые особо чувствительные (дамочки в числе первых) плакали. Хлюпнула носом Лиома. Один из зрителей вдруг запел гимн Короны, и многие подхватили.

Да, на Сварога тоже произвело впечатление сие зрелище. Но исключительно как зрелище, как представление. А вот какого чувства Сварог никак не мог разделить со зрителями на смотровой площадке, так это радости.

Потому что с первого взгляда становилось ясным, что громадный цилиндр под названием «Искупитель» взлететь не сможет. Не то что не выйдет за пределы атмосферы – на метр над землей не поднимется! Он был способен лишь медленно и величественно завалиться набок. Можно было бы возразить, что магия умеет творить и не такие чудеса: вспомним хотя бы виману, вернувшуюся со звезд на Татар, автоматику которой отключила принцесса Делия, – тот аппарат, по логике и аэродинамическим параметрам, тоже вообще не должен был подняться в воздух, однако ж летал, и летал к другим планетам... В конце концов, что Сварог знает о здешней магии?

Однако этот аргумент разбивался о простой факт: циклопическая чаша на нижнем торце цилиндра была ничем иным, как дюзой. Следовательно, у «Искупителя» имелся ракетный двигатель. Следовательно, какое-то время пути экипаж собирался идти на реактивной тяге, без всякого колдовства.

Но дело все в том, что такой двигатель не способен был вообще включиться! Сварог, конечно, не был специалистом, но примерно представлял себе, что такое газодинамические характеристики сопла, скорость истечения потока и ламинарный режим. Напрягшись, он вспомнил даже понятие «сопло Лаваля», хотя и не смог бы внятно объяснить, что оно означает... Так вот: эта дюза была изготовлена скорее на основе детского рисунка, но уж никак не по чертежам, выполненным с учетом математических расчетов. Да не в этом суть! Любой

школьник поймет, что подобная конструкция летать попросту не сможет, будь она окутана хоть тремя слоями защитной магии. Где теплоизоляция? Герметичность корпуса? Стабилизаторы? Где, в конце концов, топливные баки – а для ускорителя с *такой* дюзой потребуются топливный отсек раз в двадцать больше самого корабля? Как экипаж будет маневрировать во время полета, как опускаться на чужую планету?.. А если на каждый из таких вопросов отвечать глубокомысленно: «Магия!», – то позвольте спросить: а зачем вообще тогда нужен космический корабль? Сигнали бы всю Небесную Гвардию в большой сарай, запечатали бы в защитный магический пузырь, произнесли заклинание, лишаящее веса и массы, – и нехай себе летят. Родная магия поможет... Подобное предприятие имело бы больше шансов на успех, нежели полет «Искупителя», где посредством колдовства придется затыкать миллионы дыр в чисто техническом проекте...

Вдоволь налюбовавшись зрелищем надежд сотен тысяч обывателей, паломники, а среди них Сварог, Монах и Лиома, покинули обзорную площадку. Их ждал долгий спуск по выбитым в скале ступеням, отполированным миллионами ног предыдущих паломников. Потом предстояла поездка на фуникулере. (Судя по ржавости его механизмов, фуникулер был родом из *ранешней* эпохи. Значит, откуда-то его сюда перевезли. Вот было бы смешно, если б это оказалась та самая «канатка», на которой Сварог некогда имел милую беседу с бойцами из спецотряда «пауков»!) Потом – извилистый путь по узкоколейке, в вагончике типа шахтерского... Короче, в город они попадут уже глубокой ночью.

А прибыли они в Город-на-Заре (именно так он официально именовался на картах и в справочниках) во второй половине дня, ближе к вечеру, и немедленно направились в горы, на обзорную площадку. Поступи они иначе – и могли бы привлечь к себе чье-то ненужное внимание: ведь они выдавали себя за паломников, а все паломники, сойдя с поезда, сразу же отправляются в горы, за тем они сюда и едут. Собственно, за тем же сюда приехал и Сварог – посмотреть, как ни глупо это звучит, на место, где под слоем земли и бетона похоронено его тело. Проверить, как туда можно проникнуть. И, в общем-то, туда проникнуть. То есть Сварог в любом случае настоял бы на незамедлительной поездке в горы, однако настаивать не потребовалось. Монах, во-первых, понимал, что ночью идти на завод резона нет никакого, а во-вторых, Монаху и самому было интересно взглянуть на знаменитый «Искупитель». Лиоме же было все равно, но...

«Племянница» с ее преданностью Сварогу... то есть к предшественнику – да, она могла стать проблемой. В первую очередь для себя самой. Нельзя сказать, что ее решимость следовать по пятам за детективом Сварога напрягала или тяготила... но ведь, господа, мы ж не на увеселительной прогулке. На завод она, конечно, не пойдет, будет сидеть в гостинице как миленькая, однако, кто знает, как все может обернуться. Она может стать обузой, если придется *действовать*.

Итак, Сварог все, что хотел, увидел. И от увиденного ему сделалось паршиво. Эта дура под названием «Искупитель» на месте монастыря Ожидающих! Что и говорить, место выбрано удачное для подобной стройплощадки, но Сварог-то тут при чем, скажите на милость?! Ему надо туда, под землю, его там ждут! А поскольку звездолет шестнадцатью своими опорами вокруг чудовищ-

ного сопла упирался даже не в землю, а в толстенную бетонную подушку, то задача проникновения в монастырский бункер усложнялась многократно. И Сварог даже отдаленно не представлял себе, как можно решить эту задачу. Ну проникнет он на космодром, ну доберется до звездолета... и что? Долбить бетон киркой? Бред. Тем более, если сам магическими способностями практически не обладаешь. Тем более если обвинение в двойном убийстве с тебя еще не снято – так, на время отложено под сукно. Да, граждане присяжные заседатели, неоткуда взяться оптимизму, ну вот хоть режьте, а неоткуда...

В общем, вернулся Сварог в Город-на-Заре в самых растрепанных чувствах.

«Ладно, – решил он. – Разведку провели, завтра с Монахом скатаемся на завод Тон-Клагга, осмотримся там, а потом и думать будем...»

Город-на-Заре сей появился на картах лишь семь лет назад, когда родился проект «Искупитель». Сперва это были сборные домики, где жили первые работники, готовящие площадку под строительство. Потом появились первый Храм и первый трактир. Потом появились второй трактир и первый публичный дом. Чуть погодя – третий трактир и первый банк. А бурный рост всего и вся начался, когда вокруг города стали вырастать цеха: сталеплавильные, прокатные, токарные, механосборочные, деревообрабатывающие, столярные и еще черт-те какие – и все для нужд «Искупителя». А рабочим нужно где-то жить, где-то хранить свои сбережения, после трудового дня нужно где-то пропустить чарку-другую... рабочим нужны были женщины, а женщинам, в свою очередь, – магазины, портные, шляпники, кондитеры, ювелиры.

А вот подлинное процветание Города-на-Заре началось, когда сюда хлынул поток паломников. Конечно, не ради процветания Города-на-Заре заманивали сюда любопытствующих гостей, а исключительно ради пропаганды. Переполненные восторгом туристы, возвращаясь домой, захлеб рассказывали об увиденном сперва всем встречным-поперечным, а потом уже – домашним и соседям. И одно дело, когда люди о чем-то читают в газетах, и совсем другое, когда ты сам или даже пусть твой сосед видят это что-то воочию. Сразу начинаешь верить безоговорочно.

А тут еще в город в немалом количестве потянулись добровольцы, желающие записаться в Небесную Гвардию. Сварог полагал, что мэром здешнего города (хотя он зовется, понятно, как-нибудь по-другому, но дело в сути) был оборотистый человек с хорошими связями в столице, он и пролоббировал, чтобы зачисление в десант производили в Городе-на-Заре, а не где-нибудь еще. Здесь, в Городе, соискатели должны проходить медкомиссию, здесь они подвергаются испытаниям, сюда счастливчики, зачисленные в Небесную Гвардию, приезжают на тренировочные сборы. А лишние люди в городе – лишние деньги в городскую казну.

Довольно скоро число гостиниц в городе сравнялось с числом питейных заведений и грозило в ближайшее время превысить их. По числу гостиниц Город-на-Заре бесспорно в Короне лидировал. Сварог подумал, что гостиниц здесь столько, сколько в другом известном населенном пункте было парикмахерских и погребальных контор.

Сварог со товарищи остановились в гостинице «Каменная роза», записавшись, разумеется, туристами. После содержательной поездки на гору сразу отправляться по койкам не хотелось никому, и всей компанией они направились в подвальчик, расположенный напротив гостиницы. Народу было бит-

ком, официанта прождать можно было до утра, и Сварог направился к стойке, сделал заказ там (холодное мясо, вино, хлеб) и в ожидании, когда на поднос поставят все заказанное, присел на вертящийся стул... И практически тут же тяжелая длань легла на его плечо, рывком развернула.

– О ты где! – перед ним стоял, расставив толстые ноги, некий квадратный очертаний человек с квадратным же багровым лицом, и смотрел на Сварога с радостным удивлением. – Не, ну надо же, о где я тебя нашел! Не ожидал, не ожидал...

Крепыш был абсолютно незнаком Сварогу.

– О! Не признал! – довольно хохотнул краснолицый. И вдруг стал само участие. – Ага, пять лет прошло... А я помню! Как ты выследил и донес хозяину. Забыл, да? А меня, между прочим, обвинили в перепродаже нелегальных заклинаний, лишили *умения*, чуть на Эшт из-за тебя не загремел! Ну, это ниче, это я те щас живо напомним...

Он ласково так, с некоторым даже наслаждением, взял Сварога за грудки, потянул на себя...

Спустя секунду его изогнуло, скрючило в три погибели. Сидевшие и стоявшие рядом посетители заведения мгновенно отхлынули в стороны, чтобы не попасть под шальной удар.

– Слушай, орел, – мирно сказал Сварог, нависая над согнувшимся почти до пола телом, – может, не будем, а? Может, сойдемся на том, что ты обознался? Ты же видишь, мы кушаем...

– Пусти... с-сука... – прохрипел квадратный.

– Ты ведь обознался?

– Да!..

Сварог для пущей острастки ткнул его двумя пальцами в болевую точку под локтем, а потом руку разжал, выпустил выворачиваемый большой палец незнакомца. Незнакомец рухнул на колени. А из-за столика уже поднимался Монах, уже пер на выручку, раздвигая толпу как ледокол... Сварог помахал ему: мол, все в порядке... И удар невидимого молота под диафрагму швырнул его спиной на стойку. Воздух застрял в легких. Посыпались стаканы, что-то протестующее заорал бармен...

Ничего еще не закончилось, квадратный и не думал сдаваться. Он уже поднялся на ноги и теперь стоял перед Сварогом, опустив руки, но если бы Сварог сумел включить магическое зрение, то увидел бы, что у краснорожего появились руки дополнительные – здоровенные, полупрозрачные, растущие из живота, больше похожие на щупальца, и одна из этих рук нацеливается Сварогу аккурат в левую скулу.

Но Сварог, увы, не мог этого видеть...

На полпути к его лицу летящий призрачный кулак перехватили, выкрутили. Квадратный взвыл, обернулся и, получив сочный хук в подбородок, в очередной раз повалился на пол, теперь уже надолго.

– Вот это да, вот это жизнь! Слушай, солдат, я смотрю, где ты, там всегда дьявольски весело!

Сварог потрянул головой, восстанавливая дыхалку. Черт бы подрал эту магию...

– Спасибо, – только и сказал он.

– Да о чем речь! – воскликнул Таксист – тот самый, который помог ему уйти

от полиции возле дома мнимого Чофо-Агайра, – и повернулся к толпе, гаркнул: – Ну? Есть тут дружки этого уroda, желающие поквитаться за приятеля? Нету? Жаль, я только разогреться начал!

Сварог отлепился от стойки, потрогал объемистый свой живот. Вроде ничего не отбито, и на том спасибо...

Налетел Монах, за ним попевала Лиома.

– Бесовское место! – с ходу заявил напарник, сжимая и разжимая кулаки. – Заблудшие души!

– Ты что тут делаешь? – спросил Сварог у Таксиста.

Тот смущенно потер нижнюю челюсть.

– Да, понимаешь, вечером налетели – номер мобиля, оказывается, срисовали, твари, – ну, отловили меня, промурыжили всю ночь в участке, ни хрена не добились и отпустили – а куда деваться! Вышел я от них и со злости мобиль свой ломиком разукрасил. И, думаю, правильно сделал. Надоело до зеленых кругов мотаться по этим вонючим улицам, всяких «туземцев» возить туда-сюда за гроши... Эх, где вы, фронтовые денечки! Ну, рванул сюда, записываюсь вот в Небесную Гвардию. Может, там повеселее будет. Это твои друзья?

Он показал на Монаха и Лиому, задержал взгляд на «племяннице».

– У тебя хороший вкус, солдат! Ну что, продолжим? Разворошим это болото?

– Не стоит, – покачал головой Сварог. – Мы, пожалуй, пойдем отсюда. Здесь плохо кормят.

– Нет, ну а как твои-то дела? – Таксист многозначительно подмигнул: дескать, я тебя перед дружками не заложу, если они не в курсе твоих запуток с полицией.

– Да наладились вроде... Ладно, бывай, спасибо, что помог.

– А может, завалимся всей компанией в какое-нибудь местечко получше? Веселых домов тут много... Простите, барышня. Но что есть, то есть, а что естественно, то естественно. Такова простая солдатская мудрость.

– В следующий раз, – пообещал Сварог.

– Ну, как знаешь, если что, я остановился в «Веселой козе»!

Но в «Веселую козу» Сварог так и не заглянул.

ГЛАВА 18 ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ДЕТЕКТИВ

Лиома оказалась молодчиной. Сначала попыталась было навязать свое общество, но когда Сварог твердо заявил, что едут они с Монахом *по делу*, тут же отстала и даже с вопросами больше не лезла. Так что на разведку они отправились вдвоем. Завод, где командовал покойный Тон-Клагг, оказался последней станцией на этой ветке узкоколейки. Работяг, заспанных и недовольных жизнью, здесь вышло не очень много, гораздо меньше, чем на предыдущих остановках. Сварог не придал бы этому никакого значения, вовсе бы не обратил внимания, но потом он увидел заводские корпуса...

– Ну ни хрена себе... – невольюно вырвалось у него.

Пока трудно было утверждать наверняка, но по площади сей гигант магической промышленности, кажется, мог посоперничать и с Запорожским металлургическим. Завод был построен в горной долине и занимал все ее пространство. Вширь. А насколько далеко уходят корпуса и цеха вдаль, с той точки, где находились Сварог и Монах, рассмотреть было невозможно: мешала

высоченная стена. С заводской, между прочим, имеющая мало общего. Территорию завода огораживала натуральная крепостная стена, с зубцами поверху, и более того – перед ней был вырыт натуральный крепостной ров, до краев заполненный мутной зеленоватой водой. Через ров к предприятию вел мост шириной с футбольное поле, в начале которого стояла с виду ма-ахонькая будочка контрольно-пропускного пункта. Или следует говорить «проходная»?

– Интересно, на кой ляд тут нужен такой мост, – нахмурился Сварог, – что они по нему возят?

Монах почесал затылок.

– Гордыня обуяла главного возводителя, дай-ка, подумал, удивлю всех шириной моста.

– Слабовато, – с сомнением покачал головой Сварог.

– А вот я тебе скажу другое: хорошо охраняют наш завод. Надежно, крепко. Вон бойницы для стрелков вдоль гребня стены, да и водица во рву явно непостояная. Думаю – ядовитая, и для человека, и для металла... И это только то, что я глазом рассмотреть успел! Отсюда следует, – Монах поднял вверх палец, – что много чего и сокрытого имеется...

– Ладно, двинулись, – Сварог, не докурив, выбил трубку. – Будем надеяться, наши бумаги с бронебойными печатями прошибут любую магическую защиту завода.

– Все хотел спросить, а чем ты занимался до... полиции? – нейтрально спросил Сварог, когда они с Монахом направились в сторону контрольно-пропускной будки.

– А что? – недовольно покосился спутник.

– Да так, отношения налаживаю... Просто интересно, как люди приходят на службу в полицию. Сдается мне, у тебя была непростая биография, а?

– А у кого она нынче простая, – философски буркнул Монах.

– В самую точку, – вздохнул Сварог. Они подошли к проходной. Или правильнее все же называть КПП? Из полосатой неказистой будки выбрались двое – отнюдь не старички пенсионного возраста, которые станут долго, придирчиво и подслеповато, со значительным лицом разглядывать пропуска, и не юнцы студенческого возраста, подрабатывающие копейку к стипендии, которым на все глубоко плевать. Из будки выбрались ребята серьезные, сразу видать – несущие охранную службу и за страх, и за совесть, и за хорошую денежку. По тому, как они встали, как они держались, Сварог сразу определил в этой паре старшего и младшего.

Они не перекрывали нежданым визитерам доступ на мост, не опускали многозначительно руки к поясам (да, собственно, на поясах и не болталось никаких предметов устрашающего вида), не поигрывали дубинками. Наоборот, всем своим видом они демонстрировали, что ничего не имеют против того, чтобы визитеры проследовали дальше. Так и читалось на их лицах: ну что же вы стоите, гости дорогие, бегите же, прорывайтесь. И как-то сразу делалось ясно – эти хлопчики с преогромным удовольствием посмотрят, что будет дальше...

Монах протянул охранникам загодя заготовленные документы. Старший внимательно их изучил, видимо, не нашел к чему придраться и, похлопывая стопкой документов по ладони, изрек сакраментальное:

– Мое дело маленькое. Мое дело доложить вовремя и выполнить, что ска-

жут. Давай, Кай! Беги к начальству, расскажи им, какие тут у нас гости.

Сварог и вправду подумал, что младшой охранник сейчас бросится по мосту. Однако названный Каем лишь прикрыл веки, расслабился, беззвучно зашевелил губами... а потом замер, чутко вслушиваясь в тишину.

Ага, система связи. Магическая, етить ее.

– Пусть идут, – сказал он наконец, открывая глаза. – Разрешили.

– Ну и ладненько. У ворот вас встретят, – старшой отдал документы Монаху.

– Стойте!

Окрик застал Сварога и Монаха, когда они уже собирались ступить на мост.

– Подождите хоть, пока защиту снимут!

Лицо старшего охранника расплылось столь хищной улыбкой, что Сварог уверился – когда-то кого-то здесь впечатляюще остановила защитная система, и охранник не мог забыть тех чарующих мгновений.

...У заводских ворот их встречала очередная парочка – в одинаковых мешковатых комбинезонах, с одинаковыми взглядами и одинаково широкие в плечах. Короче говоря, хоть мордами разные, а близнецы. Представились они работниками заводской канцелярии. Ага, щас, мы так и поверили...

Близнецы изучили бумаги не менее внимательно и тоже не нашли, к чему придраться.

– Чем обязаны? – холодно спросил один. Монах преобразился. Теперь рядом со Сварогом стоял не мелкий полицейский служака и не криминальный элемент, готовый в любой момент выхватить складень и располосовать рожу кому угодно. Теперь рядом со Сварогом стоял высокомерный, чуть брезгливый чиновник из столицы, которому до коликов надоели тупоумные провинциалы.

– А что, соколики, из документов не ясно? – ядовито поинтересовался Монах. – Или не ждали нашего визита? Или у вас каждый день по директору убивают? «Чем обязаны...» Вы обязаны оказывать нам всяческое содействие. А мы обязаны провести расследование, расспросить людей, знавших покойного Тон-Клагга, осмотреть его рабочее место... Вам всю программу развлечений расписать или достаточно?

– Как вам будет угодно, – бесстрастно сказал близнец, но глаза его на мгновение сузились. – Оружие, фотографические аппараты, магические предметы?

Сварог достал револьвер, протянул близнецу, сказав: «Разрешение, кстати, имеется», но ответа не получил. Револьвер исчез в кармане комбинезона. А в это время второй близнец уже вдумчиво водил вокруг гостей черным жезлом со светящимся навершием, отмечая вслух: «Закливание неподвижности... заклинание невидимости... заклинание „длинное ухо“... умение двойника... „зеленый лист“... вызов Призрачного убийцы... блокада оружия... противодействие заговорам...» Жезл тихонько жужжал.

– На территории завода применение посторонними любой формы магии запрещено вплоть до изоляции, – пригрозил первый.

«Ого, – подумал Сварог, – это они наши возможности определяют! А я и не знал, что столько умею...»

– Да ладно, мужики, – сказал он. – Думаете, нам охота было переть сюда из столицы? Ясно же, что грохнули его из-за бабы. Так что мы не задержимся.

И они оказались на территории завода.

Завод был огромен. Чем-то он напоминал обыкновенное предприятие: разбросанные по территории корпуса разной высоты и площади, груды железяк возле корпусов, синие всполохи за грязными зарешеченными окнами – не то сварка, не то проявления магии, разъезжающие по территории грузовые мобили, люди в рабочей одежде, люди в одеждах жрецов, краны, лязг, шипение... При желании здесь можно было спрятать целую пехотную дивизию, и никто, ни одна проверочная комиссия не отыскала бы захоронку.

(Сварогу все это было, конечно, любопытно. Но не более того. Признаться, сейчас ему дела не было до каких-то там расследований. Сварог, как плохой футболист на поле, дожидался окончания тайма. И, бродя за Монахом, лишь для вида поглядывал по сторонам, задавал какие-то вопросы, а сам ломал голову над проблемой, как проникнуть в подземелье бывшего монастыря. Подкоп.

Или взрывчатка.

Ничего более дельного на ум пока не приходило. Но даже без предварительных расчетов было ясно, что взрывчатки потребуется много. До хрена ее потребуется. Даже двоекратно до хрена... Однако и целый состав тринитротолуола задачу не решит: взрыв наверняка повалит и этого нелетающего монстра, и тогда над подземельем вырастет громадный курган из обломков звездолета, пробиться сквозь который не будет вообще никакой возможности... Что еще? Бурильная установка? Растворитель бетона? Магия?..)

Зато, едва они оказались в кабинете Тон-Клагга, Сварога точно ударило что-то в спину, и он мигом прогнал из головы все посторонние мысли. Даже при отсутствии детектора опасности он неким верхним чутьем уловил угрозу, хотя и непонятно было, откуда она проистекает... Очень уж странным оказалось рабочее место убиенного директора.

Более всего оно напоминало музеи-квартиры всяческих исторических деятелей – скажем, кабинет вождя русской революции в Смольном. В таких кабинетах музейными трудягами создается впечатление, будто хозяин вот только что был тут, выскочил буквально на минутку, сейчас вернется. Вроде бы все кабинетные причиндалы на своих местах, карандаши заточены, даже исписанные листы бумаги разложены на столе – и чуть ли не сигарета в пепельнице дымится... Однако на зеленом сукне нет ни единого чернильного пятнышка, нет табачных крошек вокруг пепельницы, на настольной лампе нет следов грязных пальцев, в корзине для бумаг нет мусора, чехлы на стульях беленькие, как только что из прачечной, на столе порядок – словом, напрочь отсутствуют те самые мелочи, которые делают помещение *живым*. Вот и относительно рабочего места бывшего директора у Сварога сложилось впечатление, что это лишь декорация. Он переглянулся с Монахом.

Точно так же *стерильно* отвечали на вопросы ближайшие коллеги Тон-Клагга – замы, начальники производства, главный инженер, руководитель службы безопасности (или как там он правильно называется у *них*... в общем, начальник первого отдела). Все коллеги несли полную околесицу... Ну, вернее, не околесицу, а... А такое впечатление, что они пересказывали характеристику с места работы. Причем все – одну и ту же, хотя и разными словами. Директора уважали, к директору прислушивались, был он суров, подчас крутоват, но справедлив, грамотный специалист... Личная жизнь? Не знаем, не интересовались. Враги? Не знаем, не интересовались. Проблемы? А у кого их нет?..

Наконец поняв, что от коллег ничего не добиться, Монах бессильно махнул рукой и прекратил пустые разговоры. Они вышли на улицу – в сопровождении все тех же молчаливых и невозмутимых, как известный робот Драмба, провожатых-близнецов. Сварог был уверен, что на этом их визит на завод окончен. Ничего подобного.

– Так, а там что? – деловито спросил Монах, показывая куда-то между корпуса ми.

Там возвышалось серое строение, лишённое всяческих архитектурных излишеств, габаритами сравнимое с кораблем крейсерского класса. Сложенное из серого бутового камня, в зазорах кладки растет зеленый мох, узкие окна-бойницы – вылитая цитадель средневекового города. Вокруг нее тоже был вырыт ров, чуть уже крепостного, но до краев заполненный той же мутно-зеленой водой. И через этот ров тоже был перекинут мост, ровно такой же широкий, как и тот, за заводскими воротами.

– Ничего интересного, – пожал плечами близнец. – Для вас, по крайней мере. Сборка вооружения для Небесной Гвардии. Секретный цех.

– А можно, я сам буду решать, что мне интересно, а что нет? – едко заметил Монах. – Может, ты за меня и отчет напишешь?

– Туда без специального допуска нельзя. А у вас полномочия, насколько я понимаю, не...

– Эй, парни, я не понял: вы что, препятствуете нашему расследованию или мне показалось?

Близнецы переглянулись. – Это не имеет отношения к вашему расследованию.

– К расследованию убийства директора любая мелочь может иметь отношение, – назидательно вставил Сварог.

– Вот именно! – подхватил Монах. – Тем более – секретный цех... А вдруг убийство связано со шпионажем? Кто у вас пропуска выписывает?!

– Министерство Внешней безопасности. Лично министр Ролн-Терро.

О-па. Он же – господин Чофо-Агайр. Но Монаха так просто было не остановить.

– Кто на заводе связан с министерством, кто отчитывается? Кроме покойного, я имею в виду.

– Я узнаю, – сдался один из близнецов и, кивнув второму, неторопливо двинулся куда-то в сторону административных строений.

Сварог с Монахом присели на оставленную посреди площадки между цехами грузовую тележку. Оставшийся с ними сопровождающий прохаживался неподалеку.

– Не пустят ведь, – тихо сказал Сварог.

– И что с того? Зато узнаем, кто в том цеху верховодит... Зело не нравится этот цех. Мыслью я, что здесь и делают «Стеклянный дождь»... И сам завод не нравится. Зело гнило тут, прав Гиль-Донар.

– Согласен, – склонил голову Сварог. – Хотя с оборонкой всегда так, уж поверь...

Близнец вернулся быстрее, чем ожидалось, сказал хмуро:

– Господин заместитель по безопасности ждет. Он ответит на все ваши вопросы.

В сопровождении близнецов Сварог и Монах вернулись немного назад, но

на этот раз здание администрации обогнули с тыла и остановились перед невзрачной серой дверью с невразумительной табличкой: «Отдел подготовки».

– Прошу.

За дверью обнаружилась недлинная узкая лестница, ведущая куда-то в подвальные помещения. Здесь было сухо, тепло, светильники равномерно освещали чистый каменный пол, крашенные стены, блестящие перила лестницы.

– Многие административные помещения перенесены под землю, – объяснил один из провожатых, который именно, Сварог уже не понимал, запутался в этих парнях из ларца. – Так удобнее.

– Штаты раздуть не нужно, – проворчал Монах и стал спускаться.

Подземным коридором шли недолго – мягкая, скрадывающая шаги ковровая дорожка привела их в полукруглый зал с четырьмя лифтами по диаметру, близнец нажал кнопку одного из них.

– Эй, куда это мы? – насторожился Монах.

Но было поздно. Двери всех четырех лифтов стремительно раздвинулись, исчезая в толще стен, из шахт хлынул яркий свет, и оттуда... Нет, никакие это были не шахты. Из ярко освещенных помещений за лифтовыми дверями ломанули люди в комбинезонах, с оружием, напоминающим короткоствольные автоматы; враз наводнили полукруглый зал, рассредоточились вдоль стены. Их было человек десять – бойцов-близнецов... Хотя и разного возраста и роста, разного обличия, однако было в них что-то неуловимо общее, делающее похожими друг на друга.

Рука Сварога метнулась к карману... Револьвер он оставил на проходной.

– Что это значит?!.. – Монах вскинул ладони над головой, растопырил пальцы, на их кончиках заплясали голубоватые огоньки...

И погасли.

И ничего больше не произошло. Бойцы стояли неподвижно, опустив стволы автоматов... но пальцы держали на спусковых крючках.

– Вас же предупреждали, – раздался мелодичный женский голос, доносящийся, казалось, со всех сторон, – что на территории завода применение магии запрещено. На всей территории завода работают подавители магического излучения... Монах, да опусти ты руки. И не делай вид, что оскорблен столь наглым отношением к полицейскому чину... Ну, успокоились? Теперь внимание, выхожу на сцену.

Сварог и Монах обернулись.

Из дверей лифта за их спинами неспешно, с легким жужжанием выкатилось инвалидное кресло. А в нем сидел... сидела... Бляха-муха... Монах беззвучно выругался.

Да и Сварог, признаться, растерялся в первый момент. И было от чего.

Одно можно было сказать точно: существо, восседающее в инвалидном кресле, было человеком. По крайней мере, когда-то в прошлом. Но вот что касается пола и возраста...

Блики от светильников причудливо отражались на его розовом, бугристом, поросшим редкими седыми волосенками черепе. Точнее, только на правой половине черепа – поскольку вторая половина была... нет, это был не шлем, не маска, не искусный грим. Вторая половина черепа была металлической: гладкая матовая полусфера заменила собой половину головы, от макушки до

левой брови. И от этой полусферы тянулись, скрываясь где-то за спиной существа, какие-то шланги, провода, прозрачные трубочки, в которых безостановочно пузырилась, пенилась густая розоватая жидкость...

Правую сторону лица вдруг исказила судорожная гримаса, раздвинув губы в подобии улыбки и обнажив крупные белые зубы, – при этом левая сторона, изуродованная лишайником ожога, осталась неподвижной. Губы беззвучно задвигались, и откуда-то из-за кресла – из динамиков, что ли? – донесся все тот же мелодичный голос:

– Ну что, нравлюсь я тебе, Монах? Кажется, в свое время ты испытывал ко мне некие чувства...

Эта интонация, этот изгиб вывернутых губ, форма носа, блеск глаз – единственно живых, горящих на мертвом покалеченном лице...

И вдруг словно лампа зажглась перед Сварогом, высветив скрытую под уродством правду.

Он узнал существо в инвалидном кресле.

Все ж таки это была женщина. И вовсе не потому, что была одета в женское платье с глухим воротом и подолом до пят.

Сварог перевел дух и негромко сказал:

– Привет, Щепка.

ГЛАВА 19 ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Существо в кресле рассмеялось правой стороной лица, неторопливая струйка мутной слизи потекла изо рта по подбородку. Смех был похож на дребезжание.

– Щепка... – сказало оно, успокоившись... Нет, не оно. Все-таки *она*. – Давненько меня так не называли.

Правая рука женщины в кресле отпустила ручку управления, медленно, рывками поднялась к лицу, тыльной стороной ладони вытерла подбородок. Рука была в черной кожаной перчатке.

– Великий Многоуст... – потрясенно прошептал Монах. – Щепка... Ты!

– А когда в последний раз тебя называли Визари? – изо всех сил стараясь оставаться невозмутимым, спросил Сварог.

Щепка! Япона мать, вот *это* – Щепка!..

– Визари? Визари! – кресло лихорадочно дернулось туда-сюда. – Ты-то что знаешь о Визари!..

Движение пальцами в перчатке – и стоявший сзади близнец двинул Сварога прикладом в шею. Несильно, но боль леденящей волной прокатилась вдоль позвоночника. Сварог пошатнулся, устоял на ногах, выпрямился и заметил вполголоса:

– Раньше ты была добрее.

«О господи...»

– Раньше? Когда это – раньше?.. Подожди, – опять едва заметное движение пальцев в сторону близнеца, вновь занесшего приклад для удара. – Мы что, были знакомы? А-а... Нет, не были. Я понимаю, – она задумалась. Кресло сделало небольшой круг по свободному пространству и вновь замерло. – Предатель, некогда носивший прозвище Монах, а теперь пришедший сюда под видом полицейского, рассказал обо мне. Но не мог же ты узнать меня по его словам, когда он сам не узнал... А здорово я изменилась, да, Монах?

Она опять рассмеялась этим дребезжащим смехом, от которого у Сварога все переворачивалось внутри. А особенно от этого изумрудно-зеленого платья... надетого на чудовище. – Я изменился еще больше, – выдавил он. – Настолько, что даже Монах меня не узнал за несколько дней тесного общения. Вряд ли и ты признаешь...

– Ага, все-таки мы были знакомы, вот как... – в ее глазах появилось любопытство. – Ну и кто же ты? Попробуй-ка меня удивить.

– Я Сварог, – сказал Сварог.

Монах сзади булькнул что-то нечленораздельное.

...На этот раз Щепка дребезжала долго. Сначала смотрела на него несколько секунд, открыв безобразный слюнявый рот, потом со стуком откинулась на подголовник и захохотала, со всхлипами, стонами и слезами из глаз.

Сварог почувствовал, как у него дрожат руки, и мысленно приказал себе не распускаться. Сказал спокойно, когда смех прекратился:

– Могу доказать, что я – это я.

– Ну-ка, ну-ка? – чудовище в кресле по имени Щепка подкатило поближе.

– Ночь. Камин, – сказал Сварог. Очень хотелось закрыть глаза, чтобы только не смотреть на нее, но он пересилил себя. – Шкура какого-то зверя на полу. Вино в бокалах. И очаровательная девушка. У нее две крошечные родинки на левом плече. Небольшой розовый шрам на внутренней стороне бедра...

– Молчать!!! – крик был таким громким, что зафонили динамики.

– Подожди, подожди... – она мучительно над чем-то думала, бессознательно натягивая платье на колени. А потом вдруг усмехнулась:

– Ты был знаком с настоящим Сварогом, он тебе рассказал все... до мельчайших подробностей. До мельчайших...

– Но он не мог предвидеть все *твои* вопросы, – мягко возразил Сварог. – Спроси сама, о чем хочешь.

– Спросить... О чем хочу... – она опять задумалась. Принялась бессознательно терев воротник платья. – Да, я спрошу тебя... А ты мне ответишь. Слушай. Замок-на-горе. Прибытие этого...

Что-то случилось. Та часть Щепкиного черепа, что не была металлической, вдруг налилась багровым румянцем. Щепка мелко задрожала, глядя на Сварога невидящими глазами, но очень быстро взяла себя в руки. Продолжала как ни в чем не бывало:

– В общем, прибытие... Мар... Кифая. Мар-Кифая, да, его. Сели за стол. Яства на столе были сотворены человеком по имени Сварог... Скажи мне, что было на столе?

– Скажу, – произнес Сварог. – Это просто. Может быть, я что-то и упущу, потому что тогда нас – ну разумеется, исключая Босого Медведя – еда интересовала в последнюю очередь. Нас тогда занимали вопросы отнюдь не гастрономического характера... А было на столе: штук пять блюд с жареной птицей под разнообразными соусами, куски ветчины с луком на деревянных подносах, головки сыра со слезой, пучки зелени... еще два кувшина с деревенским пивом, пузатый кофейник... И, конечно же, вино, которое изготовила Щепка.

– Ты забыл фрукты, – медленно проговорила она, глядя куда-то в сторону. – В остальном все верно, – и опять пронизывающий взгляд с кошмарного лица. – Кроме одного: ты не Сварог. Ты меньше ростом, ты изменил цвет волос, которых у тебя осталось, смотрю, совсем немного, обрел другой голос, пальцы

твои короче, ступни чуть косолапы... Успехи магии огромны, но я не слышала, чтобы магия могла изменить человека столь *полно*...

– Ты права, – вздохнул Сварог, судорожно пытаюсь выработать логику поведения.

Щепка, господи, это же Щепка...

– Это тело – не Сварог, – сказал он. – Сварог внутри него. Я заперт. И у меня нет ключа, чтобы выйти... Какая-то магия... Помнишь, мы говорили об Ордене Ожидающих?

– Помню, – прошелестели динамики.

– Так вот: он был разрушен. Его сровняли с землей, тебе известно? А я в тот момент находился внутри. Помню только белую вспышку, которая поглотила весь мир и меня вместе с ним... А потом я открыл глаза и обнаружил, что вокруг меня мирная домашняя обстановка, что я жив и даже, судя по ощущениям, здоров. А вскоре я, разумеется, обнаружил, что жив и здоров совсем в другом теле... Каким-то образом меня забросило на пятнадцать лет вперед и поселило вот в это тело, в тело некоего парня по имени Ирви-Лонг... Щепка, можешь мне не верить, это твое право, однако я...

– Как ты сказал? – вдруг перебила калека и выпрямилась в своем инвалидном кресле. – Ирви-Лонг?

– Именно так. Ирви-Лонг, – Сварог опять насторожился.

– Вот это тело, в котором ты находишься, – с расстановкой проговорила Щепка, словно для того, чтобы не осталось неясностей, – это тело Ирви-Лонга? Частного детектива?

– Ну... да... – осторожно сказал Сварог.

– И как давно ты его носишь, позволь спросить?

– С неделю... А откуда ты...

На этот раз Щепка смеялась так долго, что смех окончился судорожным кашлем с мокротой. Потом она, восстановив дыхание, не вытирая и даже не закрывая рот, из которого слизь стекала уже прямо на платье, сделала еще один круг на своем кресле. Левая рука ее, насколько понял Сварог, была протезом, потому как лежала на подлокотнике совершенно неподвижно. И ноги ее под платьем были совершенно неподвижны... Сварог сглотнул и отвел взгляд.

– Ну тогда все ясно, – сказала Щепка, вытирая слезы. – А я-то все думала, почему не сработал столь блестяще продуманный и столь безупречно исполненный план моего друга. А он просто не знал, с кем имеет дело! Ой, не могу... Это тебя, *тебя*, Сварога, министр Ролн-Терро пытался сделать «мешком»! Наш добрый друг Чофо-Агайр попытался поймать в ловушку – кого – Сварога! Тогда понятно, почему у него ничего не получилось...

Настала очередь челюсти Сварога отвиснуть.

– Ты знаешь об убийстве?..

Щепка посмотрела на него самодовольно:

– Более того: я сама этот план и придумала.

– Визари, слушай... – подал голос молчащий до сих пор Монах, но продолжить ему не дали.

– Не смей меня так называть!!! – опять надрывный визг – не то зашкаливших микрофонов, не то покаленной гортани.

– Хорошо, хорошо... – Сварог почувствовал, как тело детектива покрывается липким потом. – А как нам тебя называть? Щепкой?

– Щепка умерла. А я вернула себе родовое имя...

– Ахт-Логон, – вспомнил Сварог.

– Да. Зови меня так... Эй, принесите стул для господина Ирви-Лонга.

Последняя фраза была обращена к близнецам, все еще столбами застывшим у стены.

– А второго господина уведите, он мешает, – закончила Щепка. И рявкнула: – Стоять!

Крепкие руки вцепились в плечи Сварога.

– Спокойно! – сказала калека, откатываясь чуть дальше. – С нашим милым Монахом, который предал меня, предал революцию, перешел служить в Каскад, – с ним ничего не случится. Пока ничего не случится. Даю слово. Пока мы с тобой разговариваем, он посидит в комнате для гостей, а там я решу, что с вами делать...

Появилось небольшое креслице, а затем близнецы подхватили Монаха под локти.

– Прочь, чертово семя! – дернулся было напарник, но держали его крепко.

– Ведите, ведите, – махнула перчаткой Щепка. – И сами выматывайтесь, вы мне мешаете.

Сварог тихо сказал Монаху:

– Я тебя вытащу. Даю слово.

И повернулся к собеседнице. Монаха увели, и еще долго в полукруглом зале было слышно, как он насыляет проклятия на головы близнецов.

– Ну так и что там произошло с Ирви-Лонгом? – вкрадчиво напомнил Сварог. Надо было заболтать бывшей боевой подруге зубы, заставить разговариваться, вытянуть как можно больше информации, усыпить бдительность, а уж затем...

Что затем, Сварог и сам не знал. Щепка... то есть Ахт-Логон, криво усмехнулась.

– Ничего особенного. Если не считать того, что он спутался с женой министра Ролн-Терро.

– Извини, я перебыю... – тут же вставил Сварог. – Насколько я знаю, сам министр с ней не очень-то путался. Она была всего лишь, так сказать, светской женой, женой для выхода в люди.

– Какая разница! – Щепка презрительно скривила здоровую половину лица. – Эта похотливая сучка заключила с мужем деловое соглашение и обязана была его выполнять. Всего-то и требовалось, что изображать любящую супругу и не путаться с кем попало. Она не дурой была, понимала, что она супруга не булочника и не дворника, а министра, одного из самых заметных лиц в Короне. В общем, Ирви-Лонг и эта... женщина познакомились. Совершенно случайно, никто их не сводил. Просто по роду своей... деятельности ты бывал в доме, в котором бывала и эта женщина. Вы стали встречаться. Может быть, Ирви-Лонг и полагал себя великим сыщиком, считал, что раз ему открыты все секреты тайных любовных встреч, то сам он всегда сумеет замести следы. Однако их связь очень быстро открылась Ролн-Терро. И тогда в голове министра сложился великолепный план, как можно одним мазком кисти нарисовать целую картину. С этим он пришел ко мне.

Сварог, очевидно, не смог сохранить лицо, потому что Щепка довольно хихикнула:

– А к кому же еще? Ролн-Терро – мой слуга. Он обязан мне своим положением министра. Только я смогу его сделать одним из правителей будущей страны. Без меня он вообще ничто.

«Так-так-так, – подумал Сварог. – Все запутывается в еще более сложный узел...»

– Ну, а в чем была главная цель этого... Ролн-Терро, Чофо-Агайра? – спросил он. – Неужели только в том, чтобы разделаться с такой незначительной фигурой, как сыщик Ирви-Лонг?

– Да кому нужен этот Ирви-Лонг! – Щепка ударила кулаком по подлокотнику. – Захоти я с ним разделаться, мне хватило бы и полстражи!

«Это не Щепка, – вдруг отчетливо понял Сварог. – Что-то осталось, конечно, от той взбалмошной девицы-революционерки, но сейчас это не она. Это вообще не человек...»

Он вообще слабо понимал, зачем поддерживает этот бредовый разговор с уродцем в кресле, сидит вольготно и, точно в дрянной пародии на английский детектив, беседует об убийцах и мотивах. Взять калеку ничего не стоит, если она не врала и магические проявления на территории завода подавляются некими устройствами. Скрутить чертовку и... и там посмотрим.

Хотя, признаться, из этой беседы он узнал много интересного, Щепка ничего не скрывала – то ли хотела выговориться, не с кем ей было поделиться знанием, то ли... То ли она Сварога уже списала в расход.

Тем не менее...

Оказалось, что у Щепки есть цель в жизни – появилась, когда десять лет назад в результате заговора она оказалась не у дел в руководстве Монитории и попала в плен инвалидного кресла и собственного уродства. И цель эта была – отомстить обидчикам (точнее, обидчику) и вернуться в Корону на белом коне. Разогнать нынешних горлопанов у власти. Вернуть отобранный заговорщиками пост Президента. Совершить, иными словами, государственный переворот.

Для чего и был разработан план «Стеклянный дождь», родное детище Щепки, любимая ее игрушка. Поначалу в этот проект был посвящен только один человек – министр Внешней безопасности Ролн-Терро. Он курировал строительство звездолета «Искупитель», а поскольку всеми фондами и субсидиями для «Искупителя» распоряжался тоже лично он, то министр сумел сэкономить часть средств и организовать на прилегающей территории завода секретное производство со своим, закрытым для отчетности финансированием – производство, о котором в правительстве не знала ни одна живая душа. Пришлось, правда, в тонкости игры посвятить директора завода, иначе ничего не получилось бы. И вот в черте завода, поставляющего механизмы для «Искупителя», появился новый, жутко засекреченный цех. Где ковалась будущая победа Щепки над Короной. Проект «Стеклянный дождь».

Но Тон-Клагг, директор завода, которому в будущем правительстве был обещан пост вице-президента, за последний месяц из верного сподвижника Щепки и Ролн-Терро превратился в опасного свидетеля. Он стал слишком нервным и пугливым. Чем ближе становился день завершения плана «Стеклянный дождь», тем больше он нервничал, метался, сомневался. А когда от неуравновешенности одного человека начинает зависеть судьба общего дела, этот человек должен быть устранен. До завершения плана «Стеклянный

дождь» оставались считанные дни, и Щепка не хотела рисковать.

– Но зачем нужен был этот спектакль с женами и сыщиками? Почему было просто не устроить директору несчастный случай? – спросил Сварог. – Аварию на заводе, автокатастрофу, отравление...

Щепка посмотрела на него с сожалением.

– Все-таки в прошлой жизни, граф, вы были умнее... Объясняю. Когда погибает директор такого крупного производства, расследование этого происшествия проводится по высшему уровню ответственности. Если бы директор, как ты говоришь, скоропостижно скончался от укуса змеи, на следующий день на заводе не протолкнуться бы было от полиции. Другое дело – убийство на бытовой почве, на почве ревности. Все ясно и понятно, делом занимается в обычном порядке столичная полиция. Тем более, когда налицо не только мотив, но и убийца... И вся задача сводится лишь к тому, чтобы этого убийцу задержать и наказать. Вот для чего понадобилась мелкая ищейка по имени Ирви-Лонг. Для роли убийцы.

– Понимаю, – кивнул Сварог. – В глазах полиции все выглядит безупречно. Заподозрив, что жена его может предаваться прелюбодеяниям в то время, как министр трудится во благо страны, министр Ролн-Терро нанял частного сыщика. Дело житейское, вполне объяснимое. Откуда же ему было знать, что он нанимает именно любовника своей жены? Это обстоятельство вскрывается во время следствия, потому что находятся свидетели, которые видели сыщика и молодую женщину вместе, и те вели себя самым вольным образом, хотя и пытались скрыть роман.

– Такие свидетели уже нашлись, – сказала Щепка.

– Но сам сыщик внезапно обнаруживает, что вертихвостка обманывает и его тоже! В приступе ревности, в состоянии аффекта сыщик применяет свои магические боевые искусства и убивает обоих. Все гладко. И пускай преступник попытается оправдаться. Но вот чего я не понимаю... Ведь Ролн-Терро обратился с просьбой проследить за его женой, будучи уверенным, что перед ним настоящий и несомненный частный детектив Ирви-Лонг – без всякого второго дна, без всякого Сварога. Как он мог быть уверен...

– Ролн-Терро был уверен, что Ирви-Лонг не откажется от его предложения, – покачала бугристой головой Щепка. – У Ирви-Лонга не было ни одной причины для отказа. Во-первых, он хоть и уводил чужих жен, но, как и любой самец, сам не смог бы примириться с изменой. Когда он услышал от Ролн-Терро, что жена министра должна встретиться с любовником в тот день, когда сам Ирви-Лонг с ней встречаться и не собирался, то первой мыслью сыщика должна была быть: «Она и меня тоже обманывает, у нее есть кто-то еще». И он должен был удостовериться, так это или не так. «Если не так, – должен был подумать Ирви-Лонг, – то мы вместе с моей киской посмеемся над глупым мужем, нанявшим следить за своей женой ее же любовника». Во-вторых, откажись он – муж наймет другого детектива, который выследит уже его самого. И, в-последних, деньги. Ролн-Терро посулил хорошие деньги за работу. А у Ирви-Лонга было слишком много расходов на дом, жену, любовниц.

«Ну и сволочь ты, Ирви-Лонг», – подумал Сварог. И сказал:

– А директора завода пригласил в дом сам хозяин...

– ...Сказав, что им необходимо срочно встретиться по неотложному вопросу, – подхватила Щепка. – А своей жене Ролн-Терро сообщил, что вскоре дол-

жен прийти директор, но сам он вынужден отлучиться по делам, и жена, шлюха эта, мол, должна встретить директора, занять чаепитиями и прочими разговорами до его возвращения.

– Меня... вернее, Ирви-Лонга должны были задержать на месте преступления?

– Разумеется. Чтобы улики стали вовсе неоспоримыми. Фотографический аппарат с твоими отпечатками пальцев. Способность к невидимости. Способность к вызову Призрачного убийцы. Личная заинтересованность... Но тебе удалось бежать, Сварог... Интересно, почему я не удивлена... Однако, судя по тому, что ты все же угодил в ловушку, твои магические способности тебя оставили?

Сварог молча кивнул.

Щепка опять засмеялась. Потом вдруг протянула руку в перчатке, коснулась пальцами его руки. Сварог едва не отшатнулся – ему показалось, что его трогает холодной влажной лапкой мертвая птица.

– Мы похожи с тобой, – лицо ее искривилось в пародии на улыбку. – *Мы очень похожи.* Бедный граф! Ты стал обыкновенным человеком. Как, должно быть, это тяжело!

ГЛАВА 20 ТОЧКИ НАД «i»

– Знаешь, я не люблю, когда меня обманывают, – доверительно сказала Щепка, поигрывая рукоятью управления креслом. – Я помню всех, кто меня обманул, и не намерена прощать обиду. Я помню Монаха, который бросил меня в тяжелую минуту, переметнулся к моему врагу. Помню тебя, который предал меня, исчез, так и не выполнив моего задания... Но я...

– ...Ты не находишь, что все очень удачно складывается? Пятнадцать лет я ждала встречи и с тобой, и с Монахом – и вот вы оба сами приходите ко мне... – она переменила позу, задумчиво подперла почти лысую голову кулаком, улыбнулась чему-то своему. – Пожалуй, завтра я вас расстреляю. Всех. Ну да. И тогда мне останется отомстить только одному человеку... А может, лучше сегодня?..

– Да-а, Ахт-Логон, – бодро сказал Сварог, судорожно думая, как бы переменить тему, и чувствуя, что его позвоночник превращается в ледяной стержень паники. – Пятнадцать лет прошло! Подумать страшно... Помнишь, как мы захватили тот корабль? А как по горам ползали? Эх, ну и изменился мир с тех пор! А ты вот так безвылазно сидишь здесь, под землей, и готовишь свержение власти? Реванш?

– Ага, – Щепка смотрела на него, наивно улыбаясь и по-детски склонив голову на бок.

– И тебе в этом помогает министр, который курирует строительство «Искупителя»?

– Ага.

– Ага... На твоём месте я бы ему не доверял. Этот звездолет, ты знаешь...

– Знаю, – безмятежно перебила Щепка. – Он никуда не полетит. Он и не должен никуда лететь. Это строительство звездолета, пойми ты, а вовсе не звездолет. Гениально, по-моему! Это ж надо – столько материалов изводить впустую, нагнать столько людей, заставить их заниматься полной ерундой денно и нощно, в едином порыве – и только для того, чтобы занять мающиеся

бездельем толпы.

– Но ведь когда-то звездолет построят, стройка не может длиться бесконечно! И что тогда?..

– А почему, собственно, построят? Читал в газетах – диверсии чуть ли не каждый день, а они замедляют и затрудняют. А когда-нибудь будет совершена не мелкая диверсия, а очень даже крупная, допустим, рухнет монтажный шар вместе с находящимися в нем людьми, рухнет на головы тех, кто будет работать внизу. И придется начинать по новой, и это «новое» опять затянется на долгие годы...

Вот оно что... Ну да, что-то такое Сварог предполагал еще там, на смотровой площадке, только не смог сформулировать. Значит, весь этот проект «Искупитель» – пустышка. Фальшивка. Вот только фальшивка не рядовая. Не просто стекляшка вместо бриллианта, какие изготавливает некий Эрм-Вадло и ему подобные жулики средней руки, – это была фальшивка наивысшего из мыслимых размаха.

– Так, постой-ка... Значит что, значит, и Черная Планета...

– Конечно! – она рассмеялась в очередной раз. – Нет никакой Черной Планеты. Выдумка. Пугалка. Людешкам же нужно всегда с чем-нибудь сражаться? Или за что-нибудь. Я вот сражаюсь за власть. Ты – за возвращение. Люди – за кусок хлеба. А если они этот кусок получают даром, с помощью магии, то начинают смотреть по сторонам – с чем бы еще можно сразиться. Обычно, кстати, находят – и берутся за топоры... А тут такая цель! – построить корабль и полететь громить каких-то идиотских Тварей, которых на самом деле выращивают неподалеку, в пустыне. Зато натасканные бойцы из Небесной Гвардии мне очень пригодятся, когда я пойду штурмом на столицу... Ну-ну, не горячитесь, милорд, не сверкайте так глазами, вы на прицеле моих ребяток, не забываете...

– Ладно... – Сварог взял себя в руки. Но крайней мере о немедленном расстреле она думать перестала, и на том спасибо. – Значит, ты планируешь государственный переворот. Часть средств и материалов со строительства липовой ракеты уходит на подготовку этого переворота. Министр Ролн-Терро с тобой в одной связке...

– Ненадолго, – успокоила его Щепка. – Я не повторю *прошлой ошибки*. Скоро я убью и его.

«Или он убьет тебя раньше, едва поймет, что ты свою роль уже отыграла, – подумал Сварог. – Или даже убивать не станет – кому ты будешь нужна...»

И еще он подумал с холодной ясностью: «А вот меня она и вправду в живых оставлять не собирается. После таких откровений в живых не оставляют. Если только сам переворот не есть плод ее воображения... Но ведь и директора, и жену министра убили...»

– Слушай, – сказал он как можно мягче, – а оно тебе надо? Ты ведь уже поиграла в революцию – видишь, что получилось... В конце концов магия победила, поздравляю, ты добилась своего...

Левый глаз Щепки начал подергиваться.

– Добилась? – прошипела она. – Вот *это* ты называешь – добилась?! Я, истинная, единственная Визари – я должна сидеть в этой дыре, пока *он* там принимает почести и пирует на моих костях? Тот, который украл у меня жизнь, славу, победу – который украл у меня имя?!

Нервный тик с глаза волной распространился на все лицо, жуткая маска задергалась, закривлялась...

И в самом-то деле, как это он забыл! Ведь в газетах упоминался некий Президент Визари... Значит, в Короне правит самозванец?

И Сварог догадался, кто это. Действительно, кто еще мог *так* подставить соратницу по борьбе...

– Мар-Кифай, – выдохнул он. И прикусил язык, но было поздно.

– Мразь! – завизжала Щепка, и тело ее выгнуло дугой. Из рта клочьями полетела пена. – Гниль! Падаль, ничтожество, слизняк! Он предал не только меня, он предал наше дело! Он нанес удар в спину!!!

Мар-Кифай! Верх-советник Императора и подпольщик, участник заговорщицкого «Совета под облаками», Сварог прекрасно помнил его – седовласого, высоколобого, аристократичного... Он явился в Замок-на-Горе по магической Стежке как раз в тот момент, когда Сварог вдруг прозрел и понял, что Щепка и таинственный Визари – одно и то же лицо... Он предложил свою помощь в низложении Императора – в обмен на достойный пост в новом правительстве. Он был честен и учтив, он не скрывал, что идеи магов-подпольщиков ему на фиг не нужны, а ищет он примитивной выгоды и удовлетворения честолюбия...

Ходящими ходуном руками Щепка извлекла откуда-то из-за спинки кресла крошечный шприц и с размаху, прямо сквозь одежду, вонзила себе в бедро.

«Она сумасшедшая, – наконец вынужден был признать очевидный факт Сварог. – Она полностью, окончательно, бесповоротно сумасшедшая... Бедная девочка...»

Говорить Щепка смогла минуты через три.

...Она никогда не верила Мар-Кифаю. Она предполагала, что он вынашивает планы захвата власти, что он мечтает о единоличной диктатуре. Но думала, что сумеет опередить. За мерзавцем наблюдали неотлучно, его встречи и разговоры отслеживали, но он все же перехитрил Визари. Пригласил однажды в свой загородный особняк. С ней была охрана из вернейших и сильнейших магов, но главное, она не верила, что предатель решится нанести удар в тот момент, тогда еще не был очевиден окончательный успех, когда Визари была нужна ему – так она думала. Полагала, что до окончания войны, до полной победы над армией Вольной Республики они союзники.

Мар-Кифай и Визари зашли в кабинет, он с улыбкой обогнул стол, выдвинул ящик... Она думала, что он хочет достать бумаги. Но он включил аппаратуру...

Щепка зажмурилась и несколько секунд просидела неподвижно, молча, с закрытыми глазами. Потом снова заговорила:

– Эта была аппаратура Каскада. Именно Мар-Кифай – и я никогда не прощу себе, что не обратила на это внимания – руководил разбором архивов Каскада. Оказалось, он разбирал не только архивы, но и склады, лаборатории. Ему удалось обнаружить аппаратуру, которую только-только разработали каскадовские специалисты...

Это была подлейшая из всех разработок Каскада. Приборы работали только против магов, на иных людей не действуя. Мар-Кифай не обладал магически-

ми способностями, ни единой, ни зачатком способностей, для него эта аппаратура была абсолютно безопасна. Меня же... Ты видишь, во что меня превратили!

...Она не помнила, как ей удалось выбить окно и выпрыгнуть в ночь. Кабинет находился на втором этаже, то ли от удара о землю, то ли в результате действия аппаратуры, но Визари потеряла сознание. Некоторым магам из ее охраны тоже удалось вырваться. Они-то и спасли предводительницу. Кто-то, пожертвовав собой, прикрывал отход тех, кто уносил ее искалеченное тело.

Пришла она в себя только в горах Сиренево́й гряды. Верные люди поступили правильно, даже не попытавшись доставить ее в столицу. Мар-Кифай не мог допустить, чтобы Визари осталась в живых, это погубило бы его. Наверняка он перекрыл все дороги, ведущие в Вардрон, он был готов достать ее где угодно, даже в Совете Монитории. Но Визари увезли в горы. Что и спасло ей жизнь.

Предатель уничтожил всех ее сподвижников, всех верных людей и присвоил себе имя Визари. О, конечно! Кто такой Мар-Кифай и кто такой Визари, их не сравнить, их рядом не поставит! Люди сражались за Визари, умирали с именем Визари на устах, люди связывали с Визари свою веру в будущее. Визари – это стяг, под которым шли в бой... Но почти никто не знал Визари в лицо. Почти никто не знал, что Визари – это женщина, а не мужчина. Мар-Кифай воспользовался ситуацией великолепно. Он всегда умел пользоваться ситуацией...

– Он стал магом?

– Он не стал магом, – презрительно, однако ж значительно спокойнее ответила Щепка. Перевела дух, как после стометровки, отерла пот с правой половины лица. – Он окружил себя магами, запугал их своей аппаратурой... Мар-Кифай искал меня долго, все никак не мог поверить, что я умерла. Его люди прочесывали страну, вели магический поиск. Но где им было найти меня в Сиреневых горах! Пусть лучше найдут одну-единственную рыбу в океане. У меня были деньги, у меня были единомышленники, у меня еще оставалось влияние! Он не нашел меня. А лет через пять Мар-Кифай поверил, что настоящей Визари нет среди живых. Потому что, по его мнению, политический деятель за это время обязательно напомнил бы о себе, не смог бы не напомнить. Сейчас он спокоен, сейчас он доволен жизнью... Последние дни доволен и спокоен...

Вдруг на нее снова накатило, и она изо всех сил замолотила кулаком по подлокотнику:

– Я уничтожу его! Я раздавлю его! Сперва он увидит, как рушится выстроенный им порядок, как гибнет его незыблемая защита. А потом я размажу его, как паука!.. «Стеклянный дождь» готов, с *этим* не справится даже он!.. Ты хотел узнать, что такое «Стеклянный дождь»? Идем! Я покажу тебе прямо сейчас, как я уничтожу Мар-Кифая. Я покажу тебе «Стеклянный дождь». Эй, ко мне!!!

В зале вновь нарисовались близнецы, выстроились вокруг Щепки и Сварога в каре.

– Ну что ты сидишь, – прошипела Щепка, дрожа от возбуждения, – ты не хочешь посмотреть на мой триумф? Ничто не может противостоять «Стеклянному дождю»! Шевелись, пошли, я покажу тебе, как я раздавлю этот мир!

Что ему оставалось делать? Сварог пожал плечами и подземными коридорами направился следом за инвалидной коляской.

...Оказавшись вытолкнутым на узкой решетчатой площадке метрах в двадцати от пола, Сварог посмотрел вниз... и смог только шепотом выматериться. Он подозревал, что после фальшивого звездолета и встречи с Щепкой удивить его будет не просто.

Ничуть! Для удивления еще оставалось полно места.

Вот она – тайна секретного цеха, из-за которой был убит директор Тон-Клагг. Вот он, «Стеклянный дождь», оружие возмездия Щепки. Прямо перед ним.

Подумалось вдруг: все разумные обитатели этого мира страдают гигантоманией. Подводная лодка Мины, «Буреносец», звездолет – а теперь еще и *это*.

Огромный ангар был наполнен грохотом и лязгом. Сверкала сварка. Над головой, под крышей шумно перемещались краны. А в центре... Да при чем тут центр, когда почти все пространство цеха занимал собой... Танк. Да какой танк – стальной гигантозавр! Размерами сравнимый с большим торпедным катером, не меньше, где-то даже элегантный в своей кажущейся *бегемотности*, он состоял из шести уровней-платформ – шести исполинских «блинов», положенных друг на друга: внизу самый большой, затем поменьше, и так далее, как в детской пирамидке; но даже верхний, самый маленький, размером был сопоставим с... даже трудно было подобрать сравнение... сопоставим с трансформаторной будкой, наверное; и на каждой платформе – башенные пушки, надстройки, турели, пулеметные гнезда, казематы – вертящиеся, неподвижные, высокие, плоские, цилиндрические, полукруглые. И по всей высоте танка, от титанических гусениц до самой вершинной платформы, бесспорно являющейся командирской башней, окруженной решетчатой металлической оградой, по всей высоте были проложены трапы – узкие, на ширину одной ступни. Пользуясь этими лесенками, по танку ползали рабочие, откручивая, прикручивая, проверяя, налаживая, закрепляя, монтируя. Спереди, сбоку, сверху танка – короче, повсюду были установлены фары, размерами напоминающие небольшие прожектора. Когда эта гора поперет ночью, – отстраненно подумал Сварог, – то будет похожа на самоходный небоскреб... Было что-то знакомое в силуэте железного монстра, что-то подобное он уже видел когда-то. Невольно вспомнился танк, ползущий сквозь сумрак и дождь и заливающий все вокруг себя ослепительным светом прожекторов.

– Это «Буреносец», – словно прочитав его мысли, с непонятной интонацией сказала Щепка. – Тот самый, с помощью которого твой бедный друг намеревался сокрушить мою Мониторию, но... усовершенствованный.

Сварог повернулся в ее сторону – она смотрела на танк-великан влюбленным, переполненным восхищения взглядом. Такими глазами соплюшки, запершись в своих комнатках, рассматривают фотографии любимого актера или рокера, готовые отдать ему в любой момент.

– Его оставили там, на поле боя под Некушдом. Он гнил, ржавел, разрезанный на части, вращался в землю. Потом Ролн-Терро через свои каналы добился разрешения отправить брошенную военную технику на переплавку. И его привезли сюда. Только никто и не думал уничтожать «Буреносец». Я решила перестроить его в еще более могучее, еще более неуязвимое создание. «Стек-

лянный дождь». Ха, знаешь, в чем была ошибка проектировщиков первого «Буреносца»? Они пытались создать совершенное оружие против магии – но без помощи магов. Мы исправили эту ошибку! И теперь в Короне нет оружия, равного «Дождю». И я готова прямо сейчас, в одиночку, поквитаться со всем войском Мар-Кифая...

Она смотрела на танк и бормотала, бормотала, описывала сладостные картины, встающие перед ее затуманенным взором. Сварогу стало дурно, он отвернулся. Близнецы стояли поодаль и безучастно смотрели на танк. Вот, оказывается, чем они так похожи друг на друга – одинаковым выражением глаз. А точнее, полным отсутствием какого бы то ни было выражения. Пустые, холодные, бессмысленные, одинаковые зенки... Как у рыб...

– Верхом на «Дожде» мы ворвемся в мою столицу, – Щепка нервно ощупывала свое лицо, не отрывая взгляда от танка. – Мы пройдем сквозь улицы и проспекты, круша приспешников предателя, сровняем его резиденцию с землей... Ни один удар магии не страшен «Стеклянному дождю», он подавляет любые воздействия, зато сам разит направо и налево испепеляющим волшебным огнем! Мар-Кифай будет убегать, да, убегать, жалкий трус, но я догоню его на моем ревущем скакуне, я раздавлю его гусеницами, вомну в грязь, потом дам задний ход и еще раз проеду по его труп, и еще! и еще!! пока его тело не будет расплющено, искромсано, пока оно не исчезнет, не перемешается с грязью, пока само не станет грязью, налипшей на траки моей сияющей машины! О, я не буду играть с ним, как играю с твоим другом, потому что твой друг – мой враг, но он враг поверженный, а значит, моя собственность, а Мар-Кифай – предатель и изменник, его я убью быстро, быстро...

Наконец она выдохлась, замолчала, тяжело дыша и роняя слюни, и только тогда Сварог, изо всех сил стараясь говорить как бы между прочим, позволил себе поинтересоваться:

– Извини, я глуп, я не понимаю... Этот мой друг, который твой враг... Это кто?..

Щепка усмехнулась.

– Конечно, ты глуп, потому что ты тоже предал меня! Все предатели будут наказаны за свою глупость... А твой друг – это тот, который оскорбил меня и объявил мне войну. Ему не удалось скрыться в колониях, я выследила его и три года назад поймала. Я, а не Мар-Кифай...

У Сварога потемнело в глазах.

– Он... здесь?

– А где же еще! Желаете взглянуть, граф?

...Экскурсия по владениям Щепки продолжалась. Они остановились в одном из бесконечных коридоров, около двери с глазком, и глазок тут же осветился изнутри – в камере зажегся свет.

– А почему нет Монаха? – вдруг забеспокоилась Щепка. – Где Монах? Сбежал?! Приведите Монаха, я хочу, чтобы и он посмотрел!

Н-да, логика из ее слов исчезла окончательно. Жалость, которую Сварог поначалу испытывал к боевой подруге, развеивалась, как дым на ветру. Двое вертухаев бросились куда-то по коридору, трое остались в свите. «А вот ответьте-ка мне, господа ученые, – чувствуя, как откуда-то из желудка медленно поднимается клокочущая волна ярости пополам с омерзением, подумал Сва-

рог, – как при столь очевидном, мягко говоря, помутнении рассудка эта сука умудряется командовать толпой подчиненных, строить боевую машину и все-речь рассчитывать на государственный переворот?»

Наконец привели Монаха – растрепанного, недоумевающего, злого.

– В очередь, господа, в очередь на просмотр познавательного сюжета, – Щепка прыснула и издевательским жестом пригласила Сварога смотреть первым.

Сварог, сжав зубы, зная уже, что увидит в комнате и страхась увидеть, приник к глазку.

По комнате, где все – потолок, пол, стены, скудная мебель, матрас, простыня, одежда – было ослепительно белого цвета, неустанно ходил от стены к стене худой человек с гривой седых всклокоченных волос. Он то и дело всплескивал руками, яростно жестикулировал, безостановочно шевелил губами, словно вел с кем-то жаркий спор. Но в комнате больше никого не было. Потом человек вдруг остановился, резко повернулся и уставился на запертую дверь. Темные круги под выпученными глазами, бледное, осунувшееся лицо, нервно-чически подрагивающие уголки рта... Но главное – взгляд. Он смотрел на дверь взглядом, который мог принадлежать только совершенно безумному человеку. Это был Гор Рошаль. «Ты должен замкнуть круг», – говорила Праматерь. Вот, пожалуйста: круг замыкается, как здорово, что все мы здесь сегодня собрались. Вот только...

Двое людей, Рошаль и Щепка, некогда близких, а нынче утонувших в шизофрении, – это перебор, знаете ли... Сварог почувствовал тошноту.

А сзади раздался дребезжащий смех Щепки.

– Вот он, главный враг Монитории. И твой друг, да? Я не убила его – ведь не пристало воину добивать поверженного противника, правда?.. Я просто лишила его самого дорогого, что у него, как он считал, было... Пусть живет. Но – без своего хваленного ума.

Словно чувствуя, что снаружи за ним кто-то наблюдает, Рошаль заинтересованно приблизил ухо к глазку с той стороны, и лицо его кошмарно деформировалось, как в кривом зеркале.

– Может, хотите пообщаться с дедушкой напрямую? – хихикнула Щепка. – Могу открыть, он не кусается...

Зря она сказала эти последние слова. Промолчи Щепка, возможно, все повернулось бы иначе. Но тут Сварог уже не выдержал. Позволил шлюзам открыться. И черная волна ярости захлестнула его мозг, предоставив чужому телу действовать на уровне рефлексов... Где двое психов, там и третьему место найдется, не так ли?

ГЛАВА 21 ПОБЕГ

Впоследствии Сварог так и не смог вспомнить, как все произошло и сколько времени *это* заняло. По идее, не больше пятнадцати секунд.

Еще Сварог так и не смог понять, *почему* все удалось – может быть, никто не ожидал, что пленный именно здесь и сейчас посмеет сорвать все тормоза и позволит себе *работать* в полную силу. А может, помог Монах, который не растерял навыки прошлой жизни и вступил в игру секундой позже Сварога. Или бойцовские качества десантного майора дополнили некоторые навыки частного детектива... Кто знает? Как бы то ни было, они начали и выиграли.

Сварог выплыл из черного омута, хватая ртом воздух. В голове со всей дури наяривали колокола, саднили костяшки пальцев, ныло ребро стопы. И почему-то колено болело.

Он огляделся, возвращаясь к реальности. Вертухаев-близнецов – не то охранников Щепки, не то конвойных для дорогих *гостей* – пятнадцать секунд назад было пятеро. Четверо из них теперь валялись на полу, как сломанные куклы, и, кажись, уже не дышали. А Щепка...

Щепка исчезла!

– Где она? – крикнул Сварог, круто поворачиваясь к Монаху.

– Сгинула... – через силу прохрипел Монах. – Вон там в стене... дверца потаенная, скрытая... через нее и выскользнула... аки крыса на колесах... – И вдруг рывкнул: – Да что ж ты, убогий, не угомонишься-то никак?!

Последнее относилось отнюдь не к Сварогу. Монах стоял на коленях в позе молящегося, лицо его было налито кровью от напряжения. В руках он держал концы черного шнурка и изо всех сил, такое впечатление, пытался его порвать, растягивая в стороны. Шнурочек оказался прочным. Более того: он был захлестнут в петлю, а в петле этой дергалась шея охранника номер пять. Вертухай сучил ногами по полу, извивался, пучил глаза, хрипел и булькал, вывалив язык, хватался руками за удавку, но... Удавка победила, не треснула. Чего нельзя сказать о шейных позвонках пятого охранника. Монах, вытирая лоб, встал на ноги, пробормотал: «Покойся в прахе, мудака», – и повернулся к Сварогу:

– Атаман... коли это, конечно, вправду вы в личине бесовской... Виноват, не уследил за нею, я пока второго своего успокаивал, она и слиняла. Ведь тревогу подымет, блудница, так что тикать надо быстро...

– Дверь, – твердо сказал Сварог. – Надо сначала выпустить человека... Она что-то вякала, что может дверь открыть, значит... Ключ, у кого-то из этих должен быть ключ!

Ключ мог, конечно, оказаться и у самой Щепки, но им повезло: спустя несколько секунд суматошного обыска мертвых тел Монах победно поднял над головой блестящий стержень с зазубринами:

– Вот он, жезл запорный!..

Сварог ворвался в белую комнату, схватил ее обитателя за плечи, развернул к себе. Затараторил, чуть не плача от бессилия:

– Мастер Рошаль... Масграм... Это я, Сварог, это не бред, это в самом деле я, просто я так выгляжу... Я изменился, но это я, Сварог... Помните, как мы летали на дирижабле? Хотите еще раз прокатиться? Тогда надо спешить. Нам надо торопиться, Гор, за нами погоня, пойдете...

Бесполезно. Рошаль смотрел мимо Сварога и бессмысленно улыбался. Врешь, я от тебя не отстану! Он потрянул охранителя так, что у того лязгнули зубы.

– Рошаль, черт бы вас подрал! Быстро очнуться! Враг у ворот!.. Что?!

Губы безумца что-то произнесли, Сварог наклонился поближе, вслушиваясь.

– Аэропил... – радостно пробормотал под нос Рошаль, раскачиваясь вперед-назад. – Аэропил, мы летели на Граматар на аэропиле, но забыл, как зовется...

Сварог чуть не взвыл от безысходности.

– Это был не аэропил, Гор! Это был морской военный корабль! Броненосец! Клади, Олес, Чуба – помните? И назывался он «Серебряный удар»! Ну? Вы слышите меня, масграм? Вы меня узнаете?!

– Конечно, – сказал Рошаль совершенно нормальным голосом. – И не надо мне в ухо орать, маскап, я нормально слышу.

– А?..

– Мне показалось, или вы говорили, что за вами погоня?..

Но Сварог задержался еще на мгновение: он порывисто обнял старого лиса.

Трое беглецов не неслись сломя голову, но двигались весьма быстро по подземным коридорам и переходам завода. Куда – они и сами и не знали. Главное – затеряться в лабиринтах коммуникаций, найти тихий уголок и выработать план действий. Тревога все еще молчала, хотя – пес ее знает, быть может, здесь она вопит как-нибудь иначе. Ультразвуком, например. Или еще как...

– Я вами недоволен, маскап, – говорил Рошаль на ходу, хрипло дыша. – Уже второй раз подряд за последние пятнадцать лет вы верите людям на слово! Вам говорят, что я умер, – вы верите, вам говорят, что я спятил, – вы верите...

– Но она же именно этого и добивалась!

– И именно поэтому я остался в здравом уме. Только потому, что ей страсть как хотелось превратить меня в сумасшедшего. Борьба, понимаете? Только борьба, пусть и на уровне сознания. Если б наша полоумная знакомая оставила меня в покое, вот тогда бы, наверное, я действительно свихнулся...

– Берегите дыхалку, масграм.

– Извините, граф, я три года не разговаривал ни с кем, кроме себя...

Сварог замолчал, но от подначки не удержался:

– Однако ж вы, масграм, с ходу поверили, когда незнакомый человек в тюрьме у сумасшедшей калеки вдруг заявляет, что он, дескать, и есть Сварог – через пятнадцать лет отсутствия!

– Согласен, – сказал Рошаль. – Я тоже ошибся. Я поверил, что вы погибли там, во время взрыва в подземелье, – хотя не видел вашего тела.

– А что делать-то будем, атаман? – подал голос Монах.

Они остановились на площадке между металлической лестницей, ведущей куда-то еще глубже, и металлической лестницей, ведущей куда-то вверх. Отдыхались.

– Своими ногами мы далеко не уйдем, – сказал Сварог. – После всего, что мы узнали, нас будут ловить с таким пылом, что дым увидят в столице.

– Ничего не узрят, – возразил Монах. – Ибо отсель нас никто не пустит на волю. Врата замкнут, двери-окна позапирают и будут расчесывать место сие, как гриву. Не выйдем мы с завода...

Где-то вдалеке замяукала сирена, потом еще одна. Ага, наконец-то проснулись, ну надо же...

– Связь со столицей, – предложил Рошаль. – Сообщить в Каскад о том, что творится на заводе.

– Не Каскад, а полиция, – нахмурил брови Монах. – И толку нету. Пока они проверять послание будут, пока потом свяжутся с заводом – дескать, а что это у вас происходит... А связи лично с Гиль-Донаром у меня нет, не мыслил я, что в оный переплет попаду...

– А вы что молчите, маскап?

– Прикидываю, – задумчиво ответил Сварог, глядя на лестницу, ведущую вверх. – Если мне не изменяет ориентация, эти ступеньки ведут аккуратно в секретный цех.

– И? – спросил Монах.

– А, ты ж еще не видел. Там стоит такая милая штуковина... Если уйти своим ходом с завода мы не можем, прятаться тут до морковкиных заговений не можем тоже, связи с внешним миром у нас нет... почему бы в таком случае не попытаться покинуть сей гостеприимный уголок с комфортом, на бронетехнике?

– Ваши метафоры, маскап... – поморщился Рошаль. – Вы можете понятнее говорить?!

– Над нами стоит «Буреносец». Он же «Стеклянный дождь». Насколько я понял, готовый к походу.

– «Буреносец» здесь?!

– А вы, масграм, не в курсе?

– Его подорвали! Много лет назад!

– Но потом восстановили... Нет, ну а в самом деле-то, почему бы и нет? В конце концов, если не сумеем сдвинуть эту махину с места, то всегда можем забаррикадироваться внутри, и хрен нас оттуда выкурят – для того его и строили. А там придумаем что-нибудь.

– А охрана, а рабочие, а сигнализация?!

– А вы вспомните некий кораблик под названием «Адмирал Фраст», впоследствии переименованный в «Серебряный удар». Кажется, тогда кто-то тоже долго уверял, что сие невозможно.

– Что такое «Стеклянный дождь»? – насторожился Монах. – Вам удалось выведать тайну?

– А то, – гордо сказал Сварог. – Раз плюнуть... Пойдем, сами все увидите.

Дверь из подземелья в цех была чуть приоткрыта – мол, заходите, люди добрые, однако по ту сторону истуканами застыли двое охранников. Сирена надрывалась не переставая, и вертухай были сама бдительность. Сварог почесал плешивый затылок Ирви-Лонга. Поморщился.

– Ну? – шепотом спросил Рошаль. – И как вы собираетесь проникнуть в машину?

– Лучше спросите, как я собираюсь подобраться к машине. Ответ: понятия не имею.

Нацепить, что ли, на себя невидимость? Так ведь, во-первых, кругом подаватели магии, а во-вторых, наверняка и датчики кругом стоят...

Из-за двери доносились цеховые звуки работы, которая не прекратилась и когда взвыла тревога.

– Я, вестимо, знаю, – вдруг сказал Монах и показал на красный щиток под лестницей. Сварог подошел поближе: то была пожарная сигнализация.

– Единожды у нас в охранном приказе, в околотке, один тать так же ноги сделал. Пожарную сирену врубил и, пока носились аки ошпаренные, через окно драпу дал...

– А что, – пробормотал Сварог, – отчего бы и не попробовать...

Куда там, на фиг, тревожной сигнализации с ее сиротливым мяуканьем! Пожарная сирена уж завывала так завывала, как дипломированная базарная тор-

говка, уши враз заложило от нестерпимого визга. Работяги в цеху сбились с ритма, стали переглядываться, а там и забегали туда-сюда. Впрочем, в этой беготне не было суеты и хаоса. Сварогу было достаточно одного взгляда, чтобы понять – каждый здесь знает свой маневр, знает, что хватать и во что переодеться. Люди в спецовках организовано разматывали шланги, доставали из шкафчиков брезентовые костюмы, выдирали из крепежей на стенах баллоны с короткими шлангами, оканчивающимися раструбами. Двое бросились к гигантским воротам цеха и, шуруя настенными рычагами, принялись разводить в стороны воротные створы. Эдакая вымуштрованность цехового народа Сварога обрадовала – случись что непредвиденное, вряд ли пролетарии станут предпринимать что-то самостоятельно, без команды сверху. В отличие, кстати, от двух бойцов на посту у двери. Когда включилась пожарная тревога, эти переглянулись, потоптались и пост покинули, ломанулись куда-то в сторону. За инструкциями, не иначе. Дурачье, одного надо было оставить!

– Слушай приказ по гвардии, – обернулся Сварог. – Только за мной и только бегом. И не выделяться из общей массы. Ясно?

– Вы на мой костюмчик внимание обратили, а, маскап? – спросил Рошаль, разглаживая снежно-белую одежду.

– Плевать, – сказал Сварог, – у меня тоже не роба. Не светитесь, и все. Ясно?

– Нет.

– Тогда вперед.

Они выбежали в цех. Слаженно, цепочкой добежали до танка... Е-мое, ну и машина! Не танк, а утес с Угрюм-реки. Высота катков – этажа в два, трак толщиной в половину человеческого роста. Так, наверное, лилипуты рассматривали Гулливера, снизу вверх, опасно держась подальше от его каблуков.

Их никто не остановил. Обратили внимание или нет, пес его знает, но никто не кричал: «Вот они, лови, ату!» – никто не кидался под ноги. Видимо, всем работягам накрепко вбили в головы, что их дело – клепать, варить, стыковать и прикручивать, а дело охраны – не пущать, ловить и пресекать. И потом, эта пустота в глазах, что так роднила близнецов и работяг... У Сварога крепла давешняя догадка: неуловимая схожесть в лицах всех слуг Щепки – Визари – Ахт-Логон, эта одинаковая пустота в их глазах – это не просто так, это порождено колдовством, гипнозом или каким-нибудь иным средством подчинения воли...

– Стойте. Наверх.

Ухватившись обеими руками за крыло и оттолкнувшись одной ногой от опорного катка, Сварог забросил себя на броню. Некогда было искать скобы, специально предназначенные для того, чтобы забираться на танк. Помог влезть Монаху и Рошально. Притянул к себе мастера охранителя, наклонился к его уху, заорал, стараясь перекричать вой пожарной сигнализации:

– Масграм, наверх! Видите, люк открыт и к нему лесенка? (Рошаль кивнул.) Забирайтесь туда, пробирайтесь на самую верхнюю башню! Должна быть связь командирского места с водительским, там сообразите. Видите лесенку? (Рошаль снова кивнул.) Давайте по ней! И – да! – плотно закройте за собой люк, душевно вас прошу. И смотрите тоже по сторонам. Увидите открытый люк – немедленно захлопывайте. Поняли?

В свою очередь Рошаль наклонился к уху Сварога:

– Раньше, в «Буреносце», который я знал, полная магическая защита вклю-

чалась при помощи зеленой рукояти слева от фрикционных рычагов! Все, больше помочь ничем не могу! – Он неэкономно помолчал, потом крикнул: – Я хотел прокатиться на «Буреносце» с момента создания... Спасибо, маскап!

Схватился за перекладину узкой лесенки и принялся карабкаться наверх, к люку, который, как предполагал Сварог, предназначен был для загрузки боеприпасов, черт знает – не то магических, не то обыкновенных.

Подтянувшись за бронеколпак (под которым мог находиться равно как перископический прицел, так и какая-нибудь опять же магическая хрень туманного предназначения), Сварог оказался возле распахнутого люка механика-водителя и ногами вперед забрался внутрь бывшего «Буреносца».

Утроба танка освещалась призрачным голубоватым светом, источником которого служили каплевидные светильники, тут и там примастряченные к изнанке брони. В танке, даже таком огромном, было, как и положено, тесно, неловко повернешься – и обязательно обо что-нибудь стукнешься. Чтобы ничего не задеть, не коснуться в танке, надо, наверное, быть карликом-дистрофиком.

Следом за Сварогом в люк забрался, кряхтя и ругаясь, Монах. Сварог вжался в стенку, в какие-то крепежи (то ли для боекомплекта, то ли для еще чего, но сейчас пустующие), вжался, пропуская Монаха.

– Тебе задача такая, – быстро сказал Сварог, когда они разминулись. – Помимо этого здесь еще полно люков, и, отчего-то я уверен, некоторые распахнуты. Их требуется закрыть. И как можно скорее. А потом разберись с вооружением этого монстра... Возможно, придется отбиваться. Вопросы?

Вопросов не последовало. Монах стал пробираться дальше в танковые глубины, обо что-то без перерыва задевая. Да, пока Монах освоится, шишек будет набито...

Так. Сперва следует закрыть люк механика-водителя. Присмотревшись, Сварог и без всяких магических умений разобраться в любом механизме запросто догадался, как это делается. А? Что, съели?! И без магии можем! Он повернул ворот. Где-то внизу застрекотали шестерни, люк стал медленно закрываться. «Язык» затвора вошел в паз, раздался щелчок.

Бли-ин! Неловко двинув рукой, Сварог больно приложился обо что-то локтем. Взвыл. А как тут не взвоешь, ой, мать моя...

– Мать Многоуста святая непорочная!! – почти одновременно раздалось из танковых глубин. – Убился! Ой, убился!

Ни хрена не убился. Когда схлынул болевой шок, Монах счел нужным объяснить:

– Вовремя не пригнувшись, лбом налетел на край башенного выреза. Оранжево в глазах и по сю пору...

– Давай-ка поаккуратнее, мать Многоуста! – свирепо прикрикнул Сварог: пусть не расслабляются. – А когда поедем («Тьфу-тьфу-тьфу...»), будь готов, что станет трясти! И сильно!

– Приготовлюсь! – пообещал Монах.

Что ж, пора осваиваться в роли механика-водителя. Сварог опустил на пружины, скрытые под кожаной обивкой кресла. «И, кстати, ни в коем случае не просто „водителя“! Если захочешь наткнуться на испачканный мазутом кулак в лоб – можешь назвать танкиста „водителем“. А так – механик-водитель, и никак иначе!»

– Так, так, – Сварог нашел зеленую рукоять, о которой рассказывал Рошаль. Там, где и говорил охранитель. «Надо ж, переделывали, переделывали, а кое-что осталось на своих местах... А с другой стороны, на фига все переиначивать! Если работает, зачем что-то менять!»

Как советовал Рошаль, Сварог повернул ручку в крайнее нижнее положение. Что-то щелкнуло, шкваркнуло, тихонько засвиристело, как набирающий обороты маховик... Ну, и? И ничего. По крайней мере, видимых изменений не произошло. Никаких защитных полей на танк не опустилось, не загудели магические трансформаторы, вырабатывающие оберегающие токи, не запахло *по-другому*. Внутри стальной машины по-прежнему воняло машинным маслом... или его заменителем. В общем, подобающе пахло. Ладно, гадать не будем, включилось – не включилось, будем посмотреть.

Теперь управление. Стоп, стоп, а это что такое под креслом? Блин, шлемофон! Настоящий. Ну, не классика жанра, не черный с прошивкой танкистский шлем, однако же шлемофон. Система из кожаных ремешков, подгоняемых по голове, мягких наушников, словно прилипающих к голове. Микрофоном, возможно, служат вот эти темные заклепки на ремешках, больше нечему быть микрофонами. Работает или не работает, разберемся. Во всем разберемся. И с управлением тоже...

Фрикционные рычаги, педали – все выглядит вроде бы несложно и очень знакомо. Осталось попробовать.

Ну, выноси, нелегкая...

Танк взревел, как тысячи раненых тираннозавров. Сварог в смотровую щель увидел, как в разные стороны от танка из отводных труб ударили белые струи, похожие на седые усы. Ну не выхлопы же это сгоревшей в дизеле солярки? Не та, понимаешь, цивилизация... А что это такое, гадать бесполезно, да и некогда, кто его знает, отчего и на каких принципах работает чудовище, которое – ежели опираться исключительно на технические представления – может сдвинуть с места только двигатель, работающий, пожалуй, от атомного реактора.

Тем временем Сварог понял, как обращаться с зеркалом в толстой бронзовой раме, укрепленным перед водительским местом над смотровой щелью. Наклоняя его в разные стороны, Сварог мог видеть в зеркале танк снаружи, с любой стороны – в зависимости от угла наклона. И он увидел, как судорожно провернулись катки, всколыхнув гусеницы. «Буреносец» вздрогнул, качнулся вперед. Рев двигателя набирал силу. Машина еще раз конвульсивно дернулась, и разом ожил весь механизм, приводящий бронированное чудовище в движение: завертелись опорные и поддерживающие катки, поползли гусеницы, заходили балансиры, пришел в движение механизм натяжения гусениц. И многотонная, великотонная, необозримотонная громада сдвинулась с места, *пошла*.

Сварог, навалившись всем телом, двинул вперед оба фрикционных рычага, нога втопила газ. В смотровой щели качнулся цеховой пол, выстланный пупырчатými металлическими листами. Сварога бросило обратно в кресло. И невольно вырвалось:

– Поехали...

– На месте, маскап, обзор отличный, приступаю разбираться, что тут к чему, – раздался в шлемофоне голос Рошаля. Ага, мастер охранитель добрался до

командирского места. А Монах? Монах пока молчал. Зато снова заговорил Рощаль:

– Что, получилось? Глазам не верю. Вы один справитесь с управлением?

– Я еще и не с тем справлялся! – прокричал Сварог. – А вообще тут все просто: два рычага, газ и тормоз. Довезу вас хоть до самого Гаэдаро, лишь бы топлива хватило.

До сего дня Сварогу лишь однажды приходилось сидеть в танке на месте механика-водителя. Было это в советские годы, на полигоне в Казахстане, во время сводных армейских учений. От нечего делать на затянувшемся привале приятель-танкист взялся научить десантника Сварога вождению танка. Тогда, помнится, Сварог даже самостоятельно проехал с сотню метров по твердой, как бетон, казахской степи... Был еще случай, когда Сварогу, гостившему в одной псковской деревеньке, в страдную пору пришлось сесть за трактор вместо дюже запившего тракториста. А что у трактора, что у танка – все устроено одинаково. И вот те на: танк с магической начинкой, оказывается, управляется схожим образом! Приятно.

Сварог услышал грохот – кто-то заколотил по обшивке. Наверняка кто-нибудь из вскочивших на броню работяг лупит по ней кувалдой, призывая остановиться. Ага, опомнились, морды, или, что вернее, получили наконец целеуказание от своей владычицы!

Да, немало уродов сейчас полезут на броню, прицепятся, станут лазать по танку, как мандавошки по известному месту. Сварогу лень и некогда сейчас было вертеть «зеркало обозрения», высматривая, сколько и где повисло на танке храбрецов из ремонтной гвардии. И вообще: заняться ими должен Монах, которому поручено как можно оперативнее разобраться с вооружением. И куда он подевался, Многоуста его через трак, где застрял?

В смотровой щели, качаясь, приближался проем цеховых ворот, кто-то закрыл его снаружи на одну створку. Под левую гусеницу боевой машины попала пустая рабочая тележка, с хрустом смялась, мгновенно превратившись в плоский бесформенный шлепок. Сварог увидел сквозь смотровую щель, как в воротном проеме дорогу танку заступил один из близнецов. Вперив неподвижный взгляд в надвигающуюся из цеховой коробки громадину, он вытащил из-за пазухи круглую плоскую коробку, похожую на диск от ППШ, что-то на ней подкрутил – тем движением, каким заводят часы. Размахнулся и бросил коробку под траки...

Ну а вы как бы среагировали? Вот и Сварог рефлекторно отклонился, уходя от возможных осколков, которые могут влететь ненароком в смотровую щель. Сквозь грохот двигателей Сварог расслышал хлопок, но ни в смотровую щель ничего не влетело, ни цокота осколков о броню не последовало. Он снова сел нормально, выглянул в люк. И сразу понял, что произошло. Бомба взорвалась, но весь ее заряд, отброшенный магической защитой танка, ударил в метателя и превратил того... В общем, Сварогу не очень-то хотелось вглядываться в то, что осталось от близнеца. Защита танка сбоя не дала, а видимо, на сбой и рассчитывал бомбометатель. А на что ему еще было рассчитывать?

Перед цеховым проемом, чтобы точно войти в него, Сварог надавил на левый рычаг. Танк повело влево, повело сильно, левая гусеница врезалась в стену, лобовая броня ударила в закрытую створку. Стальные пластины ворот, принявшие удар, разлетелись, точно картонки. Рама под лобовой броней по-

гнулась, принимая форму передней части танка, петли вверху и внизу вылетели из гнезд, как пробки под натиском штопора, оставляя в стене дыры. Танк немного протащил раму, потом наехал на ее нижний край, подмял и отутюжил. Попавшая под тысячи тысяч тонн бронированной стали часть стены разлетелась мелкой крошкой. Несколько осыпавшихся бутовых камней упали на броню и выехали на ней на заводской двор. Сварог нисколько не сомневался, что после такого соприкосновения со стеной немало прилепившихся к танку смельчаков слетели с брони ко всем чертям.

Танк въехал на мост. Его ширины хватало тютельница в тютельница, чтобы двигаться, не задевая ограду. Ну-ка, а что у нас творится вокруг да около? Сварог повернул «зеркало обзора». Один из близнецов, прижавшись к стене цеха, стрелял вслед удаляющейся бронированной крепости из предмета, похожего на длинноствольный пистолет. Возможно, это как раз пистолетные пули цокали о броню, выбивали искры и, ясный перец, никакого вреда не приносили.

Ага, а прямо перед «Буреносцем» бежал один из рабочих, невесть откуда взявшийся. Он не сворачивал – да и некуда ему было свернуть на мосту, разве что на ограду вскочить или с моста в ров сигануть, а туда, как утверждает Монах, налита водичка, со здоровьем никак не совместимая – бегущий лишь оглядывался, зыркал безумными от страха глазами на догоняющую стальную гору. Споткнувшись, упал, уткнулся лицом в землю и накрыл голову руками. И нет чтобы посередине моста свалиться, упал аккуратно под гусеницу, кретин!

– Вставай, идиот!!! – заорал Сварог. Даже если б упавший его каким-то чудом и услышал, вряд ли на него сейчас подействовал окрик.

Ну не тормозить же, право слово!

В суматошной попытке сделать хоть что-то, лишь бы не давить, Сварог нажал на фиговину, находящуюся справа от фрикционного рычага правой руки и сильно напоминающую гашетку. Гашеткой фиговина и оказалась – шарахнула пулеметная очередь (пулемет был закреплен прямехонько по центру зрения механика-водителя), пули, оставляя после себя дымную зеленоватую дорожку, веером разлетелись над лежащим.

Лежащий выпал из его поля зрения, уходя в «мертвую зону» обзора. Ну, все...

Не все! Ага, подействовала все-таки пальба над головой – рабочий выкатился из-под танка, благо полз тот много медленней даже скорости пешехода. Метнулся в сторону, вскочил на широкую каменную ограду моста и – «Стой, что делаешь, беги по ограде!» – спрыгнул в ров.

До воды он не долетел. Вернее, долетел... но по частям. Очень маленькими частями долетел.

«Ну, извини, приятель, я со своей стороны сделал все, что мог. А тебе не надо было связываться с сомнительными личностями... Впрочем, если возвожу напраслину – извини вторично: может, тебя и впутали обманом».

Съехав с моста, «Буреносец» пополз по территории завода. Земля здесь гладкостью не отличалась. А поскольку, едва миновав мост, Сварог увеличил скорость, началась бортовая и килевая качка, машину стало плавно, но неприятно болтать. Чтоб меньше мотыляло, Сварог вставил ногу в специальную скобу на изнанке брони. А еще он обнаружил страховочный ремень и пристегнул себя к креслу.

В смотровой щели заблестели рельсы внутривзаводской узкоколейки, по ко-

торой из цеха в цех перевозили всяческие грузы. «Буреносец» рельсы даже не заметил, однако завалил один на бок (рельсовый стык лопнул – в стороны со скоростью пуль полетели головки и стволы болтов), а другой втопил в землю вместе со шпалами. На пути танка оказался грузовой мобиль... Не объезжать же! Тем более, водитель выскочил из кабины и стремглав умчался куда-то. «Буреносец» ударил в борт грузового мобиля, тот отскочил, как игрушечный, перевернулся. По земле покатались бидоны... А бидоны были с краской – очень быстро рядом с грузовиком образовалась огромная желто-красно-зеленая лужа.

– Маскап, слышите меня? – сквозь шорох помех раздался в шлемофоне голос Рошала.

– Слышу, масграм.

Танк ехал вдоль заводской стены.

– Сверху наблюдаю у ворот шевеление, – голос бесстрастный, холодный. – Что-то торопливо разматывают, укладывают на землю. Еще на предполагаемом пути следования втыкают в землю через каждые два шага штыри, оканчивающиеся кольцом. Как поняли?

– Понял вас, масграм, – сказал Сварог. – Конец связи.

«Э, нет, – подумал он, – так не пойдет. Остановить себя мы не дадим». Вот поди раскуси их замысел, когда ни черта ни смыслишь в местных магических реалиях. А может... Желательно, конечно, не рисковать. А если не рисковать, тогда что?

– А вот что! – вслух произнес Сварог. – Рошаль, Монах, внимание! Схватитесь за что-нибудь крепко... Ну выноси, железный конь!

Рошаль-то наверняка слышал и сделал, что сказали, а вот Монах... Будем надеяться, все обойдется... Сварог навалился на правый рычаг. Многотонная громада резко поменяла направление и вошла, как кулак в торт, в каменную заводскую ограду, по высоте примерно равную танку. Машину потрянуло так, что язык, попади он меж зубов, был бы откушен. В смотровую щель ударила пыль и крошка, но внутрь не попала – помешала невидимая и неосязаемая защитная пленка, работающая, как стекло.

– Держись! – заорал Сварог во все микрофоны, отпустил рычаги и намертво вцепился в кресло.

Разбив ограду так, что брызнули во все стороны камни, ревущая глыба вырвалась с территории завода и принялась съезжать по отвесному склону в ров.

Если быть откровенным, то Сварог самоубийцей не был. Он просто из двух зол выбрал наиболее предсказуемое. Рассуждал он так: если люди что-то торопливо и старательно готовят у ворот, значит, всерьез надеются, что им удастся остановить великанскую машину; с другой стороны, машина должна выдерживать рядовые и распространенные напасти, известные даже Монаху, если уж она столь великолепна и неуязвима, как ее расписывала Щепка. Значит, должна выдержать и мутную зеленую воду, разрывающую на части отдельных человеков. Хотя – рассуждения рассуждениями, а сердечко все же екает...

Взметнулись вверх столбы воды, выдавленные тоннами металла. При взгляде в смотровую щель могло показаться, что попал на дно морское. Прикрытая невидимой и неосязаемой пленкой смотровая щель замутилась, как

стекло иллюминатора, накрытое волной. И не действовало! Не действовала ни на машину, ни на людей в ней та смертоубийственная магическая начинка, какая была растворена в тлетворной зеленой водичке!

Вот чего не боялся Сварог, так это того, что машина не выкарабкается по противоположному склону на берег. Он уже понял, что такие препятствия этому левиафану по плечу... или, вернее, по гусеницам и по движкам. Никак не может быть по-другому. И стальная громада, проехав по дну рва, принялась взбираться наверх.

ГЛАВА 22 ВЕРХОМ НА «ДОЖДЕ»

Танк «Буреносец», он же «Стекланный дождь», въехал на склон, и на пути ему попало дерево. Это был дуб совершенно чудовищных размеров – то ли сам вымахал таким, честно отстояв на этом месте пару сотен лет, то ли стал могучим при помощи и при посредстве неорганического колдовского удобрения. Дерево, за многие годы разбросавшее вокруг себя тысячи корней, выдержало первый натиск, не рухнуло, а лишь наклонилось, лишь некоторые листья сбило с ветвей. А все потому, что танк еще карабкался по склону и не нажал на дуб всей своей многотонностью.

Гусеничная лента взрывала зацепами камни. Камни крошились, но зацепы упорно вонзались все глубже и глубже, до полного сцепления с грунтом. Ревел на повышенных оборотах двигатель. Передний броневой лист, упираясь в ствол, толкал его мощностью неисчислимого количества тонн.

Сварог вдруг понял, что в полный голос орет:

*– Броня крепка и танки наши быстры,
И наши люди мужества полны!
Громят врагов советские танкисты,
Своей великой родины сыны!*

Танк, скользя по стволу плавным подъемом передней части, взбирался на дерево, наезжал на него, увеличивая рычаг давления. Дуб стал сдаваться, уже пошли по земле трещины. Приподнялся верхний пласт почвы, показалось змеиное переплетение корней, облепленное землей, глиной и камнями. И дерево капитулировало. Раздался треск, хруст сучьев и глухой удар ствола о землю. Машина переползла через поверженный ствол, ломая сучья. Пошла дальше по бездорожью, но в направлении шоссе.

А вот теперь точно: если кто еще и висел на обшивке, попадали, как груши с местной яблони. То бишь спелыми сливами. Сварог уже не пел, а декламировал, и не в полный голос, а почти что шепотом:

*– Гремя броней, сверкая блеском стали,
Идут машины в яростный поход.
Нас в смертный бой послал товарищ Сталин,
Клим Ворошилов смело в бой ведет.*

– Что это было? – раздался в шлемофоне едва слышный голос.

– Вы имеете в виду песню, мастер охранитель? – весело спросил Сварог.

– Я имею в виду другое.

– Выражаясь военным языком – это было форсирование препятствий. Испытание машины в условиях, приближенных к боевым. Кстати, и собственно боевые, полагаю, не за горами. Думаю, за нами сейчас снарядят погоню. Мо-

жет быть, не сразу. Может быть, сперва они хорошенько подготовятся. К сожалению, танк могуч, но тихоходен, *они* запросто настигнут нас на быстроходном мобиле... А где Монах?

– Тут я. Вроде позакрывал все люки, хотя наползался. Весь ободрался и набил синяков, – отозвался в наушнике полицейский агент. – А потом заплутал – в здешних лабиринтах. Чего тут только нет...

– Меня больше интересует, чего тут только есть, – жестко сказал Сварог. – Что с вооружением?

«Буреносец» наконец выбрался на шоссе – не только полностью занял его в ширину, но еще и прихватил обочину. Да, со встречным транспортом никак будет не разминуться... Зато уж точно никто не обгонит!

– Да есть кое-что, – обнадежил Монах. И тут же лишил надежды: – Только я напрочь не разумею, как эта бесовщина работает...

Самому бы надо посмотреть, да на кого рычаги оставишь... Ладно, ничего не попишешь. По крайней мере защита от магии работает, а это важнее всего остального.

– Нас не преследуют, масграм?

– Позади нас дорога пуста, – четко, по-военному ответил Гор Рошаль. – Впереди тоже никого. И ничего.

– Вот и славно, – сказал Сварог. – Конец связи.

До Города-на-Заре добрались без происшествий. Двигатель не заглох – как полагал Сварог, запас хода этого колосса исчисляется не каким-то десятком лиг и прочих кабелотов, а возможно, даже и не сотней. Не исключено, что двигатель из тех, что так любили изобретать на его первой родине, – то бишь двигатель вечный. Ну, или почти вечный: детали-то изнашиваются...

По ровному шоссе танк шел быстро. Понятно, не как гоночный автомобиль, все ж таки масса ого-го, но для такой громады – вполне даже резвенько. К тому же сзади никто не догонял и спереди дорогу никто не перегораживал, магические пушки напрямую не выкатывали, со связкой магических гранат наперерез не выбегали. И это спокойствие на дорогах не могло не настораживать.

Если не нападают, значит, тщательно готовят нападение. Ой, не верится, что Щепка и ее верные слуги махнули рукой на свою главную и последнюю надежду. Мол, угнали и угнали, значит, не судьба нам прокатиться. Нет, они *должны* умирать за этот танк. А раз пока не умирают – значит, жди сюрприза в любой момент. Блин, хуже всего иметь в противниках создателей всяческих конструкций и агрегатов: кто, как не они, знают все слабые стороны своего детища, все его ахиллесовы пяты.

Усилием воли Сварог отогнал от себя мысли черные, переключился на раздумья более приятные: «Вот и решение проблемы номер один. Что-что, а этим бронированным монстром можно расчистить стройплощадку от груды бесполезного хлама под названием “Искупитель”. Сработать, как бульдозером. Правда, что делать дальше, непонятно... Но остается надежда на вооружение, с которым Монах так пока и не разобрался... Собственно, ясно, почему не разобрался: мало он имел дела со сложным оружием. В годы своего лиходейства по большим дорогам он, помнится, ходил со складнем. Да и на полицейской службе вряд ли сталкивался с чем-нибудь посложнее револьвера с магическими пулями... Эх, на кого бы переложить рычаги и вдумчиво осмотреть здеш-

ние башни!»

«Буреносец» въехал в Город-на-Заре.

Поселение объехать никак было нельзя. Вернее, можно, но поступать так было бы крайне неразумно. Да, конечно, такая машина легко возьмет любое бездорожье, только вот скорость немедля упадет до черепашьей. А мы спешим! Потому что, не дай бог, слух о приближающемся чудовище из брони дойдет до стройплощадки звездолета раньше самого чудовища. *Такую* встречу могут приготовить и собственными силами, и силами, которые срочно вызовут с каких-нибудь ближайших баз и «точек», что мама не горюй! А то еще вызовут эскадрилью аэропилов, и посыплется на головы незнамо что. А зачем нам лишнее на голову?

В смотровой щели Сварог видел перед собой главный городской проспект. Танк двигался по проезжей части и по тротуарам, едва-едва не касаясь стен домов. Фонарные столбы ломались под ним, как сухой камыш. Лопались, разбиваясь о дорогу, плафоны волшебных светильников. Мобили, брошенные в панике убежавшими куда подальше водителями, под гусеницами «Буреносца» в мгновение ока превращались в лепешки из крашеного металла.

Сварог, сидя за рычагами этого танка всех времен и народов, испытывал странные ощущения. Его переполняло упоение от власти над бронированной крепостью, для которой нет преград, которая, если того пожелаешь, в два счета сровняет город с землей. И эта силища полностью подчинена твоим рукам, она – твоя рабыня, ты – ее хозяин... Это, признаться, пьянило.

Вот какой-то мобиль вывернул из переулка. Его водитель, увидев, что на двигается на него по главной городской улице, дал по тормозам и вывернул руль до упора. Мобиль выскочил на пешеходную часть, от столкновения с тротуарным бортиком перевернулся и на боку, крутясь, въехал в заросли кустов.

Яростно выругавшись, Сварог взял один рычаг на себя, другой отдал, заставляя стальную машину вращаться вдоль своей оси. Потому что продолжи он движение вперед, неминуемо наедет на мобиль, из которого никак не мог выбраться водитель. Некуда тут было сворачивать! Разве что по домам поехать. Понятно, что танк снес бы их, как куличики, но при всех восторгах, которые Сварог испытывал от управления этим гигантом, умом он еще не тронулся.

«Ну давай же, вылезай», – мысленно подстегивал Сварог водителя, впрочем, отлично представляя, какой животный ужас тот сейчас испытывает – настоящий страх, физиологический, когда судорожно сжимаются мышцы живота, когда челюсть прыгает, как механическая курица по столу, когда зубы стучат не в фигуральном смысле, а на самом деле.

А танк продолжал приданное ему карусельное вращение.

Ага, ну слава богу! Сварог в «зеркале обзора» увидел, как от дома, рядом с которым перевернулся мобиль, отделилась фигура, рванула к месту аварии. Ясно, что герой бежит вытаскивать от шока впавшего в ступор водилу – больше туда бежать незачем. Ну так и есть...

Ба! Знакомые все лица! Так это же Таксист! Тот, кто уже дважды приходил Сварогу на выручку. А если...

Сварог размышлял недолго. Таксист – он пригодится...

Опять затрещали шестерни, люк механика-водителя распахнулся.

– Эй, на палубе! – закричал Сварог, высунувшись из люка. – «Эх, прокатить-

ся» не желаешь? С ветерком на бронемобиле!

– Да ведь так и знал! – Таксист выпустил из рук спасенного им водителя (впрочем, тот уже вполне пришел в себя, чтобы с ходу припустить зайцем по газонам, петляя и оглядываясь, и скрыться в ближайшем переулке). – Кто еще может приехать в город на такой дуре! Это же «Буреносец»! Переделанный «Буреносец»!

Таксист ловко, будто каждый день этим занимается, запрыгнул на броню и проскользнул в люк. И первым делом в приливе радости хлопнул Сварога по плечу.

– Я знал, что с тобой мы не пропадем, солдат! Давай разгоним этих «туристов» по полям, вспомним фронтовые деньки!

Он плюхнулся в соседнее кресло. В знакомых Сварогу танках по соседству с механиком-водителем размещался стрелок-радист, а кто должен сидеть здесь, можно лишь догадываться. Допустим, маг-стрелок. Или колдун-радист.

– У нас другие планы, – объяснил Сварог, поворачивая «Буреносец» на прежний курс и направляя его к выезду из города.

– Да? Отлично! – пожалуй, Таксисту было все равно, куда и что. Главное – было бы весело. И тут же он деловито поинтересовался: – Скорость этой штуковины знаешь?

– Чуть меньше скорости мобилы.

Таксист многозначительно хмыкнул.

Мол, фигня. И тут же продолжил допрос:

– Проходимость?

– Убедительная.

– Толщина брони?

– Мать!..

– Какая? – удивился Таксист.

Сварог имел в виду, понятно, не толщину железных стен, а женщину, бежавшую навстречу танку. Все ясно: из укрытия или из окна она увидела высушившегося из окна Сварога... вернее, она увидела своего Ирви-Лонга.

Этот город еще кое-как можно было бы объехать, но эту женщину, Сварог был уверен на сто пятьдесят процентов, объехать не удастся. Ее не отговорить. Ее можно только связать.

Пришлось снова останавливать танк, снова крутить ворот и отворять люк.

– Черт возьми, Лиома, только об одном прошу, не задавай никаких вопросов, – сказал Сварог, помогая ей забраться в люк. – Делай все, что скажу. И тогда не высажу посреди пустынной равнины. Согласна?

– Я согласна! – крикнула она таким голосом, каким обычно кричат: «Я тебя убью!»

– Тогда лезь сюда. Там наверняка где-нибудь есть кресло без всяких удобств. Прощу тебя, садись и не вставай. Только будь предельно осторожна, не долбанись обо что-нибудь...

– Ирви-Лонг, я тебя ненавижу! – она обхватила Сварога за плечи и отвесила жаркий поцелуй в губы. Потом скоренько убралась, куда ей было велено. – Я нашла здесь кресло.

– Отлично. Села? Замечательно. Посмотри, там должны быть ремни с застежками. Нашла? Великолепно. Пристегни себя. Пристегнула? Там есть за что держаться, скобы, выступы? Нет? Тогда держись за край кресла. И сиди по

возможности тихо.

– Я буду сидеть тихо-тихо. Но знай, что я тебя презираю!

– Все, поехали, – Сварог взял оба рычага на себя, вдавил педаль газа. – Уф!

– Как я тебя понимаю, солдат, – подмигнул Таксист.

– Сможешь управлять этой колымагой?

– Издеваешься?

– Выберемся из города, уступлю место.

– Ну так выбирайся живей, чего тянешь! Топи на газ...

«Экипаж машины боевой, блин, – азартно подумал Сварог. – Беглый преступник, бывший сумасшедший, монах-полицейский и женщина. Разве что Таксист чего-то стоит как механик-водитель, да и за тем нужен глаз да глаз, иначе наворотит делов...»

– Послушай меня, капрал, – осторожно подступил он. – Только сперва подумай хорошенько. Как бы ты отреагировал, если б я сказал тебе, что...

Он сделал паузу, подбирая слова... а потом решился – и рассказал Таксисту о никчемности «Искупителя», о том, что постройка его никогда не закончится. Рассказал о Черной Планете (точнее, об отсутствии таковой) и о Тварях, которых насылают маги по заданию правительства.

Таксист долго молчал, кусая нижнюю губу.

– Я так тебе скажу, – наконец произнес он. – Форсировали мы как-то речку под названием Руш. Готовились долго: силы подтягивали, технику, план операции несколько раз пересматривали. А все потому, что колдунишек на той стороне собралось где-то с батальон, и окопались они хорошо, тоже какие-то штуки свои магические устанавливали... Артподготовка ни хрена не дала: снаряды пролетали сквозь их укрепления, как сквозь дым, и ничего, ни малейшего урона... Ну, речку мы в результате взяли, и что оказалось? Оказалось, не было там батальона, и укреплений никаких не было, а был это мираж, наваждение, морок, который насылала парочка безоружных магов из крохотного блиндажа! Ну, с магами мы, естественно, по закону военного времени поступили, однако ж сколько крови они нам попортили, а? Сколько мы на ихнее колдовство снарядов перевели, сколько времени потратили – и все впустую. А в это время, пока мы бойцов сюда стягивали да план переделывали, маги на другом участке прорвались... Это они нам так глаза отвели, чтоб мы, значит, на ерунду отвлеклись и главного не заметили.

Он опять замолчал, потом сказал мрачно:

– Ну так то ж на фронте, это хитрость такая военная была, и не самая, признаться, подлая. А тут, против своих же... Эх, мне бы взрывчатки побольше, я б эту хреновину космическую!..

– Во-во, – только сказал Сварог.

– Что? – не понял Таксист. Посмотрел на дорогу в смотровую щель. И до него наконец стало доходить. – Так, солдат! Мы что же... Мы на этой дуре... туда... чтобы, значит...

Сварог кивнул. На что Таксист смог выдать лишь: «О!» Танк уже миновал городскую черту, выехал на грузовое шоссе между горами и бодро покатил к «стройке века», можно было передавать управление новому механику-водителю.

– Перебирайся, капрал, садись за рычаги, – сказал Сварог. – А я пойду проверю наше вооружение.

Они поменялись местами, Сварог направился в глубь танка. То и дело приходилось протискиваться боком, нагибаться, чтобы не стукнуться головой о рельефы потолка. Он дошел до кресла, в котором сидела Лиома. Любимая «племяшка» тут же принялась расстегивать ремни безопасности.

– А ты останешься здесь, – Сварог положил ладонь на ее ладошку. – Ты же обещала слушаться?

– Что происходит, Ирви, куда мы едем? Что это за страшила? Ты опять во что-то впутался?

– И еще как. Потом все объясню, – Сварог накрыл ее рот ладонью. – Осталось совсем недолго, потерпи.

Сварог полез дальше. Ага, вот люк в башню третьего уровня, а вот край выдвижной лестницы. Он потянул лестницу на себя и забрался в башню. Тэк-с, что у нас тут? А у нас тут открывался обзор по левому борту и – если башню развернуть, вращая ворот, – по ходу движения, но по ходу не полный обзор, потому что мешает бронелист. На кресле башенного стрелка лежит шлемофон, значит, в любой момент можно связаться с тем же Рошалем или с механиком-водителем. Очень хорошо.

А для переговоров с противником здесь приготовлена пушечка... Назовем ее так. Короткая, в локоть длиной, толстая труба на станине. Ходит вверх-вниз. Горизонтальный ход обеспечивается проворотом башни. Прицела нет. Зато есть боеприпасы – черные, эбонитовые на вид и на ощупь цилиндры, длиной с патрон для крупнокалиберного пулемета, но потолще. Как заряжать – не вопрос. А чтобы произвести выстрел, следует... ну да, потянуть на себя стержень с сердцевидным набалдашником. Будем испытывать. А что? Надо же знать, чем вооружен.

– Слышите меня, бойцы? – Сварог напялил шлемофон. Отозвались Рошаль, Монах и Таксист. – Сейчас поблизости что-то случится. Не знаю что. Но не пугайтесь. Это я так развлекаюсь...

Загнал снаряд он в пушку туго, поднял ствол повыше, чтобы улетело по-дальше в горы, и потянул рычажок...

Звук выстрела был похож на хлопок пустого молочного пакета, шмякнутый о ладонь. В башне мгновенно завоняло разогретым металлом. Метрах в ста от танка, возле распадка, из ничего возник белесый туман, завис над землей на некоторой высоте... А потом взял и ухнул на землю со скоростью и неумолимостью бетонной плиты. И облако сухой пыли поднял вокруг себя, будто действительно рухнула плита. Ага, здесь все ясно, посмотрим, что в других отсеках. Еще в двух башнях Сварог обнаружил спаренный пулемет типа «стрелы», которую ему показывал Рошаль пятнадцать лет назад, и нечто, весьма похожее на выставленную в амбразуру граммофонную трубу. Понятно, Сварог не удержался и трубу эту испытал. В результате огромный, вросший в землю валун на траверзе беззвучно выдрало из земли, что твой гнилой зуб клещами стоматолога, и швырнуло прочь, вмазало о горный склон, а вместе с ним снесло пласт земли. Получилась ровная такая грунтовая, будто укатанная площадка. «Лихо! Уж не знаю, как это обзывается на военно-магическом жаргоне, но подходит название – сдуватель. Между прочим, здорово может пригодиться штучка...»

Сварог не сомневался, что и на другом борту танка стоит такое же оружие – и пулемет, и сдуватель, и «облако-плита». Все дублируется. А что, интересно,

на самых верхних уровнях? По идее там должны быть установлены генераторы антимагического поля и оружие дальнего боя...

В одной из верхних башен Сварог обнаружил Монаха, быстро пролистывающего некую брошюрку.

– И что сие? – спросил Сварог.

– Наставление стрелку-арбукетчику, атаман.

– А это, стало быть, и есть арбукет? – Сварог похлопал по установке, пуце остального напоминающую мортиру о двенадцати стволах.

– Он самый, проклятый. Как тут написано, выстрел следует заряжать поочередно, начиная с верхнего левого ствола, маркированного подковой. Потом переместить выстрел в следующий ствол справа от него, потом... Ну, и так далее, до последнего ствола.

– Всего один выстрел? – удивился Сварог. И действительно: в деревянном ящике, укрепленном под мортирой, обнаружился один-единственный снаряд. – Впервые вижу. Один и тот же снаряд и куча стволов, хм...

– Хотите испробовать?

– Захочешь, сам попробуй. А я хочу забраться повыше.

То, что Сварог обнаружил повыше, обрадовало его сильнее прочих находок. Гиперболоид, лазерная пушка... наверное, называлось *это* как-нибудь иначе, но по сути являлось именно лучеметом. Световая игла темно-красного цвета резала скалы – Сварог, не удержавшись, испробовал – точно так же, как красного цвета луч разрезал «Буреносец» в предпоследней из его, Сварога, реинкарнаций. Видать, одного волшебного поля ягодки-малины.

ГЛАВА 23 ГИБЕЛЬ ТИТАНА

Луч, послушный руке Сварога, вспорол скалу, как нож вспарывает торт. Ушел в камень на глубину не меньше человеческого роста. «Это, стало быть, я так и сквозь броню проходить смогу? Очень полезное изобретение».

– Мастер Сварог! – ожил шлемофон голосом Рошаля.

– На связи, масграм.

– Погоня.

– Ага! Объявились-таки, голуби-соколики. Что-то вы подзадержались...

Турель, из которой Сварог испытывал лазерную установку, находилась в кормовой части танка, и он скоренько развернул ее против хода движения. Прозрачный щиток, закрывающий смотровую щель, был, очевидно, с секретом, потому как за кормой танка клубилась поднятая траками пыль, однако видно все было прекрасно.

И Сварог с некоторым разочарованием увидел, что «Буреносца» догоняет не вооруженный до зубов мотострелковый отряд, а всего лишь открытый пятиместный мобиль. Шел он со скоростью, втрое превышающей скорость танка. Неизвестно, когда именно Щепка и компания покинули завод родной, но торопиться им при столь быстроходном транспорте действительно большой нужды не было, уж что-что, а потерять след эдакого гиганта мог только... Да никто не мог. Уж такую колею сей сухопутный дредноут оставлял позади себя, что слепой, глухой и бездыханный, взявши след, его уже не потеряет.

Ни секундошки не раздумывая на тему, а гуманно ли, а может, сперва дать предупредительный, Сварог направил лучемет на мобиль... Ну конечно. Вряд ли все могло быть так просто.

Стоило лучу дотянуться до авто, как колыхнулся воздух, на миг проступили очертания полупрозрачного радужного купола, луч на излете рассыпался брызгами, как струя воды, ударившая в стену. М-да, подготовилась бывшая Визари к встрече с угонщиками ее любимого детища.

Черт возьми! Получалось, как в некоторых карточных играх – туз сильнее всех карт в колоде, но двойка все же может побить туза. Нет, насчет побить это мы еще посмотрим. Как так побить! Чем, главное? Что собираетесь предпринять супротив непобедимого монстра, дама и господа заговорщики?

Мобиль догнал «Буреносец», пристроился сзади метрах в двадцати от кормы. Сварог отчетливо видел пассажиров – Щепка, четверо бойцов и водитель, облаченные в антимагический защитный доспех, как две капли воды похожий на тот, что он видел в музее.

Мобиль взял влево, догнал танк, пошел с ним вровень, в полутора метрах от грохочущего и лязгающего дредноута. Передние колеса яростно наматывали плотно шоссе аккуратно напротив последних катков и «звездочки», придающей гусеницам движение. Ну и что вы задумали?

И скоро стало понятно, что. Один из близнецов (в одинаковых доспехах они стали уж совершенно неотличимы друг от друга) выбрался на капот, левой рукой держась за край лобового стекла, а правую отведя в сторону. Встречный ветер трепал пластины доспеха. Куда Таксист смотрит, так его растак?! Левый рычаг на себя, поворот – и вражеский мобиль будет размазан гусеницей тонким слоем по грунту!

Мобиль резко прибавил скорость, пошел на обгон, одновременно приближаясь к гусеничной ленте. Капот поравнялся с той частью танка, где – Сварог это видел вчера с обзорной площадки цеха – тянулся по бортовой броне трос, нависая над крылом.

И уже нельзя было ни срезать лучом, ни шарахнуть сдувателем – мобиль находился в «мертвой зоне», в зоне недосягаемости бортового оружия. Все гениальное просто. Мышь, как известно, может победить слона, Давид – Голиафа, и так далее, и тому подобное. Вот она, ахиллесова пята этого гороподобного чудища: на близкой дистанции он растрчивает почти все свои преимущества. По крайней мере те, что были известны Сварогу. Хотя, если б у него было время изучить все, на что способен «Буреносец», если б танком управлял экипаж в полном составе, а не пятеро случайных беглецов, то у преследователей не было бы ни малейшего шанса. А так...

Водитель мобиля не пытался сократить расстояние между машинами до миллиметра, не стал ждать, когда края гусениц заскрежещут по борту мобиля. И так для прыжка было вполне достаточно. И первый близнец прыгнул на танк. За ним второй. Изготовился третий.

Больше в лазерном отсеке делать было нечего. Кто знает, как собирались проникнуть внутрь бойцы командарма Щепки, но собирались несомненно, а что же еще? Видимо, знали, как открыть запертые люки.

Через ближайший люк он выбрался наружу, на броню. Порыв ветра ударил в лицо, растрепал одежду. Сварог ухватился за перекладину скоб-трапа, подтянул тело, стал продвигаться вперед по броне.

Бортовое вооружение если и демонтируется, то отнюдь не скромными силами одного Сварога. Поэтому никак он не мог взять с собой ни лучемет, ни арбукет, а прихватил всего лишь монтировку – простую человеческую монти-

ровку – забытую, должно быть, каким-то работягой в тесных переходах танка. Сунул ее за пояс...

Ага, вот и близнецы, ползущие наверх как тараканы. Все четверо успели перебраться с мобилы на броню. Циркачи, мать их.

Ну, раз они нашли средство против непобедимого танка, значит, можно найти средство и против их антимагических доспехов. Не хотите магии – не надо. Все будет проще.

Сварог отпустил скобы, толкнулся и без лишних разговоров спрыгнул на голову оказавшемуся под ним близнецу. Тот не был готов к столь радушному приему и, замахав руками, полетел вниз, сшиб по пути своего товарища, оба рухнули с высоты второго этажа, покатались по земле и исчезли в облаке пыли. Ого, сразу минус два! Недурно.

Чтобы самому удержаться на броне, а не загреметь под гусеницы, Сварог схватился за трос. В кожу тут же впились металлические, толщиной в волос нити, которыми лохматился трос. Не обращая внимания на боль, Сварог выдернул из-за пояса монтировку. И, качнувшись на тросе, как на лиане, прыгнул на следующего близнеца, который судорожно лапал кобуру на поясе. Сварог всадил монтировку аккуратно промеж защитных пластин. Надо же, антимагический костюмчик не сработал! Неужто монтировка не волшебная? Ай-ай-ай, какое упущение... Гражданина танколаза скрючило в три погибели.

Метрах в пяти от них приятель скрюченного на ходящей ходуном броне уже поднял какую-то черную коробочку на уровень глаз, уже выцелил Сварога... Сварог резко развернул скрюченного, прикрылся им. Теплая волна ударила в доспехи, обладатель доспехов захрипел, задергался – и обмяк.

И тогда Сварог бросился вперед, держа безвольное тело перед собой не то как щит, не то как таран. И ударил близнецом в близнеца, сбрасывая обоих с танка.

Все. Финита ля близнецы. Осталась лишь Щепка и ейный водила. Мобиль отстал и теперь держался позади, в десятке метров от кормы «Буреносца». Ясно, что бывшая соратница, у которой отняли любимую игрушку, станет преследовать до последнего. И наверняка у нее в рукаве есть еще крапленые джокеры. Но что она может сделать во время гонки?..

Сварог забрался обратно в танк, добежал до первого же боевого поста, схватил шлемофон. Наушники наполнились встревоженными голосами:

– Я их не вижу, не вижу, они в «мертвой зоне»...

– Граф, ответьте...

– Клянусь Многоустом, чтоб я еще раз...

– Тихо всем! – рявкнул Сварог. – Капрал, слышишь?

– Так точно! Вы целы?

– Спишь на посту!

– Никак нет! Они были в «мертвой зоне», я их не видел!

– Капрал, – сказал Сварог, – по моей команде, только по моей команде, давишь со всей дури на тормоз. Резкая остановка и сразу полный назад! Остальным пристегнуться, мотнет так, что не дай бог. Да, и еще, капрал. Девчонку предупреди, пусть тоже пристегнется. Задача ясна?

Задача была ясна.

Сварог глянул в амбразуру башни – мобиль со Щепкой все так же неся за танком. Что ж, вот она – обратная сторона магии. Транспортные средства на-

ходятся под надежными колпаками защитных полей, отобьют любую магическую атаку, но поля бессильны против элементарных законов физики. Против элементарного ДТП бессильны.

Он упал в кресло, одним движением застегнул привязной ремень.

Пора.

– Тормоза!!!

Надрывный скрежет, визг, лязг. Сварог был готов к рывку, но не к такому же! Хорошо еще, что он сидел лицом против хода движения, его впечатало в спинку кресла, внутренности размазало о позвоночник, в недрах машины что-то оторвалось от крепления, с грохотом шандарахнулось о переборку.

Широченные траки с зацепами-зубьями вгрызались в грунт, обеспечивая максимально возможное сцепление с поверхностью, поэтому, когда Таксист втопил тормоза, танк встал. Просто *встал*. Будто на его пути неожиданно материализовалась скала.

Не ожидавший такого маневра водитель мобилы не успел отвернуть – да если б и ожидал, то все равно ничего не получилось бы, дистанция между транспортом была слишком маленькой. Он успел нажать тормоз, но и это не помогло. На полной скорости мобиль вцепился в корму «Буреносца», послышался удар, звук рвущегося металла, машину смяло в гармошку, расплющило. А потом танк дал задний ход...

– Прости, Щепка, – вслух произнес Сварог. – Так уж сошлись наши судьбы – лоб в лоб. Кто-то должен был остаться на этом шоссе.

Впрочем, Щепка, которую он знал, осталась там, в прошлом пятнадцатилетней давности.

– Капрал, – Сварог снова взял в руки шлемофон. – Сбавь скорость вдвое.

В амбразуру он не смотрел.

Горы расступились, и на горизонте замаячил высоченный цилиндр «Искупителя». Нет, Сварог не передумал. Тут другое. Люди. Давить работяг вместе с бутафорским звездолетом в его планы никак не входило. Сперва следовало отогнать людей от объекта, и как можно дальше. Конечно, многие, если не большинство, побегут, едва завидев надвигающееся на них стальное чудовище. Но кто-то наверняка останется, даже сам себе не отдавая отчет, зачем это делает. А следовало прогнать всех. А для этого требовалось не просто грозно надвигаться, а обозначить грозные намеренья славным и недвусмысленным артобстрелом.

– Монах, – сказал Сварог, – разобрался наконец с арбукетом, сможешь стрелять?

– Глядишь, и слажу с непростой удумкой.

– Отлично. Рошаль, в командирской башне нет ли чего, напоминающего оружия?

– Стоит тут пушечка, – обрадовал охранитель. – Но что она делает с неприятелем, уж не обессудьте, не скажу.

– А это и неважно. Значит, так, братцы. Подъезжаем к стройке века. Там людей – как муравьев в муравейнике. И надо их оттуда выкурить. Поэтому открываем интенсивный огонь, но не по объекту, я вас умоляю, а по окрестностям. Берите близко, но не прицельно. Ну, и я малость поработаю на общее дело из разных видов оружия...

Вряд ли даже пятнадцатилетней давности гражданская война между мага-

ми и немагами знавала такую артподготовку. Некоторых видов оружия, как полагал Сварог, в те годы еще не было и в помине... В общем, те из строителей, кто воевал, мог вспомнить горячие денечки, а те, кому не довелось, мог понять, как это было весело.

Вокруг стройки разверзся ад. С грохотом обрушивались появляющиеся из воздуха «плиты-облака» (Сварог настолько наострился работать с «облачной» пушкой, что один раз даже умело выцелил и раздавил отдельно стоящий грузовой мобиль), вспыхивали разноцветные огненные разрывы (это работал направляемый Монахом арбукет), гиперболоидный луч превращал землю в перегоревший, изрезанный вдоль и поперек пирог (и нетрудно было сообразить, во что луч может превратить людей), показательно сдуло, перенесло с места на место несколько внушительных валунов... Короче, тур-де-форс, как говорят французы, вышел впечатляющий. Ястребы войны и приверженцы политики «канонерских лодок» сдохли бы от зависти.

Но канонада и взрывы – это еще не все. А вот когда на тебя с ревом и лязгом неумолимо надвигается гигантский бронированный динозавр... Сие действовало посильнее всех артобстрелов.

В общем, когда «Буреносец», вновь управляемый Сварогом, вкатился на территорию космодрома, людей там уже не было. Ни одного. Там торчал лишь обезлюдевший обелиск звездолета, который так и не узнает звезд.

Многотонная машина с разгона влетела на бетонную подушку и врезалась броней в опору «Искупителя» – по сравнению с которым даже он казался детской игрушкой... Колонна пошатнулась, повалились строительные леса, «Буреносец» дал задний ход, откатился немного, и снова бросился на опору, как разъяренный носорог. Опора не выдержала, подломилась... По броне застучали заклепки, обшивка космического корабля стала расползаться на отдельные листы. Полусфера дюзы закачалась в креплениях, потом величественно обрушилась на танк и распалась на сегменты. От треска и грохота заложило уши. Машина содрогнулась от удара, но свое черное дело не прекратила.

И вот наконец неторопливо, с печальным скрежетом, колосс «Искупителя» начал заваливаться набок, потом подломился посередине, обшивка смялась, треснула, разошлась, и вся чудовищная конструкция осела наземь, ухнула рядом со стартовой площадкой, подняв тучу пыли до небес. Признаться, это было красиво.

Но Сварогу было не до любования, Сварог, вновь уступив место механика-водителя Таксисту, уже возился в башне со сдувателем, положив руки на рукояти в виде оскаленных собачьих морд. Пришла пора этими рукоятями двигать. Время, так сказать, сдуть камни.

Строительный мусор, обломки звездолета, требуха, которая его начиняла, полетели в разные стороны, будто заработали миллиарды вентиляторов. Порхали в разбушевавшемся воздухе части ферм, переборки, трапы, баки, трубы, змеевики, решетки, койки, что-то вроде моторов, что-то вроде шестерней и прочая, прочая, прочая. Улетели, образно говоря, огромные народные денежки.

Сварог еще долго «поливал» бетонное поле из сдувателя, пока не вымел все лишнее. Потом перебрался в отсек с лазерной установкой, очертил лучом квадрат со стороной примерно метров пятьдесят, чтоб не ошибиться. А если и промахнется с первого раза – не беда. Он не торопился. Он готов был терпели-

во взрезать камень, грунт, бетон, скалу, что угодно, до тех пор, пока не отыщется вход в подземелье Ожидающих. Получившийся квадрат он порезал на маленькие квадратики. Теперь предстояло опять поработать сдувателям, убрать бетонные блоки. И еще раз пройтись лучом, и еще – пока не покажется земля.

ГЛАВА 24 ПОСЛЕДНЯЯ...

– Вот, собственно, и все, – сказал Сварог. – Это если вкратце. Они помолчали. Лиома смотрела на него, распахнув глазищи на поллица, Монах же, наоборот, недоверчиво щурился. Один Рошаль оставался невозмутим.

– Значит, – прошептала Лиома, – ты не Ирви. И мы с тобой... Ах ты скотина! Она гневно тряхнула челкой, покраснела... и прыснула:

– Ой, мамочки, а я с тобой... А ты... Ну и ну... – и вдруг стала серьезной. – А где Ирви? Куда он делся?!

– Полагаю, он вернется, – сказал Сварог, хотя сам в этом не был уверен...

Разумеется, Сварог рассказал далеко не все – он начал с Замка-на-горе, с Совета под облаками, где присутствовал и Мар-Кифай, под именем Визари нынче правящий Короной; упомянул о революции магов, о задании Щепки проникнуть в Некушд, оплот сопротивления; поведал об Ордене Ожидающих и о насильственном перемещении в будущее, в чужое тело. Опустил разве что историю своего попадания в этот мир и приключения вокруг Ока Бога – зачем нагружать слушателей лишней информацией, касающейся только его?

Курить хотелось зверски, но курить было нечего: никто не озаботился прихватить с собой трубку. С гор дул ветер, пел заунывно в громадных обломках звездолета, гнал по изуродованной стартовой площадке какой-то мусор. Руины все еще никак не могли успокоиться: то и дело в их глубине что-то с треском отламывалось, что-то скрипело, оползло и рушилось. – В жизни не слышал ничего подобного! – потрясенно выдохнул Таксист. – Солдат, ты... ты... – и умолк, не найдя слов.

– И что теперь? – негромко спросил Гор Рошаль.

Они стояли на краю форменного котлована, вырытого посредством лазерной пушки и «сдувателя»; и там, на глубине метров двадцати, не меньше, из грунта выглядывала полукруглая верхушка некоей цельнометаллической конструкции – то ли купола, то ли сферы. Сварог не сомневался, что это и есть уцелевшая часть подземного монастыря.

Он пожал плечами.

– Поверите ли – не знаю. Но в одном я уверен точно: мне это тело надоело. Я, видите ли, соскучился по своему родному обличью. Привык я к нему как-то...

– И вы уверены, что оно находится там?

– Опять, же – не знаю. Но намерен выяснить. Прямо сейчас.

Рошаль взял его за локоть, отвел в сторону, сказал, понизив голос:

– Насколько я понял, Ожидающие говорили, что, замкнув круг и найдя самого себя, вы сможете уйти из этого мира, – понизил голос Рошаль, чтобы не слышали другие.

Сварог кивнул: говорили, мол.

– В таком случае... что ж, прощайте, мастер капитан.

– Вы... не со мной?

Рошаль огляделся с таким видом, будто впервые видит и застывший в ожидании «Буреносец», и руины «Искупителя».

– Я устал, граф, – признался он наконец. – Конечно, это крайне увлекательно – прыгать из вселенной во вселенную, но... не для меня. Я уже не мальчик. Там, в камере вашей психованной подруги, у меня было достаточно времени, чтобы подумать. И решить. Я остаюсь, граф. Тут есть над чем поработать... да тут поле непаханое работы! Они же всё делали неправильно – посмотрите на этот космолет хотя бы...

Сварог почувствовал, как к горлу подкатывается комок.

– Вам многое придется объяснить, – сказал он. – И почему-то я сомневаюсь, что поверят хоть единому вашему слову.

– Пустое, – отмахнулся Рошаль. – Начальник полиции, Гиль-Донар, мы были немного знакомы когда-то, – он поверит. Да и Монах подтвердит. Да и у меня кое-какие связи остались – думаете, все это время до Щепки я без дела сидел? Как бы не так. Сопротивление не уничтожено, маскап, просто с некоторых пор у нас другие методы. Никто не собирается уничтожить магию под корень – зачем в крайности впадать...

– В одном предсказании говорилось о каких-то Строителях, которые построят царство Света и Разума... Это не о вашей ли компании?

– Почему бы и нет? – пожал плечами Рошаль. – Братья, – подошел к ним Монах, – люди возвращаются. А там и воители вот-вот набегут. Как выкручиваться-то будем? – и он обвел рукой панораму разрушений.

– Идите, граф, – твердо сказал Рошаль. – Идите. Право, вы свое дело сделали, теперь мы сами как-нибудь.

– Может, ничего и не получится, – глухо сказал Сварог.

– В таком случае возвращайтесь. И... спасибо, мастер капитан. Все это было чертовски весело.

Сварог оглядел их – Рошаля, Монаха, Таксиста, Лиому – и не нашелся, что сказать.

Тогда он порывисто обнял старшего охранителя, подмигнул «племяннице» и, не оглядываясь, стал быстро спускаться по ступеням, вырезанным с помощью лазерной пушки.

Спутники смотрели ему вслед.

Вершина полукруглого купола торчала метра на полтора над землей, Сварог обошел его по кругу, но ни дверцы, ни входа не отыскал. Не было ни сварных швов, ни заклепок – матовая металлическая поверхность была монолитной и совершенно гладкой. Более того: во время раскопок он несколько раз ненароком прошелся по ней лазерным лучом, однако даже царапины не осталось. И что делать дальше, было решительно непонятно. Копать, что ли, глубже – быть может, вход еще под землей? Он постучал по куполу, потом положил руку на его поверхность, успел почувствовать, что теплый металл слегка вибрирует, а затем...

Больше всего это было похоже на киношный трюк, когда изображение на экране начинает меркнуть, а сквозь него проступает, медленно проявляется следующая картинка. Так и здесь: Сварог еще стоял рядом с куполом, касаясь его пальцами, и одновременно лежал на каменном полу в центре некоей залы – с картинами в золоченых рамах, драпированными стенами, с горящими

свечами в тяжелых канделябрах... Сознание раздвоилось. Сварог стоящий постепенно исчезал, растворялся, вытесняемый Сварогом лежащим, пока не...

Хлоп! Сварог вдруг рывком *ощутил* себя, разом почувствовал руки-ноги, почувствовал, что камень неприятно холодит спину... Он резко сел. Оглядел себя... И вдруг выкрикнул что-то нечленораздельное. Есть! Получилось! Зеркал вокруг не было ни одного, но и без всяких зеркал было ясно, что он *вернулся*.

Это было его, Сварога, настоящее, доподлинное тело! Никаких сомнений: руки, фигура, волосы на груди, шрамы – все это было его, родное. Вот только рана от удара кинжалом Праматери пропала без следа, но он, понятно, не очень-то этим огорчился.

Сварог перевел дух, как будто закончил наконец монотонную, изнурительную работу. Итак, половина дела сделана. Едем дальше.

Он поднялся с пола, огляделся. Никого... Никого? А откуда, простите, вот этот стол, накрытый на двоих? Фарфор, хрусталь, серебро – все сверкает, блестит в свете совсем недавно зажженных свечей. Бутылка красного вина, устрицы, сыр, оливки, накрытое крышкой огромное блюдо в центре стола – из-под крышки вьется парок. Ну чисто «Аленький цветочек». Покажись, чудище поганое...

– Эй! – позвал Сварог. – Хозяева! Есть тут кто?

Тишина в ответ. Лишь откуда-то едва слышно льется музыка: скрипки и клавишные.

Сварог пожал плечами и переступил с ноги на ногу. Стоять голышом посреди всего этого великолепия было как-то неуютно. И что теперь? Куда деваться? Зал был без окон, без дверей, и совершенно непонятно, каким макаром сюда доставили еду...

Так что, быть может, он уже перенесся из мира Гаранда? И куда, интересно знать?

Кстати!

Он посмотрел под ноги, поискал вокруг. Ока Бога нигде не было. А ведь Праматерь, помнится, говорила, что именно Око должно открыть дверь между мирами...

– Вы не это ищете, милорд?

Сварог резко обернулся. Только что за столом никого не было, а теперь, чуть отодвинув стул с высокой резной спинкой, напротив Сварога сидел вальяжный, дородный господин в идеально пригнанном сюртуке, сидел и небрежно подбрасывал на ладони серый камешек. Это было Око Бога, никаких сомнений, но – погасшее, обретшее вес, цвет и форму.

Сварог секунду помедлил, разглядывая господина, и сказал:

– Хоть бы отвернулись, господин Визари, а то неприлично как-то...

– А вы что, барышня стеснительная? – удивленно поднял брови Мар-Кифай. – Нет, ну ежели хотите, то... Вот, извольте.

Миг – и Сварог оказался одет в камзол, бриджи, сапоги.

Ах, вот, значит, что...

– Так лучше? – участливо поинтересовался Мар-Кифай. – Нигде не жмет?

Бывший верх-советник, а ныне президент Короны по имени Визари, ничуть не изменился за последние пятнадцать лет, был все так же седовлас, породист и высоколоб. Сварог попытался посмотреть на него «третьим глазом»...

– Не стоит. Не обессудьте, милорд, – спокойно сказал Мар-Кифай, – я временно заблокировал ваши... э-э... возможности. Чтобы ничто нам не мешало. Прошу прощения... Нет-нет, в этом теле все способности ларов по-прежнему принадлежат вам, не волнуйтесь на сей счет... Ну и что ж вы стоите столбом и язык проглотивши, сударь мой? Присаживайтесь, не стесняйтесь.

Сварог помедлил, однако приглашение принял, сел по другую сторону стола. Сказал учтиво:

– Прекрасно выглядите для своих лет.

– Благодарю! – поклонился Мар-Кифай. – Я сам конструировал это тело, учел каждую мелочь, каждый нюанс. Вот только, к сожалению, стареет быстро – но таковы уж законы вашего мира, я вынужден подчиняться...

– Значит, за всем этим стоите вы.

– Ну да, – легко согласился собеседник. – Странно, что вы не догадались с самого начала... Вы позволите?

Он небрежно сунул Око в карман, потом откупорил вино, разлил по бокалам. Приподнял крышку над блюдом, потянул носом.

– М-м!.. Великолепно. Желаете кусочек?

– Благодарю покорно.

– Ну, как знаете. А я, пожалуй...

Мар-Кифай подцепил с блюда источающий терпкий аромат и исходящий жиром кусок мяса, положил себе на тарелку. Аккуратно, чтобы не запачкать манжеты, полил соусом, сверху выжал половинку лимона, вооружился ножом и вилкой.

– Знаете, милорд, а вы мне, признаться, надоели, – сказал он. – Теперь я прекрасно понимаю кое-кого, которого при одном упоминании вашего имени... Впрочем, не о том речь. Вы мне надоели. Вот и все.

– Вы хотите, Мастер, чтобы я извинился или чтобы просто был в курсе? – поинтересовался Сварог.

Мар-Кифай на секунду перестал жевать, удивленно глядя на Сварога, а потом рассмеялся.

– Мастер? Кто, я? Да ну что вы, милорд! Нет, лестно, конечно, что вы меня сравниваете с Ним... но поверьте, я другой. Если пользоваться вашей терминологией, я... ну, скажем так: я – начальник отдела. Со своим финансированием, со своей определенной темой – однако не более чем руководитель среднего звена. Увы.

Мар-Кифай вытер пальцы салфеткой и обмакнул губы в вино. Покатал во рту и проглотил, прислушиваясь к ощущениям.

– Зачем вы явились в Корону, милорд? – устало спросил он. – Зачем вы все время впутываетесь, мешаетесь, лезете не в свое дело? Чего вам надо? Это был такой славный мир, спокойный, организованный, – и тут приходит лорд Сварог и сует палку в муравейник... Я любил его, это был мой мир!

– Вы так ненавидите магию? – спросил Сварог.

– При чем здесь магия! Это был эксперимент! Стратегическая игра, если хотите! Цивилизация, задыхающаяся в технологическом тупике, и тем не менее отвергающая магию, хотя магия буквально разлита в воздухе, – какой простор для творчества, для социологических опытов, для глобального прогнозирования! И что? Появляетесь вы. Находите этот булыжник, встречаете эту ведьмочку, принимаетесь сыпать заклинаниями направо и налево и вообще ак-

тивно будоражить массы.

Он вновь достал Око, посмотрел на него с ненавистью, бросил на стол. Кристалл подпрыгнул и с глухим стуком покатился к салатнице.

– Я должен чувствовать себя виноватым? – спросил Сварог, но Мар-Кифай не слушал.

– Ладно! Я учел неожиданный фактор, сделал поправку на вас, хотя поначалу собирался вас просто и незамысловато умертвить. Я решил посмотреть, что будет, если магия все же восстанет и пойдет войной на технологию. Даже подтолкнул к тому события, выйдя на контакт непосредственно с вами – там, в горах, помните? По моим расчетам, вы должны были возглавить революцию, смести старые порядки, убить переметнувшегося к противнику Рошаля и стать единовластным правителем Короны – государства, в основу экономики и производства которого положена чистая магия. Никакой промышленности, сельского хозяйства, искусств, наук – только магия. Тоже очень занимательно, согласитесь! Тупик не менее интересный для исследований, нежели технологический... А вы? Вы бездействовали! И позволили руководить восстанием девчонке!

Странно. Мар-Кифай сказал, что способности лара у Сварога временно нейтрализованы, однако он явственно чувствовал присутствие сильного источника магии. Где-то совсем рядом...

– Пусть так! – продолжал лже-Визари, гневно размахивая вилкой. – Я отправил вас в стан противника – по всем прогнозам, вы должны были переметнуться на сторону Вольной Республики и вскорости разгромить девчонку. Я хотел посмотреть, что вы стали бы делать тогда – маг во главе антимагической коалиции... Но вы *исчезли*! На пятнадцать лет выпали из мира! Вас не было среди живых, вас не было среди умерших. Признаться, я испугался. Я запаниковал. Пришлось закатать рукава и самому браться за работу. Я сместил девчонку, занял место президента. И всё, абсолютно всё уже было готово к ее триумфальному возвращению! Ее сумасшествие, уродство, ее ярость, жажда мести, «Буреносец», в конце концов, – она вернула бы себе трон и стала такой правительницей, что пальчики оближешь! Самая свирепая диктатура за историю миров, продержалась бы лет триста, не меньше... И тут опять появляется Сварог – в новом облики! И все идет наперекосяк!

Сварог его почти не слушал, он внимательно прислушивался к окружающему миру... пока не понял: блин, да это же камень фонит в магическом диапазоне, Око Бога! «Око настроит тебя на себя, – говорила Праматерь. – Оно послушается, когда придет срок. И тогда не промахнись». Послушается? Что это значит?

– Ожидаящие, конечно, вот кто вам помог, – вдруг успокоился Мар-Кифай и залпом допил вино. – Я как-то поначалу на них, сволочей, и не подумал...

Сварог небрежно положил руку на стол, побарабанил пальцами. Спросил:

– Значит, вы играете в цивилизации?

Просто так спросил, лишь бы поддержать беседу и чтобы противник ничего не заметил. Око легонько качнулось.

– Это моя работа – исследовать ход развития цивилизаций. Ну да, и игра тоже. Составлять комбинации, менять условия, вводить новые переменные. Затягивает, знаете ли.

– И что теперь будет с Гарандом?

Сварог напрягся, мысленно *подтягивая* Око к себе. Кристалл явно сдвинулся с места!

Мар-Кифай положил в рот очередной кусочек мяса.

– Ц-ц-ц, превосходно! Жаль, что вы отказались – оленина сегодня *просто* превосходна... С Гарандом... Боюсь, придется отказаться от него. Вы столько напортачили, что выправлять положение будет непозволительной тратой средств... Ладно, пусть живут сами, я проиграл. Собственно, по этому поводу я и пригласил вас в сей уютный уголок – объявить, что подобных апартаментов со стороны кого бы то ни было я не прощаю.

Он неторопливо налил себе еще вина, сделал глоток.

– Я не буду вас убивать, милорд. Я просто отправлю вас в мир, который выберу сам. И вы в нем проторчите до конца своих дней. Надеюсь, вам, мягко говоря, там не понравится. Вот и все, что я хотел сказать. Прощайте, милорд, – и он потянулся к Оку Бога.

Пора!

«Сюда!!!» – мысленно заорал Сварог, вкладывая в вопль всю свою силу воли, всю до капельки. Око Бога, как серая мышь, метнулось через весь стол, ударилось о его ладонь.

Мар-Кифай вскочил, роняя стул и опрокидывая на себя бокал с вином.

– Вы!.. – он поперхнулся, закашлялся.

А кристалл словно прикипел к руке Сварога! Он не мог разжать пальцы, не мог даже шевельнуться, словно схватился за оголенный провод; удар могучего незримого потока пронзил его тело навывлет.

– Идиот! – наконец обрел дар речи Мар-Кифай. – Вы же нас погубите!!!

Помещение стало медленно скручиваться в воронку, центром которой был кулак Сварога с зажатым в нем кристаллом. Качнулись драпировки, посыпались на пол картины.

Сварогу отчего-то не было страшно. Откуда-то он знал, что все делает правильно. И еще сильнее сжал кристалл в кулаке.

– Вы же не знаете, как! – Мар-Кифай вытянул руку, но пол вздыбился, и президент Короны повалился грудью на стол. – Отдайте камень, кретин! Я прощаю вас!..

Но было поздно. Затрещали стены. Стол с яствами, стулья, канделябры, люди – всю залу раскрутило на сумасшедшей карусели и единым могучим глотком всосало в исчезающее малое отверстие, проткнутое в ткани Вселенной.

«И тогда не промахнись», – сказала Праматерь.

* * *

...Частный детектив Ирви-Лонг открыл глаза, с трудом приподнялся на локтях. Огляделся. Ныло все тело, каждая клеточка. Странно. Он прекрасно помнил, как засыпал в теплой супружеской постели, – а теперь выясняется, что лежит на дне глубокого котлована, прямо на голой земле, вокруг острогами вздымаются стены этой ямицы, а рядом торчит из грунта куполообразная и напроочь непонятная фигня, похожая на лысину закопанного по самую маковку железного великана. «Могила, – такова была первая и, признаться, безумная мысль Ирви-Лонга. – Да это ж меня хоронят заживо!..»

Сверху, с головокружительно далекого края котлована, вдруг сорвалась, полетела вниз, планируя, еще одна фигня – вогнутый кусок металла, напоминающий осколок исполинского елочного шара. Со свистом и дребезжанием вон-

зился острым концом в землю в опасной близости от Ирви-Лонга, покачался и замер, «...питель», – было выгравировано на его боку.

Любимый костюм изгваздан, местами даже порван... Да что ж это делается-то, вчера ж не пил ни капли, специально не пил!.. А это еще кто?

Над ним склонились люди, все как один незнакомые... А, нет, один все-таки знакомый – точнее, одна. Очаровашка Лиома. Растрепанная, в глазах слезы, почему-то смотрит на него с надеждой, точно ждет чего-то.

– Кажется, я что-то пропустил? – нахмурился Ирви-Лонг.

Красноярск, 2005

ГЛОССАРИЙ

Выдержки из выступления на Третьем Сборе Союза магов и ученых гром-оратора Пот-Тахома, посвященного достижениям трехлетия существования Новой Короны.

Новая Корона развивается, движется вперед такими темпами, каких никогда прежде не знала. Растут новые города, старые города обрастают новыми районами, здания в старых районах реставрируются и содержатся в образцовом порядке. За какие-то считанные годы страна изменилась до неузнаваемости и изменилась к лучшему.

А главное, такой человеческой активности Корона не знала никогда. У людей есть идеалы, есть цель, есть надежда. Эти идеалы только крепнут, так как каждый новый день получают подпитку в виде новых открытий, новых достижений, новых освоенных площадей, новых магических умений. Это поразительно.

Прошло всего три года... Давайте посмотрим на успехи и достижения, каких мы добились под руководством первого президента Новой Короны господина Гора Рошаля. Предоставим слово скупому языку цифр, который будет много выразительнее самых цветистых фраз.

Электроэнергетика

Помните слова многочисленных скептиков: «Да разве можно за три года восстановить порушенную дотла и основания электроэнергетику страны?!»

С помощью магии и энтузиазма граждан Корона восстановлена полностью всего лишь за год. Каждое полугодие темпы прироста выработки энергии составляют 120 процентов.

Транспорт и связь

В организациях железнодорожного, водного, электромобильного и воздушного транспорта общая сумма прибыли в этом году возросла по сравнению с тем же периодом прошлого года на 8,8 процента.

Полностью восстановлено речное сообщение между Вардроном и Тропт-бальтогом. Закончено строительство Атарото-Голлотского канала. Начато строительство Рогто-Герерского канала. Вновь заработали доки бухты Бездвиженья. Успешно прошли испытания и повсеместно внедряются суда на магической подушке, к их серийному выпуску уже приступил комбинат «Разящий». Сейчас в стадии разработки находится проект магического паруса, который, по предварительным подсчетам, позволит судам развивать скорость,

втрое большую, чем была у знаменитых имперских скоростников.

Повсеместно строятся новые дороги. Дорогоукладчики в этом году полностью отказались от турбина и перешли на новый вид покрытия, который был разработан институтом магической химии совместно с промышленным институтом.

Значительно пополнился за три прошедших года парк аэропилов. Нововведения магической природы, сделанные в годы, о которых всем нам не очень хочется вспоминать, позволили отказаться от электродвигателей и значительно увеличить дальность полетов. А за последние годы освоены такие нововведения, как вертикальный взлет, посадка на воду даже без специальных приспособлений и фигуры пилотажа. Но главное достижение воздухоплавания последних лет – и этим мы обязаны исключительно технической мысли – увеличение грузоподъемности аэропилов. Теперь многие грузы, что раньше можно было доставлять до места исключительно водным путем, доставляются путем воздушным.

Полностью восстановлена телефонная связь. Модернизация телефонных путей за счет создания кристаллического кабеля значительно повысила качество связи. Связью между собой соединены все города, а также Корона соединена теперь связью с другими независимыми государствами. С недавнего времени аппараты связи стали устанавливать не только в общественных местах, как было прежде, но и в частных домах. Это бесспорно серьезный прорыв в качестве нашей жизни.

Капитальное строительство

За три года осушено 7,8 тысячи арректаров переувлажненных и заболоченных земель, введено в действие 1,4 тысячи арректаров орошаемых земель. Для сравнения: за все годы Империи эти показатели составляли соответственно 6,3 тысячи арректаров и 1,2 тысячи арректаров. За годы Пятнадцатилетия показатели и вовсе впечатляющие – 0,0 арректара.

Капитальные вложения в государственное хозяйство за счет всех источников финансирования за три года составили в Короне 890 миллионов золотых грифонов. По сравнению с первым кварталом текущего года объем капитальных вложений увеличился на десять процентов.

Занятость и жалованье

Численность рабочих на предприятиях неуклонно увеличивается с каждым месяцем на 1,8 процента. Численность занятых в секторе обслуживания увеличивается еще стремительнее. Численность занятых в натуральном сельском хозяйстве прирастает полутора-двумя процентами в месяц, а занятых в сельском хозяйстве магического типа – 1,1 процента. Численность частных ремесленников, практикующих с помощью магии, остается в пределах прежних значений. Все более и более увеличивается популярность государственной службы, где жалованье увеличивается ежемесячно на 0,2 процента в то время, как доходы людей прочих категорий возрастают примерно на 0,15 процента. Вклады населения в банках растут. Численность же людей, закладывающих свои магические умения, в отличие от двух предыдущих лет уменьшилась.

Постоянно увеличиваются расходы государства на бесплатные услуги: на медицинские учреждения традиционного типа, на знахарские услуги, на стипендии студентов университетов общего образования и университетов магии, на пособия и льготы участникам войны между Империей и Метрополией.

Товарооборот

Внутренний товарооборот вырос за три года в десять раз. За последний год в нем значительно снизилась доля товаров магического происхождения и увеличилась доля товаров происхождения традиционного. Количество торговых лавок увеличилось с пяти на каждую тысячу жителей до пятнадцати. Ровно так же увеличилось количество заведений питания и увеселительных заведений.

Внешний товарооборот демонстрирует меньшие темпы роста в основном из-за отставания роста производства в других государствах.

Строительство и учеба

За последние три года по всей Короне сдано и введено в эксплуатацию 14 тысяч новых домов, что ровно на десять тысяч больше, чем в Пятнадцатилетие. Ежегодно строится домов в два с половиной раза больше, чем во времена Империи. Капитально отремонтировано с повышением уровня комфортности, с использованием новых, в том числе и магических (по желанию заказчика) технологий свыше восьми тысяч домов. Во все дома, и в старые, и во вновь построенные, возобновлена подача электричества при сохранении магических способов освещения. Комбинированное освещение (как доказано институтом учета и контроля) экономит средства с эффективностью в 2,3 раза.

В истекшее трехлетие по стране построено и сдано в эксплуатацию 345 общеобразовательных школ, из них 156 – с углубленным изучением магии, 104 детских дошкольных учреждения на несколько десятков тысяч мест, 65 библиотек, 35 театров, 14 музеев и 56 новых синематографов. По всем приведенным статистическим данным успехи в области строительства значительно превосходят аналогичные показатели как по Империи, так и по эпохе Пятнадцатилетия.

Наука и образование

Здесь наблюдается просто невиданный прогресс. Различными видами обучения охвачено где-то треть взрослого населения Короны. В университеты, в школы, на курсы широким потоком идут женщины, лишённые в годы Пятнадцатилетия возможности как получить какое-нибудь магическое умение, так и получить образование.

Обычно все студенты стремятся получить два образования: традиционное и магическое. Таким образом, зачастую один человек днем посещает кафедру, допустим, тяжелого станкостроения, а вечером, скажем, кафедру общей и повседневной магии.

Два года назад принята специальная государственная программа по срочному строительству зданий для новых научно-исследовательских институтов. В связи с возникновением и продолжающимся увеличением количества научных дисциплин, возникающих на стыке науки и магии, ощущается постоянная нехватка учебных залов и помещений для новых кафедр, лабораторий и испытательных полигонов. Правительство выделяет большие средства для внеочередного и скорого строительства указанных объектов, но объем финансирования приходится увеличивать чуть ли не ежеквартально.

Всем свершениям поистине нового, светлого дня нашей страны мы обязаны руководству и лично господину Гору Рошалю. Его вклад в становление Новой Короны неоценим. Его теоретические труды и выступления показали путь, по которому должна двигаться Корона, чтобы в ближайшее время до-

стичь процветания и прогресса. Он всегда четко определял текущие и перспективные задачи построения нового общества. Он всегда правильно указывал нам выход из сложных ситуаций и, как истинный лидер, вел за собой. Его выдающиеся способности общественного деятеля, организаторский талант обеспечили уверенное продвижение страны на всех направлениях экономического, социального и политического прогресса. Под его руководством правительство Короны последовательно и настойчиво осуществляло твердый международный курс на устранение любой военной угрозы, на дружбу и взаимовыгодное сотрудничество с другими независимыми государствами Гаранда, на твердый отпор любым попыткам создать внутреннюю оппозицию и нарушить единый сплоченный строй граждан Короны.

Всех благ и долгой счастливой жизни на благо всем нам тебе, Гор Рошаль, наш единственный бессменный президент!

Александр Бушков Печать скорби

«Все изменилось, – сказал на это какой-то господин, удрученный, по-видимому, подагрой, – не те уж времена; сорок лет тому назад все были здоровы, гуляли, веселились, только и знали, что смеялись и танцевали. В наше время все несносно угрюмы».

Ш. Монтескье. «Персидские письма»

НВ. Далеко не все в этой книге является плодом неумной писательской фантазии...

Автор

Пролог СУДНЫЙ ДЕНЬ

Более всего это напоминало...

Да ничего это не напоминало, черт возьми!

Окружающее не только не было похоже на Поток, в который Сварог сверзился, переступив порог часовни Атуана в Латеране; окружающее не только ничего общего не имело с переплетением красных и синих линий, куда Сварог угодил, отнюдь не добровольно, следуя маршрутом Земля – Талар... Это вообще ни на что не было похоже. Красные и синие линии были именно красными и синими линиями, пламя в кратере, пусть и не отбрасывающее тени, было именно пламенем; даже мириады блестящих кружащихся точек в Потоке Сварог мог смело окрестить «блестящими кружащимися точками».

Но здесь...

Вокруг не было ни бесплотной пустоты, ни крошечной темноты; не было и слепящего света, разверзшейся перед ним бездны или, скажем, сдавливающего со всех сторон каменного мешка. Напротив: вокруг было много чего интересного! Было полно клубящихся цветов, каких-то переливающихся фигур, смутных теней, но...

Но дело все в том, что в человеческом языке не имеется названий для таких цветов, нет определений для подобных форм – или хотя бы для внятных ассоциаций с ними. Да, еще окружающее наполнилось звуками, запахами, осязательными и вкусовыми ощущениями, но, опять же, передать их словами невозможно. Как бы это объяснить понятнее...

Ну, а вот вы, например, как объясните слепому от рождения человеку, что такое закат солнца над морем? «Горизонт залит красным свечением, а по краям оно желтеет, а еще дальше становится бирюзовым, и облака, окружающие багровый шар, который погружается в сияющую киноварь, подсвечены снизу лазурью, так что красота вокруг неопишуемая!» Из всего этого бедняга поймет только несколько слов, среди которых «края», «шар» и «снизу». Или как рассказать глухому, что такое «Кампанелла» Паганини?

Можно, конечно, прибегнуть к иносказаниям, и Сварогу вдруг припомнился старинный анекдот, когда один грузин, побывавший в Москве, в родной горной деревушке делится впечатлениями с другим грузином: «Слушай, я там, в Москве, такую штуку видел! Телевизор называется!» «Вах, эта что та-

кое?» – спрашивает другой. «Ну, как тебе объяснить... – говорит первый. – Вот ты апельсин знаешь?» – «Ай, канешно, знаю! Сам продаю!» – «Так вот: ничего общего!»

Очень похоже, но все это, увы, примеры из человеческой жизни. А здесь, в том пространстве, где оказался Сварог, человеческого точно не было ничего. Абсолютно, совершенно и безнадежно ничего. Даже инопланетным это буйство красок, запахов, звуков, вызывавших десятки ощущений, о которых человек вообще не имеет ни малейшего представления, не являлось, не принадлежало тем космосам (пространствам, измерениям, мирам – называйте, как хотите), которые Сварог изволил посетить. Мельтешащий вокруг калейдоскоп был создан силой, настолько далекой не только от Земли и Талара, но и вообще от представлений о привычных законах Природы, что даже не казался чужим. Он не казался другим. Не казался миром, порожденным Вселенной. И калейдоскопом он тоже не казался. Он вообще не казался.

Он просто был.

И человек по имени Сварог в нем не мог очутиться. Физически не мог.

Однако же Сварог тут был, висел в полном сознании, в собственном теле, сложенном в позу эмбриона, посреди этой какофонии, давящей на все органы чувств, но не мог пошевелиться или сделать хоть малюсенький вздох.

И почему-то не было страшно. Совсем. Как тому самому эмбриону. Но и интересно не было – ни капельки. Да, он полностью ощущал себя, свое тело, хоть и пронизываемое насквозь красками, запахами и звуками (однако ни малейшего вреда телу не причиняющими), думал собственные мысли, понимал, кто он есть и что предшествовало его попаданию «сюда – не знаю, куда». Но страха не было. Хоть он и не дышал. Да и вообще никаких эмоций не было: проявиться им не давали нереальные цвета, непередаваемые звуки, несуществующие запахи... и прочие «не». Сварога не крутило, не болтало, не трясло. Он висел себе преспокойненько – а вокруг неистовствовали инородные, инобытные раздражители чувств: зрения, слуха, осязания, обоняния... и всех тех чувств, о которых Сварог и не подозревал. Ему просто было хреново, паршиво, неуютно и... И не пристало, в общем, ему тут находиться. В месте, где ему нет вообще никакого места.

Куда он попал не то чтобы по собственной воле, однако ж, признаться, по собственной вине...

Сварог вспомнил все предшествующее попаданию в этот не-мир. Вспомнил Корону, революцию волшебников и последовавшую за ней гражданскую войну, вспомнил магический кристалл Око Бога, а также насильственное перемещение в тело частного детектива Ирви-Лонга, спятившую ведьмочку по кличке Щепка, погоню на исполинском танке «Буреносец», исполинские же руины псевдокосмолета «Искупитель»... Вспомнил и Мар-Кифая – некогда верх-советника Императора, а впоследствии президента Короны по имени Визари... хотя на деле, как выяснилось, Мар-Кифай был натуральным бесом, демоном, пусть и не самого крупного калибра, но занимавшимся стратегическими играми в планетарном масштабе. Созданием глобальных социологических моделей. Бесом, заявившим плененному Сварогу в полуреальной обеденной зале: «Я отправлю вас в мир, который выберу сам. И вы в нем проторчите до конца своих дней. Надеюсь, вам, мягко говоря, там не понравится».

Так что, это и есть тот мир?..

Не-ет, шалишь. Потом было еще что-то...

Ага! Потом Сварогу удалось на мгновение переломить ход игры, он завладел Оком Бога, могущим якобы открыть дорогу между вселенными, сжал в кулаке... И Мар-Кифай заорал, вполне искренне: «Вы не знаете, как! Отдайте камень, кретин!»

Ну да, так все и было. Сварог и в самом деле не знал, как с помощью Ока открывать межпространственный ход. Но что ему оставалось, скажите на милость? Ждать, пока бес по имени Мар-Кифай убьет его? Или отправит в обещанный мир, где Сварогу ничуть не понравится? Вот он и схватил кристалл. И кристалл под названием Око Бога буквально всосал в себя полуреальную трапезную. Вместе со столом и едой, картинами на стенах, самими стенами... вместе со Сварогом и Мар-Кифаем. Всосал – и выплюнул.

Вот только куда?..

Единственной связью с нормальным миром оставался нательный крестик, который тянул тело Сварога куда-то в сторону. Оставалось лишь понять, в какую именно сторону крестик его тянет – в пространстве, где не было не то что сторон света, но и вообще понятия верха и низа, не говоря уж о понятиях «правое» и «левое».

О, наконец-то что-то знакомое! Где-то справа, совсем рядом, послышался отчетливый, почти собачий скулеж, жалобный, полный боли, страдания и бессилия – как будто надежно привязанного пса молотят со всей дури палкой. И тут же слева, над самым ухом, раздался звук, который нельзя было интерпретировать иначе, как финал простой констатации факта: «...значит, нарушение». Причем констатации, произнесенной (если можно так выразиться) сухо, непреклонно и совершенно равнодушно.

– ...таким образом, перед нами нарушение.

Это был даже не звук – в привычном понимании слова. И даже не звукосочетание...

Невозможно объяснить.

Тем не менее Сварог отчего-то моментально уловил смысл этого шторма ощущений: «Нарушение».

Скулеж немедля сделался еще более жалостливым и виноватым. И рядом со Сварогом заворочалось нечто пришибленное, трусливое.

– И не просто нарушение, – бесстрастно сказал Голос из ниоткуда, – а преступление. Саботаж. Предательство.

«Ого, – сам себе сказал Сварог. – Оказывается, даже в иномирье можно вычленить что-нибудь понятное и узнаваемое, кто бы мог подумать...»

– Эй, – позвал он негромко.

И не расслышал собственного голоса. Потому что голоса у него вовсе не было – из горла не вырвалось ни звука. И вот как раз в этот момент Сварог и почувствовал панику. Нет, вовсе не оттого, что был лишен способности говорить (ведь его же обездвижили и обездыханили; почему бы и не обеззвучить?) Паника была рождена другим обстоятельством: никто на него не обращал ровным счетом ни малейшего внимания. Весь этот чудовищный мир, населенный диковинными ощущениями, вся Вселенная, в центре которой он изволил оказаться, – всем было глубочайше плевать...

Нет, даже не так. Плевать – это все ж таки действие. А окружающему даже

плевать не хотелось. Окружающее просто-напросто незваного Сварога не замечало. И посему не собиралось с ним ничего делать – ни помогать ему, ни изгонять его, ни убивать, ни спасать. Ну болтается здесь какой-то микроб, ну и пусть...

Ясное дело, паника эта была стопроцентно иррациональной: в конце концов, шесть с чем-то миллиардов населения Земли понятия не имели о Свароговом существовании, не говоря уж о населении бесчисленных миров вне Земли... Но отчего-то именно здесь Сварог запаниковал. Одно неопишуемое существо в чем-то обвиняло другое непредставимое существо – а присутствующий при этом Сварог был напрочь игнорируем!

– Преступление! Нелояльность! Некомпетентность! – наперебой и на разные лады заверещали другие Голоса. На этот раз Сварог прекрасно все понял, хотя и не смог бы объяснить – как. И не Голоса это были, а так... голосочки.

Интересно, о ком это они?..

Но вот что характерно: паника была первым еловеческим чувством, которое он испытал. Испытал – и вот тут-то доселе непередаваемый мир стал постепенно складываться в более-менее нормальную картинку. Которую можно описать словами.

Исчезли нечеловеческие звуки, формы, запахи. Остались только цвета. И среди них преобладали серые... Да какое там преобладали: не было других цветов, кроме серого!

Сварог, по-прежнему не в состоянии пошевелиться, находился на бескрайней, выжженной равнине, плоской, как стол, серой, как холст. Над головой – плоское серое небо, сливающееся с равниной на далеком горизонте, давящее бетонной плитой... И больше ничего. Ни облачка, ни солнца, ни кустика, ни травинки, ни холмика. Примитивизм чистой воды, в общем.

– Ему было поручено важное дело, – сказал идущий откуда-то снизу, из-под равнины, первый, бесстрастный Голос. – Он с порученным делом не справился. Виноват ли он?

И по-прежнему на Сварога мир не обращал внимания...

– Виноват! Виноват! Виноват! – завывало, зарычало, заухало со всех сторон на разные тона.

– Нет! Нет! Нет! – это вклинился в разноголосый хор недавний собачий скулеж, преисполненный еще большей муки и страдания. – Это не я виноват, это он...

«К-х-р-в-к!» – примерно так можно перевести на нормальный язык скрежещущий звук, который произнесло скулящее нечто.

– Он, – визжало нечто, и в интонациях Сварогу почудились знакомые нотки, – он виноват, не я! Я все делал правильно, но... к-х-р-в-к... все испортил! Червяк, блоха, вша! Откуда он взялся? Почему вы у него не спросите? Почему Хозяин не...

– МОЛЧАТЬ!

Этот вопль заставил бы Сварога содрогнуться... если б он только был в состоянии управлять собственным телом.

– Молчать, тварь, – прогремел Голос. – Ты не справился с заданием. Ты не построил модель мира. Ты нарушил Клятву. Ты достоин забвения.

– Не-е-ет!!!

– Да.

Мамочки мои! Только сейчас Сварог узнал голос кричащего и сделал движение головой, чтобы посмотреть на униженное существо. Ничего, конечно, не получилось, но сомнений не было: ведь это голосит сам господин Мар-Кифай, импозантный лорд, президент Короны и по совместительству бес, избравший полигоном для социологических исследований целую планету и загнавший цивилизацию в тупик! Куда девались его надменность, чопорность, высокомерие?

Что же это у нас получается? Нечто вроде бесовского трибунала? Одни демоны судят другого демона за то, что тот не справился с заданием, и цивилизация Короны выбралась из тупика – при непосредственной помощи Сварога со товарищи? Вот это да! Вот это занесло! Но, граждане бесовские заседатели, он, Сварог-то, тут при чем? Что он тут делает, позвольте узнать?..

– Слушайте, – слышался дрожащий голосок Мар-Кифая, – послушайте же! Каким образом какой-то... к-х-р-в-к... смог помешать мне?! Мне, Исполнителю Второго Плана! Это не в силах простого... к-х-р-в-к!..

«Это они меня так, что ли, величают? К-х-р-в-к, ну придумают же...»

И тут что-то изменилось в окружающей обстановке. Сдвинулось что-то незаметно, провернулось – и Сварог вдруг понял, всей кожей ощутил, что его только что заметили. И что на него смотрят. Со всех сторон. Смотрели на него серая равнина и серое небо. Без злобы, без особого интереса. Он чувствовал себя вскрытой на лабораторном столе лягушкой под усталым взглядом исследователя, который таких лягушек препарирует по сотне на неделе.

– Человек, – наконец резюмировал Голос с оттенком брезгливости. – Это простой человек. Он не мог тебе помешать.

– Виновен! Виновен! Виновен! – подхватил хор.

– Доложите Хозяину!

– Нет нужды, мы сами разберемся, – пообещал Голос.

Опять что-то изменилось: небо вдруг вспучилось, зазмеилось трещинами, горизонт встал вертикально... р-раз! – и Сварог уже находится в небольшом квадратном помещении без окон, мебели и дверей. Отчего-то вспомнились застенки гестапо, и стало неуютно... хотя куда уж дальше.

– Мы разобрались, – слышался за спиной не лишенный приятности женский голосок. Сварог обернулся – ого, ему вернули контроль над телом! – и еще раз подумал: «Ого!»

Позади него стояла очаровательная девчушка с распущенными волосами и в такой обтягивающей мини-юбке, что Сварог на мгновение забыл, где находится.

– Мы разобрались, – повторила чаровница, на него не глядя, – и странная, откровенно говоря, складывается ситуация. Сварог – человек, простой человек нижайшего уровня, однако... однако есть в нем что-то, чего мы понять не можем.

По-мужски заложив руки за спину, девчушка принялась мерить помещение совершенно мужскими шагами. И это пугало.

– Сварог действительно помешал нашему коллеге закончить исследования. Очень похоже – случайно помешал... Но в нашем деле случайностей не бывает. Кто Сварог на самом деле?

«Спросите у своего Хозяина», – мысленно ответил Сварог, а вслух же сказал, пожав плечами:

– Человек, как вы совершенно справедливо изволили выразиться. Немного путешественник, немного солдат, немного...

Барышня его совершенно не слушала, будто и не было рядом никакого солдата и путешественника.

– Коллега не учел Сварога, – перебила она, – но Сварога невозможно было учесть. Его нет в наших раскладках, его не существует – но он есть. Ошибка прогноза? Возможно. В срыве работ виноваты оба. Но кого следует наказать?

– Слушайте, уважаемая...

– Сварог странный, – сказал бес в образе девчонки. – Мы не специалисты по людям, нам они не интересны, но в нем... в нем есть что-то такое... Не можем понять. Да и не хотим, откровенно говоря. Пусть Сварог будет благодарен, что мы вообще снизошли до общения с ним.

– Вот уж спасибо так спасибо, – сказал Сварог. – Знаешь, мне демоны и прочие бесы тоже на фиг не интересны. Вот почему-то не люблю я вас.

– Да еще и смелый, – задумчиво прищурилась чаровница. – Вот только грубить он не должен. Сварог ведь сейчас в нашей власти, мы можем сделать с ним что угодно...

– Ну так и чего не делаете?

– Потому что нам он любопытен. Нам любопытны игры. Сварог, человек, победил того, кого ты знаешь под именем Мар-Кифай, не самого слабого из нас. Это забавно. И дело тут не в Мар-Кифае. Что это было, случайность? Мы не знаем. И хотим проверить.

– А если я не хочу?

Сволочная манера разговора этой чертовки начинала злить. Бес точно не со Сварогом беседовал, а... ну вот как человек от нечего делать беседует с собакой или, допустим, с неодушевленным предметом. В третьем лице и ответа не ожидая. Нет, понятно, конечно: они – демоны, они сильные и могущественные, и человек для них – тьфу... Но все обидно, знаете ли.

– И вот как мы это проверим, – девчонка пропустила его реплику мимо ушей. – Мы сыграем в одну игру. Точнее, Сварог и Мар-Кифай сыграют. А мы будем наблюдать. Пусть Сварог слушает внимательно, ему пригодится то, что мы скажем.

– Нет, это ты послушай, сука...

– Мар-Кифай и Сварог будут участвовать в гонке. Все очень просто. Кто придет к финишу первым, тот и победит, тот получит свободу. Гонка будет проходить в одном из миров. Этот мир может вот-вот погибнуть. А может и выжить. Сварог способен спасти его, придя в город Аркаим к урочному часу. И Сварог будет наделен Печатью Силы. Если первым придет Мар-Кифай, мир обречен. И Мар-Кифай будет наделен Печатью Скорби.

Очень захотелось двинуть чертовке костяшками пальцев в кадык. Но что толку? С фантомом не повоюешь...

Сварог шумно выдохнул. Аркаим, говоришь? Придется запомнить. Не то чтобы он сдался и согласился играть по чужим правилам, но... но если враг пока сильнее, то сопротивляться – это глупость, а не храбрость, не так ли?

– Для того чтобы уравнивать шансы, – продолжал бес, – мы дадим Мар-Кифаю и Сварогу одинаковые способности. Например, способности Сварога. Более того. Пусть оба, и один и другой, на время, до финиша, станут Сварогами. И до самого финиша ни один не будет знать, настоящий он Сварог или Мар-Кифай

в теле Сварога. Так интереснее. А чтобы было еще интереснее, один из них получит фору во времени, а второй – фору в расстоянии. Отправляются оба немедленно.

– Погоди... – сказал Сварог.

– Решено и утверждено.

– Стой!!!

Но было поздно.

Серый вихрь подхватил тело Сварога, закружил, проглотил и – выплюнул в Никуда.

ИГРОК НОМЕР ОДИН

Глава первая

НЕ ХОДИТЕ, ДЕТИ, В АФРИКУ ГУЛЯТЬ...

... Если б дело происходило где-нибудь в другом месте и не будь Сварог ларом, его размазало бы в лепешку. Но здесь стволы деревьев, да каких деревьев – деревищ! – возносились к небу на десятки метров, и каждый метр являл собою плотное покрывало листьев, от кроны к корням утолщающихся и увеличивающихся в площади – поскольку чем ближе к земле, тем меньше проникает сюда солнечных лучей и, следовательно, тем больше должна быть поглощающая свет поверхность. Так что Сварогово падение в лесную чащу с высоты метров эдак в десять замедлялось, замедлялось, замедлялось, хрустели ветви, трещали сучья, вскрикнула с перепугу какая-то пичуга, шумно ринулась сквозь листву, а потом Сварог хрястнулся о влажную податливую почву, поросшую к тому же густой травой, весьма ощутимо ударился, однако костей не переломал и даже синяков не понаставил. Отделался, короче говоря, легким испугом. Испугом – и невероятным раздражением: да сколько же можно, твари вы эдакие?!

Мир Короны своим прибытием они с Рошалем осчастливили, свергнувшись с чистого неба в океанские волны, теперь же вот – увлекательное падение с чистого неба на кроны деревьев... и не просто деревьев, а деревьев явно тропических, уж поверьте бывшему майору ВДВ, коего служба в свое время забрасывала в страну под названием Конго, сплошь заросшую именно такими вот растеньицами.

Но то была Земля. А теперь куда нас занесло, позвольте полюбопытствовать?

Нет ответа. Молчат джунгли.

Сварог поднялся, отряхнул камзол – тот самый, в котором он покинул Корону (вот спасибо бесам, а могли бы и голым в джунгли зафутболить), огляделся, задрал голову. Он стоял на небольшой полянке, поросшей огромными, в две трети человеческого роста папоротниками, а вокруг плотной стеной смыкались волосатые стволы, перевитые лианами, как революционные матросы – патронташами.

Видимо, это его тяжкий крест. Или кем-то наложенное на него проклятье. Так и тянет воскликнуть: «Надоело!», – или возопить на интеллигентский манер: «Доколе!»...

А и действительно – доколе? В который уж раз... не счесть!.. повторяется одно и то же. Вот он открывает глаза и не знает, что увидит над собой... равно как рядом, вокруг себя и под собой. Не знает он и того, каким воздухом станет

дышать, не будет ли этот воздух жечь его легкие растворенной в атмосфере кислотой или намертво забивать дыхательные пути смолами и свинцовыми отложениями. Несколько поднадоело, признаться, гадать – обдаст ли тебя тут же, едва откроешь глаза, невыносимым жаром, от чего кожа мгновенно пойдет лопающимися волдырями, или вдруг заключит в трескучие объятия нестерпимый холод. Не говоря уж о таких мелочах, как вопрос: а есть ли жизнь на этом новом Марсе, куда его нынче занесло очередным зигзагом судьбы? И если жизнь все же есть, то какая она и можно ли вообще назвать это жизнью? Словом, что он увидит на сей раз?

Ни черта видно не было, вокруг царил вечный сумрак, с деревьев беспрестанно капала влага, а небо закрывали разлапистые листья и ветви, и лишь над головой угадывался клочок неба – там, где ветви были чуть примяты падающим инородным телом по имени Сварог.

Однако еще там, наверху, едва материализовавшись из ничего в десяти метрах над кронами деревьев и, согласно законам физики, немедля начав вертикальное снижение с ускорением свободного падения, он успел мельком глянуть по сторонам. (Потом стало уже не до рекогносцировок: потом он чисто рефлекторно сгруппировался – и ухнул в верхние слои зарослей.) Но то, что он успел разглядеть в падении, отнюдь не обрадовало.

Потому как зеленое море джунглей простиралось от горизонта до горизонта...

Нет, вполне может статься, что это нечто вроде какого-нибудь местного национального заповедника и буквально в сотне метрах от него проходит оживленная трасса, которую он просто-напросто не увидел и по которой туда-сюда разъезжают автобусы, битком набитые туристами и болтливыми гидами. Тогда, считай, повезло... Ну а ежели этот мир понятия не имеет, что такое цивилизация, и сплошь покрыт...

Так, стоп. О подобном раскладе лучше вообще не думать.

Сварог непроизвольно поежился, вспомнив собственную командировку в Африку.

«Бассейн реки Конго» – что вам говорит это словосочетание? Ну да, ну да, эрудит моментально ответит: дескать, это более двух миллионов квадратных километров тропических лесов (несколько Европ, прошу отметить, и при том всего лишь одна десятая часть всей Африки!), огромный мир, живущий своей дикой жизнью без малого сто миллионов лет, где, банально выражаясь, не ступала и вряд ли когда-нибудь в обозримом будущем ступит нога человека и где все эти тысячелетия солнце в прямом смысле ни разу не осветило землю – из-за плотных переплетений крон исполинских деревьев, лиан и высоченных кустарников...

Однако все это лишь слова. Чтобы проникнуться, осознать и оценить всю бескрайность зеленого океана, надо здесь побывать и на своей шкуре почувствовать: ты здесь на фиг никому не сдался, как миллионы лет жил лес без человека, так проживет и еще миллиард, а ты иди, вьюнош, к себе в города и там корчи из себя царя, блин, природы.

Вовсю шустрила местная мошкара, весьма охочая до человеческой кровушки, и парочку чрезмерно назойливых особей Сварог уже размазал у себя на шее в мокрое место, отправив на вечное кормление в комариный рай.

– В счастливую страну покладистых доноров, – пробормотал он, вытирая

руку о бриджи.

А вокруг продолжали шуметь, шелестеть, свиристеть и голосить тропические заросли. Перепуганные неожиданным вторжением лесные обитатели вернулись к прерванной непрерывной суете жизни и возобновили свою истошную песнь джунглей. Сварог, мигом вспотев в душном, перенасыщенном влагой воздухе, раздраженно пнул шершавый ствол ближайшего папоротника и вслух матернулся.

Идти было некуда. Тупик. Приехали. Даже с соответствующим снаряжением – мачете там, противомоскитная сетка, сапоги, дробовик, лекарства, еще что-нибудь крайне необходимое для выживания в джунглях, – и тогда бы он продирался сквозь чащобу дай бог метров по тридцать в час... Ну, положим, кое-что из снаряжения и пропитания можно наколдовать... Но в какую сторону продираться, скажите на милость? И что делать, когда тебе навстречу вылезет эдакая двухголовая голодная зверюга с радостным блеском в глазах?

Кстати, о магии...

Сигарета получилась с первого раза, и на том спасибо, Сварог глубоко затянулся и выпустил струйку дыма в кружащую над головой мошкару. «Кошачий глаз» работал, злым колдовством вокруг не пахло... Сварог невесело ухмыльнулся. Очень, знаете ли, все это напоминает его прибытие на обреченный материк Атар в мире Димерей – когда он точно так же стоял посреди леса, проверял собственные возможности лара и гадал, куда это его, черт возьми, занесло...

Вот только тамошний лес был как лес, нашенский, вполне проходимый. А здесь...

– Н-да, товарищи демоны, – вслух сказал он. – С воображением у вас туговато. Хотя спасибо, конечно, за снисходительность. Могли б и на полюс закинуть...

Дурацкая, признаться, вышла реплика. Как будто Сварог с ленцой комментировал приключенческий фильм по телевизору, не имеющий к нему ни малейшего отношения, как будто это не он оказался в самом сердце непроходимых джунглей, а персонаж голливудской штамповки... А с другой стороны, что еще прикажете делать? Рвать волосы на груди и бегать вокруг полянки с криком: «Спасите, помогите»? Не дождетесь.

Он жив – это раз. Его способности остались при нем – это два. И он несомненно Сварог, потому как никаких изменений в собственном разуме и никаких демонических присутствий в себе он не чувствовал. Это три. Он был стопроцентным, всамделишным, доподлинным Сварогом. Значит, демон засел в организме того, другого. Сварога номер два. Который...

А, черт!

Который, кстати, вполне может стать, сейчас сидит где-нибудь в кустах и целится в него, настоящего, из демонической пукалки...

Сварог оглядел заросли еще раз, более внимательно...

Никого.

Разумеется, отмазка насчет того, что, раз он чувствует себя стопроцентным Сварогом, то стопроцентно Сварог и есть, была, мягко говоря, детской. Но пока, за неимением информации, будем так и полагать: я – Сварог, а тот, другой – демон...

И в тот же момент тренькнуло чувство опасности, едва заметно качнулся

воздух над ухом и что-то мягко стукнуло в папоротник, давеча пинаемый Сварогом.

Он медленно обернулся. Посмотрел на папоротник, увидел. Опаньки. «Вот, значит, как...» И Сварог развел руки в стороны, демонстрируя невидимому стрелку пустые ладони: мол, безоружный я, неопасный и вообще с визитом мира к вам пожаловал.

В ствол папоротника, на уровне его, Сварога, головы, вонзился тонкий и длинный, похожий на карандаш блестящий шип, прилетевший откуда-то из зарослей.

Глава вторая ПЕРВЫЙ КОНТАКТ

...Вспомнился Сварогу анекдот, бородатый, еще советского происхождения. Когда разбивается самолет, туристов захватывают туземцы, приводят к вождю, и вождь начинает сортировать пленников: «Этого мы съедим сегодня на ужин, того на завтрак, жирного оставим до праздника, а этого отпустим. Это же Вася, мы с ним вместе учились в университете имени Патриса Лумумбы...»

Сварог невольно ухмыльнулся.

Шестеро худых, как шкелеты, и черных, как гуталин, бритых наголо туземцев сидели в рядок напротив бедовой троицы и смотрели. Если, конечно, слово «смотрели» применимо к их неподвижным, ничего не выражающим взглядам, какими они вперились в своих... пленников, гостей, попутчиков? Если вообще нормальные человеческие слова подходили к этим, похоже, бесконечно далеким от всего человеческого существам из леса. Да и насчет того, что они черные, как гуталин, Сварог мог только предполагать: кожу практически сплошь покрывал толстый-толстый слой серой глины, и лишь в тех местах, где сие покрытие подсохло и потрескалось, под отвалившимися кусочками глины проступала голая кожа. И впрямь черная, как гуталин. К тому же, у двоих Свароговых товарищей, связанных и непокрашенных, кожа была именно такая: гуталинно-черная. Стало быть, и те, другие, наверняка такие же...

Знакомство с обитателями тропиков иного мира едва не началось со смертоубийства. Приходится лишь удивляться, как Сварог не уложил аборигена короткой, но действенной серией ударов, когда тот бесшумно подобрался со спины.

А было это так.

Взыграло любопытство. Немного постояв с разведенными руками и продолжения обстрела не дождавшись, он плавно, не делая резких движений, осторожнейшим образом вытащил прилетевший из папоротника невесть откуда шип, дабы рассмотреть повнимательнее... и тут серая тень скользнула из-за спины. И ведь нельзя сказать, что Сварог успел подумать: «Ага, вот, значит, как! Значит, хозяин шипа пожаловал! Но нападать нельзя, нельзя, опасно, ибо дикаря наверняка страхуют притаившиеся за деревьями соплеменники...» Куда там думать, когда все за тебя в это мгновения решают рефлексы – да, в тот решающий миг он рефлекторно дернулся, собираясь атаковать, но хорошо, все-таки сработали тормоза, за что им, тормозам, следует сказать отдельное спасибо.

Росточку в крашенном шаровой краской дикаре было от силы метр шесть-

десять, но главное, что поражало в его облике, – это невероятная худоба при наличии шарообразного рахитичного брюха, тугого, как футбольный мяч. Невольно приходили на ум концлагерь и грустное слово «дистрофия». Казалось, дотронься до него – развалится. Однако, как выяснилось впоследствии, эти дикари хрупкие только с виду, а развалить их весьма даже нелегко. Замучаешься разваливать.

Из одежды на нем было... Да ничего на нем не было! Если, конечно, не считать за одежду высушенный полый стебель некоего растения, одним концом надетый на мужское достоинство, а другим концом, сужающимся и завивающимся, как гороховый ус, привязанный к набедренной веревке. Вот и вся одежда. Зато по центру серого лба чем-то белым был нарисован глаз. Сварог вроде бы видел подобные трехглазые рожи в какой-то книжонке, но сейчас вспомнить не мог. Да и не очень-то пытался.

Вот что сразу бросилось в глаза: ступни очень широкие, почти гротескные. А большие пальцы ног (это Сварог уже потом разглядел) сильно отогнуты в сторону, почти противопоставлены, как у обезьяны.

Первое, что сделал дикарь, – это деловито забрал шип из рук замершего столбом Сварога и прикрепил куда-то сбоку, к трубке (висела у него на шее такая трубка, длиной около полуметра, из которой он, как пить дать, и выплевывал свои ядовитые шипы). Еще из оружия имелось у дикаря короткое копье с деревянным наконечником.

Потом обитатель тропического мира, никаких действий более не совершая, принялся разглядывать незваного гостя. И ничего нельзя было прочесть по его лицу. Рад он встрече с цивилизованным человеком, не рад, прикидывает ли, какие из шкуры бледнолицего пришельца получатся барабаны, или думает совсем о другом...

Ну хоть не плюется из своей пукалки, и то хорошо.

И тут возникает вопрос, милорды: специально ли абориген промахнулся, или это магия отклонила шип в сторону? И Сварог почему-то не сомневался, что выстрел из духовой трубки был исключительно предупредительным, что папуас вовсе не промахнулся, что захоти он, и лежать бы человеку, не обладающему способностями ларов, на травке, с ядовитым шипом в шее. В общем, для пущего оптимизма будем считать, что убивать пришельца пока никто не собирается.

Сварог, в свою очередь, аккуратноенько просканировал аборигена. И никакого колдовства не обнаружил. Ни светлого, ни темного. И детектор опасности звякает едва слышно, дескать, опасно, конечно (что ж ты, хозяин, хочешь, джунгли кругом), но – не смертельно... А пауза тем временем затягивалась. Как оно обычно и бывает в подобных случаях, в голову полезла всякая чепуха – совершенно некстати припомнился эпизод из недурственного фильма, где господин Паратов рассказывает: «С каким-то купчиком они напились в совершеннейшее свинство, разделись догола, вывалялись в перьях и давай представлять диких».

Ну что, хватит в молчанку играть. Кто-то же должен первым сделать ход навстречу дружбе и взаимопониманию между мирами. И Сварог запустил пробный шар.

– Друг, – внятно сказал он по-английски, благо в этих пределах язык знал. – Не хочу вреда.

Вышло, признаться, ловко – понимай, как хочешь: то ли я друг туземцу, то ли туземец – мне, то ли Сварог не хочет пострадать, то ли сам не собирается лезть в драку.

Но не помогло. Туземец реплику игнорировал, просто стоял и елозил, гад нерусский, взглядом по Сварогу, с тем же отсутствием видимого интереса, с каким экскурсанты в музее переходят от картине к картине.

Сварог повторил фразу по-французски. С тем же результатом.

Тупик. Ни на кингване, ни на багидни, ни на рунди – диалектах, на которых изъясняются аборигены Центральной Африки, – Сварог, понятное дело, не говорил. Да и кто сказал, что обитатели этого мира общаются на языках далекой Земли? Ну? И что теперь делать прикажете? Стучать себя кулаком в грудь, повторяя: «Сварог! Сварог!», – а потом, протянув длань в сторону дитя джунглей, корчить вопросительные гримасы? Или показать фокус с огнем из пальца: вдруг папуасы (этот плюс те, что наверняка прячутся по кустам) признают в нем местное божество?..

Ситуацию разрешил сам дикарь.

– Намбъени от раматан, – вдруг отчетливо сказал он.

По крайней мере так услышал Сварог. (И вот что, кстати, странно, судари мои разлюбезные: и на Таларе, и на Димерее с Короной он прекрасно общался на местных языках – а здесь отчего-то вышла осечка... Отчего, интересно знать?..)

Тем временем дикарь резко повернулся лицом к джунглям, приложил ладонь ко рту и издал отвратительный горловой звук, явно послуживший сигналом, потому что из зарослей на поляну стали выбираться его соплеменники, и таковых набралось аж шестеро. Ан нет, не все были соплеменниками – только четверо. На первый взгляд эта четверка показалась Сварогу точной копией дикаря номер один, и только позже, взглядевшись, он стал их различать: этот лопух, у второго не хватает двух пальцев на левой руке, третий с бельмом на глазу... А вот еще двое отличались от прочих кардинально – во-первых, были выше, глиной отнюдь не разрисованные (а именно что черные, как гуталин), без оружия, без уродских животов, без идиотского глаза на лбу, зато с проблеском интеллекта во взгляде и в более приличной одежде... если приличной одеждой можно назвать тростниковые набедренные повязки да костяные ожерелья. А во-вторых, руки обоих были плотно, в десяток витков, по самые сведенные за спиной локти, связаны обрывком коричневой волосатой лианы. Пленники, что ли? Такие же, каковым потенциально является Сварог?.. Один совсем старенький, с дряблой кожей, астматично дышащий, другой помоложе.

И повели аборигены себя странно... но, опять же, с точки зрения человека цивилизованного. Не проявили никакого интереса к гостю с совершенно другим цветом кожи (даже связанные, оставались равнодушны: молодой глядел куда-то в кроны деревьев, а старенький как упер взор в траву, так головы и не поднимал), ни к странной его одежде – коя выглядела бы странной даже для того самого цивилизованного человека: камзол, бриджи и сапоги тонкой кожи, что ни говори, мало уместны посреди непролазных джунглей. Аборигены, за исключением связанных, окружили свалившегося с неба Сварога и выжидательно уставились на своего предводителя, на того, кто криком вызвал их из леса. Тот же принялся что-то говорить, показывая то на себя, то на Сварога,

то на переплетение ветвей над головой. Ага, это понятно: белый человек, дескать, пришел к нам с неба... Наверное, так – Сварог по-прежнему не понимал ни слова.

А дальше все произошло до крайности быстро и неожиданно.

Отчего-то Сварог полагал, что дикари, которые до сих пор вели себя вполне миролюбиво, будут не прочь и дальше поискать взаимопонимания с большим братом, умеющим добывать огонь из ничего и выпускать дым изо рта посредством белой палочки: а вдруг большой брат поделится с ними некоторыми секретами своего могущества?

Черта с два.

Пятеро перемазанных глиной туземцев, словно по неслышной команде, разом вдруг загалдели и выставили перед собой копья, воинственно тыча остриями в грудь Сварогу, благоразумно, однако, оной груди не касаясь.

И правильно. Иначе худо бы пришлось копьеносцам. Что какие-то палочки супротив майора ВДВ и лара? Пусть даже смоченные ядом... Хотя Сварог отчего-то был уверен, что убивать его никто не собирается – по крайней мере прямо сейчас.

– Ахманга! – что-то вроде этого прокричал дикарь, по-ленински выбрасывая руку в сторону зарослей. А потом легонько кольнул Сварога острием копья в плечо. Острие другого копья, того, что держал бельмастый, заплясало у него перед носом.

Не бином Ньютона: здешние нельсоны-манделы требуют, чтобы он пошел с ними. Эх, где ты, старина Гор Рошаль? Уж он сумел бы расспросить туземцев, выведать у них все их тайны и намерения, даже если те по-человечески не гутарят... Но Рошалья рядом не было, Рошаль остался в мире Короны, и Сварогу в очередной раз приходилось действовать исключительно в одиночку. Так что он пожал плечами и вежливо, но твердо отвел от лица нагло прыгающий наконечник копья. Потом покосился на связанных и кивнул. А почему бы и нет? Всяко лучше, чем оставаться здесь – посреди леса, один на один с четвероногими любителями сырого мяса. Наверняка туземцы поведут его в какую-нибудь деревню, а там, будем надеяться, еда, циновки, мудрый вождь и мухи не кусают... Там появится шанс узнать об этом мире побольше, а заодно разобраться в идиотской игре демонов. И даже если ему присвоят почетное звание Первого Блюда на обеде у местных каннибалов, всегда можно будет подискутировать на предмет различий в кулинарных пристрастиях у разных культур и народов. И, есть такое предположение, мно-ого чернокожих гурманов отправятся к Верхним Людям во время этой дискуссии... Лишь бы только руки сейчас не пытались связывать.

Руки ему связывать не стали, повезло туземцам...

А потом они шли по тропическому лесу. С деревьев беспрестанно капало, орали невидимые в листве птицы и обезьяны, папуасы перли вперед с грацией и бесшумностью рыси, так что Сварог едва поспевал.

Е-мое, а ведь ни одежда, ни обувь у него не приспособлены для подобных прогулок. И просто счастье, что он еще не оцарапался о какую-нибудь ядовитую колючку – вон цветет растение, подозрительно напоминающее африканскую аканту, а ее сок, сок аканты настоящей, если попадет на кожу... Сварог сам видел во время конголезской командировки... Тьфу, лучше и не вспоминать... Чтобы отвлечься, он принялся декламировать про себя в такт шагам:

*Я иду по Уругваю,
Ночь – хоть выколи глаза,
Слышу крики попугаев
И гориллы голоса.
Я иду по Уругваю,
Ночь – хоть выколи глаза...*

И так до бесконечности...

Перейдя вброд неглубокую мутную речку, где по ветвям деревьев, нависающих над водой, обезьяны местного разлива скакали целыми стадами, если не полчищами, поднялись по осклизлому глинистому берегу, вышли на поляну и наконец-то остановились на привал. Шагали они без остановки, если верить внутренним часам Сварога, четыре часа сорок минут.

Дикарей, несмотря на их кажущуюся хрупкость, переход не утомил ничуть, – разве что кроме связанного дедушки. Прямо сказать, плох стал дедушка-туземец. Последние километры пути он передвигался на честном слове и на одном крыле, шатаясь, спотыкаясь, то и дело падая со связанными руками и поднимаясь только благодаря копейным уколам конвоиров. Если б не привал, то рухнул бы он окончательно и бесповоротно, и никакие копья на свете не смогли бы его поднять. И как бы тогда поступили с ним папуасы? Вот именно, что пес его знает, хрен его знает, черт или бог его знает... И знает ли кто-нибудь вообще, что здесь, на фиг, происходит!

Не только дедуля повалился на землю, как подрубленный, но и Сварог, признаться, тоже. Вымотались все. У Сварога высоковольтными проводами гудели ноги, его слегка подташнивало. Но все же, в отличие от пленного старичка, который, тяжело дыша, зарылся лицом в траву, и в отличие от конвоиров и пленных, которые легли на спину, разбросав руки, Сварог остался сидеть. Он бы тоже разлегся с немалым удовольствием, но все же он не настолько устал, чтобы начисто забыть о всяких кусачих жучках-паучках, снующих в траве и плюющих на способности ларов. Камзол превратился в рубище. И только теперь он понял, зачем туземцы перемазались быстро сохнущей глиной – редкий москит или какая иная членистоногая пакость прокусит такой «скафандр»...

Папуасы разлеглись напротив Сварога и связанных, на другом краю поляны, воткнув копья в землю, остриями вверх. Из кожаных мешочков, что у каждого из них болтался на заднице притороченный к набедренной нити, достали комки светло-коричневого цвета, стали отщипывать от них куски и жевать. Потом дикарь (тот самый, с кем Сварогу довелось познакомиться первым) встал, подошел к пленникам, присел рядом на корточки, отщипнул немного от этой массы, напоминавшей пластилин, скатал немытыми лапами шарики и протянул связанным. Те послушно слизнули шарики с его розовой ладони. Потом предводитель отряда слепил новый шарик и поднес его ко рту Сварога.

– И как это понимать? – хмуро спросил тот без малейшей надежды на ответ. – Типа перекусить предлагаешь?

Лучше бы дал напиться, пузатенький...

Конечно, Сварог мог отказаться и обслужить себя сам. Мог наколдовать себе седло барашка в винном соусе под красное полусухое или, на худой конец, просто кофею с тостами... но отказываться было как-то не с руки. По очень

многим обстоятельствам. Связанные, главным образом, с проблемой отношений «хозяин – гость».

А пузатенький тем временем настойчиво протягивал свой скатыш, что-то при этом шепча по-своему, по-папуасски. Детектор ядов молчал как убитый. Равно как и детектор опасности.

– Лады, фиг с тобою. Вроде связанные ребята недохнут, может, и мне повежет, – неискренне сказал Сварог, забрал у папуаса скатыш и храбро отправил подарочек в рот.

И – не пожалел. Сперва во рту посвежело, как бывает после чистки зубов сильномятной пастой. Потом приятный холодок пробежал по языку, по небу, заструился по пищеводу. Елки-палки! Французы из Иностранного легиона однажды подарили ему тюбик прозрачной пасты – в пустыне дело происходило, где до ближайшего душа было пять лаптей по карте; за что Сварог негласным соратникам по необъявленной войне был весьма благодарен: намазывал пастой тело, и та качественно собирала с кожи пот и грязь. Так вот, создавалось впечатление, что эта папуасская фигня, как та паста, собирает утомление внутри тела. Прошло пять минут – и усталости как не бывало.

«Наркота, не иначе», – отстраненно подумал Сварог.

Что ж, наркота так наркота. Теперь можно и в путь...

Но в путь пока никто не гнал. Один из папуасов куда-то отлучился и вот уже полчаса отсутствовал, и гадать, куда и зачем он отправился, можно было до заплетения мозгов в тугой узел, все равно не угадаешь. Видимо, предстояло дожидаться его возвращения. А пока Сварог по-ларски закурил, отчего-то не таясь конвоиров. Но конвоиры волшебному появлению сигареты из воздуха ничуть не удивились, будто таковое было среди них в порядке вещей. Вот тогда-то Сварогу и вспомнился анекдот про крушение самолета и туземного вождя, сортирующего пленников.

Глава третья ДОРОГОЙ ПРИЗРАКОВ И ГЛЮКОВ

Зашуршали ветви, на поляне появился отсутствовавший дикарь – с небольшим сосудом, сделанным из тыквы, пес знает, где туземец его раздобыл, – тут же направился к пленникам, молча протянул сосуд и застыл в позе дающего, ожидая, когда же его дар примут. Сварог осторожно понюхал содержимое. Травой воняет. Похоже, вода. Из той поганой речки, небось, набрал. Вместе с брюшным тифом и прочими хворями, земной и таларской наукам не известными... Хотя нет, не из речки – иначе зачерпнул бы, когда переходили. Сварог капнул себе на ладонь. Прозрачная. Должно быть, гонец смотался на родник, там и набрал. А почему бы и нет? Накормили, теперь пора напоить... Или отравить. Хотя последнее вряд ли – неужели их тащили через пол-леса, чтобы отравить на первом же привале? А с другой стороны, кто их разберет, лесных братьев...

Пить хотелось еще во время перехода, а после жевания коричневой массы захотелось еще больше, и сомнения «пить или не пить» носили скорее обрядовый характер. Опять же: можно было сотворить воду магическим способом, но... Как на отказ от угощения посмотрят хозяева леса? Не хотелось ссориться в первые часы контакта... В общем, Сварог настороженно посмотрел, как равнодушно пьют из рук гонца связанные аборигены (а те, по идее, должны понимать: травить их собираются или просто напоить... хотя...), затем прислушал-

ся к собственным сигнализаторам яда и опасности, ничего не услышал, а потому вздохнул, принял сосуд и сделал два глотка. Яда нет, зато есть болотный привкус. Он вернул посуду владельцу, ведь и аборигены должны были промочить рот. Однако абориген принимать сосуд обратно отказался. Стоял, опустив руки по швам, и чего-то ждал.

Тогда Сварог поставил тыкву на землю. Дикарь наклонился, взял сосуд в руки и вновь протянул Сварогу. Хочет, что ли, чтобы допил до конца? Закон лесного гостеприимства, етить его...

В общем, на троих добились сосудик до дна, вернули пустым. И этот туземец, и его собратья наблюдали за происходящим неподвижными взглядами, и ничто не отражалось на их лицах. Вот поди догадайся, что творится в их головах, какие мысли там ползают. Или ничего не ползает, а наличествует там полная пустота, первобытный вакуум?..

Стало светлее – сквозь плотную листву пробилось-таки солнце, и колонны белого света, пав с неба, уперлись в сырую почву, укрытую ползучими стеблями. Непрерывно капающая с листьев влага в солнечных лучах превратилась в сверкающие алмазики. Было красиво. Между кочек и папоротников стелился белесый туман.

– Вы как хотите, а я с места не сдвинусь минимум еще час, – негромко сказал Сварог, непонятно к кому обращаясь и разглядывая бриллиантовый дождь сквозь прищуренные веки. – Не знаю, как вы, а я устал. Элементарно устал. И ноги натер...

Солнечное сияние, струящееся сверху, становилось все ярче... Бли-ин, да какое, к чертям, солнечное! Нет и не может быть такого неестественного, такого иссиня-белого солнечного света. Или в этом мире подобное в порядке вещей?! Мигом вспомнились фильмы о пришельцах и прочей фантастической мути – подобный огонь там исходит исключительно от летающих тарелок, алчных до человечинки...

Сварог ошарашенно огляделся.

Время остановилось. Капли-бриллианты застыли в пылающем воздухе, повисли мерцающей паутиной, тишина черной ватой окутала мозг. Ни шороха, ни движения вокруг... И еще: что-то произошло с его глазами. Или с оптическими свойствами самого воздуха. Сварог смотрел на мир как сквозь аквариум. То, что находилось непосредственно перед ним, имело четкие, даже слишком четкие очертания; проступали малейшие детали предметов, и Сварог с необъяснимым ужасом понял, что при должном напряжении глаз он сможет разглядеть чуть ли не молекулярную их, предметов, структуру... Но чем дальше к границам поля видимости, тем расплывчатее становилось окружающее, тем причудливее изгибались его, окружающего, формы... И что-то находилось там, за периферией зрения, некое существо – или существа? Оно наблюдало за Сварогом (или они наблюдали?), все время оставаясь как бы «за кадром», и отступало, когда Сварог переводил взгляд, чтобы посмотреть на него; оно не было злым или добрым, оно было просто другим – оно выжидало, терпеливо готовилось к моменту, когда можно будет выступить вперед... И это был отнюдь не наблюдатель с демонского судилища – отчего-то Сварог был в этом уверен. И это не было порождением колдовства – если, конечно, «третий глаз» не блокировался посредством постороннего вмешательства...

Сварог закрыл глаза и помотал головой. «Так, спокойно, – подумал. – Нарко-

тик, это к бабке не ходи. Просто наркотик, галлюциноген, ни магии, ни заклинаний... Ай-ай-ай, все-таки опоили нас какой-то дрянью, "шоколады" фиговые...» Мысли текли вяло и густо, как варенье из банки. Главное было – не поднимать веки, ни в коем случае, чтобы вновь не погрязнуть в иллюзии.

«Да что ж это делается, а?! – подумал он краешком сознания. – На Димерее – первым делом накачали отравленным вином, в этом мире – тоже сразу стараются мозги набекрень повернуть. Стареем, майор, стареем, на одни грабли наступаем...»

– Эй... – позвал он севшим голосом.

Молчание в ответ.

Он открыл глаза.

И оказалось, что действие наркотика закончилось – так же быстро, как наступило. Наваждение исчезло. Нереальный свет тоже исчез, вместе с каплями-бриллиантиками. Сварог снова находился на давешней лужайке, и со зрением все было нормально. Напротив глиняными истуканами застыли на корточках папуасы со своим предводителем, сидящим чуть впереди, в центре поляны, – который первым вышел навстречу чужеземцу, а потом, гад, напоил хрен знает чем. Тусклый, но, несомненно, солнечный свет с трудом продирался сквозь листву, в ветвях, как обычно, орали обезьяны и попугаи... Мир, короче, вновь встал к глюкам задом, а к реальности передом.

Но тут же выяснилось, что мир повернулся к действительности не целиком.

Волна холодного, липкого ужаса захлестнула Сварога с головой, и он вскочил на ноги.

Точнее, попытался вскочить – но ничего из этого не получилось: ноги, да и все тело ему не повиновались. Он перестал быть хозяином самому себе... и более того: всем телом завладел кто-то другой!словно кто-то вселился в его тело. И тут же принялся это тело деловито осваивать. Левая рука совершенно самостоятельно, без всякого участия со стороны разума поднялась к шраму, опасно его потрогала, точно впервые, потом медленно прошла по лицу, ощупывая нос, подбородок, небритые скулы, – знакомясь. Потом правая, с осторожностью кобеля, приближающегося к сучке, погладила левую руку, и обе медленно отправились в познавательное путешествие вниз по торсу Сварога, его бедрам, между ног...

И самое кошмарное, что Сварог ничего, абсолютно ничего не мог с этим поделать! Когда вы отлежите руку и она перестает вас слушаться, – это, конечно, жутко неприятно. Но когда та самая отлеженная, потерявшая всякую чувствительность рука начинает действовать по своему разумению, словно в ней живет свой малюсенький мозг, абсолютно от вас независимый, – это, уж поверьте, за пределами страшно. Губы Сварога приоткрылись, и он услышал собственный несанкционированный полувыдох-полузов: «С-сва-а-ро-ог...»

Причем испугаться этой новой метаморфозе с самим собой он опять же не успел: восприятие вновь сместилось – в другую реальность.

Непонятно? Черт, как бы это объяснить...

Пожалуй, нечто похожее испытывает человек, которому снится, что он проснулся и лежит в своей постели, а потом он просыпается по-настоящему и не сразу может смекнуть, где сон, где явь... и где гарантия, что на этот раз он в самом деле проснулся? Наверняка каждый из нас хотя бы раз испытывал по-

добное.

В общем, псевдореальность переключилась на другую программу – в которой Сварог снова стал хозяином своего тела. Тело это ломило, ноги гудели, не хватало дыхания, сердце готово было вот-вот выскочить из груди, как будто он только что поставил мировой рекорд в марафонском забеге. Но возвращением власти над собственным организмом он не замедлил воспользоваться: вскочил, дико озираясь по сторонам, готовый ко всему... но только не к тому, что открылось его взору.

Воздух буквально дрожал от лихорадочного, отдающегося во всем теле боя невидимых тамтамов – «пудам-будух, пудам-будух, пудам-будух», как перестук колес разогнавшегося локомотива. Проклятые папуасы вместе со связанными сородичами как сквозь землю провалились. Лес, нескончаемый дождь, тусклый свет, острый запах зелени и перегноя – все было настоящее. Все, кроме потустороннего, колотящегося в мозгу ритмичного гула тамтамов... и количества отдыхающих на полянке. Количество изменилось – теперь их было только двое, Сварог и предводитель чернокожего отряда. И предводитель танцевал – хотя слово «танец» тут не подходит. Он замысловато извивался, вскидывая над головой трясущиеся руки, падал на землю, корчился, вновь вскакивал, прыгал на четвереньках, нарезал круги вокруг пальмы – и все это со скоростью, в несколько раз превосходящей человеческие возможности, словно перед Сварогом ускоренно прокручивали видеозапись шаманской пляски из «Земли Санникова». При этом он ни на секунду не отводил от Сына Неба слепого взгляда, не отводил, даже когда скрывался за пальмой, даже когда поворачивался к Сварогу спиной. Глаз на затылке у него, разумеется, не было, но он все равно смотрел. Много позже Сварог, сколько ни ломал голову, так и не смог понять, как подобное возможно, однако в тот момент вовсе не это пугало его больше всего. Дело в том, что проклятый туземец бесновался вокруг исполинской пальмы. Пальмы с очень короткими ветвями. Пальмы, которой мгновение назад не было и в помине.

Да и никакая это была не пальма. Просто ствол дерева. Символического дерева. А может, и не дерева вовсе, а колонны со ступенчатой вершиной, похожей на поставленные друг на друга тарелки.

Но и не это было самым страшным.

Ужас заключался в том, что это дерево-столб было нарисовано. Не на холсте, не на скале, не на доске, а прямо на реальности, поверх реальности, было втиснуто в реальность и совмещено с реальностью. Совсем как в фильме про подставленного Кролика Роджера, вот только ничего смешного в совмещении несовместимого не было. Пусть и припадочный, но несомненно живой человек скакал вокруг нарисованного дерева! И смотрел, смотрел на Сварога слепыми, без радужки и зрачков глазами!

Он хотел отвернуться – и не смог. Хотел закрыть лицо руками – и не смог. Белки дикаря, горящие белым, пульсирующим в такт тамтамов пламенем на трупно-сером лице, притягивали как магнит. И пламя это разгоралось, становилось все ярче, затмевая собой окружающий мир, и вот уже ничего не осталось во Вселенной – только два полыхающих огня, ослепительных, как дальний свет фар в ночи...

Сварог до скрежета сжал зубы и изо всех сил зажмурился, полный решимости не открывать глаза что бы ни случилось, хоть час, хоть год – пока орга-

низм полностью не очистит себя от зелья. Должен же организм лара, черт по-дери, как-то справляться с подобной напастью?!

– Это просто галлюцинация! – закричал он сквозь барабанный бой. – Этого ничего нет! Ничего нет! Я сижу на поляне! Уроды сейчас отдохнут, и мы дви-немся дальше... – голос его сорвался (едрена мать, куда уж дальше-то!), и он позвал почти беспомощно: – Эй, кто-нибудь...

– Молчи! Вперед! – услышал Сварог рывк над ухом и почувствовал толчок плечом в спину, чуть не швырнувший его на землю. – Вперед, вперед, впе-ред!..

Сварог открыл глаза, споткнулся, едва не сбившись с ритма, но тут же вы-ровнял шаг.

Окруженные кольцом давешних папуасов, он и двое пленников быстро, по-чти бегом продирались сквозь лес, уходили все дальше и дальше, ни на секун-ду не останавливаясь, перепрыгивая через кочки и канавки, огибая стволы громадных деревьев, поросших мочалом, наклоняясь под низко провисшими лианами толщиной в человеческую руку. Слева двигался молодой пленник, справа тяжело пыхтел старикашка.

Не было никакого грохота тамтамов – это его сердце бухало где-то возле са-мой гортани, барабанным боем («пудам-будух, пудам-будух») отдаваясь в ушах.

Вот, значит, отчего ломит все тело, а в горле застрял сухой, колючий ком: от изматывающей гонки через тропические заросли!.. Так что, это и есть на-стоящая реальность?!

Судя по тому, что сумерки сгустились еще больше и окрасились в бордовые тона, они выдерживают подобный темп не один час – уже спустился короткий тропический вечер...

В голове, в унисон с биением сердца-тамтама, стучало беспрерывно: «Мы... идем... по... Уруг... ваю... Мы... идем... по... Уруг... ваю...»

– Ы... ы... ы... ы... – при каждом выдохе из гортани пленного старика выры-вался скрежещущий визгливый звук, как скрип несмазанного колеса. Смот-реть на него было страшно: слипшиеся седые волосы, пот, разбухший выва-лившийся язык. Не человек – зомби.

«О господи! – подумал кто-то внутри Сварога. – О господи, о господи, о гос-поди...»

Лес расступился, показалась мутная извилистая речушка, маслянисто бле-стящая в свете заката, не речушка, ручей скорее. Оскользываясь и падая, безумная процессия скатилась по глинистому берегу.

И тут дедуля достиг своего финиша. Лицо его, и без того черное, налилось багрово-синюшным цветом, дыхание сорвалось. Колени престарелого туземца подкосились, он рухнул в жирную глину, закатив глаза, прижимая руки к гру-ди и жадно хватая ртом воздух. Явные симптомы инфаркта, но когда Сварог, морщась от боли в боку, склонился над ним, старик вдруг засучил ногами, за-верещал коротко, страшно, дико, попытался отползти подальше, вжаться в склизкую почву.

Мурашки пробежали по коже от этого зрелища, а всего ужаснее было то, что Сварог понятия не имел, как помочь умирающему... «Это галлюцинация, гал-люцинация!!! – надрывался кто-то в его голове. – Скоро все закончится! Мы идем по Уругваю...»

И тогда произошло, пожалуй, самое жуткое по своей ирреальности. Могучий пинок в бок отшвырнул его в сторону, и над агонизирующим аборигеном склонился предводитель туземцев. Несколько долгих секунд он внимательно вглядывался в его искаженное ужасом лицо, погладил по голой груди извивающегося пенсионера, поднял руку... и одним стремительным ударом вонзил пальцы ему в диафрагму! Абориген издал мяукающий звук и выкатил глаза, а предводитель отряда все толкал и толкал руку, все глубже погружая ее внутрь туземца. Черная в закатном свете кровь пузырилась вокруг его запястья. Сварог шарахнулся назад, не в силах отвести взгляд. Наконец чертов дикарь, судя по всему, задел какой-то жизненно важный орган в организме сородича, потому что тело несчастного выгнулось дугой и тут же обмякло бесформенной кучей. А туземец поднял над головой, демонстрируя всем, зажатый в кулак кусок мяса, с которого падали тягучие темные капли.

«Сердце, – отстраненно понял Сварог, – это его сердце...»

Соплеменники изувера гавкнули что-то в унисон, и предводитель стремительно, в четыре надкуса сожрал то, что держал в руке. И Сварог понял, что сейчас свихнется окончательно.

...Он не знал, сколько времени продолжался этот безумный марш-бросок, счет времени был потерян давным-давно. То ли наступила ночь, то ли в глазах потемнело от напряжения, но он уже ничего не видел перед собой, мир сузился до крошечного пятнышка света, тускло горящего впереди, в неимоверной дали...

Сварог не мог остановиться. Не мог задержаться хоть на мгновение, чтобы подумать, осознать и разобраться: новый ли это виток галлюцинаций или он на самом деле мчится через непроходимые заросли? Или... или это таким макаром проявляется демоническая сущность? Значит, что же, значит, он – не настоящий Сварог? Да ну, бред... И когда, так вас и разэдак, он шагнул за грань реальности – когда отхлебнул из тыквы? Или весь этот доисторический лес является фантомом?..

И едва последнее предположение оформилось в измученном мозгу, как блеклое пятно света впереди разбухло, разгорелось, расширилось до размеров окна – сквозь которое Сварог и ввалился с треском, в окружении сотен и тысяч сверкающих осколков стекла.

Мир на мгновение подернулся серой пеленой – и вновь проявился. И кадры замелькали с головокружительной частотой, как окна проносившейся мимо электрички, Сварог едва успевал выловить отдельные детали, напрочь не понимая, что они означают, да и означают ли хоть что-нибудь.

...В полутемном помещении Мара склонилась над военной картой, испещренной заковыристыми стрелками предполагаемых наступательных операций, лицо серьезное, сосредоточенное, из-за ее плеча выглядывает кто-то – не разобрать кто: лампа освещала лишь стол с картой и Мару с карандашом в руке...

...грубо вытесанный из какого-то зеленоватого материала бюст на черном постаменте – четырехликое существо в причудливой короне – посреди зала без окон; свет льется со всех сторон, не создавая тени...

...рыжеволосая женщина стреляет из пистолета куда-то в небо...

...мрачные коридоры подземелья, освещенные колеблющимся светом факелов...

лов вдоль сочащихся сыростью стен, дверь с золотой ручкой в торце коридора...

...какие-то узкоглазые типы с оружием наперевес пробираются вдоль каменной стены сквозь густой туман...

...ядерный гриб над океаном...

...заносимые песком руины современного города...

...озеро огня...

...пирамида...

...трехглазая маска...

Свет, мрак, свет, мрак – все быстрее и быстрее, как спятывший стробоскоп...

Глава четвертая PAUSE

Вода лилась щедро – в нос, в рот, глаза. Даже в уши затекала. Сварог приоткрыл одно веко и увидел над собой черный кружок, откуда влага, собственно, и поступала. Не иначе, поливают из кувшина, а это – его горлышко, вид сверху, проявил смекалку Сварог. А точнее, вид снизу...

Он закашлялся, оттолкнул руку с кувшином, сплюнул воду и попросил тихо:

– Уважаемый, кто бы ты ни был... Не надо больше, а? Хватит...

Неизвестно, поняли его или нет, однако воду лить перестали и даже помогли приподняться. Сварог, поддерживаемый под мышки, по-собачьи тряхнул головой, отфыркнулся и огляделся.

Плетеный кувшин, из которого только что он был поливаем, валялся в травке неподалеку. Оказывается, заботу о сотоварище проявлял молодой пленный туземец. А лиана, опутывавшая его руки, куда-то делась.

– Хорошо? – сипло поинтересовался пленный. В смысле – достаточно ли?

Сварог машинально кивнул. И лишь мгновеньем позже сообразил: оказывается, местный разговаривает. И более того: Сварог отлично его понимает.

У Сварога уже в который раз появилось беспокойное ощущение дежа вю – точно так же в свое время он сам стал понимать и язык Нохора, и язык Талара – явственно осознавая, что собеседник говорит вовсе даже не по-русски и не по-французски, но – тем не менее понимать стал. И даже говорить стал.

Говорить?! А ну-ка...

– Ты меня понимаешь? – спросил он. Потрескавшиеся губы отозвались уколами боли, как будто были сплошь оккупированы герпесом.

Пленник чуть растянул рот в подобии несмелой улыбки:

– Плохо. Ты говорить не так. Но я ты понимать.

Не так? Секундочку. Сварог принял сидячее положение и тихонько помотал головой. Зря он это сделал... Голова, как выяснилось, чувствовала себя, точно язык гигантского колокола – полное создавалось впечатление, что она мерно и неторопливо раскачивается из стороны в сторону, а в апогее ударяется о металл, отчего под черепной коробкой раскатывается оглушительное, вибрирующее, долго не затихающее «бам-м-м-м!..» Однако Сварог, несмотря на колокольный перезвон, осознал вполне четко: туземец говорит на исковерканном таларском. Пусть плохо, примитивно, максимально упрощенно, с чудовищным акцентом и сплошными инфинитивами... однако же – говорит на таларском! Уж поверьте специалисту...

И что это означает? Он, Сварог, вернулся домой? Вернулся на Талар?!

– Как называется этот мир? – быстро спросил он.

Напрасно спросил. Папуас округлил глаза, изображая полнейшее недоумение, и ничего не ответил. Ну да, как объяснить сыну джунглей, что такое мир... Можно было спросить насчет леса, племени, кто такие эти обмазанные глиной – друзья или враги, зачем нас куда-то волокут, а также где ближайший полицейский участок... но все вопросы застряли у Сварога в горле, потому что только сейчас он взгляделся в лицо пленника.

Можно дать обе ноги на отсечение – ни один, даже самый близкий туземный родственник не признал бы в этом обличье молодого, совсем недавно пышущего здоровьем аборигена. Напрочь исчезнувшая набедренная повязка, исцарапанное лицо, запавшие глаза, безвольно отвисшая нижняя губа, с которой – розовой, как свежее мясо, – свисает мутная струйка слюны... Лишь ожерелье каким-то чудом сохранилось на жилистой шее. Повстречайся в темном переулке вам подобный субъект, пусть даже одетый вполне пристойно, вы бы без лишних просьб вывернули перед ним карманы... Или без лишних разговоров нанесли бы превентивный удар, засветив ему промеж глаз – зависит от воспитания.

Некстати вспомнилась шутка: «Вошел негр, красный с мороза». До недавних событий Сварог и полагал ее не более чем шуткой – а теперь, спасибо аборигенам, убедился, что доля правды есть и в ней: иссиня-черное лицо пленника было пепельно-серым. Совсем как глиняное покрытие их конвоиров.

Промелькнуло: е-мое, неужели и я выгляжу так же? А еще король, блин...

Сварог огляделся. Все было спокойно, и на этот раз его окружала самая что ни на есть настоящая, всамделишная, подлинная и реальная реальность... По крайней мере Сварог приказал себе в это верить. Потому что иначе можно окончательно слететь с катушек.

Они находились на вершине небольшого холма, под открытым небом, но по-прежнему в лесу. Лес простирался во все стороны, насколько хватало глаз. Судя по закатному солнцу, опять близилась ночь. Вот только которая? Первая с тех пор, как он выпил из тыквенного сосуда? Вторая? Неделю спустя?..

Поразмыслив, он нашел прекрасный способ проверить и провел трясущейся рукой по подбородку. Щетина уже даже не кололась, а мягко колосилась, и если учесть, что перед отбытием с Короны воспользоваться бритвой он не успел, не до того как-то было, знаете ли, значит, из его жизни вычеркнуто минимум сутки.

Мысли принялись скакать внутри черепной коробки пинг-понговскими мячиками, и он с силой потер лицо, заставляя себя успокоиться. Ногти, кстати, тоже не шибко отросли, да и царапины на лице и руках еще не зажили – значит, точно: не больше суток... Причем есть не хотелось совершенно. И пить, кстати, тоже. Либо гребаные туземцы кормили их каким-то манером, пока оба пребывали в мире грез, либо наркотик напрочь отбил аппетит, либо...

Еще какое-нибудь объяснение его измочаленный разум придумать не смог. Скорей бы опустилась ночь – если созвездия окажутся знакомыми, значит, он и впрямь на Таларе. Ну, а ежели нет...

Упомянутые гребаные туземцы находились неподалеку, – как и в последний раз, когда Сварог видел их наяву, во время первого привала, сидели кружком метрах в пятнадцати от них, неподвижные, чего-то ждущие, преиспол-

ненные какой-то своей, недоступной простому белому человеку мудрости... Вот разве что предводителя среди них не было... Ну, пускай только вернется, морда дикарская... Беседовать пленникам (а теперь уже не оставалось никаких сомнений, что и Сварог включен в число арестантов) никто не препятствовал. Он с ненавистью посмотрел на папуасов – прорваться сквозь них, даже в его охмуренном теперешнем состоянии, особого труда не составило бы, но куда бежать-то? – и спросил у пленника на таларском, с трудом ворочая распухшим языком:

– Тебя как звать?

– Н’генга, – последовал незамедлительный ответ.

– Когда-нибудь встречал таких людей, как я? С белой кожей, в незнакомой одежде?

Н’генга тут же помотал головой.

– А слышал о таких, как я? Может, старики рассказывали?

Тот же жест. Ну да, ждать другого ответа было бы верхом кретинического оптимизма...

– А почему не удивился, когда меня увидел?

Н’генга пожал плечами:

– Много кто в лесу жить...

Сварог непроизвольно хмыкнул.

– Золотые слова... Как называется твое племя?

Н’генга опять пожал плечами и смущенно посмотрел на белого товарища по плену:

– Не понимать. Называться – «племя», и всё...

– Ясно, – кивнул Сварог. – И как далеко твое племя?

– Не знать. Далеко. Туда, туда, туда, – он махнул рукой в разные стороны света, – там где-то.

– А мы где сейчас находимся?

Н’генга внимательно огляделся и сообщил уверенно:

– В лесу.

Сварог терпеливо кивнул. И попытался зайти с другой стороны:

– Ты видел где-нибудь... э-э... звериные тропы, ровные, как копье, без травы, широкие, с незнакомым, незвериным запахом?

– Нет, – сказал Н’генга.

– А такие... летающие штуки в небе, которые вроде бы и птицы, но... – Сварог понял, что несет чушь, вздохнул: – Ладно, забудь, – и вдруг вспомнил: – Стой-ка. А с тобой ведь старик был!

– Ты не помнишь? – очень тихо спросил Н’генга, глядя на Сварога.

Сварог опустил взгляд на свою изодранную одежду. Одежда была перепачкана глиной. Глиной с берега безымянного ручейка...

Н-да. Значит, не все события прошедших суток ему пригрезились, были и моменты просветления. И этот сумасшедший бег через лес, и эпизод на берегу ручья... Вот ведь черт, а?! Не-ет, ребята, пора валить от туземцев, пора-пора, пока окончательно крышу не демонтировали, валить – а там будь что будет...

И тут, словно прочитав его дезертирские мысли, туземцы зашевелились, принялись подниматься на ноги. Нет, ничего они не прочитали – просто на полянке появился давешний вождь. Видок у него был, надо сказать, как у Штирлица, который только что узнал, будто бы Геббельс есть русский развед-

чик и теперь Максим Максимыч переподчиняется лично ему. Он почтительно приблизился к пленникам (Сварог инстинктивно напрягся, изготавившись к акции), посмотрел на бледнолицего пришельца весьма странно, то ли со страхом, то ли с почтением, вдруг бухнулся на колени и протянул на вытянутых руках некий весьма странный предмет.

Сварог непроизвольно всмотрелся.

Предводитель держал в руках не что иное, как нож с ручкой в форме муравья; нож, на первый взгляд сделанный из слоновой кости и выкрашенный в густой черный цвет: вот, пожалуйста, трехгранное короткое лезвие, по длине не превосходящее сигаретную пачку. Прямая короткая гарда и рукоять. Самой любопытной частью, несомненно, являлась рукоять. Она состояла из двух частей, размером и формой напоминающих перепелиные яйца, словно вросшие друг в друга, одно поменьше, другое побольше. Рукоять была покрыта резьбой, что лишь добавляло ей сходство с громадным черным муравьем. А вообще-то... Ну да, ежу понятно, что рукоять сделана в виде одного из местных божков, которых тут у каждого племени наверняка что блох на сучке. Верхнее «яйцо» – голова, нижнее – туловище, на голове вырезан единственный глаз над растянутой до ушей улыбкой (местный циклоп, что ли?), на нижнем, большом «яйце» вырезаны короткие ручки, сцепленные на брюхе.

И – опять же: ни малейшего проявления колдовства. Все буднично и банально...

Подождав, пока Сварог налюбуется на антикварную штучковину, предводитель отполз на шаг. Против ожиданий нож он не отдал, просто показал и спрятал куда-то за спину, потом забормотал что-то по-своему, едва порванные Свароговы сапоги не лобызая, потом аккуратненько так, испуганно коснулся его колена кончиком копья: вставайте, граф, – мол, вас ждет путь-дорожка.

Сварог недоуменно посмотрел на Пятницу по имени Н’генга. И Пятница по имени Н’генга лишь подтвердил его догадку:

– Он передавать, что ты уже не плохой. Ты просто другой...

И без того Сварог понял, что его статус изменился. Вот только вопрос: в лучшую сторону или в худшую? Намерение рвать когти исчезло: все ж таки среди людей лучше, нежели среди ночных зверей...

Глава пятая

КОЕ-ЧТО О ПРОБЛЕМАХ ШАМАНИЗМА В ЭКВАТОРИАЛЬНЫХ РАЙОНАХ

– Блин-компот, – по-русски простонал Сварог. Простонал, когда разлепил веки и увидел круг неба над головой, не сказать чтобы очень большой, зато какой-то чересчур уж правильный – в геометрическом смысле. По голубому, высокому небу проплывало какое-то чахлое облачко. А потом небосвод закрыл собою чей-то мутный расплывчатый силуэт. Сварог сосредоточился, сфокусировал взгляд и... узнал нависшего над ним человека. Вот тут-то и вырвался стон. Значит, все, что было, не пригрелось. Ж-жаль...

Последнее, что он помнил – как шли по лесу уже впотьмах. Ни зги было не видно, а они все шли и шли. Сварог двигался на автомате, вперив взгляд в спину идущего впереди аборигена. Не было ни мыслей, ни желаний, ничего. И в какой-то момент, видимо, под воздействием туземного зелья, он окончательно отключился. Один в один как бывает с теми, кто злоупотребляет алко-

гольными возлияниями. Выпивает человек еще одну «соточку», и вдруг все куда-то пропадает. А обнаруживает он себя уже утром с начисто потерянными воспоминаниями о вчерашнем вечере. И нередко – в чужой постели.

– Где я? – едва слышно выговорил Сварог. Слова добывались из горла, как вода из колодца посреди пустыни: с преогромнейшим трудом.

– Ягуа внизу. Сидеть, – Пятница-Н'генга приветливо ему улыбнулся. И, видимо, чтобы не надоедать белому человеку, куда-то исчез из поля зрения.

– Какой еще ягуа... – Сварог заставил себя подняться.

Е-мое! Повело и закачало. В башке форменный ералаш, а во рту малоприятный кислый привкус. И в мыслях творилось черт-те что. Вдруг на полном серьезе подумалось: а что если он стал жертвой эксперимента над человеческим мозгом и все происходившее с ним, вся та жуть, которую он пережил, – это не более чем спровоцированная злой научной волей иллюзия, и сейчас за ним сквозь стекло или в микроскоп наблюдает очередной доктор Моро, ухмыляется и делает пометочки в журнале наблюдений за подопытными крысами о двух ногах, одну из которых зовут Сварог. И тогда в полный рост встает вопрос: с какого момента его погрузили в эксперимент? Где заканчивается реальность и начинается иллюзия? Была ли Африка, была ли Димерея, Корона, Талар или... или вообще вся его жизнь – фантом?

Но качка постепенно затихала, окружающее переставало мотаться туда-сюда – так останавливаются качели, которые уже не толкает ничья рука.

Сварог огляделся и... ничего радостного не обнаружил. Он находился на дне самого натурального сухого колодца, глубиной метров этак двадцать, диаметром метров пять. Камни, пошедшие на кладку колодца, имели архидревний вид, словно были уложены в эпоху немыслимо далеких и безвозвратно исчезнувших цивилизаций, на месте которых ныне живут их окончательно выродившиеся потомки. В колодце пахло плесенью и прелой травой. На полу валялись пальмовые листья, помимо них из обстановки наличествовала еще деревянная бадья с крышкой, не иначе, служившая парашей.

Прислонившись к стене спиной, на куче листьев сидел Н'генга, живой, здоровый и, судя по всему, в отличие от Сварога уже вполне очухавшийся. Правда, Пятница выглядел не шибко презентабельно – круги под глазами, впалые щеки, кожа вся в царапинах. («Можно подумать, я выгляжу огурцом! Тоже, наверное, видок еще тот...»)

Что это еще может быть, твою вперегреб, как не узилище! Она же тюряга. А еще точнее называть эту яму на таежный манер: зиндан. Да и вокруг по сути дела тайга. Что с того, что не елки-сосенки растут, а деревья облика насквозь тропического и субтропического. Тайга – это ведь в первую очередь глухомань и безбрежность, это то место, из которого хрен выберешься...

Увидев, что Сварог начинает оживать, Н'генга поднялся и протянул ему деревянную площадку с водой, до того стоявшую у стены:

– Выпей, Ягуа. Потом будет лучше.

– Однажды меня уже напоили, – буркнул Сварог.

Папуас сказал:

– Это вода. Простая вода. Н'генга пил. Верь Н'генга, – и продолжал настойчиво совать площадку.

– Ладно. Попробую поверить Н'генга... – Сварог поднес площадку к губам.

И ведь действительно полегчало. Вода смысла мерзкий кислый привкус. Во-

да остудила пищевод. Вода – и это самое главное – охладила перегретые мозги.

Эх, еще б искупнуться в холодной речке, совсем бы стало хорошо! А потом сотворить бы чашечку кофе и бутерброд с ветчиной... Сварог ожил настолько, что даже потянуло курить. И вот вопрос: а стоит ли афишировать перед товарищем Пятницей свои необычайные способности? Кто их знает, этих туземцев, что у них в умах и от чего их может перемякнуть. Бухнется вдруг в ноги, покрывая их поцелуями, или начнет скакать вокруг, что-то выкрикивая. Ну это еще ладно. А ну как набросится, чтоб рвать на куски, приняв за злой дух?..

Вот когда закончится дарованная тюремщиками вода и возьмет за горло жажда или когда дойдет до желудочных спазмов – вот тогда уж станет наплевать на все и можно будет колдонуть. А сейчас... Сейчас, думается, не стоит испытывать судьбу. И с курением потерпим. Потом как-нибудь, когда Пятница отвернется или уснет, украдкой сотворим сигаретку.

Сварог поднялся с листьев на полу, подошел к стене, провел ладонью по кладке. Камни были холодными и сухими. И совсем даже не гладкими – их покрывали трещины и щербинки. А стало быть, босые ноги легко отыщут опору, если... предстоит взбираться. К тому же еще имеются щели между камнями...

– Что за Ягуа, которого ты без конца поминаешь? – благодаря воде животворящей похорошело настолько, что Сварог нашел в себе силы затеять разговор.

– Ягуа – это ты, – сказал Н’генга и для пущей ясности показал в сторону Сварога пальцем.

– Я? – удивился Сварог.

– Эти, – чернокожий сокамерник показал вверх, – не любить наше племя. Они... – он опустился на колени и приложил щеку к полу, – от духов земли. Мое племя, – он встал на ноги и воздел руки, – от духов неба. Когда-то духи неба спуститься с неба. Они жить с женщинами людей. Женщины родить мое племя.

Н’генга горделиво выпятил грудь и ударил по ней кулаком.

– Мое племя – дети духи неба! Большой дух неба звать Ягмба. Его третий сын звать Ягуа. Ты – Ягуа. Он ходить к людям, помогать.

«Он мне только что поведал, что его племя произошло от неких сошедших с небес духов. А говорит он сам на исковерканном, примитивном, выродившемся таларском языке. И что сие означает? Уж не то ли, что меня занесло... страшно сказать... в будущее Талара? И сейчас передо мной не кто иной, как потомок ларов?»

– Я – дух неба? – решил уточнить Сварог. – По имени Ягуа?

Пятница кивнул.

– Ты – дух неба. И я тебе служить.

– Служить? – переспросил Сварог.

– Человек всегда служить дух неба.

Во дела! Имущества никакого, положение аховое. Но зато, как и положено монаршей особе, обзавелся персональным слугой. Дела-а...

Ладно, это все думы праздные. Остается еще немало моментов, требующих обязательного прояснения. Например, такой:

– Почему Н’генга решил, что я дух неба?

Пятница задумался, сведя брови к переносице.

– Н’генга понимать меня? Н’генга понимать Ягуа? – спросил Сварог.

После чего король и барон, а по совместительству, как выясняется, еще и

дух неба подумал: «Если подобное общение затянется, я либо свихнусь, либо потом уже никогда не смогу нормально разговаривать с людьми. Скажем, меня спросят: “Сколько времени?” Ответу: “Сварог думать – поздно уже”».

Неизвестно, понял ли Н’генга вопрос Сварога. Н’генга не успел ответить.

Они слаженно задрали головы кверху – оттуда донесся шум. А потом вниз что-то полетело, раскручиваясь, шлепнуло о стену и закачалось над головами. Пленники невольно вскочили со своих мест.

– Блин-компот, да это лестница! – разглядел Сварог.

Действительно, это была лестница, даже с перекладинами, сплетенная из лиан. Вслед за ней в колодец бросили какой-то маленький предмет, сперва показавшийся камнем. Но когда предмет долетел до дна колодца, стукнулся о пол и подкатился прямо под ноги Н’генга, Сварог с удивлением признал в нем уже знакомый ему костяной ножик черного цвета, с ручкой в форме муравья.

– Твой, – Пятница нагнулся, поднял нож и протянул его Сварогу.

– Нет, – помотал головой Сварог. – Чужой.

– Твой, – уверенно сказал Н’генга, прямо-таки всовывая нож в ладони Сварога. – Тебе его показывать в лес. Так тебя звать туда.

И он показал пальцем наверх.

– А Н’генга не звать? – спросил Сварог, нож все-таки взяв.

– Нет. Твой – тебя звать. Меня звать – другой кидать.

– Ладно, не буду спорить. Тебе, наверняка, виднее, – пробормотал Сварог.

Он подбросил ножик на ладони. Интересно, а если пойти в отказку, что будет? Полезут вниз, свяжут и поднимут насильно?

Сварог не стал держать мысли при себе, высказал их вслух:

– А если не подниматься вовсе?

И вот удивительно – Пятница понял своего Робинзона.

– Они бросать сюда труп обезьяны, – сказал Н’генга. – Сидеть, сидеть, нюхать, нюхать, потом сам просить наверх.

– Ладно, не станем доводить до крайностей, – Сварог взялся за лестницу. – Да вроде бы и невежливо отказываться от приглашения потомков – если я ничего не путаю – духов земли. Никуда не уходи, Н’генга, я скоро.

– Н’генга будет ждать Ягуа, – со всей серьезностью произнес Сварогов, блин, верный слуга.

– Только очень жди, – про себя проговорил Сварог, начиная карабкаться по неудобной, раскачивающейся лестнице.

Наверху его подхватили за руки и вытащили из колодца. Среди дикарей – а их собралось у колодца с десятков – давешних знакомых из группы захвата и доставки Сварог не обнаружил. Впрочем, даже если б обнаружил, вряд ли стал бы с ними раскланиваться как с добрыми знакомыми. Правда, и в морду вряд ли бы заехал – ввиду полнейшей бессмысленности этого искреннего выплеска чувств.

Нынешние аборигены мало чем отличались от виденных ранее – те же, с позволения сказать, одежды, те же копья, тот же намалеванный посреди лба белый глаз. Дикари молча окружили Сварога, жестами показали, что тому надо покорно следовать за ними, куда укажут, и – повели.

Ну вот, у Сварога появилась наконец возможность посмотреть поселение дикарей. Он не взирал по сторонам с исследовательским восторгом и не искал следов погибших цивилизаций. Он просто запоминал особенности местности,

чтобы применить эти знания на практике. А практика представлялась простой: побег.

А ведь насчет древней цивилизации, пожалуй, уж и не такое сумасбродное предположение. Похоже, и вправду некогда здесь был город. Сквозь буйную тропическую поросль отчетливо проступают очертания каменных фундаментов, да вон и кусок стены даже сохранился, некогда, видать, высоченной... Да, похоже, папуасы и в самом деле обитают среди руин заброшенного бог знает когда поселения. Так что очень может быть, хранит сия земля тайны ушедших веков.

«Ага, вот ты и можешь стать Шлиманом. Первейшим археологическим академиком этого мира. Особенно если окажется, что просто-напросто нет в природе других конкурентов по археологической части. И ничего нет на белом свете, кроме бесконечных джунглей и обитающих в них потомков когда-то развитых цивилизаций, – вот что пришло на ум Сварогу. – Между прочим, руины заброшенного города, так сказать, наводят на кое-какие вполне конкретные предположения... Отчего-то вспоминается некая Багряная Звезда. Одно ее появление на небосклоне вызвало массу необъяснимых и довольно зловещих происшествий. И все гадали: что будет, когда она подойдет поближе? А не грянет ли очередной всемирный катаклизм? Возможно, тут он как раз и грянул. М-да, если здесь живут выродившиеся обитатели Талара – как обитатели неба, так и обитатели земли, – то стоит признать, что выродились они весьма основательно...»

Пока вели его через деревню, Сварог насчитал пятнадцать хижин. А, нет, вот еще одна, за деревьями. И еще. Насколько велика деревня, понять было трудно – местность здесь была холмистая, так что не исключено, что за холмами притаилось еще немало папуасских хижин, равно как и развалины города.

Хижин не заставляли сердце замирать в эстетическом восторге – сделанные из кольев и прутьев, цилиндрические, радиусом метров пять-десять, крытые пальмовыми листьями. Без окон, с входным проемом. На стенах висят пучки травы, гирлянды из каких-то корешков, нанизанные на прутья большие листья. Из загончиков доносятся малоаппетитная вонь и приглушенное блеяние, повсюду бродят, путаясь под ногами, пыльные красно-черные курицы. За одной из хижин Сварог углядел несколько грядок, правда, что на них произрастает, не рассмотрел. Но вообще-то – каково, однако! Дикари, оказывается, не лесом единым живут, освоили и какое-никакое земледелие и прочее скотоводство. Может, у них тут еще и ремесла процветают вкупе с ростовщицеством, письменностью и первым частным капиталом?

Но не воспылал Сварог желанием цепляться за прописку на этой жилплощади. А вдруг они как раз того и хотят – собираются торжественно посвятить в папуасы. Еще клятву, глядишь, заставят произнести: «Я, Станислав Сварог, в прошлом граф и король, вступая в дикие ряды кровожадного племени людоедов, торжественно клянусь: регулярно приносить человеческие жертвы, метко плевать из трубочки ядовитыми колючками, пырять врагов острым копьем и с завидной регулярностью оплодотворять наших первобытных красавиц...»

Кстати, «красавицы», о которых вовсе не случайно подумал Сварог, наличествовали в зоне прямой видимости. Они хлопотали по хозяйству, как, собственно, первобытным женщинам и положено. Шелушили какие-то гигант-

ские орехи, скребли какие-то шкуры, что-то замешивали в деревянном корыте, вертели в руках палку, вставленную в отверстие в колоде (не иначе добывая огонь), куда-то шли с пучками травы в руках. Некоторые дамы бросали в сторону большого белого человека равнодушные взгляды и возвращались к своим увлекательным занятиям. Ну, в общем-то, взаимно. Туземки, во всяком случае издали, не вызвали у Сварога естественного мужского интереса, хоть и были все как одна не одеты. И тут одно из двух: либо что-то в Свароге от всех этих прыжков через миры и пространства сломалось по мужской части, либо его представление о женской красоте разительно расходится с тем, что он здесь видит.

Возле хижин возились голые дети, пузатенькие, рахитичные спиногрызы. Вот детей появление белого пленника привлекло – забыв про свои игры, они бросились вслед процессии. Однако приблизиться им конвоиры не дали, грозно цыкнули, папуасы отскочили и дальше следовали уже на расстоянии.

Сварога, никаких сомнений, вели к дому на пригорке. Дом, надо сказать, презанятный. И чем ближе подходишь, тем больше в этом убеждаешься. Во-первых, это тебе не глинобитная хижина, крытая пальмовыми ветками, а натуральный дом, отгроханный из таких же камней, что и колодец временного содержания. Во-вторых, домик слеплен из камней не по принципу «как получится», а даже с некоторыми архитектурными излишествами (например, два невысоких каменных столба перед входом, куполообразная крыша). В-третьих, на стене просматривался некий то ли узор, то ли знак, то ли вензель (не заросший мхом и травой, не забитый пылью, что означает, что за ним следят, его вычищают). Знак этот Сварогу что-то мучительно напоминал, но вот только что? Возможно, просто дежавю. Очередное.

Над домом тонкой струйкой поднимался дым, и, надо сказать, приятных ассоциаций сие не вызывало. Невольно вспомнился эпизод у ручья, вырванное и съеденное сердце чернокожего старика. И моментально выскочила откуда-то мыслишка: а ну как ломануть в ближайшие кусты и оттуда в лес? Только вот шансов на спасение нет ни единого. Оно, понятно, удастся избежать пущенных в спину копий и шипов. Но так ведь в лесу нагонят! Против знающих в этих краях каждую травинку туземцев он в лесу так же беспомощен, как слепой против зрячих. Ну а даже если каким-то чудом убежит... И куда идти? В какую хотя бы сторону? Вот то-то...

В общем, поднялись на пригорок, остановились перед входом в дом... Кусок материи, заменяющий собой дверь, откинулся в сторону, и наружу выскочил старый знакомый – предводитель папуасских командос. Поглядел на Сварога обалдело, шарахнулся в сторону и бочком-бочком прошмыгнул мимо. Дикари принялись тыкать копьями в сторону проема – мол, заходи. И внутрь Сварог вошел один, конвой остался за порогом.

Внутри его встретили полумрак и приторный запах, напомнивший ароматы индийских курительных палочек. В глубине помещения что-то мерно потрескивало, и сверху, из-под свода, доносилось громкое трепыханье – на ум пришла крупная бабочка, изо всех сил лупящая крыльями и бьющаяся о стены в поисках выхода.

Пока глаза не привыкли к освещению (а задействовать «кошачий глаз», как, впрочем, и иные магические штучки, он счел преждевременным, мало ли что, пусть это будет его тузом в рукаве), Сварог различал немного: ворох су-

чьев в углу, обвалившуюся дальнюю стену (или просто кучу камней, снесенных сюда и сваленных у стены), мохнатую грудку посреди комнаты... Грудка зашевелилась, стала расти вверх.

И перед Сварогом, распрямившись, предстал несомненный человек. На плечи у него было наброшено нечто, спадающее до бедер и при первом взгляде напоминающее огромную лохматую мочалку, а лицо закрывала темная маска – вытянутая вниз, с опущенными углами рта, с продолговатыми, узкими прорезями для глаз, по бокам свисали сцепленные цепочками кольца, изготовленные вроде бы из прутиков. А еще Сварог впервые увидел среди тутошних лесов, полей и рек не босого туземца – ноги хозяина хижины от ступней до колен покрывали обмотки из шкур.

Шаман, кто же еще. Кто еще может вырядиться столь уродским образом!

Сквозь прорези для глаз Сварога внимательно изучали. («А ростом он будет малость повыше своих соплеменников».)

Сварога так и подмывало выкинуть какую-нибудь шутку. Скажем, щелкнуть по маске. Удержался, понятно, не пацан все же, а король. Но он и сам не мог объяснить, почему на него вдруг ни с того ни с сего напала игривость. Может быть, происходящее слишком уж напоминало фильм далекого детства «Земля Санникова»?

Шаман вдруг шагнул вперед, вытянул руку (жилистая, вены, как провода), его кисть замерла на полпути к лицу Сварога. Пальцы – длинные, с то ли обломанными, то ли обгрызенными ногтями, покрытые пигментными пятнами, еще более темными, чем сама кожа, – зашевелились, словно пытаюсь нащупать что-то в воздухе.

– И что дальше? – произнес вслух Сварог с коротким нервным смешком. – Спляшем шаманский рок-н-ролл?

Его голос, спокойный, негромкий, шрапнелью разлетелся по помещению, взлетел под свод и обрушился сверху звуковым дождем. Ишь ты, акустика тут... Как в охотничьем зале его манора. Или как в театре Ла Скала.

Шаман протянул указательный палец к самому лицу Сварога, но не дотронулся. Чуть подержав палец у лица, он опустил руку.

А затем достал из-под своей мочалки, закрывавшей тело, прицепленный к нити коготь. Коготок был что надо, с ладонь длиной, загнутый на конце ястребиным клювом. «От какого ж зверя этакая пакость?» – удивился Сварог.

А потом... Потом шаман поднес коготь к маске и ловким, уверенным движением, каким резчики стекла кромсают алмазными резаками окна по размеру, процарапал маску.

– Твою мать! – Сварог схватился за щеку. По ней – полное впечатление – словно раскаленным прутом провели. Хотя тут же, впрочем, отпустило.

Шаман издал звук, похожий на сдавленный смешок, и вторично поднес руку к своему лицу, засунул пальцы в прорези глаз и медленно начал стаскивать маску с лица.

Как замороженный Сварог следил за ним. Сердечко отчего-то зашло от бойным молотком. «Спокойно, спокойно. Кто перед тобой? Пещерный человек. Чем он нас может удивить? И не такое видали. Особенно по части колдовства».

Шаман отвел маску от лица.

– Так вот ты какой, дедушка шаман, – тихо произнес Сварог.

Бритая наголо голова от макушки и до шеи была вымазана чем-то белым. Свободными от толстого слоя белого вещества (глина, что ли) оставались только глаза и рот. Возраст этого человека определить было весьма затруднительно, все морщины заштукатурены... да и на фига нам его возраст?

А шаману от Сварога определено что-то было нужно. Недаром он отрывисто произнес несколько слов на своем папуасском наречии и показал куда-то рукой. Сварог проследил направление и увидел темный проем, ведущий в соседнее помещение. Не ограничившись словом, шаман ухватил Сварога за локоть. Как пассатижами сжал.

– Ого! Да ты, отец, силен...

Белоголовый потянул Сварога за собой, не уставая показывать рукой, в которой держал маску, на темный проем.

– Ну что ж... Ну пойдём посмотрим, что там у тебя за потайная комната, – Сварог не видел смысла упираться. Потому что вообще не видел пока никакого смысла в происходящем.

Не отпуская его локтя, шаман перешагнул порог второй комнаты, Сварог последовал за ним.

– Показывай, показывай свои закрома.

Если первое помещение можно было поименовать предбанником, то к этому подходило слово «шаманская». Света здесь было даже больше, чем в предбаннике, он проходил сквозь отверстие, расположенное ровно по центру потолка. Отверстие было нешироким и походило на воронку, помещенную раструбом вниз. «А дожди не заливают? Или тазики подставляете? А может, затыкаете горлышко? Вещички же могут намокнуть».

Намокнуть могли пучки сушеных трав, развешанных по всему помещению (размером оно было где-то квадратов в тридцать). Намокнуть могла шкура какого-то лесного хищника – какого именно, Сварог не понял, но судя по размеру этой шкуры, встретиться тет-а-тет с ее хозяином он бы не хотел. Дождевая вода могла залить жаровню... или кострище... или как назвать круг из камней, в котором сереет пепел?

А в дальнем углу на шкуре лежал...

Батюшки святы! Таросы и Ловьяды! Не может быть!

Сварог почувствовал, как пол уходит из-под ног. Рукавом камзола он вытер со лба выступивший пот и потрясенно пробормотал:

– С этого и следовало начинать.

Потому что в углу он увидел автомат. Причем не какой-нибудь, а старый добрый АКМ-47. Со вставленным магазином. Правда, приклад разукрашен какими-то идиотскими рисунками в жанре «палка, палка, огуречек, вот и вышел человечек», нанесенными, похоже, той же краской, какой размалевал свою голову шаман. В остальном – автомат выглядел целехоньким. И это был стопроцентно «калаш», а не что-то на него похожее. Десантный майор Станислав Сварог спутать не мог.

«Только спокойнее, милорд, – сказал сам себе Сварог. – Не суетись. Еще ничего не ясно. Всякое может быть. В том числе и наваждение».

Глава шестая МАГИЯ НИЧУТЬ НЕ БЕЛАЯ

Пока Сварог обалдевал при виде автомата, шаман опустился на корточки перед кострищем и бросал в него какие-то листья, отрывая их от огромно-

го вороха засушенных веток. Иногда он наклонялся и дул на костер, поднимая облачка пепла. В общем, человек был занят делом. И старался товарищ не зря. Под пеплом, видимо, все же сохранились угли, потому что листья начали тлеть. Сиреневая струйка дыма потянулась к потолку, к этому горлышку перевернутой воронки. И что-то сей запах напоминал. Ну да, так пахнет сжигаемый смородиновый куст. Один из запахов осенних огородов...

В голове Сварога воцарился полный сумбур. «Калашников»? Выходит, Земля? Выходит, он и в самом деле в Африке? И вроде бы срочно надо брать за грудки шамана, местного вождя и всех прочих аборигенов в порядке очередности, рисовать им на земле машины, заводские трубы, самолеты, корабли и тому подобные атрибуты жизни белого человека – а вдруг кто-то на что-то среагирует, замашет рукой в каком-нибудь направлении, лопоча по-своему: «Там! Там!»

С другой стороны, сперва, по уму, наверное, следует подойти к оружию и произнести заклинание, развевающее морок. И если не колыхнется воздух над шкурами, не исчезнет, словно смытая губкой, видимость автомата и на его месте не появится корявая палка, то надо внимательно осмотреть изделие на предмет маркировки самого автомата и патронов. Знающему человеку эти цифирки и букочки многое могут сказать. Ну, в общем, надо что-то делать, а не стоять столбом. Сварог двинулся к автомату.

На ум вдруг пришла еще одна шальная мысль: «А вдруг белоголовый – не тот, за кого себя выдает? Некий хитрила из большого мира прибился к племени и, использовав элементарные трюки, занял место шамана, чтобы почувствовать себя настоящим корольком пусть в маленьком, но королевстве? И ростом он выше своих соплеменников... Если так, то автомат он должен держать в порядке и в боевой готовности».

А ежели шаман сейчас с визгом кинется наперехват... Ну, тогда придется брать его на прием, благо что позабыто не все, чему учили в десантуре, и отправлять шамана на кратковременный отдых от действительности. И пока шаман приходит в себя, имеет смысл здесь как следует пошарить. Глядишь, и удастся еще что-нибудь найти. Чем черт не шутит, может, валяется где-то под шкурами найденная папуасами в лесу карта, шаману интересная лишь как большой разноцветный фантик. А ежели не валяется... Что ж, когда служитель языческого культа очухается, с ним надо будет вдумчиво потолковать. Вдруг и вправду никакой это не папуас. Или папуас, но из которого посредством жестов и рисунков все же удастся выжать информацию... Потолковать-то в любом случае не помешает. Сперва, конечно, по-хорошему...

А шаман тем временем, казалось, не обращал никакого внимания на большого белого человека, он был всецело увлечен своим костром, подбрасывал в него новые листья. И дыму становилось все больше.

Сварог быстрыми шагами покрыл расстояние до шкур в углу, нагнулся, взял в руки автомат, сразу почувствовав, как ладони знакомо покалывают исходящие от оружия токи силы и уверенности...

И в тот же момент грубо и остро, как топор в полено, в сознании надрывно затренькал сигнализатор опасности. Сварог резко обернулся.

Еще мгновение назад шаман сидел над костром в центре помещения. А сейчас он уже находился аккурат за спиной Сварога. «Это же невозможно!» – только и успел подумать Сварог, но рука шамана со стремительностью ножа

гильотины уже падала вниз, и ладонь его сжимала что-то белое, то ли кость, то ли дубинку...

...Придя в себя, Сварог почувствовал резь в глазах и сильную боль в ушибленном затылке, распространяющуюся по нервным волокнам в шею, спину, грудь. Даже в ноги. Он лежал на спине, его подташнивало. А над головой клубился проклятый сиреневый дым.

Сварог обнаружил, что не может пошевелиться. И скосив глаза, понял, в чем дело, – он был плотно обмотан шкурами, лежал, точно младенец в тугих пеленках.

Откуда-то доносились странные звуки – неприятное шуршание, словно огромное насекомое выбиралось из сухого, хрустящего кокона. Потом шуршание перешло в тихий скрежет и потрескивание, похожее на потрескивание горячей свечи. Впрочем, в такой ситуации все звуки станешь истолковывать как странные и зловещие... А, вот и нечто определенно знакомое: стук дерева о дерево. «Колотушка тук-тук-тук – спит животное паук», – откуда-то пришли на ум стихи.

Сварог попытался приподняться, взглянуть, что происходит. Не получилось. В проклятых негнущихся шкурах он был как в каменном саркофаге.

Послышались мягкие шаги. Сварог увидел над собой большое белое пятно, украшенное тремя черными пятнами – рот и глаза на белом лице шамана.

– С-сука, – прохрипел Сварог. Говорить и даже дышать было тяжело – в грудь, сдавленную шкурами, много воздуха не наберешь.

Шаман потянулся к голове Сварога, приложил палец ему за ухо, чуть надавил. Сварог почувствовал, как забились под пальцем некая жилка. А потом... вдруг разом прошли все болевые ощущения – будто вынули из затылка шип, от которого и болело.

– Оно, конечно, спасибо... но чего тебе надо-то? И чего пялишься? – выдавил из себя Сварог. Хотя слово «пялишься» и не совсем годилось. Шаман просто смотрел глаза в глаза. Не мигая смотрел, без всякого выражения. Так смотрят на людей каменные истуканы.

Наконец колдунешка отвел руку и отвел взгляд. Потом за чем-то потянулся, взял это «что-то» и, одной рукой приподняв голову Сварога, другой положил под затылок неудобный, прямоугольный предмет. Похоже, подсунул деревянную колобашку. Чтобы Сварог увидел представление? Ишь какой заботливый...

Страха Сварог не ощущал. Хотя, кажется, самый подходящий момент, чтобы холодные, липкие щупальца сдавили тело теснее, чем кожаный мешок, чтобы сердце превратилось в нервный трясущийся комок, а мозг принялся рисовать картины надвигающегося кошмара, одну ужаснее другой. Ничего этого не было и в помине. Сварог испытывал сейчас... стыд. Да, самый натуральный стыд – за то, что он, обладатель магии ларов и просто, черт возьми, король, сейчас находится в руках совершеннейшего дикаря и полностью от него зависит. Ну... это мы еще посмотрим! То, что он спеленат смиренными шкурами, еще не значит, будто он ничего не может, кроме как покорно дожидаться продолжения шаманского банкета. Вот уж всяко не станет он лежать бревном и любоваться тем, что над ним творят. Мы еще посмотрим, кто кого переколдует...

А белоголовый шаман тем временем отошел от Сварога, исчез из поля видимости – похоже, и вовсе вышел из комнаты. Но быстро вернулся. В правой руке он держал нож, с лезвия которого стекали крупные темные капли, а в левой... В левой он держал петуха. Черного. И головы, кстати, лишенного.

«Ножичек-то определенно армейский, – механически отметил Сварог. – Автомат, нож... И нисколько не боится прикасаться к вещам чужих, через которые в него могут проникнуть враждебные духи. А впрочем, может и нет в этом ничего странного... Ведь шаман – первый друг духов, их рупор. В такого чужие духи не проникнут».

Шаман поднял руку, и кровь из петуха полилась уже не на пол, а на грудь Сварога. Губы белоголового зашевелились, шепча какие-то слова, – Сварог их не слышал.

Сварог вдруг обратил внимание, что сиреневый дым скопился у отверстия потолочной воронки и, похоже, наружу уже не выходил, а как бы закупорил дыру в потолке. Из-за этого дыма все предметы в комнате приобрели сиреневатый оттенок.

И еще Сварог обнаружил кое-что новенькое: вдоль стены появились светильники, сделанные из залитых жиром половинок кокосового ореха. Отвратный чад от жировых лампад и смородиновый запах сжигаемой травы, смешиваясь, образовывали странный аромат, одновременно отталкивающий и приятный. Как, скажем, тот же запах бензина...

Шаман отбросил в сторону тельце петуха. И принялся ножом размазывать кровь, как размазывают масло по хлебу, по шкурам, которыми Сварог был стянут. Иногда белоголовый наклонялся низко-низко и что-то шептал на кровь...

В голове приятно зашумело, щекотливые мурашки пробежали по коже, тело наполнилось легкостью и покоем.

Доподлинно знать, что происходит, Сварог не мог, но больно уж это все походило на ритуал вуду, – по крайней мере, как его изображали в американских фильмах категории «В», заполонивших видеосалоны России в начале перестройки. И вот, пожалуйста, еще одно тому подтверждение: в ход пошли небольшие камни причудливой формы и кости – то ли птичьи, то ли мелких зверюшек. Шаман тряс их, завернув в кусок черной кожи, потом бросал на пол и вглядывался в рисунок, который они, упав, образовывали.

«Что там вуду с человеком делает? В зомби превращает, что ли? Ну, мы-то не станем этого дожидаться». Сварог проговорил слова заклинания...

И в затянутой сиреневым дымом шаманской на глазах хозяина произошло подлинное чудо: одним могучим рывком белый человек изнутри разорвал шкуры – в разные стороны полетели обрывки и ошметки, – со звериной прытью вскочил на ноги и пулей бросился к выходу...

Собственно говоря, никто ничего не рвал и ни к какому выходу не бросался. Всего лишь иллюзия, господя. Впервые для решения оперативных задач Сварог применил сей способ (погрузил себя в невидимость и создал двойника) для поимки мелкого воришки по имени Паколет, который впоследствии стал вернейшим соратником. Да и потом тоже приходилось прибегать к простому, но действенному способу. Иногда жизнь спасало, например, на Граматаре: только так и ушли беглецы от назойливых пилотируемых, похожих на скатов птичек.

Так что пока иллюзорный Сварог рвал иллюзорные шкуры, истинный, во

крови и во плоти, продолжал лежать в настоящих шкурах. Пусть белоголовый ведун побеждает за двойником. Пока шаман за фантомом гоняется (а гоняться он может долго, иллюзия устатку не знает, короче, бегать будет, пока не сообразит, что его дурят), у Сварога будет предостаточно времени, чтобы зажечь огонь на пальце, поярче и погорячей, и – в прямом смысле слова – выжечь себе путь на свободу...

Твою мать! А эт-то как понять!

Шаман не бросился за двойником. Сперва-то он, как и ожидал Сварог, побросав свои камни и кости, дернулся следом за иллюзией, но вдруг встал как вкопанный. Потом упал на колени, сгреб ладонями с пола вместе с пылью и грязью пролитую петушиную кровь, плеснул этой пакостной смесью на угли костра и прокричал что-то отрывистое, более похожее на обезьяньи вопли, чем на звуки человеческой речи.

Для Сварога ничего не изменилось. Но, видимо, изменилось для шамана. Он проурчал удовлетворенно и спокойным шагом направился не к выходу из комнатки, где скрылся двойник Сварога, а к завернутому в шкуры пленнику. Похоже, этот волхв из джунглей владел заклинанием, позволяющим отличать истинное от ложного. Неужели он в самом деле маг? И маг неплохой? Только этого не хватало...

Сварог поспешно включил «магическое зрение». И увидел на полу и стенах что-то вроде переливающихся неярким зеленым светом клякс. Причем было заметно, что эти кляксы двигаются, плавно меняют форму. Но что сие такое и чего от этого ждать, Сварогу было решительно непонятно.

Ладно. Посмотрим, какой ты маг. Сварог попробовал пощупать шамана на предмет колдовских способностей. И... не вышло. Ощущение было такое, будто подносишь руку к голове человека, но вместо головы обнаруживаешь холодную твердость мраморного изваяния, да к тому же еще и заряженного статическим электричеством.

Конечно, Сварог не был великим специалистом в делах колдовских. Так, кое-чего нахватался на скорую руку. Однако слабенького мага, думается, он смог бы прощупать. Выходит, перед ним не просто маг, а маг еще и сильный. Да бред! Не может такого быть! Откуда в такой глуши, да еще среди каннибалов... Но если это будущее Талара... «Если это все же будущее Талара, то выродиться могло не только население земли, – неожиданно пришло в голову. – Небожителей тоже могло накрыть. И не потомок ли ларов сейчас передо мной, кое-какие магические умения все же сохранивший? Опять же Пятница, разговаривающий пусть и на ломаном, но все же таларском...»

Шаман подошел к Сварогу. Покопавшись, извлек из-под своего мочалкоподобного одеяния некий пучок... Это были тонкие иглы, похожие на сосновые, ну разве чуть-чуть подлиннее. И принялся втыкать их в залитые петушиной кровью шкуры. Сварог чувствовал, как они входят в тело. Это было не больно, но чертовски унижительно, как всегда бывает унижительно, когда над тобой проделывают непонятные эксперименты с непонятными последствиями.

Что ж, промедление смерти подобно. И Сварог... расслабился. Отключился. Привычно вошел в состояние... Ну, разные школы называют это состояние по-разному. Дзен-буддисты, например, именуют его состоянием пустоты, шаманисты – состоянием измененного сознания, последователи восточных боевых искусств – рассеянным вниманием, любители же сеньора Кастанеды – оста-

новкой внутреннего диалога. Как бы то ни было, суть одна и та же: отрешиться от всего, в том числе и от бесконечной беседы с самим собой, которую мы, сами того не замечая, ведем ежесекундно, избавиться от внутреннего мысленного фона. Очистить сознание, наполнить его пустотой... Автоматом исчезли и все болезненные покалывания: сейчас не до пустяковых неприятностей.

Далеко не впервые в жизни Сварог пользовался заклинанием, лишившим предметы веса. Получилось со щенком хелльстадского пса, получилось с броненосцем... Ага, получалось и сейчас! Вот шаман поднялся на носках, вот замахал руками, что твоя мельница! Ну держись, первобытный космонавт, сейчас ты поймешь, что такое невесомость!

Пока ведун болтается под потолком, Сварог тем способом, что планировал прежде, преспокойно выберется из саркофага и, как давеча собирался, вдумчиво потолкует с колдунишкой. Уж он-то...

Почувствовав, что происходит что-то не то, Сварог вновь задействовал «третий глаз». В магическом зрении зеленоватые нити от клякс, которые Сварог прежде разглядел на полу и на стенах, протянулись к шаману, сошлись в одной точке на его теле – примерно в сантиметре над пупком. Подобие рычания вырвалось из глотки шамана, он раскинул в стороны руки, зеленые потрескивающие дуги пробежали перед ним... И – шаман непостижимым образом устоял перед заклинанием Сварога.

Как обычно после заклинания, лишаящего предметы веса, Сварог ощутил невероятную физическую усталость, словно только что разгрузил вагон с углем. Но несмотря на опустошение, попробовал сосредоточиться и произнести заклинание вторично...

И вновь не вышло! Если в первый раз шамана хоть чуть-чуть да приподняло, то в этот не получилось совершенно. Чувство было такое, словно пытаешься голыми руками приподнять «БелАЗ». Но главная беда – Сварог потерял время, за которое мог придумать что-то другое...

Несколько иголок, воткнутых в шкуры, вдруг начали тлеть, съеживаться. Шаман подскочил к лежащему на полу пленнику, схватил нож и провел лезвием от одной тлеющей иголки до другой, потом к третьей и вырезал из шкуры лоскут в области сердца Сварога. Подбежал к одному из светильников, поднес лоскут к пламени – и тот вмиг сторел, как сухой пергамент.

И вновь шаман оказался над Сварогом. Склонился, приблизил лицо к области сердца Сварога (а сердечко-то колотится, как при взлетных перегрузках) и сделал глубокий, скворчащий вдох.

Сварог явственно почувствовал, как из него что-то уходит, перетекает в склонившегося над ним белоголового ведуна. Будто каждую его клетку покидает крохотная частица, частицы сбиваются в невидимый рой, и рой покидает его телесную оболочку.

И что-то еще происходило с ним... нечто неуловимое... но крайне важное.

Сиреневые всполохи в глазах и жажда, разрывающая рот...

И эта непередаваемая тоска, прибивающая тебя разом, – такая же, как в миг, когда прыгаешь с горы в бездонную пропасть...

Сварог смотрел сверху вниз, смотрел из-под потолка и видел шамана, застывшего словно в столбняке, с открытым ртом и распахнутыми глазами. В руках у шамана был маленький барабан. («Ну да, – вспомнил Сварог, – приметил я его, когда вошел в шаманскую, он лежал возле кострища».) Барабан на-

поминал перевернутую вазу, разрисованную черными и белыми штрихами. Сейчас шаман лупил по нему. Лупил бешено, неистово, исступленно, дергаясь в такт все убыстряющемуся ритму. Мелькающие руки сливались в полосы...

Ну ладно, шаман, ладно, барабан... Сварог видел запачканный петушиной кровью пол и лежащего на нем человека. И человек на полу выглядел необычно...

Нет, конечно же, не отыщешь ничего необычного в человеке, опутанном окровавленными шкурами, утыканном иглами, рядом с которым на полу лежит тушка черного петуха и вокруг которого вьется сиреневый дым. Это как раз таки бывает сплошь и рядом. Однако с человеком на полу произошло и продолжало происходить еще кое-что. Из выреза на сердце, напоминающего непроницаемо черный провал в форме вытянутого треугольника, исходило радужное свечение. И свечение это опутывало лежащего, как кокон. Кокон переливался разными цветами, но заметно преобладали только три: лимонно-желтый, фиолетовый и красный. А вообще-то, цвета перетекали один в другой, завивались в фигуры, эти фигуры распадались, на смену им приходили новые, по-новому перемешивающие в себе цвета. И был во всем этом некий недоступный смысл. «Может быть, это и называют аурой? Может, так она и выглядит?» – полезли в голову какие-то совсем лишние здесь и сейчас рассуждения.

«А ведь там внизу – я, – вдруг понял Сварог. – Сверху смотрю сам на себя». Это было невозможно, немислимо, но... это было.

А потом появилась нить, светящаяся пронзительно-голубым светом. Нить выростала из области пупка лежащего, поднималась вверх и терялась в сиреневых клубах. И там, где нить зарывалась в клубы, проступил знак... Где-то уже виденный – «штрихованный треугольник». Ах да, он же вырезан над входом в шаманский дом...

Сварог вдруг почувствовал – еще немного, еще усилие, и он поймет самое важное из всего, что когда-либо происходило с ним от рождения и до этого дня. И он пытался понять. Но что-то не пускало вперед, не пускало легко, играючи, так же, как стокилограммовый детина без усилий удерживает в своих лапищах малолетнего сопляка.

А в голове Сварога кто-то осторожно копался холодными пальцами, перебирая мысли, воспоминания, мечты и желания. И этот кто-то был не шаман. Не во власти шамана такое.

А в душе Сварога росло странное чувство – смесь почти мистического трепета, страха, восторга, неверия, преклонения...

Сварог вдруг увидел совсем близко перед собой пламя ритуального костра, в котором рождались, жили и умирали прозрачные бесформенные существа, перед смертью успевавшие поведать тому, кто умеет слышать, тайны мироздания... Видел крадущуюся через заросли, в пяти полетах копыя отсюда голодную пуму и знал, как на расстоянии подманить ее к засаде охотников... Слышал какофонию голосов, без слов нашептывающих ему на ухо волю богов... А еще Сварог знал, как повелевать своим телом, чтобы оно превратилось в птицу и, крутя над головой крыльями без перьев, поднялось в небо... А еще он видел, что там, за небом, нет ничего, кроме самой обыкновенной звездной ночи, но чтобы добраться дотуда, нужно оседлать гигантское дерево, из корней которого бьет ревущий огонь... Чувствовал, что путь его лежит гораздо дальше и

глубже, чем простирается человеческая жизнь, но чтобы выйти на этот путь, требуется пройти много других путей... Понимал, что он, Сварог, находится на распутье и почему-то только шаман может указать ему дорогу к Подземному Свету, откуда начинаются все Дороги...

Сиреневый дым кружился все быстрее, быстрее, быстрее...

– Ягуа... – благоговейно произнес шаман. – Ягуа, – повторил шаман с ненавистью. Даже не с ненавистью, а с такой лютой злобой, сильнее которой, наверное, и нет ничего на свете.

Спустя секунду после этого расступился сиреневый дым, затыкавший горловину потолка, и Сварог устремился вверх свободно и легко. Его увлекло и выбросило в ослепительное ничто...

Глава седьмая **ФИГУРЫ АСТРАЛЬНОГО ПИЛОТАЖА**

Сварога, вернее, его бестелесную сущность, неумолимо влекло вверх. И это было здорово. Он ощущал необычайную легкость и прилив сил. Его тянуло вверх, тянуло, как в той самой песне: все выше, и выше, и выше. А вместо сердца и впрямь, казалось, помещался пламенный мотор.

Он увидел под собой дом шамана, рядом с которым, воткнув в землю копья, сидели на корточках дикари. Он поднимался все выше, и дом с каждым мигмом удалялся, стремительно уменьшаясь в размерах. Люди возле дома вдруг стали крохотными, с жуткой быстротой проваливаясь вниз вместе с землей и травой. Деревня, огороды, развалины, лес вокруг селения, – все слилось в пухлую зелено-желтую массу, сделалось похожим на аккуратно вырезанный из бумаги макет.

Захлестувшая его эйфория была всеобъемлющей. Показалось, что в этом полете и заключен смысл жизни. Захотелось крикнуть что есть мочи: «Да пусть продлится он вечно!» А интересно, видят ли его с земли?

Судя по стремительному удалению от земли, он мчался на приличной скорости, что твой истребитель. Только не бил в лицо тугой воздушный поток, не ревели моторы и не стелился сзади инверсионный след.

Сварог увидел, как где-то очень далеко, на краю бесконечных лесов, полыхнула ослепительная зарница, окрасив часть горизонта алым. Это было похоже на внезапный закат солнца. Или на взрыв чего-то большого и взрывоопасного. Например, нефтеперерабатывающего завода. Но отчего-то Сварога несколько не беспокоило, что это такое на самом деле. Единственное, чего хотелось, так это подняться еще выше и зарыться в облака...

Предчувствие беды вошло в сознание грубо, остро – как финский нож под ребра. Иллюзорный нож тот, правда, моментально выдернули, и рана тут же зарубцевалась – предчувствие беды растаяло, будто и не было его. Но эйфория, в которой Сварог до того купался, блаженствуя, уже была разрушена, как Карфаген.

Это надо сказать спасибо вложенной в него ларами способности чуть опасность. Благодаря ей с мозга сдуло розовую пелену, и вернулась способность здраво размышлять.

Сварог впервые за время полета взглянул на себя. Остановив полет (что оказалось проще простого и полностью было в его воле), он вытянул перед собой руку и посмотрел на нее. Вид у руки, прямо сказать, был непривычный. Более всего она походила на сгусток матово-белого сияния. Не только рука, но

и все тело сейчас было таким, матово-белым.

И вдруг Сварог во всей четкости и ясности осознал, что именно происходит.

Твою мать!

С помощью ли вуду, иной ли, более могущественной магии и при содействии иных, более могущественных сил, но чертов шаман высвободил... нет, не душу, но астральное тело Сварога, в оболочке которого и заключена душа, и отправил это тело в свободный полет – в надежде, что там, в полете, оно и затеряется, оторвется окончательно и навсегда от плоти. А исконное тело, то есть как раз та самая плоть, осталось лежать незащищенным и беспомощным в доме шамана. Тело осталось в полной власти проклятого ведуна.

Твою мать! Даже смерть... простая человеческая смерть предпочтительней вот такого конца!

Сварог кувырнулся в воздухе, вытянул руки перед собой и, сложив ладони, понесся вниз. Он падал со скоростью чуть ли не в два маха, но сопротивления воздуха не было и в помине. Вокруг лишь колыхалось некое зыбкое полупрозрачное марево.

Откуда-то сбоку вдруг появилась огромная черная птица. Птица, не замечая опасности, парила, распластав крылья. Сварог не успел среагировать и воткнулся в нее...

И – ничего не произошло. Ну, если не считать того, что Сварог промчался сквозь птицу, как ныряльщик проходит сквозь отражение предметов в воде. Словно они с птицей существовали в разных плоскостях бытия. Собственно – почему же «словно»... Именно в разных плоскостях. Есть мир электромагнитных излучений, есть мир магической энергии, а есть плоскость астральная. Вот в ней он, похоже, сейчас и кувыркается милостью шамана, чтоб ему век счастья не видать...

Сварог немного ошибся с выходом на цель и очутился не у дома шамана, а на краю деревни. Легко затормозив («И никакой инерции, физические законы в этой плоскости бытия, совершенно очевидно, не действуют, свои законы здесь»), Сварог перешел в горизонтальный полет. Пересек черту, где заканчивались джунгли и начиналось селение. Помчался над крышами, над которыми дрожали потоки раскаленного воздуха, пронизанного едва заметными дымками – повсюду женщины готовили еду. И никто не показывал на него пальцем, никто не застывал обалдело, задрав голову. А ведь сейчас он пронесся над самыми головами этих людей, едва их не задевая...

Е-мое, а это еще что?!

Сварог вдруг почувствовал, что его догоняют. Нет, он не услышал рассекаемого воздуха. И уж тем более – воплей: «Стой! Не уйдешь! Стрелять буду!» (Да и вообще в этом разрезе мира царило почти полное беззвучие. Что-то доносилось, словно бы из-за очень толстой, обложенной ватой стены, но пришлось бы внимательно прислушиваться, чтоб разобрать, что это за звуки.) Нет, не слухом, а как-то по-другому он уловил движение сзади, за левым плечом.

И оглянулся.

Его целеустремленно догоняла узкая, хищная тень. Черт, это еще что такое?

Мгновенье спустя Сварог узнал преследователя. Шаман, сучий сын! Его астральная оболочка отливала темно-синим и то и дело вспыхивала радужными

переливами. А в руке он сжимал ту самую кость, которой не так давно огрел Сварога по голове.

Происходящее даже странным трудно было назвать. Это было настолько невозможно, что нормальный человек, оказавшись в подобной ситуации, не совладал бы с психикой и закончил свой астральный поход элементарным сумасшествием.

Но Сварог видал виды и похлеще.

Темный силуэт неотступно следовал за ним. И догонял. Самое смешное и удивительное – ведь совершенно ясно, что здесь делает шаман в виде астрального тела и чего он хочет. А хочет он не дать воссоединиться астральному телу Сварога с телом физическим. Его, гада, устраивает разобщенность Свароговых сущностей. Ему одному ведомым образом проклятый чернокожий колдун почувал, что Сварог повернул назад и помчался наперехват.

Сварог прибавил скорость. И не пришлось думать, как это делается. Просто захотел – и скорость тут же возросла.

Вот и дом шамана. Вот круглое отверстие в крыше. Сварог устремился в него... И словно ударился о невидимую стену. Будь он в человеческом теле, непременно отбил бы себе все внутренности. В астральном же теле его после удара отбросило назад, в глазах зарябило, закружилась голова – сильнее, чем на центрифуге. Внутри дома он так и не попал.

Понимая, что сейчас его атакуют со спины, Сварог закрутил вираж, вычертил в воздухе замысловатую петлю, нырнул к земле, у самой земли развернулся и помчался обратно в деревню. Остановиваться нельзя. А что можно? Если шаман продолжит преследование – а должен, должен! – то от него можно оторваться, запутать его как-то, что-то еще предпринять, чтобы оставить преследователя за спиной, вновь вернуться к дому и попробовать влететь не через крышу, а через дверь.

Таков был на ходу составленный план.

Вновь промелькнули туземцы возле домика, петля дороги, щиплющие траву козы. Сварог промчался над колодцем, в котором сейчас томился Н'генга. Быстро оглянулся – шаман совсем рядом. Что называется, висит на хвосте.

Сварог скользил над самой землей, впереди по курсу приближалось скопление туземных домишек... Он решительно вонзился прямо в стену дома. И... и как ожидал, прошел сквозь нее.

Он промчался через аборигенское жилище, успев разглядеть шкуры на полу, пучки трав по стенам, копошащиеся в углу силуэты. И вновь выскочил наружу.

Рядом из стены вырвался шаман. Достал-таки...

Шаман рванулся к нему, закручивая вираж и заметно прибавляя скорость – в то время как Сварог шел на предельной, никак не мог ее увеличить.

Шаман был похож на стремительную черную барракуду. Понесся рядом со Сварогом. И на Сварога обрушился град ударов. Ведун бил его короткой белой костью.

Астральное тело Сварога содрогалось под ударами, его бросало в разные стороны, скорость падала все ниже и ниже. Сварог понял, чего добивается шаман – лишить астральное тело противника подвижности. Возможно, хочет прибить его к земле, вернуться в дом и завершить начатое. Какому уж там поганому черному ритуалу он задумал подвергнуть физическое тело Сварога, ду-

мать даже не хотелось. И допускать этого Сварог никоим образом не собирался.

Он резко сблизился с шаманом и левой нанес удар в висок. Шаман даже и не думал уклоняться – и сразу стало понятно, почему. Рука Сварога прошла сквозь голову шамана, как свет проходит сквозь стакан с водой. Сварог ощутил лишь слабое тепло.

Ч-черт! Ситуация складывалась препаршивейшая. Шаман оказался более подготовленным к астральным баталиям. Запасся, гад, оружием! А чем его самого можно взять, Сварог даже не представлял.

Он бросил себя вниз, в неглубокий овражек, пронесся под мостиком и снова взмыл вверх. Шаман повторил его маневр, но с некоторым запозданием. Ненадолго Сварогу удалось оторваться.

И что же делать?

Сварог решительно устремился к лесу. Понесся между деревьями. Как фонарные столбы за окном курьерского поезда, мелькали стволы, пни, путаница лиан, скачущие по ветвям обезьяны, выползающий из-под корней муравьед, мутный ручей. Он выскочил на поляну, увидел какие-то палатки, в беспорядке разбросанные по земле вещи (взгляд зафиксировал зеленые ящики, тюки, треногу, рюкзаки), но нигде не заметил ни одного человека. А буквально в сотне шагов от поляны Сварог разглядел жерло точно такого же колодца, как тот, в который заточили его и Пятницу. Но некогда, некогда было описывать круг и рассматривать подробнее детали.

Он оглянулся – отстал астральный шаман, нигде не видно. Сварог сделал полубочку, перевернулся на спину – и наверху противника не наблюдается. Отлично. Что и требовалось. Сварог решительно повернул в сторону деревни...

Он уже подлетал к дому, когда вновь показался шаман. Узкий, хищно вытянутый силуэт внезапно выскочил из-за ближайшего холма и понесся наперехват. После полученных от шамана ударов Сварог никак не мог развить прежнюю скорость, поэтому сейчас приходилось уповать лишь на то, что он был гораздо ближе к цели, чем его противник.

Сварог, промчавшись мимо дикарей у входа и даже пройдя сквозь одного из них (престранное это ощущение: проходить сквозь человека. И нет, к слову сказать, в том ничего приятного), ворвался в дом на мгновение раньше шамана.

Проклятый ведун ударил Сварога по ногам, когда они проносились через первое помещение шаманского дома. Сварога крутануло и бросило на стену. Почему он не может пройти сквозь стену шаманского дома, Сварог отгадать не пытался. Да и чего там гадать! Как любили говорить на Таларе, применена соответствующая магия, вот и вся отгадка.

Шаман опустился на пол, встал на ноги и перегородил вход в комнатенку, где лежало физическое тело Сварога. Сварог тоже поднялся.

Ведун решил не тянуть – сразу ринулся в атаку, подняв свою короткую костяную дубинку. Сварог едва успел уклониться, и белая, как медицинский халат, кость неизвестного существа (спасибо, что не человечья) вдарила по стене, пустив по ней трещину. Ах даже так! Серьезное оружие, однако...

Сварог взвился, оказавшись высоко в воздухе, сделал кульбит и тем самым ушел от второго удара. Но так долго не продержаться. Рано или поздно он еще

раз получит костью, и это отнимет у него жизненную энергию, а с нею подвижность, а там шаман и окончательно добьется своего – приколотит Сварога к полу. Надо было что-то срочно изобретать. Трещина, говорите...

Крутясь и изворачиваясь, Сварог отступал к тому углу, где лежала груда камней, которую он приметил, еще когда его вводили сюда в нормальном, человеческом обличье. Руины... А руинам свойственно обваливаться.

Сварог продолжал серию хитрых маневров, заставляя шамана, не слишком, судя по всему, искусственного в тактике, двигаться в нужном направлении. И вот они в нужном углу. А теперь прижаться к стене, подставиться... и резко уйти вбок...

Костяная дубинка шамана ударила по стене, и без того на ладан дышавшей. И трещиной стена не отделалась – та ее часть, от которой прежде отваливались камни, окончательно обвалилась, открывая доступ в соседнюю комнату.

Сварог метнулся в образовавшийся проем мимо растерявшегося шамана. Взлетел в воздух, оказался над своим телом, по-прежнему запакованным в шкуры. Его астральное тело камнем упало вниз. И вошло в плоть, как меч в ножны. В глазах полыхнуло оранжевым, и...

И Сварог почувствовал воссоединение физического и астрального: ощущения были похожи на щелчок запираемого замка. Мгновенно навалилась страшная слабость. Он осознал, что сил ни на что уже не осталось, ни на какое уж больше сопротивление. Выжат досуха. Ну, по крайней мере, если суждено умереть, умрет как человек...

Глава восьмая КТО В ПОДЗЕМНОМ ТЕРЕМЕ ЖИВЕТ

Похоже, просто умертвить Сварога в планы шамана никак не входило. Иначе – как ни прискорбно признавать – он бы без труда добился своего. Время у него имелось. Астральные полеты вымотали Сварога настолько, что он не способен был ни к какому сопротивлению, чувствовал себя так, словно отмахал без привалов и с полным боекомплектom на спине марафонскую дистанцию. Да и как тут посопровивляешься, будучи спеленутым по рукам, по ногам! Тем более, как выяснилось, шаман вполне даже успешно блокирует магические удары, что не переставало Сварога удивлять. Ох не прост ведун...

Проклятый шаманишка был, очевидно, более привычен к возвращению в родное физическое тело. Едва воссоединение состоялось, колдун тут же выскочил из помещения – как оказалось, чтобы позвать своих сучающих у входа дружков. Туземцы ловко подхватили Сварога и вынесли на руках обратно в деревню. Очень быстро выяснилось, куда и зачем его несут...

Поглазеть на пленников собралась вся деревня, включая женщин, детей и стариков. Чуть ли не сотня голых черных людей с нарисованным «третьим глазом» на лбу столпилась вокруг колодца.

Едва выбравшись из одного узилища, Сварог очутился в другом. Его, прежде освободив от шкур, запихали в клетку, сплетенную из толстых прутьев, где уже находился его чернокожий товарищ по несчастью. (Именно запихали, и никак иначе – папуасы явно сооружали клетку под свои габариты, она была и невысокой, и тесной). Дикари тут же вставили на место «дверь» и лианами надежно примотали к прутьям клетки, подняли клетку на руки и по-

несли.

Сварог и Пятница по имени Н'тенга ехали в этом паланкине, держась за прутья и покачиваясь.

– Куда нас? – негромко спросил Сварог.

Он уже отошел от астральных походов. Потихоньку возвращались силы, которые – ни малейших сомнений – очень понадобятся в скором времени.

– Н'тенга не знать, – удрученно проговорил Пятница.

– Нас случайно не жрать собираются?

– Не понимать.

– Нас есть будут? Кушать... ням-ням?

– Не знать.

Обнадеживающий ответ, ничего не скажешь...

Клетку опустили на землю. Их отнесли от колодца, ну, может быть, метров на пятьсот, а то и того меньше, приволокли на утоптанную, как дачная волейбольная площадка, поляну, посреди которой возвышался врытый в землю каменный столб... А может, и не столб, а опора некоего разрушенного временем сооружения. «Еще один след древней цивилизации. Очень интересно. Обязательно напишу об этом в "Вокруг света"...»

А ежели серьезно, все это здорово смахивало на капище. Перед столбом валяются гниющие плоды, засохшие скрюченные лепешки, какие-то орехи и разного калибра черепа животных. Но – вот радость-то! – нет человеческих черепов. Очень и очень обнадеживает. Особливо в свете воспоминаний о съеденном сердце.

Вся толпа дикарей заявила следом. Они расположились на поляне, кто-то сел на землю, кто-то остался стоять.

Вечерело. В иных краях, в иных широтах, ощущая подступающую прохладу, уже начинали бы кутаться в шали, натягивать джемпера и куртки. А здесь, наверное, прохлада приходит гораздо позже, лишь под утро, вместе с туманами. А часика через полтора, как уже знал Сварог, обрушится ночь, обрушится внезапно, вне зависимости от того, ждешь ты ее наступления или нет.

Видимо, готовясь к ночи, дикари принялись зажигать факелы, опуская их в плошку с углями, и втыкать в землю. Вскоре факелы образовали два полыхающих, чадящих круга: большой, по окружности поляны, перед первым рядом дикарей, и малый, вокруг столба.

А потом ударили тамтамы. Поляну и прилегающий к ней лес затопил монотонный ритм. Бум-бум-бум...

Сварог молча наблюдал за тем, что происходит. Обмениваться репликами с Пятницей не тянуло. Вызвать у него что-либо полезное представлялось делом бесперспективным, а натуженно бодриться казалось крайне глупым занятием, достойным лишь героев приключенческих романов.

«А вот и лучший друг пожаловал, давно не виделись». Откуда-то выскочил в центр площадки шаман в уже знакомой Сварогу одежде и в той самой, разодранной когтем маске. Шаман упал, прильнул к земле, приложил к ней ухо, будто вслушиваясь в ее дрожание. Пролежал он так недолго, вскочил, воздел руки к небу, взревел, бросился к столбу и принялся наматывать вокруг него круги, иногда замирая, иногда выдергивая из земли факел, проводя им над головой и втыкая обратно.

И тут на площадке объявились новые персонажи... Или персонаж... Короче

говоря, расступился ближний круг дикарей, и на поляну выбежали четыре человека, накрытые попоной из сшитых в одно целое звериных шкур. Причем из разных шкур – шкуру льва Сварог опознал, в остальных же сомневался. Изображая голову, впереди «существа» двигался, приплясывая, пятый человек, державший перед собой огромную маску, похожую на большой волосатый ком с торчащими из него рогами и единственным глазом на лбу. Хотя и напрашивалось само собой сравнение с тряпичными клоунскими лошадьми в цирке, но отчего-то разворачивающееся на поляне действие вовсе не вызывало смеха.

«Не иначе, ритуальная охота, – отстраненно подумал Сварог. – Перед тем как идти на охоту, первобытные племена приманивают удачу, инсценируя сцены охоты. Вот только на кого, интересно, охота и какая, к свиньям, удача? Мы здесь при чем, а? На нас вроде бы уже вполне успешно поохотились...»

Он услышал, что Пятница что-то там шепчет.

– Что Н’генга говорить? – спросил Сварог.

– Матумба, – сказал Пятница.

С угрожающим ревом навстречу сценическому «существу» выскочил из-за столба шаман. В каждой руке он держал... по белой, как свежая простыня, кости.

З-знакомые предметы. Шаман принялся размахивать костями перед «чудищем».

– Что за Матумба? – спросил Сварог.

– Дух земли. Большой. Больше нет, – в голосе Н’генга явно слышался благоговейный страх.

В этот момент клетку опять подняли на руки и понесли. И вновь за клеткой двинулись все: и сценическое «существо», что ступало сразу за клеткой, как бы преследуя ее, и шаман, что приплясывал с костями позади «существа», как бы преследуя его, и остальные дикари. И били, били, не уставая от однообразного ритма, тамтамы.

– И что? Нас приносить в жертву Матумба?

– Н’генга думать, нас отдавать Матумба, – «обрадовал» Пятница.

Сварог смачно выругался и отнюдь не на таларском наречии. Вот, блин, почему шаман не прикончил его в доме. Не хотелось ему лишать любимого духа такой большой упитанной жертвы. Хочет задобрить свою Матумбу белокожим деликатесом, с-сука.

Клетку поставили на землю, и сидящие в ней люди увидели перед собой каменный венец колодца. Но уже другого колодца. «То есть, получается, третьего, – подумал Сварог. – В одном нас держали, второй я видел в лесу во время полета, а этот находится на краю деревни. С колодцами тут у них, я смотрю, все в порядке».

Дикари деловито принялись привязывать скрученные из лиан веревки к верхним прутьям клетки. Потом они разошлись по разные стороны колодца, растягивая веревки. Другие дикари в это время поставили клетку на край колодезной кладки.

Самое глупое было бы сейчас трясти прутья и орать: «Выпустите нас, сукины дети, долбаные ниггеры, мерзкие ублюдки! Клянусь духами неба, я уничтожу вас всех! Сожгу напалмом!» Равноценное по глупости занятие – просунуть руку сквозь прутья, схватить кого-то из туземцев и под угрозой сворачивания

шей требовать свободы. «А вообще-то, так даже лучше, – холодно рассудил Сварог. – Во-первых, разбиться не суждено. Во-вторых, что там внизу, неизвестно, зато известно, чего там нет. Там нет шамана и его голозадой своры. А они, признаться, надоели до тошноты. В тварь же особо не верится. Скорее всего это мифология местного употребления. Может быть, из колодца доносятся какие-то странные звуки, объяснить которые с точки зрения природных законов дикари не в состоянии. И объяснили как смогли. Ну даже если тварь и в самом деле есть... Все же справиться с ней, думается, будет проще, чем с оравой полоумных дикарей, управляемых бесноватым чернокнижником. Вдобавок... уж самому себе-то можно признаться, что хочется как можно скорее и как можно дальше оказаться от чертова шамана. Уж больно опасен, сволочь, потому как совершенно непредсказуем».

Понеслась...

Клетку столкнули с края, ее трянуло, и Сварог с Пятницей внутри нее повалились друг на друга. А потом клетка довольно плавно заскользила вниз. И скользила, пока не стукнулась о дно колодца...

Выбравшись из клетки, они некоторое время стояли в полной темноте, прислушиваясь. Тишина стояла гнетущая, но все же это было лучше, чем скрежет по камню когтей приближающегося местного божества. На кого бы оно ни было похоже.

Сварог включил «кошачий глаз». Пол был каменным. Каменными были и стены, и потолок. А сам камень был сухим, шершавым и даже немного теплым, как будто не в насквозь тропических широтах они пребывали, а как минимум где-нибудь под сухой и жаркой лесостепью. А еще вокруг были кости. Не то чтобы покрывали пол толстым-толстым слоем, но количество их все же производило гнетущее впечатление.

А это что валяется рядом с клеткой? «Ах, вот в чем дело, то-то мне показалось, что в клетку что-то закинули, когда начали спускать!» Сварог наклонился и подобрал костяной ножик муравьиной формы. Тот самый, что уже швыряли ему в другой колодец. Определенно дикари хотят навязать ему эту штуковину. Как бы то ни было, а какое-никакое оружие, не помешает...

Они стояли в полном молчании. Да и о чем было говорить? Все пока понятно и без слов.

Сварог наклонился, поднял череп, осмотрел опасливо. Черепушка, вне всякого сомнения, тут к антропологам не ходи, была человеческой, некогда принадлежала – судя по форме, размеру и выступающей нижней челюсти – какому-то несчастному дикарю из живущего над колодцем племени и... подверглась тщательному обглаживанию – после того как была практически раздавлена одним могучим ударом. Причем обглаживался череп не соплеменниками, как логично можно было бы подумать, а существом куда крупнее и сильнее человека: на кости отчетливо виднелись следы зубов, и когда Сварог, глядя на эти отметины, представил себе габариты твари, у него непроизвольно сжались внутренности. Он отбросил череп, быстро поднялся и еще раз огляделся. Никого. Тишина и темнота. Ну неужели тварь и в самом деле существует?

Кости были самой разной степени сохранности – некоторые валялись здесь явно не один десяток лет и были обглоданы с тщанием, достойным лучшего применения; другие, посвежее, еще хранили на себе волокна засохшего мяса...

М-да, открытия сплошь неприятные.

Сварог сделал еще одно открытие – человеческих останков заметно меньше. Большая часть принадлежит животным. Думается, дело в том, что животные топтались на месте, пока их не сожрали, а люди сразу начинали искать выход. «И, будем надеяться, кто-нибудь из наших предшественников выход все же нашел...»

Сварог вдруг сообразил, что Пятница-то ни шиша не видит в этой темнотище. «Кошачьим глазом», увы, поделиться невозможно, поэтому придется сооружать факел. Сделать это нетрудно, и магию подключать не надо, тут на полу валяется достаточно подручных материалов, в том числе и не до конца истлевшего тряпья. Но вот вопрос – не привлечет ли огонь неизвестную тварь? Или наоборот – отпугнет? Зверюга ведь живет в темноте, и огонь, как все непривычное, должен ее пугать. Но вот зверю ли приносили жертвоприношения аборигены или... иному существу – вопрос...

От колодца вели в разные стороны три коридора высотой в полтора человеческих роста – с виду совершенно одинаковых, темных, мрачных... Сразу отчето-то вспомнилось детское: «Налево пойдешь – голову потеряешь...»

В сечении ходы эти были не идеально прямоугольной формы, но близкой к таковой, и у Сварога даже мысли не возникло об их естественном происхождении. Мыслей возникало только две: кто здесь живет и как отсюда слинять побыстрее. Да еще так слинять, чтобы больше не встретиться с дикарями.

Сварог зажег огонь на пальце, чтобы поджечь сооруженный им факел...

Пятница бухнулся Сварогу в ноги, прижался лбом к полу и что-то быстро залопотал на своем исковерканном таларском. Из всего потока слов Сварог разобрал лишь «Ягуа», «хозяин» и «великий».

В общем-то, примерно такой реакции Сварог и ожидал. А чего вы хотите от необразованного туземца, на глазах которого человек добывает огонь из пальца. Даже более образованные люди и те вряд ли отнеслись бы к такому зрелищу как заурядной бытовой зарисовке.

– Некогда предаваться идолопоклонству, – поморщился Сварог, поводя факелом из стороны в сторону. – Лучше скажи, куда нам идти? Какой коридор выведет в более безопасные места? Погоди-ка...

Сварог подошел к одному из трех проемов, давя на пути истлевшие кости.

– Ага, ага... Эй, да поднимись ты, иди сюда! Тебе этот знак не знаком?

Сварог поднес указательный палец к заштрихованному треугольнику, высеченному над входом в коридор. Н'генга замотал головой.

– Впрочем, неважно, – Сварог хоть и говорил вслух, больше беседовал сам с собой, нежели со своим спутником. – Именно отсюда тянет свежим воздухом. Значит, сюда мы и направимся. И давай поскорее уберемся отсюда. Как минимум подальше от колодца. Если здесь столько костей, то наш неизвестный приятель крутится где-то поблизости – в ожидании нового обеда. И вообще, раньше начнем – раньше выход отыщем...

Колеблющийся свет факела бросал на стены причудливые тени, коридор незаметно, но неуклонно вел вниз. Впрочем, несильный ток свежего воздуха не ослабевал – значит, вскоре уклон должен измениться. Через равные промежутки от тоннеля отходили перпендикулярные боковые ответвления, но соваться в эти подземелья не было никакого желания. Кости попадались и здесь, хотя и не в таком количестве.

– Тихо! Стоять! – вдруг яростным шепотом рявкнул Сварог, резко останавливаясь.

Из глубин подземелья долетел непонятный, но настолько жуткий утробный рык, что они невольно пригнулись. Звук эхом прокатился по разветвлениям тоннеля и затих. Люди замерли.

– Просто какая-то зверушка блюет... – утирая пот со лба, сказал Сварог. – Но, дьявол, тут такая акустика, ни хрена не понятно, где именно... Ну что, узнаешь какой-нибудь из голосов джунглей? Что за зверь?

– Не знать, – затряс головой Н'генга.

Может, как раз оттого что «не знать», его лицо было перекошено от испуга, а тело сотрясала мелкая дрожь.

– Иногда по ночам болота издают такие звуки, – пробормотал Сварог. – А местные жители утверждают, что так воет собака Баскервилей...

– Это выть дух земли Матумба, – проговорил Пятница.

– Лучше бы это была собака, – вздохнул Сварог. – Ладно, пошли. Глядишь, прорвемся как-нибудь...

Двинулись дальше по мрачному коридору, полого уходящему во тьму. Рык больше не повторялся. Однако и того, что услышали, вполне хватило – вопль все еще стоял в ушах.

Ход становился шире, а костей уже почти не попадалось. Никто не добирался до этих мест? А что нам говорит чувство опасности? А оно, если так можно выразиться, «фонило» – ровно, без всплесков предупреждало о присутствующей где-то рядом угрозе. Однако опасность не нарастала, что неплохо...

Сварог услышал за спиной шорох. Быстро обернулся. Из одного из многочисленных боковых проходов вылетела, вытянувшись в полете, огромная, неясных очертаний тень. Она сбила с ног Н'генга (раздался короткий, полный ужаса вскрик), накрыла его собой...

Это произошло настолько внезапно, что Сварог включился с секундной задержкой. Чувство опасности взорвалось в мозгу сиреной слишком поздно, когда тварь уже прыгнула. Впрочем... справедливости ради... включись оно вовремя, все равно ничего не удалось бы изменить.

Исторгнув из себя жуткий, устрашающий вопль, Сварог метнулся к твари. Замахал факелом, искренне надеясь, что огонь отпугнет зверя.

Есть! Тварь отпрянула от огня вбок, а затем попятилась, порыкивая, скребя когтями по камню и отступая от распростертого на полу человека. Пусть недалеко, но все же отогнав зверя, Сварог остановился. Сперва быстро оглядел тварь «третьим глазом», затем включил «кошачье зрение». Очень хотелось понять, с кем имеешь дело.

Ничего потустороннего в твари не было, и никакими колдовскими способностями она не обладала. Просто зверь. Однако зверь редкостный и, стоит признать, слабо сочетающийся в одной реальности с автоматом Калашникова.

Более всего зверюга смахивала на медведя. Ростом, пожалуй, чуть поменьше бурого мишки, но шерсть длиннее – вся слежавшаяся, спутанная, свисает клочьями, на теле видны многочисленные проплешины. Лобастая медвежья башка. Морда более вытянутая и узкая, чем у бурого. А из пасти торчат длинные искривленные клыки. Не клыки, а моржовые бивни.

Сварогу в голову пришло сочетание слов «пещерный медведь» и картинка

из прочитанной им в детстве книжки, на которой художник изобразил у входа в пещеру семейство похожих тварей. Книжка, помнится, была про вымерших во всякие мезозои и ледниковые периоды животных. Выходит, не все вымерли, кое-кто остался. Или же... это все-таки не Земля?

Маленькие желтые глазки пещерного обитателя недобро поблескивали в полумраке. Сильный звериный запах достигал Сварога, заставлял морщиться – вонял пещерный житель преотвратно.

Сварог достал из кармана бриджей костяной нож. Вот и все оружие – факел и нож. Да еще магия, к которой Сварог намеревался сейчас прибегнуть. Если тварь даст ему время, конечно...

Пока пещерный зверь вел себя странно – утробно порявкивая, переступал с лапы на лапу. Сделает шаг-другой вперед с явным намерением приблизиться к очередной двуногой жертве, но словно наткнется на невидимую стену и поспешно отступает назад.

Огонь его так пугает или необычный вид двуногого существа? До этого ему скармливали исключительно темнокожих... Как бы там ни было, а ждать, пока к медведю вернется храбрость, Сварог не собирался.

Он наколдовал кусок жареного мяса и швырнул зверю. Кусок шлепнулся возле передних лап. С неожиданным проворством медведь отпрыгнул от мяса, как от гранаты. Но потом аппетитный запах все же привлек его. Не отрывая маленьких желтых глазок от Сварога, он подошел к мясу, опустил голову, понюхал...

«Ну же, жри, зар-раза, жри, насыщайся!» Хладнокровие чуть было не покинуло Сварога. Когда в двух шагах от тебя пыхтит саблезубая тварь размером с теленка, ты находишься в его владениях, бежать некуда, а из оружия лишь игрушечный ножичек... В общем, пот лил по спине ручьями.

– Ну молодец, хороший! – облегченно выдохнул Сварог, увидев, как медведь схватил зубами кусок мяса и потащил вглубь коридора. Вскоре оттуда донеслось торопливое чавканье.

– И сколько мяса нужно, чтобы ты наелся, сволочь?

Сварог сотворил два здоровенных куска сочного мяса, один забросил вглубь коридора, поближе к здешнему медведю, другой оставил здесь. Потом подхватил Пятницу на руки.

Некогда было осматривать рану. Прежде надо было отойти подальше. Но Сварог видел, что Н'генга здорово досталось. Тварь распоролла ему когтями живот – туземец был в сознании и зажимал рану рукой. Крови не видно, но, как известно, это и есть самое скверное при подобных ранениях. И еще могли быть внутренние повреждения. Когда такая тварь, которая весит никак не меньше полутора центнеров, с разбегу обрушивается на тебя, трудно избежать внутренних повреждений.

Через сотню шагов Сварог остановился, положил своего чернокожего спутника на пол. Сосредоточился. Медиком он не был, но в свое время лары вложили в него элементарный набор целительских умений, своего рода дорожную аптечку. Все не было времени освоить более сложную медицинскую магию... «Врешь, – сам себя обрезал Сварог. – Время как раз было. Но все казалось, что успеется, все откладывал на завтра. Дооткладывался».

Все. Сварог оставил безуспешные попытки. Его аптечка была бессильна против такого ранения, и нечего зря терять время.

Н'генга что-то просительно пробормотал, когда Сварог поднимал его на руки. Наверное, просил, чтобы оставил его здесь. Ну у них-то в племени с такими ранениями уж точно никто не выкарабкался.

А сейчас был один-единственный шанс на спасение. Зыбкий и хлипкий. Призрачный и вилами на воде писанный. Но был. Сварог помнил свой астральный полет, помнил палатки на лесной поляне рядом с колодцем – родным братом тех двух колодцев, с которыми довелось уже познакомиться. Палатки – это белые люди, экспедиция или военные. Это связь, это вертолет, который может прилететь из ближайшего города. Кто знает, откуда тянет сквозняком и куда они (теперь вернее, только он с Н'генга на руках) могут выйти. Вдруг повезет. Понятно, что шансов не больше, чем выиграть по лотерейному билету. Но все же и по лотерейному кто-то выигрывает.

Оставив факел и включив «кошачье зрение», Сварог двинулся по коридору, вслушиваясь в подземные звуки. Не исключено, что тварь потащится следом. А ведь у нее... могут быть сородичи. Вдруг этот пещерный ведмедь не последний из подземных могикан, вдруг их тут целый выводок...

Сварог и не заметил, как окончился бесконечный коридор и он вышел...

– Вперегиб Ловьяда душу мать! Тарос-небожитель и присны во веки веков! – Сварог медленно опустил на пол Н'генга и выпрямился, глазам своим не веря.

Он стоял, овеваемый потоками прохладного воздуха, не в силах пошевелиться, не в силах произнести ни слова. Потому что слова были не нужны.

Увы, это был не выход – по крайней мере в том смысле, в котором он надеялся его увидеть. Не было солнечного света, не было гомона тропического леса. Они по-прежнему находились под толщей скальных пород... И в этих скалах был вырублен зал.

Вырубленный в скальной толще неведомо когда, кем и для каких целей зал был громаден – потолок и противоположная стена совершенно терялись в слегка колеблющейся серой дымке. Причем колебания эти происходили от того, что возвышалось посреди каменного зала. А посреди каменного зала, строго по центру, возвышалась исполинская каменная пирамида, сияющая ровным бледным светом. Пирамида, покоящаяся на вершине и неизвестно какими силами поддерживаемая в этом неустойчивом состоянии.

Сварог включил «третий глаз»... и – ровным счетом ничего не изменилось. Все оставалось, как и было: светящийся внутренним светом опрокинутый пентаэдр, колышущееся дымчатое марево... и непонятно из какого источника исходящий едва слышный, но донельзя противный гул, от которого ныли зубы и закладывало уши. И все пять вершин Пирамиды горели неярким колеблющимся огнем. И ни следочка колдовства! Или же колдовство здесь совсем иной природы, которую детектор магии распознать не может?

Вопросы, только вопросы, ничего кроме вопросов...

– Это что, еще одна галлюцинация? – затряс головой Сварог. – Как она держится?! Что это такое?

М-да, кто бы ответил. И кто бы подсказал, что со всем этим счастьем можно и нужно делать...

– Н'генга не понимать, – вдруг услышал Сварог. – Мы на Земле Духов?

Сварог быстро наклонился над туземцем. Пробормотал пораженно:

– Черт бы меня побрал! Я вообще уже ничего не понимаю...

В самом деле, такого не бывает – в призрачно-бледном сиянии кровотока остановилось, рана Н’тенга затягивалась на глазах. Туземец отнял руку от живота, и Сварог увидел, как розовая, будто у младенца, кожа появляется там, где минуту назад клочьями свисало мясо. Да и Пятница, на последнем участке пути впавший в полубессознательное состояние, бредивший на руках Сварога (Сварог не сомневался, что вот-вот начнется агония), разлепил веки и смотрел вполне бодро. Прошла еще минута, и Н’тенга как ни в чем не бывало поднялся на ноги. Чернокожий хлопец, глупо улыбаясь, осматривал свои руки, ноги, туловище, как будто видел их впервые.

– Нагляделся я, конечно, на всякие чудеса, но чтоб такое... – пробормотал Сварог.

Пирамида, что же еще? Вот он, исцеляющий чудо-источник. Всякие там лекарственные лучи, положительная энергия, животворящие эманации – и далее по тексту из газетенки типа «Тайны мироздания». И может быть, именно благодаря Пирамиде смог уцелеть с тех невероятно отдаленных времен такой невозможный зверь, как пещерный медведь. Ну не дает, просто не дает ему помереть эта Пирамида! И он живет, живет, не понимая зачем, почему, просто живет и все. И сколько ж ему лет тогда может быть? Фу-у...

У Сварога было такое ощущение, что он отчаянно барахтается посреди бескрайнего моря и никак не может выплыть. Реальность в очередной раз расплзлась под ним, как намокшая бумага, и сквозь нее проступала реальность другая – пугающая своей неизвестностью... Стоп, а это еще что?

Сварог почувствовал тепло в кармане камзола – точно такое же, какое возникло в подземной библиотеке на материке Атар миллион лет назад в кармане, где лежал древний предмет-рубин. Теперь же в кармане камзола прятался костяной нож с рукоятью в виде стилизованного муравья. Сварог достал его и тупо оглядел. Повернулся к Пирамиде. Пирамида сияла ровным светом, и в этом свете нож мелко подрагивал, будто вот-вот готов был вырваться из рук и магнитом устремиться туда, к центру зала.

Так, так... Связь между ножиком и перевернутым колоссом налицо. А проверить, что это за связь, можно только одним способом – подойти к Пирамиде. И нет никакого резона поступать иначе.

Сварог повернулся к величественному сооружению.

И сделал нерешительный шаг в ту сторону. И еще один. И еще...

ИГРОК НОМЕР ДВА

Глава первая ЛЕДЯНОЙ ДОМ

Громкое и частое, как пулеметная очередь, «пых-пых-пых... пых-х-х!!!» Удаляющийся куда-то вверх разбойничий свист, мгновенье тишины... а затем темный небосвод вдруг окрасился оранжевым, зеленым, синим, красным. Ша-рахнуло ослепительно, вполнеба, мириады ярких разноцветных огней рванули в разные стороны, образуя стремительно расширяющиеся, причудливые узоры – звезды, круги, переплетенные кольца, спирали и фонтаны огня. Рванули – и тут же пропали, будто и не было их никогда... Толпа внизу приветствовала сей демарш аплодисментами, одобрительными выкриками, улюлюканьем и свистом.

Сварог ничего этого не видел и не слышал.

И глаз еще не открывал. Решил полежать малость, прислушиваясь к внешнему миру и к собственным, внутренним ощущениям.

Во внешнем мире все было спокойно. В смысле – тепло, яркий свет под веки не проникает, под спиной ровно и твердо, пол не качается, пахнет сносно, да и вообще... кажись, неопасно. Звуки кое-какие доносятся, но приглушенные, неразличимые, далекие и потому тоже покамест неопасные. В общем, тихо.

А во внутренних ощущениях... Ну-ка... Во внутренних ощущениях пока тоже царят покой и благодать, все тревожные детекторы молчат. Впрочем, на последние надеяться не приходится. Молчат, блин, до последнего момента. После которого переигрывать что-то уже поздно...

Сварог открыл глаза: нуте-с, и куда нас занесло на этот раз?

На сей раз он увидел над собой низкий, сводчатый, мутно-белый потолок. Изо льда, что ли? Во всяком случае, очень похоже. А из потолка торчали светильники, более всего напоминающие белые грибы-переростки. Их светло-коричневые, как у молоденьких боровиков, шляпки светились несильным, ровным светом.

Сварог рывком поднялся на локтях, огляделся.

По обеим стенам не очень большого, метров десять на десять, помещения – ледника? но почему не холодно? – в котором ему посчастливилось очухаться, тянулись стеллажи, простенькие, деревянные – в узком проходе между ними на полу и лежал Сварог. Ну, уж если быть педантичным до последней закорючки, то не на полу, а на сваленных на пол мешках, туго набитых чем-то рассыпчатым, то ли крупой, то ли... что-то весьма знакомое это напоминает... ну, конечно! Гранулы химикатов! И на ум тут же пришли всякие минеральные удобрения, фосфаты и сульфаты. Сварог облегченно вздохнул. Потому как, ежели пораскинуть мозгами, наличие стеллажей, мешков и вообще потолка над головой, пусть и ледяного, подразумевает наличие достаточно развитой цивилизации. Достаточно, будем надеяться, развитой, чтобы не тащить незваного гостя из другого мира сразу на жертвенный костер, а как минимум для начала разобраться.

А стеллажи были пусты. Лишь в дальнем углу, впритык к ледяной стене, задвинуты несколько коробок... Кажется, картонных. Что тоже добрый знак –

в смысле подтверждения цивилизованности местного населения. Надо бы подойти да рассмотреть во всех подробностях. Маркировка, надписи, не говоря уж о содержимом, – кое-какую пищу для ума все это непременно даст...

Кстати, об исследованиях и заключениях. Первое, эскизное заключение можно сделать такое: судя по обстановке и прочим мелочам, он оказался не в самых больших размеров кладовой, которая сейчас почему-то пуста – то ли товар не завезли, то ли все залежи только что куда-то удачно сплавил.

А еще втекал в ноздри нерезкий, но отчетливо химический запах. И что-то этот запах мучительно напоминал. Что-то до боли знакомое, хотя и порядком подзабытое... Ах да, ну конечно, как же! Пасту ядовито-малинового цвета польского производства, которой одно время в их войсковой части стараниями пройдошистых складских прапоров усиленно заменяли старое доброе хозяйственное мыло. Как же позабыть эти малиновые кристаллики, сперва больно царапавшие кожу, но довольно быстро растворявшиеся в струях воды из-под крана. Та паста, нет слов, успешно боролась с мазутом, креозотом и прочей въедливой, не берущейся обычным мылом дрянью. Но этот чудный, неистребимый запахок! Десантный майор Станислав Сварог приносил этот запах со службы домой, что осложняло и без того непростую семейную жизнь...

«Не о том думаешь, ваше благородие, оно же сиятельство и прочие высочества, – подумал Сварог. – Какая, вперегреб и вперекат, польская паста, когда надо осматриваться, ориентироваться и вырабатывать план действий!»

Сварог быстро оглядел себя. Тело свое, не чужое (ничего смешного: оно, знаете ли, нелишнее будет удостовериться, после недавних-то событий), руки-ноги целы, шаур безвозвратно утрачен, ну да и пес с ним... Жить, словом, можно. Теперь не мешало бы выяснить, как у нас там обстоит с магическими способностями. Есть, знаете ли, некоторые, вполне обоснованные сомнения...

А кстати, что это там за ледяной стенкой творится? Прислушавшись, Сварог различил целый набор разнообразнейших звуков. Гроыхание, звяканье, ритмичные хлопки, музыка и даже, кажется, смех, – все звучало приглушенно, словно проходило сквозь толщу воды...

И вдруг все эти звуки разом ворвались в помещение, как группа захвата в дом с затаившимися братками, и обрушились на Сварога. Еще раньше, чем он успел вообще о чем-то подумать, сработали рефлексы. Сварог откатился в сторону, засунул себя под стеллаж. Пол под стеллажом оказался деревянным – и на том спасибо. Спасибо, что хоть не ледяным... А интересно: почему морозцем не тянет? Ежели все вокруг изо льда...

Додумать мысль ему не дали.

Хлопнула дверь, и на объект вошел некто. И звуки сразу же стихли. Не иначе, вошедший закрыл за собой дверь. И двинулся по проходу, что-то насвистывая. Мелодия была веселенькой, бодренькой и напрочь Сварогу незнакомой. Ясный перец! А вы что хотите, ваше величество? Чтобы он спел что-нибудь вроде «Над Таларом тучи ходят хмуро»? Ну так многого хотите, мин херц... А тем временем представитель незнакомого мира уверенно прошел по мешкам мимо Сварога. Единственное, что можно было разглядеть, – его сапоги. Примечательные, между прочим, сапожки: высокие, остроносые, пошитые из хорошей кожи, явно новые, при каждом шаге поскрипывающие и позвякивающие декоративными шпорами.

Может, выкатиться, аккуратненько спеленать хозяина пижонской обуви, да и поговорить по душам, стимулируя чистосердечие нежным надавливанием на болевые точки? Пусть товарищ поделится своими знаниями о мире, в котором проживает. Что за место такое, в каком измерении находится, как тут обстоит с магией и электричеством, а также не грозит ли миру буквально на днях Апокалипсис? Ну и что с того, что «язык» будет смотреть на дознавателя, как на психа! Главное, удастся разжиться информацией... И ведь нельзя сказать, чтобы Сварог обо всем этом размышлял уж совсем в шутейном смысле.

И, всерьез продолжая тему, можно сказать, что сперва требовалось хоть немного разобраться в окружающем, а уж затем вступать с этим окружающим в более тесный контакт. Вдруг отсутствие этого человека в течение более чем двух минут вызовет нешуточный переполох, в кладовку нагрянут толпы мстителей и ледяной домик-пряник тут же снесут из неизвестного оружия!..

Тем временем свистун дошел до конца ледового помещения, зашуршал там, помолчал малость, потом с шумом выдохнул и двинулся назад...

И тут же в кладовку на секунду вновь ворвались гомон и бряцанье. Ворвались – и стихли. Вошел кто-то еще. Явно мужского полу. И мрачно-утвердительно поинтересовался, оставаясь на пороге и потому вне зоны видимости:

– Опять, да?

А Сварог мысленно вознес хвалу Создателю: в очередном мире по-прежнему изъяснялись на вполне понятном ему, чужестраннику, языке! Везет, блин...

– Ты что, следишь за мной? – спросил другой, тот, что в красивых сапожках. И прозвучало это испуганно-агрессивно.

– А ты ведь обещал в прошлый раз, – спокойно-угрожающе напомнил новый посетитель кладовки.

– Слушай, Ключник, один только разок... Больше не буду, – извинительно и успокаивающе.

– Я же просил никогда не называть меня так! – повелительно и зло.

– Ну хорошо, хорошо... – почему-то отрывисто и суматошно. – Ну прости. Забыл. Клянусь, это в последний раз. Но ведь здесь никого нет, да? Просто я... ну, одна мелкая «гусеница». Всего одна. Просто для поднятия духа. А что, тебе не страшно? Сам ведь знаешь, что нас ждет. И что нас ждет в случае, если мы не...

– Рот закрой! – командно-раздраженно. Второй сделал стремительный шаг вперед, и Сварог наконец увидел его обувь: тупоносые башмаки на толстой рифленой подошве, подозрительно напоминающие не то ботинки битников, не то обувь Олега Попова. Но цвета кофе с молоком. Красивые Сапоги моментально притих. Молчал и Тупоносые Ботинки.

«Мама дорогая, и куда это меня занесло?..» – подумал Сварог. Полное создавалось впечатление, что Ботинки сейчас даст в морду Сапогам. Но Ботинки спросил спокойно:

– Ты посты расставил?

– Конечно. На всех выездах. Мышь не выскочит.

– Проверяешь?

– Каждые полчаса.

– Смотри, если что пойдет не так... из-под земли достанут, – пригрозил носитель запретного имени Ключник. – Зеркало вытри как следует и спрячь.

(Тут Сварог в очередной раз напрягся, вспомнив совет старой Грельфи доверять именно зеркалам.) А пакетик лучше выброси. Не ровен час... И пойдём-ка на воздух. Ты должен быть на виду. Ты же не хочешь, чтобы все сорвалось?..

Красивые сапоги послушно прошаркал к выходу, причем шаг его от уверенного был далек. Прямо скажем, малость заплетающимся был шаг... Вновь на мгновение ворвались музыка и шум, и тут же все стихло. Дверь закрылась. И не осталось никого.

Сварог некоторое время переваривал полученную информацию, ни к каким выводам не пришел и выбрался из-под стеллажа. Главное сейчас – проверить магический арсенал. Где бы мы ни оказались, хоть в ледяном замке, хоть в аравийском урагане... А вообще, если откровенно, это превращается в своего рода ритуал. Профессиональный путешественник по мирам обрастает обрядовыми действиями. Попал в новый мир – первым делом, сынок, проверь магические способности. Впору уже учебник составлять: «Курс молодого странника по звездам»...

Шутки шутками, но вот в недавнем прошлом лишили его всех способностей, и, признаться, чувствовал себя Сварог без них крайне неудобно, почти так, как если бы пришлось разгуливать с незастегнутой ширинкой. Так что не надо нам повторения этой радости.

Проверку магических способностей Сварог начал тоже вполне устоявшимся образом – достал из воздуха сигарету. Получилось. Что ж, и на том спасибо.

Он быстро оглядел помещение, фиксируя то, что не успел рассмотреть раньше. Дверь – высокая, полукруглая, аркообразная, с затейливой бронзовой или крашенной под бронзу ручкой. Не слишком ли заковыристо для простой кладовки? Да и пол паркетный. Причем паркет, судя по оттенкам древесины, из дорогих пород. Хотя погодите-ка... Он наклонился и провел рукой по паркету. Да никакой это не паркет, а имитация! Весьма искусная, надо признать, но не потрогаешь – не заметишь, что стыки между паркетинами, равно как и узор на дереве, были нарисованы на гладкой прохладной поверхности пола. Что-то типа линолеума. И как это объяснить, господа? Мир высоких технологий или крайне развитой магии?

Сварог посмотрел вверх и вдруг понял, какая несообразность кольнула глаз при взгляде на потолок. Проводка. Вернее, ее отсутствие. В чем легко убедиться благодаря достаточной прозрачности льда. А там, где светильники, всегда имеется проводка, по которой подается ток к осветительным приборам, не так ли? А отсутствие проводки говорит о чем? Уж не о том ли, что мы имеем дело со стопроцентной магией?

И еще одно соображение посетило Сварога. Ежели паркет – подделка, то не может ли точно такой же имитацией быть и лед, из которого изготовлены потолок и стены? Проверить – секундное дело. Сварог подошел к стеллажам, сунул меж них руку и дотронулся до стены, оказавшейся ничуть не холодной и вообще напоминающей лед только внешне. М-да... Сварог постучал по стенке. Материал более всего смахивает на пластик. Мир имитаций и фальшивок, так, что ли? Как тут не вспомнить некоего Эрма из Вардрона, наделенного магическим умением подделывать вещи.

Сварог включил «третий глаз», но ничего не обнаружил. Ни следа магического фона. Ни следочка. Даже беспроводные светильники, если верить индикатору магической активности, работали исключительно на технической ос-

нове. И что сие означает? Не хочется, но вполне можно усомниться в достоверности показаний «третьего глаза». Может, под этим небом живет и здравствует незнакомая, совершенно иной природы магия, которую детектор обнаружить просто не способен, как какой-нибудь амперметр не способен измерять температуру воздуха. Ох уж эти встроенные в него детекторы и индикаторы...

Он подошел к двери, приоткрыл ее на ширину двух пальцев. Сторожко выглянул наружу...

И тут же отшатнулся обратно, автоматически захлопывая дверь и вжимаясь в стену. Взрыв прогремел – надо ж такому быть! – ровно в тот момент, когда Сварог высунулся наружу. Вслед за взрывом донесли восторженные вопли.

Сварог снова приоткрыл дверь, уже зная, что он испугался не артобстрела и не прицельного огня. Рефлексы перестарались, но Сварог был на них не в обиде: уж лучше перебдеть, чем навсегда и бесповоротно распрощаться с жизнью. Так что пусть рефлексы стоят на страже и дальше...

– Эт-то я удачно зашел, – пробормотал он себе под нос, оглядывая творящееся снаружи. Потом открыл дверь и без всякой опаски вышел из псевдоледяной кладовки.

Глава вторая АХ, КАРНАВАЛ, УДИВИТЕЛЬНЫЙ МИР...

Очередной мощный залп потряс воздух. В ночное небо взвилось множество ярких огней, оставляющих позади себя дымный хвост. И вскоре над головой затрепали тысячи хлопучек – это огни взрывались прямо в небе и рассыпались мириадами разноцветных светляков. Одни огни фейерверка меняли цвета прямо в воздухе, другие рассыпались искрами, будто в вышине одновременно лопались сотни гирляндных лампочек, третьи стекали вниз, как огонь из котла сталеплавильной домны, но гасли, не долетая до земли. Отсветы фейерверка падали на землю, разноцветные пятна плясали на траве и на снегу. Да-да, такое вот безумное сочетание – трава и снег. И кругом, куда голову ни поверни, увидишь строения изо льда. И при этом совершенно не холодно. И не только трава, но и цветы луговые растут себе преспокойно на границе снега и земли... Ну да нас таким сочетанием не удивишь, видали мы сочетания и более невероятные, вспомним хотя бы, милорды, создание новогодней елки на Таларе, сопровождаемое обильным снегопадом...

Итак, слово было произнесено. Талар. И при мысли, что это может оказаться правдой, ходуном заходило сердце. Неужели он все же вернулся?!

Черт побери, очень похоже...

Разумеется, глядя на небо, Сварог не столько любовался фейерверком, сколько рассматривал созвездия и небесные тела: не удастся ли угледеть что-либо знакомое. Если Талар – там должен быть огромный, ало-полосатый Юпитер, вокруг которого крутятся с десятков желтых, белых и зеленых спутников. Если Димерея, или Корона, или еще какой мир – совсем другим будет небо... Однако небосвод как назло был плотно затянут тучами. Значит, ответ на вопрос «где я?» следовало искать на земле.

А происходящее на земле было не менее красочно, чем представление в небе. Одни одежды собравшейся здесь толпы чего стоили... Собственно говоря, как раз из-за этих одежд Сварог безбоязненно покинул свое укрытие. Ибо его

камзол, который в иных местах мог вызвать лишь нездоровое внимание к его обладателю, здесь как нельзя лучше соответствовал господствующему стилю. Можно сказать, Сварог сливался с окружением, что твой хамелеон.

Он с любопытством оглядывался. Нет, разумеется, головой не вертел, как Ванька Немытый, угодивший в хоромы царские. Оглядывался исподволь, аккуратно, стараясь при этом сохранять полнейшую непринужденность в движениях: дескать, мы сами люди насквозь местные.

Людей вокруг наблюдалось изрядное множество, и на всех были наряды, пошитые – если так можно выразиться – в стиле Версаля, Людовиков и прочих балов-маскарадов а-ля дворцовая куртуазность. Женщины щеголяли в невероятно пышных, громко шуршащих, громоздких и затейливых нарядах. Фасонов платьев было не перечесать: широкие, узкие, кружевные, с вырезами и без, с оголенной спиной и спиной закрытой, длиной до лодыжек, до пяток, до коленок и выше оных. Ну а уж про расцветки и покрои и говорить не приходилось – пестрота преизряднейшая. И еще про что говорить не приходилось, так это про украшения. Можно лишь использовать штамп: «глаза слепило от золота и брильянтового блеска», – но его будет явно недостаточно. Брильянты украшали не только руки и шеи, но и лодыжки. Драгоценные камни были вкраплены в ткань платьев и даже в обувь. Сварог заметил, что у некоторых дам туфли целиком сделаны из одинаковой величины кристаллов. Кажется, из алмазов.

Мужчины, как оно водится, смотрелись менее броско, чем женщины, но тоже вполне импозантно. В основном на мужчинах преобладали фраки и смокинги, но встречались некоторые личности, одетые нестандартно. Вон, например, на «ледяной» скамье у сосны отчаянно флиртует с барышней в полумаске какой-то далеко не юный франт, нарядившийся во что-то такое военное, с аксельбантами и эполетами, отдаленно напоминающее гусарский ментик. Или вон глазеет на фейерверк, гогочет и хлопает, не жалея ладоней, мордатый, пузатый и бровастый тип с покатыми плечами и борцовской шеей, пьяный в зюзю, одетый, на первый взгляд, в костюмчик бедного пейзажника – потрепанная жилетка, грубая льняная рубаша светлой ткани и на шнуровке, заправленная в широкие черные штаны... Но на взгляд второй выяснялось, что никакой это не «крестьянин», а скорее «пришелец», потому как на лысом, как пятка, черепе красовались враскоряку инопланетные ушки-трубочки ярко-зеленого цвета... Да и еще попадались люди в костюмах явно маскарадного толка: дамы в платьях «домино», в разноцветных «птичьих» масках, сделанных из перьев, дамы и господа в одинаковой, странной униформе – длинные черные кожаные плащи, черные узкие очки, высокие, с металлическими перетяжками ботинки, зачесанные назад волосы. Иногда среди шумной суеты мелькали граждане в камзолах, что не могло не радовать Сварога. Свои, можно сказать. На некоторых гуляках были полумаски, на дамах – маски, и это позволяло выдвинуть вполне здравое предположение, что его забросило не куда-нибудь, а на маскарад. Ибо вряд ли так выглядят здешние трудовые будни. Хотя... Как тут не вспомнишь в очередной раз Талар. Очень напоминает, знаете ли, все происходящее здесь зарисовку из повседневной жизни ларов и ларесс...

Однако сколь бы ни хотелось Сварогу на Талар, все же какое-то шестое, седьмое или вовсе непронумерованное чувство нашептывало, что его занесло совсем в иные края. Видимо, имелись в окружающем некие мельчайшие,

микроскопические, неуловимые пока разумом отличия. Может быть, воздух другой, может, атмосферный столб давит как-то не так или нет привычной концентрации айперона в магическом эфире... Или это планета, с которой в Граматар прибыли охотники за людьми, подданные загадочного Льва-Императора на летающих «скатах»? Те тоже, помнится, лучились самодовольством и богатством и мнили себя повелителями судеб...

Торчать на одном месте было глупо. Как известно, бросается в глаза не сам бег или стояние, а выпадение из общего ритма. Если все бегут, а ты стоишь, тебя заметят. И наоборот. А здесь вокруг общались, флиртовали, таращились на фейерверк, танцевали, в конце концов пили, – словом, двигались, жили, но только не стояли на одном месте. Поэтому выстаивать на месте не рекомендуется.

Неторопливой походкой праздного гуляки, которому наскучила вся эта карнавальная шумиха и захотелось покойного уединения в уютном обществе бокала с добрым вином, Сварог двинулся по празднику, напустив на лицо соответствующее выражение. И изредка поглядывая на обувь встречающихся мужчин: вдруг да мелькнут на ком-нибудь красивые сапоги или тупоносые ботинки.

Продолжал палить фейерверк, но окружающие заметно теряли к нему интерес. Были б тут дети, они бы радовались салюту и дальше, но мероприятие явно было из серии «только для взрослых». Так время-то глубоко ночное, какой тут, к лешему, семейный отдых...

Хватало тут и красивых женщин, и очень красивых. Большею частью на этом празднике жизни веселились молодые (оно и понятно), но встречались дамочки и бальзаковского возраста, и сверхбальзаковского. А вот мужчины преобладали, наоборот, в возрасте от тридцати и выше. Солидные люди, так сказать. Хотя от тридцати – это по земным меркам. А этим могло быть и все четыреста...

И что-то всех этих людей между собой неуловимо роднило, несмотря на всю пестроту лиц, возрастов и нарядов! Сварог мучался-мучался, вглядывался, присматривался и наконец понял, в чем дело. Довольство. Во всех лицах явно проступало довольство. Такие лица могут быть лишь у хозяев жизни. «Может быть, все же Талар? – опять с надеждой шевельнулось в мозгу. – Ведь не обязательно ты мог вернуться на тот самый Талар. Это может быть Талар столетием раньше, столетием позже. Это может оказаться проекцией Талара в другом измерении. И еще чертов стул всего другого, так или иначе связанного с Таларом».

Как говорили в одном из не самых худых миров, тут без ста грамм не разобратся. И хотя тело частного детектива – слава богам всех эпох и народов! – осталось в прошлом вместе с трепетной любовью того тела к спиртному, Сварог чувствовал, что выпить можно. Даже нужно. И уж совсем точно – не помешает. Благо с этим на празднике жизни все обстояло в высшей степени благополучно. Повсюду можно было видеть основания колонн, изготовленные из того же фальшивого льда. (Наверное, этот праздник как-нибудь так и назывался – Ледяная Феерия. Или даже Праздник Торжествующего Льда: все, абсолютно все постройки, даже бассейн, были сделаны из этого малопонятного материала). Так вот, на этих обрезанных колоннах, служащих фуршетными столами, теснились подносы с напитками и закусками. К одному такому пеньку

Сварог и направился.

Как выяснилось, магические способности при нем, а стало быть, яд в питье, буде такой растворен в незнакомых напитках неизвестного мира, он сумеет распознать и вовремя пронести сию чашу мимо губ. Потому Сварог снял с подноса рюмку с коричневатой, цветом напоминающей виски жидкости и храбро опрокинул в себя незнакомое содержимое... Хм, однако! Напиток оказался крепкоградусным, но мягким и едва уловимо отдающим некими душистыми травами. Взяв следующий бокал, Сварог огляделся уже увереннее.

Наконец салютная пальба стихла и уши смогли отдохнуть. Оказывается, играла музыка – ненавязчиво доносится из крон высоких деревьев, весьма напоминающих сосны. Нижние ветви деревьев переливались разноцветными огоньками – не то были украшены гирляндами, не то это местные плоды светятся. Почему бы и нет? А вот музыка показалась Сварогу знакомой. Но слышал он ее не отчетливо, надо бы подойти поближе. Непринужденно держа бокал с неопределенным, однако оправдавшим лучшие ожидания напитком, Сварог двинулся по огибающей сосновый островок тропинке...

Тропинка была травяная, а вдоль нее бугрились снежные сугробы. Хотя надо еще проверить, насколько они снежные. Сварог сошел с тропы, наклонился, зачерпнул ладонью снег. Холодный... Но все же непривычный на ощупь. Маслянистый. Твою мать! Сварог брезгливо вытер руку о бриджи. Такое впечатление, что снег настоящий, в том смысле, что не пенопласт какой-нибудь, но некая дрянь туда добавлена. Чтоб не таял. И хватит уж экспериментировать, тем более – на себе. Какая, к чертям, разница, снег, не снег...

Опаньки! Сварог замер. За сосняком, который он обогнул, праздник открылся ему во всей своей красе и широте масштаба. Там, откуда он только что пришел, выходит, были своего рода задворки торжества, а все основное сосредоточено здесь. Взгляду Сварога открылась небольшая, но самая настоящая долина, окруженная темными лесистыми холмами. А посреди долины был возведен целый ледяной городок. (Сварог не подходил, не проверял, но судя по виду, сделано все из того же материала, имитирующего ледяные глыбы.) Над городом возвышался замок: цитадель с четырехскатной крышей и окнами-бойницами, а вокруг – зубчатая крепостная стена трехметровой высоты с угловыми башнями. На башнях трепыхались флаги с незнакомой Сварогу символикой – два медведя, встав на задние лапы, оперлись передними на могучий кедр и задрали головы кверху. (Почему-то мишки напомнили Сварогу собак, загнавших кошку на дерево.) А по стене бродили ряженные воины в доспехах с тем же гербом. На гербе было что-то написано, но что именно, Сварог не разглядел – далеко.

Вокруг лепились все прочие постройки «ледяного городка». Тут и горка, с которой с визгом и нетрезвыми воплями скатывались вполне зрелые дяди и тети; и квадратные, круглые, открытые, закрытые, словом, всякие разные павильоны, где пели, ели и плясали; тут и явно искусственный – уж больно кругл – пруд, из центра которого бил невысокий фонтан со светящимися разноцветными струями; и два домика, соединенные открытой галереей; и грот, внутри которого горели факелы... ну и множество столов тут и там, заставленных яствами и напитками. А это никак бассейн? Ну да! Сработанный все из того же «льда», подсвеченный снизу разноцветными огнями. В похожей на восьмерку чаще плескались одетые в купальные костюмы люди. Переодевались

купальщички в домике, чем-то напоминавшем русский народный терем-теремок... Короче, гуляли тут пышно, с размахом и удалью. А сколько ж во все это квазиледяное великолепие вколочено деньжищ! Или в этом мире коммунизм уже построен?!

«Удачно я зашел!», – порадовался Сварог мысленно.

Та музыка, что показалась ему знакомой, доносилась из павильона с обширной террасой, на которой покачивались в медленном танце пары, но ее источника он не обнаружил – казалось, сам воздух рождал мелодию: гитарные переливы, источающие аккордами испанскую грусть. Впрочем, в равной степени грусть могла быть и таларской, и неизвестномирской.

С другой стороны павильона была выстроена небольшая сцена (надо ли уточнять, что тоже ледяная?), с которой для горстки гостей внизу неслышно вещал что-то высокий седогривый господин в черном длиннополом сюртуке, окруженный несколькими господами чиновничьего вида. Вещал он победно, убедительно, рубя воздух ребром ладони – ну чисто парторг на митинге по поводу открытия первой очереди комбината. Люди внизу слушали внимательно, но бурными и продолжительными аплодисментами разражаться не спешили. А за сценой, чуть вдалеке, угадывалось нечто неидентифицируемое: прямо на земле было натянута огромное полотнище с каким-то концентрическим рисунком, каким – отсюда не разглядеть. Не то герб, не то исполинская мишень. Не иначе, для стрельбы небесными молниями...

На Сварога действительно не обращали никакого внимания. Ну стоит себе мужик в камзоле, ну потягивает что-то алкогольное, эка дело, эка невидаль. Что очень и очень хорошо. И это позволяло Сварогу чувствовать себя спокойно и уверенно. Иногда нет ничего приятнее на свете, чем когда до тебя нет никому никакого де...

Ага, вот и неправда. Сглазил. Сварог насторожился и придал лицу безмятежный вид. Оказывается, далеко не все игнорируют Его Величество Сварога Первого...

Срезанных колонн и столов с подносами повсеместно было понатыкано множество, и возле каждого кучковалась группка празднующих. Слева, совсем рядом с сосняком, вокруг одной из таких ущербных колонн собрались четверо вальяжных мужчин и одна дама. Дама – в длинном бордовом бархатном платье с глубоким, как Марианская впадина, декольте – была поглощена светской беседой, очаровательно смеялась, запрокидывая голову, кокетничала, пила что-то из конусообразного фужера... но при этом изредка и вполне профессионально сканировала обстановку. Сварог мельком заметил это и оценил. А потом дама – черт знает, сколько ей лет, не то девятнадцать, не то все сорок – тряхнула короткими рыжими волосами, незаметно для собеседников в очередной раз огляделась... и заметила Сварога. И на секунду будто зацепилась взглядом. Как крючком. Причем секунда эта длилась долго. Потом рыжеволосая красавица как ни в чем не бывало отвернулась, потеряв к Сварогу всякий интерес, и что-то такое сказала вальяжным мужчинам, от чего все расхохотались.

Ну-ну.

Сварог допил прихваченный с собой бокал и пожал плечами. Подумаешь. Смотрит и смотрит. И пусть. А мы пока можем повторить заход. Заправиться для большей уверенности и куражу, а там уж и вырабатывать стратегии, про-

думывать подходы. Можно затесаться в толпу, послушать и подслушать. И выбрать себе жертву, потом покалякать с этой жертвой за жизнь, ненавязчиво выпросив про то про се. Хотя б и эту рыжую... Нет, рыжую не стоит. Уж слишком умный и цепкий у нее взгляд – по сравнению с общим настроением.

Сварог поставил пустой бокал на скатерть, взял полный и направился к террасе, где танцевали под гитарные аккорды...

– Эт-то как понять! – раздался за спиной грозный басовитый оклик. – Что ты тут делаешь!

Сварог почему-то сразу понял, что обращаются именно к нему. Медленно, не теряя достоинства, повернулся. За спиной, уткнув руки в бока, стоял тип... в камзоле серого и зеленого цветов. Откормленная рожа, центнера полтора живого весу и черная борода. По виду – типичный прораб. А еще с эдакой мордой и комплекцией хорошо служить городовым. Или играть в народных театрах Карабасов-Барабасов.

– Че встал? – «прораб» пристально взгляделся в Сварога: – Погоди-ка... А ты кто такой? Чего-то я тебя не видел. Из какого подразделения?

И что на это ответить? Знать бы хоть, что за подразделения такие... Ну да всегда можно прибегнуть к грубой силе. Хотя, понятное дело, средь шумного бала мордобой затевать не хотелось бы.

– Да я это... – промямлил Сварог, всем своим видом демонстрируя невинного и оскорбленного, и показал себе за спину. Незатейливо, но иногда работает. Пускай «прораб» сам за него придумывает ответ.

– Че дурака из себя строишь! – побагровел бородач. – Совсем оборзели, да?! Нажираются тут под шумок, забыв про...

Под новый всплеск невнятных криков, рукоплесканий и женских визгов небо прочертили разноцветные линии и принялись стремительно рисовать прямо в воздухе геометрические фигуры, сплетаться в сложнейшие орнаменты, мерцать, пульсировать... и даже вспыхивать объемными фигурами! Сварог даже проверил, не включил ли он случайно «третий глаз». Нет, не включил, действие происходило в реальности. Вот высоко над головой появился белый женский лик красоты необычайной, растекся, превратился в языки зеленого огня, из которого в разные стороны разлетелись синие птицы, обернувшиеся, перед тем как исчезнуть, уносящимися к огромному закатному солнцу парусниками... Словом, зрелище было завораживающим, волшебным... но, черт возьми, Сварог по-прежнему не чувствовал и тени магического присутствия. Значит, и впрямь колдовство в этом мире от таларского отличается кардинально, так, что даже определитель не берет...

И тут же получил подтверждение этому выводу: где-то совсем рядом вдруг запиликала музыка, ни дать ни взять – исполняемая на допотопной «Эонике». Уж не из кармана ли «прораба»? «Табакерка?» – подумал Сварог, потому что и на этот раз проявлений колдовства детектор не обнаружил. Но «прораб» как-то странно мотнул головой – будто решил почесать подбородок плечом, но в последний момент передумал, – взгляд его миглом затуманился, и он спросил в пустоту:

– Да?..

Помолчал несколько секунд, прислушиваясь к отдаленным крикам веселящейся толпы, причем выражение его лица менялось от напряженно-внимательного к озабоченному, а потом ответил невидимому собеседнику, глядя

сквозь Сварога:

– Понял, все понял! Немедленно приступаю!

Его глаза вновь стали злыми и колючими, и он заорал на Сварога:

– Дьявол! Господин И уже подлетает, а у нас еще ничего не готово! Ты, урод, хватай поднос и бегом к Чертовой Бане! Понял? Понял, спрашиваю?! Потом с тобой поговорим!

И не дожидаясь исполнения приказа, «прораб» унесся куда-то в глубь ледяного городка. «Будет исполнено, ваш-блаародь, – проводил его взглядом Сварог. И подумал: – И за кого он меня принял? За прислугу, что ли? А может, тогда и в самом деле взять этот поднос – руки ж в конце концов не отвалятся, его потаскавши – и походить себе, осмотреться? К тому же напиток всегда под рукой, ну а ежели кто другой пожелает причаститься, мы возражать не станем, угостим, не звери ж мы какие-нибудь, в конце-то концов...» Сварог, то ли под влиянием выпитого, то ли оттого, что в кои-то веки не надо было немедленно бежать куда-то и кого-то крушить, спасая мир, пребывал в довольно благодушном настроении...

– Что ж вы не бежите с подносом к Чертовой Бане? Старший ведь приказал, – раздался рядом насмешливый голос.

Новый собеседник (а точнее – собеседница) во время общения Сварога с «прорабом» подошла к столу, отделившись от танцующих на террасе и от своего моментом куда-то улетучившегося партнера, и теперь возилась с сифоном и бокалом.

– И взгляд у вас не лакейский, – добавила она.

Сварог, не таясь, оглядел собеседницу. Молодая, но взгляд огромных зеленых глаз утомленный, причем не столько этим маскарадом, сколько самой жизнью. Темные волосы уложены в некое подобие короны, в локонах поблескивают светлячки то ли бриллиантиков, то ли... стразов. Крохотный кулончик на точеной шее. Черное простенькое платье без украшений и карнавальных прибамбасов. Простенькое настолько, что...

Вот представьте себе небольшой прямоугольный кусок черной ткани шириной примерно в метр. Представили? Теперь сверните этот кусок кольцом, а края сшейте. И засуньте в получившийся цилиндр по самые подмышки стройную молодую девицу. Что получится? Правильно: материя сия закроет тело от границы, проходящей примерно в пяти сантиметрах ниже впадинки между ключицами, до границы, проходящей примерно в пятнадцати сантиметрах выше коленей. И сделает все остальное совершенно незащищенным от обстрела мужскими зажигательными взорами.

Сварог глянул в сторону вальяжных. Четверо мужиков продолжали гутарить друг с другом возле срезанной колонны, но рыжая чертовка словно испарилась.

– А почему мой взгляд должен быть лакейским? – с осторожностью спросил Сварог, вежливо отнимая у собеседницы и сифон, и бокал. Не по-халдейски отнимая, а зело галантно. Нажал на рычажок сифона, и из носика с шумом вырвался пенистый поток, быстро наполнив сосуд.

Судя по простоте и скромности, платьишко на собеседнице стоило сумасшедших денег – если только, опять же, в этом мире не ввели полный и окончательный коммунизм. А судя по плотности облепания платьем тела, мамзель не имела ни малейшего представления о таком понятии, как лифчик.

Впрочем, ей это и не требовалось.

– Лакейский взгляд? – она пожалала обнаженными плечиками. – Для маскировки, для чего же еще. Раз уж вы нарядились в камзол, бриджи и сапоги. Правда вот, с цветами дали промашку. Наверное, не захотели отказаться от любимых алого и серого?

И заговорщицки подмигнула Сварогу. Колдунья? Черт бы подрал этот детектор магии: опять сплошные нули на выходе...

– Вы похожи на лакея так же, как я – на... – она вдруг запнулась. – На кого я не могу быть похожей?

– На портового грузчика, – подсказал Сварог. И подумал: «Если здесь есть порты...»

Порты, оказывается, были, потому как собеседница радостно рассмеялась:

– О! Точно!

Она взяла бокал, внимательно взгляделась, прищулив один глаз. Немного полюбовалась поднимающимися кверху пузырьками и – выплеснула содержимое на землю.

– Кошачья моча. Причем моча кота, страдающего диабетом... В смысле – сладкое пойло. Надоело. Хочется нормальной выпивки... А знаете, – она стрельнула зелеными молниями из-под век, – почему даже игристые вина сегодня не в бутылках, а закачаны под давлением в эти идиотские кувшины?

Сварог покачал головой: вот уж чего он никак не мог знать!

– Нынче ж модно демонстрировать свою равноудаленность, – сказала барышня. – Вот хозяин и показывает, что для него нет излюбленных торговых марок. Вообще никаких торговых марок нет, а стало быть, все в равном положении... Только я всегда боюсь подобной нарочитости и показухи. Я сразу же напрягаюсь. Мой носик, – она коснулась пальчиком собственного носа с небольшой горбинкой, и вышло это отнюдь не игриво, – подсказывает мне, что кто-то старательно хочет отвести нам всем глаза. Только от чего? Вы случайно не знаете?

Отвести глаза?.. Значит, все-таки магия?!

Глава третья ГИБЕЛЬ ЛЕДЯНОГО ДОМА 2

Странный получался разговор у Сварога и девицы в черном платье для коктейля. Даже если вдруг забыть, что Сварог здесь чужой и совершенно не в курсе местных обычаев и обыкновений, то все равно – странный. А почему бы не спросить напрямую?

– Вам не кажется, моя прекрасная незнакомка, что вести подобные разговоры с лакеем как-то... не совсем...

– Ай, да ладно вам! – перебила она, махнув голой рукой. – Какой вы лакей. У вас на лице написано, – она провела пальцем по воздуху, как по буквенным строчкам на доске, и выговорила по слогам: – «Из власт-ных струк-тур». Я сразу догадалась, едва вас увидела. Ага, думаю, так и есть, предупреждали ведь... А насчет незнакомки... Вы что же, меня не знаете? – она протянула Сварогу ладошку. – Меня зовут Лана.

Свое имя девица произнесла, заглядывая ему в глаза. Создавалось впечатление, будто она ожидает от собеседника чего-нибудь вроде: «Ба! Неужели та самая Лана и есть? Не может быть!»

– Гэйр, – представился Сварог. Правда, титул «граф» скромно опустил. Мо-

жет быть, несмотря на замки и камзолы с фраками, здесь не в чести сословная кичливость. Тем более ему представились без всяких намеков на титулы и звания.

– Гэйр? – задумчиво повторила она, будто пробуя это слово на вкус. – Странное имя... И незнакомое. Или это прозвище?

«Еще бы не странное...» – подумал Сварог. И напомнил:

– Вы остановились на том, что вас о чем-то предупреждали.

Лана загадочно улыбнулась.

– Знаете, господин... Гэйр, мы все здесь подчиняемся правилам игры. Хотя многие из нас ненавидят и ее саму, и ее правила, многие уже давно наигрались во все игры без исключения, а другие с удовольствием сыграли бы по своим правилам, да не дают им этого. И тем не менее все мы сегодня здесь, – она показала на долину, ледяной город и веселящихся гостей. – А почему?

– Почему? – эхом отозвался Сварог. Он вдруг только сейчас понял, что Лана пьяна. Не в стельку, но все же..

– А потому что все по самую макушку затянуто в Большую Игру и выйти так просто из нее уже не в состоянии. Слишком много обещаний дано, слишком многим людям ты обязана, слишком многие люди зависят от тебя. И поэтому я тут. Только поэтому, – она тряхнула головой, и несколько темных локонов, выскочив из шпилек-невидимок, упали на оголенные плечи. – Потому что надо. Ну как же, здесь весь город! А какой праздник без Ланы? Не будь меня, тут же начнутся кривотолки: «Ага, ее не было вчера! Привратник и Лана опять в ссоре! А не встал ли Привратник в оппозицию! А не собирается ли он переметнуться к напористым конкурентам из-за ближайшей границы!» Поэтому я, хоть мне все глубоко опостылело и надоело, не только прибыла сюда этим вечером, но и предварительно навела кое-какие справки...

– Обо мне? – спросил Сварог, отметив вторично упомянутого за сегодняшний вечер таинственного Привратника.

– О вас, – просто сказала Лана. И прямо-таки впиалась в Сварога взглядом. – Я знаю многих людей Привратника, – она махнула рукой в сторону седого орла на сцене, – а о вас только слышала. Хозяин тщательно прячет свою правую руку от посторонних глаз. Но я почему-то не ревную.

Она двусмысленно и пьяно хихикнула.

– И что же вы выяснили? – Сварог с превеликим трудом сохранял лицо.

– Кое-что выяснила, – Лана взяла со стола рюмку с зеленоватой и вязкой (судя по тому, как переливалась в стекле) жидкостью и залихватски опрокинула в рот. – Видите, насколько я с вами откровенна. Я уже давно в Большой Игре и привыкла скрупулезнейшим образом готовиться к каждой новой Партии. Привыкла, понимаете ли, собирать сведения не только о главных Игроках, но и о тех, кто стоит за плечом Игроков, надвинув на лицо капюшон. Зачастую исход Игры зависит как раз от этих лиц, не любящих, прошу прощение за каламбур, лиц своих показывать. Но ежели эти лица скрываются под маской простой прислуги, то вычленив их из общей толпы не так уж сложно... Вы не разносите напитки, не суетитесь, не угождаете скучающей даме... А главное – меня предупредили, что Ключник хочет инкогнито посетить сие мероприятие. Полагаю, чтобы лично проследить за безопасностью на празднике... Но с вашей стороны довольно опрометчиво было прийти сюда, не прикрыв лицо хотя бы полумаской, но еще более опрометчиво было вырядиться в

камзол прислуги. Не так ли, дорогой... Ключник? Говорят, вы не любите, когда вас так называют.

Ага, вот и Ключник всплыл. Именно так окрестил человек в красивых сапогах человека в тупоносых ботинках. На что Ботинки изволил рассердиться... Действительно, не любит.

Сварог невольно усмехнулся. Воистину, нетрезвая женщина – находка для шпиона. И пятнадцати минут этой светской беседы не прошло, как он накопал кучу полезной информации. Некто Ключник, судя по всему, является кем-то вроде начальника местной охраны, правой рукой седоволосого Привратника. А Привратник, он же Хозяин – главный на этом празднике жизни и, не исключено, его, праздника, устроитель. Ишь как разглагольствует со сцены. А барышня Лана спяну приняла Сварога за означенного Ключника...

Что ж, не будем разубеждать.

– Господин И скоро будет здесь, – сказала Лана. И сморщилась, будто откусила пол-лимона. – Я должна идти – быть рядом с Хозяином, когда прибудет эта гора жира. Этикет, ничего не поделаешь... Ну, приятно было поговорить. Еще встретимся.

И нетвердой походкой направилась к сцене.

Сварог задумчиво смотрел ей в спину, потом подхватил поднос в качестве маскировки и двинулся следом. Еще и какой-то господин И. Который вот-вот должен прилететь. В мозгу возник образ эдакого хитрого азиата с усиками, в халате и шапочке с кисточкой, сидящего по-турецки на ковре-самолете... Пока еще непонятно зачем, но надо поглазеть на товарища И поближе.

Что-то изменилось. В броуновском движении гостей карнавала наметился некоторый порядок, как будто кипящий суп стали переливать из одной кастрюли в другую. Со всех сторон к павильону с террасой и сценой, на которой до сих пор возвышался умолкший седовласый с чиновничьей свитой, потянулись людские ручейки, музыка стихла, танцующие скрылись в павильоне. А вокруг полотнища с изображением то ли герба, то ли мишени зажглись белые фонари. Все смотрели в небо, куда-то на юго-восток. Сварог на ходу посмотрел туда же. И, разумеется, ничего не увидел, кроме темного неба, затянутого тучами.

А потом в наступившей относительной тишине он услышал далекий, на грани слышимости клекот, переливающийся на высокой ноте. Клекот явно приближался, и вот уже можно было разобрать другие звуки – лихорадочный шелест, звенящий гул, какой издает токарный станок на холостых оборотах. Сварог сбился с шага, замер, до рези в глазах всматриваясь в небо. Что-то чертовски знакомое было в этом звуке, но отчего-то он никак не мог определить, что это, собственно, такое.

Вякнул индикатор опасности. Замолчал. Снова вякнул. И еще раз. И еще, все чаще и чаще.

И вдруг – Сварог едва не выронил поднос – из-за сопки вынырнула гигантская, басовито стрекочущая стрекоза с полыхающими ослепительным светом глазами, сделала горку и заложила лихой витраж над городком.

Толпа разразилась приветственными криками – слишком, впрочем, дружными, чтобы быть стопроцентно искренними.

Сварог понял, что стоит с отвисшей челюстью, поспешно рот захлопнул и огляделся. Как же так... не может же это быть... да быть такого просто не мо-

жет!!!

Это был вертолет. Самый настоящий, всамделишный, боевой, пятнистый геликоптер с двумя прожекторами, конструкции абсолютно незнакомой, однако ни малейшего сомнения: разворот над ледяным городком совершало доподлинное детище товарища Сикорского (ну, или его собрата в этом мире). Это что, это господин И изволили так прибыть?! И Сварог наконец-таки смекнул, для чего предназначено здоровенное полотнище с мишенью. Никакая это была не мишень, врете, – это была банальная посадочная площадка.

...А в следующую секунду поднос полетел в одну сторону, Сварог – в другую. Он и сам не сразу сообразил, как это произошло и почему: тело среагировало быстрее разума. И только когда это самое тело бросило себя за ближайшую колонну с напитками, вжалось мордой в фальшивый снег и накрыло голову руками, он понял. Понял то, до чего не дотумкал определитель опасности. Впрочем, что с ларского определителя взять...

Винтокрылая машина пока не собиралась садиться. Она совершала классический боевой заход на цель, собираясь атаковать с бреющего! Если, конечно, это не было частью представления – малость попугать гостей. Но тело-то Сварога об этом и не подозревало! Равно как моментально забыло тело и о неуязвимости ларов. Инстинкты майора ВДВ оказались сильнее. Так вот почему детектор вякал едва слышно, – понимает, с-сука, что Сварогу смертушка не грозит ни от ракет, ни от пулеметов...

Звонящий, пульсирующий гул стремительно заполнил собою все вокруг, весь этот непонятный мир, заставляя дрожать в унисон каждую клеточку организма, заглушая любой другой звук. Обрушившийся сверху ветер вдавил Сварога в грунт, расплющил... и унесся вдаль. Грохот винта постепенно удалялся, и Сварог осмелился чуточку приподнять голову. Вертолет уходил к сопкам, разворачивался на новый круг. Пахло разогретым металлом и отработанным топливом. И никакой магии по-прежнему не чувствовалось на сто верст окрест...

В общем, ничего страшного не произошло: зрители, присевшие, заткнувшие было уши во время первой «атаки», поднялись и снова радостно заголосили – но совершенно неслышно: гулкий рокот заглушал все. Сварог обессиленно выдохнул, помедлил и тоже поднялся на ноги, с некоторым смущением отряхивая колени. Поискал глазами поднос, нашел – и отвернулся. Фу ты... Ну испугали, черти. Значит, это был просто спектакль? Развлекушка по типу «Пещеры ужасов». Способ пощекотать нервы пресыщенных гостей посредством боевой вертушки.

Тем временем означенная боевая вертушка завершила маневр разворота и, наклонив острую морду, пошла на очередной заход. На большей высоте. И с меньшей скоростью. И когда под ее брюхом вдруг расцвели два светло-желтых мерцающих цветка, Сварог все еще не верил. Все еще полагал, что это шутка. Так и стоял столбом, глядя на увеличивающуюся, словно в мультфильме, тушку вертолета. Не верил, когда ледяная стена замка, прошитая двумя очередями, разлетелась мириадами сверкающих осколков, а деревянная сцена словно взорвалась изнутри, расшвыривая чиновников, как городошные бабки. (Седогривого отбросило к заднику сцены, где он и упокоился в луже собственной крови.) Даже когда две стремительные пунктирные дорожки, параллельно вспахивающие землю бурыми дымными фонтанчиками, с тошно-

творным звуком «тух-тух-тух-тух!..», явственным и в грохоте несущего винта, прошлись в каком-то метре от Сварога, – даже тогда он не поверил.

Но вот когда эти дорожки вонзились в толпу перед посадочной площадкой... Первый заход на цель был чем-то вроде тренировочного. Так сказать, пристрелочный это был заход.

Дальнейшее Сварог видел словно при замедленном просмотре.

Две пулеметные очереди, вломившись в толпу, буквально вколачивали, вбивали людей в землю. Рвали в лохмотья маскарадные костюмы и тела, прорубая в толпе кровавую просеку. Ряженных охранников смело с крепостной стены порывом свинцового урагана. Люди пока еще ничего не понимали – слишком быстро все происходило. Стрекот снова удалился. Слева полыхнуло жарко – шальная пуля, похоже, угодила во что-то взрывоопасное, и с громким пшиком в небо ударил столб оранжевого пламени, подсветив сюрреалистическую картинку: простреленный навывлет, оседающий ледяной замок, заполошно мечущиеся люди в маскарадных костюмах, окропленные алым сугробы посреди зеленой травки... А вертолет уже завершал очередной разворот. И ничего не было слышно вокруг, кроме громогласного стакато несущего винта, напоминавшего тысячекратно усиленный треск крыльев бьющегося о стекло ночного мотылька.

На этот раз вертолет шел еще медленнее, короткими зигзагами. И равномерно, скрупулезно, неторопливо, как рачительный крестьянин на собственном поле, косил толпу. Не пропуская ни колоска. Видимость у стрелка, надо признать, была идеальная, ледяной городок лежал перед ним как на ладони, да и патроны он не экономил. И укрыться от обстрела было негде. Территория карнавала лежала в долине, празднично, ярко освещенная, плюс к тому прожектора на самой вертушке, а сосны были редкими и просвечиваемыми насквозь. Рефлексы буквально вопили, что надо спрятаться, укрыться, зашхериться, иначе...

Словно перерубленный, соскользнул с башни штандарт с медведями и кедром.

Какой-то хлыщ при фраке и манишке схватил первую подвернувшуюся под руку девуцу в белой мини-юбке и в кошачьей маске и прикрылся ею как щитом – очередь впечатала их обоих в грунт, превратив в сплошное месиво из костей и мяса.

Война?!

Неизвестно, по каким законам живут в этом мире, но факт, что сейчас творится нечто программой праздника не предусмотренное и никем из празднующих не ожидаемое. Где охрана, так вашу растак?! Неужели подобное собрание бриллиантов обходится без секьюрити? Если есть начальник охраны, должны же быть и вооруженные подчиненные!

Вертолет пошел на третий круг.

И началась паника.

Сварога сильно толкнули в спину, и мимо тяжело пронеслась дородная тетка, похожая на директора продмага в провинциальном магазине, весом эдак в центнер и при украшениях примерно на столько же. Она некрасиво разевала густо покрашенный рот в беззвучном крике... Толпа, наконец, включилась и, как водится, ломанулась в разные стороны – прочь от смертоносных струй, лупящих с неба, точно из спаренного шланга. Толкаясь, падая, давя друг друга,

люди суматошно метались по залитому светом городку.

Сварог поймал за шею мчавшегося сломя голову юнца с зализанными назад волосами, в той самой непонятной униформе – длинном развевающимся плаще, вот только без темных очков – и заорал ему чуть ли не в ухо:

– Прячься, дурак! В укрытие, не мельтеши! Под развалины, под обломки!

Разумеется, его не услышали. И дело вовсе не в оглушительном шуме, с которым лопасти пропеллера шинковали ночной воздух... Юнец невидяще посмотрел на Сварога глазами страдающего запором барана, вырвался и бросился прочь, закрывая голову руками. Очередь, Сварогу не причинившая ни малейшего вреда, настигла юнца возле той самой тропинки, по которой Сварог вышел к городку. Вороньими крыльями взметнулись полы плаща и опали вокруг упавшего в снег тела. Где-то вдалеке треснула автоматная очередь. С земли. И тут же замолкла.

А ведь территория наверняка огорожена, вдруг понял Сварог. Чтоб никто посторонний снаружи не сунулся. И чтоб никто из подвыпивших гостей, наоборот, не рванул погулять по сопкам, холмам и прочим чащобам. Так что гости заперты здесь, как в загоне, стреляй не хочу.

И как тут вторично не вспомнить подданных Льва-Императора, охотников со всплывшего Граматара! Но те хотя бы замораживали, а не убивали, как эти...

Вертолет ушел на очередной круг.

Сварог выругался, огляделся. Эх, сюда бы, на худой конец, «калаш»! Или, на конец совсем уж худой, «стечкин»... И неожиданно узрел в суетящейся толпе знакомую фигуру.

Зрелище, что и говорить, было феерическим. Рыжеволосая дива, та, что отметила Сварога, стояла сейчас посреди мечущейся толпы, как волнорез – толпа огибала ее, не трогая... она стояла в своем платье с глубоким вырезом – и палила в надвигающийся вертолет из небольшого блестящего пистолета, сжимая рукоять обеими руками. Посылая пули одну за другой, равномерно и точно. Лицо ее было серьезным и сосредоточенным, ни тени страха... Но что какой-то пистолет против боевой летающей машины?..

А потом Сварог увидел в толпе другую знакомую фигуру и тут же забыл о рыжей фурии.

– Лана! – заорал Сварог во всю мощь легких.

Барышня Лана бежала неведомо куда вместе со всеми. Одна туфелька на высоченной шпильке слетела с ноги, но она этого не заметила. Тщательно уложенная прическа рассыпалась, и в ветре, поднятом бешено вращающимися лопастями, каштановые волосы развевались, как рассерженные змеи на голове у мадам Горгоны.

Сварог матернулся и вклинился в толпу, как форштевень ледокола «Красин» в торосы, раздавая направо и налево тычки и оплеухи. Жертвы его кулаков даже не чувствовали ударов. Он продрался сквозь ополоумевших людей, грубо ухватил Лану за локоть и чуть ли не пинками, против течения, вытолкнул на относительно свободное место у сосняка. Вертолет опять пошел на разворот, гул немного стих. Паника продолжалась. Люди что-то орали, но оглохший от вертолетного грохота Сварог вообще ничего не слышал.

Уф... Повезло. Он оторвал болтающийся на одной нитке рукав камзола и отбросил прочь. А ведь могли и затоптать – невзирая на то, что король. Это все

равно, что оказаться на пути бегущих от лесного пожара животных.

– Где... где... где... – повторяла Лана судорожно, глядя куда-то сквозь Сварога.

Ну, извини, подруга. Без лишних разговоров Сварог отвесил ей смачную пощечину. Подействовало. Губы перестали трястись, во взгляде появилась осмысленность. Сварога она узнала. И на том спасибо.

– После плакать будем, дорогой товарищ, – твердо сказал он. – Что происходит?

– Это ты у меня спрашиваешь – что?! – вдруг заорала Лана. – Ты – начальник охраны!

Пришлось повторить курс лечения, на этот раз левой рукой. Голова девицы мотнулась, как у сломанной куклы.

– Тихо мне! – прикрикнул Сварог. – Никакой я не начальник охраны. Ты перепутала. А сейчас валить надо отсюда, да поскорее!

Лана прижала тыльные стороны ладоней к горящим щекам. Кажется, она даже не заметила, что ее только что отхлестали по мордасам.

– Машина, – наконец сказала она. От хмеля не осталось и следа. – У меня машина...

Машина? Прекрасно. Значит, этот мир знает механизмы не только летающие.

– Где? Где, я спрашиваю?!

– Где и все остальные, – Лана слабо махнула рукой в направлении, откуда к разрушаемому городку вышел Сварог.

Вертолет, неспешно развернувшись над сопками, приближался.

– Ну тогда по коням. Только обувь снимите.

Лана послушно скинула оставшуюся туфельку, и они побежали в темноту. А позади раздались уже не пулеметные очереди – позади слышались глухие разрывы. Из гранатометов лупят, понял Сварог. И подтолкнул Лану в спину – дескать, живее.

...Место, где гости, прибывая, оставляли свои экипажи, располагалось в стороне от хозяйственных строений и освещалось уютным приглушенным светом, излучаемым невысокими желтыми столбиками, вроде тех, что видел Сварог в ботаническом саду на юге. Но вот сами машины... Бетонное поле размером с два футбольных было сплошь заставлено автомобилями. Именно автомобилями, а не какими-нибудь там самоходными каретами или магическими повозками: четыре колеса, фары, зеркала, номера, руль в салоне, все, как положено. К тому же ностальгически пахло бензином – значит, это и не электро-мобили, как на Короне. Сияющие, разноцветные, преимущественно изящных обтекаемых форм, хотя попадались и весьма странные авто, похожие на бронетранспортеры...

Навстречу, как чертик из табакерки, непонятно откуда выскочил взъерошенный, насмерть перепуганный юноша в зеленой ливрее и заорал, от волнения дав петуха:

– Господи, что там такое, госпожа Арте...

– Куда машину поставил, чучело?! – резко перебила его Лана.

«Арте? Лана Арте?» – Сварог сделал галочку в памяти.

– Вон туда... – юноша ткнул дрожащим пальцем в сторону исполинского

черного, почти кубического гроба на колесах. – А что происходит?!

– Ключи где?

– На месте...

– Беги отсюда, парень, – посоветовал Сварог. Лана уже открыла левую переднюю дверцу. То место, где у нормальных машин располагается радиатор, было прикрыто чем-то вроде тарана – блестящей металлической загогулиной в руку толщиной. – В лес беги и затаись, пока не утихнет.

И Сварог запрыгнул на пассажирское сиденье рядом с водителем. Тут же мягко заработал мотор, автоматически включились фары и осветилась приборная доска, замелькали под рулем разноцветные лампочки. «Однако прогресс в разных мирах идет одной дорожкой», – мимоходом отметил Сварог. И шумно вздохнул. Интерьер салона был почти привычным, почти знакомым. Но все же...

Все же чужим он был, насквозь чужим, вот в чем петрушка, – и черт его знает, где именно проявлялась эта чуждость. В запахе ли, в контурах этого самого интерьера, в незнакомых ощущениях?.. Таким же чужим оказался и процесс переключения скоростей: Лана взялась за рукоятку передач с тяжелым навершьем (причем позади этой рукоятки торчала вторая ручка, потоньше и пониже, назначения совершенно неясного, и это был не ручной тормоз – ручник располагался подальше), но вместо того, чтобы врубить первую скорость, резко передвинула рычаг на несколько делений вниз. Колеса, взыв, провернулись на месте, машину окутал сизый вонючий дым, и авто рвануло с места столь резво, что Сварога буквально вмяло в спинку сиденья.

Стоит признать, что водила Лана Арте мастерски. Черный кубический гроб на колесах, напрочь лишенный аэродинамических характеристик, занесло на повороте. Он едва бортом не снес бамперы припаркованных рядом машин, но на последнем миллиметре до столкновения выровнял ход и метнулся в сторону чисто декоративного шлагбаума, стыдливо прикрывающего выезд с площадки. Шлагбаум от удара разлетелся в щепы, черный куб с визгом колес вырулил на тракт. И рванул в ночь.

Глава четвертая ДОРОГОЙ ДЛИННОЮ...

Удивительное дело: оказавшись за рулем, Лана моментально пришла в себя, успокоилась, стала деловитой и сосредоточенной. Хмель выветрился полностью. Понятное дело, такой адреналиновый выброс любое количество алкоголя нейтрализует и не подавится... Фары она не включала – умница: если пилот заметит отсвет на дороге, может последовать увлекательная погоня вертолета за вырвавшейся из капкана машиной.

Или в этом мире автомобильные фары просто не изобрели?

– Что это было? – спросила Лана ледяным голосом. – Точнее, кто это был? Кто напал?

– Точно такой же вопрос я могу задать тебе, – ответил Сварог, с беспокойством покосившись на водителя: спокойствие оказалось напускным – а от столь равнодушного тона недалеко и до истерики...

– Значит, Ключник – это не ты, – сказала Лана, будто пятью словами-ударами вбила гвоздь в доску.

– Не я, – признался Сварог. – Ты ошиблась.

– И кто ты есть на самом деле?

– Просто гость, – честно ответил Сварог, глядя на исчезающую под капотом дорогу. И добавил осторожно: – Причем, прошу заметить: гость, который ни черта не понимает в том, что происходило, происходит и будет происходить в дальнейшем...

– Аналогично, – зло усмехнулась Лана. – А где доказательства, что ты не врешь? Что тебя, скажем, ко мне не подослали?

Подослали, надо же. Интересное кино получается...

Сварог пожал плечами.

– Я тебя вытащил из заварушки, я тебя спас.

– Ага. На машине, которую веду я.

– Ну, тогда притормози у обочины, я выйду, и дальше сама долбись.

Лана промолчала, скорости не снижая. Она не врала. Она действительно не понимала, что случилось и кто в случившемся виноват. И пока не могла считать Сварога ни другом, ни врагом...

Ежели, конечно, детектор местного вранья не врет – в отличие от, скажем, всех остальных детекторов магии...

– Извини, – глухо сказала Лана. – Просто все это так... как-то...

Она вдруг изо всех сил хлопнула ладонями по рулю, и еще раз, и еще. Но на этом все закончилось, истерика прекратилась, так толком и не начавшись.

Под колеса убегала абсолютно пустынная дорога без разметки, по краям которой тянулся беспросветно темный лес и которую освещали исключительно цепочки таких же, как на стоянке, светящихся столбиков, обозначающих края дороги. Ни тебе деревенок, ни одиноко стоящих домов, ни уж, тем паче, фонарных столбов. В пяти метрах по обе стороны – сплошной мрак. И, кстати, встречных машин тоже не попадалось. Даже вдали не видно ничего, ни малейшего огонечка. И не скажешь, что совсем близко боевая летающая машина практически в упор расстреливает обезумевшую от ужаса толпу в маскарадных костюмах...

– Куда мы едем?

– Не знаю, – бросила Лана. – В город. Надо же сообщить... – ее голос дрогнул, и Сварог поспешно сменил тему:

– Правильно. И кто, по-твоему, меня подослал?

– У Привратника много врагов, – ответила, криво усмехнувшись, Лана. – Было. А я, если ты еще не запамятовал, была его любовницей, и...

Она запнулась.

Тогда Сварог выстрелил наугад:

– Считаешь, господин И меня подослал?

И промазал.

Лана хохотнула, совсем по-мужски:

– Господин И? Этот мешок с дерьмом пополам с деньгами? Ты что! Купить всю область – на это у него хитрости хватит, но кого-нибудь подослать... Не смехи.

И снова в салоне повисла тишина. Шуршали колеса. Летела навстречу дороге, маслянисто-блестящая в свете фар.

– Насколько я понимаю, – себе под нос проговорил Сварог, – все ждали, что господин И прибудет именно на этой... – он покрутил пальцем перед лицом, изображая пропеллер, – летающей машине. Так?

– Ну.

– Но вместо господина И к встречающим его людям прилетело много-много маленьких смертей. Именно из той самой летающей машины. И что эти люди должны были подумать?

Лана недоверчиво покосилась на него:

– Так ты действительно ничего не знаешь?

– Это с какой стороны посмотреть... – загадочно ответил Сварог. – Хотя, вполне вероятно, мое знание основано на точке зрения с совершенно другой стороны. – И добавил: – У меня, видишь ли, свои, весьма особенные источники информации.

– Нет, не может быть, – потрянула волосами Лана, его не слушая. – Зачем? Все документы подписаны, даже в столице дали добро, Привратник проиграл конкурс, а господин И получил, что хотел, заповедник теперь его – зачем же ему убивать побежденного соперника? Да еще и толпу гостей, приглашенных аккуратно по поводу подписания документов, да еще таким громоздким способом...

Так, еще и заповедник какой-то...

Сварог поразмыслил малость, вспоминая труп сегоднего в луже растекающейся крови, и промолчал. Бездумно уставился на дорогу. А что он мог сказать? Только одно: его величество влипло в очередной раз, оказавшись в центре неких политических игр...

Не по себе становится от такой езды. Впрочем, если знаешь, куда едешь, если уверен, что за следующим поворотом будет новый поворот, а уж за ним всенепременно откроется заправочная станция, вся в свете электрических огней, тогда жить, конечно, легче. А вот когда ты пришлый и чужой и вообще не понимаешь, где ты, кто ты и с какой стати тебя принимают мочить с воздуха, а тут тебя еще заносит на пустой ночной тракт, – то, согласитесь, охватывает жутковатое ощущение. Невольно закрадываются и вовсе уж странноватые, отдающие гнилой метафизикой мысли: «А не навсегда ли это? Вот так и будешь ехать, ехать, и ничего в жизни уже не будет, кроме этого мрака и бесконечной дороги...»

– А мне нравится, – неожиданно громко и невпопад сказала Лана, словно прочитав его мысли. – Нравится гонять ночами на этой колымаге. Через каждые пять шагов никто не перебегает дорогу, не прут напролом жирные уроды с маяками... Ха, попробовали бы они сейчас замаячить сзади! Даже в догонялки играть бы с ними не стала: кишка у ребят тонка... Да и вообще, в кои-то веки здесь, на трассе, можно отдохнуть от людей. А то мельтешат, мельтешат перед глазами целыми днями, чего-то все хотят, чего-то требуют, чего-то им все надо, чего-то у них у всех свербит. А тут... Втапливаешь газ, врубаешь на ченджере что-нибудь эдакое... Что-нибудь типа «Muse». Любишь «Muse»?

– Не знаю, – Сварог честно пожал плечами.

– Ну да, не слышал никогда, – утвердительно хмыкнула Лана.

– Это почему это? – враз насторожился Сварог.

– Ну... – она бросила быстрый взгляд на спутника и тут же снова вернулась к дороге. – Ну, из возраста исходя. Коллективчик-то молодежный... а какая ж ты молодежь!

– М-да, это точно. Не молодежь я, – вздохнул Сварог. Потом неожиданно сказал: – Не нервничай, Лана. Все уже позади.

– С чего ты взял, что я нервничаю?

– Говоришь без умолку, – честно ответил Сварог. – Верный признак. Ты мне лучше вот что скажи: у тебя нет с собой дорожной карты?

– Зачем? – в свою очередь насторожилась Лана.

«Затем, чтобы хоть какое-то представление составить о мире, в котором ты обитаешь, хотя бы об одном куске этого мира», – мог ответить Сварог. Но ответил по-другому:

– На всякий случай. Хочу посмотреть проселочные и лесные дороги, объезды, ближайшие населенные пункты... и все такое прочее.

– Да скоро уже в городе будем. Хотя... Там погляди, – она кивнула на то место в приборной доске, где у нормальных машин располагается бардачок. – Вроде был атлас. Но ничего не обещаю. Может, и выкинула ненароком.

Сварог провел ладонью по шершавой поверхности «торпеды», случайно наткнулся на небольшое углубление, пошарил, осторожно потянул за пластиковый язычок. И ларчик открылся, осветившись изнутри приглушенным светом – явно электрическим... И тут странный звук привлек его внимание. Он повернул голову, посмотрел на Лану. А с той происходило нечто непонятное. Она крепко сжимала губы, надувала щеки – словом, была похожа на человека, который тужится изо всех сил, сдерживая кашель. И не сдержала. Прорвало, правда, ее не кашлем. Лана, что называется, зашлась смехом. Прямо-таки затряслась от хохота, даже в глазах заблестели слезы. Опять истерика? В общем-то, ничего удивительного... Но мобиль из ее рук не выбился, не принялся вилять по дороге. Автопилот у девочки работал вполне уверенно.

– Ой не могу... Я сейчас представила... – Лана делала глубокие вздохи, пытаюсь успокоиться. – Представила, как мы... в наших... костюмчиках вылезаем посреди города из этой «вагонетки»... Вылезаем, будто так и надо. Причем не просто в камзолах, а в драных камзолах и порванных платьях. Я босиком. Этикие поизносившиеся маркиз с маркизой, приехавшие домой на «Геландвагене»...

С беспокойством поглядывая на Лану – не начнет ли стучаться головой о руль, – Сварог наугад вытащил из бардачка книжку в мягком переплете, что лежала поверх всего остального барахла. Посмотрел на обложку, прочитал название... и обмер.

Нет...

Не может быть!

Он вдруг почувствовал, как голова стремительно пошла кругом.

– Почти приехали, – услышал он неожиданно спокойный голос Ланы, но теперь с ним самим отнюдь не все было в порядке: голос донесся словно бы откуда-то из-за стены.

Сварог поднял голову, невидяще глянул сквозь лобовое стекло на дорогу. Свет мощных фар выхватил установленный на обочине синий прямоугольник дорожного указателя. На нем, как и положено, белым по синему было написано, причем по-русски: «ШАНТАРСК. 75 км».

Глава пятая ПРОВЕРКИ НА ДОРОГАХ

Шантарск? Шантарск! Написано по-русски!

– ... – невольно вырвалось у Сварога.

– Что еще не слава богу? – спросила Лана.

– Да так... просто свои мысли.

Сварог теребил в руках растрепанную книжонку небольшого формата – поместится и в кармане, с отклеивающейся бумажной обложкой. Называлась книжонка опять же по-русски – «Каналья готовится к нырку», а под названием имелся и рисунок: один аквалангист сосредоточенно целится из подводного автомата, причем совершенно нереальной системы, в другого аквалангиста, мирно проплывающего неподалеку сквозь сине-зеленую муть...

Сварог перевел дыхание и вытер отчего-то вспотевший лоб. Так, значит, что... Значит, он вернулся? В смысле – не на Талар вернулся, а на...

На Землю?! И не просто на Землю – а конкретно в родную Россию!

Ну ничего себе...

У него словно глаза открылись. Только сейчас Сварог сообразил, почему прекрасно понимает жителей этого мира. Да по причине насквозь банальнейшей! Все, исключительно все, с кем он успел здесь пообщаться, разговаривали на обыкновенном, нормальном, знакомом до слез русском языке!.. (Наверное, кто-нибудь из высокоумных психологов сможет объяснить, как это произошло, что Сварог не узнал родной язык, хотя сам же на нем и беседовал. Может быть, всему виной то обстоятельство, что он просто привык понимать многочисленные чужеземные наречия – начиная с Талара и заканчивая Короной, вот и тут принял это понимание как должное, не вдаваясь в лингвистические дебри... А может, дело в том, что Сварог после демонического судилища рассчитывал оказаться где угодно, но только не там, откуда начал свое странствие по вселенным; потому и не узнал Землю, не захотел признавать, подсознательно заместил родину новым, неведомым миром. Кто знает?..)

А с другой стороны... С другой стороны, ведь вполне могло стать так, что это никакая не Земля, а планета очень на нее похожая. Земля-параллельная, Земля-альтернативная, Земля-прим – называйте, как хотите. И судя по тому, что он увидел здесь, именно таким образом все и обстояло. Или же это далекое будущее родной Земли?

Нет, ну надо же...

И вот эту мою Землю хотят уничтожить бесы?!

Он открыл рот, чтобы незамедлительно приступить к рекогносцировке, но Лана, уже успокоившаяся и снова сосредоточенная, погруженная в дорогу, опередила его.

– А эти твои мысли, – спросила она, продолжая прерванный разговор, – они случайно не насчет того, кто именно устроил нам кровавую баньку?.. Помимо господина И. Ага, я угадала?

– Почти... – выдохнул Сварог. – Просто появились кое-какие соображения.

– У меня тоже кое-какие появились. И понимаю, почему ты темнишь. Думаешь: «Я не знаю, кто это девочка и на кого работает». Так?

– Примерно, – сказал Сварог, который думал совсем о другом.

– Мне тоже такие мысли приходили... только касательно тебя, – похоже, эмоциональный взрыв у Ланы сопровождался словесным поносом. А что делать – кровушка прямо-таки кипит от адреналина... – Никаких обид, мы ж друг друга не знаем, а вокруг заповедника в Аркаиме возится столько народу...

И тут Сварог во второй раз за последние две минуты испытал чувство, сравнимое с катарсисом. Что она сказала? Аркаим? Нет, ребята, в самом деле Аркаим, тот самый, о котором упоминали бесы?!

Он открыл было рот, но тут Лана громко протянула:

– Нет, ну елы-палы! – и принялась притормаживать. – Ну, эти как всегда. Вот ведь уроды, а? В самом неподходящем месте и в самое неподходящее время. Хотя у них должна быть связь...

– Кто? – вырвалось у Сварога.

– Кто-кто... Гибэдэдэ.

Последнее, совершенно незнакомое слово у Сварога отчего-то сассоциировалось с «ёпэрэсэтэ» – наверное, из-за интонации, с которой его произнесла Лана. Словно сплевывала волосок, прилипший к губе.

Он посмотрел в лобовое стекло. И на время напрочь забыл об Аркаиме.

Метрах в пятидесяти впереди вращалась синяя мигалка, укрепленная на крыше автомобиля незнакомой марки, посылая в ночь тревожные сигналы: «Внимание, всем стоять!» Этот, стоящий у обочины автомобиль с мигалкой врубил фары и осветил вышедшего на дорогу человека. В руках у человека был до боли знакомый полосатый жезл – вот только этот еще и светился в темноте. Причем светился не только жезл, но и надетая поверх серой милицейской формы жилетка – желто-зеленым химическим колером.

Гаишник!

У Сварога возникло двойственное и оттого неприятное ощущение. С одной стороны, видеть родного, строгого, но бесхитростного повелителя полосатой палки, не обладающего ни темными, ни светлыми – никакими! – колдовскими способностями, было хорошо. Тепло и уютно, будто вернулся в любимую тихую квартиру после долгой и утомительной командировки куда-нибудь на север... А с другой стороны – накатывала непонятная тоска. По приключениям, что ли? По дворцовым интригам, черт побери, по благородным, коварным лордам и не менее благородным, коварным дамам... Да и... что греха таить-то: тоска по миру, где он, Сварог, был нужен, был властен, был влиятелен...

Он на мгновенье зажмурился, по-детски мечтая, чтобы реальность превратилась в сон. Если, конечно, ему снится тот самый мир и та самая страна, а не что-нибудь параллельное или иллюзорное.

Сварог открыл глаза.

Ничего не изменилось. Лишь укрепилось подозрение, что это все ж таки не настоящая Земля: с плеча гаишника свисал автомат (чего просто-напросто быть не могло), причем явно автомат Калашникова, но какой-то... уменьшенный, что ли? Словно детская игрушка.

Тем временем страж дорог яростно замахал своим волшебным жезлом, приказывая пришвартовываться. В общем, понятно. К какой бы параллельности этот мир ни принадлежал, скорость они однозначно превысили, по любым правилам дорожного движения.

– У тебя деньги есть? – быстро спросила Лана.

Ха-ха.

– Нет, – сказал Сварог.

– Вот и у меня остались в сумочке, – не удивилась Лана, – а сумочка там, где и пальто, и телефон – в Розовом павильоне... Ладно... Прорвемся, не впервой.

Машина остановилась.

Лениво обозначив отдавание чести, сержант подошел к водительской дверце. Покрутил пальцем, показывая, чтобы опустили стекло. Лана нажала какую-то кнопку, стекло отъехало с тихим шорохом. Сержант наклонился к окну, колюче осмотрел людей в салоне и внятно представился:

– Инспектор ППС сержант Васильев.

После чего отвернулся и смачно сплюнул на дорогу. Утер губы тыльной стороной ладони.

– А чего такие перепачканные? С карнавала едем?

– Вот что, сержант... – сквозь зубы сказала Лана, глядя перед собой. – Я – Светлана Артемьева. Слыхали это имя? Или мне генералу Палатникову позвонить?

– О, – ненатурально удивился сержантик. – Сама Артемьева? Да еще и Палатников? А я – Васильев. Тоже круто, да? Документики попрошу.

Лана (Светлана? Артемьева?) пока держала себя в руках.

– На Олеговой пустоши ЧП. Вооруженное нападение. Массовое убийство. Зама губернатора убили! Живайло, Ольшанского! Быстро сообщите начальству.

– Быстро, значит? Разрешите исполнять? – переспросил гаишник, не двинувшись с места. – Права предъявите, мадам Артемьева.

– Ладно. Дайте мне мобильник, я сама позвоню по ноль-два.

– А у вас, мадам, что, трубки нету? – участливо спросил Васильев.

– Нету! – начала заводиться Лана. – Она там осталась!..

А в это время Сварог почувствовал, как в очередной раз тоненько запищал детектор опасности, сигнализируя, что таковая имеется, но пока умеренная, и едва машинально не пригнулся, одновременно оглядываясь, – слишком уж свежа в памяти была недавняя вертолетная атака, которой тоже предшествовал негромкий зуммер опасности.

– Разберемся. Доложим куда надо. А пока документы, – сержант наклонился еще ниже, внимательно оглядел салон, задержав взгляд на Свароге. – Ваша машина или по доверенности ездите?

Лана резко повернулась к Сварогу:

– А ты удивлялся, для чего деньги! Сунула бы сотню бакинских – сразу бы забегал, как детский паровозик.

«Бакинских?» – мысленно удивился Сварог. Он лихорадочно сканировал обстановку, на всех уровнях, включая магический, но пока ничего угрожающего поблизости не наблюдал. Или детектор всего лишь имеет в виду сам факт встречи с блюстителями закона?..

После слов насчет «бакинских» сержант резко выпрямился, стряхивая с плеча «калаш», повернулся к машине с мигалкой и крикнул напарнику, тоже в зеленой флуоресцентной жилетке и тоже с автоматом на плече, присевшему на багажник с надписью «ГБДД Шантарск»:

– Серега, ну-ка сюда! Тут у барышни проблемы. Да и выхлоп от нее – мама не горюй... А вас обоих попрошу из машины, документы в зубы, лапки на крышу, ножки врозь. Живо! Или будете мне тут втирать, кто у вас любовник и кому из генералов он на меня жаловаться станет? Или насчет того, чтобы прокатиться до ближайшего поста?

Напарник лениво отлепил задницу от багажника, двинулся в сторону тормозной машины. Сварог обратил внимание, что номер на гаишном автомобиле был непривычно синего цвета, с белыми литерами и цифрами, причем первой стояла буква «в», потом шло трехзначное число и только потом оставшиеся две буквы... но, аллах его ведает, может, тут так положено...

Сигнализатор опасности продолжал попискивать по-прежнему слабо, но

настойчиво. И Сварог произнес первые четыре слова не самого сложного заклипания.

– Подождите, – Лана полезла в незакрытый Сварогом бардачок, выудила черную книжечку – что-то вроде простого паспорта в кожаной обложке, но малость потолще, – и просунула в окошко. – Вот. Права. ПТС. Техосмотр. Полис. Не просрочено. Не подделано. Не куплено. Все в порядке. А там, на Олеговой пустоши...

– Все в порядке, кроме скорости и запаха, – холодно перебил сержант, книжечку взяв, однако ж в нее не заглядывая. – Я не из отдела убийств. Я тут поставлен следить за порядком на дорогах. И порядок этот был нарушен. Спорить будем или согласимся, что превышаем? Что выпивали?

– Эй, а они нам зубы не заговаривают? – предположил напарник Серега, приближаясь и уже с автоматом наготове.

– Да запросто, – легко согласился сержант. – Я б не то что массовый расстрел, я б инопланетян за ближайшим холмом сочинил, лишь бы машину не обыскивали...

Будучи полным профаном в здешних реалиях, Сварог пока молчал в тряпочку, однако с каждой секундой ситуация нравилась ему все меньше и меньше. Складывалось впечатление, что гаишник сознательно лепит из себя туповатого мента. Дурочку валяет. И сам заговаривает задержанным зубы... Но вот для чего ему это, спрашивается? Забавляется? Чувство классовой ненависти жить ему спокойно не дает? Но ведь не может он не понимать, что... Детектор, сперва лишь попискивавший, теперь загудел, как трансформатор.

– Слушай, сержант!!

Все, у Ланы сорвало предохранители. Она распахнула дверцу и выскочила наружу. В чисто символическом платье, босиком, смертоносная и обворожительная, как валькирия. Сварог поморщился: автоматически включился свет в салоне, превратив его в прекрасную мишень...

– Шмонай салон, копайся в багажнике, снимай сиденья! Давай, валяй, пидор усатый! Но учти, твои долбаные номера и твой жетон...

Она показала на гаишную машину, потом ткнула пальцем в грудь сержанта... и вдруг осеклась.

Сварог за время ее монолога тоже успел выбраться наружу, но не столь театрально. Выбрался – и мягонько так скользнул к корме машины, в тень.

– Ах ты... ты, шалава эдакая, думаешь, что если разъезжаешь на дорогой тачке, которую купил тебе твой трахатель, то борзеть можешь по полной! – сержантик, малость опешивший в первую секунду атаки валькирии, постепенно набирал обороты, грозно надвигаясь на Лану. И похоже, теперь он уже нисколько не играл, а был самим собой. – Думаешь, сучка, твое тут все, скупил тут все! Да ты у меня в ногах будешь ползать... – И набрав полную грудь воздуха, сержант заорал: – Банзай!!!

И в унисон с ним завопила Лана:

– Подстава!!!

Детектор опасности взвыл, как корабельный ревун. Сварог краем глаза увидел шевеление кустов в десяти шагах от того места, где остановилась их машина. А сержант и его напарник, окончательно сбросив всяческие маски, поднимали автоматы.

Думать было некогда, настало время действовать. Сварог выкрикнул про

себя последнее слово заклинания, и в его длани появился меч – прямой, двуручный, великолепно стали, идеально сбалансированный... и даже с рубином в навершии.

– Лана, вниз! За машину! – заорал что есть мочи Сварог, понимая, что сейчас начнется пальба. И прыгнул вперед.

Другие б на месте ментов растерялись. Поди тут не растеряйся, когда в руках стоящего перед тобой человека из ничего, из ниоткуда материализуется предмет более чем метровой длины. Да еще предмет абсурдный, дикий, явно не твоей эпохи... Но ребята, по всему виду, были профессионалы, которых учат удивляться уже после того, как враг повержен – вот тогда, положив нагретый ствол автомата на колени, они могут засмолить сигарку и обсудить перипетии победы: дескать, ну ни хрена ж себе, с какими чудесами довелось столкнуться. А до наступления полной и окончательной ясности нужно работать, отключив все посторонние мысли. Так учат профессионалов. И эти ребята были из их числа.

Да вот только с людьми, которых пули не берут, сталкиваться им прежде явно не приходилось. Да и слова такого – «лар» – наверняка они никогда не слышали. Выпущенная сержантом с трех метров автоматная очередь прошла мимо: пули, не задев Сварога, унеслись в темные таежные заросли.

А потом меч описал над макушкой Сварога сверкающую дугу и снес голову сержанту. Голова упала на асфальт, покатила по разделительной полосе, оставляя маслянистый след. Крутанувшись в полуприседе, Сварог рубанул по коленям напарника Серегу. И выскочил навстречу засаде.

Их было четверо. В камуфляже. В шерстяных шапочках-масках, натянутых на лица. («Опять маскарад, да что ж это такое», – некстати подумалось Сварогу.) И все с автоматическим оружием. У двоих что-то типа «узи», в темноте не разглядеть, у двоих «калаши». Короткие, но частые автоматные очереди метнулись с разных сторон раскаленными кнутами и сошлись на груди Сварога. И облаченный в камзол Сварог не смог удержаться от выходки в стиле «Горца»: он вскинул руки вверх, устремив клинок в зенит и благоговейно запрокинув голову к облачному небу. Пули с глухим стуком дырявили борт несчастного «Геландвагена», белым крошевом осыпались стекла, приглушенно лопнуло переднее колесо, и машина резко осела на нос. Вякнула была сигнализация, но тут же сдохла. И обстрел захлебнулся – наверняка ребята впали в короткий ступор, смекнув, что происходит неладное: даже если на чуваке с мечом бронежилет, то ударная сила пуль должна была впечатать его в борт. А чуваку хоть бы хны! Усиливая психологический эффект, Сварог без разбега запрыгнул на капот машины, во все горло выкрикнул: «Хур Симаргл!!!» – и сиганул под ноги автоматчикам аккуратно в тот момент, когда снова началась пальба. Двоих с «калашами» он успокоил тут же, двумя росчерками меча: первым ударом снизу-направо снес плюющиеся огнем и металлом стволы обоих автоматов по самое цевье, позволил инерции взвить клинок ввысь – и обрушил лезвие на противников, в этот раз слева-вниз, круша бронники, как картонные доспехи, и наискось рассекая грудные клетки.

Третий нападающий похвально быстро сообразил, что огнестрельным оружием чувака в грязном камзоле не достать, отбросил автомат и – по какому-то наитию, не иначе – выхватил десантный нож. Рванулся вперед – и ведь чуть было не достал, собака!

Сварог в последний момент неким невероятным манером буквально согнулся пополам, и отточенный кусок стали взрезал многотрадальный камзол на животе, едва не задев плоть. Граф Гэйр развернулся на пятках, выпрямляясь, пропуская атакующего врага мимо и делая два танцевальных шага назад – в ближнем бою тяжелым мечом управляться неудобно, знаете ли. И как только человек в маске и с ножом оказался чуть подальше, на расстоянии удара, Сварог сделал выпад. Клинок вошел тому в бок чуть ли не по рукоять.

Последний бросился наутек. Отпускать его не следовало – наверняка у парнишки есть рация. Забьется в кусты, вызовет подмогу. А подмога может подогнать уже сегодня однажды виденный вертолет. Или с сотню таких вот липовых гаишных машин. И семьдесят пять километров до города Шантарска преодолеть беглецам будет не суждено: массой задавят, наплевав на пуленепробиваемость и всю прочую магию...

Сварог метнул меч на манер копья. Таларская сталь не подвела: позвоночник убегающего был перерезан на уровне лопаток. Не перерублен, а именно перерезан – как столовый нож острым концом с легкостью перерезает полиэтиленовую пленку между сосисками... Сварог произнес заклинание, и меч исчез так же быстро и беззвучно, как и появился.

Шесть – ноль. Шесть трупов меньше чем за минуту. Неплохой результат – даже для лара. В Сварога будто демон вселился: он отрабатывал атаку весело, играючи, с упоением...

Так, минуточку.

Демон, говорите, вселился?..

Сварог помотал головой.

Да нет. Ерунда. Паранойя. Просто он – лар, вот и все. И что могут какие-то гаишники, пусть и ненастоящие, пусть и нехило подготовленные, супротив лара?

Сварог подошел к изуродованной машине, опустился на корточки у левого переднего колеса.

– Все закончилось, Лана. Можно выбирать.

Сотворил сигарету, прикурил. Подал руку Лане, помогая подняться на ноги. Глаза у нее были как два пятака.

– Ты кто такой? – выдавила она.

Сварог пожал плечами. Да уж, весело начинается его пребывание в этом мире. Сначала вертолетная атака, теперь вот, извольте видеть, – шесть трупов.

– Человек, который постоянно оказывается не в том месте и не в том времени... – ответил он Лане.

– У тебя действительно сабля была, или мне показалось?

– Конечно, показалось. Обыкновенный кортик. Потом дам поддержать. Лучше скажи, как ты догадалась, что это засада.

Лана помотала головой, приходя в себя. Подобрала с асфальта документы на машину. И сказала сквозь зубы:

– Потому что я дура, вот как. Сразу могла бы догадаться. Во-первых, у этого... сержанта не было бляхи на груди. Потом, надпись на борту – «Шантарск», хотя здесь еще пока область и городским тут делать нечего. Ну и буква «в» на номере... Сука!!! – Она вдруг со всей дури пнула уцелевшее левое переднее колесо. – Дрянь! Ну, гнида, я тебя достану!

– Надо убираться отсюда, – сказал Сварог. Меньше всего ему сейчас хотелось общаться с представителями власти. – Наверняка кто-то уже сообщил о расстреле на этой твоей Олеговой пустоши...

Лана его не слушала.

– Нет, ты понял? Ты понял, да?! Они же специально трассу перекрыли – чтоб уж точно никто оттуда не ушел! Твари!

Сварогу вдруг вспомнился разговор, подслушанный им в «ледяной» подсобке: «Ты посты расставил?» – «Конечно. На всех выездах. Мышь не выскочит». – «Смотри, если что пойдет не так – из-под земли достанут...»

Последнюю фразу, что характерно, произнес некто Ключник – который, если верить Лане, есть правая рука некоего Привратника, начальник его безопасности.

Все страньше и страньше, как говаривала девочка Алиса...

Сварог помотал головой – после разбираться будем – и крепко взял Лану за локоть:

– Валим отсюда. Живо.

– На чем?! Ты видел, во что они мою машину превратили?!.

И неожиданно она замолчала.

Не стовариваясь, оба посмотрели на исковерканный автомобиль под странным названием «Геландваген». А потом синхронно перевели взгляд на осиротевшую машину псевдогаишников со все еще работающей мигалкой.

Глава шестая ДОМ, РОДИМЫЙ ДОМ

Спустя двадцать минут транспортное средство, украшенное отклеивающейся надписью «ГБДД Шантарск», летело в сторону города, уносясь все дальше от полыхающего «Геландвагена» с шестью трупами в салоне. Причем трупам, предварительно Сварогом обысканными – но ничего не предъявившими. То есть вообще ничего. Ни документов не было у бойцов засадного полка, ни денег, ни записных книжек и иных личных предметов. Даже носовых платков и сигарет. Ничего. Странно, Холмс? Более чем, дорогой Ватсон...

Конечно, угонять машину, явно принадлежащую неким властным структурам, было верхом безрассудства – тем более после того, как Сварог собственноручно покрошил в мелкую капусту представителей этих самых структур. Пусть и фальшивых представителей. Но... но что прикажете делать? В лесу ночевать? Пешком в город идти? Возвращаться в разоренную Олегову пустошь, опять же пешком?.. Так что, как ни крути, а воспользоваться вражьем транспортом пришлось. И в этом самом транспорте ничего интересного не обнаружилось. Ни тебе рации, ни арсенала – ничего. И теперь больше всего Сварог опасался, что вот-вот из-за поворота появятся огни фар – фар, например, спешащих к Олеговой пустоши машин с ментами, пожарными, врачами и прочими спасателями. Увидят ползущий в обратную сторону гаишный автомобиль с выключенным «маячком», а чуть позже заметят догорающий на обочине «Геландваген»... и даже самый тупой командир не поленится приказать какой-нибудь машине из арьергарда развернуться, догнать гаишников и просто поинтересоваться: а что, собственно, произошло... Или же – что навстречу во всей своей боевой раскраске выскочит машина уже взаправдашних, не подставных гаишников, которые запросто распознают фальшивых коллег по работе и устроят погоню по полной программе. Или, что еще хуже, у нападав-

ших был-таки наблюдатель в кустах, не принимавший участия в схватке и видевший весь этот сюрреализм. И как только он вышел из ступора, так, захлебываясь, заорал в рацию, вызывая подмогу. В этом случае навстречу из Шантарска уже выдвинулась усиленная группа захвата. Сварог, конечно, не допускал, что кто-то тут же поверит рассказу наблюдателя (ежели таковой действительно присутствовал) – о самурае, расправившемся посредством невесты откуда взявшегося меча с шестью подготовленными хлопцами, но все же встречающие будут готовы к неожиданностям. Будь Сварог один, ему ничего не стоило бы пройти сквозь них, но с Ланой... Да и то, среди возможного комитета по встрече вполне может оказаться еще один специалист, виртуозно владеющий приемами ножевого боя, а может, и не один, может, поверили наблюдателю-то и навстречу им выслан отряд местных мастеров ниндзюцу...

Но – обошлось. Трасса как была пустынной, так пустынной и оставалась. Не видать было даже иных постов на пути. Ну и слава богу. Сварог решительно сжал зубы и глубоко вдохнул, потом выдохнул – вот ведь какая чушь в голову лезет.

Он посмотрел на Лану – та сидела, сжимая руль так сильно, что побелели костяшки пальцев, и не отрывала взгляда от несущегося под колеса полотна шоссе. С момента «захвата» машины она не произнесла ни слова, но очередного всплеска истерики, которого опасался Сварог, не было и в помине. С расспросами Лана тоже не приставала, и это было хорошо. По обеим сторонам пустого шоссе проносился выхваченный светом фар лес, к тому же озаряемый всполохами установленной на крыше мигалки.

– Выруби ты этот маячок, – не отрываясь от дороги, проговорила Лана. – Зачем лишняя иллюминация? Ты еще сирену включи для комплекта...

Чертыхнувшись (как же он сам не сообразил-то?), Сварог быстро оглядел приборную панель – точно, вот этот тумблерочек, над самой пепельницей. А ну ежели так... Всполохи послушно пропали, теперь определить спецпринадлежность автомобиля можно было только с достаточно близкого расстояния.

Вот и славненько.

Значит, наступил момент истины, потому как потом времени на объяснения может просто не оказаться. Пора было, как говорилось в одном бессмертном фильме, ковать железо, не отходя от кассы. Эх, вот бы сюда старину Рошала – уж он-то разговорил бы девчонку в одну секунду...

Сварог сел прямо, собрался с мыслями, вошел, что называется, в образ и отеческим тоном нарушил тишину:

– Ну вот что, гражданка Артемьева, подруга дней моих суровых. Засада на дороге – это уже не шутки. А уж ЧП Олеговой пустоши – тем более. Поэтому игры в супермена и спасаемых им симпатичных барышень закончились и начались суровые будни, реальные и насквозь неромантичные. Дорога у нас длинная, давай-ка все сначала и по порядку. Я задаю тебе вопросы, а ты на них отвечаешь, причем одновременно и подробно, и кратко. Задача ясна? И не надо так смотреть на меня, душа моя, на дорогу лучше смотри. И считай, что я... ну, скажем, что я – инкогнито из... – тут он чуть было не ляпнул «из Москвы», но вовремя осекся: а вдруг это все же не совсем Земля и никакой Москвы тут в помине нету? – ...из столицы. И вообще, ничего не понимаю в ваших делах. Так что для начала объясни мне, интуристу, кто таков Привратник, кто таков господин И, что за заповедник с Аркаимом, а также что вы все в этой Олеговой

пустоши делали, такие красивые и расфуфыренные.

Секунду Лана напряженно молчала, потом вдруг ухмыльнулась:

– Как же я сама-то не догадалась... Если ты действительно не Ключник и если ты из Москвы... («Ага», – подумал Сварог.) Значит, ты оттуда. Ну да, ну да, агент, сотрудник, засланец, шпион... Сотрудник, кстати, чего? Какой конторы? И зачем тебе я?

– Нужной конторы, сердце мое, – холодно улыбнулся Сварог. – Именно сотрудник и именно Конторы, тут ты правильно все вычислила. К черту подробности, у нас мало времени. А насчет того, зачем мне ты... Просто, видишь ли... Ну, просто потому что у меня данные чуть-чуть из других источников, и эти данные, вполне вероятно, могут отличаться от того, что знаешь ты. А могут и дополнять. Итак?

– Что?

– Что такое Аркаим, кто такие Привратник и господин И и какого черта им всем друг от друга нужно.

– Я знаю только то, о чем вот уже две недели трубят по телевизору.

Ах, тут и телевизоры есть? Тоже неплохо.

– Ну, вот это и выкладывай. Посмотрим, что у вас по телевизору крутят...

Короче говоря, осторожно и осмотрительно, будто через минное поле, Сварог пробрался к истине – по крайней мере к истине в понимании Ланы Артемьевой. Ланы, которая, насколько понимал Сварог, не врала.

Все оказалось не так уж сложно и загадочно. Увы, напротив: все оказалось до примитива банально... и узнаваемо.

В общем, имелся на бескрайних просторах Сибири некий не то заповедник, не то заказник, не слишком обширный, но и не маленький, под названием Аркаим, раскинувшийся на самой границе Шантарской губернии. В времена, когда советская власть уже дышала на ладан, но еще дергалась, на этом месте были обнаружены развалины какого-то доисторического города, руины какой-то древней цивилизации. Среди узенького круга энтузиастов поднялся шум, однако его совершенно заглушил грохот, сопровождавший разрушение государственного строя и процесс накопления первоначального капитала. Проще говоря, всем было глубоко плевать на древние цивилизации и затерянные в тайге города. Аркаим передали на баланс государства и благополучно о нем забыли – кроме горстки фанатов-археологов и неортодоксальных историков. А и действительно: что проку в период построения демократического общества ухаживать за куском леса – ничем, собственно, от прочей тайги не отличающегося, за которой вообще никто не ухаживает и которая, тем не менее, прекрасно служит легкими планеты вот уже несколько миллионов лет?

Однако несколько лет назад, когда эпоха тотальной приватизации и повсеместной раздачи государственного добра кому попало уже канула в Лету, был объявлен конкурс на частную аренду, и у заповедника вдруг образовалось аж пять претендентов на роль хозяина. Ну, трое отпали практически в самом начале гонки за этот кусок планетарных легких (площадью, между прочим, в двадцать квадратных километров), но оставшиеся двое боролись за право владения Аркаимом с упорством и азартом, достойными лучшего применения. Один – Сергей Ольшанский, в далеком уголовном прошлом носитель кликухи Привратник, а ныне уважаемый сибирский предприниматель, владелец одного завода, трех шантарских газет и двух пароходов, возящих по Шантаре лес и

импортных туристов. Другой – Чжоу И, гражданин Китая, тамошний высокопоставленный чиновник, он же олигарх, он же чуть ли не лучший друг нынешнего премьер-министра, активно ищущий, к чему бы эдакому золотонному присосаться в соседней Сибири... и наконец нашедший заповедник под названием Аркаим.

Причем и у одного, и у второго планы были одинаковые: организовать в сем экологически чистейшем месте элитную базу отдыха. Ни-ни-ни, что вы! Никаких там девок, стрельбы по птичкам-зверушкам, водки моря разлитого и прочих безобразий! Мусорят и дебоширят нехай на курортах подешевле, а здесь вся фишка в том (Лана так и сказала: «фишка», что Сварог перевел как «идея»), что бешеные бабки платятся именно за то, чтобы не гадить, где отдыхаешь, воссоединяться с первозданной природой и погружаться в нирвану вдаль от офисов, фьючерсных контрактов и прочих мерчендайзингов.

Робкие голоса противников превращения затерянных в тайге допотопных камней в доходное для всей области место никто, разумеется, не слушал.

Лана понятия не имела, каким именно манером подданный иностранного государства сумел затесаться в объявленный конкурс, однако факт остается фактом. Грызня между претендентами шла самая что ни есть яростная, даже непонятно почему: дохода от эксплуатации никому не известного заповедника в таежной глуши – с гулькин нос, а расходов, пока превратишь его в моднейший курорт... лучше не думать. Причем в ход шли все средства, совсем как во время какой-нибудь предвыборной гонки: сумасшедшие деньги, СМИ всех возможных направлений, народные референдумы и агенты влияния в правительстве, даже крикуны из «Гринписа» поддерживали то одну, то другую сторону – в зависимости от суммы гонорара. Вот разве что пока не привлекалась тяжелая артиллерия в лице ОМОНов, СОБРов и иных вооруженных до последнего зуба бандитов... Трудно сказать, почему противоборцы не прибегли к самой эффективной в России возможности решить вопрос в свою пользу – то есть перестрелять на хрен людей конкурента вкупе с самим конкурентом, – однако до сегодняшнего вечера битва железных толстосумов проходила как-то без кровопролития. (То ли за время отсутствия Сварога, если, конечно, это был его мир, вышеуказанный процесс первоначального накопления капитала закончился и бритоголовые братки сменили пропитки и спортивные штаны «адидас» на стильные костюмы и чесучовые галстуки, а «калаши» и бейсбольные биты – на ручки «паркер» и кресла в совете директоров какого-нибудь там «Бакс-банка»... то ли супротивники просто не хотели переходить невидимую границу меж законом и криминалом, то ли еще по каким причинам конкуренты бодались исключительно мирными способами – Лана не знала.) Но вот буквально две недели назад Чжоу И удалось обойти соперника на целый корпус. Каким образом – не суть важно: может, кремлевские связи помогли, может, более заманчивый в смысле чиновничьих доходов документ под названием бизнес-план... Как бы то ни было, отныне заповедник на девяносто девять лет принадлежал китайскому мандарину.

К чести Сергея Ольшанского, он умел проигрывать достойно. Привратник не обиделся, не стал бегать по судам и не грозился египетскими казнями победителю. Напротив: во всеуслышанье сообщив, что безмерно уважает сильного соперника и что никаких претензий к последнему у него нет, а также выразив твердую уверенность, что под руководством столь многоопытного и мудрого

бизнесмена, как Чжоу И, Аркаим непременно станет звездой первой величины в списке экзотических курортов мирового уровня и принесет много-много денег Родине, Ольшанский объявил о скромненькой такой презентации новой сибирской базы отдыха, каковую (то есть презентацию с непременными для такого случая развлечением) он, Сергей Ольшанский, готов организовать на собственные средства в местечке под названием Олегава пустошь. Приглашаются все участники проекта. Плюс все, кто способен оплатить приглашение. И вот...

– Ты что, и в самом деле думаешь, будто Ольшанский спятил? – вдруг спросила Лана. – Решил расстрелять всю тусовку – и сам погибнуть – в надежде, что уже подписанный в Москве договор потеряет силу? Не смешите, господин Гэйр...

И она вдруг опять замолчала.

Сварог, даже не глядя на Лану, ощутил, как она напряглась. Впереди показался свет фар.

– Спокойно, – сквозь зубы проговорил он. – Далеко еще?

– Километров пять до города, наверно, ну и там еще столько же, – после паузы ответила Лана.

Встречный свет меж тем приблизился, и Сварог внутренне подобрался – сейчас узнаем, по наши ли души автомобильчик или просто встречный транспорт... Из-за холма показалась обыкновенная легковушка, жигуль-«шестера», не обремененная никакими спецсигналами и прочими атрибутами принадлежности к организациям. Спустя несколько минут стало ясно, что в машине только водитель, а еще через несколько секунд, показавшихся Сварогу часами, машины благополучно разминулись и трасса впереди вновь освещалась только фарами конфискованного псевдогаишного авто. Сварог посмотрел в зеркало – красные габаритные огни встречного удалялись. Рядом шумно выдохнула Лана. Ее вроде начал бить озноб.

– Значит, не было у них наблюдателя, – пробормотал Сварог. – Значит, атака ниндзя откладывается...

Меж тем их машина поднялась на холм, и впереди, километрах в восьми, показали городские огни.

– На въезде в город пост ГИБДД, стационарный, – сухо произнесла Лана.

– По городу на этом чуде природы тоже лучше не ездить, – в тон ей ответил Сварог. – И что нам остается? Ты местная, тебе и решать. – И, не дождавшись ответа, сам предложил: – Значит, не доезжая поста, бросаем машину и лесом выходим к городу. Ну а там пешком дойдем до места. Скажи спасибо, что до города без приключений добрались...

– Зачем пешком, – внезапно сказала Лана. – Бардачок открой-ка, у этих негодяев наверняка есть что-то в заглазнике... Это что? Ага, вот видишь! – она торжествующе выхватила из рук Сварога черный то ли кошелек, то ли портмоне. – Зачем пешком, на такси доедем! Держи, – и протянула Сварогу несколько купюр, а кошелек-портмоне полетел обратно в бардачок, – этого за глаза хватит добраться и еще останется...

Сварог спрятал в карман трофейные деньги, среди которых были две купюры по пятьдесят (ого!) долларов и четыре тысячи пятьсот (ого два раза, это ж целое состояние!!) рублей. Явно рублей, ежели судить по надписям, но рублей вида самого непривычного. Доллары, впрочем, тоже отличались от тех, кото-

рые Сварогу приходилось держать в руках в свою майорскую бытность: и портретик президента побольше, и расположен он чуть иначе... (Или просто за время межпространственных скитаний малость подзабылось, как выглядят заморские зеленые бумажки?..)

– За сотку баксов нас даже в таком виде до парадной довезут... – Лана, повернув зеркало к себе, пыталась привести прическу в порядок. Волосы слушались неохотно.

А Сварог в очередной раз, простите, охренел. За сто долларов? До подъезда?! Да где она живет, в Париже, что ли?!! Но лишние вопросы задавать не стал. Отвык, знаете ли, задавать лишние вопросы... Нет, ну все же: сотня долларов! И этикие деньжищи преспокойно валяются в бардачке простых гаишников, пусть и подставных!..

Мама дорогая, куда ж меня занесло-то, а...

Сварог сделал несколько успокаивающих вдохов.

Не помогло.

Вдоль обочины уже вытянулись во фронт фонарные столбы, и Лана решительно загнала машину поглубже в орешник за уродливой гранитной тумбой с выпуклыми буквами «ШАНТАРСК».

– Все, дальше пешком, – сказала она, – не будем играть с судьбой в рулетку.

Вдохнув, выбралась из машины. Секунда – и они скрылись в лесу по едва заметной со стороны и очень кстати подвернувшейся тропинке, ведущей, как примерно прикинул Сварог, в сторону освещенного городского массива. Очень быстро Лана приободрилась, почувствовала себя намного увереннее, короче говоря, вновь обрела почву под ногами... Между прочим, по-прежнему босыми. Хорошо еще, что ухоженная попалась тропка – ни хвойных иголок, ни сучков, ни мусора.

– Так, это мы где... – вполголоса бормотала она, озираясь по сторонам. – Ага, понятно, нам через центр ближе будет, потом направо по Черского, – она мрачно ухмыльнулась, и Сварог не понял почему, – и, считай, уже дома...

Они вышли к широкому, но плохо освещенному проспекту, пустому в сей утренний час. И как по заказу с перекрестка на проспект вырулило авто, всем видом выражавшее принадлежность к частному извозу. Лана энергично махнула ладошкой, и машина неторопливо прижалась к обочине, – со смешанными чувствами Сварог признал в самодвижущейся колеснице родную «шестеру». Никаких сомнений: к ним подрулил ВАЗ 2106 белого цвета, с раздолбанными и потому свистящими тормозными дисками и бряцающим сцеплением...

Черт, так вернулся он на Землю или это какой-то другой мир?! Слишком много соответствий с Землей. И слишком много различий...

Перегнувшись через пассажирское сиденье, шофер открыл дверь и вопросительно уставился на Лану. Но потом взгляд переместился на Сварога, и лицо его разом поскучнело.

– Куда? – сухо спросил водила.

– До «Золотой пади», – обворожительно улыбнулась Лана.

– Скока? – скептически спросил водитель, переводя взгляд с грязного коктейльного платья Ланы на потрепанный камзол Сварога.

И Лана решительно сказала:

– Стольник.

– За стольник я до пивной ближайшей подвезу, – равнодушно ответил шоферюга, собираясь закрыть дверь.

– Ты не спросил – стольник чего, – вновь улыбнулась Лана.

– Чего? – купился тот.

– Баксов, естественно, – пренебрежительно пожала плечами Лана. – Дорогой, заплати вперед, видишь, человек не вполне уверен в нашей кредитоспособности.

Сварог, из последних сил сохраняя лицо, достал из кармана две заблаговременно отложенные зеленые бумажки на общую сумму в целое состояние, протянул водителю и, приподняв бровь, спросил королевским тоном:

– Договорились?

Шофер, равнодушно взяв состояние и повертев купюры так и сяк, разве что на зуб не попробовав, почесал щетину, посмотрел на потолок и молча кивнул.

В общем, поехали. Лана устроилась на переднем пассажирском месте, против чего Сварог ничуть не возражал, рассудив, что так ей дорогу показывать сподручнее будет. Сам же он развалился сзади и только сейчас почувствовал, что можно малость перевести дух. Уф, ну и ночь выдалась... Ландо покатило в сторону центра.

Сама поездка по просыпающемуся городу Сварогу запомнилась мало, он вполуха слышал, как разговаривала Лана с водилой, фиксировал в памяти незнакомые названия улиц, по которым они проезжали и на которые сворачивали: «Каландарашвили», к примеру – это название ему вообще ничего не говорило. Зато безмерно радовало то, что с момента посадки в такси за ними не увязалось ни одной машины. Да и вообще, в этот предутренний час машин в городе попадалось мало. Лана о чем-то весело щебетала с извозчиком – но не хвост распускала по извечной женской привычке к флирту, а аккуратно подводила к мысли, что, мол, босая растрепанная женщина в дорожном платье и перепачканный мужик в камзоле – это вполне нормально для ночного Шантарска. Водила нейтрально помалкивал, хотя и было видно, что он расслабился и никаких подлянок от пассажиров вроде уже не ожидает.

Короче, ехали весело... Стремительно проскочили центр (повсеместно, даже на закрытых в ночное время суток заведениях горели неоновые вывески – главным образом почему-то на английском языке. Сварогу вдруг показалось, что он попал в эпизод дурного советского фильма про американскую жизнь: пустынная ночная улица, масса ярких, мигающих, разноцветных, хаотичных непонятных названий, но, как пелось в одной некогда популярной песне – на дворе ни машин, ни людей), в общем, центр проскочили, вылетели в пригород и оказались в районе, застроенном в основном коттеджами, принадлежащими несомненно весьма состоятельным владельцам.

В конце окультуренной аллеи показались будка охранника и полосатый шлагбаум. Водитель вопросительно посмотрел на Лану, та махнула рукой: дескать, езжай. Подъехали. Из будки вышел молодой белобрысый парень в полувоенной форме, двинулся к остановившемуся в метре от шлагбаума авто. Приблизился и неспешно наклонился к водителю.

– Частная собственность, – нажевывая резинку, лениво процедил он. – Разворачивайся давай!

– Вадик, ты сдурел? – подала голос Лана, чуть наклонившись в сторону приоткрытого окна со стороны водителя, и Сварог явственно услышал в ее тоне

королевские интонации. И мимоходом подумал, что во всех мирах все одинаково, в том числе и тон, которым власть имущие говорят с прочей частью населения. – С каких это пор я тут чужая стала, а?

С парнем произошла разительная перемена, он выпрямился, расправил плечи, втянул и без того плоский живот... такое впечатление, что и жвачку проглотил.

– Доброе утро, Светлана Витальевна, – пробормотал охранник по имени Вадик. – Простите, не признал... Что-то... что-то случилось?

– Вадик, я что, перед тобой отчитываться должна? – вопросом на вопрос ответила Лана. – Ты бы шлагбаум поднял уже, а?

– Может, милицию...

– Вадик!

– Конечно, извините, – охранник поспешил в свою будку, и шлагбаум величественно поднялся, как разводной мост.

Машина двинулась по обсаженной пихтами аллее. В глубине, за бетонными заборами, виднелись крыши пряничных домиков, в некоторых окнах уже горели огни. Неторопливо светало. У одного из коттеджей Лана попросила остановиться и сказала с облегчением:

– Все, прибыли. Вот она, хижина тети Ланы. Добро пожаловать...

Хижина за внушительным забором являла собой аккуратненький одноэтажный особнячок с панорамным окном во всю торцевую стену и трогательным жестяным флюгером-петушком на коньке четырехскатной крыши. Сварог чуть замедлил шаг, увидев прикрепленный к торцевой стене белый, чуть вогнутый диск, более всего напоминающий тарелку локатора, но промолчал. Водила невозмутимо развернулся и скрылся в обратном направлении – с таким видом, будто по несколько раз в ночь за сотню долларов делает парочкам в перепачканных театральных нарядах величайшее одолжение и подвозит их до элитного поселка.

Идя по ухоженной песчаной дорожке к крыльцу, Сварог тоже хранил непроницаемо каменное выражение лица, думая философски, что ведь если, в конце концов, простой майор может стать королем четырех миров, отчего бы простой любовнице буржуа не стать владелицей скромненькой фазенды со-ток эдак в тридцать... да еще и с радиолокационной станцией в придачу.

Зеркальная прихожая («Обувку снимай, вот тапочки». Тапочки, кстати, оказались в виде потешных мохноухих собак). Огромная гостиная, совмещенная с кухней, похожей на капитанский мостик космического лайнера («Боже, как кофе хочется. Кофе, сигаретку и душ...»).

Но вместо претворения в жизнь сих маленьких радостей Лана, буркнув: «Располагайся, короче. Можешь налить себе чего-нибудь», – подхватила со столика черную телефонную трубку не только без провода, но и без собственно телефонного аппарата и скрылась в недрах коттеджа.

Сварог на ее исчезновение внимания не обратил. Он смотрел на стену, где висел большой отрывной календарь с умильными котятами и красной рамкой на прозрачной ленточке, – рамкой, долженствующей указывать дату.

И, ежели верить календарю и рамке, то сегодня было семнадцатое июля две тысячи шестого года.

Прошло без малого пятнадцать лет с тех пор, как он покинул Землю.

Глава седьмая

НОВОСТИ И ПРИЯТНОСТИ

И что это означает, милорды? Только одно: в разных мирах время течет по-разному – на Таларе Сварог провел около двух лет, еще в двух мирах и того меньше, а тут – эвона сколько утекло...

Ну, чего-то такого он, знаете ли, и ожидал, садясь в черный гроб на колесиках. А ведь могло быть и хуже. Могло забросить куда-нибудь в Антарктиду времен Беллинсгаузена и Лазарева. Или в африканские джунгли – и добирайся оттуда до Сибири как хочешь. Так что спасибо следует сказать господам демонам...

Итак, Лана куда-то запропала вместе с телефоном, и Сварог оказался предоставлен самому себе. Поэтому, не теряя времени, он скоренько осмотрел дом, двигаясь по часовой стрелке. Две спальни. Четыре кладовки. Два совмещенных санузла. Кабинет. Ничего интересного. Даже радиолокационной станции не обнаружилось. Он вернулся в гостиную. Походил туда-сюда по ворсистому ковру, осмотрелся. Что ж, чистенько, уютненько, богатенько, совсем как в штатовских фильмах. И в таких-то хоромах она живет одна? Не смешите, господа... Хотя... Нигде ни следочка мужского присутствия. Он изучил набор бутылок в баре (бар – это три полки в специальной нише в углу, заставленной емкостями различных объемов и всевозможных форм), бутылки были большей частью с нерусскими и абсолютно неизвестными названиями, но дегустировать, как предлагала Лана, он не стал. Это все ж таки, братцы, моветон: пить, когда солнце еще не позолотило верхушки кедров. Открыл огромный серый металлический шкаф, на поверку оказавшийся холодильником. Достал ломтиками нарезанное мясо – но почему-то намертво впечатанное в прямоугольник прозрачного пластика (искусственное, что ли...), повертел в руках и положил обратно. Внимательно и недоуменно рассмотрел единственную картину на стене – площадью квадратных метров в шесть, под стеклом и в пластмассовой раме со знакомыми буквами «Sony»... но, как выразилась его спутница, фишка заключалась в том, что на картине абсолютно ничего изображено не было: поверхность холста оказалась равномерно серой и невзрачной. Эдакий серый прямоугольник кисти местного товарища Малевича. В стекле, покрывавшем полотно, тускло отразилось озадаченное лицо Сварога. Это что же, «Сонька», выходит, авангардной живописью занялась? Однако...

Нет-с, уважаемые, все-таки здесь он чужой. Чужой – и хоть режьте.

Ладно, долой сопли. Он пожал плечами и отвернулся. Другим пора заняться. Настало время паузы и, следовательно, размышлений. Вопросы есть? И еще сколько! Но.

Вопросы с пункта номер один по пункт номер «эн» пока оставим на потом. В частности: кто он, собственно, есть – настоящий Сварог или же его антагонист? А если настоящий, то его ли, Сварога, это родина-матушка или же это параллельный мир? А если его, то сколько времени прошло с момента его убийства? И так далее. Это все, конечно, важно, но пока неважно. Главное сейчас другое. Главное сейчас...

Конечно, гонка в Аркаим.

Вообще, странно как-то все складывается, если подумать. В буквальном смысле слова он попал с корабля на бал. Причем на бал, обернувшийся массовым расстрелом. И как-то так чисто случайно получилось, что он спасает совершенно незнакомую женщину (более того: вообще единственную, с кем он

говорил больше пяти минут), и она чисто случайно оказывается... э-э... ну, скажем так: приятельницей человека, который всеми силами желал получить во владение местечко под названием Аркаим. Чистая случайность? Ох, режьте меня на куски, но почему-то не верится... Тогда что? Ловушка, попытка направить его по ложному следу? Но Лана не врет (если только не врет сам детектор лжи), и даже самый хитрый демон не смог бы подстроить так, чтобы в беснующейся толпе Сварог разглядел именно ее и именно ее спас.

Или смог бы? Слишком уж кстати подвернулась эта девчонка...

Недостаточно информации, вот в чем дело.

Что ж, посмотрим на проблему с другой стороны. А что в это время, интересно знать, поделывает Сварог-прим? И не важно, кто из нас настоящий, а кто демон в обличье Сварога. Что делает второй? Повезло ли ему так же, как и мне? Или я нахожусь на тупиковом пути, а он прямой дорогой движется к Аркаиму? Или идет за мной по пятам, выжидая удобный момент, чтобы нанести удар?..

И что прикажете делать?

Сварог сообразил себе кофе и несколько бутербродов, принялся неторопливо жевать, расположившись за низкорослым стеклянным журнальным столиком.

Или вот, кстати, насчет Ланы. Не кажется ли вам подозрительным, дорогой Холмс, что девушка, приближенная к сильным мира сего и по пояс погруженная в их тайны, ни с того ни с сего вдруг привезла к себе в дом совершенно незнакомого мужика в костюме здешнего официанта – без документов, денег и более-менее внятного объяснения, как он появился на ее горизонте. Какого, спрашивается, хрена из всей толпы он спас именно ее, Светлану Артемьеву, э-э, приятельницу, скажем так, Привратника, он же Сергей Ольшанский, он же устроитель Ледового праздника, он же проигравшая сторона в битве за Аркаим...

Впрочем, насчет мотиваций поступков Ланы, дорогой Ватсон, все предельно прозрачно. Пока у нее просто не было времени задуматься, зачем она понадобилась этому инкогнито из Москвы. Московский мачо вытащил ее из заварушки в Ледяном Доме, вообще каким-то невероятным образом спас от фальшивых гаишников – как же слабой девушке не довериться сильному мужчине! Довериться без оглядки, не размышляя, переложить на широкие плечи решение всех проблем, а кто он и зачем – после выяснять будем. Вполне по-бабьи, вполне объяснимо.

Другое дело, что оставаться в ее доме есть верх неразумности. Интересно, она вызвала милицию? Потому что если да, то...

Опа! А это что такое знакомое на столике напротив открытого настежь окна? (Ну да, зачем, спрашивается, закрывать окна в охраняемом и очень престижном районе...)

Компьютер, чтоб мне провалиться! Точно, никаких сомнений: тихонько гудящий серый параллелепипед с дисководом и мигающей лампочкой, клавиатура, мышь, все как у людей... вот только монитор непривычный – толщиной всего сантиметров семь, но громоздкий и плоский, как шутка эстрадного юмориста. Скоренько уничтожив остатки трапезы, Сварог подошел, шевельнул мышью – и экран тут же осветился, выдал цветную картинку с английскими и русскими словами и мерцающим в пустом окошечке курсором.

Автоматом включилась магическая функция «отмычка», помогающая разбираться с любыми механизмами. И тут же в мозгу стали вспыхивать отчетливые, но совершенно дикие образы: «Интернет», «домен», «провайдер», «выделенный канал», «браузер», «трафик»... в общем, штук пятьдесят понятий. И все, собственно. Большого «отмычка» предложить не смогла. Сварог понял, что это за зверь такой, Интернет, но как им пользоваться, по-прежнему не имел ни малейшего представления. В очередной раз спасибо родимой магии.

Вот ведь блин горелый... Сварог задумчиво посмотрел в распахнутое окно на сереющие в предрассветной дымке высоченные кедры, стеной окружившие задний дворик коттеджа. Едва ощутимый ветерок лениво шевелил занавески; было по-утреннему свежо.

Сварог склонился над экраном... и вдруг ухмыльнулся. Нет, хлопцы, тут и магия-то не нужна, чтобы разобраться. Ну да, совсем не бином Ньютона.

Под мигающим курсором располагалась надпись: «ВВЕДИТЕ СЛОВО ДЛЯ ПОИСКА», а правее – нарисованная кнопка с пояснением: «НАЧАТЬ ПОИСК». Проще пареной репы.

И повинуюсь подсознательному импульсу, он напечатал в поисковой строке слово «аркаим». Конечно, следовало бы для начала поискать в этой тотальной библиотеке сведения о Земле сегодняшней, посмотреть, так ли уж она отличается от той, которую он покинул, или же это в самом деле его собственный мир. И, главное, в когда он перенесся, что там случилось с Горбачевым, Беловежской Пущей и прочими, так сказать, участниками пошедшего процесса... Но – время, господа. Время искать этот чертов Аркаим и спасти мир.

Получилось не сразу: сперва в окне появилось непонятное «fhfrfbv», и Сварог сообразил, что клавиатура работает в регистре латинских букв. Тут-то «отмычка» и пригодилась. Он понял, как перейти на русский язык, и еще раз набрал «аркаим». Потом пододвинул кресло на колесиках, уселся поудобнее... и словно выпал из реальности.

Ссылок на Аркаим в Интернете оказалось около сотни, сначала Сварог бегом просмотрел все, потом стал пролистывать внимательнее. Имелись в списке и какое-то охранное предприятие «Аркаим», – сеть магазинов «Аркаим», и даже издательство с таким названием. Были там и литературные произведения, главным образом сугубо фантастического жанра, в коих встречалось понятие «Аркаим»... Однако бо́льшую часть составляли сведения именно о заповеднике, и оказались они весьма и весьма познавательными.

Руины Аркаима действительно были затерянным в тайге древним городом. Очень древним, на этом сходились все без исключения исследователи. Но вот что касается времени его постройки и того, кто именно построил Аркаим, – тут мнения расходились диаметрально.

Разумеется, не обошлось без версии об (куда ж без этого) инопланетянах: Аркаим, мол, – их палеокосмодром. Но поскольку все подтверждения вневременной теории сводились исключительно к доказательствам типа «...а если на секунду предположить, что Аркаим – посадочная площадка для космических кораблей пришельцев, то все противоречия и загадки разрешаются сами собой...» – веры в инопланетную гипотезу не было ни малейшей.

В унисон с уфологами били себя пяткой в грудь «атланты», уверенные, что

концентрические останки Аркаима принадлежат предшествующей человечеству расе, сгинувшей черт знает когда во всепланетном катаклизме.

Славянофилы с пеной у рта убеждали всех и каждого, что Аркаим в таежной глуши есть, мол, не что иное, как прародина древних ариев, предтечей славян. Дескать, именно здесь в начале второго тысячелетия до нашей эры произошло судьбоносное разделение легендарной арийской расы на две ветви: иранскую и индоиранскую. И знаменитые предметы цивилизованного обихода, обнаруженные в Микенах, отнюдь не попали в первобытную Сибирь из культурной Древней Греции, а как раз таки наоборот: это культурная Сибирь очеловечила варварскую Грецию. (Кстати, кое-кто из этих «ученых», у кого с воображением было понесдержаннее, даже громогласно объявил Аркаим родиной Заратустры, автора священной «Авесты». Дескать, Заратустра – наш, сибиряк, земля.)

Интересно, у Ланы курят или как? Сварог пошарил взглядом, обнаружил пепельницу и, утвердительно кивнув сам себе, с наслаждением закурил. Так, что там дальше...

Дальше пошли гипотезы не столь категоричные: город-храм, город-крепость, город-обсерватория, город ремесленников, город литейщиков, город то, город се... Масса предположений. Но ни один исследователь, будь то историк с мировым именем или археолог с кучей серьезных регалий, не мог объяснить следующий факт. Все, абсолютно все древние – и даже очень древние – города возводились без всякого предварительного плана, по мере нужды к уже существующим кварталам пристраивались новые дома, и город рос, если в том была необходимость, расширялся... Но только не в случае с Аркаимом! Аркаим – и тут нет никаких сомнений – был сначала спроектирован, а потом уж отстроен: обстоятельно, планомерно, вдумчиво, по единому замыслу, с учетом рельефа, гидрогеологических особенностей местности, строения грунта, предстоящего объема земляных работ и необходимого количества древесины для построек.

А потом, спустя какое-то количество лет, жители покинули город. Разом. В одночасье. Высказывались версии, будто бы массовый исход вызвала некая экологическая катастрофа, но эта и ей подобные гипотезы были равносильны каллиграфическому письму вилами по воде. Необъяснимый факт оставался необъяснимым фактом: спроектированный и возведенный в сердце тайги город в определенный момент был покинут всеми его жителями. Всеми. Покинут – и сожжен...

До сих пор никто не понимает, за каким лядом древние люди построили Аркаим и какого ляда его уничтожили.

(Причем, пришло Сварогу в голову, теория насчет города ремесленников не так уж фантастична. Когда построили Аркаим? Во втором-третьем тысячелетии до нашей эры? Аккурат тогда в Египте, помнится, и начали возводить пирамиды. А значит, каждый человек, более-менее сносно владеющий каким-нибудь ремеслом, будь то изготовление мечей или горшков, был почитаем, уважаем и вообще ценился на вес бронзы. Так отчего бы таинственным строителям города не собрать всех своих мастеров в одну огромную артель под названием ОАО «Аркаим»? Пусть себе централизованно работают и про-

изводят планово...)

В ванной зашумела вода, но Сварог даже не обратил на это внимания – потому что на очередном сайте наткнулся на имя Серафима Пака.

Теорию Серафима Пака Сварог прочитал крайне внимательно, несмотря на то что г-н С. Пак был представлен как Президент Академии иррациональных исследований (Гамбург), директор Института внеортодоксальных проблем (Шантарск) и даже как почетный председатель Международного Университета Истинной Истории Человечества (штаб-квартира в Марселе). Если не смотреть на эти в высшей степени сомнительные звания, Пак говорил вещи самые разумные, логичные и наиболее доступные простому человеку – на фоне, разумеется, прочего щебетания по поводу загадки Аркаима.

Президенту, директору и председателю было абсолютно неинтересно, кто построил город – атланты, зеленые человечки или пришельцы из четвертого измерения. Его больше занимало, зачем был построен город. Пак полагал, что Аркаим есть так называемая древняя пригоризонтная обсерватория. В общем-то, никакой особенной научной смелости в этом предположении не было. Древние люди любили наблюдать движения светил, а для удобства наблюдения строили обсерватории. Некоторые из этих сооружений сохранились до наших дней, в том числе и всем известный Стоунхендж – хотя бы потому, что сложен из такого долговечного материала, как камень.

Вообще-то, простейшую пригоризонтную обсерваторию любой человек может устроить сам, было бы желание. Главное, подобрать подходящее место – откуда бы отлично просматривался горизонт. Затем необходимо из одной и той же точки ежедневно наблюдать за восходами и заходами светил. Эту точку наблюдения следует чем-то отметить, допустим, поставить столбик или вытоптать площадку. После чего вы смело можете говорить, что начали строительство обсерватории.

Как известно, солнце всходит на востоке и заходит на западе, однако точки, в которых светило касается горизонта, перемещаются относительно неподвижного наблюдателя. В течение одного года они сперва перемещаются к северу, затем движутся в обратную сторону. Не передумали обустроить обсерваторию дальше? Тогда камнями или вешками пометьте крайние точки секторов, в которых происходят восходы и закаты. Эти точки, кстати, вдобавок станут отметками летнего и зимнего солнцестояния.

Восходы и заходы луны наблюдать с земли много сложнее, однако и это возможно – при помощи методов не прямого, а так называемого косвенного наблюдения. Стало быть, можно отметить вешками или иными ориентирами точки восхода и захода луны, а также еще шесть лунных событий... Вот так и строится простейшая полевая обсерватория. Собственно говоря, строится по принципу прицеливания из ружья: есть стрелок (он же наблюдатель), есть мушка на срезе ствола (она же какой-нибудь ориентир) и есть мишень (она же какое-нибудь небесное тело). Допустим, в день весеннего равноденствия наблюдатель смотрит на камень, отмечающий как раз эту точку, и аккуратно над ним в этот день должно взойти солнце. А знать, когда наступит весеннее или осеннее равноденствие, для древнего человека было крайне важно.

В общем-то, не Пак первый предположил, что Аркаим похож на древнюю

пригоризонтную обсерваторию. Однако кое-что никак не укладывалось в это предположение. Во-первых, само городище имело уж больно сложную геометрию для простейшей обсерватории, ничего подобного нигде не встречалось, даже считавшийся вершиной древней астрономической мысли Стоунхендж выглядел в сравнении с Аркаимом неприлично примитивным. Во-вторых, на территории Аркаима великолепно сохранилось множество фундаментов строений. Это что ж получается: сам город служит обсерваторией?..

Ладно, допустим, в обсерватории жили жрецы, которые следили за светилами, предсказывали события и толковали приходящим из соседних поселений людям положение небесных тел на небосводе. Однако зачем делать обсерваторию столь обширной и сложной? Может быть, для того, чтобы наблюдать не только за Луной и Солнцем, но и за другими небесными объектами, фиксировать их положение с помощью ориентиров на земле? Но как могли наблюдать за небесными телами древние жрецы, с помощью каких инструментов? Кроме того, совершенно непонятно, почему при такой сложной геометрии ориентиры были деревянные. Даже строители гораздо более примитивного Стоунхенджа выбрали камень, понимая, что любой пожар может погубить весь их труд. Строители же Аркаима остановились на древесине. До наших дней сохранились лишь фундаменты, на которых стояли давно истлевшие постройки. И фундаменты эти отчего-то разной глубины...

В общем, много нестыковок имелось вокруг версии «Аркаим – древняя обсерватория». Пак, однако, чувствовал, что есть, существует объяснение, способное увязать все в один пучок. Только требовалось отыскать некий ключ или, если угодно, код доступа.

И однажды, чуть ли не шутки ради, просто чтобы убить время, он попробовал вычислить «аркаимскую меру длины». Он просто предположил, что древние строители пользовались в своей работе не метрами, саженьями или футами, а некоей своей, ушедшей вместе с ними в небытие мерой. Можно ли ее вычислить? И если можно, то как?

До Пака кем-то было установлено, что Аркаим геодезически ориентирован по сторонам света безукоризненно точно (кстати, из сохранившихся древних построек только пирамиды могут похвастать такой же точностью). Это обстоятельство навело Пака на следующую мысль: а не попробовать ли для определения меры длины исходить из географических координат, широты и долготы, которые описывают местоположение Аркаима.

Расчеты Паком были произведены сложные... Впрочем, сложными они показались Сварогу, он даже вникать не стал во всю эту заумную математику и комментарии к ней. Сварог просто ознакомился с результатом. А результат был таков: Пак-таки вывел «аркаимскую меру длины». У него она оказалась равна нулю целых семистам восьмидесяти четырем тысячным метра.

А далее, забавы ради, Пак перевел в эту новую единицу те замеры, которые до того делались в Аркаиме, в единицы нам более привычные. В частности, длина окружности большого аркаимовского кольца оказалось равна двадцати пяти тысячам девятьсот двадцати «аркаимовским мерам длины». Цифра показалась Паку до боли знакомой.

Прецессия – вот о чем вспомнил он. То есть медленное движение земной оси по круговому конусу. И срок этого обращения равен как раз двадцати пяти тысячам девятьсот двадцати годам. Для простого совпадения прямо-таки

невиданная, поразительная точность.

Что еще известно о прецессии? Еще известно, что благодаря этому явлению координаты звезд относительно галактического экватора постоянно меняются. И цикл этих изменений соответственно равен двадцати пяти тысячам девятьсот двадцати годам. Для простого человека, рядового землянина, в прикладном смысле сия астрономия означает следующее. Задержите голову кверху. Если ночное небо не затянуто тучами, вы увидите над головой звезды. Относительно вас они как-то расположены, не так ли? Точно такое же (до градуса, до минуты) расположение звезд над вашей головой повторится через двадцать пять тысяч девятьсот двадцать лет – главное, чтобы вы остались на этой же точке земной поверхности и терпеливо дожидались повторения.

Звезды, звездный экватор, звездное небо над головой... И как тут было не вспомнить, что по некоторым предположениям, Аркаим – это не что иное, как древняя пригоризонтная обсерватория. И тогда Паку пришла в голову замечательная идея: реконструировать первоначальный облик Аркаима и понять, как работала эта обсерватория.

Разумеется, в реальности воссоздать Аркаим одному человеку не под силу. А уж сколько денег потребовало бы подобное предприятие, даже страшно подумать. Но ведь не в средние века живем, товарищи, и под рукой у нас есть такой замечательный инструмент, как компьютерная техника, обладающая возможностями прямо-таки поразительными, если не сказать, волшебными. В общем, Пак задумал сделать 3D-проект Аркаима (3D? А, понятно: объемное компьютерное изображение.)

Задумал и сделал.

Пака давно занимало, почему все сохранившиеся на территории Аркаима фундаменты разной глубины. Наверное, предположил он, древние строители принимали в расчет разную нагрузку разной высоты строений. А раз так, значит, существует математически строгое соотношение между глубиной фундамента и высотой строений. И это соотношение можно высчитать.

Высчитать-то Пак его высчитал, однако для этого потребовалось год ждать озарения. Год что-то неудачно пробовать, путаться в цифрах, складывать, перемножать, путаться в дифференциальных уравнениях, увязать в матричных вычислениях, плевать на все, посылать все подальше, отчаиваться.

А потом посетило озарение.

Разумеется, ларчик, как ему и положено, открывался элементарно. Всего лишь потребовалось диаметры большого и малого кольца, выраженные в «аркаимских мерах длины», разделить один на другой и получить коэффициент соотношения «глубина – высота».

Между прочим, Пак долго ломал голову и над назначением второго, малого, аркаимского кольца (Аркаим, кстати, имел форму двух колец, одно вписанное в другое). Если Аркаим всего лишь город, то вопросов нет: малое кольцо есть не что иное, как второй рубеж обороны. Но если Аркаим обсерватория, то на кой нужно это кольцо? Вполне возможно, единственное его предназначение – чисто математическое, заключается в том, чтобы навеки сохранить, убедиться, в прямом смысле закрепить коэффициент и дать возможность потомкам воссоздать первоначальный облик Аркаима.

Кстати, об облике. Высота высотой, но каков он, этот облик строений, от которых сохранились лишь фундаменты?

И тогда Пак делает следующий шаг в своих размышлениях.

Аркаим – ровесник пирамид. Аркаим и пирамиды одинаково точно ориентированы по сторонам света. Есть основания предполагать, что проектировщики одни и те же. Словом, на ныне пустующих фундаментах вполне могли стоять пирамиды. Скорее всего, деревянные пирамиды... «Или же, – вдруг делает неожиданное предположение Пак, – вовсе ничего никогда на этих фундаментах не стояло, но планировалось, что на них возведут именно пирамиды».

Словом, Пак остановился на пирамидах и на компьютере смоделировал вид Аркаима изначального. Или Аркаима запланированного, как кому угодно. Сделано это было в трехмерной графике, получилась своего рода заготовка к компьютерной игре. Оставалось только запустить туда монстров и вооруженных нарисованными бластерами игроков. Однако Пак поместил туда не игроков, а фигурку наблюдателя. Расположил ее в центре аркаимских кругов, в центре площадки, которую обычно принимают за главную площадь города Аркаима.

Пак огляделся в трехмерном Аркаиме глазами своего виртуального наблюдателя... И вспомнил принцип построения древней пригоризонтной обсерватории, принцип ружья: стрелок, мушка, мишень. Если от наблюдателя, находящегося в центре Аркаима, провести линии, соединяющие его и вершины трехмерных пирамид, то третьей точкой (или мишенью) должно стать некое небесное тело. Или, вернее, множество небесных тел, потому что пирамид и пирамидок на территории Аркаима получилось число немалое. «А уж не звезды ли – эти небесные тела?» – предположил Пак.

Почему бы над виртуальной головой электронного наблюдателя не нарисовать карту звездного неба?

Сперва, правда, возникла одна небольшая трудность. Вроде бы все составляющие задачи имелись в наличии. Объект наблюдения – это звезды, визир – это верхний, «рабочий», край строения (даже по большому счету неважно, пирамида это или что-то еще), постоянное место наблюдателя тоже было определено. Однако это место наблюдателя не давало исходную точку отсчета. И дело заключалось в том, что люди – они, знаете ли, все разного роста. А отклонение исходной точки на какой-то градус довольно сильно искажает всю картину.

«Аркаимская мера длины». Вот на какой высоте, взвесив все, наконец остановился Пак. Вряд ли предполагалось, что гипотетический наблюдатель должен быть семидесяти сантиметров роста. На то он и гипотетический или, лучше сказать, чисто математический наблюдатель. Ну а дальше нарисовать в компьютерном мире звездное небо было делом весьма несложным.

Нарисовав, Пак в очередной раз крепко призадумался...

И опять вспомнил о прецессии. То бишь о явлении, которое подразумевает, что относительно наблюдателя в конкретной и неизменной точке земной поверхности (например, относительно наблюдателя в центре Аркаима) расположение звезд на небе повторяется один раз в без малого двадцать шесть тысяч лет. Не состоит ли главное и, может быть, единственное предназначение Аркаима всего лишь в том, чтобы зафиксировать строго определенное положение звезд над Аркаимом? И если так и есть, то для чего это древним было нужно?

А ведь положение звезд – это не только чистая астрономия. Это и... некое

Событие, которое произошло в тот день и час, когда звезды над головой сложились строго определенным образом. Может быть, оно имело место во время закладки Аркаима, и потому древние люди настроили на него планировку города? Или это не просто город, а город-памятник, заложенный в память о некоем Событии, которое пережили древние люди. И в городе этом действительно никто никогда не жил, кроме кучки жрецов-смотрителей...

«А почему же произошло, почему обязательно в прошедшем времени? – подумал Пак. – Может быть, как раз наоборот – древние аркаимцы предвидели некое Событие и решили указать на него потомкам. Интересно было бы узнать, что это за Событие? Земля налетит на небесную ось?»

Паку до жути стало любопытно: а когда звездное небо над Аркаимом в предыдущий раз имело такой вот вид? И когда, в таком случае, картина повторится в следующий раз?

Надо сказать, Пак не раз высказывает благодарность неким «друзьям из новосибирского Академгородка», по именам их, правда, не называя, но отмечая, что без них он бы утонул в расчетах. Эти друзья (видимо, астрономы) помогли ему и с определением «звездной аркаимской» даты.

Результаты получились поразительными. Ошеломительными.

Даже Сварог обалдел.

Предыдущая «звездная картина» имела место аккурат двадцать пять тысяч девятьсот двадцать лет назад. Из этого следовало, что повторения следует ждать в этом году. Известен и день: двадцать девятое сентября две тысячи шестого года...

Было бы вполне понятно, если б древние аркаимцы отразили Событие, которое имело отношение к их жизни. Но возраст Аркаима – две-три тысячи лет, это установлено точно... Правда, никто не мешал построившему Аркаим народу существовать с незапамятных времен и хранить знание о некоем Событии, свидетелем которого они были много тысяч лет назад. А когда над народом нависла угроза исчезновения (и вместе с ним исчезло бы знание о повторении События), то решено было увековечить знание постройкой «города». Да и не просто увековечить, но еще и зашифровать знание так, чтобы не всякий догадался, а лишь тот, кто знание это активно ищет...

Так что же за Событие произойдет в скором времени? Ни солнечного, ни лунного затмения в этот день не ожидается, равно как парада планет и иных плановых астрономических явлений. Может быть, ожидается падение метеорита вроде Тунгусского и древние каким-то образом о том прознали? Или им стало известно о землетрясении, потопе, мировом пожаре?

А может быть – Пак ни в коем случае не исключал подобного варианта – вкралась ошибка и двадцать девятого сентября не произойдет ровным счетом ни-че-го?

Сам же Пак склонялся к такой версии: строители Аркаима суть наследники некоей исчезнувшей працивилизации. И называйте эту працивилизацию как хотите, хоть атлантами, хоть лемурийцами. Факт есть факт: существует посреди нехоженой тайги доисторический памятник, который указывает на некое Событие. Причем планетарного масштаба. Что это за Событие – гадать можно до бесконечности. И бесконечно много версий можно породить касательно времен давно ушедших и мало что нам в память о себе оставивших. Так не лучше ли воздержаться пока от гаданий и предположений, а подождать все-

го-то ничего... глядишь, оный день и час подкинет новую, более богатую пищу для размышления. А то и вовсе все разъяснит и расставит по своим местам...

Сварог вдруг поймал себя на том, что сидит с отвисшей челюстью. Он поспешно закрыл рот и, тряхнув головой, снова посмотрел на трогательный календарик с котятами, висевший слева от компьютера. Семнадцатое июля. А по версии Пака это самое Событие произойдет двадцать девятого сентября. Значит, если Паку верить, судьбоносная дата грянет через два с чем-то месяца... И что? Значит, время еще есть? В смысле, время, чтобы добраться до Аркаима? Цели поставлены, задачи определены, будем искать подходы. Так, что ли?

Хотя...

Хотя, признаться, щемило грудь отвратительное чувство. Как бы это объяснить... Все получалось слишком уж правильно, легко и быстро. Как по накатанной события развивались. Раз – и Лана появилась, подруга потенциального хозяина Аркаима. И вот вам Интернет, где можно найти полный спектр информации об Аркаиме. Два – Серафим Пак, ученый, гений, открыватель весьма нужной для Сварога тайны Аркаима. И остается лишь добраться до руин...

Ой ли? Неужто все так просто? А где Сварог номер два? Безнадёжно отстал или... Или готовит упреждающий удар?.. В общем, информации по-прежнему недостаточно, но оставаться в доме надолго нельзя.

– Никто не отвечает, – раздраженно сказала за его спиной Лана. – У Палатникова все время занято, у Тернова автоответчик, Кучин вообще не подходит.

Сварог обернулся – напарница, облаченная лишь в полотенце, длиной и степенью облегания неуловимо похожее на давешнее коктейльное платье, бросила на тахту телефон и кипу одежды (судя по виду, спортивный костюм), сама плюхнулась рядом, тряхнула гривой влажных волос. Закинула ногу на ногу. Очень длинную, надо заметить (Сварог заметил), загорелую, гладкую ногу – на другую длинную, загорелую, гладкую ногу. И ни грамма в этом движении не было кокетства, эротики или, скажем, попытки соблазнить. Просто она находилась у себя дома и вела себя так, как привыкла вести. Наплевав на присутствующих. Тем более в таком взвинченном состоянии.

Чертовка.

– Надеюсь, в милицию не звонила? – спросил Сварог, с некоторым трудом отрываясь от созерцания и переводя взгляд на собственную ногу, обутую в «щенячий» тапок. Ну сюр чистой воды, ей-богу.

– Обижаете, гражданин начальник... А ты тут, я смотрю, даром времени не теряешь. Шифровку в Центр отправлял?

– Типа того.

– Ну, пока Таманская дивизия сюда доберется...

Она подхватила с журнального столика черную коробочку, направила ее на картину без изображения, висящую на стене, – и изображение вдруг появилось. Более того: движущееся изображение.

Ослепительная блондинка в чисто символическом платье с блестками, во всполохах цветных огней, красиво раскрывая рот, выводила что-то про безответную любовь и то, как она страдает под дождем. Страдания ни в песне, ни в самом облике певички не было ни на грош, но выглядело красиво. Е-мое, это ж телевизор. Огромный, плоский, как и монитор у компьютера, яркий, как

сон восьмиклассника – но несомненно телевизор! Лана нажала кнопку, картинка изменилась. Теперь злодейский Том гонялся по дому за вертким Джерри, учиняя килотонные разрушения. Щелк. Полноватый господин радостно вещал, что погода сохранится солнечной и устойчивой, а необычную погодную аномалию в виде локального неподвижного мини-торнадо, замеченного в Шантарской области несколько дней назад, мы попросим прокомментировать нашего гостя... Щелк. Щелк. Щелк... Выкл. Экран погас.

– Обрати внимание, командир, – напряженно сказала Лана, – про Олегову пустошь ни слова. Ни на местных, ни на федеральных каналах. Обычная утренняя болтовня, как будто ничего и не случилось.

Сварог нахмурился.

– Времени прошло слишком мало, еще не успели репортаж подготовить. Хотя... У кого-то там включился автоответчик? А где автоответчик, там и до АОНа недалеко... – и решительно сказал: – Вот что, подруга. Тут нам оставаться нельзя. Дама ты, как я понимаю, в свете известная, где ты живешь, тоже многие знают...

– Ты думаешь...

– Думаю. Давай-ка одевайся, и валим отсюда. Где укрыться есть?

– Найдем. Я тебе тут одежду кое-какую приготовила – не в официантском же камзоле по городу болтаться, – и она кивнула на принесенный с собой спортивный костюм.

Сварог непроизвольно усмехнулся. На Аtare его камзол принимали за одеяния священника, а на родной Земле – за халдейское...

– Спасибо, – сказал он. – Только я сначала быстренько в душ. Разрешишь?

– Мы же, кажется, торопимся.

– Вонючий герой, знаешь ли, не герой...

...Если б во время осмотра коттеджа Сварог не заглянул в ванную, то вряд ли бы ему удалось сохранить лицо. В гробу он видел такие умывальни! Кафельное помещение площадью метров пятнадцать; похожий на театральную гримерную закуток с зеркалом, раковиной, лампочками по кругу и удобным пуфиком; унитаз; биде; вешалка с десятком разноцветных полотенец; каплевидная ванна с какими-то форсунками по стенкам... И, наконец, похожая на кабину нуль-транспортировки душевая стойка.

Сварог невозмутимо скинул с себя лохмотья, залез в нуль-транспортировочную кабину, повернул хромированные ручки... Да-с, господа, что ни говори, а в буржуинстве что-то есть. Хотя с настоящей баней ни один душ не сравнится. И все равно... Тугая горячая струя мигом смыла с него усталость, грязь, пот, раздражение и подозрения. Он намылился, включил холодную воду. Перехватило дыхание. Опять переключил на горячую. И чуть позже – снова на холодную...

– Я тебе полотенце принесла, – услышал он сквозь шум воды.

А потом дверца нуль-транспортировочной кабины отъехала в сторону, и Лана, ничуть не стесняясь, шагнула под струю ледяной воды. Полотенца в ее руках не было. Равно как и на теле.

И вода отчего-то тут же стала горячей.

Как они оказались в спальне, Сварог не помнил. И отчего-то плевать ему было на то, что нужно быстро коттедж покидать, что могут пожаловать незва-

ные гости, на Аркаим было плевать и на демона-конкурента...

ИГРОК НОМЕР ОДИН

Глава первая ВОЗДУШНАЯ КАВАЛЕРИЯ

— Вы бы знали, как я вам благодарен! Профессор говорил это Сварогу уже во второй раз. И во второй раз Сварог ответил точно так же, как и в первый:

– Я благодарен вам ничуть не меньше!

Разговаривали они не на исковерканном таларском, а на вполне сносном французском, даром что профессор был стопроцентным англичанином. Сварог, оказывается, ничегошеньки не забыл из того, чему учили когда-то в школе, в училище, а главное – после училища, когда их всерьез и всесторонне готовили к марш-броску по всяким там европам. Вообще-то, странно, конечно, что он нисколько не позабыл язык, ведь столько времени прошло! Может быть, снова благотворное влияние Пирамиды? Или это магия ларов помогает? Ну, как бы то ни было, а они с профессором Беркли и майором прекрасно понимали друг друга.

Над головой приглушенно молотил несущий винт, и этот звук сейчас казался Сварогу музыкой небесных сфер. Летим в обитаемые места, к людям, в цивилизацию! Машина шла ровно и послушно, техника и пилот в полном порядке... Ну, собственно, от американских ВВС другого ждать и не приходится. Вот уж у кого на ихних базах никогда не бывало перебоев с запчастями, топливом и толковыми специалистами.

(«А как легко я вернулся в ранешние реалии! – вдруг поймал себя на мысли Сварог. – На ать-два. Будто и не отлучался никуда...»)

Кстати, вполне понятно, почему штатовский майор (крепко сбитый, невысокого роста мулат) ни о чем не расспрашивал Сварога. Лишь многозначительно ухмылялся и перекатывал во рту потухший окурок сигары. Зачем спешить с расспросами, когда лететь-то им все равно на штатовскую базу – вот там и можно будет обо всем неторопливо и вдумчиво потолковать. Всем своим видом майор говорил: «Меня не проведешь, парень. Это профессору ты можешь втирать про подземные города и пирамиды, висящие вверх ногами. Ну ладно, пусть наш яйцеголовый чудак наговорится, потешится всласть, меньше потом будет путаться под ногами. А тебе я так скажу, парень, – уж больно ты смахиваешь на солдата. С чего бы это, а? Ну ладно, на базе мы быстро вытрясем из тебя правду-матку».

Сварог не обдумывал свои будущие ответы, не прикидывал, за кого себя станет выдавать. Вряд ли он сумеет слепить стройную, без швов и заусенцев версию, которую не разобьет ни один собаку съевший на допросах штатовский особист. Все равно переиграть не удастся, чай не Штирлиц. По-другому надо будет действовать на базе. Отвести глаза, нацепить на себя невидимость и улизнуть. На чем улизнуть? Да хоть бы вот на этой самой штуковине – в свое время учился управлять вертолетом. А если даже кое-что и подзабылось, не беда. Он же лар, не стоит об этом забывать, милорды, и, как в лара, в него вложена способность разбираться в механизмах. Так что худо-бедно улететь сможет. Главное, разобраться в какую сторону лететь. А дальше... Дальше по обстоятельствам.

Там, на лесной поляне, Сварог представился русским моряком, в кейптаунском порту оказавшимся в разногласии с тамошними законами и оставшимся в Африке, а рыболовный траулер ушел без него в море. Потом, дескать, кидало-швыряло по континенту, много чего было, в конце концов закинуло в самое сердце джунглей. Словом, с подобной историей вывести его на чистую воду будет как нечего делать, под силу и новобранцу... Майор искоса поглядел на него – и промолчал.

Полет меж тем продолжался. В иллюминаторах простиралась зелено-желто-бурая бесконечность джунглей. До самого горизонта простиралась. И лететь им еще долго, как Сварогу уже успели сообщить...

Сварога и его верного чернокожего Санчо Пансу подобрали на той самой поляне с палатками. Собственно, сам Сварог и вызвал группу спасения.

Палатки и разбросанные вокруг них вещи вовсе не привиделись Сварогу под воздействием невыведенного из организма наркотического зелья, они существовали на самом деле. Впрочем, после перевернутой Пирамиды и после того, как они с Пятницей-Н'генга очутились на поляне с палатками, даже астральный полет не казался уж чем-то из ряда вон выходящим.

А очутились они возле палаток самым что ни на есть простым и одновременно таинственным образом.

...Неторопливо и осторожно Сварог направился к перевернутой подземной Пирамиде, все еще не веря в эдакое чудо... Чудо неизвестных технологий? Или все ж таки чудо волшебства? Кто его знает... но смотрелось сие сооружение впечатляюще.

Его догнал Пятница.

– Ты спас Н'генга жизнь, – сказал туземец, ткнув себя пальцем в грудь. – Моя жизнь – твоя жизнь. Моя жизнь – служить Ягуа до смерти.

Что тут ответишь? Сварог решил ничего не отвечать, спросил в свою очередь:

– Ты слышал от кого-нибудь про такое? От стариков, от охотников? Легенды, песни какие-нибудь, рисунки на скалах?

– Не знать, – с огорчением произнес туземец.

– Почему-то я так и думал. Ну что, ну пошли...

Они дошли до вершины... вернее, до бывшей вершины, а ныне точки опоры Пирамиды. Обошли ее по кругу. Костяной нож продолжал вибрировать в руке, но уже не столь настойчиво, не столь дергано, словно бы подуспокоился, понимая, что люди идут в правильном направлении.

– Ага, вот оно как... – проговорил Сварог, опускаясь на корточки.

Пол зала представлял собой плотно, без зазоров подогнанные друг к другу квадратные каменные плиты со стороной примерно в шаг. В середине плит, расположенных вокруг опоры Пирамиды, располагались гнезда, формой точь-в-точь повторяющие форму ножа, что держал в руке Сварог. И таких плит Сварог насчитал двенадцать. Причем в девять гнезд были вставлены костяные ножи, и, стало быть, три гнезда пустовали.

– Ничего другого не остается, как вернуть вещь на место, – пробормотал Сварог, дотронувшись до плиты. Теплая. А гнездо, по которому он провел пальцем, точно бархатистое. Как изнанка футляра.

И Сварог вложил в одно из пустых гнезд свой нож. Раздался едва слышный

щелчок...

Сварог выпрямиться не успел, как вокруг него и стоящего рядом Н'генга вспыхнуло серое свечение, окутало коконом. Невозможно стало различить ни стен, ни Пирамиды. Н'генга охнул – впрочем, испуга в его голосе не чувствовалось. Сварог тоже оставался совершенно спокоен: откуда-то взялась уверенность, что ничем им этот бледный свет не грозит. И дело было вовсе не в том, что молчал детектор опасности...

Спустя секунды три сияние рассеялось, и Сварог обнаружил, что находится в лесу. Целый и невредимый. Никакой Пирамиды поблизости. И вообще поселка каннибалов... И стоит он не где-нибудь, а посреди лесной поляны, на которой разбиты палатки.

– Ягуа! Аханба! Рамакра! – Пятница бухнулся на колени и принялся отбивать поклоны – видимо, духам своего племени.

«Вот за что можно быть спокойным, так это за крепость его рассудка, – подумал Сварог, на ватных ногах направляясь к палаткам. – Происходящее прекрасно вписывается в его дикарскую картину мира – великий и ужасный дух Ягуа творит чудеса, как и пристало духу».

Да, бесспорно это был лагерь какой-то экспедиции. Думается, научной экспедиции, а не... допустим, охотников за слоновой костью, – об этом Сварог догадался по снаряжению. Правда, снаряжение большей частью было не распаковано, но зачем охотникам за костью теодолит, набор фотографической аппаратуры, электроды и складные шанцевые инструменты?

А вот каким манером Сварог и его верный Пятница из подземной пещеры перенеслись в палаточный лагерь, это... это отдельный вопрос, над которым, ради сохранения здравости рассудка, задумываться напрочь не хочется. По крайней мере сейчас. После разберемся. Перенеслись – и слава богу.

Ага, а это что у нас за ящичек валяется в траве? Сварог щелкнул замками, откинул крышку. Разноцветные пеналы, вложенные в разного калибра гнезда и зафиксированные металлическими кольцами, некий заковыристого вида прибор, состоящий из черной коробки со встроенной шкалой и отходящего от нее на витом шнуре металлического стержня. Вообще, все это здорово смахивает на полевой набор химика-дозиметриста. Геологи это, наверное.

Да вот только никого в лесном лагере не видно. Ни дать ни взять «пропавшая экспедиция». И кстати, складывается впечатление, что люди покидали лагерь в авральном порядке... Например, были уведены насильно. Иначе как объяснить, что под костер сложен круг из камней, заготовлен хворост, рядом валяется кофейник – а сам костер так ни разу и не зажигали? А посреди поляны брошена картонная коробка с консервами, будто ее несли куда-то, но... не донесли. Причем картон настолько изодран звериными когтями, что Сварог без труда вытянул из дыры банку. Свиная тушенка с горохом. Датская. Вот и последние сомнения рассеиваются, будто он не на Земле. Ну демоны, ну чудилы... А что у нас с годом изготовления?

Сварог без труда нашел на банке дату. Посмотрел. Зашвырнул банку в кусты и хмыкнул, мотнув головой:

– Однако! Закинуло...

Если консервы не просрочены, то прошло без какой-то малости пятнадцать лет с тех пор, как он покинул этот мир. Лихо. А с другой стороны, чего другого ожидать? Что откуда взяли, туда же и доставят? Да и вообще все переживания

по этому поводу следует оставить. Сейчас есть чем заняться...

Хотя, ежели откровенно, не было особых переживаний, как ни странно. Впрочем, оно и немудрено – после встречи со светящейся перевернутой Пирамидой мало уже что способно удивить и возбудить сильные эмоции. Переживания, возможно, нахлынут позже, когда (и если!) удастся попасть в мир людей, где будешь на каждом шагу сравнивать «прежде» и «теперь»...

Сварог продолжил обход лагеря. Возле палатки стоят ботинки, а в палатке – Сварог откинул полог – разумеется, никого нет... Нет-то нет, зато имеется грязный след босой ноги на спальнике. А ножка-то приметная! Ступня очень широкая, большой палец расположен чуть ли не под сорок пять градусов по отношению к остальным пальцам. Да и остальные пальцы тоже, кстати, развернуты веером... Короче, либо владелец этакой ножки является членом лондонского клуба Яростных отвергателей обуви, либо... либо очень похоже, что тут отметились старые Свароговы знакомые – любители поить людей дурман-водой и сажать в глубокие колодцы. И ежели они заявили не в опустевший лагерь, то картина происшедшего начинает проясняться...

Ого, а это никак карабин! Да. Самозарядный «ремингтон», модель 7600. Хорошая штучка, из тех, что любят показывать в штатовских фильмах: ни с места, твою мать! Даже не думай, твою мать! И – клац-клац цевьем взад-вперед...

Взяв пушку в руки, Сварог почувствовал себя гораздо лучше. Вот она, великая магия оружия.

С «ремингтоном» на плече Сварог обошел остальные палатки. И в одной обнаружил крайне любопытный чемоданчик. Небольшой, меньше «дипломата», тот валялся у стены палатки, перевернутый и распахнутый, словно из него собирались вытрясти содержимое, да не успели.

«Нет, – понял Сварог, поднимая чемодан, – вытряхивать из него ничего не собирались». Потому что сделанный из прочного толстого пластика чемодан внутри представлял из себя приборную панель с отходящей от нее телефонной трубкой на гофрированном шнуре. Множество кнопок на панели, мощная антенна... Ба, да это никак средство связи через спутник! Правда, таких компактных моделей он не видел, ну так техника-то должна была шагнуть вперед, за полтора-то десятка лет!

Судя по всему, позвонить по этому телефону так и не успели. В палатку ворвались, когда человек едва открыл чемодан. И большего сделать ему не дали.

Сварог по-турецки уселся на расстеленном спальнике, положил чемоданчик на колени. Если прибор не включили, батарея разрядиться не успела. Ну пусть и разрядилась – где-то в мешках или ящиках наверняка имеются запасные. Телефон лежал в палатке, дождь его залить не мог, так что работать должен. Разве что зверье могло напроказить, но животинки шустрят все больше по части жратвы, серьезно электроникой из них мало кто интересуется. Забрались в палатку, понюхали, лизнули, невкусно, отошли. Да и не видно на аппаратуре следов зубов и когтей...

Для туземных жителей нашпигованная электроникой аппаратура связи со спутником – гораздо менее ценная вещь, чем консервная банка. Из консервной банки хотя бы можно наделать наконечников для копий и стрел. А с электроники какой толк? Но, похоже, туземцы вообще ничего отсюда не взяли. Нельзя брать. Прикоснешься к вещам чужим – привлечешь в племя чужих злых духов.

Так, так... Кнопка с надписью «Enter». Нажимаем. Ага, загорелась зеленая лампочка, под которой изображен контур батареи. Отлично, с питанием все в порядке. Хотя раньше и не приходилось иметь дело с такой штукой, рано или поздно разберемся, как с нее звонить. Не для ньютонов с эйнштейнами делалось. И пятнадцать лет – все-таки не вечность. Только вот куда звонить, кому, кого звать на помощь? А ведь есть еще коды стран, сама аппаратура может иметь код доступа, который знал только здешний связист – чтоб посторонним не пришло на ум баловаться с техникой...

Стоп. В паранойю впадать не будем. Вряд ли аппарат замкнут только на связисте и на начальнике экспедиции. А вдруг связиста укусит змея, а бросившийся на подмогу начальник оступится и свернет себе шею? Почему бы и нет? И как остальным вызвать подмогу? «А вообще, если разобраться, – вдруг пришло Сварогу в голову, – должна быть на аппарате тревожная кнопка! Которую только вдави, и на спутник постоянно и непрерывно пойдет сигнал бедствия. Не могли такой малости не предусмотреть, мало ли что может случиться...» Да, в общем-то, неспроста и не вдруг мысль о сигнале бедствия пришла на ум – внимание Сварога сразу привлекла кнопка красного цвета, запрятанная под пластмассовый, предохраняющий от случайного нажатия колпачок. Что ж, будем пробовать.

Откинули колпачок. Вдавили кнопку до упора... Раздался электронный писк, и под кнопкой замигала багровая, похожая на каплю крови лампочка. «Пи-пи-пи» – Сварог печень на отсечение был готов дать, что это заработало тревожное оповещение. Ну не было никаких других разумных объяснений! А с неразумными мы пока обождем.

В общем, оставалось ждать, кто прилетит. Или же... не прилетит никто и никогда.

Но – прилетели. И довольно скоро. Вертолет прибыл через три с половиной часа.

И все эти три с половиной часа Сварог без затей проспал. Оно, конечно, любопытно было бы порыться в вещах, посмотреть документы, книги, газеты, пусть бы и на чужих, нерусских языках, всенепременно много любопытного и полезного узнал бы... Да вот глаза слипались, как клеим намазанные. Бороться с сонливостью большого смысла не было. Кто знает, что ожидает впереди. Вполне возможно, придется выкладываться без остатка.

Разве что сперва Сварог скинул превращенный в сущие лохмотья камзол и переделся в камуфляжные штаны и куртку, обнаруженные в большом клапане палатки, – одежда новая, ни разу не надеванная, видимо, кто-то тоже приготовил, чтобы переодеться, да не успел.

Натянув камуфляж, Сварог высунулся из палатки. Пятница, как и положено верному слуге, пусть и добровольно возложившему на себя эту нелегкую, но почетную обязанность, терпеливо ждал у входа приказаний. «Будут тебе приказания», – подумал Сварог. В конце концов, пускай вносит посильный вклад в общее дело.

– Я спать. Ягуа спать. Ты сиди. Слушай. Кто-то появится – буди. Понял?

– Да. Н’генга стеречь. Будить.

Туземец энергично закивал.

Ну вот и ладно... Сварог задернул полог, упал на спальник и моментально отключился.

Проснулся он от шелестящего монотонного грохота, заглушающего все на свете звуки. И еще от того проснулся, что его дергали за ногу, грозя этой самой ноге вывихом. Выбравшись наружу с «ремингтоном» в руке (сразу обдала тугая воздушная струя, а вокруг ходуном ходят травы да деревья), Сварог увидел пятнистое брюхо зависшей над поляной «вертушки». Военный вертолет с эмблемами штатовских ВВС. С машины уже сбросили узкую металлическую лестницу, и по ней проворно спускался одетый в маскировочную форму крепыш.

Всего на землю опустилось пятеро. Главными у спасателей были эти двое – профессор и майор. Остальные – солдаты, молодые откормленные лбы, вооруженные автоматическими винтовками. Солдаты, обращая на Сварога и его чернокожего спутника внимания ничуть не больше, чем на палатки и деревья, рассредоточились по поляне, умело разделив окружающее пространство на сектора и взяв их под наблюдение.

Едва спрыгнув на землю, к Сварогу поспешил майор:

– Кто вы? Сигнал тревоги – ваша работа? Где остальные?

Сварог коротко обрисовал ситуацию (а длиннее и не получилось бы – из-за грохота несущего винта приходилось кричать, сильно напрягая горло). Если не считать версии об отставшем от парохода морячке, касаясь всего остального (как был захвачен папуасами в плен, что в плену том происходило и что происходило после того, как удалось сбежать) он ничего не скрывал и не придумывал. А чего там скрывать! Подземную Пирамиду? Да шут с ней, берите даром...

Потом профессор – высокий худощавый старик лет шестидесяти, здорово похожий на артиста Николая Гринько, одетый в потасканные шорты песочного цвета и того же цвета рубашку «сафари», – носился по лагерю, хватался за голову, скрывался в палатках, выскакивал наружу.

Н’генга сидел на земле, обхватив ноги руками, трясся и испуганно переводил взгляд со Сварога на майора, на солдат и профессора, с них – на зависшую над поляной страшную винтокрылую машину. «Может быть, рановато я уверился, что его рассудку ничего не угрожает, – подумал Сварог. – Обилие чудес, ворвавшихся в его жизнь, пожалуй, способно превысить критическую массу. И бабахнет взрыв в извилинах, заплетая их немыслимым образом...»

Профессор выскочил из палатки, прижимая к груди толстую кожаную папку, и по лицу его было видно, что он страшно доволен находкой. Тут его подхватил майор (до того, сложив руки за спиной и мусоля во рту сигарный окурок, прогуливавшийся по поляне и что-то напряженно обдумывавший), и они с майором вступили в яростный спор. Что говорил ученый, Сварогу было не слышно, а вот обрывки майорских фраз, благодаря поставленному командирскому голосу последнего, долетали:

– Эти решения на мне... Прошло три с половиной недели, торопиться смысла нет... Операция должна быть подготовлена... Исключен любой риск... Моя зона ответственности... Хотите остаться? Простите, сэр, но тогда я буду вынужден доставить вас силой...

Профессор еще что-то горячо возражал, размахивая руками и папкой, но майор уже не слушал его, он направился к Сварогу.

– Что делаем с парнем? – и майор коротко кивнул в сторону Н’генга.

Вопрос из разряда непростых. Определенно одно: отвязаться Сварогу от туземца, вознамерившегося служить белому колдуну до самой смерти, будет непросто. Да и вроде как-то нехорошо бросать Пятницу здесь одного, поблизости от племени каннибалов. К тому же дорогу домой ему найти будет нелегко. А с другой стороны, нехорошо вырывать парня из дома родного, то бишь из джунглей, и забрасывать в мир насквозь ему незнакомый, пугающий, враждебный. Что там с ним будет? Но взвешивая те и те последствия...

– Берем с собой, – решительно сказал Сварог.

– Хорошо, – майора, очевидно, не слишком волновала судьба незнакомого темнокожего паренька. – Забирайтесь в вертолет, мистер. Справитесь?

Сварог справился... Пятница тоже справился, хотя было видно, как ему страшно. Но еще больше он боялся отстать от своего повелителя – потому и справился. И профессор справился, наплевав на возраст. Майор забрался последним, а трое солдат остались внизу.

В вертолете на Сварога с расспросами насел профессор. Но сперва, как и положено культурному человеку, профессор представился, причем весьма многословно:

– Меня зовут Джозеф Чарльз Беркли-младший, подданный Великобритании, третий сын лорда Беркли. Увы, кичиться тут особо нечем, так как ни богатства, ни титула я не унаследовал. Зато не без гордости могу сказать, что на археологическом и историческом поприще кое-какого признания ученой общественности все же добился. Профессор Кембриджского университета, почетный член Королевского Географического общества Великобритании, член-корреспондент историко-археологического общества Нью-Йорка. Ну и автор множества статей, книг и серии тематических программ на Би-Би-Си. А вы сказали, вас зовут Сварог... товарищ Сварог? Так у вас принято обращаться друг к другу?

– Вы, мистер Беркли, задержались в эпохе холодной войны, – усмехнулся майор, внимательно прислушивавшийся к беседе. – Русские теперь обращаются друг к другу на западный манер. А я – майор Ланкастер, морская пехота США. Этот борт – территория США. Так что добро пожаловать в Штаты, мистер Сварог!

– Можно и с добавлением «товарищ», можно и с «мистером», – милостиво разрешил Сварог. – Можно и просто Сварог, как пожелаете.

– Вот уж совпадение так совпадение! – воскликнул Беркли. – Дело в том, что мою экспедицию как раз и спонсировал русский! Он живет где-то в глухой Сибири, но очень интересуется моими исследованиями... – И профессор в первый раз поблагодарил Сварога: – Не знаю, как и выразить вам мою признательность! Если бы не вы... Три с половиной недели назад мы потеряли связь с экспедицией. Но вот что любопытно...

Профессор привычным жестом достал из кармана очки с одним треснувшим стеклом и машинально протер их далеко не чистым носовым платком, после чего вновь убрал очки в карман.

– Всякий раз, выходя на связь, они сообщали свои координаты. Во время последнего сеанса они находились за девяносто миль отсюда. И вовсе не собирались в эту сторону. А если бы и направились, то должны были еще не один раз выйти на связь. Девяносто миль за день не пройдешь! Непонятно... То ли их приборы дали неверные показания, то ли они сами нарочно ввели нас в за-

блуждение, хотя не ясно, зачем им это могло понадобиться. Много вопросов.

Профессор снова достал очки из кармана.

– Спустя двое суток после невыхода экспедиции на связь мы начали поиски. Поиски ни к чему не привели... Как выяснилось, мы искали не в том районе. А благодаря вам мы нашли их лагерь! Теперь, я в этом уверен, найдем и людей. Думаю, поможет дневник экспедиции, – Беркли похлопал по папке, лежавшей рядом с ним на лавке. – И, разумеется, мы надеемся на ваши, мистер Сварог, наблюдения. Вы, наверное, удивлены, мистер Сварог, почему мы оставили всего троих и не развернули прямо сейчас широкомасштабные поиски...

Сварог удивлен, в общем-то, не был, хотел спросить совсем о другом, но не успел – в разговор вступил майор:

– Это мое решение, и я отвечу нашему гостю, сэр. Он заслужил право знать. Во-первых, мистер Сварог, – майор вытащил изо рта потухший окурок сигары, – в окрестностях лагеря сплошной лес, вертолету негде сесть, нет подходящих размеров площадки. Во-вторых, пока мы ищем ваше поселение, которое может оказаться бог знает в скольких милях отсюда, мы сожжем все топливо, а нам долго лететь обратно. Оставшийся в лагере сержант Лопес со своими ребятами проведет пока небольшую разведку, свяжется с нами и наверняка что-то сообщит. Сегодня же вечером сюда будет выслана подготовленная группа. Ну а вы, мистер Сварог, и наш уважаемый профессор мистер Беркли поможете нам с подготовкой по научной части. Я так понимаю, придется иметь дело с племенем тупых и злобных карликов, питающихся человечиной...

Мистер Беркли недовольно поморщился.

– Не знаю, поймете ли вы меня, мистер Сварог. Майор, как я понимаю, со мной точно не согласится. И все же я скажу, что нельзя говорить о жестокости дикарей. Они не более жестоки, чем мы с вами, которые убиваем животных и потом употребляем их в пищу... Понимаете, первобытные народы видят мир совсем по-другому, чем мы, абсолютно другими глазами. Они не знают деления на животных и неживотных, вообще такое понятие, как «животное», им не знакомо. Весь мир для них одинаково одушевлен, их окружают духи деревьев, духи воды, в каждом существе и предмете живет свой дух. И в них самих живет ровно такой же дух. То есть себя самих они никоим образом не выделяют из окружающего. Но для них существует четкое деление по принципу «свой – чужие». Мы – чужие. И они должны поступать с чужими так, как велит их обычай, закон предков.

– Как говорится, ничего личного, только обычай, – хмыкнул майор.

– Если вам так больше нравится, майор, – мистер Беркли сделал жест, будто снимает несуществующую шляпу, и демонстративно повернулся к Сварогу. – Вы оказались в нетронutom, девственном мире, словно переместились на тысячи лет назад. Знаете, большинство европейцев и, тем более, американцев не подозревают о существовании подобных мест, такие места для них – не более чем картинка на экране, голливудские декорации... Я не претендую на звание эксперта-африканиста, слишком много в Африке всевозможных народов и народностей, чтобы с ходу сказать, с чем мы столкнулись на сей раз. Твердо можно говорить лишь об одном: вы находились среди первобытного народа, пребывающего в состоянии родоплеменной общности...

– Будьте осторожны, мистер Сварог, – вклинился в речь мистера Беркли майор. – Профессор легко может заговорить вас до смерти.

– Это правда, есть такой грешок, – рассмеялся Беркли. – Сразу прошу простить меня за излишнюю болтливость. Что ж, ничего не поделаешь, типичная профессорская слабость.

Сварог посмотрел на Беркли:

– Скорее всего, члены вашей экспедиции угодили в плен к этим каннибалам. (Профессор кивнул.) И вы думаете, они могли остаться в живых?

– Могли, – уверенно сказал Беркли. – Мы упираемся в недостаток информации, но я вижу две, по крайней мере, оптимистичные версии. Во-первых, их будут держать на положении пленников до какого-нибудь местного праздника, когда их подвергнут обряду посвящения... или, лучше сказать, обряду перевода из разряда чужих в разряд «своих», после чего сделают полноправными членами их родоплеменной группы. Во-вторых, они нужны как живые обереги. Понимаете? Чтобы отпугивать могущественных духов, присылающих к ним чужих, то есть нас с вами.

– Да, – удивленно протянул Сварог, – но мой и Н’генга опыт...

– Я понимаю, – перебил Беркли, – что пессимистических версий еще больше. Однако давайте верить в лучшее.

Сварог решил оставить эту тему и спросил о другом:

– Это была археологическая экспедиция?

– Нет, что вы! – профессор опять достал очки и платок. – Сразу копать никто не начинает, сперва производится разведка, определяется целесообразность работ, потом следует получить разрешение на раскопки. Целью нашей экспедиции была всего лишь разведка. Я, мистер Сварог, я должен был возглавлять эту экспедицию. Но перед самым уходом подхватил одну из этих чертовых африканских болячек и слег. Врач сказал, что на лечение уйдет не меньше месяца. Мы бы отложили выход на месяц, но спонсоры настояли на немедленном отправлении. А спонсоры, как вы, наверное, знаете, всегда правы. Экспедицию возглавила мисс Джоанна, мой ассистент. Очаровательная девушка... «хотя и американка» – это мне обязательно следует добавить как стопроцентному англичанину с врожденной нелюбовью к неотесанным выскочкам из Нового Света... Мисс Джоанна – сотрудница Принстонского университета, увлеченный археологией человек, весьма сведущий в африканистике специалист, моя первая помощница в экспедиции и, наконец, представитель компании, выступившей спонсором этой самой экспедиции. Я многословен, да?

Вопрос был адресован Сварогу, но ответил майор:

– Еще как! Впрочем, как всегда.

– Можете считать меня типичным чудаковатым профессором, я не против. Считайте, как хотите, а я вот попрошу вас кое-что уточнить, мистер Сварог...

И профессор надел на Сварога с расспросами. Мистера Беркли несколько не интересовало прошлое Сварога, история его африканских походов и возможная связь с русской разведкой. Его не интересовали даже папуасы. Его интересовали колодцы, Пирамида и Свароговы галлюцинации.

Профессор достал из кармана шорт блокнот в кожаной обложке на медной застежке, вытащил ручку и протянул Сварогу:

– Вы не нарисуете мне, как выглядело то нарисованное на реальности дерево, вокруг которого танцевал туземец? Если вас, конечно, не затруднит...

– Ничуть.

Сварог внутренне усмехнулся и, тем не менее, отнесся к работе со всей доб-

росовестностью: изобразил схематичную пальму, употребив, как говорится, весь отмеренный ему богом дар живописца.

– Ну вот. Готово.

Беркли нацепил очки и практически выхватил блокнот из рук художника Сварога. Вгляделся. И поднял удивленный взгляд:

– Странно... Вы ничего не напутали? Похоже на культуру туземцев Индонезии. И вместе с тем... Вы когда-нибудь слышали о джеде? Нет? Ну так позвольте вас просветить, молодой человек... – он решительно сорвал очки с носа, сунул в карман. – Насколько я помню, впервые джед появился в Мемфисе, в Древнем Царстве. Ну да, точно, даже египетский бог Пта так и именовался: «достойный Джед»... Но что он, символ этот, означал в действительности, увы, покрыто тайной веков. Зато потом, уже при Новом Царстве, джед превратился в символ Озириса и стал одним из атрибутов правления царя. Озирис – бог жизни, помните? (Сварог устало кивнул. В сон клонило.) И у него еще враг был загадочный, Сет. Так вот, египетский джед олицетворяет, помимо всего прочего, победу Жизни над Смертью и бесконечность Жизни. Столб с его очертаниями воздвигался, когда на смену умершему фараону на трон всходил новый правитель... Понимаете? Иными словами, он символизирует и воскрешение старого фараона, и восстановление прежнего порядка. Однако... – Беркли в задумчивости прикусил дужку очков, – однако нахождение этого символа здесь, в Центральной Африке, означает, что джед как символ появился задолго до Древнего Царства... и следовательно... Черт меня раздери, ну и денек выдался! – он утер лоб тыльной стороной ладони. – А значит, этот символ восходит к Предтечам. Как и сами пирамиды. И это лишнее подтверждение моей теории! И вообще, весь ваш рассказ подтверждает мою теорию.

– Вашу теорию? – вежливо спросил Сварог.

– Да, мою теорию. Не было бы ее, не было бы и этой экспедиции. Хотите послушать?

Раздался нарочито громкий зевок майора Ланкастера.

– Если вас не затруднит, – подражая манере профессора, сказал Сварог.

Ничуть не затруднило! Профессору не терпелось прочитать лекцию на любимую тему. Что ж, можно понять: соскучился человек по аудитории...

– А начну я, пусть вас это не удивляет, мистер Сварог, с пирамид! – Беркли взмахнул очками, которые в нечитанный раз извлек из нагрудного кармашка...

Глава вторая ПИРАМИДЫ И УЧЕНЫЕ ПОЗНАНИЯ

Джозеф Чарльз Беркли-младший, сколько себя помнит, всегда интересовался Африкой, ее историей, культурой, загадками, что хранит африканская земля, а пирамиды – это, как известно, главная достопримечательность континента и главная его тайна. Впрочем, все же не самая главная тайна. Потому что пирамиды, во-первых, уже обнаружены, во-вторых, достаточно неплохо изучены. Чего никак не скажешь о руинах древних городов, находящихся в Центральной Африке.

Да, он мечтал добраться до одного из неизвестных человечеству городов, мечтал стать вторым Шлиманом, откопать свою африканскую Трою. Его фанатичное изучение всего, что каким-то образом было связано с Африкой, подогревалось этими мечтами. В университете он занимался, пожалуй, даже где-то

с излишним рвением, во многом обделяя свои студенческие годы. Летние каникулы целиком проводил на раскопках, ему довелось побывать в Северной и Западной Африке, в Мексике, на острове Пасхи. С годами юношеский романтизм естественным образом улетучился, ему на смену пришел практический взгляд на вещи. Скорейшему улетучиванию романтизма в наивысшей степени поспособствовала организация собственной экспедиции в Конго.

Путем теоретических изысканий Беркли пришел к выводу, что на территории этого государства может находиться один из древних, неизвестных науке городов. Беркли понимал, что одна экспедиция вряд ли принесет удачу, потребуются несколько заходов. А во время первой экспедиции он рассчитывал обойти как можно больше поселений, в первую очередь – затерянных в лесах, войти в контакт с местными жителями и выведать у них, нет ли поблизости каких-нибудь необычных строений, камней странной формы, пещер, ну и вообще чего-нибудь загадочного. Ведь кто лучше местных жителей знает родные края?

И вот Беркли столкнулся с прозаической стороной вопроса. Во-первых, экспедиция означала деньги, и немалые деньги, которые кто-то весьма щедрый должен ссудить. Во-вторых, не каждая страна охотно давала разрешение на проведение у себя не то что раскопок, а вообще любых изысканий, в некоторых странах так и вовсе белым людям разрешалось находиться только в столице, и не дай бог тебе сделать из нее миллиметровый шаг в сторону. В-третьих, пойдись найди спутников, которые согласились бы на огромный риск, с каким сопряжено участие в странствиях по дикой Африке (не считая, разумеется, национальные парки, которые как раз и предназначены для выгула желающих экзотики туристов), куда никакая воздушная кавалерия не примчится на выручку в случае чего. А было еще и в-четвертых, и в-пятых. Одним словом, сия работенка выкачала из мистера Беркли столько энтузиазма, что иному хватило бы и на полжизни. Но экспедиция ценой невероятных усилий все же была снаряжена, отправилась в Конго... и тут случился некий дипломатический скандал, что-то там, кажется, с правом вето в ООН. В результате археологи, едва спустившись с трапа самолета, вместе с английским послом вынуждены были покинуть вдруг ставшее недружественным государство.

На вторую попытку запала у мистера Беркли не хватило. Тем более, ему вскоре предложили кафедру, стали публиковать его работы в престижных журналах, понеслись одна за другой конференции и семинары, вдобавок мистер Беркли женился, а потом еще началось сотрудничество с Би-Би-Си, приносившее деньги, известность и поездки по разным странам, пусть по местам сплошь исхоженным и перерытым, зато со всеми пятизвездочными удобствами. Короче говоря, научная, трудовая и личная жизнь складывалась как нельзя лучше, разве что одного мог пожелать себе мистер Беркли в тот момент – чтобы и дальше все так же катил по накатанной. Да, верно кто-то подметил, что большинство великих открытий совершаются от восемнадцати до двадцати пяти лет. В этом возрасте полно сил, ничто не обременяет, уже есть некая теоретическая база и, самое главное, – еще недостаточно накоплено здравого смысла, чтобы прислушиваться к чужим авторитетным мнениям вроде: «Такого не может быть, потому что противоречит ранее открытому, известному и признанному; ты поверил сказкам и мифам; ты станешь всеобщим посмешищем; ты только напрасно потратишь время, которое можно употребить с

большей пользой».

В общем, мистер Беркли стал постепенно забывать свою мечту стать африканским Шлиманом. Однако все кардинальным образом изменилось девять лет назад.

Девять лет назад профессор наткнулся в одном, даже не в специальном, а в научно-популярном журнале на статью некоего Томаша Спешевского, который выдвигал очередную теорию происхождения и предназначения египетских пирамид. Теорий этих было – «больше чем китайцев в современном Лондоне, мистер Сварог». Беркли для порядка пробежал статью глазами и... скептическая ухмылка сбежала с его лица. «Черт побери, Беркли, сказал я тогда сам себе, уж не этого ли сигнала ты ждал всю свою тихую кабинетную жизнь?..»

Сперва в статье перечислялись вещи известные. О том, что пирамиды на плато Гиза точно соответствуют расположению звезд в созвездии Ориона, а величина пирамид соответствует яркости звезд. Это соответствие обыкновенно уводило умы к теориям инопланетного происхождения пирамид, вроде той, что утверждает, будто пирамиды – это не что иное, как ныне бездействующие преобразователи пространства, с помощью которых инопланетяне перемещались в Космосе, и тому подобным байкам в духе «Секретных материалов» («Вы же видели этот сериал, мистер Сварог?» Кивок в ответ). Логика понятна: раз звезды – значит обязательно пришельцы. А звезды – это в первую очередь астрономия.

И далее в статье речь шла именно об астрономии, а конкретно о том, что существует такое явление – прецессия, то бишь круговое движение земной оси под гравитационным воздействием Солнца и Луны. Земная ось описывает полный круг за двадцать пять тысяч девятьсот двадцать лет (это явление носит название Великий год), стало быть, положение звезд на небосводе в точности повторяется только один раз в эти без малого двадцать шесть тысяч лет. Повторяется, естественно, по отношению к наблюдателю в конкретной точке Земли.

Проведенные математические расчеты позволили установить, когда звездное небо имело тот вид, что зафиксирован пирамидами на плато Гиза: десять тысяч шестьсот сорок второй – десять тысяч пятьсот сорок шестой годы до нашей эры. В то время как известно, что эти пирамиды возведены за две тысячи пятьсот лет до нашей эры. Разница составляет ни много ни мало восемь тысяч лет. И что сие означает, как это понимать?

А не так ли, что пирамиды спроектировали и, возможно даже, заложили одни, а завершили строительство совсем другие? И если вторые, или Строители, были египтянами, то кто же тогда первые, или Проектировщики? Этим вопросом задался и автор статьи, но, по обыкновению создателей подобных гипотез, его унесло за облака, в область туманного и таинственного, привело аж к мысли о параллельных мирах. Дескать, пирамиды – это точка пересечения миров, раз в двадцать шесть тысяч без малого лет миры совпадают в пространстве и во времени, и между ними открываются врата. «Минуточку, – сказал он сам себе, – а если все гораздо прозаичней? Если рассматривать пирамиды всего лишь как крестики на карте, на простой топографической карте?»

– И мне в голову пришла гипотеза, мистер Сварог, которая в конце концов вытащила меня из кабинетов, погнала на старости лет в леса, заставила вспомнить прежний юношеский пыл романтики первооткрывателей...

Гипотеза мистера Беркли заключалась в следующем. Расположением пирамид не только фиксируется дата начала работ, но и дается вполне конкретный указатель на определенную точку поверхности планеты. Легко догадаться, почему древние проектировщики решили дать привязку к местности через звезды – они прекрасно осознавали бренность, невечность, изменчивость земных объектов... И тут возникает закономерный вопрос: а сам проект задуман уж не ввиду ли предчувствия надвигающейся планетарной катастрофы, той самой, которая, кстати говоря, уже имела место быть когда-то и нашла отображение в мифологиях разных народов – например, как Великий Потоп или как Хаос? Думается, так оно и было. Предчувствуя надвигающуюся беду, древние проектировщики задумали создать карту. Карту, которая никуда не исчезнет, не размякнет в воде, с которой не смоешь чернила, которую не смогут сжечь или похитить. И она укажет точку, где следует искать... ну, пока скажем, где следует искать нечто.

Однако осуществить свой замысел проектировщики так и не успели, катастрофа опередила их. Часть людей выжила в том катаклизме, смешалась с другими уцелевшими народами, сохранив при этом некоторые знания, которые легли в основу новой цивилизации (видимо, именно прямой преемственностью и объясняется загадочно высокий уровень развития египетской цивилизации). Память о прежнем расцвете, передаваемая от поколения к поколению, со временем трансформировалась в мифологические образы и предания, в том числе как священное знание передавалась память о незавершенном строительстве. Египтяне подчиняли свои поступки воле богов, разумеется, не задумываясь, каким образом снизошла на них эта воля и что за ней кроется. Богиня Изида повелела строить, бог Озирис указал место, а человек должен повиноваться. Ну а функциональное применение пирамидам нашлось без труда – усыпальницы фараонов. Думается, свои гигантские сооружения египтяне возводили на старых, заложенных еще до катастрофы фундаментах. Между прочим, этот факт вполне можно установить, если докопаться до оснований пирамид. Тогда, возможно, удастся обнаружить камни...

– ...родные братья тем, что пошли на кладку колодцев, о которых вы рассказывали, мистер Сварог. Только кто позволит вести такие раскопки? Уж точно не египетские власти, которых вполне устраивает нынешнее туристическое паломничество, и они не желают что-то лишнее трогать. Ну да бог с ними. Доказательство моей теории можно было отыскать совсем в другом месте...

Согласно гипотезе профессора Беркли, древняя цивилизация, находившаяся на африканском континенте... «строго говоря, тогда это был совсем другой континент, он имел иные очертания и границы, но в этот вопрос мы сейчас вдаваться не будем». Так вот, та працивилизация, цивилизация Предтечей, раз она была знакома с астрономией, должна была иметь высокий уровень развития. Насколько высокий, сказать трудно, но явно превышающий, скажем, уровень той же египетской цивилизации. Египтяне, кстати, из астрономических инструментов знали только отвес и палку, расщепленную с одного конца, чего было бесспорно недостаточно, чтобы точно определить расположение звезд и их относительную величину.

Если люди працивилизации, Предтечи, хотели оставить указатель в виде

пирамид, то на что он мог указывать? На один из рядовых городов, которые, безусловно, имелись? Это вряд ли, скорее на свой культурный и правительственный центр, на свою обсерваторию или на хранилище знаний, надежно защищенное от любых внешних воздействий... Гадать по этому поводу можно было долго, точный ответ могло принести только обнаружение того самого места. И следовало определить координаты этого места...

– Не буду утомлять вас подробностями, но поверьте: работа была проделана грандиозная. Слава богу, мы теперь располагаем вычислительной техникой, которая была недоступна исследователям предыдущих веков. Будь в моем распоряжении всего лишь ручка с бумажкой или, в лучшем случае, арифмометр, мне точно не хватило бы остатка жизни, чтобы завершить расчеты. Правда, я вряд ли пришел бы к каким-то вразумительным выводам и сейчас, не посети меня самое настоящее озарение...

Дело в том, что профессору не хватало привязки к земной поверхности. В своих расчетах он исходил из предположения, что искомая точка – это геометрический центр фигуры, образованной пирамидами на плато Гиза или, если хотите, звездами Пояса Ориона. Он вычислил этот центр. И что дальше? А дальше следовало наложить звездную карту на поверхность земли. Но как это сделать, когда нет ни единой реперной точки? Ведь нельзя было даже быть уверенным, что искомый пункт находится на территории нынешней Африки. Может быть, то, что искал Беркли, давным-давно как ушло под воду, так и пребывает там до сих пор.

И тогда он подумал о Сфинксе, который тоже находится на плато Гиза. Если и сфинкс не случаен, если его предназначение как раз и состоит в том, чтобы наводить человеческую мысль на определенную догадку! Сфинкс смотрит на восток, на востоке каждый день восходит солнце, восход означает начало дня... начало... А если – начало географической широты? А что у нас является началом счета географической широты?

Беркли, как и его древнегреческий коллега Архимед, воскликнул: «Эврика!» – после того как воскликнул: «Экватор»! Ну конечно же, людям працивилизации должно было быть знакомо понятие экватора! Есть же понятие небесного экватора, а что если попробовать привязаться к экватору земному?

В результате он получил координаты географической точки на теле черного континента. Правда, погрешность вычислений составляла сотни километров и точка таким образом превращалась в квадрат со стороной в добрые три сотни километров. Однако сотни ведь не тысячи. Беркли расценивал шансы на удачу в предстоящей экспедиции как довольно высокие.

Однако фантазии, помноженные на астрономию и математику, еще не приносят денег. А подтвердить или опровергнуть гипотезу могла только экспедиция, что, как уже упоминалось, требует немалых вложений. И тут следует сказать спасибо американским коллегам. Потому что в родном университете профессора подняли на смех, личных сбережений тоже не хватало, при всем при том, что человек он далеко не бедный. Увы, при всем его научном авторитете в Англии, Беркли так и не удалось раздобыть денег. Выручил и поддержал Принстонский университет...

– Знаете, несмотря на всю тяжесть и неопределенность нынешнего положения, несмотря на тревогу за судьбу моих коллег и друзей... – проговорил профессор, старательно протирая очки. – Представьте себе, я почти что счастлив.

Я оказался прав. Я безумно счастлив, что дожил до этого дня. Моя теория, над которой не смеялся только неумеющий смеяться, оказалась правдой. Он и в самом деле существует – понимаете? – неизвестный науке древний город, родственно связанный с египетскими пирамидами, находящимися в тысячах миль отсюда. Так что позвольте вас еще раз поблагодарить, мистер Сварог...

– А как на ваш взгляд, мистер Беркли, имеют дикари какое-то родственное отношение к постройкам? – поспешил с вопросом Сварог, чтобы сбить слишком высокий градус пафосности.

– Уверен: никакого, – твердо сказал Беркли. – Они просто сочли это место подходящим и поселились здесь. Очень жаль, что майор не дал мне осмотреть колодец. Даже подойти к нему не дал, зная, что потом будет не оттащить... Хотя простой осмотр ничего не даст. Тут нужно специальное оборудование, требуется радиоуглеродный анализ, но... Но уже сейчас я готов отказаться от всех своих должностей и наград, если все это не было построено во времена, когда, согласно академическим канонам, на Земле обитали лишь полулюди-полуобезьяны... Представляете, коллега! (Сварог не стал поправлять профессора). Город был возведен, когда, как они думают, человек еще не знал огня и ютился в естественных пещерах! Творение цивилизации, достигшей своего расцвета за тысячи лет до Шумера и Месопотамии! И главное, коллега, теперь я наконец понял, почему египетские пирамиды указывают именно на это место. Я всегда подозревал, что здесь сокрыта некая Тайна. Тайна не из рядовых. Так и есть!

– И что это за тайна? – спросил Сварог. – Подземная пирамида?

– Да, Истинная Пирамида! – торжественно сказал профессор. И повторил, словно бы смакуя: – Истинная Пирамида.

Видимо, просто произносить это сочетание слов доставляло ему удовольствие.

– Истинная... – вслед за профессором задумчиво повторил Сварог. – А остальные, выходит... ложные?

– В некотором роде да, – усмехнулся профессор. – Все остальные пирамиды – это так, модельки, слепки с этой... Всего лишь указатели.

Профессор еще раз достал очки из кармана и тут же убрал обратно. И вновь достал.

– Вы не слышали о так называемом Македонском папирусе? Не удивительно. Египтологи, историки, все научное сообщество давно и дружно заклеямило сей документ как умелую мистификацию, шутку чьего-то игривого ума. Понятно, что очень немногие осмеливались ставить под сомнение сей вердикт и всерьез заниматься документом, никому не хотелось становиться объектом для всеобщих насмешек. Мне трудно воспроизвести по памяти... – Профессор потер дужкой очков лоб. – Тем более документ дошел в обрывках, фразы отрывочны и бессвязны... Не все вспомню, но кое-что, кое-что... Сейчас... Ага... «Истинная пирамида... управлять судьбами народов... пребывать вовеки... сквозь тысячелетия...». Это из первой части. Сейчас вспомню из второй... Вот! «Пройти пять миров...» «Исполнить начертанное...» «Отмеченный Знаком человек с севера... Ключ... вспомнить прошлое... спасти мир...» Серафим Пак... ваш соотечественник, кстати, один из немногих, кто занимался всерьез Македонским папирусом... так вот, он сводит обрывки второй части в такую фразу: «Северянин с отметиной откроет Ключом дверь, исполнит начертанное, спасет мир и вспомнит...» Я не удивлюсь, если вам не знакомо это имя: Серафим

Пак...

– Не знакомо, – честно сказал Сварог. – Серафим? Да еще и Пак? Я бы запомнил.

– У него нет официальных ученых званий, и он нигде не печатался. Слава богу, что есть Интернет, который не знает цензуры закостенелой мысли. В Интернете я и познакомился с его работами. Он же сам, кстати, и переводил свои статьи на английский.

Кивая с умным видом, Сварог подумал: «Надо запомнить это слово “Интернет”. Любопытно, что за зверь, который не знает цензуры закостенелой мысли».

– Он тоже живет в далеком сибирском городе, там же, где и мой спонсор... Наверное, вы знаете этот город... Как же он называется... – Беркли постучал кулаком по лбу. – Шаркст... Нет! Шаракс... Шанарск...

– Шантарск? – вспомнил Сварог.

– Именно! – воскликнул профессор. – Мистер Пак писал о пирамидах и о Македонском папирусе, но в первую очередь он писал об Аркаиме...

– Что вы сказали?! – резко повернулся к нему Сварог и даже привстал на скамье. – О чем он писал?

– Да, да, вы не ослышались, об Аркаиме, – профессора ничуть не удивила бурная реакция Сварога. – Аркаим находится рядом с Шантарском. Наверное, близость Аркаима и навела мистера Серафима на мысль о существовании Истинной Пирамиды, о том, что в манускрипте говорится именно об этой Истинной Пирамиде, о ее связи с Аркаимом и о том, что остальные известные нам египетские пирамиды – лишь подказки. Я так понимаю, вы бывали в Аркаиме, мистер Сварог, раз так поразились?

– Нет, не пришлось, – проговорил Сварог. А в голове билась только одна мысль: «Неужели все так просто? Рядом с Шантарском... Но, черт подери, это ж на противоположной стороне планеты!»

– Но вы бесспорно прекрасно осведомлены об этом сибирском Стоунхендже, как его некоторые называют?

– Лишь в самых общих чертах, – сказал Сварог. А затем выдал самую что ни есть неподдельную правду: – И впервые слышу, чтобы его называли сибирским Стоунхенджем.

– Наш русский друг не ученый, а моряк, не забывайте об этом, профессор, – встрял в разговор майор Ланкастер. – А то мистер Сварог подумает, что вы хотите его на чем-то подловить.

И майор улыбнулся Сварогу столь приветливо, что не оставалось никаких сомнений: уж в тишине и глубине штатовской базы он постарается на чем-то подловить своего русского друга, отчаянно будет стараться, до полной и окончательной победы чистосердечного признания над ложью и запирательством.

– Странное дело, – профессор снова принялся старательно протирать очки. – Я не о нашем русском друге, я вообще о... приоритетах, так сказать. Я не впервые сталкиваюсь с тем, что люди знают по именам прощелыг-политиков, о которых завтра никто не вспомнит, знают, кто кому гол забил и на какой минуте, но слыхом не слыхали, например, о том же Аркаиме. Между тем Аркаим, по моему глубокому убеждению, одно из величайших открытий ушедшего двадцатого века, пока еще до конца не оцененное...

– Кстати, я тоже, профессор, из вашего списка плохих парней, – снова встрял в разговор майор Ланкастер. – Я могу перечислить всех квотербеков американской лиги и знаю по именам и по заслугам большую часть министров обороны центрально-африканских стран, но вот про Аркаим слышу впервые. Может, просветите, профессор?

На этот раз профессор протирал очки дольше прежнего, при этом удрученно покачивая головою. Потом со вздохом водрузил очки на переносицу и сказал:

– Мельчает мир, мельчают и военные. Никогда не поверю, чтобы майор времен расцвета Британской империи мог себе позволить такую поразительную необразованность.

Майор империи совсем не британской на сказанное нисколько не обиделся, видимо, такого рода подколки были между ними в порядке вещей. Майор-мулат заговорщицки подмигнул Сварогу и сказал профессору:

– А вам напомнить, сэр, до каких размеров ужалась ваша империя вместе с вашими образованными майорами? Или прикажете не беречь рану?

– Мне кажется, вы, майор, хотели восполнить пробел в вашем образовании. Извольте. Итак, Аркаим. Его открыли относительно недавно – в восемьдесят седьмом. Собственно говоря, давно уже космическая и аэрофотосъемка показывала наличие в тех местах некоего раскинувшегося на огромной территории объекта правильных очертаний. Эта геометрическая правильность и вводила в заблуждение. Мистер Пак утверждал, что в советские годы его принимали за секретный военный объект, каких у вас полно было в тех краях, и поэтому проявлять чрезмерный интерес просто боялись – а вдруг сочтут за шпионов. И никто не мог предположить, что это археологический памятник...

– Я вам больше скажу, профессор, – воспользовался небольшой паузой майор. – Данные космической фотосъемки в то время в Советах вряд ли могли попасть в руки вашего брата, штатского ученого.

– Может быть, и так, майор. Может быть, и нет ничего странного в том, что памятник, занимающий двадцать квадратных километров – вы только вдумайтесь в эту цифру! – долго не могли элементарно обнаружить. Сибирь, в конце концов, необъятна, не изучена и безлюдна, так ведь, мистер Сварог? Однако то, как все же обнаружили Аркаим, ничуть нельзя назвать заурядным, – профессор взмахнул очками, подвергая испытанию крепление дужки. – Заслуга открытия принадлежит экспедиции одного из ваших, мистер Сварог, сибирских университетов. И надо же такому случиться, что экспедиция наткнулась на Аркаим за какие-то считанные месяцы до того, как эту территорию должны были затопить. Строили водохранилище, и весь Аркаим по планам должен был уйти под воду. Но когда экспедиция вернулась с сенсационными результатами, обнародовала их, то в защиту памятника выступили авторитетные и влиятельные люди и затопление в конце концов отменили. Вот так удачно совпало... Случайность, скажете? Может быть, и так. Да вот только случайностей и загадок вокруг Аркаима набирается превеликое множество. Впрочем, о загадках мы еще поговорим позже...

«Странно, что я ничегошеньки не слышал об этом Аркаиме, – подумал Сварог. – Хотя... Далеко я находился в те годы от сибирских краев. К тому же в начале этой, чтоб ее, Перестройки такой шум-гам стоял в прессе, что за разоблачения всего и вся сообщения о научных открытиях терялись, как щепки в оке-

анах».

– Попробуйте представить, как это выглядит, – продолжал вещать профессор. – Два кольца – это оборонительные стены. В геометрическом центре кругов находится небольшая, но удивительно ровная, залитая цементирующим раствором площадка. А уж в центре самой площадки – небольшой пьедестал. Алтарь, как многие думали и думают, хотя есть и другие мнения. От площадки в разные стороны, как спицы в колесе, исходят радиальные стены и упираются в большое наружное кольцо. Эти стены делили поселение на сектора. Если это был город, то можно сказать, делили на районы...

– А что это еще, если не город? – спросил Сварог. В сон тянуло невероятно, но он заставлял себя поддерживать беседу.

Аркаим...

– Ха! – воскликнул профессор и так сильно махнул очками с болтающейся дужкой, что Сварог вяло подумал: «Вот сейчас точно отлетит». Дужка не отлетела. – Теорий на этот счет столько, что я могу вас ими развлекать до вечера. Да, одни считают, что это город. Только чей? Кто-то склоняется, что древних ариев, исчезнувшей расы. Что любопытно, некоторые считают, будто Аркаим возведен задолго до пирамид. Представляете? Эдакая древность. Причем отлично сохранившаяся древность, в историческом, культурологическом смысле ничуть не уступающая египетским пирамидам... И мало кто просто слышал об этом месте! В отличие от пирамид, о которых знают все жители земли! Вам это не кажется странным?

Профессор закусил дужку.

– Между прочим, вот вам еще одна из загадок Аркаима. Совершенно неоспоримо установлено, что в один прекрасный момент все жители Аркаима собрались и куда-то ушли, оставив свои жилища. Причем именно ушли, а не бежали в панике – аккуратно собрали пожитки, ничего не забыли. Если бы город штурмовали или по тем краям прошелся катаклизм – Аркаим бы так хорошо не сохранился до наших дней. Правда, другие исследователи утверждают, что все так хорошо сохранилось, потому что никто никогда в том городе и не жил. Они аргументируют это малым числом бытовых находок: черепков, бронзовой утвари, украшений. И вовсе не город это, утверждают они, а храм. Город-храм, так точнее. Где жили одни жрецы, а простые люди ютились в окрестных поселениях. Отсюда сложная и точная геометрия поселения. И не просто геометрия: некоторые усматривают в планировке Аркаима модель мира, вспоминая о мандале как одном из главных буддийских символов. Ведь мандала в переводе с санскрита – это и есть «круг», а также «мир», «страна», «пространство». А вот по теории мистера Пака, Аркаим – это...

Профессор вдруг замолчал. И изменился в лице. Сварог невольно проследил за его остановившимся взглядом – Беркли таращился в иллюминатор, за которым ничего нового не наблюдалось. Ого! Беркли, не замечая, что делает, сдвинул очки, и дужка все-таки отлетела от оправы. Сварог не успел его остановить. А профессор не обращал внимания ни на что.

– Подождите, подождите... – пробормотал мистер Беркли. – Ну конечно... Пирамида, Аркаим, выводы Пака... Как же я об этом сразу не подумал... Я же должен был тут же сообразить... Послушайте!

Профессор больно схватил Сварога за руку.

– А если предположить, что все не случайно! В том числе и наша экспеди-

ция, и ваше и наше появление здесь, то, что вы русский... Подождите, сейчас я вам все объясню. Не полагаясь на старческую память, я вам самое важное даже прочитаю. У меня с собой конспект статьи Пака и мои заметки к нему. Сейчас...

Но профессор ничего не успел объяснить. Голодным волком зимней лунной ночью взвыло чувство угрозы, вертолет с оглушительным грохотом подбросило, развернуло в воздухе могучим пинком, откуда-то повалил незапланированный дым, и машина провалилась в пропасть.

Глава третья ЗЛЫЕ И МЕТКИЕ

Внутренности рухнули куда-то в область паха. Он еще успел услышать, как заорал майор, успел почувствовать, как чьи-то руки вцепились в его плечи, глубоко вонзившись ногтями в плоть, а потом... Потом отлетел боковой иллюминатор, потом в борту выросла дыра с обугленными краями, в вертолетный салон ворвался шипящий ветер... Сварога закрутило... с нечеловеческой силой швырнуло куда-то вбок... и выбросило в дыру из вертолета...

А потом на какое-то время пропало все – только далекий колокольный звон дрожал в мозгу на разные лады: «Аркаим, Аркаим».

Мгновения, когда непонятно было, что и где, показались бесконечными.

А потом все началось по новой. В лицо ударил тугой поток воздуха и продолжал безостановочно хлестать, обжигая и ослепляя. Уши заложило от сильного и все нарастающего звука. Захлопали на ветру куртка и штаны. В глазах, как в рехнувшемся калейдоскопе, замелькало: зеленый ковер леса, голубое в белых клочьях небо, земля, небо, зеленое, голубое, выпученные глаза на черном лице Н'генга, которого вышвырнуло из машины вместе со Сварогом.

Пятница почему-то вдруг – видимо, от нечеловеческого испуга – отпустил его, и туземца тут же кинуло в сторону... Сварог едва успел поймать Пятницу за руку, проорал в лицо:

– Держись! Хватайся, если жить хочешь!

Краем глаза Сварог увидел, как вертолет по крутой дуге несется к земле, как лопасти вхолостую продолжают яростно молотить по воздуху, но остановить падение не могут...

Верхушки деревьев были уже совсем близко! Метров тридцать... Двадцать... Десять...

Сварог почувствовал, как падение замедляется. Это вызвало на ум давнее воспоминание – замедление движения скоростного лифта. И сквозь деревья они уже не падали, они просто быстро опускались, лавируя между толстыми сучьями, отмахиваясь от норовивших хлестануть по лицу веток... И очень быстро застряли в переплетении лиан – как мухи в паутине.

Вот тут и пригодилась природная ловкость и жизненный опыт Н'генга. Стоило ему оказаться в знакомой ситуации, как к нему тут же вернулась былая уверенность. С завидным проворством и ловкостью он принялся быстро-быстро спускаться, отводя и обрывая лианы, ломая ветви и тем самым прокладывая путь Сварогу. Вскоре белокожий странник по мирам вслед за туземцем прыгнул на землю.

– Фу! В бога душу мать! В гробу видал я такие приключения! – Сварог устало опустился на землю, привалился к толстому стволу какого-то тропического растительного гиганта.

Как оно обычно и бывает, запоздало накрыло нервной волной. Дрожащими пальцами Сварог сунул в рот сигарету, прикурил от зажженного на кончике пальца огня – сейчас не от кого было утаивать свои магические способности.

Выпустив струю дыма, Сварог посмотрел вверх.

Странно, но он не слышал взрыва. А взрыв должен быть громкий. Или топливные баки не взорвались? Сварог представлял, в какой стороне искать вертолет.

– Пошли, Н’генга, – Сварог поднялся, растер каблуком окурочок. – Может быть, кто-то выжил.

Поиски много времени не отняли. Можно сказать, что им повезло – сразу вышли к нужному месту. Однако пусть путь был и недолог, Сварог основательно пропотел в перенасыщенном влагой воздухе.

Вертолет упал на полянку, поросшую огромными, в две трети человеческого роста папоротниками. Машина лежала с почти тридцатиградусным креном на левый борт. Переломанные, чуть ли не в штопор закрученные лопасти несущего винта торчали враскоряку. Если б дело происходило где-нибудь в другом месте, машину расплющило бы о землю в лепешку. Но не здесь.

Сварог подошел к машине, сперва заглянул в кабину, с трудом отодвинув заклиненную дверцу, потом в накренившийся салон... Потом раздраженно пнул подломившееся колесо «вертушки».

Никто не выжил. Пилот и профессор были мертвы, майора Сварог в салоне не обнаружил, наверное, его тоже, как и их с Пятницей, выкинуло из «вертушки» взрывом. Только вот в отличие от Сварога майора от падений с высоты не оберегала защитная магия ларов...

А вокруг продолжал шуметь, шелестеть, свистеть и голосить тропический лес. Перепуганные неожиданным вторжением обезьяны вернулись к прерванной непрерывной суете жизни и возобновили свой истошный несмолкаемый гвалт.

– Вот что я тебе скажу, Н’генга, – Сварог снова закурил (отметив про себя, что туземец уже вполне спокойно воспринимает извлечение из воздуха сигареты и прикуривание от пальца), – в нас определенно стреляли с земли. Характерная пробоина, знаешь ли.

Сварог не старался упрощать свою речь, потому как и не с Пятницей он говорил, а просто рассуждал сам с собой вслух. И продолжал рассуждать, вновь забравшись в салон:

– Из чего бабахнули, не скажу, да это и не важно. Равно не важно, почему сбивали «вертушку». Для кого-то американский вертолет над головой – уже причина тут же начать прицеливаться. На партизан, я тебе доложу, африканские леса всегда были богаты. И эти партизаны могут быть где-то поблизости. Но ждать их прибытия мы с тобой не станем...

Сварог отодвинул ногой обломок деревянной лавки, поднял кожаную папку, в которой, по утверждению профессора, находились документы экспедиции. Конечно, Сварог искал в салоне совсем не это. Он искал карту, оружие, фляги с водой, компас. Если удастся отыскать весь набор – прекрасно, здорово. Если удастся найти хоть что-то из этого набора – уже неплохо. Потом еще следует посмотреть вертолетную рацию. Вдруг каким-то чудом она работает. А то – даже страшно подумать – удастся разыскать спутниковую систему связи или аварийные маяки, работающие автономно и безотказно, как черный

ящик. Тогда можно будет опять вызвать подмогу.

Однако документы экспедиции до того будет небезынтересно просмотреть самому. И наверное, правильно будет сохранить эти бумаги и как-нибудь исхитриться переслать их ученым людям...

Нога вдруг соскользнула, он потерял равновесие и завалился на какой-то мешок, плотно набитый угловатыми и ребристыми, проступающими сквозь ткань предметами. Об одно из этих сволочных ребер или углов Сварог неудачно приложился коленом, да к тому же угодил себе аккурат в болевую точку. Вот ведь, блин, везуха! Глухо матерясь и потирая колено, он сел на мешок, отложил папку.

В иллюминаторы, пробившись сквозь завесу из стволов и листвы, все ж таки проникали солнечные лучи, и в пятнах света на ящиках и стенах колыхались причудливые тени...

Сварог враз забыл и об ушибленном колене, и о костяном ножике, когда снаружи раздался одиночный сухой хлопок револьвера.

Сварог замер в напряженной позе. Следом за выстрелом прогремел голос, напряженный до хрипоты:

– Лежать, чернозадый! Мордой вниз, свинья! Вниз, я сказал!

Судя по короткому резкому выдоху: «Н-на!..» – и последовавшему за ним болезненному вскрику, к словам, произнесенным на не всякому доступном в этих краях английском, добавили пинок под ребра, понятный и без всякого перевода.

– Гуго, посмотри внутри вертушки, – прозвучал уже другой голос. Этот человек говорил спокойно, не напрягая понапрасну голосовые связки. – Эй, кто там внутри! Живее выползай из винтокрыла и скидывай грабли кверху.

– погоди, Деверо, чего рисковать по-глупому! Сунешься, а тебе в харю разрядят дробовик. Помнишь, как было с Сэмом Эллордайсом в эль-бахлакском порту? – Если первый говорил явно с американским выговором, то второй растягивал гласные на голландский манер (Сварог в очередной раз удивился, что не позабыл, чему когда-то учили, видать, хорошие были учителя). – Давай сперва швырнем гранату. Или тебе жаль гранаты, Деверо?

Сварог понимал, что эти хлопчики, которых он слышал, но не видел, сейчас элементарно валяют дурака и берут на понт. Старый дешевый прием. Потом они, конечно, что-нибудь обязательно швырнут в салон... но не гранату, а, допустим, камень или кокос. Если кто-то прячется в салоне, то взведенный до нужной кондиции этот самый «кто-то» непременно ломанется, дернется, после того как что-то громко шмякнется об пол, короче – выдаст себя с головой. Чего и добиваются два веселых незнакомца.

Твою мать! Сварог не гадал, что это за люди, болтающие по-английски и палящие из револьверов. Все что угодно может быть в этой гребаной Африке: от контрабандистов и браконьеров, которых тут немало шатается по лесам, до бывших наемников, примкнувших к воинственным племенам, – допустим, в качестве инструкторов.

Ладно, прятаться глупо. Все, что от этого выиграешь, – минут пять тихого мышино сидения.

– Heu, what the hell is goin' on?! – этим возгласом предупредив о своем появлении (чтоб не стали палить раньше времени и раньше времени не узнали, что на пули им нечего уповать), Сварог направился к выходу.

И увидел снаружи вполне ожидаемую картину: Пятница лежит на земле лицом вниз, руки сведены на затылке, а на поляне перед вертолетом расположились двое гостей с оружием в руках. Эти гости были удивительно похожи друг на друга: сухие, жилистые, прокопченные солнцем до кочегарской черноты, неопределимого возраста, оба одеты в камуфляж с огромным количеством карманов, а на головах болтаются широкополые шляпы с дырочками. Разве что один повыше, другой заметно ниже, у одного в руках револьвер, у другого – карабин. По всему чувствовалось, что эти друзья не первый день работают в спайке и понимают друг друга с полулета. А еще как-то сразу делалось очевидным, что у парней накоплен немалый опыт в таких милых занятиях, как захват пленников. Вот и разместились они весьма грамотно – чтобы не перекрывать друг другу зону обстрела и чтобы в случае чего подстраховать друг друга.

– Присоединяйся к своему дружку, не стесняйся, – сказал тот, что повыше, доставая из кармана окурки сигары и бензиновую зажигалку. – Я надеюсь, Гуго, это последний из могикан?

– Ща выясним, – тот, что пониже, поднялся, подошел к Сварогу, воткнул под подбородок дуло карабина. – Эй ты, задница, быстро говори, есть здесь еще кто-то? Соврешь, и я тебе разнесу башку в клочья, уж поверь, я успею это сделать при любом раскладе.

Собственно говоря, Сварога волновал сейчас всего один-единственный вопрос – не засел ли еще кто-нибудь в кустах?

– Зачем мне врать, – пугливо затараторил Сварог, несмело приподняв голову. – Никого больше нет, только нас двое. Честное слово. Я не вру.

– В твоих же интересах не врать, угрюмый, – Гуго убрал ствол карабина от подбородка.

– Сходи проверь, Гуго, – сказал высокий, пуская табачные кольца. – А заодно глянь, что там у ребят в «вертушке». Не терпится узнать, ради чего мы потратили «Стингер» и перли сюда, как антилопы на водопой.

По поляне плавал, приятно щекоча ноздри, сладкий сигарный дым. Тот, что курил сигару, остался на своем месте, на стволе поваленного дерева, откуда держал взглядом и пленников, и вертолет, а его приятель по имени (или кличке) Гуго направился к вертолету.

Н’генга отрывал голову от земли и бросал взгляд на Сварога. Во взгляде явно угадывалось удивление. «Пятница ждет, что дух неба сейчас начнет разбрасывать плохих людей чудесами, и удивлен, что этого не происходит. Не соответствую я его ожиданиям. Эхе-хе, трудно быть богом», – подумал Сварог.

– Странная у вас компания, – Деверо сплюнул на землю длинной, густой желтой слюной. – Штатовский военный винтокрыл с базы в Сан-Викроче, черномазый дикарь, который, как я погляжу, проживает в лесах. Уж слава богу этих черномазых повидал всяких и разбираюсь в их оттенках. И, наконец, ты, парень. Говоришь с русским акцентом и морда у тебя как раз здорово подходит под акцент...

Сварог, слушая эту болтовню, думал о другом: «Почему они нас не убили? Могли бы, не вылезая из зарослей, перестрелять нас, как куропаток, и дело с концом. В качестве «языков» мы не представляем интереса. Особенно – Н’генга. Пятница им вроде ни с какой стороны живой не нужен. И всему этому, пожалуй, есть одно-единственное объяснение. Они надеются, что в подбитом

вертолете смогут обнаружить что-то для себя весьма полезное. А если это полезное по карманам не рассуешь, если оно окажется тяжелым и габаритным, то понадобятся носильщики. Не самим же им корячиться. Ну а потом, как водится, носильщиков придется наградить почетными свинцовыми орденами...» Относительно уготованной им участи иллюзий Сварог не строил – подобные типы не любят оставлять свидетелей. Руку можно дать на отсечение заодно с головой, что на послужном счету этих вооруженных бродяг покойников наберется с доброе кладбище. Тем более африканские джунгли куда как удобное место для сокрытия любых преступлений...

– Русские... – с непонятной интонацией протянул Деверо, сложив губы трубочкой и выпустив кольцо дыма. – Повидал я вашего брата... В Африке русских полно. Помню, год назад в Сомали мы взялись посредничать в освобождении из плена двух русских летчиков. Обо всем договорились, родственнички летунов стали собирать выкуп. И что ты думаешь, приятель? Узнав про это, русские парни сорвались в побег. Макаки их не догнали, но и до своих летчики вроде бы не дошли, сгнули, похоже, где-то по дороге. Как я потом узнал – оказывается, летуны не захотели, чтобы их семьи распродали до последней нитки все свое имущество и остались голыми и босыми. Вот так...

– Эй, Деверо! Погляди, какое дерьмо я тут нашел! – Из вертолета выбрался Гуго, в руке он держал за лямки спортивную сумку.

Это сумку Сварог помнил – была задвинута под вертолетную лавку аккуратно под тем местом, где сидел профессор Беркли. Видимо, имущество погибшего археолога.

– И чего там? – спросил Деверо.

– Погляди-ка, Деверо! – Гуго поставил сумку на землю, запустил в нее руки и вытащил что-то завернутое в коричневую техническую бумагу. Он стянул и скомкал бумагу, отбросил в сторону коричневый комок и поднял на растопыренных пальцах то, что было в эту бумагу завернуто. – Видал, какая дерьмовина!

Золотая чаша – так сперва показалось Сварогу. Но это была не чаша. Это был позолоченный череп весьма необычной формы.

– Помнишь, Бешеный Гарри рассказывал как раз про такие? – Гуго улыбался, крутя перед собой череп. – Треугольные, с близко посаженными глазницами. Возле озера Киву он наткнулся на пещеру, битком набитую точь-в-точь такими же черепами, разве только не позолоченными. Гарри отправился к палатке за рюкзаком, а когда вернулся – пещеры не нашел. Все облазил, но вход в пещеру словно камнями зарос...

– Череп уродца, барахло, – сказал Деверо, поглаживая барабан револьвера. – Выкинь его.

– Ты же сам мне плел про яйцеголовых умников, которым не жаль бабок за всякое загадочное дерьмо! Какие-нибудь умники из университетов наверняка отвалят за эту хреновину немалые денежки.

– К дьяволу, Гуго! – Деверо зло сплюнул на землю. – Ты же помнишь, что я дал зарок не связываться со всякими магическими штуками черномазых. А эта дрянь как раз из той же серии, нутром чую. Мне до конца жизни хватит той деревни в верховьях Замбези. Как вспомню этих гребаных зомби, шагающих в мою сторону ото всех хижин, как деревянные куклы, под ливнем, по колено в уличной грязи...

Деверо размахисто перекрестился револьвером.

– Ладно, уговорил, – и Гуго зашвырнул череп в заросли. – Пока больше нет ничего интересного. Пойду еще гляну в кабине и слазаю в хвост.

«Пора, – понял Сварог. – Нет никого в кустах, а то давно бы вылезли. Чего им прятаться, когда совершенно очевидно, что кроме нас с Пятницей никого больше нет».

Сварог прокачал в голове свои действия. Сосредоточился...

– Эй! Ты чего там шепчешь? – насторожился Деверо.

С-сволочь, сбил с настроя.

– Молитву, – сказал Сварог. – Могу я вознести молитву непорочной деве Марии и ее сыну Иисусу, дабы не дали пропасть нам среди безбожной языческой глуши.

– Ну давай валяй, коли такой набожный, – смягчился Деверо.

Сварог вновь сосредоточился. Едва ощутимо дохнуло холодом, а в руке у Сварога появился двуручный меч. Сварог выдернул клинок из ножен, ножны отбросил, быстро провел пальцем по лезвию – почувствовал, как зацепало кожу и из надреза на пальце потекла теплая жидкость. Годится.

Надо отдать должное Деверо – среагировал он мгновенно. Не тратя времени на эмоции и удивленные восклицания, вскинул карабин и вдавил спусковой крючок.

Видимо, и вправду Деверо повидал за свою жизнь немало всего неожиданного. Но только откуда ж ему было знать про ларов.

Под хлопки выстрелов из карабина Сварог прыгнул вперед, крутанулся на пятках и очертил в воздухе стремительный стальной полукруг. Кровь хлынула из перерезанного горла лесного бродяги. Отбросив меч, Сварог выхватил карабин из рук уже убитого, но еще не упавшего Деверо. И не глядя шарахнул из него в ту сторону, где должен был появиться, услышав выстрелы, второй бродяга – в развороченном взрыве проеме вертолета. В ответ тут же бахнул револьвер.

Сварог упал, перекатился. Вновь бабахнул револьвер, и прямо перед носом Сварога взметнулся фонтанчик земли.

– Н'тенга, отползай в лес! – прокричал Сварог. Он вскочил, мощно толкнулся ногами, прыгнул, в прыжке навел карабин на прижавшуюся к земле фигуру в камуфляже и надавил на спуск. Приземляясь, успел увидеть, что его пуля, вышибив искру, отрикошетила от вертолетного корпуса и перебила тонкий ствол похожего на осину деревца.

Сварог еще раз перекатился, оказался несколько ближе к вертолету. С этой позиции противник по имени Гуго оказался открыт для прицельного выстрела... Однако и Гуго кое-что понимал в перестрелках и отнюдь не собирался превращаться в отличную мишень. Он жахнул из револьвера и снова нырнул в вертолет.

Ну все, хватит играть в войнушку! Повеселились и будя. Этот вестерн Сварог затеял единственно ради того, чтобы подобраться поближе к Гуго, не выдав раньше времени своей неуязвимости по отношению к пулям. А сам Сварог стрелял, что называется, прицельно мимо. Ибо поговорить ему сперва хотелось с интересным, бывалым человеком.

Он вскочил и бросился к вертолету. Несколько раз, увидев вспышку и услышав выстрел, падал-перекатывался. Не надо, чтобы Гуго почувал неладное, со-

образил что к чему и вытащил нож. Конечно, и ножи из рук подонков Сварог выкручивать могёт, да только к чему лишние заботы. К тому же история знает случаи, когда великие мастера единоборств в самый неподходящий момент поскользнулись на банановой кожуре и проигрывали поединки намного более слабым противникам.

Сварог запрыгнул в вертолет и оказался прямо перед лесным бродягой... Гуго вскинул револьвер на уровень Сварогова лица, ухмыльнулся и жажнул в упор...

Каково же было удивление бродяги, когда в момент выстрела ствол мотыльнуло в сторону, словно по нему ударила невидимая рука, и пуля ушла в пространство. С этим удивлением бродяга по имени Гуго так и не сумел совладать; Сварог почти без всякого сопротивления выдрал у него из пальцев револьвер и вышвырнул из вертолета в заросли гигантского размера папоротников.

– Вываливай наружу, там поговорим, – Сварог подтолкнул Гуго к проему. Вылез следом. – Садись давай, примащивай задницу вот на эту кочку. Вот так... А теперь выкладывай, кто вы такие и зачем сбили вертолет?

Гуго – все ж таки тертый калач! – довольно быстро оправился от потрясения.

– Ловкач ты, парень! – хмыкнул он. – А с чего ты взял, что это мы сбили? Мы всего лишь случайно оказались рядом и поспешили к месту падения. А кто сбил, мы без понятия.

Он безбожно и нагло врал, о чем сигнализировал встроенный в Сварога детектор лжи. Впрочем, и без детектора Сварог вряд ли бы поверил этому типу.

– Не волнуйся, приятель, я всего лишь достаю сигареты, – Гуго поднес руку к нагрудному карману куртки, расстегнул его и вытащил мятую красно-синюю пачку с вложенной внутрь зажигалкой.

– Хорошо предупредил, а то бы я жутко разволновался, – Сварог извлек из воздуха сигарету, зажег на пальце огонь, сам прикурил и поднес прикурить бродяге по имени Гуго.

Гуго – надо отдать ему должное – смог удержать на лице безразличное выражение. Но Сварог решил не останавливаться на полпути. Заклинанием сотворил дымящуюся чашку кофе, с не показным, а доподлинным удовольствием отхлебнул из нее. «Ага, – отметил Сварог, – а глазенки-то вширь поехали. И ручонка задрожала, и шуток больше не шутишь».

– Слушай меня внимательно, приятель, – сказал Сварог. – Я тебе все объясню один раз – первый и он же последний. И больше времени на уговоры тратить не стану. Ты мне врешь, и я это знаю, умею отличать правду от неправды. Я, знаешь ли, довольно долгое время провел в одном затерянном в лесах племени, где кое-чему меня обучили. Ты тут со своим покойным дружком вспоминал шагающих под дождем мертвецов. Это все простое вуду, а я владею колдовством, перед которым вуду, как мальчик перед громилой. Так что не советую меня злить – даже смертью можешь не отделаться.

Сварог сделал еще один глоток кофе и выбросил чашку.

– Повторяю свой вопрос в последний раз: кто вы такие и зачем сбили вертолет?

– Кто мы такие, спрашиваешь? – Гуго глубоко затянулся, судя по дыму, весьма ядреной крепости сигаретой. – Подробно расписывать долго и неохота, моя

биография, тебе, надеюсь, ни к чему. Да я и сам половину из нее позабыл. Скажу просто, мы – дикие перелетные гуси, которым пока нравится шататься по долбаной Африке. Сейчас во время заварушки в этой обезьяньей республике мы с Деверо и с другими ребятами поддержали Сандрарарату и племена когни – они лучше платят. Американцы же поддерживают больше года назад свергнутого Картье, который сейчас болтается по эмиграциям, хотят вернуть его во дворец Джингура. Вот и вся история, понимаешь? Когни платят за каждый сбитый штатовский вертолет и каждого убитого америкоса. Мы просто хорошо оплачиваемые охотники, вот и все. А вам не повезло пролетать у нас над головой...

– Что ж тут непонятного, – вздохнул Сварог. – Вашего брата везде и всегда хватало.

Что такое Джингур, Сварог припоминал, хотя и не бывал там никогда. Крошечная республика неподалеку от Конго...

Что ж, подобный сорт людей, чаще прочего именуемый сбродом, существовал всегда. В иные времена они пополняли экипажи пиратских шхун, отправлялись колонистами в новые земли или просто болтались бродягами по белу свету. Как правило, ребятки, подобные Гуго и Деверо, лелеют мечту скопить денег на безбедную старость, но мало кто из них до этой старости доживает. Слишком бурный образ жизни ведут. И если их не загонит в могилу укус какой-нибудь ядовитой твари, если не загнутся от подхваченной в притонах экзотической болезни, то прихлопнут свои же дружки при дележе добычи или по пьянке.

– И на чем вы разъезжаете по здешним дебрям? Только не говори, что вы таскали «стингер» на себе!

Гуго пристально взглянул на Сварога, потом тщательно, неторопливо растер окурки о каблук высоких шнурованных сапог, а потом (видимо, машинально следуя въевшейся привычке) прикопал окурки в землю.

– Тебе будет не найти его без меня, – сказал Гуго.

Следовало ожидать, что этот прожженный тип сразу смекнет, к чему клонит его собеседник.

– Что за «его» такое? – спросил Сварог.

– Видимо, далеко отсюда тебя держали, – осторожно произнес Гуго. – Иначе ты бы знал, что в этих дебрях можно перемещаться только по реке. Ты бы знал, что по этим вонючим болотистым рекам можно плавать только на воздушной подушке. Ты сейчас, небось, прикидываешь, что по звериным тропам сумеешь выйти к реке и уж там-то с помощью колдовских штучек разыщешь катер. Может, и разыщешь. И далеко ты на нем укаатишь, интересно? А наш с Деверо лагерь, где хранится запас топлива, ты ни в жизнь не разыщешь, это я тебе наверняка говорю. Поэтому давай договариваться, приятель, к взаимной выгоде...

Гуго вдруг хмыкнул, вытряхивая из пачки новую сигарету:

– И похоже, тебя держали в заточении, на свет божий не выпуская. Загар на тебе не африканский, уж я-то понимаю.

– Давай-ка лучше договариваться, а не болтать попусту, – сказал Сварог, подстраиваясь под особенности речи собеседника. – Сдается мне, ты можешь получить от сделки выгоды даже больше, чем я... У тебя есть с собой какая-нибудь купюра или монета?

Гуго снова насторожился:

– Зачем тебе?

– Надо. Есть или нет?

– Я не идиот, чтоб таскать деньги по лесам... Но у меня есть счастливый доллар.

Гуго полез в один из многочисленных карманов. Вытащил из него однодолларовую монету. Щелчком отправил доллар к Сварогу.

– Десять лет он со мной.

– С тобой и останется, – Сварог поймал монету.

Поднял доллар двумя пальцами, прищурившись, осмотрел с обеих сторон. Положил доллар на ладонь. Сосредоточился. Скопировать с помощью заклинания единичный предмет не столь уж сложно – если знаешь это самое заклинание. А вот ежели потребуются сотворить не меньше сотни копий, вот где попынтеть придется. Как когда-то, помнится, попынтел, изготавливая копии «пятнашек», теперь знает, что работенка еще та, вагоны разгружать где-то даже и легче...

Рядом с первым долларом из ничего, из ниоткуда появился второй точно такой же. Сварог протянул обе монеты Гуго.

– Попробуй отличи один от другого.

– Чтоб мне провалиться! Святая мадонна! – последнее волшебство Гуго поразило больше, чем все остальное увиденное им сегодня. Он вертел монеты в руках, глядел на них и так и сяк, даже в лучших традициях попробовал новый доллар на зуб. Спросил с придыханием: – Точно так же ты можешь... что угодно?

– Скопировать, какую угодно монету или купюру. В каких угодно количествах, – и Сварог извлек из воздуха еще одну сигарету.

– Правда, на копии будет тот же самый номер, что и на первой купюре, – мысли Гуго уже развернулись во вполне понятном направлении. – Но если наплевать крупные купюры и менять в разных местах... – Жадно спросил: – А алмаз? Ты можешь скопировать алмаз?

– Могу, – уверенно сказал Сварог (хотя и сам не знал, насколько далеко простираются возможности этого заклинания, все ли предметы ему подвластны). – Ну что, мы сможем найти общий язык? Что тебе нужно, и так понятно. А мне нужен человек, который знает, где, что и почему тут в этой Африке. Куда плыть, куда ехать, где ближайший город, что за город, где в нем аэропорты, посольства, к кому обращаться, как обращаться, с какого входа заходить, сколько совать на лапу и как правильно это делать. Мне кажется, ты должен ориентироваться в этих вопросах. Не так ли, мистер Гуго?

– Все так, сэр, – Гуго достал из кармана грязный красный платок и вытер вспотевшую шею. – Осталось договориться о цене и о гарантиях.

– Договоримся по дороге. – Сварог поднялся. – Я бы мог пообещать тебе всего лишь сохранение жизни. Нисколько не сомневаюсь, что ты бы согласился работать и за эту плату. Так что не наглей, Гуго, и все будет хорошо. Давай-ка лучше поднимайся, сейчас пойдем к твоему болотоходу...

– Эй, Н’генга! – крикнул Сварог, сложив руки рупором. – Выходи из леса! Уже можно! Опасность миновала...

Глава четвертая БУРЯ В БАНАНЕ

... Президентский дворец был – просто загляденье: кремового цвета, весь из себя какой-то невесомый, с ажурными башенками и стрельчатыми окнами, с мавританскими аркадами и крытыми алой черепицей пристройками, с фонтанами, ухоженными лужайками и парком в самом что ни на есть версальском стиле – ежели, конечно, не обращать внимания на то, что росли в нем не каштаны, акации и жасмины, а исключительно пальмы, сейбы и прочая сугубо экзотическая для европейского человека флора. Даже всамделишный пруд имелся, размером с футбольное поле, где, лениво перебирая плавниками, скользили в чистейшей воде здоровенные рыбины напрочь неизвестной Сварогу породы, но подозрительно смахивающие на карликовых сомов и осетров нежнейше-розового цвета... Красоту и благолепие, одним словом, являла собой резиденция президента Сандрарараты, и даже не скажешь, что в пятнадцати километрах от дворца царствуют трущобы, лачуги и землянки, а в двадцати километрах начинаются вовсе уж непролазные джунгли...

Возможно, канониры обливались горячими слезами и до крови кусали губы, загоня очередной выстрел в камору и наводя ствол на сие произведение архитектурного искусства. А возможно, и не обливались. Кто знает?

Как бы то ни было, артиллерийский огонь из двух статридцатипятисантиметровок, дислоцированных где-то в районе Площади Свободы, велся уже второй час, и, судя по тому, с каким азартом повстанцы продолжали изничтожать дворец Сандрарараты, желание раз и навсегда покончить с деспотом и тираном одержало полную и окончательную победу над тягой сохранить памятник архитектуры во всем его великолепии. Памятник этот, постепенно превращающийся в руины, горел, как груда автомобильных покрышек, коптя безоблачное небо.

Сам же деспот и тиран, господин Сандрарарата, величайший президент и верховный главнокомандующий (как сообщил Сварогу Гуто, переговоривший со своим доверенным человеком из дворца), бросив жен, свиту и бразды правления, час назад благополучно свалил на одном из трех имеющихся в распоряжении республики вертолетов (гордо именуемых Гражданской авиацией независимого Джингура) и теперь, надо думать, чешет во все лопатки в сторону соседнего и куда более спокойного Конго – так что стремление повстанцев задавить гидру тирании в ее собственном логове было, мягко говоря, тщетным. Немногочисленные гвардейцы, оставшиеся верными присяге и Сандрарарате, вяло отстреливались из чудом уцелевших флигелей.

Очередной снаряд угодил аккуратно в пруд с сомами-лилипутами. Ударная волна жახнула по барабанным перепонкам, в воздух рванул столб воды, в разные стороны полетели какие-то ошметки – не иначе, мелко накрошенная рыба с гарниром из водорослей. Национальное блюдо, твою мать! А прилети снаряд двадцатью секундами раньше, их с Гуто непременно окатило бы этим... «супчиком да с потрошками». Но по счастью они уже прошли мимо пруда и укрылись за колоннами дворца.

По дворцу они пробирались, используя то, что в колдовском лексиконе именуется «отводить глаза». И пока все складывалось удачно...

Откладывать визит во дворец до окончания смуты было рискованно. И так интересующую Сварога вещь уже могли вывезти в неизвестном направлении. Одно успокаивает – вещь не представляет очевидной ценности. Подумаешь, какая-то поделка из кости. Не золото-серебро, чай, не алмазы и сапфиры. Вроде

бы ее должны оставить на месте, ну, или в крайнем случае отправить с последней партией. Да только вот логика логикой, а жизнь гораздо на сюрпризы...

Ага! Вот, значит, на чем вывозим достояние республики!

Над пустой вертолетной площадкой позади дворца колебалось марево, и в этом мареве, как макароны в кипятке, плавали и колыхались далекие бледно-зеленые джунгли. Снаряды сюда не долетали... И вообще, сторонникам рущащегося режима крупно повезло, что мятежники, по каким-то лишь им ведомым причинам, не торопились со штурмом дворца, решив для начала поупражняться в артиллерийских стрельбах.

Лопастями пассажирского вертолета с гербом республики Джингур на борту с вентиляторным шелестом шинковали густой душный воздух в режиме малого газа, однако прохлады отнюдь не приносили, не справлялся, видишь ли, ротор с полуденной жарой Центральной Африки. Обливаясь потом, чернокожие люди сосредоточенно и деловито таскали к винтокрылой машине деревянные ящики, маркированные все тем же гербом республики Джингур. Причем не прохлаждался никто. И атлетичные парни в форме национальной гвардии, и толстомясые одышливые чиновники в дорогих костюмах, и молодые, и постарше, и даже один белый человек неведомого рода занятий и национальной принадлежности – все вкалывали как проклятые. Очень уж спешили они удрать, при этом унеся с собой как можно больше.

– Вон в ту дверь, – прошептал Гуто, потянув Сварога за рукав...

Вот поэтому Сварог и взял с собой во дворец авантюриста, а проще сказать, проходимца по имени Гуто. Последний утверждал, что при прошлом президенте неоднократно бывал во дворце и отлично представляет, где и что там расположено. И судя по тому, как Гуто уверенно провел Сварога через ворота и теперь вел по дворцу, он нисколько не преувеличивал. Действительно, ориентируется. А значит, знает, как пройти в библиотеку.

Про библиотеку – это не шутливая цитата из старого комедийного фильма. Им действительно надо было оказаться в книгохранилище дворца, потому что там помимо книг, хранились и еще кое-какие вещи – не относящиеся к предметам роскоши, зато имеющие отношения к культурному достоянию республики Джингур. Один из тех предметов особенно интересовал Сварога. Ради него, собственно, Сварог и заявился под артобстрелом во дворец...

...Бумаги профессора Беркли и документы экспедиции Сварог просматривал у костра на берегу ночной африканской реки.

От воды несло едкой плесенью, по берегу клубился белесый туман, из которого того и гляди что-нибудь выскользнет или выпрыгнет, отовсюду доносились отнюдь не ласкающие слух звуки (шорохи, шелест, визги, кваканье и завывания на разные голоса) – словом, ни приближаться к речке, ни вообще отходить от костра без большой на то надобности не тянуло ну совершенно. Где-то в клубах тумана отдыхал до утра катер на воздушной подушке, в том же тумане, но чуть ближе к палаткам стояли под навесом накрытые маскировочной сетью бочки с горючим. Проходимец Гуто беззаботно дрых в палатке (или изображал, что дрыхнет), Н'генга, как и положено верному слуге, бдел наравне с хозяином – сидел поодаль на корточках и вертел в руках нож. Этот нож, сняв с пояса убитого возле вертолета Деверо, вручил ему Сварог. Надо же было

хоть как-то вооружить своего темнокожего спутника.

Вот в такой обстановке Сварог изучал бумаги. И узнавал много интересного. Узнал бы и еще больше, да только профессор писал, как кура лапой, и разбирать его почерк, наверное, было ничуть не легче, чем Шлиману раскапывать Трою. Добро б еще Беркли излагал мысли на русском языке, так нет, излагал на родном для себя английском, которым Сварог владел отнюдь не в совершенстве.

Зато бумаги пропавшей экспедиции разбирать было одно удовольствие – они были исписаны аккуратным женским почерком. Видимо, записи вела та самая ассистентка, о которой говорил Беркли. Джоанна – так, кажется, ее зовут... Или звали.

Связь у экспедиции с базой пропала три с половиной недели назад – тут профессор ничего не напутал. В один из дней связь вдруг как отрезало, и все попытки ее наладить ни к чему не привели. Причем решительно было непонятно, в чем причина. Спутниковый телефон вроде бы был в полном порядке, тесты показывали полнейшую исправность прибора, батареи не подсели. Впрочем, батареи сразу же заменили на новые, и это ничего не дало.

Судя по записям Джоанны, тревоги и панических настроений в рядах экспедиции не наблюдалось. Раз их аппаратура в порядке, значит, дело в спутнике или, может быть, в неких особенностях местности, а значит, рано или поздно связь восстановится. Поскольку все проходит в высшей степени нормально, никто не болен, не укушен и не покалечен, то бить в набат совершенно ни к чему! Правда, нет уверенности в том, что в случае чего сработает сигнал экстренного спасения. Однако проверять не стали. А ну как сработает и на выручку примчит бравая воздушная кавалерия! Зачем людей зря беспокоить.

Словом, экспедиция продолжала двигаться по заранее намеченному маршруту. Ориентироваться в пространстве помогал электронный навигатор – наспигованная электроникой коробочка. В дневнике Джоанна высказывает легкое недоумение – почему тоже настроенный на спутник прибор работает как ни в чем не бывало, а спутниковый телефон молчит. Она пришла к выводу, что, видимо, спутники разные, в этом и причина.

Первое беспокойство вызвало поведение часов. Вот как об этом написано в дневнике: «С часами творится нечто странное. Они словно обезумели. То стрелки бегут, то еле тащатся, то идут с нормальной скоростью. Мне пока не удалось установить закономерность этих изменений... Зато удалось найти удачное сравнение: часы напоминают сердце с разной частотой пульса...»

Вскоре стали закрадываться сомнения: а туда ли они, собственно, идут? Если верить навигатору и географическим картам (правда, весьма приблизительным, составленным лишь по данным аэрофоторазведки), то они должны были бы сейчас идти по редколесью и уже давным-давно выйти к широкой, не пересыхающей в любую жару реке. Однако они по-прежнему плутали по лесам и никакую реку в глаза не видели. В экспедиции всерьез заговорили о том, что они, дескать, описывают огромный круг и вскоре выйдут к тому самому месту, где пропала связь с базой.

Но все сомненья и печали потонули в радостной эйфории, захлестнувшей членов экспедиции, когда они наткнулись на колодец. Это бесспорно была находка. С большой... с большущей буквы. Посреди беспросветных джунглей обнаруживается явно древняя постройка! Ради этого и затевалась экспедиция –

найти следы исчезнувших цивилизаций. Ради этого, собственно говоря, и затеваются все научные экспедиции – совершить открытие, о котором заговорит весь мир. И не только научный.

Последняя запись в дневнике экспедиции относилась к вечеру того дня, когда археологи наткнулись на колодец. Судя по всему, событие археологи хорошо отметили – почерк Джоанны заметно плясал по строчкам. И это правильно, так и должно быть – наверняка как раз для подобного случая на дне экспедиционных рюкзаков были завернутые в мягкое бутылки с виски или с иным подходящим напитком, как же без этого!

Джоанна написала в тот вечер много. Конечно, в первую очередь блокнотные страницы переполняли довольно бессвязные восторги в духе «Я не сомневаюсь, нас всех ждет прорыв в археологии! А где-то рядом мы обязательно обнаружим целый древний город», ну и все в таком духе.

Потом (видимо, когда восторги естественным образом пошли на убыль) Джоанна принялась размышлять о том, на что же в самом деле им повезло наткнуться в лесу. И тогда она вспомнила о приеме во дворце Сандрарараты.

Прием был устроен по поводу какой-то там годовщины последней местной революции. Праздновали пышно, с размахом. Видимо, хозяйева президентского дворца и сами не слишком верили, что удастся дотянуть до следующей годовщины, и пытались за оставшееся время урвать от жизни как можно больше. Всего было в избытке: еды, напитков, золотой посуды, экзотических забав и приглашенных. Приглашениями были охвачены все посольства, да и вообще более-менее заметные люди, оказавшиеся на тот момент в Джингуре. К числу последних относился и профессор Беркли, который вместе с ассистенткой прибыл в Африку раньше других членов экспедиции, чтобы уладить кое-какие организационные вопросы. Разумеется, на прием отправились оба.

Во дворце профессор зацепился языком с какими-то представителями местной научной интеллигенции, а за Джоанной тут же приударил один из приближенных президента, как вскоре выяснилось, министр культуры Джингура.

Не иначе как в поисках уединенного местечка министр зазвал Джоанну в библиотеку дворца. Мол, там у нас хранится немало презанятнейших предметов, которые не могут не заинтересовать настоящего археолога.

Слушая разглагольствования говорливого джингурского чиновника, Джоанна лениво брела вдоль шкафов, столиков и полок, некоторые предметы брала в руки, рассматривала, клала на место. Среди этих предметов (а надо сказать, что среди них встречались вещицы весьма занятные) ей попался костяной нож с трехгранным лезвием, с рукоятью, напоминающей большого черного муравья. Тогда Джоанна повертела нож в руках, осмотрела, посчитала за новодел и положила на место. И, может быть, никогда бы не вспомнила о нем, если бы не найденный в джунглях колодец.

Осматривая кладку колодца, Джоанна обнаружила в одном из камней углубление весьма занятой формы. Все стало вмиг еще занятней, когда Джоанна вспомнила прием в президентском дворце и нож треугольной формы. Так вот, этот нож как влитой лег бы в вырубленную в камне форму. Причем Джоанна голову готова была заложить, что углубление явно имеет самое что ни на есть рукотворное происхождение, а никак не естественно-природное.

Словом, сплошные загадки. Колодец посреди девственных лесов, где нико-

гда не ступала нога цивилизованного человека. Углубление в камне, выглядевшее так, словно его сделали только вчера или за ним постоянно приглядывают-ухаживают – не обсыпалось нисколько, не заполнилось грязью, не заросло мхом. Нож, хранившийся во дворце президента Джингура. Все никак не увязывалось вместе. Джоанне лишь оставалось надеяться на то, что какие-то ответы даст спуск в колодец. Спуск наметили на утро. Дневниковые записи заканчивались планами на следующий день. Планам, как известно, не суждено было сбыться...

Кстати говоря, в свой последний вечер археологи снова попытались связаться с базой, но опять у них ничего не вышло. «Странно, странно, – подумал Сварог, читая эти строки. – А мой сигнал дошел без помех. Впрочем, хрен его знает. Может быть, дело в неких особенностях кнопки экстренного вызова. Может быть, права Джоанна и сигнал с этой кнопки идет на другой спутник».

Вот так Сварог узнал о втором костяном ноже треугольной формы. Что стало с ножом первым, он прекрасно помнил.

И теперь его путь лежал в Аркаим. Профессор говорил, Аркаим построен раньше пирамид. Разбор заметок профессора убедил Сварога в том, что Аркаим родственно связан с пирамидами, а значит, связан с Истинной Пирамидой. Какую службу сослужил нож в истории с Истинной Пирамидой, Сварог отлично помнил. Поэтому у Сварога к тому времени, когда они добрались до Пикарвилля, столицы Джингура, отпали последние сомнения в том, что он должен проникнуть во дворец и забрать нож номер два.

Каково же было их везение, когда, добравшись до столицы Джингура, они угодили аккурат в разгар очередного переворота...

Глава пятая БУРЯ В БАНАНЕ (продолжение)

Нет, разумеется, ничего из ряда вон выходящего в самом факте революции в Джингуре не было. Климат здешний, что ли, на людей так влияет, однако мятежи, восстания и революции вспыхивали в этой стране разве что не ежеквартально. Конечно же, восстаниями и мятежами в полном, европейском смысле этого слова происходящее назвать было сложно. Просто какому-нибудь вождю одного из многочисленных племен, обитающих в окрестных лесах, вдруг приходило в голову, что президентом отчего-то является выходец из народности, скажем, матумба, тогда как он, великий вождь, есть представитель народности, допустим, мутамбу, коя местными богами предназначена для большего, нежели гнить на задворках истории, среди пальм и плантаций. Придя к такому ошеломительному открытию, вождь собирал людей, договаривался о поддержке с племенами бутамба и тамумба, вооружал ополченцев мотыгами и цепями и выдвигался в сторону столицы.

Собственно, на этом обычно все и заканчивалось. Негритянский люд на подъем был скор, заводился с полуборотом, загорался с одной спички... но и охлаждался столь же быстро. Оглянуться не успеешь, а он, люд этот, вот только что готовый горы свернуть ради свободы, равенства и своего африканского братства, уже снова возлежит в гамачке и в тенечке. Или же лениво ковыряется на грядке...

Однако иногда кто-то из бунтарей (видимо, из тех, кто давно облизывался на президентское кресло) проявлял настойчивость, шел до победного конца. Так случилось и на этот раз.

Чертовы лумумбы подняли мятеж, как и положено, на рассвете, где-то между пятью и шестью утра по-местному, как раз в то время, когда Сварог со своими спутниками на попутном джипе подъезжал к столице, а их шофер на языке, отдаленно напоминающем английский, балаболит без умолку о том, что «скоро грянет буря», вот-вот и грянет. Ну и грянуло...

– ...Твою мать, – зло выдохнул Сварог, перешагнув порог библиотеки.

Он не боялся, что кто-то его услышит, кроме Гуго. Не было никого здесь. И ничего не было, кроме пустых полок. Подчистую вывезли все: и книги, и вещи. Даже оконные шпингалеты, и те снимали.

– И что делаем? – спросил Гуго.

А черт его знает! Можно было, конечно, плюнуть на поделку из кости. Да вот только не окажется ли так, что из-за этой безделицы, размером чуть больше сигаретной пачки, поездка в Аркаим окажется напрочь бессмысленной. И вновь придется возвращаться назад и искать этот нож, след которого к тому времени окончательно затеряется. Да и сейчас нет абсолютной уверенности, что нож где-то в ящиках, загруженных в вертолет. Однако шансы обнаружить его там не так уж и малы...

В этот момент со стороны планомерно уничтожаемой дворцовой ограды рвануло как-то по-особенному гадко, донеслись несомненно победные крики, беспорядочно затрещали автоматы. Стало быть, артподготовка закончена, начался штурм. Все, рассусоливать стало вовсе некогда.

– Захватываем вертушку! – крикнул Сварог и бросился из библиотеки. Как ни странно, следом за ним рванул не только верный Пятница, но и Гуго.

Промчавшись пустыми коридорами, они сбавили ход в галерее, где все еще сутились люди, волокли к вертолету последние ящики. И перейдя на шаг, вновь вышли к вертолетной площадке.

Погрузка продолжалась. Правда, в действиях людей прибавилось спешки, а во взглядах – страха. На каждый громкий звук они, вздрагивая, испуганно поворачивали голову. Они, руку можно дать на отсечение, плюнули бы сейчас на все то барахло, что еще оставалось во дворце, запрыгнули бы в вертолет и дали деру. Что им мешает это сделать, вернее кто, Сварог прекрасно видел. По площадке расхаживал, легонько постукивая стеком по ноге, жилистый и гибкий чернокожий человек в военной форме песочного цвета, в высокой фуражке с разлапистой кокардой. Именно он и командовал погрузкой. Сварог не разбирался в джингурских знаках отличия, но судя по тому, как этот тип держался и как ему подчинялись – званием не меньше полковника.

Сварог остановил своих спутников за колоннами.

– Задача простая, – он говорил шепотом. – Я в кабину, вы в салон. Я освобождаю кабину от лишних людей, завожу машину и взлетаю. Вы вышвыриваете из салона лишних и посторонних, задвигаете дверь и взлетаете вместе со мной. Вопросы?

Вопросов не последовало. Они рысцой припустили к вертолету. Пусть, пусть вертят головами, недоумевая, откуда доносятся странные звуки. Не успеют ничего сообразить.

Сварог взлетел по короткому, в три ступеньки, трапу, отработанным движением втянул его внутрь и задвинул люк. Кресло пилота было свободно, и Сварог упал в него. А вот соседнее кресло, бортмеханика, было занято. Сидев-

ший в нем человек, раскрыв рот, смотрел сквозь Сварога, нацепившего на себя невидимость.

– Сорри, – с надеждой на понимание произнес Сварог и отточенным движением, аккуратно, но сильно всадил кулак в солнечное сплетение своему нечаянному соседу. Затем отодвинул дверцу со стороны бортмеханика и вытолкнул скрючившегося летуна на бетон. Задвинул дверцу. Вот так. А теперь надо взлетать.

Сварог не стал прибегать к помощи магии. Все-таки когда-то его обучали управляться с вертолетами. Да и потом ему доводилось пилотировать всяческую летающую технику, в том числе и самолеты-этажерки, и дирижабли, и более совершенные ялы с дракаррами. Конечно, его нельзя назвать асом, но альтиметр от хронометра отличит, да и полетных часов набрано вполне достаточно.

Он рывком распахнул дверцу, отделяющую пассажиров от кабины пилотов. Взглянул, что там в салоне. А там вдоль прохода громоздились один на другом ящики с гербом Джингура. И среди них мелькали фигуры.

– Нормально, сэр! – прокричал Гуго. – Взлетай! Последнего вышвырнул!

– Ну что, па-аехали... – голосом Гагарина сказал Сварог и повернул «газ» вправо.

Иными словами, вывел движки на взлетный режим.

Или (из потаенных глубин памяти пришло на ум) ввел правую корреляцию.

В общем, оба двигателя взвыли на повышенных оборотах, лопасти винта дружно замолотили по воздуху, слились в матовый круг, и машина легонько качнулась, отрываясь от земной тверди, когда Сварог потянул на себя «шаг».

Словно только и дожидаясь момента, когда вертолет поднимется метров на десять над бетоном, со стороны города на вертолетную площадку вырулил открытый военный джип, под завязку набитый чернокожими типами в пятнистой форме, развернулся резко, так, что из-под покрышек повалил сизый дымок.

Судя по всему, они стреляли – черные палки в их руках расцвели на концах мерцающими вспышками (не слышно было ни фига, как в немом кино – все звуки окружающего мира перекрывал оглушительный, свистящий клеткот винта над головой). Командовавший погрузкой полковник (который бросился к вертолету, но добежать не успел) вдруг повалился на землю. Однако, падая, успел выхватить из кобуры пистолет и уже с земли несколько раз выстрелил по джипу. Разлетелось к чертовой матери ветровое стекло машины, водитель и его сосед стали заваливаться вниз, остальные в джипе открыли ответный огонь, наспиговывая свинцом лежащего на бетоне полковника.

Эта перестрелка случилась как нельзя кстати. Она отвлекла вооруженных людей от взлетающей винтокрылой машины.

Сварог втопил левую педаль (правая, как у велосипеда, тут же пошла вверх) и толкнул от себя ручку циклического газа; вертолет развернулся вокруг вертикальной оси и, постепенно набирая скорость, наклонив тупой нос к земле, как идущая по следу борзая, устремился в сторону города.

Все, ушли...

Над головой привычно молотил винт, машина шла ровно и послушно. А внизу бурлило восстание. По улицам, застроенным двух- и трехэтажными

строениями, текли полноводные народные массы, время от времени наталкивались на плотины из то ли полицейских, то ли военных кордонов, и тогда возникали форменные запруды. Над толпами серели дымы пожарищ. Во, ратушу тоже подожгли, ироды, ратуша-то чем им помешала? Красивая была, между прочим. В толпах мелькали какие-то флаги – не то символы свергнутой власти, не то власти новой, сверху не разглядеть. Полное ощущение, что все жители Пикарвилля решили сегодня на работу не ходить, а поголовно принять участие в заварушке под названием «Смена правительства».

Хотя, вполне вероятно, именно так дела и обстоят...

Теперь понятно, почему боевики не сразу двинулись на штурм дворца Сандрарараты, – мятежные отряды состояли главным образом из неорганизованных толп африканских чергевар, которым значительно интереснее было разгромить и поджечь пару-тройку лавок и магазинчиков, нежели лезть под пули президентской охраны, а вот отряды организованные застряли в неорганизованных, как мухи в варенье.

Ага, верные правительству войска наконец-таки оправались от потрясения и предприняли более-менее слаженный отпор повстанцам: с восточной окраины к центру споро двигались крытые грузовики и даже парочка водометов. (Аж шесть танков, которые, по словам Гуго, составляли армию Джингура, что-то было не видать – наверно, командование пока не готово было на столь радикальные меры, как ввод в город бронетанковых сил.) А вот эскулапы оказались оперативнее: по улицам сновали минивэны с красными крестами на бортах и крышах, собирали раненых, покалеченных и убиенных и отвозили куда-то на север – не иначе, в единственную в городе больницу, имени общеизвестного святого Павла... И ведь ясно, что места всем не хватит, придется разворачивать полевые госпитали. И полевые кухни, кстати, тоже. И эвакуационные пункты, и временные лагеря для лишившихся крыши над головой, и приюты для сирот. И вводить комендантский час, и создавать народную милицию, и карать, и увещевать, и просить, и расстреливать...

– И что дальше, командир? – раздалось за спиной.

Сварог обернулся. Гуго стоял в дверном проеме, вертя на пальце револьвер, которого раньше у него не было.

– Думаю, отлетим подальше, отыщу подходящую поляну, сядем и посмотрим, что к чему с этими ящичками, – ответил Сварог.

– Я так понимаю, топливные баки залиты под завязку, – сказал Гуго, – а это значит, хватит пять раз слетать до Конго и обратно. Конго – это рядом, командир. Граница между государствами чисто символическая, воздушным нарушителям никто никогда не чинил никаких препон. Это тебе не цивилизованные страны, где любого такого нарушителя если не собьют без суда и следствия, то уж посадят принудительно и всенепременно. А к местности привязаться легко, лети над рекой и прилетишь в Конго.

– И зачем нам это? И что там делать?

– В Конго есть город Кисангани, а на его окраине маленький частный аэропорт, – ответил Гуго. – Аэропортом владеет один мой старый... приятель. Он нам поможет со всеми нашими проблемами.

– А сумка, которую я оставил на квартире? Там важные бумаги.

– Нет ничего проще. Самая простая из проблем. Я сделаю звонок, и завтра же сумку переправят в Конго...

Звучало заманчиво. У самого Сварога равного по заманчивости плана не имелось. Слишком быстро все произошло, вот в чем дело. Так быстро, что он и опомниться не успел, не успел сопоставить факты и оценить обстановку как полагается. События навязали ему свой темп, вынуждая его плыть по течению.

Конечно, такому скользкому типу, как Гуго, доверять нельзя ни в коем случае. Когда общаешься с такими, как Гуго, не следует ложиться спать без пистолета под подушкой, да и вообще спать следует вполглаза. Однако ежели интересы, так сказать, совпадают... А они на данный момент бесспорно совпадают. У Гуго были возможности улизнуть от Сварога, да хотя бы, чего там далеко ходить, во дворце он мог преспокойно смыться. И что? Он возможностями не воспользовался. Каковы же тогда интересы Гуго?

Думается, дело в ставке. Предыдущая его ставка на Деверо прогорела – Деверо мертв, и Гуго надо затевать новую авантюру. Судьба прибила его к человеку, который обладает способностями, превышающими нормальные человеческие. Цели этого человека Гуго пока не понятны (еще бы они были ему понятны!), но он не сомневается, что такой человек не может играть по мелочи. А Гуго хочется... чертовски хочется сыграть по-крупному. Может быть, один раз сыграть, но чтобы хватило на весь остаток жизни. И он почуял в Свароге свой шанс. Как говорится, делайте ставки, господа.

Отсюда вывод – пока Гуго можно доверять. Ну и наконец, встроенный в Сварога детектор лжи молчит, чувство опасности также ни о чем таком не сигнализирует...

Они уже летели над столичной окраиной. По вертолету пока не стреляли, вот спасибо. Что ж, господа мятежники, успехов вам в ваших начинаниях. А нам пора. Сварог поднялся еще на двести метров и взял курс на Конго.

Глава шестая **РОДИНА, ЕДУ Я НА РОДИНУ...**

Как это бывает? А так. Скажем, просыпаешься ты ни свет ни заря, часов в пять утра... Ну или вовсе не спишь, это дело сугубо личное, чем заниматься в кресле самолета. Может, сидишь, закрыв глаза, и вслушиваешься в собственные ощущения, а они весьма непростые и простыми быть никак не могут – все ж таки летишь на свидание с Родиной, которую давным-давно покинул и о которой ровным счетом ничего не знаешь... Прямо какой-то белоэмигрант получается, бляха-муха.

В пять тридцать авиалайнер заходит на посадку, шасси касаются взлетно-посадочной полосы, большая железная птица гасит скорость и завершает свой долгий-долгий полет через страны и континенты. Аэропорт прибытия носит название «Домодедово» и находится в Москве.

Значит, это и вправду доподлинная, настоящая Земля.

Которую бесы готовы уничтожить, если Сварог вовремя не поспеет к Аркаиму.

Москва. Столица. Делать здесь совершенно нечего... ну разве что проходить таможенный и пограничный контроль и пересаживаться на другой самолет, потому как напрямую из африканских стран аэропланы в Шантарск покамест не летают.

Будут у тебя проблемы с проверкой паспорта и с досмотром багажа или не будут – это уж от тебя зависит. Не ездят по липовым документам, не значься в

черных списках, не вози с собой наркотики и оружие – и будешь досмотры проходить уверенно, с широкой улыбкой честного человека. Например, Сварог ничего недозволенного с собой не вез (ну разве может считаться боевым оружием смешной черного цвета и треугольной формы ножик, вырезанный из кости? Это всего лишь сувенир из дальних стран, товарищ таможенник!). И документы у него были почти настоящие. Подумаешь, год рождения подправлен и вклеена другая фотография! Экие пустяки, право. Не будем такими формалистами, друзья. Ведь на девяносто процентов паспорт подлинный. К тому же паспортина весомая, ничего кроме уважения вызывать не способная, ибо является удостоверением личности не гражданина какой-нибудь задрипанной банановой республики, а подданного ее величества английской королевы.

Собственно говоря, Сварог мог бы обойтись и без осуждаемой законом подделки документов. Нацепил бы личину, совпадающую с паспортной фотографией, и прошел бы гордым шагом через кордон. Но, во-первых, над будкой таможенника висит наклонное зеркало, и вот в нем-то Сварог отразился бы в своем истинном облике... а во-вторых, тогда и в дальнейшем, при любой проверке документов, пришлось бы всякий раз напяливать эту личину, думать об этом постоянно. А сие есть лишнее беспокойство. И если имеется возможность его избежать, то почему бы и нет, спрашивается?

Приятель мистера Гуто, владелец частного аэропорта в городе Кисангани, оказался человеком весьма полезным по части проворачивания всяких разных предосудительных (с точки зрения закона) дел. Видимо, и аэродром в собственность он приобрел для того, чтобы развернуться как можно шире на ниве криминала. Да и вряд ли Гуто, насколько Сварог его понимал, стал бы приятельствовать с добропорядочным законопослушным гражданином, смысл какой?

Этот аэродромовский приятель Гуто все и организовал в лучшем виде. Дня не прошло, как профессорская папка вместе с профессорскими документами была доставлена в Конго. В одном из кармашков той папки хранился паспорт профессора. Вот в него неведомые умельцы, которым доверил эту работу приятель Гуто, вклеили фотографию Сварога и малость подправили дату рождения. И стал Сварог мистером Беркли. Для Н'Генга же был изготовлен паспорт гражданина Конго. Правда, значение слова «гражданина» ему объяснить не стали, равно как значение предмета под названием «паспорт» – долго пришлось бы. («Держи в кармане рубашки. Забыл, что такое рубашка? Да вот она на тебе. И не таращься так по сторонам»).

Хотя Пятница, надо сказать, уже давно перестал изумляться чудесам, которыми полон мир белых людей. Большую часть эмоций он растратил во время полета на большой железной птице, остатки эмоций выплеснул в столице Джингура, где все, начиная от автомобилей и заканчивая асфальтом и фонарными столбами, было ему в диковину. На этом эмоции Н'Генга закончились. И теперь он принимал очередную невидаль вроде телевизора или холодильника как еще одно чудо, не более того.

Костяной нож с «муравьиной» рукоятью Сварог, как и предполагал, обнаружил в одном из ящичков, клейменных гербом Джигура.

Ящички вскрывали в пустом, насквозь пропахшем контрабандой ангаре, куда загнали вертолет сразу по прилете в Кисангани. Трещали взламываемые

доски, переговаривались между собой Гуто с приятелем – они взвалили на себя тяжкое бремя открывателей ящиков. «Да тут одни книжки! – говорил Гуто. – В половине ящиков, чтоб мне сдохнуть! Что с ними делать?» «Идиот, – отвечал его приятель. – Мы вернем это барахло новому президентишке Джингура. Дескать, отбили у бежавших от восставшего народа подонков. Мы, получается, спасители народного достояния, герои и все такое прочее. А за это мы просим у нового президента разрешения открыть небольшое дельце в столице, ну и как он сможет нам отказать! Смекаешь? А может, еще висюльку какую прицепит до кучи. Люблю я красоваться, знаешь ли, в негритянских пубрякушках на груди». «Смотри, дворцовая посуда пошла. Серебро. Это, надеюсь, ты не собираешься никому возвращать... О, вот какой-то костяной нож дурацкого вида! – восклицает Гуто. Потом кричит громко: – Эй, мистер Сварг, вы не это ищите?»

И сейчас этот нож Сварог самым законопослушным образом выложил перед таможенниками, добавив для ясности: «Сувенир». Таможенники повертели изделие из кости в руках, ничего предосудительного не обнаружили и вернули владельцу. Ну а поскольку ни к чему другому придраться не смогли, то пришлось им пропускать «мистера Беркли» на территорию Российской Федерации.

И что же делал человек, после долгих скитаний по мирам вновь оказавшийся на родной земле?

Да ничего интересного он не делал. Ну поменял доллары на рубли. Полученные купюры рассматривал с неподдельным интересом, потому как не видел еще таких. И силился вспомнить, а как же выглядели рубли образца девяносто первого года? И вот ведь, блин, не мог вспомнить, хоть убей!

Потом отзавтракал в буфете, отметив про себя, что качество общепита не намного выросло за эти годы, хотя бесспорно добавилось пестроты на прилавках.

А потом регистрация на семичасовой рейс, тягостное сидение в отстойнике, скрашиваемое лишь баночным пивом. Вот, собственно, и вся Москва, ограничившаяся зданием аэровокзала. Вступать в беседы с соотечественниками, вытягивать из них информацию про новую жизнь не хотелось. Что-то объяснять, что-то выдумывать, выслушивать всякую ахинею... Нет уж, лучше помолчать.

«Столица, дорогая моя Москва», – напевал про себя странник по мирам, направляясь по бетонке ВВП к трапу самолета. А в двух шагах позади топали оба его спутника. Весьма примечательные спутники, следует признать, и премного колоритные личности. Обращают на себя внимание, что немудрено.

Первый спутник чернокож и, собственно, уже этим привлекает внимание. Но вдобавок, такое впечатление, он тяготеет своей одеждой. Ерзает в ней, то и дело оглядывает себя, будто проверяя, все ли на месте, трогает рукава, пуговицы. Или одежда не его размера, или он вовсе привык обходиться без нее. И походка у него какая-то странная. Будто он идет не по бетонке, а по траве, которая кишмя кишит всякими ползучими гадами и из соседних зарослей того и гляди кто-нибудь вылетит с шумом и треском, распластавшись в прыжке.

Второй спутник странника по мирам смахивает на героя вестерна – жилистый, скуластый, прокопченный солнцем. К тому же понаблюдаешь за ним подольше, и откуда-то приходит стойкое убеждение, что этот человек тяготеет

ся отсутствием револьверов на поясе. А еще его сегодня обозвали крокодиллом. В здании аэровокзала какой-то парнишка, тыча в него пальцем и дергая за рукав отца, закричал: «Гляди, папа! Данди-Крокодил!»

– Что за Данди-Крокодил? – решил выяснить Сварог у Гуго.

– Выходит, вы, мистер Сварг, кино не увлекаетесь, – хмыкнул Гуго. – Есть такой австралийский актер. Я уже сто раз от кого только не слышал, что рылом похож на этого чудика. Да мне-то все равно, тем более он играет хорошего парня, который никогда не расстается со своим большим ножом.

– Да, отстал я от событий большого экрана, – с притворным вздохом сказал Сварог. – Некогда мне было, Гуго, в последнее время кина смотреть. Занят был очень...

Сварог был уверен, что сейчас, то бишь в данный исторический отрезок времени, он может спокойно поворачиваться к Гуго спиной. После того как Сварог на глазах этого повидавшего виды авантюриста скопировал небольшой неограниченный алмаз, а потом этот алмаз приятель Гуго загнал за приличные деньги своему всегдашнему покупателю (а покупатель тот ни наивностью, ни доверчивостью никак не страдал и липу просек бы обязательно), – вот после этого Гуго стал смотреть на Сварога, как... ну наверное, как смотрели на Наполеона его гвардейцы. Вот когда Сварог слетит с этого нерукотворного пьедестала, тогда да, тогда тот же Гуго первым постарается прикончить бывшего кумира... А пока будет служить верой и правдой, исполнять приказы, не спрашивая, что да почему, куда и зачем.

Гуго свято уверовал – такой человек, как мистер Сварг, по мелочи играть не может, а значит, надо его держаться. И Сварог его не разубеждал, равно как не отговаривал сопровождать себя в поездке в далекую Россию. Потому как здорово может пригодиться такой человек, как Гуго, во время этой поездки...

И вот они в самолете, следующим рейсом Москва – Шантарск. И как выглядит полет над огромной страной? А так.

Тебя отрывают от земли, поднимают в воздух, тебя переносят по воздуху, тебя летят, пронося над возвышенностями и низинами, над водоемами разной длины, ширины и глубины, Европа постепенно переходит в Азию, а населенные равнины – в бескрайнюю тайгу. Но тебе эти подробности до лампочки – ты дрыхнешь без задних ног в самолетном кресле. Часа через два тебя попробуют разбудить, чтобы накормить аэрофлотовским обедом с непременно вареной курицей на пластмассовой тарелке под вакуумной пленкой. Сомнительно, что тебя добудят. Сквозь сон ты слышишь, как сзади шепчутся: «Это что, вот у меня случай был, когда мы рыбачили на Куруммане...» И совершенно нет никакого желания просыпаться, встряхиваться, взбадривать себя кофе и вступать в разговор с соотечественниками, которых столько лет не видел...

Сварог сам себе удивлялся, но его вовсе не интересовало, что стало со страной за эти, пулей пролетевшие пятнадцать лет. По тому, что успел зацепить краем глаза, по обрывкам разговоров, по выпуску новостей в аэропортовском телевизоре было понятно, что перемен хватает. Но признавать подробности не тянуло. Вот потому он не листал жадно газеты, не заговаривал с незнакомцами, не покупал лаптоп (то есть, пардон, ноутбук; а с теми деньгами, что он привез с собой в наличной валюте и на кредитной карте, мог бы купить ноутбук походя, как какие-нибудь спички) и не входил прямо из аэроплана в Интернет, о котором узнал от Гуго, и не черпал оттуда бездну информации. Ну

нет никакого к этому всему любопытства! То ли виной всему африканские похождения, то ли в скитаниях по мирам он утратил такое качество, как простое человеческое любопытство. Пес его знает...

За час до посадки ты просыпаешься, просишь у стюардессы принести тебе «Боржоми» (только из-за ностальгического названия), достаешь кожаную папку, находишь выписанный педантичным, но мертвым профессором Беркли шантарский адрес некоего Серафима Пака...

И вот, наконец, позади четыре часа беспосадочного лету. Здравствуй, город Шантарск!

Каково было удивление таксиста, когда один из севшей к нему в машину тройцы вдруг заговорил на чистом русском языке. Таксист сразу же скис лицом. Он-то, поди, был уверен, что в кои-то веки заполучил стопроцентных импортных кренделей, и наверняка строил грандиозные планы: как он зарядит тройной ценник, как три раза объедет вокруг огромного, как и всё в России, города...

Впрочем, Сварог сразу вернул водителю хорошее расположение духа, швырнув на «торпеду» мятую стодолларовую купюру.

– Задаток, – объяснил он. – На сегодня. А вообще, я хочу арендовать вашу «Атилопу-Гну» на пару-тройку дней. Оплата соответствующая. Идет? Вижу, что идет. Итак, еще раз повторяю вопрос: как в Шантарске обстоит дело с малой авиацией? Есть ли частные аэроклубы, небольшие аэродромы, где базируются вертолеты, которых не может не быть в славном городе на Шантаре?

– Более-менее обстоит с малой авиацией, – заговорил приободрившийся таксист. – Есть даже и частные аэроклубы. Например, «Сибирские витязи»...

– Отлично, – перебил Сварог. – Но это завтра. И улица подпольщика Карчика завтра. Сначала давай в гостиницу. Какую-нибудь получше. Знаешь такую?

– Легко, – сказал водила и повернул ключ в замке зажигания.

ИГРОК НОМЕР ДВА

Глава первая КТО ХОДИТ В ГОСТИ ПО УТРАМ

Барышня Лана дрыхла без задних ног, закопавшись щекой в подушку и трогательно выставив на всеобщее обозрение аппетитную попку. Признаться, и Сварог закемарил – сказались усталость, обилие впечатлений последних дней, адреналиновый всплеск последних часов... да и физические упражнения последних минут, не лишённые приятности, тоже, конечно, сказались.

Сколько он проспал? Почти полтора часа! Серый сумрак за окошком превратился в серое утро, обещанной телепрогнозом солнечной погоды пока что не наблюдалось. Сварог, легонько погладив Лану по спине – та в ответ что-то во сне пробормотала, – натянул тренировочный костюм с начесом (на удивление пришлось впору), кроссовки и вернулся в гостиную. Пора, пора сваливать отсюда, но сначала...

Не включая свет, он снова сел за компьютер, вышел в Интернет, нашел личный сайт Серафима Пака. (Господин Пак на фотографии, предваряющей перечисление регалий и, собственно, сам текст, был подозрительно похож на товарища Солженицына: такие же окладистая борода, прищур чуть раскосых глаз и изможденность.) А вот и адрес Института внеортодоксальных проблем: Шантарск, улица подпольщика Карчика, дом пятьдесят восемь. Еще и какой-то электронный адр...

Мартовским котом взвыл детектор опасности, и Сварог, не думая, действуя скорее инстинктом, нырнул влево и вниз, краем глаза зафиксировав, как посреди разом погасшего монитора образовалась небольшая дырочка с вывернутыми наружу краями, от которой в разные стороны зазмеились трещинки. Чпок-чпок-чпок! Цепочка таких же дырочек пробежалась по стенам. Взорвались бутылки в бар-нише, получил свое и холодильник. Думать было некогда, одна только мысль – какого черта, черт вас всех раздери?! – промелькнула у него, а потом пошла работа, работа подзабытая, поскольку Сварог вдруг поймал себя на том, что действует, как учили его в затерянной во времени и пространстве десантной школе – отражение атаки в закрытом помещении, и все он делал на автомате, напрочь отключив разум, оставив одни лишь рефлексy. Где-то в глубине дома со звоном лопнуло стекло, и Сварога как обожгло: Лана, как она? Стреляют-то из бесшумок, это к бабке не ходи... ну, будем надеяться, забралась под кровать и пули ее не задела. А теперь прочь лишние мысли!

Сварог начал произносить слова заклинания, перемещаясь в мертвую зону справа от двери из гостиной и попутно недоумевая: как в охраняемое элитное поселение проникла нехило вооруженная бригада? Что это именно бригада, а не один человек, засевший на верхушке кедра, он почему-то не сомневался.

В полуприседе приоткрыл дверь (хорошо, что внутрь открывается!), уже держа наготове материализовавшийся меч и некстати поминая свои давешние мысли насчет ниндзя. Выглянул в коридор: вроде чисто...

Ан нет! Фигура в лохматом камуфляже, более подходящем для полевых операций, с чем-то явно огнестрельным в руках, как раз обернулась от другой двери...

Конечно, работать двуручным мечом в не шибко просторном коридоре не очень удобно... Но возможно.

Р-р-аз – и одним движением снизу-справа-вверх Сварог отправил незнакомца в поля вечной охоты, спустя мгновение после того, как незнакомец нажал на спусковой крючок. Стену коридора украсили завитушки кровавых брызг, почти одновременно с этим раздалась серия приглушенных «тых-тых-тых!», и в дополнение к завитушкам на стене появилась дуга кругленьких отверстий. Сварог тут же обернулся и, чуть присев, завел возвратным движением меч в ожидающую позицию за левым плечом. Острие длинного клинка ширкнуло по потолку. Лана где, трех ее тибидох?! Неужели дрыхнет еще?

Второго Сварог поймал в дверях гостиной, примитивно проткнул мечом чуть выше пупка (тот даже не пискнул, даже на спусковой крючок нажать не успел) и метнулся к спальне. Осторожно, по миллиметру отворил дверь. В комнате все было тихо, мирно и спокойно, вот только простреленное окно вносило определенный диссонанс. Он шагнул внутрь, уловил предупредительный писк детектора, движение воздуха над правым ухом, шевеление краем глаза и – едва успел увернуться от обрушившегося сверху магнитофона. Кавказская пленница с подносом против пришедшего спасать ее Шурика, етить... Ну, хоть жива. Сварог перехватил руку и громко прошипел, одновременно хлопнув по выключателю, погружая спальню в тьму кромешную:

– Тихо, я это, я!

Лана, облаченная в костюм Евы, смотрела на Сварога с таким выражением, что тот, по идее, должен был бы немедленно вспыхнуть и развеяться пеплом по ветру.

– Что... – начала было она, но Сварог договорить ей не дал:

– Живо. Молча. Одеваться. И на выход.

Ну, молодец баба, что тут еще сказать: мигом погасив зеленый пожар в глазах и ни слова более не говоря (разве что бросив выразительный взгляд на меч), Лана отбросила на разворошенную кровать магнитофон, метнулась в глубь темной комнаты и принялась практически на ощупь раскидывать детали одежды. Без всякого намека на эротические мысли – не до того, судари мои разлюбезные! – Сварог наблюдал за процессом превращения девушки обнаженной в девушку одетую и, держа в поле зрения обстановку в коридоре, шепотом давал вводную:

– Значит, так: идешь за мной. Если я говорю: стой – стоишь, если я говорю: падай – падаешь, если лети – взлетаешь. Понятно?

Лана, дрожащими руками натягивая свитер, кивнула. (Опять же – молодца девка, правильно оделась: джинсы, кроссовки, легкий свитер. По-походному. Волосы даже успела забрать в конский хвост.)

– Сколько входов в дом? – спросил он.

– Т-три... Парадный, в гараж и со стороны сада, вон там, где бильярд... Но ты можешь хотя бы сказать...

– Умница. Тогда вперед, – скомандовал Сварог.

Не зря, ох не зря ему мнились ниндзя! Едва они покинули комнату, как немедленно с двух сторон кинулись наперехват одетые в темную облегающую одежду фигуры – эти ребята не стреляли, потому как не из чего им было стрелять. Вместо огнестрельных пукалок в лапах у них блестели, как навскидку определил Сварог, боевые ножи, и держали они сии перышки умело, грамотно. Руки, сжимающие меч, сами собой приняли оборонительную позицию, и все мысли опять же отошли на задний план. Ножи в ограниченном простран-

стве боя имеют, знаете ли, значительное преимущество перед громоздким мечом... Лана, издав неопределенный писк, вновь нырнула в комнату, а Сварог отточенным пируэтом переместился так, что оба противника оказались перед ним, мешая друг другу. Теперь обманный выпад вправо, удар, уход, нож просвистел у головы, зато один уже не опасен, схватился обеими руками за проколотое горло, второй отбил ножом возвратный выпад Сварога, перебросил клинок в левую руку – обеими руками работает, зараза! А ежели так? Сварог сымитировал глубокий выпад в нижнюю часть туловища и едва не напоролся на кинжал, исцарапавший ему предплечье. Снаружи донесся шум. Перебросив меч в левую руку, Сварог примитивно достал кулаком противника и, отступив на шаг, с разворота вспорол ему живот. «Хорошо хоть бронников на них нет, – отстраненно подумал он. – А кстати: почему нет?..»

И позвал шепотом:

– Лана!..

В дверном проеме нарисовалась боевая подруга, губы ее дрожали, но слез пока не было, и на том спасибо. Снизу вновь послышался приглушенный шум.

– Что происходит?.. – выдохнула она.

– Похоже, твои гаишники с большой дороги вновь решили позвать нас в гости к Аллаху, – сказал он, скоренько обыскивая жмурика. Ничего. Ни документов, ни радиотелефона с гарнитурой, никакого прочего, помимо ножичка, оружия. Странно? Странно. Значит, заказчику известно, что Сварога пули не берут? А откуда, позвольте спросить?.. – Значит, так. Сейчас ты идешь в комнату... Да не в свою! – он едва успел поймать Лану за рукав свитера. – А вот в эту, – и указал на дверь напротив.

– Это же кладовка!..

– Тихо! – яростным шепотом произнес Сварог. И затараторил успокаивающе: – Вот и хорошо, вот и ладно, я сам недавно из кладовки, и ничего, они наверняка знают, где ты в первую очередь находиться можешь... ну и я с тобой, соответственно. Судя по всему, у них может быть и план этого милого гнездышка, так что сиди там как мышь, прикинься пылесосом и... и жди. Я тебя позову. Возьми вот, – Сварог бесшумно поднял выпавший из руки самого первого типа, того, что в лохматом комбинезоне, автомат, подозрительно напоминающий виденный им однажды израильский «узи», но с коротким толстым цилиндром на стволе, в просторечии именуемом глушителем. – Управисься?

– Да уж разберусь, – выдавила Лана, принимая стрелялку. – Ходили мы тут на полигон, или как там тир на воздухе называется, так что в общих чертах усвоила... А ты что, ты собираешься...

– Ага, собираюсь, – грубо перебил Сварог. – Уже собрался. Теперь марш в кладовку.

Лана, оглянувшись на Сварога и буркнув: «Очень хочется верить, что ты знаешь, что делаешь», скрылась за дверью комнатки – и впрямь оказавшейся вроде чулана... вот только размером чулан сей был с его ванную в квартирке некой военной части, заброшенной среди монгольских степей...

Он уже шептал слова заклинания, отступая к комнате Ланы и слыша еле уловимый шум очередного приближающегося гостя – того самого, который хуже татарина. Открыв дверь, Сварог прошептал последние слова заклинания, и

в коридоре возникла его точная копия, да столь реальная, что Сварог в который раз непроизвольно коснулся себя рукой, убеждаясь, что вот он и есть настоящий, единственный и неповторимый... Фантом двинулся в другой конец коридора, к выходявшему во дворик огромному окну, пока еще – надо же! – уцелевшему после вражьего артралета. Сам же Сварог, настоящий, прикрыл дверь комнаты как раз в тот момент, когда из-за поворота показалась тонюсенькая ниточка лазерного прицела.

Ну дети малые, право слово: свет же в коридоре горит, зачем такие сложности!.. И, промежду прочим, интересно: а почему они в самом-то деле свет не вырубили, щит не раскурочили? Куда сподручнее было бы – при наличии лазерных прицелов, приборов ночного видения и прочих прибабасов – справиться с клиентом... Или им откуда-то было известно, что клиент умеет видеть в темноте?..

Красный лучик маятником покачался вправо-влево, вверх-вниз, обшарив весь коридор, и, вероятно, наблюдатель остался довольным увиденным, потому как лучик исчез и на смену ему явилась голова в шерстяной черной маске.

Стоя за порогом комнаты Ланы, Сварог услышал два негромких хлопка, мягкие шаги, еще два хлопка, уже ближе... а потом Сварог уже не слушал. Сделав шаг вперед, он плавным движением меча снизу вверх распорол спину нападавшего. (Фи, мон шер: атаковать сзади? А вы что предлагаете, мон ами? Сейчас не до приличий, мусье. А-ля гер, как говорится, ком а-ля гер!) И когда противник, заваливаясь, развернулся, возвратным движением прошелся тому под подбородком. Сквозь прорези в маске Сварог увидел донельзя удивленные глаза боевика и невредимого – а что ему сделается-то! – фантома у окна.

Прислушался. В кладовке тихо. Дверь закрыта. И, прошептав очередное заклинание, он отправил двойника к задней двери, за бильярдную. На этот раз выстрелов не последовало, и Сварог уже было собрался двинуться следом, но...

Но опять же раздался негромкий, на грани слышимости шум – и именно оттуда, где скрылся Сварог-призрак. Да сколько же вас понаехало, молодец... Сварог-настоящий метнулся к бильярдной – и оказался лицом к маске очередного нападавшего: тот как раз пытался вторично прикончить Сварога-призрака охотничьим ножом. С реакцией, впрочем, у этого типа был полный порядок: Сварог едва успел присесть, как широким маховым движением ему – уже ему, а не двойнику! – примитивно чуть не вспороли горло. Чуть. После чего противник перебросил нож в левую руку и тут же нанес удар в горло. Сварог ушел от атаки и, в свою очередь, кистевым ударом попытался достать противника в голову, но тот парировал лезвием.

Они на секунду замерли друг перед другом, каждый оценивал своего визави. И Сварог вдруг с холодной ясностью понял, что судьба подкинула ему подлянку. Похоже, судьба выставила против него одного из тех мастеров клинка, которых он в жизни видел всего лишь дважды. Однажды, например, ему довелось наблюдать показательное выступление одного замкомроты разведки, и у Сварога тогда создалось впечатление, что замкомроты мог запросто и пули своим ножом отбивать... Второй же никакого отношения к армии не имел – это был монгольский пастух. Но в том, что он вытворял с ножом, было что-то... запредельно-мистическое. Даже вспоминать не хотелось. (Чуть позже, впрочем, Сварог поговорил с пастухом, втерся в доверие посредством водки и сигарет и узнал... но – об этом позже.)

А пока супротивник сделал движение ножом, Сварог закрылся тяжелым мечом, но нападающий в последний момент изменил направление удара, Сварог дернул головой – и почувствовал, как что-то теплое потекло по рассеченной щеке.

Ого, блин...

Неизвестно еще, чем закончился бы этот поединок для Сварога, но тут противник на долю секунды отвлекся на фантома. Винить его не в чем, Сварог на его месте тоже опасался бы нападения с двух сторон... но этой доли Сварогу хватило, чтоб нанести два своих коронных удара, причем первый удар мастер этот гребаный ухитрился каким-то чудом отбить, да и от второго почти ушел, но, господа, то-то и оно, что почти... Как говорится, чуть-чуть не считается.

Сварог прислушался – в доме было тихо, как в склепе, однако не стоит забывать про сквозное отверстие в мониторе и цепочку дырочек в стене: значит, снаружи имеет место быть прикрытие, имеется снайпер, минимум один. Хотя выбираться отсюда надо в любом случае, не дожидаясь, пока подтянется подкрепление или этим ребятам не придет в голову светлая мысль поджечь или, скажем, подорвать дом. В темпе осмотрев комнаты и убедившись, что в данный момент наблюдается полное отсутствие присутствия противника, Сварог вместо себя, любимого, оставил неплохо зарекомендовавшего себя фантома, убрал меч и поспешил за Ланой. Перед дверью в кладовку он притормозил и негромко произнес киношно-классическую фразу:

– Лана, не стреляй, это я.

После чего осторожно потянул дверь. Прижавшись спиной к стене и сжимая автомат обеими руками, Лана целилась Сварогу точнехонько в грудь. Он мягко отвел ствол в сторону и сказал:

– В доме никого, а вот снаружи наверняка есть, да не один. Так что надо рвать когти, желательна незаметно и быстро. Подумай, как.

Все ж таки умницей оказалась его новоиспеченная боевая подруга – никаких тебе слез, истерик и прочих повисаний на шее. Напротив: она быстро смекнула, что мужчина по имени Гэйр главный, стало быть, его надо слушаться, если хочешь жить.

Все бы так...

– Если быстро, – с трудом выдавила боевая подруга – побелевшие губы ее не слушались, – то можно на машине... только вот тихо, боюсь, не получится.

– На какой машине?

– А в гараже моя малютка стоит...

Два автомобиля? Кучеряво живете, однако...

– В гараж можно попасть прямо из дома?

– Можно... Но ведь когда ворота начнут открываться, все равно заметят...

– На месте разберемся. Веди.

Лана собралась что-то спросить, но передумала и дисциплинированно двинулась вперед. Сварог, прикрывая тылы, пошел следом. Попутно он пробормотал отменяющее фантома заклинание – чего доброго, и так за это время напряженные до предела нервы Ланы не выдержат двоих Сварогов. А сотворить двойника, в конце концов, он может в любой момент.

Слева от барной стойки, изящно огибающей плиту и холодильник, обнаружилась неприметная дверь. Спустившись на пару железных ступенек, они оказались в гараже, рассчитанном на три автомобиля. А сейчас там стояла

лишь маленькая перламутровая трехдверная машинка, но вида самого что ни на есть футуристического, Сварог таких и не видел никогда.

– Ворота гаража брелком открываются, – прошептала Лана, – а что толку?

Ну да, плавали, знаем: в бытность свою майором Сварог по видео смотрел такое – герой спускается к своему авто, пикает брелком, и ворота неторопливо скрываются в потолке. Прогресс, блин.

– Значит, так, – сказал Сварог. – Брелок давай сюда, сама садись в машину. Как только я открою ворота – выезжай, и я спокойненько подсяду. Понятно?

Лана кивнула.

– Вот и хорошо. А пока пойду погляжу, что у нас там за комитет по встрече во дворе обосновался.

Сварог вернулся в дом, прихватил по пути клинок едва не переигравшего его мастера (клинок все ж таки сподручнее тяжелого меча будет), прикинул балансировку и, остановившись возле двери, ведущей в садик, вновь сотворил двойника. Фантом первым шагнул на крыльцо...

Ну да: с двух сторон раздались приглушенные хлопки – но стреляли по бедняге-фантому. Сам же Сварог, ускорившись до предела, метнулся в сторону одного из стрелявших и широким махом успокоил того навсегда. Развернулся в сторону второго, чувствуя, как автоматный огонь переносят на него. Отводить глаза не было времени (да и зачем?), и Сварог метнул нож метров с пяти. Лезвие вошло точно под кадык автоматчика.

Еще минус двое. А сколько вас всего? Он выключил фантома, чтоб не путался под ногами. А если честно – перевел огонь на себя. Показательно-испуганно вжался в стену коттеджа, осторожно выглянул из-за угла... Где тут у нас снайпер? Тот самый, что изуродовал компьютер? Даже если он видит, что Сварогов здесь только что было аж целых двое, и ни один не поражаем автоматными очередями, даже если б ему сообщили, что, судя по всему, ни одного, ни второго пульей не взять, – даже в этом случае снайпер прямо-таки обязан выстрелить. Хотя бы один раз. Хотя бы для очистки совести и следуя инстинкту. Если, конечно, он не настоящий профи...

Тишина.

Сварог, сгибаясь в три погибели и всем телом демонстрируя полного лоха, вышел на открытое пространство, судорожно вертя головой направо и налево и всем и каждому притаившемуся среди деревьев показывая, что он абсолютно безоружен.

Что ни говори, а в магии ларов есть своя прелесть. Можно, например, не таясь, открыто стоять посреди освещенного двора и ждать, пока стрелок сам не обнаружит себя. И чем обширнее двор, тем лучше – ни один урод с пикой незамеченным не подберется...

Ну и? Чего ж не подбираетесь, не стреляете?

По-прежнему тишина.

Было свежо. Уже почти рассвело, небо на востоке быстро наливалось желтым рассветным сиянием. Верещали в кронах пробуждающиеся пичуги. Лепота, одним словом. Будто никто и не собирается прикончить парочку людей в элитном охраняемом поселке. (А где, между прочим, охрана поселка?!.) Или действительно боевые единицы противника закончились?

Сварог шарил глазами по кустам, ограде, деревьям за оградой, выискивая засевшего снайпера, но тот пока ничем себя не проявлял. Да и вообще больше

ни одна живая душа не проявляла желания выстрелить в Сварога. Или напасть с ножом в руках. Спустя две томительные минуты Сварог решил и переместился к двери гаража. Еще секунда, взгляд на брелок, нажатие пальцем, и брелок бесшумно мигнул зеленой лампочкой. Ворота начали медленно, слишком медленно, подниматься...

Лана, вопреки всем Свароговым инструкциям, не сидела в машине, а держа автомат в руках, стояла на корточках у дверей. Сварог выматерился про себя, но вдруг увидел ее расширяющиеся глаза, потом протарахтела негромкая очередь, и, обернувшись, он увидел, как безмолвно валится откуда-то с росшего за забором кедра человек в камуфляже.

Тело все сделало само – уход вперед и вниз, в расширяющуюся щель неторопливо поднимающихся ворот, кувырок вправо, под защиту бетонной стены. Снова все тихо. Так что снайпер, будем считать, нейтрализован. И кем? Не мной, королем-суперменом, а какой-то девицей, любовницей местного буржуя...

– Кажется у меня кончились патроны, – спокойно – слишком уж спокойно! – сказала Лана. – Это был последний, как ты считаешь?

– А хрен его знает, – честно ответил Сварог. – Судя по тому, что из тебя... да и из меня тоже дуршлаг пока не сделали, в зоне прицельной стрельбы больше никого нет... Давай-ка, садись за руль, надо отсюда смыться, скоро тут не протолкнуться будет от представителей доблестных правоохранительных органов... Как ворота с участка открываются?

– Второй кнопкой на брелке, пониже...

– Как это я их не перепутал-то... Короче, давай за руль, и на скорости уйдём.

Дождавшись, когда Лана села за руль, и услышав рев работающего на высоких оборотах мотора, Сварог нажал кнопку «пониже», еще раз окинул взглядом окрестности и прыгнул на переднее сиденье. Едва он захлопнул дверцу, как Лана отпустила сцепление, и машина, выбросив из-под колес дымную струю сгоревшей резины, рванулась в открывающиеся ворота...

В воротах возникла фигура в уже набившем оскомину лохматом облачении. Присев на одно колено, боец держал на плече короткий черный цилиндр, похожий на тубус для чертежей...

Какой, к чертям, тубус, это ж базака!

Сварог ничего не успел сказать.

Лана, еще прибавив газу (хотя куда уж больше-то?!), чуть повернула руль, и фигура с «тубусом», вроде бы чуть коснувшись правого крыла, отлетела в сторону. Автомобиль выскочил на дорогу, вильнул, наплевав на всевозможные помехи справа, и метнулся прочь от так и не ставшим убежищем коттеджа. Впереди никого. Сзади тоже никто не стреляет.

Неужели ушли?

Ушли.

– И куда теперь? – неестественно спокойно спросила Лана.

Сварог скоренько прикинул варианты. И понял, что самое время делать шаг вперед.

– Улицу подпольщика Карчика знаешь? – отрывисто спросил он.

– Ну вроде...

– Давай туда.

- А что там?
- Не слишком ли много вопросов, сержант?
- Простите, сэр...

Глава вторая КТО-ТО УМИРАЕТ, КТО-ТО ВОССТАЕТ ИЗ МЕРТВЫХ

– Вот и Карчика, приехали, – сказала Лана.
– Так, ну-ка стоп, машина, – сказал Сварог одновременно с напарницей.

Напарница послушно притормозила у бордюра, и Сварог, нахмурившись, посмотрел в лобовое стекло.

Солнце уже встало. Предутренние облака, сплошняком закрывавшие небо, куда-то исчезли, и мир был наполнен свежестью, умиротворением и уверенностью, что сегодня уж точно будет лучше, чем было вчера.

Но Сварог с некоторых пор привык не доверять мирам.

Номер пятьдесят восемь по улице подпольщика Карчика против ожиданий оказался обыкновенным жилым домом – Сварог-то, в наивности своей, полагал, что Институт внеортодоксальных проблем располагает если не собственным зданием, то хотя бы вывеской и положенным охранником у входа. Ничуть не бывало. Дом был как дом: серого силикатного кирпича в глубине относительно чистого зеленого двора, занавесочки на окнах, сушащееся белье на балконах, и... И еще кое-что, что и заставило Сварога скомандовать «стоп».

Еще вокруг дома, точнее возле одного из подъездов, наблюдались приглушенно гомонящая толпа, две милицейские машины и карета «скорой». Тревожно похолодело в животе, но детектор опасности молчал.

– Та-ак... Посиди-ка пока здесь, – приказал он Лане. – И в случае чего будь готова рвать когти.

– В случае чего?

– В случае чего-нибудь.

– Гос-споди, – простонала Лана, вытянув шею и разглядывая толпу. – По-моему, Гэйр, ты просто притягиваешь к себе неприятности.

– Поверишь ли, но я об этом уже давно думаю, – искренне сказал Сварог. И тут же успокоил: – Я просто осмотрюсь и сразу обратно. Кстати, меня зовут Сварог. А Гэйр – это... это типа фамилии.

Лана кивнула и спросила как примерная ученица:

– А куда мне рвать когти, господин Сварог? Если в случае чего...

– Ну... Просто тихонько поезжай за угол и жди меня.

– Уф-ф...

– А что делать? – философски пожал плечами Сварог и выбрался из машины.

...В толпе, состоящей, главным образом, из лиц самого что ни на есть пенсионного возраста, слышались отрывистые реплики: «...пятый этаж...», «...в лепешку...», «...а что вы хотели...»

По уму, конечно, ему следовало нацепить чужую личину, а хоть бы и Гаудина, – внешность Сварога, несмотря на то, что в этом мире он появился всего лишь вчера вечером, уже наверняка известна многим... Но он отчего-то остался в собственном обличье, пусть даже и в примитивном спортивном костюмчике. Трудно сказать, почему. То ли потому, что это – его родная Земля,

на которой нет места магии, то ли потому, что на родной Земле ему ничего грозить не должно...

К месту происшествия было не подобраться: толпа стояла перед подъездом, как вражья армия перед воротами осажденной крепости.

– Бабуля, – учтиво обратился Сварог к старушке в потрепанном зимнем пальто и платочке, которая мелко крестилась, не отрывая взгляда от верхних этажей дома, – а что случилось-то? Я к приятелю приехал, а не пускают...

– Дык самоубивец, – охотно ответила бабушка, на Сварога не глядя. – Ентот, который китайский псих ученый, из девяносто четвертой. Сиганул из окна – и алё... Уже часа два как, а менты, уроды, только щас понаехали.

– Я-асно.

Сварог протиснулся чуть поближе, в партер. Скучающий санитар охранял накрытое куском рубероида тело на асфальте, молоденький сержантик, что-то сосредоточенно записывая в блокнот, опрашивал свидетелей, на подножке милицейского «уазика» устало курила, повесив голову, рыжеволосая дама в длинном, кофейного цвета плаще, с балконов свешивались любопытствующие жильцы в надежде увидеть что-нибудь интересненькое...

Сварог не стал подходить ближе. Каким-то восемнадцатым чувством он понимал, что под рубероидом лежит именно Серафим Пак, президент, директор и председатель... Кто-то планомерно и не скрываясь ставит Сварогу палки в колеса. И он даже догадывался – кто именно.

Что ж, не он первым начал. Сварог почувствовал, как в нем поднимается волна ярости... И тут рыжеволосая тетка на подножке «уазика», бросив окуроч на газон, устало подняла голову. И посмотрела в глаза Сварогу. И Сварог ни секунды не сомневался, что она его тут же узнала.

Да и он узнал рыжую – это именно она срисовала незваного гостя в камзоле официанта на карнавале, а потом палила по вертолету из пистолета. И теперь тоже прекрасно понимала, что и Сварог узнал ее. Значит, валькирия тоже выбралась из мясорубки? Браво. Хотя что с такой станется...

Безмолвная дуэль закончилась вничью: к рыжей некстати подошел давешний сержантик, позвал: «Дарья Андреевна...» – а потом что-то зашептал на ухо, и она отвела взгляд.

Сварог тоже не стал продолжать игру в гляделки, отвернулся, сделал шаг прочь из толпы...

И почувствовал, как кто-то ласково, но крепко взял его под руку.

– Прошу вас, – раздался над ухом тихий, вкрадчивый мужской голос, – давайте обойдемся без проблем. С вами хотят поговорить. Просто поговорить, ничего больше.

Сначала Сварог едва не начал действовать, машинально, на автомате, рефлекторно... Но потом увидел рядом с собой тупоносые ботинки светло-коричневого цвета, похожие не то на обувку битников, не то на башмаки Олега Попова. И моментально вспомнил их: «ледяная» кладовка, диалог Ботинок и Красивых Сапог. Ключник.

Он поднял глаза, встретился взглядом с коротко стриженным худощавым блондином, бережно держащим его под руку. Ага, вот как ты выглядишь, с-сука. У блондинчика были водянистые равнодушные глаза, худощавое лицо и едва заметный шрам на левой скуле. А где, интересно, Красивые Сапоги? Несут охрану по периметру?

– Эй, – столь же негромко начал играть Сварог, – что это вы себе...

– Пожалуйста, – почти шепотом перебил крепыш, просительным тоном, который напрочь не вязался с его обликом. – Помните, что Лана ждет вас... вместе с человеком, который желает с вами просто побеседовать.

Что самое интересное, блондинчик не врал. Сварогу и в самом деле ничего не угрожало – пока, если точнее.

– Где она? – спросил Сварог. И добавил – из чистого мальчишества: – Где она, Ключник?

Опа! Рука, державшая его под локоть, на мгновенье сжалась стальной пружиной. Ну да, ну да, господин Ключник, кажется, весьма не любит, когда его называют этим прозвищем...

– Лана недалеко, – послышался спокойный голос. – Я не принуждаю вас, не заставляю, не угрожаю. Я прошу пройти вместе со мной.

«А ведь он меня боится, – понял Сварог. – И не только он...» И сказал:

– Ну, если столь вежливо... Что ж. Идем. Ведите.

Они выбрались из толпы (Ключник его локоть вежливейшим образом не отпускал), пересекли улицу, направились к двум припаркованным возле пустой Ланиной малолитражки черным «джипам» с тонированными стеклами. Дверца одного из них распахнулась, на мгновенье показалось перекошенное гневом лицо Ланы. Она махнула Сварогу ладошкой: дескать, милости просим.

Сварог пожал плечами, сунул голову в салон – водитель, на переднем пассажирском сиденье Лана, сзади кто-то третий... короче, плевое дело, если начинать акцию, – и смело полез внутрь.

Дверца на роликах тут же захлопнулась за ним, Сварог сел, Ключник остался снаружи.

– Наконец-то, – недовольно выдохнула Лана.

А третий, тот, который не водитель, а вовсе даже сосед по заднему сиденью, повернулся к Сварогу. И Сварог узнал Сергея Ольшанского, олигарха, любовника Ланы. Того самого седогривого льва, которого расстреляли из станковых пулеметов на Олеговой пустоши.

– Думаю, мне нет нужды представляться, – холодно сказал лев, внимательнейшим образом Сварога разглядывая. Был он одет вполне демократично: джинсы, мокасины, клетчатая рубашка.

– Н-да, – лихорадочно выскивая манеру поведения, осторожно ответил Сварог. – В смысле – нет. Нужды, то есть, нет. Я видел, как вас изрешетили на сцене Ледяного замка.

– Именно, – преспокойно кивнул господин Ольшанский. – И, прошу заметить, тут мы в чем-то похожи. Я выживаю после пулеметной очереди в упор, а вас вообще очереди не берут. Не так ли... профессор Беркли?

И Ольшанский растянул губы в самой что ни есть дружеской улыбке. От которой за сто верст веяло неприязнью и... опасностью. А чертов детектор молчит!

Беркли? Что еще за Беркли? За кого его принимают на этот раз?

Сварог почел за лучшее промолчать.

– И неужели вы думали, – продолжал Ольшанский, улыбку с лица не убирая, – что я, собственно, и спонсировавший экспедицию Беркли в Центральную Африку, не распознаю подмены? Профессор вернулся вчера, но мне не звонит, не связывается со мной... Я посылаю людей в наш аэропорт, просмат-

риваю видеозаписи всех прибывающих... И кого же я вижу? Совершенно незнакомого типа, который под именем профессора проходит регистрацию! А куда вы своих дружков задевали? Ну, этого Крокодила Данди и негрилу?

– Значит, это ты организовал бойню на Олеговой... – сквозь зубы проговорила Лана с переднего сиденья.

– Позже об этом, – жестко отрезал Ольшанский, на подругу даже не глядя. А глядя по-прежнему в глаза Сварогу. – И вот какая петрушка получается, профессор. Вы не Беркли, коего я прекрасно знаю в лицо. И наверняка никакой не профессор. Из Москвы вы прямым авиарейсом двинулись не куда-нибудь, а именно в Шантарск. Потом засветились на закрытом – повторяю: закрытом, только для своих! – празднике. А теперь объявились аккуратно возле дома, где проживал мой безвременно почивший друг по фамилии Пак... И как, уважаемый, вы мне все это объясните?

Они сидели рядышком, оружия в руках льва не было, охраны не было – ежели не считать водилу, который еще не известно, боец ли, – так что при желании Сварог запросто в минуту мог отправить льва в Страну Вечной охоты. Но...

Этот Беркли – он тот, другой, вдруг понял Сварог. Значит, он уже в Шантарске. На самолете прилетел, да еще под чужой фамилией, да еще и с дружкойми... Так кто из нас демон: тот, кто прикрывается чужими именами, или тот, кто выступает под собственным именем?.. И еще Сварог понял: времени у него мало. Потом будем думать, кто он на самом деле: бес или настоящий граф Гэйр – времени осталось в обрез.

– Значит, это все-таки ты, сука, – гремучей змеей прошипела Лана, со змеиной грацией поворачиваясь с переднего сиденья. – Все-таки ты. Ты организовал расстрел на Олеговой пустоши. Сволочь. И меня хотел убить!

– Заткнись, истеричка! – вдруг заорал олигарх, мигом переключаясь со Сварога на подругу. – Я же сказал: потом!

Эге, да у любовничков страсти кипят почище мексиканских...

– Если б я хотел тебя прикончить вместе со всеми, я бы тебе приглашение прислал, идиотка! А я не прислал, если ты помнишь? Интересно, почему? Но нет, ты же вообще думать не обучена! И решила сама пробраться на презентацию, без моего разрешения! Баба Ольшанского, кто ж ее не пропустит! Не так, что ли? Не так, да?!. Так что себя вини, дура чертова!

Лана открыла было рот, чтобы ответить достойно, но, видно, не нашлась – явно олигарх был прав на сто кругов – и перевела ищущий поддержки взгляд на Сварога. А что Сварог мог сказать? Покамест он помалкивал в тряпочку и в семейных разборках участия не принимал. Зато отметил про себя, что Ольшанский вовсе не отрекается от обвинения в расстреле.

Ну и нравы у вас тут, ребятки...

– И не смотри ты на него жалобно! – уже на излете вспышки злости выкрикнул Ольшанский. – Делать ему больше нечего, как...

Он осекся, помолчал секунду... и вдруг понимающе протянул – еще больше успокоившийся и даже более-менее искренне ухмыляющийся:

– А-а... вот оно что! Как говорилось в каком-то фильме аккуратно по этому же поводу: теперь мы с вами вроде как родственники, месье... Ну, пусть так, ревновать уж точно не стану. Все это где-то даже символично.

В его голосе уже не было угрозы. И лжи тоже не было, насколько Сварог мог

верить собственному индикатору вранья. Слово Ольшанский что-то решил для себя и теперь круто сменил тактику.

Сварог же оставался в полном недоумении. Все происходящее напоминало ему плохонький любительский спектакль – где все вроде правильно и логично, но веры доморощенным актерам нет ни на грош.

– И в дом ко мне ты никого не посылал, да? – нашла новый аргумент Лана, быстренько возвращаясь к гремучести.

Ольшанский бросил мимолетный взгляд в окно, где за тонированным стеклом терпеливо маячил блондинистый Ключник, и твердо сказал:

– Нет. Я никого к тебе в дом не посылал. Оправдываться я не собираюсь. Если хочешь... если вы оба хотите знать правду...

Он нажал какую-то кнопку на ручке двери (стекло со стороны Сварога чуть опустилось. Сварог, опять же машинально, напрягся) и сказал, в сторону окна даже не глядя:

– Ключник, загляни-ка.

Тут же с чмокающим звуком распахнулась дверца. Сварог, поразмыслив, немного подвинулся – и означенный Ключник послушно занял место рядом с ним. Ключник, буквально пышущий угрозой. Но пока не опасный. Как заряженный револьвер со взведенным курком, но – лежащий на столе вне пределов досягаемости.

– Расскажи-ка нам, – спокойно приказал ему Ольшанский, – что совсем недавно произошло в доме Светланы Артемьевой. Правду рассказывай.

Блондин едва заметно нахмурился и спросил:

– А с какого момента...

Он на миг запнулся, а Ольшанский этот миг прошляпил, и Сварог не замедлил этим воспользоваться:

– А с того, голубь ты мой, – ласково сказал он Ключнику, по-прежнему держа общую картинку под контролем, – с того самого момента, когда на горизонте нарисовался вертолет и принялся в две струи поливать людей лекарством от жизни...

Ё!.. Попал! Вот кто организовал нападение на праздник в Ледяном дворце. Ключник, кто же еще. И известно, по чьему приказу. И нет ни малейшего сомнения: дай Ключнику волю, и Сварог – моргнуть не успеете – уже превратится в доброкачественный и гарантированный труп.

– Спокойно, – жестко сказал Ключнику Ольшанский. – Выкладывай и не мельтеши. И не с вертолета начинай, а с гаишников.

Ключник помолчал малость и заговорил отрывисто скучным голосом, глядя в никуда:

– Наблюдатель на трассе передал на контрольный пост, что кордон ГБДД уничтожен неизвестными... точнее, неизвестным – всех бойцов из группы заграждения положил один человек, мужчина, которого якобы пули не берут. Причем, положил посредством двуручного меча. К сожалению, эту информацию принял не я, а мой... мой помощник, Константин Заславин. У него был приказ не допустить прорыва из Олеговой пустоши на этом участке... А Светлана Витальевна и неизвестный прорвались. Заславин запаниковал, вычислил хозяина... то есть хозяйку «Геландвагена» и послал ударную группу к ней домой. В коттедж в «Золотой пади». Меня в известность не поставил. Когда я узнал о нападении на коттедж, было... в общем, было уже поздно. Но это цели-

ком моя вина. Никто не собирался стирать Светлану Витальевну... По крайней мере у меня, а значит, и у моих людей, такого приказа не было.

Он не врал.

– А что стало с мистером Заславиным? – спросил Сварог. Не то чтобы он в самом деле хотел знать. Спросил, просто чтобы не молчать, чтобы участвовать в беседе.

Значит, был, был наблюдатель там, на трассе...

– Заславин наказан, – кратко, но веско ответил Ключник. – Я дал ему шанс подняться, но Заславин им не воспользовался. Я допустил ошибку.

А Сварог явственно представил себе Красивые Сапоги, нюхавшего кокаин в кладовке Ледяного дома, а теперь лежащего где-нибудь в трех аршинах под землей... И ни малейшей жалости по этому поводу не испытал.

– Ну, разобрались? – нетерпеливо спросил Ольшанский. – Коля, трогай по-маленьку. Не хватает только, чтобы нами занялась Дашка и чтобы мы продолжили наши выяснения в ментовском «обезьяннике».

– Вы эту рыжую имеете в виду? – Сварог небрежно мотнул головой в сторону подъезда дома. Джип мягко и мощно взял с места, покатил по улице. Второй тонированный «бомбовоз», брат-близнец первого, черной тенью двинулся следом.

Ольшанский и не скрывал своего облегчения от того, что отъехали от опасного места.

– Ее, ее имею в виду... – сказал он, расстегивая пуговицу рубашки. – К сожалению... а может, и к счастью, только в виду. Доводилось сталкиваться. Если вцепится, хрен отдерешь... Знаете, есть риск оправданный, а есть риск до невозможности глупый. А крутиться в поле досягаемости рыжей Дашеньки – это и есть верх ничем не оправданной глупости.

Ольшанский повернул голову, взглянул Сварогу в глаза.

– Мне нравится, как вы держитесь. Думаю, мы сработаемся.

– Зачем мне с вами срабатываться?

– А у вас другого выхода нет, – олигарх обезоруживающе растянул губы в улыбке. – Вы этого еще не поняли?

– Признаться, нет, – нагло ответил Сварог. – Я вообще медленно соображаю.

Ключник сидел рядом молча и неподвижно, положив руки на колени. Манекен, а не человек. Но манекен опасный, как Терминатор.

– Вы не бойтесь, – серьезно отметил Ольшанский. – Это плюс. Хотя любой, я подчеркиваю – любой на вашем месте... – он помолчал. – Знаете, поначалу я действительно всерьез намеревался выудить из вас всю информацию, а потом примитивно утопить в Шантаре. Но... передумал. Потому что все это неспроста. Не верю я в такие совпадения. И ваше появление под именем Беркли, и звонок Пака, и его смерть...

Последние фразы он явно адресовал самому себе. Станный тип. И слишком много тараканов в голове...

– Что случилось с Паком? – спросил Сварог.

– Вы с ним знакомы?

– В Интернете нашел, – ответил Сварог честно. А что врать-то... – Сегодня ночью.

– Его убили, – буднично сказал Ольшанский. – Инсценировали самоубийство. И я даже подозреваю кто... Пак позвонил мне неделю назад, весь на нер-

вах, сказал, что ошибся в расчетах и все произойдет не двадцать девятого сентября, а буквально завтра. Умолял взять его с собой. Я разобрался с тусовкой, подорвался, приехал – а он уже превратился в блин на асфальте...

Привратник яростно ударил ладонью о спинку водительского сиденья.

– Твари узкоглазые! Мало им китайщины, еще и к нам лезут... наших людей убивают!

Сказать, что Сварог ничего не понимал, – значит, ничего не сказать.

Машины обогнули небольшой сквер с фонтаном, возле которого по утреннему времени резвились только дети и алкоголики, выехали на довольно оживленную улицу, влились в поток. Водитель Ольшанского вел «бомбовоз» не нагло – напротив: соблюдая, пропуская и даже перед пешеходными «зебрами» притормаживая. А Сварог почему-то был уверен, что это отнюдь не свойственный ему стиль вождения; во всяком случае, даже во времена Сварога (а точнее, во времена его пребывания на Земле) люди высокопоставленные и высокооплачиваемые позволяли себе ездить так, как им надо, а не так, как предписывают ПДД. И сейчас Сварог отчего-то был уверен, что времена ничуть не изменились. Так что, скорее всего, водила получил указания от «погибшего» для всех Ольшанского ехать аккуратно. А вот зачем – вопрос...

– Куда ты направляешься? – спросила Лана.

– Ты веришь, что я тебя не подставлял? – спросил Ольшанский.

– Да пошел ты...

– А вы? – Ольшанский повернулся к Сварогу.

– Я бы, конечно, ответил словами уважаемой госпожи Артемьевой, – осторожно сказал Сварог, – и тоже поинтересовался бы, куда мы, собственно, едем... Но не буду. Пока не буду.

– Расстрел праздника организовал я, – помолчав, негромко сказал Ольшанский. – Равно как и инсценировку собственной гибели. Узкоглазые обошли меня, получили Аркаим, и мне нужно было выиграть время, иного варианта я не видел. Такие дела... Но я не собирался убивать Лану, потому как незачем. Я вообще не знал, что она явится на презентацию. И про вас ничего тогда не знал...

«А ведь не врет», – отметил Сварог.

– И не твои люди залезли в мой дом и пытались убить нас, да?! – спросила Лана.

– Ты слышала, что сказал Ключник? Думаешь, он тоже врет? Люди, может, были и мои, но такого распоряжения я не давал. Впрочем, думай, как хочешь, оправдываться я не собираюсь... А еще мне кажется, что наш разговор свернул куда-то не в ту сторону. Сперва надо бы кое-что прояснить, а уж потом разборки устраивать...

– А вы, уважаемый гражданин Ольшанский, только рыжей Дашеньки боитесь и ничего более? – слегка надавил Сварог на олигарха. Что называется, в исследовательских целях. – Меня, например, несколько не боитесь? Сами же признали, что застрелить меня, мягко говоря, трудновато.

Сидящий рядышком Ключник при этих Свароговых словах напрягся – это было заметно даже по его профилю. Ага, вот почему Ольшанский посадил его рядом: чтобы пресек в случае чего. Да и в самом деле было, ох было с чего напрягаться хозяйскому цепному псу.

– Нет, несколько не боюсь, – твердо сказал Ольшанский. – И могу объяс-

нить почему. Коля, ну-ка прижмись к обочине!

Водитель молчаливо выполнил приказ: свернул к тротуару, остановил машину. Так получилось, что они припарковались возле драмтеатра, аккуратно напротив афиши, где анонсировалась пьеса некоего Айгера Шьюбаша «Последний день Помпеи».

А что, очень даже символично...

– Ключник, дай мне купюру, – приказал Ольшанский.

– Какую, Сергей Александрович? – обернулся Ключник. Сварог отметил, что нелюбимое прозвище из уст начальника означенный Ключник сносит вполне.

– Любую, – нетерпеливо бросил олигарх.

Ключник запустил руку в карман, покопался там, выудил зеленоватого цвета бумажный прямоугольник, передал его шефу. Десятка, краем глаза разглядел Сварог. Конечно, он еще не стал экспертом по части того, что и почему в нынешнее, прямо скажем – странное время, но приблизительное представление о ценах уже составил, уже представлял, что червонец ныне купюра значимости невеликой. Значит, или Ключнику так уже повезло наугад вытянуть десятку, или Ключник скуповат по жизни. Ежели второе – хорошо. К скупому за всегда проще ключик подобрать. Это так, заметка на будущее, на всякий, как говорится, случай непредвиденных раскладов. Ключик для Ключника, каламбур, однако...

– Вот так, – Ольшанский недрогнувшими пальцами порвал купюру пополам. Половину протянул Сварогу. Сварог ее взял.

– Вот почему мы друг другу нужны. У вас одна половина Знания. У меня другая. По отдельности эти бумажки ничего не стоят. Так же по отдельности ничего не стоят наши части Знания.. (Сварог не сомневался, что слово «Знание» Ольшанский именно так и произносит – с заглавной буквы, вкладывая в него некий особый смысл). Если мы не соединим наши половины, то и останемся с бесполезными бумажками на руках.

Сварог на всякий случай глубокомысленно промолчал. А потом спросил:

– Почему вы решили, что вторая половина... Знания у меня?

Ольшанский полез в нагрудный карман рубашки, достал сигареты. Признался:

– Ведь бросил. Год не курил. Сегодня разговелся. Но сегодня можно.

– А что, сегодня постный день? – с легкой подначкой спросил Сварог.

– Вот что определено точно – день сегодня особенный.

Ключник перегнулся через Сварога, поднес зажигалку к сигарете шефа, дал прикурить. Выпустив ароматную струю, Ольшанский сказал с усмешкой:

– Надо сказать, для английско-подданного вы прекрасно владеете великим и могучим. Наверное, скажете, что выучили на курсах? Под гипнозом?

Сварог равнодушно пожал плечами.

– Увы. Я никакой не Беркли. И в аэропорту я не был. Вы принимаете меня за кого-то другого.

Ольшанский внимательно посмотрел на него – наверное, именно так он смотрит на какого-нибудь заместителя, который явился с докладом, что, мол, котировки акций по совершенно неизвестной причине упали на десять пунктов. Шумно выдохнул и потер лицо ладонями. Сказал:

– Ладно. Давайте, черт возьми, с самого начала. С представления, с имен. С

того, с чего начинают нормальные люди, к коим мы, понятно, не относимся, иначе не сидели бы здесь, а шли бы сейчас там, – Ольшанский махнул рукой с сигаретой в сторону улицы, роняя пепел на пол и себе на джинсы. – Шли бы, размахивая полиэтиленовыми пакетами с пивом, чтобы выжрать его перед телеящиком под болтовню дуры-жены о сериалах... Впрочем, вернемся к именам. Мое вы знаете. Теперь позвольте узнать ваше? Коли уж вы настаиваете, что никакой вы не мистер Беркли...

– А когда это я называл себя мистером Беркли? – ответил Сварог вопрос на вопрос.

– Не мне, не мне! Но на таможне вы предъявляли паспорт на имя Чарльза Беркли. Прибыли вы из Конго. Ну не напрямую, конечно, а через Москву, что, впрочем, неважно...

Ого! Значит, второй Сварог оказался в Конго? Так его, болезного, не фиг демонам по цивилизованным местам разгуливать...

Хотя... Кто из них настоящий бес – это, знаете ли, еще ба-альшой вопрос...

Ольшанский между тем выдвинул вмонтированную между передними креслами пепельницу и размочалил о ее дно окурочек. «Ага, нервничает, – отметил Сварог. – Очень хорошо. Так, глядишь, и проговорится о чем не хотел».

– Вашу мать! – воскликнул Ольшанский. – Я не поленился, сделал запрос... есть кое-какие завязки кое-где. Я сравнил номер паспорта моего хорошего знакомого профессора Беркли, эсквайра, и вашего! Совпадение один в один! Что на это скажете?

«Интересно, – вяло подумал Сварог, – а что сделал с настоящим профессором тот, второй...»

– Скажу то, что уже говорил: мало того, что я не знаю никакого Беркли, мало того, что не прилетал не из какого Конго... я вообще не был в аэропорту ни вчера, ни сегодня, ни неделю назад.

– Ваш двойник?

– Возможно.

– Шутите?

– В моем положении шутки противопоказаны, – очень серьезно сказал Сварог. И добавил: – Особенно в свете грядущего События...

Опа! Это задело, зацепило и заставило олигарха задуматься.

– Так кто же тогда вы такой? – спросил Ольшанский негромко. – И как вы попали на праздник?

– А вам, собственно говоря, какое дело? Я имею в виду – конкретно до меня какое дело? Что вам от меня нужно?

– Правильно, так его, – зло бросила Лана с переднего сиденья. – А то возомнил себя хозяином мира, понимаешь, перед которым все должны трепетать и отчитываться.

– Знаете, в чем ваша ошибка, господин Ольшанский... Или это вы его двойник? А то и родной брат самого Ольшанского?

– Бросьте ерничать, мистер Беркли, – поморщился олигарх. – Вы ничуть не сомневаетесь, что я – именно Ольшанский и именно Сергей Александрович. А вот кто вы... Как минимум вы серьезный про... Нет, не противник, это я неправильно выразился. Вы серьезный человек. И я все больше и больше убеждаюсь, что мы с вами сработаемся, хочется вам того или нет. Ну так в чем моя ошибка?

– Вы почему-то вообразили, что я испугаюсь вас и ваших ореликов, – Сварог кивнул в сторону Ключника. – Видимо, выработавшаяся за последние годы привычка, что все принимают перед вами позу покорности, не так ли? А я могу просто выйти. И увести за собой Лану. И вы, уважаемый... покойничек, ничего не сможете мне сделать. Во-первых, не захотите, элементарно испугаетесь. И чтобы вы там ни говорили, пусть вы приказа не давали, но вы в курсе того, что произошло в «Золотой пади»...

Ольшанский едва слышно хмыкнул.

– Приятно иметь дело с умным человеком... Однако вы же не выскочили на ходу, не выскакиваете сейчас. Значит, вам по меньше мере любопытно: а что я такого знаю, чего не знаете вы?

Сварог кивнул.

– Что правда, то правда. Любопытен я, знаете ли, от природы. Но и скрытен – все от той же природы. И как вы посоветуете преодолеть это противоречие?

– Кажется, я знаю способ, – улыбнулся Ольшанский. – Называется он «откровенность за откровенность». Слово вы, слово я. Поскольку я позвал вас в гости, а не наоборот, то и начинать мне. Согласны на такой обмен? Ну а дальше уж как получится...

– Попробовать можно, – сказал Сварог, только и ждущий информации.

– Тогда спрашивайте. Что вас интересует в первую очередь?

Сварог поразмыслил и спросил:

– Вы сказали – «к обоюдной выгоде». Упомянули про часть Знания. Ну те-с, так какой выгоды вы ждете от меня, какую часть Знания вы намерены от меня получить?

– Не о том спрашиваешь! – буркнула Лана. – Спроси его, как он убивал всех, включая тебя и меня!

– Еще успею, – пообещал Сварог.

– Ваше право, с чего начинать, – пожал плечами Ольшанский. – Чего я жду от вас? Многого, признаться. Я жду от вас рассказа о том, что случилось с экспедицией профессора Беркли, что ему удалось узнать. И какое вы имеете к этому отношение. А уж имеете непременно. У вас паспорт на имя Беркли, вы прибыли не куда-нибудь, а в Шантарск, оказались не где-нибудь, а на празднике. Ну а на следующий день я встречаю вас у дома Серафима Пака – аккуратно в то время, когда бедняга размазался по асфальту. Таких совпадений не бывает даже в бразильских сериалах.

– Вы не ответили на мой вопрос, господин Ольшанский, – слегка улыбнулся Сварог. Кажется, он поймал нужный тон разговора. – Я спрашивал о другом. Я спрашивал, часть какого Знания вы от меня хотите получить? А вы хитро увильнули от ответа. Так, знаете, у нас разговора не выйдет.

– Хорошо, хорошо, – примирительно сказал Ольшанский. – Я просто не успел договорить, а вы уже в бутылку... Меня интересует часть Знания об Аркаиме. О пирамидах. Об Истинной Пирамиде. О Предтечах. В общем, все, что удалось узнать профессору Беркли. Вот что меня интересует. А вас, – Ольшанский ткнул Сварога пальцем в грудь, – не могло в этот город привести ничто другое, кроме как желание добыть недостающую часть Знания. Ага, вижу при слове «Аркаим» у вас загорелись глаза. Однако...

Совсем рядом вдруг заиграла, сначала тихо, но становясь все громче, элек-

тронная музыка. Ольшанский, изогнувшись и пробормотав: «Извините», – запустил руку в карман джинсов, вытащил плоскую коробку, раскрыл, как раскрывают пудреницы и табакерки, приложил к уху. Это что же такое, телефон?

– Да. Где? Сколько? – голос Ольшанского изменился. Сейчас он говорил презрительно-повелительным голосом начальника, беседующего с подчиненным. – А ты? Ясно. Действуй по плану. Понял меня? Хорошо.

Ольшанский захлопнул крышку телефона. Нервно постучал коробкой по колену. Повернул голову, посмотрел на Сварога.

– Из города надо выбираться. Срочно. Очень срочно. Можем попасть в кольцо, прорваться сквозь которое скоро будет весьма затруднительно. Шевчук, сука... Можем продолжить наш разговор за городом.

– За городом, конечно, удобнее, – сказал Сварог. – Особливо ежели кто лелеет задумки нехорошие...

– Да бросьте вы, в самом деле! – скривился Ольшанский. – Чем мне поклясться, что и в мыслях нет от вас избавиться? А вовсе даже наоборот...

– Спелся с ним, да?! – зашипела Лана, поворачиваясь к Сварогу с переднего сиденья. – Сволочь ты. Он же нас чуть не укокошил!

Сварог колебался недолго.

– Ты можешь уходить, – сказал он ровно. И посмотрел на Ольшанского: – Она может уйти?

– Да ради бога, кто ж ее держит! – ухмыльнулся олигарх. – И вы, кстати, тоже можете валить. Хотя, повторяю, это будет ошибкой. Поодиночке ни вы, ни я ничего не добьемся.

Детектор зафиксировал ложь. Что бы это значило?..

– С вами или без вас я покидаю Шантарск, – сказал Ольшанский. – Видите ли, я направляюсь в Аркаим. Прямо сейчас. Потому что время поджидает. Хотите – можете выйти. Хотите – можете ехать со мной. Я не неволю... Послушайте, вы, Беркли-неберкли. Вы что-то хотели узнать у Серафима Пака? Для того к нему и приехали? Так вот: скорее всего я знаю это «что-то». И нам есть чем обменяться. Ну, решайте скорее, времени нет...

Глава третья МИРНЫЕ БЕСЕДЫ ЗА СТОЛИКОМ

Шантарск остался далеко позади.

Дорога тянулась то среди однообразных степных раздолий, то среди тайги. Два джипа, сверкающих никелированными частями экстерьера, на скорости под сто двадцать летели друг за другом по асфальтовой полосе, пугая встречный и попутный автотранспорт. Кортёж из двух машин цвета воронова крыла, с тонированными стеклами, с «мигалкой» на крыше первой машины выглядел весьма внушительно, и, понятное дело, никому из водителей на трассе даже в голову не могло прийти не пропустить их, подрезать или, тем паче, устроить с ними гонки на шоссе. Все заранее сторонились и покорно уступали путь-дорогу. Зато без труда можно было вообразить, какими могучими словесными этажами простые водилы провожали вконец оборзевшие буржуйские лайбы...

Лана молчала. Сидела, привалившись к мягкой боковине переднего сиденья, как-то вся сжавшись, и угрюмо смотрела в окно. Пребывая, похоже, в полном душевном опустошении.

Да и Сварог молчал. Бывает так, что сама по себе дорога завораживает,

особливо ежели мчишь по ней на внушительной скорости. И ехал бы так, казалось, целую вечность: позади старые неприятности и странности, впереди – новые, торопить которые нет ни смысла, ни охоты, а за окном тянется, сливаясь в смазанные серо-зеленые полосы, сибирский ландшафт. И не хочется не то что разговаривать, а и думать ни о чем не хочется, и уж тем более что-то там прокачивать и анализировать. В чем тут причина – неизвестно, возможно, что-то сродни гипнотическому трансу, когда пациента усыпляют, монотонно раскачивая перед ним на цепочке какой-нибудь медальон...

– Куда все же едем, командир? – повернув голову, выдавил из себя вопрос Сварог. – И скоро ли остановка?

Вопрос этот он задавал во второй раз. На раз первый олигарх шантарского разлива сказал: мол, потерпите, салон автомобиля – не самое лучшее место для душевных бесед, «скоро будет вам подходящая точка...» Но на этот раз Ольшанский удостоил Сварога более развернутого ответа:

– Вообще-то, мы едем в Старовск. Слышали про такой город Солнца?

– Сознаюсь в своей серости, не слышал. Сколько до него еще... и что мы там забыли?

– А град сей примечателен тем, что является последним форпостом цивилизации на этом направлении. Дальше – только безбрежная тайга аж до самой до границы с инородцами сволочного китайского роду-племени. Более ничем этот Старовск не примечателен. А вот что мы там забыли... По большому счету – ничего. А по малому... Кое-что заберем, кое-кто к нам должен присоединиться, малость отдохнем и двинем дальше.

– «Кое-что», «кое-кто»... Что-что, а туман ты всегда любил напускать! – уже значительно спокойнее заговорила Лана. – Я так и не услышала: какого хрена тебе надо было расстреливать праздник? Время ему выиграть надо было, надо же!..

Ольшанский повернулся к Лане. Хмыкнул, тряхнув седой шевелюрой.

– Оказывается, малыш, когда ты суровым голосом задаешь лобовые вопросы, ты чудо как хороша. Тебе бы, наверное, очень пошел прокурорский мундирчик...

– Да иди ты на хрен, тварь! – опять сорвалась Лана на крик. – И хватит называть меня «малыш»!

– Далеко ли мы продвинемся, если будем пререкаться из-за отдельных слов? – Ольшанский говорил нарочито медленно. – Впрочем, твоего душевного спокойствия ради, я, так и быть, не стану называть тебя «малыш», стану звать «радость моя». Так лучше? Ага! – Ольшанский наклонился вперед, что-то высматривая за лобовым стеклом. – Ну вот и обещанная остановка, голуби мои! Готовьтесь к выходу...

Придорожное кафе называлось «Руслан», о чем сообщала деревянная, стилизованная под нечто русское народное вывеска. Однако на резное деревянное крыльцо встречать гостей выскочил отнюдь не светловолосый русак в поддевке и картузе, а откровенно кавказский человек, смуглолицый и усатый. В его излишне суетных движениях и бегающем взгляде угадывался страх – машины к его заведению свернули уж больно непростые, поди догадайся, кто там за тонированными стеклами и чего можно от них ждать.

Ключник выскочил первым, открыл переднюю дверцу, помог выбраться

Лане, потом выпустил шефа. Сварогу же ни одна сволочь не помогала, пришлось все сполнять самотужки. Блин, ну никакого почтения королевскому званию...

Ольшанский смачно потянулся, щурясь на солнце. Огляделся, на миг задержав взгляд на стоянке, где сейчас находились две большегрузные фуры и неприметный «жигуль». Чуть повернул голову в сторону замершего в напряженном ожидании кавказца.

Еще раньше хозяина на волю выбрались добры молодцы охранники из второго джипа, голов числом в три. Автоматы на их плечах не висели, однако от внимательного взгляда не могли укрыться характерные очертания под рубашками навыпуск. Водители джипов остались за баранками.

– Здорово, уважаемый! – обратился к трактирщику Ольшанский. – Звать тебя, небось, Руслан, и ты – хозяин этой ресторации?

– Хозяин, да, – часто закивал кавказец. – Я – Ахмет. А Руслан – брат мой. Его хотите видеть? Позвать?

– Вот что, Ахмет, – по-барски сообщил Ольшанский. – Давай-ка с тобой посчитаем. Так, так, – он деловито прошелся по скрипучим половицам крыльца. – Домик из бревен, вагонкой и сайдингом не обшитый, лишь крашеный. Ну, предположим, внутри имеется евроремонт, проверять идти лень... Та-ак, значит, что еще? Сараяшка с дровами, совсем копеечная беседка, хозблок с каким-то барахлом... А, от нее идет провод к дому! Значит, там стоит дизельный генератор. Приплюсуем и генератор. Ну, еще так и быть учтем всякую дребедень типа микроволновок, содержимого бара, запаса продуктов и даже... малэнкий маралный ущэрб, да? Короче, земля... Двести тысяч зеленых долларов будет за глаза и за уши. Устроит тебя, Ахмет, такая сумма за твой «Шашлык-дональдс»?

– Все сделаем в лучшем виде, – с языка не на шутку перепуганного множасьимися непонятками кавказца, видимо, слетела заготовленная стандартная фраза. – Шашлыки пальчики оближешь, дорогой...

– Значит, так, Ахмет, – Ольшанский шагнул на крыльцо и покровительственно опустил руку на плечо кавказцу. – Деньги получишь прямо сейчас. Потом сообразишь нам покушать. Шашлычки, чую, уже готовы, – Ольшанский шумно втянул носом воздух. – Ах, как люблю этот запах! Не из собачатины? Шучу, шучу... Накроешь вон там. – Ольшанский кивнул на отдельно стоящую беседку. – Принесешь все свое самое лучшее и свежее. И тут же, Ахмет, уезжаешь отсюда навсегда. Я покупаю твое заведение. За двести тысяч баксов. Ключник, выдай нашему другу и деловому партнеру обговоренную сумму. А заодно распорядись насчет перекусить.

И не дожидаясь вопросов и возражений, оставив кавказца на своих подчиненных, Ольшанский направился к беседке. Сварог и Лана последовали за ним. Олигарх зашел в беседку и с выдохом «фу-у-у» устало плюхнулся на лавку, будто только что пробежал стометровку, а не перебрался сюда с мягкого сиденья внедорожника.

– Мы перестали спешить? – Сварог занял место за дощатым столом напротив олигарха.

– Пока да, – сказал Ольшанский. – Задерживаться в городе дольше было чрезвычайно опасно. Счет шел уже на минуты. Эта сучка Даша могла крепко сесть нам на хвост. Нюх у нее, как у ищейки... Но мы вроде вырвались. Сейчас

же спешку можно померить. Потому как мы идем даже с некоторым опережением графика... А кроме того, нам надо обговорить детали, выяснить позиции друг друга и определить расклад сил.

Олигарх посмотрел на часы (даже полный лох, совсем не разбирающийся в наручных часах, сразу бы понял, что за изделие, украшающее запястье Ольшанского, можно купить не один придорожный «Руслан») и сообщил:

– Мы опережаем график ровно на час. Этот час предлагаю провести в моем собственном заведении общепита. Всегда хотел попробовать себя в ресторанном бизнесе. Мечта идиота наконец сбылась.

Сварог задумчиво смотрел в сторону.

Что-то не клеилось.

Вот хоть убейте – не клеилось, и все! За двести тысяч долларов купить плеую придорожную забегаловку? Даже если доллар тут вообще ничего не стоит – достаточно посмотреть на рожу Ахмета и понять: такая покупка не лезет ни в какие ворота. Нет, некая сумасшедшинка в глазах Ольшанского определенно присутствует, это к бабке не ходи, но не до такой же степени... словно человек обналичил все свои чеки и кредитки и теперь сорит кэшем направо и налево. Словно завтра Конец света и деньги уже вообще никому не понадобятся.

О, Ключник как раз таки передает пачки зеленых фантиков кавказскому человеку Ахмету. Достает прихваченные банковской оберткой параллелепипедики из спортивной сумки, лежавшей сверху в битком набитом багажнике. (А что ж там еще такого интересного, в багажнике-то, что бабки валяются на самом верху?..) Ахмет рассовывает деньги по карманам, судорожно, с остановившимися глазами пихает за пазуху. Не приходится сомневаться: хлопцы Ольшанского быстро и доходчиво растолковали кавказцу, что принять предложение этого большого человека во всех смыслах гораздо выгоднее, чем гордо отвергнуть.

– Денежек не жалко? – Лана вытащила из пластикового стакана бумажную салфетку, обмахнула ею лавку и только потом села. Села рядом со Сварогом. – Ну, положим, скупым ты никогда не был, но и гусарства за тобой не замечалось.

– Просто сегодня особенный день, – весело сообщил Ольшанский, выкладывая на стол пачку сигарет и зажигалку в серебряном корпусе с крупным зеленоватым бриллиантом посередине. Рядом с пепельницей в виде тарелочки из алюминиевой фольги зажигалка смотрелась, как алмаз на помойке. – Последний день старой жизни, друзья мои, – сказал он торжественно. – Не то чтоб завтра не наступило никогда, но... Но завтра все будет по-другому. Прежние цели, старые фетиши – вся эта мелочь и суета враз сделается смешной и глупой, как... смешны нам сейчас конфетные фантики, которые в детстве представлялись величайшей ценностью. Завтра над всем сегодняшним мы станем смеяться. И деньги, эти зеленые бумажки, завтра станут тем, чем они и есть на самом деле – нарезанной на куски цветной бумагой...

– Ты не ответил на мой вопрос, – не спрашивая разрешения, на правах хозяйки (пусть и донельзя разозленной) Лана вытряхнула из пачки Ольшанского сигарету, прикурила от брильянтовой зажигалки. – Расстрел – это твоя работа?

Олигарх откинулся назад, разбросал руки по ограде беседки. Широко, от-

крыто улыбнулся – так улыбаются только честнейшие из людей, добившись правды.

– Я ж уже говорил! Моя работа, только моя и ничья больше. Завтра наступит особенный день, друзья мои. Отпал всяческий смысл что-то друг от друга скрывать. Потому я и не стану отрицать, что это моих рук дело. Вернее, моего ума: руки были не мои. Грешен, – Ольшанский скорчил виноватую гримасу и изобразил шутовской поклон.

– И зачем тебе это понадобилось? – Лана, сделав всего несколько затяжек, растерла окурок о дно алюминиевой тарелки. – Выхода другого у него, понимаете ли, не было, времени не было, понимаете ли... Просто захотелось превратить наш городок в Чикаго? Дон Ольшанский, блин...

– Поверь мне, ты вообще ничего не понимаешь. Ничегошеньки.

Лана не затушила окурок как следует, он продолжал дымить, Ольшанский спокойно послунял палец и загасил его.

– Прежде всего, ты не знаешь размаха игры. А размах, я тебе скажу... – олигарх тряхнул седовласой гривой, покрутил головой. – Когда игра идет на такие ставки, правила у игры могут быть только одни: самые древние правила, по которым не может быть иных итогов, кроме победы или поражения. Никаких промежуточных состояний не признается. Вряд ли ты поймешь меня, малыш, если сама никогда не поднималась до таких ставок...

– Ну куда уж мне! – презрительно скривилась Лана. – Только все равно никогда не докажешь мне, что была необходимость убивать ни в чем не повинных людей!

– Была бы другая возможность – не убивал бы, – вмиг стал серьезным... очень серьезным Ольшанский. Сделал паузу и тоже закурил. – К сожалению, время поджимало, а ставки, как я уже сказал, слишком велики.

– И что это за ставки, позвольте поинтересоваться бедному страннику? – вклинился Сварог, чтобы прекратить эти выяснения отношений. – Аркаим?

– Ага, он самый, – тут же кивнул Ольшанский. – Территория в двадцать квадратных километров. Или историко-археологический заповедник «Аркаим». Презентация, позволю напомнить, и была посвящена окончанию тендера по приватизации сей территории...

– Каковой тендер вы проиграли, – напомнил Сварог.

– А вы когда-нибудь садились за карты с поездными каталами? Много ли шансов у пассажира выиграть, когда игра идет краплеными картинками, когда их сдают сами каталы? Когда проводники и дежурные менты у них на прикорме, а на подстраховке в тамбуре дежурит парочка амбалов? Вот то-то! Здесь та же самая история с теми же самыми шансами на выигрыш... разве что масштаб иной. И даже при моих, уж поверьте, весьма не слабых возможностях, честно выиграть борьбу было решительно невозможно...

Из кафе вышли двое мужиков в поношенных кожаных «косухах». Один из них держал в руках большую столовую тарелку, накрытую другой такой же тарелкой... Ага, понятно: это шоферы-дальнобойщики, которых культурно попросили закончить свои обеды и топать на выход, но разрешили забрать недоеденное с собой, щедро презентовав и заведенческую посуду. Вслед за шоферами из дверей «Руслана» выскользнули две черноволосые женщины с подносами. Почти бегом направились к беседке.

– Вам наверняка знакомо излюбленное выражение сегодняшних дней: «Ба-

бло побеждает зло». Или вот еще: «Завалить проблему баблом». В точности соответствует тому, что произошло. – Ольшанский продолжал говорить, не обращая внимания на женщин, что вошли в беседку и теперь расставляли на столе тарелки с какими-то салатиками, бастурмой, лимончиком и икоркой, бутылки, стаканы. – Мои узкоглазые конкуренты баблом завалили все, что можно, и всех, кого надо. И здесь завалили, и в Москве. Этот Чжоу И, чтоб ему в его китайском аду... Словом, однажды я четко осознал, что ссать против ветра – пардон, мадемуазель, – нет ни малейшего смысла...

– О! – сказал Сварог, изображая внезапное озарение и при том намеренно малость переигрывая. – Некто Чжоу И выиграл Аркаим, который вам тоже был жизненно необходим. И тогда вы решили отступить. И выждать. И тем временем подготовить сокрушительный удар?.. Послать вместо Чжоу свой вертолет, но не пассажирский, а боевой?

– Чтоб у китаёз земля под ногами загорелась, – удовлетворенно кивнул Ольшанский. – А вы быстро схватываете суть! Ну да, чтоб все конторы, начиная от ФСБ и заканчивая ГБДД, землю носом рыли, выясняя, какого дьявола Чжоу И понадобилось с собственного вертолета изничтожить толпу ни в чем не повинных людей...

– Ну так а зачем вам нужен был Аркаим? – спросил Сварог.

Ольшанский, сволочь, лишь невинно улыбнулся.

Дальнобойщики тем временем забрались в кабины своих фур. Один, чуть задержавшись на подножке, скользнул взглядом по людям в беседке и, как показалось Сварогу, остановился на Ольшанском. А ведь мог и узнать: сибирский олигарх, по словам Ланы, был фигурой публичной, нередко мелькал в местных новостях. Кстати, и весть о его смерти должна была прогреметь по всей области...

А вот еще раз кстати: чего ж Ольшанский-то стал вдруг вести себя столь неосмотрительно? Приложил недюжинные старания, чтобы его считали навсегда погибшим, и вот на тебе – берет и запросто открывается встречным-поперечным! Мало ли кто кому брякнет: слух мигом разнесется, в прессу попадет. Случайностей и совпадений в жизни хватает. Сварог мог объяснить подобное безрассудство только одним – Ольшанский уверен, что ему уже никто и ничто не сумеет помешать... Так почему молчит об Аркаиме? Если уж Сварог ему, дескать, столь необходим...

– Никак нельзя было допускать, чтобы китайцы добрались до Аркаима, – это Ольшанский сказал, дождавшись, когда обслуживающие женщины отойдут. – Они бы там мигом развернулись. Тогда Аркаим можно было бы считать потерянным навсегда.

– И другого способа не было? Кроме расстрела?

– Ни одного, – убежденно сказал Ольшанский. – Думаете, я не рассмотрел все возможные варианты? Нет. Только акцией можно было отсечь китайцев от Аркаима, хотя бы на время. То время, что необходимо мне... особенно после звонка Серафима Пака. Событие произойдет завтра. Я успею. Они опоздают. Поверьте, был бы другой способ, я выбрал бы его.

– И что это за Событие, вы так и не ответили.

– Разве? А мне казалось, вы и так в курсе... Ну так отвечаю: завтра наступит конец старого мира и родится мир новый, – просто ответил олигарх. – И если роды нового мира буду принимать я, то я обрету такие силу и власть, которые

не снились ни одному богу.

Олигарх взял бутылку коньяка, скептически хмыкнул, мол: «И это у вас лучшее?» – свернул пробку и набулькал себе, Лане и Сварогу граммов по пятьдесят. Именно в такой последовательности.

Значит, конец, вот как. Не больше и не меньше.

Нельзя сказать, что Сварог был удивлен – чего-то подобного он и ожидал. Об этом и говорил ему бес в обличье красотки...

«Вот ведь странно, – Сварог вдруг поймал себя на чудовищной по своей сути мысли. – Я разговариваю с убийцей... С человеком, который сам признал себя убийцей. На его совести не одна человеческая жизнь, я сам видел, что он натворил со своим вертолетом... И это только то, что я видел своими глазами! И тем не менее я спокойно что-то там обсуждаю с ним... Либо я настолько уже зачерствел душой, либо... – и тут опять накатило ненужное: – Либо это демоническая сущность проявляется...»

– А разве китайцев еще как-то можно отсечь? – спросил Сварог, качнув головой и прогоняя лишние мысли. – Контракт-то о перепоручении Аркаима все равно подписан...

– А вы не догадываетесь, в чем дело? – Ольшанский пристально посмотрел в глаза Сварогу. – Время это дает, что ж еще. Выигрыш времени, а значит, победу. Так и вышло, как задумывалось. Шум поднялся до небес. Еще бы ему не подняться, когда в одночасье полег чуть ли не весь шантарский истэблшмент, во всяком случае – то крыло чиновников и бизнесменов, что стояло за вице-губернатором. И вместе с ними смерть жуткую, лютую приняли иностранные гости и, что еще важнее, стратегические инвесторы. А это уже, дорогие мои, означает международный скандал и, самое главное, расследование высшей категории под контролем самой Москвы. Подобное расследование подразумевает, что под подозрением находятся все, невзирая на чины, звания и былые заслуги... – Ольшанский ухмыльнулся. – Ну разве что кроме погибших, включая и убиенного господина Ольшанского. Конечно, контракт никто не отменял и вряд ли намерен пересматривать, но уже объявили, что проходит проверка всех обстоятельств подписания договора и так далее. А сие означает, что никаких китайцев до окончания следствия к Аркаиму не подпустят. Собственно, чего я и добивался. Вернее, добился. Время выиграно. И выиграть-то надо было всего ничего...

Ольшанский выпил коньяк залпом, как водку, скорчил гримасу, которую можно было перевести как: «Хм, думал будет хуже», – подцепил дольку лимона. Закусил.

– Позволю себе глупый вопрос, – сказал Сварог, крутя на столе тупой столовый нож. – А кто погиб вместо вас? Случайностью ваша смерть никак быть не могла, видел своими глазами. Двойник? Или, быть может, имелся родной брат-близнец, которого вы и отправили на тот свет вместо себя?

В голову Сварогу пришла странная мыслишка: «А ведь не составляет труда подвести черту под бурной жизнью олигарха Ольшанского. Обойтись при этом без всякого колдовства... Хоть бы этим тупым ножом. Резко наклониться вперед, одно быстрое движение руки... Бандерлоги Ольшанского дернуться не успеют, как все уже будет кончено. А еще я могу перемахнуть через стол, прихватить олигарха в заложники и начать приказывать его псам: мол, бросить оружие на землю, отойти подальше от машины...»

Почему Ольшанский так в Свароге уверен? Неужели олигарх искренне считает, что желание Сварога узнать что-то там насчет Аркаима гарантирует ему, Ольшанскому, полную безопасность?! А ведь, похоже, так оно и есть, так Ольшанский и думает...

– Родных братьев не имеется, – серьезно сказал Ольшанский, опять же ничуть не кривя душой. – Равно как и сестер. А вам, как я погляжу, непременно надо выставить меня сущим монстром. Ладно, считайте кем хотите... – Ольшанский махнул рукой. – Да, да, с двойником вы в точности все угадали. К слову сказать, двойника я себе подыскал задолго до того, как началась борьба за Аркаим. Еще в то горячее перестроечное времечко, когда сколачивались российские капиталы. Не слышали о Зубкове?

Вопрос был адресован Сварогу, но Ольшанского опередила Лана:

– Алюминиевый магнат, убитый в позапрошлом году во время воровской сходки в недостроенном метро... Ты о нем?

– О нем, чтоб ему черти на том свете угольку подкинули, – кивнул Ольшанский. – В свое время угораздило меня оказаться с ним по разные стороны баррикад... А это для всех было чреватое. Пришлось срочно обзаводиться за бешеные деньги броневиком, дополнительной охраной, двойником... и вообще черт знает чем. Я и на Тибет отправился, когда стало совсем горячо и надо было где-то переждать. Ну а меня здесь все то время успешно изображал двойник. А во второй раз – вчера. С Зубковым кое-как разошлись, и вообще все стало успокаиваться. Но с двойником я не разорвал, приберег человечка, подкармливал его все это время. Вот он и стодился...

– Слушай, Ольшанский! – Лана вдруг резко придвинулась к столу. – А тебе нисколько не жалко всех этих людей, ни сном, ни духом не ведавших об Аркаиме, о тендере, о прочей херне, которая не стоит даже одной человеческой жизни? А скольких ты расстрелял! Я уж о себе не говорю, тут-то как раз мне все ясно... О других. И смотри, как ты говоришь. «Подкармливал», «стодился». О людях, как о мусоре.

Ольшанский поначалу закатил глаза – типа, насколько его достали сумасбродные дурочки, – но потом вдруг шарахнул кулаком по столу изо всех сил, едва не разбросав шашлыки:

– Жалость, говоришь?! Невинные люди? Ну-ну! Где ты там невинных разглядела, дура! Я лично ни одного ягненочка не видел. Тебе перечислить всех поименно, кто там был? Половина – толстожопая чиновничья сволочь, озабоченная только тем, как бы еще где какой кусок отхватить. Другая половина – бизнесмены. Такие же, как я. Из тех, кто пробился наверх и сдружился с властью. А пробивались исключительно по головам. И по трупам. Как и я сам. Там еще присутствовала самая мерзкая из нынешних человеческих разновидностей – сынки. Мы-то хоть зубами свое выгрызали, а эти получили даром и теперь строят из себя наследных принцев! Вот уж кого ни капельки не жалко. Да и вообще, ты же покрутилась в нашем мире, кто там кого хоть когда-нибудь жалел? Сейчас ты скажешь: «А как же женщины?» А точно так же! Хочешь полного душевного и телесного спокойствия, так выбирай себе слесаря, пекаря, токаря или малобюджетного интеллигента. А если хочешь сытно жрать, спать на мягком, одеваться в бутиках от всяких карденов и шастать по границам, то будь готова, дорогуша, что машину с твоим дружком могут взорвать или упокоить с ним рядышком перекрестным огнем из дюжины ав-

томатных стволов. Короче, ни учителей, ни врачей, ни детей, ни монашек на Олегаовой пустоши не было...

– А если б были, хочешь сказать, это бы тебя остановило, – криво усмехнулась Лана.

– Я хочу сказать то, что уже сказал: ставки слишком велики. Когда идет игра по таким ставкам, земля горит на сто верст окрест от эпицентра. Это как падение метеорита. Метеорит ты тоже обвинишь в жестокости?.. Ладно, хватит пустого трепса. И вообще, я заканчиваю до поры с монологами, приступаю к вопросам. Я представился, я рассказал о себе, теперь ваша очередь, мистер Беркли. Или, может, все же назовете вашу настоящую...

Ольшанский резко оборвал фразу, потому что давешние черноволосые женщины принесли подносы, принялись с них сгружать одуряюще аппетитно пахнущие шашлыки, лаваша, зелень, помидорчики, две бутылки французского вина. Открыванием такой бутылки занял себя Сварог, пока женщины раскладывали еду. Он вдруг понял, что дьявольски проголодался. Когда он ел нормально в последний раз? Еще там, на Короне, бутерброды перед Ланиным компьютером не в счет...

– Ну так как все же вас звать и кто вы такой на самом деле? – спросил Ольшанский, когда чужие уши отдалились от стола.

Сварог налил вина Лане, потом себе, взял в руки бокал (дешевенький, с дурацким цветочком на стекле), поболтал вино по стенкам, отпил. Наверное, вино было все же французское, но явно не из элитных сортов. «А может, ты, ваше странствующее величество, просто избалован до невозможности винами из королевских подвалов?»

– Зовите меня Сварог. Просто Сварог. Это фамилия, но меня все так зовут, я привык... – Он деловито принялся стаскивать вилкой куски шашлыка себе на тарелку. – Я так понимаю, все зигзаги моей биографии вам не должны быть интересны. Ну какая, в сущности, разница, где родился, на ком женился, по каким краям мотало. Главное, что на сегодняшний день я – профессиональный искатель Аркаима. Это точка на карте меня крайне интересует... равно как, я понимаю, и вас.

И он положил в рот кусочек мяса. К чести заведения, мясо оказалось превосходным.

В это время двое мужчин (давешний Ахмет и несомненно Руслан, поскольку был столь же черняв и при таких же усах) и невесть откуда взявшийся пацаненок лет десяти торопливо вышли откуда-то из-за кафе и направились к потрепанному «жигулю». Ахмет что-то вполголоса втолковывал брату, экспрессивно размахивая руками, Руслан же в высшей степени задумчиво косился на компанию за столом в беседке. Все трое погрузились в «жигуль» и споро отъехали, взрыкивая пробитым глушителем. Придорожная забегаловка «Руслан» отныне, пусть и без нотариального оформления сделки, перешла в безраздельную собственность олигарха Ольшанского. А кроме того, сейчас тут не осталось кроме них никого, никаких посторонних свидетелей – ну, кроме официанток и, может быть, еще поварихи. Факт сей Сварог просто констатировал, и не более. Объяснений причин, по которым Ольшанскому приспичило за сумасшедшие деньги покупать забегаловку, не прибавилось. Посторонние свидетели всяко бы его не остановили ни перед чем. Тем более превратить свидетелей в потерпевших – дело минутное...

Сварог искоса наблюдал за олигархом и только сейчас сообразил, кого Ольшанский ему напоминает. Именно такое выражение лица было у тех салаг, которым предстояло впервые прыгнуть с парашютом. Ожидание, восторг, ужас перед бездной, нетерпение – и все это под плохонькой маской спокойствия: мол, мне на эти прыжки положить с прибором, я самый смелый.

– Ну допустим, господин... Сварог, – сказал Ольшанский, вновь наливая себе коньяка, а к мясу пока не притрагиваясь. – Не хотите выкладывать факты вашей несомненно бурной биографии – не настаиваю. Тогда расскажите мне про Африку и про Беркли.

– Жаль, что вы не умеете отличать правду от лжи, Сергей Александрович, – вздохнул Сварог, запив шашлык вином из бокала. – А никаким клятвам, я так понимаю, вы все равно не поверите. В противном случае я бы поклялся вам хоть на Библии, хоть на томике Карла Маркса, что имя Беркли впервые услышал от вас, что не из какой Африки я не прилетал и ни через какую таможню не проходил...

Ольшанский забарабанил пальцами по столешнице.

– Вы не совсем правы, милейший Сварог, в большинстве случаев я как раз таки вижу, когда человек врет, иначе грош цена мне бы была как деловому человеку... И отчего-то сейчас мне кажется, что вы говорите правду. Признаться, сам не понимаю, почему мне так кажется. Ну, допустим. Предположим. В конце концов, у меня был двойник, и я не вижу причин, почему бы и вам не иметь двойника. Хорошо... – Он маханул коньяк залпом. И закусывать не стал. – Хотя и странно. Я всегда полагал, что умею разбираться в людях. А вас я, откровенно говоря, раскусить не могу.

– Не надо меня кусать, – процитировал Сварог, но Ольшанский его не слушал.

– Откровенно говоря, я вас боюсь. Вы ведь не простой человек, да? Я знаю, можете не отвечать. Как вы оказались без приглашения на Олеговой пустоши, да еще в лакейском наряде? Как изничтожили до зубов вооруженный кордон на шоссе? Как выбрались из коттеджа? И самое главное: кто прилетел в Шантарск под именем Беркли? Ответьте мне на эти вопросы, Сварог. А там видно будет...

Сварог задумчиво посмотрел на олигарха. Момент настает прецедентнейший. Ольшанский – голову на отсечение можно дать – напряженно размышляет, как ему быть с этим типом напротив. На контакт по-хорошему «Сварог» не идет, а по-плохому... Так ведь неизвестно еще, чья возьмет, ежели начать по-плохому. Да и ссориться как-то не с руки ни одной стороне, ни противоположной, обе стороны пока нужны друг другу, это Сварог понимал четко. Но ведь не станешь же рассказывать олигарху про Талар, путешествия между мирами, про бесовское судилище...

Надо было что-то сочинять.

– Вы не простой человек, – напряженно повторил Ольшанский, чувствуя колебания Сварога и наклоняясь вперед. – Откуда-то взявшийся и куда-то исчезнувший меч, неуязвимость, двойники какие-то... И это, я подозреваю, не все ваши возможности, не так ли?

– А если и так?

– Покажите.

В глазах Ольшанского проявилось прямо-таки детское нетерпение.

Ну я тебе, подумал Сварог. И пожал плечами:

– Ежели вы так настаиваете...

Он мысленно произнес нехитрое заклинание и откинулся на деревянную спинку лавки, искренне наслаждаясь зрелищем.

А наслаждаться было чем. Преобразившийся Ключник за его спиной сдавленно, но явственно произнес «ой-ё...», вслед за чем раздался отчетливый звук выдираемого из кобуры ствола, и Сварог каким-то верхним чутьем понял, что его затылок оказался аккурат на продолжении линии «глаз – мушка». «Ну-ну, ты пальни еще, соколик...» Остальные преобразившиеся охраннички, грош им цена, впали в состояние ступора, обалдело глядя друг на друга и за волыны пока не хватаясь, потому как не видели вокруг конкретной цели. Точнее, целей стало слишком много.

Преобразившийся же Ольшанский выступил более эмоционально: он вскочил, резким взмахом руки сбив наземь шампур с мясом, отшатнулся, как от привидения, уперся спиной в непрочную оградку беседки. Не менее (и, что характерно, не более) преобразившаяся Лана переводила остекленелый взгляд с одного одинакового лица на другое. Потом малость собралась – перекрестилась и вполголоса матернулась, но с места не сдвинулась. А Сварог едва не расхохотался, глядя на обалделые лица присутствующих. Да и не только на лица, но и на фигуры, на одежду...

И как тут было выдержанному господину Ольшанскому сдерживать эмоции, когда и лица окружающих олигарха людей, и фигуры, и одежда – всё, в общем, до последнего штришка в мгновение ока изменилось, и теперича его, господина Ольшанского, окружали шестеро одинаковых Сварогов. (Сам он тоже, кстати говоря, превратился в Сварога, но покамест сего прискорбного факта не заметил.)

Да, отсталый мирок. Никто не знает элементарного заклинания, посредством которого возможно нацепить на любого из присутствующих против его воли любую личину. Вот настоящий Сварог и решил в качестве наглядной демонстрации нацепить на всех личину собственную. Так что теперь в беседке при кафешке под названием «Руслан» размещались аж семеро Сварогов. Трое за столиком, четверо по периметру. Было от чего впасть в небольшое, мягко говоря, замешательство...

– Это... гипноз? – хрипло спросил Сварог-Ольшанский, придя в себя и разглядывая шестерых Сварогов.

А Ключник, умница, даром что убивец, негромко и очень ровно произнес, поводя стволом с одного Сварога на другого, на третьего:

– Сергей Александрович, я знаю, кто из вас... из них...

Ну да, элементарно: ведь все остались на своих местах, лишь преобразились, стало быть, и виновник сего маскарада сидит себе преспокойно на своей лавочке. «Эх, что-то многовато Сварогов развелось в последнее время...»

Но Ольшанский уже взял себя в руки, громко сказал:

– От-т-ставить. Я тоже знаю.

Он сел на место, брезгливо посмотрел на запачканную кетчупом спортивную форму и поднял глаза на Сварога-настоящего. Сказал сдавленно, но очень искренне:

– Убедительно. Весьма впечатляет, признаюсь. Не знаю, как вы это делаете, но... Лучше давайте вернемся к... прежним обликам. Не ровен час, бойцы нач-

нут пальбу...

– О, у ваших еще и оружие есть? – весело изумился Сварог, но заклинание все же снял – а то в самом деле пальбу устроят, еще заденут кого-нибудь с перепугу. Или официанточка, выглянув и узрев подобную картину, скоренько съедет с умишка. Спортивная форма на Ольшанском вновь превратилась в клетчатую рубашку, а вот пятно от кетчупа никуда не делось, так и осталось. – Или, боярин, желаете окончательно убедиться насчет моей пуленепробиваемости? Желаете пострелять, ваше благородие? Или вам недостаточно отчетов о других стрельбах? Олегова пустошь, допустим. Или инцидент с гаишниками. Или нападение на дом Ланы... Попробуйте, попробуйте. Ай-ай, шашлычок-то остывает...

И он, несомненно рисуясь и делая это совершенно сознательно, впился зубами в сочное мясо. Остальные застыли, прямо по Гоголю, в немой сцене. Шашлычок, вопреки ожиданиям, оказался недурственным, мясо было промариновано неплохо, разве что некоторые куски чуть сыроваты, но оно и понятно – некогда было бывшему хозяину придорожного общепита прожаривать его до полной готовности.

Ольшанский смотрел на него хмуро. Лана же сидела, распахнувши рот и вытаращив глазищи.

– Кто вы такой? – чуть погодя спросил олигарх напрямик. Достал салфетку из стаканчика и принялся пятно оттирать.

– Человек божий, обшит кожей, как говаривали в стародавние времена... – беспечно ответил Сварог с набитым ртом. – Но, насколько я помню, вы обещали начать первым – вроде как на правах хозяина.

Еще одна многозначительная пауза.

– И что вы желаете знать?

– Душа моя, – проникновенно сказал Сварог, тщательно прожевав и проглотив мясо, – я многое желаю знать. Например, решается ли теорема Ферма и есть ли жизнь на Марсе. Но в данный конкретный момент меня интересует только одно: какого ляда лично вам нужно от Аркаима и от меня. Кажется, это именно вы любезно пригласили меня прокатиться и поговорить? Вот и начинайте, хватит уже вопросов. Устал я.

Над столом повисла гнетущая тишина.

– Ладно, – наконец сдался Ольшанский, бросая салфетку в пепельницу, – ваша взяла. У меня цейтнот, у вас, кажется, тоже, хоть вы и... ну, неважно. Итак. Давайте все сначала. С какого момента вы желаете начать?

– Если можно, с самого начала и начистоту, – вежливо сказал Сварог. И добавил: – Раз уж пошла такая пьянка... то давайте начнем с Аркаима и вашего к нему немалого интереса.

– Аркаим... – Ольшанский словно покатал это название во рту, пробуя на вкус. – Что ж, я готов открыть карты. Но история моего интереса к нему – это долгая история, так что наберитесь терпения, мон шер...

Глава четвертая ДВЕ БИОГРАФИИ

Ольшанский сграбастал бутылку коньяка и – опа! – запрокинув голову, принялся пить прямо из горла, словно он не олигарх никакой, а заурядный российский алкаш. Хотя, конечно, алкаши предпочитают употреблять внутрь чего-нибудь попроще и, главное, подешевше, но в остальном совпадение пол-

ное. Многоградусную жидкость Ольшанский пил жадно, пил как воду и выдул, не отрываясь, примерно треть бутылки, а то и поболее. Наконец остановившись, утер рот тыльной стороной ладони, сильно выдохнул и следом шумно втянул в себя воздух.

Судя по тому, как Лана взирала на это действие, ничего необычного для себя она не увидела. Похоже, водилась за олигархом привычка заливать жизненные сложности и стрессовые ситуации крепкими спиртными напитками.

– Я всегда говорил: в этом мире нет места случайностям, все предопределено, все, – произнес Ольшанский, расстегнув несколько пуговиц рубашки и откинувшись спиной на ограду беседки. Поднял палец. – А сначала, как оно и положено, было Слово. И Слово то было явлено в Книге...

Ольшанский взял с продолговатой металлической тарелки шампур с нанизанным на него жареным мясом, повертел задумчиво, положил на место, не притронувшись. Посмотрел на часы. А вообще-то, олигарха слегка забрало от коньяка – появилась некоторая дерганость в движениях и легкая замутненность во взгляде.

– Время у нас еще есть, – сказал Ольшанский. – Кстати, знаете, как называлась та книга? «Дорога в Атлантиду», вот как она называлась...

...Книгу он обнаружил на общественном чердаке того дома, в котором появился на свет и в котором прожил с родителями до получения аттестата зрелости. Такие дома принято было называть домами барачного типа – двухэтажная деревянная уродина, наспех сколоченная в послевоенные годы. Правда, строителям не ставилась тогда задача возводить всенепременно шедевры деревянного зодчества и строить не меньше, чем на века. Задача была иной – склепать временное жилье для тех, кто по комсомольским путевкам или по доброй воле приехал возводить Шантарскую ГЭС.

Временное, как водится, превратилось в вечное (между прочим, некоторые из такого рода бараков и по сию пору украшают рабочие окраины многих городов вообще и Шантарска в частности, и люди в них еще как-то умудряются жить).

– Прошу заметить, у меня было счастливое детство, несмотря на всю убогость и неустроенность быта. Сейчас вспоминаю, как мы ютились втроем в одной комнатухе, какая слышимость была в бараке, как перед зимой конопатили все щели, коим число было мульон... Вспоминаю, что если... М-да, а ведь действительно был счастлив!

Ольшанский вновь приложился к бутылке, но на сей раз ограничился одним глотком. Затем все же стянул с шампура кусок мяса, забросил его в рот. Прожевав, продолжил:

– В общем, и ослу понятно, что все мало-мальски ненужные вещи не хранили в комнатах, где и без того было не развернуться, а либо выкидывали на улицу, либо волокли на чердак. Чердак был любимым детским местом, хоть взрослые и гоняли нас оттуда, справедливо опасаясь пожаров. Эдакий романтический мир отверженных вещей...

Кто отнес на чердак ту книгу, мальчик Сережа Ольшанский так и не выяснил. Да и не пытался выяснить, поскольку всерьез опасался, что объявившийся хозяин вдруг возьмет и отберет у него книгу.

Это было дореволюционное издание с «ерами» и «ятями», со всякими там

«жуткого облика» и «страшные истории», с черно-белыми гравюрами. Книга слегка обгорела по краю, побывав в неведомых передрыгах, обложка отсутствовала, как и добрая четверть страниц. Хорошо хоть автор и название были пропечатаны сверху на некоторых из страниц: Пашутин И. Г. «Дорога в Атлантиду»...

Много лет спустя Ольшанский навел справки об этом Пашутине И. Г. и его «Дороге в Атлантиду». Между прочим, нелегким делом оказалось. Запросы в обычные общедоступные библиотеки и архивы ничего не дали. И пришлось задействовать чудотворящую силу больших денег, которая сбоев, как правило, не дает и к результату рано или поздно приводит. Вот и на этот раз брошенные на проблему ученые мужи, которых никто не ограничивал в средствах, расстарались со всем мыслимым усердием и где-то раздобыли-таки интересующие олигарха сведения.

Выяснилось, что книга была издана автором за свой счет в 1907 году в Санкт-Петербурге, в небольшом, никому не известном издательстве «Золотой грифон» (кстати, так и не ставшем большим и известным, а благополучно перекупленном вскоре успешным «т-вом М. О. Вольфа», где оное издательство и растворилось), и напечатано сей книги было всего сто экземпляров. По всей видимости, автор и не предполагал продавать свой труд, просто хотел раздать родственникам и друзьям, ну и оставить пару-тройку экземпляров для семейного архива – вдруг удастся заразить своим энтузиазмом кого-нибудь из детей или внуков с правнуками, вдруг кто-то из них возьмет да и продолжит дело отца...

Вполне возможно, так бы оно и было, и продолжил бы кто-то, и пошел бы по стопам, и завершил бы начатое – да на беду грянули годы сурового российского лихолетья. Первая мировая война, затем Февральская революция, а после и Октябрьская. Тут уж стало не до мифических дорог в Атлантиду, тут элементарно жизнь свою спасать надо было. И так уж вышло, что не спасли – у Ильи Григорьевича было трое детей, и ни один из них не пережил революционных бурь семнадцатого года.

Где-то на пыльных дорогах исторических эпох затерялись и девяносто девять экземпляров книги «Дороги в Атлантиду». Во всяком случае ни в одной библиотеке книгу обнаружить не удалось, в известных частных собраниях – тоже. Конечно, сохранялась вероятность того, что где-то в далекой Канаде у потомков эмигрантов первой волны среди снесенного в гараж хлама между самоваром и патефоном пылится еще один экземпляр «Дороги в Атлантиду» и, может быть, рано или поздно он всплывет в каком-нибудь из букинистических магазинов Торонто... Но вероятность сия сугубо теоретическая и грозит таковою остаться. Сто экземпляров – это все же слишком мало для более чем сотни лет и тьмы тьмуцей пронесшихся над страной исторических бурь...

О самом же авторе, то бишь о Пашутине Илье Григорьевиче, выяснить удалось немало, благодаря, в первую очередь, самому же Пашутину, который в «Дороге в Атлантиду» кое-что поведал о своих предках и о себе самом.

– И у этого Пашутина был крайне любопытный дед... Нет, вот не надо этих гримас удивления. Чему я не намерен предаваться в столь горячее время, так это пустопорожней болтовне. Уж поверьте, – Ольшанский налил себе коньяка в водочную рюмку и теперь цедил его неторопливо. – Так вот, предки этого самого Пашутина проживали в Бухтарминской долине, что находится в юго-во-

сточном Алтае, возле границы с Китаем. К слову сказать, недалеко отсюда. По сибирским, конечно, меркам, недалеко...

Туда, еще в екатерининские времена, ушли гонимые никонианской церковью староверы, основали там поселение. Жилось им в Бухтарминской долине спокойно, потому как ненавистная власть «попов-троеперстцев» добраться до них была не в состоянии: уж больно далеко и неудобно добираться. Однако и среди своих товарищей по вере те старообрядцы были если не изгоями, то людьми не вполне обычными. Они принадлежали к раскольничьей секте под названием «бегуны» или «скитальцы». Их религиозное своеобразие заключалось в том, что верили они в Беловодское царство, или, иначе, в Беловодье. Дескать, есть за морями и долами «земля обетованная», где свято блюдут заповеди исконные, где нет зла и распутства, где искоренен грех, за что Бог щедро одаривает обитателей той страны своими милостями. Именно в честь заповедного царства, в существовании которого раскольники-сектанты ни на миг не сомневались, они назвали свое поселение в Бухтарминской долине Беловодьем. Но и поиски настоящего Беловодского царства не забросили.

Каждый год по весне группы паломников отправлялись в «хождение за Беловодьем». Устроить «хождение» для мужчины было делом не обязательным, но крайне почетным, равно как для мусульман – совершить хадж в Мекку. Причем одного желания отправиться в странствие было недостаточно, сперва надо было заслужить это право прилежанием в труде и усердием в вере. Где искать ту страну, никто не знал, поэтому «ходили», в общем-то, куда глаза глядят, «ходили» подолгу, иногда по нескольку лет. Разумеется, из таких странствий возвращались домой не всегда и не все. И такую жизнь обитатели Бухтарминской долины вели почти полтора века...

Семейная легенда гласит, что дед Пашутина по имени Антиох, один из раскольников Бухтарминской долины, тоже «хаживал за Беловодьем». Записок он не вел (быть может, по причине безграмотности), поэтому ничего не известно о том, где он побывал, что видел и что пережил, в каких хоть примерно краях пропадал то ли пять, то ли даже шесть лет. А может, еще и оттого ничего не известно, что не больно-то прадед Антиох делился с кем бы то ни было рассказами о пережитом.

По окончании «хождения за Беловодьем» дед отчего-то не вернулся в Бухтарминскую долину, а пришел в город Бийск, что на востоке Алтая, где осел и зажил вполне обыкновенной жизнью. Занялся кожевенным ремеслом, в чем преуспел, даже забогател, женился, нарожал шестерых детей – короче говоря, стал одним из добропорядочных, зажиточных мещан города Бийска и вроде бы даже начал посещать никонианскую церковь. Одного из его сыновей звали Григорием, и у того, в свою очередь, родился сын, которого нарекли Ильей.

Видимо, Илюша уже в раннем детстве показал себя смышленным и любознательным мальцом – иначе чем объяснить тот факт, что по достижении девятилетнего возраста отец отправил его учиться в далекий Санкт-Петербург? Конечно, гимназии наличествовали и поближе, и обучение в них стоило подешевле, но отец захотел дать сыну самое лучшее образование из возможного и средств на это жалеть был не намерен.

Перед самым отъездом Илюша был отведен попрощаться с дедом Антиохом, который в то время уже не выходил из своей комнаты и почти не

вставал с кровати. Дед выгнал из своей комнаты всех, кроме Илюши (надо сказать, что до последних минут авторитет у деда в семье был непререкаемый, домочадцы слушались его, как новобранцы грозного сержанта), показал пальцем, чтобы внук придвинул стул поближе к кровати. И заговорил тихо, почти шепотом:

– Запомни мои слова. Хорошенько запомни. Как стих заучи. И повторяй их всегда про себя – сперва молитву божью скажи, потом мои слова. – Голос деда сделался еще тише: – Страна небесных лам на самом востоке – там найдешь ответы. Истинная Пирамида – там ключ к замочной скважине. И слово главное запомни: Аркаим. Аркаим и есть Беловодье, место, где царства и земное, и небесное сходятся. Где один раз в много столетий решается судьба мира. Где ты сам можешь стать судьей... Запомнил?

Илюша кивнул.

– Ты смысленый, ты не забудешь.

Илюша всегда боялся деда (и не случайно тот навсегда запечатлелся у него в памяти эдаким грозовым библейским старцем: лохматая борода, гневно сдвинутые брови, пальцы сжимают березовый посох, которым он громко лупит об пол). Но в тот момент, если умом не понимая, то чувствуя, что видит деда в последний раз, решился задать ему вопрос:

– Дедушка, а когда вы за Беловодьем ходили, то что видели?

И внутренне сжался, ожидая, что дед накричит на него. Но тот не накричал.

– Лучше бы и не видел того, что видел, – вздохнув, прошептал дед. – Но я ошибся. И теперь за это расплачиваюсь. А хуже нет, чем ошибиться – и не сумею исправить ошибку. Но ты не ошибешься. Ты все сделаешь правильно. Когда настанет час Вращающегося воздуха, ты все поймешь. И успеешь встать в круг света... А теперь ступай, я устал...

Дед умер спустя месяц после отъезда внука в столицу, о чем Илюша узнал из отцовского письма...

– Хочу заметить, – Ольшанский поднял палец, – из этой книги я узнал слово «Аркаим», когда до открытия сего замечательного места оставались годы и годы. Между прочим, я спрашивал у отца, у учителей, у всех, короче, кто казался мне в те пацанские годы умным и образованным, что такое Аркаим. Никто ничего не знал. Отродясь, говорили, такого слова не слышали. Вот так-то. Ну ладно, вернемся к жизнеописанию автора «Дороги в Атлантиду»...

Илья Григорьевич Пашутин поступил в столичную классическую гимназию, через положенные восемь лет закончил ее и, продолжая получать денежную помощь от отца, стал студентом Петербургского университета по Географическому факультету.

Понятное дело, дедовские слова он как «Отче наш» не повторял, довольно было и того, что он просто помнил их и забыть никак не мог. И уж те ли слова виноваты, или просто так само оно сложилось, но как раз в студенческие годы Илья серьезно заинтересовался буддизмом, Дальним Востоком, астрофизикой и популярным в те годы социокосмизмом. Сей интерес привел его в Русское Общество Любителей Мироведения, общественной организации, чьей задачей являлось объединение людей, увлеченных естествознанием и физико-математическими науками. Он прилежно посещал проводимые обществом семина-

ры, собственную обсерваторию общества, знакомился со множеством самых разных людей, а вскоре как-то незаметно, незаметно – и сам стал одним из самых заметных людей этого общества, на лекции которого ходили слушатели. Он съездил с экспедицией в калмыцкие степи, съездил на Алтай, в ту самую Бухтарминскую долину, где еще жили раскольники, помнившие его деда, побывал в Поморье.

И по материалам экспедиций, множества прочитанных по интересовавшей его теме книг, по материалам бесед с учеными людьми и с людьми, зачастую безграмотными, но знающими, в девятьсот седьмом году Илья Григорьевич Пашутин написал книгу «Дорога в Атлантиду», чудом сохранившийся экземпляр которой попал в руки Ольшанского...

Ольшанский помолчал, задумчиво посмотрел на коньяк, но решил повременить. И сказал очень серьезно, будто на исповеди, глядя куда-то за спину Сварогу:

– К чему это я так подробно? А вот к чему. Я не сразу, не в детстве, но все же понял, в чем смысл этой преемственности. И сейчас знаю точно: я – прямой духовный наследник Пашутина Ильи Григорьевича. Как тот в свою очередь был духовным наследником своего деда, Антиоха Пашутина. От кого получил Знание сам Антиох, осталось неизвестным. Получил от кого-то в странствиях за Беловодьем, может быть... имею основания считать, что от тибетских лам. Но ясно, что не от своего кровного родственника. Вопрос крови тут даже не второстепенен – его просто нет. Самое главное, что Знание попадает из-би-ратель-но, понятно вам? В случайные руки Знание не попадает и попасть никак не может. Поэтому и уцелел всего один-единственный экземпляр книги. Кому-то это может показаться смешным, но Знание само находит избранных...

По тому, как это было сказано, по быстрому взгляду, который Ольшанский бросил в его сторону, Сварог каким-то непронумерованным чутьем понял, что можно позволить себе в разговоре многое, но ни в коем разе не следует подвергать сомнению вот эту самую богоизбранность господина Ольшанского, в которой он пытается Сварога сейчас убедить. Разом заработаешь личного смертельного врага. А разве нам нужен еще один враг? Да еще такой. Не нужен.

– К слову, когда я из пацана, которому не хватало на мороженое, превратился в человека, способного купить не то, что цех по производству мороженого, а весь молокозавод с потрохами, – даже тогда мне так и не удалось выяснить, какими уж неисповедимыми путями книга попала на чердак нашего барака. Хотя шустрили мои хлопчики по этой теме старательно и прилежно. Но даже большие деньги иногда оказываются бессильны...

– Так что было в той книге помимо рассказа автора о себе самом и о своем деде? – лениво спросила Лана. Видно было, что все происходящее ей категорически не интересно.

Ольшанский все же подлил коньяка себе в рюмку.

– О том, что и Беловодье, и Шамбала, и Атлантида, и Аркаим – это суть одно и то же, а не четыре разных места и наименования. Все, начиная с древнегреческого Платона и, от себя уже добавлю, заканчивая нынешними исследователями и искателями (произнесены эти слова были с нескрываемым пренебрежением) вроде Шмулдаева и иже с ним, искали и ищут одно и то же, называя

это по-разному...

– Вы хотите сказать, что Аркаим... – сказал Сварог задумчиво, – это и есть та самая древняя Атлантида, которую ищут и не могут найти? Что она здесь, в тайге, практически рядом?

– Нет, не совсем так. Вернее, и так, и не так... Тьфу ты! Слушайте, давайте я уж по порядку, а то собьюсь и вы сами ни черта не поймете.

Видимо, чтобы уж точно не сбиться, Ольшанский снова сделал внушительный глоток прямо из горла, забыв про коньяк, уже налитый в рюмку. После чего наставительно произнес:

– Дело ведь даже не в том, что я хочу сказать и что я говорю. Дело в фактах. А факты говорят...

– Что к нам пожаловали гости, – вдруг сказала Лана, и одновременно с ней Ключник позвал негромко:

– Сергей Александрович...

Ольшанский посмотрел на Ключника, потом перевел взгляд на дорогу.

Сварог обернулся.

ИГРОК НОМЕР ОДИН

Глава первая СВАРОГ ИДЕТ ПО СТОПАМ СВАРОГА

...Сварог пощупал голову. Крови не было, но чуть правее затылка набухла громадная шишка, прикосновение к которой болезненно отдавалось по всей голове. Но и без того перед глазами все плыло, стоило излишне резко повернуть голову, и тут же череп прошибала колючая боль. Головную боль он бы сам себе вылечил (или хотя бы ее уменьшил) при помощи простенького заклинания, да вот беда – чтобы произнести заклинание, ему требовалось остаться одному. А одного его не оставляли. И, верно, еще долго не оставят.

А вообще, глупо как-то все получилось. Ох как глупо! И самое главное – неожиданно. И кого винить, не поймешь...

Из аэропорта они доехали до гостиницы – действительно роскошной. Разместились. Сварог надежно припрятал ножик в форме муравья. Потом заказал в номер кое-что перекусить и кое-чем это «кое-что» запить. А после трапезы все трое буквально провалились в сон – утомили троицу приключения и смена часовых поясов... (Причем Н’генга свернулся калачиком возле входной двери: дескать, так привычнее, да и враг не войдет. Сварог не возражал.

Водитель, нанятый вчера, честно уже ждал у входа и за очередную зеленую бумажку повез их на улицу подпольщика Карчика.

Сварог вышел первым, захлопнул дверцу и задумчиво на нее посмотрел. В его время с «шашечками» на борту разъезжали только «Волги», и Сварог пока еще не мог привыкнуть к тому, что по городу раскатывает в качестве таксомоторов автотранспорт самого разнообразного вида и происхождения, а что уж по его мнению было вообще за рамками здравого смысла – многие машины были с правым рулем.

– Сэр, – негромко сказал Гуто за его спиной, – туда посмотрите. Не нравится мне это...

Сварог повернулся.

Возле одного из подъездов нужного дома толпились люди (судя по спортивным штанам, халатам и домашним тапочкам – преимущественно жильцы

этого дома) и что-то оживленно обсуждали. И именно у этого же подъезда наблюдалось раза этак в два больше автомобилей, чем у других подъездов.

– Не нравится мне это сборище, – повторил Гуго, оглядевшись. – А эта колымага желто-синей расцветки с мигалкой на крыше – машина ваших копов? Или как они у вас тут зовутся...

– Зовутся они у нас ментами, это и вправду их машина. И другая машина под названием «рафик» судя по задрипанному виду, из той же конюшни, – сказал Сварог, закуривая. (Обычным, человеческим манером закуривая – еще не хватало посреди Шантарска извлекать из воздуха сигареты, равно как и другие предметы, и высекать из пальца огонь. Как говорится, трудящиеся не поймут). – М-да, симптомчики весьма не обнадеживающие. Что-то у меня дурное предчувствие.

– Святая правда, сэр, – горячо согласился Гуго. – Вы говорили, мы едем навещать одного человека. Забери дьявол мою душу, если не по его поводу этот переполох.

– В твоей жизни не случилось совпадений?

– Чутье, мистер Сварг... Простите, мистер Беркли, сэр. Оно мне подсказывает, что нам сейчас отсюда лучше убраться.

– К чутью надо прислушиваться, это бесспорно, это медицинский факт. Только зачем, как ты советуешь, «убираться отсюда поскорее»? Вовсе нам это ни к чему. Разве мы совершили нечто противозаконное? Или близость копов любой страны включает в тебе рефлекс панического бегства.

– Есть такое дело, – нехотя признался Гуго.

– Не, бояться нам совершенно нечего. Что бы тут ни произошло, мы к этому отношения не имеем. К тому же мы – иностранцы, нас так просто за хвост не ухватишь, мы под защитой заграничных паспортов и консульств с посольствами. А к иностранцам, уж поверь, в нашей стране всегда относились с ничем не объяснимым, прямо-таки – прости за это слово – иррациональным почтением, особенно в городах провинциальных и на иноземцев не богатых. И органы власти в том числе и в первую очередь. Значит, делаем так, Гуго, – Сварог бросил окурок на асфальт, затоптал носком ботинка. – Вам с Пятницей лучше пока постоять в сторонке. Лишнее внимание в любом случае ни к чему, а внимание вы к себе сразу привлечете, вид у вас для здешних мест не вполне, так сказать, соответствующий обстановке. Вон видишь скамеечку под липами. Посидите на ней, семечки погрызите. Если все нормально, я за вами выйду.

– О'кей, сэр.

Пятнице требовалось отдавать приказы напрямую – он слушался только хозяина и, ежели не поступало никаких иных распоряжений, просто тупо следовал за ним, как черная тень.

– Пятница, – Сварог перешел на таларский. – Ждать меня здесь. Понял?

Туземец энергично кивнул. (Между прочим, вполне цивильный белый костюм, рубашка-«гавайка» и кроссовки на толстой подошве сидели на Н'Генге так же, как штатская одежда на редко снимающем форму военном человеке, – приглядевшись, можно было заметить, что человек ощущает себя в этом облачении непривычно и неудобно).

(А насчет семечек Сварогом было сказано отнюдь не в шутку. Еще перед аэропортом Гуго заинтересовался, что это такое черное и рассыпчатое черпа-

ет стаканом в мешке старушка в переднике и что она затем насыпает в свернутый из газеты кулек. Сварог ответил: мол, это есть семечки, «сьемьетцки», их у нас издревле используют вместо вашей жвачки. На ваших западах-де еще жвачку не изобрели в то время, как у нас всю семечки грызли, занимая рот. Гуго осчастливил бабушку покупкой стакана семечек, выслушал инструктаж Сварога по правильному лузганью, попробовал и... как-то сразу пристрастился к этой русской народной забаве. С тех пор он таскал в кармане запас семечек. Не далее как двадцать минут назад в такси Сварог сказал ему: «Еще немного, и ты не сможешь обходиться без балалайки, квасу и удалой езды на тройках с цыганами по бездорожью в не-знаю-куда. А закончишь тем, что спустишь все до копейки и тихо сопьешься где-нибудь под Рязанью». На это Гуго ответил: «Деверо, чтоб ему на том свете досталась сковорода похолоднее, любил повторять, что наш удел – это пуля или нож, а наше счастье – чтобы сразу насмерть. И я с ним согласен».)

Сварог направился к подъезду. Он и не подозревал, что почти один в один повторяет действия Сварога номер два, отбившего отсюда пять минут назад. Откуда ему было знать?

Дурные предчувствия лишь усилились, когда оказалось, что люди толпятся аккуратно у того самого подъезда, в котором и располагалась нужная квартира. Причем в карету «скорой» грузили накрытое брезентом тело, а на асфальте явно темнело малоприятное пятно... Сварог прошел мимо. Донеслось: «...со странностями был...», «зато чтоб пить или в хулиганстве каком...», «книжищ у него полные шкафы, я столько ни в жизнь не видел». Все факты налицо: в доме имело место некое происшествие из числа нерядовых и насквозь криминального характера. Правда, необязательно оно имеет отношение к дедушке Паку. Хотя чутье сигнализировало... Впрочем, бывает, и оно подводит.

Сварог мог бы вступить в беседу с жильцами и ненавязчиво выпросить, что да с кем тут случилось, однако он все же предпочел подняться в квартиру. Даже если что-то произошло с Паком, он может поговорить с его домочадцами. Конечно, они сейчас убиты горем, но он выразит сочувствие, представится профессором Беркли, покажет паспорт, узнает, когда похороны. То-се, слово за слово, немного успокоить, немного магией помочь, вставить фразу про документы и спешку, глядишь, и дадут посмотреть бумаги этого Пака...

По табличке над парадным Сварог установил, что искомая квартира находится на пятом, верхнем, этаже. Поднимаясь, Сварог поймал себя на том, насколько же он отвык от запахов некогда родных подъездов.

На площадке между вторым и третьим этажами курили двое неброско одетых мужиков средних лет. Они сразу замолчали, стоило на лестнице появиться незнакомцу. По цепким взглядам, которыми они мазнули по Сварогу, можно было сделать предположение об их профессии и скорее всего не ошибиться. Поднимаясь выше, Сварог спиной чувствовал их взгляды.

Между четвертым и пятым Сварог решил поглядеть сквозь века2ми немытое общественное окно, что творится на улице. Как раз отсюда отлично была видна лавка под кленами, на которой должны были сидеть, скучая, Пятница и Гуго.

– Бляха-муха! – вырвалось у Сварога.

Гуго ни на лавке, ни поблизости почему-то не было. Зато вместо него там объявились аж три персонажа, которые вмиг вызвали у Сварога беспокой-

ство. Это были трое молодых парней, бритыми головами похожие на новобранцев и одетые по неведомой Сварогу моде – тяжелые, армейского вида ботинки на толстой подошве и с металлическими перетяжками, широкие, стилизованные под камуфляж штаны, черные футболки. Двое сели на лавку по обе стороны от Н'генга, третий встал перед ним, широко расставив ноги и сведя за спиной руки. Двое на лавке, оживленно жестикулируя, по очереди и одновременно что-то говорили чернокожему Пятнице. Третий, что стоял к Сварогу спиной, монотонно, как настольный болванчик, покачивался с пятки на носок.

С каждой секундой ситуация нравилась Сварогу все меньше. В жестах бритоголовых юнцов (а надо сказать, хлопчики были отнюдь не дистрофичной породы, наоборот, откормленные и накачанные) явственно сквозила агрессия – это было заметно даже издали, даже сквозь немытое окно. Чер-рт, все это здорово смахивало на обыкновенную, как это называли в годы Свароговой юности, заводку.

Ну так и есть! Вот один из них толкнул Пятницу в плечо. То же самое сделал второй, с другой стороны. Скучающая местная молодежь, чешущиеся кулаки, бляха! Принесла же нелегкая... Только вот удивительно, что наличие милиции в непосредственной близости ничуть не смущает бритоголовую троицу. А не видеть желто-синий «уазик» они не могут. Уверены, что успеют слить, а милиция преследовать их не станет, потому как ментам сейчас не до каких-то мелких хулиганов?

Да собственно говоря, не в гопниках было дело, а в чернокожем обитателе тропического леса. Пока Пятница ведет себя спокойно, отчасти оттого, что на свое счастье не понимает великого и могучего, на котором к нему обращаются бледнолицые обитатели каменных джунглей. Может быть, и толчки в плечо он принимает за некий ритуал дружелюбия. Да вот только черт его знает, что будет через секунду. Что тому же Пятнице может вдруг показаться. Н'генга – человек джунглей, для него город – незнакомый, полный опасностей мир, и совершенно невозможно предугадать, как он поведет себя, на что и как среагирует предоставленный сам себе... Он сейчас похож на городского белого человека, которого впервые в жизни занесло без проводника в тропический лес и который в этом лесу станет опираться на прежние свои страхи и привычки. Например, шарахнет из револьвера в проползающую мимо змею, потому как любой ползущий гад кажется ему источником смертельной опасности. А убьет он на самом деле (это еще если попадет) какого-нибудь совершенно безобидного полоза тропических широт. Но зато совершенно не обратит внимание на рев ягуара, которым тот предупреждает вторгшегося на его охотничьи угодья чужака: вали, дескать, пока я сыт и добр. Та же история с Пятницей, только знаки надо поменять на противоположные...

Короче, надо бежать вниз. Да где же Гуто, мать его взагреб! Куда он подевался?

Но Сварог никуда не успел убежать. Даже отойти от окна не успел.

– Бля! – вырвалось у Сварога, и он с досады двинул кулаком по стене.

Все случилось за считанные секунды. Стоявший перед Н'генга парень вдруг шагнул вперед, наклонился, расцепил руки за спиной, правую вытянул в сторону Пятницы. Что уж он там сделал своей правой, Сварог увидеть не мог (может быть, взял Н'генга за нос, может быть, потрепал по щеке), зато Сварог уви-

дел последствия содеянного.

Бритоголовый вдруг резко выпрямился, будто его позвоночник прошел разряд тока или ему приказным генеральским ревом в лицо гаркнули «смирна-а»! А из накачанной шеи бритоголового вышло наружу инородное тело – длинное и узкое. Кровь хлынула по шее, потекла ему за шиворот. «Это же щепка от скамьи, – с ужасом понял Сварог. – Я видел, там на нижней доске отставал недоломанный кусок. Твою мать...» Через мгновение бритоголовый рухнул на спину. И взгляду Сварога открылась еще более чудовищная картина: один из парней, сидевших на скамье рядом с чернокожим, сползал сейчас по сиденью вниз, шаря руками по доскам, на его лице вместо глаз темнели два бесформенных пятна, а его вопль проникал сквозь стекло даже на таком расстоянии. А Пятница что-то втаптывал в землю каблуком белых летних ботинок, выбивая пыльное облако. Сварог сразу догадался, что он топчет глаза, которые только что вырвал у бритоголового.

Второй хлопец на скамейке так и не сдвинулся со своего места, хотя по уму должен был бы улепетывать со всех лопаток от эдаких страстей. Но он, как сплошь и рядом бывает в подобных ситуациях с неподготовленными людьми, от шока впал в ступор. Его была крупная дрожь, он бессмысленно таращился на чернокожего паренька, из безобидного и смешного, над которым так славно было потешаться, враз превратившегося в убийцу-маньяка.

Однако когда Пятница поднял голову и посмотрел на него, парень все же нашел в себе силы скинуть оцепенение, вскочил и бросился наутек.

Сварог сперва даже не понял, что такое пронеслось вослед убегающему смазанной белой полосой. И только когда бритоголовый со всего разбега, сбитый с ног, рухнул лицом в землю, а над ним замер с отведенной назад рукой Н'тенга, до Сварога дошло, что это было. Пятница это был, развивший с места немыслимую скорость. Но некогда сейчас было ломать голову над чудесами и пытаться постигнуть, отчего ранее чернокожий друг ничего подобного не показывал. («А не оттого ли, что после встречи с Пирамидой, в нем пробудились какие-то сверхспособности?» – случайным порывом ветра пронеслось в голове).

Легко угадывалось, что сейчас будет: даже сквозь плотно закрытое окно уже доносятся шум и крик во дворе, вот-вот менты рванут брать убийца и станут с ходу палить на поражение без всяких там предупредительных в воздух и прочих обходительных церемоний. И главное, что Пятница спастись бегством не станет, насколько Сварог понимал нехитрую логику его поступков. Он должен дождаться хозяина там, где хозяин его оставил. А уворачиваться от пуля он долго не сможет. Да и станет ли, вот в чем вопрос!

Сварог не колебался ни секунды. Оконная ручка отсутствовала, видимо, кто-то свинтил для личных нужд. Попытка распахнуть фрамугу ни к чему не привела – окно не открывали хрен знает сколько времени и створки чуть ли не срослись с рамой. Ударом ноги Сварог вдребезги разнес окно и выпрыгнул наружу – некогда было бежать по лестнице, счет шел уже на секунды...

Не приходится сомневаться, этот день обитатели дома 58 по улице подпольщика Карчика запомнят надолго. Просто криминальный вихрь какой-то пронесся сегодня по их двору. А вдобавок к этой жути они стали свидетелями форменного чуда: на их глазах из лестничного окна на уровне четвертого этажа в брызгах осколков стекла вылетел человек («Гля, Серега, еще один ле-

тит!!!»), размахивая руками и кувыркаясь в воздухе, понесся к земле, но не разбился в лепешку, как вроде бы было положено по всем физическим законам, а аккуратноенько приземлился на ноги, словно его в последний момент придержали некие невидимые мягкие руки. И человек этот удивительный, едва приземлившись, тут же куда-то бросился стремглав. Такое, понятно, долго не забудешь, такое не каждый день происходит на улицах российских городов.

Сварог летел вперед мимо запыленно и бестолково мечущихся у подъезда старушек, мимо падающих на газон и накрывающих голову руками граждан, мимо прячущихся за машинами и бегущих к подъезду. Сварог мчал со всех ног, уже понимая, что опаздывает. Он видел, как двое сотрудников, один в форме милицейского сержанта, другой в штатском, перемещаясь вдоль машин, палят по Н'генга из табельных пистолетов.

Попали! Упал Пятница!

Оно и неудивительно, если парень и не пытался уклониться от пуль, залечь или укрыться за деревом. Да хоть за скамейку бы нырнул, и то прикрытие! Не пытался он и спастись бегством. Просто стоял и ждал, что будет. Дождался, блях. Ну может, еще ранение и не страшное...

Сварог выбежал на линию огня и, прикрывая собой Н'генга от стрелков, побежал к скамейке. Опустился рядом на колени, быстро осмотрел его. Пуля угодила в голень и, судя по всему, задела кость. Эт-то плохо, очень плохо, это больница, и никак иначе...

– Зачем Пятница убил этих людей? – наклонившись ниже, быстро спросил Сварог.

– Плохие люди. Н'генга знать, они хотят убить Н'генга, потом убить хозяин, – пробормотал чернокожий, пытаясь улыбнуться.

Понятно. Как Сварог и предполагал, Пятница принял обыкновенную дворцовую заводку за серьезную угрозу. Самое бессмысленное дело сейчас выяснять, какой именно жест юнцов заставил его немедленно атаковать. Какая разница...

– Где Гуго? – спросил Сварог.

– Ушел за черные зерна.

Сварог тихо выругался себе под нос. Гуго отправился на проспект (когда проезжали, видели бабку, сидевшую с мешком и стаканом у ларька) покупать семечки. Вовремя отправился, нечего сказать. Как все глупо получилось! Вроде бы приказа Гуго не нарушил, не было приказа никуда не отлучаться ни на минуту, Сварог ведь сам сказал, чтоб грызли семечки, но ведь должен был понимать...

Сзади доносился нарастающий топот. Вот кто-то, шумно отдуваясь, остановился за спиной.

– Я медик, – Сварог быстро оглянулся и увидел одного из тех двух неброско одетых мужичков, давеча кутивших на лестнице. В руке у него сейчас было хорошо знакомый «макарка». – Этот человек серьезно ранен. Он больше не представляет опасности. Сейчас я окажу ему первую помощь, а вы пока вызывайте «скорую».

Сварог отвернулся от человека в штатском и принялся закатывать Пятнице окровавленную штанину. План был простой: дождаться кареты «скорой помощи», выяснить, куда повезут Пятницу. Потом он его оттуда вытащит.

– Знаем мы, какой ты медик! – произнес сзади насмешливый голос.

А затем перед глазами сверкнули невыносимо яркие искры, словно в мозгу разорвалась петарда. «Рукояткой «макара», сука», – успел подумать Сварог, теряя сознание...

Сварог еще раз пощупал голову и еще раз скривился от боли.

– Таблетку обезболивающую хотите? – спросила его сидящая напротив рыжеволосая женщина в черном деловом костюме. Она выдвинула ящик стола, достала оттуда шуршащую упаковку с крупными зелеными таблетками. – От этой чертовой работы у самой частенько голова раскалывается, как гнилой орех. Перепробовала всякие таблетки, остановилась на этих. Действуют быстро и вполне эффективно.

Сварог замешкался, обдумывая, чем ему это может грозить. Ну, отравлением не грозит, отраву он вовремя почувствует, а вот психотропные средства его магическое умение, скорее всего, как яд не определит. От рыжеволосой не укрылось его замешательство.

– Бойтесь, что подсуну вам некий хитрый препарат, от которого развязывается язык и притупляется воля? – она улыбнулась какой-то вымученной улыбкой. И вообще, у нее были глаза смертельно уставшего человека. – Значит, есть что скрывать? Ну шучу, шучу. Всем нам есть что скрывать. Могу поклясться и побожиться, что таблеточки чистые, ежели вы, конечно, готовы моим клятвам поверить. А могу просто сообщить вам, если сами не догадались, что вы находитесь в милиции. А у нас, уввы, как-то вот не заведено баловаться всякой хитрой химией. Может быть, другие службы и прибегают к эдаким методам дознания, чего не знаю – не скажу. Мы же развязываем языки совсем другими способами, все больше по старинке работаем, ну уж так исторически сложилось. Так что берете пилюлю или предпочитаете помучиться? Витя малость перестарался – ну, тот, который вас по головушке приголубил.

– Давайте вашу пилюлю, – пробормотал Сварог. Будь что будет, но уж очень голова болит. Настолько болит, что нет никаких сил возмущаться, требовать врача, требовать объяснить, за что задержали, ироды, требовать консула и представителей свободной прессы.

Рыжеволосая выдавила на ладонь одну таблетку, налила в стакан воды из графина, подошла к Сварогу. Положила таблетку ему на высунутый язык, поднесла ко рту стакан с водой. Со скованными за спиной руками Сварогу самому забрасывать в рот таблетки было как-то не больно сподручно.

Проглотив пилюлю, Сварог откинулся на спинку стула (слава богу, хоть посадили не на прикрученный к полу табурет), закрыл глаза. Он вдруг подумал о том, что хрен с ними, с подавленной волей и развязавшимся языком, лишь бы голова перестала разламываться. А то совершенно невозможно сосредоточиться ни на чем. И еще неизвестно, сумеет ли он в таком состоянии вспомнить и воспроизвести хоть какое-нибудь завалящее заклинание...

А очухался Сварог в «уазике», скованный наручниками и этими же наручниками пристегнутый к какой-то скобе – видимо, чтобы не свалился на пол от дорожной болтанки. Очухавшись, понял, насколько же ему плохо. Кузов «уазика» хранил запахи предыдущих «счастливицев», побывавших здесь до Сварога, и сии благоухания улучшению самочувствия отнюдь не способствовали.

Что-то затевать в подобном состоянии было крайне неразумно, надо было хоть немного прийти в себя, а то свалишься в обморок в самый неподходящий момент и этим добьешься только того, что контроль за тобой усилят.

Потом его вывели из машины, повели через какой-то двор, провели в какую-то дверь, потом была лестница, истертая тысячами тысяч подошв. Крутить головой, вглядываться пристально и запечатлевать в мозгу детали обстановки не было никакой возможности – так было плохо. Он воспринимал окружающее, сам себе напоминая рыбу, вынужденную созерцать мир сквозь грязные стекла мутного аквариума.

Потом он очутился на стуле в этом насквозь казенном кабинете. Сперва здесь еще крутился какой-то тип с оттопыривающейся подмышкой, но он быстро куда-то делся. Может, рыжая ему мигнула, чтобы вышел?

– Потерпите, подействует самое большее минут через пять, – услышал он голос рыжеволосой. – Я пока кое-что заполню...

Сварог открыл глаза. Женщина что-то писала на вынутом из бумажной коричневой папки листе стандартного размера. Почувствовав его взгляд, оторвала глаза от бумаг, подняла голову.

– Да, забыла представиться. Моя фамилия Шевчук, зовут Дарья Андреевна. Не слышали о такой?

Глава вторая КАК ДОПРАШИВАЮТ ПРИШЕЛЬЦЕВ

Отпустило. Никак не позже, чем через пять минут, так что не обманула рыжеволосая. Головная боль и головокружение прошли, осталась разве что легкая слабость и нытье в затылке. Действительно, стоящие пилюли. К тому же вроде бы и без подлой начинки – по крайней мере прямо сейчас, прямо немедленно Сварога не тянуло выворачиваться наизнанку в чистосердечнейших признаниях. И не было тревожных показаний от индикатора ядов... Зато захотелось чего-нибудь съесть, неплохо было бы и чего-нибудь выпить, а также закурить... словом, Сварог слегка ожил.

– А как насчет сигареты для арестанта? – громко сказал он. – Хотя... неправильно выразился, слово «арестант» – это не ко мне. Просто очень хотелось бы знать, что я, английский подданный, тут делаю? По какому праву, так сказать. И вообще. И где, черт побери, консул? Может быть, консул ждет за дверью?

– Ого, какие речи! Подействовало, значит! – сказала рыжеволосая, вставая из-за стола. – Сигарету – это пожалуйста. Можно сказать, положено и законно.

Она наполовину выбила сигарету из пачки, протянула пачку Сварогу, дала уцепиться зубами за фильтр, поднесла прикурить – поухаживала, одним словом. Задымила и сама. Протянув руку, взяла со стола пепельницу. Осталась стоять, привалившись к столу. На менте женского пола были узкие джинсы, что позволяло вволю любоваться бесспорной стройностью ее ножек. А плотно облегающий свитер позволял оценить и прочие достоинства фигуры. Крепкой, спортивной фигуры, надо признать. «Годочков-то ей, конечно, уже не двадцать и даже не тридцать, – подумал окончательно излечившийся от головной боли Сварог, – достаточно посмотреть на шею и руки. Однако только эти части тела, пожалуй, и выдают истинный возраст, а так и не догадаешься...»

– Давайте с вами поговорим, – сказал она. – То есть проведем разговор служебного характера – а иной вряд ли возможен в этих стенах, – но неофициаль-

ный, без протокола. И давайте сразу договоримся, что вы не станете требовать адвоката, английского консула и рассказывать мне про права человека. Если вы именно это и собираетесь делать... – она пожала плечами. – Ваше право. Только придется нашу беседу отложить. И боюсь, надолго отложить. Вы должно быть в курсе, какое у нас сейчас горячее времечко...

Она сделала небольшую паузу, похоже, ожидая какой-то реакции на свои слова. Сварог никак не отреагировал, ибо о том, что тут происходит «горячего», не имел совершенно ни малейшего понятия.

– И продолжения разговора, уж не посетуйте, вам придется дожидаться в наших, – рыжеволосая хмыкнула, – пятизвездочных люксах с изумительными решетчатыми видами из окон.

– Поговорить, оно, конечно, можно. Даже и без адвоката. И – черт с ним – пусть даже без осмотра у врача. Ну уж тогда и без этого железа на запястьях, – Сварог повернулся боком на стуле, показывая скованные за спиной руки. – А то уж больно неправильно получается. Вины за мной нет, никаких гнусных злодеяний я не совершал, зато получил ущерб здоровью и, сидя в этих кандалах, продолжаю получать психологическую травму. И, к слову сказать, совершить что-либо противоправное я никак и не мог – прибыл в ваш гостеприимный город практически только что, еще и оглядеться-то толком не успел...

– Как у нас говорят, дурное дело – нехитрое. И в пять минут можно уложиться, чего уж говорить про только что прибывшего... Как-нибудь, даст бог, за рюмкой хорошего коньяка я вам расскажу множество забавных случаев из своей практики на тему: «Ах, как же мало времени занимает преступление!» Значит, наручники, говорите, вам мешают морально расслабиться и предаться чистосердечным откровениям?

– Да уж не помогают, это точно, – тяжело вздохнул Сварог.

– А хулиганить не станете? – с усмешкой спросила рыжая. – Бросаться на меня с криками: «Волки позорные, убью бля, нах!» – не будете? Я ж не знаю, как у вас в заграницах принято вести себя на допросах...

– Мне поклясться? Какие ваши клиенты обычно дают клятвы – «век воли не видать» или «божусь за пидараса»?

– Ого! Поражаюсь информированности рядового заграничного обывателя.

Шевчук забрала у Сварога искуренную до фильтра сигарету, загасила ее в пепельнице, загасила свою сигарету, поставила пепельницу на стол рядом с телефоном, обошла стул, на котором сидел Сварог, и расстегнула ему наручники. Помахивая «браслетами», вернулась за стол.

– Ну что, начнем разговор?

– Начинайте, – сказал Сварог, растирая запястья.

– Значит, вы у нас... – из большого бумажного пакета рыжеволосая достала прямоугольных очертаний предмет в пупырчатой кожаной обложке, в котором Сварог признал «свой» заграничный паспорт. – Чарльз Беркли? Гражданин Великобритании?

– Подданный ее величества английской королевы, – поправил Сварог.

– Вам виднее, вам виднее, – проговорила рыжая, постукивая корочкой паспорта по столу. – А вот скажите, как такое может быть? Имя у вас насквозь нерусское, местожительство тоже, а говорите без малейшего акцента. И более того, знакомы с... весьма специфическими оборотами русской речи. Признаться, я заинтригована. Пожалейте женщину, удовлетворите ее любопытство.

– А разве это имеет хоть какое-то отношение к моему пребыванию здесь?

– Мы же просто разговариваем, не забыли? – напомнила Шевчук с легкой насмешкой.

– Это вы просто, а у меня так, простите великодушно, не получится, – Сварог почувствовал, что помаленьку начинает злиться. – Вы лучше объясните мне, наконец, в каком качестве я здесь нахожусь? Насколько я знаю ваше законодательство, я ничего противоправного не совершил.

– А я вот в этом не уверена, представьте, – пожалала плечами Шевчук.

– Неуверенность в вашей стране – весомая причина для ареста?

– Для задержания... мистер Беркли, для задержания. Разницу улавливаете? Для того чтобы арестовать, необходим подписанный прокурором ордер, а для задержания достаточно лишь весомых подозрений. Например, в том, что человек выдает себя за другого, а сам, может быть, находится в розыске и даже пуще того, в международном розыске. Поэтому необходимо всесторонне проверить его личность, сделать запрос в Интерпол, дождаться ответа оттуда...

– И на какое время ваше законодательство разрешает задерживать ни в чем не повинных людей?

– Ах да, простите, что сразу не сказала! Я все время забываю, что передо мной представитель другого государства, – ласковейше улыбнулась Шевчук. – Тогда спешу вас уведомить, что имею законнейшее право закрыть вас всего на семьдесят два часа. Не очень много, согласитесь? Правда, иногда случаются досадные неприятности, которые у нас принято прятать за хитрой формулировкой «ввиду вновь открывшихся обстоятельств». С ее помощью... ну если между сторонами никак не желает складываться должный консенсус... можно затянуть чье-то пребывание здесь ой как надо-олго, уж поверьте.

– А сложностей международного характера не боитесь?

– Не-а, не боюсь, – тряхнула головой Шевчук. – Во-первых, битая настолько, что уже, право, и сама не знаю, чего могу по-настоящему испугаться. Во-вторых, сейчас вам не вчера. Это вчера от одного слова «иностранец» у русского человека тут же начинали дрожать колени. Как же, к нам явились почти полубоги! Теперь к иностранцам, видите ли, привыкли, даже в нашей глуши. И в-третьих, отчего-то мне кажется, что не примчатся за вас вступаться авторитетные международные структуры. И не авторитетные тоже. Чутье мне подсказывает...

«В себя я пришел, душеспасительные беседы с этой рыжей лисой мне вести ни к чему, – вдруг понял Сварог. – Так что следует попытаться вызнать что-либо полезное про Н'генга. И делать отсюда ноги».

– А чутье просто так не возникает, оно возникает из множества мелких деталей. А в нашем с вами случае таких деталей – пруд пруди, и одна другой подозрительнее. Сначала я встречаю вас на Олеговой пустоши, а спустя несколько минут там начинается бойня. Потом на трассе находят сгоревшую машину, набитую, как шпротами банка, изуродованными телами. Выясняем, чей автомобиль – и тут на домик хозяйки авто нападают весьма серьезно экипированные люди. Люди перебиты, причем довольно экзотическим способом, а хозяйка и ее спутник исчезают в неизвестном направлении. Но один из охранников «Золотой пади» описал ее спутника, и сие описание удивительным образом подходит к вам. Я еду домой отоспаться, проезжаю мимо улицы Карчека – а тут опять труп. И угадайте, кого я вижу около дома? Ну не подозрительно

ли... Вот чутье и включилось. Только вот ума не приложу, откровенно говоря, как это вы умудрились так быстро сменить костюм и, главное, зачем. Думали, что не узнаю?

Сварог промолчал. Он вообще ни бельмеса не понимал. Какая такая Олегова пустошь, какая «Золотая падь»? Какой костюм, ешкин кот?!

– Можно только два вопроса? – спросил он.

– Ну?

– Кто погиб на Карчека?

Шевчук ненадолго задумалась, но все-таки ответила:

– Некий гражданин Пак, Серафим Иванович.

Знакомы?

Она не врала. И Сварог покачал головой.

Черт. Эх, надо было не отсыпаться в гостинице, а сразу ехать к дедушке! Черт, черт, черт...

– А второй?

– Что второй?

– Второй вопрос. Что случилось с моим приятелем? Где он сейчас? – впрямую спросил Сварог.

– Приятель, говорите? – задумчиво прищурилась рыжеволосая. – Так и рвется с языка: «Вот, значит, какие у вас приятели!» Он, ни много ни мало, убил трех человек. Трех. Причем с особой жестокостью и без видимых мотивов. Не знаете, кстати, что на него нашло?

– Не знаю, – честно сказал Сварог. – Думаю, его спровоцировали. Он, знаете ли, всю сознательную жизнь провел в диких лесах, где много-много хищных зверей, жил вдали от цивилизации. Жил по своим законам и привык защищать себя сам, как умеет, а не звать на помощь полицию. Он и слова-то тако-го – «полиция» – еще не успел разучить. Так он... жив?

– Когда увозила «скорая», был жив, – равнодушно сказала Шевчук.

Не врет.

– Он сейчас в больнице?

Шевчук бросила на него недоуменный взгляд:

– Да зачем вам эти подробности? Все равно сможете навестить его только лет эдак через несколько. Потому как незнание законов, увы, не освобождает от ответственности. И придется вашему приятелю отвечать по всей строгости и отбывать, сколько назначит суд. Тут уж ничего не поделаешь и не изменишь. А что же вы так – зная о его неуправляемости, оставили его одного?

– В том-то и дело, что до сего дня поводов для беспокойства он не давал, – развел руками Сварог, – поэтому и оставил спокойно его одного. Я же говорю – спровоцировали. Если уж на то пошло, каждого из нас можно вывести из себя, и цивилизованный человек зачастую не может удержаться в рамках.

– Что верно, то верно, – задумчиво подтвердила Шевчук.

«Судя по тому, как она увиливает от моих вопросов, при эдаком течении беседы я ни хрена полезного для себя не узнаю, – подумалось Сварогу. – И не пора ли уже сваливать отсель?..»

– Удивляюсь с вас, как говорят у нас на юге, – еще более обворожительно улыбнулась рыжеволосая. – Ну насквозь неправильно себя ведете. Нормальный безвинный иностранец уже давно не выдержал бы, несмотря на все наши уговоры, и принялся бы возмущаться несправедливым задержанием, нанесен-

нием телесных повреждений... понятное дело, без устали поминал бы о правах человека, орал бы и грозился всяческими карами. А вы же – ну просто само спокойствие. Сидите, ножкой покачиваете, беседуете.

– Просто знаю, что этим ни на йоту не приближу себя к главной своей цели – как можно скорее выйти отсюда, – спокойно сказал Сварог. – Так чего зря возмущаться и задавать идиотские вопросы. А вам не кажется, Дарья Андреевна, в свою очередь спрошу я, что мы тратим время... как бы это сказать, несколько нерационально, что ли? Спросили бы четко, что вас интересует, я бы дал вам четкие ответы и ушел бы отсюда...

– И куда бы вы пошли? – быстро спросила Шевчук.

– В гостиницу, где уже устроился, – без раздумий отозвался Сварог. – Куда ж еще! Название, номер комнаты сообщить?

– Понятно. А цель вашего визита в наш город, разумеется, – какие-нибудь корни-гены, зовущие на родину предков, заочная любовь к России? Ну, и попутное знакомство с сибирской экзотикой, куда ж без этого, всякие медвежьи охоты, бани с квасом, вениками и крепостными девками, водка с балалайками...

– Угадали, Дарья Андреевна, просто настолько точно угадали, что мне нечего добавить.

Наверное, во имя простоты имеет смысл дождаться конца допроса. Ежели не отпустят на все четыре (а в это отчего-то не верится), всего-то и надо, что отвести глаза конвоиру...

– Я понимаю, что вы всерьез рассчитываете вот на это, – Шевчук двумя пальчиками подняла со стола и показала Сварогу паспорт на имя Беркли. – Думаете, рано или поздно сработает ваш заграничный статус. Только вопросов к вам накопилось столько, дорогой мистер... – она развела руками, – что мои знакомые из парижской префектуры на моем месте уже давно бы светили вам в лицо лампой и отвечивали бы оглушительные пощечины. Я же, по доброте душевной, еще пытаюсь сложить с вами дружеский разговор...

– Накопились вопросы? Ко мне? – Сварогу даже не пришлось подделывать недоумение, оно было абсолютно искренним. – Я прилетел сюда несколько часов назад. Все, что я успел, – доехать до улицы этого чертового подпольщика, где влип в историю. Заметьте: не по своей воле... Какие могут быть ко мне вопросы?!

– Какие, говорите? – Дарья стерла с лица улыбку. – Честно вам скажу: вы или прекрасный актер, или... поразительной, прямо-таки сказочной наглости человек. Ну что ж, раз так, давайте галопом пройдемся по... вопросам, – голос ее изменился, стал жестче, она заговорила напористо, чуть подавшись вперед за столом. – Итак, вы с непонятным мне упорством утверждаете, что прилетели в город только вчера. Так? Алиби, признаться, хиленькое, серьезной проверки не выдержит. Интересно бы знать, на что надеетесь? Да и зачем вам это, никак не пойму!

– Не понимаю, о чем вы, – более-менее искренне изумился Сварог. – И вообще, вы скажите конкретно: за что и почему меня арестовали? Пардон, задержали. Что я такого совершил? На что я надеяться-то должен?!

– Вы мне никак не кажетесь глупым человеком, – не слушая его, напористо продолжала рыжая. – Неужели вы всерьез надеетесь, что я вас не запомнила и не узнаю? – Шевчук откинулась на стуле и скрестила руки на груди. – Или ста-

нете утверждать, что не были на Олеговой пустоши? И меня там не видели?

Е-мое! Опять Олегова пустошь, что еще за хренотень?! За кого она меня принимает...

И вдруг Сварог ясно осознал – за кого.

За второго.

Демона.

А ч-черт...

Вот сволочь, он уже здесь!

– Не был, – предельно честно сказал он и виновато развел руками. – И вас не видел. И впервые слышу про эту пустошь! Так что ничем не могу помочь. Зато, сдаётся мне, вы сами себе можете помочь элементарнейшим образом. Я ведь не в багажных отсеках в самолетах летал, лежа согнутым в три погибели в полосатом чемодане. Я летал честным пассажиром, везде предъявлял паспорт, везде меня заносили в компьютерную базу, наверняка скрупулезно представляя дату отлета-прилета и время суток. Вам это проверить – раз плюнуть... Да! Кроме того, как в московском, так и в шантарском аэропортах я повсюду видел камеры слежения и уж в объектив хотя бы одной из них я попал наверняка. Если и это не алиби... то тогда уж и не знаю, что вам надо.

– Я вам скажу, что мне надо, – Даша опять обворожительно улыбнулась. – Мне надо того же, чего добивался гражданин Остен-Бакен от гражданки Инги Зайонц. А именно – глубокого раскаянья в содеянном и искреннего желания искупить вину тесным сотрудничеством с органами дознания. Вот, к примеру, лично я с вами совершенно честна и предельно открыта. И я вам откровенно признаюсь – нет у меня ни малейшего сомнения, что ваша фамилия значится во всех этих аэропортовских списках, а вашу физиономию прилежно запечатлела добрая дюжина аэропортовских камер. Вот нисколечко не сомневаюсь, что все обстоит так, как вы сказали, хотя, конечно, будем проверять... вернее, уже проверяем. А еще я с подкупающей девичьей доверчивостью открою вам в том, чего сама пока не понимаю: как вам это все удалось так лихо провернуть. Правда, одна скороспелая версия у меня появилась... Вы слышали что-нибудь о фальш-турах за границу?

– О чем?

Сварог и вправду не слышал об этом ни слова.

– Значит, не слышали. Это такая столичная, с позволения сказать, услуга. К сожалению, официально разрешенная и, к еще большему сожалению, уже добравшаяся и до нашего медвежьего угла. Суть ее в следующем. Приходишь ты, значит, в контору, предлагающую эти фальш-туры, и говоришь: хочу, чтобы все поверили, будто я побывал, ну допустим, в Таиланде. Платишь, на сколько сторговались. И контора изготавливает для тебя поддельный договор с турфирмой, поддельные визы, липовые билеты на твое имя в Таиланд и из Таиланда, снабжает тебя профессионально сработанным фотомонтажом, где ты позируешь на фоне пагод в обнимку с озорными тайскими девчонками, обеспечивает экзотическими сувенирами, якобы купленными в лавочках Бангкока. Как правило, клиенты преследуют вполне безобидные цели – пустить пыль в глаза сослуживцам и бывшим одноклассникам или обмануть свою вторую половину, свято верящую, что муженек знакомится с достопримечательностями загадочного Востока, в то время как на самом деле он неплохо проводит время с любовницей в соседнем районе города. Класс подделки за-

висит от готовности клиента раскошелиться. А если клиент вовсе за ценой не постоит – получит подделку того класса, для обнаружения которой будут нужны очень уж скрупулезные исследования. Скажем, если клиент пожелает, то и артиста нанять можно для изготовления липового видеофильма или чтобы вместо клиента прошел где-нибудь паспортный контроль. Потому как биометрические паспорта у нас пока не введены и отпечатки пальцев на контроле не сверяют.

– Выходит, я никогда не смогу доказать вам, что не был ни на какой вашей пустоши, а прилетел только сегодня утром, – усмехнулся Сварог. – Как бы я ни изощрялся в доказательствах?

Он ровным счетом ничего не понимал из того, что говорит рыжеволосая милиционерша. Далась ей эта пустошь! Что еще за пустошь? Снова Олегова?.. Но она говорила правду. А насчет закрыть Сварога на несколько лет – это враки. Но ведь как талантливо играет, чертовка. Не будь у Сварога детектора лжи, он бы мог и купиться...

– Это суцая правда, мистер Беркли, – сказала Дарья. – Все дело в том, что я доверяю своим глазам. На Олеговой пустоши незадолго до прилета вертолета с крупнокалиберной начинкой я видела именно вас, и в этом меня не разубедят никакие живописные кадры и документы с печатями. Дело не только во внешности. Вы никак не могли знать, что попадете ко мне на допрос – это ж каким всевидящим пророком надо быть, чтобы просчитать такое наперед! – и вы не подделывали наперед походку, посадку головы, жесты. Я вижу сейчас перед собой именно того человека, что был на Олеговой пустоши. Знаете, гражданин Беркли, я люблю повторять, что не бывает идеальных преступлений, бывают лишь до поры нераскрытые...

Зазвонил телефон на столе. Дарья подняла трубку. Долго слушала, не перебивая.

– Даже так! – вырвалось у нее. – И что говорят врачи? Ага, ага... Еще и это? И что потом? – И после паузы: – А что Василий? Скверно, мальчишки... Да, скоро буду.

Она повесила трубку. Взглянула на Сварога. И что-то поменялось в ее взгляде.

– Ну вот что, – сухо сказала Шевчук. – Враз стало некогда разводить с вами тары-растобары под сигаретный дым. Получены оперативные данные, что Ольшанский жив и здоров и чего-то там мутит в окрестностях Шантарска. Это усугубляет ваше положение несказанно. Не находите?

На этот вопрос Сварог ответил выжидательным молчанием. А чем еще ответить? Заметил лишь про себя, хитрая лиса зачем-то слила ему оперативную информацию, которую сливать не полагается ни под каким видом. Тем более – задержанным. И возникает вопрос: зачем слила? Знать бы еще, что за Ольшанский такой...

– Если невредимым и целехоньким оказывается человек, которого по самую завязку нафаршировали свинцом, который сейчас должен лежать и не рыпаться в морге третьей городской больницы – то чего уж говорить про связанные с вами, мистер, блин, Беркли, странности, – вздохнула Шевчук. – И сдастся мне... Скажу больше, я нюхом чую... все мое ментовское нутро и немалый жизненный и профессиональный опыт прямо-таки вопиет про то, что вы имеете прямейшее отношение к расстрелу на Олеговой пустоши и тесно связаны

с проказами господина Ольшанского.

Ну, блин, и дела тут творятся...

– А еще бойня на трассе, – внимательно глядя Сварогу в глаза, напомнила Шевчук. – И бойня в «Золотой пади»... Или вы тоже к этому никакого отношения не имеете?

И что, простите, мог Сварог на это ответить?!

В Африке, кажись, и то спокойнее было, чем в этом вашем Шантарске...

А Шевчук, видя некоторое замешательство Сварога и чуть ли не наслаждаясь этим, поведала более подробно о трупах на шоссе и в элитном поселке. По-прежнему внимательно следя за реакцией аресто... извините, – задержанного.

А задержанный изо всех сил старался сохранить лицо.

«Это – второй, – окончательно уверился Сварог. – Это он, и никто другой. Выходит, он уже давно здесь и уже успел здорово наследить...»

И еще он уверился: раз этот второй запросто кладет трупы штабелями, то он и есть демон...

– Значит, так, – Шевчук по-кошачьи сузила глаза. – Мне глубоко плевать на вас, мистер Беркли, и на вашу английскую «крышу» в виде королевы и свободлюбивого парламента. Можете потом жаловаться в НАТО, писать в Страсбург и в ООН. Это мне фиолетово. Но сперва своего добьюсь я. И ты, масса Беркли-Шмеркли, выйдешь у меня отсюда только после того, как расколешься без остатка, до самого что ни на есть доньшка. Скажу тебе по секрету, что ввиду особой важности преступления и особой тяжести содеянного, а также ввиду того, что дело взяли под личный контроль губернатор и наш представитель в Совете Федераций, мне негласно даны особые полномочия. Верить ты или нет, но у меня в кармане карт-бланш, выданный мне, пусть и неофициально, но зато с очень больших верхов. Мне дали понять, что в методах и средствах могу себя не стеснять. Главное – расследовать в кратчайшие сроки. Подчеркну красной и жирной чертой слово «кратчайшие». То бишь я хочу услышать от тебя признание прямо здесь и сейчас. Ну что, мистер Беркли, или как вас там, будете давать показания под протокол или без оногo? Мне, знаете ли, все равно.

– Мне нечего добавить к тому, что говорил раньше, – малость подумав, сказал Сварог. – Отправляйте уж на свои семьдесят два часа. Да и в чем я должен признаваться-то?!

– Отправлю. Обязательно, – пообещала Шевчук. – А еще я, пожалуй, приме- шаю во всю эту историю немножко личного отношения и перегну палку там, где в ином случае, может, и не стала бы. Ты уж извини, иностранец, но я не привыкла, когда меня держат за дуру. Семьдесят два, говоришь? А знаешь, как ты их проведешь в отеле под ласковым названием «Эль-СИЗО»? Весело проведешь. Я тебе по блату выпишу путевку с сопроводительным листком в виде шепотка на ухо сержанту из охраны: мол, есть у нас серьезные подозрения, что сей гражданин как раз и есть тот самый злобный камышанский маньяк, который сперва насилует, а потом душит трехлетних девочек и которого безуспешно ловят вот уже второй год. И намекну, что ежели этого гражданина поместят в пресс-хату, то никому никакого урона в служебном плане не выйдет, а выйдет лишь сплошное благолепие и взаимная признательность. А к моим словам и даже полунамекам, знаешь ли, привыкли относиться со всей серьезностью – слишком давно тяну лямку. И свой авторитет зарабатывала

исключительно горбом, а не каким-нибудь другим местом.

Шевчук снова закурила, на этот раз Сварогу сигаретку не предложив.

– Через семьдесят два часа у тебя, иностранец, очко превратится в проходной двор. А лучше сказать, в общественную парашу, и кишки будут свисать из него, из очка, как порванные провода. Я уж не говорю про выбитые зубы, сломанные ребра и прочую мелочевку. А когда тебе потом определят срок... да-да, уж в этом ты не сомневайся, какую-нибудь статеечку мы тебе обязательно подберем, с этим у нас никогда проблем не было и не будет... да вот хоть подельника твоему чернокожему другу из тебя сделаем, мол, на пару вы тех молодчиков на скамейке убивали, а ты еще и науськивал, идейно вдохновлял. И когда ты попадешь на зону с таким аттестатом, как разработанная задница... – Шевчук мечтательно закатила глаза. – Весь срок от параша ни на шаг не отойдешь. Понял? Или ты думаешь, на понт беру и не сделаю?

«Не делает, – понял Сварог. – Именно что, мадам ажан, на понт берете». Но, если честно, МХАТ плакал по ней крокодиловыми слезами. У них тут что в Сибири, все менты такие актеры? Куда там Фрейндлих и прочим Тереховым...

И он сказал деланно усталым голосом:

– Да отправляй куда хочешь.

– Идет, – Шевчук загасила сигарету, вернулась за стол и нажала что-то на столешнице снизу. – Ладно... Как для иностранца и по женской доброте своей я сделаю для тебя одну поблажку, махонькую такую. Я оставлю тебе шанс все прекратить в любой момент. Затарабанишь в дверь: «Спасите-помогите! Готов во всем сознаться!» Спасут и помогут. Но только ежели ты и после этого начнешь лгать и запираяться, тогда вернут тебя, голубка, назад, и уж кричи, не кричи...

Открылась дверь, и на пороге комнаты нарисовался конвоир. Шевчук сделала ему знак рукой подождать.

– И вот еще что... – Она замолчала, словно споткнувшись. Сварогу показалось – задумалась, говорить или не говорить. Но все же сказала: – Твой чернокожий приятель, между прочим, сейчас тоже на пути в следственный изолятор. Или уже в СИЗО. Будете соседями.

– То есть как? – Сварог от удивления аж привстал. – Он же...

– Вот именно! Никто ничего не может понять. Укладывали на носилки и вдвигали в «скорую» полутруп. Который, пока везли в больницу, вновь превратился в здорового человека. Рана затянулась, и даже не замечено слабости, обязательной после такой кровопотери. Случаем не знаешь, в чем тут фокус?

«Подземная пирамида, – мог бы сказать ей Сварог. – Она же Истинная Пирамида, если верить Беркли. Судя по всему, это она передала Пятнице часть своей силы. Или... не только ему?» А еще Сварог подумал о том, что раз Н'тенга в следственном изоляторе, то это кардинально меняет его собственные планы. Теперь бежать в коридоре нет никакого смысла, а есть прямой смысл дать себя отконвоировать в СИЗО и бежать уже оттуда. Уже с Пятницей.

– О чем задумались? – спросила Шевчук, вставая. – Пожалуй, я догадываюсь, в чем дело. Вы-то рассчитывали, что ваш шоколадного цвета приятель замолчал навечно, ну, в худшем случае, надолго, а теперь он может заговорить в любой момент и сообщить что-нибудь, вас напрочь не устраивающее. Не так ли, мистер Беркли? Может, все же желаете что-то рассказать? Тогда давайте быстрее определяйтесь, мне пора ехать.

- Я уже определился. Отправляйте, куда собирались.
- Что ж... Будь по-вашему.

Глава третья ПО ПРОЗВИЩУ «КОЛДУН»

Старший прапорщик был уже в серьезных годах, уже, наверное, и пенсию выслужил, но вот продолжал работать. Отчего ж мужику не работать, ежели здоровье позволяет? Озвереешь сидя дома.

- Лицом к стене, – скомандовал прапорщик.

Сварог встал, как велели. За спиной шаркнули по бетону сапоги, чиркнула спичка, потянуло ароматным табачным дымком.

- Повернись. На, закури.

Старший прапорщик протянул раскрытый портсигар. Сварог не стал вставать в позу: мол, с вертухаями не курю, вытащил из-под резинки сигарету, прикурил от протянутой спички.

– Послушай меня, паря, – сказал прапорщик, приглаживая небольшие аккуратные усы. – У меня глаз наметанный, я человека насквозь вижу. И вижу, что ты, паря, человек непростой. Есть в тебе какой-то стержень. Но... Это камера. Не пресс-хата, конечно, но и тут не интеллигентники сидят. Если будешь много выступать – а мне отчего-то кажется, что будешь, – тебя превратят в инвалида. Если ты надеешься на силу или на приемчики, то зря, оставь ты это. В это СИ-30 таких Негрошварцеров приводили, что ты против них хилек из хилеков. Иные храбрились: мол, я на воле по двадцать рыл одной левой раскидывал. Да только никто из этих Шварцеров не выгреб отсюда таким же целым, как вошел, против коды из десятка рыл никто не устоит. А здоровье взад никогда потом не вернешь. Хорошенько подумай, стоит ли того твое залупательство.

– А ты, батя, агитируешь меня по доброте душевной или по обязанности? – напрямую спросил Сварог, щурясь от дыма. – Хотя, спасибо, конечно, за науку.

– А тебе не все равно, паря? Я вот что тебе скажу напоследок. Я тут всего на-видался, паря. И всяких. И к жизни после этого начал относиться, прости за умное слово, философически. Все суета, нет в жизни правды со справедливостью, каждый за себя, и все в таком духе. Короче, никого не жаль, потому как никто тебя самого не пожалеет. А теперь сам думай.

– Ты мне вот что лучше скажи, старшина, – Сварог с усмешкой посмотрел на прапорщика. – А если бы тебе прямо сейчас предложили махнуть из этого мира да головой в неизвестность? Провалиться куда-нибудь на другую планету, оставив здесь все эти коридоры, надоевший дом в панельной многоэтажке с квартиркой в три шага, провонявшую мочой лестницу, загаженный воздух и химическую пищу? И вперед на волю, где боевой топор ударяет по бедру при каждом шаге коня, где рядом настоящие друзья, где... (он на миг запнулся, не зная, как продолжить, но тут кстати вспомнился Смок Белью) где ты ешь настоящее медвежье мясо?

– Да ну тебя! – махнул рукой прапорщик. – Я с тобой серьезно, а ты мне вкручиваешь... Ладно, если что – ори в три горла и колоти в дверь что есть мочи. Я тут рядом буду, выручу...

- Договорились, – сказал Сварог, бросая окурок на пол. – Заводи.

- Что там шепчешь? Молитву? Правильно. Ну, ни пуха тебе, паря. Давай...

И Сварог перешагнул порог.

Старший прапорщик вряд ли обратил внимание, что в коридоре вдруг едва

заметно похолодало. Сквозняк гуляет – и всего делов. Прапорщик запер дверь, откинул «глазок», прилип к нему, несколько секунд полюбовался видами камеры, на пару шагов отошел от двери и полез в карман за своим портсигаром.

Не стал старшина смотреть тюремное кино. «А немало интересного увидал бы товарищ вертухай, чего в кино и за деньги не кажут, – подумал Сварог. – Увидел бы такие яркие картинки, по мотивам которых граждане уголовнички потом еще долго будут предания слагать...»

Прапорщик мог бы увидеть, как с нар сползают с ног до головы разрисованные зеки и неторопливо, вразвалочку направляются к замершему у порога арестанту. Кто-то из них вертит на пальце цепь, кто-то шлепает об ладонь сложенный пополам ремень, кто-то поигрывает укрытой от всех шмонов выкидучой. Из кофлы обязательно должен вывалиться нагловатый живчик, эдакий всеми признанный спец по болталову с новенькими.

Ага, вот и вывалился...

– Ну чё, фраерок, давай знакомиться, – заводила приблизится к «гостю» на расстояние шага. – Поглядим на тебя внимательно и вдумчиво. Познакомимся, поговорим. По «радио» напели, что больно крут? Ну дык покажи, покажи! Давай насчет тебя поупражняемся, какой ты в натуре крутой...

Ясно, что живчик провоцирует Сварога. И от того, как Сварог ответит, будет зависеть многое дальнейшее. Испугается – один вариант будущего, начнет понты кидать – огребет по полной...

Сварог пошел вразрез с советами доброго прапора и кинул понты.

– Полезай под нары, машенька, – сказал ласково он. – Ибо благородному до ну запахло балакать с пидорами.

Оскорбление, признаться, было действенным.

Живчик оглядывается назад, словно ищет поддержки у корешей, и вдруг с неожиданного резкого разворота наносит жуткий удар кулаком в живот, от которого Сварог должен был бы скрючиться в три погибели.

Да вот только каково же будет удивление уголовника, когда его кулак пробьет пустое место, пройдет сквозь «фраерка»! А новоприбывший гость как ни в чем не бывало будет глупо и молча перетаптываться там, где стоял. Вся кофла с воплями налетит на «фраерка залетного» и начнет топтать и месить его... Думается, все же пройдет какое-то время, прежде чем постояльцы разберутся, что имеют дело с иллюзией, а не с живым человеком. А когда наконец разберутся... Сложно даже вообразить всю глубину их удивления.

Ну и напоследок, дабы посеять в их умах окончательный разброд и шатание, фантом рассеется как дым, будто и не было его никогда. И можно голову дать на отсечение, нескоро утихнут споры, было это все или привиделось, и дойдут те споры до драк. И еще долго по тюрьмам будут ходить легенды и байки о каком-нибудь Таинственном Фраере, Привидении старого СИЗО, о Призраке Изолятора...

Ну, пошутил так Сварог.

Вот что мог бы увидеть в «глазок» старший прапорщик, а возможно, и услышать, если бы приложил ухо к двери. Но вместо этого он курил рядышком с дверью и что-то тихо бормотал себе под нос. Докурив, бросил окурочок на пол, старательно растер носком казенного ботинка, вздохнул, повернулся боком к двери... И в этот момент, прямо по пошлейшим канонам фильмов ужасов, ему на плечо легла рука.

Прапор медленно повернулся и, когда увидел, кто стоит за спиной, челюсть у него отвисла самым натуральнейшим образом.

– Не-ет... Чур... – прапор помотал головой и скрюченными пальцами левой руки что-то изобразил перед своим лицом, словно отгонял нечто невидимое. – Как же так... Откуда? Ведь я же тебя...

Правая рука надзирателя привычно потянулась к висящей на поясе дубинке. Сварог перехватил руку, крепко сжал запястье. Проговорил, глядя глаза в глаза:

– Не надо, батя, не поможет. Ты вот о чем задумайся. Я мог бы двинуть тебя сзади по голове, забрать ключи, переодеться в твою форму, открыть любую камеру – да хоть бы и пресс-хату! – и забросить тебя внутрь. Представляешь, что бы с тобой было? Я этого не сделал. Пока не сделал. Ну, думай, соображай, батя.

– Ты хочешь, чтобы я тебя вывел отсюда?

Сварог ухмыльнулся.

– Не хочу. Надо было бы, я бы вообще не доводил дело до своего заключения в этот неприятный мрачный дом. И когда потребуется, я смогу выйти отсюда и без тебя... Мне нужно другое. В каждой тюрьме есть смотрящий, то бишь главный по узилицу. Король воров, атаман здешних головозеров. Мне всего-то и нужно, чтобы ты отвел меня к нему. Только не говори, что не знаешь, кто атаманствует в вашей богадельне. Ни за что не поверю. И, ей-ей, выполню свою угрозу, закину тебя в камеру к нехорошим, злым уголовникам... А после и без тебя управлюсь со своей задачей. Ты мне тут давеча про философию самосохранения вкручивал. Ну вот! Зачем тебе на старости лет сложности? Хочешь на пенсию выйти инвалидом?

– А что... кто там? – прапорщик судорожно мотнул головой в сторону камеры.

– Да какая разница! Некогда объяснять. Ну что, идем? Только душевно тебя прошу, не надо геройствовать, – Сварог легонечко сжал прапорщику локоть и произнес елейно: – Мне больно об этом говорить, но если ты меня подведешь, я вынужден буду очень сильно тебя обидеть...

Этажи, переходы, забранные решетчатой сеткой лестницы, грохот шагов по железным ступеням, лязгающие двери, однотипные фразы, которыми перебрасываются вертухаи. Одинаково серые коридоры. Они остановились в конце одного из таких коридоров перед камерой с номером 178.

– Здесь, – сказал, глядя в пол, прапорщик.

– Как кличут здешнего смотрящего?

– Погоняло-то? Да Пугач его погоняло. Только, это... Не любит он, когда без приглашения.

– Ах, вот как значит! Его благородие не любят, когда без доклада! Ладно, пусть мне будет хуже... Открывай, батя.

Вздыхнув тяжело, прапорщик завозился с ключами.

– Да, вот еще что, – сказал Сварог. – Ежели ты задумал, едва я окажусь за дверью, бежать за подмогой, то одумайся скорее, прошу тебя.

– Да ничего такого я не задумал! – воскликнул прапор с наигранным возмущением.

И ведь соврал!

– Вижу, что как раз так и задумал, – любовно произнес Сварог. – Ну, не ста-

ну долго говорить и грозить жуткими карами. Просто скажу, что, поторопившись, ты наживешь себе врага в лице Пугача. Самого Пугача, я бы сказал. Смекаешь? Ведь ты же еще не против здесь послужить верой и правдой? Вот так-то, батя. Ну открывай...

По результатам явления Сварога обитателям тюремной хаты можно было бы живописать картину маслом «Не ждали 2». Видимо, и вправду не привык смотрящий по этому каземату, что к нему могут заявиться без приглашения и без согласования времени аудиенции. Вся четверка, что находилась в камере, обернувшись к дверям, застыла в ступоре.

Сварог огляделся. Камера, в которой обитал смотрящий по изолятору, мало походила на привычные тюремные застенки. Стены завешены коврами (понятно, что не персидскими, а весьма потрепанными и облезлыми, но все же!). В камере имелись холодильник, телевизор, магнитофон, микроволновая печь. На столе перед каждым из заключенных лежал мобильный телефон. Да что там телефон! На кровати валялся ноутбук (Сварог спутать не мог – тесно познакомился с этим чудом за пятнадцать лет шагнувшей вперед техники в гостях у конголезского приятеля Гуго, хозяина частного аэродрома). Стол, за которым культурно отдыхали четверо узников, ломился от еды, которую вряд ли готовили на кухне следственного изолятора и которую вряд ли потом развозил по камерам в своих бачках баландер. Икорка, водочка, балычок, копченая колбаска, фрукты...

– Как понять сие явление? – наконец нарушил молчание один из сидевших за столом. Мужичок лет пятидесяти, невысокий и сухощавый, с совершенно седыми волосами и волчьим взглядом исподлобья. Никаких сомнений почему-то не было, что это и есть вожак, сиречь тот самый пресловутый Пугач.

– Кликуха моя Колдун, не слышал? – Сварог небрежно достал из воздуха сигарету, прикурил от пальца.

– Гляди, люди, циркача заслали! – воскликнул чернявый, похожий на цыгана хлопчик (у него даже серьга в ухе была). – А чего, это дело, Пугач, да? Мужик пришел скуку нашу скрасить. Может, станцует еще, споет.

– Завянь, Цыган, – бросил седой. – И чего дальше... Колдун?

Дальше для усиления эффекта Сварог наколдовал себе кофе – в его руке из воздуха материализовалась дымящаяся чашка кофе с непременно блюдцем.

– Впечатляет, – лишенным всяких эмоций голосом проговорил еще один, доселе молчавший бритый наголо человек. – Правда, видал я колдовство и похитрее. В восемьдесят пятом с зоны под Печенгой сдернули Матрас с Чухонцем. Зашхерились между бревен в лесовозе. Даже Кио, думаю, такой фокус повторить не сможет. Ну, то ладно, так ведь и дубаки с собаками бегунков не унюхали... А это уже форменное колдовство выходит и чернокнижием попахивает.

– Это что! – воскликнул, сверкнув белозубой улыбкой, Цыган. – У нас в таборе тетка Натэлла – вот с кем в карты не садись. Заговорит тебя, загипнозит, и ты, как во сне, пробубнишь «Хоре, себе», когда на руках будет какой-нибудь валет с шестеркой, или прикупишь к двадцати на руках еще карту. Вот это цирк, я понимаю! А сигарету из уха доставать и кофе из штанов – это любой баклан сможет, чутка потренировавшись.

– Вижу, народ вы бывалый, пустяками вас не заинтересовать, – Сварог поставил на пол чашку кофе, так и не сделав ни глотка. – Ну хорошо... Сделаем

заход по-крупному. Цыган, серьга у тебя золотая?

– Слышь, Колдун, ты за базаром следи. Я тебе не молдаванин какой-нибудь, а цыган. Туфту не носим.

– Вотними и дай мне. Назад получишь. И еще одну такую же.

– Да ты... За кого он меня держит, а! – Цыган повернулся к пахану, раздался щелчок, и в его руке вдруг сверкнула невесть откуда выскочившая в ладонь выкидуха. – Слышь, Пугач, пора баклана ставить на место...

Пугач задумчиво поскреб щетину на подбородке. Сварог легко угадывал направление его мыслей. В камере – и не просто в камере, а в наиглавнейшей хате следственного изолятора, откуда, собственно, и управляется сей изолятор – происходят немислимые, не укладываемые в привычные рамки вещи. Правда, пока ничего угрожающего не просматривается, скорее уж чистой воды развлекалово. В общем, нет причин раньше времени устраивать серьезный разбор, с этим всегда успеется. Пусть сперва залетный чудака покажет свои фокусы...

– Дай ему серьгу, Цыган. Или боишься, что сопрет?

– Ха, я ему сопру! Ну ладно, держи, мужик.

«Мужик» было произнесено с явным подтекстом, и Сварог даже знал, в чем дело (не забыл еще всех особенностей российского воровского жаргона и этикета, почерпнутых им из книжек и общения с сослуживцами). Эдаким макаром Цыган легонько прощупал Сварога на причастность того к воровскому сообществу. Ежели причастен, то на «мужика» должен был возмущенно среагировать: дескать, ты кого мужиком назвал! Сварог усмехнулся про себя – выдавать себя за вора он и не думал. А вскоре Цыгану должно и вовсе стать не до всякой словесной мур.

Исподтишка подмигнув Пугачу, что не укрылось от Сварога, Цыган вытащил из уха серьгу и протянул Колдуну. Золотая побрякушка оказалась весьма увесистой. Серьга была похожа на старинную. Ага, кажется, даже клеймо имеется, затертое и грязное. Однако некогда сейчас вдумчиво изучать.

Сварог пробормотал нехитрое заклинание, держа серьгу на вытянутой ладони, и рядом с первой появилась еще одна, точь-в-точь такая же.

– На, возьми! И найди десять отличий. Или хотя бы одно, – Сварог отдал Цыгану золотые побрякушки.

– Слышь, братва, в натуре рыжье! – Цыган, в лучших традициях трактирщиков, попробовал сотворенную Сварогом серьгу на зуб. – Рыжье, чтоб мне не жить! И один в один моя серьга, вот и царапинка точь-в-точь такая же. Слышь, Пугач, этого не может быть, это же еще дедовская серьга, она ж старинная! Второй такой не было!

– Я тебе и третью такую же сделаю прямо сейчас, – спокойно предложил Сварог.

– И сделай, – не менее спокойно сказал Пугач. – А мы посмотрим.

Сварог без труда создал еще одну копию золотой побрякушки.

– А чего-то холодно стало, – поежился Цыган.

– Побочный эффект, научно выражаясь, – сказал Сварог. – Ну что, уважаемые, есть интерес к разговору?

– И много таких можешь налепить? – бритый наголо человек уже не сидел за столом, а поднялся на ноги и в возбуждении ходил между нарами и столом.

– Сколько угодно, – сказал Сварог.

Бритый присвистнул.

– Тогда с тобой можно мутить дела.

– Иди к столу, – решил Пугач. – Цыган, пересядь на шконку, дай человеку стул.

Когда Сварог сел, пахан спросил:

– Ты кто и откуда такой? Почему о тебе не слышал?

– Из Конго я, – сказал Сварог. – Страна такая в Центральной Африке. Кликуха, как сказал, Колдун. Отец – бывший советский военспец. Так уж вышло, что ребенком попал в одно лесное племя. Из-за войны попал, там в Африке кругом война. В племени моим воспитанием занимался шаман, кое-чему научил. Вуду. Слышали про такое?

Пугач посмотрел на четвертого своего кореша, который пока не проронил ни слова. В ответ на взгляд пахана, тот кивнул.

– Ну, ну, – Пугач вновь перевел взгляд на Сварога. – И чего еще умеешь?

– А тебе мало разве? Могу и еще кое-что... Много чего могу. Отсюда выйти могу в любое время. И вывести могу, кого угодно.

– Ну, это не колдовство никакое, – хмыкнул Пугач. – Я сам кого хочешь отсюда выведу, была б нужда. А как сюда попал, за что замели?

– Да он по фене не ботает, Пугач, ему толмач нужен...

– Заткнись, Цыган! – прикрикнул Пугач. – Будешь вступать с ариями, когда я разрешу.

– Замели не меня, – пояснил Сварог, – а кореша моего африканского, за ним я сюда и пришел...

– Погоди-ка, погоди, – Пугач внимательно взглянул на Сварога. – Это не тот ли негрила, про которого маляву час назад отстучали?

– Если негрила и час назад, то это он самый и есть, – кивнул Сварог.

– Его же упаковали за тройное мочилово, – сказал бритый. Усмехнулся: – Серьезный у него корефан, Пугач.

– И чего ты от меня хочешь, Колдун, за чем ко мне пришел? – спросил Пугач.

– Мне нужно выйти отсюда вместе с моим корешем. Прямо сейчас. Не откладывая.

– И всего-то? – с иронией спросил Пугач. – А может, тебе еще и подогрев организовать в дорогу? И «корову» с собой в придачу отправить? Ты, похоже, не догоняешь, Колдун, что это за громадина с решетками, собаками и сапогами – своего рода учреждение, директором которого я поставлен. Власти у меня, ясно дело, тут немало, но я поставлен, сечешь? Людьюми поставлен следить за порядком. И меня могут точно так же снять, как любого директора, если я на своем месте накосячу. И вот скажи, зачем мне все твои сложности?

– Скажу, – Сварог говорил, глядя Пугачу прямо в глаза. – Я все равно добьюсь своего. И твои архаровцы ничего мне не смогут сделать. Надо будет, я превращу эту тюрьму в ад, но прорублю путь на волю себе и моему товарищу. Развалю до кирпича эти домики, если понадобится... Твое дело, верить мне или нет, но как я сказал, так и будет. Это первый путь.

– А второй? – спросил Пугач, сминая пальцами мундштук «беломорины».

– Второй – договориться с тобой ко всеобщему удовольствию сторон.

– И в чем будет мое удовольствие?

– Во-первых, спокойствие во вверенном твоему попечению хозяйстве. Ду-

мается, тебе мало перепадет радости от бурных потрясений на хозяйстве. Комиссии потом понаедут, твои начнут шептаться, «не удержал», мол...

– Слышь, Пугач, а он никак на понт берет! – крикнул чернявый. – Нас!

– Отзынь, Цыган! Дослушаем товарища до конца, – Пугач мял, мял «беломорину» и довел до полной непригодности к курению. Пришлось выбросить в пепельницу. – Ну допустим, Колдун... всего лишь допустим, что я к тебе прислушался. Только позволь усомниться в твоих терминаторских способностях...

– А ты спроси прапора, что околачивается за дверью, как я добился, чтобы меня привели в твою камеру. Полагаю, сомнений у тебя убавится. А пока я перейду к обещанному «во-вторых». Во-вторых, все будет оплачено по высшему тарифу. Я тебе предлагаю отличный гешефт. Или, на новый манер говоря, бизнес. Побег в обмен на золотой дождь. Ты отправляешь со мной кого-нибудь, или отправляешься сам, или поручаешь своим доверенным людям на воле. Думаю, договориться, чтобы твои люди на воле в кратчайшие сроки раздобыли алмаз – для тебя никакая не проблема. Примерная стоимость алмаза тебе известна. Я скопирую для тебя десять таких алмазов. Это с лихвой покроет затраты на побег двух арестантов и даже моральный ущерб. Ну, что скажешь?

Пугач молчал, задумчиво катая по столу новую «беломорину». Какие мысли крутились под черепной коробкой пахана, узнать Сварог не мог. Зато чуть позже он сможет узнать, станет ли ему врать смотрящий. А это дорогого стоит.

– Побег провернуть – дело плевое, – наконец заговорил пахан. – Вас обоих определяют в местную больничку. У одного внезапно прихватит сердце, у другого, допустим, откроется острый аппендицит. А из больнички ход на волю у нас уже готов...

– Слышь, Пугач, – вставил слово бритый наголо уголовник, – ты что все рьез...

– Ты че, Гоша, хочешь поучить меня дела вести? – Пугач сказал это так просто и так спокойно, будто означенный Гоша спросил у него – сколько времени. И снова обратился к Сварогу: – Значит, Колдун, вот как решаем. Слов нет, предложение твое заманчиво. Мне оно нравится. Ты говоришь, отец у тебя военным был? Значит, должен понимать про дисциплину с субординацией. У нас она похлеще воинской будет. У меня тоже свои командиры имеются, и я поперек них по-важному решать не могу. А ну как вы с твоим чернокожим корешем в делах против братвы замешаны, а верить тебе на слово я никак не могу... Короче, я тут по мобиле перебазарю с нашими, а тебя пока устроим в хате со всеми удобствами. Там отдохнешь, а по ходу цацек золотых наколдуюсь, чтобы было чем подкормить вертухайских шакалов. Ну и после снова свиданькаемся и обкашляем все окончательно. Устраивает, Колдун, или станешь бурно возражать?

– Вполне устраивает, – соврал Сварог.

Собственно, он мало надеялся на удачный исход переговоров с тайным хозяином тюрьмы, предполагая, что в лучшем случае процесс может затянуться надолго (что никак Сварога не устраивало), а в худшем и наиболее вероятном случае – его попробуют обманом и хитростью оставить при изоляторе (а если потребуется – и силой), чтобы он пополнял общак скопированными деньгами и золотыми побрякушками. Зачем такое нежданно привалившее счастье отпускать от себя на волю к чужим хапужистым дядям? Все это Сварог прекрас-

но понимал, и плевать ему было по большому счету, что там надумает смотрящий по тюрьме, какую поганку сочинит. Сварог пришел к Пугачу совсем для другого. Он пришел, чтобы увидеть «черного хозяина тюрьмы», услышать его голос, запечатлеть манеру того вести разговор, запомнить, в конце концов, отдельные излюбленные словечки пахана, а также усвоить некоторые характерные обороты воровского жаргона, которых не знал и знать никак не мог. Все, что хотел, Сварог уже увидел и услышал и вполне мог приступить к задуманному.

Задумку никак нельзя было назвать оригинальной – однажды Сварог проделывал точь-в-точь то же самое. Он бежал из Равены со Странной Компанией, придав Шедарису облик короля Конгера. Здесь же Сварог намеревался самого себя выдать за... ну, тоже можно сказать за короля – короля тюремных воров. Кстати, и здесь их путь лежит на аэродром, как было и в Равене. Правда, в тот раз аэродром был стратегического значения, охраняемый драгунами и снольдерскими мушкетерами, здесь же им всего лишь нужно будет попасть на территорию местного аэроклуба, где если и есть охрана, то состоящая из пары-тройки полусонных вохровцев. Впрочем, сути дела это не меняет.

Когда знакомый Сварогу прапорщик откроет дверь, он увидит перед собой не Сварога, а Пугача. «Пугач» велит отвести себя в камеру, куда посадили чернокожего арестанта: мол, потолковать надо с человеком. «Да не бойсь, начальник, через дверь и под твоим надзором». Возле камеры, где томится Пятница, старшего прапорщика придется со всей возможной аккуратностью выверенным ударом уложить на бетон, а потом перенести в укромное местечко, чтобы какое-то время полежал в уголке, отдохнул и подумал, не пора ли и в самом деле на пенсию, домино во дворе осваивать. А Сварог, надев на себя личину старшего прапорщика, поведет во двор Н'генга в приданном ему обличье Пугача. После первого же встреченного ими вертухая Сварог поменяет личину Н'генга на личину этого вертухая. И во двор изолятора выйдут двое работников внутренней охраны СИЗО. И кто, скажите, их не выпустит за ворота? Какая падла посмеет не выпустить?!

Вот такая комедия переодеваний. Или, если угодно, – театр эпохи Возрождения.

В общем-то, Сварог мог уже прощаться с Пугачом и валить на выход. Тем более пахан вот уже добрую минуту выразительно смотрит на него, явно дожидаясь, когда Колдун поднимется и почапает к двери. Однако Сварог подумал, что, поскольку разговор клеится вполне нормально, не мешает на несколько минут подзадержаться, немножко поболтать с авторитетным и знающим человеком и кое о чем аккуратноненько выспросить. Глядишь, кое-что полезное между строк и высверкнет. Дарья Андреевна Шевчук, помнится, упоминала некоего Ольшанского, почему-то думая, что «задержанный Беркли» с ним связан какой-то таинственной криминальной связью...

– А фамилия Ольшанский вам ни о чем не говорит? – спросил Сварог.

– Ты знаешь Привратника? – без всякого интереса отозвался Пугач. – Или, по-другому говоря, Ольшанского Сергея, как там его... Алексеевича, что ли?

– Уж не за тем ли ты заявился к смотрящему? – прищурился бритый.

Сварог не ответил.

– Ну, допустим, знаю, – сказал Пугач. – Я тут знаешь ли, обо всех странностях бытия в числе первых узнаю. Слушок сего дня прошел, что он жив. Со-

всем свеженький слушок – и часа ему нет. И вдруг появляешься ты. Странно?

– Сдвинулся Привратничек на своем Аркаиме, – встрял Цыган, но одернут паханом не был. Пахан о чем-то крепко призадумался.

Ого! Воры, оказывается, тоже про Аркаим знают!

Так придется задержаться, поговорить еще малость...

В общем, посещением шантарского СИЗО Сварог остался вполне доволен. Спасибо вам, Дарья Андреевна. Во-первых, он многое узнал про Ольшанского, еще одного искателя Аркаима, одержимого какой-то идеей, связанной с этим местом, – а такой информацией пренебрегать ни в коем случае нельзя. Во-вторых, выяснил, где этот Аркаим примерно находится – пока Ольшанский окончательно не съехал с катушек на этой теме, они с Пугачом, бывало, общались (было у них много общего в прошлом; но потом Привратник перекрасился, заделался коммерсом, а смотрящий изменять воровским принципам не захотел), так вот, Ольшанский Пугачу все уши прожужжал про этот Аркаим, карты какие-то показывал, так что Пугач и кое-кто из воров были более-менее в курсе этого доисторического городишки...

Да и покинуть СИЗО оказалось делом достаточно простым: Сварог в обличье Пугача выпустил Пятницу из камеры, успокоил доброго прапора часика на два (ну, извини, отец) и, меняя личины как перчатки и на себе, и на туземце, совершенно беспрепятственно вывел Н'генга за территорию тюрьмы. Даже обидно как-то стало: из СИЗО выйти оказалось легче, чем туда попасть... Неинтересно.

Сварог поймал частника (где-то теперь честный водитель? И где теперь Гуго?) и через полчаса они уже стояли на территории частного аэроклуба, обзревая вертушки, ждущие на небольшом поле в отдалении. Семь штук, неплохо.

И тут его ждал очередной приятный сюрприз: возле входа в здание администрации, но чуть в сторонке, чтоб зря не светиться, топтался Гуго.

– Вот уж не ожидал! – искренне обрадовался Сварог. – Ты-то как тут оказался?

– Так мы ж сюда вроде и собирались! – чуть опешил Гуго. – Тот таксист сказал: аэроклуб «Сибирские витязи», вы сказали: завтра. Я потом спросил, о чем это вы там? Вы перевели... Вот оно и завтра, и вот я здесь... – он вдруг виновато потупился. – Сэр, сегодня утром, там, возле этого дома... я не думал, что... я просто на минутку...

– Ладно, забудь. Прощаю, – сказал Сварог. – Я сам виноват, надо было четкие инструкции давать. А за то, что, не зная русского, нашел это место – объявляю благодарность.

– Рад служить, сэр!

– А если б я не сейчас приехал? Ты бы так и торчал перед клубом? Мы, между прочим, в тюрьме были, настоящей, русской. А если б я оттуда не выбрался?

– Вы, сэр, не выбрались бы? – широко ухмыльнулся Гуго. – Вы? Ха-ха!

– Ну, вперед.

В пятнадцать часов по шантарскому времени в кабинет директора аэроклуба «Сибирские витязи» вошли трое посетителей. Директор давно занимал свое

кресло и всяческих персонажей повидал здесь в достатке и переизбытке: начиная от скоробогачей, вечно пьяных, вечно увешанных золотом, и хохочущими девицами, и заканчивая приехавшими за русской экзотикой иностранцами. И разных бандюганов, кстати, тут тоже перебивало предостаточно. Однако он, бывший летчик-испытатель, привыкший полагаться на интуицию, которая не раз его вытаскивала из самых гиблых передрыг, вдруг каким-то непостижимым образом почувствовал, что эта троица опаснее всех прежних его гостей.

Хотя, на первый взгляд, вроде бы вполне мирная и даже где-то смешная троица: несколько нелепого вида негр с глазами, в которых навсегда застыло удивленное выражение; похожий на Данди-Крокодила, мерно перемалывающий во рту жвачку тип с оловянным взглядом и вполне приличного вида господин, одетый в явно дорогой черный костюм, черные с золотыми пряжками туфли и черную рубаху. Ничего вроде бы угрожающего... Однако интуиция однозначно говорила директору – ни в коем разе не стоит с ними связываться. Ну а когда главный в этой троице, представившийся мистером Беркли, английским профессором археологии («Не удивляйтесь моему языку, господин директор, у меня русские корни»), изложил свою просьбу, директор еще больше укрепился в своем убеждении.

– Вертолет? – переспросил директор, чтобы потянуть время и придумать, как бы половчее отказать. – Арендовать хотите? До Аркаима лететь? Далеко, однако, вы собрались...

Но и Сварог в свою очередь понял настроение сидящего перед ним директора. По глазам догадался.

– Вы беспокоитесь о сохранности летающего железа? – напористо спросил Сварог. – Есть такое понятие, как залог, верно? Вот в этот сейф, – Сварог вытянул руку в направлении железного ящика в углу кабинета, – я положу вам сумму, равную стоимости нового вертолета. И это не считая денег за аренду машины. Погода летная. Дозаправляться нигде не нужно, топлива в баках хватит на дорогу туда и обратно, исправных машин у вас много, даже выбор есть, пилоты изнывают от желания лететь, – по дороге сюда я уже переговорил с вашим персоналом. Ну! Найдите хоть одну причину для отказа!

– Не знаю... Предчувствие... – директор откинулся на спинку кресла. – Вы верите в предчувствия?

– Еще как, – серьезно сказал Сварог. – И что вам шепчут предчувствия?

– Шепчут про беду. Однажды я не прислушался, жалею до сих пор. Погиб человек. Теперь я дую на воду.

– Понятно, – кивнул Сварог. – Я утраиваю вознаграждение за аренду вертолета.

– Все равно я вынужден вам отказать, – выдохнул директор. – Даже несмотря на то, что, на любые условия. Думаю, в другом месте вы получите желаемое.

– Понятно, – еще раз произнес Сварог. – Только времени у нас мало...

– Местному боссу что-то не нравится? – по-английски спросил стоящий за креслом Сварога Гуго.

– Да, Гуго, ты прав.

– Как говорил Деверо, чтоб ему на том свете досталась не самая горячая сковорода, наши рожи не могут нравиться всем подряд, но тем, кому они не нра-

вятся, понравятся наши револьверы, – вот такой тирадой разразился Гуго.

– Извините, – вновь перешел на русский Сварог и улыбнулся директору, – а могу я для разговора с вашим персоналом воспользоваться вашей личиной? – И вновь перешел на английский: – Гуго, твой выход...

ИГРА

Глава первая

О СПОСОБАХ ВЕДЕНИЯ ДЕЛОВЫХ ПЕРЕГОВОРОВ

На стоянку перед кафешкой неторопливо въехала не первой свежести темно-синяя «Нива» с тонированными стеклами, остановилась в сторонке от джипов. Распахнулась пассажирская дверца, и на свежий воздух выбрался невысокий пожилой крепыш (хотя и с изрядным брюшком) вида насквозь кавказского. С эдакой напускной ленцой огляделся и двинулся к беседке. Серьезный и целеустремленный. В черных брючках и черных штиблетах, зато в белой рубашке и при белых носках.

– Вижу, – сказал Ольшанский Ключнику. – Ты его знаешь?

– Первый раз вижу.

– А вы? – это уже к Сварогу.

– Еще не хватало.

Ключнику:

– Ну, будь начеку.

– Как всегда, Сергей Александрович...

Сварогу:

– Вы со мной?

– До какой-то степени, – сказал Сварог.

Чернявый приблизился к их столику, охрану и Ключника игнорируя напроць, без улыбки и приветствия осведомился с характерным акцентом:

– Разрешите?

Причем обращался он исключительно к олигарху.

– А чего ж нет, – вежливо сказал Ольшанский, прищуриваясь. – Садитесь...

Коньячку?

– Э, это разве коньяк? – чуть поморщился кавказец и сел на свободное место. – Это позор, а не коньяк. Меня Тенгиз зовут.

– Безмерно рад. Сергей Александрович. Чем обязан?

– Чем обязан... – чуть усмехнулся Тенгиз. Потом неторопливо обвел взглядом территорию кафе и всех присутствующих, не забыв Ключника, Лану, Сварога и трех охранников. Причем, когда он глянул на Сварога, у того тихо бренькнул сигнализатор опасности. – Я просто спросить хочу. Вот что я тебе скажу, Сергей Александрович... Допустим, у тебя стадо овец. И кто-то просит тебя продать ему овцу за мешок золота, на которое можно купить и весь твой кишлак, и все окрестные. Ты согласишься, продашь?

– Продам, – чуть помолчав, ответил Ольшанский. – Только сначала спрошу: а зачем ему моя овца.

– Чем обязан? Вот тем ты мне и обязан, – бесхитростно пожал плечами Тенгиз. – Скажи, зачем тебе мое кафе за мешок денег?

– Это твое кафе?

– Это – мое. Я – хозяин. И еще восемь вдоль дороги... И вот приезжают ко мне Руслан с братом, говорят: кто-то только что за сто тысяч купил мое кафе.

Мое, Сергей Александрович, а не Руслана. За сто тысяч купил. Вот что я и хочу спросить: это нормальная цена за одного барана?

«Сто?» – на мгновение удивился Сварог, прекрасно помня, что Ольшанский оценил забегаловку в двести тысяч. Но потом вспомнил людскую натуру и удивляться перестал.

– Это та цена, которую предложил я и на которую Руслан с Ахметом согласились, – жестко сказал олигарх, внимания на сумме не акцентируя.

– Брат, я же не упрекаю! – всплеснул руками Тенгиз.

Краем глаза Сварог заметил, как Ключник едва заметно дернулся при слове «брат». Ольшанский же был – сама невозмутимость.

– Я не спрашиваю, почему так много денег! Я не спрашиваю, откуда у тебя столько денег! Я просто спрашиваю: зачем?

«Переигрывает, – отметил Сварог, подцепляя на вилку немного красной икры и даже не включая детектор лжи. – Интересно, а Ольшанский это чувствует? Ну, разумеется...»

– Потому что я Ольшанский, – весомо ответил олигарх. – Потому что мне так захотелось.

– Ольшанский, Шмольшанский! – махнул ладошкой Тенгиз, и Сварог понял, что эта фамилия ничего Тенгизу не говорит.

Ну да, ну да... Вот она, известность: все тебя знают – кроме какого-то мелко-го содержателя нескольких забегаловок вдоль трассы. Которому и знать-то про тебя не обязательно, потому как плаваете вы на разных глубинах...

– Это не ответ, брат. Зачем тебе «Руслан», а?

– А тебе что за дело, а?

– А то дело, дорогой, что есть у меня к тебе коммерческое предложение.

– Если коммерческое, то излагай.

Ольшанский набулькал себе коньячку, выпил, смачно закусил шашлыком, зубами снимая кусок прямо с шампура.

Тенгиз, нахмурившись, понаблюдал, как он жует, потом сказал негромко, буквально взял быка за рога:

– Я так понимаю, что ты человек не бедный. Деньги у тебя есть. Это хорошо. Мужчина без денег – все равно что... – Тенгиз пощелкал в воздухе пальцами, подыскивая сравнение, – все равно что сациви без курицы, да? И если ты покупаешь это кафе за деньги, и без документов, и без нотариуса, то ты можешь купить и больше, да? Молчишь. Правильно молчишь, не надо лишних слов, – обеими пятернями он, как граблями, пригладил волосы на голове. – Я, Тенгиз Абдуллаев, предлагаю тебе хорошо заработать, Сергей Александрович. Купи у меня все кафе на трассе, да? Дорого не возьму, да и, как говорится, оптом дешевле, мамой клянусь. Девять кафе – и ты в девять раз богаче, а? Подумай, дорогой, это большие деньги...

– Спасибо, уважаемый, – едва заметно улыбнулся Ольшанский, вытирая губы салфеткой. – Я одно купил – мне достаточно...

– Э, зачем торопишься? – поморщился кавказец. – Я же еще цену не назвал! А вдруг тебе понравится?

– Послушай, – сказал Ольшанский, и улыбка его мигом стерлась, а в голосе прорезалась сталь. – Мы с партнером разговаривали о серьезных вещах. Потом приходишь ты и перебиваешь. Да? Так дела не делаются. Если хочешь серьезно говорить – приходи завтра ко мне в офис, побеседуем, обсудим, потор-

гуемся... А сейчас зачем мешаешь?

Сварог не мог не восхититься. Теперь он понимал, каким именно макарком Ольшанский заработал себе репутацию и, собственно, деньги: с каждым клиентом он говорил на его, клиента, языке... И теперь в речи Ольшанского появились отчетливые кавказские интонации, хотя и без всякого акцента.

Интересно, какие нотки появились у него во время матча Ольшанский – Сварог. Сам Сварог, по крайней мере, ничего неестественного в речах олигарха не заметил...

– Я мешаю? – деланно удивился Тенгиз. – Это мое кафе! Мои стол, лавки, еда. Я хозяин, а ты – гость, так почему не уважаешь дом, в который пришел...

– Ну так и веди себя как хозяин! – резко наклонился вперед Ольшанский, и сталь в его голосе превратилась вовсе уж в дамасскую. – Ты зачем горы позоришь? Мы гости, дай покушать спокойно, поговорить, потом спрашивай!..

– Так ты ж не просто гость, – растянул губы в ухмылке Тенгиз. – Ты думаешь – денег дал, значит, дом твой. А я еще не сказал, что этот дом – твой.

– Ахмет взял деньги, – напомнил Ольшанский.

– Слушай, кто такой Ахмет? – всплеснул руками Тенгиз. – Директор? Владелец? Ахмет никто. Ты мог деньги дать кому угодно, и что теперь?

– Хорошо, – сказал Ольшанский. – Твое кафе – пусть остается твое. Верни деньги, и разойдемся.

– Э, что говоришь! Сначала дал деньги, теперь забрал... Потом снова дашь и снова заберешь? Так мужчины не делают...

А Сварогу вдруг стало невообразимо скучно. Боже мой, телевизоры во всю стену, уличные телефоны в кармане у каждого второго, не считая каждого первого, отдельные дома, тачки вовсе уж умопомрачительные – ну чем не Америка? А дешевый наезд как был дешевым наездом, там им и остался...

– Мне не нужны твои точки вдоль трассы, – с нажимом повторил Ольшанский. – Ни еще одна, ни четыре, ни все девять. И эта, по большому счету, не нужна. Оставь ее себе... И деньги оставь.

Тенгиз задумчиво сдвинул брови.

– Ты странный человек, Сергей Александрович, – протянул он. – Кафе не нужны, деньги не нужны... А вот я человек бедный, я человек приезжий. Меня милиция останавливает, налоговая придирается, СЭС эта, чтоб ей провалиться, все время приезжает, чуркой нерусской на улице называют... Мне нужны деньги, Сергей Александрович.

– Чего тебе надо, Тенгиз, а? – устало спросил Ольшанский.

– Купи мое кафе. Клянусь, не прогадаешь.

– Не хочу, Тенгиз, – с ленцой только отобедавшего льва сказал Ольшанский. – Просто – не хочу. И денег я тебе больше не дам. Я, видишь ли, не подаю.

– Ай, как нехорошо говоришь, – расстроился Тенгиз. – Я к тебе по-доброму, с деловым предложением, а ты – «не подаю». Я не прошу подачек! Слушай, а можно я попробую тебя убедить?

– Ну? – без всякой заинтересованности сказал Ольшанский и налил себе еще коньяку.

– О, это правильный разговор! – тут же обрадовался кавказец. – Вот. У меня есть несколько доводов. Первый довод вон там, – короткий волосатый палец вытянулся в сторону мирно стоящей «Нивы». Тонированные стекла были чуть

приопущены. – Точнее, там целых три довода. И все три калибра 7.62, и все три сейчас смотрят на нас. Еще один довод, – палец устремился в направлении крыши, – с СВД. Это очень меткий довод, он в Чечне работал. И смотрит он вот на него, – палец указал на Ключника. – Потому что, мне так кажется, что этот твой друг – опасный, как гремучая змея. Самый опасный из всех твоих друзей. Ну, и последний довод с гранатометом сидит за хозблоком... Ну что, Сергей Александрович? Как тебе мои доводы?

Причем все это было сказано спокойно и неторопливо, словно Тенгиз скромно хвастался достоинствами своей забегаловки: тут у нас, дескать, кухня, а тут, извольте видеть, сортир.

Ничего себе!

Даже Сварог такого не ожидал. Автоматы – это уже серьезно. Не для него, конечно, но – вообще, для ситуации...

– Послушай, мил-человек, – сказал Ключник, но вовсе не из-за спины Сварога, а откуда-то справа. Сварог изумленно замотал головой – а, вот где он! Телохранилитель, оказывается, незаметно успел переместиться под прикрытые беседки и теперь держал Тенгиза на мушке, сам оставаясь недосыгаем для возможных автоматных очередей. – Я ведь могу тебя свинцом накормить по самые гланды, прямо сейчас, и никакие автоматы не спасут.

Молодец, Ключник, даже Сварог не заметил, когда, в какой момент он совершил этот маневр...

– Спокойно! – поднял руку и громко сказал Ольшанский, обращаясь и к Ключнику, и к троице охранников, которые Тенгиза не слышали, зато увидели маневр начальника охраны и тоже схватились за оружие. – Мы сами разберемся!

Лана вот малость подкачала, от неожиданности грохнула выпавшей из пальцев вилок о стол, но на лице сохранила все же полное равнодушие – не иначе, полагала, что не следует вмешиваться в игрушки взрослых дядь. (И правильно полагала, между прочим.) Как на столь милое сообщение отреагировал Ключник, Сварог не видел, тот находился за его спиной, а за спиной сейчас было тихо и покойно. И это было хорошо.

Больше же всего Сварог опасался неправильной реакции олигарха. Если тот сейчас взбрыкнет, станет качать права, вспомнит о своей олигаршьей неприкосновенности... Конечно, Тенгиз лишь угрожает, вряд ли он решится открывать пальбу, но если Ольшанский поведет себя глупо, то нервы горячих кавказских парней в «Ниве» могут и не выдержать. И пальцы на курках могут дрогнуть.

Но Ольшанский остался невозмутим. То есть настолько невозмутим, словно кавказец говорил самые банальные вещи. Словно кавказец действительно всего лишь хвалил кафе перед заезжими гостями: тут кухня, тут сортир... Выдержки олигарху было не занимать, и не с такими наездами сталкивался, должно быть. Вот только маленький, но гордый Тенгиз о том не имел ни малейшего представления.

Что ж, искреннее браво, олигарх...

– Это правильно, Сергей Александрович, – не очень уверенно сказал кавказец: реакция олигарха оказалась совсем не такой, какую он ожидал.

– В самом деле, Тенгиз, – сказал Ольшанский. – В конце концов, твое желание получить много-много денег на халяву вполне понятно...

Он согласно покивал доводам Тенгиза, потом, к немалому и плохо скрываемому удивлению хозяина кабака, подцепил вилкой немного салата, тщательно прожевал, прислушиваясь к вкусовым ощущениям. И вполне дружелюбно сказал:

– У тебя вкусный шашлык, Тенгиз, спасибо. Но немного недожаренный. Сыроватый малость. Готовить надо тщательнее. Ведь если начнут лупить из автоматов или, не дай бог, из гранатомета, так ведь и тебя положат, дорогой ты мой... А тебе это надо?

Вот так.

Ай, молодца олигарх. Чувствует человека так, что любой штатовский психоаналитик, прознай он про такого самородка из сибирской глуши, немедля сиганул бы со своего сорокового этажа на мостовую. От зависти. Правильно Ольшанский все это сказал, ровно и наплевательски. Что Тенгиза из колеи и выбило. Русские должны были испугаться. Русские должны были хотя бы вступить в переговоры, поторговаться, попросить отсрочки, в конце концов – начать ругаться и наезжать... А русские оставались совершенно равнодушны к доводам. Тенгиз пару секунд сидел с приоткрытым ртом, а когда вознамерился что-то возразить, в дело, повинувшись некоему внутреннему толчку, вступил до сих пор молчавший Сварог.

– Так ведь нету никакого гранатомета, мессир, – почтительно сообщил он Ольшанскому. Потом отломил кусочек лаваша и закинул в рот. – И снайпера на крыше отродясь не было... Автоматы есть, спорить не буду, три штуки в машине. А вот все остальное – блеф наипростейший. Тут наш южный друг попросту соврал. – Он посмотрел в глаза Тенгизу, добивая того: – Так что – поздравляю вас, гражданин соврамши.

Южный друг буркнул:

– Эй, откуда знаешь?.. – и прикусил язык.

– Ну!.. – укоризненно воздел руки Ольшанский, мигом подхватывая игру и не давая кавказцу слова сказать. (То есть, это он так думал, что игру – Сварог ведь говорил чистую правду, но олигарх-то того не знал! И Сварог опять мысленно поаплодировал буржую: грамотно тот подхватил, вовремя и в тон, и даже тени сомнения в его словах не проскользнуло.) – А ты говорил, дорогой, что, мол, честное коммерческое предложение, мамой клялся, прибыль обещал... Что ж ты обманываешь, а, Тенгиз? Где гранатомет, а? Где снайперка? Нет, где, я тебя спрашиваю?.. Молчишь... Врешь, значит... Не хорошо обманывать. И что ж нам теперь с тобой делать?

Лицо Тенгиза серело на глазах. Лицо Тенгиза на глазах теряло уверенность и значимость.

А тут еще добавила и Лана. Совершенно трезвая Лана. Мгновенно придя в себя и тоже включившись, она томным голосом изнеженной дамы из высшего света изрекла:

– Да голову ему оторвать, и все дела...

А Сварог тем временем, специально для кавказца, родил из воздуха сигарету и прикурил ее как обычно. От пальца.

В общем, хэппеннинг на тему бессмертного произведения оказался разыгранным как по нотам.

Тенгиз был повержен и растоптан.

Потом Сварог спрашивал себя: как так получилось, что они, не стовариваясь, буквально несколькими фразами и одним не самым хитрым фокусом сразили кавказца? И ответа не находил. Как-то не воспринялась угроза Тенгиза всерьез, вот в чем дело. Просто очень уж не соответствовали его автоматически-снайперские доводы окружающему благолепию – пустынная трасса, небольшой кабачок на обочине, вкусные шашлыки. И рассказу Ольшанского его доводы не соответствовали... Аркаим, Атлантида, конец света, предназначение – и вдруг гранатометы, «калаши» какие-то, СВД на крыше. Доводы эти показались слишком уж примитивными.

Сварог, пуль не боявшийся, просто развлекался, кидая реплики, подвыпивший Ольшанский, надо понимать, развлекался, подсознательно уверенный в статусе неприкосновенности всеми почитаемого олигарха, а Лана подыгрывала им, уверенная в них обоих и в Ключнике...

В общем, закончилось все комедийно.

– Ты не прав, Тенгиз, – сказал Сварог. – И не мешай нам, пожалуйста, душевно тебя прошу. Потому что тогда я подниму ее еще выше, метров на двадцать... И отпущу.

– Кого поднимешь? – нахмурился окончательно сбитый с толку Тенгиз. Он уже понял, что зашел в гости совершенно не к тем людям, и теперь лихорадочно думал, как достойно выйти из положения.

– Да ее вон, – и Сварог показал пальцем.

Тенгиз повернулся... и издал что-то вроде хрюка. «Как бы его кондратий не хватил», – с беспокойством подумал Сварог.

Палец указывал на «Ниву», которая висела в воздухе, сантиметрах в двадцати над площадкой.

Зрелище, что и говорить, производило впечатление. Магическим манером лишенная веса, машина слегка покачивалась и медленно взмывала все выше. Тень от нее лежала на земле черным пятном.

– Э, не надо, опусти, слышишь?! – прошептал Тенгиз, не в силах оторвать взгляд от воспарившего авто. – Мамой клянусь, не буду стрелять!

Абреки в «Ниве», надо думать, поняли, что происходит что-то не то, открылась дверца, выглянул чернявенький юноша, посмотрел вниз, заверещал что-то по-своему и дверцу захлопнул. Машина закачалась еще сильнее. Ну чисто «Бриллиантовая рука»: «Спокойно, сядем усе!»

«Нива» тем временем уже взяла планку в полметра.

– Мамой клянусь! – уже громче повторил Тенгиз. – Не надо! И деньги не надо!..

Сварог плавно, то снимая заклинание и давая автомобилю немного просесть, то снова задействуя магию, опустил несчастный драндулет.

– А теперь вон отсюда, – бесстрастно приказал Ольшанский.

Никогда еще Сварог не видел такой прыти. Вот Тенгиз сидит за столом, а вот он уже в машине, и «Нива», ревя, с проворотом покрышек, рвет с места и исчезает на трассе.

Глава вторая ИСПОВЕДЬ ОЛИГАРХА

– Ну не идиоты, а? – брезгливо спросил Ольшанский, ни к кому конкретно не обращаясь, когда посрамленные горцы ретировались. – С голой пяткой против сабли, как говорилось в одном старинном анекдоте... – Он внима-

тельно посмотрел на Сварога. – А вы, оказывается, много чего умеете, мон колонель. Кто же вы такой...

– Позже, – сказал Сварог. – А вы, кажется, не очень-то удивлены моими... способностями?

– Потому что я знаю, кто вы, – быстро ответил олигарх. – Вы из тех, кто спит в монастыре, – задумчиво и очень понятно сказал Ольшанский. И добавил еще более понятно: – А теперь вы проснулись. Это еще один Знак. Значит, и в самом деле грядет Шамбалинская война...

– Рассказывайте сначала вы, – с каменным лицом предложил Сварог, абсолютно ничего не понимая.

Ключник опять переместился ему за спину. Кажется, этот человек вообще ничему не удивлялся.

– Вы обещали по порядку, – и Сварог съел еще кусочек шашлыка.

– Да, – думая о чем-то другом, протянул Ольшанский. – По порядку...

Лана смотрела на Сварога молча, с непонятым выражением на лице – то ли изучала, то ли любовалась. И в ее голове явно шла напряженная мыслительная работа.

– Знаете что, а поехали-ка отсюда, – начал вставать олигарх. – Что-то мне тут разонравилось. Расскажу по дороге.

Когда джипы снова выехали на трассу, Ольшанский долго молчал. Потом заговорил снова:

– Ладно, продолжаю. На чем я остановился? На книге. «Дорога в Атлантиду». Понятно, почему та книга так подействовала на мальчика. Загадки древних веков, экспедиции в неизведанные земли, исчезнувшие цивилизации – все это здорово будоражило воображение. А еще треть страниц, учтите, из книги была вырвана. И мне тогда казалось, что как раз на этих вот страницах писателем и раскрывалась самая страшная, самая роковая тайна мира. Например, там могла быть карта пути в Шамбалу, сиречь Атлантиду, с нанесенными на нее красными крестиками, коими указаны клады, а зловещими черными крестами отмечены ловушки и западни...

Книгу ту Ольшанский перечитал несчетное количество раз. Практически заучил наизусть. Тогда-то он раз и навсегда поверил, что Атлантида (она же Шамбала, Аркаим или Беловодское царство) на самом деле существует и он рано или поздно найдет ее, чего бы это ему ни стоило. Отправиться на поиски он, понятное дело, готов был немедленно. И скажи ему кто тогда – мол, твоя Атлантида, или твой Аркаим, находится там-то и там-то, «точно-точно, зуб даю и землю ем», сбежал бы Ольшанский из дома и на товарняках, на попутках рванул бы хоть через всю страну. К счастью для Сережи Ольшанского, никто его ни в какие путешествия не отправлял. Да и вообще некому было даже просто поддержать с ним разговоры про Атлантиду...

В те глубоко советские времена об Атлантиде, как о явлении насквозь антинаучном и идеологически сомнительном, писали мало. В общедоступных изданиях так вообще почти ничего. Ну, разве что в журнале «Наука и жизнь» могла появиться статья какого-нибудь возвращенного на дрожжах марксизма-ленинизма доцента, где бы он изобличал спекуляции западной печати на почве любви простого народа к загадочному и необъяснимому с целью от-

влечь трудящихся от классовой борьбы и в качестве примера мог привести лженаучные, мелкобуржуазные измышления об Атлантиде. Поэтому попытки Сережи Ольшанского расширить и углубить свои знания про Атлантиду мало к чему приводили, хотя он старательно обследовал районные и городские библиотеки, книжные магазины и книжные полки в домах друзей и знакомых. Конечно, живи он не в Шантарске, а в Москве или Ленинграде, улов наверняка был бы побогаче. А так... В общем, страсть оставалась неудовлетворенной.

– Та книга, наверное, у вас сейчас с собой? – Сварог указал за спину, в сторону багажника.

– Вы чертовски догадливы, мой друг, – потер лицо Ольшанский. – Конечно, была бы с собой. Если б... В общем, довелось мне потоптать места не столь отдаленные в самом прямом смысле этого слова. В точном соответствии со строчками классика: меня однажды «повезли из Сибири в Сибирь». А первая жена, с-сука, когда мне впяяли десятку, быстренько оформила развод и выкинула все мои вещи на помойку – дескать, нет у меня ничего общего с этим зекон. Сие случилось незадолго до начала перестройки, меня замели во время прокатившейся по стране кампании борьбы с «цеховиками». Правда, до миллионера я тогда еще не дорос, только начал разворачиваться, подбили, можно сказать, на взлете... А знаете, чем занимался? Организовал подпольный цех по производству цветастых полиэтиленовых пакетов, которыми государство по неведомой мне причине не могло обеспечить своих граждан в надлежащих количествах. Дефицит был огромнейший, люди переплачивали за копеечный кусок полиэтилена раз эдак в сто больше его себестоимости. Нынешняя наркомафия по сравнению с той доходностью, как сейчас говорят, курит в сторонке. Между прочим, на пакетах, по моему, разумеется, научению, откатывали иностранными буквами надпись «Arkaim». В тот момент мне это показалось забавным. Кто знает, уж не за эту ли свою легкомысленность я расплатился пятью годами свободы, если учесть, что все в этой жизни взаимосвязано, одно тянет за собой другое, а?..

– Минутку, – сказал Сварог. – Почему пятью? Вас же к десяти приговорили.

– Внимательный, смотри! – Ольшанский притворно погрозил пальцем Сварогу. – Да нет, все просто. По амнистии вышел. С началом перестройки тех, кто чалился по хозяйственным статьям, стали понемногу выпускать. Типа чтобы было кому поднимать кооперативное движение. Помните, что такое кооперативы?

– Помню, – угрюмо сказал Сварог. – Боевая, погляжу, у вас биография.

– А то, – довольно кивнул Ольшанский. – Помотало и пошвыряло по бурным водам человеческой жизни... Даже в столицу успел съездить, счастья поискать. И вернуться оттуда успел, потому как понял, что на периферии спокойнее – конкуренции меньше, органы особо не зверствуют, а шансов развернуться для делового и умного человека никак не меньше. За всеми этими коловращениями Атлантида как-то сама собой отступила даже не на второй, а на самый далекий-предалекий план. Я бы в конце концов забыл о своей детской мечте отыскать Атлантиду, как говорится, естественным образом. Так оно обычно и бывает с детскими мечтами и увлечениями. Но... – Ольшанский опять поднял палец, – мне не давали забыть об Атлантиде. Кто не давал? Или – что не давало? Самое смешное, я не найду, что ответить... Знаете, кто-то умный сказал: неизвестно, где заканчивается случай и начинается судьба. А я

бы в ответ возразил: иногда это становится совершенно очевидным. Тому пониманию способствуют Знаки, подаваемые Судьбой или теми силами, что кроются за этим словом... Мы в состоянии разглядеть эти Знаки, тем более если они преследуют тебя на каждом шагу, как было со мной...

Олигарх усмехнулся.

– Даже срочную меня определили служить знаете куда?

Сварог пожал плечами. Его малость утомила пьяная болтовня Ольшанского. Лана так вообще уже клевала носом... Ну да, ведь бессонная ночь.

– На Алтай, в Бухтарминскую долину! – объявил Ольшанский тоном Якубовича, орущего: «Приз в студию!!!». – Туда, где некогда жили раскольники, хаживавшие за Беловодьем. Да-да, именно так! Совпадение, скажете? Ну да, сперва я тоже так считал. Да только слишком много в моей жизни было таких совпадений. На каждом шагу о совпадения спотыкался.

В семьдесят девятом поехал я на заработки в Бурятию. С бригадой шабашников строили в одном колхозе-миллионере дом культуры, помогали государству осваивать капвложения. И между прочим, мы отхватили эту работенку у чеченских шабашников, увели прямо из-под носа. Тогда по стране раскатывало много чеченских стройбригад – при советской власти не очень хорошо получалось зарабатывать воровством скота и похищениями людей, приходилось осваивать мирные профессии. Правды ради следует признать, что строили чеченцы качественно. Однако меньше чеченами от этого они не становились, то бишь мстительность и злоба никуда не девались... В общем, впоследствии это обстоятельство ударит по нам из всех орудий, но поначалу все было спокойно. Мы вкалывали себе в привычном для шабашников ритме, часов по двенадцать-четырнадцать в день, с одним выходным в неделю, приближая сладкий миг расчета... Вот. А поблизости, где-то в полусотне километров от нашего поселка, находился древний дацан. Буряты, как известно, исконно исповедуют буддизм, и буддийских храмов у них хватает. И этот храм при всей своей удаленности и труднодоступности был любим местным населением, туда постоянно ездили паломники. Все дело было в том, что в дацане хранилась некая буддийская реликвия под названием «намчувандан». Вот я и решил посмотреть, что это за «намчувандан» такой...

Смотреть ее Ольшанский поехал в одиночку, на рейсовом автобусе. Никого из бригады зазвать с собой не вышло, мужики вообще не понимали, как можно вместо того, чтобы в кои-то веки отоспаться всласть, тащиться за тридевять верст глазеть на какую-то сельскую церкву. Наверняка, проводив его, ребятаги покрутили пальцем у виска.

Дацан и впрямь не поражал воображение размерами и архитектурными изысками. Небольшое квадратное здание с многоярусной крышей. Внутри храма золото-серебро сосульками с потолка, разумеется, не свисало. Простенько, скромно, даже бедно. В зале для молений, единственном помещении дацана, правый дальний угол был отгорожен ширмой. За этой ширмой и хранилась храмовая святыня.

О том, что за «намчувандан» такой, он узнал еще в автобусе, от попутчика-буряты, который тоже направлялся в дацан. Согласно легенде, храм обязан своим появлением пришедшему из Халхи, то бишь из Монголии, махатме Кушо Дхонду. «Махатма, напомним, обозначает «учитель» и является высоким ду-

ховным званием, которого буддисту не так-то просто удостоиться».

Проходя по берегу пруда, Кушо Дхонду увидел белый лотос и, восхитившись его красотой, сорвал и взял с собой. Вскоре сорванный цветок стал чахнуть, и махатма пожалел о своем поступке, пожалел о том, что уничтожил живое. И тогда он сказал лотосу: «Если бы я мог, я отдал бы тебе часть своей жизненной силы». Он бережно положил цветок на лежащую в траве деревянную колоду. С ним были люди, они слышали его слова. И случилось чудо – цветок не завял. Проходили дни, недели, месяцы, махатма уже куда-то ушел своей дорогой, а цветок выглядел, как только что сорванный. Минувло столетие, и ничего цветку не сделалось. А там, где махатма оставил цветок, построили дацан. И неувядающий цветок лотоса, закончил свой рассказ попутчик в автобусе, и есть та самая храмовая реликвия.

И вот настала очередь Ольшанского зайти за ширму – к реликвии запускали по одному. Заходит. Видит грубую деревянную колоду, возле нее сидит в позе лотоса священнослужитель в желтом облачении. А на колоде лежит цветок лотоса, который действительно выглядит как только что сорванный. «Хитрость невеликая, – подумал тогда Ольшанский, – каждый день посылай человечка к пруду за новым цветком – и неиссякаемый ручеек паломников обеспечен».

«Прикоснись к цветку», – говорит священнослужитель. Ольшанский аккуратно так, пальчиком дотрагивается до лотоса. И вдруг чувствует... обжигающий удар. Некая огненная струя проносится по кроветокам, по позвоночнику, затылок сотрясает, как от удара кувалдой изнутри черепной коробки, в глазах вспыхивают круги. «Что с тобой?!» – закричал, вскочив со своего места, бурят в желтой одежде. Вот те, думает Ольшанский, и хваленая буддистская невозмутимость...

– Так же внезапно, как началось, так же вдруг меня и отпустило. Выдохнув и вытерев выступивший пот, объяснил я этому человеку, что со мной случилось. Он выслушал со всей внимательностью и серьезностью. «Такое здесь происходит впервые, – говорит он мне. – Это какой-то знак тебе. Запомни это и всмотришься в себя».

Возможно, я бы и не обратил серьезного внимания на его слова, но совсем скоро кое-что случилось, и это «кое-что» перевернуло всю мою жизнь.

Сломался рейсовый автобус, на котором я должен был уехать. Пришлось ждать следующего, то есть до утра. «Коли не явлюсь к началу рабочего дня, – подумал я тогда, – мужики сложат на меня все маты». Ну, вернулся где-то в полдень и узнал, что изба, в которой квартировала наша бригада, ночью сгорела. Вместе со всеми, кто был внутри. Впоследствии выяснилось, что подожгли те самые чечены, у которых мы перехватили подряд на дом культуры, – они вынуждены были податься в соседнее село, совсем нищее, и подрядиться строить коровник...

Он замолчал надолго, а потом с нажимом глубоко верующего человека произнес:

– И тогда я понял: все не случайно! Случайностей вообще нет! Эта сила будет хранить меня и далее, если только я не сойду с пути – вот как объяснялся явленный мне Знак. А как по-другому объяснить? Правда, тогда я еще не вполне представлял, в чем заключается мой путь, в чем мое предназначение. Смут-

но понимал, что выстраивается некая линия, – Ольшанский провел рукой в воздухе, словно гладил по поверхности стола, – и на ней, как звезды в созвездии, горят слова: Атлантида, Аркаим, Беловодье, Шамбала. И я стою на этой линии... Но где, в какой точке? В чем мое предназначение? И вот интерес к теме снова вспыхнул во мне. А время тогда, напоминая, стояло советское, со всякой занимательной литературой было туго, Интернет еще не изобрели. Приходилось собирать по кусочкам, по лоскуточкам, по обрывочкам, там, сям... кое-какими знаниями я обогатился, но все равно ответа на главный для себя вопрос не получил... Однако – не было бы счастья, да несчастье помогло. Ежели вы забыли, то напомню, что меня незадолго до перестройки отправили на баланду. Спасибо лично Тебе.

Ольшанский задрал голову к потолку салона автомобиля, обращаясь в этот момент, надо думать, прямым к небу.

– Юрий Владимирович Андропов, развернувший бурную деятельность по отлову узбекских хлопковых баев, прогульщиков по кинотеатрам, а заодно и подпольных советских миллионеров в городах Сибири – вот кто меня посадил...

...Рассказ Ольшанского становился путанным и щедро приправленным многочисленными подробностями, к делу отношения не имеющими, однако Сварог слушал внимательно и не перебивал, поскольку, во-первых, вопрос касался Аркаима, а во-вторых... Во-вторых, Сварог сам полагал, что все его приключения и встречи далеко не случайны, что за всеми ними стоят некие силы.

И не обязательно бесовские...

Короче, в лагере Ольшанский пережил клиническую смерть. История вышла преглупая. Стычка в бараке между двумя зековскими группировками, он полез растаскивать. Ну и, понятно, сам получил. Здоровенный амбал с одной извилиной в башке засадил кулачищем ему точнехонько в сердце, от ушиба моторчик-то и остановился. Потом одни говорили, что состояние, когда Ольшанский валялся, аки труп хладный, и не прощупывался пульс, и вообще никакие признаки жизни не угадывались, – длилось несколько секунд, другие говорили о нескольких минутах. Самому ему, по вполне понятным причинам, судить о том, сколько времени прошло, было бы затруднительно. Хотя он и не провалился в совершеннейшее, темное беспмятство. Отнюдь...

Не было никакого туннеля, который обычно описывают люди, пережившие клиническую смерть. Ну, или они описывают колодец... что, по сути, тот же туннель. А видел Ольшанский облака. Вокруг были одни облака, эдакие нагромождения небесной ваты, и он падал сквозь них. Падение было быстрое, но постепенно замедлялось. Затем перешло в парение, будто летишь на дельтаплане.

Когда он выскочил из облаков, то, как из огня да в полымя, попал в густой туман, который, вопреки всем законам природы, поднимался высоко, едва не доставая края облаков. Но все же между этими слоями был просвет, и Ольшанский успел кое-что разглядеть там, на земле...

Помните, господин Сварог, был такой древний эстонский фильм «Отель “У погибшего альпиниста”»? Лана вряд ли его видела, возрастом не вышла, да и на других картинах воспитывалась, а вы-то наверняка смотрели – в те годы

любая фантастика на киноэкранах была гостем наиредчайшим, как наша, так и зарубежная. Даже такая дурь была редкостью. Вот и у него, у Ольшанского, было как в том фильме: высокогорье, заснеженные склоны, кругом, куда ни глянь, сплошные горы, снег, камни, безлюдье и – единственное жилище посередине всего этого снежно-горного безмолвия. Жилище это казалось занесенным сюда сошедшей с гор лавиной, занесенным ненадолго – до следующей лавины, которая смахнет его вниз.

Потом Ольшанский погрузился в густой беспросветный туман и ничего не видел до тех пор, пока ноги не коснулись земли. А почувствовав под ногами опору, осмотрелся и кое-что все же разглядел. Сквозь туман проступали очертания высокой каменной ограды и смутно – темных строений. К ним-то он и направился, сам мало понимая, зачем и почему. Впрочем, так обычно в снах и бывает...

...А туман стоял такой, что сделал бы честь любому Лондону... Еще книжка такая есть. Кто ее написал? «Я тоже, господин Сварог, не помню». Там про то, как на весь белый свет напозаает непроглядный туман, а в тумане том водятся чудовища, одно другого монструознее и злее... Так вот: в этих его, Ольшанского, видениях если и обитали некие чудовища и крались сейчас в тумане, то самое время им было выпрыгивать и вцепляться острыми зубками, чтобы не опоздать совсем. Потому что он довольно быстро одолел расстояние до тех самых строений, уже подошел к высоким деревянным воротам, по краям обитым самокованными железными полосами, и в эти ворота принялся настойчиво стучать.

Сперва послышались протяжное шуршание, звяканье и стук, потом заскрипели воротные петли. Одна половина ворот отошла внутрь, и в проеме показался бритоголовый человек с раскосым азиатским лицом, одетый в желтый балахон, какой носят буддийские монахи и священнослужители. Он оглядел Ольшанского, на его лице не отразилось ровным счетом ничего, бровью не повел, ни единым мускулом не дрогнул. Потом что-то спросил на незнакомом языке – но Ольшанский его почему-то отлично понял! Монах спросил, нет ли еще кого-нибудь. Отставших, заблудившихся, – вот что сказал монах. А Ольшанский ни слова не произнес в ответ, ни по-русски, ни по-английски. Он просто пожал плечами. Бритоголовый (а не только волосы, но и брови у него были сбриты) не пытался более налаживать с ним диалог, а отступил, еще больше приоткрыв створку ворот, и жестом руки показал: мол, входи, путник.

Пройдя в ворота, Ольшанский оказался на просторном песчаном дворе. Дождался, пока бритоголовый человек сведет воротные створы и задвинет в скобы затворный брус, потом направился следом за фигурой в желтом балахоне. Ничего толком нельзя было разглядеть сквозь туман. Угадывались очертания каких-то строений...

Они шли через обширный двор, и под ногами похрустывал песок. В гробовой тишине (хотя и хотелось на всякий пожарный избегать такого рода сравнений) этот хруст звучал прямо-таки оглушительно, гранатным грохотом отдавался в ушах. И Ольшанский против воли старался ступать мягче. «Хоть бы брякнуло, грохнулось, звякнуло что-то... Например, плохо закрепленное ведро. Или каменюга какой с горы скатился. А то аж жуть продирает».

Сквозь клубы тумана он разглядел в глубине двора высокое, где-то в полтора человеческих роста, сооружение из камней, более всего напоминающее...

пирамиду. Спрашивать у проводника: «Что это такое?» – он не стал. Опять же – по совершенно непонятной причине.

«Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана», – припомнился Ольшанскому детский стишок, когда из тумана им навстречу вдруг выплыл еще один бритоголовый азиат в желтых одеждах, прошел мимо, из тумана в туман, не то что ножика не вынув, но даже не взглянув в их сторону...

Неясные пятна и неотчетливые контуры приближающегося строения постепенно сложились в фундамент здания, крыльцо и лестницу, идущую вверх снаружи по стене здания по типу пожарной. Насколько велико здание, отсюда, снизу, понять было невозможно, лестница уходила в туман, как в облака, поэтому и дом, казалось, не имеет крыши и завершения. И вдруг все стало размываться и пропадать...

– Тогда я так и не узнал, куда привел меня бритоголовый, – сказал Ольшанский, глядя на дорогу. – Я узнал об этом много позже. А в это время соллагерники делали мне массаж сердца и искусственное дыхание и вернули меня к реальности. Вырвали меня из видения.

Ни тогда, ни после Ольшанский ни на секунду не усомнился, что это был еще один Знак. Ему указывали путь. Ему показывали место, которое он должен отыскать, а отыскав, что-то обязан там узнать для себя. И нашел он это место спустя одиннадцать лет.

Впрочем, гораздо раньше Ольшанский, так сказать, сузил район поисков и определил объект. Помогли явленные в видении подсказки. Пирамидальное сооружение в полтора человеческих роста высотой, как заверили его щедро оплачиваемые консультанты, было не чем иным, как Ступой. Ступа – это обязательная принадлежность буддистских монастырей, вертикальная модель мироздания и памятник Просветленному Уму Будды, ее начинают строить вместе с монастырем...

После этого не оставалось уже сомнений, что раскосые бритоголовые люди в желтых одеждах – монахи, ну а само место – не что иное, как затерянный в горах монастырь. Только где именно, в каких горах? Большинство из консультантов, с которыми советовался Ольшанский, приводя разные аргументы, все же сходились на том, что монастырь находится, скорее всего, в Тибете или Непале. Только там таких монастырей полным-полно, тут же добавляли ученые, а кроме того, не про все горные монастыри известно на равнине и в городах. И уж тем паче не во всякий монастырь приведут белого человека.

Зацепок было немного. И все же Ольшанский отыскал этот монастырь, который существовал и в реальности, а не только в видениях. И тут спасибо надо сказать уже не генсеку Андропову, а козлу вонючему, алюминиевому магнату Зубкову, пошедшему на олигарха войной...

– Город Старовск, – прочитала Лана название населенного пункта на придорожной табличке.

Глава третья ВДАЛИ ОТ ШУМА ГОРОДСКОГО

Старовск они проскочили за считанные минуты, хоть и сбросили скорость до сорока км/ч в час, как того требовали суровые правила дорожного движения и почему-то обилие гаишников на дороге. Ольшанский несколько на-

прягся, но все обошлось, никто их не остановил. Большой протяженностью Старовск похвастать никак не мог, да и обогнули они его по окраине, не заезжая в центр. И вот перечеркнутая табличка «Старовск» осталась позади. Еще какое-то время вдоль дороги тянулись отчего-то не вошедшие в городскую черту обнесенные шаткими заборчиками частные дома с непременно огородами, но и они вскоре пропали за кормой джипа. Слева и справа стеной встала тайга, с каждым километром подступавшая к дороге все ближе.

– Не понял, – сказал Сварог, – мы же должны были что-то забрать в этом Старовске, кого-то захватить, а также отдохнуть, перекусить и насладиться видами этого чудного города. Или я что-то напутал?

– Увы, приходится быть чертовски осторожным, мон колонель, приходится натаптывать ложный след, в такие времена живем, никому нельзя верить, – с деланной скорбью произнес олигарх. – Чем меньше знают друзья, тем меньше знают враги. Что знают двое, то знает и свинья.

– Ну, ну, герр Мюллер, старый лис, – Сварог покачал головой. – А отчего-то я нисколечки не удивлен, представьте.

– Ладно, на сей раз скажу вам истинную правду – ваши расчеты на отдых скоро оправдаются. Часика через два, это ведь скоро?

Ольшанский замолчал. Уточнить насчет отдыха, равно как и продолжать свой рассказ про тибетско-непальские монастыри, он не намеревался, видимо, отложив все это до того самого таинственного места, до которого осталось «часика два»...

Езда пошла насквозь унылая. Пейзаж за окнами не радовал большим разнообразием – деревья и сопки, изредка ручьи и речки. Сопки то подступали вплотную к дороге, то отпрыгивали подальше. Сварог ожидал, что асфальт вот-вот закончится. Ежели закончились обитаемые места, то кому нужен этот ваш асфальт, скажите на милость?

Так оно и вышло. Вскоре они уже катили по грунтовке, дорога становилась все уже, вот-вот и ветки начнут хлестать по стеклу...

На одной из развилок они свернули с грунтовки на еще более узкую и уж совсем, что невооруженным глазом видно, малопроезжую дорогу. С колдобинами не справлялись даже амортизаторы олигархических автомонстров, и пришлось им всем досыта попрыгать на автомобильных сиденьях.

– Блин, куда ты нас завез... – начала было Лана, но тут же утихла, едва не прикусив язык.

– Сейчас увидишь, – пообещал Ольшанский.

И действительно, неизвестность тянулась недолго. Лес расступился, и взорам открылся хуторок в лесу. Бревенчатый дом, дощатые сараи, ухоженный огород – все это обнесено высоким частым стамовником. Дорога упирается в ворота (довольно хилые, видимость, а не ворота). Дальше хутора дорога не ведет.

– Похоже на дом лесника, – сказал Сварог. – Именно так они обычно и выглядят.

– Он и есть, – сказал Ольшанский. – Несколько лет здесь работает егерем мой человек. За лесом приглядывает надежно, у него не забалуешь, не забраконьерствуешь. Отсюда и до Аркаима рукой подать... ежели мерить по сибирским меркам, конечно. А за Аркаимом тоже тщательный пригляд нужен.

Машины остановились перед воротами. Из первого джипа выскочил шо-

фер, размотал скрепляющую створки проволоку, распахнул ворота.

Машины въехали на просторный двор, остановились у крыльца. Хлопнули дверцы, хлопцы привычно рассредоточились по двору, держа обстановку, Ключник же застыл за спиной олигарха.

Хозяин, вопреки ожиданиям, появился не из дверей дома, а откуда-то из-за сараев. Был он в свитере, непромокаемых охотничьих штанах со множеством карманов, кирзовых сапогах. И с охотничьим карабином в руке. Сварог не сомневался, что, заслышав шум моторов, лесник выскочил из дома, может быть, выпрыгнул из окна, чтобы сперва со стороны поглядеть, кто пожаловал, и в зависимости от этого либо выйти с распростертыми объятьями, либо на партизанский манер уйти в тайгу. Значит, есть кого опасаться гражданину отшельнику...

– Осторожен ты, брат, как я погляжу, – такими словами встретил «своего лесника» Ольшанский.

Это был невысокий, худощавый азиат. Как полагается, раскосый и скуластый. К какой именно народности принадлежит хозяин лесного хутора, по лицу Сварог определить не мог даже приблизительно. А помнится, когда-то его учили в этом разбираться, но поскольку навыки по-настоящему ни разу не пригодились, то учение забылось – голая теория, знаете ли, всегда плохо приживается. Да и возраст товарища лесника Сварог не взялся бы угадать. Равно может быть как тридцать, так и все пятьдесят. С этими восточными людьми ни в чем нельзя быть абсолютно уверенным.

– Будешь тут осторожным, – чуть усмехнулся лесник. – Недавно из Старовска приезжали поквитаться любители незаконного отстрела бедных диких животных. Серьезные люди, между прочим.

– Не начальник ли милиции Старовска? – спросил Ольшанский. – Который не единожды обещал навести в лесу порядок и по единственно справедливым таежным законам разобраться с наглым лесником, который никак не может уяснить, кто в районе хозяин и кому все позволено?

– Он, – лесник улыбнулся загадочной восточной улыбкой. – Привез с собой еще две машины дружков.

– И вооружены все были, конечно, что твоя воздушно-десантная дивизия?

– А как же, – лесник мазнул по Сварогу своим загадочным восточным взглядом, и отчего-то Сварогу сделалось от этого взгляда не по себе. Но детектор опасности молчал в тряпочку. – На одни погоны и удостоверения решили не полагаться.

– Сколько уцелело? – деловито спросил Ольшанский.

– Двое рядовых ментов, которые вовремя сообразили, как надо правильно себя вести. Они же и... подчистили все следы.

– Ты их отпустил? Думаешь, они никому не расскажут?

– Расскажут. Но представят дело так: начальник лично возглавил погоню за опасными преступниками и погиб на боевом посту вместе со своими героическими сподвижниками. И я тебя уверяю, этим ментам и в голову не придет рассказать правду хоть кому-то, пусть и под строжайшим секретом. Даже женам и надежнейшим из друзей.

Произнесено это было без всякой патетики, можно сказать, небрежно, но было в словах и взгляде лесника нечто такое, отчего Сварог преисполнился уверенности: все так и есть, эти чудом выжившие менты и под пытками не

признаются, что же на самом деле произошло в тайге.

Так вот почему столько гибэдэшников на трассе: по случаю героической гибели начальника Старовского ГУВД от лап злобных рецидивистов наверняка объявлен какой-нибудь там «Перехват» или «Невод»...

– Так кого ж ты еще боишься, сокол мой? – спросил Ольшанский, закуривая. – Разве остались еще какие-то враги?

– Сюда нет-нет, а наезжают еще и из других городов, и из других районов. Приходится вразумлять. А кто-то мог затаить на меня злобу.

– Жаль лишать тайгу такого защитника, – с притворной печалью вздохнул Ольшанский. – Но придется. Тебя как представить моему новому знакомому – твоим настоящим именем или тем, которое у тебя в последнем паспорте?

– А что... – голос лесника как-то странно изменился. – Пришло время... называть имена?

– Пришло, – кивнув, со всей серьезностью сказал Ольшанский. – Пришло это время.

И тут с лесником стали происходить вещи престранные и поразительные. Сварогу крайне редко приходилось видеть, чтобы люди бледнели так молниеносно и качественно. Как стена. Как мел. Лицо азиата враз утратило пресловутую азиатскую непроницаемость. Какое там «утратило»! На его лице явственно проступила полнейшая растерянность. Он прямо-таки задрожал лицом, глаза округлились, а взгляд заметался – с Ольшанского на Сварога и обратно. На миг Сварогу показалось, что сейчас лесник непременно вытянет дрожащий палец в его сторону или в сторону олигарха, сопровождая жест каким-нибудь протяжным нечленораздельным мычанием. Но нет. Лесник все же справился с собой, хотя, похоже, это стоило ему немалых усилий. Помогло, не иначе, врожденное азиатское умение управлять своими эмоциями. Он опустил глаза в землю и произнес довольно ровным голосом:

– Тогда называй меня моим именем.

– Позвольте представить, – повернувшись к Сварогу, с некоторой торжественностью произнес Ольшанский, – мой верный... компаньон Донирчеммо Томба. А это господин Сварог, который прибыл из Африки вместо профессора Беркли, но так пока и не рассказал, что же стало с профессором. Так ты будешь держать нас во дворе или пригласишь в дом?

– Да, конечно. Проходите.

Лесник первым взбежал по лестнице крыльца, распахнул дверь, заглянул внутрь дома, сразу за порогом поднял руку и что-то привычно нащупал у стены. Оказалось – коробок.

Чиркнув спичкой, Томба зажег свечу, вставленную в стеклянный фонарь. Светильник сей, надо признать, немного высветил, разве что дал понять: они находятся в коридоре.

– Забыл предупредить, – наклонившись к Сварогу, отчего-то шепотом проговорил Ольшанский. – Донирчеммо Томба не жалуется электричество. Живет при лучине.

– Однако в сарае стоит дизельюшка, и запас топлива имеется, – услышав его слова, сказал лесник. – Ради вас могу запустить.

– Не надо, – отмахнулся Ольшанский. – Может, попозже, когда совсем стемнеет.

– А разве мы здесь заночуем? – спросила Лана.

– По тайге ночью много не наездишь, – сказал олигарх. – Отправимся завтра с рассветом, к десяти будем на месте. В самый раз прибудем.

Без всяких указаний со стороны начальника вся охрана Ольшанского, и Ключник в том числе, осталась внизу.

Повесив светильник на крюк возле двери, лесник жестом пригласил гостей за собой. Через сени Томба провел их в просторную гостиную, тут же стал обходить комнату, зажигая висящие в углах свечные фонари.

Обстановка здесь была воистину аскетическая: циновки на полу, около полудюжины деревянных колодок с набитыми поверху кусками войлока (то ли крохотные табуретки, то ли подголовники, задуманные как замена подушкам). А добрую половину комнаты занимал стол на коротких, сантиметров двадцать, ножках. Стульев, пусть и таких же мелких, к нему не прилагалось. Вот и вся обстановка, не считая стен, потолка и фонарей. Сразу приходили на ум такие выражения, как примат духовного над материальным, отказ даже от мало-мальских плотских радостей во имя укрепления силы духа, во имя самосовершенствования и еще более глубокого проникновения в Истинное Знание... Монастырем пахнет, короче говоря. Вернее, монастырскими привычками.

Случайно ли?

– М-да, не зашикуешь, – тихо проговорила Лана, ни к кому конкретно не обращаясь. – А вокруг безлюдная тайга, точно такая же, как и тысячи тысяч лет назад... Бог мой, даже как-то не верится, что где-то есть компьютеры, Интернет, стереосистемы и реклама. А также биржевые котировки и идиотское шоу Малазова. Не верится, что где-то в офисах люди готовы душу дьяволу продать за повышение из младших клерков в полусредние. И начинаешь думать: а так уж ли важно и необходимо все вышеперечисленное? – она печально вздохнула. – Видишь, Ольшанский, что делает тайга даже с насквозь практичными женщинами...

– Возвращает к истокам, – хмыкнул олигарх. – А может, ты просто завидуешь, а? Потому что закрадывается мыслишка: а вдруг живущие тут счастливее всех нас, так называемых цивилизованных людей?

– А на мой взгляд, философствовать гораздо сподручнее на сытый желудок, – вставил и Сварог свое слово. – Пора бы уж и подкрепиться.

– Эт-то верно, – согласился Ольшанский. – Донирчеммо, сходи потом к машинам. Там у ребят в багажниках кое-что прихвачено с собой...

После чего олигарх опустился на циновки, сел, сноровисто подогнув под себя ноги, и жестом призвал Сварога и Лану последовать его примеру.

– А... – открыла было рот Лана.

– А стульев в этом доме нету, ни одного, – предвосхитил ее вопрос Ольшанский.

– Ну и завез ты меня, – пробурчала Лана и попыталась примоститься на обитых войлоком деревянных колодках, но у нее ничего не получалось, она плюнула и, сев на циновки, заплела ноги каким-то замысловатым способом, едва не морским узлом, продемонстрировав недюжинную гибкость в членах. Ну а Сварог, не мудрствуя, без должной грациозности и без акробатических изысков уселся на пол по-турецки.

– Очень романтическая обстановка, не находишь, прелесть моя бывшая? – с явной подначкой обратился к Лане олигарх.

– Да пошел ты в жопу со своей романтикой, – огрызнулась та.

Обещанной трапезы ждать пришлось не дольше получаса. Беседа за столом как-то не клеилась все это время, они вяло, без всякого энтузиазма обменивались короткими репликами. Вялость, наверное, была от усталости, в общем-то, напрашивалась какая-то встряска. Может, сытный ужин встряхнет?

Наконец лесник с невыговариваемым именем накрыл стол. На молочного цвета скатерть поставил четыре вместительные глиняные миски с чем-то белесо-коричневым и яростно дымящимся, медное блюдо с лепешками, плоску с чищеными лесными орехами и плоску с плавающим в коричневом соусе яством, похожим на грудку миниатюрных голубцов. На подносе пускал пары из носика медный чайник, окруженный, как генерал адъютантами, мелкими, на один глоток, чашками. Отдельный угол стола был выделен под яства из багажников машин: копченую колбасу, сыр, ветчину, какие-то жестянки и прочие баночки. А кроме того, из тех же багажников на стол попало три бутылки – водка, коньяк, вино.

Назначение блюда с водой, принесенного лесником в последнюю очередь и водруженного в центр стола, Сварог угадал правильно – омовение. Пример показал Донирчеммо Томба, первым окунув пальцы в чуть теплую, дурманно пахнущую травами воду, после чего несколько раз сильно встряхнул кистями рук. «Сомнительная гигиена, – подумал Сварог, дождавшись своей очереди макнуть конечности. – Надо быть железно уверенном в чистоте рук того, с кем садишься за стол... Ну оно, правда, лучше, чем вовсе никакой гигиены».

– Не знаю, кто как, а я предпочитаю стряпню Донирчеммо Томба, – заявил Ольшанский, вытирая руки льняной салфеткой. И свои слова он подтвердил тем, что вооружился палочками для еды и поднял со стола дымящуюся глиняную миску.

Донирчеммо Томба, закончив все хлопоты, привычно опустился на пол, ловко подвернул ноги. Он, разумеется, тоже предпочел свою стряпню. Да и Сварог, подумав, последовал его примеру.

Вопреки ожиданиям, еда оказалась вполне даже ничего. Правда, ни кусочка мясного на столе и в мисках не отыскалось. В мисках обнаружилась лапша в большом количестве, вареные овощи, крошеные сырые овощи, изюм и какие-то вареные корешки, по вкусу отдаленно напоминающие курятину. Все это было залито неким коричневым отваром и обильно приправлено специями, напрочь изничтожающими изначальный вкус блюда, но создающими новый и, следует признать, недурственный вкус. И никакого, заметьте, яда не подсыпали в угощение – что весьма радовало и обнадеживало.

Некоторое время все молча насыщались. Правда, Лана предпочла продукты, привезенные с собой. Она попробовала лепешки «от Донирчеммо Томба», у которых, кстати, был медовый привкус, скривилась и перешла на более привычную еду.

Молчание нарушил Ольшанский. Он налил только себе (другие отказались) коньячку, пригубил его, сказал, обращаясь к Сварогу и Лане:

– Пари держу, вы сейчас гадаете, мучаетесь вопросом: а кто таков этот наш хозяин и что за неслыханное у него имя – Донирчеммо Томба? А имя самое что ни на есть тибетское, скажу я вам, хотя... Ну впрочем, надо по порядку...

Он выпил коньяк. Странно, но Ольшанский обвалью, лавинообразно трезвел прямо на глазах.

– Итак, мы с алюминиевым Зубковым не сошлись во мнениях по некоторым деловым вопросам. И умные люди мне сказали: «Беги, ежели хочешь еще немножко пожить. И желательнее как можно дальше. Пересиди где-нибудь, пока закончится передел». Я внял мудрым советам. Потому как и сам премного был наслышан о господине Зубкове. А ломать голову над тем, где отсидеться, не пришлось. Наконец-то у меня появилось свободное время выбраться в Тибет и в Непал и заняться поисками монастыря из своего видения.

Начал Ольшанский с Тибета. Горных монастырей в тех краях действительно оказалось преогромное множество. Чтобы просто обойти их все, потребовался бы не один год. Ну даже не в этом была главная проблема, а в нем самом. Кто он такой для тибетцев? Белый турист. Или лучше сказать, белый дурачок с деньгами, которого надо на эти деньги развести. Оказалось, эти проклятые ламы великолепно насобачились вешать лапшу на уши и знают, что надо петь туристу. Они довольно много выдоили из Ольшанского, глубокомысленно вещая о тайнах бытия, о «третьем глазе», о прочей ерунде. Так бы и дурили дальше, облегчая кошелек, ежели б однажды к Ольшанскому не пришел... вот он.

Олигарх кивнул в сторону Донирчеммо Томба.

– До него дошел слух, что какой-то русский пристаёт ко всем с расспросами о горных монастырях и ему нужно всенепременно отыскать какой-то определенный монастырь. «Уж не тот ли самый монастырь ему нужен?» – так подумал вот этот азиатский человек, потому и пришел ко мне... А теперь продолжай ты.

Лесник-азиат поставил на стол недопитую чашку чая и едва заметно поклонился.

– Вы ничего не слышали о Джа-ламе? – спросил он, посмотрев по очереди на Лану и Сварога, и ответом ему было пожатие плечами и разведенные в стороны руки. – Джа-лама, «святой-разбойник». Знаменитый был человек. Между прочим, по происхождению астраханский калмык. У него был собственный город-крепость на границе китайских провинций Синь-Цзян и Цин-хай. Джа-лама грабил караваны, проходящие поблизости от его владений. Это происходило в конце первой четверти двадцатого века...

– Это легенда? – перебила Лана. Ее вопрос бесспорно был порожден былинным тоном повествования и... вызвал странную реакцию у лесника и олигарха. Оба одновременно засмеялись.

– Нет, это был, барышня, – сказал Донирчеммо Томба. – Самая что ни на есть. Думаю, еще можно отыскать людей, воочию видевших Джа-ламу. Им, конечно, лет под сто, но в горах хватает долгожителей. А главное доказательство того, что Джа-лама никакая не легендарная выдумка...

– ...будет явлено чуть позже, – перебил Ольшанский. – Иначе это нас отвлечет.

– Хорошо, – опять чуть заметно поклонился лесник. – Тот случай, о котором я вам расскажу, произошел в девятьсот двадцать третьем году. Джа-лама напал на монастырь Намчувандан. В иные годы он ни за что не осмелился бы на такую дерзкую выходку, побоялся бы гнева Далай-ламы...

– Подождите, подождите, – сказал Сварог. – Название монастыря... Где-то я его уже слышал. Причем совсем недавно...

– Совершенно верно, именно недавно, – хитро подмигнул ему Ольшанский. – Я же вам говорил, что нет в этом мире случайностей и все взаимосвязано. Так называлась храмовая реликвия, хранившаяся в бурятском дацане. Цветок лотоса. Теперь вы понимаете, что, услышав от пришедшего ко мне незнакомца название монастыря, я враз переменяю к нему отношение – поначалу-то я был уверен, что он явился морочить мне голову и деньжат срубить. Кстати, с тибетского слово «намчувандан» переводится как «десять сил».

– Так я продолжу, – дождался своей очереди лесник. – В иные годы Джа-лама ни за что не осмелился бы на такую дерзкую выходку, побоялся бы гнева Далай-ламы. В то время Тибетом правил Далай-лама Тринадцатый...

Далай-лама управлял страной с середины девяностых годов девятнадцатого века и до своей кончины в тридцать третьем году века двадцатого. Его считают человеком, открывшим Тибет для остального мира, хотя точнее будет выразиться «вынужденно приоткрывшим». Далай-лама во внешней политике придерживался, как сейчас говорят, системы сдержек и противовесов. В те годы, о которых вел речь Томба, для Тибета все складывалось очень непросто. Натянутые отношения с Пекином, постоянная готовность войны с Китаем... А тут еще в результате Синьхайской революции на свет появляется Южный Китай и его чрезвычайный президент, основатель партии гоминьдан Сунь Ятсен тоже заявляет о своих притязаниях на Тибет. Вдобавок «красные русские», как в Тибете называли большевиков, заняли Монголию, приблизились к границам Тибета, разом превратившись из угрозы далекой и мифической во вполне реальную и близкую. И тут же, разумеется, активизировались англичане, в том веке главные противники русских на Востоке. Англичан никак не устраивало, чтобы «красные русские» вошли в Тибет и превратили его в плацдарм для дальнейшего проникновения на Восток и, в первую очередь, в Индию. Так англичане стали еще и переворот готовить...

– Простим Донирчеммо его многословие, – усмехнулся Ольшанский, цедя коньяк. – Для него все это крайне важно, и вскоре вы поймете почему. А как потом выяснится, и для нас это не менее важно. Продолжай, Донирчеммо.

Итак, англичане вступают в тайные переговоры с Панчен-ламой, вторым по значимости духовным лидером буддистов: Панчен-лама должен занять место Далай-ламы. Англичанам вести тайные сношения очень удобно – Панчен-лама живет в монастыре Ташил-хумпо в Южном Тибете, его владения лежат на границе Тибета с Индией, главной английской колонии на Востоке. Так же удобно будет англичанам в случае чего ввести из Индии в «Снежную страну» экспедиционный корпус. Заручившись поддержкой англичан, Панчен-лама начинает объединять вокруг себя недовольных нынешним Далай-ламой.

А при дворе самого Далай-ламы тоже все не слава богу. Ссорятся две могущественные партии: консервативная партия высшего духовенства (партия лам) и сторонники преобразований (англофилы во главе с министром обороны Царонгом). Ко всему прочему, некая часть вельмож вынашивает замыслы создания так называемого Великого Тибета с присоединением соседних китайских провинций и за спиной Далай-ламы ведет поиски сильного союзника за пределами страны.

Неспокойно и в монастырях. Крупнейший и влиятельнейший монастырь

Дрепунг в открытую недоволен политикой Лхасы, в окраинных монастырях волнения, было даже самое настоящее восстание монахов, придерживающихся прокитайской ориентации.

– Я вам рассказываю обо всем этом так подробно, – размеренно говорил Томба, прикрыв веки, – чтобы вы поняли, почему разбойник Джа-лама решился на столь беспрецедентный для буддиста... нет, это слишком мягкое определение... на столь кощунственный поступок, как нападение на монастырь. Впрочем, слово «поступок» неверное, верное – преступление. Он пошел на это преступление, прекрасно понимая, что сейчас властям Тибета не до какого-то разбойника и все ему преспокойно сойдет с рук... Однако достаточно представить себе карту Тибета, как сразу возникает вопрос: почему для нападения Джа-лама выбрал далеко не самый близкий к его владениям монастырь? И это еще мягко сказано, не самый близкий!

Разное говорят. Кто-то считает, что Джа-лама якобы прослышал о несметных сокровищах, хранящихся в монастыре. Например – о некоем артефакте, способном одарить владельца силой древних героев... Но большинство людей объясняло все гораздо проще: Джа-лама оказался в этих краях, преследуя богатый караван, а когда по каким-то причинам караван упустил, то выместил злость нападением на монастырь, оказавшийся на свою беду ближе прочих. К тому же как главарь он не мог допустить, чтобы рядовые члены шайки разуверились в удачливости своего предводителя... Правда, все почему-то упускают из виду одно маленькое, но очень важное обстоятельство. Часть прозвища разбойника переводится как «святой». А это означает, он подавал себя людям как истинно верующий, примерный буддист. Преследования властей он не боялся, но ведь непременно пошла бы молва о том, как он грабит монастыри. Эта молва могла переменить к нему отношение... даже отворотить от него людей. Нет, чтобы просто выместить злость и успокоить своих башибузуков, «святой-разбойник» скорее предпочел бы напасть на какую-нибудь деревню или даже вернуться ни с чем...

– Я тебе всегда говорил, что это никакой не аргумент, – перебил лесника Ольшанский. – Знал я преступников, которые прикидывались верующими похлеце этого Джа-ламы, что не мешало им проделывать штуки, перед которыми грабеж монастыря – всего лишь веселая детская проказа вроде игры в куличики... – Он повернулся к Сварогу. – Но вообще-то, мне сразу понравилась идея насчет артефакта. А вдруг, подумал я, артефакт существует на самом деле и вдобавок до сих пор находится в монастыре? А вот золоту, сразу сказал я тогда себе и Донирчеммо, в заштатном монастыре взяться неоткуда, это все выдумки.

– Я позволю себе продолжить и рассказать, чем все закончилось, – как ни в чем не бывало сказал Донирчеммо Томба. – Джа-лама привел примерно около сотни своих людей к монастырю. Оружия у него было вдоволь – в придачу к прочим своим подвигам Джа-лама довольно активно приторговывал оружием: ведь его город-крепость находился возле самой границы... Известно, что его люди были вооружены британскими винтовками «Ли Энфилд», что у них с собой было по меньшей мере два пулемета и динамитные пашки в немалом количестве. В монастыре же, разумеется, никакого оружия не было, ибо это табу.

В общем, монастырь был почти разрушен, однако, как ни странно, Джа-лама тоже не победил. Он потерял почти всех своих людей и убрался ни с чем. А вот из монахов в живых остался лишь настоятель хамбо-лама Догпа Кхенчунг и один из послушников – хувараков... О деталях происшедшего мало что известно. Сохранились две легендарные версии событий. Согласно первой, монахи, отступая, заманили разбойников в монастырский дацан, с помощью неких механизмов обрушили здание, похоронив и нападавших, и себя под обломками. А вот вторая легенда гласит, что монахи владели тайным знанием, позволявшим им без оружия противостоять ораве вооруженных до зубов бандитов...

– А в легендах хотя бы намекают на то, что это было за тайное оружие? – заинтересовалась Лана.

– Нет, ничего, – покачал головой Донирчеммо Томба. – Но мы впоследствии учитывали то обстоятельство, что тайное оружие могло сохраниться и по сей день. Раз настоятель остался в живых, он должен был передать знание ученикам, а те – своим ученикам.

– Надо так понимать, что вы оба направились в тот монастырь? – спросил Сварог, задумчиво крутя в руке стакан с вином.

– Ага, – кивнул Ольшанский, доливая в рюмку остатки коньяка. – Я уже почти не сомневался, что монастырь Намчувандан – тот самый, который утопал в тумане в моем видении во время клинической смерти. Слишком много совпадений для простой случайности. И, кстати говоря и забегая вперед – я оказался прав.

Он помолчал, вспоминая, а потом сказал:

– Мы были друг в друге заинтересованы. Донирчеммо знал, где находится монастырь, знал язык и местные обычаи, разбирался и в монашеских делах, потому как одно время и сам был монахом. А у меня были деньги, без которых в нашем предприятии никак не обойтись. Монастырь располагался очень высоко в горах. Чтобы добраться до него, нужно было организовать настоящую экспедицию: запастись провизией на неделю, купить – вы будете смеяться! – мулов, набрать подарков, чтобы было чем расположить к себе монахов, нанять проводника по горным тропам. Да и потом, ежели артефакт и в самом деле существует, кто сказал, что нас подпустят к нему бесплатно!

– Подождите, подождите... Зачем вам понадобился тот монастырь, я понимаю, – сказал Сварог. – Но зачем он понадобился уважаемому Донирчеммо?

– В том-то все и дело! – Ольшанский взмахнул рукой, едва не опрокинув тарелку. – Помните, я вам сказал, что Джа-лама – не выдумка былинных сказителей и тому имеется убедительнейшее доказательство? Это доказательство сидит перед вами. Донирчеммо Томба – внук того самого, знаменитого «святого-разбойника» Джа-ламы!

– Истинная правда, – кивнул лесник. – Разбойник Джа-лама – мой дед. После того как я узнал, чья кровь течет в моих жилах, во мне все перевернулось. Это было самым сильным потрясением в моей жизни. Меня охватила одна-единственная страсть – узнать о моем деде Джа-ламе как можно больше. Страсть была настолько сильной, что я даже испугался этой силы, она раздирала меня на части. Чтобы успокоиться и разобраться в себе, я несколько лет провел в монастыре в Монголии. Именно там я со всей отчетливостью осознал, что мне не уйти от этого проклятия – я должен пройти по следам своего

деда Джа-ламы, только так я обрету самого себя. И если Джа-лама зачем-то рвался в монастырь Намчувандан, я тоже должен был побывать там и выяснить, что заставило моего деда напасть на обитель...

– Замечу, что Донирчеммо появился в Тибете одновременно со мной, – Ольшанский повернулся к Сварогу: – Еще одна случайность, скажете?

Сварог в ответ пожал плечами. И был в этом жесте совершенно искренен.

– Вы замечательно говорите по-русски, – Лана вскинула глаза на Донирчеммо Томба. – А как утверждает Ольшанский, и по-тибетски тоже. И имя у вас тибетское. А еще, насколько помню, были какие-то астраханские калмыки, из которых происходил ваш дед. Как все запутано, однако...

– Даже более запутано, чем вы себе представляете, – усмехнулся лесник. – Потому что еще были монголы, благодаря которым я и заговорил по-русски. Дело в том, что мой отец ушел из города-крепости Джа-ламы, забрав всю свою семью. Ушел еще при живом деде. Шаг с его стороны был отчаянный. С одной стороны, он предчувствовал, что век Джа-ламы заканчивается и вот-вот до «святого-разбойника» доберутся если не те, то эти. И тогда всему ближайшему окружению «горного Робин Гуда» придется несладко, а в первую голову достанется, конечно, детям разбойника. С другой стороны, вместо благополучной жизни в городе-крепости мой отец обрекал семью на скитания и неизвестность... Он выбрал последнее.

Лесник на несколько секунд замолчал, глядя на догорающую в фонаре свечу. Его скуластое лицо на миг окаменело, на него легла тень.

– Я не могу обсуждать выбор отца, – заговорил он снова. – Он сделал его, и на этом все... Наша семья долго скиталась, жила в нищете. Я родился уже в Монголии. С детских лет говорил на двух языках, тибетском и монгольском. На первом – дома, на втором – на улице. А потом случилось... В общем, в один день я потерял отца, мать, всех братьев и сестер. И сам должен был сдохнуть, но так уж вышло, что не сдох, а выжил. Меня подобрал, спас и приютил один пастух. Он выучил меня многому и среди прочего русскому языку. Он говорил мне: «Поверь мне, этот язык станет для тебя главным языком». Сам Мэлсдорж знал русский не хуже...

– Кто?! Как звали пастуха, ты сказал?! – вырвалось у Сварога. Он чуть было не вскочил со своего места.

– Мэлсдорж, – удивленно повторил лесник. – Человек, который воспитал меня, заменив отца.

На миг все качнулось перед глазами Сварога...

Имя Мэлсдорж – редкое имя. Оно хоть и имело традиционное для монгольских имен окончание «дорж», но «мэлс» переводилось как Маркс, Энгельс, Ленин. Одно время и в Монголии тоже, как и у нас, была такая мода. Но, как и у нас, мода быстро прошла, поэтому не многие дети успели получить экзотические имена. Разве у нас часто встретишь всяких Октябрин и Велемиров?

Мэлсдорж... Воспоминания нахлынули штормовыми волнами. Военный городок в монгольской степи, раскопки древнего кургана, археологиня Света, слухи, бродившие по части о шаманских способностях Мэлсдоржа, провалы в неизвестность, светлородый вождь Нохор, золотая пуля. А потом – последний, окончательный провал в мир Талара...

«Может быть, все же совпадение? А что пастух... Так кто в Монголии не пас-

тух». Впрочем, нет ничего проще, чем узнать, тот или не тот Мэлсдорж. Одина два уточняющих вопроса...

– Похоже, вам знакомо это имя? Доводилось встречаться?

Сварог заметил, что Ольшанский пристально на него смотрит. Кстати, чересчур пристально для нетрезвого человека. И голос у олигарха был не так уж и нетверд, как можно было ожидать, исходя из того, сколько он всего выкушал за сегодняшний день и за отдельно взятый вечер.

– Да, имя знакомо, – не стал скрывать Сварог. – Возможно, совпадение...

– Ну конечно! – скептически хмыкнул олигарх. – Я же вам весь день талдычу: нет на этом свете никаких случайностей и совпадений, все взаимосвязано. И вы здесь не случайно, и он, и она, и я. И этот ваш монгол должен был сыграть свою роль, он ее и сыграл. И вообще, пришла пора вам увидеть, что картина, которую пишет неизвестный нам Художник и на которой все мы лишь фигурки, кто помельче, а кто покрупнее, близка к завершению: линии сходятся в одной точке, круги замыкаются, подводятся итоги. Осталось набросать последние штрихи...

– Что ж, возможно, вы и правы, – вынужден был согласиться Сварог.

Глава четвертая ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ СТАРОГО МИРА

Для ночлега Сварог выбрал сарай со сваленным в углу шанцевым инструментом и прочим хозяйственным хламом. Он лежал на набитом соломой матрасе, бросив его прямо на дощатый пол. Не в комфорте, зато в уединении. Никто не храпит над ухом, никто не ворочается, кряхтя и скрипя пружинами, никто каждые пять минут не ходит на кухню пить воду, переступая через тебя, как через предмет неодушевленный...

Место нашлось всем. Лане постелили на русской печи, Ольшанский завалился спать в комнате, где они пили-ели, непростой тибетский лесник сказал, что будет спать на кухне. Охрана Ольшанского облюбовала баньку и машины.

Сварогу не спалось. Мысли кружили под черепной коробкой потревоженным осиным роем. Сварог был бы рад отсутствию любых мыслей и присутствию сна, но в том-то и дело, что никак было не заснуть. Баранов, что ли, посчитать, в самом деле? Курить на воздух он уже выходил – не помогло, сон не пришел. Кстати, хорошая сегодня была ночь, теплая и тихая, а над головой простиралось густо облепленное звездами и какое-то очень близкое небо...

Слишком много всего нового вылилось сегодня на мозги, надо признать. От информации пухла голова. Вдобавок информация сплеталась в причудливую вязь из необъяснимых совпадений, роковых случайностей и таинственных загадок. А рассказ Ольшанского о посещении монастыря добавил в этот котел тайн и загадок еще одну пригоршню...

Мыслями Сварог все время невольно возвращался к этому рассказу.

До монастыря экспедиция, состоявшая из Ольшанского, будущего сибирского лесника Донирчеммо Томба, местного проводника, навьюченных мулов и, между прочим, из Ключника (единственного, кого олигарх захватил с собой из России в Тибет), добралась не без трудностей, но зато, ко всеобщей радости, без приключений. Горную местность вокруг монастыря Намчувандан Ольшанский сразу признал – именно ее и наблюдал в своем вызванном клинической смертью видении. Тот самый пейзаж, словно позаимствованный из ста-

рого советского фильма «Отель “У погибшего альпиниста”».

Их впустили в монастырь, не пытая у ворот, кто такие и чего надо. Впрочем, так вроде бы и положено поступать правильным божьим людям – не отказывать усталым странникам в приюте.

Их отвели к приземистому, сложенному из камня дому. Когда проводили по двору, Ольшанский увидел пирамидальное сооружение в полтора человеческого роста под названием Ступа – точь-в-точь такое же, как и в видении. Навстречу попадались монахи, одетые в желтые одежды. И как тогда в видении, они проходили мимо, не обращая никакого внимания на незнакомцев. Хотя можно было поклясться, что гости в этом монастыре – персонажи наиредчайшие, уж больно высоко в горы забрался монастырь, уж больно узка, извилиста и мало натоптана тропа, ведущая к нему.

В домике, что отвели им для отдыха, было две комнаты. Размерами и убранством комнаты стопроцентно отвечали требованиям, которые обычно предъявляют к монашеским кельям, – маленькие, тесные и необставленные, то есть как нельзя лучше пригодные для умерщвления плоти и молитвенных бдений. Ну, дареному коню известно куда не смотрят...

Зато Ольшанский был приятно удивлен, когда отправленный к настоятелю монах вернулся назад с сообщением, что хамбо-лама рад будет видеть у себя путников, когда те отдохнут с дороги.

Путники отдыхали недолго – не для того они, в конце концов, лезли в горы, чтобы бестолково валяться на циновках. После часового отдыха и приведения себя в порядок (негоже появляться перед здешним владыкой небритыми и немытыми) Ольшанский, Ключник и Донирчеммо Томба попросили монаха проводить их к настоятелю. Местный проводник с ними не пошел, остался в гостевом домике.

Хамбо-лама Догпа Кхенчунг, настоятель и духовный пастырь, принял гостей в монастырском дацане – в том самом, у входа в который оборвалось видение Ольшанского.

По всему залу были расставлены глиняные площадки с горящими в них толстыми восковыми свечами. Хамбо-лама Догпа Кхенчунг в церемониальной одежде и островерхом головном уборе восседал в позе лотоса на задрапированном желтой материей помосте. Помост имел форму буквы «Т», ножкой повернутой к центру зала, и как раз в основании этой ножки сидел хамбо-лама. Гости монастыря в количестве трех человек рядком выстроились перед помостом – лицом к ламе, спиной к выходу.

А вот чего напрочь не наблюдалось в этом зале, равно как и по дороге к нему, так это блеска злата-серебра, зазывно поблескивающих груд драгоценных камней и прочих сокровищ, от которых должно перехватывать дух у любого мало-мальски отчаянного авантюриста. Ну откуда возьмутся богатства у заброшенного в горах небольшого монастыря! Понятное дело, крупные монастыри, в первую очередь столичные, купающиеся в паломниках и туристах, – те не бедствуют, поскольку давно уже стригут денежки, как чабаны овец. Хотите осмотреть наш дацан? Конечно-конечно, а не соизволите ли пожертвовать во благо и во имя? Хотите пообщаться с самим растаким-то ламой, наимудрейшим, воплощением самого ого-го кого – устройте обед для братии и не забудьте опустить монетку в распахнутую пасть этой бронзовой жабы, для вашего же блага, чтоб было вам счастье. Все эти разводки Ольшанскому дове-

лось испытать на себе сполна...

Беседа с настоятелем монастыря Намчувандан началась весьма неожиданно. Можно сказать, с места и в карьер.

– Я знал, что кто-то должен появиться, – сказал хамбо-лама Догпа Кхенчунг. – Потому что Шамбалинская война близка. Очень близка...

Хамбо-лама говорил по-тибетски, Донирчеммо Томба переводил. Кстати говоря, вопреки ожиданиям Ольшанского настоятель монастыря оказался не седобородым старцем, а довольно молодым человеком – ему было где-то между тридцатью и сорока.

– Некоторые считают, что Шамбалинская война уже началась, – продолжал Хамбо-лама. – Они говорят, что война ислама с христианством, беды, взрывы, убийства, что приходят сейчас к людям вместе с именем ислама, – это все и есть Шамбалинская война. Они говорят, что скоро в эту губительную воронку будет затянут буддистский мир, а затем и весь мир вообще. Но они ошибаются, все не так просто... Шамбалинская война еще не началась, и начнут ее не люди...

Хамбо-лама обвел взглядом своих гостей.

– В священном знании, что хранит наш монастырь, сказано, что три приметы укажут на близость Шамбалинской войны. Первое – с горы Царонг сойдет ледник. Неделю назад он сошел. Второе – треснет фундамент монастырской Ступы. Несколько дней назад он треснул. Третье – придет белый человек с Севера и первым его словом будет одно из трех... Скажи это слово!

На последней фразе Хамбо-лама повысил голос и вытянул руку в сторону Ольшанского.

Ольшанский, сам не понимая, как и почему, от неожиданности брякнул первое, что пришло на ум:

– Аркаим.

Хамбо-лама удовлетворенно улыбнулся, кивнул.

– И первым его словом будет одно из трех. Одно из трех и есть «Аркаим». Все сошлось, как и было предсказано. Ожидание Шамбалинской войны подходит к концу. – Настоятель показал пальцем на Ключника: – Ты слуга белого человека с Севера, это я вижу. А кто ты? – Палец настоятеля переместился и указал на Донирчеммо Томба. – Для простого переводчика у тебя слишком дерзкий и заинтересованный взгляд. И что-то жжет тебя изнутри, как лихорадка. Кто ты?

– Я – внук Джа-ламы, – признался Донирчеммо Томба.

– А-а, – протянул хамбо-лама. – Понятно. Не удивлен. Вот что значит кровь. Идешь по следам своего деда? Не дает покоя, ради чего твой дед решил на святотатственное преступление – напал на обитель?

– Да, – выговорил сквозь сжатые зубы Донирчеммо Томба.

– Возможно, ты скоро об этом узнаешь. Впрочем, решать даже не мне и уж всяко не тебе. А ему, – хамбо-лама показал на Ольшанского. – Я, как настоятель монастыря Намчувандан, всего лишь должен отвести Белого человека, который придет с Севера незадолго перед началом Шамбалинской войны и который будет знать Слово, в Пещеру Девяти Сводов. Кого брать с собой, а кого не брать, решать уже ему.

– Они пойдут со мной, – уверенно сказал Ольшанский.

– Хорошо, – сказал хамбо-лама. – Одно условие, и оно не мое. Путь в Пещеру

знают только монахи, и то не все, а лишь цан-шавы, избранные. Поэтому вы должны прежде испить травяного отвара, благодаря которому пройдете путь в Пещеру Девяти Сводов, но не запомните его.

Хамбо-лама хлопнул в ладоши. Откинулся полог, прикрывавший неприметный проем за помостом, оттуда вышел монах с деревянной чашей в руках.

Некоторое время Ольшанский провел в борениях с самим собой. Потому что напиток запросто мог оказаться ядом. Но потом он прикинул, что отравить, равно как и каким-либо другим образом отправить их в мир иной, монахи могли бы и без столь сложных прелюдий. Допустим, просто предложив угоститься чайком. И приняв чашу из рук монаха, Ольшанский безбоязненно отпил первым. Вслед за ним отпили Донирчеммо Томба и Ключник.

– Идите за мной, – сказал хамбо-лама, поднимаясь на ноги.

Он спустился с помоста, снял островерхий головной убор, скинул церемониальную одежду, оставшись в желтом монашеском облачении. Жестом пригласил следовать за собой. Они направились к закрытому шерстяным пологом проему, из которого недавно появился монах с чашей. Настоятель свернул полог трубочкой, закрепил, чтоб не раскручивался, специальным ремешком, прибитым над притолкой, и только после этого повел гостей дальше.

Они очутились в коридоре со множеством дверей, расположенных по одной стороне и закрытых полами из толстой шерстяной ткани, прошли по нему до противоположного конца. В коридоре было довольно светло – через каждые три шага горели факелы.

Потом они ступили на винтовую деревянную лестницу, стали по ней спускаться. Все ниже и ниже. Деревянная лестница перешла в каменную, по-прежнему винтовую. Становилось все холоднее. Откуда-то бралось ощущение, что они спускаются в глубь горы. Хамбо-лама вынул из петли на стене факел и освещал им дорогу...

И с какого-то момента Ольшанский почувствовал, что с ним происходит нечто странное. Свет факела сделался гораздо ярче, желтее и маслянистее, этот свет резал глаза. Звуки шагов гулко отдавались в голове. «Начал действовать выпитый отвар», – догадался Ольшанский.

Что-то творилось со стенами. Стены смыкались под странными углами, то отступали, то приближались, причудливо выгибались. И уже не поймешь, по лестнице ты спускаешься или плутаешь какими-то коридорами, под землей все еще бредешь или же выбрался на поверхность.

Может быть, было на самом деле, а может, только привиделось, что они прошли через некий зал, куда сквозь стрельчатые витражные окна просачивался дневной свет. Наверное, все же привиделось, ну откуда на Тибете стрельчатые окна и витражи?

Ольшанский отчетливо видел лишь расплывчатое маслянистое пятно факела впереди себя, только на этом пятне мог сфокусировать взгляд, за ним и шел...

Раздался громкий хлопок в ладоши, и Ольшанский начал приходить в себя.

Несколько секунд прошло, прежде чем Ольшанский, Ключник и Донирчеммо Томба окончательно избавились от наваждения. Пелена спала с сознания, и они обнаружили, что находятся в пещере, похожей на сводчатый склеп. Только склеп тот был целиком изо льда – стены, пол, потолок. И холод здесь стоял соответствующий – без свитера долго не выдержишь.

Оконечность склепа терялась вдалеке, и было непонятно, насколько он велик. А похоже было на то, что весьма велик... ежели, конечно, дело не в оптическом обмане. По обеим сторонам склепа через равные промежутки, на расстоянии в полчеловеческого роста от пола, располагались проемы, имевшие геометрически правильные очертания. И что-то там было внутри...

Ольшанский шагнул к ближайшему проему, заглянул... И удивленно прищелкнул. Там, под стеклом, лежал человек – таково, по крайней мере, было первое впечатление. Защитное стекло (если, конечно, это стекло) было толстым, призматическим, что делало силуэт лежащего под ним размытым, нечетким и словно бы разбитым на небольшие фрагменты, по которым представить что-либо в целом было крайне затруднительно. Да невозможно представить, чего уж там! Запросто под стеклом мог лежать не человек, а существо, имеющее лишь отдаленное сходство с человеческим телом. И лица совершенно не видно. Даже не разглядеть – два глаза у существа, один или три. А нижнюю часть туловища и вовсе не видно. Ниже уровня груди все тонуло в непроницаемой тьме, подозрительной, наводящей на мысли о ее искусственном происхождении.

– Что это? – Ольшанский повернулся к хамбо-ламе.

– Это величайшая тайна из всех тайн мироздания, – голос настоятеля взволнованно дрожал. – Тайна, которую оберегал наш монастырь более трех тысяч лет, ради сбережения которой и был когда-то основан. Нет на планете Земля более важной и страшной тайны.

– Это инопланетяне? – сдавленно спросил Ольшанский.

– Нет... Это... – хамбо-лама на миг запнулся. – Как только их не называли... Сомати. Лемурийцы. Атланты... Да, их можно назвать древними атлантами. Это будет правдой, потому что издревле принято называть древнюю, достигшую невиданного могущества и исчезнувшую в результате неизвестной нам мировой беды цивилизацию Атлантидой. Мы же называем их Предтечи.

– Они – люди?

– Ты спрашиваешь меня о том, как они выглядят? Я не знаю. И никто не знает.

– Они спят?

– В нашем представлении это сон. Длиной в несколько тысяч лет. Но как давно он начался, этот сон? Доподлинно неизвестно. И проснутся ли когда-нибудь? Неведомо. Но дело не столько в них, Белый человек с Севера. Дело в том, что та мировая катастрофа, что уничтожила народ атлантов, снова приближается. Грядет великая Шамбалинская война. И от того, кто в ней победит, зависит, будет ли человек по-прежнему ходить по этой планете. И исход битвы под силу решить одному человеку.

«Мне?», – чуть было не спросил Ольшанский, но промолчал.

– Не знаю, тебе или не тебе, – покачал головой монах, будто прочитав его мысли. – Но я знаю, что ты являешься фигурой в еще не начатой партии. Атланты оставили нам Знаки, по которым, как по камушкам через ручей, можно добраться до Ответа. Первый камушек – на него указывают египетские пирамиды. Но сколько всего таких камушков? И как долго придется по ним идти?

Буддизм оставлен нам Атлантами, Предтечами. Буддизм никого ни к чему не принуждает, полная свобода воли. Но зато человеку приходится самому отвечать за свои поступки. Христианство допускает, что человек, совершив дур-

ной поступок, может покаяться и тем снять с себя грех. Буддизм учит, что человек должен искупать вину. Если не успеешь искупить в этой жизни, придется искупать в последующих. Они, Предтечи, хотят искупить вину за грехи, о которых мы ничего не знаем и вряд ли узнаем когда-либо. Но, возможно, совершенные ими грехи и привели их цивилизацию к катастрофе...

...Благодарить следовало магию ларов, а конкретно встроенное в Сварога посредством той магии чувство опасности. Именно оно распиликалось не на шутку. А может быть, Сварог обошелся бы и без всякой магии. Одним звериным чутьем и рефлексам старого солдата...

И вроде бы ничего пугающего вокруг. Ну, хрустнуло что-то за стеной, едва слышно прошуршало. Мало ли ночных звуков. Но в том-то и дело, что эти тихие звуки несколько выпадали из обычных ночных звуков, были неуловимо посторонними. Трудно объяснить непосвященному человеку...

Сварог поднялся, осторожным шагом двинулся к двери, старательно следя, чтобы ненароком не наступить на что-нибудь громыхающее, не говоря уж про грабли, и не выдать себя. Дверь сарая отодвигал по миллиметрию. Когда дверь отошла от косяка на достаточную ширину, Сварог бесшумным призраком выскользнул на улицу. Показалось или темнота возле соседнего строения едва заметно шевельнулась?

И тут же сбоку из-за угла на Сварога обрушился темный силуэт.

Инстинкт раньше всяческих мыслей заставил Сварога рухнуть на землю и перекатиться к стене. И кабы не это, быть ему распоротым от уха до уха – сверкнувший в лунном свете клинок с шумом прорезал воздух там, где за миг до этого была голова Сварога.

Одетый во все темное незнакомец по инерции пролетел вслед за своим клинком, но на ногах удержался. Более того: ловко и проворно развернулся и вновь был готов без промедления пустить в дело широкий и короткий, похожий на мясницкий тесак, что сжимал в правой руке. Впрочем, может, это и не тесак был никакой, а ритуальный меч. Только вот брюху-то все равно, чем его вспорют.

Вскочить на ноги Сварог не успевал и сделал единственное, что ему оставалось при таком раскладе, – когда неизвестный кинулся в атаку, он крутанулся на земле, подсек бегущему ноги и, стоило противнику загреметь всеми костями оземь, вскочил на ноги.

В теле ощущалась столь хорошо знакомая звенящая пустота, а в голове – холодная ясность, словно он вмиг переключением незримого тумблера превратился в запрограммированный на битву автомат.

Противник уже поднялся с земли, но не ринулся в заполошную атаку, как можно было предположить. Нет, противник, вопреки здравому смыслу (ведь на шум борьбы могут сбежаться), вдруг перестал торопиться. Противник стоял напротив Сварога, сжимая свой короткий широкий меч, и... смотрел.

Сварог не видел его лица – оно было закрыто черной лыжной шапочкой с проделанными в ней прорезями для глаз. Зато видел глаза. И премного странен был взгляд человека напротив. Сварог не помнил, чтобы так на него когда-либо смотрели. В этом взгляде не было ничего от простого интереса или от патологического любопытства палача к жертве, у которой тот собирается отнять жизнь. Это было нечто совсем иное.

Полное впечатление, что стоящий напротив человек хотел благоговейно запечатлеть в мозгу каждую его морщинку. Если и можно подобрать сравнение, то представим себе Микеланджело, который стоит с кувалдой перед статуей Давида, зная, что через секунду разрушит свое гениальное творение, и любит им напоследок. Благоговейная ненависть, так можно сказать.

Стояние и гляделки закончились.

Противник ринулся вперед. Сварог уклонился, пропустил над головой свистящий клинок, рубящую воздух сталь, отпрыгнул, перехватил запястье, толкнул противника головой в стену сарая и, крутанувшись, провел завершающий удар пяткой под ребра. Противник распластался на земле, тесак отлетел в сторону.

Ну вот и все... Сварог вытер пот со лба. Он сделал шаг к тому месту, куда упал тесак, собираясь его подобрать...

Неизвестный, гибко прогнувшись, ловко, без помощи рук вскочил со спины сразу на ноги. И... выбросил перед собой руку, направив открытую ладонь с полусогнутыми пальцами в сторону Сварога.

В грудную клетку ударила, сшибая с ног, тугая волна. Сварог грохнулся на спину, больно приложившись обо что-то затылком («Ну да, там какая-то деревянная чурка валялась», – отстраненно промелькнуло в мозгу). Он потерял сознание на считанные мгновения. Но и этого хватило. Открыв глаза, Сварог увидел над собой одетого в черное незнакомца, уже заносившего тесак для удара.

И опять этот взгляд впериившихся в Сварога глаз. Взгляд был лучистым, поистине счастливым, словно незнакомец не человека убивал, а с богом напрямую беседовал. Он хэкнул и...

Где-то неподалеку, во дворе, прогремел выстрел. Голова убийцы дернулась, как груша под боксерским кулаком. Выронив тесак и подломившись в коленях, тот завалился набок. Сварог рывком поднялся с земли. Рефлекторно пощупал грудную клетку. «Что это было? Но точно не магия. Пресловутый энергетический удар? Выходит, от него магия ларов не спасает? М-да, неприятное открытие. – Сварог усмехнулся. – Главное, чтобы никто об этом не узнал».

Он нагнулся, подобрал с земли тесак. Автоматически проверил подушечкой большого пальца остроту лезвия. Острое, бляха.

К нему подошел Ключник, по-ковбойски вертя на пальце револьвер.

– Наверное, ты ждешь от меня чего-нибудь пафосного, вроде: «Теперь я твой должник»? – повернулся к нему Сварог.

– Считай, мы квиты, – сказал Ключник, опускаясь на корточки рядом с убитым. – Пропусти ты его мимо себя, он мог бы положить... не скажу всех, скажу «кого-нибудь». Меня, допустим. А это была бы для всех нас невосполнимая потеря, не так ли?

Ключник содрал с головы убитого лыжную шапочку. И тут же во дворе стало тесно – появились охранники, примчался запыхавшийся Ольшанский, пригнав вместе с собой тяжелую коньячную волну.

– Кто? – выдохнул он.

– Китаец... похоже. Во всяком случае, азиат... – Ключник поднялся на ноги, отбросил в сторону шапочку.

Убитый, несомненно, принадлежал к азиатской расе – резко очерченные скулы, узкие глаза, уже остекленевшие. А его лицо, между тем, показалось

Сварогу преисполненным каким-то удивительным спокойствием – похоже, в свой последний миг он не усомнился, что его ждет большое путешествие в счастливые края...

– Китаец, – как-то незаметно возле них появился и тибетский лесник по имени Донирчеммо Томба. – Китайский тип лица.

Ольшанский затейливо выругался.

– Нет, ну я, конечно, предполагал, что они могут встретить нас там, но здесь-то откуда! – олигарх лихорадочно зашарил по карманам. – Дайте кто-нибудь закурить, мать вашу!

Так и не взяв протянутую кем-то из охраны сигарету, Ольшанский вдруг застыл с протянутой рукой и пристально посмотрел на лесника. Потом перевел недобро изменившийся взгляд на Ключника, а с него и на Сварога. В общем, нетрудно было догадаться, о чем вдруг подумал Ольшанский.

– Не факт, что измена, – о мыслях своего патрона догадался и Ключник. – Китаец пришел один. Стукни кто из наших, китаезы явились бы толпой. А это, – Ключник показал пальцем на убитого, – больше похоже на засаду, выставленную на всякий случай. Давайте, шеф, думать, что они не глупее нас. И что они тоже могли оставить кого-то поблизости от объекта. Приглядывать. Присматривать за подозрительными движениями.

Ольшанский все же взял сигарету у охранника, прикурил.

– Может, ты и прав... – Олигарх сделал глубокую затяжку. – Неужели он все-таки рассчитывал перебить всех?

– Кто знает, – сказал Ключник. – Может быть, ему и нужен-то был всего один из нас, кто-то конкретный...

Глава пятая НОВЫЕ ПЕРСОНАЖИ

– Притормози-ка, Коля, – распорядился Ольшанский и первым выбрался из остановившейся машины.

– Уже приехали? – сонно пробормотала Лана из-под одеяла. Она дремала, свернувшись в клубок на заднем сиденье.

– Техническая остановка, – сказал ей Сварог. Подумал малость и выбрался наружу вслед за Ольшанским. Потянулся. Будь возможно, он бы тоже сейчас вздремнул еще часиков пять. Общий подъем сыграли, как и было накануне уговорено, с рассветом... Словом, толком поспать удалось часа два. Да и сон впол-уха, вполглаза вряд ли можно назвать полноценным. А после скорого завтрака сразу и отъехали. На все стенания Ланы, что она не может так, что ей надо вымыться как следует, привести себя в порядок, отвечали: «Так оставайся, с собой не тащим, на обратном пути подберем». Однако в лесничестве она не осталась.

– Не хотите взглянуть на наш Аркаим сверху? – олигарх появился из-за кедра, застегивая ширинку.

– Отчего бы не взглянуть.

– Тогда, как говорится, пройдемте. Ключник, останешься здесь...

Они сошли с дороги, обогнули заросли кустов, прошли сквозь молодой ельник и вышли к обрыву, протянувшемуся вниз острыми гранями камней метров на триста. Они находились сейчас на вершине одной из сопок, окружавших огромную долину.

Было около десяти часов утра. В общем-то, пора бы утреннему туману и

рассеяться без остатка. Ан нет. Туман в долине рассеиваться, похоже, и не помышлял. Он слоился по долине, окутывал ее молочно-белыми, плавно перекачивающимися клубами. Из-за тумана не то что древнего города не было видно – все в долине было скрыто от глаз туманом. Ну ладно туман! Что туман по сравнению с тем, что висело в небе...

Серое утреннее небо кое-где было запятнано белыми, похожими на клочья овечьей шерсти облаками, медленно кочевавшими на восток почти по безветренному небу. И среди этой благолепной акварели, аккуратно над противоположной сопкой, висел натуральнейший, всамделишный, огромный смерч. Он был таким, каким его всегда показывали в телерепортажах: темно-серая воронка, тонкой извивающейся «ногой» шарящая по земле. Черт его знает, без бинокля не видно, вбирал ли в себя и закручивал ли сейчас этот смерч камни, траву и деревья, вырывая их с корнем, но вертелся он как заводной.

Сварог аж прикрыл глаза и потряс головой. А когда поднял веки, смерч никуда не делся, не оказался бредом и наваждением.

Насчет наваждения Сварог решил все же удостовериться, включив магическое зрение...

Оп-па! Л-любопытно. А непростое, однако, явление сибирской природы мы тут наблюдаем, все из себя такие счастливые. Внутри смерча кое-где мерцали немногочисленные крохотные зеленоватые огоньки, наводя на невольное сравнение со светляками в ночной траве. М-да, вроде бы смерч – творение не магической природы, но, тем не менее, совсем уж без магии, выходит, не обошлось. То же самое, между прочим, творилось и с туманом. Кое-где внутри него вспыхивали зеленоватые точки. Вспыхнут и погаснут. В другом месте снова вспыхнут и снова погаснут.

Но даже если выключить магическое зрение и забыть об этих неприродного происхождения зеленоватых вкраплениях, все равно не удастся отделаться от ощущения, что перед тобой фрагмент некоего неземного пейзажа, словно не на краю обрыва стоишь, а на пороге звездных врат и сейчас распахнется вход в иные миры...

– Хотел бы уйти я в небесный дым, измученный человек, – проговорил Ольшанский.

– Что? – невольно вырвалось у Сварога.

– Да вот... Припомнилось отчего-то, – сказал Ольшанский. – Туман этот удивительно похож на тот, сквозь который я шел в своем видении к монастырю.

– Еще бы ему не быть похожим. Туман – он и есть туман.

– Не скажите, – возразил Ольшанский, закуривая. – Нет двух совершенно одинаковых предметов или явлений. Даже фонарные столбы при всей своей похожести чем-то друг от друга отличаются.

– Странно, что вы обращаете внимание на туман, когда над головой висит такая вот дура.

– А она который день уже висит. Уже не актуально. Правда, до сего дня она висела несколько севернее, медленно перемещаясь к востоку, а сегодня вот передвинулась сюда. Все метеорологи давно уже на ушах стоят из-за этой хреновины. Симпозиумы готовятся созывать. Кстати, вполне безобидная штука при всей угрожающей внешности, стихийных бедствий и разрушений народному хозяйству не причиняет.

– Аркаима с этой обзорной площадки я так, похоже, и не увижу.

– Не повезло нам с туманом, – сказал Ольшанский, бросил недокуренную сигарету под ноги и брезгливо растоптал. – Он там, уж поверьте мне. Мысленно проведите линию от себя к просвету между теми двумя дальними сопками. Видите? На этой линии, где-то примерно посередине долины, но все же чуть ближе к нам, и находится Аркаим. А еще, благоволи погодка, мы бы увидели рядом с древним городом лагерь археологов.

– Тут еще и археологи? – удивился Сварог.

– Ага, – кивнул Ольшанский. – Я вам разве не говорил? Археологи нашего Шантарского университета под руководством ученойшего доцента из самой Москвы удовлетворяют тут свой научный интерес на мои деньги.

– И сколько среди них настоящих археологов, а сколько ваших людей, оставленных приглядывать за ученым народом?

– Моих двое, – спокойно ответил Ольшанский. – Вполне достаточно, чтобы держать тут все под контролем и вовремя оповещать меня о научных открытиях. Ну мало ли, выкопают что-то ценное или до чего-то гениального додумаются. Важно, чтобы я первым узнал и именно я, а не какие-нибудь китайцы или москвичи, решал, что делать дальше.

– Скажите... а зачем вам понадобились еще и археологи?

Олигарх хмыкнул.

– Я так и понял, что вы сейчас меня об этом спросите.

– Значит, продумали и ответ?

– А чего его продумывать. Ответ на самом деле простой – а вдруг чего наруют. Лишним не будет.

– Ага, значит, полной уверенности у вас нет. До последнего проверяете, перепроверяете?

– Полную уверенность даст наступление часа Икс. И он не за горами.

– А если его наступление ничего не принесет?

– Не может не принести, – с фанатичной убежденностью отрезал Ольшанский. – Ну, пора в машину. Начинается последняя часть нашей трагедии. Кстати, о древнегреческих трагедиях. Знаете такое понятие в них – неотвратимость Рока? Предначертано – значит, обязательно сбудется...

Они въехали в долину и остановились у границы тумана. Дальний свет обеих машин нисколько не пробивал серую пелену, которая в высоту достигала полтора человеческих роста. Ехать дальше было безрассудством.

– Все, выходим, – скомандовал Ольшанский. – Тут пройти метров семьсот, не больше.

Они выбрались наружу. Лана подошла к светло-серой стене, окунула руку в туман.

– Такое впечатление, что он живой.

– Смотри, чтобы не укусил, – с мрачным видом пошутил Ключник, забрасывая за спину автомат.

– Я первый, вы за мной, – Донирчеммо Томба забросил за спину небольшой рюкзак, бегло осмотрел охотничий карабин. – Дистанция метр. Возьмите каждый по фальшфейеру. Вон там.

Он пнул сумку, которую охранники вытащили среди прочих из багажника.

– Если отстанете, зажигайте огонь, по нему легче будет найти. Все готовы?

Лесник уверенно распоряжался, и никто не думал оспаривать его право

стать на время главным.

Двинулись. Шли цепочкой. Темп лесник держал невысокий, поэтому сохранять дистанцию было нетрудно. Сварог обернулся, встретился взглядом с идущим позади него Ключником. «Интересно, орелик, – подумал Сварог, – а ты тоже веришь в идею фикс своего начальника? Или просто следуешь за ним тенью?..»

Что характерно: чем дальше они забирались вглубь долины, тем реже становился туман. Вот уже видна не только спина впереди идущего, но также и спина идущего перед ним. Вот и землю под ногами можно разглядеть. А вот уже можно разглядеть впереди зеленые стенки палаток... То ли туман понемногу рассеивался, то ли по непонятным физическим (а может, и не только физическим) законам его плотность падала с приближением к Аркаиму.

К палаткам подходили, уже сбив изначальный походный порядок. Цепочка сама собой распалась, потому как отпал смысл идти друг за другом след в след – возле палаток было уже вполне сносно все видно, по крайней мере по сравнению с тем, что творилось на входе в долину.

Палатки были шатровые, армейского образца, Сварогу хорошо знакомые. Отсюда, от палаток, уже можно было видеть очертания первой, внешней кольцевой стены Аркаима. Стена была высотой метра три...

Высоко в небе вдруг раскатисто прогрехотало, заставив всех вздрогнуть, а кое-кого присесть и схватиться за оружие. Эхо унеслось в тайгу, дробясь в чащобе. Вроде бы гром, да только с чего бы это грому гроыхать при чистом небе...

– Гроза? – оказавшаяся рядом со Сварогом Лана испуганно прильнула к нему.

– Гроза, – не стал еще больше пугать девушку Сварог. – Во время таких туманов в тайге грозы – явление зауряднейшее.

– Странно, – раздался голос Ольшанского. – Никого не слышно и не видно.

Олигарх показал указательным пальцем на одного из своих охранников, потом – на палатку. Охранник кивнул и направился к входу в брезентовый шатер. Откинул закрывающую вход полу, достал из кармана фонарик, более похожий на авторучку, посветил им внутри, потом на несколько секунд скрылся в палатке, но тут же вышел и почти бегом вернулся к ждавшим его.

– Одни трупы, – доложил вернувшийся охранник. – Стреляли недавно. Еще порохом воняет.

– Бля-я, – протянул Ольшанский и провел ладонью по лицу, словно паутину смахивал. – Живо сходи проверь вторую палатку. Хотя вряд ли кого-то... – И безнадежно махнул рукой. – Но ты все же сходи!

– Если недавно, то палили определенно из бесшумки, – сказал Ключник, скидывая с плеча автомат и сдвигая предохранитель, – иначе мы бы услышали.

– Опять ваши китайцы? – спросил Сварог у Ольшанского.

– Похоже на то. Но как они меня вычислили?!

– А зачем им убивать археологов?

– Чтоб лишние под ногами не путались, – ответил за хозяина Ключник. – Надо идти туда. – Он показал в сторону Аркаима. – За стенами будет спокойнее.

«Не факт, мин херц, ой не факт, – подумал Сварог, но о своих сомнениях ре-

шил промолчать. – Очень уж все здорово смахивает на засаду. А раз так, то и до стен не дадут добраться...»

Ключник махнул рукой своим подчиненным, показывая, чтобы взяли хозяйина в живое кольцо.

– Во второй палатке только ящички, – доложил вернувшийся охранник. – Видимо, сперва всех согнали в этот шатер, а уж потом... Еще видел, что под навесом, где они обедали, лежит женщина в белом платке. Повар, наверное...

– С-суки... – сквозь зубы проговорил кто-то из охранников.

– Где вход в Аркаим? – спросил Сварог у Ключника.

Ключник показал рукой влево.

– Там. До него метров триста.

– Я бы на их месте прихватил нас прямо здесь, – сказал Сварог, оглядываясь. – Но если до сих пор не прихватили...

– Хотите сказать, ждут у ворот, – понимающе кивнул Ключник. – Возможно, возможно... Ну мы туда и не пойдём! Перелезем здесь.

– Как перелезем? – быстро спросил Ольшанский. Похоже, он занервничал. – Высоко.

– Да уж как-нибудь осилим, – сказал Сварог. – Коли жить хотим. Возьмем ящички из палаток. Поставим друг на друга. Все, надо идти...

Их группа с Ольшанским в центре образованного охранниками кольца направилась к стене, передвигались настолько быстро, насколько получалось. Лесник и Ключник тащили пустые ящички, размером с телевизор, вытряхнув из них предварительно какие-то черепки и кости. Сварог держался чуть в стороне от группы, прикрывая собой Лану.

Вот и стена. Сложена из одинаковой величины шлифованных камней, обмазанных коричневатой, похожей на глину массой. Только это не глина, та бы за давностью лет отсохла и отвалилась, эта же – будто вчера намазали.

Ящички поставили друг на друга, придвинув вплотную к стене. Двое охранников первыми забрались на них и, сделав из рук упор, помогали подниматься остальным.

Сварог влез на стену одним из последних. И задержался на какой-то лишний миг, чтобы бросить взгляд на древний город Аркаим.

Как ни странно, за стеной, внутри города, тумана вообще не было. Ни единого намека на туман. Законы природы вообще и физики в частности, думается, здесь были ни при чем. Какие-то иные законы совсем иной природы распорядились сегодня на этой земле...

Заветный город не поражал размерами, в радиусе был не более пятисот метров. Два вписанных друг в друга кольца, внешнее и внутреннее. Внутреннее кольцо радиусом было примерно метров сто пятьдесят – двести. И эта внутренняя стена вдобавок была заметно ниже внешней – той, на которой сейчас восседал Сварог.

Действительно, как где-то Сварог читал, город сверху походил на колесо. Все из-за невысоких (метра, наверное, полтора, вряд ли выше) стенок, берущих начало от центральной площади и идущих до внешней стены. Эти стенки делили город на равной площади сектора, в них были проделаны неширокие проходы из сектора в сектор. Внутри этих секторов, там и сям, на первый взгляд, совершенно хаотично, грибами торчат фундаменты – каменные тумбы разной высоты и ширины.

«И вправду все это здорово смахивает на гигантский ребус, – пришло в голову Сварогу. – Понятно, почему Аркаим не дает покоя...»

А вот чего так и не увидел со стены Сварог – так это макушек засадного полка и торчащих из-за стен стволов. Только стоит ли этому радоваться?

Ладно, пора вниз.

Его подхватили внизу крепкие руки. Ноги коснулись земли древнего города Аркаим...

Ба-а-а!

Это было похоже на щелчок. Будто кто-то с размаху хлопнул ладонью по выключателю и в комнате зажегся свет. И сразу осветились все углы памяти Сварога. До того лишь какие-то тени проступали сквозь комнатный мрак: по-ди скажи, что это там притаилось в углу – простой стул или чудовище. Теперь же стало отчетливо видно, что есть что. Вернее – кто есть кто...

Пелена вдруг упала, и, едва ступив на землю Аркаима, он понял, кто он есть, бес или подлинный Сварог.

«Оказывается, вот как просто...»

И у него появилось чувство такого облегчения, которое, пожалуй, он не испытывал ни разу в жизни.

– Что с тобой? – услышал Сварог голос Ланы.

– Нормально, – ответил он. И улыбнулся загадочно. – Голова закружилась. Пошли...

И тут же другое торкнуло: если я осознал себя, значит, и тот, второй, если он где-то рядом, тоже понял свою сущность?..

Растянувшись цепочкой, оцетинившись стволами, шаря взглядами во все стороны, они двинулись по Аркаиму. Сварог отметил, что несмотря на всю несыгранность группы, одновременное совместное продвижение у них получалось довольно грамотно. Может быть, всеми ощущаемая и без всяких детекторов с индикаторами близкая опасность мобилизовала всех без остатка.

...А в Аркаиме стояла поразительная тишина. Ни шорохов, ни шебуршания мелких зверьков, ни птичьего щебета... Кстати, вдруг обратил внимание Сварог, земля Аркаима цветом, твердостью и ровностью странно напоминала монгольскую степь. И точно так же лишь кое-где торчат редкие худосочные травинки. И так же, наверное, эту почву лопатой не возьмешь, надо ломом долбать, намучаешься, как с бетоном...

Сварог задрал голову – смерч монотонно кружил над долиной. Вроде бы несколько приблизился к городу. Или только кажется?

Добрались до второго, внутреннего радиуса. Вторая стена была чуть пониже первой – метра два с половиной от силы. Через нее перебрались быстро и без проблем.

Во втором круге Аркаима, как заметил Сварог, фундаментов было больше. Что уж стояло на них и стояло ли что-либо вообще, неизвестно, однако почему-то у Сварога сложилось стойкое убеждение, что никогда и ничего. «Интересно, – подумал он, – а если это все же был нормальный город, то почему не сохранились фундаменты жилых домов?»

Сходящиеся к середине, как спицы в колесе, лучи обрывались перед центральной и единственной площадью Аркаима. Площадка была поразительно ровной, покрытой белым, похожим на бетон раствором. Посреди нее лежала серая гранитная плита, квадрат со стороной метра в полтора, с небольшим ча-

шеобразным углублением...

– Стойте, шеф! – Ключник схватил за плечо попытавшегося сунуться на открытое пространство олигарха. – Так мы подставимся.

Ольшанский, резким движением вскинув руку, посмотрел на часы.

– У нас сорок минут, – сказал он леснику-тибетцу.

– Четверть часа в запасе есть, – ответил Дониρχеммо Томба.

«Ну конечно! – вдруг догадался Сварог. – Есть некий ритуал, не может не быть. Как пить дать древний-преддревний, может быть, позаимствованный ими в том самом монастыре. А иначе зачем наш богатенький буратино таскает за собой этого тибетца! Добавим сюда еще вещмешок за спиной у Томба, куда наверняка сложен ритуальный инвентарь, и все срастается наилучшим образом...»

– Мы успеем только на тот свет, шеф, если сейчас выйдем на площадь, – Ключник говорил, чеканя каждое слово. – Сперва я со своими ребятами должен зачистить землю. Если лесник и вот он, – показал пальцем на Сварога, – нам помогут, справимся минут за семь. После блокируем подходы, и вы сможете...

Поблизости раздался сухой хлопок, и один из охранников, пьяно шатнувшись, начал медленно падать. Что-то просвистело, и арбалетная стрела угодила в шею другому охраннику – тому, кого Ключник назвал Олегом. Хрипя, Олег упал, как подсеченный.

– К стенам! – рявкнул Ключник. – Прижаться к стенам! Живо!

– Оружие на землю! – раздался отчего-то вполне предугадываемый крик, откуда-то слева. То ли из-за невысокого фундамента, то ли из-за делящей город на сектора стенки. – Иначе смерть!

Очередь прошла по земле, потом по стене. Сварог увидел, откуда стреляют! Автоматчик засел за метровой высоты фундаментом. А была еще арбалетная стрела. Если даже предположить, что первый винтовочный выстрел и автоматная стрельба – дело рук одного человека, то стрелков все равно уже получается как минимум двое.

Конечно, он может броситься сейчас к автоматчику, пуль бояться ему не приходится. Да вот только тогда из-за него положат всех остальных...

Еще раз хлопнул одиночный винтовочный выстрел. Пуля вошла в землю рядом с ботинком Ольшанского. Это была демонстрация: вы, мол, в полной нашей власти. А снайпер засел определенно где-то далеко, так сразу его позицию и не вычислишь... И ведь знает, гад, в кого палить, кто главный в их команде и кого трогать пока не след.

– Надо подчиниться, шеф, – Ключник выматерился и положил автомат на землю. – Тьфу, как глупо...

Ольшанский, все еще не веря, что проиграл, яростно крутил головой по сторонам, выискивая врага.

– Всем выйти на площадку! Быстро! Руки за голову! – продолжал командовать уверенный, спокойный голос с легким акцентом.

Протрещала, будто сучья ломали, автоматная очередь, и перед Ольшанским взметнулись фонтанчики земли. Стоявший рядом с олигархом лесник охнул и, схватившись за ногу, сел на землю.

– Следующая порция по головам, – пообещал неизвестный.

– Ладно, выходим! – закричал Ольшанский, закладывая руки за голову. –

Кладем оружие.

Они вышли на ровную, как взлетно-посадочная полоса, главную и единственную площадь Аркаима.

– Стоять! – окрик остановил их на полпути к гранитной серой плите.

Остановились. Как тут не подчинишься!

«Ничего, – подумал Сварог, – если не перестреляли сразу, из засады, значит, у них касательно нашего брата иные планы».

– Сесть на землю! – продолжал распоряжаться неизвестный. – Руки держать за головой! Кто дернется или вздумает шутить...

Подчинились. Опустились на землю – кто на колени, кто сел по-турецки. Какое-то время ситуация не менялась. Потом потихоньку из своих нор, щелей и прочих укрытий начали выползать господа ворошиловские стрелки.

Четверо невысоких худощавых азиатов (у одного за спиной арбалет) и один тип явно славянской наружности, который тоже не мог похвастать выдающимися габаритами, зато мог похвастать большим автоматом. Держал он оружие, стоит заметить, весьма умело. Да и по остальным было сразу видно, что с оружием они на ты. Все пятеро были одеты в камуфляж песочного оттенка, предназначенный для боев в пустыне и отлично маскирующий бойцов на фоне аркаимовских стен. Выходит, товарищи продумывали, готовились...

Славянин с автоматом (а не иначе, он и выкрикивал команды) громко свистнул, и несколько секунд спустя из-за стены вышел еще один человек. Неторопливой, вальяжной походкой, помахивая тросточкой, направился в сторону своих бойцов. Не только тросточка делала этого человека похожим на прогуливающегося по садовым дорожкам дачника. На нем были белые летние брюки, просторная рубаха-балахон и широкополая шляпа с дырочками. В свободной руке он держал складной стул.

Сварог видел этого господина впервые, но сразу догадался, кто перед ним. Азиат, взгляд и манеры человека, привыкшего повелевать, но главное – габариты. Необъятнейшие габариты, человек-гора. «Господин И, китайский магнат. Кто ж еще? Помнится, таким его и описывали».

Китаец разложил стул, с опаской опустился на него, но конструкция из куска брезента и алюминиевых трубок выдержала вес. Человек-гора достал из кармана платок размером, наверное, с парус и принялся вытирать им потные шею и лоб.

– Я знаю, что ты меня понимаешь, – господин И показал рукой с платком на Ольшанского. Говорил китаец по-английски. – Тебе почти удалось меня переиграть. Там, на Олеговой пустоши, ты показал себя хорошим профессионалом и почти победил. Я уважаю сильного противника.

Он коротко поклонился. Причем проделано это было без всякого шутовства.

Сварог испытывал идиотское чувство – будто наблюдает все это со стороны, как спектакль из зрительного зала. Вообще, все происходящее пахло какой-то опереттой. Или дешевым голливудским фильмом: затерянный город, вооруженные люди, благодушный азиат в роли Главного Плохого...

– Почему ты здесь, а не даешь показания в милиции, в ФСБ? Или тебя не вызвали в Москву объясняться в посольстве? – оказывается, Ольшанский говорил по-английски весьма недурно.

С первым шоком олигарх справился похвально быстро и теперь был споко-

ен и собран. Как готовая к нападению змея.

– Потому что как раз этого ты и хотел, – господин И запустил руку с платком под рубашку, чтобы вытереть грудь. – Фу-у, ну и жара! А ты живой, да? Не умер, получается?

– Какое удивительное совпадение, я тоже уже и не надеялся встретиться с тобой на этом свете, – Ольшанский говорил ровным, даже светским тоном. – Я полагал, что ты сейчас как раз ожидаешь своей очереди на перерождение в теле какого-нибудь хищного хитрого зверька.

На это господин И коротко захихикал, и было видно, как гуляют под рубашкой жировые складки.

– Ты все сделал, Ольшанский, чтобы убрать меня из этого мира. Но в том вертолете, который потерпел крушение над тайгой, был не я. Я как чувствовал в тот день, что не надо лететь. Послал вместо себя одного очень похожего на меня человека, а сам поехал на машине...

– Есть кто-то, кто очень похож на тебя? – искренне удивился Ольшанский.

– Смешно, – сказал китаец. – И я рад, что даже сейчас у тебя сохранилось чувство юмора.

Очередь выбила фонтанчики земли у самых коленей Ключника.

– Рук опускать не велели! – закричал славянин.

Ключник усмехнулся уголком рта и снова завел руки за голову.

– Ты скажи своим людям, – посоветовал господин И, – что на этом предупреждения закончились. Мне твоих людей беречь ни к чему. Я даже Пака велел наказать, а он мог бы принести еще много пользы. Но предателей надо наказывать.

– В чем же он провинился? В том, что работал на меня? – спросил олигарх.

– Мы знали, что он работает на тебя, – сказал господин И. – Но у нас с ним была договоренность – нам он передает информацию первым. Он нарушил договоренность. Очень грубо нарушил. Не только назвал тебе первому новую дату – он только тебе ее и назвал, от нас хотел скрыть...

– А вы все же узнали, – кивнул Ольшанский. – Значит, прослушивали его телефонные разговоры...

– И дом, и телефон. Конечно, – господин И принялся обмахиваться платком. – Ты много денег пообещал Паку? Поэтому он решил предать нас, так?

– Подслушивали, а ни хрена не поняли, – Ольшанский сплюнул. – Пак жил не для денег, ему бесполезно было предлагать бабки. Он был исследователем до мозга костей. А чем можно купить исследователя?

– Взять с собой в Аркаим, где должно произойти событие, которого ждали двадцать шесть тысяч лет, – подумав, сказал господин И. – Понятно. Ты прав, а я не прав. О такой версии я не подумал...

– Ага, – сказал Ольшанский. – Да любой ученый душу продаст за возможность стать сторонним свидетелем такого события, а на что он готов пойти, чтобы оказаться в эпицентре этого события, стать его участником, я даже и предположить не берусь.

– И участником какого же события ты надеялся стать сегодня? – спросил господин И.

– Вы хотите, чтобы я открыл перед тобой карты...

– Бросьте, господин Ольшанский! – рявкнул господин И. – Мы с вами не на дипломатических переговорах Шанхайского клуба. Вы, похоже, забыли, что

сидите под прицелом. Так никогда не поздно напомнить!

Ольшанский пожал плечами.

– А почему бы, собственно, и не открыть карты? Вам все равно это ничем не поможет. Вы-то как раз только зрителями и будете. Шамбалинская война – это вам о чем-то говорит? Пятьдесят две тысячи лет назад с лица Земли исчезла древняя Атлантида. Случилась некая мировая катастрофа, которая теперь называется Шамбалинской войной, и могущественной цивилизации, намного превосходящей по развитию нашу, не стало. Уцелели лишь немногие из Предтеч. Атлантов. Они сделали все, чтобы предупредить о новой Шамбалинской войне, которая должна грянуть спустя пятьдесят две тысячи лет. Они построили этот город, который и не город вовсе, а что-то вроде огромного энергоприемника, с помощью которого Избранный человек станет могущественнейшим из людей, будет наделен могуществом бога. Этому человеку предстоит возглавить проснувшихся после многотысячелетнего сна сомати и с ними спасти цивилизацию. Этим человеком должен стать белый человек, человек с Севера. Хранители знания об Атлантиде, Шамбалинской войне и Хранители тел сомати указали на Избранного. Я – Избранный...

Господин И снова захохотал. И на этот раз он хохотал долго, утирая платком глаза.

– Ты сумасшедший, Ольшанский, а не избранный, – сказал он, отсмеявшись. – Царь Мира Ольшанский, хо! Основатель династии правителей Земли! Рассмешил... Хотя, – он убрал платок в нагрудный карман рубашки, – во многом ты прав, мой любезный враг. Об этом городе рассказано и в древних китайских хрониках. И построили его никакие не атланты, а выходцы из Китая. Может, тебе и не известно, но в древнем Китае были весьма развиты астрономия и астрология. Еще в глубокой древности было рассчитано, что именно в этой точке Земли, именно в этот день произойдет сотворение бога. Раз в двадцать шесть тысяч лет такое происходит. Иногда боги получают, иногда нет – если никого не оказывается в нужной точке, в нужное время. Может, так распорядилась природа, может, кто-то, кто сильнее природы, но совершенно определенно: кем-то дается шанс дать этому миру резкий, невиданный толчок в прогрессе. Пассионарии, слышал о таких? Так вот: раз в двадцать шесть тысяч лет кому-то выпадает шанс стать Абсолютным Пассионарием. И возвеличить свою страну. И сегодня мы воспользуемся этим шансом...

– Позволь спросить, вы так стараетесь только для себя или во благо всей Поднебесной? – спросил Ольшанский.

– Благо отдельных граждан станет благом для всей страны, – торжественно, как с трибуны, произнес китаец. – И Поднебесная в невиданные сроки станет самой могущественной державой на планете. Я верю, что будущий год, год Красного Дракона, станет для нас...

Это было в высшей степени неожиданно – шел, шел спокойный разговор, ничто не предвещало беды, и вдруг пятерка бойцов господина И вскинула стволы и открыла огонь на поражение. Никто из сидящих на земле не успел дернуться...

Только задним числом можно было догадаться, что прозвучали кодовые, заранее обговоренные слова. Скорее всего словами этими были «Год Красного Дракона». Бойцы господина И ждали этих слов, и огонь открыли незамедлительно.

Пули должны были за считанные секунды превратить людей в решето.

Сварог рванул к господину И, не рассуждая.

И всей грудью налетел на стену из свинца...

Натяните частую рыболовную сеть, вместо узелков поместите пули, потом уберите сеть, а пули останутся висеть в воздухе. Вот такой «забор» преградил путь Сварогу.

Сварог оглянулся. Ни Ольшанский, ни те, кто был рядом с ним, не пострадали. Сидели и таращились на всю эту чертовщину.

Бойцы господина И все еще продолжали стрелять... ну разве за исключением славянина, тот уже понял, что все бесполезно, и опустил автомат. Новые пули, подлетая к невидимой преграде, застывали в воздухе и пополняли коллекцию пуль в «заборе».

А чертовщина между тем и не думала заканчиваться.

Неведомая сила вдруг выдрала из рук стрелков оружие, автоматы и винтовку протащило по воздуху, к ним добавился содранный с плеча арбалет, – все это образовало кучу аккурат возле «забора» из пуль. словно включили некий огромный магнит. Правда, магнит действовал уж больно избирательно, не притягивая пряжки, пуговицы, шпильки. Только оружие.

Та самая таинственная сила играючи порвала у единственного в китайской бригаде славянина пояс, на котором болтались ножны, и швырнула их к груди оружия. словно войдя во вкус, неведомая сила стала отрывать с мясом карманы, в сторону кучи полетели ножи. Причем сила эта обезоруживала и людей Ольшанского. С треском порвалась брючная ткань на правой щиколотке Ключника, и, болтая оборванными ремешками, по воздуху пролетела кобура с вложенным в нее револьвером. Из кармана оставшегося в живых охранника Ольшанского вырвало шипастый кастет, а у лесника был изъят нож с костяной рукоятью в кожаных ножнах.

Словом, куча конфискованного оружия получилась немаленькой. И на этом забавы неведомого шутника не кончились. Оружие вдруг стало превращаться в ком. Металл, кожа, дерево прикладов – все материалы одинаково податливо, как пластилин, деформировались под нажимом невидимых рук.

Как замороженные, все – и китайцы, и некитайцы – наблюдали за происходящим. По вполне понятным причинам никто ничего не пытался предпринять. Откровенных глупцов здесь не было, все понимали, что от них мало что зависит, что в игру вступила сила, по могуществу стократно превышающая человеческие возможности, и противиться ей глупо и опасно.

– Не думайте, что я боюсь вашего оружия. Нисколько я его не боюсь. Ну совершенно не боюсь... – Голос звучал отовсюду одновременно. Потрясающий акустический эффект. словно динамики вмонтированы во все фундаменты, стены, гранитные плиты и в саму землю.

И Сварог узнал голос.

Этот голос был его собственным.

«Вот и свиделись...»

– И поверьте, я не любитель дешевых театральных эффектов, – продолжал вещать невидимка. – Эта маленькая демонстрация затеяна лишь для того, чтобы остудить горячие головы. И убережет кое-кого от необдуманных действий, чреватых потерей этих самых голов. Я не слишком вычурно изъясняюсь? Ну, вы меня поняли! И теперь, когда вы подготовлены к моему появлению, я, по-

жалуй, явлю себя. Несolidно мне, право, корчить из себя призрака...

Несмотря на уверения в своей нелюбви к дешевой театральщине, именно в этом жанре второй Сварог и обставил свое появление. С высоты трех метров посыпался дождь из алых цветочных лепестков. Лепестки появлялись ниоткуда, опускались, кружась, и оседали на невидимой глазу преграде, очерчивая человеческий силуэт. «Дождь» становился все гуще и гуще, и наконец, из него показался автор всей этой постановки.

Явился в обличье опереточного демона: грива иссиня-черных волос, густые смоляные брови вразлет, козлиная бородка, орлиный нос, углями пылающие глаза. Кутался в черный плащ с кровавым подбоем. Разве только рожек на голове не хватало.

– Нет, этот облик чересчур академичен, – голосом Сварога произнес второй. – Не беда, поменяем.

Воздух рядом со вторым (или уже следует говорить – бесом?) на мгновение помутнел, и на месте опереточного демона появился еще один Сварог. Правда, по-другому одетый – в ало-серый камзол.

– А этот облик чрезвычайно всем надоед, я так полагаю, – сказал бес. – Пожалуй, я все же воспользуюсь личиной, с которой так много связано, причем отнюдь не самого плохого. К которой я привык за последние долгие – в человеческом понимании – годы, как некоторые привыкают к домашним тапочкам.

Снова на секунду дрогнул и расплылся воздух перед бесом. И на месте Сварога в камзоле появился Мар-Кифай, бывший верх-советник Короны, бывший Президент Короны, разжалованный демон. Знакомые Сварогу узкое породистое лицо, высокий лоб мыслителя, седые волосы. Правда, одежду он предпочел здешнюю – вельветовые штаны, ботинки на толстой подошве и футболку с надписью «Be cool».

– Вот так-то лучше, – сказал Мар-Кифай. – Что скажешь, двойничок? Признаешь свое поражение?

Слава богу, он изменил не только внешность, но и голос, а то слушать самого себя Сварогу было уже невыносимо.

– Руки опустить можно? – спросил Сварог. – А то затекать начали.

– Да, конечно, какие вопросы! Неужели кому-то могло прийти в голову, что я испугаюсь ваших рук? Разве ваши руки чего-то стоят без оружия! Даже вы, мой дорогой враг... – легкий поклон в сторону Сварога. – Ведь сегодня принято выказывать врагам уважение? Так вот, даже вы сейчас, когда ко мне вернулась моя мощь, не в силах тягаться со мной своей, увы, детской магией...

– Ты кто такой? – визгливо и на чистейшем русском крикнул господин И.

– Молчать! – рявкнул Мар-Кифай, шевельнул коленом, и китаец могучим пинком невидимой ноги отшвырнуло метров на пять. – Не смей перебивать! Говорить будете, когда я разрешу! Так, о чем я? А, да. Поэтому, господа и дамы... вернее, дама, – Мар-Кифай изящно поклонился Лане, – можете сесть поудобнее. Выбирайте любую позу, я милостиво разрешаю. Можете даже в любимой древнегреческой позе – полулежа, подперев голову рукой. Я тут кое-что почитал о древних греках на досуге – интересные были люди, симпатичную цивилизацию создали, жаль только, нежизнеспособную. Кстати, театр они очень уважали. Увы, теперь вы все из полноправных игроков вмиг превратились в обыкновенных зрителей, которым, правда, ужасно повезло с представ-

лением. Вам будет на что посмотреть. Уже близок час, я это чувствую... Вам это не дано почувствовать, а я ощущаю приближение, – Мар-Кифай закрыл глаза. – Невероятное ощущение! Простые человеческие наслаждения ничто только по сравнению с этим нарастанием Мощи...

Сварог пробежался взглядом по лицам своих и чужих. Очень похожие сейчас у всех были лица – осунувшиеся, усталые. Во взглядах – тоска и безнадега. Все понимали, что это конец. Это был не сон, не галлюцинация, морок или гипноз – это была реальность. Прodelать такой огромный путь, чтобы перед самой финишной ленточкой тебя, оставляя ни с чем, издевательски легко обошел какой-то...

– Но пока у нас еще есть время, я вам, людям... – Мар-Кифай поднял палец. – Заметьте, я говорю «людям», а не «людишкам»! Так вот, я хочу вам кое-кого представить. Только что ж вы молчите, судари мои разлюбезные? Языки проглотили?

Никто не ответил.

«Какой болтливый демон пошел, однако», – вяло подумал Сварог. Ни ярости, ни злости, ни жуткой досады на то, что он, Сварог, проиграл в бесовской игре, в душе почему-то не было. Были только пустота и усталость. Наверное, как и у всех. Он в который раз прокачивал в уме варианты, но вариантов не было ни единого.

– Я представлю вам, первым из людей, будущих правителей вашего мира! – с интонациями циркового шпрыхштальмейстера заявил Мар-Кифай.

И опять не обошлось без дешевой театральщины. Просыпался дождь из синих цветочных лепестков, и из этого листопада шагнули двое: белый, но загорелый до черноты жилистый человек с бесцветными глазами профессионального убийцы и негр, причем по некоторым признакам Сварог понял, что перед ним именно доподлинный африканец, а не родившийся в Европах с Америками афро-кто-то-там.

– Идите оба сюда, – махнул рукой Мар-Кифай. – Вот. Они были моими верными слугами, пока я пребывал в облике этого человека и еще не знал, кто я на самом деле. И за верную службу они будут мною вознаграждены. Один из них станет править одной половиной мира, другой – второй половиной. Кто-то же должен будет вами править! А мне, право, недосуг. Мне скучно заниматься этой рутинной. Я лишь буду задавать им общий стратегический план, и пусть внутри него слуги делают с вами, что хотят. Они заслужили. Они выбрали меня своим Хозяином еще тогда, когда знать не знали о моем могуществе. И получают за то достойную плату. Зато очень не поздоровится одному африканскому шаману. Даже если он успел ускользнуть в мир духов и предков, я достану его и оттуда, – лицо Мар-Кифая перекосила гримаса. – Этот шаман чуть не лишил меня всего в самом начале пути. Каким-то непостижимым образом этот дикарь понял, кто я, и пытался уничтожить мое астральное тело. В его представлении я был духом зла, и он пытался изгнать этот дух из моей физической оболочки. Даже сейчас мне становится не по себе, когда подумаю, а ну как у него получилось бы! И я погиб бы от рук пустоголового дикаря! Бр-р! Ладно, вам все равно не понять. К счастью, все уже позади. Теперь уже ничто и никто не в силах помешать. Что, Пятница, – Мар-Кифай повернулся к африканцу. – Какую половину мира ты выбираешь?

Мар-Кифай, к немалому удивлению Сварога, обратился к чернокожему на

таларском, и на таларском же тот почтительно ответил:

– Я буду служить Хозяину Ягуа, как он скажет. Куда скажет, туда и пойду.

– Молодец. А что скажешь ты, Гуго?

– Я скажу, что сделал правильную ставку, – Гуго сплюнул шелухой от семечек. – Это как в казино высыпать из мешочка все заработанные за многие годы алмазы и двинуть их на одну цифру. И эта цифра вдруг выпадает. Деверо, небось, плачет сейчас в аду, что в свое время не разглядел свою удачу. А касаясь половины мира... – Гуго задумчиво прищурился, забросил в рот новую порцию семечек и сказал с набитым ртом: – Я бы взял Европу, мой Хозяин, и Америку, Северную и Южную. Остальное пусть берет Н'генга. Африка мне уже вот где, Австралию тоже не люблю после одного дельца...

– У тебя губа не дура, Гуго, – усмехнулся Мар-Кифай. – Я решаю по-другому. Половина мира – так пусть будет ровно половина мира. Южное полушарие и Северное. А кому какое достанется – бросите монетку. Границу своих владений проведете по экватору... Что скажете, господин И? Как жители Поднебесной отнесутся к такому вот правителю, – Мар-Кифай показал на Гуго, – все прихоти которого вы вынуждены будете беспрекословно исполнять? Или вам больше по сердцу мой чернокожий слуга?

Господин И ничего не ответил, лишь понуро опустил голову.

– Приближается... – Мар-Кифай запрокинул голову, закрыл глаза. – Какая мощь, если бы вы знали...

Еще во время предыдущего длинного монолога Мар-Кифая лесник заворочался, словно пытаясь найти позу поудобней, и потихоньку переместился поближе к Сварогу. Скинув вещмешок, он толкнул его Сварогу.

– Достань из рюкзака желтую накидку и надень.

– Зачем?

– Это накидка сомати, Предтечей, – зашептал лесник. – Помнишь, рассказ о Пещере Девяти Сводов? Мой дед когда-то узнал об этом артефакте, за ним и охотился всю свою жизнь. Накидку вручил мне хамбо-лама, настоятель монастыря. Велел отдать ее Избраннику, когда начнется Шамбалинская война. Я долго верил, что Избранник – это Ольшанский. А сейчас понял, что ошибался. Это ты. Надевай. Это даст тебе Силу.

– Эй-эй! – повернулся к ним Мар-Кифай. – О чем это вы там шепчетесь?

– Обмениваемся мнениями: а вдруг тебя расплющит какая-нибудь небесная плита, – громко сказал Сварог. – Ведь ты же не знаешь, что именно должно произойти. Небо падет на землю? Прискачут всадники Апокалипсиса? Разверзнется земля?

– Честно признаюсь вам, мой дорогой враг, не знаю, – расхохотался бывший верх-советник Короны. – И это придает грядущему событию столь необходимую остроту. Я чувствую приближающуюся мощь, я чувствую, как созвездия проворачиваются в небе, словно ржавые механизмы. Как, словно шары в лунки, встают на свои места небесные тела. Я ощущаю, как эфир нетерпеливо пронизывают волны всевозможных известных и неизвестных науке энергий. Как нарастает напряжение этого эфира. Я ощущаю, как все токи и волны сходятся в центре этого древнего города. Смотрите!

Он вытянул руку в сторону гранитной плиты в центре главной площади Аркаима. Плита светилась матово-белым переливающимся светом. А над лункой в ее центре проскакивали крупные желтые искры.

– Видите, как все меняется, – Мар-Кифай задрал голову к небу. Он смотрел на заметно приблизившийся к Аркаиму смерч. – Близок час!

Сварог более не колебался. Запустил руку в вещмешок, сразу наткнулся на скомканную материю, вытащил желтый ком, потряхнул, расправил. Накидка была самой что ни на есть примитивной кройки: три отверстия – для рук и головы, более никаких изысков, а также никаких узоров, простроченных краев и прочих дизайнерских выкрутасов. Правда, ткань совершенно незнакомая, на ощупь удивительно мягкая, будто пуха касаешься.

Сварог быстро накинул ее на себя поверх спортивной куртки.

Свечение нарастало. Смерч сместился еще больше. Мар-Кифай не обращал внимания на Сварога. Не до него.

– Пора вам занимать места на сцене, – сказал Мар-Кифай оборачиваясь. Он увидел Сварога, встающего с земли, и удивленно поднял брови. – Что это за маскарад, милейший?

Улыбку стерло с лица бывшего верх-советника. Какая там улыбка! Его лицо перекосило. Каким-то непостижимым образом он понял, что происходит.

– Не позволю, – тихим, но страшным голосом произнес Мар-Кифай.

– А я и не собираюсь спрашивать позволения, – сказал Сварог и одним махом набросил накидку на плечи...

Глава шестая ВОЙНА ЗА МИР

... **И** невиданного прилива сил не ощутил. Равно как и не почувствовал, что его наделили новыми магическими возможностями, которые не чета прежним. Нет, он всего лишь испытал чувство защищенности. словно поддел под бушлат титановый бронник.

А еще Сварог сразу же, не дожидаясь сюрпризов, включил магическое зрение – почему-то он был уверен, что сюрпризы эти непременно последуют. И простым зрением, пожалуй, будет не обойтись...

– Не позволю, – еще раз, еще страшнее повторил Мар-Кифай.

И выбросил вперед обе руки. Нечто серебристое, похожее на брызги ртути вырвалось из его ладоней и ударило в Сварога.

Не зря Сварог испытал давеча чувство защищенности. Брызги магической ртути отлетели от него, отраженные магией каких-то там Предтечей, как шарики для пинг-понга отлетают от включенного вентилятора.

Но это все ерунда по сравнению с тем, что вдруг ощутил Сварог. Он почувствовал, как вложенная Мар-Кифаем в атаку магическая мощь перешла к нему, к Сварогу. Хорошую накидку изобрели эти сомати с Предтечами! Видать, и впрямь развитая была цивилизация.

Но чертов Кифай опять обо всем догадался.

– Ты, вижу, хорошо подготовился, человек. Думаешь, этого тебе хватит, чтобы одолеть меня?

Один из китайцев пытался под шумок скрыться. Несколько пуль из тех, что по-прежнему висели в воздухе, сорвались со своего места, догнали беглеца и вошли ему в спину с силой, не уступающей выстрелу в упор. Вряд ли Мар-Кифаю зачем-то было нужно, чтобы все непременно оставались на своих местах, просто он сорвал злость на беглеца. Выходит, и бесы умеют злиться...

Бывший верх-советник развел руки в стороны, и в каждой из них появилось по изогнутому на восточный манер мечу.

«Ага, – подумал Сварог со злорадством. – Бойтся обрушивать на меня мощь колдовских батарей. Опасается, сука, магического рикошета. И правильно делает».

Сварог произнес заклинание, и его ладони сомкнулись на рукояти хорошо знакомого ему прямого двуручного меча.

Мар-Кифай ринулся в атаку без всяких прелюдий и раскачек. И надо сказать, страшна была его атака.

Сварог лишь в последний момент отпрыгнул вбок, когда два сверкающих круга готовы были искрошить его на мелкие части, как капусту. Нисколько не стесняясь своего страха, Сварог бросился наутек. Мар-Кифай кинулся за ним.

Каждый человек понимает без всяких проб и головоломных расчетов, что он не сможет перепрыгнуть пропасть шириной в пятнадцать метров. Просто понимает это, и все. Точно так же, оказывается, бывает и с точностью до наоборот: когда человек понимает без предварительных проб и расчетов, что может перепрыгнуть пропасть шириной в пятнадцать метров. И еще много чего может. Например, пробежать вверх по стене или пролететь по воздуху на довольно большое расстояние. Просто знает, что он это может, и все. И это знание вдруг пришло к Сварогу. И, сильно толкнувшись, в отчаянном прыжке он вмиг оказался на вершине ближайшего фундамента.

Но и чертов Кифай мог все то же самое! Толкнувшись, он взмыл в воздух и понесся к Сварогу.

В Аркаиме вдруг враз потемнело – это смерч завис над головами, закрыв солнце. Гранитная плита с лункой в центре уже ярко светилась ровным желтым светом, будто под ней врубили тысячи армейских прожекторов.

Сварог кинулся прочь от налетающего Мар-Кифая, побежал по лучевым стенам к малому кольцу, ничуть не удивляясь, что ему удастся без труда удерживать равновесие и спокойно развивать совершенно невероятную, превышающую все спринтерские рекорды скорость.

Он совершенно сознательно бежал от битвы. Пока. Когда он почувствует, что готов, тогда и развернется к опальному бесу лицом.

Сварог спрыгнул со стены, сделав в воздухе кувырок, и понесся вперед, петляя между фундаментами. Он снова бежал к центру Аркаима.

Мар-Кифай преследовал его по воздуху. «Очень хорошо, – подумал Сварог, чуть снижая скорость, – ну давай же, нападай!»

Ага! Демон коршуном упал сверху. Сварог, не мешкая, взлетел ему навстречу по стене, кувыркнулся в воздухе и засадил ему носком ноги в подбородок. Удар был не из слабых, а если добавить сюда собственную скорость бывшего верх-советника... Не удивительно, что Мар-Кифай на миг потерял ориентацию, отчаянно замахал руками, рисуя в воздухе мечами беспорядочные стальные круги, а затем шумно навернулся вниз. Сварог не наслаждался мигом торжества, понимая, что это всего лишь временный успех, или, что вернее, всего лишь выигрыш времени. Он снова взмыл в воздух, взбегая по нему, как по ступеням...

А на гранитной плите между тем развернулось, оказывается, нешуточное побоище. Там дрались отчаянно и беспощадно, дрались, похоже, все со всеми. Не сразу и разберешь, где кто в этой куче-мале. Разве что туша господина И выделяется...

Сварог вовремя оглянулся и совсем близко увидел нагоняющего его по воз-

духу Мар-Кифая. Судя по перекошенной физиономии, тот был не на шутку зол. Хорошо бы еще его позлить и потаскать за собой по Аркаиму, да вот только времени не остается...

Сквозь зависший над древним городом смерч медленно опускался сияющий серо-голубым свечением квадратный столб. Колонна света – так казалось со стороны, а что уж это на самом деле... кто ж его знает. Сразу можно было определить, что когда нижний край колонны достанет до земли, то он войдет точнехонько в лунку в гранитной плите.

Едва над головами возник этот луч, как побоище внизу вспыхнуло с особой яростью. Вот уже кто-то отползает, весь в крови. Вот уже кто-то... похоже, это славянин из китайского отряда – валяется с неестественно свернутой набок шей. Каждому захотелось первым оказаться на заветном месте.

Нужно было решаться. Иначе проклятый верх-советник просто нагонит и всадит мечи в спину.

Сварог рывком изменил траекторию полета, развернулся и с разворота обрушил меч на налетающего Мар-Кифая. В общем, Сварог и не ждал, что первым же ударом разрубит советника пополам. Он хотел всего лишь перехватить инициативу, напасть самому, заставить Кифая защищаться, обрушить на него град ударов, чтобы у того не оставалось времени что-то изобрести.

И это Сварогу удалось.

Он бил сбоку, сверху, двумя руками, одной, пробовал колющие удары. А главное, он не чувствовал усталости. Какие силы его подпитывали, дело ли в накидке, доставшейся от древних пралюдей, и, может, даже не людей вовсе, или дело еще в чем-то – все это было сейчас неважно. Не кончаются силы – и ладно, и зашибись, и будем биться, аки львы, не снимая частоты нанесения ударов. А так, а так, может быть, вот так хочешь попробовать! Пока сволочной Мар-Кифай все удары Сварога успешно отражал...

Ведя бой, они сдвигались в сторону опускающегося столба света. Конечно, это происходило не случайно. Каждому из них хотелось держаться поближе к центру событий. А еще они, начав бой на высоте около пяти метров, опускались все ниже – потому что все ниже опускался столб.

Как-то незаметно все поменялось, Сварог даже не уловил точки перелома. Но факт есть факт, и вот уже Кифай наступает, а Сварог защищается. Причем атаковал советник с никак не меньшей яростью и настырностью, чем Сварог.

Они оказались возле столба. Меч советника, нацеленный в голову Сварога, прошел сквозь свечение... Вернее, должен был бы пройти, будь это и вправду свечение. Но меч, звякнув и выбив сноп искр, ударился о вполне твердую преграду. Гадать, из какого такого хитрого вещества состоит серо-голубой столб, Сварог не стал, а быстро скользнул за него. Получилось дополнительное препятствие, своего рода щит, за которым можно укрываться от ударов.

Он не мог себе позволить то и дело бросать взгляд под ноги – чья берет и что происходит со знакомыми персонажами, но краем глаза видел, что земля и копошащиеся внизу люди уже совсем близко...

Мар-Кифай вдруг резко ушел вниз, выписал головокружительный пируэт, оказался возле самой земли, но чуть в стороне от дерущихся людей, отклонился назад, резко нагнулся вперед, открыв рот – что уж это был за беззвучный крик, Сварог сказать не брался, но поскольку магическое зрение не выключал, то увидел ярко-белую вспышку и пронесшийся в сторону людей маленький,

похожий на пыльную бурю вихрь.

В не магической, а в самой что ни есть реальной реальности людей снесло с гранитной плиты, что крошки со стола.

Сварог нырнул вниз вслед за Мар-Кифаем и, вслед же за Мар-Кифаем, встал на гранитную плиту. И сразу же оглянулся: где там бесовские слуги, будущие, блин, правители мира. Они оба белый и черный, находились на прежнем месте – вдали от событий, на краю площади. Они не принимали участия в сваре остальных граждан на гранитной плите, они просто стояли в стороне и ждали, когда их повелитель расправится со всеми врагами. И смело можно было уверять: ни один из них ну ни на миллионную долю процента не сомневается в победе своего господина.

«А ведь так мы оба одновременно окажемся на плите, когда таинственный столб войдет в лунку, и участь наша будет одинакова, хороша она или плоха», – вдруг пришло в голову Сварогу. Видимо, об этом же подумал Мар-Кифай, и, кажется, сия мысль его не обрадовала. Потому что он с удвоенной яростью ринулся в атаку.

Сварог отбивался как мог, крутясь на гранитном пяточке. Он уворачивался от града ударов, сам молотил слева и справа, рычал, как зверь, пропускал удары, краем сознания отмечая, что накидка предохраняет его, как надежнейшая из кольчуг, но пропускал он удары и по открытым частям тела, пока вроде несерьезные, хотя в горячке боя можно было и серьезный принять за пустяк...

А столб неотвратимо опускался, что твой дамклов меч. Этот столб уже отеснил их на край плиты, столб уже в полутора метрах от лунки, а они скачут вокруг, продолжая иступленно молотить друг друга...

В голове словно разорвалась петарда. Руки вдруг перестали слушаться, пальцы разжались, выпуская меч, подкосились ноги, что-то теплое потекло по затылку на шею. Падая, Сварог обернулся и увидел за спиной Лану, сжимавшую в руке булыжник...

Очухался он от ударов по щекам и тут же услышал далекий голос Мар-Кифая:

– Не-ет, я не дам тебе провалиться в беспмятство. Я хочу, чтоб ты все увидел своими глазами.

Сварог пошевелился и обнаружил, что руки-ноги у него связаны. Кто ж это так подсуетился? Две пары рук ухватили Сварога под бока и приподняли. Ага, все понятно. Слуги Мар-Кифая, черный и белый.

В затылке невыносимо ломило, преодолевая боль, Сварог кое-как сел. Оказывается, его стащили с гранитной плиты, где теперь безраздельно хозяйничал Мар-Кифай, оттащили в сторону.

Остальные люди жались шагах в двадцати испуганной кучей. Похоже, им был преподан урок. Ну да, как еще объяснить человеческие останки, разбросанные в радиусе десяти метров, и лужи крови. Скорее всего, кто-то из них попытался прорваться к гранитной плите, и Мар-Кифай примерно разметал кого-то, воспользовавшись чем-то вроде той россыпи ртутных брызг. Но убил он не Ольшанского, и не Ключника, и не господина И – эти все, видел Сварог, живехоньки.

Лана же пребывала наособицу ото всех, сидела на земле между проигравшей и победившей стороной. И старательно не смотрела в сторону Сварога.

– Ты совершил типичную ошибку демона, двойник! – пророкотал Мар-Кифай. – Ты не принял во внимание людей. Что люди, подумал ты, когда я так велик и могуч! А люди могут подойти со спины с простым немагическим булыжником. Меня тоже недавно долбанули по черепу, так что я знаю... Но все, хватит с тобой. Не до тебя...

Мар-Кифай опустил на колени и смотрел, как луч достиг лунки в плите, как он входит в эту лунку...

– Ну и зачем? – поморщившись от боли, Сварог повернулся к Лане. – Или ты ведешь какую-то свою игру?

Та молчала, повернувшись в профиль. Сварог уж решил, что ответа не дождется. Но, выдержав паузу, Лана все же ответила:

– Ты не поймешь.

М-да, ясности больше не стало. Но сейчас было не до установления полной и безусловной ясности. Слишком бурные события разворачивались неподалеку.

Серо-голубого свечения луч вошел в лунку в гранитной плите. От поверхности плиты ударило вверх янтарного цвета и прозрачности свечение, образовав куб, в центре которого находился Мар-Кифай. Гранитная плита же сделалась похожей на квадрат раскаленного золота.

Сварог задрал голову... Батюшки святы! Смерч давно уже заслонял солнце, поэтому слепить глаза было нечему. А та часть неба, которую смерч не закрывал, в полном смысле слова утопала в звездах. Они были видны так отчетливо, словно это не звезды, а вбитые в небесный купол гвозди с серебряными шляпками.

По телу Мар-Кифая снизу вверх побежали золотистые разряды. Бывший верх-советник вскинул руки, прогнулся назад – судя по раскрытому рту, он кричал что есть мочи, но ничего не было слышно. И тут вертящееся «щупальце» смерча вонзилось ему в грудь.

Постепенно уменьшаясь наверху, смерч ввинчивался в тело верх-советника, и тело сотрясали конвульсии. Так продолжалось, пока смерч целиком не исчез в Мар-Кифае.

И серо-голубая колонна мгновенно пропала, словно втянулась обратно в небо. Гранитная плита обрела прежний вид, погас, будто и не было, янтарный прозрачный куб.

Все закончилось.

Мар-Кифай медленно обернулся к Сварогу.

– Я подарю вам жизнь в честь сегодняшнего праздника – моей... ну назовем это коронацией. К тому же вы мне не соперник более, милейший. Вы – один из миллиарда ползающих по земле муравьев. Отныне я ваш господин и повелитель, хотите вы этого или нет, ваш бог. Богу, как известно, можно и не молиться, если не боитесь его прогневить. Гуго, Пятница, Лана, сюда. Все, мы уходим. И вряд ли теперь встретимся.

Сварог еще успел заметить, как Гуго шутовски прикладывает два пальца к воображаемой шляпе, а потом – бах! – и все трое исчезли, будто их выключили.

В наступившей тишине было слышно, как в голос плачет толстый китаец, как прокликает все и вся Ольшанский.

Тогда Сварог вновь лег на землю Аркаима и закрыл глаза.

Он проиграл. В последний момент – проиграл.
Земля теперь полностью и безвозвратно принадлежит демону.

Конец первой книги

Красноярск, 2006

Александр Бушков

Сварог. Война за мир

Игрок номер два

Глава первая Кто ходит в гости по утрам

Барышня Лана дрыхла без задних ног, закопавшись щекой в подушку и трогательно выставив на всеобщее обозрение аппетитную попку. Признаться, и Сварог закемарил – сказались усталость, обилие впечатлений последних дней, адреналиновый всплеск последних часов... да и физические упражнения последних минут, не лишённые приятности, тоже, конечно, сказались.

Сколько он проспал? Почти полтора часа! Серый сумрак за окошком превратился в серое утро, обещанной телепрогнозом солнечной погоды пока что не наблюдалось. Сварог, легонько погладив Лану по спине – та в ответ что-то во сне пробормотала, – натянул тренировочный костюм с начесом (на удивление пришлось впору), кроссовки и вернулся в гостиную. Пора, пора сваливать отсюда, но сначала...

Не включая свет, он снова сел за компьютер, вышел в Интернет, нашел личный сайт Серафима Пака. (Господин Пак на фотографии, предваряющей перечисление регалий и, собственно, сам текст, был подозрительно похож на товарища Солженицына: такие же окладистая борода, прищур чуть раскосых глаз и изможденность.) А вот и адрес Института внеортодоксальных проблем: Шантарск, улица подпольщика Карчика, дом пятьдесят восемь. Еще и какой-то электронный адр...

Мартовским котом взвыл детектор опасности, и Сварог, не думая, действуя скорее инстинктом, нырнул влево и вниз, краем глаза зафиксировав, как посреди разом погасшего монитора образовалась небольшая дырочка с вывернутыми наружу краями, от которой в разные стороны зазмеились трещинки. Чпок-чпок-чпок! Цепочка таких же дырочек пробежалась по стенам. Взорвались бутылки в баре-нише, получил свое и холодильник. Думать было некогда, одна только мысль – какого черта, черт вас всех раздери?! – промелькнула у него, а потом пошла работа, работа подзабытая, поскольку Сварог вдруг поймал себя на том, что действует, как учили его в затерянной во времени и пространстве десантной школе – отражение атаки в закрытом помещении, и все он делал на автомате, напрочь отключив разум, оставив одни лишь рефлексy. Где-то в глубине дома со звоном лопнуло стекло, и Сварога как обожгло: Лана, как она? Стреляют-то из бесшумок, это к бабке не ходи... ну, будем надеяться, забралась под кровать и пули ее не задела. А теперь прочь лишние мысли!

Сварог начал произносить слова заклинания, перемещаясь в мертвую зону справа от двери из гостиной и попутно недоумевая: как в охраняемое элитное поселение проникла нехило вооруженная бригада? Что это именно бригада, а не один человек, засевший на верхушке кедра, он почему-то не сомневался.

В полуприседе приоткрыл дверь (хорошо, что внутрь открывается!), уже держа наготове материализовавшийся меч и нехоти поминая свои давешние мысли насчет ниндзя. Выглянул в коридор: вроде чисто...

Ан нет! Фигура в лохматом камуфляже, более подходящем для полевых опе-

раций, с чем-то явно огнестрельным в руках, как раз обернулась от другой двери...

Конечно, работать двуручным мечом в не широко просторном коридоре не очень удобно... Но возможно.

Р-р-аз – и одним движением снизу-справа-вверх Сварог отправил незнакомца в поля вечной охоты, спустя мгновение после того как незнакомец нажал на спусковой крючок. Стену коридора украсили завитушки кровавых брызг, почти одновременно с этим раздалась серия приглушенных «тых-тых-тых!», и в дополнение к завитушкам на стене появилась дуга кругленьких отверстий. Сварог тут же обернулся и, чуть присев, завел возвратным движением меч в ожидающую позицию за левым плечом. Острие длинного клинка ширкнуло по потолку. Лана где, трах ее тибидох?! Неужели дрыхнет еще?

Второго Сварог поймал в дверях гостиной, примитивно проткнул мечом чуть выше пупка (тот даже не пискнул, даже на спусковой крючок нажать не успел) и метнулся к спальне. Осторожно, по миллиметру отворил дверь. В комнате все было тихо, мирно и спокойно, вот только простреленное окно вносило определенный диссонанс. Он шагнул внутрь, уловил предупредительный писк детектора, движение воздуха над правым ухом, шевеление краем глаза и – едва успел увернуться от обрушившегося сверху магнитофона. Кавказская пленница с подносом против пришедшего спасать ее Шурика, етить... Ну, хоть жива. Сварог перехватил руку и громко прошипел, одновременно хлопнув по выключателю, погружая спальню в тьму кромешную:

– Тихо, я это, я!

Лана, облаченная в костюм Евы, смотрела на Сварога с таким выражением, что тот, по идее, должен был бы немедленно вспыхнуть и развеяться пеплом по ветру.

– Что... – начала было она, но Сварог договорить ей не дал:

– Живо. Молча. Одеваться. И на выход.

Ну, молодец баба, что тут еще сказать: мигом погасив зеленый пожар в глазах и ни слова более не говоря (разве что бросив выразительный взгляд на меч), Лана отбросила на разворошенную кровать магнитофон, метнулась в глубь темной комнаты и принялась практически на ощупь раскидывать детали одежды. Без всякого намека на эротические мысли – не до того, судари мои разлюбезные! – Сварог наблюдал за процессом превращения девушки обнаженной в девушку одетую и, держа в поле зрения обстановку в коридоре, шепотом давал вводную:

– Значит, так: идешь за мной. Если я говорю: стой – стоишь, если я говорю: падай – падаешь, если лети – взлетаешь. Понятно?

Лана, дрожащими руками натягивая свитер, кивнула. (Опять же – молодца девка, правильно оделась: джинсы, кроссовки, легкий свитер. По-походному Волосы даже успела забрать в конский хвост.)

– Сколько входов в дом? – спросил он.

– Т-три... Парадный, в гараж и со стороны сада, вон там, где бильярд... Но ты можешь хотя бы сказать...

– Умница. Тогда вперед, – скомандовал Сварог.

Не зря, ох, не зря ему мнились ниндзя! Едва они покинули комнату, как немедля с двух сторон кинулись наперехват одетые в темную облегающую одежду фигуры – эти ребята не стреляли, потому как не из чего им было стре-

лять. Вместо огнестрельных пукалок в лапах у них блестели, как навскидку определил Сварог, боевые ножи, и держали они сии *перышки* умело, грамотно. Руки, сжимающие меч, сами собой приняли оборонительную позицию, и все мысли опять же отошли на задний план. Ножи в ограниченном пространстве боя имеют, знаете ли, значительное преимущество перед громоздким мечом... Лана, издав неопределенный писк, вновь нырнула в комнату, а Сварог отточенным пируэтом переместился так, что оба противника оказались перед ним, мешая друг другу. Теперь обманный выпад вправо, удар, уход, нож просвистел у головы, зато один уже не опасен, схватился обеими руками за проколотое горло, второй отбил ножом возвратный выпад Сварога, перебросил клинок в левую руку – обеими руками работает, зараза! А ежели так? Сварог сымитировал глубокий выпад в нижнюю часть туловища и едва не напоролся на кинжал, исцарапавший ему предплечье. Снаружи донесся шум. Перебросив меч в левую руку, Сварог примитивно достал кулаком противника и, отступив на шаг, с разворота вспорол ему живот. «Хорошо хоть бронников на них нет, – отстранение подумал он. – А кстати: почему нет?..»

И позвал шепотом:

– Лана!..

В дверном проеме нарисовалась боевая подруга, губы ее дрожали, но слез пока не было, и на том спасибо. Снизу вновь послышался приглушенный шум.

– Что происходит?.. – выдохнула она.

– Похоже, твои гаишники с большой дороги вновь решили позвать нас в гости к Аллаху, – сказал он, скоренько обыскивая жмурика. Ничего. Ни документов, ни радиотелефона с гарнитурой, никакого прочего, помимо ножичка, оружия. Странно? Странно. Значит, заказчику известно, что Сварога пули не берут? А откуда, позвольте спросить?.. – Значит, так. Сейчас ты идешь в комнату... Да не в свою! – он едва успел поймать Лану за рукав свитера. – А вот в эту, – и указал на дверь напротив.

– Это же кладовка!..

– Тихо! – яростным шепотом произнес Сварог. И затараторил успокаивающе: – Вот и хорошо, вот и ладно, я сам недавно из кладовки, и ничего, они наверняка знают, где ты в первую очередь находиться можешь... ну и я с тобой, соответственно. Судя по всему, у них может быть и план этого милого гнездышка, так что сиди там как мышь, прикинься пылесосом и... и жди. Я тебя позову. Возьми вот, – Сварог бесшумно поднял выпавший из руки самого первого типа, того, что в лохматом комбинезоне, автомат, подозрительно напоминающий виденный им однажды израильский «узи», но с коротким толстым цилиндром на стволе, в просторечии именуемым глушителем. – Управисься?

– Да уж разберусь, – выдавила Лана, принимая стрелялку. – Ходили мы тут на полигон, или как там тир на воздухе называется, так что в общих чертах усвоила... А ты что, ты собираешься...

– Ага, собираюсь, – грубо перебил Сварог. – Уже собрался. Теперь марш в кладовку.

Лана, оглянувшись на Сварога и буркнув: «Очень хочется верить, что ты знаешь, что делаешь», скрылась за дверью комнатки – и впрямь оказавшейся вроде чулана... вот только размером чулан сей был с его ванную в квартире

некой военной части, заброшенной среди монгольских степей...

Он уже шептал слова заклинания, отступая к комнате Ланы и слыша еле уловимый шум очередного приближающегося гостя – того самого, который хуже татарина. Открыв дверь, Сварог прошептал последние слова заклинания, и в коридоре возникла его точная копия, да столь реальная, что Сварог в который раз непроизвольно коснулся себя рукой, убеждаясь, что вот он и есть настоящий, единственный и неповторимый... Фантом двинулся в другой конец коридора, к выходявшему во дворик огромному окну, пока еще – надо же! – уцелевшему после вражьего артонала. Сам же Сварог, настоящий, прикрыл дверь комнаты как раз в тот момент, когда из-за поворота показалась тонюсенькая ниточка лазерного прицела.

Ну дети малые, право слово: свет же в коридоре горит, зачем такие сложности!.. И, промежду прочим, интересно: а почему *они* в самом-то деле свет не вырубил, щит не раскурочил? Куда сподручнее было бы – при наличии лазерных прицелов, приборов ночного видения и прочих прибабасов – справиться с клиентом... Или им откуда-то было известно, что клиент умеет видеть в темноте?..

Красный лучик маятником покачался вправо-влево, вверх-вниз, обшарив весь коридор, и, вероятно, наблюдатель остался довольным увиденным, потому как лучик исчез и на смену ему явилась голова в шерстяной черной маске.

Стоя за порогом комнаты Ланы, Сварог слышал два негромких хлопка, мягкие шаги, еще два хлопка, уже ближе...

а потом Сварог уже не слушал. Сделав шаг вперед, он плавным движением меча снизу вверх распорол спину нападавшего. (Фи, мон шер: атаковать сзади? А вы что предлагаете, мон ами? Сейчас не до приличий, мусье. А-ля гер, как говорится, ком а-ля гер!) И когда противник, заваливаясь, развернулся, возвратным движением прошелся тому под подбородком. Сквозь прорези в маске Сварог увидел донельзя удивленные глаза боевика и невредимого – а что ему делается-то! – фантома у окна.

Прислушался. В кладовке тихо. Дверь закрыта. И, прошептав очередное заклинание, он отправил двойника к задней двери, за бильярдную. На этот раз выстрелов не последовало, и Сварог уже было собрался двинуться следом, но...

Но опять же раздался негромкий, на грани слышимости шум – и именно оттуда, где скрылся Сварог-призрак. Да сколько же вас понаехало, молодец... Сварог-настоящий метнулся к бильярдной – и оказался лицом к маске очередного нападавшего: тот как раз пытался вторично прикончить Сварога-призрака охотничьим ножом. С реакцией, впрочем, у этого типа был полный порядок: Сварог едва успел присесть, как широким маховым движением ему – уже ему, а не двойнику! – примитивно чуть не вспороли горло. Чуть. После чего противник перебросил нож в левую руку и тут же нанес удар в горло. Сварог ушел от атаки и, в свою очередь, кистевым ударом попытался достать противника в голову, но тот парировал лезвием.

Они на секунду замерли друг перед другом, каждый оценивал своего визави. И Сварог вдруг с холодной ясностью понял, что судьба подкинула ему подлянку. Похоже, судьба выставила против него одного из тех мастеров клинка, которых он в жизни видел всего лишь дважды. Однажды, например, ему довелось наблюдать показательное выступление одного замкомроты разведки, и у Сварога тогда создалось впечатление, что замкомроты мог запросто и пули

своим ножом отбивать... Второй же никакого отношения к армии не имел – это был монгольский пастух. Но в том, что он вытворял с ножом, было что-то... запредельно-мистическое. Даже вспоминать не хотелось. (Чуть позже, впрочем, Сварог поговорил с пастухом, втерся в доверие посредством водки и сигарет и узнал... но – об этом позже.) А пока супротивник сделал движение ножом, Сварог закрылся тяжелым мечом, но нападающий в последний момент изменил направление удара, Сварог дернул головой – и почувствовал, как что-то теплое потекло по рассеченной щеке.

Ого, блин...

Неизвестно еще, чем закончился бы этот поединок для Сварога, но тут противник на долю секунды отвлекся на фантома. Винить его не в чем, Сварог на его месте тоже опасался бы нападения с двух сторон... но этой доли Сварогу хватило, чтоб нанести два своих коронных удара, причем первый удар мастер этот гребаный ухитрился каким-то чудом отбить, да и от второго почти ушел, но, господи, то-то и оно, что *почти*... Как говорится, чуть-чуть не считается.

Сварог прислушался – в доме было тихо, как в склепе, однако не стоит забывать про сквозное отверстие в мониторе и цепочку дырочек в стене: значит, снаружи имеет место быть прикрытие, имеется снайпер, минимум один. Хотя выбираться отсюда надо в любом случае, не дожидаясь, пока подтянется подкрепление или этим ребятам не придет в голову светлая мысль поджечь или, скажем, подорвать дом. В темпе осмотрев комнаты и убедившись, что в данный момент наблюдается полное отсутствие присутствия противника, Сварог вместо себя, любимого, оставил неплохо зарекомендовавшего себя фантома, убрал меч и поспешил за Ланой. Перед дверью в кладовку он притормозил и негромко произнес киношно-классическую фразу:

– Лана, не стреляй, это я.

После чего осторожно потянул дверь. Прижавшись спиной к стене и сжимая автомат обеими руками, Лана целилась Сварогу точнехонько в грудь. Он мягко отвел ствол в сторону и сказал:

– В доме никого, а вот снаружи наверняка есть, да не один. Так что надо рвать когти, желательнее незаметно и быстро. Подумай, как.

Все ж таки умницей оказалась его новоиспеченная боевая подруга – никаких тебе слез, истерик и прочих повисаний на шее. Напротив: она быстро смекнула, что мужчина по имени Гэйр главный, стало быть, его надо слушаться, если хочешь жить.

Все бы так...

– Если быстро, – с трудом выдавила боевая подруга, побелевшие губы ее не слушались, – то можно на машине... только вот тихо, боюсь, не получится.

– На какой машине?

– А в гараже моя малютка стоит... Два автомобиля? Кучеряво живете, однако...

– В гараж можно попасть прямо из дома?

– Можно... Но ведь когда ворота начнут открываться, все равно заметят...

– На месте разберемся. Веди.

Лана собралась что-то спросить, но передумала и дисциплинированно двинулась вперед. Сварог, прикрывая тылы, пошел следом. Попутно он пробормотал отменяющее фантома заклинание – чего доброго, и так за это время напряженные до предела нервы Ланы не выдержат двоих Сварогов. А сотворить

двойника, в конце концов, он может в любой момент.

Слева от барной стойки, изящно огибающей плиту и холодильник, обнаружилась неприметная дверь. Спустившись на пару железных ступенек, они оказались в гараже, рассчитанном автомобиля на три. А сейчас там стояла лишь маленькая перламутровая трехдверная машинка, но вида самого что ни на есть футуристического, Сварог таких и не видел никогда.

– Ворота гаража брелоком открываются, – прошептала Лана, – а что толку?

Нуда, плавали, знаем: в бытность свою майором Сварог по видео смотрел такое – герой спускается к своему авто, пикает брелоком, и ворота неторопливо скрываются в потолке. Прогресс, блин.

– Значит, так, – сказал Сварог. – Брелок давай сюда, сама садись в машину. Как только я открою ворота – выезжай, и я спокойненько подсяду. Понятно?

Лана кивнула.

– Вот и хорошо. А пока пойду погляжу что у нас там за комитет по встрече во дворе обосновался.

Сварог вернулся в дом, прихватил по пути клинок едва не переигравшего его мастера (клинок все ж таки сподручнее тяжелого меча будет), прикинул балансировку и, остановившись возле двери, ведущей в садик, вновь сотворил двойника. Фантом первым шагнул на крыльцо...

Ну да: с двух сторон раздались приглушенные хлопки – но стреляли по бедняге-фантому Сам же Сварог, ускорившись до предела, метнулся в сторону одного из стрелявших и широким махом успокоил того навсегда. Развернулся в сторону второго, чувствуя, как автоматный огонь переносят на него. Отводить глаза не было времени (да и зачем?), и Сварог метнул нож метров с пяти. Лезвие вошло точно под кадык автоматчика.

Еще минус двое. А сколько вас всего? Он выключил фантома, чтоб не путался под ногами. А если честно – перевел огонь на себя. Показательно-испуганно вжался в стену коттеджа, осторожно выглянул из-за угла... Где тут у нас снайпер? Тот самый, что изуродовал компьютер? Даже если он видит, что Сварогов здесь только что было аж целых двое и ни один не поражаем автоматными очередями, даже если б ему сообщили, что, судя по всему, ни одного, ни второго пульей не взять, – даже в этом случае снайпер прямо-таки обязан выстрелить. Хотя бы один раз. Хотя бы для очистки совести и следуя инстинкту. Если, конечно, он не *настоящий* профи...

Тишина.

Сварог, сгибаясь в три погибели и всем телом демонстрируя полного лоха, вышел на открытое пространство, судорожно вертя головой направо и налево и всем и каждому притаившемуся среди деревьев показывая, что он абсолютно безоружен.

Что ни говори, а в магии ларов есть своя прелесть. Можно, например, не таясь, открыто стоять посреди освещенного двора и ждать, пока стрелок сам не обнаружит себя. И чем обширнее двор, тем лучше – ни один урод с *никакой* незамеченным не подберется...

Ну и? Чего ж не подбিরаетесь, не стреляете?

По-прежнему тишина.

Было свежо. Уже почти рассвело, небо на востоке быстро наливалось желтым рассветным сиянием. Верещали в кронах пробуждающиеся пичуги. Лепота, одним словом. Будто никто и не собирается прикончить парочку людей в

элитном охраняемом поселке. (А где, между прочим, охрана поселка?!.) Или действительно боевые единицы противника закончились?

Сварог шарил глазами по кустам, ограде, деревьям за оградой, выискивая засевшего снайпера, но тот пока ничем себя не проявлял. Да и вообще больше ни одна живая душа не проявляла желаний выстрелить в Сварога. Или напасть с ножом в руках. Спустя две томительные минуты Сварог решил и переместился к двери гаража. Еще секунда, взгляд на брелок, нажатие пальцем, и брелок бесшумно мигнул зеленой лампочкой. Ворота начали медленно, слишком медленно, подниматься...

Лана, вопреки всем Свароговым инструкциям, не сидела в машине, а держа автомат в руках, стояла на корточках у дверей. Сварог выматерился про себя, но вдруг увидел ее расширяющиеся глаза, потом протарахтела негромкая очередь, и, обернувшись, он увидел, как безмолвно валится откуда-то с росшего за забором кедра человек в камуфляже.

Тело все сделало само – уход вперед и вниз, в расширяющуюся щель неторопливо поднимающихся ворот, кувырок вправо, под защиту бетонной стены. Снова все тихо. Так что снайпер, будем считать, нейтрализован. И кем? Не мной, королем-суперменом, а какой-то девицей, любовницей местного буржуя...

– Кажется у меня кончились патроны, – спокойно – слишком уж спокойно! – сказала Лана. – Это был последний, как ты считаешь?

– А хрен его знает, – честно ответил Сварог. – Судя по тому, что из тебя... да и из меня тоже дуршлаг пока не сделали, в зоне прицельной стрельбы больше никого нет... Давай-ка, садись за руль, надо отсюда смываться, скоро тут не протолкнуться будет от представителей доблестных правоохранительных органов... Как ворота с участка открываются?

– Второй кнопкой на брелоке, пониже...

– Как это я их не перепутал-то... Короче, давай за руль, и на скорости уходим.

Дождавшись, когда Лана села за руль, и услышав рев работающего на высоких оборотах мотора, Сварог нажал кнопку «пониже», еще раз окинул взглядом окрестности и прыгнул на переднее сиденье. Едва он захлопнул дверцу, как Лана отпустила сцепление, и машина, выбросив из-под колес дымную струю сгоревшей резины, рванулась в открывающиеся ворота...

В воротах возникла фигура в уже набившем оскомину лохматом облачении. Присев на одно колено, боец держал на плече короткий черный цилиндр, похожий на тубус для чертежей...

Какой, к чертям, тубус, это ж базака!

Сварог ничего не успел сказать.

Лана, еще прибавив газу (хотя куда уж больше-то?!), чуть повернула руль, и фигура с «тубусом», вроде бы чуть коснувшись правого крыла, отлетела в сторону. Автомобиль выскочил на дорогу, вильнул, наплевав на всевозможные помехи справа, и метнулся прочь от так и не ставшего убежищем коттеджа. Впереди никого. Сзади тоже никто не стреляет.

Неужели ушли?

Ушли.

– И куда теперь? – неестественно спокойно спросила Лана.

Сварог скоренько прикинул варианты. И понял, что самое время делать

шаг вперед.

- Улицу подпольщика Карчика знаешь? – отрывисто спросил он.
- Ну вроде...
- Давай туда.
- А что там?
- Не слишком ли много вопросов, сержант?
- Простите, сэр...

Глава вторая

Кто-то умирает, кто-то восстает из мертвых

– Вот и Карчика, приехали, – сказала Лана.

– Так, ну-ка стоп, машина, – сказал Сварог одновременно с напарницей.

Напарница послушно притормозила у бордюра, и Сварог, нахмурившись, посмотрел в лобовое стекло.

Солнце уже встало. Предутренние облака, сплошняком закрывавшие небо, куда-то исчезли, и мир был наполнен свежестью, умиротворением и уверенностью, что сегодня уж точно будет лучше, чем было вчера.

Но Сварог с некоторых пор привык не доверять мирам.

Номер пятьдесят восемь по улице подпольщика Карчика против ожиданий оказался обыкновенным жилым домом – Сварог-то, в наивности своей, полагал, что Институт внеортодоксальных проблем располагает если не собственным зданием, то хотя бы вывеской и положенным охранником у входа. Ничуть не бывало. Дом был как дом: серого силикатного кирпича в глубине относительно чистого зеленого дворика, занавесочки на окнах, сушащееся белье на балконах, и... И еще кое-что, что и заставило Сварога скомандовать «стоп».

Еще вокруг дома, точнее возле одного из подъездов, наблюдались приглушенно гомонящая толпа, две милицейские машины и карета «скорой». Тревожно похолодело в животе, но детектор опасности молчал.

– Та-ак... Посиди-ка пока здесь, – приказал он Лане. – И в случае чего будь готова рвать когти.

– В случае чего?

– В случае чего-нибудь.

– Гос-споди, – простонала Лана, вытянув шею и разглядывая толпу. – Помому, Гэйр, ты просто притягиваешь к себе неприятности.

– Поверишь ли, но я об этом уже давно думаю, – искренне сказал Сварог. И тут же успокоил: – Я просто осмотрюсь и сразу обратно. Кстати, меня зовут Сварог. А Гэйр – это... это типа фамилии.

Лана кивнула и спросила как примерная ученица:

– А куда мне рвать когти, господин Сварог? Если в случае чего...

– Ну... Просто тихонько поезжай за угол и жди меня.

– Уф-ф...

– А что делать? – философски пожал плечами Сварог и выбрался из машины.

...В толпе, состоящей, главным образом, из лиц самого что ни на есть пенсионного возраста, слышались отрывистые реплики: «...пятый этаж...», «...в лепешку...», «...а что вы хотели...»

По уму, конечно, ему следовало нацепить чужую личину, а хоть бы и Гаудина, – внешность Сварога, несмотря на то, что в этом мире он появился

всего лишь вчера вечером, уже наверняка известна многим... Но он отчего-то остался в собственном обличье, пусть даже и в примитивном спортивном костюмчике. Трудно сказать, почему. То ли потому, что это – его родная Земля, на которой нет места магии, то ли потому, что на родной Земле ему ничего грозить не должно...

К месту происшествия было не подобраться: толпа стояла перед подъездом, как вражья армия перед воротами осажденной крепости.

– Бабуля, – учтиво обратился Сварог к старушке в потрепанном зимнем пальто и платочке, которая мелко крестилась, не отрывая взгляда от верхних этажей дома, – а что случилось-то? Я к приятелю приехал, а не пускают...

– Дык самоубивец, – охотно ответила бабушка, на Сварога не глядя. – Ентот, который китайский псих ученый, из девяносто четвертой. Сиганул из окна – и алё... Уже часа два как, а менты, уроды, только щас понаехали.

– Я-асно.

Сварог протиснулся чуть поближе, в партер. Скучающий санитар охранял накрытое куском рубероида тело на асфальте, молоденький сержантик, что-то сосредоточенно записывая в блокнот, опрашивал свидетелей, на подножке милицейского «уазика» устало курила, повесив голову, рыжеволосая дама в длинном, кофейного цвета плаще, с балконов свешивались любопытствующие жильцы в надежде увидеть что-нибудь интересненькое...

Сварог не стал подходить ближе. Каким-то восемнадцатым чувством он понимал, что под рубероидом лежит именно Серафим Пак, президент, директор и председатель... Кто-то планомерно и не скрываясь ставит Сварогу палки в колеса. И он даже догадывался – кто именно.

Что ж, не он первым начал. Сварог почувствовал, как в нем поднимается волна ярости... И тут рыжеволосая тетка на подножке «уазика», бросив окуроч на газон, устало подняла голову. И посмотрела в глаза Сварогу. И Сварог ни секунды не сомневался, что она его тут же узнала.

Да и он узнал рыжую – это именно она срисовала незваного гостя в камзоле официанта на карнавале, а потом палила по вертолету из пистолета. И теперь тоже прекрасно понимала, что и Сварог узнал ее. Значит, валькирия тоже выбралась из мясорубки? Bravo. Хотя что с такой станется...

Безмолвная дуэль закончилась вничью: к рыжей некстати подошел давешний сержантик, позвал: «Дарья Андреевна...» – а потом что-то зашептал на ухо, и она отвела взгляд.

Сварог тоже не стал продолжать игру в гляделки, отвернулся, сделал шаг прочь из толпы...

И почувствовал, как кто-то ласково, но крепко взял его под руку.

– Прошу вас, – раздался над ухом тихий, вкрадчивый мужской голос, – давайте обойдемся без проблем. С вами хотят поговорить. Просто поговорить, ничего больше.

Сначала Сварог едва не начал *действовать*, машинально, на автомате, рефлекторно... Но потом увидел рядом с собой тупоносые ботинки светло-коричневого цвета, похожие не то на обувку битников, не то на башмаки Олега Попова. И моментально вспомнил их: «ледяная» кладовка, диалог Ботинок и Красивых Сапог. Ключник.

Он поднял глаза, встретился взглядом с коротко стриженным худощавым блондином, бережно держащим его под руку. Ага, вот как ты выглядишь, с-су-

ка. У блондинчика были водянистые равнодушные глаза, худощавое лицо и едва заметный шрам на левой скуле. А где, интересно, Красивые Сапоги? Несут охрану по периметру?

– Эй, – столь же негромко начал играть Сварог, – что это вы себе...

– Пожалуйста, – почти шепотом перебил крепыш просительным тоном, который напрочь не вязался с его обликом. – Помните, что Лана ждет вас... вместе с человеком, который желает с вами просто побеседовать.

Что самое интересное, блондинчик не врал. Сварогу и в самом деле ничего не угрожало – пока, если точнее.

– Где она? – спросил Сварог. И добавил – из чистого мальчишества: – Где она, Ключник?

Опа! Рука, державшая его под локоть, на мгновенье сжалась стальной пружиной. Нуда, нуда, господин Ключник, кажется, весьма не любит, когда его называют этим прозвищем...

– Лана недалеко, – слышался спокойный голос. – Я не принуждаю вас, не заставляю, не угрожаю. Я *прошу* пройти вместе со мной.

«А ведь он меня боится, – понял Сварог. – И не только он...» И сказал:

– Ну, если столь вежливо... Что ж. Идем. Ведите.

Они выбрались из толпы (Ключник его локоть вежливейшим образом не отпускал), пересекли улицу, направились к двум припаркованным возле пустой Ланиной малолитражки черным «джипам» с тонированными стеклами. Дверца одного из них распахнулась, на мгновенье показалось перекошенное гневом лицо Ланы. Она махнула Сварогу ладошкой: дескать, милости просим.

Сварог пожал плечами, сунул голову в салон – водитель, на переднем пассажирском сиденье Лана, сзади кто-то третий... короче, плевое дело, если начинать *акцию*, — и смело полез внутрь.

Дверца на роликах тут же захлопнулась за ним, Сварог сел, Ключник остался снаружи.

– Наконец-то, – недовольно выдохнула Лана.

А третий, тот, который не водитель, а вовсе даже сосед по заднему сиденью, повернулся к Сварогу. И Сварог узнал Сергея Ольшанского, олигарха, любовника Ланы. Того самого седогривого льва, которого расстреляли из станковых пулеметов на Олеговой пустоши.

– Думаю, мне нет нужды представляться, – холодно сказал лев, внимательнейшим образом Сварога разглядывая. Был он одет вполне демократично: джинсы, мокасины, клетчатая рубашка.

– Н-да, – лихорадочно выискивая манеру поведения, осторожно ответил Сварог. – В смысле – нет. Нужды то есть, нет. Я видел, как вас изрешетили на сцене Ледяного замка.

– Именно, – преспокойно кивнул господин Ольшанский. – И, прошу заметить, тут мы в чем-то похожи. Я выживаю после пулеметной очереди в упор, а вас вообще очереди не берут. Не так ли... профессор Беркли?

И Ольшанский растянул губы в самой что ни есть дружеской улыбке. От которой за сто верст веяло неприязнью и... опасностью. А чертов детектор молчит!

Беркли? Что еще за Беркли? За кого его принимают на этот раз?

Сварог почел за лучшее промолчать.

– И неужели вы думали, – продолжал Ольшанский, улыбку с лица не уби-

рая, – что я, собственно, и спонсировавший экспедицию Беркли в Центральную Африку, не распознаю подмены? Профессор вернулся вчера, но мне не звонит, не связывается со мной... Я посылаю людей в наш аэропорт, просматриваю видеозаписи всех прибывающих... И кого же я вижу? Совершенно незнакомого типа, который под именем профессора проходит регистрацию! А куда вы своих дружков задевали? Ну, этого Крокодила Данди и негрилу?

– Значит, это ты организовал бойню на Олеговой... – сквозь зубы проговорила Лана с переднего сиденья.

– Позже об этом, – жестко отрезал Ольшанский, на подругу даже не глядя, а глядя по-прежнему в глаза Сварогу – И вот какая петрушка получается, профессор. Вы не Беркли, коего я прекрасно знаю в лицо. И наверняка никакой не профессор. Из Москвы вы прямым авиарейсом двинулись не куда-нибудь, а именно в Шантарск. Потом засветились на закрытом – повторяю: закрытом, только для своих – празднике. А теперь объявились аккуратно возле дома, где проживал мой безвременно почивший друг по фамилии Пак... И как, уважаемый, вы мне все это объясните?

Они сидели рядышком, оружия в руках льва не было, охраны не было – ежели не считать водилу, который еще не известно, боец ли, – так что при желании Сварог запросто в минуту мог отправить льва в Страну Вечной охоты. Но...

Этот Беркли – он тот, *другой*, вдруг понял Сварог. Значит, он уже в Шантарске. На самолете прилетел, да еще под чужой фамилией, да еще и с дружкойми... Так кто из нас демон: тот, кто прикрывается чужими именами, или тот, кто выступает под собственным именем?.. И еще Сварог понял: времени у него мало. Потом будем думать, кто он на самом деле: бес или настоящий граф Гэйр – времени осталось в обрез.

– Значит, это все-таки ты, сука, – гремучей змеей прошипела Лана, со змеиной грацией поворачиваясь с переднего сиденья. – Все-таки ты. Ты организовал расстрел на Олеговой пустоши. Сволочь. И меня хотел убить!

– Заткнись, истеричка! – вдруг заорал олигарх, мигом переключаясь со Сварога на подружку. – Я же сказал: потом!

Эге, да у любовничков страсти кипят почище мексиканских...

– Если б я хотел тебя прикончить вместе со всеми, я бы тебе приглашение прислал, идиотка! А я не прислал, если ты помнишь? Интересно, почему? Но нет, ты же вообще думать не обучена! И решила сама пробраться на презентацию, без моего разрешения! Баба Ольшанского, кто ж ее не пропустит! Не так, что ли? Не так, да?! Так что себя вини, дура чертова!

Лана открыла было рот, чтобы ответить достойно, но, видно, не нашлась – явно олигарх был прав на сто кругов – и перевела ищущий поддержки взгляд на Сварога. А что Сварог мог сказать? Покамест он помалкивал в тряпочку и в семейных разборках участия не принимал. Зато отметил про себя, что Ольшанский вовсе не отрекается от обвинения в расстреле.

Ну и нравы у вас тут, ребятки...

– И не смотри ты на него жалобно! – уже на излете вспышки злости выкрикнул Ольшанский. – Делать ему больше нечего, как...

Он осекся, помолчал секунду... и вдруг понимающе протянул – еще больше успокоившийся и даже более-менее искренне ухмыляющийся:

– А-а... вот оно что! Как говорилось в каком-то фильме аккуратно по этому же

поводу: теперь мы с вами вроде как родственники, месье... Ну, пусть так, ревновать уж точно не стану. Все это где-то даже символично.

В его голосе уже не было угрозы. И лжи тоже не было, насколько Сварог мог верить собственному индикатору вранья. Словно Ольшанский что-то решил для себя и теперь круто сменил тактику.

Сварог же оставался в полном недоумении. Все происходящее напоминало ему плохонький любительский спектакль – где все вроде правильно и логично, но веры доморощенным актерам нет ни на грош.

– И в дом ко мне ты никого не посылал, да? – нашла новый аргумент Лана, быстренько возвращаясь к гремучести.

Ольшанский бросил мимолетный взгляд в окно, где за тонированным стеклом терпеливо маячил блондинистый Ключник, и твердо сказал:

– Нет. Я никого к тебе в дом не посылал. Оправдываться я не собираюсь. Если хочешь... если вы оба хотите знать *правду*...

Он нажал какую-то кнопку на ручке двери (стекло со стороны Сварога чуть опустилось. Сварог, опять же машинально, напрягся) и сказал, в сторону окна даже не глядя:

– Ключник, загляни-ка.

Тут же с чмокающим звуком распахнулась дверца. Сварог, поразмыслив, немного подвинулся – и означенный Ключник послушно занял место рядом с ним. Ключник, буквально пышущий угрозой. Но пока не опасный. Как заряженный револьвер со взведенным курком, но – лежащий на столе вне пределов досягаемости.

– Расскажи-ка нам, – спокойно приказал ему Ольшанский, – что совсем недавно произошло в доме Светланы Артемьевой. Правду рассказывай.

Блондин едва заметно нахмурился и спросил:

– Ас какого момента...

Он на миг запнулся, а Ольшанский этот миг прошляпил, и Сварог не замедлил этим воспользоваться:

– А с того, голубь ты мой, – ласково сказал он Ключнику, по-прежнему держа общую *картинку* под контролем, – с того самого момента, когда на горизонте нарисовался вертолет и принялся в две струи поливать людей лекарством от жизни...

Ё!.. Попал! Вот кто организовал нападение на праздник в Ледяном дворце. Ключник, кто же еще. И известно, по чьему приказу. И нет ни малейшего сомнения: дай Ключнику волю, и Сварог – моргнуть не успеете – уже превратится в доброкачественный и гарантированный труп.

– Спокойно, – жестко сказал Ключнику Ольшанский. – Выкладывай и не мельтеши. И не с вертолета начинай, а с гаишников.

Ключник помолчал малость и заговорил отрывисто скучным голосом, глядя в никуда:

– Наблюдатель на трассе передал на контрольный пост, что кордон ГБДД уничтожен неизвестными... точнее, неизвестным – всех бойцов из группы заграждения положил один человек, мужчина, которого якобы пули не берут. Причем, положил посредством двуручного меча. К сожалению, эту информацию принял не я, а мой... мой помощник, Константин Заславин. У него был приказ не допустить *прорыва* из Олеговой пустоши на этом участке... А Светлана Витальевна и неизвестный прорвались. Заславин запаниковал, вычис-

лил хозяина... то есть хозяйку «Гелендвагена» и послал ударную группу к ней домой. В коттедж в «Золотой пади». Меня в известность не поставил. Когда я узнал о нападении на коттедж, было... в общем, было уже поздно. Но это целиком моя вина. Никто не собирался *стирать* Светлану Витальевну...

По крайней мере у меня, а значит, и у моих людей, такого приказа не было. Он не врал.

– А что стало с мистером Заславиным? – спросил Сварог. Не то чтобы он в самом деле хотел знать. Спросил, просто чтобы не молчать, чтобы участвовать в беседе.

Значит, был, был наблюдатель там, на трассе...

– Заславин наказан, – кратко, но веско ответил Ключник. – Я дал ему шанс подняться, но Заславин им не воспользовался. Я допустил ошибку.

А Сварог явственно представил себе Красивые Сапоги, нюхавшего кокаин в кладовке Ледяного дома, а теперь лежащего где-нибудь в трех аршинах под землей... И ни малейшей жалости по этому поводу не испытал.

– Ну, разобрались? – нетерпеливо спросил Ольшанский. – Коля, трогай по-маленьку. Не хватает только, чтобы нами занялась Дашка и чтобы мы продолжили наши выяснения в ментовском «обезьяннике».

– Вы эту рыжую имеете в виду? – Сварог небрежно мотнул головой в сторону подъезда дома. Джип мягко и мощно взял с места, покатил по улице. Второй тонированный «бомбовоз», брат-близнец первого, черной тенью двинулся следом.

Ольшанский и не скрывал своего облегчения от того, что отъехали от опасного места.

– Ее, ее имею в виду... – сказал он, расстегивая пуговицу рубашки. – К сожалению... а может, и к счастью, только в виду. Доводилось сталкиваться. Если вцепится, хрен отдерешь... Знаете, есть риск оправданный, а есть риск до невозможности глупый. А крутиться в поле досягаемости рыжей Дашеньки – это и есть верх ничем не оправданной глупости.

Ольшанский повернул голову, взглянул Сварогу в глаза.

– Мне нравится, как вы держитесь. Думаю, мы сработаемся.

– Зачем мне с вами срабатываться?

– А у вас другого выхода нет, – олигарх обезоруживающе растянул губы в улыбке. – Вы этого еще не поняли?

– Признаться, нет, – нагло ответил Сварог. – Я вообще медленно соображаю.

Ключник сидел рядом молча и неподвижно, положив руки на колени. Манекен, а не человек. Но манекен опасный, как Терминатор.

– Вы не бойтесь, – серьезно отметил Ольшанский. – Это плюс. Хотя любой, я подчеркиваю – *любой* на вашем месте... – он помолчал. – Знаете, поначалу я действительно всерьез намеревался выудить из вас всю информацию, а потом примитивно утопить в Шантаре. Но... передумал. Потому что все это неспроста. Не верю я в такие совпадения. И ваше появление под именем Беркли, и звонок Пака, и его смерть...

Последние фразы он явно адресовал самому себе. Станный тип. И слишком много тараканов в голове...

– Что случилось с Паком? – спросил Сварог.

– Вы с ним знакомы?

– В Интернете нашел, – ответил Сварог честно. А что врать-то... – Сегодня

ночью.

– Его убили, – буднично сказал Ольшанский. – Инсценировали самоубийство. И я даже подозреваю кто... Пак позвонил мне неделю назад, весь на нервах, сказал, что ошибся в расчетах и все произойдет не двадцать девятого сентября, а буквально завтра. Умолял взять его с собой. Я разобрался с тусовкой, подорвался, приехал – а он уже превратился в блин на асфальте...

Привратник яростно ударил ладонью о спинку водительского сиденья.

– Твари узкоглазые! Мало им китайщины, еще и к нам лезут... наших людей убивают!

Сказать, что Сварог ничего не понимал, – значит, ничего не сказать.

Машины обогнули небольшой сквер с фонтаном, возле которого по утреннему времени резвились только дети и алкоголики, выехали на довольно оживленную улицу, влились в поток. Водитель Ольшанского вел «бомбовоз» не нагло – напротив: соблюдая, пропуская и даже перед пешеходными «зебрами» притормаживая. А Сварог почему-то был уверен, что это отнюдь не свойственный ему стиль вождения; во всяком случае, даже во времена Сварога (а точнее, во времена его пребывания на Земле) люди высокопоставленные и высокооплачиваемые позволяли себе ездить так, как им надо, а не так, как предписывают ПДД. И сейчас Сварог отчего-то был уверен, что времена ничуть не изменились. Так что, скорее всего, водила получил указания от «погибшего» для всех Ольшанского ехать *аккуратно*. А вот зачем – вопрос...

– Куда ты направляешься? – спросила Лана.

– Ты веришь, что я тебя не подставлял? – спросил Ольшанский.

– Да пошел ты...

– А вы? – Ольшанский повернулся к Сварогу.

– Я бы, конечно, ответил словами уважаемой госпожи Артемьевой, – осторожно сказал Сварог, – и тоже поинтересовался бы, куда мы, собственно, едем... Но не буду. Пока не буду.

– Расстрел праздника организовал я, – помолчав, негромко сказал Ольшанский. – Равно как и инсценировку собственной гибели. Узкоглазые обошли меня, получили Аркаим, и мне нужно было выиграть время, иного варианта я не видел. Такие дела... Но я не собирался убивать Лану, потому как незачем. Я вообще не знал, что она явится на презентацию. И про вас ничего тогда не знал...

«А ведь не врет», – отметил Сварог

– И не твои люди залезли в мой дом и пытались убить нас, да?! – спросила Лана.

– Ты слышала, что сказал Ключник? Думаешь, он тоже врет? Люди, может, были и мои, но такого распоряжения я не давал. Впрочем, думай, как хочешь, оправдываться я не собираюсь... А еще мне кажется, что наш разговор свернул куда-то не в ту сторону. Сперва надо бы кое-что прояснить, а уж потом разборки устраивать...

– А вы, уважаемый гражданин Ольшанский, только рыжей Дашеньки боитесь и ничего более? – слегка надавил Сварог на олигарха. Что называется, в исследовательских целях. – Меня, например, несколько не боитесь? Сами же признали, что застрелить меня, мягко говоря, трудновато.

Сидящий рядышком Ключник при этих Свароговых словах напрягся – это было заметно даже по его профилю. Ага, вот почему Ольшанский посадил его

рядом: чтобы пресек в случае чего. Да и в самом деле было, ох было с чего напрыгаться хозяйскому цепному псу.

– Нет, нисколько не боюсь, – твердо сказал Ольшанский. – И могу объяснить почему. Коля, ну-ка прижмись к обочине!

Водитель молчаливо выполнил приказ: свернул к тротуару, остановил машину. Так получилось, что они припарковались возле драмтеатра, аккуратно напротив афиши, где анонсировалась пьеса некоего Айгера Шьюбаша «Последний день Помпеи».

А что, очень даже символично...

– Ключник, дай мне купюру, – приказал Ольшанский.

– Какую, Сергей Александрович? – обернулся Ключник. Сварог отметил, что нелюбимое прозвище из уст начальника означенный Ключник сносит вполне.

– Любую, – нетерпеливо бросил олигарх.

Ключник запустил руку в карман, покопался там, выудил зеленоватого цвета бумажный прямоугольник, передал его шефу. Десятка, краем глаза разглядел Сварог. Конечно, он еще не стал экспертом по части того, что и почему в нынешнее, прямо скажем – *странное* время, но приблизительное представление о ценах уже составил, уже представлял, что червонец ныне купюра значимости невеликой. Значит, или Ключнику так уже повезло наугад вытянуть десятку, или Ключник скуповат по жизни. Ежели второе – хорошо. К скупому за всегда проще ключик подобрать. Это так, заметка на будущее, на всякий, как говорится, случай непредвиденных раскладов. Ключик для Ключника, каламбур, однако...

– Вот так, – Ольшанский недрогнувшими пальцами порвал купюру пополам. Половину протянул Сварогу Сварог ее взял.

– Вот почему мы друг другу нужны. У вас одна половина Знания. У меня другая. По отдельности эти бумажки ничего не стоят. Так же по отдельности ничего не стоят наши части Знания... (Сварог не сомневался, что слово «Знание» Ольшанский именно так и произносит – с заглавной буквы, вкладывая в него некий *особый* смысл). Если мы не соединим наши половины, то и останемся с бесполезными бумажками на руках.

Сварог на всякий случай глубокомысленно промолчал. А потом спросил:

– Почему вы решили, что вторая половина... Знания у меня?

Ольшанский полез в нагрудный карман рубашки, достал сигареты. Признался:

– Ведь бросил. Год не курил. Сегодня разговелся. Но сегодня можно.

– А что, сегодня постный день? – с легкой подначкой спросил Сварог.

– Вот что определено точно – день сегодня особенный.

Ключник перегнулся через Сварога, поднес зажигалку к сигарете шефа, дал прикурить. Выпустив ароматную струю, Ольшанский сказал с усмешкой:

– Надо сказать, для английско-подданного вы прекрасно владеете великим и могучим. Наверное, скажете, что выучили на курсах? Под гипнозом?

Сварог равнодушно пожал плечами.

– Увы. Я никакой не Беркли. И в аэропорту я не был. Вы принимаете меня за кого-то другого.

Ольшанский внимательно посмотрел на него – наверное, именно так он смотрит на какого-нибудь заместителя, который явился с докладом, что, мол,

котировки акций по совершенно неизвестной причине упали на десять пунктов. Шумно выдохнул и потер лицо ладонями. Сказал:

– Ладно. Давайте, черт возьми, с самого начала. С представления, с имен. С того, с чего начинают нормальные люди, к коим мы, понятно, не относимся, иначе не сидели бы здесь, а шли бы сейчас там, – Ольшанский махнул рукой с сигаретой в сторону улицы, роняя пепел на пол и себе на джинсы. – Шли бы, размахивая полиэтиленовыми пакетами с пивом, чтобы выжрать его перед телеящиком под болтовню дуры-жены о сериалах... Впрочем, вернемся к именам. Мое вы знаете. Теперь позвольте узнать ваше? Коли уж вы настаиваете, что никакой вы не мистер Беркли...

– А когда это я называл себя мистером Беркли? – ответил Сварог вопросом на вопрос.

– Не мне, не мне! Но на таможне вы предъявляли паспорт на имя Чарльза Беркли. Прибыли вы из Конго. Ну не напрямую, конечно, а через Москву, что, впрочем, неважно...

Ого! Значит, второй Сварог оказался в Конго? Так его, болезного, не фиг демонам по цивилизованным местам разгуливать...

Хотя... Кто из них настоящий бес – это, знаете ли, еще ба-альпой вопрос...

Ольшанский между тем выдвинул вмонтированную между передними креслами пепельницу и размочалил о ее дно окурков. «Ага, нервничает, – отметил Сварог. – Очень хорошо. Так, глядишь, и проговорится о чем не хотел».

– Вашу мать! – воскликнул Ольшанский. – Я не поленился, сделал запрос... есть кое-какие завязки кое-где. Я сравнил номер паспорта моего хорошего знакомого профессора Беркли, эсквайра, и вашего! Совпадение один в один! Что на это скажете?

«Интересно, – вяло подумал Сварог, – а что сделал с настоящим профессором тот, *второй*...»

– Скажу то, что уже говорил: мало того, что я не знаю никакого Беркли, мало того, что не прилетал не из какого Конго... я вообще не был в аэропорту ни вчера, ни сегодня, ни неделю назад.

– Ваш двойник?

– Возможно.

– Шутите?

– В моем положении шутки противопоказаны, – очень серьезно сказал Сварог. И добавил: – Особенно в свете грядущего События...

Опа! Это задело, зацепило и заставило олигарха задуматься.

– Так кто же тогда вы такой? – спросил Ольшанский негромко. – И как вы попали на праздник?

– А вам, собственно говоря, какое дело? Я имею в виду – конкретно до меня какое дело? Что вам от меня нужно?

– Правильно, так его, – зло бросила Лана с переднего сиденья. – А то возомнил себя хозяином мира, понимаешь, перед которым все должны трепетать и отчитываться.

– Знаете, в чем ваша ошибка, господин Ольшанский... Или это вы его двойник? А то и родной брат самого Ольшанского?

– Бросьте ерничать, *мистер Беркли*, — поморщился олигарх. – Вы ничуть не сомневаетесь, что я – именно Ольшанский и именно Сергей Александрович. А вот кто вы... Как минимум вы серьезный про... Нет, не противник, это я непра-

вильно выразился. Вы серьезный человек. И я все больше и больше убеждаюсь, что мы с вами сработаемся, хочется вам того или нет. Ну так в чем моя ошибка?

– Вы почему-то вообразили, что я испугаюсь вас и ваших ореликов, – Сварог кивнул в сторону Ключника. – Видимо, выработавшаяся за последние годы привычка, что все принимают перед вами позу покорности, не так ли? А я могу просто выйти. И увести за собой Лану И вы, уважаемый... *покойничек*, ничего не сможете мне сделать. Во-первых, не захотите, элементарно испугаетесь. И чтобы вы там ни говорили, пусть вы приказа не давали, но вы в курсе того, что произошло в «Золотой пади»...

Ольшанский едва слышно хмыкнул:

– Приятно иметь дело с умным человеком... Однако вы же не выскочили на ходу, не выскакиваете сейчас. Значит, вам по меньше мере любопытно: а что я такого знаю, чего не знаете вы?

Сварог кивнул.

– Что правда, то правда. Любопытен я, знаете ли, от природы. Но и скрытен – все от той же природы. И как вы посоветуете преодолеть это противоречие?

– Кажется, я знаю способ, – улыбнулся Ольшанский. – Называется он «откровенность за откровенность». Слово вы, слово я. Поскольку я позвал вас в гости, а не наоборот, то и начинать мне. Согласны на такой обмен? Ну а дальше уж как получится...

– Попробовать можно, – сказал Сварог, только и ждущий информации.

– Тогда спрашивайте. Что вас интересует в первую очередь?

Сварог поразмыслил и спросил:

– Вы сказали – «к обоюдной выгоде». Упомянули про часть Знания. Нуте-с, так какой выгоды вы ждете от меня, какую часть Знания вы намерены от меня получить?

– Не о том спрашиваешь! – буркнула Лана. – Спроси его, как он убивал всех, включая тебя и меня!

– Еще успею, – пообещал Сварог.

– Ваше право, с чего начинать, – пожал плечами Ольшанский. – Чего я жду от вас? Многого, признаться. Я жду от вас рассказа о том, что случилось с экспедицией профессора Беркли, что ему удалось узнать. И какое вы имеете к этому отношение. А уж имеете непременно. У вас паспорт на имя Беркли, вы прибыли не куда-нибудь, а в Шантарск, оказались не где-нибудь, а на празднике. Ну а на следующий день я встречаю вас у дома Серафима Пака – аккуратно в то время, когда бедняга размазался по асфальту. Таких совпадений не бывает даже в бразильских сериалах.

– Вы не ответили на мой вопрос, господин Ольшанский, – слегка улыбнулся Сварог. Кажется, он поймал нужный тон разговора. – Я спрашивал о другом. Я спрашивал, часть *какого* Знания вы от меня хотите получить? А вы хитро увильнули от ответа. Так, знаете, у нас разговора не выйдет.

– Хорошо, хорошо, – примирительно сказал Ольшанский. – Я просто не успел договорить, а вы уже в бутылку... Меня интересует часть Знания об *Аркаиме*. О пирамидах. Об Истинной Пирамиде. О Предтечах. В общем, все, что удалось узнать профессору Беркли. Вот что меня интересует. А вас, – Ольшанский ткнул Сварога пальцем в грудь, – не могло в этот город привести ничто

другое, кроме как желание добыть недостающую часть Знания. Ага, вижу при слове «Аркаим» у вас загорелись глаза. Однако...

Совсем рядом вдруг заиграла, сначала тихо, но становясь все громче, электронная музыка. Ольшанский, изогнувшись и пробормотав: «Извините», – запустил руку в карман джинсов, вытащил плоскую коробку, раскрыл, как раскрывают пудреницы и табакерки, приложил к уху. Это что же такое, телефон?

– Да. Где? Сколько? – голос Ольшанского изменился. Сейчас он говорил презрительно-повелительным голосом начальника, беседующего с подчиненным. – А ты? Ясно. Действуй по плану. Понял меня? Хорошо.

Ольшанский захлопнул крышку телефона. Нервно постучал коробкой по колену. Повернул голову, посмотрел на Сварога.

– Из города надо выбираться. Срочно. Очень срочно. Можем попасть в кольцо, прорваться сквозь которое скоро будет весьма затруднительно. Шевчук, сука... Можем продолжить наш разговор за городом.

– За городом, конечно, удобнее, – сказал Сварог. – Особливо ежели кто лелеет задумки нехорошие...

– Да бросьте вы, в самом деле! – скривился Ольшанский. – Чем мне поклясться, что и в мыслях нет от вас избавиться? А вовсе даже наоборот...

– Спелся с ним, да?! – зашипела Лана, поворачиваясь к Сварогу с переднего сиденья. – Сволочь ты. Он же нас чуть не укокошил!

Сварог колебался недолго.

– Ты можешь уходить, – сказал он ровно. И посмотрел на Ольшанского: – Она может уйти?

– Да ради бога, кто ж ее держит! – ухмыльнулся олигарх. – И вы, кстати, тоже можете валить. Хотя, повторяю, это будет ошибкой. Поодиночке ни вы, ни я ничего не добьемся.

Детектор зафиксировал ложь. Что бы это значило?..

– С вами или без вас я покидаю Шантарск, – сказал Ольшанский. – Видите ли, я направляюсь в Аркаим. Прямо сейчас. Потому что время поджимает. Хотите – можете выйти. Хотите – можете ехать со мной. Я не неволю... Послушайте, вы, Беркли-неберкли. Вы что-то хотели узнать у Серафима Пака? Для того к нему и приехали? Так вот: скорее всего я знаю это «что-то». И нам есть чем обменяться. Ну, решайте скорее, времени нет...

Глава третья

Мирные беседы за столиком

Шантарск остался далеко позади.

Дорога тянулась то среди однообразных степных раздолий, то среди тайги. Два джипа, сверкающих никелированными частями экстерьера, на скорости под сто двадцать летели друг за другом по асфальтовой полосе, пугая встречный и попутный автотранспорт. Кортёж из двух машин цвета вороного крыла, с тонированными стеклами, с «мигалкой» на крыше первой машины выглядел весьма внушительно, и, понятное дело, никому из водителей на трассе даже в голову не могло прийти не пропустить их, подрезать или, тем паче, устроить с ними гонки на шоссе. Все заранее сторонились и покорно уступали путь-дорогу Зато без труда можно было вообразить, какими могучими словесными этажами простые водилы провожали вконец оборзевшие буржуйские лайбы...

Лана молчала. Сидела, привалившись к мягкой боковине переднего сиде-

нья, как-то вся сжавшись, и угрюмо смотрела в окно. Пребывая, похоже, в полном душевном опустошении.

Да и Сварог молчал. Бывает так, что сама по себе дорога завораживает, особенно ежели мчишь по ней на внушительной скорости. И ехал бы так, казалось, целую вечность: позади старые неприятности и странности, впереди – новые, торопить которые нет ни смысла, ни охоты, а за окном тянется, сливаясь в смазанные серо-зеленые полосы, сибирский ландшафт. И не хочется не то что разговаривать, а и думать ни о чем не хочется, и уж тем более что-то там прокачивать и анализировать. В чем тут причина – неизвестно, возможно, что-то сродни гипнотическому трансу, когда пациента усыпляют, монотонно раскачивая перед ним на цепочке какой-нибудь медальон...

– Куда все же едем, командир? – повернув голову, выдавил из себя вопрос Сварог. – И скоро ли остановка?

Вопрос этот он задавал во второй раз. На раз первый олигарх шантарского разлива сказал: мол, потерпите, салон автомобиля – не самое лучшее место для душевных бесед, «скоро будет вам подходящая точка...» Но на этот раз Ольшанский удостоил Сварога более развернутого ответа:

– Вообще-то, мы едем в Старовск. Слышали про такой город Солнца?

– Сознаюсь в своей серости, не слышал. Сколько до него еще... и что мы там забыли?

– А град сей примечателен тем, что является последним форпостом цивилизации на этом направлении. Дальше – только безбрежная тайга аж до самой до границы с инородцами сволочного китайского роду-племени. Более ничем этот Старовск не примечателен. А вот что мы там забыли... По большому счету – ничего. А по малому... Кое-что заберем, кое-кто к нам должен присоединиться, малость отдохнем и двинем дальше.

– «Кое-что», «кое-кто»... Что-что, а туман ты всегда любил напускать! – уже значительно спокойнее заговорила Лана. – Я так и не услышала: какого хрена тебе надо было расстреливать праздник? Время ему выиграть надо было, надо же!..

Ольшанский повернулся к Лане. Хмыкнул, тряхнув седой шевелюрой.

– Оказывается, малыш, когда ты суровым голосом задаешь лобовые вопросы, ты чудо как хороша. Тебе бы, наверное, очень пошел прокурорский мундирчик...

– Да иди ты на хрен, тварь! – опять сорвалась Лана на крик. – И хватит называть меня «малыш»!

– Далеко ли мы продвинемся, если будем пререкаться из-за отдельных слов? – Ольшанский говорил нарочито медленно. – Впрочем, твоего душевного спокойствия ради, я, так и быть, не стану называть тебя «малыш», стану звать «радость моя». Так лучше? Ага! – Ольшанский наклонился вперед, что-то высматривая за лобовым стеклом. – Ну вот и обещанная остановка, голуби мои! Готовьтесь к выходу...

Придорожное кафе называлось «Руслан», о чем сообщала деревянная, стилизованная под нечто русское народное вывеска. Однако на резное деревянное крыльцо встречать гостей выскочил отнюдь не светловолосый русак в поддевке и картузе, а откровенно кавказский человек, смуглолицый и усатый. В его излишне суетных движениях и бегающем взгляде угадывался страх – машины к его заведению свернули уж больно непростые, поди догадайся, кто

там за тонированными стеклами и чего можно от них ждать.

Ключник выскочил первым, открыл переднюю дверцу, помог выбраться Лане, потом выпустил шефа. Сварогу же ни одна сволочь не помогала, пришлось все сполнять самотужки. Блин, ну никакого почтения королевскому званию...

Ольшанский смачно потянулся, щурясь на солнце. Огляделся, на миг задержав взгляд на стоянке, где сейчас находились две большегрузные фуры и неприметный «жигуль». Чуть повернул голову в сторону замершего в напряженном ожидании кавказца.

Еще раньше хозяина на волю выбрались добры молодцы охранники из второго джипа, голов числом в три. Автоматы на их плечах не висели, однако от внимательного взгляда не могли укрыться характерные очертания под рубашками навыпуск. Водители джипов остались за баранками.

– Здорово, уважаемый! – обратился к трактирщику Ольшанский. – Звать тебя, небось, Руслан, и ты – хозяин этой ресторации?

– Хозяин, да, – часто закивал кавказец. – Я – Ахмет. А Руслан – брат мой. Его хотите видеть? Позвать?

– Вот что, Ахмет, – по-барски сообщил Ольшанский. – Давай-ка с тобой посчитаем. Так, так, – он деловито прошелся по скрипучим половицам крыльца. – Домик из бревен, вагонкой и сайдингом не обшитый, лишь крашеный. Ну, предположим, внутри имеется евроремонт, проверять идти лень... Та-ак, значит, что еще? Сараяшка с дровами, совсем копеечная беседка, хозблок с каким-то барахлом... А, от нее идет провод к дому! Значит, там стоит дизельный генератор. Приплюсуем и генератор. Ну, еще так и быть учтем всякую дребедень типа микроволновок, содержимого бара, запаса продуктов и даже... маленкий маралный уцэрб, да? Короче, земля... Двести тысяч зеленых долларов будет за глаза и за уши. Устроит тебя, Ахмет, такая сумма за твой «Шашлык-дональдс»?

– Все сделаем в лучшем виде, – с языка не на шутку перепуганного множимися непонятками кавказца, видимо, слетела заготовленная стандартная фраза. – Шашлыки пальчики оближешь, дорогой...

– Значит, так, Ахмет, – Ольшанский шагнул на крыльцо и покровительственно опустил руку на плечо кавказцу. – Деньги получишь прямо сейчас. Потом сообразишь нам покушать. Шашлычки, чую, уже готовы, – Ольшанский шумно втянул носом воздух. – Ах, как люблю этот запах! Не из собачатины? Шучу, шучу... Накроешь вон там. – Ольшанский кивнул на отдельно стоящую беседку. – Принесешь все свое самое лучшее и свежее. И тут же, Ахмет, уезжаешь отсюда *навсегда*. Я покупаю твое заведение. За двести тысяч баксов. Ключник, выдай нашему другу и деловому партнеру обговоренную сумму. А заодно распорядись насчет перекусить.

И не дожидаясь вопросов и возражений, оставив кавказца на своих подчиненных, Ольшанский направился к беседке. Сварог и Лана последовали за ним. Олигарх зашел в беседку и с выдохом «фу-у-у» устало плюхнулся на лавку, будто только что пробежал стометровку, а не перебрался сюда с мягкого сиденья внедорожника.

– Мы перестали спешить? – Сварог занял место за дощатым столом напротив олигарха.

– Пока да, – сказал Ольшанский. – Задерживаться в городе дольше было

чрезвычайно опасно. Счет шел уже на минуты. Эта сучка Даша могла крепко сесть нам на хвост. Нюх у нее, как у ищейки... Но мы вроде вырвались. Сейчас же спешку можно померить. Потому как мы идем даже с некоторым опережением графика... А кроме того, нам надо обговорить детали, выяснить позиции друг друга и определить расклад сил.

Олигарх посмотрел на часы (даже полный лох, совсем не разбирающийся в наручных часах, сразу бы понял, что за изделие, украшающее запястье Ольшанского, можно купить не один придорожный «Руслан») и сообщил:

– Мы опережаем график ровно на час. Этот час предлагаю провести в *моем собственном* заведении общепита. Всегда хотел попробовать себя в ресторанном бизнесе. Мечта идиота наконец сбылась.

Сварог задумчиво смотрел в сторону.

Что-то не клеилось.

Вот хоть убейте – не клеилось, и все! За двести тысяч долларов купить плевою придорожную забегаловку? Даже если доллар *тут* вообще ничего не стоит – достаточно посмотреть на рожу Ахмета и понять: такая покупка не лезет ни в какие ворота. Нет, некая сумасшедшинка в глазах Ольшанского определенно присутствует, это к бабке не ходи, но не до такой же степени... словно человек обналичил все свои чеки и кредитки и теперь сорит кэшем направо и налево. Словно завтра Конец света и деньги уже вообще никому не понадобятся.

О, Ключник как раз таки передает пачки зеленых фантиков кавказскому человеку Ахмету. Достает прихваченные банковской оберткой параллелепипедики из спортивной сумки, лежавшей сверху в битком набитом багажнике. (А что ж там еще такого интересного, в багажнике-то, что бабки валяются на самом верху?..) Ахмет рассовывает деньги по карманам, судорожно, с остановившимися глазами пихает за пазуху. Не приходится сомневаться: хлопцы Ольшанского быстро и доходчиво растолковали кавказцу, что принять предложение этого большого человека во всех смыслах гораздо выгоднее, чем гордо отвергнуть.

– Денежек не жалко? – Лана вытащила из пластикового стакана бумажную салфетку, обмахнула ею лавку и только потом села. Села рядом со Сварогом. – Ну, положим, скупым ты никогда не был, но и гусарства за тобой не замечалось.

– Просто сегодня особенный день, – весело сообщил Ольшанский, выкладывая на стол пачку сигарет и зажигалку в серебряном корпусе с крупным зеленоватым бриллиантом посередине. Рядом с пепельницей в виде тарелочки из алюминиевой фольги зажигалка смотрелась, как алмаз на помойке. – Последний день старой жизни, друзья мои, – сказал он торжественно. – Не то чтоб завтра не наступило никогда, но... Но завтра все будет по-другому. Прежние цели, старые фетиши – вся эта мелочь и суета враз делается смешной и глупой, как... смешны нам сейчас конфетные фантики, которые в детстве представлялись величайшей ценностью. Завтра над всем сегодняшним мы станем смеяться. И деньги, эти зеленые бумажки, завтра станут тем, чем они и есть на самом деле – нарезанной на куски цветной бумагой...

– Ты не ответил на мой вопрос, – не спрашивая разрешения, на правах хозяйки (пусть и донельзя разозленной) Лана вытряхнула из пачки Ольшанского сигарету, прикурила от брильянтовой зажигалки. – Расстрел – это твоя ра-

бота?

Олигарх откинулся назад, разбросал руки по ограде беседки. Широко, открыто улыбнулся – так улыбаются только честнейшие из людей, добившись правды.

– Я ж уже говорил! Моя работа, только моя и ничья больше. Завтра наступит особенный день, друзья мои. Отпал всяческий смысл что-то друг от друга скрывать. Потому я и не стану отрицать, что это моих рук дело. Вернее, моего ума: руки были не мои. Грешен, – Ольшанский скорчил виноватую гримасу и изобразил шутовской поклон.

– И зачем тебе это понадобилось? – Лана, сделав всего несколько затяжек, растерла окурочек о дно алюминиевой тарелки. – Выхода другого у него, понимаете ли, не было, времени не было, понимаете ли... Просто захотелось превратить наш городок в Чикаго? Дон Ольшанский, блин...

– Поверь мне, ты вообще ничего не понимаешь. Ничегошеньки.

Лана не затушила окурочек как следует, он продолжал дымить, Ольшанский спокойно послуныявил палец и загасил его.

– Прежде всего, ты не знаешь размаха игры. А размах, я тебе скажу... – олигарх тряхнул седовласой гривой, покрутил головой. – Когда игра идет на такие ставки, правила у игры могут быть только одни: самые древние правила, по которым не может быть иных итогов, кроме победы или поражения. Никаких промежуточных состояний не признается. Вряд ли ты поймешь меня, *малыш*, если сама никогда не поднималась до *таких* ставок...

– Ну куда уж мне! – презрительно скривилась Лана. – Только все равно никогда не докажешь мне, что была необходимость убивать ни в чем не повинных людей!

– Была бы другая возможность – не убивал бы, – вмиг стал серьезным... очень серьезным Ольшанский. Сделал паузу и тоже закурил. – К сожалению, время поджимало, а ставки, как я уже сказал, слишком велики.

– И что это за ставки, позвольте поинтересоваться бедному страннику? – вклинился Сварог, чтобы прекратить эти выяснения отношений. – Аркаим?

– Ага, он самый, – тут же кивнул Ольшанский. – Территория в двадцать квадратных километров. Или историко-археологический заповедник «Аркаим». Презентация, позволю напомнить, и была посвящена окончанию тендера по приватизации сей территории...

– Каковой тендер вы проиграли, – напомнил Сварог.

– А вы когда-нибудь сажались за карты с поездными кагалами? Много ли шансов у пассажира выиграть, когда игра идет краплеными картинками, когда их сдают сами каталы? Когда проводники и дежурные менты у них на прикорме, а на подстраховке в тамбуре дежурит парочка амбалов? Вот то-то! Здесь та же самая история с теми же самыми шансами на выигрыш... разве что масштаб иной. И даже при моих, уж поверьте, весьма не слабых возможностях, *честно* выиграть борьбу было решительно невозможно...

Из кафе вышли двое мужиков в поношенных кожаных «косухах». Один из них держал в руках большую столовую тарелку, накрытую другой такой же тарелкой... Ага, понятно: это шоферы-дальнобойщики, которых культурно попросили закончить свои обеды и топать на выход, но разрешили забрать недоеденное с собой, щедро презентовав и заведенческую посуду. Вслед за шоферами из дверей «Руслана» выскользнули две черноволосые женщины с под-

носами. Почти бегом направились к беседке.

– Вам наверняка знакомо излюбленное выражение сегодняшних дней: «Бабло побеждает зло». Или вот еще: «Завалить проблему баблом». В точности соответствует тому, что произошло, – Ольшанский продолжал говорить, не обращая внимания на женщин, что вошли в беседку и теперь расставляли на столе тарелки с какими-то салатиками, бастурмой, лимончиком и икоркой, бутылки, стаканы. – Мои узкоглазые конкуренты баблом завалили все, что можно, и всех, кого надо. И здесь завалили, и в Москве. Этот Чжоу И, чтоб ему в его китайском аду... Словом, однажды я четко осознал, что ссать против ветра – пардон, мадемуазель, – нет ни малейшего смысла...

– О! – сказал Сварог, изображая внезапное озарение и при том намеренно малость переигрывая. – Некто Чжоу И выиграл Аркаим, который вам тоже был жизненно необходим. И тогда вы решили отступить. И выждать. И тем временем подготовить сокрушительный удар?.. Послать вместо Чжоу свой вертолет, но не пассажирский, а боевой?

– Чтоб у китаёз земля под ногами загорелась, – удовлетворенно кивнул Ольшанский. – А вы быстро схватываете суть! Ну да, чтоб все конторы, начиная от ФСБ и заканчивая ГБДД, землю носом рыли, выясняя, какого дьявола Чжоу И понадобилось с собственного вертолета изничтожить толпу ни в чем не повинных людей...

– Ну так, а зачем вам нужен был Аркаим? – спросил Сварог.

Ольшанский, сволочь, лишь невинно улыбнулся.

Дальнобойщики тем временем забрались в кабины своих фур. Один, чуть зад ержавшись на подножке, скользнул взглядом по людям в беседке и, как показалось Сварогу, остановился на Ольшанском. А ведь мог и узнать: сибирский олигарх, по словам Ланы, был фигурой публичной, нередко мелькал в местных новостях. Кстати, и весть о его смерти должна была прогреметь по всей области...

А вот еще раз кстати: чего ж Ольшанский-то стал вдруг вести себя столь неосмотрительно? Приложил недюжинные старания, чтобы его считали навсегда погибшим, и вот на тебе – берет и запросто открывается встречным-поперечным! Мало ли кто кому брякнет: слух мигом разнесется, в прессу попадет. Случайностей и совпадений в жизни хватает. Сварог мог объяснить подобное безрассудство только одним – Ольшанский уверен, что ему уже никто и ничто не сумеет помешать... Так почему молчит об Аркаиме? Если уж Сварог ему, дескать, столь необходим...

– Никак нельзя было допускать, чтобы китайцы добрались до Аркаима, – это Ольшанский сказал, дождавшись, когда обслуживающие женщины отойдут. – Они бы там мигом развернулись. Тогда Аркаим можно было бы считать потерянным навсегда.

– И другого способа не было? Кроме расстрела?

– Ни одного, – убежденно сказал Ольшанский. – Думаете, я не рассмотрел все возможные варианты? Нет. Только *акцией* можно было отсечь китайцев от Аркаима, хотя бы на время. То время, что необходимо мне... особенно после звонка Серафима Пака. Событие произойдет завтра. Я успею. Они опоздают. Поверьте, был бы другой способ, я выбрал бы его.

– И что это за Событие, вы так и не ответили.

– Разве? А мне казалось, вы и так в курсе... Ну так отвечаю: завтра наступит

конец старого мира и родится мир новый, – просто ответил олигарх. – И если роды нового мира буду принимать я, то я обрету такие силу и власть, которые не снились ни одному богу.

Олигарх взял бутылку коньяка, скептически хмыкнул, мол: «И это у вас лучшее?» – свернул пробку и набулькал себе, Лане и Сварогу граммов по пятьдесят. Именно в такой последовательности.

Значит, конец, вот как. Ни больше и ни меньше.

Нельзя сказать, что Сварог был удивлен – чего-то подобного он и ожидал.

Об этом и говорил ему бес в обличье красотки...

«Вот ведь странно, – Сварог вдруг поймал себя на чудовищной по своей сути мысли. – Я разговариваю с убийцей... С человеком, который сам признал себя убийцей. На его совести не одна человеческая жизнь, я сам видел, что он натворил со своим вертолетом... И это только то, что я видел своими глазами! И тем не менее я спокойно что-то там обсуждаю с ним... Либо я настолько уже зачерствел душой, либо... – и тут опять накатило ненужное: – Либо это демоническая сущность проявляется...»

– А разве китайцев еще как-то можно отсечь? – спросил Сварог, качнув головой и прогоняя лишние мысли. – Контракт-то о перепоручении Аркаима все равно подписан...

– А вы не догадываетесь, в чем дело? – Ольшанский пристально посмотрел в глаза Сварогу – Время это дает, что ж еще. Выигрыш времени, а значит, победу. Так и вышло, как задумывалось. Шум поднялся до небес. Еще бы ему не подняться, когда в одночасье полег чуть ли не весь шантарский истэблишмент, во всяком случае – то крыло чиновников и бизнесменов, что стояло за вице-губернатором. И вместе с ними смерть жуткую, лютую приняли иностранные гости и, что еще важнее, стратегические инвесторы. А это уже, дорогие мои, означает международный скандал и, самое главное, расследование высшей категории под контролем самой Москвы. Подобное расследование подразумевает, что под подозрением находятся все, невзирая на чины, звания и былые заслуги... – Ольшанский ухмыльнулся. – Ну разве что кроме погибших, включая и убиенного господина Ольшанского. Конечно, контракт никто не отменял и вряд ли намерен пересматривать, но уже объявили, что проходит проверка всех обстоятельств подписания договора и так далее. А сие означает, что никаких китайцев до окончания следствия к Аркаиму не подпустят. Собственно, чего я и добивался. Вернее, добился. Время выиграно. И выиграть-то надо было всего ничего...

Ольшанский выпил коньяк залпом, как водку, скорчил гримасу, которую можно было перевести как: «Хм, думал будет хуже», – подцепил дольку лимона. Закусил.

– Позволю себе глупый вопрос, – сказал Сварог, крутя на столе тупой столовый нож. – А кто погиб вместо вас? Случайностью ваша смерть никак быть не могла, видел своими глазами. Двойник? Или, быть может, имелся родной брат-близнец, которого вы и отправили на тот свет вместо себя?

В голову Сварогу пришла странная мыслишка: «А ведь не составляет труда подвести черту под бурной жизнью олигарха Ольшанского. Обойтись при этом без всякого колдовства... Хоть бы этим тупым ножом. Резко наклониться вперед, одно быстрое движение руки... Бандерлоги Ольшанского дернуться не успеют, как все уже будет кончено. А еще я могу перемахнуть через стол, при-

хватить олигарха в заложники и начать приказывать его псам: мол, бросить оружие на землю, отойти подальше от машины...»

Почему Ольшанский так в Свароге уверен? Неужели олигарх искренне считает, что желание Сварога узнать что-то там насчет Аркаима гарантирует ему, Ольшанскому, полную безопасность?! А ведь, похоже, так оно и есть, так Ольшанский и думает...

– Родных братьев не имеется, – серьезно сказал Ольшанский, опять же ничуть не кривя душой. – Равно как и сестер. А вам, как я погляжу, непременно надо выставить меня сущим монстром. Ладно, считайте кем хотите... – Ольшанский махнул рукой. – Да, да, с двойником вы в точности все угадали. К слову сказать, двойника я себе подыскал задолго до того, как началась борьба за Аркаим. Еще в то горячее перестроечное времечко, когда сколачивались российские капиталы. Не слышали о Зубкове?

Вопрос был адресован Сварогу но Ольшанского опередила Лана:

– Алюминиевый магнат, убитый в позапрошлом году во время воровской сходки в недостроенном метро... Ты о нем?

– О нем, чтоб ему черти на том свете угольку подкинули, – кивнул Ольшанский. – В свое время угораздило меня оказаться с ним по разные стороны баррикад... А это для всех было чревато. Пришлось срочно обзаводиться за бешеные деньги броневиком, дополнительной охраной, двойником... и вообще черт знает чем. Я и на Тибет отправился, когда стало совсем горячо и надо было где-то переждать. Ну, а меня здесь все то время успешно изображал двойник. А во второй раз – вчера. С Зубковым кое-как разошлись, и вообще все стало успокаиваться. Но с двойником я не разорвал, приберег человечка, подкармливал его все это время. Вот он и сгодился...

– Слушай, Ольшанский! – Лана вдруг резко придвинулась к столу. – А тебе насколько не жалко всех этих людей, ни сном, ни духом не ведавших об Аркаиме, о тендере, о прочей херне, которая не стоит даже одной человеческой жизни? А скольких ты расстрелял! Я уж о себе не говорю, тут-то как раз мне все ясно... О других. И смотри, как ты говоришь. «Подкармливал», «сгодился». О людях, как о мусоре.

Ольшанский поначалу закатил глаза – типа, насколько его достали сумасбродные дурочки, – но потом вдруг шарахнул кулаком по столу изо всех сил, едва не разбросав шашлыки:

– Жалость, говоришь?! Невинные люди? Ну-ну! Где ты там невинных разглядела, дура! Я лично ни одного ягненочка не видел. Тебе перечислить всех поименно, кто там был? Половина – толстожопая чиновничья сволочь, озабоченная только тем, как бы еще где какой кусок отхватить. Другая половина – бизнесмены. Такие же, как я. Из тех, кто пробился наверх и *сдружился* с властью. А пробивались исключительно по головам. И по трупам. Как и я сам. Там еще присутствовала самая мерзкая из нынешних человеческих разновидностей – *сынки*. Мы-то хоть зубами свое выгрызали, а эти получили даром и теперь строят из себя наследных принцев! Вот уж кого ни капельки не жалко. Да и вообще, ты же покрутилась в нашем мире, кто там кого хоть когда-нибудь жалел? Сейчас ты скажешь: «А как же женщины?» А точно так же! Хочешь полного душевного и телесного спокойствия, так выбирай себе слесаря, пекаря, токаря или малобюджетного интеллигента. А если хочешь сытно жрать, спать на мягком, одеваться в бутиках от всяких карденов и шастать по

заграницам, то будь готова, дорогуша, что машину с твоим дружкой могут взорвать или упокоить с ним рядышком перекрестным огнем из дюжины автоматных стволов. Короче, ни учителей, ни врачей, ни детей, ни монашек на Олеговой пустоши не было...

– А если б были, хочешь сказать, это бы тебя остановило, – криво усмехнулась Лана.

– Я хочу сказать то, что уже сказал: ставки слишком велики. Когда идет игра по таким ставкам, земля горит на сто верст окрест от эпицентра. Это как падение метеорита. Метеорит ты тоже обвинишь в жестокости?.. Ладно, хватит пустого трепа.

И вообще, я заканчиваю до поры с монологами, приступаю к вопросам. Я представился, я рассказал о себе, теперь ваша очередь, мистер Беркли. Или, может, все же назовете вашу настоящую...

Ольшанский резко оборвал фразу, потому что давешние черноволосые женщины принесли подносы, принялись с них сгружать одуряюще аппетитно пахнущие шашлыки, лаваша, зелень, помидорчики, две бутылки французского вина. Открыванием такой бутылки занял себя Сварог, пока женщины раскладывали еду. Он вдруг понял, что дьявольски проголодался. Когда он ел нормально в последний раз? Еще там, на Короне, бутерброды перед Даниным компьютером не в счет...

– Ну так как все же вас звать и кто вы такой на самом деле? – спросил Ольшанский, когда чужие уши отдалились от стола.

Сварог налил вина Лане, потом себе, взял в руки бокал (дешевенький, с дурацким цветочком на стекле), поболтал вино по стенкам, отпил. Наверное, вино было все же французское, но явно не из элитных сортов. «А может, ты, ваше странствующее величество, просто избалован до невозможности винами из королевских подвалов?»

– Зовите меня Сварог. Просто Сварог. Это фамилия, но меня все так зовут, я привык... – он деловито принялся стаскивать вилкой куски шашлыка себе на тарелку. – Я так понимаю, все зигзаги моей биографии вам не должны быть интересны. Ну какая, в сущности, разница, где родился, на ком женился, по каким краям мотало. Главное, что на сегодняшний день я – профессиональный искатель Аркаима. Это точка на карте меня крайне интересует... равно как, я понимаю, и вас.

И он положил в рот кусочек мяса. К чести заведения, мясо оказалось превосходным.

В это время двое мужчин (давешний Ахмет и несомненно Руслан, поскольку был столь же черняв и при таких же усах) и невесть откуда взявшийся пацаненок лет десяти торопливо вышли откуда-то из-за кафе и направились к потрепанному «жигулю». Ахмет что-то вполголоса втолковывал брату, экспрессивно размахивая руками, Руслан же в высшей степени задумчиво косился на компанию за столом в беседке. Все трое погрузились в «жигуль» и споро отъехали, взрыкивая пробитым глушителем. Придорожная забегаловка «Руслан» отныне, пусть и без нотариального оформления сделки, перешла в безраздельную собственность олигарха Ольшанского. А кроме того, сейчас тут не осталось кроме них никого, никаких посторонних свидетелей – ну, кроме официанток и, может быть, еще поварихи. Факт сей Сварог просто констатировал, и не более. Объяснений причин, по которым Ольшанскому приспичило за су-

масшедшие деньги покупать забегаловку, не прибавилось. Посторонние свидетели всяко бы его не остановили ни перед чем. Тем более превратить свидетелей в потерпевших – дело минутное...

Сварог искоса наблюдал за олигархом и только сейчас сообразил, кого Ольшанский ему напоминает. Именно такое выражение лица было у тех салаг, которым предстояло впервые прыгнуть с парашютом. Ожидание, восторг, ужас перед бездной, нетерпение – и все это под плохонькой маской спокойствия: мол, мне на эти прыжки положить с прибором, я самый смелый.

– Ну допустим, господин... Сварог, – сказал Ольшанский, вновь наливая себе коньяка, а к мясу пока не притрагиваясь. – Не хотите выкладывать факты вашей несомненно бурной биографии – не настаиваю. Тогда расскажите мне про Африку и про Беркли.

– Жаль, что вы не умеете отличать правду от лжи, Сергей Александрович, – вздохнул Сварог, запив шашлык вином из бокала. – А никаким клятвам, я так понимаю, вы все равно не поверите. В противном случае я бы поклялся вам хоть на Библии, хоть на томике Карла Маркса, что имя Беркли впервые услышал от вас, что не из какой Африки я не прилетал и ни через какую таможню не проходил...

Ольшанский забарабанил пальцами по столешнице.

– Вы не совсем правы, милейший Сварог, в большинстве случаев я как раз таки вижу, когда человек врет, иначе грош цена мне бы была как деловому человеку... И отчего-то сейчас мне кажется, что вы говорите правду. Признаться, сам не понимаю, почему мне так кажется. Ну, допустим. Предположим. В конце концов, у меня был двойник, и я не вижу причин, почему бы и вам не иметь двойника. Хорошо... – он маханул коньяк залпом. И закусывать не стал. – Хотя и странно. Я всегда полагал, что умею разбираться в людях. А вас я, откровенно говоря, раскусить не могу.

– Не надо меня кусать, – процитировал Сварог, но Ольшанский его не слушал.

– Откровенно говоря, я вас боюсь. Вы ведь не простой человек, да? Я знаю, можете не отвечать. Как вы оказались без приглашения на Олеговой пустоши, да еще в лакейском наряде? Как изничтожили до зубов вооруженный кордон на шоссе? Как выбрались из коттеджа? И самое главное: кто прилетел в Шантарск под именем Беркли? Ответьте мне на эти вопросы, Сварог. А там видно будет...

Сварог задумчиво посмотрел на олигарха. Момент настает прецедентнейший. Ольшанский – голову на отсечение можно дать – напряженно размышляет, как ему быть с этим типом напротив. На контакт по-хорошему «Сварог» не идет, а по-плохому... Так ведь неизвестно еще, чья возьмет, ежели начать по-плохому. Да и ссориться как-то не с руки ни одной стороне, ни противоположной, обе стороны пока нужны друг другу, это Сварог понимал четко. Но ведь не станешь же рассказывать олигарху про Талар, путешествия между мирами, про бесовское судилище...

Надо было что-то сочинять.

– Вы не простой человек, – напряженно повторил Ольшанский, чувствуя колебания Сварога и наклоняясь вперед. – Откуда-то взявшийся и куда-то исчезнувший меч, неуязвимость, двойники какие-то... И это, я подозреваю, не все ваши возможности, не так ли?

– А если и так?

– Покажите.

В глазах Ольшанского проявилось прямо-таки детское нетерпение.

«Ну я тебе», – подумал Сварог. И пожал плечами:

– Ежели вы так настаиваете...

Он мысленно произнес нехитрое заклинание и откинулся на деревянную спинку лавки, искренне наслаждаясь зрелищем.

А наслаждаться было чем. Преобразившийся Ключник за его спиной сдавленно, но явственно произнес «ой-ё...», вслед за чем раздался отчетливый звук выдираемого из кобуры ствола, и Сварог каким-то верхним чутьем понял, что его затылок оказался аккурат на продолжении линии «глаз – мушка». «Ну-ну, ты пальни еще, соколик...» Остальные преобразившиеся охраннички, грош им цена, впали в состояние ступора, обалдело глядя друг на друга и за волыны пока не хватаясь, потому как не видели вокруг *конкретной* цели. Точнее, целей стало слишком много.

Преобразившийся же Ольшанский выступил более эмоционально: он вскочил, резким взмахом руки сбив наземь шампур с мясом, отшатнулся, как от привидения, уперся спиной в непрочную оградку беседки. Не менее (и, что характерно, не более) преобразившаяся Лана переводила остекленелый взгляд с одного одинакового лица на другое. Потом малость собралась – перекрестилась и вполголоса матернулась, но с места не сдвинулась. А Сварог едва не расхохотался, глядя на обалделые лица присутствующих. Да и не только на лица, но и на фигуры, на одежду...

И как тут было выдержанному господину Ольшанскому сдерживать эмоции, когда и лица окружающих олигарха людей, и фигуры, и одежда – всё, в общем, до последнего штришка в мгновение ока изменилось, и теперича его, господина Ольшанского, окружали шестеро одинаковых Сварогов. (Сам он тоже, кстати говоря, превратился в Сварога, но покамест сего прискорбного факта не заметил.)

Да, отсталый мирок. Никто не знает элементарного заклинания, посредством которого возможно нацепить на любого из присутствующих против его воли любую личину. Вот настоящий Сварог и решил в качестве наглядной демонстрации нацепить на *всех* личину собственную. Так что теперь в беседке при кафешке под названием «Руслан» размещались аж семеро Сварогов. Трое за столиком, четверо по периметру. Было от чего впасть в небольшое, мягко говоря, замешательство...

– Это... гипноз? – хрипло спросил Сварог-Ольшанский, придя в себя и разглядывая шестерых Сварогов.

А Ключник, умница, даром что убивец, негромко и очень ровно произнес, поводя стволом с одного Сварога на другого, на третьего:

– Сергей Александрович, я знаю, кто из вас... из них...

Ну да, элементарно: ведь все остались на своих местах, лишь преобразились, стало быть, и виновник сего маскарада сидит себе преспокойно на своей лавочке. «Эх, что-то многовато Сварогов развелось в последнее время...»

Но Ольшанский уже взял себя в руки, громко сказал:

– От-т-ставить. Я тоже знаю.

Он сел на место, брезгливо посмотрел на запачканную кетчупом спортивную форму и поднял глаза на Сварога-настоящего. Сказал сдавленно, но очень

искренне:

– Убедительно. Весьма впечатляет, признаюсь. Не знаю, как вы это делаете, но... Лучше давайте вернемся к... прежним обликам. Не ровен час, бойцы начнут пальбу...

– О, у ваших еще и оружие есть? – весело изумился Сварог, но заклинание все же снял, а то в самом деле пальбу устроят, еще заденут кого-нибудь с перепугу. Или официанточка, выглянув и узрев подобную картину, скоренько съедет с умишка. Спортивная форма на Ольшанском вновь превратилась в клетчатую рубашку, а вот пятно от кетчупа никуда не делось, так и осталось. – Или, боярин, желаете окончательно убедиться насчет моей пуленепробиваемости? Желаете пострелять, ваше благородие? Или вам недостаточно отчетов о других стрельбах? Олегова пустошь, допустим. Или инцидент с гаишниками. Или нападение на дом Ланы... Попробуйте, попробуйте. Ай-ай, шашлычок-то остывает...

И он, несомненно рисуясь и делая это совершенно сознательно, впился зубами в сочное мясо. Остальные застыли, прямо по Гоголю, в немой сцене. Шашлычок, вопреки ожиданиям, оказался недурственным, мясо было промариновано неплохо, разве что некоторые куски чуть сыроваты, но оно и понятно – некогда было бывшему хозяину придорожного общепита прожаривать его до полной готовности.

Ольшанский смотрел на него хмуро. Лана же сидела, распахнувши рот и вытаращив глазищи.

– Кто вы такой? – чуть погодя спросил олигарх напрямик. Достал салфетку из стаканчика и принялся пятно оттирать.

– Человек божий, обшит кожей, как говаривали в стародавние времена... – беспечно ответил Сварог с набитым ртом. – Но, насколько я помню, вы обещали начать первым – вроде как на правах хозяина.

Еще одна многозначительная пауза.

– И что вы желаете знать?

– Душа моя, – проникновенно сказал Сварог, тщательно прожевав и проглотив мясо, – я многое желаю знать. Например, решается ли теорема Ферма и есть ли жизнь на Марсе. Но в данный конкретный момент меня интересует только одно: какого ляда лично вам нужно от Аркаима и от меня. Кажется, это именно вы любезно пригласили меня прокатиться и поговорить? Вот и начинайте, хватит уже вопросов. Устал я.

Над столом повисла гнетущая тишина.

– Ладно, – наконец сдался Ольшанский, бросая салфетку в пепельницу, – ваша взяла. У меня цейтнот, у вас, кажется, тоже, хоть вы и... ну, неважно. Итак. Давайте все сначала. С какого момента вы желаете начать?

– Если можно, с самого начала и начистоту, – вежливо сказал Сварог. И добавил: – Раз уж пошла такая пьянка... то давайте начнем с Аркаима и вашего к нему немалого интереса.

– Аркаим... – Ольшанский словно покатал это название во рту, пробуя на вкус. – Что ж, я готов открыть карты. Но история моего интереса к нему – это долгая история, так что наберитесь терпения, мон шер...

Глава четвертая Две биографии

Ольшанский сграбастал бутылку коньяка и – опа! – запрокинув голову, принялся пить прямо из горла, словно он не олигарх никакой, а заурядный российский алкаш. Хотя, конечно, алкаши предпочитают употреблять внутрь чего-нибудь попроще и, главное, подешевше, но в остальном совпадение полное. Многоградусную жидкость Ольшанский пил жадно, пил как воду и выдул, не отрываясь, примерно треть бутылки, а то и поболее. Наконец остановившись, утер рот тыльной стороной ладони, сильно выдохнул и следом шумно втянул в себя воздух.

Судя по тому, как Лана взирала на это действие, ничего необычного для себя она не увидела. Похоже, водилась за олигархом привычка заливать жизненные сложности и стрессовые ситуации крепкими спиртными напитками.

– Я всегда говорил: в этом мире нет места случайностям, все предопределено, все, – произнес Ольшанский, расстегнув несколько пуговиц рубашки и откинувшись спиной на ограду беседки. Поднял палец: – А сначала, как оно и положено, было Слово. И Слово то было явлено в Книге...

Ольшанский взял с продолговатой металлической тарелки шампур с нанизанным на него жареным мясом, повертел задумчиво, положил на место, не притронувшись. Посмотрел на часы. А вообще-то, олигарха слегка забрало от коньяка – появилась некоторая дерганость в движениях и легкая замутненность во взгляде.

– Время у нас еще есть, – сказал Ольшанский. – Кстати, знаете, как называлась та книга? «Дорога в Атлантиду», вот как она называлась...

...Книгу он обнаружил на общественном чердаке того дома, в котором появился на свет и в котором прожил с родителями до получения аттестата зрелости. Такие дома принято было называть домами барачного типа – двухэтажная деревянная уродина, наспех сколоченная в послевоенные годы. Правда, строителям не ставилась тогда задача возводить всенепременно шедевры деревянного зодчества и строить не меньше, чем на века. Задача была иной – склепать временное жилье для тех, кто по комсомольским путевкам или по доброй воле приехал возводить Шантарскую ГЭС.

Временное, как водится, превратилось в вечное (между прочим, некоторые из такого рода бараков и по сию пору украшают рабочие окраины многих городов вообще и Шантарска в частности, и люди в них еще как-то умудряются жить).

– Прошу заметить, у меня было счастливое детство, несмотря на всю убогость и неустроенность быта. Сейчас вспоминаю, как мы ютились втроем в одной комнатухе, какая слышимость была в бараке, как перед зимой конопатили все щели, коим число было мульон... Вспоминаю, что если... М-да, а ведь действительно был счастлив!

Ольшанский вновь приложился к бутылке, но на сей раз ограничился одним глотком. Затем все же стянул с шампура кусок мяса, забросил его в рот. Прожевав, продолжил:

– В общем, и ослу понятно, что все мало-мальски ненужные вещи не хранили в комнатах, где и без того было не развернуться, а либо выкидывали на улицу, либо волокли на чердак. Чердак был любимым детским местом, хоть взрослые и гоняли нас оттуда, справедливо опасаясь пожаров. Эдакий романтический мир отверженных вещей...

Кто отнес на чердак ту книгу, мальчик Сережа Ольшанский так и не выяс-

нил. Да и не пытался выяснить, поскольку всерьез опасался, что объявившийся хозяин вдруг возьмет и отберет у него книгу.

Это было дореволюционное издание с «ерами» и «ятями», со всякими там «жуткаго облика» и «страшныя истории», с черно-белыми гравюрами. Книга слегка обгорела по краю, побывав в неведомых передрыгах, обложка отсутствовала, как и добрая четверть страниц. Хорошо хоть автор и название были пропечатаны сверху на некоторых из страниц: Пашутин И. Г. «Дорога в Атлантиду»...

Много лет спустя Ольшанский навел справки об этом Пашутине И. Г. и его «Дороге в Атлантиду». Между прочим, нелегким делом оказалось. Запросы в обычные общедоступные библиотеки и архивы ничего не дали. И пришлось задействовать чудотворящую силу больших денег, которая сбоев, как правило, не дает и к результату рано или поздно приводит. Вот и на этот раз брошенные на проблему ученые мужи, которых никто не ограничивал в средствах, расстарались со всем мыслимым усердием и где-то раздобыли-таки интересные олигарха сведения.

Выяснилось, что книга была издана автором за свой счет в 1907 году в Санкт-Петербурге, в небольшом, никому не известном издательстве «Золотой грифон» (кстати, так и не ставшем большим и известным, а благополучно перекупленном вскоре успешным «т-вом М. О. Вольфа», где оное издательство и растворилось), и напечатано сей книги было всего сто экземпляров. По всей видимости, автор и не предполагал продавать свой труд, просто хотел раздать родственникам и друзьям, ну и оставить пару-тройку экземпляров для семейного архива – вдруг удастся заразить своим энтузиазмом кого-нибудь из детей или внуков с правнуками, вдруг кто-то из них возьмет да и продолжит дело отца...

Вполне возможно, так бы оно и было, и продолжил бы кто-то, и пошел бы по стопам, и завершил бы начатое – да на беду грянули годы сурового российского лихолетья. Первая мировая война, затем Февральская революция, а после и Октябрьская. Тут уж стало не до мифических дорог в Атлантиду, тут элементарно жизнь свою спасать надо было. И так уж вышло, что не спасли – у Ильи Григорьевича было трое детей, и ни один из них не пережил революционных бурь семнадцатого года.

Где-то на пыльных дорогах исторических эпох затерялись и девяносто девять экземпляров книги «Дороги в Атлантиду». Во всяком случае ни в одной библиотеке книгу обнаружить не удалось, в известных частных собраниях – тоже. Конечно, сохранилась вероятность того, что где-то в далекой Канаде у потомков эмигрантов первой волны среди снесенного в гараж хлама между самоваром и патефоном пылится еще один экземпляр «Дороги в Атлантиду» и, может быть, рано или поздно он всплывет в каком-нибудь из букинистических магазинов Торонто... Но вероятность сия сугубо теоретическая и грозит таковою остаться. Сто экземпляров – это все же слишком мало для более чем сотни лет и тьмы тьмуцей пронесшихся над страной исторических бурь...

О самом же авторе, то бишь о Пашутине Илье Григорьевиче, выяснить удалось немало, благодаря, в первую очередь, самому же Пашутину, который в «Дороге в Атлантиду» кое-что поведал о своих предках и о себе самом.

– И у этого Пашутина был крайне любопытный дед... Нет, вот не надо этих гримас удивления. Чему я не намерен предаваться в столь горячее время, так

это пустопорожней болтовне. Уж поверьте, – Ольшанский налил себе коньяка в водочную рюмку и теперь цедил его неторопливо. – Так вот, предки этого самого Пашутина проживали в Бухтарминской долине, что находится в юго-восточном Алтае, возле границы с Китаем. К слову сказать, недалеко отсюда. По сибирским, конечно, меркам, недалеко...

Туда, еще в екатерининские времена, ушли гонимые никонианской церковью староверы, основали там поселение. Жилось им в Бухтарминской долине спокойно, потому как ненавистная власть «попов-троеперстцев» добраться до них была не в состоянии: уж больно далеко и неудобно добираться. Однако и среди своих товарищей по вере те старообрядцы были если не изгоями, то людьми не вполне обычными. Они принадлежали к раскольничьей секте под названием «бегуны» или «скитальцы». Их религиозное своеобразие заключалось в том, что верили они в Беловодское царство, или, иначе, в Беловодье. Дескать, есть за морями и долами «земля обетованная», где свято блюдут заповеди исконные, где нет зла и распутства, где искоренен грех, за что Бог щедро одаривает обитателей той страны своими милостями. Именно в честь заповедного царства, в существовании которого раскольники-сектанты ни на миг не сомневались, они назвали свое поселение в Бухтарминской долине Беловодьем. Но и поиски настоящего Беловодского царства не забросили.

Каждый год по весне группы паломников отправлялись в «хождение за Беловодьем». Устроить «хождение» для мужчины было делом не обязательным, но крайне почетным, равно как для мусульман – совершить хадж в Мекку. Причем одного желания отправиться в странствие было недостаточно, сперва надо было заслужить это право прилежанием в труде и усердием в вере. Где искать ту страну никто не знал, поэтому «ходили», в общем-то, куда глаза глядят, «ходили» подолгу, иногда по несколько лет. Разумеется, из таких странствий возвращались домой не всегда и не все. И такую жизнь обитатели Бухтарминской долины вели почти полтора века...

Семейная легенда гласит, что дед Пашутина по имени Антиох, один из раскольников Бухтарминской долины, тоже «хаживал за Беловодьем». Записок он не вел (быть может, по причине безграмотности), поэтому ничего не известно о том, где он побывал, что видел и что пережил, в каких хоть примерно краях пропадал то ли пять, то ли даже шесть лет. А может, еще и оттого ничего не известно, что не больно-то прадед Антиох делился с кем бы то ни было рассказами о пережитом.

По окончании «хождения за Беловодьем» дед отчего-то не вернулся в Бухтарминскую долину, а пришел в город Бийск, что на востоке Алтая, где осел и зажил вполне обыкновенной жизнью. Занялся кожевенным ремеслом, в чем преуспел, даже забогател, женился, нарожал шестерых детей – короче говоря, стал одним из добропорядочных, зажиточных меццан города Бийска и вроде бы даже начал посещать никонианскую церковь. Одного из его сыновей звали Григорием, и у того, в свою очередь, родился сын, которого нарекли Ильей.

Видимо, Илюша уже в раннем детстве показал себя смышленным и любознательным мальцом – иначе чем объяснить тот факт, что по достижении девятилетнего возраста отец отправил его учиться в далекий Санкт-Петербург? Конечно, гимназии находились и поближе, и обучение в них стоило подешевле, но отец захотел дать сыну самое лучшее образование из возможного и средств на это жалеть был не намерен.

Перед самым отъездом Илюша был отведен попрощаться с дедом Антиохом, который в то время уже не выходил из своей комнаты и почти не вставал с кровати. Дед выгнал из своей комнаты всех, кроме Илюши (надо сказать, что до последних минут авторитет у деда в семье был непререкаемый, домочадцы слушались его, как новобранцы грозного сержанта), показал пальцем, чтобы внук придвинул стул поближе к кровати. И заговорил тихо, почти шепотом:

– Запомни мои слова. Хорошенько запомни. Как стих заучи. И повторяй их всегда про себя – сперва молитву божью скажи, потом мои слова, – голос деда сделался еще тише: – Страна небесных лам на самом востоке – там найдешь ответы. Истинная Пирамида – там ключ к замочной скважине. И слово главное запомни: Аркаим. Аркаим и есть Беловодье, место, где царства и земное, и небесное сходятся. Где один раз в много столетий решается судьба мира. Где ты сам можешь стать судьей... Запомнил?

Илюша кивнул.

– Ты смысленый, ты не забудешь.

Илюша всегда боялся деда (и не случайно тот навсегда запечатлелся у него в памяти эдаким грозным библейским старцем: лохматая борода, гневно сдвинутые брови, пальцы сжимают березовый посох, которым он громко лупит об пол). Но в тот момент, если умом не понимая, то чувствуя, что видит деда в последний раз, решился задать ему вопрос:

– Дедушка, а когда вы за Беловодьем ходили, то что видели?

И внутренне сжался, ожидая, что дед накричит на него. Но тот не накричал.

– Лучше бы и не видел того, что видел, – вздохнув, прошептал дед. – Но я ошибся. И теперь за это расплачиваюсь. А хуже нет, чем ошибиться – и не сумеешь исправить ошибку. Но ты не ошибешься. Ты все сделаешь правильно. Когда настанет час Вращающегося воздуха, ты все поймешь. И успеешь встать в круг света... А теперь ступай, я устал...

Дед умер спустя месяц после отъезда внука в столицу, о чем Илюша узнал из отцовского письма...

– Хочу заметить, – Ольшанский поднял палец, – из этой книги я узнал слово «Аркаим», когда до открытия сего замечательного места оставались годы и годы. Между прочим, я спрашивал у отца, у учителей, у всех, короче, кто казался мне в те пацанские годы умным и образованным, что такое Аркаим. Никто ничего не знал. Отродясь, говорили, такого слова не слышали. Вот так-то. Ну ладно, вернемся к жизнеописанию автора «Дороги в Атлантиду»...

Илья Григорьевич Пашутин поступил в столичную классическую гимназию, через положенные восемь лет закончил ее и, продолжая получать денежную помощь от отца, стал студентом Петербургского университета по Географическому факультету.

Понятное дело, дедовские слова он как «Отче наш» не повторял, довольно было и того, что он просто помнил их и забыть никак не мог. И уж те ли слова виноваты, или просто так само оно сложилось, но как раз в студенческие годы Илья серьезно заинтересовался буддизмом, Дальним Востоком, астрофизикой и популярным в те годы социокосмизмом. Сей интерес привел его в Русское Общество Любителей Мироведения, общественной организации, чьей задачей являлось объединение людей, увлеченных естествознанием и физико-матема-

тическими науками. Он прилежно посещал проводимые обществом семинары, собственную обсерваторию общества, знакомился со множеством самых разных людей, а вскоре как-то незаметно, незаметно – и сам стал одним из самых заметных людей этого общества, на лекции которого ходили слушатели. Он съездил с экспедицией в калмыцкие степи, съездил на Алтай, в ту самую Бухтарминскую долину, где еще жили раскольники, помнившие его деда, побывал в Поморье.

И по материалам экспедиций, множества прочитанных по интересовавшей его теме книг, по материалам бесед с учеными людьми и с людьми, зачастую безграмотными, но *знающими*, в девятьсот седьмом году Илья Григорьевич Пашутин написал книгу «Дорога в Атлантиду», чудом сохранившийся экземпляр которой попал в руки Ольшанского...

Ольшанский помолчал, задумчиво посмотрел на коньяк, но решил повременить. И сказал очень серьезно, будто на исповеди, глядя куда-то за спину Сварогу:

– К чему это я так подробно? А вот к чему. Я не сразу, не в детстве, но все же понял, в чем смысл этой преемственности. И сейчас знаю точно: я – прямой духовный наследник Пашутина Ильи Григорьевича. Как тот в свою очередь был духовным наследником своего деда, Антиоха Пашутина. От кого получил Знание сам Антиох, осталось неизвестным. Получил от кого-то в странствиях за Беловодьем, может быть... имею основания считать, что от тибетских лам. Но ясно, что не от своего кровного родственника. Вопрос крови тут даже не второстепенен – его просто нет. Самое главное, что Знание попадает из-брательно, понятно вам? В случайные руки Знание не попадает и попасть никак не может. Поэтому и уцелел всего один-единственный экземпляр книги. Кому-то это может показаться смешным, но Знание само находит избранных...

По тому, как это было сказано, по быстрому взгляду, который Ольшанский бросил в его сторону, Сварог каким-то непронумерованным чутьем понял, что можно позволить себе в разговоре многое, но ни в коем разе не следует подвергать сомнению вот эту самую богоизбранность господина Ольшанского, в которой он пытается Сварога сейчас убедить. Разом заработаешь личного смертельного врага. А разве нам нужен еще один враг? Да еще такой. Не нужен.

– К слову, когда я из пацана, которому не хватало на мороженое, превратился в человека, способного купить не то, что цех по производству мороженого, а весь молокозавод с потрохами, – даже тогда мне так и не удалось выяснить, какими уж неисповедимыми путями книга попала на чердак нашего барака. Хотя шустрили мои хлопчики по этой теме старательно и прилежно. Но даже большие деньги иногда оказываются бессильны...

– Так что было в той книге помимо рассказа автора о себе самом и о своем деде? – лениво спросила Лана. Видно было, что все происходящее ей категорически не интересно.

Ольшанский все же подлил коньяка себе в рюмку.

– О том, что и Беловодье, и Шамбала, и Атлантида, и Аркаим – это суть одно и то же, а не четыре разных места и наименования. Все, начиная с древнегреческого Платона и, от себя уже добавлю, заканчивая нынешними *исследователями* и *искателями* (произнесены эти слова были с нескрываемым пренебрежением) вроде Шмулдаева и иже с ним, искали и ищут одно и то же, назы-

вая это по-разному...

– Вы хотите сказать, что Аркаим... – сказал Сварог задумчиво, – это и есть та самая древняя Атлантида, которую ищут и не могут найти? Что она здесь, в тайге, практически рядом?

– Нет, не совсем так. Вернее, и так, и не так... Тьфу ты! Слушайте, давайте я уж по порядку, а то собьюсь и вы сами ни черта не поймете.

Видимо, чтобы уж точно не сбиться, Ольшанский снова сделал внушительный глоток прямо из горла, забыв про коньяк, уже налитый в рюмку. После чего наставительно произнес:

– Дело ведь даже не в том, что я хочу сказать и что я говорю. Дело в фактах. А факты говорят...

– Что к нам пожаловали гости, – вдруг сказала Лана, и одновременно с ней Ключник позвал негромко:

– Сергей Александрович... Ольшанский посмотрел на Ключника, потом перевел взгляд на дорогу. Сварог обернулся.

Игрок номер один

Глава первая

Сварог идет по стопам сварога

... Сварог пощупал голову. Крови не было, но чуть правее затылка набухла громадная шишка, прикосновение к которой болезненно отдавалось по всей голове. Но и без того перед глазами все плыло, стоило излишне резко повернуть голову, и тут же череп прошибала колючая боль. Головную боль он бы сам себе вылечил (или хотя бы ее уменьшил) при помощи простенького заклинания, да вот беда – чтобы произнести заклинание, ему требовалось остаться одному. А одного его не оставляли. И, верно, еще долго не оставят.

А вообще, глупо как-то все получилось. Ох как глупо! И самое главное – неожиданно. И кого винить, не поймешь...

Из аэропорта они доехали до гостиницы – действительно роскошной. Разместились. Сварог надежно припрятал ножик в форме муравья. Потом заказал в номер кое-что перекусить и кое-чем это «кое-что» запить. А после трапезы все трое буквально провалились в сон – утомили троицу приключения и смена часовых поясов... Причем Н'генга свернулся калачиком возле входной двери: дескать, так привычнее, да и враг не войдет. Сварог не возражал.

Водитель, нанятый вчера, честно уже ждал у входа и за очередную зеленую бумажку повез их на улицу подпольщика Карчика.

Сварог вышел первым, захлопнул дверцу и задумчиво на нее посмотрел. В его время с «шашечками» на борту разъезжали только «Волги», и Сварог пока еще не мог привыкнуть к тому, что по городу раскатывает в качестве таксомоторов автотранспорт самого разнообразного вида и происхождения, а что уж по его мнению было вообще за рамками здравого смысла – многие машины были с правым рулем.

– Сэр, – негромко сказал Гуто за его спиной, – туда посмотрите. Не нравится мне это...

Сварог повернулся.

Возле одного из подъездов нужного дома толпились люди (судя по спортивным штанам, халатам и домашним тапочкам – преимущественно жильцы этого дома) и что-то оживленно обсуждали. И именно у этого же подъезда на-

блюдалось раза этак в два больше автомобилей, чем у других подъездов.

– Не нравится мне это сборище, – повторил Гуго, оглядевшись. —А эта колымага желто-синей расцветки с мигалкой на крыше – машина ваших копов? Или как они у вас тут зовутся...

– Зовутся они у нас ментами, это и вправду их машина. И другая машина под названием «рафик» судя по задрипанному виду, из той же конюшни, – сказал Сварог, закуривая. (Обычным, человеческим манером закуривая – еще не хватало посреди Шантарска извлекать из воздуха сигареты, равно как и другие предметы, и высекать из пальца огонь. Как говорится, трудящиеся не поймут). – М-да, симптомчики весьма не обнадеживающие. Что-то у меня дурное предчувствие.

– Святая правда, сэр, – горячо согласился Гуго. – Вы говорили, мы едем навещать одного человека. Забери дьявол мою душу, если не по его поводу этот переполох.

– В твоей жизни не случилось совпадений?

– Чутье, мистер Сварог... Простите, мистер Беркли, сэр. Оно мне подсказывает, что нам сейчас отсюда лучше убраться.

– К чутью надо прислушиваться, это бесспорно, это медицинский факт. Только зачем, как ты советуешь, «убираться отсюда поскорее»? Вовсе нам это ни к чему. Разве мы совершили нечто противозаконное? Или близость копов любой страны включает в тебе рефлекс панического бегства.

– Есть такое дело, – нехотя признался Гуго.

– Нет, бояться нам совершенно нечего. Что бы тут ни произошло, мы к этому отношения не имеем. К тому же мы – иностранцы, нас так просто за хвост не ухватишь, мы под защитой заграничных паспортов и консульств с посольствами. А к иностранцам, уж поверь, в нашей стране завсегда относились с ничем не объяснимым, прямо-таки – прости за это слово – иррациональным почтением, особенно в городах провинциальных и на иноземцев не богатых. И органы власти в том числе и в первую очередь. Значит, делаем так, Гуго, – Сварог бросил окурок на асфальт, затоптал носком ботинка. – Вам с Пятницей лучше пока постоять в сторонке. Лишнее внимание в любом случае ни к чему, а внимание вы к себе сразу привлечете, вид у вас для здешних мест не вполне, так сказать, соответствующий обстановке.

Вон видишь скамеечку под липами. Посидите на ней, семечки погрызите. Если все нормально, я за вами выйду.

– О'кей, сэр.

Пятнице требовалось отдавать приказы напрямую – он слушался только хозяина и, ежели не поступало никаких иных распоряжений, просто тупо следовал за ним, как черная тень.

– Пятница, – Сварог перешел на таларский: – Ждать меня здесь. Понял?

Туземец энергично кивнул. (Между прочим, вполне цивильный белый костюм, рубашка-«гавайка» и кроссовки на толстой подошве сидели на НТенге так же, как штатская одежда на редко снимающем форму военном человеке, – приглядевшись, можно было заметить, что человек ощущает себя в этом облачении непривычно и неудобно).

(А насчет семечек Сварогом было сказано отнюдь не в шутку. Еще перед аэропортом Гуго заинтересовался, что это такое черное и рассыпчатое черпает стаканом в мешке старушка в переднике и что она затем насыпает в свер-

нутый из газеты кулек. Сварог ответил: мол, это есть семечки, «сьемьетцки», их у нас издревле используют вместо вашей жвачки. На ваших западах-де еще жвачку не изобрели в то время, как у нас всю семечки грызли, занимая рот. Гуто осчастливил бабушку покупкой стакана семечек, выслушал инструктаж Сварога по правильному лузганью, попробовал и... как-то сразу пристрастился к этой русской народной забаве. С тех пор он таскал в кармане запас семечек. Не далее как двадцать минут назад в такси Сварог сказал ему: «Еще немного, и ты не сможешь обходиться без балалайки, квасу и удалой езды на тройках с цыганами по бездорожью в не-знаю-куда. А закончишь тем, что спустишь все до копейки и тихо сопьешься где-нибудь под Рязанью». На это Гуто ответил: «Деверо, чтоб ему на том свете досталась сковорода похолоднее, любил повторять, что наш удел – это пуля или нож, а наше счастье – чтобы сразу насмерть. И я с ним согласен».)

Сварог направился к подъезду. Он и не подозревал, что почти один в один повторяет действия Сварога номер два, отбывшего отсюда пять минут назад. Откуда ему было знать?

Дурные предчувствия лишь усилились, когда оказалось, что люди толпятся аккуратно у того самого подъезда, в котором и располагалась нужная квартира. Причем в карету «скорой» грузили накрытое брезентом тело, а на асфальте явно темнело малоприятное пятно... Сварог прошел мимо. Донеслось: «...со странностями был...», «зато чтоб пить или в хулиганстве каком...», «книжищ у него полные шкафы, я столько ни в жизнь не видел». Все факты налицо: в доме имело место некое происшествие из числа нерядовых и насквозь криминального характера. Правда, необязательно оно имеет отношение к дедушке Паку. Хотя чутье сигнализировало... Впрочем, бывает, и оно подводит.

Сварог мог бы вступить в беседу с жильцами и ненавязчиво выпросить, что да с кем тут случилось, однако он все же предпочел подняться в квартиру. Даже если что-то произошло с Паком, он может поговорить с его домочадцами. Конечно, они сейчас убиты горем, но он выразит сочувствие, представится профессором Беркли, покажет паспорт, узнает, когда похороны. То-се, слово за слово, немного успокоить, немного магией помочь, вставить фразу про документы и спешку, глядишь, и дадут посмотреть бумаги этого Пака...

По табличке над парадным Сварог установил, что искомая квартира находится на пятом, верхнем, этаже. Поднимаясь, Сварог поймал себя на том, насколько же он отвык от запахов некогда родных подъездов.

На площадке между вторым и третьим этажами курили двое неброско одетых мужиков средних лет. Они сразу замолчали, стоило на лестнице появиться незнакомцу. По цепким взглядам, которыми они мазнули по Сварогу, можно было сделать предположение об их профессии и скорее всего не ошибиться. Поднимаясь выше, Сварог спиной чувствовал их взгляды.

Между четвертым и пятым Сварог решил поглядеть сквозь веками немывтое общественное окно, что творится на улице. Как раз отсюда отлично была видна лавка под кленами, на которой должны были сидеть, скучая, Пятница и Гуто.

– Бляха-муха! – вырвалось у Сварога.

Гуто ни на лавке, ни поблизости почему-то не было. Зато вместо него там объявились аж три персонажа, которые вмиг вызвали у Сварога беспокойство. Это были трое молодых парней, бритыми головами похожие на ново-

бранцев и одетые по неведомой Сварогу моде – тяжелые, армейского вида ботинки на толстой подошве и с металлическими перетяжками, широкие, стилизованные под камуфляж штаны, черные футболки. Двое сели на лавку по обе стороны от Н'генга, третий встал перед ним, широко расставив ноги и сведя за спиной руки. Двое налавке, оживленно жестикулируя, по очереди и одновременно что-то говорили чернокожему Пятнице. Третий, что стоял к Сварогу спиной, монотонно, как настольный болванчик, покачивался с пятки на носок.

С каждой секундой ситуация нравилась Сварогу все меньше. В жестах бритоголовых юнцов (а надо сказать, хлопчики были отнюдь не дистрофичной породы, наоборот, откормленные и накачанные) явственно сквозила агрессия – это было заметно даже издали, даже сквозь немытое окно. Чер-рт, все это здорово смахивало на обыкновенную, как это называли в годы Свароговой юности, заводку.

Ну так и есть! Вот один из них толкнул Пятницу в плечо. То же самое сделал второй, с другой стороны. Скучающая местная молодежь, чешущиеся кулаки, бляха! Принесла же нелегкая... Только вот удивительно, что наличие милиции в непосредственной близости ничуть не смущает бритоголовую троицу. А не видеть желто-синий «уазик» они не могут. Уверены, что успеют снять, а милиция преследовать их не станет, потому как ментам сейчас не до каких-то мелких хулиганов?

Да собственно говоря, не в гопниках было дело, а в чернокожем обитателе тропического леса. Пока Пятница ведет себя спокойно, отчасти оттого, что на свое счастье не понимает великого и могучего, на котором к нему обращаются бледнолицые обитатели каменных джунглей. Может быть, и толчки в плечо он принимает за некий ритуал дружелюбия. Да вот только черт его знает, что будет через секунду. Что тому же Пятнице может вдруг показаться. Н'генга – человек джунглей, для него город – незнакомый, полный опасностей мир, и совершенно невозможно предугадать, как он поведет себя, на что и как среагирует предоставленный сам себе... Он сейчас похож на городского белого человека, которого впервые в жизни занесло без проводника в тропический лес и который в этом лесу станет опираться на прежние свои страхи и привычки. Например, шарахнет из револьвера в проползающую мимо змею, потому как любой ползущий гад кажется ему источником смертельной опасности. А убьет он на самом деле (это еще если попадет) какого-нибудь совершенно безобидного полоза тропических широт. Но зато совершенно не обратит внимания на рев ягуара, которым тот предупреждает вторгшегося на его охотничьи угодья чужака: вали, дескать, пока я сыт и добр. Та же история с Пятницей, только знаки надо поменять на противоположные...

Короче, надо бежать вниз. Да где же Гуто, мать его взагреб! Куда он подевался?

Но Сварог никуда не успел убежать. Даже отойти от окна не успел.

– Бля! – вырвалось у Сварога, и он с досады двинул кулаком по стене.

Все случилось за считанные секунды. Стоявший перед Н'генга парень вдруг шагнул вперед, наклонился, расцепил руки за спиной, правую вытянул в сторону Пятницы. Что уж он там сделал своей правой, Сварог увидеть не мог (может быть, взял Н'генга за нос, может быть, потрепал по щеке), зато Сварог увидел последствия содеянного.

Бритоголовый вдруг резко выпрямился, будто его позвоночник прошил разряд тока или ему приказным генеральским ревом в лицо гаркнули «смирна-а!». А из накачанной шеи бритоголового вышло наружу инородное тело – длинное и узкое. Кровь хлынула по шее, потекла ему за шиворот. «Это же щепка от скамьи, – с ужасом понял Сварог. – Я видел, там на нижней доске отставал недоломанный кусок. Твою мать...» Через мгновение бритоголовый рухнул на спину. И взгляду Сварога открылась еще более чудовищная картина: один из парней, сидевших на скамье рядом с чернокожим, сползал сейчас по сиденью вниз, шаря руками по доскам, на его лице вместо глаз темнели два бесформенных пятна, а его вопль проникал сквозь стекло даже на таком расстоянии. А Пятница что-то втаптывал в землю каблуком белых летних ботинок, выбивая пыльное облако. Сварог сразу догадался, что он топчет глаза, которые только что вырвал у бритоголового.

Второй хлопец на скамейке так и не сдвинулся со своего места, хотя по уму должен был бы улепетывать со всех лопаток от эдаких страстей. Но он, как сплошь и рядом бывает в подобных ситуациях с неподготовленными людьми, от шока впал в ступор. Его была крупная дрожь, он бессмысленно таращился на чернокожего паренька, из безобидного и смешного, над которым так славно было потешаться, враз превратившегося в убийцу-маньяка.

Однако когда Пятница поднял голову и посмотрел на него, парень все же нашел в себе силы скинуть оцепенение, вскочил и бросился наутек.

Сварог сперва даже не понял, что такое пронеслось вослед убегающему смазанной белой полосой. И только когда бритоголовый со всего разбега, сбитый с ног, рухнул лицом в землю, а над ним замер с отведенной назад рукой Н'тенга, до Сварога дошло, что это было. Пятница это был, развивший с места немыслимую скорость. Но некогда сейчас было ломать голову над чудесами и пытаться постигнуть, отчего ранее чернокожий друг ничего подобного не показывал. («А не оттого ли, что после встречи с Пирамидой, в нем пробудились какие-то сверхспособности?» – случайным порывом ветра пронеслось в голове).

Легко угадывалось, что сейчас будет: даже сквозь плотно закрытое окно уже доносятся шум и крик во дворе, вот-вот менты рванут брать убийца и станут с ходу палить на поражение без всяких там предупредительных в воздух и прочих обходительных церемоний. И главное, что Пятница спастись бегством не станет, насколько Сварог понимал нехитрую логику его поступков. Он должен дожидаться хозяина там, где хозяин его оставил. А уворачиваться от пуль он долго не сможет. Да и станет ли, вот в чем вопрос!

Сварог не колебался ни секунды. Оконная ручка отсутствовала, видимо, кто-то свинтил для личных нужд. Попытка распахнуть фрамугу ни к чему не привела – окно не открывали хрен знает сколько времени и створки чуть ли не срослись с рамой. Уд, а ром ноги Сварог вдребезги разнес окно и выпрыгнул наружу – некогда было бежать по лестнице, счет шел уже на секунды...

Не приходится сомневаться, этот день обитатели дома 58 по улице подпольщика Карчика запомнят надолго. Просто криминальный вихрь какой-то пронесся сегодня по их двору. А вдобавок к этой жути они стали свидетелями форменного чуда: на их глазах из лестничного окна на уровне четвертого этажа в брызгах осколков стекла вылетел человек («Гля, Серега, еще один летит!!!»), размахивая руками и кувыркаясь в воздухе, понесся к земле, но не

разбился в лепешку, как вроде бы было положено по всем физическим законам, а аккуратненько приземлился на ноги, словно его в последний момент придержали некие невидимые мягкие руки. И человек этот удивительный, едва приземлившись, тут же куда-то бросился стремглав. Такое, понятно, долго не забудешь, такое не каждый день происходит на улицах российских городов.

Сварог летел вперед мимо заполошно и бестолково мечущихся у подъезда старушек, мимо падающих на газон и накрывающих голову руками граждан, мимо прячущихся за машинами и бегущих к подъезду. Сварог мчал со всех ног, уже понимая, что опаздывает. Он видел, как двое сотрудников, один в форме милицейского сержанта, другой в штатском, перемещаясь вдоль машин, палят по Н'генга из табельных пистолетов.

Попали! Упал Пятница!

Оно и неудивительно, если парень и не пытался уклониться от пуль, залечь или укрыться за деревом. Да хоть за скамейку бы нырнул, и то прикрытие! Не пытался он и спастись бегством. Просто стоял и ждал, что будет. Дождался, блях. Ну может, еще ранение и не страшное...

Сварог выбежал на линию огня и, прикрывая собой Н'генга от стрелков, побежал к скамейке. Опустился рядом на колени, быстро осмотрел его. Пуля угодила в голень и, судя по всему, задела кость. Это плохо, очень плохо, это больница, и никак иначе...

– Зачем Пятница убил этих людей? – наклонившись ниже, быстро спросил Сварог.

– Плохие люди. Н'генга знать, они хотят убить Н'генга, потом убить хозяин, – пробормотал чернокожий, пытаясь улыбнуться.

Понятно. Как Сварог и предполагал, Пятница принял обыкновенную дворцовую заводку за серьезную угрозу. Самое бессмысленное дело сейчас выяснять, какой именно жест юнцов заставил его немедленно атаковать. Какая разница...

– Где Гуго? – спросил Сварог.

– Ушел за черные зерна.

Сварог тихо выругался себе под нос. Гуго отправился на проспект (когда проезжали, видели бабку, сидевшую с мешком и стаканом у ларька) покупать семечки. Вовремя отправился, нечего сказать. Как все глупо получилось! Вроде бы приказа Гуго не нарушил, не было приказа никуда не отлучаться ни на минуту, Сварог ведь сам сказал, чтоб грызли семечки, но ведь должен был понимать...

Сзади доносился нарастающий топот. Вот кто-то, шумно отдуваясь, остановился за спиной.

– Я медик, – Сварог быстро оглянулся и увидел одного из тех двух неброско одетых мужичков, давеча куривших на лестнице. В руке у него сейчас был хорошо знакомый «макарка». – Этот человек серьезно ранен. Он больше не представляет опасности. Сейчас я окажу ему первую помощь, а вы пока вызывайте «скорую».

Сварог отвернулся от человека в штатском и принялся закатывать Пятнице окровавленную штанину. План был простой: дождаться кареты «скорой помощи», выяснить, куда повезут Пятницу. Потом он его оттуда вытащит.

– Знаем мы, какой ты медик! – произнес сзади насмешливый голос.

А затем перед глазами сверкнули невыносимо яркие искры, словно в мозгу разорвалась петарда. «Рукояткой „макара“, сука», – успел подумать Сварог, теряя сознание...

Сварог еще раз пощупал голову и еще раз скривился от боли.

– Таблетку обезболивающую хотите? – спросила его сидящая напротив рыжеволосая женщина в черном деловом костюме. Она выдвинула ящик стола, достала оттуда шуршащую упаковку с крупными зелеными таблетками. – От этой чертовой работы у самой частенько голова раскалывается, как гнилой орех. Перепробовала всякие таблетки, остановилась на этих. Действуют быстро и вполне эффективно.

Сварог замешкался, обдумывая, чем ему это может грозить. Ну, отравлением не грозит, отраву он вовремя почувствует, а вот психотропные средства его магическое умение, скорее всего, как яд не определит. От рыжеволосой не укрылось его замешательство.

– Бойтесь, что подсуну вам некий хитрый препарат, от которого развязывается язык и притупляется воля? – она улыбнулась какой-то вымученной улыбкой. И вообще, у нее были глаза смертельно уставшего человека. – Значит, есть что скрывать? Ну шучу, шучу. Всем нам есть что скрывать. Могу поклясться и побожиться, что таблеточки чистые, ежели вы, конечно, готовы моим клятвам поверить. А могу просто сообщить вам, если сами не догадались, что вы находитесь в милиции. А у нас, увы, как-то вот не заведено баловаться всякой хитрой химией. Может быть, другие службы и прибегают к эдаким методам дознания, чего не знаю – не скажу. Мы же развязываем языки совсем другими способами, все больше по старинке работаем, ну уж так исторически сложилось. Так что берете пилюлю или предпочитаете помучиться? Вита малость перестарался – ну, тот, который вас по головушке приголубил.

– Давайте вашу пилюлю, – пробормотал Сварог. Будь что будет, но уж очень голова болит. Настолько болит, что нет никаких сил возмущаться, требовать врача, требовать объяснить, за что задержали, ироды, требовать консула и представителей свободной прессы.

Рыжеволосая выдавила на ладонь одну таблетку, налила в стакан воды из графина, подошла к Сварогу Положила таблетку ему на высунутый язык, поднесла ко рту стакан с водой. Со скованными за спиной руками Сварогу самому забрасывать в рот таблетки было как-то не больно сподручно.

Проглотив пилюлю, Сварог откинулся на спинку стула (слава богу, хоть посадили не на прикрученный к полу табурет), закрыл глаза. Он вдруг подумал о том, что хрен с ними, с подавленной волей и развязавшимся языком, лишь бы голова перестала разламываться. А то совершенно невозможно сосредоточиться ни на чем. И еще неизвестно, сумеет ли он в таком состоянии вспомнить и воспроизвести хоть какое-нибудь завалящее заклинание...

А очухался Сварог в «уазике», скованный наручниками и этими же наручниками пристегнутый к какой-то скобе – видимо, чтобы не свалился на пол от дорожной болтанки. Очухавшись, понял, насколько же ему плохо. Кузов «уазика» хранил запахи предыдущих «счастливицев», побывавших здесь до Сварога, и сии благоухания улучшению самочувствия отнюдь не способствовали. Что-то затевать в подобном состоянии было крайне неразумно, надо было хоть немного прийти в себя, а то свалишься в обморок в самый неподходящий момент и этим добьешься только того, что контроль за тобой усилят.

Потом его вывели из машины, повели через какой-то двор, провели в какую-то дверь, потом была лестница, истертая тысячами тысяч подошв. Крутить головой, вглядываться пристально и запечатлевать в мозгу детали обстановки не было никакой возможности – так было плохо. Он воспринимал окружающее, сам себе напоминая рыбу, вынужденную созерцать мир сквозь грязные стекла мутного аквариума.

Потом он очутился на стуле в этом насквозь казенном кабинете. Сперва здесь еще крутился какой-то тип с оттопыривающейся подмышкой, но он быстро куда-то делся. Может, рыжая ему мигнула, чтобы вышел?

– Потерпите, подействует самое большее минут через пять, – услышал он голос рыжеволосой. – Я пока кое-что заполню...

Сварог открыл глаза. Женщина что-то писала на вынутом из бумажной коричневой папки листе стандартного размера.

Почувствовав его взгляд, оторвала глаза от бумаг, подняла голову.

– Да, забыла представиться. Моя фамилия Шевчук, зовут Дарья Андреевна. Не слышали о такой?

Глава вторая **Как допрашивают пришельцев**

Отпустило. Никак не позже, чем через пять минут, так что не обманула рыжеволосая. Головная боль и головокружение прошли, осталась разве что легкая слабость и нытье в затылке. Действительно, стоящие пилюли. К тому же вроде бы и без подлой начинки – по крайней мере прямо сейчас, прямо немедленно Сварога не тянуло выворачиваться наизнанку в чистосердечнейших признаниях. И не было тревожных показаний от индикатора ядов... Зато захотелось чего-нибудь съесть, неплохо было бы и чего-нибудь выпить, а также закурить... словом, Сварог слегка ожил.

– А как насчет сигареты для арестанта? – громко сказал он. – Хотя... неправильно выразился, слово «арестант» – это не ко мне. Просто очень хотелось бы знать, что я, английский подданный, тут делаю? По какому праву, так сказать. И вообще. И где, черт побери, консул? Может быть, консул ждет за дверью?

– Ого, какие речи! Подействовало, значит! – сказала рыжеволосая, вставая из-за стола. – Сигарету – это пожалуйста. Можно сказать, положено и законно.

Она наполовину выбила сигарету из пачки, протянула пачку Сварогу дала уцепиться зубами за фильтр, поднесла прикурить – поухаживала, одним словом. Задымила и сама. Протянув руку, взяла со стола пепельницу. Осталась стоять, привалившись к столу. На менте женского пола были узкие джинсы, что позволяло вволю любоваться бесспорной стройностью ее ножек. А плотно облегающий свитер позволял оценить и прочие достоинства фигуры. Крепкой, спортивной фигуры, надо признать. «Годочков-то ей, конечно, уже не двадцать и даже не тридцать, – подумал окончательно излечившийся от головной боли Сварог, – достаточно посмотреть на шею и руки. Однако только эти части тела, пожалуй, и выдадут истинный возраст, а так и не догадаешься...»

– Давайте с вами поговорим, – сказала она. – То есть проведем разговор служебного характера – а иной вряд ли возможен в этих стенах, – но неофициальный, без протокола. И давайте сразу договоримся, что вы не станете требовать адвоката, английского консула и рассказывать мне про права человека. Если вы именно это и собираетесь делать... – она пожала плечами. – Ваше право. Только придется нашу беседу отложить. И боюсь, надолго отложить. Вы долж-

но быть в курсе, какое у нас сейчас горячее времечко...

Она сделала небольшую паузу, похоже, ожидая какой-то реакции на свои слова. Сварог никак не отреагировал, ибо о том, что тут происходит «горячего», не имел совершенно ни малейшего понятия.

– И продолжения разговора, уж не посетуйте, вам придется дожидаться в наших, – рыжеволосая хмыкнула, – пятизвездочных люксах с изумительными решетчатыми видами из окон.

– Поговорить, оно, конечно, можно. Даже и без адвоката. И – черт с ним – пусть даже без осмотра у врача. Ну уж тогда и без этого железа на запястьях, – Сварог повернулся боком на стуле, показывая скованные за спиной руки. – А то уж больно неправильно получается. Вины за мной нет, никаких гнусных злодеяний я не совершал, зато получил ущерб здоровью и, сидя в этих кандалах, продолжаю получать психологическую травму. И, к слову сказать, совершить что-либо противоправное я никак и не мог – прибыл в ваш гостеприимный город практически только что, еще и оглядеться-то толком не успел...

– Как у нас говорят, дурное дело – нехитрое. И в пять минут можно уложиться, чего уж говорить про только что прибывшего... Как-нибудь, даст бог, за рюмкой хорошего коньяка я вам расскажу множество забавных случаев из своей практики на тему: «Ах, как же мало времени занимает преступление!» Значит, наручники, говорите, вам мешают морально расслабиться и предаться чистосердечным откровениям?

– Да уж не помогают, это точно, – тяжело вздохнул Сварог.

– А хулиганить не станете? – с усмешкой спросила рыжая. – Бросаться на меня с криками: «Волки позорные, убью бля, нах!» – не будете? Я ж не знаю, как у вас в заграницах принято вести себя на допросах...

– Мне поклясться? Какие ваши клиенты обычно дают клятвы – «век воли не видать» или «божусь за пидараса»?

– Ого! Поражаюсь информированности рядового заграничного обывателя.

Шевчук забрала у Сварога искуренную до фильтра сигарету, загасила ее в пепельнице, загасила свою сигарету, поставила пепельницу на стол рядом с телефоном, обошла стул, на котором сидел Сварог, и расстегнула ему наручники. Помахивая «браслетами», вернулась за стол.

– Ну что, начнем разговор?

– Начинайте, – сказал Сварог, растирая запястья.

– Значит, вы у нас... – из большого бумажного пакета рыжеволосая достала прямоугольных очертаний предмет в пупырчатой кожаной обложке, в котором Сварог признал «свой» заграничный паспорт. – Чарльз Беркли? Гражданин Великобритании?

– Подданный ее величества английской королевы, – поправил Сварог

– Вам виднее, вам виднее, – проговорила рыжая, постукивая корочкой паспорта по столу. – А вот скажите, как такое может быть? Имя у вас насквозь нерусское, местожительство тоже, а говорите без малейшего акцента. И более того, знакомы с... весьма специфическими оборотами русской речи. Признаться, я заинтригована. Пожалейте женщину, удовлетворите ее любопытство.

– А разве это имеет хоть какое-то отношение к моему пребыванию здесь?

– Мы же просто разговариваем, не забыли? – напомнила Шевчук с легкой насмешкой.

– Это вы *просто*, а у меня так, простите великодушно, не получится, – Сва-

рог почувствовал, что помаленьку начинает злиться. – Вы лучше объясните мне, наконец, в каком качестве я здесь нахожусь? Насколько я знаю *ваше* законодательство, я ничего противоправного не совершил.

– А я вот в этом не уверена, представьте, – пожала плечами Шевчук.

– Неуверенность в вашей стране – весомая причина для ареста?

– Для задержания... мистер Беркли, для задержания. Разницу улавливаете? Для того чтобы арестовать, необходим подписанный прокурором ордер, а для задержания достаточно лишь весомых подозрений. Например, в том, что человек выдает себя за другого, а сам, может быть, находится в розыске и даже пуще того, в международном розыске. Поэтому необходимо всесторонне проверить его личность, сделать запрос в Интерпол, дождаться ответа оттуда...

– И на какое время ваше законодательство разрешает задерживать ни в чем не повинных людей?

– Ах да, простите, что сразу не сказала! Я все время забываю, что передо мной представитель другого государства, – ласковейше улыбнулась Шевчук. – Тогда спешу вас уведомить, что имею законнейшее право закрыть вас всего на семьдесят два часа. Не очень много, согласитесь? Правда, иногда случаются досадные неприятности, которые у нас принято прятать за хитрой формулировкой «ввиду вновь открывшихся обстоятельств». С ее помощью... ну если между сторонами никак не желает складываться должный консенсус... можно затянуть чье-то пребывание здесь ой как надо-олго, уж поверьте.

– А сложностей международного характера не боитесь?

– Не-а, не боюсь, – тряхнула головой Шевчук. – Во-первых, битая настолько, что уже, право, и сама не знаю, чего могу по-настоящему испугаться. Во-вторых, сейчас вам не вчера. Это вчера от одного слова «иностранец» у русского человека тут же начинали дрожать колени. Как же, к нам явились почти полубоги! Теперь к иностранцам, видите ли, привыкли, даже в нашей глуши. И в-третьих, отчего-то мне кажется, что не примчатся за вас вступаться авторитетные международные структуры. И *не* авторитетные тоже. Чутье мне подсказывает...

«В себя я пришел, душеспасительные беседы с этой рыжей лисой мне вести ни к чему, – вдруг понял Сварог. – Так что следует попытаться вызнать что-либо полезное про Н'тенга. И делать отсюда ноги».

– А чутье просто так не возникает, оно возникает из множества мелких деталей. А в нашем с вами случае таких деталей – пруд пруди, и одна другой подозрительнее. Сначала я встречаю вас на Олеговой пустоши, а спустя несколько минут там начинается бойня. Потом на трассе находят сгоревшую машину, набитую, как шпротами банка, изуродованными телами. Выясняем, чей автомобиль – и тут на домик хозяйки авто нападают весьма серьезно экипированные люди. Люди перебиты, причем довольно экзотическим способом, а хозяйка и ее спутник исчезают в неизвестном направлении. Но один из охранников «Золотой пади» описал ее спутника, и сие описание удивительным образом подходит к вам. Я еду домой отоспаться, проезжаю мимо улицы Карчека – а тут опять труп. И угадайте, кого я вижу около дома? Ну не подозрительно ли... Вот чутье и включилось. Только вотума не приложу, откровенно говоря, как это вы умудрились так быстро сменить костюм и, главное, зачем. Думали, что не узнаю?

Сварог промолчал. Он вообще ни бельмеса не понимал. Какая такая Олего-

ва пустошь, какая «Золотая падь»? Какой костюм, ешкин кот?!

– Можно только два вопроса? – спросил он.

– Ну?

– Кто погиб на Карчека?

Шевчук ненадолго задумалась, но все-таки ответила:

– Некий гражданин Пак, Серафим Иванович. Знакомы?

Она не врала. И Сварог покачал головой.

Черт. Эх, надо было не отсыпаться в гостинице, а сразу ехать к дедушке!

Черт, черт, черт...

– А второй?

– Что второй?

– Второй вопрос. Что случилось с моим приятелем? Где он сейчас? – впрямую спросил Сварог

– Приятель, говорите? – задумчиво прищурилась рыжеволосая. – Так и рвется с языка: «Вот, значит, какие у вас приятели!» Он, ни много ни мало, убил трех человек. Трех. Причем с особой жестокостью и без видимых мотивов. Не знаете, кстати, что на него нашло?

– Не знаю, – честно сказал Сварог. – Думаю, его спровоцировали. Он, знаете ли, всю сознательную жизнь провел в диких лесах, где много-много хищных зверей, жил вдали от цивилизации. Жил по своим законам и привык защищать себя сам, как умеет, а не звать на помощь полицию. Он и слова-то такого – «полиция» – еще не успел разучить. Так он... жив?

– Когда увозила «скорая», был жив, – равнодушно сказала Шевчук.

Не врет.

– Он сейчас в больнице?

Шевчук бросила на него недоуменный взгляд:

– Да зачем вам эти подробности? Все равно сможете навестить его только лет эдак через несколько. Потому как незнание законов, увы, не освобождает от ответственности. И придется вашему приятелю отвечать по всей строгости и отбывать, сколько назначит суд. Тут уж ничего не поделаешь и не изменишь. А что же вы так – зная о его неуправляемости, оставили его одного?

– В том-то и дело, что до сего дня поводов для беспокойства он не давал, – развел руками Сварог, – поэтому и оставил спокойно его одного. Я же говорю – спровоцировали. Если уж на то пошло, каждого из нас можно вывести из себя, и цивилизованный человек зачастую не может удержаться в рамках.

– Что верно, то верно, – задумчиво подтвердила Шевчук.

«Судя по тому, как она увиливает от моих вопросов, при эдаком течении беседы я ни хрена полезного для себя не узнаю, – подумалось Сварогу – И не пора ли уже сваливать отсель?..»

– Удивляюсь с вас, как говорят у нас на юге, – еще более обворожительно улыбнулась рыжеволосая. – Ну насквозь неправильно себя ведете. Нормальный безвинный иностранец уже давно не выдержал бы, несмотря на все наши уговоры, и принялся бы возмущаться несправедным задержанием, нанесением телесных повреждений... понятное дело, без усталости поминал бы о правах человека, орал бы и грозился всяческими карами. А вы же – ну просто само спокойствие. Сидите, ножкой покачиваете, беседуете.

– Просто знаю, что этим ни на йоту не приближу себя к главной своей цели – как можно скорее выйти отсюда, – спокойно сказал Сварог. – Так чего зря

возмущаться и задавать идиотские вопросы. А вам не кажется, Дарья Андреевна, в свою очередь спрошу я, что мы тратим время... как бы это сказать, несколько нерационально, что ли? Спросили бы четко, что вас интересует, я бы дал вам четкие ответы и ушел бы отсюда...

– И куда бы вы пошли? – быстро спросила Шевчук.

– В гостиницу, где уже устроился, – без раздумий отозвался Сварог. – Куда ж еще! Название, номер комнаты сообщить?

– Понятно. А цель вашего визита в наш город, разумеется, – какие-нибудь корни-гены, зовущие на родину предков, заочная любовь к России? Ну, и попутное знакомство с сибирской экзотикой, куда ж без этого, всякие медвежьи охоты, бани с квасом, вениками и крепостными девками, водка с балалайками...

– Угадали, Дарья Андреевна, просто настолько точно угадали, что мне нечего добавить.

Наверное, во имя простоты имеет смысл дождаться конца допроса. Ежели не отпустят на все четыре (а в это отчего-то не верится), всего-то и надо, что отвести глаза конвоиру...

– Я понимаю, что вы всерьез рассчитываете вот на это, – Шевчук двумя пальчиками подняла со стола и показала Сварогу паспорт на имя Беркли. – Думаете, рано или поздно сработает ваш заграничный статус. Только вопросов к вам накопилось столько, дорогой мистер... – она развела руками, – что мои знакомые из парижской префектуры на моем месте уже давно бы светили вам в лицо лампой и отвешивали бы оглушительные пощечины. Я же, по доброте душевной, еще пытаюсь сложить с вами дружеский разговор...

– Накопились вопросы? Ко мне? – Сварогу даже не пришлось подделывать недоумение, оно было абсолютно искренним. – Я прилетел сюда несколько часов назад. Все, что я успел, – доехать до улицы этого чертового подпольщика, где влип в историю. Заметьте: не по своей воле... Какие могут быть ко мне вопросы?!

– Какие, говорите? – Дарья стерла с лица улыбку. – Честно вам скажу: вы или прекрасный актер, или... поразительной, прямо-таки сказочной наглости человек. Ну что ж, раз так, давайте галопом пройдемся по... вопросам, – голос ее изменился, стал жестче, она заговорила напористо, чуть подавшись вперед за столом: – Итак, вы с непонятным мне упорством утверждаете, что прилетели в город только вчера. Так? Алиби, признаться, хиленькое, серьезной проверки не выдержит. Интересно бы знать, на что надеетесь? Да и зачем вам это, никак не пойму!

– Не понимаю, о чем вы, – более-менее искренне изумился Сварог. – И вообще, вы скажите конкретно: за что и почему меня арестовали? Пардон, задержали. Что я такого совершил? На что я надеяться-то должен?!

– Вы мне никак не кажетесь глупым человеком, – не слушая его, напористо продолжала рыжая. – Неужели вы всерьез надеетесь, что я вас не запомнила и не узнаю? – Шевчук откинулась на стуле и скрестила руки на груди. – Или станете утверждать, что не были на Олеговой пустоши? И меня там не видели?

Е-мое! Опять Олегова пустошь, что еще за хренотень?! За кого она меня принимает... И вдруг Сварог ясно осознал – за кого. За *второго*. Демона. А черт... Вот сволочь, он уже здесь!

– Не был, – предельно честно сказал он и виновато развел руками. – И вас

не видел. И впервые слышу про эту пустошь!

Так что ничем не могу помочь. Зато, сдается мне, вы сами себе можете помочь элементарнейшим образом. Я ведь не в багажных отсеках в самолетах летал, лежа согнутым в три погибели в полосатом чемодане. Я летал честным пассажиром, везде предъявлял паспорт, везде меня заносили в компьютерную базу, наверняка скрупулезно проставляя дату отлета-прилета и время суток. Вам это проверить – раз плюнуть... Да! Кроме того, как в московском, так и в шантарском аэропортах я повсюду видел камеры слежения и уж в объектив хотя бы одной из них я попал наверняка. Если и это не алиби... то тогда уж и не знаю, что вам надо. – Я вам скажу, что мне надо, – Даша опять обворожительно улыбнулась. – Мне надо того же, чего добивался гражданин Остен-Бакен от гражданки Инги Зайонц. А именно – глубокого раскаянья в содеянном и искреннего желания искупить вину тесным сотрудничеством с органами дознания. Вот, к примеру, лично я с вами совершенно честна и предельно открыта. И я вам откровенно признаюсь – нет у меня ни малейшего сомнения, что ваша фамилия значится во всех этих аэропортовских списках, а вашу физиономию прилежно запечатлела добрая дюжина аэропортовских камер. Вот нисколечко не сомневаюсь, что все обстоит так, как вы сказали, хотя, конечно, будем проверять... вернее, уже проверяем. А еще я с подкупающей девичьей доверчивостью откроюсь вам в том, чего сама пока не понимаю: как вам это все удалось так лихо повернуть. Правда, одна скороспелая версия у меня появилась... Вы слышали что-нибудь о фалып-турах за границу?

– О чем?

Сварог и вправду не слышал об этом ни слова.

– Значит, не слышали. Это такая столичная, с позволения сказать, услуга. К сожалению, официально разрешенная и, к еще большему сожалению, уже добравшаяся и до нашего медвежьего угла. Суть ее в следующем. Приходишь ты, значит, в контору, предлагающую эти фалып-туры, и говоришь: хочу, чтобы все поверили, будто я побывал, ну допустим, в Таиланде. Платишь, на сколько сторговались. И контора изготавливает для тебя поддельный договор с турфирмой, поддельные визы, липовые билеты на твое имя в Таиланд и из Таиланда, снабжает тебя профессионально сработанным фотомонтажом, где ты позируешь на фоне пагод в обнимку с озорными тайскими девчонками, обеспечивает экзотическими сувенирами, якобы купленными в лавочках Бангкока. Как правило, клиенты преследуют вполне безобидные цели – пустить пыль в глаза сослуживцам и бывшим одноклассникам или обмануть свою вторую половину, свято верящую, что муженек знакомится с достопримечательностями загадочного Востока, в то время как на самом деле он неплохо проводит время с любовницей в соседнем районе города. Класс подделки зависит от готовности клиента раскошелиться. А если клиент вовсе за ценой не постоит – получит подделку того класса, для обнаружения которой будут нужны очень уж скрупулезные исследования. Скажем, если клиент пожелает, то и артиста нанять можно для изготовления липового видеофильма или чтобы вместо клиента прошел где-нибудь паспортный контроль. Потому как биометрические паспорта у нас пока не введены и отпечатки пальцев на контроле не сверяют.

– Выходит, я никогда не смогу доказать вам, что не был ни на какой вашей пустоши, а прилетел только сегодня утром, – усмехнулся Сварог. – Как бы я ни

изоощрялся в доказательствах?

Он ровным счетом ничего не понимал из того, что говорит рыжеволосая милиционерша. Далась ей эта пустошь! Что еще за пустошь? Снова Олегова?.. Но она говорила правду. А насчет *закрыть* Сварога на несколько лет – это враки. Но ведь как талантливо играет, чертовка. Не будь у Сварога детектора лжи, он бы мог и купиться...

– Это суцая правда, мистер Беркли, – сказала Дарья. – Все дело в том, что я доверяю своим глазам. На Олеговой пустоши незадолго до прилета вертолета с крупнокалиберной начинкой я видела именно вас, и в этом меня не разубедят никакие живописные кадры и документы с печатями. Дело не только во внешности. Вы никак не могли знать, что попадете ко мне на допрос – это ж каким всевидящим пророком надо быть, чтобы просчитать такое наперед! – и вы не подделывали наперед походку, посадку головы, жесты. Я вижу сейчас перед собой именно того человека, что был на Олеговой пустоши. Знаете, гражданин Беркли, я люблю повторять, что не бывает идеальных преступлений, бывают лишь до поры нераскрытые...

Зазвонил телефон на столе. Дарья подняла трубку. Долго слушала, не перебивая.

– Даже так! – вырвалось у нее. – И что говорят врачи? Ага, ага... Еще и это? И что потом? – И после паузы: – А что Василий? Скверно, мальчишки... Да, скоро буду.

Она повесила трубку. Взглянула на Сварога. И что-то поменялось в ее взгляде.

– Ну вот что, – сухо сказала Шевчук. – Враз стало некогда разводить с вами тары-растобары под сигаретный дым. Получены оперативные данные, что Ольшанский жив и здоров и чего-то там мутит в окрестностях Шантарска. Это усугубляет ваше положение несказанно. Не находите?

На этот вопрос Сварог ответил выжидательным молчанием. А чем еще ответить? Заметил лишь про себя, хитрая лиса зачем-то слила ему оперативную информацию, которую сливать не полагается ни под каким видом. Тем более – задержанным. И возникает вопрос: зачем слила? Знать бы еще, что за Ольшанский такой...

– Если невредимым и целехоньким оказывается человек, которого по самую завязку нафаршировали свинцом, который сейчас должен лежать и не рыпаться в морге третьей городской больницы – то чего уж говорить про связанные с вами, мистер, блин, Беркли, странности, – вздохнула Шевчук. – И сдастся мне... Скажу больше, я нюхом чую... все мое ментовское нутро и немалый жизненный и профессиональный опыт прямо-таки вопиет про то, что вы имеете прямейшее отношение к расстрелу на Олеговой пустоши и тесно связаны с проказами господина Ольшанского.

Ну, блин, и дела тут творятся...

– А еще бойня на трассе, – внимательно глядя Сварогу в глаза, напомнила Шевчук. – И бойня в «Золотой пади»... Или вы тоже к этому никакого отношения не имеете?

И что, простите, мог Сварог на это ответить?!

В Африке, кажись, и то спокойнее было, чем в этом вашем Шантарске...

А Шевчук, видя некоторое замешательство Сварога и чуть ли не наслаждаясь этим, поведала более подробно о трупах на шоссе и в элитном поселке. По-

прежнему внимательно следя за реакцией аресте.. извините, – задержанного.

А задержанный изо всех сил старался сохранить лицо.

«Это – *второй*, — окончательно уверился Сварог. – Это он, и никто другой. Выходит, он уже давно здесь и уже успел здорово наследить...»

И еще он уверился: раз этот *второй* запросто кладет трупы штабелями, то он и есть демон...

– Значит, так, – Шевчук по-кошачьи сузила глаза. – Мне глубоко плевать на вас, мистер Беркли, и на вашу английскую «крышу» в виде королевы и свободлюбивого парламента. Можете потом жаловаться в НАТО, писать в Страсбург и в ООН. Это мне фиолетово. Но сперва своего добьюсь я. И ты, *масса* Беркли-Шмеркли, выйдешь у меня отсюда только после того, как расколешься без остатка, до самого что ни на есть доньшка. Скажу тебе по секрету, что ввиду особой важности преступления и особой тяжести содеянного, а также ввиду того, что дело взяли под личный контроль губернатор и наш представитель в Совете Федераций, мне негласно даны особые полномочия. Верить ты или нет, но у меня в кармане карт-бланш, выданный мне, пусть и неофициально, но зато с очень больших верхов. Мне дали понять, что в методах и средствах могу себя не стеснять. Главное – расследовать в кратчайшие сроки. Подчеркну красной и жирной чертой слово «кратчайшие». То бишь я хочу услышать от тебя признание прямо здесь и сейчас. Ну что, мистер Беркли, или как вас там, будете давать показания под протокол или без оногo? Мне, знаете ли, все равно.

– Мне нечего добавить к тому, что говорил раньше, – малость подумав, сказал Сварог. – Отправляйте уж на свои семьдесят два часа. Да и в чем я должен признаваться-то?!

– Отправлю. Обязательно, – пообещала Шевчук. – А еще я, пожалуй, примешаю во всю эту историю немножко личного отношения и перегну палку там, где в ином случае, может, и не стала бы. Ты уж извини, иностранец, но я не привыкла, когда меня держат за дуру. Семьдесят два, говоришь? А знаешь, как ты их проведешь в отеле под ласковым названием «Эль-СИЗО»? Весело проведешь. Я тебе по блату выпишу путевку с сопроводительным листком в виде шепотка на ухо сержанту из охраны: мол, есть у нас серьезные подозрения, что сей гражданин как раз и есть тот самый злобный камышанский маньяк, который сперва насилует, а потом душит трехлетних девочек и которого безуспешно ловят вот уже второй год. И намекну, что ежели этого гражданина поместят в пресс-хату то никому никакого урона в служебном плане не выйдет, а выйдет лишь сплошное благолепие и взаимная признательность. А к моим словам и даже полунамекам, знаешь ли, привыкли относиться со всей серьезностью —

слишком давно тяну ляжку. И свой авторитет зарабатывала исключительно горбом, а не каким-нибудь другим местом.

Шевчук снова закурила, на этот раз Сварогу сигаретку не предложив.

– Через семьдесят два часа у тебя, иностранец, очко превратится в проходной двор. А лучше сказать, в общественную парашу, и кишки будут свисать из него, из очка, как порванные провода. Я уж не говорю про выбитые зубы, сломанные ребра и прочую мелочевку. А когда тебе потом определят срок... да-да, уж в этом ты не сомневайся, какую-нибудь статеечку мы тебе обязательно подберем, с этим у нас никогда проблем не было и не будет... да вот хоть по-

дельника твоему чернокожему другу из тебя сделаем, мол, на пару вы тех молодчиков на скамейке убивали, а ты еще и науськивал, идейно вдохновлял. И когда ты попадешь на зону с таким аттестатом, как разработанная задница... – Шевчук мечтательно закатила глаза. – Весь срок от параши ни на шаг не отойдешь. Понял? Или ты думаешь, на понт беру и не сделаю?

«Не делает, – понял Сварог. – Именно что, мадам ажан, на понт берете». Но, если честно, МХАТ плакал по ней крокодиловыми слезами. У них тут что в Сибири, все менты такие актеры? Куда там Фрейндлих и прочим Тереховым...

И он сказал деланно усталым голосом:

– Да отправляй куда хочешь.

– Идет, – Шевчук загасила сигарету вернулась за стол и нажала что-то на столешнице снизу. – Ладно... Как для иностранца и по женской доброте своей я сделаю для тебя одну поблажку махонькую такую. Я оставлю тебе шанс все прекратить в любой момент. Затарабанишь в дверь: «Спасите-помогите! Готов во всем сознаться!» Спасут и помогут. Но только ежели ты и после этого начнешь лгать и запираяться, тогда вернут тебя, голубка, назад, и уж кричи, не кричи...

Открылась дверь, и на пороге комнаты нарисовался конвоир. Шевчук сделала ему знак рукой подождать.

– И вот еще что... – она замолчала, словно споткнувшись. Сварогу показалось – задумалась, говорить или не говорить. Но все же сказала: – Твой чернокожий приятель, между прочим, сейчас тоже на пути в следственный изолятор. Или уже в СИЗО. Будете соседями.

– То есть как? – Сварог от удивления аж привстал. – Он же...

– Вот именно! Никто ничего не может понять. Укладывали на носилки и вдвигали в «скорую» полутруп. Который, пока везли в больницу, вновь превратился в здорового человека. Рана затянулась, и даже не замечено слабости, обязательной после такой кровопотери. Случаем не знаешь, в чем тут фокус?

«Подземная пирамида, – мог бы сказать ей Сварог. – Она же Истинная Пирамида, если верить Беркли. Судя по всему, это она передала Пятнице часть своей силы. Или... не только ему?» А еще Сварог подумал о том, что раз Н'генга в следственном изоляторе, то это кардинально меняет его собственные планы. Теперь бежать в коридоре нет никакого смысла, а есть прямой смысл дать себя отконвоировать в СИЗО и бежать уже оттуда. Уже с Пятницей.

– О чем задумались? – спросила Шевчук, вставая. – Пожалуй, я догадываюсь, в чем дело. Вы-то рассчитывали, что ваш шоколадного цвета приятель замолчал навечно, ну, в худшем случае, надолго, а теперь он может заговорить в любой момент и сообщить что-нибудь, вас напрочь не устраивающее. Не так ли, мистер Беркли? Может, все же желаете что-то рассказать? Тогда давайте быстрее определяйтесь, мне пора ехать.

– Я уже определился. Отправляйте, куда собирались.

– Что ж... Будь по-вашему.

Глава третья По прозвищу «Колдун»

Старший прапорщик был уже в серьезных годах, уже, наверное, и пенсию выслужил, но вот продолжал работать. Отчего ж мужику не работать, ежели здоровье позволяет? Озвереешь сидя дома.

– Лицом к стене, – скомандовал прапорщик.

Сварог встал, как велели. За спиной шаркнули по бетону сапоги, чиркнула спичка, потянуло ароматным табачным дымком.

– Повернись. На, закури.

Старший прапорщик протянул раскрытый портсигар. Сварог не стал вставать в позу: мол, с вертухаями не курю, вытащил из-под резинки сигарету, прикурил от протянутой спички.

– Послушай меня, паря, – сказал прапорщик, приглаживая небольшие аккуратные усы. – У меня глаз наметанный, я человека насквозь вижу. И вижу, что ты, паря, человек непростой. Есть в тебе какой-то стержень. Но... Это камера. Не пресс-хата, конечно, но и тут не интеллигентники сидят. Если будешь много выступать – а мне отчего-то кажется, что будешь, – тебя превратят в инвалида. Если ты надеешься на силу или на приемчики, то зря, оставь ты это. В это СИЗО таких Негрошварцеров приводили, что ты против них хилек из хилеков. Иные храбрились: мол, я на воле по двадцать рыл одной левой раскидывал. Да только никто из этих Шварцеров не выгреб отсюда таким же целым, как вошел, против кофты из десятка рыл никто не устоит. А здоровье взад никогда потом не вернешь. Хорошенько подумай, стоит ли того твое залупательство.

– А ты, батя, агитируешь меня по доброте душевной или по обязанности? – напрямую спросил Сварог, щурясь от дыма. – Хотя, спасибо, конечно, за науку.

– А тебе не все равно, паря? Я вот что тебе скажу напоследок. Я тут всего навидался, паря. И всяких. И к жизни после этого начал относиться, прости за умное слово, философически. Все суета, нет в жизни правды со справедливостью, каждый за себя, и все в таком духе. Короче, никого не жаль, потому как никто тебя самого не пожалеет. А теперь сам думай.

– Ты мне вот что лучше скажи, старшина, – Сварог с усмешкой посмотрел на прапорщика. – А если бы тебе прямо сейчас предложили махнуть из этого мира да головой в неизвестность? Провалиться куда-нибудь на другую планету, оставив здесь все эти коридоры, надоевший дом в панельной многоэтажке с квартиркой в три шага, провонявшую мочой лестницу, загаженный воздух и химическую пищу? И вперед на волю, где боевой топор ударяет по бедру при каждом шаге коня, где рядом настоящие друзья, где... (он на миг запнулся, не зная, как продолжить, но тут кстати вспомнился Смок Белью) где ты ешь настоящее медвежье мясо?

– Да ну тебя! – махнул рукой прапорщик. – Я с тобой серьезно, а ты мне вкручиваешь... Ладно, если что – ори в три горла и колоти в дверь что есть мочи. Я тут рядом буду, выручу...

– Договорились, – сказал Сварог, бросая окурок на пол. – Заводи.

– Что там шепчешь? Молитву? Правильно. Ну, ни пуха тебе, паря. Давай...

И Сварог перешагнул порог.

Старший прапорщик вряд ли обратил внимание, что в коридоре вдруг едва заметно похолодало. Сквозняк гуляет – и всего делов. Прапорщик запер дверь, откинул «глазок», прилип к нему, несколько секунд полюбовался видами камеры, на пару шагов отошел от двери и полез в карман за своим портсигаром.

Не стал старшина смотреть тюремное кино. «А немало интересного увидал бы товарищ вертухай, чего в кино и за деньги не кажут, – подумал Сварог. – Увидел бы такие яркие картинки, по мотивам которых граждане уголовнички потом еще долго будут предания слагать...»

Прапорщик мог бы увидеть, как с нар сползают с ног до головы разрисован-

ные зеки и неторопливо, вразвалочку направляются к замершему у порога арестанту. Кто-то из них вертит на пальце цепь, кто-то шлепает об ладонь сложенный пополам ремень, кто-то поигрывает укрытой от всех шмонов выкидучой. Из кофлы обязательно должен вывалиться нагловатый живчик, эдакий всеми признанный спец по болталову с новенькими.

Ага, вот и вывалился...

– Ну чё, фраерок, давай знакомиться, – заводила приблизится к «гостю» на расстояние шага. – Поглядим на тебя внимательно и вдумчиво. Познакоимся, поговорим. По «радио» напели, что больно крут?

Ну дык покажи, покажи! Давай насчет тебя поупражняемся, какой ты в натуре крутой...

Ясно, что живчик провоцирует Сварога. И от того, как Сварог ответит, будет зависеть многое дальнейшее. Испугается – один вариант будущего, начнет понты кидать – огребет по полной...

Сварог пошел вразрез с советами доброго прапора и кинул понты.

– Полезай под нары, *машенька*, — сказал ласково он, – ибо благородному до ну запахло балакать с пидорами.

Оскорбление, признаться, было действенным.

Живчик оглядывается назад, словно ищет поддержки у корешей, и вдруг с неожиданного резкого разворота наносит жуткий удар кулаком в живот, от которого Сварог должен был бы скрючиться в три погибели.

Да вот только каково же будет удивление уголовного, когда его кулак пробьет пустое место, пройдет *сквозь «фраерка»!* А новоприбывший *гость* как ни в чем не бывало будет глупо и молча перетаптываться там, где стоял. Вся кофла с воплями налетит на «фраерка залетного» и начнет топтать и месить его... Думается, все же пройдет какое-то время, прежде чем постояльцы разберутся, что имеют дело с иллюзией, а не с живым человеком. А когда наконец разберутся... Сложно даже вообразить всю глубину их удивления.

Ну и напоследок, дабы посеять в их умах окончательный разброд и шатание, фантом рассеется как дым, будто и не было его никогда. И можно голову дать на отсечение, нескоро утихнут споры, было это все или привиделось, и дойдут те споры до драк. И еще долго по тюрмам будут ходить легенды и байки о каком-нибудь Таинственном Фраере, Привидении старого СИЗО, о Призраке Изолятора...

Ну, пошутил так Сварог.

Вот что мог бы увидеть в «глазок» старший прапорщик, а возможно, и услышать, если бы приложил ухо к двери. Но вместо этого он курил рядышком с дверью и что-то тихо бормотал себе под нос. Докурив, бросил окурок на пол, старательно растер носком казенного ботинка, вздохнул, повернулся боком к двери... И в этот момент, прямо по пошлейшим канонам фильмов ужасов, ему на плечо легла рука.

Прапор медленно повернулся и, когда увидел, кто стоит за спиной, челюсть у него отвисла самым натуральнейшим образом.

– Не-ет... Чур... – прапор помотал головой и скрюченными пальцами левой руки что-то изобразил перед своим лицом, словно отгонял нечто невидимое. – Как же так... Откуда? Ведь я же тебя...

Правая рука надзирателя привычно потянулась к висящей на поясе дубинке. Сварог перехватил руку, крепко сжал запястье. Проговорил, глядя глаза в

глаза:

– Не надо, батя, не поможет. Ты вот о чем задумайся. Я мог бы двинуть тебя сзади по голове, забрать ключи, переодеться в твою форму, открыть любую камеру – да хоть бы и пресс-хату! – и забросить тебя *внутрь*. Представляешь, что бы с тобой было? Я этого не сделал. *Пока* не сделал. Ну, думай, соображай, батя.

– Ты хочешь, чтобы я тебя вывел отсюда?

Сварог ухмыльнулся.

– Не хочу. Надо было бы, я бы вообще не доводил дело до своего заключения в этот неприятный мрачный дом. И когда потребуется, я смогу выйти отсюда и без тебя... Мне нужно другое. В каждой тюрьме есть смотрящий, то бишь главный по узилищу. Король воров, атаман здешних головозеров. Мне всего-то и нужно, чтобы ты отвел меня к нему. Только не говори, что не знаешь, кто атаманствует в вашей богадельне. Ни за что не поверю. И, ей-ей, выполню свою угрозу, закину тебя в камеру к нехорошим, злым уголовникам... А после и без тебя управлюсь со своей задачей. Ты мне тут давеча про философию самосохранения вкручивал. Ну вот! Зачем тебе на старости лет сложности? Хочешь на пенсию выйти инвалидом?

– А что... кто там? – прапорщик судорожно мотнул головой в сторону камеры.

– Да какая разница! Некогда объяснять. Ну что, идем? Только душевно тебя прошу, не надо геройствовать, – Сварог легонечко сжал прапорщику локоть и произнес елейно: – Мне больно об этом говорить, но если ты меня подведешь, я вынужден буду очень сильно тебя обидеть...

Этажи, переходы, забранные решетчатой сеткой лестницы, грохот шагов по железным ступеням, лязгающие двери, однотипные фразы, которыми перебрасываются вертухаи. Одинаково серые коридоры. Они остановились в конце одного из таких коридоров перед камерой с номером 178.

– Здесь, – сказал, глядя в пол, прапорщик.

– Как кличут здешнего смотрящего?

– Погоняло-то? Да Пугач его погоняло. Только, это... Не любит он, когда без приглашения.

– Ах, вот как значит! Его благородие не любят, когда без доклада! Ладно, пусть мне будет хуже... Открывай, батя.

Вздыхнув тяжело, прапорщик завозился с ключами.

– Да, вот еще что, – сказал Сварог. – Ежели ты задумал, едва я окажусь за дверью, бежать за подмогой, то одумайся скорее, прошу тебя.

– Да ничего такого я не задумал! – воскликнул прапор с наигранным возмущением.

И ведь соврал!

– Вижу, что как раз так и задумал, – любовно произнес Сварог. – Ну, не стану долго говорить и грозить жуткими карами. Просто скажу, что, *поторопившись*, ты наживешь себе врага в лице Пугача. Самого Пугача, я бы сказал. Смекаешь? Ведь ты же еще не против здесь послужить верой и правдой? Вот так-то, батя. Ну, открывай...

По результатам явления Сварога обитателям тюремной хаты можно было бы живописать картину маслом «Не ждали-2». Видимо, и вправду не привык смотрящий по этому каземату, что к нему могут заявиться без приглашения и

без согласования времени аудиенции. Вся четверка, что находилась в камере, обернувшись к дверям, застыла в ступоре.

Сварог огляделся. Камера, в которой обитал смотрящий по изолятору, мало походила на привычные тюремные застенки. Стены завешены коврами (понятно, что не персидскими, а весьма потрепанными и облезлыми, но все же!). В камере имелись холодильник, телевизор, магнитофон, микроволновая печь. На столе перед каждым из заключенных лежал мобильный телефон. Да что там телефон! На кровати валялся ноутбук (Сварог спутать не мог – тесно познакомился с этим чудом за пятнадцать лет шагнувшей вперед техники в гостях у конголезского приятеля Гуго, хозяина частного аэродрома). Стол, за которым культурно отдыхали четверо узников, ломился от еды, которую вряд ли готовили на кухне следственного изолятора и которую вряд ли потом развозил по камерам в своих бачках баландер. Икорка, водочка, балычок, копченая колбаска, фрукты...

– Как понять сие явление? – наконец нарушил молчание один из сидевших за столом. Мужичок лет пятидесяти, невысокий и сухощавый, с совершенно седыми волосами и волчьим взглядом исподлобья. Никаких сомнений почему-то не было, что это и есть вожак, сиречь тот самый пресловутый Пугач.

– Кликуха моя Колдун, не слышал? – Сварог небрежно достал из воздуха сигарету, прикурил от пальца.

– Гляди, люди, циркача заслали! – воскликнул чернявый, похожий на цыгана хлопчик (у него даже серьга в ухе была). – А чего, это дело, Пугач, да? Мужик пришел скуку нашу скрасить. Может, станцует еще, споет.

– Завянь, Цыган, – бросил седой. – И чего дальше... Колдун?

Дальше для усиления эффекта Сварог наколдовал себе кофе – в его руке из воздуха материализовалась дымящаяся чашка кофе с непременно блюдцем.

– Впечатляет, – лишенным всяких эмоций голосом проговорил еще один, доселе молчавший бритый наголо человек. – Правда, видал я колдовство и похитрее. В восемьдесят пятом с зоны под Печенгой сдернули Матрас с Чухонцем. Зашхерились между бревен в лесовозе. Даже Кио, думаю, такой фокус повторить не сможет. Ну, то ладно, так ведь и дубаки с собаками бегунков не унюхали... А это уже форменное колдовство выходит и чернокнижием попахивает.

– Это что! – воскликнул, сверкнув белозубой улыбкой, Цыган. – У нас в таборе тетка Натэлла – вот с кем в карты не садись. Заговорит тебя, загипнозит, и ты, как во сне, пробубнишь «Хоре, себе», когда на руках будет какой-нибудь валет с шестеркой, или прикупишь к двадцати на руках еще карту. Вот это цирк, я понимаю! А сигарету из уха доставать и кофе из штанов – это любой баклан сможет, чутка потренировавшись.

– Вижу, народ вы бывалый, пустяками вас не заинтересовать, – Сварог поставил на пол чашку кофе, так и не сделав ни глотка. – Ну хорошо... Сделаем заход по-крупному Цыган, серьга у тебя золотая?

– Слышь, Колдун, ты за базаром следи. Я тебе не молдаванин какой-нибудь, а цыган. Туфту не носим.

– Вотними и дай мне. Назад получишь. И еще одну такую же.

– Да ты... За кого он меня держит, а! – Цыган повернулся к пахану, раздался щелчок, и в его руке вдруг сверкнула невесть откуда выскочившая в ладонь выкидуха. – Слышь, Пугач, пора баклана ставить на место...

Пугач задумчиво поскреб щетину на подбородке. Сварог легко угадывал направление его мыслей. В камере – и не просто в камере, а в наиглавнейшей *хате* следственного изолятора, откуда, собственно, и управляется сей изолятор – происходят немислимые, не укладываемые в привычные рамки вещи. Правда, пока ничего угрожающего не просматривается, скорее уж чистой воды развлекалово. В общем, нет причин раньше времени устраивать серьезный разбор, с этим всегда успеется. Пусть сперва залетный чудаки покажет свои фокусы...

– Дай ему серьгу, Цыган. Или боишься, что сопрет?

– Ха, я ему сопру! Ну ладно, держи, *мужик*.

«Мужик» было произнесено с явным подтекстом, и Сварог даже знал, в чем дело (не забыл еще всех особенностей российского воровского жаргона и этикета, почерпнутых им из книжек и общения с сослуживцами). Эдаким макаром Цыган легонько прощупал Сварога на причастность того к воровскому обществу. Ежели причастен, то на «мужика» должен был возмущенно среагировать: дескать, ты кого мужиком назвал! Сварог усмехнулся про себя – выдавать себя за вора он и не думал. А вскоре Цыгану должно и вовсе стать не до всякой словесной муры.

Исподтишка подмигнув Пугачу, что не укрылось от Сварога, Цыган вытащил из уха серьгу и протянул Колдуну. Золотая побрякушка оказалась весьма увесистой. Серьга была похожа на старинную. Ага, кажется, даже клеймо имеется, затертое и грязное. Однако некогда сейчас вдумчиво изучать.

Сварог пробормотал нехитрое заклинание, держа серьгу на вытянутой ладони, и рядом с первой появилась еще одна, точь-в-точь такая же.

– На, возьми! И найди десять отличий. Или хотя бы одно, – Сварог отдал Цыгану золотые побрякушки.

– Слышь, братва, в натуре рыжье! – Цыган, в лучших традициях трактирщиков, попробовал сотворенную Сварогом серьгу на зуб. – Рыжье, чтоб мне не жить! И один в один моя серьга, вот и царапинка точь-в-точь такая же. Слышь, Пугач, этого не может быть, это же еще дедовская серьга, она ж старинная! Второй такой не было!

– Я тебе и третью такую же сделаю прямо сейчас, – спокойно предложил Сварог.

– И сделай, – не менее спокойно сказал Пугач. – А мы посмотрим.

Сварог без труда создал еще одну копию золотой побрякушки.

– А чего-то холодно стало, – поежился Цыган.

– Побочный эффект, научно выражаясь, – сказал Сварог. – Ну что, уважаемые, есть интерес к разговору?

– И много таких можешь налепить? – бритый наголо человек уже не сидел за столом, а поднялся на ноги и в возбуждении ходил между нарами и столом.

– Сколько угодно, – сказал Сварог. Бритый присвистнул.

– Тогда с тобой можно мутить дела.

– Иди к столу, – решил Пугач. – Цыган, пересядь на шконку, дай человеку стул.

Когда Сварог сел, пахан спросил:

– Ты кто и откуда такой? Почему о тебе не слышал?

– Из Конго я, – сказал Сварог. – Страна такая в Центральной Африке. Кликуха, как сказал, Колдун. Отец – бывший советский военспец. Так уж вышло, что

ребенком попал в одно лесное племя. Из-за войны попал, там в Африке кругом война. В племени моим воспитанием занимался шаман, кое-чему научил. Буду Слышали про такое?

Пугач посмотрел на четвертого своего кореша, который пока не проронил ни слова. В ответ на взгляд пахана, тот кивнул.

– Ну, ну, – Пугач вновь перевел взгляд на Сварога. – И чего еще умеешь?

– А тебе мало разве? Могу и еще кое-что... Много чего могу. Отсюда выйти могу в любое время. И вывести могу, кого угодно.

– Ну, это не колдовство никакое, – хмыкнул Пугач. – Я сам кого хочешь отсюда выведу, была б нужда. А как сюда попал, за что замели?

– Да он по фене не ботает, Пугач, ему толмач нужен...

– Заткнись, Цыган! – прикрикнул Пугач. – Будешь вступать с ариями, когда я разрешу.

– Замели не меня, – пояснил Сварог, – а кореша моего африканского, за ним я сюда и пришел...

– Погоди-ка, погоди, – Пугач внимательно взглянул на Сварога. – Это не тот ли негрила, про которого маляву час назад отстучали?

– Если негрила и час назад, то это он самый и есть, – кивнул Сварог.

– Его же упаковали за тройное мочилово, – сказал бритый. Усмехнулся: – Серьезный у него корефан, Пугач.

– И чего ты от меня хочешь, Колдун, за чем ко мне пришел? – спросил Пугач.

– Мне нужно выйти отсюда вместе с моим корешем. Прямо сейчас. Не откладывая.

– И всего-то? – с иронией спросил Пугач. – А может, тебе еще и подогрев организовать в дорогу? И «корову» с собой в придачу отправить? Ты, похоже, не догоняешь, Колдун, что это за громадина с решетками, собаками и сапогами – своего рода учреждение, директором которого я поставлен. Власти у меня, ясно дело, тут немало, но я поставлен, сечешь? Людьями поставлен следить за порядком. И меня могут точно так же снять, как любого директора, если я на своем месте накосячу И вот скажи, зачем мне все твои сложности?

– Скажу, – Сварог говорил, глядя Пугачу прямо в глаза. – Я все равно добьюсь своего. И твои архаровцы ничего мне не смогут сделать. Надо будет, я превращу эту тюрьму в ад, но прорублю путь на волю себе и моему товарищу. Развалю до кирпича эти домики, если понадобится... Твое дело, верить мне или нет, но как я сказал, так и будет. Это первый путь.

– А второй? – спросил Пугач, сминая пальцами мундштук «беломорины».

– Второй – договориться с тобой ко всеобщему удовольствию сторон.

– И в чем будет мое удовольствие?

– Во-первых, спокойствие во вверенном твоему попечению хозяйстве. Думается, тебе мало перепадет радости от бурных потрясений на хозяйстве. Комиссии потом понаедут, твои начнут шептаться, «не удержал», мол...

– Слышь, Пугач, а он никак на понт берет! – крикнул чернявый. – Нас!

– Отзынь, Цыган! Дослушаем *товарисча* до конца, – Пугач мял, мял «беломорину» и довел до полной непригодности к курению. Пришлось выбросить в пепельницу. – Ну допустим, Колдун... всего лишь допустим, что я к тебе прислушался. Только позволь усомниться в твоих терминаторских способностях...

– А ты спроси прапора, что околачивается за дверь, как я добился, чтобы

меня привели в твою камеру. Полагаю, сомнений у тебя убавится. А пока я перейду к обещанному «во-вторых». Во-вторых, все будет оплачено по высшему тарифу. Я тебе предлагаю отличный гешефт. Или, на новый манер говоря, бизнес. Побег в обмен на золотой дождь. Ты отправляешь со мной кого-нибудь, или отправляешься сам, или поручаешь своим доверенным людям на воле. Думаю, договориться, чтобы твои люди на воле в кратчайшие сроки раздобыли алмаз – для тебя никакая не проблема. Примерная стоимость алмаза тебе известна. Я скопирую для тебя десять таких алмазов. Это с лихвой покроет затраты на побег двух арестантов и даже моральный ущерб. Ну, что скажешь? Пугач молчал, задумчиво катая по столу новую «беломорину». Какие мысли крутились под черепной коробкой пахана, узнать Сварог не мог. Зато чуть позже он сможет узнать, станет ли ему врать смотрящий. А это дорогого стоит.

– Побег провернуть – дело плевое, – наконец заговорил пахан. – Вас обоих определяют в местную больничку. У одного внезапно прихватит сердце, у другого, допустим, откроется острый аппендицит. А из больнички ход на волю у нас уже готов...

– Слышь, Пугач, – вставил слово бритый наголо уголовник, – ты что все рьез...

– Ты че, Гоша, хочешь поучить меня дела вести? – Пугач сказал это так просто и так спокойно, будто означенный Гоша спросил у него – сколько времени. И снова обратился к Сварогу: – Значит, Колдун, вот как решаем. Слов нет, предложение твое заманчиво. Мне оно нравится. Ты говоришь, отец у тебя военным был? Значит, должен понимать про дисциплину с субординацией. У нас она похлеще воинской будет. У меня тоже свои командиры имеются, и я поперек них по-важному решать не могу. А ну как вы с твоим чернокожим корешем в делах против братвы замешаны, а верить тебе на слово я никак не могу... Короче, я тут по мобиле перебазарю с нашими, а тебя пока устроим в хате со всеми удобствами. Там отдохнешь, а по ходу цацек золотых наколдуюшь, чтобы было чем подкормить вертухайских шакалов. Ну и после снова по свиданькаемся и обкашляем все окончательно. Устраивает, Колдун, или станешь бурно возражать?

– Вполне устраивает, – соврал Сварог.

Собственно, он мало надеялся на удачный исход переговоров с тайным хозяином тюрьмы, предполагая, что в лучшем случае процесс может затянуться надолго (что никак Сварога не устраивало), а в худшем и наиболее вероятном случае – его попробуют обманом и хитростью оставить при изоляторе (а если потребуется – и силой), чтобы он пополнял общак скопированными деньгами и золотыми побрякушками. Зачем такое нежданно привалившее счастье отпустить от себя на волю к чужим хапужистым дядям? Все это Сварог прекрасно понимал, и плевать ему было по большому счету, что там надумает смотрящий по тюрьме, какую поганку сочинит. Сварог пришел к Пугачу совсем для другого. Он пришел, чтобы увидеть «черного хозяина тюрьмы», услышать его голос, запечатлеть манеру того вести разговор, запомнить, в конце концов, отдельные излюбленные словечки пахана, а также усвоить некоторые характерные обороты воровского жаргона, которых не знал и знать никак не мог. Все, что хотел, Сварог уже увидел и услышал и вполне мог приступить к задуманному.

Задумку никак нельзя было назвать оригинальной – однажды Сварог проделывал точь-в-точь то же самое. Он бежал из Равены со Странной Компанией, придав Шедарису облик короля Конгера. Здесь же Сварог намеревался самого себя выдать за... ну, тоже можно сказать за короля – короля тюремных воров. Кстати, и здесь их путь лежит на аэродром, как было и в Равене. Правда, в тот раз аэродром был стратегического значения, охраняемый драгунами и снольдерскими мушкетерами, здесь же им всего лишь нужно будет попасть на территорию местного аэроклуба, где если и есть охрана, то состоящая из пары-тройки полусонных вохровцев. Впрочем, сути дела это не меняет.

Когда знакомый Сварогу прапорщик откроет дверь, он увидит перед собой не Сварога, а Пугача. «Пугач» велит отвести себя в камеру, куда посадили чернокожего арестанта: мол, потолковать надо с человеком. «Да не бойсь, начальник, через дверь и под твоим надзором». Возле камеры, где томится Пятница, старшего прапорщика придется со всей возможной аккуратностью выверенным ударом уложить на бетон, а потом перенести в укромное местечко, чтобы какое-то время полежал в уголке, отдохнул и подумал, не пора ли и в самом деле на пенсию, домино во дворе осваивать. А Сварог, надев на себя личину старшего прапорщика, поведет во двор Н'генга в приданном ему обличье Пугача. После первого же встреченного ими вертухая Сварог поменяет личину Н'генга на личину этого вертухая. И во двор изолятора выйдут двое работников внутренней охраны СИЗО. И кто, скажите, их не выпустит за ворота? Какая падла посмеет не выпустить?!

Вот такая комедия переодеваний. Или, если угодно, – театр эпохи Возрождения.

В общем-то, Сварог мог уже прощаться с Пугачом и валить на выход. Тем более пахан вот уже добрую минуту выразительно смотрит на него, явно дожидаясь, когда Колдун поднимется и почапает к двери. Однако Сварог подумал, что, поскольку разговор клеится вполне нормально, не мешает на несколько минут подзадержаться, немножко поболтать с авторитетным и знающим человеком и кое о чем аккуратно выспросить. Глядишь, кое-что полезное между строк и высверкнет. Дарья Андреевна Шевчук, помнится, упоминала некоего Ольшанского, почему-то думая, что «задержанный Беркли» с ним связан какой-то таинственной криминальной связью...

– А фамилия Ольшанский вам ни о чем не говорит? – спросил Сварог.

– Ты знаешь Привратника? – без всякого интереса отозвался Пугач. – Или, по-другому говоря, Ольшанского Сергея, как там его... Алексеевича, что ли?

– Уж не за тем ли ты заявился к смотрящему? – прищурился бритый.

Сварог не ответил.

– Ну, допустим, знаю, – сказал Пугач. – Я тут знаешь ли, обо всех странностях бытия в числе первых узнаю. Слушок сего дня прошел, что он жив. Со всем свеженький слухок – и часа ему нет. И вдруг появляешься ты. Странно?

– Сдвинулся Привратничек на своем Аркаиме, – встрял Цыган, но одернут паханом не был. Пахан о чем-то крепко призадумался.

Ого! Воры, оказывается, тоже про Аркаим знают!

Так придется задержаться, поговорить еще малость...

В общем, посещением шантарского СИЗО Сварог остался вполне доволен. Спасибо вам, Дарья Андреевна. Во-первых, он многое узнал про Ольшанского, еще одного искателя Аркаима, одержимого какой-то идеей, связанной с этим

местом, – а такой информацией пренебрегать ни в коем случае нельзя. Во-вторых, выяснил, где этот Аркаим примерно находится – пока Ольшанский окончательно не съехал с катушек на этой теме, они с Пугачом, бывало, общались (было у них много общего в прошлом; но потом Привратник перекрасился, заделался коммерсом, а смотрящий изменять воровским принципам не захотел), так вот Ольшанский Пугачу все уши прожужжал про этот Аркаим, карты какие-то показывал, так что Пугач и кое-кто из воров были более-менее в курсе этого доисторического городишки...

Да и покинуть СИЗО оказалось делом достаточно простым: Сварог в обличе Пугача выпустил Пятницу из камеры, успокоил доброго прапора часика на два (ну, извини, отец) и, меняя личины как перчатки и на себе, и на туземце, совершенно беспрепятственно вывел Н'тенга за территорию тюрьмы. Даже обидно как-то стало: из СИЗО выйти оказалось легче, чем туда попасть... Неинтересно.

Сварог поймал частного (где-то теперь честный водитель? И где теперь Гуго?), и через полчаса они уже стояли на территории частного аэроклуба, обозревая вертушки, ждущие на небольшом поле в отдалении. Семь штук, неплохо.

И тут его ждал очередной приятный сюрприз: возле входа в здание администрации, но чуть в сторонке, чтоб зря не светиться, топтался Гуго.

– Вот уж не ожидал! – искренне обрадовался Сварог. – Ты-то как тут оказался?

– Так мы ж сюда вроде и собирались! – чуть опешил Гуго. – Тот таксист сказал: аэроклуб «Сибирские витязи», вы сказали: завтра. Я потом спросил, о чем это вы там? Вы перевели... Вот оно и завтра, и вот я здесь... – он вдруг виновато потупился. – Сэр, сегодня утром, там, возле этого дома... я не думал, что... я просто на минутку...

– Ладно, забудь. Прощаю, – сказал Сварог. – Я сам виноват, надо было четкие инструкции давать. А за то, что, не зная русского, нашел это место – объявляю благодарность.

– Рад служить, сэр!

– А если б я не сейчас приехал? Ты бы так и торчал перед клубом? Мы, между прочим, в тюрьме были, настоящей, русской. А если б я оттуда не выбрался?

– Вы, сэр, не выбрались бы? – широко ухмыльнулся Гуго. – Вы? Ха-ха!

– Ну, вперед.

В пятнадцать часов по шантарскому времени в кабинет директора аэроклуба «Сибирские витязи» вошли трое посетителей. Директор давно занимал свое кресло и всяческих персонажей повидал здесь в достатке и переизбытке: начиная от скоробогачей, вечно пьяных, вечно увешанных золотом и хохочущими девицами, и заканчивая приехавшими за русской экзотикой иностранцами. И разных бандюганов, кстати, тут тоже перебивало предостаточно. Однако он, бывший летчик-испытатель, привыкший полагаться на интуицию, которая не раз его вытаскивала из самых гиблых передряг, вдруг каким-то непостижимым образом почувствовал, что эта троица опаснее всех прежних его гостей.

Хотя, на первый взгляд, вроде бы вполне мирная и даже где-то смешная троица: несколько нелепого вида негр с глазами, в которых навсегда застыло

удивленное выражение; похожий на Данди-Крокодила, мерно перемалывающий во рту жвачку тип с оловянным взглядом и вполне приличного вида господин, одетый в явно дорогой черный костюм, черные с золотыми пряжками туфли и черную рубаху. Ничего вроде бы угрожающего... Однако интуиция однозначно говорила директору – ни в коем разе не стоит с ними связываться. Ну а когда главный в этой троице, представившийся мистером Беркли, английским профессором археологии («Не удивляйтесь моему языку, господин директор, у меня русские корни»), изложил свою просьбу, директор еще больше укрепился в своем убеждении.

– Вертолет? – переспросил директор, чтобы потянуть время и придумать, как бы половчее отказать. – Арендовать хотите? До Аркаима лететь? Далеко, однако, вы собрались...

Но и Сварог в свою очередь понял настроение сидящего перед ним директора. По глазам догадался.

– Вы беспокоитесь о сохранности летающего железа? – напористо спросил Сварог. – Есть такое понятие, как залог, верно? Вот в этот сейф, – Сварог вытянул руку в направлении железного ящика в углу кабинета, – я положу вам сумму, равную стоимости *нового* вертолета. И это не считая денег за аренду машины. Погода летная. Дозаправляться нигде не нужно, топлива в баках хватит на дорогу туда и обратно, исправных машин у вас много, даже выбор есть, пилоты изнывают от желания лететь, – по дороге сюда я уже переговорил с вашим персоналом. Ну! Найдите хоть одну причину для отказа!

– Не знаю... Предчувствие... – директор откинулся на спинку кресла. – Вы верите в предчувствия?

– Еще как, – серьезно сказал Сварог. – И что вам шепчут предчувствия?

– Шепчут про беду. Однажды я не прислушался, жалею до сих пор. Погиб человек. Теперь я дую на воду.

– Понятно, – кивнул Сварог. – Я утраиваю вознаграждение за аренду вертолета.

– Все равно я вынужден вам отказать, – выдохнул директор. – Даже несмотря... несмотря ни на что, на любые условия. Думаю, в другом месте вы получите желаемое.

– Понятно, – еще раз произнес Сварог. – Только времени у нас мало...

– Местному боссу что-то не нравится? – по-английски спросил стоящий за креслом Сварога Гуго.

– Да, Гуго, ты прав.

– Как говорил Деверо, чтоб ему на том свете досталась не самая горячая сковорода, наши рожи не могут нравиться всем подряд, но тем, кому они не нравятся, понравятся наши револьверы, – вот такой тирадой разразился Гуго.

– Извините, – вновь перешел на русский Сварог и улыбнулся директору, – а могу я для разговора с вашим персоналом воспользоваться вашей личиной? – И вновь перешел на английский: – Гуго, твой выход...

Игра

Глава первая

О способах ведения деловых переговоров

На стоянку перед кафешкой неторопливо въехала не первой свежести темно-синяя «Нива» с тонированными стеклами, остановилась в сторонке от джипов. Распахнулась пассажирская дверца, и на свежий воздух выбрался невысокий пожилой крепыш (хотя и с изрядным брюшком) вида насквозь кавказского. С эдакой напускной ленцой огляделся и двинулся к беседке. Серьезный и целеустремленный. В черных брючках и черных штиблетах, зато в белой рубашке и при белых носках.

– Вижу, – сказал Ольшанский Ключнику. – Ты его знаешь?

– Первый раз вижу.

– А вы? – это уже к Сварогу

– Еще не хватало. Ключнику:

– Ну, будь начеку.

– Как всегда, Сергей Александрович... Сварогу:

– Вы со мной?

– До какой-то степени, – сказал Сварог. Чернявый приблизился к их столику, охрану и Ключника игнорируя напрочь, без улыбки и приветствия осведомился с характерным акцентом:

– Разрешите?

Причем обращался он исключительно к олигарху.

– А чего ж нет, – вежливо сказал Ольшанский, прищуриваясь. – Садитесь... Коньячку?

– Э, это разве коньяк? – чуть поморщился кавказец и сел на свободное место. – Это позор, а не коньяк. Меня Тенгиз зовут.

– Безмерно рад. Сергей Александрович. Чем обязан?

– Чем обязан... – чуть усмехнулся Тенгиз. Потом неторопливо обвел взглядом территорию кафе и всех присутствующих, не забыв Ключника, Лану Сварога и трех охранников. Причем, когда он глянул на Сварога, у того тихо бренькнул сигнализатор опасности. – Я просто спросить хочу. Вот что я тебе скажу, Сергей Александрович... Допустим, у тебя стадо овец. И кто-то просит тебя продать ему овцу за мешок золота, на которое можно купить и весь твой кишлак, и все окрестные. Ты согласишься, продашь?

– Продам, – чуть помолчав, ответил Ольшанский. – Только сначала спрошу: а зачем ему моя овца.

– Чем обязан? Вот тем ты мне и обязан, – бесхитростно пожал плечами Тенгиз. – Скажи, зачем тебе мое кафе за мешок денег?

– Это твое кафе?

– Это – мое. Я – хозяин. И еще восемь вдоль дороги... И вот приезжают ко мне Руслан с братом, говорят: кто-то только что за сто тысяч купил мое кафе. *Мое*, Сергей Александрович, а не Руслана. За сто тысяч купил. Вот что я и хочу спросить: это нормальная цена за одного барана?

«Сто?» – на мгновение удивился Сварог, прекрасно помня, что Ольшанский оценил забегаловку в двести тысяч. Но потом вспомнил людскую натуру и удивляться перестал.

– Это та цена, которую предложил я и на которую Руслан с Ахметом согла-

сились, – жестко сказал олигарх, внимания на сумме не акцентируя.

– Брат, я же не упрекаю! – всплеснул руками Тенгиз.

Краем глаза Сварог заметил, как Ключник едва заметно дернулся при слове «брат». Ольшанский же был – сама невозмутимость.

– Я не спрашиваю, почему так много денег! Я не спрашиваю, откуда у тебя столько денег! Я просто спрашиваю: зачем?

«Переигрывает, – отметил Сварог, подцепляя на вилку немного красной икры и даже не включая детектор лжи. – Интересно, а Ольшанский это чувствует? Ну разумеется...»

– Потому что я Ольшанский, – весомо ответил олигарх. – Потому что мне так захотелось.

– Ольшанский, Шмольпанский! – махнул ладошкой Тенгиз, и Сварог понял, что эта фамилия ничего Тенгизу не говорит.

Нуда, нуда... Вот она, известность: все тебя знают – кроме какого-то мелкого содержателя нескольких забегаловок вдоль трассы. Которому и знать-то про тебя не обязательно, потому как плавааете вы на разных глубинах...

– Это не ответ, брат. Зачем тебе «Руслан», а?

– А тебе что за дело, а?

– А то дело, дорогой, что есть у меня к тебе коммерческое предложение.

– Если коммерческое, то излагай.

Ольшанский набулькал себе коньячку, выпил, смачно закусил шашлыком, зубами снимая кусок прямо с шампура.

Тенгиз, нахмурившись, понаблюдал, как он жует, потом сказал негромко, буквально взял быка за рога:

– Я так понимаю, что ты человек не бедный. Деньги у тебя есть. Это хорошо. Мужчина без денег – все равно что... – Тенгиз пощелкал в воздухе пальцами, подыскивая сравнение, – все равно что сациви без курицы, да? И если ты покупаешь это кафе за деньги, и без документов, и без нотариуса, то ты можешь купить и больше, да? Молчишь. Правильно молчишь, не надо лишних слов, – обеими пятернями он, как граблями, пригладил волосы на голове. – Я, Тенгиз Абдуллаев, предлагаю тебе хорошо заработать, Сергей Александрович. Купи у меня все кафе на трассе, да? Дорого не возьму, да и, как говорится, оптом дешевле, мамой клянусь. Девять кафе – и ты в девять раз богаче, а? Подумай, дорогой, это большие деньги...

– Спасибо, уважаемый, – едва заметно улыбнулся Ольшанский, вытирая губы салфеткой. – Я одно купил – мне достаточно...

– Э, зачем торопишься? – поморщился кавказец. – Я же еще цену не назвал! А вдруг тебе понравится?

– Послушай, – сказал Ольшанский, и улыбка его мигом стерлась, а в голосе прорезалась сталь. – Мы с партнером разговаривали о серьезных вещах. Потом приходишь ты и перебиваешь. Да? Так дела не делаются. Если хочешь серьезно говорить – приходи завтра ко мне в офис, побеседуем, обсудим, поторгуемся... А сейчас зачем мешаешь?

Сварог не мог не восхититься. Теперь он понимал, каким именно макарон Ольшанский заработал себе репутацию и, собственно, деньги: с каждым клиентом он говорил на его, клиента, языке... И теперь в речи Ольшанского появились отчетливые кавказские интонации, хотя и без всякого акцента.

Интересно, какие нотки появились у него во время матча Ольшанский –

Сварог. Сам Сварог, по крайней мере, ничего неестественного в речах олигарха не заметил...

– Я мешаю? – деланно удивился Тенгиз. – Это мое кафе! Мои стол, лавки, еда. Я хозяин, а ты – гость, так почему не уважаешь дом, в который пришел...

– Ну так и веди себя как хозяин! – резко наклонился вперед Ольшанский, и сталь в его голосе превратилась вовсе уж в дамасскую: – Ты зачем горы позоришь? Мы гости, дай покушать спокойно, поговорить, потом спрашивай!..

– Так ты ж не просто гость, – растянул губы в ухмылке Тенгиз. – Ты думаешь – денег дал, значит, дом твой. А я еще не сказал, что этот дом – твой.

– Ахмет взял деньги, – напомнил Ольшанский.

– Слушай, кто такой Ахмет? – всплеснул руками Тенгиз. – Директор? Владелец? Ахмет никто. Ты мог деньги дать кому угодно, и что теперь?

– Хорошо, – сказал Ольшанский. – Твое кафе – пусть остается твое. Верни деньги, и разойдемся.

– Э, что говоришь! Сначала дал деньги, теперь забрал... Потом снова дашь и снова заберешь? Так мужчины не делают...

А Сварогу вдруг стало невообразимо скучно. Боже мой, телевизоры во всю стену уличные телефоны в кармане у каждого второго, не считая каждого первого, отдельные дома, тачки вовсе уж умопомрачительные – ну чем не Америка? А дешевый наезд как был дешевым наездом, там им и остался...

– Мне не нужны твои точки вдоль трассы, – с нажимом повторил Ольшанский. – Ни еще одна, ни четыре, ни все девять. И эта, по большому счету, не нужна. Оставь ее себе... И деньги оставь.

Тенгиз задумчиво сдвинул брови.

– Ты странный человек, Сергей Александрович, – протянул он. – Кафе не нужны, деньги не нужны... А вот я человек бедный, я человек приезжий. Меня милиция останавливает, налоговая придирается, СЭС эта, чтоб ей провалиться, все время приезжает, чуркой нерусской на улице называют... Мне нужны деньги, Сергей Александрович.

– Чего тебе надо, Тенгиз, а? – устало спросил Ольшанский.

– Купи мое кафе. Клянусь, не прогадаешь.

– Не хочу, Тенгиз, – с ленцой только отобедавшего льва сказал Ольшанский. – Просто – не хочу И денег я тебе больше не дам. Я, видишь ли, не подаю.

– Ай, как нехорошо говоришь, – расстроился Тенгиз. – Я к тебе по-доброму с деловым предложением, а ты – «не подаю». Я не прошу подачек! Слушай, а можно я попробую тебя убедить?

– Ну? – без всякой заинтересованности сказал Ольшанский и налил себе еще коньяку.

– О, это правильный разговор! – тут же обрадовался кавказец. – Вот. У меня есть несколько доводов. Первый довод вон там, – короткий волосатый палец вытянулся в сторону мирно стоящей «Нивы». Тонированные стекла были чуть приопущены. – Точнее, там целых три довода. И все три калибра 7.62, и все три сейчас смотрят на нас. Еще один довод, – палец устремился в направлении крыши, – с СВД. Это очень меткий довод, он в Чечне работал. И смотрит он вот на него, – палец указал на Ключника. – Потому что, мне так кажется, что этот твой друг – опасный, как гремучая змея. Самый опасный из всех твоих друзей. Ну и последний довод с гранатометом сидит за хозблоком... Ну что,

Сергей Александрович? Как тебе мои доводы?

Причем все это было сказано спокойно и неторопливо, словно Тенгиз скромно хвастался достоинствами своей забегаловки: туту нас, дескать, кухня, а тут, извольте видеть, сортир.

Ничего себе!

Даже Сварог такого не ожидал. Автоматы – это уже серьезно. Не для него, конечно, но – вообще, для ситуации...

– Послушай, мил-человек, – сказал Ключник, но вовсе не из-за спины Сварога, а откуда-то справа. Сварог изумленно замотал головой – а, вот где он! Телохранилитель, оказывается, незаметно успел переместиться под прикрытые беседки и теперь держал Тенгиза на мушке, сам оставаясь недосыгаем для возможных автоматных очередей. – Я ведь могу тебя свинцом накормить по самые гланды, прямо сейчас, и никакие автоматы не спасут.

Молодец, Ключник, даже Сварог не заметил, когда, в какой момент он совершил этот маневр...

– Спокойно! – поднял руку и громко сказал Ольшанский, обращаясь и к Ключнику, и к троице охранников, которые Тенгиза не слышали, зато увидели маневр начальника охраны и тоже схватились за оружие. – Мы сами разберемся!

Лана вот малость подкачала, от неожиданности грохнула выпавшей из пальцев вилкой о стол, но на лице сохранила все же полное равнодушие – не иначе, полагала, что не следует вмешиваться в игрушки взрослых дядь. (И правильно полагала, между прочим.) Как на столь милое сообщение отреагировал Ключник, Сварог не видел, тот находился за его спиной, а за спиной сейчас было тихо и покойно. И это было хорошо.

Больше же всего Сварог опасался неправильной реакции олигарха. Если тот сейчас взбрыкнет, станет качать права, вспомнит о своей олигаршьей неприкосновенности... Конечно, Тенгиз лишь угрожает, вряд ли он решится открывать пальбу, но если Ольшанский поведет себя глупо, то нервы горячих кавказских парней в «Ниве» могут и не выдержать. И пальцы на курках могут дрогнуть.

Но Ольшанский остался невозмутим. То есть настолько невозмутим, словно кавказец говорил самые банальные вещи. Словно кавказец действительно всего лишь хвалил кафе перед заезжими гостями: тут кухня, тут сортир... Выдержки олигарху было не занимать, и не с такими наездами сталкивался, должно быть. Вот только маленький, но гордый Тенгиз о том не имел ни малейшего представления.

Что ж, искреннее браво, олигарх...

– Это правильно, Сергей Александрович, – не очень уверенно сказал кавказец: реакция олигарха оказалась совсем не такой, какую он ожидал.

– В самом деле, Тенгиз, – сказал Ольшанский. – В конце концов, твое желание получить много-много денег на халяву вполне понятно...

Он согласно покивал доводам Тенгиза, потом, к немалому и плохо скрываемому удивлению хозяина кабака, подцепил вилкой немного салата, тщательно прожевал, прислушиваясь к вкусовым ощущениям. И вполне дружелюбно сказал:

– У тебя вкусный шашлык, Тенгиз, спасибо. Но немного недожаренный. Сыроватый малость. Готовить надо *тщательнее*. Ведь если начнут лупить из ав-

томатов или, не дай бог, из гранатомета, так ведь и тебя положат, дорогой ты мой... А тебе это надо?

Вот так.

Ай, молодца олигарх. Чувствует человека так, что любой штатовский психоаналитик, прознай он про такого самородка из сибирской глуши, немедля сиганул бы со своего сорокового этажа на мостовую. От зависти. Правильно Ольшанский все это сказал, ровно и наплевательски. Что Тенгиза из колеи и выбило. Русские должны были испугаться. Русские должны были хотя бы вступить в переговоры, поторговаться, попросить отсрочки, в конце концов – начать ругаться и наезжать... А русские оставались совершенно равнодушны к доводам. Тенгиз пару секунд сидел с приоткрытым ртом, а когда вознамерился что-то возразить, в дело, повинувшись некоему внутреннему толчку, вступил до сих пор молчавший Сварог

– Так ведь нету никакого гранатомета, мессир, – почтительно сообщил он Ольшанскому. Потом отломил кусочек лаваша и закинул в рот. – И снайпера на крыше отродясь не было... Автоматы есть, спорить не буду, три штуки в машине. А вот все остальное – блеф наипростейший. Тут наш южный друг попросту соврал. – Он посмотрел в глаза Тенгизу добивая того: – Так что – поздравляю вас, гражданин соврамши. Южный друг буркнул:

– Эй, откуда знаешь?.. – и прикусил язык.

– Ну!.. – укоризненно воздел руки Ольшанский, мигом подхватывая игру и не давая кавказцу слова сказать. (То есть это он так думал, что игру – Сварог ведь говорил чистую правду, но олигарх-то того не знал! И Сварог опять мысленно поаплодировал буржую: грамотно тот подхватил, вовремя и в тон, и даже тени сомнения в его словах не проскользнуло.) – А ты говорил, дорогой, что, мол, честное коммерческое предложение, мамой клялся, прибыль обещал... Что ж ты обманываешь, а, Тенгиз? Где гранатомет, а? Где снайперка? Нет, где, я тебя спрашиваю?.. Молчишь... Врешь, значит... Нехорошо обманывать. И что ж нам теперь с тобой делать?

Лицо Тенгиза серело на глазах. Лицо Тенгиза на глазах теряло уверенность и значимость.

А тут еще добавила и Лана. Совершенно трезвая Лана. Мгновенно придя в себя и тоже *включившись*, она томным голосом изнеженной дамы из высшего света изрекла:

– Да голову ему оторвать, и все дела...

А Сварог тем временем, специально для кавказца, *родил* из воздуха сигарету и прикурил ее, как обычно. От пальца.

В общем, хэппенинг на тему бессмертного произведения оказался разыгранным как по нотам.

Тенгиз был повержен и растоптан.

Потом Сварог спрашивал себя: как так получилось, что они, не сговариваясь, буквально несколькими фразами и одним не самым хитрым фокусом *сразили* кавказца? И ответа не находил. Как-то не воспринялась угроза Тенгиза всерьез, вот в чем дело. Просто очень уж не соответствовали его автомат-снайперские доводы окружающему благолепию – пустынная трасса, небольшой кабачок на обочине, вкусные шашлыки. И рассказу Ольшанского его доводы не соответствовали... Аркаим, Атлантида, конец света, предназначение – и вдруг гранатометы, «калаши» какие-то, СВД на крыше. Доводы эти

показались слишком уж примитивными.

Сварог, пуль не боявшийся, просто развлекался, кидая реплики, подвыпивший Ольшанский, надо понимать, развлекался, подсознательно уверенный в статусе неприкосновенности всеми почитаемого олигарха, а Лана подыгрывала им, уверенная в них обоих и в Ключнике...

В общем, закончилось все комедийно.

– Ты не прав, Тенгиз, – сказал Сварог. – И не мешай нам, пожалуйста, душевно тебя прошу. Потому что тогда я подниму ее еще выше, метров на двадцать... И отпущу.

– Кого поднимешь? – нахмурился окончательно сбитый с толку Тенгиз. Он уже понял, что зашел в гости совершенно не к тем людям, и теперь лихорадочно думал, как достойно выйти из положения.

– Да ее вон, – и Сварог показал пальцем.

Тенгиз повернулся... и издал что-то вроде хрюка. «Как бы его кондратий не хватил», – с беспокойством подумал Сварог.

Палец указывал на «Ниву», которая висела в воздухе, сантиметрах в двадцати над площадкой.

Зрелище, что и говорить, производило впечатление. Магическим манером лишенная веса, машина слегка покачивалась и медленно взмывала все выше. Тень от нее лежала на земле черным пятном.

– Э, не надо, опусти, слышишь?! – прошептал Тенгиз, не в силах оторвать взгляд от воспарившего авто. – Мамой клянусь, не буду стрелять!

Абреки в «Ниве», надо думать, поняли, что происходит что-то не то, открылась дверца, выглянул чернявенький юноша, посмотрел вниз, заверещал что-то по-своему и дверцу захлопнул. Машина закачалась еще сильнее. Ну чисто «Бриллиантовая рука»: «Спокойно, сядем усе!»

«Нива» тем временем уже взяла планку в полметра.

– Мамой клянусь! – уже громче повторил Тенгиз. – Не надо! И деньги не надо!..

Сварог плавно, то снимая заклинание и давая автомобилю немного простесть, то снова задействуя магию, опустил несчастный драндулет.

– А теперь вон отсюда, – бесстрастно приказал Ольшанский.

Никогда еще Сварог не видел такой прыти. Вот Тенгиз сидит за столом, а вот он уже в машине, и «Нива», ревя, с проворотом покрышек, рвет с места и исчезает на трассе.

Глава вторая Исповедь олигарха

– Ну не идиоты, а? – брезгливо спросил Ольшанский, ни к кому конкретно не обращаясь, когда посрамленные горцы ретировались. – С голой пяткой против сабли, как говорилось в одном старинном анекдоте... – Он внимательно посмотрел на Сварога: – А вы, оказывается, много чего умеете, мон колонель. Кто же вы такой...

– Позже, – сказал Сварог. – А вы, кажется, не очень-то удивлены моими... способностями?

– Потому что я знаю, кто вы, – быстро ответил олигарх. – Вы из тех, кто спит в монастыре, – задумчиво и очень понятно сказал Ольшанский. И добавил еще более понятно: – А теперь вы проснулись. Это еще один Знак. Значит, и в самом деле грядет Шамбалинская война...

– Рассказывайте сначала вы, – с каменным лицом предложил Сварог, абсолютно ничего не понимая.

Ключник опять переместился ему за спину. Кажется, этот человек вообще ничему не удивлялся.

– Вы обещали по порядку, – и Сварог съел еще кусочек шашлыка.

– Да, – думая о чем-то другом, протянул Ольшанский, – по порядку...

Лана смотрела на Сварога молча, с непонятым выражением на лице – то ли изучала, то ли любовалась. И в ее голове явно шла напряженная мыслительная работа.

– Знаете что, а поехали-ка отсюда, – начал вставать олиграх. – Что-то мне тут разонравилось. Расскажу по дороге.

Когда джипы снова выехали на трассу Ольшанский долго молчал. Потом заговорил снова:

– Ладно, продолжаю. На чем я остановился? На книге. «Дорога в Атлантиду». Понятно, почему та книга так подействовала на мальчика. Загадки древних веков, экспедиции в неизведанные земли, исчезнувшие цивилизации – все это здорово будоражило воображение. А еще треть страниц, учтите, из книги была вырвана. И мне тогда казалось, что как раз на этих вот страницах писателем и раскрывалась самая страшная, самая роковая тайна мира. Например, там могла быть карта пути в Шамбалу, сиречь Атлантиду, с нанесенными на нее красными крестиками, коими указаны клады, а зловещими черными крестами отмечены ловушки и западни...

Книгу ту Ольшанский перечитал несчетное количество раз. Практически заучил наизусть. Тогда-то он раз и навсегда поверил, что Атлантида (она же Шамбала, Аркаим или Беловодское царство) на самом деле существует и он рано или поздно найдет ее, чего бы это ему ни стоило. Отправиться на поиски он, понятное дело, готов был немедленно. И скажи ему кто тогда – мол, твоя Атлантида, или твой Аркаим, находится там-то и там-то, «точно-точно, зуб даю и землю ем», сбежал бы Ольшанский из дома и на товарняках, на попутках рванул бы хоть через всю страну. К счастью для Сережи Ольшанского, никто его ни в какие путешествия не отправлял. Да и вообще некому было даже просто поддержать с ним разговоры про Атлантиду...

В те глубоко советские времена об Атлантиде, как о явлении насквозь антинаучном и идеологически сомнительном, писали мало. В общедоступных изданиях так вообще почти ничего. Ну, разве что в журнале «Наука и жизнь» могла появиться статья какого-нибудь возвращенного на дрожжах марксизма-ленинизма доцента, где бы он изобличал спекуляции западной печати на почве любви простого народа к загадочному и необъяснимому с целью отвлечь трудящихся от классовой борьбы и в качестве примера мог привести лженаучные, мелкобуржуазные измышления об Атлантиде. Поэтому попытки Сережи Ольшанского расширить и углубить свои знания про Атлантиду мало к чему приводили, хотя он старательно обследовал районные и городские библиотеки, книжные магазины и книжные полки в домах друзей и знакомых. Конечно, живи он не в Шантарске, а в Москве или Ленинграде, улов наверняка был бы побогаче. А так... В общем, страсть оставалась неудовлетворенной.

– Та книга, наверное, у вас сейчас с собой? – Сварог указал за спину, в сторону багажника.

– Вы чертовски догадливы, мой друг, – потер лицо Ольшанский. – Конечно,

была бы с собой. Если б... В общем, довелось мне потоптать места не столь отдаленные в самом прямом смысле этого слова. В точном соответствии со строчками классика: меня однажды «повезли из Сибири в Сибирь». А первая жена, с-сука, когда мне впаяли десятку, быстренько оформила развод и выкинула все мои вещи на помойку – дескать, нет у меня ничего общего с этим зеком. Сие случилось незадолго до начала перестройки, меня замели во время прокатившейся по стране кампании борьбы с «цеховиками». Правда, до миллионера я тогда еще не дорос, только начал разворачиваться, подбили, можно сказать, на взлете... А знаете, чем занимался? Организовал подпольный цех по производству цветастых полиэтиленовых пакетов, которыми государство по неведомой мне причине не могло обеспечить своих граждан в надлежащих количествах. Дефицит был огромный, люди переплачивали за копеечный кусок полиэтилена раз эдак в сто больше его себестоимости. Нынешняя наркомафия по сравнению с той доходностью, как сейчас говорят, курит в сторонке. Между прочим, на пакетах, по моему, разумеется, научению, откатывали иностранными буквами надпись «Arkaim». В тот момент мне это показалось забавным. Кто знает, уж не за эту ли свою легкомысленность я расплатился пятью годами свободы, если учесть, что все в этой жизни взаимосвязано, одно тянет за собой другое, а?..

– Минутку, – сказал Сварог. – Почему пятью? Вас же к десяти приговорили.

– Внимательный, смотрю! – Ольшанский притворно погрозил пальцем Сварогу. – Да нет, все просто. По амнистии вышел. С началом перестройки тех, кто чалился по хозяйственным статьям, стали понемногу выпускать. Типа чтобы было кому поднимать кооперативное движение. Помните, что такое кооперативы?

– Помню, – угрюмо сказал Сварог. – Боевая, погляжу, у вас биография.

– А то, – довольно кивнул Ольшанский. – Помотало и пошвыряло по бурным водам человеческой жизни... Даже в столицу успел съездить, счастья поискать. И вернуться оттуда успел, потому как понял, что на периферии спокойнее – конкуренции меньше, органы особо не зверствуют, а шансов развернуться для делового и умного человека никак не меньше. За всеми этими коловращениями Атлантида как-то сама собой отступила даже не на второй, а на самый далекий-предалекий план. Я бы в конце концов забыл о своей детской мечте отыскать Атлантиду, как говорится, естественным образом. Так оно обычно и бывает с детскими мечтами и увлечениями. Но... – Ольшанский опять поднял палец, – мне не давали забыть об Атлантиде. Кто не давал? Или – что не давало? Самое смешное, я не найду, что ответить... Знаете, кто-то умный сказал: неизвестно, где заканчивается случай и начинается судьба. А я бы в ответ возразил: иногда это становится совершенно очевидным. Тому пониманию способствуют Знаки, подаваемые Судьбой или теми силами, что кроются за этим словом... Мы в состоянии разглядеть эти Знаки, тем более если они преследуют тебя на каждом шагу, как было со мной... Олигарх усмехнулся.

– Даже срочную меня определили служить знаете куда?

Сварог пожал плечами. Его малость утомила пьяная болтовня Ольшанского. Лана так вообще уже клевала носом... Ну да, ведь бессонная ночь.

– На Алтай, в Бухтарминскую долину! – объявил Ольшанский тоном Якубовича, орущего: «Приз в студию!!!». – Туда, где некогда жили раскольники, ха-

живавшие за Беловодьем. Да-да, именно так! Совпадение, скажете? Нуда, сперва я тоже так считал. Да только слишком много в моей жизни было таких совпадений. На каждом шагу о совпадения спотыкался.

В семьдесят девятом поехал я на заработки в Бурятию. С бригадой шабашников строили в одном колхозе-миллионере дом культуры, помогали государству осваивать капвложения. И между прочим, мы отхватили эту работенку у чеченских шабашников, увели прямо из-под носа. Тогда по стране раскатывало много чеченских стройбригад – при советской власти не очень хорошо получалось зарабатывать воровством скота и похищениями людей, приходилось осваивать мирные профессии. Правды ради следует признать, что строили чеченцы качественно. Однако меньше чеченами от этого они не становились, то бишь мстительность и злоба никуда не девались... В общем, впоследствии это обстоятельство ударит по нам из всех орудий, но поначалу все было спокойно. Мы вкалывали себе в привычном для шабашников ритме, часов по двенадцать-четырнадцать в день, с одним выходным в неделю, приближая сладкий миг расчета... Вот. А поблизости, где-то в полусотне километров от нашего поселка, находился древний дацан. Буряты, как известно, исконно исповедуют буддизм, и буддийских храмов у них хватает. И этот храм при всей своей удаленности и труднодоступности™ был любим местным населением, туда постоянно ездили паломники. Все дело было в том, что в дацане хранилась некая буддийская реликвия под названием «намчувандан». Вот я и решил посмотреть, что это за «намчувандан» такой...

Смотреть ее Ольшанский поехал в одиночку, на рейсовом автобусе. Никого из бригады позвать с собой не вышло, мужики вообще не понимали, как можно вместо того, чтобы в кои-то веки отоспаться всласть, тащиться за тридевять верст глазеть на какую-то сельскую церкву. Наверняка, проводив его, ребята покрутили пальцем у виска.

Дацан и впрямь не поражал воображение размерами и архитектурными изысками. Небольшое квадратное здание с многоярусной крышей. Внутри храма золото-серебро сосульками с потолка, разумеется, не свисало. Простенько, скромно, даже бедно. В зале для молений, единственном помещении дацана, правый дальний угол был отгорожен ширмой. За этой ширмой и хранилась храмовая святыня.

О том, что за «намчувандан» такой, он узнал еще в автобусе, от попутчика-буряты, который тоже направлялся в дацан. Согласно легенде, храм обязан своим появлением пришедшему из Халхи, то бишь из Монголии, махатме Кушо Дхонду «Махатма, напомним, обозначает „учитель“ и является высоким духовным званием, которого буддисту не так-то просто удостоиться».

Проходя по берегу пруда, Кушо Дхонду увидел белый лотос и, восхитившись его красотой, сорвал и взял с собой. Вскоре сорванный цветок стал чахнуть, и махатма пожалел о своем поступке, пожалел о том, что уничтожил живое. И тогда он сказал лотосу: «Если бы я мог, я отдал бы тебе часть своей жизненной силы». Он бережно положил цветок на лежавшую в траве деревянную колоду. С ним были люди, они слышали его слова. И случилось чудо – цветок не завял. Проходили дни, недели, месяцы, махатма уже куда-то ушел своей дорогой, а цветок выглядел, как только что сорванный. Минувло столетие, и ничего цветку не сделалось. А там, где махатма оставил цветок, построили дацан. И неувядающий цветок лотоса, закончил свой рассказ попутчик в

автобусе, и есть та самая храмовая реликвия.

И вот настала очередь Ольшанского зайти за ширму – к реликвии запускали по одному. Заходит. Видит грубую деревянную колоду, возле нее сидит в позе лотоса священнослужитель в желтом облачении. А на колоде лежит цветок лотоса, который действительно выглядит как только что сорванный. «Хитрость невеликая, – подумал тогда Ольшанский, – каждый день посылай человечка к пруду за новым цветком – и неиссякаемый ручеек паломников обеспечен».

«Прикоснись к цветку», – говорит священнослужитель. Ольшанский аккуратно так, пальчиком дотрагивается до лотоса. И вдруг чувствует... обжигающий удар. Некая огненная струя проносится по кроветокам, по позвоночнику, затылок сотрясает, как от удара кувалдой изнутри черепной коробки, в глазах вспыхивают круги. «Что с тобой?!» – закричал, вскочив со своего места, бурят в желтой одежде. Вот те, думает Ольшанский, и хваленая буддистская невозмутимость...

– Так же внезапно, как началось, так же вдруг меня и отпустило. Выдохнув и вытерев выступивший пот, объяснил я этому человеку, что со мной случилось. Он выслушал со всей внимательностью и серьезностью. «Такое здесь происходит впервые, – говорит он мне. – Это какой-то знак тебе. Запомни это и всмотришь в себя».

Возможно, я бы и не обратил серьезного внимания на его слова, но совсем скоро кое-что случилось, и это «кое-что» перевернуло всю мою жизнь.

Сломался рейсовый автобус, на котором я должен был уехать. Пришлось ждать следующего, то есть до утра. «Коли не явлюсь к началу рабочего дня, – подумал я тогда, – мужики сложат на меня все маты». Ну, вернулся где-то в полдень и узнал, что изба, в которой квартировала наша бригада, ночью сгорела. Вместе со всеми, кто был внутри. Впоследствии выяснилось, что подожгли те самые чечены, у которых мы перехватили подряд на Дом культуры, – они вынуждены были податься в соседнее село, совсем нищее, и подрядиться строить коровник...

Он замолчал надолго, а потом с нажимом глубоко верующего человека произнес:

– И тогда я понял: все не случайно! Случайностей вообще нет! Эта сила будет хранить меня и далее, если только я не сойду с пути – вот как объяснялся явленный мне Знак. А как по-другому объяснить? Правда, тогда я еще не вполне представлял, в чем заключается мой путь, в чем мое предназначение. Смутно понимал, что выстраивается некая линия, – Ольшанский провел рукой в воздухе, словно гладил по поверхности стола, – и на ней, как звезды в созвездии, горят слова: *Атлантида, Аркаим, Беловодье, Шамбала*. И я стою на этой линии... Но где, в какой точке? В чем мое предназначение? И вот интерес к теме снова вспыхнул во мне. А время тогда, напоминая, стояло советское, со всякой занимательной литературой было туго, Интернет еще не изобрели. Приходилось собирать по кусочкам, по лоскуточкам, по обрывочкам, там сям... кое-какими знаниями я обогатился, но все равно ответа на главный для себя вопрос не получил... Однако – не было бы счастья, да несчастье помогло. Ежели вы забыли, то напомню, что меня незадолго до перестройки отправили на баланду. Спасибо лично Тебе.

Ольшанский задрал голову к потолку салона автомобиля, обращаясь в этот

момент, надо думать, прямым к небу.

– Юрий Владимирович Андропов, развернувший бурную деятельность по отлову узбекских хлопковых баев, прогульщиков по кинотеатрам, а заодно и подпольных советских миллионеров в городах Сибири – вот кто меня посадил...

...Рассказ Ольшанского становился путанным и щедро приправленным многочисленными подробностями, к делу отношения не имеющими, однако Сварог слушал внимательно и не перебивал, поскольку, во-первых, вопрос касался Аркаима, а во-вторых... Во-вторых, Сварог сам полагал, что все его приключения и встречи далеко не случайны, что за всеми ними стоят некие силы. И не обязательно бесовские...

Короче, в лагере Ольшанский пережил клиническую смерть. История вышла преглупая. Стычка в бараке между двумя зековскими группировками, он полез растаскивать. Ну и, понятно, сам получил. Здоровенный амбал с одной извилиной в башке засадил кулачищем ему точнехонько в сердце, от ушиба моторчик-то и остановился. Потом одни говорили, что состояние, когда Ольшанский валялся, аки труп хладный, и не прощупывался пульс, и вообще никакие признаки жизни не угадывались, – длилось несколько секунд, другие говорили о нескольких минутах. Самому ему, по вполне понятным причинам, судить о том, сколько времени прошло, было бы затруднительно. Хотя он и не провалился в совершеннейшее, темное беспомыслие. Отнюдь...

Не было никакого туннеля, который обычно описывают люди, пережившие клиническую смерть. Ну, или они описывают колодец... что, по сути, тот же туннель. А видел Ольшанский облака. Вокруг были одни облака, эдакие нагромождения небесной ваты, и он падал сквозь них. Падение было быстрое, но постепенно замедлялось. Затем перешло в парение, будто летишь на дельтаплане.

Когда он выскочил из облаков, то, как из огня да в полымя, попал в густой туман, который, вопреки всем законам природы, поднимался высоко, едва не доставая края облаков. Но все же между этими слоями был просвет, и Ольшанский успел кое-что разглядеть там, на земле...

Помните, господин Сварог, был такой древний эстонский фильм «Отель „У погибшего альпиниста“»? Лана вряд ли его видела, возрастом не вышла да и на других картинах воспитывалась, а вы-то наверняка смотрели – в те годы любая фантастика на киноэкранах была гостем наиредчайшим, как наша, так и зарубежная. Даже такая дурь была редкостью. Вот и у него, у Ольшанского, было как в том фильме: высокогорье, заснеженные склоны, кругом, куда ни глянь, сплошные горы, снег, камни, безлюдье и – единственное жилище посередине всего этого снежно-горного безмолвия. Жилище это казалось занесенным сюда сошедшей с гор лавиной, занесенным ненадолго – до следующей лавины, которая смахнет его вниз.

Потом Ольшанский погрузился в густой беспросветный туман и ничего не видел до тех пор, пока ноги не коснулись земли. А почувствовав под ногами опору, осмотрелся и кое-что все же разглядел. Сквозь туман проступали очертания высокой каменной ограды и смутно – темных строений. К ним-то он и направился, сам мало понимая, зачем и почему. Впрочем, так обычно в снах и бывает...

...А туман стоял такой, что сделал бы честь любому Лондону... Еще книжка

такая есть. Кто ее написал? «Я тоже, господин Сварог, не помню». Там про то, как на весь белый свет напозаает непроглядный туман, а в тумане том водятся чудовища, одно другого монструознее и злее... Так вот: в этих его, Ольшанского, видениях если и обитали некие чудовища и крались сейчас в тумане, то самое время им было выпрыгивать и вцепляться острыми зубками, чтобы не опоздать совсем. Потому что он довольно быстро одолел расстояние до тех самых строений, уже подошел к высоким деревянным воротам, по краям обитым самокованными железными полосами, и в эти ворота принялся настойчиво стучать.

Сперва слышались протяжное шуршание, звяканье и стук, потом заскрипели воротные петли. Одна половина ворот отошла внутрь, и в проеме показался бритоголовый человек с раскосым азиатским лицом, одетый в желтый балахон, какой носят буддийские монахи и священнослужители. Он оглядел Ольшанского, на его лице не отразилось ровным счетом ничего, бровью не повел, ни единым мускулом не дрогнул. Потом что-то спросил на незнакомом языке – но Ольшанский его почему-то отлично понял! Монах спросил, нет ли еще кого-нибудь. Отставших, заблудившихся, – вот что сказал монах. А Ольшанский ни слова не произнес в ответ, ни по-русски, ни по-английски. Он просто пожал плечами. Бритоголовый (а не только волосы, но и брови у него были сбриты) не пытался более налаживать с ним диалог, а отступил, еще больше приоткрыв створку ворот, и жестом руки показал: мол, входи, путник.

Пройдя в ворота, Ольшанский оказался на просторном песчаном дворе. Дождь, пока бритоголовый человек сведет воротные створы и задвинет в скобы затворный брус, потом направился следом за фигурой в желтом балахоне. Ничего толком нельзя было разглядеть сквозь туман. Угадывались очертания каких-то строений...

Они шли через обширный двор, и под ногами похрустывал песок. В гробовой тишине (хотя и хотелось на всякий пожарный избегать такого рода сравнений) этот хруст звучал прямо-таки оглушительно, гранатным грохотом отдавался в ушах. И Ольшанский против воли старался ступать мягче. «Хоть бы брякнуло, грохнулось, звякнуло что-то... Например, плохо закрепленное ведро. Или каменюга какой с горы скатился. А то аж жуть продирает».

Сквозь клубы тумана он разглядел в глубине двора высокое, где-то в полтора человеческого роста, сооружение из камней, более всего напоминающее... пирамиду. Спрашивать у проводника: «Что это такое?» – он не стал. Опять же – по совершенно непонятной причине.

«Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана», – припомнился Ольшанскому детский стишок, когда из тумана им навстречу вдруг выплыл еще один бритоголовый азиат в желтых одеждах, прошел мимо, из тумана в туман, не то что ножика не вынул, но даже не взглянув в их сторону...

Неясные пятна и неотчетливые контуры приближающегося строения постепенно сложились в фундамент здания, крыльцо и лестницу, идущую вверх снаружи по стене здания по типу пожарной. Насколько велико здание, отсюда, снизу, понять было невозможно, лестница уходила в туман, как в облака, поэтому и дом, казалось, не имеет крыши и завершения. И вдруг все стало размываться и пропадать...

– Тогда я так и не узнал, куда привел меня бритоголовый, – сказал Ольшанский, глядя на дорогу. – Я узнал об этом много позже. А в это время соллагерни-

ки делали мне массаж сердца и искусственное дыхание и вернули меня к реальности. Вырвали меня из видения.

Ни тогда, ни после Ольшанский ни на секунду не усомнился, что это был еще один Знак. Ему указывали путь. Ему показывали место, которое он должен отыскать, а отыскав, что-то обязан там узнать для себя. И нашел он это место спустя одиннадцать лет.

Впрочем, гораздо раньше Ольшанский, так сказать, сузил район поисков и определил объект. Помогли явленные в видении подсказки. Пирамидальное сооружение в полтора человеческих роста высотой, как заверили его щедро оплачиваемые консультанты, было не чем иным, как Ступой. Ступа – это обязательная принадлежность буддистских монастырей, вертикальная модель мироздания и памятник Просветленному Уму Будды, ее начинают строить вместе с монастырем...

После этого не оставалось уже сомнений, что раскосые бритоголовые люди в желтых одеждах – монахи, ну а само место – не что иное, как затерянный в горах монастырь. Только где именно, в каких горах? Большинство из консультантов, с которыми советовался Ольшанский, приводя разные аргументы, все же сходились на том, что монастырь находится, скорее всего, в Тибете или Непале. Только там таких монастырей полным-полно, тут же добавляли ученые, а кроме того, не про все горные монастыри известно на равнине и в городах. И уж тем паче не во всякий монастырь приведут белого человека.

Зацепок было немного. И все же Ольшанский отыскал этот монастырь, который существовал и в реальности, а не только в видениях. И тут спасибо надо сказать уже не генсеку Андропову, а козлу вонючему, алюминиевому магнату Зубкову, пошедшему на олигарха войной...

– Город Старовск, – прочитала Лана название населенного пункта на придорожной табличке.

Глава третья Вдали от шума городского

Старовск они проскочили за считанные минуты, хоть и сбросили скорость до сорока км/ч, как того требовали суровые правила дорожного движения и почему-то обилие гаишников на дороге. Ольшанский несколько напрягся, но все обошлось, никто их не остановил. Большой протяженностью Старовск похвастать никак не мог, да и обогнули они его по окраине, не заезжая в центр. И вот перечеркнутая табличка «Старовск» осталась позади. Еще какое-то время вдоль дороги тянулись отчего-то не вошедшие в городскую черту обнесенные шаткими заборчиками частные дома с непременными огородами, но и они вскоре пропали за кормой джипа. Слева и справа стеной встала тайга, с каждым километром подступавшая к дороге все ближе.

– Не понял, – сказал Сварог, – мы же должны были что-то забрать в этом Старовске, кого-то захватить, а также отдохнуть, перекусить и насладиться видами этого чудного города. Или я что-то напутал?

– Увы, приходится быть чертовски осторожным, мои колонель, приходится натаптывать ложный след, в такие времена живем, никому нельзя верить, – с деланной скорбью произнес олигарх. – Чем меньше знают друзья, тем меньше знают враги. Что знают двое, то знает и свинья.

– Ну, ну, герр Мюллер, старый лис, – Сварог покачал головой. – А отчего-то я нисколько не удивлен, представьте.

– Ладно, на сей раз скажу вам истинную правду – ваши расчеты на отдых скоро оправдаются. Часика через два, это ведь скоро?

Ольшанский замолчал. Уточнить насчет отдыха, равно как и продолжать свой рассказ про тибетско-непальские монастыри, он не намеревался, видимо, отложив все это до того самого таинственного места, до которого осталось «часика два»...

Езда пошла насквозь унылая. Пейзаж за окнами не радовал большим разнообразием – деревья и сопки, изредка ручьи и речки. Сопки то подступали вплотную к дороге, то отпрыгивали подальше. Сварог ожидал, что асфальт вот-вот закончится. Ежели закончились обитаемые места, то кому нужен этот ваш асфальт, скажите на милость?

Так оно и вышло. Вскоре они уже катили по грунтовке, дорога становилась все уже, вот-вот и ветки начнут хлестать по стеклу...

На одной из развилок они свернули с грунтовки на еще более узкую и уж совсем, что невооруженным глазом видно, малопроезжую дорогу. С колдобинами не справлялись даже амортизаторы олигархических автомонстров, и пришлось им всем досыта попрыгать на автомобильных сиденьях.

– Блин, куда ты нас завез... – начала было Лана, но тут же утихла, едва не прикусив язык.

– Сейчас увидишь, – пообещал Ольшанский.

И действительно, неизвестность тянулась недолго. Лес расступился, и взорам открылся хуторок в лесу. Бревенчатый дом, дощатые сараи, ухоженный огород – все это обнесено высоким частым стамовником. Дорога упирается в ворота (довольно хилые, видимость, а не ворота). Дальше хутора дорога не ведет.

– Похоже на дом лесника, – сказал Сварог. – Именно так они обычно и выглядят

– Он и есть, – сказал Ольшанский. – Несколько лет здесь работает егерем мой человек. За лесом приглядывает надежно, у него не забалуешь, не забраконьерствуешь. Отсюда и до Аркаима рукой подать... ежели мерить по сибирским меркам, конечно. А за Аркаимом тоже тщательный пригляд нужен.

Машины остановились перед воротами. Из первого джипа выскочил шофер, размотал скрепляющую створки проволоку распахнул ворота.

Машины въехали на просторный двор, остановились у крыльца. Хлопнули дверцы, хлопцы привычно рассредоточились по двору, держа обстановку, ключник же застыл за спиной олигарха.

Хозяин, вопреки ожиданиям, появился не из дверей дома, а откуда-то из-за сараев. Был он в свитере, непромокаемых охотничьих штанах со множеством карманов, кирзовых сапогах. И с охотничьим карабином в руке. Сварог не сомневался, что, заслышав шум моторов, лесник выскочил из дома, может быть, выпрыгнул из окна, чтобы сперва со стороны поглядеть, кто пожаловал, и в зависимости от этого либо выйти с распростертыми объятьями, либо на партизанский манер уйти в тайгу. Значит, есть кого опасаться гражданину отшельнику...

– Осторожен ты, брат, как я погляжу, – такими словами встретил «своего лесника» Ольшанский.

Это был невысокий, худощавый азиат. Как полагается, раскосый и скуластый. К какой именно народности принадлежит хозяин лесного хутора, по ли-

цу Сварог определить не мог даже приблизительно. А помнится, когда-то его учили в этом разбираться, но поскольку навыки по-настоящему ни разу негодились, то учение забылось – голая теория, знаете ли, всегда плохо приживается. Да и возраст товарища лесника Сварог не взялся бы угадать. Равно может быть как тридцать, так и все пятьдесят. С этими восточными людьми ни в чем нельзя быть абсолютно уверенным.

– Будешь тут осторожным, – чуть усмехнулся лесник. – Недавно из Старовска приезжали поквитаться любители незаконного отстрела бедных диких животных. Серьезные люди, между прочим.

– Не начальник ли милиции Старовска? – спросил Ольшанский. – Который не единожды обещал навести в лесу порядок и по единственно справедливым таежным законам разобрататься с наглым лесником, который никак не может уяснить, кто в районе хозяин и кому все позволено?

– Он, – лесник улыбнулся загадочной восточной улыбкой. – Привез с собой еще две машины дружков.

– И вооружены все были, конечно, что твоя воздушно-десантная дивизия?

– А как же, – лесник мазнул по Сварогу своим загадочным восточным взглядом, и отчего-то Сварогу сделалось от этого взгляда не по себе. Но детектор опасности молчал в тряпочку. – На одни погоны и удостоверения решили не полагаться.

– Сколько уцелело? – деловито спросил Ольшанский.

– Двое рядовых ментов, которые вовремя сообразили, как надо правильно себя вести. Они же и... подчистили все следы.

– Ты их отпустил? Думаешь, они никому не расскажут?

– Расскажут. Но представят дело так: начальник лично возглавил погоню за опасными преступниками и погиб на боевом посту вместе со своими героическими сподвижниками. И я тебя уверяю, этим ментам и в голову не придет рассказать правду хоть кому-то, пусть и под строжайшим секретом. Даже женам и надежнейшим из друзей.

Произнесено это было без всякой патетики, можно сказать, небрежно, но было в словах и взгляде лесника нечто такое, отчего Сварог преисполнился уверенности: все так и есть, эти чудом выжившие менты и под пытками не признаются, что же на самом деле произошло в тайге.

Так вот почему столько гибэдэдэшников на трассе: по случаю геройской гибели начальника Старовского ГУВД от лап злобных рецидивистов наверняка объявлен какой-нибудь там «Перехват» или «Невод»...

– Так кого ж ты еще боишься, сокол мой? – спросил Ольшанский, закуривая. – Разве остались еще какие-то враги?

– Сюда нет-нет, а наезжают еще и из других городов, и из других районов. Приходится вразумлять. А кто-то мог затаить на меня злобу.

– Жаль лишать тайгу такого защитника, – с притворной печалью вздохнул Ольшанский. – Но придется. Тебя как представить моему новому знакомому – твоим настоящим именем или тем, которое у тебя в последнем паспорте?

– А что... – голос лесника как-то странно изменился. – Пришло время... называть имена?

– Пришло, – кивнув, со всей серьезностью сказал Ольшанский. – Пришло *это* время.

И тут с лесником стали происходить вещи престранные и поразительные.

Сварогу крайне редко приходилось видеть, чтобы люди бледнели так молниеносно и качественно. Как стена. Как мел. Лицо азиата враз утратило пресловутую азиатскую непроницаемость. Какое там «утратило»! На его лице явственно проступила полнейшая растерянность. Он прямо-таки *задрожал* лицом, глаза округлились, а взгляд заметался – с Ольшанского на Сварога и обратно. На миг Сварогу показалось, что сейчас лесник непременно вытянет дрожащий палец в его сторону или в сторону олигарха, сопровождая жест каким-нибудь протяжным нечленораздельным мычанием. Но нет. Лесник все же справился с собой, хотя, похоже, это стоило ему немалых усилий. Помогло, не иначе, врожденное азиатское умение управлять своими эмоциями. Он опустил глаза в землю и произнес довольно ровным голосом:

– Тогда называй меня *моим* именем.

– Позвольте представить, – повернувшись к Сварогу, с некоторой торжественностью произнес Ольшанский, – мой верный... компаньон Донирчеммо Томба. А это господин Сварог, который прибыл из Африки вместо профессора Беркли, но так пока и не рассказал, что же стало с профессором. Так ты будешь держать нас во дворе или пригласишь в дом?

– Да, конечно. Проходите.

Лесник первым взбежал по лестнице крыльца, распахнул дверь, заглянул внутрь дома, сразу за порогом поднял руку и что-то привычно нащупал у стены. Оказалось – коробок.

Чиркнув спичкой, Томба зажег свечу вставленную в стеклянный фонарь. Светильник сей, надо признать, немного высветил, разве что дал понять: они находятся в коридоре.

– Забыл предупредить, – наклонившись к Сварогу, отчего-то шепотом проговорил Ольшанский. – Донирчеммо Томба не жалуется электричество. Живет при лучине.

– Однако в сарае стоит дизельюшка, и запас топлива имеется, – услышав его слова, сказал лесник. – Ради вас могу запустить.

– Не надо, – отмахнулся Ольшанский. – Может, попозже, когда совсем стемнеет.

– А разве мы здесь заночуем? – спросила Лана.

– По тайге ночью много не наездишь, – сказал олигарх. – Отправимся завтра с рассветом, к десяти будем на месте. В самый раз прибудем.

Без всяких указаний со стороны начальника вся охрана Ольшанского, и Ключник в том числе, осталась внизу.

Повесив светильник на крюк возле двери, лесник жестом пригласил гостей за собой. Через сени Томба провел их в просторную гостиную, тут же стал обходить комнату, зажигая висящие в углах свечные фонари.

Обстановка здесь была воистину аскетическая: циновки на полу, около полудюжины деревянных колодок с набитыми поверху кусками войлока (то ли крохотные табуретки, то ли подголовники, задуманные как замена подушкам). А добрую половину комнаты занимал стол на коротких, сантиметров двадцать, ножках. Стульев, пусть и таких же мелких, к нему не прилагалось. Вот и вся обстановка, не считая стен, потолка и фонарей. Сразу приходили на ум такие выражения, как примат духовного над материальным, отказ даже от мало-мальских плотских радостей во имя укрепления силы духа, во имя самосовершенствования и еще более глубокого проникновения в Истинное Зна-

ние... Монастырем попахивает, короче говоря. Вернее, монастырскими привычками.

Случайно ли?

– М-да, не зашикуешь, – тихо проговорила Лана, ни к кому конкретно не обращаясь. – А вокруг безлюдная тайга, точно такая же, как и тысячи тысяч лет назад... Бог мой, даже как-то не верится, что где-то есть компьютеры, Интернет, стереосистемы и реклама. А также биржевые котировки и идиотское шоу Малахова. Не верится, что где-то в офисах люди готовы душу дьяволу продать за повышение из младших клерков в полусредние. И начинаешь думать: а так уж ли важно и необходимо все вышеперечисленное? – она печально вздохнула. – Видишь, Ольшанский, что делает тайга даже с насквозь практичными женщинами...

– Возвращает к истокам, – хмыкнул олигарх. – А может, ты просто завидуешь, а? Потому что закрадывается мыслишка: а вдруг живущие тут счастливее всех нас, так называемых цивилизованных людей?

– А на мой взгляд, философствовать гораздо сподручнее на сытый желудок, – вставил и Сварог свое слово. – Пора бы уж и подкрепиться.

– Эт-то верно, – согласился Ольшанский. – Донирчеммо, сходи потом к машинам. Там у ребят в багажниках кое-что прихвачено с собой...

После чего олигарх опустил на циновки, сел, сноровисто подогнув под себя ноги, и жестом призвал Сварога и Лану последовать его примеру.

– А... – открыла было рот Лана.

– А стульев в этом доме нету, ни одного, – предвосхитил ее вопрос Ольшанский.

– Ну и завез ты меня, – пробурчала Лана и попыталась примоститься на обитых войлоком деревянных колодках, но у нее ничего не получалось, она плюнула и, сев на циновки, заплела ноги каким-то замысловатым способом, едва не морским узлом, продемонстрировав недюжинную гибкость в членах. Ну а Сварог, не мудрствуя, без должной грациозности и без акробатических изысков уселся на пол по-турецки.

– Очень романтическая обстановка, не находишь, прелесть моя бывшая? – с явной подначкой обратился к Лане олигарх.

– Да пошел ты в жопу со своей романтикой, – огрызнулась та.

Обещанной трапезы ждать пришлось не дольше получаса. Беседа за столом как-то не клеилась все это время, они вяло, без всякого энтузиазма обменивались короткими репликами. Вялость, наверное, была от усталости, в общем-то, напрашивалась какая-то встряска. Может, сытный ужин встряхнет?

Наконец лесник с невыговариваемым именем накрыл стол. На молочного цвета скатерть поставил четыре вместительные глиняные миски с чем-то белесо-коричневым и яростно дымящимся, медное блюдо с лепешками, плоску с чищенными лесными орехами и плоску с плавающим в коричневом соусе яством, похожим на грудку миниатюрных голубцов. На подносе пускал пары из носика медный чайник, окруженный, как генерал адъютантами, мелкими, на один глоток, чашками. Отдельный угол стола был выделен под яства из багажников машин: копченую колбасу, сыр, ветчину, какие-то жестянки и прочие баночки. А кроме того, из тех же багажников на стол попало три бутылки – водка, коньяк, вино.

Назначение блюда с водой, принесенного лесником в последнюю очередь и

водруженного в центр стола, Сварог угадал правильно – омовение. Пример показал Донирчеммо Томба, первым окунув пальцы в чуть теплую, дурманно пахнущую травами воду, после чего несколько раз сильно встряхнул кистями рук. «Сомнительная гигиена, – подумал Сварог, дождавшись своей очереди макнуть конечности. – Надо быть железно уверенном в чистоте рук того, с кем садишься за стол... Ну оно, правда, лучше, чем вовсе никакой гигиены».

– Не знаю, кто как, а я предпочитаю стряпню Донирчеммо Томба, – заявил Ольшанский, вытирая руки льняной салфеткой. И свои слова он подтвердил тем, что вооружился палочками для еды и поднял со стола дымящуюся глиняную миску.

Донирчеммо Томба, закончив все хлопоты, привычно опустился на пол, ловко подвернул ноги. Он, разумеется, тоже предпочел свою стряпню. Да и Сварог, подумав, последовал его примеру.

Вопреки ожиданиям, еда оказалась вполне даже ничего. Правда, ни кусочка мясного на столе и в мисках не отыскалось. В мисках обнаружилась лапша в большом количестве, вареные овощи, крошеные сырые овощи, изюм и какие-то вареные корешки, по вкусу отдаленно напоминающие курятину. Все это было залито неким коричневым отваром и обильно приправлено специями, напрочь изничтожающими изначальный вкус блюда, но создающими новый и, следует признать, недурственный вкус. И никакого, заметьте, яда не подсыпали в угощение – что весьма радовало и обнадеживало.

Некоторое время все молча насыщались. Правда, Лана предпочла продукты, привезенные с собой. Она попробовала лепешки «от Донирчеммо Томба», у которых был медовый привкус, скривилась и перешла на более привычную еду.

Молчание нарушил Ольшанский. Он налил только себе (другие отказались) коньячку, пригубил его, сказал, обращаясь к Сварогу и Лане:

– Пари держу, вы сейчас гадаете, мучаетесь вопросом: а кто таков этот наш хозяин и что за неслыханное у него имя – Донирчеммо Томба? А имя самое что ни на есть тибетское, скажу я вам, хотя... Ну впрочем, надо по порядку...

Он выпил коньяк. Странно, но Ольшанский обвально, лавинообразно трезвел прямо на глазах.

– Итак, мы с алюминиевым Зубковым не сошлись во мнениях по некоторым деловым вопросам. И умные люди мне сказали: «Беги, ежели хочешь еще немножко пожить. И желательно как можно дальше. Пересиди где-нибудь, пока закончится передел». Я внял мудрым советам. Потому как и сам премного был наслышан о господине Зубкове. А ломать голову над тем, где отсидеться, не пришлось. Наконец-то у меня появилось свободное время выбратсья в Тибет и в Непал и заняться поисками монастыря из своего видения.

Начал Ольшанский с Тибета. Горных монастырей в тех краях действительно оказалось преогромное множество. Чтобы просто обойти их все, потребовался бы не один год. Ну даже не в этом была главная проблема, а в нем самом. Кто он такой для тибетцев? Белый турист. Или лучше сказать, белый дурачок с деньгами, которого надо на эти деньги развести. Оказалось, эти проклятые ламы великолепно насобачились вешать лапшу на уши и знают, что надо петь туристу. Они довольно много выдоили из Ольшанского, глубокомысленно вещая о тайнах бытия, о «третьем глазе», о прочей ерунде. Так бы и дурили дальше, облегчая кошелек, ежели б однажды к Ольшанскому не при-

шел... вот он.

Олигарх кивнул в сторону Донирчеммо Томба.

– До него дошел слух, что какой-то русский пристаёт ко всем с расспросами о горных монастырях и ему нужно всенепременно отыскать какой-то определенный монастырь. «Уж не тот ли самый монастырь ему нужен?» – так подумал вот этот азиатский человек, потому и пришел ко мне... А теперь продолжай ты.

Лесник-азиат поставил на стол недопитую чашку чая и едва заметно поклонился.

– Вы ничего не слышали о Джа-ламе? – спросил он, посмотрев по очереди на Лану и Сварога, и ответом ему было пожатие плечами и разведенные в стороны руки. – Джалама, «святой-разбойник». Знаменитый был человек. Между прочим, по происхождению астраханский калмык. У него был собственный город-крепость на границе китайских провинций Синь-Цзян и Цин-хай. Джа-лама грабил караваны, проходящие поблизости от его владений. Это происходило в конце первой четверти двадцатого века...

– Это легенда? – перебила Лана. Ее вопрос бесспорно был порожден былинным тоном повествования и... вызвал странную реакцию у лесника и олигарха. Оба одновременно засмеялись.

– Нет, это был, барышня, – сказал Донирчеммо Томба. – Самая что ни на есть. Думаю, еще можно отыскать людей, воочию видевших Джа-ламу. Им, конечно, лет под сто, но в горах хватает долгожителей. А главное доказательство того, что Джа-лама никакая не легендарная выдумка...

– ...будет явлено чуть позже, – перебил Ольшанский. – Иначе это нас отвлечет.

– Хорошо, – опять чуть заметно поклонился лесник. – Тот случай, о котором я вам расскажу, произошел в девятьсот двадцать третьем году. Джа-лама напал на монастырь Намчувандан. В иные годы он ни за что не осмелился бы на такую дерзкую выходку, побоялся бы гнева Далай-ламы...

– Подождите, подождите, – сказал Сварог. – Название монастыря... Где-то я его уже слышал. Причем совсем недавно...

– Совершенно верно, именно недавно, – хитро подмигнул ему Ольшанский. – Я же вам говорил, что нет в этом мире случайностей и все взаимосвязано. Так называлась храмовая реликвия, хранившаяся в бурятском дацане. Цветок лотоса. Теперь вы понимаете, что, услышав от пришедшего ко мне незнакомца название монастыря, я враз переменяю к нему отношение – сначала-то я был уверен, что он явился морочить мне голову и деньжат срубить. Кстати, с тибетского слово «намчувандан» переводится как «десять сил».

– Так я продолжу, – дождался своей очереди лесник. – В иные годы Джа-лама ни за что не осмелился бы на такую дерзкую выходку, побоялся бы гнева Далай-ламы. В то время Тибетом правил Далай-лама Тринадцатый...

Далай-лама управлял страной с середины девяностых годов девятнадцатого века и до своей кончины в тридцать третьем году века двадцатого. Его считают человеком, открывшим Тибет для остального мира, хотя точнее будет выразиться «вынужденно приоткрывшим». Далай-лама во внешней политике придерживался, как сейчас говорят, системы сдержек и противовесов. В те годы, о которых вел речь Томба, для Тибета все складывалось очень непросто. Натянутые отношения с Пекином, постоянная готовность войны с Китаем... А

тут еще в результате Синьхайской революции на свет появляется Южный Китай и его чрезвычайный президент, основатель партии гоминьдан Сунь Ятсен тоже заявляет о своих притязаниях на Тибет. Вдобавок «красные русские», как в Тибете называли большевиков, заняли Монголию, приблизились к границам Тибета, разом превратившись из угрозы далекой и мифической во вполне реальную и близкую. И тут же, разумеется, активизировались англичане, в том веке главные противники русских на Востоке. Англичан никак не устраивало, чтобы «красные русские» вошли в Тибет и превратили его в плацдарм для дальнейшего проникновения на Восток и, в первую очередь, в Индию. Так англичане стали еще и переворот готовить...

– Простим Донирчеммо его многословие, – усмехнулся Ольшанский, цедя коньяк. – Для него все это крайне важно, и вскоре вы поймете почему. А как потом выяснится, и для нас это не менее важно. Продолжай, Донирчеммо.

Итак, англичане вступают в тайные переговоры с Панчен-ламой, вторым по значимости духовным лидером буддистов: Панчен-лама должен занять место Далай-ламы. Англичанам вести тайные сношения очень удобно – Панчен-лама живет в монастыре Ташил-хумпо в Южном Тибете, его владения лежат на границе Тибета с Индией, главной английской колонии на Востоке. Так же удобно будет англичанам в случае чего ввести из Индии в «Снежную страну» экспедиционный корпус. Заручившись поддержкой англичан, Панчен-лама начинает объединять вокруг себя недовольных нынешним Далай-ламой.

А при дворе самого Далай-ламы тоже все не слава богу. Ссорятся две могущественные партии: консервативная партия высшего духовенства (партия лам) и сторонники преобразований (англофилы во главе с министром обороны Царонгом). Ко всему прочему, некая часть вельмож вынашивает замыслы создания так называемого Великого Тибета с присоединением соседних китайских провинций и за спиной Далай-ламы ведет поиски сильного союзника за пределами страны.

Неспокойно и в монастырях. Крупнейший и влиятельнейший монастырь Дрепунг в открытую недоволен политикой Лхасы, в окраинных монастырях волнения, было даже самое настоящее восстание монахов, придерживающихся прокитайской ориентации.

– Я вам рассказываю обо всем этом так подробно, – размеренно говорил Томба, прикрыв веки, – чтобы вы поняли, почему разбойник Джа-лама решил на столь беспрецедентный для буддиста... нет, это слишком мягкое определение... на столь кощунственный поступок, как нападение на монастырь. Впрочем, слово «поступок» неверное, верное – преступление. Он пошел на это *преступление*, прекрасно понимая, что сейчас властям Тибета не до какого-то разбойника и все ему преспокойно сойдет с рук... Однако достаточно представить себе карту Тибета, как сразу возникает вопрос: почему для нападения Джа-лама выбрал далеко не самый близкий к его владениям монастырь? И это еще мягко сказано, не самый близкий!

Разное говорят. Кто-то считает, что Джа-лама якобы прослышал о несметных сокровищах, хранящихся в монастыре. Например – о некоем артефакте, способном одарить владельца силой древних героев... Но большинство людей объясняло все гораздо проще: Джа-лама оказался в этих краях, преследуя богатый караван, а когда по каким-то причинам караван упустил, то выместил

злость нападением на монастырь, оказавшийся на свою беду ближе прочих. К тому же как главарь он не мог допустить, чтобы рядовые члены шайки разубедились в удачливости своего предводителя... Правда, все почему-то упускают из виду одно маленькое, но очень важное обстоятельство. Часть прозвища разбойника переводится как «святой». А это означает, он подавал себя людям как истинно верующий, примерный буддист. Преследования властей он не боялся, но ведь непременно пошла бы молва о том, как он грабит монастыри. Эта молва могла переменить к нему отношение... даже отворотить от него людей. Нет, чтобы просто выместить злость и успокоить своих башибузуков, «святой-разбойник» скорее предпочел бы напасть на какую-нибудь деревню или даже вернуться ни с чем...

– Я тебе всегда говорил, что это никакой не аргумент, – перебил лесника Ольшанский. – Знал я преступников, которые прикидывались верующими похлеще этого Джа-ламы, что не мешало им проделывать штуки, перед которыми грабеж монастыря – всего лишь веселая детская проказа вроде игры в куличики... – Он повернулся к Сварогу: – Но вообще-то, мне сразу понравилась идея насчет артефакта. А вдруг, подумал я, артефакт существует на самом деле и вдобавок до сих пор находится в монастыре? А вот золоту, сразу сказал я тогда себе и Донирчеммо, в заштатном монастыре взяться неоткуда, это все выдумки.

– Я позволю себе продолжить и рассказать, чем все закончилось, – как ни в чем не бывало сказал Донирчеммо Томба. – Джа-лама привел примерно около сотни своих людей к монастырю. Оружия у него было вдоволь – в придачу к прочим своим подвигам Джа-лама довольно активно приторговывал оружием: ведь его город-крепость находился возле самой границы... Известно, что его люди были вооружены британскими винтовками «Ли Энфилд», что у них с собой было по меньшей мере два пулемета и динамитные палочки в немалом количестве. В монастыре же, разумеется, никакого оружия не было, ибо это табу.

В общем, монастырь был почти разрушен, однако, как ни странно, Джа-лама тоже не победил. Он потерял почти всех своих людей и убрался ни с чем. А вот из монахов в живых остался лишь настоятель хамбо-лама Догпа Кхенчунг и один из послушников – хувараков... О деталях происшедшего мало что известно. Сохранились две легендарные версии событий. Согласно первой, монахи, отступая, заманили разбойников в монастырский дацан, с помощью неких механизмов обрушили здание, похоронив и нападавших, и себя под обломками. А вот вторая легенда гласит, что монахи владели тайным знанием, позволявшим им без оружия противостоять ораве вооруженных до зубов бандитов...

– А в легендах хотя бы намекают на то, что это было за тайное оружие? – заинтересовалась Лана.

– Нет, ничего, – покачал головой Донирчеммо Томба. – Но мы впоследствии учитывали то обстоятельство, что тайное оружие могло сохраниться и по сей день. Раз настоятель остался в живых, он должен был передать знание ученикам, а те – своим ученикам.

– Надо так понимать, что вы оба направились в тот монастырь? – спросил Сварог, задумчиво крутя в руке стакан с вином.

– Ага, – кивнул Ольшанский, доливая в рюмку остатки коньяка. – Я уже по-

что не сомневался, что монастырь Намчувандан – тот самый, который утопал в тумане в моем видении во время клинической смерти. Слишком много совпадений для простой случайности. И, кстати говоря и забегая вперед – я оказался прав.

Он помолчал, вспоминая, а потом сказал:

– Мы были друг в друге заинтересованы. Донирчеммо знал, где находится монастырь, знал язык и местные обычаи, разбирался и в монашеских делах, потому как одно время и сам был монахом. А у меня были деньги, без которых в нашем предприятии никак не обойтись. Монастырь располагался очень высоко в горах. Чтобы добраться до него, нужно было организовать настоящую экспедицию: запастись провизией на неделю, купить – вы будете смеяться! – мулов, набрать подарков, чтобы было чем расположить к себе монахов, нанять проводника по горным тропам. Да и потом, ежели артефакт и в самом деле существует, кто сказал, что нас подпустят к нему бесплатно!

– Подождите, подождите... Зачем вам понадобился тот монастырь, я понимаю, – сказал Сварог. – Но зачем он понадобился уважаемому Донирчеммо?

– В том-то все и дело! – Ольшанский взмахнул рукой, едва не опрокинув тарелку. – Помните, я вам сказал, что Джа-лама – не выдумка былинных сказителей и тому имеется убедительнейшее доказательство? Это доказательство сидит перед вами. Донирчеммо Томба – внук того самого, знаменитого «святого-разбойника» Джа-ламы!

– Истинная правда, – кивнул лесник. – Разбойник Джа-лама – мой дед. После того как я узнал, чья кровь течет в моих жилах, во мне все перевернулось. Это было самым сильным потрясением в моей жизни. Меня охватила одна-единственная страсть – узнать о моем деде Джа-ламе как можно больше. Страсть была настолько сильной, что я даже испугался этой силы, она раздирала меня на части. Чтобы успокоиться и разобраться в себе, я несколько лет провел в монастыре в Монголии. Именно там я со всей отчетливостью осознал, что мне не уйти от этого проклятия – я должен пройти по следам своего деда Джа-ламы, только так я обрету самого себя. И если Джа-лама зачем-то рвался в монастырь Намчувандан, я тоже должен был побывать там и выяснить, что заставило моего деда напасть на обитель...

– Замечу, что Донирчеммо появился в Тибете одновременно со мной, – Ольшанский повернулся к Сварогу: – Еще одна случайность, скажете?

Сварог в ответ пожал плечами. И был в этом жесте совершенно искренен.

– Вы замечательно говорите по-русски, – Лана вскинула глаза на Донирчеммо Томба, – а как утверждает Ольшанский, и по-тибетски тоже. И имя у вас тибетское. А еще, насколько помню, были какие-то астраханские калмыки, из которых происходил ваш дед. Как все запутано, однако...

– Даже более запутано, чем вы себе представляете, – усмехнулся лесник. – Потому что еще были монголы, благодаря которым я и заговорил по-русски. Дело в том, что мой отец ушел из города-крепости Джа-ламы, забрав всю свою семью. Ушел еще при живом деде. Шаг с его стороны был отчаянный. С одной стороны, он предчувствовал, что век Джа-ламы заканчивается и вот-вот до «святого-разбойника» доберутся если не те, то эти. И тогда всему ближайшему окружению «горного Робин Гуда» придется несладко, а в первую голову достанется, конечно, детям разбойника. С другой стороны, вместо благополучной жизни в городе-крепости мой отец обрекал семью на скитания и неизвест-

ность... Он выбрал последнее.

Лесник на несколько секунд замолчал, глядя на догорающую в фонаре свечу. Его скуластое лицо на миг окаменело, на него легла тень.

– Я не могу обсуждать выбор отца, – заговорил он снова. – Он сделал его, и на этом все... Наша семья долго скиталась, жила в нищете. Я родился уже в Монголии. С детских лет говорил на двух языках, тибетском и монгольском. На первом – дома, на втором – на улице. А потом случилось... В общем, в один день я потерял отца, мать, всех братьев и сестер. И сам должен был сдохнуть, но так уж вышло, что не сдох, а выжил. Меня подобрал, спас и приютил один пастух. Он выучил меня многому и среди прочего русскому языку. Он говорил мне: «Поверь мне, этот язык станет для тебя главным языком». Сам Мэлсдорж знал русский не хуже...

– Кто?! Как звали пастуха, ты сказал?! – вырвалось у Сварога. Он чуть было не вскочил со своего места.

– Мэлсдорж, – удивленно повторил лесник. – Человек, который воспитал меня, заменив отца.

На миг все качнулось перед глазами Сварога...

Имя Мэлсдорж – редкое имя. Оно хоть и имело традиционное для монгольских имен окончание «дорж», но «мэлс» переводилось как Маркс, Энгельс, Ленин. Одно время и в Монголии тоже, как и у нас, была такая мода. Но, как и у нас, мода быстро прошла, поэтому не многие дети успели получить экзотические имена. Разве у нас часто встретишь всяких Октябрин и Велемиров?

Мэлсдорж... Воспоминания нахлынули штормовыми волнами. Военный городок в монгольской степи, раскопки древнего кургана, археологиня Света, слухи, бродившие по части о шаманских способностях Мэлсдоржа, провалы в неизвестность, светлородый вождь Нохор, золотая пуля. А потом – последний, окончательный провал в мир Талара...

«Может быть, все же совпадение? А что пастух... Так кто в Монголии не пастух». Впрочем, нет ничего проще, чем узнать, тот или не тот Мэлсдорж. Один-два уточняющих вопроса...

– Похоже, вам знакомо это имя? Доводилось встречаться?

Сварог заметил, что Ольшанский пристально на него смотрит. Кстати, чересчур пристально для нетрезвого человека. И голос у олигарха был не так уж и нетверд, как можно было ожидать, исходя из того, сколько он всего выкушал за сегодняшний день и за отдельно взятый вечер.

– Да, имя знакомо, – не стал скрывать Сварог. – Возможно, совпадение...

– Ну конечно! – скептически хмыкнул олигарх. – Я же вам весь день талдычу: нет на этом свете никаких случайностей и совпадений, все взаимосвязано. И вы здесь не случайно, и он, и она, и я. И этот ваш монгол должен был сыграть свою роль, он ее и сыграл. И вообще, пришла пора вам увидеть, что картина, которую пишет неизвестный нам Художник и на которой все мы лишь фигурки, кто помельче, а кто покрупнее, близка к завершению: линии сходятся в одной точке, круги замыкаются, подводятся итоги. Осталось набросать последние штрихи...

– Что ж, возможно, вы и правы, – вынужден был согласиться Сварог.

Глава четвертая

Последняя ночь старого мира

Для ночлега Сварог выбрал сарай со сваленным в углу шанцевым инструментом и прочим хозяйственным хламом.

Он лежал на набитом соломой матрасе, бросив его прямо на дощатый пол. Не в комфорте, зато в уединении. Никто не храпит над ухом, никто не ворочается, кряхтя и скрипя пружинами, никто каждые пять минут не ходит на кухню пить воду, переступая через тебя, как через предмет неодушевленный...

Место нашлось всем. Лане постелили на русской печи, Ольшанский завалился спать в комнате, где они пили-ели, непростой тибетский лесник сказал, что будет спать на кухне. Охрана Ольшанского облюбовала баньку и машины.

Сварогу не спалось. Мысли кружили под черепной коробкой потревоженным осиным роем. Сварог был бы рад отсутствию любых мыслей и присутствию сна, но в том-то и дело, что никак было не заснуть. Баранов, что ли, посчитать, в самом деле? Курить на воздух он уже выходил – не помогло, сон не пришел. Кстати, хорошая сегодня была ночь, теплая и тихая, а над головой простиралось густо облепленное звездами и какое-то очень близкое небо...

Слишком много всего нового вылилось сегодня на мозги, надо признать. От информации пухла голова. Вдобавок информация сплеталась в причудливую вязь из необъяснимых совпадений, роковых случайностей и таинственных загадок. А рассказ Ольшанского о посещении монастыря добавил в этот котел тайн и загадок еще одну пригоршню...

Мыслями Сварог все время невольно возвращался к этому рассказу.

До монастыря экспедиция, состоявшая из Ольшанского, будущего сибирского лесника Донирчеммо Томба, местного проводника, навьюченных мулов и, между прочим, из Ключника (единственного, кого олигарх захватил с собой из России в Тибет), добралась не без трудностей, но зато, ко всеобщей радости, без приключений. Горную местность вокруг монастыря Намчувандан Ольшанский сразу признал – именно ее и наблюдал в своем вызванном клинической смертью видении. Тот самый пейзаж, словно позаимствованный из старого советского фильма «Отель „У погибшего альпиниста“».

Их впустили в монастырь, не пытая у ворот, кто такие и чего надо. Впрочем, так вроде бы и положено поступать правильным божьим людям – не отказывать усталым странникам в приюте.

Их отвели к приземистому, сложенному из камня дому. Когда проводили по двору Ольшанский увидел пирамидальное сооружение в полтора человеческого роста под названием Ступа – точь-в-точь такое же, как и в видении. Навстречу попадались монахи, одетые в желтые одежды. И как тогда в видении, они проходили мимо, не обращая никакого внимания на незнакомцев. Хотя можно было поклясться, что гости в этом монастыре – персонажи наиредчайшие, уж больно высоко в горы забрался монастырь, уж больно узка, извилиста и мало натоптана тропа, ведущая к нему.

В домике, что отвели им для отдыха, было две комнаты. Размерами и убранством комнаты стопроцентно отвечали требованиям, которые обычно предъявляют к монашеским кельям, – маленькие, тесные и необставленные, то есть как нельзя лучше пригодные для умерщвления плоти и молитвенных бдений. Ну, дареному коню известно куда не смотрят...

Зато Ольшанский был приятно удивлен, когда отправленный к настоятелю монах вернулся назад с сообщением, что хамбо-лама рад будет видеть у себя путников, когда те отдохнут с дороги.

Путники отдыхали недолго – не для того они, в конце концов, лезли в горы, чтобы бестолково валяться на циновках. После часового отдыха и приведения себя в порядок (негоже появляться перед здешним владыкой небритыми и немытыми) Ольшанский, Ключник и Донирчеммо Томба попросили монаха проводить их к настоятелю. Местный проводник с ними не пошел, остался в гостевом домике.

Хамбо-лама Догпа Кхенчунг, настоятель и духовный пастырь, принял гостей в монастырском дацане – в том самом, у входа в который оборвалось видение Ольшанского.

По всему залу были расставлены глиняные плоские тарелки с горящими в них толстыми восковыми свечами. Хамбо-лама Догпа Кхенчунг в церемониальной одежде и островерхом головном уборе восседал в позе лотоса на задрапированном желтой материей помосте. Помост имел форму буквы «Т», ножкой повернутой к центру зала, и как раз в основании этой ножки сидел хамбо-лама. Гости монастыря в количестве трех человек рядом выстроились перед помостом – лицом к ламе, спиной к выходу.

А вот чего напрочь не наблюдалось в этом зале, равно как и по дороге к нему, так это блеска золота-серебра, зазывно поблескивающих груд драгоценных камней и прочих сокровищ, от которых должно перехватывать дух у любого мало-мальски отчаянного авантюриста. Ну откуда возьмутся богатства у заброшенного в горах небольшого монастыря! Понятное дело, крупные монастыри, в первую очередь столичные, купающиеся в паломниках и туристах, – те не бедствуют, поскольку давно уже стригут денежки, как чабаны овец. Хотите осмотреть наш дацан? Конечно-конечно, а не соизволите ли пожертвовать во благо и во имя? Хотите пообщаться с самим растаким-то ламой, наимудрейшим, воплощением самого ого-го кого – устройте обед для братии и не забудьте опустить монетку в распахнутую пасть этой бронзовой жабы, для вашего же блага, чтоб было вам счастье. Все эти разводки Ольшанскому довелось испытать на себе сполна...

Беседа с настоятелем монастыря Намчувандан началась весьма неожиданно. Можно сказать, с места и в карьер.

– Я знал, что кто-то должен появиться, – сказал хамбо-лама Догпа Кхенчунг. – Потому что Шамбалинская война близка. Очень близка...

Хамбо-лама говорил по-тибетски, Донирчеммо Томба переводил. Кстати говоря, вопреки ожиданиям Ольшанского настоятель монастыря оказался не седобородым старцем, а довольно молодым человеком – ему было где-то между тридцатью и сорока.

– Некоторые считают, что Шамбалинская война уже началась, – продолжал Хамбо-лама. – Они говорят, что война ислама с христианством, беды, взрывы, убийства, что приходят сейчас к людям вместе с именем ислама, – это все и есть Шамбалинская война. Они говорят, что скоро в эту гибельную воронку будет затянут буддистский мир, а затем и весь мир вообще. Но они ошибаются, все не так просто... Шамбалинская война еще не началась, и начнут ее не люди...

Хамбо-лама обвел взглядом своих гостей.

– В священном знании, что хранит наш монастырь, сказано, что три приметы укажут на близость Шамбалинской войны. Первое – с горы Царонг сойдет ледник. Неделю назад он сошел. Второе – треснет фундамент монастырской

Ступы. Несколько дней назад он треснул. Третье – придет белый человек с Севера и первым его словом будет одно из трех... Скажи это слово!

На последней фразе Хамбо-лама повысил голос и вытянул руку в сторону Ольшанского.

Ольшанский, сам не понимая, как и почему, от неожиданности брякнул первое, что пришло на ум:

– Аркаим.

Хамбо-лама удовлетворенно улыбнулся, кивнул.

– И первым его словом будет одно из трех. Одно из трех и есть «Аркаим». Все сошлось, как и было предсказано. Ожидание Шамбалинской войны подходит к концу, – настоятель показал пальцем на Ключника: – Ты слуга белого человека с Севера, это я вижу. А кто ты? – Палец настоятеля переместился и указал на Донирчеммо Томба. – Для простого переводчика у тебя слишком дерзкий и заинтересованный взгляд. И что-то жжет тебя изнутри, как лихорадка. Кто ты?

– Я – внук Джа-ламы, – признался Донирчеммо Томба.

– А-а, – протянул хамбо-лама. – Понятно. Не удивлен. Вот что значит кровь. Идешь по следам своего деда? Не дает покоя, ради чего твой дед решился на святотатственное преступление – напал на обитель?

– Да, – выговорил сквозь сжатые зубы Донирчеммо Томба.

– Возможно, ты скоро об этом узнаешь. Впрочем, решать даже не мне и уж всяко не тебе. А ему, – хамбо-лама показал на Ольшанского. – Я, как настоятель монастыря Намчувандан, всего лишь должен отвести Белого человека, который придет с Севера незадолго перед началом Шамбалинской войны и который будет знать Слово, в Пещеру Девяти Сводов. Кого брать с собой, а кого не брать, решать уже ему.

– Они пойдут со мной, – уверенно сказал Ольшанский.

– Хорошо, – сказал хамбо-лама. – Одно условие, и оно не мое. Путь в Пещеру знают только монахи и то не все, а лишь цан-шавы, избранные. Поэтому вы должны прежде испить травяного отвара, благодаря которому пройдете путь в Пещеру Девяти Сводов, но не запомните его.

Хамбо-лама хлопнул в ладоши. Откинулся полог, прикрывавший неприметный проем за помостом, оттуда вышел монах с деревянной чашей в руках.

Некоторое время Ольшанский провел в борениях с самим собой. Потому что напиток запросто мог оказаться ядом. Но потом он прикинул, что отравить, равно как и каким-либо другим образом отправить их в мир иной, монахи могли бы и без столь сложных прелюдий. Допустим, просто предложив угощаться чайком. И приняв чашу из рук монаха, Ольшанский безбоязненно отпил первым. Вслед за ним отпили Донирчеммо Томба и Ключник.

– Идите за мной, – сказал хамбо-лама, поднимаясь на ноги.

Он спустился с помоста, снял островерхий головной убор, скинул церемониальную одежду, оставшись в желтом монашеском облачении. Жестом пригласил следовать за собой. Они направились к прикрытому шерстяным пологом проему, из которого недавно появился монах с чашей. Настоятель свернул полог трубочкой, закрепил, чтоб не раскручивался, специальным ремешком, прибитым над притолкой, и только после этого повел гостей дальше.

Они очутились в коридоре со множеством дверей, расположенных по одной стороне и прикрытых пологам из толстой шерстяной ткани, прошли по

нему до противоположного конца. В коридоре было довольно светло – через каждые три шага горели факелы.

Потом они ступили на винтовую деревянную лестницу, стали по ней спускаться. Все ниже и ниже. Деревянная лестница перешла в каменную, по-прежнему винтовую. Становилось все холоднее. Откуда-то бралось ощущение, что они спускаются в глубь горы. Хамбо-лама вынул из петли на стене факел и освещал им дорогу. ..

И с какого-то момента Ольшанский почувствовал, что с ним происходит нечто странное. Свет факела сделался гораздо ярче, желтее и маслянистее, этот свет резал глаза. Звуки шагов гулко отдавались в голове. «Начал действовать выпитый отвар», – догадался Ольшанский.

Что-то творилось со стенами. Стены смыкались под странными углами, то отступали, то приближались, причудливо выгибались. И уже не поймешь, по лестнице ты спускаешься или плутаешь какими-то коридорами, под землей все еще бредешь или же выбрался на поверхность.

Может быть, было на самом деле, а может, только привиделось, что они прошли через некий зал, куда сквозь стрельчатые витражные окна просачивался дневной свет. Наверное, все же привиделось, ну откуда на Тибете стрельчатые окна и витражи?

Ольшанский отчетливо видел лишь расплывчатое маслянистое пятно факела впереди себя, только на этом пятне мог сфокусировать взгляд, за ним и шел...

Раздался громкий хлопок в ладоши, и Ольшанский начал приходить в себя.

Несколько секунд прошло, прежде чем Ольшанский, Ключник и Донирчем-мо Томба окончательно избавились от наваждения. Пелена спала с сознания, и они обнаружили, что находятся в пещере, похожей на сводчатый склеп. Только склеп тот был целиком изо льда – стены, пол, потолок. И холод здесь стоял соответствующий – без свитера долго не выдержишь.

Оконечность склепа терялась вдалеке, и было непонятно, насколько он велик. А похоже было на то, что весьма велик... ежели, конечно, дело не в оптическом обмане. По обеим сторонам склепа через равные промежутки, на расстоянии в полчеловеческого роста от пола, располагались проемы, имевшие геометрически правильные очертания. И что-то там было внутри...

Ольшанский шагнул к ближайшему проему, заглянул... И удивленно присвистнул. Там, под стеклом, лежал человек – таково, по крайней мере, было первое впечатление. Защитное стекло (если, конечно, это стекло) было толстым, призматическим, что делало силуэт лежащего под ним размытым, нечетким и словно бы разбитым на небольшие фрагменты, по которым представить что-либо в целом было крайне затруднительно. Да невозможно представить, чего уж там! Запросто под стеклом мог лежать не человек, а существо, имеющее лишь отдаленное сходство с человеческим телом. И лица совершенно не видно. Даже не разглядеть – два глаза у существа, один или три. А нижнюю часть туловища и вовсе не видно. Ниже уровня груди все тонуло в непроницаемой тьме, подозрительной, наводящей на мысли о ее искусственном происхождении.

– Что это? – Ольшанский повернулся к хамбо-ламе.

– Это величайшая тайна из всех тайн мироздания, – голос настоятеля взволнованно дрожал. – Тайна, которую оберегал наш монастырь более трех тысяч

лет, ради сбережения которой и был когда-то основан. Нет на планете Земля более важной и страшной тайны.

– Это инопланетяне? – сдавленно спросил Ольшанский.

– Нет... Это... – хамбо-лама на миг запнулся. – Как только их не называли... Сомати. Лемурийцы. Атланты... Да, их можно назвать древними атлантами. Это будет правдой, потому что издревле принято называть древнюю, достигшую невиданного могущества и исчезнувшую в результате неизвестной нам мировой беды цивилизацию Атлантидой. Мы же называем их Предтечи.

– Они – люди?

– Ты спрашиваешь меня о том, как они выглядят? Я не знаю. И никто не знает.

– Они спят?

– В нашем представлении это сон. Длиной в несколько тысяч лет. Но как давно он начался, этот сон? Доподлинно неизвестно. И проснутся ли когда-нибудь? Неведомо. Но дело не столько в них, Белый человек с Севера. Дело в том, что та мировая катастрофа, что уничтожила народ атлантов, снова приближается. Грядет великая Шамбалинская война. И от того, кто в ней победит, зависит, будет ли человек по-прежнему ходить по этой планете. И исход битвы под силу решить одному человеку.

«Мне?» – чуть было не спросил Ольшанский, но промолчал.

– Не знаю, тебе или не тебе, – покачал головой монах, будто прочитав его мысли. – Но я знаю, что ты являешься фигурой в еще не начатой партии. Атланты оставили нам Знаки, по которым, как по камушкам через ручей, можно добраться до Ответа. Первый камушек – на него указывают египетские пирамиды. Но сколько всего таких камушков? И как долго придется по ним идти?

Буддизм оставлен нам Атлантами, Предтечами. Буддизм никого ни к чему не принуждает, полная свобода воли. Но зато человеку приходится самому отвечать за свои поступки. Христианство допускает, что человек, совершив дурной поступок, может покаяться и тем снять с себя грех. Буддизм учит, что человек должен искупать вину. Если не успеешь искупить в этой жизни, придется искупать в последующих. Они, Предтечи, хотят искупить вину за грехи, о которых мы ничего не знаем и вряд ли узнаем когда-либо. Но, возможно, совершенные ими грехи и привели их цивилизацию к катастрофе...

...Благодарить следовало магию ларов, а конкретно – встроенное в Сварога посредством той магии чувство опасности. Именно оно распиликалось не на шутку. А может быть, Сварог обошелся бы и без всякой магии. Одним звериным чутьем и рефлексам старого солдата...

И вроде бы ничего пугающего вокруг. Ну, хрустнуло что-то за стеной, едва слышно прошуршало. Мало ли ночных звуков. Но в том-то и дело, что эти тихие звуки несколько *выпадали* из обычных ночных звуков, были неуловимо посторонними. Трудно объяснить непосвященному человеку...

Сварог поднялся, осторожным шагом двинулся к двери, старательно следя, чтобы ненароком не наступить на что-нибудь громяющее, не говоря уж про грабли, и не выдать себя. Дверь сарая отодвигал по миллиметру. Когда дверь отошла от косяка на достаточную ширину, Сварог бесшумным призраком выскользнул на улицу. Показалось или темнота возле соседнего строения едва заметно шевельнулась?

И тут же сбоку из-за угла на Сварога обрушился темный силуэт.

Инстинкт раньше всяческих мыслей заставил Сварога рухнуть на землю и перекатиться к стене. И кабы не это, быть ему распоротым от уха до уха – сверкнувший в лунном свете клинок с шумом прорезал воздух там, где за миг до этого была голова Сварога.

Одетый во все темное незнакомец по инерции пролетел вслед за своим клинком, но на ногах удержался. Более того: ловко и проворно развернулся и вновь был готов без промедления пустить в дело широкий и короткий, похожий на мясницкий тесак, что сжимал в правой руке. Впрочем, может, это и не тесак был никакой, а ритуальный меч. Только вот брюху-то все равно, чем его вспорют.

Вскочить на ноги Сварог не успевал и сделал единственное, что ему оставалось при таком раскладе, – когда неизвестный кинулся в атаку, он крутанулся на земле, подсек бегущему ноги и, стоило противнику загреметь всеми костями оземь, вскочил на ноги.

В теле ощущалась столь хорошо знакомая звенящая пустота, а в голове – холодная ясность, словно он вмиг переключением незримого тумблера превратился в запрограммированный на битву автомат.

Противник уже поднялся с земли, но не ринулся в заголовную атаку, как можно было предположить. Нет, противник, вопреки здравому смыслу (ведь на шум борьбы могут сбежаться), вдруг перестал торопиться. Противник стоял напротив Сварога, сжимая свой короткий широкий меч, и... смотрел.

Сварог не видел его лица – оно было закрыто черной лыжной шапочкой с проделанными в ней прорезями для глаз. Зато видел глаза. И премного странен был взгляд человека напротив. Сварог не помнил, чтобы *так* на него когда-либо смотрели. В этом взгляде не было ничего от простого интереса или от патологического любопытства палача к жертве, у которой тот собирается отнять жизнь. Это было нечто совсем иное.

Полное впечатление, что стоящий напротив человек хотел благоговейно запечатлеть в мозгу каждую его морщинку. Если и можно подобрать сравнение, то представим себе Микеланджело, который стоит с кувалдой перед статуей Давида, зная, что через секунду разрушит свое гениальное творение, и любит им напоследок. Благоговейная ненависть, так можно сказать.

Стояние и гляделки закончились.

Противник ринулся вперед. Сварог уклонился, пропустил над головой свистящий клинок, рубящую воздух сталь, отпрыгнул, перехватил запястье, толкнул противника головой в стену сарая и, крутанувшись, провел завершающий удар пяткой под ребра. Противник распластался на земле, тесак отлетел в сторону.

Ну вот и все... Сварог вытер пот со лба. Он сделал шаг к тому месту, куда упал тесак, собираясь его подобрать...

Неизвестный, гибко прогнувшись, ловко, без помощи рук вскочил со спины сразу на ноги. И... выбросил перед собой руку, направив открытую ладонь с полусогнутыми пальцами в сторону Сварога.

В грудную клетку ударила, сшибая с ног, тугая волна. Сварог грохнулся на спину, больно приложившись обо что-то затылком («Ну да, там какая-то деревянная чурка валялась», – отстранение промелькнуло в мозгу). Он потерял сознание на считанные мгновения. Но и этого хватило. Открыв глаза, Сварог увидел над собой одетого в черное незнакомца, уже заносившего тесак для

удара.

И опять этот взгляд впериившихся в Сварога глаз. Взгляд был лучистым, поистинне *счастливым*, словно незнакомец не человека убивал, а с богом напрямую беседовал. Он хэкнул и...

Где-то неподалеку, во дворе, прогремел выстрел. Голова убийцы дернулась, как груша под боксерским кулаком. Выронив тесак и подломившись в коленях, тот завалился набок. Сварог рывком поднялся с земли. Рефлекторно пощупал грудную клетку. «Что это было? Но точно не магия. Пресловутый энергетический удар? Выходит, от него магия ларов не спасает? М-да, неприятное открытие, – Сварог усмехнулся. – Главное, чтобы никто об этом не узнал».

Он нагнулся, подобрал с земли тесак. Автоматически проверил подушечкой большого пальца остроту лезвия. Острое, бляха.

К нему подошел Ключник, по-ковбойски вертя на пальце револьвер.

– Наверное, ты ждешь от меня чего-нибудь пафосного, вроде: «Теперь я твой должник»? – повернулся к нему Сварог.

– Считай, мы квиты, – сказал Ключник, опускаясь на корточки рядом с убитым. – Пропусти ты его мимо себя, он мог бы положить... не скажу всех, скажу «кого-нибудь». Меня, допустим. А это была бы для всех нас невосполнимая потеря, не так ли?

Ключник содрал с головы убитого лыжную шапочку. И тут же во дворе стало тесно – появились охранники, примчался запыхавшийся Ольшанский, пригнав вместе с собой тяжелую коньячную волну.

– Кто? – выдохнул он.

– Китаец... похоже. Во всяком случае, азиат... – Ключник поднялся на ноги, отбросил в сторону шапочку.

Убитый, несомненно, принадлежал к азиатской расе – резко очерченные скулы, узкие глаза, уже остекленевшие. А его лицо между тем показалось Сварогу преисполненным каким-то удивительным спокойствием – похоже, в свой последний миг он не усомнился, что его ждет большое путешествие в счастливые края...

– Китаец, – как-то незаметно возле них появился и тибетский лесник по имени Донирчеммо Томба. – Китайский тип лица.

Ольшанский затейливо выругался.

– Нет, ну я, конечно, предполагал, что они могут встретить нас *там*, но здесь-то откуда! – олигарх лихорадочно зашарил по карманам. – Дайте кто-нибудь закурить, мать вашу!

Так и не взяв протянутую кем-то из охраны сигарету, Ольшанский вдруг застыл с протянутой рукой и пристально посмотрел на лесника. Потом перевел недобро изменившийся взгляд на Ключника, а с него и на Сварога. В общем, нетрудно было догадаться, о чем вдруг подумал Ольшанский.

– Не факт, что измена, – о мыслях своего патрона догадался и Ключник. – Китаец пришел один. Стукни кто из наших, китаезы явились бы толпой. А это, – Ключник показал пальцем на убитого, – больше похоже на засаду, выставленную на всякий случай. Давайте, шеф, думать, что они не глупее нас. И что они тоже могли оставить кого-то поблизости от *объекта*. Приглядывать. Присматривать за подозрительными движениями.

Ольшанский все же взял сигарету у охранника, прикурил.

– Может, ты и прав... – олигарх сделал глубокую затяжку. – Неужели он все-

ръем рассчитывал перебить всех?

– Кто знает, – сказал Ключник. – Может быть, ему и нужен-то был всего один из нас, кто-то конкретный...

Глава пятая Новые персонажи

– Притормози-ка, Коля, – распорядился Ольшанский и первым выбрался из остановившейся машины.

– Уже приехали? – сонно пробормотала Лана из-под одеяла. Она дремала, свернувшись в клубок на заднем сиденье.

– Техническая остановка, – сказал ей Сварог. Подумал малость и выбрался наружу вслед за Ольшанским. Потянулся. Будь возможно, он бы тоже сейчас вздремнул еще часиков пять. Общий подъем сыграли, как и было накануне уговорено, с рассветом... Словом, толком поспать удалось часа два. Да и сон вполуха, вполглаза вряд ли можно назвать полноценным. А после скорого завтрака сразу и отъехали. На все стенания Ланы, что она не может так, что ей надо вымыться как следует, привести себя в порядок, отвечали: «Так оставайся, с собой не тащим, на обратном пути подберем». Однако в лесничестве она не осталась.

– Не хотите взглянуть на наш Аркаим сверху? – олигарх появился из-за кедра, застегивая ширинку.

– Отчего бы не взглянуть.

– Тогда, как говорится, пройдемте. Ключник, останешься здесь...

Они сошли с дороги, обогнули заросли кустов, прошли сквозь молодой ельник и вышли к обрыву, протянувшемуся вниз острыми гранями камней метров на триста. Они находились сейчас на вершине одной из сопок, окружавших огромную долину.

Было около десяти часов утра. В общем-то, пора бы утреннему туману и рассеяться без остатка. Ан нет. Туман в долине рассеиваться, похоже, и не помышлял. Он слоился по долине, окутывал ее молочно-белыми, плавно перекачивающимися клубами. Из-за тумана не то что древнего города не было видно – все в долине было скрыто от глаз туманом. Ну ладно туман! Что туман по сравнению с тем, что висело в небе...

Серое утреннее небо кое-где было запятнано белыми, похожими на клочья овечьей шерсти облаками, медленно кочевавшими на восток почти по безветренному небу. И среди этой благолепной акварели, аккуратно над противоположной сопкой, висел натуральнейший, всамделишный, огромный смерч. Он был таким, каким его всегда показывали в телерепортажах: темно-серая воронка, тонкой извивающейся «ногой» шарящая по земле. Черт его знает, без бинокля не видно, вбирал ли в себя и закручивал ли сейчас этот смерч камни, траву и деревья, вырывая их с корнем, но вертелся он как заводной.

Сварог аж прикрыл глаза и потряс головой. А когда поднял веки, смерч куда не делся, не оказался бредом и наваждением.

Насчет наваждения Сварог решил все же удостовериться, включив магическое зрение...

Оп-па! Л-любопытно. А непростое, однако, явление сибирской природы мы тут наблюдаем, все из себя такие счастливые. Внутри смерча кое-где мерцали многочисленные крохотные зеленоватые огоньки, наводя на невольное сравнение со светляками в ночной траве. М-да, вроде бы смерч – творение не

магической природы, но, тем не менее, совсем уж без магии, выходит, не обошлось. То же самое, между прочим, творилось и с туманом. Кое-где внутри него вспыхивали зеленоватые точки. Вспыхнут и погаснут. В другом месте снова вспыхнут и снова погаснут.

Но даже если выключить магическое зрение и забыть об этих неприродного происхождения зеленоватых вкраплениях, все равно не удастся отделаться от ощущения, что перед тобой фрагмент некоего неземного пейзажа, словно не на краю обрыва стоишь, а на пороге звездных врат и сейчас распахнется вход в иные миры...

– Хотел бы уйти я в небесный дым, измученный человек, – проговорил Ольшанский.

– Что? – невольно вырвалось у Сварога.

– Да вот... Припомнилось отчего-то, – сказал Ольшанский. – Туман этот удивительно похож на тот, сквозь который я шел в своем видении к монастырю.

– Еще бы ему не быть похожим. Туман – он и есть туман.

– Не скажите, – возразил Ольшанский, закуривая. – Нет двух совершенно одинаковых предметов или явлений. Даже фонарные столбы при всей своей похожести чем-то друг от друга отличаются.

– Странно, что вы обращаете внимание на туман, когда над головой висит такая вот дура.

– А она который день уже висит. Уже не актуально. Правда, до сего дня она висела несколько севернее, медленно перемещаясь к востоку, а сегодня вот передвинулась сюда. Все метеорологи давно уже на ушах стоят из-за этой хреновины. Симпозиумы готовятся созывать. Кстати, вполне безобидная штука при всей угрожающей внешности, стихийных бедствий и разрушений народному хозяйству не причиняет.

– Аркаима с этой обзорной площадки я так, похоже, и не увижу.

– Не повезло нам с туманом, – сказал Ольшанский, бросил недокуренную сигарету под ноги и брезгливо растоптал. – Он там, уж поверьте мне. Мысленно проведите линию от себя к просвету между теми двумя дальними сопками. Видите? На этой линии, где-то примерно посередине долины, но все же чуть ближе к нам, и находится Аркаим. А еще, благоволи погода, мы бы увидели рядом с древним городом лагерь археологов.

– Тут еще и археологи? – удивился Сварог.

– Ага, – кивнул Ольшанский. – Я вам разве не говорил? Археологи нашего Шантарского университета под руководством ученойшего доцента из самой Москвы удовлетворяют тут свой научный интерес на мои деньги.

– И сколько среди них настоящих археологов, а сколько ваших людей, оставленных приглядывать за ученым народом?

– Моих двое, – спокойно ответил Ольшанский. – Вполне достаточно, чтобы держать тут все под контролем и вовремя оповещать меня о научных открытиях. Ну мало ли, выкопают что-то ценное или до чего-то гениального додумаются. Важно, чтобы я первым узнал и именно я, а не какие-нибудь китайцы или москвичи, решал, что делать дальше.

– Скажите... а зачем вам понадобились еще и археологи?

Олигарх хмыкнул:

– Я так и понял, что вы сейчас меня об этом спросите.

– Значит, продумали и ответ?

– А чего его продумывать. Ответ на самом деле простой – а вдруг чего нароят. Лишним не будет.

– Ага, значит, полной уверенности у вас нет. До последнего проверяете, перепроверяете?

– Полную уверенность даст наступление часа Икс. И он не за горами.

– А если его наступление ничего не принесет?

– Не может не принести, – с фанатичной убежденностью отрезал Ольшанский. – Ну, пора в машину. Начинается последняя часть нашей трагедии. Кстати, о древнегреческих трагедиях. Знаете такое понятие в них – неотвратимость Рока? Предначертано – значит, обязательно сбудется...

Они въехали в долину и остановились у границы тумана. Дальний свет обеих машин нисколько не пробивал серую пелену которая в высоту достигала полтора человеческих роста. Ехать дальше было безрассудством.

– Все, выходим, – скомандовал Ольшанский. – Тут пройти метров семьсот, не больше.

Они выбрались наружу. Лана подошла к светло-серой стене, окунула руку в туман.

– Такое впечатление, что он живой.

– Смотри, чтобы не укусил, – с мрачным видом пошутил Ключник, забрасывая за спину автомат.

– Я первый, вы за мной, – Донирчеммо Томба забросил за спину небольшой рюкзак, бегло осмотрел охотничий карабин. – Дистанция метр. Возьмите каждый по фальшфейеру. Вон там.

Он пнул сумку, которую охранники вытащили среди прочих из багажника.

– Если отстанете, зажигайте огонь, по нему легче будет найти. Все готовы?

Лесник уверенно распорядился, и никто не думал оспаривать его право стать на время главным.

Двинулись. Шли цепочкой. Темп лесник держал невысокий, поэтому сохранять дистанцию было нетрудно. Сварог обернулся, встретился взглядом с идущим позади него Ключником. «Интересно, орелик, – подумал Сварог, – а ты тоже веришь в идею фикс своего начальника? Или просто следуешь за ним тенью?..»

Что характерно: чем дальше они забирались в глубь долины, тем реже становился туман. Вот уже видна не только спина впереди идущего, но также и спина идущего перед ним. Вот и землю под ногами можно разглядеть. А вот уже можно разглядеть впереди зеленые стенки палаток... То ли туман понемногу рассеивался, то ли по непонятным физическим (а может, и не только физическим) законам его плотность падала с приближением к Аркаиму

К палаткам подходили, уже сбив изначальный походный порядок. Цепочка сама собой распалась, потому как отпал смысл идти друг за другом след в след – возле палаток было уже вполне сносно все видно, по крайней мере по сравнению с тем, что творилось на входе в долину.

Палатки были шатровые, армейского образца, Сварогу хорошо знакомые. Отсюда, от палаток, уже можно было видеть очертания первой, внешней кольцевой стены Аркаима. Стена была высотой метра три...

Высоко в небе вдруг раскатисто прогрехотало, заставив всех вздрогнуть, а кое-кого присесть и схватиться за оружие. Эхо унеслось в тайгу, дробясь в чащобе. Вроде бы гром, да только с чего бы это грому гроыхать при чистом

небе...

– Гроза? – оказавшаяся рядом со Сварогом Лана испуганно прильнула к нему.

– Гроза, – не стал еще больше пугать девушку Сварог. – Во время таких туманов в тайге грозы – явление зауряднейшее.

– Странно, – раздался голос Ольшанского. – Никого не слышно и не видно.

Олигарх показал указательным пальцем на одного из своих охранников, потом – на палатку. Охранник кивнул и направился к входу в брезентовый шатер. Откинул закрывающую вход полу, достал из кармана фонарик, более похожий на авторучку, осветил им внутри, потом на несколько секунд скрылся в палатке, но тут же вышел и почти бегом вернулся к ждавшим его.

– Одни трупы, – доложил вернувшийся охранник. – Стреляли недавно. Еще порохом воняет.

– Бля-я, – протянул Ольшанский и провел ладонью по лицу, словно паутину смахивал. – Живо сходи проверь вторую палатку. Хотя вряд ли кого-то... – И безнадежно махнул рукой. – Но ты все же сходи!

– Если недавно, то палили определенно из бесшумки, – сказал Ключник, скидывая с плеча автомат и сдвигая предохранитель, – иначе мы бы услышали.

– Опять ваши китайцы? – спросил Сварог у Ольшанского.

– Похоже на то. Но как они меня вычислили?!

– А зачем им убивать археологов?

– Чтоб лишние под ногами не путались, – ответил за хозяина Ключник. – Надо идти туда. – Он показал в сторону Аркаима. – За стенами будет спокойнее.

«Не факт, мин херц, ой не факт, – подумал Сварог, но о своих сомнениях решил промолчать. – Очень уж все здорово смахивает на засаду. А раз так, то и до стен не дадут добраться...»

Ключник махнул рукой своим подчиненным, показывая, чтобы взяли хозяина в живое кольцо.

– Во второй палатке только ящики, – доложил вернувшийся охранник. – Видимо, сперва всех согноли в этот шатер, а уж потом... Еще видел, что под навесом, где они обедали, лежит женщина в белом платке. Повар, наверное...

– С-суки... – сквозь зубы проговорил кто-то из охранников.

– Где вход в Аркаим? – спросил Сварог у Ключника.

Ключник показал рукой влево.

– Там. До него метров триста.

– Я бы на их месте прихватил нас прямо здесь, – сказал Сварог, оглядываясь. – Но если до сих пор не прихватили...

– Хотите сказать, ждут у ворот, – понимающе кивнул Ключник. – Возможно, возможно... Ну мы туда и не пойдём! Перелезем здесь.

– Как перелезем? – быстро спросил Ольшанский. Похоже, он занервничал. – Высоко.

– Да уж как-нибудь осилим, – сказал Сварог. – Коли жить хотим. Возьмем ящики из палаток. Поставим друг на друга. Все, надо идти...

Их группа с Ольшанским в центре образованного охранниками кольца направилась к стене, передвигались настолько быстро, насколько получалось. Лесник и Ключник тащили пустые ящики, размером с телевизор, вытряхнув

из них предварительно какие-то черепки и кости. Сварог держался чуть в стороне от группы, прикрывая собой Лану

Вот и стена. Сложена из одинаковой величины шлифованных камней, обмазанных коричневатой, похожей на глину массой. Только это не глина, та бы за давностью лет отсохла и отвалилась, эта же – будто вчера намазали.

Ящики поставили друг на друга, придвинув вплотную к стене. Двое охранников первыми забрались на них и, сделав из рук упор, помогали подниматься остальным.

Сварог влез на стену одним из последних. И задержался на какой-то лишней миг, чтобы бросить взгляд на древний город Аркаим.

Как ни странно, за стеной, внутри города, тумана вообще не было. Ни единого намека на туман. Законы природы вообще и физики в частности, думается, здесь были ни при чем. Какие-то иные законы совсем иной природы распорядились сегодня на этой земле...

Заветный город не поражал размерами, в радиусе был не более пятисот метров. Два вписанных друг в друга кольца, внешнее и внутреннее. Внутреннее кольцо радиусом было примерно метров сто пятьдесят—двести. И эта внутренняя стена вдобавок была заметно ниже внешней – той, на которой сейчас восседал Сварог.

Действительно, как где-то Сварог читал, город сверху походил на колесо. Все из-за невысоких (метра, наверное, полтора, вряд ли выше) стенок, берущих начало от центральной площади и идущих до внешней стены. Эти стенки делили город на равной площади сектора, в них были проделаны неширокие проходы из сектора в сектор. Внутри этих секторов, там и сям, на первый взгляд, совершенно хаотично, грибами торчат фундаменты – каменные тумбы разной высоты и ширины.

«И вправду все это здорово смахивает на гигантский ребус, – пришло в голову Сварогу. – Понятно, почему Аркаим не дает покоя...»

А вот чего так и не увидел со стены Сварог – так это макушек засадного полка и торчащих из-за стен стволов. Только стоит ли этому радоваться?

Ладно, пора вниз.

Его подхватили внизу крепкие руки. Ноги коснулись земли древнего города Аркаим...

Ба-а-а!

Это было похоже на щелчок. Будто кто-то с размаху хлопнул ладонью по выключателю и в комнате зажегся свет. И сразу осветились все углы памяти Сварога. До того лишь какие-то тени проступали сквозь комнатный мрак: поди скажи, что это там притаилось в углу – простой стул или чудовище. Теперь же стало отчетливо видно, что есть что. Вернее – кто есть кто...

Пелена вдруг упала, и, едва ступив на землю Аркаима, он понял, кто он есть, бес или подлинный Сварог.

«Оказывается, вот как просто...»

И у него появилось чувство такого облегчения, которое, пожалуй, он не испытывал ни разу в жизни.

– Что с тобой? – услышал Сварог голос Ланы.

– Нормально, – ответил он. И улыбнулся загадочно. – Голова закружилась. Пошли...

И тут же другое торкнуло: если я осознал себя, значит, и тот, второй, если

он где-то рядом, тоже понял свою сущность?..

Растянувшись цепочкой, оцетинившись стволами, шаря взглядами во все стороны, они двинулись по Аркаиму Сварог отметил, что несмотря на всю *несыгранность* группы, одновременное совместное продвижение у них получалось довольно грамотно. Может быть, всеми ощущаемая и без всяких детекторов с индикаторами близкая опасность мобилизовала всех без остатка.

...А в Аркаиме стояла поразительная тишина. Ни шорохов, ни шебуршания мелких зверьков, ни птичьего щебета... Кстати, вдруг обратил внимание Сварог, земля Аркаима цветом, твердостью и ровностью странно напоминала монгольскую степь. И точно так же лишь кое-где торчат редкие худосочные травинки. И так же, наверное, эту почву лопатой не возьмешь, надо ломом долбать, намучаешься, как с бетоном...

Сварог задрал голову – смерч монотонно кружил над долиной. Вроде бы несколько приблизился к городу. Или только кажется?

Добрались до второго, внутреннего радиуса. Вторая стена была чуть пониже первой – метра два с половиной от силы. Через нее перебрались быстро и без проблем.

Во втором круге Аркаима, как заметил Сварог, фундаментов было больше. Что уж стояло на них и стояло ли что-либо вообще, неизвестно, однако почему-то у Сварога сложилось стойкое убеждение, что никогда и ничего. «Интересно, – подумал он, – а если это все же был нормальный город, то почему не сохранились фундаменты жилых домов?»

Сходящиеся к середине, как спицы в колесе, лучи обрывались перед центральной и единственной площадью Аркаима. Площадка была поразительно ровной, покрытой белым, похожим на бетон раствором. Посреди нее лежала серая гранитная плита, квадрат со стороной метра в полтора, с небольшим чашеобразным углублением...

– Стойте, шеф! – Ключник схватил за плечо попытавшегося сунуться на открытое пространство олигарха. – Так мы подставимся.

Ольшанский, резким движением вскинув руку, посмотрел на часы.

– У нас сорок минут, – сказал он леснику-тибетцу

– Четверть часа в запасе есть, – ответил Донирчеммо Томба.

«Ну конечно! – вдруг догадался Сварог. – Есть некий ритуал, не может не быть. Как пить дать древний-преддревний, может быть, позаимствованный ими в том самом монастыре. А иначе зачем наш богатенький буратино таскает за собой этого тибетца! Добавим сюда еще вещмешок за спиной у Томба, куда наверняка сложен ритуальный инвентарь, и все срастается наилучшим образом...»

– Мы успеем только на тот свет, шеф, если сейчас выйдем на площадь, – Ключник говорил, чеканя каждое слово. – Сперва я со своими ребятами должен *зачистить* землю. Если лесник и вот он, – показал пальцем на Сварога, – нам помогут, справимся минут за семь. После блокируем подходы, и вы сможете...

Поблизости раздался сухой хлопок, и один из охранников, пьяно шатнувшись, начал медленно падать. Что-то просвистело, и арбалетная стрела угодила в шею другому охраннику – тому, кого Ключник назвал Олегом. Хрипя, Олег упал, как подсеченный.

– К стенам! – рявкнул Ключник. – Прижаться к стенам! Живо!

– Оружие на землю! – раздался отчего-то вполне предугадываемый крик, откуда-то слева. То ли из-за невысокого фундамента, то ли из-за делящей город на сектора стенки. – Иначе смерть!

Очередь прошла по земле, потом по стене. Сварог увидел, откуда стреляют! Автоматчик засел за метровой высоты фундаментом. А была еще арбалетная стрела. Если даже предположить, что первый винтовочный выстрел и автоматная стрельба – дело рук одного человека, то стрелков все равно уже получается как минимум двое.

Конечно, он может броситься сейчас к автоматчику, пуль бояться ему не придется. Да вот только тогда из-за него положат всех остальных...

Еще раз хлопнул одиночный винтовочный выстрел. Пуля вошла в землю рядом с ботинком Ольшанского. Это была демонстрация: вы, мол, в полной нашей власти. А снайпер засел определенно где-то далеко, так сразу его позицию и не вычислишь... И ведь знает, гад, в кого палить, кто главный в их команде и кого трогать пока не след.

– Надо подчиниться, шеф, – Ключник выматерился и положил автомат на землю. – Тьфу, как глупо...

Ольшанский, все еще не веря, что проиграл, яростно крутил головой по сторонам, выискивая врага.

– Всем выйти на площадку! Быстро! Руки за голову! – продолжал командовать уверенный, спокойный голос с легким акцентом.

Протрещала, будто сучья ломали, автоматная очередь, и перед Ольшанским взметнулись фонтанчики земли. Стоявший рядом с олигархом лесник охнул и, схватившись за ногу, сел на землю.

– Следующая порция по головам, – пообещал неизвестный.

– Ладно, выходим! – закричал Ольшанский, закладывая руки за голову. – Кладем оружие.

Они вышли на ровную, как взлетно-посадочная полоса, главную и единственную площадку Аркаима.

– Стоять! – окрик остановил их на полпути к гранитной серой плите.

Остановились. Как тут не подчинишься!

«Ничего, – подумал Сварог, – если не перестреляли сразу, из засады, значит, у них касательно нашего брата иные планы».

– Сеть на землю! – продолжал распоряжаться неизвестный. – Руки держать за головой! Кто дернется или вздумает шутить...

Подчинились. Опустились на землю – кто на колени, кто сел по-турецки. Какоето время ситуация не менялась. Потом потихоньку из своих нор, щелей и прочих укрытий начали выползать господа ворошиловские стрелки.

Четверо невысоких худощавых азиатов (у одного за спиной арбалет) и один тип явно славянской наружности, который тоже не мог похвастать выдающимися габаритами, зато мог похвастать большим автоматом. Держал он оружие, стоит заметить, весьма умело. Да и по остальным было сразу видно, что с оружием они на ты. Все пятеро были одеты в камуфляж песочного оттенка, предназначенный для боев в пустыне и отлично маскирующий бойцов на фоне аркаимовских стен. Выходит, товарищи продумывали, готовились...

Славянин с автоматом (а не иначе, он и выкрикивал команды) громко свистнул, и несколько секунд спустя из-за стены вышел еще один человек. Неторопливой, вальяжной походкой, помахивая тросточкой, направился в

сторону своих бойцов. Не только тросточка делала этого человека похожим на прогуливающегося по садовым дорожкам дачника. На нем были белые летние брюки, просторная рубаша-балахон и широкополая шляпа с дырочками. В свободной руке он держал складной стул.

Сварог видел этого господина впервые, но сразу догадался, кто перед ним. Азиат, взгляд и манеры человека, привыкшего повелевать, но главное – габариты. Необъятнейшие габариты, человек-гора. «Господин И, китайский магнат. Кто же еще? Помнится, таким его и описывали».

Китаец разложил стул, с опаской опустился на него, но конструкция из куска брезента и алюминиевых трубок выдержала вес. Человек-гора достал из кармана платок размером, наверное, с парус и принялся вытирать им потные шею и лоб.

– Я знаю, что ты меня понимаешь, – господин И показал рукой с платком на Ольшанского. Говорил китаец по-английски. – Тебе почти удалось меня переиграть. Там, на Олеговой пустоши, ты показал себя хорошим профессионалом и почти победил. Я уважаю сильного противника.

Он коротко поклонился. Причем проделано это было без всякого шутовства.

Сварог испытывал идиотское чувство – будто наблюдает все это со стороны, как спектакль из зрительного зала. Вообще, все происходящее пахло какой-то опереттой. Или дешевым голливудским фильмом: затерянный город, вооруженные люди, благодушный азиат в роли Главного Плохого...

– Почему ты здесь, а не даешь показания в милиции, в ФСБ? Или тебя не вызвали в Москву объясняться в посольстве? – оказывается, Ольшанский говорил по-английски весьма недурно.

С первым шоком олигарх справился похвально быстро и теперь был спокоен и собран. Как готовая к нападению змея.

– Потому что как раз этого ты и хотел, – господин И запустил руку с платком под рубашку, чтобы вытереть грудь. – Фу-у, ну и жара! А ты живой, да? Не умер, получается?

– Какое удивительное совпадение, я тоже уже и не надеялся встретиться с тобой на этом свете, – Ольшанский говорил ровным, даже светским тоном. – Я полагал, что ты сейчас как раз ожидаешь своей очереди на перерождение в теле какого-нибудь хищного хитрого зверька.

На это господин И коротко захихикал, и было видно, как гуляют под рубашкой жировые складки.

– Ты все сделал, Ольшанский, чтобы убрать меня из этого мира. Но в том вертолете, который потерпел крушение над тайгой, был не я. Я как чувствовал в тот день, что не надо лететь. Послал вместо себя одного очень похожего на меня человека, а сам поехал на машине...

– Есть кто-то, кто очень похож на тебя? – искренне удивился Ольшанский.

– Смешно, – сказал китаец. – И я рад, что даже сейчас у тебя сохранилось чувство юмора.

Очередь выбила фонтанчики земли у самых коленей Ключника.

– Рук опускать не велели! – закричал славянин.

Ключник усмехнулся уголком рта и снова завел руки за голову.

– Ты скажи своим людям, – посоветовал господин И, – что на этом предупреждения закончились. Мне твоих людей беречь ни к чему. Я даже Пака велел

наказать, а он мог бы принести еще много пользы. Но предателей надо наказывать.

– В чем же он провинился? В том, что работал на меня? – спросил олигарх.

– Мы знали, что он работает на тебя, – сказал господин И. – Но у нас с ним была договоренность – нам он передает информацию первым. Он нарушил договоренность. Очень грубо нарушил. Не только назвал тебе первому *новую дату* — он только тебе ее и назвал, от нас хотел скрыть...

– А вы все же узнали, – кивнул Ольшанский. – Значит, прослушивали его телефонные разговоры...

– И дом, и телефон. Конечно, – господин И принялся обмахиваться платком. – Ты много денег пообещал Паку? Поэтому он решил предать нас, так?

– Подслушивали, а ни хрена не поняли, – Ольшанский сплюнул. – Пак жил не для денег, ему бесполезно было предлагать бабки. Он был исследователем до мозга костей. А чем можно *купить* исследователя?

– Взять с собой в Аркаим, где должно произойти событие, которого ждали двадцать шесть тысяч лет, – подумав, сказал господин И. – Понятно. Ты прав, а я не прав. О такой версии я не подумал...

– Ага, – сказал Ольшанский. – Да любой ученый душу продаст за возможность стать сторонним свидетелем такого события, а на что он готов пойти, чтобы оказаться в эпицентре этого события, стать его участником, я даже и предположить не берусь.

– И участником какого же события ты надеялся стать сегодня? – спросил господин И.

– Вы хотите, чтобы я открыл перед тобой карты...

– Бросьте, господин Ольшанский! – рявкнул господин И. – Мы с вами не на дипломатических переговорах Шанхайского клуба. Вы, похоже, забыли, что сидите под прицелом. Так никогда не поздно напомнить!

Ольшанский пожал плечами.

– А почему бы, собственно, и не открыть карты? Вам все равно это ничем не поможет. Вы-то как раз только зрителями и будете. Шамбалинская война – это вам о чем-то говорит? Пятьдесят две тысячи лет назад с лица Земли исчезла древняя Атлантида. Случилась некая мировая катастрофа, которая теперь называется Шамбалинской войной, и могущественной цивилизации, намного превосходящей по развитию нашу, не стало. Уцелели лишь немногие из Предтеч. Атлантов. Они сделали все, чтобы предупредить о новой Шамбалинской войне, которая должна грянуть спустя пятьдесят две тысячи лет. Они построили этот город, который и не город вовсе, а что-то вроде огромного энергоприемника, с помощью которого Избранный человек станет могущественнейшим из людей, будет наделен могуществом бога. Этому человеку предстоит возглавить проснувшихся после многотысячелетнего сна сомати и с ними спасти цивилизацию. Этим человеком должен стать белый человек, человек с Севера. Хранители знания об Атлантиде, Шамбалинской войне и Хранители тел сомати указали на Избранного. Я – Избранный...

Господин И снова захохотал. И на этот раз он хохотал долго, утирая платком глаза.

– Ты сумасшедший, Ольшанский, а не избранный, – сказал он, отсмеявшись. – Царь Мира Ольшанский, хо! Основатель династии правителей Земли! Рассмешил... Хотя, – он убрал платок в нагрудный карман рубашки, – во мно-

гом ты прав, мой любезный враг. Об этом городе рассказано и в древних китайских хрониках. И построили его никакие не атланты, а выходцы из Китая. Может, тебе и не известно, но в древнем Китае были весьма развиты астрономия и астрология. Еще в глубокой древности было рассчитано, что именно в этой точке Земли, именно в этот день произойдет сотворение бога. Раз в двадцать шесть тысяч лет такое происходит. Иногда боги получают, иногда нет – если никого не оказывается в нужной точке, в нужное время. Может, так распорядилась природа, может, кто-то, кто сильнее природы, но совершенно определено: кем-то дается шанс дать этому миру резкий, невиданный толчок в прогрессе. Пассионарии, слышал о таких? Так вот: раз в двадцать шесть тысяч лет кому-то выпадает шанс стать Абсолютным Пассионарием. И возвеличить свою страну. И сегодня мы воспользуемся этим шансом...

– Позволь спросить, вы так стараетесь только для себя или во благо всей Поднебесной? – спросил Ольшанский.

– Благо отдельных граждан станет благом для всей страны, – торжественно, как с трибуны, произнес китаец. – И Поднебесная в невиданные сроки станет самой могущественной державой на планете. Я верю, что будущий год, год Красного Дракона, станет для нас...

Это было в высшей степени неожиданно – шел, шел спокойный разговор, ничто не предвещало беды, и вдруг пятерка бойцов господина И вскинула стволы и открыла огонь на поражение. Никто из сидящих на земле не успел дернуться...

Только задним числом можно было догадаться, что прозвучали кодовые, заранее обговоренные слова. Скорее всего словами этими были «Год Красного Дракона». Бойцы господина И ждали этих слов, и огонь открыли незамедлительно.

Пули должны были за считанные секунды превратить людей в решето.

Сварог рванул к господину И, не рассуждая.

И всей грудью налетел на стену из свинца...

Натяните частую рыболовную сеть, вместо узелков поместите пули, потом уберите сеть, а пули останутся висеть в воздухе. Вот такой «забор» преградил путь Сварогу

Сварог оглянулся. Ни Ольшанский, ни те, кто был рядом с ним, не пострадали. Сидели и таращились на всю эту чертовщину.

Бойцы господина И все еще продолжали стрелять... ну разве за исключением славянина, тот уже понял, что все бесполезно, и опустил автомат. Новые пули, подлетая к невидимой преграде, застывали в воздухе и пополняли коллекцию пуль в «заборе».

А чертовщина между тем и не думала заканчиваться.

Неведомая сила вдруг выдрала из рук стрелков оружие, автоматы и винтовку протащило по воздуху, к ним добавился содранный с плеча арбалет, – все это образовало кучу аккурат возле «забора» из пуль. словно включили некий огромный магнит. Правда, магнит действовал уж больно избирательно, не притягивая пряжки, пуговицы, шпильки. Только оружие.

Та самая таинственная сила играючи порвала у единственного в китайской бригаде славянина пояс, на котором болтались ножны, и швырнула их к груде оружия. словно войдя во вкус, неведомая сила стала отрывать с мясом карманы, в сторону кучи полетели ножи. Причем сила эта обезоруживала и людей

Ольшанского. С треском порвалась брючная ткань на правой щиколотке Ключника, и, болтая оборванными ремешками, по воздуху пролетела кобура с вложенным в нее револьвером. Из кармана оставшегося в живых охранника Ольшанского вырвало шипастый кастет, а у лесника был изъят нож с костяной рукоятью в кожаных ножнах.

Словом, куча конфискованного оружия получилась немаленькой. И на этом забавы неведомого шутника не кончились. Оружие вдруг стало превращаться в ком. Металл, кожа, дерево прикладов – все материалы одинаково податливо, как пластилин, деформировались под нажимом невидимых рук.

Как замороженные, все – и китайцы, и некитайцы – наблюдали за происходящим. По вполне понятным причинам никто ничего не пытался предпринять. Откровенных глупцов здесь не было, все понимали, что от них мало что зависит, что в игру вступила сила, по могуществу стократно превышающая человеческие возможности, и противиться ей глупо и опасно.

– Не думайте, что я боюсь вашего оружия. Нисколько я его не боюсь. Ну совершенно не боюсь... – голос звучал отовсюду одновременно. Потрясающий акустический эффект. Словно динамики вмонтированы во все фундаменты, стены, гранитные плиты и в саму землю.

И Сварог узнал голос.

Этот голос был его собственным.

«Вот и свиделись...»

– И поверьте, я не любитель дешевых театральных эффектов, – продолжал вещать невидимка. – Эта маленькая демонстрация затеяна лишь для того, чтобы остудить горячие головы. И убережет кое-кого от необдуманных действий, чреватых потерей этих самых голов. Я не слишком вычурно изъясняюсь? Ну, вы меня поняли! И теперь, когда вы подготовлены к моему появлению, я, пожалуй, явлю себя. Несolidно мне, право, корчить из себя призрака...

Несмотря на уверения в своей нелюбви к дешевой театральной шпине, именно в этом жанре *второй Сварог* и обставил свое появление. С высоты трех метров посыпался дождь из алых цветочных лепестков. Лепестки появлялись ниоткуда, опускались, кружась, и оседали на невидимой глазу преграде, очерчивая человеческий силуэт. «Дождь» становился все гуще и гуще, и наконец из него показался автор всей этой постановки.

Явился в обличье опереточного демона: грива иссиня-черных волос, густые смоляные брови вразлет, козлиная бородка, орлиный нос, углями пылающие глаза. Кутался в черный плащ с кровавым подбоем. Разве только рожек на голове не хватало.

– Нет, этот облик чересчур академичен, – голосом Сварога произнес *второй*. – Не беда, поменяем.

Воздух рядом со *вторым* (или уже следует говорить – бесом?) на мгновение помутнел, и на месте опереточного демона появился еще один Сварог. Правда, по-другому одетый – в ало-серый камзол.

– А этот облик чрезвычайно всем надоед, я так полагаю, – сказал бес. – Пожалуй, я все же воспользуюсь личиной, с которой так много связано, причем отнюдь не самого плохого. К которой я привык за последние долгие – в человеческом понимании – годы, как некоторые привыкают к домашним тапочкам.

Снова на секунду дрогнул и расплылся воздух перед бесом. И на месте Сва-

рога в камзоле появился Мар-Кифай, бывший верх-советник Короны, бывший Президент Короны, разжалованный демон. Знакомые Сварогу узкое породистое лицо, высокий лоб мыслителя, седые волосы. Правда, одежду он предпочел здешнюю – вельветовые штаны, ботинки на толстой подошве и футболку с надписью «Be cool».

– Вот так-то лучше, – сказал Мар-Кифай. – Что скажешь, двойничок! Признаешь свое поражение?

Слава богу, он изменил не только внешность, но и голос, а то слушать самого себя Сварогу было уже невыносимо.

– Руки опустить можно? – спросил Сварог. – А то затекать начали.

– Да, конечно, какие вопросы! Неужели кому-то могло прийти в голову, что я испугаюсь ваших рук? Разве ваши руки чего-то стоят без оружия! Даже вы, мой дорогой враг... – легкий поклон в сторону Сварога. – Ведь сегодня принято выказывать врагам уважение? Так вот, даже вы сейчас, когда ко мне вернулась моя мощь, не в силах тягаться со мной своей, увы, детской магией...

– Ты кто такой? – визгливо и на чистейшем русском крикнул господин И.

– Молчать! – рывкнул Мар-Кифай, шевельнул коленом, и китайца могучим пинком невидимой ноги отшвырнуло метров на пять. – Не смей перебивать! Говорить будете, когда я разрешу! Так, о чем я? А, да. Поэтому, господа и дамы... вернее, дама, – Мар-Кифай изящно поклонился Лане, – можете сесть поудобнее. Выбирайте любую позу, я милостиво разрешаю. Можете даже в любимой древнегреческой позе – полулежа, подперев голову рукой. Я тут кое-что почитал о древних греках на досуге – интересные были люди, симпатичную цивилизацию создали, жаль только, нежизнеспособную. Кстати, театр они очень уважали. Увы, теперь вы все из полноправных игроков вмиг превратились в обыкновенных зрителей, которым, правда, ужасно повезло с представлением. Вам будет на что посмотреть. Уже близок час, я это чувствую... Вам это не дано почувствовать, а я ощущаю приближение, – Мар-Кифай закрыл глаза. – Невероятное ощущение! Простые человеческие наслаждения ничто только по сравнению с этим нарастанием Мощи...

Сварог пробежался взглядом по лицам своих и чужих. Очень похожие сейчас у всех были лица – осунувшиеся, усталые. Во взглядах – тоска и безнадега. Все понимали, что это конец. Это был не сон, не галлюцинация, морок или гипноз – это была реальность. Прodelать такой огромный путь, чтобы перед самой финишной ленточкой тебя, оставляя ни с чем, издевательски легко обошел какой-то...

– Но пока у нас еще есть время, я вам, людям... – Мар-Кифай поднял палец. – Заметьте, я говорю «людям», а не «людишкам»! Так вот, я хочу вам кое-кого представить. Только что ж вы молчите, судари мои разлюбезные? Языки проглотили?

Никто не ответил.

«Какой болтливый демон пошел, однако», – вяло подумал Сварог. Ни ярости, ни злости, ни жуткой досады на то, что он, Сварог, проиграл в бесовской игре, в душе почему-то не было. Были только пустота и усталость. Наверное, как и у всех. Он в который раз прокачивал в уме варианты, но вариантов не было ни единого.

– Я представлю вам, первым из людей, будущих правителей вашего мира! – с интонациями циркового шпехшталмейстера заявил Мар-Кифай.

И опять не обошлось без дешевой театральщины. Просыпался дождь из синих цветочных лепестков, и из этого листопада шагнули двое: белый, но загорелый до черноты жилистый человек с бесцветными глазами профессионального убийцы и негр, причем по некоторым признакам Сварог понял, что перед ним именно доподлинный африканец, а не родившийся в Европах с Америками афро-кто-то-там.

– Идите оба сюда, – махнул рукой Мар-Кифай. – Вот. Они были моими верными слугами, пока я пребывал в облике этого человека и еще не знал, кто я на самом деле. И за верную службу они будут мною вознаграждены. Один из них станет править одной половиной мира, другой – второй половиной. Кто-то же должен будет вами править! А мне, право, недосуг. Мне скучно заниматься этой рутинной. Я лишь буду задавать им общий стратегический план, и пусть внутри него слуги делают с вами, что хотят. Они заслужили.

Они выбрали меня своим Хозяином еще тогда, когда знать не знали о моем могуществе. И получают за то достойную плату. Зато очень не поздоровится одному африканскому шаману. Даже если он успел ускользнуть в мир духов и предков, я достану его и оттуда, – лицо Мар-Кифая перекосила гримаса. – Этот шаман чуть не лишил меня всего в самом начале пути. Каким-то непостижимым образом этот дикарь понял, кто я, и пытался уничтожить мое астральное тело. В его представлении я был духом зла, и он пытался изгнать этот дух из моей физической оболочки. Даже сейчас мне становится не по себе, когда подумаю, а ну как у него получилось бы! И я погиб бы от рук пустоголового дикаря! Бр-р! Ладно, вам все равно не понять. К счастью, все уже позади. Теперь уже ничто и никто не в силах помешать. Что, Пятница, – Мар-Кифай повернулся к африканцу: – Какую половину мира ты выбираешь?

Мар-Кифай, к немалому удивлению Сварога, обратился к чернокожему на таларском, и на таларском же тот почтительно ответил:

– Я буду служить Хозяину Ягуа, как он скажет. Куда скажет, туда и пойду.

– Молодец. А что скажешь ты, Гуго?

– Я скажу, что сделал правильную ставку, – Гуго сплюнул шелухой от семечек. – Это как в казино высыпать из мешочка все заработанные за многие годы алмазы и двинуть их на одну цифру. И эта цифра вдруг выпадает. Деверо, небось, плачет сейчас в аду, что в свое время не разглядел свою удачу. А касаето половины мира... – Гуго задумчиво прищурился, забросил в рот новую порцию семечек и сказал с набитым ртом: – Я бы взял Европу, мой Хозяин, и Америку, Северную и Южную. Остальное пусть берет Н'генга. Африка мне уже вот где, Австралию тоже не люблю после одного дельца...

– У тебя губа не дура, Гуго, – усмехнулся Мар-Кифай. – Я решаю по-другому. Половина мира – так пусть будет ровно половина мира. Южное полушарие и Северное. А кому какое достанется – бросите монетку. Границу своих владений проведете по экватору... Что скажете, господин И? Как жители Поднебесной отнесутся к такому вот правителю, – Мар-Кифай показал на Гуго, – все прихоти которого вы вынуждены будете беспрекословно исполнять? Или вам больше по сердцу мой чернокожий слуга?

Господин И ничего не ответил, лишь понуро опустил голову.

– Приближается... – Мар-Кифай запрокинул голову, закрыл глаза. – Какая мощь, если бы вы знали...

Еще во время предыдущего длинного монолога Мар-Кифая лесник заворо-

чался, словно пытаюсь найти позу поудобней, и потихоньку переместился поближе к Сварогу. Скинув вещмешок, он толкнул его Сварогу.

– Достань из рюкзака желтую накидку и надень.

– Зачем?

– Это накидка сомати, Предтечей, – зашептал лесник. – Помнишь, рассказ о Пещере Девяти Сводов? Мой дед когда-то узнал об этом артефакте, за ним и охотился всю свою жизнь. Накидку вручил мне хамбо-лама, настоятель монастыря. Велел отдать ее Избраннику, когда начнется Шамбалинская война. Я долго верил, что Избранник – это Ольшанский. А сейчас понял, что ошибался. Это ты. Надевай. Это даст тебе Силу.

– Эй-эй! – повернулся к ним Мар-Кифай. – О чем это вы там шепчетесь?

– Обмениваемся мнениями: а вдруг тебя расплющит какая-нибудь небесная плита, – громко сказал Сварог. – Ведь ты же не знаешь, что именно должно произойти. Небо падет на землю? Прискачут всадники Апокалипсиса? Разверзнется земля?

– Честно признаюсь вам, мой дорогой враг, не знаю, – расхохотался бывший верх-советник Короны. – И это придает грядущему событию столь необходимую остроту. Я чувствую приближающуюся мощь, я чувствую, как созвездия проворачиваются в небе, словно ржавые механизмы. Как, словно шары в лунки, встают на свои места небесные тела. Я ощущаю, как эфир нетерпеливо пронизывают волны всевозможных известных и неизвестных науке энергий. Как нарастает напряжение этого эфира. Я ощущаю, как все токи и волны сходятся в центре этого древнего города. Смотрите!

Он вытянул руку в сторону гранитной плиты в центре главной площади Аркаима. Плита светилась матово-белым переливающимся светом. А над лункой в ее центре проскакивали крупные желтые искры.

– Видите, как все меняется, – Мар-Кифай задрал голову к небу. Он смотрел на заметно приблизившийся к Аркаиму смерч. – Близок час!

Сварог более не колебался. Запустил руку в вещмешок, сразу наткнулся на скомканную материю, вытащил желтый ком, потрянул, расправил. Накидка была самой что ни на есть примитивной кройки: три отверстия – для рук и головы, более никаких изысков, а также никаких узоров, простроченных краев и прочих дизайнерских выкрутасов. Правда, ткань совершенно незнакома, на ощупь удивительно мягкая, будто пуха касаешься.

Свечение нарастало. Смерч сместился еще больше. Мар-Кифай не обращал внимания на Сварога. Не до него.

– Пора вам занимать места на сцене, – сказал Мар-Кифай, оборачиваясь. Он увидел Сварога, встающего с земли, и удивленно поднял брови: – Что это за маскарад, милейший?

Улыбку стерло с лица бывшего верх-советника. Какая там улыбка! Его лицо перекошило. Каким-то непостижимым образом он понял, что происходит.

– Не позволю, – тихим, но страшным голосом произнес Мар-Кифай.

– А я и не собираюсь спрашивать позволения, – сказал Сварог и одним махом набросил накидку на плечи...

Глава шестая Война за мир

... **И** невиданного прилива сил не ощутил. Равно как и не почувствовал, что его наделили новыми магическими возможностями, которые не

чета прежним. Нет, он всего лишь испытал чувство защищенности. Словно поддел под бушлат титановый бронник.

А еще Сварог сразу же, не дожидаясь сюрпризов, включил магическое зрение – почему-то он был уверен, что сюрпризы эти непременно последуют. И простым зрением, пожалуй, будет не обойтись...

– Не позволю, – еще раз, еще страшнее повторил Мар-Кифай.

И выбросил вперед обе руки. Нечто серебристое, похожее на брызги ртути вырвалось из его ладоней и ударило в Сварога.

Не зря Сварог испытал давеча чувство защищенности. Брызги магической ртути отлетели от него, отраженные магией каких-то там Предтечей, как шарики для пинг-понга отлетают от включенного вентилятора.

Но это все ерунда по сравнению с тем, что вдруг ощутил Сварог. Он почувствовал, как вложенная Мар-Кифаем в атаку магическая мощь перешла к нему, к Сварогу Хорошую накидку изобрели эти сомати с Предтечами! Видать, и впрямь развитая была цивилизация.

Но чертов Кифай опять обо всем догадался.

– Ты, вижу, хорошо подготовился, человек. Думаешь, этого тебе хватит, чтобы одолеть меня?

Один из китайцев пытался под шумок скрыться. Несколько пуль из тех, что по-прежнему висели в воздухе, сорвались со своего места, догнали беглеца и вошли ему в спину с силой, не уступающей выстрелу в упор. Вряд ли Мар-Кифаю зачем-то было нужно, чтобы все непременно оставались на своих местах, просто он сорвал злость на беглеца. Выходит, и бесы умеют злиться...

Бывший верх-советник развел руки в стороны, и в каждой из них появилось по изогнутому на восточный манер мечу.

«Ага, – подумал Сварог со злорадством, – Бойтся обрушивать на меня мощь колдовских батарей. Опасается, сука, магического рикошета. И правильно делает».

Сварог произнес заклинание, и его ладони сомкнулись на рукояти хорошо знакомого ему прямого двуручного меча.

Мар-Кифай ринулся в атаку без всяких прелюдий и раскачек. И надо сказать, страшна была его атака.

Сварог лишь в последний момент отпрыгнул вбок, когда два сверкающих круга готовы были искрошить его на мелкие части, как капусту. Нисколько не стесняясь своего страха, Сварог бросился наутек. Мар-Кифай кинулся за ним.

Каждый человек понимает без всяких проб и головоломных расчетов, что он не сможет перепрыгнуть пропасть шириной в пятнадцать метров. Просто понимает это, и все. Точно так же, оказывается, бывает и с точностью до наоборот: когда человек *понимает* без предварительных проб и расчетов, что может перепрыгнуть пропасть шириной в пятнадцать метров. И еще много чего может. Например, пробежать вверх по стене или пролететь по воздуху на довольно большое расстояние. Просто знает, что он это может, и все. И это знание вдруг пришло к Сварогу. Сильно толкнувшись, в отчаянном прыжке он вмиг оказался на вершине ближайшего фундамента.

Но и чертов Кифай мог все то же самое! Толкнувшись, он взмыл в воздух и понесся к Сварогу

В Аркаиме вдруг враз потемнело – это смерч завис над головами, закрыв солнце. Гранитная плита с лункой в центре уже ярко светилась ровным жел-

тым светом, будто под ней врубили тысячи армейских прожекторов.

Сварог кинулся прочь от налетающего Мар-Кифая, побежал по лучевым стенам к малому кольцу, ничуть не удивляясь, что ему удастся без труда удерживать равновесие и спокойно развивать совершенно невероятную, превышающую все спринтерские рекорды скорость.

Он совершенно сознательно бежал от битвы. Пока. Когда он почувствует, что готов, тогда и развернется к опальному бесу лицом.

Сварог спрыгнул со стены, сделав в воздухе кувырок, и понесся вперед, петляя между фундаментами. Он снова бежал к центру Аркаима.

Мар-Кифай преследовал его по воздуху. «Очень хорошо, – подумал Сварог, чуть снижая скорость, – ну давай же, нападай!»

Ага! Демон коршуном упал сверху. Сварог, не мешкая, взлетел ему навстречу по стене, кувыркнулся в воздухе и засадил ему носком ноги в подбородок. Удар был не из слабых, а если добавить сюда собственную скорость бывшего верх-советника... Не удивительно, что Мар-Кифай на миг потерял ориентацию, отчаянно замахал руками, рисуя в воздухе мечами беспорядочные стальные круги, а затем шумно навернулся вниз. Сварог не наслаждался мигом торжества, понимая, что это всего лишь временный успех или, что вернее, всего лишь выигрыш времени. Он снова взмыл в воздух, взбегая по нему, как по ступеням...

А на гранитной плите между тем развернулось, оказывается, нешуточное побоище. Там дрались отчаянно и беспощадно, дрались, похоже, все со всеми. Не сразу и разберешь, где кто в этой куче-мале. Разве что туша господина И выделяется...

Сварог вовремя оглянулся и совсем близко увидел нагоняющего его по воздуху Мар-Кифая. Судя по перекошенной физиономии, тот был не на шутку зол. Хорошо бы еще его позлить и потаскать за собой по Аркаиму, да вот только времени не остается...

Сквозь зависший над древним городом смерч медленно опускался сияющий сероголубым свечением квадратный столб. Колонна света – так казалось со стороны, а что уж это на самом деле... кто ж его знает. Сразу можно было определить, что когда нижний край колонны достанет до земли, то он войдет точнехонько в лунку в гранитной плите.

Едва над головами возник этот луч, как побоище внизу вспыхнуло с особой яростью. Вот уже кто-то отползает, весь в крови. Вот уже кто-то... похоже, это славянин из китайского отряда – валяется с неестественно свернутой набок шей. Каждому захотелось первым оказаться на заветном месте.

Нужно было решаться. Иначе проклятый верх-советник просто нагонит и всадит мечи в спину.

Сварог рывком изменил траекторию полета, развернулся и с разворота обрушил меч на налетающего Мар-Кифая. В общем, Сварог и не ждал, что первым же ударом разрубит советника пополам. Он хотел всего лишь перехватить инициативу, напасть самому, заставить Кифая защищаться, обрушить на него град ударов, чтобы у того не оставалось времени что-то изобрести.

И это Сварогу удалось.

Он бил сбоку, сверху, двумя руками, одной, пробовал колющие удары. А главное, он не чувствовал усталости. Какие силы его подпитывали, дело ли в накидке, доставшейся от древних пралюдей, и, может, даже не людей вовсе,

или дело еще в чем-то – все это было сейчас неважно. Не кончаются силы – и ладно, и зашибись, и будем биться, аки львы, не снимая частоты нанесения ударов. Атак, а так, может быть, вот так хочешь попробовать! Пока сволочной Мар-Кифай все удары Сварога успешно отражал...

Ведя бой, они сдвигались в сторону опускающегося столба света. Конечно, это происходило не случайно. Каждому из них хотелось держаться поближе к центру событий. А еще они, начав бой на высоте около пяти метров, опускались все ниже – потому что все ниже опускался столб.

Как-то незаметно все поменялось, Сварог даже не уловил точки перелома. Но факт есть факт, и вот уже Кифай наступает, а Сварог защищается. Причем атаковал советник с никак не меньшей яростью и настырностью, чем Сварог.

Они оказались возле столба. Меч советника, нацеленный в голову Сварога, прошел сквозь свечение... Вернее, должен был бы пройти, будь это и вправду свечение. Но меч, звякнув и выбив сноп искр, ударился о вполне твердую преграду. Гадать, из какого такого хитрого вещества состоит серо-голубой столб, Сварог не стал, а быстро скользнул за него. Получилось дополнительное препятствие, своего рода щит, за которым можно укрываться от ударов.

Он не мог себе позволить то и дело бросать взгляд под ноги – чья берет и что происходит со знакомыми персонажами, но краем глаза видел, что земля и копошащиеся внизу люди уже совсем близко...

Мар-Кифай вдруг резко ушел вниз, выписал головокружительный пируэт, оказался возле самой земли, но чуть в стороне от дерущихся людей, отклонился назад, резко нагнулся вперед, открыв рот – что уж это был за беззвучный крик, Сварог сказать не брался, но поскольку магическое зрение не выключал, то увидел ярко-белую вспышку и пронесшийся в сторону людей маленький, похожий на пыльную бурю вихрь.

В не магической, а в самой что ни есть реальной реальности людей снесло с гранитной плиты, что крошки со стола.

Сварог нырнул вниз вслед за Мар-Кифаем и, вслед же за Мар-Кифаем, встал на гранитную плиту. И сразу же оглянулся: где там бесовские слуги, будущие, блин, правители мира. Они оба белый и черный, находились на прежнем месте – вдали от событий, на краю площади. Они не принимали участия в сваре остальных граждан на гранитной плите, они просто стояли в стороне и ждали, когда их повелитель расправится со всеми врагами. И смело можно было уверять: ни один из них ну ни на миллионную долю процента не сомневается в победе своего господина.

«А ведь так мы оба одновременно окажемся на плите, когда таинственный столб войдет в лунку, и участь наша будет одинакова, хороша она или плоха», – вдруг пришло в голову Сварогу Видимо, об этом же подумал Мар-Кифай, и, кажется, сия мысль его не обрадовала. Потому что он с удвоенной яростью ринулся в атаку.

Сварог отбивался как мог, крутясь на гранитном пяточке. Он уворачивался от града ударов, сам молотил слева и справа, рычал, как зверь, пропускал удары, краем сознания отмечая, что накидка предохраняет его, как надежнейшая из кольчуг, но пропускал он удары и по открытым частям тела, пока вроде несерьезные, хотя в горячке боя можно было и серьезный принять за пустяк...

А столб неотвратимо опускался, что твой дамоклов меч. Этот столб уже отеснил их на край плиты, столб уже в полутора метрах от лунки, а они скачут

вокруг, продолжая иступленно молотить друг друга...

В голове словно разорвалась петарда. Руки вдруг перестали слушаться, пальцы разжались, выпуская меч, подкосились ноги, что-то теплое потекло по затылку на шею. Падая, Сварог обернулся и увидел за спиной Лану сжимавшую в руке булыжник...

Очухался он от ударов по щекам и тут же услышал далекий голос Мар-Кифая:

– Не-ет, я не дам тебе провалиться в беспмятство. Я хочу, чтоб ты все увидел своими глазами.

Сварог пошевелился и обнаружил, что руки-ноги у него связаны. Кто ж это так подсуетился? Две пары рук ухватили Сварога под бока и приподняли. Ага, все понятно. Слуги Мар-Кифая, черный и белый.

В затылке невыносимо ломило, преодолая боль, Сварог кое-как сел. Оказывается, его стащили с гранитной плиты, где теперь безраздельно хозяйничал Мар-Кифай, оттащили в сторону.

Остальные люди жались шагах в двадцати испуганной кучей. Похоже, им был преподан урок. Ну да, как еще объяснить человеческие останки, разбросанные в радиусе десяти метров, и лужи крови. Скорее всего, кто-то из них попытался прорваться к гранитной плите, и Мар-Кифай примерно разметал кого-то, воспользовавшись чем-то вроде той россыпи ртутных брызг. Но убил он не Ольшанского, и не Ключника, и не господина И – эти все, видел Сварог, живехоньки.

Лана же пребывала наособицу ото всех, сидела на земле между проигравшей и победившей стороной. И старательно не смотрела в сторону Сварога.

– Ты совершил типичную ошибку демона, *двойник!* — пророкотал Мар-Кифай. – Ты не принял во внимание людей. Что люди, подумал ты, когда я так велик и могуч! А люди могут подойти со спины с простым немагическим булыжником. Меня тоже недавно долбанули по черепу, так что я знаю... Но все, хватит с тобой. Не до тебя...

Мар-Кифай опустил на колени и смотрел, как луч достиг лунки в плите, как он входит в эту лунку...

– Ну и зачем? – поморщившись от боли, Сварог повернулся к Лане: – Или ты ведешь какую-то свою игру?

Та молчала, повернувшись в профиль. Сварог уж решил, что ответа не дождется. Но, выдержав паузу, Лана все же ответила:

– Ты не поймешь.

М-да, ясности больше не стало. Но сейчас было не до установления полной и безусловной ясности. Слишком бурные события разворачивались неподалеку.

Серо-голубого свечения луч вошел в лунку в гранитной плите. От поверхности плиты ударило вверх янтарного цвета и прозрачности свечение, образовав куб, в центре которого находился Мар-Кифай. Гранитная плита же сделалась похожей на квадрат раскаленного золота.

Сварог задрал голову... Батюшки святы! Смерч давно уже заслонял солнце, поэтому слепить глаза было нечему. А та часть неба, которую смерч не закрывал, в полном смысле слова утопала в звездах. Они были видны так отчетливо, словно это не звезды, а вбитые в небесный купол гвозди с серебряными шляпками.

По телу Мар-Кифая снизу вверх побежали золотистые разряды. Бывший верх-советник вскинул руки, прогнулся назад – судя по раскрытому рту, он кричал что есть мочи, но ничего не было слышно. И тут вертящееся «щупальце» смерча вонзилось ему в грудь.

Постепенно уменьшаясь наверху, смерч ввинчивался в тело верх-советника, и тело сотрясали конвульсии. Так продолжалось, пока смерч целиком не исчез в Мар-Кифае.

И серо-голубая колонна мгновенно пропала, словно втянулась обратно в небо. Гранитная плита обрела прежний вид, погас, будто и не было, янтарный прозрачный куб.

Все закончилось.

Мар-Кифай медленно обернулся к Сварогу:

– Я подарю вам жизнь в честь сегодняшнего праздника – моей... ну назовем это коронацией. К тому же вы мне не соперник более, милейший. Вы – один из миллиарда ползающих по земле муравьев. Отныне я ваш господин и повелитель, хотите вы этого или нет, ваш бог. Богу, как известно, можно и не молиться, если не боитесь его прогневить. Гуго, Пятница, Лана – сюда. Все, мы уходим. И вряд ли теперь встретимся.

Сварог еще успел заметить, как Гуго шутовски прикладывает два пальца к воображаемой шляпе, а потом – бах! – и все трое исчезли, будто их выключили.

В наступившей тишине было слышно, как в голос плачет толстый китаец, как прокликает все и вся Ольшанский.

Тогда Сварог вновь лег на землю Аркаима и закрыл глаза.

Он проиграл. В последний момент – проиграл.

Земля теперь полностью и безвозвратно принадлежит демону.

Продолжение следует...

Красноярск, 2006

Александр Бушков ЧЕРТОВА МЕЛЬНИЦА

*В занимательности Александру Бушкову не откажешь.
Книжное обозрение*

*Если вы читали хотя бы одну из историй о Станиславе Свароге, не сомневайтесь, дальше — только интересней.
Радио «Маяк»*

*В деле создания героев Александр Бушков никогда не промахивается... Герой Бушкова всегда обладает провинциальной самоуверенностью, здравомыслием и крепкой психикой советского офицера. Сварог тут не исключение.
Книжная витрина*

*«Сварог» вывел Александра Бушкова в число фантастов первой лиги.
FANтастика*

*Книги Александра Бушкова о Свароге стали мгновенной классикой в то время, как понятия «русское фэнтези» еще и не существовало.
Мир фантастики*

*...Великолепная фэнтезийная проза. Уникальный, ни на что не похожий, глубоко продуманный мир. Мощная магия, мрачные пророчества. Фирменный стиль, искрометный бушковский юмор.
Русская фантастика*

*Добросовестное отношение к военным и державным реалиям, глобальное авторское видение мира, внятность мотивов и обоснованность поступков персонажей...
Книжное обозрение*

*Есть писатели, которые несут золотые яйца, а есть — которые пишут хорошие книги. Александр Бушков старается это совмещать.
Русский журнал*

*Таларский цикл — самый любимый поклонниками Бушкова. Это изумительный язык: легкий, занимательный, понятный, с приятным юмором.
Ozon.Ru*

Глава I ВЫСОКОЕ ИСКУССТВО ДИПЛОМАТИИ

*Идти по жизни вообще нелегко.
Мэрилин Монро*

За все время подводного пути по могучему полноводному Ителу Сварог ни разу не поднимал перископ. Вовсе не оттого, что по реке в обоих направлениях буквально сновало превеликое множество кораблей, судов и суденышек, дворянских яхт и лодок, прочих плавсредств, любое из которых могло в неведении своем заехать по перископу днищем. Просто-напросто не было нужды в перископе. Аппаратура «Рагнарока» позволяла и без него обойтись. Специальный экран по левую руку от главного прилежно показывал, что творится над головой, фиксировал все плавучее в радиусе двухсот уардов — даже купальщиков, пару раз попадавших. Соответственно, другие приборы постоянно прощупывали рельеф дна, так что не было ни малейшей опасности налететь на какую-нибудь подводную скалу или, скажем, затонувший корабль — такие тоже порой попадались. Одним словом, пока что плавание напоминало скучную прогулку, Сварогу ничего не нужно было делать — ни отдавать указаний, ни прикасаться к чему бы то ни было на пульте.

Трудами Элкона, юного компьютерного кудесника, Сварогов трофей, если можно так выразиться, ассимилировался в нынешних временах, на *нынешней* планете. Всю прежнюю систему навигации Элкон убрал, точнее, скачал для последующего изучения, а взамен заложил новую, современную, ту, что использовалась нынешними моряками-речниками: карты звездного неба, траектория прохождения Солнца по небосводу, подробнейшие лоции для морей и рек и прочее необходимое. Обошлось, фигурально выражаясь, без насилия: возможность подобных операций явно была заложена в Главный компьютер заранее, и он нисколько не сопротивлялся процедуре. Правда, по ее заверше-

нии принялся, раз уж такие дела, требовать и новые координаты навигационных спутников. Элкон кратенько объяснил, что отныне электронному навигатору предстоит жить и работать так, словно навигационных спутников не существует вовсе (как оно и обстояло). Человек-штурман непременно стал бы удивляться и задавать вопросы, но компьютер, как ему и полагалось по жизни, лишь принял к сведению новые правила игры, не вступая в дискуссии.

Сварог отправился в рейд (называя вещи своими именами, в набег) в полном одиночестве. С «Рагнароком» без труда мог управляться один-единственный человек, так что не стоило подвергать риску кого-то еще. Неизвестно, был ли риск и что он собой представлял — но это все-таки Горрот с его необъяснимыми погаными сюрпризами...

Ну что же. Сварог уже давным-давно плыл в горротских пределах. Он предусмотрительно держался центральной трети Итела, издревле носившей статус международных вод. Хотя... Инициаторы помянутых поганых сюрпризов, есть такое впечатление, вряд ли стали бы, обнаружив они подлодку и решив что-нибудь против нее предпринять, соблюдать Конвенцию о международных водах. Не те субъекты, как показывают наглядные примеры. Поди выясни, что там произошло в глубинах Итела, и кто в том виноват...

Но пока что обходилось. Все системы активной обороны в полной боевой готовности, все датчики работают на пределе возможностей — никто не попытался атаковать лодку каким бы то ни было образом, ничто не свидетельствовало, что она замечена.

И все-таки — Горрот...

Сварог изучил все, до чего только мог дотянуться в качестве хозяина секретных служб нескольких королевств и начальника девятого стола. Вряд ли осталось что-то, чего он не знал о Горроте — точнее выражаясь, он теперь знал все, что знали выше означенные службы. И никак нельзя сказать, чтобы это приблизило разгадку хоть на шагок...

Ну, а *точной* даты внезапно нагрянувших перемен не знал вообще никто. Если она существовала в виде конкретного дня и часа, ее никому не удалось зафиксировать. Просто-напросто с *некоторого времени* начало твориться неладное. Два с лишним года назад, вот вам и вся точность. «Лишнее», насколько можно судить, насчитывало пару-тройку недель. А то и поболее.

Первыми встревожились гланцы, для которых постоянной угрозой и вечным противником как раз и был Горрот — а потому они и держали в Горроте в несколько раз больше агентуры, чем любое другое королевство (для Ронеро Горрот, хоть и сосед, был не столь уж и серьезной угрозой, а Балонг по своему статусу и вовсе не испытывал ни малейшей тревоги, хотя шпионов для порядка в Горроте держал, а как же иначе?).

И завербованные гланцами в Горроте *источники*, и засланные туда гланские «кроты», прижившиеся, отлично законспирированные, нераскрытые, вдруг перестали выходить на связь и слать донесения в установленные сроки. И не то чтобы один, два, а семь... двенадцать... пятнадцать... двадцать... двадцать два... Именно тогда, доверительно признался глэрд Баглю Сварогу, он и заметил у себя первые седые волоски. Шпионаж — ремесло специфическое, со своими давным-давно сложившимися порядками и традициями. Нет ничего удивительного в том, что время от времени какой-нибудь агент, как бы ловок ни был, все же проваливается. Дело житейское, учено выражаясь, статистиче-

ская вероятность. Случается, что провал одного тянет за собой сложившуюся сеть. Это так же неизбежно, как боевые потери.

Но что прикажете думать профессионалу, когда в массовом порядке начинает сыпаться агентура, никоим образом меж собой не связанная? Даже не подозревающая о существовании друг друга? Когда один за другим бесследно исчезают люди, посланные выяснить судьбу пропавших? Недели через две стало окончательно ясно, что Баглю лишился всей своей агентуры в Горроте: восемьдесят два человека оседлых и одиннадцать направленных для выяснения. И он перестал посылать новых, уже заведомо зная, что лишь погубит их понапрасну...

Точно так же обстояло и с агентами других, подвластных отныне Сварогу государств — разве что потери были поменьше гланских. Как удалось установить чуть позже, с лоранскими шпионами все произошло точно так же.

В те же недели территорию Горрота, постепенно сгущаясь, полностью накрыла некая зона помех, сделавшая слепыми и глухими все средства наблюдения, какими располагал восьмой департамент. Имперский наместник в Горроте (в отличие от иных своих коллег, человек весьма неглупый и дельный), лишь разводил руками: он ничего не мог понять, сам лишился всей своей агентуры, а кое-какие хитрые приборы, имевшиеся в его резиденции, не зафиксировали каких бы то ни было перемен либо изменений в окружающем мире. Ни единого проявления новой, неизвестной магии. Ни следа новых техногенных явлений. Внешне все остается, как прежде: с господином имперским наместником обращаются с прежним почтением, он ведет прежний образ жизни, присутствуя на тех церемониях, которые его обязывают посещать этикет — вот только агентуры у него больше нет, ни единого человека. Работавшие на него придворные исчезли из дворца. Окольными путями удастся выяснить, что кто-то оказался в тюрьме, а кто-то казнен (кстати, именно так обстоит и с теми, кто был завербован во дворце Стахора земными разведками). Всех своих людей в Горроте лишился и восьмой департамент. Никому не удастся не то что восстановить прежнюю сеть, а хотя бы завербовать одного-единственного нового агента — вербовщики исчезают, разведчики, засланные с расчетом на оседание и внедрение, исчезают, несмотря на их безупречные «легенды».

Тупик. Глухая стена.

Хватаясь за соломинку (и, естественно, не сговариваясь), главы тайных служб всех заинтересованных королевств пытаются объяснить все пресловутой «изменой в рядах». Остается предполагать лишь, что агенты Стахора проникли во все без исключения соседские разведки и вычислили засланную в Горрот агентуру.

Эту версию отбрасывают очень быстро. Так попросту не бывает. Испокон веков случались и предатели, и двойные агенты, и проникшие в разведслужбы противника «кроты» — но ни один из таких не способен провалить всех. Даже если «кротом» окажется, скажем, глава ронерского «туманного кабинета», он попросту не может знать, кого именно заслали в Горрот Морское министерство, Пограничный корпус, наконец, сам король. И наоборот... Это в патриархальном Глане существует одна-единственная тайная служба, а в других государствах их несколько. И наконец, представить невозможно, что люди Стахора внедрились в восьмой департамент, точно так же потерявший всю

свою агентуру, в том числе и двух благородных ларов (один исчез бесследно, а второй третий год покоится в фамильном склепе в виде золотой статуи. Как ни изучали ее *наверху*, ничего понять не смогли: все внутренние органы на месте, все крохотные жилочки, но все это непонятно почему стало чистейшим золотом).

Баглю (его интересы происшедшее задевало больше, чем чьи-либо другие) очень быстро придумал интересный ход. Лучшая из его бабок-ведуний, какую удалось отыскать, проплыла пассажиркой на рейсовом речном паруснике из Латераны в Балонг, причем выбран был тот рейс, что задерживается на сутки в Акобаре. Ничем не примечательная купеческая вдовушка, благообразная, несуетливая, неприметная, как кулек крупы на полке бакалейной лавки...

Бабка вернулась живехонькой и здоровехонькой. И решительнейше заявила: ни за все время следования в пределах Горрота, ни за сутки пребывания в акобарском порту она не почувяла ни тени, ни отзвука черной магии. Вообще ни капли чего-то нового, прежде неизвестного, не почувяла. В чем клянется своими сединами, уменьями и репутацией.

Баглю был подозрителен. И назначил самое тщательное исследование. Однако дюжина собранных им ведуний заверила: перед ним та же самая бабка Сбарри, что отплыла из Латераны. И никакой она не подменыш, и никаких посторонних воздействий на нее не оказывалось.

Баглю был упрям — и еще две бабки-ведуньи совершили путешествие за казенный счет по тому же маршруту. Сделав по возвращении точно такие же доклады. Тем временем та же идея осенила кое-кого в других королевствах — и через Горрот с задержкой в Акобаре поплыли ронерские ведуньи, снольдерские маги и даже харланский деревенский колдун. С тем же результатом. Тем же маршрутом проследовали с полдюжины безобидных на вид речных корабликов, от носа до кормы набитых аппаратурой восьмого департамента, пытаюсь выявить уже не магию, а нечто техногенной природы. Безуспешно.

Так оно с тех пор и продолжалось: чьи бы то ни было агенты, проследовавшие *через* Горрот водой либо сухопутьем, все до единого возвращались невредимыми (правда, ни один из них не узнал ровным счетом ничего, что могло бы помочь в разгадке). Чьи бы то ни было агенты, пытавшиеся в Горроте *осесть*, опять-таки все до единого пропали бесследно. Попытки стали хоть и регулярными, но редкими — с целью убедиться, что ничего не изменилось. Ничего не изменилось.

В силу той самой статистической вероятности во всех странах порой вылавливали горротских агентов — но ни один из них ровным счетом ничего не прояснил касательно *странностей*. Хотя допрашивали их *весьма* пристрастно, не ограничиваясь словесами. Полное впечатление, что они попросту не понимали, чего от них хотят. Никаких таких *изменений* в жизни своего королевства они не усматривали. В конце концов их даже перестали вздергивать на дыбу — не по доброте душевной, просто поняли, что бесполезно...

Кое-какие перемены имперский наместник все же прилежно отметил. За пару месяцев во дворце сменилось примерно три четверти придворных, и добрая половина министров потеряла свои посты. Однако подобное сто раз происходило в других королевствах. Как ни анализировал «кадровые чистки» восьмой департамент, никакой логики в них не усматривалось. Кто-то казнен, кто-то оказался за решеткой, но большинство просто-напросто угодили в опа-

лу классического типа — когда опальному высочайше повелевают удалиться в свое имение и носа оттуда не высовывать (а при отсутствии имения перебраться на жительство куда-нибудь в глушь). Все, работавшие на иностранные разведки, оказались на виселице либо в тюрьме — но среди казненных и заключенных хватало и тех, кто в жизни в иностранных агентах не состоял. Среди изгнанных в отставку министров имелись как важные, так и третьестепенные — и тут ни логики, ни системы. Все это выглядело опять-таки насквозь житейским делом. Вспомнили кстати, что Конгер Ужасный, войдя в свое время на престол, разогнал весь прежний двор и всех прежних министров, причем кое-кто угодил на Монфокон, а кое-кто за решетку. Один из великих герцогов Харланских лет триста назад пошел еще дальше — он, взявши бразды, вообще перебил всех придворных и министров покойного батюшки. Одним словом, не счесть случаев, когда короли *перетряхивали* приближенных, министров, генералов и высоких чиновников еще почище, чем Стахор. Так что к этому никак нельзя было прицепиться, поскольку происшедшее несколько не заслуживало наименования «странностью».

Показалось, что кое-какая надежда замаячила после истории с подменой принцессы Делии бесплотным *морокком*. На очередной большой королевский прием воспрянувший было духом имперский наместник отправился, скрывая под пышным церемониальным нарядом несколько хитроумных компактных аппаратиков и детекторов. Увы, после тщательнейшего изучения записей оказалось: и король Стахор, и королева Эгле — самые обычные люди из плоти и крови, не мороки, не магические подменыши...

Четырежды во время визитов во дворец наместник ухитрился пристроить в незаметных местах крохотные микрофончики — от безнадежности пришлось обратиться к этой архаике. Однако ни разу не удалось ничего услышать, ни словечка, словно микрофоны сразу после ухода наместника изымались и уничтожались — хотя наместник ручался чем угодно, что всякий раз проделывал это незаметно.

По чьему-то предложению из пыльных кладовых извлекли еще одно архаическое приспособление: довольно громоздкое по современным меркам устройство лазерной подслушки. Невидимый луч упирался в оконное стекло, которое во время ведущихся в комнате разговоров испускало тончайшие вибрации, превращаемые означенным устройством в членораздельную речь.

Наместник лично взобрался с этой штуковиной на чердак своей резиденции. И не услышал ни словечка, хотя прощупал лучом не менее двадцати находившихся в прямой видимости окон королевского дворца. Хотя в некоторых он ясно различал фигуры беседующих, даже невооруженным глазом, без бинокля. То ли устройство вдруг отказывало, оказавшись в Горроте (хотя все индикаторы вроде бы свидетельствовали, что аппарат в полной исправности), либо был поставлен некий барьер — но его не смогла бы не обнаружить кое-какая другая аппаратура, которой наместник располагал. А она не обнаружила.

С тех пор наместник дважды подавал в отставку, и дважды его с превеликими трудами уговаривали остаться. Последние года полтора... Нет, никак нельзя сказать, что земные тайные службы и восьмой департамент махнули рукой на Горрот. Просто-напросто все поневоле *смирлись* с ситуацией, не имевшей разумного объяснения — тем более что *внешне* сохранялась полная

обыденность, и не имелось никаких законных возможностей для каких бы то ни было санкций. С каковым обстоятельством был вынужден примириться столь великий знаток законов, как Костяная Жопа. Месяца полтора назад Гаудин заводил со Сварогом крайне дипломатичный разговор, пытаясь склонить его отправить на разведку в Горрот Караха («Что, если на *них* все эти поганые странности не действуют?»). Сварог решительно отказал без всякой дипломатии — не было никаких гарантий, что ушастому сподвижнику, министру и барону удастся вернуться...

Правда, он приблизительно в то же время никак не смог отговорить старуху Грельфи, которой приспичило, извольте ли видеть, самолично произвести разведку на месте. Впрочем, ничего с ней не случилось — подобно своим многочисленным предшественницам и предшественникам совершила речное путешествие на борту корабля, часов десять отстаивавшегося в Акобаре — и вернулась невредимой, вдобавок чуточку сконфуженной. По ее собственным словам, там *ничегошеньки не чуялось*...

И только у Сварога имелся сейчас один-единственный козырь — хотя он еще не знал, козырь ли это, а если все же козырь, то выйдет ли от этого какая-нибудь польза...

Он встрепенулся, услышав приятный, бесстрастный женский голос:

— При сохранении прежней скорости субмарина через пять минут окажется в пределах Акобара, о чем напоминаю согласно вашим указаниям.

Сварог выпрямился в кресле. Он был собран и спокоен — настолько, что показался сам себе каким-то механизмом. Вот странность, он не испытывал сейчас никаких человеческих чувств, ни малейших эмоций, а ведь следовало бы...

— Замедлить ход до двух единиц, — распорядился он ровным голосом. — По достижении Эриса повернуть туда, сбросив ход до ноль три.

— Принято.

— Боевая тревога, — продолжал он столь же холодно. — Вторая батарея правого борта — шесть ракет в готовности, цель прежняя. Вторая батарея левого борта — шесть ракет в готовности, шесть — для второго залпа, цель прежняя.

— Приказ принят, — откликнулся мелодичный бесстрастный голос.

Только теперь он улыбнулся — криво, скупно. Горротские неведомые затейники от многого сумели себя обезопасить неведомым образом — от чужих разведчиков, от наблюдения, даже, как показал унылый пример, от вторжения соседской армии. И ничего нельзя было с этим поделать до появления «Рагнарока».

Зато теперь... Сидя в командирском кресле идущей малым ходом на глубине двадцати уардов субмарины, он прекрасно знал, где у Горрота ахиллесова пята.

Карты.

Обычные географические карты и планы городов. Горротцы могли закрыться от шпионажа, подглядывания и подслушивания. Могли загадочным образом обрушить на вторгшуюся армию скопище каменных глыб. Вполне возможно, держали в загашнике до лучших времен еще какие-то эффективные и убойные сюрпризы. Они, наконец, столкнулись с токеретами и сумели с их помощью захватить Батшеву.

Одного они сделать не в состоянии: собрать и уничтожить подробнейшие карты Горрота и точные планы своих городов, в том числе и столицы. Таковых за пределами Горрота имеются даже не сотни, а, надобно полагать, тысячи: у разведчиков, у военных, да просто в самых что ни на есть мирных географических атласах и учебниках для университетов. До вступления в игру «Рагнарока» это обстоятельство не способно было нанести Горроту ни малейшего ущерба. Но когда отыскалось Копье Морских Королей...

— Справа по борту Эрис, — прозвучал женский голос. — Выполняю поворот, скорость сброшена до ноль три.

Сварог покосился вправо — крохотная алая точка, ползущая по разветвленной зеленой линии, свидетельствовала, что маневр, о котором докладывает Глаин, выполняется в точности. Медленно-медленно, едва ли не со скоростью пешехода, «Рагнарок» поворачивал в приток Итела. Все. Международные воды покинуты несколько минут назад, за бортом — суверенная территория Горрота. Где горротцы, собственно говоря, имеют полное право разнести, как бог черепаху, любое проникнувшее сюда иностранное судно, хоть паршивый шестипушечный шлюп, хоть «Рагнарок» — в данную минуту закон не делает меж ними никакого различия. И никто их даже на пару грошей не оштрафует, они в своем праве...

Если у них найдется чем разносить. Даже если и так, Сварог исходил не из авантюрных побуждений, а из точного расчета. Вряд ли за неделю, прошедшую с момента захвата Сварогом субмарины, в Горроте успели просчитать все возможные его действия и установить какие-то надежные ловушки. Все их прежние каверзы — и разрушившая гланский королевский дворец исполинская капля воды, и летающие глыбы камня, и атака на Батшеву — несомненно, требовали какого-то времени на подготовку. А вот способны ли они заранее *упредить* задуманную Сварогом ответную акцию, вообще предугадать таковую?

Очень сомнительно. Хотя полной гарантии нет. Ну, в любом случае отступить поздно... Попала собака в колесо — пищи, да беги...

Судя по отметкам на крайнем левом экране, судоходное движение над головой едва ли не прекратилось полностью. Специфика места, знаете ли. Если Ител — своеобразная большая дорога, такая трансконтинентальная магистраль, то Эрис, шириной уардов в сто и глубиной в пятнадцать, больше похож на тихий тупичок. Не зря у горротского простонародья его протекающий через Акобар участок именуется «барской речкой». Отсюда и до конца города по обоим берегам располагаются лишь министерства, дворянские усадьбы (главным образом титулованных персон, магнатов), прекрасные парки и увеселительные заведения, опять-таки предназначенные исключительно для благородного сословия. Соответственно, и Эрис — нечто вроде «благородной улицы», которую не положено паскудить своим присутствием всяким там торгашам и простолюдинам. Спокойную гладь Эриса украшают лишь дворянские яхты, на которых господа изволят совершать увеселительные прогулки — но сегодня будний день, нет никакого праздника на воде, и потому за то время, что «Рагнарок» преодолел полторы лиги, локатор зафиксировал один-единственный кораблик, да и тот не плыл, а причаливал к берегу — судя по карте, там располагалось именно что богатое поместье. И все равно, перископ поднимать не стоит пока что, мало ли кто глазастый обнаружится на берегу...

— Стоп, — распорядился Сварог. — Лодку удерживать ходами на месте. Карту на экран.

— Принято.

Только теперь нахлынули чувства и эмоции: напряжение, азарт, боевая злость... На втором справа экране вспыхнула карта: на бледно-кофейном фоне черными линиями нанесены контуры зданий, зелеными пятнами — сады и парки.

— Цель левого борта подтверждаю, — сказал он спокойно.

Три алых концентрических кольца, крест-накрест пересеченных прямыми линиями, легли на одно из зданий левого берега, в плане больше всего напоминавшее полумесяц с отрезанными концами.

Это было Морское министерство, пристанище горротских адмиралов. После долгих размышлений, планируя операцию, Сварог пришел к выводу, что именно его можно считать этакой символической целью для ответного удара. Стрелять по королевскому дворцу — пошлость. Пусть горротцы и снесли замок в Клойне, явно рассчитывая раз и навсегда прикончить Сварога, мы, господа, люди благородные и не станем уподобляться всякому быдлу, нарушающему рыцарские правила ведения войны. Мы, господа, выше этого...

Неизвестно точно, в каком именно государственном учреждении обретаются те, кто разрушил Клойн и обрушил каменные глыбы на его доблестные войска. Зато военно-морской флот себя как раз *засветил* в противоборстве со Сварогом. Батшеву и заняли господа военные моряки из-под «кляксы», они же устроили и экспедицию к Хай Грону, пытаясь завладеть «Рагнароком». Конкретный, персонифицированный враг. Которому и предстоит получить ответную плюху...

— Цель правого борта подтверждаю.

Перекрестье прицела легло на правый берег, на здание причудливой формы — скопище не соединенных меж собой квадратов, прямоугольников, кругов и полукружий, трапеций. Располагалось оно посреди обширного парка, судя по карте, усеянного множеством небольших павильонов и беседок.

Эта цель не имела ни малейшего отношения к военным объектам. Всего-навсего одно из тех самых роскошных — увеселительных заведений для высшей знати: рестораны и бордели, театрики и цирковые манежи, арены для петушиных боев и травли медведей собаками, игорные заведения и тому подобные местечки для развлечения пресыщенной, набитой золотом публики. В уничтожении этого шикарного вертепа Сварогу виделась некая циничная ирония, которую в Горроте, хочется верить, оценят по достоинству: одновременно взлетают на воздух серьезнейшая контора, Морское министерство, и один из дюжины роскошных бардаков. Ну, разве в этом нет циничной иронии? Да навалом!

Те, на правом берегу, в общем, насквозь непричастны... а разве во дворце в Клойне погибли солдаты или разведчики? Да нет, самый мирный народ, дворцовая прислуга: лакеи, горничные, печники и полотеры, ламповщики и повара. Они тоже были ни к чему не причастны... Главное, в этом бардаке не окажется детей — их в это заведение водить не принято. Да и особого наплыва посетителей нет, до вечера еще далеко. Ну, что же... Иные вещи, приводящие обычного человека в ужас, *короли* проделывают, не моргнув глазом. Должность такая, господа...

— Левым бортом — залп и тут же — повтор, — отчеканил Сварог, не чувствуя ни малейшего душевного неудобства. — Правым бортом — залп. Пуск!

— Принято. Пуск.

Лодка едва заметно содрогнулась, самую чуточку, если бы не ожидал этого легчайшего сотрясения, мог бы и не заметить... Несколькими мгновениями позже красные круги исчезли, на их месте зажглись красные точки — двенадцать слева и шесть справа. Как и следовало ожидать, ракеты все до единой легли в цель. Наверху сейчас жуткий грохот, но под водой его не слышно...

— Подвсплыть под «зеркало»! Поднять перископ!

Замелькали красные циферки, число, каковое они обозначали, становилось все меньше, справа вспыхнула короткая, широкая зеленая стрелочка — лодка шла вверх, пока не остановилась так, что перила рубки от поверхности воды отделяло не более пары локтей. Вспыхнул огромный, вогнутый дугой экран перископа. Не беспокоя Глаин, Сварог сам легонько крутанул влево никелированное рубчатое колесико.

Покривил губы, по-прежнему ни о чем не сожалея и уж тем более не терзаясь угрызениями совести, отнюдь не приличествовавшими королевскому ремеслу. Подумал, что давно уже стал *настоящим* королем — вот только что-то безвозвратно пропало в душе, и это, конечно же, навсегда...

Слева, за острой крышей какого-то роскошного длинного особняка, над откосами темно-коричневой черепицы, над золочеными флюгерами и вычурными чугунными карнизами все выше и выше поднимался к небу исполинский столб тяжелого черного дыма, его клубы грузновато, можно бы даже сказать, солидно сворачивались, сливались в лениво вздымавшиеся струи, и в этом зрелище имелась своя жуткая прелесть — ну, понятно, для того, кто сидел в командирском кресле выпустившей ракеты субмарины...

По набережной, то и дело выскакивая на тротуар, промчался простоволосый, совершенно ошалевший всадник на совершенно ошалевшем коне, судя по богатому платью, не из простых свиней свинья. Несся он как раз в противоположную сторону, подальше от тянувшегося к облакам дыма.

Хмыкнув, Сварог развернул перископ влево. Как и следовало из плана города, бывшее увеселительное заведение оказалось в прямой видимости: меж двумя далеко отстоящими друг от друга зданиями Сварог прекрасно видел медленно распространявшееся во все стороны буйство багрово-золотистого пламени — горели деревья в обширном парке, свечками вспыхивали павильоны и балаганы, а посреди ширившегося огненного круга тянулись в небо полдюжины дымных струй — для *этой* цели не требовалось точности, ракеты, выпущенные «по площадям», обрушились вразброс...

Ну, хватит, налюбовался. Вспоминая классику, в нашем деле главное — вовремя смыться. Мало ли что может быть пущено в ход против нахального визитера...

В узком потоке Эриса «Рагнарк» ни за что не смог бы развернуться нормальным образом, места не хватало — но Сварог, прекрасно знавший об этом заранее, не медля ни секунды, распорядился:

— Задним ходом — в Ител! Ход — три единицы!

Перископ он не убирал еще секунд пять. Казалось, лодка осталась на месте, а красиво облицованные набережные, роскошные здания и два исполинских пожара уносятся назад с приличной скоростью.

— Убрать перископ!

— Принято. Лодка сейчас достигнет Итела... — и приятный женский голос замолчал в ожидании необходимых команд.

— Уходим вверх по течению в сторону Глана, — распорядился Сварог. — Полный маршевый ход. Глубина — двадцать.

— Принято.

Заплясавшие красные циферки теперь изображали растущее число — «Рагнаррок» быстро выходил на полный маршевый, превышавший полсотни морли[3] в час. Ничего опасного не было в том, чтобы нестись на такой скорости: *подводного* движения по Ителу не существует, разумеется, если не считать старых знакомых, крохотных поганцев, но шансы на встречу невелики, а пределы Горрота следовало покинуть как можно быстрее. На месте Стахора он сам не на шутку обиделся и рассердился бы и непременно пустил в ход хоть что-то, способное догнать и качественно достать нахала... если только оно у Стахора есть...

Резко заверещал звонок. Один из экранов слева зажегся, на нем горело три алых точки, выстроившихся почти правильным треугольником. И тут же заговорил Глаин:

— Три подводных объекта встречным курсом. Скорость — до двадцати морли. Расстояние — семьдесят два морли... семьдесят одна...

— Отставить звуковой отсчет, — распорядился Сварог. — Ограничиться цифровым.

Он уставился на зеленые цифры в левом верхнем углу экрана. Число уменьшалось неспешно, но неуклонно, размеренно, словно работал часовой механизм: шестьдесят восемь... шестьдесят семь... шестьдесят шесть...

Он ничуть не сомневался, с кем встретился — больше тут оказаться просто некому... Но все же спросил:

— Размеры?

— От десяти до двенадцати уардов. Масса...

— Отставить!

— Принято. «Рагнаррок» в зоне действия локаторов объектов, частотные характеристики излучения...

— Отставить! — рявкнул Сварог, мысленно выругав чересчур уж обстоятельную и педантичную дуру. — Боевой части три — боевую готовность.

— Принято.

Они сближались — «Рагнаррок» и три подлодки токеретов. Правда, «крохи» наполовину сбросили ход, треугольник на несколько секунд увеличился в размерах чуть ли не вдвое, потом вернулся к прежним размерам. Впечатление такое, что они растеряны, ошарашены, не сразу и сообразили, какие маневры выполнять...

Что же, *застава*? Но имело ли смысл эту заставу держать? По дороге в Акобар Сварог никаких токеретов не встретил. Просто плыли по своим делам? Сбавили ход, но по-прежнему идут встречным курсом...

Сварог лихорадочно искал решение. Торпеды токеретов в силу маленького размера ядерный заряд нести никак не могут, а обычная их взрывчатка для внешнего корпуса «Рагнарока» никакой опасности не представляет по причине малого количества. Для деревянных здешних кораблей они, как Сварог видел собственными глазами, смертельно опасны, но супротив «Рагнарока» —

шалишь... Все равно что палить из пистолета по танку.

Что же делать-то, ч-черт? Боевая часть три — это как раз и есть торпедные аппараты, в том числе противолодочные. Достаточно отдать приказ — и эту троицу разметет в клочки...

Следствием чего непременно будет нешуточное загрязнение Итела радиацией — ведь в клочки разлетятся и ядерные реакторы подлодок. Заканчивайся Ител в Горроте, оно бы и наплевать с высокой колокольни — но несущая смерть радиоактивная вода в конце концов непременно достигнет Балонга, отравит залив Даглоти, а там и пойдет в океан...

— Курс прежний, скорость прежняя, — почти крикнул он. — В самый последний момент — маневр расхождения, вверх или вниз, судя по их курсу... Все понятно?

— Принято, — откликнулся Глаин.

Зажав в зубах незажженную сигарету, Сварог не отрывал глаз от экрана. Тридцать восемь морли, тридцать семь... тридцать шесть... они не стреляют, но это еще ничего не значит, быть может, хотят пустить торпеды с короткой дистанции...

Треугольник красных точек вдруг превратился в прямую линию — и тут же линия эта буквально провалилась вниз, на миг исчезнув с экрана, и тут же появившись вновь.

— Объекты идут на экстренное погружение, — доложил Глаин. — Сбрасывают скорость до нуля... ложатся на грунт...

Сварог весело оскалился. Ну да, никакая это не застава, они, безусловно, и знать не знают о происшедшем в Акобаре, они плыли по своим делам. Оценили размеры «Рагнарока», прикинули его возможности, сравнили со своими — и, не пытаясь глупо геройствовать, юркнули в кусты, переждать, полагая, должно быть, что за правильное поведение не получают по морде... И ведь не получают, лилипуты хреновы, их счастье...

«Рагнарок» пронесся высоко над улегшимися на грунт лодками, словно... Да черт с ними, с высокопарными аналогиями, просто пронесся. Лишь когда он отдалился морли на полсотни, Глаин доложил, что лодки начали потихонечку подниматься над дном. Вполне вероятно, в Токеранге уже знали, что «Рагнарок» отыскался, и знали, кто его нашел. Там, возле Хай Грона, Сварог не стал добивать третий горротский фрегат, качественно подшибленный капитаном Зо — и эти поганцы наверняка дотащились уже домой. Даже если они не посвящены в тайны экспедиции Тагарона, всего-навсего получили приказ эскортировать и охранять, не могли не видеть, как Сварог разнес ракетами в щепки остальные два фрегата. В Горроте наверняка имеется человек, который из рассказа моряков моментально сделает единственно верный вывод или уже сделал... Есть такой человек, а то и не один, не может его не быть, Тагарон не бескорыстным научным поиском озаботился, а шел к ясной, конкретной цели, горротцы точно знали, за чем идут...

Как бы там ни было, у них определенно не нашлось средств хоть что-то сотворить с «Рагнароком» — быть может, средства и имелись, но, чтобы пустить их в ход, требовалось больше времени, чем хватило Сварогу, чтобы покинуть пределы Горрота. Так и не обнаружив за собой никакой погони, он пересек ничем не отмеченную водную границу двух держав — о чем узнал только из сообщения Глаина и движения красного огонька по зеленой линии.

Предосторожности ради он прошел два десятка морли по родной гланской земле (то есть воде), не всплывая на поверхность. Судоходство здесь было оживленным, не следовало смущать умы речников, демонстрируя им «Рагнарок». Как справедливо выразился один умный еврей (кстати, коллега по ремеслу, то бишь король), во многом знании — многие печали...

Морли через полторы он приказал сбросить ход до самого малого, вскоре «Рагнарок» тихонечко свернул налево, в один из притоков и через несколько минут всплыл среди окруженного поросшими лесом горами озера — продолговатого, глубокого, самой природой идеально созданного для потайной гавани. Здесь «Рагнарок» преспокойно мог развернуться, а положи его на грунт — ни один человеческий глаз не усмотрит лодку в темной воде.

Он видел на экране, как кучка людей с конями в поводу, стоявших уардах в ста от берега, возле бомбардировщика с хелльстадским флагом на хвостовом оперении, торопливо полезла в седла. Распорядился спокойно:

— Причаливаем. Выпустить трап. Когда я покину лодку, уйдешь на главную базу. Там отстаиваться до моего появления.

— Принято, — откликнулся приятный женский голос.

Какое-то время Сварог еще посидел, откинувшись на спинку кресла, медленно выпуская дым и лениво поругивая себя за то, что ввязался, называя вещи своими именами, в весьма рискованную авантюру. Он еще до отплытия знал, что это рискованная авантюра (мало ли какие сюрпризы могли сыскаться у горротцев), так что самобичевание получилось каким-то вялым и несерьезным. Главное, что риск не был *глупым*, а все остальное перемелется. Главное, что Стахор получил чувствительную оплеуху, и это лишь прелюдия, если события будут разворачиваться так, как Сварог предположил, то сегодняшняя рискованная вылазка окупится десятикратно...

Уже привычно, ловко пройдя по трапу, он ступил на каменистую землю. Глэрд Баглю и четверо его спутников из Медвежьей Сотни стояли верхами уардах в двадцати от берега. Не то чтобы благородные и лихие гланские вояки боялись «Рагнарока»... Просто не успели еще *свыкнуться* с этакой вот штуковиной, за что не стоит их упрекать.

За спиной Сварога тихонько стукнул втянутый трап, захлопнулся люк, шумно забурлила вода — винты заработали. Он не оглянулся. На компьютер, обладавший приятным женским голосом, можно было полагаться на все сто. Все приказы будут выполнены скрупулезнейше. Главная база располагается в Хелльстаде — так оно надежнее будет. Никто еще не высказал ему этого вслух, но кое-кто наверху страстно желал заполучить субмарину в свое полное распоряжение, так что предосторожность нелишняя...

Баглю прямо-таки в седле ерзал от жгучего любопытства, но, превозмогши неуместные в его солидном положении порывы, спросил степенно и чуть ли не равнодушно:

— Все в порядке, государь?

— Для кого как, — ухмыльнулся Сварог. — У нас с вами все в порядке, а вот в Акобаре сейчас переполох не на шутку. Вы только представьте себе, их Морское министерство отчего-то взлетело на воздух, и то, что от него осталось, сейчас наверняка уже догорело...

— Ох ты ж, незадача какая... — сокрушенно сказал Баглю, переглянувшись со своими ухмылявшимися молодцами. — Чего только на свете не бывает...

Какие будут наказания, государь?

— Возвращайтесь в Клойн, — сказал Сварог. — Объявите боевую готовность пограничной страже и приграничным войскам, да и вообще поглядывайте в оба — мало ли что нам могут в отместку устроить, эти господа из Акобара, как мы уже убедились, способны на самые невероятные фокусы... А я лечу в Латерану: делу время, потехе — час...

Он кивнул и, пройдя мимо отсалютовавших ему гвардейцев с крайне довольными усатыми рожами, направился к самолету. Взбежал по лестнке, нажал кнопку, и лестнка тут же втянулась, дверь захлопнулась.

Пульт, за который он уселся, был посложнее имевшихся на снольдерских самолетах. Весьма даже сложнее. Поскольку, говоря по секрету, это был вовсе и не самолет, а вимана, выполненная в виде самолета и способная развивать сверхзвуковую скорость...

Это была не шалость, а жизненная необходимость. Очень уж широко раскинулись его нынешние владения. Даже пользуясь обычными самолетами, он терял кучу времени в разездах — а вимана как раз массу времени экономила. Ну, а поскольку это была вимана благородного лара (обремененного к тому же серьезными воинскими и придворными званиями, а также должностями), ей, понятное дело, разрешалось бороздить небеса на тех высотах, что земным самолетам запрещены. И при необходимости отправляться напрямиком в любой летающий замок, включая Келл Инир. Благородный лар вправе придавать своей вимане любой вид, никто ж не виноват, что у остальных не хватает фантазии, и они пользуются готовыми образцами. А местные... То бишь обитатели земли... Ничего они не заподозрят. Поскольку подавляющее их большинство о самолетах только слышало, в глаза не видя, откуда им сообразить, что пробег при взлете и посадке у *этого* самолета *неправильно* короток, а скорость *неправильно* велика? Вот разве что в снольдерской столице и паре-тройке других городов, где имелись и аэродромы, и авиаторы, и самолетостроители, приходилось, чтобы не возбуждать излишне умы, притворяться самым обычным самолетом — и пробег в этом случае «правильный», и скорость подозрений не вызывает, и винты прилежно вертятся, и моторы шумят...

Сварог посмотрел вправо. Всадники, коротким галопом удалившиеся уже лиги на две, не оборачивались. А потому ради экономии времени он не стал применять маскировочные приемчики — взмыл с места вертикально, со скоростью, от которой обычный здешний самолет моментально развалился бы. Ну, а грохот, возникающий при преодолении звукового барьера, непременно примут за отзвук далекой грозы, и не более того...

Настроение было превосходным.

Горротская дипломатия дала о себе знать даже раньше, чем он прикидывал — уже через сутки из снольдерской столицы в Латерану сообщили, что посол Горрота в Снольдере, выполняя волю своего монарха, просит короля Сварога о немедленной аудиенции. И просит, если только это возможно, предоставить ему самолет, чтобы как можно быстрее до Латераны добраться.

Ожидавший именно такого развития событий Сварог не тянул время — не тот случай, когда из соображений государственного престижа посла маринуют в королевской приемной когда часы, а когда и недели. А потому он велел немедленно исполнить просьбу высокоуважаемого господина посла.

(Истины ради нужно уточнить, что сформулировано это было несколько

иначе. Сварог, ухмыляясь, произнес: «Ладно, быстренько посадите эту старую обезьяну в самолет, и пусть чешет. Только предупредите пилотов, что ли, чтобы бадейку припасли, а то он еще по неопытности всю кабину заблюет...». Статс-секретарь заверил его, что королевская воля будет исполнена в точности, хихикнув не из подобострастия, а совершенно искренне — Сварог знал, что молодой маркиз горротцев терпеть не может с тех пор, как на войне с Горротом погиб его старший брат).

Тонкая ирония судьбы заключалась в том, что при других обстоятельствах данный господин посол ничуть не стремился бы в Латерану. Как и его многочисленные коллеги из других стран...

Вот уже недели две многочисленная дипломатическая братия, никаких сомнений, в узком кругу доверенных лиц, где среди своих можно не стесняться, поминала короля Сварога последними словами, какие ни один дипломат, будучи в здравом уме, при официальных обстоятельствах вслух не произнесет. «Но обижаться на них за это не следовало, — думал Сварог, ухмыляясь. — Трудно им сейчас. Нелегко. Можно понять и быть снисходительным...»

Две недели назад он с соблюдением должного дипломатического протокола уведомил все сохранившие пока что суверенность державы, что именно Латерану намерен отныне избрать своей Резиденцией. То есть единственным местом, где намерен принимать послов, откуда только и будут исходить королевские указы. Ничего нового он не придумал и никаких правил не нарушал — испокон веков любой земной король имел право при желании оставить свою столицу столицей, но Резиденцию перенести куда ему вздумается. Вот именно, куда ему вздумается — лишь бы в подвластных монарху пределах. Еще не забыли, как король Гитре, самодур и сатрап, для пущего удобства перенес резиденцию в крохотную деревушку и обосновался там на мельнице, с прекрасной хозяйкой каковой состоял в самых что ни на есть тесных отношениях. Два года иностранные послы, стойчески подавляя эмоции, ютились в походных шатрах на берегу речушки, камергеры двора обитали в курятниках, а первый министр за неимением других помещений обосновался на чердаке у старосты, и ему еще многие завидовали: просторный был чердак: светлый, чистый. И никто не мог ничего поделывать, даже Костяная Жопа — поскольку все было по закону. Имел король такое право, и точка, правда, через два года мельничиха королю наскучила, и он вернулся в Андалу, но это уже другая история...

В отличие от незабвенного Гитре, прославившего себя не государственными свершениями, а множеством причудливых чудачеств, Сварог не собирался ни развлекаться, ни шутить. Соображения были насквозь практические: общаться с иностранными послами приходится довольно часто — но не королю же *шастать* ради таких встреч по своим многочисленным столицам, словно молочнику по клиентам? Кроме шуток, такое подрывало бы королевский престиж.

Опять-таки, случалось в прошлом, что король королей, то бишь монарх, располагавший двумя коронами (рекорд поставил триста лет назад король Самтеро, обладавший тремя, но это единственный случай, и побил рекорд только Сварог) именно из помянутых практических соображений собирал послов и министров, если можно так выразиться, в одно лукошко. Так что дипломаты могут втихомолку возмущаться сколько им угодно, но *параграфы* на

стороне Сварога, а значит, извольте, господа мои хорошие, как писал классик, лопать, что дают...

Ну да, нелегко им, конечно. Во-первых, когда-то еще посольства восстановят надежный контакт со своими шпионами, каковых любой дипломат в стране пребывания имеет немало. Во-вторых, безнадежно рвутся налаженные за долгие годы связи в высшем обществе и влиятельных кругах, не имеющие ничего общего со шпионажем. Ну и, наконец, расходы на достойное обустройство на новом месте немалые. Ничего, похнычут, поматерятся, а там и привыкнут. При случае можно деликатно напомнить, как их предшественники тридцать с лишним лет назад по воле Гитре ютились в армейских шатрах, а к высочайшей аудиенции отправлялись на ту самую мельницу...

Ситуация, конечно, исполнена своеобразного юмора, который несомненно повеселит не одного Сварога, а еще многих — разумеется, за исключением господ дипломатов. Есть от чего посмеяться: в Латеране будут отныне обитать пять горротских послов, пять шаганских, пять лоранских, пять отцов-посланников Святой Земли, а также пять послов по делам Вольных Маноров и пять посланников к Ганзе. Будет весело и многолюдно. Пусть еще скажут спасибо, что Сварог пока что не требует скрупулезно выполнять параграфы и назначить послов в Хелльстад, а также в Три Королевства — потому что это уже были бы не практические соображения, а дурацкая шутка во вкусе Гитре...

А впрочем... Особой веселости Сварог как-то не чувствовал. Потому что *другие* обстоятельства дела могли только удручать.

Согласно тем же строжайшим, незыблемым и скрупулезно изложенным параграфам, не допускавшим юридических лазеек и двойного толкования, король королей не имел права собрать свои державы в *одно*. Даже если бы завладел всеми без исключения государствами Харума. Они обязаны были оставаться *порознь* — с прежними названиями, границами, флагами и гербами, орденами и армиями и многим, многим другим. В каждом из них Сварог (как и его предшественники, короли королей) пользовался всеми правами владыки и самодержца — но они оставались *порознь*. Этакое ненавязчивое воспоминание о том, что ничто не вечно, в том числе и короли королей...

Наткнувшись в свое время на это препятствие, Сварог очень быстро убедился, что уперся лбом в непрошибаемую стену — чересчур уж подробно и недвусмысленно все расписано, и порядок этот установлен в незапамятные времена, чуть ли не сразу после Шторма. Очень похоже, тут была не чья-то прихоть, а продуманное решение какого-то весьма неглупого государственного мужа Империи, всерьез (и справедливо, рассуждая с позиций высокой стратегии) озабоченного тем, чтобы земные державы, не дай бог, не усилились *чрезмерно*. Очень многое в государственных делах крайне упростилось бы для Сварога, стань его королевства единым целым — но как раз этого ему и не полагалось. Даже помаленьку заселявшиеся Три Королевства повинны быть скрупулезнейшим образом восстановленными в прежних границах, что Костяная Жопа особо подчеркивал во время их последней беседы. Вот здесь, Сварог прекрасно понимал, его заранее обыграли... нет, не так. Заранее и давным-давно приняли меры, чтобы какой-нибудь шустрый деятель, появившись он рано или поздно (что в лице Сварога и имело место быть) не усилил земные державы сверх некоего установленного предела...

О чем он с бессильной злостью и размышлял в ожидании горротского

посла. Утешало лишь то, что касаясь личности горротского посланца он ничуть не ошибся, заранее просчитал, кого именно Стахор к нему отправит.

По давным-давно сложившейся неписаной, но свято соблюдавшейся традиции посол той или иной державы в Снольдере считается как бы старейшиной среди своих коллег-земляков. Поскольку именно Снольдер, как ни крути — самая большая, богатая и сильная держава континента. Соответственно, легко догадаться, что почетное место занимает не просто особо знатный или удостоенный особых королевских милостей субъект, а прожженнейший карьерный дипломат, не одну собаку съевший на этом поприще. Даже не особенно и блещущие умом либо обожавшие почудачить монархи, как правило, оставались жесткими прагматиками в том, что касалось дипломатии — жизнь заставляла. Послом в Вольные Маноры и Сегур, в Харлан и Глан еще можно попасть непрофессионалу — в виде королевской милости. Но что касается более крупных и серьезных держав — шалишь, тут уж требуются знатоки этого нелегкого ремесла...

Сварог вдумчиво изучил принесенное Интагаром досье и утвердился в прежних догадках — горротцы отправили к нему матерого волчару. Сорок три года на дипломатической службе, начинал еще при дедушке Стахора с незavidного поста, какой только в посольстве существует — с канцелярского секретаря. До посла поднялся за девять лет, не имея особенной протекции и связей, исключительно за счет головы на плечах. За время службы, кроме многочисленных орденов, удостоен титула герцога и звания камергера двора. Имелась подробнейшая справка с перечислением его многочисленных побед в заседаниях Виглафского Ковенанта, дипломатических конгрессах, переговорах о мире, переговорах о торговых и шпионских делах, деликатных миссиях. Одним словом, этому палец в рот не клади — чего доброго, и голову откусит...

Когда секретарь Королевского Кабинета (дурак уникальный, но Сварогу на этой должности мало-мальски умный человек был и без надобности) с соблюдением должного церемониала доложил о прибытии господина посла, Сварог все же задержал его в приемной минут на десять. Во-первых, этикет именно этого и требовал (в конце концов, кто посол и кто король?), во-вторых, Сварог предварительно впустил через малозаметную дверь в глубине кабинета неприметного человечка средних лет, одетого отнюдь не по-придворному — снольдерского шпики из службы графа Рагана, сопровождавшего посла на самолете под видом лакея.

— Ну, и как там старый хрен? — спросил Сварог с искренним любопытством. — Не блевал?

— Ни попыточки, — верноподданнически склонившись, доложил шпики. — Весь полет просидел с каменным лицом, только трубочку потягивал, даже в окно он смотрел с таким видом, словно сто раз летал. Осмелюсь доложить, ваше величество, крепкий старикан... Зараза та еще, прошу прощенья за просторечие, болтало нас пару раз, а он сидит себе, как статуя и даже келимас ухитряется не расплескать... Я дюжину раз летал, и то мутило, а этому хоть бы хны. Зараза, — повторил он не без уважения.

Сварог уже вошел в образ (точнее, в один из образов монарха — суровый король принимает посла не самого дружественного государства), а потому не мог себе позволить откровенной ухмылки. Проделавши это лишь мысленно, он отработанным взглядом отправил низко кланявшегося шпики обратно в

неприметную дверь, легонько хлопнул ладонью по золоченому шпеньку звонка, придал себе горделивую осанку и непроницаемый, насколько удалось, вид.

Аудиенция, как и просил посол, характер носила неофициальный, так что обошлось без обычных церемониально-протокольных помпезностей, сопровождавших официальные приемы: ни парочки раззолоченных фанфаристов, ни усыпанной самоцветами свиты, в общем, все по-спартански, без излишеств...

Правда, для посла все равно распахнули обе створки двери — что полагалось даже при неофициальном визите. Секретарь, стоя навытяжку, громко провозгласил приличествующие церемониальные глупости — мол, такой-то и такой-то, посол такого-то монарха прибыл к такому-то королю королей. Все это и без него прекрасно известно, но так уж испокон веков полагалось.

Не столь уж и большое расстояние, три четверти пути от двери до королевского стола, посол проделал крайне неторопливо — дело тут было не в старческой немощи, а в достоинстве посла, как-никак представлявшего сейчас персону своего короля. Да уж, до старческой немощи безусловно далековато: высокий жилистый старикан, хотя и доживший без малого до семидесяти, широкоплечий, с длинным бесстрастным лицом индейского вождя, дряхленьким никак не выглядел, хотя сед, как лунь. По данным тайной полиции, до сих пор регулярно пользуется услугами веселых девиц, каковые доставляются с родины и в посольстве обретаются под видом служанок — конечно же, достаточно хитер, чтобы не связываться с местными, прекрасно понимает, что они, к бабке не ходи, стопроцентно окажутся подставой контрразведки...

Посол остановился с бесстрастным видом. И он, и Сварог хорошо знали, что наступил самый щекотливый момент дипломатического протокола. Любой король или иная владетельная особа рангом ниже имеет полное право во все время аудиенции продержать посла на ногах, а послу не положено этим возмущаться и просить хотя бы табуретку. Правда, случается такое редко, всегда предшествует либо разрыву дипломатических отношений, либо войне. Сварог не намеревался подставляться и выглядеть агрессивной стороной, наоборот, он твердо решил быть белым и пушистым образцом воспитанности и миролюбий — чтобы агрессия и неприязнь всегда исходили от горротцев.

А посему, он сделал жест, и раззолоченный камер-лакей торжественно внес предназначенное для посла седалище. Не особенно и поразовавшее посла. Мебель для придворных церемоний делилась на девять разрядов: три вида табуреток, три вида стульев, три вида кресел. Собственные придворные накрепко знали, кто на что имеет право и при каких обстоятельствах — а вот с иностранными послами допустим любой из девяти вариантов...

Так вот, послу принесли низкий разряд стула — жесткий стул со спинкой, но без подлокотников. Что на дипломатическом языке означало крайне холодный прием...

Однако дипломатический волчара, как и следовало ожидать, и бровью не повел, опустился на стул так, словно ему предложили кресло высшего разряда — с мягкими сиденьем, спинкой и подлокотниками, вычурными гнутыми ножками, обивкой в золотых узорах.

«Сволочной дедушка», — мысленно заключил Сварог. И, поскольку посол не имел права первым завязать разговор, спросил вежливо:

— Как здоровье моего венценосного брата Стахора Четвертого?

— Его величество чувствует себя прекрасно, — церемонно ответил посол.

— Рад слышать, — сказал Сварог.

И произвел давно уже отработанное «милостивое наклонение головы» — вступительные церемонии закончились, пора было переходить к делу.

— В Акобаре случалась нешуточная беда, ваше величество, — произнес посол, честное слово, не без театральной скорби. — Неожиданные взрывы едва ли не до основания разрушили Морское министерство, а также большую часть увеселительного парка Ганимат. Разрушения обширны, и жертвы велики...

Он сделал паузу, определенно ожидая вопросов вроде: «Ну, и какого черта вы ко мне приперлись с *этим*, почтенный?» Однако Сварог молчал, глядя с величайшей готовностью слушать далее — и, как он надеялся, с детским простодушием. Понявши в конце концов, что вопросов не дожидаться, сволочной дедушка продолжал с той же наигранной скорбью:

— Как ни печально и неприятно мне это произносить, но именно вас, ваше величество, мы считаем виновником происшедшего. Удары были нанесены пущенными из-под воды ракетами невероятной мощи, каких не имеется на вооружении ни в одной державе Харума. У нас есть немало свидетелей, видевших, как по реке Эрис буквально у самой поверхности воды двигалась подводная лодка исполинских размеров...

Сварог вежливо, но непреклонно поднял ладонь, вынудив посла умолкнуть. Усмехнулся:

— О да, конечно... Я не сомневаюсь, что у вас в Горроте сыщется немало людей, привычных к созерцанию подводных лодок. В отличие от прочих держав, где столь экзотических средств передвижения отроду не видывали...

— Я вас не понимаю, ваше величество, — не моргнув глазом, сказал посол.

— То есть как? — картинно изумился Сварог. — Вы хотите сказать, что ничегошеньки не знаете про обретающиеся в Горроте подводные лодки?

— Совершенно не понимаю, о чем вы, ваше величество, — твердо произнес посол.

Сварог мысленно расхохотался, да что там — жизнерадостно заржал, простите за вульгарность. Как и следовало ожидать, посол не мог не угодить в нехитрую ловушку: теперь Сварог совершенно точно знал, что раззолоченный прохвост брешет, как сивый мерин, что о подлодках токеретов он *знает*. На лбу посла, если зорко присмотреться, появились мельчайшие бисеринки пота: человек его возраста, профессии и жизненного опыта наверняка знал, что любой лар моментально определит, когда ему говорят правду, а когда врут беззащитным образом. Прекрасно понимает, что угодил в капкан — но ничего поделать не может, вынужден разыгрывать свою партию до конца...

— И при чем же здесь я? — с младенческой наивностью спросил Сварог. — Ни в одном из моих военных флотов нет ни единой подводной лодки. Сами посудите: ну откуда им взяться?

— Насчет *флотов* я не сомневаюсь, ваше величество, — сказал посол. — Однако в вашем личном распоряжении находится подводная лодка... боевой подводный корабль былых времен, добытый вами на Хай Гроне...

— У вас и *этому* есть свидетели? — поднял брови Сварог.

Интересно, как на сей раз старичок вывернется? Никаких *посторонних* очевидцев быть не может. Моряки с третьего горротского фрегата, кое-как дота-

щившиеся до родных берегов, даже если и видели, как остальные два потопили вылетевшие из-под воды ракеты, свидетелями считаться не могут, поскольку никаким чудом не могли узреть остававшуюся на глубине подлодку...

— Свидетелей нет. Но мы совершенно точно знаем, что вы, как бы это выразиться, вступили во владение лодкой...

— Да, действительно, — сказал Сварог. — Вступил, не стану отрицать. Вступил во владение деревянной подводной лодкой, снабженной запрещенным имперскими законами двигателем, сиречь толкающим винтом. И была эта лодка на корабле под названием «Радуга», плававшим под горротским флагом. Корабль захвачен моими людьми, при этом погибли лишь те, кто сопротивлялся с оружием в руках, зато в наших руках оказались все без исключения инженеры и рабочие, обслуживавшие подводную лодку, а также некий ученый муж, именующийся мэтр Тагарон...

— И вы так спокойно об этом говорите? Употребляя слова «захвачен моими людьми»? Насколько я знаю, в нашем военно-морском флоте попросту нет судна под названием «Радуга», это не военный корабль, а гражданское судно. Имевшее право, как любое другое, невозбранно плавать в водах Хай Грона, никоим образом не входящего в состав ваших владений. Вы откровенно признаетесь, что совершили...

— Пиратские действия? — понятиливо подхватил Сварог. — Полноте, какое же это пиратство? Означенное судно везло категорически запрещенное имперскими законами устройство, эту самую подводную лодку, в таких условиях любой лояльный подданный империи вправе, если у него есть такая возможность, захватить нарушителей закона и сдать их властям. На этот счет существуют недвусмысленные правила... я не помню точно названия документа и номера параграфов, но при желании их нетрудно отыскать.

Теперь уже он сделал паузу, но посол промолчал. Сварог продолжал:

— Таким образом, в руках компетентных инстанций оказалось изрядное количество ваших подданных, дающих интересные показания...

Посол отчеканил:

— Судно «Радуга» не приписано к нашему военному флоту и не принадлежит к какой-либо государственной службе. Оно находилось в частной собственности помянутого мэтра Тагарона, опять-таки не состоящего на коронной службе в каком бы то ни было качестве. Мэтр Тагарон — сугубо частное лицо. Официальные инстанции не могут нести за него ответственность. Мы предоставили убежище Тагарону, как предоставляем его другим беженцам от тирании... и, естественно, не интересовались, чем он занимается, поскольку он, как я уже говорил, вел жизнь сугубо частного лица. У вас есть какие-либо доказательства, опровергающие мои слова?

— Никаких, — честно признался Сварог. — Как и у вас нет никаких доказательств касаясь моей вины в случившихся у вас несчастьях...

— И, тем не менее в нашем с вами положении есть существенная разница, — сказал посол. — Что ж, вы и в самом деле себя вели, как лояльные подданные империи... но у вас нет никаких оснований подавать официальную жалобу на Горрот в Канцелярию земных дел. А вот у нас есть все основания принести таковую и потребовать расследования. Расследование таковое, как вы, должно быть, понимаете, очень быстро выявит истину и, боюсь, приведет к неприятным для вас последствиям...

Самое смешное, что Сварог ничуть не злился, даже раздражения не чувствовал. Скорее уж по королевской своей должности испытывал едва ли не восхищение оборотистостью и здоровым житейским цинизмом горротцев. Положительно, хваткие ребята: устроив кучу поганых сюрпризов и не оставив при этом улик, собрались официально жаловаться на Сварога за столь же предосудительные развлечения...

— Неприятная может получиться история, — сказал посол.

— Для исключительно *земного* короля — согласен, — сказал Сварог. — Но вы ведь, должно быть, знаете, что у меня есть, как бы точнее выразиться, еще одна ипостась... Прелюбопытнейший казус, на котором нет ни малейшего прегрешения перед законами. Я не только земной король, но, в то же самое время...

— Наслышан, ваше небесное великолепие.

— Вот видите, — сказал Сварог. — Причем ситуация пикантнейшая — нет никаких законов, установлений, регламентов, которые обязывали бы меня определенный срок... или при определенных обстоятельствах непременно пребывать в каком-то *одном* качестве. Все исключительно на мое усмотрение. Я сам определяю, кем мне в данную минуту быть, — простодушно улыбнувшись, он спросил: — Удобно я устроился, вы хотели бы сказать?

— В дипломатической практике избегают вульгарностей и просторечия, — отрезал посол.

Не было никаких сомнений, что про себя-то он думает именно так — а то и более нецензурными формулировками.

— Что поделаться, так уж сложилось... — пожал плечами Сварог. — Вам нужно учитывать эти сложности...

— Я их учитываю, — сказал посол. — И тем не менее... Ваше величество, то есть ваше небесное великолепие... вы ведь хотите сказать, что именно в *этой* ипостаси сейчас изволите пребывать?

— Предположим, — сказал Сварог.

— По роду деятельности мне не однажды приходилось бывать в Канцелярии земных дел. Я немного разбираюсь не только в земном, но и в имперском законодательстве, в той его части, что касается поведения благородных ларов на земле. Есть некие пределы, коих недозволительно преступать даже наделенному нешуточными вольностями благородному лару. Вы, очень может быть, считаете иначе? Что ж, ваше право. Остается передать решение на усмотрение соответствующих имперских учреждений...

Особенного вреда этот тип, примись он кляузничать на Сварога не только в Канцелярию земных дел, но и в другие имперские инстанции, не причинил бы. Однако определенный резон в его деликатно высказанных угрозах был. В любом случае, история с рейдом на Акобар непременно повлечет за собой бюрократические разбирательства — долгие, запутанные, способные отнять у Сварога немало времени и сил. Учитывая, что за облаками у него хватает недоброжелателей, причем иные облечены некоторой властью... Есть нешуточный риск увязнуть в этих разборках надолго. Никто и слова бы не сказал, снеси Сварог с лица земли хоть весь Акобар — но исключительно усилиями положенной графу Гэйру согласно его положению дружины. Но когда был использован боевой корабль, созданный до Шторма... Нервы могут трепать долго и качественно, отвлекая он насущных дел...

— Иными словами, вы твердо намерены жаловаться? — спросил Сварог невозмутимо.

— Его величество Стахор Четвертый непреклонен... думаю, вы на его месте поступили бы так же?

— Возможно, — сказал Сварог. — Хотя... Предварительно я бы попытался договориться миром и прийти к некоему согласию...

— Я не говорил, что мы *такое* полностью исключаем...

— Тогда? — спросил Сварог небрежно. — Вы хотели бы получить убедительные гарантии, что более не повторится подобных... трагедий. Мне было бы достаточно вашего королевского слова... и слова вашего небесного великолепия.

— Я и мысли не допускаю, что вы можете в том или ином качестве нарушить слово, это было бы против всех правил чести...

— Продолжайте, — сказал Сварог.

— Я, собственно, все сказал...

— То есть, я должен просто-напросто торжественно поклясться, что в будущем никогда больше не произойдет... печальных инцидентов? И ничего не получить *взамен*? — Сварог ухмыльнулся... — Любезный посол, всякое соглашение должно быть взаимовыгодным, не правда ли? Мы с вами взрослые люди и в политике, согласно своему положению, должны разбираться... Односторонние выгоды, будем чуточку циничны, наличествуют лишь в тех соглашениях, что сильный заключает со слабым. Не будем притворяться неопытными либо идеалистами — именно так в дипломатии всегда и обстояло. Вот уж чего я никогда не признаю, так это того, что я *слабее* Горрота. Реальность этому противоречит, рискну предположить...

— Чего вы хотите? — без малейшего удивления спросил посол.

— Хороший вопрос, — сказал Сварог. — Резонный, деловой... Ничего невыполнимого я от вас не потребую. Мои условия состоят всего-навсего из двух пунктов. Первое. В последнее время произошли весьма загадочные и крайне неприятные... необъяснимые явления. Мой замок в Клойне был уничтожен обрушившейся с неба водой. На мою армию рушились неведомо как обретшие способность летать и падать каменные глыбы...

— Я слышал об этих загадочных природных феноменах, — сказал посол с абсолютно бесстрастным лицом. — Но не понимаю, какое *мы* можем иметь к этому отношение. Или вы располагаете...

— Не располагаю, — сказал Сварог.

— При чем же здесь тогда?..

— Я вас ни в чем не обвиняю, — сказал Сварог. — Я просто хотел бы, чтобы в будущем подобных... феноменов не происходило. Никогда и никаких. Я не к вам обращаюсь, я просто высказываю вслух свои желания... Второе. Ваши войска должны уйти из крепости Батшева.

— Вот на *это* мой повелитель вряд ли пойдет, — едва дождавшись паузы, сказал посол. — Ваш второй пункт, думается мне, бесполезно и рассматривать. Могу сказать это со всей уверенностью даже без консультаций с моим королем. Мы ведь даже не воевали против вас. Мы просто-напросто заняли пустующее укрепление, где не осталось никого живого. Почему так случилось, нам и самим решительно непонятно. Однако эта ситуация не нарушает никаких законов, ни земных, ни имперских, и не может быть поставлена нам в вину. В конце концов, вы вправе отвоевать крепость назад... разумеется, тради-

ционными, законными способами...

— И вы нисколько не опасаетесь, что там, — Сварог небрежно показал пальцем на потолок, — будет проведено расследование?

— Со мной департамент Канцелярии земных дел уже проводил расследование загадочного феномена, в результате коего погиб весь гарнизон крепости, — сказал посол. — Мне доподлинно известно, что нас никто не обвиняет в причастности к этой таинственной трагедии. Загадка, конечно... но мы здесь ни при чем. К нам нет ни малейших претензий со стороны каких бы то ни было имперских инстанций.

— Это вы так полагаете, — с благожелательной улыбкой сообщил Сварог. — Должен вас огорчить — все обстоит совершенно иначе.

— Вот как? Не соизволите ли пояснить?

— Охотно, — сказал Сварог, испытывая нешуточное злорадство.

Он имел дело с опытным игроком — но ни один игрок не в состоянии выиграть, если у противника обнаружилась пригоршня *лишних* козырей, которые можно выбросить на стол совершенно законно.

Он держал паузу. Посол напряженно ждал, несомненно, чутьем угадывая наличие в рукаве у противника каких-то козырей.

— В силу вашего положения вы, несомненно, регулярно читаете из Кабинетов императрицы и канцлера некоторые официальные бюллетени... (посол настороженно кивнул). Прекрасно. Тогда вы, быть может, обратили внимание, что некий граф Гэйр недавно назначен начальником девятого стола Кабинета императрицы?

— Мне доводилось это читать...

— А известно ли вам, какие функции выполняет означенное учреждение?

— Нет, — сознался посол. — В бюллетенях об этом ни словечка.

— Ох уж эта секретность... — вздохнул Сварог. — Ничего, вы человек высокопоставленный, ответственный и лояльный, вас можно ознакомить с некоторыми подробностями... Прошу.

Он выдвинул ящик стола и положил перед посланцем два листочка гербовой бумаги с печатным текстом. Отставив их на вытянутой руке (как свойственно страдающим дальновзоркостью) посол, судя по движению его глаз, сначала бегом пробежал текст, потом прочитал медленно, вдумчиво, не упуская ни единой строчки.

— Надеюсь, никаких неясностей? — вежливейшим тоном, любезно улыбаясь, поинтересовался Сварог.

Лицо посла неуловимым образом изменилось. Сохранило прежнюю индейскую бесстрастность — но в глазах все же явственно *полыхнула* нешуточная тревога. Сварог продолжал столь же дружелюбно:

— Вы, любезный посол, не можете не знать, что Кабинет императрицы — и, соответственно, все его столы — безусловно, стоят выше на иерархической лестнице, нежели Канцелярия земных дел со всеми своими департаментами...

— Мне это известно, — сухо сказал посол.

— Прекрасно, — сказал Сварог. — В таком случае ситуация не содержит для вас каких-либо загадок или неясностей. Никто не вправе вам запретить подавать в Канцелярию земных дел любые жалобы... И никто не вправе мне запретить начать *собственное* расследование разнообразных... природных феноменов и прочих загадочных событий. Более того. Я не исключал бы, что след-

ствие по поводу случившихся в Горроте загадочных взрывов будет передано не восьмому департаменту, а подчиненному мне столу. Разумеется, это вовсе не означает, что я *неприменно* начну расследование... Быть может, мы все-таки вернемся к тем двум пунктам, на которых я настаиваю? Я готов заключить соглашение, но непременно при соблюдении вами *обоих* пунктов. Итак?

— Я... Мне нужно изложить все королю.

— Ну разумеется, — сказал Сварог без всякого недовольства. — Именно так вам и надлежит поступить. Я готов подождать... но не особенно долго.

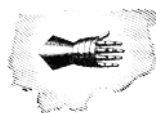
...Горротцы стали покидать Батшеву уже через три дня. Пилот посланного на разведку истребителя (по которому на сей раз не сделали ни единого выстрела, хотя он под конец долго кружил на бреющем полете, едва ли не касаясь колесами верхушек мачт), доложил, что солдатня грузится на корабли в страшной спешке, подгоняемая суетящимися офицерами, а горротский флаг уже спущен с флагштока на вершине самой высокой крепостной башни.

К вечеру из разведки вернулся второй самолет. Пилот доложил, что горротская эскадра уходит на всех парусах, а в крепости, насколько он рассмотрел, не осталось ни единой живой души. Можно было посылать в Батшеву корабли адмирала Амонда с новым гарнизоном.

В ответ на восхищенно-изумленный крик Амонда: «Как вам это удалось, ваше величество?!» Сварог скромно ответил:

— Всего-навсего не особенно и хитрый дипломатический маневр, дорогой адмирал, только и всего. Великая все же вещь — дипломатия. Отличных результатов можно добиться добрым словом...

И постарался не думать, *насколько* теперь возросла к нему ненависть горротцев.

Глава II

ИНЫЕ НЕБЕСА

Увы, иные победы недолговечны — точнее, не победы сами по себе, а радость от таковых...

Уже на другой день Сварог, вернувши Батшеву под хозяйскую руку, не испытывал ни триумфа, ни даже особенной радости. Вспомнил очень быстро, что победа эта, рассуждая нелицеприятно, выглядит *мелко* по сравнению с главной заботой, колючим багряным огоньком, пылавшим над горизонтом. К тому же обнаружилась вдруг очередная загадка, опять-таки мелкая, но маленькие неприятности порой досаднее больших. О токеретах речь на сей раз не идет, так что никаких каламбуров.

Неприятностью это, в общем, не назовешь. Но в любом случае дурное настроение обеспечено...

Загадка пришла из прошлого, в тот момент, когда Сварог ее и не ожидал вообще, он-то полагал, что вдова Гуродье и ее скромный домик на улице Зеркальчиков никогда уже не напомнят о себе.

Вдова в свое время оказалась не пожилой гримзой, а весьма даже симпатичной особой слегка за тридцать, так что осталось подозрение: покойный барон в домик наведывался не только по служебным надобностям — но кого это сейчас интересуется...

Агентура барона Гинкера, *личная* агентура, которую Сварог с удовольствием бы прибрал под свою руку для собственных надобностей (барон не держал у себя нерасторопных дураков) после его безвременной кончины, как и следовало ожидать, дружно канула в небытие, несомненно (Интагар соглашался) выполняя заранее данные инструкции. С личной агентурой обычно так и случается. Вдовушка была не только хранительницей баронских бумаг, но еще и «почтовым ящиком», на ее адрес, как она сама призналась, приходило немало писем от орудовавших за пределами столицы агентов. «Почтовый ящик», и не более того. С агентами Гинкер никогда у нее не встречался. Для этого, конечно же, у него были свои явки. И, надо полагать, не одна. Понять, как разворачивались события после смерти барона, было нетрудно: те, кто работал в столице, сначала убеждались в отсутствии условного сигнала — как часто бывает, задержанная либо откинута портьера, горшок с цветами на подоконнике либо, наоборот, пустой подоконник — и прочие нехитрые, но эффективные уловки. Ну, а потом, узнав о гибели принцепала, агенты вмиг оборачивались самыми обычными обывателями, найти их нечего и пытаться, не дашь же в газеты объявление — а если и пойдешь на такую глупость, все равно ни один не явится...

С теми, кто пребывал где-то далеко, обстояло, конечно, чуточку иначе. Смерть людей, подобных Гинкеру, никакой огласки не получает, разве что в официальных бюллетенях, рассылаемых губернским гражданским властям и полицейскому начальству, появляется новое имя на должности протектора столицы — но эти новости остаются в узком кругу, да и не служат предметом обсуждения в провинции, которой, в общем, все равно, кто там нынче возглавляет столичные учреждения...

За полгода, прошедшие после смерти барона, на улицу Зеркальчиков при-

шло шесть писем, от четырех агентов (двое посылали донесения дважды). Всякий раз они представляли собой несколько совершенно бессмысленных строчек — хаотичный набор букв, не складывавшийся в нечто осмысленное.

Поначалу подчиненные Сварога полагали, что здесь необходима «сетка» — квадрат с вырезами. Сначала он накладывается на бумагу, в вырезах пишется донесение, потом промежутки заполняются набором букв — ну, а адресат, как легко догадаться, накладывает свой квадрат и читает.

Однако строчки содержали неравное количество букв — и вскоре Интагар предположил, что они имеют дело с хитрушкой, именуемой «прыг-скок». Пишется донесение. Потом внизу, под буквами, ставится заранее условленное число — и, отсчитав в алфавите столько букв, сколько требует та или иная цифра, составляется этот кажущийся бессмыслицей текст. Если под буквой «б» стоит, к примеру, тройка, то либо отсчитываются три буквы и ставится «е», либо буква берется третья по счету, и тогда появляется «д». Число желательно выбирать длинное — тогда земные дешифровальщики, не располагающие соответствующей техникой, окажутся совершенно бессильными. Даже если они будут точно знать, каким способом депеша зашифрована, жизни не хватит, чтобы произвести вычисления пером на бумаге. А потому этот шифр заслуженно считается самым надежным.

Но у Сварога имелись и мощные компьютеры, и, что важнее, заведовавший ими Элкон... Которому понадобилось всего-то четыре часа. Оказалось, донесение и в самом деле зашифровано «прыг-скоком», по системе «через столько-то букв», а ключ представляет собой восьмизначное число. Как только стало ясно, в чем тут хитрость, последующие шифровки компьютер уже щелкал, как орехи, тратя не более пяти минут. Элкон считал, что эти восьмизначные ключи представляют собой даты жизни каких-то известных людей — гораздо проще держать в памяти какое-то известное имя, нежели длинное число. Тем более что один из ключей совпадал с датой жизни Асверуса, если написать оную без черточки: 35533581...

Загвоздка в том, что сплошь и рядом верно расшифрованное донесение оказывается совершенно бесполезным...

Они попросту не понимали, *о чем* идет речь. Полдюжины шифровок оказались одинакового содержания: агенты доносили, что и на этот раз не достигли цели, ссылались на имена, географические названия и встречи, ничего не говорившие тем, кто не посвящен в суть дела. А примерно через полгода письма перестали приходить вовсе — определенно, агенты, добравшись до столицы, узнав, что барона больше нет, последовали примеру своих столичных собратьев. Единственное, что удалось установить, изучая почтовые штемпеля — вся четверка орудовала в провинциях Полуденного Ронеро. Прошел год с лишним, новых писем больше не приходило, и Сварог, распорядившись сдать бесполезные донесения в архив (пока что невеликий), начал помаленьку о вдове забывать.

И нате вам, внезапно в ничем не примечательный полдень возле дома вдовушки остановилась повозка, и почтарь вручил ей упакованную со всем тщанием посылку: обшитый холстиной и украшенный парой сургучных печатей лубяной ящичек, кроме надлежащих штемпелей, украшенный еще знаком, означавшим, что внутри находятся стеклянные предметы, а потому с посылкой следует обращаться особенно бережно — что по соответствующим тари-

фам оплачено. Недешевое удовольствие, между прочим.

Вдовушка, женщина неглупая и ответственная, помчалась к Интагару, а тот моментально связался со Сварогом. Сварог объявился в Латеране уже через полчаса.

Спешка оказалась ни к чему. Очередная головоломка, к которой и подступаться бесполезно, не зная заранее, в чем, собственно, дело...

Внутри ничего стеклянного не оказалось. Там, самым тщательным образом обложенный изрядным количеством утрамбованной пакли и ваты, пребывал самый обыкновенный глиняный горшок, внутри коего напихана та же пакля — а еще там сыскалось свернутое в трубочку донесение, подписанное «Шестой» (предшественники Шестого тоже значились под номерами, Гинкер, наверное, не любил кличек, предпочитая обходиться именно номерами).

Донесение Элкон *щелкнул* буквально за пару минут — никаких сюрпризов, снова «прыг-скок» с некоей датой, непонятно к какому известному в истории персонажу относящейся — но такие подробности никого и не интересовали.

Ну вот, извольте ли видеть... Неведомый Шестой то ли оказался пронырливее своих нумерованных коллег, то ли ему попросту *свезло*, что в разведке тоже случается. Он докладывал, что после долгих трудов и многочисленных *подходов*, потратив уйму денег и времени, все же «вышел на нужных», «долго входил в доверие» и, наконец, «*побывал*». Он очень извинялся за то, что трофей оказался столь зауряден и прост — но уверял, что ничего поинтереснее попросту не видел и не мог заполучить. Впрочем, по его глубокому убеждению, сам факт того, что удалось наконец «найти и побывать», невероятно ценен, «с чем господин барон, питаю надежду, быть может, согласится».

Вот такие дела. Самый обыкновенный на вид глиняный горшок — такие в большом ходу у крестьян, небогатых градских обывателей и даже не особенно зажиточных дворян. Низкий и пузатый, с широким горлышком. В таких держат разнообразнейшие съестные припасы — молоко, сметану, варенье, смалец, масло... да много чего.

Сразу можно сказать, что предназначалась эта посуда для человека с определенными средствами: если крестьянин, то, безусловно, зажиточный, если гильдейский мастерской или градский обыватель — то не знающий нужды. Да и для дворянина средней руки ничуть не унижительно держать такой горшок в кладовой: ничуть не похож на дешевейшую посуду для бедняков, необожженную порой, кособокую. Изготовлен очень старательно, формы ласкают глаз, горшок покрыт светло-коричневой глазурью, широкое горло украшено орнаментом в три краски, а на боку, опять-таки тремя красками, изображены цветущие яблоневые ветви. Очень качественная подглазурная роспись — как это назвал один из консультантов (у Интагара их было немало, на все случаи жизни). В лавке или на ярмарке такой, как заверил тот же консультант, стоит не меньше семи-восьми медных сестерциев, беднота такие деньги на утварь тратить не будет — ей сойдет и товар ценой в пару грошей... Вот только где его сделали, установить так и не удалось — на доньшке обнаружилось выдавленное клеймо мастера, но безусловно, как заверил, пожимая плечами консультант, не столичное — а провинциальных мастеров слишком много, чтобы вот так, с ходу назвать имя или хотя бы местность. Если начальство желает копать *глубоко*, он должен предупредить, что понадобится не одна неделя — пока изображение клейма получат начальники полиции провин-

ций, пока они станут перебирать многие десятки зарегистрированных на доверенной им территории клейм...

Не особенно и раздумывая, Сварог все же приказал копать глубоко. Завернув горшок в ту же, снятую с посылки холстинку, взял его под мышку и полетел за облака, где его подчиненные могли продолжить изучение, пользуясь недоступными Интагару методами. Благо подчиненных у него прибавилось: с недавних пор образовался и самый натуральный научно-технический отдел, и магический. Он переманил на службу в девятый стол трех молодых инженеров из Магистериума и двух их ровесников, магов из Мистериора. Люди были толковые, к тому же честолюбивые, нацелившиеся не только на благородное познание, но и на карьеру — на чем Сварог их, собственно, и *подцепил*. В силу заоблачной специфики, то есть нешуточного долголетия ларов, продвижение по карьерной лестнице шло неспешно и туговато, что, конечно же, раздражало массу молодых честолюбцев, не имевших никакой возможности из этой системы *выломиться*. Ну, а у Сварога с его престижным и страдавшим от жуткого кадрового голода учреждением любой новобранец моментально прыгал на пару ступенек вверх — и быстро соображал, что *здесь* гораздо скорее продвигаются в чинах и должностях, вдобавок работа интересная, лишенная рутины. Так что он не сомневался: пройдет не так уж много времени, и примеру этих рекрутов последуют другие, главное, вовремя определять среди кандидатов стукачей, работающих на иных облеченных властью персон. Пока что таких не выявлено, но они, конечно же, будут...

Первыми на горшок накинулись инженеры — и очень быстро развели руками, скучнее на глазах. Как они заверяли, это самый обыкновенный горшок, изготовленный на самом обыкновенном гончарном круте, расписанный самыми обычными красками и обожженный в самой обыкновенной печи. Химический состав глины и красок ничем практически не отличается от контрольных образцов, по распоряжению Сварога моментально купленных в латеранских лавках. Возраст — около года. Все. Больше сказать нечего. Скучнейшая вещь.

Потом за дело принялись маги — и очень быстро так же поскущели, не обнаружив ни следа магии, чар, заклинаний и прочего, входившего в круг их профессиональных обязанностей. Скучнейшая вещь.

Из Латераны незамедлительно доставили старуху Грельфи — в самом дурном расположении духа, так как ее, оказалось, оторвали от чего-то важного. Поворчав вдоволь, ядовито фыркая: «Вы бы мне еще урыльник подсунули!», бабка, получив от Сварога необходимый в таких случаях ворох комплиментов и уверения в том, что она — последняя надежда, помягчала и с гордым видом, исполнившись приятного сознания собственной значимости, взялась за дело.

Через четверть часика заметно погрустнела, заявив, что ее все же оторвали от *настоящего* дела ради каких-то пустяков. Ничего она не обнаружила. Правда, по ее словам, горшок содержал в себе некую *странность* — но вроде бы неопасную и ничем не угрожающую. Легонькая странность, и все тут, а точнее она сказать не может, потому что описать свои впечатления и ощущения правильнее нет способа, случается так иногда, светлый король, сами должны знать, что я не всезнающая и не всевидящая...

Чуть поругавшись с магами (которые никакой такой «странности» не усматривали), бабка отбыла в Латерану завершать начатое. Сварог остался у

разбитого корыта. Он и без Грельфи знал, что тут скрыта некая странность — касавшаяся не самого горшка, а обстоятельств его появления. Что-то это должно было означать — и серьезное, потому что глупостями покойный барон никогда не маялся. Чтобы заполучить эту «скучнейшую вещь», неведомый Шестой, без сомнений, та еще проныра, не менее полутора лет торчал в Полуденном Ронеро, старательно выполняя полученное задание, представления не имея, что барона уже нет на свете... И добился своего... чего? Поди догадайся...

В данную минуту клятый горшок стоял у пилотского кресла, на обитом роскошной ковровой тканью полу. Понутив голову, не глядя на приборную доску (автопилот браганта работал исправно), Сварог долго на него смотрел, прокручивая в памяти отчеты, пытаюсь усмотреть хоть какую-то зацепку. Не усмотрел, о чем догадывался заранее.

Лежавший за его креслом Акбар пошевелился, опустил громадную голову к локтю Сварога, толкнул носом.

— Вот кстати, — сказал Сварог уныло. — Что скажешь?

Наклонился, взял левой рукой горшок и подсунул его под нос псу. Тот шумно втянул воздух носом, лениво фыркнул и отодвинулся с видом полнейшего равнодушия.

— Ну что же, — сказал Сварог. — Толковое экспертное заключение, если подумать, мало чем уступающее предшествующим...

Акбар пару раз стукнул по полу тяжелым хвостом. С некоторых пор он стал откровенно назойливо *тереться* возле Сварога, сопровождая его где только возможно и не всегда подчиняясь командам отвязаться. Чем это вызвано и что означает, Сварог и представления не имел — но он о многом не имел представления. Вот почему, например, небосклон сегодня, как он только что отметил, вынырнув из тягостной задумчивости, не вполне обычный, и безмятежная лазурь словно бы отливает багрянцем? Весь небесный купол напоминает полусферу из синего прозрачного стекла, то и дело озаряющуюся снаружи багряным свечением. Это никак не может иметь отношения к той самой багряной летучей дряни, находящейся еще довольно далеко — но прежде такого что-то не наблюдалось...

Переливчато закурлыкал сигнал. Увидев на пульте косую зеленую стрелочку, Сварог посмотрел в ту сторону, заметил совсем не далеко, слева, почти прямо по курсу, но уардов на сто пониже трассы полета — очередной летающий остров, на сей раз нештучных размеров. И тут же заговорил автопилот, не женским, как на «Рагнароке», а самым что ни на есть мужским голосом, тоном предупредительного лакея:

— Слева по курсу — замок Келл Инир.

Рехнулся он, что ли? Императорскому замку здесь попросту неоткуда взяться — потому что он остался за кормой, в десятке лиг позади, Сварог его давно миновал, о чем совсем недавно прилежно сообщал тот же автопилот...

Вопросы задавать бесполезно: стандартный автопилот браганта в сто раз тупее Глаина и двустороннее общение с ним невозможно, он всего-навсего способен при необходимости какой-либо из пары десятков фраз продублировать показания приборов да выполнить опять-таки строго определенное, не такое уж большое число звуковых команд. Глаин по сравнению с этим безмозглым ящиком — сущий Сократ...

Сварог никуда не спешил, и потому, не колеблясь, быстрым движением ру-

ки отключил автопилот, потом резко сбросил скорость. Заложил вираж, по дуге пошел влево, к неведомо откуда здесь объявившемуся Келл Иниру, на довольно малой скорости, чтобы рассмотреть все хорошенько.

Очень быстро он пришел к выводу: как ни удивительно, но он и в самом деле неспешно приближается к главной императорской резиденции: длинное пятиугольное здание с башнями, обширный парк донельзя знакомых очертаний, сбившиеся в три группы домики поменьше, озеро...

Вот только издали можно было понять, что Келл Инир выглядит как-то неправильно, необычно...

Повсюду почему-то лежал снег — на крышах и кронах деревьев. Толстый слой снега покрывал *весь* летающий остров, полностью скрыв от глаза паутины парковых дорожек и мощеных тропинок. Озеро, сплошь затянутое льдом, представало округлым белым пятном. Равнина меж замком и закатным краем острова покрыта многочисленными разноцветными пятнами, да и замок, теперь можно с уверенностью сказать, выглядит как-то *иначе*: неведомо куда подевалась Жемчужная башня, вовсе не обрушилась, не рассыпалась, на ее месте ровный слой снега, нигде ни единого кирпичика, никаких развалин. Башня попросту пропала, как не было... Да и Коронная башня выглядит как-то непривычно, словно стала гораздо тоньше в диаметре, а крыша — гораздо выше, острее, да и крыта не знакомой темно-янтарного цвета черепицей, а зеленой, напоминающей чешую... Что же это творится — то? Это не *тот* Келл Инир, вдобавок совершенно замеченный снегом, что само по себе удивительно: Келл Инир, как и любой замок, плывет в небесах *выше*, чем идет дождь или падает небывалый для Талара снег. Да и среди летающих островов снег имеется только на двух. Один — это тот, на котором с исполинской елкой празднуют Новый год. Второй принадлежит известному чудаку графу Кайстелу, большому любителю сильванских снежных зим, пожелавшему, чтобы каждый год его манор,[4] в полном соответствии со сменой времен года на Сильване, укутывался снегами точно так, как это в природе происходит...

За его спиной Акбар шумно приподнялся и сел, его горячее дыхание ерошило Сварогу волосы на затылке. Акбар вдруг заворчал грозно и недобро.

— Бог ты мой! — вырвалось у Сварога.

Он рассмотрел с небольшой высоты, что это за разноцветные пятна по всей равнине.

И повел брагант на посадку, мимолетно зачем-то коснувшись открытой кобуры, прохладной рубчатой рукояти бластера. Никакого шевеления, ничего живого — но рука сама хваталась за оружие. И неудивительно...

Брагант опустил в снег, на секунду окутался до половины взметнувшимся белым вихрем. Не дожидаясь, когда он уляжется, Сварог ударил по клавише и, едва прозрачный верх, разделившись надвое, исчез в фюзеляже, распахнул дверцу и выскочил наружу, моментально оказавшись в снегу. Ноги тут же словно бы облило нешуточным холодом.

Рядом, слева, у самого локтя метнулась широкая темная полоса — это Акбар со своим всегдашним проворством перемахнул через борт, широко расставив передние лапы, встал в снегу, заслоня Сварога неведомо от чего, низко опустил голову, на загривке встопорщилась шерсть высотой в добрый локоть, из глотки рванулось злобное рычание. Он готов был рвать на куски... но ведь некого! Колючий холод, тягостная тишина, ни шевеления вокруг. И тела, ле-

жащие в самых разных позах, припорошены снегом...

Сварог и сам не заметил, когда у него в руке оказался бластер. Временами налетал порывами ледящий ветер, мелкая снежная крупка противно стегала по лицу. Шагнув вправо, он обошел недобро рычавшего пса, проваливаясь в слежавшийся снег, кое-где поднимавшийся косыми заступами.

Не было ни удивления, ни страха, все обычные человеческие чувства куда-то пропали. Сделав всего несколько шагов, он опустил на колени, в снег, не чувствуя холода. Кажется, он сейчас и мечта в спине не почувствовал бы.

Где-то в глубинах сознания *разгорался* самый настоящий ужас. Показалось, волосы встают дыбом.

Наполовину занесенная снегом Яна, в незнакомом ему зеленом платье с белой вышивкой, лежала на спине, нелепо разбросав руки, широко раскрытыми глазами смотря в небо. Лицо с застывшей на нем судорогой страха казалось восковым, глаза заволокла тонюсенькая пленка льда, быть может, замерзшие слезы. Золотистые пряди волос застыли скопищем нелепых сосулек, припорошенные снегом. Не в силах верить тому, что видит, Сварог осторожно протянул руку, коснулся одной из прядей — и она сломалась у него под пальцами, как сухая веточка. Сделав над собой нешуточное усилие, он приложил ладонь к щеке девушки — казалось, касался куска гладкого, промерзшего насквозь дерева.

Мысли мельтешили в столь паническом хаосе, что ни одну из них не удавалось *осознать*. Ужас помаленьку охватывал его, словно подступающая к горлу ледяная вода. Совсем близко раздался тягучий, протяжный вой, жалобный и словно бы растерянный. Акбар, задрал голову, закрыл глаза, выл так, что все внутри переворачивалось, хотелось опрометью бежать куда-то прочь, спастись неведомо от чего, забиться куда-нибудь как мышь под метлу...

Невероятным усилием воли кое-как взяв себя в руки, он закричал что было сил:

— Да замолчи ты!

Акбар умолк, уставился на него, жалобно, совершенно по-щенячьи повизгивая. Пса била крупная дрожь.

В три шага преодолев разделявшее их расстояние, Сварог опустил на колени над лежащим вниз лицом, неизвестно когда замерзшим насмерть человеком в мундире Бриллиантовых Пикинеров. Именно его только что трогал лапой Акбар, слава богу, переставший выть. Ледяной ветер неприятно посвистывал над усеянной промерзшими трупами равниной.

Собрав все силы, понатужившись, Сварог взял покойника за холодные твердые плечи, с усилием перевернул.

И увидел собственное лицо, искаженное навечно застывшей гримасой, восковое, оскаленное.

Все, что с ним случалось прежде, оказалось все же не настоящим ужасом. Только теперь он ощутил *настоящий*.

Пошатываясь, всеми силами удерживая себя от того, чтобы *сорваться* в панику, в безумие, выпрямился во весь рост. Огляделся, унимая *молотящее* сердце. Акбар визжал и скулил. Ветер посвистывал как-то злорадно.

Растерянно вертя головой, Сварог, наконец, *увидел*.

Повсюду, куда ни глянь, небо приобрело багряный отлив, кое-где одолевший лазурь... только в той стороне, откуда он прилетел, виднелось обширное

пятно безмятежной синевы, круглой формы, с неровными краями... и оно на глазах съеживалось, становилось меньше, поглощаемое багрянцем.

Справа, над заснеженными крышами и кронами, появилось неторопливо ползущее по странному небу овальное пятно тускловатого багряного свечения, казавшееся плотным, твердым, материальным. Лазурное пятнышко уменьшалось, уменьшалось...

Движимый не человеческими чувствами и догадками, а скорее уж инстинктом насмерть перепуганного зверя, он кинулся к браганту, вопя во всю глотку:

— Ко мне! Ко мне!

Его обогнала темная полоса, достигнув кабины браганта, вновь обернулась хелльстадским псом — в страхе прижавшемся к земле, стиснувшем морду лапами. Точно так же перемахнув через борт, Сварог рухнул в кресло, обеими руками ударил по клавишам, кнопкам и блестящим рычажкам. Брагант взвился над царством ледяной смерти, разворачиваясь на девяносто градусов, холодный ветер бил в лицо, Сварог наконец-то сообразил нажать нужную клавишу, поднимая верх. На предельной скорости, обогнав бы любой снаряд, несся в центр спасительного лазурного пятна, уменьшавшегося быстрее, быстрее...

Проскочил словно бы в дыру в багряной стене. И, заполошно оглянувшись, ее уже не увидел сзади — до горизонта простиралось безмятежное синее небо, нигде не видно *иного* Келл Инира. Только руки и лицо все еще сводило от холода. Понемногу возвращалась способность мыслить и рассуждать — покуда еще вяло, заторможенно, словно он боролся с кем-то нешуточно могучим.

Значит, вот так... Вероятнее всего, это Соседняя Страница, некий параллельный мир из множества невидимых неощутимо пребывающих и рядом, и в неизмеримой загадочной дали. И Яна там в точности такая, и он там есть, и чуточку иной Келл Инир, вот только там никто не спасся, все погибли... и он тоже. Глупо гадать, что их погубило, и так ясно, а *почему*, вряд ли узнаешь и уж никак не догадаешься.

Он скорчился в кресле, обхватив себя за плечи — трясло так, что зубы порой постукивали, мороз, царивший в мертвом дворце, словно бы успел проникнуть внутрь, выстудить тело под кожей...

Глава III

МИЛЫЕ ДЕТСКИЕ ЗАБАВЫ

По свойственной ему (точнее, иногда обуревавшей) скромности Сварог устроился в уголке огромной приемной главы Канцелярии земных дел, украшенной с той чрезмерной, пошлой, дурной роскошью, что из всех имперских учреждений свойственна лишь означенной Канцелярии — для должного воздействия на земных королей. Все эти золотые чеканные пластины, россыпи самоцветов по стенам, яшмовые колонны в три человеческих роста, фонтан посередине, бьющий в малахитовой чаше тончайшей работы... Пошлость невероятная, но, поскольку заведена из практических соображений, пусть себе красуется...

Он представления не имел, почему его маринуют здесь вот уже добрых четверть часа — то ли его императорское высочество Диамер-Сонирил и в самом деле занят неотложными делами, то ли попросту хочет показать, что всегда главнее Сварога, в каком бы качестве он-и Сварог сюда ни являлся. Сейчас Сварог, о чем свидетельствовал мундир Бриллиантовых Пикинеров, пребывал в облике графа Гэйра, однако согласно этикету принц короны вправе мариновать в приемной любого лара, сколько душе угодно. Субординация-с.

Думать над этим не хотелось — хватало более насущных и более неприятных дел. Вместо того чтобы лететь сюда, получив просьбу о встрече от Костяной Жопы, следовало бы поспешить в Магеру, в Балонг... или его личное присутствие там совершенно ни к чему? Пожалуй что. Пусть своим делом занимаются профессионалы, не стоит пока что путаться у них под ногами. Профессионалы, впрочем, ошарашены еще больше, чем он сам: Интагар сказал, что последний раз, уж он-то точно знает, главу секретной службы государства убивали прямо в кабинете лет сорок назад — когда к начальнику морской разведки Лорана заявила в кабинет взбешенная отставкой последняя (точнее, теперь уже предпоследняя) любовница, и, разыгрывая ангелочка, украдкой сыпанула в бокал адмиралу надежный яд из перстня. А если не считать этого случая, не имеющего ничего общего с хитросплетениями тайной войны, то он, Интагар, второго и припомнить не может, тут уж нужно старинные архивы поднимать...

Ну вот не убивают в своих кабинетах руководителей секретных служб! Как-то это не принято, что ли. И тем не менее патриция Альдората, возглавлявшего вторую канцелярию Провизориума (то есть, специально для несведущих, тайную полицию Балонга), вчера посреди дня обнаружили в собственном кабинете бездыханным, и из груди у него торчала рукоять всаженного в сердце по самое перекрестье стилета. Судя по безмятежному лицу покойника, он даже удивиться не успел — и, вполне вероятно, хорошо знал убийцу, никак от него подобного не ожидал. Разъяренные женщины, конечно, способны на многое — но все же удар определенно *мужской*. Женщина, схватившись порой за кинжал, все же действует иначе, истерически пыряет железкой куда ни попадя — разумеется, если ее зовут не Мара. Здесь же, говорили профессионалы, чувствуется мужской почерк — кто-то, обладавший немалой наглостью, сноровкой, крови ничуть не боявшийся, вошел в кабинет, молниеносно нанес удар и исчез. И никто его даже не видел. Когда обнаружили труп, подняли тре-

вогу, приказали охране перекрыть все выходы из здания и сгоряча изрядно пометались по этажам во все растущем количестве, но никакого постороннего злоумышленника так и не обнаружили. То ли он успел благополучно покинуть канцелярию, то ли, нельзя исключать, никуда и не уходил и даже старательно помогал искать и ловить самого себя, поскольку числился *своим* и подозрений не вызывал ни малейших...

Второе никак нельзя исключать: убийца должен прекрасно ориентироваться в здании, мало того, знать, как функционирует приемная покойного патриция. Вероятнее всего, он отирался на полукруглом балкончике по другую сторону коридора и улучил момент, когда секретарь Альдората приемную покинул и отправился в архив. Пробыл он там минут десять, и этого убийце хватило с лихвой.

Секретаря, естественно, тут же на всякий случай арестовали и водворили в одну из имевшихся здесь же камер. Он мог, конечно, оказаться и сообщником — но это еще не факт. Функций телохранителя он никогда не исполнял — чисто секретарские обязанности. И за бумагами, которые вдруг потребовались начальству, порой ходил по десять раз на дню. Ни уличить его, ни оправдать не получится до тех пор, пока не появится Сварог и не спросит в лоб, знает ли тот что-то об убийце. А пока что, как доложили Сварогу, секретарь дал интересные показания. Он был типичнейшей канцелярской крысой — высокого полета, в хорошем смысле. И упорно твердил: войдя в кабинет и обнаружив начальника убитым, он по многолетней вьевшейся привычке окинул взглядом бумаги на столе. Так вот, одной не доставало, той, что лежала перед патрицем, когда секретарь уходил. Содержания он не знал, лично он ничего подобного начальнику не передавал — однако настаивал, что более всего эта бумага походила на *постороннюю*: она не была гербовой, лишена как синего квадратного штампа канцелярии в левом верхнем углу, так и тех писарских отметок, какие непременно появляются на всякой казенной бумаге, прежде чем она официальным путем попадает к начальнику в кабинет. Эта, секретарь клялся, была совершенно *чистая*. Но теперь она исчезла. Ни в кабинете, ни в карманах мертвеца и впрямь не нашли исписанного листа, отвечавшего бы описанию секретаря. Может быть, уловка, а может, и чистейшая правда — к чему выдумывать эту историю, если она никоим образом секретаря не реабилитирует, и в его пользу нипочем не говорит...

Неприятная была история. Заграничной разведкой в Балонге занимались другие, а тайная полиция, как ей и положено, ведала чисто внутренними делами. Если сходу выдвигать версии (пусть и не настаивая пока что особо на их истинности), то картина могла изобразиться классическая: скажем, Альдорату поступил донос об очередном заговоре, и замешанные в нем люди оказались настолько влиятельны, что успели принять надлежащие меры. Не такая уж и фантазия, если учесть, что за последний год Альдорат *вскрыл* два заговора, в которых замешаны были весьма высокопоставленные фигуры, в том числе и патриции из тех, кто не мог примириться с нешуточным кровопусканием, учиненным Сварогом главной сокровищнице Балонга — что поделать, если освоение Трех Королевств требовало немалых денег. Сварог, честно пытаясь как-то компенсировать ущерб, дал банкирским домам кое-какие привилегии в своих королевствах и даже помог *протиснуться* на Сильвану, что было давней несбыточной мечтой господ банкиров — но иные все равно простить не

могли, что нынешний Первый Патриций (к тому же получивший власть над Балонгом не вполне джентльменскими методами) вычерпывает золото из Круглой Башни прямо-таки ведрами, кадушками и ушатами. Главы первого заговора собирались вернуть отчизне прежнюю независимость путем классического мятежа — что было с их стороны довольно неумно, поскольку в Балонге давно уже расквартированы два снольдерских пехотных легиона, полк ронерских драгун и ронерская же морская пехота (деньги требуют надлежащей охраны, не правда ли?) Главари второго оказались поопаснее, эти всерьез прикидывали, как бы избавиться от наглого расхитителя посредством стали, свинца или яда...

Что бы за этим ни таилось, а утрата серьезная. Покойный Альдорат, человек умный и хваткий, своей должности как нельзя лучше соответствующий, был верен по-настоящему. Ему, как и многим другим и на земле, и за облаками, именно Сварог устроил нешуточный карьерный взлет, какого при других обстоятельствах ни за что не дождаться так быстро. Две категории людей бывают самыми преданными: исключительно благородные и те, кто всецело зависит только от тебя, причем точно знает, что с твоей смертью теряет все. Без Сварога Альдорат стал бы начальником тайной полиции и патрицием в лучшем случае лет через двадцать — и слишком много у него появилось врагов, чтобы он мог себе позволить черную неблагодарность, так что...

Заслышав, как отворяется дверь, он поднял голову — но это открылась другая дверь, из комнаты ожидания, и оттуда степенно выходили осанистые господа в годах: раззолоченные камергеры, два генерала в парадной форме, усыпанная бриллиантами дебелая пожилая дама со знаком главной фрейлины на пышной груди. Земные сановники, ага, причем мундиры, что характерно, лоранские. Похоже, его высочество вовсе и не выдерживал Сварога в приемной чванства ради, а был по-настоящему занят...

Завидев его, лоранские высокие господа отвесили довольно низкие поклоны, как и полагалось при встрече с его небесным великолепием, к тому же состоявшем в самом привилегированном императорском гвардейском полку. Дама церемонно присела. Судя по любопытным взглядам искоса, кое-кто из них его определенно узнал — ну-ну, любуйтесь, островитяне, мы за погляд денег не берем...

Как и подобало благородному лару, он ответил сухим кивком, не вставая, разумеется, небрежно отвернулся. Они ему и в самом деле были совершенно неинтересны: препустой народец, надо полагать, вульгарные дворцовые прихлебатели... По-настоящему *интересных* людей, вроде начальника разведки или талантливого вояки генерала Кадульфа, заочно знакомых ему по снимкам, среди этой братии что-то не усматривалось.

Золоченые двустворчатые двери кабинета принца распахнули изнутри два давно знакомых Сварогу великана-лакея в усыпанных самоцветами зеленых ливреях. На сей раз он, не мешкая, встал и поклонился — с одной стороны, этикет его нисколечко не обязывал, можно было и дальше сидеть, развалясь, с другой же, всякий галантный кавалер считает своим долгом приветствовать благородную даму стоя, тем более что она не просто земная дворянка, а целая королева. Ее величество Лавиния Лоранская, ага... Очаровательная стерва тридцати с небольшим годочков — прекрасная фигура, невероятно горделивая осанка, темные волосы, уложенные в затейливую прическу, холодные си-

ние глаза, бриллиантовое сияние на уард вокруг. Спеси преисполнена несказанной — хотя, как многим известно, по происхождению всего-то дочка убогого королька из Вольных Маноров, древнего родом, но убогого владениями. Как сплетничают, в детские годы чуть ли не босиком бегала, чуть ли не в домотканом, быть бы ей супружницей столь же убогого персонажа в тех же Манорах, да случилось так, что Гастольд Лоранский, к тому времени вдовец, охотясь в Каталауне и проезжая через убогое королевство без всяких намерений нанести визит вежливости тамошнему венценосцу, увидел семнадцатилетнюю принцессу и *воспылал* — хороша, чертовка, этого у нее не отнимешь. Ну, честным пирком да за свадебку, коронованный папаша чуть от радости не помер... А самое интересное, господа мои, в том, что, когда Гастольд лет через пять скончался совершенно естественной смертью в давней и ожесточеннейшей борьбе с зеленым змием, молодая порфиросная вдова проявила нешуточный ум и хватку, каких от нее, в общем, и не ожидали, привыкнувши считать «замарашкой из Маноров». Сумела быстро отыскать надежных сподвижников, очень быстро оттерла от престола раскатавшую было губы родню покойного (к сегодняшнему дню поголовно вымершую в результате череды несчастных случаев) — и давно уже сидела на троне *прочно*, опираясь на тех, кто всем обязан был лично ей. Регентша, конечно — но, зная ее нрав, начинаешь всерьез сомневаться, что лет через десять ее сынок, родная кровиночка, ставши совершеннолетним, сумеет стать полновластным монархом. Не та баба...

Она чуть присела перед Сварогом, на миг склонив голову. Когда выпрямилась, где-то в глубине сапфировых глаз по-прежнему светилась холодная, рассудочная ненависть — не к благородному лару, понятно, к удачливому земному королю. Сварог церемоннейшим образом раскланялся. Четыре раза убийц подсылала, чертовка неукротимая, и вряд ли на этом остановится, краса ненаглядная... Ладно, переживем...

Сварог не смотрел ей вслед, когда она неторопливо удалялась в сопровождении свиты. Нетерпеливо повернулся к золоченой двери. Одна ее половинка захлопнулась, вторую лакей держал открытой. Бесшумно вынырнул кабинет-секретарь, поклонился:

— Граф Гэйр, его высочество вас просят...

Хорошо все же иногда побыть простым графом Гэйром, а не королем королев. Никакой дурацкой помпезности: и запропал куда-то великан-глашатай, так что обойдется без истощных церемониальных воплей, и кабинет-секретари исчезли, никто под руки не поддерживает, будто столетнего деда...

— Ваше высочество... — сказал он, остановившись перед огромным столом с позолоченными углами.

Принц-директор кивнул:

— Рад вас видеть, граф. Простите, что продержал в приемной, но вы сами, должно быть, видели посетительницу...

— Конечно, — сказал Сварог.

— Садитесь.

Сварог уселся. Справа из-за прозрачнейшего невидимого стекла исполинского аквариума тупо пялились на него огромные белоснежные карпы.

— Согласно этикету, следует предложить вам вино, фрукты, закуски. Быть может, мы обойдемся без скрупулезного соблюдения этикета? Конечно, если

вы голодны или хотите вина...

— Ни то, ни другое, ваше высочество, — сказал Сварог не без настороженности.

— Прекрасно. У меня к вам срочное и серьезное дело. Можно бы сказать, не к вам, а к королю королей...

Черт его знает, что он там задумал, но на всякий случай следовало поостеречься. Сварог произнес твердо:

— Тысяча извинений, ваше высочество, но у меня столько дел, что в ближайшее время я никак не могу выступать в качестве короля королей...

— Ваше право, — сказал принц, недовольно морщась.

— Что-нибудь случилось? — спросил Сварог вежливо. — Быть может, на меня... то есть на короля королей снова поступили жалобы?

Очаровательная Лавиния уже дважды катала на него телеги — вульгарное определение, но очень точно отражающее суть дела. Оба раза требовала повлиять на короля королей, дабы вернул земли, некогда входившие в состав Лорана. И оба раза получала вежливые отписки: принц не питал ни малейшей симпатии к помянутому королю королей, но так уж карта легла: согласно незыблемым параграфам, Лоран, в свое время спустивший королевский штандарт над помянутыми землями, убравший оттуда всю администрацию и эвакуировавший население, добровольно отказался от своих прав, и земли перешли в разряд бесхозных...

— Да нет, с чего вы взяли?

— Я разминулся в приемной с очаровательной королевой Лорана...

— Да, очаровательная женщина, — кивнул принц. — И к вам, в самом деле, отчего-то не питает симпатий... Но разговор не об этом. Никаких жалоб пока что нет. Мне бы о другом хотелось поговорить. Вы сейчас, разумеется, остаетесь начальником девятого стола — и в этом качестве все же вынуждены поддерживать разговор о земных делах... Не так ли?

— Да, конечно, — сказал Сварог, пытаясь угадать, что за неприятный сюрприз ему на сей раз подготовили.

— Я слышал, вы крайне серьезно относитесь к Багряной Звезде?

— Да, — сказал Сварог.

— Могу вас заверить, я тоже, — сказал принц, поглядывая на него с непонятным выражением лица. — Милорд Гаудин по молодости лет может себе позволить откровенный скептицизм... но у меня есть кое-какие основания относиться к Багряной Звезде со всей серьезностью. Я всерьез опасаюсь, что она, как иные предсказывают, способна вызвать на Таларе катаклизм, не уступающий Шторму и Вьюге. Я пока что не знаю, как этому воспрепятствовать, но считаю, что мы обязаны приложить все силы...

Сварог выругал себя последними словами. Об этой стороне дела следовало подумать заранее — и сообразить, что у него сейчас нет более надежного и решительного союзника, нежели его императорское высочество Диамер-Сонирил...

Причины, конечно, лежат на поверхности. Сварог изрядно урезал полномочия господина директора, добившись, чтобы из его земель выставили имперских наместников, но здесь другое, похуже. Если грянет катаклизм и отбросит Талар в первобытное состояние, принц в одночасье станет никем и ничем. Пост свой, свою контору он, разумеется, сохранит, но не одна сотня лет прой-

дет, прежде чем на земле возродятся прежние государства. Слишком многое будет развалено по кирпичикам, в прямом и переносном смысле. Невелика честь управлять насмерть перепуганными, оборванными, голодными толпами, скитающимися по превращенному в груды развалин Харуму... Мотивы у принца, конечно же, насквозь шкурные — но какая разница? В политике никто не обращает внимания на такую вот лирику. Главное, у принца есть причины встать плечом к плечу со Сварогом, когтями и зубами драться за спасение нынешнего своего положения...

Принц подался вперед, прямо-таки буравя Сварога взглядом, он вроде бы оставался вялым, расслабленным, но уже немного изучивший его Сварог с уверенностью мог сказать: для принца это означает примерно то же самое, что для человека более темпераментного — маханье руками, бурная жестикуляция...

— Вы нашли какой-нибудь способ *повлиять* на ситуацию? Какое-нибудь средство?

— Пока нет, — сказал Сварог со вздохом. — Как ни стараются мои люди...

На лице принца появилось откровенное разочарование.

— Ну что же вы так... — произнес он печально. — У вас репутация человека, способного горы свернуть...

Сварог молча пожал плечами. Нечего тут сказать.

— Ну, хорошо, будем надеяться на лучшее... — сказал принц. — А пока что я хотел бы с вами посоветоваться. Мои люди раздобыли интересную и крайне загадочную информацию...

Ну разумеется. Имперских наместников, называя вещи своими именами, выставили — но созданные ими агентурные сети остались. Да и мощные средства наблюдения за земной поверхностью никто у Канцелярии земных дел не отбирал. Из агентов этих, кстати, в дружеские объятия тайных полиций Сварога пока что попали считанные экземпляры, рядовые шпики, ни одного серьезного резидента пока что заполевать не удалось...

— Вам известно, что на земле кое-кто знает о существовании Багряной Звезды? О том, что она приближается? О том, какие последствия это может вызвать? О том, что знающие сплошь и рядом не держат язык за зубами?

— Ну, разумеется, — сказал Сварог. — Кто-то что-то такое прочитал в древних книгах, а кто-то обладает *способностями*. Пока что идут *шепотки*, не получившие большого распространения. Тех, кто попытался выступить в классической роли бродячих пророков, вещающих массам, мои люди отловили вовремя. Надеюсь, будут отлавливать и впредь... Конечно же, мои службы запускают в оборот другие слухи — противодействующие, дискредитирующие. Они это умеют.

— Вот в этой связи у меня есть вопрос... Что вы можете сказать о ронерской провинции Гартвейн?

— Да ничего особенного, — произнес Сварог после короткого раздумья. — Провинция как провинция, ничем особенным не выделяется. Средней величины, граничит со Снольдером, Гланом и Горротом. Патриархальная глубинка, фабрик и мануфактур практически нет, деревни в основном фригольдерские, хватает охотников и речников... Очень спокойная провинция, прямо-таки сонная глушь, мне, как королю, она ни малейших хлопот пока что не доставляла... Даже не знаю, что еще и добавить...

Он старался, чтобы выглядело так, будто он отвечает, не задумываясь — но тщательнейшим образом подбирал слова. Даже если принц решит его *прошупать* с помощью той, во многом неизвестной магии, которой располагают члены императорской фамилии, он ни за что не сможет уличить Сварога во лжи. Сварог ему нисколько не лгал — он только лишь не сказал всей правды...

Что-то там, в означенной провинции, *таилось*. Именно из Гартвейна поступили четыре донесения из шести, отправленных Третьим и Одиннадцатым, именно оттуда Шестой прислал загадочный горшок. Покойный Гинкер крайне не интересовался Гартвейном, а сие неспроста...

— Вы, случаем, не составили карту распространения по Харуму разговоров о Багряной Звезде?

— Вот чего нет, того нет, — сказал Сварог опять-таки чистую правду. — Девятый стол — учреждение новорожденное, у меня чертовски мало людей и совсем нет аналитиков. На земле же... Никто об этом как-то не задумывался. У меня есть более серьезные дела. В конце концов, я не представляю, чем мне помогла бы такая карта...

— Я, признаться, тоже, — кивнул принц. — И тем не менее мои аналитики карту такую составили. Она заставляет задуматься и поломать голову... Не угодно ли?

Он сделал небрежное движение, и слева от Сварога вспыхнул огромный экран с картой Харума. Очертания континента изображены черным цветом, реки синим, государственные границы изумрудно-зелеными пунктирами. Еще через пару секунд территорию Ронеро покрыла тусклая паутинка бледно-оранжевых пунктирных линий — ага, границы провинций... Повсюду на карте — алые, пронзительно-колюче вспыхивающие огоньки.

— Острова я не стал принимать в расчет, — пояснил принц. — Вся информация туда поступает с континента. За исключением разве что Стагара, *там* аномально большое количество выявленных случаев. Но это и не удивительно — как-никак Стагар с его магами... Не о том речь. Присмотритесь хорошенько и постарайтесь вывести закономерности, которые здесь, конечно же, есть...

Сварог смотрел внимательно, с нешуточным интересом. Закономерности, конечно же, имелись. Возможно, к ним следовало применить какое-то иное название...

Если не считать Ронеро, повсюду алые точки мерцали хаотичной россыпью, в которых никаких закономерностей, пожалуй что, и не усматривалось, как не усматривается их в расположении звезд на ночном небосклоне.

Что до Ронеро — там обстояло гораздо интереснее...

Провинция Гартвейн представляла собою *сплошное* алое зарево, распространявшееся на часть как двух примыкающих провинций, так и приграничные районы трех смежных держав. Именно из Гартвейна тянулись во все стороны *густые* полосы алых точек, напоминающие уже не звездную россыпь, а Млечный Путь, с расстоянием они понемногу исчезали, превращались в скопище редких огоньков — но сам Гартвейн пылал, словно груды углей не прогоревшего костра.

— Что скажете? — спросил принц напряженно. — Есть основания утверждать, что все разговоры, все знания о Багряной Звезде распространяются из

Гартвейна, или это моя стариковская фантазия разгулялась?

— Да нет, никаких фантазий, никаких случайностей... — медленно произнес Сварог. — *Оттуда* главным образом все и распространяется. Я ни о чем подобном и представления не имел...

— Вот я и говорю — молодо-зелено, — тоном строгого, но справедливого папаши сказал принц. — Одно дело — наподобие героев древнего эпоса и рыцарских баллад носиться на коне со сверкающим мечом наголо, что-то там захватывать, присоединять... И совсем другое — кропотливая аналитическая работа, учитывающая все аспекты и подробности. Здесь мы, старшее поколение, дадим сто очков вперед романтической молодежи...

Его взгляд не оставлял сомнений, кого он в данный момент подразумевает под романтической молодежью. Сварог уныло молчал. Следовало признать, что его, выражаясь высоким штилем, чувствительно приложили мордой об стол. Не станешь же вновь вспоминать о жуткой кадровой нехватке и недостатке техники — это, конечно, чистейшая правда, но выглядит очень уж жалко...

Избегая встречаться взглядом с принцем, он спросил:

— Я смогу получить эти материалы?

— Ну разумеется! — воскликнул принц. — Какие угодно. Все, что поможет. Вы уж постарайтесь, граф, иначе дело может кончиться ох как скверно...

...Элкон спросил с нескрываемым любопытством:

— Что там, в Балонге?

— Ничего, что позволило бы продвинуться хотя бы на шагок, — рассеянно ответил Сварог. — Советника пришлось с извинениями выпустить. Он совершенно ни при чем, абсолютно непричастен. Что же, ищут...

Он с превеликим облегчением снял патрицианскую накидку, синюю, с пышными рукавами, расшитую золотыми пчелами, символом банкирской бережливости и неустанных трудов. Движением пальца отправил ее в полет, она пролетела через всю комнату и повисла на вешалке. За ней последовала корона с зубцами в виде Круглой Башни. Сунув в рот сигарету, Сварог расположился в кресле недалеко от рабочего стола Элкона, сплошь заставленного самыми современными образчиками здешней электроники — одних компьютерных экранов горело три штуки, да вдобавок мигала куча разноцветных лампочек, что-то посвистывало, что-то курлыкало, что-то создавало полупрозрачные цветные фигуры, то исчезающие сразу, то надолго повисшие над столом. Не без уважения поглядывая на всю эту во многом до сих пор загадочную премудрость, вакханалию передовых технологий, Сварог спросил:

— Ну, а у вас что стряслось, Элкон? Не вызвали же вы меня просто так? С дисциплиной вы дружите... хотя и нарушаете ее порой, откровенно говоря...

Юноша смотрел на него с каким-то непонятным выражением, словно бы колеблясь. Потом, побуждаемый властным взглядом Сварога, все же решился:

— Командир, я *это* изучал четыре дня... Пожалуй, пора и докладывать. Хотя я по-прежнему ничегошеньки не понимаю... Какая-то компьютерная загадка...

— Интересно, — сказал Сварог. — Весьма. Компьютерная загадка, в которой вы ничего не понимаете... Что-то я такого прежде не помню.

— Я тоже...

— Тогда выкладывайте.

— Я чисто случайно все это обнаружил, — сказал Элкон, развернувшись на вращающемся стуле лицом к Сварогу и уже не обращая внимания на свою сверкающую огнями беспокойную машинерию. — Вовсе и не собирался заходить в Детскую, что мне там делать...

— Детская — это что? Побольше конкретики, ладно?

— Детская — это специальная компьютерная сеть, — сказал Элкон. — Связывающая нашу детвору — именно что малышню не старше шести-семи лет. Те, кто постарше, уходят в другие сети, считают уже выше своего достоинства общаться с «младенчиками». Сетей таких несколько: Детская, Лужайка, Горная Беседка... В Беседке уже подростки, там и легкий флирт, и более-менее серьезные темы... Ну, а Детская... Малышня болтает на *своем* уровне развития, загадки друг другу загадывает, головоломки выкладывает... Словом, резвится незатейливо, как умеет. Я бы туда и не заходил, да недавно показал младшей сестренке пару полезных при компьютерном общении вещей, хотел посмотреть, усвоила она их, или урок был впустую. Оказалось, усвоила. Я от нечего делать задержался... и наткнулся на эту Бетту...

— Я вас умоляю, поконкретнее, — сказал Сварог нетерпеливо.

— Есть, командир, как раз и пошла конкретика... Понимаете ли, никак нельзя сказать, что в Детской многолюдно, там их всего-то человек сорок. Далеко не все у нас интересуются компьютерной сетью общения, увы... Всякий новый пользователь вызывает живейший интерес, как это всегда у детишек бывает. Они как раз, фигурально выражаясь, столпились вокруг новенькой, вокруг Бетты, засыпали ее вопросами, именно этот момент я и застал. И долго не уходил, пробило меня хорошенько... — Элкон покрутил головой. — Естественно, первое, что в таких случаях *мелкие* спрашивают — из какого ты манора, какой у тебя титул? Бетта — это имя или ник? Она очень общительная, судя по всему, отвечала быстро, ничего не скрывая... со свойственным малышне простодушием. Что такое ник, она не понимает вовсе, ее попросту так зовут — Эль-Бетта, Бетта... Живет она не в маноре, а «в доме». Титула у нее нет. Взрослый моментально удивился бы не на шутку — сеть предназначена исключительно для детей благородных ларов, все просто *обязаны* носить какой-то титул. Но малыши — народ бесхитростный и нелогичный, они как-то даже и не удивились вовсе, без титула, так без титула, они ж еще не уяснили *накрепко*, что титул непременно должен быть... Как-то эту тему *проскочили*, болтай дальше. У них там куча дежурных вопросов, один такой вскоре и прозвучал: над какими местами сейчас летит твой замок? Бетта с тем же простодушием отвечает: она живет не в замке, а в доме, и он нигде не летает, а крепко стоит на земле, как дому и положено, вот уже лет сто стоит, еще прадедушка строил...

— Что? — Сварог едва не выронил сигарету. — На *земле* стоит?

— Так и отвечала, — пожал плечами Элкон. — Я рассказываю все, как было. Малышня и *этому* не успела удивиться — как у них частенько бывает, миг переключились на другую тему, кто-то предложил поиграть в «трех гусят и лису», они и кинулись взапуски. Бетту, правда, пришлось учить, она об этой игре и представления не имела, что опять-таки предельно странно: это самая любимая игра малышни, в жизни в нее играть начинают, едва научившись ходить и говорить, я по себе и по друзьям прекрасно помню... Ну, а когда кончили играть, Бетту уже ни о чем особенно и не спрашивали, приняли в

компанию. Одним словом, я там проторчал четыре дня, как только выдавалась свободная минутка. Можно делать выводы, материала накопилось достаточно. Бетта там вполне освоилась, ее приняли, как свою, но она безусловно не *отсюда*. Порой обнаруживается, что она не знает самых очевидных вещей, которые у нас знает любой малыш. Она единственная, кто не выставила на аватарку ни собственного изображения, ни какой-нибудь картинки. Единственная, кто ни разу не выкладывала снимков, картинок, игр, требующих собственного графического оформления. Когда кто-то это подметил и спросил, Бетта ответила, что не может. Ее тут же попытались учить, но она твердила: дело не в том, что она не умеет или не знает, как, она просто не может... И в некоторые игры она не может играть опять-таки в те, что требуют от игрока посылать картинки... Полное впечатление, что ее компьютер гораздо примитивнее наших. Но, несмотря на это, она, я уже говорил, прижилась. Она веселая, общительная тараторка, с ней охотно общаются, и она общается без малейшей неловкости. Очень непосредственное создание... и я голову могу прозакладывать, что это именно что обыкновенная шестилетняя соплюшка. Но она — с земли. Командир, что вы так смотрите?

— Будь на вашем месте человек постарше и поопытнее, ох, я б сказал... — протянул Сварог. — И вы это носили при себе *четыре* дня?!

— Нужно же было разобраться в этой странности...

— Это не странность, — сказал Сварог, с величайшим трудом поборов желание высказаться простыми моряцкими или драгунскими словечками. — Это, любезный мой Элкон, Белая Тревога, и никак иначе. Я серьезно. На *земле* вдруг обнаруживается компьютер, способный входить в нашу сеть... Черт, у меня слов нет... У вас же на столе, вон там, справа, крохотная такая черная панелька с тремя разноцветными клавишами, вы давным-давно обязаны были нажать белую... или, в крайнем случае, попытаться засечь самостоятельно, откуда эта Бетта вещает...

— Командир... — произнес Элкон с ноткой укора. — Почему вы считаете, что мне это не пришло в голову? Даже если бы я не служил здесь, из чистого любопытства постарался бы отследить... но я прекрасно помню, где служу. В первый же день, когда они еще не успели наболтаться и разойтись, я врубил поиск... Бесполезно.

— То есть?

— Я просто-напросто не могу определить, *откуда* она выходит, — уныло сообщил Элкон. — Адрес не фиксируется, хотя любой *наш* адрес я бы определил довольно скоро. Я врубил автопоиск и обшарил все без исключения диапазоны. Ничего.

— А может она как-то... маскироваться? — спросил Сварог. — Я все же не силен в *этой* технике, честно признаюсь... Но вы понимаете, что я имею в виду?

— Понимаю, командир. «Замаскироваться» тут невозможно, ручаюсь. Как ни маскируйся, сам радиосигнал не спрячешь. Любую передачу, конечно, можно зашифровать... но *наличие* сигнала не спрячешь. А его нет. Я задействовал нашу наблюдательную станцию — безрезультатно.

— Ну, она у нас пока что одна-единственная, универсальностью и совершенством не блещет, — пожал плечами Сварог. — В Магистерииуме наш заказ на дюжину «Филинов» выполняют *лениво*...

— Я знаю. А потому входил в наблюдательные сети восьмого департамента и Канцелярии земных дел, дал им парочку *своих* заданий. Вы же мне этого не запрещали...

— И не собираюсь, — сказал Сварог. — Соблюдайте закон, не лезьте в сети Канцелярии императрицы, Императорского кабинета и Канцлера. Все остальное меня не интересует, знать ничего не знаю, представления не имею... — он ухмыльнулся: — Лишь бы вы не запоролась. *Теребить* будут меня...

— Смею заверить, я ни разу не запоролся, — скромно улыбнулся Элкон. — Они ничего не подозревают, а если даже что-то и зафиксировали, в жизни не сумеют отследить и опознать...

— И что вышло?

— Опять-таки никаких результатов, — грустно признался Элкон. — Одно и то же: Бетта преспокойно болтает в сети, но ни одна из многочисленных станций не фиксирует идущего с земли радиосигнала. Бетты как бы и не существует... но она *есть*. У меня от безнадёжности рождаются самые фантастические идеи: а что, если ее компьютер работает на каких-то *других* принципах? Которые мы сами не используем, а потому и не можем отследить?

— И на *каких* же?

— Не знаю, — понурился Элкон. — Но ведь должно же быть какое-то объяснение? Бетта *есть*...

— Выбор у нас, знаете ли, невелик, — сказал Сварог. — Радиоволны, инфракрасное излучение, магия...

— Проверено, — решительно сказал Элкон. — Не фиксировалось.

— Ну, давайте уж, если предались полету фантазии, добавим гравитационные волны и колебания земного магнетизма, — сказал Сварог, морщась.

— Вы серьезно?

— Серьезно, — молвил Сварог, — от безнадёжности. Теперь-то уж все возможные виды излучений рассмотрели.

— Что же, мне попробовать и...

— А попробуйте, — сказал Сварог. — Чтобы окончательно убедиться. Нет — так нет. Зато мы все испробовали.

— Есть, — сказал Элкон, пожимая плечами и крутя головой. — Я, правда, решительно не представляю, как можно использовать в компьютерной связи гравитационные волны или земной магнетизм... Но если вы приказываете... Как только она опять появится... Сейчас-то ее нет, я давно уже поставил программу и держу Детскую под постоянным присмотром...

— А как она *вообще* ухитряется выходить в нашу сеть, эта загадочная соплюшка?

— Представления не имею, — сказал Элкон. — Но ведь выходит же. У меня младшая сестренка, я уже говорил, так что я немного изучил эту мелкоту. Вот не сойти мне с этого места — это именно что шестилетняя соплюшка...

— Которая без спросу включила папин компьютер...

— Да запросто, — сказал Элкон. — В прошлом году я оставил компьютер без блокировки, Бари его включила и ушла с него в Детскую, — он смущенно отвел глаза. — Хорошо еще, не стала лезть в «кладовку».

— Так то *здесь*, — сказал Сварог. — А откуда на земле оставленный без присмотра папин компьютер?

— Но она...

— Ладно, я уже уяснил суть проблемы, — прервал Сварог. — Она *есть*. И у меня нет оснований вам не верить, когда вы на службе... Впрочем, когда вы не на службе, тоже... А что, если все вульгарнее и проще? Какой-то земной черный маг ухитрился влезть в Детскую.

— А зачем?

— А он извращенец, — сказал Сварог. — Всякие, знаете ли, встречаются извращенцы. Может, ему доставляет удовольствие общаться с малышкой, выдавая себя за шестилетнюю Бетту... Теоретически такое можно допустить?

— Теоретически — да. Практически — нет. Любое вторжение в наши системы с помощью черной магии было бы моментально зафиксировано.

— Я знаю, — сказал Сварог. — То я от безнадежности всякую чушь выдумываю... В конце концов, любой взрослый человек должен бы понимать, что его присутствие быстро засекут...

— Вот это как раз далеко не факт, — сказал Элкон. — *Автоматически* фиксируется появление черной магии, вообще присутствие чего-то *необычного*. Но специально никто за Детской не присматривает, там нет никаких наставников, учителей, общение как-никак чисто виртуальное. В систему, правда, изначально заложены программы-надсмотрщики. Если кто-то из малышни начнет нецензурно выражаться или затрагивать иные сугубо взрослые темы — вот тут виновника моментально выловят и будут воспитывать. Но когда нет никаких нарушений, малышня может общаться и играть без присмотра, сколько душе угодно. Как бы ни вошла Бетта, она вошла *незаметно*. При обстоятельствах, которые ничуть не встревожили охранные системы. Я ведь по чистой случайности оказался в Детской, да еще в то время, когда Бетта только что появилась, и ей задавали кучу вопросов...

— Может, нам проверить и Лужайку с Беседкой? — спросил Сварог. — Вдруг там обнаружатся... престранные гости? Это сложно? Долго?

— Да нет, не сложно и не долго. Нужно только ввести программу... но и это не сложно и не долго. Вот только я серьезно сомневаюсь, что мы и *там* обнаружим непрошенных гостей. Те, кто постарше, быстро определяют *несообразность*, не успокоятся, пока не выяснят, в чем тут дело. Это малышня над подобными странностями не задумывается совершенно. Бетта есть, с ней интересно, и этого достаточно.

— И если развивать тему... — задумчиво произнес Сварог. — То же самое касается и *земли*. Думается мне, что у тамошнего подростка будет достаточно ответственности... или просто страха перед родительским гневом, чтобы не лезть к компьютеру без спроса и никуда не выходить... А здесь... Что же, это и в самом деле чертовски напоминает жизненные реалии: шестилетняя соплюшка в простоте своей лезет куда не надо, а настрою ей запретить никто не догадался, потому что никто такого от нее и не ожидал... Ладно, я пошел. Ко мне собирается в гости милорд Гаудин, чую, разговор предстоит тяжелый... Есть предпосылки... Сообщите мне немедленно, как только появится Бетта. Даже если я буду говорить с Гаудином. Компьютер на земле — это поважнее любых бесед...

— Что-то придумали, командир?

— Придумал, знаете ли, — ухмыльнулся Сварог. — Если там и в самом деле шестилетняя девочка, она попадетсЯ... Точно, попадетсЯ. Черт, лучше заранее... У вас сейчас есть какие-то неотложные дела?

— Неотложных нет, одна рутина.

— Рутину — побоку, — решительно распорядился Сварог. — Идите в Детскую. Только не в своем истинном облике, конечно. Мне тут пришло в голову... Если они без уточнений так легко приняли Бетту, если их, как вы говорите, человек сорок... Они же не могут знать *всех* своих ровесников?

— Конечно, нет, — сказал Элкон. — Малышня...

— Значит, если там вдруг появится какой-нибудь гость лет шести, титулованный житель манора... пусть и несуществующего, никому и в голову не придет его проверять?

— Безусловно, не придет.

— А системы контроля?

— Вы же видите, они никак не реагируют на Бетту, — ухмыльнулся Элкон с крайне заинтересованным видом, кажется, начиная что-то соображать. — Если только гость не начнет непристойно ругаться или затрагивать взрослые темы...

— То бишь эротику?

— Ага.

— Ну, будем как можно неприметнее, — сказал Сварог. — *Создайте* этого сопняка, Элкон. По всем правилам: с портретом, с картинками... ну, вы лучше знаете. *Потратьте* часок, чтобы *внедриться* и стать своим. Получится?

— Да запросто.

— Вот и займитесь немедленно. Стыдно подобным образом поступать с детишками, но мы же не извращенцы, нас вынуждают обстоятельства...

— Ага! А потом...

— Вот именно, — сказал Сварог, вставая. — Когда появится Бетта, именно этот сопняк, поганец этакий, расставит ей ловушки, в которые она, может стать, быстро попадет...

Глава IV

ПЕЧАЛЬНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Когда на обширную зеленую лужайку плавно и бесшумно опустилась знаковая вимана — светло-коричневый с желтым изящный домик под темно-коричневой черепичной крышей, Сварог стоял в коридоре верхнего этажа, смотрел в щелочку меж высоченных портьер из тяжелого темно-вишневого шелка. Он видел, как по ступенькам невысокого, в три ступеньки крылечка с витыми перилами спустился Гаудин — издали видно, невозмутимый, спокойный, как всегда, несуетливый в движениях, уж безусловно, уверенный в себе. Никто не показался следом, начальник восьмого департамента прошел к парадному крыльцу в полном одиночестве, неторопливо поднялся по лестнице, исчез под козырьком.

И тут же появился комендант летающего острова, преисполненный служебного рвения, воинственно топорщивший усы. В здешнем штатном расписании такой должности не имелось, но не было и параграфа, запрещающего бы Сварогу завести у себя коменданта. Он и завел. Комендант иногда необходим, как воздух. Большим умом этот ретивый усач не блистал, но от коменданта подобных достоинств вовсе и не требуется, лишь бы был рьяным в службе да исполнительным — а вот с этим у бывшего лейтенанта-антланца обстояло прекрасно.

— И что? — спросил Сварог небрежно.

— Кроме пилота, там двенадцать человек с оружием.

Сварогу стало грустно: ситуация сама подталкивала его к намеченному, решительного объяснения по душам просто не избежать, как ни печально...

— Все по плану, — сказал он решительно.

Кивнул вытянувшемуся с решительным видом коменданту и направился к лестнице, без всякой спешки. Спустился на этаж ниже, вошел в собственную приемную, где по случаю визита высокого гостя сидел секретарь — в обычное время располагавшийся в комнате перед рабочим кабинетом Сварога. Этот кабинет и эта приемная были чисто парадными, служившими исключительно для приема сановных гостей, а потому отделанными роскошнее служебных помещений. Конечно, без той аляповато-дурной роскоши, что свойственна Канцелярии земных дел. Вообще-то за пару месяцев бытия этого здания Сварог с секретарем появлялись тут второй раз, их контора не принадлежала к тем, куда знатные посетители тянутся вереницами. В первый раз здесь побывал Канцлер — без всякого дела, хотел посмотреть, как Сварог обустроился. Вряд ли Гаудин явился с теми же целями, простым любопытством тут и не пахнет...

Ни единого слова не было произнесено — они с Гаудином обменялись лишь вежливыми кивками. Лицо визитера на сей раз было особенно бесстрастным — до нарочитости. Так что Сварог, увы, не ошибался...

Вежливо пропустив гостя вперед, он закрыл за собой дверь кабинета — успев еще увидеть, как в приемной появился комендант и, перехватив его взгляд, выразительно кивнул.

— Садитесь, милорд, — сказал Сварог, усаживаясь за роскошный пустой стол (с пустыми же ящиками). — Вино? Что-то еще?

— Нет, благодарю...

Они молчали, не встречаясь взглядами. Напряжение ощущалось прямо-таки физически, словно предгрозовая духота. Чтобы не оттягивать неизбежное, Сварог заговорил первым:

— Подозреваю, вас сюда привели крайне серьезные дела...

Свистела первая стрела холодной былью...

Словно бы с некоторым облегчением Гаудин взглянул ему в глаза:

— И, к сожалению, не особенно приятные...

— Случается... — сказал Сварог, и бровью не поведя. — Быть может, в таком случае побережем время друг друга? И не станем его тратить на дипломатические экзерсисы?

— Согласен, — ответил Гаудин бесстрастно. — К вам появились серьезные претензии, лорд Сварог...

— Вот совпадение, — сказал Сварог. — У меня тоже есть к вам серьезные претензии, давайте их друг другу выскажем... Разумеется, вам, как гостю, говорить первым...

— Благодарю за честь... Лорд Сварог, вы уже дважды игнорировали просьбу Магистериума передать им для изучения «Рагнарок»...

— *Просьбы* порой именно что игнорируют, — сказал Сварог совершенно спокойно. — Потому что это не более чем просьбы. Законных оснований для *требований* у них нет. Поскольку «Рагнарок», согласитесь, великолепно подпадает под параграф «О находках» из Кодекса Вольностей. Надеюсь, вы не станете это отрицать?

— Не стану, — согласился Гаудин. — Однако бывают ситуации, когда не следует цепляться за букву закона. «Рагнарок», знаете ли, имеет мало общего с простыми находками, сделанной в старые времена дребеденью. Даже Топор Дорана, если рассудить — не более чем занятая безделушка. А вот «Рагнарок»...

— И тем не менее позвольте уж когтями и зубами уцепиться за букву закона. Милорд Гаудин, я исхожу из насквозь житейских соображений. Мы оба с вами прекрасно понимаем, что «Рагнарок» в руках тружеников Магистериума послужит всего-навсего удовлетворению их безудержного любопытства... которое обычно ради благозвучия именуется «стремлением к познанию». Лично я, простите великодушно, эту страсть поименовал бы просто — *рукоблудие*... Мне подлодка необходима по насквозь практическим соображениям. В океане преспокойно плавают две гигантских змеюки, одна из которых...

— Воплощение Чего-То Там, — кивнул Гаудин. В его голосе звучала легкая насмешка. — Я никогда не верил в легенду о Четырех Воплощениях. Старинные монахи отличались безудержным полетом фантазии и неприкрытой любовью к жутким легендам.

— Вы и в Багряную Звезду не верили до самого последнего момента.

— Ну, это другое... Значит, вы твердо настроены удерживать «Рагнарок» и далее?

— Настроен, — сказал Сварог. — До тех пор, пока у меня его не отберут законным образом.

— А подлодка Тагарона? Этот предмет никак не подпадает под Параграф «О находках». Подлодка, как и сам Тагарон — это уже моя юрисдикция.

— И *моя* тоже, — сказал Сварог. — Никак не поверю, что вы не читали со-

путствовавшие указу императрицы нормативные документы, определяющие обязанности и права девятого стола. Тагарон у меня под арестом, я веду официальное следствие, его подлодка — вещественное доказательство. Опять-таки все по закону.

Гаудин легонько поморщился:

— Официальное следствие... Вы, конечно, отгрохали тут чуть ли не настоящий городок, но во всей этой громадине, — он небрежно повел рукой вокруг, — лишь горсточка людей. Простите, если задеваю ваше самолюбие, но здесь пока что — *пародия* на серьезную разведслужбу...

— Дело наживное, — сказал Сварог. — Самолюбия моего вы не задеваете ничуть. Расширяемся помаленьку, богатеем людьми и техникой. В любом случае у меня достаточно сил, чтобы провести полноценное расследование — зачем здесь *орава* следователей? Я сам веду следствие — как и вы на моем месте поступили бы... А для выяснения второстепенных деталей, для черновой работы у меня хватает людей на земле. Да и здесь кое-какие квалифицированные кадры имеются...

— Не сомневаюсь, — тон Гаудина стал вовсе уж ядовитым. — Ваши юные компьютерные гении... На протяжении последних трех дней кто-то посторонний трижды проникал в наблюдательные системы восьмого департамента, и вдобавок загружал их какими-то своими заданиями.

«Молодчина Элкон», — подумал Сварог. И произнес тоном опытного дипломата:

— Слова «кто-то» и «какими-то» подразумевают, что вы не знаете конкретного виновника. Не так ли? Молчание — знак согласия. При чем тут я?

— Мы оба прекрасно понимаем, чьих это рук дело.

— Предположим, — сказал Сварог. — Именно что предположим. Но и здесь ни один закон не нарушен. Закон прямо запрещает проникать в архивы Канцелярии императрицы, Императорского кабинета и Канцлера. В остальном же любой благородный лар имеет право получать любую информацию, где ему заблагорассудится. Другое дело, что подавляющее большинство наших высокородных бездельников то ли забыли о некоторых своих правах, то ли совершенно ими не интересуются, кружась в вихре светских увеселений, как выражаются романисты. Закон забыт, но он действует...

— Ну, если вы такой уж законник... — недобро усмехнулся Гаудин. — В этом случае могу напомнить, что согласно тем же действующим законам я имею право вас арестовать.

— *Арестовать*? Не имеете. Есть строго определенный список прегрешений, за которые благородный лар может быть арестован. Не соблаговолите ли разъяснить, какие именно за мной числятся? Сам я ничего такого за собой не знаю...

— Ну хорошо... Арестовать я вас не могу. А подвергнуть временной изоляции — вполне. Если уж вы такой знаток законов, должны знать, что Канцлер в связи с приближением Багряной Звезды объявил чрезвычайное положение. Внешне это, в общем, никак не проявляется, большинство наших светских бездельников на это и внимания не обратило, потому что их это никак не затрагивает. Однако положение действует. Я имею право без письменного приказа императрицы подвергнуть временной изоляции любого — кроме Канцлера, министров и приравненных к ним лиц, а также членов Тайного Совета.

Вы в эту категорию не входите...

— Ага, — сказал Сварог. — То-то вы притащили дюжину вооруженных до зубов молодчиков... Только не торопитесь их вызывать, ладно? Может получиться невесело...

— То есть?

— Милорд... — хмыкнул Сварог. — Это у вас не самомнение и уж ни как не недостаток ума. Просто-напросто вы чересчур уж *привыкли* за долгие годы к существующему положению вещей. И как-то подсознательно не можете смириться с новыми реалиями... Никакой сверхчеловеческой проницательности тут и не нужно, все лежит на поверхности. Вы меня... временно изолируете, а сами тем временем попытаетесь захватить «Рагнаррок», подлодку Тагарона, самого Тагарона... быть может, и порыться вдоволь в памяти здешних компьютеров. Потом вам, конечно, придется доложить императрице, она немедленно прикажет меня выпустить, но дело будет сделано. Ведь так? Нехитрая комбинация, тут и голову ломать нечего, моя тайная полиция на земле и похитрей порой крутит... Вот только одно вы как-то упустили. Указ о чрезвычайном положении и *мне* дает полное право временно изолировать любого, кто не входит в перечисленные вами категории... Вы сами тоже в них не входите, не так ли? — увидев, как правая рука Гаудина плавным движением потянулась к браслету на левом запястье, поднял ладонь и быстро сказал: — Милорд, я вас умоляю, не губите людей зря... Ваша вимана давно уже под прицелом пары десятков серьезных стволов, там даже есть парочка «драконьих вздохов» и пара «гремящего огня». Комендант получил приказ, а мои приказы он выполняет исправно...

— Откуда у вас «драконий вздох» и «гремящий огонь»?

Картинно пожав плечами, Сварог громко вздохнул, уставясь в потолок:

— Милорд, вы меня удивляете... Где же ваш блестящий ум? Откуда? Из арсенала, конечно. Мне, как и вам, полагается отряд спецназа, я подал заявку, ее удовлетворили... Повторяю еще раз: у меня *точно такая же* разведслужба, как и у вас, и, если подумать, стоящая даже на ступенечку повыше: вы подчиняетесь Канцелярии земных дел, а я Императорскому кабинету, каковой согласно известным вам законам стоит на бюрократической лестнице на пару ступенек повыше... Давайте бросим эти забавы, а? Несolidно как-то, право. Вы можете арестовать меня, а я с тем же успехом — вас. Только позиция у меня лучше. У вас одна-единственная вимана, давно попавшая на прицел. Никакого воздушного подкрепления поблизости не обретается, иначе мне уже доложили бы. Если кто-то *дернется*, если ваши молодцы попробуют выскочить наружу, мои люди вмиг разнесут на атомы и их, и виману. И тогда уж я буду просто вынужден вас... временно изолировать. Если так произойдет, это хоть кому-то пойдет на пользу? Не говоря уж о том, что «Рагнаррок» и лодка Тагарона — в Хелльстаде, самого Тагарона вам быстро ни за что не найти, а мои компьютеры подготовлены к чужому вторжению... Поиграли — и будет. Давайте считать, что этой по-мальчишески дурацкой демонстрации мускулов попросту не было. Согласны?

— Да, — обронил Гаудин.

— Я могу полагаться на ваше слово?

— Вы прекрасно знаете, что можете, — высокомерно выпрямившись, отрезал Гаудин. — Хорошо. Это было... не вполне продуманной глупостью.

— Рад слышать, — кивнул Сварог.

Гаудин, как всегда, великолепно держал удар — и лицо, и даже глаза оставались спокойными, бесстрастными, не отражавшими ни малейших эмоций. Хотя эмоции и чувства его, конечно же, переполняли. Любой тут расвирепет...

— Я не считаю, будто одержал какую-то победу, — сказал Сварог. — Просто-напросто я вас неплохо изучил и смог рассчитать на пару ходов вперед... У вас есть еще какие-то *серьезные* претензии?

— Конечно, — сказал Гаудин с прежней невозмутимостью. — С тех пор, как существует ваша служба, меж нами так и не наладилось полноценного сотрудничества. Нет законов, которые бы нас к этому обязывали, но этого, согласитесь, требует сама житейская практика. Вы достаточно пробыли в роли земного короля, должны прекрасно понимать: такое сотрудничество необходимо.

— Вербовочные подходы тоже в это понятие входят? — спросил Сварог безмятежным тоном.

— Простите?

— Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду. Поскольку занимались этим лично. Именно вы пытались вербовать моих юных сотрудников — маркиза Аркейна и баронессу Ролатан. Милорд, честное слово, я в полной растерянности. Куда подевался ваш ум и почему молчал ваш богатый опыт? Это уж, простите...

Гаудин холодно осведомился:

— Неужели вы намерены читать мне мораль?

— Ни в коем случае, — заверил Сварог. — Я не собираюсь давать вашим действиям каких бы то ни было оценок, и уж тем более не намерен примешивать мораль и прочие высокие материи. Разведка, само собой подразумевается — не пансион для благородных девиц... Я просто-напросто констатирую, что вы совершили грандиозную ошибку. Мои юные сотрудники из числа ларов — именно что *юные*. Их отличают присущие именно этому возрасту идеализм, романтика, благородство и прочие юношеские достоинства, в более зрелом возрасте, согласен, не всегда и уместные. А тут появляетесь вы и начинаете их вербовать, чтобы они на меня стучали... Вы бы видели их лица, когда они ко мне пришли... — он ухмыльнулся: — Томи Ролатан клянется, что вцепилась вам пощечину, и я ей верю...

Гаудин пожал плечами:

— Получить пощечину от дамы — не позор. Вот именно, очаровательная Томи... Она, часом, с вами не спит?

— Не надо пошлостей, — поморщился Сварог. — Она совсем молоденькая.

— Совершеннолетняя, — уточнил Гаудин. — Между прочим. Мара была гораздо моложе, когда вы... подружились.

— Это другое. И вы это прекрасно понимаете.

— Ну, как бы там ни было... Положительно, она в вас тайком влюблена. Видели бы вы, как она на меня бросилась дикой кошкой... Вам бы следовало воспользоваться случаем...

— Интересно, вы хотите меня оскорбить или просто вывести из равновесия? — спокойно сказал Сварог. — Не получится ни то ни другое. Вы безмерно упали в глазах этих молодых людей, простите за откровенность...

— Если откровенно, то их оценки моей скромной персоны меня не особен-

но интересуют... Давайте вернемся к главной теме.

— Давайте, — сказал Сварог. — Полноценное сотрудничество... Вот только его никак нельзя будет таковым назвать. Полноценное сотрудничество означает, что партнеры обмениваются полезной и взаимовыгодной информацией, и никак иначе. Вы же намерены только *брать*, ничего не давая взамен. Это ваше «полноценное сотрудничество» означает, что я должен буду передать вам массу ценной информации, не получив ничегошеньки взамен. А это просто-таки нелепо с практической точки зрения. Зачем мне быть смиренным поставщиком информации, зачем мне сообщать вам о делах, с которыми моя служба в состоянии справиться сама? Повторяю, здесь нет ничегошеньки от чванства. Один голый житейский практицизм. Сотрудничеством и не пахнет.

— Уверены?

— Уверен, — сказал Сварог решительно. — Потому что у вас *нет* абсолютно ничего, что могло бы меня интересовать в данный момент. Полная откровенность, так полная... Мои юные романтики, быть может, и не гении, но незаурядные мастера. Они проникли и за Серебряную Изгородь, и в Крепость, и даже, простите, в Камору. Не смотрите на меня так, мы уже поднимали эту тему. Никакие законы не нарушены. Защита у вас, конечно, стояла серьезная, но она, как выяснилось, не была рассчитана на юных компьютерных гениев. Видимо, в те времена, когда городилась защита, таковых попросту не было? В общем, *все* ваши архивы оказались для меня доступны. И это не принесло ничего, кроме унылого разочарования, честное слово... Вы намерены продолжать этот разговор?

— Да.

— Жаль, — сказал Сварог. — Мне искренне жаль. Потому что очень уж болезненно бывает порой расставаться с прежними иллюзиями, переоценивать жизнь и людей...

— Можно без этих красотостей?

— Это не красоты, — возразил Сварог. Вздыхнул тяжело и непритворно. — Знали бы вы, как мне было грустно и больно в вас разочаровываться... Но я разочаровался в вас *напрочь*. Когда я здесь появился, когда делал первые, вот уж действительно младенческие шаги, я смотрел на вас снизу вверх с нешуточным уважением, да что там, с почтением. Как я вас уважал, вы бы знали... Нечто сродни юношеской влюбленности, право. Я всерьез верил: вот человек, который знает все тайны мира и способен справиться с любой угрозой... Так юный лейтенантик смотрит на седого рубаку в шрамах и орденах... А оказалось, вы *совершенно* не такой. Вы в сто раз *мельче*, слабее и беспомощнее. Ваша служба, если откровенно, кое в чем уступает иной земной тайной полиции. Добрая половина вашей агентуры занята исключительно тем, что бдительно надзирает за состоянием дел в земной науке, технике, инженерии, следит за университетами, книжниками, даже антикварами. Другая половина сплошь и рядом ничуть не превосходит уровнем и ценностью тех, кого вербуют земные разведки и тайная полиция.

— Как вы легко все ниспровергаете, — сказал Гаудин, *пытаясь* безмятежно улыбаться, что не вполне получалось. — Жаль, что в свое время, при создании службы, обошлось без ваших ценных советов... Вот только это было сотни лет назад, когда и ваших прадедов на свете не было...

— Да я и сейчас не даю оценок, — сказал Сварог. — Всего-то и хочу мотиви-

ровать свои мысли и поступки... Я не собираюсь вас критиковать. Я просто уверен, что в *нынешней* ситуации ваша служба абсолютно бессильна, бесполезна и, я бы даже рискнул выразиться, никчемна. Не торопитесь возмущаться, давайте с фактами в руках... Вы хоть что-нибудь знаете о Багряной Звезде? Вы способны оказать ей противодействие? Нет... Вы можете хотя бы поверхностно, общими словами объяснить, *что* происходит в Горроте? Нет... Между тем это и есть две моих главных тревоги на сегодняшний день: Багряная Звезда и горротские загадки. Я бы с кем угодно сотрудничал, чтобы одолеть эти опасности или хотя бы узнать о них побольше... но какой смысл делиться с вами уже имеющейся информацией, если вы не в состоянии *ничем* быть полезным? Вы бы на моем месте вели себя иначе? Позвольте усомниться. Рассуждая с позиций жесткого практицизма, вы мне бесполезны, милорд... а возможно, не только мне. Чисто опереточная контора. Разубедите меня, если можете. Я был бы счастлив, честное слово, если бы вы меня переубедили. Скажите, что моим ребятишкам еще учиться и учиться, что есть другие, гораздо более надежно защищенные архивы... Дайте мне что-нибудь по Багряной Звезде и по Горроту, чего я не знаю сам. И уж я, со своей стороны... Молчите? Разубедите меня, черт возьми! — он почти кричал. — Я бы ничего так не хотел!

— Знаете, в чем ваша беда? — спросил Гаудин почти спокойно. — Вы чересчур увлеклись земными делами... хотя по положению своему должны думать в первую очередь об интересах *империи*. Так вот, могу вас заверить: что бы ни случилось, интересы империи не пострадают. Давным-давно существуют планы действий на случай... не приближения Багряной Звезды, конечно — на случай некоей *глобальной* угрозы. Ничего особенно и не пришлось придумывать, оставалось лишь проработать мелкие детали. Канцлер одобрил план «Журавлиный клин». Вы, быть может, не удосужились вникнуть в иные тонкости, но каждый замок, да будет вам известно, способен в считанные минуты стать...

— Межпланетным кораблем, — кивнул Сварог. — Я знаю. Защитное поле, удерживающее кислород и не пропускающее космических излучений, очистка воздуха, резервные двигатели...

— Вот именно. Если угроза придвинется достаточно близко, а воспрепятствовать ей так и не удастся, понадобится менее часа, чтобы абсолютно все замки, дворцы, маноры собрались в единую эскадру. Вам, как и всем прочим, давно уже должны были доставить манорпакет с точными инструкциями — но вы, я полагаю, давненько не бывали *дома*... Флотилия уйдет к Сильване и переждет на ее орбите пару недель. Сильвану эта напасть совершенно не затронет, она далеко в стороне. Когда Звезда удалится достаточно далеко, мы вернемся. Вот и все. Вероятнее всего, исчезнет и эта ваша вторая «главная проблема» — горротские тайны.

— Но ведь на Таларе, вероятнее всего...

— Разразится нешуточный катаклизм, — кивнул Гаудин. — Да, вероятнее всего. Но тут уж ничего не поделать. В конце концов, это *всего лишь* Талар. Согласно заслуживающим полного доверия расчетам, Шторм пережило около пятидесяти процентов населения земли, а Вьюгу — и вовсе семьдесят. Конечно, разрушения, подозреваю, будут нешуточными... но это всего лишь Талар.

Самым жутким были даже не его слова, а то, что произнесены они спокойно, даже чуть небрежно, с чрезмерным *равнодушием*, без тени злобы, удовлетворения, сожаления. Таким тоном зажиточный крестьянин встречает изве-

стие о том, что у него пала одна-единственная корова из пары дюжин: неприятно, конечно, но их еще полный хлев. Только теперь Сварог осознал по-настоящему, *какая* пропасть разделяет небеса и землю. Ни капли жестокости и зла — одно безмерное равнодушие...

В голосе Гаудина зазвучали покровительственные нотки:

— Постарайтесь смотреть на проблему, как вам в вашем положении и по-добает. Тогда очень многое оцените иначе.

— Нет, — медленно выговорил Сварог, глядя ему в глаза. — *Вас* я буду оценивать по-прежнему. Вы оказались убоги и бессильны, вы — балаганный фигляр, всю жизнь *игравший* во всемогущего и всезнающего начальника разведки. Вы не смогли проникнуть во многие земные тайны не потому, что они были неважны для империи — оттого, что не смогли и не сумели. Я говорил с людьми из Магистериума и Мистериора. На земле именно что *есть* множество тайн, представляющих большой интерес для империи: хотя бы древние дороги. Да многое... Вот только вы не потянули. Сотню с лишним лет занимались ерундой, кукольными домиками, балаганом. И в конце концов *проиграли* Талар — по мелкоте своей и никчемности. — Он подался вперед, унимая ярость. — Я, в отличие от вас, намерен драться до конца. Я здесь попадал в переделки и почище, когда *самому* вот-вот можно было остаться без головы. И ничего, барахтался... И теперь побарахтаюсь. Не будет никакого сотрудничества. Вы мне бесполезны. И огромная просьба: не путайтесь под ногами. Если попробуете что-нибудь выкинуть...

— Даже так? — спросил Гаудин, сидевший с каменным лицом.

— Даже так, — спокойно сказал Сварог. — У меня мало времени, и я не могу себе позволить такой роскоши — отвлекаться на грызню с вами. Действовать буду жестко.

— Ого... А удастся?

— Удастся, — сказал Сварог. — Карты на стол, раз уж пошла такая игра... Кто предупрежден — тот вооружен. Позвольте напомнить, что *юридически* ваш департамент числится в составе Канцелярии земных дел, и его высочество имеет законное право отправить вас в отставку в любой момент. Об этом все как-то подзабыли, но законное право он имеет. Я приму все меры, чтобы моя... временная изоляция, если вы на это все же пойдете, не затянулась надолго, чтобы императрица о ней узнала как можно быстрее. К тому же я пользуюсь, так уж вышло, некоторой популярностью в Серебряной Бригаде, с которой вас связывают лишь сухие и формальные служебные отношения. Наконец, Бриллиантовые Пикинеры, капралом коих я являюсь, скверно относятся к обидчикам со стороны. Вы, конечно, можете меня убить... Вы наверняка это можете...

— Не придавайте своей персоне *такое* уж величие, — без улыбки сказал Гаудин. — Какая пошлость... У меня *нет* причин вас убивать, честное слово. Будь у меня такие причины, можете не сомневаться, я сделал бы все возможное... Но причин попросту нет. Так что барахтайтесь, сколько вашей душе угодно, это ничему не мешает, не нарушает никаких законов и не представляет ни малейшей угрозы для интересов империи. Я всего-навсего хотел выстроить с вами нормальные отношения...

— Да кому вы нужны, — кривя губы, сказал Сварог. — Пользы от вас ни на грош...

— Дальнейший разговор бесполезен, я вижу, — сказал Гаудин, вставая. Достал из-за обшлага небольшой пухлый конверт, зеленый, с золотой эмблемой Канцелярии земных дел, положил перед Сварогом. — Ознакомьтесь на досуге, вам будет небезынтересно. Честь имею откланяться.

— Честь имею, — повторил Сварог деревянным голосом.

Он подозревал что-то вроде пресловутой парфянской стрелы. И не ошибся: Гаудин, уже взявшись было за причудливую, сиявшую чистым золотом дверную ручку, обернулся, проговорил спокойно:

— Я не намерен с вами... грызться, и уж тем более, вот смех, вас убивать. Вы сейчас мало чем отличаетесь от ваших юных романтиков и попросту смешны.

— Что до меня, то я вас презираю, — сказал Сварог спокойно. — И если вы хорошенько подумаете над всем, что я говорил, быть может, и поймете, почему...

Легонько пожав плечами, не без усилий — не без усилий! — изобразив ироничную ухмылку, Гаудин распахнул дверь и вышел, аккуратно притворив дверь за собой и даже ею не грохнув — хотя Сварог ничуть такому не удивился бы. Все-таки бездна хладнокровия...

Он остался в одиночестве, сторбился за обширным парадным столом. Тоска навалилась нешуточная: тяжело было все это говорить, еще тяжелее напрочь разочаровываться в человеке, когда-то казавшемся обладателем всех мыслимых тайн и недостижимым образцом для подражания...

Аккуратно вскрыв конверт золотым ножом с рукоятью в виде грациозно изогнувшейся русалки, вытряхнул на девственно чистый стол пачечку листов с печатным текстом, щедро украшенных алыми надписями, синими и черными знаками, означавшими высшую степень секретности.

Ну, предположим, не самую высшую (которая именуется «Только для глаз императрицы»), но все равно, с украшенными таким вот образом документами могли знакомиться человек тридцать сановников империи. В том числе и он согласно служебному положению.

Бегло пробежав взглядом их все, вскочил, размашистыми шагами пересек кабинет, рванул дверцу изящного шкафчика, где красовался впечатляющий набор разноцветных бутылок всех форм, какие только известны здешним виноделам — это богатство предназначалось главным образом для неофициальных визитов его императорского высочества принца Элвара. Не раздумывая, ухватил за горлышко пузатую черную бутылку с узенькой желто-синей этикеткой, вынул верхний золотой стакан из полудюжины вложенных друг в друга.

Вернувшись за стол, наполнил стакан до краев и осушил единым махом, не почувствовав крепости выдержанного келимаса одного из лучших сортов. Уставясь в пространство, прошептал, неизвестно к кому обращаясь:

— А дела-то скверные, ребята...

Глава V

ЧЕРТОВА МЕЛЬНИЦА

Смуцаться Мара не умела совершенно, как и ревновать. Сварог ее успел узнать за эти два промелькнувших года — насколько можно знать женщин. Однако сейчас и человек посторонний, впервые в жизни ее видевший, заподозрил бы игру. Чересчур уж картинно она конфузилась: водила носком красного сафьянового сапога по старинному паркету, склонила голову, старательно хлопая ресницами, руки держала за спиной... Ужимки в лучшем стиле провинциального театрала.

— Ну, ладно, — сказал Сварог терпеливо. — Вижу, как тебя смущение коржит... Излагай. Надеюсь, не прикончила очередного моего царедворца за попытку вульгарно поухаживать? А то на тебя не напасешься...

— Твои царедворцы уже давно знают, кто я такая и чего от меня ожидать, — сказала Мара, подняв голову, но продолжая ковырять паркет. — Почему меня сразу начинают подозревать в каких-то прегрешениях? Я к тебе просительницей пришла, и мне ужасно неловко...

— Верю, — сказал Сварог. — Тебя в роли просительницы и впрямь как-то трудно представить... Я даже и не помню... И что нужно?

— Пару горстей алмазов из твоих вентордеранских закромов. Не обязательно твоих пригоршней, можно моих. У тебя там все равно мешками пылятся... А мне для дела.

— Садись, — сказал Сварог, подавая пример. — Рассказывай. Что-то я не помню, чтобы тебе когда-нибудь требовались алмазы горстями и вообще приличные суммы...

— Раньше я была сама по себе, — оживившись, Мара присела к столу, выложила на него то, что держала за спиной — оказалось, свернутые в трубку бумаги. — А теперь я королева, и у меня государственные дела. А казна сегурская такие задумки не потянет... Короче говоря, собираюсь отобрать у горротцев остров Дике. Сам знаешь, какое это сокровище, там пещерный жемчуг, рубиновые копи, разные полудрагоценные минералы...

— Красное дерево, аметисты и много чего еще... — кивнул Сварог. — Дело, конечно, хорошее, но... Тебе не кажется, что ты пытаешься угрызть кусок не по зубам? Дике для Горрота — то, что именуется «жемчужиной в короне». Именно по причине тамошних сокровищ.

— И эту жемчужину вот уже тридцать восемь лет никто не пытается завоевать, — сказала Мара, разворачивая на столе верхний свиток, оказавшийся большой и подробной картой Дике с прилегающими водами. — Только всякие отчаянные головушки украдкой высаживались на безлюдных берегах, чтобы пробраться в пещеры, жемчугом поживиться, рубины поискать и все такое прочее... Главное, гарнизон там не особенно и большой, всего-то две роты в крепости Картан, пехотный полк и драгунский. Есть еще несколько сотен конной стражи, но она всю жизнь гоняется за теми самыми ловцами удачи, прекрасно знает это ремесло, но никакого опыта военной службы не имеет. Да и армейцы в основном пороха не нюхали, мои шпионы постарались на совесть, немало полезного выведали, да вдобавок за хорошие денежки прикупили полезной информации. Стоит взять Картан — и полдела сделано. Да что там пол-

дела, считай, кампания выиграна.

— Интересно, чем ты ее собираешься выигрывать? — с любопытством спросил Сварог. — Сегурской армией из двух сотен человек?

— Я бы к тебе не пришла, если бы все не было тщательно продумано, — сказала Мара уверенно. — Ты король королей, тебе не годится вникать во всякие мелочи... Знаешь один из побочных эффектов того, что ты нахапал столько корон? Ты же не сошел с ума, чтобы воевать сам с собой — а потому образовалась масса безработных Вольных Топоров и оставшихся не у дел пиратов. Ну, кто сейчас будет выдавать каперские ронерские патенты, чтобы топили снольдерские корабли? И наоборот... Мои люди уже провели кое-какие предварительные беседы. Безусловно согласятся Бугас с «Невестой ветра», Варатан с «Беспутной русалкой», Лумис со своей флотилией из четырех вымпелов и еще человек шесть высокого полета, не считая дюжины-другой менее прославленных. Я могу рассчитывать не меньше чем на две тысячи Вольных Топоров. Суда для перевозки войск можно арендовать у ганзейцев, — она ткнула пальцем в карту. — Топоры высаживаются здесь, здесь и здесь, пока корабли лихим налетом штурмуют Картан — то есть часть притворяется, будто ожесточенно штурмует, а остальные высаживают десанты вот здесь и здесь. Кроме того, сотню головорезов можно заслать в порт заранее, под видом мирных путешественников, искателей работы и прочего привычного, неопасного народа. С суши крепость защищена хуже, чем та ее часть, что обращена к морю, прикрывает бухту и порт. Топоры несколькими конными отрядами ударяют сюда и сюда. Ударяем по драгунам, окружаем пехоту, поджигаем казармы конной стражи и дело сделано.

— Интересно, кто тебе помогал? Ведь без советчиков, есть подозрение, не обошлось...

— Конечно, помогали, — сказала Мара. — Два полковника Топоров, один отставной генерал из Ронеро — обосновался у меня на Сегуре, там у него поместье, а жизнь у нас дешевая — и, наконец, капитаны. Меня уверяли, что здесь ничего нет от авантюры, вполне успешное предприятие может получиться. Я же говорю, тридцать восемь лет никто не пытался высаживаться на Дике, они там разленились и зажирели... Большие шансы на успех.

— Не спорю, — сказал Сварог. — А потом в Горроте с этим ни за что не смиряются. Любой бы на их месте разозлился. Они пошлют флотилию...

— Уж это непременно, — кивнула Мара. Развернула второй свиток, оказавшийся морской картой в три краски. — Мои капитаны эту флотилию будут встречать здесь и здесь. Есть все шансы чувствительно ее потрепать. А на Дике уже будут готовы к осаде. И, кроме того... — она уставилась на Сварога с проказливым лукавством. — Сдается мне, что кто-нибудь из земных королей с большим удовольствием вступит с Сегуром в союз и пошлет эскадры топить горротцев...

— Вообще-то ты неплохо просчитала, — сказал Сварог. — Я даже знаю, кто из земных королей моментально в эту баталию ввяжется. Адмирал Амонд, вот взять, спит и видит, как бы отплатить горротцам за ту историю с Батшевой... Да и моряки из других держав горротцев топить возьмутся охотно... А если флотилия будет идти под прикрытием подводных лодок токеретов? Тебя не было, когда они топили эскадру Амонда у Батшевы, ты не видела...

Мара прищурилась:

— А если объявятся токереты, против них можно бросить кое-что посерьезнее их лодочек... Или ты не решишься?

— Решусь, — мрачно сказал Сварог. — Займусь ими лично и с превеликим удовольствием, сама догадываешься... Должен признать, ты неплохо все проработала. Взрослеешь...

— Положение обязывает, — скромно сказала Мара.

— Рад за тебя...

— Значит, одобряешь? И алмазов дашь?

Сварог тяжело вздохнул. Отведя взгляд, продолжал:

— План хороший. Шансов на успех немало. В другое время я бы тебе моментально отсыпал хоть целую кадучку алмазов и сыграл боевую тревогу на полудюжине эскадр... Я бы даже послал Гарайлу с парочкой полков — уж он-то быстренько наведет на острове порядок... Вот только время ты выбрала самое неподходящее. К нам, если ты запомнила, идет Багряная Звезда. Меньше месяца осталось, утверждают знающие люди...

— Но ты же что-нибудь придумаешь? — передернула плечиками Мара. — У тебя всегда получалось. Сколько ты уже *приложил* всякой нечисти.

Ее лицо было столь безмятежным, что Сварог ощутил приступ тоскливой, беспомощной ярости — злился на весь мир, на себя и чуточку на нее. Она не понимала, как все серьезно, но от этого не легче...

Пытаясь успокоиться, он выдвинул ящик стола, достал тот самый зеленый конверт, бросил на стол перед Марой:

— Я тебе этого не давал, а ты этого не читала... Ознакомься вдумчиво...

Встал, подошел к высокому окну и равнодушно уставился на стоявшее в строительных лесах восточное крыло дворца — еще при отце Конгера пришедшее в запустение. У предшественников как-то руки не доходили все там отремонтировать, пришлось заниматься этим Сварогу. По косым лесенкам проворно сновали строители, работа спорилась, все прекрасно знали, что король в любой момент может на них глянуть из окон малого кабинета...

За его спиной едва слышно шелестели бумаги. Мара читала секретнейшие рапорты, сообщавшие, что две виманы Магистериума, отправленные на разведку к Багряной Звезде, внезапно и одновременно оборвали связь, а потом исчезли с экранов радаров следовавшей за ними на приличном расстоянии третьей, после безуспешных попыток как связаться, так и отыскать локаторами, во исполнение инструкций повернувшей назад. Багряную Звезду, кстати, не брал ни один радар, словно там ничего не было, или она поглощала лучи, как губка воду. Очень быстро (опять-таки выполняя заранее разработанные планы) к Багряной Звезде пошел брагант Серебряной Бригады, защищенный всеми достижениями науки и техники от любых возможных опасностей.

Оказалось, не от всех. Брагант, приблизившись на то же расстояние, что пропавшие виманы, замолчал и исчез.

Тогда за дело взялся военный министр — ради благолепия, конечно, именованный гораздо более нейтрально, безобидно и благозвучно. Он прекрасно понимал, что шутки кончились, а потому не мелочился. Одна из орбитальных автоматических станций, о которой знал не всякий императорский министр, выпустила по Багряной Звезде три ракеты с ядерными боеголовками. Ракеты словно канули в космические бездны, ни единой вспышки взрыва не зафиксировано. Направленная на сближение до дистанции прямого удара космиче-

ская платформа с каким-то загадочным, но безусловно могучим излучателем разделила судьбу ракет. Военный министр, человек решительный, распорядился пустить в ход «Белый шквал». Что это за установка, Сварог до сих пор не вполне понимал, ему достаточно стало и объяснения, что ничего сильнее, страшнее и *убойнее* на вооружении просто не имеется.

Несущая этот непонятный «Белый шквал» станция пропала вместе с экипажем, а двумя часами спустя то же произошло с ее автоматическим систершипом.

Больше никто ничего не предпринимал. На Багряную Звезду ничто не действовало. Она летела той же трассой с той же скоростью — и нельзя было приблизиться к ней настолько близко, чтобы посмотреть, что же это, собственно, такое...

Решив, что прошло достаточно времени, Сварог обернулся. Прочитанные бумаги лежали на столе аккуратной стопочкой. Лицо Мары было строгим и серьезным.

— Вот так, — сказал он глухо. — *Нечем* на нее воздействовать. А я понятия не имею, что это такое и чем это можно *разнести* в пух и прах. Архивы восьмого департамента обшарены до донышка, и ничего полезного там не найдено. То же самое с архивами Магистериума... да вообще *всеми*, какие только есть. По чисто техническим причинам нам недоступен личный архив императрицы... правда, принц Элвар мне как-то доверительно сообщил, что помещается он в одной-единственной, не особенно и большой комнате и на три четверти состоит из того, что смело можно назвать хламом, интересным лишь самой фамилии. Он, как обычно, лыка не вязал, но я склонен ему верить: если бы там что-то было, эти знания давно пустили бы в ход. Уж оба дядюшки постарались бы в первую очередь, но ни тут лица заинтересованные: в случае катаклизма Диамер-Сонирил теряет свое положение, а Элвар — привычный образ жизни... Значит, и там ничего нет.

— Плохо, — сказала Мара с застывшим лицом.

— Куда уж хуже, — отреагировал Сварог. — Счет пошел на недели. А потому... Все свои планы насчет Дике, вообще все свои планы отложи-ка подальше. Лети на Сегур и перетряхни свои архивы. У тебя там сотни лет не было ни войн, ни мятежей, я слышал краем уха, архивы сохранились богатые. Вверх дном все переверни. Ничего *другого* я пока что придумать не в состоянии. Лерверлин сидит в архивах Ремиденума. Бони с Паколетом носятся по Вольным Манорам и копаются в тамошних архивах. Тетка Чари в Фиарнолле, пытается хоть что-то узнать у пиратов... вот кстати, нужно *потрясти* Бугаса, он со своими учеными занятиями мог на что-нибудь натолкнуться... Шедарис в Глане — с той же задачей. Все спецслужбы роются в архивах... Что еще делать? Поэтому, не откладывая...

Он замолчал, поднял бровь. В приемной, отсюда слышно, явно разворачивался неуместный и непристойный в королевском дворце скандал: там чуть ли не в голос орали... Судя по звукам, опрокинулось одно из стоявших там массивных кресел. Это, по крайней мере, ничуть не походило на вторжение банды заговорщиков, иначе там давно раздался бы лязг клинков и пальба. И на том спасибо... Но какого черта?

Решительно подойдя к двери, он распахнул одну половинку настержь.

— Ваше величество, — закричал мэтр Анрах, коего гвардейцы непреклонно

оттесняли к двери в коридор. — Я нашел!

Лейтенант Синих Мушкетеров вытянулся:

— Ваше величество, вы приказывали никого не пускать... Извольте видеть, нахально рвется, несмотря на все увещевания...

— Отставить! — рывкнул Сварог. — Пропустить!

Он вернулся в кабинет, пропустил туда проскочившего меж оторопевшими часовыми Анраха, захлопнул дверь перед носом недоуменно таращившегося лейтенанта, новенького, не успевшего еще изучить неписаную иерархию и ближайшее окружения короля. Надо было и здесь ратагайцев поставить, они давно освоились...

— Ну, что там? — нетерпеливо спросил Сварог.

Мэтр Анрах сиял, как новенький золотой солид, еще не бывавший в равнодушных пальцах банкиров. К груди он прижимал обеими руками небольшую толстую книгу, а под мышкой зажимал тонкий свиток. У Сварога вспыхнула сумасшедшая надежда.

— Садитесь, — сказал он, показывая пример. — Что у вас?

Бережно, словно хрустальную, Анрах положил перед ним книгу. Черный кожаный переплет потускнел и потрескался, позолота тисненого узора облупилась. Выглядела книга весьма старой. Из нее примерно посередине свисала закладка — длинный бумажный лоскут, судя по всему, оторванный небрежно, в спешке.

— Это из тех, что мы взяли в Горроте, — сказал Анрах тоном триумфатора. — «Энциклопедиум диковинок земных и небесных», издание четырехсотлетней давности. Считался утраченным, встречались только отрывки в других трудах. По самой достоверной гипотезе, был составлен самим...

— А это уже и неважно, пожалуй, — проворчал Сварог, отрывая книгу на обозначенном закладкой месте. — Что за черт?

Он с превеликим трудом разбирал — вернее, узнавал — лишь отдельные буквы: книга была напечатана каким-то незнакомым алфавитом, столь заковыристым, что он на миг ощутил себя неграмотным.

— Это алфавит Зорах, ваше величество, — заторопился Анрах. — Уже во времена напечатания книги был архаичным и насквозь устаревшим — но иные книжники его любили, это считалось хорошим тоном...

Не раздумывая, Сварог повернул книгу на сто восемьдесят градусов:

— Вы, я догадываюсь, к нему привычны? Читайте вслух, мне самому придется по складам...

Торопливо придвинув к себе пухлый томик, Анрах громко начал:

— Багровая Мельница, она же Чертова Мельница, она же Багровая Смерть. По отзывам, самый злокозненный и смертоносный из всех небесных уникумов. Заслуживающие доверия древние авторы... следует перечисление дюжины имен...

— Это пропускайте.

— Заслуживающие доверия древние авторы писали, что означенная Мельница, странствуя неведомыми путями в глубинах Вселенной, раз в несколько тысячелетий проходит в опасной близости от Талара, по некоторым свидетельствам, пролетая едва ли не над верхушками деревьев и крышами домов, так что оцепеневшие в смертном ужасе люди слышат злорадный хохот Клятого Мельника, а, впрочем, мало было тех, кто его слышал и остался в живых,

поскольку Багровая Мельница несет неисчислимые разрушения, невиданные хвори и форменное сотрясение основ мироздания, так что небосвод и земля взбаламучиваются, меняясь местами и смешиваясь в жуткой неразберихе, и реки текут вспять, горы встают на месте плодородных нив и пустыни на месте гор, Солнце меркнет, и земля разверзается, поглощая обезумевшие людские толпы и великие города, и древние едины в том, что после пролета Багровой Смерти земля изменяется несказанно, остатки рода человеческого, нагие и пораженные смертным ужасом, бродят меж развалин, ибо гибнет все возведенное человеческими руками, словно и не бывавшее от века, и самый лик планеты меняется, вода приходит на место суши, а неведомая прежде твердь встает над водами. Происхождение сей летучей смерти неизвестно, загадочно и не прояснено доселе. Равно неизвестны средства избавления от нее, неизвестно даже, существуют ли они. Говорят, что против Багряной Мельницы бессильны любые ухищрения человеческого ума и творения человеческих рук. Иные же утверждают, ссылаясь на канувшие в бездну времен знания, что истребить Клятого Мельника может лишь человек, родившийся под другими звездами, хотя и неизвестно, как это следует понимать. Утверждают еще, кончину Клятому Мельнику несет не благородный или неблагородный металл, не камень, не самоцвет, не заклинания, не ворожба, а исключительно дерево, растущее без Солнца и звезд, без дождей и вихрей. — Анрах отодвинул книгу. — Все, ваше величество. Разве что в конце идет стандартная старинная фраза: «Кто знает более, пусть напишет, кто не верит, вправе не верить». Должен вам сразу сказать: «Энциклопедиум» издавна принято было считать *точным* источником, не один ученый на многочисленных примерах доказывал, что описания, приведенные здесь, относятся к реальным загадкам и уникамам. Не все труды сохранились, но кое-что уцелело. Не всякий раз отыщешь основания, но исключений из правил нет: отчего-то книжники единодушно считали, что в «Энциклопедиуме» нет баснословия, мифов и легенд, есть лишь неполные порой, но достоверные описания загадок Вселенной. Второго примера подобного единодушия я попросту не знаю, обычно, что греха таить, книжники никогда не приходят к единому мнению, споря и опровергая друг друга. Здесь они отчего-то всегдашнему обыкновению изменили...

Сварог подвинул к себе книгу, стал рассматривать большую, во весь лист, гравюру. Изображала она летящее в облаках карикатурное подобие ветряной мельницы, на конусообразной низкой крыше которой, охватив ее когтистыми лапами, помещался жуткий уродец в остроконечном колпаке. Огромная голова на худющем туловище, словно ушат на палке, из широченного распяленного рта торчат клыки, глаз насчитывается целых три, а вот ушей не видно. Далеко внизу, в разрывах облаков, виднеются рушащиеся высокие башни и крохотные, панически бегущие человечки.

— Вот картинка, вне всякого сомнения, представляет собой чистейший плод фантазии, — сказал Анрах. — Ни словечком не упомянуты очевидцы... А впрочем, как знать... Мало ли...

— А что у вас за бумага? Тоже старинная?

— Нет, — сказал Анрах, кладя перед ним свиток. — Это я сам только что записал, после того, как наткнулся в «Энциклопедиуме»... Понимаете ли, ваше величество, это очень старая песня, «Баллада о бессильных витязях». Кто ее сочинил, неизвестно, полагают, в глубокой древности. И поется она при строго

определенных обстоятельствах. В обычной жизни, в кабаке или на домашней пирушке — когда человеку хочется послушать *особенно* грустную песню. Тогда ее исполняют неспешно и заунывно, на тягучий печальный мотив наподобие «Жалобы странника». Военные же неведомо с каких времен считают, что ее следует петь перед тяжелым сражением или решающим штурмом, считается, что это принесет удачу и позволит вернуться живым. Тогда уж поют на лихой маршевый мотив. Мы ее пели, когда я служил в кавалерии, — мэтр смущенно улыбнулся. — И вы знаете, вернулся целехоньким из четырех кампаний... хотя объективности ради следует уточнить, что немало было и таких, кому баллада не помогла, как они ни надрывали глотку...

Сварог развернул свиток.

*И содрогнулось небо,
и плакала земля,
когда багряный отсвет
ложился на поля.
Все казалось былью,
оборвались века,
и мельничные крылья
кромсают облака.
Под горестные крики
несметных птичьих стай
шепчу: моя любимая,
прощай, прощай, прощай...
Такая доля выпала —
не трус и не герой.
Нам стало просто некуда
идти в последний бой.
Мы опустили руки,
тоской опалены,
ненужные солдаты
негрязнувшей войны...[5]*

Длинная была баллада, весьма невеселая, проникнутая смертной тоской: действительно, такое мог бы написать человек, в момент жуткого катаклизма оказавшийся вдалеке от любимой — и он, даром что старый солдат, бессилён был что-либо поделать с нагрянувшей напастью. Несметные птичьи стаи, заслонившие солнце, багряное сияние, залившее землю от горизонта до горизонта, равнина ходит ходуном под копытами перепуганных коней, могучая крепость рушится, рассыпается, словно карточный домик...

— Обратите внимание, — сказал Анрах. — Строфа «...и мельничные крылья кромсают облака» удивительно сочетается с гравюрой: здесь Чертова Мельница летит именно что в облаках, не так уж и высоко...

— Да, пожалуй... — кивнул Сварог. — Ну что же, мэтр... Вы сделали важное, чертовски важное открытие, я и слов-то не подберу, чтобы выразить вам благодарность... Великолепно... Вы уже разобрали все, что привезли из Горрота?

— Нет, еще добрая треть осталась...

— Продолжайте, не откладывая, — сказал Сварог властно. — Теперь мы знаем, в каком направлении искать. А радоваться и торжествовать некогда... Времени мало...

Едва за мэтром, прошагавшим к выходу не без горделивости, захлопнулась

дверь, Мара сказала тихо:

— Что-то ты не особенно и воспрянул...

— С чего бы? — сказал Сварог тоскливо. — Предположим, все с первого и до последнего слова — чистейшая правда. Я готов даже поверить, что баллада написана человеком, которому удалось уцелеть в катаклизме — очень похоже, я бы не удивился, окажись оно правдой... И что? Мы хотя бы на шаг продвинулись? Мы и без этой инкунабулы уже не сомневаемся, что Багряная Звезда вызовет неслабое светопреставление... А дальше?

— Вообще-то, что касается человека, родившегося под другими звездами...

— Ну да, — сказал Сварог. — Это я. Предположим, мне удастся туда добратся. А не подскажешь ли, что это за дерево, которым только и можно Мельника сразить? Растущее без Солнца и звезд, без дождей и вихрей? Где это чудо-юдо взять?

Мара уныло молчала.

Глава VI МАРЧЕРЕТ

Получив приглашение на большой императорский маскарад (подкрепленное просьбой Яны непременно быть), Сварог не стал особенно заморачиваться и ломать голову над костюмом — хватало дел поважнее. Велел, кроме полумаски, быстренько раздобыть ему подходящий по размеру мундир рядового снольдерских Смарагдовых Мушкетеров — что в Латеране особенного труда не составляло, на ее полуденной окраине казармы помянутых мушкетеров и располагались. Для *императорского* маскарада это был именно что маскарадный костюм.

Достали моментально — и он, на борза коня садясь, отправился в недалекое путешествие, проехать предстояло не более пяти лиг к полуночи от Латераны, где над обширным зеленым лугом, окаймленным живописными перелесками, висел в воздухе, на высоте уардов десяти, огромный красивый дворец, окруженный зеленым парком, соединявшийся с землей дюжиной широких лестниц в три пролета.

Это была очередная затея Канцлера — если подумать, весьма даже неглупая: большой императорский маскарад, куда не меньше чем ларов, приглашено и земной знати. Уже второй в этом году, но на первый Сварог попасть не смог, не имел физической возможности — он в то время как раз пребывал на морском дне, на базе «Стагар».

Неглуп наш Канцлер, ох, неглуп, Сварог в этом давно убедился... Во-первых, подобные увеселения добавляют «допущенным к столу» харумским дворянам любви и уважения к императорскому престолу: приятно и сладостно быть *допущенным*... Во-вторых, что гораздо важнее, после иных завязавшихся знакомств неизбежно последуют смешанные браки, а это, как признался Канцлер в доверительной беседе со Сварогом, добавит *свежей* крови. Вообще-то это будет нарушением прежних традиций, говорил он, пожимая плечами, но бывает порой, что от иных замшелых традиций следует отказаться... Поскольку ла-

ров мало. Не настолько мало, чтобы возникла угроза близкородственных браков, несущих вырождение, но угроза все же замаячила на горизонте, и отнестись к ней нужно серьезно. Сварог не мог не признать его правоты. В конце-то концов, говорил Канцлер со свойственным ему порой, приличествующим высокой должности здоровым цинизмом, несколько десятков, а то и пару сотен империя *переварит* и очень быстро сделает *своими*, они из кожи вон будут лезть, чтобы стать своими, тут и гадать нечего. Здесь он был кругом прав...

Настроение у Сварога было отнюдь не праздничное из-за множества повседневных королевских хлопот (и то если не считать багряную колючую искорку на небосводе). А потому он и не стремился окунуться в веселье, торчал у стены, возле покрытой искуснейшей резьбой каменной полуколонны, без особого интереса глядя на пронесившиеся в танце маскированные пары.

Огромных залов было несколько, они далеко протянулись анфиладой — высокие, со сводчатыми потолками, роскошнейшие, помпезные: мозаичные полы, позолота, резной камень, сияние огромных хрустальных люстр, висевших высоко в воздухе без всякой опоры, портьеры и драпировки из лучших аксамитов, шелков и парчи... Сварогу иногда отчего-то казалось, что он угодил на станцию метро. *Заоблачные* дворцы для тамошних балов и маскарадов, несмотря на обязательное для империи величие, все же лишены столь *дурной*, вычурной, аляповатой, режущей глаз роскоши — но Канцлер из высоких государственных соображений велел ослепить земную знать пышностью...

Яну он пока что не видел, как ни приглядывался — неудивительно при здешнем многолюдстве. Зато узрел его величество Бони Первого, короля Арира и ярла уже доброй полудюжины прилегающих Вольных Маноров (хозяйственный наш мужичок, как и подобает справному крестьянину, прилагал немало сил, чтобы *обрастать* хозяйством). Одетый странствующим монахом, он не особенно изящно, но с большим энтузиазмом выкаблучивал в обществе наряженной зажиточной купчихой стройной блондинки. Узнав ее под маской, Сварог невольно фыркнул: о моральном облике благородной графини, высокой Госпожи Летающих Замков немало интересного могло порассказать преизрядное количество светских хлыщей и гвардейских офицеров, Сварог с год назад еле ускользнул, когда эта особа вознамерилась прибавить его к своей богатейшей коллекции. Ну что же, королю Арира сегодня гарантировано самое приятное времяпровождение, остается за него только порадоваться...

Рядом с ним остановился высокий худой мельник в темно-синей полумаске — глаза в прорезях, такое впечатление, не знали покоя, обшаривая толпу, как стоящий на боевом дежурстве локатор — небо. Ну да, вот уж кому веселье, а кому напряженнейшая работа — бдиль недреманно, головой вертеть на триста шестьдесят градусов...

— Как обстановка, барон? — с полным пониманием и сочувствием осведомился Сварог.

Барон Абданк, начальник личной охраны императрицы, пожал костлявыми плечами:

— Да можно сказать, граф, пока благостная тишина, что радует. Ни тени магических воздействий, ни единой попытки проскользнуть во дворец кого-то, владеющего магией. Вот со стилетом за голенищем одного персонажа

взяли на входе, будем разбираться... Ваши ведь тоже здесь? Я видел вашего Интагара, лекарем наряжен.

— Ну, у меня тут человек двадцать, — сказал Сварог. — Для порядка, здесь как-никак мое королевство. Сотрудников девятого стола я сюда брать не стал, чтобы не нарушать ваши прерогативы, но будучи местным королем, сдается мне, должен внести свой скромный вклад...

— Да бога ради, — махнул рукой Абданк. — Сказать по совести, я решительно не понимаю, какая спецслужба и на что имеет здесь право. Потому что *этакое* увеселение выламывается из прежних правил этикета и никакими параграфами не охвачено. То есть, я твердо знаю, что моя служба, как и при любых других обстоятельствах должна из кожи вон извертеться, а что касемо юрисдикции прочих... да пусть над этим Канцлер голову ломает, коли уж он эти новшества взялся вводить. Лишь бы мне не мешали... Ваши не создают хлопот, и на том спасибо.

— А что, были уже... хлопоты?

— Да никаких пока, — сказал Абданк, напряженно уставился куда-то в сторону, поджал губы. — Даже его высочество *пока* что хлопот не создает, а там — кто его знает...

— Да, пока что не похоже... — сказал Сварог с большим знанием вопроса, тоже глядя в ту сторону.

Там, неподалеку, ни на кого, в общем, не обращая внимания, прохаживался осанистый субъект с внушительным брюхом, одетый в полный костюм собравшегося в лес обитателя Каталаунского Хребта: зеленый кафтан на шнуровке, кожаные штаны, ботфорты с закатанными ниже колен голенищами, каталана с чеканной серебряной бляхой. Разве что никакого оружия на поясе не имелось, зато висевшая у бедра фляга (да что там, натуральнейшая баклага) по размеру превышала обычные каталаунские и вмещала не менее трех кварталов.[6]

Сварог понимающе ухмыльнулся. Дядюшка Яны, его императорское высочество принц Элвар (ставший при помощи Сварога заядлым самогонщиком), был, всем и каждому известно, чуточку помешан на Каталауне. Пропадал там при любой возможности, даже построил где-то в ущелье замок, где пировал не только с охотниками, углежогами, смолокурами и контрабандистами, но и с Волчьими Головами, обожал болтаться по деревенским пирушкам, ярмаркам и прочим провинциальным увеселениям, помогал деньжатами, путался с местными красотками, сто раз был посаженным отцом на свадьбах и не менее этого — своего рода крестным отцом на церемониях, заменявших здесь крестины. В Полуденном Каталауне он давно уже стал популярнейшей фигурой. Отчего именно Сварогу приходилось порой туговато: за последнее время принц Элвар четырежды заявлялся к нему, как к ронерскому королю, всякий раз ходатайствуя о помиловании очередного угодившего за решетку лихого молодца. Простодушно разводя руками, талдычил: «И за что к парнишке цепляться? Честное слово вам даю, Барг Ронерский, в жизни юноша ни одной глотки не перерезал, ни одной непорочной девы не снасильничал. Вполне приличный юноша. Ну, купца ограбил, так ведь живым отпустил и даже мула оставил. На то и купцы, чтобы их грабили, испокон веков повелось. Ну, овец угнал, так ведь все угоняют и не попадают, а парнишку выдала какая-то зараза... Семейство самое почтенное, отца вся округа уважает, у сестры я на сва-

дье был посаженным отцом, у дедушки три военных медали. Это же Каталун, понимать надо...». Мысленно чертыхаясь. Сварог всякий раз подмахивал бумагу о помиловании и освобождении — как-никак, его императорское высочество. По крайней мере честно просил, другой член императорской фамилии на его месте самолично разнес бы тюрьму и выпустил своего протеже — и ничего бы ему за это не было, члены фамилии совершенно неподсудны земной юрисдикции...

Если не считать этих время от времени возникавших досадных недоразумений, Сварог к его высочеству относился с откровенной симпатией. Потому что человек был безобиднейший: в жизни не участвовал ни в одной дворцовой интриге, даже крохотной, никогда не стремился занять какой бы ты ни было официальный пост, придворных чинов не имел, орденов не домогался. Как пелось в старой песенке, была бы водка, да к водке глотка, все остальное — трын-трава. Белой вороной в семействе был благородный Элвар — но все с его чудачествами давно смирились...

— Ага, вот они кто, — сказал принц, останавливаясь перед ними и приглядываясь. — Барон... граф... мое почтение.

Ядреный запах доброго самогона витал вокруг него. Отстегнув свою баклагу, Элвар отвинтил серебряный колпачок, приложил горлышко к тубам и, не уронив ни капли, высосал одним махом не менее стакана. Утер губы рукавом зеленого кафтана, лихо крякнул, поболтал баклагой в воздухе:

— Не угодно ли, господа? Слеза!

— Я на службе, — ответил барон Абданк.

— Службист... — проворчал принц. — Ать-два левой... А вы, граф?

— Благодарствуйте, что-то не хочется, — сказал Сварог вежливо.

Настроение у него было невеселое, но все же не настолько, чтобы сосать из горлышка семидесятиградусное пойло — да и мало кто здесь на такой подвиг способен...

— Разучилось пить молодое поколение, — ворчал принц, завинчивая флягу. — Помню, в мою молодость так веселились, что порой замки весь день вверх ногами летали, и ничего, обходилось как-то...

— Вы не видели императрицу, ваше высочество? — спросил Сварог.

— Отчего же не видел? Довелось... А лучше бы и не видел... — буркнул Элвар. — Потому что я на нее сегодня смотреть не могу, не ругаясь мысленно углежоговскими словечками... Черт знает что... Я не замшелый консерватор, но есть же пределы... Ах, да! — он грузно развернулся в сторону Абданка. — Вот что, службист вы наш... Вы что, так ничего и не предпримете?

— По поводу? — казенным тоном осведомился Абданк.

— По поводу этого типа, что к ней прилип. Как прилип с самого начала, так и отлипнуть не может. Сколько можно возле нее отираться?

Барон тем же казенным тоном произнес:

— Данная маска не допускает никаких нарушений этикета. Нет правила, запрещавшего бы кавалеру в случае соблюдения этикета оставаться кавалером императрицы сверх определенного времени. Сама императрица неудовольствия не высказывает и о вмешательстве не просит. Что-то не так, ваше высочество?

— Да не нравится мне этот хлыщ, вот и все, — сказал Элвар упрямо. — Хоть ты тресни, не нравится.

— И это все претензии?

— А что, мало? — с досадой спросил принц. — У нас в Полуденном Каталауне есть, знаете ли, бабки, учат, как людей различать. Говорю вам, не нравится он мне...

С величайшим терпением Абданк ответил:

— Ваше высочество, у вас, в Полуденном Каталауне, конечно, есть масса интересного... Но я-то руководствуюсь уставом службы. Данная маска магическими способностями не обладает, оружия не имеет, этикета не нарушает, неудовольствия императрицы не вызывает. Не вижу причин для вмешательства...

— Ну так я сам вмешаюсь, — сопя, пообещал принц. — Подойду, да как шарахну фляжкой по башке... Благо это и не лар вовсе...

Абданк бесстрастно сообщил:

— Вы не можете не помнить этикета, ваше высочество. Лицо, затеявшее на маскараде скандал или драку, подлежит немедленному удалению, невзирая на личность...

— Да помню... — сварливо откликнулся принц. — Вы ведь, службист этакий, мне и размахнуться толком времени не дадите, а?

— Не дам, — сказал Абданк вежливо.

— Законники... — проворчал принц. — Ничего, тут есть несколько моих дворян, а они все ха-аррошие фехтовальщики. Я этой маске обеспечу добрую дуэль, с которой она своими ногами ни за что не вернется...

— Ваше право, — сказал Абданк. — Но исключительно за пределами дворца... Ваше высочество, почему бы вам не пойти потанцевать? Здесь много новых дам...

Фыркнув, его высочество сообщил:

— Как гласит пословица, куртуаз-винохлеб годен только во гроб. Чем-то одним надо заниматься. Нет, конечно, я женского пола не чураюсь... Знали бы вы, господа, какая на речке Гин обитает мельничиха... И, между прочим, вдова... Но это совсем другое дело, господа. Вы себе только представьте: ясный солнечный день, щебечут птицы, жужжат пчелы, размеренно шумит мельничное колесо, и тут появляешься ты с букетом цветов... А на грубо сколоченном столе в тенечке, под деревом, уже свежайшие хлеб и сыр, ветчина розовеет, огурчики малосольные с отрезанными концами, кувшин вина... А в амбаре копна свежескошенного сена... Вот она где, господа мои, поэзия и романтика. А эти все маскарадные стервочки... — он подался вперед и ловко сцапал Сварога за локоть. — Граф Гэйр, можем мы пару минут поговорить наедине?

— Разумеется, — сказал Сварог, шагая за стиснувшим его руку принцем.

Никакой досады он не испытывал и неприятного не ждал: если уж его высочество обращается не к королю Ронерскому, а к графу Гэйру, безусловно не будет просить за очередного разбойничка с лесной стежки или попавшегося в королевском лесу браконьера, у которого дома семеро по лавкам, а прадедушка тридцать лет беспорочно прослужил писарем в ратуше...

Выпустив его локоть, принц приподнял портьеру, закрывавшую одну из многочисленных ниш, зло фыркнул, явно обнаружив там уединившуюся парочку. Та же история повторилась и у второй портьеры, а вот за третью, мельком туда глянув, Элвар скользнул с бегемотьей грацией.

Сварог вошел следом. Его высочество, ругаясь под нос, пытался удобно рас-

положиться на мягком диване, обтянутом синим плисом в золотой цветочек, и это, конечно же, плохо у него получалось: диван был широкий, а спинка, далеко отстоявшая от кромки — совсем невысокая. Что поделать, ниши эти предназначались не для мужских конфиденциальных бесед — все здесь продумано именно для удобства влюбленных парочек, коим и не нужно удобство в вертикальном положении...

После нескольких безуспешных попыток устроиться уютно Элвар, яростно плюнув, уселся на краешек дивана, как школьник в классе. Сварог устроился рядом. Легонько отодвинул протянутую флягу.

— Граф Гэйр, — глядя на него серьезно и уныло, сказал принц. — Вы ведь наверняка читали отчеты по операции «Кольчуга»?

— Должность позволяет, — кратко ответил Сварог.

— Оказалось, ничего невозможно сделать...

Сварог лишь кивнул. Подавшись к нему, обдавая самогонным выхлопом, ухватив за рукав, принц Элвар заговорил негромко:

— Может, хоть вы сможете что-то сделать? Вы же столько уже геройств совершили, черт-те с чем справились... Все бесполезно, и все бессильны. На вас вся надежда... — он стал едва ли не захлебываться словами. — Вы понимаете... Если *грохнет* катаклизм, а он, очень на то похоже, грохнет, сметет к чертовой матери и *наш* Каталаун. Кто-то из людей, очень может быть, и уцелеет, я помню цифры, при Шторме погибла половина земных обитателей, а половина осталась... Но все равно, перекорежит вдребезги, не будет уже Каталауна... а я без него сдохну с тоски... Столько у меня там добрых приятелей, крестных детишек и просто веселых собутыльников... Вы же бывали в Каталауне?

— В Полуночном, — сказал Сварог. — Проездом.

— Ну вот, должны знать, что люди-то там отличные... А я для них ничего не могу сделать. Ну, разве что, взять к себе в замок дюжину, две, три, когда объявят «Журавлиный клин»... А остальные? А сам Каталаун? Я говорил с моим высокочтимым братцем, блоху ему в штаны. Говорил с Канцлером, с Янкой... Вполне возможно в срочном порядке сработать десятка три кораблей наподобие тех, что ходят на Сильвану. Я бы за пару недель на них посадил весь Полуночный Каталаун...

— И что?

— Не дают, — горько сказал принц. Выпрямился, произнес чужим голосом, явно пытаясь передразнить то ли Канцлера, то ли Костяную Жопу: — Во-первых чересчур велики энергозатраты и расход апейрона. Во-вторых, подобные действия вызвали бы, вы сами должны понимать, всеобщую панику... Лучше уж предоставить события их естественному течению — а там уж кому повезет... Вот так вот.

— А... императрица?

— Я не могу до нее *достучаться*, — сказал принц. — Она умная, добрая, да и остальные господа небожители не злые и не жестокие. Просто... Ну, просто так уж принято испокон веков — не принимать земные заботы *всерьез*, это в мозги въелось, понимаете? Это вот равнодушие. И ни злобы тут, ни жестокости, ни политики. Привыкли быть абсолютно равнодушными к земным хлопотам, вот и все. Еще с тех пор, как спокойненько упорхнули окончательно за облака после Вьюги... Понимаете?

— Да, — сказал Сварог.

— Вот и выходит, что я — единственный отщепенец, который на земле проводит не меньше времени, чем за облаками. И я не смог до них всех достучаться...

Идеальный и могучий был бы союзник, доведись преодолевать какие-то бюрократические рогатки. Кабаном сквозь камыши ломился бы. Но, вот беда, *нет* ситуации, где помогло бы его вмешательство. *Общую* эвакуацию населения с Талара ни за что не проведешь — даже у ларов не хватит сил и возможностей на столь масштабное предприятие, по крайней мере, в течение тех считанных недель, что остаются...

Одна-единственная возможность, шанс, вариант...

— А если поискать в Императорском архиве, — спросил Сварог.

Единственное хранилище информации, куда не способен проникнуть даже Элкон. Поскольку архив этот, защищенный сверх мыслимых пределов, существует исключительно в бумажном виде, без всякой электроники, и попасть туда могут только члены фамилии...

Элвар горько рассмеялся:

— Вот спасибо, подсказали... Граф, я мозги не пропил окончательно. Я туда ходил еще две недели назад, перерыл все вверх дном. Ни строчки о Багряной Звезде. Вообще, скажу вам по секрету. Императорский архив помещается в одном-единственном невеликом зале и на три четверти состоит из сущего хлама. Нет там никаких полезных секретов... ну, по крайней мере, тех, что *сейчас* быгодились... Вот и получается, что на вас вся надежда. После всех свершений ваших... Вы ведь что-нибудь придумаете?

В глазах у него стояла такая мольба, что Сварогу стало стыдно и больно.

— Обязательно, — ваше высочество, — сказал он, вставая первым (что ничуть не противоречило здесь, на маскараде, обычному придворному этикету). — Непременно что-нибудь придумаю...

Отодвинул тяжелую портьеру, вышел и форменным образом *побрел* вдоль стены. Впервые за долгие, долгие годы ему хотелось плакать — от собственного унизительного бессилия. В голове крутились строки Асверуса:

*Я встретил путника. Он шел из стран далеких
и мне сказал: Вдали, где вечность сторожит
пустыни тишину, среди песков глубоких
остаток статуи распавшейся лежит.
Из полустертых черт сквозит надменный пламень,
желанье заставляя весь мир себе служить.
Ваятель опытный вложил в бездушный камень
те страсти, что могли столетья пережить.*

Кто-то, видимо, знакомый, шагнул навстречу и попытался заговорить. Сварог прошел мимо, не поворачиваясь.

*И сохранил слова обломок изваянья:
«Я — Озимандия, могучий царь царей!
взгляните на мои великие деянья,
владыки всех времен, всех стран и всех морей!»
Кругом нет ничего... глубокое молчанье...
Пустыня мертвая... И небеса над ней...*

Он впервые в жизни оказался в совершеннейшем тупике. Раньше, *и там, и здесь*, как бы круто жизнь ни прихватывала, непременно впереди оказыва-

лось местечко, куда можно рвануться всем телом, пусть и с нешуточным риском для жизни. Теперь был тупик. Идти просто-напросто *некуда*.

Точнее, ухватиться не за что. Никто ничего не знает, ни эти долбаные студенческие тайные братства, в которых состоит Леверлин, ни монахи. И те, и эти обладают кое-какими интересными секретами — но совершенно бесполезными в данную минуту. Ничего нет об этой багряной пакости и в привезенных Анрахом книгах. Ничего ни у кого нет.

Он неплохо знал Талар. И более всего бесила мысль, что *где-то* все же может таиться ключ к разгадке. Нельзя исключать, что где-нибудь в заплеснувших, траченных мышами, забытых за давностью лет архивах третьеразрядной разведки, а то и просто в дальнем углу заросшей паутиной библиотеки, куда сто лет не заходили потомки книгочехя, может покоиться книга или бумага, как раз и содержащая ключ. Так *может* оказаться. Прецеденты известны. Но где искать? Неизвестно...

— Командир!

Мелодичный женский голосок. Он остановился, поднял голову. Ну конечно. Томи, маркиза Лейт, ценный, несмотря на юные годы, сотрудник, крестьянкой нарядилась: белоснежная рубаша с вышивкой, черный корсаж в золотой канители, красная пышная юбка колокольчиком, черные волосы распущены по плечам, как, собственно, незамужней крестьянке и не возбраняется. Драгоценности, конечно, для любой крестьянки — недостижимая мечта...

— Рад тебя видеть, — сказал Сварог, пытаясь стать беззаботным и вежливым. Вот уж на ней срывать дурное настроение никак не годилось. Особенно если учесть, что эта дуреха зачем-то втрескалась в него по уши, что ему было совершенно ни к чему, только жизненных сложностей добавляло.

— Командир, вы не пригласите меня на танец?

«И какого рожна я сюда приперся? — мелькнуло в голове Сварога. Можно подумать, других дел нет...»

— Конечно, Томи, — сказал он, протягивая ей руку.

Оркестр заиграл фарагуду — вот это, что называется, влип, угодивши на медленный танец, предписывающий некое подобие объятий, как в танго... Руки на талии девушки, ее ладони на плечах Сварога, все, как и надлежит — вот только будто бы невзначай придвинулась так, что он уже чувствовал ее грудь, неотрывно смотрела в глаза чересчур уж многозначительным взглядом.

Он без труда унюхал винный аромат, оценил раскрасневшиеся щеки и блестящие глаза. Не пьяна, конечно, но бокальчиком явно не ограничилась.

— Знаете, мои родители познакомились на маскараде, — сказала Томи. — *Побывали* в уютных закоулках дворца, оба считали это мимолетным веселым приключением, но оба очень быстро поняли, что все совсем наоборот...

— Томи... — сказал он спокойно.

— Что?

— Так прижиматься невежливо. Против этикета.

— И ничего подобного, — сказала девушка, ничуть не отстранившись, глядя ему в глаза. — Посмотрите направо... или налево... Это на балу невежливо, а на маскараде очень даже допускается...

Покосившись вправо-влево, он вынужден был признать, что клятая девчонка права: там прелестницы прижимались к кавалерам и потеснее. Пора думать, как из всего этого выпутываться...

— Вы здесь один? Без спутницы?

— Один, — вынужден был сознаться Сварог.

— Это замечательно, — сообщила Томи. — Знали бы вы, как давно мне хотелось с вами побыть вот так, не на службе...

К его превеликому облегчению, фигуры танца потребовали разомкнуть объятия, и, не касаясь друг друга, отступив на пару шагов, проделать несколько неспешных пируэтов. Вот только потом все вернулось в прежнее состояние, и девушка прильнула к нему уже быстрее и увереннее.

«Ну на черта я тебе нужен? — мысленно возопил он. — Какого дьявола вообще в меня влюбляться? Меня совершенно не за что любить — королевскую морду, спецслужбистскую рожу, человека, который, очень похоже, ни одну женщину не способен любить по-настоящему, в поэтическом смысле... Будь ты обычной, ищущей мимолетных приключений, великосветской ветреницей, я бы, есть такой грех, не удержался, но в такой ситуации и пальцем тронуть не могу, как-никак ошметки принципов у меня остались...»

— Интересно, почему ты без ленточки-флиртовочки? — спросил он, в поисках безопасного русла, куда можно перевести разговор.

— Потому что не хотела, чтобы меня отвлекали флиртом. Я вас искала.

«Перевел, называется...»

— А хотите, я повяжу полосатую? — спросила Томи. — У меня с собой есть... Исключительно ради вас.

Откровеннее и предложиться невозможно...

— Может быть, когда танец кончится, вы покажете мне замок? — Томи не отводила шального взгляда. — Я никогда не бывала на верхних этажах...

— Там ничего интересного, Томи.

— Ну, неужели вы на маскараде откажете даме в таком пустяке? Может, ничего интересного и нет, но мне хочется посмотреть...

Сварог прислушался к музыке, прикинул, сколько фигур уже станцовано — ну, слава богу, фарагуда близилась к финалу. Пора удирать, потому что события галопом несутся к нештучным сложностям, точнее — Томи их туда гонит...

Музыка умолкла, но Томи далеко не сразу отступила на подходящее расстояние. Сварог, уже обретя некоторую уверенность, теребил условленную мундирную пуговицу — третью сверху, с левой стороны, во внешнем ряду...

И с превеликой радостью увидел, что неподалеку с похвальным проворством обнаружился Интагар, наряженный медиком: длинная мантия, черная шапочка, украшенная серебряной бляхой с изображением обвивающей чашу змеи, кожаная сумка особого фасона. Вообще-то бульдожья физиономия в реальной жизни абсолютно не гармонировала с нарядом представителя столь благородной профессии — но дело было на маскараде, сейчас на нем красовалась белая носатая маска старинного фасона (в таких старинные доктора отправлялись на чумные эпидемии, набив нос ароматическими травами), открывавшая лишь рот и квадратный подбородок. Так что ничего, вполне пристойно...

— Куда вы смотрите? — нетерпеливо спросила Томи.

— Видишь вон того медика, что к нам спешит, — тихонько спросил Сварог тоном заговорщика. — Это мой здешний министр полиции. Сдвинулось наконец дело...

Она растерянно заморгала:

— Так вы...

— Вот именно, — сказал Сварог самым внушительным тоном, на какой был способен. — Ты же умная девочка, Томи, все понимаешь... Это они, — он широким жестом обвел беззаботную пеструю толпу, — безмятежно веселятся, а я работаю, у меня здесь операция раскручивается полным ходом. Подробности тебе знать не полагается...

— Я понимаю, — грустно сказала Томи.

— Умница, — сказал Сварог. — Вот за это ценю и уважаю...

— Только за это?

Интагар уже был в нескольких шагах.

— Томи, тысячу раз прости, но мне некогда, — сказал Сварог. — Служба! Случилась пауза, ее хватило на один танец, но, коли уж ко мне спешит министр, события *рванули*. И это до утра затянется, что поделывать...

— Я понимаю, — также грустно повторила Томи. — Но ведь выпадет такой случай, когда вы не будете поглощены службой?

— Непременно, — сказал Сварог. — Какие наши годы? Ну, все, я должен идти, он явно рвется что-то сообщить...

Ободряюще улыбнулся и двинулся навстречу Интагару. Оказавшись рядом, шепнул:

— Возьмите меня за локоть и уведите подальше отсюда, в противоположную сторону. Другой рукой изображайте какие-нибудь загадочные пассы с самым озабоченным видом, какой у замаскированного возможен, говорите что-нибудь с таким видом, будто принесли мне срочное сообщение... В соседний зал.

Не выказав ни замешательства, ни удивления, Интагар моментально взял его под локоть и повлек в предписанном направлении. Украдкой оглянувшись, Сварог увидел, что Томи по-прежнему стоит возле изукрашенной колонны и печально смотрит вслед, вздохнул — ну что тут прикажете делать? Да ничего не надо делать, авось само пройдет...

Свободной рукой выписывая пассы, приличествующие скорее уж сценическому заговорщику, Интагар заговорил тихо, со своим обычным бесстрашием:

— Ее величество королева Сегура так и не прибыла, хотя твердо намеревалась быть на маскараде. Если бы она свершила посадку в Латеране, мне немедленно сообщили бы.

«Час от часу не легче, — подумал Сварог. — Что ее могло задержать? Что могло случиться с ее виманой, замаскированной под обычный самолет? Мара — человек обязательный, вдобавок он ей ничего не поручал. Означает ли это, что нужно беспокоиться? В последнее время ждешь любых неприятных сюрпризов... Ну какие такие неотложные дела могли ее задержать на кукольном Сегуре?»

Они оказались в соседнем зале, ничем особо не отличавшимся от только что покинутого — разве что капители колонн здесь выполнены в виде виноградных гроздьев, и резьба изображает вьющиеся виноградные лозы, а не простые узоры.

— Если у вас больше ничего, можете идти, — сказал Сварог.

Оставшись в одиночестве, он выбрал местечко поспокойнее, в углу. Знакомых поблизости вроде бы не усматривалось. Хваля собственную предусмотритель-

тельность, коснулся бляхи на тулье мушкетерской шляпы — и к нему довольно быстро приблизился наряженный балонгским банковским письмоводителем человек в синей полумаске — дежурный из девятого стола, коему на всякий случай вменялось в обязанность во все время маскарада неотступно держаться поблизости от начальства.

— Идите к связистам, — распорядился Сварог тихо. — Не знаю уж, где они тут засели...

— Здесь, на первом этаже...

— Без разницы, — сказал Сварог. — Немедленно выяснить, где вимана королевы Сегура, вообще, что с ней. Живо.

Дежурный кивнул и скрылся в пестрой толпе. Что же, как давно известно, лучше *перебдеть*, чем *недобдить*. Хотя повсюду вроде бы царит полное спокойствие, тишина и симметрия, даже неведомо откуда вынырнувший после долгого отсутствия герцог Орк ведет жизнь благоденственную и размеренную, при встречах со Сварогом сохраняя ровную, отстраненную светскую вежливость...

Ждать пришлось минут десять — не самых приятных...

— Вимана ее величества стоит на своем обычном месте в сегурской столице, — доложил вынырнувший с неожиданной стороны дежурный. Вся бортовая аппаратура функционирует нормально, в режиме ожидания.

— Хорошо, идите...

Вроде бы нет поводов для беспокойства: мало ли какие, возникшие в последнюю минуту дела, могли ее задержать. Коронованных особ сплошь и рядом обременяют неожиданно всплывшими срочными делами — надо полагать, так обстоит и в крохотном Сегуре, каковой, как ни крути, есть все же *доподлинное* королевство...

Настроение у него чуточку поднялось, когда оркестр грянул каталаунскую райду — танец, имевший некоторое сходство то ли с казачком, то ли с мазуркой. Да-да, было в музыке нечто общее, что и не удивительно: здесь нот тоже семь, а количество звукосочетаний все же ограничено теорией вероятности. Множество здешних приключенческих и любовных романов, кстати, чертовски напоминают сюжетами и подбором героев иные земные — поскольку любовные перипетии и авантюрные приключения, в общем, везде одинаковы...

Быстрый был танец, бравурный, лихой. Ну, а поскольку он имел каталаунское происхождение, едва ли не первым в цепочке пронесся, тяжело колыша чревом, притопывая и ухаю, его императорское высочество принц Элвар. Сплошь и рядом он не попадал в такт, потому что музыкального слуха лишен совершенно, о чем нисколечко не горевал — но этот недостаток восполнял нешуточной экспрессией. Как с ним частенько случается, ухитрился очень быстро оттоптать ноги парочке соседей, что соседи приняли отечески — лары прекрасно знали, кто это такой неуклюже топчет в каталаунском наряде, а земные приглашенные наверняка тоже уже прослышали.

Сварог вдруг обнаружил, что почти беззаботно притопывает в такт. И даже принялся напевать про себя:

— *Казачок! Нет тебя милее!
Каблучок! Топни веселее!
Казачок плясать заставит
целый белый свет,
лучше танца в наше время нет!*

Тут не было ни малейшей тоски по покинутой Земле — исключительно ностальгия по бесшабашной курсантской юности, когда казачок гремел на всякой танцплощадке, громко топали подошвы и туфельки, взлетали подошвы мини-юбок...

И осекся, моментально лишившись веселого расположения духа. Наконец-то увидел Яну и сразу сообразил, отчего так раскипятился Элвар — ну да, самогон тут почти что и ни при чем...

Ее величество Яна-Алентевита, нетрудно догадаться, была несравненна и ослепительна. Никакого сравнения с той почти что девчонкой, которую Сварог увидел впервые два с лишним года назад. Вполне взрослая девушка. Определение «юная императрица» безвозвратно осталось в прошлом. *Молодая императрица*, так оно теперь будет правильнее.

Но вот наряд, господи мои... Действительно, стойкому консерватору Элвару, каковой пусть строгие, но короткие платья и то воспринимал, как бык красную тряпку, было от чего возмущаться. Любой пуританин незамедлительно ляпнулся бы в обморок, откинув ножки и смертно побледневши. Всего-то и наряда, что низкий алый корсаж, зашнурованный впереди, изрядно открывавший пленительные округлости, да короткая синяя юбка из какой-то непрозрачной, но легчайшей, как пух, материи, при любом резком движении взлетавшей так, что умопомрачительные загорелые ноги открывались буквально до крайнего рубежа приличия. Хотя рубеж этот стойко держался — Сварог слыхивал о подобных портняжных ухищрениях, коими особенно любили пользоваться не самые стойкие в моральном плане придворные красотки. А если учесть, что райда как раз и состояла из резких поворотов на две или три четверти, а порой и полных оборотов...

Черная полумаска, окаймленная поясками бриллиантиков, роскошное затейливое ожерелье из рубинов и сапфиров, заплетенная на две трети коса — ну, это все даже у законченных консерваторов не вызвало бы протеста. А вот левое запястье, в тридцать три морских черта и трекнутого осьминога...

Повязанная на нем голубая лента — это бы еще ничего, ибо означает всего-навсего «Готова к флирту». За исключением нескольких законченных гордыхчек, такую ленточку на бал-маскерад повязывает не только настроенная как следует повеселиться, не заходя далеко, светская дама, но даже иные молодящиеся старушки, до седых волос исполненные оптимизма и бодрости. Это бы еще ничего. А вот вторая, полосатая, желто-красная (именно о ней Томи и упоминала), означает нечто гораздо более *игривое*, так как гласит «Готова к вольностям». А эти вольности, Сварог знал на личном опыте, в девяноста девяти случаев из ста заканчиваются в тех самых многочисленных будуарах, коих согласно давним традициям маскерадов полно на верхних этажах. И потому эту ленточку наденет далеко не каждая — главным образом те дамочки, которых из светской деликатности принято именовать придворными ветреницами, хотя в обиходе, как легко догадаться, используются более смачные словечки.

Что это ей в голову ударило? Никогда прежде подобных номеров не откалывала, уж ей-то прекрасно известно, что полосатая ленточка по сути, недвусмысленный призыв всем и каждому: «Хочу в постель!». Что на нее такое нашло?

За плечом тяжело, словно пожилой морж, вздохнул Интагар. Обернувшись к

нему, Сварог спросил тихо:

— В чем дело? Что это за наряд? Крестьянки всегда носят с корсажем рубашку или платье... А это больше на кабацкую танцовщицу смахивает.

— Ваше величество, — уклончиво сказал Интагар. — Мне по ничтожности моей совершенно не подобает судить...

— Повелеваю, — сказал Сварог холодным, истинно королевским голосом. — Ну?

Интагар откровенно мялся, но все же решился наконец:

— Ваше величество, маскарад, конечно — это вольности и раскованность, и этикет тут побоку... Все равно, *своим* дочкам я бы такое ни за что не позволил надеть.

— Они здесь, кстати?

— Да, обе. Я безмерно благодарен вашему величеству...

— Пустое, — нетерпеливо сказал Сварог. — Что не так? Ну?

— Ваше величество, коли уж откровенно... Если не считать украшения и маску, получится классический наряд портовой... девицы.

— Портовой шлюхи, вы хотите сказать? — нахмурясь, уточнил Сварог. Какие, к дьяволу, в порту девицы... Ах, вот оно что... Я как-то мало бывал в портах и на *эту* деталь внимания не обращал — хотя, если напрячь мозги, что-то подобное вроде бы и видел в Фиарнолле... То-то я схожих костюмов за все время заметил парочку, не больше...

— Вот именно, — угрюмо кивнул Интагар. — Это даже для маскарада малость... предосудительно. Нарядиться кабацкой танцовщицей — еще куда ни шло, а это уж чересчур. Да еще ленточка эта полосатая. На *наших* балах так себя ведут, тысячу раз простите, исключительно законченные оторвы. На императорском я впервые, порядков не знаю...

— Да и мне прежде на императорских такие наряды встречались крайне редко, — протянул Сварог. — И в здешнем многолюдстве их, как я говорил, два-три... — он зло выдохнул сквозь зубы. — Ну, а что тут поделаешь? Ее величество изволят развлекаться с ноткой предосудительности, а воля императрицы не обсуждается. То-то и родной дядюшка фыркал, как кабан в камышах...

Он глянул на цепочку танцующих, выгнувшуюся хитрыми изгибами так, что совсем неподалеку оставались Яна и ее кавалер, который, по заверениям Элвара, как прилип, так и не отлипает. Попытался опознать загадочную персону, но ничего у него не получилось — маска закрывала лицо целиком. Разве что по движениям ясно: не так уж и молод, не юный вертопрах какой, в зрелых годах. Полностью соблюден костюм Катарюса — здешнего персонажа комедии масок, во многом напоминавшего Пьеро: непризнанная творческая личность, порой поэт, порой художник, печальный романтик, не везучий и в жизни, и в любви, вечно вынужденный терпеть пинки и подножки от жизнерадостных нахалов вроде Бабитана или Гурамо, насмешки жестокосердных красоток. Селадонового цвета широкая блуза с кружевным жабо и рукавами до локтя, какую более всего любят художники, штаны в обтяжку, клетчатые, бело-черные (чисто сценический наряд, в жизни ни один творческий человек не наденет), черный пышный бант на шее, белоснежная маска, изображающая утрированно печальную рожу, красный колпак с белым помпоном на шнурочке, красные башмаки с загнутыми носками. Ну да, классический и законченный Катарюс — правда, в отличие от неуклюжего и нескладного на

сцене Катарюса, облачившийся в его наряд незнакомец, по ухваткам видно, завсегда подобный увеселений, человек вполне светский. Танцует отлично, держится непринужденно, грациозен и ловок...

— Интагар, я уже привык, что вы знаете все на свете, — сказал Сварог. — Не подскажите, что это за хлыщ? Хотя, если это лар, вы знать его не можете, понятно... Или?

— Это не лар, ваше величество, — сумрачно откликнулся Интагар. — Это герцог Лемар собственной персоной.

От неожиданности Сварог и сам фыркнул почище натурального кабана, впился неприязненным взглядом. Как прилип, так и не отлипает... Едва выдаться момент склониться к ушку партнерши, болтает, болтает и болтает, наш известный мастер *убалтывать*... Сволочь такая, в бессильной ярости подумал Сварог, видя кокетливо вздетый к потолку взгляд Яны, ее игриво-отрешенную улыбку. Ну погоди, на Стагаре сгною, на Монфокон к чертовой матери отправлю, *материалов* на полдюжины плах и два десятка баниций...

Интагар произнес без выражения:

— Вообще-то мои парнишки могли бы его незаметно и быстренько *изъять*

...

В его взгляде почудилось понимание и сочувствие — способные сейчас не утешить, а лишь еще более разозлить.

— Не получится, любезный мой, — вздохнул Сварог. — Права не имеете. Здесь имперская юрисдикция, и всем распоряжается лишь начальник охраны императрицы... Вам, увы, не по чину...

— А вам? — спросил Интагар. — Вы же начальник девятого стола? Или и вам в *этом* случае нельзя?

— Если подумать, можно... — задумчиво протянул Сварог. — В крайнем случае, выйдут легонькие межведомственные трения, вот и все, сущие пустяки... Но у меня нет здесь моих людей, я и не предполагал, что они понадобятся, у моей службы все же не те функции...

— Но вы же можете их вызвать?

Сварог обернулся и посмотрел на верного бульдога в упор:

— Вы полагаете, следует?

— Это же Лемар, — почти не промедлив, откликнулся Интагар. — С его, чтобы ему провалиться, чуть ли не колдовским умением *убалтывать*... А она совсем молодая и в *некоторых* смыслах, рискну заметить, от земных девушек мало отличается...

Сварог прекрасно понимал, какие мысли сейчас обуревают его верного ко-столома. Все знают, что жестокий и непреклонный *бульдог* начисто лишен обычных человеческих эмоций, но один-единственный пункт у него все же есть, единственная слабость: будь его воля, будь у него такая возможность, любую девушку бы уберег от *опрометчивостей*. Отец двух дочек, ага...

Сварог на какое-то время задумался над этой идеей всерьез. В конце-то концов здесь Томи, полноправная сотрудница девятого стола, самым официальным образом числящаяся на службе, так что с юридической стороной дела все в порядке. Если ей удастся выманить Лемара за пределы дворца, к подножию лестницы, где автоматически включаются ронерские законы... А если не удастся? Если этот скот всерьез *нацелился* на Яну? Прекрасно зная, что никаких законных препятствий перед ним не воздвигнуто? Тогда? Отправиться в

комнату секретной связи (она тут, конечно же, обустроена для нужд соответствующих служб), вызвать полдюжины *вязальщиков*... Как там в кино? «Министры спишутся, выразят соболезнование...»

Он стоял в растерянности, не зная, на что решиться — и нужно ли на что-то решаться. Рядом нетерпеливо сопел Интагар.

— Подождем развития событий, Интагар, — сказал он, ругая себя в душе. — Ситуация очень уж деликатная...

— Я бы его давно, будь ваша воля... — недобро протянул Интагар. И осмелился подпустить в голос малую толику иронии: — Вот вам и развитие событий, ваше величество, можете лицезреть... Если это не развитие событий, то я — балерина...

Сварог даже зубами скрипнул. Оркестр играл марчерет — этакую помесь очень медленного танго с менуэтом, и освещение в огромном зале померкло — как и в прочих, надо полагать, во всех залах танцуют одно и то же...

Яна и Лемар оказались совсем недалеко. Герцог вольничал беззастенчиво: пользуясь медлительностью танцевальных фигур, провел кончиками пальцев по обнаженной руке Яны, от локтя к плечу, по плечу к шее, ладонь на миг задержалась под ключицами, вкрадчиво и где-то даже грациозно скользнула ниже. Другая все время длившейся чуть ли не минуту фигуры лежала не на талии, а на бедре, но Яна лишь опустила ресницы, не сделав ни малейшей попытки чему-то воспрепятствовать, даже когда кончики пальцев Катарюса прошли по нежной коже над кромкой корсажа.

Интагар злобно сопел. Выругавшись про себя, Сварог подумал, что и тут законы бессильны: потому и померк свет, таков уж танец. Марчерет — единственный танец, во время коего кавалерам разрешается вольничать даже раскованнее, чем это проделывает Лемар — что и наблюдается повсеместно, на фоне иных парочек герцог выглядит сущим паинькой...

— Ваше величество... — едва ли не умоляюще протянул Интагар.

— Смирно. Молчать, — сквозь зубы откликнулся Сварог.

Танец подходил к концу, свет помаленьку разгорался, но еще прежде, чем он набрал прежнюю яркость, Лемар увлек Яну за высокую портьеру, в одну из множества ниш — без всякого сопротивления, положив руку на плечо.

— Такая вот ситуация, граф Гэйр... — без выражения процедил неведомо когда успевший возникнуть рядом барон Абданк. — Ну конечно, там ничего *такого* не произойдет, не принято...

— А если они пойдут наверх? — зло спросил Сварог.

Барон меланхолично пожал плечами и ничего не сказал. Сварог не сводил глаз с высокой темно-синей портьеры. Он не мог толком разобраться в своих чувствах — то ли ревность, то ли горечь и разочарование. Кровь стучала в висках, злость переполняла, вот и все. Казалось, прошло очень много времени, хотя на самом деле наверняка лишь несколько минут пролетело, прежде чем парочка показалась вновь. Яна поправляла корсаж, одергивала юбку, глядя на спутника с улыбочкой, за которую Сварог надавал бы ей оплеух, имей он такое право. На шее, над правой ключицей, явственно алело пятно, не оставившее загадок касаясь своего происхождения. Лемар что-то говорил, склонившись к ее ушку, украшенному затейливой серьгой с огромным сапфиром. Почти не задерживаясь, парочка направилась вдоль стены — прямехонько к неширокой лестнице, ведущей наверх, в глубины здания. Где располагались...

Сцапав Интагара за витой серебряный шнур полицейского погона, Сварог наклонился к его уху и шепотом распорядился:

— Пяток ваших молодчиков сюда, живо.

Оскалясь в недоброй улыбке, шеф тайной полиции принялся каким-то хитрым манером перебирать форменные медные пуговицы на камзоле — обеими руками, проворно, словно по клавишам барабанил развеселую польку. Очень быстро вокруг них сомкнулись пятеро субъектов в масках и безупречных костюмах, ничем не выделявшиеся на общем фоне — разве что недюжинной статью, шириной плеч и внушительными кулаками.

Яна с Лемаром уже поднялись ступенек на десять. Рука герцога хозяйски лежала на талии девушки. Показав одному из шпигов в ту сторону легким кивком, Сварог тихонечко распорядился:

— Проследить...

Тот едва заметно кивнул и двинулся в предписанном направлении — глядя со стороны, он перемещался неспешно и непринужденно, словно обычный гость, которому пришла охота лениво побродить.

— Граф Гэйр, что вы намерены предпринять? — настороженно осведомился Абданк, от цепких глаз которого эта сцена, конечно же, не укрылась.

— А вы? — жестко спросил Сварог. — По-моему, не осталось никаких сомнений и двусмысленных толкований...

Барон вновь пожал плечами, вроде бы чуточку понурился:

— Ничего я не намерен делать, граф Гэйр. Поскольку не наблюдается ни насилия, ни магических приемов. Не имею права вмешиваться, у меня *личные*, категорические, не допускающие тех самых двусмысленных толкований указания... Личные. Я на службе.

Что-то вроде этого он и ожидал услышать. Представил Яну в объятиях Лемара, на смятых простынях — и зубами заскрипел от злости. А, будь что будет, дальше Кушки не пошлют, меньше взвода не дадут... Будь что будет, но ты ее, скотина, не получишь...

— Какие там замки? — спросил он резко.

Барон Абданк откликнулся вроде бы совершенно равнодушным тоном:

— Замочная скважина снаружи, но внутри ее нет, чтобы запереться изнутри, поворачивают головку замка.

— А зачем вообще нужна замочная скважина снаружи?

— Леший его ведает, — сказал барон. — Традиция такая. Я так думаю, вдруг все же зачем-то понадобится быстро попасть внутрь... Еще при моем предшественнике в схожей ситуации некоего пожилого ловеласа хватил удар, девица перепугалась настолько, что не могла отпереть дверь лекарям, только визжала... Ну, или понадобится кого-нибудь тихонько арестовать, и такое бывало...

Когда Сварог перехватил взгляд Интагара, тот преспокойно кивнул, похлопав себя по накладному карману камзола.

— Что вы намерены делать, граф Гэйр? — тем же вялым и словно бы безразличным голосом спросил барон.

«Универсальный ключ у него наверняка есть, — подумал Сварог. — Но ведь не даст, не станет заходить настолько далеко — хитрован изрядный, как по должности и положено. Ладно, хоть не мешает, спасибо и на том...»

Он усмехнулся:

— Девятый отдел проводит операцию. О сути которой я имею право нико-

му не сообщать, в том числе и вам. А вот вы не имеете права мне препятствовать, не так ли?

— Не имею, — вяло откликнулся барон. — Однако я, согласно правилам, вынужден буду написать отчеты канцлеру и министру двора...

— Хоть дюжину, — сказал Сварог, нетерпеливо топчась. — Ребята, за мной...

И первым направился к лестнице, стараясь не привлекать излишнего внимания, ленивым шагом. Интагар от него не отставал, четверка шпииков двигалась следом, грамотно изображая беззаботных светских бездельников.

Оказавшись на лестнице, вдали от посторонних глаз, Сварог наддал, перепрыгивая через две ступеньки. Следом топотали шпиики. Очень быстро они оказались в длинном, неярко освещенном коридоре, где с одной стороны располагалась балюстрада с каменными перилами, откуда тянуло ночной свежестью, а справа — одинаковые двери, невысокие, темного дерева, филенчатые. Над некоторыми тускло светились зеленые фонарики, а над другими, уже занятыми, эти фонарики не горели.

Завидев издали шпиика, локтем опершегося на балюстраду напротив одной из дверей, где круглый фонарик над притолокой, понятное дело, не горел, Сварог прибавил шагу. Оказавшись у двери, не сказал ни слова — просто энергично мотнул головой и сделал движение рукой, словно поворачивал ключ в замке.

Как и следовало ожидать, вымуштрованный шпиик понял его и без слов — решительно шагнул к двери, извлекая из кармана стальную «лешеву лапку», покрытую на конце хитрыми выступами и вырезами, примерился к скважине.

— Что? — нетерпеливо спросил Сварог.

— Чепуха, ваше величество, — со спокойным достоинством знающего свое дело мастерового откликнулся шпиик, уже аккуратно и бесшумно вставлявший отмычку в скважину. — Гвоздем такие открывать... Щас...

Раздался едва слышный скрежет, противное металлическое похрустывание — и шпиик, обернувшись, кивнул, извлек свой инструмент. Сварог, нисколечко не колеблясь, рванул на себя вычурную бронзовую ручку, распахнул дверь и бесцеремонно вторгся в обитый полосатым шелком будуар, не особенно и большой.

Карбамильская лампа в изголовье, хотя и прикрученная, давала достаточно света, чтобы рассмотреть обнявшуюся на постели парочку. На полу валяются обе маски, красные башмаки, блуза Пьеро. Только теперь голый по пояс герцог отнял губы от девичьей шеи, недовольно обернулся. Приходилось признать, что для своих лет он сохранил отличную физическую форму — ну да, судя по доносам, пару часов в день гимнастикой занимался самым серьезным образом.

Понемногу на лице герцога разгоралась нешуточная ярость. Яна лишь повернула голову к вошедшим, удивленно подняв брови.

— Какого черта... — прямо-таки прошипел герцог, не хуже иного глорха.

Его ладонь, так и застывшая на обнаженном бедре девушки, послужила последней каплей. Цепenea от злости, Сварог шепотом рявкнул:

— Взять его!

Обежав его с двух сторон, шпиики ринулись к постели, и, как-то ухитрившись и пальцем не коснуться императрицы или ее приведенного в совершен-

нейший беспорядок наряда, *выдернули* Лемара, словно морковку с грядки. Оттащив от постели на пару шагов, заломив руки так, что он согнулся и вновь зашипел, но уже от боли, уставились на Сварога в ожидании новых распоряжений. Не медля, он приказал:

— Соберите все его вещички, быстренько оденьте-обуйте. Маску на морду — и тихонечко, незаметно для окружающих — в Латерану. Суньте в камеру, все равно, куда, лишь бы было надежно. Утречком я с ним поговорю...

Указания были выполнены в считанные секунды: герцога моментально выпрямили, задрали ему руки вверх, проворно накинули через голову блузу, напялили маску, завязали тесемки, подхватив под коленки, рывком закорючили ноги в воздухе, во мгновение ока надел башмаки.

— А теперь все вон отсюда, — спокойно распорядился Сварог. — Понадобитесь — позову...

Он захлопнул за ними дверь, повернул рубчатую бронзовую головку замка на несколько оборотов, до упора, обернулся к постели. Вот *теперь* его решимость и уверенность в себе моментально улетучились едва ли не напроочь. Было не то чтобы стыдно и уж совсем не страшно, но как-то неудобно. Весьма даже неуютно. Только сейчас подумал, как происшедшее выглядит со стороны...

Яна, приподнявшись на локте, разглядывала его с непонятым выражением, совершенно спокойная на вид, словно бы и не рассерженная. Приличия ради следовало бы отвернуться — ее наполовину расшнурованный корсет, собственно, ничего уже не скрывал, а юбка скомкана так, что о том самом пресловутом рубеже приличия приходится забыть начисто — но он стоял истуканом, не отводя взгляда, в каком-то дурацком оцепенении.

— Может быть, соизволишь объясниться? — спросила наконец Яна, опять-таки совершенно спокойным тоном, возможно, таившим близкую нешуточную грозу. — Я сейчас даже и не пойму — то ли это сцена из бездарного романа, то ли просто нахальство неслыханное... Всякие казусы случались с членами императорской фамилии, но такое...

Сварог наконец заставил себя разинуть рот. Содрогаясь от растерянности и смущения, произнес:

— Этот скот — первый развратник королевства, великий мастер по растлению юных девиц...

«Сейчас она мне заедет по физиономии, пожалуй, — подумал он тоскливо. — И в чем-то будет совершенно права...»

Однако Яна не шелохнулась, лишь прищурилась, улыбнулась:

— Ах, вот как... Но я-то не такая уж юная, да и с непорочностью рассталась... Быть может, мне как раз и хотелось побывать в руках первого развратника королевства? Ты, собственно, какое право имеешь так поступать? Я совершеннолетняя, если ты запомнил.

— Я тебя не узнаю, — сказал Сварог. — Такое впечатление, что это вовсе и не ты...

— Да-а?

— Да. Ты никогда раньше так себя не вела, — он сердито уставился на две ленточки, по-прежнему повязанные на запястье.

Решимость понемногу возвращалась. То ли оттого, что в ее голосе по-прежнему не было гнева или злости (скорее уж обычная, всегда ей свойственная легкая насмешка), то ли оттого, что нужные слова все же появились...

Выпрямившись, Сварог четко произнес:

— Насколько я помню, ты меня назвала своим другом? Первый раз ты это говорила довольно давно, да и потом повторяла не раз... Я имел глупости считать, что ты не врала. Имел наглость и в самом деле считать себя твоим другом. Вот как друг я и посмел вмешаться. И убрать из твоей постели этого типа. Кто угодно, только не этот старый потаскун... Он бы тебя *запачкал*, и я с этого убеждения не сойду. А ты для меня всегда была чем-то удивительно чистым... несмотря на потерю невинности.

— А теперь что же? — тихо спросила Яна без улыбки. — Я в твоих глазах отныне шлепнулась в грязь?

— Ничего подобного, — сказал Сварог. — Ты для меня остаешься... тем, чем была, прежней. Но вот иначе я поступить не мог, извини... Должен был вышвырнуть отсюда этого... — он выпрямился и продолжал почти официальным тоном. — А теперь можете поступать, как вам угодно, ваше императорское величество. Отставка, опала, ссылка и что там еще... Не могу протестовать ни словечком...

Яна вдруг засмеялась — весело, безмятежно, звонко. Проговорила, смеясь:

— Высокие небеса, видел бы ты себя со стороны... Какой ты еще дурачок... Какой ты еще глупый, наивный, романтичный мальчишка...

— Я?! — едва ли не рывкнул Сварог в приливе искреннего возмущения.

— Ага, — безмятежно сказала Яна, улыбаясь так, что сердце у него ухнуло в неведомые бездны. — Ты, кто же еще? Отставка, ссылка, опала... Может, желаешь еще, чтобы тебе голову отрубили? Размечтался...

Гибко соскользнув с постели, мимоходом одернув юбку, она, шлепая босыми ногами по ковру, подошла вплотную, подняла голову и уставилась Сварогу в глаза с той же непонятной улыбкой. Наткнувшись взглядом на расшнурованный корсет, он торопливо отвернул голову, невольно вдыхая ароматы духов и молодого свежего тела. В голове царил совершеннейший сумбур.

— Ты был великолепен, — сказала Яна, улыбаясь. — Ты ринулся на защиту моей чести, как истинный рыцарь древних времен... — ее взгляд был озорным, мечтательным, нисколько не рассерженным. — Ты наконец-то начал меня ревновать...

— Ничего подобного...

— Да начал... — сказала Яна тихо.

Прижалась, закинула руки на шею и надолго прильнула к его губам. Сварог стоял, чувствуя себя идиотом, уронив руки.

— Яна... — только и хватило ума выговорить, когда губы оказались свободными.

Чуть отстранившись, сцепив пальцы у него на затылке, глядя в глаза, Яна опустила длиннющие ресницы, сказала спокойно:

— Помолчи, ага? Ты такой умный и значительный, когда молчишь... Помоги мне расшнуровать эту штуковину до конца.

И он помог... и лежал он, и ни о чем особенном не думал, потому что было хорошо. Если не вспоминать, что ухитрился попасть в мастерски подготовленную ловушку — но, говоря по секрету, в ловушке этой оказалось не так уж и плохо, это вам не медвежий капкан и не «ледянка» на соболя...

Пошевелилась прильнувшая к нему Яна, шепнула на ухо:

— Я тебя не разочаровала? Почти что и никакого опыта. Ты у меня второй,

правда, да и первый уже через две недели вылетел не только из постели, но и вообще с Талара... Может, тебе со мной скучно?

— С тобой не соскучишься, — усмехнулся Сварог, прижимая ее теснее. — Ни в каком смысле...

Нет, какая тут скука? Это ведь очень приятно для мужского самолюбия — когда попавшая к тебе в постель красавица оказывается чертовски неопытной. Здесь Яна предстала совершенно незнакомой: прежде он знал насмешливую, гордую, самонадеянную — а теперь абсолютно другая, тихая, покорно-нежная, готовая подчиняться и учиться. Так что даже не было досады на то, что его хитрющим образом провели...

И все же он сказал, не убирая руки:

— Хорошо же ты меня перехитрила, неопытная...

Яна подняла голову, улыбаясь в полумраке весьма даже лукаво:

— А что мне оставалось делать? Помнишь, полгода назад я ночевала у тебя в Хелльстаде? Я тогда часа четыре старалась не заснуть, хотя спать хотелось ужасно. Все думала: вдруг ты наконец придешь? А я сплю? Ты, конечно, постоял бы, а потом тихонько убрался на цыпочках... Почему ты тогда не пришел?

— Нахальства не хватило, — сказал Сварог чистую правду.

— Вот видишь... И сколько бы мне пришлось ждать, пока ты наконец наберешься нахальства? Или следовало поступить, как в романах — заявиться к тебе, картинно расстегнуть верхние пуговицы, потупиться и прошептать прерывающимся голосом: «Милый, возьми меня...»? Нет, у меня отчего-то *это* никак не получалось. Я вообще-то гордячка, ты давно должен был заметить... — глядя ему в глаза, Яна засмеялась ничуть не обидно, весело. — А так... Все прошло, как я и рассчитывала. Уж от кого-кого, а от герцога Лемара, славного своими постельными подвигами, ты бы непременно ринулся меня спасать... что и произошло. Интересно, когда ты догадался?

— Да довольно быстро, — сказал Сварог. — Когда время шло, а ты по-прежнему ничуть не злилась — а ведь в такой ситуации любой взъярится... Тут до меня и начало помаленечку доходить. Да уж, неопытная...

— Ну, это разные вещи, милый — женский опыт и женское коварство...

— А откуда ты знала, кто такой Лемар?

— А мне Томи рассказывала. На прошлом маскараде, три месяца назад, он к ней прилип, в полной мере испытал его обаятельнейший напор — но устояла все же. Он и тогда был наряжен Катарюсом, кстати. Тебя не было, ты в очередной раз где-то геройствовал... Вот. А потом я запросила восьмой департамент, у них на него, если перевести в бумагу, досье высотой по колено...

— Одно-единственное досье высотой по колено... — проворчал Сварог. — У меня в тайной полиции для него завели второй шкаф, потому что в один *материалы* уже не помещаются. А шкаф, между прочим, под здешний потолок высотой и ширины соразмерной...

— Вот видишь. Уединись я с кем-нибудь другим, ты бы наверняка стиснул зубы и терпел — зная твою романтическую натуру и нежную и трепетную душу... ой! Не надо меня душить, я не виновата, что именно таковы у тебя натура и душа... В общем, Лемара ты ни за что не стерпел бы.

— Абданк знал?

— Ну что ты! Никто не знал. О таких вещах никому нельзя рассказывать...

— Ну, а если бы я все же стиснул зубы и удержался?

— Ты не мог удержаться, глядя, как меня куртуазно лапает Лемар, — уверенно сказала Яна. — Ни за что не мог. Как оно и оказалось... — Сварог почувствовал, как ее тело напряглось, а в голосе теперь явственно звучало волнение. — У нас ведь теперь... отношения, правда?

— Если ты хочешь.

— Нет, ничутьюшки, — сказала Яна сердито. — Я тебя завлекла в расчете исключительно на мимолетную интрижку, я ведь невероятно ветреная особа и любовников меняю, как перчатки... По мне не чувствуется?

— Ну, прости. Просто, мало ли... Все же, извини великодушно, я тебя давно знаю как особу взбалмошную... Не будешь отрицать?

— Не буду, — спокойно согласилась Яна. — А чего ты хочешь от бедной девушки, в шесть лет оставшейся сиротой? И уже в те времена прекрасно сознававшей, что она не абы кто, а Госпожа Четырех Миров? Притом, что единственным, кто пытался меня хоть самую чуточку воспитывать, был дядюшка Элвар, душа бесхитростная, незатейливая... Что выросло, то выросло. Вообще, такое чудовище могло бы получиться... Хочу. Конечно, хочу. Давно хочу, черт знает с каких пор.

— Только честно тебе признаюсь... — сказал Сварог. — Никак не могу сказать, что я тебя люблю. Ты потрясающая, ты великолепная, я для тебя горы сверну, что угодно сделаю, меня к тебе тянет невероятно... но никак не могу врать насчет любви.

— Вот и прекрасно, — безмятежно сказала Яна, моментально успокоившаяся. — Вот смех, но я про свое отношение к тебе могу сказать, если подумать, совершенно теми же словами... Совершенно теми же. Может, так даже и лучше? Влюбленность, как я слышала, иногда улетучивается, и остаются одни черепки или там пепел... Обещаю тебе не изменять... вообще-то я еще не умею, но и учиться не хочу... Веришь?

— Верю, — сказал Сварог и добавил, тщательнейшим образом подбирая слова: — Все бы ничего, но есть одно обстоятельство...

— Это ты про твою рыжую? — моментально подхватила Яна, словно бы и ничуть не удивившись. — Великие небеса, я вовсе не собираюсь тебе ставить условия и уж тем более требовать с ней порвать. К ней я совершенно не ревную, мы с ней, — она запнулась, подыскивая слова, — вообще-то в разных мирах... Вот о чем бы я тебя попросила, так это — не путаться с придворными вертихвостками. Мне, правда, будет неприятно...

— Ну, это легко обещать и легко выполнить, — сказал Сварог. — Я и забыл, когда последний раз имел с ними дело, так что...

— А эту свою рыжую ты... любишь?

— Вряд ли, — честно признался Сварог. — Просто... Просто, как бы тебе объяснить... Это уже часть меня. Мы с ней столько раз бок о бок ходили под смертью...

— А я смогу когда-нибудь стать частью тебя? Как думаешь?

— Абсолютно честно? Кто ж его знает, будет видно...

— Вот еще и за это я тебя обожаю, — фыркнула Яна. — За то, что никогда мне не преподносил романтического вранья, не кривил душой... Тебе придется по душе, если я буду такой же честной?

— Конечно.

— Так вот, если совсем честно... Мне бы очень хотелось, чтобы ты предстал

в роли официального фаворита... ну, ты ведь знаешь, как это бывает, ты сам король и даже король королей... Это не ультиматум, если ты откажешься, ничего не изменится, мне все равно от тебя никуда не деться, я, пожалуй что, на тебя обречена... Но мне бы этого очень хотелось, ты себе не представляешь, как... — она приподнялась на локте и заглянула Сварогу в глаза. — Как я и думала, тебя чуть ли не перекосило... Что, *настолько* не по душе? Унизительно?

— Да нет, не унизительно, — сказал Сварог. — Дело, в принципе, житейское. Но — не по душе, тут ты права...

— Ну, а если бы ты постарался себя преодолеть? — зашептала ему Яна на ухо умоляющим голоском маленькой девочки, заблудившейся в дремучей чащобе, набитой злыми волками и сексуально озабоченными разбойниками. — Мне, правда, нужно...

— Ох, как ты умеешь голоском своим мелодичным актерствовать, когда понадобится... — сказал Сварог. — Похвастать хочется?

— Вот уж нет, — сказала Яна серьезно. — Ничего ты не понял... Ну, хорошо, давай совсем откровенно. Мне *одинок*. Знал бы ты, как мне одиноко, какая порой тоска!

— А друзья?

— Я не это имела в виду. Друзья, конечно, есть, но это именно что друзья, и не более того, такие же молодые, беспомощные... У меня нет *опор*, понятно тебе? Я *одна*. На меня порой пытаются пусть с соблюдением этикета, но все же *давить* министры и придворные чины, меня пытаются втянуть в свои интриги, использовать на своей стороне, заполучить в свои ряды, чего мне совершенно не хочется — потому что в этих дурацких крысиных боях нет ни правого, ни виноватого... Наконец, с некоторых пор мне форменным образом не продохнуть от желающих забраться ко мне в постель. Разумеется, все происходит без малейших нарушений этикета, но меня при любой возможности буквально осаждают... И очень малое число из них обуреваемы *чистым* вождением. У большинства в глазах во-о-от такими буквами читается: ах, стать бы фаворитом, купаться в титулах и почете, в лести окружающих... Ты же сам король, ты прекрасно должен знать, как это бывает...

— Да знаю... — сказал он со вздохом, вспомнив полчища придворных красоток, действительно, форменным образом осаждавших его персону во всех без исключения подвластных державах. И у большинства из них в глазах, точно, во-о-от такими буквами...

— Вот видишь. Должен понимать, в каком я положении. И вдобавок я не мужчина. Не могу же я указом запретить *все это*? Ты же тоже не можешь... А ты... Тебе, я твердо уверена, все эти выгоды попросту безразличны. Плевать тебе на них, верно?

— Верно.

— Ну, вот... Хорошо. Наступим на шею императорской гордости... Я себя до сих пор чувствую не всецельной императрицей, а слабой девчонкой. С одной стороны, вроде бы все могу, а с другой... Я хочу быть *за твоим плечом*... А теперь решай, как хочешь, только как же с твоим обещанием горы для меня свернуть? Или это только на словах?

Ее очаровательное личико было серьезным, встревоженным, она застыла в неудобной позе, не сводя со Сварога глаз — можно поклясться, умоляющих искренне.

Он ей верил. Потому что сам был королем и мог понять многое, обычному человеку недоступное...

— Ты меня уговорила, — сказал он столь же серьезно. — Ладно, я официальный фаворит... Присягу какую-нибудь нужно приносить?

Яна облегченно вздохнула, опустила голову ему на грудь, прижалась, обняла:

— Ну что ты дурачишься? Прекрасно знаешь, что ничего такого и не нужно...

— Только предупреждаю сразу, — сказал Сварог. — Кое-какими выгодами своего положения я все же твердо намерен пользоваться, сразу говорю, чтобы не было недомолвок...

— Это какими? — поинтересовалась Яна, не меняя позы.

— Ну, например... — сказал Сварог. — Мне позарез нужен десяток наблюдательных спутников, а еще лучше, дюжина. Мне нужны подводные виманы — они просто-напросто не применяются, но я точно знаю — есть проекты и чертежи, по которым их можно построить за считанные часы. Нужно же отыскать в океанах и прикончить эту змеиную парочку, Митгард как-никак — одно из воплощений Князя Тьмы... Мне нужна солидная, хорошо оборудованная станция электронной разведки. Мне еще много чего нужно. А добывать все это обычным бюрократическим путем — такая канитель, даже при моих нынешних должностях...

— Ох, а я-то уж думала... — засмеялась Яна. — Какая же это выгода? Это работа на благо Империи... Решим, есть идеи... — и пытливо заглянула ему в глаза. — А что, у тебя и правда нет никаких *личных* просьб? Совсем-совсем?

— Есть, — сказал Сварог. — Личная и деликатнейшая. Томи ведь твоя старая подруга... Может, хоть ты сможешь как-то на нее повлиять? Понимаешь, она... она в меня врезалась по уши, и я никак не соображу, как ей объяснить, что мне это совершенно ни к чему...

— А воспользоваться? — вкрадчиво поинтересовалась Яна.

— Я не подонок, — сердито сказал Сварог.

— Вот за это я тебя и ценю... Не беспокойся, это у нее через пару недель пройдет. С ней такое периодически случается. Влюбляется по уши, какое-то время себя не помнит, а потом — как рукой снимет. В одиннадцать лет это был один лейтенант Бриллиантовых Пикинеров, в тринадцать — полковник Серебряной Бригады, в шестнадцать... Да столько раз... Уж я-то, будучи издавна наперсницей, столько наслушалась, в том числе и о тебе... Не переживай, это само пройдет. Бесследно. Такая уж у нас Томи, такой и останется...

— Спасибо, — серьезно сказал Сварог. — Правда, успокоила. А то я не представлял, как выпутаться...

...Они спускались по лестнице, держась за руки. Оркестр по-прежнему играл, хотя танцующих изрядно поубавилось, никто вроде бы не смотрел на них прямо, но народ был придворный, опытный, и потому при этом словно бы мнимом безразличии Сварог кожей чувял бесчисленные, мимолетные *покальвания* искоса брошенных удивленных взглядов — удивленных, любопытных, откровенно завистливых... При дворе сплошь и рядом самые обычные в других местах жесты носят двойной, всем понятный смысл. Если императрица идет, взявши кавалера за руку — это может означать только одно. Явление всем восьми сторонам света официального фаворита. И никак иначе.

Предприняв над собой немаленькое усилие, Сварог ухитрился не чувствовать себя обезьяной в зоопарке — ну что же, получайте, дамы и господа, перед вами как-никак не очередной придворный хлыщ, не фертик тонконогий, а король Хелльстада и прочая, прочая, прочая.

«Вы меня еще бояться будете, бесполезные, — подумал он, не выпуская теплую ладошку сияющей Яны. — Я вас научу сапоги с вечера чистить и утром надевать на свежую голову...».

Они спустились с лестницы, в открытую провожаемые разве что пристальным профессиональным взором барона Абданка. Все прочие держались со светской бесстрастностью, включая Орка, чей цепкий взгляд Сварог успел перехватить.

— Ты прекрасно держишься, — сказала Яна шепотом, не поворачивая к нему головы и почти не шевеля губами. — Так и продолжай. Пусть знают... Ох!

Сварог вовремя отодвинул ее в сторонку — иначе на нее непременно налетел бы плечом принц Элвар, уже красный, как рак, явственно пошатывавшийся, способный выдохом перешибить ароматы парочки сельских винокурен. Коли уж он в таком состоянии — и думать жутко, сколько успел принять. Любой выпивоха, включая легендарного князя Клабура, давно бы лежал пластом в совершеннейшей нирване...

Окинув их мутным, но еще вполне осмысленным взором, принц жизнерадостно пробасил:

— Позволь тебя поздравить, дорогая племянница. А-атличный выбор. Сподобился. Дожил. Увидел, как ты все же попала в хорошие руки. Изъясняясь высоким старинным слогом, зело благодно зреть сие! И очи мои источают влагу...

— Ох, дядя... — вздохнула Яна. — Вас не переделаешь.

— Да хоть на семи наковальнях молотами лупи... — захохотал принц. Шагнул вперед и ухватил Сварога за рукав. — Вот кстати, граф Гэйр, то есть его величество король Барг Ронерский... У меня к вам пустяковое совершенно дельце. Можно сказать, припадаю скромным просителем, зная прославленное молвою милосердие ваше...

Тяжко вздохнув, Сварог спросил только:

— Где?

— В Барленде, — живо сказал принц. — Это такой убогий городишко в Полуденном Каталауне. Ваши судейские сатрапы, чтоб им провалиться, ввергли в узилище прекраснейшего по душевным качествам юношу, по совершенно вздорным обвинениям. Исключительно порядочный молодой человек, ни разу никому глотку...

— Давайте подробности, — прервал Сварог, вздохнув еще тяжелее.

Глава VII

ПРОСТАЯ ДЕТСКАЯ ИГРА

Сварог и не подумал распорядиться, чтобы арестованного герцога переодели, а тюремщики, естественно тоже не собирались этим озабочиваться по собственной инициативе. Так что Лемар, вошедший в приемную меж двух широкоплечих Интагаровых ореликов, по-прежнему щеголял в полном наряде Катарюса, даже в колпачке с помпоном. Только маску реквизировали, как ту деталь одежды, которую арестованным согласно каким-то циркулярам запрещалось иметь в камере.

Стоя в распахнутой двери рабочего кабинета, Сварог чуть развел руки гостеприимным жестом:

— Добро пожаловать, мой печальный романтик... Прошу в кабинет. А вы, — он обернулся к шпикам, — подождите здесь, пока герцог не освободится. Боюсь, вам придется и далее ему сопутствовать...

Шпики дисциплинированно вытянулись, поедая короля глазами. Сохраняя на лице полнейшую невозмутимость, герцог прошествовал в кабинет, выжидательно остановился у стола.

— Садитесь, садитесь, — сказал Сварог гостеприимно. — Никто вас пока что этой привилегии не лишал. Что до остального — вынужден вас огорчить... Кажется, придется вас все-таки повесить, любезный Лемар...

На благообразной роже великосветского прохиндея ни одна жилочка не дрогнула. Глядя в глаза Сварогу, он произнес безупречно светским тоном, как будто речь шла о совершеннейших пустяках:

— Осмелюсь напомнить, ваше величество, я дворянин...

— Ну что же... — сказал Сварог. — Какая, собственно, разница? Пусть будет позолоченный меч, согласно установлениям... Вряд ли эти процессуальные тонкости занимают превеликое множество народа, которое вздохнет с облегчением...

Он зорко следил за физиономией собеседника — но видел лишь грустную покорность судьбе, и не более того. Бесстрастное лицо само по себе казалось карнавальной маской.

Сидя безукоризненно прямо, герцог произнес едва ли не небрежно:

— Ваше величество, нельзя ли осведомиться, чем обязан *такой* уж немилости? Я, как лицо заинтересованное, хотел бы знать...

Сварог встал и, недобро ухмыляясь под нос, распахнул дверцу шкафа, где на тоненькой полированной полочке покоился толстенный том в картонной канцелярской обложке.

— Видите? — спросил он холодно. — Это, изволите ли знать, всего-навсего *экстракт*, то есть краткое изложение ваших прегрешений, созданное на основе многотомных уголовных дел. Я вас душевно умоляю: не нужно, глядя на меня честнейшими глазами, проникновенно вещать о происках завистников и клевете врагов. Положа руку на сердце, мы оба прекрасно знаем, как все обстоит на деле... По мнению коронных стряпчих, там хватит и на полдюжины смертных приговоров, а уж и тюремные и каторжные сроки таковы, что обычному человеку их ни за что не отсидеть, тут и трех жизней будет маловато...

— Ну что же... — печально молвил Лемар. — Приговоренный к смерти име-

ет право на некоторую откровенность, не так ли? Простите за дерзость, ваше величество, но мы оба знаем *истинную* причину подобной немилости...

Сварог смотрел на него не без уважения — хорошо держится, мошенник, на коленях не ползает, а ведь должен предполагать, что все всерьез...

— Предположим, — сказал Сварог. — И что это меняет?

Лемар сказал мягко, словно бы с легкой укоризной:

— По моему непросвещенному мнению, столь выдающейся личности, как вы, ваше величество, не вполне и пристало из-за вульгарной, пошлой ревности вести себя подобно чванливому тиранчику из Вольных Маноров. Это не лесть, государь, я и в самом деле крайне высоко вас ценю, счастлив был служить в меру скромных усилий...

— Ну что ж тут поделать, — усмехнулся Сварог не без цинизма. — В отличие от меня, вы всю сознательную жизнь прожили в этом королевстве, уж вы-то должны прекрасно знать, какими тиранами и сатрапами были короли Барги, как они частенько сносили головы из чистой прихоти. А я, как-никак, полноправный Барг, я просто обязан сохранять славные традиции предков...

По правде говоря, он не собирался Лемара казнить — даже если бы эта ночь закончилась совершенно иначе. В самом деле, мелко, пошло и недостойно мужчины. Намеревался лишь припугнуть немного — и вернуть в ссылку на Стагар, чтобы наконец вздохнули спокойно отцы юных девиц и суеверные богатые старухи...

— Ваша воля, государь, — сказал Лемар.

Его глаза излучали уже нешуточный укор. Прекрасно сознавая, что ведет себя как лопаухий юнец, Сварог тем не менее не удержался.

— Какая может быть ревность, любезный герцог. — Усмехнулся он. — Могу вам доверительно признаться, что известная вам особа вас всего-навсего использовала, чтобы вызвать ревность у другой особы, и не более того...

— Не могу подвергать сомнению слова вашего величества, — грустно сказал Лемар. — Тем более что на шее у вас еще явственно виднеется след жемчужных зубок... (Сварог, стараясь сделать это непринужденно, тут же застегнул распахнутый ворот рубахи). Значит, вот так обстоят дела... О, это женское коварство... Что же, после такого мне гораздо легче будет идти на Монфокон. Столь жестокого разочарования я еще не испытывал. Я, глупец, полагал в самонадеянности своей, будто это моя собственная скромная персона смогла заинтересовать известную нам обоим красавицу... Оказалось, я был лишь слепым орудием женского коварства... — в его голосе звучала безбрежная печаль. — Положительно, теперь не для чего жить. Я-то, глупец, потерял голову всерьез... Прикажете, ваше величество, удалиться к... тем господам? — в его голосе вдруг зазвучали насквозь деловитые нотки. — Однако предварительно я хотел бы распорядиться своими бумагами и узнать, кто будет моим преемником. Не сочтите за дерзость или самомнение, но не всякий способен успешно довести до конца задуманное согласно моим скудным наметкам...

— Какие еще наметки? — спросил Сварог деловито.

Герцог ответил ему в тон:

— Ваше величество, у меня столько едва задуманных, вчерне набросанных планов... Взять хотя бы способ, которым мы смогли бы изгнать Лоран из Виглафского Ковенанта...

— Так... — сказал Сварог. — А ну-ка, поподробнее...

— Вы, государь, теперь имеете в Ковенанте безусловное большинство голосов, — тоном опытного лектора начал герцог. — Однако Лоран, неспособный повлиять на исход голосования, способен отнять у нас массу времени и сил, забрасывая меморандумами и проектами хартий, топя в чисто процедурных вопросах...

Сварог поневоле сердито фыркнул. Так и обстояло: клятая Лавиния, не в силах повлиять на голосование, старательно топила дипломатов Сварога в самом настоящем море бюрократической волокиты, вынуждая Ковенант собираться вновь и вновь, чтобы обсуждать пустяковые тонкости, третьестепенные детали, идиотские прожекты, пусть и заранее обреченные на провал при голосовании. Это не приносило ни малейшего реального вреда, но нервы мотало не на шутку. Особенно в тех случаях, когда Лавиния, на что имела полное право, требовала созыва Коронной Палаты, то есть съезда монархов — и приходилось день-два торчать в роскошном зале Палаты, часами восседая на троне в полном облачении, слушая и поневоле обсуждая невероятные глупости, внесенные на рассмотрение исключительно затем, чтобы трепать Сварогу нервы. Стахор, несомненный враг, и то до такого не опускался — зато Лавиния оттягивалась по полной...

— Ваше величество, пикантность в том, что Лоран давно уже не имеет никакого права состоять в Ковенанте. И может быть оттуда на законном основании изгнан... Вы знаете историю с принцем Заритом?

— Представления не имею, что это за тип, — сказал Сварог.

— Младший сын горротского короля, младший из трех. Дело происходило триста с лишним лет назад. Юноша, как свидетельствуют хронисты, был крайне честолюбив и обуреваем жаждой власти. Однако третьему сыну в подавляющем большинстве случаев трон не доставался, приходилось до седых волос носить титул принца, с ним и *сходить* в могилу... Короче говоря, сей амбициозный молодой человек ухитрился составить заговор, оставшись неразоблаченным, с помощью своих сторонников захватил остров Дике, укрепился там и провозгласил себя королем Дике. Снольдер и Глан, а также несколько Вольных Маноров его признали официально — высокая политика, дурные отношения... Асмунд, тогдашний горротский король, обладал неплохими связями в Канцелярии земных дел. Ему удалось протолкнуть указ, согласно коему *островные* королевства не имели отныне права состоять в Виглафском Ковенанте — нужно же было хоть чем-то насолить непочтительному сыночку. Сегур — безвинно пострадавший за чужие грехи — из Ковенанта, согласно букве закона, тут же исключили — а Дике так и не приняли. Года через четыре очередная военная кампания против Дике увенчалась успехом, остров вернулся под горротскую корону, а Зарита захватили в плен.

— Интересно, что с ним случилось? — фыркнул Сварог.

— Отрубили голову, — пожал плечами Лемар. — Во-первых, такие вещи без последствий не оставляют, а во-вторых, следовало дать хороший урок двум остальным принцам, чтобы сидели смирно и не вздумали последовать примеру младшенького. Кстати, урок они усвоили — средний стал королем чуть ли не в пятьдесят, а другой так никогда и не сидел на престоле... Впрочем, эти мелочи нас сейчас занимать не должны. Главное, в указе было четко и недвусмысленно прописано: *острова* не имеют права состоять в Виглафском Ковенанте. В *те* времена Лоран островом не был — но после того, как тамошний

король во время известных событий велел прорыть Великий Канал, Лоран с *юридической* точки зрения стал *островом*. Остров — это участок суши, со всех сторон окруженный водой. Это понятие не допускает ни двойных толкований, ни исключений. Так что вот уже сто с небольшим лет Лоран состоит в Ковенанте абсолютно незаконно. Исключительно благодаря тому, что об иных юридических тонкостях как-то забыли. Исключительно поэтому. *Буква закона* на нашей стороне. Разумеется, следует еще дать подробнейшее юридическое обоснование, составить немало бумаг — но это уже задача моего преемника...

— Не дурите, — угрюмо бросил Сварог.

— Простите, ваше величество?

— Не будет никакого преемника, — сказал Сварог, отводя глаза и борясь с неудержимым желанием дать как следует кулаком по столу. — Вы остаетесь на прежнем месте.

— А как же быть с Монфоконом? — осведомился Лемар вежливо.

— Обойдетесь без Монфокона, — отрезал Сварог, в очередной раз покоряясь неизбежности. — *Пока что*. Идите и работайте, немедленно составьте обширный, убедительный и юридически безупречный документ, с которым я мог бы отправиться в Канцелярию земных дел... Лемар...

— Да, ваше величество?

— Можете вы, мать вашу растак, жить *поскромнее*? — рявкнул Сварог.

— Я постараюсь, ваше величество, — смиренно заверил Лемар.

Его взгляд был олицетворением преданности и благонравия. Сварог ощущал нешуточное бессилие — но он и в самом деле ничего не мог сделать, этот прохвост оказался ему необходим, как воздух... И, что хуже всего, не мог этого не понимать...

— Когда-нибудь терпение у меня лопнет, — сказал Сварог уже нормальным голосом. — Не говоря уже о... прочем, мне осточертели жалобы оскорбленных отцов...

— Ваше величество, — сказал Лемар с прямо-таки одухотворенным лицом. — Даже если иногда некие юные особы оказывались у меня в гостях при... не совсем обычных обстоятельствах, честью клянусь: во всем *последующем* никогда не было и тени принуждения...

— Зарежут вас когда-нибудь в темном переулке, — усмехнулся Сварог.

— Надеюсь, этого не произойдет.

— Вот кстати... — с улыбочкой сказал Сварог. — А вам никогда не приходило в голову поухаживать за какой-нибудь из дочек Интагара? Редкостные красавицы...

— Жизнь мне, знаете ли, дорога, ваше величество, — серьезно сказал Лемар. — Вот уж в *этом* случае мой хладный труп очень быстро найдут в темном уголке городские подметальщики... Ваше величество, осмелюсь спросить... Кто была та черноволосая красавица, с которой вы танцевали на маскераде? Уж *ею*, по моим наблюдениям, вы нисколечко не увлечены, так что я позволю себе поинтересоваться...

Задохнувшись от бессильной злости, Сварог подошел вплотную и, зажав в кулаке дурацкое жабо Катарюса, тихо пообещал:

— Голову оторву. Самолично. Своими руками.

— Простите за опрометчивый вопрос, — сказал Лемар, ничуть не изменившись в лице. — Я все понял...

Отпустив его, Сварог подошел к двери и распахнул ее настежь. Шпики, не стовариваясь, исполненные служебного рвения, сделали шаг вперед.

— Можете идти, — сердито распорядился Сварог. — Господин герцог не нуждается в провожатых...

Они не на шутку удивились, сразу видно, но перечить и задавать вопросы, конечно же, не посмели. Низко поклонившись, четко повернулись через левое плечо и двинулись вон из приемной. Лемар, отвесив Сварогу церемонный поклон, зашагал в ту же сторону, вальяжный и представительный даже в маскарадном костюме, нелепом в коридорах дворца. Секретарь, навтыяжку стоя, тараясь на Сварога преданнейше.

— Никаких поручений пока что, — бросил Сварог и скрылся в кабинете, исходя той самой бессильной злостью.

— Ваше величество, ее величество королева Сегура...

Эту фразу секретарь протараторил уже в спину Маре, решительной походкой вошедшей в кабинет. Сварог сердито махнул на него рукой, секретарь понятливо склонил голову и скрылся за бесшумно затворившейся дверью.

Мара, щеголявшая в сегурском генеральском мундире, сиреневом, щедро расшитым золотыми дубовыми листьями, без церемоний плюхнулась в мягкое кресло, вытянула ноги в начищенных форменных сапогах. Спросила с любопытством:

— Что у вас тут творится? Иду я, а навстречу мне Лемар в маскарадном костюме...

— Да так, пустяки... — сказал Сварог.

Мара лукаво прищурилась:

— Ну что, тебя можно поздравить? Свежеиспеченного фаворита императрицы? Между прочим, я сто лет назад тебе советовала не быть дураком и не хлопать ушами. Что угодно готова прозакладывать: это она взяла инициативу в руки, ты сам еще долго топтался бы, как дрессированный медведь на ярмарке, маясь дурацким благородством... Ну вот оно все и сладилось. Надо же... Ничего, что я тут расселась, а не навтыяжку стою, господин фаворит?

— Поди ты... — сказал Сварог, уткнувшись взглядом в стол и искренне надеясь, что щеки у него не пылают. — Уже донесли сплетники?

— Обижает. Не сплетники, а тайные агенты. Я как-никак королева, и разведка у меня поставлена... Когда прилетела, тут же рассказали во всех подробностях, как наш беспутный герцог, судя по всему, пытался злодейски совратить императрицу, но ты, надо полагать, ее спас, после чего... Голову так и держи.

Она подошла, накинула Сварогу на шею что-то массивное и тяжелое, оказавшееся золотой цепью с прямоугольными, покрытыми искусной чеканкой звеньями. На цепи болтался изрядных размеров орден, незнакомый, замысловатый, покрытый трехцветной эмалью и усыпанный сапфирами.

— Высшая награда Сегура, — безмятежно пояснила Мара. — Орден Морских Королей. То, что ты наконец-то свершил, безусловно заслуживает награды. Нет уж, не надо его снимать, если хочешь сделать приятное... Ну я тебя прошу! Тебе идет... — Мысленно махнув на все рукой, Сварог остался сидеть с дурацким орденом на шее. Весила эта хреновина, словно солидная купеческая гиря. Вновь усевшись в кресло, Мара осведомилась с легкой настороженностью:

— Интересно, а она насчет меня ничего такого...

— Абсолютно ничего, — сказал Сварог, старательно глядя в сторону. — Оказывается, она к тебе нисколько не ревнует, в точности как ты...

— Не ценишь ты своего счастья, балда, — облегченно вздохнула Мара. — У тебя две великолепных женщины, очаровательные, умные, терпимые, и ни одна к другой не ревнует. Ты нас на руках носить должен, право слово. Неисчислимое множество народу жаждало бы на твоём месте оказаться...

— Идите вы, ваше величество... — тоскливо сказал Сварог. — И без ваших подколов жизнь нелегка...

— Я тебя не подкалываю, — заверила Мара. — Я за вас обоих искренне радуюсь, особенно за императрицу: сколько бедняжка времени и сил потратила, чтобы попасть в твои объятия, а ты чурбана бесчувственного изображал... Вот любопытно, она уже все умеет, или учить пришлось?

— Мара... — сказал он страшным голосом.

— Все, умолкаю, — покладисто согласилась Мара. — Уж и порадоваться за близкого человека нельзя...

— А кстати, что это ты так вырядилась? Никакой войны вроде бы нет. Просто пофорсить захотелось?

— Не совсем, — сказала Мара. — У меня был военный совет, я прямо после него улетела, переодеваться времени не было...

Сварог поднял голову, пытливо глянул на спутницу жизни. Она вновь что-то очень уж картинно изображала совершеннейшую невинность, бросив взгляд искоса, уставилась в потолок.

— Мы, кажется, уже все обсудили и пришли к единому выводу? — спросил он раздраженно. — Говорилось же, что твои лихие военные планы, при всей их толковости, следует отложить на потом...

— Я и отложила, — сказала Мара. — Ты же прекрасно знаешь: твоим прямым приказам я всегда подчинялась, подчиняюсь и буду подчиняться. Вот уже вторые сутки человек пятьдесят роются в архивах, я пообещала щедрые награды тому, кто найдет хоть что-то дельное о Багряной Звезде... Ну, а военные неожиданности... Честное королевское слово, все произошло помимо моей воли, я ничего такого не приказывала, понятия не имела...

— Что там у вас стряслось? — спросил Сварог фельдфебельским голосом.

— Ну понимаешь, так уж вышло... — покаянно сказала Мара. — Совершенно случайно... Бугас встретил в открытом море горротский корвет, плывший в одиночестве. И не какой-то незнакомый, а именно, что «Гривастого крокодила»... Если ты не помнишь...

— Прекрасно помню, — сухо сказал Сварог.

С «Гривастым крокодилом» у Бугаса были особенные счеты. Когда пару лет назад три горротских корабля изрядно потрепали чудом ускользнувшую в конце концов «Невесту ветра», взятый в плен Бугасов квартирмейстер был повешен на ноке рея именно этого корвета. После чего Бугас поклялся жизнь положить, но пустить эту посудину на дно, а впустую он такими обещаниями не разбрасывался...

— Ну, тогда сам понимаешь... — сказала Мара, старательно изображая раскаяние и сожаление. — Бугас за них тут же принялся со всем усердием. Горротцы в конце концов припустили прочь. Бугас не отставал... Дело было неподалеку от Дике... Бугас человек мстительный и азартный, любой бы на его месте...

— Ну да, — саркастически усмехнулся Сварог. — И никогда не делал культа из территориальных вод, с Джагеддином, помнится, он сцепился прямо на рейде Малабы, на глазах превеликого множества свидетелей...

— Вот и сейчас сгоряча не удержался... — сказала Мара. — Горротцам бы уходить под защиту пушек Картана, а они сдуру кинулись гораздо левее, к верфи, где никаких пушек нет... В общем, Бугас их поджег и потопил в полулиге от берега... В половине морской лиги, — уточнила она, хотя это не имело ни малейшего значения.

— А какая разница? — пожал плечами Сварог. — Сухопутная лига или морская? Если территориальные воды заканчиваются в четырех морских лигах от берега? Есть исключения, конечно, но не для этого случая... Погоди-погоди. Тут и голову ломать нечего. Бугас шел под сегурским флагом?

— Ага. Он ж у меня официальным образом принят на службу, имеет право...

— Неплохо, — сказал Сварог. — Корабль, идущий под государственным флагом, топит корабль другого государства в территориальных водах последнего. Причем топит военный корабль... Тебе напомнить, как это именуется в официальных документах?

— Не надо. Сама знаю.

— В том числе и «законный повод для войны», — сказал Сварог. — А если горротцы все же решат отплатить той же монетой? Я бы на их месте не на шутку разозлился. Им вовсе не нужно долго и старательно собирать армию вторжения — при твоём-то могучем воинстве в две сотни человек... Пошлют эскадру, посадят в трюмы полк морской пехоты... У тебя, правда, Бугас на службе...

— В порту, кроме него, стоят еще «Беспутная русалка» и «Серая касатка»...

— Что пнем по сове, что сову об пень... — поморщился Сварог. — Все равно маловато против эскадры... Ну, что ты снова ерзаешь? Говори уж...

— Ты мне не одолжишь «Рагнарок»? Я с ним хорошо научилась управляться. Я бы даже и торпед не тратила в случае чего, я же понимаю, что их мало и пополнить боезапас уже негде... «Рагнарок» их отпугнет одним своим присутствием, в конце концов, можно таранить, как ты тогда, возле Хай Грона... Сегур жалко. Люди же ни в чем не виноваты...

— Кто спорит... — проворчал Сварог. — Никто не виноват, кроме одной-единственной безответственной особы, которая доверяет государственный флаг кому попало... «Рагнарока» я тебе не дам, и не проси. Его сейчас никак нельзя выводить из Хелльстада, на него разевают рот и Магистерииум, и восьмой департамент...

— Но ты же сейчас... Сам знаешь кто...

— Что бы я не предпринял, все это будет *потом*, — сказал Сварог. — Уяснила? Если они будут знать, что *меня* на лодке нет, неизвестно еще, как может обернуться. Пока я смогу что-то предпринять, они его уже разберут к чертовой матери...

— Но нужно же что-то делать... — Мара уставилась на него с искренней мольбой, без малейшего притворства.

— А кто сказал, что я ничего не стану делать? — буркнул Сварог. Не глядя, протянул вбок руку, дернул витой из жестких нитей золотой канители шнур, и, когда на пороге бесшумно возник секретарь, распорядился: — Адмирала

Амонда ко мне немедленно. — Едва дверь затворилась, повернулся к Маре. — Составим договоры о военно-морском союзе Сегура со Снольдером и Ронеро. Пометим задним числом — проскочит... Отправлю в море достаточно солидную эскадру, с которой никто с бухты-барахты связываться не рискнет... Авось и обойдется без большой войны, на нее мне сейчас некогда отвлекаться...

— Я тебя люблю беззаветно, — выпалила просиявшая Мара.

— Выпороть бы тебя, рыжее чудовище, — сказал Сварог мечтательно. — Только это, увы, нисколько не поможет. Выпорол уже одну, но, подозреваю, урок пошел не впрок...

...Сварог нетерпеливо ерзал на вертящемся стуле, но поделаться ничего не мог — детишки уже добрых четверть часа увлеченно играли в «переставочку», взапуски соревновались, кто больше составит новых слов из какого-нибудь длинного, наподобие «абракадабры» или «идиосинкразии». Элкону, по крайней мере, было чем заняться, он, чтобы не отставать от других, играл за своего персонажа, шестилетнего маркиза из вымышленного манора.

— Вот *тут* Бетта откровенно в хвосте, — сказал Элкон, проворно нажимая клавиши. — Ну конечно, откуда ей знать словечки наподобие «виманы» или «орбиты»... Ага, к финалу близится... Ну да, Бетта на последнем месте... Все!

— Давайте! — оживившийся Сварог придвинулся поближе к столу.

Элкон кивнул. Сварог тихонечко ему подсказывал реплики.

Карапузик-маркиз вдруг предложил:

— А давайте теперь играть в буквы-цифирки!

Естественно, моментально посыпались однотипные вопросы:

— А как это?

— Как это?

— Это что?

Ага, вот и Бетта присоединилась:

— Как это?

— Вы знаете, что у каждой буковки есть своя циферка? Свой номер в алфавите? — продолжал «маркиз».

Появилось несколько значков, означавших «озадаченность» — видимо, это были самые маленькие. А вот те, что постарше, не особенно и медлили:

— Ага!

— Ну да!

— Я знаю, меня учит мэтр!

И, к превеликой радости Сварога, наконец-то отозвалась и Бетта:

— Я знаю.

— Пусть каждый напишет название того места, где живет, — продолжал «маркиз». — А потом мы сложим все циферки, выиграет тот, у кого самое большое число. Понятно?

— Понятно!

— Ага.

— А «манор» считается?

— Нет, только название.

— Понятно!

— Коллат!

— Тайр!

— Шанири!

Сварог моргнуть боялся, таращась на экран.

— Туарсон!

Это *Бетта*! Кошкой метнувшись к соседнему компьютеру, Сварог ударил по клавишам, словно вошедший в экстаз джазовый пианист. Программа была включена заранее, оставалось только вставить в окошечко название...

Секунды ползли, как улитки. Он затаил дыхание. Экран вспыхнул. Справа — карта с тонкой красной стрелочкой, указывающей на черную точку с названием, слева аккуратные строчки.

«Туарсон — фригольдерская деревня в провинции Гартвейн, Ронеро. Двести одиннадцать дворов, тысяча шестнадцать человек обоего пола. Овцеводство, посевы ячменя, рыбная ловля, охота. Единственная мануфактура по выделке конской сбруи, принадлежащая градскому обывателю Филатро. Ярмарок нет».

Там были еще какие-то пустяки, но это уже не имело значения. Сварог разглядывал карту. То самое классическое захолустье — сотня лиг до гланской границы, деревня располагается у самых поросших лесом отрогов Каталаунского хребта, смело можно сказать, на отшибе, вдали от больших дорог и проезжих трактов. До самого ближнего соседнего села... ага, не менее сорока лиг. В такой глуши не то что компьютер — в такой батальон спрятать можно, если, как это обычно у крестьян и бывает, действует круговая порука, никто в большом мире и не узнает...

— Получилось! — воскликнул Элкон. — Командир, вы...

— Не гений, но что-то близкое, — скромно сказал Сварог. — Получилось... Что вы хотите, все-таки шесть лет... Но снова Гартвейн. Сплошные от него сюрпризы...

— Я могу войти в сеть восьмого департамента. Снова воспользоваться их наблюдательными системами.

— Я крепко подозреваю, они поставили защиту. Коли уж Гаудин прекрасно знает, что мы пользовались его системами, но не может ничего доказать...

— Конечно, поставили, — пожал плечами Элкон. — Я их обойду в два счета. Их компьютерщики, полное впечатление, пользуются замшелыми наработками столетней давности. Примитивный народец, ни капли фантазии и творчества... Все получится.

— Ну, попробуйте, — сказал Сварог. — Для очистки совести. Я абсолютно уверен, что вы увидите самую обычную деревню и ее жителей, занятых обычными крестьянскими делами. Уж если у них хватило мозгов неведомо как смастерить компьютер, он, несомненно, под открытым небом не стоит. Да и Бетта вряд ли забавляется во дворе или посреди улицы... Ну ладно, для очистки совести...

— Я мог бы туда отправиться...

— Я вас туда не пущу, — сказал Сварог. — В деревне, особенно захолустной и уж тем более *такой*, к любому чужаку относятся если не с подозрением, то самое малое настороженно. Вы не сможете убедительно изобразить крестьянского парня... как и я не смогу прикинуться крестьянином так, чтобы поверили. Тут нужны совершенно другие люди...

Глава VIII

КОРОЛЬ ПОСРЕДИ БУДНЕЙ

— Они спят, все до единого, — предупредительно сообщил министр двора, неотступной тенью следовавший по пятам. — Я не стал распоряжаться, чтобы их будили, чуть ли не двое суток трудились без отдыха...

— И правильно, — сказал Сварог. — Пусть отдохнут...

— В статуе ни малейшего изъяна, все проверили тщательнейшим образом...

— Рад слышать, — сказал Сварог отстраненно.

И медленно принялся обходить кругом бронзовую конную статую в полтора человеческого роста высотой, поблескивающую свежим литьем, еще, казалось, источавшую жар плавильной печи.

Точная копия маленькой бронзовой статуэтки, одобренной им модели. Ни капли помпезности, все просто и строго — конь выгнул шею, грациозно приподнял правую переднюю ногу, едва касаясь копытом земли, Делия сидит в седле спокойно, непринужденно, с безмятежным лицом глядя вдаль, одетая в точности, как в тот последний день. Сварог остановился, глядя в ее бронзовое лицо, обрамленное рассыпавшимися из-под шляпы кудрями. Тем, кто становится монументами, это, в сущности, все равно, как и тем, кто удостоен не более чем убогой безымянной могилы... Ему вдруг показалось, что с того страшного дня на Морской площади минули десятки лет, и все стало невообразимо далеким прошлым, стершимся в памяти всех, кроме него. Перед глазами у него стояла дымная полоса, протянувшаяся высоко над головами толпы, а в ушах — бряцанье расстроенного дагараса и голос Шедариса, певшего одну из любимых баллад Вольных Топоров:

*— Жил да был, смеясь и плача,
жил да был...
Где достойно, где корячась
я и в бедах, и в удачах
не тужил,
жил да был.
На врагов и на невзгоды — положил...
Как ни гнули — не согнулся,
жил, как жил.
Но однажды оглянулся —
слишком многих пережил...
Наше время, дни и годы —
как текущая вода.
В ясный день и в непогоду —
навсегда и в никуда.
Одинокое мне на этом свете, господи...*

Он стоял с сухими глазами, стиснув зубы, словно наяву видел высокое пламя, пожиравшее неведомые города, распространявшееся вширь и вдаль, лизавшее каменные своды исполинской пещеры, о которой он по-прежнему ни-

чего не знал — кроме ее незавидного будущего...

— Что, — встрепнулся он, опомнившись.

— Что-то не в порядке, ваше величество, — тревожно прошептал министр двора.

— С чего вы взяли, — холодно сказал Сварог. — Все в полном порядке, мое величество довольны...

Он ненадолго призадумался, рассуждая, как наградить Гая[7] — чтобы и скупердьяем не показаться, и не просыпать милостей чрезмерно: парень только начинает, негоже, чтобы занесся и почивал на лаврах. В конце концов, награждать живых гораздо проще, чем мстить за мертвых...

Не глядя на министра, прекрасно зная, что ни одно его словечко не пропадет даром, он сказал негромко:

— Мое благоволение передать устно. Гаю Скалигеру — орден Серебряной Совы и тысячу ауреев золотом. Мастерам — по сто золотых и по медали... какая там уместна для данного случая. Подмастерьям — по десятку золотых и сокращение оставшегося срока вдвое.[8] Если у кого-то есть нужды, просьбы, долги, хлопоты — помочь и решить...

— Будет исполнено, ваше величество...

— Пьедестал?

— Соблаговолите пройти...

Сварог направился в дальний угол помещения — там, на высокой консоли, стояла та самая бронзовая модель, только теперь на прямоугольной каменной плитке светло-шоколадного цвета с красивыми черными прожилками.

— Мрамор из Ноллара, — прошелестел министр двора. — В полном соответствии с волей вашего величества. Вы приказали не устраивать высокого вычурного постамента... Точное подобие пьедестала. Плита уже отполирована, осталось приделать крепления и установить статую на Морской площади... У вашего величества будут замечания?

— Одно-единственное уточнение, — сказал Сварог, коснулся пальцем торца плитки. — Вот здесь пусть выбьют на постаменте: «В ожидании». Предупредите, что надпись не должна быть особенно глубокой. Что со временем придется ее сбить с торца, — его лицо на миг исказила злая гримаса. — Надеюсь, это случится уже скоро...

— Будет сделано, ваше величество...

Холодно кивнув, Сварог направился к выходу, распахнул скрипучую низкую дверь, вышел во дворик, где там и сям лежали груды угля, штабеля поленьев, угловатые мешки с бронзовыми слитками. Попахивало гарью из плавильной печи. Замурзанный сторож кинулся открывать ворота, Барута подвел Сварогу высокого рыжего коня, трое ратагайцев взлетели в седла.

Небольшая кавалькада крупной рысью выехала за ворота, оказавшись на широкой грязной улице, всадники подхлестнули коней и коротким галопом помчались посередине улицы. Небогато одетые прохожие, слышав стук копыт, привычно шарахались в стороны. Никто и внимания не обращал на одетого довольно скромно короля королей и его немногочисленных спутников — чему Сварог был только рад.

Эта окраина Латераны не только роскошью, но и намеком на достаток не блистала — именно в таких и устраивают немилосердно дымящие плавильные печи, не допуская их в более респектабельные кварталы. Возле накрыто-

го четырехугольной крышей, обложенного диким камнем колодца всадники свернули налево и, не меняя аллюра, двинулись той же окраиной — мимо невзрачных лавчонок, домиков с прохудившимися кровлями, третьеразрядных трактиров, лежавших у хилых заборчиков коров...

Через четверть часа они оказались перед высоченным глухим забором со столь же внушительными воротами, украшенными облупившейся вывеской «Медной гильдии кровельных дел мастер Бачалар с племянниками». Подъехав вплотную, Барута загрохотал в ворота сапогом, и они почти тут же распахнулись, а вскоре гулко захлопнулись за въехавшими.

В небольшом дворе не обнаружилось ровным счетом ничего, свидетельствовавшего бы, что здесь обитают кровельных дел мастера. Двор был пуст, если не считать двух дюжих молодцов с оттопыренными полами гильдейских кафтанов, примостившихся под навесами и вроде бы сонно подремывавших — однако, завидев Сварога, оба шустро вскочили и поклонились. Бросив поводья Баруте, Сварог направился к крыльцу добротного каменного домика, взбежал по выщербленным ступенькам. В крохотной прихожей обнаружился еще один малый с оружием под не застегнутым кафтаном. Он не кланялся, а замер по стойке «смирно». Почтительно доложил:

— Господин граф прибыл, государь.

— Да, я видел коня на привязи... — рассеянно отозвался Сварог и уверенно распахнул дверь направо.

Гаржак сидел за столом в комнатке с низким потолком, в обществе высокого глиняного кувшина.

— Сидите, — махнул рукой Сварог, шагнул к громоздкому старинному буфету, уверенно распахнул тяжелую дверцу и снял с полки высокий стакан отличного гларморийского стекла, синего в алых прожилках. — Налейте-ка и мне.

Гаржак проворно наклонил кувшин. Как и следовало ожидать, вино было отличным, ничуть не соответствующим непритязательному подворью, где якобы обитал мастер средней руки.

— Как постоялец? — спросил Сварог без особого интереса.

— А что ему сделается... Сидит себе, ест и пьет, только временами ноет о своей тяжелой участи, просит развеять тягостную неизвестность...

— Развею, — кивнул Сварог. — Очень скоро... Всю неизвестность как рукой снимет... — он допил вино, отставил стакан. — Мне хотелось бы вас спросить, граф... Я как-то прежде никогда и не интересовался этим вопросом, а вы должны разбираться... Как у нашей тайной полиции и подобных ей учреждений налажена работа среди крестьян? В деревнях.

— А никак, ваше величество, — нисколько не раздумывая, ответил Гаржак. — Так уж испокон веков повелось, не только у нас, повсюду крестьянами занимаются исключительно начальники полиции провинций. Вот они, точно, держат в деревнях свою осведомительную сеть. Которая занята главным образом тем, что высматривает и вынюхивает, не готовится ли где-нибудь мятеж. Ну, и тем, что касается уголовщины: скупщики краденого, скотокрады, фальшивомонетчики, укрыватели разбойников, содержатели притонов и прочая публика. Но это — главным образом близ больших дорог и трактов. И, конечно, пограничная стража охотится за контрабандистами. Ну, а в глуши, в сонной глубинке, никого нет, кроме обязательных осведомителей.

Прочие службы в деревне попросту не работают. Там для них нет ничего интересного. Везде так обстоит, испокон веков.

Вот именно, сердито подумал Сварог. Везде и испокон веков. Вот и получается, что процентов семьдесят населения, обитающего, с точки зрения горожан, в той самой сонной глуши которую тысячу лет не *охвачено* вниманием спецслужб. Если нет донесений о замышляющемся бунте, никто и не почесется. А потом в захолустной деревушке внезапно обнаруживается компьютер... интересно, на что там можно наткнуться еще, если поискать по-настоящему?

— Интагар мне говорил, что вы трижды переряженным странствовали по деревням...

— Было, ваше величество, — кивнул Гаржак. — Но это никогда не имело отношения к крестьянам. Объектом интереса дважды были провинциальные дворяне, а в третий раз — крупный скототорговец из главного города провинции.

— Он говорил еще, что перевоплощаться вы способны мастерски...

— В кои-то веки он обо мне отозвался хорошо...

Сварог усмехнулся:

— Он вас по-прежнему терпеть не может, хотя давно уже не пристаёт с просьбами вас повесить или, по крайней мере, отправить за решетку. Однако надо отдать ему должное — он никогда не говорил, что вы *плохой* работник... Граф, я вас намерен отправить именно что в деревенскую глушь. Дело серьезнейшее и наверняка опасное. Боюсь, если вас раскроют, постараются избавиться так, чтобы и следа не осталось...

— Ну, это мы еще посмотрим... — хищно улыбнулся Гаржак. — Куда следует отправиться?

— Деревня Туарсон в провинции Гартвейн. Редкостная глушь. Не бывали?

— Не доводилось, — сказал Гаржак. — В Гартвейн заносило пару раз... и в похожие уголки, так что примерно я эту редкостную глушь представляю. Что я должен там искать?

Сварог помедлил.

— Честно признаться, я и сам плохо представляю, что именно вам следует там искать, — сказал он. — В детали я вас посвящать не буду — исключительно оттого, что объяснения отнимут много времени, а времени у нас мало. Вам надлежит искать *необычное*, все, что *не соответствует* жизни обычной провинциальной деревни. Нечто такое, чего там быть категорически не должно. Понимаете?

— Не до конца, но в основном, ваше величество...

— Это может быть что угодно, — сказал Сварог. — Приспособления, устройства, механизмы, знания, которым не полагается быть в обычной деревне.

— Оно там есть? — серьезно спросил Гаржак.

— Есть, — кивнул Сварог. — Уж в этом-то я уверен. Там живет шестилетняя девочка по имени Эльбетта. Понятия не имею, редкое это имя, или Эльбетт там носится целый выводок. Понятия не имею, как зовут ее родителей и из какой она семьи. Но она там *живет*. И как раз в ее доме могут отыскаться прелюбопытнейшие вещи... Вам не нужно ничего *добывать* — только вызнать, что там происходит, что там припрятано по углам... Справитесь?

— Постараюсь...

— Кем вы притворяетесь?

— Первый раз я был мелким приказчиком, — сказал Гаржак. — Но работать оказалось трудновато — для крестьян и подобная личность остается городским чужаком. Поэтому я с тех пор выступаю в роли бродячего точильщика. Вот эту персону в деревнях всегда встречают радушно. В каждом дворе есть самодельные точила, но крестьяне всегда рады мастеру с настоящим станком, точильным кругом. Ножи, топоры, косы, овечьи ножницы, секачи для мяса и капусты, да чего только ни тащат...

— Вы можете, не вызывая подозрений, задержаться там на недельку, а то и подольше?

— Деревня большая?

— Двести с лишним дворов.

— Запросто. В такой деревне раньше и не справишься. И всегда можно придумать благовидный предлог, чтобы задержаться еще на несколько дней. В таком обличье можно часами болтать с местными. Для захолустной деревни любой бродячий ремесленник — источник новостей из большого мира. Двести с лишним дворов... Значит, там непременно есть корчма, а то и не одна. И обязательно найдутся девушки, которые не прочь почесать язык с повидавшим свет городским парнем. Среди них попадаются страшные болтушки... а иногда, говоря по правде, и не особенно строгих нравов особы, что еще более облегчает задачу.

Сварог усмехнулся:

— А нет ли риска, что деревенские парни городскому бока обломают?

— Случается... — сказал Гаржак. — Но я давно научился держаться так, чтобы не давать повода для стычек. У них и на этот случай есть вековые традиции, от которых как-то не отступают, достаточно их знать и не лезть на рожон... Знающий обхождение бойкий парень, умеющий завлекательно рассказать о новостях, поддержать степенную беседу в корчме, позубоскалить с девушками, с парнями на выгоне, местного пошла пригубить, поиграть на том и на сем — а это значит, танцульки устроить с самим собой в роли музыканта... — он кивнул на стоявший в уголке виолон, простой, без лака и украшений, как раз и приличествующий бродячему ремесленнику. — Где танцы, там и бутылочка, языки развяжутся... Знакомое дело. Прикажете изобразить?

— Изобразите, — кивнул Сварог.

Проворно поднявшись, Гаржак взял виолон, устроился на лавке возле буфета и ударил по струнам:

*— Сильнее красоты твоей
моя любовь одна,
она со мной, пока моря
не высохнут до дна.
Не высохнут моря, мой друг,
не рушится гранит,
не пересохнет водопад,
а он, как жизнь, бежит...*

Сварог смотрел на него не без уважения. Перед ним оказался совершенно другой человек — недалекий, но шустрый мастеровой-волокита, с томным, преувеличенным пафосом третьеразрядного актера бросавший пылкие взгляды в пустое пространство, где явно подразумевалась деревенская красотка, то

и дело поправлявший усики ногтем большого пальца. Все ухватки и повадки битого жизнью бродячего ремесленника переданы мастерски — в меру вульгарный, в меру нагловатый дешевый кавалер с городской окраины. Сварогу такие не раз попадались во времена прошлых странствий по глухой провинции. Неотразимое впечатление такие молодчики производят на простоватых деревенских красоток, в жизни не бывавших дальше главного города (обычно *городка*) провинции, а то и просто-напросто близлежащей ярмарки.

— Довольно, — Сварог поднял ладонь. — Что же, убедительно... Только помните, что это, есть подозрения, *не вполне* обычная деревня.

— Магия? — деловито спросил Гаржак.

— Не похоже, чтобы там была магия, — сказал Сварог задумчиво. — Там что-то другое... Я почти ничего не знаю об этом местечке, но нет времени что-то выяснять... Да, и вот что еще... Вы знаете такую песню? «И содрогнулось небо, и плакала земля, когда багряный отсвет ложился на поля...»

— «Под горестные крики несметных птичьих стай...» — подхватил Гаржак. — Ну кто же ее не знает, ваше величество? Одна из самых известных «жалостниц», ее заказывают музыкантам в таверне, когда на душе кошки скребут. Мне тоже когда-то случалось, когда я страдал однажды от разбитого сердца — теперь-то приходишь к выводу, что зря страдал...

— Вы знаете, *о чем* эта песня, с чем связана?

— Да вроде бы с Багряной Звездой, — довольно равнодушно пожал плечами Гаржак.

— А что вы сами думаете о Багряной Звезде?

— Да ровным счетом ничего, ваше величество, — граф вновь пожал плечами, покрутил головой. — Никогда не интересовался старинными сказками и книжными премудростями.

— На сей раз придется, — сказал Сварог. — Внимательнейшим образом мотайте на ус, что в Гартвейне говорят о Багряной Звезде. И попытайтесь сами при случае навести на разговор...

Гаржак уставился на него пытливо, но без малейшей тревоги:

— Она что же, и правда *есть*?

— Возможно, — сказал Сварог, сохранив полную бесстрастность. — Это вам тоже предстоит выяснить. Но в первую очередь — Туарсон, то *необычное*, что может оказаться в деревне, эта Эльбетта... или *одна* из Эльбетт кое-что знает.

— Шестилетняя девочка? — серьезно спросил Гаржак.

— Шестилетняя девочка, — кивнул Сварог. — Родители недосмотрели, и эта девочка начала забавляться с некоей затейливой штуковиной, которой не то что в деревне, вообще на земле быть не должно... Поймите, у меня просто нет времени объяснять вам подробно, что это такое... Вам много времени понадобится, чтобы собраться?

— Пока доскачу, то да се... Точильный станок и необходимая одежда у меня дома... Три четверти часа — и я буду готов.

— Отлично, — сказал Сварог. — Я как раз управлюсь здесь, поговорю с нашим гостем... И приеду за вами. Я вам дам самолет, подумаем, где вас высадить, чтобы затратили на дорогу как можно меньше времени. В главный город провинции... как он там называется...

— Кардалайн.

— Да, вот именно... Я туда переброшу дюжину агентов потолковее, чтобы

вы при нужде располагали подкреплением. — Сварог встал. — Ну, удачи. Поезжайте...

Кивнув графу, он вышел и направился в другое крыло домика, прошел по пыльному неширокому коридору, обитому выцветшим ситцем, синим в мелкий белый цветочек, мимо нескольких плотно прикрытых дверей, из-за которых не доносилось ни звука. В самом конце коридора, направо, вниз, в полуподвал, уходила древняя каменная лестница в дюжину ступенек, упиралась в низкую, обитую чуть поржавевшим железом дверь с полукруглым верхом и внушительным кованым засовом.

Охранники вскочили и вытянулись, как стойкие оловянные солдатики. Осторожно ставя ноги на выщербленных ступеньках, Сварог спустился к двери, повел подбородком в ее сторону. Один из охранников проворно отодвинул засов, второй распахнул дверь. Засов отодвинулся бесшумно, и дверь не скрипнула — его приказ был выполнен в точности.

Пригибаясь, чтобы ненароком не треснуться затылком о косяк из потемневшей цельной плахи и не нанести тем самым урон королевскому величию, он вошел, и его сразу окутала промозглая сырость. Небольшая комнатка с низким куполообразным сводом, несомненно, использовалась прежними хозяевами как кладовая — на полу до сих пор валялись обломки досок, клепки от бочек, какой-то уже непонятный, траченный временем хлам. Справа низкая, запертая на огромный ржавый замок дверь вела в соседние помещения — но Сварогу они оказались без надобности, и он не приказывал их обустроить. Длинные, высотой в ладонь, надежно зарешеченные окошки под потолком давали сейчас, в дневную пору, достаточно света.

Жестом приказав закрыть за ним дверь, он повернулся и с легонькой ухмылкой стал разглядывать узника. Особым комфортом мэтра Тагарона тюремщики не баловали — не в целях особого издевательства, просто-напросто не было смысла и надобности заботиться о нем, как о дорогом госте. Притащили какие-то невысокие ящики, кинули на них дерюгу — получилась постель. Еще один ящик поставили рядом — получился обеденный стол. В углу стояло ржавое мятое ведро, посредством распространявшегося запаха говорившее само за себя.

Мэтр Тагарон, свесив руки меж колен, сидел на постели, смотрел на Сварога сверху вниз с унылой злостью. Неделя заточения себя показывала: надетый поверх коричневого кафтана плащ Сословия Сова измят и покрыт непонятными пятнами, волосы спутались, нехоленая борода отросла и растрепалась. Ни малейшей жалости Сварог что-то не почувствовал.

Морщась от распространяемых ведром ядреных ароматов, Сварог придвинул ногой служивший столом ящик и без колебаний на него уселся — другой мебели все равно не было.

— Как себя чувствуете, любезный мэтр? — спросил он вежливо.

— Омерзительно, — отрезал Тагарон, затравленно посверкивая глазами из-под спутавшейся шевелюры.

— Будем знакомы, — сказал Сварог. — Я — король Сварог Барг.

— Наслышан, — кратко ответил Тагарон.

— Интересно, вы непочтительный хам или просто раскисли? — спросил Сварог. — Встать перед королем и не подумали...

— У меня есть свой король, — все так же неприязненно сообщил ученый

книжник.

Сварог искренне рассмеялся:

— Вы про Стахора? Ох уж мне эти оторванные от юридических реалий ученые мужи... Вы, любезный — сбежавший за границу без выправленной должным образом подорожной подданный короля Конгера, стало быть, теперь мой. Я не помню всех судейских хитросплетений, но подобное деяние обозначено в кодексах как преступление и чему-то там подлежит. Я вовсе не собираюсь притянуть вас за это к суду, просто хочу, чтобы вы уяснили свое положение должным образом... Речь о другом. Я велел каждый день поутру спрашивать вас, согласны ли вы дать показания. Не сомневаюсь, что те обаятельные молодые люди за дверью так и поступали — мои приказы, я давно убедился, выполняются скрупулезно. Однако мне так и не доложили, что вы согласны говорить...

— Не о чем мне с вами говорить, — сказал Тагарон. — Какие такие показания? Вы на нас самым пиратским образом напали в свободных водах, захватили мирное судно...

— Которое везло другое судно, подводное, оснащенное запрещенным двигателем, канцелярски именуемым «толкающий винт»...

— Вот и дайте мне возможность предстать перед официальными лицами империи. Кто бы вы там ни были в *другое* время, сейчас вы — обычный земной король, не имеющий права самолично заниматься *такими* делами. Если бы вы выступали в ином качестве, мы бы беседовали не здесь.

— Беру свои слова обратно, — ухмыльнулся Сварог. — Касательно оторванных от юридических реалий ученых мужей. Должен признать, что в законах вы кое-что соображаете. Я слышал, раньше вы таких склонностей не проявляли... Поднатаскал кто-то? Интересно, а почему вы решили, что вам было бы лучше *там*? — он показал пальцем на низкий потемневший свод. — Прежде всего, там опять-таки попали бы в руки ко мне...

— В любом случае *там* действуют законы, а не произвол, — отрезал Тагарон. — Сомневаюсь, что там меня держали бы в этакой гнилой дыре, — он окинул подвал возмущенным взглядом.

— Произвол так произвол, — сказал Сварог преспокойно. — Ну, а чего другого вы хотели от Баргов? Буйная кровь, знаете ли... — он переменил тон, заговорил резко, холодно. — Вот что, почтенный мэтр... у меня нет ни малейшего желания вести здесь с вами словесные дуэли. Во-первых, времени нет, а во-вторых, воняет тут почище, чем в зверинце, а нос заткнуть нечем... Поэтому говорить будем кратко и по существу. Мне нужно, чтобы вы подробно рассказали, что вы делали в Горроте, кто там вам покровительствовал и содержал, кто помогал вам строить лодку и отправил к Хай Грону. Горротцы, конечно, от вас отказались самым официальным образом, о чем мне сообщил их посол. Они твердят, что просто-напросто в силу присущей им исстари доброты дали убежище почтенному ученому мужу, бежавшему от невыносимой тирании сатрапа и врага просвещения Конгера Ужасного. И ведать не ведали, чем вы там занимаетесь на собственные денежки, куда плаваете и зачем... Или вы ожидали другого? Неужели вы настолько глупы и младенчески наивны? Любое государство в столь щекотливой ситуации отречется громогласно от провалившегося... Но я-то прекрасно знаю, что в Горрот вы бежали в спешке, бросив здесь все свое имущество, да и деньги в банкирской конторе Улимана с

сыновьями. У вас при себе был лишь тощий кошелек да и то, что на вас было тогда надето... Так что все создано на горротские денежки. Вот об этом и расскажите подробно.

— Не дождетесь.

— Ну вы и болван, — без малейшего раздражения сказал Сварог. — Даю вам срок до завтрашнего полудня. Если вы и к этому времени будете изображать гордую негибаемость, я вас быстренько переправлю в Глан. Во-первых, там есть глухие места, где вас сам черт не найдет. Во-вторых, там хорошие палачи. Здесь сыщутся не хуже, но в Глане легче сохранить тайну. Уж там постараются, чтобы вы и не померли раньше времени, и язык развязали очень скоро. С гвоздями под ногтями и с содранной с задницы шкурой вы быстренько начнете петь получше любого баритона королевской оперы. И не смотрите на меня так. Я не чудовище. Я, к превеликому сожалению, король. А любой король руководствуется не слюнявой гуманностью, а жестокой истиной под названием «государственная необходимость». Сейчас она требует, чтобы я вас вывернул наизнанку. Значит, придется...

— Вы не посмеете...

— Интересно, с чего это вдруг? — ничуть не притворяясь, натуральным образом удивился Сварог. — С какой такой стати? Вы — беглец, вступивший за границей в сговор с врагами королевства. Людей покрупнее вас, знатных, сановных, титулованных за подобные проказы вздергивали на дыбу и разрывали лошадьми на площади — и не обязательно в ныне подвластных мне землях, повсюду... И никаких дискуссий! — рывкнул он, завидев, что Тагарон открыл было рот. — Я в своем праве. Если угодно поинтересоваться моими чисто человеческими чувствами, то таких, как вы, я ненавижу почище врагов. Враг — он и есть враг, ему положено... А умные головы вроде вас, по бескорыстной страсти к благородному познанию влипающие в самые грязные дела... Не будет никаких дискуссий. Подумайте над своим положением. Повторяю: срок до завтрашнего полудня. Не станете говорить, окажетесь в гланской пыточной. Счастливо оставаться.

Он резко повернулся и, не оглядываясь, пошел к двери. Оказавшись отрезанным от воних солидной дверью, облегченно вздохнул полной грудью, спросил, ни на кого не глядя:

— Часы есть?

Охранники, торопливо выворачивая карманы, предъявили ему часы: большие круглые в стальном корпусе и квадратные поменьше, в потемневшем бронзовом. Критически присмотревшись к циферблатам, Сварог кивнул:

— Вроде бы ходят нормально... Каждый час будете заходить и отвешивать нашему гостю пару-тройку оплеух. Особенно не увлекайтесь, пусть он всего-навсего поймет, что церемониться с ним тут не будут. То же самое передайте ночной смене. Воды принесите, но ужином не кормить. Завтраком тоже. Если он пожелает мне что-то передать, сообщить немедленно. Все ясно? Молодцом...

Стал осторожно подниматься по щербатым ступенькам и был уже на середине, когда наверху, в проеме, показался запыхавшийся шпик, тот, что начальствовал здесь над всеми.

— Ваше величество! — выдохнул он, пуча глаза. — Глэрд Баглю...

Глава IX БЕГЛЕЦ

Чтобы хорошенько присмотреться, выбрать место для посадки — и вообще понять сначала, можно ли тут приземлиться — Сварог сделал три круга, на небольшой скорости, с каждым разом опускаясь все ниже. Уже после первого круга кто-то зоркоглазый и бдительный его заметил и тут же, надо полагать, поднял тревогу: на верхушках трех круглых башен, на галерее донжона, во дворе показались люди, уставившиеся в небо. У всех оказалось в руках оружие, у кого лук, у кого мушкет, но никто и не пробовал целиться: чересчур уж уникальным явлением была для Талара Сварогова вимана, так что его ни с кем другим не могли спутать.

Троюродный прадедушка Баглю, когда-то выбравший именно это место для возведения небольшой крепости, несомненно, обладал немалым житейским опытом. Крепость — точнее говоря, всего-навсего не особенно и большой замок — построена в глубине отдаленного горного ущелья, куда по земле приходилось добираться от более цивилизованных мест лиг двадцать, извилистым путем, пролегавшим меж скальными откосами, где в самом широком месте бок о бок могли проехать лишь четыре всадника. С трех сторон над крепостью вздымались отвесные горные вершины, с четвертой примыкала глубокая пропасть. Последние пол-лиги к воротам вела узенькая тропинка, где места хватало одному-единственному конному или пешему. Горстка отчаянных малых — особенно если заготовили достаточно провизии — могла защищаться тут против целой армии хоть год, хоть два. Впрочем, любая армия убралась бы отсюда гораздо быстрее — уж ей-то понадобилось бы несметное множество припасов, которые трудно было раздобыть в этом малолюдном и бедном краю. Баглю как-то упоминал, вроде бы шутливо, но с затаенной гордостью: его предки-родственники дважды держались здесь против войск старинных королей, с которыми ссорились. Оба раза венценосцы держали осаду ровно столько, чтобы не потерять лица, а потом трубили отход, высокомерно объявляя, что им-де жаль терять время на этот убогий курятник...

Сварог остановил виману в воздухе над мощным двором, присмотрелся и вертикально повел ее вниз — очень медленно, чтобы ненароком не придавить кого-нибудь из толпившихся там. Ну, соображения у них хватило — прытко кинулись врассыпную, освободив даже гораздо, больше места, чем требовалось.

Он сажал «самолет» так, чтобы крылья оказались параллельны стене замка — но все равно, между кабиной и стеной осталось не более пяти уардов, да и между хвостом и донжоном примерно столько же. Размах здешней архитектуры был не присущ, что вполне объяснимо.

Он летел один, а потому лесенку пришлось опускать самолично. Привычно стал спускаться. Ножны меча, как их ни придерживай, то и дело колотили по легким перильцам. Ничего тут не поделаешь: благородному гланскому дворянину, а уж тем более королю, появиться за пределами дома без оружия так же

неприлично, как без штанов... тьфу ты, без тартана...

Обитатели замка толпились на почтительном расстоянии, уважительно прижимая к груди береты с орлиными перьями и беличьими хвостиками — судя по одежде, поголовно простые ратники и замковая прислуга. Единственным обладателем дворянской цепи оказался глэрд Баглю, он неторопливо шел к Сварогу, согласно малому этикету, то останавливаясь и трижды притопывая левой ногой, чтобы громко звякала шпора, то прижимая к сердцу левую руку, то чинно касаясь ею берета, делая вид, что вот-вот его снимет, но, разумеется, так и не снял: господа глэрд с незапамятных времен обладают привилегией оставаться перед королем с покрытой головой. Сварог, коего этикет не обязывал выкидывать такие церемониальные коленца, с потаенной радостью ограничился пресловутым «милостивым наклоном головы». Правда, пришлось еще выслушать пару-тройку длиннющих церемониальных фраз, какими всякий дворянин обязан встречать в своих поместьях короля: мол, и весь замок, вплоть до последнего закутка, к услугам его величества, и все здешнее народонаселение, вплоть до последнего поваренка, умрет на месте, выполняя королевскую волю... И все такое прочее.

Хорошо еще, надолго это не затянулось. Следуя приглашающему жесту почтительно отступившего на шаг хозяина, Сварог поднялся по узкому каменному крыльцу, где справа и слева сидели оскалившиеся медведи (сразу видно, сработанные не особо и талантливый, но чертовски усердным каменотесом), вошел в небольшую прихожую, обитую потемневшими досками, на которых не особенно и живописно развешано старинное оружие (содержавшееся, впрочем, в идеальном порядке — ни единого пятнышка ржавчины). Огляделся: несколько низких дверей, каменный пол, высоко над головой перекрещиваются толстые балки... Обнаружив в углу грубый стол с несколькими массивными креслами, туда и направился. Не теряя времени, уселся, жестом разрешил хозяину последовать его примеру, спросил нетерпеливо:

— Что случилось, Баглю? Вы меня неожиданно вызвали, да еще в этот медвежий угол... Снова что-то с Горротом?

— Можно и так сказать, — Баглю пожал плечами словно бы в некотором замешательстве.

— То есть? — спросил Сварог напористо.

— Видите ли, ваше величество... Нам сдался горротский посол...

— Сдался? — поднял брови Сварог. — Ну, не хотите же вы сказать, что у вас тут была война с посольством? Это как-то даже и чересчур, даже при нынешних напряженных отношениях...

— Простите, ваше величество, я неточно выразился... — Баглю явно пребывал в некотором замешательстве, что для него не свойственно. — Он... Перешел... В общем, вчера утром он ни с того ни с сего объявился на моем подворье на двух каретах: в одной он сам с семейством, во второй — сундуки с пожитками. И попросил об убежище в полном соответствии со старинной традицией: предстал передо мной босиком, с поясом, висящем на левой руке, произнес должные слова: мол, припадая к подножию престола, рассчитывая на великодушие моего монарха... Пришлось соблюсти традицию, я пообещал передать все на ваше благоусмотрение, через пару часов выехал сюда вместе с ним и его семейством — он очень просил спрятать его где-нибудь в глухом уголке...

— Интересные дела, — сказал Сварог, не зная, что и думать. — Я о таком

что-то и не слышал даже...

— И не удивительно, ваше величество, — ответил Баглю задумчиво. — Вещь редкая. Лет девяносто назад тогдашний лоранский посол в Ронеро попросил убежища. А других случаев я и не припомню...

— А что там было девяносто лет назад?

— Дела житейские, — усмехнулся Баглю. — Господин посол был одержим неутолимой страстью к игре. Спустил в игорных домах Равены не только свои деньги и драгоценности жены, но и всю посольскую казну до последнего грошика, золотую и серебряную казенную утварь, даже лошадей с экипажами. Что тут оставалось?

— Интересные дела, — повторил Сварог. — А *наш* в чем таком провинился, что решил бежать и просить убежища?

— Представления не имею, — сказал Баглю. — Согласно той же традиции допрашивать его не имею права: он обо всем расскажет лишь вашему величеству. Может, конечно, наврать с три короба, ну, тогда придется проверять... Смело могу сказать одно: у меня нет никаких сведений о растрате им казенных денег на какие-то свои нужды.

— Значит, и не растрачивал, — сказал Сварог. — Зная ваш опыт... Я никогда не требовал подробного отчета, но представляю, как вы *обложили* горротское посольство...

— Смею думать, надежно, — со скромной гордостью, с легкой улыбкой сказал Баглю. — Как-никак наш главный противник...

— Может, что-нибудь по женской части?

— Исключено, — Баглю решительно мотнул головой. — Представьте себе, в противоположность очень и очень многим он супруге не изменяет. Редкостная красавица, брак по любви... Случалось, конечно, что со временем и такие браки заканчивались изменами, иногда обоюдными, но не сейчас... Я бы знал. Это в *самом* Горроте неким загадочным образом проваливаются все до единого шпионы, и очень быстро, а вот в посольстве работается прекрасно, на него горротские загадочные чудеса отчего-то не распространяются, у меня там столько соглядатаев...

— Ладно, не буду гадать, — сказал Сварог. — Расскажите-ка все, что у вас на него есть. Уж на такую персону, как горротский посол, у вас немало должно накопиться... Бумаги, должно быть, складывать некуда, а?

— Я бы так не сказал... — тонко усмехнулся Баглю. — Но пара полок в шкафу заполнена до отказа... Итак. Эгар, граф Канмор. Род очень старый и прославленный, но, как это порой и с такими родами случается, давно уже впал в то состояние, которое принято деликатно именовать «благородной бедностью». Не считая троюродного брата посла, которому повезло очень выгодно жениться, остальные живут исключительно службой и жалованьем. Нашему графу — тридцать с небольшим, он практически ровесник Стахора. В восьмилетнем возрасте попал в королевский дворец — какие-то старые связи работали. Вы ведь знаете, как это бывает.

— Знаю, — кивнул Сварог. — Пажом?

— Берите выше. «Товарищ по играм и забавам его высочества принца». В Горроте это официальное придворное звание, нельзя сказать, что особенно высокое, но иные высокородные родители стараются протолкнуть своих отпрысков на эту должность даже ожесточеннее, чем интриговали и боролись

бы за звание камергера для себя лично. Ну, вы же понимаете... Постоянный участник игр и забав наследного принца... Дети сближаются, они растут... Некоторые «товарищи по играм» потом поднимались очень высоко. Были, правда, и такие, которые это звание очень быстро теряли: малолетний принц во многом ничем не отличается от обыкновенного ребенка, у него свои симпатии и антипатии. Какой-нибудь очередной навязанный взрослыми товарищ категорически ему не понравится — и ничего тут не поделаешь, приходится искать нового... Граф Канмор, однако, продержался в своем звании шесть лет, после чего получил следующее: «Спутник в учебе и благородных занятиях его высочества принца». Похоже, мальчишки подружились всерьез и крепко. Еще через два года принц стал совершеннолетним, после чего ему уже не полагалось официальных «товарищей» и «спутников». Но граф все равно остался при дворе — явно по настоянию Стахора. Стал камер-юнкером, и, что гораздо важнее — членом Академии Единорога. К ученым занятиям этот кружок не имел никакого отношения — собственно, во многом он напоминал Академию Лилий королевы Дайни Барг. Сам Стахор, «господин ректор», и девятеро «академистов». Все десять носили прозвища, которыми и пользовались в своем кругу. Всевозможные проказы на манер студентов Ремиденума, пирушки тайком, осада девичьих сердец — и не обязательно придворных... Словом, юные шалопаи развлекались, как могли, шесть лет. Потом король умер, Стахор вошел на трон, и его тогдашние советники, имевшие на него влияние, сумели внушить, что существование Академии далее неуместно, поскольку королю такое не приличествует, а времена Дайни Барг давно ушли в прошлое... Стахор взялся своих друзей *устраивать*. Кто-то занял неплохое место в военной службе, кто-то в гражданской, кто-то остался при дворе. Канмора и еще двоих Стахор сделал послами: у нас, на Сегуре, в Шагане. Решение, должен сказать, неглупое: все три державы — и мы в том числе, увы — в мировой политике играют небольшую роль, особенно Сегур, который никакой роли не играет вообще. Но посол есть посол: титулы, привилегии, положение в обществе, деньги, непременные ордена... Восемь лет назад граф Канмор прибыл к нам с верительными грамотами и молодой женой. С тех пор и обитает... Безусловно неглупый молодой человек, хотя звезд с неба не хватает. Впрочем, у него и нет особых возможностей совершенствовать дипломатическое мастерство: между нашими странами никогда и не бывало каких-то изощренных дипломатических комбинаций, хитроумных политических игр. Воюем частенько — вот и вся дипломатия... В общем, переводя на армейские мерки, я бы его сравнил с толковым и исправным, но лишенным особенных карьерных перспектив лейтенантом. Обязанности выполняет исправно, в тайных пороках не замечен, доставшейся от предшественника шпионской сетью руководит нельзя сказать чтобы бездарно. За эти восемь лет родились два сына. Жена в изменах не замечена. В сущности, скучноватая, ничем не примечательная персона. Одна-единственная загадка тут есть. Около двух лет назад в посольство прибыл курьер с шифрованной депешей. Мои люди сумели снять копию. Если отбросить дипломатические обороты, графу предписывалось безвыездно пребывать в Глане, не посещая Горрот. И самое интересное... Я не исключаю, что его соотарищи по Академии, сиречь послы в Сегуре и Шагане, получили аналогичные указания. Потому что только эта тройца с тех пор безвыездно сидела в тех державах, куда их отправили — хотя остальные горротские послы на роди-

ну ездили частенько. Но это лишь мои предположения, не подкрепленные точной информацией. Правда, две недели назад маркиз Витеро, посол в Сегуре, все же уехал в Горрот. Причем поплыл не прямо в Клойн, а завернул к нам, вечер провел с Канмором. Увы, о чем они говорили... А что происходит при королевском дворе в Горроте, вот уже два года никому неизвестно. И вот теперь граф решил просить у нас убежища... Вот и все, пожалуй...

— Ну что же, — сказал Сварог, вставая. — Осталось прояснить, что возможно, самым простым способом... Пойдемте к вашему беглецу.

— Вообще-то он хочет разговаривать с вами с глаза на глаз... Просто-таки требует.

— Но неплохо было бы, чтобы вы, любезный Баглю, при разговоре присутствовали... — сказал Сварог.

— Ваше величество, — вкрадчиво сказал Баглю. — Вы ничего не имели бы против, если бы я присутствовал при вашей беседе так, чтобы граф об этом и не подозревал?

— Это было бы неплохо, — ухмыльнулся Сварог. — А что, можно что-нибудь придумать?

— Я вас с ним сведу в Оленьей гостиной, — деловито сказал Баглю. — Очень удобное место. Она практически окружена потайным ходом, есть масса искусных приспособлений для подслушивания и подсматривания. В старину любили такие вещи — и не развлечения ради. Порой хозяин замка — и не только этого — сохранял свободу и жизнь именно благодаря этим придумкам...

— Ну что же, — сказал Сварог. — Будем соблюдать традиции славных предков, нам порой не грех у них поучиться житейской практичности... Показывайте дорогу. А по дороге кратко и емко изложите мне закон об убежище. Мне как-то не приходилось еще заниматься жаждающими убежища беглецами...

Отчего гостиная получила именно такое название, можно было догадаться с первого взгляда: повсюду на потемневших резных панелях красовались оленьи рога, огромные, разлапистые, судя по количеству отростков, принадлежавшие матерым самцам. Несколько дюжин, считая навскидку.

Баглю куда-то незаметно исчез, как призрак — он это умел. У двери выжидательно вытянулся усатый молодец в тартане цветов Баглю, с мечом и двумя кинжалами на поясе.

Опустившись в тяжелое старинное кресло со спинкой, увенчанной резной оленьей головой, Сварог оглядел комнату, пытаясь угадать, где могут располагаться потайные глазки и слуховые отверстия. Бесплезно и пытаться: такие вещи для того и устраиваются, чтобы их нельзя было высмотреть сходу. Старинные выцветшие гобелены, многочисленные резные орнаменты и прочие архитектурные излишества...

— Приведите... просителя, — сказал Сварог.

Усатый кивнул и проворно скрылся за дверью. Не прошло и минуты, как он, распахнув ее вновь, пропустил в гостиную молодого человека, одетого с небрежной роскошью старинного дворянства. Остался стоять у косяка, глядя приведенному в спину без всякого доверия: ну не любили тут горротцев, что поделаешь... Видно было, что он с превеликой охотой, достаточно королю мигнуть, пустил бы в ход весь свой богатый арсенал.

Властным жестом отослав его прочь, подождав, когда дверь плотно затворится, Сварог принялся пытливо разглядывать вошедшего. Баглю, как всегда,

оказался точен в характеристиках — симпатичен, определенно не глуп, держится с осанкой человека, много лет состоявшего в придворных чинах, при королевском дворе — но сильной личностью не выглядит. Действительно такой исправный лейтенант без особых перспектив. Человек покрупнее калибром обязательно постарался бы остаться при дворе и сделать там карьеру — с таким-то послужным списком...

— Садитесь, — кивнул Сварог. — Как вас зовут, я уже знаю. Как зовут меня, вы не можете не знать. Так что постараемся говорить кратко без лишних дипломатических красотостей, у меня много дел... — он усмехнулся. — Граф, как вы считаете, оказанный вам прием — суховат?

— Иного и ожидать не следовало, ваше величество, — едва заметно пожал плечами молодой посол.

Излишнего подобострастия в его тоне не наблюдалось, что Сварогу понравилось.

— Рад, что вы это понимаете, — сказал он бесстрастно. — В конце концов, вы до последнего времени представляли здесь страну, которую можно считать первой в списке врагов Глана... Поэтому отношение к вам будет не то чтобы враждебное, но определенно настороженное. И не только оттого, что вы из Горрота. История сама по себе, мягко говоря, удивляет. Крайне редко случается, чтобы убежища просили послы... А потому, думается мне, я вправе потребовать от вас полной откровенности. Или вы считаете иначе?

Молодой человек сказал почтительно, но твердо:

— Тысячу раз простите, ваше величество, но я не намерен выдавать доверенных мне государственных тайн. Это было бы против чести...

Сварог откровенно ухмыльнулся:

— Изъясняясь высоким слогом старых романов, такие взгляды делают вам честь... Не волнуйтесь. Никто не собирается требовать от вас каких-то тайн, это и в самом деле против правил... к тому же, простите уж, но вы и знать не можете никаких таких особенных тайн, не правда ли? Здесь, мы оба с вами прекрасно знаем, провинциальная глушь, захолустье... Речь о другом. Согласно закону об убежище вы обязаны подробнейшим образом изложить мотивы, толкнувшие вас на этот поступок. Обычно это полагается делать письменно, бумаги долго странствуют по инстанциям, поднимаясь снизу вверх, пока не попадут к королю на стол. Но в вашем случае обернулось так, что мы оба избавлены от бюрократической канители. Или вы предпочитаете обычную процедуру?

— Это было бы глупо, ваше величество, — сказал бывший посол. — Коли уж мы оказались с вами лицом к лицу... Мне хотелось бы закончить все быстрее, — он впервые проявил нервозность, улыбка была вымученной. — Жена места себе не находит, да и я никак не могу оставаться хладнокровным...

— Вот и прекрасно, — сказал Сварог. — Здесь, как мне объяснили, есть процедурные тонкости... Всякий беглец вправе просить убежища... но король, в данном случае я, *не обязан* предоставлять его всякому, кто о том попросит. Вам это должно быть известно?

— Разумеется, ваше величество.

Неторопливо, словно сам с собой рассуждая вслух, Сварог продолжал:

— Согласно букве закона, я могу дать вам убежище, а могу и отправить назад... а там уже, несомненно, знают, что вы бежали. Насколько я понимаю, вы

со вчерашнего утра числитесь государственным изменником. Человек попросту мог бы отделаться тюрьмой или каторгой, но полномочный посол... Для вас возвращение не может закончиться иначе, нежели плахой. И вы, собираясь бежать, должны были прекрасно это понимать... Не так ли?

— Конечно, я это прекрасно понимаю...

— Вот тут-то и начинается главная интрига, я полагаю, — сказал Сварог. — В таких случаях шансов примерно поровну. Вы пошли на такой шаг, прекрасно понимая, что в случае отказа потеряете голову. Чтобы идти на такой риск, нужны чрезвычайно веские мотивы... Которые я обязан знать. Итак, что вас толкнуло?

Не отводя взгляда, граф тихо произнес:

— Да просто-напросто осознание того, что голову я могу потерять в *любом* случае...

— А вот это уже крайне интересно, — сказал Сварог. — Это надо понимать так, что на родине в самое ближайшее время вам *все равно* грозила плаха?

— Крепко подозреваю...

— Интересно, с чего бы вдруг? — усмехнулся Сварог. — Стахор, конечно, мой враг, но я всегда старался составить о нем объективное мнение. Врага нельзя оглуплять, недооценивать, закрывать глаза на его сильные стороны и положительные качества, если они есть. Его надо представлять себе *достовернейше*. О Стахоре я немного знаю. Вот уж на кого он не похож, так это на тупого тирана, рубящего головы из чистой прихоти. Ну в чем *таком* вы могли провиниться, восемь лет сидя вдали от родины? Или все же крепко провинились? В заговоре каком-нибудь участвовали, и все провалилось?

— Ничего подобного.

— Вот и рассказывайте, — сказал Сварог. — Подробно, но не растекаясь мыслью по ненужным мелочам, — он присмотрелся к собеседнику, прищурился. — Я вижу, вы волнуетесь... Может быть, кубок вина для храбрости? Я распоряжусь.

— Нет, благодарю вас, ваше величество. Не нужно. Я, конечно, волнуюсь, но не только в волнении тут дело... Я пытаюсь подобрать надлежащие формулировки, точные и исчерпывающие, а это, поверьте, нелегко...

— Вы же дипломат, — сказал Сварог без улыбки. — Должны уметь не только запутывать дело при необходимости, но и... формулировать. Точно и исчерпывающе. Например, когда отправляете домой посольские донесения. За восемь лет вы их столько должны были составить...

— Да, конечно. И все же, все же... — он рывком поднял голову, напрягся. — Если кратко... В Горроте, ваше величество, два последних года что-то очень и очень неладно. Я имею в виду в первую очередь королевский двор и самого короля. За пределами дворца, насколько я могу судить, продолжается самая обычная жизнь, прежняя. А вот внутри... Ваше величество, должен сразу предупредить: многое из того, о чем я буду говорить — не точные факты, а мои домыслы, догадки, попытки что-то проанализировать и свести в систему...

— Буду это учитывать, — кивнул Сварог. — Излагайте.

— Полагаю, ваше величество, мне не следует подробно рассказывать историю своей жизни? — он бледно улыбнулся. — Я прекрасно осведомлен о деловых качествах глэрда Баглю, у меня было достаточно времени, чтобы оценить его по достоинству. А потому не сомневаюсь: у вас уже *есть* мое достаточно

полное жизнеописание...

— Не буду отрицать, — сказал Сварог без улыбки. — Что же, обычная практика... Да, можно сказать, что жизнеописание ваше достаточно полное. Итак... Ваша формулировка меня устраивает. В Горроте, точнее, в королевском дворце, два года творится что-то неладное... У этого «чего-то» есть точный срок? Точно определенная точка отсчета? День? Дата? Ну, как с каким-нибудь местом — ночью он еще стоял, а утром обрушился...

— Понимаю, ваше величество... — лицо графа было хмурым и напряженным. — Даже если и есть такая точка, мне она неизвестна. Просто-напросто мне с определенного момента стало казаться, будто происходит что-то неладное. Далее я лишь укреплялся и укреплялся в этом убеждении. И наконец, когда приехал...

— Нет уж, конец пусть будет в конце, — решительно сказал Сварог. — Давайте с начала, так оно будет вернее... Что, как, почему...

— Так вот... Я был вдали от Горрота, и потому никак не могу определить точно, когда там *это* началось. Зато могу назвать день и даже час, когда все началось лично для меня. Видите ли, все эти шесть лет мы переписывались, бывшие члены Академии — мы трое, оказавшиеся за пределами Горрота, не только друг с другом, но и с оставшимися в Горроте, и с королем тоже. Конечно, при переписке с его величеством никаких фамильярностей не допускалось, король есть король — но тем не менее мы все вправе были позволять в общении с королем гораздо больше вольности, чем обычные придворные. Все подписывались теми прозвищами, что носили в Академии, и король тоже. В общем, так продолжалось шесть лет. И вдруг в ответ на свое последнее письмо я получил не ответ от короля, а рескрипт от министра двора, официальный, на гербовом бланке министерства, с большой печатью и оттиском министерского перстня. Министр мне устроил форменную выволочку, порой не особенно и стесняясь в выражениях. Мне категорически запрещалось впредь писать его величеству в столь развязном и неподобающем тоне, равно как и употреблять вместо положенного титулования какие-то «глупые прозвища, оскорбительные для монаршего величия». Как выяснилось чуть позже, точно такие же письма получили граф Гасфорт, посол в Шагане, и маркиз Витеро...

— Посол в Сегуре. Я знаю.

— Да, вот именно... Мало того, министр двора был *новый*. Конечно, любой министр на своем посту не вечен, но это имя... Я этого человека прекрасно знал. Он до того лет пятнадцать прослужил в министерстве двора, но на десятых ролях, без всяких перспектив — дрянной был человечиска, мелкий интриган и мелкий пакостник, с кучей грешков за душой. В министерстве его держали исключительно из-за дяди — он адмирал флота, человек влиятельный. Словом, уж кого-кого, а это пакостливое ничтожество я никак не ожидал обнаружить на министерском посту. В конце концов, король его даже не знал близко, для короля он всегда был одной из множества безликих фигур на заднем плане... И вдруг, извольте ли видеть... Как бы вы поступили на моем месте?

Не раздумывая, Сварог ответил:

— Я бы немедленно сел и написал друзьям в Горрот, чтобы объяснили, какая там чертовщина завертелась...

— Вот так я и поступил. Только ответы были предельно странными —

уклончивыми, обтекаемыми, сухими. Мне писали, что им, изволите ли видеть, не подобает обсуждать поступки его величества, и предлагали впредь следовать их примеру. Словно чужой рукой писано. Я всех их знал с детства — и не узнавал сейчас никого. Полное впечатление, что все шесть писем написаны под чью-то диктовку, будто всех шестерых собрали в одном месте, дали перо, чернила, стали диктовать... Хотя, конечно, друг друга письма слово в слово не повторяли. И все равно...

— А почерк?

— Каждый, несомненно, писал своей собственной рукой, — ответил граф безрадостно. — Все почерка были знакомыми. А впрочем, любой почерк можно подделать, есть мастера... А еще примерно через месяц я получил от министра двора очередной разнос: мне запрещалось впредь в частной переписке с Гасфортом и Витеро обсуждать все, что касается короля и двора. Наверняка наши письма где-то перехватывали, вскрывали и читали... Я написал еще нескольким знакомым, вхожим во дворец — но ни один не сообщил ничего толкового. Та же уклончивость, сухость, словно писано под диктовку, а то и вовсе кем-то другим, мастерски подделавшим почерк. Трое из пятнадцати не ответили вообще: а ведь все эти люди, все до одного, были *настоящими* друзьями... Еще через несколько дней прискакал курьер, уже с собственноручно подписанной королевской грамотой. Мне без особых околичностей предписывалось безвыездно оставаться в Глане впредь до особого распоряжения. По сути, это была даже не немилость — опала. Как это бывает, когда человеку предписывается «незамедлительно отбыть в дальние имения». Только вместо дальнего имения — Глан... У меня твердая уверенность, что Гасфорт и Витеро получили те же самые рескрипты: они никогда не упоминали о том в письмах, но ни разу и не сообщали, что побывали в Горроте... Я попросил жену написать несколько писем. Две ее давних подруги — фрейлины королевы, еще несколько приняты при дворе... То же самое: одни молчали, другие отвечали уклончиво. За всем этим должно было скрываться нечто масштабное и серьезное: ну, вряд ли все затеяно исключительно против нас девятерых, бывших «академиусов»... Новый министр двора, новый министр иностранных дел — опять-таки мелкий, препустой человечек, которого никто и не ожидал увидеть на этом посту... Вот так оно все и началось.

— И как продолжалось?

— Собственно, говоря, никак, — пожал плечами граф. — Около двух лет, вплоть до недавнего времени, я так и просидел в совершеннейшем неведении: ясно было, что писать друзьям и знакомым бесполезно. Попробовал пару раз, не удержался — снова сухие отписки, а то и молчание... Я... Понимаете, ваше величество, я *смирился*. За все это время среди проезжавших из Горрота путешественников не оказалось никого, кто мог бы хоть что-то прояснить: ни один из них не бывал при дворе, а *в стране*, судя по их рассказам, не изменилось ровным счетом ничего.

— А близкие и родственники? Ваши и вашей жены? Вы же не могли не поддерживать с ними переписку?

— С *некоторых* пор никто из близких и родственников не отвечал на вопросы и не сообщал *интересных* новостей. «Как поживаете? Как дела?», «Малышка Траси выросла и вышла замуж за флотского лейтенанта», «Граф Бельгор окончательно промотался и живет теперь в единственном оставшемся у

него именице, на которое по его убогости даже нет покупателей». В таком вот духе. Пустая светская болтовня. А потом начались вовсе уж непонятные странности, уже не связанные с королем и двором. Во время осады крепости Корромир... боюсь, ваше величество не поверит...

— Подбежавшая к воротам собака, вдруг взорвавшаяся в крепостных воротах невероятной силы бомбой? — скучным голосом уточнил Сварог.

— Да, вот именно...

— Ну отчего же мне не верить, — сказал Сварог. — Верю. Видел своими глазами. Простите, не буду рассказывать, как так получилось.

— Да, конечно, я понимаю... — закивал граф. — Я-то об этом узнал, вот смех, от своих шпионов в Глане...

— Значит, ничего подобного прежде не было? — деловито спросил Сварог. — Никогда *раньше* ваши армейцы... или кто-то еще *таких* вещей не использовали?

— Никогда раньше, — твердо сказал граф. — В жизни не слыхивал. Ну, а потом эта вода, что обрушилась с неба на ваш здешний дворец, камни, упавшие на вашу армию... *Такого* прежде не бывало, не знаю, что и думать... Быть может, есть и другие загадочные случаи, только я про них не знаю...

«Уж это наверняка, — подумал Сварог, вспомнив живые бомбы, спалившие дотла домик бабки-гусятницы и гостиницу Тетки Чари, вспомнив рассказ о тюлене, вызвавшем цунами. — Вполне может оказаться, было еще что-то похожее, о чем мы оба не знаем...»

— Продолжайте, — сказал он сухо.

— После всего этого я окончательно уверился, что дело тут не просто во внезапно вспыхнувшем королевском самодурстве... кстати, абсолютно не сочетающемся с тем Стахором, которого я знаю больше двадцати лет... Что-то грандиозно-жуткое случилось... хотя страна, такое впечатление, ничего не замечает...

— Прямой вопрос, — сказал Сварог. — Ваше решение бежать как-то связано с вашей встречей с маркизом Витеро, случившейся недели две назад?

— Вы и это знаете? Ну да, конечно...

— Шпионаж — дело житейское, любезный граф, — сказал Сварог преспокойно. — Вы им сами занимались вплоть до последнего времени, должны понимать.

— Я понимаю...

— Итак?

— Витеро решил отправиться в Горрот на свой страх и риск, — сказал граф, зябко поеживаясь так, словно в гостиной стоял лютый холод. — Он из нас всех — самый горячий и нетерпеливый. У него попросту кончилось всякое терпение, не мог больше сидеть на этом чертовом острове... Его отец в последний год очень плох, и он решил использовать это печальное обстоятельство. Сыновние чувства возобладали над исполнением королевской воли... Он выразился примерно так: черт побери, в конце концов, голову мне не отрубят и в тюрьму не упекут. В крайнем случае с треском вышибут со службы и сошлют в дальние имения — но, по крайней мере, у меня будет шанс разобраться наконец во всей этой чертовщине...

— Резонно, — сказал Сварог. — И как, удалось ему что-то вызнать?

— Да, ваше величество. Два дня назад его доверенный слуга привез письмо,

собственно, даже не письмо — большой, обстоятельный отчет. Витеро горяч и вспыльчив, но чертовски умен. Еще до того, как Стахор стал королем, Витеро год с лишним прослужил в разведке. У него по отзывам, блестящие аналитические способности, был там на хорошем счету, его уговаривали остаться, но это было не по его натуре — дни напролет сидеть, обложившись бумагами. Даже поднимаясь в чинах и получая ордена и прочие отличия, он до седых волос с этими бумагами и возился бы, а это категорически против его характера...

— Письмо вы сохранили?

— Нет, сжег, — признался граф чуть конфузливо. — Под влиянием минуты... Мне стало страшно... Но я все запомнил. Витеро многое успел выяснить. Выглядит все следующим образом... — он то ли старательно подбирал слова, то ли освежал в памяти содержание письма. — За эти два года, оказалось, Стахор форменным образом *проредил*, да что там, *выполол* приближенных. Витеро не брался вычислить точный процент, у него было мало времени, и он не считал, что узнал *все*, но главное определил... *Прежних* придворных и министров, сохранивших свое положение, можно по пальцам пересчитать. Остальных король форменным образом разогнал, большинству было предписано покинуть столицу и отправиться в дальние имения, какая-то часть оказалась за решеткой. Казней, правда, вроде бы не было... Все шестеро наших бывших сотоварищей по Академии — за решеткой. По мнению Витеро, столь грандиозной *чистки* прежде не случалось ни в Горроте, ни где-либо еще. Большая часть изгнанных заняла свои места не при прежнем царствовании, а уже при Стахоре, чуть ли не всех он выдвигал и возвышал сам, ценил, уважал и доверял... Даже если предположить, что возник какой-то заговор, невозможно объяснить *масштабы*... По словам Витеро, это напоминает старательно скошенное трудолюбивыми крестьянами пшеничное поле: сплошная стерня, ни единого спелого колоса. Поле, конечно, вновь заросло, но это уже *другие* колосья... И вот что немаловажно... Вопреки обычной практике, в газетах и официальных бюллетенях для дипломатов и высших чиновников о большинстве смещений, новых назначений и отлучений от двора попросту не упоминалось. Сторонний наблюдатель, не имеющий других источников информации, был бы уверен, что на данных должностях и при дворе остаются прежние люди...

«Как оно с разведчиками и происходило, — подумал Сварог. — Посольства, как и прежде, читали газеты и бюллетени, но там, как только что выяснилось, была форменная липа. А если добавить, что налаженные связи обрывались, агентура исчезала... Вот оно что, выходит...»

— Витеро сделал кое-какие выводы, — продолжал граф монотонно, словно читал по писаному. — Он считал, что собрал достаточно сведений, чтобы выявить *тенденцию*. Ни при дворе, ни среди министров практически не осталось людей, более-менее *близко* соприкасавшихся с королем прежде. Сплошь и рядом даже с незначительных постов такие люди изгонялись массово — в то время как обладатели постов более крупных преспокойно оставались на своих местах, и все они, поголовно, прежде находились на значительном отдалении от короля. Витеро честно признал, что объяснить этого не может. Что сделал за короткое время, сколько мог. Чтобы продвинуться дальше, понадобилось бы попасть во дворец — но его туда не собирались приглашать, зато следили неустанно, днем и ночью... — граф нервно потер руки. — Все это обширное послание было написано обычным почерком Витеро — четким, разборчи-

вым, мелким. Но на последнем листе приписка, сделанная словно бы в спешке, большущими корявыми буквами: «Ни за что не возвращайся в Горрот». Я сжег письмо, как уже говорил... Долго думал, советовался с женой, в конце концов она согласилась, что нам следует... И вот мы здесь...

— А куда девался слуга? — спокойно спросил Сварог. — Вернулся?

— Нет. Он сказал, что господин поблагодарил его за верную службу, дал кошелек золота и посоветовал, передав мне письмо, скрыться на все восемь сторон света, не возвращаясь в Горрот... Вероятнее всего, он так и поступил... Больше мне просто нечего рассказать, ваше величество...

Он смотрел на Сварога с тоскливой надеждой — слишком горд, конечно, чтобы просить вслух... Сварог молчал. В одном можно быть твердо уверенным: граф не врал. Вполне возможно, он о чем-то и умолчал, но лжи в его рассказе не наблюдалось ни капли. Все должно было именно так и происходить, как он рассказывал.

— У вас есть какие-нибудь *собственные* догадки? — спросил Сварог наконец. — Мысли по поводу? Предположения? Не могли же вы над *таким* не ломать голову...

Граф медлил недолго.

— Ну конечно же, я думал... — проговорил он как-то отрешенно. — Предположение у меня одно-единственное: Стахор все-таки нашел клады Шелориса. Вы когда-нибудь о них слышали, ваше величество? Иные утверждают, что в незапамятные времена...

— Ну да, как же, — сказал Сварог. — Якобы в незапамятные времена на месте Горрота располагалось Черное Королевство, которым правил могучий маг Шелорис. Черный маг, естественно. Но, как мне давным-давно объяснили знающие люди, это не более чем легенда. Реальных подтверждений вроде бы нет.

— Нет, — согласился граф. — И тем не менее иногда в Горроте раскапывали древние вещи, насыщенные черной магией и порой наносившие серьезный урон. И это уже не легенды.

— Согласен, — кивнул Сварог. — Я слышал кое-что. Кошка из черной бронзы, «смерть-дудка», ожерелье-душитель и еще пара-тройка вещичек, которым лежать бы в земле до конца времен... Однако, граф, подобные предметы находили и в других странах, в местах, которые ни одна старинная легенда с Шелорисом не связывает... Но все равно, продолжайте. Мне крайне интересны ваши предположения.

— У нас с незапамятных пор ходят легенды о кладях Шелориса, укрытых, в отдаленных уголках. Там якобы превеликое множество талисманов, магических предметов, колдовских книг и много чего еще. Как это обычно бывает, немало людей старательно искали эти клады и ищут до сего дня. Конечно, это сплошь народец определенного склада: прекрасно знающий, что любой предмет из этих кладов, если они только существуют, исполнен черной магией и губит душу, но тем не менее...

— И Стахор интересовался кладями Шелориса?

— Я бы так не сказал, — подумав, произнес граф. — Интересовался, да, но *чутьочку*. Систематических, серьезных поисков не предпринимал никогда. Именно оттого, что эти клады — сгусток черной магии. Но *вообще* клады мы пару раз искали, еще будучи Академией Единорога. Из развлечения. Однажды даже выкопали несомненную купеческую захоронку — глиняный жбан с мо-

нетами двухсотлетней давности, из полудюжины государств. Но это был наш единственный успех. И вот теперь мне подумалось — а что, если Стахор все же отыскал такой клад? Быть может, совершенно случайно, не подозревая, что это сокровища Шелориса? По легендам, там не мало поганых вещичек, уродующих человеческую душу... Чего стоит одна Черная Корона. Тому, кто возложит ее на голову, она даст неслыханное могущество и власть — но выжжет душу так, что превратит в сущую головешку... Что, если Стахор ее нашел? Это многое объясняло бы: и то, что он избавился практически от всех, кого приближал и ценил, заменив их новыми приближенными, среди которых хватает недостойных людишек... И все эти зловещие чудеса вроде падающих с неба камней... Конечно, я не настаиваю, что это верная догадка. Но я искал хоть какое-то объяснение...

— Я понимаю, — сказал Сварог. — Ну что же... Считайте, что убежище вы получили. Потом это оформят по всем правилам, как там полагается, моему величеству нет нужды вникать в такие мелочи... Ну-ну, не стоит... — он встал, похлопал по плечу вскочившего молодого человека, явно собравшегося излить самые пылкие выражения благодарности. — Лучше ступайте-ка побыстрее обрадовать супругу. Бедная женщина наверняка томится неизвестностью...

— Да, конечно... Ваше величество... Я...

— Ступайте, обрадуйте графиню, — сказал Сварог твердо. — Мое благоволение.

Взяв за локоток ошалевшего от радости, растерявшего всю светскую невозмутимость графа, он буквально выставил беглого дипломата за дверь, нетерпеливо ее захлопнул, вернулся на середину комнаты и огляделся.

Легкий скрип раздался в совершенно неожиданном месте за его спиной. Сварог обернулся. Высокая резная панель, которую раньше и заподозрить было нельзя в том, что она служит потайной дверью, распахнулась на повизгивающих петлях, показался Баглю, фыркавший, чихавший, смахивающий перчаткой пыль с плеч.

— Сто лет не пользовались, — проворчал глэрд. — Паутиной заросло, мыши по ногам шмыгают, петли не смазаны...

Он захлопнул дверь, вновь ставшую добропорядочной панелью, деликатно посторонился, чтобы не запорошить и Сварога пылью.

— Потом почиститесь, — нетерпеливо сказал Сварог. — Ну, и что вы обо всем этом думаете?

— Если он не врет...

— Он не врет, — сказал Сварог. — Ни капельки. Вы же знаете, со мной такие номера не проходят.

— Ну что же — это все интересно, конечно. Теперь мы знаем хотя бы кое-что о происходящем в Глане... и, собственно, остаемся в том же месте. Что там творилось, теперь знаем, а вот что за всем этим стоит... Может, Стахор и впрямь откопал какую-нибудь Черную Корону?

— Вот в это я плохо верю, — подумав, сказал Сварог. — Клады Шелориса всегда ассоциировались именно что с черной магией. Но за эти два года в Горроте не обнаружено *никакой* магии, ни черной, ни светлой. Вы не хуже меня знаете: и в случае с «каплей» над Клойном, и в случае с падающими камнями ни малейшего присутствия какой бы то ни было магии не обнаружено. И на-

конец... — он помедлил. — Ну ладно, любезный Баглю, я вам выдам имперскую государственную тайну, третьестепенную, правда. Ну, да в любом случае дальше нас с вами это не пойдет. Так вот, за эти два *странных* года король Стахор и королева Эгле трижды бывали там, — он ткнул пальцем в потолок. — Дважды в Канцелярии земных дел, один раз на императорском приеме. И всякий раз соответствующие службы, не менее нас с вами осатаневшие от горотских *непонятностей*, их проверяли и изучали. Всесторонне, самыми разными методами, пустили в ход весь набор средств, какой только способны предоставить наука и магия. Вывод неопровержим: это *люди*. Самые обычные люди, как две капли воды похожие на себя прежних. Ни малейшего присутствия какой бы то ни было магии. Ни тени чего-то необычного. Поэтому лучше сразу расстаться с заманчивой, но безусловно ошибочной версией: будто настоящую королевскую чету изничтожили и заменили...

— Призраком-наваждением, как когда-то принцессу Делию? — понятно подхватил Баглю.

— А, так вы знаете? — спросил Сварог без особого удивления.

— Ну конечно, — со скромной гордостью признался Баглю. — В этой истории было замешано довольно много людей, так что *полную* тайну сохранить ни за что не удалось бы. Конечно, широкой огласки эта история не получила, но люди... любопытные оказались в курсе.

— Так вот, *здесь* ничего подобного, — сказал Сварог. — Уж это-то можно утверждать со всей уверенностью.

Баглю вздохнул:

— А что если... Что если черная магия Шелориса была какая-то *не такая*? Какая-то другая чуточку? И *нынешние* средства и методы попросту ее не опознают как черную магию? Хотя на деле она черная магия и есть?

— Гадать можно как угодно, — пожал плечами Сварог. — Но это будет исключительно игра ума. В конце концов, мы с вами не знатоки магии, в этом вопросе мы жалкие дилетанты и не более того... Ну ладно, хоть что-то да узнали...

Глава X

ПРОЩАНИЕ С ЮНОСТЬЮ

Элкон вертел в руках черную пластинку овальной формы, величиной с женское зеркальце, покрытую хаотически разбросанными желтыми клеммами. Разглядывал ее с ироническим презрением и ворчал:

— Это даже не позавчерашний день — младенчество компьютерного дела. Антиквариат...

— Что нашлось, — смиренно, едва ли не виновато отозвался принц Элвар. — Там все в таком виде.

— Я-то считал, что императорский архив оборудован самыми передовыми технологиями.

— Да откуда ж... — уныло сказал принц. — Традиция... Туда и заходят-то раз в сто лет...

— Традиция... Давно следовало бы...

— Господин штандарт-юнкер! — жестяным фельдфебельским тоном сказал Сварог. — Извольте держаться должным образом в присутствии его высочества...

Элкон опомнился, приставил ногу и встал в довольно удачное подобие стойки «смирно»:

— Прошу прощения, командир...

— Работайте, — тем же тоном приказал Сварог.

— А получится что-нибудь с этим... антиквариатом? — спросил принц тревожно.

— Конечно, ваше высочество, — ответил Элкон уже более почтительным тоном. — Вот только возиться придется долго. Здесь нужно не менее двух адаптеров, перекодировка формата, а может, и что-то еще...

Он отложил пластинку и принялся сооружать у себя на столе загадочное устройство из серебристых коробочек, прозрачных кубиков, пронизанных сложным переплетением металлических нитей, черно-матовых дисков, мигающих цветными огоньками. Что-то соединял разноцветными проводами, чем-то щелкал.

Наблюдавший за ним Сварог мысленно усмехнулся. Что ни говори, а задумка была неплохая...

Его мальчики и девочки (вернее, достигшие уже совершеннолетия юноши и девушки) оказались работниками неплохими — умными, старательными, исполнительными. Вот только дисциплине им негде было научиться. И к своей службе они до сих пор относились с долей игры. Хорошо еще, что человечество давным-давно придумало лекарство от этих детских болезней — армию...

Еще месяц назад Сварог, поразмыслив как следует, военизировал свою контору по полной программе. Присвоил каждому звание по разработанной им самим системе, придумал мундиры, сочинил устав — короткий, но, как в армии и полагается, изощренный в формулировках, не допускающих двойного толкования. Должным образом зарегистрировал в вышестоящих инстанциях и пустил в ход. Три дня в неделю его бравые сотрудники обязаны были появляться на службе в мундирах — да и в оставшиеся дни иные штатские вольности были безжалостно изгнаны. В конце концов, чтобы служба медом не каза-

лась, он ввел обязательные шестичасовые дежурства по манору — с практической точки зрения бесполезные и никому не нужные, однако опять-таки дисциплинировавшие. Он с превеликим удовольствием учредил бы еще и занятия по строевой подготовке, но это был бы уже перебор. За этот месяц он свою юную вольницу, конечно же, не превратил в полноценную воинскую часть, но подтянул изрядно...

Принц Элвар наблюдал за манипуляциями Элкона с почтительным уважением. Его высочество, вот чудо, был почти что трезвехонек — за час пребывания здесь осушил всего-навсего стаканчик из своей неизменной баклаги, что для него смотрелось едва ли не лютой абстиненцией. Молодец все же: заставил архивариуса и двух его подчиненных перерыть императорский архив сверху донизу, сам рылся во всех укромных уголках — и отыскал-таки одну-единственную, черт знает куда засунутую коробку, судя по надписи, имевшую прямое отношение к Багряной Звезде...

Ощувив во внутреннем кармане кафтана назойливую вибрацию, Сварог запустил туда руку и вытащил некое подобие «флейты Пана» — десяток прозрачных цилиндров длиной со спичку и толщиной с сигарету. Один из них равномерно пульсировал неяркими синими вспышками. Не было нужды смотреть на условный значок, украшавший торец каждого цилиндрика: третий слева — это, конечно же, Интагар...

Ему так и не удалось, как он хотел, установить двустороннюю связь меж земными столицами и летающими замками. Слишком многие высокопоставленные сановники ныли о незыблемости иных традиций, вставляли палки в колеса и интриговали (сановных недоброжелателей у Сварога здесь, увы, хватало). А у него не было времени, чтобы посредством хорошо продуманной комбинации, найдя очередную прореху в законах, получить одобрение Яны или Канцлера. Поразмыслив, он применил гораздо более простое средство: кто-то из десяти его доверенных нажимал кнопку, и на это вот простенькое приемное устройство уходил сигнал-импульс, короткий, моделированный так, что его, по заверениям Элкона, не могли перехватить станции восьмого департамента.

Что-то там случилось интересное, требовавшее присутствия Сварога — точно тем же способом его вчера вызвал глэрд Баглю. Ну, синяя тревога — еще не красная и уж тем более не белая, так что подождет. Как подождет и мэтр Тагарон, в конце концов расклеившийся от хамского обращения и согласившийся, как говорится, разоружиться перед партией. Уж кто-кто, а Интагар прекрасно разбирается в нехитрой палитре из трех цветов. Синий — значит, может и подождать...

— Ну вот, теперь понятно! — триумфально возгласил Элкон.

— Что там? — спросил Сварог.

— Видеозапись, — сказал Элкон, барабанил по клавишам и не отводя взгляда от крохотного экранчика. — Седая старина, формат пять-альбан-два...

— Технические подробности побоку, — сказал Сварог. — Воспроизвести можете?

— Конечно. Еще несколько секунд, сейчас окончательно адаптируется... Какой экран?

— «Стену», — не раздумывая, распорядился Сварог.

— Есть, командир... Начали.

Справа, на месте одной из стен, загорелся огромный мерцающий, молочно-белый прямоугольник. Сварог развернулся туда на вращающемся кресле. Принц шумно передвинул свое, массивное и роскошное, предназначенное для почетных гостей.

В следующий миг экран засветился голубым и белым, появились летящие безукоризненным строем аппараты искусственного происхождения, которые Сварог опознал моментально.

Над белоснежным, бугристым облачным ковром, зиявшим многочисленными прорезами, шла тройка самолетов чуточку непривычного вида, но все равно сразу ясно было, что они, во-первых, реактивные, во-вторых, боевые. Для бомберов определено маловаты — истребители или штурмовики. Скошенные крылья, двойные, светящиеся алым сопла, двойные кили, чуть скошенные наружу, длинные каплевидные кабины, острые носы, гроздь оперенных цилиндров под крыльями — ракеты, тут и гадать нечего...

Они шли уступом — в три эшелона, каждый правее и ниже левого крайнего. Судя по всему, съемка велась из кабины четвертого самолета, идущего с той же скоростью выше и чуть позади. Белые облака (судя по ним, на земле стояла прекрасная погода) еще более поредели, внизу медленно проплывала буро-зеленая земля с желтоватыми, геометрическими правильными очертаниями полей (похоже, к жатве еще не приступали), извивами речек, кучками крохотных коробочек — то ли деревни, то ли маленькие городки. Наметанным глазом десантника Сварог определил высоту в пять с небольшим лиг.

Легонько потрескивало, звучали казавшиеся чуточку механическими голоса — ага, это в наушниках ведущего съемку пилота.

— Акоран — Пятому. Три-шесть по радиусу.

— Пятый понял.

— Первый пояс не отвечает.

Эта монотонная, насквозь непонятная переключка продолжалась довольно долго, и самолеты прежним курсом шли на той же высоте.

Слева булькнуло — это принц Элвар, отчего-то стараясь проделывать все совершенно бесшумно, наполнял серебряный стакан живительной водицей из баклаги. Перехватив взгляд Сварога, словно бы виновато улыбнулся, долил до краев, но пить не стал, сказал тихо:

— Это — до Шторма. Вроде бы непосредственно перед...

— Я понимаю, — ответил Сварог тоже отчего-то едва ли не шепотом.

— Внимание! — раздалось в наушниках у пилота. — Объект прошел второй зенитный пояс без видимых последствий. Пояс замолчал. Я...

Ворвались помехи — стрекотание, свист, треск. Голос словно бы отдалился, ослабел, хотя звучал по-прежнему четко:

— Акоран, цель идет через третий квадрат курсом три-ноль-двенадцать. Если будет идти прежним, и вы тоже, вы с ней скоро пересечетесь.

— Понял, — спокойно сказал пилот.

— При визуальном обнаружении — боевой заход, залп всеми бортовыми.

— Понял, боевой заход, всеми бортовыми...

— Акоран, цель приближается. Мои перехватчики...

— Пятый! Пятый! Пятый! — закричал пилот. — Пятый!

Он звал долго — но умолкнувший Пятый так и не откликнулся... В конце концов пилот перестал его вызывать, четко выговорил:

— Внимание, звено! Связь с центральным постом потеряна. Действуем согласно последнему приказу: при визуальном обнаружении боевой заход, залп всеми бортовыми.

— Есть.

— Есть.

— Есть... вот оно!!! Слева на четыре-два!

— Звено, боевой заход! Залп без команды на дистанции в шестьсот, всеми бортовыми.

— Есть!

Буро-зеленая земля внизу накренилась — это самолет лег на крыло, уходя влево, опускаясь вслед за синхронно свернувшем звеном. Очень быстро самолеты снизились до лиги с небольшим, теперь можно было рассмотреть крохотные домики, белоснежные суда на широкой реке, дорогу, по которой в обе стороны передвигались крайне похожие на автомобили коробушки.

— Вижу слева!

Сварог уставился туда. Слева со скоростью, значительно уступавшей самолетной, медленно опускаясь все ниже, летело нечто странное: насколько удастся разглядеть на немаленьком расстоянии, продолговатый предмет, напоминающий то ли разрезанный вдоль дирижабль, то ли прозаический батон. Четкие очертания, ни разу не искажившиеся, ни следа реактивного выхлопа сзади, впрочем, крыльев, моторов и пропеллеров тоже вроде бы не видно — просто-напросто этакий батонобразный слиток багряного стекла с многочисленными темными вкраплениями. Отчего-то предмет этот, несмотря на правильные очертания, казался то ли слитком стекла, то ли сгустком багрового дыма...

Раздался новый звук — явственное, равномерное, монотонное стрекотанье, напоминавшее то ли шелест вертолетного винта, то ли рокот исполинской швейной машинки. А то и... Шум мельничных крыльев, вертевшихся невероятно быстро. Смешанный с чем-то вроде тягучего, злорадного, опять-таки с механическими нотками хохота...

То ли звено резко прибавило скорость, то ли четвертый самолет сбавил свою — ага, точно, так и есть, судя по наземным ориентирам, он летит теперь медленнее, поднимаясь чуть выше...

Под крыльями трех самолетов, стремительно сближавшихся с непонятным багряным предметом, взбухли клубы дыма, многочисленные ракеты понеслись к цели, оставляя за собой темные, ясно различимые, идеально прямые струи...

Сварог, не удержавшись, громко ахнул.

В некоей точке дымные трассы вдруг замерли на миг — а потом устремились к земле под безукоризненным прямым углом. Это было невозможно, но именно так и происходило. А парой секунд позже...

Меж багряным объектом и не изменившим курса звеном словно встала невидимая, но прочнейшая стена — почти одновременно все три самолета разлетелись тучами обломков так, словно на полной скорости вмазались в эту стену...

Земля встала дыбом, перевернулась, оказалась сверху — это последний уцелевший самолет уходил в немислимом вираже, крутанув полубочку. Несколько мгновений спустя и земля, и облака приняли прежнее положение. Самолет

поднялся на прежнюю высоту, описывая широкий полукруг. Справа, гораздо ниже, виднелся багряный предмет, безмятежно летевший прежним курсом под слабеющий стрекот и подобие злорадного хохота. А внизу...

Внизу происходило нечто жуткое. Поверхность земли напоминала теперь взбаламученную воду, беспокойное море: она вздымалась натуральнейшими волнами, ходила ходуном, вздыбливалась причудливыми буграми разнообразнейшей формы. Прекрасно можно было рассмотреть, как с вершины одного из таких бугров осыпаются дома только что стоявшего на том месте города, как широкая река разбрызгивается струями воды, сверкающими мириадами радуг, а русло, оказавшееся на гребне очередной земляной волны, лопается, рвется на части, исчезает... Уши резанул дикий, прямо-таки звериный вопль — это кричал пилот...

И все исчезло. Остался только мерцающий прямоугольник экрана.

— Это все, — произнес Элкон незнакомым, чужим голосом. — Больше там ничего нет.

Принц вяло-механическим движением поднес стакан ко рту и медленно, с прихлупом высосал все до капли. Откашлялся, уставясь на мерцающий экран, протянул хрипло:

— Вот, значит, как оно выглядело... Это ж она, погань Багряная... Видали?

«Все совпадает, — подумал Сварог с изумившей его холодной отстраненностью. — Эта запись, гравюра из старинной книги, песня... И мельничные крылья кромсают облака... Что бы это ни было, оно входит в атмосферу, идет на бреющем над землей, и на земле...»

Что-то твердое толкнуло его повыше локтя — это принц протягивал полный стакан. Сварог одним духом хватил половину, а больше не стал, прокашлялся от ожога в горле, помотал головой, распорядился:

— Элкон, попробуйте увеличить эту... эту штуку до предела. Все сделайте, чтобы мы могли ее рассмотреть...

Махнув свободной рукой, он осушил стакан до доньшка и вернул его принцу. Как это иногда случается, крепчайшее пойло ничуть не подействовало, голова оставалась ясной. Вот, значит, как оно выглядело пять тысяч лет назад... И как это будет выглядеть уже через считанные недели, если не удастся ничего узнать, ничего придумать...

— Все, — сказал Элкон. — Больше ничего нельзя сделать, предел разрешения. С этим старинным форматом более точной реконструкции не получится... Будь это современная запись, еще имело бы смысл попытаться, а так...

Сварог посмотрел на экран. Багровый предмет теперь занимал его целиком, но особой ясности это не принесло. Удастся рассмотреть лишь, что загадочные черные вкрапления, похожие друг на друга, будто горошины из одного стручка, словно бы протянулись правильными рядами, похожие то ли на растопыривших лапы паучков, то ли на некие шестеренки. Почти посередине — единственное пятно иных очертаний, гораздо больше. И все они не занимают равномерно багровое пространство, а лепятся к основанию. Словно продолговатое блюдо с сидящими на нем паучками накрыли стеклянным колпаком, а потом заполнили все пространство багровым дымом. Впрочем, само «блюдо» тоже выглядит прозрачным...

— Вот же погань! — с чувством произнес принц, наполняя стакан.

— Ничуть не похоже на природный объект, — медленно, ни к кому не обра-

щаясь протянул Элкон. — Скорее уж что-то искусственное...

— Говорят же — Чертова Мельница... — откликнулся принц. — А мельница руками сделана...

Они еще долго сидели и молчали, глядя на огромное багряное пятно, как околдованные. Принц даже не притрагивался к баклаге. Сварог чувствовал себя прескверно: ни мыслей толковых в голове, ни догадок, одна тупая, тоскливая безнадежность.

— Ваше высочество, — сказал он, чтобы только не молчать. — Вы уверены, что это — *все*?

— Уверен, — угрюмо отозвался принц. — Говорю я, я их всех поставил на ноги, мы там перевернули все сверху донизу, вдоль и поперек... Ничего больше нет про эту погань.

— Пилот, конечно, уцелел, — сказал Элкон, тоже, очевидно, не в силах молчать. — Иначе запись сюда не попала бы.

— Да, конечно, — равнодушно сказал Сварог.

Покосился на свой стол — и понял, что зеленая лампочка мигает уже давно, только раньше было не до нее.

— Прошу прощения, господа, — сказал он, вставая. — Я сейчас вернусь. Да, вот что... Ваше высочество, наверное, следует показать запись Гаудину? Ему по должности положено знать такие вещи...

— В задницу его к лешему вместе с его департаментом! — угрюмо и сварливо отрезал его высочество. — Императорский архив — собственность фамилии, кому хочу, тому показываю. Все равно Гаудин со своим хваленным департаментом ничегошеньки не способен сделать, согласны? Столько лет занимался черт-те чем вместо настоящего дела... И наплевать ему, что будет там, на земле, а вот нам с вами как раз не наплевать...

Пожав плечами, Сварог вышел в прихожую. На двери, как он и распорядился, пылала алая надпись, гласившая, что внутри происходит важное совещание с участием членов фамилии, так что доступ не разрешен никому. В уголке навязжку помещался комендант — а на небольшом бежевом диванчике сидел Канцлер собственной персоной. Явившийся без всякого предупреждения, что было в его стиле: в отличие от других сановников Империи Канцлер излишним чванством не страдал, при необходимости сплошь и рядом мог нагрянуть лично. Стряслось что-нибудь? Гаудин пожаловался? На него это не похоже, но в последнее время столь многое изменилось...

— Вот кстати, — непринужденно сказал Канцлер, вставая с таким видом, словно они разошлись пять минут назад. — Мне как раз нужно срочно с вами побеседовать, милорд Сварог. Или вы все еще заняты?

— Нет, мы закончили, — сказал Сварог. — Там сейчас принц Элвар...

— А! — с большим пониманием воскликнул Канцлер. — В таком случае, пройдемте в ваш кабинет? Вы наверняка успели устроить тут кабинет.

— Да, конечно, — сказал Сварог. — Пойдемте, герцог.

Они стали подниматься на третий этаж. По дороге неожиданно попалась Томи, в синем с серебряным шитьем мундире, с черно-золотой повязкой дежурного. Мундир смотрелся безукоризненно, а начищенные до немыслимого блеска сапоги отражали окружающее не хуже зеркала. На поясе красовалась причудливой формы коричневая кобура с одной из разновидностей здешних бластеров — оружие там лежало самое настоящее, заряженное должным обра-

зом. Сварогом это было придумано исключительно оттого, что оружие дисциплинирует и внушает нешуточное чувство ответственности — как и дежурства, пусть никому совершенно не нужные.

Вытянувшись в струночку не хуже, чем давеча комендант, Томи звонко отрапортовала:

— Дежурная по манору капрал Ролатон! Господин директор, за время моего дежурства никаких происшествий не случилось! Учреждение работает в обычном режиме!

— Вольно, — распорядился Сварог.

Ни муштре, ни шагистике он своих рябят не учил — правда, ходили слухи, что они, относясь к своей новехонькой форме со всей серьезностью, давно припрягли к этому делу коменданта — ну, а старому служаке такая просьба была только в радость. Вот только кое-какие манипуляции со своим мундиром Томи уже определенно проделала по собственной инициативе: он был обужен насколько возможно, так что фигурку обтягивал, будто кожа сосиску. Тут уж было собственное Сварогово упущение: разрабатывая устав, он как-то даже и не подумал о таких вещах, а юные проказницы не преминули воспользоваться...

— Как вам это удалось? — спросил Канцлер с некоторым удивлением, когда Томи осталась позади и слышать не могла. — Несколько месяцев назад это были обычные светские шалопаи и ветреницы, а теперь, мне докладывают, они работают, и работают всерьез...

— Им понравилось, — сказал Сварог. — Двоих, конечно, пришлось отсеять, но остальные девять работают на совесть. — Родители в восторге — из тех, что не цепляются за всевозможные замшелые традиции.

Канцлер продолжил задумчиво:

— Может быть, не помешает пересмотреть старую систему и уже сейчас понемногу пристраивать молодежь к делу... Сюда?

— Да, прошу вас.

Пройдя мимо вытянувшегося секретаря (как и все здесь, уже щеголявшего в мундире с нашивками штык-юнкера), они вошли в кабинет Сварога, не особенно и большой и уж никак не блиставший дурным великолепием — Сварог сам его обдумывал и обустроивал. Несколько книжных шкафов, стойка с оружием, портрет Яны, кое-какая необходимая аппаратура.

Канцлер уселся. Лицо у него было усталое, серое, не выпавшееся.

— Давайте без дежурных преамбул, — сказал он глухо. — Вот, извольте полюбоваться.

Он извлек из кармана золотистую палочку персонального компьютера, уставился на нее насуплено и хмуро, что-то пробормотал. Справа от стола возникло четкое изображение — словно бы внутренность роскошной убранной комнаты, но явно изуродованной каким-то внутренним катаклизмом: спинка высокого кресла косо срезана и ее часть испарилась в небытие, на стене, посередине высоченного, во всю стену гобелена на батальную тему зияет прожженная дыра, в которой виднеется синее небо с клочком белоснежного облака. Стол с золочеными углами косо стоит на полу, лишившись двух ножек и части столешницы. На взрыв это никак не походило — скорее уж по комнате метнулась волна мощной, все сжигающей энергии, и все, что оказалось на ее пути, бесследно исчезло, а все, что находилось в стороне, нисколько не по-

страдало.

— Что это? — непонимающе спросил Сварог.

Канцлер отвел глаза:

— Это гостиная в маноре милорда Гаудина. Именно так она сейчас и выглядит. Дворецкий поднял тревогу, прибыли специалисты... Реконструировать события было нетрудно. Милорд Гаудин допустил ошибку, непростительную для человека его профессии и опыта: он просто-напросто нажал спуск *югортана*, отчего-то держа его дулом к себе. Уцелеть в такой ситуации невозможно. Это... было мгновенно. Видите, во что превратилась комната там, где прошел луч? Вон там, на столике, нашли конверт с завещанием и прочие бумаги, какие составляет человек, знающий, что его жизнь... вскоре оборвется.

— Вы хотите сказать... — едва выговорил Сварог, не в силах отыскать у себя какие-то мысли и чувства.

Канцлер холодно произнес:

— Я хочу сказать, что официальное сообщение будет гласить: милорд Гаудин трагически погиб при испытаниях нового образца оружия. Настоятельно прошу и вас не показывать, что знаете более остальных. Кто бы что ни думал — а пересуды пойдут скоро — официальное сообщение именно таким и останется. Вам понятно?

— Разумеется, — сказал Сварог.

— Вы в последнее время не замечали за ним ничего такого, что могло бы прояснить...

— Нет, — сказал Сварог, чувствуя себя крайне неуютно под испытующим взглядом Канцлера.

— И никто не замечал, я в том числе... Печальная, трагическая случайность... Но человеческая душа — потемки... Похороны будут, разумеется, проведены со всей торжественностью, учитывая занимаемый покойным пост и его заслуги перед империей... Расследование завершено, все, как на ладони. Внезапная депрессия, любовная неудача... да какой теперь смысл докапываться до причин? Что произошло, то и произошло. Ну, а поскольку ситуация, сами знаете, очень и очень непростая, оставим дежурное сочувствие и перейдем к делам практическим. Вам предстоит принять восьмой департамент... — он поднял ладонь, увидев движение Сварога. — Это не повод для дискуссий. Императрица только что подписала указ, глава Канцелярии земных дел наложил согласительную резолюцию. Так что вам следует в кратчайшие сроки принять департамент. Не оставляя руководства девятым столом.

— Но у меня множество дел...

— Никто от вас не требует их бросать, — отрезал Канцлер. — Занимайтесь ими и дальше, только установите побыстрее контроль над департаментом.

— Операция «Журавлиный клин»...

— Вот *она* вас волновать не должна, — сказал Канцлер. — Ею все равно занимается Императорский кабинет, участие восьмого департамента было едва ли не символическим, так что поручить заниматься *этим* тому, кто сейчас и занимается. Вы что-то хотите спросить?

— Вы против моего назначения?

— Никоим образом, — сказал Канцлер. — Еще год назад был бы против.

— Значит, вы теперь не подозреваете меня в попытках угнездиться на здешнем престоле?

— Вы никогда не сделаете ничего во вред Яне, — сказал Канцлер. — И этого мне достаточно, — он небрежно усмехнулся: — Ну, а рассуждая со свойственным государственным деятелям здоровым цинизмом, у вас все равно ничего не получилось бы. Две спецслужбы в одних руках — в общем, ничего страшного, особенно если учесть, как слаб и плохо стоит на ногах девятый стол. И если учесть, что существует еще статс-секретариат Императорского кабинета и еще пара-тройка крайне серьезных контор, способных неплохо себя показать в системе сдержек и противовесов... — он улыбнулся почти весело. — Знаете, я тоже живой человек и верю в чудеса. И иногда меня подзуживает мысль... собственно, это не мысль подзуживает, а оба их высочества... а что, если у вас *получится*? Вам уже удавались иные рискованнейшие и вроде бы безнадежные предприятия. Вдруг да и на сей раз случится чудо? Вдруг вы да отыщете что-то, что упустил Гаудин? — он поморщился. — Возможно, вам трудно поверить, но я не столь уж законченный бюрократ. Мне бы тоже не хотелось, чтобы планета пережила очередную Вьюгу, Шторм... — его глаза похолодели. — И все-таки в первую очередь я — сановник Империи, ее Канцлер. Поэтому... Можете вы дать мне слово: если все же ничего не удастся сделать, и дела пойдут плохо, вы не натворите никаких... *глупостей*?

— Мое слово, — сказал Сварог. — Любые глупости здесь бесполезны. Именно потому, что они — глупости...

— Ох, как мне хотелось бы *никогда* в вас не разочароваться, — холодно усмехнулся Канцлер. — У вас будут еще вопросы?

— И не один, — сказал Сварог. — Вот только они не имеют никакого отношения к тому, что сейчас происходит. Быть может, я их задам в другой раз... У меня будет такая возможность?

— Отчего же нет? Но сейчас давайте лучше обсудим кое-какие организационные вопросы. Это тоже нужно сделать, не откладывая.

— Да, конечно, — кивнул Сварог. — В первую очередь...

...Я его убил, подумал когда за Канцлером затворилась дверь. Можно сказать и так. Я ему высказал ту правду о нем, которую он *боялся* знать, но наверняка держал где-то далеко в уголке сознания. А правда заключалась в том, что он проиграл. *Сейчас* он оказался бесполезен, беспомощен, даже никчемен. Конечно, не во мне одном дело, не надо себя виноватить сверх меры. Ручаться можно, он еще и маялся потаенно тем, что ничего не в состоянии поделаться с Багряной Звездой. И это все, вместе взятое... По крайней мере, мужской поступок, ага...

Он открыл шкафчик, налил себе до краев келимаса из лучшей бутылки — пузатой, черной, с узенькой ало-голубой этикеткой. Поднял к губам стакан великолепного марранского стекла с радужными цветными прожилками, сплетавшимися в изумительно красивую сеть. Медленно выцедил, как лекарство, долго сидел, чувствуя, как живой огонь разбегается по всем жилочкам — а голова, вот тоска, остается ясной. Повторил процедуру — и вот теперь его *достало*, его чуточку выбило в измененное сознание, и наконец-то пришла настоящая тоска.

Он печалился о том Гаудине, которого узнал сначала, в первые здешние месяцы — загадочный, ироничный, державший, казалось, в карманах все тайны мира. Ничуть не похожий на того, недавнего, которому пришлось бросить в лицо горькие истины.

Он печалился о своей юности. Только сейчас ему пришло в голову, что все случившееся с ним *поначалу*, было, если подумать, его юностью — лихой, отчаянной, мушкетерской, с обретением новых друзей, опасными странствиями, головокружительными приключениями и совершеннейшей неизвестностью впереди. Вот только юности свойственно проходить. И, надевши на голову первую свою корону из нынешнего множества, Сварог — далеко не сразу это сообразив — с юностью расстался навсегда. Началось *другое* — важное, полезное, чертовски нужное, напроць взрослое, но уже ничего общего не имевшее с грохотом копыт по пыльной дороге, с грубоватыми прибаутками друзей... С лихой юностью.

Он не знал, долго ли так сидел, тоскуя о том, что никогда уже не вернется. В конце концов открыл ящичек стола, достал склянку с освежительным зельем — и через две секунды был трезвехонек. И по коридорам шагал уже взрослый человек, обладатель превеликого множества титулов и званий, холодный и собранный. Только взрослым людям достаются игры, где ставкой — вся планета...

Они там так и сидели — Элкон с превеликим терпением пытался посредством своих компьютеров выжать еще хоть что-то из образа Багряной Звезды — а Элвар тихонечко пристроился в уголке и прихлебывал свое зелье.

— Ничего нового, командир, — уныло доложил Элкон. — Беда с этим старинным форматом...

— И хватит, — сказал Сварог. — Неожиданно обнаружились более срочные дела. Ага, даже так. Мне нужно лететь в восьмой департамент, принимать начальство над этой почтенной конторой.

— Здорово! — ухнул Элвар. — Давно пора. — Гаудина что, сняли?

— Он погиб, — сухо сказал Сварог. — Несчастный случай. Так вот, Элкон вы полетите со мной. Единственное, что меня по-настоящему интересует в этом опереточном заведении — их наблюдательная сеть. Вот вы ее и возглавите. Пять минут назад вам присвоен чин лейтенанта Яшмовых Мушкетеров — не вздумайте задирать нос, исключительно для поднятия авторитета у тамошней публики. Главное для нас — немедленно взять под контроль их наблюдательную сеть и сделать так, чтобы она работала исключительно на наши нужды. Справитесь?

— Буду стараться, — ответил Элкон тихо и серьезно. — А можно будет взять туда парочку наших ребят?

— Решайте сами, — сказал Сварог. — Я только что подписал распоряжение, теперь вы — начальник их управления «Филин». Можете принимать любые решения. Есть у меня одна идея, ее нужно в скором времени пустить в ход... — он усмехнулся: — Ну как, господин лейтенант, голова не кружится?

— Немножко, — серьезно сказал Элкон.

— Главное — не заноситесь, — сказал Сварог. — Вряд ли там к нам относятся откровенно враждебно, но уж настороженности безусловно не оберетесь. Они слишком долго варились в собственном соку, они, как это водится, исполнены профессиональной гордыни... Одним словом, будете дипломатом.

— Может, и мне туда с вами? — спросил задумчиво принц Элвар. — Сейчас глотну отрезвительного, выберу мундир попышнее — и помогу там парнишке на первых порах. Дадите и мне какую-нибудь должностишку?

«А ведь это неплохая идея, — подумал Сварог. — Присутствие принца импе-

раторской фамилии многих усмирят и покажет, что власть переменялась кардинально и бесповоротно...»

— *Должностнику* я вам дать не могу, ваше высочество, — сказал он с ухмылкой. — Для человека вашего положения мелкую *должностнику* занимать негоже, а *серьезные* заняты все до одной. А вот статус неофициального куратора от Императорского кабинета — совсем другое дело... Вполне по-бюрократически, в рамках традиций. Пойдемте, господа? У меня сегодня столько дел...

Глава XI ОТ КАРЬЕРИСТОВ ТОЖЕ БЫВАЕТ ПОЛЬЗА

— Не знаю, ваше величество, может, ничего полезного тут и нет, — сказал Интагар крайне нейтральным тоном. — Но я обязан был вас вызвать. Пришел человек, затрещивал в Колокол Правды...

— Это еще что такое? — с искренним недоумением спросил Сварог. — Что-то я такого не помню...

— Вы в свое время довольно бегло знакомились с королевским дворцом, сами приказали не обременять вас разными третьестепенными мелочами...

— Было дело, — сказал Сварог. — Что за Колокол?

— Он к тому времени как раз и был полузабытой мелочью, сохранявшейся традиции ради и согласно бюрократическим правилам... Видите ли, ваше величество, дедушка короля Конгера, пребывая однажды в особо милостивом расположении духа, как раз и распорядился этот колокол устроить. Там, снаружи, у полуденной стены дворца, есть башенка. Всякий подданный, какого бы сословия он ни был, имеет право зайти туда и позвонить в Колокол Правды. Означает это, что он просит аудиенции у короля. Король, согласно заведенному обычаю, аудиенцию обязан дать. Уже в старые времена было особо оговорено: пришедший имеет право звонить в колокол в одном-единственном случае — если ему стало известно, что от короля скрывают что-то очень важное.

— Могу представить, что там творилось в первые месяцы... — усмехнулся Сварог. — По головам лезли?

— Совершенно верно, ваше величество, — без улыбки кивнул Интагар. — Королю не было ни покоя, ни отдыха, и ничего тут не поделатъ — королевское слово... Пару раз действительно рассказывали крайне интересные вещи, а однажды оборотистый лакей сообщил о заговоре, который тогдашняя тайная полиция ухитрилась проглядеть. Но в массе своей народишко лез с мелочами, которые по ничтожеству своему считал важными и значительными: главный землемер провинции берет взятки, некий пьяный приказчик запустил в королевский портрет пивной кружкой, деньги на постройку моста разворовали, мост так и не построивши... В общем, пустяки, недостойные королевского внимания. Процедуру решили упорядочить, ввести наказания для тех, кто отрывал его величество от дел пустяками, которые с точки зрения монарха либо яйца выеденного не стоят, либо должны решаться на уровне мелких чиновников. О, ни плахи, ни даже тюрьмы, но и церемоний особых не разводили:

ссылка для дворян, разжалование для военных, большие штрафы для сословий, порка для всех прочих... Вскоре, как легко догадаться, число желающих позвонить в колокол изрядно поубавилось. А уж тем более когда Конгер добавил еще и конфискацию движимого либо недвижимого, либо всего сразу... За время его царствования «звонарей» набиралось менее пары дюжин в год. Главным образом приезжие из провинций. За время своей службы я помню только два случая, когда речь шла о серьезных вещах: один опять-таки сообщил о заговоре, второй указал на известного купца как на крупного горротского шпиона, и это подтвердилось. Остальные несколько десятков подверглись тому или иному наказанию из существующего списка. Ну, а за время вашего пребывания на троне это первый случай.

— Как еще только колокол сохранился в действующем виде...

— О, с этим обстоит наилучшим образом, — крайне серьезно сказал Интагар. — Тогда же, при дедушке Конгера, решено было создать Департамент Колокола — с немалым числом чиновников, регистрационными книгами, обширными бюрократическими регламентами. Есть особые служители, которые следят за исправностью колокола, есть дежурные чиновники с четким распределением обязанностей... — он скупой улыбнулся. — В общем, за десятки лет «звонарей» становилось все меньше, а вот Департамент Колокола потихоньку разрастался, там сейчас раза в три больше народу, чем в момент учреждения.

— Ну да, как обычно... — поморщился Сварог. — Ничего с ними не поделаешь, плодятся будут, как мыши, если не прихлопнуть саму контору — но они и тогда разбегутся по таким же теплым местечкам... Что за звонарь? Вы его уже допрашивали?

— Не имею права, ваше величество, — сказал Интагар серьезно. — И никто не имеет — так уж заповедано его величеством Кергиусом Третьим... Он будет говорить только с вами.

— Но вы хоть выяснили, надеюсь, кто такой?

— Обижаете, ваше величество... — усмехнулся Интагар, заглянул в лежащий перед ним лист бумаги. — Конечно же, в сжатые сроки... Петар Курлич, двадцати трех лет, женат, есть дочь, по классному чину — писец.

«То есть мелюзга нижайшего, шестнадцатого класса, приравненная к армейским рядовым», — отметил Сварог, уже поднаторевший в бюрократических тонкостях.

Интагар бесстрастно продолжал:

— Служит в квартальном полицейском участке, в столе убийств. Вот уже пять лет. Служебным взысканиям не подвергался, но, по нашим сведениям, карьерных перспектив не имеет. Если нет связей или выгодного родства, из низших полицейских чиновников почти невозможно подняться выше, чем на пару классов — и то аккурат к пенсиону. Ну, конечно, можно раскрыть какое-нибудь громкое преступление — но у полицейских бумажных крыс такой возможности практически не бывает, они же не сыщики. Шуршат бумагами в канцелярии да проводят первичный осмотр места преступления... Что еще? Выпивает умеренно, в выходные дни и праздники, семейная жизнь протекает ровно и спокойно, без скандалов... правда, вот уже год в глубокой тайне поддерживает известные отношения со служанкой из кабачка «Золотая шишка». Жена не знает. Взятки берет в меру, ровно столько, сколько ему положено по

чину и должности, не зарываясь. По моим наблюдениям, впечатления сумасшедшего не производит — разве что невероятно взволнован, но тут-то как раз ничего удивительного...

— Одним словом, скучный, неинтересный серый мышонок из заурядного полицейского участка... — задумчиво протянул Сварог.

— Вот именно, ваше величество.

— Но отчего-то решился позвонить в колокол, полагая, что от меня скрывают нечто важное... Ну, пойдемте, посмотрим на вашего мышонка. Да, насчет...

— Меры предосторожности приняты соответствующие, — сказал Интагар. — Еще в старые времена под видом знатоков тайн пытались проникать покушавшиеся на монарха...

Молодой человек в черно-красной полицейской форме, едва Сварог вошел, вскочил с табурета и вытянулся прямо-таки в струночку. Реденькие усишки, глуповатая физиономия, исполненная рвения и обожания... Действительно, колотит бедолагу от волнения, с порога видно...

— Ваше величество! — возопил молодой человек срывающимся фальцетом. — Петар Курлич, писец квартального...

— Я уже знаю, — мягко прервал Сварог. — Вот это — господин Интагар, начальник тайной полиции королевства. Не возражаете, если он будет присутствовать?

— Я... Как прикажете, государь...

— Отлично, — кивнул Сварог и уселся.

Еще пара минут понадобилась, чтобы уговорить господина Курлича все-таки сесть ради пущей непринужденности беседы. Пришлось даже прикрикнуть. В конце концов полицейский все же опустился на табурет — самым краешком седалища, так, словно готов был в любой миг взмыть по стойке «смирно».

Рядом с табуретом лежал мешок казенного вида — квадратный, парусиновый, со смазанным штампом полицейского участка и его номером. Горловина старательно замотана витым шнурком, скрепленным коричневой сургучной печатью размером с небольшую булочку. Сварог подметил, что Интагар глянул на этот мешок, сузив глаза, потом словно бы небрежно повел взглядом по комнате — определенно напоминая своим невидимым подчиненным о бдительности. Где они прятались, Сварог, разумеется, не мог определить — портьеры, огромные картины, лепные украшения, парочка высоких шкафов, одним словом, места хватит для дюжины стрелков. Которых Интагар, уж точно, расставил со всем тщанием.

— Ну что же, — сказал Сварог, как мог доброжелательно. — Рассказывайте, что у вас стряслось...

— У меня — ничего... Стряслось у господина Альдерона, это хозяин постоянного двора «Олень и арбалет»... Заведение средней руки, дворяне там обычно не останавливаются, но место, не в пример многим другим, приличное и нашему участку хлопот не доставляло.

Сварог усмехнулся:

— Надо полагать, господин Альдерон регулярно благодарил ваше начальство, как это обычно водится?

Писец мялся на краешке табурета. Сварог сказал небрежно:

— Вас, должно быть, не предупредили... Любезный господин Курлич, так

уж случилось, что есть у меня способность моментально определять, правду мне говорят, или лгут. Вы уж это учитывайте в дальнейшем... Альдерон вам платил?

— Ну не нам, мелкой сошке, — сказал писец, таращась на Сварога с восторженным ужасом. — Господину начальнику участка. Вообще-то за ним не водилось грехов, которые следовало бы покрывать, просто традиция такая, не нами придумано, ваше величество...

— Не на вас и кончится, — с понятливым видом кивнул Сварог. — Ладно, будем считать, что дело это житейское. У нас в королевстве столько вековых традиций...

— У Альдерона и в самом деле приличное заведение, — приободрившись, продолжал писец. — Воришка или шулер туда ни за что не пролезет, а девок... а девок, простите за такие подробности, ваше величество, подбирают таких, чтобы ни в жизнь пьяного клиента не обворовали. Спокойное заведение, нам с ним никаких хлопот... а вот если взять парочку гадюшников в нашем квартале, ту же «Яблоневую ветвь» или «Приют истомившегося»... Ох, простите, я чего-то не туда повернул... Короче говоря, позавчера ранним утречком господин Альдерон к нам форменным образом примчался, запыхался весь, неся, видимо, сломя голову — при его-то обычной солидности... Он прошел к начальнику, а вскоре начальник вызвал меня и сказал, что в «Олене и арбалете» приключилось убийство. И посему мне поручается туда немедленно отправиться вместе с парой сыщиков — осмотреть там все, составить протокол, как полагается... а главное, провести дело без малейшего шума и держать язык за зубами, потому как заведение приличное и следует позаботиться о его репутации... Я переоделся в цивильное, у меня для таких случаев всегда висит в шкафу специальный наряд, в котором я выгляжу простым градским обывателем... ну, а сыщики и так никогда в мундирах не ходят... Пришли мы... А он там, на постели, уже совсем закован. Никец — ну, наш сыщик — сразу определил, что убили его еще глубокой ночью, часов за пять до рассвета. Мастерски, говорит, убили — стилетом в сердце, одним ударом, стилет так в груди и торчал... А еще Никец моментально определил, что окно как было заперто изнутри, так и осталось, и Бранис с ним согласился. По ихнему выходило, что убийца отпер замок отмычкой, тихонько вошел, одним ударом прикончил спящего, а потом долго и старательно ворошил его вещички. И обе дорожных сумки, и поясной кошель были наизнанку вывернуты, все, что там было, валялось на полу, как попало. Господин Альдерон, когда услышал про убийцу, который прошел ночью по коридору с отмычкой, пришел в совершеннейшее расстройство — это же какой удар по репутации... Он нас умолял ни словечком никому не проговориться...

Сварог усмехнулся:

— Сколько он вам дал?

— По пять золотых, — с убитым видом признался писец. — И мне, и Никецу с Бранисом. Мы так подумали: это ж не преступление покрывать, просто не болтать языком, и все тут — что нам и так уставы предписывают... Убийство это нам очень быстро показалось ужасно странным...

— Почему?

— *Этот* не взял денег, — выкатив от усердия глаза, сказал писец. — Вывернул кошелек на стол, видимо, что-то искал и в нем, но деньги так и остались

лежать, серебряных ауреев там было, по описи, тридцать четыре, и двенадцать ауреев золотом, ну, и медяшки... Совершенно его деньги не интересовали, он за чем-то другим пришел. Только за чем, никто теперь не скажет, никто ж не знает, что у покойника при себе было раньше, когда он был жив, и, соответственно, не определить, что пропало...

Сварог слушал его с возрастающим интересом: писец звезд с неба безусловно не хватал, но свое полицейское ремесло знал неплохо. В том, что он говорил, был резон.

— Я составил протокол, а потом мы, как положено, все сложили назад. Носильные вещи и тому подобное упаковали в те же сумки, а деньги, и все документы, что нашлись при покойном, сложили в наш мешок, — он показал на означенный. — По документам это выходил Юлвар Пешер, член Золотой гильдии, приказчик торгового дома «Братья Бургато» из Ронеро... только потом оказалось, когда мы проверяли, что документы насквозь липовые: и Пешер такой не числится в гильдейских списках, и по проставленному адресу живут совсем другие люди, и нет в Ронеро никакого такого торгового дома, никто и не слыхивал про братьев Бургато... Но это уже потом было, а тогда я... — он передернул плечами, шумно почесал в затылке, заерзал. — Не то чтобы я такой сообразительный, просто есть старая инструкция: в *странных* случаях, не откладывая, проверить, не зашито ли что в одежде. Мы втроем сошлись, что случай самый что ни на есть странный: сколько раз бывали на жмурах... прошу прощения, на убийствах, но ни разу не видели, чтобы убийца оставлял деньги на столе, как мусор... Никец с Бранисом взялись перетряхивать вещички из сумок, а я взял с вешалки его хомерик. И только это я его вывернул подкладкой вверх, вижу: в двух местах швы неправильные какие-то, грубые, ни один хороший портной такого подмастерьям не спустит. А хомерик был и в самом деле дорогой, приличный, в самый раз для Золотой гильдии. Грубыми такими стежками зашито, я б, наверно, и сам так коряво зашивал, доведись нужда... Взял я ножичек, подпорол аккуратно там, где что-то твердое прощупывалось — и нате вам! Зашита там натуральнейшая бляха тайной полиции протектора, то есть покойного барона Гинкара, и уж она-то не поддельная, а самая доподлинная — есть в этих бляхах такие хитрушки, которые только полицейские знают. А в другой поле зашита шифрованная грамотка — буквы все до одной знакомые, но сложены в сущую бессмыслицу. Уж если бляха — то это, к гадалке не ходи, шифрованное донесение... Упаковал я все это отдельно и прямым двинул к господину начальнику... — он понурился, умолк.

«Ага, — подумал Сварог. — Тут-то ты, сокол ясный, и усмотрел отличимый случай выдвинуться — потому что второго такого еще сто лет может не представиться...»

— Господин начальник сначала очень воодушевился, даже медаль мне обещал... а через день вызвал и ушат ледяной воды вылил — ну форменным образом... Я, говорит, Курлич, буду с тобой говорить как серьезный человек с серьезным человеком. Номер бляхи, говорит, мы быстренько проверили — и числится он среди тех номеров, что выданы были в свое время *личным* агентам покойного господина протектора. Такие вот личные агенты — особая статья. Выполняют они исключительно личные поручения протектора, в официальных бумагах все, что они добудут, никоим образом не отражается, а оседает у самого протектора — сплошь и рядом не на бумаге, а в голове. Ну, а по-

сколько господин барон уже полтора года как преставился, то донесение это для нас полностью бесполезно: ни одна живая душа, кроме двух покойников, барона и приказчика этого мнимого, понятия не имеет, о чем там речь. Даже если и удастся расшифровать, никто не поймет. Да и личных агентов протектора ищи-свищи. Они ведь, узнавши о смерти барона, моментально изничтожили бляхи, сожгли документы, если были, и притворились, будто они испокон веков мирные градские обыватели. Такой у них устав, которого никто в глаза не видел, но малость наслышаны... А посему, Курлич, говорит господин начальник, приказываю тебе и о бляхе, и о шифрованной бумаге позабыть начисто. Я, говорит, посоветовался там — и на потолок показывает — и получил оттуда высокое мнение: опечатать все, сдать в архив и забыть на веки вечные. Убийцу *приказчика Пешера*, само собой, искать будут со всем усердием — но про бляху и документ забыть. И если ты, Курлич, говорит господин начальник, будешь умным малым, каким я тебя прежде считал, и языком молот не станешь, я тебе быстренько выхлопочу нашивки письмоводителя, до которых тебе, если по уставу, еще пять лет выслуги... А будешь дураком и не поймешь текущего момента — выгоню на улицу в патрульную полицию, уже без чина, и будешь ты до седых волос сапогами мостовую драить, даже до десятника не поднявшись... Что тут делать? Пришлось заверить, что я не дурак и текущий момент понимаю...

Сварог подумал, что квартальный начальник и те вышестоящие, с кем он советовался, пожалуй что, вовсе не дураки и не лентяи. Рассуждали они вполне резонно: *все*, что знал Гинкер, *все*, чем он занимался посредством личных агентов, умерло вместе с ним, помянутые агенты навсегда легли на дно, кому и зачем в этих условиях крохотный, жалкий обрывочек тайн покойного протектора? Что же, еще один хорошо законспирированный агент, сидевший где-то в глуши до самых последних дней и потому понятия не имевший о безвременной кончине барона? Да, очень похоже...

— Только сел я потом у себя и задумался, — продолжал писец. — А вдруг эта бумага, ваше величество, все же *ценная*? Похороним ее в архиве, через пять лет, по регламенту, спишут и сожгут — а там все же что-то полезное для короны? Есть у меня друг, пожалуй что, поумнее меня, а главное, с ним-то можно говорить откровенно, не выдаст. Посидели мы, прикончили бутылочку, и он мне посоветовал все же идти звонить в Колокол. Думал я, думал, взвешивал так и этак, а потом все же пошел... Так что теперь я всецело на милости вашего величества, как решите, так и будет...

— Бумага там? — спросил Сварог, кивком указав на опечатанный мешок.

— Там все бумаги, какие только при покойном были. Я так подумал — если уж нести, так все до одной. Мало ли что из них можно знающим людям *выцедить*... Как вам будет благоугодно решить, ваше величество. Мне терять уж нечего. Только за то, что я этот, — он покосился на мешок со странной смесью любопытства и ненависти, — унес из участка, не то что без мундира на улицу выкинут, а, пожалуй, за решетку закатают...

Сварог поднялся и тут же взметнулся с табурета писец, встал навытяжку. Мешок оказался совсем не тяжелым. Покачивая им, Сварог сказал веско:

— Любезный господин Курлич, можете не беспокоиться. Вы действительно оказали большую услугу короне. Мое благоволение. Не будем спешить, я еще подумаю, какую награду вам назначить, но даю королевское слово: без достой-

ной награды вы не останетесь.

Писец побледнел еще больше, закатил глаза, явно проявляя поползновения шлепнуться в обморок. Сварог покосился на Интагара. Тот сделал скупой жест. Из-за ближайшей портьеры, на ходу запихивая за пояс пистолеты, выскочили двое молодчиков, проворно подхватили ошалевшего от радости писца за локотки и удержали на ногах.

— Подыщите господину Курличу уютную комнатку, где он мог бы отдохнуть от всех треволнений, подкрепиться, выпить вина... — распорядился Сварог. — Пойдемте, Интагар.

В любом случае писец заслуживал награды — как-никак обнаружилась еще одна шифровка людей Гинкера. Быть может, совершеннейшая пустышка, но как знать...

Когда они вернулись в малый кабинет, Сварог плюхнул мешок на стол, достал кинжал и прицелился было разрезать шнурок. Интагар весьма непочтительно перехватил его руку:

— Ваше величество, подождите! Я сейчас позову людей, пусть они вскроют...

— Все, что этот парень рассказал — чистейшая правда, — сказал Сварог нетерпеливо.

— Не смею сомневаться, ваше величество. Но всякое бывает...

— Глупости. Мешок слишком легкий для бомбы.

— Всякое бывает, — повторил Интагар решительно. — Этот парень говорит чистую правду... а вот кто-нибудь другой мог туда запихнуть какую-нибудь отраву. Сколько раз людей использовали втемную, совершенно без их ведома...

В подобных случаях его было не переспорить. Сварог и не пытался. Он с четверть часа торчал в коридоре под дверью собственного кабинета, прямо-таки маясь от любопытства. Наконец дверь открылась, вышли два пожилых, одетых в темное господина, ничуть не похожих на агентов тайной полиции. Один, с благородной проседью, в золотых очках, поклонился:

— Все в порядке, ваше величество. Ничего опасного.

Сварог нетерпеливо вошел в кабинет. Интагар сидел за столом, он уже успел сложить бумаги в небольшую стопу, прикрыв ее бляхой. Вот бляха как раз сейчас интересовала Сварога меньше всего. Плюхнувшись в кресло, он кратко распорядился:

— Шифрованное письмо.

Интагар вытянул один из листов — не бумажный, а из тонкого полотна, покрытый аккуратными черными строчками, не разделенными на фразы и абзацы. Да, в точности такая, как прежние — хаотический набор, бессмысленные сочетания букв...

Сварог не стал начинать с шифровки — спешить было совершенно незачем. Взаялся за остальные бумаги.

Гильдейское свидетельство на имя Юлвара Пешера, старшего приказчика торгового дома «Братья Бургато». Доверительное письмо на имя того же Пешера, разрешающее ему заключать любые сделки от лица и по поручению означенного торгового дома. «Депозитная грамота», выданная Пешеру в столице банком «Барралонг» и открывающая неограниченный кредит в любом отделении данного банка.

Сварог молча показал документ Интагару.

— Вот *это* уже настоящий банк, — сказал тот. — Солидный. Серьезный. Отделения в каждой провинции, и за границей имеются. Вряд ли это подделка. Тут возникают два интересных обстоятельства. Неограниченный кредит... Значит, Гинкер проводил какую-то операцию, очень возможно, требовавшую немалых расходов. И еще, он должен был всецело доверять этому Пешеру или как его там по-настоящему. Иной, получив такой документ, снял бы сумму побольше, да и пустился в бега.

— Логично... — проворчал Сварог. — Ну, что там у нас дальше...

Подорожная на имя Пешера, выписанная до столицы в некоем городе Гаури провинции Кореслей. Оставшиеся три документа — практически однотипные: купчие на стандартных гербовых бланках. Согласно одной из них, Пешер приобрел в том самом городе Гаури «Дом на улице Вишневой, семнадцать, с прилегающим садом и надворными постройками». По второй, — опять-таки в Гаури он купил земельный участок площадью в два югора, «примыкающий к официально утвержденной городской черте и ограниченный согласно прилагаемой кадастровой выписке». Третья заключена на таверну «Жареная камбала» «вкупе со всем подворьем». Владельцем во всех трех случаях становился не Пешер, а торговый дом «Братья Бургато».

Встретив вопросительный взгляд Сварога, Интагар пожал плечами:

— Все купчие, мне думается, подлинные, составлены и заверены по всем правилам. Цены невысокие, примерно такими и должны быть цены на недвижимость в этой глуши. Кореслей — жуткое захолустье неподалеку от гланской границы.

— Случайно, не поблизости от Гартвейна?

— Ну да, провинция как раз с Гартвейном и граничит.

«И снова Полуденное Ронеро, отроги Каталауна, — подумал Сварог. — Вроде бы ничем не примечательные места, но, как выясняется, полные всевозможных странностей...»

— Одного я не понимаю, — сказал Интагар. — Зачем Гинкеру понадобилось покупать в глуши домишки, таверны и землю? Пешер наверняка не по собственной инициативе действовал, инструкции выполнял...

— Ну что же, — проворчал Сварог. — Остается прочитать донесение...

Он коснулся золотых накладок на правом углу стола. Повернул в определенном порядке. Они только со стороны казались намертво прикрепленными, а на самом деле прекрасно вертелись в разные стороны, нужно было только нажать предварительно одну из многочисленных бронзовых ракушек на торце стола.

Часть столешницы перед ним отъехала влево, отрывая клавиатуру компьютера. Одно нажатие — и в воздухе над столом возникла рамка экрана, большой прямоугольник, образованный бледно-золотистой полосой света.

Физиономия Интагара, как всегда в этом случае, преисполнилась печальной зависти. Он быстро разобрался в свое время, что такое компьютер, и давно уже мечтал его заполучить для служебных нужд. Сварог подумал, что *теперь* это вполне можно устроить — когда восьмым департаментом заведует он сам и некому больше за ним шпионить (изучая на скорую руку доставшееся ему хозяйство, он без особого удивления обнаружил целый отдел, занятый исключительно наблюдением за его скромной персоной, и дело там было по-

ставлено на широкую ногу. Обижаться на покойного Гаудина не следовало — служба такая, дело житейское. По крайней мере, теперь Сварог знал поименно всех до единого царедворцев из своих земных королевств, стучавших на него в восьмой департамент. Слава богу, там не оказалось ни одного из тех, к кому он относился с особым доверием и симпатией).

В общем, *теперь* вполне можно снабдить Интагара компьютером. Интагар с компьютером — это, судари мои, великолепнейшее сочетание...

Сварог тщательно расправил шифровку, положил на нее крохотное черно-ребристое полушарие сканера, кивнул Интагару:

— Подсаживайтесь, какие уж тут от вас секреты...

Интагар с превеликой живостью подхватил свое кресло и устроился рядом — правда, из почтительности отодвинувшись на пол-уарда. Действительно, не было никакого смысла скрывать от Бульдога что-то, касавшееся личной агентуры барона Гинкера — Интагар о ней узнал задолго до Сварога...

Сканер челноком принялся сновать по строчкам, вправо-влево, вправо-влево... Строчки в быстром темпе появлялись на экране. Когда все послание было туда перенесено, Сварог включил программу Элкона, с помощью которой *щелкали* прежде гинкеровские шифровки.

На экране замерцали буквы, меняясь с такой скоростью, что человеческий глаз просто не в состоянии был это заметить, так что текст выглядел черным с белыми прожилками мигающим квадратом. Впервые столкнувшийся с *этой* процедурой Интагар взирал на Сварога тревожно и растерянно. Сварог показал ему жестом, что беспокоиться не о чем, все идет так, как и должно идти.

Ага! Мерцание приугасло, квадрат вновь распался на аккуратные строчки, буквы все еще сменяли друг друга, но уже гораздо медленнее, удалось даже прочитать отдельные, вполне осмысленные слова: «зеркало», «дом», «заклинание»...

Все. В правом верхнем углу вспыхнули большие синие буквы «Расшифровка закончена». Сварог склонился к экрану.

— Вот оно как... — выдохнул он вскоре.

«Господин барон, все полностью подтвердилось. В доме на Вишневой семнадцать и в самом деле висит зеркало, в котором можно с помощью соответствующего заклинания увидеть Багряную Звезду вблизи. Я наблюдал. Зрелище непонятное и странное, поэтому остерегусь делать выводы и строить предположения, пусть этим занимаются, кому надлежит. Дом мною куплен законным образом — после смерти последнего владельца он полтора года числился выморочным городским имуществом. Согласно инструкциям расследования касательно личности владельца не производил, чтобы не тратить времени. После завершения всех сделок направляюсь в Равену. Немаловажное уточнение: наблюдатель должен находиться перед зеркалом в одиночестве, иначе ничего не получится. Семнадцатый».

И ниже — еще две строчки, но уже не бессмысленный набор букв, о который язык и глаза своротишь, а словно бы старательно записанная длинная фраза на незнакомом языке (заклинания частенько именно так и выглядят).

— Так вот оно что... — сказал Сварог. — Вот что они там искали, вооружившись неограниченным кредитом... Интереснейшие вещи можно отыскать в нашем пограничном захолустье, не правда ли, Интагар?

— Да уж, ваше величество... — сдавленным голосом поддакнул министр тайной полиции.

— Одного я не пойму: какого черта ему понадобилось покупать еще землю и таверну?

— Ну, если прикинуть... — раздумчиво протянул Интагар. — Может, он просто не хотел привлекать внимания. Приказчик солидного столичного торгового дома едет в жуткую глушь, чтобы приобрести там один-единственный домишко — судя по цене, это именно что небольшой домишко. Такие вещи всегда выглядят странно, о них начинают болтать, особенно в захолустье, где новостей мало... А вот если прикупить еще таверну и приличный кусок земли, распространить слух, что столичные купцы собираются тут завести какое-то *предприятие*... Так оно гораздо правдоподобнее выглядит. Я бы на месте этого семнадцатого так и поступил.

— Посмотрим справочник... — сказал Сварог, нажимая клавиши. — Гаури... Коронный город на самой границе с провинцией Гартвейн... Ага... Коронный город — это хорошо, там нет заносчивых магистратов, с которыми иногда бывают хлопоты, есть только назначенный бургомистр... Что там... Три тысячи сто сорок два жителя, драгунский полк на постое, основные занятия — садоводство и огородничество. На широкую ногу поставлено производство варенья, пастилы и прочих сладостей... Скорее уж деревня, за неизвестные заслуги возведенная в статус города, как это было с Кортенсом... И конечно же, Интагар, там отродясь не водилось ваших людей?

— Увы... — виновато ссутулился Интагар. — К чему? Там и обычной-то полиции наверняка нет, одна городская стража. Эти захолустные уголки никогда не представляли интереса...

— Ага, — с печальным сарказмом сказал Сварог. — Вот так мы все и думаем. А в захолустных уголках, оказывается, интереснейшие вещи можно найти...

— Какие будут приказания? — спросил Интагар.

— Этим домом на Вишневой я займусь сам, — сказал Сварог. — Не ерзайте, без вашего участия не обойдется... Вы пока что срочно заберите дело об убийстве у полиции и пустите на него ваших молодцов. Землю ройте, как вы это умеете. Убийство это престраннейшее, что сообразит даже сопливый полицейский писец. Кто-то еще в игре, точно, хотя я и не понимаю, в чем тут дело...

...Нынешняя встреча с мэтром Тагароном состоялась уже не в сыром подвале, а в одной из комнат того самого дома. Да и выглядел беглый механикус чуточку респектабельнее: его во исполнение Свароговых инструкций хорошенько ополоснули из ведра, дали новую одежду — поношенный, но добротный наряд горожанина средней руки и даже выдали на минутку расческу.

— Давайте сразу внесем ясность, — холодно сказал Сварог. — Отношение к вам ничуть не изменилось. Мне просто не хотелось спускаться еще раз в... вашу прежнюю квартиру. Да и вымыли-приодели вас исключительно затем, чтобы не воняли. А то в прошлый раз меня блевать тянуло, а ведь я не из неженков...

Тагарон смотрел исподлобья, с бессильной злостью: мученик науки в когтях злобной инквизиции, ага...

— Ну, не будем терять времени? — сказал Сварог. — Коли уж вы, как мне

доложили, готовы к разговору... И начнем мы с вашей подводной лодки, точнее, с ее движителя. Скрывать не стану: все, кто его изучал, и не только на земле, в полнейшей растерянности. Никто просто-напросто не понимает, как эта штука работает и на каких принципах создана. Быть может, вы внесете ясность? Можете с заковыристой научной терминологией, я добросовестно попытаюсь понять, а чего не пойму, потом попытаются понять те, кто будет читать бумаги... — он покосился в сторону, где за маленьким столиком сидел, сосредоточенно прицелясь карандашом в лист бумаги, мастер скорописи. — Итак?

Тагарон откровенно мялся. Потом сказал:

— Это связано с земным тяготением, с магнетизмом...

И надолго замолчал.

— И это все, что вы можете сказать? — вкрадчиво поинтересовался Сварог.

Тагарон, набычась, кивнул.

— А ведь вы, что интересно, ни капельки не врете, — сказал Сварог. — Что блестяще подтверждает кое-какие мои предположения... Я о вас знаю достаточно. Вы, собственно говоря, не ученый, не *теоретик*. Вы просто-напросто механик-практик, пусть и весьма искусный. Вы никогда ничего не изобрели сами, всегда пользовались чужими идеями, правда, сплошь и рядом творчески их развивая и усовершенствуя... Верно?

— Вы совершенно правы, ваше величество, — ответил Тагарон с легкими потугами на сарказм. — Должен заметить, что я никогда и не провозглашал себя ученым или изобретателем... Не соизволите ли поведать, кто вам рассказал о моей скромной персоне? Уж не Анрах ли?

— Ну да, в том числе и Анрах, — спокойно кивнул Сварог. — Что это вы так кривитесь, любезный мой? Анрах — очень ответственный человек, бывший гвардейский офицер, сейчас служит научным консультантом в крайне серьезном учреждении. Он никогда не был вам очень уж душевным другом и никогда не давал вам обещаний хранить что-то в тайне... Поэтому не будем отвлекаться. Расклад прост. Коли уж вы и *сами* ничего не понимаете в движителе, вы его не изобретали. Вы его где-то раздобыли готовым. Где? Я уверен, вы его у кого-то попросту купили. Тайная полиция раскопала, что примерно за полтора года до бегства из Ронеро вы вдруг начали в лихорадочном темпе продавать имущество. Продали загородное имение, дом в Равене — после чего стали жить в съемном. Продали драгоценности покойной супруги, серебряную посуду, даже часть библиотеки. Мотивы... собственно, мотивов не усматривалось вовсе. К азартным играм вы никогда не питали склонности, так что и речь не идет о каких-то карточных долгах, на женщин тоже не травились, служанками обходились — дешево и удобно... После этого вы не делали никаких крупных покупок, и ни в одном банке вырученная вами небольшая сумма не засветилась. Она словно провалилась под землю... или, как теперь ясно, в чей-то карман. Да?

Тагарон мрачно кивнул.

— Излагайте, — сказал Сварог. — К вам кто-то пришел с товаром, или обстояло иначе?

— Иначе, — сумрачно сказал Тагарон. — Не знаю, известно ли вам, или нет... В Равене есть *научный* черный рынок наподобие тех, где торгуют ворованным, курительной дурью или контрабандой. Только на этом...

— Я знаю, — кивнул Сварог.

Такой рынок и в самом деле существовал — и даже для хватких работников Интагара во многом, в отличие от всех остальных, оставался загадкой, не профильтрованной еще должным образом агентами тайной полиции. Причины просты. За ворованным всегда тянется *след*. Курительная дурь и контрабанда сплошь и рядом движутся хорошо известными маршрутами. Да и контингент в этом ремесле занят специфический. Совсем иначе обстоит с черным рынком, где торгуют состоящими под запретом научными книгами и механизмами и разными прелюбопытными диковинками, то из случайно вырытого клада, то раздобытыми где-нибудь в Иллюзоре (а то и до недавних пор — в Хелльстаде). И покупатели, и продавцы, и посредники никак не принадлежат к числу обычной полицейской клиентуры. К тому же огромную роль тут играет случай. Интагар как-то горячился: ну невозможно же предсказать и просчитать заранее абсолютно неизвестного прежде персонажа, внезапно вынырнувшего на свет божий с чем-то запретным, выкопанным неведомо где!

— Ко мне пришел человек... Посредник...

— Личность этого посредника меня пока не интересует, — сказал Сварог. — Главное, вы не врете. Продолжайте в том же духе.

— К нему пришел некто, желавший продать чертежи и модель некоего механизма. Пришел по хорошей рекомендации от заслуживающего доверия человека, не первый год причастного к... нашему делу. Меня это заинтересовало, и я с ним встретился. Посмотрел модель в действии. Показал знающим людям имевшиеся при ней расчеты — ну, могло же оказаться так, что этот движитель прекрасно работает в виде крохотной модельки, а вот будучи выполнен в большем масштабе, окажется бесполезным, даже детскую коляску не сумеет сдвинуть с места... На сей раз обстояло иначе. Математики, двое неплохих, меня заверили, что вещица перспективнейшая. И я решился. *Такого* мне в руки еще не попадало. Он хотел много, очень много, но прав был, стервец — вещь того стоила. Вот я и продал все, что мог, кое в чем изрядно продешевил, но время поджимало — он торопился и торопил меня.

— Что за человек?

— Да кто же его знает... — сказал Тагарон. — Средних лет, одет небогатым купцом, но, по моим наблюдениям, вполне мог принадлежать к Сословию Со-вы — чувствовался книжник... Имя он наверняка назвал вымышленное. Он проговорился мимоходом, что приехал из Градиса, но это опять-таки могло оказаться выдумкой...

Сварог насторожился. Градис был главным городом провинции Гартвейн — откуда странности в последнее время потоком хлынули...

— Я, знаете ли, не оторванный от мира книжный червь, — продолжал Тагарон. — Кое-какой житейской сметкой и практичностью, надо думать, обладаю... У меня создалось впечатление, что товар свой он... ну, если не украл, то все равно что-то нечисто было с этим товаром. Казалось, он пустился в бега, и теперь, получив изрядную сумму, намерен податься на другой конец земли. Как бы там ни было, он откровенно опасался слежки, уж об этом-то можно говорить с уверенностью... Словом, сделка состоялась. И я никогда его больше не видел.

— Вы снова ни капельки не соврали... — задумчиво сказал Сварог. — Значит, все так и было... Одного я в толк не возьму: как вы намеревались этот

двигатель использовать? Я видел у Анраха модель вашей подводной лодки, довольно давно... Но вы же прекрасно должны были знать, что винт запрещен...

— Подводная лодка — это побочный эксперимент, — сказал Тагарон словно бы даже с едва уловимой ноткой превосходства. — Я тогда просто забавлялся с новой игрушкой, прилаживал ее так и сяк, и к тому, и к другому... Анрах получил в подарок безделушку, модель лодки без внутренностей, я ему ничего о двигателе не говорил. Как использовать? Вы совершенно точно подметили, ваше величество — я *практик*. И увидел прекрасный случай разбогатеть. Ну да, винт запрещен, я прекрасно знаю... но ведь можно приспособить двигатель к разрешенным гребным колесам судна, к токарному станку, к водяному насосу, да мало ли... Что касается самого двигателя, он не числился в реестрах запретных механизмов. Или я ошибаюсь?

— Да нет... — сказал Сварог. — Нельзя запретить то, о чем прежде и не слышали...

— Вот видите. Соответственно, и *принцип* действия не числится в запрещенных. Я мог бы взять патент, присовокупив к чертежам достаточно убедительную порцию наукообразной чуши. Заинтересовать купцов или банкиров и производить двигатели быть может, даже не сотнями — тысячами. Это же золотое дно...

— Возможно, — сказал Сварог. — Очень может быть. Но вам не приходило в голову, что соответствующие инстанции, ознакомившись с вашим патентом, могли его и запретить?

— Могли. А могли и разрешить. В этом случае выгода стократ окупила бы все расходы.

— Тоже верно... И что было потом?

— Потом появились *они*... Еще до того, как я успел подать бумаги на патент.

— Кто?

— Не знаю, — сказал Тагарон. — Представления не имею. Как ни ломал голову с тех пор, не догадался. Обычные, ничем не примечательные люди, не похожие на бандитов, я бы даже сказал, скорее, принадлежащие к ученому сословию: порой в разговоре проскальзывали словечки и обороты, именно этому сословию свойственные, — он зябко передернулся. — Но это в то же время были *страшные* люди. Как-то это у них сочеталось. Убили бы и не поморщились. Мэтра Кердина... того посредника... определенно убили именно они, да еще пытали предварительно — иначе как бы им удалось до меня добраться? Тайну знали трое: я, продавец и Кердин... но из разговора с *ними* я вынес убеждение, что сведения они получили именно от Кердина...

— И что они хотели?

— Получить назад то, что, как они заявили, было у них украдено. Хотели, чтобы я вернул все: чертежи, модель... И забыл обо всем. Без гроша компенсации. Едва я заикнулся о деньгах, их главный сказал, что сохранение мне жизни будет лучшей компенсацией. Видели бы вы его и слышали... Он не ругался, не повышал голоса, изъяснялся тихо, вежливо, можно сказать, культурно... Это-то больше всего и пугало. Я знаю жизнь, до седых волос дожил. Такие, если обещают, непременно прирежут...

— Интересно... — произнес Сварог. — Вы по-прежнему говорите чистейшую правду... Как по-вашему, это были *люди*?

— А кто же еще? — фыркнул Тагарон.

— Самые разные создания могут замаскироваться под человека...

— Простите, не учен опознавать таких *созданий*. Магией не владею нисколько. Они выглядели в точности как люди, они держались и говорили, как доподлинные люди, у одного в ноздрях росли волосинки, у второго на ладони был старый шрам, от двух припахивало так, словно они пару недель не меняли белье и чулки. Натуральнейшие люди... скоты! — яростно фыркнул Тагарон. — Один приставил мне нож к горлу, а остальные обыскали дом. И ничего, конечно, не нашли. Я давно уже к тому времени снял у одного разорившегося токаря его мастерскую, на другом конце города, там и держал все, там и работал. Они явно не успели еще ее проследить. И потому предъявили мне незатейливый ультиматум: двое суток на раздумье, а потом либо я добровольно отдам им все, либо они «найдут возможность» узнать от меня, где все спрятано, только в этом случае мне уже не жить... — он вновь передернулся. — И они бы сумели, я назавтра решил потолковать с Кердином — и узнал, что его *нашли... каким* его нашли...

— И они, конечно же, предупредили, чтобы вы не вздумали соваться в полицию, иначе...

— Ну да, — сказал Тагарон. — Они и тут не шутили, я уверен. С того момента, как они ко мне заявили, слежка началась постоянная.

— Так... — сказал Сварог. — А потом они признались, что прибыли из Горрота? И предложили уже деньги, если вы с ними отправитесь? Или все было как-то иначе.

— Иначе. Где-то к полудню второго дня... Я бродил по городу, шел, куда глаза глядят, думал, как выкрутиться, но не мог ничего придумать... Была мысль сдать тайной полиции, ничего другого просто в голову не приходило... Это было на окраине... Меня догнала карета, оттуда вдруг выскочили, закинули внутрь, карета помчалась... Те двое, что за мной таскались, были пешие, они тут же отстали... И вот этот, главный в карете, был уже горродец. Он сказал, что наслышан о моем аппарате. И о моих... осложнениях. Предложил убежище, работу под высоким покровительством, весьма приличное жалованье... Я, честно скажу, долго и не колебался. А что мне оставалось делать? — воскликнул он с вызовом. — Либо потерять все, либо лишиться жизни... Вот не будете ли так любезны сказать, ваше величество, как вы поступили бы на моем месте? Окажите такую честь...

— Ну что же, — сказал Сварог. — Если откровенно — даже и не знаю. Вполне возможно, будь я *вами*, окажись на *вашем* месте, я бы тоже принял предложение...

— Тогда почему же вы смотрите на меня, как на червяка какого-то?

— Да бросьте, — сказал Сварог. — Я на вас смотрю, как на человека из вражеских рядов, а это нечто другое... Значит, вы приняли предложение...

— Принял. Конечно, и эти могли, заполучив аппарат, всадить мне нож под ребро и оставить валяться в той мастерской, но в такой оборот я особенно не верил. Этот человек, что говорил со мной... Очень умный и циничный человек, знаете ли. Он сказал честно: гораздо практичнее меня не убивать, а взять на службу. Я как-никак давно работал и с чертежами, и с двигателем, дешевле обойдется платить мне деньги, пусть даже небольшие, чем их людям начинать работу с нуля. К тому же я могу оказаться полезен им как механик. Вот

такая логика звучала очень убедительно. Я назвал им место, мы поехали туда, и уже через полтора часа со всей поклажей сидели на горротском корабле. Документы для меня у них были отличные... Вот так я и попал в Горрот.

— Четыре года назад, насколько я знаю... — задумчиво подытожил Сварог. — Ну, рассказывайте, как вам там жилось...

Как выяснилось, и жилось в Горроте Тагарону сытно, но скучновато. Обещанное немаленькое жалованье ему платили исправно, но засадили практически под арест, увезли куда-то в глушь, в какое-то старинное запущенное поместье на берегу Итела. Там было обширное подземелье, а в подземелье — огромный бассейн, наполнявшийся водой из реки по подземному туннелю. Там Тагарон и работал над лодкой — со строжайшим запретом выходить из здания, даже на балконы или идущую вдоль первого этажа открытую галерею. (Ну да, все понятно, боялись, чтобы Тагарона там не засекали наблюдатели ларов). Кормили отлично, «служанок» привезли сразу двух, так что все бы неплохо, но — тюрьма тюрьмой...

Работа шла туго. Ну, не то чтобы туго, просто — страшно медленно. Тагарон обнаружил, что построить настоящую подводную лодку оказалось гораздо более трудным делом, нежели ему представлялось поначалу. У него были только движитель, модель и идея. На практике пришлось ломать голову над разнообразными деталями: герметичность, приспособления для дыхания, надежная передача от движителя на винт, система управления... Почти всего этого раньше попросту не существовало, взять чертежи было негде — и Тагарону впервые в жизни пришлось по-настоящему *изобретать*. У него, в общем, получалось, но опять-таки страшно медленно. За эти два года в бассейне пошли на дно или разбились о стены восемь опытных экземпляров, да вдобавок погибла пара человек из obsługi. Некий полковник Фалькас (по мнению Тагарона, не из разведки, а военный моряк), самый главный там, в поместье, понемногу терял терпение, начинал уже ругать и покрикивать, грозился отобрать девок и урезать жалованье. Тагарон никак не мог ему втолковать, что работа, в общем, на верном пути, все обязательно получится, вот только экспериментов и опытных образцов потребуется еще немало.

Внезапно, около двух лет назад, все переменялось самым решительным образом. Тагарона вдруг перевезли в местечко не менее глухое, но не в пример более уютное: большое поместье гораздо более современной постройки на берегу обширного, окруженного горами озера. Там все обстояло совершенно иначе: ему не только не запрещали отныне покидать здание, но даже разрешили гулять по окрестностям, сколько влезет, правда, в сопровождении охранника. Полковника Фалькаса он больше никогда не видел — здесь всем заправлял некий советник Нотгин из Сословия Сова, полная противоположность тупому солдафону. Кормить стали еще лучше, а что до девок, то новые оказались еще краше. Но главная перемена заключалась в том, что лодки теперь стали испытывать, практически не таясь, под открытым небом, прямо на озере, на мелководье.

А вскоре появился граф — и стал наведываться часто. Амель, граф Брашеро. Он так никогда и не назвал своей должности, но, судя по тому, как все здесь, включая Ноттина, перед ним на цыпочках ходили, пост занимал немаленький. Ознакомился с трудами Тагарона (причем, по мнению мэтра, держался, как человек понимающий), за проволоочки не ругал, говорил, что все понима-

ет и даже подбросил парочку недурственных идей, ускоривших работу.

После первого же приезда графа закипела работа, уже не имевшая отношения к Тагарону. Прибывали целые караваны тяжело груженных повозок, приезжали новые люди, в многочисленных конюшнях, флигелях и прочих постройках поместья было устроено несколько мастерских и лабораторий. Чем занимались там, Тагарон представления не имел: советник Ноттин настрого запретил ему разговаривать с новоприбывшими об их работе (уточнив, что и они получили те же указания касательно Тагарона). Собственно говоря, то, что это были мастерские и лаборатории, Тагарон *вычислил* самостоятельно: от одних зданий на всю округу иногда несло мерзкими химическими запахами и из труб валили разноцветные дымы, из других постоянно доносились какие-то механические шумы, а в одном из флигелей однажды случился взрыв с пожаром. Тагарон оказался единственным, чье творение пребывало, так сказать, на вольном воздухе — все остальные трудились за закрытыми дверями.

— Дальше... — протянул Тагарон. — Дальше, собственно, и не было ничего особо интересного. Лодка в конце концов *получилась*, ее долго испытывали на озере, потом разобрали, перевезли на берег моря, в какой-то уединенный поселок, собрали тщательно, еще две недели испытывали в море, потом погрузили на «Радугу», и она отправилась к Хай Грону.

— Ну, а дальше... Вы все прекрасно знаете, — пожал плечами Тагарон.

Сварога чертовски заинтересовал этот граф, несомненно, руководивший в Горроте разработкой крайне *интересных* вещичек. Вряд ли в тех мастерских и лабораториях шла работа над чем-то *обычным*, скорее уж тамошние мастера были под стать Тагарону.

Он постарался выжать из Тагарона все подробности, какие тот мог вспомнить. Человек лет сорока с небольшим, держится уверенно и властно, на выскочку или *мелочь* ничуть не похож, безукоризненно вежлив в обращении, но ощущается, что в любой миг, не моргнув глазом и не терзаясь угрызениями совести, может приказать повесить всех на воротах. Безусловно, образован и не чужд наукам. Да уж, не мелкая рыбешка... Вот именно, подумал Сварог, *около двух лет назад*. Именно эта фраза в последнее время частенько звучит в сочетании со всевозможными загадочными событиями, так и не получившими пока объяснения. Около двух лет назад вдруг обнаружилось, что наблюдательная аппаратура бесполезна в Горроте, и никто до сих пор не прояснил, почему. Около двух лет назад со Стахором определенно произошли некие перемены, он разогнал практически всех, кто был к нему прежде близок и окружил себя новыми людьми. Около двух лет назад как начали пропадать бесследно направляемые в Горрот разведчики остальных держав, так и пропадают донныне (да вдобавок можно вспомнить историю с золотым человеком). Около двух лет назад подводную лодку Тагарона вытащили из подземелья и самым беззастенчивым образом принялись испытывать под открытым небом — так могли поступить лишь те, кто прекрасно знал, что наблюдений отныне можно не опасаться, как и агентов противника. Черт бы их всех побрал, что же там все-таки происходит?

— И это все, что вы можете рассказать о графе?

— Да.

Сварог нехорошо усмехнулся:

— А вот теперь вы, любезный мой, врете. И никакой ошибки быть не мо-

жет, — Сварог подпустил металла в голос. — Ну?

— По-моему, он... лар.

— Почему вы так решили? — резко, не давая передышки спросил Сварог.

— Я однажды чисто случайно оказался свидетелем... Он меня не видел, я был в дверях... Граф стоял возле полки, и оттуда обрушилась стоявшая на самом краешке бронзовая ваза — кажется, он задел полку локтем, а она была шаткая... Я прекрасно видел: ваза летела ему точнехонько на макушку, обычному человеку она должна была проломить череп...

— Ну? И что?

— В самый последний миг она отлетела в сторону, словно отброшенная какой-то неведомой силой, — сказал Тагарон, понизив голос и вжав голову в плечи. — Отлетела, загрохотала по полу, граф, конечно, повернулся в ту сторону, а я побыстрее убрался, пока он меня не заметил... Насколько я знаю, именно так и обстоит с благородными ларами, которых не может поразить ни один летящий предмет, неважно, пущен ли он человеческой рукой, или это произошло от естественных причин...

— Правильно, — медленно произнес Сварог. — Именно так и обстоит...

— И тогда я окончательно перестал что-либо понимать! — визгливо, прямо-таки по-бабьи воскликнул Тагарон. — Еще и лар вдобавок ко всему!.. Я никогда не собирался впутываться во всякие интриги и тайны! Я просто хотел жить хорошо...

— Успокойтесь вы, — сказал Сварог, вставая. — Будете жить. Очень может быть, и с девками...

Потеряв пока что всякий интерес к своему пленнику, не оглядываясь на него и уж тем более не прощаясь, вышел за дверь. Сыскарь вопросительно придвинулся.

— В тюрьму его, — сказал Сварог равнодушно. — Все равно, в какую, лишь бы сидел надежно, «секретным арестантом»...

Отвернулся и неторопливо направился к выходу. Ломать голову не следовало — версия имела давным-давно. Он вспомнил Равену, дом с высоким крыльцом, погруженную во мрак комнату. Вспомнил человека, чья плоть и кровь медленно, но неотвратимо превращались в золото. Вновь услышал глухой, бесстрастный голос лорда Раутара:

— Когда доберетесь, передайте Гаудину, что у Стахора в Горроте — Ледяной Доктор. Запомнили? Ледяной Доктор...

Ледяной Доктор. Безусловный лар. Гениальный полубезумный экспериментатор, не обремененный в своих жутковатых научных забавах хотя бы каплей морали и этики. Гаудин уверял, что собственными глазами видел труп Доктора, убитого при погоне, которую самолично возглавлял. Но если вспомнить, что Гаудин не раз ошибался...

Мрачнее тучи, он сбежал по ступенькам, выхватил поводья у Баруты, взмыл в седло. Замурзанный сторож едва успел распахнуть створку ворот, Сварог помчался по улице галопом, слыша сзади стук копыт ратагайских коней. Прохожие привычно шарахались, подковы взметали грязь.

Ледяной Доктор — даже если это и он — мог подождать. Все на свете могло подождать. Самым важным сейчас было зеркало, висевшее в пустом домишке — зеркало, в которое можно рассмотреть вблизи Багряную Звезду, Чертову

Мельницу...

Глава XII

ТЯФ! ТЯФ! ТЯФ!

Из-за специфики городка и гостеприимство местное было специфическое: вместо вина бургомистр выставил на стол дюжины две графинов с наливками и настойками — на всевозможных ягодах и фруктах. И усиленно потчевал. Сварог не особенно и отказывался, отдавая должное всему подряд: все равно у него в кармане лежала склянка с отрезвляющим зельем.

Бургомистр был маленький, толстенький, с лицом, сразу выдававшим большое пристрастие к главной отрасли городского производства, — и человеком большого ума, а также хитрости никак не выглядел.

— Сказать по правде, почтенный Торма, я рад, что наконец-то нашелся хороший покупатель на все, что слишком долго не могло найти хозяина, — тараторил он, откупоривая новые бутылки. — Вы ведь, я так понимаю, намерены перебраться к нам на жительство?

— Вот именно, — сказал Сварог.

— Это хорошо, — кивнул бургомистр. — Новые владельцы недвижимости — это новые плательщики налогов, хе-хе. И потом, человек с капиталами будет весьма полезен. Вы уж простите, что я так меркантильно, да что поделаешь, должность такая...

— Ничего, — сказал Сварог. — Я сам человек меркантильный, как всякий купец.

— И не просто купец... О, вот и вы, наконец, Сувайн! А я уж начал гадать, куда вы запропалились... Знакомьтесь: почтенный Торма Трай, купец из Равены. А это господин Сувайн, наш управитель канцелярии. Наш, так сказать, первый министр, да простится мне за столь фривольное сравнение...

Сварог молча поклонился. Здешний первый министр, не церемонясь, подсел к столу. «Интересные дела», — подумал Сварог. Он вспомнил фразу из какого-то земного детектива: «Он мне показался чересчур сильной личностью, чтобы сидеть в крохотной таксомоторной фирме».

Действительно, этот самый Сувайн казался слишком сильной личностью для того, чтобы заправлять канцелярией захолустного городишки. Мужественное лицо с резкими чертами и сильным подбородком — ему бы больше подошел офицерский бадагар, а то и придворный мундир. Однако, судя по платью, самый обычный чиновник. Ну, мало ли по каким причинам умные и волевые люди застревают в глуши — тут и отсутствие протекции, и какие-нибудь провинности, наконец, просто случая не подвернулось...

Судя по последней фразе бургомистра, прерванной приходом Сувайна, наступало время неизбежных вопросов. Сварог к ним приготовился заранее, потому что прекрасно понимал свое положение. Когда преуспевающий столичный торговец скупает недвижимость в глуши, это само по себе вызовет вопросы. Но когда вдобавок торговец этот с оравой приказчиков прилетает на самолете, который здесь видели впервые в жизни...

Но что поделывать, не было у Сварога времени тащиться сухопутьем или плыть по Ителу...

— Похоже, что вы — купец не из мелких, почтенный Торма, — продолжал бургомистр прерванные речи. — Не абы как к нам заявились, а на самолете прилетели. В жизни бы не подумал, что однажды придется самолично лицезреть это чудо техники. Полгорода до сих пор торчит там, на пустыре, глазает всюю. Я-то слышал, самолеты предназначены только для военных целей...

— Так и было до последнего времени, — сказал Сварог без малейшей запинки. — Однако обстановка изменилась, сами понимаете... И самым решительным образом.

Он покосился на свой собственный парадный портрет, висевший на почетном месте. Терпеть не мог эти портреты: короля полагалось изображать величественным, напыщенным, чванным, одетым в геральдическую мантию, усыпанным парой килограммов самоцветов, в короне, со скипетром... Разумеется, сейчас его не могла бы опознать ни одна живая душа: конечно же, заклинание, напрочь изменившее внешний облик...

— Войн теперь станет гораздо меньше, — продолжал Сварог уверенно. — Не может же король допустить, чтобы воевали меж собой подвластные ему державы...

— Да уж конечно! — подхватил бургомистр. — Такие вещи мы понимаем и тут, в глуши. Это как если бы разные концы нашего городка вздумали вдруг воевать по всем правилам...

Сварог безмятежно продолжал:

— В окружении короля нашлись умные люди, посоветовавшие, чтобы самолеты не простаивали, найти им мирное применение. Скажем, перевозить особо скоропортящиеся товары, сдавать внаем тем, кто по своим надобностям хочет путешествовать особенно *быстро*...

— Дельная мысль, — закивал бургомистр. — Умнейшие, должно быть, люди... Вот взять иную ягоду: далеко ее не повезешь, быстро портится, а ведь где-нибудь подальше отсюда можно взять не в пример лучшую цену... Вы согласны, Сувайн?

— Безусловно, — веско промолвил управитель. — Лично я не отказался бы от десятка самолетов в личном владении. Для иных торговых операций — вещь незаменимая.

— Увы, до этого еще не дошло, хотя когда-нибудь непременно дойдет, пожалуй, — сказал Сварог. — Но уже сегодня можно нанять самолет для деловой поездки.

— Недешевое, должно быть, удовольствие... — протянул бургомистр с нешуточным уважением на лице.

— Не из дешевых, — согласился Сварог. — Но вы же деловые люди, господа, знаете, что бывают случаи, когда никаких расходов не жаль...

— Уж это точно, — закивал бургомистр. — Сэкономить грошик — потеряешь аурей... — он постарался придать своей простецкой физиономии выражение дипломатической хитрости, что вышло не особенно и удачно.

Сварог понял, каков будет следующий вопрос — ну, он и к нему был готов...

Бургомистр осторожно начал:

— Почтенный Торма, люди везде любопытны, а уж в нашей глуши, где приезд всякого свежего человека — целое событие... Если не секрет, что в наши

края привело преуспевающего столичного купца? Да вдобавок не пожалевшего денег на наем самолета? Сплошь и рядом всевозможные банкроты, скорбно подсчитав остаток капиталов, перебираются в глухую провинцию, чтобы вести скромную жизнь... Но вы на банкрота ничуть не похожи. И на человека, попавшего в немилость — тоже...

— *Кое-какие* секреты тут есть, — усмехнулся Сварог. — Я их вам расскажу, если пообещаете хранить все в тайне до поры до времени. Тем более чем немаленькие выгоды ждут всех...

Высшие сановники переглянулись.

— Клянусь чем угодно! — воскликнул бургомистр. — Клянусь Хорсом, здоровьем жены и деток, нынешним урожаем... Сувайн?

— Клянусь чем угодно, — кратко ответил управитель.

— Только помните, господа, — внушительно сказал Сварог. — Все, что я вам расскажу, пока еще кое в чем остается государственной тайной, и если станет известно, что я распустил язык, мне несдобровать... и не только мне...

— Это понятно, — кивнул Сувайн. — Будьте уверены, ни словечко из этой комнаты не просочится.

— Чтоб меня гром разразил на этом самом месте! — пылко воскликнул бургомистр. — Чтоб у меня зеленая плодоярка сады поела под самый корень...

— Ну так вот... — неспешно, внушительно начал Сварог. — Ни для кого не секрет, что дела у нас с Горротом плохи. Собственно говоря, они всегда были плохи, но теперь — особенно. Поэтому уже принято решение полностью закрыть большой тракт на Горрот. Отменить его, если можно так выразиться. Новый тракт будет вести в Глан. Вряд ли стоит показывать маршрут подробно, скажу лишь главное: он пройдет всего в полулиге полуночнее вашего городка. Объяснения, надеюсь, не нужны?

Челюсть бургомистра форменным образом отвалилась. Выражение его простецкой физиономии было неопишваемым. Сувайн держался гораздо спокойнее, но и его никак нельзя было назвать невозмутимым.

— Пресвятые небеса! — возопил бургомистр, едва обретя способность говорить. — Да это же то, о чем мы всегда мечтали, начиная с дедов-прадедов — близости к Большому Тракту! Это же... Это же...

— Несравнимая с прежней выгода, — склонил голову Сувайн. — Вот оно в чем дело, почтенный Торма... Вы заранее узнали об этом решении и решили извлечь из этого некоторую прибыль?

— Да конечно же! — воскликнул бургомистр. — Теперь понятен *характер* ваших покупок. Дом, где можно устроить контору, таверна — ну, само по себе понятно... немалый кусок земли, где нетрудно завести мастерские по переработке фруктов и ягоды — варить варенья и желе, готовить наливки... А покупатель — вот он! К нему не придется ехать за двадцать лиг на губернскую ярмарку, он сам будет валом валить в обе стороны всего-то в полулиге... — его лицо приняло по-настоящему хитрое выражение. — А ведь в городе еще немало земель и строений, ценных именно с этой точки зрения, так что оборотистому человеку... — он заговорил вкрадчиво. — Однако, почтенный Торма, жизнь в маленьких городках, так уж истари повелось, течет не только по законам, но и по обычаям, так уж от прадедов...

— Да, конечно, — кивнул Сварог.

— Если вы понимаете эти тонкости...

— Прекрасно понимаю, — сказал Сварог. — Не новичок в купеческом деле. И я, и мои компаньоны заранее предвидели, что для пущего успеха дела следует создать здесь, на месте, новый торговый дом и принять в него пайщиками людей... превосходно знающих местные проблемы и оттого способных оказаться крайне полезными... Вы согласны с такой идеей?

— Ну конечно же! — вскричал бургомистр, не сделав паузы ни на миг. — Великолепная идея!

— Вот только, я думаю, не стоит умножать сверх необходимости число пайщиков, — сказал Сварог с тонкой улыбкой. — Не ограничиться ли нам здесь присутствующими? Или у вас будут возражения?

— Никоим образом, — сказал Сувайн. — Больше пайщиков — меньше доходов...

— Никоим образом! — ликующе подхватил бургомистр. — Уж не засесть ли нам прямо сейчас за составление планов, господа?

— Если не возражаете, я бы присоединился чуть погодя, — сказал Сварог. — Нужно же наконец взглянуть на все, что наш приказчик здесь купил... А вы пока что, господа, можете обдумать эту идею.

Как он и рассчитывал, оба не стали набиваться ему в провожатые — бургомистр, пылая жаждой наживы, потащил из стола чистые листы бумаги. Чтобы соблюсти видимость вежливости, он спросил:

— Я надеюсь, вам не нужен провожатый?

— К чему? — пожал плечами Сварог. — Со мной приехали двое приказчиков, они наверняка успели уже все осмотреть — шустрые парни. И уж, конечно, проводят...

На лестнице он хлебнул отрезвляющего зелья из склянки, посмотрел на часы. Светское общение с местными властями отняло едва ли не два часа, но по-иному, увы, здесь и не получилось бы. Это в крупном городе, привыкшем к превеликому множеству заезжих купцов (а то и к самолетам) преспокойно можно, не привлекая ничьего внимания, сходу отправиться к нужному дому хоть целой дюжиной. Но здесь, где на каждого приезжего оборачивается вся улица... Да вдобавок прилетев на самолете...

Едва он сделал несколько шагов от крохотной ратуши, как из корчмы неподалеку моментально появились, направились к нему двое, в которых любой за версту признал бы приказчиков — понятия не имея, что угодил пальцем в небо...

— И что там? — спросил Сварог.

Оба двигались следом, почтительно приотстав на полшага, как и полагается сопровождающим патрона вымуштрованным приказчикам.

— Домишко простоял пустым полгода, ваша милость. Наследников не нашлось, он и перешел к городу как выморочное имущество.

— Владелец?

— Какой-то старый дворянин. Лет пять назад перебрался сюда из главного города провинции, когда совсем промотался и издержался. А здесь жизнь дешевая.

— Что о нем здесь говорят?

— Ничего интересного, ваша милость. Старикашка был чванный, ни с кем практически не общался — ну и ему, естественно, никто не навязывался. Даже в здешние питейные заведения заходить считал ниже своего достоинства. Ви-

но и пиво заказывал домой. Слуг по причине бедности не держал — кухарка и та была приходящая. Сидел дома сиднем...

— Вообще-то такое затворничество может иметь и другие причины, кроме чванства и бедности...

— Понимаю, ваша милость, — кивнул сыскарь. — Нет, ровным счетом ничего *такого*. Уж если бы после его смерти в доме нашли хоть что-то *необычное*, обязательно рассказали бы — такое тут год обсуждали бы... Нет, ничего такого. Обычные убогие пожитки разорившегося дворянина, вынужденного прозябать в глуши. Там, конечно, может оказаться и тайник — кто бы здесь вздумал искать тайники, местным и в голову не придет...

— Пожалуй, — сказал Сварог. — А что случилось с пожитками?

— Мебель всю оставили, как стояла. Одежонку в большом городе раздали бы нищим, а посуду и прочие мелочи отправили к старьевщику, но в этой дыре нет ни нищих, ни старьевщиков. Так что все попросту сложили в мешок, запечатали казенной печатью и упрятали в подвал ратуши — вдруг будущему покупателю что-то оттуда да понадобится.

Ничего необычного в доме, повторил про себя Сварог. Действительно кому (неважно, здесь или в столице) покажется необычным самое обыкновенное зеркало на стене...

— Интересно, почему дом простоял непроданным целых полгода? — сказал он, размышляя вслух. — Не бог вещь какие деньги за него, судя по купчей, получили, но для здешней казны и это — прибыль...

— А я местным с дурацким видом задал этот вопрос, ваша милость, — усмехнулся сыскарь. — Ростолковали подробно. Местная специфика, понимаете ли. Здешних в первую очередь интересует не дом, а сад и земля, пригодная под огороды. Вот с этим как раз обстояло не лучшим образом. Сад небольшой, да вдобавок хозяин его запустил совершенно: благородному дворянину, известно, в позор заниматься садоводством. У себя в поместье — другое дело, но домишко-то не попадает в категорию поместья или имения. А кусочек земли, что годится под огород, зарос бурьяном в человеческий рост. Изгорбатишься, пока приведешь его в божеский вид. Местные говорят, рано или поздно кто-нибудь обязательно приобрел бы, цена ведь небольшая — но только после уборки урожая или как там это у огородников называется — когда будут и время, и рабочие руки, чтобы расчистить все как следует...

Они неторопливо шагали по широкой пыльной улице. Более всего городишко походил на деревню: дома разбросаны далеко друг от друга, повсюду огромные сады и далеко протянувшиеся огороды. Уютное местечко, если подумать... вот только как здесь оказалось это зеркало? А впрочем, именно в таких местах возможны самые неожиданные находки; войны проходят стороной, мятежей лет сто не случалось, мало ли что могло сохраниться бог знает с каких времен...

— Пришли, ваша милость.

Ветхий покосившийся забор, накренившаяся калитка... Домик в два этажа стоял посреди сада, и в самом деле пребывавшего в жутком запустении: землю устилает толстый слой накопившейся за несколько лет жухлой листвы, сорняки произрастают буйным цветом, а справа, и действительно, тянутся заросли бурьяна высотой в человеческий рост.

Сварог присмотрелся к убогому балконишке, издали понятно, выглядевшие

му инородным телом: ну конечно, этот чванный старикашка не забыл осуществить дворянское право на балкон. Денег вот только не было, и балкон получился размером с трактирный столик...

Один из сыскарей распахнул перед Сварогом отчаянно заскрипевшую калитку, и они направились к дому по прямой заросшей тропинке. Окна такие пыльные, что и не рассмотреть внутренности дома. Деревянное крыльцо поскрипывало и даже пошатывалось.

— Отпирайте, — распорядился Сварог.

Сыскарь достал связку ключей, найденных среди других вещей покойного Пешера. Рассуждая логически, вместе с купчей Пешер обязательно прихватил бы и ключи от дома, так что который-нибудь должен и подойти...

Подошел третий.

— Ну, ребятки, смотрим в оба, — сказал Сварог. — Мало ли что...

Низкая дверь распахнулась с жутким скрипом, в нос моментально ударил запах пыли, старого хлама и запустения. Из-под их ног в дальний угол юркнула серая домашняя мышь, не особенно даже и торопясь — интересно, почему она не сбежала из дома, где вот уже с полгода не сыщешь ни крошки съестного?

Ах, вот оно что... В комнате, где они вошли, в углу лежала аккуратно свернутая холстина, вовсе не выглядевшая пыльной. Рядом стояла парочка пустых бутылок, выглядевших так, словно их сюда принесли всего-то пару дней назад. Тут же валялся кулек с зиявшей в нем дырой, проделанной явно мышиными зубками. Ну да, конечно. Местная молодежь, надо полагать, очень быстро додумалась использовать пустующий дом для амурных дел: выпивка, закуска, холстинное ложе любви...

Интересно, как они сюда забираются? А что тут думать...

Сварог подошел к выходящему на задворки, в запущенный сад, окну, приоткрылся, потрогал створки. На подоконнике — ни следа пыли, створки не заперты на массивные кованые шпингалеты, а лишь притворены.

Распахнув их, Сварог высунулся в сад: ага, под окном даже для удобства чурбак положили.

Так и оставив окно распахнутым, обернулся.

На противоположной стене он увидел зеркало — овальной формы, высотой в половину человеческого роста, в массивной, с претензиями на вычурность, раме. Монументальное изделие, сразу видно, крайне почтенного возраста. Что же, вот оно? Или...

— Быстренько обойдите весь дом, — приказал он. — И чердак тоже. Посмотрите, есть ли здесь еще зеркала, кроме вот этого...

Оба направились к выходу с ретивым равнодушием людей, привыкших получать самые неожиданные приказы и исполнять их без размышлений. Оставшись один, Сварог подошел к зеркалу вплотную.

Да, оно было старое, очень старое: по краям разрушилась амальгама, оставив причудливые разводы, деревянная рама источена шашелем. Как ни разглядывай, ничего необычного в нем не усмотришь. Оно исправно отражало комнату, а также Сварога — как это за зеркалам водится, в его истинном облике, а не «личине».

Он так и стоял, когда вернулись сыскари, и старший доложил:

— Нигде, ваша милость, ни одного зеркала, ни всячего, ни ручного. Мы уж

и в сундуки заглянули...

— Ну что же... — сказал Сварог, охваченный нешуточным воодушевлением с тревогой вперемешку. — Идите и караульте в прихожей. Никого не пускать, без моего приказа сюда не входить.

Они вышли, опять-таки без малейшего удивления. Нетерпеливо придвинувшись к зеркалу еще ближе, почти касаясь лбом прохладного стекла, он отметил, что зеркало вытерто начисто, ни единой пылинки: ну конечно, любая представительница женского пола, оказавшаяся здесь с кавалером не упустит случая, обнаружив зеркало, перед ним повертеться...

Медленно, отдельно, внятно он начал:

— *Абаукирате кане ойте, абаукирате кане сабе...*

Заклинание он выучил наизусть и говорил без малейшей запинки, не опасаясь ничего напутать.

— *...киратумане сай!!!*

Зеркало вдруг потемнело, как кусок угля, раздалось что-то вроде короткого зловещего хохота — и в лицо Сварогу ударил вихрь словно бы ледяного крошева, ослепил, отшвырнул назад, он растянулся на полу...

Что-то непонятое, странное, дикое с ним происходило.

Тело пронизали судороги, его трясло, словно ухватился за провод под током, болезненные корчи как-то странно согнули, прекрасно сидевшая на нем, по мерке сшитая купеческая одежда вдруг словно бы стала огромным бесформенным мешком, спеленавшим, как младенца. Он бился и корчился, пытаюсь выпутаться, решив, что теперь уже не до секретности — что-то явно пошло не так! — громко закричал, зовя сыскарей.

И вместо человеческого голоса в комнате раздался залиvistый, жалобный собачий лай.

От неожиданности Сварог забился еще яростнее — и наконец освободился от спутывавшей его ткани. Вскочил...

Но тут же упал на четвереньки, на руки... нет, на покрытые темно-рыжей шерстью собачьи лапы. Хотел поднять руку — и поднялась собачья лапа, и пришлось тут же на нее опереться, чтобы не потерять равновесие.

Несколько мгновений он разглядывал себя — живот, ноги, лапы, оглянулся за спину — и увидел кудлатый темно-рыжий хвост. Закричал, то ли от удивления, то ли от страха — и вновь вместо человеческой речи прозвучал собачий визг.

Это он *сам* и был...

Он стал собакой. Самой натуральной. Темно-рыжий пес стоял над клочьями разодранной одежды, лапы подгибались и дрожали, откуда-то из глубин сознания наплывало самое настоящее безумие. Это была доподлинная реальность. Это именно с ним произошло наяву. Король Сварог Барг теперь был собакой.

Окружающий мир в чем-то резко изменился. Запахи, удесятаясь в силе, хлынули в нос, теперь он точно знал, что в разорванном мышкой кульке было яблоко и печенье, что запах вина из пустых бутылок носит явственный грушевый привкус. Запахи накатили волной, затопили, полмира теперь состояло из запахов.

И слух стал гораздо... нельзя описать, слова не подворачиваются. Сильнее, мощнее... Одним словом, и слух, как возможность чуют запахи, удесятаясь

в силе. Он отчетливо слышал теперь отчаянную возню в прихожей, чей-то болезненный вскрик, падение тела, яростное пыхтение борющихся, отчаянную возню, протяжный не то стон, не то всхлип, чей-то повелительный голос:

— Кончайте его!

В следующий миг дверь распахнулась, и ворвался не кто иной, как управитель городской канцелярии, господин Сувайн, с пистолетом в одной руке и скрамасаксом[9] в другой. Сейчас его волевое, решительное лицо было лицом убийцы.

Он выпалил с порога. Сварог не успел шарахнуться в сторону, но и боли не почувствовал. На миг лицо Сувайна исказилось от удивления, но он тут же опомнился, оскалясь, ринулся вперед, умело и ловко занося скрамасакс для страшного удара, а следом за ним, толкаясь, застревая в дверях, мешая друг другу, ломались какие-то молодчики, вооруженные до зубов...

Все происходящее Сварог видел теперь в совершенно другом ракурсе — с высоты пусть и крупного, но пса, то есть где-то на уровне человеческого пояса. Он ничего не понимал и не пытался понимать. Некогда было. Совершенно ясно, что его люди убиты, а сейчас примутся убивать и его самого, совершенно беззащитного перед дюжиной клинков...

Работало не сознание, а инстинкты. Быть может, даже не человеческие, а собачьи. Неумело развернувшись, скребнув когтями по трухлявым половицам (еще несколько выстрелов сзади!) он метнулся к окну, оттолкнулся задними лапами и выпрыгнул.

Форменным образом взвыл от боли — он удалился передними лапами и мордой о тот самый чурбан под окном. Поднялся на ноги и, ведомый тем же инстинктом, припустил вглубь заброшенного сада.

За спиной раздавались выстрелы и крики, потом выстрелы прекратились, раздался крик управителя:

— За ним! В погоню! Идиоты!

Нечеловеческий вопль — ага, похоже, кто-то повторил неудачу Сварога, приземлившись прямо на чурбан, но с гораздо более печальными результатами: если и не сломал ногу, то вывихнул точно. Он так и орал, не переставая.

Сварог бежал — и как-то так это у него ловко выходило, как у настоящей собаки, словно давненько умел бегать на лапах. Ветки кустарника выдирали клочья шерсти, высокая жесткая трава хлестала по морде.

Он понемногу замедлил бег, а там и вовсе остановился. Вновь заработали инстинкты — правда, при определенном участии человеческого ума...

То, что с ним произошло, было жутким, непонятным и страшным, но сейчас не время пытаться хоть что-то осмыслить. Сейчас следовало решить одну-единственную насущнейшую задачу: оторваться от погони. Найти укрытие, безопасное место, где можно будет относительно — относительно, конечно! — спокойно все обдумать. Если поддаться панике и в самом деле превратиться в перепуганную насмерть загнанную собаку — конец. Уж коли человеческое сознание никуда не делось, осталось при нем, следует этим бесценным инструментом воспользоваться...

Судя по звукам, его преследователи неслись по пятам так же остервенело, бездумно, напролом, охваченные известным азартом погони. Медленно-медленно ступая, прямо-таки скользя меж кустов, он отошел на десяток уардов вправо, а потом, сделав над собой определенное усилие, двинулся навстречу

погоне — но, разумеется, на приличном от нее расстоянии. В горячке погони они не станут оглядываться по сторонам, да и кустарник высок...

И очень быстро настал момент, когда с погоней он разминулся — они, топоча и хрустя ветками, пронеслись дальше, а Сварог тихонечко двинулся в противоположном направлении — к дому. Вот именно, к дому. Там его будут искать в последнюю очередь, как-то так исстари подразумевается, что человек — тьфу, уже не человек! — в его положении постарается оказаться как можно дальше от места нападения. Ну, а мы поступим совершенно наоборот...

Оказавшись совсем близко от дома, он старательно принялся, но не учуял ничего живого. Зато сильно пахло кровью и свежей смертью. Бедняги, толковые были ребята... Но кто же мог предвидеть...

Сквозь пролом в боковой стенке крылечка он осторожно протиснулся внутрь, забился в самый темный угол. Вообще-то рискованно, получается, что сам загоняешь себя в ловушку — но придется рискнуть. Все его преследователи — самые обычные люди, и не более того. Окажись среди них хоть один *необычный*, погоня не пронеслась бы мимо, очертя голову, не разминулась бы...

Он лежал в темноте, вывалив язык, тяжело дыша. Теперь, когда пришло спокойствие, он в полной мере осознал, что с ним произошло — и провалился в такой ужас и отчаяние, что едва не взвыл на весь сад. Это было дико, невообразимо, неправильно. Этого не должно быть. И тем не менее...

Сварог подозревал, что довольно долго провалялся в этом оцепенелом отчаянии, тоскливом ужасе, прежде чем стала возвращаться некоторая ясность мыслей. Черт его знает, как оно там обстоит, никогда не интересовался специально, но, не исключено, став собакой, получил и некую толику звериных инстинктов вдобавок к человеческому сознанию. Быть может, они и помогли опомниться быстрее, не валяться, как падаль, содрогаясь в дикой тоске.

Рассуждать нужно быстро, лихорадочно быстро. В нынешнем своем положении выиграть можно, только опережая противника *мыслью*. Потому что другого оружия попросту нет.

Это заговор, конечно. Натуральнейший. Можно, конечно, предположить, что с заклинанием, с самим зеркалом произошла какая-то накладка, и зеркало, вместо того чтобы показать Багряную Звезду, превратило его в собаку... но чтобы именно сейчас, именно в тот же миг ворвался человек, которому по должности надлежит быть мелким, городским чиновником, во главе дюжины вооруженных головорезов, всерьез собрался убить? *Таких* совпадений не бывает. Значит, все взаимосвязано. Сувайн знал заранее, что Сварог пойдет в домик с зеркалом, а отсюда проистекает...

Отсюда проистекает, что заговор серьезный, крупный и, не побоимся этого слова, изящный. Коли уж Сварога превратило в собаку то самое заклинание, что было прочитано в донесении покойного Пешера...

Л-ловко, мать вашу за ногу! До чего же ловко! Недюжинного ума человек все придумал, рассчитал и устроил. Труп Пешера со всеми его пожитками — сплошная инсценировка. Ловушка. И донесение, конечно же, фальшивое. Немало людей *на земле* знало, что королю Сварогу попали в руки несколько донесений агентов покойного Гинкера, и король нашел способ их расшифровать. Кто-то оказался предателем. А кто-то знал, как *именно* агенты Гинкера шифруют свои донесения. Вот и состряпали поддельное, использовав в каче-

стве наживки главную заботу Сварога — Багряную Звезду.

Тот полицейский сопляк говорил чистейшую правду... Так что это, конечно, не он. Он видел тело, он нашел бляху и донесение — и кто-то умный и хитрый, которому сопляк доверял, *подтолкнул* его идти к королю, должно быть, выдумав убедительную причину для того, чтобы самому остаться за сценой. Довольно незатейливо, но чертовски эффективно.

Это, конечно, какая-то организация. Ни за что не может один человек, будь он хоть семи пядей во лбу, и убить Пешера, и подготовить реквизит, и устроить так, чтобы убийство произошло как раз в дежурство полицейского сопляка, и мягонько подтолкнуть сопляка, и обеспечить Сварогу здесь самый теплый прием. Какая-то серьезная компания подобралась...

Он насторожил уши: к крыльцу приближались двое, не спеша, спокойными шагами — теперь, в своем новом положении, он легко определял такие детали.

— Выстрелы могут встревожить окрестных жителей... — послышался незнакомый голос.

Ответил Сувайн, с едва уловимой ноткой превосходства:

— Сразу видно, что вы житель больших городов, любезный Одо... Вот-вот вишня начнет окончательно созревать, как всегда, налетят стаи дроздов. Старая садоводческая магия не всегда помогает, да и не каждый ею владеет, так что отпугивать будут выстрелами. Со дня на день в городке начнется жуткая канонада. Если кто-то нас слышал, обязательно решил, что кто-то уже начал...

— Ну, хоть с этим все в порядке, — фыркнул незнакомый Одо. — А вот с главным... Простите великодушно, Сувайн, но винить тут некого, кроме вас.

— Я стрелял в него в упор, уардов с двух, в голову. Я неплохой охотник, знаете ли. И люди у меня стреляют неплохо. Но пули рикошетили каким-то чудом...

— Никакого чуда, — скучным голосом ответил Одо. — Это всего-навсего означает, что лар, даже обращенный в собаку, сохранил свои качества. Ладно. В *этом* вы не виноваты. И никто не виноват. Я впервые в жизни сталкиваюсь с тем, что в собаку обращают лара. До сих пор речь шла исключительно об обычных людях. Кто же мог предвидеть... Но, в конце концов, это не главное. В главном вы все же оказались не на высоте. Почему окно было открытым?

— Дом пустой, за ним никто не присматривает... — отозвался Сувайн сокрушенно. — Сюда повадились лазить молодые парочки, явно они и оставили...

— Ну вот видите, — сказал Одо с той нехорошей вкрадчивостью, от которой виновного бросает в холодный пот. — Вы об этом прекрасно знали. И не поставили человека под окном. Следовало бы вообще расставить половину людей вокруг дома. Вы, простите, поступили в традициях вульгарной деревенской драки — ворвались всей гурьбой, и он смог уйти...

— Мне раньше не приходилось...

— Следовало попросить совета, — сказал Одо. — Изложить свой план заранее. Но вы были самоуверенны и напористы, твердили, что все подготовлено идеально... — он неприятно вдохнул. — И я имел глупость вам поверить. Решил, что на вас всецело можно положиться. А вы... Отличиться-то вам хотелось, но вот соображения не хватило...

Сувайн, к некоторому удивлению Сварога, промолчал — должно быть, субординация, объединявшая этих двоих была такова, что Сувайну следовало за-

сунуть оскорбленную гордость подальше...

— Ну ладно, — сказал Одо. — Не будем мелочно препираться. Не до того. Нужно побыстрее обмозговать, что делать дальше. Он сбежал. Это скверно. Но не смертельно. Он — один-одинешенек, к тому же в собачьем облике. Весь окружающий мир видит в нем не более чем собаку. Воду он еще найдет, а вот с едой будет гораздо труднее... Связаться со своими людьми у него нет ни малейшей возможности. Самолет... Крепко сомневаюсь, что собачьи лапы способны управлять самолетом — да и не проберется он туда... Говорить он не может... — Одо неприятно хохотнул. — А если бы и мог, что-то мне не верится, чтобы здешние люди поверили бы псу, утверждающему, что он не кто иной, как король Сварог...

— Собака может *писать*, — мрачно сказал Сувайн. — Когтем по земле.

— Черт, верно... Ну и что? Представляю себе бесхитростного местного жителя, когда самая обыкновенная собака начнет писать ему на земле, что она, собака эта — король Сварог... К тому же у вас маловато грамотных, я так полагаю?

— Хорошо, если один из пяти-шести.

— Отлично... Вообще, как, по вашему мнению, будут реагировать местные, если пес начнет выцарапывать в пыли послание?

Сувайн немного подумал, потом сказал:

— Подавляющее большинство, я так полагаю, без затей двинет такому псу по башке поленом или приколет вилами. Народец у нас простой, примитивный, во многих отношениях — типичная деревенщина. Таких вещей принято опасаться — нечисти, чертовщины.

— А меньшинство? — вкрадчиво спросил Одо.

— Меньшинство... Да пожалуй, посадит такое чудо на цепь покрепче и потащит продемонстрировать такую диковину... — он нехорошо, зло рассмеялся. — Городским властям.

— Так... И с этой стороны обстоит вроде бы неплохо... Ну что же, Сувайн, давайте подумаем... Оттуда, с неба, наблюдения точно не велось — иначе над нами уже висели бы боевые машины высокородных небесных господ...

Сварог мысленно выругал себя на все корки — да, это единственная промашка, которую он допустил. Элкон предлагал повесить постоянное наблюдение, но Сварог, особенно и не раздумывая, самонадеянно решил, что в этом нет нужды...

— Своим ближайшим соратникам он, конечно же, все рассказал, — продолжал Одо. — А соратнички эти, знаете ли — тот еще народ. Вы в жизни не слышали про господина по имени Интагар или рыжую девку с королевским титулом, но поверьте мне на слово: люди опаснейшие. Есть там еще одна милая старушка по имени Грельфи, которую я, будь моя воля, живьем бы изжарил... — его голос дрожал от лютой злобы. — Вот с ней мне приходилось стлкиваться лицом к лицу... Так вот, пройдет какое-то время — и они встревожатся, не получая известий от короля. И вот тогда... Нетрудно поставить себя на их место. Сыскарей сюда нагрянет больше, чем жителей в вашем городишке, и они начнут перетряхивать тут все вверх дном. Да вот, кстати, на их месте я бы еще непременно поднял по тревоге драгунский полк и велел оцепить город так, чтобы мышь не выскользнула. Вполне вероятно, они и это сделают. А уж если с ними сюда припрется Грельфи, чертова бабка быстренько восстано-

вит всю картину происшедшего...

Сувайн сказал неуверенно:

— Зеркало можно уничтожить... Там, в глубине сада, есть заброшенный колодец, довольно глубокий, я как раз собирался сбросить туда трупы... Можно и зеркало заодно. Или разбить, разбросать осколки, раму сжечь... Можно, наконец, сжечь и дом...

Одо сказал, не скрывая издевки:

— Сувайн, уж простите, но в *этих* вещах вы не разбираетесь абсолютно. Не поможет, могу вас заверить. Она все равно прочтет, что было и как. Сильна, стерва... К чему я клоню? К очень простой истине: они, конечно, встревожатся, но не сразу. Чутье, опыт и знания мне подсказывают, что два-три дня у нас в запасе есть. Быть может, скорее два, чем три — будем пессимистами, это нас подстегнет... А дальше они всей оравой сядут на самолеты, нагрянут сюда... и, честно признаюсь, я-то смогу ускользнуть, с большой долей вероятности, а вот вам останется только застрелиться. Или зарезаться, повеситься, утопиться — как вам более по вкусу. С собой я вас не возьму — зачем вы нам, проваливший дело? Уж простите за подобную откровенность, но мы с вами играем в крайне серьезные игры. Да, вот именно. Вам останется зарезаться. Потому что король Сварог, возвращенный в прежнее состояние — а это, между прочим, не так уж и трудно совершить людям знающим — чует мое сердце, очень на вас рассердится. Я бы на его месте ух как рассердился. К тому же он и так нрава тяжелого...

— Вы хотели говорить о деле, — бесстрастно сказал Сувайн, с великим трудом, должно быть, переносивший насмешки.

— Ну, извините, отвлекся. Итак... Мне думается, я довольно точно предсказал будущие действия королевских сподвижничков. Это не особо и сложно. И, подозреваю, сам Сварог, если только уже способен здраво рассуждать, думает примерно так же. Собственно, его задача — отсидеться эту пару-тройку дней где-нибудь в укромном местечке. А наша задача, соответственно, найти его раньше. У вас есть соображения?

Крайне неуверенным тоном Сувайн протянул:

— Что-то такое в голове крутится... Не могу еще точно сформулировать...

— А вы побыстрее, — с ласковой угрозой посоветовал Одо.

— А что, если так... Все знают, что я заядлый охотник и держу неплохую псарню. Предположим, я за большие деньги выписал из Снольдера гончака редкой породы... но по оплошности перевозчиков он сбежал. Любому, кто поймает его и доставит ко мне, я заплачу десять ауреев золотом... Для наших мест это очень приличные деньги, любезный Одо. Все без исключения городские мальчишки будут рыскать по садам и задворкам, да и немало взрослого народа победнее. Нужно только побыстрее распространить это известие по корчам, среди записных разносчиков сплетен и главных городских болтунов...

— Ну что же... — задумчиво сказал Одо. — В принципе, неплохо... В принципе... Но хотелось бы чего-то более... эффективного...

— Значит, мне начинать...

— Нет, погодите пока, — решительно сказал Одо. — Не будем хвататься за первую же подвернувшуюся идею. Пойдемте к вам, посидим, выпьем чуточку винца, не увлекаясь, и уж там порассуждаем, как следует. У меня тоже уже есть кое-какие идеи, я знаю, кого вызвать на подмогу, правда, это требует ка-

кого-то времени... Зато надежнейше... Зовите ваших головорезов, они совершенно зря прочесывают сад. Наш беглец наверняка забился в укромное местечко далеко отсюда. Он слишком ошеломлен, как любой на его месте, но вскорости, Сувайн, он малость опомнится и начнет думать. А мозги у него неплохие.

— Чихал я на его мозги, — мрачно сказал Сувайн.

— А вот это вы зря...

— Ладно, вам виднее, Одо. И все равно, сейчас это не более чем собака. Абсолютно не знающая города, голодная. Трудновато ему будет отыскать укромное местечко, где можно отсидеться пару дней... Прикончу тварь...

— Я на вас полагаюсь, Сувайн, — сказал Одо с едва заметной иронией. — Пока что полагаюсь. Зовите ваших обломов, пусть живенько спустят трупы в этот ваш колодец, и отправимся обсуждать дела, а то вечереет уже...

Послышался залиvistый свист — должно быть, Сувайн. И точно, вскоре затопали дюжины две ног. Судя по звукам, из дома выволокли трупы. Еще через какое-то время настала совершеннейшая тишина, но Сварог все равно еще очень долго лежал, боясь пошевелиться, ожидая какого-нибудь подвоха, хотя и понимал, что это глупо — знай они, что он тут, в двух шагах, забился под крыльцо, без всякого изоцренного коварства разломали бы его к чертовой матери, и ему пришел бы конец, потому что пес, даже крупный, просто-напросто не в состоянии выжить, схватившись с дюжиной вооруженных скрамасаксами убийц...

Настроение у него чуточку поднялось — с той самой минуты, как Одо сказал, что вернуть Сварога в прежнее состояние людям знающим не так уж и трудно. Но, в общем и целом, чувствовал он себя премерзко — как любой на его месте. Еще и оттого, что все сильнее хотелось пить, и с темнотой, как ни крути, придется вылезти в поисках какого-нибудь ручейка. О еде пока что стараемся не думать. Подумаем о насущных проблемах бытия...

Кем бы ни был этот загадочный Одо, в каком бы тайном обществе ни состоял (какой-нибудь уцелевший куклос? «Черная благодать»?), он, несомненно, столичная штучка. Речь у него совершенно не похожа на говор Полуденного Ронеро — а вот на говор коренного обитателя Равены похожа весьма. Сварог прожил на земле достаточно долго, чтобы разбираться уже в этих вещах.

Он знает Мару, знает Интагара — а со старухой Грельфи даже, тут и сомнений быть не может, вступал в какую-то стычку. Учítывая, что на земле она обосновалась вслед за Сварогом около двух лет назад, и занималась тем, что гоняла главным образом *черных* — можно сделать кое-какие предварительные выводы, черновые наброски. Очень похоже, это именно *черные*...

Действительно, все будет выглядеть примерно так, как излагал сообщнику Одо. Улетая сюда, Сварог не оставил никаких четких инструкций и не назначал срока, после которого следует объявлять тревогу — но все примерно так и будет выглядеть. Через день-два — увы, не раньше — его верные сподвижники начнут беспокоиться. Мара, Элкон и Интагар соберутся на совет. Вполне возможно, к тому времени успеет вернуться и Грельфи — она-то как раз не в курсе, но ее непременно позовут как большого специалиста в некоторых делах. Пройдет еще какое-то время — а там они обязательно догадаются: что-то пошло наперекосяк. И в воздух взмоют бомбардировщики, битком набитые специалистами нужного профиля. Вся наблюдательная сеть будет пущена в

ход — хотя от *нее-то* мало надежды. Даже если Элкон увидит, как по главной улице городишки толпа головорезов, сжимая кольцо, гонит темно-рыжего пса — откуда он будет знать, что это Сварога убивают?

Игра проста: нужно *отсидеться*. Вот только где? Здесь оставаться не следует — вдруг Одо (большой мастер ставить себя на место противника, это уже ясно) решит нагряться?

Стоп, стоп! Превратившись в собаку, Сварог тем не менее сохранил свойства лара. Пули его по-прежнему не брали... а как обстоит с заклинаниями? Если и они при Свароге остались, проблему питья и еды можно снять моментально.

Он попробовал. Ничего не получилось. Кажется, ясно, почему. Ему давным-давно объяснили: даже когда человек произносит заклинание *мысленно*, это всегда сопровождается движениями гортани, соответствующими произношению тех или иных слов. *Человеческой* гортани. Собачья же совершенно не приспособлена для членораздельной речи. Так что — отпадает. Остается только известной степени неуязвимость — но не от вил в бок, не от топора по башке, не от клинка в горло... А пищу и воду придется как-то раздобывать самому, причем с водой, конечно же, гораздо проще...

Только теперь у него появилось время разобраться с правой передней лапой — с самого начала там что-то мешало, вроде бы какой-то посторонний предмет. В сгустившейся уже темноте он пустил в ход все доступные в его положении методы исследования: потыкал носом, языком, зубами...

Ага, вот оно что! На среднем пальце так и осталось массивное золотое кольцо, приличествующее солидному купцу — хотя, конечно, без самоцвета, положенного лишь дворянам. Крепко сидело. Нужно постараться и обязательно стянуть его зубами, чтобы не мешало бегать...

Нет! Пришедшая в голову идея была насквозь авантюрной, а то и откровенно рискованной, но попробовать безусловно стоило. О чем-то похожем он полгода назад читал: делать было нечего, а под руку попался сборник здешних старинных сказок наподобие «Тысячи и одной ночи». Так вот, там *выгорело...*

Вскоре у него появилась еще одна потребность, вовсе уж неотложная — и он, сторожко прислушиваясь, выбрался из-под крыльца. На небе было уже полно звезд, стояла тишина, бурьян покачивался под легоньким ветерком. Матерясь про себя, Сварог задрал лапу на угол крыльца — ну, что поделать, теперь придется только так...

Ну что, пойти поискать воду?

Глава XIII

БЛАГОНАДЕЖНЫЙ ПОКУПАТЕЛЬ И ЧЕСТНЫЙ ПРОДАВЕЦ,
ДОВОЛЬНЫЕ ДРУГ ДРУГОМ

Как ни крути, в происходящем имелась толика пусть печального, но юмора. Хорошенькой получилась прогулка короля королев, владельца большей части Харума, камергера Небесной Империи и прочая, и прочая — по немощным пыльным улочкам захолустного городишки, гораздо ближе по многим параметрам стоявшего к деревне. Со смеху лопнуть можно — не будь все так грустно...

Признаться, Сварог долго набирался смелости, прежде чем утренним временем выйти в город. Ночью было гораздо проще: нашел ручеек неподалеку от дома, напился от пуза и вернулся назад, никем не замеченный. Ночной жизни тут не существовало, разве что несколько раз попадались влюбленные парочки, которых трусящая вдоль заборов и изгородей собака не интересовала вовсе. Одна из парочек очень уж уверенно, очевидно, не в первый раз направилась на зады чертова домика — и Сварог выждал, пока они заберутся внутрь через то самое окно, прежде чем тихонечко забиться под крыльцо.

Однако прошло какое-то время, и он успокоился. Горожане к нему относились, как к пустому месту — да впрочем, сам он именно так и отнесся бы к неспешно бредущему темно-рыжему псу. Находились, правда, любопытные, тарацившиеся на него долго: ну да, в этой дыре горожане наверняка знают наперечет не только друг друга, но и собак с кошками, да и прочую живность. С полувзгляда определяют *нездешнего*. Впрочем, и любопытные в конце концов уходили по своим делам.

Сварог быстро усвоил: главное — держаться в сторонке, у самых заборов, не лезть под ноги, чтобы не получить мимоходом пинка — не злобного, а так, ленивого. Ни на кого, боже упаси, не скалиться, вообще демонстративно изображать, что приبلудная псина целеустремленно тащится куда-то по своим делам.

Один раз только вынырнувший из переулка босой мальчуган, не раздумывая, такое впечатление, чисто машинально запустил в Сварога комом земли. Разумеется, ком отлетел в сторону. Сорванец так и вылупил глаза — а Сварог побыстрее прошмыгнул мимо. Вполне возможно, паршивец и расскажет дружкам-приятелям о странной собаке, от которой отлетают, словно неведомой силой отброшенные, комья земли, так метко пущенные в бок. Но произойдет это наверняка не скоро, и до взрослых болтовня мальчишек вряд ли дойдет.

Никто пока что не проявлял поползновений изловить гончака редкой породы, за которого господин управитель обещал кучу деньжищ, никто не тыкал пальцем, не орал: «Лопни мои глаза, да это ж та самая псина, за которую награда обещана!» То ли Сувайн и Одо отказались по размышлении от этой идеи, то ли известие о сбежавшем гончаке еще не успело широко распространиться...

Поразмышляв, он понял, почему ему здесь так спокойно.

В этом городишке-деревне не было *праздных*. В пыли у ворот и заборов играли, возились вовсе уж маленькие дети, лет до шести — а те, кто постарше,

Сварог уже насмотрелся, работали в садах и на огородах наравне со взрослыми. Судя по всему, здесь наступила страда: на огородах дергали морковь, лук и репу, копали картошку, в садах собирали ягоды — а там, где росли вишневые деревья, бдительно расхаживали аборигены обоюбого пола и всех возрастов, поглядывая в небо, держа наготове трещотки, а то и ружья. Неподдалеку бабахнула пара выстрелов — причем окружающие и ухом не повели. Ага, картина Васнецова «Дрозды прилетели»... Да и тот сорванец, Сварог вспомнил, тащил какой-то сверток, видимо, был послан по делу, отчего одним-единственным земляным комом и ограничился.

В большом городе пришлось бы гораздо хуже: в центр вообще соваться бы не стоило, поскольку там всюду орудуют собачники, а на окраинах хватает других опасностей: ватаги уличных мальчишек, пьянчуги у кабаков, гужевавшие там уже с рассветом, да просто мелкая шпана, которой ничего не стоит за неимением другого развлечения пришибить собаку кирпичом. И, наконец, аптекарские подмастерья, рыщущие в поисках собачьего жира.

Черт побери, каким необычным предстает мир с точки зрения собаки — то есть обращенного в собаку человека, в отличие от собаки способного размышлять и анализировать...

Жажды он не испытывал, ручейков здесь хватало (судя по всему, за ними здесь тщательно следили, создав подобие оросительной системы, крайне необходимой садоводам и огородникам — иные были обложены камнем и прямизной напоминали скорее искусственные каналы).

Гораздо хуже обстояло с урчащим от голода брюхом. Вот уж поистине кишка за кишку заходит... И, что самое унылое, отовсюду плывут с кухонь аппетитнейшие запахи, главным образом самых незатейливых кушаний, но и они голодному представляются яствами с королевского стола... А вот это низкое длинное зданьице без окон — несомненная коптильня, оттуда идут вовсе уж упоительные ароматы... Сварог побыстрее пробежал мимо, захлебываясь слюной и старательно ее глотая: нельзя распускать слюни, а то примут, чего доброго, за бешеного и всерьез возьмутся истреблять, не подозревая, что играют на руку Сувайну с компанией...

Вскоре ему неожиданно повезло. Он оказался возле дымившего трубой домика, который, судя по запахам, был пекарней — волшебные благоухания свежего хлеба...

— Эй ты! Фью-фью!

Сварог повернулся в ту сторону, из осторожности не приближаясь. На крыльце появился здоровяк в белой блузе до колен и белых полотняных портках, усыпанный мукой так, что гадать о его профессии не приходилось. Он снова почмокал Сварогу, посвистел. Сварог помахал хвостом — что у него получилось как-то само собой, словно всю жизнь тем и занимался.

— Жрать будешь? Все равно выкидывать...

Пекарь продемонстрировал ему ковригу хлеба изрядных размеров, крепко, местами до черноты подгоревшую с одного бока. Словно боясь, что именно его заподозрят в подобном промахе, пробурчал:

— Подмастерье косорукий, остолоп... Будешь?

Ожесточенно виляя хвостом, Сварог изобразил самый живой интерес. Пекарь бросил ему ковригу, зевнул и направился в дом, проворчав напоследок:

— Хур Симаргл...

Цепко ухватив неожиданный подарок судьбы, Сварог припустил прочь, найдя укромный уголок за колодцем, улегся там, зажал ковригу передними лапами и смолотил в два счета не брезгуя подгоревшими корками. На душе моментально стало веселее, а в животе больше не урчало.

А вот это обязательно надо учесть, подумал он. «Хур Симаргл». Для приверженцев Крылатого Пса благое дело — накормить бесприютную собаку. Пекарь, правда, сработал по принципу «На тебе, боже, что самим негоже», но это уже другой вопрос... Вряд ли он единственный здесь приверженец Симаргла, должны быть и другие, вот их-то и следует держать, эти ни за что не обидят, а уж кусок обязательно подкинут. Только как же их вычислить? Далеко не каждый украшает входную дверь изображением Крылатого Пса — у пекаря ничего подобного не было...

— А это повод для стихов! — раздался рядом хмельной голос. — Счастливей пес, жующий подгорелую ковригу... Чем кто-то там... Ну, это потом придумается... Насколько же счастливей псина, тварь, жуя ковригу... Ну так как-то...

Сварог вышел из-за колодца и настороженно уставился на индивидуума, явно настроенного с ним общаться.

Пределно странный был индивидуум. Во-первых, первый праздношатающийся, которого Сварог тут увидел за все утро, да вдобавок изрядно пьяный. Во-вторых, одет он был не как градский обыватель, как член Сословия Сова, объединяющего ученых, книжников, книготорговцев и учителей: классический плащ особого фасона с пелериной, круглый берет с серебряным изображением совы. Вот только плащ жутко замызган — удачнее слова и не подберешь — а из двух серебряных блях на воротнике с изображением книги и пера осталась только одна (цепочка, коей положено бляхи соединять, вовсе куда-то испарилась). Берет тоже выглядит так, словно им не далее как полчаса назад старательно чистили сапоги, потемневшая, сто лет не начищавшаяся серебряная сова красуется на нем не прямо, а завалившись чуть ли не на девяносто градусов. Лет сорока, пропитая небритая физиономия с реденькими усишками, подбородок в свежих ссадинах — ага, приложился где-то...

«Круто», — подумал Сварог не без веселости. Конечно, и члены иного Высокого Сословия порой оказываются на самом дне жизни, что Сварог во времена своих прошлых странствий наблюдал неоднократно — но и в этом случае они, как правило, до последнего пытаются держать некоторый фасон, задирая нос перед «простонародьем». *Настолько* опустившегося представителя Сословия Сова Сварог узрел впервые в жизни...

— Я вижу, ты счастлив, четвероногий! — патетически воскликнул пьяный. — И я счастлив! Я обязательно напишу стихи, где поставлю наше счастье выше дурацкого счастья набитых золотом и живущих *правильно* (он покривился в брезгливой усмешке) скучнейших двуногих... Жвачные! — возопил он с внезапной яростью. — Животные! Лишь ты да я по-настоящему свободны... вот только, тварь кудлатая, ты не сможешь оценить ни степень своей свободы, ни гениальность моего стиха, который я после встречи с тобой обязательно напишу... Неразумная ты тварь...

Не стоило с ним оставаться далее — пьяные, как известно, подвержены резкой смене настроения. Сейчас благодушен, а через минуту, чего доброго, начнет с доской гоняться — вон там как раз валяется короткая, обломанная доска. Поэтому Сварог, помахивая хвостом, бочком-бочком отодвинулся, а оказав-

шись достаточно далеко, припустил прочь по улице, не бегом, но рысью... За спиной еще долго раздавалось занудное, патетическое бормотанье — очевидно, поэтическая декламация. Интересно, чем такой субъект может заработать здесь себе на жизнь? Вероятнее всего, как и в огородах — сочиняя разные петиции и ходатайства неграмотному народу...

Сварог пошел медленнее, по-прежнему игнорируемый окружающими — но это и хорошо, это просто великолепно... Стоп!

Он шарахнулся за угол, укрывшись за очередным колодцем — солидным, каменным, с жестяной крашеной крышей — осторожноенько выглянул.

Да, подозрительно... По улице проехал верховой — очень медленно, практически шагом, хотя конь под ним был великолепный и мог показать неплохой аллюр. Самый обычный человек средних лет, с усами на военный манер, вот только одет не по-обычному: зеленый кафтан со шнуровкой на груди вместо пуговиц, кожаная каталана, по тулье повязанная шнурком с нанизанными на него неизвестно чьими клыками. На боку — скрамасакс с черной рукоятью, за пояс заткнут пистолет. Встречные с ним раскланиваются — без лишней почтительности, как с ровней, он кивает в ответ всякий раз. И все бы ничего, но глаза у него так и бегают в обе стороны, и тут уж никакой ошибки быть не может: *высмотрень*... Примерно такого облика молодчики и ворвались вчера в дом...

Логично. Если Сувайн наряду с исполнением своих служебных обязанностей занимается и темными делишками — а так оно и есть, несомненно — ему просто необходима личная бандочка. Каковая вчера себя и проявила во всей красе. Судя по тому, что прохожие его прекрасно знают, а он ведет себя абсолютно непринужденно, банда прекрасно легализована. Городская стража? Нет, те городские стражники, что встречали вчера самолет, были одеты совершенно иначе, из оружия носили лишь дубинки в локоть длиной, да и лошаденки у них гораздо хуже этого каурого красавца... Ага. Сувайн говорил вчера, что он заядлый охотник, из дальнейших его слов можно сделать вывод, что держит свору собак... вполне возможно, под видом егерей при нем эти головорезы и состоят. Управитель городской канцелярии, несомненно, принадлежит к числу местных олигархов, может себе позволить держать псарей с егерями, никто и не удивится...

Дождавшись, когда всадник удалится, Сварог пошел дальше. Он словно бы оказался в новом мире — в мире неимоверно сильных запахов. Абсолютно все окружающее пахло так резко, как ни один человек никогда не унюхает. Нагревшееся на солнце дерево, лошадиный навоз, волна аромата мясного супа от ближайшего дома, ношенная одежда, глина, лужица лошадиной мочи... Даже изгороди, кусты в садах, крашеные ворота имели, оказывается, свой далеко распространявшийся запах. С непривычки такое обилие запахов и их крепость здорово раздражали.

И все же именно благодаря собачьему чутью он обнаружил то, что искал — унюхал гораздо раньше, чем рассмотрел вывеску над входом в небольшую лавчонку, разумеется, не писаную, а оформленную со старинной незатейливостью: вырезанный из дерева окорок с изрядно облупившейся краской, висевший на вбитом в стену горизонтальном штыре. В городах подобных наглядных пособий давно уже не встретишь...

Остановившись на противоположной стороне улицы, глотая слюнки — ах,

какие запахи колбас и копченостей плыли изнутри! — он какое-то время при-сматривался. Распахнутая настежь дверь патриархально приперта булыжником, отсюда видно, что покупателей нет, а справа, на грубоватой работы стуле восседает субъект, который может оказаться только владельцем, и никем иным...

Ну что ж, рискнем... Пересекши улицу, Сварог преспокойно вошел в лавку, уселся посередине и уставился на хозяина, в виде приветствия махнув пару раз хвостом.

Лавочник так и вылупил на него с несказанным удивлением. Пожилой мужик, краснолицый, седоватый, с роскошными бакенбардами (фирменный шик мясников), не сказать, чтобы злобного вида. Рядом с ним, прислоненная к стене, стояла толстая сучковатая палка, способная сойти и за незатейливую трость, и за дубинку — учтем...

Какое-то время стояло молчание. Ах, какое великолепие висело над прилавком и лежало на нем: колбасы разных цветов и толщины, гирлянды сосисок, окорока, куски и полосы копченого мяса... Нос у Сварога буквально *задыхался*.

— Чтоб мне сдохнуть! — воскликнул наконец хозяин. — Всякого навидался, а вот такой наглости что-то не помню. Чтобы приبلудная псина в лавку входила с таким видом, словно она что-то купить пришла и настоящими деньгами рассчитаться... — и он хохотнул, качая головой.

Действительно, не походит на злобного мизантропа... может, повезло наткнуться на еще одного приверженца Симаргла?

— А знаешь что? — сказал хозяин довольно добродушно. — Мне этакая наглость нравится. Ничего похожего на трусливую шавку, которая, хвост поджавши, норовит хапнуть кусок и удрать... Ишь ты, расселся, как благородный на баронской свадьбе... Фу-ты, ну-ты... Ладно, уговорил. Трусливой побирушке я бы сходу врезал по хребту, — он покосился на палку, — а тебе, пожалуй что, дам цельное кольцо колбасы. Я не из симаргловцев, просто колбаса стала припахивать, и покупателям ее предлагать неловко — должна быть у заведения своя честь. Ничего, не гнилая, просто припахивать начала, ты не человек, ты сожрешь за милую душу, вот только спасибо не скажешь по неразумию...

Только теперь Сварог почувствовал, что сквозь могучий гром симфонического оркестра (то бишь лавину вкуснейших мясных запахов) одинокой тихонькой скрипочкой пробивается другой аромат, для него сейчас совершенно неактуальный: спиртное, изготовленное несомненно с применением вишни. Стало ясно, что природная незлобивость хозяина еще и усугублена. Сварог присмотрелся. Сучковатая палка стояла о правую руку от хозяина, а по левую, вверх дном — светло-желтая плетеная корзина, которой тут вроде бы совершенно нечего делать. Еще скрываясь когда-то на Бараглайском холме, он наблюдал эту хитрушку лавочников и приказчиков. Хозяин, конечно, не пьян, но весь день будет пригубливать по стопочке.

— Ну, что смотришь, — спросил хозяин благодушно. — Залежавшуюся колбасу не жрешь, благородная морда?

Сварог старательно закивал — медленно, размашисто, стараясь, чтобы это как можно более походило на человеческий жест.

Лавочник как-то моментально осунулся лицом. Он не испугался и не удивился — просто ощутил, что реальность вокруг него вдруг перешла в какое-то

другое состояние...

— Ты это... чего? — спросил он тихо. — Ты ж как будто по-человечески киваешь...

Сварог еще несколько раз старательно кивнул, отчаянно пытаюсь придумать какой-нибудь жест, смотревшийся бы исключительно по-человечески. Так и не придумал: собаке это трудновато... Помотал головой, на сей раз изображая отрицание...

Окраина городишки, где располагалась лавка, была песчаной — и, несмотря на раннее время, песку на половицах было изрядно, что вполне годилось...

Повернувшись спиной к хозяину (чтобы тот не ломал глаза, читая в зеркальном отражении), он вмиг нацарапал когтем по песку: «Ага». Алфавитом Ринт, самым незатейливым — труднее и дольше было бы, напиши он затейливым Аугелом или Батаром.

Обернулся. Лавочник таращился на него вовсе уж совершенно очумело.

— Буквицы... — жалобно протянул он. (Сварог энергично закивал). — Я только имя свое подписывать и умею, да пару вывесок прочту... то есть одну от другой отличу... но это ж точно буквицы...

Его рука инстинктивно дернулась к дубинке. Сварог коротко, предостерегающе рыкнул, почувствовав себя хозяином положения. И точно, лавочник ментально отдернул руку, сказал осторожно:

— Прошу прощенья, я ничего такого не хотел, рука дернулась, чтоб мне с этого места не сойти... — он понизил голос почти до шепота. — Ой, сдается мне, что ты... что вы... что никакая вы не собака... Да?

Сварог закивал. Только бы черт не занес в лавку покупателя или кого-нибудь из домочадцев, если таковые имеются! Некое подобие контакта стало налаживаться...

Лавочник малость побледнел. Протянул левую руку, не глядя, привычно поднял за доньшко корзину. Сварог угадал правильно: там стояла пузатая темная бутылка без этикетки и глиняная, покрытая синей поливой стопка.

— Ничего, если я... — пропыхтел лавочник.

Сварог закивал. Хозяин вмиг наполнил стопку до краев, пролив даже немного на пыльный пол (точно, вишневка), не глядя, не отрывая глаз от Сварога, на ощупь поднял ее ко рту и вмиг опорожнил. Сразу видно было, что это придало ему чуточку бодрости.

— Вот оно, значит, что... — произнес он настороженно. — Вот оно, значит, как... Сам я такого не видел, только от людей слышал, ну так ведь в Каталауне, считай, обитаем, а *ваших* там по лесам, что гря... много, ага... Надо ж, никогда к нам не забре... не заходили, я хотел сказать... Господин оборотень! — воззвал прямо-таки молящим голосом. — Я в ваши дела никогда не лез, слова плохого о вас не сказал... Вздумалось вам поразвлечься — дело житейское, мы понимаем... Только к чему вам глумиться над убогим колбасником? Сами посмотрите: лавчонка крохотная, прибыль мизерная, старуха пилит, дочка до утра шляется, да огрызается еще, если вздумаешь нотацию высказать... Мелкий я, скучный, совсем даже неинтересный... Ну какое из меня развлечение? Слезки одни... Берите, что хотите... — он широким жестом обвел лавку. — Только, душевно вас умоляю, идите куда-нибудь еще... Поразвлечься можно над старым Фиштой: в детишек камнями пуляет, втихомолку деньги дает под заклад... Или взять...

Сварог подошел совсем близко (лавочник прижался спиной к стене), поднял правую лапу и как следует помаячил ею перед глазами мясника. Тот прищелкнул, подергал себя за правую бакенбарду:

— Чтоб мне лопнуть, да у вас там золото! Натуральное! Что мы, золота не видывали? Экая здоровая перстенюга... Столичному купцу впору... Это как это? Оборотень при кольце? Сроду про такое не слышал... — у него в глазах зажглась надежда. — Может, вы и не оборотень вовсе? Как бы это так спросить, чтобы сразу было ясно... По-людски вы не говорите, вижу... Извольте быть оборотнем?

Сварог замотал головой.

— Честное благородное, вы не оборотень?

Сварог замотал головой.

— Но вы ж, конечно, и не собака? Кивните, будьте так добры, если вы не оборотень...

Сварог добросовестно кивнул.

— И если вы не собака...

Сварог кивнул.

— Неужто человек будете?

Сварог закивал. На лице лавочника выразительнейшим образом отразилось невероятное напряжение мыслей. Вся сообразительность, видно, была призвана, чтобы разгадать загадку...

— А вот мы рассудим и прикинем... — бормотал лавочник, как-то между делом опрокинув еще стопку. — Ежели вы человек в виде собаки, но не оборотень... Это кто ж вы тогда есть... — он буквально просиял. — А чего тут соображать? Если вспомнить, чему старики учили, да что люди говорят, только одно и остается... *Обращенный, а?*

Сварог, чуть подумав, кивнул. Определение, в общем, вполне подходило.

— Это другое дело. Это бывает, — лавочник выглядел так, словно тяжкий груз с плеч сбросил. — Это получается, вас кто-то... это самое... в собаку?

Сварог кивнул.

— Это бывает, — с облегченным вздохом повторил лавочник. — Вон в соседней провинции лет сорок назад мачеха, чтобы все наследство себе захватить, пасынка оборотила волком. Года полтора он где-то мыкался, а потом попал, видать, на того, кто мог его *перекинуть* назад... Вернулся, а эта стерва уже всю хозяйствует... Рассказал все, ну, деревенские ее и утопили в пруду... Ох ты ж! Выходит, подгадил вам кто?

Сварог кивнул. Пасть непроизвольно дернулась, вырвалось рычание.

— Наш будете, городской? (Сварог замотал головой). Ага, пришли откуда-то... Знающего человека ищите, чтобы, значит, в прежний вид? (Сварог кивнул). Вот уж у нас в городе, должен вас огорчить, точно не найдете, отроду не слышал, чтобы кто умел... Вот в Гартвейне, говорят, таких много... А у нас — нет, не бывало отроду. Есть один, дождь вызвать может, ну, еще дроздов кое-кто умеет словом отгонять... ага, еще старый Берик может кошек взглядом с забора сбрасывать, мы сколько раз видели... Но вот таких, какой вам нужен, не водится. Надо вам в Гартвейн подаваться, глядишь, там и найдете.

Сварог ему охотно верил: как показывают последние события, в Гартвейне может обнаружиться что угодно, самое удивительное...

— Эх, вот с кем вам потолковать... — заговорил лавочник уже совершенно

спокойно, надо полагать, примирившийся с существованием Сварога и больше его не боящийся. — Есть у нас тут человек, зовется мэтр Гизон, очень даже непростой человек для нашей глуши. Здешний, а как же, тут и родился, мы с его отцом приятели. Большого ума был уже с детства, сам читать научился по старой книжке, потом тогдашний бургомистр, приметя в нем немалые способности, отправил учиться в провинциарий,[10] а оттуда, уж не знаю толком как, попал аж в Равену, в какой-то тамошний старинный и ученейший университет. Вышел в Сословие Совы, представляете? Единственный из нашего городишки, кто вышел в Сословие. И служил в столице на какой-то хорошей должности при королевском архиве. Родители малость нос задрали, и было от чего, я б тоже задрал, выйди мой сорванец в Сословие... — он тяжело вздохнул, потеревил обе бакенбарды. — Вот только через лет несколько... Вернулся он к нам. Говорил сначала, будто службу потерял из-за интриг и завистников, ну да мы быстро разобрались, что к чему... В местечке вроде нашего такое не скроешь... Винище злодейское, каковое есть яд... — он задумчиво налил себе стопку помянутого яда и меланхолически выкушал. — Служил сначала в управе, потом раз сорвался, два сорвался, бургомистр его и выставил, уже нынешний. Ну да понятно, на службе не приветствуется... Вот и живет, бедолага, главным образом тем, что пишет разные казенные бумаги, если у кого надобность возникнет, объясняет и растолковывает иные бумаги, что из провинции приходят — иной раз такое пришлют, что без сугубого знатока не разберешься... Даже бургомистр с господином Сувайном его порой тихонечко, с заднего крыльца приглашают, чтобы помог разобраться в очередной казенной головоломке... Одним словом, мыкается, смотреть жалко, а ведь всего-то тридцать лет парню. Ему бы жену дельную, чтобы в руки взяла, но кто ж за него теперь дочку отдаст, вдосыт на него наглядевшись...

Никаких сомнений, он говорил о том самом опустившемся пропойце, с которым Сварог уже свел ненароком знакомство. *Тридцать лет?! Выглядел на все полсотни...*

— Так вот к чему я говорю, — продолжал лавочник. — Мозги-то он пропил основательно, но все ж далеко не до конца — до сих пор и бумаги пишет толково, и эту... юридическую юстицию разъясняет. Может, он и знает, как вам помочь? Вы с ним быстро договоритесь — будете писать, а он вмиг прочитает... — он отвернулся, прислушался, вскочил с неожиданным проворством и распахнул боковую дверь. — Скройтесь пока, покупатель идет!

Сварог проворно нырнул в дверь и оказался на обширном дворе: два солидных амбара, конюшня, моментально опознанная по запаху навоза, вход в погреб... В одном конце двора стояла неказистая, но прочная повозка, в другом — большая собачья будка — надо полагать, бесхозная, будь во дворе собака, давно бы выскочила, учуяв непрошеного собрата.

Дверь мясник прикрыл неплотно, и Сварог прекрасно слышал, как хозяин беседует с женщиной, судя по голосу — не первой молодости, а судя по некоторым обмолвкам — не хозяйкой дома, а кухаркой какого-то зажиточного жителя. Все закончилось быстро: мясник по извечной привычке торгового человека пытался всучить ей то и это, но она твердо стояла на своем: господа послали купить постной ветчины и кольцо печеночной колбасы, той, что без перца, и денег дали соответственно, в обрез.

Вскоре лавочник — коего, как выяснилось из подслушанного разговора,

звали Оллан — открыв дверь, поманил Сварога. Заняв прежнее место, продолжал:

— Вот к чему я и веду: может, мэтр Гизон что знает? Вам бы к нему... Растолковать дорогу?

Сварог замотал головой.

— Ну, а чего ж вы от меня-то, господин обращенный, в конце концов, хотите? — в некоторой растерянности спросил Оллан.

Сидя во дворе, Сварог уже продумал кое-что. Он положил на колено лавочнику лапу с кольцом, несколько раз ткнул в кольцо носом, потом встал, отошел к прилавку и уставился на колбасы с окороками, поглядывая то на них, то на хозяина, помахивая хвостом. Вернулся к лавочнику, сел, вновь поднял лапу с кольцом.

Оллан долго таращился на него, пытаясь понять смысл этой пантомимы. Потом, словно настигнутый неким озарением, налил себе стопку и осушил. Что характерно, это моментально повысило его интеллект.

— Ах, вот оно что! — воскликнул Оллан, ухмыляясь. — Вы, стало быть, на это колечко у меня купить хотите разного всякого? (Сварог торопливо закивал). Вот это совсем понятно, дело торговое, житейское, любого покупателя надо улестить, если у него есть чем рассчитаться... — он нахмурился, почесал в затылке. — Только я ж не ювелир, совершенно не возьму в толк, как нам ваше колечко оценить, чтобы никому не в обиду... Ага! Придется старого Фишту кликнуть. Он, конечно, прохвост и мерзавец, с удовольствием бы поглядел, когда его подворье гореть станет, но другого знающего человека у нас просто нету. Ближайший настоящий ювелирных дел мастер со своей лавкой — в Котуле, за двадцать лиг от нас... Крути не крути, хошь не хошь, а придется Фишту кликать... Согласны? Я живенько сорванца пошлю.

Сварог кивнул. Заклинания он творить не мог, но все его способности остались при нем — и он знал, что Оллан не соврал ему ни разу. Так что придется доверять и далее...

Кольцо Оллан не без труда стянул, притащив из задней комнаты мокрый кусок мыла и изрядно намылив Сварогу лапу. Мальчишка обернулся быстро, Фишта, видимо, жил недалеко — и Сварог, вновь укрывшись на дворе, слушал, как происходит торг. Увы, неравноправный: Фишта, старичок с противным голосом, откровенно крутил, вилял и пудрил мозги, а Оллан, конечно же, не обладал достаточными познаниями в ювелирном деле, чтобы достойно дискутировать.

Наконец лавочник открыл дверь и поманил Сварога.

— Вот, извольте, — сказал он, показывая на ладони три золотых монеты (между прочим, уже новехоньких, со Свароговым профилем). — Три аурея дал, жила этакая. Нутром чую, что колечко ваше стоит побольше, я только по весу прикидываю, что золота на него пошло столько, сколько весят ауреи шесть, ну да что же тут поделывать? И не разбираюсь я, и идти больше не к кому... Как вам, ничего? (Сварог кивнул). Ну и прекрасненько. Вот только... — Оллан подергал бакенбарды в нешуточной задумчивости. — Цена у меня, конечно, одна, что для людей, что для таких... как ваша милость, иначе выйдет несправедливо. Вот только как же вы унесете то? На три золотых с меня полагается вот такой мешок всякого товара, — он изобразил руками размеры мешка. — Вам же его волоком тащить придется, а если люди увидят, что собака — уж

простите — мешок тащит, то непременно шуганут и отберут все... Как же нам быть — то с вами, чтобы все вышло по-честному?

Подумав, Сварог поднял лапу и проделал такие манипуляции.

О словно отмечал высоту стоявших на полу нескольких невысоких предметов. Оллан наблюдал за ним, озадаченно теребя бакенбарды.

— Чтоб это значило... — бормотал он. — Как бы несколько раз... Ага! Вы, стало быть, у меня столоваться хотите, чтоб как бы завтрак, обед и ужин? (Сварог закивал). Тоже выход. Приходите три раза в день, я так приблизительно прикидываю, недели на две денег хватит... Договорились? (Сварог замотал головой). А вот теперь уж я ничего не понимаю...

Оглянувшись на него, Сварог выскочил в приоткрытую дверь, быстро добежал до конуры, уселся с ней рядом и выразительно замотал головой в ее сторону.

— А, вон оно чего... — кивнул вышедший за ним следом Оллан. — Вы, как бы это сказать, и жилье у меня снять хотите?

Сварог закивал. Оллан посмотрел на него — и вдруг расплылся в улыбке.

— А знаете что? — воскликнул он весело. — А почему б и нет? Денег за постой с вас брать как-то даже и совестно, я ж не хозяин постоянного двора, а это конура, не комната... Тут такое дело... Живите сколько хотите... то есть, я так прикидываю, недели две, пока вам есть чем за провизию платить, — предусмотрительно добавил он. — Только такое дело... Вас не затруднит, как бы в виде уплаты, время от времени по двору ходить и погавкивать, как обычной собаке и полагается? Тут штука в чем... С сегодняшней ночи начинается Марутино Трехдневие... не слышали? Ну да, вы ж явно издалека... Три ночи народ будет веселиться вовсю, и молодежь в том числе. От нее-то, от молодежи, и все беды. Ладно, когда они за городом на пустоши будут через костер прыгать, я и сам когда-то со старухой... Но они ведь три ночи напролет еще и безобразить будут, не так чтобы опасно, но шкодливо. Полагается так испокон веку. Марута, если вы не знаете, была фея ужасно озорная, вот и полагается... — он хмыкнул, смущенно потупился. — Помню, лет тридцать назад мы и сами... Положено ж... В общем, могут и повозку со двора укатить леший знает куда, и колбасы из ледника потаскать, и мало ли что... Мы, помню, один раз у старого Патура — он тогда живой был — корову тихонечко свели со двора, сажей размалевали и ухитрились по ступенькам завести на галерею, что вокруг хлебного амбара Монгара ведет, на изрядную верхотуру. Ну, глаза ей тряпкой завязали, травой манили, в зад пихали, темно было... — он, мечтательно заведя глаза к нему, захихикал. — А утром, когда рассвело, она сойти боится, стоит там, на верхотуре, орет благим матом на весь город... Патур бегает, Монгар ругается, а мы в толпе стоим смиренхонько, как будто и ни при чем... Только когда потемнело вечером, ее кое-как вниз свели... Понимаете теперь? (Сварог кивнул). Ну вот... Туда, где злая собака, никто не полезет, кому охота заполучить драные штаны и покусанную задницу? А у меня Беляк от старости неделю как помер, все знают, что я нынче без собаки... Сговорился с Илахом взять щенка, у него хорошие, да ему ж еще неделю мамку сосать... А ежели вы будете время от времени погавкивать да порыкивать, никто и не сунется. Я скажу, будто купил по случаю злющего пса... Что вы опять головой виртуозите? Ах, нет? Не хотите, чтоб про вас знали? Ну, понятно... Тогда уж предупреждать я никого не буду, а вы все равно погавкивайте, ладно? Голосище у вас... внушительный.

Мало ли откуда собака во дворе взялась, главное, имеется и гавкает... Ну так как, возьметесь?

Сварог закивал. Не столь уж обременительный труд взамен великолепного укрытия. Плохо только, что после первой же ночи пойдут разговоры: «А у Оллана собака во дворе завелась». В такой глуши и это — интересная новость. Рано или поздно разговоры эти непременно дойдут... Ну что ж, придется рискнуть... очень уж ему повезло с этим добродушным толстяком...

Кивнув в последний раз, Сварог протянул хозяину лапу, которую тот машинально пожал, словно протянутую руку.

Глава XIV В УЧЕНОМ ОБЩЕСТВЕ

Жизнь определенно приобрела некое благолепие: все относительно чего-нибудь да относительно...

Король королей Сварог Барг безмятежно распростерся возле своей нынешней резиденции — старой, но добротной конуры из потемневших досок, крытой ржавой жестью. Утреннее солнышко еще не припекало, но уже приятно грело, завтрак из первосортных колбас и ветчины оказался таким, что есть нисколько не хотелось. Ночное дежурство выдалось не столь уж и обременительным: несколько раз и впрямь, заслышав шепотки-смешки и осторожные шаги по ту сторону забора и у ворот, приходилось, подойдя вплотную, рычать и лаять на совесть, но ближе к утру все угомонилось, должно быть, прошел слушок, что собака у Оллана вдруг да и завелась...

Прижился, можно сказать. Неизвестно, какую басню преподнес домочадцам Оллан, но приняли ее без особого удивления — а собственно, чему тут удивляться? Ну, купил по случаю батя собаку, дело нужное... Ранним утречком вышла посмотреть на Сварога «старуха» — собственно, не такая уж и старуха, ровесница Оллана, лет пятидесяти. Вид у нее, правда, был настоящей мегеры — чертовски неприятная баба. Постояла, поджав губы, глядя на Сварога так, словно собиралась потребовать подорожную и прочие удостоверяющие личность документы — но, конечно, ничего такого делать не стала, постояла-похмурилась да и ушла. Сварог слышал, как она в лавке сварливо заявила:

— Уж за два сестерция мог бы подыскать и получше... Вечно тебя, дурня, облапошат...

— Так ведь медные сестерции, не серебряные, мать, — с кротостью, должно быть, выработанной долгими годами, отозвался Оллан. — Хороший пес, верно тебе говорю. Всю ночь прогавкал. Сама видела — урона ни на грош, «марутники» как пришли, так и ушли... Что, не так?

— Ну, так... Смотри, чтобы малого не куснул...

— Да он не кусливый. Соображает, где хозяйева, а где кто.

— Ладно, ладно... Положи уж чего пожрать...

Вскоре во дворе появился Оллан с большущей миской какой-то бурды, даже издали неаппетитной на вид — все кухонные остатки налицо. Подмигнув Сварогу, хозяин унес миску в свинарник, принес пустой, поставил рядом с кону-

рой, проговорил тихо:

— Ну, я пошел лавку отпирать, а вы уж тут...

Потом выглянула прехорошенькая дочка — уму непостижимо, как у этакой мегеры... Во двор выходить не стала, с любопытством поглазела на Сварога и исчезла.

За ней появился «малой» — вихрастый и конопатый босоногий мальчишка лет двенадцати. Этот оказался посмелее сестры — подошел к конуре так, что от Сварога его отделяла лишь пара шагов. И долго разглядывал с таким деловитым лукавством — явно замышлял, стервец, какую-нибудь проказу вроде привязанной к хвосту консервной банки. По хитрой рожице видно — вскоре что-нибудь такое да отчебучит, паршивец, нужно быть настороже...

Хорошо еще, что сорванец был уже в том возрасте, когда простой народ праздности у детей не допускает. Вскоре мальчишка появился уже в башмаках, открыл конюшню, вывел пузатую лошадку мышастой масти, умело ее запряг, распахнул ворота и поехал куда-то со двора.

— Эй, а ворота? — крикнула девушка, появляясь в двери.

Не оборачиваясь, мальчишка важно бросил:

— Сама закроешь. Не мужское это дело — ворота запирать...

И подстегнул лошаденку, пустившуюся рысцой.

— Чтоб тебя! — беззлобно воскликнула девушка. — Мужик нашелся... — покосилась на Сварога. — Эй, рыжий, ты не кусаешься?

Сварог, не двигаясь, старательно замолотил хвостом по земле. Она решилась, пробежала мимо, закрыла ворота и накинула перекладину. Возвращаясь, остановилась довольно близко, хотя вплотную подойти и не решилась. Улыбнулась во всем юном очаровании:

— Эй, рыжий, ты не кусаешься? А то мне по двору сновать, дел поутру куча...

«Куснул бы я тебя, конопушечка, будучи в другом обличье...» — философски подумал Сварог и вновь замолотил хвостом. Впрочем, судя по пятну у нее на шее, эта светлая мысль не ему первому пришла в голову не далее как прошедшей ночью...

Успокоившись, она принялась хлопотать: протащила тяжеленную бадейку с пойлом для свиней, насыпала зерна квочущим курам, подоила корову, убрала какой-то мусор в углу двора. Девчонка, сразу видно, домовитая и хозяйственная. Сварог от нечего делать наблюдал за ней неотрывно.

Покончив со всем этим, подошла к конуре, присела на корточки и озабоченно уставилась на Сварога:

— Ах ты, рыжий... Мне ж еще теперь и за тобой убирать... Вот как бы тебя научить срать в одном месте?

Сварог замолотил хвостом, обуреваемый отнюдь не собачьими мыслями: ну конечно же, собачий нос великолепно ощущал запах юного здорового тела. Юбчонка подоткнута выше колен, корсаж не зашнурован, рубаха распахнута... Он как-то так невольно облизнулся.

Девушка чуть порозовела:

— Ну тебя! Как-то так уставился... — и машинально запахнула рубаху — а ведь почуяла некие флюиды, егоза...

— Илга! — громко позвал Оллан, появившись в дверях.

— Пап? — отозвалась она, не вставая с корточек.

— Что расселась? Иди быстренько помоги матери колбасы развешивать!

Голос его звучал как-то незнакомо — резкий, неприязненный даже... Едва слышно девушка пробормотала себе под нос:

— Ага, до первой стопочки мы зверем рычим... — и уже громко откликнулась: — Иду, пап!

Вскочила и убежала в дом. Тщательно — что-то очень уж тщательно — прикрыв дверь, Оллан быстрыми шагами направился к Сварогу, побряхтывая, опустил на корточки. Лицо у него было хмурое, озабоченное.

— Такое дело, господин обращенный... — сказал он тихо, очень серьезно. — Уходить вам надо, вот что... Вы уж так не смотрите, а послушайте... Вот буквально пару квадрансов назад, не успел я ставни открыть, появился господин Гауртон, главный егерь господина Сувайна, и с ним еще двое, незнакомые, но тоже одеты, как егеря, со скрамасаксами и пистолями. Рожи у них весьма даже неприятные... И начали меня выпрашивать, не видел ли я тут собаку... по описанию в точности, как вы. И все бы еще ничего... — лавочник понизил голос до шепота, в глазах у него был натуральный страх. — Но у одного из тех, незнакомых, шнуровка на кафтане распушена, и этак вот за пазухой, — он показал на себе, — сидит какая-то крыса... ну, наподобие здоровенной крысы, только уши совершенно не крысиные, острые, и морда гораздо покороче крысиной будет... Лапами передними в кафтан вцепилась, удобно так сидит, усами пошевеливает, сама бурая, а глазки красные, и так она ими на тебя пялится, будто вот-вот заговорит... — его явственно передернуло. — Мерзость такая, сбросил бы на пол, да кочергой насмерть и пришиб... И нюхает, нюхает, носом водит, как гончак на следу... И отчего-то мне стало совершенно ясно, что совсем врать нельзя... Вот ясно стало, и все тут... Я и говорю: точно, мол, вчера под вечер, когда я уж запирать собирался, пролезла именно такая собака, как вы описываете, попыталась с прилавка круг колбасы сдернуть... Я, мол, хват палку и на нее, а она, наглая рожа, вместо того, чтобы бегом бечь, еще на меня стоит и скалится, и взгляд у нее какой-то странный... Принялся я ее гонять по всей лавке, палкой махая, еле выгнал... Вот так, говорю, и было... А этот хренов крыс так на меня таращится... как будто вот сию минуту лапу вытянет и завизжит: «Брешешь!» Не знаю почему, но мурашки по спине... Но ничего, обошлось... Хоть и смотрели угрюмо... И говорят...

Вслед за тем Сварог выслушал пространное изложение версии со сбежавшим ненароком дорогушим гончаком, новым приобретением господина Сувайна, каковое при обнаружении следует вернуть владельцу за солидное вознаграждение. Значит, запустили все-таки в народ именно эту версию...

— И ведь не сразу ушли... — шептал Оллан, поеживаясь. — Я ж видел — у ворот болтались, у забора крыс этот все принюхивался... Потом ушли. Ох, не нравится это мне... Будь они одни, я бы, может, не беспокоился бы особо и не говорил вам идти со двора, но крыс этот непонятный... В жизни таких не видел и не слышал даже... Вот и думаю теперь: а вдруг они вернуться, чего *другое* приволокут? Еще посылнее нюхливое...

Он не врал. Ни капельки. И в том, что он говорил, был нешуточный резон: Сварог давно уже уверился, что Одо — персонаж весьма *непростой*. Действительно, может найтись *кто-нибудь* более изощренный в следопытском искусстве, чем этот непонятный «крыс»...

Лавочник вытер рукавом обильный пот со лба. Продолжал прямо-таки с

мольбой:

— Вы уж не посетуйте, ваша милость, но думаю я в первую очередь о себе. Вы б на моем месте тоже так думали. У меня ж дети... Да и вам, в случае чего, несдобровать... Сказочку эту про сбежавшего гончака пусть в своей башке рассказывают... — он оглянулся по сторонам. — Выходит, господин Сувайн... к вашим невгодам имеет некоторое касательство? (Сварог кивнул). Вот даже как... Уж про *это* я не думал. Слухи ходили, но так себе, пустяковые, да и шептались людишки несерьезные... А вот про другое... Если вы не знаете, то городом, да и всей читой[11] правит вовсе даже не бургомистр, а именно что господин Сувайн. Бургомистр — так себе, тряпка... И люди *серьезные* среди своих про господина Сувайна давно уже говорили всякое... Тут и контрабанда, и шалости на Большом Тракте, и много чего еще... Егеря эти его — они, болтают, не только егеря... А теперь еще и вон что оказалось... По правде сказать, шепчутся давно и много — и только... Потому что, рассуждая на практический крестьянский манер, нам, горожанам, ни от господина Сувайна, ни от его егерей никогда не было ни малейшего вреда. Так что... Коли уж нас никто не трогает... Остается болтать втихомолочку. Правда — вещь, конечно, хорошая, святая, можно сказать, вещь. Только кто ж *тут* будет искать правду ради правды, когда — хозяйство и дети? Это в столицах всякие тайные полиции и Звездные Палаты, а в нашей глуши до простого коронного полицейского неделю на повозке трястись... Тем более что никому никакого вреда... Может, в ваших местах и рассуждают по-иному, да там наверняка жизнь другая. Ну, а мы — уж такие, какие мы есть... Выше головы не прыгнешь, плетью обуха не перешибешь, пожар из стопочки не зальешь... Верите вы или нет, но я, правда, не только за себя боюсь. Вы со мной были по-честному, и я к вам по-честному... А ну как они, если уж занимаются *этаким*, пустят по следу кого посильнее? Мало ли на этом свете всякой нечисти?

Сварог молчал, уставясь в землю. На душе стало невыносимо мерзко: только-только показалось, что обрел надежное укрытие...

— Я, конечно, понимаю, что нехорошо этак вот со двора вышибать... — сказал Оллан. — И думаю, вам ведь ясно, в первую очередь не о собственной шкуре даже, а о детях... Презираете?

Сварог отрицательно замотал головой. Не было у него сейчас права презирать. Такова уж здешняя *селяви*. В конце концов, не выдал, хотя мог сдать в два счета...

— Нужно вам к мэтру Гизону, вот что, — уверенно произнес Оллан. — Ученый человек, и далеко не весь ум пропил. Если и не поможет, то, может, знает что... Я вам подробно объясню, где у него домишко, ага?

Сварог кивнул. Оллан тем временем вытянул из кармана нечто наподобие платка, свернутого длинным тонким жгутом.

— Давайте я вам на шею повяжу, ваша милость, — сказал он деловито. — Тут, стало быть, все остальные ваши денежки, на которые вы еще наестся не успели. Два аурея, двадцать один серебряный сестерций, две ливры, семигрошевик. Все в точности, как надлежит. Мало ли при каком случае вам деньги пригодятся, а мне чужого не надо, я на заработанное жить привык...

Сварог позволил обвязать себе шею платком: черт его знает, вдруг и пригодится...

— Я бы вам еще и колбасы на дорогу дал, — сказал Оллан, тщательно про-

верив узел. — Но ведь увидят собаку с колбасой в пасти, камнями пулять начнут, подумают, сперла... Вот так, теперь не сорвется и не разматается... Пойдемте, я вас задней калиткой выведу...

«Хороший ты все-таки мужик, — подумал Сварог, вставая. — Удастся выкрутиться из этой напасти — подъеду к лавке во всем надлежащем королевском величии, золота насыплю... А конопушке надену на шею что-нибудь такое, что все подруги от зависти дружно скончаются...»

Вслед за Олланом он прошел меж конюшней и коровником, свернул за конюшню. Там в высоком заборе обнаружилась приземистая калиточка — человеку пролезть, в три погибели согнувшись, ну, а собаке — запросто.

— Еще отец в молодости устроил, — сказал Оллан. — Тогда войны и до нас докатывались, мало ли что... Значит, вот так — через сад, потом налево, у первого колодца с деревянной крышей — он там один такой — сворачиваете в переулок, где слева солидная усадьба с зелеными воротами...

...Очень быстро Сварог обнаружил, что отношение к нему аборигенов изменилось разительно. Вчера он был для всех пустым местом, ну, а нынче — совсем наоборот...

Толстая тетка, тащившая из огорода ворох огромной моркови, завидев Сварога сквозь невысокий заборчик, более всего похожий на земной штакетник, так и застыла, разжала руки, морковь посыпалась наземь, а тетка, не обращая на это внимания, развернулась и, переваливаясь, затрусилась в огород, вопя:

— Дампи! Дампи! Иди сюда скорей!

Сварог прибавил ходу. Из огородов, со дворов — повсюду, едва заметив его, реагировали примерно так, как та тетка: кто впадал в ступор, кто начинал звать домочадцев. Несомненно, весь город уже знал, что к чему...

Оставалось совсем немного до цели, когда с повозки, медленно ехавшей по узкой улочке, соскочили трое местных и, растянувшись цепочкой, перегородили дорогу, таращась на него радостно-удивленно.

— Ну точно, кум, — пропыхтел один. — Как две капли... Эй, фью! Фью! Хорошая собачка! Иди сюда, колбаски дам...

Остальные молча надвигались, изображая умильные улыбки и делая подзывающие жесты. Чуть сбавив скорость, Сварог направился прямо к ним с самым доброжелательным видом, улыбаясь по-собачьи и махая хвостом — а в последний момент, оказавшись рядом, рывком проскочил меж двумя разомлевшими от нечаянной удачи аборигенами и припустил наутек. За ним кинулись, но куда уж трем брюханам солидных лет догнать собаку...

Обошлось. Так, кривая улочка, состоящая из одних заборов, круглый каменный колодец, заброшенная рощица из вязов, канава...

Похоже, он вышел в нужное место. Со всех сторон — высокие глухие заборы (как он уже знал, свойственные огородам, где выращивают самую дорогую ягоду наподобие клубники и еще какой-то чисто местной, синей, во рту тающей), пригородный лесок... Вот и покосившийся штакетник (будем уж называть его так, как привычнее), окружающий небольшой домик: одноэтажный, каменный, с заметно покосившейся крышей. Ни единого прохожего или повозки — глухая окраина...

Присмотревшись к калитке, он решительно толкнул ее носом и вошел. Остановился, втянул ноздрями воздух — и обходя дом, пошел на запах немытого тела, заношенной одежды и застарелого перегара.

Там, на задворках, как и следовало ожидать, обнаружился источник запахов, сиречь мэтр Гизон. Бывший почтенный книжник, а ныне пролетарий умственного труда сидел на дряхлой лавочке и задумчиво взирал на ветхий штакетник, за которым тянулся заросший бурьяном пустырь, а за пустырем — чахлая рощица. К превеликой радости Сварога, земля здесь была песчаная, рыхлая, идеально подходившая для его целей.

Он подошел, толкнул Гизона в бок носом. Тот медленно повернулся, глядя с таким видом, словно ничуть не удивился нежданному гостю, пусть и четвероногому. Сварог приняохался. Положительно, пахло только вчерашним, к опохмелке маэстро пера еще не приступал, возможно, и денег нет, и из дома вынести на продажу уже нечего.

Решивши брать быка за рога, Сварог повернулся и в два счета нацарапал на песке рядом с разношенным башмаком хозяина: Я — ЧЕЛОВЕК. Тем же алфавитом, что и прежде. Буквы получились кривые и корявые, но уж член Сословия Совы мог прочесть без труда.

Гизон и прочел. После чего, глядя на Сварога ну совершеннейше спокойно, сказал устало и деловито:

— Ну, здравствуй в который раз, подружка-белоснежка... Лихорадочка моя белоснежная, горячечка... Что-то новенькое на сей раз... Ушастые крыланчики не раз летали, мохнатые прыгунчики частенько скакали, и мыши со скрипочками навещали, и золотые тараканы, и зайцы с полицейскими бляхами... А теперь вот собака, которая пишет, что она человек... Скверно. Не в облик дело, приходили гости и омерзительнее, просто я тебя, хвостатый гость, вижу впервые и оттого не знаю, как классифицировать. Давно известно: когда приходят крыланчики или мышки-скрипачки, лучше толком опохмелиться и заспать, прыгунчиков и тараканов нужно перетерпеть на трезвую голову, а от прочих заварить отвар из сухой соняшницы... А вот это как избыть, подсказал бы кто? Или ты тоже говорящее, как зайцы?

Вот *такого* оборота дела Сварог никак не ожидал. Ждать можно было какого угодно приема, но быть принятым за очередную алкогольную галлюцинацию... Он сердито похлопал лапой по надписи.

— Ну я же говорю — прочитал, — с тем же унылым спокойствием сообщил мэтр Гизон. — Человек ты, что тут непонятного... Зайцы — те так прямо и говорили, что они из тайной полиции, а крыланчики хором пели баллады и непристойные вирилэ... Располагайся уж, я понимаю, ты надолго, вы все надолго заявляетесь, ни одна сволочь на пару минут не заглянула, все норовите поселиться... Ты пиши еще что-нибудь, если охота, а я пока подумаю, похмеляться или соняшницу заваривать... Чутье должно подсказать... Интуиция, знаешь ли...

Всерьез рассердившись, Сварог вскочил и сильным толчком сбросил пьянчугу со скамейки. Рыкнув, примерился и, насколько уж удалось, отвесил передними лапами подобие оплеух.

Гизон лежал, не шевелясь, но челюсть у него отвисла, а лицо перекошилось в несказанном удивлении.

— Так же не полагается, — едва выговорил он. — Ты себя так никогда не вел, Белоснежка... Всегда вы были бестелесные, неощутимые, словесно порой доставали так, что и сказать невозможно, но бить никогда не били... Ты как настоящий...

Сварог стер лапой написанное, размашисто начертал: Я НАСТОЯЩИЙ, ИДИ-ОТ! И для пущего подтверждения встал Гизону на грудь передними лапами, потоптался на нем, как следует.

— Клянусь локонами Бригиты... — прошептал Гизон. — Ты ведь натурально *твердый*... Да слезь ты с меня, не топчись! Больно же! Я и так не знаю, на каком я свете... Хватит когтями драть!

Ткнув напоследок носом в небритую физиономию, Сварог отступил на шаг и написал: СЯДЬ, ПОГОВОРИМ.

Охая, кряхтя, потирая разные части тела, Гизон кое-как уселся, крутя головой, постанывая. Сварог написал: ПОВЕРИЛ, ПЬЯНЬ?

— Ну ты не очень-то! — огрызнулся Гизон. — Не с деревенщиной разговариваешь! Несмотря на мои прискорбные жизненные обстоятельства, из Сословия меня не выключили, так что изволь... Ну верю, верю... Если я тебя потрогаю, не цапнешь? Нет? Теплый, вполне плотский, шерсть натуральная...

— РЕМИДЕНУМ? — написал Сварог.

— Вот именно! — приосанившись даже, ответил Гизон. — Если ты знаешь, что это такое, должен понимать...

— БЕЙ ПОЖАРНЫХ! — написал Сварог. — ТИМОРУС ПРЕЗРЕНЕН, КЛЯНУСЬ ТРЕМЯ СОВАМИ!

— Бригита милостивая! — выдохнул Гизон. — Ты... вы... неужели коллега, хоть и в столь неприглядном облике? На каком факультете учились?

Сварог превозмог соблазн выдать себя за студента Ремиденума — тамошнюю жизнь он знал поверхностно и очень быстро прокололся бы на куче мелочей. Поэтому написал: БЫВАЛ ТАМ. ДРУЗЬЯ.

— В друзья у нас принимают с большим разбором... — сказал Гизон. — Это рекомендация, да... А вот забавно: я вас, сударь, нисколечко не боюсь. Потому что человек в облике животного может оказаться либо оборотнем, либо обращенным, и никем третьим... Оборотень — дело опасное, кто знает, что ему взбредет на ум и как он вздумает развлекаться, но вы, похоже, знаете реалии Ремиденума, а значит, обращенный... Ага, киваете... Пожалуй, я все же подлечусь...

Он с неожиданным проворством вскочил и рысцой направился за дом. Сварог терпеливо ждал. Вскоре появился, неся оплетенную бутылку немалых размеров и глиняную кружку. Поставив все это на лавочку, он хлопнул себя по лбу:

— Про вас-то я, сударь, и не подумал... Вам миску? Так будет сподручнее...

Сварог замотал головой. Признаться, выпить хотелось ужасно, но он представления не имел, как подействует на собаку даже небольшая доза алкоголя, так что лучше не экспериментировать...

— Ну, как хотите, — пожал плечами Гизон. — Честью было предложено...

Он налил себе полную кружку, обеими руками поднес ко рту, морщась, изрядно отхлебнул. Его, бедолагу, так и перекосило.

Прикинув, куда мэтр блеванет, если случится, Сварог отодвинулся в сторонку.

Обошлось. С содержимым кружки — судя по запаху, вино — мэтр управился мастерски. Посидел, закрыв глаза. К нему, сразу видно, возвращалось хорошее настроение. Даже щеки порозовели: ну да, умелая опохмелка делает чудеса...

Сварог позволил ему допить и вторую кружку, после чего решительно положил лапу на горлышко бутылки и оскалился.

— Я понял... — сказал Гизон. — Ладно, ладно, дайте я только пробкой заткну, чтобы не выдыхалось... Ну да, обращенный... Оборотень ни за что не попал бы в Ремиденум... — и уставился с хитрецей. — А не подскажите ли, сколько окон в корчме «Астролябия и свиток»?

— Гав! Гав! Гав! Гав! — сказал Сварог.

— Верно... — протянул Гизон. — Четыре... Пятое фальшивое, и знать это может только тот, кто бывал внутри... А где там стойка, слева или справа? Вы напишите... Верно, слева... Бывали. Не врите, — промолвил он с пьяноватым умилением. — Равена... Прекрасный город... Что это вы пишете? Есть шанс вернуться? Ну, знаете, чтобы такое обещать человеку вроде меня, волею обстоятельств низвергнутому в эту дыру, надо обладать немаленьким влиянием... Обладаете? Да вы вообще кто? Что-о? — он посерьезнел. — Барон? Звездная Палата? Так-так-так-так-так... Ежели взять да поверить, то без труда возникают версии касательно того, как вас обернуло... Выслеживали кого-то надлежащего и не рассчитали силенок? В ловушку угодили? Да? Ну, сударь мой, в здешних местах надо быть осторожнее, это вам не столица... Мне, хвала Бригите, с *этим* и сталкиваться не приходилось, но я же здесь родился и вырос, знаю, сколько здесь по углам тихонечко посиживает *всякого*... В два счета оборотят, а то и похуже, вам еще повезло... Что же вы от меня-то хотите, ничтожного ныне?

Начался серьезный разговор — Сварог то писал, то кивал или отрицательно мотал головой в ответ на вопросы Гизона. Надо сказать, опустившийся мэтр, распахмелившись, соображал толково... Сварог стойко придерживался «легенды», которую ему неожиданно подсунул сам мэтр — получалось весьма даже правдоподобно: барон, не последний по рангу сыщик Звездной Палаты, выслеживал тут очередную нечисть и ненароком угодил в ловушку. Вот *правде* Гизон мог и не поверить...

— Значит, говорите, Сувайн... — задумчиво произнес Гизон. — Знаете ли, я нисколечко не удивлен: были у меня кое-какие наблюдения и подозрения... Вот так оборот... Не скажу, чтобы мне от этого стало веселее жить... Значит, все, что вам нужно — это укрыться на пару дней, а там непременно прилетят самолеты с вашими друзьями... Уверены? Ну, будем считать, что вам виднее... Что? Да нет, не стану я выдавать вас Сувайну. Во-первых, если вам поверить, возникает фантастический шанс вернуться в Равену, а это перевешивает все возможные выгоды... Сколько там за вас даст Сувайн, не особенно и много... Во-вторых, ничего он наверняка не даст, а прикажет тихонько прикончить. Умнейший человек, чем бы он там потаенно ни занимался. Какой-нибудь деревенщине он честно отсыпал бы золота, а вот насчет меня у него моментально возникнут подозрения: уж не узнал ли я от вас что-нибудь, чего знать не полагается... Так что не волнуйтесь, не собираюсь я вас выдавать, себе дороже встанет...

«Он не врал», — определил Сварог. И немного успокоился.

— То-то со вчерашнего вечера прошел слух про сбежавшего дорогого гончака... — продолжал Гизон. — Неглупо придумано, уже через пару часов народец окончательно бросит свои обычные занятия и примется рыскать по улицам: десять золотых для нашей глухомани деньги завлекательнейшие... Вот только

лично для меня гораздо привлекательнее то, что вы обещаете... Я не игрок по складу характера, но рискнуть стоит, вдруг все так и выйдет, как вы излагаете... — он мечтательно прищурился. — Равена... Как мне ее не хватает... И как мне хочется всему этому верить всецело... Вы точно уверены, что самолеты прилетят? Ну, будем считать, что вам виднее... Что? Ваши следы? А вот тут я никакого беспокойства не вижу. По нашей улочке — если только она заслуживает названия улицы — регулярно гоняют скот к Большому Тракту, и как раз сегодня к полудню должен пройти гурт. Я-то знаю, сам вчера написал для старшины гуртоправов пару бумаг, за что и вознагражден сей благодатью, — он кивнул на бутыль. — Полсотни коров, отара овец не маленькая... Как обычно, улочку настолько перепашут копытами и загадят навозом, что от ваших следов, простите за каламбур, и следа не останется... А теперь, коли мы все обговорили, не позволите ли нацедить еще кружечку? Я, как видите, соображения не теряю. Подумаешь, сливовица... А потом станем думать, как вас устроить...

...Сварог проснулся внезапно, словно от резкого толчка. Не поднимая головы, прислушался и принял. В соседней комнате похрапывал окончательно упившийся к вечеру Гизон, выводя затейливые рулады и фиоритуры — а больше никаких звуков и не слышалось. Все запахи, что он улавливал, были *прежними*: неприглядный букет ароматов обиталища одинокого пьяницы — засаленные простыни, прокисшая еда, многочисленные пустые бутылки из-под разнообразнейшего спиртного...

И все-таки что-то было не так. Определенно.

Он приподнялся, сел, поводя ноздрями, пытаясь уловить сквозь переполнявшие дом унылые и противные запахи что-нибудь *другое*. Бесшумно подкрался к распахнутому окну, выходящему на задворки — он вечером сам заставил Гизона распахнуть все окна, чтобы в случае неприятных сюрпризов не оказаться в ловушке...

Поднял нос к подоконнику. Сразу же усилился запах коровьего и лошадиного навоза вкупе с овечьими катышками — к полудню по улице действительно прогнали гурт несколько всадников.

Тихие шорохи? Да, никаких сомнений. Едва слышно, как похрустывает песок под ногами обходящих дом людей. Как бы тихо они ни старались двигаться, собаку не проведешь...

А теперь и запах пота, одежды, сапог, табака... и железа.

Отыскали-таки, сволочи... Опять не повезло.

Сварог бесшумно отпрянул в сторону — мимо окна на цыпочках проскользнул человек. Второй, судя по запахам, прижался к стене рядом с окном, совсем близко от замершего Сварога. Ну да, после неудачи в домике они кое-что учли и сейчас явно окружают жилище, чтобы следить за окнами...

Страха, конечно, не было — одна рассудочная злость. Сварог лихорадочно просчитывал все возможные варианты — а их имелось не так уж и много. Впрочем, у погони их тоже не особенно много...

Он бесшумно приблизился к распахнутой двери в прихожую — ну да, на крыльце тихонько топтались, пробуя дверь. С вечера Сварог проследил, чтобы Гизон старательно запер ее на огромную кованую задвижку. Дверь к косяку прилегает плотно, так что ничего у них не получится — а высаживать замучаются, в старые времена двери как раз и делали добротными, чтобы всякая шу-

шера с ходу выломать не смогла — а дом построил еще дед Гизона.

Та-ак... Что-то небольшое, невысоконькое одним прыжком оказалось на подоконнике, уселось там, поводя головой с круглыми ушами, посверкивая красными глазками-бусинками — какая-то зверюшка величиной даже поменьше кошки. Похоже, знаем мы, что это за зверюшка...

Решение было неожиданным — но он не колебался. Метнулся к подоконнику, сцапав зверюшку клыками за шиворот, втянул ее в комнату. Снова, такое впечатление, собачье тело само знало, что делать. Резко встряхнул, мотнув головой сверху вниз — послышался противный тихий хруст, тварь обвисла у него в пасти и, когда Сварог разжал зубы, шмякнулась на пол, где и замерла недвижно.

Рядом, за окном, кто-то тихо охнул от неожиданности, послышался возбужденный топот, в дверь тотчас забарабанили то ли кулаки, то ли сапоги, слышались крики:

— Мэтр Гизон, открывайте! Городская стража!

Распластавшись в прыжке, Сварог *вымахнул* в окно. Сбоку, как и ожидалось, к нему метнулась темная фигура, заноса скрамасакс. Подпрыгнув, Сварог вцепился в запястье державшей оружие руки и с неизвестным прежде наслаждением сомкнул челюсти, ощущая, как дробит кость. Раздался дикий вопль, скрамасакс пролетел рядом, воткнулся в землю. Справа и слева уже бежали к ним те же темные фигуры с занесенными тесаками — и Сварог, выпустив оружиего, метнулся к штакетнику по давно продуманному пути. Перепрыгнул его с разлета. Сзади грохнула пара пистолетных выстрелов, он и ухом не повел — сгоряча это они, должно ж уже знать, идиоты... Пронесся по пустырю, с налету раздвигая густой бурьян, кинулся к рощице.

Во рту стоял омерзительный вкус крови и неизвестно чьей шерсти, но некогда было на это отвлекаться, и отплеываться некогда. Взрыв землю задними лапами, он с маху остановился под крайними деревьями, оглянулся. Слишком темно, чтобы разглядеть, что делают люди возле дома, одно ясно: погони нет. И из рощицы никто навстречу не кинулся. Принюхиваясь и прислушиваясь, он уже неспешно, бесшумно заскользил меж деревьями.

Глава XV СТРАННИКИ

Рассвет он встретил в отнюдь не комфортабельных условиях. По сравнению с сегодняшним утром раем была не только конура Оллана, но и пропахшая черт-те чем хибара мэтра Гизона...

Пройдя рощицу, он увидел далеко впереди огни домов — там, оказывается, тянулась немаленькая улица. Свернул вправо, угодил в сады, один раз на него выскочила маленькая лохматая собачонка и с расстояния уардов в пять долго поливала истерическим лаем: он, конечно, был побольше и пострашнее, но моська чувствовала себя дома. Пришлось сделать крюк и далеко обойти.

Потом на пути попался широкий спокойный ручей, по виду больше похожий на искусственный канал. Вспомнив старый, но действенный прием, Сварог вошел в воду (оказалось кое-где по грудь) и проплыл так уардов сотню. Даже если у погони нет ничего наподобие *запасного* крыса, они могут пустить по следу самых обычных собак, у Сувайна ведь приличная свора (хорошо еще, что пока не додумались, всецело полагаясь, должно быть, на придуренную Сварогом тварюшку)...

Выйдя из воды, он оказался на широкой улице, где огни в домах горели редко-редко. Прошел ее, свернул... и понял, что начинает блуждать. Абсолютно не представлял, где очутился, ясно только, что все же не в центре городка, а ближе к окраинам. Ничего хорошего от этих бессмысленных блужданий получить не могло — опасности пока нет, но пользы никакой. Поэтому, забредя в достаточно глухое местечко, на зады каких-то длинных низких амбаров и обнаружив там лежащую на земле горизонтально пустую бочку, он решил не болтаться больше по незнакомым улицам, словно неприкаянная душа, а воспользоваться этим, пусть и ненадежным укрытием. В бочке, хорошо еще, пахло не какой-нибудь дрянью, а зерном...

Спал он, конечно, вполглаза, да, собственно, почти и не спал — то и дело, очнувшись от беспокойной дремы, порой наполненной кошмарами, высовывал из бочки голову, прислушивался и принюхивался. Так что к рассвету чувствовал себя разбитым. Да и в животе урчало не на шутку — мэтр Гизон не особенно и утруждал себя заботой о пропитании, так что Сварогу досталась лишь изрядно зачерствевшая краюха хлеба и полкруга скверной дешевой колбасы, начавшей уже попахивать.

А главное, *теперь* он совершенно не представлял, что делать и куда направиться. Если откровенно, ему до сих пор попросту везло: повезло наткнуться на Оллана, а через мясника оказаться у Гизона. Как ни парадоксально это звучит, но ему повезло и в том, что он сейчас — собака. Человек на его месте, есть сильные подозрения, если и не попался бы в лапы погони, то ему пришлось бы гораздо труднее. Человеку гораздо легче поймать человека, чем собаку. Собака и бегаёт побыстрее, и нюх ей помогает издали учуять погоню... Надо добавить: повезло еще и в том, что Одо с Сувайном, какими бы ни были хитрыми и коварными, вряд ли когда-нибудь устраивали охоту на собаку, да еще в городке...

Снова идти к Оллану безусловно не стоит: жаль подставлять хорошего мужика, мало ли что. Действительно, двое детей... Гизона наверняка уволокли

куда-нибудь в подвал для обстоятельного допроса. Если не сокрушаться о горькой судьбинушке мэтра, а со здоровым цинизмом подумать о собственной выгоде — пленение Гизона ничем Сварогу не грозит. Гизон, конечно, может после соответствующей обработки рассказать, что его постоялец ждал подмогу и выручку на самолетах — но Одо и сам догадался о таком повороте событий — говорил же тогда Сувайну...

Но самолетов пока что нет, и неизвестно, когда будут. Можно, увы, признать, что Одо с Сувайном на два хода впереди. Во-первых, у Сварога нет надежного укрытия и неизвестно, где его найти, во-вторых, их придумка о сбежавшем гончаке уже распространилась по всему городу, и все его население будет ловить Сварога с превеликим рвением, прельщенное известием о десяти золотых кругляшках... с его собственным профилем, мать твою! Второй Оллан, будем реалистами, вряд ли попадет на пути...

Он решительно не знал, что теперь делать. Рассвело, поблизости уже пару раз проехали повозки, горожане проснулись ни свет, ни заря и принялись за работу, словно усердные муравьи... а еще они будут одним глазком то и дело зыркать по сторонам, чтобы не упустить счастливый случай...

В конце концов кое-какое подобие плана все же родилось. Если оставаться в городе слишком опасно, следует обосноваться за городом. Где-нибудь в лесочке или рощице, каких здесь много, примыкающих к городку. Лучше всего поблизости от пустыря, где остался его самолет — если прилетят, будут приземляться именно там... С трех сторон пустыря, он помнил, как раз и простиралось редколесье. Конечно, нужно учитывать, что там может оказаться засада. Да вдобавок придется обходиться без еды, которую негде раздобыть. Но тут уж ничего не поделаешь. Другого плана и быть не может. Не сидеть же тут в бочке пародией на Диогена... Быстро заметят.

Приняв решение, он не медлил: выбрался из бочки и, прикинув, в какой стороне располагается ближайшая окраина, направился в ту сторону.

И через пару минут наткнулся на аборигена, с деловитым видом ворошившего вилами какой-то хлам на задворках амбаров. Они, можно сказать, столкнулись нос к носу, Сварог выскочил из-за угла и моментально попался трудяге на глаза. Тот форменным образом оцепенел, уставившись на Сварога вытаращенными глазами. «Ну вот, — подумал Сварог, прикидывая, куда юркнуть, — сейчас определенно ловить примется, сволочь златолюбивая...»

Однако обернулось совершенно иначе. Местный выронил вилы (чудом не угодившие ему зубьями по ноге), кинулся к ближайшей сосне (их тут немало росло)... Сварог и глазом моргнуть не успел, как абориген взлетел к самой кроне, на высоту уардов шести, причем, по голому стволу — ну, чисто кот по телеграфному столбу... А ведь в годах уже, с брюшком... Что на него нашло?

И тут же абориген со своей верхотуры завопил, будто его резали — безостановочно, оглушительно, жалобно, на одной ноте, словно пароходный гудок. У Сварога в ушах заломило. Подумав, что этак сюда весь город сбежится, он шарахнулся, и, услышав, что с обеих сторон и в самом деле бегут люди, проворно втиснулся в узкий промежуток меж двумя амбарами, отступил задом вглубь — теперь его не видел ни оравший на сосне, ни бегущие по улице.

Он и сам не знал, почему так поступил, вместо того, чтобы опрометью кинуться прочь. Какое-то предчувствие, что ли. Местный вел себя *насквозь неправильно*, и это было странно: ему бы полагалось, услышав пленительный

звон золота, подманивать или ловить Сварога — а он повел себя так, словно не собаку узрел перед собой, а голодного и разъяренного каталаунского тигра (вообще-то это никакой не тигр, а очень крупная рысь, но все равно, зверь опасный). Может, удастся подслушать разговор, из которого что-то станет ясно? Будет же он объяснять бегущим, отчего вдруг взялся выкидывать цирковые номера...

— Чтоб мне провалиться! — послышалось совсем рядом. — Жамый Пиритуш, чего это вы на сосне-то?

— Он прямо на меня выскочил! — громко, с истерическими нотками отозвался сверху Пиритуш. — Тот самый пес, бешеный! Как я успел, как я сюда залез — сам в толк не возьму... А он как чесанет по улице, во-он туда...

— Та-ак... — тихо и недобро произнес другой голос. — Значит, поблизости где-то, тварь...

— Да нет же, Пиритуш говорит, по улице чесанул...

— Все равно, где-то в околице... У кого что?

— У меня грабли... Толку-то...

— У меня нож...

— Ну, это чуть получше... Ага! Вон вилы валяются! С вилами уже сподручнее...

— Я сбегая к бургомистру?

— Давай, со всех ног. Куда он, Пиритуш говорит, побежал? Туда? Значит, давай в противоположную, а то попадешься ему ненароком, вмиг глотку перехватит...

Затопотали удалявшиеся шаги. Оставшиеся переговаривались:

— Вот он где, зараза, оказался... Ну да, тут воды нету, а бешеная собака воды всегда боится...

— Жамый Фили, вы вилы-то наготове держите, вдруг выскочит...

— Да держу... В колокол надо бы ударить...

— Да и так весь город на ногах. Я сам не видел, а вот Чибер видел, как эта тварь все семейство Баругана разделала. Чибер говорит: я хоть и мясник, а когда людей в таком виде узрел, меня тут же, на крыльце, наизнанку вывернуло. Живого места не было, кровища везде, Чивер сказал...

— А с чего это он сбесился?

— А кто его знает? Легче нам будет, если узнаем, отчего? От чего собака бесится? Бесится, и все...

— К драгунам бы послать. Так и так, помогите, что вы, не люди, что ли? Их там целый полк, а народ хваткий и вооруженный до зубов...

— Я так полагаю, бургомистр или господин Сувайн уже додумались. Если у командира совесть есть, не откажет... А то от нашей стражи толку мало...

— Еще егеря господина Сувайна есть.

— Сколько их? Дюжина... Тут бы и в самом деле драгун, чтобы прочесали весь город, как граблями. Враз прикончат.

— Вы как хотите, а я домой. Вдруг этот бешеный вломится? Вломился же он к Баругану...

— Точно, пошли.

— Эй, а как же я? Я что-то сам вниз и не могу даже...

— Вы уж, Жамый Пиритуш, посидите пока. Ветка, я гляжу, у вас удобная, не свалитесь. Потом придумаем, как вас снять, а сейчас некогда... Пошли!

Судя по звукам шагов, все торопливо удалялись. Пиритуш пытался их звать, вернуть, но, видя, что бесполезно, разразился бессильными ругательствами.

Сварог почувствовал, как его прошибла холодная дрожь. *Такого* оборота он никак не ожидал. Значит, вот так... На смену сказочке о сбежавшем гончаке запустили жуткий рассказ о бешеном псе — том самом гончаке, конечно. Вполне возможно, что этот их Чибер не работает на Сувайна, а в самом деле видел зверски убитое семейство некоего Баругана — этим подонкам ничего не стоит для правдоподобия и в самом деле кого-то прикончить, так даже надежнее... Они спешат, нервничают, вот и придумали...

Теперь ситуация для Сварога осложнилась несказанно. Нужно признать, эти мерзавцы придумали эффектнейший ход: бешеную собаку моментально кинутся истреблять, что в городе, что в деревне, все, у кого найдется крупица смелости, схватят вилы с топорами и бросятся обшаривать городок, защищая жен с малыми детушками, да и себя самих...

Пустая улица, не особенно и застроенная. Песок летит из-под лап... Конский топот справа!

Из переулка выскочил городской стражник с пикой наперевес, зачем-то нацепивший в дополнение к уставному серому камзолу старый, нечищенный, тронутый ржавчиной рокантон. Форменным образом вызверившись, с испуганно-злой физиономией, он направил коня на отпрыгнувшего к забору Сварога, попытался достать пикой, зажав ее в кулаке острием вниз. Получалось у него скверно — вряд ли когда-то приходилось пускать свой дрын в ход, да и лошадка, как ни дергал поводья всадник, не смогла прижать Сварога к забору — наверняка всю жизнь трюхала по улицам, большей частью шагом, и никаких курбетов, на которые горазд хороший строевой конь, выделять попросту не умела. Без особого труда увернувшись от заржавленного острия, Сварог подпрыгнул, рявкнул, щелкнул зубами у самой лошадиной морды. Лошадка шарахнулась с истошным жалобным ржаньем, взмыла на дыбы, и всадник полетел в дорожную пыль, причем острие пики уперлось в землю и древко переломилось с хрустом.

Стражник заорал, закрываясь руками. Перепрыгнув через него, Сварог огляделся. Топот, вопли! С двух сторон по переулкам набежали немаленькие кучки горожан, с вилами, топорами, цепями, а кое-кто попросту с длинными жердями — оставаясь в руках владельцев, даже жерди были для Сварога так же смертельны, как для обычного человека... или собаки.

Он метнулся туда, где облавы пока что не было. Слыша за спиной топот и яростные крики, перепрыгнул низкий заборчик и понесся садами. С воплем шарахнулась женщина, рассыпав вишни из ведра — он пронесся мимо, и внимания не обратив. Появившийся меж деревьями экземпляр в соломенной шляпе метко запустил в него вилами — с ожидаемыми последствиями, вилы улетели куда-то, не коснувшись собачьего бока.

Сварог надал, несясь тем путем, которым сюда пришел на рассвете, мимо высоких заборов, чахлах рощиц, обширных огородов. Пару раз то справа, то слева раздавались крики. Сварог несся. Одним прыжком перемахнул давешний ручей.

Взлетел вверх по пологому песчаному откосу, остановился в сосновом лесочке, перевел дух.

Справа послышалось далекое пение трубы. Горнист уверенно выводил сигнал, прекрасно Сварогу знакомый: «Колонна, короткий галоп!»

Сквернее некуда. Итак, командир полка снизошел к беде горожан и поднял в седла, надо полагать, весь полк. Вскоре городок буквально *затопят* драгуны. Две тысячи всадников, превосходно обученных в том числе действовать с седла пикой и мечом против пешего противника. А вооруженные чем попало горожане, без сомнения, сейчас обшаривают все укромные закоулки в городке, которые они, в отличие от Сварога, прекрасно знают с детства, и наперечет...

Он побежал, взяв чуть левее, уже видя, что сумел выбраться из города. Места потянулись насквозь необитаемые, лес густел, ни единой тропинки не видно. Сварог взбирался все выше и выше по склону невысокой горюшки, заросшей сосняком.

Остановился на вершине, найдя удобное местечко меж двумя деревьями, с которого открывался вид далеко вперед. Что происходило в оставшемся за спиной городке, видеть он не мог, зато прекрасно рассмотрел противоположный склон, лесистый, спускавшийся к равнине, где на горизонте виднелась зубчатая синяя полосочка — отроги Каталаунского хребта. Неподалеку от них как раз и должен пролегать Большой Тракт. Карту Сварог прекрасно помнил: примерно в полусотне лиг к полному закату Тракт раздваивается, правая дорога уходит к Ителу, за которым, совсем недалеко от реки, начинаются горотские владения, левая сухопутьем тянется к гланской границе.

Нисколечко уже не колеблясь, Сварог рысцой стал спускаться с горы, направляясь в сторону Тракта, до которого было лиг двадцать. Решение пришло неожиданно, но он практически и не раздумывал...

Даже если самолеты вот сейчас, сию минуту приземлятся на пустыре, пробраться к ним будет невозможно, непременно ухайдакают по дороге. Горожане, чуть ли не поголовно высыпающие на улицы, да вдобавок драгунский полк... Нереально. Укрыться в окрестностях городка, выжидая удобного момента — опять-таки слишком опасно. Поймут ли прилетевшие, услышав о всеобщей охоте на бешеную собаку, что речь идет о Свароге. А если нет? Понадобится вовсе уж фантастическое стечение счастливых обстоятельств, чтобы добраться до них невредимым...

А потому он выбрал *другой* путь — он, конечно, отнимет больше времени, но станет гораздо безопаснее. Не мудрствуя и не рискуя, Большим Трактом уходит в Глан. До гланской границы — менее сотни лиг. Еще немного — и он окажется за пределами читы. А у гланских пограничников давным-давно есть интересная статья устава...

Грамотностью большинство стражей Родины похвастать не может. Да и агенты, отправляемые в сопредельные страны (точнее, отправлявшиеся до недавних пор) частенько неграмотны. Поэтому Баглю, одиннадцать лет назад занявши свой нынешний пост (и оказавшись еще и начальником над пограничной стражей) нашел великолепный выход. Любому новобранцу в первый же день службы: если вышедший к пограничникам человек с другой стороны начертит — хоть прутиком на земле — три руны, Фиарр, Тер и Бродос, человека такого следует немедленно доставить к начальству, при необходимости накормив-напоив и удовлетворив иные нужды, какие у него могут возникнуть. Раз начертил именно эти руны, в таком сочетании — доверенный человек гл-

эрда Баглю. Сочетание рун — целых три — исключает случайное совпадение.

Голову можно прозакладывать, что, когда те же самые руны начертит *собака*, ее не прогонят к чертовой матери, а постараются точно так же доставить к Баглю. Подобного прежде не случалось, — но сочетание рун говорит само за себя. Ручаться можно, что именно так и будет. В любом случае, узрев это чудо, собаку, знающую пароль для секретных агентов, стражники непременно позовут начальника заставы — а уж начальники-то поголовно грамотны и без труда смогут прочитать все, что Сварог накорябает лапой по земле.

Около ста лиг... Даже учитывая, что он голоден, устал и не привычен к долгим марш-броскам на четырех лапах, можно добраться самое большее дня за два. Надежда всегда придает сил, а тут не просто надежда, нечто большее. Хорошо бы, конечно, прибиться к кому-нибудь из путешествующих по тракту, чтобы проделать весь путь или часть его на повозке, но это чересчур уж фантастично. На камнях Тракта ничего не напишешь, да и не будет никто обращать внимания на собаку, пусть даже и располагающую некоторой суммой денег, достаточной, чтобы нанять не повозку, а целый обоз. Шуганут без разговоров — и вся недолга. Придется на своих двоих... тьфу ты, на своих четырех...

Часа через два, изрядно уже уморившись, он вышел к Большому Тракту — добротнo вымощенной камнем дороге шириной уардов в двадцать, выстроенной некогда на века и строгими приказами всех без исключения королей сохранившейся в порядке трудами губернаторов провинций. Постоял, переводя дух, шумно дыша, вывалив язык, с которого прямо-таки ручьем текло.

Нельзя сказать, что перед ним был поток проезжающих — но движение оживленное, пустым Большой Тракт остается на считанные минуты. Купеческие обозы, порой из нескольких десятков старательно зашпиленных повозок, всадники благородного облика, всадники, одетые попроще, немногочисленные пешие, кареты, казенные обозы из фур установленного образца, порой сопровождаемые военным конвоем... Вот уж где нет риска столкнуться с обитателями покинутого им городка: исстари установлено, что населению примыкающих к Тракту провинций пользоваться им для своих поездок запрещено, Трактом имеют право передвигаться лишь те, кто путешествует на дальние расстояния, через территории трех и более провинций...

Отдышавшись и переведя дух, Сварог рысцой двинулся по обочине вдоль Тракта, держась уардах в десяти от него. Как и следовало ожидать, никто из путешественников — в том числе и те, кто останавливался дать передышку коням или перекусить, не обращали внимания на такую пустяковину, как озабоченно трусящая куда-то собака. Один раз даже кинули кусок хлеба — несколько молодых весельчаков с пароконной повозкой, расположившиеся не просто перекусить, а и чуточку выпить, судя по одежде — приказчики небогатого купца. Быть может, приверженцы Симаргла. Сварог остановился, благодарно помахал хвостом, сжевал хлеб и, напившись из ручейка, затрусил дальше.

...Еще через пару часов, утомленный не на шутку, он увидел справа, в ложбинке, уардах в пятидесяти от Тракта, расположившуюся на привале компанию. Похоже, они обустроивались не на квадранс — лошади из обоих коробчатых фургонов выпряжены и пасутся тут же, дымит костерок, над которым на тагане висит закопченный котел...

Сварог присмотрелся. Насколько можно разглядеть, там четверо — двое

мужчин и две женщины (ну, может, кто-то еще остался в фургонах). Что интересно, оба фургона пестрейшим и ярчайшим образом размалеваны разноцветными красками, изрядно уже полинявшими под непогодой: полосы, круги, треугольники, просто кляксы, сочетание цветов порой режет глаз — но заметно издали...

Он знал такие фургоны. Бродячие циркачи, странствующие фигляры, тут и сомнений быть не может. Конечно, народ среди них попадает всякий — порой под фигляров маскируется бродячая разбойничья шайка, а иногда, под таким вот прикрытием на сопредельную сторону проскальзывают шпионы. Однако в массе своей настоящие фигляры — народ бедный, неопасный и выдывавший виды. К полиции они особенной любви не питают (да и для полиции нет особого смысла держать среди них агентуру, разве что для каких-то конкретных акций, наподобие той, о которой рассказывал Гаржак), законы по причине своей легкоуязвимости стараются не нарушать, привыкли ко всему на свете. В свою очередь, и полиция к ним без особенной нужды не цепляется, не имея конкретных поводов.

А если попробовать? Среди фигляров как раз немало грамотных, побольше даже, чем среди более высокопоставленных гильдий — и, как уже говорилось, народ тертый, развитой, порою исколесивший весь Харум вдоль и поперек. То, от чего иной провинциал, неважно, горожанин или крестьянин, шарахнется в испуге, фигляры примут не в пример более спокойно...

В конце концов, не убьют же? Самое большее, запустят горячей головней или камнем, что для него и вовсе безопасно....

Приняв решение, Сварог стал шагом спускаться в ложбинку, разглядывая сидевших вокруг костра. Их было четверо. Крепкий мужчина лет сорока, светловолосый, с аккуратно подстриженной бородкой. Второй гораздо старше, лет шестидесяти, невысокий, лысый, с морщинистым подвижным лицом старого клоуна или мима. Красивая женщина несколькими годами младше бородатого. Совсем юная девушка, настолько похожая на женщину, что никаких сомнений — дочь. Обе темноволосые, синеглазые. Вот уж на кого эта компания похожа меньше всего, так это на разбойничью шайку, притворившуюся фиглярами. Хотя, скажем, контрабандистами они вполне могут оказаться...

Видя, что на него никто не обращает внимания, он остановился у ардах в пяти от костерка — из котла приятно пахло мясной похлебкой — и громко гавкнул.

Вот теперь на него уставились все четверо — без страха, но и без особого любопытства. Лошади, фыркнув, подняли головы и тут же отвернулись, продолжая спокойно пастись.

— Не похож на бешеного, — сказал пожилой. — Ни капельки. А для бродячего не особенно и худой... Тебе чего?

— Ага, сейчас! — насмешливо подхватила девушка. — Сейчас он тебе и ответит человеческим голосом: здравствуй, дядюшка Патек, не угостишь ли похлебкой?

— У него слюнки текут, — сказала женщина. — Этак весь на слюну изойдет. Голодный.

Бородатый веско, с видом предводителя и самого главного тут обронил:

— Кости все равно останутся. Если умный — будет сидеть и дожидаться. А будет наглеть — отхватит палкой. Ага, лег смирнехонько... Умный.

Ну что же, по крайней мере, его не гнали и даже готовы были расщедриться на оставшиеся от ужина кости... Сварог лежал, разглядывая странников, переставших обращать на него внимание — только девушка временами с любопытством бросала быстрые взгляды. На шее у нее Сварог заметил серебряное ожерелье, потемневшее, искусной работы. Интересно. Фигляры принадлежат к самой низшей, Железной гильдии, ей, как и Медной, ношение не то что золотых, но даже и серебряных украшений категорически запрещено стародавними писаными правилами. А впрочем, это еще ни о чем не говорит. Женщины есть женщины. В большом городе к девчонке моментально прицепилась бы полиция и вклеила нешуточный штраф, а вот в провинции на такие вещи обычно смотрят сквозь пальцы — за исключением провинциариев.

На поясе у бородатого висит внушительный нож с ручкой из оленьего рога — ну, на сей раз ничего противозаконного, в путешествии такое право имеет любой, и члены низших гильдий, и крестьяне. На груди у него, как и положено, гильдейская бляха: королевская корона, эмблема гильдии, два перекрещенных дорожных посоха, свидетельствующие, что обладатель бляхи не «приписан» к определенному городу или провинции — ничего странного, фиглярам так и полагается... У пожилого такая же бляха... и у девчонки тоже, значит, она числится полноправным подмастерьем... ага, и у женщины бляха на груди, а не ее уменьшенное подобие на цепочке на шее. В общем, все при деле.

Ну что, рискнем?

С того времени, когда Сварог увидел лежащий рядом с бородатым виолон, он уже не ломал голову, каким образом себя *предъявить*. Встал, подошел к виолону, приметился и царапнул струны когтями, а когда они издали немелодичный звон, поднял голову и взвыл. Еще раз дернул, взвыл...

Вот теперь на него уставились все четверо.

— Лопни мои глаза! — воскликнул пожилой дядюшка Патек. — Да он вроде бы как играет и поет!

Глядя на него, Сварог неторопливо кивнул пару раз.

— Ортог, ты видел? — охнул пожилой. — Кивает, будто говорит: ну да, так и есть... Эй... Ты собака?

Сварог, неотрывно уставясь на него, так же неторопливо замотал головой. И тут же отпрыгнул подальше — бородатый Ортог с неожиданным проворством выхватил нож, вскочил, пригнулся, целясь в Сварога хорошо заточенным клинком, не сводя с него глаз, распорядился:

— Патек, беги за топором! Маритана, Кайя, быстренько мне за спину!

Пожилой не так уж и быстро направился к фургону, поминутно оглядываясь. Девушка юркнула бородатому за спину, а вот женщина осталась стоять, пытливо разглядывая Сварога. Сказала раздумчиво:

— Отец, что ты раскипятился? Что уж так сразу?

— За спину мне! — сквозь зубы приказал Ортог. — Мало слышала про здешних оборотней? Кайя, кому говорю!

Женщина, не двигаясь с места, разглядывала Сварога с нешуточным любопытством.

— Отец, вечно ты торопишься... — сказала она спокойно. — Трудно, что ли, проверить?

Она достала из кошелька на поясе серебряную монету и бросила в Сварога — по-женски отведя назад всю руку.

Промахнулась. Монета упала в паре шагов перед Сварогом. Мигом сообразив, что к чему, он подошел, спокойно наступил на нее, потом опустил голову и после нескольких безуспешных попыток все-таки ухватил зубами. Сел, держа монету в зубах, виляя хвостом.

— Ой, пап! — взвизгнула девушка. — Не действует!

— Ну, — поддержал Патек, успевший-таки вернуться с топором, но державший его в опущенной руке. — Нисколечко не действует. Ортог, отроду не бывало таких оборотней, чтобы на них серебро не действовало. Оборотня б жгло, как угольями...

— Может, монета фальшивая, — настороженно бросил Ортог, не отводя глаз от Сварога.

— Натуральное серебро, — спокойно сказала Кайя.

— Это точно, — подтвердил Патек. — Чтобы я да фальшивой монеты не распознал? Шалишь... Ортог, это, точно, не оборотень.

— Хрен редьки не слаще, — бросил Ортог. — Не оборотень, так обращенный, тут уж только одно из двух...

— Так ведь совсем другое дело...

— Не скажи, — упрямо возразил Ортог. — Мало ли за что его могли... Помнишь, в Ратардине рассказывали про того мерзавца? Который настолько достал деревню, что мужики собрали денег на знающего человека, а когда тот его оборотил волком, в лес погнажи? Так что кто его знает, этого красавца...

— А вот мы сейчас и посмотрим, — спокойно сказала Кайя и направилась к Сварогу.

— Кайя! — прямо-таки взревел Ортог.

— Не шуми, отец, — сказала она, не оборачиваясь. — Подумаешь, чудище болотное... Это ж сейчас просто собака...

Ортог остался стоять, крутя головой, скрипя зубами, не выпуская ножа: ну, кажется, ясно, кто тут глава семьи... Подойдя вплотную, Кайя без всякого страха положила Сварогу ладонь на голову. Сварог не шевелился. Так-так-так... Никакая не колдунья, не ведьма, магией не владеет — просто-напросто кое-какое слабое умение *теплится*. Так иногда случается с людьми, у кого в роду были сильные *знающие*: умения не унаследованы, но *огонечек* остался...

— Вот что я тебе скажу, отец, — обернулась она. — Нет в нем ни зла, ничего бы то ни было *черного*. Зато несправедливостью так и шибает. Несправедливо с ним поступили, вот что я тебе скажу. Уж такие-то вещи...

Вот чертовка, не без восхищения подумал Сварог. Я же должен быть *вообще* закрыт от подобного, ничего она не должна почувствовать, ни зла, ни добра, ни случившейся несправедливости.

Видимо, обращение в собаку как-то повлияло на обычную защиту...

К некоторому его удивлению. Ортог, хотя и выглядел нешуточным упрямым, в дискуссию вступать не стал. Сунул нож обратно в ножны и независимым тоном процедил:

— Тебе, мать виднее... Патек, да что ты стоишь с топором, как дурак? Дрова рубить собрался?

— Ой... — в совершеннейшем восхищении протянула девушка, выходя из-за спины отца. — Обращенный, мам? И несправедливо? Как в романе...

— Во-во... — пробурчал Ортог. — Интересно, что ему от нас надо? — он не смотрел на Сварога. — Только пожрать?

Сварог помотал головой, подошел к ближайшему фургону, положил лапу на опущенную в задке лесенку.

— Лопни мои глаза! — охнул Патек. — Да он, кажись, в попутчики просит-ся!

Сварог закивал.

— Тоже, нашелся попутчик... — пробурчал Ортог. — Самим жрать нечего...

— Отец... — решительным тоном сказала Кайя.

— Ну? Пятнадцать лет как отец...

— Тебе в жизни бывало скверно?

— А то не знаешь...

— Тебе люди помогали? Просто так, по доброте?

— Ну, случалось...

— И сколько раз случалось... — кивнула она. — А мы что, не люди? Человека в животное перекинули, совершенно несправедливо... Это малость похуже, чем все, что с нами случалось...

— Оно так, Ортог... — нейтральным тоном поддержал Патек.

— Ой, пап... — девушка смотрела на Сварога во все глаза. — Ну раз так, то нельзя же... Вон, у него лапы сбиты чуть не в кровь... Ему бы и в самом деле в фургоне проехать...

— Жалостливые все... — бурчал Ортог, но уже без злобы. — Несправедливо обращенный, как в романе... И вообще, Маритана, это заколдованный принц... или там герцог. Ты его сейчас поцелуешь, он обратно обернется славным витязем, писанным красавцем, да тут же на тебе и женится... И будешь жить-поживать в замке, есть-пить на золоте... Иди, поцелуй, авось...

— Пап, ну что ты зверя из себя строишь...

— Да мне-то... Леший с ним, — сказал Ортог. — Пусть едет, раз уж такое... Только куда этому молодчику надо, хотел бы я знать? — Он уставился на Сварога. — Куда? В Горрот? Нет? В Глан? Ну, мы и сами в Глан... Только имей в виду, сударь милостивый: вот эта похлебка, что сейчас доспееет — последняя. И монета у Кайи тоже последняя. Так что, если завтра нигде не заработаем, жить придется с пустым брюхом, всем, и тебе тоже. Что это ты?

Подойдя к Кайе, Сварог наклонил голову и принялся старательно тереться шеей о ее колено.

— Что такое... — недоумевающе протянула она. — Тряпица... Или платок... Хочешь, чтобы я развязала, да? Отец! Ты посмотри, сколько у него тут денег.

— Угу... — проворчал подошедший Ортог. — Хоть он и жертва несправедливости, как ты, мать, заверяешь, а денежками не обижен...

— Ну что ты носом тычешься? — с материнской интонацией спросила Кайя. — Хочешь, чтобы я взяла? Точно? Ну, вот видишь, отец, человек деньги предлагает... Знаешь, как решим? — сказала она хозяйственно. — Если завтра не удастся ничего заработать, обязательно возьму пару сестерциев, без всякой ложной гордости — денег-то и впрямь нет... А пока носи, — она ловко завязала платок вокруг шеи Сварога. — Мало ли где тебе еще пригодится... Зачем тебе, кстати, в Глан? Там что, могут помочь? Понятно... Ну, давайте ужинать, готово ведь...

...Сварог, привыкший к самым невероятным поворотам судьбы, лежал у давно прогоревшего костерка — с приятным ощущением сытости в брюхе и полным спокойствием на душе. Вечерело, но с Тракта по-прежнему доносился

неумолчный шум — стук колес, стук копыт. Погони до сих пор никакой не объявилось — но провести ночь, конечно же, следует не в фургоне, а на вольном воздухе, на всякий случай...

Ортог и Кайя о чем-то тихо переговаривались, сидя возле фургона и разглядывая карту. Патек, ко всему происшедшему относившийся с философским спокойствием, лежал неподалеку на расстеленной холстине, покуривал трубочку и смотрел в небо. Сварог ему мучительно завидовал: курить все эти дни хотелось адски, но тут уж ничего не поделаешь...

Подошла Маритана, присела на корточки, глядя на него с прежним жадным любопытством.

— Жутко мне интересно, за что тебя... так, — сообщила она тихонько. — А вдруг и правда какая-нибудь любовная история?

Сварог замотал головой.

— Нет? — сказала она с великим сожалением. — А за что ж тогда? Хотя, подожди, надо ж сначала догадаться, кто ты такой? Местный? Нет? Издалека? Ага... Ты крестьянин? Нет... Гильдейский? Тоже нет... Из Сословия? Военный? Моряк? Неужели лар? Ух ты! — восхищенно выдохнула она. — Правда? Может, у тебя и титул есть? Ух ты! Маркиз? Виконт? Барон? Граф! Честно, не врешь... не врите? Ну, надо же... И за что же с вами так, какие-нибудь дворцовые интриги?

Сварог кивнул. Собственно говоря, он нисколько не врал — среди его титулов имелся и графский, а происшедшее с ним, пожалуй, можно назвать и дворцовыми интригами: безусловно, у Одо имелись сообщники, вхожие в один из его дворцов, иначе откуда он знал столько? Вполне возможно, что и сам Одо — мелкий исполнитель, а *главный*, сволочь такая, занимает немаленький пост, носит придворный чин, и Сварог, вполне может оказаться, давно с ним знаком. Невозможно же регулярно устраивать проверку на лояльность скопищу придворных, военных и прочих чинов, выстраивать их в длиннейшую шеренгу и, обходя ее, расспрашивать каждого: «А не злоумышляете ли вы против меня?» «А не состоите ли в „Черной благодати“?». Нереально. При близком, непосредственном общении с человеком такое почувствуешь сразу — но мало ли в его королевствах высокопоставленных особ, с которыми он ни разу не беседовал накоротке? Вот и замешалась среди них какая-то сволочь...

Маритана на миг потупилась:

— А вы, должно быть, молодой и красивый? Нет? Но не старик же? — воскликнула она, чуть разочарованная, но явно жаждавшая, чтобы хоть что-то напоминало сцены из дамских романов. — Не старик... Средних лет, да? А в Глане вам, значит, вернут прежний облик... Вы потом соизволите ко мне прийти? Ужасно хочется посмотреть, какой вы на самом деле. Правда? Обещаете? Мы в Глане будем долго. Там, знаете ли, народ поприятнее, — она опустила глаза. — А то натерпелась я тут, от провинциальных дворянчиков и просто всяких... с толстыми кошельками. Думают, если девушка из Железной гильдии, да еще фиглярка, достаточно монетами позвенеть и поманить пальцем... И к маме приставали... А в Глане люди проще и доброжелательней, папка там бывал, он знает... Киваете? Бывали там? А как вы думаете, удастся там надолго поселиться? А то и вообще перейти в тамошнее подданство? Кивает... не плохо было бы... — она оглянулась на родителей и заговорила совсем тихо. — А то

папку, скажу вам по секрету, выслали из Равены и запретили нам еще целую кучу губерний, получается, полстраны. Сказали, вернемся — посадят... Вы не подумайте дурного, просто папка у нас бесшабашный... Сочинил однажды песенку про короля Сварога, начал распевать по окраинам... И ничего там такого не было особенного... — она склонилась к уху Сварога и шепотом пропела:

*У фигляра мало шмоток,
у монарха вся страна.
У Сварога сто красоток,
у меня одна жена.
Мне случалось пробавляться
только миской щей пустых,
а Сварог рубает яства
на подносах золотых.
Эвон как он размахнулся,
весь Харум, считай, при нем.
Только я б не поменялся
с нашим светлым королем...*

Вот... А дальше поется, что сам папка во дворце, на троне очень быстро умер бы со скуки, и ему гораздо приятнее раскатывать по всему свету вольной пташкой. Корявенькие вирши, конечно, поэт из папки никудышный... но вот подумайте сами, разве тут есть что-то оскорбительное для королевской чести? Одно озорство, и все. А папку неделю продержали, потом всех выслали... Ему написали «непочтение без злоумышления», сказали, что еще легко отделался... Что при Конгере было бы гораздо хуже, а Сварог милостив... Неужели он и такими пустяками занимается? Ну, зачем ему? Он такой... великий. И боится каких-то глупых песенок...

Сварог ощутил жгучий стыд. Об этой истории он в жизни не слыхивал — она относилась к тем мелочам, о которых Интагар никогда не докладывает, а сам Сварог не интересуется. Выражаясь в просторечии — бытовуха, пустяки. Кто ж знал, что эти пустяки бывают воплощены в живом облике такой вот четверки... Ну да, некоторые послабления последовали с его восшествием на престол... но масса законов, чуточку смягченных, не отменена, и механизм работает по-прежнему... И ведь нельзя иначе, Конгер был прав, поводом нужно ослаблять медленно, ужасно медленно, народ наш, увы, сплошь и рядом любые послабления принимает за слабость власти и наглет, распускается... Король просто обязан проявлять порой твердость... но как быть, если сухие строчки протоколов вдруг оборачиваются такой вот девчонкой с доверчивыми глазами?

— А вы видели короля Сварога? Бывали во дворце? Ух ты... Он сердитый? Нет? А вот в народе втихомолку говорят, что сердитый. Гонят людей в Три Королевства, даже если кто-то не хочет, два новых налога ввели... — она вздохнула. — Я бы вас про многое порасспрашивала, только не получится вот так — кивками и метаньями головы... Вы потом со мной встретитесь? Расскажите про дворец и короля? А то одни говорят, что Сварог, хоть и герой, но злющий, другие твердят, что просто должность у него такая — тираном быть... Я сама даже и не знаю, что я видела...

На счастье Сварога, к ним подошел Ортог. Беззлобно хмыкнул:

— Шушукаетесь? Ну, и что интересного тебе наш новый попутчик порас-

сказал?

— Пап, а он, оказывается, граф. И во дворце бывал...

Ортог фыркнул:

— Я ж тебе говорю: целуй его быстрее, не упускай, дуреха, своего счастья. Авось обернется графом...

— Пап, да ну тебя...

— О тебе же забочусь, глупая... — он отвесил Сварогу церемонный поклон. — Вдруг да вы холостой, ваше сиятельство? И, как в ее любимых романах, только и мечтаете, чтобы жениться на своей спасительнице? — он изменил тон. — А если серьезно, Маритана, завтра нам может и повезти. В десяти лигах от тракта есть фригольдерское село. Не знаю, чем они там живут, но если у них не страда, можем немного подзаработать. Всем придется потрудиться как следует... кроме нашего попутчика, понятно. Его, к превеликому сожалению, к делу не приспособишь никак.

Сварог смотрел через его плечо. Небо потемнело, но звезды еще не показались — только там, где обычно, колючим огоньком горела Багряная Звезда. Он вновь ощутил досадное бессилие — Чертова Мельница приближалась, а Сварог до сих пор не знал, что с ней можно сделать, и можно ли вообще... Считанные недели остались...

К ним подбежал Патек, на ходу пряча в карман трубку. Сказал радостно:

— Господа мои, есть еще мозги в этой старой лысой башке! Я такое придумал...

— Ну? — кратко спросил Ортог.

— Конечно, если наш попутчик согласится... Но, в конце концов, тут нет ничего для него унижительного... даже если вы, сударь, и в самом деле из благородных. Всего-навсего немного помочь бедным фиглярам...

— Ну, давай говори дело, — сумрачно поторопил Ортаг.

Патек обвел всех ликующим взглядом:

— Судари мои и сударыня! Мне вот пришло в голову, что наш попутчик и в нынешнем своем качестве способен принести немалую пользу для фиглярского дела...

— Дело давай.

— А вы еще не догадались? — воскликнул Патек. — Лопни мои глаза, ведь получится классическая Ученая Собака!

Глава XVI

ТИХАЯ УЮТНАЯ ДЕРЕВНЯ

— Повезло нам, — тихонько сказала Маритана. — Нет у них страды, почи-тай, вся деревня собралась...

Она сидела рядом со Сварогом и тоже наблюдала за происходящим через щелочку в занавеске, прикрывавшей распахнутую дверь в задке фургона. Сварог подумал: знай он заранее и сохрани он членораздельную речь, мог бы их предупредить, что, действительно, никакой страды нет. Главные занятия здесь по скудости земель — овцеводство, рыбная ловля и охота. Есть еще не особенно обширные посеы ячменя (почти весь урожай сбывается на пивоварни в близлежащем городке), но его еще рано убирать...

— Почтенные! — неожиданно зычным, хорошо поставленным голосом возгласил дядюшка Патек, встав перед собравшимися. — Мы не самые лучшие на этом свете, но и не самые худшие...

К некоторому удивлению Сварога, ожидавшего шуток и кривляний на манер балаганного зазывалы, Патек держался осанисто, говорил серьезно, словно читал вслух очередную официальную бумагу из провинциария. Сварог недоуменно покосился вправо — там висел на гвоздике классический шутовской наряд: полосатое желто-сине-красное трико с пришитыми повсюду разноцветными помпонами.

Маритана перехватила его взгляд и, видимо, поняла:

— А он тут так и провисит, господин граф... Это в больших городах просто-народье обожает, когда ломаются шуты, а крестьяне совсем другие, они кривляний не любят, и клоуны у них не в чести. С ними надо серьезно, обстоятельно...

Закончив свою недолгую речь, Патек отступил. Вперед вышли принаряженные Ортаг с женой. Зазвучали аккорды виолона, они запели на два голоса.

*Встарь, во время оно,
в сказочном краю
Пробирался конный
степью по репью.
Он спешил на сечу,
а в степной пыли
темный лес навстречу
вырастал вдали.
Ныло ретивое,
на сердце скребло:
Бойся водопоя,
подтяни седло...
Не послушал конный
и во весь опор
залетел с разгону
на лесной бугор...*

Маритана шепнула:

— Обожают крестьяне балладу о рыцаре, деве и драконе...

Действительно, стояла совершеннейшая тишина. Поэтом Ортаг наверняка был никудышным, но пел красиво, басом. Они с Кайей мастерски тянули в два

голоса: временами, когда начинался очередной куплет, Ортаг понижал голос, так, что его едва было слышно, и над обширной деревенской площадью взлетал чистый, звонкий, совсем молодой голос Кайи:

*И забрел в ложбину,
и лесной тропой
вышел на звериный
след и водопой.
У ручья пещера,
перед пещерой — брод.
Как бы пламя серы
озаряло вход.*

...И правда, похоже, собралась вся деревня, за исключением самых дряхлых и самых маленьких. Люди стояли почти замкнутым кругом, в центре на единственном табурете расположился староста — пожилой, с проседью, с лицом умным и хитроватым.

*И в дыму багровом,
застилавшем взор,
отдаленным зовом
огласился бор.
И тогда оврагом,
вздвогнув, напрямик
тронул конный шагом
на призывный крик.
И увидел конный,
и приник к копыту,
голову дракона,
хвост и чешую.
Пламенем из зева
рассеивал он свет,
в три кольца вокруг девы
обмотав хребет.
Посмотрел с мольбою
всадник в высь небес
и копьё для боя
взял наперевес.
Сомкнутые веки.
Выси. Облака.
Воды. Броды. Реки.
Годы и века...*

Слушали с величайшим вниманием, даже детишки больше не шумели и не возились. Звонкий голос Кайи был исполнен трагического надрыва.

*Конный в шлеме сбитом,
сшибленный в бою,
верный конь, копытом
топчущий змею...
Конь и труп дракона
рядом на песке.
В обмороке конный,
дева в столбняке.
...То в избытке счастья
слезы в три ручья,*

то душа во власти
сна и забытья.
...Но сердца их бьются,
то она, то он
силятся очнуться
и впадают в сон.
Сомкнутые веки...
Выси... Облака...
Воды... Броды... Реки...
Годы и века...

И все закончилось длинным, затухающим аккордом. Люди, чуть присев, вразнобой, ожесточенно принялись хлопать себя ладонями над коленками — именно так у крестьян испокон веков и принято аплодировать, в отличие от города, где все же хлопают в ладоши. Староста, конечно, остался неподвижен — ему, надо полагать, неуместно... А человек за его правым плечом...

Самые обыкновенные жители провинциальной глуши: землепашцы с клочками соломы в волосах, рыбаки в высоких кожаных сапогах, чабаны в войлочных плащах, охотники. Все здесь самое обычное, заурядное даже...

Кроме названия. Деревня именовалась Туарсон...

Ортаг и Кайя затянули новую, уже знакомую Сварогу, в отличие от первой, балладу — о неудачливом мельнике. Баллада была веселая, и зрители в нужных местах хохотали от души.

Сварог обводил взглядом толпу. За все время пребывания в деревне он не почувствовал магии, ни капельки: впрочем, и раньше было ясно — здесь что-то другое... Еще в первые минуты, вот ведь что, у него слово бы споткнулся взгляд — когда он увидел того самого, за правым плечом старосты. Никогда прежде со Сварогом не случилось — но взгляд как-то так споткнулся...

Самый обычный человек: лет сорока, в костюме охотника, черноволосый, усатый, ничего в нем нет неприятного. К сожалению, стоит слишком далеко, чтобы Сварог мог его прощупать. Вот только о него как-то странно запнулся взгляд — а еще, когда крестьяне взялись хлопать на свой манер, в первый миг руки черноволосого машинально дернулись так, словно он привык аплодировать исключительно по-городскому. Потом опомнился, как все, присел и принялся хлопать себя над коленками, но этот миг был...

Потом Маритана жонглировала булавами, шарами, зажженными факелами — и получалось это у нее достаточно ловко. Потом дядюшка Патек в мертвой тишине медленно глотал меч — натурально, без всякого обмана, предварительно показав ближайшим и попросив удостовериться, что здесь нет никакого мошенничества. Сварог такое видел впервые в жизни, даже на него произвело впечатление, что уж говорить о крестьянах.

И наконец Патек провозгласил:

— А теперь, почтенные — Ученая Собака! Особыми талантами она не блещет, писать и читать, к примеру, не умеет вовсе — зато считает не хуже губернского счетовода. Чтобы вы убедились в отсутствии всякого жульничества, наших вещичек мы собаке предъявлять не будем. Соблаговолите, кто желает, выложить что-нибудь свое — и собака его вмиг сочтет.

Сварог, вымахнув из фургона, подбежал к Патеку и уселся рядом. Пауза тянулась недолго — рослый парень с живым, лукавым лицом первого затейника, хохоча, вмиг сорвал шапки с нескольких приятелей, подошел к Сварогу,

положил перед ним две и спросил весело:

— Ну-ка, сколько я кладу?

— Гав! Гав! — ответил Сварог.

— Ух ты! А теперь?

— Гав! Гав! Гав! Гав!

Выступать в роли ученой собаки оказалось скучнейшим делом: парень то убирал шапки, то добавлял, то присоединял к ним всякую мелочь из карманов — трубку, кисет, складной нож, моток бечевки. Оставалось лишь прогавкать соответствующее количество раз.

Правда, параллельно, оказавшись наконец рядом, Сварог старательно изучал Черноволосого. Результат оказался загадочным: ни капли магии, ничего подобного, но явственно ощущается исходящая от человека некая непонятность. Так совсем недавно было со старухой Грельфи: она упорно чувствовала некую непонятность, но не могла объяснить, в чем та заключается. Теперь, когда и с ним такое случилось впервые в жизни, Сварог ее отлично понимал...

Наконец, когда прискучило, парень вернулся в толпу и стал раздавать шапки приятелям. Вперед вышел охотник с широким добродушным лицом записного балагура и громко возвестил:

— Вот нутром чую, что тут плутовство, а доказать не могу!

Патек моментально откликнулся:

— А вы сами проверьте. Мы, все четверо, чтобы было уж совершенно по-честному, вообще с глаз долой уйдем...

— А давайте! — азартно воскликнул охотник. — Чтоб по-честному!

Вся четверка скрылась в фургоне. Охотник подошел к Сварогу, громко приговаривая:

— А чтоб совсем по-честному, мы вот так сделаем...

Со сноровкой привыкшего обращаться с собаками человека он взял Сварога за обвязанный вокруг шеи платок и развернул мордой к толпе, спиной к фургону, а для пущей надежности еще и встал так, чтобы полностью заслонить спиной фургон от Сварога. Пошарив по карманам, извлек горстку монет, парочку свинцовых пуль, круглую коробочку из рога, судя по запаху, табакерку. Приговаривая: — Вот теперь мы тебя и испытаем, господин счетовод... Ну-ка, сколько у меня на ладони всего?

Он убавлял, прибавлял — а Сварог старательно лаял. Лицо охотника становилось все более удивленным, и вскоре он, распахав все обратно по карманам, сдвинув каталану на нос, ожесточенно чеша в затылке, возгласил:

— Народ, а ведь все без обмана! Сам считает! А магии тут ни на кончик ногтя. Сами знаете, что мне от бабки досталось — ничего такого не знаю и не умею, просто-напросто магию чую моментально, будто какой сильный запах... Ни капли! По-честному! Умеет псина считать...

Сварогу зааплодировали — нужно признать, гораздо жиже, нежели остальным фиглярам. Вообще, сильнее всех хлопали при исполнении баллад, особенно про рыцаря, деву и дракона. Сварог хотел было раскланяться, но вовремя спохватился: не стоило показывать себя слишком умной собакой...

Он поймал на себе внимательный взгляд Черноволосого — нет, ни какого бы то ни было воздействия с его стороны, ни попытки магически прощупать. Просто слишком уж внимательный, слишком уж цепкий взгляд. Интересный человек, нужно его хорошенько запомнить, при случае, в более удобных об-

стоятельствах, быть может, и следует пообщаться...

Черноволосый не отводил взгляда — и Сварог, отвернувшись от него, принялся демонстративно чесать лапой за ухом, изображая натуральнейшую собаку.

...По деревне он бродил невозбранно, никто на него не кричал и не гнал — поглядывали, с ухмылочкой крутили головами, и только. Сидевшая у колодца кучка охотников — среди них был и тот, балагур — приветствовала его веселыми возгласами. Один как раз рассказывал, что считающая собака — это, в принципе, не так уж и удивительно, вот сам он видел одного гончака, так тот был даже почище, читать умел... ну, не так чтобы книги, но вот вывески читал, сразу определял, где корчма, где управа, где гербовые доски королевских лесничих с запрещающими охоту надписями. Судя по реакции слушателей, оратор давно числился среди записных вралей...

Сосчитав по просьбе охотников очередную порцию монет и пуль, получив за это кусок пирога с зайчатинной, Сварог сжевал вознаграждение, помахал хвостом и направился дальше. Он и сам не знал, зачем слоняется по улицам, не рассчитывал обнаружить ничего *странного* — просто тянуло, коли уж выпал случай, осмотреться как следует.

Ну, и толку? Повсюду — самые обычные люди, поглощенные самыми обычными занятиями, нигде не то чтобы следа магии, но и той загадочной непонятности, что исходила от...

— Бетта, ну хватит, что ты!

Сварог резко остановился, повернул голову. Бетта?!

На лавочке у ворот ревела девчоночка лет шести, светленькая, в синем платьице и красном корсажике. Зажав лицо ладошками, рыдала самозабвенно, взхлеб, как умеют только в детстве. Другая девчонка, гораздо старше, лет четырнадцати, сидела перед ней на корточках и пыталась успокоить:

— Бетта, да хватит уже! Ну что такого случилось?

— Они уходят... Очень-очень далеко... — всхлипывала Бетта.

— Да кто?

— Друзья... Подружки...

— Ох, ну ты опять выдумывать начинаешь... — по-взрослому серьезно вздохнула вторая, очень похоже, старшая сестра. — Сколько можно, Бетта? Никто никуда не ушел, все друзья и подружки в деревне, только Ксанти уехал с отцом в город, но он же непременно вернется деньков через пару...

— Ты не понимаешь... Это не те... Это те, которые там... — Бетта подняла к небу заплаканное личико. — Они уже уходят, и неизвестно, когда вернутся...

— Ой, да не выдумывай! Ну какие у тебя там могут быть друзья? Там — Высокие Господа Небес... Горе ты мое, ты ж уже большая, должна понимать и не завираться совсем уж... О! Смотри, кто пришел! Ученая собака, которая считать умеет. Хочешь, она тебе посчитает? Ты ей что-нибудь покажешь, а она посчитает, сколько у тебя чего... Песик! Песик!

— Не надо мне никакого песика... — рыдала Бетта. — Ничего не хочу считать. Они уходят, сами сказали...

Сварог смотрел на нее во все глаза: ну, здравствуй, милая... Нужно запомнить дом, ворота, непременно встретимся в другое время, нужно же узнать, как тебе *такое* удастся... Не телепатка же ты, ничего такого не ощущается. Обязаны быть какие-то приспособления, непременно...

Он побрел дальше. Собственно, и не было смысла шляться дальше по Туарсону — хватало и того, что он обнаружил Бетту. Нет, ну а вдруг? Вдруг что-то да *откроется*...

Но ничего ему больше не открылось — кроме развеселой компании парней и девушек, сидевшей на аккуратно сложенных у забора бревнах — неошкунных, сухих, сразу видно, явно предназначенных на дрова. Он не свернул бы в тот переулок, прошел бы мимо. Но замер, как вкопанный, услышав вслед за аккордами виолончели знакомый баритон:

*Любовь, как роза красная,
цветет в моем саду.
Любовь моя — как песенка,
с которой в путь иду.
Сильнее красоты твоей —
моя любовь одна,
она со мной, пока моря
не высохнут до дна...*

Среди прочих на бревне непринужденно разместился граф Гаржак, одетый соответственно принятой на себя «легенде». Самую чуточку ломаясь, со всеми повадками городского ухаря невысокого полета, томно ухмыляясь, он наигрывал и пел с преувеличенной театральностью:

*Не высохнут моря, мой друг,
не рушится гранит,
не остановишь водопад,
а он, как жизнь, бежит...*

Судя по лицам остальных, граф давно был принят в компанию. Интересно, наткнулся он уже на Бетту, живущую в паре минут ходьбы отсюда, или продолжает искусные *подходы*...

Господи, Гаржак... Из того мира, куда неизвестно когда удастся вернуться... Сварог стоял, тоскливо уставясь на меломанствующего графа: вот уж кто великолепно умеет читать по-писанному... но не при остальных же писать... знать бы, где он остановился... но завтра с рассветом фигляры собрались тронуться в путь... Остаться здесь? Найти Гаржака? Но даже если Сварог его отыщет и объяснится, графу придется добираться до Гаури даже дольше, чем Сварогу до гланской границы. Так что бессмысленно...

— О! Собака! Та самая, ученая!

— Тю-тю-тю! Иди сюда!

— Иди, посчитаешь что-нибудь! Колбасы дадим!

— Это еще что! — засмеялся Гаржак. — Видел я одного пуделя, так тот умел натуральнейшим образом выговаривать «вино». Больше, правда, ничего не умел...

— А что... У Бонета пес выговаривал «мама», я своими ушами слышал, когда пес еще был живой...

— Иди сюда, счетовод!

Совершенно не тянуло их развлекать, муторно стало на душе невероятно — и Сварог, бросив на Гаржака последний тоскливый взгляд, затрусил прочь.

...Староста степенно вошел под навес возле постоянного двора, где обедали все четверо — а рядом примостился Сварог со своей миской, в охотку навора-

чивая вареную требуху с кашей. Лицо у старосты было непроницаемое, замкнутое, его сопровождал рослый малый в одежде охотника, с ножом на поясе.

Ортаг отложил ложку, привстал:

— Наше почтение, жамый...

— Наше почтение, — без выражения сказал староста. — Вы доедайте, не вставайте, чего уж... Я не губернатор какой... Хорошо вас тут кормят?

— Неплохо.

— Ну вот и ладненько... — вздохнул староста. Положил на стол из некрашенных досок небольшой звякнувший мешочек. — Тут вот еще немножко, к тому, что вы собрали... От управы, стало быть... В дороге пригодится...

— Благодарствуйте... — сказал Ортаг чуть настороженно.

Сварог его понимал. Был в этом внезапном визите оттенок некоей странности — с чего бы высокой по здешним мерам персоне, старосте процветающей фригольдерской деревни, лично снисходить до бродячих фигляров, чтобы подбросить им еще малую толику денежек. Послал бы писца или этого вот молодчика, уставившегося очень уж неприязненно...

— Да что там... — отмахнулся староста. — Так, пустячок... Только вот что, жамый Ортаг... Вы уж, когда доедите, будьте так любезны прямо-таки незамедлительно ехать прочь из деревни, своей дорогой, куда вы там собирались... Незамедлительно, вот именно...

— Что случилось, господин староста? — тихо спросил Ортаг, помрачнев на глазах.

— Да ничего не случилось. И не хочу я, чтобы что-нибудь случилось... — староста, преувеличенно прикряхтывая по-стариковски, опустился на лавку напротив Ортага. — Мы тут люди, знаете ли, простые, и жизнь у нас простая, незатейливая. Может, кому не понравится, но уж какая есть... Привыкли жить по-своему, уж не посетуйте... Или вы против?

— Да как же мне быть против? — сказал Ортаг, натянуто улыбаясь. — Тут все ваше, а значит, и порядки свои...

— Вот как вы все распрекрасно понимаете, жамый, — кивнул староста одобрительно. — А значит, соображаете, что ни к чему вам лишние хлопоты, да еще в чужом краю, где прав у вас, откровенно говоря — фи́га да маленько...

— Что случилось, господин староста? — повторил Ортаг.

— Ничего, говорю же, не случилось. Просто так обернулось, что вы тут совершенно не ко двору. Ничего не скажешь, поете вы с женушкой красиво, душевно поете, век бы слушал. И доченька ваша, хоть и молоденькая совсем, ремесло знает. И дядюшка ваш железо глотает самым натуральным образом, залюбуеться... Вот только *этакое мошенство* нам тут совершенно ни к чему, — он откровенно уставился на Сварога. — Не надо было нам *этакое* подсовывать под видом обыкновенной ученой собаки... И не взметывайтесь с лавки с оскорбленным видом, жамый, я вас душевно умоляю. Вы ж прекрасно соображаете, что к чему, а? Соображаете...

Стояла напряженная тишина. Ортаг молчал, понурясь.

— Ну вот совершенно ни к чему нам тут *этакое*... — тем же вялым, лишенным эмоций голосом продолжал староста. — А потому будьте любезны, как доедите, садитесь на облучки и уезжать подобру-поздорову. Вот именно, подобру-поздорову. Пока честью *просят*. Кто-нибудь другой на моем месте поступил

бы и покруче, ну да я человек, право слово, совершенно не злобный. Езжайте уж добром, куда вам там... Так оно для всех лучше будет и спокойнее. Ведь правда?

— Как прикажете, — сказал Ортаг, не поднимая глаз.

— Да разве ж я могу вам приказывать? Вы человек сторонний, к деревне не приписаны. Я вам советую, по-отечески прямо, и не более того... — его голос набрал жесткость. — Я там распорядился, на конюшне, ваших лошадок запрягли уже, овсеца подбросили напоследок... Уезжайте уж по-хорошему...

— Сейчас же уедем, — сумрачно сказал Ортаг.

— Да зачем же сейчас? Я ж говорю — дообедаете спокойно... а там уж извольте сразу в путь. Удачной вам дороги и всех благ.

Он, побряхтывая, встал, едва заметно поклонился и степенно направился прочь. Охотник, задержавшись на миг, выразительно поиграл густыми бровями, ухмыляясь, многозначительно похлопал по рукояти ножа и заспешил вслед за принципалом.

Шумно отодвинув миску, в которой тяжело плескалась густая похлебка, Ортаг распорядился:

— Пошли. Не помрем и без жаркого, деньги есть... — он взял со стола мешочек, подкинул на ладони и опустил в карман. — Расщедрился напоследок... Вообще-то он прав, другой бы на его месте...

Никто не произнес ни слова — остальные молча, с серьезными лицами вставали из-за стола. Сварог виновато отвернулся.

— Да вам-то уж чего кукситься... — хмыкнул, глянув на него, Ортаг. — Вы тут ни при чем. Не вы ж все затеяли, придумал Патек, а я, дурак, согласился...

— Кто ж знал, что они просекут... — пожал плечами Патек.

— Да я и тебя не виновачу, — буркнул Ортаг. — Пакостное занятие — виноватых искать, когда в этом нет никакого смысла. Оба хороши. Решили, проскочит, а оно не проскочило. Кто-то у них тут есть знающий, и гадать нечего. Крепенько ж они иные вещи недолюбливают, если вызверились даже не на оборотня, а на простого обращенного... Ну, чисто монахи, туда их... Ну, что молчишь? — повернулся он к Кайе. — Скажи опять, что я дурень набитый!

— Да зачем же, отец? — ответила она спокойно, с привычным, надо полагать, терпением. — И вовсе ты не дурень. Думали, проскочит, а оно не проскочило, бывает... — она нахмурилась. — Только вот что интересно: я за все время ни разу вблизи от нас знающего не чувствовала...

Я, что характерно, тоже, мысленно добавил Сварог. Значит, у них отыскалось что-то *другое*, на то это и Туарсон, от которого, как показывает опыт, можно ожидать любого сюрприза...

— Ну, пойдете, — нетерпеливо поторопил Ортаг. — Пока они тут добренькие...

— Ух ты! — вскрикнула Маритана, задрав голову вверх. — Папка, посмотри! В жизни такого не видела!

Все уставились в небо, в том числе и Сварог. Действительно, зрелище небывалое...

С полудня приближались летающие замки, плывущие в небесах безукоризненно точным строем, их было не менее трех десятков, и двигались они гораздо быстрее обычного, не беспечно плавали, как обычно, а спешили куда-то целеустремленно. Землю размеренно накрывали огромные пятна густой тени,

когда очередной замок заслонял солнце.

Скрылись с глаз они очень быстро.

— И точно, ни разу не видел, чтобы они этак вот, большой стаей, да быстро... — протянул Патек.

— Нам-то какое дело? — сердито сказал Ортаг. — Мало ли что взбредет в голову Высоким Господам... Пошли уж!

Замыкавший шествие Сварог подумал, что это больше всего похоже на объявленный вдруг «Журавлиный клин». Примерно так и должно выглядеть. «Они уходят...» — плакала Бетта. Кажется, они и впрямь уходят — недели на две раньше намеченного срока. Почему вдруг? Канцлер известен тем, что скрупулезно соблюдает во всех делах им же намеченные сроки и требует того же от других. Или *сейчас* у него не выдержали нервы, и он приказал начать исход раньше? Почему бы и нет...

— Как утки, которых вспугнул кто на болоте... — фыркнул Патек.

— Отец... — тихонько сказала Кайя. — А ведь давненько уж говорят, что к нам летит...

— Чертова Мельница? — фыркнул Ортаг. — Слушай больше эти сказочки. Нет никакой Мельницы.

— А помнишь, что говорил монах в Заруме?

Не останавливаясь, Ортаг фыркнул:

— Странствующие монахи, мать, они вроде нас — ради миски похлебки или пары монет любой фокус покажут, любую басню сплетут... Публика известная.

Она ответила задумчиво:

— А мне вот порой кажется, будто я ее вижу. Вон там...

Сварог вздрогнул: она показывала в точности туда, где сам он и днем прекрасно видел багровый огонек, разве что изрядно поубавивший яркости при солнечном свете...

Ортаг остановился, глянул на жену очень внимательно:

— *Кажется?* А не — точно? Ну, если кажется, то ерунда. Кажется, перекажется, перемелется... Вот если б ты сказала, что точно, я бы, знаешь, поверил... А так... Ладно, пошли. Нужно убираться, а то еще передумают...

Глава XVII

ОДИН-ОДИНШЕНЕК

— Дядюшка Патек... — сказала Маритана, сидевшая на облучке рядом со шпагоглотателем. — А вот вы в Чертову Мельницу верите?

— Если честно, даже и не знаю. Как-то получается... Очень уж жутко: все сметет с лица земли, ни хижинки не останется... Жизнь меня научила: когда болтают о *чересчур* жутком, всегда получают побасенки. Ты-то, конечно, не помнишь, откуда тебе помнить... Лет двадцать назад по полуночным губерниям шлялся один... пророк. Я его сам в Чибольде видел и слушал. Такой, знаешь, как порядочному пророку и положено: лохматый, грязный, в драной рогоже на голое тело, босиком... Так вот, вещал он перепуганному народу, что через два месяца из Итела полезут в превеликом множестве огненные ящеры, будут, мол, пыхать огнем во все стороны, куда ни попадя, и спасется только тот, кто догадается скрыться в горах, потому что ящеры эти гор почему-то боятся и туда не забредают. Такой, знаешь ли, был пророк... внушительный. Как выпрямится во весь рост, как руки начнет простирает, глазами сверкает, басом гремит... Иных впечатляло, люди приходили в смятение и панику, некоторые даже, похватав, что под руку попало, направлялись к ближайшим горам... Двадцать лет прошло, а не два месяца. Вылез хоть один огненный ящер? То-то...

Сварог, лежавший за занавеской, за их спинами, слушал болтовню вполуха — у него до сих пор на душе было тяжело после случайной встречи с Гаржаком.

— А что потом было с пророком?

— А ничего хорошего, — хихикнул Патек. — Иных, случалось, после таких вот несбывшихся ужасов народец и сам колошматил чувствительно... Но с этим было иначе. Земли были герцогские, а герцог — может, и живой до сих пор, совсем нестарый был тогда — оказался не только суровым, но и с юмором. Когда среди прочих с его земель побежали его собственные крепостные, он, понятно, осерчал. Велел схватить пророка и привести. И сказал ему так: ваше пророчество, погостите-ка оставшееся время у меня в замке, в уютной комнатке с запором снаружи. Если ящеры и в самом деле полезут, у меня будет время вознаградить вас по-королевски, чем хотите, золотом либо землями. Ну, а если не полезут, уж не посетуйте, велю запороть... Этаким, знаешь ли, был красавчик — брюнет, статный, взгляд хищный, улыбка наглая... Женщинам нравился... и любил воровать с большой дороги красоток попроще, за которых заступиться некому. Вот окажись мы там, тебя бы его ловчие точно украли...

— Да ну вас!

— А я серьезно. Потом уж старались его владения обходить-объезжать — а то налетят ловчие, сцапают с повозки дочку или даже жену, и никак ты их потом не выручишь, разве что королю в ноги броситься, да поди ты доберись до короля... Да и герцог у него был в большом фаворе...

— Вы про пророка, дядюшка Патек!

— А что пророк... Когда срок вышел, герцог, как он сам сказал, ради пущей беспристрастности, выждал лишнюю неделю. А когда и неделя минула — ну,

запороли, как и было обещано. Мне его и не жалко нисколько: видела бы ты, какая паника поднялась... Хотя кто их поймет, пророков, кто ж заранее определит, который настоящий, а который врет... Что-то давненько я их не видел, перестали как-то шляться...

— Но мама же вроде видела...

— Вот то-то, что «вроде». Сама сказала: *кажется*. А маму твою я знаю сколько лет, это ж я их с твоим папкой познакомил, когда...

— Сто раз рассказывали.

— Ну болтун я, Тана, болтун... В общем, я, как и твой папка, давно понял: когда она говорит уверенно, все так и есть. А если кажется — то оно и есть мерещится...

— А монах? Я ведь тоже слышала...

— Охо-хо, монах... — тяжело вздохнул Патек. — Мы с твоим папкой, сама знаешь, насчет веры придерживаемся двух совершенно разных мнений, но что до бродячих монахов, тут я с ним согласен целиком и полностью: среди них и в самом деле попадаются фантазеры, балаболы, а то и, прости, Единый, сущие прохвосты. Один на моей памяти продавал в Покортуке камешки, якобы... ну, ты уже совсем большая, тебе можно... Камешки, якобы совершенно унимающие у женщины боль при родах. Успел их продать не одну пригоршню — и унес ноги раньше, чем обнаружилось, что никакой боли они не унимают, надо полагать, в придорожной канаве собраны... А ведь монах... А другой... Довелось мне однажды с ним три дня пить в Равене. Хорошо погуляли, душевно, и с винцом, и с... кхм... ну, короче, как следует. *Этот* ни у кого денег не выманивал и облапошивать людей не пытался. Вот только толковал мне три дня напролет, что знает, кто у нас Воплощение Воздуха, и где засел (Сварог моментально наострил уши). Ты ведь знаешь, что такое Воплощение Воздуха?

— Ага. Мама рассказывала. Четвертое, никому неизвестное.

— Хе-хе-хе... Никому, понимаешь ли, неизвестное, а вот ему, если верить, прекрасно известное. После второго кувшина принимался расписывать ужасы, даже на бумажке карту чертил, если попадалась бумажка. Самое интересное, что монах был не странствующий, а из местного монастыря, отец Юло, ага... Большой был краснобай. Только, я так понимаю, ему и в собственном монастыре не особенно верили — самый обычный монашек, ничем не примечательный, грешил напропалую против некоторых заповедей... что ж, прикажете верить, будто такому будет божественное откровение наподобие того, как это случилось с Катбертом-Молотом? Ох, крепко сомневаюсь... А без божественного откровения, я так думаю, такие вещи и не узнать. Никто не знает, в том числе почившие во благодати святые, а этот пьянчуга и бабник, видите ли, сподобился... Не бывает так. Божественные откровения не монетки в день королевского тезоименитства, чтобы их разбрасывать кому попало. Уж коли ты не святой и даже отдаленно не приблизился...

— Дядя Патек! — вдруг вскрикнула Маритана с таким отчаянием и страхом, что Сварог вскочил.

И тут же полетел в задок фургона — Патек рывком натянул поводья так, что лошадь, похоже, аж на дыбы встала.

— Ты что, дуреха? Ничего такого вокруг...

— Да я не про вокруг... — убитым голосом произнесла Маритана. — Дядюш-

ка Патек, ожерелье потерялось...

— Тьфу ты, я неизвестно что подумал... погоди, его ж, и точно, у тебя на шее нет... Как же ты так, с шеи? Может, за вырез упало, ты пошарь...

— Да не с шеи... Там застежка сломалась, погнулась так, что кожу царапало. Ну, я и сняла — еще когда с Тракта съезжали, чтобы путь срезать. Положила рядом на облучок, вроде лежало надежно... Потом, видимо, упало, я с тобой заболталась, не заметила, как свалилось...

Патек засвистел в два пальца — видимо, останавливая идущий впереди фургон.

— Ну что ж ты так... — протянул он укоризненно. — Сама знаешь, вещь памятная... Ну да, когда свернули с Тракта, первая лига была — сплошные ухабы, трясло всюду... Там оно, видимо, и...

— Что там у вас? — слышался голос Ортага.

Маритана принялась всхлипывать. Сварог слышал, как она повторила все отцу. Наружу он и носа не казал — чисто семейные дела, к чему тут лишние свидетели.

— Где у тебя мозги были... — с непритворной злостью сказал Ортаг. — В фургон нужно было, в мешочек...

— Мамина память, — слышался грустный голос Кайи. — Единственное, что оставалось...

— Ну, Тана...

— Пап, я ж не нарочно...

— Еще б ты нарочно... Нет, хоть и выросла, а ремня все равно получишь на совесть. Иди-ка сюда...

— погоди, Ортаг, — сказал Патек рассудительно. — Ремнем, конечно, недолго, а делать-то что?

— Назад погоню! — рявкнул Ортаг. — Пешедралом! Пусть идет по обочине и смотрит в оба!

— Остынь. Проехали мы лиг десять, а то и побольше. Часа два ей туда идти одной, столько же обратно... Это ведь явно где-то возле самого Тракта, на тех клятых ухабах...

— Ладно, ладно... Сейчас выпрягу Жука и сам поеду.

— Много ты с седла рассмотришь, ты ж малость подслеповатый.

— А что прикажешь делать? Кайя, молчишь? Молчишь... А сама чуть не плачешь... — Ортаг выругался, затейливо и с чувством. — Ну да, матушкина память, единственная... Что ж тут поделать, разворачиваем фургоны, едем все назад. Не оставлять же на дороге... Эх, судьбинушка... Туда десять, обратно десять... Лошади приморились. До деревни уже сегодня не доберемся, придется тут, в глуши, ночевать... Срезал дорогу, называется... Ладно, — решительно сказал он. — Поворачиваем.

И тут Сварогу пришла в голову великолепная идея. В конце концов, он сейчас был именно что собакой...

Не теряя времени, он высунулся за занавеску, протиснулся меж Патеком и плачущей Маританой, спрыгнул с облучка и запрыгал вокруг Ортага, гавкая, отбегая назад, возвращаясь.

— Без вас тут тошно, сударь обращенный... — проворчал Ортаг.

— погоди-погоди... — протянул Патек в некоем озарении. — Лопни мои глаза! Никак вы хотите сбегать? (Сварог закивал). А что? Очень даже неплохо

придуманно. Собака, даже трусцой, гораздо быстрее обернется, чем мы с фургонами. Сударь наш, простите за прямоту, ехал в фургоне, не устал ничуть, сытый...

— И правда... — с надеждой в голосе сказала Кайя. — Так будет быстрее, коли уж вы, сударь, готовы помочь...

— И потом, у собаки чутье имеется, — сказал Патек. — Тана, слезь с облучка, подставь шею, пусть сударь как следует принюхается: вдруг в высокой траве, мало ли что... Живо!

Все еще всхлипывая, Маритана покорно прыгнула с облучка, присела на корточки, подставила шею. Сварог старательно принюхался и как-то так не удержался, легонько лизнул в шею.

Маритана отстранилась, попыталась улыбнуться сквозь слезы:

— Вы уж, господин граф, язык не распускайте, хоть вы сейчас и собака...

— Да тебя б зубами цапнуть... — фыркнул Ортаг. Добавил деловито. — Ладно. Раз такое дело, останавливаемся на привал. Вон полянка подходящая. Будем ждать.

— Вы уж найдите, пожалуйста... — с тоской сказала Кайя.

Сварог кивнул, повернулся и затрусил по обочине, склонив голову к земле.

...Большой Тракт уже виднелся впереди, не далее чем в полулиге, когда в неизменный за все время фон — земля, трава, хвоя, временами конский навоз — ворвалась новая нота: знакомый запах молодой свежей кожи. Резко остановившись, Сварог принялся раздвигать мордой высокую траву. И вскоре обнаружил ожерелье, потеря лежала себе преспокойно, сбившись в комочек. Осторожно забравши его в пасть вместе с оборванными травинками, радостный Сварог пустился в обратный путь.

Очень быстро сообразил, где он сможет пойти напрямик, чтобы срезать дорогу на парочку лиг. Он хорошо помнил, как они ехали и где, да вдобавок смотрел карту вместе с Ортагом: фургонам пришлось далеко обогнуть гряду невысоких лесистых холмов, потому что именно так изгибалась почти заброшенная проселочная дорога — да и не одолели бы кони эти склоны. Зато Сварог без труда мог двинуть напрямик — туда в гору, зато обратно под гору, точно, на пару лиг короче будет...

К холмам он и свернул. Заблудиться не боялся: не такие уж вокруг и лабиринты, а ориентироваться на местности он прекрасно научился еще в прошлой жизни. По-настоящему опасных зверей вроде каталаунских тигров или горных медведей в округе, говорили, не водится, вот лигах в тридцати к полуночи — да, появляются...

Он и не заблудился. Примерно там, где и рассчитывал, вновь вышел на полузаброшенную дорогу, где в траве четко виднелись свежие колеи от колес фургонов. Неспешной трусцой пустился в обратный путь — он не то чтобы вымотался, но немного приустал. Десять лиг туда, обратно на пару меньше, зато пришлось в гору взбираться...

Еще издали ему в нос ударил тяжелый запах крови — и он, не рассуждая, понесся бегом. Поляна, фургоны...

Из пасти у него невольно вырвался горестный вой.

Кровью пахло вовсе уж *тяжело*, удушливо. Еще издали он увидел, что обе лошади лежат в оглоблях неподвижно, словно мертвые... да они и есть мертвые. Ортаг застыл навзничь, остановившимся взглядом наблюдая небо — ли-

цо совершенно спокойное, видимо, все произошло неожиданно и моментально — ну да, напротив сердца торчит железное оперение короткого арбалетного болта... совсем рядом ничком лежит Патек, с таким же болтом в левой лопатке...

Сварог разжал пасть, и никому уже не нужное ожерелье упало в траву...

Совсем скверно на душе стало, когда он чуть подальше, уже в чащобе, обнаружил Кайю и Маритану. Вот их убили не сразу, далеко не сразу. Сварог, если прикинуть, отсутствовал часа два с половиной, а за это время...

Их, безусловно, расспрашивали, и сразу видно, как — люди, не знавшие жалости и не стеснявшиеся в средствах. Потом изнасиловали, обеих...

Он ничего не мог с собой поделаться — стоял, расставив передние ноги, подняв голову к небу и выл. Бессильная ненависть захлестывала так, что в глазах темнело. Если только ему удастся вернуться в человеческий облик, все тайные полиции королевства, сколько их ни есть, будут, оставив прежние дела, ловить Одо и Сувайна, а потом Баглю позаботится, чтобы они подышали очень медленно и очень невесело... Да, так и будет, но кого ты этим вернешь? Кого вообще вернула с того света самая изощренная месть, хотелось бы знать?

«Бог ты мой, и ведь это не в первый раз», — в тоскливом, горестном смятении подумал он. Случалось уже, что хорошие люди гибли, если подумать беспристрастно, исключительно из-за того, что он незванным и непрошеным вторгся в их жизнь... ну, правда, без злого умысла и не забавы ради — на пути к очередному, извольте ли знать, героическому свершению. И ведь сейчас даже *этим* не оправдаешься, он просто-напросто бежал, скрывался.

Усилием воли он заставил себя успокоиться, рассуждать холодно и трезво. И принялся бегать вокруг удушливо пахнувшей кровью поляны.

Довольно быстро по следам и запахам удалось многое восстановить: несколько всадников подъехали чащобой довольно близко, оставили коней на одного из своих, подкрались к полянке, где никто такого визита не ждал — и началось... Это не простые разбойники, конечно — в фургонах никто даже и не пытался рыться, у мужчин не вывернуты карманы, не срезаны кошельки... Да и с какой стати обычным разбойникам убивать лошадей — они сами по себе неплохая добыча, коневодства в этих местах нет, лошадей завозят издалека, и они в цене... Погоня его все-таки достала — ну, предположим, не его самого...

Он вернулся к дороге. Всадники, судя по следам, галопом ускакали в ту сторону, куда он недавно уходил. Очень похоже, то ли Маритана, то ли Кайя не выдержали и рассказали все — и невозможно их за то винить... Наверняка так и было. Не вздумай он срезать дорогу — возможно, столкнулись бы нос к носу...

Доскакав до Тракта и не найдя его нигде, они, конечно, вернуться. Вряд ли это недотепы, наподобие горожан с вилами — явно кто-то гораздо более опасный, хорошо вооруженный, хваткий, умеющий ориентироваться в лесу. Не егеря ли Сувайна? Очень может быть...

Стоя на дороге, он прислушивался — нет, стука копыт пока не слышно, лесная тишина безмятежна. И все равно, они обязательно вернуться. Собак с ними нет, ни единого собачьего следа... а впрочем, иногда охотники возят собак на седле, чтобы не вымотались прежде времени, даже специальные кораба есть, к седлу притороченные... А если вдобавок с ними нечто вроде той «крысы»...

Они постоянно опаздывают, не так уж и надежно то, чем они для поисков полагают, но все равно, медлить нельзя. Карту Ортага, весьма подробную, он запомнил хорошо. На полуночный закат, и лучше бездорожьем, чащобой, лиг через десять будет Большой Тракт, и не так уж далеко до гланской границы, а если еще в паре мест срезать путь...

Не в силах еще раз взглянуть на женщин, он опустил голову и двинулся чащобой, тихонечко подвывая от бессильной ненависти и лютой тоски.

...Сварог вынырнул из тяжелого, беспокойного сна, ощутив натуральное удущье — шею словно петлей стиснуло, но это не человеческие руки и уж тем более не звериные лапы, никто на него не навалился, не держит...

Машинально, еще не открыв глаз, он поднял руки к горлу, что есть силы рванул душившее, лопнувшее с треском — ага, мелькнуло в сознании, платок с деньгами — отбросил, вздохнул жадно, полной грудью...

И теперь только сообразил, что проделал это *человеческими* руками — горло еще чувствовало упершиеся в кадык собственные пальцы! Рывком приподнялся, сел — на человеческую задницу! — заполошно, изумленно уставился на собственное тело...

Голое человеческое тело. Задницу чувствительно покалывала сухая хвоя, чего во сне не бывает. Чтобы убедиться окончательно, Сварог встал на ноги в темноте, а когда человеческие глаза к ней привыкли, положил обе руки на толстый ствол ближайшей сосны. Твердый, шершавый, реальный, ладони враз перепачкались в липкой смоле...

Выскочив на небольшую полянку, он пустился в дикий пляс, высоко вскидывая коленки, нелепо махая руками, подпрыгивая. Радость в сознании не уместалась. Справа зашумели кусты — это, судя по звукам, в панике улепетывала какая-то мелкая ночная животинка.

Широко раскинув руки, поворачиваясь вправо-влево, Сварог затянул во всю глотку:

*— Кто он, в юном блеске,
в ореоле дерзком
Храбрецааааааа?*

Потом перед глазами у него встала поляна, и он замолк, опустил руки. Он и не пытался догадаться, почему все произошло именно так, само собой, среди ночи. Никогда не изучал магию, не то что всерьез, а даже и поверхностно, пользовался готовыми заклинаниями, подобно посетителю ресторана, понятия не имеющему, как приготовить бифштекс — время от времени болтал со знающими людьми. Кто-то говорил, то ли Грельфи, то ли Бони, что иные заклинания могут сами по себе ослабевать, спадать, как падает порвавшееся ожерелье... И черт с ней, с теорией. Заклятье само собой свалилось, и ладно... Времени терять не стоит. Тем более что ночная лесная прохлада стала пробираться не на шутку — густой собачьей шерсти больше не было.

Точнее, осталась, но уже не при нем — почувствовав босой ступней мягкое, он наклонился, поднял клочок шерсти, ею все вокруг усыпано. Вот, значит, как это выглядит, шерсть осталась, но вся осыпалась... Где-то он и про такое слышал... да нет, читал в прошлой жизни...

Не теряя времени, сосредоточенно и методично Сварог занялся делом. Из-

влек из воздуха носки и подштанники, натянул, взялся за рубашку... Кто бы мог подумать, что столь дикую радость, едва ли не оргазм, может вызвать простое надевание рубашки и натягивание сапог...

И пары минут не прошло, как он оказался одетым в дворянское платье, в бадагаре на голове, при мече и паре заткнутых за пояс пистолетов. Теперь хоть каталаунский тигр нагрянь...

Усевшись на поваленное дерево, он жадно выкурил две сигареты подряд, сторяча выхватил из воздуха и третью, но это оказалось чересчур, и он затоптал сапогом едва зажженную.

Посмотрев на звезды, встал и уверенно направился на восход. Планов менять не собирался: до гланской границы совсем близко, тем более что явиться туда предстоит в человеческом облике. Пограничники могут и не знать его в лицо, но все равно, будет гораздо легче... Лиг двадцать осталось, пустяк, а если еще и...

Вспомнив карту, он забрал чуточку левее и вскоре оказался на вершине гребня. Вниз спускался очень длинный и пологий откос, и далеко впереди, правее, на земле словно бы мерцала колышущаяся красноватая звездочка — костер, конечно. Вот она, деревня...

Сварог стал спускаться по склону, мурлыча под нос печальную балладу «Воспоминания монаха».

*Ах, как дни романтикой звенели
на мою беду...
Вы, красавица, любить умели —
два часа в году.*

Он ничего не мог с собой поделаться, несмотря на недавние горестные события — откровенная радость от возвращения в человеческий облик оказалась слишком сильна.

*Что за глупость — странствия-изгнанья...
на ледышку пламя променяв,
я уже не оглянусь на ржанье
вашего высокого коня.
Кто там у вас нынче на примете?
С кем вы — без любви и теплоты?
Вы, наверно, лучшая на свете —
стерва из мечты...*

Еще издали, с превеликой радостью применив и ночное зрение, и «подзорную трубу», он рассмотрел лошадей на лугу — несколько лениво пощипывали траву, но большинство спали стоя. У костра трое мальчишек — чепуха...

Подойдя совсем близко, он высмотрел гнедого жеребца — как подсказывало фамильное чутье Гэйров-лошадников, ходившего не в упряжи, а под селом. Должно быть, принадлежит какому-нибудь справному охотнику, их тут хватает...

Сварог направился прямо к облюбованному коню. От костра, еще издали захлебываясь лаем, примчались два здоровенных кудлатых пса, заметались перед ним, припадая на передние лапы, рыча. Вынув меч, Сварог небрежно отмахнулся клинком. Псы попались сообразительные и наброситься не пытались, хотя шуму производили немало.

От костра уже бежали, подняв рассыпающиеся снопы искр факелы. Сварог

спокойно ждал. Наконец колышущийся свет факелов упал на него, осветив заодно и лица мальчишек — азартные, не особенно и испуганные. Один натянул рогатку, целясь в Сварога, похоже, серебряной монеткой.

— Уши надеру, отрок, — добродушно сказал Сварог. — Ну какой я оборотень? Будь я оборотень, ваши собачки давно бы убежали, поджав хвосты под задницу... Собак отзовите, сорванцы.

— Что вам нужно, лаур? — настороженно откликнулся один, видимо, вожак или заводила. — Пестряй, Беляк, назад! Если вам в деревню, нужно пойти во-он туда, увидите тропу — и уж по ней прямо до деревни, не заблудитесь...

— Да нет, — сказал Сварог. — Мне конь нужен. Вот этот. До зарезу нужен, так уж сложилось...

Он бросил меч в ножны, присел на корточки и принялся привычно распутывать передние ноги гнедого. Тот стоял спокойно, усмиренный теми же *приговорками* Гэйров.

Мальчишки топтались на месте, растерянно переглядываясь — а что им еще оставалось?

— Благородный лаур... — растерянно протянул тот, заводила. — Вы уж будьте так любезны, не безобразьте...

— Это получается чистое конокрадство, а за такое и благородному по закону причитается...

— Законник... — проворчал Сварог, отбрасывая путы и выпрямляясь. — От горшка два вершка... — он подпустил в голос металла. — Слышали когда-нибудь такие словеса — королевская служба? Именем короля!

— Так-то оно так... — пробурчал немного оторопевший заводила. — Но ежели вы, лаур, неправду говорите, то сами знаете, что бывает... Не любит король Сварог, когда его именем не по праву прикрываются...

— Вот это точно... — кивнул Сварог.

Он опустил руку в карман камзола, пробормотал должное заклинание, а когда ладонь наполнилась золотом, вынул руку и швырнул монеты под ноги подросткам:

— Я вам не конокрад, отроки. Коня я покупаю.

— Ух ты... — замороженно протянул кто-то. — Да тут на трех добрых коней хватит...

— А ты как думал? — откликнулся Сварог не без веселости. — Мы люди наглые, но честные. Один золотой оставьте себе на всех, а остальное — хозяину. Скажите, что я очень извинялся, но ничего не поделаешь, королевская служба...

К превеликому сожалению, он не умел создавать седел и прочей конской сбруи. Пароходы мог, а вот сбруя... Как-то даже и не предполагал никто, что ему это умение понадобится, обычно то ли подворачивался нужный конь, то ли оседланный...

Ничего, есть навык. Далеко до предков-Гэйров, но все же... И *охлюпкой* доедем. Он ухватил левой рукой жеребца за гриву, вскочил ему на спину.

— А зовут-то вас как, ваша милость? — спросил заводила, уже, сразу видно, смирившийся с происходящим. — Чтобы уж совсем по-честному?

— Запомнить — плевое дело, — отозвался с коня Сварог. — Король Сварог Барг. — Всего наилучшего, отроки!

Развернув жеребца на восток, он гикнул и наподдал каблуками по бокам.

Жеребец пошел крупной рысью. Сделав крюк, чтобы объехать деревню, пустился напрямик на восход, к Большому Тракту — в прежнем своем виде не было нужды Тракта избегать.

Он не гнал коня — граница была совсем недалеко, да и скакать галопом без седла не особенно и удобно. Ехал перелесками, лугами, пустошами, темнота вокруг серела, светлела, на восходе появилась тоненькая, как ниточка, золотисто-алая полоса...

И едва она появилась, Сварога словно скрючило, согнуло, державшиеся за гриву руки сами собой разжались, лапы бессильно скользнули по конской шее, неспособные ни за что ухватиться, бадагар слетел с головы, всего словно спеленало — и он кубарем полетел с коня, забился на земле, еще не осознавая происходящего, спеленатый одеждой, как младенец...

Жеребец унесся, испуганно храпя. Сварог, уже понимая, что с ним произошло, долго бился и перекачивался по земле, понемногу высвобождая собачье тело из человеческой одежды. Когда это наконец удалось, он поднялся на все четыре лапы, яростно матерясь про себя, чувствуя прямо-таки детскую обиду на такие сюрпризы. Отпустило, да не совсем. Человеческий облик вернулся только с темнотой, а с первыми солнечными лучами... Означает ли это, что наложенное на него заклятье слабеет? Не исключено. Ладно, к черту размышления и сожаления. Осталось совсем немного, не будем расхолаживаться и сбиваться с темпа...

Темно-рыжий пес направился навстречу восходу.

Глава XVIII

ЛЮДИ И ЗВЕРИ

Конный вылетел из тающего утреннего тумана, как призрак Дикого Ловчего — но громкий стук копыт свидетельствовал, что он вполне материален. Перевесился из седла, оскалась, заносил плеть. Невольно взвизгнув, Сварог шарахнулся. Прямо перед мордой промелькнули конские копыта, совсем близко раздался тяжелый жужжащий свист рассекаемого воздуха.

Он припустил что есть мочи, забирая к лесу. В конец нагайки, конечно же, вплетена свинцовая мушкетная пуля, а то и картечь — такими плетками в Ратагайской Пуште раскраивают волку череп, с седла, на всем скаку... Смертельно...

Сзади грохотали копыта, всадники яростными криками понукали коней. Сварог наддал, сколько хватало прыти, оглянулся на бегу. Пятеро всадников неслись во весь опор, растянувшись вереницей — двое вырвались вперед, трое отставали на пару корпусов... Даже и гадать не надо, что это за люди...

Преследователи поняли его намерения в самый последний момент, и передний всадник заорал на коня вовсе уж дико, пытаясь отрезать Сварога от леса — но опоздал, сволочь, опоздал... ворвавшись в лес, Сварог принялся петлять меж стволами, выбирая места, где чащоба гуще, где заросли кустарника. Немилосердно драл бока об упругие ветви — но конным приходилось хуже, они-то поубавили прыти еще больше: и петлять меж стволов лошади не так сподручно, как собаке, и смаху в густой кустарник она не вломится, не пойдет, и всаднику нужно смотреть в оба, чтобы не впечататься башкой в низкий сук...

Кое-что он выиграл, увеличив расстояние меж ним и погоней — но оторваться окончательно, уйти из виду никак не удавалось. Погоня наверняка не знала этого леса — но и он тоже, один раз, перепрыгнув поваленный ствол, едва не ухнул в обнаружившийся там земляной провал — где непременно поломал бы к черту лапы, а то и хребет, потом вдруг вылетел на кромку скалистого обрыва, едва успел притормозить и шарахнуться...

Сзади раздался истошный вопль, тут же оборвавшийся — ага, один угодил-таки в неприятности... Однако оставались четверо. Они, кстати, ни разу не выпалили, не пускали стрел — ну, конечно же, прекрасно знали, с кем имеют дело... Временами Сварог оглядывался на бегу, рискуя вмазаться в дерево — нет, не отстают, мерзавцы, никак не могут приблизиться, но и не отстают, отличные наездники, должно быть, и кони хорошие, привычны к лесу...

Сколько это может продолжаться? Опасная игра...

Деревья чуть поредели — и всадники с торжествующими воплями сократили наполовину расстояние меж ними и беглецом... Ага, сволочи такие!

Сварог выбежал к голым скалам, серым, покрытым желтыми пятнами лишайника — и меж ними вверх уходила узкая, крутая расщелина, сплошь засыпанная мелкими камешками.

Сварог наддал, забирая все выше и выше. Там, за расщелиной, вполне мог оказаться обрыв, а то и тупик, где его возьмут тепленьким — но, с другой стороны, откос настолько крут, что собака по нему взберется с величайшим трудом, а вот лошади не взберутся вообще, так что стоит рискнуть. Есть шанс,

увидев, что там, впереди, броситься назад, проскочить меж всадниками...

Отчаянно пытаюсь сохранить равновесие, не кувыркнуться вниз, он карабкался по откосу, разметывая тучи камешков, временами на пару шагов съезжая вниз, не было времени и возможности оглянуться, но он с радостью слышал перестук копыт далеко внизу, яростную ругань, тщетные понукания — они остались там, у подножия, как ты коня ни хлещи, как на него ни ори, он на такую кручу не полезет...

Оп-па! Судя по изрядному шуму, одному все же удалось заставить коня двинуться вверх — но конь тут же рухнул вместе с всадником, покатился вниз...

И тут внизу люди заорали так, что Сварог, инстинктивно ощутив некие серьезные изменения в происходящем, остановился, кое-как удерживаясь на крутом склоне, повернул голову.

И обмер. Длинное темное тело, вытянувшись в воздухе метнулось откуда-то справа — и опустилось прямехонько на бок силившейся встать лошади, оказавшись каталаунским тигром. Яростное шипение наподобие того, какое издает разъяренная кошка, только раз в десять помощнее, короткое рычание, истошно заржала лошадь, нечеловеческим криком захлебнулся всадник — и тут же умолк, тигр потрянул его, как крысу, брызнула кровь...

Внизу бабахнул пистолетный выстрел — бесцельный, слышно прекрасно, как пуля ушла в кроны, сшибая хвою... Окружая сбившихся в кучку всадников, со всех сторон ринулись проворные, жуткие звери, такие же тигры, числом не меняя десятка, бросились на спины лошадям, выбивая из седел всадников. Истошные, панические вопли, почти человеческие крики лошадей, рык, шипенье, кровь...

Сварог оцепенел. О повадках каталаунских тигров он немало наслышался от принца Элвара — его высочество на них давно и азартно охотился, с полдюжины привез живыми для зверинца у себя в маноре...

Тигры *никогда* не ходят стаями. Каталаунский тигр — заядлый одиночка. У каждого из них свои владения с помеченными границами, и вторгшегося собрата ждет бой не на жизнь, а на смерть. Собравшись стайей в результате какой-то небывалой случайности, тигры тут же передерутся меж собой, не обращая внимания на все окружающее, так уж они устроены. Чтобы они, откинув инстинкты, нападали стайей, словно волки... Не бывает. Следовательно...

Он так и не додумал — внизу мелькнули проворные звери, сбившись в стаю, бегом унеслись, пропали из виду. Разбегались в разные стороны ржавшие, исцарапанные когтями лошади, та, упавшая, тоже ухитрилась наконец вскочить и, роняя на землю крупные капли крови, припустила в чащу. Настала совершеннейшая тишина. Только удушливый запах крови, достигший Сварога — и пять неподвижных тел...

Кое-как взяв себя в руки, прислушиваясь к тишине, Сварог осторожно спустился с откоса, обгоняемый ручейками камней. Пренебрегая вязким запахом крови, обошел всех. Зрелище не для слабонервных, но лица целы. Среди мертвых не оказалось ни Одо, ни Сувайна — должно быть, возложили исполнение задания на шестерок. Вполне может оказаться, Одо и не умел ездить верхом...

Как бы там ни было, путь свободен. Сварог задрал голову, пытаюсь сориентироваться по солнцу, в какую сторону ему идти: убегая, он петлял так, что потерял всякое представление о восьми сторонах света...

Сверху послышался короткий могучий рык. Сварог повернулся туда — и

вновь застыл, как вкопанный. На вершине откоса, куда он только что так рвался, сидел каталаунский тигр — огромный, матерый, буро-серый — и смотрел на него желтыми глазищами с черными кошачьими зрачками. Больше он не рычал, не скалился — сидел и смотрел, пристально и неотрывно. Казался совершенно спокойным и уверенным в себе — ну еще бы...

Сварог не шелохнулся, испытывая нечто вроде тупой безнадежности. Это каталаунский тигр, и все тут. Даже знаменитые каталаунские кувары, огромные лохматые псы, способные шутя расправиться с волком, против тигра в одиночку не выстоят. Бывали случаи, когда им это удавалось все же, и пес, хоть изодраный, оставался в живых — но случаи эти по пальцам можно пересчитать, они известны наперечет, стали достоянием охотничьего фольклора и книг про охоту...

Оставалось, вспоминая только что промелькнувшее перед глазами небывалое зрелище, надеяться, что это не *простой* тигр...

Тигр поднялся на четыре лапы, встряхнулся, словно вылезши из воды, замотал усатой башкой, густая длинная шерсть встопорщилась, будто под сильным ветром... зверя словно закутало полупрозрачным туманом, повторявшим его очертания, колыхавшимся, как пламя на ветру, непонятным каким-то...

Потом туман рассеялся. Там, где только что был тигр, стоял на четвереньках человек. Он неторопливо поднялся на ноги, абсолютно голый, мускулистый, с лохматой шевелюрой и спутанной бородой, недобро зыркавший желтыми глазами из-под густых бровей, здоровенный, сразу видно, недобрый какой-то...

Не было ни облегчения, ни страха. Сварог молча ждал дальнейшего развития событий, потому что ничего другого не оставалось.

— Эй, ты! — прикрикнул оборотень. — Лезь сюда, быстро! Кому говорю! Карбайся...

Голос вполне человеческий, разве что в нем присутствует некий непонятный оттенок, людским голосам определенно не свойственный — словно сквозь аккорды виолы чувствуется звучание какого-то иного, более грубого инструмента...

Сварог стоял в ошеломлении.

— Я кому сказал? — рявкнул голый здоровяк. — Или мне спуститься и тебя за шкуру на себе волочь? Влезешь, не сдохнешь...

Сзади, послышалось тихое ворчание. Там, отрезая дорогу в чашу, сидели еще три тигра. Крайний справа рыкнул на Сварога коротко и недвусмысленно.

Он стал карабкаться на откос. Из-под лап текли каменные ручейки, теперь, когда не было за спиной погони, подниматься оказалось гораздо труднее, чем в первый раз, он то и дело съезжал вниз — и всякий раз, поднимая голову, встретив презрительно-насмешливый взгляд оборотня, задыхался от злости и унижения, напрягал все силы, карабкался...

Когда осталось совсем немного, оборотень спустился на пару шагов, ухватил Сварога за шкуру и сильным рывком прямо-таки выкинул наверх, бормоча что-то насмешливое. Там, за откосом, не оказалось ни тупика, ни обрыва — такая же чащоба без тропинок и просветов.

Сварог стоял, не зная, что дальше делать. Лохматый, оперев руки в бока, разглядывал его с нескрываемым превосходством.

— Людишки... — буркнул он. — Шавка... Не обоссался еще со страху? Вот и дальше постарайся не обделаться. Ничего страшного не будет. Пошли.

Он повернулся и неспешными размашистыми шагами направился в чащобу, ни разу не оглянувшись. Сварог поневоле поплелся следом. Стараясь вернуть душевное равновесие, подумал: «Везет мне на разные встречи, какие твари только ни попадают...» Он хотел, чтобы эти мысли звучали бесшабашно и весело, но получалось как-то уныло...

Они шли недолго. Вскоре открылась большая поляна с какими-то неизвестными цветами, желтыми, росшими гроздьями наподобие сирени. Остановившись, оборотень небрежно оглянулся через плечо:

— Ждем...

Смаху упал на четвереньки, встряхнулся... Все повторилось, разве что в обратной последовательности; полупрозрачный туман, проступившая сквозь него колышущаяся буро-серая шерсть... Несколько секунд — и рядом со Сварогом стоял натуральный каталаунский тигр, источавший сильный звериный запах.

Желтые, приятно пахнущие цветы, росистая патина меж деревьев, изящно вырезанные листья папоротника, покойная тишина...

Тигр — даже стоя на всех четырех, он превосходил ростом на пару локтей — рыкнув, толкнул Сварога плечом. Сварог вздрогнул, посмотрел в ту же сторону.

Девушка неторопливо и грациозно шла к ним через поляну — точеная фигурка, зеленое платье простого покроя из какой-то непонятной ткани, на плечи падают длинные волосы цвета то ли меда, то ли прозрачной, незагустевшей сосновой смолы, перехваченные на лбу кожаным ремешком с большим ограненным кристаллом сочно-зеленого цвета... Она двигалась так, словно составляла одно целое с цветами и папоротником, с высокой травой, Сварог не смог бы описать словами свои впечатления, но это было настолько красиво и загадочно, что он засмотрелся, как замороженный.

Тигр сорвался с места и кинулся к ней. Пробежав половину разделявшего их расстояния, повалился на спину, заболтал лапами, словно расшалившийся котенок, катался, приминая густую траву. Вскочил, бросился к ней, запрыгал вокруг, припадая на передние лапы, прямо-таки поскуливая, тычась башкой.

Девушка, не глядя, мимолетно погладила его по голове, оттолкнула ладонью, с той же нечеловеческой грацией двинулась к Сварогу. Остановившись в шаге от него, произнесла чуть насмешливо, мелодично:

— Хорошенький у тебя вид... Следовало бы быть поосторожнее...

Сварог в жизни ее не видел — но ему был памятен и этот чуть хрипловатый, насмешливый голос, и глаза — зеленые, цвета весенней яркой листвы... Лесная Дева, вот оно как... Испытав несказанное облегчение, он сел в траву, зажмурился на миг.

Хозяйка леса тоже опустила в траву, села, опершись на руку, по-прежнему казавшаяся частью цветущей поляны. Небрежное движение узкой ладони — и тигр покорно затрусил в чащобу, пропал с глаз.

Лесная Дева смотрела на Сварога — чуть отрешенно, с непонятным выражением на прелестном лице. От нее пахло не человеком, а лесом — сосновой хвоей, цветами, травой, легкой сыростью бочагов. У Сварога затеплились нешуточные надежды.

— Ты в самом деле не мог быть поосторожнее? — сказала она укоризненно. — Что с тобой случилось? Я не могу *видеть* там, где нет леса... Ах да, ты же и ответить не можешь... Но ясно, что тебя кто-то *перехитрил*, иначе ты не стал бы собакой...

Сварог виновато потупился. Потом уставился на нее — он крепко подозревал, что взгляд у него был умоляющий...

— Должна тебя огорчить, — сказала она тихо. — Вернуть тебе прежний облик я не могу. Не умею, — она перехватила устремленный в чащобу взгляд Сварога. — Нет. *Они* — совсем другое, не я их такими сделала. А если ты слышал другое, это все глупые сказки — о том, как я будто бы превращала в зверей неосторожных и непочтительных, то ли отвергнувших мою любовь, то ли настойчиво искавших моей любви, то ли просто подвернувшихся под горячую руку... Сказки. *Этого* я не умею.

«Так зачем же ты велела меня притащить? — подумал он. — Потолковать о старых добрых временах? Из любопытства? Ладно, спасибо и на том, что твои милые кошечки разделались с погоней...»

Она продолжала:

— И еще. Вопреки другим сказкам, я стараюсь не вмешиваться в человеческие дела без особой надобности. Ни с добром, ни со злом. Я не добрая и не злая — лес не бывает ни добрым, ни злым, только и всего... Я вам тогда предсказывала, вернее, пыталась объяснить, как вижу ваше будущее... Признаюсь, это было из чистого развлечения. Мне доступны очень многие из чувств, которые испытываете вы. Тогда мне стало скучно, а вы ехали чуточку странноватой компанией... — в ее глазах и впрямь светилось обычное человеческое любопытство. — Интересно, что-то уже сбылось? Сбылось... Все? Нет... Кое-что, надо полагать, да? Хорошее? И плохое? Ну, тут уж я совершенно не виновата, я *вижу* и не более того... Ты уставился *зло*... За те предсказания? Нет... Ну да, ты, видимо, надеялся, что я смогу вновь сделать тебя человеком? Вот оно что... Но я, и правда, не умею... Не нужно так смотреть...

Сварог виновато лизнул ей руку — других способов извинения в его положении не имелось. Теплая человеческая рука, если не знать, ни за что не догадаешься...

— Не переживай, — усмехнулась она. — Если я не умею тебе помочь, это еще не значит, что я не знаю, как это сделать. Так что не смотри на меня больше так, сиди и слушай, говорить ты все равно не можешь...

Сварог кивнул.

— Признаться по совести, я не знаю, как бы поступила, встретиться ты мне при *других* обстоятельствах, — сказала Лесная Дева. — То ли помогла бы, то ли нет. Вполне возможно, все зависело бы от настроения. Лес, знаешь ли, переменчив... Но так уж сложилось, что ты мне нужен. Если совсем откровенно, ты мне необходим...

Она замолчала, задумчиво глядя куда-то поверх его головы. Ее глаза стали темнее, Сварогу это не показалось. Неподалеку над гроздью желтых цветов басовито жужжал шмель, в лесу безмятежно щебетали птицы.

Ее лицо стало отрешенным и грустным. Она заговорила, все так же не глядя на Сварога, словно и не к нему обращаясь, в мелодичном голосе послышалась печаль и даже страх:

— Я умею видеть не только будущее, но и возможное будущее. Ты знаешь,

что к нам приближается Багряная Звезда? Знаешь... И тебе не нужно объяснять, что это такое? Очень хорошо... — она посмотрела в глаза Сварогу взглядом испуганной малолетней девочки, заблудившейся в лесу. — Когда я пробую видеть возможное, появляются страшные картины. Леса, если смотреть из облачной выси, похожи на скопище обгорелых спичек, их больше нет, да и сам Каталаунский хребет превращается в... нечто иное. Горы рушатся, превращаясь в необозримые каменные осыпи, реки испаряются, гибнет все живое... Если не будет леса, я тоже погибну. Меня еще не было, когда это уже случилось однажды, но жили мои... предшественники. И уцелели из них немногие. Я — смертное создание, король. Могу прожить еще очень, очень долго, даже пережить тебя, как ты переживешь обыкновенных людей... но если не стает леса, я погибну вместе с ним. И я сама не в состоянии ничему помешать. Я не могу видеть, что происходит там, где нет леса, но это не значит, что я не осведомлена о делах остального мира. Весьма даже осведомлена. В моих владениях немало городов... а значит, и библиотек. В лесу бывают самые разные люди. Наконец, у меня есть среди людей... ну, безусловно, не друзья, но собеседники. Так что знаю я о вас немало... Ты когда-нибудь слышал о пророчестве, согласно которому Безумного Мельника может уничтожить только человек, родившийся под другими звездами? Прекрасно... А тебе не приходило в голову, что оно может относиться к тебе? Приходило? Ну да, ты весьма неглуп, король, да и возможности у тебя большие... Значит, все же наткнулся где-то? В каких-то старых книгах? Я так и думала... Так что я просто обязана тебе помочь. Не из доброты, а оттого, что от этого зависит и моя жизнь... Если тебе и вправду удастся... — в ее голосе звучала неприкрытая, жгучая надежда. — Я не гордячка, лес лишен гордыни. Поэтому можно смело признаться: если тебе удастся, я буду у тебя в долгу на всю оставшуюся жизнь — твою, мою... Мне так же хочется жить, как и людям, я не бессмертная...

Впервые за все время своей собачьей одиссеи Сварог ощущал столь сильную злобу на собственное бессилие. На то, что он не может говорить. Он задал бы сейчас множество вопросов. И самый главный — как ему добраться до распроклятой Мельницы? Даже если пророчество говорит о нем, как до нее добраться? Что это за странные строчки — «...утверждают еще, кончину Клятому Мельнику несет не благородный или неблагородный металл, ни камень, ни самоцвет, ни заклинания, ни ворожба, а исключительно дерево, растущее без Солнца и звезд, без дождей и вихрей...» Где может расти такое дерево?

Даже если она умеет читать, поблизости не видно подходящего кусочка земли, на котором можно было бы чертить буквы. Быть может, она сама догадается поискать такой?

Лесная Дева грациозно поднялась:

— Пойдем.

Сварог обрадованно вскочил и пошел следом. Увы, его ожидания не сбылись: пройдя пару сотен уардов, она остановилась перед возвышавшейся над деревьями серой скалой, чуточку напоминавшей обрубок колонны. Писать здесь было решительно не на чем...

Она показала на шершавый серый камень:

— Вот здесь — проход на Древние Дороги. Мне самой туда пути нет. Я не могу тебе объяснить... Так обстоит. Но я твердо знаю: то, что всем нам может помочь, как раз и находится на Древних Дорогах. Я не знаю, кто это, или что

это — но оно там. Пойдешь?

Сварог отчаянно закивал.

— Должна тебя сразу предупредить: я умею открывать путь *туда*, но представления не имею, можно ли будет пройти по нему *обратно*. Люди говорят разное, и неизвестно, кому верить. Так что риск для тебя нешуточный. Войти-то ты войдешь, а вот удастся ли выбраться назад... Но оно — *там*... Пойдешь?

Сварог кивал так, что шею заломило. Как частенько бывало прежде, на любой риск следовало наплевать — потому что *других* вариантов попросту не имелось...

— Мне видится какой-то дом, — сказала Лесная Дева. — Не так уж и далеко отсюда, каменный, в два этажа, с высокой узкой крышей. С ним, кажется, все и связано.

Она начертила указательным пальцем в воздухе какую-то сложную фигуру — и меж ними и скалой зажегся, повис в воздухе загадочный знак.

— Насколько я поняла, тебе нужно будет повернуть налево и идти, пока ты не увидишь этот знак. Где и на чем — представления не имею. Но именно там нужно сойти с дороги и осмотреться в окрестностях, дом где-то там, он связан с этим знаком... — она взглянула на Сварога с чисто женским лукавством. — Ну что ж, коли так все обернулось, самое для тебя приятное я приберегла напоследок. Именно там ты себе можешь вернуть прежний облик...

Глава XIX ОБИТАТЕЛИ УКРОМНЫХ УГОЛКОВ

Когда на серой поверхности скалы появилась огромная круглая дыра, кокаймленная мерцающей радугой, и по ту сторону Сварог увидел толстые стволы деревьев, он метнулся вперед, не раздумывая. Перемахнул нижнюю кромку, открывшуюся над землей на высоте пары локтей, приземлился на той стороне — на хрустнувший под лапами толстый ковер слежавшихся сухих иголок странного блекло-серого цвета. Вокруг него уходили ввысь деревья в добрых три обхвата — морщинистая кора, похожая на сосновую, но светло-коричневого цвета, да и морщины похожи на затейливый узор. Оглянулся — уже никакой дыры, в обе стороны и вверх, насколько хватает взгляда, уходит серая стена, больше похожая на густой неподвижный туман, чем на нечто материальное. Сварог так и не решился попробовать ее на ощупь лапой — скорее всего, ничего не случится, да бог с ними, с пустыми экспериментами...

В здешнем лесу оказалось сумрачно — он задрал голову и убедился, что темно-сиреневые кроны полностью закрывают небо — или что тут имеется вместо неба. Побежал вперед в совершеннейшей тишине — и уже буквально через минуту замер, впечатленный открывшимся зрелищем.

Да, Древняя Дорога производила нешуточное впечатление и на видавшего виды... Шириной уардов в двадцать, вымощена уложенными «елочкой» серыми, по виду каменными блоками. По обе стороны — поднимавшиеся на ла-

донь, не выше, бордюры, закругленные сверху, из того же камня. По другую сторону (как, впрочем, и по эту) — широкое пустое пространство, заросшее невысокой светло-серой травой, а за ним — такая же стена высоченных деревьев. Вот теперь, отсюда, можно было отлично рассмотреть их кроны — наподобие еловых, только покрыты иголками сиреневого цвета..

Сварог прошел по траве — по ощущениям, самая обычная трава, разве что светло-серая. Правда, пахло здесь иначе. Он не смог бы объяснить, в чем отличие — просто иначе, и все тут. Посмотрев вверх — небо над головой сероватого цвета, словно затянуто облачной хмарью. Нигде не просвечивает солнечный диск, но вокруг довольно светло. Если вся растительность иного цвета, нигде не видно зелени, здесь, скорее всего, нет хлорофилла, все как-то иначе. Надо же, подумал он удивленно, какие высокоученые мысли в голову приходят... Читал что-то такое сто лет назад, вот и вспомнилось...

Он простоял так довольно долго — в совершеннейшей тишине. Ни дуновения, трава и кроны совершенно неподвижны, как на старой фотографии, что самую чуточку напрягает..

Древняя Дорога внушала серьезное уважение: все выглядит так, словно умелые мастеровые закончили ее только вчера, ни единой трещинки в камне, ни единой щербинки, а ведь она должна была существовать еще до Шторма, сколько тысячелетий вот так величественно простирается, неизвестно никому на свете. Одни ученые на основе неведомо каких знаний писали, что Дороги созданы еще изначальными, другие это опровергали, считая их гораздо более молодыми, делом рук далеких предков-людей — но никто ничего не знал точно, зато откровенных фантазий, сказок — хоть отбавляй....

«Решено, — подумал он. — Если только выберусь отсюда, если только все обойдется — вызову коня Горлорга и покатаюсь по здешним местам. Года полтора лежит в дальнем ящике стола массивная треугольная железяка, напоминающая формой наконечник копья с выпуклыми гранями, все руки не доходят за обилием текущих пустяков и всякой текучки...»

Осторожно потрогал лапой бордюр — вроде бы натуральный камень, прохладный и твердый. Перемахнул на Дорогу и, как наставляла лесная фея, повернул налево, припустил размеренной трусцой. Стук когтей по камню был единственным звуком, нарушавшим здешнюю тишь. Окружающий ландшафт оставался неизменным — разве что в одном месте деревья подступали к Дороге ближе, в другом отодвигались дальше, кое-где обочины заросли не травой, а светло-серым кустарником с длинными листьями, порой над кронами виднеются верхушки округлых холмов желтоватого цвета.

Приостановился. По обе стороны дороги возвышались на высоту человеческого роста темные, почти черные каменные столбы, украшенные короткой строчкой загадочных иероглифов, идущих сверху вниз. Походило на верстовые столбы. Знаки на обоих столбах одинаковые — но среди них нет того, о котором предупреждала Лесная Дева: ну да, он должен быть один...

Сварог остановился, прислушался. Никаких сомнений — в здешней мертвой тишине далеко разносился приближающийся звук, похожий на ритмичный скрежет — не повозка, не конь, не пешеход... Доносился он с той стороны, куда Сварог направлялся. На всякий случай он сошел с Дороги, отошел на несколько уардов от бордюра — мало ли какие тут странники и порядки. Тем более что на Больших Трактах, не надеясь на законопослушание путников, по-

рядок поддерживают конные разъезды, а здесь не видно никого, хотя бы отдаленно похожего на дорожную стражу. Черт, если что, возможности для бегства предельно ограничены: странный лес, в ширину простирающийся самое большее на лигу, а за ним — туманная стена, непреодолимая для невежд вроде него. Но, окажись, что тут странствует нечто опасное, лесная фея наверняка бы предупредила? Коли уж она знает о доме и озере, расположенных не близко отсюда, в состоянии сюда *заглядывать*...

Вскоре показался источник непонятого звука: здоровенный, весь в бурой чешуе, ящер длиной уардов в пять, скорее уж огромная ящерица наподобие гланских горных, только те чуть не вполовину меньше и черно-серые...

Ящер целеустремленно продвигался по правой стороне Дороги — если прикинуть, его аллюр соответствовал крупной рыси коня. На спине у него высилось прикрепленное черной затейливой сбруей кресло, а в кресле неподвижно замерла фигура в черном плаще, с опущенным на лицо капюшоном. Трудно сказать, отчего, но у Сварога сложилось впечатление, что если капюшон будет откинут, обнаружится физиономия, ничуть не похожая на человеческую...

На Сварога ни верховое животное, ни всадник не обратили ни малейшего внимания, разве что ящер, пробегая мимо, на миг покосился желтым глазом с вертикальным зрачком — и, не меняя аллюра, пронесся мимо. Это его серповидные когти и производили тот звук. Когда ящер оказался напротив, Сварога прямо-таки обдало волной *непонятности*, исходившей от путника. Неизвестно, кто он такое — но магии нет ни на грош...

Благополучно разминувшись с мирным, надо полагать, странником, Сварог вернулся на Дорогу и побежал дальше. Только теперь он обратил внимание, что не отбрасывает тени, словно стал привидением или упырем. Впрочем, и ящер с всадником тени не отбрасывали, и деревья, и кусты... Мир без теней. Без дуновения ветерка. Без солнца и, надо полагать, без звезд. Без всякой лесной живности. Не то чтобы неприятно, но как-то неуютно.

Еще два раза ему попадались «верстовые столбы», выглядевшие в точности, как и первые: невысокая колонна со скругленной верхушкой, загадочные письмена вертикальной строчкой... К надписям Сварог больше не приглядывался и не собирался выяснять, отличаются ли они на разных столбах — не в научной экспедиции...

И долго еще стук его когтей по камню оставался единственным звуком, нарушавшим здешнюю тишину. Единственным встречным оказался всадник на ящере. В этом смысле никак не похоже на Большой Тракт — не скажешь, что движение оживленное. Ну, и к лучшему, наверное...

Ага! Он остановился. Справа вместо привычных уже верстовых столбов стояла каменная плита высотой в получеловеческий рост и толщиной в ладонь. На ней красовался тот самый знак, что начертила Лесная Дева — примерно такой же величины. Пониже — вертикальная строчка из семи иероглифов. А сразу за плитой — разрыв в бордюре, три совсем невысоких каменных ступеньки — такое впечатление, чисто символическая лестница. Более всего походило на дорожный указатель — у плиты не было пары на противоположной стороне дороги, она красовалась в гордом одиночестве, да и лестницу зачем-то соорудили... То самое место.

Возликовав, Сварог даже не спустился по символическим ступенькам — пе-

репрыгнул их, очутился на траве. И сразу обнаружил *утоптанную* неширокую тропу, уходящую в лес. Неизвестно, кто тут шастал, но делали это достаточно часто и долго, на совесть утоптано... Вот, наконец, и след *обитателей*... Сам Сварог, пожалуй, ни за что не согласился бы тут *обитать* — впечатляющая дорога, удобная, но уныние наводит...

Так-так-так... Он остановился и долго рассматривал явный признак разумной деятельности. Одно из деревьев рядом с тропинкой, было, несомненно, спилено кем-то, кто обладал пилой и подходящими для нее конечностями: аккуратный пенёк высотой в пару ладоней, верхняя часть ствола с нетронутой кроной лежит верхушкой к Дороге. Древесина на спиле — и на торце ствола — приятного густо-медового цвета, прозаические годовые кольца четко просматриваются...

Он не был знатоком лесорубного дела, не припомнить даже, когда в последний раз приходилось пилить и колоть дрова или наблюдать лесорубов за работой. Но все равно, сразу видно, что спилили дерево не сегодня и не вчера: слежавшиеся кучки опилок, вороха коры, хвоя из светло-сиреневой стала темной. Если прикинуть, неведомые лесорубы, уронив дерево, взяли примерно треть ствола, распилив его на аккуратные кругляки толщиной с ладонь (что легко установить, глядя на аккуратные кучки опилок), кругляки ошкурили и забрали с собой, а все остальное оставили. На серьезные лесозаготовки это никак непохоже — просто-напросто кому-то понадобилось некоторое количество древесины, именно что с треть ствола... Зачем — и гадать бесполезно, все равно не догадаешься.

Он пошел по тропинке, нигде больше не узрев порубок, ни свежих, ни старых. Меж деревьями показались желтоватые холмы...

И Сварог вышел на обширную поляну. Холмы — на сей раз кое-где поросшие светло-серым «остролистом» — стояли кучкой, и в просвете меж двумя ближайшими виднелось...

Он побежал. Оказался на берегу небольшого, почти круглого озерца с темной спокойной водой, неподвижной, как поверхность зеркала — и, не раздумывая, охваченный яростной надеждой, метнулся вперед, прыгнул, обрушился в воду с шумным всплеском, вздымая брызги, нырнул, погрузился с головой. Самая обычная вода, не пахнущая тиной или болотом, ничем не пахнущая, темная, прохладная...

Замолотил лапами — и очень быстро все изменилось, теперь воду загребали растопыренные человеческие пальцы, человеческие ладони, человеческие руки и ноги!!! Сварог выплыл на поверхность, утвердился ногами на твердом, без ила и камушков дне, стоя в воде по пояс — человек...

Вокруг на взбаламученной воде тяжело колыхались намокшие клочья темно-рыжей шерсти. Он знал, что на сей раз обратное превращение — окончательное и бесповоротное, но, как ни странно, не испытывал той жгучей радости, что в прошлый раз. Просто некогда было. Он точно знал, что ему предстоит делать — незамедлительно, не откладывая, не тратя время на дикарские пляски...

Вылез из воды, попытался было по сложившейся уже привычке отряхнуться по-собачьи, смущенно фыркнул и достал из воздуха огромное полотенце. Деловито и быстро занялся экипировкой, одеваясь словно по сигналу боевой тревоги. Через минуту уже стоял на берегу в облике дворянина, с мечом и пи-

столетами за поясом, жадно затягивался сигаретой.

Швырнул окурок в успокоившуюся воду, чисто машинально, спохватившись, торопливо присел на корточки и выловил его горстью, пока не успел размокнуть — колдовское озеро, да еще такое полезное, следовало уважать...

Огляделся пытливо. Похоже, утруждать себя долгими поисками не придется — тропа, по которой он сюда пришел, проходила совсем рядом с озером, сворачивала влево, за холм. Туда Сварог и двинулся незамедлительно.

Дом он увидел очень быстро: аккуратный, в два этажа, каменный, с высокой узкой крышей, покрытой коричневой черепицей. Крыльцо с перилами... и по обе стороны от него большие клумбы, на которых растут совершенно земные цветы: георгины, настурции, таларская синяя красавка, розовый вьюнок обвивает воткнутые в землю палки, алеют гроздья душистого багрянца... Клумбы выглядят ухоженными, ничуть не заброшенными. Интересно... Что, тут есть женщина? Ни один мужчина, (разве что член гильдии садовников и огородников) не станет так возиться с цветочками... Ну... Со скуки? Дом тоже не выглядит заброшенным, есть в его облике нечто неуловимо свидетельствующее: *здесь живут...*

Сварог осторожно, прислушиваясь к тишине, направился прямо к крыльцу. Дом казался перенесенным сюда прямехонько из какого-нибудь богатого квартала большого города. Неужели здесь имеются каменотесы и строители, кровельщики и черепица? Что любопытно, ни следа дымовой трубы — как же они с готовкой в таком случае устроились?

Входная дверь чуть приоткрыта — этак гостеприимно, словно лихих людей здесь не опасаются вовсе... а в самом деле, откуда им тут взяться?

Сварог, как ни приглядывался, не обнаружил дверного молотка, а ведь он имеется в самых бедных домишках, таковы уж таларские обычаи: в городах пришедшие с добром гости непременно стучат молотками, в деревнях есть особый протяжный возглас, которым извещают о себе... а кулаком в дверь барабанит, пренебрегая молотком, исключительно полиция. Так что начнешь тарабанить в дверь кулаком — здешние обитатели, если только они дома, черт знает что подумают...

А потому он решительно потянул на себя бесшумно распахнувшуюся дверь и без церемоний вошел в небольшую прихожую, до потолка отделанную резными панелями из темного дерева — ничего похожего на медового цвета древесину здешних сосен. Справа самая обычная вешалка, рядок медных крючков на темной доске — на одном висит бадагар с белым пером — похоже, здесь обитают люди благородного происхождения... Тишина.

Сварог прислушался. Слева явственно плескалась вода, и человечески голос неразборчиво мурлыкал какую-то песенку. Туда Сварог и двинулся, держа руку поблизости от рукояти пистолета — тесновато все же, чтобы как следует размахнуться мечом...

Дверь приоткрыта. Ага, кухня. Посередине длинный стол с дюжиной жестких, но красиво выглядевших кресел, все они, кроме двух задвинуты под стол, вплотную спинками к столешнице. Печь — что-то в ней странноватое, но приглядываться некогда. Раковина с двумя кранами, сияющими начищенной медью — совсем интересно. Вроде бы ничего удивительного — зажиточные люди без труда смогут воспользоваться водопроводом... но откуда здесь водопроводы?

Вошел в кухню, остановился в дверях. Слева еще одна дверь, приоткрытая, из-за нее-то и доносится плеск воды, мурлыкающий незнакомую песенку голос. Мужской голос, что облегчает задачу — любая женщина встретила бы незваного гостя истошным визгом, не сразу удалось бы с ней договориться...

Он громко кашлянул, позвал:

— Хозяин! К вам гости!

Песня моментально оборвалась, что-то стукнуло, что-то упало и звонко покатилося — и буквально через пару секунд из ванной вылетел абсолютно голый мужик с мокрыми, прилипшими ко лбу темными волосами, мокрой короткой бородкой. С мечом в руке. Держа его умело, закрываясь от возможного удара классическим «перекосом», он уставился на Сварога весьма недружелюбно, да что там — яростно. Такой негостеприимный, или гостей тут не бывает вообще, и любого незваного именно так и полагается встречать?

— Ну зачем же вы так, — примирительно заговорил Сварог, отступая в прихожую, примериваясь, как выхватить меч и защищаться в случае атаки. — Я человек мирный, и у меня к вам дело...

Стукнула входная дверь, появилась молодая женщина в мужском наряде каталаунского охотника — красивая, темноглазая, волосы свернуты в узел на затылке, только на лоб выбилась из-под кожаной каталаны русая прядь, а на поясе...

Словно бы ничуть не удивившись и не растерявшись ни на миг, она выхватила из ножен скрамасакс и приняла боевую стойку. Походило на то, что обращаться с этим ножичком она неплохо обучена.

И тут Сварог ее узнал. Столько раз разглядывал на экране ее снимки, тщетно пытаясь высмотреть... да он и сам не знал, что надеялся углядеть. Невероятно, дико, невозможно — но сердитая красотка со скрамасаксом в руке как две капли воды походила на горротскую королеву Эгле. Амазонка, чтоб ее... Дочки владетелей Вольных Маноров сплошь и рядом растут не кисейными барышнями, а уж эта, из горного княжества Скатерон...

Покосился на голого, стоявшего в дверях с мечом наготове и пепелившего Сварога столь же ненавидящим взглядом, что и красавица у входа. Если представить его с сухими, аккуратно причесанными волосами... Что за черт? Получится вылитый Стахор Четвертый, король Горрота, давний, непримиримый и во многом загадочный враг. Когда двое так похожи на Стахора и Эгле — это уже не случайное совпадение... Так что же, эти, по мнению Лесной Девы, должны ему помочь? Вот уж от кого помощь последует в самую распоследнюю очередь...

Затягивать не стоило. Отступив к стене, он вынул пистолет, звонко взвел курок и взял на прицел женщину. Не вполне рыцарское поведение в стычке, но они здесь знают все ходы-выходы, углы-закоулки, а Сварог понятия не имеет, чего еще ожидать... Черт, но это же вправду Стахор и Эгле!

— Бросьте железку, моя венценосная сестра, — сказал он неласково. — Стрелять буду, не колеблясь, настроение у меня давно дурное... И вы, мой венценосный брат, забросьте-ка меч за спину, в кухню. Вы же не хотите, чтобы с ней случилось что-нибудь плохое?

Прямо-таки зашипев сквозь зубы в бессильной ярости, женщина отбросила скрамасакс на середину прихожей. Не отводя дула, держа в поле зрения главным образом двойника Стахора, Сварог усмехнулся:

— Я не шучу, брат мой венценосный... Живенько!

— Какой еще брат? — зло спросил мужчина, не глядя, отшвырнул за спину меч.

— Обычное обращение между нами, королями, — сказал Сварог. — Вот ваша дама, полное впечатление, ничуть не удивлена...

— Ты его не узнал? — отчаянно вскрикнула женщина. — Это же Сварог Барг!

— Он самый, — сказал Сварог, чуть поклонившись ради такого случая. — А вы ведь королева Эгле? Верно? В таком случае сей не обремененный одеждой господин, конечно же, король Стахор? Я и теперь угадал? Надо же, какая встреча... Должен заметить, мужской наряд вам крайне к лицу, моя венценосная сестра. Не могу отвесить такой же комплимент его величеству за отсутствием на нем одежды...

Эгле стояла, вытянувшись в струнку — в лице ни кровинки, карие глаза пылают бессильно и яростно.

— Можете вы обойтись без *этого*? — сказала она, стараясь, чтобы ее голос звучал гордо и презрительно. — Пришли хватать — хватайте. Но извольте не унижать и не издеваться, вы все же король, и мы не холопы...

На лице у нее было такое отчаяние, что Сварогу стало чуточку неловко.

— Здесь какое-то недоразумение, моя королева, — сказал он примирительно, не опуская, впрочем, пистолета и зорко наблюдая за парочкой. — Я вовсе не собирался вас «хватать», в противном случае здесь было бы не протолкнуться от моих людей, в таких делах я не разыгрываю романтика-одиночку, подхожу серьезно. Я вообще не предполагал встретить тут именно вас. Честное слово, клянусь чем угодно, — он хмыкнул: — Уж поверьте, я не намерен унижаться до ложных клятв, чего-чего, а этого за мной никогда не водилось...

Нельзя сказать, что она успокоилась — но в карих глазах появилась надежда. Она выглянула в приотворенную дверь, сказала, на каталаунский манер напевно растягивая гласные:

— В самом деле, никого...

— А здесь? — быстро спросил Сварог. — В доме есть еще кто-то, кроме вас?

— Никого, — машинально ответила она.

Она не лгала — а ведь умение Сварога моментально отличать правду от лжи не могло подвести здесь — коли уж все остальное исправно служит...

Однако пистолет он не убрал, разве что немного опустил ствол — как-никак это была *горротская* королевская чета...

— Значит, вы действительно Стахор и Эгле... — протянул он. — Любопытно... Я понятия не имел, кого здесь встречу...

— Тогда зачем вы пришли? — настороженно спросила она.

— Долго рассказывать... — ответил Сварог.

— Можете вы не целиться в женщину? — неприязненно сказал Стахор. — Будьте мужчиной...

— Как вам угодно, мой венценосный брат, — сказал Сварог, направив пистолет в его сторону. — Простите уж, но у меня есть дурная привычка целиться и в женщин, когда они хватаются за мужское оружие. Тут уж рыцарство как-то и не уместно, согласитесь... Меня ничуть не прельщает возможность получить клинок в бок, даже от столь очаровательной женщины... У вас в ванной есть еще оружие?

— Нет, — сумрачно сказал Стахор, не соврав.

— Ну да, будь там что-то еще, вы бы и его прихватили... — сказал Сварог. — Быть может, вы пойдете и оденетесь? А то вид у вас сейчас совершенно не приличествующий королю... (Стахор покосился на супругу). Не волнуйтесь, я не причиню никакого вреда очаровательной королеве... пока она не кидается на меня с оружием...

Оглядываясь на него недоверчиво и враждебно, Стахор все же побрел в ванную.

— Признаться, вы меня удивили, моя королева, — сказал Сварог, чтобы не торчать в ожидании возвращения врага немым истуканом. — То, что вы, оказывается, знаете путь на Древние Дороги, само по себе способно удивить. Как и то, что вы здесь только вдвоем. Ни единого человека свиты, что весьма странно для мужчины, росшего наследным принцем королевства, и женщины, росшей княжней... Неужели среди ваших приближенных не нашлось ни единого человека, которому можно довериться? И вы отравляетесь сюда отдохнуть и развлечься только вдвоем? — он искренне недоумевал. — Кто-то же должен готовить и убирать, ухаживать за цветами... Неужели вы сама всем этим занимаетесь? Я знаю, наследницы Вольных Маноров порой не белоручки, но все равно, странно как-то...

— Мы здесь не развлекаемся, — сказала Эгле не самым дружелюбным тоном. — Мы здесь скрываемся.

— Эгле! — недовольно сказал появившийся в дверях Стахор, уже полностью одетый.

— А какой смысл молчать? — пожалала она плечами. — От него не отвяжешься. Наслышана, как и ты, какой он упрямый в достижении целей. И наверняка считает нас врагами... и его можно понять. Так что лучше сразу внести ясность. Мы здесь *скрываемся*, мой венценосный брат...

— И давно? — спросил Сварог, подозревая, что вид у него сейчас донельзя глупый.

— Почти два года.

Она *не врала*.

Сварог ошеломленно уставился на ее:

— А кто же тогда на горротском троне?

— Нам это хотелось бы знать в сто раз сильнее, чем вам, — с неприкрытым сарказмом ответила Эгле. — Но пока что так и не удалось выяснить...

«Вот это так сюрприз, — подумал Сварог, все еще не в силах оправиться от изумления. — С кем же я тогда давненько воюю? Уж никак не с этими двумя. Что ж, это кое-что объясняет, не столь уж и многое, но кое-что...»

— Не пройти ли нам в кухню? — спросил он. — Там у вас, я вижу, можно уютно посидеть... Давайте поступим подобно героям старинных романов-«странствий»: путники рассказывают друг другу свои истории... Вы расскажете, что с вами случилось, а я расскажу, что произошло со мной, — он наконец заткнул пистолет за пояс. — Но предупреждаю честно: хоть и вижу, что вы не врете, *полного* доверия к вам нет, а дружескому расположению просто неоткуда взяться...

— Вот совпадение... — ответила Эгле не без дерзости. — То же самое я смело могу сказать о вас...

Сварог вошел в кухню вслед за Стахором, держась от него поодаль — лиш-

няя предосторожность не помешает. Эгле вошла следом. Как-то так получилось, что горротская королевская чета и Сварог разместились по разные стороны стола, словно дипломаты на переговорах. Некоторое напряжение чувствовалось до сих пор.

— Может, он сначала расскажет первым? — предложил Стахор.

— Какая разница, кто начнет? — пожалала плечами Эгле. — Он же обещал, что расскажет. Все, что мы о нем слышали, свидетельствует, что слово он держит...

— Есть у меня такая привычка, — кивнул Сварог.

— Ну, хорошо, — сказал Стахор, сразу видно, тщательнейшим образом подбиравший слова. — Не знаю, что из всего этого выйдет, но действительно, непохоже что-то, чтобы вы нагрязнули сюда по нашу душу... Произошло то же самое, что когда-то случилось с Делией Ронерской — уж эту историю вы прекрасно знаете. Не совсем то же самое, но весьма напоминающее... Мы были в Вендисе... это один из королевских замков лигах в ста от Акобара, все трое, мы и сын. На рассвете поднялся переполох — какие-то странные создания смяли охрану и ворвались в замок. Проворные, верткие твари, этакая помесь человека с гигантским котом... Люди против них выстоять не могли, мои мушкетеры и охрана оказались буквально вырезаны. Пришлось бежать сюда. Точнее, через здешние места в другие... но в конце концов мы обосновались здесь. С нами были еще два мушкетера и лакей. Какое-то время они ходили в Горрот, первые месяцы, пока не пропали, один за другим. Но узнать там успели достаточно, — он невольно сжал кулаки. — Оказалось, что мы с Эгле как ни в чем не бывало восседаем на троне, и сын при нас. И я, извольте ли видеть, решительно переменял многое — отправляю в изгнание прежних друзей, смещаю министров и назначаю новых, большей частью никому не известных прежде, незаметных персон... Ну, остальное вы должны знать и сами, у вас сильная разведка, и не только на земле...

— Я с вами буду откровенным, — сказал Сварог. — Никому так и не удалось установить толком, что, собственно, происходит в Горроте. Ни земным разведкам, ни... другим. Кто все это затеял, я и представления не имею. Одно могу сказать точно: те, кто сидит на вашем месте, в вашем облике — не какие-то там магические мороки, как в случае с Делией, а люди из плоти и крови, не имеющие ни малейшего отношения к магии и не владеющие таковой. Я с ними немного общался там... — он показал большим пальцем на потолок. — Они похожи на вас, как две капли воды, и это самые обыкновенные люди...

— Ничего не понимаю, — сказал Стахор угрюмо. — Точных сведений получить не удастся, а гадать мы устали давно...

— Вот кстати, если это не такой уж страшный секрет... — сказал Сварог. — Из того, что вы сказали, недвусмысленно вытекает: вы умеете проникать на Древние Дороги... И даже в какие-то *другие* места... Куда?

Они переглянулись.

— Скажи ему, — кивнула Эгле. — В конце концов, нам это ничем не навредит, а он никак использовать не сможет...

— Вы правильно догадались, — сказал Стахор. — Впрочем, это было нетрудно... Умею. Умела и мать. Я и родился-то в одной из Заводей... — он помедлил. — Именно такое наставление матушке дала одна колдунья — что рожать она должна непременно в той Заводе, и нигде иначе. Мать ее послушалась —

сильная была старуха, я ее еще застал подростком...

— Почему? — спросил Сварог.

Стахор с невозмутимым видом пожал плечами:

— Кто их знает, колдуний... Если они не хотят объяснять сразу, от них никогда ничего не добьешься...

«А вот теперь вы, гражданин, совравши... — подумал Сварог. — Ну, я на его месте тоже не стремился бы к полной откровенности, что-то важное обязательно попридержал бы, как козырную розу в рукаве...»

— Именно в той Заводи мы попытались сначала обосноваться, — продолжал Стахор, все так же тщательно подбирая слова. — Не сложилось, увы. Не то чтобы к нам там были враждебны, просто... не сложилось. Прижились здесь. Не самое уютное место, но выбора нет. Приходится...

— А вы-то как здесь оказались в полном одиночестве? — спросила Эгле. — Я что-то не слышала, король королей, чтобы вы умели проникать на Древние Дороги...

— Со мной случилась небольшая неприятность, — сказал Сварог спокойно. — Нашлись недоброжелатели, которые устроили так, что я превратился в собаку. Была масса приключений, веселых и печальных, но в конце концов одна старая знакомая посоветовала окунуться в ваше озеро, заверяя, что оно исцелит.

— Да, это очень интересное озеро... — ничуть не удивившись, кивнула Эгле. — У вас, значит, все же появились знакомые, знающие путь на Древние Дороги?

Сварог кивнул:

— Я, правда, не знал раньше, что она умеет... Как-то не выпадало случая об этом поговорить.

— А кто она, секрет?

— Ничуть, — сказал Сварог. — Лесная Дева. Вам не доводилось с ней встречаться?

— Слышали много, а встречаться не доводилось... И ваша шерсть, конечно, до сих пор плавает в озере?

— Ну да, — сказал Сварог. — Хотите взглянуть своими глазами?

— Я бы хотела...

— Давайте пойдем и посмотрим, — сказал Сварог, вставая. — Коли уж не доверяете до конца...

Эгле прищурилась:

— А вы нам до конца доверяете?

— Нет, — признался Сварог. — Слишком неожиданная и поразительная встреча...

— Вот видите...

— Да я все прекрасно понимаю, — сказал Сварог. — Вы не доверяете мне, я не доверяю вам... Дело житейское. А потому вы, полагаю, не обидитесь и не рассердитесь, если я вас попрошу идти впереди?

— Ничуть, — улыбнулась Эгле уже почти спокойно.

Дело даже не в том, что Стахор разок соврал, думал Сварог, шагая следом за ними по утоптанной тропинке. Он о многом умалчивает. Сам проговорился — очевидно, не придав этому значения — что бежавшие вместе с ним сюда люди выходили в Горрот *первые* месяцы, а потом пропали, не вернулись. И тем не

менее, как явствует из некоторых обмолвок, Стахор с Эгле по-прежнему получают самые свежие известия о том, что происходит в мире. Выбираются сами куда-то, или у них есть некие друзья в большом мире? Куда, например, делся сын? Неужели погиб? Или живет где-то в другом месте под опекой надежных людей, так что за него можно не беспокоиться? Говорит главным образом Эгле, Стахор предпочитает отмалчиваться — а ведь он нисколько не похож на подкаблучника, предоставляющего инициативу женушке, судя по тому, что о нем известно, никогда не был подкаблучником. Значит, настороже, предпочитает помалкивать...

— Вот, извольте, — сказал Сварог, показывая на озеро. — До сих пор плавают...

Вставши на колени у самой воды, Эгле коснулась обеими ладонями неподвижной глади, опустила голову. Ровным счетом ничего не произошло — но она оставалась в неудобной позе довольно долго, значит, что-то все же происходило, только Сварог не мог это видеть и чувствовать. Одно ясно: никакой магии, здесь что-то другое. Нигде на Древней Дороге он не ощущал присутствия магии...

— Вы не соврали, — сказала Эгле, грациозно поднимаясь на ноги, отряхивая с ладоней капельки воды. — Все так и было.

— И как вы это узнали?

— Я уже говорила: это очень интересное озеро... — уклончиво улыбнулась Эгле. — В этих местах многому можно научиться...

— Ну, хорошо, — сказал Стахор, кажется, с легким нетерпением. — Я начинаю верить, что вы не питаете против нас никаких... замыслов. — Но что вы намерены делать дальше?

— Вот здесь-то, сдается мне, и начинается интрига... — сказал Сварог с ухмылочкой. — У меня создалось впечатление, что вы, сидя тут затворниками, тем не менее регулярно получаете сведения о том, что происходит в мире...

— Предположим, — спокойно произнес Стахор. — И что же?

— В таком случае вы должны знать, что Багряная Звезда приближается. И наверняка представляете, что за этим последует. Здесь, конечно, вам ничего не угрожает, я так полагаю — Древние Дороги, как я сам убедился, пережили и Шторм, и Вьюгу, и, должно быть, немало других напастей... Но вряд ли вам безразлична судьба вашего королевства...

— Разумеется, не безразлична.

— Вот, понимаете ли... — сказал Сварог. — В одной из старых книг я недавно наткнулся на интереснейшую вещь... Там утверждается, что уничтожить Клятого Мельника, то бишь, надо полагать, хозяина Багряной, может только человек, родившийся под другими звездами. Вы, вероятно, не знаете, но я как раз родился не здесь, в другом мире, а следовательно, и под другими звездами... Почему бы не предположить, что эти строчки относятся ко мне?

Стахор и красавица-королева переглянулись.

— Почему бы и нет? — невозмутимо кивнул Стахор.

— Есть серьезнейшая загвоздка... — сказал Сварог. — Даже если это обо мне, я представления не имею, как мне до Багряной Звезды добраться. Не вижу такой возможности.

Эгле прищурилась:

— А как же все ваши совершенные и могучие летательные аппараты? За

облаками их несметное количество, разнообразных...

— Они не в состоянии приблизиться, — честно признался Сварог. — Ни один, отправленный к Багряной Звезде, не вернулся. Все оружие, какое только пускалось в ход, оказалось бессильным... Впрочем, именно так обстояло и во времена ее первого появления, при Шторме — тогдашнее оружие тоже против нее не действовало, я видел своими глазами...

— Это не первое ее появление, — тихо сказала Эгле.

— Да какая сейчас разница, — махнул рукой Сварог. — Главное, у меня нет возможности до нее добраться...

— И вы полагаете, что у нас такая возможность есть? — подняла брови Эгле.

— Откуда я знаю? — сказал Сварог. — Но Лесная Дева говорила, что здесь стоит дом... и очень точно описала ваш. Она сказала еще, что в доме есть кто-то... или что-то, что мне поможет до этой пакости добраться. Она, такое впечатление, не может, не способна в точности разглядеть, что здесь происходит — но все, о чем она говорила, сбывалось...

— И вы готовы рискнуть? — без выражения спросил Стахор. — Учтите, в старых книгах и пророчествах нигде не уточняется, что Багряную Звезду удастся одолеть, что победитель непременно вернется целым и невредимым. Повсюду говорится «может». А это еще не означает «сделает» или «вернется живым»...

— Ну, а что прикажете делать? — пожал плечами Сварог. — У вас — одно-единственное королевство. У меня, как вы наверняка знаете — гораздо больше... Придется рискнуть... Что вы молчите?

Эгле произнесла с легкой иронией:

— У вас, положительно, есть одно интересное качество, мой венценосный брат, привычка, а может, дар — оказываться в нужном месте в нужное время...

Она смотрела через плечо Сварога. Сварог резко обернулся. Невольно положил руку на рукоять пистолета.

По тропинке прямо к ним шагали люди — растянувшись цепочкой, неторопливо, целеустремленно, спокойно.

Глава XX

И УВИДЕЛ КОННЫЙ, И ПРИНИК К КОПЬЮ...

Они приближались — люди средних лет, ни одного юнца, одетые, как катаунские жители, оружия не видно, кроме ножей у пояса, какие здесь носят все мужчины, начиная лет с десяти, а порой и женщины, в самых неспокойных районах.

И впереди шагал тот чернобородый, что наблюдал тогда представление и Сварога в роли ученой собаки. Как и в тот раз, от него веяло непонятностью — как, впрочем, от всех.

После недолгого раздумья Сварог разжал пальцы, выпустил рифленую, изящно выгнутую рукоять. У него не было ни единого шанса. Даже если бы каким-то чудом удалось победить всех, неизвестно, как отсюда выбраться в большой мир. Не пытаться же королевскую чету, если они откажутся объяснить? К тому же, вполне может оказаться, что проникать сюда способен только сам Стахор, и никто другой этими знаниями воспользоваться не сможет... Со всевозможными тайными знаниями и необычными умениями так порой и обстоит.

Он стоял и ждал. Ничего другого не оставалось. Увидев его, чернобородый нисколечко не изменился в лице, не замедлил шага. Подойдя вплотную, он церемонно раскланялся перед Эгле (похоже, как человек, знающий светское обхождение), поздоровался за руку со Стахором, как со старым знакомым, глянул на Сварога:

— Ваше величество? Я вижу, у вас все кончилось хорошо? — он мельком глянул на клочья намокшей шерсти. — Простите уж, в Туарсоне я вас не узнал, я не маг... Мои поздравления.

— Благодарю, — сказал Сварог. — С кем имею честь?

— Меня зовут Вингельт, — без заминки ответил чернобородый.

Остальные, полукругом стоявшие за его спиной, смотрели на Сварога довольно равнодушно, без злости, но и без малейшего расположения. Никто из них представляться не стал.

— *Время?* — спросил Стахор спокойно.

— *Время,* — кивнул Вингельт. — Она совсем близко, — он обернулся. — Олат, посмотри...

Сварог видел, как Эгле во мгновение ока помрачнела, на ее лице была тревога и тоска. Помянутый Олат, пройдя мимо Сварога, как мимо пустого места, опустился на колени над водой, протянул руку, коснулся неподвижной глади каким-то странным медальоном на цепочке, погрузил его весь, очень быстро вынул...

На поверхности воды появилось вовсе уж темное, черное пятно круглой формы, размером с тележное колесо, сплошь усыпанное холодными огоньками. На фоне созвездий — Сварог узнал некоторые — двигалась ослепительно сиявшая багряная точка. Очень интересные у них тут озера...

Олат смотрел на это зрелище недолго. Выпрямился — черное пятно тут же превратилось в обычную поверхность воды — кивнул:

— Торопиться не надо, но поспешать следует...

Эгле бросилась к Стахору, уткнулась лицом в его плечо. Король погладил ее

по плечу, решительно отстранил:

— Ну, что поделать, время...

Она послушно отступила на шаг, в глазах стояли слезы, но Эгле, сразу видно, умела держать себя в руках.

— Багряная Звезда? — спросил Сварог, кивнув в сторону озера.

— Она самая, — спокойно отозвался Вингельт.

— Я правильно угадал? Вы собираетесь...

— Собираемся ее уничтожить... то есть попытаемся. Я правильно угадал? — он мастерски повторил интонацию Сварога. — Хотите поучаствовать?

— Если вы не против.

— Ну отчего же мне быть против? Лишний меч никогда не помешает, в особенности, когда речь идет о вас... Пойдемте?

Все происходило просто, буднично, без лишних слов и суеты, как оно сплошь и рядом бывает с серьезными делами. Вингельт, все такой же безучастный и непроницаемый, направился по тропинке в ту сторону, откуда пришел, за последним из его людей двинулся Стахор, а уж за ним пошел Сварог, успев услышать короткий всхлип Эгле. Не было ни эмоций, ни чувств. Это происходило, и все тут.

Возле срубленного дерева его осенило, он приостановился, произнес вслух, не удержавшись:

— Дерево, растущее без Солнца и звезд, без дождей и вихрей...

Остальные молча удалялись, даже ухом не поведя.

— Оно самое, — повернув голову, ответил на ходу Вингельт. — Не отставайте, ваше величество...

Сварог заторопился вслед. Люди вышли к Древней Дороге, пересекли ее, прошли лесом. Вингельт на ходу манипулировал руками перед грудью, но что он там делает, Сварог со своего места в цепочке рассмотреть не мог. Серая туманная стена. Высокий прямоугольный проем, окаймленный знакомым радужным мерцанием, за ним виднеются *обычные* сосны. Следом за другими Сварог переступил на ту сторону, оглянулся — ни прохода, ни Дороги, обычная чащоба, и ничего больше...

Люди шли по лесу — без всяких тропинок, не петляя, разве что все больше и больше забирая влево. Что это были за места, Сварог, естественно, не мог угадать. Типично каталаунский пейзаж, и все тут...

Вскоре обнаружилась большая поляна, и на ней стояла длинная постройка — дощатая, без окон, с низкой двускатной крышей, покрытой сосновыми ветвями. Такие временные пристанища обычно строят на сезон углежоги, смолокуры и лесорубы — вот только размером они гораздо меньше, и окошки прорезаны...

Один за другим люди ныряли в низкую скрипучую дверь. Войдя последним, Сварог был ошарашен не на шутку.

Внутри, занимая чуть ли не все свободное пространство, громоздился аппарат, похожий на дирижабль или подводную лодку — разве что без внешних двигателей и винтов. Но сзади виднелись штуки, как две капли воды похожие на рули глубины и высоты. Заостренная с двух сторон сигара светло-коричневого цвета, впереди — прозрачный конусообразный колпак, вдоль борта тянется ряд круглых иллюминаторов, распахнута выгнутая дверь, и пришедшие один за другим поднимаются туда по самой что ни на есть прозаической при-

ставленной лесенке, сколоченной надежно, но грубо из тонких сосновых стволов.

Сварог поднялся последним. Стоявший у проема Вингельт захлопнул дверь, задвинул массивный засов. Все происходило молча, несуетливо, буднично: люди рассаживались на тянувшихся вдоль бортов скамьях, где уже сидели человек десять, точно так же одетые. Пришедшим передавали по рукам мечи и топоры на длинных топорищах, выглядевшие как-то странно. Дошла очередь и до Сварога, сидевший рядом равнодушно сунул ему меч. Вместо ножен — овальное железное кольцо на веревочной перевязи.

Меч оказался не легче железного — но это, несомненно, дерево из тех лесов: густо-медовый цвет, красивые прожилки... Выточен тщательно, хорошо отшлифован, прямо-таки отполирован, в точности повторяет форму обычного меча, лезвие доведено до нешуточной остроты, а вот рукоять почти не обработана, благодаря чему не скользит в руке, очень удобная. И топоры, отсюда видно, тоже деревянные...

Впереди, у прозрачного колпака — нечто наподобие пульта управления — длинный ящик с горящими на крышке разноцветными огоньками, кругами, в которых мельтешат разноцветные полосы, вертикальными прорезями (по ним вверх-вниз то ползают, то прыгают цветные шарики). Два кресла — опять-таки деревянные, без затей. Перед левым еще — несколько высоких рычагов со странными рукоятками.

За рычагами уже был незнакомец, а в правое кресло торопливо уселся Олат, оба принялись манипулировать рычагами и причиндалами. Ничего, напоминавшего бы звук работающих двигателей.

Сварог вертел головой вправо-влево, в чем ему никто не препятствовал, все сидели сосредоточенные, серьезные, поставив меж колен топоры и мечи. Внутри аппарат предстает словно бы сколоченным из недлинных, хорошо оструганных и соединенных без малейшего зазора досок, в торцах украшенных кругляшками цвета меди, более всего напоминающих шляпки гвоздей. Хвостовая часть занята громадным устройством, с первого взгляда похожим на дело рук допившегося до белой горячки механика — причудливо соединенные металлические и деревянные колеса, валы, кривошипы, огромные шестерни, усаженные кругами из разноцветных то ли стекляшек, то ли самоцветов, отшлифованных в форме пирамидок, полушарий, призм и кубиков. Иные кольца и шестерни начинали вертеться — все быстрее и быстрее. Несколько уже превратились в туманные круги, стекляшки на шестернях сияли разноцветными яркими концентрическими окружностями, казавшимися неподвижными...

Чем-то эта загадочная машинерия напоминала движитель подводной лодки Тагарона, принцип работы коего так и оставался пока загадкой. Есть нечто общее, определено. Вот у кого Тагарон раздобыл секрет... Что же, эта штука способна подняться на орбиту и выйти в космос? Но ведь подводная лодка Тагарона исправно плавала на глубине... Вот только кислородных баллонов, как на лодке, здесь что-то не видать, однако воздух свежий, ничуть не спертый, им легко дышится... Ну, мало ли что... Зачем-то да тянутся вдоль бортов похожие на половинки труб ящики с россыпью отверстий. Не задавать же с глупой рожей наивные вопросы, словно впервые в жизни увидевшая паровоз деревенщина...

Вингельт подошел, остановился над ним, сказал негромко:

— Наставления очень просты, ваше величество: будем рубить все, что увидим...

— Вы хотите подняться... туда? — Сварог ткнул пальцем в потолок.

— Конечно, — сказал Вингельт. — Нельзя ей позволять входить в атмосферу, нужно перехватить раньше.

— Нас же собьют... — сказал Сварог. — По достижении определенной высоты...

Вингельт покривил губы в подобии усмешки:

— Посмотрим. Вдруг да и обойдется...

И отошел к креслам. Постоял, заглядывая через плечо пилотов, обернулся, громко произнес:

— Поднимаемся!

Сварог приник к иллюминатору — единственный, кто так поступил, остальные сидели, глядя перед собой спокойно и отрешенно. Замелькали доски, на несколько мгновений вокруг взлетели разлапистые сосновые ветки — странный корабль, пробив хлипкую крышу, вертикально уходил ввысь. Чащоба словно провалилась вниз, будто упущенное в колодец ведро, почти моментально превратилась в неровную зеленую поверхность, а там и в сплошное зеленое пятно с неразличимыми деталями. Если верить глазам, корабль шел в небо на приличной скорости, не уступая, пожалуй, драккару — а если верить ощущениям, преспокойно стоял на земле: ни малейшего ощущения подъема, дощатый пол не уходит из-под ног, ни на миг не возникает легкой невесомости, сердце не замирает, не подступает к горлу, никакого колыхания, болтанки... В точности как на любом летательном аппарате ларов — но это какая-то другая техника, ни в чем не уступающая, слышно только тихое монотонное жужжанье вертящихся колес и шестерен...

Лазурь за окном потемнела, стала густо-синей, фиолетовой, черной... Какая скорость! Ее не ощущается, Вингельт преспокойно стоит, опершись ладонью на спинку кресла Олата... Вокруг в черноте засияла россыпь звезд, пожалуй что, они уже не на орбите, поднялись гораздо выше, вышли из поля тяготения планеты... Как им все это удалось, где они все это прячут, где прячутся сами и кто они такие, прах их побери? «Мало я знаю о своих владениях и подданных, ох, мало...» — с горькой иронией подумал Сварог. Эта штука, есть подозрения, и до соседних планет доберется при необходимости... и где же боевые орбиталы ларов, автоматически сбивающие любой объект, поднявшийся выше запретной черты? То ли бездействуют, то ли отчего-то *не видят*...

— Вот она! — почти крикнул Олат. — Правильно вышли, прямо по курсу!

Не такой уж он невозмутимый, каким пытается казаться... Да и все остальные повернули головы, привстали, глядя вперед...

Там, впереди, светилось багряное сияние, быстро приближавшееся, растущее, заслонявшее все больше звезд...

— Олат, сможешь ее остановить? — быстро спросил Вингельт, тоже, судя по голосу, подрастерявший прежнюю невозмутимость.

— Попробуемся, — звенящим голосом откликнулся Олат. — Старались же...

Он яростно манипулировал торчавшими из ящика металлическими рукоятками, дергал рычажки, вертел колесики... Послышался высокий чистый звук, словно лопнула струна, перед носом корабля, затмив багровое сияние, вспых-

нула стена золотистого свечения, пронизанного словно бы тоненькими, ветвистыми, алыми разрядами молний, рванулась вперед, растаяла, осталось только багряное сияние, заполнившее все доступное взгляду пространство...

— Остановили!!!

— Пробивай колпак!

Корабль ощутимо трянуло, вскочивший на ноги Сварог разглядел, как откуда-то из-под прозрачного носа рванулся темный клубок, моментально распавшийся на рой бешено вертящихся дисков, и они умчались вперед, рассыпаясь, словно хорошо обученные егеря, уменьшаясь на глазах...

— Есть дыра! Есть!

— Вперед!

Несколько мгновений — и тускловатое багряное сияние охватило со всех сторон, обволокло корабль целиком, словно проглотило... За иллюминатором, внизу, показались медленно вертящиеся предметы правильных очертаний и разнообразных форм, корабль опускался ниже, ниже... Легонький толчок... В два прыжка оказавшись возле двери, Вингельт отодвинул засов, распахнул дверь, крикнул:

— Пошли!

Люди с той скамьи, где сидел Сварог, один за другим кидались в дверной проем — и он, когда подошла его очередь, подбежав к двери, спрыгнул с высоты локтей двух, почувствовал под ногами твердую поверхность — и отскочил, чтобы не мешать следующим.

Отгляделся, выхватив деревянный меч — когда увидел, что то же сделали уже выпрыгнувшие.

Он стоял на твердой, ровной, гладкой поверхности цвета раскаленной печной конфорки — но ни малейшего жара под ногами не ощущалось. Багряное сияние продолговатым колпаком накрывало ее — и сзади зияла огромная, неправильной формы дыра, за которой чернел космос и холодно сияли звезды. Похоже, края дыры медленно, неуклонно ширились, словно помаленьку оплавлялись, сторали, словно сияние таяло....

Перед ними простиралась равнина, покрытая стоявшими не так уж густо, в беспорядке угольно-черными сооружениями. Горизонтальные колеса с широкими ободьями и спицами, крылья наподобие мельничных — странной формы, по пять, семь, даже девять, на оси, огромные сдвоенные коромысла, чуть растянутые в ширину круги, наподобие антенн радаров, нечто наподобие растопыренных гигантских веников... да столько там было причудливых штук... И все это вращалось на подставках в виде колонн, постаментов, полушарий — словно бы лениво, неспешно, беспрестанно, и здесь, вот удивительно, можно было дышать свободно, и отовсюду доносился размеренный механический стрекот, словно бы стук исполинской швейной машинки, шелест вертолетного винта, шум мельничных крыльев, смешанный с чем-то вроде тягучего, скрипучего, злорадного *механического* хохота...

— Руби! Время!

Стоявший рядом со Сварогом кинулся к медленно вертевшемуся черному горизонтальному колесу, занеся меч обеими руками, ударил. Сварог затаил дыхание.

Взлетел снопик неярких голубоватых искр, послышалось жалобное звяканье. Меч взлетел еще раз, опустился... В ободе колеса появился проем, отруб-

ленный кусок отлетел в сторону и упал далеко не сразу, так, словно был сделан из чего-то крайне легкого, почти невесомого. Человек в нешуточном остервенении набросился на вертевшееся колесо, нанося могучие удары, резко выдыхая, словно дрова рубил. Плавно, лениво как-то, почти невесомо разлетались куски обода, вот уже и обода не осталось, одни обрубки разной длины торчат, вращаясь... вот и ось перерубил, над постаментом торчит нелепый огрызок...

Это словно послужило сигналом — люди рассыпались, взлетали мечи и топоры, сыпались снопы неярких, не обжигающих искр, повсюду разлетались черные куски самых причудливых очертаний, все так же плавно, будто подхваченные ветром клочья соломы. Выйдя из оцепенения, Сварог подскочил к черному разлапистому «венику» чуть-чуть повыше его ростом и, не размениваясь на шинковку, рубанул по оси. «Веник» моментально завалился, задев-таки Сварога по плечу — но он и в самом деле оказался чертовски легким, никакого вреда не причинил, рухнул рядом. Ноздри защекотал слабый неприятный запах чего-то горелого.

В азарте он перебрросил меч в левую руку, выхватил свой — и от души рубанул обеими по крыльям «мельницы». Деревянный отсек кусок — а стальной, встретив препятствие, со звоном разлетелся, так что в руке остался только эфес с косым обломком... Смущенно выругавшись, Сварог отшвырнул эфес и врубился в мельничные крылья так, что клочья полетели. Потом догадался упростить работу, подставить меч возле самой оси — и крылья, наталкиваясь на него, отлетали одно за другим.

Время, казалось, остановилось. Люди, растянувшись неровной цепочкой, *вгрызались* в скопище черных вертячек, оставляя за собой усыпанное обломками пространство. Пару раз Сварог машинально оглядывался — корабль с распахнутой дверцей, залитый внутри светом, отдалялся, отдалялся...

— Вот он! — завопил кто-то. — Идет!

Среди размеренно вертевшихся *штуковин* показалось нечто неподвижное — прямоугольное, с закругленными углами и крышей в виде чуть сплюснутого полушария строеньице. Там распахнулась широкая, закругленная сверху дверь — изнутри вырвался алый свет — и из нее показалась высокая темная фигура. Ростом раза в полтора выше человека, но очертания и пропорции мало похожи на человеческие. Этакая чуть срезанная снизу, повернутая вниз черенком груша, державшаяся на коротких кривых ногах. Длинные, чуть ли не до земли, руки, кажется, с двумя суставами, утопленная в плечи голова — словно половина дыни с тремя горевшими алым фасеточными глазами и решетчатым полушарием на месте рта...

Фигура двинулась к людям, издавая отчетливо слышимое поскрипыванье, «рот» замерцал алым, раздалась громкая, шипящая, абсолютно непонятная, но безусловно членораздельная тирада, поток замысловатых слов с преобладанием согласных, звучавших жалобно, сердито, угрожающе...

— Назад! — истошно завопил неведомо откуда вынырнувший Вингельт. — Кому говорю, назад!

Человек с топором то ли не слышал его, то ли в азарте не собирался подчиняться. Он ринулся к чудищу («Если это не Клятый Мельник, то я не я», — пронеслось в голове у Сварога), замахнулся топором...

Кто-то громко, произвольно выкрикнул:

— Ай...

Здесь было довольно светло, и Сварог видел все, как на ладони. Руки Мельника протянулись в сторону нападавшего, веером растопырились ладони с полудюжиной длинных, многосуставчатых пальцев... Человека с топором они не коснулись — но там, где он только что стоял, взметнулось багровое облачко, взлетевшее выше головы Мельника и невероятно быстро рассеявшееся. Остался замерший в нелепой позе скелет, сжимавший занесенный топор — а через пару мгновений он обрушился, превратившись в кучку костей, на которые плюхнулся топор...

Поскрипывая, жалобно квохтая, угрожающе шипя, Мельник, все так же вытянув руки, развернулся в сторону ближайшего к нему человека, и все повторилось: взлетевшее и мгновенно растаявшее багровое облачко, застывший на миг скелет, тут же рассыпавшийся, и еще одно облачко, и еще...

— Ваше величество, — раздался отчаянный крик Вингельта.

Сварог рванулся вперед, ни чувствуя ничего, кроме ненависти и холодного, рассудочного боевого азарта. Черные веера ладоней тут же развернулись в его сторону, он ощутил нечто вроде порыва теплого ветерка, зажмурился на миг — но, сообразив, что цел и невредим, не замедлил бега, взмахнул мечом.

Отсеченная кисть руки упала ему под ноги — тяжело, со стуком, прямо-таки с грохотом, словно весила нешуточно много. Из обрубка вырвался пучок длинных, дергавшихся, похожих на червей багровых искр. «Сволочь, — подумал Сварог, — ты ж не живой...» И ударил еще раз.

Справа от него мелькнул клинок — и правая рука Мельника, отсеченная по самое плечо, тяжело грянулась оземь. Резко повернувшись, Сварог увидел Стахора — горротский король-изгнанник, растрепанный, оскаленный, вновь размахнулся, и в боку жалобно завывшего создания появилась глубокая щель, откуда ударил пучок длинных извивавшихся искр.

Вдвоем они крушили, кромсали, молотили.

— Ноги!!! — крикнул Стахор, на себя не похожий в алом мерцании непрерывно взметавшихся искр.

Сварог понял. Отработанным еще в *былые* времена пируэтом он ушел с дороги чудища, оказался у него за спиной, примеряясь, рубанул. Отсек правую ногу у самого туловища, отпрыгнул поскорее — Мельник завалился вправо, рухнул со страшным грохотом. Меч Стахора обрушился ему на голову, отрубив чуть пониже «рта» — и она отвалилась, светя изнутри алыми и оранжевыми вспышками, брызгая искрами, напоследок бормотнув что-то неразборчивое, жалобное, *затухающее*. Робот, конечно же, робот...

Держа меч наготове, Сварог бросился к домику, заглянул внутрь. Никого.

Противоположная стена на две трети покрыта выступающими из нее косыми коробками — целое море разноцветных огоньков, дикая пляска света, противное дребезжанье звонков, длинный тоскливый вой — видимо, аппаратура получившего нешуточные повреждения аппарата на все лады подавала сигналы тревоги, уже никого не способные беспокоить... Вот, значит, как... Вот, значит, что...

Он выскочил и присоединился к остальным, ожесточенно рубившим под повелительные крики Вингельта, призывавшего спешить, спешить, спешить... Летели черные причудливые обломки, там и сям рассыпались искры, механический стрекот и подобие злорадного смеха становились все тише, ти-

ше...

А там настала совершеннейшая тишина. Сварог остановился. Перед ним стояла стена багряного сияния. А позади — овальная равнина, покрытая грудами причудливых обломков. И никакого больше движения, только кучи угольно-черного хлама. Пробитая кораблем дыра рассыпалась, увеличившись в несколько раз, полностью открыв созвездие Меченосца и широкую полосу Млечного Пути.

— Все назад!

Сварог побежал за остальными. Слышал, как за распахнутой дверью заливаются звонки и сирены тревоги. Четвертованный и обезглавленный Клятый Мельник еще испускал пучки тускнеющих искр. До чего легко, оказывается... если только знать, как...

Люди вереницей прыгали в распахнутую дверь, плюхались на деревянные лавки. Сварог прыгнул на свое место, тяжело отдуваясь. Звонко задвинувший засов Вингельт схватил за плечо пилота, что-то закричал ему в ухо. Тот кивнул, взялся за рычаги. Сварог ожидал, что корабль взлетит и уйдет в дыру — но время шло, а в иллюминаторах так и стояло багровое сияние, причем Вингельт вовсе не выглядел встревоженным, он больше не командовал, стоял с видом невероятно уставшего человека, сложив руки на груди, опустив голову. Похоже, все шло по задуманному... что?

Повернув голову, Сварог не увидел ни одного лица, на котором сияла бы радость триумфатора. Все сидели, ссутулившись, понуриив головы, равнодушные, отрешенные, безмерно уставшие. Ничего удивительного, в *прошлой* жизни, когда *возвращались*, у всех, и у него самого, были точно такие же лица...

Он встал. Чуть пошатываясь, добрался до противоположной стены и через плечо сидящего, даже не поднявшего на него глаз, выглянул в иллюминатор. Виднелся краешек дыры — и там уже не было ни звезд, ни космической черноты, темно-фиолетовое небо светлело, светлело, светлело... становилось густо-синим, светлело... Вот оно что, корабль *волокет* остатки на землю...

Сварог вернулся на свое место. Он и не заметил, когда меж пальцами появилась зажженная сигарета. Жадно затянулся. Человек напротив, рассеянно, отрешенно шаря по карманам, вытянул кисет и трубку — и справа тоже поднялся табачный дымок. Нашел взглядом Стахора: король привалился затылком к стене, прикрыв глаза, взлохмаченный, лицо, как и у остальных, покрыто словно бы мазками сажи. Сам Сварог наверняка сейчас выглядел не лучше.

Его толкнули локтем в бок — сосед слева протягивал пузатую флягу с выдернутой пробкой. Кивнув в знак благодарности, Сварог поднес горлышко к губам, крепко подозревая, что там не вода —...и убедившись по запаху, что угадал правильно. Проглотил изрядную долю неплохого келимаса, словно воду хлебал. Вернув флягу, закинул голову, прижался затылком к твердым доскам. Кажется, медленно отпускало. Как иногда случается, ему и не верилось, что пришел полный, окончательный успех — в сознание пока что не вмещалось.

Не выдержав в конце концов, он встал, подошел к Вингельту и спросил, кивнув в сторону прозрачного носового колпака:

— Это Изначальные?

За стеклом багровела овальная равнина, покрытая кучами обломков. И тишина.

Вингельт чуть приподнял голову, так, словно ему было тяжело сделать это нехитрое движение. Ответил негромко, устало, без выражения:

— Это седая древность... Невообразимо старая штукавина... Так-то вот...

Он словно отталкивал взглядом, никак не расположен был к разговору. Сварог оставался рядом, хотя и поругивал малость себя за бесцеремонность.

— Вот так просто... — вырвалось у него.

— Ну да, — тем же тусклым голосом ответил предводитель непонятных людей. — В особенности, если готовить это долгие годы...

Он глянул вовсе уж неприязненно, ему больше всего хотелось остаться наедине с собой — и Сварог чуть ли не виновато отошел, уселся на свое место, прижался затылком к стене, закрыл глаза.

Ну что же, с жуткими загадками так иногда и случается — взять хотя бы Хелльстад... Столько несчастий и катаклизмов, столько страшных сказок и печальных баллад, столько книжников ломали головы и в тщетных поисках истины противоречили друг другу... Все оказалось, если рассудить, где-то даже банальным — ни злокозненной магии, ни происков темных сил, ни человеконенавистнических замыслов — всего-навсего боевая летучая машина давным-давно сгинувшей расы из невообразимо далекого прошлого, заблудившееся в тысячелетиях и космических просторах древнее недоразумение, успешнее причинить столько бед и несчастий...

За иллюминатором показалась безмятежная синева.

Глава XXI

...И ОХОТНИК ВЕРНУЛСЯ С ХОЛМОВ

Когда Вингельт распахнул дверь, Сварог вышел третьим. Огляделся. Корабль стоял на опушке пустого леса — по всем приметам, каталаунского — а уардах в ста, на равнине, лежало то, что осталось от Багряной Звезды — огромная овальная платформа толщиной в пару уардов, покрытая грудями черных обломков, над которыми возвышался домик, оставшийся нетронутым. Колпак из багряного сияния уже почти совсем растаял, от него поднимались ввысь струйки бледно-розового дыма и тут же таяли, кое-где обломки чадили.

Все были чумазые, растрепанные, расхристанные, перепачканные черной сажей — как и Сварог наверняка.

— Это не опасно? — спросил он, кивая на бранные останки летучего ужаса.

— *Издохшая* — ничуть, — спокойно ответил Вингельт. — Иначе я бы не стал... — он оглянулся на своих. — Ребята, поторапливайтесь! Зная упорство и любознательность его величества, сомнений быть не может: как только он доберется до места, откуда сможет отдавать приказы, по нашим следам бросятся все секретные службы, какие у короля найдутся. А их столько, что со счету собьешься...

Ну да, конечно, наступила обычная жизнь с ее сложными реалиями... Откровенно, ничуть не скрываясь, Сварог передвинулся так, чтобы за спиной у него никого не оказалось.

— Это вы зря, — сказал Вингельт. — Никто ничего не замышляет. У нас с ва-

ми есть общие цели — настолько, чтобы мы не питали к вам зла, но не настолько, чтобы с вами дружить. Я понимаю — такая уж у вас должность. Мы привыкли, которую тысячу лет ловят, и безуспешно. Так что распрощаемся.

— Почему? — спросил Сварог.

Вингельт ответил, не промедлив:

— Потому что вы не просто земной король, а еще и Высокий Господин Небес. Вот с ними нам решительно не по пути, уж не посетуйте... — он смотрел строго и серьезно. — Ваше величество, можете вы снизить к небольшой просьбе? Пожалуйста, не трогайте Туарсона. Даю вам честное слово, деревня ни при чем, никто там не знает, кто я такой. Они хорошие люди, бесхитростные...

«Удачное словцо подобрали, сударь, — подумал Сварог. Вот уж воистину бесхитростные. Особенно кроха по имени Бетта...»

— Спасибо, что вовремя сказали, — бросил он с неприкрытым сарказмом. — А то я уж было собирался выжечь деревню дотла по своему всегдашнему обыкновению... Не трону я ваш Туарсон, успокойтесь. Вряд ли вы там еще покажетесь. Но искать я вас буду, уж не посетуйте, должность такая, вы совершенно правы. Я верю, что вы не замышляете никаких заговоров, но не в том дело...

— Я понимаю, — сказал Вингельт. — Могу я дать вашему величеству добрый совет? Не тратьте понапрасну силы. Опыт у нас богатейший, так что ничего не получится...

— Вы полагаете? — прищурился Сварог. — А вот сдаётся мне, что и вы оставляете *следочки*... — он кивнул в сторону корабля. — После того, что я там увидел, никаких сомнений: тот человек, что продал Тагарону чертежи некоего движителя, был из *ваших*. Вот только наплевал на некие идеалы и пленился прозаическим звоном золота...

— Бывает, — без раздражения кивнул Вингельт. — Разве я говорил, что мы совершенны? Однако могу вас заверить, меры давно приняты, и никакого *следочка* не осталось...

— Но мы могли бы...

Вингельт произнес мягко:

— Ваше величество, я отношусь к вам с уважением. И не только я. Здесь не тронный зал, и я не придворный, так что это не лесть. Вы сделали немало полезного, и наверняка еще сделаете. И тем не менее даже ради вас никто не будет нарушать тысячелетние установления. Несмотря на ту жажду познания, что вас обурекает...

— Кто вы такие, в конце концов? Керуани? Кто-то еще?

Вингельт молча смотрел на него, откровенно улыбаясь — и в этой улыбке угадывалось нечто покровительственное, словно взрослый наблюдал за ребенком. Сварога эта улыбка разозлила — и придала сообразительности.

— Ах, вот оно в чем дело... — сказал он, оглядываясь на останки Багряной Звезды. — Жажда познания, разумеется... Конечно, она обурекает не меня одного... У вас просто нет такого местечка, куда бы вы могли уволочь это и вдумчиво исследовать... Видимо, именно так и обстоит... Вы хотите, чтобы ею занялись мои люди... а потом попытаетесь *подобраться* к этим знаниям? Для того и свели ее аккуратненько с орбиты... Приземлили нетронутый...

Он не сомневался, что именно так и будет обстоять. Уж если замурзанная

деревенская кроха из захолустья смогла неведомо как войти в компьютерную сеть ларов, пусть не в *серьезную*, крепко защищенную, да вдобавок так, что всеми имеющимися в наличии техническими средствами ее не удавалось за-сечь... На что тогда способны *взрослые? Эти?*

— Вы не тем сейчас заняты, ваше величество... Вам следовало бы побыстрее придумать какую-нибудь достаточно убедительную историю про то, как вы в одиночку одолели Багряную Звезду...

— Я?!

— А кто же еще? — усмехнулся Вингельт. — Вы же видите, мы несколько не расположены в публичности и вовсе не стремимся выступать в роли увенчанных лаврами героев. Его величество Стахор тоже в силу известных причин не стремится к почету и шумной огласке. Придется уж вам одному отдуваться, то бишь взвалить на себя всю славу. Вы совершили уже столько славных подвигов, что никто и не удивится очередному. Думаю, вы сумеете что-нибудь придумать. Это легко. Скажем, некий скромный провинциальный волшебник, опять-таки не жаждущий огласки, вручил вам летающий коврик, на котором вы и добрались до Мельницы... Что-нибудь в этом роде... Никто не будет искать несоответствия, зачем, когда вот оно, наглядное доказательство подвига — словно сраженный дракон из сказок и баллад...

Он бросил взгляд на небо, приложил к уху овальную костяную пластинку в золотой оправе, усыпанную многочисленными дырочками. Чуть зажмурившись, словно бы прислушивался. Убрав загадочную штуковину в карман, обернулся:

— Ребята, поспешаем! Скоро здесь будет людно... Прощайте, ваше величество...

— До свидания, — упрямо сказал Сварог.

Вингельт хмыкнул, глядя на него дерзко и весело, поклонился и, отвернувшись, направился к кораблю. Что-то достал из кармана, что-то с этим предметом проделал, забросил его внутрь и захлопнул выгнутую дверцу. Не глядя более на Сварога, пошел к лесу. Его люди вереницей двинулись следом.

— Стахор! — окликнул Сварог.

Настоящий горротский король нетерпеливо обернулся.

— Вам не кажется, что уж мы-то друг другу нужны? — спросил Сварог. — С тем, что вот уже два года творится в Горроте, я хочу разобраться не меньше вашего. А эти господа, — он кивнул в сторону уходящих, — сдаются мне, помочь не могут, иначе давно бы уже помогли, вы среди них давно свой, это видно... Нам бы следовало держаться друг друга...

— Возможно, я так и поступлю, как вы советуете, — невозмутимо ответил Стахор, поклонился и пошел вслед за остальными. Вскоре все они пропали с глаз, скрылись в чащобе, и Сварог остался совершенно один: далеко не впервые в жизни.

Оглянулся. Внутри корабля полыхнула беззвучная, рыже-золотистая вспышка, он наполнился внутри неярким свечением, оно вырвалось наружу, окутало, обволокло — а когда рассеялось, корабль выглядел совершенно иначе, став серо-черного цвета, как обгоревшая головешка, иллюминаторы и прозрачный носовой колпак потускнели. Легонький порыв прохладного ветерка — и корабль осыпался облаком невесомого пепла. Остался лишь овал выжженной травы, напоминающий след от большого костра.

Сварог стоял на опушке в совершеннейшей тишине. Только безмятежная, безоблачная синева небесного купола, легонький ветерок и отдаленный птичий щебет. Он обнаружил, что потерял где-то пистолеты, а с ними и пояс, все пуговицы с камзола, весь перепачкан сажей, победитель Багряной Звезды, изволите ли видеть, единственный победитель...

Он стоял, понурившись, и в ушах звучал высокий, чистый голос Кайи:

*Всадник в шлеме сбитом,
сшибленный в бою,
верный конь, копытом
топчущий змею...
Сомкнутые веки.
Выси. Облака.
Воды. Броды. Реки.
Годы и века...*

Он не помнил, чтобы когда-нибудь испытывал такую тоску и горечь, переходившие в лютое отчаяние и отвращение к самому себе.

Всадник в шлеме сбитом, сшибленный в бою... Нет, ничего подобного. Ему случалось терпеть нешуточные поражения: и в Горроте, и под Батшевой, когда погибла эскадра. Ну, что тут поделывать, жизнь не может состоять из одних побед...

Здесь что-то совершенно другое. Верный конь, копытом топчущий змею... Ага, вот именно. Он выступил в роли второстепенного персонажа, рыцарского коня, успевшего малость потоптать змеюку — но победил ее все же *рыцарь*...

Прекрасно обошлись бы и без него. Перед глазами у него встал Стахор, ожесточенно рубивший робота. Без сомнения, звезды над той Заводью, где родился горротский король по совету колдуньи, именно что *другие*. Вот только Сварог в приступе гордыни решил, что все древние пророчества касательно грядущих славных героев должны непременно относиться к нему. А может, и не гордыня, попросту привык, так уж сложилось...

Дело тут вовсе не в ущемленном самолюбии. Он не хотел, не имел права выступать в роли единственного героя, победителя-одиночки — но на него свалили этот груз, не спрашивая согласия. Это-то и было самым скверным...

Он поднял голову, услышав далекий еще, слабый, тихий, но чертовски знакомый гул.

Два бомбардировщика прямо-таки свалились из зенита, промчались над головой, развернулись... Вращались исправно винты, слышался шум моторов — вот только развернулись они под углом в девяносто градусов, левым крылом вперед — как может только вимана... На миг замерев в воздухе, оба отвесно опустились на равнину уардах в десяти от него. Винты из туманных кругов моментально превратились в неподвижные лопасти, шум моторов умолк, словно выключатель повернули, распахнулись дверцы, на траву опустились лесенки...

Сварог безучастно смотрел, кривясь от горечи. Первой с помощью двух дюжих молодцов на землю спустилась старуха Грельфи и проворно засемила к Сварогу — любила она прикидываться дряхлой немощью, но, случись что, проворство выказывала нешуточное...

— Ну и дурень ты, светлый король, уж прости на худом слове, — с укориз-

ной сказала она, порицающе качая головой. — Кто ж лезет к зеркалам с непроверенными, неизвестными заклятьями? Хорошо еще, что...

Упершись в нее мрачным взглядом, Сварог произнес металлическим голосом:

— Отставить нравоучения...

Старуха, обладавшая изрядным умом и проницательностью, едва глянув на него, моментально умолкла. Пройдя мимо нее, Сварог повелительным жестом остановил ораву спешивших к нему людей, поманил Интагара. Он впервые видел своего верного бульдога поспешавшим трусцой. Брыластая грубая физиономия лучилась неподдельной радостью: ну конечно, дело тут не только в собачьей преданности, кто-кто, а уж Интагар, стрясись со Сварогом нечто непоправимое, терял все, в том числе и голову...

Душа просила действий. Душа, откровенно признаться, просила крови, конского топота, пожаращ... Схватив Интагара за рукав коричневого камзола, Сварог притянул его вплотную и спросил деловито:

— У вас есть связь с Гаури?

— Конечно...

— А ваши люди там есть?

— Конечно. Кого там только нет, все прилетели на шести самолетах...

— Отлично, — сказал Сварог, осклабясь. — Там, под городком, квартирует драгунский полк...

— Да, Девятый...

— К черту нумерацию... Немедленно свяжитесь с кем там вам удобнее. Девятому драгунскому — окружить городишко так, чтобы мышь не прошмыгнула. Правителя городской канцелярии Сувайна взять немедленно. Следом бургомистра, он тоже при делах. С ходу пусть начнут бить морды, уверять, что полиции все известно и требовать подробностей, ну, вы понимаете... Только брать живыми, непременно живыми... — он чувствовал, как лицо ему свела злая гримаса, но поделаться ничего не мог. — Мое величество будет творить справедливость, у меня это прекрасно получается, особенно задним числом... Что вы стоите? Живо! Кому говорю?!

Глядя на него с почтительным страхом, Интагар отбежал на несколько шагов и стал рыться по карманам в поисках переговорного камешка-таша. Остальные прилетевшие, поколебавшись, двинулись к Сварогу, то и дело оглядываясь на останки Багряной Звезды, еще курившиеся розовыми и черными дымками. Кого тут только нету...

Мара бросилась ему на шею, прижалась, шепнула на ухо радостно-сварливым голосом:

— Сказочный герой, ну тебя к лешему... На минутку одного оставить нельзя, непременно в подвиги вляпаешься...

Сварог мягко, но непреклонно отстранил ее, шагнул вперед, встал перед аккуратной — сказались строевые занятия — шеренгой своих юных сподвижников. Все они красовались в присвоенной девятому столу форме (за исключением Элкона, щеголявшего в форме лейтенанта Яшмовых Мушкетеров), чуть ли не по самые уши увешаны разнообразными кобурами, вид имеют самый бравый и решительный — стойкие оловянные солдатики, черт побери...

Он оглянулся. Прочие прилетевшие без команды держались на почтительном расстоянии, за исключением Мары, стоявшей совсем близко с видом гор-

дым и независимым.

— Мы вас все это время искали, командир, — сказал Элкон, выступив на полшага вперед. — Только ничего не получалось, никак не могли засечь. Сегодня на рассвете обнаружили, но не успели долететь, вы вновь пропали, потом опять обнаружили и опять пропали, только теперь...

Сварог посмотрел на небо. Оно было пустым — а ведь следовало бы ожидать, что там станет мельтешить куча драккаров, брагантов и виман, как тогда, после гибели Кракена...

— Почему никого нет? — он дернул подбородком вверх. — Что, улетели до срока?

— Да, — сказал Элкон. — «Журавлиный клин» объявили раньше времени. Багряная Звезда попала в гравитационное поле Семела, получила неожиданное ускорение, рванулась, как камень из пращи... Все над Сильваной. Императрица приказала найти вас во что бы то ни стало, кроме нас, работало два десятка поисковых команд, Канцлер всех отозвал в самый последний момент... Императрица вызвалась остаться и лично руководить поисками... По некоторым данным, ее увезли силой...

— И правильно сделали... — пробурчал Сварог. Окинул всех нехорошим, тяжелым взглядом и спросил со вкрадчивой угрозой: — А как же в таком случае вышло, соколы мои и соколицы, что все улетели, а вы обнаружили здесь? Я сильно сомневаюсь, что Канцлер вам это позволил...

— Мы обязаны были вас найти, командир, — невозмутимо сказал Элкон. — Пока имеется хоть ничтожный шанс.

— Сопляки... — сказал он сквозь зубы. — Щенята самонадеянные... Да как вы...

Томи сделала шаг вперед. Ее очаровательное личико выглядело невозмутимым, абсолютно нераскаянным, глаза сияли.

— Командир... — сказала она негромко. — Вы же сами нас учили, что мы — гвардия. Мундир, честь и долг... Не станете же вы уверять, будто все это была игра?

И уставилась испытующе, лукаво, чертовка... Сварог потерянно молчал. «Выучил на свою голову, — покаянно подумал он. — Мундир, долг и честь. Неизвестные здесь прежде песни, которых они от него наслушались. Помни, друг мой юный, позабыв про страх — о себе не думай, думай о друзьях...»

— Да вы хоть понимали, что может... — выговорил он, уже ничего не чувствуя, кроме тоскливого опустошения.

— Понимали. Но мы — гвардия, — отрезала Томи, стоя навытяжку.

Сварог смотрел на них с вялым изумлением. Элкон, Томи... маркиз Шамон, белобрысый увалень, светлая головушка... Канилла, графиня Дегро — красотка растет, а также великолепный специалист по поисковым системам... Юнцы и девчонки, выросшие в роскоши, какую только способен обеспечить здешний мир... Да как же мне удалось за неполных полгода воспитать из них стойких оловянных солдатиков? Конечно, они по молодости лет бесшабашно относятся к смерти, но достаточно взрослые, чтобы понимать, что такое опасность... И ведь все девять здесь, чертенята... Чудес не бывает. Значит, в них уже было заложено нечто, в столь жуткий момент сделавшее их гвардией. Умеет Яна подбирать друзей...

Элкон невозмутимо сказал:

— Вообще-то мы не нарушили ни устава, ни каких бы то ни было писанных законов. Операция «Журавлиный клин» проходила без всякого документального обеспечения, основываясь исключительно на устных распоряжениях Канцлера. Девятый стол не получал официального приказа о передислокации, как и Восьмой департамент. Точно так же я не получал приказа от командира Яшмовых Мушкетеров. Ни малейшего нарушения...

— Законники... — проворчал Сварог уже беззлобно. — Как вас только не хватились, обормотов?

Томи загадочно улыбнулась:

— А почему они должны были нас хватиться? Мы все в данный момент пребываем в здании девятого стола, как ни в чем не бывало, мы общаемся по видео с внешним миром, и ни у кого пока что не возникло и тени подозрения... Ну, по крайней мере до тех пор, пока кто-то наподобие Канцлера, которому ничем глаза не отведешь, не заявится лично... Но *теперь* это уже не имеет значения, верно?

— Лиса... — сказал Сварог. — «Стеклянная тень» или «синий морок»?

— «Тень», — сказала Томи. — Так надежнее. Ротгар у нас мастер «стеклянной тени»...

— Вольно, — так и не улыбнувшись, сказал Сварог.

Безукоризненный строй дрогнул, теперь они откровенно оглядывались на равнину с совершенно детским любопытством.

— Командир, а можно... — произнес Элкон уже совершенно другим голосом, ничуть не похожий сейчас на бравого гвардейца. Сгоравший от нешуточного любопытства мальчишка...

— Идите посмотрите, — кивнул Сварог. — Только ни к чему не прикасаться, ясно?

Они едва ли не бегом кинулись к Багряной Звезде, только Томи задержалась и, глядя на Сварога преданно, обещающе, замороженно, выпалила:

— Командир, вы герой. Прodelать такое в одиночку...

И заспешила следом за остальными.

— В точку, — сказала Мара без тени насмешки. — Такого я даже от тебя не ожидала, а уж я-то знаю, на что ты способен, насмотрелась... Ты человек скромный, но уж не обессудь, я тебе в Сегуре памятник поставлю. Серьезно.

— Не вздумай, — ответил он без улыбки. — Разнесу к чертовой матери, слово короля... Иди к ним, пусть кто-нибудь свяжется с Сильваной, нужно же сообщить, что все кончилось и бояться больше нечего. Марш!

У него перехватило горло, и он, содрогаясь от переполнявшей горечи и стыда, отвернулся, чтобы никто не видел его лица. Отнюдь не подобающего славному герою, даже чрезвычайно скромному.

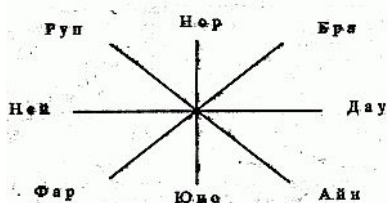

ПРИЛОЖЕНИЯ

Стороны света по таларской традиции

Стороны света в морской терминологии Талара

О ЛЕТОСЧИСЛЕНИИ

При изучении хронологии следует непременно иметь в виду, что не существует до сих пор какой-то единой точки отсчета. Даже летосчисление ларов, Небесные Годы, было введено лишь через некоторое количество лет после окончания Шторма и переселения ларов в небеса. И это количество до сих пор не определено точно, разные исследователи называют разные цифры (от 7 лет до 11). К тому же ни у ларов, ни у кого-либо другого нет точно фиксированной даты окончания Шторма — ибо какое-то время его затухающие волны все прокатывались по планете.

Первые семьсот с лишним лет после Шторма на земле не существовало ни упорядоченной хронологии, ни четко датированных летописей (по крайней мере, современная наука не располагает фактами, способными как доказать, так и опровергнуть эту точку зрения). В дальнейшем, на протяжении долгих столетий, соперничавшие государства и отдаленные страны, порой вообще представления не имевшие о существовании друг друга, придерживались своих собственных систем летосчисления (более-менее полное представление об этом периоде дает труд Гармара Кора «Хаос и хронология», Магистерийум, 3466 г. Х.Э.) Впоследствии из-за диктуемого жизнью стремления к упорядоченности после многих попыток достичь взаимопонимания и согласия (и даже нескольких войн по этому поводу) почти повсеместно было установлено единое летосчисление — так называемая Харумская Эра.

В настоящее время текущий год у ларов — 5506 год Небесных Лет (в этой системе датируются все императорские указы, предназначенные для жителей земли).

На земле — 3716 год Харумской Эры, однако есть два исключения:

1. Великие магистры, правители Святой Земли, двести сорок три года назад ввели летосчисление «со дня Гнева Господнего». Таким образом, в Святой Земле сегодня — 5511 год СДГГ.

2. После отделения Глана от Ронеро первый гланский король повелел «считать нынешний год первым годом Вольности». Сегодня в Глане — 613 год Вольности.

КАЛЕНДАРЬ

Таларский год состоит из семи месяцев — Датуш, Элул, Фион, Квинтилий, Ревун, Атум, Северус. Каждый месяц — из семи недель по семь дней. В конце первых шести месяцев есть еще по три дня без чисел, именуемых Безымянными Днями, или Календами. После Северуса следуют семь дней Календ. Календы Датуша, Квинтилия и Атума считаются «скверными днями», в этот период стараются воздержаться от дел, не пускаются в путешествия или плавания, не играют свадеб, не устраивают никаких торжеств. В древности на эти Календы даже прекращались войны. Календы Элула, Фиона и Ревуна, наоборот, считаются крайне благоприятными для начинаний и временем праздников. Календы Северуса — канун Нового Года, в эти дни торжества особенно пышны, именно к Календам Северуса дворяне стараются приурочивать свадьбы, а гильдии — свои праздники.

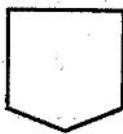
ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЕ ЩИТЫ

Согласно правилам геральдики, существует лишь семь разновидностей гербовых щитов — для гербов государств, городов, дворян. Разновидности эти следующие:

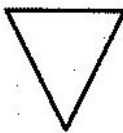
1. Дотир

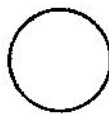
2. Джунарг

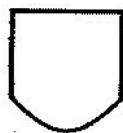
3. Даугар

4. Дроглор

5. Домблон

6. Дегоар

7. Дуарат

Как правило, дотир и дуарат служат гербовыми щитами лишь для дворян, не имеющих титула, а гербы городов чаще всего имеют форму домблona.

ФЛАГИ ГОСУДАРСТВ

Флаги Виглафского Ковенанта.[12]

Лоран — горизонтальные синяя и зеленая полосы, флаг обведен белой каймой (добавленной как знак траура после завершения строительства Великого Канала и потери провинций, оставшихся на континенте).

Харлан — «шахматная доска» из 6 черных квадратов, 6 белых и 6 коричневых.

Снольдер — желтое полотнище с черным силуэтом сфинкса.

Ронеро — горизонтальные синяя и черная полосы.

Глан — горизонтальные черная и красная полосы.

Горрот — белое полотнище с черным солнцем.

Шаган — вертикальные зеленая, желтая и черная полосы.

Сегур — горизонтальные синяя и красная полосы.

Прочие флаги

Святая Земля — фиолетовое полотнище с желтым крылатым диском.

Балонг — синее полотнище, затканное золотыми пчелами.

Ганза — темно-синее полотнище с белым кругом. В круге — черный силуэт корабля с зарифленными парусами.

Некоторые сведения о геральдическом значении иных цветов. Синий цвет издавна символизировал честь, честность, благородство. Фиолетовый — мудрость. Зеленый — надежду. Черный — упорство. Красный — отвагу, жизненную силу. Желтый — богатство. Белый вообще-то символизирует чистоту помыслов, но из-за того, что он издавна почитается символом смерти, в геральдике его стараются не употреблять.

ГЕРБЫ ГОСУДАРСТВ

Виглафский Ковенант

Лоран — дотир. Две синих и одна зеленая вертикальные полосы. На зеленой — три золотых кольца. На синих — по золотому якорю.

Харлан — дотир. Разделен на четыре квадрата, два белых и два коричневых. В белых квадратах — по коричневому мечу острием вверх. В коричневых — по белому мечу острием вверх.

Снольдер — даугар в фиолетово-желтую клетку. В центре щита — золотой лев, стоящий на задних лапах.

Ронеро — даугар. Разделен по вертикали на синюю и черную половины. На синей — золотая лилия, на черной — Зеркало Аннура, имеющее вид серебряного круга в золотой оправе.

Глан — дегоар. Щит — черный с золотой каймой. В центре — золотой силуэт медвежьей головы, по пяти углам — золотые цветы чертополоха.

Горрот — домблон. На белом фоне — черное весло, скрещенное с золотым скипетром.

Шаган — дрогмор. На синем поле — золотой колокол.

Сегур — дуарат. Разделен горизонтальной линией на две половины. Верхняя — золотой парус на зеленом поле, нижняя — пять вертикальных полос (две зеленых, две желтых), и на их фоне — черный герб Морских Королей.

(Нужно добавить, что герб государства является и гербом его короля).

ПРОЧИЕ ГЕРБЫ

Святая Земля — дуарат. На зеленом поле — золотой одноглавый орел (акилла), держащий в лапах меч и крест Единого Творца.

Балонг — джунарг. На красном поле с пятью узкими вертикальными линиями — золотые весы. Шит окаймлен золотыми пчелами.

Ганза — дрогмор. На темно-синем фоне — красная ладонь.

КОРОНЫ ВИГЛАФСКОГО КОВЕНАНТА

Лоран — корона закрытая. Обруч шириной в два джайма[13] с изображением дубовых листьев. Шестнадцать зубцов в виде шипов, отклоненных на 45° наружу от вертикальной оси обруча. У основания каждого — рубин, ограненный «розой». Закрыта остроконечным колпаком из синего бархата на золотом внешнем каркасе в виде 8 сходящихся дуг.

Харлан — обычная герцогская корона, но украшенная четырнадцатью ограниченными бриллиантами и закрытая решетчатым плетением в форме полусферы.

Снольдер — корона закрытая. Два разомкнутых круга, каждый шириной в джайм, соединенных четырьмя перемычками. На перемычках — по рубину, ограниченному в форме полусферы. В каждом секторе меж перемычками — по три бриллианта, ограненных «розой». Впереди, надо лбом, — золотое изображение кобры с раздутым капюшоном и бриллиантовыми глазами. Туловище кобры, изогнутое дугой выпуклостью вверх, закрывает корону, касаясь противоположного ее края, где вделан черный алмаз Бараини (неограненный, весом 480 квинтунов).[14] Зубцы отсутствуют.

Ронеро — корона открытая. Обруч шириной в два джайма, по которому проходят три пояса из накладных линий, и в центре каждого цветка — рубин, ограненный полусферой. Восемь зубцов в виде равнобедренных треугольников, слегка отклоненных от вертикальной оси обруча.

Глан — корона открытая. Кольцо шириной в джайм, двенадцать зубцов (6 в виде цветков чертополоха, 6 — в виде трилистников клевера). В основании каждого зубца — рубин «ленточной» огранки. Впереди, надо лбом, — желтый алмаз Индари (неограненный, вес 300 квинтунов).

Горрот — корона закрытая. Обруч шириной в два джайма, по верхней и нижней кромкам проходят два накладных пояса, имеющих форму цепи с овальными звеньями. В центре каждого звена — рубин, ограненный в форме трехгранной пирамиды. Восемь прямоугольных зубцов. Закрыта двумя полукругиями-дугами, в точке пересечения которых — солнце, выточенное из черного опала.

Шаган — корона открытая. Обруч шириной в два джайма с семью зубцами в виде «ласточкина хвоста». У основания трех — ограненные рубины, у основания четырех — ограненные изумруды.

Сегур — корона открытая. Обруч шириной в два джайма с гравировкой в виде якорей и скрещенных весел. Семь зубцов в виде трезубца Руагату, у основания трезубцев — ограненные сапфиры.

ПРОЧИЕ КОРОНЫ

Корона Великого Магистра Святой Земли — открытая. Обруч шириной в джайм. Впереди, надо лбом, — крылатый диск с неограненным рубином в центре, на противоположной стороне — крест Единого Творца. Зубцы отсутствуют.

Балонг. Избираемый на три года Старшина Патрициев Круглой Башни носит корону в виде обруча шириной в два джайма с семью зубцами, повторяющими формой Круглую Башню.

Все короны изготовлены из чистого золота, не считая короны Великого Магистра — она из железа.

ДВОРЯНСКИЕ КОРОНЫ И ТИТУЛЫ

Дворяне Виглафского Ковенанта и Пограничья носят следующие титулы:

1. Принцы короны.
2. Принцы крови.
3. Герцог.
4. Князь.
5. Граф.
6. Барон.
7. Маркиз.

Принцы и принцессы короны — потомки правящего монарха. Они носят корону в виде обруча шириной в джайм, закрытого двумя полукружьями-дугами, в точке пересечения которых — миниатюрное подобие королевской короны.

Принцы и принцессы крови — потомки братьев и сестер правящего монарха. Носят корону, повторяющую герцогскую, но закрытую полукружием-дугой с миниатюрным подобием государственного герба.

Герцогская корона — обруч с семью прямоугольными зубцами, перемежаемыми семью дубовыми листьями.

Княжеская корона — обруч с семью прямоугольными зубцами, перемежаемыми семью земляничными листьями.

Графская корона — обруч с четырнадцатью шариками.

Баронская корона — обруч с семью треугольными зубцами, перемежаемыми семью шариками.

Корона маркиза — обруч с семью полукруглыми зубцами, и в центре каждого — прорезь в форме дуарата.

Короны титулованных дворян, имеющих права Вольных Ярлов, и украшены рубинами (в 3711 г. Х. Э. Виглафский Ковенант лишил владетелей Вольных Майоров, в том числе и королей, прав Вольных Ярлов, сохранив таковые лишь за ярлами Пограничья, но и для последних введены ограничения по количеству лиц, коих ярлы вольны в течение года возвести в дворянство).

При посещении титулованным дворянином королевского дворца, а также в дни некоторых торжеств следует непременно быть в приличествующей титулу короне. В обычные же дни можно ограничиться золотой цепью, золотыми шпорами и перстнем с миниатюрным подобием короны.

Дворяне, дабы отличить свое положение, носят золотую цепь установленного образца и золотые шпоры.

Гланские обычаи несколько отличаются от иных, там существует своя система, признанная Виглафским Ковенантом:

1. Гланфорт (нетитулованный дворянин) носит золотую цепь и золотые шпоры.
2. Глэв (соответствует маркизу, барону или графу) — золотые шпоры и золотую цепь с семью подвесками в виде цветов чертополоха.
3. Глэрд (соответствует князю или герцогу) — золотые шпоры, золотую

цепь с медальоном, на коем изображена медвежья голова.

В Балонге дворянства нет, но для знатнейших и богатейших граждан существуют титулы нобилия и патриция. Нобиль носит на груди золотой медальон с гравировкой в виде весов, окруженных пчелами, стоящий выше нобилия патриций — золотую пектораль с такой же гравировкой и жезл, увенчанный миниатюрным подобием Круглой Башни. Семеро Патрициев Круглой Башни, правящие Балонгом, обязаны во всякое время появляться на публике в алом плаще, затканном золотыми пчелами, и синей шапочке-митре, с четырех сторон украшенной золотыми изображениями Круглой Башни; при сем они опираются на посох с навершием в виде государственного герба. (Всякие попытки Балонга добиться приравнения нобилей и патрициев к дворянам неизменно отклонялись Ковенантом).

О правилах, заведенных в Святой Земле, более полное представление даст соответствующий фрагмент из книги реверена Гонзака.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О РЕВЕРЕНЕ ГОНЗАКЕ

Реверен[15] *Гонзак* (3627 Х.Э. — ?) — скрибанос, служивший при Царской библиотеке в Астрее (Гиперборея, Сильвана). В 3668 г. Х.Э. прибыл на Талар. В период с 3668-го по 3679-й работал в библиотеках разных стран, жил в Лоране, Снольдере, Ронеро, побывал в Пограничье, Иллюзоре, Глане, Балонге, пяти из Вольных Майоров, совершил три морских путешествия. Некоторые историки считают его шпионом царя Гипербореи, но люди из таларских тайных служб никогда не высказывали своего отношения к этой версии. Необходимо учитывать, что порой крайне трудно провести границу меж профессиональным разведчиком и любознательным путешественником из дальних стран, поскольку кропотливо собираемая первым информация частенько попадает на тот же стол, что и ученые записки второго (о чем второй ничего не подозревает). Как бы там ни было, в Равене трудами Коллегии Ремиденума в 3681 г. Х.Э. вышла в свет книга Гонзака «Трижды семь писем скромного книжника Гонзака на Сильвану, другу своему Чей Чедогону о таларских делах, обычаях и установлениях». Вопреки заглавию, писем в книге всего шестнадцать. Гонзак пропал без вести в промежутке меж 36 Северуса 3679 г. и 14 Датуша 3680 г. Его следы теряются в полуночных провинциях Ронеро, малонаселенных и пользующихся дурной славой «диковатых мест». Не исключено, что сильванский скрибанос, человек отнюдь не бедный, любивший жить и путешествовать с комфортом, стал жертвой разбойников или Волчьих Голов. Известно также, что Гонзак намеревался предпринять экспедицию в Хелльстад, для чего, быть может, и отправился в те места, где оборвался его след.

Книга Гонзака, пусть и незавершенная, помимо многих интересных наблюдений, представляет собой еще и своеобразную краткую энциклопедию, дающую постороннему читателю неплохое представление о таларском укладе жизни. Благодаря чему она и была в 4998 г. Н.Г. включена Императорской Коллегией Просвещения в список учебных пособий для благородных ларов по теме «Современный Талар». Выпущена в компьютерном и типографском вариантах.

О ТИТУЛАХ, СОСЛОВИЯХ И МНОГОМ ДРУГОМ

Письмо третье, реверена Гонзака

Рассказ об устройении общества, друг мой Чей Чедогон, я начну с королей, чему ты вряд ли удивишься, ибо, когда нам случится озирать гору, взгляд наш

непременно падет прежде всего на вершину, а уж оттуда странствовать будет к земле.

Короли таларские — воистину самовластные владыки, что отражено и в тамошних законах, гласящих, что монарх пребывает превыше закона, сам же, буде возникнет такая надобность (или, увы, каприз, как нам известно о венценосцах двух планет), может решать многие дела не по писанным законам, а исключительно по своей воле. Должен тут же оговориться, что самовластье это, кажущееся всеобъемлющим, ограничено иными древними традициями. Есть права дворян, и сословий, и гильдий, и даже крестьян, на кои посягать и король не волен. Однако ж за пределами сих ограничений открывается весьма обширная область для самодержавного произвола, и подданным остается лишь уповать, что восседающий на троне монарх наделен достаточным умом и здравомыслием, дабы не ущемлять народ свой без меры.

Как и в нашем отечестве, дворяне здесь первенствуют над всеми иными. Нельзя стать офицером, ни сухопутным, ни морским, если ты не дворянин. И высшие пять гражданских чинов доступны одним лишь дворянам, и землю с крестьянами могут владеть одни дворяне, и ордена иные жалуются одним дворянам. Им одним дозволено строить в домах балконы и иметь в окнах витражи.

Следом идут так называемые Семь Высоких Сословий.

Сословие Чернильницы объединяет судейских, адвокатов и чиновничество с первого гражданского чина по двенадцатый. Отличительным знаком оно служит серебряный пояс с серебряной же чернильницей установленного образца. Образцы таковые в разных государствах разные, а у чиновников есть еще и мундиры, в каждом ведомстве свои, и каждый гражданский чин имеет свои отличия, подобно тому, как это обстоит с воинскими чинами.

Сословие Храма составляют разных богов служители, коих отличают одеяния и атрибуты, единые для всего Талара, независимо от страны (о Святой Земле же поговорим подробнее в другой раз).

Сословие Мер и Весов образуют купцы, банкиры и ювелиры, причем не всякие купцы, а лишь те, что имеют капиталы не ниже определенного предела. Отличительным знаком сего Сословия служит серебряный пояс с замшевым кошельком особого вида.

Сословие Циркуля — это инженеры и архитекторы, коих отличает короткий плащ особого фасона, скрепленный у горла серебряной цепочкой, крепящейся двумя серебряными же бляхами с изображением циркуля.

Сословие Сова — это ученые, книжники, книготорговцы и учителя. Они носят плащ особого фасона с пелериной, где цепочку крепят две серебряные бляхи с изображением книги и пера, а также круглый берет с серебряным изображением совы. В разных государствах цвет оно наряда бывает разным. Живи мы на Таларе, друг Чедогон, в таком наряде и щеголяли бы, что, впрочем, не лучше и не хуже наших с тобой шапочек реверенов, украшенных жемчужинами, да плащей и посохов.

Сословие Свободных Искусств (художники, музыканты, скульпторы и актеры) знаком своим имеет серебряную цепь с серебряной же бляхой, на коей изящно выгравирована мифологическая птица Сири́н, издавна почитаемая символом творческого вдохновения. И не всякие актеры состоят в сем Сословии, а лишь те, что происходят из семей потомственных актеров театров, име-

ющих статус королевских. А прочие же актеры именуются пренебрежительно фиглярами, и место им отведено в одной из последних гильдий, о чем напишу ниже.

Сословие Чаши и Ланцета составляют медики и аптекари. Знаком им служит длинная мантия особого фасона, черная шапочка, украшенная серебряной бляхой с изображением обвивающей чашу змеи, а также своеобразного вида кожаная сумка, служащая также и практическим целям, ибо в ней носят-ся снадобья, инструменты и прочее, потребное в работе.

Сословия эти обладают правом на покупку земли, но крестьяне во владение им не положены. В виде особой милости, случается, король жалует кому-либо право в течение определенного срока получать доход с того или иного коронного имения, и срок этот редко превышает год. Понятно, есть имения крайне прибыльные, а есть и скудные, что при оказании монаршей милости непременно и учитывается. Те, кто входит в Сословия, имеют право носить золотые украшения без ограничения количества, но без драгоценных камней — разве что король пожалует кому перстень с драгоценным камнем. Равным образом их столовая утварь из драгоценных металлов может быть украшена самоцветами лишь с соизволения короля.

Здесь стоит добавить, что согласно незыблемым законам природы, применимым и к жизни человеческого общества, недостаток чего-либо немедленно восполняется за счет иного качества — подобно тому, как слепые обладают невероятно тонким слухом, а горбуны бывают необыкновенно сильны. Вот и выходит — Сословия восполняют отсутствие драгоценных камней искусством выделки, а потому украшения их и утварь порой превосходят дворянские изощренностью выработки и мастерством украшения.

Дворяне поступают на службу во множестве, ибо на Таларе повсюду действует закон первородства, согласно коему все сыновья имеют право на дворянское звание или титул, а вот имение движимое и недвижимое достается в целости самому старшему (или дочери, если нет потомков мужского пола). Прочие же сыновья, получив малое денежное вспомоществование, вынуждены искать службы за жалованье либо по талантам своим искать себе места в одном из Сословий. Предпочтительнее всего военная служба, а также и полицейская, но непременно на должностях, приравненных к офицерским. Кроме военной службы, для дворян, по традиции, более всего предпочтительны занятия, входящие в компетенцию Сословий Чернильницы и Сова, а также Циркуля (но в областях, относящихся к военному делу и мореплаванию). Не возбраняется и войти в иные Сословия, но дворянин, попавший в таковые, стоит в глазах общества несравненно ниже. Что до Сословия Мер и Весов, то дворянину зазорно заниматься торговлей либо банкирским делом. Промыслы, приличествующие дворянину, сводятся к четырем вещам: коневодству, виноторговле, изготовлению винных бутылок, морским перевозкам на собственных судах и ювелирному делу. Дворянин имеет право устраивать в своих землях заводы, но при строгом условии: заводы эти должны работать непременно на сырье, производимом в своих же поместьях, а если сырья этого нет, то и заводы устраивать нельзя. Дворянин еще обладает правом на речные перевозки на собственных судах — но опять-таки при строгом условии, что перевозит произведенное в собственных поместьях или закупленное для нужд такового. Все эти установления заведены в свое время весьма умными людьми, ибо слу-

жат к выгоде общества и бесперебойной работе государственного механизма. Гильдии таларские имеют следующий вид:

ЗОЛОТЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Оружейников (цехи: Доспешных дел мастеров, Мечных дел мастеров, Арбалетных дел мастеров, Копейных дел мастеров, Пушечных дел мастеров, Ружейных дел мастеров, Ракетных дел мастеров, Пороховых дел мастеров).

2. Тонких работ (Ювелирные подмастерья, Мастера врачебного инструмента, Мастера счетных устройств, Оптики, Часовщики, Мастера утвари для ученых).

3. Похоронных дел мастера.

4. Приказчики торговые и банкирские.

5. Меховщики.

6. Мастера каменного строения (цехи: Домостроителей, Строителей и Подновителей мостов).

7. Мастера деревянного строения (цехи: Домостроителей, Строителей и Подновителей мостов).

8. Водопроводных дел мастера.

9. Фонарщики (цехи: Фонарщиков, Мастеров фейерверка, Мастеров домашних светильников из металлов).

10. Стеклодувов (цехи: Стеклодувов, Стеклопосуды, Уличных фонарей, Домашних светильников из стекла, Витражных дел мастеров).

СЕРЕБРЯНЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Кораблестроителей.

2. Моряков.

3. Речных матросов.

4. Мастеров изящных работ (цехи: Изящной мебели, Благородной посуды, Благородных тканей).

5. Стражи порядка (сюда входят палачи, тюремная стража, полиция и ночные сторожа).

6. Содержатели псарен и псари.

7. Содержатели постоянных дворов и трактиров, игорных и танцевальных залов (сюда включены лишь те заведения, кои имеют высший разряд и предназначены для благородной публики — дворян и Сословий. А содержатели заведений рангом пониже включены в гильдию градских обывателей).

8. Гуртовщики.

9. Ремесленники по дереву (цехи: Столяров, Каретников, Тележников, Сундучников).

10. Парикмахеров (опять-таки тех, кто обслуживает благородную публику. Прочие же именуются скопом цирюльниками).

БРОНЗОВЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Пожарные.

2. Кузнецы.

3. Ветеринары.

4. Почтари и телеграфисты.

5. Шляпники.

6. Садовники и огородники.

7. Горнорабочие.

8. Содержатели домашней птицы, мелкого скота, птицеловы и пчеловоды.

9. Посудных дел мастера (Гончары, Бочары).

10. Торговцы провизией и изготовители таковой (цехи: Мукомолов, Хлебопеков, Виноделов, Пивоваров, Мясников, Зеленщиков, Бакалейщиков).

МЕДНЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Портные.

2. Сапожники и обувщики.

3. Печники.

4. Водолазы.

5. Извозный промысел.

6. Вольные слуги.

7. Повара.

8. Мостильщики улиц.

9. Кровельщики.

10. Градские обыватели (к сей гильдии приписаны представители многих ремесел, не вошедших в прочие).

ЖЕЛЕЗНЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Заводские мастеровые.

2. Мусорщики.

3. Мастера паровых машин.

4. Мастера воздушных шаров и планеров.

5. Маляры, фигляры, циркачи, газетиры.

6. Портовые рабочие.

7. Ткачи, шерстобиты и обойщики.

8. Нищие и проститутки.

9. Цирюльники.

10. Типографские мастеровые.

У каждой из гильдий есть залы для собраний, гильдейские знамена и праздники, отмечаемые в определенные дни, подчас с превеликой пышностью, когда речь идет о трех высших гильдейских разрядах. Золотые украшения дозволены лишь Золотым и Серебряным гильдиям, но одновременно можно носить не более одного, а во владении иметь неограниченное количество. Серебряные украшения дозволены Золотым, Серебряным и Бронзовым гильдиям — со схожими правилами ношения, не более двух одновременно. Медным же и Железным гильдиям запрещено строить для собственного проживания дома выше одного этажа, а также им не полагается держать в услужении слуг и служанок и запрягать в повозку более одной лошади (исключение составляют извозчики, но и то лишь в тех случаях, когда выезжают на свой промысел).

Легко понять, что система таковая имеет как свои достоинства (скажем, изошренное совершенство, ведущее к более спокойному и плавному течению жизни, равно как и устойчивости общественной пирамиды), так и недостатки. Недостатком, безусловно, следует посчитать то, что человек, будь он талантлив и многообещающ несказанно, не получит хода в ту область, где мог бы принести не в пример большую пользу (а область таковая, не пополняемая притоком свежих сил, неминуемо придет в упадок). Мысли такие, несомненно, посетили в старые времена кого-то из власть предержащих — ибо в каждой державе есть министерство, ведающее Сословиями и гильдиями, в обязан-

ность коего входит устройство экзаменов и иных испытаний, служащих для пополнения гильдий и Сословий новыми членами, достойными сего. Правда, из этого еще не следует, что каждый, кто достоин занять место ступенькою выше, на ступеньку эту поднимется, — увы, слишком часто мы в этой жизни видим примеры обратного, и ни одни писанные правила, сколь бы мудро они ни были составлены, не обеспечат каждому место, его достойное. В особенности если вспомнить о корыстолюбии одних и изворотливости других и предположить, что в иных случаях презренный металл быстрее и успешнее позволит подняться вверх, нежели таланты и способности...

Добавлю еще, что каждый приписанный к гильдии с того момента, как начнет трудиться если не мастером, то подмастерьем, повинен постоянно носить на груди гильдейский знак. Бляха эта очертаниями повторяет гербовый щит государства, разделена на две части, и в верхней помещен герб города (если город гербовый), либо герб короля (если город коронный) а в нижней — эмблема данной гильдии. Кроме того, знак снабжен отличиями, наглядно сообщающими окружающим, к какому из пяти гильдейских разрядов его владелец принадлежит.

Жены же членов гильдии носят уменьшенное подобие сего знака на груди, на цепочке. Если женщина не супруга чья-то, а сама есть мастер некоего ремесла (скажем, кондитерша, повариха либо содержательница таверны), то знак она носит на груди, как мужчины.

Есть у разных гильдейских разрядов и правила ношения одежды (запрещающие иным гильдиям иные ткани, признанные чрезмерно для них роскошными), но обширная сия тема требует отдельного письма.

И завершу рассказом о крестьянстве. Оно делится на крестьян сеньоров, крестьян короны и фригольдеров. Первые обитают во владениях дворян, вторые — в землях, числящихся королевскими доменами. Есть у них свои права, нельзя их убивать, пытаться членовредительно и отнимать нажитое, но переходить к другим хозяевам они не вправе. Была у них некогда такая привилегия, но давно отнята, и не скажу, чтобы крестьяне смирились с этим окончательно, иначе не бунтовали бы порой. Фригольдеры же имеют статус вольных, за каковой, легко догадаться, держатся паче жизни.

Фригольдеры повинны носить на шапке оловянный медальон с изображением пшеничного колоса. У крестьян короны таковой снабжен еще короной, а у крестьян сеньоров — гербом хозяина.

Нужно упомянуть, что законы жестоко карают за присвоение человеком отличительных знаков, на которые он не имеет права, пусть даже это совершено шутки ради. А если он пошел на это ради получения выгод, то наказание еще тяжелее. Как ни странно покажется, но наказание, пусть не столь суровое, ждет и того, кто выдает себя за особу, стоящую на общественной лестнице ниже, чем это есть в действительности. Впрочем, в таковых порядках, если призадуматься, есть здравый смысл — человек, добровольно спустившийся ниже, чем его поставила судьба, попросту глуп, если только это не служитель божий, взыскующий аскетизма, или юный влюбленный, не нашедший других путей, дабы видеться со своей возлюбленной.

В чем-то, похоже, стройная система гильдий некритически следует закостенелым традициям. Так, заводские мастеровые и мастеровые паровых машин — люди изрядно образованные и умелые, и Железная гильдия для них,

многие соглашались, чересчур уж низка. Но представители молодых ремесел, увы, явились, когда лучшие места были уже заняты. В том-то и суть, что против повышения статуса вышепоименованных возражают в первую очередь сами высшие гильдии, ссылаясь на тысячелетний уклад жизни. Не вижу в том ничего удивительного, ибо давно ведомо, что люди сплошь и рядом питают к ближнему своему даже более сильную неприязнь, ревность и зависть, нежели к высшим. Высшее далеко, и завидовать им нелепо, ибо не всегда и представляешь толком, чему именно из жизни высших завидуешь, ибо не осведомлен о таковой в должной мере. Ближний же — рядом, на глазах, и негоже позволять ему превзойти тебя, особенно если знаешь в глубине души, что он такого превосходства заслуживает... Несовершенен человек, друг мой Чедогон, и не нам изменить природу его...

О КУПЕЧЕСКОМ СОЮЗЕ, ИМЕНУЕМОМ ГАНЗА

Выдержки из шестого письма реверена Гонзака

Расскажу теперь, друг Чедогон, как выглядит на Таларе Ганза, чьих купцов нам доводилось встречать и на Сильване.

В противоположность Балонгу, своему извечному сопернику, Ганза не составляет государства в привычном понимании сего слова. Ганза есть союз ста одиннадцати городов, расположенных как на Харуме, так и на значимых морских островах, причем все без исключения города эти помешаются на берегах, морских и речных. А произошло так оттого, что Ганза возникла в древние времена, когда из-за слабости тронов, непрерывных войн на суше и разгула пиратов на водах торговое плавание что по морям, что по рекам было занятием крайне рискованным, и единственной защитой тут был собственный меч. Так и сложился союз купцов-корабельщиков, к вящей своей выгоде и безопасности неустанно укреплявших флот свой и города. И поскольку цели Ганзы были несложными, ясными и четкими, а укрепление государств — процессом не в пример более долгим, путаным и хаотичным, означенная Ганза, пусть и лишившаяся с бегом столетий прежней вовсе уж невиданной мощи, остается все же сильной. Есть у них торговый флот, есть военный, даже с пароходами, а города их изрядно укреплены и располагают сильными гарнизонами. И не подчиняются они законам того государства, где расположены, — не совершая, со своей стороны, ничего такого, что шло бы вразрез с законами «прилегающей державы» (как любят выражаться ганзейцы, коим похвальба и честолюбие свойственны в той же степени, что и всем прочим). А если какой король, что случается даже теперь, посягнет на лежащий в пределах его державы город Ганзы, то все прочие ганзейские города, объявив тревогу, идут на выручку, и сила их такова, что объявленная ими какой державе война способна державу сию не на шутку озаботить. А общего стовора всех королей и владык против Ганзы ждать не приходится — ибо не случалось еще в истории, да и не случится, мне думается, чтобы все без исключения монархи пришли к полному согласию касаясь столь сложного вопроса. Столь сердечного согласия удастся достигнуть лишь в делах более простых, да еще направленных против слабейшего — как это было с Сандоварским Уложением.[16] Так что Ганзой за последние семьсот лет утрачено лишь четыре города (не включаю в это число тех, что оставлены самими ганзейцами под натиском Глаз Сатаны).

Промышляют ганзейцы главным образом торговлей и перевозкой товаров. Занимаются они и банкирским делом, но таковое почти повсеместно в руках

Балонга, и успехи Ганзы на сем поприще ничтожны (что ее, говорят, злит). Словия и гильдии у них те же, что и у большинства держав, хотя число гильдий и составляет у ганзейцев не пятьдесят, а сорок восемь, нет в Ганзе ни гуртовщиков, ни мастеров воздушных шаров и планеров — одиночным городам-государствам, стесненным по территории, сии ремесла ни к чему, равно как и телеграфисты. Кроме того, иные гильдии вроде корабельщиков и моряков с речными матросами стоят выше, чем в других державах, а иные — не в пример ниже. Крестьяне есть при сорока шести городах, и все они фригольдеры. А дворянства своего не имеется. Те из ронинов[17] (а таких немало), кто поступает на службу Ганзе, не располагает в ее городах теми привилегиями, что имеют дворяне других держав, зато пользуются всеми правами вольного ганзейца, а это им обеспечивает известное благополучие и защиту. Нужно еще добавить, что преступлений в ганзейских городах не в пример меньше из-за малого притока посторонних. В этом отношении города Ганзы, даже крупные, схожи с деревнями, живущими патриархально, размеренно и замкнуто. Что, впрочем, не означает идиллии, ибо природа человеческая несовершенна.

Единобо правителя у них нет, но раз в год собирается Ганзейская Палата из представителей всех городов для обсуждения накопившихся проблем и решения дел, буде таковые возникнут. Палата эта назначает в каждый союз (ганзейские города на континенте, числом 89, делятся на семнадцать союзов, а остальные, что разбросаны на островах, приравниваются к союзу каждый) Легата Палаты, и означенные Легаты по иным своим обязанностям и должностным функциям выполняют роль правителей.

Относительно ганзейского герба ходит старинная легенда — что-де во времена оны некий богатый судовладелец, готовясь перейти в иной мир, завещал корабль свой тому из сыновей, кто, обойдя в шлюпочном состязании остальных, первым коснется рукой палубы. И один из сыновей якобы, видя, что победа от него ускользает, отсек себе руку и кинул ее на палубу, соблюдя тем самым букву уговора. Иные сказке этой верят, но я подобную слышал частенько и на Таларе, и на Сильване, причем речь шла о иных купцах, не ганзейских. И потому подозреваю, что имеем мы дело с бродячим сюжетом, переходящим от народа к народу.

Вот и все, пожалуй, о Ганзе.

О ЗАГАДОЧНОЙ И ПОРАЗИТЕЛЬНОЙ СТРАНЕ ИЛЛЮЗОР

Письмо седьмое реверена Гонзака

Приступая к рассказу о преудивительном крае Иллюзор, опасаясь, друг мой Чедогон, что ты можешь не поверить, хоть и знаешь прекрасно, что не в моем обычае предаваться шуткам и розыгрышам, когда речь идет о накоплении знаний об окружающем нас мире. И все же места, коим тысячи лет назад кто-то мудрый присвоил удивительно точное название Иллюзор, до того поразительны, что окончательно поверить в их существование можно, лишь повидав собственными глазами. Я и сам, каюсь, считал рассказы преувеличенными, проистекающими из присущей иным странникам манеры сваливать в одну кучу и собственные наблюдения, и пересказы из третьих уст, и упражнения шутников, — мы с тобой и сами, будучи юными студентами, находили порой забавы в том, чтобы угощать наивных чужеземцев байками о чудесах и диковинах, рожденными за кувшином черного пенистого... Иные из этих на-

ших придумок попали и на страницы серьезных книг, за что мне потом было стыдно. Но с Иллюзором все обстоит иначе. Он существует, именно такой — к непреходящей головной боли ученых книжников, перерастающей порой в уныние и тупое изумление многообразию и изощренности загадок, подсунутых нам то ли добрыми духами, то ли злыми, то ли лишенными разума и души силами природы...

Представь, друг мой, что едешь ты верхом по стране, прямо-таки брызжущей жизнью. В лесах рыскают дикие звери, олени и кабаны, на лугах пасутся стада, за плугом ходят пахари, по большим дорогам движется нескончаемый поток путников, обгоняя тебя и спеша навстречу, — тут и пешие, и конные, и повозки купцов, и блестящие дворянские кавалькады, и воинские отряды. Проезжаешь ты городами и деревнями, где кипит жизнь во всем ее многообразии и блеске, и обитатели заняты когда каждодневными своими делами, когда торжествами и праздниками.

Таким предстает перед путником Иллюзор. Но очень скоро ты заметишь, что все окружающее немо — ни единый звук, кроме топота твоего коня и звяканья уздечки, не нарушает всеохватывающей жуткой тишины. И если пойдешь ты прямо на встречного, пройдешь сквозь, не встретив на пути ничего, кроме пустого воздуха. Ибо все, что ты видишь, и все, кого ты видишь, — суть иллюзия. Не замечают они тебя, не видят, живя своей странной, иллюзорной, несуществующей жизнью. Люди, искушенные в познании, а также причастные к магии и ведовству, уверяли меня, что с призраками и иной нечистью бесплотные обитатели Иллюзора ничего общего не имеют. Скорее уж это запечатленные неведомым путем изображения, никому не делающие дурного и слепые ко всякой попытке установить с ними общение. Истина эта подтверждена за тысячелетия, ибо Иллюзор существовал уже в дописьменные времена, последовавшие за Штормом.

Надобно сказать, что иные строения Иллюзора существуют реально, точнее, остатки таковых — где фундаменты, где стена, где целое почти здание, особо прочно возведенное некогда неведомыми строителями. Но определить это можно лишь на ощупь — ведь всякий дом, амбар или мост взору твоему представляется совершенно целехоньким, будто вчера законченной постройкою. (Правда, там и сям валяются истлевшие доски и груды рухнувшего камня, так что дома предстают одновременно и в виде развалин, и в первозданном своем виде, и зрелище, признаюсь, экстраординарное.) Равно же, если повезет, можешь отыскать и утварь, а то и драгоценности — но немного, потому что лихие кладоискатели за пять тысячелетий постарались изрядно. А подчас отыщется и книга, достаточно сохранившаяся. Но читать тех книг не может никто — написаны они на непонятном языке неизвестными буквами. А храмы их, где бесплотные обитатели Иллюзора поклоняются богам, нам непонятны, и боги такие неизвестны.

Поскольку находимые там предметы выглядят именно так, как и должны смотреться пролежавшие тысячелетия вещи, в иллюзорном своем состоянии представляющие новехонькими, поскольку налицо развалины, легко понять, что Иллюзор есть тень минувшего, отображение существовавшей в неизвестные времена страны, где впоследствии все живое сгнуло неведомо куда (ибо нет там множества скелетов), а неживое понемногу ветшало. Вот только никто не знает, что это была за страна, что за бедствия на нее обрушились и какие при-

чины вызвали нынешнее, столь диковинное и поразительное, состояние дел. Объяснений за тысячелетия накопилось множество, есть и пространные, изложенные весьма ученым языком, да вот беда — во-первых, каждое из них всем прочим противоречит, а во-вторых, ни единое проверить невозможно.

Опасностей Иллюзор не содержит почти никаких. Забредет иногда из других мест настоящий зверь, но редко — звери не любят Иллюзора. Кое-где, рассказывают, обитает нечисть, по всем признакам, укрывшаяся в Иллюзоре, дабы избежать преследований, коим нечистую силу успешно подвергают в иных уголках Талара. Бывает и разбойный народ, пересиживая погоню и укрывая клады, ибо лучшего укрытия и не придумаешь. Заходят сюда и книжники, ищущие истины, и просто любопытные, кому средства позволяют снарядить экспедицию.

А постоянно никто из живых тут не селится, разве что беглые крестьяне, коим податься уж вовсе некуда. Первоначально я, не освоившись, удивился было, отчего окрестные владельцы не воспользовались столь легкой и удобной возможностью расширить свои рубежи, однако ж, проведя в Иллюзоре две недели, принужден был признать правоту моих проводников, толковавших допрежь, что жить здесь «тягостно». Поистине так. С каждым днем, проведенным среди немых теней Иллюзора, нарастает в душе тягостное ощущение то ли тоски, то ли тревоги. Возможно, ты его сам себе внушаешь, возможно, так дразнит твои чувства диковинность окружающего, да только от того не легче. К вечеру пятнадцатого дня не выдержал я и велел поворачивать коней к границам Вольных Маноров, хоть многое, достойное внимания, следовало бы еще осмотреть, и немало любопытного осталось неизученным. Злясь на себя, досадуя, но не в силах превозмочь незримое тягостное давление, ехал я прочь во главе своего повеселевшего отряда...

Словом, Иллюзор необитаем. Лишь в полуночных его областях, где простираются прилегающие к морю обширные степи, что ни год появляются снольдерские и ронерские гуртовщики, пригоняя на летние выпасы рогатую скотину, ибо пастбища там богатейшие, хоть реальные травы и мешаются там с иллюзорными. Лошади, животные умные, тонко чувствующие и наделенные повышенной восприимчивостью ко всему необычному, а также имеющему отношение к потусторонним силам, тех пастбищ не любят, постигнув в меру разумения диковинность Иллюзора. Бык же, тварь тупая, виденным не тяготится, и странность иллюзорских пастбищ его не заботит — знай жрет, нагуливая тушу и покрывая степи диковинного края навозом.

На сей низменной ноте я, пожалуй, и закончу, ибо нечего более добавить к описанию странностей Иллюзора.

О КРАЕ, ИМЕНУЕМОМ СВЯТОЙ ЗЕМЛЕЙ

Выдержки из восьмого письма реверена Гонзака

Святая Земля, повествуют, была некогда обычным королевством, где уклад жизни ничем не отличался от налаженного в других державах. Но четыреста с лишним лет назад, когда страна, сотрясаемая многими невзгодами, от засухи до баронских бунтов, находилась в крайне расстроенном состоянии, некий священник по имени отец Патаран, служитель столичного храма Единого Творца, человек незаурядный, наделенный и красноречием, и умением доходчиво излагать толпе свои мысли, встал во главе движения, нареченного «Братством Совершенных», к которому примыкали не одни лишь простолюдины,

но и немалое число гильдейских, членов Сословий, дворян, в том числе и титулованных. Братство это, проповедовавшее борьбу против всяческой несправедности и греховности путем отказа от мирской роскоши и разномыслия, в короткое время снискало себе изрядное множество сторонников — ибо во времена потрясений и бед, как мы не единожды имели случай убедиться, нетрудно возбудить в обществе ярость и жажду действия, в особенности если четко обозначить виновных и обещать, что с незамедлительным устранением таких жизнь наладится быстро...

Из всего этого возникла великая смута, принявшая характер большой войны сторонников короля против приверженцев Братства, причем в обоих лагерях хватало и титулованных дворян, и самого подлого люда, ибо раскол прошел не меж Сословиями, а внутри самих Сословий, не миновав ни одного. Продлившись с переменным успехом около полутора лет, война эта привела к гибели королевской фамилии, большим людским жертвам. Немалое число городов было разгромлено и сожжено. Победа Братства вынесла на опустевший трон отца Патарана, и новоявленный правитель немедля приступил к преобразованиям, проходившим быстро и энергично благодаря поддержке закаленной в боях армии. Вот и получилось, что на волне успеха отец Патаран произвел изменения столь всеохватные и решительные, что в иные, мирные времена для таковых потребовалось бы не одно десятилетие (а посему и жертв, как расставшихся с жизнью, так и принужденных бежать в изгнание, нашлось преизрядно).

Ныне Святая Земля управляется Великим Магистром, происходящим от потомков отца Патарана (он, вопреки канонам, безбрачия не соблюдал). И жизнь сего государства всецело посвящена, как заявляется, служению Единому Творцу и подготовке воинских сил, способных выйти против сатанинских полчищ. Это напоминает мне орден монахов-воинов из Гурганского царства, на родной нашей Сильване находящегося, но по обширности территории и многолюдству народонаселения Святая Земля многократно превосходит владения ордена. Прежнее деление на дворянство, Сословия и гильдии давно уничтожено. Есть там Божьи Дворяне — они начальствуют над полками, а землями с крестьянами не владеют, являясь лишь управителями. Есть Божьи Книжники, занятые богословием, есть Божьи Инженеры, Божьи Купцы, Божьи Ремесленники и Божьи Мореходы, суть занятий коих ясна из одних названий сих людских общностей. Есть также Братья Монахи, коих немало, и часть их организована в воинские полки, должным образом вооруженные и вышколенные. Ну а Крестьяне Божьи, как легко уразуметь, пахут и сеют. Изящные искусства там, слышно, не в чести, как и почитаемая преступлением роскошь, а храмы всех иных богов, кроме Единого, давно порушены. И нет там ни наград, ни гильдейского деления, ни сословного, ни титулов, ни сеньоров. Иными словами, по рассказам бывавших в Святой Земле путешественников, жизнь там по сравнению с иными краями не в пример аскетичнее и бесцветнее. Разное говорят о заведенных в Святой Земле порядках, кто одобряет их, кто не принимает. Я же остаюсь верным старой привычке писать только о том, что видел собственными глазами или по крайней мере изучил вдумчиво по множеству книг, представляющих противоположные точки зрения. Памятую к тому же, что правом выносить окончательные суждения наделена лишь сама История. Пока же у меня недостаточно знаний о Святой Земле в

чем не стыжусь признаться, и от суждений воздержусь до путешествия туда, каковое твердо намерен предпринять в ближайшие годы.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О ВОЕННОМ ДЕЛЕ

Выдержки из одиннадцатого письма реверена Гонзака

Армии на Таларе не собираются от случая к случаю ради той или иной кампании, а постоянны. Содержатся они на долю доходов от королевских имений, а также на долю от налогов, взимаемых со всех, и с дворян в том числе. Армии Виглафского Ковенанта устроены все на единый образец и состоят из гвардии, «безымянных полков» и легионов. Гвардия, пешая и конная, набирается частью из ронинов, частью из горожан. Есть полки, состоящие целиком из дворян, хоть число таких полков и невелико. Гвардейские полки именуются по цвету мундиров и по роду войск — например, ронерские Синие Мушкетеры или горротские Черные Драгуны. Знамена у них четырехугольной формы, и древки их увенчаны позолоченным орлом, именуемым «акилла». Понятно, что офицеры гвардейских полков происходят из знатнейших дворян, большей частью титулованных, а солдаты получают повышенное жалованье как деньгами, так и в иной форме.

Следом идут «безымянные полки», конные и пешие, артиллерийские, ракетные и саперные. Набираются они из горожан и фригольдеров, хотя попадают там и ронины. Полки эти именуются номерами и по роду войск — например, «пятый кирасирский» или «десятый пикинерский». Вместо знамен у них вексиллумы. Вексиллум есть древко с поперечной перекладиной, прикрепленной пониже вершины, — а уж на этой перекладине и подвешивается полотнище, четырехугольное чаще всего, иногда с бахромой, иногда с кистями. Древко вексиллума увенчано посеребренным акиллой. Служба в сих полках далеко не так почетна, как в гвардейских.

И, наконец, легионы. Эти набираются, что конные, что пешие, из крестьян короны либо сеньоров, именуются также номерами и по роду войск, и офицеры тамошние почитаются ниже всех других. Вместо знамен у них «копье» — древко, увенчанное посеребренным изображением государственного герба и небольшой перекладиной, короче, чем на вексиллумах, с коей свисают ленты определенного цвета.

На службе у каждого короля есть отряды Вольных Топоров, однако таковые используются главным образом на морских островах либо в мелких стычках на границе, когда война по всем правилам не объявляется, а бои тем не менее идут. Впрочем, порой им и в больших войнах доводится участвовать. В офицеры к ним армейские чины идут неохотно, ибо Вольные Топоры, иными спесивцами почитаемые даже ниже легионов, сами о себе весьма высокого мнения. Народ это своенравный, и не всякий офицер с ними уживется.

Есть еще королевская гвардия, почитаемая личной дружиной монарха, и подбору ее самим королем уделяется особое внимание, причем обычные правила в счет как бы и не идут, потому что полки эти — все равно что меч короля, охраняющий его персону и фамилию. По древней традиции (нам на Сильване прекрасно знакомой исстари) королевскую гвардию предпочитают набирать из иноземцев, гланцев в первую очередь, кои славятся высокой боевой выучкой и особенной верностью присяге. Земля в Глане скудна, многие ищут пропитания за его пределами, выбирая в первую очередь военную стезю, как наиболее приличествующую гланскому горцу. Случается еще, что в королев-

скую гвардию берут крестьян без различия их принадлежности, отдавая предпочтение как раз уроженцам самых глухих и отдаленных провинций — они по неразвитости своей чтят короля как сверхъестественное поистине существо, а в городах не имеют ни корней, ни знакомых, ни родни. Королевская гвардия превосходно обучена бою на улицах, защите зданий и штурму таковых — всему, для чего она в первую очередь и предназначена. Помимо того, учат еще рукопашному бою, владению неуставным оружием, обращению с караульными собаками, стрельбе из арбалетов и мушкетов со зрительными трубками, именуемыми оптическими прицелами, а также, несомненно, и другим хитрым воинским искусствам, о которых широкой публике не разглашается. Служба офицером в королевской гвардии, пусть даже в таком полку, что составлен из темных провинциалов (коих долго учат различать правые и левые конечности, привязывая к оным при муштровке то сено и солому, то, ради пущего поощрения, колбасу и рыбу, кои солдат получает для съедения, как только перестанет путаться), — одна из почетнейших, и многие ее добиваются. Однако отбор туда строжайший — ведь немало в истории случаев, когда король становился жертвой гвардейцев, направляемых узурпаторами. Одним словом, друг мой Чедогон, все, что касается таларской королевской гвардии, мы исстари наблюдаем на Сильване, только что под другими названиями: есть области, где мышление венценосных особ движется совершенно схожими путями, какую державу или планету ни возьми...

Вернемся к армии. Что полком, что легионом командует офицер в чине полковника. И полк, и легион, как правило, состоят из пяти рот (только в кавалерии рота именуется «ала»), и в каждой из этих рот от двухсот до трехсот человек, разделенных на десять платунгов. Ротой командует капитан, и в подчинении у него находятся три-пять лейтенантов и десяток сержантов, командующих по необходимости кто одним платунгом, кто несколькими, в зависимости от обстановки и боевой задачи. При каждом полку имеются: артиллерийская батарея, ракетная батарея (в пехотных еще и особая рота, устанавливающая при нужде рогатки для защиты от неприятельской кавалерии), обоз, походные мастерские, штаб под командой офицера, лекарский отряд, один-два платунга (конные, независимо от рода войск), служащие исключительно для охраны штаба, ибо там много тайных бумаг, ценных для противника. А еще — полицейская команда и особое подразделение, именуемое «волчья сотня», — там собраны головорезы сметливые и дерзкие, способные и разведку провести, и заложить пороховую мину, и посеять панику в тылу противника, перехватывая его курьеров, громя обозы. Вопреки общепринятым правилам войны, «волчья сотня» частенько переодевается в мундиры противника, отчето ставит себя вне законов войны, и при поимке их вешают, как шпионов. Впрочем, в сии сотни набирается столь отчаянный народ, иногда прямо с каторги, что подобная бесчестная участь их не особенно и пугает.

Словом, все вышеупомянутые мною вспомогательные отряды каждого полка, пожалуй, не уступают в численности его пяти строевым ротам, также и «алам».

Артиллерийские полки и ракетные делятся на батареи и роты под командою лейтенантов и капитанов. Солдаты их грамотнее и развитее прочих, поскольку имеют дело со сложными устройствами, — то же и с саперами, обязанными уметь обращаться со сложными осадными машинами, закладывать

мины и контрмины и выполнять иные нелегкие задания. В помянутых полках также есть и свои штабы, и лекарские группы, и «волчьи сотни», и мастерские, и отряды воинского прикрытия.

У лейтенантов, капитанов и полковников с генералами чин обозначает золотое шитье на мундирах, а также обилие оного. Так уж сложилось, что знаками различия для лейтенантов стали повсеместно шитые лавровые ветви, для капитанов — тисовые, для полковников — виноградные листья, а для генералов — дубовые (по сему поводу один лейтенант, подвыпив, загадал мне загадку: «Что такое — дуб, и листья на нем золотые?» Оказалось, недалекий умом генерал). К чему в разных державах добавляются свои эмблемы разнообразного типа.[18]

Есть еще полки воздушные, оснащенные воздушными шарами и планерами. Первые, поднятые на привязи, служат для наблюдения за неприятелем, а со вторых, бывает, метают и гранаты в осажденную крепость или на позиции, и, хоть урон от таких атак обычно ничтожен, ущерб для боевого духа подвергнутых такому нападению велик. По этой причине повсеместная ненависть сопровождала воздушные войска при их появлении, как это, рассказывают, было в старину с огнестрельным оружием при его начавшемся в войсках распространении. Ненависть эта достигала такого накала, что еще на памяти нынешнего поколения военных пленного летуна, будь он и дворянин, вешали совершенно как шпиона, если не подвергали худшей участи. Специально созванная по сему поводу ассамблея Виглафского Ковенанта после долгих прений постановила такую практику недопустимой, и каждый монарх клялся королевской честью соблюдать законы войны по отношению к летунам, а нарушителей сего карать смертью. А король Снольдера, единственный, кто располагает летательными машинами под названием «самолет», понуждаемыми к летанию особыми механизмами (но ничуть не похожими на наши воздушные колесницы), набирает летунов из одних дворян и присваивает каждому офицерский чин, дабы полностью его обезопасить, — ведь убийство пленного офицера считается поступком недопустимейшим, и дворянство всех держав строго следит за соблюдением сего правила.

Флот таларский состоит из парусных кораблей, пароходов, а также судов, способных ходить и под парусом, и посредством колес. Вооружены они пушками, ракетными станками, метательными устройствами и огнеметами.[19] Малыми кораблями командуют лейтенанты, большими — капитаны, имеющие в подчинении несколько лейтенантов (причем лейтенант, командующий отдельным кораблем, именуется «флаг-лейтенант» и по рангу считается выше обычного лейтенанта, что подчеркивается дополнением к знакам различия). Эскадры же управляются адмиралами. В отличие от суши, где генеральский чин не делится на разряды, адмиральский практически повсеместно на разряды делится, в какой стране на два разряда, в какой — на три. Знаками различия для лейтенантов служит шитье в виде якорной цепи, для капитанов — таковой же цепи с якорями, а в отношении адмиралов существует большое разнообразие. Так, в Снольдере есть адмиралы Трех, Двух и Одного Фонаря, в Ронеро — адмиралы Красной, Синей и Белой эскадр, а в Лоране — адмиралы Небесные и Звездные (чины эти, как говорят, произошли от наименования парусов — один их ряд, средний, в морской практике именуется Небесным, а верхний — Звездным).

Служат в войсках и девушки, главным образом из дворянских семей, иногда и в офицерских званиях, их не столь уж много, но и не настолько мало, чтобы они считались диковинкой. Снисхождения к ним по сравнению с мужчинами не делается никакого, а вот лишние опасности существуют: если попавшая в плен девушка не имеет офицерского звания, то при недосмотре начальников (а то и их попустительстве) может в неразберихе сражения подвергнуться самому разнузданному насилию. Причем порой надругательство оное имеет причиной вовсе даже не распутство, а выражает убеждение иных, что воевать женскому полу негоже. В военный же флот лица женского пола служить категорически не допускаются, чему причиной древняя традиция. Даже в качестве пассажира иные капитаны женщину, будь она в офицерском звании, берут неохотно. Ради курьеза упомяну, что лет десять назад один роверский крейсер самым натуральным образом взбунтовался, когда его палубу вознамерилась посетить королева, и даже король, заслуженно прозванный Ужасным, вынужден был простить бунтовщиков, ибо очень уж древний и незыблемый обычай был затронут (но запрет таковой сохраняется лишь в регулярном военном флоте, ибо в торговом, сообщали мне, женщины плавают в небольшом количестве а у пиратов — и в большом).

Есть на Таларе военные школы, где год, а то и два-три готовят морских офицеров, артиллерийских и саперных. Конница же и пехота обучения в особом заведении не требуют. Молодые люди из дворян, зачисленные в конный либо пеший полк кадетами, там непосредственно постигают военную науку. Когда (речь идет о мирном времени) вышестоящие командиры признают, что кадет достоин звания, ему присваивают чин «кадет-лейтенант», в коем он и пребывает до освобождения вакансии. Бывают и кадет-капитаны (а среди молодых офицеров кружит байка о некоем невезучем кадет-генерале, до кончины своей пробывшем в этаким чине в ожидании вакансии, но это не более чем ходячий анекдот). На войне, понятное дело, производство в чин случается быстрее. Нужно заметить, что во многих полках, гвардейских особенно, в полковники простым продвижением на освободившиеся вакансии не выбьешься — я о полках, где полковников назначает сам король, а не военное министерство.

В солдатах и матросах служат не менее десяти лет, а верхнего предела не назначено — лишь бы был крепок и не увечен, а там служи хоть до седых волос. Отслужившие десять лет могут при соблюдении определенных условий выйти в отставку, однако еще семь лет находятся во «второй очереди», и в случае большой войны их могут вновь определить на службу, потому что так проще и выгоднее, чем брать необученного. Если вышедший в отставку после десяти лет беспорочной службы был до того крестьянином сеньора или короны, он получает статус фригольдера либо право приписаться к одной из трех низших гильдий, а если имеет не менее трех медалей — и к Серебряной. Если же отставник горожанин, может подняться гильдией выше, а при наличии медалей — и шагнуть через разряд. Порядки такие побуждают многих и многих искать военной службы — благо, в полном соответствии с таларской поговоркой «У акиллы из-под крыла не выскочишь», достаточно беглому тюремному сидельцу или сбежавшему от хозяина крестьянину попасть в списки полка и принести присягу, как ни полиция, ни сеньор уже не вправе его из казарм извлечь.

В военном флоте есть свои особые полки морской пехоты, действующие в

морском сражении абордажными командами, либо штурмующие прибрежные города, когда произойдет такая надобность. Иные из этих полков целиком набираются из каторжников, изловленных пиратов и тому подобного сброда, обязанного в обмен на свободу прослужить ровным счетом пятнадцать лет. Свободой такой удел можно назвать с превеликой натяжкой, ибо надзор за ними строгий и за попытку дезертирства вешают немедля, да и за многие другие проступки наказанием петля гораздо чаще служит, чем розга. И все же приток охотников в такие полки велик — лучше служить в морской пехоте, чем надрываться в каменоломнях или висеть на рее, к тому же бывает и военная добыча, а отслуживший пятнадцать лет получает полное прощение прошлых грехов. Вот только доживает до окончания срока не более одной десятой, поскольку их бросают в самые горячие места — да так уж человек устроен, что всегда надеется, будто убьют непременно другого...

Ганза тоже содержит на часть своих доходов и постоянную армию, и военный флот, и отряды Вольных Топоров. В Глане же постоянной армии почти что и нет — лишь два-три королевских полка, обычно размещенных на границах. Зато при угрозе извне тамошний воинственный народ, сызмальства обученный владеть оружием независимо от пола, быстро собирается под знамена своих кланов, и армия эта весьма грозна, ибо защищает свою родную землю.

Постоянную армию не заменишь быстро неопытными рекрутами, стоит она дорого, и часто рисковать ею в крупных сражениях неразумно. Потому, как и у нас на Сильване, особо крупные войны, истощающие государство и требующие предельного напряжения всех сил, на Таларе бывают, но весьма редки. Те же, что вспыхивают и ведутся часто, сводятся к двум-трем битвам, где обе стороны выставляют лишь по несколько полков. Так же обстоит и с морскими сражениями, где сходятся не более десятка-другого вымпелов с каждой стороны. Иные войны ограничиваются осадой крепостей, иные — рейдами одного-двух полков на вражескую территорию.

Мирное же население, считается, не должно участвовать в войне, как бы к ней ни относилось. Единственным исключением предстает лишь воинственный Глан, чьи рубежи сильнее мечей охраняет ясное осознание того, что любому вторгшемуся придется ждать удара от каждой руки, из-за каждого куста. С другой стороны, по законам современной войны и у армии противника нет привычки зверствовать против мирного населения, хотя оно несет неизбежный ущерб в виде увода скота, грабежей и насилий над женским полом, а порой и взятые города бывают отдаваемы войску на разграбление. Такова уж война, сама по себе являющаяся бедствием...

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О МОРСКИХ ОСТРОВАХ

Выдержки из четырнадцатого письма реверена Гонзака

О всевозможных чудесах, диковинах, встречах и впечатлениях, с которыми я столкнулся во время трех своих морских путешествий, напишу еще отдельную книгу, каковая, похвастаюсь, на две трети уже готова.[20] А пока что, друг мой Чедогон, ограничусь тем, что перечислю самые заметные морские острова и опишу их кратко.

Надобно прежде всего заметить с превеликой завистью, что мореплаванию на Таларе благоприятствует одно существеннейшее обстоятельство — моря там, в отличие от наших, пресноводные, и корабельщикам не грозит смерть от жажды. (Ходят даже разговоры среди ученых, что великая река Ител — есть

поток, вытекающий из моря, подземным течением проделывающий часть пути и выходящий в Хелльстаде на поверхность. К этому предположению стоит прислушаться, учитывая странное строение реки Ител, словно бы из ниоткуда берущей немалое количество полноводных рукавов, на каковые она разделяется, — а ведь со всеми прочими реками обстоит как раз наоборот: притоки питают реки, а не реки в обилии порождают рукава. Однако проверить это предположение трудно: экспедиции к устью Итела опасны. Пробовали иные сбрасывать с кораблей в Фалейском заливе изрядное количество плотно закупоренных пустых бутылок, надеясь, что некоторые из них, пройдя гипотетическим подводным течением, всплывут в низовьях реки, но не слышно, чтобы принесло это успех, что, впрочем, как не доказывает существование подземного потока, так и не отвергает).

Так вот, планета Талар делится на Полушарие Восхода и Полушарие Заката. В первом и лежит Харум. К полудню от него расположены острова Бару, числом одиннадцать. Четыре из них, более обширные, принадлежат Снольдеру, а прочие семь — Горроту. Острова эти никакой пользы почти не приносят, не разведано там ни ценных руд, ни благородных металлов, а земля большей частью скудна для земледелия или скотоводства, так что владеющий ими извлекает выгоду главным образом моральную. Ибо государства подобны малым детям, каждый клочок земли для них — что любимая безделушка, какую не отдадут другому, даже если надоела...

К закату от Харума лежит Катайр Крофинд, остров большой, размерами не уступающий Харлану. Там текут две реки, есть обширные пастбища, оловянные и медные рудники, месторождения мрамора и каменоломни, на коих трудятся каторжники. Есть там города и деревни. Катайр Крофинд принадлежит Снольдеру.

К полуночному закату от Катайр Крофинда находится Инбер Колбта. Островов в данном архипелаге около девяти сот, но редкий из них превышает размерами двух-трех югеров,[21] и расположены они крайне густо, очень близко друг к другу собраны, так что разделяющие их воды весьма узки, где шириною в полет стрелы, а где можно без труда перебросить камень с островка на островок. Протоки Инбер Колбта являют собой сущий лабиринт, где незнакомый с архипелагом кормщик может блуждать неделями, не находя выхода в океан, да и опытные лоцманы не рискуют углубляться в самое сердце Инбер Колбта, благо что и делать там занятому человеку нечего. Только на внешних островах останавливаются проплывающие корабли, ибо у Инбер Колбта проходит один из оживленных морских путей, и вездесущие ганзейцы еще в древние времена устроили там три порта, а в позднейшие годы разные государства заложили угольные склады для своих пароходов. В глубине же Инбер Колбта любят укрываться превосходно знающие те места пираты, и погоня за ними затруднительна, хотя случается. Всякое болтают о центральных областях Инбер Колбта, но я к этому еще вернусь в своей книге о тайнах океана. Инбер Колбта никому не принадлежит, и большинство его островов необитаемы. На таларском древнем языке, ныне вышедшем из употребления, «инбер колбта» означает «устье реки», и ученые люди уверяют, будто с птичьего полета архипелаг и впрямь напоминает, если мысленно дорисовать недостающее, устье гигантской реки, дельту с многочисленными островками. Возможно, есть правда в легендах, утверждающих, будто до Шторма места те были сушей с

протекающей по ней рекой — от чего только и осталось, что Инбер Колбта.

Примерно на равном расстоянии меж Инбер Колбта и Лораном, только лигах в ста к полуночи, лежит остров Стагар, и он невелик. Жители его пользуются мрачной славой первых на Таларе морских колдунов, весьма сведущих во всем, что касается погоды, течений, бурь, дождей и ветров, а также морской нечисти. И слава эта вполне заслуженна — оттого-то, по некоему молчаливому уговору, харумские державы претензий на Стагар не предъявляют, стараясь с ним не связываться, благо и взять с него нечего. Формально остров принадлежит лоранской короне, от каковой на Стагаре присутствует губернатор с небольшим количеством чиновников и солдат, но вмешательства в местную жизнь он не оказывает, и последняя идет своим чередом. Коренных обитателей там насчитывается около трех тысяч, малая часть живет плутом, а большая — рыбной ловлей. Лоранцы туда не переселяются, ибо Стагар скуден и каменист. Есть там при городке, также именуемом Стагаром, большой порт. В городке и пребывают губернатор с гарнизоном, а также некоторое число ссыльных, среди коих есть и знатные.

Примерно в полутора тысячах лиг к полуночному закату от Стагара лежит Темайр. Остров сей служит ларам портом, откуда летают на Сильвану и обратно те межпланетные исполинские ладьи, на одной из которых я сюда и прибыл. На Темайре есть большой порт, куда приплывают корабли, перевоза уходящих на Сильвану и прибывающих оттуда, вкуче с их товарами. Всем на Темайре распоряжаются лары.

Вот и все о Полушарии Восхода. Перейдем теперь к Полушарию Заката, изучая его сверху вниз.

На полуночи лежит Диори, огромный и загадочный остров, весь закованный льдами, что необъяснимо при таларском климате, везде одинаково ровном, не знающем зимы, снега и льда. А посему все сходятся, что льды Диори имеют объяснение неестественное. В глубь сей жуткой земли никто не рискует углубляться, да и на берегах Диори появляется еще меньше дерзких смельчаков, чем на рубежах Хелльстада. Если хоть десятая часть страшных рассказов о поджидающих на Диори опасностях верна (а так оно, безусловно, и обстоит), то рекомо сокрытые там клады имеют надежнейших сторожей...

Ниже, на одной примерно широте, расположены Ферейские острова, Хай Грон и Бран Луг.

Ферейские острова, числом пять, принадлежали когда-то королевству Демур, ныне стертому с лица земли Глазами Сатаны. После гибели метрополии жители острова, оказавшись без подданства и защиты, переселились на Бран Луг. Так же поступил и гарнизон имевшегося на одном из островов военного порта, перейдя на ронерскую службу. Ныне на одном из них ронерцы заняли опустевший порт, приспособив его для своих нужд, ибо мимо того острова проходит морское течение, облегчающее путь их кораблям к Бран Лугу. А остальные четыре необитаемы, там пасутся стада одичавших коров, на которых охотится и гарнизон, и пираты, и проплывающие честные мореходы, имеющие потребность в свежем мясе.

Далее лежит Хай Грон. Остров этот мал, площадью около двадцати югеров, и почти весь представляет собой бесплодные скалы, если не считать узкой прибрежной полоски на закатной окраине, где расположился город с портом, наполовину принадлежащим Ганзе. Однако знаменит этот остров на весь Та-

лар. В самой высокой точке Хай Грона стоит храм морского бога Руагату, и легенда гласит, что под этим именно храмом зарыто знаменитое копьё Морских Королей, коим только и можно убить Великого Кракена. Поверье это идет из седой древности и чересчур устойчиво для простой сказки. Но поскольку его сопровождает столь же древнее поверье, гласящее, что разрушение храма Руагату или любой значительный ему ущерб вызовет страшное наводнение, всемирный потоп, не уступающий Шторму, державы Виглафского Ковенанта, все без исключения, держат на острове свои воинские команды, бдительно охраняющие храм днем и ночью. Признаюсь, впервые я столкнулся со случаем, когда все государства столь единодушны в серьезнейшем своем отношении к старинной легенде. Так что поневоле начинаю думать, что для такого поведения у них есть свои причины, и пророчество оное в старые времена действительно прозвучало из уст кого-то, чьи слова сбывались... Но не возьму в толк, где можно было зарыть копьё. Храм я посетил немедля, туда пускают в сопровождении чиновников в дневное время, за умеренную плату. И уверяю тебя со всей ответственностью: храм сей стоит на сплошной скале, где невозможно зарыть что бы то ни было. Позже, уже на Харуме, в кругу ученых, я со всем пылом новичка предположил, что речь идет об устроенном в подземелье храма тайнике, но мои догадки тут же опровергли, рассказав, что за минувшие тысячи лет там, не выдавая своего подлинного лица, побывали многие колдуны и маги, а также горные инженеры и лозоходцы, поднаторевшие в поиске тайников и подземных полостей; и все они пришли к заключению, что подземелье храма (невеликое, кстати) тайников не содержит. Остается разве что предположить, что легендарное копьё это, если и впрямь существует, магическим образом заключено в толще камня, откуда извлечь его может лишь посвященный. Случаи таковые нам известны на обеих планетах. И таларские ученые со мной всецело согласились, ибо сами так думали: если копьё существует, то разве что заключенным во внутренность камня, подобно мечу фоморов или копьё Гримтаса.

Далее расположен Бран Луг, размерами не уступающий Катайр Крофинду, а то и превосходящий. Владение это ронерское. Только там, в силу неких природных особенностей, и растет на Таларе хлопок (коим занято две трети острова). Также и сахарный тростник, хоть и растущий в иных уголках планеты, на Бран Луге наиболее хорош и обилен. Им засажена оставшаяся треть острова, из него добывают как сахар, так и излюбленный моряками ром — каковой, очищенный должным образом, весьма хорош. Труд по возделыванию обеих этих культур крайне тяжел, и своей волей туда редко кого заманишь, разве что от крайней нужды. И потому ронерцы посылают туда каторжников, а также нанятых у нас на Сильване рабочих.

К восходу от Бран Луга лежит Сегур. Остров этот невелик, размеров в пятьсот югеров, но история его удивительна. Сегур — последний сохранившийся над уровнем моря клочок некогда обширного и богатого королевства, размерами не уступавшего некогда доброй четверти Харума и включавшего в себя также Бран Луг (но Бран Луг был глухой окраиной, а Сегур — землями, расположенными вокруг столицы). Девятьсот с лишним лет назад земля эта стала вдруг погружаться в океан и на протяжении примерно семидесяти лет погружилась почти вся, после чего море уже ни Сегур, ни Бран Луг не тревожило. Людей за те семьдесят лет погибло немало, но, поскольку погружение сие бы-

ло не единовременной катастрофой, а постепенным опусканием суши, жертв все же насчитывается неизмеримо меньше, чем было бы при внезапном могучем катаклизме, и очень многие, прихватив то, что смогли погрузить на корабли, рассеялись по иным землям. А поскольку столица бывшего королевства, современный город Сегур, пребывает и ныне на суше, то за уцелевшей королевской фамилией сохранены все права, а за островом Сегур — права королевства, в качестве какового Сегур и состоит в Виглафском Ковенанте. Сам я, обремененный житейским опытом и толикой проистекающего отсюда цинизма, полагал, что причиной такого великодушия послужил отказ сегурского короля от образовавшегося острова Бран Луг в пользу великих держав (добавлю, что державы долго вели войны за единоличное обладание сим островом, пока там окончательно и безраздельно не утвердился Ронеро). Есть историки на Таларе, втихомолку со мной согласные, но в архивах письменных следов такой сделки нет, разве что в королевских, нам недоступных. Ныне на Сегуре, кроме одноименной столицы (понятно, весьма обезлюдевшей), сохранился еще невыразимо прекрасный город Сегула, о котором толкуют, что за красоту его пощадили даже морские демоны — или сам Руагату, коего суеверная молва почитает виновником гибели королевства. Население Сегура сейчас не превышает десяти тысяч. Там обитает королевская фамилия с изрядным количеством дворян, и жизненный уклад разительно отличается от бытующего в иных странах. Из-за того, что крестьян и ремесленников осталось крайне мало, ибо именно они в первую очередь бежали из гибнущей страны, а дворян, так и не покинувших в свое время Сегур, насчитывается преогромное количество, то большинству из них ради пропитания пришлось освоить занятия, почитавшиеся до того презренными. И нынешний Сегур являет собой зрелище редкостное. На каждом шагу там можно встретить бакалейщика или гончара, а то и пахаря, щеголяющего при прадедовских золотых шпорах и золотой цепи, дабы подчеркнуть свое происхождение. Дворяне составляют девять десятых всего населения, но подлинно дворянский образ жизни ведут не более двух сотен из них, а прочие заняты делами, относящимися в других краях к обязанностям Золотых, Серебряных, Бронзовых и частью Медных гильдий. Жизнь на Сегуре была бы и вовсе скудна, не сдавай короли три порта в аренду ганзейцам.

Почти в центре Полушария Заката расположены острова Девайкир, числом девять. Иные из них богаты золотом и серебром. По одному острову принадлежит Снольдеру, Ронеро и Горроту, устроившим в своих владениях рудники. Два заняты Ганзой, но не слышно, чтобы там добывали драгоценные металлы (разве что по купеческой привычке это держится в тайне). По одному острову досталось Лорану и Харлану, безрезультатно пока что ведущим поиски. Два острова бесхозны, и все, кому вздумается, и государственные рудознатцы, и одинокие ловцы удачи, ищут там следы ценных руд. Если найдут, следует ждать войны за обладание данными островами. Поскольку оттуда на континент часто отплывают корабли, груженные золотом и серебром, вокруг островов Девайкир прямо-таки роятся пираты (правда, остается неподсчитанным, сколько из них старается ради собственной выгоды, а сколько — замаскированные морские офицеры соперничающих держав или попросту нанятые означенными державами каперы).

На полуночном восходе лежит Море Мрака — таинственная обширная об-

ласть, укутанная нетающим густым туманом, куда даже пароходы с запасом угля заходить не рискуют. С превеликим трудом, выложив столько золота, что хватило бы на покупку неплохого трехмачтового корабля, мне удалось уговорить капитана (далеко не самого трусливого из известных мне таларских мореходов) углубиться в Море Мрака на лигу — и многое я понял, так что отныне не стану упрекать в трусости тех, кто опасается входить в Море Мрака. Но сам туда непременно вернусь для обстоятельной экспедиции, как только подыщу надежную команду и добрый корабль.[22]

На полудне лежит остров Дике, немногим менее Бран Луга, принадлежит он Горроту, обитаем и многолюден, но не пашни и пастбища составляют главную его ценность. В горах, в срединной его части, добывают знаменитый пещерный жемчуг, синее чудо, приносящее королям Горрота немалый доход. Растет там еще красное дерево, а в горных копиях добывают красную яшму и полосатую,[23] а также особый род аметиста, именуемого «бархатным», — фиолетовый цвет его при вечернем освещении изменяется в густо-красный. Есть там и рубиновые копи, и месторождения полудрагоценных минералов — из них более всего известны венис[24] и бакан.[25] Словом, недра острова Дике столь богаты, что горротских королей подозревают в сговоре с гномами, но слухи эти, верней всего, рождены одной лишь завистью, ибо кто слышал, чтобы гномы обитали на острове, пусть и большом? Даже если Дике, как слышно, есть осколок затонувшей в незапамятные времена земли, гномы давно покинули бы его, ибо островов не любят.

В океане насчитывается несколько десятков прихотливо разбросанных одиноких островов, но они малы, большей частью необитаемы, и для нашего повествования интереса не представляют ни малейшего — разве что из-за связанных с иными легенд и примечательных случаев, поверий и курьезов, которые я постараюсь изложить в своей книге о море.

О ГОРОДАХ

Выдержки из пятнадцатого письма реверена Гонзака

Города таларские делятся на дворянские, коронные и гербовые. Первые целиком принадлежат дворянам, на землях коих расположены, вторые — королю, а третьи — вольные, в ознаменование чего и наделены гербом, коим жители такого города крайне горды. Случается, конечно, что гербовый город лежит в границах дворянских владений, бывает, город окружен коронными землями, а случается, что столица, например, ронерская Равена, не королевский город, а гербовый. Происходит это оттого, что владения не раз меняли принадлежность, иным городам герб жаловался за заслуги, а у других отбирался за вину мнимую или подлинную. В городах всех трех разновидностей существуют одни и те же гильдии и сословия. Разница лишь в том, что в дворянском городе, будь он наполовину населен людьми вольными, власть дворянина весьма ощутима, как в коронном — власть короля. Зато гербовые города управляются исключительно своими магистратами, ревностно хранящими старинные привилегии. Для каждой разновидности городов существует известная разница в судопроизводстве и отправлении правосудия, а также в персоналиях, оное отправляющих. Однако система эта чересчур сложна для короткого пересказа, как показали бы сложны чужеземцу наши правила на сей счет.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ГОЛОВНЫХ УБОРАХ

Головной убор играет на Таларе очень большую роль. По нему безошибочно узнают род занятий и социальное положение владельца. Появиться на людях с непокрытой головой — поступок крайне предосудительный, достойный последнего бродяги.

Бадагар — фетровая широкополая шляпа, обычный головной убор военных и дворян (у дворян украшена перьями, лентами, пряжками из драгоценных металлов с самоцветами).

Бонилон — твердая шляпа с высокой тульей в виде усеченного конуса и неширокими полями. Головной убор членов Золотой, Серебряной и Бронзовой гильдий. В зависимости от гильдии бывает украшена золотым, серебряным или бронзовым медальоном, вместо ленты — крученный шнурок.

Капарат — круглая твердая шапка, как правило, темных тонов. Ее носят члены сословия Мер и Весов. Бывает украшена ярким матерчатым верхом, золотом и серебряным шитьем, отшлифованными полудрагоценными камнями.

Каталана — фетровая или кожаная шляпа с высокой тульей и узкими полями, заломленными сзади. Наиболее распространена по обе стороны Каталунского хребта, где ее носят дворяне, пограничные егеря, вообще все Сословия, кроме крестьян. В других местах — излюбленный головной убор охотников (поскольку шляпа этого фасона наиболее удобна для ходьбы по чащобе).

Лангила — матерчатая шляпа с очень широкими полями и круглым верхом, плотно сидящая на голове. Пропитывается водоотталкивающими составами и представляет обычный головной убор моряков и рыбаков. По-другому она именуется «штормовая лангила», или попросту «штормовка». Для ясной хорошей погоды существует разновидность, называемая «лангилатан» — твердая, поля не столь широкие. Лангилатан с металлическими головками и кокардами — форменный головной убор военных моряков.

Буниль — остроконечный колпак, войлочный или из плотной материи, с круглыми наушниками и квадратным наматыльником. Будничный головной убор крестьян. Праздничным служит габуниль — вязаный колпак, украшенный лентами.

Виклер — форменный головной убор чиновников, шляпа из твердой лакированной кожи, цилиндрическая, с узкими полями. Высота шляпы, наличие украшений, равно как и их количество, зависят от чина.

Крапон — твердая шляпа с тульей в виде конуса и узкими полями. Головной убор членов Медной и Железной гильдий.

Мурмалка — остроконечный матерчатый колпак с меховой оторочкой, старинный головной убор жителей Ратагайской степи, который носят все без исключения мужчины (сорт материала, разновидность меха, наличие перьев и украшений зависит от положения в обществе).

В Глане мужчины носят разнообразные береты. Все прочие головные уборы совершенно не в обиходе и именуются насмешливыми прозвищами.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОДЕЖДЕ

Камзол — короткая мужская одежда, едва прикрывающая бедра. *Кафтан* — более длинный, почти до колен. *Колет* — камзол без рукавов. Если упоминается, что на военном был мундир, это означает, что его штаны и камзол (или кафтан) — одного цвета. Дворяне, военные и члены некоторых сословий никогда не появляются на людях без плаща. Чиновники носят мундир или сюртук

до колен длиной, с пуговицами сверху донизу. Сюртук всегда должен быть застегнут на все пуговицы — как и одежда купцов, длиннополый хомерик. Военные и дворяне, наоборот, держат верхнюю одежду полурасстегнутой или расстегнутой вовсе, открывая кружевное жабо или форменный шейный платок.

Дворянки могут появляться в мужской одежде, но исключительно незамужние (замужним приличия такое позволяют лишь в долгой поездке).

ЗАМЕЧАНИЯ О БОГАХ И ХРАМАХ

Храмы **ЕДИНОГО ТВОРЦА** существуют во всех государствах и обитаемых землях (хотя и не везде окружены доброжелательством). Возведенные в старые времена легко отличить по трем-пяти золоченым куполам, каждый из которых увенчан крестом Единого. Храмы более современной постройки несколько выше и уже, с остроконечными четырехгранными крышами, и крест лишь один, в самой высокой точке храма. При всяком есть колокольня. Внутри нет ни изображений, ни статуй Единого — Творец никогда не показывался людям, и воплощать его в изображении не принято. Зато, как правило, по сторонам алтаря стоят статуи наиболее почитаемых в данной местности святых, окна украшены витражами, а у порога на полу сделано мозаичное или вырезанное в камне изображение дьявола, которого входящие попирают ногами.

Кроме Сословия храмовых священников существует еще четыре монашеских ордена: святого Роха, святого Круахана, святого Катберта-Молота и святого Сколота, занятые самой разнообразной деятельностью — от благотворительности и устройства школ до борьбы с приверженцами Черной Троицы.

АШОРЕМИ — в древности богиня охоты и лесов. Впоследствии стала и повелительницей ночи, каковое обстоятельство по прошествии лет привело к несколько комической ситуации, о какой будет сказано ниже. Первая ипостась богини, то есть патронаж над лесами, всем обитающим в них зверьем, а также теми, чьи труды связаны с лесом (охотники, птицеловы, бортники, смолокуры, дровосеки и т. д.), со временем окончательно перешла к Кернунносу. Ашоремии осталась исключительно Царицей Ночи, а потому ее считают своей покровительницей и влюбленные, и разбойники с ворами (иронически прозванные «ночными служителями Ашоремии»), и странствующие купцы, для которых ночь, заставшая их в дороге, — самое опасное время. Эти категории в основном и составляют паству храмов Ашоремии. По старинке богине поклоняются и представители вышеприведенных «лесных» ремесел — те, кто живет вдали от Каталауна и других горных районов. Горожанки всех сословий и слоев общества верят, что молитва Ашоремии облегчает роды и помогает вернуть любовь мужа.

Кое-где, в самых древних храмах, еще можно увидеть изображения Ашоремии в облике мифологической ночной птицы Валари с восьмиконечной Полярной Звездой на груди. Но в основном богиня предстает прекрасной девушкой с луком и колчаном за плечами (это оружие уже считается не символом охоты, а стрелами любви, поражающими сердца).

Самый большой и старинный Храм Ашоремии находится в Пограничье и пришел в изрядное запустение, хотя туда до сих пор приходят паломники и там совершаются богослужения. Храмы Ашоремии отличаются обилием колонн, полным отсутствием окон и плоской крышей, увенчанной статуей бо-

гини над входом и Полярной Звездой по всем четырем углам. Служителями Ашореми могут быть и мужчины, и женщины. К алтарю богини приносят цветы, перед ним жгут благовонную смолу. Есть ежегодные праздники с торжественными шествиями. Животное Ашореми — кошка.

БРИГИТА — богиня знаний, мудрости и изящных искусств. Изображается в виде птицы с женской головой или, что реже, совы. Ее приверженцы происходят главным образом из Сословий Свободных Искусств, Сова и Циркуля. Храм Бригиты, собственно говоря, не существует — лишь часовни, выполненные в виде каменных, закрытых с трех сторон навесов с изображением богини внутри. Служителей богини, как профессиональной касты, нет, эту роль выполняют особо уважаемые члены городских Общин Бригиты, носящие звание «смотрителей часовен». Есть ежегодные праздники с торжественными шествиями.

ВЕЛИКАЯ МАТЕРЬ — самое загадочное божество Талара, в чьи секреты так и не смогли проникнуть полностью ни книжники, ни тайная полиция. Главные приверженцы этой богини — крестьяне обою пола (исключая побережье, где силен Руагату, Каталаун и горные районы). Святилища Великой Матери, изображаемой в виде примитивно вытесанной из камня или дерева тучной женщины, можно увидеть в каждой деревне. Есть еще священные рощи и заветные места, посвященные Матери. И те и другие, по неписаному обычаю, идущему из глубины веков, настрого запрещено посещать мужчинам (слухи о том, что иные убийства были мстью за нарушение запрета, так до сих пор не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть, несмотря на все усилия властей).

Жрицами Великой Матери могут стать исключительно женщины, причем их возраст сплошь и рядом не имеет значения (считается, что будущая жрица с колыбели отмечена богиней, и посвященные это легко определяют). Праздники в честь Великой Матери приурочены к севу, жатве, обмолоту и другим видам полевых работ. В жертву богине приносят злаки, плоды и перворожденных ягнят (слухи о человеческих жертвах были тщательнейшим образом проверены имперской разведкой, но не подтвердились).

Помимо внешней, обрядовой стороны ритуалов, лицезреть которые допускается любой посторонний, существует, вне всякого сомнения, и некое тайное знание, но до нынешних пор не удалось вызнать о нем ничего конкретного. Известно, что Великая Мать олицетворяет Природу, животворящую силу (а по некоторым источникам, и всю планету, полагаемую жрицами Великой Матери живым и чуть ли не разумным существом). Одно время бродили упорные слухи (в городах, естественно), что реверен Гонзак пытался проникнуть в тайны Домов Великой Матери (нечто вроде монастырей, где живут женщины, посвятившие всю свою жизнь служению богине), за что и был убит при самых удивительных обстоятельствах. Насколько известно, проверкой этих слухов никто всерьез не занимался — ибо подобные сплетни во множестве появлялись и раньше в связи со смертью других известных особ, но подтверждения никогда не находили, и к ним перестали относиться серьезно.[26]

Следует отметить, что в военное время даже наиболее буйная и недисциплинированная солдатня обходит стороной Дома Великой Матери и избегает оскорблять жриц. Эта укоренившаяся в древние времена традиция чересчур

устойчива для простого суеверия, что неоднократно отмечалось исследователями (так и не докопавшимися, правда, до причин).

КЕРНУННОС — бог лесов, охоты, диких животных и грома. Изображается в виде оленя с лошадиным хвостом или человека с оленьей головой. Главным образом ему поклоняются в области Каталлаунского хребта, гор Адантел и Оттершо. Служители Кернунноса — исключительно мужчины. Храмы, как правило, располагаются в лесу (или окружены самое малое семью деревьями), они небольшие, кубической формы, с узкими высокими окнами, крыша крыта оленьими рогами. При храме обязательно имеется башенка, где по особым праздникам (так называемые «дни грома») зажигают священный огонь. Есть заповедные Леса Кернунноса. В общем, Кернунноса нельзя назвать «злым богом», но порой по отношению к людям (особенно тем, кто неподобающим поведением в лесу навлек его гнев) он бывает жесток и мстителен. Особых жертв ему не приносят, но принято оставлять в лесу часть охотничьей добычи или, проезжая мимо заповедного леса, украсить одно из крайних деревьев каким-нибудь подношением. Зверем Кернунноса исстари считается каталлаунский тигр, и под особым покровительством бога находятся белые олени.

РУАГАТУ — бог моря, имеющий огромное число приверженцев на побережье и на Островах, особенно среди моряков и рыбаков (а также купцов, плавающих по морю). Изображается в виде могучего бородача с трезубцем, восседающего на касатке. Храмы Руагату (которые полагается возводить не далее чем в лиге от берега), пожалуй, самые пышные и красивые среди всех. Стены в них заменяют ряды колонн, крыши из нескольких куполов ярко раскрашены разноцветными красками в виде чешуи, снаружи и внутри храмы украшены мозаикой, статуями и изображениями как мифологических обитателей моря, так и реальных. Во время богослужения жгут благовония трех видов. У мореходов принято во исполнение обетов дарить храмам модели своих кораблей, зачастую из драгоценных металлов. Среди служителей — и мужчины, и женщины. При некоторых храмах есть приюты для старых и увечных мореходов. Любимицами Руагату считаются касатки, поэтому охотиться на них рискнет лишь самый отпетый, не верящий ни в бога, ни в черта. И наоборот, убить гривастого крокодила или кракена считается угодным Руагату делом.

СИМАРГЛ (КРЫЛАТЫЙ ПЕС) — бог войны. Около двух тысяч лет назад его культ был занесен с Сильваны, и, в отличие от схожих случаев с другими сильванскими богами, не только прижился, но и широко распространился — главным образом среди военных, части обитателей Полуденного Каталлауна и в Ратагайской Пуште. Изображается в виде пса с орлиными крыльями. Храмы сложены из красного кирпича разных оттенков, по виду напоминают старинные замки — с высокими крутыми крышами, зубцами по их кромке, машикулями, толстыми стенами, узкими стрельчатыми окнами (с витражами, изображающими сражения). Внутри — статуя Крылатого Пса, стены обычно увешаны пожертвованным по обету или дареным оружием (все древние храмы славятся прекрасными коллекциями старинного оружия). Принято освящать в храме купленное у мастера оружие. В старые времена полагалось оставлять перед статуей капельку своей крови, укол палец, но вот уже несколько сто-

летий, как этот обычай исчез.

При иных храмах есть приюты для старых и увечных солдат (каковых немало и среди служителей Симаргла). В противоположность силванским обычаям, служители Симаргла — исключительно мужчины. Возле храмов Симаргла всегда можно увидеть собак — их подкармливают, так как собакам Крылатый Пес особо благоволит, выделяя среди прочих животных. Для приверженцев Симаргла убить или обидеть собаку — грех (зато отношение к кошкам насквозь противоположное).

Существуют Братства Симаргла — военные ордена. Их членов обязывает равенство независимо от происхождения, обет супружеской верности, клятва участвовать в любой войне, какую ведет государство. Ныне таких Братств семь — три в Снольдере, два в Ронеро, по одному в Глане и Лоране. Они могут выставить отряды, не уступающие по численности полку. На звоннице каждого храма установлен птелос. Симаргл — покровитель гильдии Оружейников.

ХОРС — бог солнца. Изображается в виде всадника на рыжем коне или золотого солнечного диска. Почитается главным образом в городах. Храмы возводятся в виде пирамиды из семи уступов, увенчанной солнечным диском. Внутри стоит статуя Солнечного Всадника и поддерживается неугасимый огонь (возжигаемый от солнца с помощью особых стекол). При храмах (или при главном храме, если в городе их несколько) содержится отобранный в соответствии со сложными каноническими правилами рыжий, «солнечный» конь, символизирующий Хорса в торжественных процессиях по праздничным дням (считается, что на нем невидимо восседает тогда сам Хорс). Служители бога — исключительно мужчины. Хорс покровительствует в животном мире лошадям и петухам («птице Хорса»), а из мастеров его особенным покровительством пользуются кузнецы. На вершинах храмов установлены гонги.

Времена Храмовых Войн давно минули, но определенные трения сохранились до нашего времени — взаимная неприязнь и отчуждение меж приверженцами Ашореми и Симаргла, Симаргла и Кернунноса, Кернунноса и Хорса, Хорса и Ашореми.

По недостатку места нет возможности рассказать о «потаенном народце» — лесных феях, духах источников, «болотных сидельцах» и пр., и пр. Лучше всего отослать читателя к классическому труду Уро Монкагера «Рассказ и размышления о Потаенном Народце» (лучшее иллюстрированное издание вышло в 3710 г. Х.Э. в Ремиденуме). Неплоха также книга «Каталог Иномирья» — старинный труд анонимного автора, часто переиздающийся.

ЧЕРНАЯ ТРОИЦА — так именуется три черных бога, чьи храмы были в конце концов разрушены, а оставшиеся приверженцы загнаны в подполье — Сет-Змееног, Кром Круах (Кром Кровавый) и Рогатый (Клыкастый Козел). До сих пор в глухих уголках, несмотря на все преследования, время от времени еще совершаются «черные ритуалы» с человеческими жертвоприношениями. Адепты «черной троицы» в свое время и создали тайные общества, известные под собирательным названием «Черной благодати» или «Черной радуги».

О СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Господствующей религией там объявлено так называемое «учение Совершенства», или «учение святого Патарана, единственного боговдохновенного

толкователя воли Единого Творца, очистившего служение Творцу от искажений и излишних сложностей». Но все остальные понтификаты Единого Творца за пределами Святой Земли относятся к этому учению отрицательно, отношений со Святой Землей не поддерживают не признавая самого этого названия, а также не считают Патарана святым.

РОСПИСЬ КЛАССНЫХ ЧИНОВ, ИЛИ ЧИНОВНИЧЬИХ КЛАССОВ

1. Колонный министр.
2. Коронный советник.
3. Тайный советник.
4. Королевский советник.
5. Королевский секретарь.
6. Министерский советник.
7. Министерский секретарь.
8. Советник.
9. Департаментский советник.
10. Департаментский секретарь.
11. Канцелярии советник.
12. Секретарь канцелярии.
13. Секретарь.
14. Канцелярист.
15. Письмоводитель.
16. Писец.

Система эта применяется во всех государствах Харума, за исключением Вольных Майоров, Глана (где существует своя, более простая и патриархальная) и Балонга (где также принята своя). 1–5 классы приравнены к генеральским чинам, и получить их могут лишь дворяне (есть, впрочем, редкие исключения), 6–8 классы приравнены к полковникам, 9–10 — к капитанам, 11–12 — к лейтенантам, 13–14 — к сержантам.

МОНЕТНАЯ СИСТЕМА

Ронеро

Золотой ауреи = серебряному аурею = 25 серебряным сестерциям. Есть еще золотые монеты «токен» (5 ауреев) и «солид» — 10 ауреев.

Серебряный сестерций = 10 медным сестерциям = 200 медным грошам.

Медные монеты: полугрош, грош, тройной грош, семигрошевик, десятигрошевик, сестерций, ливра (монета в 5 медных сестерциев).

Все монеты — круглые. Для Брян Луга чеканятся все их виды, но именуются они «островными», и вместо королевской короны на них изображен государственный герб.

Снольдер

Золотой денарий = 50 серебряным артигам. Есть золотые монеты «латеранский золотой артиг» (денария), «двуденарий» (2 денария), «сфинкс» (3 денария), «Цехин» (7 денариев, хождение имеет главным образом в Ратагайской Пуште).

Серебряный артиг = 14 серебряным патагонам = 280 медный гротирам.

Медный гротир = 5 пулам. Есть монеты в 1, 2, 3, 4 пула.

Все монеты — круглые. (Сфинкс еще с отверстием посередине.) Для Катайр Крофинда чеканятся «морские» деньги.

Горрот

Золотой статер = 40 серебряный ассам либо 10 серебряным венталам = 600 медным ассам. Есть двойной статер, тройной статер и «галиа» — монета в 7 статеров.

Медный асс = 3 медным патарам. Есть монеты в поласса, полпатара, двойной патар.

Глан

Златник = 20 серебряникам = 280 медным шелегам. Есть двойной златник, тройной и «медведь» — монета в 5 златников.

Медный шелег = 7 круцежам. Есть полукруцеж.

Шаган

Золотой орт = 14 серебряным фартингам и 140 медным фартингам. Есть двойной орт, «колокол» (монета в три орта).

Серебряный фартинг, двойной серебряный. Медный полуфартинг, фартинг, тройной фартинг. (Монеты всех трех держав — круглые, кроме восьмиугольной в один гланский круцеж).

Для острова Дике в Горроте особых денег не выпускается, хотя в последние время это, кажется, намерены сделать.

Харлан

Золотой скеллер = 25 серебряным скетам = 500 медным билонам. Есть монеты в 3, 6 и 10 скеллеров.

Серебряный балиган = 5 скетам.

Медные: четверть билона, полубилон, билон, двойной билон, пятерик и семерик.

Все золотые монеты — круглые, балиган — семиугольный, пятерик и семерик — семиугольные с отверстием в середине.

Лоран

Золотой денарий = 28 серебряным фоллисам = 280 медным фоллисам. Есть двойной денарий, «роза» (5 денариев) и «суверен» (15 денариев).

Серебряный фоллис = 7 медным караунам = 10 медным фоллисам.

Медные: полуфоллис, фоллис, караун, «фоллис с барашком» (3 фоллиса), пять фоллисов.

Все золотые и серебряные монеты — прямоугольные (один из лоранских королей, полторы тысячи лет назад заменивший такими монетами круглые, спесиво заявил:

«Пусть они и неудобнее круглых, зато свидетельствуют о нашем величии». В те времена Лоран считался самой мощной державой континента, каковую роль со временем утратил, но облик денег остался прежним).

Все медные монеты — круглые, с отверстием посередине.

Балонг

Вместо золотых монет там находятся в обращении денежные знаки в 5, 7, 10, 14, 40 и 100 дукатов, с большим мастерством изготовленные из ввозимого с

Сильваны в малых количествах самшитового дерева, на Таларе не произрастающего. Они обеспечены сокровищами особой кладовой Круглой Башни, довольно большого размера, круглые и охотно принимаются на всем Таларе (нужно заметить, что порой их подделывают точно так же, как и металлические деньги).

Есть серебряные монеты в 1, 2, 3 и 4 дуката, медные — в 1, 2, 5 и 10 дирхамов. И серебряные, и медные — все восьмиугольные, серебряные, вдобавок с отверстием посередине.

Ганза

Ганзейцы пользуются в основном деньгами «прилегающих держав», хотя для особых расчетов существуют круглые монеты — золотой и серебряный далер.

Сегур денег не чеканит давно по причине тщательно скрываемой бедности оногo государства. В обращении, впрочем, еще находится небольшое количество древних золотых монет под названием «тымф», или «корабль», но ходят они исключительно на острове и скоро пропадут совсем, так как являются объектом охоты коллекционеров, как и фельсы — серебряный и медный.

Вольные Маноры права на чеканку монет были лишены около пятидесяти лет назад решением Виглафского Ковенанта. «Старые» деньги еще ходят, но понемногу изымаются из обращения, как только сотрутсЯ, к тому же купцы увозят их для коллекционеров, а также для переплавки.

Деньги Святой Земли из-за больших примесей серебра, а то и меди, к золоту повсеместно считаются «худыми», «порченными» и за пределами означенного государства хождения не имеют.

ОРДЕНА И МЕДАЛИ

Глан

Ордена:

Чертополоха.

Пещерного Медведя.

«Громовая гора».

Медали:

«Серебряное кольцо».

«Медное кольцо».

«Железное кольцо».

Все награды исключительно военные. В тех случаях, когда король все же желает наградить кого-то за заслуги на «гражданском» поприще, вместо цепи (так как все три ордена носятЯ на цепи, на шее) орден крепится на бант, прикалываемый к груди.

Балонг

Ордена:

«Круглая башня».

«Ладья богатства».

«Созвездие».

Медали:

«Золотая пчела».

«Серебряная пчела».

«Медная пчела».

«Железная пчела».

Полная противоположность Глану: орденами и медалями награждаются лишь подданные Балонга, «приумножившие его богатства и действовавшие во славу дальнейшего благосостояния». За воинские подвиги (например, отвагу, проявленную экипажем судна в бою с корсарами) награждают деньгами или ценным оружием.

Горрот

Ордена:

«Черное солнце» (награждаются и военные, и гражданские).

«Рубиновый клинок» и Орден Симаргла (военный).

Орден Семи Островов.[27]

Орден Филина (гражданский).

Медали:

«Клинок».

«Орел» (военная).

«Сокровищница» (гражданская).

Харлан

Ордена:

«Трон великих герцогов» (двойного назначения).

«Меч Славы» (военный).

«Фолиант» (гражданский).

Медали:

«Скращенные топоры».

«Слава и смелость» (военная).

«Жемчужина мудрости».

«Бронзовое перо» (гражданская).

Ронеро

Высшие, двойного назначения ордена:

«Алмазный венец».

Орден Гербового Щита.

Военные ордена:

«Звезда отваги».

«Золотая лилия».

«Зеркало Аннура».

«Алое пламя».

«Скипетр морских королей» (военно-морской).

Гражданские ордена:

«Камень мудрости Пилу».

Орден Серебряной Совы.

«Бирюзовая цепь».[28]

Военные медали:

«За храбрость».

«Серебряный топор».

«Башня» (вручается главным образом за отвагу, проявленную при защите

или взятии крепостей).

«Стрела».

«Якорь» (военно-морская).

Гражданские медали:

«За беспорочную службу».

«Корабль».

«Лилия».

Снольдер

Высшие, двойного назначения ордена:

«Золотой сфинкс».

«Меч Дорана».

Военные ордена:

«Дракон и солнце».

«Огненный вепрь».

«Радуга и меч».

«Крылатый лев».

«Морской конь» (военно-морской).

Гражданские ордена:

Орден Короны.

Орден Ворона.

«Радуга и ларец».

«Великая Река».

Военные медали:

«Тисовая ветвь».

«Ярость и огонь».

«Дубовый лист».

«Львиный коготь».

«Огненное копьё».

«Абордажная сабля» (военно-морская).

Гражданские медали:

«Процветание» (купеческая).

«Око» (полицейская).

«Ларец».

«Сфинкс».

Лоран

Высшие, двойного назначения ордена:

«Три золотых кольца».

«Отличие Престола».

Военные ордена:

«Рыцарская лента».

Орден Заслуги.

«Меч и кольцо».

«Золотой якорь» (военно-морской).

Орден Тигра.

Гражданские ордена:

«Звезда учености».

Орден Верности.
Орден Черного Медведя.
Орден Золотого Журавля.
«Великий канал».
Военные медали:
«Штандарт».
«Серебряная секира».
«Серебряный самострел».
«Победитель пламени».
«Отвага ратного поля».
Гражданские медали:
«Золотой скипетр».
«Свиток».
«Золотой скипетр».
«Свиток».
«Серебряный циркуль».
«Бронзовый циркуль».
«Солнечный луч».
«Серебряный компас».

Шаган

Высшие, двойного назначения ордена:
«Золотой колокол».
Орден святого Сколота.
Военные ордена:
«Меч грома».
«Золотой фрегат» (военно-морской).
«Изумрудный акилла».
Орден Синей Крепости.
«Стрела и скипетр».
Гражданские ордена:
Орден Красного Бобра.
Орден Кедра.
«Золотая кисть».
«Яшмовый кубок».
«Посох святого Роха».
Военные медали:
«Медвежья лапа»
«Алая молния».
«Штурвал и меч» (военно-морская).
«Бастион».
«Трилистник».
Гражданские медали:
«Хрустальный кубок».
«Штурвал и парус».
«Серебряная кисть».
«Жезл мудрости».
«Дубовая ветвь».

В Святой Земле орденов и медалей не существует, зато в ходу так называемые наградные пояса и посохи.

В Ганзе для награждения отличившихся и заслуженных граждан существует схожий с орденом знак трех степеней — «Золотой корабль», «Серебряный корабль» и «Медный корабль».

Ордена Вольных Майоров при всем их калейдоскопическом разнообразии чересчур многочисленны, и тому, кто ими интересуется, лучше обратиться к соответствующим книгам.

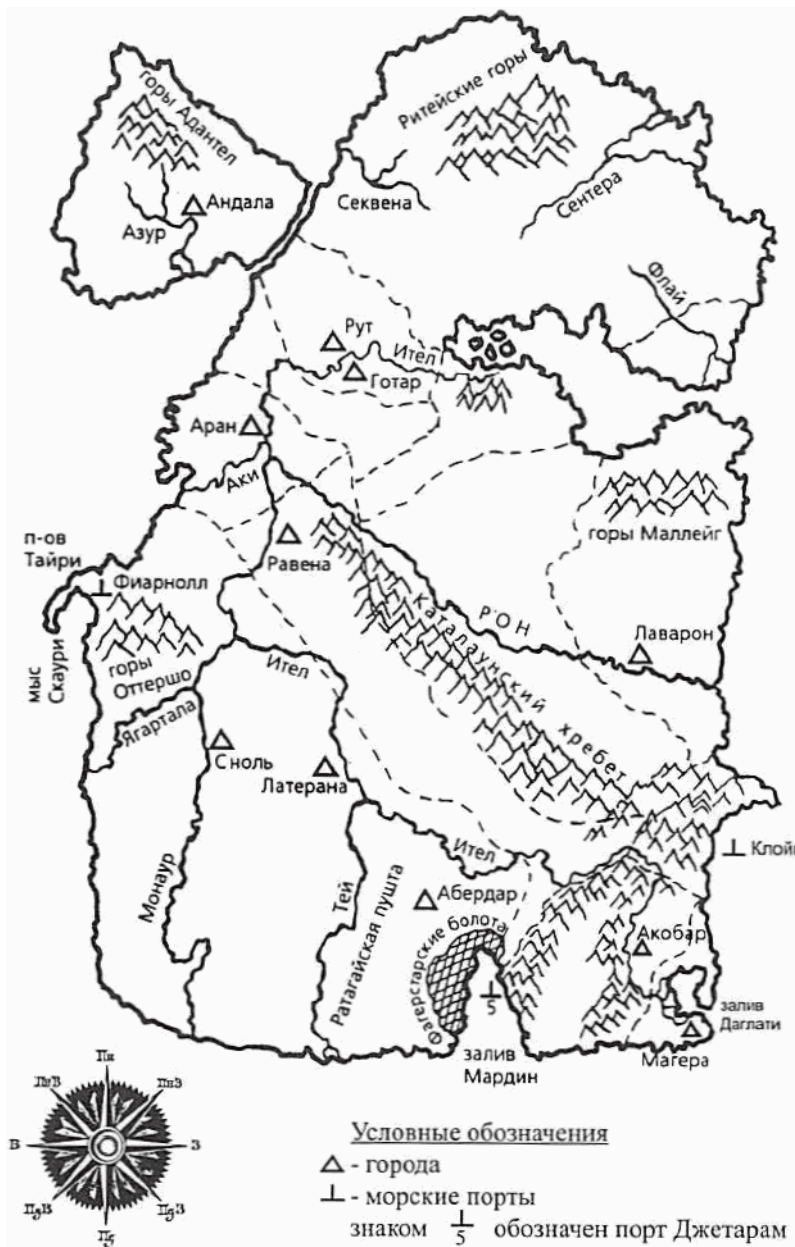
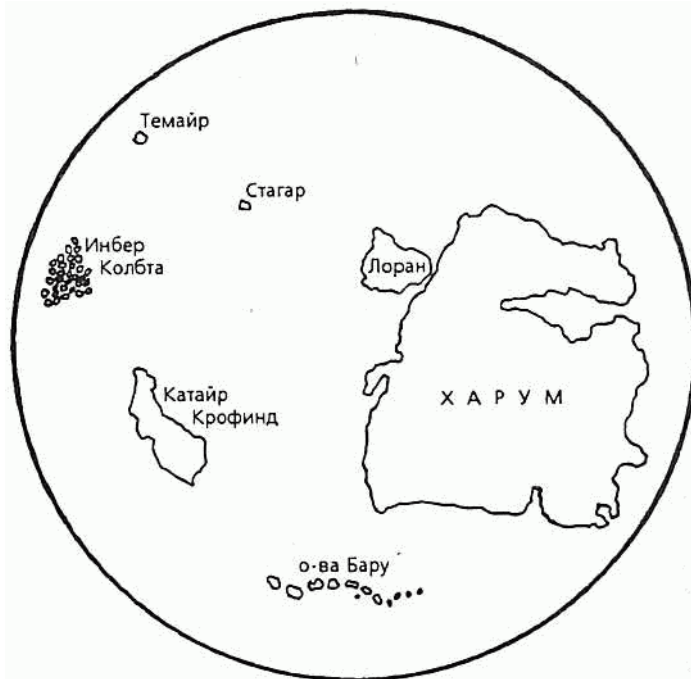
Ордена Сегура, равно как и медали, сохранены после катастрофы все до единого, однако изрядно утратили свой авторитет. Во-первых, по причине упадка Сегур практически не ведет никаких войн, и боевые награды выглядят несколько нелепо в этих условиях; во-вторых, что важнее, все сегурские награды давно превратились в дополнительный источник дохода для королевской казны: всякий, кто пожелает, может за соответствующую сумму стать обладателем любого тамошнего ордена или медали (за исключением высшего Ордена Морских Королей, вручаемого лично королем. Впрочем, и этот орден порой нетрудно раздобыть при отсутствии всяких заслуг, но при наличии должных связей или услуг, оказанных сегурскому престолу). Поэтому давно уже в обиход вошло выражение «сегурская награда», означающее нечто второсортное или добытое не трудами и заслугами, а с помощью тугого кошелька или интриг.

КАРТЫ

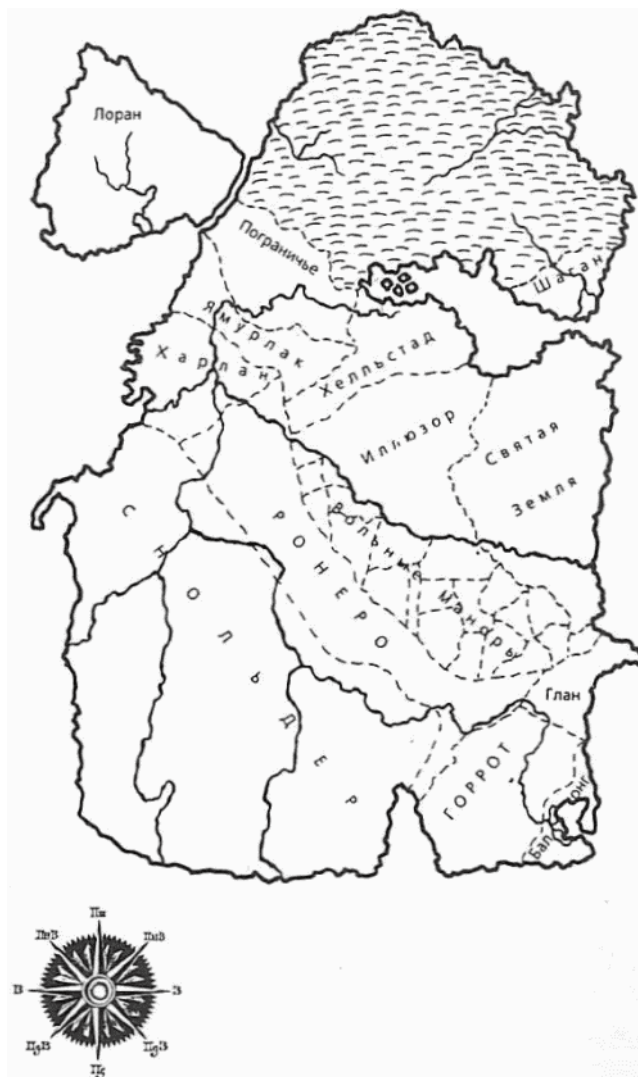
Планета ТАЛАР. Полушарие заката

Планета Талар. Полушарие восхода Физическая карта континента Харум

Политическая карта континента Харум

Александр Бушков СЛЕПЫЕ СОЛДАТЫ

*И было, что наутро они снова выступили в бой; и был велик и страшен тот день; все же они остались без победы.
Книга Мормона, Ефер, 15,17*

Карты

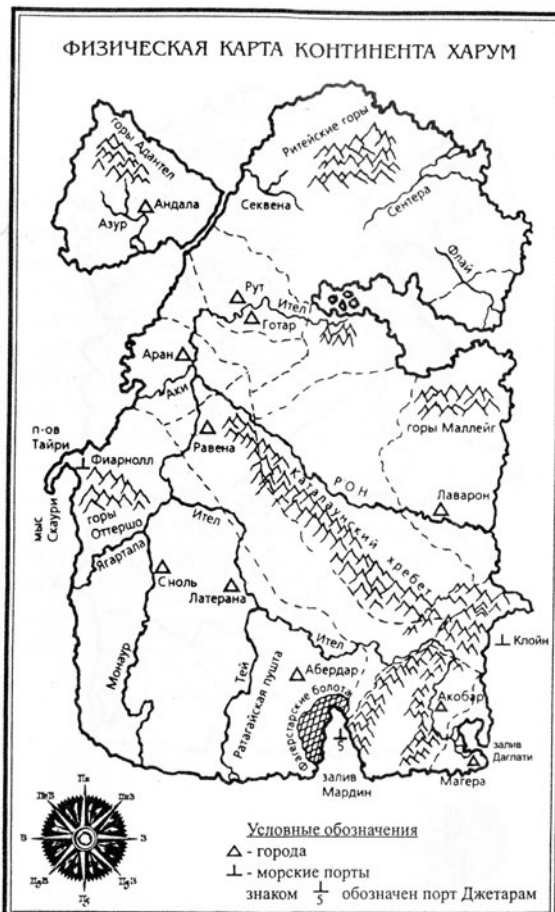
Карты

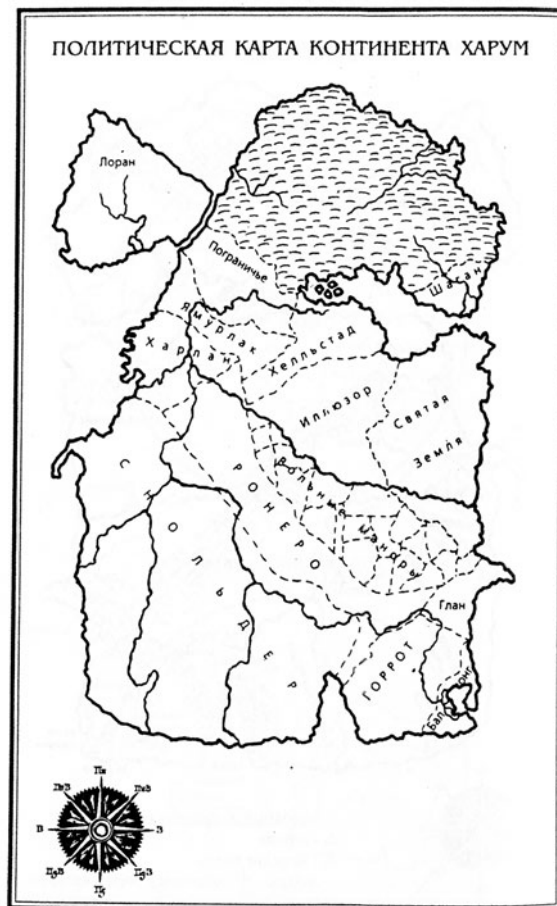
Планета ТАЛАР

полушарие заката

полушарие восхода

Глава I КОРОЛЕВСКИЕ БУДНИ

Широкий подвал тянулся, вероятнее всего, не менее чем на лигу — и тройной ряд синевато-белых ламп, уходя вдаль, понемногу сливался в одну линию, а линия превращалась в ниточку, в паутинку, конца которой от ступенек разглядеть никак не удавалось. Уж в *этом* случае покойный Фаларен мелочности не проявил и свой жуткий зверинец отгрохал с нешуточным размахом. Так, что Сварог все еще не мог отойти от изумления. Грандиозное оказалось сооружение. Поневоле впечатляло.

Он неторопливо шагал, заложив руки за спину, медленно поворачивая голову вправо-влево. У его правой ноги, неотступно сопровождаемая с навыком опытного придворного, вальяжно выступал Золотой Кот, еще одно неожиданное приобретение. Создание это и в самом деле как две кали воды походило на здоровенного откормленного кота, в золотых кудряшках шерсти, с толстым пушистым хвостом и немигающими желтыми глазами с вертикальным, как полагается, зрачком. Еще один механизм, по какому-то королевскому капризу выполненный из золота, по крайней мере, снаружи. Все копии живых существ при королевском дворе покрыты натуральнейшим золотом — ну а что у них внутри, Сварог и не собирался выяснять. Чересчур уж детским поступком было бы разбирать кого-нибудь из безмозглых болванов-лакеев, чтобы только узнать, что у них внутри.

Правда, Золотой Кот к безмозглым никак не относился, наоборот. Изъяснялся грамотнейше, лексикон у него был богатый, искусственный интеллект паразитический, и, если не поворачиваться к нему, не видеть, оставалось пол-

ное впечатление, что беседуешь с умным и эрудированным человеком.

У покойного короля он выполнял примерно те же функции, что Интагар у Сварога — начальник тайной полиции да вдобавок совмещавший функции полудюжины земных министров (что, впрочем, вряд ли являлось очень уж трудным делом, учитывая специфику Хелльстада, а также здешнее население).

Умен был Фаларен, лишний раз убедился Сварог. Единолично руководить всеми делами королевства, пусть даже такого специфического — не монаршее дело. Нужен кто-то особо доверенный, на кого можно взвалить львиную долю работы: но, опять-таки учитывая специфику, никак не следует поручать такой пост *человеку*. Людям Фаларен (как и Сварог на его месте) отводил исключительно роли мелких шестерок (каковой, если за глаза называть вещи своими именами, был тот же мэтр Лагефель). Вот покойничек и создал себе умнейшего робота, каким образом, теперь уже не доищешься. А вот почему придал вид не человека, а кота, тоже теперь не узнаешь...

Справа и слева, хвостами к стене подвала, головами к проходу, сложив крылья, подобрав лапы, лежали Золотые Драконы, не столь уж впечатляющих размеров, но крайне внушительные на вид. Синевато-белые отблески ламп тусклыми искорками отражались в их потухших сейчас фасеточных глазах. Вовсе не глаза это были, конечно, а линзы мощных лучеметов. Вряд ли только ими ограничивалось бортовое вооружение золотых ящеров: там, где крылья соприкасались с туловищами, чернели какие-то подозрительные круглые дыры, по полудюжине с каждой стороны, крайне напоминавшие авиапушки из навсегда покинутого Сварогом мира. Но это, конечно, что-то гораздо серьезнее...

Драконов Сварог не считал — просто отметил в уме, что их тут несколько десятков. Дальше потянулись ступенчатые стеллажи из темного дерева, от пола до потолка, и на них в дюжину рядов восседали Золотые Филины, размером не превосходившие живых, ушастые, с теми же тускло-фасеточными глазами. Вот этих, считая навскидку, наберется несколько сотен. И, как следовало из толковых, доступно высказанных объяснений Золотого Кота, одна такая птичка могла, пожалуй, провести успешный воздушный бой если не с боевой виманой или драккаром, то уж безусловно с боевым брагантом — и еще неизвестно, кто остался бы победителем...

Пригасшее было удивление вспыхнуло вновь, когда он дошел до стеллажа, где аккуратнейшими рядочками помещались Золотые Воробьи, опять-таки величиной с живых. Он хотел было задать вопрос спутнику, но по наитию догадался и сам, в чем тут хитрость. Идеальное оружие для шпиона и диверсанта. Десяток-другой тайных агентов, проникших в намеченный ко взятию город с карманами, набитыми такими вот воробушками, способны нанести противнику урона больше, чем парочка полков морской пехоты...

Военно-воздушные силы закончились. Начались, так сказать, сухопутные войска. Тесными рядами, бок к боку, стояли Золотые Псы (здоровенные, наподобие каталаунских пастушьих волкодавов), Золотые Кабаны ростом чуть ли не по грудь Сварогу. У него осталось впечатление, что дырки в пяточках этих милых свинок выполнены отнюдь не для пущего сходства с живыми прототипами: не зря же ноздри, отсюда видно, закрыты изнутри серебристыми острыми конусами сложного плетения...

Золотые Нетопыри (выводившие из строя живую силу противника мощным ультразвуковым пучком, моментально ответил на вопрос Золотой Кот), Золотые Ящерицы (юркие, проворные, трудно уязвимые в силу малых размеров огнеметы), даже Золотые Ежи — про этих Сварог и не стал спрашивать, все равно ясно, что не для добрых дел предназначены.

Потом кончилась и разнообразнейшая живность. Далее уже располагались не копировавшие всевозможную фауну устройства, а самая натуральная военная техника, пусть и насквозь незнакомая. Круглые, овальные и прямоугольные платформы на дюжине паучьих лап, на них установлены разнообразные непонятности: пакеты из полудюжины овальных труб, утыканные длинными иглами шары, пирамиды из шариков без шипов, загадочные решетчатые конструкции, ряды блестящих конусов на высоких стержнях, нечто вроде огромных овальных тарелок... И прочая загадочная машинерия. Судя по некоторым наблюдениям, часть этих устройств можно было поднимать под достаточно большим углом возвышения — наподобие зенитного орудия.

В самом конце, на протяжении уардов полусотни, стояли вовсе уж химерические устройства — все до одного, сразу видно, опять-таки способные передвигаться самостоятельно. Иные, казалось, мог придумать исключительно параноик, по недосмотру начальства прижившийся в военном конструкторском бюро. Но вот уж кем не был покойничек Фаларен, так это параноиком. Чтобы не угодить в смешное положение, Сварог пока что не стал требовать пояснений, дабы не повторилась история с «Рагнароком», когда Глаин охотно отпартовал ему, что в носовой части лодки установлен гразерт, но что же такое гразерт, объяснить так и не смог...

Он поднялся по дюжине ступенек, прикрыл за собой бесшумно захлопнувшуюся дверь, присел на скамейку у входа и с удовольствием вдохнул прохладный вечерний воздух. Уже привычно откинув полу алой королевской мантии, потянул из кармана сигареты. Золотой Кот устроился рядом с ним, усевшись по-кошачьи.

Вот такие дела. Догадывался, что Фаларен не был по натуре пацифистом, но чтобы до такой степени... Не нужно было подробно и обстоятельно расспрашивать Золотого Кота о каждой разновидности боевых машин, и без того можно составить кое-какое впечатление. Дело даже не в Харуме — Харум эта армада могла захватить в считанные недели. Пожалуй что, и ларам это воинство могло причинить нешуточные неудобства. Особенно если допустить, что естественную в боях убыль военной техники Фаларен мог восполнять по мере надобности. Особенно если вспомнить, что его база, то есть Хелльстад, неуязвима для любого воздействия ларов, как недавно обмолвился канцлер, даже пресловутый «Белый шквал» тут бессилён...

Он безмятежно пускал дым, разглядывая располагавшийся совсем недалеко Вилердеран — второй замок Фаларена, но не паривший над землей подобно Вентордерану, а испокон веков стоявший на своем месте (как, собственно, замкам и положено на Харуме). Красивое здание из желтого с темными прожилками камня, с башенками, шпилями, галереями и острыми крышами, крытыми светло-коричневой черепицей. Что-то около двух тысяч лет назад, как выяснилось, скучающий Фаларен в поисках новой игрушки возвел этот замок, набрал себе самый настоящий двор (за хорошие деньги подыскав по всему Харуму благородных дворян и дам, придворных поэтов и лакеев), завел

даже конюшни и зверинец. С полгода изображал обычного земного короля, потом игрушка прискучила, людей отправили восвояси, щедро наградив, а четвероногих обитателей конюшен и зверинца попросту выставили за ворота (добрая половина из них в Хелльстаде уцелела и прижилась, плодя потомство). С тех пор Фаларен в замке не появлялся ни разу, но все сохранилось великолепнонейшим образом: дворец с его механическими обитателями, беседки и фонтаны, искусственные водопады и гроты. Вот только от его величества так и не поступило указаний ухаживать за парком — и парк разросся, превратившись в дикую чащобу, давно скрывающую мощные дорожки...

Еще неделю назад Сварог и не подозревал, что обладает, оказывается, еще и *этакой* недвижимостью. Он попросту все эти годы бывал в Хелльстаде редко, случайными наездами, постоянно откладывая на потом и изучение компьютера, и полную инвентаризацию недвижимости, начиная от того загадочного постаментов с каменной птицей и кончая военно-морскими домами отдыха. И наконец выбрал время, засел здесь на двое суток, настрого наказав беспокоить его разве что в случае какой-нибудь очередной глобальной жути вроде Багряной звезды.

И сразу отыскалась масса интересного, в том числе Вилердеран. В ответ на упрек мэтр Лагефель пожал плечами и сказал, что у него не было приказа рассказывать новому государю о каких бы то ни было строениях, ему лишь поручалось в свое время представить полный список всех обитателей Хелльстада с развернутой характеристикой таковых — что он и исполнил в точности. Он был совершенно прав, Сварог смущенно фыркнул и взял попреки назад.

Сейчас он думал, что Вилердерану, кажется, суждено простоять в том же положении неведомо сколько лет. Роскошный замок, конечно (Сварог его успел на скорую руку осмотреть), но что с ним прикажете делать? Никакого двора из людей он здесь заводить не собирался, всякий раз, прибыв в Хелльстад, останавливался в Вентордеране, там же принимал и редких немногочисленных гостей. Библиотека, компьютер — все в Вентордеране. В Вилердеране тоже есть парочка сильных компьютеров — они лишь поддерживали защиту замка (Фаларен, надо полагать, постоянно ждал от ларов какого-нибудь очередного нехорошего сюрприза, в чем был прав) да обеспечивали деятельность чего-то вроде научной лаборатории, где Фаларен, пока жил здесь полгода, производил какие-то эксперименты, насколько удалось понять, дурацкие и бесполезные... В общем, Сварога замок не интересовал вовсе. Особенно после того, как оказалось, что там нет никакой аппаратуры, способной обнаружить вход в пещеру токеретов.

Вот именно, токереты... Золотой Кот (как и подобает начальнику тайной полиции) о них прекрасно знал, но знания его оказались крайне куцыми: да, где-то под Хелльстадом есть огромная пещера, где обитают крохотные человечки, вроде бы лишённые души, — но у Фаларена никогда не было с ними никаких отношений, ни дружеских, ни враждебных, и ни разу Кот (практически ровесник Хелльстада, созданный Фалареном вкуче со всем прочим) не получал указаний токеретами заниматься. Вообще, Золотой Кот за последние лет пятьсот королем не вызывался ни разу, никаких распоряжений касательно чего бы то ни было не получал, так и торчал здесь. Человек давно рехнулся бы после нескольких столетий одиночества, но роботу такое, разумеется, не грозило.

Покосившись на застывшего статуей новоявленного сотрудничка, Сварог подумал: хорошо все же, что это робот. Окажись на его месте человек, еще неизвестно, как сложились бы отношения: мог сразу сбежать за пределы Хелльстада, как тот ронин, а мог и, улучив момент, возгнать узурпатору что-нибудь острое в спину. Золотой Кот же принял появление нового короля как нечто само собой разумеющееся и даже не задал ни единого вопроса: сначала был один король, теперь появился другой, в той же мантии и той же митре, вот и все. Сварог догадывался, в чем тут дело: должно быть, вложенные в Кота программы попросту не предусматривали такого события, как смена короля. Соответственно, не было ни планов на сей счет, ни собственного отношения к происшедшему. Молчаливо подразумевалось, видимо, что Фаларен будет занимать свой трон вечно...

— Это единственный арсенал? — спросил Сварог.

Кот моментально оживился, поднял голову, потускневшие было глаза налились желтым:

— На берегу Итела есть еще один, ваше величество. Триста Золотых Касаток и пятьдесят Золотых Гривастых Крокодилов — для действий против кораблей и портов. И сотня Золотых Щук — если потребовались бы какие-то мелкие акции на Ителе.

Крепенько все было продумано, не без уважения подумал Сварог. Отчего же, старательно создав всю эту армаду, Фаларен так никогда и не пустил ее в ход? Опасался, что, начав завоевывать Харум, переступит некую черту, за которой лары вовсе уж остервенеют? Сварог никогда никого здесь об этом не спрашивал прямо, но у него имелось серьезное подозрение: в случае какой-то по-настоящему глобальной угрозы, исходящей с земли, и Канцлер, и военный министр без особых угрызений совести оставят от Талара лишь исполинское облако пыли и камней. А уж Фаларен со своим механическим воинством как раз и был бы угрозой глобальной...

Или все было иначе? И это золотое воинство оказалось очередной наскучившей игрушкой? Создавать ее, продумывать было, без сомнения, чертовски интересно, но вот потом... Потом Фаларен, нельзя исключать, мог попросту и подумать: «А собственно, на кой мне черт что-то завоевывать?» И забросить арсеналы, как забросил Вилердеран, как забросил когда-то Орлиное Гнездо — совсем небольшой красивый замок, возведенный на вершине скалы у подножия Гун-Деми-Тенгри, откуда открывался великолепнейший вид на Хелльстад, на многие сотни лиг.

Или здесь крылось что-то еще, о чем уже никогда не догадаться? Кто ж знает...

— Имеются какие-то мастерские, на которых можно производить новые партии?.. — он показал большим пальцем за плечо, на дверь арсенала.

Кот прекрасно понял его жест:

— Да, государь. Подземные заводы в десятке лиг отсюда. Прикажете показать на карте?

— Как-нибудь потом, — небрежно отмахнулся Сварог.

А вот теперь следовало подумать о главном: пригодится ли ему для каких-то практических целей вся эта армада, мощь, по сравнению с которой «Рагнарок» выглядит детской игрушкой?

После долгих и серьезных размышлений он пришел к выводу: пусть уж все

так и остается на прежнем месте. Для войн на Харуме ему достаточно и того, что уже имеется в распоряжении. Воевать с Небесной Империей он, разумеется, не собирается. Конечно, оставался Горрот. Вот именно, Горрот... Против Горрота вся эта золотая орава оказалась бы как нельзя более кстати. Никакое оружие ларов на его территории, как достовернейше установлено, не действует, оно просто-напросто перестает работать (и все приборы наблюдения отказывают, от орбитальных до портативных, которые брали с собой агенты). Но кто сказал, что это распространяется на оружие, произведенное в Хелльстаде? Проверить, в конце концов, несложно. Поручить Коту послать по Ителу в горротские пределы одну-единственную Золотую Щуку, чтобы она где-нибудь в глуши попробовала... ну, скажем, спалить паршивую рыбацью лодку. И если удастся...

И если даже удастся, все равно нельзя пускать на Горрот это золотое воинство. Горрот он, предположим, разобьет без труда... и тем самым покажет Канцлеру, чем располагает как король Хелльстада. Ход мыслей Канцлера и его решения в этом случае предугадать невозможно. Он еще терпит Сварога в качестве короля нестрашного курьеза-Хелльстада, совершенно безобидного для окружающего мира, диковинного реликта Шторма, населенного экзотическими тварями. А вот как он отнесется к Сварогу, располагающему силой, способной на равных потягаться со всей мощью ларов? Чертовски интересный вопрос... Сердце вещует, что отношение может перемениться самым решительным образом... Тут, если что, и Яна не спасет... и даже не узнает, что стало причиной его безвременной кончины. Не надо строить иллюзий по поводу собственной неуязвимости. Таковой попросту не существует. Будем реалистами: если Канцлер усмотрит в Свароге нешуточную угрозу для империи, в конце концов найдет способ отправить его к праотцам. Так, что и Яна не догадается. Он не добрый и не злой, он — Канцлер Империи, и все тут... Должность такая.

Единственное, что пригодится, причем не за пределами Хелльстада, а именно что в пределах — та сотня Золотых Шмелей, что сидит аккуратными рядочками на соответствующем стеллаже в подземелье. Миниатюрные воздушные разведчики, гораздо совершеннее двух дюжин Золотых Пчел мэтра Лагелефя, которые вот уже почти год, неустанно рыская над Хелльстадом, не могут обнаружить не то что вход в пещеру токеретов, но даже ее точное расположение. Сварог давно уже предполагал, что вход следует искать именно там, где они столкнулись с крохотными вертолетами, где растут карликовые дубы, и Пчелы проутожили там все вдоль и поперек, но ничегошеньки не нашли. Быть может, Шмелям повезет больше...

Он решительно встал, затоптал окурок. Кот оживился, присел на задние лапы:

— Будут какие-то приказания, ваше величество?

— Конечно, — сказал Сварог, привычным движением извлекая из воздуха карту Хелльстада. — Поднимите всех до единого Золотых Шмелей. Пустите в круглосуточный поиск. Они способны отыскать подземные пустоты?

— Да, ваше величество, ведь это на войне порой необходимо...

— Прекрасно, — сказал Сварог. — Пусть ищут пещеру токеретов. А если удастся, пусть ищут и вход. Особенное внимание уделить вот этому району, — он показал пальцем на карте. — Далее. Пошлите по Ителу Золотую Щуку в пределы Горрота.

— Насколько далеко?

— Не особенно далеко, — сказал Сварог. — Лига-другая в пределах Горрота, этого будет достаточно. Ее задача — попытаться нанести пусть минимальнейший, но ущерб. Спалить привязанный на берегу рыбацкий челнок, сжечь какую-нибудь хибарку на берегу. И тому подобное. Понимаете?

— Да, ваше величество. Вы хотите проверить, будет ли наше оружие действовать в Горроте?

— Вот именно, — сказал Сварог. Спыхватился: — А откуда вы, собственно, знаете, любезный, что чье-то оружие в Горроте не действует?

— С некоторых пор в Горроте не действует оружие ларов, — бесстрастно, как всегда, ответил Золотой Кот. — Наш Центр, — он показал в сторону Вилердерана, — до сих пор подключается к некоторым компьютерным сетям ларов и получает обширную информацию. Так постановил его величество, когда одновременно с постройкой дворца создавался Центр. Король около пятисот лет не запрашивал информации, но не было приказа прекратить ее сбор...

— Почему вы ничего не сказали о Центре? — рявкнул Сварог.

— Потому что вы не спрашивали, ваше величество.

Сварог моментально остыл: вспомнил что имеет дело не с человеком. У роботов своя логика. Сварог не требовал от него рассказать обо всех технических хитростях дворца — он просто-напросто ходил по залам и изредка задавал вопросы насчет каких-то конкретных штук (главным образом тех, что выглядели особенно экзотично). И допустил, как оказалось, крупную промашку. Правда, его извиняло то, что прежде он не имел дела с интеллектуальными роботами и не знал их привычек.

— Вот именно, — повторил он. — Нужно проверить, будет ли наше оружие действовать в Горроте...

Оглянулся на Вентордеран, метрах в трехстах от подземелья повисший над самой землей с опущенной лестницей. Ладно, в Глан он успеет, и эта сволочь Одо никуда не денется, пара часов роли не играет...

Он небрежным движением пальца заставил карту раствориться в воздухе и распорядился:

— Выпускайте Шмелей и Щуку. Потом покажете мне Центр.

Центр производил впечатление. Вдоль доброй половины чердака протянулась анфилада из четырех комнат, вместо дверей снабженных высокими арками. В каждой торчали из стены полдюжины огромных стеклянных полусфер (в одних размеренно и неторопливо кружили, переплетаясь и меняя цвет, неяркие полосы света, в других столь же неторопливо перекатывались мириады разноцветных шариков). Меж ними и арками стояли по три компьютерных стола, за ними восседали золотые обезьяны чуть ли в человеческий рост, все поголовно украшенные черными беретами. Вполне возможно, Фаларен со своим замысловатым чувством юмора не зря сделал компьютерщиков именно обезьянами и нацепил береты, пародирующие головные уборы Сословия Совы, разве что без эмблем. Обезьяны сидели, как отлично вымуштрованные, вот только особой работы что-то не замечалось — так, кое-где вспыхивали цветные огоньки и змеились радужные полосы.

Все они синхронно встали, поклонились Сварогу и вновь навтыяжку устроились перед пультами. Судя по всему, руководствуясь той же логикой: был один король, а теперь пришел другой...

Золотой Кот проворно показал лапой:

— Зал защитных устройств. Мало ли что может произойти... Зал наблюдения за системами ларов: компьютерными, наблюдательными, защитными. Зал манипулирования нужными районами во время прихода незваных гостей. Зал наблюдения за Таларом.

Сварог в который уж раз подумал о покойнике не без уважения: спесив был и капризен, но отнюдь не глуп, не просто кочевал по своему королевству в летающем чуме под названием Вентордеран... Он обратил внимание: справа у каждого стола располагался особый стул, пустой, гораздо роскошнее тех простых, на которых сидели обезьяны, напоминавший формой и цветом вентордеранский королевский трон.

— Место короля, — кивнул Золотой Кот, с проворством истого министра полиции перехватив его взгляд. — Вот только государь очень давно перестал здесь бывать, сказав, что ему стало неинтересно. Вся самая важная информация, конечно, моментально передавалась в компьютер Вентордерана, но гораздо менее важная просто копится, Центр работает на одну десятую мощности, не более того. Идет рутинное дежурство.

Искушение оказалось слишком сильным... Сварог, не колеблясь, уселся на королевское место в зале наблюдений за системами ларов. Положив руки на пульт, через миг, как и следовало ожидать, знал, как со всем этим управляться. И хладнокровнейшим образом вошел в сеть Кабинета Канцлера. Согласно той же хитрейшей юридической казуистике он не нарушал законов: сюда запрещалось входить с небесных компьютерных сетей, а касаясь земных никакого запрета не было: исключительно оттого, что на земле таковых не существовало, но это уж юридические казусы...

Сначала ничего интересного он не обнаружил — огромные папки касаясь каких-то чисто хозяйственных дел, большей частью совершенно непонятных. Потом попались вещи поинтереснее: отчет отдела, занятого исключительно наблюдением за Хелльстадом — впрочем, состоящий из грустных констатаций того факта, что очередное хитрое наблюдательное устройство оказалось бесполезным. «Вот так-то, судари мои, — злорадно проворчал он. — Здесь вам не там...»

Он не особенно и удивился — более того, ничуть не удивился — наткнувшись на отдел, занятый исключительно наблюдением за его персоной, перемещениями и, по возможности, кругом общения. Обижаться и сердиться не следовало — на то он и Канцлер, должность такая... Ага, вот и полный список работавших на Канцлера земных придворных — ну, никого о ком стоило бы сожалеть и злиться за стукачество, люди Канцлера выбирали самых незаметных, но способных пролезть в любую щель. Надо отдать Канцлеру должное: донесения о встречах Сварога с Яной составлялись в самых сухих и обтекаемых выражениях. Ага, он и возле Элвара парочку людей держит, и возле Диамер-Сонерила, и возле кучи сановников, способных на что-то серьезно влиять. Впрочем, Сварог на земле устроил примерно то же самое — должность такая...

Он поневоле зачитался отчетом об акции, лирически именуемой «Луговая ромашка». С давних пор, выдумав какое-то новое оружие, его украдкой пытались применить против Хелльстада — где-нибудь на окраине, авось что интересное да получится. Речь, правда, не шла об очень уж убойных вещах — так, мелочи. Имелось донесение военного министра: как бы ни пылали любопыт-

ством «эти господа из Магистериума», применение «Черной молнии», «Огненного колеса» и уж тем более «Белого шквала» способно вызвать непредсказуемые, но безусловно тяжкие последствия для примыкающих к Хелльстаду районов Талара.

Так-так-так... Оказывается, некоторые вроде бы мирные с виду торговые — а то и пиратские корабли, — заходившие в Ител на территории Хелльстада, были на деле замаскированными лабораториями с той самой новейшей аппаратурой. И, как со злорадством отметил Сварог, от этой аппаратуры ни разу не случилось никакого толку, просто-напросто отказывалась работать. А посему в отчете имелась написанная еще полтора года назад каким-то советником Кулганом крайне пессимистичная докладная, призывавшая не тратить время, технику и силы на это безнадежное предприятие, за столько тысяч лет ни разу не приведшее к успеху. Ничьей резолюции на ней не имелось, но, судя по тому, что на последующие полтора года все работы прекратились, Канцлер к ней прислушался.

Вообще, много чего интересного обнаружилось в архиве Канцлера — но Сварог понимал, что придется тут просидеть несколько дней, а такой роскоши он себе не мог позволить. Главное, ниоткуда не явствовало, что Канцлер замышляет против него что-то недоброе — наоборот, накладывал на кое-какие сообщения агентуры весьма одобрительные для Сварога резолюции.

Он уже хотел было выйти, но наткнулся на папку нештучных размеров, озаглавленную с тем самым дурным канцеляризмом, с каким безуспешно и вяло боролся у себя на земле. «Подробный и обстоятельный отчет о жизни и поведении Ее Императорского Величества Высокой Госпожи Четырех миров с момента восшествия на престол Империи и до настоящего времени».

«Ах, ты ж, сукин кот, — подумал Сварог не без профессионального восхищения, — ты и ее под колпаком держишь, разумеется, из самых что ни на есть высших государственных соображений...»

И вот тут вот искушение выхлестнуло за все пределы, оказалось слишком велико. Возможно, он поступал и чуточку непорядочно, как знать... Хотя, как частенько случается, тут же подвернулось вполне убедительное оправдание: зная все, что знает о Яне Канцлер, быть может, удастся это использовать именно что в ее пользу, почему бы и нет?

Он повернулся к ближайшему обезьяну:

— Сколько времени потребуется, чтобы скопировать этот отчет?

— Не более двух минут, государь. Если для компьютера Вентордерана, получится еще быстрее.

— Займитесь, — сказал Сварог, опять-таки не испытывая никакого раскаяния.

В конце концов, если наткнется на что-то по-настоящему *личное*, слово себе дает, сотрет моментально, ни одним глазком не заглянет... Стыдно чуточку, но никак не удастся себя пересилить: как никак, это *его* девушка. И, между прочим, достоверно известно, что ей-то случалось читать отчеты о *его* поведении — очень уж надежные косвенные данные имелись. Профессия такая, что поделаешь... Никогда бы не полез в ее личный дневник или письма, но тут со всем другое: официальный документ, судя по шифру, доступный примерно десяти высокопоставленным сановникам...

— И там, наверху, ни разу не обнаружили, что вы подключаетесь к их се-

тям? — с любопытством спросил он.

— Ни разу, государь. Наша система работает на других принципах.

— На каких? — машинально спросил Сварог.

И выслушал пространную лекцию о каком-то пробое в апейрон-поле, позволяющем создать точечный канал. Дослушать пришлось до конца — он понимал одно слово из десяти, но прерывать Обезьяна было как-то неловко, пусть даже роботы не способны испытывать эмоций и мысленно комментировать поступки хозяина. Вот заключительную часть он понял прекрасно, для этого не нужно было иметь семи пядей во лбу: в свое время физика ларов почему-то прошла мимо этого явления, никто его не изучал, а, следовательно, не было и соответствующей аппаратуры. Вполне возможно, точно так же обстоит и с Беттой, пронеслось у него в голове. Нечто такое, мимо чего высокоумный Магистериум отчего-то прошел...

Он положил в карман небольшой черный кругляшок со сложным золотистым узором и поднялся, чтобы уйти. Мысленно хлопнул себя по лбу: почему не подумал об том раньше, балбес?

Наблюдательные системы ларов отчего-то бессильны разглядеть что-либо в Горроте... а как обстоит со здешними? Уж если здешние умельцы сумели подключиться к компьютерной сети ларов...

Он прошел в четвертый, последний зал, опустился в кресло и приказал очередному безучастному, как древняя каменная баба, обезьяну:

— Покажите мне Акобар. С высоты... уардов ста.

Обезьян обычным, их лишенным эмоций голосом отчеканил:

— Простите, государь, сначала придется сделать «проход»...

— Как это? — не понял Сварог.

Обезьян объяснил, причем так, что сейчас Сварог понимал все прекрасно, кроме пары-тройки каких-то специфических терминов. Наблюдательные системы ларов располагаются высоко в воздухе, и потому всегда получается «вид сверху» — ну, а чтобы рассмотреть что-то подробнее, нужно «снижаться». Здешние системы устроены как-то иначе, «взгляд» наблюдателя перемещается над землей, подобно птице, при нужде приходится подниматься вверх, поворачиваться вправо-влево. Иная методика, только и всего. Здешние устройства даже совершеннее: «глаз-ухо» можно завести внутрь дома, осмотреть любую комнату — на что техника ларов не способна.

— Ну, тогда *подойдите* к Акобару, — сказал Сварог и уточнил, предчувствуя от педантичного робота именно такой вопрос: — со стороны заката.

Экран вспыхнул, но вместо города на нем появился лишь странный черно-белый узор, неподвижный, красивый, напоминающий исполинскую снежинку.

— Это еще что такое? — сердито спросил Сварог.

— Не знаю, — бесстрастно ответил Обезьян. — Такого никогда не наблюдалось государь. Неизвестный эффект.

— А когда последний раз наблюдали за Горротом?

Обезьян ответил мгновенно:

— Восемнадцать лет назад, три месяца семь часов сорок семь минут назад, Государь.

— Так... — проворчал Сварог. — Интересно...

Он не собирался сдаваться так быстро — и по его командам Обезьян добрый

квадранс манипулировал аппаратурой. Пытался «подойти» к разным городам на разных высотах. Пытался «зайти» в город по Ителу. И всякий раз возникал тот же красивый, непонятный, начинавший уже бесить узор. Тогда Сварогу пришло в голову, что приборы, несмотря на их здешнюю фантастическую долговечность, могли и забарахлить.

Однако от этой мысли пришлось отказаться, когда экран исправно показал Дике, какие-то неизвестные, заросшие густым лесом крутые берега (Сварог до сих пор успел обозреть лишь малую частичку острова, главным образом, порт с крепостью, и потому не мог определить место, да и не стоило уточнять, главное — система работает). Ну, что же, и для систем ларов Дике был полностью доступен, а вот сам Горрот закрыт начисто...

Чисто для проверки он назвал Обезьяну еще несколько мест — в Снольдере, в Ронеро, на Сегуре. И всякий раз система работала исправнейшим образом. Вот так, значит... Единственное отличие в том, что здесь появляется та чертова «снежинка», а на экранах ларов словно бы кружит снежный буран, метель из белых хлопьев, за которыми не удастся ничего рассмотреть... Суть одна и та же. Полная блокировка.

— Ваше мнение? — спросил Сварог.

— Представления не имею, государь, что это. Ничего подобного прежде никогда не случалось.

— А если предположить, что перед нами искусственно созданные помехи? Без всякого раздумья Обезьян ответил:

— Теоретически можно допустить и такое объяснение.

— Можете выяснить точно?

— Конечно, государь. Но времени потребуется много. Подобная задача никогда раньше не ставилась. Не могу сказать заранее, сколько времени это отнимет, но определенно много часов. Нужно составить новые программы, произвести действия, какие никогда раньше не производились...

— Займитесь немедленно, — сказал Сварог и встал.

У него не было времени торчать здесь «много часов»...

— Если это искусственный барьер, сделайте все возможное, чтобы его преодолеть, — добавил он и направился к выходу, сопровождаемый Золотым Котом.

Выбравшись из чащобы, он задержался. Золотой Кот, выжидательно замерший у ноги, спросил:

— Будут ли еще какие-то приказания, ваше величество?

— Золотые Шмели пусть работают днем и ночью, — сказал Сварог. — Если будут хоть какие-то результаты, немедленно о них сообщать мэтру Анраху. Вот кстати... Запомните накрепко. Мэтр Лагефель был и остается лишь передатчиком моих распоряжений... а вот что касается мэтра Анраха — во всех делах, что связаны с исследованием Хелльстада, он может самостоятельно что-то предпринимать, как если бы я сам приказывал, подтверждения у меня требовать не следует. Только в этих делах, — уточнил он вящей предусмотрительности ради. Абсолютно ни в чем он Анраха не подозревал и доверял ему всецело, но было бы неосмотрительно передавать кому бы то ни было *полную* власть над Хелльстадом.

— Далее, — продолжал он раздумчиво. — Центр. Те задания, что я им дал, они наверняка будут выполнять скрупулезно, и ваше вмешательство тут не

требуется. Но поручите им еще одно... Пусть остаются постоянно подключенными к системам *верхних*, — он ткнул пальцем в усыпанное звездами ночное небо. — Любое упоминание обо мне должно фиксироваться. Составлять регулярные сводки.

— Нет нужды отдавать такое приказание, государь, — сказал Кот. — Точно такое же указание действовало при вашем предшественнике... разве что он давно, очень давно не интересовался сводками. Так что придется всего лишь заменить в программах его имя на ваше. Это минутное дело.

— Тем лучше, меньше работы, — сказал Сварог. — Сводки мне нужны еженедельные... разумеется, если все будет обстоять *спокойно*. В случае, если окажется, что против меня что-то замышляется, извещать меня немедленно, — он оглянулся на темные башни, возвышавшиеся над дикой чащобой.

Кот успел рассказать практически обо всем, что касалось Вилердерана. В его обширных подземельях, кроме огромного винного погреба (способного привести в несказанное умиление принца Элвара) смирнехонько торчали сотни две болванов, Золотых Лакеев, обладавших именно тем минимумом интеллекта, что необходим дворцовому слуге. И примерно такое же количество уже не человекообразных роботов, как раз и предназначенных для обустройства окрестностей и, при необходимости, любых переделок.

— Выведите из подвала всех «рабочих», — распорядился Сварог. — Пусть трудятся круглосуточно: убрать эти дикие дебри, восстановить парк, фонтаны... все прочее. Одним словом, Вилердеран должен вернуться в то состояние, в каком он пребывал, когда здесь обитал мой предшественник. Все понятно?

— Разумеется, государь.

Самому Сварогу восстановленный в прежнем блеске замок был необходим не более, чем ронерскому драгуну — учебник математики. Его здесь интересовал исключительно Центр. Однако представилась возможность, самому палец о палец не ударив, разделаться с одним из бюрократических требований Диамера-Сонирила. Согласно каким-то там очередным параграфам, любой земной король обязан был обладать замком или хотя бы резиденцией. Вентордеран ни под одну из этих категорий, как оказалось, не подходил — потому что летал, то есть *перемещался*. А замок или резиденция обязаны были прочно и постоянно *стоять* на определенном месте, как и полагается всем земным зданиям. Смешно, но та знаменитая мельница, где самодур Гитре когда-то устроил резиденцию, ни одному параграфу не противоречила — поскольку пребывала на одном месте и перемещаться была не способна.

Откуда росли уши, Сварогу уже давненько рассказал один из секретарей Диамера-Сонирила. Лет двести назад Варде Ронерский, не просто самодур, а окончательно тронувшийся умом субъект, устроил свою резиденцию в обозе из десятка повозок — и принялся этаким цыганским табором кочевать по стране, останавливаясь разве что на ночлег, да и то не всегда. Эта затея принесла очень многим, и за облаками, и на земле, в сто раз больше неудобств, нежели мельница Гитре. Именно тогда и появился параграф касаясь *постоянства*. Ну, а примерно через месяц, когда сановники и министры, осатанели от такой жизни, короля-странника со всем возможным в такой ситуации почтением *сгребли* гвардейцы и поместили под присмотр лейб-медиков в уединенный замок. Регентом стал старший сын, и все наладилось... А параграф, разумеется, остался.

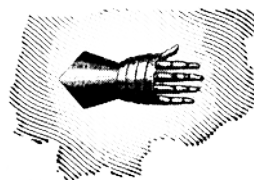
«Одной заботой меньше, пусть и мелкой, — подумал Сварог, шагая к лестнице Вентордерана. — Будет его высочеству великолепный замок, полностью отвечающий параграфам. А там как-нибудь можно и Элвара в гости пригласить, на экскурсию по винным погребам...»

Он неспешно поднялся по лестнице, мысленно отдав соответствующий приказ... Вентордеран двинулся на закат — там, с той стороны границы, лигах в трехстах отсюда, Сварог оставил свою виману-самолет.

Вот с этим серьезным неудобством ничего нельзя было поделать. Абсолютно все, сделанное наверху, здесь работать отказывалось. Оружие не действовало, любой летательный аппарат, едва пересекши хелльстадскую границу, плюхался наземь, и вся его аппаратура моментально вырубалась. Фаларен в свое время позаботился, конечно. Вот только Сварогу приходилось, прибывая в Хелльстад, оставлять виману на границе, у которой нужно было постоянно держать Вентордеран. То же касалось и всех сподвижников, соратников и сотрудников, прибывавших по делу. Меж тем, что любопытно, «Рагнарока» это совершенно не касалось, субмарина преспокойно плавала по Ителу в пределах Хелльстада, приставала к берегу, и ее оружие (Сварог специально проверил) действовало безотказно. Почему обстояло именно так, он еще не доискался. Была лишь версия, что Фаларенова придумка не действует на предметы, созданные до Шторма, — но вот научного обоснования у версии не имелось, а оно, Сварог считал, не помешало бы.

Пройдя в свой малый кабинет (давным-давно переделанный под его собственные нужды), повесив мантию на золотой крючок и сняв митру, Сварог какое-то время задумчиво рассматривал тот самый черный диск со сложным золотистым узором, содержавший массу интересных подробностей о жизни Яны. Увы, знакомство с ним следовало отложить на потом — такой массив информации отнял бы часа четыре, а времени не было. Следовало поспешать в Глан, не отвлекаясь ни на что постороннее.

Он брезгливо поморщился, представив, чем вскоре придется заниматься, — но ничего тут не поделаешь: просто необходимо...

Глава II

О СКУЧНЫХ ФИНАНСАХ

Эта комната немаленькой гланской пыточной вполне официально носила название «увещевательной» — здесь, и правда, клиента сначала уговаривали рассказать по-хорошему все, что интересуется хозяев, не доводя дело до посещения более неприятных помещений. А потому она имела вид стандартного канцелярского кабинета средней руки: стол, несколько жестких кресел, писец за столиком в углу. Правда, чтобы клиент не забыл, что пребывает все же не в каком-нибудь департаменте уличного освещения, в углу помещался единственный предмет богатого здешнего инструментария: затейливый агрегат размером с комод, предназначенный для следственных действий, способных ужаснуть многих.

Обстановка царила самая спокойная, деловая, ни тени суеты. Глэрд Баглю, за долгую службу навидавшийся всего на свете, сидел в углу со скучающим видом (ничуть не притворяясь). Одноглазый главный палач и его прилежные сотрудники тоже не проявляли ни малейших эмоций. Да и Сварог, уже обывшийся и с этой стороной королевского ремесла спокойно курил за столом, где устроился как старший по положению.

Словом, можно сказать, покой и безмятежность. Портил эту картину только господин Одо, которого во избежание случившихся порой сюрпризов крепко держали за локти два дюжих помощника палача. Волновался, болезненный, и бледен был, как смерть, и пот с него лил чуть ли не струями, его непроизвольно подергивало и корчило, а временами он постукивал зубами. Правда, никаких позорных запахов от него пока что не распространялось, но это во многих случаях исключительно вопрос времени. Классическая картина: человек рассчитывал на успех предприятия и немаленькое, надо полагать, вознаграждение, но столкнулся с полным крахом всех приятных надежд...

— Покажите ему, — распорядился Сварог, не повышая голоса.

Один из помощников палача проворно бросился к низенькой дверце в углу и распахнул ее настежь. Державшие Одо проворно подтащили его к двери и поставили так, чтобы прекрасно видел, что там внутри. Главный палач деловито распорядился:

— Таз давайте. А то все они норовят пол запачкать, плевать им, кто убирать будет...

Самый младший подмастерье (тот, что до сих пор путал здешние инструменты) проворно подскочил с большим жестяным тазом и встал так, чтобы при необходимости моментально его подсунуть клиенту.

Сварог со своего места не видел, что там, в комнатке — но прекрасно знал, что сейчас предстало взору господина Одо. Там, на каменном полу, прикованное за ноги цепью к стене, сидело нечто, до сих пор имевшее большое сходство с человеком. Вот только выглядело оно жутко: все в засохшей крови и лоскутках кожи, со значительной убылью пальцев на руках и ногах, лишенное ушей, носа и кое-чего более существенного... До Сварога порой долетало тихое поскуливание — устал, утомился наконец, уже не орет, как в первый день...

Решив, что прошло достаточно времени, Сварог приказал:

— Ко мне его.

Дверь захлопнули, Одо вернули на прежнее место перед столом, на сей раз держа еще крепче — потому что ноги у него подкашивались и волочились по полу. Подмастерье с тазом бдительно помещался на удобной позиции. Одо оказался крепче, чем предполагалось: наизнанку его таки не вывернуло, но из бледного он стал каким-то зеленоватым, потел так, словно его поливали из лейки, закатывал глаза и трясся. Один из помощников сунул ему под нос резко пахнущую склянку и рявкнул:

— Нюхай, зараза, со всем усердием! Вздумаешь в обморок падать, железом пригрею!

Одо старательно и шумно втянул обеими ноздрями, замотал головой, зачихал. Нельзя сказать, чтобы после этого он стал выглядеть пристойнее, но в обморок падать вроде бы не собирался. Сварог показал пальцем — и клиента усадили на жесткий стул, все так же старательно держа за локти.

— Ну, хватит, — сказал Сварог холодно. — Все равно не поверю, что вас полностью вышибло из разума. Наверняка видывали виды в этой жизни и вряд ли впервые вступили на скользкую дорожку... Будете говорить нормально, или приказать вам для начала уши калеными щипцами прижечь... нет, вонь будет. Что-нибудь другое, не опасное для здоровья, но крайне болезненное...

— Осмелюсь предложить, государь... — почтительно сказал главный палач. — Нос в тиски. Ни запаха, ни особого вреда для здоровья, зато болюче...

— Пожалуй, — сказал Сварог. — Принесите.

— Н-не надо! — вырвалось у Одо.

— Не надо, — сговорчиво повторил Сварог. — Итак, вы готовы говорить членораздельно и со смыслом... Вы его узнали? Этого, за дверью? Нет? Ну конечно, сейчас его родная мама не узнает... И все же... Вы неглупый человек, у вас, возможно, есть догадки и соображения?

Молчание длилось недолго. Одо, обливаясь потом, *прошелестел*:

— Сувайн...

— Он самый, — сказал Сварог. — Впрочем, чтобы сделать такое умозаключение, особого ума не требовалось: у вас был один-единственный, более-менее посвященный в ваши грязные дела сообщник, остальные — рвань, исполнители... Все верно, Сувайн, который, как нетрудно догадаться, выдал абсолютно все о ваших делах, что только знал. Правда, после этого с ним еще довольно долго упражнялись здешние мастера...

— Зачем? — вырвалось у Одо.

— Не из личной мести, — серьезно сказал Сварог. — Уж поверьте королевскому слову. Я бы никогда не приказал пытаться человека, который хотел меня убить, из чистого удовольствия. Как-то это мне не свойственно, правда. Меня столько раз пытались убить, что даже и глупо в очередной раз злиться всерьез. Ну, хотели убить... Дело житейское. Подозреваю, не раз еще попытаются, к чему нервы тратить... Тут другое. Когда меня ловили, егеря вашего Сувайна убили бродячих комедиантов. Мужчин просто убили, а женщин еще пытали и насиловали. А ведь они были совершенно ни при чем... и неплохие были люди...

Едва он замолчал, Одо вклинился, почти крича:

— Я им ничего подобного не поручал! Вообще ничего не знал, как вас там ловят...

— А я вас в этом и не обвиняю, — пожал плечами Сварог. — Просто вы были *главным*. А я поклялся там, над трупами, что все, причастные к тому делу, света белого не взвидят... Те егеря мертвы — увы, не моими трудами. Сувайн получил сполна. Остались вы один. Ну, конечно, делу время — потехе час. *Потеха* начнется только после того, как вы выложите все, что меня интересует, — он нехорошо ухмыльнулся. — А вы все выложите, Одо. Здешние мастера умеют извлечь любую правдочку... Бывали осечки, Баглю?

— Ни единой, государь, — кратко ответил из своего угла глэрд.

— Вот видите, — сказал Сварог. — У меня мало времени, поэтому с вами сразу начнут работать обстоятельно и всерьез. Вас уже проверили люди, наделенные соответствующим даром. Есть конечно, колдуны... или просто люди, раздобывшие заклятья, делающие их совершенно нечувствительными к боли. Но вы не колдун и никакими заклятьями не владеете. Правда... Мне доложили, что *общаться* вы с какими-то колдунами или магами общались, а как же, и довольно плотно. Остались *следы*. Их даже я вижу, хотя маг из меня никудышный. Знаете, это выглядит так, словно человек здорово испачкался в саже... Вы самый обычный человек, и вам будет больно. Вот только кто вы такой... Попробуем подумать, немного времени найдется. Ваши ронерские бумаги на имя градского обывателя Лелиано — фальшивка, очень искусная, правда, папахивающая не частным промыслом, а государственной конторой. Вы поняли, почему те люди, не похожие на палачей, раздели вас догола и осматривали самым тщательным образом?

— Н-не совсем, — признался Одо.

— Ну, это так просто... — усмехнулся Сварог. — О человеке очень много могут сказать его тело и руки... Тело у вас сытенское, упитанное, руки — прямо-таки аристократа, хотя нет, тут нужно подобрать какое-то другое определение. В конце концов, господа дворяне, никогда, конечно же, не работающие руками, тем не менее, много ездят верхом, тренируются с оружием, а это оставляет свои следы. Даже у королей. С вами обстоит совершенно иначе. Руки у вас такие, словно вы отроду не держали в руках ни поводьев, ни меча. Нежные, как у придворной красотки. И ступни такие же, полное впечатление, что только здесь вам пришлось достаточно часто ходить пешком, и вы изрядно сбили ноги... Зато на пальцах у вас те самые знающие люди обнаружили старые, крайне специфические мозоли, какие остаются у тех, кто долго пользуется пером, большими ключами, всевозможными счетными машинками. У вас руки ученого, канцеляриста, купца, банкира... Но для первых трех категорий вы *очень уж* холеный. Ну и наконец... Вы растягиваете гласные в конце слов, глотаєте гласные после «п» и «м», часто вместо «з» употребляете «с». Так говорят либо уроженцы Балонга, либо те, кто прожил там много лет. Одним словом, вы из Балонга.

— Предположим... — сказал Одо, настороженно поблескивая глазками.

— Без всяких там «предположим», — сказал Сварог. — Вы, безусловно, из Балонга. Конечно, вторая канцелярия Провизориума, получи она такой приказ, довольно быстро установит вашу подлинную личность, но к чему нам тратить время, если вы в том месте, где развязывают любые языки? Сами все выложите... — он сделал паузу. — Быть может, вы догадываетесь, каков бывает на таких вот допросах первый, прямо-таки традиционный вопрос? Ну, шевелите мозгами, вы ведь умны, я успел убедиться, да и оклемались немного,

глазки больше не закатываете, в обморок рушиться не собираетесь, даже при виде Сувайна не сблевали, а ведь порой и закоренелых разбойничков выворачивает... И некоторая работа мысли у вас уже определенно прослеживается, верно? Вы начали думать, преодолев первое ошеломление и страх. Человек вроде вас, оказавшись в таком положении, очень быстро начинает лихорадочно искать выход... Я ведь прав, Одо? Вы уже и не потеете почти, и взгляд у вас осмысленный... Так какой здесь первый, традиционный вопрос?

Одо криво усмехнулся:

— Не соглашусь ли я расколоться без пыток?

— Вот именно, — сказал Сварог. — И у вас шкура останется целой, и людям в поте лица трудиться не придется... Всем удобно.

Писец в углу встrepенулся, оживился, взял из стопки бумаги верхний лист и нацелился на него стилосом.

Глядя Сварогу в глаза с примечательной смесью надежды и злости, Одо с расстановкой произнес:

— Я не уверен, что мне выйдут какие-то удобства.

— Почему? — спокойно спросил Сварог.

— Я выложу все, а потом меня все равно начнут пытаться, как Сувайна, — его легонько передернуло. — Из этой вашей мести, согласно той вашей клятве... Где же тут удобства?

— Резонно... — проворчал Сварог. — Хотя... Знаете ли, Одо, с клятвами, в отличие от недвусмысленных обещаний, порой обстоит... по-всякому. Их никак не годится нарушать, но их порой можно... толковать. Здесь тоже есть лазейка — и моей чести ущерба не выйдет, и вам будет выгода... Да, я сказал тогда «все, причастные к этому делу...» Но под этим делом можно ведь понимать не все ваше предприятие, а лишь убийство комедиантов. К которому вы и в самом деле не имеете никакого отношения, не приказывали их убивать, вообще о них не слыхивали... Что, если мы посмотрим на вещи с этой точки зрения?

Одо смотрел на него исподлобья, колюче, недоверчиво. Но в глубине горела надежда...

— Почему бы вам и не рискнуть? — спросил Сварог с ухмылкой. — По крайней мере, я даю вам *шанс*. А в вашем положении, любезный, умный человек хватается за любой шанс...

— И никаких гарантий... — проворчал Одо.

— Шанс — это не гарантии, это просто шанс, — сказал Сварог. — А впрочем... Королевское слово, данное при свидетелях, — это уже не клятва, которую порой можно толковать по-разному... Вы согласны?

— Допустим, — настороженно процедил Одо.

Сварог коснулся своей золотой цепи, состоявшей из цветов чертополоха вперемешку со старинными геральдическими знаками, означавшими пламя и отвагу. На цепи висел золотой гланский герб — как принято повсеместно, герб государства в то же время и герб его короля. Положив на него ладонь, Сварог чуточку сжал пальцы.

— Слушайте меня внимательно, Одо, — сказал он холодно, выразительно, четко. — Даю вам королевское слово: если вы сами добровольно выложите все — но именно что все — пытаться вас не будут. Пальцем не тронут. Более того. Вас не предадут ни плахе, ни виселице, ни огню, вас не отравят, вас не закопают заживо. Вы останетесь под замком, что правда то правда, но умрете

вы естественной смертью, сколько бы ни прожили. Клянусь вам в том королевском гербом при благородном свидетеле и многих неблагородных. Устраивает вас это?

Одо подался вперед так стремительно, что помощники палача не сразу спохватились, лишь через пару секунд припечатали его спиной к жесткой спинке кресла.

— И не раздерут лошадьми, — быстро, словно в горячечном бреду, проговорил он. — И не отдадут на съедение диким зверям. И не бросят в воду в мешке с кошками.

— И не раздерут лошадьми, — усмехнулся Сварог. — И не отдадут на съедение диким зверям. И не бросят в воду в мешке с кошками. Повторяю, жить вы будете за решеткой, пока не умрете естественной смертью. Ну? Я вам по всем правилам дал клятву на королевском гербе. Серьезнее клятвы просто не бывает, вы не можете не знать...

— И не уморят голодом! — воскликнул Одо.

— И не уморят голодом, — кивнул Сварог, все еще держа руку на гербе. — Ну, вы будете еще что-нибудь вспоминать или наконец перейдем к делу?

— И не используют против меня убийственную магию, — выпалил Одо.

— А вы изряднейший зануда... — поморщился Сварог. — И не используют против вас убийственную — да и какую бы то ни было другую — магию. Ну, все на этот раз? Или еще что-то? Да, и с башни вас сбрасывать не будут, и на бочку с порохом сажать не станут... Ну, я же сказал: жизнь за решеткой и естественная смерть.

— Навечно? — спросил Одо.

— Хотите чистую правду? — ухмыльнулся Сварог. — Не знаю. Я же вас не обманываю, а разговариваю предельно откровенно. Бывает, людей извлекают даже из вечного заключения, если они окажут какие-то особенные услуги. Как будет в вашем случае, мне неизвестно. Поэтому ничего не могу обещать заранее.

Одо откинулся на спинку кресла, прижался к ней затылком, прикрыл глаза.

— Вот теперь я начинаю вам верить, — почти прошептал он. — Когда хотят обмануть, дают *любые* обещания...

— Я вас не обманываю, вот и не даю *любых*, — сказал Сварог. — Ну, закончим с клятвами и обещаниями? Чтобы знать, ждать ли от вас каких-то *особенных* услуг, нужно, сами понимаете, чтобы вы выложили все. Имейте в виду: я умею определять ложь...

— Я знаю.

— А еще мы поступили очень хозяйственно, — сказал Сварог. — Не стали отрезать Сувайну язык, так что он в любую минуту дополнит ваши показания, если вы решите о чем-то умолчать. И, хотя вид у него крайне предосудительный, и здешние господа мастера, и врачи клянутся: все, что он перенес, ни жизни, ни здоровью, в общем, не угрожает. Может прожить хоть лет двадцать... Что же, мы договорились?

— Договорились, — буркнул Одо, опустив глаза.

— Отлично, — сказал Сварог и встал. — Давайте поменяемся местами *любезный* Баглю, вы кое в чем искуснее меня...

Он скромно уселся в углу — так, чтобы видеть лицо Одо и в мгновение ока

определить, если тот соврет. Занявший место за столом глэрд Баглю спросил жестко:

— Настоящее имя, происхождение?

— Одо Каторат. Сын патриция Гида Катората...

«Тьфу ты, — подумал Сварог, — а я все ломал голову, кого он мне напоминает... Ах, как интересно заворачиваются дела...»

...Молодчики Интагара проворно и бесцеремонно приняли все меры, чтобы подопечный, чего доброго, не вздумал сбежать вне края, куда никакая тайная полиция не имеет доступа. Содрали алый плащ с золотыми пчелами, сняли с шеи золотую пектораль, а с пальцев все до единого перстни. Убрали все, где могло оказаться крохотное хранилище яда. От стола оттеснили сразу же: Интагар рассказывал Сварогу давний случай, когда некий вельможа, затеявший заговор против Конгера, в одну из позолоченных завитушек как раз и велел доверенному человеку сделать маленькое приспособленьице. Когда заговор был раскрыт, и в кабинет к сановнику ворвались люди из Багряной Палаты, он, предвидя долгие пытки и не самую примитивную казнь, хлопнул ладонью по завитушке, из крохотного пузырька с ядом выскочила игла, вонзилась... Обыскали, выложили на стол содержимое карманов и толкнули клиента на стул для посетителей, бдительно вставши по обе стороны и следя за его руками.

Подвергнутый этой унижительной процедуре впервые в жизни, подопечный тем не менее сохранял полнейшее хладнокровие — и даже, пожалуй, смотрел с толикой презрения. Сидел в исполненной достоинства позе, гордо задрал голову. Статная фигура, красиво уложенная шевелюра с ниточками седины, ухоженная борода с седыми прядями, абсолютно невозмутимое лицо. Патриций Круглой Башни Гил Каторат, в нынешней иерархии — второй в Балонге человек после Сварога, глава одного из трех крупнейших банкирских домов государства. Глава третьего по счету заговора, несказанно превосходившего первые два не только по изощренности, но и по размаху, по количеству вовлеченных патрициев и нобилей. Грубо прикидывая, заговор объединил две трети здешних владельцев банков и их наиболее приближенных финансистов. Персон, благодаря положению и жизненному опыту, умевших хранить тайны. И тем не менее бедняга Альдорат нащупал кое-какие ниточки — но сделать ничего не успел...

Прошло уже две недели с тех пор, как всем им стало ясно, что король живехонек, пребывает в человеческом облике, а Одо с Сувайном исчезли неведомо куда. И тем не менее никто из них даже не попытался скрыться. Впрочем, это понятно и без объяснений Интагара. Специфика профессии. Это какой-нибудь дворянин (мало ли примеров?) в подобном случае набивал карманы фамильными драгоценностями, напяливал гильдейский камзол и пускался в бега. С банкиром, особенно высокого полета, обстоит совершенно иначе. Если он заранее не приготовил себе на другом конце континента надежное убежище с новыми документами, жильем и запасом золота, в считанные дни бегство не подготовишь и слишком много с собой не унесешь. Лишившись своего банка, патриций становится никем. И очень трудно ему скрыться в мире, который ему совершенно незнаком... Пара-тройка нобилей помоложе и попроторнее, правда, пустилась в бега, но Интагар заверял, что выловить их будет нетруд-

но.

Сварог подошел к столу и, задумчиво покачиваясь с пятки на носок, осмотрел все, что там лежало. Ничего интересного: массивные золотые часы в бриллиантовой осыпи, карандаш в золотом футлярчике, еще несколько подобных безделушек. Ничего интересного, кроме...

Вот это было что-то насквозь непонятное и совершенно не сочетавшееся с прочим. Сварог взял черный камень — тяжеловатый, идеально отполированный, овальный, с выступавшим на одной стороне круглым бортиком и продолговатой луночкой внизу. Ни с какого боку не драгоценный. Талисман? Мало ли какие талисманы с собой таскают даже самые солидные и богатые люди...

Пожав плечами, он положил странный камень обратно — не было времени заниматься пустяками. Подошел к патрицию почти вплотную, уставился в глаза, но Каторат стойко выдержал его взгляд.

— Все, надеюсь, понятно? — спросил Сварог спокойно.

— Конечно, — столь же ровным, недрогнувшим голосом ответил патриций. — Коли уж вы в человеческом облике и ворвались ко мне с полицией... — в глазах у него впервые мелькнуло что-то похожее на тревогу или горе. — Вы пытали Одо?

— И пальцем не тронули, — сказал Сварог. — Он оказался очень здравомыслящим человеком, без всяких пыток выложил все, что знал. Конечно, он знал далеко не все, но все, что знал, рассказал. Если помните, я умею определять, лжет ли человек или говорит правду...

— Что с ним? — голос патриция лишился прежней бесстрастности.

— К сожалению, он мертв, — не моргнув глазом, солгал Сварог. — Ему все же не хватило здравомыслия: показалось, что подвернулся удобный случай для бегства, темнело, конвоиры стали стрелять... Мне, право, жаль. Он мне был еще нужен...

Патриций прикрыл глаза, хотя его лицо осталось столь же бесстрастным. «Кто ж тебе виноват, сволочь? — без всякого сочувствия к отцовской скорби подумал Сварог. — Никто тебя не заставлял вовлекать любимого сына в заговор и поручать именно ему такое...»

— Хватит жмуриться, — сказал Сварог.

Когда патриций поднял веки, в глазах у него стояла ненависть — холодная, бессильная. Он почти прошептал:

— Как вам везет... Просто невероятное везение...

— Согласен, — сказал Сварог. — Везение чистейшей воды. Вы все великолепно продумали, стоит отдать вам должное... Где вы раздобыли зеркало и заклинание?

Патриций покривил уголки губ:

— В закрома к банкирам стекается столько интересных вещей... Далеко не одни только деньги.

— Нужно будет учесть, — серьезно сказал Сварог. — Я как-то никогда не думал об этой стороне вопроса... — он наклонился к Каторату и негромко спросил: — Почему? Зачем вы все это устроили, да еще с таким размахом? И столько вовлекли? Я действительно не понимаю. Неужели все дело в том, что я взял примерно четверть содержимого Круглой Башни? Но это ведь был не грабеж. Это был самый натуральный займ. В обеспечение вам были даны в Трех

Королевствах и земли, и корабельные леса, и рудники, даже парочка золотых... Объясните, Каторат. Или вы думали, что вас каким-то образом обманут?

— Нет, — сказал патриций. — Видите ли... Обеспечение, конечно, неплохое, но слишком уж велики суммы, которые пошли на *долгий* займ. Банкиры не любят слишком долгих займов, а уж когда речь идет о таких деньгах... Слишком много времени прошло бы, прежде чем деньги стали бы возвращаться, не говоря уж об извлечении прибыли. Земли еще нужно осваивать, леса — рубить и вывозить древесину, рудники — разрабатывать, восстанавливать... Есть банкирские дома, которых устраивают *долгие* займы... Но не меня.

— Ну вот, кое-что проясняется, — сказал Сварог. — И все вовлеченные в заговор собратья по ремеслу, конечно, из тех, кто рассуждает точно так же?

— Разумеется. К тем, кого это устраивало, не было смысла обращаться.

Сварог пытливо уставился на него:

— И это что, единственный мотив?

У него осталось впечатление, что патриций помедлил оттого, что собирался солгать, — но, видимо, тут же вспомнил, что со Сварогом такие номера откалывать бессмысленно.

— Нет, — сказал он наконец. — Простите за прямоту, но вы перестали быть для нас нужным.

— Ах, вот оно что... — Сварог усмехнулся. — Великого Кракена больше нет, Багряной Звезды — тоже, все нужные вам привилегии вы от меня получили, на Сильвану влезли... В самом деле, зачем вам теперь я... Это все? Или есть ее что-то?

Ровным голосом, словно читал лекцию, патриций продолжал:

— Впервые за тысячи лет создалась уникальнейшая ситуация. Ни в Снольдере, ни в Ронеро, ни в Харуме, ни в Глане нет *прямых* наследников престолов. Точнее, осталась одна-единственная Старая Матушка, но это... — он вновь покривил губы, — это, в конце концов, не столь уж серьезная проблема... Если бы с вами и с ней приключилась какая-нибудь неприятность... Нигде нет *прямых* наследников с железными, неоспоримыми, юридически безупречными правами на престол. Только незаконные отпрыски вроде Арталетты и далекая родня прежних монархов...

— Достаточно, — сказал Сварог. — Я прекрасно понял. Повсюду хаос, повсюду начинаются войны меж претендентами на престол, Горрот и Лоран, конечно же, моментально вступают в игру, пытаясь захватить все, что удастся... Это, пожалуй, на годы. На долгие годы. И повсюду — вы. Согласно старинным установлениям, неприкосновенные для всех воюющих сторон. Вы продаете оружие всем и каждому, ссужаете деньги, пусть даже долгие, давите конкурентов — те банкирские дома в четырех странах, что для вас сейчас пусть и не опасные, но все же конкуренты, — получаете массу прибыли и выгод... По сути, подгребаєте под себя континент... — он покрутил головой не без некоторого восхищения. — Неплохой план...

— И вполне выполнимый, — бесстрастно сказал патриций. — Если бы не ваше везение... — губы снова покривились. — Возможно, король Сварог, вы и считаете нас какими-то чудовищами, вселенскими злодеями, подлецами, каких свет не видел... Но это *ваша* точка зрения, человека с *другой* стороны. Для нас подобное — *образ жизни*. Мы так живем тысячи лет. Цель банкира — извлекать прибыль. Всегда. Везде. Из всего, что возможно. И не плестись в хво-

сте событий, а самим создавать ситуации, когда прибыль может оказаться весьма достойной. Такова истина. Вы, наверное, меня ненавидите?

— Честное слово, нет, — усмехнулся Сварог. — По очень простой причине: у меня есть немало гораздо более серьезных объектов для ненависти. А вы... Ну, по большому счету, дело житейское. Банкиры, стервятники, заговоры, своя жизненная философия... Некогда мне тратить на вас ненависть. Тем более что вы проиграли начисто, а я, соответственно, выиграл немало... — он продолжал жестче, напористее: — А посему оставим эту праздную болтовню и перейдем к делам конкретным. Ваш сын знал далеко не все. Зато вы знаете все и всех. О чем должны рассказать вплоть до мельчайших деталей, сами понимаете. Вопрос только в том, как будет проходить наша откровенная беседа: здесь же, в этой комнате, или в пыточных подвалах? Проявите то же здравомыслие, что ваш сын, или вас придется *убеждать*?

— Здесь, — почти не промедлив, сказал патриций. — Я не переношу боли, даже самой легкой. Что ж, все рухнуло, остается только избежать пыток... — он поднял на Сварога глаза, которые сейчас никак нельзя было назвать спокойными или бесстрастными. — Но вот потом... Когда я выложу абсолютно все? Вы же меня казните?

— Могу вас заверить, что нет, — сказал Сварог без улыбки. — Знаете, с некоторых пор я очень редко применяю смертную казнь. Потому что у меня катастрофически не хватает рабочих рук в Трех Королевствах. Конечно, есть люди, которым опасно сохранять жизнь даже на каторге. Но вы все к таковым не относитесь. Без ваших банков вы абсолютно не опасны. И не настолько еще стары, чтобы не смогли орудовать киркой и лопатой.

— Пожизненная каторга?

— Но все-таки — жизнь, — холодно усмехнулся Сварог. — Или у вас есть другие предложения? — спросил он иронически.

— Есть, — спокойно сказал патриций.

— И какое же?

— Заключение, пусть и пожизненное, но в моем собственном доме. Его нетрудно превратить в тюрьму: решетки на окнах, замуровать большинство дверей, поставить стражу. Со всеми чадами и домочадцами и достойным содержанием.

Сварог даже оторопел чуточку: это даже не наглость, это что-то другое. Он видел особняк Каторгата и даже пару раз бывал там: роскошная тюрьма, что уж и говорить, любой приговоренный к отсидке от такой бы не отказался...

Он спохватился и постарался придать лицу самое бесстрастное выражение — а вот Интагар, стоявший за спинкой кресла, сразу видно, все еще не мог опомниться от услышанного.

— Интересно, — сказал Сварог. — Очень интересно. Ну, с ума вы, конечно, в одночасье не сошли... Если подумать... Вы полагаете, у вас в рукаве и в самом деле есть что-то, что позволяет торговаться и выдвигать *такие* условия?

— Я позволю себе именно так и полагать, — сказал патриций, напряженно глядя ему в глаза.

— Ну? — почти грубо спросил Сварог.

— Я имею в виду «королевский секрет». «Королевское помилование особого рода». Насколько я знаю, эта традиция не нарушается никогда и нигде? Смягчение наказания в обмен на секрет, имеющий для короля особую важ-

ность?

— Да, все верно, — медленно сказал Сварог. — Эта традиция не нарушается нигде и никогда...

— Вот это и будет мое условие — не просто смягчение наказания, а именно то наказание, о котором я вам говорил.

— Условие... — протянул Сварог. — Когда человек в вашем положении выдвигает условия — это крайне интересно. Тем более что человек вы весьма неглупый, я это на своей шкуре испытал... Говорите. Только помните, что всегда король сам, один оценивает, насколько важен секрет.

— Я знаю. И полагаюсь не столько на вашу честь, сколько на ваш ум, король Сварог... Разрешите подойти к столу и взять тот черный камень?

— Идите, — не колеблясь, кивнул Сварог.

Он не чувствовал пока что никакой опасности. Магии в том камне, он сразу определил, было не больше, чем в мусоре на улице. Даже если это какое-то неизвестное оружие, то оно может оказаться исключительно метательным и Сварогу причинить вред не в состоянии. Вот остальные...

Чуть отодвинувшись, он опустил руку в карман и сжал рубчатую рукоятку бластера. В случае чего убивать этого скота ни в коем случае нельзя, из него еще нужно выжать подробнейшие показания о заговорщиках... но таковые он превосходно может дать и оставшись без рук. Вряд ли пожилой банкир владеет оружием лучше Сварога...

Не раздумывая, он открыто вынул бластер и держал так, чтобы при опасности миг лишит патриция блудливых рученок. Тот покосился со вполне объяснимым легким удивлением — ну да, впервые в жизни видел бластер...

— Это такое оружие, — сказал Сварог спокойно. — Если попытаете выкинуть какой-нибудь фокус, останетесь живы... но без рук. Показания вы и в таком состоянии прекрасно сможете давать...

Патриций сказал без тени иронии, даже с некоторым одобрением:

— Вы предусмотрительны, король Сварог...

— С такими, как вы, станешь... — проворчал Сварог, держа его на мушке. — Ну?

Патриций подошел к столу. Слева и со спины к нему вплотную придвинулись молодчики Интагара — напряженные, подобранные, готовые ко всему. Справа, в паре шагов, поместился Сварог, уже прикинув, как в случае поганых сюрпризов хлестнет лучом бластера, словно плетью — сверху вниз, по запястьям. Интагар встал по другую сторону стола, опустил было руку в карман, но, встретив повелительный взгляд Сварога, вынул ее пустой.

Патриций даже не стал брать камень в руки — он просто положил подушечку большого пальца в ту самую луночку, зажмурился, пошевелил губами...

Сварог видел, что у обоих сыщиков буквально челюсти отвисли. Интагар держался гораздо лучше, он-то был уже этим знаком, но все равно, изумление на его бульдожьей физиономии изобразилось несказанное. Сварог подозревал, что его собственная физиономия не являет сейчас собою образец хладнокровия.

На темной поверхности стола, меж его краешком и камнем появилась самая настоящая клавиатура компьютера.

Она была нематериальна, состояла из полос неяркого синего света, но все

же это была именно она, пусть чуточку и не такая, к каким Сварог здесь привык: буквы, полный алфавит, дюжина непонятных значков... Другого истолкования этому просто невозможно дать: натуральная клавиатура компьютера... или нечто, похожее на нее как две капли воды...

Патриций, косясь на бластер в руке Сварога, стараясь двигаться медленно и плавно, выпрямился, убрал руки со стола. Спросил чуточку хрипловатым от волнения голосом:

— Желаете увидеть, как это работает?

— Сделайте одолжение, — сказал Сварог и махнул сыщикам: — Ребятки, поддержите-ка его покрепче, только правую руку оставьте свободной...

Те моментально выполнили приказ. Патриций, на миг утратив невозмутимость, покосился на Сварога удивленно. Но Сварог-то знал, что делал, прекрасно помнил, как тогда, в Вентордеране, второй царедворец (не отысканный до сих пор, хотя все еще ищут, и усердно) через тамошний компьютер *юркнул* неизвестно куда. Абсолютно неизвестно, на что способна эта черная хреновина, так что Катарат тоже может отколоть номер...

— Давайте, показывайте, — распорядился он.

Патриций медленно протянул свободную руку, прошелся пальцами по клавиатуре со сноровкой человека, давно и умело владеющего компьютером. «Бетта! — мелькнуло в голове у Сварога. — Или тут другое?»

Он напрягся, но тут же расслабился. Никаких неприятных сюрпризов не произошло. Перпендикулярно к темной полированной поверхности стола зажегся... нет, не экран, а просто какой-то длинный текст размером уард на уард. Сварог присмотрелся. Крупная надпись сверху: «Сноль, биржа паевых листов, сегодня». А далее — названия, названия, цифры, цифры...

— Это... — начал было патриций.

— Я знаю, что это такое, — сухо оборвал Сварог.

Уж такие вещи полагалось знать королям, если они прилежно занимаются государственными делами. Паевые листы — нечто очень похожее на акции покинутого им мира. Акции предприятий, рудников, торговых домов, корабельных, транспортных и прочих компаний — тех, что не пребывали в единоличном владении. Соответственно, давно уже существуют и биржи, и биржевая игра. Текущая довольно вяло, без того размаха, что на Земле в конце двадцатого века, но доходы приносящая. Не астрономические, но солидные.

Откуда эта информация происходила, стало ясно сразу же: в правом верхнем углу Сварог увидел две знакомых эмблемы: одна вычурная, побольше, вторая маленькая, гораздо более скромная. Второй департамент Канцелярии земных дел, надзиравший за таларской экономикой. Все данные черный булыжник спер оттуда, — и уж безусловно не в первый раз, а значит, его никто не зафиксировал и не отследил... как и компьютер Бетты. Вот такие веселые дела: на Харуме обнаружился уже второй компьютер, незамеченным подключившийся к системам ларов... вот только забавы Бетты в сто раз безобиднее.

— Так-так-так, — сказал Сварог. — Кому-кому, а уж вам знакома эта эмблема... — он показал на герб Канцелярии. — И вы прекрасно знаете, *откуда* воруете... Только биржевые отчеты?

— Нет, конечно, — сказал патриций. — Там еще много полезного: сведения о ярмарках и торгах, протоколы коллегий по банкротствам, новейшие указы королей касательно финансов, экономики. Обладая всем этим...

— Да можете не объяснять, — поморщился Сварог. — Тоже мне, загадка. Вы все это узнаете гораздо раньше, чем все остальные, на чем зашибаете неплохую денежку, оборотистый вы наш... И откуда же вы это взяли? На земле такую штуку изготовить невозможно. Добрый волшебник подарил или черта вызвали на перекрестке восьми дорог, как оно полагается?

— Вы не поверите...

— Вы забыли, что мне нет нужды верить или не верить, — пожал плечами Сварог. — Вы станете рассказывать, а я определю, врете вы, или нет...

— Совсем из головы выскочило...

— Ну?

— Не было ни доброго волшебника, ни черта, — сказал Катарат уже без прежней бесстрастности, с некоторым волнением. — Полтора года прошло, а я все ломаю голову и не могу додуматься... Хотя, в принципе, какая разница? Он есть и работает исправно... Он просто *появился*. Понимаете? Взял и появился. Когда я собирался отходить ко сну и пришел в спальню, он лежал на ночном столике, прямехонько под лампой. И он *заговорил* со мной. Довольно приятным женским голосом... похожим скорее не на голос молодой девчонки, а зрелой женщины, неглупой и рассудительной... Я удивился и испугался, конечно, но не настолько, чтобы с воплями бежать из спальни, созывать слуг... Я в жизни повидал вещи и пострашнее говорящих камней, особенно в молодости, когда был еще всего-навсего старшим писцом у дядюшки в банке, объездил весь Харум, бывал даже в Ямурлаке... Ну, камень. Ну, говорящий. И только. Вы знаете, что меня еще успокаивало? Ее тон. Интонации как две капли воды походили на речь купца или банкира, собравшегося предложить собрату по ремеслу выгодную сделку. Это меня как-то и совсем успокоило... Короче говоря, она сказала, что этот камень — «машинка знаний». Что она позволяет забирать знания из компьютерных сетей ларов...

— Ого! — фыркнул Сварог. — Какие вы слова знаете...

— Я обо всем этом и понятия не имел, — хмуро сказал патриций. — Откуда бы мне знать такие вещи? Это она мне все подробно растолковала... кстати, не так уж сложно понять, если объясняют толково...

Действительно, мысленно кивнул Сварог. В принципе, дело нехитрое. Вон взять хотя бы Интагара — моментально разобрался что к чему, через несколько дней получит компьютер и Томи в качестве наставницы. А уж потом держитесь, соколы мои, Интагар с компьютером — это нечто...

— Я спросил, кто она. Она тут же ответила: Фея Знаний, бескорыстно одаряющая людей знаниями, — он глянул на Сварога беспомощно, даже испуганно. — Я потом наводил справки у знающих людей, лучших, каких только можно найти за деньги. Никто не знает о такой фее, о ней нигде ни словечка...

Вот именно. Сварог в жизни о такой фее не слыхивал. Конечно, он и сегодня не стал бы утверждать, что знает абсолютно все нечеловеческие сущности (многие для его дел просто бесполезны, и заучивать их списки ни к чему). Но о фее, одаривающей людей вполне материальными дарами, непременно упоминалось бы на первых страницах ученых трактатов и сводок тайной полиции, что земной, что небесной...

— И дальше?

— Она спросила, какие знания я хотел бы получать от камня. И тут...

— И тут вас осенило, — усмехнулся Сварог.

— И тут меня осенило, — с подобием бледной улыбки кивнул патриций. — Такая выгода... Конечно, я осторожничал, долгую жизнь прожил, прекрасно знаю, кто иногда является без приглашения и предлагает подарки, которые потом боком выйдут... Но она *ничего* не хотела. Понимаете? Ничего! Никаких договоров, подписанных кровью из пальца, никаких обязательств, клятв, ответных услуг. Ничего. Поставила одно-единственное условие: держать это в полной тайне от всего окружающего мира. И даже не грозила никакими карами в случае нарушения условия, просто сказала: я человек разумный, с большим жизненным опытом, сам должен понимать, что это условие следует соблюдать — к собственной выгоде. И была совершенно права. Словом, я пообещал. Она очень быстро научила меня обращаться с камнем, это оказалось совсем нетрудно...

— И вы начали зашибать денежку... — фыркнул Сварог.

— Не сразу, — серьезно сказал патриций. — Сначала я нашел надежного мага, не шарлатана и не слабачка, умеющего держать язык за зубами, если вознаграждение ему отмеривают горстями. Он заверил, что здесь нет ни тени черной магии или присутствия нечистой силы. Что это просто камень. Правда, он усматривал в камне некоторую странность, объяснить, в чем она заключается, не мог, но все так же заверял, что с черным это не связано никак. Я так полагаю, чуял, что это все же не просто камень... коли уж это машинка, у нее должна быть какая-то внутренняя суть, какой-то свой механизм, верно?

— Безусловно, — задумчиво протянул Сварог.

Прекрасно помнил, что старуха Грельфи пару раз именно в таких выражениях отзывалась о парочке предметов: есть, мол, некая неопределимая, но не имеющая никакого отношения к черному странность...

— Ну, тогда я окончательно успокоился и начал с камнем *работать*, — продолжал Катарат. — И полтора года все шло прекрасно, камень ни разу не подвел, знания шли самые верные, а высокие небесные господа, — он усмехнулся уже вольнее, — как фея и говорила, так и не заметили, что скромная мышка-норушка что ни день крадет у них на кухне крошку-другую... Впрочем, это ведь не кража в обычном понимании, не так ли, государь?

Сварог промолчал с суровым видом, но про себя подумал, что ситуация и впрямь несколько пикантная: там, наверху, нет ни единого закона, запрещающего бы земным жителям вторгаться в компьютерные сети ларов. Исключительно по той простой причине, что в пользовании у землян — как предполагалось! — нет ни единого компьютера и неизвестно, появятся ли вообще. Ну, разумеется, всегда мог найтись очередной гений из тех, что далеко опережают свое время, а то и освоивший новые заклинания маг. Но при обнаружении таковых их не в замок Клай или тюрьму Лорс упрятали бы, а просто-напросто забрали наверх на всю оставшуюся жизнь и приспособили бы к делу в Магистериуме или Мистериоре — так гораздо практичнее. Но, в любом случае, нарушения законов нет, потому что нет самих законов...

— Фея больше не объявлялась, — добавил Катарат. — Впрочем, она сразу предупредила, что так и случится... — он заговорил быстрее, явно волнуясь: — Ваше величество, я совсем забыл уточнить: с этим камнем могу управляться только я. Есть слова, которыми его мысленно включаешь или выключаешь... но никто другой, даже зная их в точности, ничего не добьется. Это работает только в моих руках...

Поразительно, но он не врал! Впрочем...

— Иными словами, если мне необходим камень, необходимы и вы? — усмехнулся Сварог. — И неразумно загонять вас в Три Королевства ворочать киркой или сажать в подземелье? На это вы мне мягко и ненавязчиво намекаете?

Бледный, напряженный, неотрывно глядя Сварогу в глаза с некоторым подобием вызова, патриций произнес:

— Ваше величество, камень работает только у меня в руках...

— Посмотрим, — с легкой ухмылочкой сказал Сварог. — Выключите его. Отлично. Ребятки, отодвиньте господина бывшего банкира в сторонку...

Подойдя к столу, он привычным жестом, как не раз это проделывал с самыми разными устройствами, положил обе ладони на прохладный гладкий камень, сосредоточился...

И *ничего* не произошло. Ровным счетом ничего. Впервые умение Сварога в мгновение ока проникать в суть любого устройства и понимать, как им управлять, отказало. Начисто. Как не бывало такого умения. Он словно стоял перед толстой стеной, положив на нее ладони, — а стена не механизм, она не более чем стена.

Не соврала неведомая фея или кто там скрывался за приятным женским голосом... Защита, конечно. Способная без труда противостоять технологиям ларов. Ну, на Харуме это не первый случай, взять хотя бы Хелльстад и Горрот... Кто? И *откуда*?

Он взял камень, оказавшийся не таким уж тяжелым, преспокойно опустил в карман камзола.

— Ваше величество! — вырвалось у патриция.

Обернувшись к нему, Сварог некоторое время держал паузу, не отводя от патриция сурового взгляда, — чтобы сукин кот получил хотя бы порцию моральных терзаний, мучаясь неизвестностью по поводу своей участи. Заработал...

— У вас есть родные? Близкие? — спросил Сварог.

— Никого, кроме Одо... — он спохватился, лицо застыло. — Никого. Вдовею шестой год, больше детей нет, а с семейством сестры с давних пор как-то не сложились отношения...

— Это даже облегчает задачу, — сказал Сварог бесстрастно.

— Что вы имеете в виду? — настороженно спросил патриций, судя по его виду, все же ожидавший самого худшего.

— Да ничего особенного, — сказал Сварог уже рассеянно. — Ну что же, это настоящий «королевский секрет», согласен. И традиции нужно уважать. Вот только вы, любезный, хотите того или нет, отправитесь ко мне в гости. *Туда*. — он показал пальцем в потолок. — Погостите, и долго. Поскольку влипли в историю, какая непременно кончается подобным приглашением в гости. О чем, надо полагать, не раз подумывали и раньше — уж в таких вещах должны разбираться по роду деятельности и житейскому опыту...

...В той самой «увещевательной», где вчера Сварог беседовал с Одо, дюжине человек было тесновато, не рассчитана она на такое количество народу. Но делать нечего, во всем обширном хозяйстве Баглю не было комнаты побольше, не заставленной орудиями производства... Правда, тесниться плечом к плечу

все же не пришлось, меж жесткими казенными стульями оставалось свободное пространство. По коему и расхаживал Сварог, заложив руки за спину, в последний раз подыскивая наиболее точные формулировки.

Молодой герцог Брейсингем, восходящая звезда снольдерской государственной машины, выглядел самым безмятежным. Он к тому же непринужденно устроился не на стуле, а на крышке того самого пыточного приспособления жуткого вида — где и в самом деле можно было рассестись гораздо удобнее (несомненно, первый и последний случай в истории комнатки). Остальные, примерно половина, чувствовали себя, сразу видно, чуточку угнетенно — все прекрасно понимали, что их привезли сюда отнюдь не в качестве клиентов заведения, но таково уж было заведение...

Сварог прошел к единственному свободному стулу, сел и сказал весело:

— Профессор, ну что вы, право... Довольно уж озираться украдкой с таким видом, словно за вами вот-вот придут. Вы же все понимаете...

— Понимаю, государь, — со скорбным видом отозвался старичок в мантии и берете Сословия Совы. — Но место больно уж... неудобное.

— Зато идеально подходящее для секретнейшего совещания, — сказал Сварог серьезно. — Здесь можно совершенно не опасаться шпионов. Они если и попадают сюда, то совершенно в другом качестве. Давайте-ка, господа мои, настроимся на деловой лад. Это касается тех, кто, подобно господину профессору, испытывает душевное неудобство. Брейсингем, сидите спокойно и не трогайте больше рычагов — а то еще заработает, чего доброго... Вот так. Все должны настроиться на деловой лад...

И он оглядел присутствующих взглядом строгого учителя. Присутствующие отобраны по узкопрофессиональному признаку: барон Грауш, снольдерский Хранитель Сокровищницы, граф Дино, только что сделанный Сварогом Первым Казначеем Казначейства, глэрд Киармор, Главный Ключарь королевства (все трое, если отвлечься от предписанных традицией пышных старомодных титулов — министры финансов). Герцог Брейсингем — как управленец, занимавшийся в том числе и финансами. Ключник-капитан Федероу — министр финансов Ганзы, четверо крупных банкиров, наиболее ожесточенно конкурировавших с коллегами из Балонга (двое из Снольдера, двое из Ронеро). И, в качестве возможных консультантов, два университетских профессора, из Ремиденума и снольдерского Каорна, всю жизнь преподававших финансы и банковское право. Пока что — ни единого чина из тайной полиции, их время еще придет...

— Прошу полного внимания, господа мои, — сказал Сварог насквозь деловым тоном. — Многие из вас — а все здесь люди весьма не глупые — наверняка обратили внимание, что подбор участников совещания, если можно так выразиться, крайне специфичен (ганзеец машинально кивнул). Речь у нас пойдет исключительно о финансах. Точнее, о Балонге. Я принял решение закрыть примерно две трети банков Балонга. На вечные времена. Банки закрыть, капиталы конфисковать, долговые расписки и векселя обратить к нашей собственной пользе...

Он сделал паузу, обвел взглядом присутствующих. Равнодушных не оказалось, примерно у половины лица стали удивленными, а у другой — откровенно радостными. Ганзеец даже, не сдержавшись, весело оскалился и махнул перед грудью сжатым кулаком. Ну, человека можно понять и простить столь яв-

ное выражение эмоций — очень уж большими антагонистами испокон веков были Ганза и Балонг. Ганзейцам для успешных трудов позарез необходимо, чтобы повсюду как можно дольше стоял мир, от войн им один ущерб. Ну, а с Балонгом обстояло как раз наоборот, как об этом с профессиональным цинизмом толковал патриций Каторат...

Решив, что дал им достаточно времени на усвоение столь ошеломительной новости, Сварог продолжал:

— Это не произвол и не самодурство Сварога Барга. Это справедливое возмездие, именно так. Примерно две трети банкиров Балонга составили заговор против моей скромной персоны. Не мятеж с целью борьбы за прежнюю независимость, а заговор с целью убийства означенного Сварога Барга (заметив хитрый блеск в глазах ганзейца, он заговорил еще суше, жестче). Мое королевское слово, господа — никакой провокации или облыжного навета. Заговор был, прекрасно продуманный, и мне удалось остаться в живых по чистой случайности. Ну, это длинная и невеселая история, она не имеет отношения к нашему совещанию... Заговор раскрыт, все его участники выявлены поголовно, — он скуп, очень скуп улыбнулся. — Повторяю, никакого произвола. Наоборот, скрупулезнейшее соблюдение законов самого Балонга. Я был и остаюсь Первым Патрицием, а по тамошним законам люди, покушавшиеся на жизнь Первого Патриция, признаются государственными изменниками и подлежат не только казни, но и полной конфискации имущества. Все по закону. Канцелярия Земных Дел не сможет усмотреть в наших действиях ничего противозаконного. Позиция наша железная. Конкретика выражается в том, что мое величество получает в полную собственность примерно две трети содержимого Круглой Башни, все движимое и недвижимое имущество означенных банков, все выданные им векселя, долговые расписки и заемные письма. Филиалы за пределами Балонга — или какую-то их часть мы сохраним, сменив, разумеется, персонал. Такие вот новости, господа мои. И в связи с этим мне необходимо в кратчайшие сроки, здесь и сейчас получить ответ на один-единственный вопрос, который меня всерьез тревожит... Не вызовет ли этот разгром — назовем вещи своими именами, мы же не дети — какого-то обширного и опасного финансового кризиса? Вы лучшие финансисты Харума, господа, без лести. Потому я вас здесь и собрал, что вы — лучшие. Я покину вас примерно на квадранс. Если возможно за этот срок получить полностью *правдивый*, обоснованный ответ — найдите его...

Он встал, осторожно протиснулся меж сидящими и вышел, тихонько прикрыв за собой низкую сводчатую дверь. На приличном расстоянии от нее по длинному узкому коридору взад-вперед размеренной походкой расхаживал глэрд Баглю, вооруженный до зубов. Исполнял роль простого часового — учитывая состав совещания, с гордостью.

Сварог подошел к нему, на ходу доставая сигарету:

— Ну, как обстановка?

— Спокойнейшая, мой король! — браво отрапортовал Баглю. — Что касемо людей — замок оцеплен так, что мышь не прошмыгнет. А что до колдовства — старухи пока не обнаружили ни единой попытки магическим образом сюда проникнуть и подслушать...

Ничего удивительного, подумал Сварог. Не зря же Интагар организовал все так, чтобы срубить с хвоста любую слежку, кто бы ею ни занялся, с земли или

с небес. Нет, но как прекрасно все складывается: две трети содержимого Круглой Башни — да на треть этого можно в Трех Королевствах столько полезного наворотить. А Маре на расходы по вторжению на Дике хватит вовсе уж скромных по сравнению со всей добычей сумм. И будет из чего профинансировать строительство пяти новых железных дорог. И второго паровозного завода. И достроить Дилошский университет. И поднять пособия переселенцам в Три Королевства. И много чего еще, нужного в хозяйстве, оплатить. И ведь, как в том анекдоте, все правильно. Ни провокации, ни облыжных наветов. Сами напросились. Тебя повесят, а ты не бунтуй...

Он вздохнул: насколько проще и веселее жилось раньше, не имея за душой ни единой короны — рубал чудовищ, убегал от чудовищ, скакал в погоню и удирали от погони, отвечая исключительно то за данное поручение, то за Странную Компанию... А теперь... А теперь в голове сметы и расчеты, экономика и финансы...

Хотя... Оставались еще неразысканные токереты и тайны Горрота, а также болтавшиеся где-то в глубинах две исполинских змеюки. Вот это, есть подозрения, будет отличаться от скучных и серых королевских будней...

Он дал им, сверх квадранса, еще десять минут — хотя они там и финансисты от Бога, дело слишком серьезное... Истребив три сигареты подряд, вернулся в комнату.

И обнаружил там полное молчание — коему, несомненно, предшествовал жаркий спор: кое-кто покраснелся, ганзеец расстегнул верхние пуговицы кафтана, кто-то переводит дыхание...

Сев на свое место, Сварог спросил:

— Итак, господа мои? Барон Грауш, вы самый старший по возрасту из ведущих королевскими финансами. Быть может, вы и изложите общее мнение? Если только к нему пришли...

Барон, явно польщенный, встал, выпрямился:

— Государь, вопрос оказался не столь уж сложным, и времени для продуманного ответа вполне хватило. *Серьезный* кризис и в самом деле может грянуть, но в одном-единственном случае: если мы ликвидируем филиалы данных банков за пределами Балонга. Они чересчур уж крепко вплетены своими финансовыми операциями в экономику Снольдера, Ронеро, да, пожалуй, и Харума. Глан, правда, это практически не заденет...

Глэрд Киармор явственно пробормотал себе под нос:

— Да уж, не пускаю я сюда этих процентчиков-кровопивцев...

— Пограничье и Вольные Маноры серьезный кризис, в общем, тоже не накроет, — продолжал барон. — Но, повторяю, Снольдер и Ронеро достанется не на шутку. Конечно, нет необходимости сохранять все абсолютно филиалы, но значительную часть их следует оставить. Коли уж это будут наши банки, они нам самим пригодятся. Вот это и есть ответ.

— У кого-нибудь есть возражения? — спросил Сварог, обведя пристальным взглядом присутствующих. — Если есть, прошу высказываться со всей откровенностью.

Все, однако, молчали, и не похоже по лицам, будто кто-то все же имеет собственное мнение, но решил его затаить. Только ганзейский казначей проворчал:

— Моя б воля, я б их все позакрывал. Но коли кризис... Вам, господа, виднее.

Вот только надо бы их помаленьку *переналадить*, чтобы не были больше нацелены на прибыль от войны.

— *Большую* часть, — сказал герцог Брейсингем. — Но не все. Нам понадобится какое-то количество филиалов, работающих и на войну, — у его величества еще хватает противников, так что совсем нам от войн не избавиться.

— Пожалуй что, — кивнул ганзеец.

После короткого молчания Сварог спросил:

— Я полагаю, высказались все, кто хотел? Теперь слушайте внимательно, господа мои. С этой минуты вы все, здесь присутствующие — особая королевская комиссия по управлению доставшимся нам *наследством*. Такова моя воля. Я распорядился, вас сейчас же перевезут в... — он усмехнулся, — в гораздо более уютный замок, где нет никакой здешней машинерии. Работать придется день и ночь, учтите, в нашем распоряжении — считанные дни. Никому из вас нельзя долго отсутствовать на постах. Так что, я вас прошу, напрягите все силы... В чем ваша задача? Как можно быстрее рассчитать, какие филиалы оставить, какие — закрыть. Подобрать для остающихся надежный персонал. Кстати, все документы уже изъяты из банков в Балонге, к вечеру их доставят сюда самолетами — а с ними и некоторое количество банкиров. Еще раньше придут несколько высокопоставленных господ из секретных служб — вам на подмогу, для решения специфических задач. Особое внимание уделите векселям, долговым распискам и заемным письмам. Тут, сдается мне, следует провести некую... *сортировку*. Если какой-то долг вредит государственным интересам какого-либо из моих владений — аннулировать. Может оказаться так, что в долговую паутину попал и не в состоянии выпутаться какой-то ценный для государства человек... или просто, скажем, вдова с малыми детушками, которую при неуплате вышвырнут на улицу. В подобных случаях — тоже аннулировать. Но это, повторяю, должна быть именно что *сортировка*, а не долговая амнистия для всех абсолютно. Государственные долги Балонгу, разумеется, аннулировать полностью. Остается еще треть уцелевших банков, на которые мы не в состоянии воздействовать *подобным* образом, но тут уж ничего не поделаешь. Зато все, что зависит от наших банков, должно быть перестроено так, чтобы служить нашим интересам, и только нашим. Да, все сегурские долги *нашим* банкам списать полностью, — он нехорошо усмехнулся. — А вот во всем, что касается Лорана, Горрота и Святой Земли — никакой мягкости. Ни малейших уступок, скидок, продлений и послаблений. Все, что они нам должны, следует *драть* точно в срок...

— Простите, государь... — громко произнес граф Дино.

— Да?

— Последние распоряжения могут касаться только Лорана со Святой Землей. Горрот три года назад выплатил все свои долги и с тех пор не должен никому. Ни монеты. Не вполне понимаю, как им это удалось, но удалось как-то...

— Интересно... — проворчал Сварог. — Я об этом не знал... Шаган в должниках?

— Да.

— Здесь — особое отношение. Шаган — дружественное нам государство. Ничего не списывать и не аннулировать, но при нужде широко применять все существующие в банковских делах льготы. Что еще? Финансистов из Харума подключить к работе только после того, как план будет полностью готов. Ка-

кой-то Харум, знаете ли, *мутный*, мало там искренней верности — а вот про-лоранская партия имеется... Ну, вот и все, пожалуй. Если я что-то упустил, если понадобятся еще какие-то крупномасштабные меры, разрабатывайте их сами. Но, повторяю, постарайтесь превзойти самих себя, у вас в запасе считанные дни...

— Сильвана, — сказал граф Дино. — Нужно составить те же планы для *наших* банков там.

— Вот я и говорю, — сказал Сварог. — Все, что я упустил, разрабатывайте сами, у вас все полномочия. Указ о создании вашей комиссии я уже подписал, его вам выдаст глэрд Баглю. Все должно быть по закону... — он встал, и следом торопливо поднялись остальные. — Там во дворе кареты, господа, езжайте, и успехов вам. Я улетаю в Ронеро.

Он не сразу, но заметил, что барон Грауш держится в уголке, явно стараясь остаться с ним наедине. Дождавшись, когда так и произошло, Сварог с интересом осведомился:

— У вас что-то личное, барон? Или есть какие-то секреты?

Барон мялся, вертел в руках шляпу, немилосердно комкая поля. Видимо, решившись, поднял глаза и с покаянным видом выпалил:

— Простите, ваше величество!

— Это еще за что? — с искренним изумлением спросил Сварог. — Обязанности свои выполняете исправно, из казны ни монетки не присвоили...

— Видите ли, ваше величество... Когда обсуждалось ваше... приглашение на снольдерский трон, я был решительно против. Считал, что вы не справитесь, что вы человек для этого, простите за вульгарность, ремесла случайный... Теперь мне стыдно за те мысли и те речи... Просите, ваше величество...

— Да полноте, барон, — сказал Сварог. — Забудьте все. Я приказываю, — он рассмеялся. — По чести говоря, между нами, я тоже одно время полагал, что не справлюсь. Но вроде бы получается, а?

...Четверо всадников, придерживая коней, медленно спускались по высокому пологому откосу к берегу Итела, над которым стояло уединенное здание. Сверху Сварог прекрасно рассмотрел подворье: посреди — не особенно и большое здание, как две капли воды похожее на обыкновенный купеческий лабаз (глухие стены, только под самой покатой крышей тянется ряд зарешеченных окошечек, невысокая, обитая железом дверь). Вдоль забора еще три домика, поменьше — для охраны и обслуги. Конюшня, собачник. На добрых пару лиг вокруг — ни проезжих дорог, ни тропинок. Жители Равены старались обходить это местечко десятой дорогой даже при отсутствии официального запрета тут появляться...

Видимо, их давно заметили снизу — когда Сварог в сопровождении Баруты и пары ратагайцев подъехал к воротам, их торопливо распахнули и навстречу вышел пожилой человек в бордовой накидке Багряной Палаты с золотыми языками пламени на левом плече и золотым шитьем советника на правом, с невыразительным, даже скучным лицом поседевшего на королевской службе педанта.

— Ну что? — спросил Сварог, спрыгивая с коня.

Советник низко поклонился:

— Они там. Прошу вас, государь.

Сержант в бордовом мундире торопливо распахнул перед идущими тяжелую дверь. Сварог, как и подобает королю, вошел первым, озираясь без всякого любопытства.

По периметру здания шел проход шириной уарда в два — а все остальное занимала кубическая яма со стороной уардов в десять. Вся она была выложена темным гранитом, прилаженным так искусно, что между швами блоков нельзя просунуть и бритвенное лезвие — и ни одна капля воды наружу не проникнет. На уард ниже кромки странное сооружение сплошь закрыто толстой решеткой с железными лесенками поверху и несколькими решетчатыми люками.

Сварог присмотрелся. В противоположной стене, уардах в трех над каменным полом, зияло круглое отверстие диаметром в пол-уарда. Из него тонюсенькой, со спичку, струйкой непрерывно вытекала вода, уже оставив на полу лужицу размером с военный плащ. Прямо посередине помещения стояло странноватое сооружение — несколько составленных вплотную друг к другу каменных прямоугольных колонн, самая верхняя достигала в высоту не менее трех человеческих ростов. Срезы колонн достаточно большие, чтобы на них мог поместиться человек. Ну да, вот оно что: приговоренный может искать спасения на этой «лестнице», только не спасется и на самой высокой колонне, вода поднимается гораздо выше, и тут уж придется вплавь, сколько выдержишься...

Те, внизу, их пока что не видели — там стояла тишина. Видимо, инстинктивно убралась к противоположной от трубы стене, торчали сейчас где-то под ногами Сварога и его спутников...

Сооружение это велел возвести восемнадцать лет назад Конгер Ужасный, — в поисках наиболее изощренного наказания за особо мерзкие преступления, тогда же перечисленные в особом реестре. Сомнительная честь стать первым клиентом заведения выпала некоему молодому маркизу из старинной и почтенной фамилии. В общем, обычная история: даже в таких семьях не раз бывало, что заводился позор семьи...

Маркиз был из тех игроков, у кого это увлечение переросло в манию: кости, карты, гусиные бои, вообще любая игра, где на кону стоят деньги. Как случилось со многими, его преследовала фатальная невезучесть. Стандартная, в общем, история: займы, векселя, из дома начинает пропадать посуда из благородных металлов, а иногда и фамильные драгоценности, отец, в конце концов, отказался оплачивать долги сыночка и всерьез пригрозил: если тут не возьмется за ум, от него отрекутся по всем правилам.

Для вертопраха-маркиза положение осложнялось еще и тем, что шансов на майорат не было: маркиз был вторым сыном. В совершеннейшем отчаянии он попросил отца сейчас же выделить ему «лоскут» — ту сумму, что по законам наследования причитается младшим братьям и сестрам. Суровый батюшка — говорят, кремень был не мягче отца Леверлина — категорически отказал, заявил, что не хочет, чтобы семейные деньги моментально перекечевали к ростовщикам и держателям игорных домов. А был он еще не стар, лет сорока пяти, здоров и крепок, как и старший брат маркиза, так что надеяться на их кончину не приходилось...

Маркиз, к тому времени окончательно превратившийся в «ночного дворянина», украл из спальни матери два перстня с крупными камнями, обратил

их в деньги и принялся искать нужного человека — благо к тому времени обзавелся обширными знакомствами на «темной стороне улицы». А зверь бежит, да прямо на ловца... Довольно быстро он вышел на некоего аптекаря, владельца солидного заведения в центре города. Вот только этот почтенный знаток фармакопеи основную часть дохода получал, если можно так выразиться, с заднего крыльца, сбывая надежным людям порошочки и жидкости, в считанные мгновения разлучавшие тело с душой, — причем большей частью собственного изобретения, такие, что их не могли обнаружить здешние врачи. Еще один, мать его, гений, опередивший свое время...

Сторговались. Маркиз маскировки ради вел самый благонамеренный образ жизни, сидел дома, читал книги — так что родня начала считать, что молодой гуляка принял к сведению отцовское предупреждение. В конце концов, и такое часто случалось.

Через неделю, перед обедом, маркиз собственноручно (опасно было подкупать слуг, мало ли что) вылил пузырек прозрачной жидкости в кувшин с вишневым прохладительным напитком, который, он знал, пить будут все до одного. Перед самым обедом ему принесли письмо срочной почты (которое маркиз сам себе отправил). Прочитав его, он объявил отцу, что обедать не будет, должен ускакать по срочным делам. Один старый знакомый выхлопотал ему неплохое местечко в министерстве двора, с таким доходом, что удастся довольно быстро отделаться от кредиторов и вообще благонаправно делать карьеру при дворе. И даже дал прочитать написанное измененным почерком письмо.

Отец даже растрогался. И благословил. Маркиз ускакал, а все семейство уселось обедать. Там, за столом, их и нашли мертвыми в конце обеда пришедшие подавать десерт слуги: отца, мать, гостившую у них тетюшку, старшего брата, младшую сестренку одиннадцати лет и младшего брата неполных шести годочков...

Конечно, были медики, полиция и вскрытие. Но аптекарь свой немалые денежки получал не зря: врачи не нашли яда. Маркиз (отныне полноправный наследник) рвал на себе волосы, заливался рыданиями, бил головой об стену — словом, горевал долго и бурно. Конечно, у полиции были подозрения на его счет — как обычно в таких случаях и бывает. Но не было ни малейших улик, да и мнение опытных медиков работало в пользу маркиза, а черной магией тут и не пахло.

Маркиза сгубила непредвиденная случайность. Муж той самой отравленной тетюшки, занимавший хорошую должность в министерстве двора, давненько уж был весьма ценным агентом Гаудина, с которым при очередной встрече и поделился подозрениями. А Гаудин в таких случаях помогал своим людям, чем мог — быть может, не из душевного благородства, а чтобы покрепче привязать к себе благодеяниями...

Восьмой департамент вступил в игру. Ночью устроили эксгумацию — и покойников взялись исследовать уже специалисты Гаудина, против которых гений фармакопеи смотрелся бледно. Яд быстро обнаружили, изучили, описали. После чего маркиза плотно обложили сыщиками восьмого департамента — и через два дня засекли, что он отправился к аптекарю, чтобы заплатить вторую часть суммы. О том, что в воротнике его плаща уже вшит крохотный микрофончик, маркиз не подозревал, он в жизни не слышал о существовании мик-

рофонов...

Из канцелярии земных дел Конгеру были отправлены официальные бумаги, извещавшие, как развлекаются иные его маркизы, — с приложением медицинского заключения. Маркиза и аптекаря брала уже Багряная Палата — и довольно быстро выбила признание. Аптекаря Гаудин со свойственным ему чуть циничным прагматизмом забрал к себе (мало ли, как и где может пригодиться, отбросов нет, есть кадры), а маркиза оставил в полном распоряжении Конгера. Конгер его и отправил в то самое заведение, велел заведовавшему машинерией инженеру отрегулировать и пускать воду так, чтобы отравитель прожил не менее недели. Так и вышло. Его даже регулярно кормили, опуская на веревке корзину — чтобы не ослабел и не свалился раньше времени, чтобы дергался до последнего...

По наклонной железной лесенке с высокими перилами Сварог спустился на другую, пролежавшую по решетке. Оглянулся. Ага, вот они сидят у стены. Что за выражение на бывшей физиономии Сувайна — сплошь покрытой засохшей кровью гротескной фигуры — уже не определишь, а у Одо такой вид, словно он с яростной надеждой обдумывает планы бегства, но куда ж отсюда сбежишь...

Сапоги Сварога грохотали по железным перекладинам довольно громко — и те двое внизу вскинули головы. Сувайн так и остался сидеть у стены, уронив руки меж колен, а вот Одо, проворно подбежав так, что Сварог оказался прямо над ним, задрал голову. Давненько уж Сварог не наблюдал на чьей-либо физиономии такой ненависти, обращенной на его скромную персону... И на человека-то уже не похож...

— Предатель! Клятвопреступник! — завопил Одо, зачем-то подпрыгивая, как будто мог дотянуться до решетки.

Холодно усмехнулись, Сварог ответил спокойно:

— Боюсь, вы ошибаетесь, любезный. И вовсе уж зря именуете меня клятвопреступником. Освежите в памяти данную мною клятву, от первого до последнего словечка. Я клялся *не* проделывать с вами многих вещей — и никто их не будет проделывать. Я, кроме этого, обещал, что вы будете жить за решеткой, пока не умрете естественной смертью. Так и произойдет. Вы за решеткой, и вы умрете естественной смертью. Клятва не нарушена ни в одной букве. Вас даже будут кормить. Иначе это уже выйдет нарушение клятвы, а я клялся не морить вас голодом... Ну, а в том, что вы никогда не слышали об этом месте и не приняли его в расчет, я не виноват... Примечания мелким шрифтом, как это частенько бывает в ваших банкирских векселях и закладных... В общем, ругайте меня как угодно, но вот слово «клятвопреступник» здесь не годится.

Одо, грянувшись наземь, принялся форменным образом колотиться об пол. Сварог смотрел на обоих мрачно и почти равнодушно. Не было ни радости, ни мстительного удовлетворения, только опустошенность и тоска. Тоска еще и от того, что правосудие сплошь и рядом оказывается запоздавшим, и никого уже не вернешь, и ничего уже не поправишь. В ушах у него вновь звучал чистый, высокий голос Кайи:

*Всадник в шлеме сбитом, сшибленный в бою,
Верный конь, копытом
топчущий змею...
Сомкнутые веки.*

Выси. Облака.
Воды. Броды. Реки.
Годы и века...

Он резко повернулся и, уже не слушая раздававшихся снизу воплей, быстро пошел по лесенке. Поднялся наверх, повернулся к ожидавшему приказаний советнику:

— Продолжайте...

— Сколько они должны прожить? — без малейших эмоций осведомился советник.

Сварог хотел было ответить «Сутки». Но тут же вспомнил, в какой кровавый хаос превратился бы Харум после его внезапной смерти, сколько погибло бы мирных людей...

— Трое суток, — сказал он твердо. — Кормите хорошо...

И быстрыми шагами, ни на что вокруг не глядя, вышел из жуткого дома, одним махом взлетел в седло и пустил коня в ворота, когда их успели распахнуть только наполовину. Галопом понесся над берегом, по пустынной равнине. Светлый король Сварог в очередной раз совершил правосудие над заведомыми мерзавцами, едва не устроившими так, что весь Харум залило бы кровью и заволокло дымами пожариц, — почему же на душе только опустошенность и тоска?

Въехав в город, он не особенно и сбавил аллюра, неся окраинными улицами, пока не выехал к аэродрому. Часовые у ворот, узнавшие его издали, отсалютовали мушкетами. Сварог проехал примерно половину длинного ряда обычных самолетов, натянул поводья у своей виманы, ничем не отличавшейся от других.

Бросив поводья Баруте, распорядился:

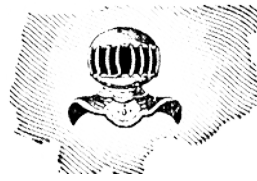
— Возвращайтесь во дворец. Скажи там, что меня не будет самое малое сутки.

— Понятно, государь, — поклонился Барута. — Доброй дороги.

И проворно отъехал подальше — к самолетам он до сих пор относился очень неодобрительно. Сварог взбежал по ажурной лесенке, втянул ее за собой, сел в кресло и в полминуты задал программу автопилоту. Самолет, правдоподобия ради чихая выхлопами и вращая винтами, выкатился из ряда и, как полагается, совершив длинный разбег, взмыл в небо. Оказавшись достаточно далеко от столицы и поднявшись высоко, он вышел на сверхзвук и помчался к границам Хелльстада, к тому месту, где поджидал Вентордеран.

Маленький отдых, подумал он. Неотложных дел нет, все вроде бы идет благополучно. В Балонге уже заняты все до одного *грешные* банки и арестованы все до одного причастные к заговору, сейчас, без сомнения, завзято топящие друг друга — с заговорщиками так частенько и бывает. В столице ни малейших беспорядков — учитывая, сколько там Свароговых войск, переброшенных туда якобы для выдвижения в Горрот... Надо считаться и с тем, что кое-кто из неповинных в заговоре начнет однажды думать: «А вдруг и до нас дойдет очередь?» Уж это обязательно. Нужно будет собрать их вскоре, успокоить, дать королевскую клятву, что ни один неповинный более не пострадает, обрисовать кое-какие интересные перспективы... В конце концов, как это у банкиров водится, подавляющее их большинство наверняка испытывает сейчас не классовую солидарность с пострадавшими, а радость от того, что из игры вышли

серьезные и крупные конкуренты. Как тогда сказал Катарат? «Образ жизни». Вот именно. Катарата, конечно, придется забрать с собой, в девятый стол — ну что поделывать, если только этот сукин сын умеет обращаться с загадочным камнем-компьютером?

Глава III ЖИЛА-БЫЛА ДЕВОЧКА...

Сварог уютно устроился в малом кабинете Фаларена — в отличие от всех прочих блиставших роскошью помещений Вентордерана, эта небольшая комната обставлена совершенно иначе: скорее уж напоминает виденные им кабинеты на базе «Стагар» или комнаты военно-морского санатория. Совершенно тот же стиль мебели, те же светильники, и обои похожи, и картины с кораблями, и даже потемневший штурвал на стене. Ностальгия, а? Наверное, иногда ему надоедала выдуманная и заведенная им самим пошлая роскошь, и он уходил сюда, как бы возвращаясь в прошлое... Высокий бар битком набит *нездешними* напитками (подобные бутылки Сварог видел тогда в санатории): иной, не нынешней формы, другие этикетки, другие названия, разве что слова «келимас», «вино», «ликер» написаны в точности, как пишутся сейчас. Правда, с ходу и не определить, что такое «басьен», «толаж» и «оутон», но и с этим помаленьку разберемся. Откупорив пузатую бутылку королевского келимаса под названием «Старый дуб» и изображением могучего лесного великана на этикетке, Сварог принялся, определил полное отсутствие яда, сделал маленький пробный глоточек и остался вполне доволен. Вызвал слугу и потребовал блюдо с закусками, что золотой болван исполнил со всегдашним проворством. Вслед за слугой в дверь просочился Золотой Кот, остановился в сторонке, ухитрившись придать себе равнодушно-выжидательный вид. Положительно, было в нем что-то от Интагара. Познакомить их как-нибудь забавы ради?

— Итак? — спросил Сварог, когда слуга вышел.

— Очередные драки и стычки между неразумными тварями... Ничего серьезного, все как обычно. Это неинтересно?

— Неинтересно, — сказал Сварог.

— Вот в этом месте, — он зажег рядом с собой небольшую карту Хелльстада и коснулся когтем точки на ямурлакской границе, — полчаса назад в наши пределы вступили очередные искатели сокровищ. Три человека с лошастью.

— Черт знает что, — проворчал Сварог. — До сих пор проходной двор устраивают... Когда остановятся на ночлег, соберите все наши «страшилки» и устройте им хорошее представление.

— А если не сбегут, государь?

— Ну, тогда пошлите Серебряный Вихрь, пусть вышвырнет всю компанию. Что Лагефель с Анрахом?

— Вторые сутки усердно работают со всеми наличными Золотыми Шмеля-

ми, но успехов пока нет... Вот и все наши новости.

— Идите, — сказал Сварог.

Золотой Кот лихо повернулся через левое плечо и тихонько вышел. Идеальный все-таки министр тайной полиции — не предаст, на деньги не польстится, в заговор не впутается. Заботы у него, правда, кукольные по сравнению с прочими подвластными Сварогу державами, ну да что тут поделаешь...

Он уселся в уютное кожаное кресло перед невысоким столиком с компьютером — здешним, конечно, его собственные превратились бы тут в безжизненные коробки. Достал черный диск, покрытый затейливым золотым узором, положил его на панель компьютера. Налил себе добрую порцию келимаса и медленно вытянул. До сих пор останавливало что-то.

Сварог вновь перечислил сам себе прежние аргументы. Будь это личный дневник Яны, ее письма — он, честное слово, носу бы туда не сунул. Но это, как он уже убедился, просмотрев первую страницу, — официальный документ из Кабинета Канцлера, пусть и помеченный значком высшей секретности, тем не менее, судя по коду, в любой момент доступный самое малое двадцати высшим сановникам империи, в том числе и Гаудину. Ну, а если учесть, что Сварог — полноправный преемник Гаудина, да еще шеф девятого стола... Это уже не моральная проблема, а чисто бюрократическая. Если добавить, что сам Сварог в архивы Канцлера не лазил, за него это давным-давно проделали другие, а он всего-навсего отыскал бесхозный документ... С формальной точки зрения — никаких зацепок. Вообще, нужно было ставить на ваши компьютеры защиту получше, господа, самонадеянность подвела...

Он решил. Налил себе еще бокал и вставил диск.

Начинался «Отчет» официальным сообщением о внезапной смерти Императора, последовавшей, как утверждалось, от сердечного приступа. Медицинского заключения в отчете нет. Быть может, оно отыщется в других досье, не входящих в отчет, надо будет потом поискать, пусть обезьяны потрудятся... Вот так просто — свалился Император, могучий мужик тридцати с небольшим лет по земным меркам, прямо на пиру с сердечным приступом, и все попытки медиков вернуть его к жизни оказались тщетными...

Черт, и никаких бумаг о расследовании! А ведь Канцлер с Гаудином (как он сам на их месте) следствие провели бы обязательно, пусть проформы ради. Ну, поищем. Быть может, и эти бумаги — в каких-то других досье...

Между смертью Императора и коронацией Яны — перерыв в восемь дней. Ни единого документа. Недельный траур? Или вокруг опустевшего трона что-то происходило? Сплошь и рядом, когда законной наследницей престола оказывалась малолетняя кроха, начинались *события*...

Вообще, интересные дела у них творились не так уж и давно. За полгода до смерти Императора Императрица, большая любительница охоты, отправилась на Сильвану. И погибла там опять-таки естественной смертью. Одна из тех трагических случайностей, что порой встречаются на охоте, — зверь поднят, началась азартная погоня, всадники рассыпаются по лесу, теряют друг друга из виду, сколько раз и коронованные особы оказывались в полном одиночестве. Эта история как раз была Сварогу отлично известна — он наткнулся в архивах восьмого департамента на отчеты, помеченные даже чуть меньшей степенью секретности. Ее величество неслась галопом, исчезнув с глаз егерей и охраны, горячий жеребчик, судя по следам, понес в чащобу, толстая дубовая

ветка оказалась как раз на уровне головы всадницы, и она не успела пригнуться... Никаких следов злоумышления...

Но вернемся к коронации. Вполне вероятно, были какие-то если не события, то интриги, причем вовсе не обязательно направленные на свержение Яны. Кто-нибудь — любители всегда найдутся — мог бы попытаться потеснить Канцлера, в чьих руках оставалась вся власть, и пропихнуть себя в регенты. Регент при шестилетнем монархе — тот же монарх.

Ага, протокол совместного заседания Палаты Пэров и Тайного Совета! Идея о регенте возникла почти сразу же. Однако принц Элвар регентом быть категорически отказался, заявив, что это не по его уму — государственные дела. Точно так же поступил и Диамир-Сонирил, чему Сварог ничуть не удивился: конечно, принц просто-напросто не хотел оставлять свой идеально отлаженный механизм, Канцелярию земных дел, ради еще большего, но незнакомого и неотрегулированного в его вкусе.

Были еще принцы и принцессы крови, числом двадцать три человека обою пола, дальние родственники императорской фамилии — но публика все сплошь несерьезная, занятая исключительно светскими увеселениями и по давней традиции допускавшаяся разве что к третьестепенным государственным делам (Сварог это давно знал). Препустой народец (как тогда казалось заседавшим). Выступили только два принца крови (точнее, надо полагать, дали выступить только двум), всецело поддержавшие обоих принцев короны.

Интересно, интересно! Барон Аркас, член Тайного Совета, вдруг предлагает назначить регентом пэра Империи герцога Ингера, «известного своим государственным умом, неустанными трудами на благо Империи и неутомимой энергией». Его поддерживают еще двое пэров...

И вот тут, очень похоже, *слаженно* выступают противники этой идеи. Принц Элвар в короткой эмоциональной речи твердит, что регентство — пережиток седой старины и за последние две тысячи с лишним лет как-то даже и не применялось. Диамир-Сонирил закатывает длинную речь, пересыпанную ссылками на параграфы, законы, кодексы, регламенты. Сварог ничего толком не понял (да наверняка и все присутствующие тоже), но заключительная фраза ясна: принц присоединяется к мнению брата. Тут уже принцы и принцессы крови, словно хор в древнегреческой трагедии, в полном составе наперебой нудят с мест, что и они против регентства как пережитка прошлого. Ну вот, наконец! Выступает командир гвардии и деликатнейше, изящными намеками, хитросплетением дипломатических словес дает понять, что военным эта затея тоже не по вкусу, что согласно законам о престолонаследии, и высшие государственные учреждения, и гвардия, и армия, и Серебряная бригада пока что всецело подчиняются Канцлеру, а вот механизм подчинения вооруженных сил этому самому полузабытому регенту вроде и не установлен законами... И неизвестно еще, когда будет установлен. Военные быть в таком подвешенном состоянии не привыкли, ну совершенно...

Это, конечно, ультиматум, хотя и облаченный в изящные дипломатические формулировки. Не случайно дискуссия как-то стихает, комкается и наконец приходит к концу. Чуть ли не единогласно принимаются окончательные решения. Никаких перемен в системе правления и управления. Канцлер остается на своем посту. Все министры, главы канцелярий, кабинетов и коллегий остаются на своих местах. После окончания недельного траура Яна-Алентеви-

та Кейнгор, принцесса короны и наследница престола, должна быть коронована. Другими словами, Канцлер победил с разгромным счетом. Нигде в бумагах об этом не упоминалось, но Сварог, не новичок в таких делах, крепко подозревал, что Келл Инир, где происходило совещание, был еще до его начала набит гвардейцами и людьми из Серебряной бригады, — такие дела иначе не делаются, не зря противники Канцлера (умелые интриганы, надо полагать) сдались так легко.

Что-то имена знакомые мелькнули... Герцог Ингер и барон Аркас. Вот именно, эти два субъекта давным-давно арестованы как главари окопавшейся в Империи «Черной благодати» и остаются в тюрьме Лоре, откуда выйдут только ногами вперед — как и их сообщники из придворных, Магистериума и Мистериора...

Далее Сварог просмотрел видеозапись коронации — зрелище долгое, невероятно пышное и для человека постороннего чертовски скучное. Сложные перемещения по огромному залу раззолоченных, брызжущих самоцветами процессий, нечто напоминающее медленный балет (смысла этого зрелища Сварог так и не понял), удаляется шеренга рыцарей в белом, держа мечи острием вниз, на их место заступают рыцари в золотистом с клинками острием вверх (ну, это понятно, на земле есть похожее, символы прежнего царствования и нового)... В общем, роскошнейшее, наполовину непонятное, нудное, долгое зрелище. У Сварога чуточку защемило сердце, когда он увидел Яну крупным планом: на чересчур большом для нее троне, так что ножки далеко не доставали до земли (хорошо еще, догадались подставить золоченую скамейку), сидела шестилетняя девочка в короне и мантии, залитая алмазным блеском — вот только личико у нее оставалось печальным, отрешенным, словно она напряженно ждала момента, когда все это кончится, можно будет забиться в уголок и поплакать. Осиротевшая восемь дней назад шестилетняя кроха, не вполне видимо и понимавшая, зачем ее принуждают во всем этом участвовать, восседая неподвижной куклой. Только принц Элвар (разумеется, поддавший), смотрит на нее с искренним сочувствием, временами наклоняется и что-то шепчет в ухо. У всех остальных скорее не человеческие лица, а маски актеров, старательно исполняющих сложнейшую пьесу. Угнетающее зрелище, которое Сварог побыстрее запил бокалом келимаса.

А это уже год спустя — Канцлер вместе с несколькими пэрами, членами Тайного совета и обоими принцами короны обсуждает действительно серьезный, нужный и правильный вопрос: какое образование должна получить императрица, как будет протекать учеба и как ее организовать.

Серьезный, нужный и правильный вопрос... Стоп, стоп! Тут определенно имелась некая несообразность. Ага, вот оно! Совершенно непонятно, зачем понадобилось собирать столь представительное совещание, когда достаточно было бы вызвать парочку специалистов из Магистериума? О здешней системе образования Сварогу еще в прошлом году подробно рассказывали Элкон и Томи. К шести годам ребенку с помощью той самой аппаратуры Магистериума, которую Сварог испытал на себе, *вкладывают* в голову минимум необходимых пока что знаний: чтение и письмо, умение общаться с помощью детской компьютерной сети, а вдобавок курс придворного этикета, геральдики, генеалогии, истории Империи (каковая, как не без оснований полагал Сварог, крепенько фальсифицирована). В семь детишки с помощью магов из Мистериора

осваивают фамильную книгу заклятий (лишь наполовину общую для всех, остальная половина содержит знания и умения, присущие какому-то конкретному роду). Далее их на пару лет, собственно говоря, оставляют в покое, пусть играют и забавляются, как хотят. И только к девяти *вкладывают* в голову, опять-таки в Магистериуме, обширные курсы многих наук. И после того начинается настоящая учеба. Сварог прекрасно помнил, что тогда сказал магистр: «Можно вложить человеку в память гигантские вороха справочников, учебников, географических атласов, руководств по управлению аппаратами и агрегатами. Но подлинно профессиональные знания он должен получать обычным путем, осмысливать их, впитывать...»

Учеба таковая продолжается три года. За это время специалисты из Магистериума определяют, есть ли у ребенка склонности и способности к тем или иным наукам. Если да, он поступает уже в трехлетний Лицей при Магистериуме — всерьез овладевать наукой либо специальностью.

Если, конечно, захочет. Поскольку тут не может быть никакого принуждения, подавляющее большинство дворянских недорослей (особенно девушки) идти в Лицей отказываются категорически, предпочитая вести светскую жизнь при дворе. Так что в Лицее обычно обучается не более двадцати человек — оттого-то и приходится выискивать на Сильване способных антланцев и давать им полное образование. В Магистериуме уже примерно половина сотрудников — именно что антланцы, пусть и считающиеся второсортными, но выученные на совесть. Иные спесивые высокородные господа не раз заявляли, что не стоит давать серьезное образование «быдлу», но Канцлер прекрасно знает о дикой нехватке ученых и инженеров...

Бывает по-разному. Скажем, Элкон, у которого нашли нешуточные способности к неким «кварковым биотехнологиям», в Лицей не пошел, несмотря на все уговоры, как раз потому, что заниматься хотел компьютерами, и только компьютерами, а Канилла, графиня Дегро, которой прочили карьеру А-физика (редкость для девушки), столь же твердо заявила, что ее привлекают электронные системы станцией наблюдения, а от А-физики ее форменным образом тошнит...

Одним словом, система давно отработана, наверняка охватывает и принцев короны, и, как в данном случае, малолетнюю императрицу. К чему же понадобилось созывать столь представительный совет?

Ага, вон оно в чем дело! Интересно, и весьма... О подобных исключениях из правил Сварог и не слыхивал — во всяком случае, Элкон ни словечком не упоминал...

Далее шел документ, подписанный тремя высокопоставленными чиновниками Магистериума и двумя магами Мистериора — тоже, судя по титулам, не последними людьми в своем заведении. Оказалось, во-первых, что Яна уже освоила фамильную императорскую книгу заклятий, на год раньше обычного срока. Принц Элвар пояснил, что сделано это было по личному указанию императора, не соизволившего объяснять кому бы то ни было, даже родным братьям, мотивы своих поступков. Между прочим, это произошло через неделю после гибели императрицы (уж не предчувствовал ли император что-то такое? — подумал Сварог).

Гораздо интереснее оказалось «во-вторых». По единогласному мнению всех пятерых, подписавших сей меморандум, Яну попросту *нельзя* было обучать с

помощью тех самых аппаратов, в считанные секунды набивающих голову человека массой разнообразных знаний. Нельзя, и все тут, категорически. Первый случай за всю историю Империи. Всех поголовно можно, а Яну — нельзя. Чересчур велик риск, что кончится серьезным мозговым расстройством, а то и необратимым сумасшествием.

Вот это так бомба... Пятерка ученых мужей привела подробные и обстоятельные аргументы в пользу своего убеждения, занимавшие три листа. Вот только Сварог из всего этого не понял ни словечка. Канцлер, судя по всему, тоже — согласно следующей бумаге, он вызвал всех пятерых на совет, и объясняли они суть часа полтора — видимо, мучительно подыскивая наипростейшие объяснения сей высокоученой галиматье. И явно Канцлера в конце концов убедили. Поскольку он отдал приказ: механические средства обучения исключить полностью, все возложить исключительно на живых людей (ну, разумеется, компьютеры в роли подручных средств дозволялись — но никакого технотронного воздействия на мозг). Интересные дела, покачал головой Сварог. Что же она за уникам такой? Из ученого меморандума понять решительно невозможно, как ни бейся...

Так что пришлось составить долгосрочную программу обучения, подробно расписанную, как и перечень ученых мэтров, коим предстояло стать прилежными преподавателями для одной-единственной ученицы. Поскольку без руководителя такие программы обставлять безусловно не стоит, после короткой дискуссии единогласно назначили на эту роль лейб-медика Яны, как-никак знавшего ее с младенчества. Для порядка приставили к девочке еще и двух пожилых фрейлин покойной императрицы (фрейлины свое звание сохраняют пожизненно). И, полное впечатление, решив, что сделали достаточно, создали действенный механизм, умыли руки, с головой уйдя в свои обычные дела. Длиннейшая вереница последовавших за этим историческим совещанием документов состояла из коротеньких, казенно-сухих отчетов опять-таки представленного к девочке камергера двора: что преподают в данный момент, каковы успехи, а то и неудачи.

Начали, конечно, с того, что, по мнению царедворцев, в первую очередь необходимо монаршей особе: придворный этикет Империи и земных королевств, история императорской фамилии и Империи, геральдика и генеалогия земная и небесная, краткий курс истории земных государств. Легко представить, какое «удовольствие» доставляла эта заумь шестилетней девочке — тем более, что этот важнейший, по мнению царедворцев, курс растянулся на четыре года. Камергер частенько (и наверняка уныло) сообщал в еженедельных отчетах: «ее величество изволят капризничать», «ее величество изволят требовать, чтобы отведенное для занятий время сократили наполовину», «ее величество назвали тему урока пусть не непристойными, но безусловно неприглядными словами». И даже «ее величество отказались от урока, скрывшись за постами Бриллиантовых Пикинеров, куда преподаватель и госпожи фрейлины не имеют доступа!» Читая все это, Сварог только ухмылялся: вы бы ей еще вздумали А-физику преподавать, интеллигенты...

Худо-бедно, но обучение как-то продвигалось (судя по некоторым обмолвкам, после всевозможных компромиссов, послаблений и внеочередных развлечений в виде подкупа и поощрения).

Впрочем, самым печальным (Сварог это быстро понял) было даже не то, что

на малолетнюю девочку обрушили горы зауми. Учить ее учили, но никто не воспитывал. Как это в обычае и на земле, Яне выделили в качестве официальных друзей и подруг для игр и забав чуть ли не две дюжины ее ровесниц и ровесников из самых знатных семей. Больше половины из них, не придясь Яне по сердцу, со временем были по ее настоятельному требованию отставлены, зато остальные (кстати, те, кто сейчас почти поголовно служил у Сварога в девятом столе) стали настоящими друзьями и подругами (насколько можно быть другом или подругой императрицы). И все же... Возле нее так и не было никого, кого можно было назвать настоящим *воспитателем*. Фрейлины на ту роль никак не годились. Вероятнее всего, и Канцлер, и высокие сановники в свое время просто не подумали, что воспитатель ребенку необходим...

Характер у Яны стал портиться на глазах, о чем прилежно и с тревогой докладывал уже лейб-медик. Лет в восемь с ней впервые случился *приступ* — тот самый всплеск неконтролируемой магии, что Сварог самолично наблюдал у себя в замке, когда она рассердилась на канцлера. Сорвавшиеся с креплений роскошные люстры порхали по залу, пока не разбились об пол, плясала мебель, падали статуи, с одежды присутствующих облачками разлеталось золотное шитье...

Встревоженному Канцлеру ни лейб-медик, ни маги из Мистериора не смогли объяснить, в чем тут дело. Честно признались: иная древняя магия императорской фамилии до сих пор секретом фамилии и остается. Секретом, недоступным даже принцам крови...

Диамер-Сонирил ясности внести не пожелал, сухо сообщив Канцлеру, что это секрет фамилии — в подтверждение чего, как и следовало ожидать, вывалив ворох параграфов, как он это прекрасно умел. Принц Элвар поступил и того проще: осушив стакан, буркнул: «Герцог, это дела семейные, и нечего тут вынюхивать...»

И случилось так, что именно принц Элвар, гуляка, бродяга и искатель приключений, проводивший в Каталауне больше времени, чем в небесных замках (но никак не глупец и не простак!), поправил дела. Вот уж о ком никак нельзя было сказать, что он пропил мозги... Вечный холостяк, он не представлял толком, как воспитывать малолетних детей, но каким-то здоровым инстинктом чувствовал, что воспитывать их *нужно*. А потому назначил себя самозванным воспитателем, принялся за дело, как умел, даже подсократив ради такого случая употребление алкоголя (ну, примерно наполовину). И заявил канцлеру, что всю эту церемониальную заумь следует крепенько подсократить, то есть отводить ей лишь половину прежнего времени — ну, а об остальном он сам позаботится, пока девчонка и в самом деле не повредила умом от всей этой белиберды, которой сам он в свое время обучался через пень-колоду и не считает, что это пошло ему во вред.

За воспитание племянницы (которую искренне любил, в отличие от Диамер-Сонирила, тот к Яне был равнодушен, впрочем, как и ко всем без исключения обитателям Империи) принц Элвар взялся незатейливо, как уж ему душа подсказывала. Он просто-напросто практически каждую неделю забирал Яну с собой в Каталаун, таскал за собой по деревенским праздникам, свадьбам и прочим торжествам (а когда чуть подросла, стал брать и на охоту). Более того, он ее регулярно брал в гости, когда отправлялся к своей очередной тамошней подруге. Благо все они наперечет были не какими-то там гулящими девка-

ми, а вполне приличными одинокими женщинами с неустроенной судьбой, часто — молодыми вдовушками с детьми. При той невероятной популярности, какой пользовался в Каталауне принц (иные его именовали некоронованным каталаунским королем, к хорошо скрываемой досаде земных владык, коим принадлежали те или иные области Каталауна), его племянницу везде принимали со всем радушием, женщины сплошь и рядом видели в ней не блестящую императрицу, а «бедную сиротинушку», так что кое-какую долю женского тепла и участия она получила. Канцлеру эти регулярные поездки в Каталаун были крайне не по нутру, но против принца короны он был бессилен — ну, что поделать, если принц располагался выше всех и всяческих законов? Да к тому же самой Яне такое времяпровождение нравилось ужасно. Единственное, что мог сделать Канцлер в компании с Гаудином, — постараться, чтобы Яна всегда была надежно прикрыта группой телохранителей.

В самом начале, когда принц только приступил к воспитанию на свой лад, он привез из Каталауна одну из лучших бабок-сказочниц, знавшую невероятное количество сказок, легенд, баллад, песен и баек из жизни. А чуть погодя через своих ронерских знакомых сманил на небеса старуху Грельфи — чтобы развлекала Яну безобидными, но эффектными колдовскими штучками. Бабку поселили в Келл Инире, применив официальную формулировку «состоящая при императорских покоях прислужница», а для Грельфи оборудовали тот самый летающий островок-декорацию, где Сварог и побывал вскоре после прибытия сюда.

Снимков Яны (украдкой сделанных в Каталауне соглядатаями канцлера) в отчете хватало. И Сварог признал, что принц, несмотря на все его чудачества, выбрал правильный путь. К двенадцати годам Яна форменным образом расцвела, еще больше похорошела, выглядела на пару-тройку лет старше, отлично ездила верхом, умела танцевать все каталаунские танцы, стрелять из лука и мушкета, имела на счету пару оленей, кабана и несколько зайцев с лисицами, научилась даже печь пироги. Ничего похожего на ее прежние снимки — мрачноватая, неулыбчивая, губы плотно сжаты, в глазах устойчивая тоска...

Один только раз случился мелкий досадный инцидент. В Каталауне взрослые быстро, и за девушками возраста и облика Яны местные парнишки уже пытаются неуклюже и застенчиво ухаживать. Ну, а Яна изрядно *прониклась* Каталауном... В общем, на одной из шумных свадеб Элвар чисто случайно обнаружил, что племянница и младший брат жениха, парой лет ее старше, целуются за углом амбара — впрочем, робко и неумело. Яна получила легонький подзатыльник, ее кавалер — полновесный, оба выслушали серьезную нотацию с упором на то, что дело тут не в императрицах и крестьянах, а просто обоим еще рановато подражать взрослым. После чего Элвар через своих многочисленных тамошних приятелей велел потихоньку распустить известие: ежели кто-то его племянницы коснется хоть пальцем не в танце, жутко и думать, что ждет виновного. К каковому известию все отнеслись очень серьезно. Канцлеру, конечно, настучали, и он в деликатных фразах выразил принцу неудовольствие, но тот, вынудив его хлопнуть стакан из своей верной баклаги, отмахнулся: ничего страшного, если девчонка двенадцати лет однажды неумело чмокнула парнишку, главное, меры приняты, больше такого не повторится, слово принца короны... И не без ехидства добавил: по достовернейшим данным, собственная доченька Канцлера, всего-то на год старше Яны, на-

медни в темном уголке Изумрудной лестницы целовалась с пажом и, по докладам, не так чтобы робко и неумело... У принца Элвара, как ему и полагалось по титулу, имелась и своя свита, и гвардейская рота, и библиотекарь, и канцелярия с должным количеством соглядатаев. Другое дело, что из-за образа жизни принца все это немалое количество людей бездельничало годами, помаленьку зверея от скуки.

Как явствовало из множества бумаг, составленных уже после событий, лучше бы было Канцлеру поглядывать в другую сторону. Да и принцу не помешало бы внедрить в свиту Яны парочку ловких соглядатаев. Да вот, проморгали. Никто и подумать не мог, что не на земле, а в Келл Инире к ней может подкрасться нешуточная беда...

Когда Яне было двенадцать, согласно давнему плану, ей предстояло пройти и курс изящных искусств. Кандидат в преподаватели имелся, как тогда полагали, великолепный: молодой, лет тридцати по земным меркам, герцог Наргел, старой, почитаемой фамилии, обладавший большими познаниями и опытом именно что в изящных искусствах. Коллекционировал живопись (был даже своим человеком на Бараглайском холме и Квартале Палитры в Сноле), сам недурно рисовал, особенно портреты дам, кроме того, в своем сильванском поместье устроил самую настоящую балетную школу, куда набирали ровесниц и ровесников Яны. Это длилось уже несколько лет, и повзрослевшие танцоры и танцорки «первого набора» не раз выступали с большим успехом и в Келл Инире, и при некоторых королевских дворах на земле (за что герцог удостоился нескольких земных орденов, имперской «Золотой Арфы» и мантий почетного члена Сословий Свободных Искусств в Снольдере, Ронеро и Лоране). Одним словом, самый подходящий человек, как было решено в свое время высокой комиссией еще пять лет назад.

Как выяснилось позже (когда все хватались за головы и наперебой обвиняли друг друга в преступном ротозействе), этот знаток и ценитель искусств, обаятельный красавец с великолепной репутацией при дворе оказался еще и блестящим конспиратором, ведущим двойную жизнь. Умен был, сволочь, и коварен... Никто об этом не подозревал (включая соответствующие службы Канцлера и Гаудина), что юные девицы из сильванской балетной школы с самого начала служили ему натуральным гаремом. Таковы уж у него были пристрастия касаясь совсем юных. Нечто вроде герцога Лемара, только, пожалуй, погнуснее: Лемар, надо отдать должное прохвосту, все же таких вот малолеток никогда не трогал.

И этот живописец-балетоман, вульгарно выражаясь, положил глаз на Яну...

Учебные курсы никто не контролировал — в том смысле, что никому никогда не приходило в голову проверять, какими учебными пособиями пользуются на каждом из них. Камергер всего-навсего интересовался у очередного преподавателя, такого же благородного лара, как идут уроки, делает ли ее величество успехи или Канцлера особенно порадовать нечем. И со спокойной совестью отправлял очередную короткую отписку.

Воспользовавшись этим упущением, герцог старательно подобрал для Яны весьма специфический курс наглядных пособий (скульптура, живопись, поэзия и проза). Ничего не скажешь, он состоял исключительно из классики, небесной и земной, но эта классика, вместе взятая и по отдельности, категорически не годилась для девочки двенадцати лет, которой рано было столь

углубленно, долго и подробно знакомиться с иными сторонами взрослой жизни. И которая, как в том возрасте сплошь и рядом бывает, уже начала проявлять робкий интерес к этим самым сторонам и успела пару раз поцеловаться...

Все эти «пособия», до одного, имелись в отчете (где, начиная с того момента, бумаги помечались уже гораздо более высокой степенью секретности, предназначаясь лишь для обоих принцев, Канцлера, начальника его разведки и Гаудина). Книги Сварог даже бегло читать не стал — он знал несколько названий, парочку одолел в свое время, а что до остальных — хватило иллюстраций. Альбомами Седеса и Каранто, пусть они и великие художники, следовало долго и старательно лупить по голове того, кто их подсунул двенадцатилетней девчонке, пусть и выглядевшей старше своих лет, — как и увесистым томом сонетов Жега Маделара. Ну, и все остальное было того же пошиба. Все было рассчитано на то, чтобы мягко и ненавязчиво, вливая отраву по капельке, оказать на девчонку определенное действие и как следует разжечь неподходящее в ее возрасте любопытство...

По этому, с позволения сказать, курсу изящных искусств Яна занималась четыре месяца — как кое-кто и рассчитывал, с большим интересом, даже резко сократив поездки в Каталаун. Естественно, у нее возникало много вопросов — на которые учитель отвечал подробно, тактично, деликатнейшим образом подбирая слова. Что служило очередными капельками яда. Ни разу за эти месяцы герцог не попытался выйти за рамки отношений «учитель-ученица». Потом стало ясно, что это не самодеятельность записного педофила, вздумавшего украсить свою коллекцию редкостной жемчужиной, а заговор, и серьезный — но позже, гораздо позже... А пока что меж девочкой и мэтром установились весьма доверительные отношения и разговоры шли очень уж откровенные — ну не с кем взрослому девочке было откровенно поговорить о некоторых вещах — не с фрейлинами же. Тем более что к тому времени Яна уже порой перешептывалась с подругами о том и о сем, чего благонравные девочки из хороших семей вроде бы еще знать не должны. Однако любой дворец — никак не монастырь, тут даже юные девицы невольно насмотрятся и послушают всякого. А герцог искусно вел свою партию — так что Яна, как со многими до нее случалось, решила, будто в него влюблена. Тем более что парочка ее подруг уже призналась ей в том же самом — правда, в отношении других объектов...

Лейб-медик, благообразная сволочь, которого Яна знала с тех самых пор, как себя помнила, в заговоре состоял, как позже оказалось, с самого начала. Именно он, когда Яна в очередной раз захандрила и стала рваться из Келл Инира все равно куда, и предложил Канцлеру вроде бы абсолютно безобидную идею. Сменить обстановку полностью, самым решительным образом. Отправить императрицу на Сильвану недели на две, без обычной надоевшей свиты, «официальных друзей и подруг» и осточертевших фрейлин (которых, Канцлеру самому должно быть известно, Яна и ее друзья иначе как «копчеными селедками» за глаза не именуют). Чтобы прожила эти две недели в поместье герцога, училась бы там танцам, общалась исключительно с балеринами, своими ровесницами и даже жила бы вместе с ними в общей спальне.

Сама Яна эту идею приняла с несказанным восторгом и заявила, что готова отправиться на Сильвану немедленно. Канцлер, не особенно и раздумывая,

идею одобрил. Не господь Бог и не первый мудрец Вселенной, он попросту не ожидал *такой* наглости и *такого* коварства. К тому же они с Гаудином были тогда замотаны, как ломовые лошади, с головой уйдя в распутывание и урегулирование головоломной и тяжелой интриги — как позже выяснилось, инсценированной заговорщиками для отвлечения внимания от Сильваны.

Одним словом, девочка сама кинулась в мастерски поставленную ловушку. Привыкла, что императрица всегда находится в совершеннейшей безопасности, особенно в имении человека с прекрасной репутацией, в которого она к тому же... А тут еще лейб-медик, сука гладкая, перед отлетом на Сильвану очень деликатно и тактично дал примерно такое напутствие: вполне возможно, ваше величество, вы там столкнетесь с чем-то, с чем прежде не встречались, и там будут происходить непривычные для вас вещи, но пугаться этого не следует, все люди взрослеют и вы тоже, у взрослеющих появляются новые интересы и желания, которые не стоит сдерживать, собственно говоря, заверяю авторитетно, вам следует рассматривать все происходящее как очередной курс обучения, который проходят все благородные девицы...

Конечно, на Сильвану с ней отправились гвардейцы, телохранители и слуги, среди которых имелись агенты как Канцлера, так и Гаудина. Однако гвардия и охрана в таких условиях несут службу в отдалении, охраняя скорее подступы к поместью, а слуги не топчут по пятам и не дышат в ухо, в особенности если императрица им приказывает реже попадаться на глаза. И уж тем более не имеют доступа в девичьи спальни. Так что Яна с самого начала самым тесным образом общалась с двумя дюжинами балеринок, герцогских шлюшек, форменным образом отгородивших ее якобы невзначай от прилетевших с ней слуг.

С этими юными шлюшками взрослые, коварные, умные и циничные люди предварительно работали долго и старательно, распределяя роли, мизансцены, доверительные рассказы и якобы случайные вопросы. Крутая была дрессировочка, как потом выяснилось.

Задача была поставлена четко и недвусмысленно: лишь самую капельку выходя за пределы положенного почтения к венценосной особе, мягко, деликатно и неустанно *обрабатывать* ее днем и ночью. Внушать, что в ее годы близость с мужчиной — самое естественное дело, рассказывать, как это приятно и увлекательно, делиться собственным богатым опытом, самую чуточку посмеиваться над ее невинностью, твердить, как влюблен в нее герцог, ссылаться на многочисленные примеры из того же курса классики...

Балеринки оказались обаятельными, веселыми и остроумными девчонками, к тому же ничуть не похожими на ее прежнее окружение, — и Яна, в восторге от столь необычного отдыха, сдружилась с ними моментально. Два дня она старательно разучивала бальные танцы, и все это время действие понемногу раскручивалось: фривольные разговорчики, пикантные анекдоты, сначала ее учили не стесняться танцевать в одном только прозрачном балахоне перед музыкантами и балетмейстерами, потому что они не более чем слуги, а слуга, собственно, и не мужчина вовсе, а предмет мебели, живой инструмент (эти поучения, впрочем, ничем не отличались от тех, которые Яна выслушивала в Келл Инире с раннего детства). Потом учили не стесняться еще более скудно одетых партнеров-мальчишек, речь ведь идет о большом искусстве (и это внутреннего сопротивления не встретило, Яна не раз бывала в балете).

Яд сочился по капельке, особенно ночью в общей спальне. Те же фривольные истории из собственного опыта, взрослые тайны, продиктованные вроде бы чистой воды любопытством, расспросы о любовных отношениях при императорском дворе. Признаться по совести, такая девичья болтовня свойственна не одним только знатным местечкам вроде герцогского гарема. В отчете отыскалась бумага, где некий агент Канцлера, явно пытаясь задним числом оправдаться, уверял: по достоверным данным, в Келл Инире императрица и ее «официальные подруги» порой вели столь же фривольные разговоры. Переходный возраст, ничего не поделаешь...

На третью ночь Яну, без всякого труда, достаточно шуточно взяв «на слабо», научили танцевать *тоголаду* с раздеванием, здешний аналог стриптиза. На четвертую, опять-таки без особого труда, затащили в эротические игры изрядно развращенных балеринок. На пятую в спальне объявилось несколько мальчиков-балерунчиков, и игры стали еще фривольнее.

Сварог временами поскрипывал зубами, читая подробные протоколы допросов. Самое печальное, что юная девушка участвовала во всех этих забавах собственной волей: переходный возраст, любопытство, стремление ни в чем не уступить новым подругам, раскованным и познавшим все на свете. Да и лейб-медик, которому она привыкла доверять, высказался достаточно определенно. Девчонка не понимала, что ее умело развращают, шажок за шажком...

В ту ночь она проиграла три раза. Один раз, платя проигрыш, пришлось танцевать *тоголаду* для всех, дважды она на квадранс уединялась с парой мальчиков в задней комнатке, откуда выходила красная до ушей — руки выигравшие распускали изрядно.

Все дело в обстановке, которую для нее искусно создали. Ни тени принуждения или грубости, отношение самое почтительное, разве что с легонькой ноткой фамильярности, вполне уместной в этих обстоятельствах. Даже тогда, в задней комнате белозубые юные красавчики держались предельно вежливо. Обаятельные улыбки: «Яна, ты позволишь?», «Я расстегну, да?», «Можно, я сниму?» Восхищенные взгляды: «Ты лучшая на свете!» Хитрые подначки: «Яна, ты сама согласилась играть, но никто здесь никого не неволит, можешь уйти в любой момент, если считаешь, что еще маленькая для таких игр...» Постоянные комплименты: «Яна, ты чудесная! Мы слышали, ты надутая чванная злючка, прямо-таки боялись тебя поначалу, а ты такая... Ты такая...»

Потом она, по прекрасно знакомой Сварогу азартности характера, сама ввязалась в игру посерьезнее, прекрасно зная к тому времени, что проигрыши в этом случае платят уже «игрой на флейте любви». Разумеется, все было подстроено так, что выиграть она не могла ни разу, ни при какой погоде... И более часа провела в одной из задних комнат с тремя танцорами. Обаятельные мальчишки потешились вволю, изощряясь, как только возможно в такой ситуации. Понятно, какие побуждения ими двигали, кроме старания прилежно выполнять герцогские приказы: антланцы, вечные холопы, быдло — и вдруг им выпадает случай сделать «флейтисткой» саму императрицу. В чем они потом признавались на допросах — несомненно, лязгая зубами и белые от ужаса...

Вся эта компашка старательно докладывала герцогу о малейших деталях. Было отмечено, что на следующую ночь, когда снова явились обаятельные, вежливейшие юнцы, Яна держалась уже совершенно спокойно, обвыклась и освоилась, оказавшись в результате неизбежных проигрышей в задней ком-

нате, уже не краснела почти. Глупенькая девочка начала привыкать к новым забавам. Сварог выругался поначалу, читая очередные показания, но потом подумал не без самокритичности: собственно говоря, в полузабытые советские времена в старших отрядах пионерских и спортивных лагерей порой после отбоя происходили вещи, не особенно и отличавшиеся от кропотливо описанных забав. Старо, как мир: девочки торопятся познавать жизнь...

Те, чьи приказы выполнял герцог, задачу перед собой поставили серьезную: развратить Яну до крайних пределов, подсадить на подобные развлечения, как на наркотик, заставить видеть только в них цель и смысл жизни. Благо в таком возрасте из человека можно при известном мастерстве вылепить что угодно... Впрочем, и настоящие наркотики — пресловутая курительная дурь с островов — тоже планировалось пустить в ход чуть попозже. Хотели добиться, чтобы к совершеннолетию стала законченной шлюхой и наркоманкой, которой дела Империи абсолютно неинтересны. Ну, а правила бы другие, найдя способ избавиться и от Канцлера, и от Гаудина, и от полудюжины крупных фигур. Ни крови, ни трупов. Ни переворота, ни отречения, ни самоубийства — просто-напросто императрица стала бы чисто декоративной фигурой, а Империя перешла бы в другие руки...

Сварог нигде не нашел прямых аналогий и упоминаний, но у него сложилось впечатление, что заговорщики прекрасно помнили историю Элтис Лоранской двухсотлетней давности. Юную королеву, в четырнадцать лет оставшуюся без родителей и взошедшую на трон, точно такие же умные и коварные господа сановники мастерски приохотили ко всем видам любви и многодневным попойкам. В истории можно насчитать немало королей, которые, не чураясь ни любовников, ни пиров, тем не менее долго и толково правили железной рукой. Элтис оказалась слаба — и последующие десять лет, пока королева все свободное время без остатка делила меж мягким ложем и пиршественным столом, страной правил вкуче с сообщниками некий граф, дальний родственник правящей династии. В конце концов его все же зарезали «товарищи по партии», решив, что зарвался и забрал себе много воли, — но последующие восемь лет ничего в жизни королевы не изменили. Потом, правда, когда она умерла, перебрав то ли вина, то ли возбуждающих зелий, ее племянник, до того много лет притворявшийся безобидным дурачком, сумел привлечь на свою сторону гвардию, перерезал кучу сановников и правил долго, но это уже другая история...

В очередную ночь Яну с таинственным видом зазвали в уединенную спальню, где уже поджидал герцог с огромным букетом лилий (здесь символ беззаветной любви), проникновенными, романтическими признаниями в любви и даже легонькими намеками на самоубийство в случае ее холодности. Неделя *обработки* свое дело сделала — Яна и не подумала уходить. Была «флейта», был «шмель в розовом бутоне», но до *главного* все же не дошло, Яна в последний момент испугалась. Правда, пообещала через день-два, окончательно собравшись с духом, уступить. Герцог, разумеется, был сама галантность, заверяя, что готов ждать. Потом показал ей видеозапись одного из «заседаний» Академии Лилий королевы Дайни Барг и сказал, что следующей ночью здесь состоится нечто подобное, только еще более роскошное и красивое — и он намерен сделать Яну королевой праздника.

Очень возможно, так бы и произошло. А на оставшуюся неделю, как выяс-

нилось на допросах, для нее была приготовлена обширная программа: всевозможные групповушки, все виды любви, какие только могут прийти в голову здешней публике, наркотики и немало прочей гнуси. *Какой* она уехала бы отсюда, и думать не хочется. Ну, а в Келл Инире ее, конечно, не оставили бы в покое, закрепляя успех.

Читая все это, то и дело взбадривая себя келимасом, Сварог все же подсознательно надеялся на счастливый финал: вспоминал тот ее визит к нему, когда она, стоя возле панно с единорогом, аллегорическими фразами призналась в недавней потере невинности. Следовательно, отсюда она отбыла невинной, черт возьми!

Так оно и оказалось. Случалось уже, что весьма даже ловкие и коварные заговорщики проваливались оттого, что все внимание уделяли равным себе по положению, а на всевозможную мелочь не обращали внимания со всей дворянской спесью. Впрочем, тут был еще и счастливый случай...

Бабка-сказочница, все еще состоявшая при дворе, от скуки бродила по покоям Яны, куда имела беспрепятственный доступ (кроме комнаты личной связи Яны, но туда из знатных-то допускались считанные единицы). В конце концов она отправилась в учебный зал, битом набитый «наглядными пособиями» в надежде отыскать там что-нибудь интересное для обозрения (как раньше там же в отсутствие Яны и очередного учителя любовалась загадочными приборами и механизмами, непонятными, но крайне интересными на вид).

Интересного она там обнаружила целую грудку, начиная со статуй и статуэток, по ее собственному выражению, «похабных донельзя». Потом, то и дело отплеываясь, полистала альбомы Седеса и Каранто и пару-тройку других. Ни писать, ни читать она не умела, но картинки в книгах говорили сами за себя. «За что ни возьмись — похабень!» — прокомментировала она потом.

Бабка призадумалась своим цепким и практичным деревенским умом. С одной стороны, она давно знала, что у высоких господ свои нравы и причуды. С другой же... Четыре года она прожила в Келл Инире, общаясь, понятно, исключительно со слугами (а слуги, как известно, всегда знают о господах больше, чем те сами о себе), так что кое-какое представление о нравах и обычаях дворцовой жизни составила. По этим представлениям выходило: *взрослые* высокородные господа, конечно, позволяют себе изрядную вольность нравов, но вот четыре месяца подряд учить двенадцатилетнюю девчонку с помощью всей этой «груды похабени» — получается как-то и неправильно. Особенно если учесть, что она была свидетельницей того, как принц Элвар влепил по подзатыльнику Яне и тому парнишке за безобидный, в общем, поцелуй. «Ну вот нюхом я чувствовала, господин Гаудин: тут что-то неправильное, воля ваша!»

К кому из высоких господ обратиться, она просто не представляла. Как искать принца, решительно не знала — видеосвязь она освоила ровно настолько, чтобы связываться с подругой, старухой Грельфи.

Она и связалась. И поделилась сомнениями: как-то это оно, пожалуй, неправильно... Господские нравы, конечно, для простого человека — темный лес, но все равно, что-то тут не то... Девчонка ж совсем... Вон, за простой поцелуй получила по шее от его высочества, а тут...

Грельфи, с ее острым как бритва, умом не тратила времени на охи и ахи. Подробно расспросив бабку обо всем, что она там видела, велела сесть где-нибудь тише воды, ниже травы. И отключилась. После чего, владея видео гораз-

до лучше сказочницы, стала разыскивать принца Элвара. К счастью, он не болтался в очередной раз по каталаунским чащобам, а пировал у себя в манере со своими гвардейцами и пребывал еще в том состоянии, когда мог воспринимать окружающее довольно здраво.

Принц, давно уже знавший, что старая колдунья — женщина большого ума и паниковать по пустякам не станет, нисколько не колебался. Он прихватил своего секретаря (радешенького, что после долгого безделья подвернулось хоть какое-то дело), двух сыщиков из своей канцелярии, сделав кругалю, забрал еще и Грельфи, зная массу интересных способностей, которыми она обладала, — и полетел напрямиком в Келл Инир.

Тщательно осмотрев «учебные пособия», он высказал вслух мысль, что тут и в самом деле что-то нечисто. Секретарь (исполнявший еще и ничуть не обременительные обязанности библиотекаря) поддакнул, добавив, что ему приходилось где-то читать о подобных случаях — когда юных девиц мастерски совращали при помощи таких вот «курсов». Сыщики высказались в том же духе. Грельфи заявила, что здесь она ничего такого не чувствует, здесь ничего *такого* не происходило, но все это, голову на отсечение, насквозь неправильно...

Принц был давним и заядлым охотником — и в принципе то, что пришло ему в голову, от охоты отличалось мало. Отправив две виманы в Каталаун, он поднял свою гвардейскую роту, посадил ее на три межпланетных браганта, способных достигать соседних планет за какой-то час, — и на полной скорости помчался на Сильвану.

Оставив две машины с большей частью гвардейцев на орбите, он приземлился в поместье, где его со всем должным почтением встретил герцог.

Не было ни взрыва ярости, ни даже скандала. Давний и заядлый охотник — а это занятие не терпит ни вспыльчивости, ни поспешности, — принц с безмятежным видом налил герцогу стакан из своей баклаги (пришлось выпить, а куда денешься, получить что бокал, что простой стакан из рук принца короны — большая честь). Тогда принц с самой теплой и безмятежной улыбкой объявил, что решил вот взглянуть, как идут дела у племянницы в овладении бальной премудростью.

Как может отказать герцог в подобной просьбе его высочеству? Они направились к летнему амфитеатру — принц с герцогом, пара гвардейцев (старательно делавших вид, что они тут чисто для почета) и старуха Грельфи, на вид благостная и отрешенная, но уже пустившая в ход незаметно для окружающего мира кое-какие свои ухватки.

Уже само по себе зрелище Яны, в одной коротенькой прозрачной тунике танцевавшей под приятную музыку с полудюжиной подруг, принцу доброго настроения не прибавило (надо сказать, балет он не понимал и терпеть не мог). Однако он сдержался, сделав вид, что речь идет о каком-то пустяке, отвел старушку в сторону и поинтересовался:

— Ну как?

Грельфи ответила шепотом:

— Ваше высочество, блудом здесь несет, как из нечищенной конюшни навозом. И от *нее*, простите великодушно, тоже уже пахнет изрядно. А тот, — она повела глазом в сторону герцога, — успел руку приложить, от него *ее* кожей пахнет...

Дальнейшее разворачивалось молниеносно. Двое гвардейцев моментально по знаку принца сгребли герцога. Остальные, выскочив из браганта, заняли позиции. С небес тут же обрушились две машины с остальными.

Заметившие что-то неладное и сбежавшиеся сюда гвардейцы с телохранителями, узнав принца и подчиняясь его грозному рыку, проворно выстроились в две шеренги с приказом так и стоять, под ногами не путаться. Гвардейцы принца быстренько прочесали поместье, согнав к амфитеатру всех его обитателей, — а потом, вместе с балеринками, загнали в самое большое здание с приказом охранять и ждать дальнейших распоряжений. Напоследок принц приказал уничтожить здешний узел связи к чертовой матери. И стал полным хозяином положения. Одна только Яна стояла посреди амфитеатра, уронив руки, и округлевшими глазами таращась на непонятные события.

— Он не один, — шепнула Грельфи на ухо принцу. — Он только подручный.
— Разберемся, — заверил принц.

Не тратя времени на долгие объяснения, он попросту сдернул с одного из гвардейцев плащ, закутал Яну и буквально за шиворот потащил ее в брагант, по дороге отдав гвардейцам дополнительные распоряжения и оставив обоих сыщиков, чтобы в темпе начали расспросы.

Когда брагант несся к Талару, принц затащил все еще удивленно хлопавшую глазами Яну в небольшую комнатку, выставив оттуда штурмана, не утерпев, опрокинул стакан и два счета объяснил племяннице, куда она попала и что с ней, без всякого сомнения, намеревались сделать. Не то чтобы он особенно не выбирал выражений, но лексиконом пользовался довольно вольным. Потом потребовал не хныкать, а рассказать, чем она тут занималась, напирая на то, что там, за дверью, старуха Грельфи, которая без всяких сыщиков докопается до правды.

Яна уже редела в три ручья, рассказ обо всем здесь пережитом пришлось вытаскивать буквально по крошечке. Впрочем, принц не особенно увлекался деталями, перестал, когда понял, что *главного* не произошло. К тому же его крайне заинтересовало упоминание Яны о лейб-медике и его наставлениях. Принц, какой-никакой завсегдаятай двора, прекрасно знал, что эта парочка, герцог и медик, никогда не были не то что друзьями, но даже добрыми приятелями. А потому начал думать (вспомнив к тому же последнюю реплику Грельфи), что речь идет, пожалуй, о натуральном заговоре. После чего вышел и с большой сноровкой принялся бить герцогу морду, угрожая, что вот прямо здесь, своим неразлучным охотничьим ножом отхватит нечто крайне герцогу дорогое, если немедленно не услышит пары-тройки имен, — за какую хирургическую операцию ему ничего не будет, ясен пень.

Он был не на шутку страшен — громадный, пьяный, расхристанный, со сверкающим ножом в добрый локоть, зажатом в волосатом кулаке. Герцог, прекрасно знавший, что принцу и в самом деле ничего не будет, заложил лейб-медика, еще парочку высоких господ, потом, как это частенько случается, затянул длинный, плаксивый рассказ про то, как его, голубиную душу, обманом заманили, совратили с пути истинного и вовлекли во всякие непотребства коварные, злые люди. Сам он пошел на это исключительно из-за беззаветной любви к Яне, от которой давно потерял голову. Эти излишества души были бесцеремонно пресечены принцем пинком под ребра.

Когда брагант прибыл в манор принца, там уже дожидались прибывшие на

тех самых двух виманах из Каталауна с полсотни старых знакомых, сподвижников по охотам и гулянкам (добрую половину из них принц избавил кого от решетки, кого от чего похуже). Особого уважения к здешним высоким господам эта лихая публика не испытывала, а за принцем готова была в огонь и в воду...

По приказу принца двое из них, достав ножи, занялись герцогом уже не спеша и обстоятельно, громко комментируя предстоящие манипуляции. Обошлось без особого членовредительства, все ограничилось парой царапин — герцог, впервые в жизни угодивший в такую ситуацию, сыпал именами и подробностями так, что секретарь едва успевал записывать.

К некоторой радости принца, ни Канцлера, ни Гаудина среди заговорщиков не оказалось. Однако Элвар решил все же преподать урок кое-каким самонадеянным разгильдяям, за мелкими интригами проглядевшим столь серьезный заговор. Благо времени у него хватало, если верить герцогу (а ему, пожалуй, можно было сейчас верить), в заговор не вовлечен никто, имевший бы отношение к гвардии, армии или Серебряной бригаде, так что вооруженного противодействия опасаться не следовало.

Бабку Грельфи принц отправил успокаивать все еще рыдавшую Яну. Двух оставшихся при нем гвардейцев — арестовать лейб-медика (остальные, пожалуй что, могли и подождать, никуда не денутся). Сам же с полусотней каталаунцев вылетел в манор, где располагался Кабинет Канцлера, представлявший собой красивое трехэтажное здание, ничуть не похожее на крепость. Охраны там было — по пальцам пересчитать, четверо или пятеро обленившихся гвардейцев, прекрасно помнивших, что этот манор в жизни не подвергался нападению, штурму, налету. День к тому же выдался воскресный, выходной, так что в здании был только Канцлер и полдюжины дежурных чиновников. Свое подразделение спецназа у Канцлера, как и у Гаудина, имелось, но дислоцировалось оно в Келл Инире.

Так что здание было занято в считанные минуты. Принц прекрасно знал его планировку — и оттого нападавшие первым делом ворвались на узел связи и в кабинет Канцлера. Невооруженные связисты сдались без сопротивления, не особенно и рассуждая, — благородному лару приставленный к горлу клинок опасен не менее, чем обитателю земли... Точно так же и секретарь в приемной Канцлера смирнехонько встал к стеночке под нацеленным на него клинком, не задавая излишних вопросов. В общем, Канцлер был в одночасье лишен связи с внешним миром и решительно ничем не мог более управлять.

В кабинет к нему принц Элвар ввалился в одиночку — чтобы не посвящать спутников, пусть и старых приятелей, в иные неприглядные секреты. Кратенько обрисовал, как обстоят дела в данном маноре и любезно попросил не дергаться.

Сохранивший полнейшую невозмутимость Канцлер поначалу поинтересовался, не есть ли происходящее с принцем помрачением ума от келимаса — должно же таковое когда-нибудь наступить после стольких лет беспросветного питья? Принц гордо отвечивал, что он и пьяный ловчее и сообразительнее иных трезвых. Кратенько рассказал о происшедшем, предъявил составленный секретарем список заговорщиков, заверил, что один пленный, дающий у него в маноре искренние показания, уже есть. И в завершение посоветовал (правда, под его бдительным присмотром) связаться с его манором.

Канцлер связался. Увидел на экране все еще хныкавшую Яну, закутанную в гвардейский плащ поверх прозрачной бальной туники. Утешавшая ее Грельфи, завидев Канцлера, тут же, не выбирая выражений, высказала все, что думает об уме и расторопности его и Гаудина, едва не проглядевших, как императрица по милости людей, в первую очередь и обязанных ее беречь, как зеницу ока, едва не вляпалась в большую и серьезную беду.

Только тогда Канцлер поверил. Грельфи он недолго любил за ее привычку частенько резать правду-матку в глаза, невзирая на лица (хитрая ведьма прекрасно понимала, что пока она служит при императрице, ни Яна, ни принц Элвар не дадут ее никому пальцем тронуть). Но относился к ней достаточно серьезно. Никаким дурацким розыгрышем и не пахло.

Канцлер вскричал, что следует действовать. Принц Элвар, не убирая прихваченного из манора меча в ножны, ответил, что неизвестно еще, кто будет действовать. Поскольку у него есть сильные подозрения, что Канцлер с Гаудином, хотя и не значатся в наспех составленном списке заговорщиков (включаящем, возможно, далеко не всех), могут тоже состоять в заговоре. Иначе как же случилось, что они просмотрели *такое*? Из чистого головотяпства? Ой ли?

Канцлер, надо полагать, взвился. Вряд ли принц верил, что замешаны и он с Гаудином, — наверняка хотел просто-напросто в отместку за нешуточное разгильдяйство наказать легоньким моральным террором. Сухие строки отчета детали обходили молчанием, но, несомненно, состоялся разговор на повышенных тонах (в той степени, в какой опытный царедворец Канцлер мог себе это позволить, пререкаясь с принцем короны). Принц Элвар грозил, что объявит Угрозу Короне, вышибет в отставку не только Канцлера с Гаудином, но и дюжину-другую занимающих высокие посты, не даст возможности собраться ни Тайному Совету, ни Палате Пэров (поскольку и там могут оказаться заговорщики), созовет Ассамблею Фамилии (все без исключения принцы и принцессы), подтянет туда гвардию и в два счета большинством голосов изберет себя, учитывая молодость Яны и вопиющую некомпетентность разогнанного руководства, Временным Хранителем Трона. И уж тогда покажет всем, с какого конца у черепахи хвост...

Канцлер, несомненно, пережил немало неприятных минут и оказался в отчаянном положении: ситуация вполне позволяла подверстать это дело под эдикт об Угрозе Короне, и принц имел полное право все это проделать. Тем более что гвардия за ним, безусловно, пошла бы, а у Канцлера не было никаких законных возможностей этому помешать, разве что поднять мятеж, на что он никогда не пошел бы...

Отчет умалчивал, как получилось, что принц отказался от прежних обвинений и спорщики помирились. Видимо, Элвар решил не затягивать забаву, поскольку нужно было действовать. Что он и разрешил великодушно Канцлеру, а сам, забрав каталаунцев, улетел к себе в манор — на Яну опять *накатило*, и со стен летели картины, мебель разлеталась в щепки, с треском рвались продольными лоскутами гобелены с охотничьими сценами, под потолком кружили сорвавшиеся с подставок олени рога и кабаньи головы, воздух был полон пляской длинных сиреневых искр, слуги и гвардейцы попрятались кто куда...

В бумагах не значилось, как Элвару удалось в конце концов и ее успокоить, — видимо, их составители и сами не знали. Но удалось как-то. Яна потре-

бовала у дядюшки немедленно увезти ее в Каталаун, и они отправились в замок принца в глухом ущелье, где Яна просидела неделю, категорически отказываясь возвращаться в Келл Инир, вообще разговаривать с кем бы то ни было *наверху*. Канцлер предложил принцу прислать пару хороших психологов, но Элвар, не особенно и дипломатично отказавшись, поступил по-своему: велел срочно доставить в замок двух давно знакомых ему знахарей из соседней провинции. Старички поили Яну какими-то травами, «вытягивали ладонями умственную боль», натирали какими-то бальзамами, душевно с ней беседовали и за день почти полностью вернули душевное спокойствие. Ничего удивительного, Сварог был наслышан о таких вот лесных старичках от надежных людей...

Как оказалось, Яну больше всего удручало даже не то, что с ней проделывали в поместье, — *к тому* она отнеслась довольно спокойно, признавшись дядюшке в откровенном разговоре, что все это было не унижительно, а интересно и приятно. Ее невероятно ранило другое — что все эти веселые, дружелюбные, ласковые мальчики-девочки оказались подлецами. Девчонка впервые столкнулась с настоящим коварством, предательством, обманом...

Тем временем *наверху* бушевала *потайная* гроза. Судя по очередным отчетам, Канцлер *осатанел*. Ко вполне понятной злости на заговорщиков, есть подозрения, примешивался и жгучий стыд за свои промахи и упущения. Белая тревога по нескольким секретным сетям связи. Гвардия и армия подняты в ружье и рассредоточены в ключевых точках. Боевые драккары Серебряной бригады, числом не менее дюжины, повисли над каталаунским замком принца. Боевые орбиталы получили сигнал «Пожар».

Вот тут Сварог испытал нешуточное удивление, впервые в жизни узнавши, что эти орбитальные автоматы, набитые серьезным оружием, предназначались не только для возможных боевых действий против земли, возникни такая потребность. Оказалось, что по этому самому сигналу боевые роботы могли в пару минут переместиться на орбитах так, чтобы держать под прицелом летающие замки ларов. Все до одного, даже Келл Инир, маноры принцев и самого Канцлера.

Начавшиеся аресты проходили так, чтобы не привлечь ни малейшего внимания окружающих. Заговорщиков *выдергивали* из маноров, с балов, из присутственных мест и казарм. После чего они попадали напрямик в пыточную к Канцлеру.

Здесь Сварог снова удивился не на шутку — оказывается, в распоряжении Канцлера и Гаудина имелась своя пыточная. Разумеется, она ничуть не походила на земные, но *суть* была та же. Хитрая аппаратура (некие «нейрогенераторы», «мнемозонды» и прочая замысловатая машинерия) вытаскивала из мозга допрашиваемого воспоминания на много дней назад и могла причинить нешуточную боль, правда, не физическую, но узнику от того не легче...

То же самое происходило на Сильване — потому что, оказалось, и там были сообщники. Не считая антанцев из герцогского поместья, было арестовано около пятидесяти благородных ларов, причем *мелкоты* среди них обнаружилось мало. Высокопоставленных, к некоторому облегчению Канцлера, среди них не нашлось, но все же народец не из мелких: несколько камергеров двора, лейб-медик, чиновники, занимавшие не столь уж низкие посты в серьезных государственных учреждениях, даже парочка армейских офицеров и канцеля-

рии, советник из восьмого департамента...

Клубок размотали за сутки — и на конце его, к нешуточному удивлению Канцлера с Гаудином (да и читавшего все — это Сварога), оказался не кто иной, как его младшее императорское высочество, принц крови, мужчина средних лет, в списке возможных претендентов на престол в случае, скажем, внезапно умершей без наследников Яны и покинувших наш мир принцев короны, стоявший всего на предпоследнем месте (что означало: трона ему не видеть никогда в жизни, разве что большинство очереди скосит некий мор). Вот уж на кого бы подумали в последнюю очередь. Всю жизнь его полагали недалеким чудиком — анахорет, затворник, интересуется лишь своей богатейшей коллекцией бабочек, редкие виды для него на обеих планетах выискивают с полсотни обученных энтомологии — экспедиций из антланцев и нанятых на Таларе и Сильване ученых. В гости к нему старались не ездить даже ближайšie родственники, зная, что придется выслушивать часовые монологи об экспонатах коллекции. Молодая жена в конце концов не выдержала, согласно позволявшим такое законам, завела себе отдельный замок и жила весело (вот только любой, неосторожно ляпнувший слово «бабочка» либо «мотылек», из замка изгонялся навсегда). Двое взрослых сыновей от первой, покойной жены тоже наносили батюшке визиты раз в год, когда к тому имелись церемониальные поводы и было не отвертеться.

В который раз оказалось, что в тихом омуте черти водятся. Этот чудик, коего никто не принимал всерьез (а многие о его существовании, никогда не встречая ни при дворе, ни на балах, попросту забыли), оказался человеком коварного и острого ума, которому очень хотелось править Империей — пусть даже в качестве регента при кукле Яне. Впрочем, судя по имевшимся в деле намекам, проныра рассчитывал, укрепившись, сделать так, чтобы с *куклой* произошел какой-нибудь несчастный случай...

Все, что касалось планов и намерений этой высокородной персоны, стало известно исключительно из показаний *других*. Поскольку принцы крови, подобно принцам короны, стояли выше любых законов Империи. А потому вульгарно вызвать его на допрос, не говоря уж о том, чтобы арестовать, было делом немислимым...

Кое-какие зацепочки все же сыскались. Поскольку были применены самые жуткие статьи Карного Кодекса «Государственная измена» и «Злоумышление против монарха», наказания в таких случаях не могли избежать и принцы, что крови, что короны. Правда, наказание, если разобраться, было прямо-таки детским: всего-навсего вечная ссылка на Сильвану по указу императрицы (Яна этот указ подписала через пару дней после возвращения в Келл Инир, недобро улыбаясь) — под неустанный присмотр, но в не такой уж убогий летающий замок с парком, соответствующий сану ссыльного. Древние традиции, что поделаться...

Зато с остальными не церемонились. Благодаря двум вышеупомянутым статьям, законы позволяли вести суд не Суду Императорской Короны (чьи приговоры всегда оглашались), а Пылающей Скамье (состоявшей из двух принцев Короны, двух коронных прокуроров и нескольких высших сановников). Не предписывали (иногда такие дела, когда требовалась именно что огласка, передавались именно в Суд), но оставляли на усмотрение Канцлера с санкции императрицы.

Санкцию Канцлер получил без труда. Пылающая Скамья гуманизмом маяться не намеревалась. Все до единого антланцы, обитатели поместья герцога, навечно исчезли на какой-то сильванской каторге для антланцев и вообще простонародья, подобно Катайр Крофинду, располагавшейся на каком-то отдаленном острове. Все без исключения благородные лары опять-таки навечно исчезли за черными воротами тюрьмы Лоре. *Подробностей* не посвященные в тайну Высокие Господа Небес не знали до сих пор. Агенты Канцлера быстро распустили слух, что имел место *обычный* заговор, что на Сильване собирались убить Яну и возвести на трон помянутого обожателя бабочек. О случившемся оживленно судачили чуть дольше обычного, учитывая личность главного заговорщика («Мы-то думали, а он-то оказался!»), но в конце концов перестали. Всей правды «общественность» так и не узнала, а те, кто ее знал, были предупреждены лично Канцлером: если хоть словечком проболтаются, пойдут той же дорожкой.

Вылетели из своих кресел человек пять из восьмого департамента, примерно столько же из Кабинета Канцлера, младший лейб-лекарь, трое из Канцелярии образования и добрая дюжина сановников Министерства двора. По большому счету — это все были чистой воды «стрелочники», практически ни в чем не виноватые, — но так уж в таких делах полагается, обязательно нужно разобраться как следует и наказать кого попало. Канцлеру как-то не хотелось отправлять в отставку самого себя — да и Гаудина он, поразмыслив, оставил на прежнем месте — и у него хватило совести не устраивать тому выволочку, потому что пенять следовало и на себя самого...

Зато отправленный в отставку начальник охраны Яны (которого и сменил тогда барон Абданк), по глубокому убеждению Сварога, вовсе не был невинно пострадавшим, поскольку по должности обязан обеспечить полную безопасность императрицы. Сварог на месте Канцлера, пожалуй, и за решетку бы отправил...

Единственным избежавшим Пламенной Скамьи и вечного заключения оказался герцог Наргел — впрочем, тем, кто оказался за решеткой и на каторге, завидовать ему не стоило. Принц так и не отдал его Канцлеру, как тот ни настаивал. Просто-напросто дня через три при дворе разнеслась весть, что герцог Наргел, приглашенный его высочеством на охоту в Каталаун (большая честь для любого дворянина), как-то так оплошал, что угодил в зубы Каталаунскому тигру, откуда уже не вырвался. Свидетелями сего прискорбного случая оказались как принц собственной персоной, так и добрая дюжина местных егерей. Мнения принца Элвара о законах и законниках (Сварог убедился на собственном опыте) сплошь и рядом расходились с общепринятыми — и, пожалуй, в данном конкретном случае Сварог в душе был полностью на стороне принца...

Естественно, задним числом все оказались невероятно умными и дельными. Охрану Яны заменили почти полностью и организовали так, чтобы впредь ничего и отдаленно похожего не повторилось. Принц Элвар, благодаря сыгранной им в событиях роли, какое-то время командовавший везде и всюду (что Канцлер переносил со стоическим смирением), не преминул внести свою лепту. Во-первых, включил в охрану Яны четырех лихих молодцов из Каталауна (в Каталауне им, говоря откровенно, в силу житейской непосредливости стало жарковато, но принцу были преданы, как собаки). Во-вторых, включил в ее

свиту четырех опытных соглядатаев (самым вульгарным образом за приличные деньги купленных им у одного из владельцев Вольных Майоров). И наконец, привез из Каталауна же тетку одной из своих тогдашних подруг, неграмотную, но умную, понимавшую жизнь насквозь, вдовую лет пятидесяти, после смерти мужа лет десять отлично управлявшуюся с немаленькой овчарней (и ухитрившуюся так наладить отношения с лесными удальцами, что за эти годы у нее ни овечки не пропало). Каковую своей волей определил в воспитательницы к Яне, заявив Канцлеру:

— Ни буквы не знает, зато баба золотая. Трех дочек подняла и замуж выдала, так что и тут не оплошает. Были тут уже грамотные и ученые... И что вышло?

Канцлер и это принял стоически — поскольку начал подумывать, что принц Элвар, даром что пьяница и полностью пренебрегающий придворным этикетом бродяга, все же часто бывает прав. Потому, когда Элвар привез седенького профессора из Ремиденума и объявил, что он-то и будет учителем изящных искусств, Канцлер встретил это без малейших эмоций, махнув рукой, удалился к себе и в одиночку прикончил бутылку келимаса, что ему было вообще-то не свойственно. А принц, поразмыслив и сочтя свою миссию выполненной, отправился в Каталаун и устроил там грандиозную гулянку в своем замке для всей округи — с фейерверком, плясками на лугу и купанием в пруду двух на свою беду оказавшихся поблизости королевских лесничих (правда, бедняг до смерти все же не закупали, а отпустили души на покаяние, дав денег и напоив).

Тем и кончилось. Никто ничего не узнал, со временем и официальная версия событий перестала быть интересной темой для пересудов. Разве что Яна еще с год форменным образом *шарахалась* от юных дворцовых кавалеров, начинавших уже с ней флиртовать, не выходя за пределы строгого придворного этикета. Правда, через годик с лишним она, согласно донесениям, рассказала обо всем случившемся на Сильване лучшим подругам, Томи Ролатен и Канилле, но те, как и обещали, больше никому не проболтались. За это время с ней случилась еще пара *приступов* — но, насколько можно судить из казенных фраз, воспитательница в конце концов мягко и ненавязчиво, с деревенской простотой, но искусно *выправила* ей душу, как хороший костоправ вправляет вывихнутый сустав, и Яна, пожалуй что, стала прежней, а эта грязная история отодвинулась куда-то далеко, как тяжелый сон... На имевшейся в отчете фотографии, сделанной за пару месяцев до появления здесь Сварога, она уже выглядела такой, какой Сварог ее привык видеть: веселая, беззаботная, улыбается, стоя с высоким луком возле мертвого вепря, утыканного доброй дюжиной стрел. На ней каталаунский наряд, пейзаж знакомый — видимо, очередная охота принца. Правда, телохранители придвинулись к ней чуть ли не вплотную, чувствуется рука барона Абданка...

Оставив изображение на экране, Сварог долго смотрел на нее, откинувшись в кресле с нетронутым бокалом и хмуря лоб. После всего, что узнал, он не чувствовал к Яне ни злости, ни ревности. К кому? К глупенькой девчонке, чудом выбравшейся из серьезного переплета? Скорее уж, он испытывал нежность и жалость. И запоздавший на годы страх от того, что вся та затея могла и увенчаться успехом...

Уже из чистой педантичности он в быстром темпе просмотрел все оставшееся. Канцлер, чтоб ему ни дна, ни крыши, до сих пор держал ее под строгим надзором: донесение о ее первой встрече со Сварогом, о том маленьком приключении в дворцовом парке, о полете к старухе Грельфи... Хорошо еще, что только следили, заразы, а разговоров не записывали... Отчета о том случае, когда при Канцлере и Свароге на Яну снова *накатило*, разумеется, нет, Канцлер не настолько уж бюрократ, чтобы самолично писать отчет о событии со своим собственным участием... Так-так-так... Глубокомысленное заключение какого-то субъекта в звании статс-медика и канцелярии советника, на бумаге с эмблемой Кабинета Канцлера: по мнению этого учено-канцелярского субъекта лорд Сварог, граф Гэйр никакой опасности для императрицы не представляет, поскольку, как явствует из донесений «соответствующих лиц», обращается с ней со всей возможной учтивостью и не проявляет ни малейших *поползновений*... «Ну, спасибо, милостивец...» — покачал головой Сварог, лениво выругался и хлебнул келимаса.

Ну, никак не могут уняться, черти, до сих пор! Вот она, прилежно зафиксированная поездка в Хелльстад, когда Яна была порота, что вполне заслужила. Разумеется, заканчивается донесение унылой фразой, поневоле заставившей Сварога злорадно ухмыльнуться: «После пересечения объектами границы Хелльстада какое бы то ни было наблюдение стало невозможным». А что же вы хотели, у нас в Хелльстаде не забалуешь, таким, как вы, не разгуляться...

Ага, ага... Некий «Прънунок» прилежно докладывает о маскараде, о том, что Сварог с Яной уединились на несколько часов, после чего лорд Сварог был явлен публике в качестве несомненного фаворита... Ну, и дальше не оставили в покое, продолжая прилежно отслеживать их полеты на Харум: визит в Готар засекли, две поездки в Каталаун тоже, и в Сноль, и в Глан, а вот когда мы ездили в Латерану, определенно срубили шпиков с хвоста — ни словечком не упоминается... И насчет Пограничья отчитались... а вот касаясь Ямурлака опять-таки проморгали... Все, новых донесений нет, потому что не было пока и новых поездок...

Сварог подумал, что удовольствие отныне будет обоюдным: Канцлер неустанно пускает за ними с Яной своих ищеек, а Сварог теперь имеет возможность копаться в бумагах его Кабинета, сколько душе угодно. Один-один. Так что совершенно не стоит злиться на постоянную слежку: и потому, что архивы Канцлера теперь для Сварога открыты, и оттого, что Канцлер, если рассуждать с позиций набравшегося кое-какого опыта короля, не из пустого любопытства все это крутит, а, если отнестись беспристрастно, государственное дело делает. Памятуя, как однажды уже крупно лопухнулся со всей этой грязной историей. Вот именно. Бедная девочка, глупая соплюшка, будь сейчас здесь, зацеловал бы, заласкал... Теперь главное — в жизни не проболтаться, что знаком с той давней историей. И вообще...

Он без колебаний протянул руку и нажал клавишу «Очистить диск». Никогда больше не следовало к этому возвращаться. Он по-прежнему не ощущал ни малейших угрызений совести за то, что незванным и непрошеным влез в эту грязную тайну, но намеревался побыстрее выбросить ее из памяти, как это, несомненно, удалось Яне.

Компьютер доложил, что диск очищен полностью. Сварог выключил его, налил себе еще стаканчик. Планов на вечер не было никаких, и срочных дел в

его королевствах не было никаких. Загадочный камень-компьютер прилежно изучают в лабораториях восьмого департамента, в Балонге все идет без сучка, без задоринки, Горрот в последнее время притих, никто не вызывает, ни с земли, ни сверху... Благодать. Полное расслабление души и тела. А посему можно себе позволить отдохнуть незатейливо: спросить еще бутылку и послушать какие-нибудь песни из фонотеки Фаларена — в обоих замках обнаружилась богатейшая коллекция песен, музыки и фильмов — примерно половина музыки и песен, как объяснил Золотой Кот, сочинена на земле уже после Шторма, а другая половина и все, разумеется, фильмы — из времен, предшествовавших Шторму. Или взять фильм? Ни одного еще не видел, написанные до Шторма музыку и песни слушал пару вечеров, один раз вместе с Яной, а вот фильмам как-то не уделял внимания...

Послышалось знакомое деликатное царапанье, и в кабинет, не услышав запрещающего окрика, тихонечко проник хвостатый министр тайной полиции. Преданно таращась на Сварога снизу вверх ну в точности кошачьими, желтыми с черным вертикальным зрачком глазами, доложил:

— В пределах Хелльстада, в двадцати лигах от границы Ямурлака, станция слежения зафиксировала летящую в воздухе по параболе человеческую фигуру. Защитный барьер никакого воздействия не оказал, человек продолжает снижение. Ситуация чрезвычайная, на моей памяти такого не случалось. Если объект будет продолжать движение по прежней траектории, самое большее через полторы минуты опустится рядом с Вентордераном. Какие будут указания, государь? Поднять охрану?

— Ничего не предпринимать! — рявкнул Сварог, вскакивая. — Опустить лестницу, зажечь иллюминацию для торжественных встреч. Встречаем гостя. Понятно?

— Конечно, государь.

— Марш!

Хвостатый министр проворно улетучился в коридор. Сварог стоял с дурацкой улыбкой. Возможны, конечно, вовсе уж невероятные чудеса но, если держаться ближе к реальности, кроме него самого, один-единственный человек в мире способен опуститься в Хелльстаде, преодолев его защиту...

Каждый лар в силу своих способностей, собственно, может довольно быстро, без всяких летательных аппаратов попасть на землю. Достаточно спрыгнуть с парашюта своего летающего замка — и плавно, неспешно, примерно со скоростью парашютиста опуститься на землю, не ощутив даже легчайшего толчка. Вот только с Хелльстадом это не работает. Вознамерившийся попасть сюда обитатель небес останется живехонек и здоровехонек — вот только на высоте примерно лиги, наткнувшись на защитный барьер (непроницаемый и для станций слежения ларов) этот незадачливый путешественник столь же неспешно опишет линию, повторяющую очертания барьера (смотря в каком месте прыгнет, обормот, полет может оказаться и очень долгим) и невредимым опустится наземь аккуратно на границе Хелльстада.

Исключение здесь единственное — Яна-Алентевита. Почему-то ее одну барьер пропускает так, словно вдруг перестает существовать. В первый раз, когда Яна с ним сюда спрыгнула, Сварог попросту не знал об этом свойстве барьера, то потом, когда выпало время изучить всю машинерию Хелльстада, обнаружил эту несомненную загадку, но объяснения не получил. Компьютеры

Хелльстада не могли ответить, почему так получается, а Яна в ответ на прямой вопрос с самым безмятежным видом пожалала плечами:

— Я, правда, не знаю, почему так получается... Я могу, и все.

В отчете упоминалось о некоем документе, составленном в Мистериоре, когда там года два назад в очередной раз изучали магические способности Яны, чем-то отличавшиеся от всех прочих. Нужно будет поискать, авось удастся хоть что-нибудь понять. Давно известно, что она владеет какой-то другой магией...

Он задрал голову, стоя на верхней площадке лестницы — но не смог разглядеть в ночном небе человеческую фигурку, мешали зажегшиеся в превеликом множестве разноцветные фонари, полный набор для торжественной встречи.

Самое интересное, что в Горроте все обстоит гораздо хуже для тех, кто рискнет туда спуститься. Один бесшабашный дворянин спрыгнул на спор — и, рухнув камнем, разбился в лепешку. После чего никто уже таких экспериментов не повторял. Мало того, та же участь постигла и обычный летающий замок с автоматическим управлением, пущенный уже не развлекавшимися спорщиками, а восьмым департаментом. Замок рухнул, как камень, наполовину разрушившись. Никто после этого не посылал Стахору никаких нот и не требовал объяснений: ясно было, что в ответ придет исполненное искреннего недоумения послание: его величество решительно не понимает сути происшедшего феномена, к которому, конечно же, никто в Горроте не имеет ни малейшего отношения. Как это было в первый год появления Сварога, когда чья-то рискованная головушка в восьмом департаменте решила отправить в полет над Горротом брагант с экипажем. И получилась груда железа с трупами. И именно такое недоуменное послание пришло тогда от Стахора.

Сварог ругнулся про себя: ну да, такая уж страна природных феноменов — Горрот... Единственное, что удалось установить, угробив над Горротом еще несколько автоматических аппаратов — если защита Хелльстада простирается не более чем на лигу в высоту и всякого человека, либо летательный аппарат или замок без всяких повреждений попросту *относит* к границам, то в Горроте на высоте трех лиг воздух словно перестает *удерживать* людей, летательные аппараты, замки, и они рушатся вниз. Держась выше, над Горротом можно летать, пока не надоеет, но системы слежения все равно остаются слепыми. Вот в *этом* плане с Хелльстадом обстоит точно так же: держась выше лиги, над ним можно летать сколько угодно, но системы наблюдения не работают, даже обычная оптика (пробовал не раз) отказывается, стекла биноклей и подзорных труб словно покрываются непроницаемой серой пленкой (в Горроте с оптикой обстоит, кстати, точно так же, разве что вместо серого тумана — мельтешение белых снежинок...)

Ага! Знакомая фигурка, типично женским движением придерживающая подол короткого платья (когда так спускаешься в платье, подол в полном соответствии с законами природы взмывает вовсе уж неприлично), опустилась на землю возле нижней ступеньки. Сварог сбежал вниз, крепко обхватив Яну, стал отчаянно целовать ее лицо так, словно в следующий миг ее могли навсегда вырвать у него из рук. Она не сопротивлялась, в переплетении разноцветных огней казалась прелестнее, чем когда-либо.

Чуть погодя все же легонько забарахталась. Сварог понял и отпустил ее, не сводя глаз.

— Откуда столь бурные страсти? — спросила она то ли насмешливо, то ли недоуменно.

— Соскучился, — сказал Сварог, не отпуская ее тонкой талии.

Яна пожала плечами:

— Два дня не виделись...

— А что, за два дня нельзя чертовски соскучиться?

— Пожалуй, — она лукаво прищурилась. — Что, я, и правда, на тебя так действую?

— Сама видишь, — сказал он.

— Приятно слышать... Пустишь переночевать? Как в той сказке про принцессу и дровосека?

— Конечно, — сказал Сварог. — Ты почему не предупредила? Тебя, конечно, моментально засекали в воздухе, но мало ли что... Тут есть тупые создания, которые и меня в грош не ставят, иногда вразумлять приходится...

— Но возле *самого* замка они ведь не рыщут?

— Да нет, — сказал Сварог не без самодовольства. — Давно отбил охоту.

— *Меня* твои твари не пугают нисколько. Если что, узлом завяжу, честное слово...

Вполне могло оказаться, что она нисколько не шутила.

— Не веришь? — словно бы даже с некоторой обидой спросила Яна.

— Да верю... И все равно, трудно было предупредить?

Яна безмятежно улыбнулась:

— А может, я хотела внезапно застать соперницу...

— Ну да, — проворчал Сварог. — Их тут сейчас видимо-невидимо, с визгом по шкафам прячутся...

— Ну, не дуйся, я же шучу.

— Да я понимаю...

— Что ты на меня смотришь как-то странно?

Ну как ей было сказать, что он сейчас видит перед собой не очаровательную молодую женщину, а глупенькую девчонку, с пылающими ушами выходящую из задней комнаты в спальню балерин, и за спиной у нее торжествующе ухмыляются вежливые подлые мальчишки?

— Да нет, ничуть не странно, — сказал он насколько мог естественнее. — Пойдем?

Обнял ее за плечи и повел вверх по лестнице меж двух рядов ажурных фонарей, где синие перемежались с желтыми. На верхней ступеньке, обок входа, сидел Золотой Кот — в позе обычной кошки, разглядывая гостью.

— Ой, какая прелесть! — воскликнула Яна, приостановившись. — А раньше я ее у тебя не видела? Ее погладить можно?

— Пожалуй, не стоит, — сказал Сварог. — Видишь ли, это не кошка, это, собственно, министр тайной полиции...

— Разыгрываешь?

— Поприветствуйте гостью, — распорядился Сварог.

Кот проворно взмыл на задние лапы, приложил левую к груди и раскланялся:

— Добрый вечер, прекрасная дама. Его величество говорит чистую о правду: я действительно исполняю в королевстве примерно такие функции...

У Яны даже рот приоткрылся от изумления.

— Милая, это Хелльстад, — тихонько сказал Сварог ей на ухо. — Так что министры тут бывают... своеобразные.

— Интересно вы тут живете... — покрутила Яна головой.

— Да не особенно, если подумать, — пожал плечами Сварог. — Пойдем?

Глава IV НЕВЕСТА И ЗМЕЙ

Пока Сварог курил, блаженно расслабившись, Яна забавлялась светильниками — порхающими по спальне шарами света, разноцветными согласно спектру радуги (но краски были не густые, а акварельно-прозрачные). Заставляла их выписывать разнообразные фигуры высшего пилотажа, летать то змейкой, то вереницей, то увеличивала до размеров арбуза, то сжимала в «вишенку», в конце концов, озорно покосившись, увенчала одной такой синей «вишенкой» некую деталь экстерьера Сварога.

— Не хулигань, — сказал он лениво.

Она отправила светильник в медленное кружение над постелью, сказала не без грусти:

— Как мне завидно, что у нас таких нет... Мне они страшно нравятся...

— И молчала... — сказал Сварог. — Я их тебе подарю, сколько хочешь. Чтобы их переносить, нужна особая шкатулка, но в замке этих шкатулок...

— А они будут работать там, наверху?

— Будут, — заверил Сварог. — Я забрал к себе в манор дюжину. Очень удобно читать ночью или сидеть за компьютером, — он усмехнулся. — Вот только окружающим, подозреваю, будет немного не по себе, когда по твоим покоям будут порхать хелльстадские светильники...

— Уж это непременно, — тихонько рассмеялась Яна. — Ничего, переживут. Мне бы еще щеночка гарма, чтобы я сама его воспитала... Я попрошайка, да? Но ты ведь сам, стоит мне появиться, таскаешь к сундукам с драгоценностями и предлагаешь выбирать пригоршнями. Драгоценности красивые, старинные, но когда они стоят полными сундуками, как-то даже и неинтересно... Если уж ты все равно заваливаешь меня подарками, можно, я буду выбирать по своему вкусу?

Сварог хохотнул:

— Щенка найти нетрудно. Мне как раз докладывали, что пару дней назад погибла мамаша. Опять руферы, чтоб их... Его, как водится, не оставляют кормящие матери из той стаи. Совсем кроха, еще глаза не открылись. Можно забрать. Когда у него откроются глаза и первая, кого он увидит, окажется ты, будешь для него самым главным существом на всю оставшуюся жизнь. Как у меня с Акбаром. Знаешь, я пытался свести его со здешними гармами, но он их как-то даже и не воспринимает как собратьев. Привык обитать среди людей... — он рассмеялся громче: — Вот только... Обитатели Келл Инира зарабатывают непреходящее нервное расстройство, когда ты будешь расхаживать по дворцу в сопровождении гарма. При вашем-то отношении к Хелльстаду, мно-

гие его до сих пор панически боятся...

— Ну, я-то не боюсь нисколько, — с некоторой гордостью сказала Яна. — Могу хоть завтра пойти гулять, мне, кстати, давно хотелось посмотреть тот санаторий, про который ты рассказывал. Полностью сохранившееся здание из времен до Шторма... — мечтательно протянула она. — Причем не какая-то избушка, а санаторий для высокопоставленных офицеров... Отпустишь завтра?

— Отчего же нет? — сказал Сварог. — Только с охраной и никак иначе, — заметив в неярком желтом сиянии фонаря ее недовольную гримаску, он повторил твердо: — И никак иначе. Я верю, что ты владеешь какой-то очень древней и очень сильной магией, что ты сильнее любого в Империи — но по Хелльстаду ты, обижайся не обижайся, будешь гулять исключительно с охраной. И — никаких фокусов вроде того, за который тебя пришлось... поучить. Договорились?

— Договорились, — буркнула Яна.

— Нет уж, дай честное слово.

— Честное слово, — сказала она чуточку сердито. — Такое впечатление, что ты меня до сих пор считаешь взбалмошной девчонкой. А я уже взрослая.

— Да я просто о тебе забочусь, — сказал Сварог. — Можно подумать, дядюшка Элвар в свое время в Каталауне отпускал тебя бродить где попало без кучи телохранителей... Наоборот. Верно?

— Верно, — согласилась она легко. — Ну, хорошо, хорошо, я ведь дала честное слово... Ни шагу без охраны.

— Вот и прекрасно, — сказал Сварог с облегчением — когда она давала честное слово, никогда его не нарушала. А «примечаний мелким шрифтом» тут никак не усматривалось.

Он бездумно уставился в потолок, усеянный множеством ограненных в виде полушарий желтых опалов, складывавшихся в созвездия, — точное подобие кусочка ночного небосклона, только видимого не отсюда, а от Катайр Кроффинда (он специально проверял как-то от безделья. Должно быть, с тем местом у Фаларена были связаны какие-то очередные ностальгические воспоминания — на следы таковых частенько можно было наткнуться в обоих дворцах).

Настроение было прекрасное. Не нужно было никуда лететь сломя голову, маяться с неразгаданными тайнами и государственными делами, чертовски приятно было вот так беззаботно валяться и болтать о пустяках с прильнувшей к нему красавицей.

— Вот кстати, все забывал спросить, — сказал он лениво. — А почему ты все время выбираешь именно эту спальню? Есть полдюжины других, почти все даже красивее...

Яна смешливо фыркнула ему в ухо:

— А это моральная компенсация.

— Как это?

— Ты просто забыл. Именно в этой спальне я когда-то чуть ли не до утра ждала, когда ты придешь. А ты так и не пришел...

— Злопамятная ты у меня, — сказал Сварог.

— Как всякая женщина, милый... — Яна прижалась теснее, обняла его за шею левой рукой и прошептала на ухо: — Скажи честно: я тебе, правда, еще не надоела?

Сварог насторожился — что-то очень уж серьезным после беззаботной болтовни у нее был голос...

— Черт знает что, — сказал он с искренним недоумением. — Ну, почему ты должна мне надоесть? С чего бы вдруг?

— Ну, я прекрасно понимаю, что неопытная и неумелая. Может, тебе со мной скучно. У тебя было столько женщин... Да и все эти твои королевские балеты, придворные красотки...

Ее голос оставался серьезным, и Сварог, чтобы побыстрее перевести все в шутку, приподнялся, обеими руками легонько сжал ее шею и страшным шепотом спросил:

— Шпионишь?

— Вот уж не за что бы ни стала! — воскликнула она с нешуточной обидой. — Из гордости не стала бы!

Сварог вкрадчиво поинтересовался:

— Но в донесения-то порой заглядывала, признавайся? Я ведь прекрасно знаю, что агентура Канцлера в моих дворцах на меня прилежно кропает донесения... и прекрасно знаю кто, всех поголовно, но пусть уж люди стараются, служба такая... Заглядывала?

— Ну... Иногда... Одним глазком... — покаянно призналась Яна. — Очень редко. И никогда не читала целиком. Ты понимаешь...

— Понимаю, — сказал Сварог. — Неодолимой силы женское любопытство.

— Сердишься?

— Ни капельки, — сказал он как мог убедительно. — Хоть подряд читай. И регулярно.

— Не буду, — отрезала Яна. — Это означало бы, что я тебе не доверяю. Говорю же: очень редко, одним глазком... Правда, не сердишься?

— Нисколько, — сказал он. — Честное слово.

Где тут было сердиться, когда у самого рыльце в пушку после того, как прочитал некий секретнейший отчет?

— Я говорила Канцлеру, что эту его агентуру следовало бы отозвать, но он постоянно твердит про высшие государственные интересы, говорит, что единственный, за кем не ведется наблюдение, — он сам...

— Счастливый он человек, — сказал Сварог. — А мне вот до сих пор приходится следить за самим собой.

— Как это? — с любопытством спросила Яна.

— Да очень просто, — ответил он без улыбки. — В свое время Гаудин организовал в восьмом департаменте немаленький отдел, который занимался исключительно наблюдением за моей скромной персоной. С неплохой агентурной сетью по всем моим королевским дворцам и в полудюжине других мест. Человек с полсотни старательно строчили подробные донесения... Когда возглавил департамент, я, естественно, решил эту лавочку прикрыть. Однако его высочество Диамер-Сонирил не позволил. Любые сокращения в подвластном ему учреждении для него — как нож острый. Зато расширение — наоборот, как маслом по сердцу. Незыблемые законы бюрократии, у меня на земле ничуть не лучше, при любом удобном случае плодятся, как кролики. Одним словом, отдел исправно функционирует, и раз в неделю немалая стопа донесений обо мне ложится на стол начальнику восьмого департамента, то есть мне...

— А ты?

— А что — я? — пожал плечами Сварог. — Читать их, сама понимаешь, нет смысла, а выбрасывать казенные бумаги не положено. Всякий раз приказываю зарегистрировать и сдать в архив согласно правилам секретного делопроизводства...

Яна хохотала — звонко, самозабвенно, весело. Отсмеявшись, все еще фыркая, сказала:

— Знаешь что? Учреди какой-нибудь новый отдел, можно даже маленький. Лишь бы это было то самое пресловутое расширение учреждения. Чтобы восстановить с дядюшкой добрые отношения. Я с ним недавно разговаривала... Не то чтобы он затаил на тебя злобу, но настроен все же недружелюбно — после той истории, когда ты добился, чтобы из твоих королевств убрали наместников. Отношения сразу и наладятся. Мало ли зачем он тебе может понадобиться в будущем, лучше, чтобы у вас были хорошие отношения...

— Опоздала, — сказал Сварог. — Я тут кое-что уже придумал. И отнюдь не маленькое. Тут не то что добрые отношения восстановятся — он будет в совершеннейшем восторге, верно тебе говорю... Потом расскажу, долгая история...

Какое-то время они лежали молча, прижавшись друг к другу. Потом Яна, почти в полном мраке (все светильники она согнала под потолок) повернула к нему лицо и сказала чуточку напряженно:

— Ты всегда говорил, что горы для меня свернешь, звезду с неба достанешь, в общем, что угодно сделаешь... А сможешь выполнить еще одну маленькую просьбу?

Сварог насторожился: так уж получалось, что все без исключения ее «маленькие просьбы» для него оборачивались нешуточной головной болью и лишними хлопотами: и восьмой департамент пришлось принять, и создавать девятый стол на пустом месте, в иных министерствах и коллегиях старательно заседать, проталкивая те или иные ее решения и задумки в качестве дополнительной ударной силы... Ну что ж, он, в общем, привык. И не отказывался ни разу, иначе и впрямь получилось бы как-то неудобно: луну с неба обещаешь, а в житейских делах помочь отказываешься...

— Ты же знаешь, — сказал он самым беззаботным голосом. — Только попроси, а уж я из шкуры вылезу...

Яна поцеловала его в щеку:

— Я тобою навсегда покорена, обольщена и пленена... — и тем же напряженным голосом прошептала на ухо: — Можно, я за тебя замуж выйду?

Сварог прямо-таки оцепенел от неожиданности, смешавшейся с полудюжиной других, самых разнообразных чувств. С потолка, повинувшись движению пальца Яны, медленно опустился большой шар бледно-оранжевого цвета и повис над постелью, прекрасно осветив их лица. Яна улыбнулась, опять-таки чуть напряженно:

— Ой, как ты перепугался...

— Ничего подобного, — сердито сказал Сварог.

— Перепугался, — уверенно сказала Яна. — Мужчины всегда пугаются, когда женщины сами им это предлагают. Я знаю, мне столько раз рассказывали придворные дамы...

— Да не испугался я, — сказал Сварог, прикинув, как здорово было бы оказаться сейчас где-нибудь на другом конце континента. — Просто это чертовски неожиданно, ошалеешь тут...

— Сейчас я тебя излечу от всяких страхов, — пообещала Яна загадочным тоном. — Ты меня должно быть, не так понял... Можно, я выйду за тебя замуж исключительно здесь? В Хелльстаде? Не за графа Хэйра, а за короля Хелльстада? — то будет не законное имперское бракосочетание, а всего лишь брак в одном из земных королевств, — определено, она чуточку волновалась. — Честное слово, я не собираюсь здесь претендовать абсолютно ни на что, даже на эти светильники, если только сам не подаришь. Все, что я хотела бы — это титул королевы Хелльстада... ну, и мантию с митрой. Все остальное так и останется твоим. Пальцем ни к чему не притронусь без твоего разрешения.

Сварог шумно вздохнул — про себя, естественно. Ну что же, все оказалось не так страшно. С перепугу решил, что она собралась затащить его на трон Империи — последнее место в этом мире, куда ему хотелось бы попасть. Что ж, если подумать... Прямо-таки безобидная игра. В ее честном слове сомневаться не приходится, если она так говорит, значит, ей действительно нужны только титул и церемониальный королевский наряд. Новую забаву придумала, *малость* повзрослевшее создание...

— Что ты молчишь? — спросила Яна, напряженная, как струнка. — Если не хочешь, скажи сразу. Я же гордячка, упрашивать не буду, нет так нет...

Сварог улыбнулся ей искренне, ничуть не притворяясь:

— Вита, ты не поняла... Я просто задумался, как сделать предложение. Полагается же в таких случаях делать предложение по всем правилам, особенно когда речь идет о венценосных особах? Мне, наверно, нужно вылезти из постели и одеться пристойно, да и тебе что-нибудь накинуть...

Охватившее ее напряжение мгновенно исчезло, она улыбнулась прямо-таки по-детски радостно, счастливо рассмеявшись, сказала тихо:

— К чему все эти церемонии? Ты, главное, предложи...

Недолго думая, Сварог взял ее за руку и, глядя в глаза, спросил:

— Моя красавица, вы согласны разделить со мной хелльстадский трон?

— Да, — ответила она, не промедлив ни секунды. — Да...

И бросилась ему на шею. Поцелуй был долгий, жаркий, и оторвались друг от друга они нескоро. Яна легла на спину, закинула руки за голову и, глядя в потолок, с мечтательной улыбкой продекламировала:

— Яна-Алентевита Первая, королева Хелльстада... Спасибо.

— Да пустяки, — сказал Сварог тоном бескорыстного филантропа и добавил про себя: милая, игрушек мне не жалко. И не то сделаешь, чтобы лишний раз полюбоваться ее радостным и веселым личиком...

Он мановением пальца наполнил два бокала шипучим темным агревильским, бокалы проплыли по воздуху и оказались у них в руках.

— Уж за это безусловно стоит выпить, — сказал он благодушно.

— Ты и не представляешь, как я тебе благодарна, — сказала Яна, глядя на него прямо-таки обожающе.

Они выпили, и опустевшие бокалы уплыли назад на ночной столик. Тут-то Сварог и сообразил, что за заноза угнездилась в голове. Как-никак понаторел в государственных делах, бюрократических играх и штудировании законов — чем, положа руку на сердце, занимался гораздо больше и прилежнее Яны.

— Подожди, — сказал он хмуро. — Подожди... Ты только не подумай, что я собрался идти на попятный, но ведь это все будет не по закону, вопреки Брачному Эдикту. А изменять законы самостоятельно и ты не можешь, придется

Законодательную Ассамблею собирать...

Действительно, в Брачном Эдикте все было прописано четко, не допуская двойных толкований: «Любой лар имеет право жениться как на лариссе, так и на жительнице земли, независимо от ее положения. Любой лариссе запрещено выходить замуж за обитателя земли независимо от его положения». Поскольку давно известно: ребенок лара от земной женщины обретает все свойства лара, а плод любви лариссы и обитателя земли — ни малейших...

Сварог уныло продолжал:

— С точки зрения закона ты ведь выходишь замуж не за лара, а за короля Хелльстада, который юридически считается обитателем земли. И никаких лазеек для субъектов вроде меня, единого в двух лицах, не предусмотрено. Вот тут уже Геральдическая коллегия ничем не поможет, хотя старички меня и обожают...

Он замолчал — Яна смотрела на него как-то очень уж странно. Но определенно лукаво и весело. Ее голос зазвучал так, словно взрослая женщина объясняла самые очевидные вещи крохотному несмышленищу:

— С глубоким прискорбием должна констатировать, ваше величество, что вы все же скверно разбираетесь в основополагающих законах империи...

— Объясни, — нетерпеливо сказал Сварог. Что-то очень уж уверенно она держалась.

Яна заговорила уже не так покровительственно — просто деловито:

— Ты, наверное, сто раз проходил по тронному залу... И наверняка не соблаговолил прочитать подробно Эдикт об императорской фамилии, да?

— Сказать по совести, я его даже бегло не читал, — признался Сварог. — Так, посмотришь мимоходом...

Ну да. Высоченная, в два человеческих роста плита из светло-серого мрамора с розовыми прожилками, на которой позолоченными буквами, алфавитом Аугел высечен не особенно и длинный текст, параграфов двадцать, сотни две строчек. Герб императорской фамилии наверху, красивый орнамент по периметру...

— Все будет совершенно законно, — сказала Яна наставительно. — Потому что пункт первый Эдикта гласит: «Императорская фамилия не принадлежит к дворянству Империи, поскольку стоит над ним, над любыми его титулами». Проще говоря, я — не дворянка. Не ларисса. И ко *мне* Брачный Эдикт не имеет ни малейшего отношения, потому что касается одних дворян. А в Эдикте о королевской фамилии брачным делам отведена одна-единственная строчка: «Вступая в брак, любое лицо, принадлежащее к императорской фамилии, руководствуется исключительно собственной волей, независимо от положения избранника или избранницы». — Яна улыбнулась во весь рот. — Тебе не кажется, что *такая* формулировка допускает самые расширительные толкования? Нет, конечно, *подразумевалось*, что лицо императорской фамилии будет выбирать себе жениха или невесту среди ларов и ларисс, но все эти «подразумевания» юридической силы не имеют и вообще не существуют в виде писанных документов. Эдикт был составлен в первые годы империи и с тех пор изменениям не подвергался ни в единой строчке. В те времена никому просто и в голову не пришло бы, что члены императорской фамилии могут связать себя брачными узами с обитателями земли — там, внизу, царил сущий хаос, едва ли не первобытные времена... Ну, а потом как-то сама собой сложилась

традиция. Трижды за всю историю Империи мужчины ее нарушали, женившись на земных принцессах. Ну, и многие, подобно дядюшке Элвару, *погуливали* на земле — женщины, кстати, тоже, я тебе потом дам почитать одну интересную книжку обо всех этих похождениях, она существует лишь в шести экземплярах, и все хранятся в личном императорском архиве. Ни разу не случилось, правда, чтобы женщины, члены фамилии, выходили замуж за обитателей земли. Нет, никто специально не запрещал, просто так уж сложилось... Но прямого запрета, еще раз повторяю, нет. Так что все вынуждены будут с этим смириться. Я умница? — лукаво улыбнулась она, уютно устраиваясь рядом и примостив голову на грудь Сварогу.

— Умница...

— То-то. Не один ты умеешь выискивать прорехи в законах. Между прочим, когда я распускала Палату Пэров и Тайный Совет, я и тогда не своевольничала, а отыскала парочку совершенно забытых, но не отмененных старинных законов, которые можно было толковать на разные лады. И наши милые старички из Геральдической коллегии истолковали их именно так, как мне требовалось...

— Понятно, — сказал Сварог. — Никаких юридических препятствий... Отлично. Вот только скажи честно, зачем тебе это? Повеселиться?

— Никоим образом, — ответила Яна тем же серьезным, взрослым, деловым голосом. — Все серьезно. Это для дела. Видишь ли... Хотя я и разогнала иные замшелые пережитки старины, хотя и правлю единолично, но сих пор немалое число людей — в том числе и облеченных властью сановников — ко мне относится с *долей* несерьезности. Прямо это не высказывается, конечно, но частенько дает о себе знать, когда я занимаюсь государственными делами. В глазах во-о-т такими буквами читается, что они видят перед собой прежнюю девчонку. Отсюда порой проистекают... разные сложности. Никакого открытого неповиновения — но мои предложения и решения слишком часто пытаются не принимать всерьез, заболтать в ненужных дискуссиях, изуродовать кучей поправок на свой вкус... Там, где отец добился бы результата в пять минут, мне приходится иногда тратить часы, а то и дни. Все сводится к одному: многие, подобно *некоторым*, — она обожгла Сварога многозначительным взглядом, — считают, что я еще *не вполне* повзрослела. И ведут себя соответственно. Это касается и иных придворных хлыщей, которые, невзирая на наличие тебя, пытаются «разбудить мое сердце», опять-таки держась так, словно я — юная глупенькая дебютантка, впервые выехавшая на большой бал. Нет уж! — она, нахмурясь, решительно подняла ладонь. — Не надо так бычиться и грозно сопеть. Никаких имен я тебе все равно не назову, ты их, конечно, поубиваешь, а они, если разобраться, ни в чем не виноваты. И потом, я никогда не собираюсь тебе изменять, так что успокойся, продолжим о серьезных делах... У нас многие тысячи лет принято бояться Хелльстада, это прямо-таки в генах. Исключения — редчайшие, по пальцам можно пересчитать. Этот страх прочно сидит в подсознании у девяноста девяти человек из ста. Даже Канцлер, признаюсь по секрету... Даже теперь, когда королем Хелльстада стал ты, положение не изменилось — нельзя в одночасье изменить то, что сидело в умах тысячелетиями...

Вот тут Сварог ее прекрасно понимал. Помнил, *какими* были глаза не только у антлантцев, но и у многих благородных ларов, когда он появлялся в Канцелярии земных дел в алой мантии и митре из серебряных сосновых шишек.

Даже в вечно холодном, бесстрастном взгляде его высочества Диамера-Сонирила иногда проглядывало в глубине *нечто такое...* А уж когда он однажды неосмотрительно заявился на один из балов в полном наряде хелльстадского короля — народец попроще и поглупее откровенно шарахался, иные знакомые (весьма неглупые) держались с ним скованно, не так, как обычно...

— Не надо объяснять долго, я думаю? — усмехнулась Яна. — Могу тебя заверить: едва я появлюсь на каком-нибудь ближайшем совещании государственных мужей, в наряде королевы Хелльстада, едва станет известно, что у меня есть законные права на этот титул — отношение ко мне моментально станет *другим*. Тем, какое мне и требуется. И останется таковым. А уж если не расхотят публичать эту публику, прихватить в Келл Инир пригоршню мелких безобидных безделушек вроде этих фонариков и демонстрировать их на публике... Ну как? — вкрадчиво поинтересовалась она. — Ты и теперь, подобно тем чванным болванам, будешь считать, что я еще *не вполне* повзрослела?

Сварог взял ее тонкие пальчики и поцеловал.

— Считай, что я был самонадеянным дураком. Ты *совсем* взрослая. Приходится признать. Идея отличная, все они именно так и будут держаться...

— Не сомневайся, — кивнула Яна.

«Черт, — подумал Сварог, — а ведь действительно выросла. Незаметно так пропала куда-то прежняя взбалмошная девчонка...»

Этакие новости просто необходимо было запить добрым бокалом агревильского, что они и проделали. И очень даже невинно лежали рядышком, уставясь в потолок, погружившись в собственные мысли.

Яна неожиданно фыркнула, повернулась к нему с улыбкой:

— Когда я копалась в законах, наткнулась на массу интересных вещей. Вот ты, король королей, наверняка не знал, что имеешь право вступать в законный брак в *каждом* своем королевстве? Естественно, не с одной и той же персоной, а с разными невестами, представляющими то или иное королевство?

— Вот это да! — восхитился Сварог. — Заманчивая перспектива...

Яна произнесла нарочито бесстрастным голосом:

— Вот только мне было бы очень неприятно, если бы ты взялся это осуществлять на практике...

— Не беспокойся, — сказал Сварог, обнимая ее покрепче. — Честью клянусь ограничиться одной супругой-королевой.

Яна задумчиво сказала:

— Вообще-то я готова сделать исключение для королевы Сегура, но только для нее одной... Ты нас когда-нибудь познакомишь, наконец?

— Постараюсь, — сказал Сварог. — Скоро, кстати, Виглафский Ковенант, вот и случай...

— Но Сегур — не член Ковенанта.

— Будет, — сказал Сварог. — Я тут придумал одну интригу, долго рассказывать, но все будет законно... познакомитесь.

«Хорошенькая перспектива, — подумал он уныло. — Способная повергнуть в тоску любого мужика. Скверно, когда две любовницы узнают друг о друге и начнут, естественно, враждовать, попутно предъявляя тебе самому разнообразные ультиматумы типа „или я, или эта драная кошка!“ Но когда две близких тебе женщины, умные и острые на язычок, прекрасно тебя знающие, мало того, что не имеют ничего против сложившегося треугольника, но еще и по-

дружиться собираются... Положеньице... Даже названия с ходу не подберешь...»

— Что ты погрустнел? — тихонечко спросила Яна. — Жениться боишься?

— Да нет, тут другое, — сказал Сварог хмуро. — Я сделал тебе предложение, и ты его приняла, прекрасно. Но это поэзия, а есть еще нешуточная груда грубой житейской прозы. И мне ее предстоит взвалить на плечи. У меня в Хелльстаде еще нет утвержденного Канцелярией земных дел Брачного кодекса. Здесь, собственно, один постоянный житель — метр Лагефель. Иногда надолго задерживаются мэтр Анрах с Карахом и Элкон. Наездами бывают Мара, ты, я. Ну, к чему в этих условиях было озадачиваться еще и брачным кодексом? А ведь все должно быть законно, по-настоящему, по всем правилам: кодекс, официальная бумага о бракосочетании, свадебная церемония... Кодекс я напишу в сжатые сроки, возьму пару-другую в своих королевствах и попросту передеру с учетом здешней специфики. Со свадебной церемонией будет посложнее, тут уж придется кучу их изучить и опять-таки переработать применительно к нашим условиям... И само заключение брака... Ага, вот кстати! Ты себя к какой церкви причисляешь?

— Я даже и не знаю... — чуть растерянно сказала Яна. — У нас вообще как-то не в ходу причислять себя к какой-то церкви... ну, может, один из сотни, вроде герцога Кралена, у него и часовня Единого в маноре, и священник...

«Вот и лезет к вам „Черная благодать“ с „Черной радугой“, а то кто похуже, как в настезь распахнутые ворота», — сердито подумал Сварог.

— Ну, вообще-то... — задумчиво продолжала Яна. — Иногда молилась Единому, да и сейчас бывает... Несколько раз Бригите... В Каталауне оставляла подношения Кернунносу, но там все так делают, — она покрепче прижалась к Сварогу. — Знаешь, однажды ночью, в грозу, когда мы пережидали ливень в шалаше, видели Кернунноса, не в виде оленя с лошадиным хвостом, а в облике человека с оленьей головой. Гроза была жуткая, молнии сверкали беспрестанно, мы все прекрасно видели, как он медленно пересек поляну и скрылся в чаще. Он иногда бывает жесток к людям, но нам ничего не сделал. Вот такие у меня отношения с богами...

— Понятно, — сказал Сварог, кое-кого припомнив. — А ты ничего против не имеешь, если нас соединит священник Единого?

— Пожалуйста, — сказала Яна. — Только чтобы все было всерьез.

— А ничего, если бумагу о заключении брака нам выдаст Карах? Он как-никак — официально признанный Канцелярией земных дел канцлер королевства.

— Ну, если официально утвержденный... Тогда все законно.

— Ну вот, — в нешуточном раздумье пробормотал Сварог. — Со священником решили, с главой церемонии решили — но это самые простые и легкие вопросы. А вот над кодексом и церемонией мне придется изрядно потрудиться...

— Ну, предположим, у меня тоже будут нешуточные хлопоты, — очень серьезно сказала Яна. — Мне еще нужно будет придумать платье, чтобы было великолепным и неповторимым...

Сварог покосился на нее — Яна лежала, уставясь в потолок со столь отрешенным, серьезным, сосредоточенным видом, словно пыталась разгадать какую-нибудь великую научную загадку. Перед глазами у нее, конечно, уже сто-

яли ткани, кружева, ленты, вышивки и все такое прочее. Сварог благоразумно воздержался от шутливых комментариев. Одна из тех ситуаций, когда бал правит женская логика в ее чистейшем виде — и вступать тут никак нельзя. Тем более что это как раз один из классических признаков взросления, есть такое подозрение. Свадебное платье — это, конечно, важнейшая деталь предстоящей церемонии, самый главный и тяжелый труд, и попробуй только, господин новоиспеченный жених над ним посмеяться или поставить важность и главенство под сомнение...

Яна целиком ушла в себя, неотрывно глядя в потолок, временами беззвучно шевеля губами. Над ней в воздухе стали появляться зыбкие, полупрозрачные, словно сотканые из неяркого разноцветного света контуры платьев, разнообразных фасонов рукавов, кружевных воротников — ага, значит, она и такое умеет. Сварог осторожненько слез с постели, прошлепал босиком к изящному шкафчику в углу — Яна и внимания не обратила, словно мира вокруг для нее сейчас и не существовало.

Подобные резкие изменения в судьбе и предстоящие хлопоты требовали прояснить ум чем-нибудь покрепче агревильского. Он достал темную бутылку келимаса под названием «Фрегат» с парусным кораблем на этикетке (из винных погребов предшественника), наполнил высокий бокал и с удовольствием высосал. Постоял, глядя на Яну, с головой ушедшую в свое самое важное на свете занятие. Обнаженную, прекрасную, желанную... повзрослевшую. Чувства его представляли собой совершеннейшую мешанину. Невеста... Законная супруга, пусть только здесь... Королева Хелльстада...

Поскольку он ничуть не сожалел о предстоящем, за это дело следовало выпить еще. Не озаботившись накинуть халат, он уселся с высоким бокалом в низкое удобное кресло, ничуть не холодное, сохранявшее ровно столько приятного тепла, сколько сидящему сейчас необходимо — ну, это же Вентордеран, не живой и словно бы живой верный пес.

После второго доброго бокала стоявшие перед ним задачи уже не казались такими неподъемными. Брачный кодекс в два счета сработает Карах, уже набивший руку на составлении необходимых Канцелярии небесных дел обширных бумаг. Церемониймейстеров, и неплохих, в его королевских дворцах, как собак нерезаных, собрать в одном месте и озадачить, пообещав ордена за срочность. Священника придется искать по всему Полуденному Каталауну, но хваткие люди и с этим быстро справятся, если выделить им пару-тройку ви-ман. Ах да, гости... И про гостей надо подумать. Вот о чем не стоит и голову ломать, так это о музыкантах, они попросту не понадобятся — в Вилердеране великолепные музыкальные центры с электроникой и компьютерами... Дело поразительно быстро налаживается, за это и третий бокал поднять не грех...

Яна повернула голову, позвала:

— Подойди, посмотри, что получается...

Глаза у нее были затуманено-счастливыми. И над постелью, и рядом с ней висели в воздухе дюжины две платьев, выглядевших уже не туманными контурами, а вполне материальными. Ну вот, начинаются служебные обязанности жениха, а их обычно невпроворот...

Браво разделавшись с третьим бокалом, Сварог пошел к постели.

— Какое, по-твоему, лучше? — спросила Яна.

Присмотревшись к пышным нарядам — один другого краше, — он сказал

то, что и думал:

— Не знаю, не могу выбрать... Все красивые.

И тут же напоролся на очередной выпад женской логики: Яна, словно бы даже с некоторой обидой, надула губки:

— Тебе все равно, в чем я буду?

Сварог не растерялся и с ответом не медлил. За время службы королем приобрел кое-какие навыки дипломатии — чего стоила одна выигранная словесная дуэль с горротским послом, а уж тот был противником первостатейным...

Он сказал веско:

— Я просто думаю, что не стоит торопиться и хвататься за первое попавшееся, за то, что ты придумала на скорую руку, первое, что в голову пришло. Все равно пройдет самое малое неделя, прежде чем сможем устроить свадьбу: пока составим Брачный кодекс, зарегистрируем, разработаем церемонию, все остальное... Ты за это время успеешь придумать столько платьев красивее, по советуешься с подругами, с придворными портнихами...

— Пожалуй, ты и прав... — сказала Яна.

Шевельнула пальцами — и все исчезло. Накинув невесомый халат, словно сотканный из снежинок, она слезла с постели и, стоя перед Сварогом, пытливо на него уставилась:

— А ты не против, если мы проведем парочку обрядов? Каталаунских, обязательных для Обручальной ночи? Я столько прожила в Каталауне, да и воспитывали меня в последние годы тамошние старухи...

— Да пожалуйста, — сказал Сварог и осторожно добавил: — Только без всякой черной магии... и чтобы Кернуннос, чего доброго, под окна не приперся...

Яна рассмеялась:

— Кернуннос Каталаунского хребта никогда не покидает. А черной магии — ни капельки, не любят ее в Каталауне...

— Ну, тогда валяй, — сказал Сварог, которому действительно стало интересно. Сам он каталаунские обычаи знал скверно, редко там бывал, и все проездом.

Яна прошла к высокому стрельчатому окну, протянула руки над подоконником. Сварог не мог рассмотреть, что она делает, но, когда отступила, увидел: там стоял красивый светильник, кажется, глиняный, весь в искусных узорах, и над ним поднимался высокий, в ладонь, язычок золотисто-алого пламени.

— Ну как, ничего страшного? — улыбнулась Яна, возвращаясь к нему. — В ночи такой огонь видно издали, и всякий, кто его увидит, знает: в доме Обручальная ночь. Даже беспринципные разбойники не решатся вломиться в такой дом, чтобы грабить. Знают прекрасно: им потом жизни не будет, все на них ополчатся и не успокоятся, пока не прикончат...

— Неплохая традиция, — сказал Сварог.

Яна словно бы погрузилась, взяла его за руку, отвела к постели и они легли. Сварог потянулся было ее обнять, но она уклонилась, даже отвернулась, став словно бы не на шутку печальной. Негромко, напряженно сказала:

— Другая традиция не такая веселая: жених с невестой обязаны рассказать друг другу, что с ними в жизни случилось грязного, скверного, порочного... Если уж мы взялись соблюдать обряды... Это один из самых важных...

Вот уж этот обряд Сварогу оказался категорически не по душе — он прекрасно знал, что услышит и не горел желанием выслуживать вторично, да

еще от самой Яны. Он воскликнул беспечно:

— Да что с тобой могло быть порочного? Варенье таскала с дворцовой кухни магическим образом...

— Да нет, было кое-что похуже... — грустно сказала Яна. — Очень грязная история случилась, когда мне и тринадцати не было...

— А если я не хочу этого слушать? — сказал Сварог.

— Придется, — сказала Яна спокойно, но твердо. — Если уж начали... И я хочу, чтобы ты все обо мне знал, без недомолвок. Дай мне, пожалуйста, чего-нибудь покрепче, только не очень много...

Сварог движением пальца отправил к ней через всю спальню бокал, наполненный келимасом примерно на четверть. Разделавшись с ним одним глотком, чуть поперхнувшись, Яна заговорила, все так же отвернувшись от него, глядя в стену, обитую тисненой золотом кожей.

Ее голос звучал ровно, отрешенно, словно и не о себе рассказывала, а о ком-то другом. В излишние подробности она не вдавалась, но и не скрыла ничего, рассказывала все, как было: о забавах в спальне, о том, как постоянно проигрывала и платила проигрыши, о том, как ее сделали «флейтисткой», о том, как была в постели с герцогом, о том, что все это, как ни удручает, ей нравилось. Рассказав, как в поместье прилетел принц Элвар и забрал ее оттуда, она замолчала так, что стало ясно: конец исповеди.

Сварог терпеливо ждал. Она так и лежала — отвернувшись, напрягшись. Потом спросила звенящим от нешуточной тревоги голосом:

— И как ты теперь ко мне относишься?

Не встретив ни малейшего сопротивления, Сварог повернул ее к себе, обнял, крепко поцеловал в губы и прошептал на ухо:

— Совершенно как прежде, Вита...

Он специально вновь назвал ее так, как позволялось только самым близким людям. Интересно, тот сволочной герцог в самом деле стал жертвой катаунаского тигра или попросту получил в спину полдюжины кинжалов? Впрочем, на месте принца Сварог непременно посчитал бы, что обычное железо — очень уж просто, быстро и легко. И постарался организовать встречу герцога с тигром. Очень может быть, Элвар тогда рассуждал точно так же...

— Правда? — тихонько спросила Яна.

— Честное слово, — сказал Сварог. — Глупенькая соплюшка сдуру впуталась в грязную историю... Бывает. Давай забудем всю эту гнусь покрепче, а?

Яна облегченно улыбнулась:

— У меня камень с души...

И тут же, приподнявшись на локте, посмотрела строго, вопросительно. Сварог сообразил, что настал его черед. И ушел в раздумья: вроде бы не должно было в его жизни быть особенно уж грязного, скверного, порочного. Да нет, это он себе определенно польстил...

Не глядя на Яну, он сказал медленно, раздумчиво:

— Чтобы сделать меня королем, перебили кучу народу. Нет, честное слово, я сам ни разу не отдавал таких приказов, это все делали те, кто твердо решил возвести меня на трон... Но убитых все равно было немало, на два трона я, получается, взошел по трупам, да и один княжеский титул мне достался через кровь, я ее вовсе не хотел, но так сложились обстоятельства...

У него перехватило горло: перед глазами встал князь Рут, смелый, отчаян-

ный, погибший исключительно оттого, что не смог приспособиться к житейскому цинизму нашего мира и остался записным романтиком, которым в этом мире неуютно. Сварог продолжал глухо, негромко:

— Один раз я был неподалеку и видел, как все происходило. В другой раз я прекрасно понимал, что этих людей, возможных претендентов на престол, убьют, — но притворился перед самим собой, будто не понимаю. Хотя прекрасно знал, что за человек мой начальник тайной полиции... Наверное, это все же гнусно, а? — теперь он, в свою очередь, избегая встречаться с Яной взглядом, спросил: — И как *ты* теперь ко мне относишься?

Не было никакой тягостной паузы. Приподнявшись над ним на локтях, засыпав лицо и плечи пышными прядями золотистых волос, Яна сказала безмятежно:

— Совершенно как прежде, честное слово. Когда речь идет о коронах и тронах, чего только не случается... Уж я-то знаю и понимаю... Забудь обо всем покрепче...

Склонилась, прижалась и прильнула к его губам.

...Сварог проснулся оттого, что его остороженько теребили за свесившуюся с постели руку. Открыв глаза, он увидел Золотого Кота — тот, приподнявшись на цыпочки, легонько постукивал Сварога когтями по ладони. Охамел, скотина...

Яна безмятежно спала, уткнувшись лицом в стиб локтя. Тщательно накрыв ее невесомым синим покрывалом, Сварог встал с постели, накинул халат, без всяких церемоний сгреб своего министра тайной полиции за хвост и пошел прочь из спальни. Министр покорно висел вниз головой, как игрушка.

Закрыв дверь спальни и отойдя от нее подальше, Сварог уселся на мягкий коричневый диван какого-то неизвестного стиля — должно быть, из очень уж далекого прошлого, если не из времен до Шторма, — швырнул рядом Кота и сердито осведомился:

— Какого черта вы врываетесь в спальню, когда я не один?

Естественно, на физиономии Кота не отразилось никаких эмоций — откуда они у робота, пусть разумного и совершенного? Усевшись, как человек, оперевшись спиной и вытянув задние ноги, Золотой Кот спросил:

— Надо ли понимать это так, государь, что вы на меня прогневались?

— Вот именно, — сказал Сварог.

Кот пожал плечами — оказывается, он был способен на этот человеческий жест:

— Здесь кроется загадка, точнее, логическая неувязка, которую я своей, вложенной в меня логикой никогда не мог разрешить. Мне известно, что мужчины и женщины в постели занимаются определенными вещами, это считается естественным и приносит им удовольствие... правда, в силу своей сущности я не могу осознать, что означает термин «удовольствие». Но здесь и возникает логическая неувязка: если эти занятия вполне естественны и составляют неотъемлемую часть человеческой жизни, почему люди так озабочены, чтобы при этом не было свидетелей? Не только других людей, но даже таких, как я? Впрочем, случаются исключения, насколько я могу судить по опыту общения с покойным королем. Иногда он мне категорически запрещал входить в спальню, когда был там с женщиной... а иногда разрешал и выслушивал до-

клад в присутствии женщины. Иногда в спальне короля находилось одновременно две или три женщины. Эти логические неувязки я не в состоянии решить...

Пока Золотой Кот все это нес — как обычно, бесстрастным, лишенным эмоций голосом робота, — у Сварога как-то помаленьку и злость прошла. В конце концов, не человек, механизм, это все равно, что Яна оказалась обнаженной в присутствии светильника или компьютера... Золотой Кот продолжал:

— Есть еще один аспект проблемы: у меня до сих пор, государь, нет точных инструкций, как я должен поступать, если вы пребываете в спальне с дамой?

«Пожалуй, — самокритично подумал Сварог, — я тут и впрямь недосмотрел. Не учел, что роботам нужны точные инструкции. Очень уж мало общался с роботами...»

— Точные инструкции будут простыми, — сказал он, закуривая. — Когда у меня в спальне дама — и носу туда не казать... разве что вдруг случится такое чудо, что я сам позову. Это понятно?

— Совершенно, — заверил Кот. — Инструкции приняты к исполнению.

Настроение у Сварога было безоблачным, и он даже чуточку пожалел этого золотого обормота, не способного понять людей.

— Что до логических неувязок, господин министр... — сказал он задумчиво, гадая, как лучше всего сформулировать. Ага! — Объяснение есть. У людей существуют свои программы поведения, которым они старательно следуют, пусть и допуская иногда редкие исключения. Теперь вам понятно?

— Да, государь. Логически непротиворечивое объяснение, которое я способен осознать во всей полноте. Простите, ваше величество... Мне по моему положению необходимо выяснить статус находящейся сейчас в спальне дамы. Это случайная шлюха, как выразался о некоторых своих дамах покойный король? Или постоянная подруга наподобие госпожи Мары, с которой я уже знаком? Или она подлежит какой-то другой классификации?

— Последнее, — сказал Сварог, — это моя невеста, будущая жена. Эти термины тебе понятны?

— Да, государь, они заложены в память в той ее части, что касается человеческих обычаев. Насколько я понимаю, при наличии девушки под названием «невеста» обычно в скором времени происходит церемония под названием «свадьба»?

— Вот именно, — сказал Сварог. — А поскольку состоится она в Вилердеране, озаботьтесь, чтобы он в кратчайшие сроки идеально...

— Вы уже дали распоряжения насчет парка. Работы идут круглосуточно, я задействовал все устройства и слуг, какими располагаю...

— Постарайтесь как следует, — приказным тоном сказал Сварог. — Через неделю и парк, и дворец должны выглядеть безукоризненно... — и только сейчас до него дошло. — Любезный министр, а отчего это вы явились будить меня спозаранку? Если Анрах с Лагефелем наконец нашли пещеру, вы должны были доложить сразу, а не пускаться в рассуждения о логике!

— Пещеру они пока что не обнаружили, государь. Золотых Шмелей не так уж много...

— Можете вы в мастерских, про которые говорили, в сжатые сроки произвести еще... скажем, пятьсот?

— Без малейших хлопот, государь. Это отнимет примерно сутки.

«Надо будет выбрать время и осмотреть мастерские, — подумал Сварог. — Чтобы точно выяснить, каков, говоря казенным языком, полный ассортимент продукции».

— Но зачем-то же вы заявились в спальню?

— Подземной пещеры господы мэтры пока что не нашли, но они только что обнаружили пещеру, где укрывается Лотан. Вы в первый же день, давая поручения, велели разыскать и его, в том случае, если он действительно находится в Хелльстаде. Он здесь. В пещерке на берегу небольшой речки примерно в ста лигах от Вентордерана. Согласно поступившей информации, он жив... хотя определенно не здоров.

Сварог оживился. Вот уж кто его давно интересовал, так это Лотан, легендарный семиглавый змей, якобы знавший все ответы на все вопросы. Согласно сказкам, он еще с незапамятных времен, чуть ли даже не до Шторма, скрывался от людей, устав отвечать на вопросы. Некоторые следы вроде бы вели в Хелльстад. Правда, большинство книжников (в том числе и Анрах) в существование Лотана не верили, считая чисто мифологическим персонажем.

— Это действительно Лотан? — спросил Сварог.

— Никаких сомнений, государь. Восемьсот три года назад, когда покойный государь с ним последний раз беседовал, я присутствовал при разговоре и прекрасно его рассмотрел. С тех пор государь с ним больше не встречался, а Лотан перебрался в какое-то другое место. Меня это не интересовало, потому что не было приказа его искать...

— Он агрессивен?

— Ничуть. Собственно, кроме знания ответов на все вопросы и крайнего долголетия, никакими другими особыми способностями он не обладает.

— А как прежний король управлялся с его привычкой загадывать головоломные загадки, без которых не получить ответов на вопросы?

— Ничего подобного нет, государь, — ответил Золотой Кот. — То, что Лотан предварительно задает сложные загадки, в незапамятные времена выдумал какой-то сказочник, и помаленьку это мнение утвердилось. Лотан просто отвечает на вопросы: каждая голова на один вопрос. И только. Чтобы получить новые ответы, нужно вновь прийти к нему не ранее чем через неделю, иначе он не будет говорить.

«Ну что же, — подумал Сварог, — не так уж плохо. По семь вопросов в неделю — это неплохая штука...»

Он хотел было отдать кое-какие распоряжения, но случайно бросил взгляд в высокое стрельчатое окно. Вдали, у самого горизонта, громоздились буроватые скалы, казавшиеся на таком расстоянии кучей камешков, и над ними поднимался узкий треугольничек, отливавший белым, синим и голубым. На самом деле — исполинский пик над бурными скалами и густыми лесами, покрывавшими пологие отроги гор. Гун-Деми-Тенгри, как именовали его во внешнем мире — Гора Грозящих Небу Демонов. Согласно многочисленным легендам, там обитали невероятно могущественные и злокозненные демоны, которых боялся и даже король Хелльстада, никогда не приближавшийся к тем местам. У Сварога как-то руки не доходили проверить, как все обстоит на самом деле — и постоянно находились дела поважнее, и за все время, что Сварог пробыл здесь королем, оттуда не появлялось никакой нечисти.

— А вот что вы скажете насчет Гун-Деми-Тенгри, любезный мой?

— Так ее называют во внешнем мире. В Хелльстаде эти места именуются далеко не так пышно: горы Лорей.

— Там действительно обитают какие-то демоны?

— Снова народные сказки, ваше величество. Там испокон веков обитает скучный и неинтересный народец. Те магические способности, какими они обладают, направлены исключительно на их собственное потребление и против внешнего мира попросту не могут быть использованы. Покойный король туда иногда летал, но исключительно для того, чтобы, как он выражался, прихватить красивую девку, чтобы погостила недельку. Насколько я знаю, это нетрудно. Больше гора его ни с какой стороны не интересовала.

«Черт знает что, — подумал Сварог. — Еще одна завлекательно-жуткая легенда оказалась сказкой. Какой-то безобидный народец, к которому Фаларен летал за девками... Все равно, когда будет свободное время, надо самому туда слетать. Не может же быть так, чтобы у них не оказалось никаких знаний, которые могут пригодиться. А вот Лотана не стоит откладывать на потом, дело не такое уж долгое, а польза выйдет несомненная...»

Он встал и решительно сказал:

— Я лечу к Лотану. Даму в моей спальне зовут госпожа Яна. Если она проснется, пошлите к ней камердинера со слугами — завтрак, может быть, что-то еще... Обращение самое почтительное.

— Я не должен ни от кого скрывать, что это ваша невеста, государь? — деловито поинтересовался Золотой Кот, спрыгивая с дивана.

— Наоборот, — сказал Сварог уверенно. — Пусть все знают, что это их будущая хозяйка. Если она спросит обо мне, скажете, что я отлучился ненадолго по пустяковому, но неотложному делу, в суть которого вы не посвящены, и скоро вернусь. Да, вот что еще. Несколько дней назад в схватке с рукерами погибла самка гарма, остался детеныш... Сможете доставить его в Вентордеран?

Будь это человек, он непременно бы замялся — такое осталось впечатление. Кот сказал, понурился:

— Лучше будет, ваше величество, если вы сделаете это сами. Гармы — самые верные ваши подданные, вам они щенка отдадут. А вот если его отправятся забирать наши Золотые Слуги... Гармы их непременно поломают в купочки.

— Учту, — сказал Сварог.

...Давно уже оказалось, что алая мантия короля Хелльстада — не просто церемониальная хламида. Сейчас она, удерживаемая лишь чеканной золотой бляхой на горле, превратилась в большие, хищно вырезанные крылья — на которых Сварог и неся с приличной скоростью над зеленой равниной, кое-где покрытой островками молодых дубов. Как-то было все устроено так, что он совершенно не ощущал бившего в лицо ветра, неизбежного на такой скорости. Теперь понятно, почему в Вентордеране не сыскалось никаких экипажей, ни летающих, ни ездивших бы по земле — к чему они были королю при такой-то мантии?

Глянув влево, он решительно повернул туда — не столь уж большой крюк пришлось делать, отклоняясь от маршрута. Покрепче сжал рукоять Доран-ан-Тега, губы покривила злая усмешка.

Внизу, урдах в ста под ним, по равнине в хорошем темпе *чесала* немалень-

кая стая рукеров, штук сорок.

Больше всего они походили на шимпанзе или павианов — размером примерно с человека, бесхвостые, заросшие густой коричневой шерстью, с классическими обезьяньими мордами и внушительным набором клыков плотоядных зверей. На четвереньках они в беге лишь немногим уступали скачущему быстрому аллюром всаднику. На спинах самок кое-где устроились накрепко вцепившиеся всеми четырьмя лапами в шерсть матерей детеныши.

Вот именно, не более чем обезьяны, совершенно безмозглые создания, ни разу не замеченные в употреблении ни огня, ни каменных орудий, ни хотя бы веток в роли дубин. Сварога они в грош не ставили (как раньше в грош не ставили Фаларена) — обычное хищное зверье, расценивавшее все, что не рукер, как добычу. Иногда даже, хоть и очень редко, собравшись немаленькой стаей, нападали на глорхов. Но главное, за что Сварог их терпеть не мог, — за то, что они состояли в лютой вражде с гармами (при взаимной ненависти). До больших баталий дело не доходило — но рукеры пользовались любым случаем, чтобы напасть на одинокого гарма, а еще лучше, если повезет, на одинокую самку с малышом — потому что самка примерно на месяц после рождения щенка теряет способность перемещаться *необычно* и справиться с ней гораздо легче, чем с обычным гармом. (Сварог давно выяснил совершенно точно, что на мать Акбара напали тогда именно рукеры).

Впрочем, и гармы при случае спуска не давали. Так что рукеры обретались в основном в дальних пределах, меж горами и морским берегом. Но вылазки делали частенько — как, несомненно, эта банда. Сначала Сварог собирался, не церемонясь, истребить их начисто (что было бы не особенно трудным предприятием), но по размышлении оставил эту затею. Отчего-то же Фаларен, отнюдь не светоч доброты, так не поступил? Не исключено, что, истребив рукером полностью, Сварог нарушил бы кое-какие здешние экологические цепочки, нанеся вред в итоге тем же гармам (как то случилось и на Земле, классические примеры — волки и олени, львы и антилопы. Если прекращается прежняя *отбраковка*, лишенный прежнего врага вид оказывается *перегружен* старыми, больными и хилыми). Так что он ограничивался тем, что, подобно Фаларену, старался держать рукером в удаленных окраинах Хелльстада, а слишком наглых порой приказывал перебить к чертовой матери, посылая из Вентордерана Бронзовых Соколов, свою личную охрану.

Вот и сейчас не следовало спускать такого нахальства — всего-то в ста лигах от Вентордерана... Не увлекаться особенно, но напомнить, кто в доме хозяин...

Его заметили, когда он с пронзительным разбойничьим свистом пристроился в хвост бегущей стае на высоте уардов десяти. Оглядывались, скалились на бегу, кое-кто злобно взмахивал когтистыми лапами — но все так же неслись, не сбавляя темпа, даже не пытаясь остановиться и сбиться в круг для обороны. Явно нахальный молодняк, впервые выбравшийся в края, где рукером никак не привечают, наоборот. Ничего, соответствующий опыт они сейчас получают...

Снизившись еще чуть-чуть, уравнивая скорость с их бегом, Сварог, размахнувшись не особенно и широко, метнул Доран-ан-Тег. Топор, превратившись в туманный круг, окаймленный ярко-алой полосой, *прошелся* по бегущей стае, как коса по пшеничному клину. Брызги крови, визг, вопли, взлетела отруб-

ленная коричневая башка, неприглядные куски... Рукеры, дико вопя, кинулись врассыпную по равнине, потеряв, как определил сбавивший скорость Сварог, не менее десятка. Следовало бы положить всех, ну да черт с ними, будут теперь знать, что в этих местах запросто обрушивается с неба нежданная смерть...

Ухватив древко вернувшегося в руку топора, он вышел на прежний маршрут и прибавил скорость. Потом полетел гораздо медленнее — начинались знакомые по компьютерным кадрам места: густой лесок в форме подковы, узенькая извилистая речушка, не имевшая сообщения с Ителом, впадавшая в большое озеро лигах в двадцати отсюда, высокий обрыв слева, палево-желтый, из слежавшегося песка... Ага, песчаный обрыв сменяется скальным, гораздо повыше, меж ним и рекой широкая полоса светло-желтого песка (между прочим, отличный пляж, река неглубокая, без омутов и водоворотов, течет неспешно). А вот и темное пятно — вход в небольшую пещеру — все, как заглянули Золотые Шмели...

Сварог опустился на землю (сапоги из тончайшей кожи по щиколотку ушли в песок, крылья сложились, мантия стала обычной мантией). Сделал несколько шагов вперед, остановился в нескольких уардах от входа в пещеру, сбоку. И тут же вдохнул волну ужасного смрада, идущего из пещеры — густые запахи гнили, разложения, падали. Уж не опоздал ли? Он так и не уточнил, улетая из Вентордерана, жив ли еще Лотан, создание долгоживущее, но не бессмертное...

Входить в пещеру, откуда тянулась волна смрада, как-то не хотелось — он и под открытым небом-то еле выдерживал вонь. Опершись на топор, он трижды, как оказывается, полагалось, позвал на змеином языке:

— Лотан! Лотан! Лотан!

Весь обратился в слух. Положительно, внутри раздались какие-то звуки — словно бы тихий шорох щебенки, по которой чуть передвинулось тяжелое тело. Сварог позвал снова:

— Лотан! Лотан! Лотан! Выйди! Выйди! Выйди!

Шорох теперь звучал так, словно это самое тяжелое тело безостановочно двигалось к выходу из пещеры. Сварог отступил на несколько шагов, поудобнее перехватив древко топора. Судя по тяжелому запаху, с премудрым змеем дела обстояли крайне скверно и у него в преддверии смерти мог испортиться характер...

Ага! Из пещеры показалась змеиная голова, большая, размером с баранью, не плоская, как обычно бывает у змей, а словно бы высоколобая. За ней медленно-медленно потянулось тело — и, наконец, Лотан вытянулся на песке целиком, во всей красе.

Хотя какая уж там краса... Наоборот. Лотан, вопреки легендам, оказался не особенно и велик, длиной уарда в четыре и толщиной с фонарный столб. Зелено-черная чешуя во многих местах осыпалась, открыв сочащееся гноем темно-красное мясо. Змей лежал на боку, выставив белесоватое брюхо — тоже во многих местах лишённое чешуи. У обычных змей не бывает век, но у Лотана они были, светло-серые, и сейчас наполовину прикрывали желтые глаза с черным вертикальным зрачком. Они так и не поднялись, когда змей устался на Сварога.

Иные старые картинки, как сейчас оказалось, изобразили Лотана в полном

соответствии с реальностью: большелобая голова, по обе стороны от нее двумя вертикальными рядами — шесть поменьше.

Вот только Лотан уже не был *семиглавым*. Живой, пусть и подрастерявшей чешую, осталась одна, главная. Слева от нее, пониже, торчал голый череп, сразу видно, пустой изнутри, лишь кое-где покрытый клочками чешуи. Череп справа и пониже пребывал в еще более худшем состоянии: нижняя челюсть давно отвалилась. С остальными четырьмя обстояло и вовсе печально: черепов нет, остались лишь четыре позвонка, торчащие из гниющих ран. Это конец, подумал Сварог, вряд ли застанешь его в живых, вернувшись через неделю, так что следует рассчитывать на один-единственный вопрос. И следить за языком. Не дай бог, машинально сболтнешь что-нибудь вроде «Давно вы здесь?» — и это как раз и окажется тот единственный вопрос, на который ты имеешь право...

Змей лежал на боку, вытянувшись, не поднимая головы из песка, разглядывая Сварога с непонятым выражением полузакрытых глаз. Сварог превозмогал тяжелый запах, как только мог.

— Посмотрите-ка... — сказал Лотан. — Король Сварог Барг собственной персоной...

Сварог едва не бухнул: «Вы меня знаете?» — чем бесповоротно погубил бы единственный шанс задать настоящий, серьезный вопрос. И настрого наказал себе сначала произносить мысленно каждую реплику, а уж потом изрекать ее вслух.

— Пришли задавать вопросы? — спросил Лотан, не шевелясь.

— Да, — сказал Сварог. — Это возможно...

— Конечно, — сказал Лотан. — Только, как сами видите, больше одного-единственного вопроса вам не задать... — он испустил несколько кашляющих звуков, что в змеином языке соответствовало смешку.

— Значит, я могу задать вопрос...

— Можете, — сказал Лотан. — Но будет условие.

«Все-таки загадки начнет загадывать?» — подумал Сварог, но на сей раз, как и решил, про себя, не торопясь проговорил фразу.

— Я готов выслушать ваше условие, — сказал он.

— Ну что же, вы умно держитесь, — сказал Лотан бесстрастно. — Кто-нибудь другой тут же спросил бы: «Какое условие?» и все потерял бы... Потому что я сомневаюсь, что через неделю буду в состоянии отвечать на вопросы... Условие простое, нетрудное. После того, как выслушаете ответ, отрубите мне голову. Все, что я о вас знаю, позволяет судить, что вы это сделаете без моральных терзаний... Вы ведь понимаете ситуацию?

— Конечно, — сказал Сварог.

Что ж тут не понять? Не хотелось премудрому змею еще несколько дней агонизировать, уже наполовину сгнивши заживо. Он мог бы, конечно, сползти в реку и лечь на дно, там достаточно глубоко, уарда три, но тонуть — процедура паскудная и долгая. Зато молниеносный взмах лучшего в мире топора — это мгновенно. Сварог подумал, что на его месте поступил бы точно так же.

— Обещаю, — сказал он спокойно.

— И каков же будет вопрос?

Сварог какое-то время медлил. Собираясь сюда, он долго и старательно все

обдумывал, примерно из десятков двух отобрал те вопросы, что казались ему самыми важными и нужными. Семь. А оказалось, задать он может один-единственный...

Все. Он больше не колебался. Спросил:

— Кто Воплощение Воздуха?

Почти без паузы Лотан ответил:

— Безумный Зодчий, — и вновь издал змеиный смешок. — Честное слово, не рассчитывайте, что я протяну еще неделю. Если и получится, буду в беспмятстве и из него уже не выйду...

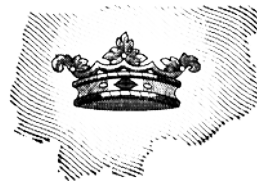
Он перевернулся брюхом вниз, вытянулся, полностью прикрыв глаза. Произнес бесстрастно:

— Вы обещали, король Сварог.

Сварог сделал шаг вперед, не испытывая ни малейших эмоций, кроме сожаления от того, что больше так ничего и не узнать. Доран-ан-Тег взлетел, рубин в навершии кроваво сверкнул в лучах полуденного солнца.

Шагая прочь по песчаному берегу, он думал: это все-таки лучше, чем ничего, это след. Лотан никогда не врал. По крайней мере, теперь точно известно, кто. Быть может, Гинкер оттого так и интересовался Безумным Зодчим, что знал нечто? Нужно внимательнейшим образом изучить его бумаги, которые Сварог в свое время проглядел лишь мельком, полагая Безумного Зодчего, как и многие, чисто мифологической фигурой. Есть еще тот монах, о котором рассказывал дядюшка Патек, по его словам выходило, что тот разговор состоялся не так давно и монах жив-здоров, если поднять на ноги орду сыскарей...

Одним движением превратив мантию в крылья, он взвился в воздух.

Глава V

НОВОСТИ, ПРЕТЕНЗИИ, ЗАГАДКИ

— Конечно, разговор у нас исключительно приватный и крайне деликатный, — сказал Канцлер. — Определенным образом, если пройти по некоторой цепочке, вы все же мне *частично* подчиняетесь, как все прочие, кто состоит на государственной или военной службе. Но *вам* я приказать ничего не могу, и мы оба прекрасно понимаем, почему... Поверьте, — добавил он быстро, — я никоим образом не хочу вас обидеть, вообще как-то задеть.

— Верю, — сказал Сварог.

— Я к вам искренне расположен...

— Верю, — повторил Сварог вежливо.

— Давайте начистоту... Мне кажется, вы с Яной чересчур увлеклись странствиями по земле. Вы ведь прекрасно понимаете, ваши перемещения постоянно... — он замолчал, сердито шевеля губами.

— Отслеживаются, — сказал Сварог, ничуть не сердясь.

— Вы должны меня понять. Как Канцлер Империи я просто обязан это делать. Заботясь в первую очередь о безопасности императрицы...

Ах, как славно было бы, с нахальной усмешкой глядя ему в глаза, исполненным скрытого ехидства тоном произнести с расстановочкой: «А где же вы были несколько лет назад с вашим всезнающим Гаудином, когда ее едва не сделали записной шлюхой?» Но, увы, эта реплика, скорее всего, так никогда и не прозвучит...

— Простите, Канцлер, — сказал Сварог. — Я что-то не припомню случая, когда она, будучи со мной, подвергалась бы опасности...

Канцлер досадливо вздохнул.

— Вполне возможно, я неверно формулирую... — сказал он. — Речь, собственно, идет не о безопасности... Но вы, по моему глубокому убеждению, и в самом деле чересчур уж увлеклись земными странствиями. То она на ночует в вашем ронерском дворце, то вы с ней, как ни в чем не бывало, одетые даже не дворянами, а градскими обывателями, заявляетесь в Снольдер на Милетскую ярмарку и развлекаетесь там, как принято у простолюдинов: карусели-качели, бег с сырыми яйцами в ложках и все прочее... Сидите в кабачках в Ремиденуме среди буйных студентов, у которых каждая вторая песня — непристойная... И самое удручающее, что ни она, ни вы не надеваете «маски». Мне известно совершенно точно.

— Знаете, что самое забавное? — спросил Сварог. — Что ее ни разу не опознали, даже в моих королевских дворцах. Чисто психологический момент: никому и в голову не придет, что эта красивая девушка в простом гильдейском платье, со скромными, приличествующими гильдии украшениями — императрица. Даже мои придворные, которые частенько, согласно своей привилегии, смотрят телевизор и частенько проходят мимо ее парадных портретов, ее точно так же не узнают. Никому в голову не приходит, что Императрица Четырех Миров способна появиться вот так, запросто... особенно на ярмарке, в заведении для гусиных боев или скромном кабачке. Между прочим, за пределами дворцов меня тоже практически не узнают. По тем же самым психологическим мотивам: очень мало людей знают, что я вот так, запросто, выхожу по-

рой в народ... К чему еще и «маски»? Я ведь никогда ее не водил и не поведу ее в какое-нибудь по-настоящему *ненадлежащее* место: подозрительные портовые кабаки, таверны с плохой репутацией и так далее...

— А ваши приключения в Пограничье? Когда вы провели ночь на постоялом дворе «Синий вепрь» и даже ходили на местные танцульки? Опять-таки без «масок»...

— «Синий вепрь» по земным меркам — вполне приличное заведение, — сказал Сварог. — Весьма уважаемое на большом тракте: чистая публика, хозяин без подозрительных связей, моя тайная полиция его давно проверила. Ну да, что скрывать — там есть и бордель. А как же иначе — большой тракт, много проезжающих... Но он расположен примерно в полулиге от «Вепря», на отдельном подворье, и девкам строго запрещено появляться на постоялом дворе. Яне там очень понравилось, она сама меня просила свозить ее в какое-нибудь местечко поглуше и попроще...

Канцлер протянул самым саркастическим тоном:

— Уж не хотите ли вы сказать, что ей понравилось и происшествие на танцульках?

— Да какое уж там происшествие...

— А как это еще назвать, по-вашему? — фыркнул Канцлер. — Подвыпивший гуртовщик хлопает ее пониже спины и предлагает пойти с ним за полдюжины серебрушек...

— Судя по вашей осведомленности, там были ваши люди?

— Конечно, — мрачно сказал Канцлер.

Сварог усмехнулся. Называть тот пустяк «происшествием» — явное преувеличение. Яна, даже не оборачиваясь, врезала локтем нахалу пониже пояса с кошелем, а подоспевший Сварог за шкирку вывел пьянчугу во двор и поучил правилам хорошего тона — не особенно увлекаясь, так что тот ушел на своих ногах. Никто их с Яной и словом не попрекнул — гуртовщик-пьяница откровенно нарушил этикет приличных деревенских танцев, для него могло обернуться и похуже...

— Значит, вы должны знать, чем все кончилось. Нарушитель этикета — а в подобных местах, надобно вам задать, свой этикет соблюдается не менее строго, чем где-нибудь при дворе, — получил свое, мы с Яной преспокойно протанцевали до закрытия... Ну да, мы там ночевали. И что? Все равно согласно дорожной мы числились супружеской парой из Галевина... и неподалеку от нас, кстати, всегда были четверо моих орлов из тайной полиции. Все.

— Вы считаете нормальным, когда императрицу хлопают по заду, как обычную девку?

— Этот пьянчуга и представления не имел, что перед ним императрица, — усмехнулся Сварог. — А Яна особого значения этому придавать не стала, если чем и возмущалась потом, так-то тем, что ее оценили всего-навсего в полдюжины серебрушек...

— Давайте все-таки держаться посерьезнее, — сказал Канцлер. — Вам не приходило в голову, что вместо шлепка по заду мог быть и удар ножом в спину?

— Исключено, — серьезно сказал Сварог. — Никто не мог знать заранее, что мы будем именно там. Поймите, Канцлер, это не я ее силком таскаю по всем этим местам, это она частенько заявляет, что хочет развлечься внизу — са-

мым пристойным образом, во вполне приличных местах... И мне кажется, что-то ей *нужно*. Всегда прибавляет бодрости и веселости. Вы же должны лучше меня знать, что она недолюбливает Келл Инир... И *церемониальные* развлечения тоже. Ничего страшного, в конце концов, не происходит. Вы ведь должны видеть какой веселой и оживленной она возвращается из таких поездок.

— Предположим, — пробурчал Канцлер. — Видел.

— Мало ли наших молодых дворян — да и людей постарше — частенько развлекаются внизу?

— Но она *императрица*, — сказал Канцлер. — Для ее величества подобное поведение в глазах многих выглядит предосудительно. При дворе уже ползут шепотки, бросающие легкую тень на репутацию Яны...

Ну вот тут-то Сварог знал, чем ответить. Нарочито бесстрастным, даже чуточку наивным тоном он сказал:

— Неужели вы хотите меня уверить, что *такое* происходит впервые за всю историю Империи? Знаете, мне недавно дали почитать очень интересную книгу, сочинения некоего барона Клегга «Там, под облаками». Чертовски интересная книга. Из нее следует, что немало императоров — а то и императриц — частенько развлекались на земле... причем порой далеко не так безобидно, как мы с Яной. Насколько я помню, всего-то лет двести назад императрица Агнеш, будучи еще молодой и незамужней, неделями жила на Бараглайском холме у своего... знакомого художника. Который к тому же написал три ее портрета, где из одежды на ней имеются лишь украшения. Говорят, все три до сих пор находятся в архиве императорской фамилии. Тогда тоже ползали шепотки, но Агнеш их пресекла быстро и решительно...

Он чуточку блефовал. Книгу эту еще ни читал, Яна только вчера обещала дать, но рассказала об императрице Агнеш. И обещала как-нибудь показать и портреты — художник со временем стал знаменитостью, как и многие другие люди искусства, с которыми *дружила* Агнеш, какое-то чутье у нее было на таланты...

— А, ну конечно... — саркастически ухмыльнулся Канцлер. — Уникальная книга, существующая лишь в семи экземплярах...

— Мне говорили — в шести.

— Шесть — в Императорском архиве, — усмехнулся Канцлер. — Седьмой у меня, под семью замками, конечно. А вам известно, как реагировал тогдашний император на творение барона? Он-то как раз терпеть не мог подобные развлечения. Ну, и забота о чести фамилии... Клегг не успел напечатать в своем маноре и сотни экземпляров. Их все до единого изъяли вместе с рукописью, рукопись уничтожили, книги тоже, уцелели только эти семь. Барона лишили придворных чинов и военных званий, сослали на Сильвану, где он и прозябал в довольно унылых местах почти десять лет. Потом старый император умер, его преемник вернул барона на Талар, восстановил в чинах и званиях, но книга все равно осталась под запретом...

Сварог с крайне наивным видом спросил:

— И что, это означает, что книга лживая и клеветническая?

Хмуρο уставясь на него из-под густых бровей, Канцлер проворчал:

— Там все правда, от начала и до конца. Но нужно же заботиться о репутации императорской фамилии. Принц Элвар, в конце концов, мужчина, и к его

чудачествам как-то притерпелись со временем. Но Яна — молодая девушка. Женское поведение всегда судят строже, чем мужское. А здесь... Сначала она годами пропадала в Каталауне с Элваром, вращаясь среди пограничных головорезов, контрабандистов и обычного простонародья. Суций сорванец с исцарапанными руками, ужасными манерами, знанием словечек, которые никак не должна была знать. Теперь вот вы потакаете ее прихотям. Ручаться можно, ни разу не пробовали ее отговорить...

Сварог усмехнулся:

— Вы знаете Яну гораздо дольше моего... Легко ее отговорить, если она что-то задумала? Знаете, в чем дополнительная трудность, Канцлер? Она *выросла*. Именно так. Я окончательно убедился. И больше никогда в жизни не назову ее «взбалмошной девчонкой». Вы знаете ее дольше, но я *ближе* к ней, чем вы. Так вот, говорю вам со всей серьезностью: она выросла. Все, что вы наблюдаете, — уже не взбалмошность, а продуманные поступки вполне взрослой молодой женщины, желающей вести именно *такой* образ жизни. Или вы считаете, что я ошибаюсь?

— Да нет, — проворчал Канцлер. — И все равно: старинные установившиеся традиции, репутация монарха... Мнение двора, наконец, которое нельзя игнорировать совершенно... — он поднял на Сварога хмурый взгляд: — Знаете, что в последнее время особенно шокировало двор? То, что она по несколько дней гостит у вас в *Хелльстаде*...

Последнее слово он произнес со столь непередаваемой интонацией, что Сварог окончательно убедился: в желании Яны заполучить титул королевы Хелльстада не было ни капли забавы. Ох, она их построит, научит чистить сапоги с вечера и надевать на свежую голову. *Как* он произнес «Хелльстад»...

Сварог пожал плечами:

— Не могу же я ее туда не пускать? Гнать прочь? Ей там нравится... и больше всего то, что она, по ее собственным словам, которые вовсе не просила держать от вас в тайне, там полностью свободна. От всего и от всех. Это опять-таки не слова взбалмошной девчонки, Канцлер, это прозвучало так, словно было сказано вполне взрослым человеком... Выросла девочка, что поделывать. И точно знает, как ей хочется жить.

Какое-то время Канцлер угрюмо молчал, глядя в сторону, потом спросил:

— Она намерена там оставаться еще на несколько дней?

— Да, — сказал Сварог. — Все равно неотложных государственных дел не предвидится... да и когда они были в обилии? Вы лучше меня знаете, что государственные дела у нее отнимают пару-тройку часов в неделю, империя — это отлаженный механизм.

— Где она сейчас? В этом вашем летающем замке?

Сварог ничуть не удивился, что Канцлеру известно о существовании Вентордерана: с высоты немногим более лиги его можно прекрасно рассмотреть и невооруженным глазом.

— Да, конечно, — сказал он. — Очень уютный замок. Кстати, я от чистой души готов пригласить вас в гости. Да и вообще показать вам Хелльстад, чтобы вы убедились своими глазами: нет там никаких особенных ужасов. Попадает кое-что... странноватое, но далеко не на каждом шагу.

— Благодарю за приглашение, — сказал Канцлер ровным голосом. — Постараюсь как-нибудь непременно воспользоваться, когда буду свободен от дел...

Пока что слишком много времени уходит, чтобы Империя оставалась тем самым отлаженным механизмом... В замке она в полной безопасности?

— Вы полагаете, я оставил бы ее там одну, существуй хоть малейшая опасность?

— И что она сейчас делает?

Сварог взглянул на часы:

— Скорее всего, уже отправилась гулять. Помните, я вам рассказывал про военно-морской санаторий, сохранившийся со времен до Шторма? Она как раз собиралась его осмотреть.

— Гуляет по Хелльстаду?.. — вырвалось у Канцлера едва ли не со стоном.

В глазах у его стояло нечто такое, что Сварог в который раз убедился: Яна была права, подсознательный страх перед Хелльстадом прочно засел тут в головах. Даже Канцлер побледнел чуточку...

— Успокойтесь, Канцлер, — сказал он насколько мог убедительнее. — Она отправилась туда в замке.

— Но ведь она выйдет... Будет ходить там, осматривать здания...

— Я принял все возможные меры, — сказал Сварог. — Ей в тех местах абсолютно ничего не грозит, но все равно, охрану я к ней приставил сильную. Вы и представить не можете, как надежно ее охраняют...

Он нисколько не преувеличивал: Золотой Кот в роли гида, шесть гармов, не отступающих ни на шаг, полдюжины Золотых Филинов несут стражу в воздухе, а для вящей надежности уардах в двухстах над всеми парит Золотой Дракон. При малейшем намеке на опасность земля будет гореть на лигу вокруг, не говоря уж о том, что способна натворить полдюжина разъяренных гармов...

— Честное слово, Канцлер, она в полной безопасности, — твердо сказал Сварог.

— Вашими бы устами... — проворчал Канцлер. — Ладно, поговорим о делах... О самых серьезных...

При всем уважении к Канцлеру Сварог не удержался от матерного выражения в его адрес — мысленно, конечно. Явился разговаривать о самых серьезных делах, с них и надо было начинать, а не лекции читать насчет морали и правил хорошего тона...

— Вы, наверное, согласитесь, что самую большую опасность для нас представляют токереты? — спросил Канцлер. — Собственно, не для нас — для Харума. Но, и в этом ничего хорошего. Особенно если учесть, что они, тут двух мнений быть не может, стали дружить с Горротом — а что творится в Горроте и кто там засел, мы до сих пор понятия не имеем...

— Вы не исключаете, что Ледяной Доктор все же остался жив?

— Исключаю, — сказал Канцлер. — Категорически. Труп был исследован всеми возможными методами и опознан.

— Но должны были быть помощники, ассистенты, лаборанты, не знаю, кто там еще...

— В свое время они все погибли, — сказала Канцлер. — В архивах восьмого департамента есть все материалы, изучите... Итак, токереты... В нынешнем своем виде они представляют опасность только для жителей земли. А вот что они намерены делать дальше... Не зря же в том документе упоминается проект «Нормальный размер».

— Вот именно, — сказал Сварог. — Ребятки, я сам убедился, агрессивные до предела. А значит, на уме у их всякие пошлости: обрести нормальные размеры, выбраться-наверх и начать захватывать все, что удастся...

— Очень похоже.

— Я абсолютно не разбираюсь в таких делах... — сказал Сварог. — Уменьшить человека можно, я на своей шкуре убедился, когда меня сбросили в ту чертову детскую игрушку... А вот увеличить? Есть какие-нибудь технические возможности? Технологические приемы?

— Давным-давно, — сказал Канцлер. — У нас. Правда, никто до сих пор не занимался увеличением человека, потому что это, собственно говоря, ни к чему. Ну, зачем? Когда открыли этот эффект, ученые какое-то время забавлялись, увеличивая мышек до размеров быка... ну, и тому подобное. Очень быстро им это надоело, и работы прекратились. С неодушевленными предметами они продолжают до сих пор: так создаются летательные аппараты, замки, в общем, многое. Так рациональнее. Понимаете? Если изготовить самым искусным образом, допустим, замок и увеличить его с помощью генераторов, экономия энергии составит процентов сорок.

— И, попади к ним в руки эти технологии, они смогут точно так же увеличить свои подводные лодки?

— Вполне возможно. И еще какое-нибудь оружие, о котором мы пока не знаем, — Канцлер усмехнулся. — И все мы здесь понимаем, в чем для них состоит главное препятствие. Энергия. Эти процессы требуют громадного расхода энергии. Мы у себя располагаем установками для получения энергии. Они — вряд ли. И мы ни разу не засекали работу чужих накопительных установок. Это внушает некоторый оптимизм.

— И в Горроте тоже не засекали?

Канцлер бросил на него быстрый взгляд:

— Вы же прекрасно знаете, что в Горроте мы *ничего* не в состоянии засечь... — его лицо стало жестким. — Вы полагаете, что в Горроте...

— Ничего я не предполагаю, — сказал Сварог. — По недостатку информации. Гадать можно как угодно, но до истины все равно пока докопаться невозможно...

— А у себя? — сказал Канцлер, не сводя с него пристального взгляда. — Вы их так и не нашли?

— Ищем день и ночь, — сказал Сварог. — Есть там у меня устройства... В конце концов, огромная подземная пещера — не иголка. Найдем, я распорядился в первую очередь искать возле Итела, пещера наверняка примыкает к Ителу, иначе они вряд ли смогли бы выпускать в реку свои подводные лодки... Работаем крайне деликатно, чтобы не спугнуть их, мало ли что от них можно ожидать... — он невесело усмехнулся. — Это оружие ларов в Хелльстаде не работает, а вот насчет токеретов, боюсь, обстоит совершенно иначе. Я своими глазами видел, как их вертолеты лупили из пулеметов — а у них есть кое-что и почище пулеметов... Если они решат вылезти и пойти на меня войной, мне, честно говоря, придется туго. Мне-то воевать практически нечем.

— А что, ваш предшественник не озаботился оружием? — небрежно спросил Канцлер.

Слишком небрежно...

— То-то и оно, что нет, — сказал Сварог самым естественным тоном. — Пол-

ное впечатление, что они его совершенно не заботили, обе стороны держали нейтралитет. Так что мне нужно быть очень осторожным...

Трудно сказать, поверил ему Канцлер или нет.

— Ну, и на земле есть кое-какие *следы*, — сказал Сварог. — Я ведь приготовил вам в свое время обстоятельный доклад и, честное слово, ничего не утаил...

— Да, чтение интересное, — кивнул Канцлер. — Сотни полторы лет назад их обнаружили, пытались даже захватить лодку — с их-то скудным арсеналом средств... Мы конечно, пустим в ход что-то более действенное, — он положил перед Сварогом большой белый конверт с эмблемой высшей секретности. — Почитайте потом, вам положено по должности... Я решил создать новое подразделение — Морскую бригаду. Центр управления, орбитальные станции слежения за морскими глубинами, такие же станции на дне, кроме того, примерно двести боевых машин, идеально приспособленных для уничтожения подводных лодок. Примерно десять процентов — с экипажами, остальные — боевые автоматы. Максимум через десять дней мы будем всем этим располагать... — он опустил голову, поморщился. — И вот здесь возникает не вполне приятная коллизия... Я в сложном положении. Императрица желает поручить командование бригадой вам... а я, простите, полагаю, что вы и без того загружены самыми разными делами. Поймите меня правильно. Я вовсе не имею ничего против вас. Я вам доверяю. Но если вспомнить, сколько вы уже на себя взвалили...

— Все правильно, — сказал Сварог, ничуть не кривя душой. — Двести боевых машин, система станций слежения... Нет уж, еще и *это* я просто не потяну.

— Рад, что вы это понимаете, — сказал Канцлер с некоторым облегчением. — Есть отличная кандидатура — маркиз Оклер, лейтенант Серебряной бригады. Очень перспективный офицер...

— Я его немного знаю, — сказал Сварог. — Толковый малый.

— Тем лучше. Значит, сработаетесь. Я хочу, чтобы вы с ним работали в самом тесном сотрудничестве. И я надеюсь...

— Я постараюсь уговорить императрицу, — сказал Сварог. — В конце концов, шея у меня не железная, я не могу волочь *столько*...

Наступила какая-то неловкая пауза — скорее всего, это было единственное дело, с которым пришел Канцлер. Но поскольку он так и сидел в кресле, Сварог тоже не вставал и не задавал вопросов. Субординация как-никак.

Канцлер вдруг поднял голову, и на его лице вновь появилось что-то вроде тревоги:

— Я надеюсь, вы обеспечите ей в Хелльстаде полную безопасность. Как у вас в Балонге?

— Полный порядок, — сказал Сварог. — Заговорщики переловлены все до одного, все спокойно...

Он не стал пока что рассказывать Канцлеру о черном камне-компьютере — не собирался скрывать вообще, просто-напросто рано. Посмотрим, не удастся ли что-нибудь сделать собственными силами, а уж потом...

— Канцлер, я бы хотел задать еще один вопрос... — сказал Сварог. — Вы сами согласились, что я занимаю довольно высокое положение: восьмой департамент, девятый стол... И тем не менее есть вещи, которых я до сих пор не

знаю. А мне их, думаю, полагалось бы знать. В конце концов, это касается и меня, как земного короля... Что это за люди — Вингельт с компанией? Вы не считаете, что мне нужно знать *такие* вещи? В архивах восьмого департамента я о них ничего не нашел.

Канцлер поморщился, словно бы досадливо, долго молчал.

— Ну, хорошо. В конце концов... — сказал он нехотя, — есть в архивах материалы, есть. Просто вы не знали, что речь идет именно об этой компании... «Дело о хитрых мастерах» — так это именуется. Неужели не попадалось на глаза?

— Что-то такое припоминаю, — сказал Сварог. — Очень тощая папочка. Циркуляры о выявлении необычных технических средств, каким согласно уровню земной науки и техники вроде бы и появляться не должно. И дюжины две рапортов — в большинстве своем проистекающих от излишнего служебного рвения. Единственный из них толковый касается Тагарона с его винтом...

— Это о них, — отводя взгляд, сказал Канцлер. — Именно так их и зашифровали, ради пущей конспирации. Черной магии там нет, ни следа. Так что, если подумать, название полностью отвечает ситуации. Хитромудрые мастера...

— Кто они? — спросил Сварог.

Канцлер выбрался из-за стола и, заложив руки за спину, прошелся по комнате наискосок. Лицо у него было хмурое и озабоченное, и Сварог стал уже подозревать, что не дождетсЯ ответа... Ну, что же, вернуться в Хелльстад и пошарить по кое-каким базам данных, коли уж начал...

Вернувшись к столу, Канцлер уселся и снова помолчал, с тем же хмурым видом, чуть ссутулившись.

— Это лары, — сказал он наконец тусклым, усталым голосом. — Это самые настоящие лары, среди них есть даже парочка моих дальних родственников, — он упорно не встречался со Сварогом взглядом. — Видите ли, когда случилась Вьюга... в обществе начались очень оживленные дискуссии по поводу будущих путей развития. Большинство придерживалось консервативной точки зрения — окончательно уйти за облака и вести именно такой образ жизни, который вы сейчас наблюдаете. Мы сами по себе, земля сама по себе... ну разумеется, под надлежащим присмотром и контролем. Нашлось еще и меньшинство, предлагавшее прямо противоположное: остаться на земле и поднимать ее развитие до нашего уровня. Как вы, должно быть, догадываетесь, меньшинство проиграло. Время было тяжелое и сложное, накал дискуссий крайне жарким... — он поднял голову, криво улыбнулся: — Нет, не подумайте, никакой схватки, гражданской войны, хотя иные горячие головы и готовы были схватиться за оружие... Разойтись, удалось, в принципе мирно. Мы ушли за облака, а они остались внизу. Конечно, прихватив с собой немало техники и неплохую электронную библиотеку... Было их всего-то человек пятьсот...

— И что потом? — тихо спросил Сварог.

Канцлер бледно улыбнулся:

— А ничего, собственно. Они пропали. Была еще парочка бурных лет, всем стало не до них, когда все немного успокоилось, их стали искать — и не нашли. Нет, они не погибли — они просто *растворились* в неизвестности. Мы наблюдали очень внимательно, но они никак не проявляли себя. Даже и не пытались, согласно своим прежним убеждениям, «поднимать» землю на новый уровень прогресса, — взгляд у Канцлера был жесткий, холодный. — Видимо,

поняли, что мы без труда сможем этому помешать. С тех пор ситуация так и осталась без изменений: мы так и не смогли никогда задержать ни одного из них, но мы знаем, что они где-то там, — он ткнул пальцем в пол. — Что где-то есть лаборатории, что они занимаются чем-то своим, их наука пошла в ином направлении, нежели наша. Они ни разу не пытались что-либо против нас *предпринять*. Они просто укрываются где-то мастерски и занимаются своими делами.

— Причем иногда даже помогают, как в случае с Багряной Звездой?

— Они помогли *Талару*, а не нам, — сказал Канцлер. — Мы их вообще больше не интересуем. Они считают наш путь развития тупиковым... а я считаю то же самое касательно их. Подумайте сами: что они могут сделать и что изменить? Были паникеры, считавшие, что они копят оружие и собираются в один прекрасный день развязать против нас войну... но прошло тысячи полторы лет, и эти прогнозы не подтвердились. Так что ситуация... не знаю даже, как ее и охарактеризовать. Они сами по себе, мы сами по себе. Судя по тому, что вы рассказывали, они располагают крайне интересными вещичками... Но никого из них так и не удалось взять.

— А почему бы их просто не оставить в покое? — спросил Сварог.

Канцлер рассмеялся коротко, трескуче.

— Очень пикантно слышать это от вас, *король* Сварог... — произнес он, не скрывая насмешки. — Особенно после того, как вы едва вернувшись из Катауна с останками Багряной Звезды, собрали всех ваших руководителей тайных полиций и разведок и велели *ловить* людей из компании господина Вингелта, приложив все мыслимые усилия... Кстати, составленные вашими сыщиками циркуляры почти слово в слово повторяют те, из «Дела хитрых мастеров»... Не подскажите ли, какие у вас были мотивы?

Сварог смущенно улыбнувшись — уел, уел! — пожал плечами:

— Ну как вам сказать... Когда в твоём королевстве вдруг обнаруживается тайное общество с непонятными целями, причем обладающее нешуточной силой, поневоле встревожишься. Пусть даже они никак себя не проявили и ничего вроде бы не *готовят*...

— Все правильно, — кивнул Канцлер. — Вполне разумная предосторожность. Именно так рассуждали и мы. Силы нешуточные, цели абсолютно неизвестны...

— Во всяком случае, ясно одно, — сказал Сварог. — Они никак не связаны с Горротом. Иначе ни за что не прятали бы настоящего Стахора.

— Логично... Но этого слишком мало.

— А вы не пытались как-то наладить переговоры, поискать компромисс...

— Они не пытались, — сказал Канцлер. — А мы попросту не знаем, где их искать. На Древние Дороги мы до сих пор не можем попасть... — его лицо исказилось самым настоящим охотничьим азартом. — Ничего бы я так не хотел, как поймать одного из них. Даже не допрашивать, а просто *поговорить*...

У Сварога, откровенно говоря, было такое же желание. И, провожая Канцлера до дверей согласно этикету, он вдруг подумал о самой простой возможности, про какую просто-напросто запамятовал за грудой дел. А ведь из этого могло бы что-то получиться, не такая уж глупая идея...

Глава VI

ПОХВАСТАТЬСЯ НЕЧЕМ

Глядя вслед степенно удалявшемуся Канцлеру, он увидел, как из кресла то ропливо выскочил Элкон, наверняка дожидавшийся достаточно долго. В руке у него был небольшой и плоский пластмассовый пакет, в каких здесь держали здешние флэшки. Сварог закрыл за ним дверь, успев мимоходом кинуть секретарю:

— Меня — ни для кого, разве что по Белой Тревоге...

Элкон, не теряя времени, отрыл коробочку и выложил на стол четыре «спички» — белых, величиной с мизинец и синими круглыми головками. Одну тут же отложил в сторонку:

— Это — по «черному камню»...

Лицо у него было не радостное и не унылое — скорее уж юный соратник имел вид человека, пребывавшего в тягостных раздумьях. Сварог старался как можно реже устраивать *настоящие* разносы своему юному воинству и повышать на них голос, но на сей раз все же спросил достаточно жестко:

— Почему в электронном виде? Я же приказывал все материалы сделать исключительно в бумаге. Чтобы попали к Канцлеру чуть попозже...

Без малейших признаков смущения или раскаяния Элкон ответил:

— А они уже давным-давно попали к Канцлеру. Еще до нас. Это не первый такой камешек...

— Ну, тогда садитесь и докладывайте, — сказал Сварог. — Сначала о нашем.

Он чуть отодвинулся, и Элкон уселся за соседний стул перед компьютером. Вложил «спичку» в отверстие наверху синего конуса, пробежался по клавишам. Сварог присмотрелся. Довольно длинный текст, чье окончание уходило за нижний обрез экрана, показался ему китайской грамотой: сплошь химические формулы, непонятные значки, цифры, графики... И так — до самого конца, где стояла подпись одного из переманенных им у Магистериума ученых.

— Ничего не понимаю, — сказал он раздраженно. — Вы не додумались сделать какой-нибудь перевод?

— Я просто-напросто старательно запомнил все, что мне объяснили, — сказал Элкон. — Если совсем коротко, командир — это *камень*. Самый обыкновенный камень, на роль компьютера подходящий не больше, чем эта вот ваша пепельница. Сохраняет линии магнитного поля, но сам магнитным полем не обладает. Ярко выраженная кристаллическая структура додекаэдрического типа. Вот тут, дальше, длинный список свойств. В реакцию с большинством химических соединений не вступает, разве что серная и соляная кислоты действуют на него разрушительно...

— Вы что, кислотой на него капали? — спросил Сварог. — Я же приказывал — не портить!

— Командир, дослушайте до конца, — сказал Элкон уверенно. — Все опыты

на разрушение давным-давно проделывали с *другим* камнем, я просто считаю: если наш остальным полностью соответствует по составу, по всем параметрам, значит, и воздействиям подвергается тем же... Логично?

— Логично, — проворчал Сварог.

— В общем, это *просто* камень. Каким образом он в состоянии выступать в роли компьютера, никому и в этот раз непонятно. И тем не менее, как вы инструктировали, я после всех исследований и анализов дал его патрицию. У него в руках он вновь заработал как ни в чем не бывало...

— А что там с другими?

— До сих пор в руки восьмого департамента попали шесть, — сказал Элкон. — Пять были захвачены полтора года назад в одном из притонов ронерской «Черной благодати» — правда, все, кто там был, успели ускользнуть, и Гаудину досталась лишь пара сундучков с разнообразными предметами.

Если не считать камней, ничего нового там не оказалось — неплохой набор их «черных талисманов» и прочих меченых черной магией штучек. Но в том-то и дело, что *камни* не несли на себе ни малейшего следа черной магии. Их тогда же самым тщательным образом исследовали. Тогда еще никто не знал, что это компьютеры. Их по окончании следствия положили в архив «текущих загадок» — ну, тот, куда складывают незакрытые дела в надежде, что позже по ним прибавится информации... А полгода назад ронерский фрегат захватил «Пьяного осьминога» капитана Латра. Был такой пират, не особенно и уважаемый в своей среде — за то, что баловал с черной магией, плавал на Диори к тем местам, что имеют очень уж скверную репутацию, даже пытался искать Черную корону. Вы лучше меня знаете: «приличные» джентльмены удачи таких забав не любят.

— Да уж... — кивнул Сварог.

— Капитан погиб при abordage, но примерно половина команды попала в плен. В капитанской каюте камень и нашли. Потом, когда их привезли на берег, в Морское бюро, стали вдумчиво допрашивать, и боцман, и кок показали интересные вещи. По их словам, камень этот подарил капитану какой-то морской дух. Оба пару раз видели, как капитан клал на камень руку, и тогда на столе вспыхивали как бы заключенные в прямоугольник ряды букв и непонятных значков. А над столом загоралась вроде бы карта, на которой были помечены разные корабли: иногда военные, но чаще всего — *интересные* купцы с ценным грузом. Оба клялись, что так и было — и уверяли, что пользоваться этой штукой мог только капитан, в руках кого бы то ни было постороннего она оставалась простым камнем... По-моему, это как две капли воды напоминает компьютер патриция, а? Ну вот... Потом камень через людей Гаудина в Морском бюро попал в Восьмой департамент и был признан аналогичным тем пяти. И после исследований — по сути, повторивших прежние — положен в тот же архив. Так что наш магистр ничуть не удивился, увидев этот камешек, скорее уж, скучающе пожал плечами: ну вот, еще один... Правда, у нас было большое преимущество перед предшественниками: у нас имелся человек, способный с компьютером работать. Так что эксперты заставили патриция работать, а сами окружили его разнообразнейшей аппаратурой...

Сварог невесело усмехнулся:

— Я подозреваю по вашему унылому лицу, что и эти исследования закончились ничем?

— Ну да, — мрачно кивнул Элкон. — Аппаратура *ничего* не зафиксировала. Ни малейшего присутствия каких бы то ни было известных науке излучений. Никто не понимает, *почему* эта штука работает, и никто не понимает, *как*. А в заключение — еще один интересный момент. Это не *наш* камень, не таларский. На Таларе просто-напросто не существует таких минералов. Что определили еще в первый раз, с той пятеркой. По той же методике был проверен и камень капитана Ланта, и наш. Проверить это было предельно просто: всего-навсего запросить архив департамента геологии канцелярии земных дел. На Таларе такого минерала нет... то есть он, быть может, и таится в каких-то неоткрытых залежах, но научному миру пока что не попадался.

— А другие планеты?

— Все поочередно, кто занимался камнями, приходили к тем же выводам и запрашивали соответствующие архивы, — сказал Элкон с видом отличника, прекрасно вызубрившего урок. — Ничего не нашли.

— Метеорит? — вслух предположил Сварог.

— Выдвигали и такую версию. Только доказательств никаких. Боюсь, командир, нам придется точно так же отложить дело в соответствующий архив...

— Пожалуй, — мрачно согласился Сварог. — Только сначала составьте донесение Канцлеру... Не представляю, что тут еще можно сделать, — он посмотрел на остальные «спички»: — А здесь у вас что?

Элкон чуточку замялся:

— Помните... Вы как-то приказали мне, как следует пошарить в архивах и поискать что-нибудь странное, касающееся Горрота? Что-то, выбивавшееся бы из обычного хода вещей? Вы тогда особо подчеркнули: какую бы глупость я ни обнаружил, смеяться вы не будете. Лишь бы это было что-то *странное*...

— Прекрасно помню, — сказал Сварог. — Уговор в силе. Когда дело касается Горрота, мне абсолютно не до смеха... Откопали что-то?

— Не пойму, то ли странность, то ли несуразность... — он извлек «спичку» и вставил новую. — В отличие от предшествующей истории с камнями, эти бумаги списаны в «мертвый» архив, в ту его часть, что на жаргоне именуется «мусорный ящик». Знаете такую?

— Успел ознакомиться, — сказал Сварог.

— Ну вот... В восьмом департаменте не пропадает ни одна бумажка, то есть ни один файл, но «мусорная корзина» — это гроб. Сто против одного, что эти документы никогда не будут извлечены. Я бы тоже внимания не обратил, но я настроил поиск на «Горрот, события ближайших пяти лет». Там не было ровным счетом ничего интересного, в той куче, что на меня свалилась, но вот это... Как-то все чуточку неправильно...

Сварог ощутил легонький охотничий азарт:

— Знаете, Элкон... Вот лично я верю в чутье. Поскольку не раз случалось, что оно меня не подводило. Может, и у вас что-то такое сработало? Пора бы. У человека на нашей службе рано или поздно должно появляться чутье, иначе грош ему цена... Показывайте, что там у вас.

Элкон не без запинки начал:

— Четыре года назад по приказу Стахора в Горроте начались грандиозные работы по установке новых межевых столбов и пограничных знаков. Охватившие все королевство. Автор донесения чуточку недоумевал, зачем все это

затейно: по его сведениям, старые межевые столбы были, в общем, в приличном состоянии и заменять большинство из них не было особенной нужды. Правда, они были самых разных видов и возрастов: от относительно новых до совсем старинных, поставленных пару сотен лет назад. Теперь и межевые столбы, и пограничные знаки заменяли на единый образец. Вот, посмотрите изображение. Как горошины из одного стручка.

— Объяснения какие-нибудь ходили?

— Широко ходили слухи, что это очередной каприз короля. Что Стахор намерен привести дороги своего королевства в единообразный, унифицированный вид. Никто не стал этому особо удивляться: в свое время у иных королей случались причуды и гораздо более странные. А здесь, как-никак, практическая польза...

— Не вижу пока ничего странного, — сказал Сварог.

— А оно все же есть, как решил в конце концов наш резидент, — сказал Элкон. — Сами посмотрите. Алые точки — это столбы и знаки. Тонкие голубые линии — большие тракты. Посмотрите, подумайте...

Он зажег контурную карту Горрота, усеянную помянутыми алыми точками и тонкими голубыми линиями. Масштаб он выбрал не особенно большой, и точки сливались в сплошные алые линии, больше всего напоминавшие паутину: центр был в Акобаре, от него к границам расходились иногда прямые, иногда не особенно линии, соединенные поперечными.

В первый момент Сварог не увидел ничего необычного.

— Ну и что? — пожал он плечами.

— Я тоже не усмотрел сначала ничего странного, командир, — сказал Элкон. — А потом стал читать донесение дальше. По примеру его автора добавил на карте море и горы... А теперь? Так-таки ничего странного?

— А вот теперь странного хоть отбавляй... — сказал Сварог, присмотревшись.

Во-первых, столбы и знаки практически *полностью* очерчивали границы Акобара: цепочки знаков тянулись вдоль морского берега непрерывной линией, проходили по горам, по диким местам, где пограничных знаков не меняют лет по пятьсот, а иногда и не ставят вообще. Во-вторых, алые ниточки межевых столбов пересекали горы, практически не петляя, даже там, где больших дорог отроду не имелось. В-третьих, пара-тройка обозначенных светло-синим больших трактов оказалась полностью лишена алых точек...

— Вы поняли, командир?

— Начинаю кое-что соображать, — сказал Сварог. — Когда-то пограничные знаки выставляли сплошной цепочкой вдоль *всего* побережья? Кстати, на каком расстоянии друг от друга?

— Как обычно и полагается — две лиги.

— Да черт возьми! — сказал Сварог. — На морском побережье никто и никогда не выставлял пограничных знаков, что-то я среди известных самодуров ни одного не припомню... И посмотрите, как они идут по горам напрямик там, где дорог, собственно, и нет... А вот тут и вот тут — знаю я эти тракты — межевые столбы просто необходимы, но их нет...

— Там оставлены старые.

— Это ж сколько труда нужно было вбухать...

— Работали восемь месяцев, — сказал Элкон. — С предельным напряжени-

ем сил. И, вот что интересно, совершенно непонятно, из каких источников эта стройка финансировалась. По подсчетам резидента, она должна была поглотить не менее трети годового бюджета государства, но изъятия таких сумм из казны не зафиксировано... Впрочем, как и из личных королевских средств. Словно пришел неизвестный благодетель, располагавший неограниченными средствами, и все оплатил... В общем, резидент высказал заключительное мнение, звучавшее примерно так: по его убеждению, коли уж часть больших трактов осталась без новых столбов, которые просто обязаны там быть — главные дороги королевства, где и заботиться о престиже, как не там? — коли уж с точки зрения нормального землемера и строителя дорог — эти столбы в горах, в глухих местах выглядят совершенно ненужными, коли уж пограничные знаки вдоль моря и опять-таки непроходимых гор смотрятся совершенным идиотством — дело заслуживает самого пристального рассмотрения. Очень уж это не похоже на весьма неглупого короля Стахора, никогда не позволявшего себе раньше такого самодурства, да еще с подобным размахом... Одним словом, он требовал детального расследования.

— Его провели? — спросил Сварог.

Элкон печально усмехнулся:

— Посмотрите резолюцию начальника отдела, командир...

Сварог прочел вслух:

«У меня создалось впечатление, что нашему любезному лорду Раутару скучновато в Горроте, и он никак не может подобрать себе настоящего дела. Стоит подумать, чтобы использовать его таланты где-нибудь в другом месте...»

— Пойдите... — сказал Сварог. — Лорд Раутар... Тот самый?

— Именно, командир. Так уж вышло, что у него сложились неприязненные отношения с начальником отдела... Короче говоря, бумага не получила хода. Раутара перевели в Снольдер, с понижением. Позже ему все-таки удалось вернуться в Горрот, уже рядовым агентом... но вы лучше меня знаете, что с ним произошло.

— Да, — бесстрастно сказал Сварог. — Гораздо лучше...

Четыре года назад, подумал он. На троне тогда еще преспокойно сидел *настоящий* Стахор. Это запутывает интригу, а? Те, в домике на обочине Древней Дороги, несомненно, настоящие Стахор и Эгле... Что творится? Неизвестно кем оплаченный грандиозный труд в масштабах всего королевства, столбы и знаки, которые далеко не везде отвечают своему истинному предназначению, а примерно в половине случаев попросту не нужны...

— Когда полностью завершилось строительство? — спросил он.

— Вот тут есть точная дата, — сказал Элкон. — Король устроил праздник, раздавал награды и пожалования...

— А через сколько времени после этого территория Горрота стала непроницаемой для наших средств наблюдения?

Элкон долго смотрел на него, по-детски разинув рот. И наконец выдохнул:

— Командир, вы гений...

— Услышу еще раз что-нибудь подобное — уволю, — хмуро сказал Сварог. — Никакой я не гений. Просто не верю в совпадения. Воздвигнута предельно странная сеть межевых столбов и пограничных знаков, а вскоре... Так

через сколько времени?

— Через две недели.

— А еще через несколько месяцев королю с королевой чудом удастся бежать, их место занимают подменыши и начинается черте что...

— Но ведь все возводилось еще при *настоящем* Стахоре?

— Быстро соображаете, Элкон, — сказал Сварог. — Конечно, при настоящем. Вот этого я пока что понять не в состоянии, тут своя загадка, и до нее еще докапываться... Но что касается знаков... Посмотрите, какая аккуратная паутина, в ней даже регулярность какая-то чувствуется...

— Защитная система? Излучатели?

— Вот уж наверняка что-то вроде, — сказал Сварог.

— Но наши системы не зафиксировали никакого излучения...

— Элкон... — поморщился Сварог. — Вы что, мало странностей видели за последнее время? А камушки-компьютеры, чье присутствие не фиксируется? А компьютер Бетты? Вот, кстати, нужно наконец заняться Беттой... А все остальное?

Он вспомнил летающую машину Вингельта, которую не засекали следящие за небом станции ларов. Тот же самый принцип. Который и в Хелльстаде себя прекрасно проявляет, кстати: там тоже ни капли магии, там, как поведал Золотой Кот, какие-то устройства по периметру Хелльстада, обеспечивающие и неуязвимость, и защиту от любопытных глаз и ушей... Установленные покойным королем еще в самые первые годы, когда он *обустроивал* свое хозяйство от любого постороннего вторжения.

Элкон нахохлился над столом. Хлопнув его по плечу, Сварог сказал наигранно бодро:

— Ну, что вы пригорюнились, господин лейтенант гвардии? Ничего жуткого не происходит. Это не дьявол, потому что дьявол, как меня заверяли монахи, никогда не делает ошибок. Это люди. Люди, не подумавшие, что эта *странность* может однажды кому-нибудь броситься в глаза. И какие-то *другие* технологии, только и всего.

— Да я ничего такого и не говорю... — сказал Элкон, подняв голову, браво выпрямившись, вообще стараясь смотреться соколом в глазах отца-командира. — Я вообще-то в дьявола не верю...

— А вот это вы зря, — сказал Сварог. — Я, например, с ним сталкивался нос к носу... После чего сомневаться в его существовании никак не могу, — перехватив вспыхнувший любопытством взгляд Элкона, он покачал головой: — Нет, как-нибудь потом, не до того. Давайте подумаем, что мы можем сделать... и можем ли мы на данном этапе что-то сделать...

Как уже не впервые случалось, он усмехнулся про себя, бросив взгляд на верного сотрудника. Элкон даже чуточку переминался на месте — ну да, не терпелось юному графу вскочить в седло, вонзить шпоры в бока горячего жеребца и нестись во весь опор, размахивая шпагой. Конечно, это уже не «детский сад», каким в первые недели безусловно были его юные сподвижники. Элкон и на войне побывал, и серьезными делами занимался, но все равно, много времени понадобится, чтобы воспитать его *как следует*...

— Сядьте, Элкон, — усмехнулся он и уселся первым, подавая пример. — Сделать мы, собственно, не можем ничего. Можно было бы, конечно, подкатить пушку и шарахнуть научного любопытства ради по одному из пограничных

знаков — а ну-ка, что с ним будет? Если это и правда один из множества излучателей некоей системы, он наверняка не каменный, а из какой-нибудь синтетики... Но... Во-первых, иная синтетика бывает тверже камня, а во-вторых, мы им покажем, что *знаем*. А вот этого никак нельзя. Мы не знаем о них ничегошеньки. Мы, в конце концов, даже не можем быть уверенными, что это система излучателей — хотя эта версия многое объясняет, в частности, их полную закрытость от наших средств наблюдения...

— Наши наблюдательные системы ни разу не фиксировали какого бы то ни было излучения, исходившего от этих столбов.

— Ну, здесь снова две версии, — сказал Сварог. — Может быть, никакого излучения нет. А может, они работают на других технологиях, и у нас просто нет аппаратуры, способной что-то засечь. Наукой у нас, считая антланцев, занимаются всего-то человек триста. А этого, по-моему, маловато, чтобы изучать все. Даже располагая мощными компьютерами. Могут быть целые направления тех или иных наук, мимо которых мы просто-напросто прошли — при таком-то малолюдье. Или я рассуждаю, как невежда?

— Ну что вы, командир, — сказал Элкон. — В точности такие разговоры мне приходилось слышать и в самом Магистериуме. Кое-кто откровенно печалится, что не в состоянии объять необъятное. Самый лучший компьютер сам по себе научных открытий совершать не может...

— Хорошо, — сказал Сварог. — Давайте в качестве рабочей версии считать, что это и в самом деле система защиты. Она заставила наблюдателей ослепнуть и оглохнуть, она сбрасывает с небес любые наши летательные аппараты... а может, способна еще на какие-нибудь пакости. Очень уж много странностей и нехороших совпадений с ней связано... Допустим. Система. Ну и что? Мы понятия не имеем, кто там ею управляет и чем он еще располагает. И поэтому будем пока старательно притворяться, что ничего не замечаем...

— Вы будете докладывать Канцлеру?

— Чуть погодя, — сказал Сварог. — Думается мне, Канцлер придет к тем же выводам, что и мы сейчас, к чему тогда торопиться? У меня пока что есть одна идея... Сколько раз вы у меня просили разрешения тихонечко пошарить по архивам Кабинета Канцлера? Раз десять?

— Да уж не меньше, — ухмыльнулся Элкон. — Хотите сказать, что на этот раз...

— Ну что вы, Элкон, — сказал Сварог, ухмыляясь не без цинизма. — Запрет остается в силе. Что там у нас сказано в Кодексе о компьютерной сети Империи? Помните наизусть?

— Конечно, — сказал Элкон. — Вы, простите, мне столько раз повторяли... Любому лару запрещено с помощью компьютерной сети Империи вторгаться в архивы Кабинета Императрицы, Кабинета Канцлера и в отдельные области имперских учреждений, точный список которых приводится...

Сварог ухмыльнулся очень уж цинично:

— Ключевые слова здесь — «компьютерная сеть Империи». Но Кодекс ни словечком не запрещает вторгаться в данные архивы с помощью *других* сетей. Исключительно потому, что не подозревают об их существовании, но какая разница? Мы не нарушаем закон, мы просто его обходим, пользуясь его несовершенством, а это совсем другое дело, вам не кажется?

— Другие сети... — повторил Элкон. И вдруг его лицо форменным образом

озарилось: — Командир, неужели у вас в Хелльстаде...

— Полетели, — сказал Сварог, вставая. — Сюрпризы гарантированы.

...Искусно маневрируя алыми крыльями, Сварог описывал полукруг у массива Гун-Деми-Тенгри, держась на приличном расстоянии. Конечно, роботы не умеют врать и лишены коварства, но лишняя осторожность не помешает.

Не обнаружив никакой опасности, он решился и летел теперь буквально в сотне уардов — мимо голых бурых скал, мимо поросших густыми зелеными лесами отлогих склонов и горизонтальных плато. И опять-таки не чувствовал магии — ни черной, ни любой другой. Теоретически рассуждая, здесь не должно обитать никаких таких существ, превосходящих в магии и иных умениях покойного создателя этого мира. Это он, как-никак здесь все придумал и устроил... ну, почти все. Вот только практика иногда расходится с теорией... Ага!

Он повис в воздухе в позе спокойно стоящего человека. Крылья едва заметно трепетали.

Уардах в трехстах впереди и чуть пониже тянулось очередное плато, исполненным уступом выдававшееся над пропастью, примыкавшее другим краем к основанию высоченного ледяного пика — обширное, почти прямоугольных очертаний. Примерно две трети его заросли густым лесом, опять-таки из знакомых и за пределами Хелльстада деревьев. Ничего экзотического. Весьма даже напоминает каталаунские леса...

А над самым обрывом, отгороженный от него широкой галереей с шеренгой фонарей, стоял дом. Не особенно и большой, но и не маленький, чем-то неуловимо напоминавший старинные замки Талара и Земли — высокие крутые крыши с затейливыми флюгерами, декоративные башенки, выступающие эркеры, светло-коричневая черепица, светло-желтые кирпичные стены, уходящие в чащобу дорожки, вымощенные разноцветными камешками, образывавшими красивые узоры. Возле балюстрады — с дюжину легких шезлонгов, установленных так, чтобы те, кто в них сядет, могли любоваться пейзажем. Вид отсюда, конечно, открывается великолепный, на многие десятки лиг, не хуже, чем из «Орлиного гнезда» Фаларена...

Чем дальше Сварог наблюдал, тем больше убеждался, что меж этим зданием и военно-морским санаторием найдется немало общего. То же сочетание цветов, и крыш, и стен, разве что чуточку иных оттенков, некое неуловимое сходство стиля, ну, а здешние и тамошние фонари словно вышли из одной мастерской ручнойковки...

Он решился. Медленно спустился вниз, пролетел над балюстрадой, встал на веранде, вымощенной треугольными плитками палевого цвета. Перехватил поудобнее Доран-ан-Тег, готовый в любой момент вертикально взмыть в небо на максимальной скорости. Как-никак ему в свое время уши прожужжали насчет Гун-Деми-Тенгри и обитающих там демонов... в точности как поколениям ларов о Хелльстаде, а?

Закругленная сверху дверь, представлявшая собой многоцветный витраж, неспешно распахнулась, вышли двое и стали спускаться по высокому крылечку с коваными изящными перилами, явно сработанными тем же мастером, что трудился над фонарями. Сварог подобрался, не трогаясь с места. Молодой человек и девушка, одетые во что-то вроде коротких туник почти одинакового

фасона, опоясанные усыпанными самоцветами золотыми поясами. Открытые на всю длину ноги босы, юноша — темноволосый кудрявый красавчик, девушка — очаровательная блондинка с волосами чуть ли не до пояса. Никаких украшений, только у девушки над правым ухом что-то вроде золотого цвета ажурной плетенки с синими камнями. Они еще издали улыбались Сварогу обаятельно, открыто, дружелюбно. Он не спешил изображать в ответ улыбку в сорок четыре зуба. Эта очаровательная парочка, как давно научил жизненный опыт, могла оказаться кем угодно, не к ночи будь помянутыми...

И он *врубил* все свое умение. Нет, никаких *личин*, эти симпатичные молодые люди были именно тем, кем выглядели: беззаботной молодой парой в диковинных нарядах. Черной магии — ни дуновения. *Запашок* магии все же присутствует — но обычной, если можно так выразиться, бытовой, не выше той, какой обучены антланские слуги в небесных замках, с ее помощью расставляющие посуду на стол и чистящие фамильное серебро. Это не маги. И не лары. Просто молодые люди, владеющие кое-какой немудреной, *бытовой* магией.

Сварог расслабился чуточку — но не окончательно. Они остановились шагах в четырех, юноша поклонился, прижав ладонь к сердцу, девушка присела почти так же, как приседают во дворцах перед королями придворные дамы. Улыбнулась вовсе уж ослепительно. Судя по всему, такая раскованная резвушка — юноша еще стоял, таращась на Сварога то ли удивленно, то ли с толикой испуга, а она заговорила вполне непринужденно:

— Добрый день, ваше величество. Рады, что вы изволили навестить нашу скромную обитель. Вы ведь новый король Хелльстада, верно? Тот самый знаменитый Сварог Барг?

— Вы обо мне слышали? — вежливо, но настороженно спросил Сварог.

Она рассмеялась определенно кокетливо:

— Мы же не сидим здесь затворниками, государь, часто бываем в большом мире и знаем все его новости. Ну, а уж о вас нельзя не услышать с некоторых пор. Впрочем, мы впервые узнали о вас, когда стало известно, что в Хелльстаде новый король... Меня зовут Бирута, а это Уго. Он немного увалень, да к тому же оробел перед вашим величеством, ходят слухи, что вы суровы...

— Да ладно тебе... — пробормотал кудрявый Уго. — Вечно ты... Рад приветствовать, ваше величество. Как верные подданные вашего величества и в соответствии с традициями...

Он, похоже, запутался в приготовленной высокопарной фразе и смущенно замолчал. Бирута фыркнула:

— Я же говорила — увалень... Но, правда, ходят слухи, что вы крайне суровы...

— Только не с такими девушками, — сказал Сварог, ощущая некоторую непринужденность. — Кто это вам наговорил?

— Ну как же, во многих ваших королевствах и во дворцах тоже... — она сделала лукаво-испуганную гримаску. — Ваше величество, вы не разгневались на мой дерзкий язык? Он у меня, все говорят, без костей...

— Ну что вы, — сказал Сварог. — Таким девушкам обычно прощается очень и очень многое... кроме разве что черной магии и заговоров.

— Ну, тогда мне ничего не грозит, — сказала Бирута, мастерски изобразив, будто *охолонула* от лютого страха. — Черной магией я не владею, заговоры со-

ставлять не умею... Правда, другие говорят, что вы не так уж и суровы... Ваше величество, не угодно ли присесть? Правда, эти креслица...

Она шевельнула пальцами правой руки, и рядом со Сварогом возникла более обстоятельная мебель: не особенно массивное, изящное золоченое кресло.

— А вы? — спросил Сварог, оставаясь стоять.

Ее личико преисполнилось восторга, кажется, вполне не наигранного:

— Вы разрешаете сидеть в вашем присутствии?

— Конечно, — сказал Сварог. — Садитесь оба.

Она вновь шевельнула пальцами, и возникли еще два кресла. Буквально толкнув в одно из них молчаливого Уго, девушка грациозно опустилась во второе, закинула ногу на ногу — крайне эстетическое зрелище — улыбнулась:

— Не сочтите за лесть, ваше величество, но я сразу поняла, что вы — человек совсем иного склада. Хотя и не стоит дурно о покойниках, но покойный король не всегда... был образцом галантности.

Краешком глаза Сварог подметил, что на лице Уго мелькнула сердитая, чуть ли не злобная гримаса. С Фалареном у него явно были связаны не самые лучшие воспоминания.

— Вы здесь живете? — спросил он.

— Ну да, — безмятежно улыбнулась Бирута. — Все шестеро. Правда, Кай и Гиби сейчас в Ронеро, на маскараде, а Дигор с Альфиной отправились на Сильвану... Простите, ваше величество, никто не ожидал, что вы появитесь так неожиданно, иначе все остались бы дома вас приветствовать...

— Пустяки, — великодушно сказал Сварог. — Я просто... пролетал мимо и обратил внимание на ваш дом. Мне говорили, что здесь кто-то живет, но я спешил, не интересовался подробностями...

— Ну, разумеется, — серьезно кивнула она. — У вас столько важных дел, я наслышана...

— Столько, что у меня, собственно, и не хватало времени как следует изучить Хелльстад, — сказал Сварог чистую правду. — Вот, выбрал время... Значит, ваши друзья кто в Ронеро, кто на Сильване... И как вы это делаете?

— О, это просто! — беззаботно воскликнула Бирута. — Посмотрите во-он на ту скалу, ваше величество, ту, что с плоской верхушкой и колючим кустарником...

Сварог машинально повернул голову в ту сторону. Скала располагалась от него примерно в полулиге. В следующее мгновение рядом с высоким колючим кустом возникло яркое пятно. Это Бирута в своей диковинной тунике, при каждом движении переливавшейся всеми оттенками радуги, стояла там и махала ему рукой. Он оглянулся — напротив него сидел один Уго, казавшийся безучастным и скучающим, а кресло Бируты было пустым. Еще миг — и она возникла в нем, закинула ногу на ногу, безмятежно улыбнулась и просто сказала:

— Вот...

«Интересно, — подумал Сварог. — Лары так не умеют, Магистерииум к такому только подбирается... который год подбирается».

— Мы умеем, — так же просто и непринужденно сказала Бирута. — Все.

— И на Сильвану — таким же образом?

Ее глаза озорно блеснули:

— Уго! Отправляйся-ка на Сильвану и привези его величеству какой-ни-

будь достойный подарок. Сам подумай, что придется королю по вкусу...

— Оружие, — сказал Сварог эксперимента ради. — У них там в Гургане делают замечательные кинжалы — черный узорчатый булат, рукоятка из яшмы...

— Уго, ты слышал? Только переодеться не забудь, а то вечно с тобой хлопоты... Ну, что нахохлился? Я кому сказала?!

Тяжко вздохнув, Уго выпрямился в кресле... и исчез. Выглядело это эффектно, что уж там.

— Ужасный копуша и лентяй, — сообщила Бирута. — К тому же у него сейчас какая-то неутоленная страсть в Латеране, он бродит унылый и печальный, натывается на мебель... Без него как-то веселее, вы не находите, ваше величество?

— Пожалуй, — искренне сказал Сварог.

— В таком случае... Быть может, показать вашему величеству дом? И мою спальню?

Сварог взглянул ей в лицо. Она ответила откровенным взглядом, облизнула сочные губы кончиком языка, улыбнулась так, что двойных толкований это не допускало.

Сказать по совести, с неделю назад он охотно принял бы приглашение — девчонка была живая, настоящая, очаровательная — спасу нет. Но сейчас, нежданно-негаданно оказавшись в роли жениха и всего-то чуть больше суток назад, показалось как-то неудобно...

— В следующий раз, Бирута, — сказал он мягко. — Сегодня у меня день сплошь посвящен государственным делам... Что ты на меня так странно смотришь? — он усмехнулся. — Коли уж обо мне наслышана, должна знать, что красавицами я отнюдь не пренебрегаю. Никаких таких... особых пристрастий.

— Я не странно улыбаюсь, — сказала Бирута. — Я облегченно улыбаюсь. Кажется, жизнь меняется в лучшую сторону... Ваш предшественник был, как бы деликатнее выразиться, человеком совсем другого склада...

Сварог вспомнил слова Золотого Кота. Ну конечно, Фаларен их всех здесь... Ну, а о хамстве и самодурстве покойничка Сварог имел некоторое представление.

— Я понимаю, государственные дела, — сказала Бирута и улыбнулась той же многообещающей улыбкой. — Но вы соизволите вспомнить обо мне, когда дела будут позади?

— Конечно, — сказал Сварог.

— Я бы с удовольствием провела ночь в Вентордеране. Мне больше всего нравится Янтарная спальня...

«Не получится, милая», — подумал Сварог — истины ради, с ноткой сожаления. Именно Янтарную спальню облюбовала Яна, а у Яны по поводу спален есть легкий пунктик, который она сразу высказала: что никогда не ляжет с ним в ту постель, где он уже однажды был с другой. И взяла слово никогда не приводить другую в ту спальню, где они со Сварогом... Хорошо еще, в Вентордерне полдюжины королевских спален, и Мара давно выбрала для себя Изумрудную.

Он шутливо спросил:

— А некий молодой человек, который сейчас на Сильване ревновать не будет? Ведь, насколько я понял...

— Глупости, — Бирута сделала гримаску. — За все эти годы мы научились к таким вещам относиться спокойно. Можно даже сказать, совершенно равнодушно.

И только тут до Сварога дошло, что сидело у него в подсознании занозой уже довольно долго...

— Послушай, — сказал он, стараясь говорить непринужденно, лениво, — значит, вы и в Горрот можете вот так попасть?

На ее лице появился непритворный страх:

— Только не в Горрот! Туда нельзя!

— Почему?

— Мы там бывали тысячу раз, никто ничего подобного и не ждал... Года три назад Илкер и Альфия туда отправились на какое-то представление, как сто раз до того... В облике горротских дворян, как обычно... И вдруг что-то случилось. Они успели передать, что за ними гонятся, что *уйти* они не могут, потому что вся наша магия там перестала действовать... чтобы мы никогда больше там не появлялись, там смерть... Они не вернулись. Когда у меня выпал случай... пообщаться с королем, я ему все рассказала и попросила что-нибудь узнать... — Бирута печально понурилась. — Но он сказал, что ему наплевать, что он не станет ради них возиться... И посоветовал нам туда не соваться, если жизнь дорога... Мы больше ни разу и не совались... Там что-то скверное.

— Да уж, сквернее некуда... — проворчал Сварог. — Послушай, а как вы вообще здесь оказались? И как получилось, что умеете все *это*?

— Мы просто прилетели отдохнуть, все восемь, — сказала Бирута. — Мы старые друзья, старая компания... Вертолет до сих пор стоит где-то там, — она небрежным жестом указала на чащобу, — сквозь него проросли деревья... но зачем он нам теперь? В общем, мы прилетели отдохнуть, мы здесь часто бывали, это домик отца Альфии. Два дня все было прекрасно, а потом вдруг отключились все телевизоры, гору затрясло, мы выбежали на террасу, а вокруг творилось такое... Вон там, — она показала рукой куда-то вниз, — были в то время непроходимые почти леса, заповедник... Деревья вырывало с корнем, они летали по небу, как пушинки, на небе и на земле творилось что-то жуткое... Мы тогда еще, конечно, не знали, что это Шторм...

Сварог оторопело уставился на нее. Ей нельзя было дать и двадцати пяти. Впрочем, и Фаларен не выглядел старцем...

— Подождите... — выговорил он хрипло. — Значит, вы жили на Таларе еще до Шторма?

— Ну да, — самым будничным тоном сказала девушка.

— И что делали? Где работали?

— Работали? — она недоуменно подняла красивые тонкие брови. — Никогда мы нигде не работали, зачем? У отца были крупнейшие судостроительные заводы в Ропшере, у матери Уго — несколько банков... в общем, у всех у нас родители были достаточно богаты. Один Илкер, правда, работал у отца, но пару месяцев в году, исключительно забавы ради, когда становилось очень уж скучно...

«Понятно, — подумал Сварог. — Совершенно как в том давнем случае с самолетиком, о котором рассказывал Гаудин. Только этим повезло гораздо больше, пересидели здесь все катаклизмы, и, кажется, можно догадаться, почему...»

— И что было дальше?

— Дальше продолжался весь этот ужас — с землей, с небом, со всем миром. Только продолжалось это недолго. Все успокоилось, правда, вся окружающая местность напрочь изменила облик, если не считать нашей горы... А еще раньше через нас пронесся... Поток. Сквозь нас. Я не могу вам его описать, нет таких слов в человеческом языке. До сих пор не понимаю, что это было и как получилось, но теперь мы знали все. Что мы отныне бессмертны, что можем одним усилием мысли перемещаться куда угодно и даже на другую планету, воздвигать дворцы, создавать любые наряды, яства и вина — правда, только те, что знали до этого...

— И что еще?

— А ничего больше, — сказала Бирута, пожимая плечиками. — Но разве этого мало? Так здорово все это уметь... Ой, какая я дура! Нужно же накрыть стол для вашего величества...

— Благодарю, не стоит, — сказал Сварог.

— Как прикажете...

— И дальше? — спросил он.

— Еще несколько дней вокруг продолжались всякие странности на земле и в небе, но как бы *мелкие*, не особенно страшные... Телевизоры не работали, электричества не стало, генератор превратился в нечто странное вроде «заумной скульптуры»... Ну, а потом появился король. И все объяснил. Сказал, что нашего мира больше нет, что он сметен каким-то катаклизмом и добрая половина населения планеты погибла, все лежит в руинах... Что теперь тут отныне и навсегда его королевство, а мы, раз уж так случилось — его подданные. Наши мальчишки возмутились, но он показал, на что способен, и нам не оставалось ничего другого, кроме как покориться и принять его власть...

— Но вы же могли попросту сбежать. Коли уж умели мгновенно переместиться куда угодно?

— Мы еще не успели к своим способностям привыкнуть, — сказала Бирута с мимолетной грустью. — А потом... Где бы мы ни оказывались, он нас всюду находил. Появлялись проворные золотые твари, его лакеи, хватали и возвращали... — она вздохнула, глядя, такое впечатление, куда-то в прошлое. — Да и куда было бежать, собственно — повсюду развалины, рыщут то орды полудикого вида, то самые настоящие банды, меня однажды чуть не изнасиловали, а Илкера едва не убили... Словом, мы быстро смирились. Тем более что никаких тягот и лишений нам и не пришлось переживать. Дом ничуть не пострадал, появилось новое освещение, можно было жить с прежним комфортом, — она опустила глаза. — Разве что время от времени король... приглашал к себе. Но шли годы, и мы привыкли.

— Вы что же, так и сидели здесь? — спросил Сварог. И про себя добавил: «И не рехнулись? Вот Фаларен, тот определенно к концу столь внезапно оборвавшегося правления подвинулся умом, и крепко...»

— Ну что вы! — живо возразила Бирута, беззаботно улыбаясь. — Король нас здесь взаперти не держал, мы большую часть времени проводили за пределами Хелльстада, в большом мире...

— И что же вы там делали?

— Как это что? — недоуменно подняла брови Бирута. — Развлекались. Через несколько лет появилось столько возможностей... Жизнь понемногу нала-

живалась, люди стали создавать государства... конечно, самые примитивные, варварские, но это-то и было так интересно, романтично... — ее красивые серые глаза сияли подлинным восторгом. — Знаете, я однажды была любовницей одного такого короля. Как в историческом фильме, честное слово: замок из бревен, на стенах чадят факелы, вместо постели звериные шкуры... Только я выдержала недели две и сбежала: надоело полное отсутствие комфорта, — она фыркнула, прикрыла рот ладошкой. — Когда даже нужду приходилось справлять за углом какого-нибудь свинарника... Ну, а потом пошло гораздо приятнее. Государства помаленьку развивались, появлялось все больше бытовых удобств... Вьюга, правда, очень напортила, но после нее все пришло в норму еще быстрее, чем после Шторма, — она мечтательно подняла глаза в небо, отрешенно улыбнулась. — Какие были маскарады, рыцарские турниры, королевские балы и разные праздники... Кем я только не побывала: фавориткой нескольких королей, любовницей множества знатных особ, актрисой, пленницей пиратов, даже шлюхой в портовом борделе, ради остроты ощущений. Мы даже соревновались, кто больше приключений пережил. Изображали призраков, регулярно появлявшихся в одном и том же месте и со зловецким хохотом растворявшихся в воздухе... Можно рассказывать до утра. Не знаю, не помню, сколько прошло лет, но мы очень быстро перестали тосковать по *тому* миру — здесь оказалось гораздо интереснее, здесь до сих пор масса развлечений, которые невозможны были в *нашем* мире...

Ее личико прямо-таки пылало воодушевлением.

— И так — пять тысяч лет? — спросил Сварог.

— Ну конечно! Здесь так классно! До сих пор не все возможные развлечения исчерпаны, — она лукаво прищурилась. — Я еще у ларов не напроказила как следует... я ведь и в их замки моту попадать, — она заливисто рассмеялась. — Вы только никому не рассказывайте, ваше величество, обещаете? Я уже две недели появляюсь в полночь в замке одного симпатичного графа, придумала себе убедительную легенду, и мы с ним всякий раз забавляемся до утра...

«Надо же как, — подумал Сварог. — А ведь до сих пор никто из придворных — и я сам — не верил и не верит рассказам графа Рутвела, уверяющего, будто к нему что ни полночь является в гости прекрасная Ночная Фея, невероятно искусная в любви... А получается, чистая правда, зря беднягу вышучивали за спиной...»

Потом он подумал: уж не обладал ли разумом тот загадочный Поток? Давши каждому столько, сколько тот заслуживал? Фаларен, уж безусловно, не был светочем ума — но человеком *дела*. Вот и получил возможность создавать замки, компьютерные центры, хитроумное оружие и разнообразную аппаратуру, да что там, целое государство смог *смастерить*. А эти пустоцветы, убившие пять тысяч лет на примитивные развлечения и готовые продолжать еще столько же, ни разу не заскучав, обрели, в сущности, довольно убогий набор способностей... Каждому свое.

Очаровательная Бирута продолжала, чуть погрузнев:

— Одна беда: король в последние годы стал жестоким и неприятным. Он говорил, это от пресыщения и скуки. Как ему может быть скучно, когда сил и возможностей у него было в сто раз больше, чем у нас? Все, что начало твориться... Хорошо, что теперь его больше нет, — она взглянула с неподдельной

тревогой: — Ваше величество, вы ведь не будете с нами грубы?

— Ни в коем случае, — сказал Сварог и встал (она тоже торопливо вскочила). — Простите, красавица, но мне пора. Государственные дела. Рад был с вами познакомиться, мы наверняка еще увидимся...

Бирута вдруг упала перед ним на колени, обняла его ноги и, глядя снизу вверх, уставилась с неприкрытой мольбой...

— Ваше величество! — у нее на глазах появились слезы. — Всякий новый король оделяет милостями, смягчает участь... Я повидала столько королев... Умоляю вас: уничтожьте Красный Павильон! Мне почему-то кажется, что *вам* он никакого удовольствия не доставит... Умоляю вас! Мы и без того в полной вашей воле...

Пожав плечами, Сварог нагнулся, взял ее за плечи и без труда поднял с колен. Правда, она тут же выказала поползновения вновь на них рухнуть. Придерживая ее за плечи, чтобы стояла в полный рост, Сварог сказал недоуменно:

— Честное слово, не понимаю, о чем ты...

— Значит, вы в нем еще не были... — прошептала Бирута. — Велите, чтобы вам показали. И уничтожьте его, умоляю вас!

В ее лице и голосе было столько мольбы, что Сварогу стало неловко.

— Хорошо, — сказал он, отпустив девушку и помаленьку отступая. — Посмотрю, что это такое, и если там что-то неприглядное...

— Это мерзость! — вскрикнула Бирута, лишившаяся прежнего веселья и беззаботности.

— Хорошо, хорошо, — сказал Сварог. — Разберемся...

— Ой! Уго так и не вернулся с подарком для вас...

— Я к вам еще как-нибудь загляну в гости, — пообещал Сварог и вертикально взмыл в воздух.

Без труда сориентировавшись — на голове у него была королевская митра, — направился к своим замкам. Первое время он горько ухмылялся и качал головой: зловещая гора Гун-Деми-Тенгри, обитель злых демонов, овеянная тысячелетними жуткими легендами... Вот они, демоны — кучка аристократических отпрысков, никому не опасна и ни на что полезное употреблена быть не может...

Стоп, стоп! Пожалуй, насчет пользы он попал пальцем в небо. Конечно, если возьмешься *просто* расспрашивать этих шестерых о жизни до Шторма, получишь богатейшие, но бесполезные познания о тогдашних ночных клубах и прочих увеселительных местечках, где прожигала жизнь золотая молодежь. Но если пустить в ход кое-какую аппаратуру восьмого департамента, извлекающую из человеческой памяти все, что человек когда-либо и видел и слышал... Вот это уже несомненная польза. Хоть что-то *полезное* эти шестеро видели, пусть из окна своих роскошных лимузинов, хоть что-то слышали — те же новости по телевизору. Пусть видели мельком, пусть слушали вполуха — но все это осталось у них в мозгу. С тех времен, о которых рассказывал Гаудин, много воды утекло, аппаратура стала гораздо совершеннее и никакого вреда *изучаемому* не принесет. Правда, и это придется отложить на потом, никакие знания, пусть самые полные, о жизни до Шторма не помогут разобраться с двумя насущнейшими хлопотами и опасностями: Токерангом и Горротом...

Глава VII ОБЛАКА ПОД НАМИ

Картина открылась самая мирная, привычная: Вентордеран с опущенной лестницей стоял на земле уардах в ста от Вилердерана — и лесная чащоба вокруг последнего убавилась, пожалуй что, наполовину: там суетились десятки вспыхивавших ярким золотом в солнечных лучах машин, сверкали загадочные разноцветные вспышки, вроде бы получалось что-то осмысленное...

Но Сварог посмотрел туда лишь мельком и направился к полуденному крылу Вилердерана — в отличие от полуночного, крыша там была не крутая, а совершенно плоская, крытая не черепицей, а плитками неотшлифованного розового мрамора. Золотой Кот, показывая ему замок, пояснил: когда-то, еще забавляясь этим замком и пышным королевским двором, Фаларен устраивал тут танцы под открытым небом, благо размеры были приличные: сотни полторы уардов на полста.

Именно там, высоко над розовой крышей-танцплощадкой парил в вышине Золотой Дракон, а пониже, над шпильями окаймлявших крышу башенок, ходили кругами Золотые Филины. У высокой, почти в человеческий рост балюстрады, окружавшей крышу, сидели равномерно рассредоточившиеся по всему периметру гармы, шестеро, мордами наружу, время от времени бдительно вертели головами.

Ах, вот оно что — почти в самом центре крыши разложено темно-вишневое полотнище, и на нем распростерлась ничком обнаженная женская фигурка, положив голову на руки. Волна роскошных золотых волос скручена в тугой узел, чтобы загорели шея и плечи. Будущая королева Хелльстада осваивалась.

Сварог опустил в нескольких шагах, неторопливо подошел. Яна приподняла голову, улыбнулась ему разморенно:

— Всегда мечтала хорошо загореть, но никогда не получалось...

— А Сильвана? — спросил Сварог, присаживаясь на корточки. — Пляжи Ракамерати? Я так до сих пор на Сильвану и не выбрался, но, судя по видео, места замечательные...

— Ну, понимаешь... — произнесла Яна чуть смущенно. — Охрана, конечно, маячила где-то за горизонтом, но я никогда не могла отделаться от впечатления, что за мной продолжают наблюдать с орбиталов... А уж здесь-то это полностью исключено...

— Да уж, будь уверена, — сказал Сварог не без гордости.

Яна оглянулась на ближайшего гарма:

— Они от меня не отходят даже здесь...

— У них приказ, Вита, — пожал плечами Сварог. — Именно так и охранять, пока ты находишься вне Вентордерана. Канцлер за тебя очень уж беспокоится, когда он слышал, что ты гуляешь по Хелльстаду, его чуть удар не хватил...

— Вот видишь, — серьезно сказала Яна. — Даже Канцлер... Говорю же, я не из пустого баловства титул здешней королевы прошу...

— Я понимаю, — серьезно сказал Сварог. — Ты Элкона не видела?

— Как только ты улетел, Элкон прилип к твоим компьютерам и оторваться от них не может, — фыркнула Яна. — Даже пообедать со мной отказался, попросил слуг, чтобы ему принесли туда. Он в упоении. Бормочет, что поселится здесь навсегда... то есть поселился бы, если бы не служебные обязанности. Я сама чуточку удивилась. Исстари повелось считать, что Хелльстад — царство черной магии и чудовищ, а у тебя, оказывается, великолепные компьютерные залы...

— Черной магии тут нет ни капельки, — серьезно сказал Сварог, присев рядом с ней на корточки. — Чудовища вообще-то присутствуют, хоть и не в таком количестве, как об этом болтают во внешнем мире. Но и компьютеры найдутся. У меня к тебе большая просьба... Можешь не рассказывать Канцлеру, что у меня тут имеется компьютерный центр?

— Ни словечка. Честное слово будущей королевы Хелльстада, — Яна коварно улыбнулась. — Я ему *вообще* не рассказываю ничего о том, что вижу в Хелльстаде, хотя он и пытается порой деликатно расспрашивать. Всегда отделяюсь двумя фразами: «Там очень красиво» и «Там очень мало тех ужасов, о которых толкуют столько лет».

— А почему не «вообще нет», а «очень мало»?

— Ну как ты не понимаешь? — удивилась Яна. — Большая политика. Они все должны по-прежнему хоть чуточку, но бояться Хелльстада и полагать, что некие ужасы здесь все же есть. Иначе зачем я все это устраиваю? Навязываюсь тебе в жены именно здесь? — она склонила голову к плечу, глянула смешливо и загадочно. — Хотя, быть может, я и в другом месте попыталась бы к тебе в жены навязаться...

Какое-то опасное направление принимали в последнее время ее мысли... Сварог никак не чувствовал себя созревшим для *настоящей* женитьбы. И решил отшутиться:

— За чем же дело стало? Ты сама говорила, я имею полное право сочетаться законным браком в каждом твоём королевстве... Начнем играть свадьбы одну за другой. Яна-Алентевита Гланская, Яна-Алентевита Ронерская... Яна-Алентевита, Высокая Покровительница Вольных Маноров...

— Нет уж, — серьезно сказала Яна. — Это уже получится сущая комедия. А то, что мы задумали, дело вполне серьезное. — она, не поворачивая головы, коснулась кончиками пальцев плеча и озабоченно сказала: — Кажется, пора на спину переворачиваться...

— Как хочешь, — сказал Сварог с весьма недвусмысленными интонациями. — Но в этом случае мало ли что может произойти... Охрану я вмиг разгону за тридевять земель, подглядывать некому...

Яна все же перевернулась на спину, грациозно прикрылась обеими руками, словно речная нимфа с какого-то классического полотна. Повернув к нему голову, сообщила вкрадчиво:

— А я буду кусаться и царапаться. Правда. Понимаешь ли, я подумала и приняла твердое решение: до свадьбы нам вместе пока что не быть. Ну, чтобы это хоть как-то походило на невинность невесты... — и озабоченно нахмурилась: — Ты не обиделся?

— Ну что ты, — искренне сказал Сварог. — Что-то в этом есть...

Яна загадочно улыбнулась:

— Я уже говорила, что к Маре тебя не ревную... Хотя мне и было бы приятно, если бы и ты последовал моему примеру...

— Я постараюсь, — сказал Сварог. Засмеялся: — Как ты ее сняла?

Он только сейчас опознал по золотым кольцам на краю темно-вишневого полотнища одну из бархатных портьер в зале на четвертом этаже.

— А я и не снимала, — улыбочиво щурясь, все так же грациозно прикрываясь, ответила Яна. — В конце концов, императрице не положено заниматься столь грубой житейской прозой. Я позвала слуг, они и сняли. Твой министр тайной полиции, который с хвостом, меня с утра предупредил, что слугам велено исполнять все мои приказания. Это ты позаботился?

— Нет, — сказал Сварог. — Я сам как-то и забыл... Это он сам сделал логические выводы из понятия «невеста», точно. Ладно, не буду тебя больше смущать нескромными взглядами, невинную невесту, загорай в вольной позе. Пойду государственными делами заниматься.

Легонько погладил Яну по щеке, встал и направился ко входу в полуночную часть замка. На полпути остановился, свернул к балюстраде и долго смотрел вниз. Работа в лесу прямо-таки кипела: сутились десятки золотых механизмов самой диковинной формы, темно-синими лучами в мгновение ока подсекали деревья, от тоненьких до великанов в три обхвата, взмывали золотистые решетки на золотистых щупальцах, и деревья, не успев даже покачнуться, исчезали в облаках сиреневых вспышек, не оставлявших ни пара, ни дыма, то же происходило с подрезанными зарослями кустов, уже местах в двадцати открылись немаленькие участки красиво вымощенных дорожек, по которым шустро ползали полусферы размером с черепаху, но отнюдь не черепашьей скорости, и там, где они катили, исчезали вековая пыль и земля, разноцветная плитка узорчатых дорожек прямо-таки сверкала. Десятка два таких же полусфер орудовали в чаше фонтана, посреди которой на круглом постаменте возвышалась статуя ядовито-зеленого цвета — и на глазах становилось ясно, что бурая чаша на самом деле сделана из розового мрамора, а из-под зеленой окиси проступала начищенная бронза. Поодаль юркие многолапые создания трудились над беседкой, очищая ее от густых плетей ползучего вьюнка, над небольшим горбатым мостиком, перекинутым через давным-давно высохший ручей, — а дно ручья чистили от сухой листвы и прочей дряни прыткие штуки вроде маленьких бульдозеров, сгребая всю ту дрянь в кучи и по мере продвижения уничтожая кучи без следа теми же сиреневыми вспышками. Да, работа кипела, почище, чем на ударной комсомольской стройке...

Войдя в широкий коридор, Сварог тут же увидел Золотого Кота, сидевшего на диване у стены в человеческой позе — позы министр тайной полиции менял совершенно непредсказуемо, без всякой системы. Завидев Сварога, он проворно соскочил с дивана, принял некое подобие стойки «смирно» и доложил:

— Работы в парке ведутся непрерывно, ваше величество.

— Да я видел, — сказал Сварог.

— Господин Элкон продолжает работать в компьютерном центре. Ему оказывается все необходимое содействие согласно вашим распоряжениям. Мэтр

Лагефель и мэтр Анрах продолжают работу. Мною на свой страх и риск было отдано распоряжение слугам выполнять все приказы вашей невесты. Надеюсь, я поступил правильно? Из логического понятия «невеста» вытекает, что спустя некоторое время она станет вашей женой и все равно получит право распоряжаться слугами. Это логично?

— Это логично, — сказал Сварог. — Поступили правильно.

— Я не выполнил только одну просьбу вашей невесты: после возвращения в замок снять охрану. Поскольку ваши указания на сей счет были исчерпывающими и категоричными.

— И это правильно, — сказал Сварог. — Как прошла поездка?

— Насколько я могу судить, ваша невеста была в восторге. Она осмотрела все здание и забрала оттуда два десятка книг. Я посчитал, что препятствовать ей не следует.

— И это правильно, — зевнул Сварог. — Вот что... Нам бы следовало срочно решить еще одну небольшую проблему. Я должен постоянно к вам обращаться, звать вас... а для этого нужно установить какое-то одно обращение. Как к вам обычно обращался покойный король?

Золотой Кот старательно отчеканил:

— Раззява хвостатая, тварь усатая, кошак драный, чаще всего — последнее. Кроме того...

Он произнес еще четыре слова, но Сварог не понял ни одного. Вероятнее всего, это были высокопробные образцы флотской брани, вместе с Фалареном канувшие в небытие. Все это Золотой Кот произнес без тени обиды: роботы обижаться не умеют и не понимают, когда их оскорбляют. Можно, наверное, создать соответствующую программу, чтобы соображали, что к чему... или понятие «оскорбление» для роботов останется таким же непознаваемым, как любовь меж мужчиной и женщиной?

— Разнобой какой-то получается, — сказал Сварог. — Слишком много обозначений. Давайте, любезный мой, поступим проще. Отныне вы будете — Мяус. Устраивает?

— Служу его величеству, — отчеканил новоявленный Мяус, наверняка принявший новое имя совершенно равнодушно. До чего легко работать с роботами и как иногда трудно — с людьми...

— Инциденты во время прогулки были? — спросил он.

— Никаких, ваше величество. Здание было заранее обыскано телохранителями, остававшимися там и во время визита госпожи королевской невесты.

— Стоп, — сказал Сварог. — Что еще за телохранители? Вы о них никогда прежде не говорили.

— Вы не спрашивали, ваше величество.

Сварог чертыхнулся про себя — нет, иногда и с роботами нелегко. Ну да, я же ни разу его не просил рассказать о всей системе безопасности и всех силах, которыми Мяус располагает. Так что сам и виноват.

— Сколько их у вас?

— Пятьдесят, ваше величество, — прилежно доложил Мяус. — Использовались главным образом в прежние времена, когда покойный король считал необходимым приставить охрану к пребывающим постоянно во внешнем мире персонам, почему-либо его интересовавшим.

— Интересно, — сказал Сварог. — Показать хоть одного можете?

Мяус не произнес ни слова, головы не повернул, остался на месте — но из-за ближайшей портьеры вдруг появилось существо золотого цвета, проворно подошло к ним и остановилось в двух шагах. Ростом с человека, не особенно и гротескного облика, разве что все оно, словно леопард пятнами, было покрыто маленькими то ли глазками, то ли объективчиками, прикрытыми фиолетовыми линзами.

Мяус деловито пояснил:

— При необходимости может как посылать единичные удары лучом, так и накрыть огнем всю полусферу вокруг себя и подлежащего охране лица. А также накрыть клиента силовым полем, непреодолимым для любого оружия и примерно половины оружия ларов. Благодаря имеющимся технологиям легко может быть замаскирован под обычного человека. Существует программа, позволяющая вложить ему в мозг определенный словарный запас для наиболее простых и распространенных житейских ситуаций, встречающихся в большом мире.

Сварог смотрел на усеянного линзами лучеметов телохранителя с некоторой тоской. Взять бы полсотни этих дядек и ворваться с ними в горротский королевский дворец — то-то повеселились бы... Нельзя. Во-первых, нельзя их светить перед внешним миром по тем же причинам, что и арсенал, во-вторых, так и остается пока неизвестным, будет ли хелльстадское оружие действовать в Горроте, — Золотая Щука еще не вернулась, рановато, хотя плавает гораздо быстрее обычных рыб...

— Так... — сказал Сварог. — Отправьте его на место. Отлично. Чтобы мне опять не попадать впросак, мы с вами, старина Мяус, в ближайшее время сядем и плотно побеседуем. Вы мне расскажете абсолютно обо всем, чем располагаете.

— Как будет угодно вашему величеству.

— И последнее, — сказал Сварог. — Что такое Красный Павильон?

Мяус отрапортовал без малейшей запинки:

— Так именуется здание, расположенное в парке примерно в трех стах уардах от Вилердерана. Вплоть до последнего времени служило местом частых развлечений покойного короля — тех самых, чей смысл мне по сути своей непонятен, но которым вы, люди, уделяете значительную долю времени.

«Понятно, — подумал Сварог. — Мало ему было восьми спален в летающем замке и чертовой уймы в стоящем мирно на земле. Еще и персональный при-тончик соорудил. Ну что же, нужно посмотреть, почему красotka Бирута на коленях и со слезами на глазах умоляла этот павильон истребить — как ни крути, тоже часть наследства...»

— Проведите меня туда, — распорядился он.

Загадочный Красный Павильон оказался небольшим прямоугольным зданием без окон и с невысокой крышей, и в самом деле красным, до карниза расписанным белыми лилиями — символом беззаветной любви. На сей раз, к некоторому удивлению Сварога, Мяус не поторопился распахнуть перед ним дверь, даже на невысокое крылечко не поднялся.

— В чем дело?

Мяус равнодушно отрапортовал:

— Доступ туда всегда имели двое слуг, и сейчас находящихся внутри. Всем остальным, в том числе и мне, король категорически запретил туда входить.

Будут иные указания?

Сварог подумал немного и сказал:

— Нет, указания прежние. Подождите меня здесь.

Он решительно повернул ручку, вошел и оказался в небольшой прихожей, украшенной беломраморной статуей обнаженной женщины неплохой работы и очередным золотым болваном, неотличимым от прочих лакеев — разве что на груди у него, там, где у человека сердце, красовалась белая лилия.

Никаких шероховатостей не возникло — едва Сварог вошел, лакей сделал два шага вперед и наклонился в поклоне. Потом спросил:

— Ваше величество будут развлекаться?

— Нет, — сказал Сварог. — Я просто хочу осмотреть павильон, — и добавил ядовито: — Надеюсь, ничего не имеете против?

Лакей отступил от внутренней двери, отчеканив:

— Никто и ничто не может сопротивляться вашему величеству.

Сварог вошел в довольно обширное помещение, постоял на пороге, огляделся, неторопливо изучая взглядом окружающее. В конце концов выругался вслух — не очень громко, но очень грязно.

Единственным *нормальным* предметом обстановки оказалась самая обычная кровать, задвинутая в угол. Справа на стене в десяток длинных рядов висели самые разнообразные плетки и хлысты — короткие и длинные, плетеные и из одного ремня, иные с несколькими хвостами. Вдоль левой стены — пять замысловатых металлических устройств, напоминавших то козлы для пилки дров, то столик с прямоугольной крышкой, то вообще непонятно что. Сварог медленно прошелся мимо них в совершеннейшем недоумении, приглядываясь, почесывая в затылке. Ага, вот тут нечто напоминающее кандалы на короткой цепи, и внизу тоже, и здесь...

И выругался еще грязнее. Все эти штуки, снабженные цепями и наручниками, предназначались для того, чтобы приковывать к ним женщин в разных позициях. Дальнейшее, учитывая увешанную плетками стену, комментариев не требовало.

Сплюнув на мозаичный пол, он распахнул дверь и вошел во вторую комнату. Плеток там не обнаружилось — зато справа стоял высокий шкаф наподобие карточного, судя по ручкам, ящичков было десятка три.

Сварог методично принялся их выдвигать. В одном лежали, в общем-то, безобидные предметы, которыми может пользоваться и нормальный мужик, не рискуя быть зачисленным в извращенцы. В другом — вещички, как раз и способные такие подозрения возбудить. В остальных... Сварог попросту не понимал, что это за штуки такие и для чего их можно приспособить — то ли буйной фантазии не хватало, то ли грязного воображения.

Слева опять-таки стояли аккуратным рядом с полдюжины устройств — но тут уж Сварог просто-напросто не мог понять, что с их помощью можно вытворять с людьми. А вон тот ящик наполнен сверкающими инструментами, более приличествующими дантисту или палачу, — острейшие лезвия, клещи разных форм, пилки и шилья...

Он вновь увидел перед собой брюзгливое лицо Фаларена, услышал исполненный невероятной скуки голос: «...и со временем обнаруживаешь, что собственноручно содрать кожу с какой-нибудь принцессы так же скучно, как и...» И ему начинало понемногу верить, что король тогда не абстрактным мечта-

ниям предавался, а *вспоминал*. При взгляде на тот пыточный инструментарий верилось, скорее, в последнее. «Бог ты мой, — чуть ли не в панике подумал Сварог, — да у него окончательно сорвало крышу, и давненько! Полная вседозволенность, полнейшая безнаказанность, пресыщение и скука... Извращенец на всю голову». Ага, а ведь догадался, кажется, проникнувшись здешней грязью. Вот эта штука, напоминающая осьминога с шестью бессильно повисшими щупальцами, над деревянной доской с наручниками сверху и снизу. На конце каждого щупальца резьба, если привинтить туда кое-что, получится механический насильник. Но предназначение остальных замысловатых штукovin остается непонятным, хоть ты тресни...

Распахнул дверь в последнюю, третью комнату. Второй золотой болван склонился в поклоне, и тут же Сварог шарахнулся к стене — потому что ожила и вторая статуя, уже полнейшее подобие человека, великолепное по исполнению. Совершеннейшее подобие, напоминающее скорее человека, покрытого золотой краской, — настолько он гибок и пластичен в движениях, с весьма выдающимся мужским достоинством. И губы растянулись в почтительной улыбке, и кожные складки обозначились, когда он приложил руку к груди, склонил голову...

Именно эта тварь, больше похожая на живого человека, чем на статую, вежливейше осведомилась у Сварога:

— Его величество наконец-то заполучил предмет своей мечты?

— Прочь! — рявкнул Сварог, до боли в пальцах стиснув древко Доран-ан-Тега.

Золотой истукан, до жути похожий на живого человека, покорно отступил в угол, где и остался стоять, сложив руки на груди.

Сварог оглядывал комнату, холодея от бешенства. Прямо перед ним, на противоположной стене — то ли позолоченная, то ли золотая крестовина, сверху и снизу снабженная наручниками и увенчанная не чем иным, как точным подобием императорской короны. Сбоку на стене — портрет во весь рост — обнаженная Яна на коленях в золотых кандалах. Под ним — три ряда плеток, разнообразных, уже гораздо более роскошных: золотые рукояти, крученный шелк... Высокий черный шкафчик с тремя длинными ящиками. Сварог и заглядывать туда не стал, боясь, что сорвется и начнет крушить все вокруг. Роскошная кровать в углу. В другом — уже знакомый механический насильник, только этот золотой, самоцветами усыпан, как и рама с наручниками, как и рукоятки плеток.

Вот именно — полнейшая безнаказанность, пресыщение и скука. И окончательно поехавшая крыша. Это ведь не шутки, это приготовления всерьез... С запоздалым ужасом Сварог подумал, что тот долбаный извращенец мог, рассуждая холодно, добиться своей цели. Например, во время очередной охоты Яны в Каталауне. Вооруженного лучеметами летающего и бегающего по земле зверья в арсенале столько, что оно способно справиться с любой охраной, не ожидающей *такого*. Воздушного прикрытия на таких охотах, он прекрасно помнил, никогда не бывало. С помощью открытого вентордеранским компьютером «окна» Фаларен со своей пленницей мог мгновенно *уйти* в Хелльстад, где оказался бы недосыгаем, — хоть сутки напролет долби по нему «Белым шквалом», толку не будет. А она — в этой комнате...

Он резко повернулся и вышел, почти выбежал, с грохотом захлопнув за со-

бой дверь. Сбежал по ступенькам, остановился над Мяусом и рывкнул:

— Немедленно уничтожить!

— Что именно? — невозмутимо спросил Мяус.

Сварог, кипевший от ярости, все же вспомнил, что имеет дело с роботом. Стараясь говорить хладнокровно и подбирать исключительно четкие формулировки, произнес:

— Красный Павильон немедленно уничтожить дочиста, чтобы от него ничего не осталось. Я видел там какие-то машины, они сжигают деревья, не оставляя пепла... В общем, сами решайте, что использовать.

— Нужно ли предварительно вывести из Павильона слуг? — уточнил Мяус, как всегда, невозмутимый.

— Нет, — сказал Сварог отрывисто. — Приступайте, немедленно!

И снова Мяус никуда не пошел, даже не повернулся, лапой не шевельнул, остался на месте — но очень быстро меж деревьями показалась колонна из полудюжины тех самых золотых механизмов, похожих на крабов. На спине у каждого колыхалось гибкое щупальце с овальной решеткой.

— Ваше величество, соблаговолите немного отойти, — сказал Мяус и сам отошел на несколько шагов.

Сварог отошел, остановился рядом с ним. Колонна разомкнулась, окружила Красный Павильон — по одному «крабу» с торца, по два с длинных сторон прямоугольника — щупальца выпрямились, казались теперь жесткими, как палки... Неяркие сиреневые вспышки заволокли Павильон сплошным облаком, оно простояло несколько секунд, а потом не то чтобы рассеялось, полностью исчезло, словно выключатель повернули, — и на месте Павильона теперь была лишь неглубокая прямоугольная яма, от которой знакомо запахло свежей землей. Снесли вместе с фундаментом.

Еще раз смачно сплюнув под ноги, он резко повернулся и направился к замку. Проворно семенивший на задних лапах Мяус от него не отставал. И внезапно Сварог вздрогнул. Его, словно удар тока, *прошил* новый, неизвестный прежде страх. Страх стать если не таким же законченным подонком и извращенцем, то чем-то отдаленно похожим. Впереди у него, если не погибнет ненароком — сотни лет жизни и сотни лет власти. А ведь можно найти тысячу примеров, как власть портила людей, не обладавших долголетием ларов или Фаларена. Тот же Фаларен в свое время основал Тавидейский университет — есть сильные подозрения, для развлечения, от скуки, — но две тысячи лет прошло, а университет на прежнем месте, он даже числится в дюжине лучших таларских университетов. Молодой Конгер, взойдя на трон, первые годы снижал налоги и подати, строил десятками приютские дома для подкинутых младенцев, для оказавшихся без средств к существованию одиноких стариков, калек. Убрал из Карного кодекса добрую половину тех преступлений, за которые полагалась смертная казнь, заменив ее более легкими наказаниями. А потом как-то незаметно все стало возвращаться на круги своя, и прекратилось строительство приютов, и «смертных» статей стало даже больше, чем прежде, налоги и подати не просто вернулись на прежний уровень — появилось немало новых, так что в конце концов Конгер получил прозвище Ужасный... Где тут рубеж, который можно перешагнуть незаметно для себя самого?

По дворцу он шагал, хмурый, как туча. Элкон обнаружился во втором ком-

пьютерном зале, он работал так отрешенно, что, полное впечатление, не заметил бы и атомного взрыва рядом с замком. Сварог, не глядя, что там на экране, положил соратнику руку на плечо. Судя по жесту, Элкон чуть-чуть ее бесцеремонно не сбросил, но вовремя опомнился, поднял затуманенные глаза.

— Ну, какое от всего этого впечатление? — спросил Сварог.

— Командир... — протянул Элкон удивленно и словно бы даже с некоторой обидой, — здешние компьютеры лучше наших. Любых. Пара новейших наших разработок, которые еще не ввели в обиход, здесь уже присутствует сотни лет...

— Для себя человек старался, — проворчал Сварог. — Что тут скажешь... — чтобы напомнить замороженному новыми игрушками Элкону, что они, собственно, на службе, Сварог чуточку прибавил металла в голос: — По нашим задачам удалось что-нибудь накопать, лейтенант?

Элкон словно очнулся, возвращаясь в суровую реальность службы. Сварог придвинул кресло, сел рядом, нетерпеливо спросил:

— Ну?

— Нашлось кое-что интересное, — сказал Элкон. — Тот самый случай, когда полное отсутствие информации интригует гораздо больше, чем ее наличие...

— Конкретнее, — сухо сказал Сварог.

— Третье бюро Кабинета Канцлера — это его личная спецслужба...

— Я знаю, — сказал Сварог. — И что там?

— Там есть файл, где собраны все материалы по черным камням, что были Канцлером получены от восьмого департамента, Магистериума и Мистериора. И к ним добавлена одна-единственная бумага, где всего несколько строк: «Судя по результатам анализов и исследований, камни происходят с Нереиды. Ситуация настолько ясна, что необходимости в повторных анализах не вижу». И резолюция Канцлера: «Согласен».

«Вот так, — подумал Сварог. — Одна из двух планет, формально входящих в состав Империи Четырех Миров, но словно бы и не существующих». Он прекрасно помнил: за те несколько лет, что провел здесь, *единственный* раз встретил упоминание о Нереиде и Тетре: когда просматривал у себя в замке, еще толком и не освоившись, краткий курс истории, предназначенный, как он теперь знал, для самых маленьких. И все. Никто, никогда, ни разу не заговаривал с ним о Нереиде и Тетре, и в разговорах других эти названия ни разу не всплывали. Планеты есть, но их словно бы и не существует...

— Элкон, — сказал он, — что вам известно о Нереиде и Тетре?

— То же, что и всем, — пожал плечами Элкон. — Краткий курс истории Империи для самых маленьких, первый год обучения. Я могу процитировать дословно: «После Шторма Нереиду и Тетру накрыли жуткие катаклизмы, уничтожившие биосферу планет полностью. С тех пор они остаются безжизненными, и условия на поверхности таковы, что нет ни смысла, ни возможности проводить какие-то исследования». И это все, командир. Больше учебные программы к этой теме не возвращались. Второй раз она всплыла, когда мне исполнилось пятнадцать лет — у нас, достигнув этого возраста, юноши и девушки получают право самостоятельно управлять летательными аппаратами. Есть довольно объемистый Кодекс Полетов, который полагается изучить от корки до корки и сдать экзамены. Вы разве с ним не сталкивались, когда... попали сюда?

— Нет, — сказал Сварог. — Как-то получилось, что мне сделали поблажку, что ли. Всего-навсего растолковали: если я соберусь предпринять что-то недозволенное, меня заранее предупредит автопилот.

— Повезло вам, — невесело усмехнулся Элкон. — А нам всем приходилось зубрить и сдавать экзамены — отчего-то *эти* знания не полагается *просто* вкладывать в голову, как обстоит с многими другими — зубрежка и экзамены. Запретов, собственно, не особенно много: нельзя, когда твой аппарат находится в видимом состоянии, садиться на Таларе или Сильване. Совершать полеты на Сильвану можно без уведомления — но если ты задумал слетать к другим, непременно следует сначала поставить в известность Космический департамент и получить разрешение. Вдобавок к тому есть обширная инструкция о правилах поведения при таких полетах — запрещено совершать посадку, можно только рассматривать необитаемые планеты с орбиты... А если все же рискнешь — отчаянные юнцы попадаютя до сих пор, — навсегда лишаешься Пилотского Листа и всю оставшуюся жизнь сможешь летать исключительно в качестве пассажира.

— И правильно, по-моему, — проворчал Сварог. — Чтобы всякие сопляки не играли в планетологов... Ну, а что в тех правилах сказано о Нереиде и Тетре?

Элкон как-то грустно улыбнулся:

— Очень кратко и совершенно недвусмысленно. Нереида и Тетра — запретные зоны. Запретные зоны охватывают сферу космического пространства вокруг обеих планет в миллион лиг радиусом. Автопилоты настроены так, что попросту не дадут кораблю войти в запретную зону. Вообще, летать в тех направлениях не рекомендуется. Можно заработать ограничения в Пилотский Лист. Есть служба, которая постоянно следит за перемещением аппаратов в космосе и в случае нарушений реагирует моментально.

«Ага, — подумал Сварог. — И здесь без ГАИ не обошлось...»

— И с какого времени запретные зоны существуют? — спросил Сварог. — Наверняка ведь и вы, и азартная молодежь вроде вас пытались хоть что-то раскопать в компьютерной сети, а?

— Ну конечно, — усмехнулся Элкон. — Только все бесполезно. Когда были введены запретные зоны, неизвестно. Никакой информации. По косвенным данным — давно, очень давно, возможно, тысячи лет назад.

— Интересно, — сказал Сварог. — Условия там таковы, что нет возможности проводить какие бы то ни было исследования на поверхности, планеты объявлены запретными зонами... а люди Канцлера тем не менее быстро определили, что камни происходят с Нереиды...

— Есть кое-что еще интереснее, командир, — сказал Элкон. — В Третьем бюро есть сектор, который так и называется: «Сектор Нереиды и Тетры». И это — *вся* информация, неизвестно, кто возглавляет сектор, а о том, чем он занимается, — ни строчки. Хотя, если он существует, должен же он чем-то заниматься? Сначала я подумал, что материалы сектора защищены так надежно, что там, — он ткнул большим пальцем вверх, — даже неплохой знаток компьютеров вроде меня не может не только взломать защиту, но даже найти, где они. Но... — он, похоже, сам не замечая, что делает, погладил панель компьютера, словно девичью щеку. — *Ваши* компьютеры, я уже убедился, проламывают любую защиту. Почти все время, пока вас не было, я только тем и занимался, что искал в Кабинете Канцлера хоть какую-то информацию об этом

секторе. И ничего не нашел. Никаких особо засекреченных хранилищ нет. Так что у меня только два объяснения: либо материалы находятся в Кабинете Императрицы... куда вы мне запретили входить...

— И никогда не разрешу, — сказал Сварог. — Хоть мы с вами, собственно говоря, парочка компьютерных разбойников, пусть не нарушающих закон, а отыскавших в нем лазейку, должны быть какие-то пределы и этика. Остатки этики, — добавил он с грустной ухмылкой. — Так что в Кабинет Императрицы нос не совать.

Элкон надменно, обиженно выпрямился в струнку:

— Командир, я хоть однажды нарушал ваши прямые приказы?

— Нет, — сказал Сварог. — Извините, Элкон, мелочных придиорок больше не будет...

И подумал, что поступил осмотрительно, когда, перед тем как допустить Элкона к компьютерам, заблокировал чертов «Отчет о поведении императрицы» так, чтобы тот был доступен только ему одному. Не стоило парню этого читать...

— А второе объяснение? — спросил он.

— Если сектор работает — а ведь он по-прежнему числится в штатном расписании, значит, должен работать, пусть даже занимаясь совершеннейшими пустяками... Если он работает, все материалы содержатся исключительно в бумажном виде, никакой «электронки». Исключительно в бумаге и в личных сейфах Канцлера. Ну, а проникнуть туда попросту нереально. Это даже не высшая степень секретности, это *запредельная* секретность.

— Пожалуй... — протянул Сварог. — В ходе всех этих ваших изысканий какие-нибудь соображения появились?

Элкон поколебался, потом, не отводя взгляда, сказал твердо:

— Возможно, с Нереидой и Тетрой обстоит не совсем так, как нас учат...

— А возможно, и совсем не так, — хмуро поддержал Сварог. — В истории такие ситуации случались столько раз, что со счета собьешься. И я даже не представляю, что тут можно придумать... — он хлопнул ладонью по столу. — Не смотрите на меня так! В Кабинет императрицы никто из нас не войдет. Что вы вдруг заерзали?

— Командир... — Элкон мялся, какое-то время старательно избегал его взгляда, потом все же поднял глаза и, очевидно, набравшись смелости, сказал: — Тысячу раз простите, что я касаюсь *этого*... Если вы оскорбитесь или рассердитесь, готов понести любое наказание... В общем, в силу известных обстоятельств...

— То есть в силу известных отношений между мной и Яной? — усмехнулся Сварог, в общем, не оскорбившись и не рассердившись. — Вы имеете в виду, мне следовало бы спросить у нее? Да? — Он вздохнул. — Элкон, вы уже давно показали себя мужчиной, так что разговор будет мужской. Честно признаюсь, меня не раз подмывало это сделать. Спросить не только о Нереиде и Тетре, но и о некоторых других секретах, которые меня страшно занимают... Но, понимаете, какая штука... Я не особенно обременен принципами, но кое-какие имеются. Так вот, у меня есть стойкое убеждение: в подобной ситуации настоящий мужик не имеет права выведывать государственные тайны у девушки, с которой спит. У вас может быть другая точка зрения, это не хорошо и не плохо, не мне судить... Но мои убеждения именно таковы.

— Простите, командир... — выдавил Элкон, опустив глаза и даже чуть покраснев. — Брякнул, не подумав... Вы правы, наверное, а я просто глупый сопляк...

— Ладно, — сказал Сварог. — Забудем. Мало ли что человек может брякнуть, когда...

Они вздрогнули, непроизвольно повернули головы. Высокая массивная дверь компьютерного зала распахнулась так, что с грохотом ударилась о стену, ободрав вычурной ручкой роскошные обои.

И вошел мэтр Анрах, взъерошенный, на себя не похожий, выглядевший так, будто либо внезапно рехнулся умом, либо недельку пил с кем-то вроде принца Элвара. Волосы у него были всклокочены, движения чуть неуверенные, как у пьяного, а на лице ослепительно сияла улыбка невыразимого блаженства. Таким его Сварог никогда не видел.

Прислонившись спиной к стене возле двери, легонько мотая головой вправо-влево, блаженнейше ухмыляясь, Анрах таращился на них, кажется, что-то шепча про себя. Золотые Обезьяны смотрели на него с полнейшим бесстрашием, как роботам и полагалось.

— Господа мои... — протянул Анрах. — Господа мои...

Что-то незаурядное должно было произойти — но мэтр, очень похоже, и не собирался выходить из нирваны, в коей пребывал. Вспомнив, что старик, помимо всего прочего, еще и бывший офицер гвардейской кавалерии, Сварог взмыл со стула, уперся в научного консультанта свинцовым фельдфебельским взглядом и рывкнул так, словно и в самом деле был фельдфебелем, застукавшим канонира при попытке пропить пушку:

— Что за вид, Анрах? Немедленно приведите себя в порядок и доложите, как следует!

Подействовало, но не стопроцентно. Мэтр отодвинулся от стены, пригладил волосы, одернул камзол, но улыбка оставалась столь же блаженно-широкой.

— Господа мои! — воскликнул он, покрасневшись. — Золотые Шмели... Они...

— Ну? — рывкнул Сварог, уже нисколечко не играя.

— Золотые. Шмели. Начали. Оконтуривать. Пещеру. Токеретов, — четко выговорил Анрах. — Начали! Уже!

Сварог оказался в коридоре первым. Буквально через полминуты они сидели перед огромным, на полстены, экраном, не сводя с него глаз. На контурной карте Хелльстада, на закатной стороне, совсем недалеко от готарской границы, синела тонкая линия в виде неправильного овала. Вот овал замкнулся совершенно, линия стала густо-синей, над картой зажглись ряды цифр — не особенно и интересные сейчас.

Пещера токеретов имела форму неправильного овала, примерно третью заходившего на противоположный берег Итела. Максимальная длина — двести две лиги с какими-то уардами, максимальная ширина — шестьдесят восемь лиг, опять-таки с какими-то уардами. Глубина — триста сорок шесть уардов. Слой земной коры над пещерой — сорок три уарда.

Странное дело, но Сварог не ощущал особой радости, скорее уж чуточку тоскливую усталость. Так частенько бывает, когда долго и упорно к чему-то стремился и достиг наконец цели.

— Мы их нашли! — ликующе воскликнул мэтр Анрах. — Нашли!

— Мы нашли *пещеру*, — сказал Сварог медленно. — Но нигде и намека не видно, что удалось найти *вход*... Простите уж, что я хмур посреди всеобщего ликования... на которое вы, мэтр, безусловно имеете право, вы проделали великолепную работу, вам цены нет... Но нам теперь нужен *вход*.

— Дайте срок! — браво вскричал мэтр Анрах. — Нашли пещеру, найдем и *вход*!

— Конечно, — сказал Сварог, старательно улыбаясь, придавая себе веселый вид, чтобы не расхолаживать ликующих сподвижников. — Сейчас пошлю лакея за какой-нибудь пыльной бутылочкой, нужно же отпраздновать...

Вход, стучало у него в висках. Вход. Это все прекрасно, Анрах молодец, он все хорошо рассчитал, не искал наобум, бросил все силы на тот именно район, приведя длинный ряд аргументов, буквально *вычислив* пещеру...

Но нам нужен вход.

Глава VIII

ВРЕДНЫЙ ВРЕД И БЕЗВРЕДНЫЙ ВРЕД

Поначалу Сварог, собираясь лететь в Туарсон, допустил оплошку: не особенно и задумываясь, решил, как и в Фиарнолле, нарядиться советником. Однако Катлок, один из ближайших помощников Интагара, отвечавший за операцию, эту идею раскритиковал мгновенно. Сказал убедительно:

— Не по тем местам, государь, наряд. Слишком роскошно для такой глуши. В том захолустье даже губернатор до советника не дотянул, даже не в департаментских советниках, а в департаментских секретарях пребывает — захолустная провинция, паскудная. Мне с мужичьем, и в глухомани тоже, работать приходилось, и я их хорошо знаю. Если заявитесь туда советником в золотом шитье, для них это будет все равно что явление короля. Там у них и канцеляриста-то видел один из сотни, где-нибудь на окружной ярмарке или во время налоговой переписи... Советник для них — фигура вовсе уж высокая. Моментажно замкнулся, как улитки, оцепенеют от почтения, слова придется клещами вытаскивать, по одному в час... Нужно к их уровню спуститься как можно ближе... Граф Гаржак не даст соврать.

— Все правильно, ваше величество, — подтвердил Гаржак. — Самого простого чиновничьего мундира будет достаточно. Главное, власть. А то ведь и в самом деле будут стоять, как истуканы, глаза пучить и языком еле ворочать...

Специалистам следовало верить, и потому Сварог, не вступая в дискуссии, облачился канцеляристом — убогий чин, третий от конца, всех украшений и есть, что три коротеньких, вышитых серебром веточки остролиста на каждом рукаве, да узенькая серебряная кайма на воротнике. И пояс надел не дворянский, а серебряный, Сословия Чернильницы. Гаржак и трое сыщиков представили в облике простых писцов, чьи мундиры обременены лишь чиновничьими бляхами. Катлок пребывал в образе коронного полицейского, тоже в невысо-

ком чине. Власти провинции решили ни во что не посвящать, вообще с ними не контактировать — а зачем, собственно? Умельцы Интагара в два счета состряпали полдюжины убедительных бумаг якобы из губернаторской канцелярии, предписывавших старосте оказывать приезжим из столицы все мыслимое и немислимое содействие. На одной из бумаг стояла даже губернаторская подпись (которую тот наверняка признал бы за свою). Уж кто-кто, а деревенский староста просто обязан был уметь читать...

Сварог прекрасно помнил туарсонского старосту — пожилого, с проседью, с умным и хитроватым лицом. Правда, староста его узнать никак не мог — когда они виделись в последний раз, Сварог пребывал в облике собаки. Все прошло, как по маслу — староста ознакомился с бумагами и *проникся*. Вот только Сварог пару раз уголком глаза поймал чрезвычайно *странные* взгляды, исподтишка брошенные на него старостой. Пожалуй что, староста видел где-то портреты Сварога и сейчас, подобно тому каторжнику на корабле, ломал голову, думая примерно следующее: «Вот оторвите мне голову, но видел уже этого молодчика, но только где?»

Родители Бетты в оцепенение не впали, но изумились страшно (что неудивительно). Мать стояла молча, по крестьянской привычке теребя передник, а отец, сразу видно, мужик с характером, сказал старосте с нотками некоторой строптивости:

— Воля ваша, конечно, только как-то это все неправильно — допрашивать с полицией шестилетнюю кроху да еще с глазу на глаз, без родителей... Ну что она могла натворить? Шесть лет девчонке...

— Жамый Кадерт, — сказал Сварог исключительно вежливо, — никто и не говорит, будто ваша дочка что-то натворила. Просто-напросто так уж случилось, что она, собирая грибы в лесу, кое-что видела издали. Вот о том, что она видела, я ее и хочу расспросить самым деликатным образом.

— Это что ж такое она могла видеть? — строптиво буркнул Кадерт.

— Государственная тайна, — развел руками Сварог. — Уж если нас послали сюда из Равены... Вы вроде бы человек неглупый, сами должны понимать...

— Ты тише выступай, Кадерт, — веско сказал староста. — Уж если господа чиновники и полиция из самой столицы...

— Да я не выступаю, — пробурчал Кадерт. — Знать бы только, что ей от этого никакого вреда не будет...

— Помилуйте, жамый, какой добросовестному свидетелю может быть вред? — пожал плечами Сварог. — Наоборот, свидетелю по этому делу вознаграждение положено, пять ауреев золотом...

— Вот то-то и оно, — проворчал хозяин. — Уж коли пять ауреев золотом, да вдобавок чиновники с полицией из самой столицы, дело *хитрое*. А от таких сплошь и рядом вред бывает...

— Все сказал? — осведомился староста тем самым голосом, каким говорил, выставляя тогда из деревни комедиантов — вроде бы бархатнейший, только бархатом прикрыта сталь...

Кадерт это, должно быть, прекрасно понял, должен был знать старосту — односельчане, с детства знакомы. И, понурился головой, пробубнил уныло:

— Я ж не препятствую. Я ж умом не рехнулся, чтобы королевской службе препятствовать... Только бы вреда какого не было...

«Смотря что в этой ситуации считать вредом...» — подумал Сварог, жестом

велел своим людям оставаться на месте и пошел в соседнюю комнатку.

Обстановка там наблюдалась самая мирная: Гаржак показывал Бетте старый фокус с ременной петлей, она никак не могла угадать, смеялась, азартно тыкала пальчиком в свернутый ремешок... Ну конечно, то была та самая плачущая кроха, которую Сварог видел со старшей сестрой, будучи собакой — только теперь, разумеется, веселая, раскрасневшаяся. Самая обычная крестьянская девчоночка шести лет от роду. Которая как-то ухитрилась войти в компьютерную сеть ларов...

— Ну, мы потом доиграем, — сказал ей Гаржак тоном закадычного друга, сунул ремешок в карман и встал. — Вот этот господин с тобой должен поговорить о серьезных вещах...

Он вышел, тихонько притворив за собой низкую некрашеную дверь. Бетта уставилась на Сварога с явной досадой — ну, конечно же, ей хотелось поиграть еще... Ни страха, ни даже робости Сварог в ней не заметил. Он присел рядом с ней на добротный сколоченный неуклюжий стул, дружески улыбнулся и сказал:

— Значит, ты и есть Эльбетта...

— Бетта, — сказала она, глядя с любопытством. — Эльбеттами взрослых девушек зовут, а я еще маленькая. А эти веточки на рукавах у вас зачем?

Сварог замялся, подыскивая ответ попроще. Нашел:

— А зачем у вашего старосты бляха на цепочке? На шее висит?

— Так положено, — сказала Бетта. — Чтобы все видели, что он староста.

— Ну вот, — сказал Сварог. — А мне положено на рукавах эти веточки носить. У старосты своя должность, у меня своя.

— А какая?

— Рассматривать всякие серьезные дела, — сказал Сварог.

— Как полицейский?

— Ну, примерно так... — сказал Сварог.

— А зачем вы тогда ко мне пришли? — с искренним удивлением спросила Бетта. — Я же еще маленькая, у меня и нет никаких серьезных дел, у Викеты тоже нет, хотя ей целых четырнадцать... Может, вы наш дом с каким-то другим перепутали?

— Да нет, — сказал Сварог. — Именно с тобой и нужно поговорить, Бетта... Вот кстати, как получилось, что ты знаешь грамоту? В шесть-то лет? В деревне ведь не каждый взрослый умеет читать и писать, а ты уже грамотная...

Бетта звонко рассмеялась:

— Ну какое же это серьезное дело? И совсем несерьезное... Меня дядя Махет три месяца как научил. Он мне хочет наследство оставить. Он гусей разводит, их у него штук... — она подняла глаза к потолку, пошевелила губами, насупилась. Видимо, в математике была еще не сильна. — Много. Целых четыре гусятника. Очень прибыльное у него дело, — сказала она, явно повторяя слышанные от кого-то из взрослых слова. — А наследников у него нету. Тетя Заира умерла два года назад, а сын, мой двоюродный братец, сбежал в солдаты, когда меня еще на свете не было. Вот дядя Махет и решил оставить все мне. Он меня любит, и я его люблю, не из-за наследства, а просто так. Он хороший. Только болеет очень, — она печально нахмурилась. — Может даже помереть. Вот и выучил меня грамоте уже теперь, потому что в этом ремесле без грамоты нельзя. Сейчас счету учит. Говорит: если завтра помру, ты, конечно, за-

правлять хозяйством еще не сможешь, но сумеешь присмотреть за приказчиком и птичницами, если будешь уметь читать, писать и считать... А что, я бы смогла, только нужно еще счет подучить... — она выпрямилась, сказала с комической важностью: — Неплохо ведь в шесть лет за большим гусятником присматривать?

— Неплохо, — кивнул Сварог. — Этак, пожалуй, тебя, не дожидаясь, пока вырастешь, Эльбеттой звать начнут...

— Хорошо бы, — сказала Бетта мечтательно.

— А гусей ты любишь?

— Терпеть не могу, — призналась Бетта. — Они противные, стоит пройти поблизости, начинают шею вытягивать, шипеть, щипать грозиться... Но что поделаешь, если хорошее хозяйство? — сказала она с взрослой, прямо-таки крестьянской рассудительностью. — Я найму парня, чтобы ходил за мной с хворостиной и отгонял их, когда будут подкрадываться... Правильно ведь?

— Правильно, — сказал Сварог.

Ну вот. Они сидели и болтали, самые непринужденные отношения сложились, так что пора переходить к делу...

— Вот... — сказала Бетта. — Только какое же это серьезное дело? Это просто гусятник...

— Меня не гусятник интересует, — сказал Сварог. — Вот теперь давай поговорим о том самом серьезном деле. Меня зовут... дядюшка Гэйр, и я — дядя Дарна... с которым ты разговариваешь с помощью черного камешка. Я ведь и всех остальных знаю — Тора, Реди, Ласточку, Филутину...

Не было другого выхода, кроме как блефовать, поминая именно о *камне*. В конце концов, у *нее* могло оказаться что-то совершенно другое. Но, с другой стороны, если до сих пор всегда были черные камни, почему бы и здесь не оказаться такому же? В любом случае, он совершенно правильно назвал тех ее друзей-подружек, с кем она чаще всего общается в сети...

Бетта отпрянула, ее личико моментально стало замкнутым, испуганным.

— Какой такой черный камушек? — весьма ненатурально изобразила она крайнее удивление. — Не знаю я ни про какой черный камушек...

Вот только при этом она машинально прикрыла руками карман на переднике. Не особенно и большой карман. Ни один из попавших в руки Сварога и восьмого департамента камней туда б не влез. Но у нее вполне может оказаться маленький, удобный именно для детской ладошки...

— Бетта, не бойся, — сказал Сварог насколько мог ласковее. — Я к тебе пришел как друг. Потому что ты дружишь с моим племянником... и с теми, кого я только что назвал, и еще со многими... И я вовсе не собираюсь отнимать у тебя камушек. Наоборот, могу подарить еще один, даже лучше...

Бетта смотрела на него все так же настороженно, пугливо. Не стоило затевать с ней словесный поединок, как со взрослой. Как-никак это шестилетний ребенок — вот мы его сейчас и удивим настолько, что быстро перестанет дичиться...

Он достал из-за обшлага короткую палочку золотистого цвета — один из своих походных компьютеров. Положил его на стол перед Беттой, — провел над ним указательным пальцем, подав мысленно нужную команду — и на столешнице ярко-сиреневым цветом изобразилась клавиатура, вспыхнул экран, и на нем появилась заставка, выбранная Сварогом с учетом именно

детской психологии: красавец корабль с раздутыми парусами, медленно плывущий над облаками, над казавшимися сверху крохотными замками и башнями...

Ухмыльнулся про себя, видя, что рассчитал все правильно: Бетта замороженно уставилась на экран (ничуть не удивившись ни ему, ни клавиатуре, ну да это и понятно).

— Ой, красиво как... — выдохнула она. — Картинки... И все цветное... А у меня все черно-белое и нет никаких картинок...

И, спохватившись, что проговорила сама, зажала рот ладошкой, глаза стали круглые от испуга.

— Хочешь попробовать? — мягко спросил Сварог, показывая на клавиатуру. — Посмотришь еще картинки? Там их много...

Видно было: хотя и испугалась чуточку, ее тянет к компьютеру, как магнитом.

— А... можно? — робко произнесла она, уже не прижимая руками кармашек.

— Пожалуйста, — сказал Сварог. — Ты же умеешь.

Бетта осмотрелась, озабоченно сдвинула брови:

— Тут есть незнакомые значки, я таких не знаю... Вот тот, тот, и весь тот рядок...

— Вот этот значок означает «Вход», — подсказал Сварог.

Бетта подняла на него глаза:

— Вы хотите сказать, «ключ»?

Видимо, у того, кто учил ее компьютерной грамоте, была своя терминология...

— Ну, пусть будет ключ, — сказал Сварог. — Нажимай.

Она, не колеблясь, коснулась сиреневого значка. Недоуменно подняла брови:

— А что такое «главная страница»?

— Полный список всего, что там есть, — пояснил Сварог. — А у тебя это как называется?

— А у меня нет никаких списков, — сказала она. — У меня только «ключ» и «дверь», открываешь дверь — а за ней друзья...

«Понятно», — подумал Сварог. Узкоспециализированная штука. У патриция были только биржи и схожие заведения, у того пирата — данные о морях и кораблях...

— Видишь этот кружочек? — спросил он. — Если станешь водить по нему пальцем, вон та стрелочка выйдет на нужную надпись... Наведи ее на «главную страницу»... нажми тот знак... вот тебе и список открылся. Теперь попробуй сама.

К некоторому его удивлению, Бетта освоила все едва ли не мгновенно. После нескольких вполне понятных ошибок (Сварог подсказывал, как их исправить) довольно ловко навела курсор на «Картинки», чуть подумала, выбирая что-то из открывшегося списка, уже совсем уверенно открыла «Платья, наряды, украшения» — и замороженно уставилась на медленно плывущие справа налево пышные платья для придворных балов. Ну, женщина, конечно, фыркнул про себя Сварог. Хоть и шестилетняя. Мальчишка, ее ровесник, конечно же, выбрал бы корабли или оружие, в «Картинках» все это есть...

— Бетта, у вас в доме курят? — спросил он негромко.

— Да-да, — отозвалась она, не отрываясь от экрана. — Папка трубкой дымит везде, только в спальне мамка ему запрещает...

Сварог извлек из воздуха сигарету и прикурил от огонька на кончике пальца — все равно Бетта никого и ничего не видела вокруг, кроме роскошных платьев и затейливых украшений. «Вот и все, — удовлетворенно подумал Сварог, выпуская дым, — она — моя. В хорошем смысле слова, конечно. Но как быстро освоилась, чертенок! А впрочем, что тут удивительного — двухмесячная практика, если ее клавиатура такая же, как у патриция, мой компьютер немногим и отличается...»

Усмехнувшись, он подал очередную мысленную команду — и экран погас, клавиатура исчезла. Бетта повернулась к нему — классический образ ребенка, у которого вдруг отобрали любимую игрушку. А уж глаза! Все, детка, ты моя, подумал Сварог не без легкого цинизма. Тебе с *этого* уже не соскочить...

— А почему он...

— Как бы тебе объяснить... — задумчиво начал Сварог. — Он должен питаться, как человек...

— Ну да! — прервала его Бетта. — Вы не держали его на солнышке?

— Совсем забыл, захопотался, — сокрушенно сказал он. — А твой камешек тоже нужно держать на солнышке?

— Ага, — ответила Бетта, поколебавшись лишь краткий миг. — Если подержать его на солнышке часа четыре, он потом неделю исправно работает...

— Вот и у меня та же история, — сказал он с грустным видом. — Но нельзя ведь выносить его во двор при всех...

— Конечно, — со взрослой серьезностью кивнула Бетта. — Никто не должен знать... Баглок так и предупредил: никто не должен знать... Но вы ведь *свой*, дядюшка Гэйр, я теперь вижу...

— Может быть, покажешь твой? — спросил он осторожно. — Раз уж мы свои люди...

Поколебавшись лишь самую чуточку, Бетта сунула руку в кармашек и вынула в точности такой черный камень, овальный, идеально отполированный, с выступающим на одной стороне круглым бортиком и продолговатой луночкой внизу. Несомненно, из той же самой неведомой мастерской. Только гораздо меньше размером — не для мужской ладони, а для ладошки шестилетней девочки.

— Ну, я таких насмотрелся, — сказал он небрежно. — Только ты можешь его включить, верно?

— Ага, — кивнула Бетта.

— Значит, это Баглок тебе его дал? — спросил Сварог небрежным тоном.

— Ну да, — сказала Бетта. — Я собирала грибы в лесу и вдруг увидела под кустом камешек. А потом раздался голос Баглока. Сам он не показался, он ведь не всегда показывается... (Сварог не стал задавать вопросы касаясь личности этого самого Баглока, в конце концов, не это сейчас было самым важным). Он спросил, чего бы мне больше всего хотелось... А я... — Бетта смущенно улыбнулась. — Я так и сказала... Знаете, дядюшка Гэйр, мне всегда страшно хотелось поговорить с ребяташками, которые живут там, в летающих замках... Раз там есть взрослые, там ведь должны быть и ребяташки... Баглок мне объяснил, как управляться с камешком... в голове все словно само собой укладывалось...

Вот и все... Ой! — вскрикнула она вдруг, прижав ладони к щекам. — Как же я сразу не сообразила, дуреха... Если вы дядя Дарна, значит вы... Вы тоже... Ваше Небесное Великолепие... — почти прошептала она испуганно. — Вы пришли меня отругать за то, что я без спроса посмела...

Сварог рассмеялся вполне искренне.

— Глупости, Бетта, — сказал он насколько мог убедительно. — С чего бы мне тебя ругать? Ты ведь ничего плохого не сделала. Ну, посмотри сама — похож я на человека, который собирается тебя ругать? Или сердится? Если бы я сердился, уж ни за что не стал тебе показывать... — он взял со стола золотистую палочку, подбросил на ладони.

— Но я же посмела без разрешения прийти к Высоким Господам Небес...

«Ну да, — подумал Сварог, — все-таки уже шесть лет. Успела уже усвоить, учено выражаясь, азы социальной структуры общества. А вот те карапузики, наверху, оказались гораздо беззаботнее, их явно еще не учили всерьез этим азам...»

Он наклонился и накрыл рукой ее маленькую ручонку.

— Честное слово, Бетта, — сказал он, — никто на тебя не сердится. Все твои друзья и подружки тебя давно приняли как свою, верно ведь? Ну, улыбнись. Никто на тебя не сердится.

— А зачем тогда с вами полицейский и все эти? — в ее глазах и голосе еще оставалась настороженность.

— Да он не полицейский, — сказал Сварог. — Он просто так одет. Понимаешь, когда мы спускаемся к вам, на землю, нам полагается ходить с охраной. Положено так. Нельзя мне расхаживать по земле в одиночку. Так что это всего-навсего моя переодетая охрана.

Кажется, она поверила. Даже улыбнулась:

— А вы что, боитесь, вас кто-нибудь обидит? Вы же такой здоровенный, может, даже Зимира поколотите...

— А это кто?

— Лучший кулачный боец в Туарсоне, — пояснила Бетта. — Когда по праздникам бывают кулачные бои, он всех побивает. Но вы, наверно, его побьете...

— Надо как-нибудь попробовать... — хмыкнул Сварог. — Да нет, Бетта, никого я не боюсь. Просто так уж положено. Как старосте носить бляху. Ну, успокоилась? Поверила, что никто на тебя не сердится и ругать не собирается?

— Да вроде бы, — сказала она, пытаясь улыбаться беззаботно. — Вы совсем сердитым не выглядите... Дядюшка Гэйр... А зачем вы все-таки ко мне приехали?

— Чтобы пригласить в гости, — сказал Сварог буднично. — У вас ведь, в Детской, две недели шла игра, ты лучше меня должна знать... «Золотой Ветер», правильно? Ну вот, и ты выиграла. Сегодня вечером там, — он ткнул пальцем в потолок, — будет праздник, все соберутся поздравлять победительницу. И вручать награду. Игрушку даже лучше, чем эта, моя, — он поводит в воздухе золотистым стержнем. — Ну, а поскольку победила ты, как же без тебя обойтись? Сможешь там погостить, увидишь массу интересных вещей...

— Так не бывает... — завороченно прошептала Бетта, глядя на него сияющими глазами, — это сказка, сон?

— Хочешь, я тебя ущипну? — усмехнулся Сварог.

— Ой, больно!

— Ну вот, никакой это не сон. Только отпрапляться, Бетта, нужно прямо сейчас, день уже к вечеру клонится... Сможешь быстро собрать все, что тебе там понадобится? Платья, игрушки какие-нибудь?

— Конечно... — она казалась одурманенной. И вдруг испуганно спросила: — А папа с мамой отпустят?

— Отпустят, — серьезно сказал Сварог, — с ними поговорю.

— Значит, мы *полетим*?

— Полетим, Бетта, — кивнул Сварог. — Ну что, беги быстренько собирайся? А я поговорю с папой и с мамой. Да, камешек положи в карман, не оставляй на столе, никто ведь не должен знать...

— Конечно... Бегу... Дядюшка Гэйр...

И она бросилась прочь из комнаты. Сварог не без грусти посмотрел ей вслед, вышел в другую комнату, сделал выразительный жест, и все моментально пришло в движение: Катлок, крепко ухватив за локоть старосту, повлек его к входной двери, деловито приговаривая:

— Пойдемте, староста, тут секретное дело обсудить нужно...

Отца с матерью сыщики без грубости, но непреклонно оттеснили на кухню и закрыли за собой дверь.

— Гаржак, — сказал Сварог. — Вы в Каталауне не новичок... Кто такой Баглок?

— Ну... Что-то вроде лешего. Очень непостоянен: может одарить человека, а может и поиздеваться: в лесу закружит или что-нибудь вроде того, убить не убьет, но неприятностей причинит немало.

— Реальная лесная нечисть или мифологическая?

— Мифология чистой воды, — сказал Гаржак. — Даваемым-давно проверено.

— Понятно, — сказал Сварог. — Идите, помогите девчонке собраться. Мы немедленно вылетаем.

Оставшись в одиночестве, он долго сидел не шевелясь, ссутулившись, свесив руки меж колен. Попытался понять, стоит себя в чем-то упрекать или нет. Поразмыслив, пришел к выводу, что все же не стоит.

Бетта никогда уже не вернется на землю — как и вся ее семья. Сварог ей не врал ничуточки — она и в самом деле объявлена победительницей игры, вечером действительно состоится праздник для малышей. Говоря по совести, игру выиграл совсем другой, шестилетний маркиз под ником «Проказник» — но никто об этом никогда не узнает. Пришлось так поступить для пользы дела. Не столь уж большой урон для малыша.

Бетте вручат приз. Завтра дадут вдоволь позабавиться с компьютерами. После завтра свозят на Сильвану. Потом... Ну, там целая программа, Сварог не вникал во все детали. Главное — *завертеть* ее в вихре безобидных развлечений, какие только можно придумать для шестилетней девочки с земли. Опутать. Незаметно подвести к точке, когда ей самой не захочется возвращаться назад. После всего, что она увидит за облаками, ей покажутся невероятно убогими, скучными и родная деревушка, и гусиное наследство. Шесть лет, всего шесть. Можно вылепить что угодно, как из пластилина.

Умные, знающие дело люди поставят все так, что она время от времени будет все же работать и с черным камнем — как и патриций, обитающий сейчас взаперти (правда, в большом комфорте). Пусть камни работают и дальше — пока не проявит себя тот, кто их подбрасывает от имени сказочных леших и

несуществующих фей. Должен же он как-то себя проявить, какая-то задача перед ним стоит — ну не может же он дарить эти чертовы камни *просто так*, по доброте душевной? Должна быть какая-то задача и цель...

Есть и еще одна сторона проблемы. При диком кадровом голоде, царящем в девятом столе, Бетта вполне может стать ценным приобретением. Конечно, лет через десять, не раньше — но у нас впереди столетия, что нам стоит подождать десять лет?

Сейчас Катлок, предъявив старосте бляху даже не тайной полиции, Багряной Палаты, проводит с ним разъяснительную работу. Завтра же староста должен с самым сокрушенным видом разнести по деревне весть, что мирный шорник Кадерт на самом деле оказался местным главой «Черной благодати», а потому вчера вечером вместе со всей семьей был взят и увезен одним из тех учреждений, которые к ночи и поминать не стоит. И это все, что знает сам староста. Прокатит. Какое-то время судачить будут так, что языки сотрут потом привыкнут, и эта история войдет в список местных мелких «бывальщин», о которых не всегда и вспоминают за чаркой. Там, наверху и отца с матерью, и старшую дочку пристроят куда-нибудь слугами, на непыльную работенку, жить будут в комфорте, о котором и мечтать не могли, с Беттой видаться им позволят. Такие дела.

И абсолютно не в чем себя упрекнуть. И нет во всем этом ни подлости, ни жестокости. Наоборот, господа, наоборот... Если бы Сварог не отстоял перед Канцлером свой план, этот, в ход были бы автоматически пущены другие варианты зачистки. А их всего два. В обоих Бетту увозят за облака. В мягком варианте в лесу находят вполне опознаваемые останки «Бетты», растерзанной забеглым волком. В жестком — родители и старшая сестра всю оставшуюся жизнь проведут под неусыпным присмотром на одном из далеких островов. Стандартный регламент зачистки мест, где произошло *странное*, составленный и утвержденный давным-давно. Иногда это касается не одной-единственной семьи, иногда случаются зачистки и помасштабнее...

Поэтому Сварог считал, что ему не в чем себя упрекнуть. Он выбрал свой вариант, не предусмотренный регламентами, но одобренный Канцлером. Вариант, при котором всем увезенным отсюда житья будет очень даже неплохо.

И все равно, в горле сидел какой-то липкий, противный комок — из-за того, что вновь пришлось *корезить* человеческие судьбы. Прекрасно зная, что иначе нельзя, и тем не менее, господа мои, тем не менее...

Он повернул руку ладонью вверх, чуть раздвинул пальцы — и меж ними оказался пузатый бокал келимаса. Медленно *вытянув* его сквозь зубы, Сварог поставил бокал на стол. «Вот так и живем, — вертелось у него в голове, — вот так и живем...»

Хлопнула дверь — влетела сияющая Бетта. Гаржак нес за ней не такой уж и большой узел из полосатой материи.

— Дядюшка Гэйр! А где мама с папой? Нужно же им сказать...

Сварог развел руками:

— Они ушли со старостой, Бетта. Какие-то срочные дела в мастерской...

— Но как же...

Сварог подошел, наклонился и шепнул ей на ухо:

— Под большим секретом, малышка: им разрешили побывать на праздни-

ке, посмотреть, как тебе вручают приз.

— А Викету тоже возьмут?

— Конечно, — сказал Сварог. — Пусть порадуется за младшую сестренку. И убедится, что зря тебе не верила. Ведь не верила?

— Ой, как высмеивала... Говорила, я помешалась...

— Она кому-нибудь рассказывала о том, что ты ей рассказывала?

— Ой, да нет! Так и говорила: буду помалкивать, не хочу, чтобы меня дразнили, что у меня сестренка чокнутая...

«Совсем хорошо, — подумал Сварог. — Никаких лишних хлопот».

— В общем, всех твоих родных ты сегодня вечером увидишь на празднике, — сказал он, взяв Бетту за руку и деликатно направляя к выходу. — Пойдем?

— Пойдем! — радостно воскликнула она, вырвала руку и первой выскочила из дома, подпрыгивая и что-то напевая под нос. «Тоже неплохо, — подумал Сварог. — Мысленно она уже там. Первый шаг сделан».

— Пойдемте, Гаржак, — сказал он хмуро.

...Сварог, откровенно говоря, ничего не понимал в том, что видит. На экране Бетта, сидевшая за большим и сложным пультом незнакомого Сварогу компьютера, азартно и проворно стучала по клавишам всеми десятью пальчиками. На огромном экране выплясывали причудливый танец разноцветные полумесяцы, в их перемещениях, слияниях и сцеплениях определенно был какой-то смысл, но никак не для Сварога, освоившего компьютер ровно настолько, сколько необходимо для нормальной работы. Однако он ориентировался на Элкона — тот, наблюдая непонятное зрелище, прямо-таки сиял.

— Что, у нее неплохо получается? — спросил Сварог.

— Неплохо? Не то слово! — воскликнул Элкон с нешуточным энтузиазмом. — Это «Пестрый хоровод», один их самых сложных тестов. Не всякий опытный компьютерщик сможет за квадранс дойти до четвертого уровня, а она уже на девятом... А ведь всего неделю занимается... Верно вам говорю, командир, если с самого начала делать упор в ее образовании на компьютерные технологии, через десять лет получим компьютерного гения.

— Вроде тебя? — лениво поинтересовалась Яна, сидевшая в уголке и чуточку скучавшая.

— Гораздо выше, — сказал Элкон. — Я как раз сильно сомневаюсь, что я гений... хотя, конечно, кое на что способен, — добавил он с некоторым пижонством.

— Как она себя ведет? — спросил Сварог.

— Как вы и рассчитывали, командир, — сказал Элкон. — Она в полном восторге, не вылезает из зала и уже просит дать ей поработать на «Туманности-400». Я думаю разрешить. Это очень серьезный компьютер, посмотрим, что у нее получится...

— А все остальное?

— Родителей навещала всего дважды, но это, по донесению сопровождающего, как-то наспех. О том, чтобы вернуться на землю, даже и не заикалась. Наоборот, — он ухмыльнулся. — Просила узнать, разрешит ли ей дядюшка Гэйр погостить тут еще...

— Дядюшка, конечно, разрешит, — сказал Сварог без улыбки. — Дядюшка

добрый, пока спит зубами к стенке... Это все прекрасно. Другое дело, Элкон, что у нас тут возникла досадная загвоздочка. Я час назад говорил с Канцлером. Он настроен вполне доброжелательно, но прямо сказал, что следует соблюдать порядок. Иными словами, Бетту нужно как-то здесь легализовать, придать ей определенный статус. И вот тут начинаются сложности... Совершенно непонятно — вот лично мне — *какой* ей статус можно придать. Будь она совершеннолетней, никаких хлопот — я бы ее попросту зачислил на службу по категории «персонал земного происхождения». Но с шестилеткой так поступить нельзя, это против всех регламентов. Остается только статус «опасного свидетеля»... который получили ее родители и старшая сестра. С ними-то никаких проблем, как и планировалось, пристроили слугами в Канцелярию метеорологии. Они-то — самые обычные люди, они нас совершенно не интересуют. А если и Бетте присвоят статус «опасного свидетеля», никакого компьютерного гения мы из нее сделать не сможем и образования дать не сможем. Отправят в школу служанок, и точка.

— Подумаешь, — сказала Яна беззаботно. — Я самовластная правительница или нет? Секретарь сочинит очередной рескрипт об исключении из правил, я подпишу...

Сварог повернулся к ней и сказал серьезно:

— Канцлер *очень* просил придумать что-нибудь такое, чтобы все соответствовало законам. И так, мол, *общество* недовольно, что в последнее время прямо-таки хлынули, как зерно из мешка, рескрипты об исключениях из правил, что ее величество себя ведет без должной величавости, кое-кто проливает слезу по распущенным Тайному Совету и Палате Пэров... Потаенный, но едва ли не всеобщий ропот...

— И в гвардии тоже? — прищурилась Яна. — А в армии?

— У военных — лишь единичные случаи, по данным восьмого департамента, — сказал Сварог. — Главным образом родственники тех, кто оказался не у дел после твоих... реформ.

— Ну, так о чем же тогда беспокоиться? — очаровательно улыбнулась Яна.

— Я тебе скажу, как монарх монарху, — заявил Сварог очень серьезно. — Просто прекрасно, что ты пользуешься безоговорочной поддержкой гвардии, армии и Серебряной бригады. Но на *одной* той поддержке сидеть не стоит. Когда ропот едва ли не всеобщий... нет, это не опасно, но все же скверновато. Я у себя на земле кое-чему научился... Неплохой вариант — когда высшее общество расколото примерно наполовину. Тогда и не о чем особенно беспокоиться и ничего не надо предпринимать: будут грызть друг друга и следить друг за другом сами, прохвосты... Но тут другая ситуация: все твои новшества и поведение раздражают *слишком* много людей. И с этим надо считаться. Ты уже взрослая, должна учитывать такие вещи...

Яна строптиво поджала губы, но промолчала. Неплохо, констатировал Сварог. Еще с год назад обязательно бы стала держаться, как взбалмошная девчонка...

— Одним словом, нас очень просили скрупулезно соблюдать законы и регламенты, — сказал он. — Но я ничего не могу придумать... Элкон, нет ли светлых идей?

— Ни единой, — хмуро признался Элкон. — Я, конечно, уже наострил на службе обходить законы, но все же не великий их знаток...

— Мужчины... — насмешливо протянула Яна. — Грозные монстры секретных служб... Что бы вы без меня делали... «Закон о бастардах». Изучали вдумчиво?

Сварог с Элконом переглянулись и пожали плечами.

— По-моему, нас с графом он пока что не касается... — сказал Сварог.

— Ну, так вот, слушайте внимательно, — тоном опытной учительницы сказала Яна. — Ребенок, рожденный земной женщиной от лара... Что с ним?

— Ну, обладает всеми свойствами лара, — сказал Сварог.

— Правильно, — сказала Яна. — А потому всякий лар, узнавший, что на земле у него родился ребенок, *обязан* сообщить о данном факте в Канцелярию земных дел. После чего ребенок, простите за канцелярщину, изымается и поручается опеке четырнадцатого департамента земных дел... либо любому лицу, пожелавшему бы взять на себя роль опекуна. К совершеннолетию он получает все права лара, *усеченный* герб родителя... тут давно разработан стандарт, левая часть родительского герба сохраняется, а на правой помещается стандартный символ «одинокое дерево».

— Интересно... — сказал Сварог. — А если герб состоит из одной-единственной фигуры и не разделен на поля?

— Ну, и в этом случае он тоже режется пополам, — сказала Яна. — Левая часть остается, а на правой — «одинокое дерево». Далее. Имя сразу дается новое, не родительское, титула не полагается — просто «лорд такой-то». Правда, если случается, что род родителя пресечется, вместо перевертывания герба и вычеркивания его из гербовника, он передается бастарду. Такое, кстати, бывало. И многие бастарды выслуживали титулы. Конечно, в обществе их не все принимают как равных, некоторые, особо спесивые, и на поклон не ответят, и в разговор не вступят... но явление существует. Сейчас у нас примерно три сотни бастардов.

— Когда ты всего этого нахваталась? — с интересом спросил Сварог.

— Я как-никак императрица, ты не забыл? — сказала Яна. — На окончательное утверждение бумаги всегда поступают ко мне. Я с этой процедурой впервые столкнулась пять лет назад, а вчера как раз был одиннадцатый случай...

— Но Бетта-то тут при чем? — недоуменно спросил Сварог.

Яна демонстративно, тяжело вздохнула, покачала головой:

— Мужчины такие тугодумы... Никаких экспертиз не проводится. Достаточно прошения, поданного в Канцелярию земных дел. Некий благородный лар вдруг обнаружил, что его посещение деревни Туарсон шесть лет и девять месяцев назад не осталось без последствий... И заработает отлаженный механизм дядюшки Диамер-Сонирила... Ну, вам все понятно, или еще что-нибудь растолковать? — хотя она сидела в низком кресле, удивительным образом казалось, что Яна взирает на обоих свысока.

— Да нет, теперь все понятно, — сказал Сварог радостно. — Ну, коли уж нет никаких экспертиз... Одно только слово благородного лара... (как в старом земном анекдоте, подумал он — «и тут как поперли мне козыри, как поперли...»). Значит, надо искать кого-то надежного. Я тут всего три с лишним года, а Элкон при всех своих талантах никак не может по возрасту оказаться отцом шестилетнего ребенка... О! — воскликнул он, вздевая палец. — Брагерт! Этому шалопаю такая проделка будет весьма по вкусу. И уговаривать не придет-

ся.

— А воспитателем мог бы быть я, — сказал Элкон. — Бари — ее ровесница, они были знакомы заочно по Детской, а на празднике познакомились вживую... Отлично все складывается!

Не теряя времени, Сварог подошел к столу и нажал клавишу.

— Господин директор? — откликнулся секретарь.

— Немедленно разыщите милорда Брагерта и попросите явиться ко мне.

— Минуточку, господин директор... — какое-то время стояла тишина, потом секретарь отозвался с нотой разочарования. — Простите, но милорд Брагерт два дня назад отправился с заданием в Лоран, и раньше чем через неделю ждать его не следует... господин директор! Буквально только что поступило сообщение: его высочество принц Элвар интересуется, можете ли вы его принять по срочному и неотложному делу. Он сейчас в Каталауне, готов вылететь немедленно...

Сварог тяжело вздохнул, подчиняясь неизбежному. Сказал:

— Сообщите, что всецело к услугам принца... — и, отключив связь с приемной, повернулся к собеседникам, печально покачал головой. — Могу спорить, опять какого-то крестника его высочества или просто очередного «золотого парня» замели на угоне овец или грабеже купцов, снова придется миловать кого-то... Ладно, не впервой... В конце концов, он никогда не вступает за откровенную сволочь, и это хорошо... Что, Элкон?

— Если я вам больше не нужен, я бы полетел к Бетте...

— Да, конечно, — сказал Сварог.

Когда за Элконом закрылась дверь, он подошел к Яне и уставился на нее долгим взглядом. Она сидела, вольно закинув ногу на ногу, в коротеньком и легком красном платье, загорелая, свежая, после недели отдыха в Хелльстаде пребывавшая в отличнейшем настроении...

— Вот *таких* взглядов не надо, — сказала Яна с чарующей улыбкой. — Я ведь и в самом деле твердо решила, что до свадьбы ничего у нас не будет. Так хочется побыть неким подобием невинной невесты... Да и дядя сейчас прилетит.

— Да я так... — сказал Сварог, — с эстетической точки зрения.

Ее личико вдруг приняло ошеломленно-горделивое выражение — словно у ученого мужа, открывшего новый закон мироздания.

— Вот оно! — воскликнула Яна.

— Что?

Яна лукаво улыбнулась:

— А вот дядюшка Элвар и будет счастливым папашей Бетты. Так даже лучше. Бастарду императорской фамилии положен *полный* герб и титул, обычно маркиза или виконта. Леди Бетта, маркиза как-ее-там...

— Думаешь, он согласится?

— Быстренько уговорю, — заверила Яна. — Ты же успел его узнать, уже, наверное, пару бочек на пару осушили... Да и в конце-то концов, ты столько раз по его ходатайству миловал всяких шаромыжников... Может он хоть раз ответить любезностью? Правда, вы с ним опять налакаетесь безбожно... Ладно, я останусь и буду за вами присматривать... Или у тебя срочные дела?

Сварог мотнул головой:

— Так уж сегодня счастливо сложилось, что и дел особых нет, и найдется

чем принца попотчевать, да и самому отведать... Час назад посыльный от канцлера привез подарочек. С коротким, но благорасположенным письмом...

Он достал из шкафа и поставил на стол изящный деревянный ящичек, снял крышку-коробку, открывая подставку с весьма заманчивым содержимым.

Яна фыркнула:

— Ну конечно, какие еще подарки мужчины могут делать друг другу...

— Милая, — сказал Сварог, чувствуя, как его лицо становится одухотворенным. — Это тебе не обычное пойло, а напиток, достойный винных погребов Келл Инира...

На подставке, на маленьких, тонкой работы козлах лежал бочоночек из темных дубовых дощечек, вместимостью кварта в пять (примерно 4 литра). Судя по клеймам, аккуратно заполненным алой краской, это был келимас, и не просто келимас, а один из лучших таларских сортов, с полуострова Ройре, да вдобавок двадцатилетней выдержки. Довольно редкая вещь — виноградники на Ройре небольшие, всякие келимасы Сварог пивал, а такого не доводилось.

Тут же, в гнездах деревянной подставки, стояли четыре деревянные же стопки. Сварог достал одну, повертел, но так и не смог определить, из какого дерева она сделана. Одно ясно — порода ценная. Бело-желтовато-коричневые узоры древесины так и ласкали глаз — особенно в сочетании с бочоночком. Снаружи чарки идеально отполированы, а внутри дерево оставлено нетронутым — и не понять, какая сторона красивее.

Подойдя к столу, Яна обозрела подарок и уверенно сказала:

— Налакаетесь.

— Да что тут пить? — спросил Сварог, поглаживая бочоночек. — Кошачьи слезки... Вот, кстати, очень светский у вас лексикон, ваше величество...

— Это все Каталаун, — безмятежно сказала Яна, глядя на него невиннейшим взглядом. — Я в детстве, да и позже, столько времени там провела с дядюшкой... А народ там простой, говорят незатейливо... — она потупила глаза в наигранном смущении. — Да, я и забыла покаяться еще в одном прошлом грехе. Когда мне было без малого двенадцать, я за амбаром целовалась с мальчиком. Точнее, пытались, тыкались плотно сжатыми губами... Дядюшка нас застукал, и была такая взбучка, что я навсегда зареклась принимать в Каталауне ухаживания... Я навсегда пала теперь в твоих глазах, или все же простишь?

— Крепя сердце и собрав волю в кулак, — сказал Сварог. — Я ведь чуточку знаю Каталаун... Винцо ты тоже там в первый раз попробовала?

— Ну да, — сказала Яна без малейшего раскаяния. — Когда девочкам там исполняется двенадцать, им уже начинают наливать. Правда, слабенькую наливку или легкое вино, и на все застолье выделяется одна-единственная чарка. И строго следят, чтобы не было попыток добавить.

— Так что глоточек-то ты выпьешь...

— Глоточек-то я выпью, — сказала Яна. — Как-никак двадцатилетний «Ройне», причем *настоящий*...

Сварог прекрасно понимал, что она имела в виду. Еда и питье, сотворенные магическим образом, ничем не отличаются от настоящих, однако есть один нюанс... Когда ты создаешь бокал келимаса, это *тот же самый* келимас, что был в прошлый раз и в позапрошлый, и во все предшествующие разы. И бифштекс всегда *один и тот же*, в сотый раз подрумянен левый бочок, в сотый

раз самую чуточку недожарен правый, поскольку все всегда выполняется по заданному образу. Именно потому созданную магическим образом провизию и напитки предпочитают употреблять в самом крайнем случае — ну, скажем, как Сварог во время своих странствий по земле. Настоящее — оно и есть настоящее...

— А может, и два глоточка, — сказала Яна. — Или три. В любом случае не полными чарками, как вы сейчас начнете...

— Кстати, что это за дерево? Никогда такого не видел.

— Сильванская горная береза, — пояснила Яна. — Довольно редкая порода, растет в крайне труднодоступных местах и очень ценится. В одном княжестве из нее даже медали делают, по рангу соответствующие серебряным... У меня в сильванском охотничьем домике вся мебель из горной березы, у гиперборейского царя из нее трон... Есть одно поверье насчет супружеской постели, но я его тебе пока не скажу, я уже вошла в состояние невинной невесты... И нечего на меня так смотреть...

— Вот положи руку на сердце, чисто эстетически, — сказал Сварог, откровенно любуясь ею. — Загоревшая, веселая, ни капли меланхолии. Глаз радуешь.

— Ага. А дай тебе волю, мое платьице мигом в другой конец комнаты улетит...

— Но я же пообещал, что принял твое условие, и до свадьбы — никаких глупостей...

И тут ему в голову пришла великолепнейшая идея. Да что там, гениальная. Почему он один должен страдать в тисках добродетели? Это несправедливо, право же...

— Госпожа моя невеста, — сказал он вкрадчиво. — А вам не кажется, что в этих предсвадебных условиях допущена явная несправедливость по отношению к жениху?

— Какая? — с искренним любопытством спросила Яна. — Правда, я в толк не возьму, господин мой жених...

— Условия ставила только одна сторона, то есть ты, — сказал Сварог. — А почему я лишен такого права?

— А какие у тебя могут быть условия? — изумленно спросила Яна. — Нет, правда? В толк не возьму...

Сварог наставительным тоном сказал:

— Невеста в преддверии свадьбы должна быть добродетельной и скромной, так?

— Ну, вообще-то так... — протянула Яна.

— Вот именно. Коли уж речь пошла о добродетели и скромности, мне категорически не нравится, что моя невеста расхаживает в таких коротких платьях, пусть они и соответствуют нынешней моде. У тебя от колен до подола — расстояние в две моих ладони. С учетом большого пальца.

— Врешь и преувеличиваешь, — она посмотрела на свой подол. — Как ни прикидывай — одна твоя ладонь... ну, может, еще палец...

— Все равно, — сказал Сварог. — Условие у меня такое: чтобы ты с завтрашнего же дня и до свадьбы ходила исключительно в платьях, прикрывающих колени. И без всяких вырезов.

— Ты серьезно?

— Абсолютно, — сказал Сварог. — После свадьбы — пожалуйста, и платье укорачивай, и с вырезом щеголяй. А пока что... Я серьезно. Я твое условие принял. Справедливость требует, чтобы и ты приняла мое.

— Садизм какой-то...

— А не позволять до тебя даже пальцем дотрагиваться, пока ты в невестах, это не садизм?! Нет уж, Вита, давай по справедливости. Условие на условие.

— Ну, хорошо. Обещаю, — с крайне недовольным видом сказала Яна и пробурчала под нос: — Хорошо хоть не до полу... А что подумают при дворе? Мы же все сохраняем в тайне до последнего дня...

— А что подумают? — пожал плечами Сварог. — Подумают, что ты по очередному капризу решила переменить моду. И тут же оденутся соответственно. Ну, так ты обещаешь?

— Обещаю, — с превеликой неохотой сказала Яна. — Только ты постарайся побыстрее все уладить...

— Стараюсь вовсю, — сказал Сварог.

И говорил чистую правду. Карах, отставленный от всех прочих дел (коих у него, откровенно говоря, и не было почти), в лихорадочном темпе составлял Брачный кодекс, в качестве образца имея перед собой таковые кодексы из шести королевств. В Латеране два придворных церемониймейстера, из Снольдера и Ронеро (коим за быстроту и качество были обещаны не самые низшие ордена) столь же стахановски трудились день и ночь. Сварог дал им кое-какие исходные данные, а в остальном полагался на их опыт. Метавшиеся по Полуденному Каталауну сыщики донесли, что напали на след отца Грука и отыщут в самом скором времени. Список гостей Яна со Сварогом после вдумчивого обсуждения уже составили. Мяус рапортовал, что буквально через два дня дворцовый парк будет возвращен в то состояние, в каком он пребывал, когда во дворце кипела жизнь.

Замигала синяя лампочка, послышался голос коменданта:

— Господин директор, вимана его высочества только что совершила посадку.

— Возьмите почетный караул и проводите его высочество ко мне, разумеется, без доклада.

— Ну, сейчас пойдет гульба... — хмыкнула Яна.

— Мы постараемся не увлечься, — ханжески пообещал Сварог.

— Это с дядюшкой-то? — фыркнула Яна. — Ну-ну, оптимист ты у меня, вроде бы должен уже неплохо его знать, второй год чарками стучите. Я, конечно, с вами посижу, но только до того времени, когда дядюшка начнет орать любимые каталаунские песни... *Игривые...*

— А в Каталауне ты их мало наслушалась? — фыркнул Сварог, всецело поглощенный хозяйством: перенес бочонок и стопки на стол в углу, как раз и служивший для приемов гостей. Достал блюда с закусками — *настоящие*.

— А в Каталауне, между прочим, с этим на застольях строго, — сказала Яна. — Если дом приличный, никто при детях похабщину горланить не будет — из-за стола вышибут... Так, мне на палец. Дядюшке можешь полный, а тебе и половины достаточно.

Сварог, в глубине души вполне согласный с таким раскладом, последовал ценным указаниям. Две чарки стояли на столе, свою он держал в руке, когда дверь с грохотом распахнулась и ввалился принц Элвар, веселый, небритый, в

высоких сапогах и зеленом кафтане, с арапником за поясом.

— Ух, какого секача загнали! — браво рывкнул он с порога. — Клычищи...

— Ну вот, есть повод отпраздновать, — сказал Сварог. — Тут как раз прислали в подарок волшебный напиток...

— Ну-ка, ну-ка... — принц шагнул к столу, озирая его с живейшим любопытством.

Его лицо внезапно исказилось в неопикуемой гримасе, и он, побледнев, как смерть, схватился за рукоять арапника. Все прошло молниеносно — арапник свистнул в воздухе, запястье Сварога обожгла жгучая боль, чарка выпала, и все содержимое растеклось темным пятном по узорчатому ратагайскому ковру. С неожиданной проворством принц обогнул стол, оттесняя от него Яну и Сварога. И заревел Сварогу в лицо:

— Вы где это взяли, идиоты?

— Канцлер прислал в подарок... — ошеломленно выговорил Сварог.

Принц рухнул в кресло, отодвинув локоть от полной чарки так, словно это была болотная гадюка.

— Не может такого быть... — пробормотал он.

— Мне доложили... — сказал Сварог растерянно. — Вимана была цветов канцлера, посланец в мундире его канцелярии, классный чин.

— Король, мать твою... — прохрипел принц. — Дите малое... Как тебя до сих пор не прикончили...

— Дядя, — твердо сказала Яна, — что-то я подобного буйства даже за вами не припомню...

— Буйства? — взревел принц. — Да твоего отца именно так и отравили, такими вот чарочками... — он с размаху хлопнул себя ладонью по губам. — Договорились же молчать, черт...

Сварог придвинулся к Яне, готовый ее подхватить — казалось, она сейчас потеряет сознание. Но длилось это только миг. Она отстранила руки Сварога, как чужого, села в кресло перед одним из пультов, уверенно нажала несколько кнопок и сказала резко, холодно: — Герцог? Извольте немедленно прибыть в девятый стол. Немедленно.

И ударила по клавише прежде, чем Канцлер успел что-то ответить, он так и исчез с экрана. Повернула к Сварогу прекрасное, ожесточенное лицо:

— Сколько у тебя здесь вооруженных?

— Человек сорок, — пожал он плечами.

— Подними всех. Когда Канцлер войдет в здание, всех его спутников немедленно арестовать. Пять человек в приемную. Ну? Или мне самой приказать? Где тут у тебя связь с комендантом?

Сварог, так ничего толком и не понимая, нажал нужную клавишу и передал распоряжение. Нагнувшись над его плечом, Яна громко сказала:

— Моим именем, комендант!

— Слушаюсь! — ответил комендант браво.

Судя по тону, он ничего не понимал, но полагал всегда, что понимать приказы в его обязанности не входит, — за что Сварог его и ценил...

На соседнем пульте зажглось несколько лампочек. Судя по их сочетанию, комендант объявил по зданию боевую тревогу, полагая, очевидно, что каши маслом не испортишь. Сварог ничему не препятствовал — он наконец-то смог думать, рассуждать, прикидывать.

— Яна, это не Канцлер, — сказал он задумчиво. — Никак не Канцлер. Он не стал бы так подставляться, посылать свою виману, своего чиновника... И потом, он прекрасно знал, что ты здесь, не мог не догадываться, что мы выпили бы оба... А мне только раз говорили, вот хотя бы его высочество: уж если Канцлер против тебя что-нибудь *задумал*, у него была за все эти годы масса возможностей обстричь все чисто...

— Это никак не Канцлер, Яна, — сумрачно поддержал принц Элвар. — В самом деле, уж он-то мог устроить всякое... Кто же будет так подставляться, столько свидетелей...

— А я и не считаю, что это Канцлер, — отрезала Яна. — Просто-напросто настало время поговорить по душам, и не только с Канцлером. Мне надоело, что он, пусть и не врет, столько лет не говорит *всей* правды... И лучше не мешайте оба!

Сварог стоял молча. Принц Элвар тоже помалкивал. Перед лицом столь ярко выраженного классического Монаршего Гнева стоило помолчать...

— У тебя тут есть какие-то эксперты... — сказала Яна Сварогу приказным тоном. — Вызови быстро. Пусть возьмут пробы из чарок и из бочонка.

...Канцлер сидел ссутулившись, лицо напоминало застывшую маску. Он прочитал про себя данные экспресс-анализа, положил листок на стол, сказал, опустив глаза:

— Все, как и в *тот* раз. Келимас в бочонке абсолютно безопасен. В чарках — отравка... Можно вопрос? Кто-нибудь на миг допускает, что это я?

— Никто, — отрезала за всех Яна. — Отчего ситуация веселее и легче не становится. С лорда Сварога никакого спроса — его в те времена здесь просто не было. А вот вы двое, да вдобавок покойный Гаудин... Я несколько раз задавала вопрос вам обоим: был ли отец отравлен? Вы уверяли, что это глупости... Извольте объяснить. Дядя...

— Ну, понимаешь... — принц Элвар ерзал на стуле и вообще чувствовал себя крайне неуверенно. — Канцлер не так уж и виноват, и Гаудин тоже... Мы тогда собрались на совет: я, Диамер-Сонирил, несколько наиболее толковых принцев крови, надежных сановников... Решено было сохранить все в тайне. Не рассказывать же тебе, шестилетней, как все случилось?

— А вам не кажется, дядя, что я уже совершеннолетняя? — поинтересовалась Яна с неопишым сарказмом.

— Ну, понимаешь... — покаянно сказал принц. — Хотели подождать, пока ты еще немного подрастешь...

— Благодетели... — покачала головой Яна. — Берегли от сложностей жизни... Как я вам благодарна...

Канцлер наконец-то поднял глаза:

— Ваше величество, я себя не выгораживаю. Просто хочу сказать, что решение было принято единогласно. Ввиду... особых обстоятельств. Видите ли, покушавшихся так никогда и не нашли, и до сих пор неизвестно, кто это был. Ясно одно: никто не готовил переворота, мятежа, смены династии или хотя бы вашего отстранения. Те, кто все это устроил, отравили императора — и только...

— Они где-то здесь, — сумрачно сказал принц. — Понимаешь, Янка? Кому-то из них ты наверняка давала титулы и ордена, назначала на высокие по-

сты... Они где-то здесь. Вот мы и боялись, что ты, узнав правду в юном возрасте, сгоряча наломаешь дров. Уж если тогда не удалось их обнаружить, у тебя тем более ничего не получилось бы. А вот они могли предпринять что-то, чего никто не мог бы предотвратить... Лорд Сварог, вы в данном случае лицо беспристрастное, можете быть судьей. Как вы поступили бы на нашем месте?

Сварог долго молчал. Потом сказал медленно:

— Пожалуй, я бы тогда с вами со всеми согласился...

Яна обожгла его взглядом — но все же атмосфера в кабинете была уже не столь напряженной.

— Как это случилось? — спросила Яна вполне рассудочным тоном. — И в чем секрет...

Принц вздохнул. Взял чистый бокал из шкафа Сварога, налил до краев келимаса и осушил. Морщась, сказал:

— Рекомендую, дамы и господа... Келимас абсолютно безвредный, как и тот...

— Какая-нибудь юридическая ловушка в заклинаниях? Если только так можно говорить о магии? — спросил Сварог. — Прореха? — он вспомнил кое-какие поучения Грельфи. — Вредный вред и безвредный вред?

— Вот именно, — угрюмо отозвался принц. — Из этой самой клятвой разновидности... Любой из нас, здесь присутствующих, моментально определит наличие в его бокале яда. А что есть яд? Природное либо составленное человеком зелье, смертельное для человека. Здесь ничего подобного. Потом выяснилось: когда дубильные вещества келимаса попадают в посуду из гипорборейской березы, образуется, как его там, химическое соединение с длинным названием. Я его еще тогда забыл. Главное, для человека это смертельный яд... формально не попадающий под категорию ядов. Келимас, разумеется, был проверен специалистами своего дела, как и все, что подается на стол королю. Посуда была проверена на наличие ядов. А потом они соединились, келимас и береза... — он тяжело вздохнул и налил себе еще.

Сварог, подумав, последовал его примеру — и Канцлер тоже. Даже Яна, чуть подумав, налила себе немного густо-янтарной жидкости.

— Подарок поступил якобы от царя Гиперборей, — сказал Канцлер. — Правда, потом оказалось, что царь его не посылал. Все замыкалось на главном кравчем... вполне доказавшим за долгие годы преданность трону. Он его и принес. Там тоже были четыре чарки. Кроме императора, они достались его высочествам и мне. Дюжине приближенных налили тоже, но в обычные бокалы, — на его лице появилась бледная тень улыбки. — Меня и обоих принцев спас строгий этикет торжественных обедов. Лишь когда император выпьет, поставит чарку на стол, имеют право пить остальные, — его лицо исказилось болезненной гримасой. — Император даже не успел допить. Он стал клониться на спинку кресла, лицо застыло, глаза *гасли*, в уголках рта появилась кровавая пена... конечно, переполох, паника... Лейб-медики оказались бессильны. Главный кравчий был обнаружен неподалеку в коридоре с кинжалом в сердце. Никаких следов. Ни наука, ни магия...

Настала долгая тягостная тишина. По лицу Яны текли слезы. Она не плакала — просто слезы текли и текли.

— И они где-то здесь... — выговорила она совсем тихо.

— Именно поэтому нельзя было допускать... опрометчивых решений, —

произнес Канцлер с ноткой прежней жесткости в голосе. — Правда, о том, что ваше величество здесь, знал только я — я имею в виду, из тех, кто находился за пределами манора. Либо у них есть здесь сообщник, который известил, что вы здесь, либо все было приготовлено исключительно для лорда Сварога...

— Ну, что касается сообщника здесь... — сквозь зубы проговорил Сварог. — Будет очень просто выяснить, есть он или нет. Есть безошибочные способы, я в свое время наладил неплохую контрразведку, именно потому, что ко мне стали засылать агентов... Правда, мало, но работать умеют...

Канцлер хладнокровно спросил:

— Ваше величество, можно спросить напрямую: если я буду арестован... или отстранен, можно ли твердо рассчитывать, что мое место займет лорд Сварог?

— Ни в коем случае, — вырвалось у Сварога.

Взглянув на Яну, он увидел, что она успела за короткое время привести себя в порядок: вытерла слезы, сидела с непроницаемым лицом. И недовольно поджала губы, услышав реплику Сварога.

— Мы не раз говорили, верно? — сказал он насколько мог мягко. — Я просто-напросто *не вытяну* всего этого, вместе взятого. Я и так на себя взвалил слишком много. Ничего хорошего не получится.

— Вот видите, ваше величество, — сказал канцлер бесстрастно. — Вы назначите на мое место кого-то исключительно по личным симпатиям... и нет гарантии, что им не окажется тот... кому как раз не следует там оказаться.

— Иными словами, вы снова выкрутились? — не без ехидства спросила Яна после короткого молчания.

— Я бы назвал это иначе, ваше величество, — мягко сказал Канцлер. — Мне в очередной раз удалось оправдаться. Честное слово, я ничего не мог сделать в той ситуации. Именно потому, что это, судя по всему, был не обширный заговор, а работа одного человека, в крайнем случае, двух-трех. И потому все наши службы оказались бессильны.

Яна, пусть и с некоторым неудовольствием на лице, коснулась клавиши:

— Комендант? Все только что отданные мною распоряжения отменяются. Извините, Канцлер, я, кажется, погорячилась, но обстоятельства...

— Не стоит извинений, ваше величество, — серьезно сказал Канцлер. — Я привык. За семь лет правления вашего отца меня дважды отстраняли от дел, а уж за сорок лет службы у вашего дедушки это происходило столько раз, что я счет потерял. Причем, это иногда обставлялось гораздо эффективнее...

— Ну что тут поделать, Янка, — сказал принц Элвар, с непринужденным видом наливая себе полный бокал келимаса. — Так уж получилось, что герцог лучше всех, кого я знаю, управляется с этим механизмом. Талант у него такой... Я и сам его когда-то черт-те в чем подозревал, а потом выяснилось, что напорол горячку...

— В следующий раз, лорд Сварог, — сказал Канцлер, — получив подарок вроде этого, немедленно свяжитесь с дарителем и поблагодарите лично. Вполне может оказаться, что он о «своем» подарке и понятия не имеет...

— Вот это правильно, — буркнул принц. — Многие вас недолюбливают, чего уж там. Многие не настолько, чтобы идти на такое, но человеческая душа — она ж потемки, — он откровенно потянулся к бочонку и грустно сказал: — Очень уж долго не случалось отравлений, последнее произошло еще до моего

рождения. Может, еще и поэтому сыскари навыки потеряли...

— Каждый день узнаешь о жизни что-то новое, — с горькой иронией произнесла Яна. — Оказывается, почти никому в Келл Инире доверять нельзя. Теоретически каждый может оказаться...

— Такова уж участь монархов, ваше величество, — мягко сказал Канцлер. — Вот вам еще одна взрослая истина...

— Кто будет проводить расследование? — мрачно спросил Сварог. — Мои люди или ваши?

— Это несущественно, — сказал канцлер. — Я поручу кое-кому... можете и вы, кто же вам запрещает? Только, простите, у меня есть предчувствие, что никто ничего не добьется. Наверняка уже не существует ни той виманы, ни того анланца — в подобных делах не считают пешек...

Яна вдруг встала и, полностью игнорируя прочих, подошла к Сварогу, обхватила обеими руками, прижалась:

— Увези меня в Хелльстад. Немедленно. Там уютно и покойно, я не могу сейчас в Келл Инир... — она подняла на Сварога сухие глаза, грустные и злые. — Ну, или мне приказать коменданту увести манор в Хелльстад, спрыгнуть и самой искать Вентордеран?

— Ну что ты такое говоришь... — сказал Сварог, осторожно высвободился из ее объятий, подошел к столу и коснулся клавиши:

— Комендант? Уводите манор к хелльстадской границе, к точке «Ворота».

— Ваше величество! — непроизвольно вырвалось у Канцлера. — Нужно обсудить кое-что по очередному Виглафскому Ковенанту, да и лорда Сварога это касается...

— Это подождет, — небрежно сказала Яна, не оборачиваясь.

Глава IX

О МЕТОДАХ ВОСПИТАНИЯ И ПРОЧЕМ

Бравый усатый гвардеец распахнул перед ним одну половинку высокой дубовой двери. Второй взял мушкет «на караул». Сварог небрежно кивнул и вошел в свои собственные покои Латеранского дворца, куда посторонним было так просто не попасть. Здесь царили тишина и почти полное безлюдье, разве что временами проскальзывали бесшумные, как мыши, камер-лакеи, да стояли на поворотах и лестничных маршах недвижные часовые. «А вот двинет один такой мечом в спину... — подумал он вдруг. — Канцлер прав: невозможно заранее просчитать всех»...

Он не испытывал особого волнения после случившегося; еще раз увернулся от смерти. Бывает. В этом не было никакого кокетства, его частенько пытались убить, так что, можно считать, дело житейское. Издержки профессии...

Наоборот, настроение было бодрое и деловое. Они кое-чего добились в последнее время. Они приобрели Бетту — которая в будущем очень даже пригодится. Они отыскали Токеранг — хотя до сих пор не смогли обнаружить туда вход. С маркизом Оклером, командиром новоиспеченной Морской бригады, у него были прекрасные отношения — а это сулило на близкое будущее кое-какие интересные планы. Жизнь была ключам, можно сказать...

Навстречу попался министр двора, сплетник, доносчик и казнокрад, но человек полезный. Отбросов нет, есть кадры... Завидев Сварога, он остановился как-то очень уж выжидательно, держа на виду большую сафьяновую папку, в каких архитекторы носят чертежи. Судя по тому, что она была украшена золотым королевским гербом, речь шла именно о дворцовых архитекторах.

— Итак? — спросил Сварог, приостанавливаясь.

— Ваше величество! — вдохновенно воскликнул министр двора. — Полная реставрация закатного крыла закончена!

Причины вдохновения понять было нетрудно — по сложившейся традиции именно министр двора оказывался первым в списке награжденных и пожалованных.

— Часа через два осмотрю, — сказал Сварог и пошел дальше.

Свернул налево, поднялся на два марша по лестнице и оказался в коротком коридоре, где разместил Интагара с парочкой помощников, чтобы были под рукой. Вот уже десять дней здесь обитала и Томи, отправленная в Латерану с довольно серьезной миссией: обучить Интагара пользоваться компьютером. Виртуоза из него, конечно, не сделаешь, но азы он усваивает, и неплохо. Интагар с компьютером — это, судари мои, сочетание...

Охраняли этот коридор особенно тщательно — главным образом даже не от иностранных шпионов, а от тех, кто до сих пор стучал на Сварога *наверх*. Лучше уж держать все втайне до поры до времени, а уж потом поставить кое-кого перед фактом...

С диванчиков по обе стороны коридора вскочили сразу четверо сыщиков, трое просто вытянулись с тупо-ревностным видом, а четвертый простер недоверие настолько, что поднял перед лицом короткую серебряную загогулину, способную вмиг определить, сам Сварог сюда нагрянул, или это некий злоумышленник в маске Сварога. Сварог и не подумал сердиться — он эту штуку

сам сюда привез и обучил часовых пользоваться.

Еще один коридор, несколько дверей справа и слева. Сварог без стука распахнул первую справа. И не обнаружил там никакой работы: компьютеры на трех столах бездействуют, Интагара нет, только Томи примостилась в углу в низком кресле, и рядом с ней на столике — высокая черная бутылка неплохого таромайского вина и радужный бокал.

Когда Сварог вошел, она чисто машинально сделала движение пальцами — и вместо бутылки с бокалом на столе обнаружился стеклянный кувшин, по виду с вишневым соком, и высокий стакан с цветными стеклянными медальонами и тонкой гравировкой. Сварога, конечно, эта иллюзия обмануть не могла — для него кувшин оставался полупрозрачным видением — так что все явно предназначалось для Интагара.

— Так-так-так, — сказал Сварог. — Все-таки дворец на вас плохо влияет, красавица моя. Переняли у гвардейских лейтенантов привычку начинать утро с пары бокалов?

— Всего бокальчик, — сказала Томи без особого раскаяния. — Здесь не только гвардейские лейтенанты, но и фрейлины с утра имеют привычку...

— Ладно, — сказал Сварог, садясь напротив. — Лишь бы ты эту привычку не прихватила с собой наверх, в девятый стол, вот тогда я рассержусь всерьез... Ну, как живетесь во дворце?

Внедрить ее во дворец никакого труда не составляло: вдруг взяла да и появилась еще одна дворяночка из далекой провинции. То, что никто раньше такой фамилии не слышал, ничему не мешало: мало ли в провинции заолустных родов, которые знают все наперечет только замшелые старцы-герольды? К тому же обитателями интагаровых комнат как-то не принято особо интересоваться и уж тем более приставать с расспросами. Правда, какая-то зараза, как водится, тут же пустила по дворцу слух, что это очередная любовница Сварога, встреченная им где-то в глуши, как в «Романе о принце Кальберте» — но это, если подумать, не особенно и напрягало, а саму Томи только веселило (Хорошо еще, к сему времени она, как и предсказывала Яна, *перестрадала*, и Сварог больше не числился у нее в объектах пылкой страсти).

— Прекрасно живетесь, — сказала Томи, но самым унылым тоном, насупясь и хмурясь.

— Что такое? — удивился Сварог.

— Хоть волком вой, — мрачно сообщила Томи. — Скоро на стену полезу.

— Нате вам, — сказал Сварог озабоченно. — Обидеть тебя здесь никак не могли, дворец у меня — приличное заведение. Надоело тут торчать? Или Интагар науку плохо усваивает?

— Да нет, к некоторому удивлению, очень даже неплохо...

— Тогда откуда меланхолия?

— Он меня воспитывает! — сердито выпалила Томи, так и сверкая глазами. — Платья у меня слишком короткие, и вырезы чересчур глубокие... Оцените сами: так или нет?

— Да нет, — сказал Сварог, присмотревшись. — Все в пределах приличий, тут у меня иные юные озорницы подолы на пару пальцев укорачивают, так что ты вполне скромно смотришься...

— Ну вот! — фыркнула Томи. — А он каждую свободную минутку цепляется, как репей, талдычит о добродетели, подобающих для приличной девушки

нарядах и прочих высокоморальных вещах... Сил моих больше нет. А уж если мне вздумается с кем-нибудь пофлиртовать... Не подумайте ничего плохого, командир, я имею в виду именно что легкий безобидный флирт... Тут уж такой поток нравоучений начинается: о том, как коварны дворцовые ловеласы, как неопытны юные девицы вроде меня... Полное впечатление, что это он пишет те сентиментальные романы под псевдонимом Баронесса Грайли...

— Вот уж Баронесса Грайли — точно не он, — сказал Сварог с большим знанием вопроса. — Мне как-то докладывали. Это трое студентов из Латеранского университета развлекаются — и, между прочим, неплохо зарабатывают, стервецы. Интагар, я думаю, роман не взялся бы сочинять даже под страхом виселицы.

— Все равно, — строптиво сказала Томи, — эти его нравоучения уже в печенках сидят.

— Потерпи немного, — примирительно сказал Сварог. — Видишь ли, пунктик такой у человека. Отец двух дочек, что поделаешь. Ты сама должна была прекрасно видеть: он их даже заставляет носить платья на пару пальцев подлиннее да и вырезы гораздо скупее, чем требует мода...

— И много ему это помогло? — прищурилась Томи с таким видом, словно показала ему язык. — У старшей, между прочим, роман с одним лейтенантом из Верных Мушкетеров, они уже спят вместе. У младшей тоже роман, только она пока не решается... Что-то у вас, командир, глаза на лоб полезли? Так частенько случается с девицами, коих воспитывают в излишней строгости. И вся тайная полиция папеньки до сих пор не дозналась...

Сварог повертел головой в нешуточном удивлении:

— А ты откуда знаешь?

Томи многозначительно прищурилась:

— Командир, в вашем дворце добродетельные девицы частенько устраивают посиделки за полночь и многим делятся, в том числе сердечными тайнами...

— Представляю себе, — проворчал Сварог. — А почему ты мне все это выкладываешь? Ты же всегда славилась умением хранить тайны, особенно чужие сердечные.

— Когда с меня берут слово, — пояснила Томи. — А сейчас никто слова не брал, — ее личико стало озабоченным. — Только вы не проговоритесь...

— Успокойся, ни в коем случае, — сказал Сварог. — Уж я-то его знаю: плохо придется воздыхателям... Если уж герцог Лемар девушек стороной обходит... Ладно, попытаюсь что-нибудь придумать. А ты смотри, не увлекайся винцом с утра... И вот это нравоучение изволь принять всерьез.

— Есть, командир, — отозвалась она чуть мрачновато.

— Значит, учеба идет неплохо... — задумчиво сказал Сварог. — Это хорошо...

— Удивительно быстро все усваивает.

— Мозги-то у него золотые... — проворчал Сварог и встал. — Ладно, зайду к нему, поговорю и о тебе. Потерпи, неделька осталась...

— А можно, я еще на пару дней задержусь? — с мнимо простодушным видом поинтересовалась Томи. — В качестве моральной компенсации за все эти потоки нравоучений?

Сварог присмотрелся к ней и уверенно сказал:

— А, ну да... Через девять дней бал в Малом дворце... Угадал? Угадал... Что, какой-нибудь молодой лейтенант?

— Ну, он вообще-то не военный... Командир, я же говорила — только легкий безобидный флирт. А от ловеласов я умею отбиваться, даже Лемара в свое время отставила...

— Да, он мне жаловался, — фыркнул Сварог. — Ладно, разрешаю. В рамках приличий...

Кабинет Интагара помещался на противоположной стороне коридора, в конце. Как он и ожидал, хозяин, нацепив на нос очки в круглой золотой оправе (плохо гармонировавшие с бульдожьей физиономией), по уши закопался в какие-то бумаги, иные из них крайне потрепанного вида, со множеством казенных штампов.

— Заговор на горизонте? — спросил Сварог, плюхаясь в кресло.

— К счастью, ваше величество, ничего подобного не предвидится, — серьезно ответил Интагар, откладывая стопу. — Это все дело Асверуса. Пытаюсь доискаться, в каких еще *побочных* архивах можно обнаружить следы. Помните, как это было с Гиуне? Самого дела о крохотных подводных лодках не нашлось, а оно обязано было существовать...

— Уверены?

— Уверен. Согласно тогдашним правилам делопроизводства, пусть и секретнейшего — обязано было быть. Его могли уничтожить... а может, и пылится где-нибудь в архивах, совершенно не имеющих касательства к тайной полиции или другим аналогичным службам. Помните, как было с Гиуне? Прекрасно сохранились побочные бумаги — записи в Книгах Сословий и гильдейских списках, распоряжения о выдаче взрывчатки из Пороховой башни, о лошадях... — он вздохнул. — Будь все эти записи в компьютерах...

«Быстро осваивается с техникой, о которой месяц назад и не слыхивал, — подумал Сварог. — Только откуда ж эти данные в компьютерах. Судя по архивам восьмого департамента и Кабинета Канцлера, вся эта история с ловлей подлодки в свое время прошла совершенно незамеченной для обеих якобы всезнающих служб...»

— Отвлекитесь на минутку, — сказал он. — Это подождет. Вам в жизни никогда не встречалась такая штука? Похожая, быть может?

Он достал из кармана и положил перед Интагаром прямо на бумаги один из черных камней-компьютеров, позаимствованных из архивов восьмого департамента — тот самый, что принадлежал некогда знаменитому пирату.

Интагар снял очки, повертел камень в руках и сказал самым будничным тоном:

— А как же. У меня в архиве, ну, в точности такой же пылится лет пятнадцать. Так называемый талисман «Карата-Проныры». Был такой главарь шайки, был повязан и с каталаунскими контрабандистами, а в последнее время стал еще и крутить шашни со снольдерской разведкой. В конце концов удостоился такой славы в узких кругах, что сам король распорядился взять живым или мертвым. Времени мы на него потратили едва ли не больше, чем на десяток субъектов того же полета... — Интагар поднял голову, посмотрел на Сварога строго и серьезно: — Полное впечатление, государь, что он продал душу сами знаете кому, отец Алкес из Багряной Палаты даже приставил к той

группе, что занималась Каратом, двух своих людей. Очень уж был удачлив и везуч, поганец, знал наперед то, что обычный человек и знать не должен. Но и промахи бывали. На одном из таких промахов его и подловили. Лично я постарался бы взять его живым, но такие операции, знаете ли... Когда сам король велит взять живым и мертвым, когда за спиной торчит и всюду сует нос Багряная Палата... Все на нервах, сначала стреляют, потом думают... Хуже нет таких операций... Короче говоря, когда он стал уходить по крышам, сыскари устроили нешуточную пальбу. Ну, и сбили с крыши, как птицу с ветки... Именно такой камешек при нем и нашли. Пара-тройка его людей твердила, что это какой-то загадочный талисман, что благодаря ему Карат и ускользает от полиции, и еще много чего проделывает... Вот только Багряная Палата не нашла в этом камушке ни тени магии — ни черной, ни любой другой. По этой же причине никто не стал тревожить такими пустяками... — он многозначительно показал пальцем на потолок. — Камень вернулся к нам, и его на всякий случай вместе с прочими бумагами сунули в архив — не особенно и секретный шкаф, «хранение — четверть века». Через десять лет все изничтожат, в том числе и камень.

— Найдите дело в архиве, — сказал Сварог. — И передайте мне вместе с камнем. Далее. Если кто-нибудь, когда-нибудь, где-нибудь прослышит об обладателе точно такого камня, хозяина брать живьем. Любой ценой. Все понятно?

— Конечно, — сказал Интагар.

— Да, и вот что еще... — сказал Сварог. — Уже не имеющее отношения к службе... Я тут слышал, вы усердно воспитываете в духе добродетели своего учителя, баронессу Мерчем?

Вот тут выражение лица старого шпиика стало неопишваемым — и, что характерно, очень человеческим. Таким его Сварог видывал раз в сто лет.

— Ваше величество, — прямо-таки умоляюще начал Интагар, — юные девушки в этом возрасте обязательно нуждаются в...

— Отставить, — сказал Сварог. — Больше никаких нравоучений. Ни словечка. Я достаточно ясно выразился?

— Конечно, ваше величество, — сказал Интагар своим обычным почтительным тоном. — Будет исполнено. Больше ни словечка.

Однако где-то глубоко-глубоко в глазах у него теплилась уверенность в собственной правоте — хотя приказ, можно не сомневаться выполнит в точности. Сварог ухмыльнулся про себя, представив физиономию Интагара, застань он старшую дочь в постели с гвардейским лейтенантом. Да нет, тут не до смеха, таким Интагара лучше не видеть... Но, в конце концов, а вдруг там большая любовь?

Через квадранс он шагал в закатное крыло в сопровождении министра двора, главного королевского архитектора и еще полдюжины чиновников рангом поменьше — вся компания приобрела этакий горделиво-скромный вид, свершив нешуточное дело строителей, ваятелей и мастеров изящного украшения. Хотя реальные труды положил, конечно, только один, главный архитектор, да и тот в силу занимаемого поста, надо полагать, не особенно и утруждался. А вот тех, кто реально строил, ваял и украшал, предусмотрительно убрали подальше с глаз его королевского величества, чтобы не оскорбляли взора непрезентабельным рабочим видом. «Ну, этой шайке, конечно — орде-

на, — думал Сварог. — Согласно традиции. Но и остальных надо не забыть, потом взять полные списки...»

Переходы, залы и лестницы его не особенно и воодушевляли — это была скрупулезно восстановленная мрачноватая архитектура более чем трехсотлетней давности с перекрещенными высоко над головой дубовыми балками, темными панелями, вечнозелеными рагониями в кадках и черными рыцарскими доспехами в нишах. В свое время подобный стиль был в большой моде, но сейчас выглядел чересчур угрюмым. Знал бы раньше — и восстанавливать бы не взялся, но за всеми делами ни разу сюда не заглядывал, а просмотренные мельком проекты и чертежи, конечно, этой мрачности как раз не передавали. «К чему бы все это приспособить? — ломал он голову. — Интагару, что ли, отдать под его дворцовое хозяйство? А то нынешние его помещения должной жути на клиентов не наводят... Впрочем, с *пристрастием* он клиентов во дворце, понятное дело, не допрашивает, но они и тут бывают, так что решено...»

Кто-то, забежав вперед, услужливо распахнул перед ним высокую дверь с полукруглым верхом...

Сварог с маху остановился на пороге, испытав сложные, непонятные самому ему чувства. Перед ним была точная копия того зала, что он несколько раз посещал мимолетным видением, и всякий раз буквально пронизывал тоской и отчаянием, слово ледяной вихрь, даже кости холодивший...

Круглый зал сплошь в черных и красные тонах, высокие стрельчатые окна в золотисто-алых витражах, черные рыцари в простенках, никакой мебели, только массивный темный стол посередине, круглый, окруженный такими же темными стульями с высокими закругленными спинками. Сварог машинально сосчитал их: одиннадцать. Спинка одного чуточку повыше, и в нее врезано золотое изображение ронерской короны. На столе перед каждым креслом — плоская золотая чаша. Точная копия его видений. Тоска и отчаяние...

Он осторожно сделал несколько шагов вперед, словно ступал по тонкому льду. Следом, не смея опережать, с черепашьей скоростью двигалась свита. Подойдя к столу, Сварог коснулся подлокотника одного из кресел, взял в руки тяжелую золотую чашу, поставил назад. Прислушался к себе: нет, никаких особенных чувств, ни тоски, ни отчаяния, вообще ничего...

— Что это за зал? — спросил он в пространство, небрежно, властно, зная, что ответ последует незамедлительно.

Первым отозвался министр двора, как старший по положению:

— Извольте видеть герб, ваше величество? И драконов, выгравированных на дне каждой из чаш? Король Лауберт Третий здесь устраивал поминальные тризны, когда погибал или умирал кто-то из членов его Ордена Дракона... извольте видеть, их было всего одиннадцать. Рыцарей становилось все меньше и меньше, потому что новых не прибавлялось... Это очень длинная история, и вряд ли вашему величеству захочется тратить время, выслушивая ее сейчас, благо есть книга...

— Не захочется, — сказал Сварог бесстрастно. — Что, зал только для этого и служил?

— Именно, ваше величество. Пиршественная зала рыцарей Ордена Дракона находится в том же крыле... Извольте осмотреть?

— Нет, — решительно сказал Сварог.

Никаких таких зал, похожих на пиршественные, ему никогда не мерещилось в подобных мимолетных видениях — только этот, как две капли похожий...

— Нет, — повторил он. — Потом. У меня срочные дела.

Прошел мимо торопливо расступившихся придворных и зашагал назад по мрачному коридору. Представления не имел, что все это означает и как к нему относиться. Но ледяной ветер, тоска и отчаяние прочно сидели в памяти.

Приказать разломать к чертовой матери все это крыло? Удивятся про себя, но разломают столь же старательно, как строили — с королевскими капризами не спорят. Но чему это поможет, и должно ли это чему-нибудь помочь, и способно ли?

Приостановился, небрежно взял двумя пальцами за локоть министра двора и распорядился:

— Составьте список всех, занятых на строительстве. Всех. С указанием чина, сословия или гильдии.

— Список давно составлен, ваше величество, — почтительно прошелестел министр двора.

— Тем лучше, — сказал Сварог. — Пойдемте.

Но, когда за ним уже тронулись полукругом, остановился так резко, что министр двора едва не налетел на него и в ужасе шарахнулся. Обернулся, обвел всех пытливым взглядом:

— С этим залом не связаны ли какие-нибудь легенды? Проклятия? Призраки?

Придворные переглянулись.

— Никаких, ваше величество, — заверил министр двора.

— Ничего подобного, — поддержал архитектор. — Правда, в конце концов король Лауберт, переживший всех своих рыцарей, остался один и не один год правил тризну в одиночестве, но это ведь не имеет никакого отношения к проклятиям и призракам, и нет никаких легенд...

Оба не ввали ни словечком.

— Ладно, — хмуро сказал Сварог. — Пойдемте.

«Означает это что-нибудь, или нет? — думал он, шагая по мрачным коридорам. — И почему это непременно должно что-то означать?»

Глава X

ПЕРЕБЕЖЧИЦА

С вершины холма Сварог лениво, без особенных мыслей разглядывал резиденцию Виглафского Ковенанта. Дюжина не особенно больших домов (скорее крохотных дворцов), и все похожи друг на друга, как горошины из одного стручка (чтобы никто из господ монархов не почувствовал себя ущемленным, формально равны и властитель огромного Снольдера, и крохотного Сегура). Внутри, конечно, каждый из королей обустроивался, как ему нравилось. Все королевские резиденции соединены недлинными крытыми галереями и центральные гораздо более высоким дворцом круглой формы. Форма эта вызвана исключительно функциональностью: и зал заседаний круглый (дабы опять-таки кто-то не почувствовал себя ущемленным), и пиршественный зал, и еще парочка второстепенных. Вокруг, разумеется, рай земной с великолепным парком, беседками, извилистыми ручейками, озерцами (иные весьма даже рыбные, если кому-то из высоких гостей захочется порыбачить) и прочими архитектурными излишествами. И нигде, куда ни глянь, не видно ни единого часового — однако Сварог по долгу службы знал — несколько их укрыто там и сям...

Впервые за последний месяц он пребывал в столь великолепном настроении. Даже то, что его несколько дней назад пытались убить, настроения не портило — врожденный оптимизм подсказывал, что убить его попытаются еще ни раз, и не нужно делать из этого драмы, следует либо опередить противника, либо никогда больше не попадаться в столь дурацкие ловушки вроде историй с зеркалом и мнимым презентом от Канцлера.

Ну, а это большое и красивое здание, в общем, было сейчас самым безопасным местом на всем Таларе. Ибо с давних пор бытовая сторона тщательно контролировалась ларами. Монархи прибывали с небольшой свитой, исключительно из лакеев, и никто, включая их величеств, не мог пронести внутрь абсолютно ничего, что могло бы послужить в качестве оружия. Даже брадобрей был *здешний*. Порядок такой установился во времена, которые принято называть «незапамятными», — поскольку тогдашние короли, люто враждовавшие с кем-то из коллег по ремеслу, в свое время непринужденно сводили счеты и здесь, в результате чего один король был убит прямо в Круглом Дворце, а другой тяжело ранен. Тогда-то и ввели драконовские меры безопасности, действовавшие несколько тысячелетий.

Впрочем, уже лет через двести правила пришлось еще более ужесточать, запретив женщинам — и королевам, и простым служанкам — носить в волосах длинные острые шпильки. Тогда как раз всю развернулись Белые Лисы — жутковатое общество женщин-убийц, невероятно искусных во владении всем, что только могло сойти за оружие, и работавших не за идею, а за хорошую плату. Устранить соперника в любви, фамильного врага рода, конкурента в торговле или банковском деле, помочь нетерпеливому наследнику, заждавшемуся смерти владельца майората... ну, и за очень хорошую плату избавить монарха от врага-коллеги. Довольно долго эта обитель, располагавшаяся в одном из Вольных Маноров, притворялась мирным женским монастырем. И никто ни о чем не догадывался. Очаровательной молодой женщине тысячу

раз легче проникнуть в спальню благородного господина, нежели хмурому типу с кинжалом под полой. При красотке никакого оружия — не считать же таковым длинную шпильку в пышной прическе? А меж тем эту шпильку можно было воткнуть так, что жертва совершенно не ощутила бы боли, да и скончалась не сразу, а через пару дней. Именно такой конец и настиг одного из тогдашних ронерских королей, имевшего неосторожность зазвать к себе в спальню смазливую служанку своего давнего и упорного соперника — полагая, что уж от нее-то подвоха ждать не следует.

Но, как веревочке ни виться... В конце концов, и земные спецслужбы, и восьмой департамент начали кое-что сопоставлять и анализировать — да и слухи вкупе с агентурными донесениями пошли... И подозрения превратились в твердое убеждение. Перепуганный герцог того Манора (самое забавное, что он, достоверно было установлено, и понятия не имел, кого приютил) распорядился взять обитель штурмом, предводительницу Белых Лис (оказавшуюся лишенной наследства ронерской графиней) сожгли на костре, остальным без церемонии отрубили головы тут же. Чем, правда, с проблемой окончательно не покончили: во время штурма какое-то количество лис оказалось за пределами «обители» — и моментально ушли в подполье, все так же выполняя заказы и готовя себе смену в индивидуальном порядке. Как за ними ни охотились, всех до единой выловить, конечно, не удалось — еще и оттого, что иная тайная полиция, сцапав такую вот искусницу, не на плаху ее отправляла, а приспособливала к делу. Интагар в свое время клятвенно заверял Сварога, что пара дюжин Белых Лис действует и сейчас, столетия спустя. Вовсе уж глубоко залегши на дно и не связываясь с государственными конторами...

Легкий ветерок лениво колыхал многочисленные флаги, гордо реявшие над королевскими резиденциями, — пикантность ситуации, понятно, в том, что восемь из двенадцати принадлежали Сварогу. Разорваться он не мог, конечно, а потому для вящего психологического воздействия выступал в облике хелльстадского короля и обитал в соответствующей резиденции. Что ж, это на многих производило впечатление — алая мантия, серебряная митра из сосновых шишек. Никаких сомнений, Яна все правильно рассчитала, решив стать королевой Хелльстада...

Были и другие пикантности — например, на церемонии торжественного открытия Ковенанта, когда пышно одетый герольд проводил, вульгарно выражаясь, переключку. Стоя в центре зала (где заняты были лишь пять кресел с высокими спинками, украшенными гербами), он ударял высоким золоченым жезлом в пол и пафосно возглашал:

— Его величество король Снольдера... — церемониальная пауза.

И Сварог откликнулся:

— Присутствует на высоком собрании!

— Его величество король Ронеро...

Сварог снова откликнулся.

— Его величество король Глана...

Ну, и кому тут прикажете откликаться, как не Сварогу?

Примерно та же картина наблюдалась и в полудюжине других освященных столетиями церемоний, когда Сварог поочередно выступал в роли аж семи королей и одного великого герцога. Порой все же похохатывая про себя — но все окружающие, включая присутствовавшую на торжественном откры-

тии Яну, держались чопорнейшим образом. А заключительная пикантность состояла в том, что Сварог еще и охранял эту сходку в качестве главы восьмого департамента и каждый вечер принимал агентов, выслушивал донесения о подопечных. Сплошную дребедень, конечно. Ну, кому интересно, что Лавиния Лоранская привезла в своей свите юного смазливового графа и каждую ночь его использует с большой фантазией? А Стахор и Эгле Горротские с первого дня проводят ночи в отдельных спальнях?

Вот именно, Горрот... Ничего интересного для службы Сварог за эти четыре дня так и не смог обнаружить. Стахор и Эгле, коих ему наконец-то представился случай рассмотреть вживую на расстоянии вытянутой руки, выглядели точнейшими копиями настоящих, укрывшихся где-то на Древних Дорогах, — и были самыми обычными людьми, не владевшими и крошкой магии. И с их слугами все обстояло точно так же уныло — три лакея королевы и три камеристки королевы, все шестеро — опять-таки самые обычные люди, знанием магии не отягощенные. Хотя это запрещалось каким-то покрытым тысячелетней пылью циркуляром — подглядывать и подсматривать за монархами в их резиденциях — Сварог цинично и с заранее обдуманном намерением велел напихать в резиденцию горротских владык чертову уйму «глаз» и «ушей», чуть ханжески оправдываясь перед самим собой, что в данном случае особые обстоятельства важнее замшелого циркуляра.

Правда, это не дало ровным счетом ничего полезного. Фальшивые король и королева Горрота у себя в резиденции не общались *вообще*. Даже старались не встречаться — что было не так уж трудно при наличии у них разных спален и разных столовых. Только однажды, вечером, король вдруг заявился в спальню супруги, бесцеремонно поставил ее на колени и заставил «сыграть на флейте любви» — но проделано было все так грубо и без единого словечка, словно его величество мимоходом, по нужде воспользовался случайной шлюхой. Судя по взгляду, которым королева проводила безмятежно удалявшегося супруга, уж она-то его точно тихо ненавидела. Да и он, судя по поведению, ни малейшей симпатии к супруге не испытывал, обращаясь, словно с мебелью, что было, конечно, интересно — узнать о царящих меж ними отношениях — но решительно непонятно, как эту информацию можно использовать...

Сварог смотрел с холма на дворец, задумчиво улыбаясь. Нынешний Ковенант, уже практически закончившийся (разве что завтра вечером состоится заключительное застолье), он имел все основания считать своим нешуточным триумфом. И стал всерьез подумывать, что обладает все же кое-какими дипломатическими способностями...

Практически все, что здесь рассматривалось и утверждалось, устроил не кто иной, как он. И это давало кое-какие основания легонько гордиться собой...

На сей раз именно он стал инициатором созыва Ковенанта. А за двое суток до того имел четырехчасовую беседу с его высочеством Диамером-Сонирилом — предусмотрительно выступив в качестве директора девятого стола.

Для начала он буквально ошарашил Костяную Жопу известием, что Лоран, если подходить со строгими юридическими мерками, которую сотню лет состоит в Ковенанте абсолютно незаконно, поскольку является островом — а таковым членство в Ковенанте запрещено было в свое время особым указом, подписанным не кем иным, как его высочеством и утвержденным тогдашним

императором, дедушкой Яны. И выложил на стол бумагу, составленную его верными крючкотворами, теми самыми, давно переманенными из других канцелярий и повышенными в чинах как раз для таких случаев.

Заметно растерявшись, принц смог пробормотать лишь, что «Лоран когда-то был частью континента». Сварог, хорошо проинструктированный теми же крючкотворами, принялся сыпать параграфами, напоминая: никак не подлежит двойному юридическому толкованию понятие «остров» как «часть суши, со всех сторон окруженная водой». А ширина Великого Канала — как-никак две лиги, а кое-где и чуть побольше...

Диамер-Сонирил выглядел так, словно от него должны были безжалостно отсечь кусок живого мяса. Точно уловив момент, Сварог изменил тактику и бесстрастным дипломатическим тоном предложил отличный выход, достаточно немудрящий... Принц почти что и не сопротивлялся. После недолгих переговоров, осыпая друг друга параграфами, сошлись на том, что следует немедленно направить ходатайство императрице с просьбой отменить «Указ об островах», как фактически устаревший и не соответствующий современным политическим условиям. В этом случае Лоран оставался в Ковенанте... и в Ковенант автоматически возвращался Сегур, пострадавший в свое время совершенно безвинно за чужие грехи.

Вслед за тем Сварог принялся посыпать главу пеплом и каяться в юношеской горячности и неопытности своей как короля. Он глубоко сожалел, что в свое время исключительно из глупых амбиций потребовал удалить из своих королевств имперских наместников. Потом напомнил о своей старой шутке, принятой принцем вполне серьезно: назначить еще и в каждую провинцию имперского проконсула.

Он рассчитал все правильно. Костяная Жопа, умилившись и расслабившись, ничуть не сердясь, стал мягко выговаривать Сварогу за эту самую юношескую горячность, за нежелание слушать советы гораздо более опытных людей, стаю собак съевших на управлении и государственных делах. Сварог старательно смущался, то и дело потупляя глазки и бормоча, что все от неопытности. А сам прекрасно видел, что принц блаженствует: новые вакансии, расширение полномочий, да что там, новые департаменты!

В общем, получилась не выволочка, а мягкое отеческое внушение. После чего, опять-таки совместно, составили второе ходатайство императрице — с просьбой отменить «Указ об удалении наместников» и утвердить свежее испеченный «Указ о наместниках и проконсулах» — в целях совершенствования механизма государственного управления.

Ну, а потом, пока принц пребывал в блаженно-расслабленном состоянии, остальное протолкнуть было совсем просто. Речь зашла о том, чтобы вернуть в Ковенант Три Королевства — сиречь принадлежащие Сварогу Хорен, Демур и Коор. Благо юридических препятствий тому не имелось ни малейших. Означенные королевства никто в свое время не исключал из Ковенанта — они с некоторых пор просто-напросто сами не могли принимать участие в его работе, будучи, как известно, захвачены Глазами Сатаны. Но теперь-то все обстояло иначе: у каждого имелся законный, признанный Канцелярией земных дел и утвержденный императрицей король, а также полный свод всех необходимых Реестров, Кодексов, законов и прочих бюрократических фолиантов, без которых королевство — не королевство. Дело решилось буквально в пять ми-

нут — и еще примерно столько же заняло третье ходатайство императрице — с просьбой утвердить указ «О восстановлении в Виглафском ковенанте королевств Хорен, Демур и Коор».

И вовсе уж пустяком было подsunуть принцу на утверждение Брачный кодекс королевства Хелльстад — творение Караха с небольшой редакторской правкой Сварога. Диамер-Сонирил утвердил его молниеносно, малость попеняв Сварогу за то, что именно отсутствие этого документа до сей минуты оставалось досадной прорехой, мешавшей завершить *полный* свод для Хелльстада.

С нешуточным удивлением Сварог обнаружил, что в Диамер-Сонириле, которого он считал едва ли не роботом, все же сохранилось нечто человеческое. Покончив с формальностями, подписав бумаги и поставив печати, принц уставился на Сварога с несомненными проблесками именно что живого человеческого любопытства в выцветших глазах:

— Позвольте неформальный вопрос, господин директор? Вы, помнится, сами уверяли не так давно, что Хелльстаду Брачный кодекс решительно ни к чему? Поскольку человеческих существ там обитают только двое и те одного пола? Что изменилось?

Сварог ухмыльнулся про себя. Поклясться можно, что принц и не обратил внимания на одну из строчек, затерявшихся посередине Кодекса: «В законный брак в Хелльстаде могу вступать и лица, из коих один (одна) либо оба подданными Хелльстада не являются». Для подстраховки вставлено, чтобы не сыскался потом какой-нибудь крючоктвор...

— Времена меняются, — сказал он безмятежно. — Ко мне в Хелльстад помаленьку стал стекаться народец, есть сведения, что иные из них намереваются заключать браки...

Тут уж любопытство принца сменилось некоторым боязливым удивлением:

— К вам идут люди? В Хелльстад?

Сварог лишний раз убедился, что Яна права: слишком глубоко у них у всех тут засел в подсознании страх перед Хелльстадом.

— Ну, не так чтобы толпами, однако приходят, — сказал он, подумав. — Человек — такое существо, что везде устроится. А королевство у меня не такое уж жуткое, как о том болтают. Вы же знаете, даже императрица иногда там бывает...

— Она всегда была экстравагантной девочкой... — доверительно признался Диамер-Сонирил. И внезапно, словно осененный гениальной идеей, воскликнул: — А не провести ли мне у вас личную инспекторскую проверку, как это положено раз в три года с земными королевствами?

Его осанка и выражение лица исполнились такой горделивой отваги, словно принцу предстояло один на один выйти с дрекольем против глорха.

— Отличая идея, ваше высочество, — сказал Сварог, всем своим видом давая понять, что оценил отвагу принца по достоинству. — В самом деле, личная инспекторская проверка — неотъемлемая процедура работы Канцелярии. Вы будете первым государственным чиновником, посетившим Хелльстад...

Он хотел добавить «За такое не грех и памятник поставить» — но побоялся пересолить. И покидал Канцелярию, не без оснований полагая, что отныне находитсЯ с принцем в прекраснейших отношениях (ну, конечно, в первую очередь из-за указа о наместниках и проконсулах, но какая разница? Хорошие от-

ношения с принцем короны, да еще занимающим такую должность, — вещь полезная. Мало ли как в жизни обернется. Особенно если учесть, что среди обитателей летающих замков объявились не просто недоброжелатели, а враги, готовые даже на убийство...)

Все три указа Яна подписала в тот же вечер (исторической точности ради — в одной из спален Вентордерана). Поинтересовалась только, не будет ли напрягать Сварога такая орава наместников и проконсулов. Сварог (уже поговоривший по этому поводу со своими крючкотворами) браво ответил, что это его нисколечко не напрягает: есть кое-какие императорские эдикты, указы и законы, при умелом пользовании которыми вся эта орава бездельников будет ходить у него по струнке. И оба, осушив по бокальчику, долго хохотали, представив, как нелегко будет отыскать наместника и проконсулов для Хелльстада: добровольцев днем с огнем не найдешь, конечно, а назначенные волей принца будут изобретать любые мыслимые предлоги, чтобы только отказаться от такой чести. А уж те, кто сюда все же попадет... Легко представить впечатления проконсула, назначенного в ту из провинций, где обитают глорхи или Бродячие Дубравы, — пусть даже их резиденции непреодолимы для любого гостя извне. Получится уютная тюремная камера, где заключенный запер сам себя изнутри...

Тьфу ты, черт! Здесь наместник не сможет отсиживаться в защищенной от всех на свете опасностей резиденции, потому что в Хелльстаде ни одно устройство ларов не работает. Придется и с этой проблемкой повозиться, придумать что-то... Наместника и проконсулов сюда обязательно следует затащить — будет лишнее развлечение в часы дурного настроения. Указ о наместниках и проконсулах императрицей подписан? Так что извольте выполнять, господа...

Размышляя о том, что теперь придется еще и резиденции этим обормотам устраивать, он спустился с холма — неспешно, можно сказать, величаво. Здесь королям полагалось разгуливать за пределами дворца именно что величаво — да и во дворце держать себя крайне достойно.

Вот он и шагал величаво, опираясь на посох, который Мара меж своими непочтительно именовала «шестеренкой» — поскольку на отходящих от его вершины горизонтальных золотых стерженьках размещались одна корона великого герцога и восемь королевских, так что и в самом деле напоминало шестеренку.

Он прошел меж двумя маленькими дворцами, ронерским и гланским и, поскольку здесь посторонних глаз опасаться не следовало, приложил ладонь к каменному барельефу, изображавшему русалку (не настоящую, а, как полагала исконная традиция, хвостатую). Перед ним бесшумно и плавно распахнулась невысокая дверь — там, где еще миг назад словно бы была монолитная стена из розоватого кирпича. Вошел, оказался в нешироком коридоре, направился к лестнице. Здесь, в Круглом Дворце, имелось немало помещений, коридоров и лестниц, о которых коронованные гости и не подозревали.

Миновав несколько дверей без надписей или каких-либо отличительных знаков (свои и так прекрасно знали, где что), вошел в центр наблюдения, где два десятка экранов показывали коридоры, лестничные марши, всевозможные каминные и гостиные, где иногда встречались в насквозь неофициальной обстановке монархи. А также стоянку виман — монархов ради экономии

времени доставляли сюда на виманах. Там же располагалась и его собственная, выполненная в виде снольдерского самолета. Все это было устроено давным-давно, так что Сварогу не пришлось прилагать ни малейших трудов, чтобы установить еще и наблюдение за домом горротской королевской четы. Цинично рассуждая: если спецслужбам запрещено смотреть и слушать монархов в их резиденциях, но соответствующая аппаратура тем не менее установлена, значит, иногда кто-то же да подсматривает и подслушивает? И есть сильные подозрения, что его должность начинается с буквы «К»...

Он с превеликим облегчением поставил в угол «шестерню» и повесил на крючок хелльстадскую корону.

— Ничего интересного? — вяло поинтересовался у дежурного, видя, что на всех экранах — тишь, гладь да божья благодать.

— Уже ничего, — сказал дежурный. — Полчаса назад королева Эгле поставила у двери снаружи на караул служанку, надо полагать, самую доверенную, и занималась магическими практиками, самым бездарнейшим образом...

— А вот это интересно, — сказал Сварог, присаживаясь в углу у столика с компьютером. — Запись сделали?

— Конечно.

— Давайте.

подавляющего большинства магических практик и колдовских церемоний Сварог в жизни не видел и вообще не знал (а справочники и эксперты на что?), и потому открывшееся ему зрелище было чем-то новым, прежде невиданным. «Королева», сидевшая за столом с хмурым и сосредоточенным лицом, поставила перед собой черное зеркало в затейливой темной оправе — а может, и не зеркало, может, идеально отполированный камень, в любом случае, видно, что оно худо-бедно отражает лицо самозванки. Зажгла с двух сторон черные свечи и, вода ладонями над разложенными перед ней металлическими рунами, шептала что-то — настойчиво, непрестанно.

Время шло, и становилось ясно: ничего у нее не получается. Она то раскладывала руны в ином порядке, то снимала нагар со свечей, то чуточку поворачивала зеркало под другими углами. Но бесполезно, ее лицо становилось все более хмурым и безнадежным. Длилось это минут десять. В конце концов «королева», выругавшись затейливо и умело, выдвинула ящик стола, побросала туда магический реквизит вместе с потушенными свечами. Подперла щеки кулаками, уперла локти в стол и угрюмо уставилась в стену.

— Не получилось, а? — хмыкнул Сварог.

— И не должно было получиться, — сказал дежурный, — это довольно простая процедура на вызов хохлика, чтобы исполнил три желания. Хохлик — нечисть из мелких, вроде капрала в армии, да и желания он выполняет, как бы это выразиться, себе под стать. Мелкие. Ящик вина он еще припрет, а вот дом врага уже не разнесет в щебенку, кишка тонка. Их вообще-то очень мало осталось, но если правильно все делать, вызвать можно.

— А что у нее не так?

— У нее не хватает рун, — пояснил дежурный. — Должно быть девять, полный набор, а у нее только шесть. Тут уж, как их ни переключивай... Должна быть еще третья свеча, прямо напротив зеркала. И следует снять все украшения — а у нее, сами видите, и кольца, и браслет, и ожерелье. Может, она в довершение всего еще и с заклинаниями что-нибудь напутала...

— Понятно, — сказал Сварог. — Слышала звон, да не знает, где он. И уж, безусловно, понятия не имеет о «колпаке»...

Он толком не интересовался деталями, но знал, по должности полагалось — над Дворцом Ковенанта, включая прилегающий парк, установлен некий купол, под которым невозможно любое применение магии, колдовства, ведовства — ларов это не касалось, только земных людей. Эта штука была устроена лет через десять после того, как запретили проносить внутрь любое оружие. Человек — скотина изобретательная. Один из лоранских королей, как оказалось, неплохо выучившийся стагарской магии, *обрушил* на заклятого врага, тогдашнего герцога Харланского, довольно серьезную порчу, что выяснилось не сразу. Герцога, разумеется, спецы из Мистериора от этой напасти излечили (так, что он и сам не узнал), лоранский проныра, конечно, остался безнаказанным — но пришлось возводить купол. И наблюдать за встречами королей в неформальной обстановке, во всех этих гостиных, каминных и термах — в конце концов, если уж кого-то подопрет, может врага и стулом по голове огреть. Бывали, правда, исключения, когда подсматривать и записывать считалось неэтичным — касалось это исключительно случаев, когда король и королева из разных держав встречались отнюдь не для того, чтобы разговоры разговаривать (редко, но и такое бывало — ну, скажем, был у гланского принца пылкий роман с княжной из Вольных Маноров, но папенька из соображений большой политики выдал ее за принца лоранского. Когда разлученные влюбленные оказались на престолах, пользовались любым предлогом, чтобы собрать Ковенант, а вечером бывшая княжна, подлив мужу надежного снотворного, уединялась в одной из гостиных с гланским королем).

— Ну вот, опять, — сказал дежурный без всякой тревоги, скорее насмешливо.

— Что? — спросил Сварог.

— Второй экран слева в третьем ряду. Видите, там расхаживает горротская служанка. Это та самая, которую королева оставляла на страже, когда пыталась колдовать. Я ее засек минут двадцать назад. Все это время форменным образом *отирается* в Синем коридоре, куда выходят галереи из королевских резиденций. Довольно неуклюже делает вид, будто любуется картинами и лепниной — такая вот ценительница искусства... Самое интересное, что болтается она исключительно возле *ваших* выходов, словно поджидает. Охрана не вмешивается — слугам, собственно, не запрещено там болтаться... другое дело, что они никогда в том не были замечены: а зачем им, собственно, болтаться по коридорам, когда могут в любой момент понадобиться хозяевам? Да, больше двадцати минут так болтается... Можно сделать предположение, что поджидает вас.

Сварог быстро встал, нахлобучил митру и подхватил посох.

— А вот это уже что-то интересное посреди наших серых будней, — пробормотал он довольно громко. — Пройду-ка я мимо и посмотрю, что будет...

— Прикажете нацелить охрану на усиленное наблюдение?

— Да вы что, любезный? — фыркнул Сварог. — Сопливая девчонка без всякого оружия, не обладающая магией... Спасибо за заботу, но я уж как-нибудь сам справлюсь... Где она сейчас? Ага, возле ронерского выхода...

Он вышел в коридор и прошел уардов двести, чтобы выйти из потайной двери, наиболее близкой к тому выходу. Придал лицу и осанке должную вели-

чавость (давно научился уже) и, постукивая посохом, направился в нужном направлении.

Служаночка, старательно изображавшая, будто любит мозаикой, где меж высокими зелеными водорослями плавали и ползали разнообразные обитатели морского дна, вполне естественным движением повернула голову на стук посоха — никто тут не ходил с посохами, кроме королей. Узрев Сварога, прямо-таки просияла. Низко присела в церемониальном реверансе, встала, прошла мимо, при этом сделав быстрое движение рукой — и Сварог почувствовал меж пальцев маленький легкий предмет. Неторопливо зажал его в кулаке — на ощупь больше всего походило на бумажную трубочку. Недолго думая, открыл дверь на галерею, ведущую в его ронерскую резиденцию, быстрым шагом добрался до помянутой — и только там, в своей роскошной прихожей, разжал ладонь. В Синем коридоре могли подсматривать-подслушивать и *другие* (и наверняка это делали), а у себя он везде поставил мощную защиту от чужих глаз и ушей. Мало ли что тут такое...

Действительно, небольшая бумажная трубочка, перевязанная желто-красной лентой — прекрасно известно, что она означает на маскарадах, да и любовные письма воздыхателям дамы сплошь и рядом ими перевязывают — чтобы кавалер, если попадетя робкий, не терзался сомнениями, а заранее знал, чего ждать.

Ни о какой ошибке, подобной известному недоразумению из «Трех мушкетеров», и речи быть не могло. Здесь обитает не так уж много народу, а королей всего-то три — так что горротская записка могла предназначаться только Сварогу. С нешуточным любопытством он аккуратно снял ленточку, развернул бумагу. Ну да, записка. Отличная бумага, в левом верхнем углу золотом вытеснена горротская корона. Одна-единственная строчка, выведенная красивым почерком:

В десять вечера жду в Сиреновой гостиной.
Э.

Гадать, кто такая эта «Э», не имело смысла — она там одна такая. Ее величество, она же загадочный подменыш.

Сварог задумчиво пробормотал:

— Гутен морген, гутен таг, хлоп по морде, вот так так...

Он решительно не представлял, что и думать. С какого такого перепугу поддельной королеве вздумалось посылать ему любовную записку, не оставляющую сомнений о ходе свидания? Ну, предположим, включив спецслужбистскую логику, — записку, *оформленную* как любовную. И все равно — какого рожна?

Пуганая ворона куста боится... Покушение? Но каким образом его можно устроить здесь, где никто из гостей не имеет ни оружия, ни возможности воспользоваться магией? Разве что у *них* есть сообщники среди тех, кто обслуживает систему контроля? В конце концов, если вспомнить смерть императора и попытку отравления Сварога... Или она — одна из немногих уцелевших Белых Лис (за каковую, доставленную целой и невредимой, всякая тайная полиция готова расплатиться золотом по весу)? И в качестве оружия может использовать нечто, о чем не подумали и многоопытные спецы секретных служб Империи? Да нет, в замке, битком набитом охраной и камерами слежения... с

другой стороны, люди непосвященные о многочисленной охране и камерах не подозревают... а с третьей стороны, среди посвященных могут оказаться сообщники злодеев-покусителей...

Вот положеньице! Оставить записку без внимания и не ходить никак нельзя — тут и любопытство, и чисто профессиональный интерес. Он взглянул на часы. Всего-то без пяти девять, так что времени предостаточно. А уж людей в его распоряжении...

Уже через две минуты он стоял посреди Сиреневой гостиной, глядя, как немаленькая команда шурует буквально повсюду. Задача у них не особенно сложная: гостиная небольшая, примерно пять на пять, изящный золоченый столик с четырьмя хрупкими на вид креслицами (Сварог запомнил, как именуется этот стиль), пузатый шкафчик на гнутых ножках, низкий широкий диван, где парочка может устроиться очень вольготно. Обивка мебели, сама мебель, обои, портьера невысокого окна — все выдержано в сиреневых тонах, ткань украшена бледно-золотым узором. Солидный засов на двери изнутри, конечно. Одним словом, классическое уютное гнездышко для любовных свиданий. Подобных здесь с дюжину. Это сейчас таков уж расклад, что количество коронованных особ весьма ограничено — а в былые времена, когда некий предприимчивый субъект не обзавелся еще «шестеренкой», точнее, даже гораздо раньше здесь бывало весьма многолюдно: короли и королевы, принцы и принцессы... Некоторые принцы, пользуясь случаем, увлекали сюда кого-нибудь вроде матушкиных камеристок (а то и служанок другой королевской четы), иные принцессы тоже вели себя, деликатно выразимся, легкомысленно. Да и иные короли... Да и иные королевы... Судя по архивам, случались ночи, когда свободных гостиных не было вообще, — и те высокородные шалуны и шалуньи, которые робостью не страдали, уединялись в каминных (хотя они и не запирались изнутри), а то и выискивали другие укромные уголки.

Через четверть часа специалисты заверили, что здесь не то что спрятанного оружия — спрятанной иголки не сыщется, а о присутствии черной магии смешно и говорить. *Чисто.*

— Потайные двери? — спросил Сварог.

— Никаких.

— Проверьте засов, — распорядился он.

Потому что, коли уж настроил себя на пессимистический лад, стоит просчитывать *любые* варианты. Предположим, разъяренный горротский король, застав неверную супругу на месте преступления, тихонько прокравшись, вонзает сопернику в спину меч... стоп-стоп-стоп, откуда у него меч? Не может у него оказаться не то что меча, но и простого перочинного ножика...

— С засовом все в порядке.

Сварог не собирался останавливаться на достигнутом. В таких случаях лучше посмеяться потом над собой, чем допустить, чтобы чужие смеялись над твоей могилой. Истории с зеркалом и келимасом его не напутали — просто здорово прибавили осторожности. Чему способствовали и поучения, выслушанные потом от самых разных людей: и от Интагара (очень почтительно), и от Мары с Грельфи (непочтительно, с использованием крепких словечек), и от Канцлера (говорил сухо-дипломатично)...

Когда в половине десятого специалисты закончили, уверив его, что гостиная совершенно безопасна, Сварог так в ней и остался, приказав слугам из его

ближайшей резиденции накрыть богатый стол (чтобы есть и пить только *свое*). Украдкой подлитый или подсыпанный «юридически заверенный» яд он распознает сразу. В общем, ушки на макушке — и любопытство грызет неимоверно...

Он удобно устроился в кресле, оказавшемся хрупким только на вид, налил солидную порцию «Кабаньей крови» и, в общем, чувствовал себя уютно. Службы наблюдения и охраны уже получили соответствующие инструкции. В коридоре напротив гостиной заняли позицию четверо невидимок — самых настоящих. Есть такие балахоны, напоминающие маскхалаты, с капюшоном и прозрачным гибким забралом. Надел, повернул соответствующую шишечку на поясе — и стал совершенно невидим. Так гораздо проще и рациональнее, чем использовать магию, — к тому же большая часть рядовых охранников сложной магии не обучена. Увидеть такого невидимку можно с помощью аппаратуры ларов — ну, и еще на это способны иные сильные маги-колдуны. Старуха Грельфи, к примеру.

Рацию, замаскированную под обычный портсигар (опять-таки *настоящие* сигареты предпочтительнее магических, и портсигары здесь в большом ходу), он держал под локтем на столике. Без десяти десять поступило донесение «невидимки»: королева Эгле появилась в Синем коридоре. Ничего напоминающего оружие при ней нет, платье такое, что оружие под ним вряд ли спрячешь... вот только она несет с собой довольно большой, но, похоже, не особенно и тяжелый узел из полосатой материи. Буквально тут же последовало новое сообщение: королева тщательно запрятала узел за высоким постаментом одной из статуй, стоявших в многочисленных нишах, и в сторону Сиреневой гостиной двинулась налегке.

Даже в голосе вышколенного охранника сквозило легкое удивление. Ну, а сам Сварог, услышав про узел, отчаялся хоть что-то понять. Узлы еще какие-то дурацкие...

Он распорядился бдительно недреманно и отключил рацию. Как раз вовремя: дверь открылась, и Эгле (будем уж ее так называть для простоты и экономии времени) вошла, остановилась на пороге и легонько вздрогнула от неожиданности при виде Сварога (ну, спишем на естественную женскую реакцию). Потом демонстративно, звонко задвинула засов, заложив руки за спину, прислонилась спиной к обитой сиреневым атласом двери и с легкой улыбкой стала разглядывать Сварога.

Сварог тут же встал, как и подобает светскому кавалеру. Она до жути походила на настоящую Эгле — распущенные по плечам русые волосы, карие глаза, фигура, осанка, тоже чуть склоняет голову к левому плечу... Точнейшее подобие — столь же очаровательное. Вот только... Чего-то не хватает в лице, самую капельку — той дерзости, воли, решительности, что присуща княжне из горного Скатерона. Этаким *мягкий*, домашний вариант. Есть вещи, которых никто на земле не в состоянии подделать, хоть тресни. Эта явно не ездила на коне с пяти лет, не стреляла из лука или мушкета в темноте на шорох, не прыгала из седла на спину волку, грабастая его за уши...

Сварог давно уже смотрел на нее чисто мужским взглядом, Эгле (плевать, настоящая или двойник) того стоила. Легкое алое платье, расшитое золотой канителью, красиво гармонирует с сиреневой обивкой двери, подол, пожалуй, на три пальца повыше, чем предписывает этикет (великолепные ноги!), да и

вырез чуть посмелее, чем надлежит, плечи обнажает почти целиком. Одним словом, мысли любого нормального мужика просто обязаны устремиться в определенном направлении — галопом, наметом, со скоростью света...

Естественно, и со Сварогом произошло то же самое — правда, он старательно держал себя в руках, памятуя о том, что перед ним — *Горрот*. Одна из горротских тайн.

— Король, брат мой, вы не онемели? — с лукавой улыбкой осведомилась она (и голос неотличим от голоса настоящей!).

— На какое-то время, — сказал Сварог. — Увидев вас вблизи. Честно говоря, я до сих пор в недоумении, получив вашу записку...

Она прищурилась:

— Никогда не поверю, будто вам неизвестно, что означает эта ленточка...

— Прекрасно известно, — сказал он. — Но никак не ожидал, что вас могла привлечь моя скромная персона...

— Ну, это уже чисто женское кокетство... — улыбнулась Эгле. — Уж кого нельзя назвать скромной персоной... По характеру вы, может, и скромник, но по делам...

— Да так, пришлось побуйствовать и там и сям, — сказал он с простецкой ухмылкой. — Честное слово, сплошь и рядом — не по собственному желанию. Обстоятельства так сложились... Право, я удивлен. Когда *такую* записку присылает, прямо скажем, враг...

— Враг? — Эгле в чуточку наигранном изумлении подняла темные брови. — Вот теперь вы меня удивили не на шутку. С какой стати я числюсь среди ваших врагов?

— Но позвольте... — протянул Сварог с ничуть не наигранным, искренним удивлением. — У меня, мы оба знаем, сквернейшие отношения с Горротом, мы, собственно, воюем...

— Вы воюете с моим мужем, а не со мной, — безмятежно сказала Эгле. — Меня эти ваши распри совершенно не касаются. Вы всерьез считаете меня врагом только оттого, что я *его* жена? Что за вздор! Я совершенно не вижу в вас врага. Можете вы ответить той же любезностью? С какой стати *нам* быть врагами?

Ее глаза смотрели искренне, ее голос звучал искренне — и Сварог, пользуясь своим умением, *знал*, что она говорит правду. Кем бы ни была эта женщина, она не считала его врагом. Интрига запутывается все заковыристей...

Эгле прошла мимо него, но не в сторону стола — прислонилась спиной к стене совсем рядом с диваном, все так же заложив руки за спину.

— Вы меня боитесь? — спросила она вдруг.

— Отчего бы?

— Тогда почему не подойдете ближе?

Сварог подошел почти вплотную, отметив: а глазенки-то беспутнее, чем у настоящей. Определенно, беспутнее...

— Я боюсь того, чего не понимаю, — сказал он без улыбки. — Сейчас я не понимаю *вас*. Не понимаю, почему вы пришли.

— Потому что меня, увы, нельзя назвать образцом добродетели, — с безмятежной улыбкой глядя ему в глаза, сказала Эгле. — Потому что отношения с мужем у меня омерзительнейшие (вот этому Сварог охотно верил, вспомнив визит муженька в ее спальню). Потому что мы с вами взрослые люди и точно

знаем, чего хотим. Я вам нравлюсь?

— Не то слово, — сказал Сварог чистую правду.

— Тогда? — она тихонько рассмеялась. — Или вы опасаетесь... Что ж, вполне понятно: славный герой Сварог будет выглядеть смешно, когда в дверь начнет ломиться не дракон или вурдалак, а ревнивый муж... Не беспокойтесь. Я ему подлила в вино немного настоя из синей камнеломки. Достаточно, чтобы он не проснулся до полудня, — она вынула руки из-за спины и положила ему на грудь. — Так что до утра я ваша...

Ну, вот где тут можно спрятать оружие, даже если она и вправду Белая Лиса? Ни перстней, ни браслетов... И ожерелья нет, и нет в волосах тех самых пресловутых шпилек...

Сварог придвинулся вплотную, расстегнул все четыре пуговицы платья и стал вольничать руками, как умел и привык. Она прижалась к стене, закрыла глаза, закинула голову, явно подставляя губы для поцелуя — но Сварог прекрасно помнил, что она этими губами выделяла не далее как вчера. И целовать стал в шею. Запустил в ее роскошные русые волосы обе руки, словно в порыве страсти — и не нашарил там никаких шпилек-заколов. Эгле не сопротивлялась, ни тогда, ни потом, когда он, выражаясь куртуазно, распространил атаки и приступы значительно ниже. Где опять-таки не обнаружил ничего, способного сойти за оружие. Эгле добралась до его губ — ну, не отпихивать же? И ее поцелуи нисколько не походили на укусы вампира — впрочем, вампира Сварог определил бы давно. В общем, сохраняя в душе отстраненность, исследовать больше было просто нечего — в *служебном* смысле. При ней не было ничего, способного сойти за оружие, это была обычная женщина, пришедшая отдалиться, так что следовало пустить события по известной накатанной колее... Без малейшего внутреннего сопротивления. Всего-то навсего напомнив себе, что он не Яне изменяет, а попросту участвует в какой-то сложной игре, которая просто *обязана* тут быть. Хорошо, допустим, особа легких нравов, пришла без всяких обязательств переспать с понравившимся ей мужчиной... но в эту якобы обиденную, насквозь житейскую картину никак не вписывается тот загадочный узел, спрятанный ею за статуей...

Она вдруг начала сопротивляться — сначала легонько, потом всерьез: когда Сварог стал деликатно увлекать ее к дивану. Даже руками в грудь уперлась.

— Что-то не так? — тихонько спросил Сварог.

Эгле прошептала ему на ухо:

— Я не монашенка, но это слишком пошло — здесь. Как фрейлина с пажом или служанка с принцем... Можешь пригласить меня к тебе в спальню? — фыркнула. — У тебя их здесь столько... Хоть какая-то должна быть свободной?

— Они все свободны, — сказал Сварог, аккуратно приводя в порядок ее платье. — Пойдем?

Они вышли в коридор. Сварог с самым безмятежным видом приобнимал ее за плечи, стараясь не думать, сколько «невидимок» за ними сейчас наблюдают. Ну, в его резиденции нет ни ушей, ни глаз... А поскольку ронерская ближе всего, туда и свернем...

По дороге к спальне им встретился один-единственный лакей — ну, правда, все слуги в его здешних резиденциях были людьми Интагара, но к чему об этом распространяться на весь белый свет? Главное, все они управлялись со

своими обязанностями не хуже настоящих слуг.

— Ужин на двоих в спальню, — небрежно бросил ему Сварог, распахивая дверь перед Эгле.

Она вошла, озираясь с любопытством, села в кресло, пожала плечами:

— Я думала, у тебя все как-то иначе...

— Мечи, засушенные драконьи головы... — в тон ей подхватил Сварог. — Ага?

— Ну, что-то вроде... Ты же личность прямо-таки легендарная. Это не комплимент, просто так и есть...

— Так ведь это еще не основание, чтобы захламлять спальню драконьими головами и вурдалачьими чучелами, — с простецкой улыбкой сказал Сварог.

Вошел слуга, поставил на столик большой, щедро уставленный поднос и с поклоном удалился. Сварог привычно наполнил бокалы, еще раз напомнив себе: это не измена, не беготня за юбками, это участие в какой-то загадочной игре, которую просто необходимо вести...

Едва бокалы опустели, Эгле встала, расстегнула пуговицы, спокойно сняла платье, алые кружевные трусики и пошла к постели. Откинула покрывало, легла, с легкой улыбкой глядя на Сварога. Вот чего в ней не было — так это вульгарности, она держалась просто и естественно, порой действительно напоминая взаправдашнюю королеву.

— Ну что же ты? — спросила она, Сварог мог бы поклясться, ласково.

Положительно, вульгарности в ней ни на грош... Сварог избавился от одежды, присоединился к ней, и все началось так же просто и естественно — словно они здесь лежали не впервые.

Часа через два он вытянулся на постели, приятно измотанный, сунул в рот сигарету и принялся пускать дым. Эгле молча лежала рядом, положив ему голову на плечо. И это в ней нравилось. Сварог терпеть не мог женщин, которые после *происшедшего* либо начинают тебя тормозить и тискать, старательно выясняя, *насколько* пусику-мусику было хорошо, либо принимаются болтать, порой о самых неожиданных вещах. Что бы там ни было, великолепная женщина, подумал он. И неглупая, и тактичная, это чувствуется, а уж в постели... Чтобы обращаться с ней так, как на его глазах обращался мнимый Стахор, нужно быть изрядной скотиной... стоп-стоп. Это и называется «попасть под обаяние». Поостережемся пока что попадать. Может быть, эта красавица, такая приятная в обращении с *ним*, у себя дома, в Акобарском дворце, перебрала всю дворцовую стражу и до псарей докатилась, так что у «Стахора» хватает оснований ее тихо ненавидеть.

Потершись щекой о его плечо, Эгле спросила:

— Тебе со мной хорошо?

Правда, и это было произнесено так, что не подпадало под категорию женских штучек *после*, которые Сварог терпеть не мог. С той же простотой и естественностью.

— Ты просто чудо, — сказал Сварог. — Это не ритуальный комплимент, это правда.

— Я тебе верю, — сказала она, поглядывая как-то странно. — Потому что чувствую искренность. Не буду себя навеличивать, но я неглупая...

— Я заметил, — сказал Сварог.

— И ты до последнего ждал от меня подвоха, какой-нибудь опасной кавер-

зы...

— С какой стати? — Сварог постарался удивиться как можно натуральнее. — Только потому, что ты из Горрота? Вздор.

— Нет, — ровным, спокойным голосом сказала лежащая рядом с ним женщина. — Потому что ты прекрасно знаешь, что я не настоящая Эгле, а он не настоящий Стахор.

Вот это был ударчик! Сварог на какое-то время растерялся совершенно — не настолько, чтобы его можно было брать голыми руками, но ошеломило его изрядно...

Опомнившись наконец, он повернулся к женщине, взял ее за подбородок, приподнял голову и холодно спросил:

— Почему ты решила, что я именно так о вас думаю?

— Долго объяснять, — сказала она, глядя без страха. — В общем... Я подслушала. Один человек, к чьим словам следует всегда относиться очень серьезно, сказал «мужу»: «Сварог прекрасно знает, что вы все трое, вместе со щенком — подменные». Муж залепетал: «Откуда? Быть не может!» «Знает, — сказал тот человек. — Не так давно, но знает...». Дальше подслушивать было опасно, и я тихонечко скрылась... Между прочим, по-настоящему меня зовут Литта.

— Красивое имя, — сказал Сварог. — Seriously. Вот только почему, милая Литта, ты мне все это выложила? Теперь тебя можно подозревать в чем угодно...

— Не надо меня ни в чем подозревать, — сказала она чуточку устало. — Правда.

— Ну, и зачем ты в том случае полезла ко мне в постель?

— Я думала... после этого мы будем чуточку ближе, и легче будет с тобой все обсудить...

Она не врала.

— И что же ты намерена со мной обсуждать? — резко бросил Сварог.

— У тебя что, отношение ко мне изменилось резко и бесповоротно? — тихо спросила Литта. — Я тварь, да? Или что-то вроде того?

Как ни странно, этот тихий, усталый голос вызвал в нем жалость...

— Если честно, я просто не знаю пока что, как к тебе относиться, — сказал Сварог уже мягче. — Но ты ведь неглупая... Кого я сейчас рядом с собой вижу? Самозванку, подменыша, в результате какого-то заговора севшую на трон вместо настоящей королевы. Как, по-твоему, я должен к этому относиться?

— Заговор устраивала не я. Собственно, я просто кукла... О чем мне в последнее время говорят уже в лицо.

— Ну, и чего же ты теперь от меня хочешь?

— Я пришла сдать, — сказала Литта просто. — Как сдаются на войне попавшие в безнадежное положение. Я прекрасно знаю, кто ты. Восьмой департамент, девятый стол, любовник императрицы... У тебя огромная власть. Тебе ничего не стоит забрать меня туда, — она указала на потолок. — И оградить от всех возможных опасностей. Дай честное слово, что ты меня увезешь и защитишь, а я даю честное слово, что расскажу все. Все, что знаю.

В таких случаях не раздумывают и не медлят. Такой успех выпадает раз в жизни. Сварог мельком подумал, что его ждет куча сложностей, но несколько не колебался.

— Честное слово, — сказал он.

Литта откинулась на подушки с тяжким вздохом облегчения, закрыла глаза. Улыбка на ее лице, пожалуй что, была близка к блаженной.

Тем временем Сварог на всякий случай тешил подозрительность. Очень уж серьезное дело. Рассматривая все варианты, можно и предположить, что красотку ему подставили. Но *зачем?* Живая бомба, чтобы разнести наверху что-нибудь важное? Отпадает. Такую бомбу он почуял бы сразу. Накормить дезинформацией? А вот это более правдоподобно. Тому, кто с таким совершенством создал двойника, вряд ли трудно создать второго. Кто сказал, что эта — именно тот подменщик, третий год восседающий на троне вместо настоящей Эгле? Вполне может оказаться, что это — двойник двойника.

Вполне жизненная версия. Вот только проверить ее очень просто. Шпионов туда не зашлешь, но дипломаты остались. И если в ближайшее время от них начнут поступать донесения, что королева перестала появляться на публике совсем... Тогда все в порядке, и Литта не двойник двойника, а всего лишь двойник...

— Послушай-ка, — сказал он задумчиво, — а почему это ты вдруг решила покинуть столь тепленькое местечко? Должны быть серьезные причины...

— Меня бы там очень скоро убили, — ответила она, не открывая глаз. — И этого скота тоже, ручаться можно. Только я видела, к чему все идет, а он, болван самовлюбленный, внимания не обращает... — и вдруг она буквально вскинулась на постели, словно под известным местом оказался ежик. — Чего же мы сидим? Нужно бежать!

— Успокойся и полежи спокойно, — сказал Сварог решительно. — Ты же сама говорила, что муженек не проснется до полудня... Кстати, служанки в курсе?

— Только Тета, она меня и выпустила тихонько. Остальным двум я не доверяю, а на Тету положиться можно, я давно проверила...

— Ну вот, — сказал Сварог. — Служанки должны тебя будить? В какое-то определенное время?

— Нет, — помотала головой Литта. — Я специально приказала, чтобы завтра утром ждали, когда я сама проснусь, и вошли не раньше, чем позвоню...

— Вот видишь, — сказал Сварог. — Времени навалом. К чему дергаться? Бегство, я тебе скажу — высокое искусство, — от нечаянного, нешуточного успеха он стал чуть расслаблен и говорлив. — Тебе наверняка этого знать неоткуда, а мне вот, когда еще не выбился в короли, не раз приходилось бегать — причем за мной всякий раз шла погоня, каковой сейчас нет и быть не может... Полежи, помолчи. Дай подумать.

А подумать было над чем. Нет ничего проще, чем вывести ее из дворца, посадить в виману и умчаться в безопасное место. А вот *потом*... Что будет потом, когда неведомые кукловоды узнают, что их кукла вдруг пропала? В Горроте обосновался кто-то чертовски умный. Коли уж они знают, что он знает о подменщиках... К тому же этот Брашеро, согласно показаниям Тагарона, несомненный лар... И может иметь наверху сообщников... Наверху по углам сидит еще немало сволочи, уж если за все эти годы так и не доискались, кто отравил императора... Очень быстро догадаются, в чьи руки попала сбежавшая от злобно-го Карабаса-Барабаса кукла...

Вряд ли они в ответ смогут предпринять нечто *масштабное* против Свароговых королевств и уж тем более против ларов. Но они будут знать, что кук-

ла — у Сварога. Не стоит обольщаться, вряд ли она знает особенно много — там подслушала, там подглядела, что-то увидела случайно... И тем не менее... Главное, они будут знать, что Литта у Сварога. Что-то изменят в своей работе, что-то перенесут в другое место... Это наверняка касается мелочей, и тем не менее... Вот если бы обернуть все так, будто она не со Сварогом сбежала, а произошло с ней нечто иное...

Но как? Он мог пройти в спальню Литты и в три секунды сотворить ее двойника — висящего под потолком на шнуре от портьеры. Одна беда: двойник тот будет нематериален. Отпадает. Внезапный пожар, полностью выгоревшая спальня, уже мало напоминающая человека головешка на постели? Он даже знал, где можно быстренько раздобыть труп...

Отпадает. Будь здесь одни его люди — прокатило бы. Но здесь и люди Канцлера, и изрядное число obsługi из Канцелярии земных дел... Пожар довольно быстро заметят и потушат. Хотя... Если поднять молодых сподвижников или спецназ девятого стола, обрядить их в «невидимки», снабдить нужными средствами, каких в арсенале достаточно... Теплее, теплее... Тогда операцию и впрямь можно провести за считанные секунды, никто и опомниться не успеет, как все выгорит...

Вот только кукловоды непременно зададутся вопросом: а с чего это, собственно говоря, спальня вспыхнула? «Головешку» непременно увезут в Горрот, чтобы торжественно похоронить в фамильной усыпальнице. И кто-нибудь особо подозрительный и недоверчивый, исследовав труп, в два счета определит, что это не Литта. И... И мы вернулись на исходные позиции. Чужой труп подбрасывать нельзя. Она должна как-то исчезнуть, как будто ее черт унес... *Черт унес!*

— Литта! — позвал он. И, когда она открыла глаза, спросил строго: — Там, в Горроте, во дворце, многие знали, что ты балуешься черной магией?

Ее глаза округлились то ли от удивления, то ли от испуга:

— А откуда ты вообще знаешь...

— Я спрашиваю, знали? — рявкнул Сварог.

— Ну... некоторое.

— А эти твои хозяева?

— Да...

Сварог блаженно оскалился, вытянул ноги, полусползши с кресла. Даже зажмурился от удовольствия.

— Я человек скромный, Литта, — сказал он, ухмыляясь во весь рот. — Но не стыжусь признаться, что иногда бываю гениален... Правда.

— Ты о чем? — настороженно спросила Литта.

— Так, трудовые будни... — отмахнулся Сварог. — Одевайся быстренько, благо тебе много времени и не нужно.

Ну конечно — трусики натянуть да платье накинуть, ну, еще в туфельки влезть. Она уже стояла, полностью одетая, когда Сварог еще заканчивал с камзолем. Надо бы на всякий случай... Что бы были лишь косвенные улики... Не все системы наблюдения подчиняются ему...

Он порылся в памяти — ну конечно, он ведь исключительно «мужской портной», ничего женского сотворить не в состоянии. Подумав чуточку, извлек из воздуха два тяжелых серых габарота — военные плащи для караульных, рассчитанные на любую непогоду. До пят длиной, капюшон может пол-

ностью закрыть лицо...

Один быстренько накинул сам, проворно просунул палочки-застежки в петли, другой бросил Литте:

— Надевай.

— Зачем?

— Ты хочешь отсюда сбежать или разговоры разговаривать?

Подействовало. Она накинула плащ, Сварог быстренько помог ей застегнуться.

— Послушай, — сказала Литта. — А нельзя с собой и Тету взять? Она хорошая девочка, верная... Их ведь всех трех потом непременно начнут в Акобаре пытаться...

Уж это точно, подумал Сварог. Причем, есть сильные подозрения, не патриархальными методами глэрда Баглю, а с помощью более современных технологий, придуманных не на земле. Собственно, это и не пытки вовсе. Зальют верной Тете в рот стаканчик фиолетовой жидкости — и минуты не пройдет, как готова будет помимо воли ответить на любые вопросы (сам Сварог «сыворотку правды» ни разу не применял, так уж сложилось, всякий раз оказывались под рукой именно патриархальные средства)...

— Сейчас ее с собой брать не стоит, — сказал он, не раздумывая. — Но потом я ее обязательно вытащу.

— Как?

— Ну, Литта... — ухмыльнулся он. — Ты как-то не подумала, что расследовать завтра твое таинственное исчезновение придется мне. Ну, не мне одному, однако справимся... Пошли.

— Я только заберу узелок...

Тьфу ты, а Сварог про этот загадочный узел совершенно забыл...

— Что, возвращаться в спальню? — прикинулся он ничего не знающим.

— Нет, я его спрятала в Синем коридоре, за статуей, в нише...

— А что там?

— Как это — что? — словно бы даже чуточку удивилась Литта. — Мои драгоценности, конечно. Те, что я обычно ношу, и еще то, что удалось, не привлекая внимания, вынести из сокровищницы.

— Логично... — проворчал Сварог. — Ладно, пошли, заберем.

Через несколько минут две фигуры в габаротах с низко нахлобученными капюшонами вышли из дворца через один из боковых входов и скорым шагом направились к стоянке виман.

Никто им, разумеется, не препятствовал.

Глава XI

ПОВЕСТВУЮЩАЯ О ТОМ, ЧТО В ТЕАТРЕ СПЛОШЬ И РЯДОМ САМОЕ ИНТЕРЕСНОЕ ПРОИСХОДИТ НЕ НА СЦЕНЕ, А ЗА КУЛИСАМИ

Обычно посторонние в замаскированные под самолеты виманы Сварога не попадали — разве что в качестве перевозимых пленных, которые уже ничего и никому не растреплют (впрочем, Литта тоже относилась к таким). Так что внутри они были оборудованы без глупой роскоши, но с комфортом: мягкие кресла, красивая обивка, бар, музыкальный центр, пол — имитация дубового паркета. В хвосте даже имеются две откидных постели, пошире и помягче грубых солдатских коек. Мало ли что может приключиться. Один раз Сварог вез на такой в Каталаун вдрызг упившегося принца Элвара (так было проще, чем лить в рот бесчувственному отрезвляющий напиток), и с полгода назад во время одной несложной операции, чтобы не соваться в городок на ночь глядя, они с Гаржаком переночевали на лесной поляне, а в последний раз, что уж там, в этой самой вимане они с Яной провели ночь на одном из островков Инбер Колбта (в чем была и смешная сторона: Яна, как-то не ассоциируя виману с замком, забыла по всегдашнему своему обычаю поинтересоваться, не было ли до нее на этой постели другой женщины, — а Мара-то месяц назад как раз именно на ней и побывала. Сварог, честно признаться, просто как-то не подумал, иначе непременно устроился бы с Яной на другой. Но Яна ведь не спрашивала? Вот и ладушки).

— И мы на этом... полетим? — с неопишуемой смесью ужаса и восторга спросила Литта.

— Еще как, — сказал Сварог, настраивая автопилот. — Кстати, если хочешь выпить, вон в том красивом шкафчике всего навалом...

— А ходить можно?

— Можно, — буркнул Сварог. — Можно даже плясать, тут и музыка есть, но мне что-то не до плясок да и тебе наверняка тоже...

А ведь действительно, было дело пару недель назад, когда он здесь отплясывал с Яной, Элконом и Томи, возвращаясь из Каталауна — под задорную мелодию из коллекции Фаларена. Оказалось, у покойного предшественника имелась приличная коллекция музыки и фильмов — абсолютно все из времен до Шторма. Жаль, что редко выпадало время смотреть и слушать, это его спецы из «восьмерки» и «девятки» просматривали фильмы по десять штук в день — не удовольствия ради, а изучая жизнь до Шторма. В любой фильм, если он не фантастический, конечно, попадает масса бытовых подробностей и крайне интересных для нынешних исследователей фраз. Сам Канцлер, опять-таки не удовольствия ради, просмотрел уже фильмов сорок и твердо намеревался одолеть все три сотни...

Закончив с автопилотом, он включил систему «общая тревога» и отправил каждому из юных сподвижников (за исключением Томи, все еще учившей Интагара азам компьютерной премудрости) приказ немедленно вылететь в манор девятого стола. А коменданту велел вывести манор к точке «Ворота» — там, где Сварог обычно оставлял виману и, пройдя всего-то пару десятков шагов уже по хелльстадской территории, поднимался в поджидавший там Вен-

тордеран. Именно туда он сейчас и собирался — если спрятать Литту там, долгоножки кукловоды не узнают, что она жива-здоровая...

Литта, ступая по полу, словно по тонкому льду, сходила к бару и вернулась с налитым до краев бокалом — потянув носом, Сварог мгновенно определил келимас.

— Тебя не развезет? — поинтересовался он по-деловому. — Нам еще говорить и говорить...

— Нет, я буду помаленечку прихлебывать... — она бледно улыбнулась. — Все нервы перепутались...

— Нет, так не пойдет, — решительно сказал Сварог. — Выпивка — дело серьезное... Сейчас я тебе покажу хитрый фокус, а ты смотри в пол, пока не досчитаешь до десяти... И глаз не поднимать!

Мимоходом нажав красную клавишу с изображенными на ней золотом крылышками, он сходил к бару, наложил полный поднос разнообразных закусок, налил и себе изрядный бокал келимаса. Все это время вимана вертикально поднималась вверх уардов на сто, ложилась на курс, выходила на максимальную скорость — чего в салоне, конечно, не ощущалось совершенно, казалось, машина так и стоит в траве. Потому он и заставил Литту смотреть в пол — чтобы не пугать непривычным зрелищем. Помнил, как Тагарон — днем, правда — на взлете едва не облевался с испугу, ученый человек...

— Ну вот, — сказал он, вернувшись. Поставил поднос на выдвинувшийся из пола меж двумя креслами столик, уселся. — Теперь у нас не пьянка, а правильное застолье... Твое здоровье!

Литта отхлебнула довольно приличный глоток, не поперхнувшись и не закашлявшись. Умеет пить девочка, одобрил Сварог. И выразительным взглядом заставил ее взять с подноса и сжевать солидный ломтик ветчины.

— Ладно, пить ты умеешь, вижу, — сказал он. — Только постарайся растянуть бокал на подольше. Разговор у нас будет долгий, не нужно мне, чтобы у тебя язык заплетался и мысли путались...

— А лететь нам долго? — спросила раздумавшаяся Литта.

— Минут сорок с лишним, — сказал Сварог.

— Ну, если я за это время выпью два таких бокала, при отличной закуске, и язык не будет заплетаться, и мысли не станут путаться...

— Точно?

— Точно.

— Как выражается отец Грук — блажен, кто знает меру... — проворчал Сварог. — У него у самого меру знает душа... вот только душа у него широкая... Ладно, если я замечу, что ты *плывешь*, попросту отрезвлю вмиг.

— А ты можешь?

— Сколько я всего могу... — проворчал Сварог. — Иногда самому страшно... Поубавить бы, да жаль, привык...

— А когда мы полетим?

— А мы уже пару минут как летим, — ухмыльнулся он. — Это и есть обещанный фокус.

— Нет, правда?

— Чистейшая.

Ничего особо жуткого не произошло — Литта всего лишь взвизгнула и свободной рукой вцепилась в мягкий поручень кресла.

— Брось, — сказал Сварог. — Ничего страшного ведь не происходит? — и прибавил металла в голос: — Милая, мы не на развлекательную прогулку выехали, ты не забыла? Я, в принципе, готов признать тебя жертвой злых людей и роковых обстоятельств — но такое положение еще нужно заслужить полной искренностью. Лететь нам минут сорок. Вот и начинай. Уловила?

Тон подействовал: Литта сразу стала серьезной, чуть хмурой, отпила еще глоток.

— Ну, начинай, — сказал Сварог. — В меру подробно, в меру кратко, держись золотой середины. Итак, давно ты в это влипла?

— Года два с лишним назад. Примерно за месяц до того, как с королевской четой... случилось...

— Что? — быстро спросил Сварог.

— Я не знаю, правда...

— Вижу, — сказал Сварог. — Кстати, имей в виду: я умею моментально определять, когда мне врут, а когда говорят правду. Постарайся об этом не забывать, пока будешь рассказывать. Итак, за месяц с лишним до событий ты жила себе поживала, ни о чем таком не ведая... Чем занималась, кстати? У тебя правильная речь, ты не похожа на простолюдинку, да и... Дворянка?

— Представь себе, дворянка, — как-то грустно усмехнулась Литта. — Без титула, правда. Знаешь, как это бывает... Род старинный, но впавший в полную убогость. Когда я родилась, отец совершенно разорился, служил в Адмиралтействе. Правда, он был в чине департаментского секретаря — десятый класс, приравнен к капитанам, — так что мы не бедствовали. Но и не роскошествовали особенно. Домик был не свой, а наемный, но на приличной улице, у отца хватило денег, чтобы оплатить мне учебу в Пансионе Атласных Лент... Это такое заведение для благородных девиц положения примерно моего, не самое лучшее, но и не самое худшее...

— Можно покороче? — сказал Сварог.

— Покороче... Пансион я закончила в шестнадцать, и отец тут же вознамерился выдать меня замуж. Был у него на примете отличный кандидат, советник оттуда же, из Адмиралтейства. Интендант. Ну, ты сам понимаешь...

— Понимаю, — сказал Сварог. — Как говорил один умный генерал, любого интенданта, прослужившего три года, можно вешать без суда и следствия... Состояньице, именьице, денежки в банке... Старик или просто отвратная рожа?

— Старик, — сказала Литта, глядя куда-то вперед поверх бокала. — Мерзкий старикашка... Отец, когда меня уговаривал, говорил, что это-то и хорошо: долго не протянет, наследников, кроме меня, не будет, если я вдобавок буду его уматывать в постели, быстрее удар хватит...

— Душевный у тебя был папаша, — усмехнулся Сварог.

— Да уж... А я, веришь ты или нет, с раннего детства буквально болела театром. И получилось все, как в романах: сбежала из дома с дюжиной серебрушек и парой платьев в узелке, почти не мыкалась, взяли меня в одно убогонькое заведение... Можешь не верить...

— Я уже сказал, — бесстрастно ответил Сварог. — «Верю-не-верю» тут ни при чем. Я знаю, что ты сейчас говоришь правду. Постарайся и дальше так же.

— Ну вот... Года четыре я *поднималась* — от полной убогости к убогости поменьше, а там и еще меньше... — она глянула на Сварога с каким-то бесша-

башным вызовом. — Знаю, о чем ты подумал... Ну да, когда это было необходимо, собой расплачивалась. Я хотела быть *настоящей* актрисой, понимаешь?

— И стала?

— Представь себе, — сказала Литта. — Между прочим, говорили, что я неплохая актриса, — в том числе и люди, которые ничего не рассчитывали от меня получить... К двадцати двум *прижилась* во вполне приличном театре. И главные роли, и признание, одна беда — театр был «хлипкий»...

— Это как?

— Можно, я тебе кратенькую лекцию прочту о видах театров? Что бы ты лучше понял мое положение?

— Валяй. Но — кратенькую.

— На самой вершине, конечно — Королевский театр, — сказала Литта. Мечта тысяч, но везет единицам... Пониже стоят театры, входящие в Сословие Свободных Искусств — регулярные дотации от Сословия и казны, но главное — статус. Туда тоже адски трудно подняться из низов. Очень хороши «театры вельмож» — те, которым покровительствуют, порой долгими годами, знатные и богатые театралы. Кстати, далеко не все из них спят с актрисами. Другое дело, что они ненадежны. Вот представь: двадцать лет какой-нибудь герцог содержал театр, и все это время его наследники на такое мотовство смотрели зверьями. И вдруг благодетель умирает... Единицы заранее составляют завещание, где оставляют часть наследства на содержание театра. Подавляющее большинство либо об этом не задумывается, либо умирает внезапно, без завещания. И все, конец, наследники радостно объявляют, что театр может жить, как хочет... Ну, и ниже всех — «хлипкие». Их так зовут за полную неопределенность будущего. С одной стороны, они числятся приличными, куда не зазорно прийти и дворянину с семьей. С другой — полагаться приходится только на себя. А случиться может многое. Сменился владелец и привел дело к упадку, умер старый директор и пришел недотепа, переманили ведущих артистов, возник конфликт в труппе или меж режиссером и труппой. Да масса причин! Но конец один: театр начинает хиреть и опускаться в разряд «убогих», куда и члены высших гильдий заходить считают неприличным. Да вдобавок «хлипкие» театры, при всем их приличии, все же числятся по Железной гильдии — фигляры... Вот в таком «хлипком» я и прослужила шесть лет. И главные роли бывали часто, и многие зрители ходили «на меня», и зарабатывала неплохо, но вот подняться выше — никак! Какой-то рок...

— Но ведь наверняка должны были быть и поклонники, — сказал Сварог с легкой усмешкой. — А ты сама говорила, что платила...

Отхлебнув келимаса, Литта повернулась к нему с тем же вызовом:

— И будь уверен, расплатилась бы с тем, кто помог бы... Но не с кем было. Поклонники были и богатые, и знатные, и влиятельные... — она покривила губы. — Можешь обо мне думать, что хочешь, но я с ними спала. И не всегда из-за одних денег и камешков — я нормальная молодая женщина, мне нужен мужчина... Это все-таки несколькими ступеньками выше проституции. Проститутка в борделе обязана ложиться с каждым, кто заявится. Актриса, пока молода, красива и пользуется некоторой известностью, может *выбирать*. Между прочим, разборчивые, не прыгающие с ходу под любой золотой мешок, котируются выше, и отношение к ним уважительнее, и репутация у них выше. Я была как раз из таких. Ни за что не ложилась под какого-нибудь урода,

усыпанного алмазами... правда, старалась и не заводить отношений с юными красавчиками с пустым карманом. Выбирала такого, чтобы был и богат, и щедр, но не особенно стар и не урод. И так тянулось все эти четыре года, — она обвела пальцем лицо. — Уж поверь, мое прежнее личико было немногим хуже этого... — она улыбнулась как-то печально. — Оплачивала квартиру на приличной улице, у меня был экипаж, служанка, камеристка, повар и работник... Один поклонник меня даже водил на малый дворцовый бал. Но я же говорю — рок какой-то! — она в досаде стукнула кулачком по поручню. — Постоянно как-то так складывалось, что ни один мой поклонник — знатный, богатый, иногда вхожий во дворец! — не обладал именно теми связями, что позволили бы меня устроить в один из театров Сословия. Как проклятие какое-то лежало... Многие они могли, но не это... И оставалась я в Железной гильдии. Фиглярка с золотым дворянским поясом, умора — отец, когда я сбежала, меня проклял и велел передать, что на порог не пустит, но не отрекся почему-то и герба не лишил... А театр давненько уже *шатался*. Двоих ведущих актеров и одну актрису переманили. Умер старый режиссер, талантливый человек был, пришел новый, гораздо слабее... да еще начал меня домогаться, грозя, что лишит главных ролей, а то и вообще найдет способ тихонько выставить. Владелец увлекся какой-то шлюхой и театр забросил совершенно. Пошли скандалы в труппе, появились враждующие лагеря, интриги... В общем, полный набор неприятностей. Делалось все хуже и хуже. Старики в открытую говорили, что больше года мы так не протянем. И уходили при первой возможности. А мне уходить было некуда. Как-то так сложилось, что не было достойных предложений... вообще-то одно было, в такой же «хлипкий», только гораздо тверже стоявший на ногах, но там пришлось бы постоянно спать с владельцем, а это была такая жаба, что меня от него издали тошнило. Вот такая сложилась ситуация. Театр помаленечку рушится. Дураку ясно. У меня только две возможности: либо опускаться до убогого балагана, либо пойти на содержание к кому-нибудь из поклонников — и ведь многие предлагали... Но в этом случае о театре пришлось бы забыть навсегда и стать обычной великосветской проституткой. Лет за десять такой, с позволения сказать, карьеры можно было скопить кое-какое состояньице, примеров хватало... но мне-то нужен был театр, черт побери! — она допила свой бокал и просительно глянула на Сварога: — Можно второй? Как раз все начинается...

Сварог присмотрелся к ней, подумал, что в случае чего безжалостно отрезвит, кивнул:

— Сейчас принесу. Только не увлекайся, это и в самом деле будет последний.

Отошел к бару, услышал за спиной, как стучат каблучки. Обернулся. Литта стояла у окна — видимо, выпитое придало смелости — и смотрела вниз.

— Темнотица какая... — протянула она. — И земли совершенно не видно, только вон там словно бы кучка светлячков...

— Это город, — сказал Сварог, решительно взял ее за локоть. — Иди, садись и рассказывай. Коли уж начинается...

Усевшись рядом, Литта, вопреки его ожиданиям, не отпила, а скорее пригубила. Глядя куда-то вперед, чуть отрешенным голосом начала:

— Ну, вот... После первого акта прислужница принесла мне в гримерную аккуратный бумажный сверточек — мол, это мне просил передать «очень

приличного вида дворянин из публики». Я и не подумала удивляться — уже столько раз такое случалось... Конечно же, подарок и записка. Судя по тому, что сверточек легковат, там кольцо. Прости за цинизм, моя профессия меня немного испортила... В таких случаях ощущаешь нечто вроде охотничьего азарта. Начинаешь гадать: насколько ценный предмет внутри, как выглядит тот, кто его прислал, годится ли... Тут есть свои неписанные правила. Можно оставить подарок себе и отказать, но пославший всегда начинает надоедать, ждаться у заднего входа, дарить новые подарки... Впрочем, сплошь и рядом, если возвращаешь подарок, творится то же самое... В общем, я развернула сверточек — и обомлела. Приросла к полу. Действительно, изящное золотое кольцо с брильянтом... но каков брильянт! Чуть ли не с вишню. Я к тому времени неплохо разбиралась в камнях, у меня была небольшая... коллекция. Камень настоящий, никаких сомнений. Редко у кого из моих и знатных друзей были перстни с подобными. Впору подумать, что в зале сидит король — иногда ведь такие случаи бывали, хоть и в сто раз реже, чем о том болтают... Королеве такой носить... Читаю записочку, она стандартная, все так пишут, ну буквально слово в слово: «Амель, граф Брашеро, просил бы позволения засвидетельствовать после спектакля свое почтение великолепной актрисе Литте Аули». Только там еще приписка, какую я вижу впервые в жизни: «Если госпожа Литта того не пожелает, прошу оставить эту безделушку себе и, со своей стороны, обязуюсь никогда более не докучать». О таком только в романах пишут, а в жизни я ни от кого не слышала... Что, и тебя проняло?

— Проняло, — сказал Сварог кратко.

Он просто весь подобрался, словно напавшая на след гончая. Амель, граф Брашеро. Тот самый опекун Гонзака. Несомненный лар. Хотя выводы делать рано, пусть она его сначала опишет...

— Ну, если для него *такой* камень — «безделушка»... — протянула Литта. — Тем более стоит посмотреть на человека, иначе потом не простишь себе, умрешь от любопытства... Я кое-как опомнилась и сказала прислужнице, чтобы после спектакля привела его за кулисы. Потом сообразила, выскочила на сцену, хотела посмотреть в щелочку, к кому она подойдет — но опоздала, она уже возвращалась. Девушка была не большого ума. Твердила одно: «не молодой, но и не дряхлый. Такой весь из себя основательный господин...» Второй акт, честно говоря, я доиграла кое-как — себя не помнила от любопытства. И вот он пришел в примерную...

— Опиши-ка его поточнее, — сказал Сварог.

— Лет сорока с небольшим, пониже тебя примерно на полголовы, — прилежно начала Литта. — Волосы темные, ни седины, выбрит наголо, ни бороды, ни усов, хотя большинство дворян усы все же носят... Нос прямой, губы полные, темноватые, глаза серые. Золотой дворянский пояс, перстень с графской короной... Видно, что очень сильный, не здоровяк, а просто очень сильный... Эх! — воскликнула она с непонятной интонацией. — Такое вот описание внешности ничего не дает...

«Кому как, — подумал Сварог. — Описание в точности соответствовало тому Амелю, графу Брошеро, о котором рассказывал Тагарон...»

— Главное, *какой* он, — продолжала Литта словно бы даже с воодушевлением. — Он не чванился, не задира нос, разговаривал вежливо — но в нем чувствовалась та-а-кая внутренняя сила... Я не про мускулы, понимаешь? Я даже

сейчас не могу подобрать нужные слова, после двух лет знакомства... Эта сила и потаенная властность в нем были *везде*, как кровь в сосудах, он ими был пропитан... Это был *мужчина*. Из тех, от кого женщины тают... Вот он поведет пальцем — и всех, кто сейчас в театре повесят на воротах... или набьют полные карманы золота... Он нисколечко не играл человека высокого полета, он им действительно был... Ты не женщина, тебе не понять... Какой мужчина...

— Такое впечатление, что ты в него до сих пор влюблена, — фыркнул Сварог.

— Я и тогда не была в него влюблена, — серьезно ответила Литта. — Никогда не была в него влюблена. Это было невозможно. Все равно что любить каталаунского тигра. Тигров не любят, тут другое... Я оказалась под ним — в переносном смысле, конечно. Пожалуй, он мог бы меня взять прямо там, в гримерной, я бы нисколечко не сопротивлялась... Таким не сопротивляются. Таким хочется принадлежать.

«В общем, как выражаются девки в деревнях, Бабыя Погибель, — мысленно прокомментировал Сварог. — Снова этот крайне интересный граф...»

— Мы немного поговорили, — продолжала Литта. — Честное слово, я себя чувствовала сопливой девчонкой, которую впервые в жизни позвал на свидание первый мальчик на деревне. Мялась, чувствовала, что краснею... Он держался идеально, притворялся, будто ничего этого не замечает, направлял разговор, так что в конце концов я кое-как отошла... Очень деликатно поинтересовался, не окажу ли я ему честь с ним поужинать... в «Золотом яблоке». Меня даже разочарование *пробило*...

— Почему?

— «Золотое яблоко» — один из лучших ресторанов, там целый этаж отведен под отдельные кабинеты... но ни в одном нет постели. Там никогда не спят с женщинами, там действительно *только* завтракают, обедают, ужинают, смотрят представление. Вот «Принцесса Амальта» и «Лазурное море» — заведения того же класса, но там в кабинетах кровати *есть*, в каждом, за портьерой, в нише... Начинаешь понимать? Если мужчина тебя приглашает в «Золотое яблоко», это означает, что он вовсе не намерен укладывать тебя в постель сегодня же. Он *ухаживает*... Все моментально расставлено по местам, никаких недомолвок...

— Понятно, — сказал Сварог. — И ты, конечно, я так догадываюсь, даже не поломалась чуточку для приличия?

— А зачем? — серьезно сказала Литта. — получилось бы излишнее жеманство. Здесь и так все было четко обозначено... ну да, иногда как раз такие вот вежливые кавалеры оказываются жуткими извращенцами, я сама не сталкивалась, но были случаи... Тут уж приходится полагаться на везение, а оно у меня есть, проверено... В общем, у черного хода стояла его карета, очень скромно украшенная — хотя иные знатные любят чуть ли не целиком кареты золотить... Герб с графской короной на дверцах... Я заехала домой, надела лучшее платье, украшения... В «Яблоке», как всегда, все было роскошно: три перемены и отдельно десерт, меж второй и третьей переменами мы ходили смотреть представление: шпагоглотатели, извергатели огня, жонглеры, танцовщицы. Ну разумеется, никаких тоголад и прочих вульгарностей, один «Балет фей». Знаешь, что это такое?

— Знаю, — сказал Сварог.

Он с удовольствием посмотрел бы это зрелище вживую (раньше видел только в записи), но для этого надо попасть в Горрот... Потому что «Балет фей» — один из цехов Сословия Изящных Искусств, секреты свои хранит железно, и существует этот вид искусства только в Горроте. И платья не прозрачные, и длиной до пола, и рукава длинные — но как-то так они шиты, как-то так танцуют «фей», что получается даже соблазнительнее, чем если бы они плясали голыми. Немудрящее вроде бы представление, но повторить его никому не удавалось, и иные короли специально засылали в Горрот в качестве шпионов лучших балетмейстеров, но и те ничего не добились...

— Мы болтали о всякой всячине, — продолжала Литта. — Обычная застольная беседа. Выяснилось, что граф служит при министерстве двора, советником. У меня сдуру вырвалось:

— Всего-то?

Он ухмыльнулся своей неподражаемой ухмылкой — тут смесь и веселья, и легкого превосходства, и иронии, я ее даже описать точно не могу — и сказал:

— Литта, дело не в должности, а в возможностях... — и неожиданно спросил: — Сказать честно, чем ты мне *особенно* нравишься? Я был знаком с несколькими актрисами. Как бы это выразиться... примерно твоего положения, а то и ниже. Так вот, все они, едва заслышав про министерство двора, ментально начинали просить пристроить их в театр получше. А ты ни о чем подобном не заикаешься, — и улыбнулся так грустно, обезоруживающе. — И правильно, между прочим. У меня нет никаких связей в *том* мире, мой департамент занимается совсем другими делами...

Вот тут он мне самым безбожным образом врал, несмотря на честнейшие глаза и простецкую улыбку. Уж чиновник-то министерства двора мог бы актрису *поднять* за пару дней. Как раз министерство двора и ведает Королевским театром и участвует в работе театров Сословия. Так что, даже если он занимается «совсем другими делами», у него в своем министерстве наверняка есть нужные связи с департаментом театров...

— Интересный какой-то жмот получается, — задумчиво сказал Сварог. — Запросто дарить кольца с огромными бриллиантами, предупреждая, что за них не нужно отрабатывать — это он может. А устроить в хороший театр, что для него раз плюнуть — так это нет...

— Вот и я удивилась сначала, — сказала Литта. — И только потом, когда все *произошло*, поняла, в чем тут был простой расчет. Ему нужно было, чтобы я оставалась в полнейшей житейской неуверенности, на сцене готового вот-вот обрушиться театра, без малейших перспектив и будущего... Потом сам поймешь. После ужина он отвез меня домой, помог выйти из кареты, поцеловал руку, поблагодарил за приятный вечер — и ни малейших намеков напроситься в гости... Сел в карету и уехал. Я стояла, смотрела вослед, и казалось, что это сон, но все вокруг было реальным, в том числе и огромный камень на пальце... А дальше... — она мечтательно улыбнулась. — Дальше началась сказка. Даже теперь, после всех невзгод, приятно вспомнить... Мы встречались каждый день, или вечером после спектакля, или днем... Да, я забыла про часы, тебе это наверняка интересно...

— Какие часы? — насторожился Сварог.

— Тогда же, в первый вечер в «Яблоке» он как-то умело свел разговор на талисманы. Спросил, верю ли я в них. Как не верить? Я даже знала самую насто-

ящую колдунью, которая их делала, знала людей, носивших *настоящие* талисманы, не те подделки, что шарлатаны впаривают богатым провинциалам... Он сказал:

— Ну, тогда ты не удивишься... У меня тоже есть талисман. От деда. Позволяет узнать, что собой представляет человек... Слышала о таких?

Я сказала, что слышала, хоть и не видела никогда. Он достал часы — большие, явно старинного фасона, сейчас такие гири носят разве что старики. Задняя стенка была покрыта черной эмалью, с врезанной в нее затейливой золотой сеточкой — а циферблат я так и не увидела. Граф спросил мягко, но настойчиво:

— Ты позволишь? Это не страшно и ничуть не вредно...

Я кивнула, будто зачарованная. Он встал, приложил эмалевую крышку мне к виску, а сам смотрел на циферблат. Я ничего не почувствовала, и длилось это недолго. Циферблата я так и не увидела, но на лице у него отразилась несомненная радость.

— Ну и какова же я? — спросила я словно бы шутливо, а сама была вся в напряжении — мало ли что ему талисман показал, вдруг он сразу же после ужина распрощается навсегда... Хотя на лице у него, точно, радость...

Он сказал серьезно:

— Талисман показывает, что ты неплохой человек, Литта. Не шлюха, не стяжательница. А то, что было... В пределах некоей нормы. Именно та мера житейских уступок, на которые порой приходится идти...

Брежал, как сивый мерин, подумал Сварог. Это, несомненно, какой-то аппарат, какие, к черту, талисманы, не бывает таких... Что-то он *снял* совершенно другое... Что бы это могло быть? Сразу и не сообразишь, что у него там втиснуто было в корпус старинных часов... К виску, совсем недолго... Стоп! Он лар, теперь в этом нет никаких сомнений, но в Горроте не работает аппаратура ларов. Никакая. Что же, какие-то *другие* технологии? Кем разработанные и где?

— Рассказывай про свою сказку, — сказал он, понимая, что с наскока в этой загадке все равно не разберется.

— Это была сказка... — протянула Литта. — Лучшие рестораны, лучшие танцевальные залы — я люблю танцевать, да и он оказался неплохим танцором. Цирк, тоже лучший в королевстве... Речной праздник на Эрисе с фейерверками, танцовщицами, изображавшими русалок... Да чего там только не было, на том празднике... Один раз он меня даже привел на малый королевский бал, во дворец, и несколько минут мы танцевали рядом с королем и королевой, в соседних парах... И подарки чуть ли не каждый день: украшения с такими же крупными камнями, великолепные платья, всякие безделушки, тоже очень дорогие... И при всем при том — ни малейших намеков на постель. Ни малейших. Все эти две недели. А ведь я у него в глазах замечала не раз мужской интерес, такие вещи женщины моментально замечают... Две недели. Лучшие развлечения, подарки, в общем, расходы нешуточные. Если посчитать, во что ему все это обошлось, на такие деньги можно купить неплохое имение. И — ни малейшего намека, ни единого прикосновения, только целовал руку на прощанье, — она сделала добрый глоток. — Я просто извелась в догадках. Уж, безусловно не импотент, — она лукаво покосилась на Сварога. — В некоторых фигурах некоторых танцев это можно определить, ты должен знать... Тогда что? Иногда знатные особы *чудят*, порой крайне затейливо и изощренно. Но

вот на кого он меньше всего походил, так это на чудака. От всех этих непонятностей мне в голову начала лезть уже совершеннейшая дурь — а вдруг он, скажем... — она покосилась на темное звездное небо за окнами: — Ну, не к ночи будь помянут? И охотится таким образом за моей душой? Или он узнал вдруг, что я его внебрачная дочь — матушка, увы, своим поведением давала повод и для таких предположений. По возрасту, в принципе, подходит, хотя должен был быть совсем юным... Да какие только дурные фантазии в голову ни лезли! Согласись, это необычно?

— И весьма, — согласился Сварог искренне.

— В конце концов, я сорвалась. Выпила лишку в том же «Золотом яблоке». Мы к тому времени уже перешли на «ты», я и бухнула:

— А когда будет постель?

Снова эта его неподражаемая улыбочка:

— Ты так рвешься со мной спать?

А меня уже *понесло*. Я хлопнула еще один немаленький бокальчик и сказала:

— Ну не так чтобы рвусь... Хотя я тебе никак не отказала бы... Просто все это — страннее странного. Ты потратил на меня кучу денег и времени, *окунул* в роскошь, как муху в банку с медом, я иногда вижу по глазам, что ты меня хочешь... но две недели лишь целование руки на прощанье... Так не бывает, Амель. Я не девочка, повидала жизнь, прошла через кое-что... Так не должно быть. В чем дело? Меня это уже чуточку пугать начинает...

Он смотрел на меня серьезно, без тени улыбки. Потом сказал:

— Литта, а ты гораздо умнее, чем мне казалось сначала...

— Мне частенько говорили, что я не дура, — огрызнулась я.

Вот тут он улыбнулся:

— Иные девушки на твоём месте только радовались бы *таким* отношениям: засыпают подарками и развлечениями, но при том и пальцем не трогают... Или тут в другом ответ? Ты молодая, темпераментная, две недели без мужчины напрягают...

— Если честно, и это тоже, — сказала я, пьяненькая. — Но не главное. Я же говорю, начинаю пугаться чуточку. В жизни *таких* отношений не бывает, только в романах... Когда пытаюсь обо всем этом думать, в голову лезет уже совершеннейшая ерунда...

Он смотрел на меня очень уж грустно:

— Хочешь правду? Это обет. Они, между прочим, даются не только в романах. Когда умерла жена — а я ее любил по-настоящему — дал обет семь лет не иметь женщин. Серьезный обет, у монахов Братства святого Круахана. Не знаю, как у тебя с этим обстоит, но я человек верующий, хотя прихожанин нерадивый... Теперь понимаешь? Я был тогда в таком состоянии...

— И когда истекает этот твой обет?

— Через месяц, — сказал он все так же серьезно. — И будь уверена: через месяц будет *все*...

Тогда я ему поверила: пьяна была уже изрядно, история была такая сентиментальная... а подобные обеты, я слышала, и в самом деле дают... хотя иные их не соблюдают, не выдерживают до срока... А вот потом, на трезвую голову... Мне просто захотелось проверить. Знающие люди подсказали, в какие конторы и к каким чиновникам обращаться. Золото у меня было... Ну, вот попытай-

ся, умный и проницательный, догадаться, что я нашла?

— Жена была здоровехонька, — сказал Сварог. — Или он вообще никогда не был женат.

— В сто раз интереснее! — с хмельным воодушевлением воскликнула Литта. — Оказалось, что его *нет*. Ну, попросту нет. В книгах Геральдического департамента не обнаружилось не то что графов, но просто дворян Брашеров. Нет в Горроте такой дворянской фамилии. Понимаешь? Нет и не может быть никакого графа Брашера... а меж тем он существует во плоти, и не просто существует: служит при министерстве двора, лично известен королю — я сама видела, как на том малом балу они с королем, отойдя в сторонку, беседовали минут пять, и король держался с ним, как со знакомым...

— Ну, в конце концов, можно подыскать объяснение, — сказал Сварог. — Просто-напросто он не горродец по происхождению. Он приехал из другой страны, быть может, очень давно. Ты ведь не развернула столь бурной деятельности, чтобы искать следы в других королевствах?

— Нет, — призналась Литта. — Хотя собиралась... Видишь ли, он все говорил мне о себе как о *горротском* уроженце. О том, что его роду две тысячи лет, что родовые поместья у него в Полуденном Горроте... А оказалось... Вариантов было два: либо он и в самом деле дьявол, либо авантюрист и самозванец не просто высокого — высочайшего полета. Многим успешно удавалось выдавать себя за дворян, но никто не взлетал *так* высоко... Я как-то склонялась ко второму — ну не хотелось мне о первом думать, сам понимаешь, очень уж жутко...

— И как же ты обошлась со своими открытиями? — усмехнулся Сварог.

— А никак, — ответила Литта. — Просто не успела. Эти мои изыскания отняли примерно неделю — и буквально на следующий день после того, как я окончательно все выяснила, он меня впервые пригласил к себе в особняк — у него роскошный дом, едва ли не дворец, буквально в двух кварталах от королевского замка... Я испугалась не на шутку, только когда оказалась в особняке и мы сидели в малой столовой, — вечерело, ужин был подан для двоих... Я вдруг подумала, что правдой все-таки было *первое*. Что он и в самом деле дьявол, без труда узнал о моих изысканиях, и теперь случится что-то жуткое... А я даже молитв от нечистой силы не знала... верю в Единого, но креста не ношу и в храме последний раз была уж и не упомню, когда...

А он держался, как обычно. Вот только после первого блюда все и началось. Он сказал самым обыденным тоном:

— Литта, у меня к тебе есть серьезное предложение. Как-то у вас в театральном мире именуется? Ага! Считай, что я антрепренер. И предлагаю тебе гастроли: очень долгие, невероятно доходные...

— А что за роль? — осторожно спросила я.

— Ты будешь играть королеву Эгле.

— Я и не слышала, чтобы кто-то собирался ставить о ней пьесу, даже не слышала, что такая написана...

— Написана, — сказал он без улыбки. — До последней точки. И труппа готова, не хватало только актрисы на роль королевы. Но теперь она у меня есть.

Черт возьми, подумала я, неужели кончилось невезение? Такую пьесу должны играть даже не в театрах Сословия — в Королевском...

И спросила:

— А в каком театре?

Он преспокойно сказал:

— Театром будет сам королевский дворец.

— Вот теперь ничего не понимаю... — пролепетала я.

— Я объясню, — сказал он спокойно, даже весело. — Ты будешь играть королеву Эгле в том смысле, что сядешь вместо нее на трон... Я же говорил, спектакль ожидается долгий, на годы... Ты будешь играть королеву... а человек, который станет играть короля, у нас уже есть.

— Подожди... — я ничегошеньки не понимала. — Я же на нее совершенно не похожа...

— Будешь похожа, — сказал он. — Так, что родная мать, княгиня Скатерона, не отличит.

И только тут до меня *дошло*.

— Но как же так? — чуть ли не закричала я. — *А настоящие?*

— А их не станет, — спокойно сказал он. — Но никто об этом, разумеется, не узнает. Потому что на троне преспокойно останетесь вы со Стахором... И жизнь будет продолжаться, как ни в чем не бывало. Ну, конечно, «Стахору» будут подсказывать, что делать и какие указы подмахивать, иначе зачем все и затевать? Зато от *тебя*, в общем, не понадобится особенных трудов — Эгле в управлении королевством практически не участвует. Твоему муженьку еще придется потрудиться, подписывая указы, заседаая в Палате Пэров и прочих заведениях, произносить речи... Тебе будет гораздо легче — никаких трудов, беззаботная жизнь королевы...

— Ты с ума сошел? — спросила я в полном расстройстве чувств.

— Честное слово, нисколечко, — серьезно сказал он. — В сущности, ничего необычного не происходит. Самый обычный дворцовый переворот, устранение королевской четы... Сколько их было в истории? Отличие только в том, что на сей раз никто ничего и не заметит, потому что на троне *останутся* Стахор и Эгле, которых ни одна живая душа не отличит от настоящих. Ты только представь, какое великолепное у тебя будущее — на всю оставшуюся жизнь...

— Ты дьявол? — бухнула я напрямик.

Он усмехнулся, поднял салфетку — под ней оказался серебряный крест Единоного — взял его в руки, повертел, даже приложил ко лбу:

— Как, по-твоему, дьявол или любая другая нечистая сила — на такое способны?

Нет. Уж я-то точно знала, что нет. В пансионе у нас был вероучитель, и уж кое-какие основы я помнила...

Хорошо, он человек. Только легче мне от того не стало...

И покушение на цареубийство, дворцовый переворот... Верная плаха даже для замешанной в заговор мелкоты — а мне-то предлагают одну из главных ролей...

Полное впечатление, будто он угадал, о чем я думаю. Сказал даже не спокойно, скорее небрежно:

— Ничего не бойся. Проиграть мы просто не можем — на такой уж стадии предприятие. Через неделю ты уже будешь сидеть на троне, и все будут принимать тебя за Эгле.

— Но как, как? — завопила я, чуть с ума не сходя. — Как ты сделаешь меня точным подобием Эгле? Магия какая-то?

— Никакой магии, — сказал он. — Есть другие способы. Скоро сама убедишься.

— Подожди, а принц?

— Та же история, — пожал он плечами. — Все будут считать, что этот — настоящий принц...

Тут мне удалось взять себя в руки. Жизнь меня все же чуточку пожевала — настолько, чтобы не раскисать...

Я встала и, стараясь говорить как можно спокойнее, начала:

— Хорошо, я все обдумаю, и, когда что-то решу, приеду...

Он расхохотался, честное слово, как ребенок.

— Литта, ты же умница, — сказал он, наконец. — А говоришь такие вещи... Ты и в самом деле думаешь, что тебя отсюда выпустят после всего, что ты только что услышала?

Да уж, конечно, запоздало сообразила я. Ни за что не выпустят.

— Садись, — сказал он, и я села, как марионетка. Он налил мне вина и продолжал своим обычным тоном, без всякой насмешки или угрозы: — Литта, ты умница. Бросаться к окну, распахивать его и взывать к прохожим о помощи — бесполезно. Я поставил хитрый замок. Вскрывать и нестись к выходу сломя голову — бесполезно. В коридоре мои люди, и на лестнице, и у всех дверей... Ты молодец. Не делаешь глупостей, не бьешься в истерике... Все поняла, будешь вести себя спокойно, правда? Знаешь, я собой доволен. Сделал неплохой выбор, — и накрыл мою ладонь своей. — Говорю тебе, через неделю ты будешь королевой.

Вот тут я не сдержалась — выругала его. Последними словами. Было где послушаться в первые годы после побега из дома.

Он нисколько не рассердился. Только пожал плечами:

— За что? Я не делаю тебе ничего плохого, совсем наоборот. Оставшуюся жизнь ты проживешь королевой Горрота — со всеми выгодами и благами, истекающими из такого положения. Это царский подарок, Литта, а ты, хотя и умница, меня костеришь бордельными словечками...

Я что-то пробормотала — сама не помню, что. Он наклонился, взял меня за руку, впился взглядом и со своей неподражаемой улыбочкой сказал:

— Есть только два мотива, которые заставляют тебя сопротивляться. Только два... Вот мне и любопытно послушать, который из них тобой движет. Тебе жаль королевскую чету? Или просто боишься, что все откроется и всем отрубят головы? Скажи честно.

И понимаешь, он явно видел по моим глазам, что я боюсь только плахи. С какой стати я должна была жалеть королевскую чету? Совершенно чужих для меня людей? Которых и видела-то раз в жизни? Вот я вчера читала в газете, что на Большом Ронерском тракте, в трех лигах от харланской границы, разбойники убили крупного купца из Сноля Тана Добарто. Тебе его жалко? По-настоящему? Так, чтобы тоска сердце сжимала? Ну?

— Нет, — вынужден был признаться Сварог.

— Вот видишь. А разве мы с тобой чудовища или бездушные твари? Никто *по-настоящему* не жалеет чужих, незнакомых людей — ну разве что, если это поэт, артист или писатель, которого ты любил...

Короче, граф усмехнулся:

— Прелесть моя, Литта, ты боишься исключительно плахи... Клянусь чем

угодно, этого не будет. Все настолько хорошо подготовлено, что осечки быть не может. Это можно сделать хоть сейчас. Собственно говоря, неделя отсрочки нужна исключительно для одного: чтобы сделать тебя королевой Эгле. Что до короля...

Он усмехнулся, позвонил и, когда вошел лакей, распорядился:

— Пригласите его величество пожаловать.

И почти сразу же вошел... король Стахор. Совершенно такой, каким я его видела на балу, даже одет точно так же.

Граф весело спросил:

— Дружище, кто вы такой?

— Что за дурацкий вопрос? — произнес этот голосом настоящего короля, пожимая плечами. — Король Стахор, конечно. А это, я так понимаю, моя дражайшая супруга?

— Еще не совсем, — сказал граф. — Ну, Литта? Если хочешь, подойди, потрогай супруга, чтобы убедиться, что он настоящий... Хотя, по-моему, и так видно...

Я не встала, не пошевелилась, я и так видела, что этот человек похож на короля, как брат-близнец. Граф сделал небрежный жест, будто лакея отсылал, и «король» вышел.

— Что скажешь, умница? — осведомился граф.

Не поднимая глаз, я спросила:

— И я что, буду точно такой же Эгле?

— Ну, разумеется, — сказал граф. — Совершенно такой же.

— Но как такое возможно...

— Литта... — сказал он с мягким укором, — не стоит забивать себе голову вещами, которых все равно не поймешь. Какая бы ты ни была умница, в сложных науках не разбираешься совершенно. Так что заканчивай с пустыми вопросами. Будем продолжать ужин?

— Нет, — сказала я, чувствуя, что голова идет кругом. — Ничего сейчас не хочу... Дай мне какую-нибудь комнатку, пусть в подвале, пусть с решетками на окнах, лишь бы я могла лечь и полежать...

— Великие небеса, ты считаешь, что я способен посадить тебя в подвал? — рассмеялся он так, словно этого разговора не было, и мы сидели в каком-нибудь «Золотом яблоке». — Может быть, желаешь еще гнилую солому и крыс? Размечталась... — он звонком вызвал лакея и распорядился: — Проводите даму в ее комнату.

Вставши, я демонстративно прихватила со стола непечатую бутылку вина и бокал. Граф не препятствовал, только усмехнулся:

— Что ж, тоже метод...

За дверью оказались еще два лакея, бдительно так придвинулись, хотя бежать я и не собиралась, понимала, что бессмысленно. Комната мне досталась вполне роскошная, под стать особняку — вот только меня тут же заперли снаружи, а на обоих окнах я обнаружила два хитрых замка. Постояла у окна — уже совсем стемнело, зажглись фонари, проезжали кареты, ехали всадники, шагали люди — и мне казалось, что все они в каком-то другом мире...

Я сбросила платье, забралась в роскошную постель и принялась отхлебывать прямо из горлышка, что уж тут церемониться. В голове стояла совершеннейшая пустота, ни мыслей, ни чувств — слишком уж удивительная и гранди-

озная беда на меня свалилась. Помаленьку прикончила бутылку, и так мне стало себя жалко, что заревела в три ручья. Даже не слышала, как вошел граф. Встал рядом с постелью и серьезно сказал:

— А вот это совершенно ни к чему. Не из-за чего слезы лить. Тебе бы порадоваться...

Я сквозь слезы пустила его руганью через три забора... Он усмехнулся, разделся неторопливо, лег рядом со мной. Я нисколько не сопротивлялась, мне было все равно. И он меня взял. Ничуть не грубо, он все делал ласково, нежно, умело, так, что в конце концов я стала *отвечать*. До сих пор подозреваю, что он меня хотел именно такую — зареванную, беспомощную, слабую... Я его, смею думать, хорошо узнала за два последующих года. Он никак не извращенец, ничего такого. Просто властолюбие у него дикое и проявляется сотней разнообразных способов. Это не то властолюбие, когда человек мечтает сидеть на троне или каком-нибудь высоком посту. Тут другое. Ему нравится ломать людей, делать их своими куклами. Меня он, во всяком случае, сломал. Почти... — с неожиданной злобой улыбнулась, почти оскалилась Литта. — До конца все же не доломал, коли уж я здесь, с тобой... — и, по непостижимой женской логике меняя тему, сказала уже без всякой злости: — Но любовник он все-таки великолепный, этого у него не отнять...

Она помолчала, допила остававшееся в бокале, повернулась к Сварогу:

— Можно еще? Ты же видишь, язык не заплетается...

Сварог посмотрел на часы, пригляделся к Литте и сказал:

— Ладно. Только рассказывай покороче, без лирических отступлений. Время есть, но его не особенно много...

— Постараюсь... В общем, ночь я провела с ним, и это было только к лучшему — некогда было сокрушаться и жалеть себя. А потом... Уже под утро мы начали очередную бутылку, по бокалам разливал он — и явно что-то подлил или подсыпал, потому что я уснула мгновенно, едва отпив, даже не знаю, что было с бокалом, видимо граф его успел подхватить.

Проснулась в другой комнате, впрочем, столь же роскошной, тут вдобавок было еще и зеркало, выше человеческого роста. Портьеры были распахнуты, судя по солнцу, часа два пополудни... Я пошевелилась — и поняла, что как-то странно себя чувствую. Совершенно необычное чувство, ничуть не похожее ни на головную боль после перепитого, ни на что вообще испытанное. Я лежала и пыталась это чувство осознать. Не болело, нет, но беспокоило... Словно бы по всему лицу, под кожей продернули то ли нитки, то ли что-то вроде канители, золотой или серебряной. Я открыла рот, закрыла, похмурилась, в общем, поиграла лицом — и всякий раз оставалось ощущение той тонюсенькой сетки. Не болело, но беспокоило именно своей непривычностью. Я стала трогать лицо — но ничего под кожей не нащупала. И только тут сообразила...

Мои волосы были *не мои!* Русые, гораздо длиннее моих, наполовину прикрывавшие груди — а у меня от природы каштановые, и вчера они были лишь на пару ладоней пониже плеч... В первую очередь я подумала, что на меня зачем-то напялили парик, попыталась его снять — не получилось, это был не парик, а самые настоящие волосы. И на правой руке, меж локтем и запястьем, обнаружился шрамик, чуть извилистый, длиной в палец — раньше у меня ничего подобного не было...

И тут меня словно подтолкнуло что-то, вскочила с постели в чем мать ро-

дила, кинулась к зеркалу...

Меня в зеркале не было. В зеркале отражалась королева Эгле, в точности такая, какой я ее видела в двух шагах от себя на балу — разве что волосы не уложены в прическу, а распущены, ну, и голая, конечно. Я подняла правую руку — и она подняла. Я пошевелила пальцами — и она пошевелила. Вот так. Меня больше не было, я теперь была она...

Я присматривалась то к отражению, то к себе — ну да, и тело чуточку другое, и пальцы на руках, и шея... Знаешь, что самое смешное? Такое тело мне гораздо больше нравилось. Нет, у меня и раньше была неплохая фигурка, и ноги стройные, и груди не отвисли — но это тело было гораздо *холонее*. За ним явно ухаживали лучшие мастера таких дел, располагавшие лучшими притираниями, бальзамами, ну, всяким таким... Я за собой всегда следила, и доходы были неплохие, но *такого* ухода за телом устроить бы себе не смогла. Тело королевы...

И тут же за моей спиной голос графа произнес то же самое:

— Тело королевы...

Я обернулась. Он стоял и улыбался. Ага, вот оно в чем дело — в дальнем углу распахнута невысокая и узкая потайная дверь... А он продолжал деловито:

— Бедра, конечно, чуточку пошире — она рожала, а ты нет... Но это несколько не портит фигуру, правда?

— Но как же... — только и смогла я пролепетать.

— Наука делает чудеса, Литта, — сказал граф все так же весело. — Ну что? Хочешь, я дам тебе одеться и выйти на улицу? Там ты начнешь доказывать прохожим, что ты не королева Эгле, а актриса Литта Аули... И к тебе кликнут врачей — практически все обитатели этого квартала приняты при дворе, сто раз видели королеву, решат, что с ее величеством приключился внезапный припадок безумия, и она незамеченной ухитрилась выскользнуть из дворца... Шучу, конечно. Выпускать тебя на улицу слишком опасно. Настоящая еще во дворце, как-то неудобно и странно получится, если вдруг окажется, что в столице сразу две королевы — одна завтракает во дворце, вторая бродит по улицам... А ты молодец... Эгле. В обморок не хлопаешься, даже глаза не закатываешь. Лишний раз убеждаюсь, что в тебе не ошибся. С другой, точно, было бы гораздо больше хлопот...

А я, действительно, как-то не собиралась ни в обморок падать, ни биться в истерику. Малость битая жизнью девочка... Решила доказать ему, что силу воли сохраняю — надела пеньюар, села в кресло у постели, закинула ногу на ногу и постаралась говорить как можно спокойнее:

— Что же, мне теперь неделю сидеть тут взаперти в таком виде?

— Четыре дня, — поправил он с ухмылкой. — Видишь ли, все научные процедуры, что с тобой происходили, заняли чуть больше, чем трое суток, и все это время ты была в беспмятстве... А свобода у тебя будет... относительная. Не надуй так губки, четыре дня — гораздо *лучше*, чем неделя.

— Постараюсь вытерпеть, — сказала я ядовито.

Он подошел, остановился надо мной, посмотрел на мои голые ноги:

— Вот кстати, королевам этикет строго запрещает так сидеть — закинув ногу на ногу. Императрица, правда, так часто сидит, но за облаками другой этикет, ее величеству многое позволено... Ну ничего, *это* мы поправим, ты многому научишься... Хорошо себя чувствуешь?

— Отлично, — сердито отрезала я.

— Вот и прекрасно, — сказал он с чертиками в глазах. — Актрису Литту я уже пробовал, а вот королеву Эгле еще нет. А хотелось, признаюсь тебе, чертовски...

Он поднял меня из кресла и стал снимать пеньюар. Я не сопротивлялась — зачем, я теперь была его куклой...

В общем, Сварогу нравилось, как она держалась. Не била на жалость, не пыталась представить себя этакой безвинной овечкой среди злых волчиц — хотя пару раз ненавязчиво подчеркивала, что попала в безвыходное положение (с чем, признаться, нельзя не согласиться), рассказывала спокойно (пусть временами и растекалась мыслью по древу), деловито.

— А дальше?

Литта печально усмехнулась:

— Он был настолько вежлив, что спросил, какую комнату я предпочитаю: нынешнюю или прежнюю. Я, не особенно и раздумывая, выбрала прежнюю. Потому что там стояло это зеркало. Следовало почаще смотреть на себя новую и привыкать. Я уже не сомневалась: если они и впрямь смогли сделать *такое*, все остальное случится в точности так, как рассказывал граф... — она покосилась с вызовом. — Ты меня осуждаешь? Но я, в самом деле, совершенно ничего не могла сделать. Вырваться из особняка не было никакой возможности, оставалось плыть по течению. И не думай, что на душе у меня было так уж спокойно, я себе места не находила...

— Осуждать я тебя не собираюсь, — сказал Сварог. — Читать мораль — тем более, я не священник. Рассказывай, что было дальше, время скоро начнет поджимать.

— Но до утра еще столько времени...

— И проводить нам его по-разному, — терпеливо сказал Сварог. — Ты будешь дрыхнуть в роскошной спальне, винца выпей, если захочешь — а мне нужно за эти оставшиеся часы сделать так, чтобы весь мир думал, что ты погибла. Твои горротские друзья должны так и считать...

— А у тебя получится? — спросила она деловито.

— Постараюсь, — ответил Сварог. — Ну, что было дальше?

— Я спросила, не может ли он распорядиться, чтобы из моей квартиры привезли драгоценности. Платья, конечно, теперь не нужны, но драгоценности... Он рассмеялся и сказал: самые умные женщины не более чем женщины. У меня будет в полном распоряжении королевская сокровищница, а я беспокоюсь о кучке дешевых поделок... Он, впрочем, распорядился, и драгоценности привезли. И принесли телевизор — я о них только слышала, но раньше не видела. Вот он очень пригодился: в тот день меня никто не тревожил, только принесли обед, ужин... Вечером пришел граф, и мы... А вот назавтра началось самое интересное. Меня отвели в какую-то странную комнату, я и не думала, что в особняке может оказаться такая... Никакой мебели, обои, правда, ничем не хуже тех, что были в тех покоях, которые я уже видела. Пусто, только посередине стояло какое-то странное кресло из синего металла, с подставкой для ног. Там на подлокотниках и ниже были ремни с пряжками — сразу видно, предназначенные для того, чтобы человеку привязывать руки-ноги. По обе стороны подголовника две таких металлических... как бы змеи, из блестящих колечек, и у каждой вместо головы — фиолетовые шары величиной с кулак, со

множеством мелких граней. Рядом ящик с косой крышкой, на которой мигали огоньки и светились разные знаки. На магию это как-то не походило, а вот на пыточную — очень даже... Пришел старик, совсем седой, одетый богато. С графом он держался, как с равным. Граф сказал, что мне нужно туда сесть. Что ничего страшного со мной не случится. Улыбнулся:

— Ты мне еще долго будешь нужна, Литта... ох, прости, Эгле. Больно не будет, честное слово. Ты сядешь сама или тебя нужно будет привязать?

Ну конечно, за дверями были наготове лакеи... Я не хотела, чтобы меня лишний раз унижали, хотела сохранить хоть капельку самолюбия. И уселась сама. Оказалось, эти змеи очень гибкие, старик без труда изогнул их так, что шары оказались у самых моих висков. И что-то стал делать с ящиком.

Боли и правда не было. Но то, что началось... Даже не знаю, как описать... Мне в глаза будто ударила лавина из лиц, комнат, лестниц, парков... все смешалось в голове... в уши сто голосов кричали что-то... Я потеряла сознание. Когда очнулась, нигде ничего не болело, старика не было, остался один граф. Он тут же спросил:

— Кто у тебя начальник тайной полиции?

«Откуда я знаю? — хотела я ответить. — У меня и тайной полиции нет...» И вдруг отбарабанила:

— Барон Скалитау.

— А церемониймейстер?

— Граф Филори, — так же быстро сказала я, ничего не понимая.

Он задал еще несколько вопросов, точно таких же — кто занимает такую-то должность при дворе. Я моментально называла имена. И знаешь, каждый раз у меня сами собой всплывали в памяти лица всех этих людей.

— Все великолепно, — сказал граф. — А теперь поброди-ка мысленно по своему дворцу. Ну, скажем, для начала — из тронного зала в малый кабинет короля...

И у меня тут же получилось! Я мысленно шла по коридорам и переходам, которые прекрасно знала, уверенно сворачивала, поднималась, спускалась... Попробовала еще, еще... Я теперь знала королевский дворец так, словно прожила там всю жизнь, любое место, какое граф называл, тут же вставало перед глазами...

Обучающая машина, конечно. Сварог сам прошел через такую. Литта описывала, похоже, тот же образец... но мать твою, техника ларов, сколько раз говорилось и подтверждалось опытным путем перестает работать в Горроте! Как они ухитрились, умельцы?

— Вернулся старик, — продолжала Литта. — Переглянулся с графом, тот кивнул, и граф сказал мне:

— Будет еще одна процедура. Теперь убедилась, что это не страшно?

— А я и в первый раз не боялась, — отрезала я.

Он присмотрелся ко мне, хмыкнул:

— Ну-ну, самоутверждайся... Если не во вред делу — сколько тебе угодно...

Старик снова придвинул мне шары к вискам. Теперь было чуточку по-другому: глаза словно туманом заволокло, я оставалась в полном сознании, только в висках легонечко, совсем не больно покалывало. Когда это кончилось, граф сказал:

— Ты помнишь, что у тебя в верхнем ящике розового комода в опочиваль-

не?

У меня перед глазами встала опочивальня королевы Эгле, и я ответила без запинки:

— Два гребня, позолоченный с изумрудами и костяной, из клыка того вепря, которого я сама убила в Каталауне... Изумрудная брошь... Коробочка сахарных барашков для сына... Перстень...

— Достаточно, — прервал он. — Встань и пройди по комнате.

Я подчинилась. И вдруг поняла, что у меня изменились походка, движения... Они тоже были *не мои*... Я теперь совершенно по-другому поправляла волосы, садилась, подавала руку для поцелуя.

— Это тоже *она*? — спросила я графа.

— Да, — сказал он спокойно. — Поняла? Умница. Ты будешь двигаться, как она...

За ужином оказалось, что и приборами я теперь пользуюсь по-другому, другими движениями. А вечером, когда пришел граф, оказалось, что и любовью я теперь занимаюсь совершенно по-другому... Ты помнишь, как мы... сегодня?

— Где ж тут забыть? — фыркнул Сварог. — Часа не прошло...

— Это была Эгле, — сказала Литта, глядя очень печально. — Понимаешь? Не я. Она. Нет, удовольствие-то получала я... но в *прежней* жизни я любовью занималась чуточку иначе. Так с тех пор и пошло, все эти два года — я ходила ее походкой, двигалась ее движениями, любила ее ухватками... Мое, прежнее, пропало навсегда. Это жуткое ощущение, я к нему привыкала очень долго. *Моим* осталось только сознание и воспоминания. Все остальное — ее. Так жутко было поначалу... Наутро я сказала графу: хочет он или нет, а я напьюсь вдрызг, в лежку... Он сказал: пожалуйста, все закончено. Я попросила принести шесть бутылок...

Дальнейшее Сварог слушал вполуха. Думал о другом — о тех обрывках знаний, что *выдернули* из сознания настоящей Эгле и вложили в голову Литте.

Теоретически, ему давно рассказывали в Магистериуме, возможно *полностью* вынуть сознание, личность человека и вложить в голову другому, начисто уничтожив при этом личность прежнюю, а «высосанного» оставить полным идиотом. Именно теоретически — потому что за попытку претворения такого в жизнь еще лет пятьсот назад тогдашний император ввел смертную казнь. Независимо от личности провинившегося. Даже за попытку собрать необходимую для этого аппаратуру — смертная казнь. Мудрый был человек, надо отдать ему должное...

В данном случае граф располагал кое-чем другим, попроще — так называемой «хваталкой», способной *украсть* из человеческого мозга не всю личность целиком, а *кусочки*. Человек и знать не будет, что его «обокрали» — зато украденное можно без труда загрузить в другой мозг, как с Литтой и проделали. Устройство миниатюрное, не больше портсигара. Королева Эгле спокойно шла по коридору, и кто-то, прекрасно ей знакомый, не возбуждающий никаких подозрений, прошел навстречу, вежливо поклонившись — и нажал кнопку в кармане... Королева обедала — и кто-то, находившийся тут же, нажал кнопку в кармане... Королева садилась, вставала, протягивала руку для поцелуя, занималась любовью с мужем, а где-то рядом кнопка щелкала, щелкала, щелкала... Давным-давно известно, как сконструировать такой приборчик, —

но любой уличенный в попытке его смастерить, уже никогда не выйдет из замка Клай...

По спине у него прополз неприятный ледяной холодок. Дело могло обернуться гораздо более скверно, чем ему сначала казалось...

То, что у Литты будто бы волшебным образом изменилось и лицо, и тело, его как раз нисколько не удивило, он давно уже знал, как это делается. Пластическая хирургия у ларов на высочайшем уровне — именно потому там, за облаками, практически нет некрасивых, кривоногих, толстяков, даже старики и старухи без морщин. Редко-редко среди пожилых встречаются консерваторы, не желающие этим пользоваться. Да и принц Элвар не раз громогласно заявлял, что его брюхо — его родное брюхо, наглядное свидетельство весело прожитых лет, и он ни за что от него не откажется.

Правда, заведение, где все это проделывают, находится под негласным, но строжайшим контролем людей Канцлера — чтобы не обнаружилось вдруг двойников, мало ли на какие хитрости способны иные беззастенчивые субъекты... Как в воду смотрел Канцлер в свое время... Это, в общем, пустяки. А вот то, что горротская шобла располагает «хваталками» — гораздо хуже и опаснее. «Брашера» — лар, у него могут быть сообщники здесь, наверху. Не столь уж и трудно с этой поганой штукой в кармане оказаться рядом с Канцлером, с Яной, с самим Сварогом, никто из них ничего и не почувствует, а уж изготовить двойника — и вовсе просто... Как только утром в Замке Ковенанта появится Канцлер (а он непременно там появится), надо ему все объяснить, чтобы втихомолку объявил Белую Тревогу кое-каким службам и принял меры, он в том разбирается лучше Сварога, до сих пор мало уделявшего внимания заоблачным интригам и персонам (хотя в восьмом департаменте имелся соответствующий отдел наподобие земной тайной полиции, присматривающей за *своими...*)

— Все произошло совершенно неожиданно и буднично, — продолжала Литта. — Утром ко мне в комнату вошел граф вместе со Стахором — я так и буду его звать Стахором, потому что настоящего имени до сих пор не знаю... И сказал весело:

— Ну, что же, ваши величества, извольте собираться и ехать *восседать*...

На улице стояла простая карета, без гербов — я знала, что королевская чета иногда и в город, и в загородные замки выезжает именно так, скромно. В карете сидел юный принц, тоже, как две капли воды... Граф сел к нам, и мы поехали. Через квартал к нам присоединился небольшой эскорт из Синих Мушкетеров, во дворец мы въехали через боковые ворота. Все выглядело вполне обыденно — венценосное семейство вернулось из загородного замка... где настоящие и в самом деле тогда были, но вот что с ними случилось, не знаю до сих пор... Все оказалось совсем просто: я очень уверенно прошла в «свои» покои, уверенно отдавала приказания служжанкам и камеристкам — я их всех теперь знала в лицо и по именам... — она грустно улыбнулась. — Вот, мы и *вооссели*... Очень быстро началась форменная «генеральная уборка», как-то с улыбочкой назвал граф. Начали...

— Ну, то я знаю, — сказал Сварог. — Быстренько убрали личных друзей короля и королевы, придворных, министров, оставшихся можно по пальцам пересчитать, а значит, они были в заговоре. Окружение ваше ближнее почти полностью обновилось...

— Ага. За каких-то полтора месяца никого из *прежних* почти и не осталось. Фрейлин, камеристок и служанок мне сменили всех до единой. Кстати, министр тайной полиции остался на месте, а значит, он-то точно был в заговоре...

— Ну, и как правилось? — усмехнулся Сварог.

— А никак. Как граф и говорил, мне совершенно не пришлось вникать в государственные дела... впрочем, и настоящая королева ими почти не занималась. Стахору тоже править не пришлось, ни в малейшей степени, все решал граф, приносил на подпись бумаги, советовал, подсказывал... — она улыбнулась со злым торжеством. — Пожалуй, мне повезло больше. У меня не отбирали *власти*, потому что Эгле и так ею не обладала... хотя, как я потом слышала, кое-какое влияние на мужа оказывала, не особенно большое, он был сильный человек... А вот нынешний Стахор как раз и стал самой настоящей марионеткой, совершеннейшей... Ему это не особенно и нравилось, он, конечно, не рвался к настоящей власти, хватало ума, чтобы понимать свое положение, но просил у графа оставить ему хотя бы *мелочь*... Граф отказал, дело было при мне, похлопал его по плечу и сказал небрежно:

— Дружище, ну к чему вам себя утруждать? Тем более мелочами? Пользуйтесь всю благами и выгодами своего положения, а о делах позаботимся мы, скромные...

Кстати, граф никоим образом не *поднялся* — он остался при министерстве двора в том же чине, но фактически был первым министром, при дворе, что особенно и не скрывалось, придворные относились к нему с должным почтением. Ну, в конце концов, такое и раньше не раз случалось — когда королевский фаворит, оставаясь в невысоком чине, иногда фактически был первым министром, а то и управлял страной *вместо* слабого короля. Никто и не удивлялся... А я... Собственно говоря, граф меня нисколько не обманул, я получила все, что он обещал: роскошь, почтение двора, пышные церемонии, праздники и балы... — вот только голос у нее что-то был грустным.

— А вот теперь самое главное, — сказал Сварог. — Что тебе за эти два года удалось узнать о ваших кукловодах?

— Я тебя честно предупредила: не очень много... Чересчур опасно было бы глубоко влезать в их дела, налаживать собственную шпионскую сеть, — она горько усмехнулась: — Я ведь умница, мне столько раз говорили... И я очень быстро поняла: все затеяно отнюдь не для того, чтобы граф таким образом получил возможность управлять страной, нет уж, все должно быть сложнее... Но и сложа руки не сидела. Среди камеристок и служанок — новых, я имею в виду — конечно, многие за мной шпионили, но вряд ли граф так уж старательно отбирал и определял в шпионки *каждую*. Их было с полсотни, вряд ли ему это оказалось нужно — сделать шпионками всех подряд. Я осторожненько присматривалась, изучала, прощупывала... и примерно через полгода убедилась, что могу полагаться на Тету. Ни во что не посвящена, сметливая, она у меня и стала в единственном лице тайной полицией. *Правды* я ей конечно, не рассказала, слишком опасно, да она и не поверила бы, решив, что королева рехнулась... Я ей преподнесла другой, вполне убедительный мотив: мол, она сама видит, что с королем что-то неладно, коли уж он так себя ведет и все это творит. А потому и королеве на всякий случай нужно иметь собственные глаза и уши, выведывать о том и об том. Она нисколько не удивилась: хоть и из Же-

лезной гильдии, но девочка умная, согласилась со мной, что дела творятся не вполне обычные, раз король так изменился и такое творит. Осмелилась даже остороженько предположить, что его величество малость подвинулось умом. Я сказала, что и мне так кажется. Что мне удалось вызнать... Ну, одно само по себе бросалось в глаза — свежеевозведенная стена. Оказалось, еще при *прежнем* Стахоре часть дворца отгородили глухой стеной. Официально было объявлено, что это *особо* личные покои королевском четы, куда имеют доступ лишь *особо* доверенные люди. Приняли это без удивления — короли чудили и замысловатее... В общем, там как бы государство в государстве: своя стража, своя прислуга, никто из них с остальными обитателями дворца практически не общается... Именно там большую часть времени и проводит Брашерио — и несколько его доверенных лиц. Есть среди придворных с полдюжины таких. Герцог Орк тоже частенько там бывает. Это, если ты не знаешь...

— Знаю, — нетерпеливо сказал Сварог. — Отлично знаю. Дальше. Происходило там что-нибудь такое... необычное, незаметное снаружи? Необычные дымы, огни?

— Нет, ничего подобного. Мы со Стахором там бывали примерно раз в месяц — я так полагаю, для полного правдоподобия. Коли уж это наши личные покои, должны же мы их посещать... Но я не видела ничего, совершенно ничего. Там, внутри, стоят три довольно больших здания, самые обычные на вид — вот и все, что я видела. Нас проводили в павильон неподалеку от ворот, кормили обедом или ужином и выпроваживали. Все время, пока мы там были, место казалось вымершим — ни единого человека не показывалось. А там должно обитать самое малое несколько десятков человек, если не сотня с лишним...

— И почему ты так решила? — спросил Сварог небрежно.

Литта усмехнулась с некоторым торжеством:

— Потому что самые загадочные и тайные, укрытые от всех люди, знаешь ли, должны есть и пить. Кроме тех трех зданий и павильона, там есть несомненная поварня, самого классического облика — при нас печи не дымили, но потом я частенько видела, как в том месте над стеной появляется дым, обычный кухонный дым. Тета где сама подсмотрела, где послушала, что болтают слуги. Ей даже не пришлось самой что-то выведывать, задавать наводящие вопросы; дворцовая прислуга, большей частью не замененная — они-то близко с королевской четой не общались — давненько, еще при настоящем Стахоре, судачила об этом загадочном месте, правда, с большой оглядкой: такие пересуды и раньше не приветствовались, а уж тем более при *нас*... В общем, туда часто и регулярно въезжают повозки с провизией и винами. Один из младших поваров при Тете разговорился: глубокомысленно вещал, что он, как мастер своего дела, клянется и божится: там, за стеной, может обитать примерно сотня человек... в любом случае, несколько десятков. Вот это, пожалуй, главное мое наблюдение... Ну, боялась я искать себе *много* шпионов, ну вот боялась! С графом шутки плохи. То, что проделано один раз, можно проделать и во второй. На моем месте вполне могла оказаться *новая*... Я сама подслушала, как граф однажды обрезал Стахора, когда тот в очередной раз попытался просить позволения чем-то там поуправлять. Ну, не грубо обрезал, просто сказал со своей неподражаемой улыбочкой:

— Дружище, а вы никогда не думали, как просто и *вас* заменить?

Ну что бы тебе еще... Где-то в горах, лигах в двухстах от Акобара есть какое-то их *важное* место. Брашерио там часто бывает, а в последнее время буквально оттуда не вылезает. На восход от столицы. Я смотрела карту — судя по расстоянию и направлению, это горная цепь Каррер, дальше-то тянется равнина, вплоть до пограничных гор... Я даже знаю, как это место называется: «Горное гнездо». Но представления не имею, что там. Что-то очень, очень важное... Что еще? Брашерио, как через несколько месяцев выяснилось, лар. Получилось так, что...

— Вот это пропускаем, — сказал Сварог. — Кто он такой, я прекрасно знаю. Дальше.

— И один из его доверенных лиц — несомненный лар. Про остальных не знаю, но не удивлюсь...

«Я тоже не удивлюсь», — подумал Сварог. Теплая компания собирается. Собственно, согласно законам Империи за одни «хваталки» можно устроить туда веселый налет спецназа, перехватать всех к чертовой матери, даже особого указа императрицы не нужно, имеющихся законов достаточно... но есть сильное подозрение, что налет, как ни унижительно признавать, провалится: машины рухнут, оружие откажет...

— И это все?

— Пожалуй что, все, — сказала Литта, пожав плечами и глядя явно настороженно, как будто опасалась, что ее за столь скудные сведения возьмут за шкуру и выкинут из самолета. — Я сразу предупреждала, что не так уж много знаю...

— Не напрягайся, — усмехнулся Сварог. — Слово я всегда держу. И скажу тебе по секрету: ты не так уж и мало полезного рассказала...

Он не стал уточнять — к чему ей такое знать сейчас? — что есть способы *вытащить* из ее прелестной головки абсолютно все ее воспоминания за эти два года. Все, что она видела и слышала — а там вполне может оказаться нечто важное, чему она не придала значения, потому что попросту не поняла, что именно видит и слышит. И уж безусловно интересны *рожи* всей этой честной компании, тут, несомненно, появится след... Правда, результатов придется ждать долго...

— Успокойся, — сказал он уже помягче. — Весьма полезные вещи рассказала, и дальше будешь мне нужна...

— В каком качестве? — спросила она не то чтобы успокоившись — откровенно игриво.

— Там разберемся, — сказал Сварог. Глянул на часы — время еще было. — А вот теперь, коли ты не знаешь больше никаких тайн, поговорим о другом... Я хочу, чтобы ты подробно изложила мотивы, по которым решила сбежать с трона. Тебе там было, сама говоришь, довольно уютно...

— Ты подозреваешь, что меня подослали?

— Умница, — сказал Сварог. — А тебя подослали?

— Нет! — сердито сверкнула она глазами. — Говорю тебе, нет!

— Не врешь... — задумчиво произнес Сварог. — И все равно, не могу я оставить не проясненной *эту* сторону дела. Прости, но я не верю, что у тебя вдруг проснулась совесть, и ты решила больше во всем этом не участвовать. С твоим-то здоровым житейским цинизмом. Я нисколько не осуждаю, просто должен знать...

— Можно еще бокал?

— Можно, — без колебаний сказал Сварог.

Она уже чуть пьяна — но поскольку речь пойдет уже не о тайнах, можно выслушать ее и поддавшую...

— Тоже кратенько?

— Как хочешь, — сказал Сварог. — Время у нас еще есть.

— Собственно, все из-за Стахора... — сказала Эгле, и на ее лице отразилась нешуточная злость. — Отношения у нас с самого начала не то чтобы не заладились... просто мы оба, такое впечатление, были друг другу антипатичны. Его мотивов не знаю, а мои... Дешевенький человечек, тряпка, грош цена. Он никогда ничего о себе не говорил, но голову могу прозакладывать, что он тоже актер... точнее, актеришка из какого-нибудь балагана, ступенек на несколько пониже моего театра. Своих я всегда узнаю, а таких вот балаганных ничтожеств повидала достаточно. Видел бы ты, как он до сих пор *упивается* церемониями, велит разрабатывать новые, еще пышнее — вот в этом граф ему никогда не препятствовал, по-моему, графу было все равно... Честное слово, я так его описываю не от обиды за все, что от него пришлось перетерпеть, а потому, что он и впрямь жалкое балаганное ничтожество. Понятия не имею, почему граф выбрал такую дешевку. Если ему нужны были полные тряпки, почему он и на роль Эгле не взял кого-нибудь поглупее меня?

«А действительно, почему? — подумал Сварог. — Ведь видел же, что девочка весьма неглупа, я бы на его месте взял на роль именно что пустую дурочку, ничтожество вроде Стахора, как она его описывает. Так гораздо практичнее и безопаснее. Положительно, тут зацепочка какая-то...»

— В опочивальню ко мне Стахор заявился в первую же ночь, — продолжала Литта. — Я тебе ручаюсь чем угодно: он пытался забыть, что я — это я и видеть во мне настоящую Эгле, попавшую в лапы этому ничтожеству... Полный свет оставил, велел раздеться медленно, потом заставлял говорить непристойность, вытворять черт знает что, практически насилывал... Так себя с женщинами ведут только люди неполноценные... Хорошо еще, что примерно через месяц я, то есть Эгле, ему надоела, и он переключился на других. Вел себя, как тупое, капризное дите в кондитерской лавке, где можно жрать в три горла. Пожалуй что, в самом деле поставил себе такую цель: перетрахать во дворце все, что движется, если оно женского пола и симпатичное... Меня это вполне устраивало. Года полтора мы почти что и не общались, случалось, по неделе словечком не перекинемся, разве что на людях сохраняли благолепие — но правдочку-то знали все, до последних поварят... И черт с ним. Говорю же, меня вполне устраивало, что он не лезет ко мне... Года полтора продолжалось это блаженство. Иные фрейлины, полагая, видимо, что окажут мне этим услугу и добьются выгоды, старательно на него доносили. Я не обращала внимания. Честно признаться, я все это время жила с графом. Только с ним, правда. Даже Орка отшила, когда он начал приставать. Я думала, изнасилует, после всего, что о нем наслушалась...

— Да нет, — сказал Сварог. — У него, изволите ли видеть, принцип: женщину он должен получать исключительно добровольно, мол, насилуют только ущербные, неполноценные. В общем, я в этом с ним согласен...

— Да, он и мне примерно то же самое сказал с улыбочкой и больше никогда не лез... Ну, короче говоря, года полтора мне жилось весьма неплохо. А потом

стало *плохеть*... — Литта грустно ссутулилась в кресле, голос стал тусклее, печальнее. — Самое скверное — граф начал ко мне помаленьку остывать, чем дальше, тем больше. Уж такие-то вещи опытная женщина чувствует, как бы мужчина не притворялся, лар он там, или кто... Спали все реже, отношение его ко мне стало меняться, больше равнодушия чувствовалось... Ну, это-то не самое скверное. Оно чуть погодя началось. Муженек *наигрался*. И вновь обратил внимание на меня. Только за эти два года настолько *разболтался*, что начались сплошные извращения. Ну, скажем, привел трех гвардейцев и возжелал, чтобы они меня при нем... Что я могла против трех здоровенных мужиков? Как повелел, так и исполнили. Приводил двух потаскушек в дворянских поясах, и они меня, опять-таки на его глазах, учили женской любви... Да там столько было всякого... Рассказывать противно. За месяц превратили в последнюю шлюху. Я пробовала жаловаться графу, но он уже смотрел как бы сквозь меня, обещал «что-нибудь придумать», иногда и в самом деле Стахор от меня на недельку отвязывался, но потом все опять начиналось. Я даже послала Тету к одной колдунье, которую сама знала. Она очень неплохо зарабатывала на отворотных амулетах. Наденешь такой на шею — и у любого мужчины, если ты его сама не хочешь, извини за прямоту, стоять не будет ни за что. Моя знакомая по театру у нее покупала такой, когда к ней, как с ножом к горлу, стал липнуть владелец — и прекрасно сработало... Только Тета вернулась ни с чем. Бабку она застала пьяную в дым, и та сказала: извини, девочка, больше не работаю. И никто не работает. Не понимаю, что происходит, и никто не понимает, но вот уж года полтора, как на территории королевства не действует магия. Никакая. Говорила, люди специально уезжали из столицы, в другие провинции, в захолустье, в горы... Бесполезно. Нигде не действует. Никакая. Говорила, куча ее собратьев по ремеслу, видя такое дело, потихонечку сбежала из Горрота, она и сама собирается на старости лет... Потому что работать невозможно, а накопления почти проедены... Правда, дня через два я все же решилась, снова послала к ней Тету, чтобы спросила: может, у нее найдется что-нибудь *старое*, вдруг да у меня и сработает...

— Набор предметов, чтобы вызвать хохлика?

В ее глазах мелькнул испуг:

— Откуда ты знаешь?

— Ты же сама говорила, что она собиралась уезжать, — сказал Сварог. — Она и уехала. В Глан. А там попалась моей тайной полиции, и много интересного рассказала, в том числе и про тебя.

— А-а... Ну да, хотела вызвать хохлика. Догадываешься, какое у меня было бы первое желание?

— Ну, еще бы, — сказал Сварог. — Куда-нибудь подальше от Горрота...

— Только у меня ничего не получилось. Бабка подробно рассказала Тете, что делать и какие заклинания произносить... но ничего не получилось. А потом пришел Брашерио и с улыбкой мне сообщил, что не стоит зря тратить время и силы: в Горроте давно уже не работает никакая магия. Он даже не отобрал все эти штуки.

— Я бы на его месте тоже не отбирал, — усмехнулся Сварог. — Потому что печальная истина такова: бабка тебе подсунула *неполный* набор рун. И еще — нужны три черных свечи, а не две, и заклинания следует произносить, будучи без всяких украшений...

— Ой, а я не сняла... Она не говорила Тете...

— Да все просто, — сказал Сварог. — Она тебе подсунула свой старый хлам, который из-за неполноты уже не годился в дело...

— Сволочь старая, — сказала Литта и затейливо выругалась.

— На дураках жулье живет, — пожал плечами Сварог.

Он не сомневался, что старая проныра наверняка слиняла из города сразу же после ухода Теты. Была полностью готова к отъезду, а тут подвернулся шанс заработать напоследок легкие денежки...

«Мать твою так, — подумал Сварог. — Как только будет свободная минутка, соберу начальников разведок и тайных полиций и вломлю по первое число. Ни единая контора из множества не зафиксировала массового бегства магов и колдуний из Горрота — а ведь не исключено, кое-кто из них мог бы что-то полезное и рассказать...»

— Потом начались развлечения вообще прежде невиданные, — продолжала Литта тем же тусклым голосом. — Стахор где-то раздобыл такую штучку... небольшую, вроде портсигара. Она делает картинку — в секунду. Вот наводят ее на тебя — и картинка готова, твое изображение в цвете... Он этим долго развлекался, получилась целая груда альбомов, я прихватила один, на случай, если ты не поверишь...

«Да уж что тут не поверить в обычный фотоаппарат?» — мысленно ответил ей Сварог, а вслух ничего не сказал, конечно.

Порывшись в своем узле, Литта сунула ему альбом в черном бархатном переплете, на коем золотом была вытеснена горротская королевская корона и надпись: «Моя очаровательная Эгле». Без всякого интереса полистал. Да, хороший фотоаппарат, снимки не только цветные, но и объемные. Обнаженная Литта во всевозможных позах — причем снимки безусловно нужно отнести не к эротике, а к порнографии. Король-фотолюбитель, ага...

Когда он вернул альбом, Литта сердито швырнула его на пол и продолжала:

— Альбомов таких уже штук двадцать, это я взяла самый тоненький и маленький, чтобы много места не занимал... Потом началось вовсе уж грязное... Я ведь два года смотрю телевизор, знаю, что такое «фильм». Он притащил другую штучку, чуть побольше и посложнее на вид — и стал делать фильмы. В главной роли, если ты не догадался, всегда я. Длинные фильмы, костюмированные, с диалогами, разговорами... Сюжеты — на одну колодку. Невеста ехала венчаться, но ее карету на лесной дороге перехватили трое разбойников... Юная дворянка нечаянно зашла в подозрительный кабак и оказалась в задней комнате с тамошними бандитами... Девушка переделась юнгой и уплыла на корабле, но матросы обнаружили, что это не парень, а девушка... И тому подобное. Всегда с насилием, всегда по нескольку человек, они меня по-настоящему и по-всякому... Я пошла к Брашеро — а он сидит и с интересом смотрит «Невесту на лесной дороге»... Тебе не кажется, что от одного этого сбежишь к черту на рога?

— Пожалуй, — сказал Сварог. — Так, стоп... Интересная обмолвочка: «От одного этого». Значит, было что-то еще?

— И гораздо посерьезнее фильмов, — сказала Литта, вся напрягшись. — Они решили с нами кончать. Со Стахором и со мной. Ничего такого я не подслушивала, никакого обсуждения зловещих планов, но... женской интуицией

чуяла. Очень уж изменилось отношение и ко мне и к муженьку, однажды я перехватила взгляд Брашера, когда он смотрел на Стахора, — так на охоте поверх дула мушкета смотрят, когда прицеливаются. Я бывала на королевских охотах... И не один Брашера. У многих из его шайки взгляды украдкой были... как у охотника на дичь. И еще... Граф знал, что я умная, и прекрасно видел, что меня эти альбомы и фильмы довели уже черт знает до какого состояния, что я могу сорваться. А ведь ему это было бы крайне невыгодно. И тем не менее он позволял, чтобы со мной это проделывали, почти перестал со мной спать, однажды буквально рявкнул, когда я что-то не так сказала: «Ты, кукла в короне!» Я не буду все свои наблюдения и впечатления пересказывать, ладно? И так достаточно... Объяснение такому его поведению, я подумала, можно дать одно: мы ему не нужны *надолго*, и не так уж много времени осталось...

— Логично, — задумчиво сказал Сварог. — Действительно, с *вами* только лишние хлопоты и расходы, если подумать... Королевскую чету зарубит спятивший стражник, которого тут же сгоряча пристукнут сослуживцы, на троне окажется десятилетний король... Кстати, как там с мальчишкой?

— Маленькая скотина, — отрезала Литта. — Звереныш. Такое впечатление, что подобрали где-то в трущобах. Я с ним практически и не общалась, разве что на иных официальных церемониях, да и Стахору на него, сам понимаешь, плевать. Ну, никто особенно не удивляется, в королевских семьях сплошь и рядом отцы-матери с детьми мало общаются... Этот паршивец очень подружился с Орком, хвостиком за ним ходит. Змееныш, так бы и удавила... Тета точно вызнала, что он самых красивых своих служанок сделал «флейтистками», а одну уже и... А ведь десять лет щенку... К совершеннолетию они из него, точно, сообщника сделают, и убивать не придется... Слушай! — воскликнула она с пьяной настойчивостью. — Ну, сделай что-нибудь, чтобы вытащить Тету! Ради твоего же удобства — она ведь не выдержит пыток, расскажет все, как было...

— Вытащу, — сказал Сварог. — Непременно. Эй, ты куда? — спросил он, увидев, что Литта, уже не спрашивая разрешения, направляется к шкафчику за новой порцией. Махнул рукой: — А, ладно...

В конце концов, допрос, собственно, и закончен, на сегодня хватит — так что пусть хоть в хлам теперь нарежется. Правда, не успеет — лету оставалось минут пять.

— Бутылку принеси, когда себе нальешь, — распорядился он.

И задумчиво сидел с бокалом в руке, отхлебнув лишь пару глотков. Включил музыку — снова что-то из коллекции Фаларена, приятная мелодия без слов, напоминающая танго, но не грустное. Угроза оказалась еще серьезнее, чем ему казалось: чертовы «хваталки» в их руках... Где гарантия, что они не захотят повторить трюк, но уже, в буквальном смысле слова, *повыше*? Что-то надо предпринимать уже сегодня...

Мелодично мяукнул сигнал — вимана вертикально шла на посадку, и за окнами справа всего-то уардах в двадцати виднелся залитый огнями Вентордеран.

— Ну, пошли, — сказал Сварог. — Прибыли.

Взял ее узел и помог спуститься по лестенке — ее уже явственно пошатывало. Литта огляделась, чуть поеживаясь от ночной сырости:

— Это, я так понимаю, и есть твой замок? А почему он на земле? Я думала,

мы за облаками уже...

— Сейчас взлетит, — сказал Сварог. — Так надежнее, след сбиваем...

Он не стал говорить ничего про Хелльстад — чего доброго, перепугается, устроит истерику, за шиворот волоочь придется... Посмотрел вверх — чуть левее на небосклоне виднелся словно бы овальный вырез без единой звездочки — ну да, комендант, как обычно, в точности выполнил приказ, и манор ждет...

— Пошли, — распорядился он.

— Подожди, — Литта довольно крепко взяла его за отворот камзола. — Отношение ко мне — какое?

«Умная девочка, — подумал Сварог. — Надралась, а соображения не теряет...»

— Хочешь чистую правду? — спросил он. — Любить тебя мне не за что, осуждать и ненавидеть, впрочем, тоже... Сформулируем так: нормальнее отношение. С ноткой дружеского расположения. С ноткой...

— Вот оно как...

— Ага. Именно так. Устраивает?

— Могло быть хуже... — побормотала она и направилась к замку.

Оказавшись в роскошной прихожей, она нацелилась было разглядывать окружающие диковины, но Сварог, нетерпеливо сцапав ее за локоть, повел на второй этаж. Не особенно раздумывая, затолкнул в одну из маленьких спален, включил свет и мысленно произнес одно из *замковых* заклинаний. Спросил:

— Подходит?

— Да я бы сейчас и в шалаше от радости пела, — сказала Литта. — А выпить мне здесь дадут?

— Сколько хочешь, — фыркнул Сварог. — Значит, так... Жить будешь здесь. Я обязательно прилечу днем. Выйти даже и не пробуй, на входе заклинание, на окне тоже.

— Как велишь... — с пьяной улыбочкой приняла Литта некое подобие стойки «смирно». — Какое окно, куда мне бежать...

— Ну вот и прекрасно, — сказал он. — До встречи.

Повернулся и вышел. Обнаружив в коридоре Мяуса, присел на корточки и тихо сказал:

— Дама будет жить здесь. Она пленница. Понятно?

— Конечно, государь. Будут какие-то особые распоряжения?

— Никаких, — сказал Сварог.

Вытянул перед собой руки, пошептал — и руки тут же потянуло вниз под тяжестью подноса с блюдами, тарелочками и четырьмя бутылками вина — пусть хоть в хлам нажрется, сейчас это несущественно. На миг снял «запор», поставил поднос на столик перед устроившейся уже в кресле Литтой, молча вышел, поставив «запор» обратно и почти бегом направился прочь из замка. На ходу бросил золотому истукану-привратнику:

— Лестницу поднять. Защиту включить. Дислокации не менять.

И уже бегом кинулся к вимане. Упал на сиденье, взял резкий старт — и уже через пару минут приземлялся перед парадным входом в девятый стол, на обширном лугу, где стояли аккуратным рядком браганты. Сбежал по лесенке, сразу усмотрев некую неправильность... ага! Томи в Латеране, значит, прилететь должны были семь человек — а брагантов всего шесть, что за несуррази-

ца?

Влетев в вестибюль, он, однако, обнаружил там всех семерых, тут же вскочивших при его появлении. Семь человек, шесть брагантов... ладно, не до того сейчас. Так, одеты по-походному, сумки тут же...

Все же он спросил:

— Снаряжение взяли все? Согласно инструкциям коменданта?

— Конечно, командир, — словно бы даже чуточку обиженно ответила белокурая красавица Канилла.

— Тогда за мной, — нетерпеливо распорядился он. — Все в виману, быстренько!

Когда они взлетели, и вимана вышла на максимальную скорость, Сварог наконец позволил себе расслабиться. Сидя в своем кресле, неторопливо выкурил сигарету, потом встал и, заложив руки за спину, повернулся лицом к остальным. Бравая юная команда взирала на него с азартом и немым вопросом.

— Слушаем внимательно, — начал он. — У нас впереди сорок минут полета, так что сумеем все обсудить вдумчиво и подробно. Но вот что я вам скажу сразу: мы обязаны сработать молниеносно. Прямо-таки молниеносно. Это первое, это главное, это самое важное: молниеносно. Теперь — об акции...

...Канцлер, стоя с заложенными за спину руками, с непонятым выражением лица рассматривал крохотный дворец, отведенный для горротской королевской четы. Два высоких окна опочивальни Эгле были не то чтобы выбиты — просто большая часть стекол исчезла начисто, а сохранившиеся в рамках остатки неострыми осколками торчали, а шли по всему периметру — этаким волнистой линией. Из обоих окон еще тянулись становившиеся все тоньше струйки белесоватого дыма.

— Черт знает на что способны демоны... — сказал Сварог тихо.

Он стоял тут же, в парадном мундире девятого стола — черном с сиреневым, вышитым на груди золотыми генеральскими лотосами, а по обшлагам и фалдам — затейливыми золотыми узорами.

— Наглости у вас... — фыркнул Канцлер.

— Демоны... — с притворой наивностью развел руками Сварог. — Злокозненные, твари...

— Вы же не рассчитываете, что я всерьез в это поверю? — спросил Канцлер мрачно.

— Нет, конечно, — сказал Сварог. — Просто в роль вхожу, мне же сейчас со Стахором беседовать...

— Вам не кажется, что вы чересчур заигрались?

— Простите, Канцлер?

— Вам не кажется, что украсть королеву Эгле — уже перебор?

— Я никого не крал...

— Вообще-то я могу поверить, что она ушла с вами без сопротивления, — сказал Канцлер. — Записи камер наблюдения показали такую сцену: к вашей вимане прошли двое, один высокий, другой пониже, причем не походило, чтобы первый увлекал второго силой... Ладно, вы ее не крали. Вы ее увезли. А примерно через полтора часа ваша вимана вернулась, оттуда вышли восемь человек в «невидимках». Войдя в здание, направились в «горротский» домик, где

пробыли не более десяти секунд, после чего в королевской опочивальне началось черт знает что... — он угрюмо засопел. — Вообще-то, надо отдать вам должное — вы великолепно подготовили ваших сопляков и соплячек, штурмбросок, занявший не более десяти секунд — это отличный результат... Но я повторяю свой вопрос, пусть в иной формулировке: вам не кажется, что вы заигрались? Какого черта вы увезли королеву?

— Потому что у меня не было другого выхода, — сказал Сварог спокойно. — Потому что она сама ко мне пришла и попросила увезти ее к нам, обещая в обмен рассказать все, что ей известно. Оказалось, ей известны кое-какие любопытные вещи... Как бы вы поступили на моем месте, когда *такой* свидетель сдается сам? И дает интереснейшие показания.

Канцлер долго молчал, все так же созерцая увечный особняк. Как всегда, понять по его лицу, о чем он думает, было решительно невозможно. Наконец он протянул:

— Значит, она занималась черной магией, что-то напортачила, и ее уволокли демоны... «Стахор», я думаю, поверит... а поверят ли те, в Горроте? Коли уж там лары, кто-то из них может знать о некоторых свойствах здешнего защитного колпака...

— Даже если не поверят, наплевать, — сказал Сварог. — Всем на это нужно плевать... — он достал маленькую прозрачную коробочку с небольшим золотистым диском. — Мы летели сорок минут, все это время она рассказывала, и я записал весь разговор... Я вас прошу... я вас прямо-таки умоляю, Канцлер: оставьте мне весь цирк с расследованием, а сами в одном из кабинетов прослушайте запись. И сами поймете, что грозит Империи...

Канцлер поднял бровь:

— *Империи?*

— Да вот представьте себе, — сказал Сварог отчаянно и зло. — Я, вы, императрица — все под ударом. Честное слово, я не преувеличиваю. Это даже не Белая Тревога, не чрезвычайное положение, это гораздо хуже, не знаю даже, как и назвать...

Повертев в толстых пальцах коробочку, Канцлер сказал:

— Я еще никогда не видел у вас такого лица...

— Потому что мне сейчас *по-настоящему* страшно, — честно признался Сварог. — Наверное, как никогда в жизни... Канцлер, я вас умоляю, немедленно прослушайте запись!

— Где королева?

— У меня в Хелльстаде.

— Почему не в восьмом департаменте или девятом столе?

— Потому что я сейчас никому не верю, — сказал Сварог, чувствуя, как лицо стягивает застывшей маской. — То есть я верю своей молодежи, вам, императрице... а вот больше не верю никому. Когда вы прослушаете запись, вы, вполне вероятно, будете рассуждать точно так же... Канцлер, я вас умоляю, не тяните!

— Ну, хорошо, — сказал Канцлер без выражения. — В конце концов, сорок минут ничего не решают, а таким я вижу вас впервые...

Он не особенно и быстрым шагом направился ко дворцу. Оставшись в одиночестве, Сварог выхватил из бокового кармана плоскую коробочку и надавил на клавишу, не отпуская. Очень быстро Яна откликнулась, судя по голосу, уже

проснувшаяся.

— Вита, ты мне веришь? — спросил Сварог.

— Ну что за вопрос, конечно... пока не касается женщин. Тут я допускаю варианты...

Ее голосок был веселым, беззаботным, даже игривым.

— Вита, положение такое, что не до шуток, — сказал Сварог насколько мог убедительнее. — Если ты мне веришь, если я для тебя что-то и правда значу, не задавай вопросов, а делай все, что я сейчас скажу...

Уже через несколько минут он вошел в Синий коридор. У резных дверей ведущей в горротский особняк галереи стояли двое верзил из спецназа девятого стола. При виде Сварога они подтянулись, держа свои замысловатые, серебристого цвета пушки в полном соответствии с уставом: ствол на сорок пять градусов.

— Было что-нибудь? — спросил Сварог.

Тот, что стоял справа, позволил себе намек на усмешку:

— Их величества, все до одного, включая принцессу Шагана, минут десять здесь толпились, как самые обычные уличные зеваки. Все выглядели до предела удивленными, только ее величество королева Сегура поглядывала в потолок и загадочно ухмылялась...

«Сообразительный бесенок, а как же», — одобрительно подумал Сварог. Спросил:

— Вы им вежливо предложили разойтись?

— Конечно. Согласно полученным инструкциям. Предельно вежливо. Они разошлись, разве что королева Сегура то и дело оглядывалась, хмыкала, ухмылялась, крутила головой... Его величество король Горрота у себя в резиденции... в крайне расстроенном состоянии. Специалисты, согласно полученным приказам, туда еще не входили...

— Ну да, ну да... — сказал Сварог. — Дайте-ка пройти...

Верзилы расступились, и Сварог неторопливо направился по галерее — следовало тянуть время как можно дольше, чтобы Канцлер успел прослушать всю запись. А тогда мы посмотрим на его лицо... И послушаем, какие приказы он станет отдавать... нет, конечно, не удастся, он это непременно сделает в одиночестве...

Он уверенно шагал по коридору, куда свернул из прихожей — всего пару часов назад сам был здесь с ребятами, так что знал дорогу... Ага! Не может на месте усидеть, нервишки звенят...

В роскошной прихожей, за которой располагалась опочивальня королевы, от стены к окну и обратно, прямо-таки челноком расхаживал трусцой поддельный король Стахор. Он даже не пытался в опочивальню попасть: дверь надежно загораживали двое верзил, таких же, что стояли в коридоре. Вид у них был столь грозный и непреклонный, что *королек* даже глянуть в их сторону боялся, не говоря уж о том, чтобы попытаться пройти.

Сварог усмехнулся. Это была не самая плохая мысль — зачислить на службу в качестве спецназа девятого стола свою личную дружину, все равно сидевшую без дела. Ни в каких боях или операциях они, конечно, отроду не участвовали, как и дружины всех прочих ларов — но все равно, тренировали их регулярно и неплохо. Лучше уж держать на таком месте людей, в которых заранее уверен. *Вражий* агент в личную дружину никак затесаться не может,

правда, осведомители Канцлера среди них могут оказаться, но это дело житейское...

— Король Сварог?

— В данную минуту — нет, — сказал Сварог чистую правду. — Лорд Сварог, граф Гэйр, камергер двора, начальник восьмого департамента и девятого стола. Уж вам-то прекрасно известно, что это за учреждения... Прибыл вести расследование.

С полувзгляда становилось ясно, что Литта нисколечко не преувеличивала, выставляя своего «супруга» полным ничтожеством, дешевкой. Таковым он, несомненно, и являлся. Суслик. Крысеныш. Точная копия Стахора, но в лице ни намек на энергию и волю, коими в избытке обладал настоящий. Пришибленный, жалкий, с бегающими глазами, готов встать перед Сварогом навывтяжку. Угодив в такую ситуацию, расклеился без помощи и поддержки, без хозяев. Затащить в сортир, дать пару раз по морде — и можно вербануть в три минуты. Вот только смысла никакого нет: этот любитель порнографии в отличие от Литты не знает ничегошеньки, наверняка никогда и не пытался проникнуть в тайны хозяев. Кстати, есть в этой ситуации и свой юмор: впервые после нескольких тысячелетий на земле заработала киностудия, снимающая порнофильмы. До Шторма их была куча — когда Сварог просматривал видеотеку дома отдыха для моряков, обнаружил, что добрых три четверти тамошних дисков — либо эротика, либо откровенное порно. Ну, конечно, brave морские офицеры на отдыхе свою жажду культуры утоляли отнюдь не классикой...

— Господин камергер... граф... директор...

— Обращайтесь ко мне просто: лорд Сварог, — сказал Сварог и подпустил в голос немного легкой, отеческой укоризны: — Ваше величество, со всем почтением к вашему сану вынужден все же заметить, что вам не следовало позволять супруге заниматься черной магией...

— Да что вы такое говорите? — прямо-таки взвизгнул двойник. — Я не знаю ничего такого...

— Не сомневаюсь, — сказал Сварог. — У вас вид человека, говорящего правду. Значит, супруга занималась этим втайне от вас... Случается.

Теперь-то уж совершенно ясно: все послания, которые получал Сварог в качестве земного короля от «Стахора», писаны наверняка не кем иным, как Брашери: легкий, изящный слог, тонкая ирония... Письма вполне соответствуют образу графа, каким его описывала Литта... Сильный противник, никаких сомнений...

— Пойдемте посмотрим? — предложил Сварог, сделав небрежный жест своим орлам.

Они расступились, Сварог первым вошел в опочивальню, за ним прямо-таки вбежал двойник — и остановился на пороге. Зрелище и впрямь жутковатое. На месте огромного, богато украшенного гардероба с платьями королевы — куча невесомого серого пепла (это Родрик, граф Телле, хваткий парень, как две капли воды похожий на Маугли из советского мультфильма, швырнул туда маленькую такую термическую гранатку). Балдахин огромной постели — и атласное постельное белье — там и сям зияют дырками с опаленными краями (это красавица Канилла лупила из поставленного на малую мощность бластера). Стены покрыты хаотичными, иногда пересекавшимися выжженными

полосами — работа Палема, маркиза Кладеро (лучшие результаты на стрельбище, первенство держит с самого начала). На полу, на мягком ковре, огромный, чуть неровный выжженный круг — это уже постарался сам Сварог. А в круге — опрокинутый столик, возле него рассыпаны разнообразнейшие предметы. Тут не только набор Литгты для вызова хохлика, но и «черное веретено», и «чертова рогулька», и метелка из омелы, и «ведьмин горшок» — никаких подделок, имитаций, доподлинные атрибуты черного мага либо злой колдуньи, к приезду Сварога в девятый стол доставленные Элконом из секретной кладовой восьмого департамента, хранилища «вещественных доказательств». Комар носа не подточит...

— Так-так-так... — произнес Сварог тоном опытного эксперта, зайдя в круг, наклонившись и разглядывая все это непотребство. — Вы когда-нибудь видели такие вещи, ваше величество? Не у супруги, вообще? Подойдите смелее, никакой опасности уже нет. Ну?

Подменыш приблизился бочком-бочком-бочком, так и не осмелившись вступить в круг, посмотрел издали и прямо-таки возопил:

— В жизни не видел ничего подобного!

— Ваше счастье, — сказал Сварог меланхолично. — Что ни возьми — атрибуты черной магии, которые здравомыслящему человеку лучше обходить десятой дорогой. Если вам интересно, вон то...

— Избавьте! И слушать не хочу!

— Наверное, вы правы, — столь же меланхолично сказал Сварог. — И слушать не стоит...

— Но где же она?

Сварог с глубокомысленным видом указал на окна опочивальни (работа маркиза Шамона):

— Видите? Так уж сложилось, что мне давно приходится заниматься охотой за черными магами, и кое-какой опыт у меня есть. Мне совершенно ясно, что ваша супруга пыталась вызвать демона — подбор предметов как раз об этом и свидетельствует. И что-то у нее не сложилось, она не справилась. А демоны — создания весьма злобные. Есть у них скверная привычка: увлакивать бедолагу, не сумевшего взять над ними власть...

— Куда? — вырвалось у подменыша.

Сварог пожал плечами:

— Честно признаться, никто, даже лучшие специалисты, не знаю... Есть разные версии... и все до одной весьма неприятные, так что лучше и говорить не стоит... Ваша супруга оказалась очень неосторожна и самоуверенна... Ваше величество, как это ни прискорбно, но после *такого* я просто вынужден взять у вас... объяснения. Имперские законы касаются черной магии, знаете ли.

— Я понимаю... Конечно... Конечно...

— Вот и пойдете побеседуем, — сказал Сварог.

Минут десять он *мурыжил* подменыша, твердившего, что он ни о чем подобном и представления не имел — это было чистой правдой, но Сварогу следовало как-то убить время, пока Канцлер прослушает запись до конца. Потом принялся за служанок, поодиночке вызывая их в королевский кабинет, который хозяин уступил ему с величайшей готовностью, — самым активным образом сотрудничал со следствием, суслик...

Две из них, твердившие с ужасом, что ни о чем знать не знают, ведать не

ведают, были совершенно искренни. Не то, что Тета — симпатичная девочка, смышленная, неглупая. С самым невинным видом глядя Сварогу в глаза, она честнейшим голоском твердила, что королева в жизни не занималась черной магией и не имела дел с какими бы то ни было магами, ведьмаками, знахарями и колдуньями — и, разумеется, безбожно лгала. Но с таким искренним и убедительным видом... Хорошая девочка. Преданная по-настоящему. Коли уж обещал, надо спасать...

Отыскав подмешьша, Сварог суровым тоном сообщил ему, что властью, данной ему законами Империи, арестовывает и забирает с собой немедленно всех трех служанок. «Его величество» пребывал в таком расстройстве чувств, что не то что не протестовал — вообще ни словечка не выдал, только покорно кивал, и лишь в самом конце разговора осмелился открыть рот и поинтересоваться смиренно, можно ли ему теперь отбыть в родное королевство. Сварог не без скрытого злорадства сообщил, что его величеству, увы, еще придется на какое-то время здесь задержаться. И велел своим ребятам увести всех трех служанок. На двух остальных ему, было, в принципе, наплевать — но как-то не хотелось, чтобы их пытал в Горроте Брашперо. Да и у них, быть может, удастся выведать хоть крохи полезной информации...

Когда он следом за убитыми горем арестантками и их конвоем вышел в Синий коридор, сразу увидел нетерпеливо переминавшегося у охраняемой двери субъекта в сине-сером мундире Кабинета Канцлера, судя по знакам различия, чина не такого уж мелкого. Тот сразу же бросился к Сварогу и тихонько сообщил:

— Лорд Сварог, Канцлер просил вас немедленно прийти...

— Пойдемте, — охотно согласился Сварог. Глянул на часы — ну да, Канцлер одолел запись...

Канцлер сидел в небольшом кабинетике, судя по пультам и креслам, рассчитанном на троих человек — ну да, одна из комнаток его людей здесь, что тут гадать? На лице Канцлера Сварог не увидел ни страха, ни тревоги — оно попросту выглядело застывшей маской: что ж, Канцлер всегда неплохо умел скрывать свои чувства. Хотя, быть может, пару минут назад, наедине с собой, он и дал волю эмоциям, и лицо у него, не исключено, было, как недавно у Сварога...

Небрежно махнув Сварогу на свободное кресло, Канцлер сказал бесстрастно:

— Вы были правы. Это очень серьезно.

— При том, что она все время говорила только правду, — сказал Сварог.

— Конечно, таких результатов можно было добиться только с применением «хваталок»... Но давайте сначала о другом, — он уперся в Сварога тяжелым хмурым взглядом. — Я никак не могу связаться с императрицей, даже по каналу, предназначенному для каких-то чрезвычайных обстоятельств, который круглосуточно открыт... Я уже успел установить, что *так* связь прерывается в одном-единственном случае... — и он многозначительно замолчал.

— Совершенно верно, — сказал Сварог. — Она в Хелльстаде. Уж там-то она в полнейшей безопасности.

Он ожидал протеста или недовольства, но Канцлер, чуть кивнув, сказал во все не сердито:

— Возможно, вы поступили совершенно правильно...

— В Келл Инире ведь нет защиты от «хвATALOK»?

— Нет, — сказал Канцлер. — Никто не ожидал, что они могут оказаться все же изготовленными — при том строжайшем контроле, что установлен за Магистерииумом... Многие там, конечно, вольнодумцы, если не хуже — там, думаю, и сегодня сыщется пара-тройка человек, которых следовало бы арестовать... Но это совсем другое. Как бы там ни обстояло с состоянием умов, контроль за всеми абсолютно технологическими процессами налажен строжайший. Там просто невозможно в тайне собрать какое бы то ни было мало-мальски сложное устройство, тем более из запретного списка, — он не усмехнулся — просто пошевелил губами так, что это походило на улыбку. — Судя по вашему лицу, лорд Сварог, вы сейчас последними словами костерите старых ретроградов, прохлопавших, проглядевших, не предусмотревших... Что-то вроде, а?

— Ну... — пожал плечами Сварог.

По правде говоря, именно этим он мысленно и занимался.

— А вот это зря, — сказал Канцлер с металлом в голосе. — Потому что вы оказались ничуть не предусмотрительнее. Вы до беседы с этой вашей Литтой принимали хоть какие-то меры предосторожности против «хвATALOK»?

— Никаких, — признался Сварог чуть-чуть смущенно. — Кто же мог знать.

— Вот видите... — сказал Канцлер без всякого укора. — Нет никаких старых ретроградов, прохлопавших ушами. Никто не мог предвидеть, вы сами в том числе... Ну что же. Императрице и в самом деле лучше всего провести недельку в Хелльстаде. Мы, сами понимаете, пока что не в состоянии ничего предпринять. Выбрасывать туда десант бессмысленно — транспортные средства, аппаратура и оружие тут же откажут. Вы, конечно, можете бросить в Горрот ваши земные армии... но где гарантия, что их не встретят убийственные сюрпризы вроде тех, с которыми вы уже сталкивались?

— Вот именно, — зло сказал Сварог. — Я бы мог хоть сейчас вторгнуться в Горрот силами, втрое-вчетверо превосходящими его обычную армию... Но вы правы, Канцлер. Могут быть сюрпризы, и еще более масштабные. И снова не будет никаких доказательств. Руки чешутся испробовать «Белый шквал»... правда, его у меня нет.

— Испробовано, — бесстрастно сказал Канцлер. — Две недели назад. Ночью, благо «Шквал» действует без всяких звуковых и световых эффектов. Орбитал ударил, естественно, по совершенно безлюдному месту — по горам, примыкающим к гланской границе. Возле нее, на территории Глана, как раз и расположились наблюдатели... — он все же усмехнулся, но очень скупно. — Простите уж, ваше величество, что мои агенты без спросу болтались по вашему королевству...

— Пустяки, — сажал Сварог.

— Так вот. Удар «Белого шквала» был произведен на одну пятую мощности — но и этого бы хватило, чтобы превратить в пыль тамошнюю горную гряду на площади лиг в сто в длину и ширину. Но наблюдатели не увидели ничего. Не сработало. Как это ни унижительно признать, но оружия против них у нас пока нет. Придется какое-то время держаться в глухой защите. Примерно через неделю будет произведено достаточное количество аппаратуры, нейтрализующей действие «хвATALOK», — чтобы защитить Келл Инир и важнейшие

учреждения, их виманы, раздать определенному количеству человек, в первую очередь, понятно, императрице, портативные защитные средства, размером не более портсигара. Производство будет продолжаться, чтобы защитить все и всех... Что вы хмуритесь?

— Это, конечно, неплохо, — сказал Сварог. — А что, если у них есть сообщник в Магистериуме, и они, все узнав, кое о чем догадаются? Пока что у нас есть некоторый шанс, что они поверят версии с демоном...

Канцлер поднял бровь. Положительно, его голос был веселым:

— А при чем тут Магистериум? Зачем ему вообще знать?

— Ах, вот оно что... — произнес Сварог после недолгого молчания. — То-то в документах вашего Кабинета... да и некоторых других контор иногда упоминается некий Технион. Просто упоминается, такое впечатление, будто все и так прекрасно знают, что это такое... Причем даже в тех бумагах, что не помечены и низшей степенью секретности... Ваш противовес Магистериуму? Интересно, не уступающий по масштабам, или?

— Ну конечно, уступающий, — сказал Канцлер. — Однако, если перевести на земные мерки, это все же не мастерская ремесленника, а полноценная фабрика. В Магистериуме пятьдесят шесть человек, а у меня только девятнадцать... но зато мои люди, не уступая талантами и способностями, все, как один, обладают *правильными* взглядами на жизнь. Никакого свойственного Магистериуму легкого брожения в умах, иногда приводящему черт знает к чему... Короче говоря, они справятся быстро. Через неделю Яну можно будет возвращать из Хелльстада.

— Нет, — сказал Сварог.

— Простите? — поднял бровь Канцлер.

— Она там останется, пока я не разделаюсь с горротской шайкой, — твердо сказал Сварог. — Подождите, не перебивайте... Уже два года, как эта банда *поменяла* монархов на горротском троне. Граф Брашерио, как его описывают все свидетели, — волчина серьезный. *Плацдарм* они себе создали. А что, если их замыслы простираются дальше и шире? Я верю, что защита надежна. Но что, если они уже поработали «хваталками»? Никто ничего не подозревал... Не столь уж глупая версия, Канцлер, мне кажется. И если у них уже готовы двойники? Яны, ваш, мой? Хотя нет, со мной наверняка будет обстоять по-другому. Случись что, меня не станут подменять двойником, а просто убьют. Здесь очень мало людей, способных обнаружить подмену, я мало общаюсь со *здешними* — но вот внизу таких людей множество. И хотя это всего лишь земля, но непременно пойдут слухи, будут предприняты какие-то действия, информация достигнет *здешних* контор... Я тут прикинул, быть может, и не вполне прав, но... Мне представляется, что для успеха предприятия достаточно убрать всего-то человек двадцать: вас, меня, всех моих ребят — они друзья Яны с детства, уж они-то сразу заметят... Обоих принцев, нескольких министров... Со всеми остальными она всегда держалась на некотором расстоянии, изменения в ее поведении припишут взбалмошности, которая ей, увы, свойственна, хотя и понемногу пропадает...

— Ну, что же, — сказал Канцлер. — Вовсе не глупая версия. С одним дополнением: меня *тоже* не будут заменять двойником. Из опасения, что знают не всех, способных определить подмену... Однако... Вы так браво произнесли: «Разделаюсь с горротской шайкой», А ведь это не так просто... — он впился в

Сварога пытливым взглядом. — Или у вас в Хелльстаде все же есть средства, способные в этом предприятии помочь? Но вы — вполне логично, согласен — не хотите о них говорить, предпочитая придерживать козырные розы в рукаве? Вполне понятное поведение, я бы на вашем месте так и держался...

«Умен, сволочь, — подумал Сварог, — проникателен и хитер. Ну, другой бы не продержался столько лет на этом посту, особенно при бабушке Яны...»

— Честное слово, Канцлер, — сказал Сварог. — *Сейчас* у меня в Хелльстаде нет ничего такого, возможно, в будущем появится, но я не особенно на это рассчитываю...

— Ну, в таком случае дело может затянуться.

— Жилы надорву, — сказал Сварог. — Из кожи вон вывернусь. Как говорил герой одной пьесы — я удачлив, ваше сиятельство. А я и в самом деле удачлив, жизнь показала. Давно и часто некоторые утверждают, что везение — чисто физическая категория.

— Допускаю, — сказал Канцлер. — И все равно... Если затянется надолго? Настолько, что ей *самой* надоест в Хелльстаде? У меня нет ни малейшей возможности извлечь ее оттуда силой, мы оба это прекрасно понимаем... но если она захочет уйти сама? Вы ведь, надеюсь, понимаете, что не сможете ее удержать? На нее снова *накатит*, и она одним взглядом запеленает вас в ковер...

— Знаю, — сказал Сварог понуро. — Можете вы мне наконец рассказать правду, Канцлер? Почему она *такая*? Вы прекрасно знаете, что магия ларов в Хелльстаде не действует... Впрочем, открою вам одну из своих государственных тайн — все же действует. Но остается лишь частичка, позволяющая лару совершать действия, направленные исключительно *внутри*, в обеспечение собственных потребностей: залечить рану, создать сигарету, пирожное, вино... Не более того. А вы очень уж уверенно говорите, словно заранее знаете, что Яна и в Хелльстаде способна на внешнее воздействие... А она и правда способна. Дважды на моих глазах применяла внешнее воздействие, и серьезное. Почему она *такая*?

Канцлер молчал недолго.

— Ну что же, в конце концов это тоже государственная тайна, — сказал он бесстрастно. — Но она давно перестала быть тайной, все и так знают, в чем дело... Яна — единственная в Империи, кто обладает *другой* магией. Древней, «доштормовой». Давным-давно, когда в ходу были еще *разные* языки, это стало называться Дор Террах — Древний Ветер. Это нечто совсем другое, совсем... Ладно. Получайте *настоящую* государственную тайну, очень уж вы глубоко погрузились в самые секретные дела. Но если проговоритесь хоть единому человеку — убую, — добавил он спокойно, без всякой аффектации. — Верите?

— Верю, — сказал Сварог серьезно. — Уж вы-то способны...

— Часть официальной истории Империи — ложь, — сказал Канцлер. — В той ее части, что касается апейрона. Он был *не всегда*. Поток шел из глубины Галактики и достиг Солнечной системы так, что это совпало со Штормом. Не спрашивайте меня, есть ли какая-то связь между этим событием и Штормом. Никто не знает. До сих пор не удастся выяснить. Собственно, проект «Алмазная стрела» — ну, что скрывать, если вы о нем давно знаете — то есть разработка машины времени, затеян для одной цели: прорваться все же в прошлое и точно установить, есть ли какая-то связь между приходом апейрона и Штормом... Это была преамбула. Теперь главное. *Вся* нынешняя магия, наша ли,

земная ли, основана на апейроне, который для нее так же необходим, как кислород для дыхания. Одни только далекие предки Яны владели Древним Ветром. Потому и основали императорскую династию. Потому у нас случались убийства монархов, но никогда не было переворотов с попытками сменить династию. Лары просто не будут подчиняться императору, такому же, как они сами. Другое дело — обладательница Древнего Ветра... Ну, или обладатель. Правда, у мужчин это отчего-то выражено гораздо слабее, им доступна примерно половина того, на что способны женщины. Отца Яны даже Древний Ветер не уберег от *хитрого* яда... а вот женщина почувствовала бы... И никакая здешняя магия на Яну не действует.

— Так... — сказал Сварог. — А ее предки, случайно, были не из Керуани?

— Вполне возможно, — сказал Канцлер. — Но в точности неизвестно. О Керуани и до Шторма было известно очень мало, они, в отличие от некоторых нынешних магов и колдунов, являли собой по-настоящему *тайное* сообщество. Мы знаем одно: когда начался Шторм, они исчезли. Несомненно, предвизывая катаклизм заранее. То письмо, что вы привезли — ну, то, где девица пишет моряку — эту гипотезу подтверждает. По некоторым деталям, девушка — несомненная Керуани. Но, повторяю, они же исчезли и никогда более не появлялись. Впрочем, Яна может быть и не из Керуани — до Шторма существовали и другие разновидности магии, со Штормом и исчезнувшие. Как бы то ни было, семейство Яны — единственные, кто владеет Древним Ветром, — он скупно усмехнулся. — Другое дело, что даже у Яны не возникает нужды пускать свое умение в ход. Багряную Звезду, кстати, она не сумела остановить, хотя и пыталась — видимо, против нее Древний Ветер тоже был бессилён, из очень уж древних он времен... Принцу Диамеру-Сонирилу доступный ему Древний Ветер совершенно не нужен, он вполне доволен жизнью и своим положением, даже от престола отказался, ему достаточно своей конторы. И уж тем более Ветер не нужен принцу Элвару — кроме тех случаев, когда дело касается его каталаунских странствий... К чему я все это говорю? Вы должны прекрасно понимать, что силой ее ни за что не удержите. Весь Хелльстад она вам, быть может, и не разнесет, но способна на многое...

— Я знаю, — сказал Сварог.

У него вновь встала перед глазами равнина, усеянная не менее чем полусотней дико метавшихся, дико завывавших огненных клубков. Стая рукеров растерзала очередную самку гарма с детенышем. Яна — уже получившая от Сварога своего щенка — случайно оказалась поблизости. И *разъярилась*...

— Что же, придется из кожи вон лезть... — сказал он мрачно. — Узнать бы еще, кто такой Брашери, быть может, что-то прояснится...

— Пока что не вижу возможности это выяснить, — сказал Канцлер. — Я бы с превеликим удовольствием арестовал Орка и как следует допросил, он, безусловно, если не замешан, то кое-что все же знает, но нет законных оснований, мне тут же напомнят о Хартии Вольностей, а ее я обязан соблюдать даже в этих условиях. Ему невозможно предъявить никаких улик. Уж вы-то знаете, в свое время, как ни старались, не нашли... Хотя мы прекрасно знаем, что они должны быть... Его пребывание в Горроте само по себе не улика, все знают, что он лет шесть болтается по земле, проводя там больше времени, чем здесь, что в Горроте он *отирался* еще задолго до подмены... Вот кстати, касаясь Брашери. Следовало бы в самое ближайшее время изыскать способ в полной тай-

не привезти ее сюда и *снять* воспоминания...

— Ничего не имею против, — сказал Сварог. — Но когда еще будут результаты? Сколько ваши люди бьются с воспоминаниями Тагарона? Уже больше месяца, и до финала далеко...

Канцлер сердито вздохнул. Сварог его прекрасно понимал. Нельзя извлечь из человеческого мозга *выборочно* какие-то конкретные воспоминания. У Тагарона (не причинив ему тем самым ни малейшего вреда) *считали* из мозга все воспоминания о проведенных им в Горроте годах — но чтобы их расшифровать и разбить на отдельные картинки, потребуется еще не меньше месяца работы мощных компьютеров. Элкон объяснил Сварогу, в чем тут трудность: снятые таким образом воспоминания напоминают телевизор, на который подают картинки одновременно несколько тысяч станций. Или лист бумаги, на котором разными почерками, разными чернилами, в разных направлениях нанесено опять-таки пару тысяч записей. И «чистить луковицу», как это именуется неофициально — адски сложное и долгое занятие...

— Все равно следует, не откладывая, снять воспоминания и с вашей Литты, — сказал Канцлер. — Пара месяцев — это все же не год... Кстати, вы не догадались, зачем он ей прикладывал к виску «часы»? Нет? Да все очень просо, он читал *спектр*...

— Ах, вот оно что... — сказал Сварог. — А я и правда не додумался...

«Спектром» официально именовалась у соответствующих специалистов та до сих пор загадочная штука, что в том мире, откуда Сварог пришел, звалась биополем, аурой, излучениями мозга. Спектр не столь уникален и неповторим, как отпечатки пальцев, спектры у двух человек из примерно десяти тысяч могут совпадать практически полностью, быть идентичными. Теперь понятно, почему Брашеро все же рискнул взять *умницу* — у него не было другого выхода, неизвестно, сколько времени пришлось бы искать другую, с точно так же совпадающим спектром. Теперь понятно, почему во время визита мнимых Стахора и Эгле в Канцелярию земных дел и в Ковенант их не смогли *расколоть*, как ни изощрялись с аппаратурой: исследовали главным образом спектры, а они-то как раз и совпадали...

Канцлер нетерпеливо пошевелился в кресле:

— Если у вас нет больше *серьезных* вопросов... Мне нужно лететь в Технон.

— Никаких, — сказал Сварог, охотно вставая. — Мне тоже срочно нужно в Латерану, там у меня министр тайной полиции, похоже, снова откопал что-то интересное, раз оно помечено Красной тревогой. Но никакой угрозы, иначе была бы Белая...

Еще издали, подходя к стоянке (где сейчас виман и брагантов стояло втрое больше, чем обычно), он увидел своих непринужденно расположившихся прямо на траве ребят-девчат. И обратил внимание на одно интересное обстоятельство: красавица Канилла и Родрик-Маугли сидят наособицу от остальных, вернее, полулежат, держась за руки, и златовласая головка Каниллы у парня на плече, а все остальные не обращают внимания с видом людей, прекрасно все знающих, понимающих, тактичных.

Ах, вот оно что, подумал Сварог. Ну, они, в принципе, совершеннолетние... Теперь понятно, почему на семь человек пришлось только шесть брагантов — именно эта парочка посреди ночи пребывала вместе и, не соблюдая особой

конспирации, прилетела на одном. Вот только где они уединяются, интересно? Уж безусловно не в замке родителей кого-то из них — здешний этикет такого не допускает. На собственный манор никто не имеет права до выхода замуж, женитьбы или достижения пятидесятилетнего возраста. Приютили какие-нибудь знакомые, молодожены немногим старше, прекрасно все понимающие и сочувствующие? Нужно будет уточнить — командир такие вещи о своих подчиненных обязан знать...

Завидев его, все, в том числе и влюблённая парочка, проворно вскочили и выстроились в стройную шеренгу. «Надо будет повесить коменданту какую-нибудь медальку, — подумал Сварог, — по строевой части он их хорошо вымуштровал. Это нужно, это дисциплинирует».

— Вольно, — сказал он, останавливаясь перед строем. — Элкон остается, а все остальные — в замок. Составьте официальный протокол осмотра места происшествия сотрудниками девятого стола. Канилла ты не только красавица и хороший специалист, ты самая хитрющая лиса из всех здесь присутствующих. Тебе и писать протокол — так, чтобы описание всего сожженного-опаленного ни в малейшей степени не напоминало результаты действия *нашего* оружия — а именно что следы ярости демона... Возьмите письменные показания у этой паскуды, мнимого короля — но держась предельно уважительно, он пусть и земной, но король, а вы хотя и лары, но всего лишь гвардейцы в невеликих чинах... Потом — письменные показания всех трех служанок. Ту, которую зовут Тета, заберите с собой и устройте у нас в маноре. Приглядывайте — она не арестованная, но и не гостья... Две остальные меня абсолютно не интересуют... правда, тоже могут пригодиться... пожалуй что, отправьте их в Келл Инир, в какой-нибудь из домов для слуг. Пусть пока что бездельничают... Что еще? Видеозаписей опочивальни, конечно, не делать — а то еще кто-то посторонний догадается об *истинном* характере повреждений. Следов не останется, мы хорошо поговорили с Канцлером, он приказал провести полный ремонт в опочивальне сразу же после того, как вы закончите... Ну да, отсутствие видеозаписи — это серьезный служебный промах... Ну, мы его спишем на вашу неопытность и недолгий срок службы. Я вам официальным приказом влеплю выговор, а неофициально прошу на этот выговор начихать... Шагом марш! Если что, я в Латеране.

Шестеро быстрым шагом направились к зданию. Со стоянки вертикально, на форсаже взмыл синий с золотом брагант Канцлера, следом взметнулись еще два, с охраной, надо полагать — и правильно, мало ли что...

— Элкон, я опять взвалю на вас нешуточную работу, — сказал Сварог. — Вы ведь наверняка знаете: еще не меньше месяца пройдет, пока расшифруют воспоминания Тагарона...

— Конечно.

— А Брашери, чтоб ему сдохнуть, мне нужен уже сегодня, вчера... — сказал Сварог. — Мне тут пришла в голову очередная гениальная идея — ну, что поделывать, бывает такое со мной... Судя по тому, что он постоянно пребывает в Горроте, здесь он нигде не служит, ни по военной части, ни по гражданской. Следовательно, проходит по разряду «светское общество». Отправляйтесь в манор и ступайте в Геральдическую коллегия, в ее отдел Гербовых книг. Начинаете понимать?

— Начинаю, — сказал Элкон не без азарта.

— Отлично, — сказал Сварог. — Светских бездельников у нас двенадцать с чем-то тысяч...

— Тринадцать с чем-то.

— Не столь уж существенная разница... В первую очередь исключаем, разумеется, женщин. Оставляем только мужчин в возрасте... от трехсот пятидесяти до пятисот... нет, до пятисот пятидесяти, он может выглядеть моложе своих лет, что не столь уж редко встречается... Как полагаете, сколько в этом случае останется потенциальных кандидатов?

Элкон что-то прикинул в уме, шевеля губами:

— Полагаю, четверть... или побольше, но никак не меньше.

— Вам потребуется, я так думаю, всего-то с полчаса, чтобы скачать портреты тех, кто нас интересует. Вот потом — да, будет тягомотина... Полетите в Хелльстад, усадите Литту к компьютеру и покажете ей все портреты. Примерно тысячи три, а то и четыре... Кладем по четверти минуты на портрет, она сообразительная девушка, ей достаточно четверти минуты... Конечно, это работа, я так прикидываю, часов на двенадцать примерно...

— Пожалуй.

— Но это все же не месяц, — сказал Сварог. — Не утомляйте ее особенно, через каждые пару часов делайте перерывы. И не возвращайтесь оттуда, пока она не посмотрит *все*... или не наткнется на Брашера раньше.

— А если он с Сильваны? — деловито спросил Элкон. — Или все же служил, но в отставке?

— Проверим тем же способом сильванцев и отставников, — сказал Сварог. — Если не поможет, проверим *всех* соответствующего возраста, в крайнем случае, прихватим и тех, кто старше пятисот пятидесяти. При самом пессимистичном раскладе это отнимет не более недели?

— Да, примерно.

— Все-таки не месяц?.. — сказал Сварог. — Да, вот еще что... Вы в некоторых смыслах человек вполне взрослый, ни в кого не влюблены, просто романы крутите. Я даже знаю с кем вы крутите роман в Латеране, во дворце — Интагар у меня не зря золотой пояс таскает... — Сварог хмыкнул. — Ну, вот видите, с полгода назад вы бы малость покраснели, а сейчас улыбаетесь загадочно, с оттенком гордости, как и положено опытному покорителю женских сердец... И правильно, я так думаю. К чему все это я? Литта, чует мое сердце, попытается установить с вами самые тесные, дружеские отношения, такая уж у нее манера. Проще говоря, потащит в постель. Если так произойдет, не отказывайтесь, в конце концов это не старая мегера, а молодая красотка, как две капли воды похожая на королеву Эгле. Вопросов нет? Тогда летите. Я договорился, чтобы вам дали вон тот брагант, зеленый с черным, берите смело.

И удачи вам, удачи...

Сварог бил наверняка и не мог не выиграть. В упомянутом им отделе хранятся гербовые книги каждого рода — с незапамятных времен, с самого начала. Давненько уж — не только в бумажном, но и в электронном варианте. И тех родов, что пресеклись, и тех, что здравствуют. Всех. Согласно давней традиции, в «электронке» хранится фотография всякого и всякой — ребенка и старика, мужчины и женщины. И обновляется она регулярно: от года до двадцати (именно в двадцать кончается «взросление») — раз в год, далее — раз в де-

сять лет. Кто ввел такое правило и зачем, не ведают даже всезнающие старички из Геральдической коллегии. Не затем же, чтобы разоблачить затесавшегося к ларам самозванца с земли? Такое совершенно невозможно. Или это как-то связано с существованием на земле Вингельта и его собратьев? Тайна сия велика есть.

С этой системой Сварог столкнулся год назад, когда из чистого любопытства просматривал гербовую книгу Борна. И изучил систему хорошо. Естественно, по вполне понятным причинам не могут обновляться фотографии тех, кто ушел на землю в отшельники (как Ройл и, оказалось, еще несколько), тех, кто затерялся на земле, оборвав всякие связи с Империей, но отшельничеством не мается, наоборот (как Борн, и не он один), тех, кто пропал без вести (как его отец и, оказалось, еще с полдюжины ларов за последнее столетие). Все остальные там есть. По тем же самым древним законам бумажный отдел охраняется строжайше, а электронный устроен так, что любой желающий может навести любые справки — и не более того. Ни один компьютерный гений не в состоянии изменить хотя бы запятую в имеющихся данных. И никто не способен украсть *бумаги*. Так что Брашеро, хоть возьми он в подмогу Князя Тьмы, не мог бы уничтожить записи о себе и свою фотографию. Она там есть, должна быть. И вряд ли Брашеро обосновался в Горроте *настолько* давно, что по последнему снимку его теперь невозможно узнать. Сомнительно, чтобы он там просидел хотя бы десять лет. Ледяной Доктор, кстати, был убит (или все же как-то ухитрился обмануть всех и уцелеть) шесть с половиной лет назад. Перед тем, как бежать, он не только уничтожил в прах и пепел парочку своих лабораторий (изрядных размеров здания), но и хладнокровнейшим образом перебил всех своих сотрудников. Трех ларов — ножом в спину, в разных комнатах, восьмерых антанцев попросту собрал в одном из залов и расстрелял из бластера. Сотрудники его известны наперечет, так что Брашеро никак не может оказаться одним из них, чудом спасшимся. И самым коварно уцелевшим Ледяным Доктором он оказаться не может — доктору было крепенько за шестьсот, а пластическая хирургия может удалить морщины и жир, подправить изъяны внешности, но не способна сделать так, чтобы человек выглядел моложе на двести лет. И *полностью*, до неузнаваемости изменить внешность Брашеро не мог — согласно каким-то древним законам природы лар, полностью изменивший внешность, теряет все способности лара, ничем теперь не отличаясь от обычного человека. А Брашеро способности лара сохранил — вспомним рассказ Тагарона о вазе, падавшей графу прямехонько на голову, но отлетевшей в сторону. Есть подозрения, что это не природа постаралась насчет неминуемой после полного изменения внешности утраты способностей, а в самом *начале*, когда многое только формировалось, какой-то умный и предусмотрительный император намеренно ввел такое правило, и оно сохранилось *незыблемым*. Вполне возможно — чтобы не возникло, скажем, проблем с питающими коварные замыслы двойниками — тут вам и претенденты на престол, и претенденты на чужое наследство, и мало ли что еще... Так что все зависит исключительно от того, достаточно быстро Литта наткнется на нужный снимок или придется перебрать чуть ли не все. В любом случае это отнимет не более недели...

Не глядя вслед Элкону, он быстрым шагом направился к своей вимане, поднялся в кабину и задал автопилоту курс на Латерану. В квадранс должен был

уложиться. Поразмыслив, плеснул с полбокала келимаса и включил музыку. Тарина Тареми, еще одна звезда доштормовых времен из коллекции Фаларена, ему весьма нравилась. Как она выглядела, он представления не имел, но голос был красивый, молодой, с долей трагического надрыва, цеплявшим за душу и трезвого, ну, а уж выпивать под ее песни, если есть соответствующее настроение...

Никаких особых музыкальных изысков — только два виолончелиста и что-то крайне напоминавшее скрипку. И звонкий голос с легкой хрипотцой:

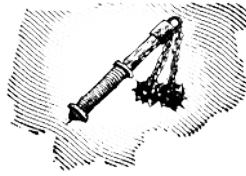
*Жизни скорбная стезя —
путь к обещанному краю
вне тревог.
Хоть сойти с него нельзя,
как плутаем мы, блуждая,
без дорог!
В путь пускаемся с рожденья,
и в житейской круговерти
день за днем,
а прибудем в час успенья
и, выходит, лишь по смерти
отдохнем...*

Он вовсе не стремился нагонять на себя тоску, еще чего не хватало — просто песня идеально подходила к его настроению...

*Этот мир — одна тщета,
и жалеть о нем негоже,
ибо зря им
дорожим и неспроста
то, что нам всего дороже,
мы теряем.
Обирают нас года
каждый час и каждый миг —
в не меньшей мере.
Оглядишься — ни следа,
все, что с муками достиг,
одни потери...*

Пригубив келимаса, он подумал, что потом нужно послушать еще «Слепых солдат», как раз хватит времени. И подумал еще, что все они сейчас напоминают тех самых солдат из песни Тарины, внезапно ослепленных волей злого колдуна. Они великолепные бойцы, прекрасно владеют оружием и способны победить любого врага — но оказались вдруг слепыми и стоят, поводя наугад клинками, не зная, где враг и что он делает, не в силах нанести меткий удар...

Ему пришло в голову, что с ним самим и его сподвижниками обстоит еще хуже — все мы сейчас не просто слепые солдаты, у нас и оружия нет, а то, что есть, придется пустить в ход лишь в самом крайнем случае, когда другого выхода просто не останется, да и неизвестно еще, подействует ли оно, — отправленная в Горрот Золотая Щука вернется еще не скоро... если вернется вообще. Но вернулся же невредимым «Рагнарк»? Или после его визита в Горроте приняли какие-то меры предосторожности? Ну, подождем пару дней, примерно таков расчетный срок, вот если она и тогда не вернется, повесим нос, а пока что не стоит заранее списывать со счетов проворную рыбку...

Глава XII СИНЕГЛАЗОЕ ГОРЕ

Барон Фаторус, снольдерский коллега Интагара, выглядел полной противоположностью тому: сухопарый, с копной седых волос, тонкими ладонями и длинными изящными пальцами скрипача. Больше всего он походил именно что на музыканта, но, Сварог достоверно знал, никогда в жизни ни на каких музыкальных инструментах он не играл. Просто так уж сложилась жизнь: юный барон, согласно категорическому заключению медиков, оказался чересчур subtilen для военной службы (к которой не особенно и не стремился), а потому пошел служить по гражданской части. Побывал в министерстве иностранных дел — не приглянулось, перешел в казначейство — и оттуда ушел еще быстрее. Как-то так само собой получилось, что он оказался в рядах тайной полиции и за тридцать лет службы поднялся до ее главы. Человек на своем месте, вполне надежный — активнейшим образом участвовал в перевороте, забросившем Сварога на снольдерский трон, потому что, как многие, считал, что прежний король попросту губит страну.

— Простите за прямоту, ваше величество, но вы чересчур мало внимания уделяете Харлану, — говорил он негромким, звучным голосом, словно лекцию студентам читал. — Поскольку прямоту в *наших* скучных делах вы только приветствуете, я не опасаюсь вашего гнева...

— И правильно делаете, — сказал Сварог. — Там что-то серьезное?

— Я не сказал бы, что слишком серьезное, но достаточно хлопотное. Очередной заговор. Тамошний начальник тайной полиции, простите за резкость, тряпка и трус. Он попросту боится знать слишком много, а с такими настроениями на подобной должности находиться никак нельзя.

— Честно признаться, кого привели, того и назначил, — сказал Сварог. — Мне гарантировали, что человек верный...

— Безусловно. Но верность в сочетании с *такими* качествами немного стоит. Я бы осмелился предложить вам хорошую кандидатуру...

— Мы это обсудим попозже, — сказал Сварог. — Что за заговор?

— Как сообщают мои люди — тамошняя тайная полиция фактически самоустранилась — замешаны самое малое трое влиятельных баронов с обширными владениями и большими дружинами, не менее полудюжины царедворцев, кроме того, они не без оснований рассчитывают на один из драгунских полков. Не слишком серьезно, но, безусловно, и не мелко.

— Меня убить собираются? — деловито осведомился Сварог.

— И речи не заходило. Считают, что вы им не по зубам. Расчеты у них другие. Где-то в глуши откопали дальнего родственника покойной герцогини Мораг — мы проверили, настоящего. Ну, а дальнейшее предугадать было несложно: мятеж под предводительством законного, пусть и дальнего родственника правившей династии против чужеземного узурпатора... Под *таким* лозунгом вполне можно устроить серьезную смуту. Шансов на успех, конечно, никаких,

но смута может разгореться серьезная, Тем более что там, не в первый раз, замечены лоранские агенты и лоранское золото...

«Говоря по совести, во всем этом есть толика сермяжной правды», — подумал Сварог. Из всех его владений Харлан единственный был каким-то *нескладным*. Если все остальные королевства, и Ганза, и Балонг (ну, не считая Больных Маноров, которые легонечко принудили по причине их слабости), харланским тронем Сварог, что уж там, завладел исключительно своим хотением, вынудив тогда Хартога отречься в свою пользу. Хартог был официально утвержден императрицей, Сварог тоже, но все равно... Как-то не лежала у него душа к Харлану, скучному, кондовому, ничем не интересному герцогству, он там побывал всего-то раз. И держал в хозяйстве единственно как неплохой плацдарм для возможных военных действий против Лорана...

— Конечно, в открытом бою вы их разобьете, — продолжал барон. — Однако выдвинутый ими лозунг может долго будоражить сознание... Позвольте указать вам на одну вашу несомненную ошибку?

— Указывайте, — сказал Сварог без всякого раздражения.

— Все это время вы откровенно *пренебрегали* Харланом, — сказал барон мягко. — Заезжали туда всего раз, да и то как-то мимоходом... Они не чувствуют в вас своего великого герцога. Даже те, кто не собираются бунтовать, недовольны. Герцог вроде бы есть, но не посещает свои владения... По моему глубокому убеждению, вам бы следовало, несмотря на занятость, поехать в Харлан — со всей возможной пышностью — и пробыть там не менее недели. Устроить парочку больших придворных балов, закатить пир до небес для дворянства, раздать пригоршню-другую орденов, устроить для простого народа что-нибудь эффектное... ну, знаете, с жареными быками, бочками вина и кулачными боями или там фехтованием на пастушьих посохах, чтобы победитель получил какую-нибудь мелочь, но непременно из ваших рук... — барон тонко улыбнулся. — Простите старика за вульгарность, но неплохо было бы еще *уложить* пару-тройку самых распутных придворных красоток, а уж если еще и облагодетельствовать на сеновале какую-нибудь смазливую крестьяночку, подарив ей потом перстень с брильянтом... Вам следует *показать* себя там, эффектно, щедро и пышно. Монеты побросать в толпу горожан, произнести пару речей, хваля Харлан... Это заставит заговорщиков стать овечками, их все равно придется брать, прежде чем выступят — но вот память вы о себе оставите неплохую. Да, еще, конечно, нужно публично снести головы парочке очень уж явных знатных казнокрадов и повесить с полдюжины представителей сельских властей, особо ненавидимых простым людом. У меня есть список кандидатов — и на казнь, и на награждение, оба очень хорошо продуманы... ну, а красавиц вы, конечно, вольны выбирать сами, не могу же я и здесь давать вам советы, не знаток...

— Правда? — весело спросил Сварог.

Барон любил выглядеть едва ли не дряхлым старичком, но было-то ему всего шестьдесят один, и, как Сварог точно знал, в данный момент вдовый барон крутил амуры с небогатой дворяночкой вдвое его младше (по отчетам, дело не только в подарках, дама вполне им довольна в постели).

Барон, судя по всему, прекрасно все понял, но нисколечко не смутился. Сказал спокойно:

— Всякий мужчина предпочитает сам выбирать себе женщин, а не пола-

гаться на советы...

— Именно, — сказал Сварог. — Хорошо, я постараюсь выкроить недельку, если это так важно...

— Это *очень* важно, — убежденно сказал барон. — И, кроме того, вам крайне не помешало бы точно таким же образом провести недельку в Снольдере...

— Что, и там заговор?

— Слава Единому, ничего подобного, — сказал барон. — Была парочка сопливых гвардейских лейтенантов, всерьез собиравшихся совершить на вас покушение, если появитесь у нас, — у одного дядя при вашем восшествии на престол потерял хорошую должность при дворе и впал в немилость, у второго погиб брат во время... трагических событий в загородном дворце покойного короля. Обоих мы аккуратно взяли — а в остальном все тихо, можно сказать, благостно. Знать и купечество, можете мне поверить, ценят ваши меры, принятые для процветания страны, правительство ваше сидит *прочно*, военные равняются на маршала Гарайлу, а уж Ратагайская пушта за вас порвет глотку любому. И тем не менее... Многие ощущают себя как бы *брошенными*, понимаете? Они ничуть не настроены против вас, они чуточку обижены, что вы давно не уделяли им времени. Так что неделька в Снольдере — в принципе, по тому же практически сценарию — пошла бы на пользу...

— Знаю, — вздохнул Сварог. — И в Ронеро от меня ждут того же самого, и в Глане. Вот покончу с одним очень серьезным делом — и объеду все четыре страны, да и по Вольным Манорам нужно хотя бы рысью проскакать, Три Королевства навестить... Ганзейцы и те меня просят присутствовать на каком-то грандиозном морском параде... Я обязательно все это сделаю, барон... как только покончу с делами. Очень серьезные дела, поверьте...

— *Горрор?* — совсем тихо спросил барон.

— Именно, — сказал Сварог. — У вас нет ли оттуда каких сведений?

— Как у всех, — пожал плечами барон. — Никаких. Поверьте, я бессилен...

— Верю и нисколечко не упрекаю, — сказал Сварог. — Что-то еще?

— Да. Я, правда, не знаю, насколько это важно... — барон извлек из кармана конверт и подал Сварогу. — Здесь два стихотворения Асверуса. Коллега Интагар в свое время просил меня, если отыщутся хоть какие-то материалы по Асверусу, прислать ему. Вот и нашлись. В архивах моего же ведомства. Судя по сопроводительной бумаге, они были найдены соответствующими специалистами в архиве покойной королевы Дайни Барг, когда после ее смерти и последовавшей легкой смуты наши войска заняли Латерану...

«Ну, это ерунда, — подумал Сварог. — Два стихотворения Асверуса — невеликое приобретение...»

— К сожалению, мы не нашли в тех архивах никаких следов *досье*, — сказал барон. — А ведь, согласно правилам тайных служб, оно просто обязано было существовать... Быть может, уничтожено?

— Все возможно, — сказал Сварог.

Он прекрасно понимал, о чем говорит барон: о *досье* на токеретов. В Снольдерском Морском бюро оно, полное, заведенное еще двадцать лет назад и, пусть скуднейшее, но иногда пополняемое, и сегодня лежит среди незакрытых. Сварог его давно прочитал. Сначала лет десять случайным свидетелем никто не верил, потом нашлись убедительные доказательства, и открыли *досье*. Несмотря на все усилия, так и не удалось ни захватить подлодку, ни обнару-

жить, где находится Токеранг, — но снольдерская морская разведка, пусть и при скуднейших результатах, дела не закрывала...

Так вот, в свое время просто обязано было существовать такое же досье и в Ронеро. Судя по косвенным данным, Асверус выступил тогда к озеру не с бухты-барахты, он прекрасно знал, кого именно намеревается поймать в ловушку. Отсюда проистекало, что просто обязаны были быть какие-то *предварительные* донесения, данные наблюдений, заключения спецов... короче говоря, досье, открытое дело. Но ни в одном архиве на него еще не наткнулись, как ни искали, даже в Балонге, даже по Вольным Манорам...

— Ваше величество, — мягко, но настойчиво сказал барон. — Право же, зря вы так небрежно сунули в карман конверт со стихами. Когда мне их разыскали, они около ста двадцати лет пролежали в пакете, помеченном высшей степенью секретности — «только для глаз короля». Я сам ни за что не позволил бы себе при таких обстоятельствах сорвать печати, но все дело в том, что пакет обнаружил молодой, не лишенный некоторой бесшабашности сотрудник. Вроде вашего графа Гаржака, о котором я немного наслышан. И распечатал, оправдывая себя тем, что согласно одному из параграфов Уложения о секретных архивах истек срок давности. Кстати, с точки зрения закона, он прав, я не стал его особенно наказывать, ограничившись словесной выволочкой. Благо он сам чувствовал себя неуютно — прочитав, примчался ко мне каяться... Я тоже прочитал — и понял, что дело безусловно выходит за пределы моей компетентности...

Очень уж серьезный был у него вид. Сварог достал конверт, извлек два листочка пожелтевшей от времени бумаги — ну да, знакомый уже почерк Асверуса, на обоих проставлены даты: Асверус, к нешуточной радости литературоведов, датировал каждое свое стихотворение, которое считал законченным. Прежде всего Сварог как-то машинально сосчитал строчки: в одном восемнадцать, в другом всего-то восемь. Прочитал то, что длиннее, удивленно пожал плечами:

— И что здесь такого? Почему «Только для глаз короля»?

— Есть там интересные строчки... — без выражения произнес барон. — Разъяснения вам тут же даст господин Интагар, коли уж ему поручено все дело, а я, с вашего позволения, устраниюсь. Дела я не веду, и это совершенно не в моей компетенции. Но вот в другом есть строчка, не требующая пояснений...

Сварог быстренько прочитал короткое — и уже вторая строчка...

— Черт побери! — воскликнул он.

— Да, так и обстоит, ваше величество... Надеюсь, теперь вы понимаете мотивы, по которым я устраниюсь?

Сварог встал:

— У вас есть еще *важные* дела?

— Нет, ваше величество. Мне хотелось бы обсудить с вами разные текущие мелочи, но это подождет...

— В таком случае я вас, простите, оставляю, — сказал Сварог. — Не сомневаюсь, что вас разместили должным образом...

— Да, все в порядке.

— Отлично, отлично... — нетерпеливо сказал Сварог.

В коридоре, помня о королевском достоинстве, пошел неторопливо — хотя хотелось нестись сломя голову. На одной из широких лестниц буквально нос к

носу столкнулся с Марой, спускавшейся вниз. На ней снова красовался сегурский генеральский мундир. Сварог представления не имел, что она успела его опередить первой прилететь сюда из Виглафа.

— Ага, — догадался он. — С адмиралами собралась совещаться?

— Ну да, — сказала Мара. — Время-то поджигает...

Поодаль обнаружился главный церемониймейстер, взиравший на них с крайней печалью. Бедняга жизнь прожил, долгую службу отслужил в убеждении, что любая встреча двух монархов непременно должна сопровождаться пышными церемониями с пушечной пальбой, торжественными въездом в столицу и прочими красотами. То, что королева Сегура заявлялась вот так, запросто, его просто убивало, — но перечить он не осмеливался после краткого внушения, сделанного ему Сварогом...

— Рад за тебя, — сказал Сварог. — Только, умоляю, не вздумай проситься на корабль *регулярного* флота. На суше у тебя есть кое-какая репутация, да и пираты, пусть вздыхая в душе, пустят тебя на мостик — но в военно-морских флотах традиции прежние: никаких женщин, будь она хоть трижды королева...

— Да знаю. Мне уже объяснили... и убедили, — Мара обворожительно улыбнулась, понизила голос: — Я могу нынче вечером рассчитывать на приглашение в твою спальню? А то что-то долго мы в разлуке...

— Я не знаю, буду ли ночевать в Латеране, — сказал Сварог, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. — Вообще не знаю, где буду сегодня вечером. Кошка, тут завертелись такие дела...

Мара мгновенно стала серьезной:

— Ага, то-то у тебя такой вид, будто ты готов галопом припустить... Ладно, подождем другого случая, — сказала она без малейшей обиды (уж боевой-то подруге такие вещи положено понимать с полуслова, что всегда и происходит). — Вот только... Я тут заглядывала к Интагару кое о чем посоветоваться... Даже не знаю, что и сказать, но такое впечатление, что он малость подвинулся умом...

— С чего вдруг?

— Интагар читает Асверуса, — округлив глаза в неподдельном изумлении, сказала Мара тихонечко. — Вот-вот, именно так и обстоит. Обложился мало того, что книгами Асверуса, но и трудами литературоведов... Интагар и Асверус, вообще, Интагар и изящная словесность... Категорически несовместимо. Может, лейб-медика к нему отправить?

— Да нет, — сказал Сварог. — Он делом занят.

— Тьфу, а я-то подумала... — облегченно вздохнула Мара. — Значит, есть чем заниматься? Новые следы?

— Еще какие, — сказал Сварог. — Тебе отвели комнаты, где обычно?

— Разумеется.

— Если найдется время, я к тебе загляну, — сказал Сварог. — Масса нового и интересного... Все, я спешу...

Пренебрегая присутствием церемониймейстера, поцеловал ее в щеку и двинулся вверх по лестнице со всей возможной скоростью, какую только позволял королевский сан.

Интагара он отыскал не в кабинете, а в соседней комнате, побольше. Обстановку оценил с порога: действительно, тот, кто хорошо знает Интагара, но

представления не имеет о его нынешнем задании, начнет о медиках подумывать... Это была не комната, а скорее уж кабинет профессора изящной словесности Ремиденума: два стола (и третий, за которым сидел Интагар) завалены тонкими книжками, толстыми томами, какими-то рукописями. На тех корешках, что оказались обращены к Сварогу, — соответствующие заголовки: «Погода и атмосферные явления в поэзии Асверуса», «Асверус и каталунские легенды», «Влияние окружающих пейзажей на творчество Кагинарского кружка»... и тому подобные изыски пытливейшей научной мысли. Интагар, когда Сварог вошел, как раз читал фолиант под заглавием «Морские темы у Асверуса».

— Толково подготовились, я смотрю, — сказал Сварог, присаживаясь напротив и доставая сигарету.

— Ох, ваше величество... — на бульдожьей физиономии читалась откровенная тоска. — Этак, чего доброго, если прогоните, смогу подрабатывать литературоведом... даже слово это клятвое уже выучился без запинки произносить... — он отложил книгу переплетом вверх. — Я, конечно, шучу — когда это *прогнанному* министру тайной полиции удавалось потом не то что на стороне подрабатывать, а вообще в живых остаться...

— Ну, вас-то это не должно пугать, — сказал Сварог.

— Очень надеюсь... Просто шутки у меня всегда... такие. Ваше величество, честно признаться, в толк не возьму, *зачем* нужно это чертово литературоведение? Поэзия сама по себе — это понятно, это нужно. Сам я первый раз в жизни стихи читаю, но ведь многим нужно. Дочки вон у меня захлеб... Опять-таки из поэзии получают песни... а я, когда был молодой, тоже любил за столом попеть... а вот теперь оказалось, что пару раз как раз и пел Асверуса... Ну так, к чему это я? Вот жил человек, писал стихи, отличные, раз их и через двадцать лет читают, песнями поют... Ну, поставили памятник — может, и заслужил. Но вот на кой черт все это? — он широким жестом обвел груды книг. — Все эти морские темы в творчестве и влияние насморка в таком-то году... Что, стихи лучше станут, или хуже? А уж это... — он брезгливо, словно дохлого мыша за хвост, поднял толстый том, озаглавленными «Женщины в жизни Асверуса». — Эти-то сплетни к чему вытаскивать? И расходятся эти книги среди кучки чокнутых профессоров, в отличие от самих стихов. И ведь все это за казенный счет печатается... — в его глазах пылало искреннее недоумение. — *Зачем?*

— Хотите правду, Интагар? — усмехнулся Сварог. — Я и сам абсолютно не поймаю, зачем это все, за каким чертом... Ну, вот повелось так. Не нами, как говорится, заведено. Вот и приходится отстегивать денежки из казны... Положено так...

— Положено... — пробурчал Интагар. — Я вот тут, между прочим, прочитал Барзака — и знаете, интересно. Я кое к чему подходил исключительно с точки зрения ремесла — так что быстро вычислил, кто именно среди них стучал в тайную полицию — а ведь и не подумаешь, как это обычно водится. Но вообще, интересно. Но, обратите внимание: Барзак книгу свою издавал на собственные деньги. Вот бы и эти, коли уж им без этого жизнь не в жизнь...

— Так то Барзак... — сказал Сварог. — А эти предпочитают за счет казны забавляться. Ладно, давайте о делах. Коли уж дали Красную тревогу...

Интагар мгновенно подобрался, лицо стало соответствующим:

— Ваше величество, позвольте начать издавека, с самого начала?

— Валяйте, — сказал Сварог. — Времени у меня много.

— Поскольку речь пойдет именно о женщине, я на эту тему и составил экстракт... — он положил короткопалую руку на невеликую стопку исписанных аккуратным почерком листов. — Ну, врать не стану, не я сам, есть у меня полезный человек по этой части...

Сварог нисколько не удивился. «Полезные люди» у Интагара имелись решительно везде — от великосветских салонов и университетов до портовых борделей и подозрительных трактиров. Хозяйственный человек Интагар...

— Профессор? — с большим знанием дела спросил Сварог.

— Нет, хватило студента, — сказал Интагар. — Ремиденум, выпускной курс кафедры изящной словесности. Ну, вы же знаете эту необузданную публику, хоть они там и таланты, а на каждого лежит куча полицейских протоколов за разные художества... Чтобы ему было проще выбирать из полицейских каталажек, я ему выдал нашу бляху с наказом не злоупотреблять — а он мне иногда помогает. Толковый парень, без него я бы гораздо дольше... Дело выглядит так. Граф Асверус, как лично мне кажется, в отношениях с женщинами был, попросту говоря, мужиком правильным. Романов имел кучу, но хвастать победами не любил, а уж своих замужних подруг и вовсе прятал. — Интагар грустно усмехнулся. — Но бабы есть бабы... Гораздо позже, когда Асверус стал посмертной знаменитостью, двое из них, при живых мужьях, сами издали мемуары — про себя и Асверуса. И уж так расписали... И та, и другая, изволите видеть, были единственными *любовями*... Уж не знаю, как к тому мужья отнеслись, лень было копать... Но дело-то в том, что, как неопровержимо доказал мне студент с кучей конкретных примеров, у Асверуса до самого последнего времени не было никаких таких *любовей*. Вообще. Жил легко, крутил легкие, ни к чему не обязывающие романчики — полюбились и разошлись, по обоюдному согласию. Ни разу не попадалось упоминаний, чтобы кто-то из женщин потом страдал или травиться пытался... Оказалось, он в свое время тоже побывал в любовниках Дайни Барг. Но и там все прошло легко — две недели тру-ля-ля в постели, потом дружески улыбнулись и преспокойно разошлись, так оно у него и протекало всю сознательную жизнь... только вот примерно за месяц до гибели его, никаких сомнений, *накрыло* всерьез. Вы знаете эту историю или вам рассказать?

— Знаю, — сказал Сварог без всякого интереса. — Ну да, классический случай: он-то влюбился всерьез, может быть, впервые в жизни, а ей, кроме легкого романа, ничего и не было нужно. Как же... Златовласка, она же Синеглазка, она же сначала Синеглазое чудо, после разрыва — Синеглазое Горе. Все обращенные к ней стихи собраны в цикл «Златовласка»...

— Вот и у меня в точности такой экстракт... А вы знаете, что она — самая загадочная из его женщин?

— Ну да, — сказал Сварог. — В отличие от большинства его подруг о ней практически ничего не известно. Даже имени, — он усмехнулся. — Благодаря чему наши гробокопатели в беретах с совами получили возможность написать целую кучу книг, подобрали дюжины две кандидаток, и каждый свою отстаивает так, что пух и перья летят...

— Вот именно. Барзак, если вы читали, очень над этой загадкой бился...

— Читал, помню, — сказал Сварог. — И ничего не добился, в отличие от ученых мужей, оказался то ли умнее, то ли совестливее, и кандидаток не искал...

Ну, а у вас что?

— А я ее нашел, — просто и буднично сказал Интагар. — это ларисса. Я твердо уверен.

— Вот оно как! — сказал Сварог, моментально стряхнув легкую скуку. — Аргументы?

— Сейчас... — Интагар покопался в листках своего Экстракта, нашел нужный и прочитал вслух:

*В нежданном, тихом, плавном повороте
Из-под бедняги уплыла земля.
Ведь вы напротив, Синеглазка, вы напротив
и между нами чаща разноцветья хрусталья...*

— Объясните подробно, — сказал Сварог. — Откровенно скажу, не понимаю, где тут ключ.

— Все не так уж сложно, ваше величество... позвольте, я сейчас...

Интагар взял со стола книги, унес их на другой, развернул длинный, широкий, пергаментный свиток, судя по виду, довольно старый. Пока он старательно придавливал все четыре угла — который чернильницей, который извлеченным из ящика стола коротким пистолетом, Сварог успел присмотреться. Золотой тушью высшего сорта там был изображен прямоугольник, со всех сторон окруженный направленными к нему под углом девяносто градусов надписями. Свободное место украшено очень мастерски нарисованными виньетками и узорами, а в уголке золотой же тушью — ронерский королевский герб.

— Хрусталь — это сам по себе след, — сказал Интагар. — Не просто хрусталь, а разноцветный и в большом количестве — «чаща»... Я и это изучил, нашелся полезный человек... В те времена, сто двадцать пять лет назад, секрет знаменитого марранского разноцветного хрусталья был давно утрачен — как-то так получилось, ну, нам это должно быть неинтересно... Чуть ли не сотня лет прошла, как потеряли секрет. Естественно, сохранившийся был в бешеной цене? Знатные господа друг перед другом хвастали, у кого сервиз больше и разнообразнее, мне в старых бумагах попался случай, когда некий барон слугу за разбитое блюдо тут же, в столовой, кинжалом проткнул... Ну, а у королей, понятно, были вовсе уж роскошные, ценились дороже, чем золотая посуда — кого, в конце концов, удивишь золотом, даже мастерской работы... Золотых дел мастера никуда не делись, а вот разноцветный хрусталь... Теперь посмотрите сюда, вот имя: Шеллон, граф Асверус...

— Подождите. А что это за прием?

— Ах да... Простите, тороплюсь... Это — так называемый малый торжественный прием, то есть, как правило, для добрых знакомых, фаворитов и фавориток... в общем, то, что именуется «ближний круг». Даже высшие государственные сановники сплошь и рядом на такие приемы не попадают, если король или королева к ним, в принципе, равнодушны. Обратите внимание, гостей достаточно мало, всего тридцать четыре, а здесь, на торце, где располагаются кресла королевской четы, значится только имя Дайни Барг — супруг видимо, как обычно, носился по лесам... Кресла расставлены так, что люди сидят аккуратно напротив друг друга. Вот Асверус...

— Ага, — сказал Сварог, наклоняясь над листом. — А напротив... А напротив — Гражина, маркиза Таугели... Имя скорее горротское, чем ронерское...

— Все совпадает, — сказал Интагар, азартно блестя глазами. — Синеглазка напротив, чаща разноцветья хрустала, стихотворение датировано тем днем, когда состоялся обед. Это убедительно?

— Довольно-таки... — сказал Сварог.

— Судя по дате, меж ними, еще, возможно, и не начался роман, — продолжал Интагар. — Быть может, он вообще впервые ее увидел... Точные даты, когда именно *началось*, никому не известны — это разрыв и последующие его метания очень точно датируются по стихам...

— Короче, — сказал Сварог. — Из чего следует вывод, что она — ларисса?

— Во-первых, из самого имени, — сказал Интагар. — великолепно просто, что вы изволили пожаловать мне компьютер. Без него я бы, конечно, и так все выяснил, но ушли бы недели... В общем, такого дворянского рода, Таугели, *вообще* нет. Нет его на Харуме, нигде в геральдических книгах не значится. А меж тем никакая самозванка не смогла бы проникнуть на *такой* прием. Где королева лично отбирала гостей и каждого знала. Конечно, иные шустрые самозванцы и при дворе ухитрялись быть приняты — но, повторяю, на такой прием им в жизни не попасть. Все они там поголовно должны были быть добрыми знакомыми королевы...

— Ну, и что вы накопили касаясь этой Гражины? — спросил Сварог. — Зная вас, не сомневаюсь, что вы немедленно кинулись копать...

— Она появилась *ниоткуда* примерно за две недели до приема, — сказал Интагар. — Бумаги прекрасно сохранились — ничуть не секретные архивы Нотариальной палаты. Есть точная дата, когда именно Гражина, маркиза Таугели, сняла особняк в Равене — по всем правилам, через помянутую палату, с оплатой на три месяца вперед. Судя по адресу, недостатка в деньгах она не испытывала. Всего через день она, опять-таки должным образом, снимает не менее роскошный особняк в Латеране... *Через день...*

Сварог понятливо кивнул. Все было ясно и так. Самолетов тогда еще не было, расстояние меж Равеной и Латераной приличное, современные речные пароходы, отнюдь не медленные, преодолевают его дня за три... а тогда и пароходы были хуже. Обычный земной человек такое расстояние за день преодолеть не может. Вариантов не слишком много: либо она из тех немногочисленных колдуний, что еще сохранили умение летать по воздуху, либо у нее была под рукой вимана или брагант...

— В обоих городах сделки она заключала сама, — сказал Интагар. — Подписи идентичны. Далее. Уже через два дня после прибытия в Латерану ее имя появляется в списке гостей дворцового маскарада — полное впечатление, что она к нему и подгадала... Обратите внимание: никому прежде неизвестная женщина объявляется в Латеране, и тут же принята при дворе. Конечно, бывает разного рода протекция, но, учитывая вышеизложенное... Появление ниоткуда и *день*, разделяющий ее появление в Равене и Латеране — это доказательства?

Сварог снова кивнул:

— Доказательства.

— Я, конечно, могу только строить предположения... Но если она ларисса, она вполне могла познакомиться с королевой у *вас*. Я откопал дворцовые журналы. За неделю до появления Гражины Дайни Барг, подобно другим земным монархам, присутствовала на большом балу в Келл Инире — это в последнее

время устраивают маскарады и балы, где немало земных дворян, а в те годы ничего подобного не было, никаких дворцов вроде того, где мы с вами тогда были на маскараде. *За облака* в виде особой милости приглашались только короли. По-моему, весьма правдоподобная версия: они познакомились на том балу, и Гражина — ну конечно, имя вымышленное, я за всю жизнь только раз сталкивался со случаем, когда высокие господа небес появляются на земле под собственным именем, речь, конечно же, о герцоге Орке... Словом, Гражина прилетела в гости. Судя по договорам найма, месяца на три. Не первый случай, сплошь и рядом... Ну вот. Дальше нам и так все известно — Асверус влюбился всерьез, а она явно ответила что-то вроде «поиграли — и будет». А исчезла она так же внезапно и в никуда, как внезапно появилась из ниоткуда. В тех самых договорах найма значится: нанимательница вышла из особняка в Равене и более не появлялась ни там, ни в Латеране. Кстати, она могла получить назад плату за полтора месяца, с вычетом каких-то процентов — но так никогда и не обращалась ни к домовладельцам, ни в Нотариальную палату... Пришла из ниоткуда, исчезла в никуда... — он конфузливо улыбнулся. — Черт, прямо первая строчка стиха получается... Я вас убедил, ваше величество?

— Убедили, — сказал Сварог. — Убедили бы даже, не будь *другого* источника. А он есть. К нам приехал барон Фаторус, вы, конечно, знаете?

— Конечно. Мы должны добыли встретиться вечером, как следует потолковать о делах...

— Он привез с собой документы, которые решил отдать мне, не дожидаясь встречи с вами, — Сварог достал два пожелтевших листочка и показал Интагару. — Это два стихотворения Асверуса, их тайная полиция отыскала в архивах после взятия Латераны, сто двадцать лет они хранились в архивах с пометой: «Только для глаз короля». Почему, сейчас поймете сами... Читайте.

Он подал Интагару листок с коротким стихотворением.

*Я был наивен, любовь — легка,
но вы вернётесь за облака,
играть другими, как нынче мной —
с веселой, чистой, пустой душой...
Я вас придумал в приятном сне,
и сам виновен, что снились мне
и ваши чувства — пожар, дурман! —
и ваша нежность, и вы сама...*

— Вот так, — сказал Сварог, когда Интагар опустил руку с листком. — Вторая строчка — неопровержимое доказательство, вкупе с тем, что вы уже накопили... Теперь вот что... Я прекрасно понимаю, почему это стихотворение оказалось под таким графом секретности, почему барон с превеликим облегчением перепоручил его мне, раньше, чем встретился с вами. Ну конечно, кто бы вмешивался в дела Высоких Господ Небес... Это понятно. Но мне совершенно непонятно, почему вместе с этим стихотворением в тот же конверт попало и второе, на мой взгляд, безобиднейшее... Вот, читайте, может, вы мне что-нибудь объясните...

*Было: теплый ливень, звона полный,
тяжело ворочалась гроза.
Отражались желтые зигзаги молний
в ваших синих и восторженных глазах.*

*Стало: под высоким небосклоном
лирика корява и груба...
Мимоходом я убит грифоном
с вашего герба...
Было: сколько раз я падал на колени,
и не знал, что я наивен, юн и туп,
полагая в глупом самомнении,
будто я — хозяин ваших губ.
Стало: взгляд чужой и непокорный,
не в каприз, а навсегда уже.
Вот и проскакал ваш всадник черный
по моей душе...
Как ни искал я к сердцу ключ,
но ваш шиповник был так колюч...*

— Понятно... — тихо сказал Интагар, дочитав.

— Что? — жадно спросил Сварог.

— По *форме* — это так называемые «гербовые вирши в стиле балерио», — сказал Интагар. — Я запомнил, пока рылся в книгах, на всякие вещи натыкался... Среди поэтов тогда было в большой моде сочинять вирши, в которых они описывали фигуры в гербе предмета своего воздыхания, сплетая всякие там ассоциации и прочие красоты. Иногда это касалось тех, с кем роман успешно проходил, а иногда — грусть после разрыва, вот как здесь... Это описание ее герба, полагалось делать полное. Грифон, черный всадник — точнее, как принято в геральдике, «черный рыцарь», и шиповник...

— Ну и что? Вымышленное имя, вымышленный герб... Человек, выступающий в образе земного дворянина, обязательно должен иметь еще и герб...

— Она не могла пользоваться здесь этим гербом, коли уж выдавала себя за земную дворянку, — тихо сказал Интагар. — Иначе всем моментально стало бы ясно, кто она — а ведь никто и словечком не упоминает о *ларриссе*... Видите ли, ваше величество, всевозможные рыцари, пешие и конные, в земной геральдике встречаются частенько, как и шиповник с прочими цветами. Но есть две гербовых фигуры, которые позволены только ларам, а на земле запрещены в геральдике — грифон и лилия... Это ее *настоящий* герб, ваше величество, — он смотрел так, словно Сварог сам должен был о чем-то догадаться. — Вряд ли она выглядела старше Асверуса, прошло всего сто двадцать пять лет...

И тут до Сварога дошло.

— Да ведь она и сейчас должна быть жива! И даже не особенно стара! — буквально рявкнул он.

— Именно, ваше величество...

— Ага! Думаете, у нее могут оказаться какие-то бумаги?

— Не знаю, ваше величество. Вот тут уж не берусь ни о чем судить...

— Где у вас стоит компьютер? Ага!

В два прыжка оказавшись возле столика с компьютером в дальнем углу, Сварог прямо-таки забарабанил по клавишам. И, едва на экране появился Элкон, выпалил:

— Где вы сейчас?

— В конторе, — спокойно ответил Элкон, — как раз закончил со снимками, набралось четыре с небольшим тысячи. Сейчас лечу в Хелльстад...

— Задержитесь, — сказал Сварог. — Слушайте внимательно. Мне нужно

срочно выяснить, кому из ларов принадлежит некий герб. Я не знаю, какой он формы, и как разделен, но совершенно точно известно: на нем грифон, черный конный рыцарь и шиповник... не знаю, белый или красный. Все это можно выяснить в считанные минуты. Далее. Мне нужно знать, что за женщина пользовалась этим гербом сто двадцать пять лет назад. Тогда она была молодой, значит, и сейчас не стара. В те времена она могла быть незамужней, потом выйти замуж и пользоваться теперь гербом мужа... но герб-то все равно остался в гербовнике... Элкон, мне это нужно немедленно! Если нет в точности такого герба, подберите все схожие. Элкон, это срочно!

— Пустяки, командир, — Элкон невозмутимо пожал плечами. — Займет от силы квадранс, а то и меньше...

Когда он исчез с экрана, Сварог, вновь плюхнувшись в кресло, закурил, достал из воздуха стопку келимаса. Поставил вторую перед Интагаром:

— За успех! Вам в любом случае полагается орден... Заслужили.

— Но получается, после этих стихов, что я работал зря...

— Вот это уж вздор, — сказал Сварог. — Вы отлично провернули серьезную работу... а стихи отыскались случайно, могли и не найтись. Так что все заслуги — за вами.

Только тут он сообразил, что это можно проверить совершенно точно — просто не подумал о таком варианте, поскольку он был стопроцентно легальным, а Сварогу вечно приходилось иметь дело с совершеннейшей нелегальщиной... Ну ладно, не стоит сейчас отрывать Элкона, пусть ищет...

Вот кем Интагар никогда не был, так это трезвенником. Стопку он осушил с явным удовольствием. Посидел немного и осторожно спросил:

— Ваше величество, я точно могу быть уверенным, что мне это сойдет с рук — и кивнул в сторону компьютера. — Маркиза Томи как-то все же проговорилась, что его работу наверху могут обнаружить...

— Ну да, — сказал Сварог, ухмыляясь не без цинизма. — И все донесения об этом лягут ко мне на стол... Все б порядке, Интагар, вас это совершенно не должно волновать.

Он самую чуточку лукавил. Компьютер Томи настроила так, чтобы Интагар полной ложкой черпал любую информацию о земных делах из архивов Канцелярии земных дел — там она полная и богатейшая. А Элкон озаботился, чтобы «дорожка» проходила окольными путями и невозможно было отследить, кто именно шарит по архивам, да и сами поиски останутся неведомы для тамошних спецов. Но, увы, саму работу компьютера не скроешь, его могут очень быстро вычислить, определить, где он находится. И донесения ложатся не только на стол Сварогу в «восьмерке» и «девятке» (как уже ложились две недели), но и на стол Канцлера. И коли уж Канцлер за эти две недели не предпринял никаких мер, ни словечком не намекнул Сварогу, что знает (а он должен прекрасно понимать, кто тут развлекается), — выходит, смотрит сквозь пальцы на очередное Сварогово мелкое хулиганство, понимает, что это исключительно для пользы дела...

— Еще по стопке? — предложил Сварог.

— Не отказался бы...

— Держите. За...

Компьютер мелодично мявкнул, и Сварог, поставив нетронутую стопку, кинулся к нему, мельком глянул на часы — девять минут, ай да Элкон, пожалуй,

по итогам операции и ему следует медальку повесить...

— Ничего сложного, командир, — сказал Элкон со свойственной ему в таких случаях напускной небрежностью. — *Нескольких* гербов нет, есть только один, в точности отвечающий описанию. Вот, смотрите (Сварог поманил Интагара, и тот буквально подскочил к столу). Вывожу на экран.

Изображение превратилось в два — правую половинку экрана занимал Элкон, вторую — герб. Классический гербовый щит ларов — домблон, только с двумя вырезами по сторонам, у верхней кромки. Рассечен по вертикали пополам. Справа — золотой с черным грифон, слева — черный конный рыцарь. У верхней кромки, на рассекающей линии — колючая веточка алого шиповника.

Сварог не успел открыть рта — Элкон, предвидя дальнейшие вопросы, продолжал:

— Сто двадцать пять лет назад это был родовой герб Эльтилеты, маркизы Белуа. Тогда ей было двадцать. Восемнадцать лет спустя она вышла замуж, теперь, естественно, пользуется гербом мужа. Теперь она Эльтилета, графиня Дореак. Муж в долгой командировке на Сильване, она тоже там, но завтра поутру должна вернуться. Последний снимок из Гербовой книги сделан два года назад.

На месте герба появилась златовласая, синеглазая красотка, с затейливой прической замужней женщины, в открытом белом платье, с сапфировым, в тон глазам, ожерельем на шее. Выглядела она лет на двадцать с небольшим — ну конечно, всего сто сорок пять... И не казалась ни порочной, ни жестокосердной, наоборот, довольно милой. Именно такой, в точности такой она должна была предстать перед Асверусом — Синеглазое Чудо, Синеглазое Горе...

— Теперь вот что, — сказал Сварог. — Проверьте быстренько по архивам восьмого департамента — регистрировалась ли она для полета на землю. С большой долей вероятности — в фионе три тысячи пятьсот восемьдесят первого Харумской эры — мне некогда переводить это в *наши* даты, а вам — раз плюнуть...

— Ну, это и вовсе быстро, — сказал Элкон. — Я даже отключаться не буду...

Он опустил глаза, судя по движениям плеч, его пальцы порхали по клавиатуре. Не прошло и минуты, как он поднял взгляд:

— Регистрировалась. Под именем Гражины, маркизы Таугели.

— Отлично, — сказал Сварог. — больше поручений нет, отправляйтесь в Хельстад и делайте, как оговорено.

Когда экран погас и они вернулись за стол, Сварог вновь наполнил стопки:

— За это, право же, стоит выпить. И за успех дела, и за ваш орден. Заслужили. Даже не будь бумаг барона, я бы ее нашел, коли уж она регистрировалась... Это вообще-то секрет, но вы со мной одной веревочкой повязаны на всю оставшуюся жизнь... Видите ли, благородные лары и лариссы в силу извечных вольностей могут отправляться на землю, вообще не ставя никого в известность. И пребывать там, сколько душе угодно. Правда, из всех таких один Орк совершенно не скрывает, кто он, даже настоящее имя не держит в тайне — а прочие все же притворяются землянами. Но иные официально регистрируются в восьмом департаменте — выбранное имя, место назначения... Это, в общем, не из законопослушности — чаще всего так поступают молодые, робкие

девушки и... прямо скажем, трусоватые любители развлечений. Зарегистрированный получает датчик и устройство, позволяющее подать сигнал тревоги, в случае опасности помощь подоспеет очень быстро...

— Да это не секрет, — признался Интагар. — По крайней мере, для начальников тайных полиций. За то время, что я на нынешнем посту, раз двадцать получал из восьмого департамента — имя и указание обеспечить постоянную негласную охрану. Вот тут вы совершенно правы, — он деликатно усмехнулся. — Судя по моим наблюдениям, это всякий раз были либо совсем молодые девушки, либо трусоватые любители развлечений. Я давно уже понял, что *истинные* искатели приключений, вроде Орка, отправляются на свой страх и риск... как и дамы определенного склада, ищущие определенных развлечений. Вроде герцогини Аколем... вы ведь знаете такую?

— Знаю, — сказал Сварог с безразличным видом (ну, как же, немало в свое время побегал от этой распутной красотки, жаждавшей его присоединить к своей немаленькой коллекции). — Она все еще на Бараглайском холме?

— Ну да, — сказал Интагар. — Если вам нужны сведения...

— Ни малейших, — отмахнулся Сварог. — Сведения будут удручающе однообразны, разница лишь в именах и адресах. На кой она мне сдалась... Присматриваете?

— Конечно, — сказал Интагар. — Все-таки герцогиня, жена камергера императорского двора... Вообще стараемся присматривать за *выявленными* — мало ли что, хоть они и не регистрируются, и указаний насчет них я не получаю... Супруга камергера...

«У которого рога не во всякие ворота пройдут», — мысленно добавил Сварог. Впрочем, камергера это нисколько не волнует, поскольку и он, со своей стороны, нимало не удручаясь художествами супруги, волочит за каждой юбкой, в прошлом году даже вокруг Яны со всей деликатностью круга нарезал. Одним словом, здоровая, устойчивая, крепкая семья, счастливый брак...

Он как-то сразу расслабился, обмяк. Не нужно было никуда мчаться, что-то срочно предпринимать, выяснять, пресекать, принимать меры... Графиня вернется только завтра, результаты у Элкона появятся, может быть, даже послезавтра, Золотая Щука и вовсе должна объявиться, если уцелела, дня через два... Никаких срочных дел. Лететь в Хелльстад, или... Или.

— Вы прекрасно поработали, Интагар, — сказал он, вставая. — Орден за мной. Пойду немного отдохну...

— Ваше величество...

— Не смотрите на меня так умоляюще, — усмехнулся Сварог. — Если завтра окажется, что у нее в самом деле остались какие-то бумаги и она их не выкинула, вы с ними первым после меня познакомитесь, вам по должности положено...

Он кивнул, вышел и направился в закатное крыло вялой, расслабленной походкой — так приятно было никуда не спешить и знать, что нет на сегодня никаких дел... Никто его сегодня больше не побеспокоил неприятными сюрпризами, вообще новостями. Так что он лежал, довольный и покойный, обнимая прильнувшую к нему Мару, в бледно-сиреневом свете единственной карбамильской лампы, слушая Тарину Тареми:

*Скажи, Бога ради,
вдруг былого лед*

не растаял сзади,
а уплыл вперед,
и в грядущем только
дней прошедших наст
предательски тонко
поджидает нас?

Мара пошевелилась, спросила чуть обиженно:

— А почему ты даже не спрашиваешь, как у меня дела с предстоящей кампанией?

— А зачем спрашивать? — лениво ответил Сварог. — Коли уж морскую операцию разрабатывал адмирал Амонд, а действия конницы — князь Гарайла, тут и спрашивать ничего не надо. Ты уж только постарайся особенно не высываться и не лезть в самое пекло...

— Постараюсь, — самым искренним тоном заверила Мара (но Сварог прекрасно зная боевую подругу, что-то не особенно ей верил). — Буду держаться, как королеве положено...

— Ага, — сказал Сварог, — великолепный образец уклончивой формулировки. Королевы разные бывают, взять хотя бы Джалию Гланскую, та лично кавалерийские атаки возглавляла...

— Да ладно, — фыркнула Мара. — Не буду я в самое пекло, уговорил...

— Послушай, — осторожно начал Сварог. — А вот как ты отнесешься к тому, что я женюсь?

Мара живо приподнялась на локте, заглянула ему в глаза:

— Я искренне надеюсь, ты не мне собрался замужество предлагать? Я вовсе не собираюсь за тебя замуж, мне с тобой и так хорошо, да и гордой, независимой королевой побыть хочется. Так-так-так. На Яне?

— Да, — сказал он все так же осторожно.

— Блеск! — воскликнула Мара, наклонилась и звонко его расцеловала. — Ты, как всегда, великолепен. Там? — она показала пальцем в потолок.

— Да что ты, — сказал Сварог. — От *такой* перспективы я бы отбивался руками и ногами... В Хелльстаде. Ну, вот хочет она быть еще и королевой Хелльстада...

— И правильно, — чуть подумав, заключила Мара. — Наверху перед ней в струнку вытянутся и на цыпочках ходить будут, они ж тоже Хелльстада боятся... Вот здорово! — воскликнула она с неподдельным энтузиазмом. — Соберем всех старых друзей, на свадьбе погуляем... Я, со своей стороны, берусь дать ей немало полезных советов касательно убления мужа...

— Ничуть ты не изменилась, рыжее чудовище, — фыркнул Сварог.

— И не собираюсь, — отрезала Мара. — Какая есть, такой и останусь навсегда. Это не тупость и не упрямство, а целеустремленность и постоянство характера... Так что я за тебя очень рада. А то в последнее время, с тех пор, как я на Сегуре, за тобой толком и присмотреть некому. Чуть отвернешься — а ты шмыгнешь учинить очередное геройство... Ничего, теперь Яна за тобой будет присматривать, она девушка рассудительная... Можешь меня потом убить, но я ей обязательно объясню, толково и обстоятельно, как за тобой следует присматривать... Нет, точно здорово! А когда?

— Довольно скоро, думаю, — сказал Сварог.

— Ну, Дике я взять успею... Надо будет какое-нибудь платье придумать...

Слушай! — воскликнула она вдруг. — А когда мы, наконец, будем громить Горрот? И крохотулек? Ведь давно пора, а то как гвоздь в башмаке...

— Дойдет черед, — сказал Сварог, не желая вступать в серьезные разговоры о нештучных сложностях. — Иди сюда...

...Вылезши из служебного браганта, он шагнул к замковой лестнице четким, едва ли не маршевым шагом — в парадном черно-сиреневом мундире, со всеми орденами, имперскими и земными, при мече, пусть и коротком, церемониальном. Вполне возможно, графиня сейчас наблюдала за ним из окна, и Сварог с самого начала старался предстать не пустым светским визитером, а мрачным генералом, пребывавшим при исполнении не самых веселых служебных обязанностей...

У входа, по обе стороны высокой двери, стояли шесть дружинников в парадной форме — все по этикету, именно так и надлежит встречать и генерала, и камергера двора, если он является в мундире, кто-то вовремя подсуетился... а вот, как и следовало ожидать, дворецкий объявился, разряженный, как павлин-мавлин...

Сверкнули шесть огненных мечей, brave молодцы дружно рявкнули приветствие, дворецкий осыпал его потоком затейливых фраз, все по этикету, черти б его побрали. Сам виноват, вырядился в мундир, но тут уж ничего не поделаешь, нужно с самого начала чуточку надавить на нее *официальностью*, по данным восьмого департамента — ни крупинки железа в характере, мягкая такая, из тех, что зовутся «домашними» — хотя балы и развлечения любит, часто посещает, двое детей, фрейлина императрицы (в Империи, в отличие от земли, во фрейлинах могут оставаться и после замужества, и получить эту почетную должность, будучи замужними), в изменах мужу не замечена. Супруг, правда, порой гуляет на стороне, хотя не так уж часто...

Графиня встретила его в холле — знак отменной вежливости. Да, она по-прежнему выглядела на двадцать с небольшим, и такой ей оставаться еще долго — Синеглазое Чудо, Синеглазое Горе, простое, но изящное домашнее палевое платье, простая домашняя прическа, украшений нет, кроме небольших сережек...

Сварог выполнил полагающийся церемонный поклон.

— Граф Гэйр? Я не ждала вашего визита, но все равно, рада вас видеть, о вас рассказывают столько интересного...

Спокойный, ровный, мелодичный голос — вот только взгляд задержался на мече, без малейшей тревоги, но с несказанным удивлением. Конечно же, она прекрасно знала этикет и понимала, что человек при мече может явиться исключительно ради каких-то служебных обязанностей.

— Быть может, вам нужен мой муж, — спросила она чуть недоуменно, видя, что он перехватил и понял ее взгляд. — Он еще с неделю будет на Сильване...

— Мне нужны именно вы, графиня, — сказал Сварог с вежливой непреклонностью. — Хотелось бы с вами побеседовать. Извините, служба требует...

— Ну конечно, если так нужно, — сказала она просто. — Я еще не видела таких мундиров... Это девятый стол, надо полагать?

— Да, — сказал Сварог.

— О нем тоже ходят разные интересные разговоры... но никто ничего не

знает толком. Маркиза Ролатан, баронесса Лейт, мать Томи — моя давняя подруга, но Томи ей ничего не рассказывает, ссылается на служебные тайны... Ох! Что же я держу вас в холле... Пойдемте? Кофе?

— Пожалуй, — сказал Сварог, отстегивая меч, как и полагалось приглашенному к столу офицеру, пусть явившемуся исключительно по служебной необходимости. При оружии остаются до конца, лишь когда проводят арест, а какие тут могут быть аресты...

Раззолоченный лакей, как полагалось, унес его меч на вытянутых руках к вешалке для оружия — сейчас, конечно, пустовавшей. Небольшая гостиная, выдержанная в палевых, в тон ее платью, тонах, легкий столик с позолоченными углами, фарфоровый сервиз в сине-красной росписи... Сварог постарался выпить свой кофе со всей быстротой, позволявшей этикетом, — графиня, едва пригубив, неотрывно смотрела на него, без малейшего напряжения и тревоги, с несказанным удивлением и, пожалуй что, с любопытством: женщины остаются женщинами...

— Я бы хотел задать вам несколько вопросов, графиня, — сказал Сварог. — О... былых временах. Возможно, иные из них будут не вполне тактичными, но такова уж служба... Если какие-то покажутся вам *вовсе* уж нетактичными, скажите прямо. В конце концов, это не допрос... хотя дело официальное и весьма серьезное.

— Вы меня заинтриговали, — сказала она, чуть улыбаясь. — Как любую на моем месте... Вряд ли вы станете задавать *вовсе* уж нетактичные вопросы, так что начинайте, мне очень любопытно. Представления не имею, зачем я понадобилась вашей службе, но это и есть самое интригующее...

— Сто двадцать пять лет назад вы посещали землю, — сказал Сварог. — Равена, Латерана... бывали где-то еще?

— Нет, только в этих двух городах, — охотно ответила она.

— Насколько я догадываюсь, в Келл Инире, на большом балу, вы познакомились с королевой Ронеро Дайни Барг?

— Да, — так же легко ответила она. — Балы и торжества продолжались неделю, так что мы, можно сказать, подружились. Знаете, женщины не знают *середины*. Либо сразу становятся подругами, либо с первой же встречи понимают, что терпеть не могут друг друга. Мы как-то очень быстро сблизились, нам было друг с другом интересно. Я впервые видела жительницу земли, причем королеву, а Дайни до того бывала у нас исключительно по официальным делам, в Канцелярии земных дел, — графиня улыбнулась. — Впрочем, она моментально освоилась и веселилась, я бы сказала, очень энергично.

«Ну конечно, — подумал Сварог. — Зная вольный нрав Дайни, легко догадаться, что за эту неделю в ее спальне побывал не один здешний кавалер. Ну, такова уж была Дайни Барг, да и муженек ей достался, если вспомнить...»

— Когда мы прощались, она пригласила меня в гости, — продолжала графиня. — Я зарегистрировалась должным образом в восьмом департаменте — мне тогда едва исполнилось двадцать, я никогда прежде не была на земле, а теперь предстояло отправиться туда в одиночку... Не то чтобы я чего-то боялась, но некоторую робость испытывала. Почти сразу же я попала на малый прием, торжественный обед для ближнего круга...

— И там вы познакомились с Шеллоном, графом Асверусом?

Без сомнения, она прекрасно помнила и те события, и Асверуса — ее взгляд

стал отстраненным, словно бы затуманенным, на губах играла отрешенная улыбка — с таким лицом люди обычно вспоминают безусловно приятные события своей юности...

— Да, именно там... Он уже через пару часов преподнес мне сочиненный тогда же мадригал...

Сварог негромко процитировал:

— В нежданном, тихом, плавном повороте из-под бедняги уплыла земля... Это?

— Да, — сказала она, ничуть не удивившись. — Вы читали, конечно... Оказалось со временем... уже *после*... что он был большим поэтом, ему даже поставили памятник... где он ничуть на себя не похож, он всегда очень просто держался и не принимал столь напыщенных, горделивых поз...

— Ну, что же вы хотите, графиня, с памятниками так сплошь и рядом обстоит...

— Тогда я не видела в нем большого поэта, — призналась графиня. — Приятный, остроумный, что скрывать, интересный придворный кавалер... Стихи писали и пишут очень многие, только время дает возможность оценить, кто чего стоит. Стоил...

Сварог уже понял, что она далеко не глупа.

— Об Асверусе мне и нужно с вами поговорить, — сказал он без малейших колебаний. — Обо всех тогдашних делах.

Ее светлые брови удивленно взлетели:

— Эти дела до сих пор могут кого-то интересовать? Все давно умерли, столько времени прошло...

— Эти дела оказались настолько живучими, что и сейчас продолжают... — сказал Сварог. — Вот теперь, графиня, и последует, быть может, нетактичный вопрос... Ваши отношения с Асверусом...

Она промедлила лишь самую чуточку:

— По-моему, здесь нет ничего особенно нетактичного... Коли уж вы не светский сплетник, а генерал на службе... В конце концов, во всем этом не было ничего постыдного. Я не монашенка была в то время, у меня уже случилась парочка настоящих романов, тем более я тогда была незамужней и свободной от обязательств перед кем бы то ни было... У нас очень быстро начался роман... и очень быстро стал *настоящим*, — она на миг опустила глаза. — Классический, легкий, ни к чему не обязывающий... то есть это мне так казалось... недели три все шло просто прекрасно, а потом... — она снова замялась на миг, но решительно продолжила: — Оказалось, что *он* влюблен по-настоящему, впервые в жизни, как он клялся дворянской честью, потерял голову... Но я-то ничего такого не хотела! У меня не было к нему ровным счетом никаких чувств — ровно столько, сколько отведено на мимолетный роман. Я ему это говорила с самого начала, никогда не врала будто люблю. А он... Он ничего не хотел слушать, совершенно потерял голову... Все это стало очень тягостно, у нас состоялось решительное объяснение... называя вещи своими именами, разрыв. А он... Он никак не хотел с этим примириться, не мог взять в толк, что я его не люблю. Дважды буквально врывался ко мне в особняк, и оба раза были тяжелые объяснения... В конце концов, я велела слугам не пускать его в дом ни под каким видом... Граф, ну что мне еще оставалось делать? — воскликнула она прямо-таки беспомощно. — Я не любила его и не считала, будто

когда-нибудь полюблю! Разве я в чем-то виновата?

— Ну что вы, графиня, — сказал Сварог искренне. — Если подумать, история банальнейшая, различие лишь в том, что иногда нелюбящей бывает женщина, а иногда мужчина не любит... (он вспомнил Томи, хвала небесам, давно излечившуюся от очередной пылкой влюбленности — на сей раз в него). — Ни в чем вы не виноваты.

Он входил сюда, ощущая легкую злость на эту синеглазую красавицу, но теперь все это схлынуло. Перед ним сидела не великосветская шлюха и не роковая красотка, обожавшая коллекционировать сердца. Банальный мимолетный роман, ну вот не любила она его, и все тут... Если бы Асверус, скажем, застрелился из-за нее или иным способом покончил с собой, еще можно было бы зло ворчать про себя: погубила великого поэта, стервочка бесчувственная... Ни в чем она не виновата.

— Это становилось тягостным, — тихо продолжала графиня. — Он бродил под окнами, словно юнец... На мое счастье, он куда-то уехал, а Дайни пригласила меня в Латерану. Правда, я там надолго не задержалась... — она снова ненадолго опустила глаза. — Если вы столько знаете о тех временах... вам ведь известно, что такое Академия Лилий?

— Конечно, — сказал Сварог.

— Я говорила, что не монашенка, — сказала графиня самую чуточку смущенно. — И потом, до замужества, у меня случались романы... как у всех. Но Академия Лилий... Для меня это было чересчур. *Таких* забав я всегда сторонилась, это не мое... Дайни сначала настойчиво приглашала меня участвовать, я отказалась наотрез. Она ничуть не обиделась, она была умница — но все равно, в Латеране мне стало как-то чуточку неуютно. Выпадала из общей картины. Весь двор очень увлеченно предавался нескончаемому... веселью, меня форменным образом осаждали кавалеры, иные сами по себе, а иные пытались вовлечь в игры наподобие Академии Лилий. Конечно, все было строго в пределах этикета, но мне *так* не хотелось. И, оставаясь там, я себя чувствовала совершенно инородным телом... В общем, я вернулась в Равену и решила, что, пожалуй, пора возвращаться домой. Разве что намеревалась задержаться на пару дней, чтобы посмотреть Шествие Гильдий, мне говорили, это очень красивая и пышная церемония...

— Простите, графиня, я перебью... — сказал Сварог, форменным образом затаив дыхание, весь в нешуточном напряжении. — Асверус, случайно, не передавал вам на хранение каких-нибудь бумаг?

— Да, оставлял, — нимало не промедлив, ответила она. — Неужели они и сейчас кому-то интересны?

— И что с ними стало? — спросил он, явственно ощущая, как напряжена каждая клеточка, каждый нерв.

— Они и сейчас лежат у меня в секретере, в дальнем ящике. В полной сохранности, — безмятежно сказала графиня. — Сама не знаю, зачем сохранила... просто они *остались* лежать там, знаете, как это бывает со всякими безделушками, особенно памятными? Граф! — воскликнула она с легкой тревогой. — Простите, но у вас такое лицо... Вам нехорошо?

— Ну что вы, — сказал Сварог, не ощущая ни облегчения, ни радости, просто чувствуя себя ватной куклой. — Вы не представляете, что эти бумаги для меня значат, и как я боялся, что они пропали навсегда...

— В чем же дело? — пожалала она плечами. — Мне они совершенно не нужны, а вам, видимо, необходимы... Позвать лакея, чтобы принес прямо сейчас?

— Нет, не обязательно, — сказал Сварог, *отходя*. — У меня еще пара вопросов, чтобы уточнить кое-что...

Перехватив его тоскливый взгляд, графиня чуть улыбнулась:

— Забудьте об этикете, вам сейчас просто необходимо, я же вижу. Я неплохо знаю мужчин... Вот чистая чашка...

Наполнив кофейную чашку до краев выдержанным, судя по запаху, келимасом, Сварог ее вульгарно *жахнул* так, словно сидел сейчас в солдатском бивуаке.

— Отлично. А теперь налейте себе вторую, — заботливо сказала графиня. — Я видела мужчин в подобных ситуациях... Кстати, можете курить, если хотите, муж у меня курит...

Опустошив вторую и закурив, Сварог чуть посидел с закрытыми глазами. Он еще не знал, *что* выиграл — но, безусловно, не медяки...

— Как это все произошло? — спросил он.

— Он объявился у меня внезапно, буквально ворвался, слуги не успели доложить... Вообще не понимаю, как они его пустили, до этого они старательно выполняли мой приказ... Это были надежные люди, не польстились бы на золото и не испугались бы оружия...

Для Сварога тут ничего непонятного не было. Конечно же, на сей раз у Асверуса была при себе какая-то грозная бляха... да нет, бери выше, у него тогда оставалась *жуткая* королевская байза, наверняка украшенная знаками, вещавшими, что ее владелец волен повесить кого угодно, не сходя с места, тут же, на воротах... Тертые столичные слуги не могли не разбираться в таких вещах, они попросту струхнули... Было от чего.

— Я поначалу решила, что предстоит очередное тягостное объяснение, — сказала графиня. — Но нет... Да он и выглядел прямо-таки незнакомым — осунувшийся, небритый, весь в дорожной пыли, не то что грустный, а прямо-таки угнетенный... У него была с собой кожаная укладка для бумаг, довольно тяжелая на вид... Ни о каких чувствах и речи не заходило. Он попросил... да что там, он форменным образом умолял взять его бумаги на сохранение. «Ради всего святого...» И так далее... Он, право же, готов был умолять на коленях... — графиня тихонечко вздохнула. — Мне стало его попросту жалко, он был в таком виде... Я велела принести келимаса, он его пил почище, чем сейчас вы... Сказал, что эти бумаги невероятно важны, что за ними уже идет охота, а он сейчас никому не доверяет, потому что Дайни погибла, и в Латеране творится что-то скверное... но для меня никакой опасности нет, никто и не подумает, что бумаги у меня, он совершенно уверен, что за ним не следили... Когда — и *если* — все обойдется, он напишет мне через канцелярию земных дел, как это принято, и я отошлю ему бумаги назад... Я заверила, что все так и сделаю, — она печально покривила губы. — Он выглядел таким разбитым, опустошенным... словно потерпел некое серьезнейшее поражение... И вооружен был до зубов, кроме меча и кинжала, четыре пистолета на поясе, под плащом... Он сказал, что мне следовало бы побыстрее вернуться к себе... Посмотрел так печально, поцеловал в щеку и быстро ушел. Через несколько часов его убили на улице, я об этом узнала назавтра, Асверус был в Равене весьма заметной фигурой... Назавтра же по Равене *покатились* слухи, разговоры, крайне неприят-

ные новости... Дайни и в самом деле погибла вместе со многими из ближнего круга, никто не знал точных обстоятельств, но слухи кружили самые жуткие — что всех их убили демоны, что вскоре и в Равене начнется разгул нечистой силы, что снольдерские войска уже переходят границу, идут напрямиком на Равену... Я сама видела — флаг над королевским дворцом был наполовину приспущен и увит белыми лентами — значит, Королева и правда умерла... На улицах появились войска, одни стояли караулами вместе с полицией, другие куда-то проходили через город, конные и пешие... Вы не представляете, что творилось в городе, простолюдины бежали, нагрузив на повозки домашний скарб, да и иные дворяне торопливо покидали Равену, особенно те, чьи поместья располагались на закате, куда снольдерцы добрались бы в последнюю очередь, а то и не добрались бы вообще... Мне стало страшно, я подала сигнал тревоги, и за мной очень быстро прилетели на «невидимке»... Вот и все. Я больше никогда не бывала на земле, мне как-то хватило одного такого приключения... ну разве что, сопровождала императрицу на Ковенант в качестве дежурной фрейлины, но это было совсем другое... Правда, это все. Наверное, теперь... — Она коснулась одного из позолоченных завитков и, когда за ее плечом бесшумно возник предупредительный лакей, не глядя на него, распорядилась: — Мой кабинет, секретер из розового дерева, правый нижний ящик. Там лежит портфель, принесите... Граф, налейте себе еще, если хотите.

И минуты не пошло, как лакей вернулся — с большим портфелем из светло-коричневого сафьяна. В углу золотом вытиснен тот же герб, что красовался над входом в замок.

— Возьмите, — просто сказала графиня. — Там не только бумаги, там еще и мешочек с ожерельем, быть может, вы и о нем знаете...

— С крохотными, оправленными в золото черепами?

— Да. Какое-то время, пару лет, я его носила — к нам тогда попала с земли мода на «балерио»... вы наверняка знаете, что это такое, при вашей-то осведомленности...

— Когда Асверус дарил его вам, ничего о нем не рассказывал?

— Нет. Просто подарил, и я охотно приняла — мода на «балерио» тогда прямо-таки свирепствовала, как это частенько с модой случается... Берите, мне оно совершенно не нужно. Прошрое я иногда вспоминаю, как многие, но у меня нет привычки перебирать какие-то памятные вещички... У вас такой вид, словно вы хотите немедленно куда-то мчаться... Что ж, не стану задерживать... хотя с удовольствием увидела бы вас еще в качестве *обычного* гостя. Я говорю искренне. Всегда буду рада...

Она поднялась, и Сварог поднялся следом, сжимая в левой руке золоченую ручку довольно тяжелого портфеля. Златовласка, глядя на него как-то печально, спросила:

— Ведь я, правда, ни в чем не виновата?

— Совершенно ни в чем, — сказал он, целуя тонкие пальчики, — клянусь чем угодно. Человек никогда не виноват в том, что он — *есть*.

...Он гнал брагант на высокой, совершенно не нужной сейчас скорости, несся низко над облаками, напоминаяшими покрытую сугробами снежную равнину. Сидел с застывшим лицом, держа так и не раскрытый портфель на коленях, слушал Тарину Тареми:

*Не в злато и не в латы,
не в шелка яркий цвет —
всяк ком земли когда-то
был в саван свой одет,
и были его крылья
не за спиной — в груди —
ком злого изобилья
безоблачной земли...*

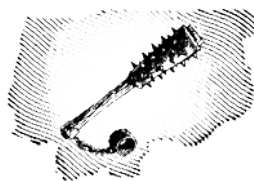
Его захлестывали чувства, которые пришли впервые в жизни, и им не удалось подыскать названия.

Прошло сто двадцать пять лет, на земле давным-давно умерли все, кто помнил те времена, — а Златовласка осталась в точности такой же, какой была тогда...

Только теперь он в полной мере осознал, что такое долголетие ларов, только теперь *проникся* и понял, насколько это жутко, по крайней мере, для него. Если его все же где-нибудь не ухайдакают, он проживет не меньше своих юных сподвижников — когда попал сюда, долголетие ему включили с самого *начала*. Лет семьсот. На его глазах будут стареть и дряхлеть, *уходить* все добрые знакомые, и Мара... а он останется таким же, как сейчас. Ну, предположим, Странную Компанию от такой участи легко избавить, в Хелльстаде кое-что найдется... но там не хватит на всех, кого он знает и ценит, к кому испытывает дружеское расположение... или просто нужду в отличном мастере своего дела. Они все когда-нибудь уйдут, все до одного, появятся совершенно новые люди, и это повторится снова, и снова... И ничего с этим не поделать, ничего не изменить. Жутко-то как...

Механическими движениями он отстегнул позолоченные застёжки портфеля, небрежно отложил на сиденье мешочек с ожерельем, наполовину вытянул небольшую стопу листов, поворошил. Иные украшены гербами, эмблемами, типографским способом выполненными надписями: министерство двора... тайная полиция... третий стол дворцовой стражи, ясно, что за контора, она и сейчас существует с теми же функциями... иные бумаги написаны почерком Асверуса... Донесения, рапорты... ага, военно-морская разведка...

Это, вне всякого сомнения, и есть считавшееся утраченным досье. Только радости нет, одна тяжкая усталость, как не раз прежде случалось в подобных случаях...

Глава XIII

ОТНЮДЬ НЕ ПОСЛЕДНЯЯ

Он раскрыл поле зрения главного перископа «Рагнарока» так, что обзор был на сто восемьдесят из трехсот шестидесяти румбов.

Особенных изменений пока что не произошло — парусные корабли и пароходы все так же шли вереницей, идеальным кильватерным строем, их обращенные к берегу правые борта то и дело заволакивались густым дымом, взлетали ракеты с «горродельским огнем», оставляя за собой тонкие, черные дымные полосы. Все они били по крепости Кортан, прикрывавшей вход в огромную бухту, где располагался главный порт Дике и примыкавший к нему немаленький город. Крепость — черный гранитный полумесяц, выгнутый в сторону моря, с тремя башнями — ожесточенно огрызалась. Однако ее снаряды большей частью взметали фонтаны воды далеко от атакующих кораблей — а вот те били гораздо метче, добрая половина пушек Кортана выведена из строя. Кортан строили в свое время неплохие военные инженеры, и расположили грамотно, там, когда все началось, было сорок с лишним пушек и десятков установок для ракет с «горродельским огнем». Однако в последний раз бой она принимала тридцать восемь лет назад, когда приплыла снольдерская эскадра, так что уже несколько поколений канониров попросту не имели ни малейшего боевого опыта, тренировки, конечно, были, но вряд ли уж частые — кажется, по уставу полагается четырежды в год. А штурмовали крепость морские волки, понаторевшие в сражениях... Так что добрая половина крепостных широких бойниц уже курилась изнутри дымом, и тамошние пушки молчали...

Слева красовались верфи, которые надлежало оставить нетронутыми, — самим пригодятся. Справа от Кортана как-то меланхолично пылал горротский корвет, не успевший сняться с якорей, давно покинутый командой, — его подожгли первые же корабли, вынырнувшие из рассветного тумана, как призраки. Атакующие корабли огибали его на приличном расстоянии — там вот-вот должен был рвануть пороховой погреб.

Даже не превращая перископ в мощную подзорную трубу, Сварог видел отсюда, что в бухте так и стоят у причалов многочисленные корабли — ни одного военного там не оказалось, и гражданские морячки, как люди разумные, с них попросту сбежали в город — даже возникни у них желание геройствовать, воевать было бы нечем. Совсем неподалеку от них медленно крейсировал взад-вперед пароход под ронерским флагом, ухитрившийся почти без повреждений прорваться в бухту сразу же, на рассвете. Пушки Кортана ему были неопасны, они расположены так, что не могут обстреливать бухту, — а на берегу что-то никто не горел желанием открыть боевые действия. И пароход попросту *присматривал*, готовый открыть огонь, если на берегу все же возникнет некая угроза.

Атакующие корабли тянулись бесконечной вереницей, под самыми разными флагами, их было много, очень много, добрая половина военных флотов трех королевств и Ганзы и изрядное число пиратских под сегурским флагом.

Что, собственно говоря, произошло, господа мои? Да ничего особенного. Нечто такое, что случалось десятки раз. Несколько государств подписали дого-

вор о создании Морской Лиги, военный флот которой обязывался немедленно прийти на помощь любому члену Лиги, подвергшемуся нападению на море. Если конкретно, договор подписали королева Сегура, короли Снольдера, Ронеро и Глана, а также Генерал-Старшина Ганзейской Палаты. То, что последние четверо были одним и тем же лицом, разве что расписавшимся четырежды и поставившим четыре разных печати, делу повредить никак не могло. Очередная прореха в законах, земных и небесных. Очередная каверза, которую никто не предусмотрел...

Сварог не имел права объединять свои королевства в одно — но не имелось законов, запрещающих бы означенным королевствам заключать меж собой самые разнообразные союзы — морские договоры, военные, торговые и прочие. Никто не мог запретить Сварогу заключать эти договора и союзы самому с собой. Цинизм ситуации немного смягчало наличие королевы Сегура — а в последний момент к договору примкнул и Бони Первый, король Арира: два из шести его Маноров примыкали к Ителу, следовательно, имели полное право на речной и морской флаг. Прежде Маноры эти, княжество и маркизат, ограничивались небольшим речным торговым флотом да всюю торговали «правом на морской флаг» — за какое щедро платила специфическая публика вроде капитана Зо, Бугаса и их коллег по увлекательному ремеслу. Однако теперь Бони, обрадовавшись настоящему делу, поставил под свой флаг пиратскую эскадру капитана Лутера из трех вымпелов — и сейчас важно стоял на мостике одного из них в свежешитом адмиральском мундире. Вроде бы и Паколет с ним сорвался, движимый теми же побуждениями борьбы со скукой и ожирением, это не игрушки — Лутер старый, опытный волк, и на его кораблях больше сотни пушек...

А там и случай подвернулся, бывает же такое очень кстати, уж если везет, так везет...

Стоявший в одном из ганзейских портов горротский фрегат вдруг взял да и шарахнул по соседу слева, мирному, торговому, не несшему никакого вооружения ганзейскому гукуру — причем сразу из трех орудий, поганец этакий, перед рассветом, когда было еще темно. Пожар на гукуре не возник, никого не убило и даже не ранило, но повреждения корабль получил серьезные. Мирный корабль в своем собственном порту приписки подвергся откровенному нападению горротского военного корабля. Это, знаете ли, кое-чем пахивало...

Срочно прибывший в капитанат порта командир горротского фрегата, бледный, как полотно, твердил, что он здесь совершенно ни при чем, — что никаких приказов открыть огонь по мирному кораблю он не отдавал, и никто не отдавал, что с фрегата, как выяснилось, исчезли трое канониров нижней палубы, которые, безусловно, самочинно все это и устроили.

Чины капитаната, отнюдь не дружески расположенные к гостю, качали головами, переглядывались и не особенно скрывали, что подобное объяснение их совершенно не устраивает, что, собственно говоря, никто этих канониров не видел, а потому само их существование под большим вопросом.

Самое пикантное, что *они* нисколько не лицедействовали — для *них* случившееся тоже было полной неожиданностью. Зато пара-тройка неприметных людей, вообще не состоявших на ганзейской службе, прекрасно знала, где именно сейчас пребывают означенные канониры, попивая винцо и весело

считая только что полученные золотые. Но неприметные ни за что не проболтались бы...

В общем, горротца не особенно и слушали. Все было ясно и так: вероломное нападение на одного из членов Лиги... далее все по договору...

Второе счастливое совпадение заключалось в том, что немаленький военный флот членов Лиги в момент злодейского нападения на ганзейский гукор не в гаванях стоял, а сведенный в четыре эскадры, находился на полпути от Дике. Куда немедленно и направился, получив известие о злодейском нападении на одного из членов Лиги — боевые корабли, транспортные суда, везущие полк ратагайской конницы, и восемь сотен Вольных Топоров под командой Шега Шедариса (и, соответственно, коней для них).

Третье счастливое совпадение — подлодок токеретов можно было не бояться, потому что тем же маршрутом в подводном положении двигались целых девятнадцать «ящеров» — боевых машин Морской бригады. Маркиз Оклер во главе, и трое его подчиненных, каждый из которых возглавлял пятерку беспилотников. Боже упаси, они вовсе не участвовали в событиях, они просто-напросто вышли на боевое патрулирование, охотясь за токеретами. Ну, а то, что совпали маршруты их и эскадры — случаются совпадения и удивительнее...

И, наконец, четвертый счастливый случай... Почти весь горротский военный флот, разбившись на две эскадры, прикрывал у Харума берега родного королевства. Поскольку горротская военно-морская разведка за приличные деньги купила в Равене у продажного чиновника Адмиралтейства подробный план предстоящего вторжения в Горрот крупными силами Морской Лиги: согласно ему, одна сводная эскадра намеревалась через залив Даглати войти в устье Итела и ударить по горротской столице, а вторая — высадить серьезный десант у входа в залив Мардин. Чиновник этот давненько работал на Горрот, информацию поставлял дельную и толковую, ему безоговорочно верили... но совсем недавно он оказался в длинной шеренге коллег, вдоль которой неторопливо шагал Сварог и задушевно спрашивал каждого:

— А вы не шпионите ли для иностранцев?

В конце концов, никто не заставлял горротцев покупать этот план и верить в него. Сами лопухнулись, сами и виноваты...

Сварог посмотрел на экран. Бой продолжался, он теперь кипел и на берегу, у редутов, прикрывавших крепость с суши. Несколько сотен спешившихся Вольных Топоров немалым числом пушек обстреливали укрепления. Где сидели точно такие же лопухи, как и в крепости, отродясь не нюхавшие настоящей войны, тем более с Топорами...

Сварог досадливо поморщился. Категорически ему не нравилась правая башня крепости — оттуда палили гораздо метче и эффективнее, чем все остальные. Вот фрегат под снольдерским флагом накрыло прямым попаданием, и он резко взял влево, уходя из строя в открытое море: с заметным креном на правый борт, с возникшим на юте пожаром, с обрушившейся за борт, сбитой ядром грот-мачтой, тормозившей ход. Сварог видел, как суetyются моряки, торопливо рубя такелаж, чтобы освободиться от мачты.

Пожалуй что, это неспроста — есть сильные подозрения, что пушкарей крепости усилили людьми, имевшими боевой опыт... Твою мать! В щепки разлетелось правое колесо ронерского парохода, и он нелепо закружился вокруг собственной оси, остановив движение колонны...

Сварог не колебался. Пробежался по клавишам, отдал нужные команды бесстрастному Глаину. «Рагнарок» чуть заметно дрогнул, справа и слева в белопенных фонтанах брызг из-под воды взмыли шесть продолговатых черных тел, и, моментально выпустив крылья, светя короткими оранжевыми «факелами», ушли к крепости по высокой параболе, над атакующими кораблями.

Спустя несколько секунд шесть крылатых ракет, как и следовало ожидать, вцепились точнехонько в бойницы верхнего и предпоследнего этажей правой башни, откуда тотчас же выплеснулись длинные полосы черного дыма, и там, внутри, полыхнуло пламя. Нижний этаж правой башни уцелел, но от него-то и было меньше всего вреда...

Сварог цинично усмехнулся: в горячке боя пройдет незамеченным, а если прицепится кто-нибудь *сверху*, можно с невинной рожей сослаться на плохое техническое состояние «Рагнарока» и небольшой опыт Сварога в умении с ним обращаться — что и повлекло за собой непроизвольный пуск ракет. Войю они с Лораном, еще можно было бы ожидать выволочки от Канцлера, но коли уж дело касается Горрота, он промолчит. В любом случае «Рагнарок» с некоторых пор официально числился в арсенале девятого стола, так что отбредемся как-нибудь...

Справа в нескольких местах густо дымили пожары — Топоры неплохо работали против редутов, а заодно подожгли здание, стоявшее у самого берега уардах в двухстах правее. Вряд ли они в столь ответственный момент стали бы развлекаться бесцельными поджогами. Очень уж подозрительно близко от горящего корвета здание стояло — вполне возможно, там засели моряки и начали палить по Топорам. Наверняка у Шега была какая-то военная необходимость...

Ратагайской конницы (под личным командованием Гарайлы, одетого в скромный капитанский мундир) он не видел да и не должен был видеть — она, вместе с несколькими отрядами конных Топоров, описав широкую дугу по суше вдали от берега, должна была ударить по казармам пехотного и драгунского полков, а также конной стражи. А раз должна была, значит, и ударила — на Черного Князя можно полагаться...

Заметив непонятный взрыв слева — точнее, самый его краешек — Сварог развернул туда перископ. И аж присвистнул. Высоко, чуть ли не на сотню уардов, взметнулся исполинский столб выброшенной нешуточным взрывом земли, он еще *стоял* в воздухе, очень медленно опускаясь, истаивая, рассеиваясь — но это должно было продлиться долго. Ага. Сейчас, безусловно...

И точно, на левом экране показались три точки, идущих колонной с приличной скоростью, и тут же ожил Глаин:

— Слева — три подводных объекта. Идут расходящимся курсом на фар-фарней, скорость...

— Оставить без внимания, — распорядился Сварог.

Что тут было голову ломать? Токереты удирали сломя голову со своей самолично подорванной базы, Сварогу они нисколько не мешали, было кому ими заняться и без него, самым официальным образом...

— Слева по курсу — два объекта, идущих нор-нор-бра, скорость...

— Оставить без внимания, — повторил Сварог.

Там, на экране, навстречу трем быстро перемещавшимся точкам вышли три других, остановились, развернувшись в шеренгу. Пару секунд ничего не

происходило, потом три удиравших подлодки как-то странно дернулись, будто налетев на невидимую стену, резко сбавили ход, расплылись в разные стороны, как-то хаотически закружили, становясь все меньше...

— Три первых объекта идут на погружение, — прилежно доложил Глаин.

Сварог мог бы его (ее?) подправить: не идут на погружение, а тонут с мертвыми уже экипажами. Теоретические расчеты блестяще подтвердились на практике. Первое же боевое применение, оно же испытание направленных инфразвуковых излучателей прошло успешно, Оклер, пожалуй, заработает медаль, и не он один. *Отстреливать* подлодки токеретов обычными торпедами, разнося их в лохмотья, безусловно не стоило, чтобы не устраивать радиоактивное заражение моря. Инфразвуковой удар гораздо предпочтительнее — при достаточной мощности человека ждет сначала паника и безумие, потом, очень быстро, остановка сердца... как только что выяснилось, и токерета тоже. Глубины здесь не особенно большие, подлодки легко удастся извлечь еще сегодня и как следует изучить...

Вот они! Справа, на широком пространстве меж пылающими редутами и горящим домом, промчался немаленький отряд конницы, перед которым скакал знаменосец с сегурским флагом. Поотстав от него на один корпус, неслась на вороном коне уступавшая прочим ростом фигурка в синем плаще и сверкнувшем на солнце, ярко начищенном рокантоне. Следом густой колонной мчались всадники.

Сварог облегченно вздохнул. Мара, конечно, слукавила, пообещав не соваться в самое пекло, — поди определи, где именно оно тут располагается, — но его наставления выполнила: не надела, как собиралась было, красный плащ (очень уж хорошая мишень), зато каску надела и, кажется, кирасу. Все ж меньше беспокойства. Конечно, где-то рядом с ней там скачет сейчас Шег Шедарис, твердо намеренный собственной грудью закрыть и от клинков, и от пуль, — но мало ли как может обернуться — так что Сварог волновался всерьез, прекрасно зная, что такое бои и какие глупые случайности иногда выпадают. Но нельзя было ее туда не пустить, на всю жизнь обиделась бы...

Последние всадники исчезли в заволочшем редуты дыму. Колонна кораблей продолжала размеренное движение, она казалась бесконечной. Огонь из крепости становился все слабее, все больше бойниц дымили, из некоторых вырывалось пламя. Лишившийся грот-мачты фрегат лежал поодаль в дрейфе, все так же кренясь на правый борт, но тонуть явно не собирался — да и пожар там уже потушили. Подбитый пароход, остановивший уцелевшее колесо, уводил на буксире в открытое море двухмачтовый парусник под снольдерским флагом — вот там пожар еще тушили...

Прошло не так уж много времени, и Сварог увидел шевеление на плоской зубчатой крыше центральной башни, главной, высотой наполовину превосходящей остальные. Присмотрелся, не включая «подзорную трубу» — все и так было ясно.

Пушки крепости больше не стреляли, ни одна. Несколько казавшихся отсюда крохотными фигурок появились на крыше, у высокого флагштока, на котором все еще полоскался на ветру белый флаг с черным солнцем — и одна фигурка, в синем плаще и рокантоне, была ниже ростом остальных. У Сварога отлегло от сердца. Горротский флаг рывками пополз вниз, опустился окончательно, там вспыхнуло яркое пламя — ну конечно, фирменный стиль

Вольных Топоров, у которых издавна принято поджигать спущенные вражеские флаги перед тем, как их сбросить вниз...

Пылающий горротский флаг, разгораясь все ярче и ярче, быстро пожираемый огнем, нелепым лоскутом падал вдоль черной гранитной стены, пролетая мимо дымящих бойниц. А на флагштоке рывками поднимался другой, синекрасный сегурский, вот он достиг вершины и развернулся на ветру — честное слово, гордо. С палубы переднего корабля высоко взлетела зеленая ракета, и корабли стали замедлять ход, видно было, как там убирают паруса.

Все. Как там закончилось у Гарайлы, если уже закончилось, и думать не стоит — ратагайским полком и Вольными Топорами он в два счета расколошматит здешних байбаков... Все. Остров Дике перешел во владение сегурской короны — а если горротцы сюда сунутся, их встретит весь присутствующий флот, которому еще долго оставаться в бухте, часть которой вскоре отведут под базу Морской Лиги. И, между прочим, добрых семьдесят процентов ежегодного дохода горротской казны составляли именно доходы от Дике. Пусть Брашери и его шайка попробуют это поправить... Никак не получится...

— Справа на небольшой скорости приближается подводный объект, — доложил Глаин. — Подходит практически вплотную...

— Оставить без внимания! — весело рявкнул Сварог. — Подвсплытие по основанию рубки!

Они поднялись над спокойной темно-зеленой водой почти одновременно: башня «Рагнарока», на которую уже поднялся Сварог, и верхняя часть «ящера», судя по эмблеме, управлявшегося маркизом Оклером. «Ящер» значительно уступал размерами и был гораздо ниже — так что Сварог, открыв крышку прикрепленного на перилах резервного пульта управления, осторожно погружал лодку, пока над водой не осталось всего-то с полуарда башни. Теперь он был на одном уровне с маркизом, стоявшим у перил кабины. Оклер все тот же — лихой усатый красавец в известных всей гвардии и армии пижонских белоснежных сапогах, вот только мундир, естественно, другой. Он улыбнулся Сварогу — их разделяло метров пять — и приподнял возникшую у него в руке чарку с келимасом:

— Не могу чокнуться, — блеснул он великолепными зубами. — Но это пустяки. За удачу!

— За удачу! — ответил Сварог, поднимая свою чарку.

Окружавшие Мару на башне Топоры весело палили в воздух. Небо было безоблачным, лазурным, жизнь — не столь уж угрюмой. Кое-какую победу они все же одержали, оставаясь слепыми солдатами...

Когда они осушили чарки и по морскому обычаю швырнули их за борт, Оклер ухмыльнулся:

— А знаете, лорд Сварог, в море, оказывается, очень интересно, чертовски, я и не предполагал...

— Я знаю, — без улыбки кивнул Сварог. — Вам еще столько предстоит увидеть, мой друг... Подозреваю, и мне тоже...

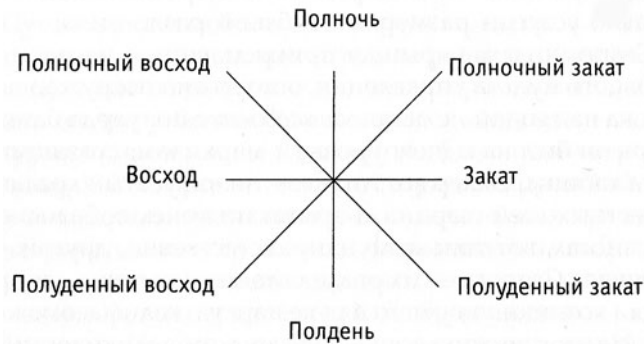
Сегурский флаг на главной башне реял по ветру *гордо*.

Красноярск, декабрь 2012.

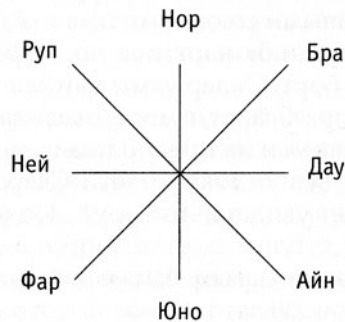
Приложения

* * *

Стороны света по таларской традиции

Стороны света в морской терминологии Талара

О ЛЕТОСЧИСЛЕНИИ

При изучении хронологии следует непременно иметь в виду, что не существует до сих пор какой-то единой точки отсчета. Даже летосчисление ларов, Небесные Годы, было введено лишь через некоторое количество лет после окончания Шторма и переселения ларов в небеса. И это количество до сих пор не определено точно, разные исследователи называют разные цифры (от 7 лет до 11). К тому же ни у ларов, ни у кого-либо другого нет точно фиксированной даты окончания Шторма — ибо какое-то время его затухающие волны все еще прокатывались по планете.

Первые семьсот с лишним лет после Шторма на земле не существовало ни упорядоченной хронологии, ни четко датированных летописей (по крайней мере, современная наука не располагает фактами, способными как доказать, так и опровергнуть эту точку зрения). В дальнейшем, на протяжении долгих столетий, соперничавшие государства и отдаленные страны, порой вообще представления не имевшие о существовании друг друга, придерживались своих собственных систем летосчисления (более-менее полное представление об этом периоде дает труд Гармара Кора «Хаос и хронология», Магистерииум, 3466 г. Х. Э.) Впоследствии из-за диктуемого жизнью стремления к упорядоченности после многих попыток достичь взаимопонимания и согласия (и даже нескольких войн по этому поводу) почти повсеместно было установлено единое летосчисление — так называемая Харумская Эра.

В настоящее время текущий год у ларов — 5506 год Небесных Лет (в этой си-

стеме датируются все императорские указы, предназначенные для жителей земли).

На земле — 3716 год Харумской Эры, однако есть два исключения:

1. Великие магистры, правители Святой Земли, двести сорок три года назад ввели летосчисление «со дня Гнева Господнего». Таким образом, в Святой Земле сегодня — 5511 год СДГГ.

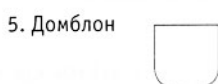
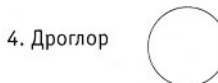
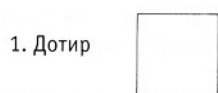
2. После отделения Глана от Ронеро первый гланский король повелел «считать нынешний год первым годом Вольности». Сегодня в Глане — 613 год Вольности.

КАЛЕНДАРЬ

Таларский год состоит из семи месяцев — Датуш, Элул, Фион, Квинтилий, Ревун, Атум, Северус. Каждый месяц — из семи недель по семь дней. В конце первых шести месяцев есть еще по три дня без чисел, именуемых Безымянными Днями, или Календами. После Северуса следуют семь дней Календ. Календы Датуша, Квинтилия и Атума считаются «скверными днями», в этот период стараются воздержаться от дел, не пускаются в путешествия или плавания, не играют свадеб, не устраивают никаких торжеств. В древности на эти Календы даже прекращались войны. Календы Элула, Фиона и Ревуна, наоборот, считаются крайне благоприятными для начинаний и временем праздников. Календы Северуса — канун Нового Года, в эти дни торжества особенно пышны, именно к Календам Северуса дворяне стараются приурочивать свадьбы, а гильдии — свои праздники.

ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЕ ЩИТЫ

Согласно правилам геральдики, существует лишь семь разновидностей гербовых щитов — для гербов государств, городов, дворян. Разновидности эти следующие:

Как правило, дотир и дуарат служат гербовыми щитами лишь для дворян, не имеющих титула, а гербы городов чаще всего имеют форму домблona.

ФЛАГИ ГОСУДАРСТВ

Флаги Виглафского Ковенанта[29]

Лоран — горизонтальные синяя и зеленая полосы, флаг обведен белой каймой (добавленной как знак траура после завершения строительства Великого Канала и потери провинций, оставшихся на континенте).

Харлан — «шахматная доска» из 6 черных квадратов, 6 белых и 6 коричневых.

Снольдер — желтое полотнище с черным силуэтом сфинкса.

Ронеро — горизонтальные синяя и черная полосы.

Глан — горизонтальные черная и красная полосы.

Горрот — белое полотнище с черным солнцем.

Шаган — вертикальные зеленая, желтая и черная полосы.

Сегур — горизонтальные синяя и красная полосы.

Прочие флаги

Святая Земля — фиолетовое полотнище с желтым крылатым диском.

Балонг — синее полотнище, затканное золотыми пчелами.

Ганза — темно-синее полотнище с белым кругом. В круге — черный силуэт корабля с зарифленными парусами.

Некоторые сведения о геральдическом значении иных цветов. Синий цвет издавна символизировал честь, честность, благородство. Фиолетовый — мудрость. Зеленый — надежду. Черный — упорство. Красный — отвагу, жизненную силу. Желтый — богатство. Белый вообще-то символизирует чистоту помыслов, но из-за того, что он издавна почитается символом смерти, в геральдике его стараются не употреблять.

ГЕРБЫ ГОСУДАРСТВ

Виглафский Ковенант

Лоран — дотир. Две синих и одна зеленая вертикальные полосы. На зеленой — три золотых кольца. На синих — по золотому якорю.

Харлан — дотир. Разделен на четыре квадрата, два белых и два коричневых. В белых квадратах — по коричневому мечу острием вверх. В коричневых — по белому мечу острием вверх.

Снольдер — даугар в фиолетово-желтую клетку. В центре щита — золотой лев, стоящий на задних лапах.

Ронеро — даугар. Разделен по вертикали на синюю и черную половины. На синей — золотая лилия, на черной — Зеркало Аннура, имеющее вид серебряного круга в золотой оправе.

Глан — дегоар. Щит — черный с золотой каймой. В центре — золотой силуэт медвежьей головы, по пяти углам — золотые цветы чертополоха.

Горрот — домблон. На белом фоне — черное весло, скрещенное с золотым скипетром.

Шаган — дрогмор. На синем поле — золотой колокол.

Сегур — дуарат. Разделен горизонтальной линией на две половины. Верхняя — золотой парус на зеленом поле, нижняя — пять вертикальных полос (две зеленых, две желтых), и на их фоне — черный герб Морских Королей.

(Нужно добавить, что герб государства является и гербом его короля.)

ПРОЧИЕ ГЕРБЫ

Святая Земля — дуарат. На зеленом поле — золотой одноглавый орел (акилла), держащий в лапах меч и крест Единого Творца.

Балонг — джунарг. На красном поле с пятью узкими вертикальными линиями — золотые весы. Щит окаймлен золотыми пчелами.

Ганза — дрогмор. На темно-синем фоне — красная ладонь.

КОРОНЫ ВИГЛАФСКОГО КОВЕНАНТА

Лоран — корона закрытая. Обруч шириной в два джайма[30] с изображением дубовых листьев. Шестнадцать зубцов в виде шипов, отклоненных на 45° наружу от вертикальной оси обруча. У основания каждого — рубин, огранный «розой». Закрыта остроконечным колпаком из синего бархата на золотом внешнем каркасе в виде 8 сходящихся дуг.

Харлан — обычная герцогская корона, но украшенная четырнадцатью огранными бриллиантами и закрытая решетчатым плетением в форме полусферы.

Снольдер — корона закрытая. Два разомкнутых круга, каждый шириной в джайм, соединенных четырьмя перемычками. На перемычках — по рубину, ограненному в форме полусферы. В каждом секторе меж перемычками — по три бриллианта, огранные «розой». Впереди, надо лбом, — золотое изображение кобры с раздутым капюшоном и бриллиантовыми глазами. Туловище кобры, изогнутое дугой выпуклостью вверх, закрывает корону, касаясь противоположного ее края, где вделан черный алмаз Бараини (неогранный, весом 480 квинтунов).[31] Зубцы отсутствуют.

Ронеро — корона открытая. Обруч шириной в два джайма, по которому проходят три пояса из накладных линий, и в центре каждого цветка — рубин, огранный полусферой. Восемь зубцов в виде равнобедренных треугольников, слегка отклоненных от вертикальной оси обруча.

Глан — корона открытая. Кольцо шириной в джайм, двенадцать зубцов (6 в виде цветков чертополоха, 6 — в виде трилистников клевера). В основании каждого зубца — рубин «ленточной» огранки. Впереди, надо лбом, — желтый алмаз Индари (неогранный, вес 300 квинтунов).

Горрот — корона закрытая. Обруч шириной в два джайма, по верхней и нижней кромкам проходят два накладных пояска, имеющих форму цепи с овальными звеньями. В центре каждого звена — рубин, огранный в форме трехгранной пирамиды. Восемь прямоугольных зубцов. Закрыта двумя полукругиями-дугами, в точке пересечения которых — солнце, выточенное из черного опала.

Шаган — корона открытая. Обруч шириной в два джайма с семью зубцами в виде «ласточкина хвоста». У основания трех — огранные рубины, у основания четырех — огранные изумруды.

Сегур — корона открытая. Обруч шириной в два джайма с гравировкой в виде якорей и скрещенных весел. Семь зубцов в виде трезубца Руагату, у основания трезубцев — огранные сапфиры.

ПРОЧИЕ КОРОНЫ

Корона Великого Магистра Святой Земли — открытая. Обруч шириной в джайм. Впереди, надо лбом, — крылатый диск с неогранным рубином в цен-

тре, на противоположной стороне — крест Единого Творца. Зубцы отсутствуют.

Балонг. Избираемый на три года Старшина Патрициев Круглой Башни носит корону в виде обруча шириной в два джайма с семью зубцами, повторяющими формой Круглую Башню.

Все короны изготовлены из чистого золота, не считая короны Великого Магистра — она из железа.

ДВОРЯНСКИЕ КОРОНЫ И ТИТУЛЫ

Дворяне Виглафского Ковенанта и Пограничья носят следующие титулы:

1. Принцы короны.
2. Принцы крови.
3. Герцог.
4. Князь.
5. Граф.
6. Барон.
7. Маркиз.

Принцы и принцессы короны — потомки правящего монарха. Они носят корону в виде обруча шириной в джайм, закрытого двумя полукружьями-дугами, в точке пересечения которых — миниатюрное подобие королевской короны.

Принцы и принцессы крови — потомки братьев и сестер правящего монарха. Носят корону, повторяющую герцогскую, но закрытую полукружием-дугой с миниатюрным подобием государственного герба.

Герцогская корона — обруч с семью прямоугольными зубцами, перемежаемыми семью дубовыми листьями.

Княжеская корона — обруч с семью прямоугольными зубцами, перемежаемыми семью земляничными листьями.

Графская корона — обруч с четырнадцатью шариками.

Баронская корона — обруч с семью треугольными зубцами, перемежаемыми семью шариками.

Корона маркиза — обруч с семью полукруглыми зубцами, и в центре каждого — прорезь в форме дуарата.

Короны титулованных дворян, имеющих права Вольных Ярлов, и украшены рубинами (в 3711 г. Х. Э. Виглафский Ковенант лишил владельцев Вольных Маноров, в том числе и королей, прав Вольных Ярлов, сохранив таковые лишь за ярлами Пограничья, но и для последних введены ограничения по количеству лиц, коих ярлы вольны в течение года возвести в дворянство).

При посещении титулованным дворянином королевского дворца, а также в дни некоторых торжеств следует непременно быть в приличествующей титулу короне. В обычные же дни можно ограничиться золотой цепью, золотыми шпорами и перстнем с миниатюрным подобием короны.

Дворяне, дабы отличить свое положение, носят золотую цепь установленного образца и золотые шпоры.

Гланские обычаи несколько отличаются от иных, там существует своя система, признанная Виглафским Ковенантом:

1. Гланфорт (нетитулованный дворянин) носит золотую цепь и золотые шпоры.
2. Глэв (соответствует маркизу, барону или графу) — золотые шпоры и золо-

тую цепь с семью подвесками в виде цветов чертополоха.

3. Глэрд (соответствует князю или герцогу) — золотые шпоры, золотую цепь с медальоном, на коем изображена медвежья голова.

В Балонге дворянства нет, но для знатнейших и богатейших граждан существуют титулы нобилия и патриция. Нобиль носит на груди золотой медальон с гравировкой в виде весов, окруженных пчелами, стоящий выше нобилия патриций — золотую пектораль с такой же гравировкой и жезл, увенчанный миниатюрным подобием Круглой Башни. Семеро Патрициев Круглой Башни, правящие Балонгом, обязаны во всякое время появляться на публике в алом плаще, затканном золотыми пчелами, и синей шапочке-митре, с четырех сторон украшенной золотыми изображениями Круглой Башни; при сем они опираются на посох с навершием в виде государственного герба. (Всякие попытки Балонга добиться приравнения нобилей и патрициев к дворянам неизменно отклонялись Ковенантом.)

О правилах, заведенных в Святой Земле, более полное представление даст соответствующий фрагмент из книги реверена Гонзака.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О РЕВЕРЕНЕ ГОНЗАКЕ

Реверен[32] *Гонзак* (3627 Х. Э. — ?) — скрибанос, служивший при Царской библиотеке в Астрее (Гиперборея, Сильвана). В 3668 г. Х. Э. прибыл на Талар. В период с 3668-го по 3679-й работал в библиотеках разных стран, жил в Лоране, Снольдере, Ронеро, побывал в Пограничье, Иллюзоре, Глане, Балонге, пяти из Вольных Маноров, совершил три морских путешествия. Некоторые историки считают его шпионом царя Гипербореи, но люди из таларских тайных служб никогда не высказывали своего отношения к этой версии. Необходимо учитывать, что порой крайне трудно провести границу меж профессиональным разведчиком и любознательным путешественником из дальних стран, поскольку кропотливо собираемая первым информация частенько попадает на тот же стол, что и ученые записки второго (о чем второй ничего не подозревает). Как бы то ни было, в Равене трудами Коллегии Ремиденума в 3681 г. Х. Э. вышла в свет книга Гонзака «Трижды семь писем скромного книжника Гонзака на Сильвану, другу своему Чей Чедогону о таларских делах, обычаях и установлениях». Вопреки заглавию, писем в книге всего шестнадцать. Гонзак пропал без вести в промежутке меж 36 Северуса 3679 г. и 14 Датуша 3680 г. Его следы теряются в полуночных провинциях Ронеро, малонаселенных и пользующихся дурной славой «дикуватых мест». Не исключено, что сильванский скрибанос, человек отнюдь не бедный, любивший жить и путешествовать с комфортом, стал жертвой разбойников или Волчьих Голов. Известно также, что Гонзак намеревался предпринять экспедицию в Хелльстад, для чего, быть может, и отправился в те места, где оборвался его след.

Книга Гонзака, пусть и незавершенная, помимо многих интересных наблюдений, представляет собой еще и своеобразную краткую энциклопедию, дающую постороннему читателю неплохое представление о таларском укладе жизни. Благодаря чему она и была в 4998 г. Н. Г. включена Императорской Коллегией Просвещения в список учебных пособий для благородных ларов по теме «Современный Талар». Выпущена в компьютерном и типографском вариантах.

О ТИТУЛАХ, СОСЛОВИЯХ И МНОГОМ ДРУГОМ

Письмо третье, реверена Гонзака.

Рассказ об устройении общества, друг мой Чей Чедогон, я начну с королей, чему ты вряд ли удивишься, ибо, когда нам случится озирать гору, взгляд наш непременно падет прежде всего на вершину, а уж оттуда странствовать будет к земле.

Короли таларские — воистину самовластные владыки, что отражено и в тамошних законах, гласящих, что монарх пребывает превыше закона, сам же, буде возникнет такая надобность (или, увы, каприз, как нам известно о венценосцах двух планет), может решать многие дела не по писаным законам, а исключительно по своей воле. Должен тут же оговориться, что самовластье это, кажущееся всеобъемлющим, ограничено иными древними традициями. Есть права дворян, и сословий, и гильдий, и даже крестьян, на кои посягать и король не волен. Однако ж за пределами сих ограничений открывается весьма обширная область для самодержавного произвола, и подданным остается лишь уповать, что восседающий на троне монарх наделен достаточным умом и здравомыслием, дабы не ущемлять народ свой без меры.

Как и в нашем отечестве, дворяне здесь первенствуют над всеми иными. Нельзя стать офицером, ни сухопутным, ни морским, если ты не дворянин. И высшие пять гражданских чинов доступны одним лишь дворянам, и землю с крестьянами могут владеть одни дворяне, и ордена иные жалуются одним дворянам. Им одним дозволено строить в домах балконы и иметь в окнах витражи.

Следом идут так называемые Семь Высоких Сословий.

Сословие Чернильницы объединяет судейских, адвокатов и чиновничество с первого гражданского чина по двенадцатый. Отличительным знаком оно служит серебряный пояс с серебряной же чернильницей установленного образца. Образцы таковые в разных государствах разные, а у чиновников есть еще и мундиры, в каждом ведомстве свои, и каждый гражданский чин имеет свои отличия, подобно тому, как это обстоит с воинскими чинами.

Сословие Храма составляют разных богов служители, коих отличают одеяния и атрибуты, единые для всего Талара, независимо от страны (о Святой Земле же поговорим подробнее в другой раз).

Сословие Мер и Весов образуют купцы, банкиры и ювелиры, причем не всякие купцы, а лишь те, что имеют капиталы не ниже определенного предела. Отличительным знаком сего Сословия служит серебряный пояс с замшевым кошельком особого вида.

Сословие Циркуля — это инженеры и архитекторы, коих отличает короткий плащ особого фасона, скрепленный у горла серебряной цепочкой, крепящейся двумя серебряными же бляхами с изображением циркуля.

Сословие Сова — это ученые, книжники, книготорговцы и учителя. Они носят плащ особого фасона с пелериной, где цепочку крепят две серебряные бляхи с изображением книги и пера, а также круглый берет с серебряным изображением совы. В разных государствах цвет оно наряда бывает разным. Живи мы на Таларе, друг Чедогон, в таком наряде и щеголяли бы, что, впрочем, не лучше и не хуже наших с тобой шапочек реверенов, украшенных жемчужинами, да плащей и посохов.

Сословие Свободных Искусств (художники, музыканты, скульпторы и актеры) знаком своим имеет серебряную цепь с серебряной же бляхой, на коей изящно выгравирована мифологическая птица Сири́н, издавна почитаемая

символом творческого вдохновения. И не всякие актеры состоят в сем Сословии, а лишь те, что происходят из семей потомственных актеров театров, имеющих статус королевских. А прочие же актеры именуется пренебрежительно фиглярами, и место им отведено в одной из последних гильдий, о чем напишу ниже.

Сословие Чаши и Ланцета составляют медики и аптекари. Знаком им служит длинная мантия особого фасона, черная шапочка, украшенная серебряной бляхой с изображением обвивающей чашу змеи, а также своеобразного вида кожаная сумка, служащая также и практическим целям, ибо в ней носят-ся снадобья, инструменты и прочее, потребное в работе.

Сословия эти обладают правом на покупку земли, но крестьяне во владение им не положены. В виде особой милости, случается, король жалует кому-либо право в течение определенного срока получать доход с того или иного коронного имения, и срок этот редко превышает год. Понятно, есть имения крайне прибыльные, а есть и скудные, что при оказании монаршей милости непременно и учитывается. Те, кто входит в Сословия, имеют право носить золотые украшения без ограничения количества, но без драгоценных камней — разве что король пожалует кому перстень с драгоценным камнем. Равным образом их столовая утварь из драгоценных металлов может быть украшена самоцветами лишь с соизволения короля.

Здесь стоит добавить, что согласно незыблемым законам природы, применимым и к жизни человеческого общества, недостаток чего-либо немедленно восполняется за счет иного качества — подобно тому, как слепые обладают невероятно тонким слухом, а горбуны бывают необыкновенно сильны. Вот и выходит — Сословия восполняют отсутствие драгоценных камней искусством выделки, а потому украшения их и утварь порой превосходят дворянские изощренностью выработки и мастерством украшения.

Дворяне поступают на службу во множестве, ибо на Таларе повсюду действует закон первородства, согласно коему все сыновья имеют право на дворянское звание или титул, а вот имение движимое и недвижимое достается в целостности самому старшему (или дочери, если нет потомков мужского пола). Прочие же сыновья, получив малое денежное вспомоществование, вынуждены искать службы за жалованье либо по талантам своим искать себе места в одном из Сословий. Предпочтительнее всего военная служба, а также и полицейская, но непременно на должностях, приравненных к офицерским. Кроме военной службы, для дворян, по традиции, более всего предпочтительны занятия, входящие в компетенцию Сословий Чернильницы и Совы, а также Циркуля (но в областях, относящихся к военному делу и мореплаванию). Не возбраняется и войти в иные Сословия, но дворянин, попавший в таковые, стоит в глазах общества несравненно ниже. Что до Сословия Мер и Весов, то дворянину зазорно заниматься торговлей либо банкирским делом. Промыслы, приличествующие дворянину, сводятся к четырем вещам: коневодству, виноторговле, изготовлению винных бутылок, морским перевозкам на собственных судах и ювелирному делу. Дворянин имеет право устраивать в своих землях заводы, но при строгом условии: заводы эти должны работать непременно на сырье, производимом в своих же поместьях, а если сырья этого нет, то и заводы устраивать нельзя. Дворянин еще обладает правом на речные перевозки на собственных судах — но опять-таки при строгом условии, что перевозит

произведенное в собственных поместьях или закупленное для нужд такового. Все эти установления заведены в свое время весьма умными людьми, ибо служат к выгоде общества и бесперебойной работе государственного механизма. Гильдии таларские имеют следующий вид:

ЗОЛОТЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Оружейники (цехи: Доспешных дел мастеров, Мечных дел мастеров, Арбалетных дел мастеров, Копейных дел мастеров, Пушечных дел мастеров, Ружейных дел мастеров, Ракетных дел мастеров, Пороховых дел мастеров).

2. Мастера тонких работ (Ювелирные подмастерья, Мастера врачебного инструмента, Мастера счетных устройств, Оптики, Часовщики, Мастера утвари для ученых).

3. Похоронных дел мастера.

4. Приказчики торговые и банкирские.

5. Мехащики.

6. Мастера каменного строения (цехи: Домостроителей, Строителей и подновителей мостов).

7. Мастера деревянного строения (цехи: Домостроителей, Строителей и Подновителей мостов).

8. Водопроводных дел мастера.

9. Фонарщики (цехи: Фонарщиков, Мастеров фейерверка, Мастеров домашних светильников из металлов).

10. Стеклодувы (цехи: Стеклодувов, Стеклянной посуды, Уличных фонарей, Домашних светильников из стекла, Витражных дел мастеров).

СЕРЕБРЯНЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Кораблестроители.

2. Моряки.

3. Речные матросы.

4. Мастера изящных работ (цехи: Изящной мебели, Благородной посуды, Благородных тканей).

5. Стражи порядка (сюда входят палачи, тюремная стража, полиция и ночные сторожа).

6. Содержатели псарен и псари.

7. Содержатели постоянных дворов и трактиров, игорных и танцевальных залов (сюда включены лишь те заведения, кои имеют высший разряд и предназначены для благородной публики — дворян и Сословий. А содержатели заведений рангом ниже включены в гильдию градских обывателей).

8. Гуртовщики.

9. Ремесленники по дереву (цехи: Столяров, Каретников, Тележников, Сундучников).

10. Парикмахеры (опять-таки тех, кто обслуживает благородную публику. Прочие же именуются скопом цирюльниками).

БРОНЗОВЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Пожарные.

2. Кузнецы.

3. Ветеринары.

4. Почтари и телеграфисты.

5. Шляпники.
6. Садовники и огородники.
7. Горнорабочие.
8. Содержатели домашней птицы, мелкого скота, птицеловы и пчеловоды.
9. Посудных дел мастера (Гончары, Бочары).
10. Торговцы провизией и изготовители таковой (цехи: Мукомолов, Хлебопеков, Виноделов, Пивоваров, Мясников, Зеленщиков, Бакалейщиков).

МЕДНЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Портные.
2. Сапожники и обувщики.
3. Печники.
4. Водолазы.
5. Извозный промысел.
6. Вольные слуги.
7. Повара.
8. Мостильщики улиц.
9. Кровельщики.
10. Градские обыватели (к сей гильдии приписаны представители многих ремесел, не вошедших в прочие).

ЖЕЛЕЗНЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Заводские мастеровые.
2. Мусорщики.
3. Мастера паровых машин.
4. Мастера воздушных шаров и планеров.
5. Маляры, фигляры, циркачи, газетиры.
6. Портовые рабочие.
7. Ткачи, шерстобиты и обойщики.
8. Нищие и проститутки.
9. Цирюльники.
10. Типографские мастеровые.

У каждой из гильдий есть залы для собраний, гильдейские знамена и праздники, отмечаемые в определенные дни, подчас с превеликой пышностью, когда речь идет о трех высших гильдейских разрядах. Золотые украшения дозволены лишь Золотым и Серебряным гильдиям, но одновременно можно носить не более одного, а во владении иметь неограниченное количество. Серебряные украшения дозволены Золотым, Серебряным и Бронзовым гильдиям — со схожими правилами ношения, не более двух одновременно. Медным же и Железным гильдиям запрещено строить для собственного проживания дома выше одного этажа, а также им не полагается держать в услужении слуг и служанок и запрягать в повозку более одной лошади (исключение составляют извозчики, но и то лишь в тех случаях, когда выезжают на свой промысел).

Легко понять, что система таковая имеет как свои достоинства (скажем, изоциренное совершенство, ведущее к более спокойному и плавному течению жизни, равно как и устойчивости общественной пирамиды), так и недостат-

ки. Недостатком, безусловно, следует посчитать то, что человек, будь он талантлив и многообещающ несказанно, не получит хода в ту область, где мог бы принести не в пример большую пользу (а область таковая, не пополняемая притоком свежих сил, неминуемо придет в упадок). Мысли такие, несомненно, посетили в старые времена кого-то из власть предержащих — ибо в каждой державе есть министерство, ведающее Сословиями и гильдиями, в обязанность коего входит устройство экзаменов и иных испытаний, служащих для пополнения гильдий и Сословий новыми членами, достойными сего. Правда, из этого еще не следует, что каждый, кто достоин занять место ступенькою выше, на ступеньку эту поднимется, — увы, слишком часто мы в этой жизни видим примеры обратного, и ни одни писанные правила, сколь бы мудро они ни были составлены, не обеспечат каждому место, его достойное. В особенности если вспомнить о корыстолюбии одних и изворотливости других и предположить, что в иных случаях презренный металл быстрее и успешнее позволит подняться вверх, нежели таланты и способности...

Добавлю еще, что каждый приписанный к гильдии с того момента, как начнет трудиться если не мастером, то подмастерьем, повинен постоянно носить на груди гильдейский знак. Бляха эта очертаниями повторяет гербовый щит государства, разделена на две части, и в верхней помещен герб города (если город гербовый), либо герб короля (если город коронный) а в нижней — эмблема данной гильдии. Кроме того, знак снабжен отличиями, наглядно сообщающими окружающим, к какому из пяти гильдейских разрядов его владелец принадлежит.

Жены же членов гильдии носят уменьшенное подобие сего знака на груди, на цепочке. Если женщина не супруга чья-то, а сама есть мастер некоего ремесла (скажем, кондитерша, повариха либо содержательница таверны), то знак она носит на груди, как мужчины.

Есть у разных гильдейских разрядов и правила ношения одежды (запрещающие иным гильдиям иные ткани, признанные чрезмерно для них роскошными), но обширная сия тема требует отдельного письма.

И завершу рассказом о крестьянстве. Оно делится на крестьян сеньоров, крестьян короны и фригольдеров. Первые обитают во владениях дворян, вторые — в землях, числящихся королевскими доменами. Есть у них свои права, нельзя их убивать, пытаться членовредительно и отнимать нажитое, но переходить к другим хозяевам они не вправе. Была у них некогда такая привилегия, но давно отнята, и не скажу, чтобы крестьяне смирились с этим окончательно, иначе не бунтовали бы порой. Фригольдеры же имеют статус вольных, за каковой, легко догадаться, держатся паче жизни.

Фригольдеры повинны носить на шапке оловянный медальон с изображением пшеничного колоса. У крестьян короны таковой снабжен еще короной, а у крестьян сеньоров — гербом хозяина.

Нужно упомянуть, что законы жестоко карают за присвоение человеком отличительных знаков, на которые он не имеет права, пусть даже это совершено шутки ради. А если он пошел на это ради получения выгод, то наказание еще тяжелее. Как ни странно покажется, но наказание, пусть не столь суровое, ждет и того, кто выдает себя за особу, стоящую на общественной лестнице ниже, чем это есть в действительности. Впрочем, в таковых порядках, если призадуматься, есть здравый смысл — человек, добровольно спустившийся

ниже, чем его поставила судьба, попросту глуп, если только это не служитель божий, взыскующий аскетизма, или юный влюбленный, не нашедший других путей, дабы видеться со своей возлюбленной.

В чем-то, похоже, стройная система гильдий не критически следует закостенелым традициям. Так, заводские мастеровые и мастеровые паровых машин — люди изрядно образованные и умелые, и Железная гильдия для них, многие соглашались, чересчур уж низка. Но представители молодых ремесел, увы, явились, когда лучшие места были уже заняты. В том-то и суть, что против повышения статуса вышепоименованных возражают в первую очередь сами высшие гильдии, ссылаясь на тысячелетний уклад жизни. Не вижу в том ничего удивительного, ибо давно ведомо, что люди сплошь и рядом питают к ближнему своему даже более сильную неприязнь, ревность и зависть, нежели к высшим. Высшее далеко, и завидовать им нелепо, ибо не всегда и представляешь толком, чему именно из жизни высших завидуешь, ибо не осведомлен о таковой в должной мере. Ближний же — рядом, на глазах, и негоже позволять ему превзойти тебя, особенно если знаешь в глубине души, что он такого превосходства заслуживает... Несовершенен человек, друг мой Чедогон, и не нам изменить природу его...

О КУПЕЧЕСКОМ СОЮЗЕ, ИМЕНУЕМОМ ГАНЗА

Выдержки из шестого письма реверена Гонзака.

Расскажу теперь, друг Чедогон, как выглядит на Таларе Ганза, чьих купцов нам доводилось встречать и на Сильване.

В противоположность Балонгу, своему извечному сопернику, Ганза не составляет государства в привычном понимании сего слова. Ганза есть союз ста одиннадцати городов, расположенных как на Харуме, так и на значимых морских островах, причем все без исключения города эти помешаются на берегах, морских и речных. А произошло так оттого, что Ганза возникла в древние времена, когда из-за слабости тронов, непрерывных войн на суше и разгула пиратов на водах торговое плавание что по морям, что по рекам было занятием крайне рискованным, и единственной защитой тут был собственный меч. Так и сложился союз купцов-корабельщиков, к вящей своей выгоде и безопасности неустанно укреплявших флот свой и города. И поскольку цели Ганзы были несложными, ясными и четкими, а укрепление государств — процессом не в пример более долгим, путаным и хаотичным, означенная Ганза, пусть и лишившаяся с бегом столетий прежней вовсе уж невиданной мощи, остается все же сильной. Есть у них торговый флот, есть военный, даже с пароходами, а города их изрядно укреплены и располагают сильными гарнизонами. И не подчиняются они законам того государства, где расположены, — не совершая, со своей стороны, ничего такого, что шло бы вразрез с законами «прилегающей державы» (как любят выражаться ганзейцы, коим похвальба и честолюбие свойственны в той же степени, что и всем прочим). А если какой король, что случается даже теперь, посягнет на лежащий в пределах его державы город Ганзы, то все прочие ганзейские города, объявив тревогу, идут на выручку, и сила их такова, что объявленная ими какой державе война способна державу сию не на шутку озаботить. А общего стовора всех королей и владык против Ганзы ждать не приходится — ибо не случалось еще в истории, да и не случится, мне думается, чтобы все без исключения монархи пришли к полному согласию касаясь столь сложного вопроса. Столь сердечного согласия удастся

достигнуть лишь в делах более простых, да еще направленных против слабейшего — как это было с Сандоварским Уложением.[33] Так что Ганзой за последние семьсот лет утрачено лишь четыре города (не включая в это число тех, что оставлены самими ганзейцами под натиском Глаз Сатаны).

Промышляют ганзейцы главным образом торговлей и перевозкой товаров. Занимаются они и банкирским делом, но таковое почти повсеместно в руках Балонга, и успехи Ганзы на сем поприще ничтожны (что ее, говорят, злит). Словия и гильдии у них те же, что и у большинства держав, хотя число гильдий и составляет у ганзейцев не пятьдесят, а сорок восемь, нет в Ганзе ни гуртовщиков, ни мастеров воздушных шаров и планеров — одиночным городам-государствам, стесненным по территории, сии ремесла ни к чему, равно как и телеграфисты. Кроме того, иные гильдии вроде корабельщиков и моряков с речными матросами стоят выше, чем в других державах, а иные — не в пример ниже. Крестьяне есть при сорока шести городах, и все они фригольдеры. А дворянства своего не имеется. Те из ронинов[34] (а таких немало), кто поступает на службу Ганзе, не располагает в ее городах теми привилегиями, что имеют дворяне других держав, зато пользуются всеми правами вольного ганзейца, а это им обеспечивает известное благополучие и защиту. Нужно еще добавить, что преступлений в ганзейских городах не в пример меньше из-за малого притока посторонних. В этом отношении города Ганзы, даже крупные, схожи с деревнями, живущими патриархально, размеренно и замкнуто. Что, впрочем, не означает идиллии, ибо природа человеческая несовершенна.

Единого правителя у них нет, но раз в год собирается Ганзейская Палата из представителей всех городов для обсуждения накопившихся проблем и решения дел, буде таковые возникнут. Палата эта назначает в каждый союз (ганзейские города на континенте, числом 89, делятся на семнадцать союзов, а остальные, что разбросаны на островах, приравниваются к союзу каждый) Легата Палаты, и означенные Легаты по иным своим обязанностям и должностным функциям выполняют роль правителей.

Относительно ганзейского герба ходит старинная легенда — что-де во времена оны некий богатый судовладелец, готовясь перейти в иной мир, завещал корабль свой тому из сыновей, кто, обойдя в шлюпочном состязании остальных, первым коснется рукой палубы. И один из сыновей якобы, видя, что победа от него ускользает, отсек себе руку и кинул ее на палубу, соблюдя тем самым букву уговора. Иные сказке этой верят, но я подобную слышал частенько и на Таларе, и на Сильване, причем речь шла о иных купцах, не ганзейских. И потому подозреваю, что имеем мы дело с бродячим сюжетом, переходящим от народа к народу.

Вот и все, пожалуй, о Ганзе.

О ЗАГАДОЧНОЙ И ПОРАЗИТЕЛЬНОЙ СТРАНЕ ИЛЛЮЗОР

Письмо седьмое реверена Гонзака.

Приступая к рассказу о преудивительном крае Иллюзор, опасаясь, друг мой Чедогон, что ты можешь не поверить, хоть и знаешь прекрасно, что не в моем обычае предаваться шуткам и розыгрышам, когда речь идет о накоплении знаний об окружающем нас мире. И все же места, коим тысячи лет назад кто-то мудрый присвоил удивительно точное название Иллюзор, до того поразительны, что окончательно поверить в их существование можно, лишь пови-

дав собственными глазами. Я и сам, каюсь, считал рассказы преувеличенными, проистекающими из присущей иным странникам манеры сваливать в одну кучу и собственные наблюдения, и пересказы из третьих уст, и упражнения шутников, — мы с тобой и сами, будучи юными студентами, находили порой забавы в том, чтобы угощать наивных чужеземцев байками о чудесах и диковинах, рожденными за кувшином черного пенистого... Иные из этих наших придумок попали и на страницы серьезных книг, за что мне потом было стыдно. Но с Иллюзором все обстоит иначе. Он существует, именно такой — к непреходящей головной боли ученых книжников, перерастающей порой в уныние и тупое изумление многообразию и изощренности загадок, подсунутых нам то ли добрыми духами, то ли злыми, то ли лишенными разума и души силами природы...

Представь, друг мой, что едешь ты верхом по стране, прямо-таки брызжущей жизнью. В лесах рыскают дикие звери, олени и кабаны, на лугах пасутся стада, за плугом ходят пахари, по большим дорогам движется нескончаемый поток путников, обгоняя тебя и спеша навстречу, — тут и пешие, и конные, и повозки купцов, и блестящие дворянские кавалькады, и воинские отряды. Проезжаешь ты городами и деревнями, где кипит жизнь во всем ее многообразии и блеске, и обитатели заняты когда каждодневными своими делами, когда торжествами и праздниками.

Таким предстает перед путником Иллюзор. Но очень скоро ты заметишь, что все окружающее немо — ни единый звук, кроме топота твоего коня и звяканья уздечки, не нарушает всеохватывающей жуткой тишины. И если пойдешь ты прямо на встречного, пройдешь сквозь, не встретив на пути ничего, кроме пустого воздуха. Ибо все, что ты видишь, и все, кого ты видишь, — суть иллюзия. Не замечают они тебя, не видят, живя своей странной, иллюзорной, несуществующей жизнью. Люди, искушенные в познании, а также причастные к магии и ведовству, уверяли меня, что с призраками и иной нечистью бесплотные обитатели Иллюзора ничего общего не имеют. Скорее уж это запечатленные неведомым путем изображения, никому не делающие дурного и слепые ко всякой попытке установить с ними общение. Истина эта подтверждена за тысячелетия, ибо Иллюзор существовал уже в дописьменные времена, последовавшие за Штормом.

Надобно сказать, что иные строения Иллюзора существуют реально, точнее, остатки таковых — где фундаменты, где стена, где целое почти здание, особо прочно возведенное некогда неведомыми строителями. Но определить это можно лишь на ощупь — ведь всякий дом, амбар или мост взору твоему представляется совершенно целехоньким, будто вчера законченной постройкою. (Правда, там и сям валяются истлевшие доски и груды рухнувшего камня, так что дома предстают одновременно и в виде развалин, и в первозданном своем виде, и зрелище, признаюсь, экстраординарное.) Равно же, если повезет, можешь отыскать и утварь, а то и драгоценности — но немного, потому что лихие кладоискатели за пять тысячелетий постарались изрядно. А подчас отыщется и книга, достаточно сохранившаяся. Но читать тех книг не может никто — написаны они на непонятном языке неизвестными буквами. А храмы их, где бесплотные обитатели Иллюзора поклоняются богам, нам непонятны, и боги такие неизвестны.

Поскольку находимые там предметы выглядят именно так, как и должны

смотреться пролежавшие тысячелетия вещи, в иллюзорном своем состоянии представляющие новехонькими, поскольку налицо развалины, легко понять, что Иллюзор есть тень минувшего, отображение существовавшей в неизвестные времена страны, где впоследствии все живое сгинуло неведомо куда (ибо нет там множества скелетов), а неживое понемногу ветшало. Вот только никто не знает, что это была за страна, что за бедствия на нее обрушились и какие причины вызвали нынешнее, столь диковинное и поразительное, состояние дел. Объяснений за тысячелетия накопилось множество, есть и пространные, изложенные весьма ученым языком, да вот беда — во-первых, каждое из них всем прочим противоречит, а во-вторых, ни единое проверить невозможно.

Опасностей Иллюзор не содержит почти никаких. Забредет иногда из других мест настоящий зверь, но редко — звери не любят Иллюзора. Кое-где, рассказывают, обитает нечисть, по всем признакам, укрывшаяся в Иллюзоре, дабы избежать преследований, коим нечистую силу успешно подвергают в иных уголках Талара. Бывает и разбойный народ, пересидевшая погоню и укрывая клады, ибо лучшего укрытия и не придумаешь. Заходят сюда и книжники, ищущие истины, и просто любопытные, кому средства позволяют снарядить экспедицию.

А постоянно никто из живых тут не селится, разве что беглые крестьяне, коим податься уж вовсе некуда. Первоначально я, не освоившись, удивился было, отчего окрестные владельцы не воспользовались столь легкой и удобной возможностью расширить свои рубежи, однако ж, проведя в Иллюзоре две недели, принужден был признать правоту моих проводников, толковавших допрежь, что жить здесь «тягостно». Поистине так. С каждым днем, проведенным среди немых теней Иллюзора, нарастает в душе тягостное ощущение то ли тоски, то ли тревоги. Возможно, ты его сам себе внушаешь, возможно, так дразнит твои чувства диковинность окружающего, да только от того не легче. К вечеру пятнадцатого дня не выдержал я и велел поворачивать коней к границам Вольных Маноров, хоть многое, достойное внимания, следовало бы еще осмотреть, и немало любопытного осталось неизученным. Злясь на себя, досадуя, но не в силах превозмочь незримое тягостное давление, ехал я прочь во главе своего повеселевшего отряда...

Словом, Иллюзор необитаем. Лишь в полуночных его областях, где простираются прилегающие к морю обширные степи, что ни год появляются снольдерские и ронерские гуртовщики, пригоняя на летние выпасы рогатую скотину, ибо пастбища там богатейшие, хоть реальные травы и мешаются там с иллюзорными. Лошади, животные умные, тонко чувствующие и наделенные повышенной восприимчивостью ко всему необычному, а также имеющему отношение к потусторонним силам, тех пастбищ не любят, постигнув в меру разумения диковинность Иллюзора. Бык же, тварь тупая, виденным не тяготится, и странность иллюзорских пастбищ его не заботит — знай жрет, нагуливая тушу и покрывая степи диковинного края навозом.

На сей низменной ноте я, пожалуй, и закончу, ибо нечего более добавить к описанию странностей Иллюзора.

О КРАЕ, ИМЕНУЕМОМ СВЯТОЙ ЗЕМЛЕЙ

Выдержки из восьмого письма реверена Гонзака.

Святая Земля, повествуют, была некогда обычным королевством, где уклад жизни ничем не отличался от налаженного в других державах. Но четыреста

с лишним лет назад, когда страна, сотрясаемая многими невзгодами, от засухи до баронских бунтов, находилась в крайне расстроенном состоянии, некий священник по имени отец Патаран, служитель столичного храма Единого Творца, человек незаурядный, наделенный и красноречием, и умением доходчиво излагать толпе свои мысли, встал во главе движения, нареченного «Братством Совершенных», к которому примыкали не одни лишь простолюдины, но и немалое число гильдейских, членов Сословий, дворян, в том числе и титулованных. Братство это, проповедовавшее борьбу против всяческой неправедности и греховности путем отказа от мирской роскоши и разномыслия, в короткое время снискало себе изрядное множество сторонников — ибо во времена потрясений и бед, как мы не единожды имели случай убедиться, нетрудно возбудить в обществе ярость и жажду действия, в особенности если четко обозначить виновных и обещать, что с незамедлительным устранением таких жизнь наладится быстро...

Из всего этого возникла великая смута, принявшая характер большой войны сторонников короля против приверженцев Братства, причем в обоих лагерях хватало и титулованных дворян, и самого подлого люда, ибо раскол прошел не меж Сословиями, а внутри самих Сословий, не миновав ни одного. Продлившись с переменным успехом около полутора лет, война эта привела к гибели королевской фамилии, большим людским жертвам. Немалое число городов было разгромлено и сожжено. Победа Братства вынесла на опустевший трон отца Патарана, и новоявленный правитель немедленно приступил к преобразованиям, проходившим быстро и энергично благодаря поддержке закаленной в боях армии. Вот и получилось, что на волне успеха отец Патаран произвел изменения столь всеохватные и решительные, что в иные, мирные времена для таковых потребовалось бы не одно десятилетие (а посему и жертв, как расставшихся с жизнью, так и принужденных бежать в изгнание, нашлось преизрядно).

Ныне Святая Земля управляется Великим Магистром, происходящим от потомков отца Патарана (он, вопреки канонам, безбрачия не соблюдал). И жизнь сего государства всецело посвящена, как заявляется, служению Единому Творцу и подготовке воинских сил, способных выйти против сатанинских полчищ. Это напоминает мне орден монахов-воинов из Гурганского царства, на родной нашей Сильване находящегося, но по обширности территории и многолюдству народонаселения Святая Земля многократно превосходит владения ордена. Прежнее деление на дворянство, Сословия и гильдии давно уничтожено. Есть там Божьи Дворяне — они начальствуют над полками, а землями с крестьянами не владеют, являясь лишь управителями. Есть Божьи Книжники, занятые богословием, есть Божьи Инженеры, Божьи Купцы, Божьи Ремесленники и Божьи Мореходы, суть занятий коих ясна из одних названий сих людских общностей. Есть также Братья Монахи, коих немало, и часть их организована в воинские полки, должным образом вооруженные и вышколенные. Ну а Крестьяне Божьи, как легко уразуметь, пахут и сеют. Изящные искусства там, слышно, не в чести, как и почитаемая преступлением роскошь, а храмы всех иных богов, кроме Единого, давно порушены. И нет там ни наград, ни гильдейского деления, ни сословного, ни титулов, ни сеньоров. Иными словами, по рассказам бывавших в Святой Земле путешественников, жизнь там по сравнению с иными краями не в пример аскетичнее и бес-

цветнее. Разное говорят о заведенных в Святой Земле порядках, кто одобряет их, кто не принимает. Я же остаюсь верным старой привычке писать только о том, что видел собственными глазами или по крайней мере изучил вдумчиво по множеству книг, представляющих противоположные точки зрения. Памятую к тому же, что правом выносить окончательные суждения наделена лишь сама История. Пока же у меня недостаточно знаний о Святой Земле, в чем не стыжусь признаться, и от суждений воздержусь до путешествия туда, каковое твердо намерен предпринять в ближайшие годы.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О ВОЕННОМ ДЕЛЕ

Выдержки из одиннадцатого письма реверена Гонзака.

Армии на Таларе не собираются от случая к случаю ради той или иной кампании, а постоянны. Содержатся они на долю доходов от королевских имений, а также на долю от налогов, взимаемых со всех, и с дворян в том числе. Армии Виглафского Ковенанта устроены все на единый образец и состоят из гвардии, «безымянных полков» и легионов. Гвардия, пешая и конная, набирается частью из ронинов, частью из горожан. Есть полки, состоящие целиком из дворян, хоть число таких полков и невелико. Гвардейские полки именуются по цвету мундиров и по роду войск — например, ронерские Синие Мушкетеры или горротские Черные Драгуны. Знамена у них четырехугольной формы, и древки их увенчаны позолоченным орлом, именуемым «акилла». Понятно, что офицеры гвардейских полков происходят из знатнейших дворян, большей частью титулованных, а солдаты получают повышенное жалованье как деньгами, так и в иной форме.

Следом идут «безымянные полки», конные и пешие, артиллерийские, ракетные и саперные. Набираются они из горожан и фригольдеров, хотя попадают там и ронины. Полки эти именуются номерами и по роду войск — например, «пятый кирасирский» или «десятый пикинерский». Вместо знамен у них вексиллумы. Вексиллум есть древко с поперечной перекладиной, прикрепленной пониже вершины, — а уж на этой перекладине и подвешивается полотнище, четырехугольное чаще всего, иногда с бахромой, иногда с кистями. Древко вексиллума увенчано посеребренным акиллой. Служба в сих полках далеко не так почетна, как в гвардейских.

И, наконец, легионы. Эти набираются, что конные, что пешие, из крестьян короны либо сеньоров, именуются также номерами и по роду войск, и офицеры тамошние почитаются ниже всех других. Вместо знамен у них «копье» — древко, увенчанное посеребренным изображением государственного герба и небольшой перекладиной, короче, чем на вексиллумах, с коей свисают ленты определенного цвета.

На службе у каждого короля есть отряды Вольных Топоров, однако таковые используются главным образом на морских островах либо в мелких стычках на границе, когда война по всем правилам не объявляется, а бои тем не менее идут. Впрочем, порой им и в больших войнах доводится участвовать. В офицеры к ним армейские чины идут неохотно, ибо Вольные Топоры, иными спесивцами почитаемые даже ниже легионов, сами о себе весьма высокого мнения. Народ это своенравный, и не всякий офицер с ними уживется.

Есть еще королевская гвардия, почитаемая личной дружиной монарха, и подбору ее самим королем уделяется особое внимание, причем обычные правила в счет как бы и не идут, потому что полки эти — все равно что меч коро-

ля, охраняющий его персону и фамилию. По древней традиции (нам на Сильване прекрасно знакомой исстари) королевскую гвардию предпочитают набирать из иноземцев, гланцев в первую очередь, кои славятся высокой боевой выучкой и особенной верностью присяге. Земля в Глане скудна, многие ищут пропитания за его пределами, выбирая в первую очередь военную стезю, как наиболее приличествующую гланскому горцу. Случается еще, что в королевскую гвардию берут крестьян без различия их принадлежности, отдавая предпочтение как раз уроженцам самых глухих и отдаленных провинций — они по неразвитости своей чтят короля как сверхъестественное поистине существо, а в городах не имеют ни корней, ни знакомых, ни родни. Королевская гвардия превосходно обучена бою на улицах, защите зданий и штурму таких — всему, для чего она в первую очередь и предназначена. Помимо того, учат еще рукопашному бою, владению неуставным оружием, обращению с караульными собаками, стрельбе из арбалетов и мушкетов со зрительными трубками, именуемыми оптическими прицелами, а также, несомненно, и другим хитрым воинским искусствам, о которых широкой публике не разглашается. Служба офицером в королевской гвардии, пусть даже в таком полку, что составлен из темных провинциалов (коих долго учат различать правые и левые конечности, привязывая к оным при муштровке то сено и солому, то, ради пущего поощрения, колбасу и рыбу, кои солдат получает для съедения, как только перестанет путаться), — одна из почетнейших, и многие ее добиваются. Однако отбор туда строжайший — ведь немало в истории случаев, когда король становился жертвой гвардейцев, направляемых узурпаторами. Одним словом, друг мой Чедогон, все, что касается таларской королевской гвардии, мы исстари наблюдаем на Сильване, только что под другими названиями: есть области, где мышление венценосных особ движется совершенно схожими путями, какую державу или планету ни возьми...

Вернемся к армии. Что полком, что легионом командует офицер в чине полковника. И полк, и легион, как правило, состоят из пяти рот (только в кавалерии рота именуется «ала»), и в каждой из этих рот от двухсот до трехсот человек, разделенных на десять платунгов. Ротой командует капитан, и в подчинении у него находятся три-пять лейтенантов и десяток сержантов, командующих по необходимости кто одним платунгом, кто несколькими, в зависимости от обстановки и боевой задачи. При каждом полку имеются: артиллерийская батарея, ракетная батарея (в пехотных еще и особая рота, устанавливающая при нужде рогатки для защиты от неприятельской кавалерии), обоз, походные мастерские, штаб под командой офицера, лекарский отряд, один-два платунга (конные, независимо от рода войск), служащие исключительно для охраны штаба, ибо там много тайных бумаг, ценных для противника. А еще — полицейская команда и особое подразделение, именуемое «волчья сотня», — там собраны головорезы сметливые и дерзкие, способные и разведку провести, и заложить пороховую мину, и посеять панику в тылу противника, перехватывая его курьеров, громя обозы. Вопреки общепринятым правилам войны, «волчья сотня» частенько переодевается в мундиры противника, отчего ставит себя вне законов войны, и при поимке их вешают, как шпионов. Впрочем, в сии сотни набирается столь отчаянный народ, иногда прямо с каторги, что подобная бесчестная участь их не особенно и пугает.

Словом, все вышеупомянутые мною вспомогательные отряды каждого пол-

ка, пожалуй, не уступают в численности его пяти строевым ротам, также и «алам».

Артиллерийские полки и ракетные делятся на батареи и роты под командою лейтенантов и капитанов. Солдаты их грамотнее и развитее прочих, поскольку имеют дело со сложными устройствами, — то же и с саперами, обязанными уметь обращаться со сложными осадными машинами, закладывать мины и контрмины и выполнять иные нелегкие задания. В помянутых полках также есть и свои штабы, и лекарские группы, и «волчьи сотни», и мастерские, и отряды воинского прикрытия.

У лейтенантов, капитанов и полковников с генералами чин обозначает золотое шитье на мундирах, а также обилие оного. Так уж сложилось, что знаками различия для лейтенантов стали повсеместно шитые лавровые ветви, для капитанов — тисовые, для полковников — виноградные листья, а для генералов — дубовые (по сему поводу один лейтенант, подвыпив, загадал мне загадку: «Что такое — дуб, и листья на нем золотые?» Оказалось, недалекий умом генерал). К чему в разных державах добавляются свои эмблемы разнообразного типа.[35]

Есть еще полки воздушные, оснащенные воздушными шарами и планерами. Первые, поднятые на привязи, служат для наблюдения за неприятелем, а со вторых, бывает, метают и гранаты в осажденную крепость или на позиции, и, хоть урон от таких атак обычно ничтожен, ущерб для боевого духа подвергнутых такому нападению велик. По этой причине повсеместная ненависть сопровождала воздушные войска при их появлении, как это, рассказывают, было в старину с огнестрельным оружием при его начавшемся в войсках распространении. Ненависть эта достигала такого накала, что еще на памяти нынешнего поколения военных пленного летуна, будь он и дворянин, вешали совершенно как шпиона, если не подвергали худшей участи. Специально созданная по сему поводу ассамблея Виглафского Ковенанта после долгих прений постановила такую практику недопустимой, и каждый монарх клялся королевской честью соблюдать законы войны по отношению к летунам, а нарушителей сего карать смертью. А король Снольдера, единственный, кто располагает летательными машинами под названием «самолет», понуждаемыми к летанию особыми механизмами (но ничуть не похожими на наши воздушные колесницы), набирает летунов из одних дворян и присваивает каждому офицерский чин, дабы полностью его обезопасить, — ведь убийство пленного офицера считается поступком недопустимейшим, и дворянство всех держав строго следит за соблюдением сего правила.

Флот таларский состоит из парусных кораблей, парусов, а также судов, способных ходить и под парусом, и посредством колес. Вооружены они пушками, ракетными станками, метательными устройствами и огнеметами.[36] Малыми кораблями командуют лейтенанты, большими — капитаны, имеющие в подчинении несколько лейтенантов (причем лейтенант, командующий отдельным кораблем, именуется «флаг-лейтенант» и по рангу считается выше обычного лейтенанта, что подчеркивается дополнением к знакам различия). Эскадры же управляются адмиралами. В отличие от суши, где генеральский чин не делится на разряды, адмиральский практически повсеместно на разряды делится, в какой стране на два разряда, в какой — на три. Знаками различия для лейтенантов служит шитье в виде якорной цепи, для капитанов — та-

ковой же цепи с якорями, а в отношении адмиралов существует большое разнообразие. Так, в Снольдере есть адмиралы Трех, Двух и Одного Фонаря, в Ронеро — адмиралы Красной, Синей и Белой эскадр, а в Лоране — адмиралы Небесные и Звездные (чины эти, как говорят, произошли от наименования парусов — один их ряд, средний, в морской практике именуется Небесным, а верхний — Звездным).

Служат в войсках и девушки, главным образом из дворянских семей, иногда и в офицерских званиях, их не столь уж много, но и не настолько мало, чтобы они считались диковинкой. Снисхождения к ним по сравнению с мужчинами не делается никакого, а вот лишние опасности существуют: если попавшая в плен девушка не имеет офицерского звания, то при недосмотре начальников (а то и их попустительстве) может в неразберихе сражения подвергнуться самому разнузданному насилию. Причем порой надругательство оное имеет причиной вовсе даже не распутство, а выражает убеждение иных, что воевать женскому полу негоже. В военный же флот лица женского пола служить категорически не допускаются, чему причиной древняя традиция. Даже в качестве пассажира иные капитаны женщину, будь она в офицерском звании, берут неохотно. Ради курьеза упомяну, что лет десять назад один ронерский крейсер самым натуральным образом взбунтовался, когда его палубу вознамерилась посетить королева, и даже король, заслуженно прозванный Ужасным, вынужден был простить бунтовщиков, ибо очень уж древний и незыблемый обычай был затронут (но запрет таковой сохраняется лишь в регулярном военном флоте, ибо в торговом, сообщали мне, женщины плавают в небольшом количестве, а у пиратов — и в большом).

Есть на Таларе военные школы, где год, а то и два-три готовят морских офицеров, артиллерийских и саперных. Конница же и пехота обучения в особом заведении не требуют. Молодые люди из дворян, зачисленные в конный либо пеший полк кадетами, там непосредственно постигают военную науку. Когда (речь идет о мирном времени) вышестоящие командиры признают, что кадет достоин звания, ему присваивают чин «кадет-лейтенант», в коем он и пребывает до освобождения вакансии. Бывают и кадет-капитаны (а среди молодых офицеров кружит байка о некоем невезучем кадет-генерале, до кончины своей пробывшем в этаким чине в ожидании вакансии, но это не более чем ходячий анекдот). На войне, понятное дело, производство в чин случается быстрее. Нужно заметить, что во многих полках, гвардейских особенно, в полковники простым продвижением на освободившиеся вакансии не выбьешься — я о полках, где полковников назначает сам король, а не военное министерство.

В солдатах и матросах служат не менее десяти лет, а верхнего предела не назначено — лишь бы был крепок и не увечен, а там служи хоть до седых волос. Отслужившие десять лет могут при соблюдении определенных условий выйти в отставку, однако еще семь лет находятся во «второй очереди», и в случае большой войны их могут вновь определить на службу, потому что так проще и выгоднее, чем брать необученного. Если вышедший в отставку после десяти лет беспорочной службы был до того крестьянином сеньора или короны, он получает статус фригольдера либо право приписаться к одной из трех низших гильдий, а если имеет не менее трех медалей — и к Серебряной. Если же отставник горожанин, может подняться гильдией выше, а при наличии медалей — и шагнуть через разряд. Порядки такие побуждают многих и мно-

гих искать военной службы — благо, в полном соответствии с таларской половицей «У акиллы из-под крыла не выскочишь», достаточно беглому тюремному сидельцу или сбежавшему от хозяина крестьянину попасть в списки полка и принести присягу, как ни полиция, ни сеньор уже не вправе его из казарм извлечь.

В военном флоте есть свои особые полки морской пехоты, действующие в морском сражении абордажными командами, либо штурмующие прибрежные города, когда произойдет такая надобность. Иные из этих полков целиком набираются из каторжников, изловленных пиратов и тому подобного сброда, обязанного в обмен на свободу прослужить равным счетом пятнадцать лет. Свободой такой удел можно назвать с превеликой натяжкой, ибо надзор за ними строгий и за попытку дезертирства вешают немедля, да и за многие другие проступки наказанием петля гораздо чаще служит, чем розга. И все же приток охотников в такие полки велик — лучше служить в морской пехоте, чем надрываться в каменоломнях или висеть на рее, к тому же бывает и военная добыча, а отслуживший пятнадцать лет получает полное прощение прошлых грехов. Вот только доживает до окончания срока не более одной десятой, поскольку их бросают в самые горячие места — да так уж человек устроен, что всегда надеется, будто убьют непременно другого...

Ганза тоже содержит на часть своих доходов и постоянную армию, и военный флот, и отряды Вольных Топоров. В Глане же постоянной армии почти что и нет — лишь два-три королевских полка, обычно размещенных на границах. Зато при угрозе извне тамошний воинственный народ, сызмальства обученный владеть оружием независимо от пола, быстро собирается под знамена своих кланов, и армия эта весьма грозна, ибо защищает свою родную землю.

Постоянную армию не заменишь быстро неопытными рекрутами, стоит она дорого, и часто рисковать ею в крупных сражениях неразумно. Потому, как и у нас на Сильване, особо крупные войны, истощающие государство и требующие предельного напряжения всех сил, на Таларе бывают, но весьма редки. Те же, что вспыхивают и ведутся часто, сводятся к двум-трем битвам, где обе стороны выставляют лишь по несколько полков. Так же обстоит и с морскими сражениями, где сходятся не более десятка-другого вымпелов с каждой стороны. Иные войны ограничиваются осадой крепостей, иные — рейдами одного-двух полков на вражескую территорию.

Мирное же население, считается, не должно участвовать в войне, как бы к ней ни относилось. Единственным исключением предстает лишь воинственный Глан, чьи рубежи сильнее мечей охраняет ясное осознание того, что любому вторгшемуся придется ждать удара от каждой руки, из-за каждого куста. С другой стороны, по законам современной войны и у армии противника нет привычки зверствовать против мирного населения, хотя оно несет неизбежный ущерб в виде увода скота, грабежей и насилий над женским полом, а порой и взятые города бывают отдаваемы войску на разграбление. Такова уж война, сама по себе являющаяся бедствием...

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О МОРСКИХ ОСТРОВАХ

Выдержки из четырнадцатого письма реверена Гонзака.

О всевозможных чудесах, диковинах, встречах и впечатлениях, с коими я столкнулся во время трех своих морских путешествий, напишу еще отдельную книгу, каковая, похвастаюсь, на две трети уже готова.[37] А пока что, друг

мой Чедогон, ограничусь тем, что перечислю самые заметные морские острова и опишу их кратко.

Надобно прежде всего заметить с превеликой завистью, что мореплавание на Таларе благоприятствует одно существеннейшее обстоятельство — моря там, в отличие от наших, пресноводные, и корабельщикам не грозит смерть от жажды. (Ходят даже разговоры среди ученых, что великая река Ител — есть поток, вытекающий из моря, подземным течением проделывающий часть пути и выходящий в Хелльстаде на поверхность. К этому предположению стоит прислушаться, учитывая странное строение реки Ител, словно бы из ниоткуда берущей немалое количество полноводных рукавов, на каковые она разделяется, — а ведь со всеми прочими реками обстоит как раз наоборот: притоки питают реки, а не реки в обилии порождают рукава. Однако проверить это предположение трудно: экспедиции к устью Итела опасны. Пробовали иные сбрасывать с кораблей в Фалейском заливе изрядное количество плотно закупоренных пустых бутылок, надеясь, что некоторые из них, пройдя гипотетическим подводным течением, всплывут в низовьях реки, но не слышно, чтобы принесло это успех, что, впрочем, как не доказывает существование подземного потока, так и не отвергает.)

Так вот, планета Талар делится на Полушарие Восхода и Полушарие Заката. В первом и лежит Харум. К полудню от него расположены острова Бару, числом одиннадцать. Четыре из них, более обширные, принадлежат Снольдеру, а прочие семь — Горроту. Острова эти никакой пользы почти не приносят, не разведано там ни ценных руд, ни благородных металлов, а земля большей частью скудна для земледелия или скотоводства, так что владеющий ими извлекает выгоду главным образом моральную. Ибо государства подобны малым детям, каждый клочок земли для них — что любимая безделушка, какую не отдадут другому, даже если надоела...

К закату от Харума лежит Катайр Крофинд, остров большой, размерами не уступающий Харлану. Там текут две реки, есть обширные пастбища, оловянные и медные рудники, месторождения мрамора и каменоломни, на коих трудятся каторжники. Есть там города и деревни. Катайр Крофинд принадлежит Снольдеру.

К полуночному закату от Катайр Крофинда находится Инбер Колбта. Островов в данном архипелаге около девяти сот, но редкий из них превышает размерами двух-трех югеров,[38] и расположены они крайне густо, очень близко друг к другу собраны, так что разделяющие их воды весьма узки, где шириною в полет стрелы, а где можно без труда перебросить камень с островка на островок. Протоки Инбер Колбта являют собой сущий лабиринт, где незнакомый с архипелагом кормщик может блуждать неделями, не находя выхода в океан, да и опытные лоцманы не рискуют углубляться в самое сердце Инбер Колбта, благо что и делать там занятому человеку нечего. Только на внешних островах останавливаются проплывающие корабли, ибо у Инбер Колбта проходит один из оживленных морских путей, и вездесущие ганзейцы еще в древние времена устроили там три порта, а в позднейшие годы разные государства заложили угольные склады для своих пароходов. В глубине же Инбер Колбта любят укрываться превосходно знающие те места пираты, и погоня за ними затруднительна, хотя случается. Всякое болтают о центральных областях Инбер Колбта, но я к этому еще вернусь в своей книге о тайнах океана. Инбер

Колбта никому не принадлежит, и большинство его островов необитаемы. На таларском древнем языке, ныне вышедшем из употребления, «инбер колбта» означает «устье реки», и ученые люди уверяют, будто с птичьего полета архипелаг и впрямь напоминает, если мысленно дорисовать недостающее, устье гигантской реки, дельту с многочисленными островками. Возможно, есть правда в легендах, утверждающих, будто до Шторма места те были сушей с протекающей по ней рекой — от чего только и осталось, что Инбер Колбта.

Примерно на равном расстоянии меж Инбер Колбта и Лораном, только лигах в ста к полуночи, лежит остров Стагар, и он невелик. Жители его пользуются мрачной славой первых на Таларе морских колдунов, весьма сведущих во всем, что касается погоды, течений, бурь, дождей и ветров, а также морской нечисти. И слава эта вполне заслуженна — оттого-то, по некоему молчаливому уговору, харумские державы претензий на Стагар не предъявляют, стараясь с ним не связываться, благо и взять с него нечего. Формально остров принадлежит лоранской короне, от каковой на Стагаре присутствует губернатор с небольшим количеством чиновников и солдат, но вмешательства в местную жизнь он не оказывает, и последняя идет своим чередом. Коренных обитателей там насчитывается около трех тысяч, малая часть живет плугом, а большая — рыбной ловлей. Лоранцы туда не переселяются, ибо Стагар скуден и каменист. Есть там при городке, также именуемом Стагаром, большой порт. В городке и пребывают губернатор с гарнизоном, а также некоторое число ссыльных, среди коих есть и знатные.

Примерно в полутора тысячах лиг к полуночному закату от Стагара лежит Темайр. Остров сей служит ларам портом, откуда летают на Сильвану и обратно те межпланетные исполинские ладьи, на одной из которых я сюда и прибыл. На Темайре есть большой порт, куда приплывают корабли, перевозя убывающих на Сильвану и прибывающих оттуда, вкуче с их товарами. Всем на Темайре распоряжаются лары.

Вот и все о Полушарии Восхода. Перейдем теперь к Полушарию Заката, изучая его сверху вниз.

На полуночи лежит Диори, огромный и загадочный остров, весь закованный льдами, что необъяснимо при таларском климате, везде одинаково ровном, не знающем зимы, снега и льда. А посему все сходятся, что льды Диори имеют объяснение неестественное. В глубь сей жуткой земли никто не рискует углубляться, да и на берегах Диори появляется еще меньше дерзких смельчаков, чем на рубежах Хелльстада. Если хоть десятая часть страшных рассказов о поджидающих на Диори опасностях верна (а так оно, безусловно, и обстоит), то рекомо сокрытые там клады имеют надежнейших сторожей...

Ниже, на одной примерно широте, расположены Ферейские острова, Хай Грон и Бран Луг.

Ферейские острова, числом пять, принадлежали когда-то королевству Демур, ныне стертому с лица земли Глазами Сатаны. После гибели метрополии жители острова, оказавшись без подданства и защиты, переселились на Бран Луг. Так же поступил и гарнизон имевшегося на одном из островов военного порта, перейдя на ронерскую службу. Ныне на одном из них ронерцы заняли опустевший порт, приспособив его для своих нужд, ибо мимо того острова проходит морское течение, облегчающее путь их кораблям к Бран Лугу. А остальные четыре необитаемы, там пасутся стада одичавших коров, на кото-

рых охотится и гарнизон, и пираты, и проплывающие честные мореходы, имеющие потребность в свежем мясе.

Далее лежит Хай Грон. Остров этот мал, площадью около двадцати югеров, и почти весь представляет собой бесплодные скалы, если не считать узкой прибрежной полоски на закатной окраине, где расположился город с портом, наполовину принадлежащим Ганзе. Однако знаменит этот остров на весь Талар. В самой высокой точке Хай Грона стоит храм морского бога Руагату, и легенда гласит, что под этим именно храмом зарыто знаменитое копьё Морских Королей, коим только и можно убить Великого Кракена. Поверье это идет из седой древности и чересчур устойчиво для простой сказки. Но поскольку его сопровождает столь же древнее поверье, гласящее, что разрушение храма Руагату или любой значительный ему ущерб вызовет страшное наводнение, всемирный потоп, не уступающий Шторму, державы Виглафского Ковенанта, все без исключения, держат на острове свои воинские команды, бдительно охраняющие храм днем и ночью. Признаюсь, впервые я столкнулся со случаем, когда все государства столь единодушны в серьезнейшем своем отношении к старинной легенде. Так что поневоле начинаю думать, что для такого поведения у них есть свои причины, и пророчество оное в старые времена действительно прозвучало из уст кого-то, чьи слова сбывались... Но не возьму в толк, где можно было зарыть копьё. Храм я посетил немедля, туда пускают в сопровождении чиновников в дневное время, за умеренную плату. И уверяю тебя со всей ответственностью: храм сей стоит на сплошной скале, где невозможно зарыть что бы то ни было. Позже, уже на Харуме, в кругу ученых, я со всем пылом новичка предположил, что речь идет об устроенном в подземелье храма тайнике, но мои догадки тут же опровергли, рассказав, что за минувшие тысячи лет там, не выдавая своего подлинного лица, побывали многие колдуны и маги, а также горные инженеры и лозоходцы, поднаторевшие в поиске тайников и подземных полостей; и все они пришли к заключению, что подземелье храма (невеликое, кстати) тайников не содержит. Остается разве что предположить, что легендарное копьё это, если и впрямь существует, магическим образом заключено в толще камня, откуда извлечь его может лишь посвященный. Случаи таковые нам известны на обеих планетах. И таларские ученые со мной всецело согласились, ибо сами так думали: если копьё существует, то разве что заключенным во внутренность камня, подобно мечу фоморов или копьё Гримтаса.

Далее расположен Бран Луг, размерами не уступающий Катайр Крофинду, а то и превосходящий. Владение это ронерское. Только там, в силу неких природных особенностей, и растет на Таларе хлопок (коим занято две трети острова). Также и сахарный тростник, хоть и растущий в иных уголках планеты, на Бран Луге наиболее хорош и обилен. Им засажена оставшаяся треть острова, из него добывают как сахар, так и излюбленный моряками ром — каковой, очищенный должным образом, весьма хорош. Труд по возделыванию обеих этих культур крайне тяжел, и своей волей туда редко кого заманишь, разве что от крайней нужды. И потому ронерцы посылают туда каторжников, а также нанятых у нас на Сильване рабочих.

К восходу от Бран Луга лежит Сегур. Остров этот невелик, размеров в пятьсот югеров, но история его удивительна. Сегур — последний сохранившийся над уровнем моря клочок некогда обширного и богатого королевства, размера-

ми не уступавшего некогда доброй четверти Харума и включавшего в себя также Бран Луг (но Бран Луг был глухой окраиной, а Сегур — землями, расположенными вокруг столицы). Девятьсот с лишним лет назад земля эта стала вдруг погружаться в океан и на протяжении примерно семидесяти лет погрузилась почти вся, после чего море уже ни Сегур, ни Бран Луг не тревожило. Людей за те семьдесят лет погибло немало, но, поскольку погружение сие было не единовременной катастрофой, а постепенным опусканием суши, жертв все же насчитывается неизмеримо меньше, чем было бы при внезапном могучем катаклизме, и очень многие, прихватив то, что смогли погрузить на корабли, рассеялись по иным землям. А поскольку столица бывшего королевства, современный город Сегур, пребывает и ныне на суше, то за уцелевшей королевской фамилией сохранены все права, а за островом Сегур — права королевства, в качестве какового Сегур и состоит в Виглафском Ковенанте. Сам я, обремененный житейским опытом и толикой проистекающего отсюда цинизма, полагал, что причиной такого великодушия послужил отказ сегурского короля от образовавшегося острова Бран Луг в пользу великих держав (добавлю, что державы долго вели войны за единоличное обладание сим островом, пока там окончательно и безраздельно не утвердился Ронеро). Есть историки на Таларе, втихомолку со мной согласные, но в архивах письменных следов такой сделки нет, разве что в королевских, нам недоступных. Ныне на Сегуре, кроме одноименной столицы (понятно, весьма обезлюдившей), сохранился еще невыразимо прекрасный город Сегула, о котором толкуют, что за красоту его пощадили даже морские демоны — или сам Руагату, коего суеверная молва почитает виновником гибели королевства. Население Сегура сейчас не превышает десяти тысяч. Там обитает королевская фамилия с изрядным количеством дворян, и жизненный уклад разительно отличается от бытующего в иных странах. Из-за того, что крестьян и ремесленников осталось крайне мало, ибо именно они в первую очередь бежали из гибнущей страны, а дворян, так и не покинувших в свое время Сегур, насчитывается преогромное количество, то большинству из них ради пропитания пришлось освоить занятия, почитавшиеся до того презренными. И нынешний Сегур являет собой зрелище редкостное. На каждом шагу там можно встретить бакалейщика или гончара, а то и пахаря, щеголяющего при прадедовских золотых шпорах и золотой цепи, дабы подчеркнуть свое происхождение. Дворяне составляют девять десятых всего населения, но подлинно дворянский образ жизни ведут не более двух сотен из них, а прочие заняты делами, относящимися в других краях к обязанностям Золотых, Серебряных, Бронзовых и частью Медных гильдий. Жизнь на Сегуре была бы и вовсе скудна, не сдавай короли три порта в аренду ганзейцам.

Почти в центре Полушария Заката расположены острова Девайкир, числом девять. Иные из них богаты золотом и серебром. По одному острову принадлежит Снольдеру, Ронеро и Горроту, устроившим в своих владениях рудники. Два заняты Ганзой, но не слышно, чтобы там добывали драгоценные металлы (разве что, по купеческой привычке, это держится в тайне). По одному острову досталось Лорану и Харлану, безрезультатно пока что ведущим поиски. Два острова бесхозны, и все, кому вздумается, и государственные рудознатцы, и одинокие ловцы удачи, ищут там следы ценных руд. Если найдут, следует ждать войны за обладание данными островами. Поскольку оттуда на конти-

нент часто отплывают корабли, груженные золотом и серебром, вокруг островов Девайкир прямо-таки роятся пираты (правда, остается неподсчитанным, сколько из них старается ради собственной выгоды, а сколько — замаскированные морские офицеры соперничающих держав или попросту нанятые означенными державами каперы).

На полуночном восходе лежит Море Мрака — таинственная обширная область, укутанная нетающим густым туманом, куда даже пароходы с запасом угля заходить не рискуют. С превеликим трудом, выложив столько золота, что хватило бы на покупку неплохого трехмачтового корабля, мне удалось уговорить капитана (далеко не самого трусливого из известных мне таларских мореходов) углубиться в Море Мрака на лигу — и многое я понял, так что отныне не стану упрекать в трусости тех, кто опасается входить в Море Мрака.

Но сам туда непременно вернусь для обстоятельной экспедиции, как только подыщу надежную команду и добрый корабль.[39]

На полудне лежит остров Дике, немногим менее Бран Луга, принадлежит он Горроту, обитаем и многолюден, но не пашни и пастбища составляют главную его ценность. В горах, в срединной его части, добывают знаменитый пещерный жемчуг, синее чудо, приносящее королям Горрота немалый доход. Растет там еще красное дерево, а в горных копиях добывают красную яшму и полосатую,[40] а также особый род аметиста, именуемого «бархатным», — фиолетовый цвет его при вечернем освещении изменяется в густо-красный. Есть там и рубиновые копи, и месторождения полудрагоценных минералов — из них более всего известны венис[41] ибакан.[42] Словом, недра острова Дике столь богаты, что горротских королей подозревают в сговоре с гномами, но слухи эти, верней всего, рождены одной лишь завистью, ибо кто слышал, чтобы гномы обитали на острове, пусть и большом? Даже если Дике, как слышно, есть осколок затонувшей в незапамятные времена земли, гномы давно покинули бы его, ибо островов не любят.

В океане насчитывается несколько десятков прихотливо разбросанных одиноких островов, но они малы, большей частью необитаемы, и для нашего повествования интереса не представляют ни малейшего — разве что из-за связанных с иными легенд и примечательных случаев, поверий и курьезов, которые я постараюсь изложить в своей книге о море.

О ГОРОДАХ

Выдержки из пятнадцатого письма реверена Гонзака.

Города таларские делятся на дворянские, коронные и гербовые. Первые целиком принадлежат дворянам, на землях коих расположены, вторые — королю, а третьи — вольные, в ознаменование чего и наделены гербом, коим жители такого города крайне горды. Случается, конечно, что гербовый город лежит в границах дворянских владений, бывает, город окружен коронными землями, а случается, что столица, например, ронерская Равена, не королевский город, а гербовый. Происходит это оттого, что владения не раз меняли принадлежность, иным городам герб жаловался за заслуги, а у других отбирался за вину мнимую или подлинную. В городах всех трех разновидностей существуют одни и те же гильдии и сословия. Разница лишь в том, что в дворянском городе, будь он наполовину населен людьми вольными, власть дворянина весьма ощутима, как в коронном — власть короля. Зато гербовые города управляются исключительно своими магистратами, ревностно хранящими

старинные привилегии. Для каждой разновидности городов существует известная разница в судопроизводстве и отправлении правосудия, а также в персоналиях, оное отправляющих. Однако система эта чересчур сложна для короткого пересказа, как показали бы сложны чужеземцу наши правила на сей счет.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ГОЛОВНЫХ УБОРАХ

Головной убор играет на Таларе очень большую роль. По нему безошибочно узнают род занятий и социальное положение владельца. Появиться на людях с непокрытой головой — поступок крайне предосудительный, достойный последнего бродяги.

Бадагар — фетровая широкополая шляпа, обычный головной убор военных и дворян (у дворян украшена перьями, лентами, пряжками из драгоценных металлов с самоцветами).

Бонилон — твердая шляпа с высокой тульей в виде усеченного конуса и неширокими полями. Головной убор членов Золотой, Серебряной и Бронзовой гильдий. В зависимости от гильдии бывает украшена золотым, серебряным или бронзовым медальоном, вместо ленты — крученный шнурок.

Капарат — круглая твердая шапка, как правило, темных тонов. Ее носят члены сословия Мер и Весов. Бывает украшена ярким матерчатым верхом, золотом и серебряным шитьем, отшлифованными полудрагоценными камнями.

Каталана — фетровая или кожаная шляпа с высокой тульей и узкими полями, заломленными сзади. Наиболее распространена по обе стороны Каталунского хребта, где ее носят дворяне, пограничные егеря, вообще все Сословия, кроме крестьян. В других местах — излюбленный головной убор охотников (поскольку шляпа этого фасона наиболее удобна для ходьбы по чащобе).

Лангила — матерчатая шляпа с очень широкими полями и круглым верхом, плотно сидящая на голове. Пропитывается водоотталкивающими составами и представляет обычный головной убор моряков и рыбаков. По-другому она именуется «штормовая лангила», или попросту «штормовка». Для ясной хорошей погоды существует разновидность, называемая «лангилатан» — твердая, поля не столь широкие. Лангилатан с металлическими головками и кокардами — форменный головной убор военных моряков.

Буниль — остроконечный колпак, войлочный или из плотной материи, с круглыми наушниками и квадратным наматыльником. Будничный головной убор крестьян. Праздничным служит габуниль — вязаный колпак, украшенный лентами.

Виклер — форменный головной убор чиновников, шляпа из твердой лакированной кожи, цилиндрическая, с узкими полями. Высота шляпы, наличие украшений, равно как и их количество, зависят от чина.

Крапон — твердая шляпа с тульей в виде конуса и узкими полями. Головной убор членов Медной и Железной гильдий.

Мурмалка — остроконечный матерчатый колпак с меховой оторочкой, старинный головной убор жителей Ратагайской степи, который носят все без исключения мужчины (сорт материала, разновидность меха, наличие перьев и украшений зависит от положения в обществе).

В Глане мужчины носят разнообразные береты. Все прочие головные уборы совершенно не в обиходе и именуются насмешливыми прозвищами.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОДЕЖДЕ

Камзол — короткая мужская одежда, едва прикрывающая бедра. *Кафтан* — более длинный, почти до колен. *Колет* — камзол без рукавов. Если упоминается, что на военном был мундир, это означает, что его штаны и камзол (или кафтан) — одного цвета. Дворяне, военные и члены некоторых сословий никогда не появляются на людях без плаща. Чиновники носят мундир или сюртук до колен длиной, с пуговицами сверху донизу. Сюртук всегда должен быть застегнут на все пуговицы — как и одежда купцов, длиннополый хомерик. Военные и дворяне, наоборот, держат верхнюю одежду полурасстегнутой или расстегнутой вовсе, открывая кружевное жабо или форменный шейный платок.

Дворянки могут появляться в мужской одежде, но исключительно незамужние (замужним приличия такое позволяют лишь в долгой поездке).

ЗАМЕЧАНИЯ О БОГАХ И ХРАМАХ

Храмы ЕДИНОГО ТВОРЦА существуют во всех государствах и обитаемых землях (хотя и не везде окружены доброжелательством). Возведенные в старые времена легко отличить по трем-пяти золоченым куполам, каждый из которых увенчан крестом Единого. Храмы более современной постройки несколько выше и уже, с остроконечными четырехгранными крышами, и крест лишь один, в самой высокой точке храма. При всяком есть колокольня. Внутри нет ни изображений, ни статуй Единого — Творец никогда не показывался людям, и воплощать его в изображении не принято. Зато, как правило, по сторонам алтаря стоят статуи наиболее почитаемых в данной местности святых, окна украшены витражами, а у порога на полу сделано мозаичное или вырезанное в камне изображение дьявола, которого входящие попирают ногами.

Кроме Сословия храмовых священников существует еще четыре монашеских ордена: святого Роха, святого Круахана, святого Катберта-Молота и святого Сколота, занятые самой разнообразной деятельностью — от благотворительности и устройства школ до борьбы с приверженцами Черной Троицы.

АШОРЕМИ — в древности богиня охоты и лесов. Впоследствии стала и повелительницей ночи, каковое обстоятельство по прошествии лет привело к несколько комической ситуации, о какой будет сказано ниже. Первая ипостась богини, то есть патронаж над лесами, всем обитающим в них зверьем, а также теми, чьи труды связаны с лесом (охотники, птицеловы, бортники, смолокуры, дровосеки и т. д.), со временем окончательно перешла к Кернунносу. Ашоремии осталась исключительно Царицей Ночи, а потому ее считают своей покровительницей и влюбленные, и разбойники с ворами (иронически прозванные «ночными служителями Ашоремии»), и странствующие купцы, для которых ночь, заставшая их в дороге, — самое опасное время. Эти категории в основном и составляют паству храмов Ашоремии. По старинке богине поклоняются и представители вышеприведенных «лесных» ремесел — те, кто живет вдали от Каталауна и других горных районов. Горожанки всех сословий и слоев общества верят, что молитва Ашоремии облегчает роды и помогает вернуть любовь мужа.

Кое-где, в самых древних храмах, еще можно увидеть изображения Ашоремии в облике мифологической ночной птицы Валари с восьмиконечной Полярной Звездой на груди. Но в основном богиня предстает прекрасной девушкой с луком и колчаном за плечами (это оружие уже считается не символом охо-

ты, а стрелами любви, поражающими сердца).

Самый большой и старинный Храм Ашореми находится в Пограничье и пришел в изрядное запустение, хотя туда до сих пор приходят паломники и там совершаются богослужения. Храмы Ашореми отличаются обилием колонн, полным отсутствием окон и плоской крышей, увенчанной статуей богини над входом и Полярной Звездой по всем четырем углам. Служителями Ашореми могут быть и мужчины, и женщины. К алтарю богини приносят цветы, перед ним жгут благовонную смолу. Есть ежегодные праздники с торжественными шествиями. Животное Ашореми — кошка.

БРИГИТА — богиня знаний, мудрости и изящных искусств. Изображается в виде птицы с женской головой или, что реже, совы. Ее приверженцы происходят главным образом из Сословий Свободных Искусств, Сова и Циркуля. Храмов Бригиты, собственно говоря, не существует — лишь часовни, выполненные в виде каменных, закрытых с трех сторон навесов с изображением богини внутри. Служителей богини, как профессиональной касты, нет, эту роль выполняют особо уважаемые члены городских Общин Бригиты, носящие звание «смотрителей часовен». Есть ежегодные праздники с торжественными шествиями.

ВЕЛИКАЯ МАТЕРЬ — самое загадочное божество Талара, в чьи секреты так и не смогли проникнуть полностью ни книжники, ни тайная полиция. Главные приверженцы этой богини — крестьяне обоего пола (исключая побережье, где силен Руагату, Каталаун и горные районы). Святилища Великой Матери, изображаемой в виде примитивно вытесанной из камня или дерева тучной женщины, можно увидеть в каждой деревне. Есть еще священные роци и заветные места, посвященные Матери. И те и другие, по неписаному обычаю, идущему из глубины веков, настрого запрещено посещать мужчинам (слухи о том, что иные убийства были мстью за нарушение запрета, так до сих пор не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть, несмотря на все усилия властей).

Жрицами Великой Матери могут стать исключительно женщины, причем их возраст сплошь и рядом не имеет значения (считается, что будущая жрица с колыбели отмечена богиней, и посвященные это легко определяют). Праздники в честь Великой Матери приурочены к севу, жатве, обмолоту и другим видам полевых работ. В жертву богине приносят злаки, плоды и перворожденных ягнят (слухи о человеческих жертвах были тщательнейшим образом проверены имперской разведкой, но не подтвердились).

Помимо внешней, обрядовой стороны ритуалов, лицезреть которые допускается любой посторонний, существует, вне всякого сомнения, и некое тайное знание, но до нынешних пор не удалось вызнать о нем ничего конкретного. Известно, что Великая Мать олицетворяет Природу, животворящую силу (а по некоторым источникам, и всю планету, полагаемую жрицами Великой Матери живым и чуть ли не разумным существом). Одно время бродили упорные слухи (в городах, естественно), что реверен Гонзак пытался проникнуть в тайны Домов Великой Матери (нечто вроде монастырей, где живут женщины, посвятившие всю свою жизнь служению богине), за что и был убит при самых удивительных обстоятельствах. Насколько известно, проверкой этих слухов никто всерьез не занимался — ибо подобные сплетни во множестве появлялись и раньше в связи со смертью других известных особ, но подтверждения никогда не находили, и к ним перестали относиться серьезно.[43]

Следует отметить, что в военное время даже наиболее буйная и недисциплинированная солдатня обходит стороной Дома Великой Матери и избегает оскорблять жриц. Эта укоренившаяся в древние времена традиция чересчур устойчива для простого суеверия, что неоднократно отмечалось исследователями (так и не докопавшимися, правда, до причин).

КЕРНУННОС — бог лесов, охоты, диких животных и грома. Изображается в виде оленя с лошадиным хвостом или человека с оленьей головой. Главным образом ему поклоняются в области Каталаунского хребта, гор Адантел и Оттершо. Служители Кернунноса — исключительно мужчины. Храмы, как правило, располагаются в лесу (или окружены самое малое семью деревьями), они небольшие, кубической формы, с узкими высокими окнами, крыша крыта оленьими рогами. При храме обязательно имеется башенка, где по особым праздникам (так называемые «дни грома») зажигают священный огонь. Есть заповедные Леса Кернунноса. В общем, Кернунноса нельзя назвать «злым богом», но порой по отношению к людям (особенно тем, кто неподобающим поведением в лесу навлек его гнев) он бывает жесток и мстителен. Особых жертв ему не приносят, но принято оставлять в лесу часть охотничьей добычи или, проезжая мимо заповедного леса, украсить одно из крайних деревьев каким-нибудь подношением. Зверем Кернунноса исстари считается каталаунский тигр, и под особым покровительством бога находятся белые олени.

РУАГАТУ — бог моря, имеющий огромное число приверженцев на побережье и на Островах, особенно среди моряков и рыбаков (а также купцов, плавающих по морю). Изображается в виде могучего бородача с трезубцем, восседающего на касатке. Храмы Руагату (которые полагается возводить не далее чем в лиге от берега), пожалуй, самые пышные и красивые среди всех. Стены в них заменяют ряды колонн, крыши из нескольких куполов ярко раскрашены разноцветными красками в виде чешуи, снаружи и внутри храмы украшены мозаикой, статуями и изображениями как мифологических обитателей моря, так и реальных. Во время богослужения жгут благовония трех видов. У мореходов принято во исполнение обетов дарить храмам модели своих кораблей, зачастую из драгоценных металлов. Среди служителей — и мужчины, и женщины. При некоторых храмах есть приюты для старых и увечных мореходов. Любимицами Руагату считаются касатки, поэтому охотиться на них рискнет лишь самый отпетый, не верящий ни в бога, ни в черта. И наоборот, убить гривастого крокодила или кракена считается угодным Руагату делом.

СИМАРГЛ (КРЫЛАТЫЙ ПЕС) — бог войны. Около двух тысяч лет назад его культ был занесен с Сильваны, и, в отличие от схожих случаев с другими сильванскими богами, не только прижился, но и широко распространился — главным образом среди военных, части обитателей Полуденного Каталауна и в Ратагайской Пуште. Изображается в виде пса с орлиными крыльями. Храмы сложены из красного кирпича разных оттенков, по виду напоминают старинные замки — с высокими крутыми крышами, зубцами по их кромке, машикулями, толстыми стенами, узкими стрельчатыми окнами (с витражами, изображающими сражения). Внутри — статуя Крылатого Пса, стены обычно увешаны пожертвованным по обету или дареным оружием (все древние храмы славятся прекрасными коллекциями старинного оружия). Принято освящать в храме купленное у мастера оружие. В старые времена полагалось оставлять перед статуей капельку своей крови, укол палец, но вот уже несколько сто-

летий, как этот обычай исчез.

При иных храмах есть приюты для старых и увечных солдат (каковых немало и среди служителей Симаргла). В противоположность силванским обычаям, служители Симаргла — исключительно мужчины. Возле храмов Симаргла всегда можно увидеть собак — их подкармливают, так как собакам Крылатый Пес особо благоволит, выделяя среди прочих животных. Для приверженцев Симаргла убить или обидеть собаку — грех (зато отношение к кошкам насквозь противоположное).

Существуют Братства Симаргла — военные ордена. Их членов обязывает равенство независимо от происхождения, обет супружеской верности, клятва участвовать в любой войне, какую ведет государство. Ныне таких Братств семь — три в Снольдере, два в Ронеро, по одному в Глане и Лоране. Они могут выставить отряды, не уступающие по численности полку. На звоннице каждого храма установлен птелос. Симаргл — покровитель гильдии Оружейников.

ХОРС — бог солнца. Изображается в виде всадника на рыжем коне или золотого солнечного диска. Почитается главным образом в городах. Храмы возводятся в виде пирамиды из семи уступов, увенчанной солнечным диском. Внутри стоит статуя Солнечного Всадника и поддерживается неугасимый огонь (возжигаемый от солнца с помощью особых стекол). При храмах (или при главном храме, если в городе их несколько) содержится отобранный в соответствии со сложными каноническими правилами рыжий, «солнечный» конь, символизирующий Хорса в торжественных процессиях по праздничным дням (считается, что на нем невидимо восседает тогда сам Хорс). Служители бога — исключительно мужчины. Хоре покровительствует в животном мире лошадям и петухам («птице Хорса»), а из мастеров его особенным покровительством пользуются кузнецы. На вершинах храмов установлены гонги.

Времена Храмовых Войн давно минули, но определенные трения сохранились до нашего времени — взаимная неприязнь и отчуждение меж приверженцами Ашореми и Симаргла, Симаргла и Кернунноса, Кернунноса и Хорса, Хорса и Ашореми.

По недостатку места нет возможности рассказать о «потаенном народце» — лесных феях, духах источников, «болотных сидельцах» и пр., и пр. Лучше всего отослать читателя к классическому труду Уро Монкагера «Рассказ и размышления о Потаенном Народце» (лучшее иллюстрированное издание вышло в 3710 г. Х. Э. в Ремиденуме). Неплоха также книга «Каталог Иномирья» — старинный труд анонимного автора, часто переиздающийся.

ЧЕРНАЯ ТРОИЦА — так именуется три черных бога, чьи храмы были в конце концов разрушены, а оставшиеся приверженцы загнаны в подполье — Сет-Змееног, Кром Круах (Кром Кровавый) и Рогатый (Клыкастый Козел). До сих пор в глухих уголках, несмотря на все преследования, время от времени еще совершаются «черные ритуалы» с человеческими жертвоприношениями. Адепты «черной троицы» в свое время и создали тайные общества, известные под собирательным названием «Черной благодати» или «Черной радуги».

О СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Господствующей религией там объявлено так называемое «учение Совершенства», или «учение святого Патарана, единственного боговдохновенного толкователя воли Единого Творца, очистившего служение Творцу от искажений и излишних сложностей». Но все остальные понтификаты Единого Твор-

ца за пределами Святой Земли относятся к этому учению отрицательно, отношений со Святой Землей не поддерживают не признавая самого этого названия, а также не считают Патарана святым.

РОСПИСЬ КЛАССНЫХ ЧИНОВ, ИЛИ ЧИНОВНИЧЬИХ КЛАССОВ

1. Коронный министр.
2. Коронный советник.
3. Тайный советник.
4. Королевский советник.
5. Королевский секретарь.
6. Министерский советник.
7. Министерский секретарь.
8. Советник.
9. Департаментский советник.
10. Департаментский секретарь.
11. Канцелярии советник.
12. Секретарь канцелярии.
13. Секретарь.
14. Канцелярист.
15. Письмоводитель.
16. Писец.

Система эта применяется во всех государствах Харума, за исключением Вольных Маноров, Плана (где существует своя, более простая и патриархальная) и Балонга (где также принята своя).

1–5 классы приравнены к генеральским чинам, и получить их могут лишь дворяне (есть, впрочем, редкие исключения), 6–8 классы приравнены к полковникам, 9–10 — к капитанам, 11–12 — к лейтенантам, 13–14 — к сержантам.

МОНЕТНАЯ СИСТЕМА

Ронеро

Золотой аурей = серебряному аурею = 25 серебряным сестерциям. Есть еще золотые монеты «токен» (5 ауреев) и «солид» — 10 ауреев.

Серебряный сестерций = 10 медным сестерциям = 200 медным грошам.

Медные монеты: полугрош, грош, тройной грош, семигрошевик, десятигрошевик, сестерций, ливра (монета в 5 медных сестерциев).

Все монеты — круглые. Для Брян Луга чеканятся все их виды, но именуются они «островными», и вместо королевской короны на них изображен государственный герб.

Снольдер

Золотой денарий = 50 серебряным артигам. Есть золотые монеты «латеранский золотой артиг» (денария), «двуденарий» (2 денария), «сфинкс» (3 денария), «Цехин» (7 денариев, хождение имеет главным образом в Ратагайской Пуште).

Серебряный артиг = 14 серебряным патагонам = 280 медным гротирам.

Медный гротир = 5 пулам. Есть монеты в 1, 2, 3, 4 пула.

Все монеты — круглые. (Сфинкс еще с отверстием посередине.) Для Катайр Крофинда чеканятся «морские» деньги.

Горрот

Золотой статер = 40 серебряный ассам, либо 10 серебряным венталам = 600 медным ассам. Есть двойной статер, тройной статер и «галиа» — монета в 7 статеров.

Медный асс = 3 медным патарам. Есть монеты в поласса, полпатара, двойной патар.

Глан

Златник = 20 серебряникам = 280 медным шелегам. Есть двойной златник, тройной и «медведь» — монета в 5 златников.

Медный шелег = 7 круцежам. Есть полукруцеж.

Шаган

Золотой орт = 14 серебряным фартингам и 140 медным фартингам. Есть двойной орт, «колокол» (монета в три орта).

Серебряный фартинг, двойной серебряный. Медный полу-фартинг, фартинг, тройной фартинг. (Монеты всех трех держав — круглые, кроме восьмиугольной в один гланский круцеж.)

Для острова Дике в Горроте особых денег не выпускается, хотя в последние время это, кажется, намерены сделать.

Харлан

Золотой скеллер = 25 серебряным скетам = 500 медным билонам. Есть монеты в 3, 6 и 10 скеллеров.

Серебряный балиган = 5 скетам.

Медные: четверть билона, полубилон, билон, двойной билон, пятерик и семерик.

Все золотые монеты — круглые, балиган — семиугольный, пятерик и семерик — семиугольные с отверстием в середине.

Лоран

Золотой денарий = 28 серебряным фоллисам = 280 медным фоллисам. Есть двойной денарий, «роза» (5 денариев) и «суверен» (15 денариев).

Серебряный фоллис = 7 медным караунам = 10 медным фоллисам.

Медные: полуфоллис, фоллис, караун, «фоллис с барашком» (3 фоллиса), пять фоллисов.

Все золотые и серебряные монеты — прямоугольные (один из лоранских королей, полторы тысячи лет назад заменивший такими монетами круглые, спесиво заявил:

«Пусть они и неудобнее круглых, зато свидетельствуют о нашем величии». В те времена Лоран считался самой мощной державой континента, каковую роль со временем утратил, но облик денег остался прежним).

Все медные монеты — круглые, с отверстием посередине.

Балонг

Вместо золотых монет там находятся в обращении денежные знаки в 5, 7, 10, 14, 40 и 100 дукатов, с большим мастерством изготовленные из ввозимого с Сильваны в малых количествах самшитового дерева, на Таларе не произрас-

тающего. Они обеспечены сокровищами особой кладовой Круглой Башни, довольно большого размера, круглые и охотно принимаются на всем Таларе (нужно заметить, что порой их подделывают точно так же, как и металлические деньги).

Есть серебряные монеты в 1, 2, 3 и 4 дуката, медные — в 1, 2, 5 и 10 дирхамов. И серебряные, и медные — все восьмиугольные, серебряные, вдобавок с отверстием посередине.

Ганза

Ганзейцы пользуются в основном деньгами «прилегающих держав», хотя для особых расчетов существуют круглые монеты — золотой и серебряный далер.

Сегур денег не чеканит давно по причине тщательно скрываемой бедности оногo государства. В обращении, впрочем, еще находится небольшое количество древних золотых монет под названием «тымф», или «корабль», но ходят они исключительно на острове и скоро пропадут совсем, так как являются объектом охоты коллекционеров, как и фельсы — серебряный и медный.

Вольные Маноры права на чеканку монет были лишены около пятидесяти лет назад решением Виглафского Ковенанта.

«Старые» деньги еще ходят, но понемногу изымаются из обращения, как только сотрутсЯ, к тому же купцы увозят их для коллекционеров, а также для переплавки.

Деньги Святой Земли из-за больших примесей серебра, а то и меди, к золоту повсеместно считаются «худыми», «порченными» и за пределами означенного государства хождения не имеют.

ОРДЕНА И МЕДАЛИ

Глан

Ордена:

Чертополоха.

Пещерного Медведя.

«Громовая гора».

Медали:

«Серебряное кольцо».

«Медное кольцо».

«Железное кольцо».

Все награды исключительно военные. В тех случаях, когда король все же желает наградить кого-то за заслуги на «гражданском» поприще, вместо цепи (так как все три ордена носятЯ на цепи, на шее) орден крепится на бант, прикалываемый к груди.

Балонг

Ордена:

«Круглая башня».

«Ладья богатства».

«Созвездие».

Медали:

«Золотая пчела».

«Серебряная пчела».
«Медная пчела».
«Железная пчела».

Полная противоположность Глану: орденами и медалями награждаются лишь подданные Балонга, «приумножившие его богатства и действовавшие во славу дальнейшего благосостояния». За воинские подвиги (например, отвагу, проявленную экипажем судна в бою с корсарам) награждают деньгами или ценным оружием.

Горрот

Ордена:

«Черное солнце», (награждаются и военные, и гражданские).

«Рубиновый клинок» и Орден Симаргла (военный). Орден Семи Островов.

[44]

Орден Филина (гражданский).

Медали:

«Клинок».

«Орел» (военная).

«Сокровищница» (гражданская).

Харлан

Ордена:

«Трон великих герцогов»

(двойного назначения).

«Меч Славы» (военный).

«Фолиант» (гражданский).

Медали:

«Скрещенные топоры».

«Слава и смелость» (военная).

«Жемчужина мудрости».

«Бронзовое перо» (гражданская).

Ронеро

Высшие, двойного назначения ордена:

«Алмазный венец».

Орден Гербового Щита.

Военные ордена:

«Звезда отваги».

«Золотая лилия».

«Зеркало Аннура».

«Алое пламя».

«Скипетр морских королей» (военно-морской). Гражданские ордена:

«Камень мудрости Пилу».

Орден Серебряной Совы.

«Бирюзовая цепь».[45]

Военные медали:

«За храбрость».

«Серебряный топор».

«Башня» (вручается главным образом за отвагу, прояв ленную при защите или взятии крепостей).

«Стрела».

«Якорь» (военно-морская).

Гражданские медали:

«За беспорочную службу».

«Корабль».

«Лилия».

Снольдер

Высшие, двойного назначения ордена:

«Золотой сфинкс».

«Меч Дорана».

Военные ордена:

«Дракон и солнце».

«Огненный вепрь».

«Радуга и меч».

«Крылатый лев».

«Морской конь» (военно-морской).

Гражданские ордена:

Орден Короны.

Орден Ворона.

«Радуга и ларец».

«Великая Река».

Военные медали:

«Тисовая ветвь».

«Ярость и огонь».

«Дубовый лист».

«Львиный коготь».

«Огненное копьё».

«Абордажная сабля» (военно-морская).

Гражданские медали:

«Процветание» (купеческая).

«Око» (полицейская).

«Ларец».

«Сфинкс».

Лоран

Высшие, двойного назначения ордена:

«Три золотых кольца».

«Отличие Престола».

Военные ордена:

«Рыцарская лента».

Орден Заслуги.

«Меч и кольцо».

«Золотой якорь» (военно-морской). Орден Тигра.

Гражданские ордена:

«Звезда учености».
Орден Верности.
Орден Черного Медведя.
Орден Золотого Журавля.
«Великий канал».
Военные медали:
«Штандарт».
«Серебряная секира».
«Серебряный самострел».
«Победитель пламени».
«Отвага ратного поля».
Гражданские медали:
«Золотой скипетр».
«Свиток».
«Золотой скипетр».
«Свиток».
«Серебряный циркуль».
«Бронзовый циркуль».
«Солнечный луч».
«Серебряный компас».

Шаган

Высшие, двойного назначения ордена:
«Золотой колокол».
Орден святого Сколота.
Военные ордена:
«Меч грома».
«Золотой фрегат» (военно-морской).
«Изумрудный акилла».
Орден Синей Крепости.
«Стрела и скипетр».
Гражданские ордена:
Орден Красного Бобра.
Орден Кедр.
«Золотая кисть».
«Яшмовый кубок».
«Посох святого Роха».
Военные медали:
«Медвежья лапа»
«Алая молния».
«Штурвал и меч» (военно-морская).
«Бастион».
«Трилистник».
Гражданские медали:
«Хрустальный кубок».
«Штурвал и парус».
«Серебряная кисть».
«Жезл мудрости».

«Дубовая ветвь».

В Святой Земле орденов и медалей не существует, зато в ходу так называемые наградные пояса и посохи.

В Ганзе для награждения отличившихся и заслуженных граждан существует схожий с орденом знак трех степеней — «Золотой корабль», «Серебряный корабль» и «Медный корабль».

Ордена Вольных Маноров при всем их калейдоскопическом разнообразии чересчур многочисленны, и тому, кто ими интересуется, лучше обратиться к соответствующим книгам.

Ордена Сегура, равно как и медали, сохранены после катастрофы все до единого, однако изрядно утратили свой авторитет. Во-первых, по причине упадка Сегур практически не ведет никаких войн, и боевые награды выглядят несколько нелепо в этих условиях; во-вторых, что важнее, все сегурские награды давно превратились в дополнительный источник дохода для королевской казны: всякий, кто пожелает, может за *соответствующую* сумму стать обладателем любого тамошнего ордена или медали (за исключением высшего Ордена Морских Королей, вручаемого лично королем. Впрочем, и этот орден порой нетрудно раздобыть при отсутствии всяких заслуг, но при наличии должных связей или услуг, оказанных сегурскому престолу). Поэтому давно уже в обиход вошло выражение «сегурская награда», означающее нечто второсортное или добытое не трудами и заслугами, а с помощью тугого кошелька или интриг.

Александр Бушков ИЗ НИОТКУДА В НИКУДА

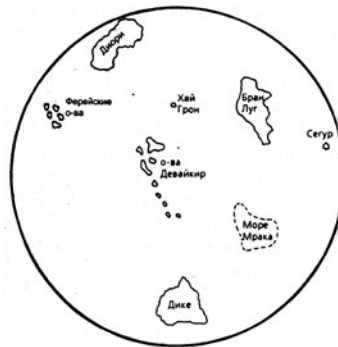
*Настроив лютню и виолу,
расскажем в золоте сентябрьских аллей,
какое отношение к престолу у королей.
Марина Цветаева.*

Карты

Карты

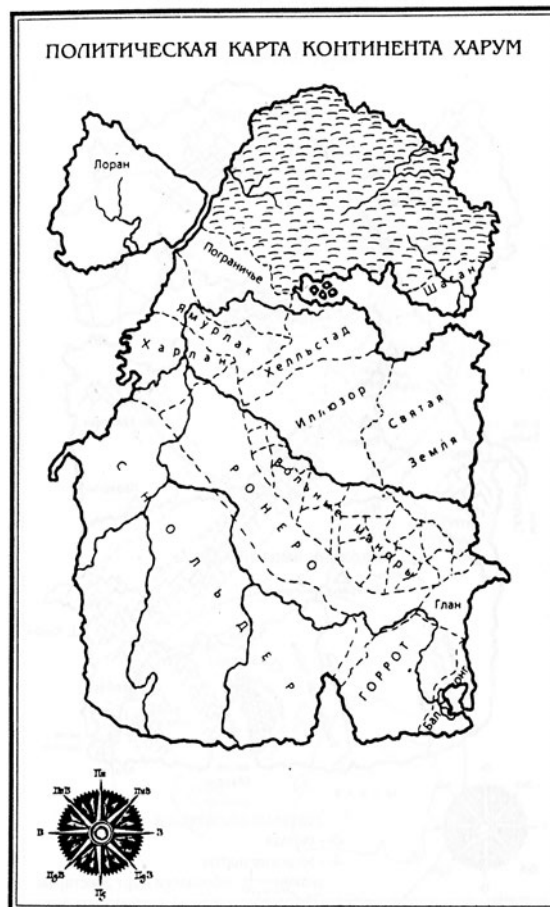
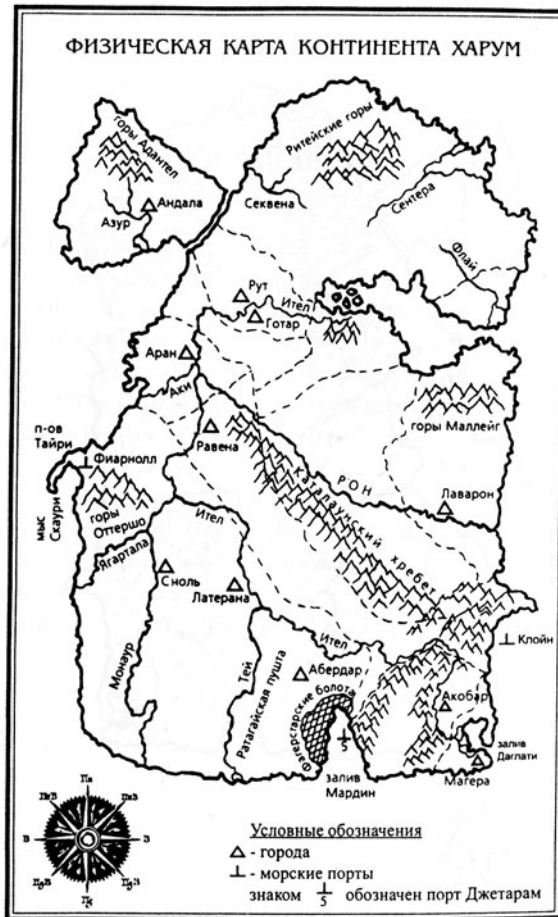
Планета ТАЛАР

полушарие заката

полушарие восхода

Глава I

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Подземный завод произвел на Сварога впечатление несравнимо большее, нежели Арсенал. И не оттого, что оказался раза в четыре крупнее. Из-за своего вида. Бесконечные анфилады высоких сводчатых залов заполнены самой что ни на есть диковинной на вид машинерией, где ничему названия с ходу не подберешь. Все это, конечно, сейчас не работало, но, по объяснениям Мяуса, могло быть пущено в ход в любой момент — у каждого диковинного агрегата с тупым терпением роботов стояли кучки Золотых Гномов (вот уж которую сотню лет).

Из чистого любопытства Сварог приказал запустить один из не похожих на станки станков — ради экономии времени выбрав самую маленькую по размеру, а значит, и самую быструю в изготовлении боевую единицу из Арсенала. Гномы тут же засуетились, одни полезли куда-то вверх по спиральным лесенкам, другие принялись что-то нажимать и крутить. Внутри прозрачных цилиндров завертелись синие спирали, покрытые разноцветными шариками, наполовину торчавшие из высоких ящиков шестерни пришли в размеренное движение, крутились туманные диски, перебегали цепочки огоньков. Буквально через пару минут откинулась передняя крышка невидного серого ящика размером с коробку для ботинок, и оттуда на блестящей пластине выехал Золотой Воробей. Убедившись, что он не горячий, Сварог хозяйственно прибрал его в карман и двинулся дальше под бесстрастный баритон Мяуса.

И вскоре не на шутку обрадовался, обнаружив устройство по производству таких богато украшенных и комфортных летающих лодок — летавших, как оказалось, не так уж высоко, но быстро. Ну да, Фаларен давно должен был придумать какое-то средство передвижения, чтобы не гонять по пустякам Вентордеран. Сварогу эти штуки пришлись как нельзя более кстати: до сих пор, чтобы попасть от точки «Ворота» в Велордеран, и ему самому, и его гостям приходилось именно что *гонять* Вентордеран, как такси — лиг двести. Теперь проблема снималась: наштамповать десятка два лодок и поставить их возле «Ворот». Свои быстро научатся с ними обращаться, а чужие сюда не попадут.

Не теряя времени, он велел сделать десятка два лодок и доставить их к указанной точке. Пошел дальше. Натолкнулся на очень интересный цех — где, если можно так выразиться, мастерили диверсантов и шпионов. Совершенно безобидная, обычная на вид шелудивая лошадка может, получив приказ, шарахнуть лучевым ударом так, что окружающим мало не покажется. Облезшая собака, подобравшись к пороховому погребу, взорвется сама и погреб взорвет (похоже, именно до этих технологий самостоятельно додумались те, в Горроте). Ну, и так далее — безобидные овечки, ничем не примечательные коты, свиньи, сороки и прочая живность, на которую никто никогда и не подумает. Правда... По некотором размышлении Сварог пришел к выводу, что и эта диверсионная шатия-братия в данный момент бесполезна, поскольку точно так же не может быть использована против Горрота — опять-таки выдашь себя, показав, чем располагаешь...

Вот роботы-шпионы в виде той же разнообразнейшей живности вполне

могут быть употреблены в дело. В какой-нибудь из комнат Акобара Брашера с сообщниками обсуждает планы и строит козни — а в дальнем темном углу примостилась самая обычная вроде бы мышка, записывающая каждое словечко. Или над «запретной» частью дворца вдруг начнет кружить самая обыкновенная ворона. Стоит попробовать. Но не раньше, чем выяснится, что произошло с Золотой Щукой. Кто их там знает, горротских умельцев — вдруг они в состоянии моментально засекают такие устройства?

Один нюанс: во всем огромном заводе так и не нашлось устройств, способных производить ручное оружие наподобие карманных бластеров или более солидных по габаритам стрелялок. Какие бы военные кампании в свое время ни планировал Фаларен, пехотой он при этом явно не собирался пользоваться — в чем, быть может, и был тогда прав. Одних боевых машин вполне достаточно. И, как показывает история, найдется превеликое множество людей, готовых перейти на сторону завоевателя, пусть даже такого экзотического...

Выйдя из подземелья (вход в которое, как и в Арсенал, был замаскирован безобидным изящным павильоном), направляясь к Велордерану, Сварог в который уж раз подумал, что покойный предшественник, несмотря на все его пороки, был чертовски неглуп. Спрятав под землю завод и Арсенал, он словно бы убавлял Хелльстаду серьезности. Нельзя ведь сказать, что наверху вовсе уж ничего не знали о Хелльстаде. Невидимая защита Хелльстада простирается не на такой уж большой высоте, и пролетающий над ней наблюдатель мелких деталей, конечно, не рассмотрит, но уж замки-то узрит. В досье, беззастенчиво извлеченном из компьютеров Кабинета Канцлера (оно оказалось чуточку полнее, чем соответствующее досье восьмого департамента), прилежно описаны и оба замка, и военно-морской санаторий (назначения коего, как следовало из глубокомысленных, но бесполезных аналитических обзоров, так и не поняли в обеих конторах) — санаторий стоял словно бы сам по себе, Фаларен его навещал пару раз в год, и только. Ну, лично для Сварога тут было все ясно: короля иногда охватывала ностальгия по прежним временам, и он проводил там ночку.

Ну, и большинство неразумных обитателей Хелльстада можно было рассмотреть с высоты так, чтобы составить о них некоторое представление — имелись отчеты о наблюдениях и за глорхами, и за гармами, и много за кем еще. А уж когда в свое время Фаларен по известному капризу решил устроить в Велордеране настоящий королевский двор, для чего собрал сотни три придворных и прислуги, легко догадаться, что среди них оказались не только разведчики земных королей, но и люди восьмого департамента и Канцлера. Толковой информации от них от всех, как опять-таки легко догадаться, не поступило и на копейку. Поскольку ничего они не могли видеть, кроме замка с парком, за пределы коего их не выпускала система защиты. Ну, а компьютерный центр так и остался тайной даже для тех, кто прекрасно знал слово «компьютер»...

Одним словом, Фаларен в свое время неплохо все просчитал: с одной стороны, Хелльстад благодаря своим чудищам внушает панический ужас, с другой, он в чем-то и неинтересен: ничего любопытного для профессионалов, один замок летает, другой стоит, есть еще Орлиное Гнездо и санаторий. Пожалуй, нужно сохранять эту традицию и далее...

Не входя в компьютерный зал, он заглянул внутрь. Ну что ж, нормальная

деловая обстановка: на компьютере, что расположен у правой стены, увлеченно работает Элкон, а в противоположном конце зала на совесть трудится Литта. Никто, конечно, и не собирался в сжатые сроки обучать ее компьютерной грамоте — к чему? Ей просто-напросто показали клавишу, с помощью которой она могла менять фотографии, и другую — чтобы при появлении нужной остановить ее на экране. Для данной ситуации вполне достаточно...

Да уж, Литта трудилась на совесть — насколько мог рассмотреть Сварог со своего места, фотографии сменяли друг друга уже секунд через пять вместо запланированных пятнадцати: ну, собственно, этого времени вполне хватит, уж своего-то покровителя-мучителя она должна опознать моментально...

Сварог недовольно поморщился: рядом с ней, на хрупком столике стояли бутылка, бокал и блюдо с пирожными. Впрочем, не похоже, чтобы она этим злоупотребляла, бутылка едва почата, и Литта в рабочем азарте не обращает на нее внимания. Ладно, пусть ее, легонький стимул не помешает...

Он подошел, опустился в «королевское» кресло. Элкон повернулся к нему с видом довольно-таки торжествующим.

— Что, есть кое-какие успехи? — спросил Сварог.

— Посмотрите, командир, — Элкон подал ему три фотографии. — Брашера пока что нет, но вот эти трое, она клянется, общались с ним подолгу и чаще других, собирались на совещания в тщательно охраняемых комнатах, не вылезали из «запретной» части замка... Ближайшие сотрудники, тут и голову ломать нечего.

— Действительно... — проворчал Сварог, разглядывая фотографии.

Одни мужчины, понятно (он и раньше как-то подсознательно считал, что женщин к *такому* делу не допустят). Ничем особенно не примечательные физиономии, как говорится, безусловно отмеченные печатью интеллекта, один выглядит на тридцать, двое других — на сорок с лишним. И, что интересно, на каждой рабочей одежда Магистериума: строгие синие камзолы, украшенные на груди давным-давно знакомой эмблемой, заключенной в полумесяц колбой.

— Ах, вот оно как... — произнес сквозь зубы Сварог. — Ну что же, весьма логично. Что бы *там* ни происходило, в ход пущены какие-то высокие технологии, в которых получивший домашнее образование самоучка уж никак не силен... Вот только интересно, как они ухитряются долго отсутствовать в Магистериуме, — а ведь долгое отсутствие на рабочем месте там не приветствуется, это даже я знаю. Фанатики науки порой и выходные прихватывают для работы, и часть отпуска...

Элкон ухмыльнулся как-то загадочно:

— А им, собственно, и нет более нужды присутствовать в Магистериуме. Они, изволите ли знать, все поголовно покойники. А покойник на рабочем месте присутствовать никак не может...

— Объясните, — спокойно сказал Сварог. — Вы ведь наверняка успели все проверить.

— Да, сейчас добираю мелочи... — он продемонстрировал снимки тех, что постарше. — Вот это — лорд Кларин, маркиз Чейби и лорд Селерт, граф Донар. Оба занимались антигравитацией и парой сопутствующих дисциплин. Оба погибли на вимане Магистериума, когда отправились на пару миллионов километров от Талара производить какой-то сложный эксперимент. Никаких

следов: вимана не то чтобы даже на мелкие кусочки разлетелась, а превратилась во вспышку излучения. Расследование ничего не дало: о сути эксперимента было известно очень мало. Тамошняя ученая публика обожает, кроме плановых работ, заниматься еще и самодеятельностью. На это в Магистериуме смотрят сквозь пальцы: иногда самодеятельность таковая дает неплохие результаты. Правда, после подобных катастроф с человеческими жертвами обычно закручивают гайки... но очень быстро все возвращается на круги своя.

— Так, — сказал Сварог. — И когда сей прискорбный случай произошел?

— Около семи лет назад. Буквально за пару месяцев до разгрома лабораторий Ледяного Доктора и его гибели. Вот только наша прекрасная беглянка, — он повел подбородком в сторону Литты, — клянется, чем угодно, что ошибиться никак не может, что за два года во дворце они ей примелькались и последний раз она их видела аккурат перед поездкой на Ковенант...

— Вот, значит, как, — проворчал Сварог. — Мученики науки, очередные жертвы страсти к познанию... А Третий? Тоже нечто в этом роде?

— Не совсем, — сказал Элкон. — Окстон, барон Кальдр. Один из лучших электронщиков Магистериума. Пропал без вести где-то в Полуденном Каталуне. У него была одна страсть — охота. И отправлялся он на землю, как многие, не регистрируясь, а значит, без устройств связи и «маяков». Его, конечно, искали, и долго, но никаких следов не обнаружили. Любил охотиться в одиночку, без ловчих и егерьей. Исчез он примерно за неделю до... всей шумихи с Ледяным Доктором.

— Шустрые покойнички... — сказал Сварог. — Который год творят черт-те что, вместо того, чтобы смиренхонько пребывать там, где покойникам и полагается...

— Тут одна загвоздка, — сказал Элкон. — Какие бы то ни было контакты с Ледяным Доктором не отслеживаются... А впрочем, это еще ни о чем не говорит. Ледяной Доктор несколько лет развлекался без всякого за ним наблюдения, им и занялись-то буквально за месяц до... событий... А из чистого любопытства его посещали слишком многие...

— Вот оторвите мне голову, но Брашери, очень похоже, из той же шайки, — он с досадой покосился на Литту. — Если так, вряд ли сильванец... Много ей осталось?

— Менее четверти, — сказал Элкон. — Знаете, командир, мне пришло в голову... Тут могут быть чисто технические причины. Гербовые книги расположены по алфавиту, соответственно, по алфавиту и снимки подбирались. Его фамилия может начинаться на одну из самых последних букв алфавита.

— Может быть, — проворчал Сварог. — Зато в Горроте, такое впечатление, он — самая первая буква алфавита... — Он усмехнулся. — Ну как, установили с ней очень дружеские отношения?

— Собственно, она сама их установила, — стараясь говорить как можно безразличнее, ответил Элкон. — Едва я прилетел, и стали знакомиться. Ну, у меня же были инструкции... Пришлось выполнять.

Сварог хмыкнул:

— Превозмогая себя, со внутренним борением, стиснув зубы...

— Ну, я бы так не сказал... — в тон ему ответил Элкон. — Вообще-то она ничего, столько пришлось пережить, даже жалко чуточку...

— Ну да, — сказал Сварог, — это и была задача номер один: сделать так, что-

бы все жалели бедняжку. По совести говоря, она и в самом деле оказалась в безвыходных обстоятельствах, но это еще не означает, что с ней надо сюсюкать и водить вокруг нее хороводы. Если бы она не почувствовала, что ей там становится горячо, и дальше наслаждалась бы всеми прелестями королевского положения. Она хорошая актриса, Элкон, учтите. Ничего не пытались у вас выведать? Пусть намеками...

— Абсолютно ничего, я бы заметил. Вы же сами предупреждали, чтобы я был начеку в этом именно смысле...

— Ну и отлично, — сказал Сварог. — Справку насчет энергетических мощностей подготовили?

— Давно, она ведь совсем коротенькая получилась...

Сварог внимательно прочитал справку, занявшую не более половины листа. Благо читать там было особенно нечего. С одной стороны — масса объекта, с другой — мощность. Количество энергии, каковая потребовалось бы, чтобы превратить токерета в создание, ничем не отличающееся размером от обычного человека, — и соответствующим образом, в том же масштабе, увеличить их снаряжение — от автоматов и вертолетов до подводных лодок.

— А выводы?

— Я не энергетик, вы же знаете, — сказал Элкон. — Но с хорошими специалистами проконсультировался — конечно, не объясняя им сути дела. И обдумал кое-что... Чтобы представлять для нас *достаточно* серьезную угрозу, отдельными диверсионными группами никак не обойдешься. Нужны тысячи солдат нормального размера... и, скажем, несколько десятков подводных лодок... а то и чего-то еще. Мы ведь до сих пор не знаем, что у них в рукаве. Ну, допустим, немалое число истребителей, которые ждут своего часа. Как бы то ни было, я бы рискнул предположить, что у них самих столь колоссального количества энергии нет. Иначе давно бы решились... Я тут кое-что прикидывал. Даже если застроить половину Токеранга ядерными реакторами, все равно такого количества энергии им не получить, — он усмехнулся. — У них же и реакторы должны быть маленькими. Есть другой путь: энергосборники, улавливающие всевозможные виды космического излучения и превращающие их в такие «энергетические консервы». Вот *это* вполне реально. Примерно так, как мы давно уже концентрируем апейрон. Одна немаловажная деталь: чаши энергосборников, судя по старым техническим энциклопедиям, которые я просмотрел, должны быть немаленьких размеров, десятки уардов в поперечнике, и располагаться либо на орбите, либо на поверхности земли. Сами энергосборники можно и под землю упрятать, это, в конце концов, несущественно. Вот так это выглядело в старину, когда мы еще не открыли принцип концентрации апейрона. Иллюстрация из Музея техники.

Он коснулся клавиши, и на экране появилась висящая в усыпанной звездами космической черноте ажурная чаша. Элкон пояснил:

— Вон та красная точка справа — вимана. Для иллюстрации масштаба.

— Да... — сказал Сварог. — Оценил. Тут добрая сотня уардов в поперечнике... Они еще где-нибудь остались?

— Зачем? — пожал плечами Элкон. — Все до единого демонтированы пару тысяч лет назад.

— А подробная документация? Рабочие чертежи?

— Все в Музее техники.

— В открытом доступе? — спросил Сварог, чувствуя, как по спине пополз неприятный холодок.

— Конечно, — сказал Элкон. — Какой смысл был их секретить?

Он вдруг уставился на Сварога, чуть побледнев.

— Вот именно, — сказал Сварог. — Тоже подумали о том же самом, а? Ну да, тут не надо быть семи пядей во лбу, чтобы связать очевидные вещи. Полная документация и все чертежи в открытом доступе, как музейный хлам. Кучка не самых бездарных ученых из Магистериума, старательно инсценировавших свою смерть. И немаленькая территория Горрота, абсолютно недоступная для наблюдения. Вот там энергоприемников можно установить чертову уйму, где-нибудь в горах — Литга, кстати, упоминала про какое-то «Горное гнездо», не так уж далеко от столицы... На той части Итела, что входит во владения Горрота — и, соответственно, недоступна наблюдению, — можно пришвартовать не то что десятки, сотни подлодок, которых мы до последнего момента просто не увидим.

— Вы уверены? — тихо спросил Элкон.

— Ни в чем я не уверен, — сказал Сварог почти грубо. — Просто выдвигаю версию... смею думать, не самую дурацкую. Должен же быть какой-то — и весьма серьезный — мотив, из-за которого токереты вдруг стали оказывать горротцам нешуточные услуги вроде нападения на Батшеву? Такие вещи никто не делает из чистой филантропии, это я вам как король говорю. Союз двух государств всегда подразумевает взаимную выгоду. Быть может, для Токеранга она в первую очередь в том и заключается, чтобы получить от Горрота необходимую энергию? Это многое объясняло бы...

— Но если так, мы в скверном положении... — сказал Элкон.

— Мы в хреновейшем положении, если это так, — сказал Сварог. — Я имею в виду в первую очередь Талар. Для Империи это, полагаю, не так уж и страшно... но, в любом случае, как только они вылезут из-под защиты Горрота, будет серьезная война. Неба это не коснется, я полагаю, а вот Земле от такой войны придется ох как несладко... — он наклонился вперед и впился взглядом в глаза собеседника: — Или вам, Элкон, как многим, тоже наплевать, что будет с Землей?

— Не наплевать, — сказал Элкон, бледный, серьезный, не отводивший глаз. — Честное слово. Я здесь... — он замялся, подыскивая нужное слово, — прижился. Конечно, не так, как его высочество принц Элвар, но все же... Нет, не наплевать! Командир, вы сами нас учили... Я готов драться...

— С кем? — вкрадчиво спросил Сварог. — Вот то-то, что молчите. С кем, мы теперь примерно представляем. Но вот как... — он похлопал юного сподвижника по колену. — Не паникуйте, Элкон. Хуже нет, когда начинается паника и опускаются руки. Есть кое-какие шансы... Что?

Он обернулся к Мяусу, объявившемуся поблизости с каким-то очень уж выжидательным видом. Хотя роботам эмоции и не свойственны, но сейчас Мяус удивительным образом напоминал Интагара.

Золотой Кот самым недвусмысленным образом, едва заметно повел головой в сторону коридора.

— Погодите минутку, — сказал Сварог, резко вставая. — Тут какие-то дела...

Он вышел в коридор, прошел шагов пять и плюхнулся на роскошный мягкий диван. Мяус ловко запрыгнул следом.

— Простите, ваше величество, — сказал он, — но я не знал, можно ли о таких вещах говорить при господине Элконе. Я имею в виду Золотую Щуку и прочее из Арсенала...

— Никогда не следует, — сказал Сварог твердо.

Он доверял своим ребятам, но до поры до времени о существовании Арсенала должен был знать только он один. Слишком молоды, сподвижнички. Он бы и от Яны это скрыл, но тут уж никуда не деться — она кое-что видела, не так давно ее охраняли Золотые Филины и Золотой Дракон. Правда, и Яна не знает, сколько золотых тварей в Арсенале, и про Арсенал не знает...

И тут до него дошло. Он едва не вскрикнул:

— Что со Щукой?

— Она только что вернулась, ваше величество, — бесстрастно ответил Мяус. — Она сделала видео акции... Желаете посмотреть?

— Нет, потом, — нетерпеливо сказал Сварог. — Докладывайте.

Выслушав все, он не испытал особенно ликования — но громадное облегчение было налицо. Сварог откинулся на спинку, вжавшись затылком в мягчайшую обивку диванной спинки, прикрыл глаза, это, конечно, никакая не победа. Это просто Очень Хорошая Новость...

Золотая Щука, как и положено роботам, задание выполнила педантично, не рассуждая и не своевольничая. Проникнув в пределы Горрота на десять лиг и, оказавшись в совершенно безлюдных местах, она подвсплыла, выпустила перископ и долго, тщательно осматривала берег, пока не убедилась в совершеннейшем отсутствии на приличном расстоянии вокруг человеческих особей. Зато на бережку имелось строение (судя по описанию Мяуса, дряхлый рыбачий сарайчик), а возле него на воде — привязанная к столбику лодка.

По ней-то Щука в полном соответствии с инструкцией и шарахнула зажигательным лучом на трети мощности, спалив всю надводную часть в мгновение ока (что вполне могло сойти за удар молнии). После чего Щука (опять-таки в полном соответствии с инструкциями) развернулась и направилась обратно на малой скорости — она должна была уйти на глубину, если ее кто-то или что-то атакует. Но никаких атак не последовало, и она благополучно покинула горротские территориальные воды — в точности как не так давно случилось со Сварогом на «Рагнароке».

Ну что же, это, пожалуй, и называется: «Мы еще побарахтаемся». Хелльстадские наблюдательные системы, как и системы ларов, на территории Горрота не действуют — но если оружие ларов в Горроте бессильно, то хелльстадское действует исправно. И «Рагнарок», и Золотая Щука и побывали там, и оружие пускали в ход, и ушли незамеченными.

Что ж, если не будет другого выхода, если окажется, что дальше бездействовать просто нельзя, придется рассекречиваться. Расконспирироваться. «Дорожные знаки» — это, конечно же, какая-то сложная система, быть может, как раз и накрывающая Горрот этакой «шапкой-невидимкой». Любая сложная техническая система, охватывающая целую страну, просто обязана иметь единый центр управления, это вам скажет любой инженер. И есть сильные подозрения, что этот центр как раз и расположен в «запретном дворце», чтобы был под рукой. А возможно, там что-то еще, не менее интересное.

Дюжина Золотых Драконов над дворцом — и от тех загадочных зданий камешка не останется. А вот потом... Потом невозможно предугадать, как сло-

жатыся отношения с Канцлером, обнаружившим вдруг, какой боевой благодарью Сварог располагает. И наплевать. Главное, не будет той жуткой войны, которая может развернуться. Тут уж собственные удобства — на десятом плане...

Если смогла наблюдать Щука, значит...

— Мяус, — сказал Сварог. — Сколько потребуется времени, чтобы изготовить... ну, скажем, пятьдесят Золотых Шмелей?

Почти без промедления Мяус ответил:

— Около полутора часов, государь.

— Отлично, — сказал Сварог. — Немедленно отдайте распоряжения. Когда они будут готовы, в общий поиск их не включайте. Вечером я им дам конкретные задания и укажу маршруты.

— Будет исполнено, ваше величество.

Даже не разведка боем — крохотное подобие коей выполнила Щука. Просто разведка. Если все пройдет гладко...

Он подхватился с дивана, услышав в компьютерном зале визг Литты. Кинулся туда, не успев ни о чем подумать.

Когда он ворвался в компьютерный зал и добежал до дальнего его края, Литта уже не визжала. Ничего страшного с ней не происходило, наоборот — откинувшись в кресле, блаженно улыбаясь, она наполняла свой бокал. Встретив взгляд Сварога, нимало не смутилась, долила золотистого вина почти до краев, с большой сноровкой осушила, кивнула на экран:

— Вот, господа мои, извольте получить. Амель, граф Брашера. Собственной поганой персоной.

И стала наливать себе снова. Сварог ей не препятствовал. Они с Элконом, стоя за ее спиной плечом к плечу, разглядывали фотографию мужчины лет сорока с небольшим. У Сварога отчего-то создалось впечатление, что этого человека он уже видел, хотя такого не могло быть. Просто, надо полагать, Литта очень точно описала то в лице, что Асверус в одном из стихотворений о статуе древнего владыки поименовал «надменный пламень».

Да, действительно... Красивое, жесткое и волевое лицо человека, убежденного, что все остальные — глина, из которой можно лепить все, что угодно. Те трое, сразу видно, гораздо жиже. А это — несомненный *главарь*, и к старухе Грельфи не ходи. Серьезный попался противничек...

И на нем тоже — синий камзол Магистериума с золотой колбой в золотом полумесяце. Окружить бы этот гадюшник боевыми драккарами и всех до одного *взять*... Есть сильные подозрения, что это — затаенная мечта не только Сварога, но и Канцлера, увы, невыполнимая по причине чертовой Хартии Вольностей. Есть сильные подозрения, что и сегодня кое-кто из тамошних подвижников науки совершенно зря разгуливает на свободе...

— Правда, я молодец? — спросила Литта, хмельно поблескивая глазами. — Получайте уroda...

— Молодец, — сказал Сварог.

После чего решительно отобрал у нее бутылку с бокалом и поставил под стол по соседству.

— Эй! — негодуяще воскликнула Литта. — Я же его нашла!

— Найти-то нашла, но работу не закончила, — сказал Сварог, глянул на зеленые циферки в правом нижнем углу экрана. — У тебя еще триста с лишним непросмотренных физиономий. Может оказаться, увидишь еще кого-нибудь

знакомого. Пара бокалов для тебя — пустяки, вино слабенькое, голова должна быть ясной...

Литта недовольно надула губки, но Сварог, считавший себя *кое-каким* знатоком женской природы (поскольку *полных* знатоков женской природы нет, не было и не будет), кое-какие меры перед визитом сюда принял — не касаясь такого вот случая, просто в рамках материального стимулирования. Сунул руку в карман, вытащил за кончик расстегнутое ожерелье, прихваченное в одном из сундуков Вентордерана, покачал им перед глазами девушки:

— Хорошо закончишь работу — будет твое.

Глаза у Литты округлились. Сварог прекрасно ее понимал: дело, конечно, не в прекрасной работе неведомого ювелира. Просто брильянты, неизвестно как и от кого попавшие к Фаларену, наверняка превосходили величиной любые, какие ей только в Горроте дарил Брашеро.

— Быть не может... — завороченно выдохнула Литта. — Они настоящие?

Сварог усмехнулся, спросил укоризненно:

— Как по-твоему, я похож на человека, способного подсунуть очаровательной женщине стекляшки? — подтолкнул ее к креслу. — Ну, давай, тут работы самое большее на полчаса... — повернулся к Элкону: — Ищите еще одного покойника, граф. Чует мое сердце: перед нами — очередной воскресший покойничек...

Увы, минут через пять он выглядел чуточку сконфуженно: поторопился во всеуслышание хвастаться чутьем, а оно возьми и подведи... На сей раз (быть может, разнообразия ради) перед ними оказался не воскресший покойник, а человек, *вроде бы* числившийся среди живых.

И человек, действительно, незаурядный... Лорд Кобарт, герцог Тольдер, четырехсот восьмидесяти двух годочков от роду, когда-то — одно из светил Магистериума, академик и орденосец, один из лучших в Империи специалистов по А-физике (то есть тому разделу физики, что занимается апейроном). Однако лет сто назад герцог, уж бог весть по какому побуждению, решил уйти из большой науки в большую политику. Благо по знатности рода обладал хорошими связями при дворе, к тому же один из его прапрадедушек был незаконным отпрыском тогдашнего императора. (Чем здесь, как и когда-то в средневековье на Земле, принято не стыдиться, а гордиться, даже в герб официальным образом добавляется особая геральдическая фигура под названием «повязка лазоревая с четырьмя зубцами в правом верхнем углу»). Поначалу все вроде бы шло гладко, но потом все внезапно расстроилось. Располагай Сварог с Элконом только официальными сведениями из Гербовой книги, пришлось бы долго ломать голову в тщетных попытках догадаться, отчего столь блестяще начавшаяся карьера вдруг сорвалась под откос. Но у них имелись под рукой и архивы восьмого департамента, и доступ к бумагам Кабинета Канцлера. История, в общем, банальная: набрав кое-какой вес при дворе и сколотив свою партию, герцог начал всерьез копать под Канцлера, целя на его место. Каким бы он ни был научным светилом, придворным интриганом оказался не самым способным: под Канцлера не раз копали и более матерые волчары, с юных лет окунувшиеся в дворцовые интриги. И всякий раз проигрывали. В официальных документах это, конечно, именовалось деликатно: «его величеству императору благоугодно было удовлетворить прошение лорда Кобарта, герцога Тольдера, об отставке его со всех занимаемых постов». Глядя на

вещи циничнее, нет сомнений, что Канцлер попросту с треском вышвырнул за дверь незадачливого конкурента. Герцог после того, в общем, не впал в меланхолию, не запил и уж тем более не покушался на самоубийство — хотя с подобными честолюбцами случалось и первое, и второе, и третье. Он просто-напросто вернулся в Магистериум, со всем пылом продолжал прежние изыскания и даже стал открывателем «эффекта Кобарта», за какое-то достижение и получил академика (Сварог с Элконом решили не уточнять, что это за эффект такой, — во-первых, к их делам это наверняка не имело никакого отношения, а во-вторых, вряд ли поняли бы, в чем там суть). Одним словом, научная карьера герцога протекала просто блестяще...

До поры до времени. Примерно семь лет назад научные круги двух планет сотрясла сенсация: Кобарт, как оказалось, в глубокой тайне не один год занимался каким-то проектом, при успехе которого взмыл бы, переводя на привычные Сварогу аналогии, в Ньютоны, Эйнштейны или Фарадеи. А оказалось вдруг, что время и силы потрачены зря: направление тупиковое, исходные предпосылки ошибочны, идея изначально была пустышкой. И все такое прочее. Сварог с Элконом и тут не пытались ничего понять, но оба слыхивали, что в случае подобных ударов судьбы иные научные светила и петлю на шею накидывали...

Кобарт оказался покрепче духом. Покушаться на свою драгоценную жизнь он не стал, но официально ушел из Магистериума, вообще из науки и форменным образом подался в отшельники — как в свое время Ройл и еще несколько человек. Разница оказалась в том, что Ройл прочно обосновался на прекрасно известном всем необитаемом островке, а Кобарт пошел дальше: улетел на Сильвану, где со временем потерялся из виду: сначала жил в каком-то захолустном гиперборейском городишке, потом переселился в вовсе уж глухую деревушку, а там и затерялся в безлюдных чащобах. Ни одна из спецслужб его не разыскивала, поскольку к этому не было никаких поводов, так что теперь ни одна живая душа в Империи понятия не имела, где обитает отшельник и жив ли он вообще...

Ну, а отшельник, как прекрасно знали все здесь присутствующие, тем временем вел в Горроте отнюдь не отшельническую жизнь во дворце усаженной им на престол поддельной королевской четы, ставши, никаких сомнений, подлинным хозяином королевства. И при этом с помощью считавшихся мертвыми неплохих специалистов Магистериума заворачивал что-то масштабное, непонятное и безусловно направленное отнюдь не на то, чтобы принести Империи пользу или одарить ученый мир настоящим эпохальным открытием...

— И вот вам в завершение хороший документик, — сказал Элкон. — Характеристика, в свое время написанная кем-то из аналитиков Кабинета Канцлера: «Интеллект высшей степени, честолюбие непомерно, полное отсутствие каких бы то ни было морально-этических принципов».

— Веселая бумажка, — кивнул Сварог, — такой экземпляр способен натворить дел, если его вовремя не остановить... И лучше всего, поверьте моему опыту, пулей в лоб... Ладно. Литта пусть занимается своим делом, а вы, пока она перебирает благородные рожи, войдите в архив Музея техники, благо открыт для всеобщего доступа. Подберите мне материалы по энергоприемникам, накопителям энергии и всему, что с ними связано. Технологии изготовления, сроки монтажа, типичные образцы, необходимый для обслуживания пер-

сонал и все такое прочее...

Он похлопал юного сподвижника по плечу, вышел в коридор и плюхнулся на тот же мягчайший диван, возле которого торчала роскошная пепельница в виде хрустальной чаши на золотой ножке. Фаларен не курил, но Мяус, едва освоившись с этой привычкой Сварога (естественно, принятой им с полным отсутствием эмоций), сделал логические выводы и набил весь замок пепельницами (среди них оказалась вовсе уж экзотическая, передвижная, проворно семенившая за Сварогом, когда он расхаживал по замку с сигаретой во рту. Сначала она Сварога раздражала, но потом он притерпелся и пришел к выводу, что штука все же полезная).

Что теперь у нас на очереди? Конечно же, Токеранг. Пока что совершенно неясно, как подступиться к шайке Брашеро (будем по привычке именовать его так и дальше), есть лишь первые наметки, зато Токеранг — под рукой. И есть идеи, которыми следует озаботиться в первую очередь.

Проход в пещеру с земли безусловно существует, и он, надо думать, мало похож на кротовью нору — уж если по нему в свое время свободно пролетали вертолеты, пусть и размером с кошку... Его, конечно, предосторожности ради могли тогда завалить... а могли и не завалить, должны же были сообразить, что не с Фалареном имеют дело, а с очередными рисковыми бродягами, осмелившимися проникнуть в Хелльстад... Ладно, оставим труды Золотым Шмелям. Сейчас следует подумать о другом входе. Подводном.

Пещера глубока, более трехсот уардов. Если подумать и прикинуть... Дно Итела — это, собственно говоря, потолок Токеранга, его, если можно так выразиться, небосклон. Вряд ли подводные лодки поднимают в Ителе со дна пещеры, громоздить подъемники в триста уардов высотой было бы чудовищно нерационально.

Гораздо проще другой вариант: устроить базу подлодок где-то «под потолком» пещеры, в одной из ее стен, чтобы оттуда лодки через какую-то систему шлюзов попадали в реку. Работа тоже, конечно, адова — но, поскольку подлодки давным-давно плавают по Ителу, она однажды была проделана... Должны быть шлюзы, скорее всего, хорошо замаскированные, как в Фиарнолле. Но поскольку это все же не магия, а техника...

Сварог жестом подозвал смирнехонько сидевшего на другом конце обширного дивана Мяуса.

— Я уже знаю, что у Золотых Щук есть и радары, и сонары, — сказал он. — А как насчет детекторов металла?

— Имеются, государь, — сказал Мяус. — Щуки в свое время предназначались в первую очередь для разведывательных, а уж потом боевых задач.

— Отлично, — сказал Сварог, достал из воздуха карту Хелльстада и разложил на диване меж собой и собеседником. — Выведите в Ител всю сотню Золотых Щук. Все внимание — вот этому участку, — он провел указательным пальцем по той части Итела, что протекала над Токерангом. — Пусть тщательнейшим образом исследуют и дно, и оба берега под водой. Должны существовать какие-то шлюзы, люки, через которые подлодки попадают наружу и возвращаются назад, и они наверняка из металла... Это логично?

— Это логично, — согласился Мяус. — Однако существуют еще и сверхпрочные синтетические материалы, государь. Крепче любого металла. Мне ничего неизвестно о наличии у противника таковых, но он может ими располагать...

С легкой руки Сварога он давненько уж употреблял в отношении токеретов именно что слово «противник».

— Действительно, — сказал Сварог. — Это тоже следует учитывать, черт их знает, тамошних умельцев... Золотые Шмели способны находить пустоты. А Щуки?

— Точно так же, государь.

— Отлично, — сказал Сварог. — Из чего бы у них ни были люки, в любом случае за ними — пустоты... Поэтому пусть с самого начала работают по двум направлениям: ищут и металл, и пустоты. Самым тщательнейшим образом исследовать каждый квадратный уард берегов и дна... А, вот что! До этого подлодки токеретов встречались под водой с *нашими* объектами?

— Нет, ваше величество. Появление подлодок впервые зафиксировано сто восемьдесят лет назад — а наши, как вы изволите выражаться, объекты не выходили в реку пятьсот лет.

— Отлично, — сказал Сварог. — Отсюда вытекает, что токереты наверняка вообще о них не знают... Так вот: если подлодки и наши Щуки встретятся, Щукам ни в коем случае не вступать в бой. Пусть всей стаяй на полной скорости уходят в сторону Пограничья. Чтобы токереты не связали их с нами и не поняли, что это именно мы их ищем. Пусть думают, что это работают лары... Все. Вопросы есть?

— Никаких.

— Тогда за работу, — сказал Сварог.

...Вот и сидел он сейчас один-одинешенек в кабине виманы, стоявшей в горной долине на гланской территории, лигах в пяти от горротской границы. Места были глухие, безлюдные, едва перевалило за полночь, и над горами романтически сверкала россыпь звезд — только Сварогу на эти романтические пейзажи было наплевать. Нет, не на свидание пришел, а собрался посреди ночи баловаться энтомологией. Прикладной энтомологией, если точно. Проще говоря, запустил в Горрот полсотни Золотых шмелей, разбитых на три вереницы, тремя разными маршрутами. Одна ушла влево, на Бористайскую равнину, чтобы осмотреть сверху несколько деревенок и довольно крупный город, центр пограничной провинции — не с какой-то конкретной целью, просто чтобы выяснить, удастся ли сделать это незамеченными и безнаказанно. Вторая шла над Ителом, над самой водой, третья, держась низко, огибая самые высокие горные вершины, двигалась прямехонько над горным хребтом Каррер — опять-таки чтобы выяснить, можно ли им проникнуть в Горрот и уйти целехонькими. Сварог в данном случае рассуждал со здоровым цинизмом полководца: Золотых шмелей при необходимости можно клепать сотнями, потеря этих нисколечко его не ослабит, да и на него в случае чего вряд ли подумают: до самых последних дней ни одна живая душа на Таларе, в том числе и он сам, представления не имела о существовании Шмелей. Подумают, если что, в первую очередь на ларов, пустивших в ход что-то новенькое... Ну, если вернуться целыми и невредимыми — совсем хорошо...

Впрочем, до сих пор, хотя Шмели углубились на добрую сотню лиг в глубь горротской территории, тревожных звоночков не прозвучало: на трех экранах, висевших перед ним прямо в воздухе, исправно отображалось то, что попадало в объективы Шмелей-флагманов. Никакого внешнего энергетического

воздействия Шмели не испытывали — проще говоря, никто не *шупал* их радарами или схожими приспособлениями. Вот это, правда, ни о чем еще не говорило: у горротских умельцев могли отыскаться технические сюрпризы, на которые детекторы Шмелей попросту не рассчитаны. Как, например, вся наблюдательная сеть ларов не могла отследить «черные камни». Но как бы то ни было, пока что все шло благополучно. На правом экране — голые скалы, расселины, пики и крутые каменные откосы, на центральном — безмятежная гладь Итела с редкими рыбацкими суденышками и речными пароходами, на левом — провинциальный центр (Шмели кружили над ним на высоте уардов двухсот — кто бы их рассмотрел невооруженным глазом в такую темень?) Все нормально пока.

Ничего нельзя, конечно, утверждать точно, но Сварог крепко сомневался, что в Горроте устроили что-то вроде системы радарного наблюдения за воздушным пространством королевства. Зачем, если вдуматься? Те, в Горроте, и так знают, что любые летающие машины ларов камнем рушатся, едва оказавшись над страной. Чего же им в таком случае бояться? Снольдерских самолетов? Ну да, во время последней военной кампании, столь бесславно завершившейся для Сварога, его самолеты (обычные самолеты земного производства) летали над горротской территорией, и с ними ничего не случилось, кстати. Но вряд ли в Акобаре видят серьезную угрозу в *них*. Их и сотни не наберется...

К тому же горротских умельцев мало, чертовски мало. Правда, не четверо, как поначалу считали, а шестеро. Уже в самом конце Литта опознала еще двоих старых знакомых — чьи фамилии начинались с двух последних букв алфавита. Маркиз и граф, опять-таки питомцы Магистериума, не достигшие и трехсот, оба, как тут же уточнил Элкон, считались весьма способными энергетиками. Как и следовало ожидать, один числился в империи мертвым, другой — без вести пропавшим. Маркиз опять-таки стал жертвой какого-то крайне рискованного эксперимента, затеянного им на свой страх и риск: его лаборатория, располагавшаяся в отдельном маноре, вдруг полыхнула так, что ни от экспериментатора, ни от его аппаратуры практически ничего и не осталось, да и здание разнесло едва ли не в щебенку. Комиссия Магистериума (и втайне работавшие параллельно с ней спецы из Техниона) пришли к выводу, что столкнулись с классическим несчастным случаем. Маркиз, очередная жертва науки, был официально признан мертвым. С графом обстояло чуточку иначе. Он взял да и пропал без вести где-то в Ронеро. Тут уж расследование вел восьмой департамент, но ничего не добился. Кружили слухи, что граф по примеру многих небожителей крутил роман с некоей придворной красоткой и (не первым уже) стал жертвой ревнивого обожателя красавицы, имевшего скверную привычку подсылать к соперникам наемных убийц. Ни источника слухов, ни конкретных имен установить так и не удалось — зато было известно, что подобные случаи не редкость. Так до сих пор и числится пропавшим без вести. Между прочим, и «гибель» маркиза, и «пропажа без вести» графа произошли опять-таки буквально за пару месяцев до гибели Ледяного Доктора.

Поскольку вся процедура отняла не более суток с небольшим, а результаты дала отличные, Сварог велел Элкону проделать то же самое со снимками сиванских ларов соответствующего возраста: ученые обеих планет вовсе не держатся отчужденно друг от друга, наоборот, дружат и сотрудничают самым тесным образом. Вполне может оказаться, Брашеро имел сообщников и на Силь-

ване.

Ну, а пока что... На сегодняшний день картина выглядит так: в Горроте давно и старательно работают один из лучших А-физиков и один из лучших электронщиков Империи, два крупных специалиста по антигравитации и парочке сопутствующих дисциплин, два серьезных энергетика. Вообще-то там с ними крутится еще и Орк, но уж он-то ни в какой серьезной работе участия принимать не может — всем прекрасно известно, что какими бы то ни было научными знаниями герцог не обременен, положенный трехлетний курс обучения прошел только потому, что это категорически обязывает всех без исключения, а вот в Лицей, как очень и очень многие, идти отказался, хотя наставники вроде бы и обнаружили у него способности к океанографии. Да уж. Орк и океанография — это как-то решительно не вяжется. Как не вяжутся Орк и любая другая наука. Вероятнее всего, он им нужен просто-напросто как авантюрист высшей марки, «лаборант по грязным делам», ха... Такие в подобном предприятии необходимы не менее, чем ученые мужи...

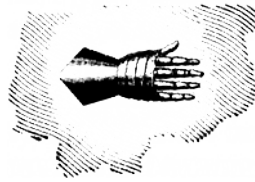
Какими же делами может заниматься компания с *таким* подбором участников? Одно можно уже, пожалуй, считать доказанным: они создали некую защитную систему, выводящую из строя на территории Горрота любую технику ларов, — пресловутую сеть «дорожных столбов». Но это, конечно же, не самоцель, они попросту обеспечили себе защиту от посторонних ушей и глаз, чтобы заниматься без помех... чем? Быть может, и в самом деле, договорившись с токеретами о взаимных услугах, создают энергонакопители? А в Токе-ранге именно то предприятие именуется «Проект „Нормальный размер“»?

Если так, то главный вопрос: на какой они стадии? Пока Сварог добирался сюда из Хелльстада, успел изучить подготовленные Элконом документы из архива Музея техники. Понял не все, но главное усвоил. Чаша энергоприемника — немаленьких размеров и монтируется из множества фрагментов. А они, в свою очередь, изготовлены из сплавов, которые на Земле никто пока что не в состоянии производить. (Энергоприемник — сооружение, объемом примерно равное пяти-шести железнодорожным цистернам (каковы они в мире, покинутом Сварогом). Опять-таки — сложные сплавы, особым образом изготовленные хрустальные и эбонитовые диски в немалом количестве, электронная аппаратура, кабели, наконец... Откуда кучка людей, пусть поголовно талантливых ученых, все это возьмет? Создать все в Горроте при помощи технологий ларов невозможно — потому что никакие технологии ларов там не работают. Некие сообщники за облаками, потихонечку штампующие у себя в манорах фрагменты и детали и переправляющие их в Горрот? Возможно, не столь уж бредовая гипотеза. Это «хваталки» строгойше запрещены законом, а в данном случае речь идет об экспонатах из Музея техники. Никто и не встревожится, узнав, что некий благородный лар решил построить у себя в маноре точную копию древнего энергоприемника. Как никто не тревожится, зная, что барон Киларни собрал у себя в маноре огромную коллекцию земных паровых машин (все экземпляры — действующие). Мало ли чудаков с самыми экзотическими хобби? А детали энергоприемника тем временем потихонечку переправляются в Горрот...

Нужно, пожалуй что, дать приказ соответствующему отделу восьмого департамента проверить всех подобных чудаков. Посоветоваться на сей счет с Канцлером. Принять еще кое-какие меры...

Погасив окурок, Сварог надел лежавшую на соседнем кресле королевскую тиару и дал Золотым Шмелям приказ возвращаться. Не стоило в первую же попытку нагнать и лезть на рожон. Проникли в глубь Горрота на сотню лиг — и достаточно. Теперь посмотрим, как они будут возвращаться...

Они вернулись все до единого — целыми, невредимыми, незамеченными. Что вселяло некоторый оптимизм и позволяло строить планы на будущее...

Глава II

ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ

Заложив руки за спину, Сварог стоял у высокого окна, в кабинете на последнем рабочем этаже Велордерана и смотрел вниз то ли с некоторой завистью, то ли с легким раздражением. Пожалуй, оба чувства присутствовали.

Там, внизу, раскинулся роскошный парк, приведенный в идеальнейшее состояние. Чащобы прорежены, проложены аллеи, в иных местах кустарник лишь прорежен, зато в других аккуратно подстрижен в виде геометрических фигур и зверей, дорожки из разноцветных камешков чуть ли не сияют, идиллически журчат ручейки, разбрасывают радужное сияние невысокие водопады, бьют фонтаны, украшенные начищенными бронзовыми статуями, а то и целыми скульптурными композициями, новехонькими выглядят горбатые мостики, пестреют клумбы, аккуратно подстриженные обширные лужайки кажутся с высоты бархатными полотнищами...

На одной из таких лужаек продолжались безмятежные забавы: Яна, в черных штанах и белой рубашке с кружевным жабо, азартно играла в догоняшки с палевым щенком размером с крупную овчарку — тем самым сиротой, которого Сварог без всякого сопротивления забрал у гармов. Совсем малыш, но кое-какие способности уже *включились*, как тогда у Акбара на «Божьем любимчике», — и потому вместо щенка, уже настигнутого Яной, почти ухитрившейся ухватить за шиворот, вдруг возникала туманная полоса, вмиг ускользавшая из рук императрицы и вновь становившаяся палевым щенком в десятке уардов от нее. Акбар лежал тут же, положив голову на лапы, снисходительно наблюдая за этой возней. Временами, для разнообразия, щенок подскакивал к нему, пытался хватить то за бок, то за ухо — но буквально отлетал после короткого гулкого рявканья (у гармов, как и у собак покинутого Сварогом мира, считалось в порядке вещей в воспитательных целях гаркнуть как следует на расшалившегося сопляка). Всем было весело и беззаботно, не то что Сварогу, которому предстояло несколько часов работы: далеко не все бумаги в пролистанном им «досье Асверуса» были исполнены безукоризненным почерком канцеляристов, иные словно курица лапой нацарапала — а изучить следовало все...

Он присмотрелся. Охрана, разумеется, бдила. На фоне зелени прекрасно можно было различить полдюжины гармов, сидевших так, что они образовали упиравшийся в стены замка полукруг с радиусом уардов в сотню. Ни Золо-

тых Филинов, ни Дракона Сварог из своего окна не видел — кружили высоко. Вполне возможно, он перегнул палку с безопасностью, поскольку и так постоянно включены системы, накрывавшие не только дворец, но и парк пятью колпаками защитных полей — с пятью разными функциями. Однако и себе слово дал, и Канцлеру пообещал: за *пределами* обоих замков Яна без охраны ни за что не покажется. Он не боялся чего-то конкретного — просто хотел довести безопасность до предела, пусть даже до абсурда. *Одну* он в свое время не уберег...

Сама Яна поначалу откровенно высмеивала вслух доведенные до абсурда меры безопасности. Сварог, чтобы не вступать в пустые дискуссии, попросту дал ей послушать запись разговора с Литтой — после чего Яна чуточку посерьезнела и перестала критиковать его заботу о ней, по крайней мере, вслух.

Ага, вот... Справа, над кудрявыми кронами деревьев, прошел Золотой Филлин — неспешным, спокойным полетом. Поднялся выше, исчез с глаз. Сварог в который уж раз подумал о вторжении в горротский королевский дворец с помощью «ограниченного контингента» своих золотых птичек. Никакой армады вторжения. Дворец вплотную примыкает к реке, от гранитной набережной отделен лишь широкой лестницей ступенек в пятьдесят. Предположим, что у набережной вдруг всплывает «Рагнарок», из распаханного грузового люка (есть такой позади рубки, примерно пять на шесть уардов) взлетают всего-то десятка три Золотых Филинов и обрушиваются на дворец, уничтожая расчеты нацеленных на реку двух десятков пушек и полдюжину ракетных установок, нанося лучевые удары по «запретной» части дворца. Тем временем по той самой лестнице парадный вход во дворец атакуют полсотни морских пехотинцев. Примерно столько людей и Филинов грузовой трюм в состоянии вместить, а то и побольше поместится. Ну, а «Рагнарок» при необходимости поддерживает огнем воздушные и наземные силы. Тем временем по центральной, нейтральной, никому не принадлежащей части Итела подходят пароходы с десантом...

И в который уж раз сам себе привел все прежние возражения. Без авиационного прикрытия, то бишь Филинов, слишком рискованно затевать такое предприятие, даже имея «Рагнарок». Они просто необходимы на тот случай, если во дворце отыщется, кроме банальных пушек и ракет с «горродельским огнем», еще что-то, сделанное уже *умельцами*, и, вполне возможно, способное причинить существенный ущерб даже «Рагнароку». «Рагнарок», в конце концов, всего лишь обычная субмарина, не располагающая ни защитными полями, ни прочими роскошествами. Обычная субмарина, пусть даже снабженная серьезным оружием и построенная из сверхпрочных сплавов. Мало ли что может отыскаться в записке у противника. «Штурмовая авиация» просто необходима — но светить ее нельзя. Конечно, Канцлер не подозревает об *истинных* размерах Сварогова золотого воинства, можно бы с наивным лицом и соврать: мол, в Хелльстаде всего-то три десятка этих симпатичных птичек, ранее служивших личной охраной покойному королю. А больше нету и взять неоткуда. Но с Канцлером, человеком умнейшим и хитрейшим, в такие игры играть опасно... Невозможно просчитать его реакцию и последствия. Так что оставляем этот вариант на самый, самый, самый крайний случай. Когда окажется, что если его не применить, — все рухнет.

Есть и другой вариант, правда, чисто теоретический. Перед нами — не

обычное государство, где в случае гибели или пленения какого-нибудь важного генерала управление тут же *подхватят* дюжины две других. Горротских кукловодов слишком мало, по пальцам можно пересчитать — а значит, решения принимают и приказы отдают буквально двое-трое субъектов — в первую очередь Брашерио, конечно, и парочка его особо доверенных лиц. Вот если бы удалось каким-то лихим налетом повязать эту пару-тройку ключевых фигур, что, несомненно, парализовало бы всякое сопротивление... Вот только как это устроить? Сварог решительно не представлял. Даже бледного подобия толкового плана в голову не приходило...

Сердито фыркнув, он отвернулся от беззаботной идиллии за окном, отошел на пару шагов. Одно движение пальца — и окно плотно закрыли тяжелые вишневые портьеры. Второе — и кабинет окутан «пологом тишины», обеспечив полную звукоизоляцию от окружающего мира. Третье — и в наступившем полумраке над столом вспыхнула люстра.

Сварог сел за стол, где стоял лишь небольшой компьютер и лежала пухлая стопа пожелтевших от времени листов — «досье Асверуса», как это в обиходе именовалось. Хотя, ради исторической точности, так следовало бы называть вторую половину бумаг — начинали дело совсем другие люди (правда, так и оставшиеся безымянными).

Зато (хотя с историческими событиями сплошь и рядом случается совсем наоборот) достовернейше известно имя обитателя Талара, первым в истории не просто увидевшего подлодку токеретов, но ухитрившегося остаться в живых и обо всем рассказать. Вот оно, в первой же бумаге — Миррар Корб, подшкипер правого борта рыболовного гукора «Ласточка», вышедшего на промысел в составе «плавучей мастерской», принадлежавшей некоей фирме под названием «Артилас Снорр и сыновья»... стоп, стоп! А собственно, что это за такая «плавучая мастерская»? Никогда раньше такого термина не слышал — а впрочем, как-то не особенно интересовался рыболовством, для этого есть соответствующие департаменты...

Пришлось отложить пока что бумаги и взяться за компьютер. Особых трудов не потребовалось, хватило минут десяти, чтобы разобраться с системой таларских рыболовных судов, общей для всех держав континента.

В расчет не берется «мелочь пузатая», то есть всевозможные шаланды, баркасы и прочие корытца, кустари-единоличники, никогда почти не отходящие от берега далее, чем на четыре-пять морских лиг. Рыболовный флот открытого моря делится на три категории.

В официальных бумагах употребляются казенные термины, но в обиходе, как частенько случается, приживаются свои словечки. «Сотняги» — те, кто уходит от берега на сотню морли с лишком. «Пятисотки», соответственно, морли на пятьсот. Третья, элитная категория — это целые флотилии океанского плавания, принадлежащие богатым промышленникам. А «плавучими мастерскими» они именуется оттого, что пойманную рыбу обрабатывают прямо в море: примерно половина кораблей забрасывает неводы, на остальных устроены засолочные, коптильни, приспособления для вяленья. Как правило, именно такие флотилии ловят рыбу самых дорогих, деликатесных пород — а ее косяки обычно держатся далеко в открытом море.

Одна такая флотилия и вернулась неожиданно в Ронерио, не заполнив и половины трюмов. Ее капитан-управляющий и упомянутый подшкипер, что ха-

рактерно, даже не к хозяину отправились первым делом докладывать, а из порта поехали в Морское бюро (прямо об этом не говорилось, но у Сварога осталось впечатление, что означенный подшкипер в Бюро как раз и подрабатывал).

В самых расстроенных чувствах он стал излагать такое, отчего допрашивавший его дежурный чиновник недоверчиво задумался. По словам Корба, «Ласточка» стала вытягивать невод, судя по весу, с неплохой добычей. За чем он и присматривал, надзирая в силу судовой роли именно за правым бортом.

Вот только добыча оказалась, мягко скажем, странная... Среди месива серебристых, бившихся мерлангов поблескивало металлом нечто странное: заостренная с двух сторон труба длиной уардов в десять, с какой-то странной «башенкой» наверху, дергавшаяся, как живая. Один ее конец запутался в сети, и вся она как-то странно гудела, рычала, взревывала, но не как животное, а словно бы «по-пароходному» (к тому времени уже лет двадцать как появились первые пароходы, и было с чем сравнивать). Никто прежде такой штуки не видывал, но на животное оно ничуть не походило. Подшкипер Корб, как ему и надлежало по должности, велел не толпиться у борта всем скопом, не таращить зря глаза, а вернуться к лебедкам и вытаскивать невод на палубу — ну, а там разберемся. Сам он побежал доложить капитану — что его и спасло.

Он был в паре шагов от капитанского мостика, когда сзади громыхнуло так, «как он в жизни» не слышал. Подшкипера подняло в воздух, по высокой дуге вышвырнуло за борт, он, не потерявши сознания, кое-как выплыл на поверхность, где и уцепился за какой-то брус — третий раз попадал в кораблекрушения, навык имелся.

Когда стал оглядываться, ошарашенный, «Ласточки» на воде не было, вместо нее плавала куча обломков — за некоторые цеплялись те, кому точно так же повезло, ну, конечно, крики стояли, вопли...

А потом настала жуткая тишина и сразу вскоре — размеренное стрекотание, словно заработала исполинская швейная машинка. Выглянув из-за своего бруса, Корб увидел врезавшееся в память на всю жизнь: по широкой дуге, обходя обломки, двигалась то ли другая, то ли та же самая штука — и перед башенкой у нее ожесточенно плевался огнем двойной стволик, и это, безусловно было какое-то оружие: подшкипер хорошо видел, как рыбаки, цеплявшиеся за обломки, вдруг, брызжа кровью, разжимали руки и камнем уходили ко дну. Сообразив, что движется эта непонятная смерть в его сторону, подшкипер нырнул как мог глубже, видел, как над ним прошла узкая длинная тень, оставлявшая за кормой пенистый след, — и, когда дышать стало абсолютно нечем, вынужден был выгрести на поверхность, а там уже стояла полная тишина, ни единой живой души — и непонятный предмет исчез без следа...

Прочитав все это, Сварог не сомневался, что подлодок было две. Первая, если ей качественно опутало винт сетями, ни за что бы не смогла высвободиться. Дело не в размерах. Даже на покинутой им Земле самые современные субмарины, случалось, угодив винтами в рыбачьи сети, становились беспомощными. Конечно, подлодок было две — и одна явно подорвала себя по милой привычке токеретов, а вторая постаралась, чтобы не осталось свидетелей. Если у них там стояла спаренная автоматическая пушка — для людей нормального размера ее снарядики были чем-то вроде разрывной пули...

Капитан-управляющий мог добавить немного: на одном из кораблей-коп-

тилен, находившихся поблизости, услышали отдаленный взрыв, увидели взметнувшийся над морем столб воды — и, зная, что где-то там дрейфует «Ласточка», пошли в ту сторону. Вместо «Ласточки» они увидели плавающие по воде обломки, клочья сетей и цеплявшегося за какую-то деревяшку подшкипера Корба. Когда его подняли на палубу, вел он себя, как безумец, — хватал за одежду всех, кто оказался рядом, кричал, что нужно немедленно уплыть, иначе всех достанут подводные железные чудовища. (Сам Корб, как из его показаний следовало, решительно ничего такого не помнил и уверял, что внятно и членораздельно предупреждал об опасности).

Капитан оказался в сложном положении. С одной стороны, не стоило возвращаться в порт с наполовину наполненными трюмами.

С другой... Крайне убедительно выглядели даже не бредовые вопли подшкипера, а плававшие вокруг обломки «Ласточки». И могучий взрыв, что ни говори, действительно был. Меж тем на «Ласточке» не было ничего, способного так взорваться, превратив корабль буквально в груды щепы... К тому же морской волк не раз слышал о случаях, когда в океане в невод попадали самые загадочные предметы — иногда безопасные, а иногда — не к ночи будь помянуты. На эту тему давненько сложился обширный свод морского фольклора, где правда, как водится, самым причудливым образом перемешана с легендами. К тому же экипаж, посмурневши, стал едва ли не в полный голос поговаривать, что лучше бы унести ноги, пока не случилось чего-нибудь похуже. Естественно, вспомнили и вовсе уж ни к селу ни к городу — Серую Погибель, которая, всем известно, появляется только на рассвете...

Предпочтя не доводить дело до бунта, капитан приказал ставить паруса и передать остальным кораблям, что флотилия возвращается в Джетарам. Ну, а с дергавшимся подшкипером поступили испытанным способом — залили в глотку бутылку рому, да и потом, на протяжении почти всего обратного пути, держали в состоянии полного алкогольного опьянения — это проще, чем привязывать к койке и отражать кого-нибудь в качестве сиделки.

Как явствовало из штампов и резолюций, в Морском бюро отнеслись к показаниям подшкипера крайне прохладно. То ли на дежурстве торчал особо закоренелый бюрократ, то ли сработала инерция человеческого мышления: коли уж никто прежде ни о чем подобном прежде не слышал... К тому же подшкипер допустил большую ошибку: вместо того чтобы держаться спокойно и говорить убедительно, он начал биться едва ли не в истерическом приступе, крича, что говорит чистейшую правду и требует, чтобы его слова довели чуть ли не до самой королевы...

В результате чего на бумагах с его показаниями очень быстро оттиснулся штамп «оставить без последствий» — правда, поскольку в этой конторе ни одна казенная бумажка, раз начатая, уже не пропадала, ее отправили в архив «третьего разряда хранения» (где через пять лет должны были списать и спалить в печи). На том дело вроде бы и кончилось.

Вот только месяцев через пять в Джетарам пришел корвет «Альбатрос» — и его капитан, не мешкая, немедленно кинулся в Морское бюро. Куда, впрочем, и так должен был в первую очередь явиться с докладом. Открытым текстом об этом не говорилось, но, судя по некоторым данным, корвет выполнял какое-то хитрое задание в рамках военно-морской тайной войны: не зря же, как выяснилось с первой же страницы, корвет был выкрашен в темный цвет, шел под

черными парусами и темной ночью оказался на якоре у одного из «бесхозных» островов Девайкир, незаметный с моря на фоне леса. Давно известно, что возле островов Девайкир крутится масса интересных дел...

Капитан бодрствовал среди ночи (еще одно косвенное свидетельство, что речь там шла о чем-то интересном). И потому он сначала собственными глазами, а потом в подзорную трубу разглядел примерно в четверти морской лиги от берега три странных суденышка, идущих кильватерным строем. Больше всего они походили на погруженные наполовину толстые трубы длиной уардов в десять, и над каждой торчало что-то вроде башенки, и за кормой у каждой клокотала взбаламученная вода — хотя там не удалось высмотреть ничего, похожего на пароходное колесо. Более того, у башенок стояли люди и было установлено нечто вроде пушек — но люди-то, учитывая масштаб, были не выше мизинца, да и пушки крохотные. Капитан несколько минут наблюдал, как эти странные кораблики шли параллельно берегу, потом флагман погрузился и пропал с глаз, а два других двигались тем же маршрутом, пока не исчезли за мысом...

В завершение капитан уточнил, что его слова могут подтвердить наблюдавшие ту же самую картину шесть человек ночной вахты, один из них офицер, а также «известная Морскому бюро фигура — по возвращении с места пребывания». Шпиона высаживали, точно...

Вот к *этому* рапорту отнеслись гораздо серьезнее — еще и оттого, что упомянутые шестеро, допрошенные порознь, дали в точности такие же показания. Да и капитан, такое впечатление, был на хорошем счету и в сочинении морских побасенок не замечен...

Машина закрутилась. Кто-то — то ли жаждавший выслужиться молодой карьерист, то ли старый бюрократ с отличной памятью — вспомнил о подшкипере Корбе и его показаниях. Показания срочно извлекли из архива, а самого подшкипера не без долгих трудов отыскали в Джетараме, где он, списанный после той истории на берег, служил ночным сторожем на одном из складов той же фирмы. Описания, в принципе, совпадали. Всех восьмерых заставили изобразить на бумаге, как уж вспомнят и как получится, описания этих штук. Рисунки опять-таки выглядели крайне похожими.

Вот тогда уж в Морском бюро призадумались не на шутку. На завтра же в Адмиралтейство ушел пространный отчет, в котором кто-то неглупый, помимо прочего, написал: «Судя по показаниям свидетелей, означенные предметы явно несут на борту какое-то оружие и потому могут представлять безусловную опасность для военного и торгового флота». Было это сто двадцать восемь лет назад, так что ронерским морякам выпала честь стать первооткрывателями токеретов (Снольдер подключился к этому лишь два года спустя, похоже, получив кое-какие сведения через свою агентуру).

Из Адмиралтейства прибыл проверяющий в немаленьком, пусть и не адмиральском чине. И написал в отчете, что свидетели ему представляются надежными, а ситуация — крайне серьезной. Именно на его бумаге была наискось, размашистым, небрежнейшим почерком изображена резолюция: «Согласен. Начать расследование, по возможности, взять пленных». Подпись оказалась совершенно неразборчивой, но давно известно — чем выше начальство, тем сквернее у него почерк, к тому же резолюция была наложена зелеными чернилами, какими в Адмиралтействе пользуются только адмиралы.

И дело закрутилось... Нельзя сказать, чтобы оно блистало особенными достижениями. Некий гран-коммодор из Морского бюро, которому поручили заниматься подлодками (впрочем, повсюду употреблялся термин «загадочные подводные суда»), когда из Адмиралтейства у него потребовали план действий, честно признался, что не в состоянии пока что составить толкового. Потому что решительно не представляет, где искать эти подводные суденышки, как и какими средствами. Письменную выволочку он получил, но не особенно сильную, надо полагать, работник был дельный, да и в Адмиралтействе сидели не идиоты. Сварог на их месте, пожалуй, тоже не метал бы громы и молнии.

После некоторого замешательства некоторые наметки все же были составлены. Работать стали так, как любая спецслужба на их месте. Для начала обшарили все архивы, где могло оказаться что-то полезное. Такого не обрели. Выяснилось даже, что подобных крохотулек на подводных судах не существует даже в морском фольклоре. После чего был составлен особо секретный циркуляр, предназначенный исключительно для командиров военно-морских кораблей: внешний вид такой-то... при обнаружении вести наблюдение... если благоприятствует ситуация, взять в плен, а то и захватить подлодку... одновременно куча агентов низшего разряда, из тех, кто отирается по портовым кабакам, получила задание: помимо прочего, прислушиваться, не прозвучат ли такие-то и такие-то разговоры... Ну, и, как водится, через агентуру в соседних государствах выяснить, не известно что-либо там. Пожалуй, это все, что можно предпринять в такой ситуации. О Токеранге, естественно, никто не подозревал, токеретов считали обитателями океана, вроде русалок — только до сих пор не попадавшимися на глаза...

У Сварога появилась версия, которую он пока что не мог проверить. Подлодки, старательно зарисованные очевидцами сто двадцать восемь лет назад, и те, что он видел сам, изрядно отличались внешним видом. Нынешние выглядели как-то современнее, что ли. Вполне возможно, что те, старые, были еще не атомными, а дизельными. Вполне возможно, что сто двадцать лет назад токереты только *начали* морские плавания. Почему бы и нет?

На протяжении следующих двух лет ни малейших успехов добиться не удалось. Агентура из портовых кабаков ничего толкового в клювике не притаскивала, сведений от капитанов не поступало.

В конце концов, кто-то — видимо, от бессилия — обратился к стагарским колдунам, но хотя и получили приличное вознаграждение, ясности не внесли: трое подряд твердили, что о *таком* морском волшебстве отроду не слышали и не знают, чтобы кто-нибудь слышал. Так что это, очень может быть, и не волшебство вовсе. И вообще, если бы им предъявили кусочек такого суденышка, а то и самого «крохотульку», можно было бы сказать хоть что-то определенное, а так...

Правда, один-единственный случай за эти два года можно было отнести, уж, безусловно, не к успехам, но к точной информации. Бригантина «Косатка», входившая в состав ронерского военно-морского флота (и, очень похоже, выполнявшая у островов Девайкир какую-то хитрую миссию наподобие той, с которой ходил «Альбатрос»), вдруг посреди ночи вышла на связь посредством таша (они как раз начинали входить в обиход), и капитан сообщил, что преследует в бухте именно такое подводное суденышко, чье изображение имеет-

ся в секретном циркуляре, переданном ему, как и прочим капитанам, два года назад. Еще через пару минут капитан доложил, что обстреливает неприятеля из обоих носовых орудий.

Потом замолчал навсегда. Когда вышли все сроки возвращения «Косатки», Морское бюро отправило в ту бухту замаскированный под жемчуголов корабль. И в первый же день ныряльщики обнаружили у самого берега, на глубине уардов пятнадцати, лежащую на дне «Косатку» с огромной пробоиной в левом борту. Судя по отчету командира, оказавшегося цепким и въедливым, часть обнаруженных там же, на дне, скелетов выглядела так, словно их расстреляли чем-то вроде разрывных пуль...

В общем, дело застопорилось. И очередная бумага из заметно похудевшей, даже более чем наполовину стопы, была краткой и недвусмысленной: передать дело из Морского бюро во второй стол дворцовой стражи — хотя самому Бюро по-прежнему держать это дело на заметке. Собственноручная подпись королевы Дайни Барг и ее малая печать. И еще одна бумага за ее же подписью: поручить дело капитану Асверусу...

Почему получилось именно так, не было нужды ломать голову. Сварог тут же наткнулся на подробный рапорт Асверуса — судя по канцелярским штампам, грифу и пометкам, извлеченный из совсем другого дела, относившегося как раз к разведке дворцовой стражи. Начиналось все с доноса, отправленного Асверусу неким «Звездочетом» — судя по орфографии и стилю, человеком с образованием (ну, и такие среди стукачей не редкость). Означенный Звездочет подробно описывал, как некий граф Дольфи, знаменитый в столице мот и повеса, в последнее время в узком кругу постоянных собутыльников стал похваляться, что открыл-де новый вид убийства (а то и цареубийства), от которого любого, даже монаршую особу, не способна спасти никакая охрана. Уж кого-кого, а дворцовую стражу такие штукари интересовали в первую очередь... (К тому же этот Звездочет, судя по некоторым деталям, не лакеем при графе служил, а именно что был своим в том самом узком кругу постоянных собутыльников — следовательно, дворянин, не иначе).

Асверус отреагировал немедленно. Судя по дате, он назавтра же вызвал агента на явочную квартиру, и тот накатал пространный доклад о крайне интересных событиях, чуть ли не каждый вечер происходивших в особняке графа за крепко запертыми дверями. Для того самого узкого круга — с которого предварительно была взята клятва хранить тайну, иначе проговорившийся умрет самым загадочным образом и никто никогда не докопается до истины.

Сварог не сразу догадался, что напоминает ему эта история. Потом сообразил: рассказ отца Алкеса о событиях в Равене восемнадцатилетней давности. Почти то же самое, разве что с некоторыми вариациями. Оказывается, виконт Башар не первым это придумал...

По обстоятельному рассказу Звездочета, граф развлекал своих близких друзей *крохотными человечками*.

У него была особая комната, где крохотулек в клеточках содержалось десятка три, мужчины и женщины. Все там было продумано до мелочей: арены для гладиаторских боев, театральные сцены, освещение, пластины увеличительных стекол. Все это умещалось на нескольких столах, так что можно было переходить от зрелища к зрелищу. Все почти как у Башара: воины, когда в доспехах, когда без, дрались самым настоящим боевым оружием — и невезучие гиб-

ли, женщины исполняли танцы с раздеванием, а иногда крохотулек обоего пола, роскошно одетых, усаживали за пиршественный стол, заканчивавшийся, к потехе зрителей, преизрядной оргией. Иногда крохи, одетые егерями, охотились на мышей и прочих мелких зверюшек (в отличие от своего последователя, граф их все же крысами и змеями не травил).

Звездочет первым делом попытался выкупить у приятеля парочку крохотулек, справедливо полагая, что в этой просьбе не будет усмотрено ничего подозрительного — кому же не захочется такую игрушку? Однако граф (разговор проходил один на один), посерьезнев, ответил, что это решительно невозможно. Крохи эти ему подарены со строгим наказом никому не передаривать. Их, собственно, и показывать-то не следовало, но граф не смог удержаться, чтобы не продемонстрировать такую диковину ближайшим друзьям. Так что виконту (ага, Звездочет все-таки был дворянином) лучше не требовать невозможного и никому постороннему не рассказывать, иначе чревато самыми скверными последствиями...

«Он крепко сжал мою руку, — писал Звездочет, — и, ухмыляясь, сказал:

— Представь, что такая кроха проберется к тебе, дружище, в дом с достаточно длинным мечом... Кто его заметит и кто потом найдет?

— Тьфу ты, — сказал я. — Это и есть твой совершенный способ цареубийства?

— Но ведь согласишься, самый совершенный способ? — засмеялся он. — От таких и в королевском дворце никакая стража не спасет. Ты не подумай, я ничего такого не замышляю, я просто рассуждаю отвлеченно...

— А это, часом, не нечистая сила? — спросил я осторожно.

— Вздор! — захохотал граф. — Самые обычные люди, только маленькие.

— И где таких ловят? — спросил я. — Ты не представляешь, как мне хочется завести такой театрик! Дольфи, мы с тобой сто лет знакомы, старые друзья... Где-то же их таких ловят? Что угодно отдал бы...

Он словно бы задумался и даже чуточку протрезвел.

— Что угодно, говоришь... — сказал он задумчиво. — Ну, душу они у тебя просить не будут, они не по той части... Говорю тебе, тут нечистой силой и не пахнет... А вот услугу оказать можешь. Есть, знаешь ли, один горный король, о котором никто не слышал, потому что он не любит публичности... Нужны ему, понимаешь ли, разные мелкие услуги. А он в обмен, кроме золота, может тебе отдать пару дюжин таких вот... которые у него, как у нас простолюдины. Интересует?

— Еще бы, — сказал я. — Если без всякой нечистой силы.

— Говорю же, никакой нечистой силы... Вот, кстати... У тебя ведь загородный дворец стоит на самом берегу Итела?

— Из окна до воды доплюнуть можно, — сказал я. — Только пользы от него никакой: обветшал так, что дешевле снести и новый построить, но дядюшка за него держится и мне его отписал с условием до его смерти не перестраивать...

— Это хорошо... — сказал он как-то задумчиво. — Может, и удастся что-нибудь сделать для старого друга... Тайны ты вроде бы хранить умеешь... — он подвел меня к окну, за которым катил воды вечерний Ител, — а уж сколько тайн хранит эта река, кто бы знал... Ну, хорошо. Приезжай завтра часикам к девяти, ко мне как раз должен заглянуть один человек, смотришь, и договори-

тес. Но запомни накрепко: проболтаешься — смерть...

— А заговора здесь никакого нет? — спросил я на всякий случай.

— Виконт, виконт, ты всегда был, уж извини, трусоватым... Нет здесь никакого заговора. Одни только развлечения благородных дворян, как видишь...»

Сварог еще раз перечитал фразу: «Он подвел меня к окну, за которым катил воды вечерний Ител». Несомненно, дом графа стоял на берегу реки. И загородный дворец виконта-стукача тоже стоял на берегу реки, к тому же за городом — чем, надо полагать, их и заинтересовал...

Отложив последний лист с подписью Звездочета, Сварог взял следующий — короткую записку Асверуса королеве, где тот писал: вполне вероятно, что неведомые крохотульки из дома графа имеют несомненную связь с хозяевами подземных суденышек. Неужели на Таларе *много* стран, населенных лилипутами? Притом, что никто о них никогда не слышал, даже в архивах ни малейших упоминаний, даже в сказках и крестьянских побасенках... Логичнее будет предположить, что мы имеем дело с одними и теми же. Кстати, они вряд ли — обитатели океана, поскольку дышат воздухом, как и мы.

Резолюции на записке не имелось никакой, как и канцелярских штампов — видимо, передана из рук в руки, и разговор по ней на бумаге не фиксировался. Сварог медлил переворачивать очередную страницу. Попытался сначала угадать, что они предприняли. Конечно, заманчиво было бы ввести того Звездочета в круг *посвященных*... Слишком рискованно все же — по бумагам видно, небольшой отваги субъект, мог что-нибудь напорочить... С другой стороны... Что же это за человек, который придет завтра? Может быть, как раз... Вот тут бы его и захватить, расспросить вдумчиво... на худой конец остаются эти, в клетках, хоть что-то да знают... У токеретов дурная привычка подрывать свои подлодки вместе с собой... но откуда это могли тогда знать Дайни и Асверус? И как сам Сварог поступил бы на их месте?

Ладно, к чему гадать, если все, что произошло, уже случилось сто двадцать шесть лет назад? Достаточно перевернуть лист...

Они решили брать особняк штурмом!!! Вот он, полный отчет — и Асверуса, и двух его помощников, и Звездочета. В назначенный час Звездочет как ни в чем не бывало (хотя наверняка поджилки тряслись) приехал к старому приятелю. И, войдя в его кабинет, увидел престранное зрелище: на столе стоял во все уж кукольный стульчик, на котором восседал крохотный человечек в мундире наподобие военного. Рядом с ним стояла черная коробочка повыше ростом его самого, чья передняя сторона закрыта серебристой сеткой (ну конечно, микрофон и усилитель, сообразил Сварог). Еще в коридоре граф предупредил, что разговаривать с *гостем* следует тихо, почти шепотом, никак не в полный голос. А перед тем, как войти, шепнул на ухо:

— Имей в виду: наш гость, хотя и крохотный, чином не менее адмирала, так что держись вежливо...

Так виконт и поступил: войдя в комнату, снял шляпу, раскланялся по всем правилам, на что крохотный адмирал лишь сухо кивнул головой, словно простолюдина приветствовал. В другое время виконт, быть может, и обиделся бы, но сейчас не до пустяковых обид: нервы напряжены, как струны: уж Звездочет-то прекрасно знал, что особняк окружен, что лакея в прихожей, несомненно, уже малость придушили и по лестницам наверх рвутся лучшие сыскари,

умеющие передвигаться бесшумно, как тени... И беспокоился об одном: удастся ли ловко вынуть из кармана врученную Асверусом шелковую сеть с мелкими ячейками...

— Ну что же, рад приветствовать, — жестяным голосом заговорила черная коробочка (виконт подметил, что человек держит у рта крохотную бусинку, а от нее тянется к коробке нечто вроде черной бечевки). — Гостеприимный хозяин сообщил, что вы готовы участвовать в наших делах?

— О которых я, к сожалению, знаю слишком мало, — светским голосом ответил виконт.

— Тем лучше для вас, — сказал человек. — Знать о наших делах *много* — не всегда полезно для здоровья и самой жизни...

— Я понимаю, — сказал виконт. — Коли уж мне предлагают какую-то сделку, обычно принято раскрывать детали? Хотя бы в общих чертах?

Он боялся сейчас всего на свете: этих двух, Асверуса, несомненно занимавших дом сыщиков, вообще неизвестно чего, стоявшего за этими крохотульками. Но как порой случается с людьми подобного склада, трусость лишь прибавила наглости.

— Хотя бы в общих чертах? — повторил он.

— Что же, это логично, — кивнул человек, сидевший в позе, определенно исполненной властного достоинства. — Однако наш друг должен был предупредить, что плата за разглашение тайны одна — смерть? От которой вас в случае измены никто и ничто не спасет?

— Я дворянин, сударь... — простите, не знаю вашего имени и звания, — сказал Звездочет, сам удивляясь собственному спокойствию. — И привык держать слово. В особенности, когда речь идет о выгодной сделке.

— Ну что же, — сказал человек. — Коли уж вы должным образом предупреждены... У вас есть загородный особняк лигах в десяти от города. Я хотел бы его снять... нет, не весь. Мне было бы достаточно подвалов. Такой уж я странный постоялец. Вы согласны сдать мне ваши подвалы?

— Конечно, — сказал виконт. — Честно признаюсь, они мне самому не особенно и нужны, стоят пустыми который десяток лет, никто там и не бывает.

— Отлично, — сказал человек. — Что же вы хотите получить взамен за... долгосрочную аренду?

И тут грохнула дверь, ворвались сыщики. Краем глаза Звездочет видел, как графа моментально сбили на пол, — но некогда было отвлекаться, он, выполняя свою задачу, рванулся вперед, выхватывая из кармана сеть, разворачивая, в отчаянном броске пытаясь накрыть вскочившего человека... И накрыл! Асверус раз двадцать заставил его отрабатывать этот прием, так что все прошло гладко: Звездочет прижимал к столу сеть четырьмя растопыренными пальцами, больше всего боясь нечаянно удавить бившееся под ней крохотное создание...

Потом рядом возник Асверус, проворно отодвинул в сторону, подхватил сеть и вместе с крохотным пленником, замотав его еще надежнее, опустил в раскрывавшуюся сверху мышиную клеточку — из дорогих, золоченых. Поднес ее к глазам, присмотрелся, спокойно бросил:

— А вот этого не нужно...

И, запустив туда два пальца, осторожно прижал руку крохотульки, в которой поблескивал какой-то крохотный предмет, как мог осторожнее выдернул

его из лилипутских пальцев, и он почти беззвучно упал на пол.

— Отыщите его! — распорядился Асверус.

Кто-то с огромной лупой в руке — видимо, многое было заранее продумано — тут же принялся ползать на корточках у стола и вскоре с торжествующим видом показал что-то блестящее, осторожно держа его кончиками пальцев. Казалось, весь дом был набит сыщиками — никто уже не таился, повсюду топот, громкие голоса. Звездочет видел, как откуда-то из глубины дома вынесли две клетки с участниками «представлений» — они там все сбились в кучки в одном углу и чувствовали себя, должно быть, прескверно.

Граф, которого уже подняли с пола, но за локти держали крепко, вдруг отчаянно заорал:

— Он же здесь не один, идиоты! Сейчас все взлетит на воздух!

На том донесение Звездочета кончалось — по чисто техническим причинам. Как явствовало из подробного донесения Асверуса, Звездочет первым рванул к выходу, да так, что мог обогнать любого зайца, — и остановили его только сыщики, окружившие особняк плотным кольцом. Однако и сам Асверус, крайне серьезно отнесшись к воплям графа — порывавшегося к тому же вырваться от конвоиров и бежать прочь, приказал покинуть дом, благо нужная добыча имелась.

Все на воздух не взлетело — но, когда они были уже на первом этаже, в подвале что-то оглушительно грохнуло, потянуло дымом; затрещал огонь. Хорошо еще, пожарная команда, пусть и не приготовленная заранее, примчалась быстро.

(Забегая вперед: когда пожар потушили, подвал осмотрели очень тщательно, но не обнаружили ничего похожего на *качественно* оборудованную базу наподобие тех, что Сварог своими глазами видел в Гиуне и Фиарнолле. Видимо, токереты и впрямь совсем недавно вышли в реки и моря, только-только начали осваиваться, искать помощников среди людей, укрытия в городах. Из подвала, частично расположенного ниже уровня воды в реке, был просто-напросто пробит туннель, достаточный для того, чтобы через него прошла подводная лодка. Там было устроено что-то вроде причала, а на нем явно стояли раньше крохотные домики — но разобраться в этом не было никакой возможности, все сожрал огонь).

Едва пожар потушили, Асверус распорядился обыскать особняк тщательнейшим образом с помощью терьеров-крысоловов. Всю добычу составили полдюжины крыс и труп крохотного человечка, лежавшего у входа в подвал с пистолетом у виска: ага, токереты уже тогда завели эти самурайские обычаи — живьем в плен не сдаваться... Крепкая деревянная дверь, запиравшая вход в туннель из реки, так и осталась запертой изнутри — значит, лодки там не было, она должна была вернуться позже, оставив пока что двух резидентов.

Точно, у Асверуса многое было продумано наперед. Своих пленников он отвез в одну из башен Монфоконской тюрьмы, куда под дверь и мышь не пролезет, а узкие зарешеченные окошки расположены слишком высоко для нормального человека. И вызвал нескольких специалистов, которые неплохо умели обращаться с миниатюрными существами и предметами: энтомологов и ювелиров. Первым делом принялись за человека в мундире, с помощью луп и тонких пинцетов помогли ему разоблачиться, обыскав на предмет оружия.

Ничего не нашли — кроме пистолета (все же отысканного) там ничего и не нашлось. «Ну конечно, — подумал Сварог, — это они потом наострились использовать взрывчатку, не только строить впечатляющие эллинги, но и взрывать их в пыль...»

На всякий случай, чтобы окончательно убедиться, с кем имеет дело, Асверус раздобыл где-то и старую колдунью, похоже, и раньше оказывавшую ему какие-то услуги в обмен на защиту от Багряной Палаты. Бабка заверила, что нечистой силой тут и не пахнет: самые обыкновенные создания из плоти и крови, вот только, полное впечатление, человеческой души у них не имеется.

Поскольку ту черную коробочку (микрофон с усилителем, конечно) тоже успели хозяйственно прихватить с собой, казалось сначала, что договориться будет просто. Ничего подобного. Клиент попался страшно неразговорчивый и хамоватый: если что и звучало из его крохотных уст, так то угрозы смертью «верзилам», не представляющим толком с кем связались, да словечки, которые могли быть исключительно ругательствами.

Тогда, как нетрудно догадаться, за него взялись *всерьез*. Прямо об этом опять-таки не писалось, но упоминалось, что после долгих заперательств были вызваны *мастера*... Сварог на месте Асверуса поступил бы так же, так что ужасаться нравам давно минувших дней не следовало. *А ля гер ком а ля гер*. В конце концов, не люди первыми начали...

Судя по скупым упоминаниям, хотя призванные и были мастерами своего дела, поначалу пребывали в замешательстве: трудно было с ходу сообразить, как *работать* с этакой крохой. Однако понемногу дело пошло. Вот только закончилось все провалом: токерет ухитрился выдержать все *меры воздействия*, пока в конце концов не скончался, после чего поступил в распоряжение особо доверенных медиков. Далее в деле имелись протоколы вскрытия, с иллюстрациями красками — а заодно и скрупулезный рисунок военной формы, кое-чем отличавшейся от той, что Сварог видел на токеретах в Фиарнолле — ну да, прошло сто двадцать лет, военная форма имеет тенденцию со временем меняться... Тут же отыскан и крохотный пистолет — в маленьком запечатанном конверте из плотной бумаги, приклеенном к одному из протоколов.

Тогда Асверус взялся за остальных, предварительно продемонстрировав им крохотного покойника как пример несговорчивости. Эти говорили много и охотно, взахлеб перебивая друг друга, так что пришлось наводить порядок и очередь. Вот только ничего такого уж важного от них узнать так и не удалось. Асверус в конце концов пришел к выводу, что в этом случае граф Звездочету нисколечко не соврал: *эти* и в самом деле как две капли воды походили на темных простолюдинов, ничуть не посвященных в замыслы военных. *Со всеми* вдумчиво *работать* не стали, но двух выбранных наугад выспрашивали до тех пор, пока они не отправились следом за офицером. Все поголовно, и мужчины, и женщины твердили одно и то же: страна, где они живут, называется Токеранг и располагается в огромной подземной пещере, где именно, им неизвестно (слов «географическая карта» или «глобус» они попросту не понимали, читать-писать не умели). Да и о собственном государстве имели самое приблизительное представление: где-то в столице были король и знать, а вот лично они всю жизнь принадлежали благородному архонту Чегентару, которого, впрочем, тоже в жизни не видели, поскольку с рождения мирно землепашествовали в одной из его отдаленных деревень, и самая высокая персона,

с которой имели дело, — сельский управитель. Ничего больше они, собственно, о Токеранге рассказать и не могли — разве что уточнили, что бунты среди простого народа очень уж редки, потому что король всегда посылает против бунтовщиков жуткие летающие машины, которые все выжигают огнем с неба, и спасается только тот, кому удастся скрыться в Полуденной Чащобе — но и там жизнь не в жизнь, в покое не оставляют, охотятся и вылавливают.

Все они, как оказалось, были закоренелыми недоимщиками (уверая, что не по своей вине, а из-за двухлетних неурожаев). В конце концов управитель, и до того грозивший особенно жуткими карами, как-то заявился с солдатами, велел их всех похватать, связать и бросить в летающую машину без окон. О воздушном путешествии, впервые в жизни предпринятом не по своей воле, они вспоминали с неопишуемым ужасом. Ну, а потом они оказались в каком-то необозримом зале, где рядами, десятками стояли в воде странные железные штуки, по их описанию как две капли воды похожие на подводные лодки. В одну из них их и загнали, сунули в помещение без окон и очень долго куда-то везли, не меньше недели, а то и побольше. Последний раз в похлебку, видимо, что-то подмешали — они все крепко уснули и проснулись уже в клетках, в каком-то замке, где все было невероятно великанское: и мебель, и исполины-люди. Великаны кормили их хорошо, но постоянно использовали в грязных и страшных забавах (тут Сварог пропустил пару страниц, потому что все это уже читал в одном из отчетов Звездочета).

Видя, что ничего больше от них не добиться, что это и в самом деле темные землепашцы из глухой провинции, Асверус взялся, так сказать, за десерт — за графа Дольфи, с которым заранее пообещал не церемониться в случае заpiresательства, благо для людей обычного размера в башне припасено много интересного... Не придется ломать голову, как им воспользоваться. Граф колотся, как сухое полено. Для начала он перечислил всех, кто был зрителем на его забавах, — и за ними тут же помчались кареты с занавешенными окнами, потому что всю эту компанию ради сохранения тайны следовало изолировать. Потом он какое-то время ныл, что пошел на это, во-первых, от научного любопытства (как никак один семестр Ремиденума, откуда выставлен по бездарности), а во-вторых, от грозившего в ближайшее время разорения. Ну и, наконец, он не сам связался с этим чертовым отродьем, его, дитяtko безвинное, подбил на это дело старый знакомый, барон Морнаг. Именно он, несколько дней явно прощупывая собеседника, в конце концов, предложил надежный, а главное, ничуть не нарушающий законов способ немного поправить дела. Есть, понимаете ли, любезный граф, арендаторы, которые готовы за немалую цену снять любой дом, лишь бы он стоял на реке. Странные такие арендаторы, между нами говоря, но к нечистой силе не имеют никакого отношения, зато, что немаловажно, расплачиваются чистым золотом, а то еще и разными интересными штучками. Им, собственно, нужен даже не дом, а подвал наподобие вашего...

И рассказал, как страшно выгодно сдал этим загадочным арендаторам свой домишко в отдаленной провинции Накеплон, на реке Гиуне, от которого, собственно, давно уже не было никакой пользы. Жильцы, уже два года как там обосновавшиеся, платят исправно и в срок... вот только есть у них такое обыкновение: требуют соблюдения строжайшей тайны, и нарушение этого условия карается смертью, от которой не защитишься и нигде не спрячешься...

В Высшем свете об этом пока что не проведали, но сам-то граф прекрасно

знал: финансовые его дела до того плохи, что тут, пожалуй, и душу заложить сами знаете кому — лишь бы не вылететь из блестящего дворцового общества и сохранить прежний образ жизни. Так что ломался он недолго, можно сказать, вообще не ломался.

На другой день к нему явился барон, с превеликими предосторожностями достал из кармана маленькую коробочку, оказавшуюся внутри обитой простеганной ватой, где в кукольном креслице, пристегнутый ремнем поперек груди, восседал крохотный, с палец, человечек, одетый во что-то вроде военного мундира. Черная коробочка, бусинка на бечевке... Разговор налачился быстро. Человечек, даром что крохотный, держался крайне властно, так что барон без труда угадал в нем птицу своего полета. Попытки легонько задрать цену человечек отбил легко — вообще, у барона осталось впечатление, что он уже не раз общался с обычными людьми и торговаться умел. В конце концов, ударили по рукам — в фигуральном смысле, конечно. Барон уточнил: кроме сдачи в аренду подвала, графу следует нанять пару-тройку мастеров, чтобы пробрили из подвала туннель, сообщающийся с рекой, ниже уровня воды — и вдобавок смастерить надежно прикрывающую его дверь, а заодно устроить в подвале нечто вроде помоста и установить ведущую от входной двери к воде маленькую железную лесенку (граф смекнул: по размерам как раз подходящую для таких вот крохотулек). Наброски имеются, вот они, извольте. Ну, и что касается аванса...

Барон высыпал на стол пригоршню золотых слиточков — каждый не больше фаланги мизинца, но золото было настоящее, высокопробное, к тому же, целая пригоршня. Чуть-чуть растерявшись от всех этих неожиданностей, граф спросил:

— С меня потребуются какие-то клятвы?

Он плохо мог разглядеть мимику на крошечном личике, но человек в кукольном кресле, похоже, холодно улыбнулся:

— К чему эти пустяки, любезный граф? Просто представьте себе, что однажды к вам на подушку посреди ночи взберется создание моих размеров, вооруженное острейшим мечом в свой рост, которого достаточно, чтобы перерезать вам сонную артерию? Наконец, есть еще и яды... Зачем нам разводиться глупости с клятвами? Клятвы люди сплошь и рядом нарушают, а вот неминуемая смерть в виде кары за развязавшийся язык — это гораздо действеннее...

На чем, собственно, переговоры и завершились. Граф нанял трех мастеров, быстро сделавших всю нужную работу. Он заикнулся было, не станут ли они болтать, но барон с нехорошей улыбочкой ответил:

— Не думаю, что у них будет на это время...

И увез мастеров в своей карете. Оказалось, были еще и дополнительные условия: отныне графу не полагалось спускаться в свой собственный подвал — а в комнатке около входа в него, очевидно, не полагаясь на честное графское слово, в три смены дежурили люди барона, все поголовно с физиономиями, на которые не стоило лишнего раз и смотреть, особенно ночной порой.

Предприятие заработало. Первые дней десять, правда, барона это немного утомляло — к нему, что ни вечер, заявлялся крохотный человечек в мундире (уже, кажется, другой, с ухватками опытного сыскаря) и несколько часов изводил вопросами о Ронеро: от флота до экономики, от системы правления до придворных нравов. Граф убедился, что имеет дело с совершеннейшим чужа-

ком, не знавшим о стране элементарный вещей, но отвечал исправно, благо за каждую такую беседу получал небольшую премию в виде тех же золотых слиточков размером с ноготь. Потом мучитель исчез навсегда. Тот, первый, еще заходил два раза за две недели, полное впечатление, с визитом вежливости (а то и присмотреть, как идут дела), но потом пропал и он.

Крохотных простолюдинов для забав граф выпросил у него в последний раз по совету барона. Человечек, в общем, особого неудовольствия не выказал, усмехнулся только:

— Я вижу, и здесь наши обычаи схожи...

И примерно через неделю доставил требуемое, предупредив лишь, что посторонним эти зрелища показывать ни в коем случае не следует. Иначе последствия будут теми, о которых уже предупреждали.

Граф оказался не только любопытным, но и гораздо хитрее, чем, должно быть, полагали крохотные собеседники. Уже в первую же ночь он осторожно вытащил из клетки одну из женщин, и, многозначительно поводя перед ней раскаленной докрасна иглолкой, допросил как следует. Узнавши ровно столько, сколько Сварог уже прочитал в протоколах допросов.

Идиллия длилась примерно два месяца. Люди барона дежурили исправно, крохотульки больше не появлялись, вознаграждение через барона поступало. Так что граф чуточку разболтался. И стал приглашать к себе на редкостное зрелище старых приятелей, в которых нисколько не сомневался, — в том числе и Звездочета...

Вот такая была история. Графа и свидетелей его забав во избежание огласки упрятали в тихое местечко, откуда они могли выйти ногами вперед. А вот дальше... Собственно говоря, никто не знал, что делать дальше. Секретнейший совет в составе королевы Дайни, Асверуса, начальника тайной полиции, двух адмиралов и трех высокопоставленных чиновников из Морского бюро пришли к выводу, что они, собственно говоря, не продвинулись вперед ни на шаг. Обыскивать все дома, стоящие на берегу Итела (уже не было никаких сомнений, что подводные лодки плавают и по Ителу), было бы предприятием неподъемным. Где находится Токеранг, никто и примерно не представлял. Оставалось одно: обязать многочисленных лакеев, камердинеров и прочих кучеров, шпионивших за знатью по указке тайной полиции и второго стола дворцовой стражи, держать ушки на макушке и немедленно сообщать, если в каком-нибудь особняке вдруг обнаружатся крохотные человечки. Впрочем, был еще один вариант — река Гиуне, и относительно нее специалисты своего дела стали разрабатывать соответствующую операцию. В деле сохранился доклад оставшегося безымянным морского сапера, в котором он рискнул предположить: самый обыкновенный бочонок с порохом, взорванный в воде неподалеку от лодки, должен произвести на нее примерно такое же действие, как на рыбу, которую разгульные солдаты глушат гранатами...

Что до оставшихся в живых коротышек... Королева Дайни, умная и с успехом заменявшая мужа на троне, все же оставалась женщиной — и не могла пройти мимо такой игрушки. По ее приказу надежные мастера, не привыкшие болтать, быстро соорудили прозрачный кукольный домик из прочного хрусталя с кучей мебели и кухонной утвари, где в покоях Дайни крохотульки и были поселены. С приказом жить самой обычной жизнью — готовить еду, устраивать балы, а то и дуэли из-за женщин, заниматься любовью. Дайни, в

общем, не была ни зла, ни жестока — просто у Сварога осталось впечатление, что она не воспринимала их как людей. К тому же оказалось, что у них и души нет...

Министр тайной полиции, человек, с подозрением относившийся ко всему на свете, кроме своей королевы, тогда же письменно высказал свое особое мнение. Он-то как раз считал, что о подобной королевской забаве слухи рано или поздно могут дойти до тех, кого самое время начинать усердно искать. А потому лучше бы этим коротышкам куда-нибудь пропасть навсегда.

Дайни, увлеченная новой игрушкой, не соглашалась. Министр умел добиваться своего. Точных улик против него так никогда и не обнаружилось, но недели через две все обитавшие в домике крохотульки скончались от какой-то неведомой хвори. Докторов ради пущей секретности привлекать не стали (Сварог подумал: видимо, тогда Асверус и заполучил черепа, которые пошли на украшения в стиле модного тогда балерио).

Собственно, досье на том и кончалось. Остальное Сварог знал и так. Асверус со своим отрядом отправился к речке Гиуне. И вернулся аккурат к тому времени, когда в Академии Лилий случилось нечто жуткое. Учитывая, что окружавшее павильон озеро через целый каскад себе подобных и узких, но глубоких речушек, сообщалось с Ителом, там вполне могла пройти подлодка токеретов, вооруженная ракетами с отравляющим газом наподобие того, что применялся при штурме Батшевы. Концы в воду. Вряд ли младший брат короля Горомарте, вскоре воссевший на трон после смуты и неразберихи, был в створе с токеретами. Они, надо полагать, тут пребывали, недавно, не успели еще толком освоиться и забраться *так* высоко. Просто-напросто младшенький методично *вырезал* всех особо доверенных людей Дайни, как это сплошь и рядом случается при перемене царствования — так уж все совпало...

Одним словом, досье Асверуса исчезло за облаками на добрых сто двадцать пять лет. Практически все *важные* фигуры, к нему причастные, либо погибли, либо были чересчур озабочены собственным выживанием при новом короле. Сам Асверус умер на пыльной улочке с кинжалом в сердце. Не осталось никого, кто стал бы заниматься токеретами *ревностно*. Все эти сто двадцать пять лет шла, в общем, рутинная работа — редкие наблюдения подводных лодок в море или Ителе, редкие сведения (большой частью принимаемые за морские басни и легенды). Примерно то же самое происходило и в Снольдере — просто-напросто не нашлось человека, способного с головой уйти в проблему. Да и токереты за прошедшее столетие с лишним конспирировались не в пример лучше. И вместо примитивных подвалов, как в прошлые годы, понастроили, надо полагать, немало самых настоящих укрытий, наподобие того, что он видел в Фиарнолле. Или того, что взлетело на воздух при штурме Дике. И, надо полагать, сообщников среди людей у них уже имелось гораздо больше, чем сто лет назад. А если учитывать все непонятности, что творятся в Горроте... А поскольку хлопоты наши состоят не из одних токеретов...

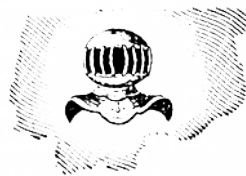
Он вздохнул, отодвинул досье и поднялся. Мяус, все это время неподвижно просидевший в углу, выжидательно пошевелился.

— Сведений от Щук никаких? — спросил Сварог.

— Я бы непременно доложил, государь. Поиски продолжаются, с крайней методичностью, как вы и приказывали.

Сварог подумал: а ведь сейчас, пользуясь передышкой, самое время слетать

в Гартвейн. Точнее, в Туарсон. Только сначала нужно через Интагара принять кое-какие меры, чтобы на сей раз предстать не в облике скромного канцеляриста...

Глава III

ЗЕМЛЯ И ВОДА

Сварог сидел под навесом того самого постоянного двора, где не так уж и давно наворачивал собачью еду из собачьей миски, да так, что за ушами трещало. Староста, степенно сложив руки на животе, стоял в двух шагах от него — все такой же, пожилой, с проседью, с лицом умным и хитроватым. Правда, хитрости сейчас почти не наблюдалось, а вот недоумение присутствовало в полной мере.

Сварог невозмутимо огляделся по сторонам. Крестьяне стояли на почтительном расстоянии, уардов в триста, тесно заполнив выходящие на площадь улочки. Никто их не гнал, просто они, должно быть, по известной привычке старались держаться подальше от любого начальства, от которого, откровенно говоря, деревне всегда одни неприятности — а тут изволил пожаловать сам король, пусть и не в королевском блеске, в достаточно скромном темном камзоле, темных штанах и сапогах без церемониальных золотых шпор. На шее у него, правда, висел единственный орден, сегурский, Морских Королей — ну да в таких делах нужно хотя бы минимумом обозначить, у короля должна болтаться на шее хотя бы одна орденская цепь, это всем известно... это как-никак не пресловутое «хождение в народ», когда можно вырядиться хоть свинопасом...

Далеко вокруг была совершеннейшая тишина. По окружности площади, примерно меж Сварогом и крестьянами, стояла редкая цепочка Черных Егжей, а шагах в двадцати справа теснилась кучка самых разных людей: ошалевший от верноподданнического ужаса губернатор, лицезревший коронованную особу впервые в жизни, невозмутимый Интагар и с полдюжины его людей, неизбежный министр двора и Элкон, щеголявший в чуточку мешковатом мундире дворцовой стражи, — потому что весь, от пяток до ушей, был увешан компактной сложной аппаратурой — поскольку был оптимистом и надеялся с ее помощью хоть чего-нибудь добиться. Сам Сварог особенного оптимизма не испытывал.

— Садитесь, староста, — сказал Сварог, указывая на лавку напротив. Староста даже отшатнулся:

— Никак невместно в присутствии вашего королевского великолепия... Вон, господа министры стоят, как придорожные столбики...

— Разговор у меня не с ними, — сказал Сварог терпеливо. — И мне, между прочим, неудобно пялиться на вас снизу вверх, задрав шею — скамейка низенькая, а вас бог ростом не обидел... — и вполне привычно подпустил в голос королевского металла. — Король вам приказывает сесть, жамый. А повеления короля положено выполнять... Ну?

Тут только староста решился, осторожноенько присел на край скамейки. Глаза у него были умные и печальные.

— Что ж нас эти, из губернии, заранее не предупредили... — сказал он мрачно. — Гирлянды бы развешали, плошки зажгли, девки в праздничных нарядах станцевали бы, как полагается...

— К чему вся эта суета? — усмехнулся Сварог. — Я к вам всего лишь ненадолго заехал по делу. Совсем недавно уже заезжал один раз, только одет был гораздо скромнее. Помните, надеюсь?

Староста осторожно пожал плечами с таким видом, словно никак не мог сообразить, должен он помнить прошлый визит Сварога или нет. Глаза стали еще более печальными.

— Послушайте, жамый, вы меня боитесь? — напрямую спросил Сварог. — У меня вроде бы нет особо жуткой репутации тирана, и по капризу души, мое слово, просто так на воротах не вешаю... А станьте-ка поразговорчивее, король велит...

— Да я и не знаю, как полагается с королями разговаривать, — ответил староста осторожно. — Я и губернатора-то сегодня увидел впервые в жизни... Крестьянин, извольте ли знать, всего непонятого бояться приучен. Поди пойми, с чего оно такое... А когда ваше величество заезжает вот так запросто, не церемониальным проездом и даже не на охоту...

«Логично, — подумал Сварог. — Непонятное всегда пугает — и порой людей повыше этого деревенского анахорета...»

— Ну, постараемся развеять все непонятности, — сказал Сварог. — Так выпало, любезный староста, что я ищу одного человека, который часто бывал в Туарсоне и, по некоторым сведениям, с вами был вроде бы в неплохих отношениях... Знаком вам такой господин Вингельт? Повыше вас, но помоложе лет на двадцать, в последний раз он был в охотничьем костюме...

— Много здесь охотников бывает, — сказал староста. — Такая уж дорога — напрямиком из Гартвейна в Каталаун. Многие ездят.

— Значит, не помните?

— Не припоминаю что-то.

— А вот теперь вы врите самым наглým образом, — сказал Сварог. — Допускаю, что наслушались обо мне всяких дурацких рассказней, но если слышали, что я умею отличать правду ото лжи, то на сей раз вам нисколечко не соврали. Умею. Врите. Как нанятой. Знаете вы его... Когда тут у вас не так давно выступали бродячие фигляры, стояли вы рядом, как хорошие друзья, да и с площади ушли вместе... Или этого тоже не было?

— Было, ваше величество, — сказал староста. — Только человек-то вроде неплохой, мою старшую от трясовицы вылечил, не пойму, к чему вздумалось за ним гоняться...

— А почему вы решили, что за ним *гоняются*? — быстро спросил Сварог. — Вы вообще видите что-нибудь похожее на погоню? Ну?

— Как вам сказать, ваше величество... Когда в деревне начинает твориться даже и не поймешь что... То сам король, переодетый канцеляристом, увозит Бетту вместе с семейством — а ведь безобидные люди были! — и потом опять появляется уже в виде короля, тут уж даже не знаешь, что и думать... У нас в деревне одно желание: жить бы спокойно, и чтоб никто не тревожил...

— Знаете, староста, чем отличается глупый король от умного? — спросил

Сварог. — Глупый подбоченится, побагровеет весь и ну давай орать: «Запорю! Повешу! Голову долой!» А умный король, голоса не повышая, скажет примерно следующее: это от вас от самого зависит, жамый, останется деревня и дальше сто лет жить спокойно или спокойной жизни настанет конец... Для вас первого. А у вас должность не такая уж и хлопотная, от людей уважение, хозяйство немаленькое, две внучки...

— Ваше величество, — едва слышно произнес староста. — Да что ж я вам сделал-то?

— Мне? Ничего, — сказал Сварог. — Не считая того, что врете. Хорошо. Будем считать, что человек неплохой. Я и не говорю, что он чем-то плох. Просто-напросто сложилось так, что он мне крайне необходим. И если вы дальше будете врать — уж не взыщите... Король — должность суровая... В особенности, когда им движет не каприз, а неотложное дело... Человека поглупее я бы стращать начал разными ужасами, да вы ж умница, иначе столько лет в старостах не продержались бы... Сами все должны понимать. Ну? Давайте-ка о Вингельте. И не врать.

Староста тяжело вздохнул:

— Тут и сказать почти нечего...

— Посмотрим, — сказал Сварог. — Только учтите: терпение мое кончилось.

Староста, поерзывая на скамейке, то поднимая глаза, то опуская в пыль, заговорил. Вингельта он знал лет пять и, хотя никогда не задавал никаких вопросов, сам лично полагал его небогатым дворянином из Гартвейна. Именно из Гартвейна — там его, случилось, раз несколько в год встречали выезжавшие туда на ярмарку сельчане... А сам Вингельт частенько, раз в два месяца, а то и почаще, проезжал из Гартвейна охотиться в Каталаун — и всякий раз возвращался с добычей, если была крупная, то, по старому охотничьему обычаю, тому сему раздавал часть. Иногда останавливался на туарсонском постоялом дворе, иногда нет, торопился. Если останавливался, обязательно посиживал со старостой в корчме за парой кружек.

По мнению старосты, человек был, хоть и не богатый, но *основательный* — и о жизни с ним поговорить можно было серьезно, и толковый совет послушать, и травником он был неплохим, внучку вон от трясовицы вылечил, и другим, бывало, помогал. И вот уж в чем староста готов поклясться, ни с разбойниками не имел ничего общего, ни с контрабандой.

— И пояс дворянский носил? — спросил Сварог. — И перстень?

— Чего не было, того не было. Ну, да в нашей глуши многие и не носят: бывают бедные и чванливые, а бывают бедные, да простые... Ну, что еще? С девками любил пошутить и перемигнуться, но никогда не охальничал, как иные благородные, ежели понимаете, о чем я... Иным, бывает, наплевать, что село фригольдерское, порой случаются загвоздки...

— Все рассказали?

— Да все вроде.

— Опять врете, — сказал Сварог. — Я ведь, кажется, говорил, что терпение мое кончилось? — он холодно усмехнулся: — Не бойтесь, на воротах никого вешать не буду. А только так уж вышло, что с большого тракта аккурат по вашим местам идут к гланской границе три сотни Вольных Топоров. Определяю их к вам, пожалуй, на пару недель на постой. Людям и коням отдых нужен. Казарм у вас нет, ну да по домам разместим как-нибудь...

Вот теперь он без всякого сочувствия увидел у старосты на лице непри- творный ужас. Двухнедельный постой трех сотен Вольных Топоров. И в такой вот деревушке — это, конечно, не конец света, но и не детский праздник в уве- селительном парке...

— Ваше величество... — пробормотал староста, бледнея.

— Ну, кто же виноват, что вы по-хорошему не хотите? — усмехнулся Сва- рог. — Притом, что вопрос у меня один-единственный. Какое-то время назад, я уже говорил, у вас останавливались на денек подзаработать бродячие фигля- ры. С ними был пес. В тот же день вы их отсюда вышибли — ну, надо сказать, не столь уж грубо, могло быть хуже... А вышибли оттого, что опознали в их со- баке не просто пса, а оборотня. Верно?

— В-верно... — прошелестел староста.

В самом старосте Сварог не чувствовал магических способностей, ни на каплю. А потому, не давая старику опомниться, продолжал:

— Вы опознали, или Вингельт?

— Вингельт, — с тяжким вздохом признался староста. — Так и сказал мимо- ходом: а вы знаете, жамый, собачка ихняя вовсе не собачка, а обернутый в со- баку человек. А мы здесь у себя такого не любим. Вы не подумайте, Вингельт с черной магией не знается, ничего за ним такого, иначе б я и сам его в село сро- ду не пустил. Просто... Ну, *знает* он чуточку. Это ж не черная магия и не магия вообще. Знает человек по мелочам того и сего, вот и весь сказ... Уж это в де- ревне испокон веков терпят, оно ж большей частью безобидное, а то и к поль- зе...

— Все рассказали?

— Все! — истово воскликнул староста.

— Вот теперь — верю, — сказал Сварог. — Посмотрите вон туда. Видите мо- лодого человека в сером кафтанчике? Вы уж его, как только я уеду, пристрой- те слугою в корчму. У вас, я слышал, тамошнего слугу только что полиция *при- няла* за шашни с теми ребятами, что таскают через границу туда-сюда вся- кую всячину. И не распахивайте глаза так удивленно, мне лучше знать. В об- щем, устройте его в корчму, найдите, где ему голову преклонить, он парниш- ка простой, небалованный. И чтобы ни одна живая душа не знала, что он от меня. И если, паче чаяния, объявится Вингельт, вы парнишке тут же сообщите, — он положил старосте руку на плечо и задушевно сказал: — А если хоть чего-то из этого не выполните, то лучше бы вам на свете не родиться, и Туар- сону тут не строиться... Уяснил?

— Чего уж там, — угрюмо отозвался староста. — Люди, правда, болтать нач- нут...

— Вы на то и староста, чтобы сделать так, чтобы не болтали, — жестко ска- зал Сварог. — Придумайте сами что-нибудь подходящее, сам парнишка помал- кивать будет, он болтать не мастак... Да, вот что. Люди ведь заметят, что вы с нашего разговора смурной вернулись, уж это непременно. Вот вы им и скажи- те почти что правду: мол, его величество хотел у вас на пару недель Топоров расквартировать, да вы, собрав всю житейскую сметку, его отговорили... Иди- те уж. И хорошенько помните, что шутить я не люблю, но если уж возьмусь — то впереди все разбегается, а позади все рыдает...

Он поднялся первым и, не оглядываясь на старосту, направился к своим. На душе было снова чуточку мерзко — еще одного, неплохого, в принципе, мужи-

ка, петлей страшал. Но что тут прикажете делать, если Вингельт вдруг да объявится? Вряд ли он обладает провидческим даром, вряд ли предвидел появление Сварога в облике собаки и — а значит, скорее всего, и правда жил в Гартвейне, надо будет и там для очистки совести запустить частый невод. Человек не исчезает бесследно, даже такой *примечательный*, могут остаться ниточки, привязки, следочки...

Все стояли неподвижно, только Элкон нетерпеливо пошел навстречу. Сварог уже знал, когда у юного сподвижника бывает такое лицо. И спросил тихо:

— Засекли что-нибудь?

— Абсолютно ничего, — ответил Элкон. — Но из Хелльстада отличные новости...

— По коням! — распорядился Сварог.

Не стоило и уточнять, что за новости. В Хелльстаде последние дни занимались одной-единственной проблемой...

Прежде чем подойти к коноводам, он все же задержался на минутку, отвел в сторону Интагара и спросил:

— Какую легенду подобрали парню? Он нынче же станет объектом самого пристального интереса...

— По-моему, неплохо, — сказал Интагар. — Он у нас — племянник и единственный наследник некоего барона из Равены. Вот только кутежами, вексельями и прочими прелестями разгульной жизни так разозлил дядюшку, что тот наследства лишать его все же не стал и отречься не стал, чтобы не пресекался род, но наложил наказание: молодой человек должен год проработать в самой что ни на есть глухой провинции, пробавляясь самым простым трудом. А там посмотрит на его поведение. Такая версия как раз вызовет не подозрения или недоверие, а любопытство. Сам староста, конечно, ни капельки не поверит...

— Не сомневаюсь, — сказал Сварог. — И черт с ним. Вовсе не обязательно, чтобы он верил. Главное, чтобы разнес по деревне нашу версию и не проболтался о настоящей. Поговорите-ка и вы с ним, Интагар. Я вроде бы произвел на него должное впечатление, и тем не менее... Самое смешное, что мои угрозы могут не возыметь на него должного действия. Исключительно оттого, что он впервые в жизни сталкивается с королем, и королевский гнев для него — понятие отвлеченное, не вполне укладывающееся в сознание и прежний житейский опыт. А вот полицейский не особенно и высокого чина — это как-то ближе, проще и понятнее...

Интагар, наряженный в мундир городской полиции с нашивками секретаря, то есть приравненного к армейскому сержанту мелкого чиновника, кивнул:

— Пожалуй что, государь. А потом — в Гартвейн?

— Именно, — сказал Сварог. — Наводните его агентами, насколько удастся. Вингельт никак не предполагал, что ему придется *внезапно* сменить место жительства, он жил там достаточно долго и должен был обрасти приятелями, добрыми знакомыми из *непосвященных*, а значит, могут отыскаться хоть зыбкие, но следочки... Удачи!

Он принял поводья у ликтора и вскочил в седло, с ходу дал коню шенкеля.

...Про Ихтиандра, коллегу некоторым образом, он вспомнил в самый по-

следний момент, когда уже собирался нырять под воду, — а потому, не раздумывая, подозвал одну из Щук и без особого труда взгромоздился на нее верхом. Рыбина была здоровенная, уарда в полтора, так что сиделось у нее на загривке не особенно и удобно, но надежно. В самом деле, какой смысл расхаживать пешком по дну, если под рукой есть верховые щуки?

— Ты там поосторожнее, — сказала Яна, стоявшая у самого берега — конечно же, в сопровождении охраны из живых псов и летающих механизмов.

— Как обычно, — сказал Сварог и отдал мысленную команду.

Щука медленно погрузилась, и, когда над его макушкой сомкнулась вода, стала плавно спускаться вниз, к самому дну (глубина Итела здесь, как и везде, была приличная, уардов тридцать), еще четыре двинулись следом в качестве охраны — он и правда собирался быть предельно осторожным. Мало ли какие сюрпризы мог таить подводный вход в пещеру...

Дно здесь было ровное, каменистое. Щука плыла уардах в двадцати от левого берега, крутого откоса. Сварог, напрягая «совиное зрение», как ни всматривался, не мог рассмотреть ничего, походившего бы на крышки огромных люков — впрочем, и в Гаури, и в Фиарнолле выходы были замаскированы отменно, рядом стоя — не разглядишь. Сначала ему мешало, что ноги как-то нелепо болтаются, но потом он догадался переплести их под щучьим брюхом, и сразу стало уютнее.

Вскоре щука остановилась, удерживаясь на месте против течения сильными движениями хвоста и плавников. Отплыла едва ли не на середину реки, развернулась носом к левому берегу — на первый взгляд, сплошному каменистому откосу. Вторая, остановившись рядом, испустила конус бледно-сиреневого сияния, он разрастался, ширился, пока не уперся в берег. Стал еще шире.

Внутри него проявился тонюсенький, словно паутина, идеально ровный круг уардов пяти диаметром — первый из тщательно замаскированных люков, располагавшийся над самым дном. Совершенно такой же, как на тех двух базах, где он побывал. Не колеблясь, Сварог отдал Щуке приказ возвращаться. Не было смысла осматривать все люки подряд, достаточно знать, что их тут двадцать — при нужде можно моментально выпустить в реку целую флотилию.

Он уже видел карту, составленную Золотыми Шмелями: под самым «потолком» пещеры, если можно так выразиться, слева, если стоять лицом к Ителу на левом берегу, располагалась еще одна пещера, геометрически правильный параллелепипед длиной в полторы лиги, шириной в четыреста уардов и высотой в сто. Судя по форме, эта пещера была насквозь рукотворная. Верфь и база для подводных лодок. Труды в нее должны быть вложены колоссальные, учитывая, что все грузы приходилось поднимать под потолок на высоту уардов трехсот — но у него давно уже сложилось твердое убеждение, что короли Токеранга, подобно фараонам, строителям пирамид, рабочего люда не жалели, не считали и слова «невозможно» терпеть не могли... Делать здесь больше было нечего, и он приказал Щуке подняться вверх, довольно ловко перепрыгнув с ее спины на берег. Яна терпеливо сидела на траве, неподалеку стоял Вентордеран, а поодаль, естественно, полукругом расселись гармы, высоко в воздухе кружили Золотые Филины, и вовсе уж под облаками парил Дракон.

— Ну, что там? — спросила Яна, оживившись.

— То, что и следовало ожидать, — сказал он. — Два десятка люков, сквозь

которые они уходят в Ител. И только-то.

— А почему ты такой невеселый? Мы же теперь знаем...

— Ну и что? — пожал он плечами. — Не столь уж великое достижение.

— Почему?

— Потому что входа с земли мы так и не нашли пока, а он должен существовать, — терпеливо пояснил Сварог. — Ты видела карту их базы? Ну вот... Сама по себе та база — пустячок, о котором и говорить смешно. Всего и дел — подогнать «Рагнаррок», разнести в пыль и лодки, и вообще этот кусок берега, а потом столь же качественно разнести все, что внутри. Мы лишим их подводных лодок — и только. К тому же наверняка не всех — какие-то сейчас должны плавать черт-те где. Чем они могут ответить — неизвестно. Что вообще есть у них там, в пещере — неизвестно. Сколько баз они устроили на Таларе, сколько людей на них работают и какие посты занимают — неизвестно.

— Выходит, дела скверные? — тихо спросила Яна.

— Да нет, пожалуй, — подумав, ответил Сварог. — Скверное — то, что мы о них ничегошеньки не знаем. Вот если бы у меня были пленные, если бы я смог провести разведку в Токеранге, дело упростилось бы невероятно. Хорошо хоть, Канцлер работает вовсю...

Канцлер зря времени не терял. Вторую неделю его Технион штамповал орбиталы с излучателями, способными покрыть всю планету полем, в зоне действия которого невозможны ядерные реакции — а значит, и ядерные взрывы. Так что у токеретов больше не получится шантажировать взрывами атомных бомб в земных городах. Правда у токеретов есть еще боевые отравляющие вещества, против которых пока что ничего не удалось придумать. И вот что еще: *Хелльстад* от взрывов ядерных бомб нисколечко не застрахован, на него не распространяется действие этого самого поля. А собственные защитные системы прикрывают только оба замка. Вообще, как ни копался Сварог с помощью Мяуса в компьютерах, как ни терзал вопросами Золотых Обезьян, нигде не обнаружил каких бы то ни было *планов* военных действий. Фаларен создал внушительную армаду разнообразных механических тварей, вооруженных весьма неплохо, завод способный быстро восполнять потери в технике, — но ничего похожего на военные планы не отыскалось. И здешние компьютеры не могли составить их самостоятельно, не имея соответствующих программ — а Сварог попросту не умел сочинять компьютерные программы. Ну, а то, что Элкону удалось обнаружить в компьютерах Империи, касалось совсем *других* войн, с другим оружием, другой тактикой — и Сварог никак не мог их стащить и переделать под свои нужды. Планы войн с массированным использованием танков просто-напросто невозможно переделать под нужды военно-морского флота, и наоборот. Примерно такая ситуация. Видимо, Фаларен, если и в самом деле планировал большую серьезную войну, собирался командовать лично, без всяких компьютерных программ, Бонапарт долбаный...

— Главное сейчас — даже не те лилипуты, что суетятся где-то у нас под ногами, — сказал он, похлопав ладонью по земле. — Главное — в Горроте. Токереты начнут какую-то агрессию только в одном-единственном случае: когда и они, и их техника приобретут нормальные размеры. Должны понимать, что в нынешнем виде мы их перещелкаем, как Оклер тех, у Дике. Знать бы, в каком состоянии у них энергосборник...

— Ты уверен, они его все же монтируют?

— Процентов на девяносто девять, — сказал Сварог. — Во-первых, подбор участников соответствующий. А во-вторых, усматривается лишь один взаимовыгодный нюанс, заставляющий их стать союзниками. Проект «Нормальный размер». Брашери и его кучка обормотов получают нештучную военную силу, а токереты — нормальные размеры, — он фыркнул. — Правда, у меня есть сильные подозрения, что токереты, добившись желаемого, своих «друзей» из Горрота очень быстро перерезали бы — чего стоит услуга, которая уже оказана... Черт, а это еще что такое? Ну, прямо проходной двор устроили какой-то...

Яна взглянула туда, куда он показывал. Посередине реки довольно быстро, искусно маневрируя парусами, продвигалось небольшое суденышко, одномачтовый куттер.

— Очередные искатели приключения... — сказал Сварог тоном, не сулившим ничего хорошего незваным гостям. — Сейчас я им устрою, благо настроение скверное...

— Только жестокостей не надо! — воскликнула Яна.

— Ты у меня добрая и жалостливая, — усмехнулся Сварог. — Но вот интересно, тебе бы понравилось, начни шляться по Келл Иниру незваные гости, долбить стены в твоих покоях в поисках кладов, красть серебро с кухни? К тому же, обрати внимание — флаг у них лоранский, сине-зеленый с белой каймой. А уж лоранцы наши старые неприятели. Мои подданные уже как-то отучились в Хелльстад шастать, а этим все нейметса... — он перехватил умоляющий взгляд Яны. — Ладно, ладно, я до сих пор никого на съедение глорхам не отдал и даже не выпорол ни разу — вышибал за пределы и только. Посмотрим, что это за нахалы...

— Только, я тебя прошу...

— Успокойся, — сказал Сварог. — Ничего страшного не будет. Может, они нас повеселят хоть чуточку...

Он поднял руки перед лицом, сложил пальцы особым образом, прошептал нужные слова — хелльстадская магия, доставшаяся ему в наследство, вложенная в голову королевской серебряной тиарой. Теперь вовсе не обязательно иметь ее на голове, она и так всему научила...

Суденышко вдруг развернулось под углом девяносто градусов, на полном ходу, взметнув буруны с обоих бортов — и по прямой направилось к тому месту на берегу, где стояли Сварог с Яной. Прекрасно можно было рассмотреть, как трое обормотов пытаются что-то сделать с парусами — но это кораблику помогло, как мертвому припарки, он целеустремленно неся к берегу, поднимая волну не хуже торпедного катера. Замедлил ход, развернулся левым бортом, причалил к берегу. Над ним тут же принялись бдительно кружить два Золотых Филина, опускаясь чуть ли не до самой верхушки мачты.

Их разделяло всего-то уардов десять, и всех, кто стоял на палубе, можно было рассмотреть без труда. Трое субъектов, сбившихся в кучку у мачты, выглядели классическими речными моряками. Судя по физиономиям, не особенно-то и отмеченным печатью интеллекта, они себя не помнили от ужаса.

Четвертый выглядел поинтереснее — юнец немногим старше Элкона, в дворянском, хотя и изрядно потертом платье с потускневшими галунами и бадагаре с пообтрепавшимся пером, при золотом поясе и мече. На эфесе которого он и держал сейчас руку — тоже, сразу видно, испуганный, но пытавшийся сохранить достоинство и даже горделиво вздеть подбородок. Белобрысый

сопляк, чем-то неуловимо напомнивший Сварогу князя Рута — и у него вдруг схлынуло все раздражение.

— Вон, посмотри, — шепнула Яна на ухо Сварогу. — У него на левой руке, у плеча, лента повязана...

Сварог присмотрелся и откровенно фыркнул. Действительно, на руке у левого плеча незваного гостя красовалась завязанная красивым узлом желто-розовая, кажется, атласная лента. Надо же, кого к нам занесло...

— Ой, как интересно... — шепнула Яна Сварогу. — Я про такое только в книжках читала...

Сварог тоже что-то такое мельком читал в книге по древней истории — а вот собственными глазами ни разу не видел представителя данной экзотической породы — отважного рыцаря, пустившегося совершить подвиг во славу своей прекрасной Дамы, чьи цвета и носил на плече. Традиция эта исчезла давным-давно, не те на дворе стояли времена, и отважные рыцари, украсившие себя лентой своей дамы, давненько уж повывелись. Разве что какой-нибудь особо эксцентричный любитель старины и блюститель древних традиций пытался предпринять нечто подобное — но чаще всего подвергался лишь насмешкам окружающих, а то и полицейским штрафам...

Не поворачивая головы, Сварог отдал мысленный приказ — и ближайший гарм возник уардах в десяти от них, уселся, расставив передние ноги и наклонил голову, с нехорошим интересом разглядывая пришельца. И уж безусловно, перехватил бы его в мгновение ока, вздумай он пырнуть Сварога своей старинной железкой с эфесом устаревшего фасона. Некоторую осторожность соблюдать все же следовало. Мало ли какие тараканы могли оказаться в голове у продолжателя древних традиций — ну, скажем, убить короля Хелльстада и по праву ваганума завладеть его королевством. У самого Сварога при себе не было никакого оружия, да и Яна стояла рядом.

При виде гарма, разглядывавшего странников с явной неприязнью, моряки и вовсе плюхнулись на корточки. Юнец благородного звания тоже стал невесел, но изо всех сил старался держаться с достоинством — стойкий оловянный солдатик, но тут и без него хлопот полон рот...

Когда Сварогу эта немая сцена откровенно надоела, он попросту спросил:

— Не соизволите ли представиться, лаур?

Юнец отчеканил:

— Моден, герцог Кормик. В свою очередь, позволю осведомиться, с чем имею честь?

— Сварог Барг, король Хелльстада, — сказал Сварог самым будничным тоном. — Думаю, и в Лоране обо мне чуточку слышали...

Судя по изменившемуся лицу юного герцога, слышали немало, и массу интересного... Однако он и теперь держал фасон. Церемонно раскланялся перед Яной:

— Не соблаговолите ли, прекрасная дама...

— Леди Вита, моя невеста, — сказал Сварог, которому эта интермедия уже начинала надоедать. — Итак, любезный герцог... Получается, вы самым что ни на есть незаконным образом проникли в мое королевство?

Юный герцог улыбнулся почти весело:

— Простите, ваше величество, но мы нигде не встретили на ваших рубежах ни полиции, ни речной стражи...

С точки зрения юридического крючкотворства он был прав — ничего подобного у Сварога до сих пор не водилось. Ну к чему Хелльстаду речная полиция и пограничная стража?

Уже откровенно забавляясь, он сказал:

— Но вы могли бы, по крайней мере, обратиться в мое посольство в Лоране и взять подорожную...

На лице юнца изобразилось нечто среднее между конфузом и удалью:

— Простите, государь, но как-то уж там исстари повелось, что *сюда* ездят без подорожных...

— Ну, это знаете ли, герцог, издержки прежнего царствования, — сказал Сварог. — Когда во многих областях жизни царил форменный беспорядок. Сейчас с этими пережитками прошлого мы боремся, и довольно успешно... А потому, тысячу раз простите, выглядите вы крайне подозрительной личностью: заявили сюда без подорожной, без нашего королевского соизволения... Кто знает, какие у вас планы? Быть может, вы замыслили покунуться на нашу королевскую особу, учитывая, что ваша очаровательная королева уже четырежды пыталась это устроить...

Герцог выпрямился с комической важностью:

— Ваше величество, слово дворянина: у меня не только в мыслях не было покушаться на вашу особу, но и злоумышлять что-то против вашего королевства...

Он не врал, так что можно было чуточку расслабиться. Хотя на всякий случай сидевший тут же гарм получил категорический приказ: если визитер схватится за меч или кинжал, оторвать ему голову к чертовой матери. Ну, а попытайся он напасть на Яну, Филины и без особой команды оставили бы от него кучку пепла...

— Подойдите, — сказал Сварог. — Этой милой собачки и кружащих у вас над головой птичек можете не опасаться, *мирных* странников они не трогают. Если вы из них, я не намерен причинять вам зла, хотя у вас и нет подорожной... Но не оставите ли оружие на корабле?

Юный герцог без всяких протестов расстегнул пряжку. Пояс с мечом и кинжалом стукнулся о палубу. Ловко перепрыгнув на берег, незванный гость еще раз раскланялся по всем правилам этикета:

— Ваше величество, леди Вита...

— А как ее зовут? — с любопытством спросила Яна, указав взглядом на романтическую ленту.

Лицо юноши, как у всякого пылкого влюбленного, стало восторженно-глупым, и он, воздев глаза к небесам, почти прошептал:

— Дарлина, маркиза Оранди...

Яна с неприкрытым любопытством продолжала (обожательница женских романов, ага!).

— И какой же подвиг вы собрались совершить в ее честь? Убить какое-нибудь из обитающих здесь чудовищ и привезти голову, чтобы Дарлину за вас выдали?

— Увы, леди Вита... — с нескрываемой грустью ответил герцог. — Эти былинные времена давно позади. Боюсь, если бы я так даже и поступил, маркиз Оранди лишь расхохотался бы и посоветовал оттащить эту голову в музей, где за нее, может, и дадут пару золотых... Он, знаете ли, очень приземленный че-

ловек, у него две больших флотилии торговых судов для морских перевозок, фарфоровые фабрики — благо на его землях есть необходимое сырье — мало того (он понизил голос) не без оснований твердят, что маркиз состоит тайным пайщиком в трех банках, что для дворянина вообще-то считается позорным, но в последнее время, увы, получило большое распространение... Боюсь упасть в ваших глазах, леди Вита, но цель моего путешествия гораздо более приземленная, нежели в старые времена...

Понятно, подумал Сварог, еще раз оглядев потускневшие галуны на потертом камзоле. Больше шансов имеет преуспевающий делец и банкир, чем живущий по заветам предков благородный лаур. А у вас, молодой человек, сразу видно, блоха в кармане да вошь на аркане. И ручаться можно, что для вашей обожаемой Дарлины папенька давным-давно подыскал гораздо более приемлемую с его точки зрения партию, нежели голодранец, пусть и с герцогским титулом...

Послав Сварогу многозначительный взгляд, Яна вдруг предложила:

— Любезный герцог, не отобедаете ли с нами? Честное слово, в нашем замке вам ничего не грозит, большая часть ужасов, что рассказывают о Хелльстаде, преувеличена... Мне было бы очень интересно выслушать вашу историю, она наверняка романтична и увлекательна...

«Ну вот, началось, — беззлобно фыркнул про себя Сварог. — Еще в невестах состоит, а уже распоряжается, как у себя дома. Вообще-то парнишка и в самом деле выглядит так, словно последние пару дней и не ел толком... Ладно, в конце концов, никакой опасности от него не исходит, а обедать все равно пора...»

Юный герцог заметно покраснел:

— Леди Вита, я благодарен за столь высокую честь, но боюсь, что мой убогий наряд будет неуместен за королевским столом...

— Глупости, — сказал Сварог. — Мы здесь иногда мало придаем значения торжественным церемониям. Пойдемте.

Герцог в конце концов не заставил себя долго уговаривать. Разумеется, Вентордеран его потряс всеми своими чудесами и красотами, как и многих, но он старался держать фасон и не выглядеть деревенщиной, нечаянно угодившей в высокие хоромы. Сварог велел золотым болванам накрыть стол в малой столовой — собственно говоря, одном из кабинетов, где он с соратниками порой обсуждал текущие дела за едой, — и не увлекаться изысканностями. Хотя герцог и держался в рамках строгого этикета, предписывающего дворянину вести себя за королевским столом со всем возможным изяществом манер, но незаметно для себя ел за троих. Первое время он все же украдкой бросал и вокруг, и на соседей по столу настороженные взгляды — наверняка боялся, что Сварог с Яной вдруг обернутся мерзкими чудовищами и им самим закусят на десерт, — но понемногу освоился.

Когда подали вино, он, к радости скрывавшей нетерпение Яны, разговорился. История оказалась достаточно банальная, хотя и с поправкой на специфику здешних мест.

Когда-то владения герцогов Кормиков были весьма обширны, но судьба сложилась так уж несчастливо, что во время нашествия Глаз Сатаны чуть ли не все они остались на *этой* стороне Великого Канала, в местах, откуда лоранцы бежали в панике, — а на той стороне оказались сущие клочки с парой деревень. Так что уже несколько поколений герцогов Кормиков, называя вещи

своими именами, пребывали в самой пошлой бедности. Ухлопав прихваченные при бегстве фамильные драгоценности, они все же построили некое подобие фамильного замка, но, судя по тому, как немногословен был юный герцог в описании того замка, хвастаться там было особо и нечем. Помянутый маркиз Оранди, наоборот, ничего не потерял из своих немаленьких владений, граничивших с остатками былой роскоши Кормиков. Ну, и дальше все протекало довольно банально: мальчик, с девочкой, товарищи детских игр, выросли, превратившись в юношу и девушку — а там и пылкая любовь... Юного герцога никак нельзя было назвать мечтателем не от мира сего, и он прекрасно понимал, что маркиз дочь за него не отдаст ни за что.

И был достаточно практичен, чтобы не предлагать любимой излюбленное романистами тайное бегство с последующим венчанием: поскольку отлично знал, что содержать молодую жену ему просто не на что. Вот тут он и познакомился в столице с одним человеком, который определенно внушал доверие...

— Довольно, — сказал Сварог. — Можете не продолжать. Вы ему приглянулись, он был тронут вашей историей и за смешные, в общем, деньги продал вам верную карту богатого клада, зарытого в глубине Хелльстада... Правильно?

Герцог ошеломленно уставился на него:

— Откуда вы...

— Вечно одно и то же... — скучным голосом проворчал Сварог. — На ту же удочку попались, герцог. Сколько заплатили?

— Двадцать золотых денариев. Почти все, что у меня было. Едва хватило, чтобы нанять суденышко... — на его лице изобразилась нешуточная тревога. — Ваше величество, вы полагаете...

— Я не «полагаю», — сказал Сварог. — Я знаю. У меня хорошая тайная полиция... И по тюрьмам у меня — правда, в других королевствах — сидит немало таких умельцев. Не покажете ли карту? Ну да, великолепно состарена под раритет этак вековой давности, края разлохмачены, подпалины, пятна, прорехи... Определенно, кермельская работа. Они там как раз специализируются на картах с кладами, главным образом пиратских, но и Харум стороной не обходят. Фальшивые дворянские грамоты, документы Сословий и гильдий подделывают в Таурате, моя тайная полиция там накрыла четыре мастерских, но честно признала, что под корень не извела. Специализация у них, знаете ли. В одних городах стряпают фальшивые бумаги на корабли и грузы, в других — векселя и закладные... Мой министр тайной полиции как-то прочитал целую лекцию. В довесок, бесплатно, вам, конечно же, преподнесли убедительную историю и клада, и карты?

— Да, конечно, — сказал герцог, сидевший с убитым видом. — Как он рассказывал, лет сто назад некий дворянин проник в Хелльстад и отыскал сокровища, но его преследовали здешние чудовища, он был ранен, без пищи и воды, понял, что до Итела, где оставил суденышко, с тяжеленным мешком ни за что не доберется, что его настигнут раньше... Поэтому он закопал все в пещерке в горах, хорошенько запомнил место и из последних сил пустился к реке... Успел уплыть. Добрался до Пограничья, нарисовал карту, но рана опасно воспалилась, и он умер там же, на постоялом дворе... Карта прошла через множество рук...

Сварог иронически добавил:

— И почему-то никто так и не попытался завладеть сокровищем, в том числе и ваш продавец — сплошные трусы подобрались, надо полагать... Герцог, даю вам честное королевское слово: в Хелльстаде нет кладов. По крайней мере таких, о которых я бы не знал. Парочка закопана примерно в тех самых горах, где якобы лежит ваше мнимое сокровище, еще один — на берегу Итела, на границе с Ямурлаком... но одна старая колдунья, которой я всецело доверяю, утверждает, что от всех трех невыносимо смердит черной магией и советует обходить их десятой дорогой...

— Как же теперь... — прошептал герцог. Он не плакал, но был определенно близок к тому. — Нельзя не верить королевскому слову... Дарлина... Будущее... Он ее непременно выдаст за того старого скота, набитого денариями...

— Но должны же мы что-то для него сделать! — воскликнула Яна. — Что тебе стоит?

Сварог покосился на нее. Личико и глаза в точности такие, как если бы она смотрела сейчас один из множества романтических сериалов, на которые здешнее телевидение так богато.

Пожав плечами, Сварог установил правую руку локтем на столе, поднял указательный палец и повел им из стороны в сторону, тихонько приоткрылась дверь, и пару мгновений спустя в нее вплыл летевший высоко над полом густой ручеек золотых монет, происходивших из сундука в тронном зале. Передние достигли стола и стали кучкой громоздиться перед изумленно взиравшим на них герцогом. Кучка росла, росла, росла, звеня и похрустывая, стала высотой в локоть... Хватит, пожалуй, подумал Сварог, вполне достаточно для той цели, которую юноша перед собой поставил.

Чуть подумав, он еще раз пошевелил пальцами, и поверх груды золота легло ожерелье с крупными рубинами.

— Это вашей Дарлине — от меня, — сказал Сварог. Покосился на Яну и добавил: — От нас. Не бойтесь, золото самое настоящее, оно не превратится в черепки или еще какую-нибудь дрянь, когда вы покинете Хелльстад... Сейчас придумаем какой-нибудь мешок, тут слишком много, чтобы распихивать по карманам...

— Но ведь такое бывает только в сказках... — прошептал юный герцог, завороченно созерцая увенчанную ожерельем грудку золота.

— Не всегда, — пожал плечами Сварог. Он нагнулся над столом и впился в собеседника серьезным взглядом. — Вы знаете, герцог, я не добряк и не проstack. Просто... После некоторых из тех вещей, что мне приходилось делать, хочется иногда совершить и что-нибудь хорошее. Просто так. Бескорыстно. Чтобы девушка досталась тому, кто ее любит, а не набитому золотом старому скоту... И не вздумайте благодарить *униженно*, суетливо. В этом случае назад я у вас ничего не отберу, но уважать перестану...

Герцог отодвинул стул и встал, выпрямился, лицо у него стало серьезным и взрослым.

— Ваше величество, — сказал он, чеканя каждое слово. — Если вам когда-нибудь понадобятся люди, готовые за вас умирать, вспомните обо мне.

— Непременно, — сказал Сварог без тени улыбки. — Сейчас принесут какой-нибудь мешок... А потом я вас отправлю домой *короткой* дорогой.

— Как это?

— Увидите, — сказал Сварог. — Я тут прикинул: домой вам придется плыть

через Пограничье, Ямурлак и Харлан. Ну, Харлан — это еще куда ни шло, а вот в прочих местах одинокий человек с мешком золота может очень легко расстаться и с золотом, и с головой. Особенно когда его везет команда с такими рожами, как у вашей. И не спорьте. Мне пришлось побродить по этим веселым местам, когда я еще не был королем, и я знаю, о чем говорю... Считайте это единственным условием.

Герцог молча наклонил голову.

Что до Сварога, ему пришла в голову идея из тех, которые он иногда без ложной скромности называл гениальными...

— Садитесь, герцог, — сказал он. — Выпьем по бокалу за ваше удачное будущее. Мне вот тут пришло в голову... У вашего семейства не сохранились ли бумаги на утраченные владения?

— Конечно, ваше величество. Я слышал от бабушки, бегство было не столь уж и паническим, предки, как многие, успели собрать и фамильные ценности, и фамильные бумаги...

— Отлично, — сказал Сварог. — Хотите получить все ваши земли назад?

— То было многолетней мечтой рода...

— Вот видите, как все прекрасно складывается, — сказал Сварог. — От вас потребуется — или от вашего отца — всего лишь привезти эти документы в мою резиденцию... нет, не сюда, сюда достаточно трудно попасть. У меня есть еще резиденция в Пограничье, в Готаре. Условия, правда, будут... точнее, одно-единственное. В свое время лоранские земли по эту сторону канала остались бесхозными. Лоран убрал отсюда свою администрацию, спустил королевское знамя... так что с юридической точки зрения эти земли стали именно что бесхозными. И я присоединил их к своему королевству Демур. Вы, наверное, слышали, что в Трех Королевствах у меня очень много свободных земель, но мало людей... так почему бы не вернуть иные владельцам? Тем, которые могут свое право доказать? Но условие одно: вы выходите из лоранского подданства и переходите в демурское. В мое. Что вы сами об этом думаете, и что, по вашему, скажет ваша семья?

Герцог не особенно и раздумывал.

— Я полагаю, ваше величество, никто не будет долго раздумывать, — сказал он уверенно. — Коли уж речь идет о наших старинных фамильных землях. А что до лоранского подданства... — он горделиво задрал подбородок. — Девиз нашего герба с незапамятных времен звучит так: «Королей много, а Кормик один». Я думаю, никто не станет долго раздумывать, — он посмотрел затуманенным взглядом куда-то сквозь Сварога. — Может быть, и родовой замок сохранился... Я столько раз видел его на гравюрах...

— Между прочим, это касается не только вас, — сказал Сварог. — Я хотел бы, чтобы в Лоране знали: любой дворянин, который может подтвердить документами права на земли по эту сторону канала, получит их обратно. И не только дворянин — были и вольные города, и фригольдерские селения... Условие для всех одно: переход под демурское подданство.

...Герцога он отправил домой посредством компьютера Вентордерана: мэтр Лагефель, предварительно расспросив юношу, провел его в ту самую небольшую кабину, нажал кнопки — и словно бы открылась дверь на незнакомое подворье. Заглядывавший им через плечо Сварог увидел небольшой, нескладный домик — пусть и снабженный предметом дворянской гордости, балко-

ном, но мало походивший на фамильный герцогский замок. По двору неторопливо шагал пожилой человек, одетый непритязательно, но при дворянском золотом поясе.

— Отец! — что есть мочи закричал юный герцог и кинулся в «дверь», держа на весу немаленький мешок с золотом. Парой секунд позже он оглянулся, сообразив, видимо, что следовало поблагодарить еще раз, но, конечно, «двери» уже не увидел.

— Что ты так смотришь? — усмехнулся Сварог.

— Ты за краткое время столько добрых дел ухитрился сделать... — сказала Яна, глядя на него с уважением. — И свадьба у них будет, и столько людей получат назад свои земли...

— Ну, надо же когда-нибудь для разнообразия творить и добрые дела, — сказал Сварог с самым безмятежным видом.

На самом деле, на душе у него было чуточку неловко. Вполне возможно, взгляд Яны был бы не таким восторженным, знай она *истинные* причины. Конечно, подаренное герцогу золото — пустячок для закромов Сварога — и в самом деле было чистой воды благотворительностью, но вот что касательно возвращения земель их бывшим владельцам... Тут уж он не добрыми делами занимался, а самой что ни на есть грязной политикой. Подкладывал очаровательной королеве Лорана изрядную свинью. Едва пройдет слух, что король Сварог возвращает бывшие лоранские земли потомкам их владельцев при условии всего-то перехода в его подданство, прекрасная Лавиния многих подданных недосчитается. Как говорится, мелочь, а приятно. Небольшой ответный подарок за те пакости, что она ему устраивала, включая четыре попытки подослать убийц...

Глава IV

О ДРЕВНЕМ ВЕТРЕ И НЕ ТОЛЬКО О НЕМ

Старуха Грельфи никогда в жизни к публичности не стремилась, наоборот. Она и в Латеране подыскала себе небольшой домик, хоть и на приличной улице, но стоявший поодаль от суеты и многолюдства, упрятанный в глубине старого, заросшего сада. Так что Сварогу с Барутой пришлось долго ехать шагом по извилистым дорожкам, то и дело уклоняясь от нависавших над ними веток, а один раз Сварогу вообще пришлось спешиваться и поднимать сбитый корявым суком бадагар.

В небольшой прихожей на сей раз не толклись обычные старухины информаторы и агенты, всегда выглядевшие неприметными и неинтересными. Только в уголке, притворяясь дремлющим, старательно бдил здоровенный парняга — из тех, кого Грельфи подыскала еще в Пограничье. Сварога он, естественно, моментально узнал и почтительно принял подобие стойки «смирно». Небрежно махнув ему рукой и кивнув Баруте на соседний стул, Сварог стал подниматься на второй этаж по узкой, выгибавшейся дугой лестнице. Неизвестно — да и неинтересно — кто построил этот домик в аристократическом районе лет сто назад, но у него определенно были причины опасаться внезапного нападения: лестница примыкала к *правой* стене дома, а слева оставалось свободное пространство. Нападавшим, рвавшимся наверх, было бы трудно управляться с мечами — а вот защищавшему верхнюю площадку лестницы было бы гораздо сподручнее действовать оружием. Старый фокус, Сварог таких лестниц насмотрелся в гланских замках.

В комнате, служившей старухе кабинетом, вовсю шла работа: большой стол уставлен большими и маленькими ящиками наподобие тех, в которых почтари доставляют посылки. Грельфи, Элкон и девятый член команды, Янош, барон Тайрен, извлекали кучу разнообразных предметов, завернутых то в тряпки, то в мятую бумагу, осторожно, разворачивали, бегло осматривали, укладывали рядками на свободной половине стола.

Сварог придвинул ногой стул, уселся и сказал:

— Я вижу, с хорошей добычей?

Янош месяц провел на Сильване, старательно обходя антикварные лавки в больших городах, а временами в простонародном облике вместе с двумя помощниками отправлялся в близлежащие деревни, изображая старьевщика, которому обычно волокут любой хлам. Сварог не помнил, к каким там именно наукам усмотрели у парня способности в свое время лицейские наставники, но вроде бы точно не к тому, чем Янош увлеченно занимался все время службы. У парня был просто-таки талант выискивать в пыльных закромах антиквариетов разные интересные вещицы, чутье какое-то работало — а потому именно он в девятом столе и занимался «черными археологами» и их потаенным рынком, куда уже почти что внедрился под соответствующей маской — не стесненного в средствах юного дворянчика, а, из прихоти тратившего папенькины денежки не на игорные дома и веселых девиц, а разные древние вещицы (и не задававшего вопросов по поводу их происхождения).

— Разберемся, посмотрим, — ответила за Яноша Грельфи, поднеся к самым глазам какой-то стеклянный шарик с вплавленными в него медными зави-

тушками. — Кое-что интересное уже есть. Я вот думала, что ни единого «грозового шарика» на свете не осталось — а он вот он, в целостности и сохранности...

— А для чего он? — спросил Сварог.

— А для пакостей, — ответила Грельфи. — Если закопать в полночь, и непременно березовой лопаткой, с неделю потом на несколько лиг вокруг будет бушевать жуткая гроза, с молниями, а то и с градобитием. И с ливнем, конечно. Нужно только знать слова. Я-то знаю, а вот молодое поколение забыло напрочь. А потом выкапываешь и используешь еще хоть сто раз, — она с уважением разглядывала шарик. — Хорошая старая работа, нынче так делать разучились, вымирает высокое колдовство, да и ведьмачество тоже...

— Ну, что ж, — подумав, сказал Сварог. — В принципе, вещь в хозяйстве нужная, мало ли где пригодится... Отец Алкес, я полагаю, к этой штуке отнесся бы крайне неодобрительно?

— А то как же, — сказала Грельфи. — У него, упрямец, позиция известная: черная там магия или белая, злая или просто никакая — а все равно нужно уничтожать все подряд *вещички*...

— Ну, мы ему не скажем... — рассеянно произнес Сварог. Подошел к столу, присмотрелся к разнообразным диковинным предметам, чье предназначение выглядело предельно загадочным. — Потрогать-то что-нибудь можно?

— Умнеешь и взрослеешь, светлый король, — одобрительно кивнула Грельфи. — А то раньше, помню, хватался за что попало, не подумав толком, и порой кончалось скверно... — она торопливо добавила, сурово косясь на молодых людей, занятых работой. — Я это не для того говорю, чтобы твой авторитет уронить в глазах подчиненных, просто хочу им самим лишний раз напомнить, что к иным штуковинам нужно подходить очень осторожненько, а то и вообще сразу в воду выкинуть, только непременно в текучую...

Янош отозвался не без подначки:

— Ну, в конце-то концов, все это упаковали и привезли без сюрпризов...

— Упаковать и привезти что угодно можно, — проворчала Грельфи. — А вот потом, ежели начать вертеть и дергать то, что дерганью и верченью поддается, может получиться грустно... У вас ко мне дело, светлый король, или просто по доброте душевной навестили убогую старушонку, никому уже на этом свете не нужную?

— Поговорить бы с глазу на глаз, — сказал Сварог.

— Всегда к вашим услугам, — она показала на уже знакомую Сварогу дверь. — Извольте в мой кабинет. Ага, мы теперь не хуже разных там прочих, кабинеты имеем... А вы, соколы мои, все аккуратно разворачивайте, только ничего не вертите... Как бы оно безобидно ни выглядело... Куда? — прикрикнула она на Элкона.

— Но ведь выглядит именно что безобидно, — сказал Элкон, пожимая плечами.

Янош добавил:

— И продавали эту штуку не саму по себе, а приложением к «Трактату о замысловатой оптике». И еще несколько вещиц.

— Дети малые... — проворчала Грельфи. — «Трактат о замысловатой оптике» с незапамятных времен числится в списке запрещенных книг, что на земле, что там, — она ткнула большим пальцем в потолок. Почему, представления не имею, зато в молодости знала человечка, которого за хранение этого

самого трактата надолго за решетку отправили. Оптика, надо полагать, разная бывает...

Сварог присмотрелся. Штука эта, на его взгляд, выглядела вполне безобидно: на бронзовом стержне одна над другой разместились штук восемь выпуклых линз в бронзовой же оправе, на коротких ручках. Сразу видно, что ручки можно вертеть вокруг стержня — и всякая линза своего цвета, густонасыщенного: синий, фиолетовый, зеленый... Ни одного простого стеклышка. Сначала он подумал, что они подобраны по цветам спектра, согласно облегчающей жизнь студиозусам поговорке-подсказке «Каждый Охотник Желает Знать, Где Сидит Фазан» — нет, совершенно в другом порядке расположены...

— И вообще, — сказала Грельфи. — «Трактат о замысловатой оптике»?.. Уж и не припомню с каких времен трудами разных там отцов Алкесов канул в совершеннейшую пропацность, на Таларе его никто и не видел, а на Сильване, значит, сохранился кое-где... Из-под полы брал, конечно?

— Ну да, — сказал Янош. — У «черного перекупщика».

— Следовало ожидать... — проворчала старуха. — Ладно, я пойду поговорю с его величеством, а вы тут, в сотый раз повторяю, не вертите ничего...

«Кабинет» у нее, конечно, был непритязательный — небольшая комнатуха со столом, двумя креслами и обшарпанным шкафчиком, из которого Грельфи проворно вытащила две серебряных стопки и бутылку «Кабаньей крови» лучшего сорта — коричневого стекла, с коротким фигурным горлышком и отлитым сбоку выпуклым силуэтом кабана. Любила старушенция себя потешить маленькими радостями жизни. И, как всегда, разливая по стопкам, проворчала:

— Не подумай, светлый король, не на казенные денежки куплено, а на собственное жалованье, коим, благодаря твоим милостям не обижена...

— Ну? — нетерпеливо спросил Сварог, едва стопки опустели. Два дня назад он дал ей прослушать запись разговора с Литтой — авось что-нибудь полезное да извлечет. Старуха с унылым видом пожевала губами.

— Нечем мне тебя порадовать, твое величество, — сказала она наконец. — По самой простой причине: ни магии, ни колдовства, я тебе точно скажу, там нет ни капельки. Одна техника, — протянула она с оттенком презрения. — Теперь, куда ни плюнь, одна техника, а в ней я не разбираюсь совершенно, куда мне. Одно интересное попало — эти самые «хваталки». Знаешь, почему интересное? Да потому, что раньше, давным-давно, это была никакая не техника, а самое натуральное заклинание под названием «тихая воровашка». Не такое уж распространенное, но владели им многие. Стоило, правда, дорого — поскольку покупатели его использовали исключительно для своего каприза, а значит, готовы были раскошелиться. С таких и содрать не грех.

— Зачем? — спросил Сварог.

— А ты не догадываешься? — фыркнула Грельфи, проворно наполняя чарки. — Ну, вот представь: есть человек, у которого походка самая неподобающая: и сутулится он, и ноги волочит, пришаркивает, одним словом, неуклюжий и нескладный, как корова на крыше. А ежели это благородный господин, большой любитель прекрасного пола? Только дамы, его завидя, со смеху помирают и дают обидные клички. Вот идет он к колдуну — если знает, куда идти — платит хорошие денежки... Колдун в два счета выискивает подходящую персону: с великолепной осанкой, с красивой походкой, изящными движения-

ми и все такое прочее... И *крадет* это все. Собственно говоря, и не крадет во все, поскольку все это так и остается у *использованного*, но и заказчик все то же самое получает. Ну, теперь совсем другой человек, дамы совсем иначе относятся... — она осушила свою чарку и захихикала, показав немногочисленные зубы. — Или, скажем, еще почище: нету у человека ни искусства, ни фантазии с дамами в постели обращаться замысловато и изобретательно, скучный он в постели, недовольны им дамы и продолжать знакомство не спешат... Снова берется колдун... Ясно?

— Да уж чего яснее, — сказал Сварог. — Берется какой-нибудь искусный дамский угодник и втихомолку «обворовывается».

— Ну да. Да мало ли для чего ту штуку можно было применить... И ведь сплошь и рядом не для злых дел. Но нашим «багряным» все едино: раз магия — гони, лови... В молодости знавала я двух человек, владевших «тихой воровашкой», у одного сама хотела научиться, но не успела, потому как обоих сгребли. С тех пор я даже и не слышала, чтобы кто-то умел... А теперь, выходит, для того же самого дела приспособили технику... — онахватила третью стопку и откровенно пригорюнилась. — Погубила эта техника наше ремесло... Почитай, на нет свела... — и она выразила свое отношение к техническому прогрессу парой фраз, способных завистливо разинуть рот драгунского вахмистра. — И еще кое-что... Вот что я тебе скажу, светлый король, со всей ответственностью: зря ты Янку запер в Хелльстаде. Никакие такие «хваталки» ей не грозят. Вам всем — да. Но только не *ей*. Головой клянусь, можешь ее оттуда смело выпускать. Потому что — Древний Ветер... Слышал про такую магию?

— Излагали мне крайне скупое, — сказал Сварог. — Потому что мало что про нее помнят.

— Это точно. Мало. Но кое-что помнят все же, — Грельфи значительно подняла палец: — Я тебе хоть головой, хоть чем угодно поклянусь: на того, кто владеет Древним Ветром, *ничего* не действует. *Ничего*, соображаешь? Ни магия, ни, прости за выражение, техника. Никакая. Почему так, я не знаю и никто не знает. Но — не действует. Так что можешь смело ее выпускать. *Ничего* на нее не подействует, будь этих «хваталок» или чего-то другого хоть сотня. Янка, правда, сама до сих пор плохо представляет, чем владеет, и умеет пользоваться лишь крохотной долей... но сути дела это не меняет. Коли уж она вся *пронизана* Древним Ветром, в каждой капельке крови, в каждом волоске, в каждой той самой... не помню, как это называется по-ученому. В каждой частичке тела. И начни она всерьез осваивать все, что в ней заложено... Эх... — старуха помотала головой, не находя слов. — Вы бы все такое увидели... Только она не хочет. Ей и так хорошо. Пользуется иногда вершками, а с *головой* уходить не хочет.

— Может, это и правильно? — тихо спросил Сварог.

— Ну не знаю, не знаю... — Грельфи мечтательно уставилась в потолок. — Мне бы хоть частичку... Эх... Помнишь, как-то сидели с отцом Алкесом, и он вспоминал, что я по юной глупости хотела продать запеченного с потрохами гуся на перекрестке дорог сам понимаешь кому?

— Припоминаю что-то.

— А это, между прочим, была вовсе не юная глупость, — сказала Грельфи почти шепотом, наклонившись к нему через стол. — Знаешь, чего я тогда хотела? Хоть кусочек Древнего Ветра. И он ведь пришел, уж я-то знала, как «про-

давать гуся», все в точности выполнила. Только едва он услышал, что мне нужно, перекорежился весь, закорячился и в землю ушел. Тогда я и поняла, что Древний Ветер — не черная магия, а что-то совсем другое... В общем, ты за нее не бойся нисколечко. И любое заклинание, и любой фортель вашей техники... Так что нечего ее там держать, как в тюрьме. *Никто* у нее никогда ничего не украдет. Потому как — Древний Ветер... Неуязвимая она у тебя. А ты, дурная голова, уж прости между своими, и не понял, что за девушка тебе досталась. Единственная в мире владелица Древнего Ветра...

— Подожди, — сказал Сварог. — А как же та история на Сильване? Когда ей было двенадцать? Уж ты-то должна помнить...

Грельфи фыркнула:

— А еще толкуют со всех сторон: великого, мол, ума король Сварог... Тогда на нее ни магией, не техникой не действовали — дурили голову чисто *словесно*. И созданием соответствующей обстановки. Соображаешь, в чем тут разница? То-то... Чего ты хочешь, двенадцать лет было девчонке. Это сейчас ей никакой пройдоха голову не задурит. В общем, держать ее в Хелльстаде совершенно незачем. В любой момент можешь выпустить.

— Грельфи, — сказал Сварог негромко, холодно, наклонившись вперед. — Если что, головой отвечаешь...

— Отвечаю, — сказала старуха тихо и серьезно. — Потому что точно знаю: от Древнего Ветра все отлетит, как горох от стенки. Уж ты поверь...

...Статс-секретарь, распахнув золоченую половинку двери малого кабинета, бесстрастно доложил:

— Ваше величество, графиня Дино...

Сварог кивнул, и секретарь отступил на шаг, пропуская Маргилену, после чего бесшумно прикрыл за собой дверь. Встав и обойдя стол, Сварог остановился перед ней, и она низко присела в церемонном поклоне, ничуть не изменившаяся за последние годы, что они не виделись: светловолосая и сероглазая, очаровательная — и все такая же легкомысленная и ветреная на вид, и ее глаза пуританин по-прежнему назвал бы бесстыжими, а поэт — игривыми... Сварог прислушался к себе, но не испытал и тени умиленной ностальгии по прежним временам и прежним приключениям — как-то это у него не работало, совершенно... Во всяком случае, крайне редко срабатывало, но безусловно не сейчас.

— Прошу вас, графиня, — сказал он, придвигая Маргилене кресло высшего разряда. Вновь занял свое место.

Маргилену села, как школьница в классе, даже не сделав попытки положить ногу на ногу. Ее очаровательное личико было серьезным, а взгляд — пытливый: ну конечно, она просто-напросто гадала, как *теперь* следует с ним держаться. За все эти годы Сварог видел ее раза три, во дворце, на торжественных приемах, издали. Но о том, что образ жизни она ведет *прежний*, знал прекрасно — трудами незаменимого Интагара.

«Черт знает чем приходится заниматься, — подумал он сердито, — но никуда не денешься...»

— Маргилену... — сказал он.

— Да, ваше величество? — произнесла она, глядя так же серьезно и настороженно.

Сварог усмехнулся:

— В кабинете прямо-таки чувствуется тягостная неловкость... Верно? По моему, мы когда-то были на «ты». Почему бы не держаться, как прежде? С той же непринужденностью?

Она впервые улыбнулась прежней улыбкой — лукавой и не глупой:

— Всякое бывает. Иногда люди очень меняются, достигнув... высот. Я, правда, могу держаться, как прежде?

— Конечно, — сказал Сварог. — Мне бы того очень хотелось.

— Ты велишь подать кофе или вина, и мы будем вспоминать старые добрые времена?

— Вот уж на что у меня нет никакой охоты, — признался Сварог.

Она вздохнула с несомненным облегчением:

— Вот и славно. У меня тоже нет привычки смотреть назад. Что-то было красиво, что-то просто прелестно, но оно — *ушло*... Значит, ты не изменился, правда?

— Для старых знакомых, думаю, нисколечко.

— И с тобой можно говорить так же непринужденно, как в прежние времена?

— Ну да.

— Просто прекрасно, — сказала прежняя Маргилена. — Знаешь, чего я все это время боялась?

— Ну откуда?

— Что ты захочешь возобновить *прежние* отношения, — сказала она, потупясь с наигранным лукавством. — Я бы тогда оказалась в чертовски сложном положении. Ты как-никак король, а королям отказывать просто не принято... но я никогда не смотрю назад. Ни разу не возвращалась ни к одному из прежних любовников. Вот не могу, и все. Натура такая, — она глянула чуть настороженно. — Ты, случаем, не собираешься предложить...

— Не беспокойся, — сказал Сварог. — Что было — то прошло.

— Ох... — вздохнула она облегченно. — Я тебя обожаю, вернее подданной у тебя нет...

— Ловлю на слове.

— Ты о чем?

— Чуть погодя, — сказал Сварог. — Я слышал, у тебя все по-прежнему?

— Я о тебе слышала и более интересные вещи, — сказала Маргилена с очаровательной улыбкой. — Иные сплетни императорского двора и до нас долетают...

— Ну, как-то так получилось... — сказал он, и глазом не моргнув.

— А Мара?

— Самое смешное, что они отлично уживаются, — сказал Сварог.

— Ну, тебе всегда везло на женщин. На меня в том числе, — она мечтательно улыбнулась. — Знаешь, я не люблю вспоминать прошлое, но иногда что-то вроде гордости чувствую: я была любовницей нынешнего великого короля Сварога, когда он... — Маргилена глянула настороженно. — Или тебе, как некоторым, неприятно вспоминать о *таком* прошлом?

— Ну что ты, — усмехнулся Сварог. — Наоборот, так даже забавнее: вспоминать себя бесприютным бродягой, за которым, полное впечатление, гонится весь белый свет...

— Вот и хорошо, — вздохнула Маргилена облегченно. — Нет, правда, я иногда вспоминаю, как ты у меня прятался, гонимый и бесприютный... Я никому никогда не рассказывала, ты не думай, — и уставилась на него не без уважения. — И как это ты ухитрился столько наворотить...

— Сам удивляюсь, — хмыкнул Сварог. — Как-то само собой подворачивается — не то, так это...

Он никак не мог перейти к *серьезному* разговору, для которого ее и вызвал, — и немного злился на себя. Очень уж тема щекотливая...

— Значит, живется тебе по-прежнему весело? — спросил он.

— Ну конечно, — безмятежно ответила Маргилена. — Правда, с некоторых пор стало самую чуточку скучнее: мне почему-то больше ничего не поручает восьмой департамент, не хватает приключений и интриг...

— Постараюсь что-нибудь придумать, — сказал Сварог. — Есть одна миссия на Сильване, как для тебя созданная... А пока что... Маргилена, у меня к тебе очень серьезный разговор.

— Да?

— Щекотливый разговор, — сказал Сварог. — В жизни бы не подумал, что придется такой вести, но нет у меня другого выхода...

— Ты меня заинтриговал, — улыбнулась Маргилена. — Умираю от любопытства... Долго ты намерен меня томить? Я же, если ты помнишь, любопытна, как десять министров тайной полиции...

— Тебе все это определенно не понравится, — сказал Сварог. — Всерьез предполагаю, что не понравится. Но нет у меня другого выхода... Ну, ладно! — воскликнул он, решившись. — Речь пойдет о тебе... точнее, о твоём муже. У вас ведь все по-прежнему? Две ночи любви в месяц... а иногда, если ты закапризничаешь, то всего одна...

— А иногда и ни одной, — с лукавым блеском в глазах сказала Маргилена. — Когда я бываю очень уж... занята.

— Ну да, я помню, — сказал Сварог. Теперь, когда дело сдвинулось, ему стало как-то легче. — Сапоги любовников валяются в коридоре у дверей твоей спальни... Любовники с тобой непринужденно завтракают в главной столовой, вежливо раскланиваясь с вошедшим мужем... И все такое прочее...

— Ага, — сказала Маргилена без тени смущения. — Все, как в прежние времена. Такая уж у меня живая и непосредственная натура. А он давно смирился.

— Думаешь, он не переживает?

Маргилена на минутку призадумалась.

— Ну, вообще-то... — протянула она без всякого раскаяния. — Мне думается, иногда все же переживает чуточку...

— Я бы не определил это как «чуточку», — сказал Сварог. — С тех пор, как он стал главой Казначейства и мы часто общаемся, я успел к нему присмотреться. Он переживает всерьез и постоянно. Хотя старательно это скрывает. Ну, у меня есть кое-какие возможности, каких нет у обычного человека, и я вижу, чувствую...

— Честное слово, я не понимаю, к чему весь этот разговор... — пожалала она точеными обнаженными плечами.

— Он мне просто необходим как министр финансов, — сказал Сварог. — Пожалуй, он лучший финансист королевства, один из лучших финансистов Та-

лара... Великолепный мастер своего дела.

Маргилена сделала капризную гримаску:

— Вот эта сторона его жизни меня не интересует совершенно. По-моему, нет ничего на свете скучнее финансов. Нет, конечно, я, как примерная жена, рада, что он сделал у тебя такую карьеру... Но слово «финансы» на меня нагоняет смертную тоску.

— Признаюсь откровенно, на меня тоже, — сказал Сварог. — Но, в отличие от тебя, я *должен* этим заниматься. Так вот... Как бы охарактеризовать ситуацию поточнее... Он тебя любит по-настоящему и никого, кроме тебя, не хочет.

— Ой, да я знаю, — досадливо отмахнулась Маргилена. — Набила особняк смазливými служанками, назначила неплохое вознаграждение той, что все же сумеет затащить его в постель, приглашаю в гости самых красивых и беспутных подруг, оставляю с ними наедине... Я же не чудовище, я понимаю, что мужчине необходима женщина. Но зачем же форменным образом подвигаться умом на мне? Это даже как-то и противоестественно, мне кажется... И ничего не могу с ним поделать. Подавай ему меня...

— Человек тебя любит.

— Откровенно говоря, мне от этой любви никакой радости. Одни неудобства и тоска, эти две ночи в месяц — такая беспросветность... Ты хоть знаешь, что он признает только две позиции, а все остальное считает извращением? Ты хоть знаешь, что он вбил себе в голову, будто «игра на флейте любви» унижает женщину? — она яростно фыркнула. — Да нисколечко это меня не унижает, наоборот, мне нравится... — она бросила на Сварога лукавый взгляд. — Сам должен помнить... И еще он мне спину царапает! И всегда выключает лампу, потому что заниматься любовью при свете — это опять-таки разврат... Знал бы ты, каково мне с ним приходится! Каждый раз в спальню идешь, как на пытку... — она посмотрела вопросительно: — А почему вдруг ты завел разговор именно об этом?

— Потому что я — король, — со вздохом сказал Сварог. — А он — лучший финансист страны. И мне просто необходимо, чтобы он работал идеально, в полную силу. Но он не может. Именно потому, что всерьез и постоянно угнетен вашими отношениями. А это, рассуждая с позиций не чувств, а голого практицизма, наносит нешуточный вред государственным делам, королевству, мне... И я твердо намерен исправить положение.

— Интересно, каким образом? — прищурилась Маргилена.

— Давай-ка забудем на минутку обо всем прошлом, — сказал Сварог должным голосом. — Сейчас перед тобой сидит король, и только король. Который в любую минуту может сказать любому из своих подданных: «Такова моя королевская воля». А добрый подданный королевской воле не смеет противиться...

— Чего ты от меня хочешь? — спросила она, насупившись.

— Вот это уже насквозь деловой разговор, — сказал Сварог. — Я хочу, чтобы ты перестала приводить любовников домой, чтобы твой муж никогда с ними не пересекался. Подыщи себе уютный домик для подобных встреч, если хочешь, целый особняк... если хочешь, это сделают мои люди и платят за все будет казна, у тайной полиции богатые фонды... Далее. Я хочу, чтобы ты с ним проводила четыре ночи в месяц, и никогда не отлынивала, не пропускала этих дней, чтобы ты... Ну, мы люди взрослые и опытные, так что будем называть вещи своими именами: я хочу, чтобы ты старалась изо всех сил, и он

каждую ночь чувствовал бы себя на седьмом небе. Такова моя королевская воля. Я хочу, чтобы твой муж был весел, доволен и радовался жизни. Понятно?

Маргилену оставила на него ошеломленно:

— Но ты же не всерьез...

— Я совершенно серьезен, — сказал Сварог с королевским металлом в голосе. — Положение нужно исправить, и я его исправлю. Повторяю: такова моя королевская воля. Все, о чем я говорил, ты будешь выполнять самым скрупулезным образом. Иначе... Уж извини, я сейчас не человек, я король. Иначе... Нет, я не собираюсь тебя пугать ни опалой, ни отлучением от дворца, — он натянуто улыбнулся. — В первую очередь оттого, что это опять-таки не лучшим образом скажется на твоём муже. Я сделаю изящнее. Для обычного человека это, может, и подлость, а для короля — рабочие будни... Так вот, тайная полиция в два счета и мастерски распушит слух, что ты — моя любовница, и я чертовски ревнив. Для полного правдоподобия с парочкой твоих последних любовников и в самом деле приключится... что-нибудь крайне нехорошее. Но тут уж ты будешь виновата, а не я — коли уж не желаешь выполнять мою волю. Чем все это кончится? Все потенциальные кандидаты в любовники будут от тебя шарахаться, словно от адского пламени... И очень быстро у тебя останется один-единственный мужчина в жизни — законный муж... А теперь подумай, ты ведь умница, уж я-то тебя знаю... По-моему, гораздо выгоднее принять мое предложение, чем отказать... Как, Маргилену?

— Ты скотина, — выпалила Маргилену. — Делай со мной что хочешь, но ты скотина...

— Я король, — сказал Сварог не без грусти. — И поэтому любые ругательства в мой адрес бесполезны и бессмысленны. Маргилену, я не могу быть ни скотиной, ни мерзавцем, когда занимаюсь государственными делами и думаю о благе королевства...

Маргилену смотрела на него, словно обиженный ребенок. Она не плакала, но на ресницах поблескивали слезинки. Сварогу было ее по-настоящему жаль, но он старательно гнал это чувство — он был король...

— Ты не представляешь, каково мне будет... — она не всхлипывала, просто пару раз хлюпнула носом.

Сварог встал, подошел к ней, погладил по щеке и сказал насколько мог убедительнее:

— Маргилену, милая, это не моя прихоть, а государственная необходимость. Ну, постарайся уж как-нибудь потерпеть. Четыре ночи в месяц... Сними ожерелье. Ну?

Она, насупясь, расстегнула застёжку, осведомившись вяло:

— А тут какие государственные интересы?

— Да просто хочу сделать тебе подарок, — сказал Сварог.

И положил ей в руку ожерелье из вентордеранского сундука — с рубинами, каких, пожалуй, не имелось ни у одной придворной дамы. Ага, природа взяла свое, Маргилену, как бы ни была обижена и расстроена, замороженно оставила на изящнейший образчик искусства давным-давно ушедших из этого мира ювелиров. Медленно застегнула на шее, встала, подошла к зеркалу и стала себя разглядывать с таким выражением, что Сварог понял: поединок выигран.

— Нравится? — спросил он, подойдя сзади.

— Покажи мне женщину, которой это не понравится...

— В подобных безделушках недостатка у тебя не будет, — сказал Сварог. — Нужно же как-то компенсировать тебе все неудобства... Мало того. Я тебя сделаю фрейлиной хелльстадской королевы. Очень скоро. Все твои недоброжелательницы и соперницы при дворе умрут от зависти.

— Но в Хелльстаде нет никакой королевы... — сказала она отрешенно.

— Скоро будет, — сказал Сварог, с радостью убедившись, что слезинки с ресниц она сморгнула, а новых так и не появилось. — И первый же знак фрейлины — твой. Хочешь, я приглашу тебя на свадьбу? Там великолепный замок... И компания избранная. Точно, все умрут от зависти...

— Мара?

— Там увидишь, — сказал Сварог, почувствовав легкую неловкость. — Ну как, мы договорились? Маргилену, у тебя будет все, что захочешь... А от тебя требуются сущие пустяки — чтобы он четыре раза в месяц был на седьмом небе. Ну, и все остальное, о чем я говорил.

— Это черт знает что, — сказала Маргилену сварливо, с бледной, но улыбкой. — Из меня делают проститутку, которой платят за то, что она спит с собственным мужем. Ситуация... Даже названия не подберешь.

— Не надо такого трагизма, — сказал Сварог. — Всего лишь уговорили почаще выполнять супружеские обязанности... Мы договорились? Можешь дать слово?

— Даю, — пробурчала она, поправляя ожерелье. Подняла лицо к Сварогу, улыбаясь чуть сердито, но уж никак не тоскливо. — И все-таки ты скотина...

Сварог развел руками:

— Я король, Маргилену. К великому моему сожалению...

— Но на свадьбу ты меня непременно пригласишь.

— Непременно.

Маргилену глянула лукаво, став почти совершенно прежней:

— А ничего, если я попытаюсь его развратить?

— Валяй, — сказал он.

— Ты, конечно, скотина... Но, с другой стороны, из всего этого можно сделать очередное веселое приключение. Развратить собственного непроходимо унылого мужа и сделать его хорошим любовником.

— Вряд ли у тебя получится, — со вздохом сказал Сварог (как легко догадаться, исключительно подначки ради).

И рассчитал все правильно: Маргилену, уже забыв о только что пережитых печалях, прямо-таки взвилась от возмущения:

— У меня?! Да я просто никогда не бралась за него всерьез! Да он у меня «шмеля в бутоне розы» будет делать!

Глядя на ее азартное личико, Сварог облегченно вздохнул про себя: ну вот, кажется, получилось...

Глава V

СЮРПРИЗЫ И ТАЙНЫ

В Латерану Арталетта прилетела на самолете — точности ради, на одной из замаскированных под самолеты виман. Канцлер на многое смотрел сквозь пальцы, но Сварог все же старался не особенно зарываться. Однако «самолеты» не один он использовал — они были у Мары, у Арталетты, у Старой Матушки, а еще четыре в распоряжении конторы Интагара. Так гораздо быстрее перемещаться по Харуму в случае срочных дел... Свою он водил сам, Мара тоже — ну, а на всех остальных имелись надежные пилоты из его личной дружины (вот *теперь* она оказалась как нельзя более кстати).

Когда Арталетта вошла, он поднялся навстречу, сказал:

— Извини, что я тебя не встретил, бумаг куча привалила...

На ней был не мундир, а самое обыкновенное, вишневого цвета платье — значит, прилетела не с официальным визитом в качестве наместницы Ронеро, а совершенно частным образом. Предупредив по ташу чуть ли не в последний момент, что вскоре вылетает. Хорошо еще, что он был не за облаками, а в Латеране, подписывал кучу бумаг, ставил печати — одобрял и запрещал, награждал и разжаловал, повышал и отправлял в отставку...

— Пустяки, — сказала она. — Ты и не обязан меня встречать. Кто ты, и кто я...

— Ты не просто наместница, — сказал Сварог, с удовольствием потягиваясь (всю гору бумаг перелопатил, осталось с полдюжины пустяковых). — Ты еще и очаровательная девушка, так что долг любого галантного кавалера...

Он сбился с шутливого тона, а там и вовсе замолчал, приглядевшись к девушке внимательнее. Лицо у нее было нехорошее — усталое, осунувшееся, едва ли не испуганное. Положительно, там в Ронеро, что-то произошло...

— Что случилось? — спросил он уже совсем серьезно, подойдя к ней вплотную. — Надеюсь, не заговор, не переворот, не пришлось же тебе срочно бежать? Интагар никаких переворотов не допустит, а заговоры, как орешки, щелкает...

Придвинувшись к нему совсем близко, едва ли не прижавшись, Арталетта шепотом спросила на ухо:

— Есть место, где нас точно не подслушают?

Отстранилась, сначала указательным и средним пальцами изобразила ножки бегущего человека, потом большим и указательным отмерила то ли длину мизинца... То ли рост токерета. Ах, вот оно что...

— Садись, — сказал Сварог. — Здесь можно говорить совершенно открыто. О чем угодно и о ком угодно. Принял меры...

Так и было. В свое время ему пришло в голову, что токереты, чем черт не шутит, могут поселиться и в огромном Латеранском дворце, где для них найдется масса укрытий. И уж конечно, не просто так поселиться, в результате квартирного кризиса, а чтобы попытаться сунуть нос в его бумаги или компьютер — на их месте он так бы и поступил. Тем более что один из ночных часовых, охранявших хозяйство Интагара, две недели назад клялся и божился, что видел в полутемном коридоре промелькнувшую тень, более всего похожую на крохотного человечка.

Именно тогда Сварог и спохватился. И его кабинет, и те комнаты Интагара, где хранились секретные бумаги, были *закутаны* защитным полем, которое не всяким оружием ларов и возьмешь, что уж там говорить о токеретах. Генератор поля — машинка небольшая и простая в обращении, как плоскогубцы, у ларов детишки их частенько используют вместо клеток для домашних зверюшек. Он собирался предпринять еще кое-что, а также снабдить генераторами кое-какие хранилища секретных бумаг в других королевствах, но текучка заела, отложил на денек-другой...

— У тебя найдется что-нибудь выпить? — спросила Арталетта усталым, тусклым голосом.

— У короля да не найдется... — усмехнулся Сварог. — Вина или покрепче?

— Можно и покрепче.

Он достал из шкафчика бутылку келимаса, стопки, блюдечки с нарезанными сушеными фруктами. Сам чуточку пригубил, исключительно за компанию, а вот Арталетта свою стопку опрокинула одним духом. И сказала просто, без всякой аффектации, даже волнения:

— У меня во дворце объявились токереты.

— Так... — сказал Сварог. — Лаконично, по порядку и с самого начала.

И, стараясь, чтобы это получилось как можно более небрежно, нажал не самую заметную из множества кнопок на золотой пластине у края стола.

Не прошло и минуты, Арталетта еще ни слова сказать не успела, а в кабинете бесшумно объявился Интагар, присел в уголке, предварительно низко поклонившись Арталетте. Она держалась спокойно — не увидела в этом визите ничего удивительного.

— У герцогини во дворце объявились токереты, Интагар, — сказал Сварог. — Такие дела. Итак?

Расстегнув кожаную сумочку, украшенную жемчугом и золотыми финтифлюшками, самую новомодную (женщина остается женщиной, даже если она генерал гвардии), Арталетта вынула небольшой замшевый мешочек, развязала тесемку и, держа краешек над самым столом, перевернула. Что-то тоненько, мелодично зазвенело, рассыпаясь по темному полированному дереву.

Сварог присмотрелся, жестом подозвал Интагара, и тот тоже склонился над столом. Там лежали шесть крохотных, блестящих мечей с длинными рукоятками, длиной чуть поменьше мизинца. Для человека — безделушка, для токерета — отличное боевое оружие, двуручный меч. Которым, между прочим, нетрудно добраться до сонной артерии спящего *обычного* человека...

Сварог кончиками ногтей осторожно взял один за эфес, поднес к глазам, повертел. Безусловно, настоящий, из хорошей стали. Легонько черкнул лезвием по обложке лежавшего тут же очередного статистического сборника (черт знает что приходится королю перелопачивать), и там остался глубокий порез — лезвие отточено до бритвенной остроты...

Поднял на Арталетту вопросительный взгляд.

— Вчера утром обнаружили у меня в спальне, — сказала она, не дожидаясь прямого вопроса. — Были воткнуты аккуратным рядком у края постели. Только они, и больше ничего, — и бледно улыбнулась. — Они не хотели меня убить. Если бы хотели, меня бы уже на свете не было...

— Пожалуй... — проворчал Сварог. — Просто деликатненько продемонстрировали, какие они проворные, и могут пролезть в любую щель...

— Примерно так он и сказал. Только в более дипломатической форме. Тот токерет, что пришел ко мне днем.

Сварог, конечно же, не стал заламывать руки и театрально восклицать: «Токерет?!» Он просто сказал:

— Рассказывай.

Арталетта вновь раскрыла сумочку:

— Примерно в полдень к гвардейцам у парадного входа подошел человек и попросил передать мне этот конверт. Его, конечно, сначала должным образом исследовали ваши люди, Интагар, я хорошо помню — указания короля — не обнаружили ни магии, ни ядов, я прочитала... и велела позвать его ко мне.

Сварог повертел конверт — самый обыкновенный, из хорошей белой бумаги, такие обычно сотнями заказывают дворяне и отдают типографщикам отпечатать свой герб. На *этом* не было ни герба, ни единой надписи. Разломанная светло-коричневая сургучная печать — насколько можно рассмотреть и угадать, прежде припечатанная чем-то вроде перстня с дворянским гербом, но она изрядно раскрошилась, и герб уже не разглядеть толком. Внутри...

А внутри лежала самая обыкновенная визитная карточка, выдержанная именно в том хорошем вкусе, что присуще настоящему, старому дворянству: никаких излюбленных нуворишами жирных золотых разводов и прочей безвкусицы, плотная белая бумага с тоненькими сиреневыми прожилками (Сварог что-то не помнил такой бумаги), узенький золотой обрез, вверху изображен герб — опять-таки, согласно хорошему вкусу, не здоровенный, а довольно маленький, так что не сразу и различишь детали: дотир разделен горизонтально на две равных части, в верхней — якорь, который обвила то ли змея, то ли мифологическое морское чудище, какими их рисовали в старину внизу — три кольца в ряд. Вроде бы ничего особенно странного, при всех своих скудных познаниях в геральдике Сварог все же знал оба символа, потому что они встречались на гербах практически во всех королевствах. Но вот надпись!

Альтерат Лог Дерез

Барон

ТОР-ПОЛКОВНИК

Клорена, Токеранг

— Ну что ж, — сказал Сварог, передав карточку Интагару. — Дурацкой шуткой это оказаться никак не могло, потому что по пальцам можно пересчитать людей, знающих, что такое Клорена и Токеранг... К тому же мечи...

— Вот и я именно так рассудила, когда решила его позвать, — сказала Арталетта. — Вошел... самый обыкновенный человек, обычного роста, обычной внешности, лет тридцати, даже симпатичный, одет, как дворянин, держится с уверенностью человека из общества, чувствуется военная выправка... — она досадливо поморщилась. — И все же он был какой-то *другой*. — Прикусила нижнюю губку, встряхнула сжатыми кулачками. — Я просто-напросто не могу подыскать слова, чтобы объяснить, чем он от нас отличается... Но он какой-то *другой*... Ну, вот другой, и все! Вроде бы самый обычный человек, но другой...

— Не будем ломать голову над тем, чего пока понять не можем, — мягко сказал Сварог. — Он другой. Этого достаточно. Итак?

— Когда я прочитала карточку, сначала хотела позвать охрану, — сказала Арталетта. — Вы бы на моем месте тоже об этом в первую очередь подумали?

Явный, настоящий, живой токерет, которого можно допросить...

— Да, я бы тоже... — сказал Сварог (и Интагар согласно кивнул).

— Вот только они наверняка такой оборот дела предусмотрели, — горько улыбнулась Арталетта. — Я не успела слова сказать, потянуться к звонку, как он самым вежливым тоном истого дипломата предупредил: брать его в плен бесполезно, потому что ему впрыснут быстродействующий яд. Если через полчаса он не получит противоядие, умрет в секунды — ну, а уж полчаса-то он под пытками продержаться сможет... Сволочь, — сказала она не без уважения. — Изящно придумано. Я почему-то не сомневаюсь, что все так и обстояло, как он говорил...

Сам Сварог тоже нисколько не сомневался, что именно так и обстояло. Он прекрасно помнил Фиарнолл, потайную гавань и каменное лицо офицера, через секунду взорвавшего все — и гавань, и лодку, и сотоварищей по экипажу, и себя самого... С-самураи, мать их... Выдумщики...

— Я почему-то верила, что так и есть... — словно извиняясь, сказала Арталетта.

— Никто тебя не виноватит, — отмахнулся Сварог. — Лично я просто уверен, что он говорит правду, я с ними немного общался... Что дальше?

— Дальше... — протянула Арталетта. — Он вежливо осведомился, нашла ли я мечи. Я сказала, что нашла. Он сказал, что я никоим образом не должна расценивать это как угрозу мне, что это совсем другое... Сейчас... Я запомнила дословно, это, всего-навсего, прекрасная герцогиня, иллюстрация одного философского учения, о котором вы, конечно же, не слышали. Небольшое напоминание о бренности бытия, о том, как тонка нить, на которой висит человеческая жизнь... Я плюнула на дипломатию и прямо спросила: что ему нужно? Он вместо конкретного ответа вновь вывалил на меня кучу витиеватых дипломатических фраз. Они вовсе не питают к нам, верхним, враждебных намерений, не хотят, чтобы мы считали их врагами, несколько досадных инцидентов, что произошли прежде, следовало бы считать именно досадными инцидентами, к тому же не стоит забывать, что в результате этих инцидентов были жертвы с *обеих* сторон, так что, по его разумению, нет ни правого, ни виноватого... Нам бы следовало жить в мире, сказал он с определенной ноткой угрозы, потом повторил то же самое. И с этой точки зрения, продолжал он, кое-кого у них очень удручает надпись, сделанная на постаменте памятнику принцессе Делии. Находятся люди, которые трактуют ее как «В ожидании мести». Меж тем все счета касавшие мести сведены и закрыты — быть может, мне неизвестно, но Делия убила одного из принцев трона, так что счета сведены... Месть, сказал он, — обоюдоострый клинок... Вот, собственно, и все, — она посмотрела на Сварога. — Он настоятельно посоветовал подробно рассказать тебе о его визите. И выразил сожаление, что должен меня покинуть — ему скоро понадобится противоядие, а все, что он собирался сказать, уже прозвучало... Раскланялся и вышел, — она глянула на Интагара. — Конечно, я сразу же позвонила и вызвала ваших людей... Неподалеку от парадных ворот его ждал экипаж. Я велела только проследить, ни в коем случае не хватать — верила, что яд есть, зачем нам труп? Но ваши люди его потеряли в городской толчее, у него и кучер был лучше, и лошади... (Интагар сердито насупил, судя по его виду, в Равене вскоре кое-кому придется очень и очень несладко). — Собственно, это все... Я решила, не откладывая, лететь к тебе...

— И правильно сделала, — проворчал Сварог, уже начав кое-что обдумывать. — Значит, вот так... Мягонько и ненавязчиво, среди бела дня и с визитной карточкой... место службы, правда, не указано, хотя оно должно быть, но это пустяки... Тихая и ненавязчивая демонстрация...

— Чего? — спросила Арталетта. — Их возможностей? Того, что они способны пролезть в любую щель?

— Нет, — сказал Сварог. — Ты не поняла. А вот Интагар, насколько я могу судить по его одухотворенной физиономии, понял... Они нам продемонстрировали токерета нормального размера. Ничем не отличающегося от обычных людей. Чтобы мы знали: такие уже есть. И ломали голову: уникальный ли это экземпляр, для создания которого понадобились годовые запасы энергии, или людей и техники нормального размера у них уже достаточно, чтобы представлять серьезную опасность... — не сдержавшись, он выругался и стукнул кулаком по столу. — И самое поганое — мы и впрямь будем ломать голову! Потому что обязаны ее ломать! В такой-то ситуации... Нервы нам решили помотать, твари... Начали...

Он замолчал, вспомнив, что его собеседники представления не имеют о термине «психологическая война» — а это, вне всякого сомнения, она в двери стучится, зараза...

И тут же взял себя в руки. Спокойно сказал:

— Интагар, стопка вон там, в шкафчике... Да не жеманьтесь вы, всем нам не помешает добрый глоток... (вечерело, в кабинете стало темновато, и он включил карбамильскую лампу, повернув фигурный рычажок). Ну, что же... Случилось, так случилось, и я рад, что не наблюдаю среди присутствующих ни паники, ни истерик. С какой стати? Нам еще не наступили на глотку. Мы, конечно, будем ломать головы над возникшей проблемой — но так, чтобы это не шло в ущерб всем остальным делам... Интагар, что там у нас насчет питомников? Вы должны были уже все выяснить?

— Я выяснил, государь, — спокойно сказал Интагар, блаженно сощурившись после опрокинутой стопки. — Выяснилось, что в городах, особенно крупных, питомники терьеров-крысоловов — крайне развитое и доходное ремесло. Многие по старинке пользуются капканами или отравой, но многие предпочитают именно терьеров. Считая, что так гораздо надежнее. Не зря владельцы питомников числятся в Серебряной гильдии, наряду с держателями псарен и псарями. Это общая картина. Что касается частных — в Латеране нашлось одиннадцать питомников, где сейчас, не считая, согласно вашим указаниям, не прошедших обучения до конца собачек, двести восемнадцать полностью обученных крысоловов и тридцать четыре готовых к найму собачника. Видите ли, иные покупают *просто* собак, но люди солидные, например, владельцы крупных складов, где крысоловов требуется не один, два, а пара дюжин, предпочитают нанимать еще и специально обученного человека. Свободных собачников — целых шестнадцать, а вот с самими собаками — сложнее. Они все до одной оплачены и заказаны заранее... но ведь это для нас не препятствие?

— Какое же это препятствие? — ухмыльнулся Сварог. — Расчеты произвели? Со знающими людьми поговорили?

— Конечно, — сказал Интагар. — Объекты, о которых вы распоряжались, остаются прежними? Новых не прибавится?

— Пожалуй, нет.

— В таком случае... — Интагар уставился в потолок, зашевелил губами. — Латеранский и Равеннский дворцы, учитывая их размеры, потребуют каждый по сорок собак и по два собачника. Сноль... Там, как меня заверили, достаточно будет и двадцати с одним собачником. В Глане, вы сами сказали, наши собаки совершенно не нужны, там хватает своих... Далее... Все учреждения, указанные в вашем списке. Общим числом — не менее восьмидесяти собак и дюжины собачников. У Старой Матушки дворец невелик, в нем, собственно и располагаются все требующие защиты учреждения... так что, там будет достаточно пятнадцати. И одного собачника. В Сегур — двадцать собак и одного собачника. Итого — двести пятнадцать собак и девятнадцать собачников.

Сварог ухмыльнулся:

— Двести пятнадцать? А всего в питомниках — двести восемнадцать? Заберите всех, три собачки все равно положения не исправят. Владельцам питомников объясните насчет государственной необходимости, королевской воли и потребностей тайной полиции... ну, вы умеете убеждать, у вас получится. И обязательно компенсуйте владельцам все расходы, им ведь придется возвращать деньги заказчикам, мы как-никак не грабители, а власть... — он глянул на Арталетту, усмехнулся: — Весело тебе будет лететь назад, Арта: двадцать собак в самолете... Нужно будет придумать что-то насчет клеток...

Он ухмылялся весьма даже недобро. Если в каких-то дворцах или ключевых учреждениях и обосновались токереты, им придется несладко. Терьер-крысолов — собачка наполовину меньше кошки размером, но в них за несколько столетий отбора выработали нешуточную свирепость и боевой дух. Вполне заслуживающий доверия каталаунский егерь принца Элвара рассказывал как-то Сварогу, что дюжина терьеров однажды завалила волка — не самого матерого и потеряла притом двоих, но все равно, результат неплох...

Одним словом, на обычного человеческого ребенка, пусть и самого крохотного, терьер никогда не нападет, но вот токерет, ручаться можно после разговоров со знатоками, будет для него такой же дичью, как крыса, мышь, хорек или ласка (для защиты птичников от двух последних помянутых зверьков терьеров покупают и богатые птицеводы). На всякий случай потребуется еще примерно дюжина генераторов защитного поля — чтобы оборудовать спальни не только Мары, Арталетты и Старой Матушки, но и наиболее ценных сотрудников вроде Интагара или Рагана. Канцлер посмотрит сквозь пальцы — думается, он еще на многое посмотрит сквозь пальцы, как только узнает, что существует как минимум один токерет *нормального* размера...

— Идите, Интагар, действуйте, — распорядился Сварог.

И, когда за начальником тайной полиции закрылась дверь, встал, подошел к понурившейся в кресле Арталетте, положил руку ей на плечо:

— Выше голову, Арта. Ты у нас как-никак генерал гвардии и наместница не самого последнего королевства. Мы еще побарахтаемся. Хотели бы убить, убили бы сразу...

— Да я не из-за того... — усталым, печальным голосом отозвалась она, не пошевелившись, не изменив позы. — Никогда не думала, какой это адский труд — управлять государством... Так хочется иногда в отставку подать и вернуться к своим мушкетерам...

— Я тебя не отпущу, — мягко сказал Сварог. — До сих пор у тебя прекрасно

получалось. И верных людей у меня мало. Не отпущу, и не думай.

— Да я не всерьез, — она наклонилась и мимолетно потерлась щекой о его ладонь. — Просто иногда так устаешь... — медленно встала, они оказались лицом к лицу. — Можно, я останусь ночевать во дворце? Терпеть не могу летать ночью...

— Разумеется, — сказал Сварог. — Твои здешние покои всегда твоими и остаются.

— А ты придешь ко мне? — спросила она, глядя в глаза.

И вновь чем-то ужасно напомнила Сварогу Делию, хотя была совсем не похожа.

— Конечно, Арта, — сказал он, не отводя взгляда.

...Утро выдалось прекрасным в том смысле, что прошло уже полтора часа с тех пор, как он, проводив Арталетту и два десятка браво гавкавших на него из клеток терьеров, вернулся в манор девятого стола — а его до сих пор не ошарашили известием о каком-нибудь новом поганом сюрпризе, не сообщили о серьезном деле, требующем немедленного решения, вообще не побеспокоили. И он, наплевав на третьестепенные бумаги, которые все равно подождут, блаженствовал в своем кабинете, пуская дым в потолок, воробьиными глотками прихлебывая келимас. Все было бы прекрасно, если б не предстоящий разговор. Черт знает чем приходится заниматься — но ведь приходится...

Мелодично мяукнул сигнал, и комендант уставным тоном доложил:

— Господин директор, совершил посадку брагант графини Дегро.

Настроение у Сварога было далеко не безоблачное, и он ответил тем же уставным тоном, но с начальственным металлом:

— Комендант, мы ведь, кажется, уже говорили? На службе нет графов и графинь...

— Виноват, господин директор! — покаянно рявкнул комендант. — Брагант штаб-сержанта Дегро совершил посадку!

— Вот так и впредь, — сказал Сварог. — Немедленно ко мне.

Не прошло и минуты, как на пороге возникла очаровательная Канилла, она же штаб-сержант Дегро — в зауженном по методу Томи мундире, начищенных до зеркального блеска сапогах и надраенных пуговицах вкупе со знаками различия. Прищелкнув каблуками (а каблуки-то завышены неуставно, подумал Сварог, как я раньше-то не заметил?), прилежно отрапортовала:

— Господин директор, штаб-сержант Дегро прибыла по вашему вызову!

— Проходите, штаб-сержант, — сказал Сварог где-то даже меланхолично. — Садитесь. Вынимайте свой фасонный золотой портсигар, я все равно знаю, вы курите, что уставом, в общем, не запрещено...

— Уже настучали? — с очаровательной улыбкой осведомилась Канилла, извлекая золотой портсигар с выгравированной на крышке эмблемой девятого стола.

— Командиру не стучат, — наставительно сказал Сварог. — Командира осведомляют. Разница понятна?

— Так точно! — старательно сделав туповатой свою умную и хитрющую физиономию, откликнулась Канилла.

Какая красotka растет, в который уж раз подумал Сварог. По жизни это хорошо, а вот для службы — не всегда. Черт знает что начнется в Латеранском

дворце, когда она, как намечено, полетит туда на пару недель, чтобы помочь Интагару освоить кое-какие системы. Из-за Томи случилось девять дуэлей, слава богу, без покойников, хотя и с парочкой качественно проткнутых — а ведь она клялась, что никому надежд не подавала, разве что пофлиртовала чуточку (и Сварог ей верил). Ну, а из-за этой сероглазой златовласки, играющей глазами в сто раз искуснее Томи, и вообще, чего доброго, вторая Гирвейская резня начнется...

— Уставную терминологию временно отложим, — сказал Сварог, тоже взяв сигарету. — Разговор у нас будет совершенно не служебный. Я бы сказал, абсолютно личный. Если какие-то вопросы тебе покажутся неудобными, можешь не отвечать, вообще уйти...

— Вы меня интригуете, командир...

— Кани, что у тебя с Родриком? — спросил Сварог напрямую.

Ах, как она улыбнулась, очаровательно, мечтательно, томно, какой взгляд послала из-под опущенных ресниц! Пожалуй что, не просто красotka растет, а вторая Маргиленна...

— Честное слово, командир, мы и сами пока что не разобрались, — без всякого неудовольствия ответила Канилла. — То ли настоящая любовь, то ли просто пылкая страсть. Но, безусловно, что-то пылкое, уж это, несомненно. Если вам нужны уточнения — да, мы спим вместе... когда удастся.

И с крайним, хорошо скрываемым любопытством, наблюдала, какова будет его реакция.

— Ну да, — сказал Сварог. — Ты меня поразила в самое сердце. Я сейчас рухну с кресла, будто молнией пораженный, словно тот старый болван из... не помню, что за сериал, я чисто случайно увидел кусочек... В общем рухну?.. Совершеннолетние парень и девушка иногда спят вместе... великие небеса, то потрясение, какого я в жизни не испытывал. Всякое доводилось слышать, но такое...

Канилла была определенно чуточку разочарована.

— Нет, серьезно, ты меня думала удивить? — ухмыльнулся Сварог. — Кани, я в жизни повидал столько людей, которые спали вместе, и иные были помоложе вас... Значит, говоришь, что-то безусловно пылкое... (Канилла мечтательно улыбалась). Ну, что же... Судя по твоей блаженной физиономии, ты вполне удовлетворена, а удовлетворенная женщина — еще и хороший работник. Вот такой у меня приземленный, практичный взгляд на вещи... Вы оба совершеннолетние и я, слава богу, никому из вас не родитель, поэтому мораль читать не буду. Выволочку ты у меня получишь по совершенно другим мотивам. Именно ты, а не оба. Я тебя уже хорошо знаю, и не сомневаюсь, что в вашей парочке заводила — именно ты. Вот ты и огребешь, вульгарно говоря.

— За что? — с искренним недоумением, не играя и ничего из себя не строя, спросила Канилла.

Сварог поудобнее расположился в кресле, медленно выпустил дым и заговорил мягчайшим, иезуитским тоном:

— Видишь ли, Кани, не далее как вчера у меня была с визитом твоя матушка. И говорили мы главным образом о твоей службе... о нашей. Нет, она против твоей службы ничего не имеет, наоборот, ей, как и родителям всех остальных, крайне льстит, что ее доченька в столь юном возрасте уже служит не где-нибудь, а в Кабинете императрицы да вдобавок причислена к гвардии... Вот

только ее очень беспокоил один-единственный вопрос: не ожидается ли в ближайшее время очередного катаклизма вроде Багряной Звезды? (Канилла, судя по ее безмятежному виду, угрозы еще не чувствовала). Я, конечно, заверил ее, что никаких катаклизмов не ожидается. И светски поинтересовался, откуда ей вообще пришла в голову такая мысль. Она очень умная женщина, Кани, ты определенно в нее... Знаешь, почему у нее появились такие мысли? Потому что она знает: девятый стол — спецслужба серьезная. И если уж за какой-то месяц тебя целых восемь раз назначали на ночные дежурства, то... это определенно неспроста...

Ага! Он в открытую ухмылялся: наконец-то красотка и встревожилась, и погрустнела. Развивая успех, Сварог продолжал во все уже сладчайшим голосом:

— У меня, наверное, начались провалы в памяти... Совершенно не могу вспомнить, когда это я вводил для вас в конторе ночные дежурства. С тех пор, как контора существует, ночами дежурит лишь очередная смена охраны... Кани, не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить, что к чему. Я просто-напросто связался с отцом Родрика и напрямую спросил: как он относится к то тому, что сын восемь раз в месяц заступает на ночные дежурства?

Ну, его отца ты знаешь: гвардейский полковник, службист... Он браво рявкнул: если служба требует, хоть двадцать! Мол, коли уж взялся за гуж... И я не сомневаюсь, что даты ваших ночных дежурств удивительным образом совпали... — резко изменив тон, он приказал: — Вот эту мечтательную улыбочку с очаровательного личика убери, лисичка! Ты хоть понимаешь, во что вы вляпались... Да и меня впутали? Вполне может случиться так, что ваши родители встретятся — а они добрые знакомые, у всех вас девяти — и либо твоя мать, либо отец Родрика, ни о чем таком не ведая, упомянут о ваших ночных дежурствах? А остальные страшно удивятся, скажут, что их детушек никогда ни на какие дежурства не вызывали... И твоя мать, женщина, как подчеркивалось, умная, очень быстро поймет, что к чему... Ну, Родрику будет полегче — парней за такие выходки меньше ругают, особенно когда папаша — бравый гвардейский полковник. А у тебя дома что будет?

Понурившись, повесив голову, опустив глаза, Канилла убитым голосом сообщила:

— Будет второй Шторм. В одном, отдельно взятом маноре. Она считает, мне еще рано...

— А я? — жестко спросил Сварог. — Как я в этой ситуации буду выглядеть? Директор серьезной конторы, под носом у которого юные подчиненные... Плюха это мне по репутации или нет? Я кого спрашиваю?

— Плюха, — не поднимая глаз, тихонько сказала Канилла.

— При дворе светские сплетники на меня ушат помоев выльют?

— Выльют, — уныло откликнулась Канилла.

— Ты вряд ли знаешь... — сказал Сварог. — Но один паршивец с герцогским титулом, который меня крепенько не любит, уже давно пустил слух, поганец, что я сплю со всеми вами тремя: с Томи, с Аурикой, с тобой... Что так называемый девятый стол — лишь прикрытие для некоего подобия Академии Лилий Дайни Барг, где я и вы, все девять, устраиваем групповые забавы... Честное слово, так и трепал, скот...

Канилла вскинула голову, сверкнула глазами:

— Скажите, кто! У него рожа распухнет от пощечин...

— Опоздала, — хмыкнул Сварог. — Я и сам было собирался его вызвать по всем правилам — ну, конечно, не убивать, пару раз выбить меч да распороть задницу... Опередали нас с тобой, Кани. Тот подонок разыгрался настолько, что стал припутывать к мнимым оргиям и Яну, кто-то насплетничал принцу Элвару... В общем, герцог вот уже неделю на Сильване, ему там светила медицины выращивают новые зубы, срачивают поломанные ребра и кости, физиономию в порядок приводят... К чему я все это рассказываю? У меня куча завистников при дворе, и они распускают самые идиотские сплетни. У вас и ваших родителей с некоторых пор — тоже...

— Почему? — недоуменно воскликнула Канилла.

Сварог тяжело вздохнул:

— Кани, ты красавица и отличный специалист, но вот с дворцовым высшим обществом, за ногу его и об угол, наверняка не сталкивалась по молодости лет... Почему? Да потому что именно вы — на почетной и престижной службе, а не чей-то сынок или племянник. Зависть, Кани, зависть... Переносимая и на *ваших* родителей — за то, что они ваши родители. Жизнь иногда — такая грязная штука... А если еще и ваши похождения всплывут? Все мы будем в таком дерьме... Честное слово, мне тебя примитивно выпороть хочется, да поздно. Это же надо было ухитриться, так нас всех подставить... А ведь умница... Знаешь, мне тебя даже не хочется наказывать, ни разжаловать не тянет, ни уволить... Просто не ожидал я от тебя такой... такого...

Зло помотав головой, он сунул в рот очередную сигарету. Канилла потянулась к своему портсигару — и замерла под холодным взглядом Сварога, не решаясь протянуть руку.

— Да кури уж... — сказал он равнодушно, — это, по крайней мере, неприятностей и сплетен нам не принесет...

Она не плакала, но выглядела сокрушеннее некуда — и явно не играла. Все же умная девочка...

— Командир, — сказала она, избегая встречаться с ним взглядом. — Я в ваших глазах сильно упала?

Он сторяча хотел ответить, что так оно и есть. Но вспомнил, что не так уж давно эта девчонка вместе с другими утюжила небо на бреющем полете над Каталауном, искала его без приказа, наоборот, вопреки всем приказам — прекрасно зная, что Багряная Звезда вот-вот должна войти в атмосферу и погибнуть могут все.

— Глупости, Кани, — сказал он со вздохом. — Не пала ты ни сильно, ни слабо... Просто я злюсь, как любой на моем месте...

— Я совершенно не подумала... — сказала она покаянно. — Ну, кто мог знать, что мать вдруг... Нам так хотелось побыть вместе... Там все и, правда, очень пылко... — Канилла наконец подняла на него глаза, продолжила то ли с укором, то ли неким подобием вызова: — Вам легче, у вас куча замков и целый Хелльстад, и строгой матери у вас нет... Ой, простите... Что я несу... Я виновата, командир. Родрик тут ни при чем, вы правильно догадались, это я придумала... Нас так друг к другу тянет... А вдобавок мне еще лететь на две недели в Латерану, я изведусь, и он изведется... Хорошо! Вы взрослый, опытный, скажите, что делать и как все исправить? А я, честное слово, больше никогда...

— Где вы... дежурили? — спросил Сварог жестко. — Кани, коли уж пошел такой разговор, давай ничего не скрывать.

— Мы... мы сняли домик в Латеране. Очень приличный квартал, домик стоит в саду, и при нем садик с высокими стенами... Там достаточно места, чтобы посадить брагант, мы, конечно, делали его «невидимкой»...

— Что-то ты не договариваешь, красавица, — сказал Сварог напористо. — Вы оба никогда в жизни не бывали в земных городах, не знаете тамошней жизни, обычаев, порядков, правил. Сами по себе вы бы просто не сумели снять дом, обязательно чем-нибудь выдали бы себя, пошли бы разговоры... но в докладах тайной полиции ничего подобного не зафиксировано. Значит, вам кто-то помогал. Кто?

— Не скажу, — отрезала Канилла, глядя ему в глаза с нешуточной решимостью. — Вы их накажете. Вот она я, со мной делайте, что хотите...

— Не накажу, — сказал Сварог. — Честное слово. Ты в нем, надеюсь, не сомневаешься?

Чуть помолчав, Канилла опустила глаза:

— Томи... Собственно, не она сама... Она нам очень сочувствовала... Вы только меня не выдавайте, но она еще девочка, и ей очень хотелось помочь в таком деле... Она попросила одного дворянина, который за ней ухаживал, познакомил нас...

— Как его зовут?

— Граф Гаржак...

Ну конечно, подумал Сварог сердито. Помочь двум юным влюбленным подыскать гнездышко — вполне в стиле Гаржака. Куда ни глянь — доброхоты и благодетели... Молодежь сопливая, хвостом вас по голове...

— И все это время вы летали туда?

— Ага, — сказала Канилла, чуточку осмелев, почуяв, видимо, что *жутких* репрессий не последует. — Там было так уютно и романтично, будто в старых романах...

— Представляю, — сухо сказал Сварог. — И конечно, ни оружия, ни генератора защитного поля у вас с собой не было?

— Нет...

— Гвардейцы... — процедил Сварог сквозь зубы. — Сопляки...

— А что могло случиться?

— Да что угодно, — сказал он, ничуть не кривя душой. — Городские бандиты, например. Они как раз любят приглядываться к таким вот уединенным домикам. И, если бы убедились, что там никого нет, кроме юного сопляка и красивой девушки... лучше не вдаваться в подробности того, что могло бы произойти. Я не преувеличиваю, Кани. Столько полицейских отчетов прочитал... И потом, есть еще «Черная благодать», токереты, горротская шайка... в общем, куча народу, для кого такие пленные, как вы, были бы подарком судьбы. Много знаете. А знания вытрясали пытками и из людей покрепче вас... Ладно, хорошо еще, что все обошлось... Больше туда, конечно, ни ногой. Ни ногой! — прикрикнул он, когда Канилла попыталась что-то сказать. — И это уже прямой приказ, за нарушение которого вылетите со службы быстрее молнии. Что нужно ответить?

— Есть, командир... — произнесла Канилла тусклым, севшим голосом. — Ни ногой...

Сварога так и подмывало на этом не остановиться, а устроить еще легонький разнос — но, присмотревшись к девушке, он мысленно плюнул и махнул рукой. Сидела осунувшаяся, несчастная, нисколько не играя. Может, придумать что-нибудь для этой парочки юных пылких сопляков? Которые ради него однажды всерьез шли на смерть?

— И что теперь будет... — произнесла Канилла куда-то в пространство. — Нам же совершенно негде теперь встречаться...

— Выпороть бы тебя, — сказал окончательно остывший Сварог. — Но поздно. Если... Погоди-ка.

Он отвернулся, заслышав курлыканье иного тона. Увидел мигающую синюю лампочку и коснулся соответствующей клавиши. Вспыхнул экран, Сварог увидел кабину «ящера» и сверкавшего белозубой улыбкой маркиза Оклера в нововведенном, синем с золотом мундире Морской бригады. Судя по тому, как светло было в кабине, «ящер» не плыл над водой, а летел по воздуху — отличная амфибия, надо будет заказать несколько штук для своих нужд...

— Хотите небольшой подарок, лорд Сварог? — сказал маркиз весело. — Очень похоже, мы нашли именно ту жангаду, насчет которой вы тогда говорили. Я, собственно, высоко над ними, они меня не видят... Дать вам картинку? Вполне возможно, вы их узнаете. Я бы не забыл субъектов, всерьез приносивших меня в жертву морским богам...

— Да и я не забыл... — проворчал Сварог. — Дайте картинку, если вам не трудно.

— Хо! Какие трудности! — Изображение сменилось, теперь оно представало собой морскую гладь, по которой плыла вереница плотов: огромные, на каждом — единственная мачта с косым парусом и несколько плетеных хижин с острыми крышами. Судя по высоте, «ящер» повис над морем лигах в двух.

— Хотите посмотреть поближе? С какого начнем?

— С переднего, — сказал Сварог.

Показалось, что «ящер» пикирует с огромной скоростью — но то, конечно, камере дали резкое увеличение. Сварог словно бы висел теперь над самыми головами кучки людей, стоявших на носу.

— Вот так и оставьте, пожалуйста, — сказал Сварог. — Именно так, присмотрюсь... — Его лицо свела злая гримаса.

Трое мужчин в одежде из рыбьей кожи с заметным почтением слушали четвертого — говорившего неторопливо, веско, с уверенностью предводителя. Он и в самом деле был предводителем, старшиной жангады, имя Сварог запомнил, но эту рожу помнил прекрасно: пожилой, осанистый, представительный, с редкой проседью в аккуратно подстриженных волосах и бородке, чем-то неуловимо смахивающий на секретаря обкома из безвозвратно ушедшего прошлого Сварога. На члена Политбюро не тянет, а вот первый секретарь обкома — один в один. Только его одежда оторочена мехом серого тюленя, только у него одного на шее вместо ракушек ожерелье из пары дюжин тяжелых золотых монет, только у него одного пояс не из кожи морского зверя, а из резных костяных пластин, у него одного на поясе скрамасакс с золоченой рукоятью. «Со свиданьем, старшина, — подумал Сварог злорадно. — Имечко твое я забыл, зато прекрасно помню, что ты сказал на прощанье. „Утопленники никогда не возвращаются“. Ошибочка вышла...». Экран стоял перпендикулярно к его рабочему столу, и Канилла тоже, забыв на миг о своих горестях, с любо-

пытством разглядывала жангаду. Сварог, конечно, ей не препятствовал: с какой стати, свой человек, хотя и заслуживший хорошую порку...

— Маркиз, — сказал он глухо, — вон там, справа, женщина у борта... Можно крупный план?

— В два счета!

Сварог поймал себя на мысли, что помнил ее тело, но напрочь забыл ее имя. Лабейя? Лагайя? Что-то такое...

Она самую чуточку располнела, но оттого стала еще красивее. Тоже платье из рыбьей кожи, на шее среди ракушек поблескивают три золотых монетки, вот только на светловолосой головке — повязка из тройного ряда жемчужин, раньше ее не было. А на руках...

А на руках она держала аккуратный сверток из рыбьей кожи, и там виднелась младенческая физиономия с закрытыми глазами — глупенькая, курносая, крохотная...

— Спасибо, маркиз, — сказал Сварог, с трудом проглотив комок в горле. — Будьте так любезны, сбросьте мне на служебный компьютер их координаты и курс. Я сейчас отправлю своих парней, чтобы привели на берег, мне эта компания нужна!

— Зачем вам лишние хлопоты, старина? — пожал плечами маркиз. — У меня тут поблизости барражирует звено автоматов. Сейчас дам приказ, эти скорлупки захватят гравиневодами и поведут к берегу. Фиарнолл вас устроит?

— Конечно, — сказал Сварог. — Но у вас наверняка есть свои задачи, что же я буду вас отвлекать...

— Лорд Сварог, — сказал маркиз уже без улыбки. — В наши скучные времена очень мало найдется людей, которые могут сказать друг о друге: «Мы с ним вместе воевали». Мы с вами это друг о друге сказать можем. Так что не жеманьтесь и помните, что у вас есть друг, который всегда выполнит любую вашу просьбу, а уж такую пустяковую... Честь имею!

Он лихо отдал честь и пропал с погасшего экрана — гвардейский пижон номер один, на которого, как только что выяснилось (а впрочем, это было ясно еще при Дике), можно полагаться в серьезных делах...

— Что с вами, командир, — восторженно спросила Канилла. — У вас лицо стало какое-то такое...

— Кани, ты видела женщину с ребенком? — спросил он, вдруг почувствовав неодолимую потребность выговориться.

— Ну конечно. Красивая... Они совсем не похожи на дикарей, хотя кто-то мне их именно так и описывал...

— Это мой ребенок, — сказал Сварог. — Вне всякого сомнения.

— Ух, ты! — восхищенно воскликнула Канилла. — Вас и туда заносило?

— Куда меня только не заносило... — проворчал Сварог.

— А она красивая... Она вам нужна?

— Мне она абсолютно не нужна, — сказал Сварог, отрешенно глядя на погасший экран. — Так уж сложилось, это долгая история... Но ребенок мой. Черт... У меня никогда не было детей. Насколько я знаю... Я просто понятия не имею, что сейчас сказать, что я вообще должен чувствовать. Не представляю.

— Кто-кто, я уж я вам советом никак не могу помочь, командир, — сказала Канилла. — Хотя... Раз это ваш ребенок, на вашем месте я бы его забрала, он же все-таки ваш... Хотя, конечно, многие своими земными детьми попросту не

интересуются...

— Ладно, хватит об этом, — сказал Сварог. — Нужно как-то решать с тобой... Она сказала настороженно и виновато:

— Я только могу дать честное слово, что ничего такого больше...

— Везет тебе, Кани, — усмехнулся Сварог. — То ли я сегодня чересчур благодушен, то ли на *первые* промахи и в самом деле надо закрывать глаза... Тебе ведь послезавтра в Латерану на две недели (он видел, что девушка погрузилась еще больше). Сделаем так. Родрик на эти две недели полетит с тобой, занятие я ему там придумаю, оно всегда найдется... Вот только мой тамошний министр тайной полиции — жуткий моралист...

— Я знаю, — сказала Канилла, форменным образом расцветая на глазах. — Томи столько забавного рассказывала...

— Поэтому поступим очень просто, — сказал Сварог. — Совру ему, что вы — молодожены, он проглотит...

— Великие небеса... — прямо-таки завороченно прошептала Канилла с блаженной улыбкой. — Две недели жить вместе... — и тут же ее личико чуть омрачилось. — А потом?

— Король сегодня патологически милостив... — проворчал Сварог. — Запоминай хорошенько: ваши «ночные дежурства» служили лишь прикрытием для порученной вам сложной операции, которая до сих пор держится в строгой секретности. И продолжается. Я поговорю с королевой Сегура, она вас приютит... Все. Свободна. И чтобы впредь... — он встал и погрозил указательным пальцем.

Канилла бросилась ему на шею, поцеловала в губы долгим, умелым поцелуем, шепнула на ухо:

— Командир, я за вас умру, только прикажите...

И улетучилась из кабинета, явно спеша порадовать Родрика.

Оставшись в одиночестве, он подошел к зеркалу и, заложив руки за спину, хмуро разглядывал свое столь же хмурое отражение.

Ну вот, опять в который раз окружающие считают его бескорыстным благодетелем. А меж тем на первом месте снова голый практицизм: коли уж у них там все и впрямь очень пылко, две недели Кани будет тосковать, терзаться, нервничать — что никак не пойдет на пользу работе. Соответственно, и ее мятущийся Ромео будет работать спустя рукава, да еще, тут и гадать нечего, вопреки уставу будет украдкой летать к ней в Латерану. Пусть уж для пользы дела поживут там вместе. Знал бы кто, сколько голого практицизма сплошь и рядом таится за «благородством души» короля Сварога...

«Ну, ты не особенно бей себя ушами по щекам, — сказало отражение беззвучно. — У Мары-то ты их приютишь не из практицизма, а из элементарной симпатии к двум молодым и пылким, которым просто негде завалиться в постель и заниматься любовью до изнеможения...».

«Откуда ты знаешь, рожа, — вяло ответил Сварог. — Может, и это я устраиваю из чистого практицизма, чтобы хорошо работали и не натворили каких-нибудь глупостей».

«Да ладно, — фыркнуло отражение. — Ты им просто по-человечески сочувствуешь. Тебя всерьез зацепили исполненные откровенной зависти слова Кани о том, что у тебя-то самого куча замков и прочих мест, куда ты можешь безнаказанно водить баб... И тебе стало искренне жаль эту парочку».

«Иди копай канаву, от забора и до заката», — огрызнулся Сварог, отвернулся и вышел в приемную. С дивана тут же вскочил Элкон, вид у которого был какой-то очень уж нетерпеливый. А секретарь прилежно доложил:

— Господин директор, вам депеша от заместника в Лоране. По форме «текущие дела».

— Ну, это подождет, — сказал Сварог, видя, как буквально затоптался на одном месте Элкон, и кивнул ему: — Пойдемте в кабинет.

Они даже сесть не успели, Элкон выпалил с порога:

— Командир, я в ближайшие сутки буду вам нужен для каких-то неотложных дел?

— Пожалуй, нет, — сказал Сварог. И вспомнил: ага, Латерана, та блондиночка-маркиза, ветренная, но не сказать, чтобы развратная... Пылкости там, пожалуй что, нет, просто обычный роман, но какая разница? Уж Элкон безусловно заслуживает суточного отпуска, в отличие от некоторых других, по которым ремень плачет бессильными слезами...

И удивился не на шутку, когда Элкон сказал:

— В таком случае я бы попросил разрешить мне служебную командировку в Горрот. Разумеется, я не собираюсь сходить на берег. Мне нужно всего-навсего проплыть по Ителу в пределах Горрота. Я уже все рассчитал. Есть грузопассажирский пароход, который идет в Балонг, причаливая в Горроте лишь на пару часов добрать угля. Я оставлю брагант на гланской границе, а в Балонге меня подхватят наши. Все займет от силы сутки. Никаких авантур. Вы же знаете, командир, что авантур за мной не числится. Просто не особенно и сложный эксперимент.

— В принципе, я не против, — пожал плечами Сварог. — Согласен. Но, Элкон... *Наша* аппаратура в Горроте ведь не работает. Или вы хотите попробовать что-то хелльстадское? Неплохая идея, если так, я давно собирался что-то подобное провести...

— Командир, можно я пока промолчу о подробностях? Не из желания щегольнуть эффектным результатом, честное слово. Просто... Если все удастся, результаты могут быть самые ошеломительные... а если я неправ и потянул пустышку, очень уж стыдно будет потом, в первую очередь перед собой самим... Знаете, случаются такие ситуации...

— Знаю, — сказал Сварог. — Ладно, отправляйтесь, — он хитро прищурился: — А может, вам еще выделить время, чтобы завернули в Латерану?

— Очень хотелось бы, но некогда, — серьезно сказал Элкон. — Если я прав... Там такое, командир... Разрешите идти?

— Идите, — кивнул Сварог.

Элкон отдал честь, браво повернулся через левое плечо и вышел из кабинета чуть ли не строевым шагом — ну как же, участник самого настоящего военного набега на Горрот, кавалер соответствующей медали. «А ведь мальчишка накопал что-то очень и очень серьезное, подумал Сварог. С мальчишкой такое не в первый раз случается. Коли уж едва вошедший в совершеннолетие парень, познавший до сих пор не так уж много женщин, решительно отказывается от пылкой ночи с молодой искусной красоткой... Что-то там должно быть серьезное...»

Он вышел в приемную, повернулся к секретарю:

— Что там за депеша?

— Королева Лавиния Вторая Лоранская просит о срочной, тайной и неофициальной встрече с вами, — отчеканил секретарь.

Сварогу он достался в наследство от Гаудина, менять его Сварог не стал — идеальный бюрократический механизм, надежный и незаменимый на своем посту. Во многом — полное подобие Костяной Жопы. Правда, легонько постукивает на Сварога Канцлеру, но тут, как говорится, ничего личного — он и на Гаудина раньше постукивал. В конце концов, Канцлеру стучит, а не «Черной благодати» или каким-нибудь заговорщикам при дворе. Да вдобавок ему неизвестно ничего такого, что Сварог скрывает от Канцлера...

— Уточните, пожалуйста, — сказал Сварог. — Я не вполне понял. В *каком* моем качестве она хочет со мной встретиться?

— В качестве начальника восьмого департамента.

— Интересно пьют драгуны — кто из жбана, кто из бочки... — задумчиво протянул Сварог. — Вот в *этом* я пока решительно не ориентируюсь... Это обычная просьба или в ней есть что-то необычное? Прецеденты были?

— Можно сказать, просьба самая обычная, — бесстрастно кивнул секретарь. — Такие просьбы земные короли высказывали пусть не столь уж часто, но и не настолько редко, чтобы считать это чем-то из ряда вон выходящим. Обычно это означает, что в королевстве случилось что-то, с чем король не может справиться своими силами, и ему необходима помощь нашего департамента. Или наш совет — опять-таки по каким-то серьезным причинам.

— Срочно, тайно, неофициально... — проворчал Сварог.

— Это, собственно, стандартная формулировка, — сказал секретарь.

— Ну что же... — протянул Сварог. — Уже вечереет, а мне нужно еще посмотреть кучу материалов... Завтра у меня после обеда встреча с Канцлером, а до обеда я свободен... Назначьте ей, пожалуй, на завтра, на десять часов утра, это нормально для таких случаев?

— Вполне, — сказал секретарь. — Будь там что-то очень серьезное, не терпящее отлагательств, вместо «срочно» стояло бы «незамедлительно». Завтра, десять утра... Я сейчас же свяжусь с канцелярией заместника. Они доставят королеву на своей вимане или прикажете послать нашу?

— Пусть везут сами, — не особенно и раздумывая, сказал Сварог. — Все равно бездельничают... Я сейчас займусь документами, отключу всю внешнюю связь, оставлю только «бесшумку», на нее и сбрасывайте сообщения... но только если это выше обычной текучки.

— Слушаюсь, — кивнул секретарь.

Интересно, когда он спит и где живет? — подумал Сварог. Он *всегда* здесь, вот и сейчас будет сидеть в приемной хоть до утра, если Сварог улетит только утром. А ведь полноправный лар, не бастард, должен иметь манор, семейство... Впрочем, и Диамер-Сонирил, как болтают то ли злые языки, то ли хорошо информированные источники, у себя в маноре ночует через два дня на третий, у него в департаменте жилье обустроено. Иные начальники, особенно из тех, кто помоложе, используют подобное служебное жилье, чтобы втихомолку принимать любовниц, но Диамер-Сонирил ни в чем таком не замечен, сожительствует исключительно с параграфами...

Поразмыслив, он ушел из кабинета в комнату отдыха, где было гораздо уютнее: никакого рабочего стола, один-единственный компьютер да парочка экстренных каналов связи, легкая, изящная мебель в так называемом гала-

ринском стиле (был в большой моде лет двести назад, а пару лет тому неожиданно вошел в моду здесь), кресла, низкий столик, шкафчик с питиями и закусками, удобнейший широкий диван (ходили в свое время слухи насчет Гаудина и некоей его молодой подчиненной), все выдержано в янтарно-желтых тона... Уютно.

Сварог снял сапоги, по вьевшейся навсегда привычке аккуратнейшим образом поставил их у дивана бок о бок, повесил китель на спинку низкого кресла, придвинул к дивану второй столик, еще меньше, выложил на него портсигар, принес бутылку келимаса с тарелочкой с фруктами. Не то чтобы хотелось выпить, просто он точно знал: просмотр досье Ледяного Доктора лучше сопровождать изрядной долей спиртного. Кое-кто, всерьез поговаривают, и блевательницы себе ставил, но Сварог считал, что обойдется и без нее — всякое повидал...

Он удобно устроился на диване, полулежа, подложив под локоть пухлую подушечку, наполнил бокал, но пить пока что не стал. Одним движением пальца включил «стену» — экран от пола до потолка, уардов трех в ширину.

Сначала, как он ожидал, — фотография. Благообразнейшего облика старикан, с красивой копной седых волос и тонким породистым лицом. Не зная подробностей, воскликнешь моментально: симпатичнейший человек! И глаза добрые-добрые... Герцог и граф, подобно иным представителям *старой* аристократии, не получивших свои титулы *позже*, императорской милостью, а изначально их имевших (впрочем, это изначально следует относить ко временам спустя лет пятьсот после Шторма), состоял в крайне отдаленном, но все же родстве с императорской фамилией через какой-то старинный брак девицы из его рода. В прежние времена — один из лучших специалистов Магистериума в своей области (биология, нейрохирургия, какая-то загадочная «молекулярная синапсология»). Академик, кавалер орденов, пятикратный лауреат «Золотой Колбы» (высшей награды Магистериума, которой особенно не разбрасываются), автор двух учебников. Открытия, изобретения, лавры и почет — на троих хватит. Вот только и у столь заслуженного, гениального, как считали иные, ученого может в преклонные годы съехать крыша. Каковая и съехала, когда светило удалилось на покой.

Как проистекало из досье, до сих пор точно неизвестно, когда он начал *окаянствовать*. Потому что не осталось живых свидетелей, способных назвать более-менее точные даты.

Почти сразу же после ухода из Магистериума он обратился с прошением о выделении изрядного количества энергоресурсов для постройки собственного крохотного научного городка. Каковые и получил — в рамках соответствующего раздела Хартии Вольностей. Всякий благородный лар при желании может получить энергоресурсы на создание чего-то подобного: искусственную планету в натуральную величину, конечно, не дадут — это уже излишняя роскошь, но что-то вроде маленького научного городка — всегда пожалуйста. Другое дело, что подавляющее большинство ларов эту привилегию никогда не используют, а немногочисленные желающие в основном чудят: один устроит за облаками личный ипподром, другой — летающее озеро в добрую лигу шириной с островом посередине и живописным замком на нем (где, помимо хозяина, обитала еще дюжина молодых антланок, изображавших в озере в обнаженном виде русалок и прочих наяд, а в замке откалывавших номера и почи-

ще). Одним словом, человек имеет право. Тем более столь заслуженный ученый. Никто и не встревожился. Обычный манор, небольшой замок хозяина, несколько домиков для его научного персонала, три огромных здания лабораторий, никаких слуг, из которых, как теперь знал Сварог, восьмой департамент старательно вербует агентуру — их функции выполняют домашние автоматы и владеющий соответствующей магией управляющий. Ну, и собственный энергоприемник.

И зажил наш зловецкий персонаж затворником. Как и набранный им из ларов и антланцев научный персонал. Правда, три-четыре раза в год Ледяной Доктор затворничество нарушал, устраивал прием для пары дюжин старых друзей, приятелей и бывших сослуживцев. Где всякий раз демонстрировал интересные, забавные, но не имевшие серьезного научного значения живые курьезы: вроде стаи мышей, преспокойно обитавших в воде на дне большого аквариума, кошек с тремя хвостами, умевших щебетать по-соловьиному летучих мышей, двухголовых собак, точных живых подобиий иных безобидных мифологических зверей — в общем, массу всевозможной, с научной точки зрения, дребедени.

Всякий раз среди гостей оказывались агенты Гаудина — как опять-таки выяснил Сварог, возглавив департамент, иные благородные лары с превеликой охотой стучали друг на друга, и вовсе не из меркантильных побуждений, хотя встречались и такие — большей частью либо из затаенной вражды, либо из врожденной подлости. И всякий раз отчеты Гаудин получал самые благостные: понемногу выживающий из ума старикан чудит на всю катушку, создавая кукарекающих змей, черепах, способных при желании вылезать из панциря и разгуливать, так сказать, голыми, и прочую безобидную экзотику. Так оно года три и продолжалось...

Потом стали раздаваться первые звоночки. Один из аналитиков Гаудина, бывший инженер, написал отчет. Никакой конкретики там не было — просто-напросто автор считал: ему кажется, что энергопотребление научного городка чересчур уж, в разы, превышает количество энергии, необходимое для создания шестипалых зайцев и мяукающих улиток. Были у него, как Сварог понимал, какие-то смутные подозрения, но обосновать их человек не мог. Аналитик был молод, служил недавно, и его отчет, уцепившись за слова «кажется» и «возможно», благополучно похоронили в архивах.

В любом случае, агентуру внедрить туда не удавалось. Оснований для насильственного осмотра лабораторий не имелось — Хартия вольностей, в перелест ее и через клюз...

Потом как-то *странно* пропали без вести шестеро ларов — и об одном было точно известно, что он собирался поступить на работу к академику (правда, сам академик твердо заявил, что и слышать-то о таком человеке не слышал).

Чуть погодя восьмой департамент получил нехорошую бумагу из ронерской тайной полиции, от предшественника Интагара на этом посту. Само по себе дело казалось насквозь неинтересным: удалось обнаружить и большей частью повязать очередную шайку похитителей людей. Сие непотребное ремесло было не особо распространенным, но и не экзотическим. В портовых кабаках подпаивали и форменным образом крали моряков — для иных рейсов и кораблей, куда мало кто соглашался наниматься добровольно. Крали девушек для продажи в публичные дома — в основном из тех, кто попроще, чтобы не

было лишнего шума, хотя случалось всякое. Иные владельцы Вольных Маноров потихоньку прикупали себе похищенных (опять-таки главным образом из простолюдинов) для работы в шахтах.

Однако на сей раз тайная полиция представила довольно убедительные доказательства, что ниточки от этой шайки тянутся наверх, что практически всех, кого похитили, приобретал некий прибывший из-за облаков субъект (как отметили сотрудники Гаудина, проанализировав иные полицейские отчеты, безусловно пользовавшийся виманой-невидимкой). А над домом, где этот тип обитал и откуда регулярно исчезал таинственным образом вместе с купленным «товаром», всякий раз висел в небесах научный городок господина академика.

Это расследование не успели еще довести до конца, как *бабахнуло* всерьез. На очередном приеме, созвав на сей раз всего четырех особо близких друзей, Ледяной Доктор отвел их в одно из лабораторных зданий и, сияя от гордости, продемонстрировал уже не квакающих хорьков, а невообразимых монстров. Таких, что все четверо (из которых ни один не был стукачом), едва покинув научный городок, кратенько посоветовались и полным составом бросились к Гаудину.

То, что они наперебой рассказывали, было дико, жутко, невообразимо — но все четверо говорили одно и то же, это были серьезные ученые, уважаемые люди, нисколько не производившие впечатления сумасшедших. С одним, кстати, там же, в кабинете Гаудина, случился сердечный приступ.

После короткого колебания, посоветовавшись с Канцлером, Гаудин объявил тревогу, взял полдюжины своих людей, десяток спецназовцев, нескольких экспертов и на шести брагантах отправился в научный городок.

Ему крепко повезло, что три из шести брагантов были боевыми, с бортовым оружием... Еще издали они увидели встающий над манором исполинский столб дыма — а несколькими мгновениями позже им навстречу вылетел драккар, обстрелял браганты и припустил прочь, явно держа курс на землю. Пальба была неприцельная и хаотичная, так что лишь пара машин получила легкие повреждения. И те три, что были вооружены, немедленно кинулись в погоню. Севши на хвост, держались довольно далеко — драккар то и дело грызлся огнем и ухитрился сбить один из брагантов.

Где-то над горами Оттершо ему наперерез бросились браганты Серебряной бригады, с которой Гаудин успел связаться. Драккар, отстреливаясь, резко изменив курс, пытался уйти на бреющем полете, но передовой брагант Гаудина его догнал, зашел сверху и по команде начальника открыл огонь на поражение. Лупили, похоже, немилосердно, из всех стволов. В конце концов драккар, словно бы потеряв управление, рыскнул в воздухе, остановился и медленно стал опускаться на землю, что означало, что живых на борту уже нет, одни мертвые, и, безусловно, лары...

Так оно потом и оказалось, когда к драккару, опустившемуся на памятных Сварогу унылых торфяных полях Оттершо, со всеми предосторожностями подошли преследователи. В драккаре обнаружилось двое мертвецов — Ледяной Доктор и его многолетний ассистент еще по Магистериуму, некий барон, в свое время звезд с неба не хватавший, но все же кое-что сделавший в тех же науках, что и заслуженный академик.

Протоколы исследований на ДНК, подтвердившие несомненную идентич-

ность Ледяного Доктора, — и еще парочка исследований, служивших той же цели, но совершенно Сварогу непонятных (однако подтверждавших первоначальный вывод).

Ну, а дальше пришлось от души хлебнуть келимаса. Потому что, как и предупреждал его не один человек, началось самое тягостное — видеозаписи обнаруженного в уцелевшем лабораторном здании... Остальные два были уничтожены начисто, от них остались лишь выгоревшие каркасы — а спалить третье Доктор, по-видимому, просто не успел, увидев приближавшихся незваных гостей.

Да уж, тут нужно было иметь крепкие нервы... Жуткие гибриды человека с волком, крокодилем, кабаном, человеческие головы, приживленные к змеиным туловищам, уродливые кентавры, отдаленно похожие на силванских. И много чего... то есть кого еще. Животные с человеческим мозгом, дерево-людоед, «кусай-дуб» из ратагайских сказок — сочетание дуба, осьминожьих щупальцев, пасти каталаунского тигра и человеческой головы, затылком погруженной в ствол дерева. Как и говорили Сварогу раньше, самым жутким оказался даже не вид этих монстров — а то, что большинство из них сохраняли ясное человеческое сознание, ориентировались в окружающем, вполне членораздельно и разумно разговаривали с Гаудином и его людьми.

«Как же они умом не тронулись?» — подумал Сварог. Ответ обнаружился очень скоро: гениальный безумец им впрыскивал лошадиные дозы нейролептиков и успокоительных. А еще чуть позже из очередного отчета Сварог узнал, что добрая половина этих несчастных жива до сих пор: обитает в том же маноре, в том же здании, в обитых изнутри толстым слоем чего-то мягкого клетках, под постоянным присмотром пары дюжин докторов, на тех же лекарствах.

Канцлер (во время осмотра лаборатории облежавший мундир и сапоги), велел присвоить этому делу секретность высшей степени. Ледяного Доктора и его сотрудников объявили жертвами неудачного эксперимента, манор накрыли защитным полем и поставили немаленькую круглосуточную охрану. Двум благородным ларам, моментально опознанным обыскивающими, тоже пришлось придумать убедительные версии смерти от несчастных случаев — нельзя же было показывать их родным и близким в виде удава с человеческой головой и жуткой помеси человека с оленем...

Просмотрев все до конца, Сварог вполне серьезно похвалил себя: за то, что ухитрился так ни разу и не сблевать, хотя позывы случались неоднократно. После чего взялся за келимас по-настоящему: после такого зрелища просто необходимо было надрататься в хлам, пока не вырубись...

Такая вот история. А дальше? А что — дальше? Собственно, ничего особенного: в очередной раз усилили негласный надзор за Магистериумом, увеличили внутреннюю агентуру, обязали всех, кто частным образом занимается у себя в манорах научными исследованиями, регулярно представлять подробнейшие отчеты и четыре раза в год предоставлять лаборатории для осмотра особым инспекторам (для коих срочно сформировали новый отдел восьмого департамента). Одним словом, как не раз уже случалось, и не только в таларской истории, крепенько помахали кулаками после драки...

Прежде чем Сварог напился окончательно, до полной неспособности рассуждать здраво, он все же успел кое-что обдумать. И вынужден был признать,

что в *данном* случае Гаудин был кругом прав: во-первых, что бы ни твердил покойный лорд Раутар, Ледяной Доктор, несомненно, мертв, во-вторых, совершенно непонятно, какая может быть связь между его «научным городком» и тем, что творится сейчас в Горроте. Доктор и Брашерио с сообщниками занимались совершенно разными научными дисциплинами, никогда и ни в чем не пересекаясь. Ни дружбы, ни простого приятельства меж ними никогда не замечено — хотя шапочно знакомы, конечно, были, учитывая высокий научный ранг обоих и малочисленность ученого сословия Магистериума. Никакой связи не просматривалось, хоть ты тресни! Странные полулюди-полукошки, направшие на загородный замок Стахора? Это еще ни о чем не говорит. Не видно ни малейшей связи, черт побери...

И все-таки одна толковая мысль пришла Сварогу в голову, прежде чем он провалился в алкогольное беспомыслие.

И он как-то ухитрился не забыть ее на следующий день.

Глава VI

ПРИКЛАДНАЯ АСТРОНОМИЯ ПО МЕТОДУ КАНЦЛЕРА

Поскольку визит был неофициальным, обошлось без пышных церемониальных глупостей: всего-навсего секретарь, распахнув дверь перед Лавинией, склонился в поклоне гораздо ниже, чем перед своим начальством. Сварог встал и вышел из-за стола, чтобы встретить ее посередине кабинета. Лавиния вошла легкой, летящей походкой — и Сварог машинально подумал, что она должна хорошо танцевать.

Этюд в голубых тонах, знаете ли... На ней синее кружевное платье, сапфиры в ушах, на шее и на пальцах, даже вдовий чепец, обшитый белой ленточкой — из синего кружева и больше похож не на печальное напоминание о вдовьей нелегкой доле, а на изящную, даже игривую шапочку. Все это прекрасно гармонировало с большими синими глазами и темными волосами. Стерва, конечно, пробы ставить негде, но очаровательна...

— Вино? — вежливо спросил Сварог, когда она села, положив ногу на ногу (что земным королевам строго запрещалось этикетом).

— Не откажусь, — ответила она непринужденно. И, пока Сварог ставил на стол поднос, продолжала: — Давайте сразу к делу?

— Давайте, — сказал Сварог. — У вас что-то стряслось?

— Ну что вы, к счастью, все превосходно... — Лавиния с непонятным выражением посмотрела на него поверх тончайшего бокала с цветным узором. — Просто я прилетела к вам с деловым предложением.

— А вот это очень интересно, — сказал Сварог, нисколько не кривя душой. — До сих пор отношения у нас с вами были такими, что о каких-то общих делах и заикаться не стоило... Итак?

— Сначала — о большой политике, — сказала Лавиния. — Быть может, вы согласитесь, что мой Лоран торчит у вас костью в горле, мешая планам овла-

деть всем Харумом? Королевство у меня не такое уж маленькое, отнюдь не слабое, есть сильный флот, неплохая армия, а главное — подданные мои вовсе не горят желанием сменить монарха. Я не так давно провела кое-какие реформы, не старалась, чтобы все как сыр в масле катались, это уж чересчур, — но сделала достаточно для всех, от дворянства до крестьян, чтобы они остались довольны. И время от времени подкидываю косточки... Конечно, есть люди, которые всегда и всем будут недовольны, но большинство — за меня. Вам ни за что не найти в Лоране столько недовольных мною, чтобы сколотить из них серьезный противовес. И вы наверняка это прекрасно понимаете, у вас хорошая разведка, вы много должны о нас знать. К тому же вы, несомненно, используете *здесь* возможности для устройства земных дел... как любой на вашем месте. Вы согласны?

— Согласен, — сказал Сварог.

— Нас нельзя разложить изнутри или устроить серьезную внутреннюю смуту. Нас можно только завоевать. А это будет нелегкое предприятие. Нам чертовски помогает, что мы — остров. Переправить войска через Великий Канал вы не сможете — сейчас он считается международными водами, но на случай войны мы запасли несметное число мин, и при малейшей угрозе часа за два вывалим их в Канал, так что он будет напоминать миску, где фрикаделек больше, чем похлебки. Мои генералы очень серьезно относятся к вашему маршалу Гарайле и его великолепной коннице — но ее еще надо перевезти морем... Заверяю вас, мы будем драться до последнего. Вы, конечно, победите, у вас громадный перевес, но и потери вы понесете огромные. И окажетесь в оккупированной стране, где народ вас люто ненавидит. Стоит ли овчинка выделки? Я уверена, вы не раз задавали себе этот вопрос, верно? Поскольку до сих пор нет ни малейшего намека на какие бы то ни было военные приготовления против нас. Я правильно догадалась?

— Правильно, — кивнул Сварог. — Позвольте уж и мне щегольнуть пронизательностью? Уж не предлагаете ли вы союз?

— Гораздо больше, — сказала Лавиния. — Я вам предлагаю взять меня в жены. Обвенчавшись по всем правилам во всех ваших владениях — вы ведь имеете на это право, — она весело, звонко рассмеялась. — А вы чертовски удивлены... но уже справились с собой и начали прикидывать то и это... Я вам нравлюсь как женщина?

— Не скрою, — светским тоном сказал Сварог.

— Я не колдунья, но попробую прочесть ваши мысли... В них наверняка присутствует что-то вроде: «Положить бы тебя на тот диван... Угадала?»

— Угадали, — сказал Сварог, вежливо улыбаясь.

— Ну и прекрасно. Хотите задаток?

Она встала, танцующей походочкой подошла к дивану и легла. И пока прошла эти несколько шагов, успела расстегнуть все четыре пуговицы на платье, а подол кружевного платья смялся так, что лишь слепой бы не разглядел, что кружевные трусики у нее черные. Закинув руки за голову — отчего великолепная грудь стала еще выше — Лавиния ослепительно ему улыбнулась:

— Ну, идите сюда. Не думаете же вы, что я буду отбиваться и кричать? Наоборот...

Не раздумывая долго, Сварог подошел, присел рядом на краешек дивана, аккуратно, снизу доверху застегнул все пуговицы на платье и одернул подол

так, что правила приличия были полностью соблюдены. И спросил с интересом:

— Лавиния, вы и в самом деле думали, что я немедленно на вас наброшусь?

— Но это же не исключалось? — улыбнулась она томно. — Могли и наброситься. Многие не упустят столь удобный случай. Вы же меня хотите, по глазам видно.

— Врать не буду, — сказал Сварог. — С превеликим удовольствием прилегу бы, коли уж так откровенно предлагают, а обстановка способствует. Не будь вы... вами. Лавиния, заслуживающие доверия люди говорят, что вы большая умница и хитры невероятно. Отчего же вы считаете меня идиотом? Здесь так легко просчитать все наперед... Где-нибудь через месячишко после того, как вы станете законной соправительницей *всего*, какой-нибудь шалун всадит мне в спину нож, и вы останетесь единственной наследницей... Вы ведь четырежды подсылали ко мне убийц...

— Трижды, — поправила Лавиния, мило улыбаясь. — Честное слово, трижды. Если там у вас поймали какого-то четвертого, и он признался, что его послала я, он врал. Я посылала только троих.

Самое забавное, что она говорила чистую правду. Маху дал Интагар с этим четвертым, подумал Сварог сердито. Быстренько «признался», избежав особых пыток, а поскольку здоров был, как лось, отправлен не на плаху, а навечно на Катайр Крофинд, сельское хозяйство развивать. Надо будет его оттуда срочно извлечь и расспросить по жестче. Поскольку Лавиния не врет, есть еще кто-то неизвестный, пославший убийцу, и надо с ним побыстрее свести знакомство...

С ясным взором и невинной улыбкой Лавиния спросила:

— Я надеюсь, вы не рассердились... за тех трех? Подсылать убийц — совершенно житейское дело в отношениях меж королями, не нами заведено, не на нас и кончится...

— Ну что вы, ничуть не сержусь, — ответил Сварог ей в тон. — Действительно, дело житейское, между нами, королями... Но согласитесь, после такого у меня есть серьезные основания опасаться, что все произойдет именно так, как я говорил...

— Вы меня, право же, недооцениваете, — сказала Лавиния. — Я *весьма* даже умная, простите за похвальбу. Когда я посылала убийц, была совсем другая ситуация. Тогда мне еще в голову не пришло, что гораздо проще и выгоднее предложить вам себя. Вы же лар, вы моментально можете определить, когда я говорю правду, а когда вру. Так вот: у меня и в мыслях нет вас убивать после свадьбы, наоборот, я хочу, чтобы вы жили как можно дольше... Ну, что скажете?

— Что вы говорите чистую правду... — протянул Сварог.

— То не из доброты душевной, — сказала Лавиния. — Вот уж чего у меня не было никогда... Гольй расчет. Я прекрасно понимаю, что все ваши владения держатся исключительно на вас. Если бы я вас убила и осталась одна, против меня моментально взбунтовались бы во всех без исключения ваших землях, вынырнула бы масса претендентов на трон, начались бы смуты, и меня непременно прикончили бы... Нет, вы должны жить долго... То, что я предлагаю, выгодно нам обоим. Вы без боя получите Лоран! Я тоже получу немало. Но главное — рядом с вами будет умная и хитрая, да что там, скажем прямо, коварная помощница. У вас слишком мало умных, талантливых и верных сподвижни-

ков, способных на большие дела. Я как-то сидела со своим начальником разведки, мы и дюжины не насчитали... И хотя вы молчите, прекрасно знаете, что так и обстоит. В этих условиях я была бы весьма полезна — с моим умом, оборотистостью, энергией... Мы с вами очень быстро стали бы повелителями всего Талара: Святую Землю взять нетрудно, там начались мятежи и смуты, вы лучше меня знаете, как успешно действуют ваши войска. Ну, а Шаган... это уже не проблема. И весь Талар у наших ног... — протянула она мечтательно. — Вы ведь наверняка изучили мою биографию чуть ли не с лупой?

— Было такое дело, — с обаятельной улыбкой ответил Сварог.

— Ну, тогда должны знать, сколь нелегким предприятием было после смерти мужа взять в свои руки королевство, — сказала Лавиния уже без улыбки. — Притом, что немало знати видело во мне «замарашку из Маноров», а у мужа осталась многочисленная родня, и у всех слюнки текли при одном взгляде на трон... Но я справилась, — сказала она не без гордости. — Хотя меня трижды пытались убить, а однажды едва не изнасиловали, мои конники подоспели в последний момент, когда меня уже повалили на лужайке и задрали подол... Ну, конечно, не из похоти. Всего лишь согласно старинному неписаному закону...

— Это какому? — искренне удивился Сварог.

— Вы, правда, не знаете? — вскинула брови Лавиния. — Старинный закон, неписанный, но соблюдается до сих пор. Изнасилованная благородная дама не может претендовать на трон. А изнасилованная королева не может более оставаться на троне и вынуждена идти в монастырь, к какой бы вере ни принадлежала. Есть очень интересная книга об этой традиции, написана лет триста назад, но читается легко. Калинар Конкот, «Обесчещенные». Много интересного. Некий король, возжелав избавиться от жены, просто-напросто устроил так, что ее в охотничьем домике изнасиловали пьяные до изумления егеря... Почитайте как-нибудь, там много интересных фактов и курьезов...

Сварог усмехнулся, глядя ей в глаза:

— Вот и подвернулся самый простой способ от вас избавиться...

— Изнасиловать меня прямо сейчас? — понятливо подхватила Лавиния и рассмеялась. — Не получится, король Сварог. Во-первых, это действует только на земле, а вы сейчас — лар, чиновник, принимающий земную королеву. Это не то. Не говоря уж о том, что за такие проказы вас моментально вышибут со всех должностей, даже то, что вы фаворит императрицы, не поможет — в конце концов, я королева... Во-вторых... — она улыбнулась беззаботно и весело, — во-вторых, я ни за что не признаю себя жертвой насилия, буду твердить, что все происходило по согласию. Кстати, Конкот пишет, что одна из королев в свое время так и поступила — сами понимаете, гораздо выгоднее было предстать простой изменницей, благо супруг был не особенно крут, чем уходить в монастырь... Но давайте вернемся к моему предложению. По-моему, вы от него получаете одни выгоды: и Лоран, и весьма даже полезную помощницу в самых серьезных государственных делах... и неплохую любовницу, стоит учитывать. Не зря же говорится, что браки по расчету — самые крепкие. Или вы рассчитываете, что пробудете в фаворитах долго? Зря. У этой вздорной девчонки ветер в голове, она позабавится новой игрушкой, а потом ей надоест... А я была бы вам великолепной помощницей и надежной опорой. Кстати, я не ревнива. Лишь бы вы меня удовлетворяли полной мерой — а потом можете

укладывать в постель хоть целые балетные труппы... Что скажете?

Сварог молчал. Собственно говоря, если прикидывать цинично — то есть с точки зрения высших государственных интересов и большой политики — ее предложение при других условиях следовало бы и принять. Из нее и в самом деле получилась бы великолепная сподвижница, она нисколько себя не перехваливает — в самом деле, чертовски умна, энергична и способна на многое, так что в Лоране ей, безусловно, тесновато. Мара ничуть не обиделась бы, наоборот, непременно сказала бы, что идея отличная...

Следовало бы принять... Не будь Яны. Совсем не похожей на эту, какой ее себе представляет Лавиния. Вот Яна того ни за что не приняла бы — а значит, и долго раздумывать нечего...

— Простите, Лавиния, — пожал он плечами. — Вынужден ваше любезное предложение отклонить.

— Но почему? — недоуменно подняла она брови. — Вы прекрасно знаете, что я не собираюсь вас убивать, прекрасно представляете, что из меня получится отличная помощница...

— Позвольте уж, милая королева, сохранить свои мотивы при себе...

Приподнявшись на локте, Лавиния долго его рассматривала с непонятым выражением лица, потом покривила губы в злой, циничной ухмылочке и протянула тоном шлюхи, торгующейся с клиентом:

— Понятно, что же тут непонятного... Играете по крупной, король Сварог? Разинули рот на трон Империи? Ну, что ж, убедительные мотивы... Только вам все равно его не видеть, как своих ушей! Она с вами поиграет и выбросит!

Светски улыбаясь, Сварог сказал:

— Простите, королева, я не считаю возможным обсуждать сейчас известную нам обоим особу... Ваши кони, кажется, застоялись?

— Какие, к черту, кони? — и тут до нее дошло, что ее откровенно выпроваживают. — Мерзавец!

Сварог едва успел вскочить и посторониться — она сорвалась с дивана, как бомба, стояла, пепеля его взглядом, машинально схватившись за эфес несуществующего кинжала: ну да, по достоверным сведениям, во время той драчки за власть она самолично проткнула мечом одного из королевских племянников и пырнула кинжалом второго, да и третий жмурик за ней числится, какой-то оплошавший часовой...

Из предосторожности Сварог отодвинулся подальше — кинжала при ней нет, но все равно, отвергнутая женщина — одно из самых страшных созданий на свете, похуже каталаунского тигра... Может и коготками по физиономии пройтись, и оплеух навешать — а ведь настоящий мужик даме не сможет дать сдачи, тем более королеве...

Нет, он все же недооценил эту умную и коварную красотку с тремя труппами за спиной. Она не сорвалась в вульгарный скандал, более приличествующий базарной торговке, — стояла, выпрямившись, гордо вскинув очаровательную головку, глядя ему в глаза с рассудочной, холодной, лютой ненавистью.

— Ну что же, король Сварог... — произнесла она бесстрастно, чеканя каждое слово. — Враги, так враги... Полная ясность, — и улыбнулась циничной, блудливой улыбочкой. — Желаю успехов на пути к трону Империи... если не споткнетесь по дороге.

Вежливо поклонилась, отвернулась и той же легкой, летящей походкой направилась к двери, колыша бедрами, высоко держа голову — высокомерная и гордая... кипящая от злости. «Ох, и враг у меня теперь будет, — подумал Сварог меланхолично. — Она и раньше дружбы не питала, а уж теперь...»

Вот забавно: когда за ней затворилась дверь (она не хлопнула дверью, выдержала *стиль* до конца), Сварог ощутил легкое, мимолетное сожаление: а все же отличная помощница в серьезных делах была бы, да и женщина очаровательная... Но ничего не поделаешь, коли уж приходится выбирать меж Лавинией и Яной, колебаться нельзя ни секунды... Нажав клавишу, он распорядился:

— Приготовьте мой брагант.

...Канцлер осведомился не без любопытства:

— Интересно, лорд Сварог, с чем вы на сей раз пожаловали? Ни о чем не докладываете с порога, никаких новостей не сообщаете... Помалкиваете пока что... И напускаете на себя вид скромного просителя, а? Что вам нужно на сей раз?

— Суший пустяк, Канцлер, — сказал Сварог с улыбкой. — Я бы хотел узнать одну из высших государственных тайн. Для работы необходимо.

— Великолепно, — хохотнул Канцлер. — Вот еще и за это я к вам питаю слабость, лорд Сварог — за вашу милую непосредственность. Вынь да положи вам еще одну высшую государственную тайну... Вот так незатейливо и в лоб...

— Я думаю, мне это крайне необходимо по службе, — уже без улыбки сказал Сварог.

— Вообще-то это еще не аргумент. Я решаю, кому и какие тайны следует знать в интересах службы.

— Безусловно, Канцлер, — прямо-таки смиренно сказал Сварог. — Я ведь никоим образом не настаиваю, я просто хочу спросить, нельзя ли мне и эту тайну узнать...

— Значит, ваши юные компьютерные гении на сей раз до чего-то не смогли добраться? — с большим пониманием произнес Канцлер. — Ну, не смущайтесь вы так (хотя Сварог и не думал смущаться) Я прекрасно знаю, что они еще во времена Гаудина *шарили* по компьютерным сетям самых разных контор. У меня в Технионе сидят не растяпы...

— Небольшое уточнение, Канцлер, — сказал Сварог. — С формально-юридической точки зрения они ни разу не нарушили ни единого запрета. Зато... Вы хотя бы раз фиксировали попытки проникнуть в сети вашего Кабинета или Кабинета императрицы?

— Ни разу, — ответил Канцлер моментально.

— Вот видите. Что запрещено, то запрещено. Ну, а там, где запретов нет...

— Умиляет меня ваше благородство, лорд Сварог, — сказал Канцлер с философским видом. — Честнейшей вы души человек. А могли бы, как в том старом анекдоте, не только денежки забрать, но и мельницу спалить вместе с мельником...

Не похоже было, чтобы он сердился — просто пребывал в одном из крайне редких приступов благодушия и беззлобно шутил.

— Каковы ваши впечатления от досье Ледяного Доктора? — уже серьезно спросил Канцлер.

— У меня осталось странное ощущение, — сказал Сварог. — Словно что-то очень важное лежит прямо у нас перед глазами, но мы его не видим...

— Интересно... — сказал Канцлер. — В разное время от разных людей я слышал именно эту фразу раз десять. И независимо от них у самого в голове всплывала... У вас никаких догадок?

— Ни малейших, — сказал Сварог.

— Жаль. Я чуточку надеялся, что вы, как свежий человек... — Канцлер безнадежно махнул рукой. — А, сколько ни ломали голову... Так что там за тайну вы хотите выведать?

— Меня давно уже не то что интересует — мучает один вопрос, — сказал Сварог. — Почему государство официально именуется Империей Четырех Миров, но реально контролирует только Талар и Сильвану?

Почему о Нериаде и Тетре молчат так, словно их не существует? Я лично убедился, что многие здесь даже и забыли, что существуют Нериада и Тетра, ведь все о них слышали один-единственный раз в жизни, совсем детьми, в начале обучения...

— А какое отношение то имеет к вашим служебным обязанностям? — бесстрастно осведомился Канцлер.

— Черные камни, — сказал Сварог. — Загадочные камни-компьютеры. Уж они, безусловно, входят в круг моих служебных обязанностей по линии сразу двух учреждений, не так ли? Так вот, один... человек мне рассказал, что якобы в вашем личном архиве лежат данные анализов, неопровержимо свидетельствующих, что эти камни, все до одного, происходят с Нериады...

— Ах, вот оно как... — не без ехидства усмехнулся Канцлер. — Ну что же, вычислить болтуна несложно. Поскольку те, кто делал эти анализы, давным-давно умерли — это были не лары, а антланцы, — допущенных к тайне осталось всего четверо. Я вам ничего не говорил. Если бы об этих анализах вам проговорила Яна, рассказала бы и все остальное — но вы-то явно знаете только об анализах... Остается одна-единственная персона, которую мы оба прекрасно знаем. Диаметр-Сонирил ни за что ни за что не проболтался бы. Каковая после ведра келимаса способна разболтать государственные тайны тому, кого считает достойным доверия... — он тоскливо вздохнул. — И ничего с той персоной сделать невозможно... Значит, он вам рассказал только об анализах?

— Только, — сказал Сварог. — А потом в совершенно открытых данных я обнаружил, что обе планеты со значительной частью прилегающего космического пространства объявлены запретными зонами. Летать туда категорически запрещено кому бы то ни было — только с вашего личного разрешения.

— И с разрешения Императрицы тоже, — буркнул Канцлер. — После ее совершеннолетия.

— Ну что же, — сказал Сварог. — Не так уж и давно, когда я был таким искателем приключений, я бы попросту взял разрешение у Яны, сел в виману и полетел туда сам... — он вздохнул. — Но что-то я в последнее время повзрослел, Канцлер, и потерял любовь к приключениям... Так могу я эту тайну знать или нет? Если Нериада — запретная зона, каким образом эти чертовы камни-компьютеры попали на Талар? Или — еще до Шторма?

Канцлер долго молчал, глядя в стол, задумчиво прикусывая губу. Потом сказал с той же бесстрастностью:

— Ну что ж, лорд Сварог, вас все равно давно пора зарезать за то, что вы выжили кучу государственных тайн. Одной больше, одной меньше — это вашего положения не изменит... — он поднял голову. — Извините, это я так шучу. Если я вас зарезу, потеряю ценного сотрудника, да и Яна мне в жизни не простит. Шутка.

— Я понимаю, — сказал Сварог. — Сам иногда шучу... не без цинизма. Как начальнику восьмого департамента позвольте осведомиться: мой предшественник эти тайны знал?

— Нет.

— Даже так? — вырвалось у Сварога.

— Даже так, — жестко сказал Канцлер. — Ну а вас придется в эти тайны посвящать — и потому, что времена сейчас другие и оттого, что я на вас возлагаю некоторые надежды. Коли уж вам удавались некоторые предприятия... Ну, так вот, дело обстоит следующим образом. До Шторма все четыре планеты были обитаемы. Правда, Империи не было. Ни на одной планете не было единого правителя. Судя по сохранившимся скудным данным, у них тогда было нечто вроде Виглафского Ковенанта, только называлось иначе: Лига Четырех Миров. Прав и возможностей у Лиги было вроде бы чуточку побольше, чем у Ковенанта, но подробностей мы не знаем. Кроме того, есть старые хроники, где упоминается о «застрявших на Таларе и Сильване после Шторма обитателях Нериады и Тетры». Так что все четыре планеты были обитаемы.

— Значит, и межпланетное сообщение было?

— Да, безусловно, — сказал Канцлер. — Они успели к тому времени открыть антигравитацию... но эти сообщения не успели развиться настолько широко, как, скажем, нынешнее морское и речное сообщение на земле, где в плавание может отправиться любой желающий, были бы деньги. Главным образом служебные поездки, а туризм — для очень уж важных персон или толстосумов. Ну, потом грянул Шторм... Межпланетные корабли наши предки смогли создать вновь лишь лет через триста после Шторма. Когда, собственно, Империя и возникла в нынешнем ее виде. Естественно, последовали — экспедиции... Что обнаружили на Сильване, объяснять не стоит, вы о ней и так все знаете. С Тетрой, если можно так выразиться, обстоит понятнее всего. То есть мы до сих пор не знаем, что ее привело в нынешнее состояние, но, по крайней мере, точно знаем, что же там происходит. Случился какой-то жуткий катаклизм, после которого планета превратилась в сущий ад. Из атмосферы почти полностью исчез кислород, его там теперь тысячные доли процента. В основном — углекислый газ. Температура на поверхности постоянная, около четырехсот градусов, естественно, тепла. Озера из легкоплавких металлов, потоки серы, кислотные дожди, пелена облаков из всевозможной химической дряни... В таких условиях не могло сохраниться ничего живого да и все материальные следы цивилизации погибли. И никаких тайн. Запретной зоной ее сделали исключительно для того, чтобы туда не совались искатели приключений. А вот Нериада... это, знаете ли, одна сплошная тайна. Первые экспедиции вернулись с радостными докладами: ситуация обстоит примерно так, как на Таларе, то есть, на земле — более половины населения пережило Шторм, восстанавливаются государства, хотя и примитивные, плавают корабли, колосятся поля... Замки, короли, рыцари и крестьяне... Разъезжают купцы, охотники стреляют оленей... В общем, глядя со стороны — нормальная жизнь. Но лет че-

рез пятьдесят стало ясно, что жизнь та совершенно ненормальная... Она *стоит на месте*.

— Как это? — тихо спросил Сварог.

— Тогда еще не все понимали, но когда прошли не просто столетия, а тысячелетия, поняли: что-то крепенько не так... Там полностью отсутствует какой бы то ни было технический прогресс. Абсолютно. Конечно, что уж от вас-то таить, и на Сильване, и на Таларе мы технический прогресс чуточку... подтормаживаем. Но он существует и проявляет тенденцию к развитию. На Нериаде мы в этом плане не делали ничего. Абсолютно ничего. Однако, если просмотреть фильмы, снятые пять тысяч лет назад и вчера, вы не увидите никакой разницы. Я потом дам вам фильмы...

За пять тысяч лет не изменилось *ничего*. Вы понимаете? *Ничего*. Множество поколений сменилось — но и замки, и дома, и крестьянские лачуги словно бы те же самые. Абсолютно не меняется мода — они и сегодня одеваются так, как их предки пять тысяч лет назад. Ничуть не изменилось оружие, корабельная оснастка и сами корабли, орудия ремесленников и крестьян. У них нет никакого искусства. Вообще. Только ювелиры — опять-таки пять тысяч лет работающие по одним и тем же шаблонам. И науки практически нет.

Наконец, они никогда не воюют. Вообще. Хотя всякий король содержит и рыцарские дружины, и алебардчиков с лучниками, — Канцлер тяжело вздохнул. — Вот так примерно выглядит Нериада. Это, безусловно, люди: они играют свадьбы, рожают детей, пахут землю, прокладывают дороги, строят дома — но поколение за поколением продолжается одно и то же. Мы их исследовали — самые обыкновенные люди, без малейших патологий. И в то же время — словно бы и не люди. С ними невозможно общаться — они абсолютно не в состоянии говорить на отвлеченные темы, разговор всегда вертится вокруг профессиональных занятий собеседника. И все. Мне приходилось с ними общаться. Поверьте на слово — впечатление жуткое.

Напоминают роботов с куцей программой. Мы у них выявили и супружеские измены, и преступность — но и то, и другое постоянно держится на некоем уровне, будто задан определенный процент на шлюх и разбойников. Словно кто-то давным-давно определил: должен существовать определенный процент рыцарей, пахарей, ремесленников, проституток, бондарей, и так далее, и так далее... Черт, они даже не дерутся, хотя в кабаках пьют — но опять-таки и здесь все выглядит так, словно в графе «кабацкие гуляки» поставлена определенная цифра. Ни песен, ни шуток. Танцы и музыка, правда, есть — *неизменные*. Нет, кстати, ни религий, ни *черных* культов. Ни следа магии. Самое интересное, что нет ни роста населения, ни основания новых городов и сел. Почему население держится примерно на одном и том же уровне, никто понять не может. Чего ни коснись — никто ничего не может понять. — Канцлер глянул на него с любопытством: — Надеюсь, вы не станете с ходу предлагать никаких скороспелых версий?

— Никаких, — угрюмо сказал Сварог. — За пять тысяч лет их наверняка выдвинули столько...

— Наоборот, очень мало, — скупно усмехнулся Канцлер. — Для многочисленных версий нет основы. Все версии быстро сводятся к одному: существует некий фактор, воздействующий на сознание людей и превращающих их в... то, что они есть. Вот только этого фактора так и не обнаружили. Брали кровь

на анализ у людей и животных, пробы воздуха, воды, земли, исследовали космические излучения, магнитное поле планеты... и многое, многое другое. Ничего не нашли. Хотя — этот загадочный фактор безусловно *есть*... В этом все твердо убеждены.

— На каком основании?

— В свое время, достаточно давно, кто-то из тогдашних министров решил, что следует назначить имперских наместников и на Нериаду, — сказал Канцлер. — Коли уж там существуют короли и государства... Наместников они приняли, как приняли и то, что находятся под властью Империи. Крайне равнодушно приняли. Пожали плечами, пробормотали что-то вроде: «Ну, раз надо, значит, так тому и быть...» — и ни малейшего протеста. Естественно, и наместники, и их многочисленный штат состояли сплошь из разведчиков и экспертов. Одновременно заслали туда агентов, которые крайне успешно внедрились — у них тоже, случается, люди переезжают в другие города и села... Никаких интересных результатов. Женщины, простите за вульгарность, дают, мужчины пьют с нашими агентами в кабаках... но невозможно извлечь хоть какую-то пригодную информацию. Потому что, как я уже говорил, разговоры крутятся исключительно вокруг собственной профессии или профессии собеседника, домашних дел, на манер «А у меня баба горшок разбила», «А у меня корова забор сломала». Среди дворянства — то же самое. Бесконечные разговоры о родословной, о предках, о том, кто сколько может выпить вина, кто кому изменяет и с кем. Дуэлей, кстати, тоже нет. Один из наместников писал в отчете, что дворцовый бал напоминает ему музыкальный ящик с движущимися фигурками — видели такие? Ну вот... Ни поэтов, ни острословов, ни интриг. Менестрели, как выяснилось, поют те же песни, что тысячу, две, три назад. Потом, примерно через год, началось что-то непонятное. И от наместников, и от агентов, и от ученых лавиной посыпались просьбы их отозвать. Послали комиссию. Все, с кем ее члены разговаривали, отвечали одинаково: они сами чувствуют, что тупеют. Даже между собой начинают разговаривать на уровне местных, один человек вдруг обнаружил, что стал читать с трудом и плохо понимает прочитанное, другой — что не может более производить статистические вычисления, третий, на досуге давно баловавшийся поэзией, внезапно словно бы разучился сочинять стихи... И тому подобное. Комиссия сделала вывод, что наши люди начинают *опускаться* на уровень *местных*. Изложено это, конечно, было более научнообразно, но смысл именно таков. Всех срочно оттуда отозвали, и дома они очень быстро пришли в норму... но еще до того стали объектами тщательнейших исследований, опять-таки не обнаруживших никаких следов фактора.

Тогда же один из крупнейших психологов решил поставить свой эксперимент. Он *забрал* на Нериаде около ста человек — от дворян и купцов до горшечников и крестьян, молодых, средних лет, пожилых. Поселил их в одном из антланских городов и установил постоянное наблюдение. Примерно через год все они стали словно бы *оживать*. Меняться. Вести себя, как нормальные люди. Кто подрался на дуэли, кто просто подрался из-за девушки, кто захотел учиться грамоте, чтобы читать книги... И разговаривали они теперь, как нормальные люди — обо всем на свете. Еще через год их было просто не узнать, не отличить от антланцев. И ни один из них не захотел возвращаться. Все прижились. Каждого, от дворянина до крестьянина, определили здесь на ме-

сто, соответствующее его прежнему положению. Очень быстро они стали воспринимать прежнюю жизнь на Нериаде, как сон. Особенно молодые. За каждым наблюдали до самой его смерти, и всякий раз оказывалось, что он жил, как обыкновенный человек. Если у него — или у нее — были дети от антланцев или таларцев, они вырастали абсолютно нормальными, ничем не отличаясь от здешних сверстников. Именно после того, что стало происходить с нашими людьми на Нериаде и «Эксперимента ста», и стало ясно: есть некий фактор, некое воздействие на человеческий мозг. Это было шестьсот лет назад. С тех пор на Нериаде ничего не изменилось, а фактора так и не нашли. Я думаю, этого достаточно?

— А камни?

— Камни... — поморщился Канцлер. — Есть на Нериаде такие камни. В основном в горных районах. Залегают главным образом на поверхности, такими исполинскими кристаллами наподобие друз аметиста. Есть ремесленные цеха, которые их добывают, в не особенно и большом количестве, из них делают кувшины, блюда, обтачивают, придавая округлую форму, — и всегда они служат чисто декоративным украшением дома. Исследован этот минерал многократно и скрупулезно. Самый обыкновенный минерал. Ни на Таларе, ни на Сильване пока что не найден. — Канцлер усмехнулся. — Запретной зоной планету объявляли, когда меня еще и на свете не было, и я не нашел в бумагах внятного изложения мотивов. Есть подозрение, что тогдашние сановники просто-напросто хотели накрепко изолировать непонятное, и это был главный мотив. Других я при всем старании усмотреть не смог. Если Нериада и представляет для нас угрозу, никто не знает, в чем она заключается. Как из камней получились компьютеры и каким образом они оказались на Таларе никто не в состоянии догадаться.

Сварог осторожно спросил:

— А мог кто-то, оставаясь незамеченным, летать туда? После введения запретной зоны?

— Исключено, — сказал Канцлер. — Надзор строжайший. Что вы так смотрите?

Сварог тихо сказал:

— Я просто вспомнил, что летательный аппарат Вингельта так и вышел за пределы атмосферы, незамеченный нашими системами наблюдения и контроля. Нет, Канцлер, я не намерен утверждать, что именно они летают на Нериаду, что они вообще куда-то летают за пределы планеты... Суть в другом: здесь, у нас под носом есть аппараты, незамеченными преодолевающие наши системы контроля. Вряд ли тот, на котором я тогда летал, — единственный.

— Не бередите душу, — зло насупился Канцлер, — *этих* ищут которую тысячу лет и не могут обнаружить. Но даже если это они, зачем им подбрасывать камни-компьютеры кому попало? Шестилетняя девочка, банкир-делец, вор, пират, бедный студент, зерноторговец...

— Не знаю, Канцлер, — сказал Сварог. — Это вы выдвигаете версии, а не я. Лично я никаких версий измышлять не берусь, потому что в толк не возьму, на чем их основывать... Вы, и правда, дадите мне какие-то материалы?

— Я же обещал, — усмехнулся Канцлер, достал из ящика стола две обычных «спички», белых, с синими головками, подал Сварогу. — Но имейте в виду, каждая проработает не более трех часов.

— Благодарю, — сказал Сварог, вставая.

— Присядьте еще на минуточку, — сказал Канцлер, и Сварог послушно уселся. — Еще один пустячок... Вы никогда не обращали внимания на то, что горротские странности начались еще при настоящем Стахоре?

— Ну как же, — сказал Сварог. — Давно обратил. Возведение сети «дорожных знаков» началось еще при настоящем. И свой внешний долг Горрот странным образом выплатил при настоящем, хотя, как клянутся мои финансисты, не имел к тому никаких возможностей...

— А здесь у вас есть версии?

— Конечно, — сказал Сварог. — Лично я предполагаю, что наши *пройдохи* сначала спелись с настоящим Стахором. И наверняка придумали для него что-то убедительное, но не имевшее никакого отношения к их подлинным целям. Вполне возможно, так и было. Ну, а потом его понадобилось убрать и заменить совершеннейшей марионеткой... У вас на него что-нибудь есть?

— Ничего. А у вас?

— Откуда? — пожал плечами Сварог.

Он был совершенно искренен. Он только об одном умолчал, уходя: что у него, если его не обманули в свое время, есть возможность извлечь эту беглую парочку из их убежища на Древних Дорогах.

Глава VII

ВСАДНИК НА ДИКОВИННОМ КОНЕ

Король королей Сварог Барг давненько уж неторопливо прохаживался по Янтарному залу Латеранского дворца (несмотря на пышное название, представлявшему собой не столь уж и большую комнату, отделанную янтарными панно и мозаиками и служившую еще одним малым кабинетом). Сунув руки в карманы роскошных королевских портков из редкого и дорогущего шемахайского бархата, меланхолично напевал под нос:

*— На диване, на диване, на диване
мы лежим, художнички.
У меня, у меня и у Баклаги
протянулись ноженьки.
В животе, в животе стучат пельмени,
как шары бильярдные...
Дайте нам хоть рваных денег —
будем благодарные.*

И время от времени косился на отделанный янтарем стол, где преспокойно лежал массивный треугольный предмет, напоминавший наконечник копья с выпуклыми гранями.

*— На диван, на диване, на диване
тишина раздалась —
у меня, у меня и у Баклаги
жизнь оборвалась...*

Просмотренные два дня назад секретнейшие фильмы о двух несчастных планетах его сейчас нисколько не задевали, и вспоминать не стоило — в адских пейзажах Тетры не было ничего загадочного, а тайна Нериады оказалась столь неприступной, что и думать о ней не следовало — он не считал себя настолько гениальным, чтобы решить, будто с маху раскроет загадку, над которой пять тысяч лет ломали головы поколения неплохих специалистов. Да и о том, как черные камни попали на Талар, гадать пока не стоило: от них не усматривалось никакой угрозы, работали себе помаленьку в руках Бетты и Кадарата, выполняя нехитрые функции. А вот Горрот...

Но тут не продвинуться ни на шаг. Как пела когда-то Тарина Тареми:

*— А нам и горе — не беда,
глядим героями.
Из ниоткуда в никуда
однажды строили...*

Вот именно. Все следы вплоть до нынешнего момента вели из ниоткуда и обрывались в никуда. Насчет «ниоткуда», конечно, не совсем верно, но что касается «никуда» — попадание стопроцентное.

Лбом в стену — хорошо хоть уперлись, а не треснулись...

Остановившись у стола, он уставился на талисман, в котором якобы до сих пор был заключен Горлорг, магический конь давным-давно исчезнувшей расы, способный носиться по Древним Дорогам. И пребывал там, как ему сказал Радужный Демон, миллионы лет — сколько именно, Демон не знал и сам, а уж Сварог тем более. Бабка Грельфи, заявившая, что вещица «невообразимо древняя», никакой ясности не внесла.

И вот тут-то начинаются тягостные размышления. То, что он задумал и старательно готовил двое суток, предусмотрев (не без советов Интагара, конечно), кажется, все, что только способен предусмотреть человек. Но для успеха предприятия — или хотя бы его претворения в жизнь — требовалось попасть на Древние Дороги. Вот он, талисман, однако...

С некоторых пор он стал чертовски осторожен и подозрителен — или попросту повзрослел окончательно и не кидался, очертя голову, в любую дверь, на которой было написано: «Тайны и загадки».

Не так уж и давно, во времена своей насыщенной лихими приключениями юности, Сварог, не колеблясь, быстренько проделал бы все необходимые манипуляции. Теперь же он чуть ли не полчаса бродил вокруг стола в тягостной задумчивости.

Потому что случиться могло что угодно. С магическими предметами, пролежавшими миллионы лет, точнее, с их *содержимым*, могло (как соглашалась Грельфи) произойти самое непредсказуемое. В лучшем случае — взлетит и растает струйка дыма, а то и того не произойдет. В худшем — вместо Горлорга оттуда вылезет или попрет нечто такое, что и головы не сносить. Бывали печальные примеры с гораздо более молодыми находочками.

И наконец, нет полной гарантии, что Радужный Демон ему не наврал, чтобы отвязаться. Хотя, с другой стороны, Сварог ему тогда открытым текстом намекнул: обманешь, радужный ты наш, вернись и размечу твой курган до основания. Демон вроде бы прекрасно это уяснил. Но опять-таки мог подсунуть такое, что возвращаться и мстить будет просто некому.

Одним словом, ситуация головоломная. Но и тянуть до бесконечности нельзя: другой возможности, другого следа нет, на Древние Дороги идти необходимо... Так что самая пора рисковать... *Распечатать* бы эту штуку где-нибудь в чистом поле, чтобы она была под прицелом дюжины серьезных стволов — но нельзя, никто пока не должен знать, что у него есть возможность проникать на Древние Дороги. При некоторых обстоятельствах поведение Канцлера предсказать решительно невозможно...

Пора, однако... С тяжким вздохом, еще раз напомнив себе, до чего он везуч и удачлив, Сварог подошел к столу, зачерпнул ладонью из широкогорлого глиняного кувшина речной воды — Радужный Демон наставлял, что в *первый* раз, до *знакомства*, без ритуала не обойтись, и горшок непременно должен быть глиняным, а вода — проточной, ни в коем случае не колодезной, не озерной, на худой конец сойдет и озерная, но из такого озера, куда непременно впадает (или вытекает) река (но может и не получиться)...

И вода, осторожно вылитая Сварогом на талисман, повела себя странно — не растеклась, не стекла на стол, а покрыла всю поверхность камня множеством круглых капелек, посверкивавших, как ртуть. Неизвестно, как это расценивать, — о *мелочах* Демон не распространялся...

И тогда Сварог, затаив дыхание, громко произнес три не особенно и длинных фразы, неторопливо, медленно выговаривая неведомо что означавшие слова: сочетания букв оказались чертовски непривычными.

Отступил на пару шагов, к распахнутому окну, куда в случае чего можно было, забыв о королевском достоинстве, в два счета сигануть — Янтарный зал располагался на первом этаже (опять-таки согласно наставлениям Демона: лучше всего стоять прямо на земле, и талисман на землю положить, но если нет такой возможности — то находиться не выше первого этажа, и под комнатой не должно быть подвалов...). Началось! Ничего страшного либо интересного не произошло: камень окутался облачком сероватого дыма, и этот дым стал распространяться вверх, вниз, в стороны, колышась причудливыми, извивавшимися, переплетавшимися струйками, образуя этакий занавес — будто он был заключен меж двух невидимых высоких стекол. Образовал почти правильный квадрат примерно три уарда на три...

А потом попросту исчез, словно повернули некий выключатель.

Вместо стола и противоположной стены перед Сварогом предстало ограниченное тем же струящимся дымом пространство размером не особенно и отличавшееся от стойла в конюшне. Огромная коробка из дыма, без передней стенки, только вот пол не из дыма, напоминает больше лужайку, поросшую густейшей, темно-зеленой травой.

Не обманул, надо же. *Он* стоял там, внутри, головой к Сварогу, как спокойный конь в стойле...

Размером примерно с рослого коня, Горлорг все же на привычного коня походил мало: очертания туловища, ног, шеи в общем, напоминают конские, и весьма. Однако круп примерно до половины боков покрыт темно-желтыми круглыми плитками, каждая в концентрических, тонких черных линиях и больше всего похожа на черепаший панцирь, только плоский. Все остальное тело, и ноги, и шея покрыты кудрявой черной шерстью, напоминавшей каракуль. Ноги заканчиваются не копытами, а тремя толстыми пальцами, покрытыми теми же плитками, только размером уже с монету (а на спине и боках —

с блюдце). Длинная массивная морда больше похожа на черепашью — совершенно черепаший клюв, на вид роговой. Грива черная, словно бы аккуратно подстриженная густой щеткой. Хвост тоже черный, но куцый, длиной в пару ладоней, этаким конусом.

И все же это диковинное создание отчего-то не вызывало отвращения. Никак нельзя сказать, что оно уродливо, монструозно — Горлорг красив какой-то своей, *совсем другой* красотой навсегда исчезнувшего, невообразимо древнего мира. Почему-то так и чувствовалось.

— Так вот ты какой, северный олень... — пробормотал Сварог, стараясь не делать лишних движений.

Горлорг неотрывно уставился на него огромными желтыми глазами с вертикальным кошачьим зрачком. Решительно невозможно определить, какие эмоции это создание сейчас испытывает: неизвестно, какое у него выражение морды, когда оно злится, радуется, скучает — Демон и в эти детали не вдавался...

Сварог стоял неподвижно. Горлорг, не сводя с него глаз, притопнул правой передней ногой и, не разевая пасти, испустил нечто вроде короткого вороньего карканья. «Господи, пронеси», — подумал Сварог, осторожно сделал шаг вперед, еще один, еще... Встал рядом с шеей, и клювастая черепашья морда тут же повернулась к нему, шумно понюхала. В голове промелькнуло: сейчас как цапнет, зараза...

Прядая высокими, шерстистыми, похожими больше на собачьи ушами, Горлорг вновь каркнул — и Сварог каким-то озарением ощутил исходящее от животного недоумение: ну да, впервые в жизни увидел человека, и неизвестно еще, кто кому кажется более диковинным...

Не похоже, чтобы собирался кусануть. Пахло от него странновато: никакого смрада, обычный запах чистой шерсти и здорового тела животного, но непривычный, незнакомый. Так могло бы пахнуть Время...

Ну что же, значит, по всем правилам, коли пока что идет согласно обещанному? Сварог извлек кинжал из ножен и легонько черкнул острием там, где наказывал Демон: аккуратно в том месте, где роговая морда смыкалась с кучерявой шерстью на шее. Горлорг чуть заметно встрепенулся — но остался стоять спокойно. Там, где кольнул Сварог, медленно выступила капля темно-синей крови размером с крупную вишню. Приободрившись, Сварог полоснул себя острием кинжала по мякоти большого пальца левой руки и, когда выступила достаточно большая капля крови, прижал руку к шее диковинного коня, потер, смешивая красную и темно-синюю кровь. Опустил руку. Ранка была покрыта смесью неопределенного цвета — как и то место на шее Горлорга.

Спохватившись, бросил кинжал в ножны, поднял левую руку к морде. Черепаший клюв слегка приоткрылся, выполз широкий синеватый язык, прошелся по руке Сварога. Исчезли и смешавшаяся кровь, и сама ранка. Ага! Сварог провел пальцами правой руки по конской шее, там тоже исчезли и кровь, и ранка.

Облегчение оказалось таким, что ноги едва не подкосились, и недолгое время имела место противная дрожь в коленках. *Заработало!*

— Ну что, животное? — спросил он севшим голосом. — Провели боевое слаживание?

Коротко каркнув, Горлорг опустил ему морду на плечо. Ясно было, что все в

порядке. Сварог посмотрел направо: там, и точно, лежали седло с уздечкой чуть-чуть непривычного вида, но, судя по всему (да и вспомнив скелет), ноги и задница прежнего хозяина не особенно отличались от человеческих, так что проблем не будет. И седло, и уздечка — из черной, тонкой, хорошо выделанной кожи, украшены накладками золотого цвета: то ли неведомые буквы, то ли просто орнаменты.

Заседлать Горлорга оказалось не труднее, чем обычного коня, и уздечку надеть оказалось так же легко. Удила наличествуют: значит, конек с норовом... Ну да, а последнюю манипуляцию следует, проделать, уже сидя в седле, иначе останешься тут один, а он радостно умчится...

Подтянув предварительно под свою ногу массивные, вроде бы серебряные стремяна, Сварог привычно вскочил в седло. Крепко сжав левой рукой поводья, взял свободно болтавшийся ремешок с затейливым крючком золотого цвета — а может, и золотым — и решительно защелкнул его в налобной бляхе, прочно державшейся на двух боковых ремешках.

Все вокруг окуталось туманом, Сварог крепко стиснул ногами конские бока, ухватил поводья обеими руками и вовремя: Горлорг рванулся вперед, будто пущенная из лука стрела, так, что неумелого наездника моментально вынесло бы из седла.

Туман рассеялся, по обе стороны появились знакомые деревья со светло-коричневыми стволами и темно-сиреневыми кронами, под странными копытами Горлорга мелькали уложенные «елочкой» серые каменные блоки. И сероватое, словно затянутое облачной хмарью небо без солнца над головой. И закругленные серые бордюры по обе стороны. И «верстовые столбы». Древние Дороги!

Горлорг шел галопом, то и дело испуская длинное, переливчатое карканье, в котором чудилась радость, даже ликование. Ну да, это все-таки живое существо, и реакции у него те же, что у застоявшегося на конюшне скакуна, слишком долго лишенного простора.

Понимая это, Сварог дал коню время отвести душу, проскакать, по прикидкам, пару-тройку лиг — а потом принялся помаленьку натягивать поводья, останавливать. Совершенно как обычные кони, Горлорг поначалу артачился, но Сварог довольно быстро привел его к порядку, пустил шагом, удовлетворенно подумав: мы как-никак Гэйры-лошадники, у нас не забалуешь...

Недовольно, утробно фыркая, помахивая головой, Горлорг все же послушно двигался шагом — тут, конечно, и удила свою роль сыграли, не одно лишь умение Сварога обращаться с норовистыми лошадьми. Вокруг, как и в прошлый раз, стояла тишина. Ну вот, теперь надо сосредоточиться и делать, как учил Демон, — не обманул все-таки, реликт радужный...

Положив правую ладонь на голову коня, меж ушей, он как можно более четко постарался вспомнить то место — каменную плиту с загадочным знаком, вертикальную строчку из семи иероглифов пониже, лесенку из трех невысоких каменных ступенек. Чтобы так и встала перед глазами...

Горлорг встрепенулся, дернулся всем телом, ударил передними ногами по камню, с коротким карканьем резко развернулся, едва ли не на месте, помчался в противоположную сторону — похоже, сработало... Сначала шел просто галопом, потом сорвался на такую скорость, что верстовые столбы, казалось, *пролетали* мимо, как густой частокол, — а скорее всего, так оно и было, с неве-

роятной прытью несся конь, по обе стороны вместо деревьев тянулись лишь смазанные полосы. Ну да, конечно, Конь Древних Дорог, это его места, он здесь, как рыба в воде... Время от времени Горлорг испускал короткое ликующее карканье — да и Сварога подмывало вопить от восторга оттого, что все сложилось так здорово. Он удержался только потому, что не знал, как отреагирует на человеческие крики конь: ничего, свыкнемся, приладимся, получше узнаем привычки друг друга...

Слева, у бордюра мелькнуло и тут же осталось за спиной совершенно непонятное разноцветное пятно: кто-то встречный, но что это за путник и какого он облика, разглядеть при таком аллюре попросту не удалось. Ослабив поводья, держась левой рукой за луку, Сварог без труда удерживался в седле: Горлорг несся на бешеной скорости, но удивительно ровно и плавно, с некоей чуточку механической размеренностью, так что усидеть было легко. Бог ты мой, столько лет талисман пролежал без пользы, давно пора было это сделать... а впрочем, не было жизненной необходимости, получилось бы только утоление любопытства и все. Зато теперь...

Неизвестно, сколько времени продолжалась бешеная скачка, — но настал момент, когда Горлорг начал понемногу сбавлять бешеный бег, верстовые столбы уже не пролетали мимо, а размытые полосы по обе стороны дороги вновь стали деревьями. А там конь перешел на крупную рысь. Значит, совсем близко.

Навстречу, слева двигалось что-то странное: зеленая с золотом карета непривычных очертаний, без оглобель и лошадей, самостоятельно катившая с едва слышным глухим жужжанием. Ступицы колес временами испускали пучки синих искр. На облучке сидел, держа два изогнутых рычага, несомненный человек, вот только одет странно и незнакомо, да лихо закрученные черные усы не под носом расположены, а начинаются выше ноздрей. Ну что ж, кто тут только ни бывает, дорога общая...

Перед тем, как они разминулись, странноусый приложил руку к своему синему круглому колпаку несомненно приветственным жестом — и Сварог ему вежливо поклонился. Тихие, спокойные места, вежливые странники... Не похоже, чтобы здесь обитали какие-то чудища, просто хищные звери или разбойники — хотя исключать нельзя. О Древних Дорогах кружит масса рассказов, но большинство из них, если не все, наверняка сочинены теми, кто здесь не бывал, — пока что Сварог не увидел здесь ничего из того, о чем болтали или писали иные авторы якобы научных трактатов — но, что характерно, никто не говорил и не писал о реальности: уложенных «елочкой» каменных брусках, бордюрах, деревьях, верстовых столбах. Иные повествования были настолько красочны и увлекательны, что по сравнению с ними реальность казалась невероятно скучной — ну, так частенько обстоит со сказками и реальностью...

Ага! Горлорг пошел вовсе уж медленно. Вертя головой, Сварог вскоре посмотрел слева и плиту с иероглифами, и лесенку, и уходившую от нее в лес неширокую утопанную тропинку. Повернул туда коня. Горлорг одним великолепным прыжком соскочил с Дороги на утопанную землю, пролетев над невысокой каменной лесенкой. Сварог пустил его по тропинке неспешным шагом, напрягшийся, собранный, готовый к любым неожиданностям. Неизвестно, как его тут могут встретить во *второй* раз — пирогами или колотушка-

ми...

При нем были меч, кинжал и бластер — правда, неизвестно, будет ли здесь действовать бластер и те заклинания, которыми он располагал.

Этого ему никто рассказать не мог и в книгах не было — точнее, рассказывали-писали много, всяк на свой лад, но, поди догадайся, где истина. Коли уж Дороги выглядят совершенно не так, как их описывали, всему остальному тоже особой веры нет...

Вот оно, то спиленное дерево, из которого люди Вингельта делали оружие. Вот и желтоватые холмы меж деревьями показались, вот и обширная поляна, вот и небольшое, почти круглое озерцо с темной спокойной водой, вернувшее ему человеческий облик... Тропинка ведет влево, за холм...

И вот он впереди, аккуратный домик в два этажа, каменный, с высокой узкой крышей, крытой коричневой черепицей. Крыльцо с не особенно и вычурными перилами, по обе стороны от него большие клумбы с таларскими цветами выглядят столь же ухоженными, как в прошлый раз... Дверного молотка, он прекрасно помнил, нет.

Спрыгнув с седла, Сварог привязал поводья Горлорга к перилам справа, ничуть не боясь, что конь сорвется с привязи и убежит. Демон наставлял: коли уж ты однажды въехал на дороги верхом на Горлорге, он от тебя уже ни на шаг не отойдет...

Потянув на себя бесшумную дверь, Сварог, как и в прошлый раз, без церемоний вошел в небольшую прихожую, до потолка отделанную резными панелями из темного дерева. Но на сей раз вешалка, рядок медных крючков на темной доске, пуста, бадагара Стахора с белым пером на ней нет... значит, и хозяина нет дома? А вот за приоткрытой дверью кухни слышатся легкие шаги и позвякивание металлической посуды. Ну, хозяйка, по крайней мере, дома, что даже упрощает дело...

Он постоял немного, готовя себя не к самому благородному делу, слушая, как позвякивает посуда и Эгле мурлычет под нос какую-то незнакомую песенку. Потом громко откашлялся, позвал:

— Хозяйка, к вам гости!

Он грустно ухмыльнулся, когда произошло примерно то, чего он и ожидал: королева в изгнании выскочила из кухни, сжимая в правой руке скрамасакс, а в левой — внушительный пистолет под названием «утиная лапа»: пятиствольник, способный неслабо стегнуть веером картечи по целой шайке незваных налетчиков. Правда, на этот раз ее грозный вид чуточку портила одежда: она не в мужском охотничьем костюме, а в простом домашнем платье из бело-желтой полосатой ткани, напоминавшей махровое полотенце. В прошлый раз как-то серьезнее выглядела...

— Не надо в меня стрелять, это ведь все равно бесполезно, — сказал Сварог. — И я один, честное слово.

Чуточку расслабившись и опустив оружие, она все же глянула поверх плеча Сварога, прислушалась. И уже не выглядела так настороженно.

Улыбаясь с самым простецким видом (и загоня подальше нечто напоминавшее угрызения совести), Сварог самым безмятежным тоном произнес:

— Мне, правда, чертовски любопытно, почему вы, увидев меня, точнее, даже не зная, что это именно я, всегда выскакиваете с этими дурацкими причинами. Неужели здесь бродят простые, обыкновенные разбойники, от ко-

торых можно отбиться ножом и пистолетом? Но почему тогда дверь у вас никогда не заперта, и не видно ни замка, ни засова? Нелогично как-то...

— Привычка, — сказала Эгле словно бы с некоторым смущением. — Никаких разбойников тут нет, просто после всего пережитого... Были основания, чтобы такая привычка появилась...

— Понятно, — сказал Сварог. — Может, теперь уберете весь этот арсенал? Я просто-напросто хотел поговорить с вашим супругом... Я могу пройти, или вы запрещаете?

Она досадливо поджала губы:

— А вы надоедливы... — и еще раз бдительно прислушалась к окружающей тишине, потом все же отступила, открыв дверь на всю ширину, положила оружие на столик у входа. — Заходите уж, от вас, я подозреваю, все равно не отделаешься...

— Честно говоря, да, — сказал Сварог, входя в знакомую кухню, где на плите побулькивали две кастрюли и приятно пахло мясной похлебкой со специями. — Когда я считаю, что у меня неотложные дела...

— Муж должен вернуться примерно через час, — сказала Эгле. — И у меня есть сильные подозрения, что вы сейчас рассядетесь и скажете, что будете его ждать...

— Примерно так, — сказал Сварог. — Но поскольку это ваш дом и вы здесь хозяйка, я не намерен наглеть. Могу подождать снаружи... На крылечке сидеть можно или это вас будет раздражать?

— Сидите уж здесь... — сказала она таким тоном, словно примирилась с неизбежным. — Не устраивайте комедии... Мне проявить гостеприимство, предлагать угощение или обойдетесь?

— Да обойдусь, — сказал Сварог. — Курить разрешите?

— Курите.

Повернувшись к нему спиной, Эгле занялась кастрюлями — сдвинула обе к краю плиты, отчего там, где они стояли, обнаружились два раскаленных круга, точнее, две спирали... «Да ведь у нее тут электрическая плита, — подумал Сварог. — Значит, и лампы — электрические. Какой-нибудь генератор, конечно — что-то нигде здесь не видно столбов с проводами. Интересно, кто им обеспечивает подобные мелкие бытовые удобства? Наверняка Вингельт?»

Эгле повернула какие-то ручки, и обе спирали погасли. Усевшись напротив Сварога, она протянула:

— В толк не возьму, отчего вы к нам прицепились...

«Значит, думаешь, что я ничего *такого* о вас не знаю», — мысленно прокомментировал Сварог, а вслух отметил:

— Как сказал бы любой на моем месте — чертова служба, сударыня...

— Ах да... — улыбнулась она иронично. — Вы же теперь еще и парочку секретных служб возглавляете... Там... — она указала пальцем в потолок. — Мы что, у вас на прицеле?

С самым невинным взором Сварог спросил:

— А что, есть что-то, из-за чего вас следует взять на прицел? Я еще не успел освоиться в этих службах, честно говоря...

Она все-таки легонько *вильнула* взглядом: все же не прожженная авантюристка, не тот человеческий тип. Знает: это «что-то» *есть*. Вряд ли шашни Стахора с Брашера были для нее секретом, в ее досье написано, что Стахор в ней

всегда видел помощницу и всегда советовался о делах — умна, энергична, может дать толковый совет... Видно, что ей неловко чуточку притворяться ягнечком невинным...

В этом простеньком платьице, с русыми волосами, собранными на затылке в небрежный узел, посреди домашних хлопот, она выглядела такой домашней и милой, что угрызения совести вновь осмелились легонечко напомнить о себе, но Сварог на них сурово цыкнул, и они юркнули куда-то в дальний угол.

— Как вы сюда попали? — спросила Эгле вряд ли подозрительно, просто с извечным женским любопытством. — Снова Лесная Дева?

— Ну да, — сказал Сварог. — Мы с ней старые добрые знакомые, так уж получилось... К тому же она мне очень благодарна за Багряную Звезду... А вы с ней знакомы?

— Не довелось, — сказала Эгле, прищурилась. — Она, конечно, не знает, что ей следовало бы быть благодарной и кое-кому еще...

— Я ей об этом непременно скажу, когда увидимся в следующий раз, — сказал Сварог.

— Интересно, у вас и с ней роман?

Сварог изобразил крайнее изумление (не особенно и наигранное, впрочем):

— А что, это возможно? Я и не подозревал...

— Конечно, — сказала Эгле. — Она может становиться... обыкновенной девушкой. И романы с людьми у нее частенько случаются.

— Буду знать... — сказал Сварог.

Эгле посмотрела на него с тем же смешливым прищуром:

— А что скажет императрица, если узнает?

— Ого! — сказал Сварог. — Для затворницы вы что-то слишком хорошо осведомлены о внешнем мире... и даже о том, что происходит *наверху*...

— Сплетничают... — пожалала плечами Эгле.

Не стоило тянуть, хотелось побыстрее со всем этим покончить. И Сварог, вздохнув про себя, вдруг выбросил к ее лицу руку, прижав три пальца к ладони, выставив большой и безымянный так, словно зажал меж ними короткую палочку. Громко произнес две фразы — бессмысленный набор непонятных слов, с точки зрения непосвященного.

Откровенно говоря, если не получилось бы, он готов был лишить ее сознания вовсе уж не по-джентльменски: коротким точным ударом. Но заклинание Грельфи сработало: меж вытянутыми пальцами блеснула неяркая алая вспышка, и Эгле, не успев удивиться, замерла с застывшим лицом, глаза остекленели, она стала крениться вправо со стула. Вскочив, подхватив ее, Сварог присмотрелся к спокойному личику с закрывшимися уже глазами. Нет, никакого притворства, она и в самом деле погрузилась в сон на достаточное для его замысла время...

Королевское ремесло, напомнил он себе. Крайняя необходимость. Так что всяким там угрызениям совести предлагается и далее сидеть по темным углам, носу не высовывая...

Бережно держа спящую на руках, он огляделся и, не найдя ничего подходящего, опустил ее прямо на пол, благо пол чисто выметен. Достал кинжал и, повернув лезвие горизонтально, острием вырезал на одной из темных панелей: «Если хочешь получить жену назад, жду в Латеранском дворце. Сварог». Получилось коряво, но отчетливо. Подхватил спящую королеву и вышел из доми-

ка. Хмыкнул, покрутил головой: Горлорг за это время успел сожрать половину цветов с клумбы, насколько позволили поводья.

— Интересно, — сказал Сварог. — Травку ты, выходит, щиплешь... но и ухитряешься просидеть пару миллионов лет, не жравши...

Горлорг каркнул и положил голову ему на плечо. Похлопав его по шее, Сварог отвязал повод, сначала пристроил Эгле перед седлом (что оказалось не таким уж легким делом при полном отсутствии опыта), все время придерживая ее одной рукой, влез в седло. Положил руку меж конскими ушами и отчетливо представил себе то *стойло*, откуда взял Горлорга.

Конь трусцой направился к Дороге.

...Грельфи заверяла, что заклинание не дает никаких побочных эффектов напоподобие похмелья. И действительно, когда Эгле открыла глаза, выглядела вполне свежей и безмятежной — как в тот миг, когда мгновенно уснула. Правда, едва она попыталась пошевелиться, бросила взгляд по сторонам, очаровательное личико вмиг исказилось изумлением и испугом. Ничего удивительного, любой человек, обнаруживший себя в таком положении, и изумился бы, и испугался...

Она сидела в тяжелом кресле с высокой спинкой, кисти и щиколотки надежно скованы массивными железными захватами, прикрепленными к подлокотникам и ножкам.

Рядом стояло точно такое же кресло, но пустое. Оба они вдобавок были еще надежно прикреплены к полу, но вряд ли сейчас Эгле обращала на это внимание.

Инстинктивно она дернулась, но освободиться, конечно, не смогла — на совесть были сработаны кандалы, без волшебства никто не освободится...

— Что это все значит? — быстро, неприязненно спросила она. — Где я? Зачем?

— Отвечаю по пунктам, — сказал Сварог скучным голосом канцеляриста. — Арест. Вы сейчас в Латеранском дворце, в так называемом Ореховом зале. Для допроса.

Он оценил выдержку русоволосой красавицы: она не дергалась, уже понимая, что это бесполезно, судя по лицу, лихорадочно оценивала обстановку.

— По какому праву?

— Восьмой департамент, — сказал Сварог тем же тоном. — Девятый стол. Выбирайте, что вам больше нравится. Как начальник что одной, что другой конторы имею полное право вас задержать. И подвергнуть допросу. Правда, по причинам, которые вы вскоре поймете, я предпочитаю сейчас выступать в роли земного короля... но и в этом качестве имею право вас задержать. Или вы знаете какую-нибудь юридическую закорючку, запрещающую производить задержания и аресты на территории Древних Дорог? Я — нет.

Судя по ее лицу, она тоже не знала никаких таких крючкотворств, вряд ли существовавших...

— За что?

— За шкирку... — сказал Сварог без улыбки. — Вы ведь не год и не два были королевой. А значит, должны быть знакомы с имперскими законами. В том числе и с «Законом о запрещенной технике».

— Но какое он ко мне имеет отношение?

— Давайте по существу и короче, — сказал Сварог. — Только помните: я

ведь лар, а значит, моментально определю, когда мне врут... Все просто. Примерно за пару лет до вашего... свержения в Горрот прибыли несколько ларов. Главным у них — несомненно, известный вам герцог Брашерио, как он себя именует. Они заключили с вашим мужем некое соглашение и занялись некоей деятельностью, прямо запрещенной законами Империи. Вы не могли об этом не знать, так что вполне можете считаться сообщницей. Очень уж серьезный закон вы нарушили. Тут-уж и королям спуска не дают... Так что же, будете уверять, что ничего этого не было? Что Брашерио вам неизвестен? Интересно будет послушать...

Она молчала так, что это выглядело красноречивее любых слов.

Прекрасно поняла, что если начнет все отрицать, Сварог моментально определит вранье. Тут уж, действительно, остается только молчать, чтобы не ставить себя в глупое положение...

— Вот видите, — сказал Сварог. — Коли уж вы *ничего* не пытаетесь опровергать, я угадал по всем пунктам... И вы прекрасно понимаете, каких ответов от вас ждут. Но я все равно произнесу все вслух: я хочу, чтобы вы мне подробно рассказали все, что знаете об этой истории. Или вы станете уверять, будто ничего не знаете? Ну вот, вы опять красноречиво молчите...

— Я не могу вам ничего рассказать, — сказала Эгле непререкаемым тоном.

— Почему? — терпеливо спросил Сварог.

— Потому что я в свое время дала слово чести держать все в тайне, — отчеканила Эгле, гордо выпрямившись в кресле.

— И будете молчать даже теперь? После того, как они решили от вас избавиться и лишь чудом не убили?

— Так уж сложилось, — сказала Эгле с оттенком грусти. — *Они* не давали никакого слова чести, которое потом нарушили бы. А я — давала. Королева свое слово чести нарушить не может. Вы должны понимать мое положение.

Сварог прекрасно понимал. По-настоящему благородный дворянин, не говоря уж о коронованной особе, слова чести никогда не нарушит. Классический пример — барон Гарамонд. Пустил ночевать двух незнакомых дворян и дал слово чести защищать их от любых опасностей. А потом нагрянули королевские гвардейцы, эти двое оказались спешившими скрыться участниками заговора против короля, намеревавшимися его убить. И барон, верный сторонник короля, его добрый знакомый, вынужден был драться против гвардейцев вместе с теми двумя — согласно данному слову... И был убит. Таких классических примеров хватает — и сейчас случается... Скверно.

Сварог спросил с надеждой:

— А в вашем слове чести не было никаких формулировок, которые позволяют его нарушить? Вы знаете, как это порой обстоит...

— Знаю, — сказала Эгле словно бы с сожалением. — Увы, никаких лазеек нет... Так что я вынуждена молчать, — она села еще более прямо, закусив губу: — *Вынуждена*. Как бы эти мерзавцы с нами ни поступили...

Сварог сказал мягко:

— Эгле, но ведь никто не узнает, кроме нас с вами...

— Вот именно, — ответила она с застывшим лицом. — И вы будете знать, и сама буду знать... то *честь*...

Сварог прекрасно знал, что дальнейшие уговоры бессмысленны. А потому шагнул к столу и нажал кнопку. Почти сразу же запахнулась одна из дверей,

вошли двое деловитых, целеустремленных молодых людей, одетых, как здешние дворяне (на деле они были его сотрудники из восьмого департамента). Сварог мотнул головой, и они направились к королеве — напрягшейся, не понимавшей, что с ней собираются делать.

Собственно, ничего страшного ей и не предстояло — всего-навсего добрый глоток того самого «эликсира правды», после которого обычный человек не в состоянии ничего скрыть и отвечать будет на любые вопросы, дай он хоть сто слов чести...

Эгле дернулась в захватах:

— Что вы хотите...

— Есть все же лазейка, — сказал Сварог, подходя. — Вы всего лишь выпьете стопку совершенно безопасного для здоровья напитка. После которого ничего скрыть не сможете. Так что ваша честь никоим образом не пострадает. Будет классический случай «насильственно вырванного признания» — то есть никакого урона для чести.

Молодой человек открыл небольшой кожаный футляр, извлек стеклянную стопочку, наполненную до краев фиолетовой жидкостью, отвинтил стеклянную крышечку, поднес к губам Эгле. Плотнo сжав губы, она отвернула голову насколько могла. Молодой человек вопросительно глянул на Сварога. Тот кивнул и отвернулся. Возня за его спиной была короткой — молодые люди знали свое дело...

— Все нормально, лорд Сварог, — послышался за его спиной бесстрастный голос. — Она проглотила до капельки.

Сварог повернулся к креслу. Растрепанная, покрасневшая Эгле обожгла его ненавидящим взглядом, попыталась наклониться вперед (и явно попробовать поблевать), но молодой человек, крепко прихватив ее шею, спокойно поясnil:

— Простите, это бесполезно. Напиток всасывается в слизистую оболочку желудка в считанные секунды, если вы понимаете, о чем я. — Он достал часы, сосредоточенно уставился на циферблат.

Сварог знал, что ждать придется недолго: достаточно квадранса минуты, то есть пятнадцати секунд. И пусть сверкает глазами, как пантера — так лучше в первую очередь для нее...

Молодой человек, убрав часы, кивнул. Сварог подошел вплотную и спросил:

— Как у вас появился Брашеро? При каких обстоятельствах?

Эгле, глядя все так же ненавидяще, молчала. Черт знает что... Для надежности выждав еще минуту, Сварог спросил:

— Когда вы впервые увидели Брашеро?

Снова упрямое молчание и ненавидящий взгляд. Сварог, как ни старался, не мог усмотреть у нее и тени магии, волшебства, ничем подобным она не владела. И тем не менее «эликсир правды» на нее не подействовал.

Схватив за локти обоих молодых людей, Сварог отвел их в другой конец обширного зала, тихо спросил:

— Что происходит?

Оба едва ли не синхронно пожалы плечами.

— Представления не имею, — сказал тот, что держал футляр. — *Лекарство* просто обязано было подействовать... Я не чувствую у нее ни магии, ни вол-

шебства, ни каких-то охранительных заклятий...

— И я, — кивнул второй.

— И я тоже, — сказал Сварог. — Ладно, идите...

Сердиться на этих парней не было никакого смысла.

Они не медики, не эксперты — простые оперативники, выполнявшие самые разнообразные задания. Мастерски и вмиг влить в глотку человеку питье, которого он не хочет пить, они умеют, но во все остальное не посвящены...

Сварог прошелся по залу, отчего-то стараясь, чтобы шаги звучали не слишком гулко. Остановился у длинного, овального, тяжелого стола из карлейского ореха — исторического стола, возрастом в полторы сотни лет, окруженного тяжелыми креслами, своими ровесниками. Отчего-то и в этот момент, когда никак не следовало отвлекаться на что-то постороннее, в который раз попытался угадать: продолговатое темное пятно слева — и в самом деле впитавшаяся в древесину, как ни чистили потом, кровь герцога Фирлента, как гласят легенды, или просто более темный кусок дерева? Нужно позвать Грельфи как-нибудь, уж она-то определит точно... Такие вещи она умеет...

Выругался про себя. Потому что прекрасно понимал, почему отвлекается на постороннее — оттягивал неизбежное. Не умерло еще в *короле* что-то человеческое. Но ведь не подействовал на нее эликсир...

Он превозмог себя — без столь уж тяжелой внутренней борьбы как-никак *королевское* изрядно потеснило все прочее. Подошел, остановился прямо напротив Эгле в каком-то шаге. Красавица королева все так же смотрела на него с нескрываемой враждебностью, чуть побледнев, но ее глаза оставались сухими. В голове у Сварога словно бы промелькнул посторонний отзвук — словно услышал отдаленное тревожное пение военной трубы. Что это означает, он так и не понял, но то ему не примерещилось, это было что-то, безусловно, постороннее, услышанное им не слухом. «А вдруг...» — подумал он с надеждой. Вдруг это как раз и означает, что они начали? Хорошо бы...

Поморщился, зная, сколько пар глаз уставились сейчас на него, и сколько пар ушей услышат каждое сказанное слово. Спросил:

— Интересно, почему на вас не подействовал «эликсир правды»? Он действует на любого земного человека, не владеющего магией и волшебством, не защищенного заклятиями...

— Не знаю, — сказала Эгле сухо.

Похоже, она снова не хотела говорить неправду, которую Сварог мгновенно определил бы. Что это такое, и откуда оно у нее? *Прежде* за ней не замечалось никаких особенных способностей, была самым обычным человеком. И то, что она тогда проделала с озером... Чего-то нахваталась на Древних Дорогах? Чему-то научилась у Вингельта и его друзей?

С неудовольствием поймав себя на том, что снова неосознанно пытается оттянуть неизбежное, встретился с ней взглядом и спросил, стараясь, чтобы голос был лишен всяких человеческих чувств:

— И что же теперь прикажете с вами делать?

Глава VIII

КОРОЛЕВСКАЯ ОХОТА

Глянул на часы — с того времени, как он увез Эгле из дома, прошло всего-то полчаса. Стахор мог еще и не вернуться. Остается тянуть время и надеяться...

Он встал вполоборота к креслу — не сомневался в своих людях и в технике, но лишняя предосторожность не помешает, мало ли что они могут придумать...

— Вы в состоянии делать, что хотите, — иронически улыбаясь, сказала Эгле. — Я женщина, и я скована...

— Если рассчитываете меня уязвить, крупно ошибаетесь, — усмехнулся Сварог. — Следствие — такая штука, которая не делает различий меж женщинами и мужчинами...

— Следствие... — протянула она насмешливо. — Знали бы вы, как я вас ненавижу... Нет, не вас персонально, не в вас дело... Всю эту кучку сытых бездельников, парящую над облаками и диктующую свою волю миллионам людей...

Сварог даже слегка оторопел, но тут же опомнился. Усмехнулся:

— Ах, вот как? Мне встречались люди с подобными убеждениями, но вот из уст коронованной особы их слышу впервые... Любопытно было бы знать, вы этого от Вингельта нахватались или думали так и *прежде*?

— Прежде, — ответила она спокойно. — От такого признания моя участь никак не изменится, верно?

— Верно, — сказал Сварог. — Простите, а ваш муж придерживается тех же убеждений?

— Спросите у него.

— Надеюсь, случай выпадет... — сказал Сварог. — Значит, вот так... это позволяет строить версии... Начинаю крепко подозревать, что Брашеро со своей шайкой, прослышав о ваших умонастроениях, вам поначалу представились идейными борцами с тиранией ларов или кем-то вроде... Ну, а *сейчас* вы их тоже считаете борцами с тиранией? Или обыкновенными сволочами, занятыми исключительно собственной выгодой?

— Какая разница? — пожала плечами Эгле. — В любом случае вам, сытым и тупым владетелям, будет только хуже...

— А говорили, вы умница... — сказал Сварог. — А вы дура... Вы что-нибудь слышали про Токеранг и токеретов? Не могли не слышать, общаясь с Вингельтом, уж он-то наверняка их прекрасно знает. Неужели вы всерьез полагаете, что они собираются выступить против Империи? Гораздо больше верится, что в первую очередь достанется тем самым «миллионам угнетенных», о которых вы так печалитесь. Потому что *небо* им не по зубам.

— Это мы еще посмотрим, — процедила Эгле. — В любом случае, вам станет очень неудобно там, за облаками...

«Ничего нового», — меланхолично подумал Сварог. Другая планета, другой мир, а мысли те же. Зашвырнуть ее на Землю, года в семидесятые — получилась бы ярая активистка каких-нибудь «Красных бригад», где, в общем, дураков не было, зато имелось немало интеллектуалов обоюбого пола... «Чем хуже,

тем лучше». Как это там, в Библии? Нет ничего нового под этим солнцем...

— Я бы с удовольствием с вами подискутировал на эту интересную тему, — сказал Сварог. — В другое время и при других обстоятельствах. Но сейчас не до лирики, сплошная конкретика навалилась... Значит, говорить вы не будете... Вы хорошо понимаете, что вас при таком раскладе ждет?

Он смотрел, как на очаровательном личике сменяют друг друга самые разные чувства: недоверие, тревога... В голове снова послышался тот непонятный *отзвук*, словно бы раздававшийся ближе и сильнее.

— Но вы же не хотите сказать... — произвела она, еще более побледнев.

— Именно, — кивнул Сварог. — Остается одно — пыточная...

— Подонок!

— Ничего подобного, — серьезно сказал Сварог. — Во-первых, я сейчас не человек. Я король. То есть работающий механизм, в котором нет ничего человеческого. И думать должен, в первую очередь, о своих подданных, а не о ваших вольнолюбивых идеях или целостности ваших косточек... Во-вторых... При чем здесь небо? Можно подумать, это там придумали пыточные и силой их на земле внедряли, а вы, гуманисты и добряки усиленно отпирались... Боюсь, вы сами до этого додумались. Вы словно бы даже удивились, полное впечатление... Как будто благородных не пытаются. Еще как. Я говорю даже не о свежих примерах — когда, скажем, лет шесть назад по приказу Конгера Ужасного на Монфоконе разорвали лошадьми не какую-то крестьянку, а герцогиню старинного рода... Давайте лучше поговорим о вашей милой родине, княжестве Скатерон. Я кое-что просмотрел по его истории... Там написано, что во время знаменитого заговора барона Гудера ваш родной дедушка дюжинами вздергивал на дыбу не только благородных кавалеров, но и благородных дам... И я бы его нимало не порицал, заговор был невымысленный, а настоящий, серьезный, включавший в планы и убийство вашего дедушки... Но он, не особенно разбираясь, велел пытаться и виновных, и невиновных, а невиновных, как пишут, приходилось человек по десятку на каждого настоящего мятежника и заговорщика. Как нам с этим быть, Эгле? Насколько я знаю, ваш дедушка умер, когда вам было года четыре, вы успели не раз посидеть у него на коленях и получить от него кучу леденцов... Хорошо, я подонок. А он — нет? Маркизе Альвине Латорми, как позже выяснилось, совершенно непричастной, было всего девятнадцать... Вы знаете, что с ней сделали палачи вашего дедушки? В толк не возьму, почему он — любимый дедушка, а я — подонок. Тут уж всех следует по одной мерке мерить...

Кажется, Эгле чуточку смутилась.

— Я и не говорила, что считала его «любимым», будучи уже *взрослой*, — сказала она.

— Тем более, — пожал плечами Сварог. — Я, как король, *обязан* знать то, что вы скрываете. Значит, придется вас пытаться. Вы полагаете, что выдержите хотя бы половину обычных... процедур?

В лице у нее не было ни кровинки, но глаза оставались сухими — все же не кисейная барышня, а княжна из Скатерона, то есть из Каталауна...

— Не выдержу, — призналась она тихо.

— Вот видите, — сказал Сварог. — Но когда вы, наконец, заговорите, вас к тому времени успеют изрядно покалечить... И это вы тоже прекрасно понимаете. Ах да, я и забыл... — он театрально хлопнул себя по лбу. — Перед тем, как

попасть в пыточную, вам еще предстоит заглянуть на псарню...

— Зачем? — спросила она с ноткой удивления.

— То есть как это — зачем? — Сварог, в свою очередь, сделал вид, что несказанно удивлен. — Псари у меня имеют дело не с дамскими собачками, а с гончими, натасканными на кабана, медведя, с волкодавами, каких спускают на каталаунских тигров... Это нелегкое ремесло... и оно делает людей достаточно черствыми, лишенными всякой сентиментальности и излишней доброты. Самый подходящий в данном случае народ. Кинут в уголке какую-нибудь дерюгу, завалят вас туда, задерут подол... Вы что же, забыли о старинной, до сих пор действующей неписаной традиции, согласно которой подвергшаяся насилию королева должна уходить в монастырь? Не торопитесь снова меня обзывать, я при этом неаппетитном зрелище присутствовать не буду, я не извращенец... Тем более что псари — народ грубый, с грязной фантазией...

— Мой муж... — прошептала она, смертельно бледная, и замолчала, будто у нее перехватило дыхание.

Так оно, похоже, и было.

— Ну да, конечно, — кивнул Сварог и скучным голосом продолжал. — Он меня потом зарежет и зажарит, оциплет и ошпарит... Да? Во-первых, еще неизвестно, получится ли у него. Меня столько раз пытались убить, что лень даже считать. Но я всегда как-то успеваю первым, это уже традиция такая сложилась... Во-вторых, даже если ваш муж, во что совершенно не верится, все же сумеет меня достать, вы к тому времени пройдете и псарню, и пыточную. — Сварог наклонился к ней, грубо взял за подбородок, поднял ее голову выше и заглянул в глаза: — Эгле, я не шучу и не запугиваю напрасно. Слово чести, если будете молчать, я выполню все, что обещал... Ну?

Уголки губ у нее подрагивали, глубоко в глазах затаился страх, но она держалась — не плакала и явно не собиралась просить пощады...

— По-моему, это означает «нет»... — сказал Сварог, выпрямляясь. — Очень жаль. Ладно. Скажу вам по секрету: у меня еще осталась капелька человеческого. Я все же не урожденный король, меня к этому ремеслу не готовили с детства, в отличие от вас. Я вам дам время на раздумье. Целых полчаса, — он глянул через плечо на высокие напольные часы в резном корпусе из орехового дерева. — Отсюда вам прекрасно виден циферблат. Отсчет начнется, когда стрелка достигнет половины третьего, так что у вас, собственно, тридцать одна минута... Обдумайте все. В три я вернусь и вас уведут. Будьте благоразумны, а? Из чисто эстетических побуждений мне не хотелось бы видеть такую красавицу на дерюге среди дюжины гогочущих псарей, и уж тем более на дыбе... Подумайте как следует, я вас прошу...

Он отвернулся и, не оборачиваясь, целеустремленной походкой вышел в коридор — а там, наплевав на королевское достоинство, бегом преодолел расстояние десятка в два шагов, рванул ручку комнаты справа, примыкавшей к Ореховому залу, влетел туда.

Там у стены, отделявшей комнату от Орехового зала, напряженно застыли несколько человек с оружием наготове, а перед ними в два ряда висели в воздухе шесть экранов — камеры просматривали Ореховый зал с шести разных точек. Присмотревшись, Сварог быстро нашел взглядом нужный экран, на который давала изображение камера, запрятанная над спинкой кресла Эгле. Длинный исторический стол, за ним — два высоких окна и ни единой живой

души, никаких изменений.

Сердце у него заходило в лютой тоске. Когда истекут эти полчаса, можно будет еще немного потянуть под убедительным предлогом... но не до бесконечности же? Если он ошибся в расчетах и зря ставил себя на место Стахора с Вингельтом, придется выполнить все угрозы. Обе. Потому что несколько миллионов его подданных, в отличие от него, не способны отсидеться за облаками и в безопасном местечке. А потому не имеет никакого значения, что королева Эгле молода, красива и чиста... Либо-либо...

Он, не глядя, протянул руку вбок, щелкнул пальцами. Кто-то торопливо подал ему серебристую полудугу с двумя шариками. Сварог сунул один в ухо, повернул дугу так, чтобы второй шарик оказался у рта.

— Внимание, всем группам, — сказал он жестко. — Повторяю, еще раз повторяю: если начнется, брать живыми, только живыми...

Несколько голосов один за другим кратко отрапортовали, что все понимают и приказ выполняют скрупулезно.

— Ни секунды промедления, — сказал он. — Если парализаторы не действуют — сети, сети...

Ему снова отрапортовали, что поняли и исполняют. Не было никакой необходимости повторять приказы, он отобрал самых опытных — просто нужно было чем-то себя занять, пока минуты ползли, как улитки. Станный отзвук в голове все усиливался, и у него помаленьку стала формироваться догадка — что он слышит исходящий от Эгле зов. Непонятно, как она это делает, какой это все природы, ясно только, что магия тут и не ночевала. Ну что ж, если он верно догадался, пусть зовет...

Показалось, или... Ага!!!

Центральная часть зала внезапно исчезла, на ее месте возник аркообразный проем — за ним виднелись деревья со светло-коричневыми стволами... и несколько человек, яростным рывком метнувшись оттуда прямо к камере, то есть к креслу Эгле.

— Вперед! — рявкнул он в микрофон, пнул потайную дверь и первым ворвался в Ореховый зал. В разных его концах распахнулось еще пять незаметных изнутри дверей, и оттуда рванули спецназовцы, по весьма существенным причинам отобранные исключительно среди ларов.

Пятеро, стоявшие у кресла Эгле, на несколько секунд оказались застигнуты врасплох. Со всех сторон засверкали ярко-малиновые вспышки парализаторов, но лишь один человек скорчился и медленно опустился на пол. Остальные после резкой короткой команды метнулись к проходу на Древние Дороги, наугад паля во все стороны из чего-то, бросавшего ярко-синие искры, трещащие, словно электрические разряды. Взлетели, разворачиваясь, сети...

Опоздали. Тем было гораздо ближе до прохода, чем нападавшим до них. Сети, утяжеленные по краям грузиками, вспорхнули и развернулись, но накрыли уже лишь пол — проход закрылся...

В два прыжка оказавшись возле лежащего, Сварог узнал Стахора. В кресле, в нелепой позе, склонилась всем телом вперед Эгле, удерживаемая лишь захватами, — тоже попала под малиновую вспышку...

— Обоих в драккар, немедленно! — закричал Сварог. — Уходим! Уходим! — Его люди метались, как черти, шевелившие в аду грешные души.

Эгле моментально освободили от захватов, двое подхватили ее, двое подня-

ли Стахора, остальные тесно их обступили, и вся орава бегом кинулась к выходу, оцетинясь уже не парализаторами, а сверкающими лезвиями кордов. Они протопали по коридору, не встретив ни единой живой души (это крыло дворца было наглухо заблокировано людьми Сварога, переодетыми в форму дворцовой стражи), громко топая, взбежали вверх по лестнице, выскочили на широкую галерею и, не сбиваясь с темпа, кинулись туда, где виднелась словно бы распахнутая в иной мир дверь. Один за другим вбегали на первый этаж невидимого драккара. Пилот со своего места смотрел на них, вывернув голову. Едва дверь захлопнулась за последним, он взял такой старт, что дворец и парк моментально провалились вниз, словно булькнувшая в воду тяжеленная купеческая гиря.

— Во второй манор, — негромко распорядился Сварог, подходя к пилоту.

Тот, не оборачиваясь, кивнул. Сварог плюхнулся в ближайшее кресло, сунул в рот сигарету, жадно заглотнул дым, весь обмякнув, смотрел на лежащую на полу королевскую чету, на присевших вокруг на корточки спецназовцев. Он не сомневался, что видел среди незваных гостей Вингельта. Задача, конечно, выполнена не целиком, но хорошо и то, что удалось взять хотя бы Стахора, знавшего гораздо больше жены. Коли уж ни на кого другого не подействовали парализаторы — они все лары. Как и предполагалось. Нескольких метров не хватило его ребятам, но то было единственное место во дворце, столь подходящее для засады...

Что же, он рассчитал все правильно. Прочитав надпись, Стахор, конечно же, каким-то образом связался с Вингельтом, и тот использовал свое умение ходить по Древним Дорогам. Выход можно открыть в любом месте, даже в здании, если не выше первого этажа, а под помещением нет подвала, — в точности как с Горлоргом обстоит...

Кто бы мог подумать, что Ореховый зал сто пятьдесят лет спустя послужит примерно тем же целям... У самого Сварога попросту не хватило бы времени все это обустроить за два дня — работать ведь пришлось бы обычным земным мастерам...

Сто пятьдесят лет назад юный король Кадоген Третий Ронерский (в те времена Латерана еще оставалась под властью ронерской короны), хотя и вступил в совершеннолетие, никак не мог взять в руки реальные бразды правления. Поскольку их, как и последние десять лет, твердо намеревался и далее удерживать бывший регент, а ныне первый министр, тот самый герцог Фирлент, дальний родственник короля, чья кровь якобы и до сего дня виднеется на столе. Очень уж нравилось властному и неглупому человеку править королевством (в те времена превышавшим размерами нынешнее раза в полтора), поскольку это приносило не просто почет, но и реальные выгоды. Крепкой опорой ему служили две дюжины магнатов и генералов, образовавших Благородный Совет. У короля такой опоры не было. Но и куклой быть не хотелось.

До сих пор неизвестно, сам король это придумал или подсказал кто. Затеявши ремонт дворца, король сумел в глубокой тайне окружить Ореховый зал потайными ходами, подходившими к шести потайным дверям. И назначил очередное заседание Благородного Совета именно там. Охрана реальных правителей королевства, конечно, осталась в коридоре. Едва они расселись, король подал сигнал, все шесть потайных дверей распахнулись, и в зал ворвались вооруженные до зубов человек тридцать гвардейцев — сплошь молодые и често-

любивые кадеты, считавшие, что засиделись в кадетях, и лейтенанты, хотевшие в капитаны... И первого министра, и всех до единого членов Совета положили тут же, за столом, что было крайне разумно со стратегической точки зрения: никто из прихвостней герцога рангом пониже и не подумал дернуть-ся. К чему царедворцам, министрам и полковникам выступать против короля на стороне покойников? От которых уже не дождешься ни денег, ни чинов, ни орденов? Охрану в коридоре расстреляли появившиеся с двух сторон егеря и мушкетеры, король моментально созвал уитенагемот и с волнением объявил, что чудом уцелел, едва не стал жертвой заговора. Хорошо, нашлись порядочные люди, вовремя предупредили... Обстановка была столь напряженной (пара гвардейских полков вокруг здания уитенагемота, массовые аресты сторонников и сподвижников герцога), что ни одна живая душа не рискнула задавать его величеству неудобные вопросы. Кадоген в одночасье стал настоящим королем, правил чуть ли не сорок лет и умер своей смертью. А сто пятьдесят лет спустя его задумка пригодилась и Сварогу...

Он глянул в окно — драккар сбросил скорость и шел на посадку. «Второй манор», новехонький, можно сказать, с иголочки, был небольшим по размерам, уардов этак триста на триста. Посадочная площадка (то есть попросту засаженная невысокой травой безукоризненно ровная лужайка), лесок, и посреди — здание. Официально объект числился за девятым столом, по его заказу и построенным, но о его существовании в конторе знал один-единственный человек — секретарь Сварога, получивший строгий приказ держать это знание исключительно при себе. Зная секретаря, можно не сомневаться, что приказ он соблюдет в точности...

Вся эта секретность была затеяна исключительно ради юных сподвижников Сварога. Здесь, во втором маноре, предстояло заниматься неприятными делами, той самой грубой и унылой изнанкой жизни, от которой юных следовало держать подальше, насколько удастся долго...

...Сварог сидел в кресле и спокойно курил, наблюдая, как доктор девятого стола целил полулежащему в кресле Стахору в висок небольшим серебряным рефлексом — снимая действие парализатора раньше обычного срока. Доктор отступил, кивнув. Здесь опять-таки не таилось никаких побочных эффектов, так что Стахор, открыв глаза, моментально осознал себя в ясном создании, инстинктивно попытался вскочить — но руки у него были схвачены наручниками за спиной, а два охранника мгновенно навалились ему на плечи и принудили сесть. Ну конечно, бессильная ярость во взоре, понимание своего печального положения...

— Я крайне удручен, мой венценосный брат, что нам пришлось встретиться при таких именно обстоятельствах, — сказал Сварог. — Но что ж поделать... Давайте сэкономим время, насколько возможно, — мне его вечно чертовски не хватает. Предупреждая неизбежные вопросы: вы в летающем замке, моей личной тюрьме, откуда Вингелту ни за что вас не выручить. Ваша очаровательная супруга тоже здесь, с ее головы ни один волосок не упал... пока. Арестованы вы согласно имперскому «Закону о запрещенной технике». Вряд ли стоит вам объяснять, что это за закон, верно? Ваша супруга арестована как сообщница в нарушении означенного закона. В данное время вашей судьбой распоряжаюсь исключительно я. Вот вкратце как обстоит дело... Вопросы будут?

Стахор молчал, глядя на него исподлобья без особой враждебности — судя по глазам, король-изгнанник лихорадочно прикидывал, что в такой ситуации можно предпринять. И, быть может, уже сообразил, что предпринять не в силах совершенно ничего...

— Молчите? — спросил Сварог. — Это хорошо. Это просто замечательно. Значит, вы не пустослов и не глупец, этак мы еще больше времени сэкономим. У меня к вам для начала несколько вопросов. Вы, конечно, можете не отвечать, ругать меня всякими нехорошими словами... но вряд ли станете заниматься бесполезной и бессмысленной руганью. Впрочем, если все же собираетесь, выскажите уж все сразу, так будет проще... Молчите? Просто прекрасно. Итак, пошли вопросы... Ваша супруга буквально только что произнесла краткую, но очень искреннюю и эмоциональную речь, объясняя мне, как она ненавидит ларов, кучку тупых угнетателей, поработивших миллионы обитателей земли. Примерно так. И сказала, что этих взглядов она придерживалась еще до того, как вас... право, не подберу нужного слова. Скажем, согнали с трона. Согласно известной поговорке, муж и жена — одна сатана. К тому же я учитываю некоторые события, происшедшие в Горроте... И у меня есть подозрения, что и вы придерживаетесь тех же взглядов... которые у вас возникли и сформировались еще в те времена, когда вы безмятежно сидели на троне. Я прав?

— Даже если и так, что из этого? — холодно сказал Стахор.

Сварог широко ему улыбнулся и самым дружелюбным тоном спросил:

— А высказать в лицо? «Я вас ненавижу, сволочи!» Слабо? Смелости не хватает? Только в потаенном, безопасном месте язык развязываем?

Стахор выпрямился, постарался придать своей позе как можно больше достоинства (насколько позволяли скованные за спиной руки) и, не отводя яростного взгляда, отчеканил холодно:

— Смелости у меня хватит. Я придерживаюсь именно тех взглядов, что и моя жена, тех, которые вы были столь любезны кратко изложить за меня. И придерживался их, еще будучи наследным принцем. Кричать «Я вас ненавижу, сволочи!» я не буду исключительно потому, что это смешно и бессмысленно в данной ситуации. Однако все так и обстоит.

— Хотите, я вам выдам мелкие государственные тайны? — спросил Сварог. — Так, чепуха... Знаете, что самое смешное? Если бы ваши прегрешения заключались только в этом, вас бы никто не трогал, вас бы и на медный грош не оштрафовали. Согласно негласным указаниям сверху и подзаконным циркулярам *королям* такие убеждения сходят с рук. Впрочем, как и всем остальным. Можно чесать на кухне языки, пока они от усталости узлом не завяжутся, можно вслух толковать друг другу, какие мы все здесь, за облаками, сволочи, тираны, сатрапы и угнетатели. Лишь бы это было на кухне. Лишь бы не дошло до словесного оскорбления императрицы — вот тут можно огрести по полной... впрочем, королей и это не касается. Одним словом, главное, чтобы эти взгляды не провозглашались публично и не сопровождались *действиями*. А вот нарушение «Закона о запрещенной технике» — вещь посерьезнее, тут и коронованной особе не спустят... Должен сразу предупредить: мне известно не все, что вы наворотили в компании с Брашеро еще до того, как он решил, что пора вас прикончить, — но многое. И на основании того, что мне известно, я могу кое-что реконструировать... Вы желаете, чтобы я подробно объяснил, в

чем именно заключались нарушения вами означенного закона? Или нет нужды? Молчите? Значит, нет. Черт, как удобно с вами беседовать, как вы мне экономите время... — он вздохнул. — Правда, я всерьез подозреваю, что вскоре как раз и начнутся проволочки и запирательства, никакой экономии времени, наоборот... Вопрос: вы, как и ваша жена, дали Брашери слово чести ничего не рассказывать ни о нем, ни о его приятелях, ни о его делах? И сформулировано все было так, что вы даже *теперь* не можете ничего рассказать? Следовательно, и спрашивать вас бессмысленно, потому что вы будете молчать?

— Именно так все и обстоит, — сказал Стахор.

— Ну что же, — спокойно сказал Сварог. — Значит, я и не буду тратить время на вопросы, взывать к вашей совести, напоминать, что от вторжения токеретов лары несколько не пострадают, а вот земные жители как раз хлебнут горя... Мне хватило беседы с вашей супругой, чтобы понять, насколько это бессмысленно, — он встал. — Ну что же, пойдете...

Он вышел первым, стал спускаться по длинной лестнице, покрытой чем-то, что совершенно глушило шаги. Слышал, как за ним ведут Стахора. Спускаться пришлось ступенькам по тридцати — но не устраивать же *заведение* наверху, в освещенной солнцем комнате? В конце-то концов, это против всяких традиций...

Распахнув дверь, он оказался в большом сводчатом подвале, как две капли воды напоминавшем хозяйство глэрда Баглю — поскольку с него и скопировано, не мудрствуя. Дыба, стол для растягивания, прочие невеселые устройства, там и сям разложены инструменты, над жаровней калятся до багрового цвета железные прутья. А вот склонившаяся перед ним троица — не точные копии людей Баглю, а они самые и есть: здоровяк Одноглазый, в одной только короткой кожаной юбке, его подручный, столь же здоровенный, без всякого намека на интеллигентность на физиономии, и третий, ученик-подмастерье.

Не оборачиваясь, Сварог махнул рукой. Судя по лязгу железа, Стахора усадили в прикрепленное к стене кресло и тщательно прищелкивали руки-ноги кандалными захватами.

Судя по лицам «мастеров печальных ремесел», их нисколько не волновало, совершенно даже не занимало то, что они впервые в жизни оказались в летающем замке. Обстановка вокруг — самая привычная, как и предстоящая работа. Вот они и не заморачивались.

— Ну как, гвозди больше не путает? — без улыбки спросил Сварог, кивнув на молодого.

— Путается еще в том и в сем, государь, — пробасил Одноглазый. — Однако ж начинает проявлять сообразительность и рвение. Коли уж обещал я его матушке, а моей, значит, сестрице, что выведу шалопаю в люди, что человеком сделаю, на совесть послужит...

Сварог обернулся и махнул караулившим Стахора, чтобы вышли.

— Вот такие унылые дела, мой венценосный брат, — сказал он бесстрастно. — Все вы понимаете. Не станете же врать, будто после вступления на престол изничтожили доставшуюся от батюшки пыточную, *ремесленников* разогнали? Все осталось, как есть — не нами заведено, не нам и отменять... — Он усмехнулся. — Я бы с удовольствием обошелся без этого и угостил вас «эликсиром правды», но на вашу жену он нисколько не подействовал, черт вас знает,

вдруг и с вами так получится. Так что не стал я тратить лишнее время и гонять людей взад-вперед... Вот только если вы решили, что пытаться станут вас, глубоко заблуждаетесь. Пытать будут *ее*, притом — *потом*... После мероприятий, которые *ее* обяжут уходить в монастырь... — он деловито продолжал: — Сами понимаете, никакого садизма — поганое королевское ремесло, уж вы-то должны знать... — он присмотрелся к помертвевшему, вмиг осунувшемуся лицу Стахора. — В который раз убеждаюсь, что человек вы серьезный. Ни глупой ругани, ни бессмысленных мечтаний вслух вроде «Попался бы ты мне в чистом поле...» Послушайте, — произнес он доверительно. — Может, обойдемся без всего того? Мне чертовски неприятно, что *ее* будут насиловать и пытаться, но, слово чести, так и будет. Когда на одной чаше весов ваша очаровательная супруга, а на другой — жизни и процветание тысяч и тысяч моих подданных, приходится стиснуть зубы и отдавать приказы... Ну, так к чему мы пришли?

— Будьте вы прокляты все, — произнес бледный как смерть Стахор сквозь стиснутые зубы.

— Не беспокойтесь, мастера, — сказал Сварог, оборачиваясь к палачам, — то просто фигура речи, ничего такого наш гость на самом деле не умеет, я точно вижу...

— Да знакомое дело, государь, — кивнул Одноглазый. — Чем только ни пугают, а все это — пустые словеса... — он крайне деловито поинтересовался: — Значит, я так понимаю, с красоткой сначала побаловать, а уж потом?

Сварог мрачно кивнул.

— Бежи в чулан, — повернулся Одноглазый к племяннику. — Там справа, как войдешь, одеяло свернутое. Неси сюда. Хоть и выкинутая с трона, но все ж королева, не годится *ее* валять на голом полу... Живо! Уж одеяло, хоть и растяпа, ни с чем не перепутаешь...

Племянник опрометью кинулся выполнять указание.

— Стахор, — сказал Сварог. — Может, хватит? Все укладывается в «насильственно вырванные признания», никакого ущерб для чести.

— Много вы знаете о чести, приблудыш неведомо откуда, — сказал Стахор мертвым голосом.

Вернулся племянник, и Одноглазый принялся деловито распоряжаться:

— Вот сюда постели, балда, во-от тут... да не так, горе ты мое! Поперек. Так оно гостю будет лучше видно.

К боковой двери Сварог даже не стал оборачиваться — он и так не сомневался, что оттуда выжидательно наблюдают в крохотный глазок. Выбросил руку в ту сторону и щелкнул пальцами. Дверь моментально распахнулась, и двое бесстрастных субъектов ввели Эгле.

Для пущего эффекта Сварог распорядился, чтобы она ничем не напоминала растрепанную замарашку, наоборот. Так что распущенные волосы старательно расчесали, а над лицом потрудился с косметикой вызванный из Келл Инира мастер (антланец, подмахнувший пару жутковатых подписок о неразглашении). Платье обкромсали ножницами ладони на две, так то подол стал совсем коротеньким, оторвали две верхние пуговицы и вдобавок продуманно порвали платье на плече, чтобы прелести оказались именно что полуобнаженными, а не выставленными на всеобщее обозрение. Несмотря на похоронное выражение лица, она сейчас была прелестна и пленительна. Сцена крайне напоминала вульгарные киношные штампы (как выяснилось, однотип-

ные, что на Земле, что здесь), но что тут поделаешь? Коли все всерьез?

А Сварог моргнул Одноглазому. Тот, с превеликим трудом оторвав взгляд от Эгле, подошел вразвалочку к Стахору, наклонился, сгреб его за ворот кафтана и задумчиво произнес:

— Слышь, гунявый, я тя душевно умоляю: запирайся и дальше, изо всех сил, а то мне до того хочется красотку опробовать, аж спасу нет. Да и ребятишки вон слюной исходят... Малой, рот захлопни, ты на службе, а не в бане за девками зыришь. Тебе тоже достанется, только в свой черед, очередь должна быть по старшинству, потому как во всем должен иметься порядок. Государь, начинать велите?

— А что кота за хвост тянуть... — процедил Сварог. — Стахор, я, конечно, присутствовать не буду, не извращенец. Чуть-чуть времени у вас есть, если передумаете, попросите, чтобы позвали меня, только не затягивайте...

Он пошел к двери, слыша, как Одноглазый спокойно распоряжается:

— Укладывайте, ребятки. Руки ей поддержи. Если начнет кусаться, палку в рот и завязки на затылке. Давайте.

Сварог отошел недалеко — скрывшись из виду тех, кто оставался в пыточной, он поднялся на пару ступенек, приложил скрещенные в запястьях руки к стене и прижался к ним лбом. Угрызения совести помалкивали по углам, потому что их заслоняли другие картины — лица, люди, города и деревни, все, что он видел, немало пошатавшись по своим королевствам.

Совсем рядом отчаянно вскрикнула Эгле, послышалась шумная возня, короткий треск рвущейся материи, насмешливый бас Одноглазого:

— Ну, как тебе на вид?.. Ты бы ослабилась, что ли, глядишь, глаже пройдет...

И отчаянный крик Стахора:

— Стойте, сволочи! Короля позовите!

На лестницу выскочил подмастерье-племянник. Сварог, приложив палец к губам, велел ему стоять смирно — и выждал примерно с полминуты, чтобы усугубить душевный раздрызг клиента. Потом вернулся в подвал. С одного взгляда оценил комбинацию из нескольких фигур на одеяле — в последний миг Стахор сломался, еще б секундочка, и пиши пропало...

— Я так понимаю, разговор по душам состоится? — спросил он спокойно.

— Уведите ее отсюда, — тусклым голосом ответил Стахор.

— Как скажете, — пожал плечами Сварог. — Только, если что, вернуть ее назад — минутное дело... Уведите ее. И сами все — за дверь. Кто вздумает подслушивать, останется без головы...

Когда они со Стахором остались наедине, Сварог, чуть поморщившись, отбросил носком сапога подальше разорванные женские трусики, взял за спинку неуклюжий корявый стул и поставил его в двух шагах от кресла Стахора. Уселся, закурил, стараясь, чтобы на лице не отразилась нешуточная радость, которую он сейчас испытывал оттого, что все обошлось. Сказал холодно:

— Ну, начинайте. С самого начала и подробнее.

Сидел, уставясь в пол, и слушал монотонный, лишенный эмоций голос Стахора.

Оказалось. Стахор, как человек умный, о своей ненависти к ларам и неприятности существующих порядков говорил не так уж и часто, всегда в компании старых приятелей по Академии или тех, кому доверял всецело. И особо они —

этими беседами не увлекались, все были люди неглупые, прекрасно понимали: язык можно чесать сколько угодно, но от этого возможностей свергнуть правление ларов ни на каплю не прибавится.

И тут объявился Брашерио. К Стахору его привел герцог Орк, давным-давно принятый при дворе и в Горроте обвыкшийся, как у себя в замке, даже лучше, — он гораздо больше времени проводил на земле, чем наверху, все это прекрасно знали, да и он нисколечко не скрывал.

Разговор, правда, шел сглазу на глаз — вполне может быть, что Орку Брашерио доверяет не *всецело*, что весьма логично: герцог никогда не входил в тесный круг заговорщиков из Магистериума, уж, это наверняка, с некоторых пор, еще при Гаудине, его перемещения и круг общения отслеживались — насколько удавалось...

Не пытаясь ходить вокруг да около, Брашерио начал с самой сути: заявил, что ему прекрасно известно об умонастроениях короля и его ближайшего окружения. А потому именно в Горроте и решили искать приюта лары-заговорщики, настроенные против нынешней *системы* так же, как и Стахор, и всерьез намеренные ее поломать к чертовой матери, чтобы Империя рухнула и лары жили сами по себе, а земляне сами по себе, чтобы никто более не пытался из-за облаков управлять земной жизнью — а там, за облаками, следует провести решительные реформы, план коих давно разработан...

Судя по рассказам Литты, Брашерио без труда мог предстать чертовски убедительным и обаятельным. И Стахор купился. Поскольку предложение отвечало его потаенным заветным «чаяниям»... Для начала, сказал Брашерио, следует сделать Горрот местом, где лары уже не смогут подслушивать и подглядывать. И началась история с «верстовыми столбами». В детали, которые он сам считал мелкими, Стахор и не собирался вникать — он попросту издавал указы и отдавал повеления, выполняя план Брашерио.

В Акобар и парочку других портов прямо-таки вереницей потянулись грузовые корабли, как следовало из документов, все до одного принадлежавшие судовладельческому дому «Каурат и сыновья», располагавшемуся в Фиарнолле (прикидывая по количеству кораблей, заведение могучее и богатое). С них выгружали тщательно упакованные в ящики «верстовые столбы» и еще какую-то (как понял Сварог) необходимую аппаратуру, потом из нескольких складов развозили по всем границам. Устанавливали столбы ни о чем не подозревавшие подданные Стахора — но всякий раз после этого люди Брашерио что-то еще доделывали. Ну, явно устанавливали у основания каждого, старательно закапывая потом, какую-то аппаратуру, связывавшую столбы в единую сеть (ни о чем, напоминая бы рытье канав и подкладку проводов Стахор, не раз приезжавший взглянуть на работы, ни словечком не упоминал).

Справились. И вскоре Стахор на конкретных примерах убедился, что Брашерио нисколечко не соврал — лары и в самом деле словно оглохли и ослепли, надзирать за происходящим в Горроте более не могли, никакие их приборы в Горроте не действовали, а летательные аппараты попросту падали. В Канцелярии земных дел Стахор лишь недоуменно пожимал плечами в ответ на первые расспросы Диамер-Сонирила и твердил, что он не ученый, что его ученые полагают, будто все дело в каком-то неизвестном доселе природном феномене, но сам он ни о чем судить не берется по недостатку знаний. Впрочем, вскоре его перестали спрашивать — видимо, поручив расследование восьмому де-

партаменту. Каковой, что Сварогу и без того известно, ничегошеньки не добился.

Стахор приободрился и воспрянул, видя, что дела идут успешно и данные ему обещания сбываются. Еще до завершения работы со «столбами» часть дворца отгородили высокой стеной, и Брашери устроил там нечто вроде штаба, откуда мог управлять всем. Туда опять-таки завезли массу громоздких ящиков. По завершении Стахор захотел осмотреть все. Брашери ему нисколько не препятствовал и согласился без малейшего промедления. Ясно, почему: как рассказал Стахор, он ничего не понял в увиденном — но, по его описаниям, это больше всего напоминало центр управления (Сварог подозревал, не только столбами).

Потом Брашери через финансистов Стахора потратил немало денег, выплатив абсолютно все долги Горрота (там наверняка было настоящее золото, если никто из кредиторов не поднял паники).

Чуть позже попросил объявить запретной зоной некое местечко в горном хребте Каррер — используя в качестве предлога якобы открытое там золото и устройство рудников. Несомненно, то самое «Горное гнездо», о котором упоминала Литта, — но, в отличие от нее, Стахор знал точное место, которое и показал на карте Сварогу. Брашери охотно, не дожидаясь расспросов, дал необходимые пояснения: он намерен разместить там устройства, парализующие еще кое-какую деятельность ларов, а заговорщикам лишь придающие силы. И разводил руками (надо полагать, с самым обаятельным и честным лицом): он бы и рад дать самые подробные объяснения, но его величество все равно ничего не поймет, увы... Прекрасно сознавая, что так оно и будет, Стахор вопросов задавать не стал — но, когда захотел осмотреть то место, был опять-таки немедленно туда допущен. Там огромные, непонятные ему механизмы выравнивали площадку в небольшом ущелье, копали котлованы, закладывали фундаменты — чего лары уже не могли видеть...

Корабли «Каурата и сыновей» шли прямо-таки нескончаемым потоком с новыми загадочными грузами. Стахор и Брашери находились в превосходных отношениях. Эгле, впрочем, как-то рассказала мужу, что Брашери пытался за ней ухаживать, но крайне галантно и деликатно и отвязался после первого же намека на то, что здесь ему ничего не светит. А посему Стахор не стал придавать этому никакого значения и выступать с упреками — многие пытались ухаживать за Эгле и в бытность ее наследной принцессой, и позже, когда она стала королевой; на фоне иных наглых прилипал, получавших от Стахора свое, Брашери выглядел весьма порядочным человеком, которому хватило одного намека.

Со временем Стахор наладил за Брашери и его людьми самое искусное наблюдение силами тайной полиции. Доверять своим новым друзьям он вполне доверял, но прекрасно отдавал себе отчет, что в политических союзах каждый участник всегда держит что-то в рукаве исключительно для себя, как шулер — козырные тузы. Стахор попросту хотел знать как можно больше (Сварог на его месте поступил бы точно так же).

Ничего интересного, правда, узнать не удавалось. До некоего момента... Один из лучших агентов, игравших роль приставленного к Брашери лакея (сам Брашери никаких слуг с собой не привозил, их предоставил гостям Стахор) ухитрился подсмотреть и подслушать интереснейшие вещи. Глубокой но-

чью в своем кабинете Брашерио разговаривал с сидевшими у него на столе тремя крохотными человечками, чьи голоса, вот удивительно, звучали так же громко, как голоса обычных людей. Речь шла об устройстве «новых укрытий», о доставках каких-то грузов. И в ходе разговора Брашерио заверил собеседников, что «этот коронованный придурок ни о чем не подозревает».

Последнее Стахору, как любому на его месте, не понравилось крайне, в ту же ночь он обсудил эти сведения с Эгле, которая тоже немного встревожилась («А в спальню к вам, голуби мои, наверняка с самого начала напихали микрофонов», — подумал Сварог, который на месте Брашерио так именно и поступил бы).

Стахор, разумеется, не стал, как умный человек, устраивать скандала с обличениями. Всего-навсего с простецким видом поведал Брашерио о том, что один из лакеев случайно подсмотрел беседу с крохотными человечками — вот только разговора не слышал, к сожалению...

Брашерио, не запираясь и не крутя, подробно рассказал о Токеранге и токеретах — но, разумеется, ни словечком не упомянул о характеристике, данной им Стахору. Все вроде бы было в порядке, но Стахор своему «другу» уже не верил. До него наконец-то стало доходить, что, собственно говоря, он не имеет никаких возможностей влиять и на идущую игру — большую, серьезную, кое в чем до сих пор непонятную. Что он предстал простачком, приютившим у себя в доме субъектов, оказавшихся не столь благородными, как виделось поначалу. Что от него в два счета можно избавиться, если возникнет такое желание. Что цели токеретов ему совершенно неизвестны. Спыхватился, одним словом.

И решил на несколько дней отправиться с женой в один из загородных замков, пригласить туда кое-кого из друзей и обсудить создавшееся положение. До замка друзья доехать не успели — в первую же ночь на замок и напали те твари...

Сварог прикинул сроки: по всем выкладкам выходило, что нападение на королевскую чету было вызвано отнюдь не тем, что Стахор узнал о токеретах да еще признался жене, что перестает «приятелям» доверять. К тому времени Брашерио уже подготовил двойников, так что в любом случае кончилось бы точно так же — решено было, что от Стахора и Эгле пора избавляться...

Признаться, он не услышал ничего особенно нового или интересного — лишь некоторые детали, дополнявшие то, что ему и так известно. Одно оказалось крайне ценным: точное место, где располагалось «Горное гнездо». Неизвестно, сколько времени пришлось бы Сварогу потратить, прочесывая хребет Каррер Золотыми Шмелями (которых к тому же шайка Брашерио могла засечь, черт знает, чем они *еще* располагают). И вот эта-то информация оправдывала все предпринятые действия, все усилия, окупилось, выражаясь по-купечески...

— Ну что же, — сказал, глянув на часы. — Время позднее, у меня еще есть дела, так что на сегодня хватит. Завтра мы продолжим, расскажете о том, как спаслись, о господине Вингельте и его друзьях, которые меня крайне интересуют... Вопросы, просьбы?

Не глядя на него (и явно стараясь, чтобы голос не звучал просительно) Стахор произнес глухо:

- Если в вас осталось что-то человеческое, поместите меня вместе с женой.
- А завтра мы будем беседовать столь же откровенно и обстоятельно? —

усмехнулся Сварог.

— Да.

— Ладно, — сказал Сварог. — Когда со мной по-человечески, и я не зверь...

Разумеется, он не стал признаваться, что и сам собирался поместить их на ночь в одну комнату: вреда от этого никакого, а вот польза кое-какая сыщется — комната уже оборудована микрофонами, авось его дежурящий до утра оперативник и услышит что-то интересное...

— Ну что же, — сказал он вставая. — Начало хорошее, будем надеяться, что и дальше все пойдет неплохо...

Глава IX ХОД ФЕРЗЕМ

Сообщение имперского наместника в Горроте заняло один листок изложенное, как у этих господ всегда водится, сухо и канцелярски. Вот только новости оказались отнюдь не рядовыми... Сегодня ночью король Стахор и королева Эгле были убиты в коридоре дворца, когда направлялись завтракать. Убийца, стрелявший из двух пистолетов типа «утиная лапа», был сгоряча прикончен разъяренными гвардейцами.

Пришедшее через полчаса донесение легального резидента восьмого департамента оказалось, как и следовало ожидать, более обширным, по крайней мере, там отыскивались кое-какие подробности. Стрелявший, как очень быстро выяснилось, был племянником генерала гвардии, в свое время отправленного в отставку — судя по датам, уже двойником. После чего утратил прежнее положение гвардии и на прежнюю протекцию уж никак не мог надеяться. Дело житейское, иногда случалось и прежде, когда успешно, когда нет. Вот только Сварог не сомневался, что к прежним житейским делам это не имеет никакого отношения. Брашери решил, что пора убрать *этих* — точнее, *того*, собственно говоря, уже и ненужного. Возможно, после исчезновения «супруги» этот типчик запаниковал, что-то не то сказал, не то сделал, а то и хотел, подобно Литте, рвануть куда-нибудь от греха подальше, набив карманы драгоценностями... У трусов, между прочим, чутье на опасность очень развито, мог и почуять что-то этакое еще загодя...

Остальное он читал бегло — ничего интересного: классические меры для такие случаев — усилена охрана дворца, в столицу введена парочка гвардейских полков, прошли кое-какие аресты, но не особенно широкие (судя по всему, Брашери не намеревался раскручивать *большой* заговор, не имея в том необходимости). Ага, вот... Регентом, изволите ли видеть, назначен граф Картаниус — фигура, прежде не игравшая никакой роли в дворцовой жизни и влиянием не пользовавшаяся. То есть, надо полагать, еще одна марионетка Брашери, вовсе уж ничтожная, которую и утопить не жалко. Все продумано: в ближайшие шесть лет королевством будет управлять тот бесцветный мышонок, то есть Брашери. А больше им, вполне может оказаться, и не надо...

Засвиристел сигнал, и он включил экран. Канцлер выглядел абсолютно спокойным. Спросил только:

— Донесения читали?

— Только что, — сказал Сварог. — Значит, они решили, что *посредники* им больше ни к чему...

— А может быть, дело и не только в том.

— То есть?

— Возможно, решили наконец *достать* вас.

— Как это? — искренне не понял Сварог.

Канцлер вздохнул:

— Вы опять не удосужились заглянуть в иные основополагающие кодексы... Монархи Виглафского Ковенанта всегда в полном составе съезжаются на похороны собрата. А значит, придется ехать и вам. И я уверен: если поедете, оттуда не вернетесь. Уж эти искусники смогут что-нибудь придумать. В конце концов, на свете хватает обиженных гвардейских лейтенантов... Да и прецеденты бывали. Так что не вздумайте ехать. Если хотите, это приказ.

— И не вздумаю, — сказал Сварог серьезно.

— Вот и прекрасно. Срочно придумайте себе какую-нибудь болезнь. Не будем перегибать палку — какое-нибудь падение сноровистого коня, ушибы... Они, конечно, поймут, но это не трусость, а разумная предосторожность. В одиночку у вас там не будет никаких шансов. Поручите сановникам написать пышное соболезнование... А впрочем, где-то есть образец.

Когда экран погас, Сварогу пришло в голову, что ситуация, как ни крути, трагикомическая. В Горроте сейчас — прямо-таки перепроизводство коронованных особ. Одна королевская чета (ну, предположим, один король, но все-то полагают, что погибли оба) лежит в ожидании погребения. Другая пребывает под замком не так уж далеко отсюда... вот только взгляды у них, как оказалось, не вполне приемлемы для империи. В нынешних непростых условиях возвращать на трон людей, только и мечтающих, как бы свергнуть власть ларов, было бы непростительной политической ошибкой. Ну и, наконец, есть еще одна королева, которую никто не в силах отличить от настоящей.

А вот это уже простор для комбинаций. Скажем так: королеве буквально утром удалось ускользнуть от убийц. Потому что там не просто покушение одиночки, а заговор. Верные люди ее спрятали, она бежала за границу и оттуда будет отстаивать свои права. А уж герцог Лемар, прохвост этакий, сумеет доставить кучу ее весьма убедительных писем и посланий. А недовольные и в самом Горроте найдутся — ни о чем не подозревающие, зато разозленные потерей теплых мест и той «косовицей», которую устроил двойник. Если грамотно поработать в этом направлении...

Вспыхнул экран сбоку — меньших размеров, прямоугольный — это секретарь вызывал.

— Господин директор, в приемной — герцог Орк.

«Кто-кто?» — едва не переспросил Сварог от растерянности, но вовремя опомнился. Вот уж о ком давненько не было ни слуху ни духу, безвылазно засел в Горроте с некоторых пор. Интересно, что ему вдруг понадобилось, да еще в девятом столе?

— Проводите, — сказал Сварог.

И из врожденного пессимизма нажал зеленую клавишу на торце стола — когда имеешь дело с Орком даже в своем собственном кабинете, лишние предосторожности не помешают. Прошли те времена, когда мы были юны и полагались лишь на свой клинок, с пренебрежением отвергая любую помощь. А теперь — и прослушка организована должным образом, и охрана наготове... и вообще, нет никаких гарантий, что это настоящий Орк, а не очередная кукла

Брашери, явившаяся решить проблему самым радикальным образом, попросту воткнув в Сварога что-то острое. Впрочем, его сейчас моментально проверят на спектр... нет, все в порядке, горит зеленая лампочка, значит, это настоящий герцог.

Орк ничуть не изменился — правда, прошло не так уж много лет — по-прежнему веселый, белозубый, красивый хищной мужской красотой.

И на Сварога он смотрел без малейшей ненависти — какую просто обязан был таить в душе. Слишком много Сварог поломал планов, на которые надеялся сам Орк...

— Вот так встреча! — сказал Сварог, столь же дружелюбно улыбаясь и вставая. — Вот уж кого не ожидал видеть! Я слышал, вы прямо-таки поселились в Горроте...

— Интересные места, — пожал плечами Орк. — Скучать не приходится.

— Да, до меня краем уха что-то такое доходило... — сказал Сварог. — Уж тем более утренние события...

— Да, настоящая беда... — на лицо Орка на миг набежала тень. — Никто не застрахован от безумца с пистолетом... Они были красивая пара и хорошие люди, мне жаль...

Экран секретаря справа от Сварога вновь вспыхнул, но на сей раз в верхнем правом углу настойчиво пульсировал сигнал *белой* тревоги, а на экране вместо лица секретаря появилась надпись: «Господин директор, у герцога с собой работающий электронный прибор!» Сварог даже не успел ничего подумать. Он просто-напросто вспомнил о «хваталке». И нажал белую кнопку на торце. Дверь распахнулась в секунду, секретарь пропустил троих в сине-черной форме, сомкнувшись вокруг Орка так, чтобы сцапать его в любую секунду и не дать выхватить меч.

Орк остался невозмутим. Огляделся вокруг и преспокойно осведомился:

— Ну, и что же все это означает, господа?

Секретарь отчеканил:

— Господин герцог, при вас находится работающий электронный прибор, что запрещено правилами учреждения. Прошу мне его немедленно выдать, не дожидаясь применения... — и он многозначительно уставился на троицу.

Орк и глазом не моргнул:

— С каких это пор лару запрещается посещать учреждения империи, имея при себе хотя бы десяток электронных приборов? Лорд Сварог, до меня доходили слухи, что вы стали записным бюрократом, но это уж чересчур. Странно вы принимаете посетителей, да вдобавок старых знакомых...

Сварог сказал любезно:

— С тех самых пор, как Канцлером введено особое положение для королевского дворца и некоторых других учреждений империи. Эдикт утвержден императрицей.

— Не слышал...

— Вы слишком долго задержались внизу, — сказал Сварог. — Хотите ознакомиться с документами?

— О, что вы, — небрежно отмахнулся Орк. — С каких это пор благородный лар не верит слову благородного лара? Коли вы так говорите, значит, все так и обстоит... Что у вас произошло такого чрезвычайного, пока я странствовал на земле?

— Долго рассказывать, — сказал Сварог. — Не отдадите ли то, что у вас при себе? Могу заверить, это совершенно законное требование: вы в одном из учреждений Кабинета императрицы...

— Не смею препятствовать... — Орк с обаятельной улыбкой извлек из кармана обыкновенные часы цветной эмали на короткой цепочке.

Сварогу показалось, что он успел нажать одну из кнопок — но никто ничего не успел сделать: драгоценная безделушка вдруг окуталась крохотным облачком дыма и тут же просыпалась на пол тучкой непонятных, крохотных, дымящихся деталей, следом упал корпус, на лету распадаясь на части. Взлетело еще одно облачко — и от крошечных обломков на полу не осталось ни следа. Орка уже схватили в шесть рук. Он нисколько не сопротивлялся, даже ухитрился пожать плечами:

— Совершенно недоработанный экземпляр, из меня скверный механик... Никогда они у меня не получались. Просто-напросто хотел показать вам игрушку собственной работы...

Секретарь взглядом спросил разрешения, придвинулся к столу Сварога и прошелся пальцами по клавиатуре своего экрана. Вспыхнула недлинная надпись: «По данным наших экспертов — примитивное поисковое устройство, нацеленное на спектр одного-единственного человека».

Кивнув, Сварог распорядился:

— Господа, все могут покинуть помещение. Мы с господином герцогом еще побеседуем.

Когда дверь за вышедшими закрылась, Орк улыбнулся вовсе уж безмятежно:

— Мне, право же, неловко, что я стал виновником такой паники...

— Да что вы, — в тон ему улыбнулся Сварог. — Не было никакой паники. Особое положение, знаете ли, указания идут сверху, а мы примерные служаки...

— Интересно, что же такое стряслось, что вы все так испугались? Ах, простите... Что вы начали принимать чрезвычайные меры?

— Спросите у Канцлера, — сказал Сварог. — Я лишь исполняю приказы и не во все посвящен...

— Великолепный бюрократ и чиновник из вас получился, лорд Сварог, за самое короткое время, — сказал Орк. — Раньше вы представляли не в пример привлекательнее: дерзкий и пронырливый искатель удачи...

— Тяга к карьере пересилила, — сказал Сварог. — Как у многих. А и вы, насколько я знаю, так и остаетесь искателем приключения?

— Каждому свое, — сказал Орк. — Натура такая, уж не взыщите...

Он уже не сомневался, что Орк по поручению Брашера искал Литту. Значит, они не уверены точно, что официальная версия соответствует правде. Это ее спектр, он отлично запомнил цифры...

— Каждому свое, — повторил Сварог медленно. — Вот только... Знаете, что самое опасное в иных приключениях? Когда они подходят к финалу, те, кто руководят, сплошь и рядом начинают прикидывать, кто понадобится и дальше, а кого следует ради вящего спокойствия отправить на тот свет. Это как с кладами в пиратских романах, доводилось читать? Главное — не отыскать клад, а благополучно унести ноги со своей долей или просто уцелеть...

Они долго смотрели друг другу в глаза, и улыбка Орка что-то на сей раз

немного потускнела.

— Знали бы вы, через что я прошел, лорд Сварог, — сказал он негромко. — И знаете, как-то обходилось.

— Значит, вам везло, — сказал Сварог. — Или люди попадались не те.

— То же самое можно сказать и о некоторых других.

— А если силы других несравнимы?

— Как сказать, лорд Сварог, как сказать... — Орк поднялся. — Рад был засвидетельствовать вам свое почтение. Вынужден удалиться — дела...

— Подумайте, так ли вы нужны... кое-кому, — сказал Сварог.

— Обязательно.

Дверь закрылась за ним. Сварог жестко усмехнулся.

В конце концов, все было сказано едва ли не открытым текстом: в той теплой компании, что собралась в Горроте, Орк явно — лишний. Он просто-напросто не их поля ягодка, и господа ученые фанатики, ручаться можно, держат его для грязной работы, какую сами выполнять не умеют. А вот потом... Потом, когда придет время дележки клада (будем надеяться, что не придет), возможны хитрые повороты сюжета. Брашерио — не филантроп, и токеры — не филантропы, обернуться может по-разному. Особенно если вспомнить, какую неприязнь питают высоколобые из Магистериума к светским вертопрахам наподобие Орка...

Короткий вой сирены заставил его едва ли не подскочить в кресле. Он огляделся, ища источник — но он был где-то снаружи. А на столе у него мигала белая лампочка, относившаяся к строго определенному объекту. Секретарь распахнул дверь, но сказать ничего не успел — Сварог пронесся мимо него, крикнув:

— Группу на вылет!

...Четыре боевых браганта опустились так, чтобы окружить небольшое здание со всех сторон. Драккар ходил высоко, над кронами деревьев, оцетинясь стволами башенок. Едва аппараты коснулись лужайки, Сварог выпрыгнул первым и кинулся к двери. Следом, растянувшись шеренгой, неслись спецназовцы. Дверь распахнута, сбоку, у столика с пультом, в нелепой позе полулежит один из охранников: ноги на полу, верхней половиной туловища взгромоздился на стол и ладонью давит, давит клавишу тревоги.

Лестница, все двери по бокам распахнуты настежь. Еще один охранник лежит ничком, и его бластер отброшен далеко, а в руке зажат меч — так, будто он знал, что от противника можно отбиваться только мечом, а бластер бесполезен. И еще один — у комнаты, куда поместили Стахора и Эгле, — и там дверь распахнута, отсюда видно, что никого внутри нет...

Он уже понимал, что проиграл. И, остановившись, убрав оружие, громко сказал:

— Обыщите дом тщательно.

...Все случилось ближе к рассвету. Охранник в прихожей заверял, что система так и не подала сигнал о приближении какого-то бы то ни было летательного аппарата. И произошло все, да простит господин директор, как-то буднично. Дверь, (которую никто не держал на засове, к чему?) вдруг открылась, вошел самый обыкновенный человек, вытянул руку — и из руки у него

метнулось нечто вроде синего шнура, с невероятной скоростью коснувшегося груди. И больше охранник ничего не помнил, нашел в себе силы доползти до пульта и поднять тревогу.

В коридоре, когда охранники пришли в себя и смогли давать показания, как выяснилось, произошло то же самое — выстрел уардов с трех из бластера в одного из нападавших, не причинивший ему никакого вреда, а когда охранник выхватил меч — его ударил тот же синий шнур, мгновенно погрузивший в беспамятство. Третий и повернуться не успел, как рухнул. Ночевавших палачей попросту обдали чем-то шипящим и морозным «из банки» — это не лары, и с ними оказалось проще всего...

Сварог ругал себя последними словами, отчего не выходило ни малейшего облегчения. Он уже не сомневался, что это Вингельт освободил пленников, больше просто некому. Одно оружие для ларов-охранников, другое для земных палачей. И, конечно же, летательный аппарат, как и тот, первый не замеченный системами слежения... Единственное утешение — кто мог предвидеть такую наглость? Но даже если никто ни в чем тебя не упрекнет, сам долго не найдешь себе места — вот они, в руках были сведения о Вингельте и, возможно, еще о многом интересном. Стахор сломался на Эгле, он и сегодня говорил бы подробно, отвечал на все вопросы... В руках были, черт возьми... Одно зыбкое утешение: Вингельт, похоже, никак с Брашеро не связан, иначе они, объединив усилия, давным-давно устроили бы такое, что мало не показалось бы... это еще не мат, конечно, но ферзь могучим ударом пронесся по доске, сметя столь необходимые сейчас фигуры.

Пора взять себя в руки — нелегкий разговор с Канцлером предстоит. И не крикнешь ему прямо в лицо: «Вы сами их не могли найти которую тысячу лет, откуда я мог предвидеть?!» Как ни крути, а оказался крайним...

Глава X

СЮРПРИЗ ИЗ СЮРПРИЗОВ

Сварог стоял у высокого фальшборта корвета, перекрывавшего вход в бухту. Сама бухта десятка в полтора югеров идеально подходила бы для военно-морской базы, если бы не узкий выход из нее: шириной не более сотни уардов. Чересчур много понадобилось бы рабочих и пороха, чтобы его расширить — тут повсюду скалистые берега, прочный камень на всю немаленькую глубину. К тому же имелись и более подходящие места, не требовавшие таких затрат. А вот в качестве плавучей тюрьмы она как нельзя более годилась, потому Оклар и загнал сюда жангаду. Все семнадцать плотов торчали посередине бухты, как горсть горошинок на огромном блюде. Мачты все до одной срублены под самый корень, паруса конфискованы, отобрано и большинство весел, на каждом плоту осталась лишь парочка, чтобы могла хоть как-то маневрировать, не сталкиваясь. Впрочем, они все на якорях...

— Как они себя ведут? — спросил Сварог, не оборачиваясь.

Гарн-капитан, командир корвета, навтыяжку стоявший за его плечом, четко отрапортовал:

— Ни одного случая паники или попытки пробиться в океан. Они же не дураки, государь. Некоторое представление о пушках имеют. Ну, а по берегу мы не стали расставлять часовых — куда они денутся, им же на сушу ступить — как нож острый...

— Действительно, куда они денутся... — проворчал Сварог, опуская подозрительную трубу. — Оружие конфисковали?

— *Настоящее*. Ножи для разделки рыбы и все такое прочее оставили — они же здесь рыбу ловят...

— Ну, что же, — сказал Сварог. — Приказ простой: выход в море накрепко заблокировать бонами и сетями. Кроме вашего корвета, поставьте в проливе еще парочку шлюпов, этого вполне хватит. Шлюпки на воду.

Заскрипели тали, три баркаса начали спускаться, пока не коснулись воды, подняв ореол брызг. Моряки проворно вывалили за борт «адмиральский трап» (его деревянные ступеньки глухо простучали по борту). Сварог стал спускаться первым в баркас, за кормой которого уже реял королевский вымпел, — он, освоившись с морскими порядками, шагал лицом вперед, придерживаясь за канаты. Трое медиков в длинных мантиях Сословия Чаши и Ланцета спускались далеко не так ловко, спиной вперед (так что моряки на борту наверняка посмеивались в кулак). Друг друга они не знали, а потому и понятия не имели, что среди троицы замешался доктор, прихваченный Сварогом *сверху*. В остальные баркасы проворно спускались, да что там, слетали, едва касаясь ногами ступенек, моряки под командой парочки офицеров.

— Вон тот плот, — сказал Сварог рулевому.

Молодой лейтенант, командир баркаса (у любого военно-морского суденышка, пусть самого крохотного, непременно должен иметься командир), громко отдал команду, и весла ударили по воде. Плоты достигли быстро.

В плетеном из прутьев борту уже запахнута калитка, и возле нее прогуливается моряк с мушкетом на плече — бдительно-грозно поглядывая на кучку Морских Бродяг, оттесненных к противоположному борту. Кое-какие физионо-

мии оказались Сварогу смутно памятливы — и уж ни за что он не забыл старосту жангады, стоявшего, как обычно, в первом ряду, но с видом невеселым, и, конечно, без оружия на поясе.

Именно к нему Сварог и направился, остановившись в двух шагах, тяжело усмехнулся и сказал:

— Помнится мне, староста, кто-то не так уж и давно говорил, что утопленники не возвращаются...

Староста старательно пытался сохранить на лице если не гордость то невозмутимость... Сказал бесстрастно:

— Мало ли на свете морского волшебства...

— Да какое там волшебство, — сказал Сварог. — Некоторые умеют дышать под водой, вот и все...

— А можно ли осведомиться, как ваше настоящее имечко?

— Никаких секретов, — сказал Сварог. — Король Сварог Барг, и прочая, прочая... Доводилось слышать?

— Доводилось, — ответил староста. — Сразу повесите или мучить будете? Характер у вас, говорят, не голубиный...

— Ну что ж вы так уныло, староста, — усмехнулся Сварог. — Вы же, насколько помню, меня не мучили. В жертву приносили — это было, что уж там... Вот кстати: это у всех жангад такой обычай, или вы единственные?

— Только мы, — сказал староста словно бы даже с некоторой гордостью. — Только мы — Хранители Места и Обряда.

Он не врал. Сварог сказал с некоторым облегчением:

— Вот и прекрасно. Не придется за остальными гоняться. Видите ли, староста, мне категорически не по нраву, что по морям плавают люди, приносящие человеческие жертвоприношения, причем, подозреваю, достаточно регулярно...

— Мы не ваши подданные, государь, — сказал староста, — и никогда вашими подданными не были.

— А какая разница? — пожал плечами Сварог. — Если уж на земле это преследуется, то и на воде должно безусловно подлежать... — он покосился на знакомую хижину. — Пусть выйдет Латойя. Живо!

Староста, повернув голову, громко позвал — и из хижины появилась Латойя, почти не изменившаяся, светловолосая и синеглазая, в коротком платье из рыбьей кожи, разве что чуточку располневшая после родов, но это ей шло. На Сварога она смотрела с большим страхом, чем староста и обеими руками прижимала к груди невеликий сверток из той же рыбьей кожи. Подойдя к ней вплотную, Сварог тихо спросил:

— Мой?

Она кивнула. И не врала.

— Кто?

— Сын, — ответила она тихонько.

Сварог протянул руки:

— Дай-ка. Посмотреть, дура, не съем ведь...

После заметных колебаний она все же отняла сверток от груди. Держа его неуклюже (ввиду отсутствия всякого опыта), Сварог откинул уголок одеяльца, присмотрелся. Почему-то он не испытывал ровным счетом никаких чувств, даже не знал, какие именно чувства полагается сейчас испытывать. Смотрел

на крохотное личико с закрытыми глазами и сопящим курносым носиком, пытаюсь пробудить в себе что-то — а что и сам не знал. Как-то не пробуждалось. Просто крохотное курносое личико, почмокивавшее губами. Возможно, все дело в обстоятельствах зачатия и появления на свет той крохи... Не самые веселые впечатления с ним связаны, и сказать, что Сварог его ждал, никак нельзя. Возможно, когда ждешь, все бывает совершенно иначе — но откуда ему взять такой опыт?

В голове у него вновь и вновь звучал голос Лесной Девы: «Берегись своей крови!». Очень многие, и старуха Грельфи, которой Сварог безоговорочно доверял, считали, что *подобные* предсказания, сделанные человеку, касались его собственных детей, не обязательно всех, кого-то одного. И что прикажете делать, если это правда? Сделать пару шагов, чтобы оказаться над водой, и разжать руки? Навечно определить в какую-нибудь уединенную башню?

Во-первых, нет никаких доказательств, что эта кроха и есть Гремилкар. Нельзя же убивать всех подряд своих отпрысков, получится вовсе уж гнусно. Во-вторых, он помнил кое-какие сказки: немало королей, султанов и падишахов, оказавшись в его положении, именно что либо поручали убить опасного наследника, либо навечно заточить в башню. Но как-то так получалось, что убийцы своей работы не выполняли, а башню наследник в конце концов ухитрялся покинуть. Одним словом — от судьбы не уйдешь... Да и времени впереди достаточно. К тому же эта кроха — тот самый лар, которого просто полагается усыновить с «урезанным» гербом, и, коли уж Сварогу стало о нем известно...

— Сколько ему? — спросил он все также таращившуюся с опаской Латойю.

— Четыре месяца, — отозвалась она тихо. — Уже ползать пытается...

Сварог думал. Конечно, под строгий присмотр врачей, в том числе и *своего* — кто знает, какая тут у них антисанитария на плоту и какой процент детской смертности. Потом надо будет *забрать* — интересно, когда они перестают кормить грудью? Ну, а дальше — по заведенному порядку. Можно взять с ним и мать, а можно и не брать — тут уж целиком и полностью на усмотрение благородного лара, так в кодексах и написано...

Вернув сверток — малыш за это время так и не проснулся, — Сварог взял старосту за меховую оторочку одежды, отвел подальше и сказал негромко, веско:

— Слушай внимательно, повторять не буду. Тебя никто не тронет, никого из вас. Но и отпускать вас в океан я не собираюсь. И из-за вашей милой привычки приносить людей в жертву, и... — он покосился на застывшую у хижины Латойю. — Быть вам здесь долго, это не суша, так что не помрете. При матери и ребенку будут неотлучно находиться мои врачи и охрана. Все понял? И не строй ты такой похоронной физиономии, ничего бы и не случилось, не будь у вас милого обычая приносить людей в жертву... Если будут какие-то детали, обговорим потом... а собственно, тебе достаточно обратиться к начальнику охраны, — он усмехнулся. — Похож я на зверя, староста? Или на злопамятного сатрапа?

— Еще неизвестно, что хуже, — тихо, едва слышно произнес староста. — Люди будут тосковать...

— А уж как тосковали те, кого вы связанными сбрасывали в воду... — жестко усмехнулся Сварог.

— Это что же, моя дочь — мать настоящего лара?

— Вот именно, — сказал Сварог. — Может, потому ты еще и жив, а все остальные не отправились напрямиком на какую-нибудь каторгу...

— Это ничем не лучше каторги, — староста показал рукой вокруг.

— Сам виноват, — сказал Сварог, глядя ему в глаза. — Ребенка беречь как зеницу ока. Потом, может быть, и придумаем, как с вами поступить, чтобы от тоски не перемерли...

Собственно говоря, он уже знал, как поступить. Когда ребенка *заберут*, всю эту шайку, коли уж они не могут без моря, можно отпустить назад в океан, на строго предупредив, что за первую же попытку человеческого жертвоприношения ответят головой, все поголовно, кроме женщин и детей. Если люди умные, до них дойдет. Ну, а на плоты легко напихать постоянно действующих датчиков, или вообще повесить над ними высоко в небе орбитал. Такие вот этнографические заботы. Ну, а поскольку староста должен знать много интересного о море, с ним пару месяцев поработают соответствующие спецы, и земные, и небесные. Не столь уж трудной оказалась задача, вполне решаемая... Не перемерут, в конце концов, вокруг море разлитое воды...

— Я надеюсь, ты меня хорошо понял, староста, — сказал он холодно. — И запомни еще, что у меня есть привычка всегда выполнять свои обещания...

Еще раз глянув на сверток в руках у Латойи — и вновь при том не испытал никаких чувств, — он отвернулся и спрыгнул в баркас.

Врачи и охрана (коих предстояло регулярно менять), конечно же, остались на борту. Сидя спиной к плоту, Сварог на него так ни разу и не обернулся — зачем? Все, что можно предвидеть, сделано. Да, нужно еще по рекомендации Грельфи отыскать колдунью потолковее и отправить сюда, чтобы присматривала со *своей* стороны. Мало сейчас осталось *справных* колдуний (полное впечатление, что в последние годы на них и на магов напал натуральный мор, и никто не может доискаться концов), но парочка-то у Грельфи найдется...

Весла погрузались в воду аккуратно, без плеска и брызг. Глядя на приближавшийся корвет, Сварог почувствовал знаковую вибрацию в правом кармане камзола. Сунул туда руку, вытащил вторую «флейту Пана» — на этот раз из четырех трубок, служившую для связи с мэтром Анрахом.

Одна из них, крайняя справа, светилась ровным зеленым огнем. Впервые на памяти Сварога эта штука ожила — причем не подавала тревоги, что, быть может, еще удивительнее.

Просто-напросто в Хелльстаде происходило нечто не понятное его верным помощникам...

...Сварог поднял летающую лодку повыше, чтобы осмотреть огромное пожарище с высоты. Хелльстадское Приморье, как его называли в обиходе, пылало: огонь надвигался сплошной стеной, лиг несколько в длину, пламя несло по кронам, наплывало колышущейся стеной, выбрасывая рыжие языки, как пучок спичек, вспыхивал кустарник, охваченные огнем деревья рушились...

Внизу, по равнине, по редколесью, опрометью несло *обычное* зверье, сбившись в кучи, где перемешались хищники и травоядные, охваченные бешеной паникой. Справа, далеко на горизонте, виднелись белоснежная вершина Гун-Деми-Тенгри и темные скальные откосы. Несколько туманных полос пронеслись вниз, стелясь над высокой травой. Это быстрее всех спасались гар-

мы. Черт, вот и глорх, не в силах быстро уползти от надвигавшегося со скоростью несущегося галопом всадника лесного пожара, оказался в огненном аду, извивался, бился, порой вздымая голову выше верхушек пылающих деревьев.

Самая скучная и ничем не примечательная часть Хелльстада — где такого никогда не происходило. Во всем Хелльстаде никогда такого не происходило — погодой, как и многим, управлял покойный король, никогда не допускавший, как только что прокричал на ухо мэтр Лагефель, подобных безобразий...

Впрочем, нынешний король, принявший наследство предшественника, тоже был не лыком шит... Поправив митру, Сварог послал нужный сигнал на компьютер Вентордерана — и вскоре срочно принятые меры дали о себе знать...

Над пожарищем, до самого горизонта, откуда оно прокатилось, до морского побережья стали сгущаться тучи — черные, непроницаемые напоминавшие исполинскую полосу абсолютного мрака. Кое-где сверкнули вспышки молний — и из низких туч пролился ливень, густые, как плотно связанная метла, струи обрушились на пожарище на всем его протяжении, что Сварог прекрасно мог разглядеть, подняв лодку на лигу. Должно быть, так и выглядел Всемирный потоп — стена ливня, хлещущая по земле так, что иные деревья вырывало с корнем. Очень быстро пожар погас, лишь редкие, вовсе уж тоненькие струйки дыма поднимались меж поваленными деревьями, но и они вскоре погасли, задавленные тугой массой воды. Приподнявшись еще чуть-чуть повыше — тучи висели совсем низко, — Сварог на полной скорости пронесся до морского берега, время от времени создавая в тучах просветы, чтобы разглядеть землю. Везде одно и то же — пожар погас, задавленный, как попавшая под каменную плиту черепаха. И никогда, ни в одном месте он не ощутил ни капли магии — ну правильно, откуда ей взяться?

Остановил лодку над берегом. Требовательно спросил:

— Мяус?

Министр полиции, сидевший на дне лодки, меж скамейками мэтров, приподнялся на задние лапы, высунул голову наружу и показал лапой:

— По данным наблюдателей, примерно в сорока местах из-под воды взлетели продолговатые предметы размером не более половины уарда длиной, и когда они упали в прибрежный лес, повсюду возникли очаги пламени...

«Ну, конечно, ребус не для разгадки», — сердито подумал Сварог. Подлодки токеретов подошли к побережью и дали залп чем-то зажигательным, чертовски эффективным, вроде напалма. Другого объяснения просто нет, любые устройства ларов, как обычно, не сработали бы. Но зачем? Всего-навсего спалили лес на площади в сотню югеров, да погибло некоторое количество животных... это что, ненавязчивое напоминание о своем существовании или попытка проверить Хелльстад на прочность? Может быть, все сразу...

— Мяус, — сказал Сварог. — Почему их не сбивали?

— Подобное случилось впервые в жизни, и приказов не было, — прилежно отрапортовал Мяус. — Наблюдение за всей территорией Хелльстада велось испокон веков, еще до меня, но никогда не было приказа сбивать летящие в нашем пространстве объекты... потому что никогда не бывало таких.

Сварог легко подавил желание ухватить министра за хвост и выкинуть из лодки — очень уж полезен был да и рассуждал в соответствии с безукоризненной логикой робота. Черт, чтобы такое придумать, чтобы предусмотреть от-

дать роботам соответствующий приказ?

— Мясус, — сказал Сварог, — насколько технически сложно сбивать такие объекты?

— Ничуть, государь, — откликнулся Мясус моментально. — Всего-навсего изменить программу и наладить патрулирование тех же Золотых Филинов, замкнув их на пост наблюдения. Все, что появилось в нашем пространстве, будет немедленно сбито... я должен понимать так, что госпожи Яны, то и дело появляющейся в нашем воздушном пространстве, данный приказ не касается?

— Ни в коем случае не касается, — сказал Сварог. — Организовать надежное патрулирование, все предметы, прилетающие в наше воздушное пространство, немедленно сбивать... впрочем, какую-то часть из них, прежде не попадавших, следует захватывать для изучения. Это возможно?

— Конечно. Захватить коконом из силового поля и увести в лаборатории Велордерана... Разрешите уточняющий вопрос: если появятся не *предметы*, а люди, как с ними поступать?

Сварог на миг задумался. Никто, кроме Яны, не мог пока что преодолеть защитные барьеры Хелльстада и преспокойно опуститься, где ей угодно. Нужно сформулировать все предельно точно, иначе этот механический идиот...

— Ставлю задачу, — сказал он, подбирая каждое слово. — Госпожу Яну пропускать беспрепятственно. Всех остальных людей — разумеется, кроме меня — захватывать и доставлять в лабораторию. Все предметы сбивать, но захватывать образцы из тех, что прежде не попадались. Когда мы прилетим, я дополню это еще одной программой...

Ему пришло в голову, что токереты, коли уж начали *мелкие* пакости, могут и высунуться наружу через тот самый таинственный ход, который пока что так и не нашли. Поэтому программу следует дополнить: взять под контроль и сверхнизкие высоты, те, на которых, он помнил, летали вертолеты токеретов, но в случае появления не захватывать, а отслеживать. Точно так же и *землю* на значительном удалении от того места, где под землей расположился Токе-ранг, следует подвергнуть вдумчивому наблюдению. Вдруг да получится из этого какая-то польза? В конце концов, Фаларен *никогда* не интересовался токеретами и *никогда* их не ловил — равным образом и они за пять тысяч лет успели привыкнуть: в Хелльстаде их не ловят и не охотятся на них. Инерция мышления, знаете ли... Может однажды и подвести.

— Прикажете повернуть лодку в Вентордеран? — осведомился мэтр Лагфель.

— В Велордеран, — распорядился Сварог.

Именно туда должен был в первую очередь вернуться Элкон после своей загадочной миссии в Горроте — сам говорил, что ему понадобятся тамошние компьютеры.

Вернулся, целый и невредимый. Вот только обнаружил его Сварог не в компьютерных залах, а на той самой плоской крыше дворца, где когда-то устраивались танцы, а потом загорала Яна (после некоторых внутренних колебаний все же отправленная Сварогом в Келл Инир). Юный граф, правда, не загорал, а издали видно, занят делом: установил на подставочке тот стерженек с разноцветными линзами, что Сварог уже видел, направил его в зенит, три линзы установил в строгом порядке, одну над другой, остальные расположил в беспорядке полнейшем, так, что торчали в разные стороны. То и дело сверяясь со

старой потрепанной книгой, осторожно обкладывал тот свой стерженек с выпуклыми линзами в широкой темной оправе, кубиками темного стекла в серебряной оправе (соединяя иные линзы и стеклянные кубики посредством хитрых пазов), одним словом, собирал какую-то непонятную Сварогу конструкцию. Сварог присел подальше, на край парапета, достал сигареты и молчал, чтобы не мешать ученым занятиям Элкона, от которых сплошь и рядом получалась нешуточная польза.

Наконец конструкция (линзы и кубики в оправе, гроздь прозрачных шариков, нанизанных, как шашлык, на золотые палочки и прочие оптические непонятности), судя по всему, была полностью готова. Элкон еще раз заглянул в книгу, звонко ее захлопнул (отчего взвилось небольшое облачко пыли), встал, потянулся с видом довольного собой человека. Правда, лицо у него оказалось достаточно странное: как у человека, которому показали завещание на громадную сумму и обширные поместья, но человек опасается, что оно фальшивое...

Тут он заметил Сварога — но недовольства не выразил — наоборот, широко улыбнулся:

— Командир, в Горроте все прекрасно получилось. Не зря «Трактат о замысловатой оптике» так усердно запрещали и жгли. Просто счастье, что Яношу попался *полный* набор... Если и здесь получится...

— И что будет? — спросил Сварог.

— Во-первых, разгадка кое-каких странностей, — сказал Элкон, не сводя глаз со своего сооружения. — А во-вторых, мы с вами обходным путем проникнем в очередную государственную тайну.

— Откровенно говоря, не люблю я государственных тайн, — проворчал Сварог. — Иногда от них такие хлопоты и неприятности...

— Я тоже с некоторых пор стал склоняться к этой точке зрения, — сказал Элкон. — Но вот тайна, если и здесь удастся, поможет в первую очередь *нам*...

— Ну, тогда давайте побыстрее, — сказал Сварог, испытывая скорее нетерпение, чем любопытство. — Вертите, что там следует...

Присев на корточки, Элкон осторожно вставил в верхнюю грань одного из кубиков прозрачный зеленый стержень с карандаш величиной — до его золотистой грибообразной шляпки! Какое-то время ничего не происходило, потом и стеклышки на стержне, и кубики, и линзы, и гроздь шариков — решительно все налилось изумрудно-зеленым сиянием цвета сочной молодой травы. Да так и осталось таким.

Элкон плюхнулся прямо на камень площадки, свесил руки меж колен, уставился в небеса с самой блаженной улыбкой, какой у проигравших не бывает. Одним прыжком оказавшись рядом с ним, держась чуть в сторонке, чтобы ненароком не нарушить эту хрупкую машинерию, Сварог шепотом спросил:

— Что?

— Полное подтверждение гипотезы, — сказал Элкон, прямо-таки зачарованно таращась в облака. — Научного объяснения вы все равно не поймете, командир, да его еще и нужно обсчитать, завершить, оформить по всем правилам... главное. Ни в Хелльстаде, ни в Горроте нет апейрона. Понимаете? Нет. Вообще. И Хелльстад, и Горрот — уникальный пример на планете — каким-то образом экранированы от потока апейрона. Хелльстад — в результате каких-то трудов Фаларена, которые мы уже никогда не узнаем, — я не отыскал в

здешних компьютерах ни следа. Горрот — несомненно, трудами Брашера и его команды. А практическое значение... Ни здесь, ни там не действуют техника и магия ларов, потому что они основаны на апейроне... как бы проще...

— Да как дикарю, — сказал Сварог. — Я тут и в самом деле дикарь.

— Апейрон неотъемлемой составной частью присутствует во всяком изделии ларов — от летающего замка и установок Магистериума до простенького женского украшения. Как кислород в воздухе. Как соль в супе. Как сталь в мече, как золотая нить в дорогой ткани... Как, наконец, красные кровяные шарики в крови. В Хелльстаде и Горроте он просто уничтожается без остатка, весь. Всех деталей процесса я еще и сам не понял, нужно будет поработать с компьютерами. Но суть ясна. Именно поэтому оружие ларов бессильно и здесь, и в Горроте. Именно поэтому падают замки, отказывает оружие и не действует магия... кроме древней, доштормовой, которой, как мне теперь совершенно ясно, владеет Яна, быть может, единственная... Потому что «хелльстадская магия», как теперь опять-таки совершенно ясно, это и не магия вовсе — какие-то технологии, то ли неоткрытые нами пока, то ли забытые. *Земное* оружие на здешних обитателей действует, а вот с заклинаниями хуже — они, видимо, тоже основаны на том, что родилось после Шторма... Вы неуязвимы, командир... — он убрал с лица улыбку. — И те, что в Горроте, тоже. А вот хелльстадское оружие на Горрот действует, потому что построено по иным принципам, — Экон посерьезнел. — Теоретически рассуждая, *их* оружие тоже способно воздействовать на нас.

— А где тут место токеретам? — быстро спросил Сварог.

— Пока не знаю, — честно признался Экон. — Там у меня, сами понимаете, пока что не было возможности вести эксперименты... и образцов их техники у меня нет.

Кое-что действует, подумал Сварог. Взять те же самые зажигательные ракеты, которые они только что обрушили на Приморье. Нужно срочно проверить: могут ли *наши* энергетические поля помешать взрыву ядерной бомбы, если они решат перейти от мелких пакостей к крупным и, не особенно и терзаясь угрызениями совести, шарахнут из-под земли боеголовку в сколько-то килотонн. Мне от этого вреда не будет, и Элкону тоже — а вот Хелльстад может выгореть дотла, и останемся мы, Высокие Господа Небес, посреди радиоактивной пустыни...

— Элкон, — сказал Сварог, — я не думаю, что вы ошибаетесь. До сих пор вы не ошибались никогда. Предположим, все так и обстоит. Вы понимаете, обладателями *какой* тайны мы оказались?

Теперь понятно, почему Рагнарок безнаказанно прошел в Горрот, выпустил пару ракет и вернулся, — он построен в незапамятные времена, когда поток апейрона откуда-то из центра Галактики еще не накрыл Солнечную систему. Теперь многое, очень многое понятно. Но не найдется ли у ларов в запаснике чего-то, изготовленного без применения апейрона? Давным-давно забытого, но сохранившегося в рабочих чертежах? С одной стороны, и с Горротом можно будет разобраться, с другой — Хелльстад полностью потеряет неуязвимость, и у Сварога не останется никаких козырей?

— Понимаю, — сказал Экон. — Можете быть спокойны, командир — дальше меня и вас эта тайна не уйдет. Пока сами не распорядитесь.

Сварог шагнул к нему так, что они стояли лицом к лицу.

— Молчите, Элкон, — сказал он. — Перед всем и каждым.

— Есть, командир, — парень выпрямился по стойке «смирно».

Уж в нем-то Сварог мог быть уверен. А значит, открывается простор для новых комбинаций... и гаданий касаясь Токеранга. Но если он ошибся и там, наверху, нет ничего «безапейронного», если Брашерио унес свои секреты с собой в Горрот и никто не может их повторить... С одной стороны, задача усложняется, с другой — упрощается. Технологии против технологий. Инфразвук, например, на экипажи токеретских подлодок подействовал смертельно... но было бы то же самое с торпедами Оклера? Черт, а ведь завтра состоится... Ну что ж, день-другой вряд ли играют роль...

— Отправляйтесь в компьютерную, Элкон, — сказал Сварог. — Когда закончите со своим, у меня будет еще парочка собственных заданий. Да и мне нужно кое-что продумать и рассчитать, не откладывая. Есть планы...

Глава XI ЦВЕТ ПОДВЕНЕЧНЫЙ, ЗОЛОТОЙ

Свадьба вообще дело хлопотное. А уж королевская — тем более. Хорошо еще, что происходила она в столь специфическом месте, как Хелльстад, так что Сварог оказался избавлен от кучи дурацких ритуалов.

Нельзя сказать, что сам он был изможден и измучен трудами праведными. Церемонию ему старательно разработали два больших знатока этого ремесла, взятые из двух земных королевств. Стол и винный погреб обеспечивали Золотые Болваны Велордерана, и делали это, как он убедился, с большим знанием дела. А разные мелочи твердой рукой взвалил на себя принц Элвар, заявивший, что он раз сто был посаженным отцом на свадьбах и справится прекрасно. И с громадным красно-желтым бантом на левом плече, знаком своей высокой должности на этом торжестве, стоял со Сварогом у нижней ступеньки роскошной лестницы, где они оба должны были встречать гостей и перекинуться с каждым парой словечек — скупое, чтобы не задерживать остальных. Мажордом тоже был здешний: высоченный золотой истукан с лицом, исполненным в виде физиономии щекастого усача, якобы выпивохи и весельчака. И выглядел крайне внушительно, когда с прибытием очередной летающей лодки ударял высоченным жезлом в специально для этой цели положенную тут же мраморную плиту и гаркал титул и имя гостя чуть ли не на весь прилегающий парк.

Вот именно, гости... Порой Сварог удивлялся про себя, не показывая чувств.

К его некоторому удивлению, Канцлер приглашение принял и явился с супругой, крайне величественной дамой с таким выражением лица, словно она то и дело собиралась спросить у Сварога: «А не рано ли вам сочетаться браком, молодые люди?» К еще большему его удивлению, принц Диамер-Сонирил тоже явился, но его супруга оказалась полной противоположностью мужу — низенькой и полненькой хохотушкой с седыми кудрями (понаблюдав за ней немного, Сварог стал подозревать, кто именно кого на себе женил).

Если канцлер порой, неосознанно для себя, ступал так, словно шагал по тонкому льду, Диамер-Сонирил шествовал с обычной чопорностью, а его жена и вовсе озиралась с несказанным любопытством.

Подружки невесты, как и полагается, прибыли едва ли не раньше всех: Ка-

нилла, конечно, с Родриком, Аурика в одиночестве, а вот Томи объявилась рука об руку с Леверлином, с которым могла познакомиться только в Латеранском замке. Впрочем, все они, как и полагалось, тут же оставили своих кавалеров и исчезли в тех загадочных помещениях дворца, где одевали невесту. Туда же без малейшей сословной розни проследовали супруга Диамер-Сонирила и привезенная принцем Элваром с собой гостя: симпатичная темноглазая вдовушка (судя не по ленте на плече, а обшитою белой лентой чепчику, овдовевшая достаточно давно), одетая со всей возможной для каталаунской жительницы пышностью, поначалу откровенно робевшая, но потом чуточку успокоившаяся.

Дальше шли опять-таки по статусу: сначала Элкон со своей ронерской маркизой, потом четверо юных сподвижников Сварога с подругами, наперечет юными и незнакомыми лариссами. За ними — маркиз Оклер с женой (попутно Элвар просветил Сварога еще об одной условности: все приглашенные имеют право явиться с детьми, но только если те совершеннолетние, а также неженатые либо незамужние).

После ларов настал черед земных монархов: очаровательная Лавиния Лоранская (в одиночестве), Мара (тоже одна) и его величество Бони Первый (с белокурой, довольно симпатичной, но явно не особенно благонравной девицей). Поскольку согласно стародавнему обычаю на свадьбу должны съезжать все без исключения короли, Сварог, к своему сожалению, не увидел своего доброго знакомого короля Шагана (опасно занедужившего), зато получил сомнительное удовольствие лицезреть двух мозгляков из Вольных Маноров (которых надеялся больше никогда в жизни не увидеть); король Тейл из Шотерна с женой и дочерью, да король Виррел из Корта с женой (папенька Лавинии). И только после этих двух, ему абсолютно неинтересных и ничем непримечательных, по лестнице стали подниматься те, кого он с охотой пропустил бы вперед: Шег Шедарис с Теткой Чари, Паколет, стараниями Бони не только барон, но еще граф и маркиз (правда, сопровождавшую его девицу они с Бони, такое впечатление, выбирали в одной лавке). Маргиленна с мужем, Арталетта, Старая Матушка, Интагар с женой и двумя дочерьми, вдовец Баглю с двумя статными усатыми сыновьями, адмирал Амонд с женой, герцог Раган с женой и дочерью, молодой герцог Брейсингем и князь Гарайла (оба в одиночестве, причем если герцога это откровенно печалило, Гарайла, наоборот, чувствовал себя прекрасно). Граф Гаржак, один, как перст, герцог Лемар с очаровательной девицей, выглядевшей вполне совершеннолетней (но Сварог подозревал, что годочков ей на пару меньше). Ну, что поделать, полезный для государства человек, заслужил приглашения...

Замыкали шествие старуха Грельфи, мэтр Анрах и мэтр Лагефель (последний, откровенно говоря, был Сварогу, в общем, безразличен и зван только потому, что неудобно как-то его не позвать, если он столько лет живет и работает в замке). С превеликой охотой Сварог пригласил бы и капитана Зо с боцманом Блаем, но это оказалось никак невозможно сделать из-за присутствия Баглю, у которого с капитаном давняя кровная вражда. Патриархальные гланские нравы таковы, что Баглю мог и на торжественной церемонии за палаш схватиться... В Глане на любом пиршестве или торжестве бдительно следят, чтобы за одним столом не оказались кровники, для того есть специальные старики, помнящие все недоразумения меж родами и кланами за последние

сто лет...

«Ну вот, кажется, и все», — подумал Сварог, когда торжественное шествие закончилось и гости оказались в огромном зале в синих тонах, щедро убранном цветочными гирляндами и вензелями новобрачных из белых лилий — здесь им предстояло провести какое-то время в светской болтовне, пока слуги обносят их вином и мороженым. Кажется, все. Дядюшка Элвар почти что трезв, отец Грук, в новехонькой рясе, с искусной работы крестом Единого на груди, заточен в одну из комнат под присмотром двух каталаунцев, которым крепко-накрепко наказано не пропускать в комнату и наперстка. Карах ожидает на своем месте, где и положено первому министру королевства, в драгоценной мантии и с целой гирляндой положенных ему по должности орденов на шее (конечно, уменьшенных под его рост). На пиршественном столе перед прибором каждого гостя уже лежит «подарок от новобрачных» — массивная золотая ложка весом не менее трех паундов (один паунд — не менее 125 г), с гербами жениха и невесты и полудюжиной брильянтов.

Церемония ожидалась не такая уж долгая и затейливая, но Сварог все равно откровенно маялся из-за того, что выставлен на всеобщее обозрение, хотя почти все до единого собравшиеся — люди свои, если не друзья, то надежные сподвижники или, по крайней мере, доброжелательно к нему расположенные сановники империи. Не считая, конечно, Лавинии (пару раз награждавшей его ангельской улыбкой) и двух абсолютно ему ненужных корольков с их унылыми супругами. Но тут уж никуда не денешься — этикет. Гораздо противнее было бы видеть здесь поддельного Стахора...

Он посмотрел на часы и шепнул Элвару:

— Давно ей пора быть...

— Ну что вы хотите, мой венценосный кузен? — хмыкнул принц. — Опоздание невесты при одевании — это прямо-таки ритуал, тут уж терпеть приходится. Пройдитесь пока меж гостями, словцом перекиньтесь, жениху это тоже положено... Пить не вздумайте, пока не сядете за стол, жениху не полагается ни глотка, — он шумно вздохнул и уныло добавил: — И мне тоже, вот незадача...

И незаметно для окружающих, но чувствительно подтолкнул Сварога кулаком в поясницу. Подавив вздох, Сварог начал обход гостей. Первым ему попался Канцлер, от которого Сварог предпочел бы очутиться подальше. Однако опытный царедворец с самым что ни на есть радостным лицом подхватил Сварога под локоть, громко поздравил, а тихонечко добавил:

— И как это вы оба ухитряетесь отыскивать и поворачивать себе на пользу юридические казусы...

— Но ведь ни один закон не нарушен? — также тихо спросил Сварог.

— Ну, кто же говорит... Однако — казусы. К примеру, теперь ваша невеста — в какой-то степени подчинена принцу Диамер-Сонирилу... — он посмотрел с некоторым уважением. — Но, в общем — хороший ход... Уж если мне здесь немного не по себе, можно представить, что будет за облаками... С политической точки зрения — неплохо придумано...

Расставшись с ним, Сварог оказался едва ли не в объятиях принца Диамер-Сонирила, с ходу поинтересовавшегося, когда ему представится возможность произвести здесь положенную инспекторскую проверку. В самом скором времени, заверил Сварог, прикидывая, как устроить перед его высоче-

ством внушительный парад гармов, глорхов да и существ гораздо более паразитического облика.

Мара подмигнула и чуть заметно показала язык. Большинство просто поздравляли с разной степенью изящества и красноречия. Бони, выбрав время, когда вокруг Сварога стало относительно пустовато, подтащил за локоть Паколета и наставительно сказал:

— Еще раз поблагодари командира. А то по-прежнему бы в Равене гусей тырил и кошельки стриг.

Князь Гарайла, едва отбарабанив положенные поздравления, шепотком поинтересовался, не близится ли какой войны, а то со Святой Землей получается какая-то глупая волокита. Сварог заверил его, что кое-что намечается, но это пока страшный секрет, улыбнулся сияющему Интагару и неторопливо продолжал обход гостей. Зато от герцога Лемара отвязаться так просто не удалось — прохвост закатил, что уж там, великолепную речь, изобиловавшую метафорами, гиперболами, панегириками и прочими перлами ораторского искусства. Судя по всем этим красотам, над герцогом снова повисла парочка незакрытых уголовных дел — надо будет потом поинтересоваться у Интагара...

На его счастье, снова подкрался Элвар, легонько подтолкнул в поясницу и шепотом посоветовал:

— Вот теперь жениху пора поинтересоваться, как у невесты обстоит с платьем... Вон в тот коридор...

Сварог прошел в боковой коридор, остановился перед чуточку приоткрытой дверью, за которой лязгали ножницы, щелкали щипцы для завивки и доносились те патетически-деловитые голоса женщин, какими они обычно разговаривают о всяких пустяках. Послышался наставительный голос супруги Диамер-Сонирила:

— Вита, родная, но нужно же немного поплакать... Хотя бы пару слезинок, в конце концов, старинная традиция...

Вслед раздался чуточку дрожавший от робости голос мельничихи:

— И печальную бы песню спеть, ваше императорское высочество... Чтобы — к счастью...

— Полагаете, милочка? — раздался ничуть не спесивый голос принцессы.

— Уж, это непременно, ваше императорское высочество. У нас в Каталауне всегда... И никому во вред не пошло...

— А действительно, я что-то такое помню, — вмешалась Томи. — Чтобы — к счастью... Знаете что-нибудь подходящее, Тальфри?

— Ну, еще бы, госпожа маркиза! Сколько раз на свадьбах... Его величество не даст соврать...

И тут же она завела высоким, чистым голосом, порой исполнявшимся столь щемящей тоски, что у Сварога, так и торчавшего глупо под дверями, мороз пробежал по коже:

— Скользкий снег хрустит,
сани вдаль бегут,
а в санях к венцу милую везут,
а идет к венцу не добром она,
волею чужою замуж отдана.
Если б я сейчас превратился в снег —

я бы задержал этих санок бег...

«Черт знает, что такое, — сердито подумал Сварог. — Традиции у них, понимаете ли... С печальными песнями, да еще и слез требуют...» Мельничиха пела, вкладывая всю душу:

*— Я бы их в сугроб вывалил сейчас,
обнял бы ее я в последний раз.
Обнял бы ее и к груди прижал,
этот нежный рот вновь поцеловал,
чтоб любовь ее растопила снег,
чтоб растаял я и пропал навек...*

Когда песня кончилась, послышался тихий, словно бы чуточку удрученный голос Яны:

— Так вы меня и в самом деле до слез доведете...

— Хотя бы парочку! — с энтузиазмом воскликнула веселушка-принцесса. — Согласно традициям! Уж как рыдала ваша матушка, хотя у нее с вашим отцом была настоящая большая любовь... Чтобы к счастью...

Решив, что с него хватит этой неуместной меланхолии, Сварог подошел и постучал в приоткрытую дверь. Очень быстро вылетела Томи — с золотистыми кружевными лентами в одной руке, узкими ножницами в другой, во рту у нее торчал пучок булавок с головками из самоцветов, а за поясом — сразу три гребешка мал мала меньше. Завидев Сварога, она ловко вынула изо рта булавки рукой с ножницами, грозно подбоченилась и спросила:

— А у вас тут какие дела, господин жених? Мы ведь с вами сейчас не на службе?

— Никоим образом, — ответил Сварог, немного ошеломленный этим напором. — Совсем наоборот.

— Вот и нечего вам тут болтаться! — воинственно выпалила Томи, загорая живая дорогу. — Не мешок из дерюги мастерим, а платье невесте приводим в полный порядок! Придет время, позовут! — Повернулась и вошла в комнату, не озаботившись плотно прикрыть за собой дверь. В комнате клацали ножницы, деловито переговаривались женщины, потом уже Томи звонким печальным голосом затянула:

*— Говорите, я молчу!
Все припомните обиды
и нахмуритесь для вида,
мою руку не допустите к плечу.
Говорите, говорите, я молчу...*

Сварог растерянно потоптался в узком коридоре — весь в синем бархате, золотых позументах и бриллиантах, с желтым пучком жениховских лент на плече. В комнате пели уже хором:

*— Говорите, я молчу!
Как уверенно вы лжете...
Что же, вы себя спасете,
я одна по всем долгам плачу.
Говорите, говорите, я молчу...
Говорите, я молчу!
Вас тихонечко жалею,
оправдаться не умею,*

*а вернее — не должна. И не хочу.
«Замолчите!» — молча я кричу...*

Он вышел в коридор, но не стал приближаться к залу, где слышались веселые разговоры и смех. Показавшийся оттуда принц Элвар с большим знанием дела спросил:

— Не пускают?

Сварог кивнул.

— Дело знакомое, — сказал Элвар. — Пока пуговку не перешьют десять раз, не успокоятся... Кто это все только выдумал... — воровато оглянувшись, он увлек Сварога в глубь коридора, подальше от гостей, извлек из кармана плоскую серебряную фляжку с великолепной чеканкой, изображавшей охотничьи сцены, по его привычкам суций наперсточек. — Вот тут и стаканчик удобный получается, если колпачок свинтить... Традиции для того и есть, чтобы их нарушали... Ну-ка, для смелости!

Сварог, недолго думая, взял стаканчик и хватил хорошего келимаса (видимо, по случаю торжества принц отказался пока от любимой самогонки). Принц, никогда и не выставлявший себя знатоком хороших манер, прикончил остальное прямо из горлышка. Неподалеку прохаживался Мяус, бросая на Сварога недвусмысленные взгляды.

— Извините, принц, — сказал Сварог и отошел к своему министру полиции.

Ловко взобравшись по портьеру так, что их головы оказались на одном уровне, Мяус тихо сообщил:

— Все перепроверено. Наши защитные поля удержат любой ядерный взрыв, мало того, не дадут ему совершиться... Государь, могу я задать не относящийся к делу вопрос?

— Давайте, — сказал Сварог.

— Насколько мне известно из общения с людьми, вы с госпожой Яной после завершения церемонии будете продолжать совершенно те же, непонятные мне, но крайне необходимые людям занятия. Для чего, собственно, нужна эта долгая церемония, если отношения меж вами нисколько не изменятся?

— У людей есть свои программы, Мяус, — сказал Сварог. — И в некоторых случаях они их скрупулезно выполняют. Понятно?

— Понятно, — сказал Мяус.

Тем временем из узкого коридорчика послышался бесцеремонный стук кулаком в дверь и бас принца Элвара:

— Посаженный отец явился за невестой!

На сей раз его впустили, не чиня препятствий, — видимо, полагалось согласно этикету. Совсем недолго его не было, потом дверь шумно распахнулась, вновь послышался бас принца:

— Господин жених, передаю вам невесту!

Сварог пошел туда. И замер на миг.

Белое платье здесь служит траурным, выходить замуж принято в других: в основном в красных и синих, но дворянство предпочитает золотистый... Вот и сейчас на Яне красовалось короткое платье из золотистых кружев, с пышным подолом, с расширенными к локтю рукавами, украшенное лентами, бантами и еще какими-то красотами, про которые Сварог не знал, как они называются, — вроде полосок золотого кружева с подвесками-цветами из драгоцен-

ных камней, жемчужными нитями, сплетенными в сложные узоры. Смелый вырез (к которому она радостно вернулась после пары недель навязанного Сварогом пуританства в одежде) обшит крохотными бриллиантиками. Это было красиво и ничуть не казалось дурной пышностью — настоящее подвенечное платье королевы. В ушах и на шее сверкали сапфиры, способные привести в горькую зависть любую из присутствующих здесь дам — это уже Сварог открыл свои сундуки, предварительно поручив Грельфи проверить каждое украшение. Прическа показалась ему какой-то странной, он ждал чего-то высокого, пышного, затейливого — и только потом сообразил, что это и есть шалантье, знаменитая прическа выходящих замуж принцесс, которым еще предстоит надевать корону: завитые локоны струятся вдоль щек, падают на грудь, плечи, только пониже затылка — небольшой узел, утыканный теми самыми булавками с самоцветными головками. Она улыбнулась Сварогу, она была ослепительна, сказочная принцесса — но Сварог с неудовольствием увидел на щеках слезинки, правда, очень маленькие — уговорили-таки хранительницы традиций...

— Ну, все готовы? — бдительно осмотрев их, спросил принц Элвар и махнул столь же огромным, как и бант, желто-красным платком посаженного отца.

В зале раздался гулкий бас мажордома, которому вторили не способные сравниться с ним по мощи голоса церемониймейстеров:

— Дамы и господа! Выход жениха с невестой!

Присутствующие вмиг замолчали и построились в две шеренги. Сварог пошел меж ними к противоположной двери огромного зала, медленно и степенно, как его старательно учил Элвар, держа поднятую на уровень плеча руку Яны, залитую сапфировым блеском перстней и браслетов. Те, мимо кого они проходили, попарно присоединялись к процессии. Со всех сторон послышалась музыка клавесинов и раздалась уже другая песня, на сей раз без малейшего уныния исполнявшаяся бархатным мужским баритоном:

*— Ваш образ в это сердце вписан кровью,
и не найти мне слов ему под стать;
вы пишете, а мне его читать,
и даже вам я смысла не раскрою.
Мне самому загадочна порою
и недоступна ваша благодать,
и, веря в то, что смог я угадать,
на веру принимаю остальное...*

Судя по всему, бесповоротно кончилась пора, когда следовало петь грустные песни, и это радовало. Сварог покосился на Яну — она смотрела перед собой серьезно, ничего вокруг не видя, похоже, происходившее для нее было очень важно, и он смущенно отвернулся, словно застигнутый за каким-то нехорошим подглядываньем, постарался стать таким же серьезным, коли уж она принимает все так близко к сердцу.

*— Моей душе вы снитесь наяву,
и ваше сердце полнится до края
и не вмещает, радуясь родству.
Рожден любить, любви не выбираю —
для вас я создан, вами и живу*

и ради вас живу и умираю...

Церемониймейстеры проворно распахнули обе створки высоких дверей. Этот зал, гораздо меньший размерами, совсем недавно, еще с утра, был точно таким же роскошным дворцовым помещением, но слуги (болваны золотые, а вот поди ж ты!..) постарались, как могли, придать ему вид храма: задрапировали стены темной тканью, гирлянды и вензеля составили исключительно из лилий, символизировавших, как с давних пор повелось, непорочность невесты. Не удержавшись, Сварог показал Яне глазами на ближайшую гирлянду. Яна едва заметно улыбнулась и тут же стала невероятно серьезной, опустилась на одно колено, и Сварог, повинувшись нажиму ее пальцев, сделал то же самое.

Алтарь, перед которым они стояли, был самым настоящим, старинным, работы какого-то известного мастера — под честное слово позаимствованный принцем Элваром в одном из храмов Каталауна: потемневший от времени серебряный крест Единого, врезанный в верхнюю его половину, а ниже чуть потускневшие росписи, изображавшие святого Катберта и святого Сколота в тот момент, когда они, изловивши очередное демоническое создание, вразумляли его посредством не столько слова Божьего, сколько знаменитым молотом Катберта и не менее прославленным увесистым посохом Сколота... Демоническому созданию приходилось весьма несладко. На заднем плане, воздев ясные очи к небу, помещалась непорочная девица, только что спасенная святыми от козней демона.

На алтаре возвышался отец Грук, совершенно не похожий себя прежнего: волосы и борода тщательно расчесаны, новая коричневая ряса безукоризненно чиста, крест Единого сияет серебром. Вид у священника был самый импозантный и внушающий нешуточное почтение. Совершенно другой человек. Сварогу пришлось сделать над собой некоторое усилие, чтобы вспомнить его у пивной бочки в окружении лысых молодцов или шествующим к виселице с закрученными за спиной руками, в разодранной рясе. Что ж, в конце концов, сана его не лишали. Все законно.

— Поднимитесь, дети мои! — возгласил отец Грук совершенно незнакомым, звучным, проникновенным голосом. — И да свершится же таинство из числа не печальных, а радующих душу!

Где-то в сторонке тихонько заиграл орган — и здесь исправно работали музыкальные системы Фаларена.

— Святые церемонии не терпят многословия, — продолжал отец Грук в совершеннейшей тишине. — Ибо сказано святым Катбертом: лучше поступок, нежели долгие словеса. Дети мои, непорочная девица и бравый рыцарь! Те, кто намерен жить в миру, не должен обитать в нем без второй половинки, дабы продолжить род свой, дабы совместно переживать радости и печали, дабы быть опорой друг другу в несчастье и в удачах, дабы вместе противостоять врагу рода человеческого. И видя перед собой юную пару, решившуюся проделать рука об руку жизненный путь, пока смерть не разлучит их, наставляю и велю: храните любовь и верность друг другу, доброту и уважение во все дни, и да не встанут перед вами раздор, блудодейство, ссоры и отчуждение. Обнимите друг друга, дети мои, и выскажите друг другу втайне от окружающих свои самые заветные желания!

Они повернулись друг к другу и обнялись. Ухо Сварога защекотал жаркий

шепот Яны:

— Я хочу, чтобы ты был мне верен...

И Сварог, не особенно и раздумывая, прошептал:

— Я бы очень хотел полюбить тебя по-настоящему...

Когда они вновь повернулись к алтарю, отец Грук, напрягши голос, прогрохотал:

— Объявляю вас мужем и женой отныне и навеки, и да будет вам судьбой нести вдвоем радости и печали! Благословляю вас правом, данным мне Единым!

Кто-то, бесшумно подошедший сбоку, протянул золотую тарелочку с двумя обручальными кольцами. И они надели кольца друг другу — на средний палец, как заведено. Сварог давно уже, решив, что в серьезных делах не должно быть шуток, заменил герб Хелльстада на герб Гэйров, добавив к нему в наверхие филина — как символ той мудрости, которой ему сплошь и рядом недоставало. Яна волновалась, и ей удалось надеть ему кольцо только со второй попытки — правда, судя по благосклонному взгляду отца Грука, это вовсе не было какой-то дурной приметой.

— Поцелуйте друг друга, новобрачные, и перейдите к представителю мирских властей с его мирскими заботами!

Поцелуй, надо сказать, затянулся надолго. Потом, сделав всего три шага вправо, они оказались перед высокой, в рост человека, тумбой, на которой восседал Карах, придавший себе самую величественную позу, какую только ухитрился. Тут же встав и держа перед собой вертикально сверток пергамента с несколькими подвешенными к нему печатями, сделавший невероятную карьеру серенький домовый провозгласил:

— Согласно законам славного королевства Хелльстад, я, первый министр барон Карах, вручаю вам бумагу о законном браке, должным образом зарегистрированную в Брачном кодексе. Тот же, кто посмеет объявить этот брак незаконным, понесет наказание по законам королевства, и лучше бы ему не родиться на свет! Счастья вам и удачи, согласия и любви, новобрачная пара!

Снова кто-то подошел сзади, и на плечи Сварогу легла алая мантия короля. Благодаря опыту, он легко справился с застежками и пряжками, а потом помог Яне, путавшейся с непривычки. Еще миг — и на головах у обоих оказались митры, с большим искусством выполненные из сосновых шишек.

Говоря по правде, митра Яны была красивым ювелирным изделием, и не более того... В свое время в одной из кладовых, примыкавших к кабинету Фаларена, Сварог нашел четыре мантии и две запасных митры — все как одна подходившие на его голову. А вот подобного головного убора гораздо меньше размером, годного бы для женской головки, не оказалось: видимо, Фаларен так и собирался прожить свою нескончаемую жизнь вечным холостяком. Ну, а переделывать уже имеющиеся хелльстадские короны Сварог не рискнул: кто знает, как это повлияло бы на них. Ну, по крайней мере, мантия на Яне была настоящая.

Как она сияла, гордо выпрямившись и прижимая к груди увешанный печатями свиток! Сварог залюбовался. Это и называется — исполнение мечты...

Взяв его под руку, глядя снизу вверх преданно и восхищенно, Яна прошептала так тихо, что он едва расслышал:

— Спасибо... Я твоя навсегда...

И тут же раздался зычный бас мажордома, поддержанный церемониймейстерами:

— Его величество король, его величество королева приглашают гостей к пиршественному столу!

И все так же чинно, возглавляемые королевской четой, двинулись в следующий зал. Подружки невесты, все трое, шагали сразу за ними, умело скрывая недовольство на лицах: этикет не позволял бурных поздравлений с поцелуями и объятиями.

Хорошо еще, как оказалось, этикет для пиршественного стола каждый король волен устанавливать по своему усмотрению. А потому Сварог заранее распределил места: принцы и Канцлер оказались по его левую руку, как и юные сподвижники. Странная Компания сидела по правую руку Яны (помещавшейся справа от Сварога), министры — чуть позади, ну, а совершенно несимпатичных ему корольков Сварог отправил в дальний конец подковообразного стола, полагая, что для них и такой чести достаточно.

Как всегда на любых пирах, первые минуты царила некоторая скованность, но потом, опять-таки как всегда, дело наладилось: зазвенели первые кубки, послышались громкие здравицы в честь виновников торжества, зазвякали вилки и ножи, целясь на обильные и многими (в том числе Сварогом) впервые раз виденные яства, лица чуточку покраснелись, разговоры стали громче... В общем, наладилось дело.

Нашлись, правда, такие, которым, сразу видно, было чуточку не по себе из-за присутствия гармов Сварога и Яны. Акбар, как и подобает солидному псу, смиренхонько сидел возле кресла Сварога, время от времени смачно жуя очередное угощение (которые ему по сигналу Сварога подносил специально для того отряженный Золотой Болван). Пепельного цвета Фиалка Яны (совсем еще щенок, но размерами побольше крупной овчарки) вела себя гораздо более непринужденно: расхаживала вокруг стола, то и дело лезла знакомиться с гостями, тычась мокрым носом и кладя тяжелую лапу на колено. Канцлер и Диамер-Сонирил перенесли это стоически (но явно облегченно вздохнули про себя, когда Фиалка отошла), молодежь (в том числе ничуть не напуганные дочки Интагара) принимала ее радушно, принц Элвар и отец Грук, которых большими собаками не запугаешь, даже без церемоний потормошили за загривок. Лавиния ее демонстративно гладила, желая показать, что ей и черт не брат. А вот ее папа, когда Фиалка и до него добралась, весь побледнел и чуть не грянулся в обморок. Ничуть не огорченная столь холодным приемом Фиалка стребла у него с блюда здоровенного, отлично зажаренного гуся и удалилась в угол зала не спеша разбираться с аппетитной дичиной, фаршированной чем-то изысканным.

— Ну, и какво себя чувствовать королевой Хелльстада? — тихонько спросил Сварог у сияющей Яны.

Она бросила на него смешливый взгляд:

— Пока, во всяком случае, необычно... Может быть, объявим танцы?..

Сварог махнул придворному распорядителю танцев, привезенному для такого случая из Снольдера, — он и сам не хотел, чтобы пир превратился в долгую жралку, среди гостей хватало молодых, которым хотелось провести время гораздо интереснее. Если не считать вовсе уж заядлых обжор, короли в подобных случаях так и поступали: каждое блюдо сменялось танцем, и наоборот.

Тут уже допустимы и легкие вольности: приглашение чужих супруг, приглашение дамами мужчин.

Вот уж кому сегодня предстояло выложиться на всю катушку, так это танцмейстеру, получившему от Сварога самые подробные инструкции: проследить, чтобы ни одна дама, пожелавшая бы танцевать, не осталась уныло торчать за столом, да вдобавок сделать все, чтобы пары, хотевшие танцевать только друг с другом (а такие желания недвусмысленно проявляли не только Канилла с Родриком, но и Томи с Леверлином), никто не «разбивал»...

В общем, масса нюансов.

Люди постарше — Канцлер, Диамер-Сонирил, адмирал Амонд, герцог Раган и Баглю — ограничились тем, что прошли круг по залу в старомодной медленной фартачетте. Зато молодежь явно намеревалась повеселиться на славу. Граф Гарайла, хотя никак не мог причислять себя к оной, к удивлению Сварога, три танца подряд танцевал со Старой Матушкой, которой это никакого неудовольствия не доставляло. И он вспомнил: был у них в молодости какой-то неудачный флирт... Поженить их, что ли? Не дряхлые старцы, в конце концов...

Опять-таки к его некоторому удивлению, его пригласила на быстрый гудаберт, а потом на медленную фарагуду тихая смуглянка Аурика, красавица и неплохой эксперт по «спектру». Он испугался, что повторится история Томи, когда та в него влюблялась хоть и ненадолго, зато по уши, — нет, вроде бы ничего подобного... В фарагуде он несколько раз оказывался неподалеку от Томи с Леверлином и пришел к выводу: там что-то определенно назревает. Возможно, Леверлин и был тем самым «галантным дворянином», с которым Томи познакомилась тогда в Латеранском дворце.

Маргилена, как на любом дворцовом балу, беспрестанно меняла кавалеров (вспомнив данные ей наставления, Сварог подозвал сидевшего в сторонке Мяуса и отдал ему кое-какие распоряжения). Дочери Интагара танцевали в основном с сыновьями Баглю. Элкон — с ронерской подругой. Арталетта — со всеми, кто приглашал. Понемногу установилось некое равновесие: танцующие присмотрелись и поняли, какие пары не стоит «разбивать», чтобы, чего доброго, не нарваться на дуэль за пределами дворца.

Улучив подходящий момент, когда танцующие возвращались к столу, Сварог взял под локоть Леверлина, смотревшего вслед Томи затуманенными глазами. Сказал веско:

— Я тебе ничего не запрещаю и ни от чего не отговариваю, но имей в виду: это еще девочка.

— Как это замечательно, — сказал поэт, положительно, пребывая в некоем трансе. — Самая красивая здесь, и вдобавок...

Сварог усмехнулся: как говорила Канилла, мы еще сами не знаем, большая это любовь или просто пылкая страсть, но что-то определенно пылкое. То-то и у Томи глаза затуманены. Ладно, все будет нормально...

Подойдя к своему креслу, он обнаружил, что Мара самым оживленным образом беседует с Яной, что-то нашептывает ей на ухо, сопровождая слова энергичными движениями — а Яна чуточку покраснела, опустив голову. Понятно, не зная ревности боевая подруга вновь старалась для него, как могла. Улучив момент, Сварог показал Маре кулак, что не произвело на нее никакого впечатления, продолжала, чертовка, наставления новобрачной.

Рядом Гарайла, не торопившийся садиться за стол, старательно и громко объяснял Старой Матушке наилучшие приемы кавалерийской разведки в зависимости от местности. Она притворялась, что слушает с живейшим интересом. «Поженю, — подумал Сварог. — Негоже маршалу гвардии всю жизнь пробыть холостяком, да и Старая Матушка, хоть ее так и зовут, интереса к супружеской жизни не потеряла, даже и фаворит на данный момент имеется...»

Принц Элвар ходил по пятам за танцмейстером и добивался, когда же наконец объявят райду. Маргилену, вряд ли случайно оказавшись рядом, быстро прошептала на ухо:

— Не смотри с таким подозрением. Сегодня, с кем бы ни плясала, законного мужа кое-чему учить буду. Он робко склоняется...

Самое интересное, что подметил Сварог — Лавиния Лоранская и граф Гаржак буквально не отходили друг от друга: один танец за другим, перешептывания у портьеры, пылкие многозначительные взгляды Лавинии, кое-какие дозволенные в медленных танцах легкие вольности... «Ладно, пусть развлекаются, — благодушно подумал он, — Гаржака и сотня красавиц не перевербует...»

Обозревая зал, Сварог пришел к выводу, что свадьба все же удалась на славу. Пожилые чинно беседуют, Баглю с Раганом и Интагаром — сплошь коллеги по нелегкому ремеслу — играют в кости за отдельным столиком, супруга Диамер-Сонирила, явно довольная праздником, танцует с маркизом Оклером, оба мэтра, очень похоже, углубились в разговор о высоких материях, ну, а самые молодые веселятся вовсе уж самозабвенно. Причем Томи с Леверлином настолько увлечены друг другом, что Сварог, похоже, оказался прав — там не то что назревает, там летит вперед семимильными шагами...

А вечером будет великолепный фейерверк, такой, что в летающих замках обзавидуются и будут гадать, что за праздник нынче в Хелльстаде (если не считать присутствующих здесь ларов, все остальные представления не имеют, в чем тут дело). Жаль, что не успел Брагерт, вот уж кого с удовольствием увидел бы, но он застрял в Лоране, дело сложное и путаное, причем ниточка, похоже, ведет к очередному убийце, которого очаровательная Лавиния по своей милой привычке намерена к Сварогу подослать...

Рядом с портьерой оказался Золотой Кот, взглядом позвал Сварога. Тот подошел, не мешкая.

— Ваше величество, — сказал министр полиции. — Только что персона, поименованная как король Тейл из Шотера, украдкой спрятала себе в карман золотую солонку весом примерно в два с половиной паунда, являющуюся дворцовым имуществом, а следовательно, вашим. Как прикажете отреагировать?

— Оставить без последствий, — сказал Сварог, с трудом подавив смех, — ай да его величество, за столом солонки тырит. Королевство у него, впрочем, такое, что даже соседи не зарятся...

Он сделал условный знак танцмейстеру, и вскоре несколько голосов подхватили:

— Танец новобрачных! Королевский танец!

Яна встала ему навстречу прежде, чем он успел подойти. Присутствующие, в большинстве своем прекрасно знавшие этикет, проворно освободили середину зала, отодвинувшись к стенам. Глянув на вопросительно уставившегося танцмейстера, Сварог бросил:

— Лагетон.

Это было что-то вроде смеси танго с вальсом — только вальс гораздо медленнее того, из покинутого Сварогом мира. Настала тишина, зазвучали первые аккорды, Яна полузакрыв глаза, медленно кружилась в объятиях Сварога, и ее очаровательное личико было столь счастливым что он даже ощутил некоторую неловкость — можно подумать, все это стоило ему каких-то особых усилий. Усилий особо и тратить не пришлось.

В этой фигуре можно было чуточку прижаться друг к другу, и Яна прильнула, веселая, хмельная, покрасневшая и от вина, и от праздника, как-то очень уж лукаво шепнула ему на ухо:

— Хочешь *настоящий* лагетон... как в древности?

— Хочу, — сказал он, даже не пытаясь гадать, что за сюрприз ему хотят преподнести.

— Тогда смотри мне прямо в глаза и не отвлекайся ни на что вокруг...

Сварог так и поступил. Звучала музыка, Сварог с Яной медленно кружились, не размыкая объятий. Первая странность, которую он отметил, — удивленные возгласы доносились словно бы откуда-то *снизу*. Чуточку повернув голову, он оторопел, но собрал всю силу воли и ухитрился не сбиться с такта.

Они танцевали не на паркете, а высоко над ним. В воздухе. Уардах в пяти над полом, так, словно под ногами у них сказался невидимый, но прочный помост.

— Не бойся, — прошептала Яна, глядя на него смешливо и загадочно. — Ничего не случится... Когда я рядом, ничего не случится...

Странно, но он нисколько не испугался — и они танцевали, высоко над головами примолкших гостей, над огромным роскошным столом, пересекая зал из конца в конец, поднявшись уже так высоко, что пару раз пришлось огибать исполинские люстры. Яна вела его уверенно, словно они танцевали на паркете.

— Мне так радостно счастливо... — прошептала она, — как давно уже не было... Можно, я немного пошалу?

— Шалите, супруга моя, — сказал Сварог.

Высокое окно рядом с ними вдруг распахнулось беззвучно и легко, они оказались над балконом, над кронами деревьев, усыпанных гирляндами разноцветных лампочек — уже начинало темнеть, — над подсвеченными радужными струями фонтанов, высоко над великолепным парком. Музыка словно сопровождала их, и они по-прежнему медленно кружились в объятиях друг друга.

— Древний Ветер? — спросил он тихонько.

— Конечно, — так же тихо ответила Яна. — Просыпается вот...

Она улыбалась, полузакрыв глаза, ее лицо в полумраке было таинственным, загадочным, чуточку иным. Все вокруг было покойным и счастливым.

Однако Сварога вдруг пронзила короткая, холодная, никак не сочетавшаяся с праздником, с весельем, со счастливой девушкой в его объятиях мысль.

А насколько этот Древний Ветер пригоден для серьезного боя?

Красноярск, 2013.

Приложения

* * *

ПРИЛОЖЕНИЯ

Стороны света по таларской традиции

Стороны света в морской терминологии Талара

О ЛЕТОСЧИСЛЕНИИ

При изучении хронологии следует непременно иметь в виду, что не существует до сих пор какой-то единой точки отсчета. Даже летосчисление ларов, Небесные Годы, было введено лишь через некоторое количество лет после окончания Шторма и переселения ларов в небеса. И это количество до сих пор не определено точно, разные исследователи называют разные цифры (от 7 лет до 11). К тому же ни у ларов, ни у кого-либо другого нет точно фиксированной даты окончания Шторма — ибо какое-то время его затухающие волны все еще прокатывались по планете.

Первые семьсот с лишним лет после Шторма на земле не существовало ни упорядоченной хронологии, ни четко датированных летописей (по крайней мере, современная наука не располагает фактами, способными как доказать, так и опровергнуть эту точку зрения). В дальнейшем, на протяжении долгих столетий, соперничавшие государства и отдаленные страны, порой вообще представления не имевшие о существовании друг друга, придерживались своих собственных систем летосчисления (более-менее полное представление об этом периоде дает труд Гармара Кора «Хаос и хронология», Магистерииум, 3466 г. Х. Э.) Впоследствии из-за диктуемого жизнью стремления к упорядоченности после многих попыток достичь взаимопонимания и согласия (и даже нескольких войн по этому поводу) почти повсеместно было установлено единое летосчисление — так называемая Харумская Эра.

В настоящее время текущий год у ларов — 5506 год Небесных Лет (в этой си-

стеме датируются все императорские указы, предназначенные для жителей земли).

На земле — 3716 год Харумской Эры, однако есть два исключения:

1. Великие магистры, правители Святой Земли, двести сорок три года назад ввели летосчисление «со дня Гнева Господнего». Таким образом, в Святой Земле сегодня — 5511 год СДГГ.

2. После отделения Глана от Ронеро первый гланский король повелел «считать нынешний год первым годом Вольности». Сегодня в Глане — 613 год Вольности.

КАЛЕНДАРЬ

Таларский год состоит из семи месяцев — Датуш, Элул, Фион, Квинтилий, Ревун, Атум, Северус. Каждый месяц — из семи недель по семь дней. В конце первых шести месяцев есть еще по три дня без чисел, именуемых Безымянными Днями, или Календами. После Северуса следуют семь дней Календ. Календы Датуша, Квинтилия и Атума считаются «скверными днями», в этот период стараются воздержаться от дел, не пускаются в путешествия или плавания, не играют свадеб, не устраивают никаких торжеств. В древности на эти Календы даже прекращались войны. Календы Элула, Фиона и Ревуна, наоборот, считаются крайне благоприятными для начинаний и временем праздников. Календы Северуса — канун Нового Года, в эти дни торжества особенно пышны, именно к Календам Северуса дворяне стараются приурочивать свадьбы, а гильдии — свои праздники.

ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЕ ЩИТЫ

Согласно правилам геральдики, существует лишь семь разновидностей гербовых щитов — для гербов государств, городов, дворян. Разновидности эти следующие:

1. Дотир

2. Джунарг

3. Даугар

4. Дрогмор

5. Домблон

6. Дегоар

7. Дуарат

Как правило, дотир и дуарат служат гербовыми щитами лишь для дворян, не имеющих титула, а гербы городов чаще всего имеют форму домблona.

ФЛАГИ ГОСУДАРСТВ

Флаги Виглафского Ковенанта[46]

Лоран — горизонтальные синяя и зеленая полосы, флаг обведен белой каймой (добавленной как знак траура после завершения строительства Великого Канала и потери провинций, оставшихся на континенте).

Харлан — «шахматная доска» из 6 черных квадратов, 6 белых и 6 коричневых.

Снольдер — желтое полотнище с черным силуэтом сфинкса.

Ронеро — горизонтальные синяя и черная полосы.

Глан — горизонтальные черная и красная полосы.

Горрот — белое полотнище с черным солнцем.

Шаган — вертикальные зеленая, желтая и черная полосы.

Сегур — горизонтальные синяя и красная полосы.

Прочие флаги

Святая Земля — фиолетовое полотнище с желтым крылатым диском.

Балонг — синее полотнище, затканное золотыми пчелами.

Ганза — темно-синее полотнище с белым кругом. В круге — черный силуэт корабля с зарифленными парусами.

Некоторые сведения о геральдическом значении иных цветов. Синий цвет издавна символизировал честь, честность, благородство. Фиолетовый — мудрость. Зеленый — надежду. Черный — упорство. Красный — отвагу, жизненную силу. Желтый — богатство. Белый вообще-то символизирует чистоту помыслов, но из-за того, что он издавна почитается символом смерти, в геральдике его стараются не употреблять.

ГЕРБЫ ГОСУДАРСТВ

Виглафский Ковенант

Лоран — дотир. Две синих и одна зеленая вертикальные полосы. На зеленой — три золотых кольца. На синих — по золотому якорю.

Харлан — дотир. Разделен на четыре квадрата, два белых и два коричневых. В белых квадратах — по коричневому мечу острием вверх. В коричневых — по белому мечу острием вверх.

Снольдер — даугар в фиолетово-желтую клетку. В центре щита — золотой лев, стоящий на задних лапах.

Ронеро — даугар. Разделен по вертикали на синюю и черную половины. На синей — золотая лилия, на черной — Зеркало Аннура, имеющее вид серебряного круга в золотой оправе.

Глан — дегоар. Щит — черный с золотой каймой. В центре — золотой силуэт медвежьей головы, по пяти углам — золотые цветы чертополоха.

Горрот — домблон. На белом фоне — черное весло, скрещенное с золотым скипетром.

Шаган — дрогмор. На синем поле — золотой колокол.

Сегур — дуарат. Разделен горизонтальной линией на две половины. Верхняя — золотой парус на зеленом поле, нижняя — пять вертикальных полос (две зеленых, две желтых), и на их фоне — черный герб Морских Королей.

(Нужно добавить, что герб государства является и гербом его короля.)

ПРОЧИЕ ГЕРБЫ

Святая Земля — дуарат. На зеленом поле — золотой одноглавый орел (акилла), держащий в лапах меч и крест Единого Творца.

Балонг — джунарг. На красном поле с пятью узкими вертикальными линиями — золотые весы. Щит окаймлен золотыми пчелами.

Ганза — дрогмор. На темно-синем фоне — красная ладонь.

КОРОНЫ ВИГЛАФСКОГО КОВЕНАНТА

Лоран — корона закрытая. Обруч шириной в два джайма[47] с изображением дубовых листьев. Шестнадцать зубцов в виде шипов, отклоненных на 45° наружу от вертикальной оси обруча. У основания каждого — рубин, ограненный «розой». Закрыта остrokонечным колпаком из синего бархата на золотом внешнем каркасе в виде 8 сходящихся дуг.

Харлан — обычная герцогская корона, но украшенная четырнадцатью ограненными бриллиантами и закрытая решетчатым плетением в форме полусферы.

Снольдер — корона закрытая. Два разомкнутых круга, каждый шириной в джайм, соединенных четырьмя перемычками. На перемычках — по рубину, ограненному в форме полусферы. В каждом секторе меж перемычками — по три бриллианта, ограненных «розой». Впереди, надо лбом, — золотое изображение кобры с раздутым капюшоном и бриллиантовыми глазами. Туловище кобры, изогнутое дугой выпуклостью вверх, закрывает корону, касаясь противоположного ее края, где вделан черный алмаз Бараини (неограненный, весом 480 квинтунов).[48] Зубцы отсутствуют.

Ронеро — корона открытая. Обруч шириной в два джайма, по которому проходят три пояса из накладных линий, и в центре каждого цветка — рубин, ограненный полусферой. Восемь зубцов в виде равнобедренных треугольников, слегка отклоненных от вертикальной оси обруча.

Глан — корона открытая. Кольцо шириной в джайм, двенадцать зубцов (6 в виде цветков чертополоха, 6 — в виде трилистников клевера). В основании каждого зубца — рубин «ленточной» огранки. Впереди, надо лбом, — желтый алмаз Индари (неограненный, вес 300 квинтунов).

Горрот — корона закрытая. Обруч шириной в два джайма, по верхней и нижней кромкам проходят два накладных пояска, имеющих форму цепи с овальными звеньями. В центре каждого звена — рубин, ограненный в форме трехгранной пирамиды. Восемь прямоугольных зубцов. Закрыта двумя полукругиями-дугами, в точке пересечения которых — солнце, выточенное из черного опала.

Шаган — корона открытая. Обруч шириной в два джайма с семью зубцами в виде «ласточкина хвоста». У основания трех — ограненные рубины, у основания четырех — ограненные изумруды.

Сегур — корона открытая. Обруч шириной в два джайма с гравировкой в виде якорей и скрещенных весел. Семь зубцов в виде трезубца Руагату, у основания трезубцев — ограненные сапфиры.

ПРОЧИЕ КОРОНЫ

Корона Великого Магистра Святой Земли — открытая. Обруч шириной в джайм. Впереди, надо лбом, — крылатый диск с неограненным рубином в цен-

тре, на противоположной стороне — крест Единого Творца. Зубцы отсутствуют.

Балонг. Избираемый на три года Старшина Патрициев Круглой Башни носит корону в виде обруча шириной в два джайма с семью зубцами, повторяющими формой Круглую Башню.

Все короны изготовлены из чистого золота, не считая короны Великого Магистра — она из железа.

ДВОРЯНСКИЕ КОРОНЫ И ТИТУЛЫ

Дворяне Виглафского Ковенанта и Пограничья носят следующие титулы:

1. Принцы короны.
2. Принцы крови.
3. Герцог.
4. Князь.
5. Граф.
6. Барон.
7. Маркиз.

Принцы и принцессы короны — потомки правящего монарха. Они носят корону в виде обруча шириной в джайм, закрытого двумя полукружьями-дугами, в точке пересечения которых — миниатюрное подобие королевской короны.

Принцы и принцессы крови — потомки братьев и сестер правящего монарха. Носят корону, повторяющую герцогскую, но закрытую полукружием-дугой с миниатюрным подобием государственного герба.

Герцогская корона — обруч с семью прямоугольными зубцами, перемежаемыми семью дубовыми листьями.

Княжеская корона — обруч с семью прямоугольными зубцами, перемежаемыми семью земляничными листьями.

Графская корона — обруч с четырнадцатью шариками.

Баронская корона — обруч с семью треугольными зубцами, перемежаемыми семью шариками.

Корона маркиза — обруч с семью полукруглыми зубцами, и в центре каждого — прорезь в форме дуарата.

Короны титулованных дворян, имеющих права Вольных Ярлов, и украшены рубинами (в 3711 г. Х. Э. Виглафский Ковенант лишил владельцев Вольных Маноров, в том числе и королей, прав Вольных Ярлов, сохранив таковые лишь за ярлами Пограничья, но и для последних введены ограничения по количеству лиц, коих ярлы вольны в течение года возвести в дворянство).

При посещении титулованным дворянином королевского дворца, а также в дни некоторых торжеств следует непременно быть в приличествующей титулу короне. В обычные же дни можно ограничиться золотой цепью, золотыми шпорами и перстнем с миниатюрным подобием короны.

Дворяне, дабы отличить свое положение, носят золотую цепь установленного образца и золотые шпоры.

Гланские обычаи несколько отличаются от иных, там существует своя система, признанная Виглафским Ковенантом:

1. Гланфорт (нетитулованный дворянин) носит золотую цепь и золотые шпоры.
2. Глэв (соответствует маркизу, барону или графу) — золотые шпоры и золо-

тую цепь с семью подвесками в виде цветов чертополоха.

3. Глэрд (соответствует князю или герцогу) — золотые шпоры, золотую цепь с медальоном, на коем изображена медвежья голова.

В Балонге дворянства нет, но для знатнейших и богатейших граждан существуют титулы нобилия и патриция. Нобиль носит на груди золотой медальон с гравировкой в виде весов, окруженных пчелами, стоящий выше нобилия патриций — золотую пектораль с такой же гравировкой и жезл, увенчанный миниатюрным подобием Круглой Башни. Семеро Патрициев Круглой Башни, правящие Балонгом, обязаны во всякое время появляться на публике в алом плаще, затканном золотыми пчелами, и синей шапочке-митре, с четырех сторон украшенной золотыми изображениями Круглой Башни; при сем они опираются на посох с навершием в виде государственного герба. (Всякие попытки Балонга добиться приравнения нобилей и патрициев к дворянам неизменно отклонялись Ковенантом.)

О правилах, заведенных в Святой Земле, более полное представление даст соответствующий фрагмент из книги реверена Гонзака.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О РЕВЕРЕНЕ ГОНЗАКЕ

Реверен[49] *Гонзак* (3627 Х. Э. — ?) — скрибанос, служивший при Царской библиотеке в Астрее (Гиперборея, Сильвана). В 3668 г. Х. Э. прибыл на Талар. В период с 3668-го по 3679-й работал в библиотеках разных стран, жил в Лоране, Снольдере, Ронеро, побывал в Пограничье, Иллюзоре, Глане, Балонге, пяти из Вольных Маноров, совершил три морских путешествия. Некоторые историки считают его шпионом царя Гипербореи, но люди из таларских тайных служб никогда не высказывали своего отношения к этой версии. Необходимо учитывать, что порой крайне трудно провести границу меж профессиональным разведчиком и любознательным путешественником из дальних стран, поскольку кропотливо собираемая первым информация частенько попадает на тот же стол, что и ученые записки второго (о чем второй ничего не подозревает). Как бы то ни было, в Равене трудами Коллегии Ремиденума в 3681 г. Х. Э. вышла в свет книга Гонзака «Трижды семь писем скромного книжника Гонзака на Сильвану, другу своему Чей Чедогону о таларских делах, обычаях и установлениях». Вопреки заглавию, писем в книге всего шестнадцать. Гонзак пропал без вести в промежутке меж 36 Северуса 3679 г. и 14 Датуша 3680 г. Его следы теряются в полуночных провинциях Ронеро, малонаселенных и пользующихся дурной славой «диловатых мест». Не исключено, что сильванский скрибанос, человек отнюдь не бедный, любивший жить и путешествовать с комфортом, стал жертвой разбойников или Волчьих Голов. Известно также, что Гонзак намеревался предпринять экспедицию в Хелльстад, для чего, быть может, и отправился в те места, где оборвался его след.

Книга Гонзака, пусть и незавершенная, помимо многих интересных наблюдений, представляет собой еще и своеобразную краткую энциклопедию, дающую постороннему читателю неплохое представление о таларском укладе жизни. Благодаря чему она и была в 4998 г. Н. Г. включена Императорской Коллегией Просвещения в список учебных пособий для благородных ларов по теме «Современный Талар». Выпущена в компьютерном и типографском вариантах.

О ТИТУЛАХ, СОСЛОВИЯХ И МНОГОМ ДРУГОМ

Письмо третье, реверена Гонзака.

Рассказ об устройении общества, друг мой Чей Чедогон, я начну с королей, чему ты вряд ли удивишься, ибо, когда нам случится озирать гору, взгляд наш непременно падет прежде всего на вершину, а уж оттуда странствовать будет к земле.

Короли таларские — воистину самовластные владыки, что отражено и в тамошних законах, гласящих, что монарх пребывает превыше закона, сам же, буде возникнет такая надобность (или, увы, каприз, как нам известно о венценосцах двух планет), может решать многие дела не по писанным законам, а исключительно по своей воле. Должен тут же оговориться, что самовластье это, кажущееся всеобъемлющим, ограничено иными древними традициями. Есть права дворян, и сословий, и гильдий, и даже крестьян, на кои посягать и король не волен. Однако ж за пределами сих ограничений открывается весьма обширная область для самодержавного произвола, и подданным остается лишь уповать, что восседающий на троне монарх наделен достаточным умом и здравомыслием, дабы не ущемлять народ свой без меры.

Как и в нашем отечестве, дворяне здесь первенствуют над всеми иными. Нельзя стать офицером, ни сухопутным, ни морским, если ты не дворянин. И высшие пять гражданских чинов доступны одним лишь дворянам, и землю с крестьянами могут владеть одни дворяне, и ордена иные жалуются одним дворянам. Им одним дозволено строить в домах балконы и иметь в окнах витражи.

Следом идут так называемые Семь Высоких Сословий.

Сословие Чернильницы объединяет судейских, адвокатов и чиновничество с первого гражданского чина по двенадцатый. Отличительным знаком оно служит серебряный пояс с серебряной же чернильницей установленного образца. Образцы таковые в разных государствах разные, а у чиновников есть еще и мундиры, в каждом ведомстве свои, и каждый гражданский чин имеет свои отличия, подобно тому, как это обстоит с воинскими чинами.

Сословие Храма составляют разных богов служители, коих отличают одеяния и атрибуты, единые для всего Талара, независимо от страны (о Святой Земле же поговорим подробнее в другой раз).

Сословие Мер и Весов образуют купцы, банкиры и ювелиры, причем не всякие купцы, а лишь те, что имеют капиталы не ниже определенного предела. Отличительным знаком сего Сословия служит серебряный пояс с замшевым кошельком особого вида.

Сословие Циркуля — это инженеры и архитекторы, коих отличает короткий плащ особого фасона, скрепленный у горла серебряной цепочкой, крепящейся двумя серебряными же бляхами с изображением циркуля.

Сословие Сова — это ученые, книжники, книготорговцы и учителя. Они носят плащ особого фасона с пелериной, где цепочку крепят две серебряные бляхи с изображением книги и пера, а также круглый берет с серебряным изображением совы. В разных государствах цвет оно наряда бывает разным. Живи мы на Таларе, друг Чедогон, в таком наряде и щеголяли бы, что, впрочем, не лучше и не хуже наших с тобой шапочек реверенов, украшенных жемчужинами, да плащей и посохов.

Сословие Свободных Искусств (художники, музыканты, скульпторы и актеры) знаком своим имеет серебряную цепь с серебряной же бляхой, на коей изящно выгравирована мифологическая птица Сири́н, издавна почитаемая

символом творческого вдохновения. И не всякие актеры состоят в сем Сословии, а лишь те, что происходят из семей потомственных актеров театров, имеющих статус королевских. А прочие же актеры именуются пренебрежительно фиглярами, и место им отведено в одной из последних гильдий, о чем напишу ниже.

Сословие Чаши и Ланцета составляют медики и аптекари. Знаком им служит длинная мантия особого фасона, черная шапочка, украшенная серебряной бляхой с изображением обвивающей чашу змеи, а также своеобразного вида кожаная сумка, служащая также и практическим целям, ибо в ней носят-ся снадобья, инструменты и прочее, потребное в работе.

Сословия эти обладают правом на покупку земли, но крестьяне во владение им не положены. В виде особой милости, случается, король жалует кому-либо право в течение определенного срока получать доход с того или иного коронного имения, и срок этот редко превышает год. Понятно, есть имения крайне прибыльные, а есть и скудные, что при оказании монаршей милости непременно и учитывается. Те, кто входит в Сословия, имеют право носить золотые украшения без ограничения количества, но без драгоценных камней — разве что король пожалует кому перстень с драгоценным камнем. Равным образом их столовая утварь из драгоценных металлов может быть украшена самоцветами лишь с соизволения короля.

Здесь стоит добавить, что согласно незыблемым законам природы, применимым и к жизни человеческого общества, недостаток чего-либо немедленно восполняется за счет иного качества — подобно тому, как слепые обладают невероятно тонким слухом, а горбуны бывают необыкновенно сильны. Вот и выходит — Сословия восполняют отсутствие драгоценных камней искусством выделки, а потому украшения их и утварь порой превосходят дворянские изощренностью выработки и мастерством украшательства.

Дворяне поступают на службу во множестве, ибо на Таларе повсюду действует закон первородства, согласно коему все сыновья имеют право на дворянское звание или титул, а вот имение движимое и недвижимое достается в целостности самому старшему (или дочери, если нет потомков мужского пола). Прочие же сыновья, получив малое денежное вспомоществование, вынуждены искать службы за жалованье либо по талантам своим искать себе места в одном из Сословий. Предпочтительнее всего военная служба, а также и полицейская, но непременно на должностях, приравненных к офицерским. Кроме военной службы, для дворян, по традиции, более всего предпочтительны занятия, входящие в компетенцию Сословий Чернильницы и Совы, а также Циркуля (но в областях, относящихся к военному делу и мореплаванию). Не возбраняется и войти в иные Сословия, но дворянин, попавший в таковые, стоит в глазах общества несравненно ниже. Что до Сословия Мер и Весов, то дворянину зазорно заниматься торговлей либо банкирским делом. Промыслы, приличествующие дворянину, сводятся к четырем вещам: коневодству, виноторговле, изготовлению винных бутылок, морским перевозкам на собственных судах и ювелирному делу. Дворянин имеет право устраивать в своих землях заводы, но при строгом условии: заводы эти должны работать непременно на сырье, производимом в своих же поместьях, а если сырья этого нет, то и заводы устраивать нельзя. Дворянин еще обладает правом на речные перевозки на собственных судах — но опять-таки при строгом условии, что перевозит

произведенное в собственных поместьях или закупленное для нужд такового. Все эти установления заведены в свое время весьма умными людьми, ибо служат к выгоде общества и бесперебойной работе государственного механизма. Гильдии таларские имеют следующий вид:

ЗОЛОТЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Оружейники (цехи: Доспешных дел мастеров, Мечных дел мастеров, Арбалетных дел мастеров, Копейных дел мастеров, Пушечных дел мастеров, Ружейных дел мастеров, Ракетных дел мастеров, Пороховых дел мастеров).

2. Мастера тонких работ (Ювелирные подмастерья, Мастера врачебного инструмента, Мастера счетных устройств, Оптики, Часовщики, Мастера утвари для ученых).

3. Похоронных дел мастера.

4. Приказчики торговые и банкирские.

5. меховщики.

6. Мастера каменного строения (цехи: Домостроителей, Строителей и Подновителей мостов).

7. Мастера деревянного строения (цехи: Домостроителей, Строителей и Подновителей мостов).

8. Водопроводных дел мастера.

9. Фонарщики (цехи: Фонарщиков, Мастеров фейерверка, Мастеров домашних светильников из металлов).

10. Стеклодувы (цехи: Стеклодувов, Стеклой посуды, Уличных фонарей, Домашних светильников из стекла, Витражных дел мастеров).

СЕРЕБРЯНЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Кораблестроители.

2. Моряки.

3. Речные матросы.

4. Мастера изящных работ (цехи: Изящной мебели, Благородной посуды, Благородных тканей).

5. Стражи порядка (сюда входят палачи, тюремная стража, полиция и ночные сторожа).

6. Содержатели псарен и псаря.

7. Содержатели постоялых дворов и трактиров, игорных и танцевальных залов (сюда включены лишь те заведения, кои имеют высший разряд и предназначены для благородной публики — дворян и Сословий. А содержатели заведений рангом пониже включены в гильдию градских обывателей).

8. Гуртовщики.

9. Ремесленники по дереву (цехи: Столяров, Каретников, Тележников, Сундучников).

10. Парикмахеры (опять-таки тех, кто обслуживает благородную публику. Прочие же именуются скопом цирюльниками).

БРОНЗОВЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Пожарные.

2. Кузнецы.

3. Ветеринары.

4. Почтари и телеграфисты.
5. Шляпники.
6. Садовники и огородники.
7. Горнорабочие.
8. Содержатели домашней птицы, мелкого скота, птицеловы и пчеловоды.
9. Посудных дел мастера (Гончары, Бочары).
10. Торговцы провизией и изготовители таковой (цехи: Мукомолов, Хлебопек, Виноделов, Пивоваров, Мясников, Зеленщиков, Бакалейщиков).

МЕДНЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Портные.
2. Сапожники и обувщики.
3. Печники.
4. Водолазы.
5. Извозный промысел.
6. Вольные слуги.
7. Повара.
8. Мостильщики улиц.
9. Кровельщики.
10. Градские обыватели (к сей гильдии приписаны представители многих ремесел, не вошедших в прочие).

ЖЕЛЕЗНЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Заводские мастеровые.
2. Мусорщики.
3. Мастера паровых машин.
4. Мастера воздушных шаров и планеров.
5. Маляры, фигляры, циркачи, газетиры.
6. Портовые рабочие.
7. Ткачи, шерстобиты и обойщики.
8. Нищие и проститутки.
9. Цирюльники.
10. Типографские мастеровые.

У каждой из гильдий есть залы для собраний, гильдейские знамена и праздники, отмечаемые в определенные дни, подчас с превеликой пышностью, когда речь идет о трех высших гильдейских разрядах. Золотые украшения дозволены лишь Золотым и Серебряным гильдиям, но одновременно можно носить не более одного, а во владении иметь неограниченное количество. Серебряные украшения дозволены Золотым, Серебряным и Бронзовым гильдиям — со схожими правилами ношения, не более двух одновременно. Медным же и Железным гильдиям запрещено строить для собственного проживания дома выше одного этажа, а также им не полагается держать в услужении слуг и служанок и запрягать в повозку более одной лошади (исключение составляют извозчики, но и то лишь в тех случаях, когда выезжают на свой промысел).

Легко понять, что система таковая имеет как свои достоинства (скажем, изоощренное совершенство, ведущее к более спокойному и плавному течению

жизни, равно как и устойчивости общественной пирамиды), так и недостатки. Недостатком, безусловно, следует посчитать то, что человек, будь он талантлив и многообещающ несказанно, не получит хода в ту область, где мог бы принести не в пример большую пользу (а область таковая, не пополняемая притоком свежих сил, неминуемо придет в упадок). Мысли такие, несомненно, посетили в старые времена кого-то из власть предержащих — ибо в каждой державе есть министерство, ведающее Сословиями и гильдиями, в обязанность коего входит устройство экзаменов и иных испытаний, служащих для пополнения гильдий и Сословий новыми членами, достойными сего. Правда, из этого еще не следует, что каждый, кто достоин занять место ступенькою выше, на ступеньку эту поднимется, — увы, слишком часто мы в этой жизни видим примеры обратного, и ни одни писанные правила, сколь бы мудро они ни были составлены, не обеспечат каждому место, его достойное. В особенности если вспомнить о корыстолюбии одних и изворотливости других и предположить, что в иных случаях презренный металл быстрее и успешнее позволит подняться вверх, нежели таланты и способности...

Добавлю еще, что каждый приписанный к гильдии с того момента, как начнет трудиться если не мастером, то подмастерьем, повинен постоянно носить на груди гильдейский знак. Бляха эта очертаниями повторяет гербовый щит государства, разделена на две части, и в верхней помещен герб города (если город гербовый), либо герб короля (если город коронный) а в нижней — эмблема данной гильдии. Кроме того, знак снабжен отличиями, наглядно сообщающими окружающим, к какому из пяти гильдейских разрядов его владелец принадлежит.

Жены же членов гильдии носят уменьшенное подобие сего знака на груди, на цепочке. Если женщина не супруга чья-то, а сама есть мастер некоего ремесла (скажем, кондитерша, повариха либо содержательница таверны), то знак она носит на груди, как мужчины.

Есть у разных гильдейских разрядов и правила ношения одежды (запрещающие иным гильдиям иные ткани, признанные чрезмерно для них роскошными), но обширная сия тема требует отдельного письма.

И завершу рассказом о крестьянстве. Оно делится на крестьян сеньоров, крестьян короны и фригольдеров. Первые обитают во владениях дворян, вторые — в землях, числящихся королевскими доменами. Есть у них свои права, нельзя их убивать, пытаться членовредительно и отнимать нажитое, но переходить к другим хозяевам они не вправе. Была у них некогда такая привилегия, но давно отнята, и не скажу, чтобы крестьяне смирились с этим окончательно, иначе не бунтовали бы порой. Фригольдеры же имеют статус вольных, за каковой, легко догадаться, держатся паче жизни.

Фригольдеры повинны носить на шапке оловянный медальон с изображением пшеничного колоса. У крестьян короны таковой снабжен еще короной, а у крестьян сеньоров — гербом хозяина.

Нужно упомянуть, что законы жестоко карают за присвоение человеком отличительных знаков, на которые он не имеет права, пусть даже это совершено шутки ради. А если он пошел на это ради получения выгод, то наказание еще тяжелее. Как ни странно покажется, но наказание, пусть не столь суровое, ждет и того, кто выдает себя за особу, стоящую на общественной лестнице ниже, чем это есть в действительности. Впрочем, в таковых порядках, ес-

ли призадуматься, есть здравый смысл — человек, добровольно спустившийся ниже, чем его поставила судьба, попросту глуп, если только это не служитель божий, взыскующий аскетизма, или юный влюбленный, не нашедший других путей, дабы видеться со своей возлюбленной.

В чем-то, похоже, стройная система гильдий не критически следует закостенелым традициям. Так, заводские мастеровые и мастеровые паровых машин — люди изрядно образованные и умелые, и Железная гильдия для них, многие соглашались, чересчур уж низка. Но представители молодых ремесел, уввы, явились, когда лучшие места были уже заняты. В том-то и суть, что против повышения статуса вышепоименованных возражают в первую очередь сами высшие гильдии, ссылаясь на тысячелетний уклад жизни. Не вижу в том ничего удивительного, ибо давно ведомо, что люди сплошь и рядом питают к ближнему своему даже более сильную неприязнь, ревность и зависть, нежели к высшим. Высшее далеко, и завидовать им нелепо, ибо не всегда и представляешь толком, чему именно из жизни высших завидуешь, ибо не осведомлен о таковой в должной мере. Ближний же — рядом, на глазах, и негоже позволять ему превзойти тебя, особенно если знаешь в глубине души, что он такого превосходства заслуживает... Несовершенен человек, друг мой Чедогон, и не нам изменить природу его...

О КУПЕЧЕСКОМ СОЮЗЕ, ИМЕНУЕМОМ ГАНЗА

Выдержки из шестого письма реверена Гонзака.

Расскажу теперь, друг Чедогон, как выглядит на Таларе Ганза, чьих купцов нам доводилось встречать и на Сильване.

В противоположность Балонгу, своему извечному сопернику, Ганза не составляет государства в привычном понимании сего слова. Ганза есть союз ста одиннадцати городов, расположенных как на Харуме, так и на значимых морских островах, причем все без исключения города эти помешаются на берегах, морских и речных. А произошло так оттого, что Ганза возникла в древние времена, когда из-за слабости тронов, непрерывных войн на суше и разгула пиратов на водах торговое плавание что по морям, что по рекам было занятием крайне рискованным, и единственной защитой тут был собственный меч. Так и сложился союз купцов-корабельщиков, к вящей своей выгоде и безопасности неустанно укреплявших флот свой и города. И поскольку цели Ганзы были несложными, ясными и четкими, а укрепление государств — процессом не в пример более долгим, путаным и хаотичным, означенная Ганза, пусть и лишившаяся с бегом столетий прежней вовсе уж невиданной мощи, остается все же сильной. Есть у них торговый флот, есть военный, даже с пароходами, а города их изрядно укреплены и располагают сильными гарнизонами. И не подчиняются они законам того государства, где расположены, — не совершая, со своей стороны, ничего такого, что шло бы вразрез с законами «прилегающей державы» (как любят выражаться ганзейцы, коим похвальба и честолюбие свойственны в той же степени, что и всем прочим). А если какой король, что случается даже теперь, посягнет на лежащий в пределах его державы город Ганзы, то все прочие ганзейские города, объявив тревогу, идут на выручку, и сила их такова, что объявленная ими какой державе война способна державу сию не на шутку озаботить. А общего стовора всех королей и владык против Ганзы ждать не приходится — ибо не случалось еще в истории, да и не случится, мне думается, чтобы все без исключения монархи пришли к полному со-

гласию касается столь сложного вопроса. Столь сердечного согласия удается достигнуть лишь в делах более простых, да еще направленных против слабейшего — как это было с Сандоварским Уложением.[50] Так что Ганзой за последние семьсот лет утрачено лишь четыре города (не включаю в это число тех, что оставлены самими ганзейцами под натиском Глаз Сатаны).

Промышляют ганзейцы главным образом торговлей и перевозкой товаров. Занимаются они и банкирским делом, но таковое почти повсеместно в руках Балонга, и успехи Ганзы на сем поприще ничтожны (что ее, говорят, злит). Словия и гильдии у них те же, что и у большинства держав, хотя число гильдий и составляет у ганзейцев не пятьдесят, а сорок восемь, нет в Ганзе ни гуртовщиков, ни мастеров воздушных шаров и планеров — одиночным городам-государствам, стесненным по территории, сии ремесла ни к чему, равно как и телеграфисты. Кроме того, иные гильдии вроде корабельщиков и моряков с речными матросами стоят выше, чем в других державах, а иные — не в пример ниже. Крестьяне есть при сорока шести городах, и все они фригольдеры. А дворянства своего не имеется. Те из ронинов[51] (а таких немало), кто поступает на службу Ганзе, не располагает в ее городах теми привилегиями, что имеют дворяне других держав, зато пользуются всеми правами вольного ганзейца, а это им обеспечивает известное благополучие и защиту. Нужно еще добавить, что преступлений в ганзейских городах не в пример меньше из-за малого притока посторонних. В этом отношении города Ганзы, даже крупные, схожи с деревнями, живущими патриархально, размеренно и замкнуто. Что, впрочем, не означает идиллии, ибо природа человеческая несовершенна.

Единого правителя у них нет, но раз в год собирается Ганзейская Палата из представителей всех городов для обсуждения накопившихся проблем и решения дел, буде таковые возникнут. Палата эта назначает в каждый союз (ганзейские города на континенте, числом 89, делятся на семнадцать союзов, а остальные, что разбросаны на островах, приравниваются к союзу каждый) Легата Палаты, и означенные Легаты по иным своим обязанностям и должностным функциям выполняют роль правителей.

Относительно ганзейского герба ходит старинная легенда — что-де во времена оны некий богатый судовладелец, готовясь перейти в иной мир, завещал корабль свой тому из сыновей, кто, обойдя в шлюпочном состязании остальных, первым коснется рукой палубы. И один из сыновей якобы, видя, что победа от него ускользает, отсек себе руку и кинул ее на палубу, соблюдая тем самым букву уговора. Иные сказке этой верят, но я подобную слышал частенько и на Таларе, и на Сильване, причем речь шла о иных купцах, не ганзейских. И потому подозреваю, что имеем мы дело с бродячим сюжетом, переходящим от народа к народу.

Вот и все, пожалуй, о Ганзе.

О ЗАГАДОЧНОЙ И ПОРАЗИТЕЛЬНОЙ СТРАНЕ ИЛЛЮЗОР

Письмо седьмое реверена Гонзака.

Приступая к рассказу о преудивительном крае Иллюзор, опасаясь, друг мой Чедогон, что ты можешь не поверить, хоть и знаешь прекрасно, что не в моем обычае предаваться шуткам и розыгрышам, когда речь идет о накоплении знаний об окружающем нас мире. И все же места, коим тысячи лет назад кто-то мудрый присвоил удивительно точное название Иллюзор, до того пора-

зительны, что окончательно поверить в их существование можно, лишь повидав собственными глазами. Я и сам, каюсь, считал рассказы преувеличенными, проистекающими из присущей иным странникам манеры сваливать в одну кучу и собственные наблюдения, и пересказы из третьих уст, и упражнения шутников, — мы с тобой и сами, будучи юными студентами, находили порой забавы в том, чтобы угощать наивных чужеземцев байками о чудесах и диковинах, рожденными за кувшином черного пенистого... Иные из этих наших придумок попали и на страницы серьезных книг, за что мне потом было стыдно. Но с Иллюзором все обстоит иначе. Он существует, именно такой — к непреходящей головной боли ученых книжников, перерастающей порой в уныние и тупое изумление многообразию и изощренности загадок, подсунутых нам то ли добрыми духами, то ли злыми, то ли лишенными разума и души силами природы...

Представь, друг мой, что едешь ты верхом по стране, прямо-таки брызжущей жизнью. В лесах рыскают дикие звери, олени и кабаны, на лугах пасутся стада, за плугом ходят пахари, по большим дорогам движется нескончаемый поток путников, обгоняя тебя и спеша навстречу, — тут и пешие, и конные, и повозки купцов, и блестящие дворянские кавалькады, и воинские отряды. Проезжаешь ты городами и деревнями, где кипит жизнь во всем ее многообразии и блеске, и обитатели заняты когда каждодневными своими делами, когда торжествами и праздниками.

Таким предстает перед путником Иллюзор. Но очень скоро ты заметишь, что все окружающее немо — ни единый звук, кроме топота твоего коня и звяканья уздечки, не нарушает всеохватывающей жуткой тишины. И если пойдешь ты прямо на встречного, пройдешь сквозь, не встретив на пути ничего, кроме пустого воздуха. Ибо все, что ты видишь, и все, кого ты видишь, — суть иллюзия. Не замечают они тебя, не видят, живя своей странной, иллюзорной, несуществующей жизнью. Люди, искушенные в познании, а также причастные к магии и ведовству, уверяли меня, что с призраками и иной нечистью бесплотные обитатели Иллюзора ничего общего не имеют. Скорее уж это запечатленные неведомым путем изображения, никому не делающие дурного и слепые ко всякой попытке установить с ними общение. Истина эта подтверждена за тысячелетия, ибо Иллюзор существовал уже в дописьменные времена, последовавшие за Штормом.

Надобно сказать, что иные строения Иллюзора существуют реально, точнее, остатки таковых — где фундаменты, где стена, где целое почти здание, особо прочно возведенное некогда неведомыми строителями. Но определить это можно лишь на ощупь — ведь всякий дом, амбар или мост взору твоему представляется совершенно целехоньким, будто вчера законченной постройкою. (Правда, там и сям валяются истлевшие доски и груды рухнувшего камня, так что дома предстают одновременно и в виде развалин, и в первозданном своем виде, и зрелище, признаюсь, экстраординарное.) Равно же, если повезет, можешь отыскать и утварь, а то и драгоценности — но немного, потому что лихие кладоискатели за пять тысячелетий постарались изрядно. А подчас отыщется и книга, достаточно сохранившаяся. Но читать тех книг не может никто — написаны они на непонятном языке неизвестными буквами. А храмы их, где бесплотные обитатели Иллюзора поклоняются богам, нам непонятны, и боги такие неизвестны.

Поскольку находимые там предметы выглядят именно так, как и должны смотреться пролежавшие тысячелетия вещи, в иллюзорном своем состоянии представляющие новехонькими, поскольку налицо развалины, легко понять, что Иллюзор есть тень минувшего, отображение существовавшей в неизвестные времена страны, где впоследствии все живое сгинуло неведомо куда (ибо нет там множества скелетов), а неживое понемногу ветшало. Вот только никто не знает, что это была за страна, что за бедствия на нее обрушились и какие причины вызвали нынешнее, столь диковинное и поразительное, состояние дел. Объяснений за тысячелетия накопилось множество, есть и пространные, изложенные весьма ученым языком, да вот беда — во-первых, каждое из них всем прочим противоречит, а во-вторых, ни единое проверить невозможно.

Опасностей Иллюзор не содержит почти никаких. Забредет иногда из других мест настоящий зверь, но редко — звери не любят Иллюзора. Кое-где, рассказывают, обитает нечисть, по всем признакам, укрывшаяся в Иллюзоре, дабы избежать преследований, коим нечистую силу успешно подвергают в иных уголках Талара. Бывает и разбойный народ, пересиживая погоню и укрывая клады, ибо лучшего укрытия и не придумаешь. Заходят сюда и книжники, ищущие истины, и просто любопытные, кому средства позволяют снарядить экспедицию.

А постоянно никто из живых тут не селится, разве что беглые крестьяне, коим податься уж вовсе некуда. Первоначально я, не освоившись, удивился было, отчего окрестные владельцы не воспользовались столь легкой и удобной возможностью расширить свои рубежи, однако ж, проведя в Иллюзоре две недели, принужден был признать правоту моих проводников, толковавших допрежь, что жить здесь «тягостно». Поистине так. С каждым днем, проведенным среди немых теней Иллюзора, нарастает в душе тягостное ощущение то ли тоски, то ли тревоги. Возможно, ты его сам себе внушаешь, возможно, так дразнит твои чувства диковинность окружающего, да только от того не легче. К вечеру пятнадцатого дня не выдержал я и велел поворачивать коней к границам Вольных Маноров, хоть многое, достойное внимания, следовало бы еще осмотреть, и немало любопытного осталось неизученным. Злясь на себя, досадуя, но не в силах превозмочь незримое тягостное давление, ехал я прочь во главе своего повеселевшего отряда...

Словом, Иллюзор необитаем. Лишь в полуночных его областях, где простираются прилегающие к морю обширные степи, что ни год появляются снольдерские и ронерские гуртовщики, пригоняя на летние выпасы рогатую скотину, ибо пастбища там богатейшие, хоть реальные травы и мешаются там с иллюзорными. Лошади, животные умные, тонко чувствующие и наделенные повышенной восприимчивостью ко всему необычному, а также имеющему отношение к потусторонним силам, тех пастбищ не любят, постигнув в меру разумения диковинность Иллюзора. Бык же, тварь тупая, виденным не тяготится, и странность иллюзорских пастбищ его не заботит — знай жрет, нагуливая тушу и покрывая степи диковинного края навозом.

На сей низменной ноте я, пожалуй, и закончу, ибо нечего более добавить к описанию странностей Иллюзора.

О КРАЕ, ИМЕНУЕМОМ СВЯТОЙ ЗЕМЛЕЙ

Выдержки из восьмого письма реверена Гонзака.

Святая Земля, повествуют, была некогда обычным королевством, где уклад

жизни ничем не отличался от налаженного в других державах. Но четыреста с лишним лет назад, когда страна, сотрясаемая многими невзгодами, от засухи до баронских бунтов, находилась в крайне расстроеном состоянии, некий священник по имени отец Патаран, служитель столичного храма Единого Творца, человек незаурядный, наделенный и красноречием, и умением доходчиво излагать толпе свои мысли, встал во главе движения, нареченного «Братством Совершенных», к коему примыкали не одни лишь простолюдины, но и немалое число гильдейских, членов Сословий, дворян, в том числе и титулованных. Братство это, проповедовавшее борьбу против всяческой несправедности и греховности путем отказа от мирской роскоши и разномыслия, в короткое время снискало себе изрядное множество сторонников — ибо во времена потрясений и бед, как мы не единожды имели случай убедиться, нетрудно возбудить в обществе ярость и жажду действия, в особенности если четко обозначить виновных и обещать, что с незамедлительным устранением таких жизнь наладится быстро...

Из всего этого возникла великая смута, принявшая характер большой войны сторонников короля против приверженцев Братства, причем в обоих лагерях хватало и титулованных дворян, и самого подлого люда, ибо раскол прошел не меж Сословиями, а внутри самих Сословий, не миновав ни одного. Продлившись с переменным успехом около полутора лет, война эта привела к гибели королевской фамилии, большим людским жертвам. Немалое число городов было разгромлено и сожжено. Победа Братства вынесла на опустевший трон отца Патарана, и новоявленный правитель немедленно приступил к преобразованиям, проходившим быстро и энергично благодаря поддержке закаленной в боях армии. Вот и получилось, что на волне успеха отец Патаран произвел изменения столь всеохватные и решительные, что в иные, мирные времена для таковых потребовалось бы не одно десятилетие (а посему и жертв, как расставшихся с жизнью, так и принужденных бежать в изгнание, нашлось презрительно).

Ныне Святая Земля управляется Великим Магистром, происходящим от потомков отца Патарана (он, вопреки канонам, безбрачия не соблюдал). И жизнь сего государства всецело посвящена, как заявляется, служению Единому Творцу и подготовке воинских сил, способных выйти против сатанинских полчищ. Это напоминает мне орден монахов-воинов из Гурганского царства, на родной нашей Сильване находящегося, но по обширности территории и многолюдству народонаселения Святая Земля многократно превосходит владения ордена. Прежнее деление на дворянство, Сословия и гильдии давно уничтожено. Есть там Божьи Дворяне — они начальствуют над полками, а землями с крестьянами не владеют, являясь лишь управителями. Есть Божьи Книжники, занятые богословием, есть Божьи Инженеры, Божьи Купцы, Божьи Ремесленники и Божьи Мореходы, суть занятий коих ясна из одних названий сих людских общностей. Есть также Братья Монахи, коих немало, и часть их организована в воинские полки, должным образом вооруженные и вышколенные. Ну а Крестьяне Божьи, как легко уразуметь, пашут и сеют. Изящные искусства там, слышно, не в чести, как и почитаемая преступлением роскошь, а храмы всех иных богов, кроме Единого, давно порушены. И нет там ни наград, ни гильдейского деления, ни сословного, ни титулов, ни сеньоров. Иными словами, по рассказам бывавших в Святой Земле путешественни-

ков, жизнь там по сравнению с иными краями не в пример аскетичнее и бесцветнее. Разное говорят о заведенных в Святой Земле порядках, кто одобряет их, кто не принимает. Я же остаюсь верным старой привычке писать только о том, что видел собственными глазами или по крайней мере изучил вдумчиво по множеству книг, представляющих противоположные точки зрения. Памятую к тому же, что правом выносить окончательные суждения наделена лишь сама История. Пока же у меня недостаточно знаний о Святой Земле, в чем не стыжусь признаться, и от суждений воздержусь до путешествия туда, каковое твердо намерен предпринять в ближайшие годы.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О ВОЕННОМ ДЕЛЕ

Выдержки из одиннадцатого письма реверена Гонзака.

Армии на Таларе не собираются от случая к случаю ради той или иной кампании, а постоянны. Содержатся они на долю доходов от королевских имений, а также на долю от налогов, взимаемых со всех, и с дворян в том числе. Армии Виглафского Ковенанта устроены все на единый образец и состоят из гвардии, «безымянных полков» и легионов. Гвардия, пешая и конная, набирается частью из ронинов, частью из горожан. Есть полки, состоящие целиком из дворян, хоть число таких полков и невелико. Гвардейские полки именуется по цвету мундиров и по роду войск — например, ронерские Синие Мушкетеры или горротские Черные Драгуны. Знамена у них четырехугольной формы, и древки их увенчаны позолоченным орлом, именуемым «акилла». Понятно, что офицеры гвардейских полков происходят из знатнейших дворян, большей частью титулованных, а солдаты получают повышенное жалованье как деньгами, так и в иной форме.

Следом идут «безымянные полки», конные и пешие, артиллерийские, ракетные и саперные. Набираются они из горожан и фригольдеров, хотя попадают там и ронины. Полки эти именуется номерами и по роду войск — например, «пятый кирасирский» или «десятый пикинерский». Вместо знамен у них вексиллумы. Вексиллум есть древко с поперечной перекладиной, прикрепленной пониже вершины, — а уж на этой перекладине и подвешивается полотнище, четырехугольное чаще всего, иногда с бахромой, иногда с кистями. Древко вексиллума увенчано посеребренным акиллой. Служба в сих полках далеко не так почетна, как в гвардейских.

И, наконец, легионы. Эти набираются, что конные, что пешие, из крестьян короны либо сеньоров, именуется также номерами и по роду войск, и офицеры тамошние почитаются ниже всех других. Вместо знамен у них «копье» — древко, увенчанное посеребренным изображением государственного герба и небольшой перекладиной, короче, чем на вексиллумах, с коей свисают ленты определенного цвета.

На службе у каждого короля есть отряды Вольных Топоров, однако таковые используются главным образом на морских островах либо в мелких стычках на границе, когда война по всем правилам не объявляется, а бои тем не менее идут. Впрочем, порой им и в больших войнах доводится участвовать. В офицеры к ним армейские чины идут неохотно, ибо Вольные Топоры, иными спесивцами почитаемые даже ниже легионов, сами о себе весьма высокого мнения. Народ это своенравный, и не всякий офицер с ними уживется.

Есть еще королевская гвардия, почитаемая личной дружиной монарха, и подбору ее самим королем уделяется особое внимание, причем обычные пра-

вила в счет как бы и не идут, потому что полки эти — все равно что меч короля, охраняющий его персону и фамилию. По древней традиции (нам на Сильване прекрасно знакомой исстари) королевскую гвардию предпочитают набирать из иноземцев, гланцев в первую очередь, кои славятся высокой боевой выучкой и особенной верностью присяге. Земля в Глане скудна, многие ищут пропитания за его пределами, выбирая в первую очередь военную стезю, как наиболее приличествующую гланскому горцу. Случается еще, что в королевскую гвардию берут крестьян без различия их принадлежности, отдавая предпочтение как раз уроженцам самых глухих и отдаленных провинций — они по неразвитости своей чтят короля как сверхъестественное поистине существо, а в городах не имеют ни корней, ни знакомых, ни родни. Королевская гвардия превосходно обучена бою на улицах, защите зданий и штурму таких — всему, для чего она в первую очередь и предназначена. Помимо того, учат еще рукопашному бою, владению неуставным оружием, обращению с караульными собаками, стрельбе из арбалетов и мушкетов со зрительными трубками, именуемыми оптическими прицелами, а также, несомненно, и другим хитрым воинским искусствам, о которых широкой публике не разглашается. Служба офицером в королевской гвардии, пусть даже в таком полку, что составлен из темных провинциалов (коих долго учат различать правые и левые конечности, привязывая к оним при муштровке то сено и солому, то, ради пущего поощрения, колбасу и рыбу, кои солдат получает для съедения, как только перестанет путаться), — одна из почетнейших, и многие ее добиваются. Однако отбор туда строжайший — ведь немало в истории случаев, когда король становился жертвой гвардейцев, направляемых узурпаторами. Одним словом, друг мой Чедогон, все, что касается таларской королевской гвардии, мы исстари наблюдаем на Сильване, только что под другими названиями: есть области, где мышление венценосных особ движется совершенно схожими путями, какую державу или планету ни возьми...

Вернемся к армии. Что полком, что легионом командует офицер в чине полковника. И полк, и легион, как правило, состоят из пяти рот (только в кавалерии рота именуется «ала»), и в каждой из этих рот от двухсот до трехсот человек, разделенных на десять платунгов. Ротой командует капитан, и в подчинении у него находятся три-пять лейтенантов и десяток сержантов, командующих по необходимости кто одним платунгом, кто несколькими, в зависимости от обстановки и боевой задачи. При каждом полку имеются: артиллерийская батарея, ракетная батарея (в пехотных еще и особая рота, устанавливающая при нужде рогатки для защиты от неприятельской кавалерии), обоз, походные мастерские, штаб под командой офицера, лекарский отряд, один-два платунга (конные, независимо от рода войск), служащие исключительно для охраны штаба, ибо там много тайных бумаг, ценных для противника. А еще — полицейская команда и особое подразделение, именуемое «волчья сотня», — там собраны головорезы сметливые и дерзкие, способные и разведку провести, и заложить пороховую мину, и посеять панику в тылу противника, перехватывая его курьеров, громя обозы. Вопреки общепринятым правилам войны, «волчья сотня» частенько переодевается в мундиры противника, отчето ставит себя вне законов войны, и при поимке их вешают, как шпионов. Впрочем, в сии сотни набирается столь отчаянный народ, иногда прямо с каторги, что подобная бесчестная участь их не особенно и пугает.

Словом, все вышеупомянутые мною вспомогательные отряды каждого полка, пожалуй, не уступают в численности его пяти строевым ротам, также и «алам».

Артиллерийские полки и ракетные делятся на батареи и роты под командою лейтенантов и капитанов. Солдаты их грамотнее и развитее прочих, поскольку имеют дело со сложными устройствами, — то же и с саперами, обязанными уметь обращаться со сложными осадными машинами, закладывать мины и контрмины и выполнять иные нелегкие задания. В помянутых полках также есть и свои штабы, и лекарские группы, и «волчьи сотни», и мастерские, и отряды воинского прикрытия.

У лейтенантов, капитанов и полковников с генералами чин обозначает золотое шитье на мундирах, а также обилие оного. Так уж сложилось, что знаками различия для лейтенантов стали повсеместно шитые лавровые ветви, для капитанов — тисовые, для полковников — виноградные листья, а для генералов — дубовые (по сему поводу один лейтенант, подвыпив, загадал мне загадку: «Что такое — дуб, и листья на нем золотые?») Оказалось, недалекий умом генерал). К чему в разных державах добавляются свои эмблемы разнообразного типа.[52]

Есть еще полки воздушные, оснащенные воздушными шарами и планерами. Первые, поднятые на привязи, служат для наблюдения за неприятелем, а со вторых, бывает, метают и гранаты в осажденную крепость или на позиции, и, хоть урон от таких атак обычно ничтожен, ущерб для боевого духа подвергнутых такому нападению велик. По этой причине повсеместная ненависть сопровождала воздушные войска при их появлении, как это, рассказывают, было в старину с огнестрельным оружием при его начавшемся в войсках распространении. Ненависть эта достигала такого накала, что еще на памяти нынешнего поколения военных пленного летуна, будь он и дворянин, вешали совершенно как шпиона, если не подвергали худшей участи. Специально созванная по сему поводу ассамблея Виглафского Ковенанта после долгих прений постановила такую практику недопустимой, и каждый монарх клялся королевской честью соблюдать законы войны по отношению к летунам, а нарушителей сего карать смертью. А король Снольдера, единственный, кто располагает летательными машинами под названием «самолет», понуждаемыми к летанию особыми механизмами (но ничуть не похожими на наши воздушные колесницы), набирает летунов из одних дворян и присваивает каждому офицерский чин, дабы полностью его обезопасить, — ведь убийство пленного офицера считается поступком недопустимейшим, и дворянство всех держав строго следит за соблюдением сего правила.

Флот таларский состоит из парусных кораблей, пароходов, а также судов, способных ходить и под парусом, и посредством колес. Вооружены они пушками, ракетными станками, метательными устройствами и огнеметами.[53] Малыми кораблями командуют лейтенанты, большими — капитаны, имеющие в подчинении несколько лейтенантов (причем лейтенант, командующий отдельным кораблем, именуется «флаг-лейтенант» и по рангу считается выше обычного лейтенанта, что подчеркивается дополнением к знакам различия). Эскадры же управляются адмиралами. В отличие от суши, где генеральский чин не делится на разряды, адмиральский практически повсеместно на разряды делится, в какой стране на два разряда, в какой — на три. Знаками разли-

чия для лейтенантов служит шитье в виде якорной цепи, для капитанов — таковой же цепи с якорями, а в отношении адмиралов существует большое разнообразие. Так, в Снольдере есть адмиралы Трех, Двух и Одного Фонаря, в Ронеро — адмиралы Красной, Синей и Белой эскадр, а в Лоране — адмиралы Небесные и Звездные (чины эти, как говорят, произошли от наименования парусов — один их ряд, средний, в морской практике именуется Небесным, а верхний — Звездным).

Служат в войсках и девушки, главным образом из дворянских семей, иногда и в офицерских званиях, их не столь уж много, но и не настолько мало, чтобы они считались диковинкой. Снисхождения к ним по сравнению с мужчинами не делается никакого, а вот лишние опасности существуют: если попавшая в плен девушка не имеет офицерского звания, то при недосмотре начальников (а то и их попустительстве) может в неразберихе сражения подвергнуться самому разнузданному насилию. Причем порой надругательство оное имеет причиной вовсе даже не распутство, а выражает убеждение иных, что воевать женскому полу негоже. В военный же флот лица женского пола служить категорически не допускаются, чему причиной древняя традиция. Даже в качестве пассажира иные капитаны женщину, будь она в офицерском звании, берут неохотно. Ради курьеза упомяну, что лет десять назад один ронерский крейсер самым натуральным образом взбунтовался, когда его палубу вознамерилась посетить королева, и даже король, заслуженно прозванный Ужасным, вынужден был простить бунтовщиков, ибо очень уж древний и незыблемый обычай был затронут (но запрет таковой сохраняется лишь в регулярном военном флоте, ибо в торговом, сообщали мне, женщины плавают в небольшом количестве, а у пиратов — и в большом).

Есть на Таларе военные школы, где год, а то и два-три готовят морских офицеров, артиллерийских и саперных. Конница же и пехота обучения в особом заведении не требуют. Молодые люди из дворян, зачисленные в конный либо пеший полк кадетами, там непосредственно постигают военную науку. Когда (речь идет о мирном времени) вышестоящие командиры признают, что кадет достоин звания, ему присваивают чин «кадет-лейтенант», в коем он и пребывает до освобождения вакансии. Бывают и кадет-капитаны (а среди молодых офицеров кружит байка о некоем невезучем кадет-генерале, до кончины своей пробывшем в таком чине в ожидании вакансии, но это не более чем ходячий анекдот). На войне, понятное дело, производство в чин случается быстрее. Нужно заметить, что во многих полках, гвардейских особенно, в полковники простым продвижением на освободившиеся вакансии не выбьешься — я о полках, где полковников назначает сам король, а не военное министерство.

В солдатах и матросах служат не менее десяти лет, а верхнего предела не назначено — лишь бы был крепок и не увечен, а там служи хоть до седых волос. Отслужившие десять лет могут при соблюдении определенных условий выйти в отставку, однако еще семь лет находятся во «второй очереди», и в случае большой войны их могут вновь определить на службу, потому что так проще и выгоднее, чем брать необученного. Если вышедший в отставку после десяти лет беспорочной службы был до того крестьянином сеньора или короны, он получает статус фригольдера либо право приписаться к одной из трех низших гильдий, а если имеет не менее трех медалей — и к Серебряной. Если же отставник горожанин, может подняться гильдией выше, а при наличии

медалей — и шагнуть через разряд. Порядки такие побуждают многих и многих искать военной службы — благо, в полном соответствии с таларской поговоркой «У акиллы из-под крыла не выскочишь», достаточно беглому тюремному сидельцу или сбежавшему от хозяина крестьянину попасть в списки полка и принести присягу, как ни полиция, ни сеньор уже не вправе его из казарм извлечь.

В военном флоте есть свои особые полки морской пехоты, действующие в морском сражении абордажными командами, либо штурмующие прибрежные города, когда произойдет такая надобность. Иные из этих полков целиком набираются из каторжников, изловленных пиратов и тому подобного сброда, обязанного в обмен на свободу прослужить ровным счетом пятнадцать лет. Свободой такой удел можно назвать с превеликой натяжкой, ибо надзор за ними строгий и за попытку дезертирства вешают немедля, да и за многие другие проступки наказанием петля гораздо чаще служит, чем розга. И все же приток охотников в такие полки велик — лучше служить в морской пехоте, чем надрывать в каменоломнях или висеть на рее, к тому же бывает и военная добыча, а отслуживший пятнадцать лет получает полное прощение прошлых грехов. Вот только доживает до окончания срока не более одной десятой, поскольку их бросают в самые горячие места — да так уж человек устроен, что всегда надеется, будто убьют непременно другого...

Ганза тоже содержит на часть своих доходов и постоянную армию, и военный флот, и отряды Вольных Топоров. В Глане же постоянной армии почти что и нет — лишь два-три королевских полка, обычно размещенных на границах. Зато при угрозе извне тамошний воинственный народ, сызмальства обученный владеть оружием независимо от пола, быстро собирается под знамена своих кланов, и армия эта весьма грозна, ибо защищает свою родную землю.

Постоянную армию не заменишь быстро неопытными рекрутами, стоит она дорого, и часто рисковать ею в крупных сражениях неразумно. Потому, как и у нас на Сильване, особо крупные войны, истощающие государство и требующие предельного напряжения всех сил, на Таларе бывают, но весьма редки. Те же, что вспыхивают и ведутся часто, сводятся к двум-трем битвам, где обе стороны выставляют лишь по несколько полков. Так же обстоит и с морскими сражениями, где сходятся не более десятка-другого вымпелов с каждой стороны. Иные войны ограничиваются осадой крепостей, иные — рейдами одного-двух полков на вражескую территорию.

Мирное же население, считается, не должно участвовать в войне, как бы к ней ни относилось. Единственным исключением предстает лишь воинственный Глан, чьи рубежи сильнее мечей охраняет ясное осознание того, что любому вторгшемуся придется ждать удара от каждой руки, из-за каждого куста. С другой стороны, по законам современной войны и у армии противника нет привычки зверствовать против мирного населения, хотя оно несет неизбежный ущерб в виде увода скота, грабежей и насилий над женским полом, а порой и взятые города бывают отдаваемы войску на разграбление. Такова уж война, сама по себе являющаяся бедствием...

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О МОРСКИХ ОСТРОВАХ

Выдержки из четырнадцатого письма реверена Гонзака.

О всевозможных чудесах, диковинах, встречах и впечатлениях, с коими я столкнулся во время трех своих морских путешествий, напишу еще отдель-

ную книгу, каковая, похвастаюсь, на две трети уже готова.[54] А пока что, друг мой Чедогон, ограничусь тем, что перечислю самые заметные морские острова и опишу их кратко.

Надобно прежде всего заметить с превеликой завистью, что мореплаванию на Таларе благоприятствует одно существеннейшее обстоятельство — моря там, в отличие от наших, пресноводные, и корабельщикам не грозит смерть от жажды. (Ходят даже разговоры среди ученых, что великая река Ител — есть поток, вытекающий из моря, подземным течением проделывающий часть пути и выходящий в Хелльстаде на поверхность. К этому предположению стоит прислушаться, учитывая странное строение реки Ител, словно бы из ниоткуда берущей немалое количество полноводных рукавов, на каковые она разделяется, — а ведь со всеми прочими реками обстоит как раз наоборот: притоки питают реки, а не реки в обилии порождают рукава. Однако проверить это предположение трудно: экспедиции к устью Итела опасны. Пробовали иные сбрасывать с кораблей в Фалейском заливе изрядное количество плотно закупоренных пустых бутылок, надеясь, что некоторые из них, пройдя гипотетическим подводным течением, всплывут в низовьях реки, но не слышно, чтобы принесло это успех, что, впрочем, как не доказывает существование подземного потока, так и не отвергает.)

Так вот, планета Талар делится на Полушарие Восхода и Полушарие Заката. В первом и лежит Харум. К полудню от него расположены острова Бару, числом одиннадцать. Четыре из них, более обширные, принадлежат Снольдеру, а прочие семь — Горроту. Острова эти никакой пользы почти не приносят, не разведано там ни ценных руд, ни благородных металлов, а земля большей частью скудна для земледелия или скотоводства, так что владеющий ими извлекает выгоду главным образом моральную. Ибо государства подобны малым детям, каждый клочок земли для них — что любимая безделушка, какую не отдадут другому, даже если надоела...

К закату от Харума лежит Катайр Крофинд, остров большой, размерами не уступающий Харлану. Там текут две реки, есть обширные пастбища, оловянные и медные рудники, месторождения мрамора и каменоломни, на коих трудятся каторжники. Есть там города и деревни. Катайр Крофинд принадлежит Снольдеру.

К полуночному закату от Катайр Крофинда находится Инбер Колбта. Островов в данном архипелаге около девятисот, но редкий из них превышает размерами двух-трех югеров,[55] и расположены они крайне густо, очень близко друг к другу собраны, так что разделяющие их воды весьма узки, где шириною в полет стрелы, а где можно без труда перебросить камень с островка на островок. Протоки Инбер Колбта являют собой сущий лабиринт, где незнакомый с архипелагом кормщик может блуждать неделями, не находя выхода в океан, да и опытные лоцманы не рискуют углубляться в самое сердце Инбер Колбта, благо что и делать там занятому человеку нечего. Только на внешних островах останавливаются проплывающие корабли, ибо у Инбер Колбта проходит один из оживленных морских путей, и вездесущие ганзейцы еще в древние времена устроили там три порта, а в позднейшие годы разные государства заложили угольные склады для своих пароходов. В глубине же Инбер Колбта любят укрываться превосходно знающие те места пираты, и погоня за ними затруднительна, хотя случается. Всякое болтают о центральных областях Ин-

бер Колбта, но я к этому еще вернусь в своей книге о тайнах океана. Инбер Колбта никому не принадлежит, и большинство его островов необитаемы. На таларском древнем языке, ныне вышедшем из употребления, «инбер колбта» означает «устье реки», и ученые люди уверяют, будто с птичьего полета архипелаг и впрямь напоминает, если мысленно дорисовать недостающее, устье гигантской реки, дельту с многочисленными островками. Возможно, есть правда в легендах, утверждающих, будто до Шторма места те были сушей с протекающей по ней рекой — от чего только и осталось, что Инбер Колбта.

Примерно на равном расстоянии меж Инбер Колбта и Лораном, только лигах в ста к полуночи, лежит остров Стагар, и он невелик. Жители его пользуются мрачной славой первых на Таларе морских колдунов, весьма сведущих во всем, что касается погоды, течений, бурь, дождей и ветров, а также морской нечисти. И слава эта вполне заслуженна — оттого-то, по некоему молчаливому уговору, харумские державы претензий на Стагар не предъявляют, стараясь с ним не связываться, благо и взять с него нечего. Формально остров принадлежит лоранской короне, от каковой на Стагаре присутствует губернатор с небольшим количеством чиновников и солдат, но вмешательства в местную жизнь он не оказывает, и последняя идет своим чередом. Коренных обитателей там насчитывается около трех тысяч, малая часть живет плугом, а большая — рыбной ловлей. Лоранцы туда не переселяются, ибо Стагар скуден и каменист. Есть там при городке, также именуемом Стагаром, большой порт. В городке и пребывают губернатор с гарнизоном, а также некоторое число ссыльных, среди коих есть и знатные.

Примерно в полутора тысячах лиг к полуночному закату от Стагара лежит Темайр. Остров сей служит ларам портом, откуда летают на Сильвану и обратно те межпланетные исполинские ладьи, на одной из которых я сюда и прибыл. На Темайре есть большой порт, куда приплывают корабли, перевозя убывающих на Сильвану и прибывающих оттуда, вкуче с их товарами. Всем на Темайре распоряжаются лары.

Вот и все о Полушарии Восхода. Перейдем теперь к Полушарию Заката, изучая его сверху вниз.

На полуночи лежит Диори, огромный и загадочный остров, весь закованный льдами, что необъяснимо при таларском климате, везде одинаково ровном, не знающем зимы, снега и льда. А посему все сходятся, что льды Диори имеют объяснение неестественное. В глубь сей жуткой земли никто не рискует углубляться, да и на берегах Диори появляется еще меньше дерзких смельчаков, чем на рубежах Хелльстада. Если хоть десятая часть страшных рассказов о поджидающих на Диори опасностях верна (а так оно, безусловно, и обстоит), то рекомо сокрытые там клады имеют надежнейших сторожей...

Ниже, на одной примерно широте, расположены Ферейские острова, Хай Грон и Бран Луг.

Ферейские острова, числом пять, принадлежали когда-то королевству Демур, ныне стертому с лица земли Глазами Сатаны. После гибели метрополии жители острова, оказавшись без подданства и защиты, переселились на Бран Луг. Так же поступил и гарнизон имевшегося на одном из островов военного порта, перейдя на ронерскую службу. Ныне на одном из них ронерцы заняли опустевший порт, приспособив его для своих нужд, ибо мимо того острова проходит морское течение, облегчающее путь их кораблям к Бран Лугу. А

остальные четыре необитаемы, там пасутся стада одичавших коров, на которых охотится и гарнизон, и пираты, и проплывающие честные мореходы, имеющие потребность в свежем мясе.

Далее лежит Хай Грон. Остров этот мал, площадью около двадцати югеров, и почти весь представляет собой бесплодные скалы, если не считать узкой прибрежной полоски на закатной окраине, где расположился город с портом, наполовину принадлежащим Ганзе. Однако знаменит этот остров на весь Талар. В самой высокой точке Хай Грона стоит храм морского бога Руагату, и легенда гласит, что под этим именно храмом зарыто знаменитое копьё Морских Королей, коим только и можно убить Великого Кракена. Поверье это идет из седой древности и чересчур устойчиво для простой сказки. Но поскольку его сопровождает столь же древнее поверье, гласящее, что разрушение храма Руагату или любой значительный ему ущерб вызовет страшное наводнение, всемирный потоп, не уступающий Шторму, державы Виглафского Ковенанта, все без исключения, держат на острове свои воинские команды, бдительно охраняющие храм днем и ночью. Признаюсь, впервые я столкнулся со случаем, когда все государства столь единодушны в серьезнейшем своем отношении к старинной легенде. Так что поневоле начинаю думать, что для такого поведения у них есть свои причины, и пророчество оное в старые времена действительно прозвучало из уст кого-то, чьи слова сбывались... Но не возьму в толк, где можно было зарыть копьё. Храм я посетил немедля, туда пускают в сопровождении чиновников в дневное время, за умеренную плату. И уверяю тебя со всей ответственностью: храм сей стоит на сплошной скале, где невозможно зарыть что бы то ни было. Позже, уже на Харуме, в кругу ученых, я со всем пылом новичка предположил, что речь идет об устроенном в подземелье храма тайнике, но мои догадки тут же опровергли, рассказав, что за минувшие тысячи лет там, не выдавая своего подлинного лица, побывали многие колдуны и маги, а также горные инженеры и лозоходцы, поднаторевшие в поиске тайников и подземных полостей; и все они пришли к заключению, что подземелье храма (невеликое, кстати) тайников не содержит. Остается разве что предположить, что легендарное копьё это, если и впрямь существует, магическим образом заключено в толще камня, откуда извлечь его может лишь посвященный. Случаи таковые нам известны на обеих планетах. И таларские ученые со мной всецело согласились, ибо сами так думали: если копьё существует, то разве что заключенным во внутренность камня, подобно мечу фоморов или копьёю Гримтаса.

Далее расположен Бран Луг, размерами не уступающий Катайр Крофинду, а то и превосходящий. Владение это ронерское. Только там, в силу неких природных особенностей, и растет на Таларе хлопок (коим занято две трети острова). Также и сахарный тростник, хоть и растущий в иных уголках планеты, на Бран Луге наиболее хорош и обилен. Им засажена оставшаяся треть острова, из него добывают как сахар, так и излюбленный моряками ром — каковой, очищенный должным образом, весьма хорош. Труд по возделыванию обеих этих культур крайне тяжел, и своей волей туда редко кого заманишь, разве что от крайней нужды. И потому ронерцы посылают туда каторжников, а также нанятых у нас на Сильване рабочих.

К восходу от Бран Луга лежит Сегур. Остров этот невелик, размеров в пятьсот югеров, но история его удивительна. Сегур — последний сохранившийся

над уровнем моря клочок некогда обширного и богатого королевства, размерами не уступавшего некогда доброй четверти Харума и включавшего в себя также Бран Луг (но Бран Луг был глухой окраиной, а Сегур — землями, расположенными вокруг столицы). Девятьсот с лишним лет назад земля эта стала вдруг погружаться в океан и на протяжении примерно семидесяти лет погрузилась почти вся, после чего море уже ни Сегур, ни Бран Луг не тревожило. Людей за те семьдесят лет погибло немало, но, поскольку погружение сие было не единовременной катастрофой, а постепенным опусканием суши, жертв все же насчитывается неизмеримо меньше, чем было бы при внезапном могучем катаклизме, и очень многие, прихватив то, что смогли погрузить на корабли, рассеялись по иным землям. А поскольку столица бывшего королевства, современный город Сегур, пребывает и ныне на суше, то за уцелевшей королевской фамилией сохранены все права, а за островом Сегур — права королевства, в качестве какового Сегур и состоит в Виглафском Ковенанте. Сам я, обремененный житейским опытом и толикой проистекающего отсюда цинизма, полагал, что причиной такого великодушия послужил отказ сегурского короля от образовавшегося острова Бран Луг в пользу великих держав (добавлю, что державы долго вели войны за единоличное обладание сим островом, пока там окончательно и безраздельно не утвердился Ронеро). Есть историки на Таларе, втихомолку со мной согласные, но в архивах письменных следов такой сделки нет, разве что в королевских, нам недоступных. Ныне на Сегуре, кроме одноименной столицы (понятно, весьма обезлюдившей), сохранился еще невыразимо прекрасный город Сегула, о котором толкуют, что за красоту его пощадили даже морские демоны — или сам Руагату, коего суеверная молва почитает виновником гибели королевства. Население Сегура сейчас не превышает десяти тысяч. Там обитает королевская фамилия с изрядным количеством дворян, и жизненный уклад разительно отличается от бытующего в иных странах. Из-за того, что крестьян и ремесленников осталось крайне мало, ибо именно они в первую очередь бежали из гибнущей страны, а дворян, так и не покинувших в свое время Сегур, насчитывается преогромное количество, то большинству из них ради пропитания пришлось освоить занятия, почитавшиеся до того презренными. И нынешний Сегур являет собой зрелище редкостное. На каждом шагу там можно встретить бакалейщика или гончара, а то и пахаря, щеголяющего при прадедовских золотых шпорах и золотой цепи, дабы подчеркнуть свое происхождение. Дворяне составляют девять десятых всего населения, но подлинно дворянский образ жизни ведут не более двух сотен из них, а прочие заняты делами, относящимися в других краях к обязанностям Золотых, Серебряных, Бронзовых и частью Медных гильдий. Жизнь на Сегуре была бы и вовсе скудна, не сдавай короли три порта в аренду ганзейцам.

Почти в центре Полушария Заката расположены острова Девайкир, числом девять. Иные из них богаты золотом и серебром. По одному острову принадлежит Снольдери, Ронеро и Горроту, устроившим в своих владениях рудники. Два заняты Ганзой, но не слышно, чтобы там добывали драгоценные металлы (разве что, по купеческой привычке, это держится в тайне). По одному острову досталось Лорану и Харлану, безрезультатно пока что ведущим поиски. Два острова бесхозны, и все, кому вздумается, и государственные рудознатцы, и одинокие ловцы удачи, ищут там следы ценных руд. Если найдут, следует

ждать войны за обладание данными островами. Поскольку оттуда на континент часто отплывают корабли, груженные золотом и серебром, вокруг островов Девайкир прямо-таки роятся пираты (правда, остается неподсчитанным, сколько из них старается ради собственной выгоды, а сколько — замаскированные морские офицеры соперничающих держав или попросту нанятые означенными державами каперы).

На полуночном восходе лежит Море Мрака — таинственная обширная область, укутанная нетающим густым туманом, куда даже пароходы с запасом угля заходить не рискуют. С превеликим трудом, выложив столько золота, что хватило бы на покупку неплохого трехмачтового корабля, мне удалось уговорить капитана (далеко не самого трусливого из известных мне таларских мореходов) углубиться в Море Мрака на лигу — и многое я понял, так что отныне не стану упрекать в трусости тех, кто опасается входить в Море Мрака.

Но сам туда непременно вернусь для обстоятельной экспедиции, как только подыщу надежную команду и добрый корабль.[56]

На полудне лежит остров Дике, немногим менее Бран Луга, принадлежит он Горроту, обитаем и многолюден, но не пашни и пастбища составляют главную его ценность. В горах, в срединной его части, добывают знаменитый пещерный жемчуг, синее чудо, приносящее королям Горрота немалый доход. Растет там еще красное дерево, а в горных копиях добывают красную яшму и полосатую,[57] а также особый род аметиста, именуемого «бархатным», — фиолетовый цвет его при вечернем освещении изменяется в густо-красный. Есть там и рубиновые копи, и месторождения полудрагоценных минералов — из них более всего известны венис[58] ибакан.[59] Словом, недра острова Дике столь богаты, что горротских королей подозревают в сговоре с гномами, но слухи эти, верней всего, рождены одной лишь завистью, ибо кто слышал, чтобы гномы обитали на острове, пусть и большом? Даже если Дике, как слышно, есть осколок затонувшей в незапамятные времена земли, гномы давно покинули бы его, ибо островов не любят.

В океане насчитывается несколько десятков прихотливо разбросанных одиноких островов, но они малы, большей частью необитаемы, и для нашего повествования интереса не представляют ни малейшего — разве что из-за связанных с иными легенд и примечательных случаев, поверий и курьезов, которые я постараюсь изложить в своей книге о море.

О ГОРОДАХ

Выдержки из пятнадцатого письма реверена Гонзака.

Города таларские делятся на дворянские, коронные и гербовые. Первые целиком принадлежат дворянам, на землях коих расположены, вторые — королю, а третьи — вольные, в ознаменование чего и наделены гербом, коим жители такого города крайне горды. Случается, конечно, что гербовый город лежит в границах дворянских владений, бывает, город окружен коронными землями, а случается, что столица, например, ронерская Равена, не королевский город, а гербовый. Происходит это оттого, что владения не раз меняли принадлежность, иным городам герб жаловался за заслуги, а у других отбирался за вину мнимую или подлинную. В городах всех трех разновидностей существуют одни и те же гильдии и сословия. Разница лишь в том, что в дворянском городе, будь он наполовину населен людьми вольными, власть дворянина весьма ощутима, как в коронном — власть короля. Зато гербовые города

управляются исключительно своими магистратами, ревностно хранящими старинные привилегии. Для каждой разновидности городов существует известная разница в судопроизводстве и отправлении правосудия, а также в персоналиях, оное отправляющих. Однако система эта чересчур сложна для короткого пересказа, как показали бы сложны чужеземцу наши правила на сей счет.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ГОЛОВНЫХ УБОРАХ

Головной убор играет на Таларе очень большую роль. По нему безошибочно узнают род занятий и социальное положение владельца. Появиться на людях с непокрытой головой — поступок крайне предосудительный, достойный последнего бродяги.

Бадагар — фетровая широкополая шляпа, обычный головной убор военных и дворян (у дворян украшена перьями, лентами, пряжками из драгоценных металлов с самоцветами).

Бонилон — твердая шляпа с высокой тульей в виде усеченного конуса и неширокими полями. Головной убор членов Золотой, Серебряной и Бронзовой гильдий. В зависимости от гильдии бывает украшена золотым, серебряным или бронзовым медальоном, вместо ленты — крученный шнурок.

Капарат — круглая твердая шапка, как правило, темных тонов. Ее носят члены сословия Мер и Весов. Бывает украшена ярким матерчатым верхом, золотом и серебряным шитьем, отшлифованными полудрагоценными камнями.

Каталана — фетровая или кожаная шляпа с высокой тульей и узкими полями, заломленными сзади. Наиболее распространена по обе стороны Каталунского хребта, где ее носят дворяне, пограничные егеря, вообще все Сословия, кроме крестьян. В других местах — излюбленный головной убор охотников (поскольку шляпа этого фасона наиболее удобна для ходьбы по чащобе).

Лангила — матерчатая шляпа с очень широкими полями и круглым верхом, плотно сидящая на голове. Пропитывается водоотталкивающими составами и представляет обычный головной убор моряков и рыбаков. По-другому она именуется «штормовая лангила», или попросту «штормовка». Для ясной хорошей погоды существует разновидность, называемая «лангилатан» — твердая, поля не столь широкие. Лангилатан с металлическими головками и кокардами — форменный головной убор военных моряков.

Буниль — остроконечный колпак, войлочный или из плотной материи, с круглыми наушниками и квадратным наатыльником. Будничный головной убор крестьян. Праздничным служит габуниль — вязаный колпак, украшенный лентами.

Виклер — форменный головной убор чиновников, шляпа из твердой лакированной кожи, цилиндрическая, с узкими полями. Высота шляпы, наличие украшений, равно как и их количество, зависят от чина.

Крапон — твердая шляпа с тульей в виде конуса и узкими полями. Головной убор членов Медной и Железной гильдий.

Мурмалка — остроконечный матерчатый колпак с меховой оторочкой, старинный головной убор жителей Ратагайской степи, который носят все без исключения мужчины (сорт материала, разновидность меха, наличие перьев и украшений зависит от положения в обществе).

В Глане мужчины носят разнообразные береты. Все прочие головные убо-

ры совершенно не в обиходе и именуются насмешливыми прозвищами.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОДЕЖДЕ

Камзол — короткая мужская одежда, едва прикрывающая бедра. *Кафтан* — более длинный, почти до колен. *Колет* — камзол без рукавов. Если упоминается, что на военном был мундир, это означает, что его штаны и камзол (или кафтан) — одного цвета. Дворяне, военные и члены некоторых сословий никогда не появляются на людях без плаща. Чиновники носят мундир или сюртук до колен длиной, с пуговицами сверху донизу. Сюртук всегда должен быть застегнут на все пуговицы — как и одежда купцов, длиннополый хомерик. Военные и дворяне, наоборот, держат верхнюю одежду полурасстегнутой или расстегнутой вовсе, открывая кружевное жабо или форменный шейный платок.

Дворянки могут появляться в мужской одежде, но исключительно незамужние (замужним приличия такое позволяют лишь в долгой поездке).

ЗАМЕЧАНИЯ О БОГАХ И ХРАМАХ

Храмы ЕДИНОГО ТВОРЦА существуют во всех государствах и обитаемых землях (хотя и не везде окружены доброжелательством). Возведенные в старые времена легко отличить по трем-пяти золоченым куполам, каждый из которых увенчан крестом Единого. Храмы более современной постройки несколько выше и уже, с остроконечными четырехгранными крышами, и крест лишь один, в самой высокой точке храма. При всяком есть колокольня. Внутри нет ни изображений, ни статуй Единого — Творец никогда не показывался людям, и воплощать его в изображении не принято. Зато, как правило, по сторонам алтаря стоят статуи наиболее почитаемых в данной местности святых, окна украшены витражами, а у порога на полу сделано мозаичное или вырезанное в камне изображение дьявола, которого входящие попирают ногами.

Кроме Сословия храмовых священников существует еще четыре монашеских ордена: святого Роха, святого Круахана, святого Катберта-Молота и святого Сколота, занятые самой разнообразной деятельностью — от благотворительности и устройства школ до борьбы с приверженцами Черной Троицы.

АШОРЕМИ — в древности богиня охоты и лесов. Впоследствии стала и повелительницей ночи, каковое обстоятельство по прошествии лет привело к несколько комической ситуации, о какой будет сказано ниже. Первая ипостась богини, то есть патронаж над лесами, всем обитающим в них зверьем, а также теми, чьи труды связаны с лесом (охотники, птицеловы, бортники, смолокуры, дровосеки и т. д.), со временем окончательно перешла к Кернунносу. Ашоремии осталась исключительно Царицей Ночи, а потому ее считают своей покровительницей и влюбленные, и разбойники с ворами (иронически прозванные «ночными служителями Ашоремии»), и странствующие купцы, для которых ночь, заставшая их в дороге, — самое опасное время. Эти категории в основном и составляют паству храмов Ашоремии. По старинке богине поклоняются и представители вышеприведенных «лесных» ремесел — те, кто живет вдали от Каталауна и других горных районов. Горожанки всех сословий и слоев общества верят, что молитва Ашоремии облегчает роды и помогает вернуть любовь мужа.

Кое-где, в самых древних храмах, еще можно увидеть изображения Ашоремии в облике мифологической ночной птицы Валари с восьмиконечной Полярной Звездой на груди. Но в основном богиня предстает прекрасной девушкой

с луком и колчаном за плечами (это оружие уже считается не символом охоты, а стрелами любви, поражающими сердца).

Самый большой и старинный Храм Ашореми находится в Пограничье и пришел в изрядное запустение, хотя туда до сих пор приходят паломники и там совершаются богослужения. Храмы Ашореми отличаются обилием колонн, полным отсутствием окон и плоской крышей, увенчанной статуей богини над входом и Полярной Звездой по всем четырем углам. Служителями Ашореми могут быть и мужчины, и женщины. К алтарю богини приносят цветы, перед ним жгут благовонную смолу. Есть ежегодные праздники с торжественными шествиями. Животное Ашореми — кошка.

БРИГИТА — богиня знаний, мудрости и изящных искусств. Изображается в виде птицы с женской головой или, что реже, совы. Ее приверженцы происходят главным образом из Сословий Свободных Искусств, Совы и Циркуля. Храмов Бригиты, собственно говоря, не существует — лишь часовни, выполненные в виде каменных, закрытых с трех сторон навесов с изображением богини внутри. Служителей богини, как профессиональной касты, нет, эту роль выполняют особо уважаемые члены городских Общин Бригиты, носящие звание «смотрителей часовен». Есть ежегодные праздники с торжественными шествиями.

ВЕЛИКАЯ МАТЕРЬ — самое загадочное божество Талара, в чьи секреты так и не смогли проникнуть полностью ни книжники, ни тайная полиция. Главные приверженцы этой богини — крестьяне обою пола (исключая побережье, где силен Руагату, Каталаун и горные районы). Святилища Великой Матери, изображаемой в виде примитивно вытесанной из камня или дерева тучной женщины, можно увидеть в каждой деревне. Есть еще священные роци и заветные места, посвященные Матери. И те и другие, по неписаному обычаю, идущему из глубины веков, настрого запрещено посещать мужчинам (слухи о том, что иные убийства были мезтью за нарушение запрета, так до сих пор не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть, несмотря на все усилия властей).

Жрицами Великой Матери могут стать исключительно женщины, причем их возраст сплошь и рядом не имеет значения (считается, что будущая жрица с колыбели отмечена богиней, и посвященные это легко определяют). Праздники в честь Великой Матери приурочены к севу, жатве, обмолоту и другим видам полевых работ. В жертву богине приносят злаки, плоды и перворожденных ягнят (слухи о человеческих жертвах были тщательнейшим образом проверены имперской разведкой, но не подтвердились).

Помимо внешней, обрядовой стороны ритуалов, лицезреть которые допускается любой посторонний, существует, вне всякого сомнения, и некое тайное знание, но до нынешних пор не удалось вызнать о нем ничего конкретного. Известно, что Великая Мать олицетворяет Природу, животворящую силу (а по некоторым источникам, и всю планету, полагаемую жрицами Великой Матери живым и чуть ли не разумным существом). Одно время бродили упорные слухи (в городах, естественно), что реверен Гонзак пытался проникнуть в тайны Домов Великой Матери (некто вроде монастырей, где живут женщины, посвятившие всю свою жизнь служению богине), за что и был убит при самых удивительных обстоятельствах. Насколько известно, проверкой этих слухов никто всерьез не занимался — ибо подобные сплетни во множестве появлялись и раньше в связи со смертью других известных особ, но подтверждения

никогда не находили, и к ним перестали относиться серьезно.[60]

Следует отметить, что в военное время даже наиболее буйная и недисциплинированная солдатня обходит стороной Дома Великой Матери и избегает оскорблять жриц. Эта укоренившаяся в древние времена традиция чересчур устойчива для простого суеверия, что неоднократно отмечалось исследователями (так и не докопавшимися, правда, до причин).

КЕРНУННОС — бог лесов, охоты, диких животных и грома. Изображается в виде оленя с лошадиным хвостом или человека с оленьей головой. Главным образом ему поклоняются в области Каталаунского хребта, гор Адантел и Оттершо. Служители Кернунноса — исключительно мужчины. Храмы, как правило, располагаются в лесу (или окружены самое малое семью деревьями), они небольшие, кубической формы, с узкими высокими окнами, крыша крыта оленьими рогами. При храме обязательно имеется башенка, где по особым праздникам (так называемые «дни грома») зажигают священный огонь. Есть заповедные Леса Кернунноса. В общем, Кернунноса нельзя назвать «злым богом», но порой по отношению к людям (особенно тем, кто неподобающим поведением в лесу навлек его гнев) он бывает жесток и мстителен. Особых жертв ему не приносят, но принято оставлять в лесу часть охотничьей добычи или, проезжая мимо заповедного леса, украсить одно из крайних деревьев каким-нибудь подношением. Зверем Кернунноса исстари считается каталаунский тигр, и под особым покровительством бога находятся белые олени.

РУАГАТУ — бог моря, имеющий огромное число приверженцев на побережье и на Островах, особенно среди моряков и рыбаков (а также купцов, плавающих по морю). Изображается в виде могучего бородача с трезубцем, восседающего на касатке. Храмы Руагату (которые полагается возводить не далее чем в лиге от берега), пожалуй, самые пышные и красивые среди всех. Стены в них заменяют ряды колонн, крыши из нескольких куполов ярко раскрашены разноцветными красками в виде чешуи, снаружи и внутри храмы украшены мозаикой, статуями и изображениями как мифологических обитателей моря, так и реальных. Во время богослужения жгут благовония трех видов. У мореходов принято во исполнение обетов дарить храмам модели своих кораблей, зачастую из драгоценных металлов. Среди служителей — и мужчины, и женщины. При некоторых храмах есть приюты для старых и увечных мореходов. Любимицами Руагату считаются касатки, поэтому охотиться на них рискнет лишь самый отпетый, не верящий ни в бога, ни в черта. И наоборот, убить гривастого крокодила или кракена считается угодным Руагату делом.

СИМАРГЛ (КРЫЛАТЫЙ ПЕС) — бог войны. Около двух тысяч лет назад его культ был занесен с Сильваны, и, в отличие от схожих случаев с другими сильванскими богами, не только прижился, но и широко распространился — главным образом среди военных, части обитателей Полуденного Каталауна и в Ратагайской Пуште. Изображается в виде пса с орлиными крыльями. Храмы сложены из красного кирпича разных оттенков, по виду напоминают старинные замки — с высокими крутыми крышами, зубцами по их кромке, машикулями, толстыми стенами, узкими стрельчатыми окнами (с витражами, изображающими сражения). Внутри — статуя Крылатого Пса, стены обычно увешаны пожертвованным по обету или дареным оружием (все древние храмы славятся прекрасными коллекциями старинного оружия). Принято освящать в храме купленное у мастера оружие. В старые времена полагалось оставлять

перед статуей капельку своей крови, уколов палец, но вот уже несколько столетий, как этот обычай исчез.

При иных храмах есть приюты для старых и увечных солдат (каковых немало и среди служителей Симаргла). В противоположность сивльванским обычаям, служители Симаргла — исключительно мужчины. Возле храмов Симаргла всегда можно увидеть собак — их подкармливают, так как собакам Крылатый Пес особо благоволит, выделяя среди прочих животных. Для приверженцев Симаргла убить или обидеть собаку — грех (зато отношение к кошкам насквозь противоположное).

Существуют Братства Симаргла — военные ордена. Их членов обязывает равенство независимо от происхождения, обет супружеской верности, клятва участвовать в любой войне, какую ведет государство. Ныне таких Братств семь — три в Снольдере, два в Ронеро, по одному в Глане и Лоране. Они могут выставить отряды, не уступающие по численности полку. На звоннице каждого храма установлен птелос. Симаргл — покровитель гильдии Оружейников.

ХОРС — бог солнца. Изображается в виде всадника на рыжем коне или золотого солнечного диска. Почитается главным образом в городах. Храмы возводятся в виде пирамиды из семи уступов, увенчанной солнечным диском. Внутри стоит статуя Солнечного Всадника и поддерживается неугасимый огонь (возжигаемый от солнца с помощью особых стекол). При храмах (или при главном храме, если в городе их несколько) содержится отобранный в соответствии со сложными каноническими правилами рыжий, «солнечный» конь, символизирующий Хорса в торжественных процессиях по праздничным дням (считается, что на нем невидимо восседает тогда сам Хорс). Служители бога — исключительно мужчины. Хоре покровительствует в животном мире лошадям и петухам («птице Хорса»), а из мастеров его особенным покровительством пользуются кузнецы. На вершинах храмов установлены гонги.

Времена Храмовых Войн давно минули, но определенные трения сохранились до нашего времени — взаимная неприязнь и отчуждение меж приверженцами Ашореми и Симаргла, Симаргла и Кернунноса, Кернунноса и Хорса, Хорса и Ашореми.

По недостатку места нет возможности рассказать о «потаенном народце» — лесных феях, духах источников, «болотных сидельцах» и пр., и пр. Лучше всего отослать читателя к классическому труду Уро Монкагера «Рассказ и размышления о Потаенном Народце» (лучшее иллюстрированное издание вышло в 3710 г. Х. Э. в Ремиденуме). Неплоха также книга «Каталог Иномирья» — старинный труд анонимного автора, часто переиздающийся.

ЧЕРНАЯ ТРОИЦА — так именуется три черных бога, чьи храмы были в конце концов разрушены, а оставшиеся приверженцы загнаны в подполье — Сет-Змееног, Кром Круах (Кром Кровавый) и Рогатый (Клыкастый Козел). До сих пор в глухих уголках, несмотря на все преследования, время от времени еще совершаются «черные ритуалы» с человеческими жертвоприношениями. Адепты «черной троицы» в свое время и создали тайные общества, известные под собирательным названием «Черной благодати» или «Черной радуги».

О СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Господствующей религией там объявлено так называемое «учение Совершенства», или «учение святого Патарана, единственного боговдохновенного толкователя воли Единого Творца, очистившего служение Творцу от искаже-

ний и излишних сложностей». Но все остальные понтификаты Единого Творца за пределами Святой Земли относятся к этому учению отрицательно, отношений со Святой Землей не поддерживают не признавая самого этого названия, а также не считают Патарана святым.

РОСПИСЬ КЛАССНЫХ ЧИНОВ, ИЛИ ЧИНОВНИЧЬИХ КЛАССОВ

1. Коронный министр.
2. Коронный советник.
3. Тайный советник.
4. Королевский советник.
5. Королевский секретарь.
6. Министерский советник.
7. Министерский секретарь.
8. Советник.
9. Департаментский советник.
10. Департаментский секретарь.
11. Канцелярии советник.
12. Секретарь канцелярии.
13. Секретарь.
14. Канцелярист.
15. Письмоводитель.
16. Писец.

Система эта применяется во всех государствах Харума, за исключением Вольных Маноров, Плана (где существует своя, более простая и патриархальная) и Балонга (где также принята своя).

1–5 классы приравнены к генеральским чинам, и получить их могут лишь дворяне (есть, впрочем, редкие исключения), 6–8 классы приравнены к полковникам, 9–10 — к капитанам, 11–12 — к лейтенантам, 13–14 — к сержантам.

МОНЕТНАЯ СИСТЕМА

Ронеро

Золотой аурей = серебряному аурею = 25 серебряным сестерциям. Есть еще золотые монеты «токен» (5 ауреев) и «солид» — 10 ауреев.

Серебряный сестерций = 10 медным сестерциям = 200 медным грошам.

Медные монеты: полугрош, грош, тройной грош, семигрошевик, десятигрошевик, сестерций, ливра (монета в 5 медных сестерциев).

Все монеты — круглые. Для Брян Луга чеканятся все их виды, но именуются они «островными», и вместо королевской короны на них изображен государственный герб.

Снольдер

Золотой денарий = 50 серебряным артигам. Есть золотые монеты «латеранский золотой артиг» (денария), «двуденарий» (2 денария), «сфинкс» (3 денария), «Цехин» (7 денариев, хождение имеет главным образом в Ратагайской Пуште).

Серебряный артиг = 14 серебряным патагонам = 280 медным гротирам.

Медный гротир = 5 пулам. Есть монеты в 1, 2, 3, 4 пула.

Все монеты — круглые. (Сфинкс еще с отверстием посередине.) Для Катайр Крофинда чеканятся «морские» деньги.

Горрот

Золотой статер = 40 серебряный ассам, либо 10 серебряным венталам = 600 медным ассам. Есть двойной статер, тройной статер и «галиа» — монета в 7 статеров.

Медный асс = 3 медным патарам. Есть монеты в поласса, полпатара, двойной патар.

Глан

Златник = 20 серебряникам = 280 медным шелегам. Есть двойной златник, тройной и «медведь» — монета в 5 златников.

Медный шелег = 7 круцежам. Есть полукруцеж.

Шаган

Золотой орт = 14 серебряным фартингам и 140 медным фартингам. Есть двойной орт, «колокол» (монета в три орта).

Серебряный фартинг, двойной серебряный. Медный полуфартинг, фартинг, тройной фартинг. (Монеты всех трех держав — круглые, кроме восьмиугольной в один гланский круцеж.)

Для острова Дике в Горроте особых денег не выпускается, хотя в последнее время это, кажется, намерены сделать.

Харлан

Золотой скеллер = 25 серебряным скетам = 500 медным билонам. Есть монеты в 3, 6 и 10 скеллеров.

Серебряный балиган = 5 скетам.

Медные: четверть билона, полубилон, билон, двойной билон, пятерик и семерик.

Все золотые монеты — круглые, балиган — семиугольный, пятерик и семерик — семиугольные с отверстием в середине.

Лоран

Золотой денарий = 28 серебряным фоллисам = 280 медным фоллисам. Есть двойной денарий, «роза» (5 денариев) и «суверен» (15 денариев).

Серебряный фоллис = 7 медным караунам = 10 медным фоллисам.

Медные: полуфоллис, фоллис, караун, «фоллис с барашком» (3 фоллиса), пять фоллисов.

Все золотые и серебряные монеты — прямоугольные (один из лоранских королей, полторы тысячи лет назад заменивший такими монетами круглые, спесиво заявил:

«Пусть они и неудобнее круглых, зато свидетельствуют о нашем величии». В те времена Лоран считался самой мощной державой континента, каковую роль со временем утратил, но облик денег остался прежним).

Все медные монеты — круглые, с отверстием посередине.

Балонг

Вместо золотых монет там находятся в обращении денежные знаки в 5, 7, 10, 14, 40 и 100 дукатов, с большим мастерством изготовленные из ввозимого с

Сильваны в малых количествах самшитового дерева, на Таларе не произрастающего. Они обеспечены сокровищами особой кладовой Круглой Башни, довольно большого размера, круглые и охотно принимаются на всем Таларе (нужно заметить, что порой их подделывают точно так же, как и металлические деньги).

Есть серебряные монеты в 1, 2, 3 и 4 дуката, медные — в 1, 2, 5 и 10 дирхамов. И серебряные, и медные — все восьмиугольные, серебряные, вдобавок с отверстием посередине.

Ганза

Ганзейцы пользуются в основном деньгами «прилегающих держав», хотя для особых расчетов существуют круглые монеты — золотой и серебряный далер.

Сегур денег не чеканит давно по причине тщательно скрываемой бедности одного государства. В обращении, впрочем, еще находится небольшое количество древних золотых монет под названием «тымф», или «корабль», но ходят они исключительно на острове и скоро пропадут совсем, так как являются объектом охоты коллекционеров, как и фельсы — серебряный и медный.

Вольные Маноры права на чеканку монет были лишены около пятидесяти лет назад решением Виглафского Ковенанта. «Старые» деньги еще ходят, но понемногу изымаются из обращения, как только сотрут, к тому же купцы увозят их для коллекционеров, а также для переплавки.

Деньги Святой Земли из-за больших примесей серебра, а то и меди, к золоту повсеместно считаются «худыми», «порченными» и за пределами означенного государства хождения не имеют.

ОРДЕНА И МЕДАЛИ

Глан

Ордена:

Чертополоха.

Пещерного Медведя.

«Громовая гора».

Медали:

«Серебряное кольцо».

«Медное кольцо».

«Железное кольцо».

Все награды исключительно военные. В тех случаях, когда король все же желает наградить кого-то за заслуги на «гражданском» поприще, вместо цепи (так как все три ордена носят на цепи, на шее) орден крепится на бант, прикалываемый к груди.

Балонг

Ордена:

«Круглая башня».

«Ладья богатства».

«Созвездие».

Медали:

«Золотая пчела».

«Серебряная пчела».
 «Медная пчела».
 «Железная пчела».

Полная противоположность Глану: орденами и медалями награждаются лишь подданные Балонга, «приумножившие его богатства и действовавшие во славу дальнейшего благосостояния». За воинские подвиги (например, отвагу, проявленную экипажем судна в бою с корсарами) награждают деньгами или ценным оружием.

Горрот

Ордена:

«Черное солнце», (награждаются и военные, и гражданские).

«Рубиновый клинок» и Орден Симаргла (военный). Орден Семи Островов.

[61]

Орден Филина (гражданский).

Медали:

«Клинок».

«Орел» (военная).

«Сокровищница» (гражданская).

Харлан

Ордена:

«Трон великих герцогов» (двойного назначения).

«Меч Славы» (военный).

«Фолиант» (гражданский).

Медали:

«Скрещенные топоры».

«Слава и смелость» (военная).

«Жемчужина мудрости».

«Бронзовое перо» (гражданская).

Ронеро

Высшие, двойного назначения ордена:

«Алмазный венец».

Орден Гербового Щита.

Военные ордена:

«Звезда отваги».

«Золотая лилия».

«Зеркало Аннура».

«Алое пламя».

«Скипетр морских королей» (военно-морской). Гражданские ордена:

«Камень мудрости Пилу».

Орден Серебряной Совы.

«Бирюзовая цепь».[62]

Военные медали:

«За храбрость».

«Серебряный топор».

«Башня» (вручается главным образом за отвагу, проявленную при защите или взятии крепостей).

«Стрела».

«Якорь» (военно-морская).

Гражданские медали:

«За беспорочную службу».

«Корабль».

«Лилия».

Снольдер

Высшие, двойного назначения ордена:

«Золотой сфинкс».

«Меч Дорана».

Военные ордена:

«Дракон и солнце».

«Огненный вепрь».

«Радуга и меч».

«Крылатый лев».

«Морской конь» (военно-морской).

Гражданские ордена:

Орден Короны.

Орден Ворона.

«Радуга и ларец».

«Великая Река».

Военные медали:

«Тисовая ветвь».

«Ярость и огонь».

«Дубовый лист».

«Львиный коготь».

«Огненное копьё».

«Абордажная сабля» (военно-морская).

Гражданские медали:

«Процветание» (купеческая).

«Око» (полицейская).

«Ларец».

«Сфинкс».

Лоран

Высшие, двойного назначения ордена:

«Три золотых кольца».

«Отличие Престола».

Военные ордена:

«Рыцарская лента».

Орден Заслуги.

«Меч и кольцо».

«Золотой якорь» (военно-морской). Орден Тигра.

Гражданские ордена:

«Звезда учености».

Орден Верности.
Орден Черного Медведя.
Орден Золотого Журавля.
«Великий канал».
Военные медали:
«Штандарт».
«Серебряная секира».
«Серебряный самострел».
«Победитель пламени».
«Отвага ратного поля».
Гражданские медали:
«Золотой скипетр».
«Свиток».
«Золотой скипетр».
«Свиток».
«Серебряный циркуль».
«Бронзовый циркуль».
«Солнечный луч».
«Серебряный компас».

Шаган

Высшие, двойного назначения ордена:
«Золотой колокол».
Орден святого Сколота.
Военные ордена:
«Меч грома».
«Золотой фрегат» (военно-морской).
«Изумрудный акилла».
Орден Синей Крепости.
«Стрела и скипетр».
Гражданские ордена:
Орден Красного Бобра.
Орден Кедра.
«Золотая кисть».
«Яшмовый кубок».
«Посох святого Роха».
Военные медали:
«Медвежья лапа»
«Алая молния».
«Штурвал и меч» (военно-морская).
«Бастион».
«Трилистник».
Гражданские медали:
«Хрустальный кубок».
«Штурвал и парус».
«Серебряная кисть».
«Жезл мудрости».
«Дубовая ветвь».

В Святой Земле орденов и медалей не существует, зато в ходу так называемые наградные пояса и посохи.

В Ганзе для награждения отличившихся и заслуженных граждан существует схожий с орденом знак трех степеней — «Золотой корабль», «Серебряный корабль» и «Медный корабль».

Ордена Вольных Маноров при всем их калейдоскопическом разнообразии чересчур многочисленны, и тому, кто ими интересуется, лучше обратиться к соответствующим книгам.

Ордена Сегура, равно как и медали, сохранены после катастрофы все до единого, однако изрядно утратили свой авторитет. Во-первых, по причине упадка Сегур практически не ведет никаких войн, и боевые награды выглядят несколько нелепо в этих условиях; во-вторых, что важнее, все сегурские награды давно превратились в дополнительный источник дохода для королевской казны: всякий, кто пожелает, может за *соответствующую* сумму стать обладателем любого тамошнего ордена или медали (за исключением высшего Ордена Морских Королей, вручаемого лично королем. Впрочем, и этот орден порой нетрудно раздобыть при отсутствии всяких заслуг, но при наличии должных связей или услуг, оказанных сегурскому престолу). Поэтому давно уже в обиход вошло выражение «сегурская награда», означающее нечто второсортное или добытое не трудами и заслугами, а с помощью тутого кошелька или интриг.

Александр Бушков

КОРОЛЬ И ЕГО КОРОЛЕВА

Мы — натянутые в небо две стрелы!
М. Цветаева

Глава I

Эскадрилья амуров

Проснулся Сварог как-то *интересно* — никто его не будил, он словно бы *знал*, что надо проснуться. Оторвал голову от смятой подушки, осмотрелся.

Яны рядом не оказалось. Постель на ее стороне и подушка были уже достаточно прохладными, так что никак не походило, будто она всего-навсего решила посетить известную комнатку, скрытую за узорчатой дверью в углу. Давно бы вернулась.

Сев на постели, Сварог огляделся. Спальню для брачной ночи он выбирал сам — не особенно большую, без дурной грандиозности, когда из угла в угол может маршировать гвардейская рота, а люстра размерами не уступает иному павильону в дворцовом парке. Небольшая, можно сказать, комната, так что с постели он видел ее всю.

За окнами светало, хотя ночная серость еще не окончательно рассеялась. Рядом с правым окном висело в воздухе пышное свадебное платье Яны — но и ее тончайший золотистый халатик на месте, лежит, перекинутый через спинку кресла у постели. А вот ночных туфель что-то не видно. И на изящной вешалке у входа алеет одна-единственная мантия, его собственная, а корона только одна — опять-таки его. Значит, ушла только в мантии, ночных туфлях и короне — интересно куда? Куда в таком наряде можно отправиться на рассвете?

Ни малейшей тревоги он не испытывал. Здесь, в замке, с ней ровным счетом ничего не могло случиться, а возникни у нее экстравагантное желание прогуляться на рассвете по парку, тут же заняла бы места охрана. Да и защита замка работает. Просто интересно: куда она могла податься? Вроде бы уже избавилась от прежних взбалмошностей вроде той, с компьютером Вентордера — который, кстати, давненько уж запрограммирован так, что включить его может один Сварог...

Поскольку время хотя и раннее, но такое, что вновь засыпать вроде бы уже и не обязательно, Сварог слез с постели, встал рядом с ней голышом, чуть расставив ноги — и уже через пару секунд оказался одет и обут, без особых излишеств. Посмотрел на часы — посаженный отец, коему по традиции положено поздравлять новобрачных, заявится часов через несколько (когда это новобрачных будили ни свет, ни заря?!), этикет (да и здравый смысл) это предписывает делать не ранее полудня. Придет посаженный отец, потом придется выйти в большой зал к гостям, вручить каждому особую золотую медаль в честь королевского бракосочетания (у Диамер-Сонирила их столько, что и носить давно перестал, освобождая место для орденов). В других королевствах положено еще, чтобы придворный поэт продекламировал длинную оду, но в Хелльстаде Сварог этот обычай вводить не стал, да и в других королевствах

придворных поэтов держал, как предписывали традиции, однако все они были втихомолку предупреждены, чтобы вылезали на люди со своими творениями лишь в случае особо торжественных событий. Да, нужно будет еще вручить знаки фрейлин Хелльстада — Маргилене, как обещано, и двум дочкам Интагара, чтобы прибавить им уважения в Латеранском дворце, чтобы меньше косились на «выскочек»...

Не раздумывая, он вышел в коридор. Как и следовало ожидать, у двери обнаружился свернувшийся клубочком Мяус, при виде короля браво вскочивший. И, не дожидаясь вопросов, доложил:

— Ее величество в Вентордеране. Она сказала, что хочет побыть немного в одиночестве.

Ну что ж, с ней и раньше такое случалось, Сварог ее не раз обнаруживал в одном из залов или коридоров Вентордерана словно бы погруженной в размышления — это она так отдыхала, расслаблялась и отрешалась от всего сущего. Разгадка оказалась самой что ни на есть банальной, даже неинтересно...

Прогуляться, что ли, самому, пока весь замок спит? Сварог неторопливо направился к лестнице, бросив Мяусу:

— Докладывайте.

Тот засеменил рядом, прилежно излагая все о событиях, имевших место после ухода новобрачных в опочивальню. Люди пожилые и просто солидные сидели еще немного и разошлись вместе со своими половинами. Причем король Тейл, клептоман неутомонный, напоследок спер еще и золотую вилку. Принц Элвар, разумеется, остался, трижды заказывал танцмейстеру каталаунскую райду, а утомившись, долго приставал к молодым парам, не связанным узами брака, уговаривая их срочно себя этими узами связать и уверяя, что посаженного отца лучше него не отыщется на сто лиг в округе (что, строго говоря, было не похвальбой, а чистой правдой — ну откуда в Хилльстаде возьмется еще один посаженный отец?). Молодежь ухитрилась быстренько его напоить, прося выпить с каждым Большой Королевский Кубок в честь новобрачных. Это оказалось чересчур даже для принца, где-то на середине он сломался и был торжественно унесен баиньки. После чего молодежь веселилась еще долго, пока не стала помаленьку расходиться парами. Впрочем, Интагар увел дочек, еще когда стали расходиться пожилые (как и следовало ожидать). А герцог Брейсингем ушел еще раньше. Что-то у него там на любовном фронте крепенько не клеится, вспомнил Сварог, нужно будет узнать точно, вдруг да получится чем помочь...

Потом Мяус принялся докладывать, кто и с кем провел эту ночь. О большинстве присутствующих Сварог и так знал, кто непременно окажется в одной спальне — но кое-какие подробности его чуточку удивили. Следовало ожидать, что Томи проведет ночь с Леверлином, к тому весь вечер и шло, слепой бы заметил. Пожалуй, не было ничего особо удивительного и в том, что в спальне Лавинии Лоранской оказался граф Гаржак. Но вот узнать, что в одной опочивальне провели ночь Старая Матушка и князь Гарайла... Поженю, — вновь подумал Сварог. — Чем не пара? Логическое завершение их давнего юношеского романа — скорее уж, даже не романа, а флирта, как нашептали ему помнившие те времена старые сплетники из снольдерского министерства двора. Любопытно даже: кто кого возьмет под каблук? Совершенно непредсказуемо...

Но в самом конце Мяус ухитрился-таки удивить его по-настоящему. Министр полиции своим обычным бесстрастным тоном сообщил:

— Персона, именуемая маркиз Оклер, поручила мне передать его супруге, что он срочно вызван в секретный рейд и вернется только утром. Не имея противоречащих тому указаний вашего величества, поручение было мною выполнено. Однако, когда я предложил маркизу летающую лодку, чтобы добраться до Ворот, он отказался, велел мне сохранять строжайшую тайну и удалился в опочивальню, куда незадолго до того ушла Аурика, герцогиня Марч, откуда более не показывался.

Вот это уже был сюрприз! Тихоня и скромница Аурика, чье имя ни с кем ни разу не связывали... Да и маркиз что-то не пользовался репутацией бабника и вертопраха, насколько Сварог знал.

Как ни дружески он относился к маркизу, недовольно нахмурился. Будь это где-то на стороне... Однако обстоятельства бросали легонькую тень на него, как на владельца дома. Никакого особенного урона для репутации, но все же на такие вещи в обществе смотрят косо, если некто развлекается с любовницей под одной крышей с законной супругой, доля моральной ответственности ложится и на хозяина дома. Другое дело, не будь здесь маркизы... Нехорошо получилось.

А зверь бежит, и прямо на ловца... Когда до широкого коридора первого этажа Сварогу с Мяусом оставался лишь один лестничный пролет, Сварог вдруг резко остановился, отступил к перилам и дал Мяусу знак оставаться на месте. Вторая дверь направо оказалась полуоткрытой, и в ней самозабвенно целовалась парочка, о которой только что шла речь. Ничего и никого вокруг они, естественно, не замечали, и расставание завершилось, как тысячи других: Аурика наконец прикрыла дверь, а маркиз, пижон гвардейский, тяжело вздохнул, оставшись в одиночестве (какое проявление эмоций как-то не свойственно гвардейскому волоките), постоял чуточку и, понурившись, повернулся к лестнице.

И узрел Сварога со спутником. Лицо маркиза приняло неопишное выражение, на нем столь молниеносно сменяли друг друга столько разнообразных чувств, что ни за одно из них не удавалось зацепиться.

Сварог, приложив палец к губам и ступая как можно тише, спустился к оторопевшему маркизу, взял его за локоть и легонько повлек за собой к главному выходу. Когда, по его расчетам, они достаточно удалились от спальни Аурики, Сварог остановился и тихо спросил:

— Вам не кажется, маркиз, что придется дать некоторые объяснения?

На маркиза было жалко смотреть. Все его гвардейское пижонство улетучилось в один миг. Даже усы, казалось, повисли.

— Я виноват, лорд Сварог, — сказал он уныло. — Вы вправе отказать мне от дома, более того, немедленно попросить его покинуть, и это будет по правилам чести... Но я был бы бесконечно благодарен, если бы вы выслушали мои объяснения...

— Извольте, — сказал Сварог по-прежнему сухо.

— Это любовь, настоящая и большая, — сказал маркиз со словно бы одухотворенным лицом. — Я думаю, теперь вы имеете право знать... Я в свое время женился не по любви. Знаете, так со многими случается. Вы, может быть, слышали о таких историях... почти все мои ровесники и ровесницы уже в браке,

родители начинают мягко, но настойчиво намекать, да и начальство едва ли не открыто дает понять, что холостой офицер в мои годы — нонсенс, могут пойти нехорошие слухи, повлияет на чиновничество... Цивильные могут себе это позволить, впрочем, и на них многие смотрят неодобрительно, прощая затянувшееся холостячество вовсе уж закоренелым эксцентрикам, ну и, разумеется, его высочеству принцу Элвару, который выше законов и этикета... Но я-то не принц и не штатский! Военные традиции требуют, чтобы офицер женился как можно раньше, а уж находясь в моем тогдашнем чине и на моей тогдашней должности... — маркиз тяжело вздохнул. — Самое печальное, что я ни в кого не был влюблен. Романы случались, как у всякого, но вот что касается настоящей большой любви... Ну нет ее ни к кому, хоть убейте! И тут на балу в Аркетане я встречаю Эльвину. Красивая, неглупая, остроумная, невеста на выданье, с ней интересно, да и танцует прекрасно. Она очень скоро начинает меня *отличать* — и, как водится, со всех сторон начинают нашептывать советчики... Короче говоря, я ее нисколечко не любил, но обстоятельства... Мы поженились, я не первый и не последний, с кем такое случается. Года два прожили, она думала поначалу, я по любви ее и выбрал... И последующие годы... Даже не знаю, как их назвать. Ровное и вежливое отчуждение, пожалуй. Случалось, мы неделями жили в своем замке, ухитряясь не встречаться друг с другом. Такая уж она. Или все, или ничего. — Его лицо озарилось прямо-таки поэтической мечтательностью. — И вот, три года назад я встречаю Аурику... на ее первом балу... между нами в первом же танце словно искра проскочила, никак не могу избавиться от впечатления, что мы оба уже тогда знали все наперед, да и она говорит то же самое... Вот *это* и была любовь... Настоящая. С письмами, страданиями, тягостными объяснениями, ревностью... Три года — но все осталось по-прежнему. Не смотрите на меня так. Я не совратитель малолетних. Это *произошло* впервые два месяца назад. И все разгорелось еще сильнее. Ходатайства о разводе я подать не могу, вы же понимаете...

Сварог понимал. Бездетным ходатайства о разводе подавать запрещено — прямо запрещено законом. А по старинной традиции, имеющей чуть ли не силу закона, ребенка следует заводить лет в двести пятьдесят, никак не раньше. Почему сложились такие порядки, Сварог не знал — его самого они пока как-то не касались. Маркизу — сто восемьдесят... Положеньице...

Маркиз выпрямился, четко прищелкнул каблуками, как на строевом смотре:

— Прикажете покинуть ваш дом и никогда у вас более не бывать?

— Я не намерен от вас этого требовать, маркиз, — сказал Сварог медленно. И усмехнулся. — Мне в голову пришла великолепная идея, разрешите уж, я пока о ней промолчу... Всего наилучшего!

Маркиз порывисто подал ему руку, Сварог ее пожал, кивнул и направился прочь по коридору. Идею, конечно, еще следовало тщательнейшим образом обдумать, да и обсудить кое с кем, но все равно она выглядела не самой глупой... Положительно, есть приятные стороны в юридическом крюкотворстве...

— Оставайтесь здесь, Мяус, — распорядился он, когда они оказались у высокой главной двери. — Да, если у вас нет никаких дел, идите к компьютерщикам, пусть быстренько скачают мне Брачный Кодекс Империи. К моему возвращению он должен быть у меня в кабинете.

Неторопливо спустился по широкой лестнице с вычурными перилами, украшенными вазами с яркими цветами, посмотрел вправо. Уардах в трехстах на обширной поляне стоял Вентордеран с опущенной лестницей. С охраной, с первого взгляда видно, все в порядке: гармы сидят перед входом, над замком бесшумно кружат Золотые Филины, и где-то в вышине маячит Золотой Дракон. Однажды запущенная машина работала без перебоев.

Сварог не спеша шагал по высоким коридорам, широким лестницам, пересекал залы, шел мимо колоннад — зеленые с черным, густо-алые с синим, фиолетовые с пурпурными прожилками, золотистые с черными нитями, полупрозрачно-лимонные с таинственным переплетением темных прожилок внутри. Вышел, наконец, к высокой стрельчатой арке, за которой простирался огромный тронный зал в розовато-лиловых тонах с алыми и черными прожилками. Многочисленные ниши с набитыми сокровищами черными сундуками, сводчатый потолок усыпан алыми камнями, словно бы повторявшими созвездия ночного неба неизвестной планеты. У дальней стены — трон, как будто вырезанный из цельной глыбы янтаря.

Там он и увидел Яну. Сидевшую в позе, отнюдь не исполненной королевского величия: далеко вытянула ноги, чуть сползла с сиденья, откинувшись на спинку. Золотые волосы рассыпались по плечам, по алой мантии, руки свесились с подлокотников, глаза закрыты, на лице — блаженная, умиротворенная улыбка. Она сейчас походила на человека, отыскавшего уютное местечко для отдыха после долгих странствий.

Сварог бы постоял так долго, любуясь ею, но...

Рука невольно метнулась к поясу, ища эфес меча, которого при нем не было, никакого оружия при нем не было. Но это!

Те самые пантеры из черной бронзы, лежавшие меж троном и стеной с тех пор, как он помнил замок, сейчас *ожили!*

Они уже не лежали на прежнем месте в прежней позе, а сидели у подлокотников трона, терлись головами о безвольно повисшие руки Яны с грацией и лаской домашних кошек, прикрыв глаза (из какого-то пронзительно-желтого камня с вертикальным темно-синим зрачком), выгибаясь. Казалось даже, что они мурлычут, хотя оттуда не доносилось ни звука.

Потом раздался короткий недобрый рык — и обе уставились на Сварога, припав к полу, оскалившись. Черные изнутри пасти, черные клыки...

Он остался на месте. Это был *его* замок, способный защитить хозяина и не от таких напастей. Даже если бросятся, все равно не успеют...

Мгновенно вскинувшись и с первого взгляда оценив ситуацию, Яна обеими ладошками ударила пантер по головам, меж круглыми настороженными ушами, что-то крикнула — короткую фразу, из которой Сварог не понял ни слова. Зато пантеры, обе, моментально поднялись из атакующей позиции, встали смирнехонько, пятясь, отошли на свои прежние места, легли на пол и замерли в той позе, какую Сварог всегда помнил: одна — словно зеркальное отражение другой.

Он неторопливо пошел к трону, инстинктом понимая, что опасности больше нет. Яна торопливо встала ему навстречу, со сконфуженным, словно бы даже виноватым лицом.

— Прости, пожалуйста, что я тут расселась... — быстро сказала она, теребя застежку мантии.

Усмехнувшись, Сварог обнял ее за плечи и притянул к себе.

— Вита, ты ведь королева здесь, — сказал он мягко.

— Но я же обещала ни на что не претендовать...

— Вряд ли это обещание охватывает понятие «посидеть на троне», — сказал Сварог голосом записного судейского крючка. — Тебе, в конце концов, даже положено... Что это за королева, если она не сидит на троне, хотя он у нее есть? Подожди, мы еще медали и знаки будем сегодня вручать именно здесь, оба сидя на этом самом троне — в первую очередь для того, чтобы Диамио-Сонирил и Канцлер *прониклись* именно так, как ты хотела...

Яна улыбнулась ему счастливо и доверчиво:

— Но мы же не поместимся вдвоем...

— Оглянись, — сказал Сварог.

Оглянувшись, она ойкнула от удивления — трон сейчас стал именно такой ширины, чтобы на нем свободно разместились двое.

— Что это?

— Это Вентордеран, — серьезно сказал Сварог. — А вот *что такое* Вентордеран, я до сих пор не понимаю, может, и никогда не пойму — мой предшественник унес с собой немало секретов... И никто не понимает, включая всезнающую Грельфи. Может быть, ты с твоим Древним Ветром?

Яна прикусила нижнюю губку, ее лицо стало невероятно сосредоточенным, напряженным, чуточку бледным. Потом приняло обычный вид.

— Нет, — она мотнула головой. — Не понимаю, *что* он такое... Что-то необычное.

— Ну, это-то мы все знаем, — засмеялся Сварог. Приобнял ее за плечи и сказал: — А вот эти кошечки... Я-то полагал, что все знаю о своем королевстве и своих замках... Слышал, правда, как и многие, что подобные твари могут оживать...

Ну как же. Давняя история под Акобаром. Там крестьянин выворотил плугом... не пантеру, правда, вроде бы самую обычную на вид кошку из точно такой же черной бронзы. Сбежались любопытные соседи. Один, как это частенько в деревнях случается, «что-то такое знал» — но, как тут же выяснилось, недостаточно. Пыжась и чванясь, чтобы как следует произвести впечатление на односельчан, он принялся что-то такое бормотать, уверяя, что прекрасно умеет управлять с такими созданиями, и отец его умел, а уж дед...

Это оказались последние в его жизни слова. Кошка ожила. Судя по всему, «знаток» и в самом деле нахватался каких-то вершков — но то, что *включил*, выключить уже не смог. Или попросту, запаниковав, не успел. Живых свидетелей, собственно, не осталось, всю картину потом пришлось восстанавливать по осмотру места происшествия и показаниям единственного уцелевшего на том поле. Мужик оказался исполнен житейской мудрости: едва кошка шевельнулась, он припустил прочь что есть мочи, влез на верхушку высоченного дуба лигах в пяти от поля и не слезал три дня, пока все не кончилось.

За эти три дня обезлюдели шесть деревень — ни человека, ни скотины, никакой другой живности, — небольшой замок местного барона, а от шести драгун, на всю беду ехавших по большой дороге и сдуру попытавшихся кошку атаковать, остались лишь клочки по закоулочкам. Кошка уничтожала все живое — и не метаясь, как сказочная фурия, а спокойно и деловито, будто робот. Неизвестно, чем бы все кончилось, но когда *началось* в седьмой деревне, ко-

нец этому положил местный кузнец. Поскольку эта жуткая история происходила не в сказке, а наяву, волшебного меча у кузнеца не имелось, и заклинаний он не знал — он просто-напросто, когда зверюга заявила к нему в кузницу, ухитрился опрокинуть на нее двухведерный чан с расплавленной бронзой (барон ему как раз заказал, как мастеру на все руки, отлить дикого кабана, чтобы поставить у ворот). *Оттуда* кошка уже не выбралась — и этот бесформенный слиток металла до сих пор пылится в запасниках восьмого департамента (хватило у кого-то тогда ума не извлекать диковину, а положить на хранение, пока не отыщется полезная информация, как именно таких монстров «выключают». Чего, кстати, за восемьдесят лет так и не произошло пока).

Так что Сварогу все же было чуточку неприятно сидеть спиной к этим милым созданиям явно того же пошиба, хотя и понимал, что опасности нет.

— Ну, извини, — сказала Яна, покаянно понутив голову. — Я их и раньше здесь видела, но тогда у меня еще не *проснулось* так, как сейчас, я и не пыталась, знала, что это за звери...

— А что это за звери?

— Боевые роботы, — сказала Яна. — Но, чьи они, никто не знает. И не может определить. В точности как с твоим Вентордераном. Известно только, что еще задолго до Шторма они считались невообразимой древностью. Ты только не смейся над моими скороспелыми версиями, но их, быть может, сделали даже не мы, не наша раса.

— Не буду смеяться, — сказал Сварог серьезно.

Стоит ли смеяться, если у тебя самого, если можно так выразиться, стоит в конюшне некий конь, которому миллионы лет, и точно так же непонятно, что он такое?

Сварог осторожно спросил:

— И ты *полностью* можешь держать их в руках?

— Ты же видел... Знаешь, — Яна повернула к нему серьезное личико. — Мне показалось, что это не *совсем* роботы. Такое впечатление, что они мне обрадовались и даже ласкались. Извини, что я тут взялась...

— Глупости, — сказал Сварог. — Раз ты *полностью* держишь их в руках. Подарить их тебе, что ли, на свадьбу? Раз ты умеешь с ними обращаться.

— А что я буду с ними делать? — пожалала плечами Яна. — Это в первую очередь убийцы. Здесь меня и так охраняют. А наверху... Совершенно не представляю, зачем мне там роботы-убийцы. Пусть уж и дальше лежат, как украшение дворца. — Ее лицо стало задумчивым и серьезным. — Хотя... Когда-нибудь могут и пригодиться...

У Сварога при ее последних словах возникла перед глазами крайне завлекательная картина: это милые кошечки, добравшись до Акобара, устраивают Брашеро и его шайке панихиду с танцами... Но вот знать бы точно, останутся ли они целыми и невредимыми, когда по ним начнут палить из бластеров или чего-то подобного?

Яна опустила голову ему на плечо, прикрыла глаза:

— Ты не сердись, что я вот так взяла и ушла?

— Ну что ты, — сказал Сварог, обнимая ее покрепче.

— Я давно уже думала... — сказала Яна, не открывая глаз. — Знаешь, у меня ведь никогда не было *дома*. Ну, разве что только покои в Келл Инире... но только до той поры, пока не умерли родители. Тогда все вокруг вдруг стало чу-

жим. Вокруг постоянно толклись, не давали побыть одной, могли ввалиться в любой момент, потому что «так надо», заставить что-то делать, подписывать, сидеть на троне и повторять то, что шептали на ухо...

— Но ведь ты выросла, — осторожно сказал Сварог.

Яна, с закрытыми глазами, грустно улыбнулась:

— К тому времени, когда я выросла, успела эту громадину возненавидеть раз и навсегда... И ничего уже с этим не поделаешь. — Ее голос звучал мягче, умиротвореннее. — А здесь я словно бы дома... Никто не вломится, не заставит прикладывать печать на очередную ненужную бумагу... — Она пошевелилась, чуть напряженно произнесла: — Можно тебя попросить... Вентордеран такой большой... Здесь не найдется пары комнат, которые были бы как бы мои? Именно «как бы», не думай, будто я пытаюсь что-то у тебя оттяпать. Просто... Я все время прихожу в *твои* комнаты, ложусь в *твою* постель. А как хорошо было бы иметь что-то, хотя бы на словах свое... Чтобы мы обедали в *моей* гостиной, и ты ложился в *мою* постель. Понимаешь?

— Понимаю, кажется, — сказал Сварог. — Благо тут и думать долго не нужно... Пошли.

— Куда?

— Увидишь...

Он давным-давно успел изучить весь Вентордеран. И до сих пор иногда ломал голову, для чего — вернее, для *кого* — предназначалась самая маленькая башенка Вентордерана, Аметистовая. Словно бы отдельный замок в замке, предназначенный для обитания одного-единственного человека, причем, несомненно, женщины. Уж никак не мужчины, судя по убранству спальни, гостиной, еще пары комнат, ванны. Мебель, шкафы, явно предназначенные для платьев, огромное овальное зеркало в изящной раме, с изящным шкафчиком, каких он немало видел в будуарах знатных дам, разве что стиль незнакомый. Масса других мелочей, в комнатах мужчины ненужных и совершенно неуместных.

Правда ни в шкафах, ни в ящиках он не отыскал ровным счетом *ничего* — ни обшитою кружевами носового платка, ни сережки, ни гребешка, ни даже булавки. И, тем не менее, Аметистовая Башенка — это женские покои, никаких сомнений. Быть может, в свое время какая-то постоянная фаворитка Фаларена задержалась здесь надолго. До истины уже не докопаешься.

Они обошли Аметистовую сверху донизу — благо много времени это не отняло, всего два этажа, шесть комнат с ванной. С каждой комнатой глаза Яны делались все восхищеннее, словно у ребенка, попавшего в богатый магазин игрушек.

— Ну как? — спросил Сварог, когда они, обойдя все, вернулись в спальню (где постель предназначалась явно не для одного).

— Прелесть, — выдохнула Яна. — Чудесный домик.

— Дарю, — сказал Сварог.

— Нет, правда? — она словно бы не могла поверить.

— Правда, — сказал Сварог. — Это *твой* дом, Вита.

— Только мой... — прошептала она, глядя как-то странно. — И они сюда не придут, не будут донимать... Только мой...

— Ну, я надеюсь, ты меня иногда все же будешь сюда пускать? — спросил Сварог.

Ему показалось, что на глаза у Яны навернулись слезы, но это тут же прошло, улыбнулась с прежним лукавым очарованием:

— А какая комната тебе здесь больше нравится?

— Вот эта, — сказал Сварог чистую правду.

Она склонила голову к плечу и безразличным тоном сообщила:

— А на мне сейчас только мантия.

— Я догадывался, — сказал Сварог.

— Только я опять совершенно забыла, как управляться с застежками...

— Вот так, — сказал Сварог. — И так. И вот так.

А потом застежки кончились, мантия отлетела в сторону, и они оказались на атласном покрывале в светло-аметистовых тонах, и прозвучал первый короткий стон, предчувствие долгих...

Ну и утречко выдалось, подумал Сварог, вытянувшись в приятной усталости рядом с прикрывшей глаза Яной. Стоит только вспомнить, сколько людей в замке занимались тем же самым, да и сейчас, наверное, иные продолжают: от девочки, для которой эта ночь — первая, до красотки Лавинии, не спавшей разве что со статуями на дворцовой лестнице. Словно налетела парочка эскадрилий амуров и устроила сущее ковровое бомбометание...

— Что ты фыркаешь? — спросила Яна, не открывая глаз.

Сварог честно ответил то, что думал:

— Представил, на что дворец был похож ночью, учитывая, сколько пар друг друга хотели.

Яна лениво перекатила голову по светло-аметистовому атласу, открыла глаза, невинно улыбнулась:

— Что же ты хочешь — дворец... Судьба такая у дворцов... — и, вдруг став очень серьезной, сказала тихо: — Вот только я хочу, чтобы *этот* был особенный.

— Этот и так особенный, — сказал Сварог. — Другого такого нет.

— Не притворяйся, ты прекрасно понимаешь, о чем я... Ведь понимаешь? — она испытующе прищурилась.

— Конечно, — сказал Сварог. — Лишь я и ты... — он фыркнул. — Слушай, а если у нас тут будут гости?

Она задумалась на миг, но тут же нашлась:

— Пусть ночуют в Велордеране... А вот ответь мне честно на один-единственный вопрос. Честно. Когда ты меня первый раз захотел? *По-настоящему*?

— Ну если честно... Здесь, в Вентордеране. Когда ты лежала, делая вид, что ужасно страдаешь после... сеанса воспитания. Ты была такая несчастная и пленительная одновременно...

— И не пришел, — укоризненно сказала Яна. — А я часа четыре ждала, пока сон все же не сморил...

— Не решился.

— Ну и дурак.

— Я знаю, — вздохнул Сварог. — Но в мире столько дураков, что я как-то в глаза и не бросаюсь...

— А будь я обыкновенной девушкой, ты бы пришел? Только честно.

— Пришел бы, — сознался он с тяжким вздохом...

— Вот это и называется «проклятие короны», — грустно сказала Яна. — Од-

но из многих... — закинув руки за голову, она потянулась и сказала мечтательно: — А что будет наверху, когда все узнают, да еще увидят меня в хелльстадской мантии... Представить приятно. — Отвернувшись, она словно бы к чему-то напряженно прислушалась, удивленно спросила: — У тебя что, тут мыши? Здесь?

Теперь и он прислушался — и явственно расслышал легонький скрежет, тихое поскребывание снаружи, у самого пола. И догадался почти сразу же.

— Да нет, откуда здесь мыши... — сказал он. — Это мой министр тайной полиции. Деликатно дает о себе знать. Чувствует, что мы в той позиции, когда можно и побеспокоить. Я ему хорошенько растолковал насчет людских обычаев.

— Великие небеса! — в сердцах вздохнула Яна. — Так все было хорошо, и снова это начинается: министры, доклады...

— Что-то серьезное, — сказал Сварог, помрачнев. — У него строгий приказ: в подобных случаях беспокоить при крайней необходимости... Я позову?

— Да ладно уж... Тем более что он меня забавляет. Сколько раз его ни видела, никак не могу привыкнуть к мысли, что эта золотая киса — министр тайной полиции...

— И толковый, — серьезно сказал Сварог. Потом крикнул: — Мяус!

Дверь распахнулась, и Мяус вошел на задних лапах. Сварог понимал, что это глупо, но все равно набросил на Яну легкое покрывало. Ну, что поделать, сам, дав такое имечко, как бы причислил Мяуса к мужскому роду...

— Ну? — спросил он нетерпеливо.

— Государь, — бесстрастно начал Мяус. — Касательно *этой* стороны дела я еще не имею ваших указаний... У вас должны быть какие-то тайны от ее величества, когда речь идет о государственных делах?

Сварог соображал лихорадочно. С одной стороны, об Арсенале и прочем и Яне не стоило бы пока знать. С другой, — дело может касаться чего-то совершенно другого. Ладно, выберу время и самым подробным образом проинструктирую...

— Нет, — сказал он.

— Боевая тревога, государь, — сказал Мяус.

Глава II

Свадебный подарок поутру

Сварог с Яной сидели перед огромным экраном, а справа от Яны, за пультами, расположился Пятый, с большой сноровкой манипулировавший клавишами. Именно Пятый и был здесь начальником охраны. Сварог не далее как позавчера провел в своем центре реформы — по правде сказать, не особенно и глобальные. Просто-напросто снял с Золотых Обезьянов дурацкие черные береты, которые им совершенно ни к чему. Что в беретах, что без, они все были на одну морду, как горошины из одного стручка, и потому бесполезно присваивать им имена для легкости распознавания. С Мяусом проще, он, такой — один-единственный, а два десятка обезьянов выглядели одинаково, как шахматные пешки. Не особенно напрягая фантазию, Сварог легко догадался, что надо сделать. Велел Мяусу раздобыть краски, лучше всего черной, и изобразить на спине и груди каждого номер, как у хоккеистов. О существовании хоккеистов Мяус наверняка не подозревал, но получилось похоже — и практично. Ну, а объяснить Обезьянам, у кого какой номер, на который следует откликаться, и вовсе оказалось проще простого: как-никак создания, ежедневно имеющие дело со сложными электронными устройствами, уж в математике-то сильны...

— Какой-то бочонок? — неуверенно спросила Яна.

Сварог и сам понимал, что это за штука: явно металлическая, тускло поблескивающая, заметно скругленный нос...

Недолго думая, он распорядился:

— Разверните изображение в профиль.

Пятый нажал несколько клавиш. Теперь предмет выглядел вполне узнаваемо, чтоб его черти взяли... Сероватый цилиндр, нос скруглен, с другой стороны, на торце, четыре косых треугольника. Чутьочку непривычного вида, но опознается легко... Чтобы убедиться окончательно, Сварог сказал:

— Разверните тыльной стороной к нам.

Ну вот, как он и думал... Меж основаниями треугольников — то есть стабилизаторов, конечно — виднелась воронка, а по окружности торца — с дюжину таких же, только гораздо меньше. Сопла маршевого двигателя и движков стабилизации.

— Снова в профиль и дайте размеры, — сказал он.

Предмет повернулся в профиль, вдоль него протянулась ярко-зеленая линия с делениями и цифрами. Пятый бесстрастно докладывал:

— Длина цилиндра — четыре с половиной уарда, общая длина — шесть уардов. Диаметр... Угол наклона стабилизаторов... Диаметр главного сопла...

— Достаточно, — сказал Сварог.

Это уже были второстепенные мелочи. Главное и так понятно. Красовавшаяся на экране штукавина сейчас висела уардах в трех над землей, в нескольких лигах отсюда, остановив полет не по своей воле. Что ж, остается в который раз повторить: кем бы ни был Фаларен, но не простаком, и систему защиты придумал, такое впечатление, идеальную...

Пятый монотонно продолжал:

— Она летела со скоростью примерно девятьсот пятьдесят лиг в час по пря-

мой в направлении Велордерана. Отмечалась работа реактивного двигателя с коротким «факелом» сиреневого цвета. По прилете оставалась медленно тающая дымная полоса. Согласно имеющемуся приказу о том, что незнакомые объекты должны не уничтожаться, а захватываться для изучения, было проведено постепенное торможение силовыми полями и заключение в «кокон». Факел был «сорван», после чего двигатель заглох. Судя по всему, она была полностью автономной, а не управляемой на расстоянии. Никаких сигналов не подает. Попыток самоликвидации приборы не зафиксировали.

— Да объясните вы, в конце концов, что это такое! — сердито воскликнула Яна.

— Это ракета, — сказал Сварог. — Есть такое подозрение, боевая. Что-то не похожа она на мирный фейерверк, который кто-то запустил в честь нашей свадьбы... Вид у нее какой-то не тот... Ты помнишь, что такое ракеты?

— В учебных фильмах видела, — сказала Яна. — Архаика какая-то.

Для империи — безусловно, подумал Сварог. Однако не так уж и давно, когда пытались восстановить Багряную Звезду, пришлось срочно изготавливать по чертежам из Музея техники несколько штук такой архаики и вооружать их столь же архаичными ядерными боеголовками... Яне об этом должны были докладывать, она просто не удержала в памяти, видимо...

— Откуда она вылетела? — спросил Сварог.

— Системы воздушного наблюдения не зафиксировали, — доложил Пятый. — По их данным получается, что она возникла словно бы из ниоткуда в конкретной точке, на ведущей к Велордерану прямой...

— Может, радиоэлектронные помехи? — спросил Сварог.

Он надеялся, что роботам, обслуживающим *такую* систему защиты, этот термин может оказаться прекрасно знаком. Так и есть: Пятый без всякого промедления ответил:

— Постановка радиоэлектронных помех для сокрытия в тайне места старта не исключена. Наблюдательные системы не имеют программы по фиксации радиоэлектронных помех и борьбы с таковыми. Изначально такая задача не ставилась.

Вот тут Фаларен дал промашку, подумал Сварог. А может, не предполагал, что на его замок посыплются ракеты, снабженные системой активных помех. Вряд ли эта штукавина возникла «из ниоткуда», из какого-нибудь иного измерения. Не стоит усложнять, достаточно лишний раз вспомнить, что совсем неподалеку обитают существа, владеющие довольно сложной техникой — и ядерным оружием, кстати, в том числе...

— В наших лабораториях эту штуку исследовать можно? — спросил Сварог.

— Конечно, — сказал Пятый. — Распорядиться, чтобы ее туда переместили?

— Риск есть? Я о взрыве?

— Ни малейшего, — заверил Пятый. — «Кокон» удержит в себе любой взрыв, ядерный в том числе. Потом, если и в самом деле последует самопроизвольная взрывная реакция, объект можно будет без труда уничтожить нейтронизаторами. Прикажете переместить в лабораторию?

— Давайте, — сказал Сварог.

И — тут ему пришла в голову идея — быть может, и не такая уж плохая...

— Пятый, — сказал он, — наши Золотые Шмели в состоянии проанализировать состав воздуха и найти остатки дымового следа ракеты?

— Конечно.

— Выпустите всех на предполагаемую трассу подлета, — распорядился Сварог и повернулся у Мяусу: — Свяжитесь с заводом, пусть в ударном порядке еще пятьсот... да тысячу. Расчет здесь очень простой: вряд ли ракета прилетела *очень* уж издалека. По количеству частиц сгоревшего ракетного топлива, не исключено, удастся определить место старта. И поиски начните с того места, где ракету впервые засекали... Хотя... Пусть Шмели пройдут к тому месту по траектории полета ракеты. Всем все понятно?

Расчет нехитрый: там, где меньше всего концентрации частиц, оттуда ракету и выпустили. Судя по молчанию Пятого и двух других операторов, они это тоже поняли...

Идти им с Яной пришлось недолго — лаборатория располагалась всего через два зала. Так что пришлось ждать еще несколько минут. Планировка тут оказалась совершенно другая: посреди зала зеленый круг, а вокруг него расположились пульта и всевозможные устройства. Золотых Обезьянов тут оказалось не менее двух десятков. Сварог вспомнил досье: ну да, лары в свое время из чистого научного любопытства не только зондировали Хельстад какими только могли излучениями, но и сбрасывали разнообразные устройства — а вдруг какое-то из них да заработает? Ну, а Фаларен, в свою очередь поручил своей золотой орде все тщательно исследовать. Эта игра, насколько можно судить, кончилась давным-давно, но вот, оказалось, лаборатории пригодились...

Довольно экзотический свадебный подарочек вплыл через распахнувшееся снизу вверх огромное окно, остановился в центре зеленого круга. Сварог и не пытался отдавать какие-то команды по полному своему невежеству в этих вопросах. Впрочем, система превосходно работала и без него: обезьяны рассредоточились у пультов и непонятных устройств в совершеннейшем молчании, действуя четко и проворно: ну конечно, команды наверняка отдавались по радио, они все меж собой связаны, это только человеку приходится надсаживать глотку, роботы в этом отношении совершеннее...

Что-то свиристело, что-то ритмично позванивало, что-то назойливо пиццало. На ракету нацелились десятка два разнообразнейших антенн, сплошь и рядом вовсе не похожих на антенны, ее с разных сторон принялись оглаживать полдюжины тоненьких лучиков, белых и изумрудных. Судя по действиям обезьян, судя по тому, как они переглядывались, они продолжали меж собой общаться самым оживленным образом. Сначала Сварог хотел приказать, чтобы они говорили вслух, но тут же спохватился: что он во всем этом поймет? Нужно ждать результатов...

Яна тихонечко ойкнула от удивления: тускло-серая оболочка ракеты вдруг стала таять, растаяла совсем, обнажились внутренности, что лично для Сварога особой ясности не внесло. Он еще мог примерно опознать топливный бак и идущие от него к соплам трубопроводы, один толстый и дюжина вовсе уж тонюсеньких — но вот загадочное устройство в носовой части представало полной загадкой. Переплетение проводов, кольцеобразные ряды золотистого и серого цвета коробочек, серебристое полушарие, в которое с двух сторон упирались два сверкающих стержня... Черт ногу сломит.

Стрекот и звон усилились, антенн и щупов датчиков появилось раза в два больше, прозрачные лучики полезли в самые потроха, ощупывая. Некоторые детали тоже становились прозрачными, что опять-таки не вносило ясности.

— Первые результаты, государь, — сказал ничем не отличавшийся от других обезьян под номером 12, но, судя по некоторым деталям поведения, служивший тут начальником. — Ракета на химическом горючем, дистанционно не управляемая, заданный курс поддерживается бортовым компьютером и системой навигации...

— Довольно, — нетерпеливо прервал Сварог. — Боевой заряд есть?

— Конечно, государь. Видите полусферу со стержнями? Плутониевое взрывное устройство мощностью примерно в пятнадцать килотонн...

Милые дела, подумал Сварог, лихорадочно вспоминая все, что ему когда-то читали на лекциях о ядерном оружии. Если взрыв предполагался наземный... Диаметр кратера... Радиус полного разрушения... Весело получилось бы. Роскошный свадебный подарок, что уж там.

Но *зачем?* Это токереты, конечно. Каким-то образом узнали о предстоящем торжестве и решили преподнести *свой* подарок. О защитных полях Велордерана они явно представления не имели, видимо, у них не было аппаратуры, способной их засечь, — как у систем наблюдения Сварога не нашлось умения справиться с радиоэлектронными помехами ракеты. Инерция мышления, можно и так сказать. Пять тысяч лет обе стороны соблюдали нейтралитет и вряд ли особенно интересовались друг другом. К тому же защитные системы Велордерана пребывали отключенными многие сотни лет...

И все же, *зачем?* Уж если токереты (по крайней мере, один из них, но, надо полагать, есть еще и другие) уже действуют в большом мире и, мало того, приносят с Брашеро, должны бы узнать кое-что о ларах? То, например, что лар останется невредимым в эпицентре ядерного взрыва — уж это-то Брашеро не мог им не рассказывать, такие вещи на переговорах не скрывают, наоборот, выпячивают, подчеркивая свою силу...

Тогда *зачем?* Не будь защиты, и Яна, и Сварог, и оба принца, и все остальные лары так и остались бы целыми и невредимыми посреди жуткого кратера и окружающих опустошений. Среди *обычных* людей, пожалуй, нет никого, чья смерть была бы ларам крайне необходима. Ради простого хулиганства — из мелкой пакости своей сорвать торжество — вряд ли кто-то стал бы баловаться с ядерной ракетой в пятнадцать килотонн. Очередная акция в рамках психологической возни, вроде пожара в Заречье? Не верится отчего-то...

А если... От этой догадки Сварогу стало чуточку не по себе. Но это была очень логичная и убедительная версия. Токереты хотели его оставить в буквальном смысле слова голым и босым. Стоит только предположить, что они знают об электронных устройствах Велордерана, обо всем прочем... Взрыв оставил бы его и без обоих замков, и без компьютеров, без арсенала с подземными заводами — они неподалеку, так что непременно оказались бы уничтожены. Без ничего. С кучей разнообразных чудовищ, абсолютно непригодных для серьезной войны против токеретов. Изящная задумка, что уж там: одним ударом лишит противника абсолютно всей материальной части, от оружия, до компьютеров и завода. Вся мощь, которой он располагал (и в случае крайней необходимости мог использовать против токеретов), в один миг испарилась бы. И Хелльстад в самом деле стал бы чем-то вроде зоопарка с чудовищами. По которому уныло бродит опереточный король в дурацкой мантии, способный разве что кое-как управлять погодой да принимать поклоны от подданных-монстров... Да, очень похоже. Другого убедительного объяснения попро-

сту нет...

— Что ты так побледнел? — шепнула Яна. — Нам бы все равно это не угрожало. Конечно, жаль было бы *всего*...

Милая, ты и не представляешь, сколько здесь этого *всего* и в чем оно заключается, печально подумал Сварог. Не смертельно, конечно, но борьба с токере-тами усложнилась бы стократ. Нет, какой бы сволочью ни был покойничек, стоит воздать ему должное — за то, что не только Пурпурный павильон воздвиг, но и прилежно занимался гораздо более серьезными делами.

— Нервы, — сказал он со слабой улыбкой. — У меня они тоже есть... Двенадцатый!

— Слушаю, государь.

— Ракету исследовать скрупулезнейше, потом уничтожить.

— Слушаюсь.

— Мясус!

— Да, государь.

— Доклады от Золотых Шмелей есть?

— Пока нет, работа на половине...

— Пусть стараются всюю, — жестко сказал Сварог. — Системам воздушного наблюдения дать приказ на отслеживание любых летающих объектов и перемещение по земле, если оно будет, маленьких существ. Очень маленьких, размером с мизинец...

— Я понял, государь. Полномасштабный поиск возможной агентуры токере-тов. Системы будут сориентированы.

Идеальные все же министры получаются из роботов, подумал Сварог. Хоть орден ему давай, но не получится — сам Мясус не поймет, что это такое ему на шею повесили и зачем. Нет в его программе такого понятия, как «поощрение» (что опять-таки выгодно отличает его от людей, которые порой за орденки на что только ни пойдут...).

— Как поступать при обнаружении? — спросил Мясус.

— Только живыми, — сказал Сварог. — При малейшей возможности. Они мне живые нужны...

Достал часы и показал Яне. Она тяжело вздохнула, сделала гримаску, заведя глаза к потолку, но проворно встала. Все гости давным-давно проснулись, отдохнули, опохмелились, и по протоколу вскоре должно состояться очередное торжественное мероприятие в рамках королевской свадьбы: гости чинно и веле-речиво поздравят новобрачных с тем, что они окончательно стали мужем и женой (что там было до брачной ночи, как-то никого особенно не волнует ни на крестьянских свадьбах, ни на королевских — положено так, и все тут). Потом каждый гость получит золотую медаль, отчеканенную в честь королевской свадьбы (для ношения на груди, на ленте цветов государственного фла-га). А ближе к вечеру — очередное застолье с танцами. Тут уж никуда не денешься: королевская свадьба должна продолжаться как минимум три дня, меньше просто не допускается незыблемым этикетом. Дольше — сколько угодно, как его величество пожелают. Тот самый знаменитый своими чудаче-ствами Гитре когда-то играл свадьбу месяц (до сих пор никем не побитый ре-корд) и потом гордился, что упившихся до смерти обнаружилось аж одинна-дцать (тоже не побитый до сих пор рекорд).

— Но это ведь не война? — спросила Яна в коридоре.

— Да уж наверняка, — сказал Сварог. — Будь это война, ракеты летели бы стаями. Вряд ли это у них одна-единственная. Очередное мелкое хулиганство. Которым они сами себе подпортили. Место запуска установят довольно точно... — он мечтательно прищурился. — И где-то там поблизости наверняка будет вход. Проход. Туннель какой-нибудь, из которого тогда вылетали вертолеты.

— А если они его сразу после пуска ракеты подорвали? Завалили?

— Ну, могли, — сказал Сварог. — Если входов *несколько*. А вот если он один-единственный... Ты бы один-единственный подорвала?

— Нет, конечно, — не особенно и раздумывая, сказала Яна. — Не стала бы я лишаться единственного выхода на поверхность... — она вдруг звонко рассмеялась.

— Ты что? — удивился Сварог.

Она все еще смеялась:

— Хорошенький разговор новобрачных на второй день свадьбы. И хорошенькие занятия, — она оглянулась в сторону лабораторий.

— Ремесло у нас с тобой такое, что поделать, — сказал Сварог хмуро.

Именно потому, что такое уж у них было ремесло, Яна не подкачала: и во время награждения, и в застолье сидела с самым веселым и беззаботным видом, какой только можно изобразить. Сварог изо всех сил старался соответствовать, что получалось неплохо — не вчера подался в короли. А впрочем, не из-за чего было впадать в уныние и замирать в скорбной безнадежности: если разобраться, ничего серьезного не произошло. Так что после нескольких чарок и общего неподдельного веселья вокруг и к ним вернулось хорошее настроение.

Плохо только, что поиски затянулись — впрочем, с самого начала было ясно, то затянутся. Очень уж большую работу предстоит провернуть летучим золотым крохам. Немалый район исследовать...

Улучив момент, он отвел в сторону Гаржака и с любопытством поинтересовался:

— Ну как? Она вас не подбивала меня зарезать или что-нибудь в том роде?

— Ну что вы, государь, — блеснул граф своей неподражаемой хищной улыбочкой. — Умнейшая стерва, сами знаете. Пока что просто приглашала в Лоран погостить. Внезапно вспыхнувшую любовь и не пробовала разыгрывать — умна... Оч-чень тонкими намеками выясняла: каково мне при вашем дворе служится, доволен ли, нет ли обид, не обходят ли милостями... Этим пока и ограничилось. Но вряд ли на этом кончится, — он ухмыльнулся. — Разрешите отправляться на службу?

— Отправляйтесь, — ухмыльнулся и Сварог.

Вечер оказался как две капли воды похож на предыдущий: те же сложившиеся пары, те же тосты и здравицы, даже королек из Вольных Маноров поступил в точности, как вчера — только на этот раз, по докладу бдительного Мяуса, не золотую солонку в карман украдкой переправил, а золотую лопаточку, какой берут с блюда куски торта. Сварог и на сей раз повелел оставить происшедшее без внимания. Честно признаться, этот мелкий воришка в короне ему даже нравился наглостью: осмелиться таскать золотую посуду со стола не кого-нибудь, а короля Хелльстада... Далеко не каждый рискнет.

...Ручаться можно, что посторонний свидетель, попади он каким-то чудом в

Аметистовую башенку, себя не помнил бы от удивления: занятия молодоженов оказались крайне далеки от тех, каких следовало бы ожидать от новобрачных на второй день свадьбы. Новобрачные уже третий час сидели за компьютером, принимая донесения неустанно трудившихся Золотых Шмелей, рассматривая равнины и скальные отроги, неширокую быструю речку и водопады — так усердно, что уже в глазах рябило...

И никаких успехов.

Вообще-то Сварог придумал неплохо — когда Шмели в большом количестве взялись за работу, изучая состав воздуха, и в самом деле довольно быстро получавший от них информацию компьютер стал изображать в воздухе некое подобие размытого конуса. Догадка оказалась верной: чем дальше от того места, где ракету сцапали силовым полем, тем меньше частиц сгоревшего ракетного топлива. К ночи этот «конус» был достаточно хорошо оконтурен.

И *примерно* можно было определить место, откуда ракету запустили. Вот именно, что *примерно*: под подозрением оказалась территория в десяток югеров. Естественно, следующим ходом было — стянуть туда всех Шмелей и поручить им искать некий проход, провал, дыру, ведущую в недра земли. Несколько часов они буквально утюжили местность — и не нашли даже дырки размером с кроличью нору. Не нашли и свежих следов взрыва, обрушения, иного рукотворного действия, завалившего бы проход. Не нашли, хотя их там собралось столько, что они покрыли подозрительную территорию едва ли не сплошным ковром. Дно речушки тоже проверили на большом протяжении — без всяких результатов.

Будь там какая-нибудь прекрасно замаскированная на равнине крышка люка, Шмели непременно ее обнаружили бы — подземные пустоты они великолепно умели искать, что подтверждалось как раз обнаружением ими Токеранга.

Места были скучные, ничем не примечательные (примерно в десятке лиг от того места, где Сварог с компанией как раз и столкнулись с крохотными вертолетами): равнина с редколесьем, неширокая быстрая речка в которую с высоты уардов двадцати падал довольно широкий водопад — там был небольшой горный массив, опять-таки с несколькими речками, вовсе уж узкими и быстрыми. Даже не горный массив, а нагромождение исполинских камней, некогда вытолкнутых на поверхность какими-то загадочными геологическими процессами. Абсолютно никакого «компромата» на этот район в компьютерах не имелось. Есть подозрения, что он существовал еще до Шторма — поскольку нагромождение скал и речка значились на самых первых картах Хелльстада, имевшихся в компьютерах.

Получалась то ли чертовщина, то ли просто тупик. Все выглядело так, словно ракета не из-под земли вылетела (по причине полного отсутствия ведущих в земные недра проходов), а внезапно материализовалась в том районе — и рванула к Велордерану... И магия, доставшаяся Сварогу в наследство от Фаларена, ничем эту версию опровергнуть не могла. Ракета стартовала ниоткуда. И обратное доказать невозможно, хоть ты тресни...

Кстати, как раз за этим скальным массивом и начиналась исполинская подземная чаша, в которой располагался Токеранг — та огромная пещера. Уж это-то было известно совершенно точно, но помочь ничем не могло.

Для очистки совести Сварог загнал всю немаленькую орду Шмелей в го-

ры — что, если там и была замаскированная стартовая площадка? Скопище исполинских камней было столь небольшим, что пешеход обошел бы его кругом примерно за час, так что Шмели благодаря количеству справились быстро. Ни замаскированных стартовых площадок (которые просто негде было бы разместить), ни выдолбленных в камне ракетных шахт. Снова тупик.

— Давай фантазировать, — сказала Яна. — От безнадежности. У них там есть установка, которая распыляет ракету на атомы, атомы просачиваются наверх, вновь в строгом порядке собираются в ракету, и она идет на цель... Я, конечно, фантазирую...

Сварог проворчал:

— Еще немножко — и я начну в такие фантазии верить. От полной безнадежности...

— Но я же не всерьез!

— Я тоже, — сказал Сварог. — По-моему, будь у них *такие* технологии, они бы их не использовали для мелкого хулиганства вроде этой ракеты. И не шмыгали бы по углам, как крысы. И не использовали бы как демонстрацию своих возможностей ядерную бомбу. Они бы что-нибудь посерьезнее устроили... Я тут попытался навскидку придумать пару-тройку фокусов, которые можно вытворять с *такой* аппаратурой — по спине холодок, серьезно...

Действительно, жутковато. Вообще-то и у ларов есть оружие, способное превращать многое в невесомое облачко атомов. И гразерт на «Рагнароке» именно что в атомы разносит цель. Но это оружие, способное *только* разрушать. А вот с аппаратурой, умеющей не только разложить не важно что на атомы, но потом аккуратненько собрать «как и было», можно натворить таких дел... Это и для Империи была бы нешуточная угроза...

— Но ведь и магии там нет, — сказала Яна задумчиво.

Сварог кивнул. Сразу, как только Шмели отыскали *место* (часа за два до заката, так что очередное пиршество еще не начиналось и можно было потихонечку отлучиться из замка), он посадил в летающую лодку старуху Грельфи и помчался туда. Чуть ли не час они рыскали по окрестностям, осматривали речку, водопады, скалы. *Своими* способностями Сварог не ощутил и тени магии. То же самое заявила Грельфи, уверяя, что магии, куда ни ткни, не больше, чем в сухом полене. Даже не высказала свое знаменитое присловье, пускавшееся в ход, когда старуха сталкивалась с чем-то ей непонятным: «Вот не могу понять, в чем тут странность, но есть она, язви ее...» На сей раз заявила твердо и бескомпромиссно: магии — ни на грош. И верить ей следовало. Старуха во все не была *могучей* ведуньей, и, если применить армейские чины, тянула не более чем на лейтенанта, но всегда и везде безошибочно определяла, есть тут магия или ее нет...

Сварог покосился на супругу. Она ничем не напоминала счастливую новобрачную: сидела, ссутулившись, отрешенно и грустно уставясь куда-то в пространство.

— Если подвести итог... — тихо произнесла Яна, не поворачиваясь к нему и не меняя позы. — Никто не представляет, что делать с Токерангом. Никто не представляет, что делать с Горротом. А вот у *них* вовсю кипит какая-то работа, очень может быть, направленная не только против земли, но и... — она зябко поежилась. — И у тебя нет ни малейших идей...

Сварог сказал осторожно:

— Ты это сказала таким тоном, будто у *тебя* идеи как раз есть...

— Есть, — спокойно ответила Яна. — Целых две. Первая: если положение станет по-настоящему критическим, рассредоточить вокруг Талара орбиталы Главного Пояса и... полностью ликвидировать опасность.

— То есть — планету в пыль? — глухо спросил Сварог, чувствуя, как у него каменеет лицо.

— Ну, не обязательно в пыль... Но здесь, внизу, *ничего* не останется...

— И *никого*?

— И никого, — сказала Яна, повернула голову и встретила его взгляд. Со всем тихо продолжила: — А ведь ты впервые в жизни на меня с ненавистью смотришь... Я не обижаюсь, нисколечко, я тебя прекрасно понимаю...

— И на том спасибо, — с сарказмом бросил Сварог.

— Успокойся, пожалуйста, — сказала Яна, глядя на него с вымученной улыбкой. — Это чистой воды теория. Уж если положение станет *настолько* критическим, *настолько*... Но пока что нет оснований паниковать, согласен? Мы даже не знаем еще, что нам может угрожать. Вряд ли та кучка, в Горроте *настолько* сильна и гениальна, что способна заставить Империю запаниковать *всерьез*... Ну я тебя прошу, успокойся!

— Успокоился, — сказал Сварог сквозь зубы.

— Можешь мне откровенно ответить на один-единственный вопрос?

— Попытаюсь.

— Ты бы мог меня убить, если бы узнал, что я отдаю приказ на...

— Я бы тебя и пальцем не смог тронуть, — сказал он. — Просто-напросто, знай я заранее, я бы, скорее всего, остался здесь, со всеми. Прости, если чем задел, но при одной мысли, что остаток жизни придется провести исключительно *там*... — он ткнул пальцем в потолок. — Тебе не понять...

— Думаешь? — прищурилась Яна. — А ты не забыл, сколько времени я с детства провела на земле? И как я по-настоящему рада, что *здесь* у меня есть настоящий *дом*? Так что не думай, будто я тебя не понимаю.

— Верю, — сказал Сварог. — И что это меняет? Если вдруг возникнет жесткая штука под названием «государственная необходимость»? Я сам король, не забывай... Ты, между прочим, в лучшем положении: абсолютно ничем не запачкалась, как императрица, а вот я, честно признаюсь, уже столько раз в грязи извалялся во имя этой самой государственной необходимости... Лезешь в грязь по уши, как бы душа ни протестовала, потому что ты не человек сейчас, а король... Да, а вторая идея какая?

Яна смотрела на него как-то странно — словно ждала помощи и защиты, хотя он решительно не понимал, от чего.

— Вторая идея совершенно никому не приносит вреда и касается меня одной... — протянула Яна, все так же непонятно глядя. — Тебе, конечно, успели рассказать, что такое Дор Террах? Древний Ветер? Ну вот... Можно его *разбудить* окончательно. Чтобы овладеть им целиком.

— Подожди, — сказал Сварог. — Я-то считал, ты им и так владеешь. Из тебя иногда такое *выплескивалось*...

— Лоскуточки, — сказала Яна с бледной, печальной улыбкой. — Клочки. Они иногда *всплывают* сами по себе... но это именно что лоскуточки. И их, между прочим, совсем не трудно загнать обратно вглубь сознания и заставить уснуть. Кстати, оба дядюшки так и поступили. Им *это* просто не нужно в жиз-

ни. Мне тоже показалось, что никогда не понадобится, но теперь, когда такое творится... Пожалуй, пора будить...

— И что с тобой тогда будет? — тихо спросил Сварог.

Яна пересела к нему в кресло, прильнула.

— Ты всегда был деликатным, — сказала она, улыбаясь почти весело. — На самом деле тебе явно хочется спросить: «И во что ты тогда превратишься?» Ну, скажи честно.

— Да, — ответил он, глядя в сторону.

Яна засмеялась, опять-таки не так уж весело:

— Ни во что я не превращусь. И никаким монстром не стану. Останусь точно такой же. Вот только способностей и *силы* прибавится несказанно. Гору я, не буду врать, в пыль не превращу — но вот замок разбросаю по кирпичику. Взглядом. Как когда-то бабушка. Она была совсем молодая, и ей изменил любовник. Она полетела в его манор и разнесла там все по камешку. Взглядом.

— А... люди?

— Ну, людей-то она заранее повыбрасывала в окна, и не так уж грубо, так что никто себе ничего не сломал... Армию я тоже не смогу уничтожить — но десяток-другой всадников из седел одним взглядом вышибу. Примерно так. И, конечно, появятся разные способности...

— Мысли читать сможешь? — вымученно усмехнулся Сварог.

— Успокойся, — сказала Яна. — Не смогу. Но *силы* у меня будет гораздо больше, чем сейчас. И очень возможно, среди новых способностей найдутся такие, что пойдут нам на пользу в нынешней ситуации... К черной магии это не имеет ни малейшего отношения, наоборот...

— Знаю, — сказал он задумчиво. — Грельфи мне кое-что рассказывала...

Яна — сразу видно, чуточку приободрившаяся — продолжала:

— Собственно говоря, может быть, это и не магия в обычном понимании. Говорят, это какие-то невообразимо древние силы, идущие от самой Матушки-земли... И когда-то были доступны очень многим, но потом люди испортились, и Матушка стала очень осмотрительной... *Всего* никто не знает. Ни знающих не осталось, ни книг, которым можно верить. Насколько я смогла разобраться, еще за сотни лет до Шторма владеющих Древним Ветром осталось очень мало...

— Тогда за чем же дело стало? — спросил Сварог. — Если это нам поможет, а тебе никакого вреда не принесет...

Яна смотрела как-то странно, прикусила нижнюю губу с таким видом, словно вот-вот должна была расплакаться.

— Или нет? — спросил Сварог тревожно. — Или все же будет вред?

— Никакого...

— Вита, ничего не понимаю, — сказал Сварог с досадой. — Почему ж тогда у тебя такой вид, будто тебя завтра хоронить должны? — Он покрепче прижал ее к себе, повторил настойчивее: — Вита... Какие тут опять заморочки?

— Ну, понимаешь...

— Не понимаю, — сказал Сварог сердито. — Ни черта...

Она не отстранилась, но отвернулась, насколько удалось и тихо, так, что он едва различал слова, проговорила:

— А что, если ты меня бросишь... *такую*... Если тебе не понравится, что во мне теперь столько *силы*...

— И все? — радостно воскликнул Сварог. — И все проблемы?

Она отозвалась, все так же почти шепотом:

— Говорят, некоторые так и поступали... Кое-кому даже казалось унижительным, что...

— Что его женщина — *такая?* — понятно подхватил Сварог. — Ну, дурачье, что скажешь... Ты и так уже несколько раз показывала, что сильнее меня — да вот, историю с рукерами взять... Вот только я что-то ни разу не чувствовал себя слабым и униженным. Сомневаюсь, что когда-нибудь стану иначе думать... Да, вот кстати. Мара раз в десять лучше меня владеет мечом — но меня это как-то совершенно не напрягает. Вита, что ты, как маленькая... Никогда я тебя не брошу. Никакую.

— Правда?

— Честное слово.

Она повернула к нему лицо, озаренное такой радостью и надеждой, что Сварог даже почувствовал себя чуточку неловко. Прижалась щекой к щеке, и они долго сидела так в совершеннейшей тишине. Потом Яна отстранилась, сказала уже спокойно, даже деловито:

— Ну тогда и тянуть не стоит, тем более что сегодня полносемелие, а это еще лучше...

Прошлепала босиком к изящному гардеробу (и как только успела за неполные сутки набить его платьями и обувью в поразительном количестве, а остальные комнаты — всевозможными дамскими безделушками? Поразительно быстро обустроилась у себя *дома*). Сбросила халат, распахнула высокую резную дверцу, выдернула первое попавшееся платье (такое впечатление, вообще не глядя, что женщинам во время выбора нарядов как-то не свойственно), накинула прямо на голое тело, схватила первые попавшиеся туфельки, небрежно провела по волосам сверкнувшим самоцветиками гребнем.

— Нам что, придется куда-то идти? — спросил Сварог.

— Понимаешь... Нет никаких сложных и особенно долгих ритуалов, но кое-что проделать все же придется. Это тебе не лампу зажечь... Необходимо открытое пространство, чистое поле, хорошо бы холм... и трава, много травы... Кстати, лигах в пяти от замка, я помню, есть холмы...

— Не такие уж и высокие, — сказал Сварог. — Так, холмики...

— А это все равно, холм вовсе не должен быть высоченным, главное, чтобы он был... И трава там хорошая, густая, высокая... — она сделала нетерпеливое движение к двери.

— Погоди, — сказал Сварог. — Что бы там ни было, а одну я тебя...

— Ох, какой ты... — с досадой сказала Яна. — Разве я сказала, что тебе со мной нельзя? Да пожалуйста! Только близко подходить не будешь, нельзя... не знаю почему, просто нельзя. И птичек своих лупоглазых бери хоть сотню, только пусть тоже подальше держатся...

Она прямо-таки притопывала на месте. Сварог прекрасно знал это состояние: когда все для себя решено, и знаешь, что должен действовать, немедленно, и земля под ногами кажется раскаленными углями... Поэтому он торопливо встал, застегнул камзол на все пуговицы.

А вот Яна, наоборот, в последний момент задержалась в двери, оглянулась как-то беспомощно. Сварог понял, подошел, обнял за плечи и сказал веско:

— Помнится, я кому-то честное слово давал? Никогда я тебя не брошу...

Она слабо улыбнулась — лицо у нее было, как у человека, которому предстоит с головой нырнуть в холодную воду — потом повернулась и решительно вышла в коридор.

Когда они садились в летящую лодку, Сварог оглянулся на близкий Велордеран: вот кому беззаботно и весело, высокие окна пиршественной залы ярко освещены, музыка доносится, видно даже, как кружатся пары... Ну, понятно, ни один человек там ничего не знал — хороший хозяин не станет грузить гостей своими заботами...

Глава III

Порыв Древнего Ветра

Едва он опустил летающую лодку неподалеку от невысокого пологого холма, сплошь заросшего высокой густой травой, Яна нетерпеливо распахнула дверцу и выпрыгнула наружу. Это состояние он тоже знал — когда хочется побыстрее со всем покончить. Впрочем, никак не походило, чтобы Яна нервничала, аккуратно сняла туфельки, и, сняв платье через голову, чисто женским инстинктивным движением аккуратно повесила его на борт лодки. Сварог ухмыльнулся про себя: когда женщина так себя ведет, с ней все в порядке.

Она подошла вплотную, обнаженная, прекрасная, улыбнулась как-то по-детски:

— Ты знаешь, страшновато чуточку... После бабушки этого никто не делал, столько лет прошло... Поцелуй меня.

Сварог крепко поцеловал ее, отнюдь не как ребенка.

— Я останусь прежней, не думай никаких глупостей, — сказала она быстро. — Так и стой здесь, пока все не кончится. Ты меня никогда не бросишь?

— Никогда, — серьезно сказал Сварог.

Отрешенно улыбнувшись, Яна повернулась и неторопливо пошла к холму, расположенному всего-то уардах в ста. Сварог сразу обратил внимание, что ей не приходится прикладывать ни малейших усилий, раздвигать доходившую ей до пояса траву — трава поспешно раздвигалась перед ней сама, смыкаясь следом.

Сварог не испытывал ни тревоги, ни страха, ничего подобного — но охватившие его чувства он никак не мог определить. Что-то непонятное легонечко сжимало ему сердце, вот и все...

Он неотрывно смотрел вслед. В небе ярко-желтым диском светился Семел, и на его фоне изредка проплывали Золотые Филины, ходившие кругами на почтительном расстоянии и большой высоте. Светло вокруг — хоть иголки собирай. И поразительная тишина, даже не слышно ни единого плакуна-пестрячка — а эти птички как раз ночные, любят устроиться в высокой траве и выводить унылые, плаксивые трели, за что так и прозваны. Совершенно безобидные пичужки, но их отчего-то страшно не любят гармы — одна из тех загадок Хелльстада, которую Сварогу наверняка уже не открыть, немало знаний, и серьезных, и мелких умерло вместе с предшественником...

Обнаженная женская фигура неторопливо поднималась к вершине холма, трава точно так же расступалась перед ней, смыкалась позади. Сварог смотрел во все глаза, но ничего необычного, если не считать поведения травы, не происходило.

Вот она достигла вершины холма, остановилась, уронив руки. Сварог прекрасно ее видел от макушки до пяток — трава вокруг полегла широким кругом да так и не поднялась. Стояла оглушительная тишина. Потом Яна медленно-медленно подняла руки над головой. Несколько мгновений, показавшихся Сварогу часами, ничего не происходило. Меж вытянутыми вверх ладонями Яны зажглась пронзительно-синяя искорка, стала разбухать, расти, пока не превратилась в переливающийся всеми оттенками синего, голубого, аквамаринового и сапфирового довольно большой шар. То ли он вращался, то ли по его поверхности проплывали полосы — на таком расстоянии Сварог не мог определить.

Трава на склонах холма, за пределами круга, вдруг пришла в движение, довольно странным образом: волна за волной безостановочно кружили вокруг холма, нижние медленнее, другие, чем выше, тем быстрее. Сварог услышал голос Яны — негромкий, спокойный, звучащий так, словно она стояла в паре шагов от него. Если это не заклинания, а язык, то абсолютно незнакомый, певучий, с преобладанием гласных. Несколько раз прозвучало «Дор Террах».

Потом она замолчала. Медленно стала разводить руки — и синий шар не остался шаром, а потянулся за ладонями, превращаясь в широкую полосу, безостановочно переливавшуюся теми же оттенками. Яна держала руки на уровне плеч, ладонями вверх — и над головой у нее стояла синяя переливчатая дуга... незаметно для глаза ставшая превращаться в радугу. Вскоре стала самой настоящей радугой — семь чистейших цветов. И, достигнув невысказанной яркости и чистоты, исчезла.

С неба упали ветвистые зеленые зигзаги, напоминавшие молнии, но гораздо более медленные, бесконечно высокие. Змеясь, переливаясь всеми оттенками зеленого, они окутали женскую фигурку непроницаемым для глаз покрывалом — по его поверхности то и дело промелькивали длинные золотистые искры.

Сварог, кажется, даже дышать перестал. Вот теперь сердце зашло в тревоге — он не знал, по правилам ли все происходит, так, как и должно быть, или с Яной творится что-то нехорошее. Древние заклинания и *силы* порой в наше время ведут себя непредсказуемо... Нет, торопливо напомнил он себе, ведь у ее бабушки все получилось, а это было не так давно... Даже Горлог, которому миллионы лет, ведет себя, как надлежит... Но ведь есть и другие примеры, как раз противоположные — когда древние заклятья, пусть даже самым правильным образом прочитанные, вызывали совсем не то, на что надеялся произнесший, и для него все кончалось хуже некуда... Что далеко ходить, Грельфи рассказывала за столом не далее, как вчера...

Сердце разрывалось в тревоге, но он стоял, как вкопанный — даже если там что-то неправильно, помочь ничем не сможет, а если все идет, как надо, может помешать...

Казалось, это продолжалось невероятно долго: медленные и быстрые порывы неведомой силы волнами пригибали траву вокруг холма, на вершине которого переливался зеленый, пронизанный золотистыми искрами купол, и змеющиеся зеленые зигзаги все так же уходили вверх, в невероятную высь. И стояла тишина.

И вдруг все кончилось. Зеленый купол и зигзаги погасли так быстро, что глаз не успел заметить. Только что были — и нет. Трава на склонах холма рас-

прямилась и замерла. Остался только круг на вершине. И Яна посередине. Она уже не стояла — сидела, опираясь правой рукой на землю. Вопреки всем запретам Сварог хотел броситься к ней, но она сама поднялась на ноги — нисколечко не шатаясь, совершенно естественным движением: ну вот захотелось человеку на минутку присесть, а потом он встал...

И стала спускаться с холма, возвращаясь — трава вновь расступалась перед ней и смыкалась за спиной, походка у Яны была опять-таки совершенно естественная, спокойная, неторопливая. Пока что не похоже, чтобы в ней что-то изменилось... Но вот удалось, или нет?

Сварог молча ждал, потому что ничего другого не оставалось. Он заметил еще издали, не мог не заметить...

Но не представлял, что тут можно сделать, и что это означает.

— Заждался? — самым обычным, чуточку насмешливым голосом спросила Яна, подойдя совсем близко. — Ну вот видишь, все обошлось, а ты наверняка зачем-то с ума сходил...

Должно быть, он сделал какое-то *неправильное* движение, чем-то себя выдал — Яна бросилась к нему, крепко ухватила за лацканы камзола, прижалась, обнаженная, жаркая, пахнувшая травяным соком, потом обхватила за шею, приблизила лицо:

— Ну, ты же видишь, что я осталась, какой была! Что ты оцепенел? Я же прежняя!

Сварог нашел в себе силы произнести спокойным голосом:

— Дай время в себя прийти, у меня душа не на месте...

Она осталась прежняя, это точно. Вот только глаза прямо-таки горели синим, невероятной яркости светом, как две маленьких электрических лампочки, право слово... Это он заметил еще издали, мудро было бы не заметить. Не может быть у человека таких глаз.

Но *других* изменений не видно, как он ни приглядывался лихорадочно и пытливо. Только глаза в полном смысле слова *сияют*. Ощувив легонькую слабость в ногах, он сделал шаг назад, прислонился спиной к борту летающей лодки.

— Слушай! — негодуяще воскликнула Яна. — Ты мне все платье помнешь! Ты еще на него сядь!

Вот *теперь* Сварог уверился, что она прежняя. А глаза... Глаза помаленечку гасли, пока не стали глазами обычного человека. Какие-нибудь остаточные эффекты, подумал он радостно, чувствуя, что улыбка у него сейчас самая дурацкая.

Взяв с борта чуть помятое платье, укоризненно покачав головой и пробормотав что-то насчет мужчин-медведей, Яна принялась его надевать. Одернув подол и застегнув пуговицы, совершенно будничным тоном сказала:

— Только не спрашивай, как все было, ладно? Потому что у меня все равно не получится объяснить, как это... происходило.

— Но получилось? — спросил Сварог.

— Все получилось, — с торжеством ответила Яна.

— Поздравляю, — сказал он. — Теперь ты у нас самый великий маг в Империи...

Присмотревшись к нему, Яна подошла вплотную, взяла обеими руками за щеки, заглянула в глаза и произнесла скорее обиженно, чем сердито:

— Так-так-так... А кто-то меня совсем недавно уверял, будто примет *любой*... И вот уже начинается, судя по тону... Никакой я не великий маг, понятно? Я просто приняла Древний Ветер, вот и все... И я по-прежнему твоя, и только твоя... — ее голос напряженно зазвенел. — Или...

Она была *прежняя*. Никаких сомнений. Сварог, расслабившись, одновременно радуясь и чувствуя себя идиотом, обнял ее, прошептал на ухо:

— Ну что ты, Вита... Просто не каждый день на твоих глазах такое случается... Ошалел малость, прости...

Она облегченно вздохнула, прошептала счастливым голосом:

— Вот теперь я вижу, что ты тоже прежний... Ты меня не поцелуешь?

Поцелуй затянулся надолго и закончился самым обычным для новобрачных образом, объятиями в высокой траве у борта лодки, радостным и нетерпеливым слиянием тел. Она была *прежняя*.

...Потом, когда лодка летела к замку, Яна грустно сказала:

— Во что у меня платье превратилось... Тоскливый ужас. А ведь только вчера сделала...

— Есть же какие-то заклинания для чистки...

— Милый, — фыркнула Яна. — Эти заклинания исключительно для служанок. Благородная госпожа может создать платье, но не должна уметь его чистить. Вот ты знаешь какие-нибудь заклинания на чистку сапог или камзола?

— А ты знаешь, нет, — не без удивления сказал Сварог. — Только сейчас спохватился, что ничего подобного не умею и никто не учил...

— Вот видишь, — сказала Яна. — Иные заклинания исключительно для слуг, должен бы помнить... — она критически обозрела себя в ярком сиянии Семела. — Ну да, пропало платье...

— А твой Древний Ветер тебе тут ничем помочь не может?

— Он такими пустяками не занимается, — серьезно сказала Яна. — Что ты так косишься?

— Понимаешь, мне действительно страшно любопытно... — сказал Сварог. — Как ты себя *теперь* чувствуешь?

— Да точно так же, как и прежде, — сказала Яна. — Когда ты здесь впервые появился, и тебя обучили первым заклинаниям, ты себя стал чувствовать как-то иначе?

— Да нет, — пожал плечами Сварог.

— Ну вот и со мной в точности так же.

— Я просто подумал... Все-таки Древний Ветер...

— Ну и что? — пожала плечами Яна. Протянула: — Хотя... Ты прав, иногда появляется какое-то странное ощущение: будто по клеточкам, по жилочкам, *разлито* что-то такое... бодрящее... или... — она досадливо передернула плечами. — Нет, не могу объяснить, слов таких не подберу. Но это — время от времени, может быть, и совсем пройдет... — она положила ладонь на руку Сварога. — Мыслей я читать не научилась, но ход твоих мыслей предугадать легко, потому что у меня, будь я на твоём месте, он наверняка оказался бы точно такой же... Пожалуйста, не надо меня сейчас долго и вдумчиво расспрашивать, что я теперь умею и могу. Хорошо? Я просто сама еще не со всем разобралась, мне еще нужно будет *прислушаться* к себе, долго и старательно, вульгарно говоря, *перебрать* все свои новые умения. Грельфи предупреждала, что так и будет... Она еще говорила, что иные умения могут молчать и сами дадут

знать о себе в подходящий момент. Вот, скажем, ты никогда в жизни не подходил к воде и не знал, заложено ли в тебе умение плавать или пойдешь ко дну, как купеческая гиря. И вдруг понадобилось тебе переплыть реку — ну, ни моста, ни перевозчика, мало ли что... Подходишь ты к реке — вдруг понимаешь, что прекрасно умеешь плавать. Примерно так.

— Понятно, — сказал Сварог. — С вопросами приставать не буду. Но, извини, завтра же потащу тебя к тому чертову мосту, вдруг да получится что...

— А меня и тащить не надо, — сказала Яна. — Сама с превеликой готовностью полечу. Для чего, собственно, все и затевалось? Чтобы поискать надежное оружие против наших общих врагов... Что ты притормозил?

— Посмотри налево, — сказал Сварог. — Вон то дерево мне никогда не нравилось, и в хозяйстве совершенно ни к чему. Корявое оно какое-то, тоску навевает...

— Понятно, — спокойно сказала Яна. — Есть, командир...

Она ничего не сделала, не пошевелилась. Просто-напросто повернула голову и посмотрела налево, где на равнине и в самом деле как-то уныло торчал высоченный корявый вяз.

Что-то оглушительно щелкнуло у самой земли, прекрасно видно было, как вихрем брызнули щепки — и корявое дерево стало медленно заваливаться набок, гулко грянуло оземь кроной, ствол несколько раз дернулся вверх-вниз и замер. Остался совсем невысокий пенек, неровный, иззубренный.

— Вот так, — сказала Яна. — Значит, про бабушку не наврали, что она взглядом разметала по кирпичику целый замок... Я сама сейчас чувствую, что в состоянии это сделать...

— Ну, вот и начали понемногу определяться с твоими новыми умениями.

— Экспериментатор... — беззлобно фыркнула Яна. — Знаешь... А ведь время не такое уж позднее, молодежь наверняка еще веселится вовсю. Сходим? Это как-никак наша свадьба...

...Пробуждение получилось таким, что и слов-то не подберешь для описания своих впечатлений и чувств...

Сварог лежал на левом боку, по старой привычке сунув под щеку не всю подушку, а уголок. Именно там, слева от него, в каком-то уарде красовалось росшее из пола странное деревце: тонкий золотой ствол, причудливая крона конусом из ярусов разноцветного марранского хрустала, в глубине ее виднеются золотистые шары. Более того: Сварог обнаружил, что лежит не в постели, а именно на полу, пусть и с подушкой и покрывалом. Хотя вчера не надирался и прекрасно помнил, что ложился в постель. И цвет у пола был какой-то неправильный — не обычного паркета, а обоев...

Он повертел головой, огляделся... От страха, конечно, не заорал, но ощущения были где-то даже и панические. Деревце было не деревцем, а люстрой в спальне Яны, разве что впервые увиденной в столь необычном ракурсе. Сам Сварог лежал рядом с ним на потолке, неведомо как преспокойно на нем удерживаясь, словно пол с потолком поменялись местами. А на бывшем полу, теперь потолке, удерживаемые теми же неведомыми силами, стояли и гардероб, и огромное зеркало со шкафчиком, и кровать со спящей Яной. В общем, имела место сущая чертовщина. Словно Вентордеран перевернуло вверх ногами... но почему тогда на *новом* полу оказался он один, а все остальное так и осталось на *новом* потолке?

Он пошевелил руками, поворочался с боку на бок, решился даже сесть. Все было, как обычно, если не считать *места*, где он оказался. Земное тяготение действует на него так, будто он действительно на полу, то есть на уровне земли, а не перевернут вверх ногами. И, тем не менее, с чем-то из двух обстояло не правильно — то ли с полом, то ли с потолком. А может, со всем вместе...

Со своего места он не видел ни одного из окон и не мог определить, как обстоит с Вентордераном, какую позицию замок занимает в пространстве. Однако следовало срочно что-то предпринимать...

Возможно, кто-то сочтет это унижительным (ну и черт с ним!), но первые уарды до стены Сварог преодолел ползком. На всякий случай. Будучи ларом, он все равно не расшибся бы, навернись с потолка, но обстановочка оказалась очень уж диковинная...

Потом он рискнул, встал на коленки, а там и выпрямился во весь рост. Зашагал к стене, собственно говоря, вниз головой — но для него самого все выглядело совершенно иначе. Достигнув стены, призадумался — и, по какому-то наитию резко подпрыгнул, так, что коснулся стены всеми четырьмя конечностями.

Да так там и остался. Полное впечатление, что он стоял на четвереньках на полу. Что теперь полом стала стена, а потолок с люстрой и пол со всей мебелью и спящей Яной — стенами. Начинаем помаленьку понимать *механизм*...

Уже не медля и не топчась на месте, он зашагал к бывшему полу — а там точно так же прыгнул — наконец оказался в самом нормальном положении, стоя на самом настоящем полу. Посмотрел вверх. Его подушка и покрывало так и покоились возле люстры. Посмотрел направо. В широком простенке меж двумя стрельчатыми окнами под углом в девяносто градусов к полу как ни в чем не бывало стоял изящный столик с двумя креслами, и со столика ничего не упало, не разлилось, не рассыпалось. Недоеденные вчера пирожные и фрукты преспокойно лежали на блюдцах, уровень «Кабаньей крови» в опустошенном наполовину прозрачнейшем графине оказался строго параллелен поверхности столика, как и в недопитом бокале, — конечно же, Яны, у Сварога не было в жизни привычки оставлять бокалы недопитыми.

Одно успокаивает: в окно прекрасно видны деревья парка, и ряды кустарника, окаймляющие дорожку, и сам замок. Судя по увиденному, Вентордеран стоит так, как ему и полагается: основанием на земле, крышами и башенками к небу. Хоть с этим полный порядок...

Оставив самое интересное на потом, он тщательно оглядел спальню (не обнаружив новых диковин), потом только подошел к постели. Яна безмятежно спала, вытянув руки вдоль тела, дышала ровно, спокойно, и на губах даже застыла легкая улыбка, словно ей снилось что-то безусловно приятное. Вот только спала она, лежа (или вися?) в воздухе над постелью, на высоте примерно две трети уарда. И ее великолепные волосы словно беспрестанно трепал легкий ветерок (которому просто неоткуда было взяться в замке), а вокруг запястий неспешно кружили какие-то зеленые и красные огоньки, комки света, казавшиеся пушистыми.

Сварог некоторое время постоял в задумчивости: стоит ли ее будить в такой вот ситуации или подождать, пока проснется сама? Вдруг навредишь чем-нибудь?

Решив все же будить, подошел к постели, отодвинул ладонью колыхавшие-

ся пряди золотых волос и шепнул на ухо:

— Эй, древний ветерок, вставать пора...

Она всегда просыпалась быстро, легко, вот и сейчас почти сразу же открыла глаза, явно хотела улыбнуться Сварогу... и обрушилась вниз, на постель. Высота небольшая, да и Яна — не дебелая матрона, но все равно, пружины жалобно взвыли, словно орава разорившихся купцов. Что характерно, подушка и столик остались на своих местах.

Сварог с любопытством ждал. На лице Яны изобразилось величайшее изумление.

— Не ушиблась? — заботливо спросил он.

— Нет... — машинально ответила Яна и, кажется, окончательно пришла в себя. — Что творится?

Волосы у нее больше не колыхались и огоньки пропали.

— В любом случае, это не мои штучки, — сказал Сварог, присаживаясь на край постели. — Потому что я такого просто не умею. Ну, а поскольку нас тут только двое? Какой следует вывод? — и усмехнулся. — Вита, ты и в самом деле великий маг. Даже когда напивался вдрызг, никогда в жизни себя на потолке не обнаруживал...

Иронию в его голосе уловить было нетрудно. Растерянно на него глядя, хлопая ресницами, Яна вдруг покраснела — густо, отчаянно. Отвернулась и зарылась лицом в подушку. Даже издала что-то вроде жалобного писка.

Сварог наклонился, глядя ее по плечам, касаясь губами волос, сказал насколько мог убедительнее, уже без всякой насмешки:

— Вита, не надо переживать. Ясно ж примерно, что происходит: освоение, овладение умениями... Ничего страшного, скорее смешно. Ну, повернись, мало ли что бывает... Дело житейское. Тем более невообразимо древняя магия...

Не меньше пары минут, наверное, пришлось поглаживать и успокаивать, рассудительным тоном изрекая всякие банальности. Наконец Яна повернулась, уже не красная, скорее чуточку пунцовая, со страшно сконфуженным видом.

— Я не знаю, как это получилось... — сказала она жалобно.

— Нечаянно, — сказал Сварог. — А как же иначе?

— Всю ночь происходило что-то странное... — сказала она, глядя на Сварога прекрасными затуманенными глазами. — Я училась разным вещам, кто-то подсказывал, но голоса я не слышала... Приходили всякие знания... Иногда это было приятно, иногда просто жутко... То летала над солнечной равниной, безмятежной, зеленой, то падала в какие-то жуткие подземелья — переходы кривые, корявые, все время кажется, что вот сейчас из-за угла кто-то страшный выпрыгнет... Летала над морем, и спокойным, и штормящим, в голове сами собой всплывали знания, и наставления, и даже строгие предупреждения не использовать то-то и то-то во вред другим... — она улыбнулась, показавшись сейчас маленькой испуганной девочкой. — И знаешь, там все время был ты. Я тебя не видела, но все время знала, что ты рядом, и если я ошибусь, провинюсь, ты поступишь, как тогда, на берегу озера... Потому что Матушка-земля тебе велела за мной следить и воспитывать... Ты же у нее в фаворе...

Сварог вспомнил собственные необычные ощущения, пережитые во время той церемонии в Глане, а потому решил воздержаться от каких бы то ни было комментариев, толкований и попыток понять, в чем тут дело и почему имен-

но он настойчиво маячил в ее снах в виде строгого наставника. На свете было множество вещей, которые он попросту не пытался понять, махнув на это рукой, — возможно, и сейчас следовало так поступить...

— Это очень часто повторялось, — продолжала Яна, понемногу освобождаясь от удивления и конфуза. — Что Матушка тебя поставила меня воспитывать... Не может же все оказаться простой случайностью? Во всем был смысл, хоть я его и не всегда понимала... Может быть, ты знаешь, в чем тут дело?

— Не знаю, — задумчиво сказал Сварог. — Сам теряюсь. Будет время, я тебе расскажу одну историю про Глан, будем вместе думать, вдруг да додумаемся до чего-то понятного... — он усмехнулся. — Коли уж я наставник... Может быть, уберешь за собой? — он кивнул в сторону столика. — Или еще не знаешь, как все поправить?

— Вот это-то я как раз уже знаю, — уверенно сказала Яна. — Это просто...

Глядя мимо Сварога, она подняла руки перед лицом, несколько раз сведя и разведя вытянутые указательные пальцы, беззвучно шевеля губами, — и столик с креслами, описав короткую дугу, отделились от стены, встали на свои места. Сварог вовремя поднял голову, чтобы поймать подушку, летевшую прямо ему на голову, потом подхватил медленно спланировавшее покрывало. Случайно глянув на часы, покачал головой:

— Разоспались, за полдень перевалило... Правда, мы и вернулись под утро...

— За полдень?!

Яна спрыгнула с постели. Виду нее был не то что обычный, но, пожалуй, даже несколько воинственный. С конфузами определенно покончено.

— Тебе обязательно нужно завтракать? — спросила она деловито, направляясь к гардеробу.

— Да можно и обойтись... — сказал Сварог, внезапно догадавшись. — Что, не терпится *поискать*?

— А как же, — Яна без особых раздумий вынула мужской костюм из плотного зеленого саржета (в подобных Сварог видел ее на каталаунских снимках). Обернувшись, сказала серьезно: — Я, как и обещала, ни на что не претендую... Но коли уж ты меня взял в здешние королевы, должна я близко к сердцу принимать хелльстадские дела и делать, что могу? Вот на *это* ты мне позволишь претендовать?

— Конечно, — сказал Сварог, занявшись собственной одеждой.

И подумал, что речь идет не просто о хелльстадских делах, так что сдерживать ее ни в коем случае не следует, наоборот, пусть пускает в ход все, на что способна...

...Сварог и в этот раз не отступил от заведенного им же порядка — гармов не было, но эскадрилья Золотых Филинов бдительно кружила вверху. Вполне возможно, это было не просто бесполезно, а глупо — слишком многие знающие люди заверяли его, что магии в Токеранге нет ни капельки (да и бессильна против Яны любая *здешняя* магия). Ну, а что бы то ни было метательное, от стрелы до ракеты с ядерной боеголовкой ей не способно причинить вред изначально. Но ничего не мог с собой поделат. Очень уж сильным и въедливым оказалось стремление постоянно о ней *заботиться*. Быть может, потому, что помнил ее совсем юной, взбалмошной. Это о Маре заботиться не стоит, она в случае чего сама о себе позаботится так, что уцелевшие (если будут) до конца

жизни станут стучать зубами при одном воспоминании о рыжей королеве...

Лодка медленно плыла в воздухе в нескольких уардах от бугристых каменных нагромождений. Они обогнули скальный массив практически весь — но Яна сидела с равнодушным, чуть ли не скучающим лицом, ни словечка не произнесла. Сварог тоже помалкивал — если что-то прояснится, сама скажет, а не получится, так не получится...

Она заговорила сама, произнесла досадливо:

— Ничего. Абсолютно. Обычный неинтересный камень, каким он был испокон веков... — и вдруг с изменившимся лицом схватила Сварога за рукав. — Остановись!

Он затормозил с похвальной быстротой, благо с лодкой это проделать было легче легкого. Они повисли в нескольких уардах над неширокой быстрой речкой. Слева и впереди, совсем близко, струилась в реку широкая полоса водопадов — белопенных, кое-где вспыхивавших крохотными радугами, когда солнечные лучи преломлялись в облачках водяной пыли.

Сварог покосился на Яну. Теперь у нее стало совершенно другое лицо — напряженное и чуткое лицо человека, пытающегося расслышать долетавшие издали звуки — то ли песню, то ли разговор, то ли крик...

Не оборачиваясь, она тихонько сказала:

— На несколько уардов вперед, прямо напротив водопадов...

Сварог плавно передвинул рычажок. Теперь лодка висела прямо напротив водопада — но Яна смотрела не прямо перед собой, а зачем-то задрала голову, словно ее интересовало что-то, находившееся гораздо выше. Ее лицо менялось, охваченное охотничьим азартом, на губах заиграла злая, неприязненная улыбочка — с такими идут навстречу друг другу даже не дуэлянты, а наконец-то нашедшие момент свести счеты враги, и мечи уже выхвачены, и продуманы первые удары...

— Вот вы, значит, как... — процедила она сквозь зубы. — Ничего не скажешь, умно...

Сварог помалкивал: *сейчас* лезть с вопросами было все равно что торчать за спиной изучавшего мину сапера.

— Вплотную к водопаду! — приказала Яна, и Сварог автоматически подчинился. — Ну, ты ничего неправильного тут не усматриваешь?

Сварог мотнул головой.

— Водопад, — сказала Яна, не отводя глаз от быстрых струй. — То есть падение воды. Вода, как известно, мокрая... Ну?

И тут до Сварога дошло. Водопад был буквально перед ними, только руку протяни, и зачерпнешь воды. Они с Яной давным-давно должны были до точки промокнуть, окутанные невесомыми облачками водяной пыли, облитые фонтанами брызг... но оставались совершенно *сухими!*

— Это оно? — медленно выговорил Сварог с удивившим его самого спокойствием.

Яна протянула руку, по запястье погрузила ее в колышущуюся стену воды, тут же вынула, приложила ладонь к щеке Сварога. Ладонь была сухая. И Яна спокойно сказала:

— Это оно. Можешь попробовать сам, это абсолютно безопасно, я чувствую...

Он протянул руку без всякой опаски (ну, коли она уверена...), как только

что Яна, погрузил ее по запястье в безмятежно журчащие струи. И не почувствовал никакой воды, вообще ничего. Иллюзия воды, иллюзия водопада...

— Мы нашли, — сказала Яна все так же спокойно, без всякой рисовки. — Вот только... Чтобы увидеть *это* во всей красе... Отведи лодку уардов на полсотни от водопада.

Сварог этот маневр выполнил моментально, остановился.

— А вот так все выглядит на самом деле, — сказала Яна.

Подняла к лицу сжатые кулачки, прижала большие пальцы к губам, неотрывно уставилась на широкую стену падающей воды. Ее глаза сузились, потемнели, в них появилось нечто незнакомое.

Водопад вдруг исчез, почти весь, остались только узенькие полоски по краям. Сварог восхищенно выругался про себя, затейливо и смачно. Уардах в десяти над речкой в скале зияло черное отверстие чего-то наподобие туннеля — именно туннеля, очень уж правильные у него были очертания, идеальный круг уардов пятнадцати в диаметре, не менее. По такому туннелю не то что крохотный вертолетик токеретов — средний боевой брагант пройдет играючи, да что там, вимана или драккар...

— Голограмма, — сказала Яна. — Великолепно выполненная, постоянно действующая. У них, должно быть, неплохая электроника...

— Дурак я, дурак... — сказал Сварог с чувством. — Шмелям ставили задачу искать исключительно на *плоскости*, на земле. Я и не подумал...

— Не переживай, — усмехнулась Яна. — Все равно ничего бы не вышло, направь ты их и туда. Там постоянно работает какая-то завеса... я все же не сильна в технике, как бы это... В общем, эта завеса... ага, она поглощает все излучения, и любой... любой...

— Детектор, — почему-то шепотом подсказал Сварог.

— Да, именно. И любой детектор покажет, что там только вода и скала...

Грамотно, подумал Сварог. Завеса поглощает все излучения, и никакой прибор не доищется до истины — ну, а человеку и в голову не придет лезть в тот водопад...

— Ты там чувствуешь какие-нибудь датчики? — спросил он, не позволяя себе пока что расслабляться. — Устройства, способные зафиксировать вторжение предмета... или человека?

— Ничего там такого нет, — уверенно сказала Яна.

Самоуверенные ребята, подумал Сварог. А впрочем... это не самоуверенность, а инерция мышления. Пять тысяч лет токереты и Фаларен держали нейтралитет, как бы не замечая друг друга, не предпринимали друг против друга никаких акций. Там, внизу, *очень* уж привыкли, что ими никогда не интересуются и проходов к ним не ищут. И с появлением Сварога не успели перестроиться... и, быть может, были правы. Никакая его аппаратура не смогла бы этот туннель отыскать. И, не реши Яна *разбудить* древние умения, так бы и сидел, ломая голову, что же предпринять...

— Я, наверное, сделаю, как было, — сказала Яна.

Тот же жест, тот же внимательный, со злым прищуром взгляд — и на месте туннеля вновь появился водопад во всей красе. Сварог ни словечком не протестовал. Наоборот. Он развернул лодку и повел ее к замку. Подумал холодно и отрешенно, как о ком-то чужом: во времена своей «мушкетерской юности» он тут же, не колеблясь ни секунды, погнал бы лодку в туннель. *Теперь* он соби-

рался действовать совершенно иначе: осторожная и тщательная, в несколько этапов, разведка, сначала разнообразные механизмы, только потом уж самому... И на лице Яны он не увидел того дурацкого, щенячьего азарта, который когда-то бросил ее на неведомые дорожки, к тому озеру с чудовищем, где могла и головы не сносить, да и он тоже, не прихвати с собой в Хелльстад Доран-ан-Тег. Спокойное, взрослое лицо женщины, понимающей всю сложность жизни. Значит, вот так, усмехнулся он горько — все же жаль было чуточку той самой лихой мушкетерской юности. Как там пелось? Значит, все мы рано повзрослели... И правильно, так и надо, но все же чуточку жаль *того* прошлого...

— Ты знаешь, — сказал он с мимолетным удивлением. — Отчего-то радости не чувствуется. Совсем. Скорее уж нечто вроде усталости. Ну вот, нашли наконец. Но столько еще работать...

— Совершенно те же чувства, — с некоторой печалью сказала Яна.

— Но ты у меня молодец, — сказал Сварог. — Если бы не ты...

Он притянул девушку за плечи и крепко поцеловал. Яна закрыла глаза и освобождаться из его объятий ничуть не спешила. Не плохая мы все-таки парочка, с гордостью, которую посчитал законной, подумал Сварог. Король и его королева. Мара... С ней все остается по-прежнему, но там совсем другое... Она просто бесценна в других ситуациях, но вот теперь...

Отпустив Яну, он откинулся на спинку мягкого кресла, бездумно улыбаясь всему вокруг. Встретив улыбчивый взгляд Яны, подумал, что жизнь все же неплохая штука. И, глядя в синие глазищи, не сдержался, довольно громко пропел одну из своих любимых:

*— Червону руту не шукай вечорами,
Ти у мене єдина, тільки ти, повір. —
Бо твоя врода, то є чистая вода,
То є бистрая вода синіх гир...*

— Интересно, это заклинание, молитва или песня? — спросила Яна, улыбаясь так же бездумно, как и Сварог. — Хотя... Скорее песня. Такое впечатление.

— Песня, — сказал Сварог. — Под нее танцевали. Когда мне было разве что на годик побольше, чем тебе сейчас...

Яна сказала с потаенной настойчивостью:

— А знаешь, мне бы очень хотелось посмотреть на тебя молодого. А то получается как-то несправедливо. Ты-то видел, как я взрослела, а я тебя впервые увидела уже взрослым. Хочу видеть молодого. Хочу с тобой танцевать тогда и под *твои* песни. Можно? У нас еще один вечер праздника.

— погоди, — сказал Сварог, удивленный несказанно. — Я понимаю — Древний Ветер... Но неужели ты можешь и в мое пошлое...

— Нет, ты не понял, — сказала Яна. — Я и в наше-то прошлое не смогу попасть, даже с Древним Ветром, а уж что касается твоей Соседней Страницы... Можно сделать по-другому. Мысли я не читаю, я не врала, а вот *картинку* из твоей памяти достать могу. И сама могу оказаться в той картинке. Так что все будет не по-настоящему, но в точности, как было тогда... Ты не против?

— Ничуть не против, — сказал Сварог, не раздумывая.

Яна произнесла не без гордости:

— Только Древний Ветер может извлекать образы из памяти. Так, как я это

сделаю вечером. Больше никакая здешняя магия на то не способна.

Ага, подумал Сварог. Это называется — девочке купили новое платье. Не рассказывать же ей, что Горлорг, не более чем неразумная животина, пусть и особенная, способен без всякого труда извлекать из его памяти образы. *Картинки.*

...Вот так и получилось, что в тот вечер, последний вечер свадебного веселья курсант Стас Сварог и девушка по имени Яна колыхались в медленном танце на натуральной советской танцплощадке. И пусть это была иллюзия, но выглядело все в точности, как тогда, все иллюзорное, что Сварог видел вокруг, было прекрасно знакомо. Ох, эти хрипящие динамики семидесятых...

— *Прощай!*
Со всех вокзалов поезда
Уходят в дальние края.
Прощай!
Мы расстаемся навсегда
Под белым небом января.
Прощай,
И ничего не обещай,
И ничего не говори...

Вокруг, конечно, колыхались в примитивном медляке одни призраки, четко впечатавшиеся в его память — но он-то держал в объятиях настоящую живую девушку в черной мини-юбке и розовой кофточке с пышными рукавами, тесно прижавшуюся к нему, положившую ладони на плечи, щекотавшую щеку волной распущенных волос.

Они были *совсем* одни — потому что Яна как-то так устроила, что никто из гостей, танцевавших в том же зале обычные танцы, их не видел, но не мог на них наткнуться. И они медленно танцевали, пока песня не кончилась, и на эстраде не прохрипел кто-то в микрофон:

— Перерыв!
— *Уходим?* — шепнул Сварог на ухо Яне.
Она подняла сияющие глаза:
— Как хочешь...

И старая танцплощадка исчезла, как сон, они оказались в зале Велордерана, у портьеры. Гремела райда — и, разумеется, первым в цепочке танцующих выкаблучивал принц Элвар, как всегда, неуклюже, как всегда, с величайшим рвением.

— Это было интересно... — медленно сказала Яна. — Если ты не против, как-нибудь повторим?

— Конечно, не против, — сказал Сварог.

И подумал, что вовремя ее оттуда увел. Потому что по некоторым деталям прекрасно помнил именно тот вечер. В перерыве-то и нагрянули старые, заклятые враги курсантов в синих погонах — курсанты в черных погонах, и, как частенько на той танцплощадке бывало, получилось великолепное побоище с мелькающими в воздухе пряжками ремней, девичьим визгом, милицейскими свистками и прочей веселухой...

— А что это была за девушка? Чье место я заняла? — с любопытством спросила Яна. — Твоя тогдашняя любовь?

— Да нет, — сказал Сварог чистую правду. — Какая-то случайная партнер-

ша. Сама понимаешь, танцы...

— Вот, кстати, о танцах. Они у вас все были такие скучно медленные?

— Ну что ты, — сказал Сварог. — Это, собственно, и не танец, а законная возможность пообниматься...

Действительно, нужно будет продолжить, подумал он. Коли уж Яна умеет сделать так, что чувствуешь себя самым натуральным образом вернувшимся в прошлое. И шейк с ней сплясать, и казачок, и редлак...

— У меня впечатление...

— Что? — очнулся Сварог.

— Посмотри на Старую Матушку. Вот честное слово, она давненько уж прохаживается поблизости с таким видом, словно у нее к тебе неотложный разговор. Но пока мы тут болтаем, ни за что не подойдет — королева, этикет знает...

— Интересно, — сказал Сварог, бросив взгляд искоса. — И правда, похоже. Подожди минутку... — И направился напрямик к Старой Матушке, поклонившейся ему лишь царственным наклоном головы — гордая была особа...

— Как вам нравится праздник, ваше величество? — спросил Сварог.

— Все великолепно, ваше величество, — ответила она. Улыбнулась тонко. — Я никак не предполагала, что в некотором смысле вернусь во времена моей молодости...

Ага, подумал Сварог, ухмыляясь про себя. Гарайла, надо полагать, не подкачал, молодец, маршал, пусть и лет тридцать спустя, но пришел их давний роман к подобающему финалу...

Старая Матушка сказала:

— Я крайне сокрушена, ваше величество, что вынуждена допустить нештучное нарушение этикета, но я попросила бы вас разрешить мне покинуть дворец и вернуться в Кирулл... Нельзя ли распорядиться, чтобы меня доставили к воротам, к моей вимане?

— Что случилось? — спросил Сварог тихо. — Что-то серьезное?

— Табарций прислал мне срочный вызов, — так же тихо ответила она. — Никаких Тревог, просто срочный вызов. За все время нашей... совместной работы такое впервые случается. У него должны быть какие-то серьезные причины, вы его знаете лучше меня...

Действительно... Табарций, министр тайной полиции Трех Королевств — человек серьезный и по пустякам не станет выдергивать госпожу наместницу со свадьбы самого Сварога. Давненько работал под началом Интагара, им на эту должность и рекомендован, а до того выполнил пару серьезных поручений Сварога просто-таки идеально. Что-то там стряслось... Но нет никаких Тревог, а значит, фигурально выражаясь, небо на землю пока что не рушится...

В случае чего-то *вовсе* уж серьезного он, согласно негласной инструкции, через голову наместницы связался бы с самим Сварогом, свадьба там или не свадьба...

— Разумеется, ваше величество, — сказал Сварог серьезно. — Я немедленно распоряджусь...

Глава IV

Полет Золотых Шмелей

Как и предполагалось с самого начала, разведку в туннеле вели предельно осторожно, проникая туда едва ли не по миллиметру. Правда, третий наблюдатель, граф Элкон, как Сварог поначалу и подозревал, по молодости лет пытался что-то такое предложить о «лихом броске» — но двумя парами суровых глаз был вовремя успокоен так, что обошлось без словесных выволочек. Можно подумать, Сварогу не хотелось лихих атак, но он уже этим переболел...

Для начала в туннель запустили одного-единственного Шмеля, с задачей даже не осматривать что бы то ни было, а попросту продвинуться в глубь на сотню уардов — единичное создание всегда можно было списать на случайность...

Он продвинулся с невеликой скоростью, из предосторожности не ведя никаких передач и не работая на прием. И невредимым вынырнул из радужной стены мнимого водопада — неподалеку от которого на всякий случай был дислоцирован десяток Золотых Филинов — чтобы достойно встретить любой появившийся из туннеля летающий сюрприз наподобие памятных вертолетов. Что до ракет, их должны в случае чего перехватить системы Велордерана.

Троица добросовестно высидела перед экранами полчаса — но из туннеля посланцы хозяев так и не показались, ни в каком виде. Тогда пошли игры по-серьезнее: уже десятка три Шмелей, образовав кольцо, двинулись вдоль стен туннеля — эти уже пустили в ход кое-какие детекторы. А у самого входа, описывая по туннелю круги, от пола до потолка, двинулись двое Золотых Пауков, размером с локоть, пузатых, то и дело замиравших, и тогда у них под брюхами мелькали тусклые сиреневые вспышки. В конце концов, когда они сделали все, что могли и двинулись к выходу, Обезьян под номером Семнадцать доложил:

— По данным геологической разведки, туннель — по крайней мере та его часть, что была доступна исследованию, был проделан год назад плюс-минус несколько дней. Устройства, которыми он был проделан, мне неизвестны, и в памяти компьютеров их не значится.

Он ничуть не поставил Сварога перед очередной загадкой — просто-напросто Фаларен, как теперь совершенно ясно, никогда не вел у себя в Хелльстаде горнопроходческих работ, не прокладывал туннели. Меж тем в голубоватом инфракрасном свете непрерывно работавших передатчиков Шмелей Сварог четко различал, что стены туннеля на всем его протяжении покрыты параллельными бороздами, какие оставляют именно фрезы горнопроходческого комбайна. Приходилось ему однажды в одной далекой стране со своими ребятами охранять шахту от посягательства империалистов — и порядка ради они излазили ее от начала и до конца, осмотрели оборудование, выискивая слабые места, куда затаившаяся вражина может заложить мину.

Вот именно, горнопроходческий комбайн — причем нормального размера, весьма немаленький, занимавший всю ширину туннеля. А вот это уже проходило по ведомству нешуточных загадок. Откуда у крохотулек взялся подобный агрегат, по сравнению с их собственными размерами выглядевший положенным набок небоскребом или океанским лайнером? Чтобы самим постро-

ить такую машину, им потребовались бы сотни лет и техника соответствующих размеров. Поневоле закрадывается нехорошее предположение: они сделали маленький, а потом кто-то его увеличил — прямо в пещере, надо полагать. Значит, они уже и на это способны? Скверно...

Год назад Сварог уже преспокойно королевствовал в Хелльстаде — но и ложный водопад, он прекрасно помнил, уже существовал, приходилось несколько раз мимо него пролетать. Значит, водопад подготовили заранее — а под его прикрытием отгрохали туннель. Будь на его месте Фаларен, покойник так об этом ничего бы и не узнал, он давным-давно отключил большую часть *внутренних* следящих систем, наблюдая лишь за рискнувшими сунуть нос в Хелльстад странниками. Ну да, та же инерция мышления, слишком долго они с токеретами жили в строгом нейтралитете, совершенно друг другом не интересуясь...

Зачем? А вот тут уж не нужно быть военным гением. Повидали в свое время нечто похожее. Если отрешиться от специфики Токеранга — подземная база ВВС, и не более того. Если у токеретов, помимо вертолетов, отыщутся реактивные боевые самолеты, в нужный момент увеличенные... В пещере длиной в две сотни лиг и шириной шестьдесят их можно наклепать множество — *кукольных* ждущих своего часа. А потом... эскадрильи вылетают из туннеля — по ширине тут не только истребитель пройдет, но и легкий бомбер — и начинается. Им вовсе нет необходимости покидать пределы Хелльстада — проводя аналогии с земной техникой, они могут выпустить тучу ракет по сопредельным странам и преспокойно уйти назад. Любое оружие ларов в Хелльстаде бесполезно.

Вот только один немаловажный нюанс: когда начнется эта свистопляска, король Хелльстада ни за что не допустит подобных забав у себя в королевстве. Отсюда плавно проистекает, что их будущие военные операции как-то не предусматривают наличия в Хелльстаде короля, имеющего кое-какие возможности им помешать. Оттого, видимо, и прилетел утренней порой «свадебный подарочек» мощностью в пятнадцать килотонн. И вряд ли тот подарочек — последний... Или нет. Или они, каким-то образом засекши, что взрыва не случилось, попробуют что-нибудь другое? Из пещеры могут вести и другие выходы, далеко не такие широкие и удобные, лазы какие-нибудь, но вполне пригодные, чтобы перебросить наверх нечто сугубо свое, кукольное. Вертолеты, между прочим, объявились на земле *до* постройки туннеля...

Или они пойдут на переговоры, сообразив, что прикончить Сварога не так-то просто? Как бы то ни было, нужно установить постоянное патрулирование вдоль всего периметра Хелльстада, и реку не обойти вниманием. Судя по Батшеве, у них найдутся и боевые газы, а то и бактерии. На Сварога с Яной это, предположим, не подействует, но вот их помощники-люди, оба мэтра, да и Мара здесь бывает, и другие...

Интересно, куда они девали вынутый скальный грунт? Ну, не вопрос, конечно: прокладку вели изнутри, все сбрасывали вниз, благо там откос в триста уардов...

— Ну что? — негромко произнес Сварог, ни на кого не глядя. — Они прошли уже триста уардов, не отметили никаких датчиков, не подверглись нападению... Посылаем до самого конца?

Яна с Элконом дружно поддакнули, малость поерзывая в креслах от азарта.

Сварог дал приказ. Шмели, все так же держась кольцом, двинулись вперед чуточку побыстрее, прилежно докладывая о пройденном расстоянии: четыреста уардов, семьсот, девятьсот, тысяча, тысяча двести...

Вскоре синеватое инфракрасное изображение стало чуточку тускнеть. Прежде чем Сварог успел встревожиться, последовал доклад: впереди — огромное отверстие, откуда уже пробивается тусклый, но свет, по яркости напоминающий земной в сумрачный день. Не особенно и раздумывая, Сварог скомандовал: всем погасить инфра, большей части оставаться на месте, выйдя из туннеля, при отсутствии поблизости живых или механических объектов остановиться не далее десятка уардов от выхода, включить панорамное изображение.

И вот оно, свершилось... Быть может, клятые горротцы ухитрились и здесь побывать (иначе откуда штучки с огромным комбайном?), но, пожалуй что, Сварог оказался первым земным королем, а Яна с Элконом — первыми ларамми, увидевшими Токеранг...

Как он и предполагал, от начала туннеля до далекой земли тянулся пологий откос, нагромождение обломков дикого камня — отвал, куда комбайн сбрасывал отходы производства. Никакого комбайна внизу не видно — зато основание откоса окружено добрым десятком каких-то ниточек, на совесть, вплоть до каменных стен справа и слева. Максимальное увеличение оптике... Так-так-так... И справа, и слева виднеются тускло поблескивающие здания, похожие на разрезанные вдоль цилиндры, и несколько рядов палаток — а если вон там, и вот там, и вон там, в доброй дюжине мест расположились не пулеметные гнезда, то Сварог ничегошеньки не понимал в военном деле. Колючая проволока, пулеметы, бдящие солдаты — кто-то внизу старательно позаботился, чтобы отдельные морально нестойкие личности не смогли покинуть Токеранг. Помнится, иные беглецы даже вертолеты использовали. Да и пешие... Для крошки-токерета было бы нешуточным подвигом взобраться к туннелю по оставшемуся после работы комбайна скальному откосу — но все же возможно. Судя по некоторым скудным сведениям, там, внизу, вряд ли все живут дружно и счастливо — коли уж представителей *низших* классов запросто дарят *верхним*, чтобы творили с ними, что хотели. Король, благородные господа, низшие... В таких условиях отчаянные беглецы всегда отыщутся, несмотря на то, какого они размера. Да и оппозиция здесь, как в свое время выяснилось, имелась — хотя ее судьба неизвестна...

— Еще чуть-чуть... — замороженным тоном произвела Яна. — Никто ведь их не видит...

— Еще десяток уардов — и достаточно для начала, — отрезал Сварог. — Пошли!

К сожалению, ничего интересного рассмотреть не удавалось, слева тянулось нечто широкое и серое, больше всего похожее на покрытую асфальтом или бетоном дорогу, справа, вовсе уж вдалеке, протянулась шеренга каких-то темных коробок. Земля везде серовато-коричневая — и чуть пониже наблюдателей тянется пелена уныло-черных облаков. Из них вдруг вынырнула тройка прекрасно знакомых Сварогу вертолетов — но не к туннелю метнулась, почти вертикально опустилась у тех бараков, приземлилась точнехонько на какие-то белые знаки, обозначающие явно стоянку. Караул оснащен неплохо...

— Все назад, — распорядился Сварог.

— Ой, а как же... — разочарованно протянула Яна.

— Помаленьку, — сказал он решительно. — По шажочку...

Элкон сказал с безразличным видом: вообще-то некоторые воинские уставы предусматривают в некоторых случаях разведку силами людей... И Яна его тут же поддержала:

— Шмели ушли совершенно незамеченными, там нет ни датчиков, ни локаторов...

Чтоб их черти обоих побрали! Сварогу ничего так не хотелось, как самому постоять на краю туннеля, вооружившись гораздо более сильной оптикой, чем та, которой располагали Шмели, осторожно, маскируясь, высмотреть что возможно. Ночью можно будет сюда запустить целую кучу Шмелей (днем опасно, могут заметить, это для человека они крохотные, а для токерета — едва ли не в его рост), но до ночи слишком далеко... Его искушало любопытство, не имевшее ничего общего с мушкетерской юностью — как-никак у него имелись и отличая аппаратура, и нешуточное прикрытие в виде Золотых Филинов, а то и фауны посерьезнее.

— Почему бы нам не посмотреть самим? — спросила Яна нейтральным тоном. — У нас великолепная защита, мы вовсе не лезем наобум...

— Опасно, — сказал Сварог.

— У тебя есть *логические* возражения? — прищурилась Яна. — Толковые? Или ты по привычке готов меня прикрыть от всех опасностей? А этого сейчас и не нужно...

— Они нас могут засечь... — сказал Сварог и сам почувствовал, что получилось как-то вяло.

Яна все так же шурилась:

— Можно тебя на минутку попросить выйти со мной в коридор? Элкон, ты пока останься...

Сварог вышел — косясь на экран и убеждаясь, что все Шмели благополучно покинули туннель, — а вот погони что-то не видать. Яна свернула вправо, он хотел было последовать следом, но она остановилась: подняла ладонь:

— Нет, стой, где стоишь... Вот так. А теперь медленно, аккуратно попробуй ко мне подойти, только руку выстави вперед и пальцы не ударь...

Что-то слишком уж серьезно она держалась... Сварог неспешными шажками двинулся вперед, старательно вытянув руку — и быстро наткнулся кончиками пальцев на невидимую преграду. Попробовал ее ладонью, потом обеими — ничего не получалось Яна безмятежно улыбалась:

— И вот так — *весь* коридор. А если понадобится — перегороджу весь туннель. И эскадрилья твоих золотых птичек будет наготове. Это взбалмошное решение или основанное на реальном соотношении сил? Как тебе кажется?

— Дор Террах? — спросил он в некоторой растерянности.

— Вот именно, супруг мой, — улыбалась Яна. — Скажу по секрету, там гораздо больше возможностей для защиты, чем для нападения, но нам ведь сейчас защита и нужна? Уж если твои золотые обезьянки справились с атомной бомбой, то и я кое с чем справлюсь... Не считаешь меня взбалмошной?

— Нет, — медленно сказал Сварог.

...Их проход по туннелю ничем не напоминал авантюрное, на скорую руку подготовленное предприятие: впереди, уардах в двухстах летели клином Золотые Шмели, готовые в любой момент подать сигнал тревоги, сзади, рассре-

доточившись во всю ширину туннеля, парили две дюжины Золотых Филинов, а под потолком (инициатива Сварога) скользил еще и Золотой Дракон. Сварог поневоле подумал: такое бы снаряжение в старые времена, когда тебе давали меч с шауром и очень просили по возможности вернуться живым...

Когда впереди замаячил бледный свет, они отключили «ночное зрение» и двинулись дальше, практически не спотыкаясь — фрезы выбрали скалу ровно, нужно было только приноровиться к ширине поперечных «ребенок», оставшихся на полу и стенах. Все трое из предосторожности надели кожаные камзолы, что крайне пригодилось, когда они распростерлись животами на краю скального отвала. Подняли к глазам овальные ящички «Филинов» — «дальнее зрение», бог его ведает, почему, здесь работать отказалось (хотя ночное, пусть тоже направленное «вне»), работало исправно. Черт бы побрал эти магические казусы, примечания мелким шрифтом... А впрочем, и «дальнее зрение» не помогло бы в тумане или облаках. Хорошо еще, что техника была *местная*: как пояснил Маус, Фаларен любил когда-то игру в прятки во дворце, где было погашено все освещение, или в темном саду. А теперь его безделушки взяли да и пригодились всерьез...

Серые облака почти сплошным ковром лежали над всем Токерангом, несколькими уардами пониже каменного небосклона пещеры — должно быть, неизвестные особенности здешнего климата. Отсюда, из-под этого бугристого каменного неба, было видно вокруг на расстояние лиг в двадцать, не больше, но и того хватило, чтобы рассмотреть там и сям кое-то интересное. Справа длинными, едва ли не бесконечными рядами тянулись те самые темные коробки, похожие то ли на фабричные корпуса, то ли на ангары... Вероятнее... вероятнее как раз второе! Для фабричных корпусов их соединяла чересчур уж густая сеть серых дорожек: и на их глазах вдруг распахнулись двустворчатые ворота, выкатился своим ходом самолет со стреловидными крыльями, с двумя обтекаемыми баками под фюзеляжем, развернулся направо. В сопле мерцал оранжево-алый огонек, даже сюда доносился едва слышный тяжелый шелестящий свист. Увеличивая скорость, он пронесся куда-то вправо, оторвался от полосы вправо и ушел. Аэродром, подумал Сварог, вон и радарные башенки видны, правда, радары непривычной формы, похожие на ромбы с вогнутыми сторонами. Значит, он угадал все правильно — тут готовят воздушный флот, и немаленький. Которому на земле просто нечего противопоставить. Кроме хелльстадской системы, отлично пригодной на роль ПВО... но, как уже говорилось, будем реалистами и вспомним, что бессмертных не бывает. *Достать* Сварога очень просто отнюдь не в Хелльстаде, а в любом из земных королевств. Эти безжалостные и целеустремленные ребята должны были заранее продумать, как решить проблему под названием «король Сварог». Но не станешь же постоянно окружать себя сплошной стеной телохранителей, даже в этих условиях? Не говоря уж о том, что среди охраны как раз и может найтись *некто*, что много раз случалось... Никогда еще собственная спина не казалась ему столь незащитной. А ведь безвылазно в какую-нибудь камеру не засядешь, государственными делами заниматься надо, а их немало накопилось. Остается старый, но верный способ: кольчуга из толладской стали под одеждой, многих это выручало, не только монархов...

— Вон там, слева... — показала Яна.

Слева та серая дорога как раз и проходила через несомненный город —

странноватой архитектуры, правда, где большинство зданий были похожи на овалы с обрезанными концами, квадратные башни покрыты круглыми невысокими крышами, мощеной выглядела только центральная часть, а остальное представляло собой хаотическое скопище круглых домишек с крышами конусом. Вообще, присмотревшись и выведя резкость на максимум, Сварог пришел к выводу, что этот городишко напоминает скорее земные города, чем обиталище людей, владеющих ядерными технологиями и реактивными самолетами: машин на улицах не видно, а вот крохотные всадники и повозки во множестве просматриваются. А посреди городка, превосходя по высоте все остальные здания, вздымается сооружение, больше всего похожее на замок сеньора: несколько овалов, один на другом, нижнее здание совершенно лишено окон, шесть внушительных башен, на самой высокой развевается неразличимый отсюда флаг. Ну что ж, уже понятно, что в Токеранге уживаются и специалисты по атомным бомбам, и вульгарная знать (быть может, зачастую это одни и те же люди) — вон там вроде бы деревушка, и еще, и еще, а там ухоженные поля... Ничего необычного. Бывает. Разве что на Таларе это *разнесено* в пространстве, одни за облаками, другие на земле, а здесь все уместается в гигантской пещере... В принципе, ничего нового...

— Магии я здесь не чувствую ни на ломаный грош, — тихонько сказала Яна.

— А я вот поймал далекие радиопереговоры, — сказал Элкон.

— Ничего удивительного, — сказал Сварог. — Отключи-ка аппаратуру, а то мало ли...

— Как-то мне здесь не нравится, — сказала Яна. — Чутьочку уныло все выглядит...

— Да уж, — сказал Сварог. — Ничего похожего на веселых гномов в ярких кафтанчиках, с песнями идущих на работу... Режьте мне голову, но во-он там, над речушкой, торчит самая натуральная виселица, пустует, правда...

— Да, похоже...

— Отступаем, — сказал Сварог. — Ночью осмотрятся Золотые Шмели, а у меня еще немало дел. Кончились свадебные песни-пляски, увы... Работать надо...

...Он шагал по роскошным коридорам довольно хмурый: если разобраться, не было особенных причин для радости. Да и Яна с Элконом из туннеля ушли охотно и веселыми отнюдь не выглядели. Видимо, все трое подсознательно ждали если не каких-то особенных красотостей, то чего-то яркого, интересного — столько времени и сил было потрачено, чтобы отыскать Токеранг... И перед ними предстало нечто в буровато-серых, унылых тонах: непритязательные деревеньки, скучный городок с замком сеньора и виселицей на опушке, колючая проволока, безликие ряды ангаров. А главное, до сих пор непонятно, чем им это открытие может помочь...

В огромной, роскошной приемной сидели бок о бок Интагар с картонным чехлом для бумаг на коленях и Аурика с небольшой коробкой для здешних дискет, цилиндрическим футляром. Здесь же помещался секретарь Сварога из девятого стола, прихваченный для облегчения работы. Он и здесь исполнял свои функции с добротной надежностью механизма — судя по нему, его нисколько не занимало и не волновало, что штаб-квартира Сварога на сей раз находится в Хелльстаде, он бы и в более удивительных местах держался точно

так же.

Сварог на секунду задумался и спросил:

— Интагар, у вас что-то срочное, или рутинный доклад?

— Доклад, государь, — ответил Интагар. — Будь что-то срочное, я бы уже доложил.

— Ну, тогда придется вам еще немного поскучать, — сказал Сварог. — Первой я приму герцогиню Марч, коли уж она уверяла, что открыла что-то крайне интересное, пусть и не срочное, способное подождать до окончания свадебных торжеств... Прошу.

Не утруждая секретаря, он сам распахнул перед девушкой высокую резную дверь, проводил в кабинет, а сам задержался и тихонько бросил секретарю:

— Немедленно разыщите маркиза Оклера и отца Грука, пусть ждут в приемной.

Секретарь грустно сообщил:

— Государь, отец Грук, как бы поделикатнее выразиться, не вполне еще пригоден для государственных дел...

— Ну так приведите сначала в пристойный вид, — сказал Сварог и захлопнул за собой дверь.

Кабинет был помпезный, исполненный самой дурной роскоши, шагать к своему столу пришлось уардов десять. Фаларен, конечно, в старые времена позаботился, чтобы оказывать нужное воздействие на придворных. Сам Сварог с удовольствием подыскал бы что-нибудь гораздо поменьше и попроще — должна же здесь располагаться уйма кабинетов для сановников, в том числе и вовсе незначительных — но не было смысла. Здесь он делами более заниматься не собирался, просто так уж выпало, что иные дела совместились со свадьбой...

Он уселся за необозримый стол из цельной малахитовой плиты и, ничего не говоря, устремил на юную сотрудницу долгий вопрошающий взгляд. Который она по врожденному женскому чутью великолепно поняла. Вскинула глаза:

— Осуждаете?

Ни тени раскаяния на лице красивой тихой смуглянкой что-то не отражалось. Наоборот, там присутствовала явная строптивость. Незавидная все же доля выпала, подумал Сварог: быть не только командиром, но и воспитателем своих доблестных сотрудников — работников хороших, но со свойственными их возрасту заморочками. Парни ему особых хлопот не доставляли, а вот девичья троица... Впрочем, с Томи, вот счастье-то, пока что никаких хлопот вроде бы не предвидится: по докладу Мяуса, оба гуляют по парку, взявшись за руки, «никого и ничего вокруг не замечая», как выразился хвостатый министр. Вообще-то это тоже грядущие хлопоты, если подумать...

— Я не богослов, Аури, — сказал Сварог. — Просто листал однажды Катберта-Молота, и мне там попало отличное изречение: «Кто ты такой, чтобы судить остальных? Кто я такой, чтобы судить остальных? И по какому праву остальные должны судить нас? Оставим это Богу». В общем, на том и остановимся. Тем более, у меня есть кое-какие идеи... Давай о деле. Что ты там открыла?

— Собственно говоря, это не я открыла, — сказала Аурика со вздохом облегчения, видя, что воспитательная работа закончена. — Кое-что нашлось в ста-

рых архивах, где ему не придавали значения... Видимо, не нашли тогда, как это использовать в практических целях. Я обработала материалы, кое-какие соображения и выводы добавила уже от себя. Видите ли, командир, материалы неопровержимо доказывают, что «спектр», или, как его часто называют, «ореол» у всех разный. Я не конкретных людей имею в виду, конечно. Упрощенно говоря, у ларов ореол один, как и у их чистокровных потомков, у потомков от браков ларов с земными женщинами — другой, у обитателей земли — третий. И различия в каждом случае слишком велики, чтобы можно было ошибиться или спутать. Вот здесь, — она поставила на стол футляр, — все изложено подробно и научно. Есть даже чертежи датчиков для распознавания... но нет упоминаний, что их сделали. Не было практических целей. Но сейчас, когда зашла речь о Хитрых Мастерах...

Ай да девчонка! — подумал Сварог. За одно это должна быть избавлена от любого чтения морали. В самом деле, какими бы там хитрыми технологиями Вингельт сотоварищи ни владел, он не может скрыть одного крайне существенного факта: они *лары*. Их ушло человек пятьсот, сказал тогда Канцлер. Вряд ли они заключали бы браки исключительно в своем кругу — должны были понимать, что это грозит вырождением. Кто-то из их мужчин должен был жениться на земных женщинах... а кто-то из их женщин, очень возможно, выходил замуж за земных мужчин. В любом случае в них должно быть слишком много от ларов. И если располагать детекторами...

— Чертежи детекторов полные? — спросил он деловито.

— По-моему, да, — уверенно ответила Аурика. — Вот только радиус действия невелик, не более сотен уардов.

Это гораздо лучше, чем ничего, подумал Сварог. Сотня уардов — тоже неплохо. В любой толпе можно распознать Хитрого Мастера, и не нужно для этого никакого колдовства — старуха Грельфи по этому поводу предлагала какую-то колдовскую процедуру, но очень уж сложную и запутанную, да и доступную, кроме нее, единицам старых ведуний. Детектор — совсем другое дело. Ну а там, как учит нас история техники, мощность можно и увеличить, первые радиопередатчики тоже могли передавать с крыши на чердак, не более...

— Аурика, ты молодец, — сказал он искренне. — Я нынче же составлю бумагу Канцлеру, попрошу, чтобы занял этим своих умельцев из Техниона, если выйдет толк, я на тебя целый отдел взвалю... Справишься?

— С вами да не справиться, командир... — она попыталась улыбнуться, но личико оставалось грустным. — Разрешите идти?

Ну конечно, подумал Сварог не без сочувствия. Разлука, прощание и все такое...

— Подожди, — сказал он. — Коли уж со служебными делами все, будем решать вашу проблему. Ты прекрасно понимаешь, о чем я...

— Вы полагаете, ее можно решить? — с грустной улыбкой спросила Аурика. — Это нереально. Мы... мы обдумали все, что только возможно...

— Меня вы в расчет не брали, — сказал Сварог, усмехаясь. — Поискал среди золотых завитушек на торце стола ту, что выполняла функцию звонка секретарю, пару раз ошибся, чертыхнулся, наконец обнаружил нужную. Когда на пороге возник секретарь, спросил: — Маркиза и отца Грука нашли? Отлично, давайте обоих...

Маркиз Оклер вошел с видом крайне настороженным, словно ждал от Сварога какого-то подвоха. Чинно прошагал к столу, чинно уселся, и они, не удержавшись, обменялись с Аурикой такими взглядами, что Сварог уверился: о настоящей любви ему не врал...

Отец Грук, наоборот, важно шествовал с таким видом, словно ему любое море по колено. Его, сразу видно, кое-как привели в более-менее пристойный вид, но последствия еще давали себя знать. Больше всего на свете, сразу видно, ему хотелось не приема в роскошном королевском кабинете, а что-нибудь вроде черпака доброго нэльга. Сварог жестом указал ему место в сторонке, повернулся к влюбленной, чтоб ее, парочке, смотревшей на него с тревогой и робкими надеждами на некое чудо.

— Ситуацию обсуждать не будем, я надеюсь? — спросил он спокойно. — Мы все трое прекрасно знаем, как обстоит дело. А внести изменения в Брачный Эдикт не может даже императрица — это один из тех случаев, когда придется созывать Законодательную ассамблею, а ее собирают по крайне серьезным поводам, и ради вас, уж простите, друзья мои, делать этого никто не будет... Стоп, стоп, стоп! Что это вы так пригорюнились? Вы что, никогда не слышали о прорехах в законодательстве и юридических казусах? Серьезно?

— Я офицер, лорд Сварог, — пожал плечами Оклер, на которого было жалко смотреть. — Юридическим крючкотворствам не учен. (Аурика понурилась и вовсе печально).

— А зря, честное слово, — сказал Сварог. — Изучая наши законы, можно найти столько интересного... Вот вы три дня дорогими гостями присутствовали на свадьбе некоей королевской четы, но, ручаюсь, были заняты друг другом настолько, что вам и в голову не пришло подумать: а как такое вообще стало возможным? Почему на свадьбе, не выказывая протеста, присутствуют и принцы, и Канцлер? Да исключительно потому, что новобрачные, — он широко ухмыльнулся, — никаких законов *не нарушали*. Просто-напросто не нашлось закона, прямо запрещающего бы подобную свадьбу. Ну, а то, что не запрещено, как известно, разрешено... Ничего, если я буду чуточку многословен? Так вы лучше поймете. Там, — он показал пальцем на потолок, — в Брачном Эдикте, четко прописано, что двоеженство и двоемужество прямо запрещено благородным ларам и лариссам. На земле, кстати, тоже — но это касается исключительно жителей земли. А вот *третьего* варианта не предусматривают ни земные законы, ни имперские. Чему доказательством, повторяю — только что состоявшаяся свадьба.

— Командир! — прямо-таки умоляющее воскликнула Аурика, прижав руки к груди. — Если вы что-то можете... Не томите душу!

— Хорошо, — сказал Сварог. — Так вот, я несколько часов копался в делах самых разных учреждений и выяснил массу интересных вещей. У нас в Империи насчитывается сто одиннадцать благородных ларов и ларисс — впрочем, теперь уже сто двенадцать, включая мою *супругу*, — имеющих земное дворянство, носящих земные титулы или придворные звания. Кому-то это понадобилось из чистого тщеславия, кому-то из эксцентричности, но многие и в самом деле обожают с этими титулами и званиями блистать при дворах земных королей. Главное, законы Империи не запрещают эти титулы и звания принимать. И вот тут-то, из-за того, что закон сух и краток, возникает возможность сделать что-то, что этим законом не запрещено. Как сделали мы. Короче гово-

ря, любезный маркиз, любезная герцогиня... Королева Сегура оказалась так добра, что решила присвоить вам обоим сегурское дворянское достоинство. С присовокуплением каких-то титулов, но я не забивал себе голову деталями... Кроме того, вы, маркиз, если вы не знали, — с недавних пор камергер сегурского двора, а герцогиня — фрейлина ее величества. — Он посмотрел на их ошеломленные лица и откровенно рассмеялся. — Остается лишь, чтобы служитель божий... — он посмотрел в сторону, нахмурился и прикрикнул: — Служитель божий!

Отец Грук, нацелившийся было всхрипнуть, моментально поднял голову и придал себе самое внимательное выражение.

Сварог спокойно продолжал:

— Остается лишь, чтобы данный служитель божий — простите ему некоторую усталость — по всем правилам обвенчал там же, на Сегуре, двух лиц дворянского сословия. Понимаете мою мысль? С этого момента вы будете существовать как бы в двух лицах — имперском и земном. Лично со мной это давно случилось, и никаких неудобств я от этого не испытываю, а вот несомненная польза имеется. Там, в Империи, все остается по-прежнему, но вот на земле, в любом ее уголке, ваш брак будет считаться законнейшим. Поскольку заключен по всем правилам. Конечно, там, — он вновь показал пальцем на потолок, — неминуемо возникнут пересуды, трения... но вопрос в том, боитесь ли вы этого? Мы с моей супругой, как видите, не боимся нисколечко. Ну, а со временем могут произойти изменения, ни один закон не вечен... Вы оба еще в отпуске, время ждет... И вимана королевы Сегура ждет у Ворот. Вы согласны отправиться с ней на Сегур? Вместе с присутствующим здесь служителем божьим, три дня назад уже соединившим должным образом одну пару? Если согласны, поторопитесь, у меня масса срочных дел...

Они вскочили, держась за руки, с таким видом, что ответа не требовало. Маркиз Оклер выдохнул:

— Лорд Сварог, вы гений!

— Да, я и сам иногда чувствую, как на меня что-то такое накатывает... — скромно сказал Сварог. — Пойдемте, друзья, не стоит заставлять королеву ждать...

Он крайне деликатно, но настойчиво выставил так и не пришедшую в себя до конца ошеломленную и ошарашенную пару из кабинета, напутствовав их, что все вопросы решит королева Сегура. Повелительным движением руки отправил следом отца Грука, мимоходом удержав за рукав рясы и грозно шепнув:

— Чтобы к свадьбе быть, как стеклышко!

И кивком головы позвал Интагара. Тот присел у малахитового стола, разложил несколько бумаг из своего футляра и, побуждаемый кивком Сварога, начал с ходу:

— По-моему, мои ребята в Гартвейне поработали как следует. Картина представляется следующая. Корас Вингельт, сорока одного года, обедневший дворянин, последние годы занимался ювелирным делом, что дворянину, как известно, не возбраняется. Владеет достаточно большой ювелирной мастерской с двумя дюжинами мастеров и дюжиной подмастерьев...

Вот оно! — подумал Сварог. Прикрытие крайне удачное. Станки, инструменты, сложные работы, к тому же секретность, которой любой серьезный

ювелир окружает свои дела. И если там только свои, никто не узнает, что именно мастерит старательный ювелир, — затейливое украшение для местной баронессы или нечто, подпадающее под «Закон о запрещенной технике».

— А нет ли у него знакомых... — сказал Сварог. — Скажем, среди владельцев механических мастерских?

— Я понял ход ваших мыслей, государь, — мгновенно ответил Интагар. — Именно что есть. Владельцы двух крупных механических мастерских, выполняющих сложные, тонкие работы, часовщики, стеклодувы, изготовители компасов и барометров — за этим тоже можно многое спрятать. Мастера по изготовлению приборов для ученых, аптекарской утвари... Словом, куда ни глянь, мы видим в его постоянном круге общения мастеров всевозможных точных работ в самых разных отраслях, людей из Сословия Циркуля и Сословия Совы. Внешне, разумеется, выглядит совершенно безобидно: сплошь и рядом именно такой круг общения образуют люди вышеупомянутых профессий, но, учитывая личность господина Вингельта...

— Гнездо, а? — спросил Сварог.

— Я бы не исключал, государь, — кивнул Интагар. — Увы, точной информации нет. Моим ребятам пришлось работать в непростых условиях: город, хотя и провинциарий, не такой уж большой, каждый новый человек на виду, а чересчур откровенные вопросы могут всполошить птичек... Мои люди, правда, выбрали безупречное прикрытие: они — агенты банкирского дома, достаточно серьезного, господин Вингельт просит у них достаточно крупный кредит, и их послали, чтобы втихомолку собрали как можно больше сведений о будущем заемщике.

Такое случается сплошь и рядом, подозрений обычно не вызывает. Тут другое... Очень быстро обнаружилось, что кое за кем из моих ребят, в свою очередь, ведут мастерское наблюдение, по качеству не уступающее работе моих лучших специалистов. Видимо, мы где-то, сами того не заметив, наступили на чью-то мозоль...

— Или они ждали кого-то вроде вас, — сказал Сварог. — Понимали, что вы придете. Они открыто высказали мне в лицо: прекрасно осознают, какая сейчас за ними начнется охота. Так что ваши люди не виноваты — вы же наверняка отбирали лучших... И стоило им где-то появиться, их моментально взяли на заметку. У этих людей, Интагар, опыт *прятаться* огромный и насчитывает несколько тысяч лет... Да, так что сам Вингельт?

— На самом хорошем счету в городе. Спокойный, незаметный человек, живет, не привлекая к себе внимания (Еще бы — подумал Сварог), пользуется самой хорошей репутацией. Иногда со знакомыми посиживает в кабачке «Золотой вепрь» — заведение приличное, для чистой публики. Ходят слухи, что у него есть любовница...

— Или он сам их втихомолку распускает через знакомых, — фыркнул Сварог. — Человек без *малейших* слабостей или недостатков в глазах некоторых смотрится еще подозрительнее, чем явный повеса или картежник...

— Да, он и в карты понемногу играет — опять-таки в очень приличном игорном доме, куда кого попало с улицы не пускают. Вообще, мои люди наткнулись на множество таких вот закрытых для постороннего доступа компаний — и в двух кабачках, и в игорном доме, и в «Клубе златокузнецов». Само по себе это еще ни о чем не говорит: солидные люди сплошь и рядом обосаб-

ливаются от захожих с улицы. Словом, если смотреть только с *внешней* стороны, не предупреди вы меня кое о чем, картина вырисовывается, не вызывающая ни малейших подозрений: солидный ювелир, владелец крупной мастерской, благонамеренный подданный, с мелкими страстишками, простительными любому... Да, еще одна у него страсть имеется — охота. При любой возможности ездит в отроги Каталаунского хребта. Часто привозит дичь, все честь по чести...

— В Туарсон?

— Обычно *через* Туарсон. Вот в эти примерно места, — Интагар показал по карте. — Места не такие уж глухие: там есть пара-тройка деревень, небольшой монастырь... — Интагар многозначительно поднял палец. — Монахов-печальников.

— А это еще кто?

— Монашеский орден из приверженцев Единого с одним из крайне строгих уставов, — сказал Интагар. — Я интересовался. Они там у себя дают обет полного молчания, даже, говорят, в монастыре друг с другом не разговаривают, молятся молча, не пускают к себе на ночлег прохожего-проезжего, разве что он серьезно ранен, ограблен, при смерти...

— Понятно, — сказал Сварог. — Еще одно местечко, где при желании можно укрыть что угодно и кого угодно, а?

— Пожалуй что, ваше величество. — Интагар помолчал и серьезно сказал: — Вообще-то серьезно раненного и ограбленного организовать нетрудно, кровь ручьями будет литься...

— Нет уж, пока подождите, — сказал Сварог столь же серьезно. — Ничего ваш раненый может не увидеть, кроме каморки, куда его поместят сердобольные отцы... Вина, конечно, тоже не пьют?

— Никоим образом.

— Ну, вот видите, — сказал Сварог, — самое неподходящее место для внедрения. Это вам не какой-нибудь монастырь Катберта-Молота, где всегда найдется пьющий и разговорчивый монах вроде нашего отца Грука...

— Вот и я так думаю, государь. Поэтому мы ограничились тем, что послали людей по его обычным охотничьим маршрутам. У меня там задействовано человек сто, но вы же сами приказали людей не считать...

— И еще раз приказываю, — сказал Сварог. — Под самыми благовидными предложениями, с величайшей осторожностью постарайтесь натолкнуть в Гартвейн побольше *оседлых*, сколько удастся. Самых неожиданных: студента на каникулах, новобрачных в свадебном путешествии... Ну, не мне же вас учить.

— Сейчас подготовлены семнадцать человек «неожиданных», как вы выражаетесь, разновидностей, — сказал Интагар. — Вы не спрашиваете, что с Вингельтом?

— Я примерно догадываюсь, — сказал Сварог. — Он же не идиот, чтобы туда возвращаться. Либо отправился в долгое путешествие по торговым делам, либо задержался на охоте, откуда уже не вернется. А потом, чего доброго, придет известие, что его запорол на охоте матерый вепрь...

— Вот именно. В городе говорят, что он на охоте. Он и раньше выбирался на пару недель, так что никто пока не беспокоится.

— Семья?

— Жена, дочь одиннадцати лет. В доме еще постоянно живет пятнадцати-

летний племянник, сын покойной сестры. Трое слуг... — Интагар поморщился. — Продувные бестии. Так просто к ним подходы не найдешь.

— Племянник пятнадцати лет... — задумчиво повторил Сварог. — И дочь — одиннадцати. Вот это уже крючочек, а? Племянник может совершенно случайно познакомиться с очаровательной ровесницей, а среди дочкиных подруг затесаться новая... Не делайте столь ханжеского лица, Интагар. Я прекрасно знаю, что вы и агентов *столь* нежного возраста используете.

— Ну как же без этого, государь, — сказал Интагар спокойно. — И никого не приневоливаем, конечно. Понимаете, у полицейских и тайных агентов есть малолетние сыновья, дочери, племянники и племянницы... Если их сызмальства заинтересовать *ремеслом*... Иногда очень полезно выходит. Я обязательно учту все, что вы говорили... И знаете, что мне пришло в голову? Наш Вингельт не может отсутствовать бесконечно и пропасть безвестно, как бродяга на большой дороге. Его отсутствие обязательно надо будет как-нибудь *обосновать*. Если в торговой поездке, убит разбойниками. Если на охоте — как вы говорили, запорот кабаном. Жене просто полагается вскоре начать беспокоиться, наводить справки... А то и явится кто-нибудь ей сообщить о смерти мужа. Вот и посмотрим, что она будет делать. Если она совершенно не в курсе мужниных дел, — а такое бывает — поступит, как многие на ее месте, — продаст все, с чем не сможет управляться, и то ли станет мирно жить-поживать на проценты, то ли уедет. А если — в курсе? Если эти мастерские нельзя бросать? Одним словом, хоть какая-то ниточка у нас есть. Агенты в Гартвейне осядут. Наблюдать будем тщательнейшим образом. И подходы к перспективным *болтунам* будем искать ювелирнейше. Не может же *весь* город оказаться в заговоре?

— Да, это было бы уж чересчур, — кивнул Сварог.

— Вот и я не верю...

— А сколько лет жене? — спросил вдруг Сварог.

— Тридцать один.

— Красивая?

— Мои пари говорят, весьма... — Интагар заговорил деловито. — Вы полагаете, государь, следовало бы и ей кого-нибудь... подставить? Репутация у нее вроде бы самая благонамеренная...

— Да нет, я просто из любопытства спросил, — сказал Сварог.

Любопытство тут было ни при чем. Простой житейский расчет. В конце концов, Вингельт — живой человек, а не робот. Нормальный мужик рано или поздно попытается украдкой навестить темной ночью молодую красивую женушку всего-то тридцати одного года от роду. А сделать ему это чертовски просто, коли уж он умеет управлять Древними Дорогами. В комнате на первом этаже, под которой нет подвала, внезапно откроется дверь, за которой виднеются странные деревья, и Вингельт оттуда выйдет, как ни в чем не бывало, а на рассвете тем же образом уйдет. И самые опытные сыщики Интагара не смогут этого засечь... А вот аппаратура Велордерана может, она, в отличие от систем ларов, способна проникать и под крыши, в дома, в комнаты. Вот и придется поставить домик покинутой женушки под круглосуточное наблюдение — все равно роботы не устают. А заодно и несколько других домов, тех, что с точки зрения Интагара, наиболее подозрительны. Самому Интагару об этом, конечно, пока знать не следует — ревностнее работать будет, не зная,

что его подстраховывают электронные уши и глаза. Взять Вингельта, конечно, не удастся, нереальная задача, вспоминая, чем кончилась такая попытка в Латеране... Но если жена в курсе дел, а то и сама из *этих*, можно будет, пожалуй, услышать что-нибудь интересное.

И приказ Тринадцатому Обезьяну нужно отдать как можно скорее. Неизвестно, сколько времени осталось в запасе. Вингельт достаточно умен, чтобы предсказывать иные ходы Сварога, не все, но некоторые, особого ума тут и не требуется, мало-мальски соображающему человеку ясно, что Гартвейн вскоре будет наводнен агентурой. И Вингельту придется поторопиться, если он опасается, что Сварог вполне может взять его жену в заложницы, как уже проделал это с Эгле... А вообще-то это мысль... Жена и дочка одиннадцати лет... Опять совесть начнет покусывать, но цыкнешь, в сотый раз напомнив о королевском ремесле, — и спрячется... А ведь это мысль! Нет времени для вдумчивых наблюдений, нет!

— Вот что, Интагар, — решившись, сказал Сварог. — Я вам дам поручение, которого, уж простите, объяснять пока не буду. Постарайтесь как можно быстрее выяснить, есть ли в доме жены Вингельта комната на первом этаже, под которой нет подвала или иного подземелья. Есть или нет. Далее. Я туда отправлю отряд... своих ребят. Нужен пароль, чтобы их начальник сразу признал моего. Устройте это в кратчайшие сроки.

— Сделаю, — лицо Интагара изобразило сложноватую для него гамму чувств. — Хотите ее взять? Думаете, он придет за ней?

— А почему бы и нет? — спросил Сварог холодно. — Не придет за ней — придет за дочкой.

— Комната на первом этаже, под которой нет подвалов... — задумчиво повторил Интагар. — Думаете, это какое-нибудь колдовство?

— Не знаю, — сказал Сварог, чтобы не посвящать своего верного бульдога во все тонкости.

— По-моему, тут другое... — сказал Интагар словно бы в некоторой растерянности. — По-моему, они там через одного лары...

А вот *таких* подробностей он ни от кого узнать не мог...

— Почему вы так решили? — спросил Сварог жестко.

— Понимаете, государь... Мне не хотелось вставлять это в отчеты, мало ли тут какая высокая политика...

— Интагар, вы служите не высокой политике, а мне, — сказал Сварог. — Не забыли, часом?

— Ну что вы... Может, то все была случайность... Понимаете, сыщик мялся, я из него клещами вытягивал... В общем, Алита Вингельт как раз выходила со двора, и какой-то уличный мальчишка запулил ей из рогатки в спину. Они там не особенно шkodливые, не камнями пуляют, а хлебным мякишем... Так вот, он клянется, что шарик отлетел у нее от спины, будто отброшенный невидимой рукой, а она даже и не почувствовала... — Интагар словно бы замаялся. — В общем, я подрядил с полдюжины таких вот сорванцов, дело поручил нехитрое: каждый должен был пальнуть в спину парочке почтенных граждан. Сам не знаю, что меня толкнуло... За каждым шел сыщик. Так вот, удалось им это с десятью человеками. Пятеро вели себя, как обычные люди, — обернулись, пальцем погрозили, постращали, что уши оборвут... а от половины так же точно *отлетело*...

Гнездо, подумал Сварог. И некогда, учитывая сложную обстановку, его вдумчиво разрабатывать. Нужно *тряхнуть* Гарвейн, самым решительным образом.

— Ваши люди, конечно же, заметили, от кого именно *отлетело*?

— Конечно.

Сварог встал (Интагар торопливо поднялся следом):

— Передайте вашим людям, пусть работают по-прежнему. И ждут моих.

Едва за Интагаром захлопнулась дверь, он по привычке потянулся к столешнице, забыв, что это не его кабинет в девятом столе и нужных устройств тут нет. Выругался сквозь зубы, без лишней торопливости вышел в коридор. Бросил секретарю:

— Девятому столу — Белая Тревога. Полная готовность. Это не касается только герцогини Марч. Восьмой департамент в полную готовность. Второму манору передайте вот что...

Отдав все приказы, вышел в коридор. Главное — не суетиться, обдумать все холодно и четко. Во *второй* раз осечки быть не должно... если только он не опоздал.

В коридоре попался навстречу граф Гаржак, с крайне довольным выражением лица.

— Ну как, граф? — спросил Сварог. — Изложите впечатления по-солдатски прямо...

Гаржак блеснул великолепными зубами:

— Если по-солдатски — эта особа может стать украшением любого дорогого борделя...

Сварог усмехнулся:

— Она, часом, не уговаривала воткнуть мне в спину ножик или проделать еще что-нибудь столь же хамское?

— Ну что вы, государь, — серьезно сказал Гаржак. — Не того полета птичка. Серьезная особа. Просто-напросто опять крайне деликатно выспрашивала, доволен ли я своим положением при дворе, как идет служба, нет ли от вас каких притеснений, нет ли на вас каких обид... Приглашала в Лоран погостить.

— Поезжайте, — сказал Сварог. — Глядишь, к тому времени и обиды объявятся... Ну, мы это еще обговорим.

Он кивнул графу и быстро зашагал дальше. Поднявшись на последний этаж, вошел в дверь мимо торопливо отступившего Золотого Истукана, прямоком направился в наблюдательный зал. Плюхнулся в кресло, жестом подзвал ближайшего Обезьяна за номером шесть, подложил перед ним полученную от Интагара подробную карту Гартвейна и кратенько объяснил задачу. Тот проворно уселся за пульт.

Изображение на экране двигалось на высоте колена. Сварог распорядился поднять его повыше. Немоощеная, но чистенькая улица, застроенная двухэтажными приличными домиками, сразу видно, принадлежащими зажиточным хозяевам — аккуратные вывески торговых лавок и разных дел мастеров, ни луж посреди дороги, ни бродящих свиней, — ну, как-никак провинциарий... Он сверился с картой — теперь налево и прямо, прямо, не сворачивая...

Вот оно! Первый этаж каменный, второй — из потемневших бревен. Слева — вход во двор, справа — вход в небольшую лавочку под вывеской «Корас Вингельт. Ювелирные работы, починка украшений». Что ж, все правильно:

солидные ювелирные заведения, даже в столицах, никогда не стремились к пошлomu *размаху* — сплошь и рядом помещались в заведениях немногим больше этого. Но в задних комнатах как раз проворачивались миллионные дела. Специфика ремесла.

Он, конечно, никогда не видел Алиту Вингельт, но по описанию Интагара узнал ее моментально: красивая, ничуть не полноватая брюнетка лет тридцати. Она как раз закрывала ставни в лавочке. Итак, она еще там. Возможно, Вингельт ожидал от Сварога долгой разработки, а не повторения истории с Эгле. Возможно, Вингельт был слишком занят далеко отсюда. Возможно, наконец, этой ночью он ее все же заберет. Но ничего тут не поделаешь: Сварог прекрасно помнил свое поражение. Чтобы тщательно подготовить серьезную операцию, нужны как минимум сутки. Даже если Вингельт опередит, он не заберет с собой весь Гартвейн — и быть не может, чтобы там не осталось никого и ничего *интересного*.

Ну и, наконец, смеркалось. Вскоре Золотые Шмели должны уйти в Токеранг — а наблюдать их глазами, пожалуй, еще важнее, чем устроить на Вингельта охоту с живцом...

Глава V

Сюрпризы и находки

С сумерками Вентордеран покинули все посторонние — и королек из Вольных Маноров, ухитрившийся и за третьим застольем переправить в карман золотую ложку, и бережно погруженный в виману Мары отец Грук. Яна со Сварогом остались в одиночестве перед огромными экранами, в окружении Золотых Обезьян и Мяуса, скромно притулившегося в уголке, как и положено министру тайной полиции.

Началась разведка — крайне неспешная, осторожная, без всяких попыток лихого кавалерийского наскока. Они не разговаривали об этом, но по глазам было видно, что и ему, и ей хотелось именно лихого рывка под землю целых эскадрилий. Пришлось эти мысли безжалостно гнать.

Сначала десяток Шмелей проник внутрь, пролетел над осыпью, и, держась над облаками обстоятельно и подробно рассмотрел укрепления, прикрывавшие осыпь. Все подтвердилось: и десяток рядов колючей проволоки, и коробчатые броневики, и зенитные орудия были установлены исключительно для того, чтобы в случае чего не выпустить в туннель *своих* беглецов — пеших или на вертолетах. Вторжения извне никто, сразу видно, не опасался.

Снаружи никто не ждал сюрпризов. И никто не отреагировал на крохотных соглядатаев. А потому их становилось все больше — они, опять-таки не особенно спеша, вереницами проникали все глубже в Токеранг, рассыпались веерами, счет маленьким шпионам уже пошел на сотни. Это продолжалось часа два, пока последние не достигли противоположного конца пещеры, уже в Заречье. Под каменным небом, над серыми облаками, закрывавшими едва ли не две трети здешнего «небосклона», повисли сотни крохотных, в полпальца, золотых соглядатаев. И никто их пока что не замечал, так что уже, видимо, не следовало подозревать какой-то коварный умысел токеретов — впустить, например, всех и уничтожить разом. Никто не пытался нащупать их радарами, самолеты в воздух не поднимались. Правда, в нескольких местах Шмели за-

фиксируют радиопереговоры, но они, тут же переданные в Центр, касались исключительно происходящего на земле: рутинные переговоры каких-то сторожевых постов, донесение о выходе какого-то каравана, о выпуске очередной партии продукции (о чем шла речь, не уточнялось).

Еще часа через полтора Сварог с Яной имели о Токеранге довольно точное представление — хотя, конечно, понять предназначение многих зданий было трудновато.

Почти все примыкавшее к морю Заречье — добрая четверть Токеранга — представляла собой сплошную промышленную зону: скопища зданий, по величине и форме несомненные заводы и фабрики, странные купола, соединенные крытыми переходами, высокие усеченные конусы. Создавалось впечатление, что часть всего этого хозяйства упрятана под землю: один раз прекрасно было видно, как прямо посреди квадратной бетонированной площадки раскрылся двустворчатый люк, и оттуда, из освещенного туннеля, потянулись крытые грузовики.

Самый большой в пещере город располагался на полдень от скопища заводов, достаточно далеко по здешним меркам. Уже потом, когда отозвали всех Шмелей и стали просматривать записи, Сварог с Яной пришли к выводу, что выглядит город довольно современно, гораздо больше похожий на существовавшие до Шторма, чем на нынешние земные. Самое большое здание, практически в центре, хотя и выглядит в точности как иные «доштормовые», окружено высоченной стеной с частыми башенками, откуда торчали стволы то ли пулеметов, то ли малокалиберных пушек, а в одном месте, у самой стены, расположился аэродром с двумя десятками вертолетов, прекрасно знакомых Сварогу по первой встрече. Самое большое здание в стране, сразу видно: с парками, озером, расположенными вдоль стены зданиями казарменного вида, в каких обычно располагается охрана или придворные гвардейцы. Точно известно, что еще несколько лет назад здесь правил какой-то король. Если монархия по-прежнему благоденствует, это и есть королевский дворец. А если ее кто-то сверг, то победители, несомненно, разместились здесь, в бывшем дворце, удобства и безопасности ради — удачливые мятежники обычно так и поступают.

— Обратила внимание? — спросил Сварог. — Это ведь определенно столица. Но что-то никаких признаков развеселой ночной жизни — ни вывесок горящих, ни рекламы. Да и машин почти нет. То ли они тут такие уж аскеты, то ли комендантский час действует...

Потом они насчитали еще восемнадцать городов, городков и городишек — полдюжины современностью построек напоминали столицу, а вот остальные больше походили на крупные дворянские поместья — с могучим замком посередине, гораздо более скромными домами вокруг и скопищем лачуг на окраинах. И виселицы были замечены не в одном маноре. Получалось какое-то причудливое сочетание современных технологий (сеть автострад, колонны грузовиков, «зона» заводов) и тут же поместья, мало чем отличавшиеся от земных. Разве что на земле давненько уж короли отобрали у магнатов «право на виселицу и плаху».

— Удивительное сочетание... — протянула Яна.

Сварог покосился на нее, но благоразумно промолчал. Хотя мог бы сказать, что знает не менее причудливое сочетание: заоблачные замки с высокими

технологиями и натуральнейший феодализм на земле. В конце концов, не она это придумала...

Он попытался было пересчитать однотипные самолетные ангары, но спохватился, что это можно прекрасно перепоручить Обезьянам. Буквально через минуту был получен точный ответ: триста. Даже учитывая крохотные размеры самолетов, во *внутренней* войне было бы форменным идиотизмом их использовать, для усмирения мятежей, о которых смутно упоминалось — слишком много. И никак не похоже, чтобы здесь имелось два государства. По всему выходило, что эту армаду собираются использовать *снаружи*. Для того и туннель.

Шмели, к сожалению, не могли заглянуть в исполинский по здешним меркам ангар подводных лодок, расположенный под самым потолком пещеры. Слева, наискосок, навверх вела широкая дорога, заканчивавшаяся на огромной площадке — но там обнаружилось шесть высоких ворот, кажется, металлических. Впрочем, что там расположено, и так прекрасно известно...

— Ну вот, — Яна, не удержавшись, зевнула (стояла уже поздняя ночь). — Великая тайна древности раскрыта. Теперь бы догадаться еще, *что* с ними сделать...

Сварог промолчал. Идеи-то у него были, и не самые глупые — но вот последствия...

— Пойдем спать, — сказал он. — Утро вечера мудренее.

Оба изрядно устали, в Вентордеран идти было просто лень, и они направились в свою спальню для новобрачных, все еще убранную роскошными цветочными гирляндами. Яна блаженно вытянулась в кресле, прикрыла глаза. Сварог сидел в соседнем и обдумывал кое-какие подходы.

— Послушай, — сказал он негромко, — а этот твой Древний Ветер на что-нибудь такое... способен?

— Со *всем* Токерангом я справиться не могу, — сказала Яна, не открывая глаз. — Сбивать самолеты поодиночке, рушить здания, опять-таки по одному... Видишь ли, Древний Ветер — никак не *боевая* магия, скорее защитная. Против нечистой силы, против зла. — По-моему, там в пещере — натуральное зло...

— Все равно, я многое могу, но чтобы справиться с целой страной...

Ну да, все, как обычно. Подумал Сварог. Пресловутые примечания мелким шрифтом, сводящие большинство способностей на нет или загоняющие их в узкие рамки. Сначала сгоряча кажется, что ты всемогущ, а потом выясняется, что по-настоящему великие маги существовали в незапамятные времена, в седом прошлом — да и то, если не наврали сказители...

— Вообще-то я могла бы *запечатать* туннель, — сказала Яна. — Надолго и надежно. Будет нечто вроде невидимой неодолимой стены, о которую разобьется любой самолет...

— Нет уж, не будем экспериментировать, — сказал Сварог решительно. — Меня одно беспокоит: если у этих поганцев есть ядерные технологии, может найтись и что-нибудь для бактериологической войны. У нас есть от нее средства?

— Я даже плохо и представляю, что это за война, — сказала Яна. — Нужно будет поговорить с Канцлером... Или с военным министром...

Взрывчатку бы, подумал Сварог. Тонн несколько. Взорвать ее так, чтобы во-

ды Итела хлынули в пещеру, и получится Всемирный потоп в отдельно взятой местности. Но в Хелльстаде взрывчатых веществ нет, взрывчатка ларов здесь работать не будет, а обычного земного пороха понадобится столько... Но это все вторично, главное в Горроте...

Потом мысли как-то незаметно перетекли на другое. Он подумал, что зря в очередной раз поддался глупому мушкетерству. Решил *брать* Гартвейн своими собственными силами. Как ему это поначалу представлялось? Окружить город несколькими полками (неподалеку от тех мест против Горрота на всякий случай сосредоточена серьезная группировка, в основном гвардия и конница Гарайлы). Пара сотен агентов Интагара, опытных полицейских, спецназы восьмого департамента и девятого стола лихим налетом врываются в город и берут тех, кого Интагар *проявил* как ларов, другие занимают все мало-мальски подозрительные мастерские и прочие заведения. Сначала это показалось неплохой задумкой, но потом он совершенно точно понял, что не справится *своими* силами. Гартвейн — не такой уж большой город, но и не маленький, сил недостаточно, к тому же те, кто будут обыскивать, совершенно не представляют, что им искать (как и сам Сварог, кстати). Ну, а вдобавок он своими глазами видел, как хватко Хитрые Мастера умеют уходить Древними Дорогами.

Так что предстоит, не балуясь излишним гусарством, завтра же идти к Канцлеру. Вот Канцлер сможет поднять такие силы...

...Конечно, как и признавался Канцлер, его Технион Магистериум заметно уступал — не полтора десятка плававших в пространстве громадных зданий, а всего три. Однако Сварог подозревал, что интересного здесь ничуть не меньше, чем в Магистериуме...

Они шагали втроем по широкому серому коридору, иногда попадались двери с надписями, которые Сварог по своему научному невежеству даже и не пытался прочитать за исключением «лаборатории» или «зала». Должно быть, прекрасно понимая такие тонкости, профессор Марлок, встретивший их с Канцлером на причале, и не пытался давать ему пояснения. Сварог украдкой покосился на него — профессор чем-то неуловимо походил на Канцлера: такой же кряжистый, основательный, солидный. Представляясь, он с деланной небрежностью пробормотал: «Ну и, разумеется, лорд и граф...» Вот только, в отличие от Канцлера, короткие густые усы и стриженные ежиком волосы были совершенно седые (хотя он выглядел не настолько уж старше Канцлера). Очень представительный ученый муж, в светло-сером глухом мундире с перчеркнутой золотым зигзагом шестеренкой на левом рукаве повыше локтя (над главным входом в Технион красовалась та же эмблема) и обильным золотым шитьем не только на плечах, но и словно образовавшим некий нагрудник. Судя по этому обилию, Марлок занимал здесь достаточно высокое положение, если вообще не был главой Техниона — он не назвал свою должность, когдазнакомился. Однако практически все, встречавшиеся им на пути, шитьем таковым украшены были не в пример скромнее, а то и вовсе скупое, да и приветствовали профессора крайне почтительно...

— Я не стал приглашать Яну, — сказал Канцлер, не оборачиваясь к Сварогу. — По этому поводу... Очень не хотел бы, чтобы вы полагали, будто я снова что-то от нее скрываю. Я давно уже ничего от нее не скрываю, она достаточно повзрослела. Просто... Согласитесь, она ничего не понимает в *этих* вещах.

Профессору пришлось бы потратить неизвестно сколько времени, объясняя ей то, что вы и так знаете. — Он скупно усмехнулся: — Вы-то другое дело, вы у нас первый за пару тысяч лет командир боевой подлодки... Первый подводник Империи...

— Есть еще Оклер с его Морской бригадой, — сказал Сварог.

— Ну, во-первых, они приступили к делу гораздо позже вас, а во-вторых, их «ящеры» очень многим отличаются от подводных лодок. Так что... Вы понимаете мои мотивы касательно Яны?

— Пожалуй, — сказал Сварог.

— Буквально через несколько дней я непременно устрою расширенный осмотр, — сказал Канцлер. — Императрица, военный министр, еще несколько человек, чьи служебные интересы это задевает. А пока лучше будет, если мы осмотрим все только втроем... и обсудим кое-что предварительно... Сюда, профессор, насколько я помню?

Профессор кивнул и распахнул дверь слева — на сей раз не с исполненной зубодробительной научной мудрости табличкой, а просто-напросто большой цифрой «7», нарисованной на сером металле красной краской.

За дверью обнаружился внушительный зал. Ни единого человека там не было, зато имелась масса интереснейших вещей. Слева, на двух невысоких стальных подставках каждая, стояли две подлодки токеретов, аккуратнейшим образом разрезанные пополам в длину — этакое идеально выполненное наглядное пособие. Вдоль трех тянулись столы, заваленные то маленькими предметами, то большими — и каждый стол был снабжен отсвечивающей фиолетовым огромной линзой на черном штативе.

— Это конечно, чисто демонстрационный зал, — сказал профессор. — Я думаю, господа, вам и самим было бы неинтересно бродить по лабораториям, где все это исследуется? Мне пришлось бы давать массу объяснений, а вам это, собственно, ни к чему, вам нужны результаты... Итак... Вот эта *рыбка*, лорд Сварог — та, что вы нашли в Гиуне. Точности ради, та, которую сто двадцать лет назад потопил Асверус с помощью самых примитивных приспособлений. Черт меня побери, дерзкий все же был юноша — вот так, очертя голову, с порохowymi бочонками бросаться в неизвестность... А эта — из тех трех, что Оклер совсем недавно потопил возле Дике. Присмотритесь. Чувствуете заметную разницу?

Сварог присмотрелся. Разница, и правда, бросалась в глаза. Та, первая, напоминала скорее остроносый цилиндр, и рубка у нее выполнена гораздо топорнее, что ли. Да и винт какой-то архаичный. Вторая выглядела гораздо изящнее и совершеннее: бульбообразный нос (значит, рассчитана в основном на подводное плавание), и винт ничуть не выглядит музейным, и рубка длиннее, красивой обтекаемой формы (а не смахивает на консервную банку, как у первой), и рули глубины другие...

— Ну что же, — невозмутимо сказал профессор. — Очередное доказательство того, что ничем не стесненный технический прогресс не стоит на месте. Вторая — гораздо совершеннее во всем, что ни возьми. Гораздо более совершенный реактор, обеспечивающий, по расчетам, втрое большую автономность. Электроника на несколько порядков выше, как и вся аппаратура. И уж тем более — оружие... Взрывчатое вещество, которым снаряжены торпеды у второй, при том же объеме обладает примерно вчетверо большей мощностью.

Может представлять нешуточную опасность для любого вашего военного корабля, *король* Сварог... Впрочем, я слышал, вы видели их в действии?

— Видел, — кратко ответил Сварог.

— Перейдем к ракетному вооружению, которым обе лодки оснащены, — тоном опытного лектора продолжал профессор. — Здесь также наблюдается серьезный прогресс. Ракеты первой лодки почти неуправляемы и снаряжены той же взрывчаткой, что и торпеды. А вот с современными обстоит гораздо интереснее... Ракеты крылатые, управляемые, но не это главное. Я специально распорядился в качестве наглядного пособия оставить именно эту из трех, добытых Оклером. Обратите внимание: если у «старой» и двух других — вот снимки — ракеты установлены вертикально, числом от четырех у старой и до двенадцати у новых, то здесь, если вы хорошенько присмотритесь, обнаружите нечто совсем другое... Ваши соображения? Лорд Сварог, вы военный...

— У нее одна крышка ракетного люка, — сказал Сварог. — А не четыре и не двенадцать. И выглядит все так, словно одна-единственная ракета там находилась в горизонтальном положении. Перед стартом ей, надо полагать, придавали вертикальное положение... не берусь судить, подводный должен быть старт, или им приходится всплывать... Впрочем, возможен и подводный, при условии достаточной герметичности отсеков... — и только теперь до него дошло окончательно. — *Размеры!* Она вполне может оказаться ядерной. А ядерное оружие у них есть. Длиной уарда в три, не меньше... Вполне достаточно для компактного плутониевого заряда... А сама ракета?

— Отсек был пуст, — сказал профессор Марлок. — Видимо, никто им не ставил соответствующего задания... К счастью для обитателей земли.

— Ну, вот уже две недели, как ни одно ядерное устройство, где бы ни было выпущено на Таларе, не взорвется, — с оттенком самодовольства сказал Канцлер.

— Мне это прекрасно известно, — ответил профессор с какой-то нехорошей вкрадчивостью. — Вы не забыли, что я принимал самое активное участие в этом проекте? Но вот беда, Канцлер... Вам интересно и дальше рассматривать внутренние интерьеры лодок? Ах, абсолютно неинтересно? Мне тоже. Тогда пойдемте вон к тому столу. Там ракеты. Увеличительное стекло сдвиньте куда-нибудь в сторону, оно тут совершенно ни к чему, ракеты достаточно велики, чтобы их можно было рассмотреть невооруженным глазом... — он подвел их к столу, на котором лежало десятка три поблескивающих трубок длиной примерно в полуарда и стояли конусы высотой в ладонь. — Вот, извольте. Топливо, конечно, слито, боеголовки разряжены... Так вот, интересный факт. Касаемо тех трех, потопленных Оклером у Диори. Та, что вы видели — с пустым отсеком, предназначавшимся для одной-единственной ракеты. Ракеты второй были заряжены сплошь взрывчаткой. А вот с третьей получается вовсе уж интересно. Все ее боеголовки мало напоминают обычные. Изготовлены из гораздо более тонкого сплава, мало того, сплошь, как паутиной, покрыты правильной сетью канавок. Взрыватель тем не менее столь же мощный, при взрыве такая головка должна разлететься на мельчайшие кусочки... Впрочем, по некоторым наблюдениям, никакого «попадания» могло и не быть, есть версия, что взрыватель должен был сработать еще в воздухе. И содержимое — разбрызгаться на большой площади. Именно что разбрызгаться. Все боеголовки были наполнены белой маслянистой жидкостью. О, ничего опасного. Мы с

соблюдением всех предосторожностей проверили. Все двенадцать боеголовок заполнены безобиднейшей эмульсией на основе одного из растительных масел, чтобы она причинила вред человеку, он должен выпить единым духом ведро... А вот это какие у вас вызывает ассоциации, господа мои?

Канцлер смотрел на него с величайшей озадаченностью. А вот Сварог... Он уже думал об этом несколько раз, и потому у него чуть ли не моментально вырвалось:

— Бактериологическая война!

— Вот таковы и мои подозрения, лорд Сварог, — сказал профессор. — Кое-кто не сразу понял, с чем имеет дело, но такой уж у меня конек — история военного искусства...

— Подождите... Позвольте... — протянул Канцлер (Сварог подумал, что впервые видит его таким растерянным). — Но ведь это — *настолько* древняя история...

— Для нас, — хладнокровно сказал профессор. — А для них, как видите, — он кивнул на стол, — самая что ни на есть современность. Иначе такие штуки я просто истолковать не могу.

— А почему не газ? — спросил Канцлер. — В конце концов, при нападении на Батшеву...

— Мои компьютеры провели все возможные анализы, — сказал профессор тихо. — Ни один газ, сгущенный, сжиженный не может быть приведен в состояние такой вот субстанции. А вот культуры бактерий — вполне...

— Подождите, — судя по всему, Канцлер никак не желал сдаваться. — Может быть, они готовились к испытаниям... И эта мерзость как раз и имитировала отравляющий газ?

Профессор покачал головой:

— Исключено. Газ — пусть безобидная имитация боевого — должен *распространяться*. Иначе и нет смысла в испытаниях. А это... Когда мы разобрались, с чем имеем дело, пустили одну такую ракетку на втором полигоне. Взрыв боеголовки оставляет шар микрокапелек диаметром примерно в пять уардов. Они очень быстро оседают на землю, никуда не «распространяясь»...

— И начинают размножаться... — машинально перебил Сварог. — Размножаться...

— Совершенно верно, — покосился на него профессор не без одобрения. — Скорость размножения может быть очень и очень велика — мы же не знаем, какие штаммы вывели их специалисты... — он продолжал тихо и словно бы печально. — Кажется, они нашли наше уязвимое место, Канцлер. Это средство блокировки ядерных взрывов мы смогли наладить в кратчайший срок — потому что были специалисты, не забыты технологии, военный министр человек запасливый, как все военные — мало ли для чего может пригодиться — держал их не в самом дальнем углу арсеналов... Здесь же... Я проверял материалы обо всем, что касается бактериологических войн, придется неизвестно сколько времени собирать по крупицам по самым разным архивам, бактериологов у нас можно пересчитать по пальцам — и то в Магистериуме, у меня их вообще нет — развернуть лаборатории в кратчайшие сроки не представляется возможным. Средства защиты нам быстро не разработать.

— А ошибаться вы не можете, Марлок?

— Очень хотелось бы, — грустно усмехнулся Марлок. — Боюсь, не получит-

ся... Все, абсолютно все указывает не на газ, а на бактерии.

Сварог видел, каких усилий Канцлеру стоило взять себя в руки.

И не мог его за это не уважать.

— Но ведь *нам* это не может угрожать? — произнес он спокойным голосом. Слишком спокойным.

— Если успеем вовремя эвакуироваться, — сказал профессор. — А вот если какая-нибудь сволочь, связанная с теми, внизу — вы понимаете, о ком я — разобьет несколько пробирок *здесь*? Впрочем задолго до того, как на земле начнутся... события? На Мистериору у меня, честно говоря, никакой надежды нет — это, по большому счету кунсткамера...

— И что вы предлагаете? — спросил Канцлер.

— Я? — Марлок пожал плечами. — Да единственное, что здесь можно предложить: создать особую группу и лихорадочно искать, что удастся. Нет микробиологов? Попробуем поискать среди медиков людей, способных в данной ситуации оказаться полезными. Постараться в кратчайшие сроки подготовить группу, способную бороться с эпидемией, если она вдруг возникнет. Примерно так. И знаете... Будь у меня сейчас под рукой вернейшее средство уничтожить Токеранг дочиста, я бы им не воспользовался. Если при этом будут разрушены их бактериологические лаборатории, неизвестно, что оттуда может вырваться. Мало того, что-то уже может находиться не в самом Токеранге, а на их базах, которые вы так и не обнаружили. Или в Горроте. *Голова* всего предприятия там, а не в Токеранге, я уверен (судя по всему, профессор был осведомлен обо всем). А кое-какое время, кстати, у нас есть. На месте токеретов я не предпринимал бы никаких масштабных акций до того, как они приобретут нормальные размеры. Помните, мы обсуждали все это и многое другое? И наконец, нам совершенно неизвестно, что они хотят. Истребить или просто прогнать с планеты нас? Уничтожить все живое на земле, чтобы занять освободившееся место? И что хотят эти, из Горрота? Переворота *здесь*? Части власти? Талар в собственность? Лично я не уверен, что токереты им нужны как равноправные партнеры — не та компания собралась в Горроте. Скорее уж Токеретов используют как подручное средство, как пугало, а потом...

Сварог с удивлением услышал свой собственный голос:

— Но ведь должны обязательно последовать какие-то переговоры, угрозы, шантаж...

— Весьма даже не исключено, — благосклонно кивнул профессор. — Не исключено... Кстати, они должны опасаться — уж простите, Канцлер — в первую очередь вас, лорд Сварог. У вас в Хелльстаде есть что-то, способное моментально уничтожить Токеранг?

— Нет, — сказал Сварог, чувствуя на себе внимательный взгляд Канцлера.

И подумал, что он, строго говоря, не соврал: у него и в самом деле не было ничего, способного *моментально* уничтожить Токеранг.

— А они могут это знать точно? Особенно после того как вы перехватили и уничтожили их подарочек?

— Пожалуй, нет.

— Вот видите, — усмехнулся профессор Марлок. — Что нам дает лишний шанс. Возможности ларов им прекрасно известны. Ваши — практически неизвестны. Так что не завтра и не послезавтра нам посыплются на головы бактериологические бомбы, господа мои... Есть запас времени, и нужно его исполь-

зовать. Люди вы бывалые, в истерики впадать не будете, да и я не из истериков... Давайте работать.

Судя по его взгляду и нетерпеливым движениям, он уже наметил себе какие-то планы и рвался их выполнять. И выпроваживал их недвусмысленно. Но все равно Сварог субординации ради дождался, пока Канцлер откланяется первым.

В браганте они долго молчали. Наконец Сварог осторожно спросил:

— Он когда-нибудь ошибался?

— Во всем, что касалось работы — никогда, — не поворачиваясь к нему, ответил Канцлер. — Лорд Сварог... Я так понял, в том мире, откуда вы... пришли, в *таких* вещах разбираются гораздо лучше?

— Пожалуй.

— Это действительно настолько реальная угроза?

— Пожалуй, — сказал Сварог. — Если у них есть свои физики-ядерщики, почему бы не найтись микробиологам? Это, кстати, вышло бы дешевле и проще. Создание ядерной бомбы требует во много раз больше энергии и трудов, чем разведение микробов в пробирках... но как получилось, что вы об этом забыли?

— Так уж получилось, — с вымученной улыбкой сказал Канцлер. — С самыми опасными болезнями покончили давно, а для многих научных дисциплин у нас просто не хватает людей. Есть немало перспективных направлений в самых разных областях, закрытых исключительно оттого, что у нас не тысяча ученых, а сто... А давать необходимые знания антланцам... Мои предшественники считали, что этого делать не следует — ну, разве что единицам... Я не собираюсь их осуждать или давать оценку их действиям. Они поступали, как считали нужным, вот и все. Ну, в любом случае какое-то время у нас есть... Лучше скажите, как ей *это* удалось?

Сварог усмехнулся про себя. Они с Яной подробно обсуждали нынче ночью то, о чем сейчас говорил Канцлер. Сварог не хотел засвечивать свой Центр, как и Арсенал, а Яна считала: поскольку Канцлер в свое время немало от нее скрывал, не грех и ей, в свою очередь, ответить тем же. В рамках большой политики и интриг императорского двора. Так что Канцлер получил подробную карту Хелльстада и все сведения о туннеле — но ни о каком Центре, ни о каких Золотых Шмелях и речь не шла, боже упаси. Карту Сварог старательно перерисовал с экрана компьютера, а Канцлеру объяснил, что все это — результат пущенного Яной в ход ясновидения. В рамках внезапно проснувшегося в ней целиком Древнего Ветра. В ответ на неизбежные вопросы, пожимая плечами и недоуменно тараща глаза, объяснил, что представления не имеет, как она это делает. Ну вот так как-то входит в транс, что ли, бледнеет, закаменеет лицом, таращится в никуда совершенно жуткими глазами и ее рука сама чертит по бумаге... Канцлер, впрочем, особо не допытывался — поскольку знал о Древнем Ветре еще меньше Сварога, который и сам знал самую капельку...

— Интересно... — задумчиво сказал Канцлер. — А может она увидеть, что творится в Горроте? В этом их Центре?

Сварог пожал плечами:

— Сам Центр она, может, и увидит, но вот что происходит внутри... Во всяком случае, ей было не под силу увидеть, что происходит внутри домов в Токе-

ранге... Да и потом... Мне вот пришло в голову... Ветер Ветром, а девушки девушками. Если они не получили технического образования, тут, по-моему, никакое ведовство не поможет. Предположим, она что-то увидит. И опишет нам это так, как видит она: большой черный ящик, мигая синими огоньками, вертит золотыми зубчатыми колесами... Много мы поймем?

— Пожалуй, вы правы, — со вздохом сказал Канцлер. — Ничего не поймем... — он тяжело вздохнул сквозь зубы. — Самое скверное, что мы *ничего* не знаем...

— Знаем кое-что, — сказал Сварог. — Я вот, например, знаю, где расположен один из приютов Хитрых Мастеров.

Такого он никак не ожидал от Канцлера, образца выдержки и хладнокровия: Канцлер резко развернулся к нему, сгреб за лацкан камзола и прямо-таки прорычал в лицо:

— Не шутите такими вещами! Только сейчас этого не хватало!

Впрочем, он тут же опомнился, убрал руки и сказал глухо:

— Извините...

Сварог и не думал обижаться. У всех нервы. Особенно сейчас.

— Я нисколько не шучу, Канцлер, — сказал он серьезно. — Моя тайная полиция отрабатывала один след... И он привел их напрямиком в Гартвейн. Там еще вчера преспокойно обитали в своем доме жена и дочь Вингельта. Вполне возможно, он долго не был в Туарсоне и попросту не знал, что тамошний староста из житейского практицизма мне его заложил. И еще там живет некоторое количество достаточно странных людей. Странных хотя бы тем, что, если им выстрелить в спину из рогатки, шарик отлетает в точности так, как это происходит с ларом... И многие из них владеют механическими мастерскими... Интересно, правда?

...Старая Матушка вошла со своим обычным величественным видом, но тратить время на чопорные приветствия не стала, попросту медленно склонила голову и присела к столу — что для нее, скрупулезно соблюдавшей этикет, было чуточку странно.

В одной руке у нее был привычный посох, знакомый всем и каждому, но вот в другой — картонный тубус, в каком художники носят эскизы. Что было еще более чем странно: особа старой закалки и невероятного гонора, носовые платки и те за ней камеристки носили...

— Скверные дела, брат мой король, — сказала она просто. — Действительно, Табарций по пустякам беспокоить не станет...

— Что случилось? — спросил Сварог тихо.

— Вернулись два моих корабля от одного из необитаемых островов Девайкира. Какие-то у них там были дела...

Сварог понятливо кивнул и промолчал — эти острова уже которую сотню лет были отличной перевалочной базой для контрабандистов, все это знали, но в приличном обществе говорить об этом было не принято: еще и оттого, что в старые времена многие этим ремеслом заложили основу фамильных состояний. Да и теперь иные высокородные аристократы не считали для себя зазорным вступать пайщиками в подобные предприятия, а иные, помоложе и удалее (главным образом не имевшие прав на наследство младшие сыновья) и самолично «учились морскому делу» на этих именно кораблицах. И разведки имели там свой интерес, и, что греха таить, иная корона...

— Глубокой ночью они стояли на якоре у берега, на фоне густого леса их было совершенно не видно с моря...

Сварог и тут ограничился понятливым кивком. Либо сгружали товар, либо принимали, либо притаились на всякий случай, опасаясь проплывавших поблизости более сильных конкурентов. Такова уж специфика ремесла, что в случае чего в полицию никак не побежишь — а немного облегчить трюмы конкурента считается не столь уж и предосудительным делом — главное, чтобы не было лишнего пролития крови, вот это у серьезных людей не приветствуется...

Корабль, конечно, был выкрашен в темный цвет, с темными парусами — встретив в море такое судно, опытные капитаны прекрасно понимают, что к чему, но нет законов, предписывающих, в какой цвет можно красить корабль и паруса, а в какой нельзя...

— Где-то ближе к полуночи они увидели подводную лодку токеретов, — будничным тоном сказала Старая Матушка.

Ничего удивительного, в эту тайну она была посвящена, как и все наместники Сварога. Что-то ему эта история напоминала... Ах да! Он обернулся к полке, после недолгих поисков выдернул толстый морской атлас, быстро нашел нужную страницу:

— Они показали, где это было? Уж моряк-то такие вещи должен знать точно...

Присмотревшись к карте, Старая Матушка уверенно показала безупречно наманикюренным ногтем:

— Вот здесь, в этой бухте.

Карта была крупного масштаба, вся страница отводилась островам Девайкир, и Сварог моментально вспомнил, моментально узнал место... ну, почти то же самое место. Немаленький остров изрезан многочисленными бухточками, удобными для стоянки и кренгования (за что любим и контрабандистами, и честными моряками). В одной из таких бухточек, разве что десятком лиг полноче, подлодку токеретов и увидели моряки с ронерской бригадины «Косатка», из глупого азарта кинулись в погоню, и подлодка, вместо того, чтобы погрузиться, их потопила...

Сто двадцать лет прошло, а токереты по-прежнему крутятся у того острова? Нужно будет попросить Оклера, чтобы осторожненько поискал: вдруг у них там база...

— Никто из них не знал, конечно, что это такое, — продолжала Старая Матушка. — Они просто насмерть перепугались, видя такое «чудище» — мудрено было бы его не заметить... Когда они вернулись, принялись болтать по кабакам, и в каком-то из них оказался человек Табарция. Табарций по своей милой привычке, — она тонко улыбнулась, — взял всех до единого, допрашивал поодиночке, но все описывали примерно одинаково — нашлась там парочка, которая добавляла вовсе уж фантастические детали, явно почерпнутые из морских легенд, но, если их не считать, девятнадцать человек описали очень точно. Художник рисовал строго с их слов...

Она сняла крышку тубуса, вытянула лист, развернула и подала Сварогу. Действительно, никакой ошибки: в надводном положении шла натуральнейшая подлодка токеретов, как две капли воды похожая на те, что потопил Оклер, и перед рубкой, у спаренного орудия стояли трое в плащах с капюшо-

нами.

— Это ведь они? — спросила Старая Макушка с вежливо скрываемым любопытством.

— Они самые, — сказал Сварог. — Доподлинные... Вот только морячки попались какие-то трусоватые...

— Почему?

— Зрелище, конечно, странное и диковинное, — сказал Сварог. — Но я не помню, чтобы хоть кто-то раньше, рассказывая о подлодках, неважно, морской или сухопутный, сравнивал их с чудищами...

— Я полагаю, было от чего испугаться, — сказала Старая Матушка спокойно. — Я не сказала главного, ваше величество. Она была длиной не менее ста двадцати уардов. У моряков глаз наметанный, они прекрасно умеют определять расстояние и размеры. У них были два обычных гукора, уардов тридцати в длину, не больше, и когда мимо проплыла такая громадина, она, конечно, показывалась им чудищем, как, возможно, и мне на их месте...

— *Сто двадцать?* — спросил Сварог севшим голосом.

— Они все клянутся, что никак не меньше. Даже те двое, что расцветчивают разными фантастическими подробностями. Не менее ста двадцати.

Вот это был сюрприз, от которого в ушах звенит. Судя по рисунку — натуральнейшая подлодка токетеров, но не менее ста двадцати уардов длиной... Значит, *началось?* Значит, у них уже есть как минимум одна *нормальных* размеров? Настоящая океанская субмарина с вооружением соответствующих масштабов.

В первый миг его охватила злость: куда смотрели орбиталы-наблюдатели Морской бригады? Ему клялись, что они способны засечь любую подлодку токетеров на предельной для нее глубине, ну, а уж идущую в надводном положении...

И тут же он вспомнил, что винить следует исключительно самого себя — он сам просил Оклера задать наблюдателям-роботам именно такие параметры, ограничив размеры искомых целей пятнадцатью уардами. Из-за «Рагнаррока». Чтобы безмозглый робот, случись Сварогу выйти в море на «Рагнарроке», не засек его и не поднял сдуру боевую тревогу. Так что виноватых нет — он сам не предвидел такого оборота дел. Робот, конечно, подлодку засек, но из-за ее размеров программа требовала оставить ее в покое...

Он еще раз присмотрелся к рисунку, пытаясь установить, сколько на лодке ракетных люков, — но, увы, художник, хотя и явно небесталанный, такими деталями пренебрег, изобразив позади рубки совершенно гладкую поверхность. Скорее всего, это не его оплошность — что ему описывали моряки, то он добросовестно зарисовал, вряд ли они, ошеломленные появлением «чудища», присматривались к таким подробностям...

— Это плохо? — хладнокровно осведомилась Старая Матушка.

— Безусловно, — кивнул Сварог. — Но паниковать не стоит. Это означает лишь, что наши друзья из Горрота смогли-таки сделать одну из подлодок своих крохотных союзников уже не крохотной. И больше ни о чем это пока не говорит...

Ее, как и прочих своих, пусть и ближайших, надежных соратников он не посвящал в кое-какие государственные тайны. Она не знала, что ядерный взрыв на Таларе невозможен, что инфразвуковые излучатели Оклера с одина-

ковым успехом сработают что против крохотного токерета, что человека нормального роста — разве что мощность придется вывести на повышенную. Оснований для паники и в самом деле нет никаких. Но вот тревог прибавится. Поскольку есть железное доказательство: *они начали*. А это, помимо прочего, может означать еще, что энергоприемник в Горроте уже работает. И неизвестно, сколько у них времени, ясно лишь, что его вдруг стало еще меньше...

— Насколько я понимаю, лично я в данной ситуации ничего предпринять не в состоянии?

— Как и я, пока сижу в этом кресле и в этом кабинете, — усмехнулся Сварог, глядя в окно на каменное кружево Торкильского моста, одного из красивейших мостов Латераны. — А вот *другие* предпринять кое-что смогут. Что до нас с вами, ваше величество... Остается разве что внести небольшие уточнения в секретные капитанские пакеты...

Она понятливо кивнула. *Такие* тайны она знала. С некоторых пор у капитана всякого военного корабля любой подвластной Сварогу державы лежал в потайном ящичке секретный пакет, где настрого предписывалось: при встрече с подводной лодкой токеретов (следовало подробное описание) ни в коем случае не ввязываться в военные действия, вообще постараться как можно быстрее оказаться от нее подальше. И в то же время быть готовым к тому, что корабль может внезапно оказаться торпедирован. При опасности захвата в плен пакет уничтожить, о его существовании не упоминать ни за что. Ну, теперь придется только добавить, что указанные подводные лодки могут оказаться и *весьма* больших размеров...

— Что касается вас — то есть Трех Королевств, — сказал Сварог. — Пожалуй... пожалуй, вот что. Передайте это Табарцию. Пусть его люди, помимо обычной работы, еще и отслеживают возможные случаи возникновения массовых болезней. Со всем прилежанием. Если вдруг где-то вспыхнет массовая болезнь, уведомляйте меня немедленно. Я не знаю, что это будет за болезнь, но она может вспыхнуть. Неважно, пусть речь даже будет идти о чем-то вроде насморка — но если это примет массовый характер, начнет распространяться...

— Я поняла, — спокойно сказала Старая Матушка. — Вообще-то на Таларе с незапамятных времен не случалось массовых болезней, или, как выражаются ученые, эпидемий...

— Теперь, не исключено, могут и случиться, — сказал Сварог.

— Вы хотите сказать, что у токеретов есть какие-то средства, которые могут распространять болезни? Или мне таких вещей не полагается знать?

— Отвечу предельно честно, ваше величество, — сказал Сварог. — Я просто сам еще не знаю, есть у них такие средства или нет. Но допускать их существование следует. Из этого и будем исходить...

...Дом у Вингельта был небольшой, но двор оказался достаточно просторным, чтобы там смогли, не царапая друг друга боками, приземлиться два браганта, на малой высоте вышедшие из состояния невидимости. Сварог успел еще заметить, что то же самое происходит вокруг, куда достигает взгляд. Этакий диковинный дождь: над всем Гартвейном внезапно возникли из воздуха сотни полторы драккаров и брагантов и целеустремленно обрушились вниз — по плану операции каждому было отведено точное место. Канцлер еще раз удивил Сварога — всю операцию он разработал за четыре часа, не один, разу-

меется, с помощью ближайших помощников и компьютеров, но все равно, задача не из легких...

Выпрыгивая первым, он слышал, как снаружи, за забором, разгорается паника: без сомнения, большинство жителей Гартвейна были самыми обычными людьми и занимались сейчас обычными для буднего дня делами. И можно представить их ошеломление, когда на город, неизвестно откуда возникнув, посыпались многие десятки летательных аппаратов ларов... Брехали собаки, слышался запыленный конский топот и стук колес, крики. Ну конечно, сплошь и рядом «точное место» приземления того или иного аппарата означало, что он садился в уличную пыль прямо перед какой-нибудь телегой молочника, вплотную к трактирному крыльцу, а то и у колодца, где ничего не подозревающая хозяйка крутила ворот. Так что паника, и гадать не стоит, разгорится нешуточная. Правда, ее быстренько должны погасить два кавалерийских полка, вошедших в город по всему периметру и сжимающих кольцо. Оригинальнейшая операция, право слово — наверное, впервые, причем с нешуточным размахом, действуют имперские и земные военные и сыщики...

Но думать о постороннем было некогда. Из брагантов уже высыпался его спецназ — все, как и Сварог, в тяжелых серых пластинчатых доспехах, в глухих шлемах, с опущенными на лицо прозрачными щитками. Теоретически рассуждая, эти скафандры должны были защитить от любого энергетического воздействия наподобие того, каким люди Вингельта, освобождая Стахора и Эгле, парализовали и лишили сознания охрану из ларов. Ну, а на практике никто и представления не имел, чем именно располагают Хитрые Мастера... Лишь самую чуточку отставая от расчетного времени, в калитку вломился Интагар с полудюжиной своих сыщиков, доспехами не обремененных (не хватило бы времени готовить еще и для них). Сразу видно, узрев во дворе браганты и Свароговых орлов в полной боевой красе, чуть ли не все глаза выпучили от удивления (впервые в жизни им выпал случай наблюдать такое зрелище), но народ был вышколенный: без малейшей заминки рванул к крыльцу, занимая позиции, как им и предписывалось, во втором эшелоне.

Совсем неподалеку затрубил кавалерийский рожок — ага, началось наведение общественного порядка...

Сварог был уже у крыльца, когда входная дверь распахнулась, и на пороге встала красивая темноволосая женщина лет тридцати, которую Сварог уже знал в лицо. Из-за ее спины выглянуло испуганное личико девочки, но сама она стояла, не выказывая ни малейшего испуга, глядя, пожалуй, даже чуточку надменно.

Дела идут прекрасно, пронеслось у Сварога в голове. Положительно, Вингельт давненько не заглядывал в Туарсон и представления не имел, что тамошний староста, мужик по-крестьянски практичный, давно сделал выбор меж мирной жизнью для деревни и его персоной. И при том староста никак не заслуживает оскорбительных эпитетов. В самом деле, Вингельт ему не друг сердечный и не брат родной — так, проезжает иногда, случается посидеть за чаркой...

В руках у нее ничего не было, но Сварог был готов ко всему — кто их знает, Хитрых Мастеров...

— Госпожа Алита Вингельт? — спросил он отрывисто.

— Да, — ответила она преспокойно, даже бровью не шевельнув. — Чем обя-

зана такому... зрелищу?

— Где ваш муж?

— В очередных разъездах по торговым делам, — ответила она столь же невозмутимо. — Маршрут мне обычно известен в самых общих чертах, так что решительно не могу вам подсказать, где его искать... — вот тут уже почувствовалась легкая насмешка.

В приступе неожиданной злости Сварог подумал вдруг: тебя бы к Одноглазому с подручными, гордячка, посмотрел бы я на тебя там... Отогнав эти мысли и помня, что на всякий случай следует торопиться, он сказал, стараясь, чтобы в голосе не было ни малейших эмоций:

— Вы арестованы, госпожа Вингельт. Прошу немедленно пройти туда, — он указал на ближайший брагант. — Девочку, разумеется, можете взять с собой.

— На каком основании? — спросила она невозмутимо.

— Вам все объяснят, — сказал Сварог. — Тайная полиция Империи... — он не удержался и сам подпустил толику иронии: — Если вы еще не догадались...

— Ах, вот оно что... — сказала она, глядя в глаза Сварогу, пожалуй что, без злобы, лишь с той же холодной надменностью. — Блистательный король Сварог посреди очередных героических свершений...

Не стоило разводить долгие беседы — мало ли что могло произойти... Сварог сказал с напором:

— Может быть, вы пойдете сами? К чему нам... сцены? Не стоит пугать девочку... — он видел, как девчонка, побледневшая, перепуганная, что есть силы обхватила мать, словно боялась, что их разлучат сию минуту.

Алита Вингельт, сжав губы, крепко прижимая к себе дочку, спустилась с крыльца и зашагала к ближайшему браганту. Что-то зашептала успокоительное, когда девочка заплакала навзрыд. Совесть Сварога на сей раз помалкивала, и он, проводив взглядом стартовавший на бешеной скорости брагант, вынул из кобуры бластер и, кивнув Интагару следовать за собой, пошел в дом. Никакого вооруженного отпора он не ждал — будь в доме мужчины, не отдали бы Алиту с дочкой так просто, надо думать — но бывают ситуации, когда душа требует рубчатой рукояти в руке, хоть ты тресни...

В небольшой чистой прихожей, в углу, обнаружилась чуть присевшая от испуга женщина средних лет, по облику — классическая служанка. Усмехнувшись, Сварог подошел к ней, сунул бластер в кобуру, стянул толстые перчатки, извлек из набедренного кармана шарик мягкой губчатой резины — у него там был запас — и легонько запустил служанке в плечо. Разочарованно покривил губы: шарик не отлетел в сторону, а, не причинив ни малейшей боли, угодил в правую руку чуть пониже плеча и упал на пол. Поднимать его Сварог не стал. Самый обыкновенный человек.

— Интагар, — сказал он, не оборачиваясь. — Прихватите и ее.

Следовало допросить всех поголовно слуг в домах, где отыщется нужный человек: слуги, даже если нисколечко не посвящены в секреты хозяев, все равно, если состоят на службе долго, могут случайно увидеть и услышать что-то такое, чего сами не поймут, а вот людям вроде Сварога это будет крайне интересно. Да и иных соседей придется допросить тщательно. Сварог хмыкнул. Вряд ли в здешней полицейской практике такое случалось: чтобы обыску и допросам подвергся целый город, пусть и провинциальный, не особенно и большой...

Все, что ему попадалось, выглядело самым обычным — ничем не примечательная обстановка разорившегося дворянина, промышлявшего ювелирным ремеслом и обитавшим с женой и дочерью. Впрочем, иного не следовало и ожидать...

И все же он, повернувшись к неотступно сопровождавшему его Интагару, распорядился:

— Обищите дом самым тщательным образом. Во-первых, тайники, потайные комнаты и все такое прочее. Во-вторых... Внимательно смотрите, не попадутся ли какие-нибудь вещички... необычные вещички. Каких никак не может оказаться в доме здешнего, обычного человека. Возможно, маленькие, безделушки, не суть... Главное — здесь такого быть не должно. Понятно?

— Понятно, государь.

Интагар, как ни старался сохранить свое обычное хладнокровие, все же выглядел чуточку возбужденным: ну еще бы, вряд ли мог предполагать, что ему доведется участвовать в *такой* операции...

— И главное, — сказал Сварог. — Поищите-ка и наберите побольше вещей, к которым хозяин *непрерывно* должен был прикасаться часто и долго, постоянно пользоваться: ну, скажем, бритва, гребни, давно ношенная одежда... Понятно?

— Да, государь.

Самому ему все это было без надобности: но Яна просила набрать именно таких вещей (и в других домах тоже), уверяя, что с их помощью сможет *высмотреть*, где человек находится. А это уже крайне полезное дело...

Больше ему здесь делать было нечего. Ему вообще нечего было делать: свою задачу он выполнил, Алиту взял, самому ему в обыске участвовать нет необходимости, а по другим объектам работают другие группы, людей сюда Канцлер нагнал неисчислимое количество, да и его собственных сыщиков тут сотни две. Поэтому он вышел во двор, с превеликим облегчением стащил дурацкие доспехи, сгрузил их в брагант (оставив предосторожности ради при себе лишь кобуру с бластером) и не спеша двинулся за ворота.

В городке уже навели полный порядок. Не наблюдалось не то что суеты и паники, а и вообще прохожих — обывателей со всей вежливостью, на какую только способны конногвардейцы и шпики при выполнении служебных обязанностей, отправили по домам с наказом сидеть смирно и носа не высовывать. Обыватели еще не знали, что в завершение операции всем совершеннолетним обоюбого пола, тысячам пяти, предстоит пройти нехитрую и ничуть не болезненную процедуру: выстроят их, болезных, длинными шеренгами и кинут в каждого чем-нибудь подходящим: тем же резиновым шариком, спелой вишней, да просто тяжелой пуговицей. Придумавший это Интагар все же гений в своем ремесле: процедура примитивнейшая, зато моментально станет ясно, кто обычный земной обыватель, а кто лар или ларисса...

Ну, что поделать. Приходится обходиться подручными средствами, коли уж физически не было времени сделать нужное количество «датчиков ореола» по идее Аурики.

Резко остановившись, Сварог даже чуточку втянул голову в плечи — слева, не так уж и далеко, послышался переливчатый громкий свист, и над крышами взлетел высокий фонтан розового дыма, тут же застывший в воздухе, принявшийся медленно расползаться легкими клочьями. Так-так-так, недовольно

поморщился Сварог. Об заклад биться можно, что там нечто *любопытное* самоликвидировалось, от Хитрых Мастеров такого фокуса вполне можно ожидать. Будем надеяться, хоть что-то удастся взять целехоньким — но это еще не означает, что удастся в нем разобраться...

Неторопливо шагая мимо торчавших там и сям конных гвардейцев (самых здесь непосвященных и потому напускавших на себя невероятно загадочный вид), суетившихся агентов непонятного происхождения (большинство оперативников восьмого департамента и братских служб маскировки ради обрядились под местных), он вышел на небольшую мощеную площадь перед резиденцией провинциария, где тоже, судя по мелькающим в окнах фигурам, кипела работа. Провинциария с чадами и домочадцами тоже следовало тщательно проверить, а как же иначе? Проверить здесь следовало *всех*.

Недалеко от крыльца стоял синий с золотым брагант Канцлера с распахнутой настезь дверцей. Канцлер сидел на сиденье боком, поставив обе ноги на брусчатку, ссутулившись, держа руки меж колен. Вид у него был крайне усталый, но довольный. Подняв на Сварога покрасневшие глаза с набрякшими веками, он усмехнулся:

— Сижу вот и думаю, чем бы таким вас наградить, лорд Сварог. Впервые в жизни собственными глазами видел Хитрого Мастера, и не одного...

— Что докладывают? — спросил Сварог.

— Вы взяли Алиту Вингельт?

— Да, — сказал Сварог.

— Ну вот, вместе с ней будет уже шесть, обоего пола — если считать только взрослых. Захватили парочку интересных штук, хотя никто не понимает пока, что это такое. Третья мастерская, увы, при попытке войти...

— Да, я слышал, — сказал Сварог. — Свист и дым... Жертв с нашей стороны нет?

— Ни единой. Там не было взрыва, просто все улетучилось дымом...

— И то хорошо, — сказал Сварог.

Они перебрасывались словами устало, неторопливо. Обычное ощущение: когда все закончилось удачей, *особой* радости почему-то и нет...

— Шесть человек и две мастерских... — сказал Канцлер. — А ведь мы только начали, еще массу народу предстоит проверить... Черт, люди искали тысячелетиями, да так в жизни не увидели, как говорится, и кончика плаща... Мне, правда, так и хочется вас чем-нибудь наградить.

— Наградите лучше Интагара, — сказал Сварог. — Как-никак это он все раскрутил. Лишь бы нам...

— Не заполучить немедленную ответную акцию? — понятливо подхватил Канцлер. — Не беспокойтесь, все возможные меры приняты. Пленных будут содержать так, что туда и муха не проберется. Вокруг городка — едва ли не половина боевого флота и Серебряная Бригада в полном составе. А главное... — он усмехнулся. — Они не привыкли воевать, они все эти годы совершенствовались мастерство скрываться...

— Ну, не скажите, — покрутил головой Сварог. — Когда они устроили налет и освободили Стахора с Эгле, все было сделано на высшем уровне...

— Я говорю о *масштабных* действиях, — сказал Канцлер без улыбки. — Учитывая, сколько здесь сосредоточено войск и техники...

— А... Ну, пожалуй.

— У вас характерный вид, — сказал Канцлер. — Чутьочку загадочный. Я уже успел вас немного изучить... Какая-нибудь очередная затея?

— Как вам сказать, Канцлер... — пожал плечами Сварог. — Я, кажется, придумал, как с большими шансами на успех провести разведку в Горроте.

К его некоторому изумлению, Канцлер никак не отреагировал — так и сидел в усталой позе, уронив руки меж колен. И лишь потом поднял голову, фыркнул:

— А вы знаете, вы меня ничуть не удивили. Я давно понял... особенно после хелльстадской свадьбы, что от вас *всего* можно ожидать...

— Я не шучу, — сказал Сварог.

— Я тоже, — без улыбки сказал Канцлер. — После того, как вы наведались туда на «Рагнароке» и ухитрились выбраться невредимым, от вас *всего* можно ожидать... Надеюсь, на этот раз будет что-то менее шумное?

— Безусловно, — сказал Сварог. — Один-единственный человек, то бишь я, ночной порой...

— Избавьте меня от подробностей, — сухо бросил Канцлер. — Я только надеюсь, что вы постараетесь вернуться живым.

— Да, мне бы тоже чертовски этого хотелось... — сказал Сварог. — И есть неплохие шансы.

Глава VI Ночной полет

Сварог и не подозревал, что в иных случаях волшебство — чертовски нудное занятие.

Алая мантия хелльстадского короля, конечно, была великолепными крыльями — бесшумными, быстрыми, позволявшими совершать в воздухе головолозные маневры. Однако в скорости она заметно уступала реактивному истребителю и могла выжать не более сотни лиг в час. По Хелльстаду — точнее, над Хелльстадом — Сварог на ней летал из чистого развлечения, на небольшие расстояния. Меж тем загадочное «Горное гнездо» о котором говорила Литта, располагалось примерно лигах в трехстах от гланской границы. Так что в его выходе на разведку не было ни капли романтики, которую иные склонны приписывать магии — он летел, летел, летел, и это было так же скучно, как тащиться пешком через какой-нибудь немаленький город. Летел себе стоя, и летел. Сдохнуть можно от скуки. Хорошо еще, что в силу тех же волшебных свойств мантии он совершенно не ощущал бьющего в лицо ветра, которого следовало бы ожидать на такой скорости. Спасибо и на том.

Под ним, уардах в трехстах, проплывали уже надоевшие расселины, горные пики, крутые склоны. Несколько раз он видел внизу тусклые огоньки горных деревушек, но уверен был, что никто его с земли не заметил, что его вообще не обнаружили здешние умельцы. Вздумай они его захватить, вряд ли стали бы ждать, пока он пролетит лиг двести вглубь горротской территории, над хребтом Каррер. Да и охрана молчала, не поднимая тревоги. Он и сейчас никоим образом не собирался мушкетерствовать: впереди него, вереницей, шел десяток Золотых Шмелей, на расстоянии в две сотни уардов друг от друга, так что любая угроза была бы обнаружена заранее. А полдюжины Золотых Филинов, сомкнутым строем прикрывавших ему спину, в случае появления чего-то

непредвиденного обеспечили бы отход. Не было никакого мушкетерства. Была серьезная операция, разработанная по всем правилам. Вот только с оружием плоховато: никакие бластеры ларов здесь не действуют, а земные пистолеты в этих условиях смотрелись бы слишком убого. Доран-ан-Тег, висевший на боку на удобной перевязи, да кинжал на поясе — вот и все оружие... Оставалось одно — думать. А мысли были невеселые: выходило, что при той самой крайней необходимости он не сможет использовать ни против токеретов, ни против Горрота свою могучую Золотую Орду. После событий у Батшевы нет никаких сомнений, что где-то, то ли в пещере, то ли в местах, над которыми он пролетал, *есть* как минимум один завод по производству отравляющих газов. А если еще и лаборатории по разработке и производству бактериологического оружия... Один случайный лучевой удар по такому вот заведению, разрушивший бы хранилища, — и мало никому не покажется. Нет даже аппаратуры, способной определить присутствие этой дряни, — хотя профессор Марлок по самую задницу зарылся в старинные архивы, иные даже не компьютерные, а бумажные. Он, конечно, храбрился, он обещал золотые горы — но Сварог как-никак был профессиональным военным и хорошо представлял, что это такое: создать на пустом месте нормальную санитарно-эпидемиологическую службу. В особенности, когда неизвестно, какие газы или вирусы будут применены. Нереально в считанные дни создать от них защиту и противоядие. Просто нереально. Интересно, понимает ли это Канцлер? Задавать ему такие вопросы у Сварога, откровенно говоря, не хватило духу — Канцлер и так на нервах... впрочем, как и он сам. Хорошо Янке — она по недостатку знаний не способна *в полной мере* осознать опасность...

Ему уже не в первый раз приходило в голову, что все они действуют к *как-то не так*. Что нужно избрать совершенно другую тактику... Вот только какую? Что-то вертелось в голове, но упрямо не давалось в руки. Где-то здесь была зацепка. Но вот...

Внимание! Под серебряной митрой, словно бы у него в голове зазвенел тоненький металлический голосок, и Сварог остановился в воздухе, повис над двойной скалой с острыми вершинами. Передовой Золотой Шмель сообщал, что в лиге впереди себя обнаружил поток излучения — неизвестного, непрерывного, стоящего словно бы завесой над ночными горами. Сварог мгновенно дал ему команду остановиться, замереть, а остальным, достигнув передового, ни в коем случае не выдвигаться дальше, там же и висеть. Глянул на запястье, на нехитрый прибор, совмещавший компас и, если можно так выразиться, счетчик пройденного пути. Что, вот оно? Литта не называла никаких расстояний, потому что не могла их знать, твердила одно: «На восход от столицы, милях в двухстах от Акобара». Выдвинул крохотный экранчик навигатора. Вообще-то по косвенным приметам примерно подходит...

Он сбросил скорость и двигался теперь не быстрее идущего скорым шагом человека. Вертел головой, но ничего интересного или опасного вокруг не видел — голые отроги гор, темные полосы лесов у подножий, пронзительная ночная тишина... Показалось ему, или далеко впереди и в самом деле встает над горами тусклое гнилушечье свечение?

Разумеется, он с самого начала летел с «ночным зрением», чтобы видеть все, как днем — мало ли что интересное могло на земле подвернуться помимо намеченной цели. И сейчас для проверки ночное зрение *отключил*. Какое-то

время висел, крепко зажмурясь, чтобы глаза привыкли к такой перемене. Потом посмотрел.

Теперь он видел все, как самый обыкновенный человек, «взглядом филина» не владеющий. Семела на небосклоне не имелось, одни звезды, так что темнота стояла вокруг не крошечная, но довольно густая.

Все правильно. Там, впереди, явно виднелась полоса тусклого зеленоватого сияния, видимая теперь, когда он смотрел обычным зрением, даже чуть-чуть поярче. На ее фоне четко просматривались вершины парочки гор. Размеры определить было невозможно. Шмели бы тоже не смогли с такого расстояния, не подлетевши поближе, но осталось впечатление, что полоса не особенно высокая. Ровный, неподвижный свет без всяких переливов, колыханий, за все время, что Сварог его наблюдал, он не стал ни тусклее, ни ярче.

Вот так они и висели в воздухе бравой эскадрилей: аккуратная шеренга Золотых Шмелей, где-то в уарде от них Сварог, а сзади, чуть повыше его головы — Золотые Филины. Шло время, и ничего не происходило, хотя они находились не далее чем в лиге от объекта. Это, конечно же, был объект. Во-первых, координаты примерно совпадают, во-вторых, Сварог что-то не слыхивал о подобных природных явлениях.

Пора было на что-то решаться. Если послать на разведку Шмеля, и его засекут, и против него что-нибудь предпримут — получится скверновато. Если пробираться туда самому Сварогу и случится то же самое — тоже ничего хорошего. Но есть некоторые отличия. Сварог как-никак — не безмозглый механизм с ограниченной программой. И потом, при обоих вариантах, как ни крути, отступить придется с боем, так что, в общем, никакой разницы...

Он принял решение. И, приказав своему летучему воинству оставаться на месте, осторожно двинулся вперед, со скоростью пешехода, но не по прямой, а поднимаясь выше и выше, к редким облакам. Теперь мог рассмотреть, что тусклое зеленоватое свечение представляет собой не горизонтальную полосу наподобие забора, а плавно изгибается дугой... полукругом... идеально правильным кругом...

Повис в воздухе и со своего места видел все, как на ладони. Там, впереди и внизу, обнаружилась стиснутая горами долина, какие нередко встречаются. По форме ближе к квадрату, чем к кругу. Размеры пока что не определишь, хотя есть зацепка...

Добрую половину долины, точнее, ее центральную часть, занимало сооружение, словно попавшее сюда прямым из архивных иллюстраций в Музее техники: ажурная полусфера, обращенная к небу чаша, красивая, как многие инженерные сооружения. Без малейшего изъяна, сразу видно, что она готова. И, безусловно, работает: вся она светится этим самым зеленоватым сиянием, ровной стеной поднимавшимся над краями чаши на небольшую высоту.

Она работала. Она исправно качала всевозможные виды космических излучений, качала из космоса энергию. Почти все оставшееся пространство занимали невысокие купола, квадратные и прямоугольные строения, рядом с чашей энергоприемника казавшиеся кукольными. Сварог прекрасно помнил реферат, который Элкон составил для него в Музее техники. Подобные сооружения, располагавшиеся в космосе, передавали добытую энергию на землю строго фокусированным лучом. А наземные либо передавали энергию в нужные места посредством своеобразных линий электропередач, только беспро-

волочных, либо собирали ее в некие супераккумуляторы, куда ее вмещалось чертовски много (между прочим, такой аккумулятор, если умело его *взломать*, мог устроить взрыв в парочку килотонн, хорошо еще, что работали эти устройства во времена, когда Империя уже не знала ни войн, ни терроризма).

Логически рассуждая, стоит предположить, что здесь выбран второй вариант. Тот горнопроходческий комбайн, что вырыл туннель, несомненно, не издали везли (как осталось бы незамеченным перемещение такой громадины чуть ли не через весь Харум, да и через Хелльстад ее уж никак не провезти незамеченной?). Его увеличивали прямо на месте, в пещере, доставив туда аккумуляторы. Как помнил Сварог, самые маленькие из них были размерами не больше сорокаведерной бочки — а такой груз способна перевезти и подлодка токеретов: трудно ли переделать боевую субмарину в грузовую? Убрать ракеты, сделать из ракетного отсека грузовой трюм, вместо крышек ракетных шахт поставить один грузовой люк — всего делов... Значит, эти здания и есть мастерские по зарядке аккумуляторов. Ага... От долины в сторону столицы ведет не особенно широкая, но ровная дорога, петляющая меж скал и уходящая куда-то за горизонт. Распрекрасно можно вывозить на самых обыкновенных ломовых телегах, обшив досками и замаскировав под самые обыкновенные бочки. Если обоз пойдет под военным конвоем, ни одному обывателю и в голову не придет лезть с расспросами: «Что везете, служивые?» В любой стране, не обязательно в Горроте, охрана военного обоза любопытствующих не любит, не то что по матушке пошлет, а и плеткой добавит — о чем те же обыватели давно и прекрасно осведомлены.

Скорее всего, так и происходит. Не используют же они грузовики или трактора? Подавляющее большинство населения Горрота представления не имеет, что с некоторых пор у их королевства появилось *двойное дно*, к чему удивлять их всевозможными техническими чудесами? Слухи пойдут, за границы выплеснутся. Нет, так оно гораздо выгоднее: вереница тяжелых повозок, запряженных могучими битюгами, груженых бочками, полдюжины хмурых драгун вокруг... Самая обычная картина для любой страны. Такие обозы используют не только военные — те же виноторговцы в первую очередь.

Подумав об этом, Сварог помрачнел. Четко просматривалась еще одна угроза. Предположим, некий виноторговец завозит в Латерану полдюжины таких вот бочек — конспирации ради, кружным путем, через три границы. Документы безупречные, торговый дом вне подозрений. Замаскированные под бочки аккумуляторы преспокойно стоят себе в винном подвале рядом с настоящим вином. А в условленный час *грохает*. Ведь полгорода снесет. Если Брашерио уже до такого додумался — плохо. Нетрудно, в общем, внедрить на все таможенные посты и в порты своих людей с замаскированными детекторами, способными сразу обнаружить, что именно в бочке. Но вот проверять такими приборами все винные склады в королевствах Сварога — работа на год. Если где-то в крупных городах уже стоят в подвалах мнимые «винные бочки» — лишняя головная боль, придется учитывать и эту угрозу...

Сразу возникают серьезнейшие вопросы: как давно работает энергоприемник? Какое количество энергии они уже сумели накопить — процентов десять от необходимого для *полного* завершения операции? Двадцать? Половину? Или больше? Сколько подлодок они уже успели увеличить? И где они базируются? Пусть даже та, о которой рассказала Старая Матушка, — пока что един-

ственная, у нее должна быть где-то своя, отдельная база, за пределами Токе-ранга...

Подлететь поближе и рассмотреть все еще лучше? А для чего, собственно? Уже и так ясно, что за заведение тут разместилось, поэтически поименованное «Горным гнездом». И к тому же... Не видно ничего, напоминавшего бы радары или зенитные ракеты, однако мало ли что они могли придумать, не верится, чтобы столь хитрые господа оставили столь важный объект без охраны и систем, определяющих постороннее вторжение... И вот, кстати... И вокруг долины, на скальных отрогах, и кое-где меж зданиями там и сям виднеются какие-то странные предметы, хаотично разбросанные, отличающиеся по цвету и от горной породы, и от зданий, и от сухой каменистой земли. Несколько десятков, на первый взгляд. И одно вроде бы *ворохнулось* едва заметно...

Сварог, если можно так выразиться, запустил на полную мощность заклинание «подзорной трубы». Ах, вот оно что...

Птицы, и довольно крупные. Впрочем, скорее какие-то гарпии — на шее вместо обычной птичьей головы с клювом сидит скорее звериная морда с высокими ушами. Ага, ага, вот одна подняла башку, какое-то время озиралась с видом бдительного часового, потом снова опустила ее на крыло. Один черт знает, чего можно ждать от выдумщика Брашера. Быть может, это и охрана, и живые детекторы одновременно. Еще одна неплохая задумка: поставь он тут каких-нибудь боевых роботов, рано или поздно кто-нибудь заметит, пойдут ненужные разговоры. А вот если кому-то и удастся уйти живым от этих гарпий, и он потом начнет трепать всем и каждому, никакого ажиотажа не возникнет: испокон веков бродит масса легенд о жутких, неизвестных науке и большому миру чудищах, обитающих в горах и чащобах (и не все из них выдумка, кстати). Дело совершенно житейское.

Так что пора отступать. Если его почуют и снимутся всей стайей... Даже для Доран-ан-Тега этих птичек чересчур много. Конечно, совсем недалеко остались Золотые Филины, а уж они-то без труда перещелкают всю эту летучую братию — но Брашера будет знать, что к нему кто-то вторгался, а Сварог сюда не драться прилетел. Он повернулся и, быстро снижаясь, полетел к тому месту, где оставил свою бравую эскадрилью — обнаружившуюся на том же месте в полном составе. Двинулись в обратный путь — причем Сварог предусмотрительности ради пустил вперед Золотых Шмелей точно в том же порядке, в каком они летели к «Горному гнезду»: разведгруппа и на обратном пути расслабляться не должна, бывает, засаду на обратном пути и устраивают...

Плохо, что не удалось установить размеры установки, просто не к чему было привязаться. Но это, в конце концов, неважно. Главное известно: энергоприемник закончен и работает. Знать бы еще, с каких пор. Неплохо, ох, неплохо было бы как следует потрясти владельцев судовладельческого дома «Каурат и сыновья» — уж эти-то должны знать немало. Однако, едва Сварог о них услышал от Стахора и послал в Фиарнолл людей, оказалось, что означенный судовладельческий дом еще полгода назад неожиданно для многих обанкротился, хотя, казалось, прочно стоит на ногах и деньги гребет лопатой. Каурат с сыновьями исчез из Фиарнолла, по секрету шепнув кое-кому из знакомых: после такого позора он потерял и цель, и смысл жизни, а потому вместе с сыновьями решил уйти в монастырь (вот только никому не сказал, в какой и где). Еще с дюжину его высокопоставленных служащих тоже вскоре бесследно ис-

парились из города — правда, в отличие от хозяина, не объявляя заранее о своем отъезде. Видимо, Брашери это заведение перестало быть нужным, свою задачу выполнило, и корабельщики наверняка сейчас беззаботно попивают пиво в Горроте. Если только их косточки не гниют по разным безлюдным местам — Брашери ни гуманизмом, ни сентиментальностью не страдает, судя по всему, что о нем известно, большой прагматик...

Идиотская создалась ситуация, зло подумал Сварог, за последнее время понаторевший в юридических тонкостях и казусах. Самое смешное, что *само по себе* создание энергоприемника никому из тех, кто обосновался в Горроте, нельзя поставить в вину.

Как и то, что они туда перебрались. Не существует законов, запрещавших бы благородному лару инсценировать собственную смерть и инкогнито обосноваться на земле. Творческий кризис, нервный срыв, черная меланхолия, ученый навсегда бросает свои колбы-реторты и уединяется в глуши. Бывало. И не раз. И не только здесь. Да вот Ройла хотя бы взять...

А энергоприемник, что самое трагикомическое, не подпадает под действие закона «О запрещенной технике», поскольку давно уже переведен в разряд музейных экспонатов. Кто-то в свое время не подумал, что иные музейные экспонаты можно и сейчас использовать на всю катушку. Предстань Брашери перед судом вот сию минуту, он с честнейшими глазами может утверждать, что построил агрегат исключительно для собственного употребления и удобства. *Местным* его не показывал, наоборот, прятал подальше в глуши. Доказать, что это именно он построил систему «дорожных знаков», вряд ли возможно — наверняка он об этом позаботился. А *прямых* доказательств того, что он задумал некую грандиозную пакость, что он успел увеличить как минимум одну подлодку токеретов, опять-таки нет. Свидетелями могли бы стать Стахор с Эгле, но они неизвестно где. Ситуация, для которой и определения-то не подберешь... С точки зрения существующих законов Брашери абсолютно чист. Литта? Но и ее при некоторой изобретательности ума можно дискредитировать, после чего и подмену королевской четы доказать невозможно. Все все понимают, но если соблюдать букву закона, руки у юстиции связаны. Хоть ты плюнь на все и посылай Золотого Дракона, чтобы разнес эту красивую чашу в лохмотья...

А почему, собственно, Дракона?!

Сварогу внезапно пришла в голову столь великолепная идея, что он даже захохотал во всю глотку, несясь над горными вершинами.

Положительно, великолепная идея! Он летел и хохотал, не в силах остановиться, быть может, давая еще этим выход нешуточному нервному напряжению, в котором все посвященные в тайну пребывали в последнюю пару недель. Хорошо еще, что его летучая золотая свита, полностью лишенная и намека на эмоции, никак на этот чуточку истерический хохот не реагировала. Вот Мяус — тот, вполне возможно, принялся бы задавать вопросы, но его, слава богу, здесь нет.

Но ведь великолепная идея!!!

...В углу приемной, в низком мягком кресле, крепким сном спал профессор Марлок — вытянув ноги, чуть похрапывая.

— Умаялся до крайности, — сказал Канцлер тихо. — Мало того, что сутками напролет шарил по архивам, выискивая все, что касается микробиологии, еще

и пришлось заниматься тем, что захватили у Хитрых Мастеров...

— Вы бы его положили где-нибудь... — так же тихо ответил Сварог.

— Не хочет, — развел руками Канцлер. — Упрям, как кидоратский бык. Собрался вздремнуть немного и вновь взяться за дело... Ладно, пойдёмте.

Они вошли в кабинет Канцлера, выглядевший, как обычно — разве что на столе помещался какой-то накрытый синей материей предмет, а в углу стояло нечто непонятное, размером с небольшой сундук — переплетение сверкающих шестеренок, усыпанных разноцветными стеклянными призмами треугольников и ажурных полушарий.

— Что это? — кивнул Сварог на загадочный механизм.

— Представления не имею, — хмыкнул Канцлер. — И никто не имеет. Взято в Гартвейне в числе прочих диковинок, никто еще не пытался к ним *подступиться*, не до того... Давайте сразу к делу. Общий итог, надо сказать, неплох. Взято шестьдесят два человека обоёго пола, не считая детей — ну, не оставлять же было их там без родителей, многие совсем малыши... Бургомистр Гартвейна, кстати, тоже оказался из *них*, и очень многие его сотрудники тоже. Примерно в половине мастерских сработали какие-то системы самоликвидации, но в остальных нам кое-что досталось, три комнаты приличных размеров забиты. Все... пленные помещены в такие условия, что освободить их не получится: манор постоянно в движении, перемещается по непредсказуемым орбитам, окружен целой эскадрой боевых кораблей... Знаете, ваш Вингельт оказался довольно-таки важной персоной. Наши там захватили и кое-какую переписку: Хитрые Мастера иногда проявляли удивительную беспечность... а впрочем, все из-за того, видимо, что они за тысячелетия привыкли к собственной неуловимости. Очень удачно, что в наших руках оказалась Анита Вингельт вместе с дочкой...

— Вы что, собираетесь ее... допрашивать? — хмуро спросил Сварог.

— У вас такое лицо, будто это вам крайне не по вкусу.

— Пожалуй...

Канцлер прищурился:

— Честное слово, лорд Сварог, сколько к вам ни присматриваюсь, не могу определить точно пределы и формы вашего гуманизма. Вы мне сами подробно рассказывали, как допрашивали Стахора... Можете ответить честно: если бы он все же стал запираяться, ваши палачи, взявшиеся за Эгле, остановились бы?

После короткого напряженного молчания Сварог, отведя глаза, кроя себя в душе последними словами, буркнул:

— Нет. Я был обязан получить от них сведения...

— На вашем месте я поступил бы точно так же, — сказал Канцлер серьезно. — Но вот этот ваш причудливый гуманизм... Вы чертовски нелогичны. Королеву Эгле могли изнасиловать и использовать всевозможные палаческие приспособления. Это ничего. А вот допрашивать Аниту Вингельт с помощью аппаратуры, не причиняющей человеку ни малейшего вреда, кроме разве что головной боли на пару-тройку дней... Это плохо. Простите, но вы рассуждаете крайне нелогично.

— Сам знаю, — сказал Сварог, не поднимая глаз. — Простите, Канцлер. У меня в последние дни голова идет кругом...

— Ну, предположим, не у вас одного, — хмыкнул Канцлер. — Так вот, ни

Аниту Вингельт, ни кого-то еще я и не собираюсь допрашивать с применением... технических средств. Пока что мои ребята наскоро провели чисто словесные допросы. Без малейших результатов — они все просто молчат. И тем не менее пока я не буду пускать в ход технику. Не из гуманизма. Сейчас просто не до того. Есть дела посерьезнее. Только сегодня окончательно стало ясно, с чем мы имеем дело. Вы ведь непременно, как я, как многие, должны были ломать голову: а зачем Брашеро, собственно, все это затеял?

— Ломал, конечно, — сказал Сварог. — И мало-мальски убедительных версий у меня нет. Захватить власть на Харуме? Да зачем ему это, не тот человек... Свергнуть Яну и самому сесть на трон? Чепуха. Он достаточно умен, чтобы понимать: против него поднимутся все. Вы же сами мне как-то объясняли: лары никогда не станут подчиняться человеку со стороны, не имеющему отношения к императорской фамилии. Разве что он, как проделал это в Горроте, подыскал какую-нибудь марионетку из числа принцев крови... Но на кой черт ему трон? Судя по тем материалам, что я изучал, этот человек совершенно не должен стремиться к власти...

— Мы все тоже так полагали, — кивнул Канцлер. — До сегодняшнего дня все считали, что у него попросту нет психологической мотивации, вообще мотивов для захвата власти. А оказалось, мотив есть, он просто-напросто никому не пришел в голову... Все не так уж и сложно, лорд Сварог. Брашеро — не сам по себе. Это обширный заговор... точнее, переворот, подготавливаемый Магистериумом.

Ну, разумеется, не всем, не Магистериумом как таковым, но замешана изрядная часть его сотрудников. Мотив... Мотив, как у многих заговорщиков водится, чертовски благородный. В нашем случае — развитие научного познания. Ученых у нас не просто мало — катастрофически мало, из-за этого они лишены возможности развивать целые научные направления. Вы ведь, как начальник восьмого департамента, должны были читать кое-какие обзоры и аналитические записки о состоянии умов в Магистериуме?

— Конечно, — сказал Сварог. — У меня сложилось впечатление, что многие там, назовем вещи своими именами, люто ненавидят существующую систему. Им катастрофически не хватает научных кадров — а в это время сотни детей, выросши, становятся светскими бездельниками. Примерно так, если вкратце. Их это просто бесит.

— Вот именно, — сказал Канцлер. — И они, наконец, решили изменить ситуацию самым кардинальным образом. Императрицу предполагается надежно изолировать. Нас с вами... — он усмехнулся, — вот нас с вами, как людей для них крайне опасных, предполагается без затей прикончить. И бросить все силы на развитие науки. Мне попали в руки их программы... хотя, подозреваю, не все. Честно признаться, там есть и здравые мысли, и планы кое-каких реформ, которые и в самом деле не мешало бы провести. Но, в общем и целом... Как бы ни относиться к образу жизни Империи, вы, думаю, согласитесь, что тиранией ее назвать никак нельзя. А вот планы Магистериума как раз и предусматривают сущую тиранию. Оттого, что это будет тирания академиков и профессоров, ничуть не легче. Домашнее воспитание детей они собираются просто-напросто запретить. Все дети по достижении шестилетнего возраста изымаются у родителей и помещаются в закрытые учебные заведения, где им дают самое широкое образование в течение десяти лет. За это время выявля-

ются способности каждого — и каждый будет *обязан* учиться дальше тому, к чему предрасположен.

— А если он ни к чему не предрасположен? — усмехнулся Сварог.

— Они и это предусмотрели, — серьезно сказал Канцлер. — В этом случае человека опять-таки не оставят в покое: низший технический персонал, лаборанты... Армию — распустить, потому что она, собственно, и ни к чему. Светскую жизнь оставить уделом старшего поколения — а всю молодежь, буквально всю *загнать* в ряды служителей науки. Широко внедрить агентуру в земные университеты, чтобы выявлять подходящие для себя кадры, то же проделать на Сильване... Ну, а против родителей, которые не захотят отдавать детей, против всех, кто вообще воспротивится, предусмотрены, как они там деликатно выражаются, «самые решительные меры». Взрослые, черт уж с ними, пусть по-прежнему занимаются балами и увеселениями, все равно их число будет падать в силу естественных причин... а все поголовно дети, вся молодежь будет служить науке. Хотят они того или нет. Как вам такое будущее?

— Это страшно, — сказал Сварог. — Это по-настоящему страшно. Это такая тирания...

— Господа ученые именуют это иначе, — усмехнулся Канцлер. — Благородной борьбой за расцвет научно-технического прогресса. Вот такие дела. Вот ради чего все затеяно. *Конкретные* планы мне неизвестны, но предугадать примерно можно: Брашерио с помощью выросших токеретов устроит на земле какую-нибудь серьезную заварушку — собственно, токереты ему, надо полагать, только для этого и нужны — и под шумок они захватят власть здесь...

— Подождите, — сказал Сварог. — Но, в конце концов, у нас же есть гвардия... Армия... Серебряная и Морская бригады... Ваш Технион...

— Мой Технион, увы, значительно уступает Магистериуму и по количеству людей, и по возможностям, — угрюмо сказал Канцлер. — Что до армии... Армия, собственно говоря, всего-навсего определенное количество вооруженных людей на боевых машинах. А вот *обеспечение* армии, так уж исторически сложилось, давным-давно находится в *других* руках. Конечно, никто не знает конкретных планов. Но мои аналитики считают, что есть теоретическая возможность нейтрализовать армию, точнее, ее технику. Есть даже более печальные варианты. Три дня назад мои люди зафиксировали попытку проникнуть в систему управления боевыми орбиталами. Нечто вроде разведки. Отследить любопытного нам не удалось... В руках Магистериума изрядная доля управления *всеми* нашими техническими системами. Достаточная, чтобы они... ну конечно, не перехватили управление целиком, но внесли изрядный хаос и многое парализовали. При этом они намерены действовать от имени императрицы, решившей провести масштабнейшие реформы... Теперь понимаете, с чем мы имеем дело? *Такого* еще не было...

— Мысль, конечно, идиотская... — сказал Сварог. — Но я бы перехватал всех сотрудников Магистериума. Их не так уж много. Ну, а там разберемся...

— Ну почему же — идиотская? — усмехнулся Канцлер. — Я и сам думал о чем-то подобном. И остановило меня только одно: а если они предусмотрели подобный оборот дела и в этом случае автоматически пойдет в дело давно заготовленный *ответ*? Смогли же они как-то расшифровать единственного моего тамошнего агента, сумевшего проникнуть в круг заговорщиков? Материалы он успел передать, но сам бесследно исчез... Остановить их можно од-

ним-единственным способом: разделаться с Брашеро и токеретами... но никто пока что не представляет, как это сделать. Теперь понимаете? В *этих* условиях нельзя тратить время на *вдумчивые* допросы Хитрых Мастеров. Неизвестно, сколько у нас осталось времени, тем более, как вы докладывали, энергоприемник работает всюю.

— А не может оказаться так, что Хитрые Мастера с ними связаны? — спросил Сварог.

— По *косвенным* данным — нет, — сказал Канцлер. — В Магистериуме, как докладывал мой агент, на них принято смотреть свысока и считать чем-то вроде эксцентричных отшельников с дурацкими хобби, не имеющими ничего общего с «подлинной» наукой. Во-вторых, нет информации о каких бы то ни было контактах меж Хитрыми Мастерами и Магистериумом. Но это чисто косвенные данные... — он склонился над столом, уперся тяжелым взглядом. — Лорд Сварог, вы готовы рискнуть? Может быть, жизнью?

— Да приходилось раз несколько... — пожал плечами Сварог. — Дело, в общем, житейское...

— Я хочу послать вас парламентаром к Вингельту, — сказал Канцлер. — Да, черт побери... Именно парламентаром. Я предлагаю им переговоры. Мы *смирно*, отбросив всякую гордыню, предлагаем им переговоры. На самом высоком уровне. Меж императрицей и их главой... у них есть такой, не знаю точно, как он именуется, мужчина это или женщина, но глава у них *есть*... Пойдете к Вингельту?

— Я бы хоть сейчас... — задумчиво сказал Сварог. — Вот только где мне его искать.

— А его не нужно искать, — сказал Канцлер почти что весело. — Яна его уже нашла. Древний Ветер — это оказалась такая штука... — он с непонятым выражением лица покрутил головой. — Он с еще несколькими сидит на Древних Дорогах. Вот, полюбопытствуйте. Разумеется, это тоже Яна.

Он протянул руку и сдернул покрывало с загадочного предмета на столе. Это оказался шар чуть поменьше неизвестного здесь футбольного мяча, прозрачный, светло-фиолетового оттенка, и что-то там виднелось внутри...

Приблизив лицо почти вплотную, присмотревшись, Сварог прямо-таки охнул от удивления: он прекрасно рассмотрел красивый домик с цветником у крыльца, где бывал уже два раза. Ну да, вот и озеро, и холмы...

— Видите? — почему-то шепотом спросил Канцлер, тоже приблизивший лицо к шару.

Из леса неспешной походкой вышел человек и вошел в домик. Он выглядел слишком крохотным, чтобы попытаться его опознать — ясно только по движениям, что это мужчина.

— Это — *сейчас*, — все тем же шепотом сказал Канцлер. — Все, что вы видите, там происходит сейчас. Яна уверяет, что Вингельт там.

— Странно, — сказал Сварог. — Они знают, что тот домик мне прекрасно известен, но остаются там...

Канцлер пожал плечами:

— А что мы о них знаем? Возможно, этот дом для них отчего-то чертовски важен. Яна говорит, что с этим озером что-то странное, хотя и не может пока понять, что. Но это не просто озеро. Возможно, и оно им необходимо. И, кроме того... В прошлые ваши... *визиты* там были только Стахор и Эгле... а в послед-

ний раз, точности ради, вообще одна Эгле. Сейчас, как мы с Яной видели, их там человек десять. Возможно, поэтому они и не опасаются вашего очередного визита.

— А того, что мы пошлем туда отряд, они не опасаются? — хмыкнул Сварог.

— Нет, — серьезно сказал Канцлер. — Есть поверье: на Древних Дорогах нельзя воевать, проливать кровь, посылать туда вооруженные отряды. Это — *мирные* дороги меж мирами. Там есть какая-то стража, жестоко расправляющаяся с нарушителями, никто ее никогда не видел, но она там есть. Это поверье идет из такой седой древности и держится так устойчиво... К тому же Яна уверяет, что это правда, а после известных изменений, происшедших с ней, я склонен ей верить... Скорее всего, поэтому они так и беспечны. Прекрасно знают, что никакого отряда мы туда не пошлем. Только вас одного.

— Не пойму, где же в таком случае угроза для моей жизни? — усмехнулся Сварог. — Коли уж там нельзя проливать кровь?

Канцлер бесстрастно сказал:

— А кто им мешает, одолев числом и связав, унести оттуда и прикончить за пределами Древних Дорог?

— Да, пожалуй, — спокойно согласился Сварог. — Это вариант... А как мне на Древние Дороги попасть?

Канцлер хохотнул:

— Вы, право, как дитя малое... А на что у вас Горлорг? И не изображайте несказанное удивление. Вы просто забыли. Вы сами писали в том числе и о нем, когда подавали отчет после операции по уничтожению Глаз Сатаны. Я тогда же решил — пусть остается вашей личной игрушкой. Видите ли, я не ученый, я государственный чиновник. Признаюсь по совести: меня совершенно не интересуют Древние Дороги. Вреда от них никогда не было, а пользы я от них никакой не вижу. Ну, странные, невероятно древние пути между мирами... надо полагать, очень многими мирами. И что? К моей обычной повседневной деятельности и практическим задачам это не имеет никакого отношения. Главное, оттуда никогда не лезло никаких *напастей*. Марлок в свое время, прочитав ваш отчет, порой говорит, что неплохо было бы послать туда научную экспедицию — но и его постоянно отвлекают текущие дела. Да вы и сами относились к Древним Дорогам примерно так же, вас все время отвлекали текущие дела, и вызвали вы Горлорга, когда возникли чисто практические надобности...

— Да, пожалуй... — сказал Сварог. — Итак, какие будут инструкции?

Глава VII

Чрезвычайный и полномочный

Чтобы не посвящать хозяев домика в кое-какие подробности (хороший дипломат должен держать в рукаве как можно больше козырных роз), Сварог оставил Горлорга в лесу неподалеку от домика.

Не особенно и крепко привязал поводья к не особенно и толстой ветке — прекрасно знал, что конь не убежит, что это теперь *его* конь. Постоял рядом, медленно выпуская дым. Еще раз обдумал недавний разговор с Канцлером. Судя по всему, господа из Магистериума понятия не имели, что Яна обладает Древним Ветром. А потому сомнительно, что им удастся ее «изолировать». Скорее уж, она понесет их ученое заведение по кочкам так, что ему не поздоровится. Вообще, *теперь*, когда у Яны есть такие способности, а Канцлер довольно хорошо осведомлен о планах заговорщиков, *наверху* им, думается, успеха не видать. А вот на земле ситуация остается прежней, увы — никому неизвестно, на что еще способен Брашерио и что еще он может выкинуть хотя бы шантажа ради...

Вздыхнув, он тщательно затоптал окурки и не спеша направился к домику, выглядевшему, как обычно. Может быть, его и увидели из окна, когда он подошел совсем близко — но никто не показался ни в окнах, ни на крыльце. Самую чуточку раздосадованный таким невниманием к собственной персоне, Сварог остановился в паре шагов от крыльца, засунул два пальца в рот и оглушительно свистнул, мимоходом пожалев, что он не сказочный мельник Карклай, от свиста которого черепица охапками сыпалась с крыш, а рыцари кувирком летели с коней.

Почти сразу же дверь распахнулась, и на крыльце объявился Вингельт, одетый точно так, как в последнюю их встречу. Может быть, он и удивился, но не подал виду. Однако смотрел на Сварога исподлобья, хмуро, с нескрываемой злостью — ну, как и Сварог на его месте, что уж там...

Вингельт бросил быстрый взгляд вправо-влево.

— Да успокойтесь, — сказал Сварог, заставив себя беззаботно ухмыляться. — Я один, никого больше нет. Я уже знаю, что сюда нельзя приводить вооруженные отряды, здесь нельзя воевать, проливать кровь и так далее... Вот кстати, как эти порядки сочетаются со скрамасаксом у вас на поясе?

Сквозь зубы, ледяным тоном Вингельт ответил:

— Я не собираюсь здесь пускать его в ход. Простое ношение оружия дозволено.

Черт меня раздери! — мысленно ахнул Сварог. А ведь если бы мы со Стахором скрестили тогда клинки, чего доброго, нагрянули бы загадочные Стражи, и неизвестно, как обернулось бы. Но кто же знал? Уж Лесная Дева предупредила бы, если бы знала...

— Кстати, оружия у меня нет, — сказал Сварог. — Никакого.

— И что же вашу милость сюда принесло? — тем же ледяным тоном осведомился Вингельт.

— Жизненная необходимость, — сказал Сварог. — Давайте сразу внесем ясность: я к вам направлен парламентом.

Он мог бы поклясться, что в глазах Вингельта мелькнуло удивление — но

лицо осталось столь же невозмутимым. Хитрый Мастер спросил бесстрастно:

— Кем?

— Императрицей и Канцлером, — сказал Сварог. — Честное слово. Как видите, к вам относятся крайне серьезно... Могу я войти?

Чуть подумав, Вингельт посторонился:

— Ну что ж, входите, раз пришли...

Сварог вошел, Вингельт тут же захлопнул дверь за его спиной. Значит, вот так, подумал Сварог, чуть поклонился и вежливо сказал:

— Здравствуйте, господа.

В знакомой ему прихожей, кроме Вингельта, стояли человек шесть и из боковой двери вышли еще несколько, так что набралось не менее десятка. Парочку Сварог помнил по полету к Багряной Звезде, но остальные были сплошь незнакомы. Все они, знакомые и незнакомые, проходя по комнате, размыкаясь, окружая его плотным кольцом, смотрели еще мрачнее Вингельта. А все-таки вы были слишком самодовольными, господа мои, подумал Сварог, стоя на месте и не двигаясь, пока его откровенно окружали. Чуть ли не с шуточками-прибаутками уверяли, что найти вас невозможно и предлагали поискать. Ну, я и поискал. Кто ж вам виноват?

Никто не отдавал команды — но на него бросились как-то очень уж слаженно, не мешая друг другу, заломили руки за спину и тщательно обшарили.

С грохотом распахнулась дверь из другой комнаты, появилась Эгле и, остановившись лицом к лицу со Сварогом, уставилась своими прекрасными глазами вовсе уж ненавидяще. Сварог философски признал мысленно, что кое-какие причины у нее имелись.

— Скотина! — воскликнула она и залепила Сварогу столь оглушительную пощечину, что в глазах искры заплясали. Тяжелая ручка оказалась у бывшей скатеронской княжны, чуть ли не с детства привыкшей охотиться и усмирять норовистых коней...

Сварог ей благожелательно улыбнулся и сказал:

— Когда я буду совсем старым и дряхлым, стану сидеть с внучатами у камина, как водится, рассказывать им сказки и истории, я им обязательно скажу: «Эх, пострелята, знали бы вы, какая ослепительная красавица однажды залепила мне пощечину и как — даже люстра с потолка рухнула...»

Побелев от злости, она размахнулась снова, но двое молодцов по знаку Вингельта не без труда оттащили ее от Сварога и деликатно оттеснили к стеночке, шепотом успокаивая. Она понемногу унялась, только время от времени бросала на Сварога взгляды голодной пантеры.

Меж тем какая-то зараза надежно и крепко связала Сварогу руки за спиной и подтолкнула в спину кулаком. Он пошел, куда пихали. За дверью, куда его втолкнули, оказалась приличных размеров комната, явно игравшая роль то ли гостиной, то ли пиршественного зала: длинный стол из темного дерева посередине, две дюжины кресел вокруг, клинки и звериные головы на стенах. Одна из стен сплошной витраж от пола до потолка в светло-синих и бледно-сиреневых тонах: узоры из неизвестных цветов, странные птицы, иные с прекрасными девичьими головками.

Вингельт шумно отодвинул кресло и сел. Двое конвоиров усадили Сварога по другую сторону стола и бдительно встали по бокам. Все остальные остались за дверью — должно быть, занимали не особенно высокие места в здеш-

ней иерархии, и слушать разговоры Вингельта с такими вот визитерами им по чину не полагалось. Вингельт начал:

— С вашей стороны было удивительной наглостью...

Витраж вдруг *брызнул* внутрь комнаты вихрем бледно-сиреневых и светло-синих осколков, и ворвалось что-то огромное, высокое, издавшее злое карканье. Все так и шарахнулись, в том числе и Сварог.

Впрочем, он-то, единственный из присутствующих, опомнился моментально и даже радостно осклабился — у края стола стоял Горлорг, постукивая передней ногой, похрустывая копытом по осколкам стекла. Потом, каркнув во все уж оглушительно, разинул пасть — там оказались не лошадиные зубы, а жутковатый набор натуральных волчьих клыков. Сделал два шага вперед и рывкнул на Вингельта. На уздечке у него болталась обломанная ветка.

Пленители Сварога застыли, как статуи, нельзя сказать, чтобы лица у них оказались исполнены особой отваги, скорее уж наоборот.

— Хорошая лошадка, — сказал Сварог едва ли не растроганно. — Господа, не кажется ли вам, что в данных обстоятельствах следует развязать мне руки и не торчать над душой? Подозреваю, возможны инциденты...

Держа голову так, чтобы не выпускать Горлорга из поля зрения, Вингельт кивнул. Ухмыляясь, Сварог встал и повернулся спиной к одному из конвоиров. Тот принялся развязывать ему руки — чувствовалось, дрожащими пальцами. Когда руки оказались свободны, Сварог сказал:

— Вингельт... Если эти господа занимают серьезные должности, позволяющие присутствовать на переговорах такого уровня, пусть, конечно, остаются. Если нет, я был бы очень признателен, если они удалились бы. Вы, надеюсь, не боитесь оставаться со мной наедине?

Сразу видно, Вингельт пытался сохранять прежнюю невозмутимость и самообладание. Он повелительно дернул подбородком — и оба молодца вышли. Обойдя стол, Сварог потрепал Горлорга по шее и сказал:

— Спасибо, старина, от всей души... Пстой пока в сторонке, ладно? — и, взяв коня за уздечку, легонько потеснил его к стене. Горлорг покладисто проследовал в угол, где и встал с видом бдительного часового, не сводя с Вингельта горевших нехорошим огоньком желтых глаз с кошачьим зрачком. Пасть, правда, захлопнул.

— Что за черт? — недоуменно спросил Вингельт. — Откуда у вас Горлорг?

— Это долгая история, — сказал Сварог. — А у нас чисто деловая встреча. Судя по всему, ваша первая фраза в полном виде должна была звучать так: «С вашей стороны было удивительной наглостью заявиться сюда». Верно? А почему, собственно? Когда мы расставались, я честно предупредил, что буду вас искать. А вы с этакой пренебрежительной ухмылочкой бросили что-то вроде: да пожалуйста... Вот я и нашел. Да, нам пришлось арестовать вашу жену. Но такие уж игры идут, Вингельт... Не я эти законы придумал... Заверяю вас честным словом: ни с ней, ни с кем-либо другим ничего не случилось.

— *Пока?* — ядовито бросил Вингельт. — Я имею некоторое представление о Канцлере. Да и о вас. Не ожидал от вас такой мерзости. Я имею в виду историю с Эгле.

Сварог вздохнул:

— Вы никогда не были королем, Вингельт. Скажу по совести, сволочное ремесло... Прямо-таки обязывает делать такие вещи, каких обычный человек ни

за что бы себе не позволил. Поганое ремесло, да... Я говорю совершенно серьезно. Но вы просто не представляете себе, что это такое: быть ответственным за миллионы людей, которым грозит опасность. Тут уж судьба одного-единственного человека, пусть даже это молодая очаровательная женщина, не имеет никакого значения. Остается только государственная необходимость. Я бы хотел, чтобы вы меня поняли...

— Я понимаю, — сказал Вингельт без особого сарказма. — А вы постарайтесь понять другое: наши предки в свое время покинули небеса еще и оттого, что не захотели жить по той философии, которая сейчас вами движет... — он вздохнул. — Конечно, я допустил непростительную оплошность. Не ожидал, что вы так быстро возьмете след. — Он поднял голову, глянул Сварогу в глаза и без всякой злобы, даже чуточку равнодушно, сказал: — А ведь вас, пожалуй, пора убивать. Без всякой злобы. Согласно тем же принципам государственной необходимости, которые вы мне только что изложили. Вы становитесь для нас чересчур опасны.

— Здесь убивать как-то не принято, — усмехнулся Сварог.

— Речь не идет об *этих* местах, — сказал Вингельт спокойно. — Вы ведь отправились сюда из своего малого кабинета в Латеранском дворце, верно? И наверняка вернетесь туда же — я слышал кое-что о Горлорге, он всегда возвращается на то место, с которого ушел. И вот там-то вы получите кинжал в спину, едва вернетесь... Не верите?

— Отчего же, верю, — сказал Сварог.

Если они *повязаны* с компанией Брашера, мне, и точно, конец, подумал он с холодной отстраненностью, словно речь шла о ком-то постороннем. Есть не менее десятка человек, способных под благовидным предлогом — принесли важные документы, явились со срочным сообщением — оказаться в малом кабинете в отсутствие Сварога и поджидать его там. Так что это вполне может оказаться не блефом, хотя все до одного вроде бы проверенные и надежные...

— Вот только не поторопились ли вы, меня предупредив? — усмехнулся он жестко. — Теперь, когда я все знаю, свободно мшу прикончить вашего человека первым.

— Это еще как получится, — столь же жестко усмехнулся Вингельт.

Действительно, подумал Сварог. Это может оказаться не кто-то из десяти, а некто посторонний, выучки Мары — и вот в этом случае у короля Сварога слишком мало шансов. Печально. Хотелось бы пожить еще, и подольше. Одно утешает: будучи порой пессимистом, перед поездкой сюда поговорил с теми, кому доверял, как никому другому: Яна и Мара — его женщины, а старина Мяус попросту *не умеет* предавать. Так что при известии о его безвременной кончине Мара (уже научившаяся неплохо управляться с «Рагнароком») встанет на субмарине напротив Акобаского дворца и снесет там все к чертовой матери — не только Центр Брашера, но и весь дворец, где, будем надеяться, пребывает большая часть заговорщиков, если не все. Мяус пустит в Токеранг все наличные боевые силы с приказом жечь все дотла, живое и неживое. Ну, а Яна проследит, чтобы его идея насчет накопителя была немедленно претворена в жизнь. Ну и, наконец, Золотые Касатки уничтожат базу подлодок токеров, а ту, нормального размера (и другие, если их уже несколько), выследит и уничтожит Оклер. Есть риск, что при этом вырвется какая-нибудь *зараза* — но на сей счет Сварог письменно изложил кое-какие соображения, с которыми

Элкон тут же пойдет к Канцлеру. Так что смерть получится безвременной, но не бесполезной...

— Интересно, что вам даст моя смерть? — спросил Сварог. — Нет, в самом деле? Да лишь то, что Канцлер форменным образом осатанеет. У нас был разговор перед моим отъездом. Вот тут-то он возьмется за ваших людей всерьез, и, будьте уверены, выкачает все. И начнется грандиозная охота. Может быть, даже что-то вроде маленькой войны. Но он не успокоится, пока не достанет всех. Ну, кто-то, быть может, и успеет сбежать сюда, но что это будет за жизнь... Это не угроза. Вы ведь не угрожали, вы просто предупреждали. Вот и я... Вообще, я не ожидал, что вы такой эгоист, Вингельт. Убивать меня только потому, что я представляю опасность для вас... А все остальные обитатели земли вас, выходит, не волнуют? Коли уж с вами Стахор и Эгле, вы должны знать, что творится в Горроте, возможно, знаете и про Токеранг...

— Это авантюра чистейшей воды, — сказал Вингельт. — Дешевая авантюра. Ничего у них не получится. Да и мы попробуем кое в чем помешать.

— У них *может* все получиться, — сказал Сварог. — Вы знаете только о том, что происходит на земле. А вот о том, что параллельно готовится там, за облаками, вы, я уверен, представления не имеете... Рассказать?

Он рассказывал кратко, отсекая все побочное. И подумал еще, что был дураком и допустил небольшой, но досадный промах: Хитрые Мастера не могут быть повязаны с Брашеро. Иначе не укрыли бы у себя Эгле со Стахором.

— Ну, так как? — спросил он закончив. — Это может увенчаться успехом?

Чуть подумав, Вингельт кивнул:

— Это — может...

— Вам это понравится? Только честно.

— Никоим образом, — почти не раздумывая, сказал Вингельт. — Та же тирания, только в другом обличье. Сделать учеными всех поголовно... Идиотская идея.

— Рад слышать, — сказал Сварог. — Стоит ли в *этих* условиях меня убивать?

— Пожалуй, нет...

— Ну, а уж это я *несказанно* рад слышать, — сказал Сварог. — Да, кстати. Чутье мне подсказывает, что Брашеро, придя к власти, станет охотиться за вами — и особенно за вашими детьми — вовсе уж яростно. Вы же сами понимаете: ваши дети — отличные кандидаты для их «научной армии», они наверняка у вас получают образование гораздо лучше обычного земного...

— Что вы предлагаете? — серьезно спросил Вингельт.

— Для начала — поговорить о ситуации, — сказал Сварог. — Отбросив глупое самолюбие. Я согласен, Империя в ее нынешнем виде... ну, дальше я бы вставил ряд нецензурных эпитетов.

— Я бы тоже, — усмехнулся Вингельт.

— Вот только с *вами*, простите великодушно, обстоит не лучше, — сказал Сварог. — Если вы умный человек, не станете вспыхивать от гнева и швыряться стульями. А вы, по-моему, ох как неглупы... Вы тоже проиграли, знаете ли. Я просмотрел старые материалы об уходе ваших предков на землю. И прекрасно помню, какие благородные цели они перед собой ставили: ускорить на земле прогресс, помочь *поднять* науку и технику, в перспективе сделать так, чтобы земляне могли на равных говорить с Империей. Прошло три с половиной

тысячи лет. Хотя что-то из этого плана удалось реализовать? А? Ну, положи руку на сердце, Вингельт? Судя по вашему вмиг осунувшемуся лицу, вы все прекрасно понимаете. Ничего не удалось и не удастся. Вы давным-давно превратились в этакую вещь в себе, тайное общество искусных механиков, никак не связанное с окружающей земной жизнью и не способное оказывать на нее масштабное влияние. И, если оставить вас в покое, так и будет тянуться черт знает сколько тысяч лет... Не сверкайте так на меня глазами. Знаете, когда я только-только стал королем, подобно вашим предкам, самонадеянно полагал: моментально проведу кучу прогрессивных реформ, и жизнь станет — краше не бывает. А потом понял: не смогу перевернуть ту глыбищу, как бы ни старался. Сама жизнь не позволяет. В общем... Вы в тупике, если откровенно. Если хотите этот тезис опровергнуть, сделайте это убедительно и логично, я готов слушать, сколько угодно. Вы молчите... Вполне возможно, у вас есть люди, пришедшие к тем же выводам, какие-то дискуссии... Не может не быть, вы умные люди...

— Куда вы клоните? — тусклым голосом спросил Вингельт, глядя в сторону.

— Вы еще не поняли? — пожал плечами Сварог. — Империя в тупике. Вы в тупике. Почему бы в этом случае не плюнуть на старые распри и не вступить в переговоры? Как я уже говорил, на самом высшем уровне — императрица и ваш глава. Императрица, кстати, намерена провести обширные реформы, но по молодости лет и недостатку опыта не всегда представляет, как это делать... Ну, и я — лицо заинтересованное, из-за общей ситуации мои королевства тоже в тупике некоторым образом... Послушайте, Вингельт, давайте, черт возьми, попробуем что-то изменить. Вдруг да получится хоть что-то? Если работать вместе...

— И как вы себе это представляете? — криво усмехнулся Вингельт.

— Не знаю, — откровенно признался Сварог. — Вот и попробуем обсудить, как это может выглядеть. Там, наверху, есть отличная молодежь, я бы мог вас с ними познакомить... От обычных светских бездельников они отличаются, как небо от земли. Всего лишь переговоры, Вингельт. Вдруг да хоть что-то получится?

— Кое-что уже получилось, — сказал Вингельт бесстрастно. — Вы разгромили Гартвейн.

— Хотите, я совершу должностное преступление? — усмехнулся Сварог. — Когда вернусь наверх, доложу: вы согласны на переговоры только в том случае, если немедленно отпустят всех ваших людей... которых пока что никто и в самом деле пальцем не тронул. Хотите? Но и вы в качестве ответной любезности дадите мне честное слово, что все же пойдете на переговоры.

— Я не Глава, — сказал Вингельт. — И ничего не могу гарантировать.

— Ну, так доведите мое предложение до Главы.

— А наши люди, следовательно, — предмет торга?

— Никоим образом, — сказал Сварог. — Едва я вернусь назад, устрою так, чтобы их отпустили и оставили Гартвейн в покое. И никто больше не будет за вами охотиться. По простой и рациональной причине: я не считаю вас опасными для Империи. Вы в тупике... как и мы. Обеим сторонам гораздо выгоднее сесть за стол переговоров. За которым вы будете полноправной стороной.

— Отпустите их, — сказал Вингельт. — Я, со своей стороны, сделаю все, что в моих силах...

— Договорились, — сказал Сварог и встал. — Вы согласны, что это шанс? Для обеих сторон?

— Допустим, — сказал Вингельт.

И по тому, как это уклончивое словцо прозвучало, Сварог понял, что... нет, не выиграл, но поймал своего собеседника на крючок. Расшевелил в нем кое-какие мысли и идеи. Они все же умные люди, и наверняка у них хватает тех, кто понимает: господа Хитрые Мастера оказались в тупике. Оказались примерно в том же состоянии, что Империя.

— Ваши люди будут на земле уже через пару часов, — сказал он, поворачиваясь к Горлоргу.

— Подождите, — сказал Вингельт, и Сварог обернулся, стараясь это сделать без поспешности. — А если я поставлю условием, чтобы переговоры происходили на земле? В неофициальной обстановке?

— Да никаких проблем, — сказал Сварог. — Я, если вы запомнили, земной король, у меня столько дворцов и замков...

— А если я выдвину еще одно условие, последнее? Чтобы переговоры... по крайней мере, сначала проходили без Канцлера? Императрица, я и вы?

— Думаю, и это нетрудно устроить, — сказал Сварог.

И подумал: да ведь ты и есть Глава! Ты маскируешься, принижаешь свою роль, но ты, отчего-то возникло стойкое убеждение, и есть Глава. Иначе не выдвигал бы столь уверенно требования, которые непременно требуют согласования с Главой, — а ты их выдвигаешь от своего имени... Без всяких оговорок типа «нужно доложить и посоветоваться». И тебе *интересно* то, что я предложил...

— Хорошо, — сказал Вингельт. — Вас известят.

— Каким образом?

Вингельт с улыбкой развел руками:

— Узнаете...

— Ну что же, — сказал Сварог. — В таком случае разрешите откланяться.

Он поклонился, подошел к Горлоргу, прыгнул в седло и направил коня сквозь выбитый витраж. Не оглядываясь, коротким галопом поскакал прочь. Отъехав достаточно далеко в лес, натянул поводья, и, когда конь остановился, выпустил поводья, сторбился, прижался лбом к костяному панцирю конской головы. Горлорг стоял смиренно, временами издавая что-то вроде фырканья. Сварог сидел так долго, с радостью ощущая, как медленно отступает сумасшедшее напряжение. Потом сказал негромко:

— Оказывается, я еще и дипломат, кто б подумал... И, похоже, мы выиграли, коняшка, по его глазам видно, что ему интересно...

Глава VIII

О задних комнатах иных кабаков

Сварог после трехчасового пешего хождения по городу чувствовал себя чуточку уставшим, но довольным. Яна, надо признать, придумала неплохо: ей давно хотелось вот так побродить по Латеране, да и Сварог впервые выбрался, хотя сто раз собирался. Правда, чтобы не спеша осмотреть все архитектурные красоты Латераны, понадобилась бы пара недель — но все равно, отличная получилась экскурсия, позволившая чуточку отвлечься от жизненных сложностей.

Они с умыслом оделись, как весьма захолустные провинциалы. Чтобы не переигрывать, Яна выбрала платье, вышедшее из моды всего месяц назад: пуговицы до самого пояса, квадратный вырез, отороченный серебряно-золото-серебряной тесьмой, как и рукава с подолом. Правда, для записных модниц устаревший месяц назад фасон — все равно, что прабабушкины наряды.

Сварог добросовестно постарался соответствовать. Напялил камзол с двойным рядом пуговиц на рукавах, от локтя до запястья, золотым галуном сзади по плечам и обшитыми кружевом разрезами по бокам. Столичные щеголи зарезались бы, но не появились на улице в таком виде. Однако вышедшие из моды наряды служили для пользы дела: нет ничего удивительного в том, что парочка несомненных провинциалов подолгу таращится на мосты, дворцы, памятники и прочите красоты, мимо которых столичные жители проходят, не удостоив и взгляда. Правда, как и следовало ожидать, Яна частенько ловила на себе насмешливые взгляды идущих навстречу или проезжавших в экипажах местных дворянок — но ее это нисколько не трогало, как легко догадаться. Сварог подобных взглядов от здешних модников получил не в пример меньше, всегда украдкой — меч висел у него на поясе, и любой щеголь понимал, что можно нарваться...

Конечно, учитывая ситуацию, он принял все меры предосторожности: их плотно, совершенно незаметно для окружающих держали в «коробочке» шестеро ликторов, доставшихся в наследство от Конгера, — держась так, чтобы полностью исключить удар холодным оружием, одинаково опасный как для Сварога, так и для Яны (увы, ее полную неуязвимость, подаренную Древним Ветром, нельзя было надеть в виде этакого скафандра, пришлось бы накрыть обоих невидимым колпаком, а на такой, того и гляди, мог наткнуться случайный прохожий...). По обеим сторонам улицы двигались четверо людей Интагара, чуть позади ехали два всадника и неприметный, без гербов на дверцах открытый экипаж (пустовавшее рядом с кучером сиденье лакея на деле представляло крышку пистолетного ящика, где стволов лежало с полдюжины). Сварог не считал, что все это — чересчур. Настало время, когда бдительность следовало включить на полную.

Очень уж много проблем кое-кто мог решить ударом стилета в спину — и могли нанести такой удар, что имперские лекари способны опоздать.

Теперь Сварог еще лучше понимал, почему снольдерские и ронерские короли столетиями дрались за Латерану, стараясь, чтобы при самом ожесточенном сражении в сам город не залетело не то чтобы ядро, но даже случайная стрела. Безусловно, правы были те, кто считал Латерану самым красивым городом Ха-

рума. Человеку свойственно жаждать обладания красотой, в чем бы она ни выражалась. Даже Годо Второй Снольдерский, патологически невежественный тип, неграмотный настолько, что свое имя не мог написать, а главным развлечением считавший беготню с метательными дубинками за кошками в дворцовом парке, и тот по неведомой потребности души четыре года воевал за Латерану, тогда ронерскую, груды золота потратил, половину гвардии положил — и, не помри он от келимаса, наверняка воевал бы дальше...

— Ну что, путешественница? — спросил Сварог негромко. — На сей раз при-тонов искать не будем?

— Ой, ну не нужно поминать юную дурь... — надула губки Яна.

Это он намекал на историю трехлетней давности, когда взбалмошность Яны еще блистала во всей красе. Она тогда увлеклась многотомным дамским романом какого-то земного писаки, бездарного, но сколотившего неплохое состояние на своих опусах. И всерьез предложила Сварогу отправиться на землю, чтобы разыграть там сцену из романа: она, как юная графиня Антина, зайдет в какой-нибудь исключительно грязный притон, где ее добродетель, конечно же, попытаются подвергнуть испытанию, — а Сварог, аки маркиз Пандар, в последний момент ворвется со сверкающим клинком наголо и наведет такую справедливость, что от притона один фундамент останется. Сварог ее не без труда отговорил и вымучил честное слово самой подобные представления не затевать.

— Притон нам, конечно, ни к чему, — сказала Яна. — А вот пообедать не мешало бы, как ты думаешь? Смотри, вполне приличное заведение, уж сюда-то можно?

— Можно, — кивнул Сварог, присмотревшись.

Они были в приличном районе, буквально в лиге от королевского дворца, и все заведения здесь были исключительно приличными (в результате мягкого и ненавязчивого воздействия полиции). Вот и эта таверна под вывеской «Рог единорога» выглядела приличнее некуда: красивое старинное здание из желтого кирпича со светло-коричневой черепичной крышей, старинные фонари, старинные, искусного чугунного литья перила крыльца, мало того — над вывеской помещалось целых пять корон, две снольдерских и три ронерских. Сие означало, что таверну пять раз посещали коронованные особы. А может, и не пять, а гораздо больше, вот только инкогнито, подумал Сварог после кое-каких наблюдений. Дело в том, что у таверны имелся второй этаж — а вот вывески, гласившей бы, что таверна служит еще и гостиницей, не имелось. Поскольку согласно старинным законам «общепит» мог располагаться исключительно на первом этаже (вроде бы их приняли после того, как какой-то принц, будучи в стельку, спускаясь из ресторана на втором этаже, полетел кубарем и сломал шею), объяснение подворачивалось только одно: там, на втором этаже, комнаты свиданий, но, учитывая квартал, приличный вид заведения и короны над вывеской, ручаться можно, что комнаты предназначены для самой что ни на есть знати, быть может, и монархи бывали, читывали мы кое-какие бульварно-исторические книжки...

Они вошли. Вся охрана осталась снаружи после поданного Сварогом условного сигнала — не следовало доводить бдительность до абсурда, они зашли сюда чисто случайно, никто не мог знать заранее, а вздумай кто за ними следить, его давным-давно сграбастали *замыкающие*, чтобы как следует порас-

спросить, кто подбил на такие шалости...

К ним тут же подскочил разбитной слуга — «встречальщик» — в ливрее, как полагается, и морда самая продувная, как опять-таки полагается. Конечно, в глубине глаз у него затаилась легонькая насмешка над одетыми черт-те как провинциалами, но все равно, он был сама почтительность: кто-кто, а такие молодчики прекрасно знают, что кошелек иного провинциала может быть набит потуже, чем у иного столичного франта...

— Благородный господин... Благородная дама... (он кланялся после каждого слова) Какие будут желания? Общий зал? Уютная и тихая задняя комната, которая, кстати, как раз пустует? — и, ничуть не изменив выражения лица, закончил: — Быть может, второй этаж?

Сварог огляделся. В общем зале столиков из тридцати было свободно три-четыре. Публика, конечно, наличествовала приличная и благонаправная, главным образом дворяне и высшие гильдии, так что разговоры шли негромкие, ложки и вилки не звякали — но все равно, их разговор могли подслушать, а им могло прийти в голову поговорить о *серьезных* вещах...

— Задняя комната, — сказал Сварог.

— Прикажете, пока вы здесь пребываете, сохранять ее исключительно за вами?

Сварог уверенно кивнул, мельком переглянувшись с Яной. Слуга с бесчисленными поклонами провел их через общий зал и сдал с рук на руки второму ливрейнику, прохаживавшемуся у невысокой резной двери, каковую и распахнул с поклоном.

Комната была гораздо меньше общего зала, всего на четыре столика. Возле каждого — небольшая ниша с отдернутым занавесом, так что сразу видно, ниши очень маленькие, всего-то и вмещают широкий уютный диван, и еще остается чуточку места. Слева — еще одна дверь, резная, старинная. Ага, кое-что ясно, весело подумал Сварог, судя по интерьеру, комнату эту в основном посещают не собравшиеся потолковать о солидных сделках крупные купцы, а светские пары, у которых то и дело обнаруживаются неотложные дела в этих самых нишах — или за той дверью. Ради чистого любопытства надо будет расспросить Интагара, кто именно из входящих во дворец сюда ходит... Входную дверь изнутри заслоняет тяжелая портьера, сейчас, конечно, отдернутая — ну точно, местечко для веселых компаний...

Едва слуга вышел, приняв довольно обильный и дорогой заказ, Яна, весело блестя глазами, сказала:

— Сдается мне, тут примитивный великосветский бордельчик...

Сварог отметил, что в ней вдруг почему-то объявилось то ли некое оживление, то ли напряженность, то ли все вместе — непонятно, отчего. Предложить посетить второй этаж, быть может?

Дверь распахнулась, послышались громкие, уверенные шаги, и в комнату вошли четверо — судя по одежде, дворяне из небогатых, отнюдь не франты, но, как положено даже захудалейшим, при золотых дворянских поясах и перстнях. На поясах вместо мечей висят кинжалы покороче даги, что по неписаным правилам этикета означает: вооруженный столь скромным образом дворянин не намерен ввязываться в дуэли по пустякам — ну, разве что уж впоследствии наступит настоящее оскорбление, смертельная обида, тогда придется домой за мечом послать...

Вот сволочь, подумал Сварог о слуге. Ведь ясно было обговорено, что комната остается исключительно за нами. В приличных заведениях подобные договоры нарушать категорически не принято. Тут уж не о чаевых речь пойдет, а о парочке оплеух, учитывая обстоятельства, дворянину сойдет с рук...

Вошедшие, вместо того, чтобы усесться за один из свободных столиков, обступили тот, за которым сидели они с Яной. Сварог, в общем, не встревожился: вздумай кто-нибудь из них схватиться за кинжал, получил бы мечом в организм, а учитывая еще способности Яны...

— Из провинции изволите быть, лаур? — спросил один, крючконосый, с роскошными усами и замашками главаря.

— Из Катагара, — кивнул Сварог.

Он умышленно назвал самую дальнюю от Латераны снольдерскую провинцию, у черта на рогах — возле устья Тея. Чем дальше отсюда, тем меньше шансов, что собеседник там бывал и может со знанием дела потолковать о Катагаре, где Сварог в жизни не бывал.

— Изрядная глушь, — кивнул усатый. — Говорят, там у вас на одного человека по пять леших...

— Попадаются, — без улыбки сказал Сварог.

— А барышня вам кем приходится — жена или так... подруга?

Сварог уставился на него с непритворным изумлением: подобный вопрос в устах незнакомца был вопиющей бестактностью. Стопроцентным поводом для немедленной дуэли. Есть, конечно, в столице любители задирать провинциалов разными хамскими вопросиками — но такие непременно носят мечи, прекрасно зная, что иные провинциалы за оружие хватаются даже быстрее, чем столичные бретеры. А у них только кинжалы. Странно...

Решив не задираться пока что, он кратко ответил:

— Жена.

— Счастливчик вы, — усмехнулся усатый. — Таковую красотку отхватили.

Завизжали железные кольца по стальному пруту — это слуга проворно, плотно задвинул тяжелую портьеру и выскочил за дверь. Сварогу все это решительно не понравилось. Еще и полной непонятностью. Будь то покушение, не стали бы лезть с хамскими разговорчиками. Грабители? Не просто середь бела дня — в приличном квартале, в приличном заведении, в лиге от королевского дворца? Такие штучки проходят только раз: и полиция (несомненно, по традиции получающая от хозяина неплохую денежку) разъярится, и сам хозяин, справедливо видя в происшедшем нешуточный удар по репутации, пустит по следу нахалов молодчиков еще покруче... Нет, так дела не делаются, во время вынужденного путешествия на каторжном корабле Сварог столько наслушался о рабочих буднях «ночных портняжек»...

— А позвольте спросить, лаур, вы ревнивы? — продолжал усатый.

Подняв на него тяжелый взгляд, Сварог сказал с металлом в голосе:

— Господа, хотя я и из провинции, однако понимаю, что ваше поведение... скажем так, несколько невежливо и может повлечь...

— Что поделатъ, таковы уж здешние традиции, — пожал плечами усатый. — Понимаете ли, в заведении, где вы оказались, есть давняя, незыблемая традиция: уж если сюда попала молодая красотка, ей обязательно следует провести пару часов там, в спальне, — он небрежно указал большим пальцем за спину, на дверь в глубине комнаты. — С нами, если до вас все еще не дошло,

господин провинциал. Наличие мужа или кавалера, скажу вам сразу, значения не имеет, наплевать нам на таковое...

Уже с угрозой в голосе Сварог сказал:

— Дурацкие розыгрыши у вас в столице, лаур, вот что я вам скажу...

И демонстративно покосился на прислоненные к стене рядом с ним ножны с мечом.

— Ульдер, — спокойно сказал усатый.

Тот, что стоял ближе других к Сварогу, неуловимым движением метнулся вперед, пинком отшвырнул меч на середину комнаты, а в следующую секунду горло Сварога защекотало лезвие кинжала — короткого, но широкого, отлично заточенного, из покрытой бледно-серыми разводами знаменитой толладской стали. Второй, выхватив кинжал, встал над Яной, поигрывая клинком у ее щеки.

— Никаких розыгрышей, друг мой провинциальный из лешачьих мест, — усмехнулся усатый. — У нас и в самом деле так заведено, и не вижу причин, почему ваша красотка должна составить исключение. — Уже не улыбаясь, он произнес медленно, с расстановкой, с угрозой: — Я полагаю, любезный, даже в вашей глуши слышали о «ночных портных»? По роже вижу, что слышали... Перед вами, да будет вам известно, Баглар-Погибель, один из здешних «ночных королей». Шутить мы не любим, добротой не страдаем, и если уж чего захотим... Там, в спальне, есть еще потайная дверка в подземный ход, выходящий аккуратно к берегу Итела. На дне реки с незапамятных времен немало трупов с перерезанными глотками и проломленными головами. Если к ним добавится еще парочка с камнями на шее, — это будет совершенно житейское дело. Хорошо поняли, лаур? А вы, красоточка? — он ухмыльнулся. — Если будешь тихим, как мышка, а красотка — послушной, через пару часов уберетесь отсюда на все восемь сторон света. В противном случае... Вся разница в том, что вы, господин из провинции, отправитесь в плаванье сразу, а красотка — через несколько часов. Я вас уверяю, парочку потрепанных провинциалов полиция будет искать без всякого усердия, если вообще будет. Спишут на кварталы вроде Крысиной слободки, решат, что по незнанию города вы туда сдуру забрели, а там и за медяк прикончат, а девку попользуют на первом же углу...

Вид у него был крайне серьезный. Вот только... Ради окончательной проверки Сварог, вспомнив каторжанские уроки, спросил:

— Хысь, кутявый, а не чумаришь на бутяку налететь?

На высокопробном жаргоне сие означало: «Слышь, шустрый, а не боишься нехорошую ответку заполучить?»

Усатый поднял брови:

— Любезный, я в вашей провинциальной ругани не силен. Ну, никак не знаток. Так как, поняли мы друг друга?

Сварог усмехнулся про себя, несмотря на приставленный к горлу нож. Этот таракан усатый безбожно врал и насчет своей принадлежности к «ночным портным», и насчет подземного хода. И к тому же не понимал ни словечка на «тарабарской музыке». Никакие это не уголовники... что, впрочем, не делает ситуацию менее безопасной: слышал он краем уха от полицейских о великосветских хлыщах, примерно так и развлекавшихся *всерьез*. Ну и наплевать. Что такое даже при приставленном к горлу ноже четверо придурков с *перышками* против человека, владеющего неизвестными на земле приемами руко-

пашного боя и фехтования? Да и Яна с ее возможностями способна связать всю эту четверку морским узлом, а здание в буквальном смысле слова разнести по кирпичику. Так что ни малейшего страха, ни даже тревоги он не ощущал. Наоборот. Скорее уж это ему выпало занятное приключение, исполненное черного юмора: четверо идиотов напоролись на короля королев и императрицу... И ножичек у горла его ничуть не беспокоил: меж его стулом и стеной свободное пространство шириной в локоть, резко откинуться назад, подбить коленом запястье руки с кинжалом, а там им и вовсе станет грустно, без Яны справимся...

Яна вдруг склонилась к нему и быстро зашептала на ухо:

— Не смей ничего делать, пока я сама не начну. Это приказ, категорический. Сиди и жди. Понял?

Он хмуро кивнул, покосился на спутницу жизни и смачно выругался про себя: ага, решила использовать ситуацию для собственного развлечения. Осуществить то, что не удалось три года назад, — и самой же выступить в роли маркиза Пандара...

— Не смей вмешиваться, пока я не начну, — повелительно шептала Яна. — Я тебе приказываю.

Ну ладно, коли уж ей угодно развлечься...

— Что-то вы погрустнели, лаур, — сказал Баглар насмешливо. — Судя по всему, женушка у вас рассудительная и посоветовала вам не дергаться, чтобы уйти живыми. И правильно. От нее не убудет.

Он отодвинул стол, сел на свободный стул, правой рукой приобнял Яну за плечи и, нахально уставясь на Сварога, принялся гладить ее колени. Ладонь поползла выше, сминая легкую ткань, все больше открывая ноги. Яна сидела смиренхонько, опустив глаза.

— А она у тебя умница, не трепыхается, — ухмыльнулся Баглар, поглаживая ее бедро. — Надо же, какие ножки попадают в провинции... — он резко встал и поднял Яну со стула, ухватив за локоть. Легонько подтолкнул к нише: — Пошли, милая, получишь небольшой задаток перед спальней...

Она послушно вошла, следом проворно заскочили Баглар и кучерявый верзила. Баглар поднял ладонь перед носом сунувшегося туда же четвертого:

— Извини, Ройт, места мало, ты свое потом получишь. Поскучай пока, а заодно присмотри за супругом. Мы недолго...

Он подмигнул Сварогу и задернул портьеру. Сварог сидел рядом с ней, так что не было нужды напрягать слух, каждое слово и звук отчетливо доносились.

— Становись сюда, провинциалочка, — сказал Баглар. — Чувствуешь спиной, как мягко? Специально обивку подобрали... Кеннек! Не рви пуговицы, девочке еще по улице идти, расстегивай аккуратненько. Теперь платице с плеч... ох, какие плечи! Что скажешь?

— Приятная картина, — сказал Кеннек.

— *Зрелище*, дубина, — насмешливо поправил Баглар. — Никому не придет в голову гладить картину, а вот со зрелищем можно иначе... Красотка, заложил руки за голову, от этого грудки выше. Вот так, умница... Ну что, пошалим?

Сварог понял, что сейчас-то и начнется. Приготовился, успел прикинуть, как достанет вторым торчавшего у портьеры Ройта — на случай, если Яна займется только теми двумя...

Но ничего не произошло, ровным счетом ничего. Сварог медленно преисполнялся недоумения: секундная стрелка настенных часов уже обожала три круга и пошла на четвертый, а в нише по-прежнему царили спокойствие и почти полная тишина: только тяжелое дыхание мужчин и тихие шорохи, какие производят мужские ладони, напористо странствующие по женскому телу.

Яна ойкнула.

— Ну-ну, не дергайся, — насмешливо откликнулся Баглар. — В жизни не поверю, что муженек этого не делал... А этого?

И снова шорох ладоней, циничные смешки и похабные комментарии, легонькая возня... Сварог уже не на шутку злился: взбалмошная супруга определенно заигралась, затягивая действие в лучшем стиле тех дурацких романов. Нетрудно представить, как ее сейчас лапают, — но ведь подчиняется. Не может же так случиться, чтобы утратила вдруг свою магическую силу? В крайнем случае, получишь такая небывальщина, непременно позвала бы на помощь. Как это там? «Графиня, опустив глаза, покорялась грубым ласкам проводителя разбойников, в душе надеясь на чудо...»

— Прелесть какая... — тяжело дыша, сказал Баглар. — Познакомимся еще ближе? Ага, Кеннек, и повыше... Сколько тебя учить, дуралея? Заткни аккуратно подол за пояс, тогда и держать не придется. Все равно, что голенькая...

Он что-то жарко, настойчиво зашептал.

— Нет! — воскликнула Яна возмущенно.

Послышалась шумная возня, быстро стихшая.

— Вздумаешь царапаться — надаю оплеух, — сказал Баглар. — Не дури, все равно через пару минут пришлось бы снимать. Ты не забыла, что твой муженек там сидит с ножом у глотки? А про подземный ход к реке не забыла? Ну, снимай сама...

Он вновь зашептал что-то, настойчиво, угрожающе. Яна отвечала шепотом, в котором звучали растерянность и испуг — актриса, чтоб ее... Шелест материи, об пол пристукнул каблук тубельки, потом второй.

— Ну, вот и умница, — хрипло проговорил Баглар. — И ножки пошире, шалить так шалить... Не дергайся! Кеннек, руки ей поддержи...

И вновь настало многозначительное спокойствие: хриплое мужское дыхание, отчетливые звуки грубых ласк, порой Яна шумно вздыхала, что всякий раз вызывало довольный хохоток. Она вдруг тягуче простонала. Оба подонка расхохотались.

— А ты думала... — сказал Баглар. — погоди, пойдем в спальню, еще не так застонешь, ты у меня орать будешь... А пока вот так...

Он громко шептал непристойности, продолжалась размеренная возня, Яна постанывала сквозь зубы, тяжело дышала, посмеивался Баглар:

— Как тебе пальчики?

Сварог, прекрасно представлявший, что с ней теперь делают, сидел, упершись взглядом в пол. В жизни не думал, что Яна его когда-нибудь подвергнет такому унижению ради очередной забавы — а ведь не девочка, должна понимать... Когда кончится эта гнусь, надавать пощечин, и будь, что будет.

И вдруг ему в голову пришла холодная, рассудительная мысль: а ведь каждому воздается по делам его... И он подумал: это мне за Стахора с Эгле, за то, что я намеревался довести до конца...

И понурился, уронив голову.

— Ну ладно, — сказал Баглар, — пошли в спальню, там просторно. Давай я тебе помогу платяшко привести в порядок...

Портьера распахнулась, показался ухмылявшийся Баглар, за ним Яна — растрепанная, красные пятна на щеках, мятое платье спущено с плеч и кое-как застегнуто через пуговицу. Баглар покачал перед Сварогом голубыми кружевными трусиками Яны, держа их на указательном пальце:

— Приятная она у тебя... Сейчас такую шлюху сделаем...

И, обхватив Яну за талию, повел в спальню, бросив через плечо:

— Ройт, тащи и супруга, пусть посмотрит, вдруг чему-нибудь да научится. Люблю, когда они смотрят...

— Слышал? — Ройт чуть отодвинулся, не убирая кинжала. — Вставай, пошли, полюбуешься, как мы здесь ублажаем провинциалок. Не переживай, мы тебе ее вернем, и с новым опытом, тебе же интереснее потом будет...

Спальня оказалась довольно обширной: огромная массивная кровать посередине, несколько фривольных картин, полдюжины мечей на стене веером. Одну стену почти целиком покрывало множество женских трусиков, и гильдейских батистовых, и дворянских кружевных.

Баглар ловко опрокинул Яну на постель, успев при этом задрать подол, прилег рядом, расстегнул платье, с наглой усмешкой заглянул в глаза:

— Ну, раздвигай ножки, красавица. Или ты сначала предпочитаешь корешок на язычок?

— Баглар, ты как хочешь, а я присоединяюсь, — заявил Кеннек. — Никакого терпения.

— Да пожалуйста, я не жадный, — весело откликнулся Баглар, лаская Яну. — Только, чур, мне роза, тебе ротик. Только становись так, чтобы лопухому муженьку было хорошо видно. Красотка, не тяни, раздвигай ножки, открывай ротик...

Не шевелясь, Яна вдруг произнесла спокойно, даже надменно:

— Убери блудливые лапы, скотина. Не дожدهшься.

— Да? — Баглар размахнулся. — А по прелестной мордашке?

Размахнулся... и вlepил оплеуху себе самому. Началось, констатировал Сварог, оживившись с нешуточной злостью. В следующий миг Баглар, отброшенный непонятной силой, пролетел полкомнаты до стены, в каковую с шумом и вlepился, да так, что сполз на пол, оглушенный. Пылая садистским восторгом, Сварог подбил руку оцепеневшего Ройта, вывернул до хруста костей и головой вперед отправил в стену — так, что тот, ударившись макушкой, совершенно вышел из игры. В комнате повеяло предгрозовым запахом, там и сям замелькали синие трескучие искры. Вырубая четвертого, Сварог увидел, как Кеннек со спущенными штанами, нелепо раскинув руки, летит через комнату, спиной шмякается об стену с неопиcуемым звуком...

Яна подняла с пола свои трусики, натянула, спокойно стала приводить платье в порядок, потом достала расческу и принялась причесываться. Лицо у нее было не просто злое — ожесточенное. И Сварог впервые подумал, что дело тут не в забаве, а в чем-то другом...

Все, теперь она выглядела, как обычно, только в глазах по-прежнему стояла холодная, рассудочная ярость. Сделала несколько странных движений руками — и мечи, зазвенев, сорвались со стены, пролетели над постелью. Два повисли в воздухе, едва не касаясь остриями груди малость опамятававшегося,

зашевелившегося Баглара, два точно так же встали в воздухе перед Кеннеком, два *стерегли* остальных.

— Кто пошевелинется... — громко произнесла Яна. — Всем понятно?

Видимо, понятно было всем — никто из четверых, хотя все пришли в ясное сознание, и не ворохнулся. Баглар жалобно протянул:

— Госпожа колдунья, тысяча извинений, мы же не знали... Уберите железки, душевно умоляю... Зарекусь на всю жизнь...

— Да сколько у тебя осталось этой жизни... — брезгливо отмахнулась Яна, повернулась к Сварогу и, как ни в чем не бывало, спросила: — Пойдем отсюда?

И своей обычной, грациозной, летящей походкой направилась к двери. Сварог последовал за ней, подобрав по пути свой меч. Шумно отбросил портьеру, распахнул перед Яной дверь. Торчавший за ней слуга — несомненный сообщник — сделал равнодушное лицо. Сварог исключительно по собственной инициативе, проходя мимо, врезал ему в солнечное сплетение так, что скот сложился едва ли не пополам.

Никто не обратил на них внимания, когда они шли к выходу — только «встречальщик», видевший, что произошло с его собратом, живо скрылся в боковую низенькую дверь. На улице Яна невозмутимо сказала Сварогу:

— Распорядись, чтобы их взяли. Пусть в протоколе опишут комнату, ну, и все, что там полагается, ты лучше знаешь...

Сварог жестом подозвал одного из людей Интагара и дал краткие исчерпывающие инструкции. Не забыв упомянуть, чтобы прихватили и обоих лакеев. Спohватившись, тихонько спросил Яну:

— А как с мечами?

— Когда туда войдут, мечи упадут, — безмятежно пожала она плечами. — Пошли?

И первой двинулась в сторону дворца. Сварог догнал ее не сразу. За спиной у него разворачивалась *процедура* — свисток шпика надрывался *особыми* трелями, сразу выдававшими понимающему человеку, что тут не просто полиция, а тайная, уже слышались ответные свистки, загрохотали копыта, затоптали бегущие (примерно в радиусе лиги вокруг королевского дворца концентрация конной и пешей полиции протектора, а также тихарей в гражданском была раз в двадцать побольше, чем по столице).

Яна шагала, как ни в чем не бывало, слегка помахивая сумочкой — тоже вышедшего из моды фасона. На Сварога она ни разу не взглянула. Он увидел подходящее местечко: высокая кирпичная стена, окружавшая чей-то богатый особняк, в одном месте выгибалась круглой выемкой, внутри которой булькал красивый невысокий фонтанчик, а вдоль всей выемки шли удобные деревянные скамейки. Одна из старых латеранских традиций: у владельцев подобных особняков считалось хорошим тоном устраивать подобные «ночные убежища для влюбленных», в память о собственной веселой юности.

Взяв Яну за локоть, Сварог туда ее и завел. Она не противилась. Остановившись у скамейки, глянула пытливо:

— У тебя такой вид, будто ты меня ударить хочешь...

— Хочется, — признался Сварог.

Яна склонила голову к правому плечу, откровенно подставляя щеку, покосилась на него:

— Ну, бей. Ты как-никак законный супруг, имеешь право. Иные короли

жен лупили не хуже, чем какой-нибудь простой мельник. И даже один император, очень давно... Бей.

Она говорила без всякого вызова, скорее устало. Сварог так и не поднял руку. Взял ее за плечи, усадил на скамейку, плюхнулся рядом и тихо спросил:

— Что случилось, Вита? Я тебя, смею думать, немного знаю... насколько можно знать женщин. Не стала бы ты развлекаться *так*... В чем дело?

Яна откинулась на высокую спинку скамейки, прижавшись затылком к нагретому солнцем дереву. Улыбнулась отрешенно, грустно:

— Молодец, что не ударил. Иначе я бы на тебя смертельно обиделась. За то, что ты во мне засомневался. И не знаю, когда простила бы — но нескоро... Не смей никогда во мне сомневаться. Я только твоя...

— Что случилось? — настойчиво повторил Сварог.

Уже без улыбки, не изменив позы, все так же отрешенно глядя вдаль, Яна сказала:

— Ничего особенного. Просто обязательно нужно было на себе испытать, что чувствует девушка, попав в руки к таким вот мерзавцам, когда они творят, что хотят, и выхода нет...

— И какие же ощущения?

— А ты не догадываешься? Премемерзкие. Особенно когда суют пальцы... — ее легонько передернуло. — Ничего. Продержалась до последнего. Безусловно, на пользу.

— Что случилось, Вита?

Она бледно улыбнулась:

— А случилось то, мой супруг, что я выполняю за вашу полицию их работу... Только и всего.

— Как это? — спросил Сварог, нахмурясь.

— Две недели назад в Равене при схожих обстоятельствах трое мерзавцев изнасиловали девушку, — сказала Яна. — Провинциальная дворянка, небогатая, приехала по поводу какой-то тяжбы и остановилась в самой обычной вроде бы, средней руки гостинице. Только принадлежала она одному из этих мерзавцев, господину графу, и они там развлекались в точности так же. Ее в первую же ночь... Они просчитались, правда. Девушка была самолюбивая, гордая, подала жалобу протектору. Протектор немедленно арестовал двух, упомянутого графа и барона. Не колеблясь. Он у тебя такой, ты его лучше знаешь...

Сварог знал. Протектором Равены служил граф Гишар, «земельный»[63] дворянин, а потому гордый, самолюбивый и независимый. С крайне простой жизненной философией: любой преступник должен быть наказан. А потому он не делал никаких скидок на звание и титул преступника, и договориться с ним в случае чего было решительно невозможно. При поддержке Арталетты и искреннем расположении Сварога он сидел очень прочно, вот уже полтора года — и *великосветская* преступность в Равенне резко упала едва ли не до нуля...

— Так, — сказал Сварог. — А почему он не взял третьего.

— Потому что не имеет такого права, — сказала Яна. — Третий — благородный лар, барон Кропер. Исключительная скотина. Мне в свое время прохода не давал, буквально балансируя на грани этикета. Ты его должен помнить по Аркетауну, у вас была легонькая стычка из-за танца со мной...

Сварог не особенно ярко, но помнил: глуповатая физиономия, повадки дешевого фата, усики-запятые...

— Ах, вот оно что... — протянул он.

— Ну да. Те двое при поддержке хороших адвокатов заняли самую выигрышную для них позицию: гостиница фактически принадлежит не графу, а благородному лару, и девушку насильвовал один благородный лар, а они выступали в роли простых лакеев, не смея перечить Высокому Господину Небес. Примерно так. Дальше объяснять?

— Сам знаю, — мрачно сказал Сварог. — Благородного лара нельзя вызвать в земной суд ни в каком качестве, даже свидетелем. И нельзя судить, что бы он ни натворил на земле. Так что дело рассыплется, никто ничего не сможет сделать, и эти двое выйдут на свободу... Я и не знал...

— Видимо, давно не читал бумаг из Равены? То-то. Твой упрямый Гишар, хотя и прекрасно знает законы, все же написал прошение в канцелярию земных дел, совершенно справедливо отмечая, что подобные случаи вызывают ненависть к ларам и в конечном итоге идут во вред Империи. Чисто случайно, — она усмехнулась, — эта бумага попала в мой Кабинет, и я пустила в дело свою разведку. Выяснилось мно-ого интересного. Здесь, в Латеране, подобных притонов, где таким вот образом развлекается «золотая молодежь», — два, если не считать того, где мы побывали. В Равене, кроме того, о котором шла речь, — три. В Снольдере — пять. Примерно в половине заведений развлекаются и лары, особенно тот же Кропер. И всегда ухитряются сделать так, что жертва справедливости не находит, даже если решит жаловаться, — деньги, связи, знатность рода, покровительство ларов... Впрочем, жалуются очень немногие. И тот случай в Равене — первый, когда притон закрыли, а «забавников» взяли.

— Остальные я разнесу в двадцать четыре часа, — сквозь зубы сказал Сварог. — В Равене и здесь это будет очень просто, да и в Снольдере у меня тайной полицией заведует человек твердый...

Глан, слава богу, в этом не замешан, подумал он с облегчением — раз она его не упомянула. Ничего странного, учитывая тамошние традиции: обидишь вот так девушку — род или клан по судам бегать не будет, разберется сам. Даже если, предположим, жертва — простолюдинка, а виновник — глэрд, рано или поздно господина глэр-да непременно найдут со стрелой в спине... Ну, и у ратагайцев примерно так же.

— Если бы дело только этим ограничивалось... — вздохнула Яна. — Мои люди установили: уже много лет у нас существует так называемое «Общество веселых свинтусов». Принимают туда только тех, кто совершил на земле достаточно серьезное преступление — убийство не на дуэли, изнасилование дворянки, крупное ограбление и тому подобное. Двадцать четыре члена. Между прочим, Кропер там заместитель председателя...

— Орк там наверняка не числится... — задумчиво сказал Сварог. — Он, конечно, авантюрист и мерзавец, но никогда не убивал просто так, кражей или ограблением побрезговал бы, а насильников презирует.

— Сама знаю. Не числится. Но все равно — двадцать четыре человека. Кстати, это еще и крайне скверный пример для подрастающих юных шалопаев... И твой Гишар совершенно прав — это только во вред Империи... — Яна посмотрела на Сварога как-то незнакомо: жестко, решительно. — Пожалуй, я все это

сегодня устроила еще и для того, чтобы окончательно укрепиться духом. Нравится это кому-то или нет, но пресловутые «вековые традиции» я буду ломать, — она усмехнулась без малейшей веселости. — Я давно уже правлю в некотором роде тиранически, ты не забыл? Нет больше ни Тайного Совета, ни Палаты Пэров. Теперь предстоит как следует поработать с Законодательной Ассамблеей. Чтобы приняли закон, по которому лар за любое преступление на земле предстанет перед судом... ну, не перед земным, не будем перегибать палку и сходу ломать слишком многое... но перед Судом Королевской Скамьи, безусловно, предстанет. И безнаказанным не уйдет. — Она вновь легонечко передернулась: — Эти наглые лапы, шарящие по всему телу, лезущие в самые сокровенные местечки... В общем, я укрепилась. Шум, конечно, будет страшный. Масса людей никогда не совершала и не совершит на земле преступлений — но они поднимут вопль исключительно оттого, что благородных ларов лишают «одной из древних исконных вольностей». Ничего. В прошлый раз тоже было много шума. Но есть гвардия, армия и кое-кто еще...

— А на собрании Ассамблеи ты будешь сидеть в наряде королевы Хелльстада... — усмехнулся Сварог.

— Вот именно, — серьезно сказала Яна. — И время от времени в зале будет случаться что-нибудь... безобидное, но весьма зрелищное. Я все тщательно продумаю, поможешь?

— Конечно, — сказал Сварог. — Знаешь... Вот если бы нам удалось в ближайшее время решить дело с Горротом и вытащить на свет заговор в Магистериуме... В такой обстановке много реформ можно быстренько провести и не одну «вековую традицию» разнести в щепки: пока все напуганы, удивлены, растеряны. По собственному опыту знаю.

— Я подумаю, — кивнула Яна. И посмотрела на него не без лукавства: — Ну как, ты меня больше не подозреваешь в любви к развратным забавам?

Сварог наклонился, поцеловал ее в щеку и сказал:

— Ты чудо, Вита...

— Нет, но поначалу-то ты определенно подумал... Подумал, — сказала Яна уверенно. — Я по твоему лицу видела... Обещаешь, что такие подозрения были в последний раз?

— Обещаю, — сказал Сварог покаянно.

Яна по-кошачьи прищурилась:

— Это тебя тучи доступных дворцовых красоток испортили. Привык думать, будто все мы... Я неправа?

— Ну, может, что-то вроде... — виновато сказал Сварог. — Давай забудем? Я больше никогда не буду...

— Забудем, — великодушно сказала Яна.

— И куда теперь? В Хелльстад или за облака? Правда, у меня еще парочка дел во дворце...

— Не хочу я сегодня ни в Хелльстад, ни в Келл Инир, — сказала Яна. — Ночую в Латеране, если ты не против. Побыстрее бы ванну принять, а то до сих пор кажется, что по всему телу эти поганые лапы ползают...

— Ну, это быстро... — сказал Сварог.

Вышел на тротуар и сделал знак, подзывая экипаж.

Глава IX

Независимый эксперт

Граф Дилорн, протектор Латераны, сейчас был на себя не похож. Обычно — высокий, осанистый, с суровым лицом. Сейчас лицо у него стало просительное, даже чуточку жалкое, осанистость пропала, да и роста словно бы чуточку поубавилось.

— Ваше величество... — говорил он умоляюще. — Быть может, все же не будем давать делу хода? Прекрасный случай показать исконно королевское милосердие...

Сидевший в уголке Интагар смотрел на него злобно, с нехорошей ухмылочкой — ну да, при его-то одном-единственном, всем известном бзике... Наверняка успел представить своих дочек в подобном заведении. Но где ж он раньше-то был, всезнайка?

— Так, — сказал Сварог. — Значит, вас уже осаждают родственники?

— Ну, разумеется, ваше величество, — плачущим голосом, какого Сварог от него никогда не ожидал, откликнулся протектор. — Не успевала отъехать одна карета, подъезжала другая... Вдовствующая герцогиня Баглар, родители графа Кеннека и маркиза Ройта, тетушка графа Ульдера... Все в расстроенных чувствах, полагаются на ваше милосердие и обстоятельства... Речь идет о древних и весьма влиятельных фамилиях, обладающих нешуточным влиянием среди дворянства... Такие вещи, по-моему, непременно должны учитываться. Молодые люди немного пошалили, никому не причинив вреда...

— Немного? — усмехнулся Сварог, взял со стола один из протоколов и помаhal им в воздухе. — Вы это читали? Отлично. Напомнить вам, сколько женских трусиков там насчитала на стене полиция, или сами помните?

— Ваше величество, но обстоятельства... Во-первых, речь в доброй половине случаев идет о каких-то простолюдинках... Во-вторых, никогда не было подано ни единой жалобы, а, следовательно, нельзя утверждать с ходу, что речь шла о насилии... Презумпция невиновности... Сами по себе висящие на стене трусики еще не означают, что непременно имело место насилие... Мораль современных девушек, увы, далека от совершенства... (Интагар уставился на него зверем). А сегодняшний случай... Жалобы опять-таки не подано, мы даже не знаем, где искать эту парочку, достаточно ли она законопослушна и была ли она вообще... Быть может, кто-то устроил изощренную интригу, чтобы таким образом через мнимые прегрешения молодых людей навредить их родным...

— А признательные показания всех четырех вы читали? — спросил Сварог. — Читали... Что скажете?

— Ваше величество, мы с вами взрослые, опытные люди и прекрасно знаем, как иногда в полиции добываются признательные показания, — сказал граф. — Увы, увы, к стыду нашему, в этом мире, где нет совершенства, его далеко не всегда сыщешь и в полиции. Я буду самокритичен: разное случается...

Сварог ухмыльнулся. Ни одного из четверки на допросе, проводившемся Интагаром лично, и пальцем не тронули. Просто-напросто через пару минут после начала он сам вошел туда, одетый уже соответственно королевскому сану, и вот тут-то был всеми четверья быстро опознан. Ну, а когда он любезно

сообщил шалунам, кого именно они пытались изнасиловать, пришлось срочно вызывать еще двух писцов, потому что один не справлялся, все четверо кинулись каяться и признаваться наперебой, отпихивая друг друга и валя вину друг на друга, причем Кеннек самым позорным образом намочил штаны...

Черт знает что, подумал он, глядя на убитого горем протектора (не назначенного им, а доставшегося вместе с Латераной). Неплохой полицейский, почему и оставлен на своем посту, никаких нареканий не было, но оказалось у него слабое местечко...

— Ваше величество, — затараторил протектор, обретя малую толику уверенности, очевидно, приняв молчание Сварога за колебания. — Речь как-никак идет о представителях знатнейших родов снольдерского дворянства, есть факторы, которые следует учитывать...

— Даже королям? — небрежным тоном закончил за него Сварог.

— Сложности нашей жизни... — уже не плаксивым, а весьма дипломатическим тоном протянул протектор. — Иные из них вынуждены учитывать даже короли...

— И даже те, кому присягнула на верность не просто ратагайская конница, а Ратагайская Пушта? — с милой улыбкой спросил Сварог.

Видно было, что граф чувствует себя бутылкой вина, очутившейся перед двумя одинаково похмельными драгунами: не тот употребит, так тот...

— О да, ратагайцы... — протянул он прежним жалобным тоном. — Но все же, ваше величество, простое человеколюбие...

— У вас крепкое сердце, граф? — серьезно спросил Сварог. — Есть ли склонность к апоплексическому удару или нет? Я нимало не шучу, мне крайне важно это знать... (Интагар, явно почуяв, куда поворачивает беседа, откровенно осклабился).

— Нет, что вы, ваше величество... Миловал Единый, со здоровьем все обстоит неплохо...

— Отлично, — сказал Сварог. — Значит, вы легко перенесете иные подробности... — он мрачно ухмыльнулся: — Ваши милые шаловливые мальчишки пытались изнасиловать Высокую Госпожу Небес, Императрицу Четырех Миров, захотевшую инкогнито осмотреть Латерану и по неосторожности заглянувшую именно в это заведение. Мне это доподлинно известно, поскольку я был ее спутником. Проще говоря, мы с ней и есть «та парочка». Теперь понимаете, почему никто не подавал в полицию официальной жалобы? Слово чести короля, так все и обстояло... Что скажете?

Какое-то время казалось, что граф был чересчур оптимистичен, хвалясь крепким здоровьем. Пожалуй, что описать выражение его бледного, как смерть, лица не взялись бы ни хороший романист, ни опытный полицейский шпик.

— Но это... Как же это... — выдавил граф, обмякший, прямо-таки расплывшийся в кресле.

— Очень просто, — сказал Сварог. — Неужели вам неизвестно, что монархи — в том числе и обладатели императорской короны — не так уж редко решали неузнанными побывать среди подданных? Кстати, ее величество находится здесь, во дворце. Если вам недостаточно моего честного слова...

— Помилуйте! — буквально возопил протектор. — Да что вы такое говорите, ваше величество, как я смею сомневаться в вашем слове?! — он самым на-

туральным образом схватился за голову. — Великие небеса, Мать-Земля, что же теперь начнется...

— Я думаю, вы прекрасно представляете, что в этом случае может начаться, — холодно сказал Сварог. — Императрицу попытались изнасиловать в грязном борделе... Ну, и меня подвергали оскорблениям и пугали ножом, но это деталь второстепенная...

— Прикажете арестовать? — прямо-таки крикнул протектор.

— Кого? — с искренним недоумением спросил Сварог.

— Ну, я не знаю... Родственников... Не донесших вовремя... Всех...

Судя по его лицу, он и в самом деле готов был, спасая собственную шкуру, пересажать добрую половину Латераны.

— Все, кого следовало арестовать, уже арестованы, — сказал Сварог. А впрочем... С какого времени вы знали о существовании того... заведения? Ну, живо! Вы же прекрасно знаете, что я моментально определяю, когда мне лгут...

Протектор буквально прошептал:

— Примерно с того времени, когда молодые люди... когда эти злодеи короны его устроили. Года два...

— Вы, кажется, говорили что-то такое об арестах недоносителей? — спросил Сварог вежливо. — Интересно, как во всей этой истории будет выглядеть протектор, прекрасно знавший обо всем, но не принявший никаких мер?

Протектор, явно благодаря большому жизненному полицейскому опыту моментально сообразивший, что великолепно подходит на роль козла отпущения, снова закатил глаза, исходя крупным потом — и никакого притворства во всем этом, ручаться можно, не имелось. Козел отпущения и в самом деле был идеальный...

— Возьмите себя в руки! — не без грубости прикрикнул Сварог. — Я кому говорю? Извольте взять себя в руки немедленно. Вам ничего не будет, даю слово.

Его последняя фраза произвела прямо-таки магическое действие: протектор ожил, даже бледности поубавилось, он выпрямился и смотрел на Сварога взглядом верного пса, готового по первому слову перекусить глотку кому угодно.

— Слушайте внимательно, — холодно сказал Сварог. — Вы немедленно соберете всех помянутых вами родственников-заступников и повторите им то, что слышали от меня. Расскажите, что именно натворили... ну, пусть *пытались* натворить их милые шалунишки. Предупредите их: если хоть словечко обронят об этом кому-то постороннему, попадут под параграф о разглашении не то что государственной тайны — «секрета короля». Все понятно?

— Д-да...

— Ну, так что же вы сидите?

Протектор исчез из кабинета Интагара мгновенно и бесшумно, как вспугнутое монахом привидение.

— Да, сейчас начнется... — вздохнул Интагар.

— Бросьте, — сказал Сварог. — Ничего не начнется. Императрицу, скажу по секрету, это приключение даже чуточку развеселило... Так что ничего не начнется. Этих четырех подонков, без суда, моей волей — в Три Королевства, куда-нибудь на рудники, навечно. Всех сообщников — туда же. Расследуйте и выявите всех, хозяин заведения не мог не знать... Протектор... Его, разумеется,

в отставку. Есть у него какое-нибудь дальнее имение?

— Возле гор Оттершо. Нечто убогое, досталось в наследство, он там практически не бывает...

— Возле гор Оттершо? — усмехнулся Сварог. — Отличная глушь. Так что объявите ему потом мою волю: сутки на сборы — и отбыть в данное имение, где пребывать... — Сварог жестко улыбнулся, — до моей кончины. Теперь о другом, Интагар... По данным личной разведки императрицы, подобных заведений есть еще несколько. В Снольдере — пять, в Равене было четыре, одно обнаружено буквально пару недель назад, так что осталось три. И здесь, помимо того, где мне пришлось побывать, — еще два. Но речь в первую очередь о Равене. Вы столько лет возглавляли тайную полицию короля Конгера... Знали вы об этих заведениях, или нет?

— Нет, — сказал Интагар. — О них доходили только смутные слухи, и ни разу не удалось найти никаких подходов...

— Не врите... — задумчиво сказал Сварог. — Но как так могло получиться?

— Позвольте спросить, ваше величество: то заведение, что обнаружено в Равене... Протектором?

Сварог молча показал пальцем на потолок.

— Вот видите... Насколько я прикидываю, все потому и ограничивалось смутными слухами, что дело всегда держали в строжайшей тайне. И никогда никому не хвастались. Немало молодчиков из знати откалывали подобные штучки, но так, что об этом быстро становилось известно — а вот те, кто оборудовал именно это заведение, ухитрились держать все в тайне. Уж граф Гишар-то, узнай он об этом, моментально и, не колеблясь, пересажал бы всех, несмотря на знатность рода, вы же знаете, каков он в обращении с любым титулованным преступником... Да и барон Фаторус в Сноле не стал бы церемониться, в отличие от того слизняка, который только что отсюда выполз. Я уверен, все дело в том, что мерзавцы соблюдали строжайшую тайну... и никогда не было жалоб от пострадавших.

— Пожалуй, вы правы... — подумав, кивнул Сварог. — Полный список этих милых заведений вы от меня получите вечером. Снольдерскими, понятно, пусть занимается Фаторус, а вот в Равене и Латеране придется поработать вам.

— С радостью, — сказал Интагар с хищным выражением лица. — Тут и не нужно особенно изощряться, возьмем «на живца»...

— В Латерану, естественно, нужен новый протектор, — сказал Сварог. — Лучше, чтобы это был снольдерец — юридически здесь все же снольдерская территория, иные давно ворчат по поводу вас и кое-кого еще, что ронерцы забрали здесь слишком большую волю... Так что пусть будет снольдерец. Поговорите с Фаторусом, у вас ведь отличные отношения. Пусть подберет надежного человека... который в случае чего останется глух к просьбам высокородных родственников. Думаю, если поискать, такой найдется все же...

— Будет сделано. В самом скором времени, — Интагар покачал головой. — Значит, это императрица... Мне доложили, что вы приехали во дворец с какой-то девушкой... Я надеюсь, она не пострадала?

— Пострадали как раз те шалунишки, — усмехнулся Сварог. — Вы, должно быть, запомнили, но она владеет кое-какой магией.

— Ну, вот и отлично, что все обошлось. Однако, ваше величество, вам бы

следовало, простите за прямоту, быть осторожнее и не подвергать девушку риску, потому что...

— Вот мне этих ваших проповедей никогда больше не читайте, Интагар, — сказал Сварог. Это приказ. Кто мог предвидеть? Среди бела дня, в центре Латераны, с оставшейся на улице кучей охраны, в приличнейшем на вид заведении... Ладно. Зарубите себе на носу: с императрицей никогда ничего не может случиться. У нее древняя магия, сильная... И хватит об этом. У меня к вам крайне серьезное дело... Хотя, погодите минутку. С тех пор, как я бесцеремонно расселся за вашим столом, то и дело посматриваю на этот предмет. Странная штука. Что это вообще такое и почему у вас на столе? На вашем столе не бывает пустяков...

Он повертел в руках легкий, острый стилет, к колечку в рукоятке которого был привязан большой моток прочной, хотя и тонкой веревки — судя по плетению, дорнабильской. Дорнабиль не зря прозвали «веревочной столицей», тамошние мастера чего только не изготавливали — веревки, канаты и шнуры всех мыслимых разновидностей и назначения.

— Это, действительно, не пустяк, — сказал Интагар. — Дело серьезное и интересное, я собирался вам обязательно доложить, когда оформили бы все бумаги... Завязка банальная: промотавшийся молодой маркиз ждал наследства от дядюшки, а тот оказался крепок и в ближайшее время умирать естественной смертью никак не собирался. А вот орудие убийства этот вертопрах выбрал отнюдь не банальное... То, что вы держите в руках. Понимаете, каждый вечер дядюшка-маркиз запирался в своем кабинете на первом этаже и часа два перебирал свою коллекцию медалей. Окно выходило в парк и было всегда распахнуто — пожилой дворянин любил вечернюю прохладу, запах листвы, особенно после дождя... Сидел он за столом всегда лицом к окну. А шпингалеты на окне были самые новомодные, пружинные — стоит захлопнуть окно, и они сами защелкнутся. Этот мерзавец, племянничек, долго учился метать нож... В сумерках он подобрался к окну, метнул стилет так, что угодил дядюшке прямо в сердце, а когда увидел, что с тем покончено, выдернул стилет за веревку и захлопнул окно. Шпингалеты тут же защелкнулись. Утром, когда выяснилось, что хозяин не ночевал в своей спальне — впервые за много лет — слуги обеспокоились, заглянули в окно, увидев его недвижимым за столом, взломали двери...

Полиция оказалась в тупике. Налицо мертвец с ножевой раной в сердце, орудия убийства нет, дверь заперта изнутри, окно плотно закрыто на оба шпингалета... Необъяснимо. Кто-то даже начал уверять, что тут попахивает чертовщиной. Кабинет опечатали, как полагается до решения судьбы наследства, ценности там лежали немалые, пожилого дворянина похоронили... Прошло две недели, еще несколько дней — и наш прохвост был бы законным образом введен в права наследства. Его с самого начала подозревали, конечно, в таких случаях, когда наличествует промотавшийся вертопрах, чье положение может поправить только наследство, в первую очередь подозревают его — и сплошь и рядом не без оснований. Но никто не представлял, как он мог в этих условиях убить дядюшку. Коли уж дверь и окна были заперты изнутри. Сквозь стены проходить он, безусловно, не умел... Так что сыщики остались при одних подозрениях, а с ними к прокурору не пойдешь...

Однако нашелся один парень, молодой, ретивый, жаждущий побыстрее вы-

двинуться... Он добился у начальства разрешения еще раз осмотреть кабинет, снять печати. И взял след... Когда дядюшка с ножом в сердце грудью рухнул на стол, он опрокинул чернильницу, полную, растеклась изрядная лужа. К тому времени уже застывшая. Остался четкий след какого-то предмета, пробороздившего лужу из конца в конец, и след от тонкой веревки дорнабильского плетения. Наш парень все это осмотрел — чего раньше сделать другие не додумались — обнаружил, что шпингалеты — пружинные, и у него забрезжило. Он начал понимать, как можно было это сделать. Сумел убедить начальника, тот оказался человеком гибкого ума, сам съездил в особняк, осмотрел все, согласился, что идея толковая... Ну, а дальше было совсем просто. Этот скот не выбросил нож с веревкой. Решил, понимаете ли, сохранить на память о собственном хитроумии. В его квартире в его отсутствие сделали обыск, очень быстро обнаружили примитивный тайничок с кинжалом и веревкой, кое-где испятнанной теми же чернилами, положили назад, стали следить и копать... Нашли циркача, который учил его метать ножи. Нашли оружейника, который продал стилет. Нашли следы тех же чернил на подкладке камзола убийцы — он ведь, уходя, спрятал нож за пазуху... *Подвели* к нему толкового агента, девуку, он с ней пьянствовал неделю, а потом, когда она умело навела разговор на убийства, стал хвастать, что знает способ нераскрываемого... Девка стала твердить, что не верит, что такого не бывает. Этот идиот достал стилет из тайника и стал ей подробно объяснять, как все же можно совершить нераскрываемое убийство. Ну, взяли... Будь он чуть поумнее, вывернулся бы. Нужно было потуже натянуть веревку и выдернуть стилет так, чтобы он не угодил в чернильную лужу. Вообще достаточно было выбросить стилет куда-нибудь в реку. И отчистить камзол от засохших чернил. Но обормот, на наше счастье, был не великой хитрости...

— Занятно... — сказал Сварог, вертя в руках хитроумное орудие убийства. — Мало придумать отличный способ убийства, нужно еще уметь скрыть следы... А?

— Совершенно верно, ваше величество. На этом они очень часто и горят — на том, что преступление совершили мастерски, а следы заметали скверно...

У Сварога у самого забрезжила какая-то смутная идея, но она никак не желала принимать четкие очертания — и к тому же сейчас было не до посторонних идей...

— Ну ладно, — сказал он, бросил стилет на стол и встал. — Занимайте свое место, на котором я бесцеремонно расселся, придется поработать, и всерьез...

Не утруждаясь возней со звонком, без всякого ущерба для королевской гордости самолично выглянул в Интагарову приемную. Народу там было немного: симпатичная, разбитная на вид девушка в скромном платьице с гильдейской бляхой, беспокойно ерзавший пожилой господин купеческого облика, отлично одетый, но невероятно унылый дворянин, зажатый меж двух верзил с неприметными лицами — и скромно поместившийся в уголке Элкон, как всегда, одетый небогатым дворянином, с кожаным футляром на коленях. Что до Элкона, то *прижился* он тут без всяких сложностей, по размышлению Сварог ему даже графский титул оставил. Легенду ему *слепили* незатейливую, но вполне жизненную: юный граф из провинциальной обедневшей фамилии, благодаря чьей-то протекции, попал в тайную полицию, в ближайшие помощники Интагара. (Это в обычной полиции служить для дворянина считалось

унизительным, разве только на весьма начальственных должностях, а с тайной полицией обстояло иначе, так уж исторически сложилось).

Сварог кивнул Элкону, и тот, прихватив свою увесистую ношу, степенно направился в кабинет. Следом за ним кинулся тот господин купеческого облика, схватил Сварога за рукав и зашептал:

— Господин секретарь, нельзя ли устроить так, чтобы господин министр меня принял сразу после этого молодого дворянина? Ну, неотложнейшее дело!

Он сделал ловкое движение рукой, незаметное для окружающих, и Сварог обнаружил у себя в ладони золотой аурей. Будь на месте просителя кто-то другой, Сварог, мысленно посмеявшись, взял бы денежку и честно ее отработал — но тип был какой-то неприятный, рожа словно салом намазана, глазки бегают, весь дерганый какой-то... Посему Сварог, брезгливо держа монету двумя пальцами, засунул ее купчишке за отворот рукава хомерика, пожал плечами и сказал:

— Милейший, я такие дела не решаю. Я просто-напросто здешний король...

Сыщики (явно признавшие Сварога сразу, но не подававшие виду — мало ли каковы желания короля, вдруг он не хочет быть узнанным?), услышав таковы слова, проворно вскочили и щелкнули каблуками. Их подконвойный, несказанно оживившись, вскочил и завопил:

— Ваше величество, смилуйтесь! Не виноват! Оговорили!

Плохо он со своей продувной физиономией походил на жертву оговора. Подойдя вразвалочку, Сварог спросил того верзилу, что помещался справа:

— Что за невиновный?

— Все они невиновные... — проворчал верзила. — Это, ваше величество, Билант-Игрунок, в четвертый раз с фальшивыми костями взяли, только на сей раз он не по игорным домам шкодил, а во дворце герцога Риджета играющих на десять тыщ золотом обнес...

— Так поступать нехорошо, — наставительно сказал Сварог шулеру, повернулся и пошел в кабинет Интагара мимо остолбеневшего с отвисшей челюстью купца.

— Итак, господа мои... — сказал он, садясь. — Интагар, вы уж не огорчайтесь, но в этом вот футляре очередная государственная тайна. Оттуда, — он показал пальцем на потолок. — Я знаю, как угнетающе они на вас действуют, но ничего не поделаешь, придется поработать.

— Ах, ваше величество... — с унылым лицом и грустной покорностью судьбе сказал Интагар. — Я уже помаленьку начинаю привыкать, что залетел на самый верх. Лишь бы не повесили...

— Глупости, — сказал Сварог. — Вы давно уже дворянин, кто же вас повесит? Для дворян — позолоченный меч.

— Я всегда ценил ваше остроумие, ваше величество... — печально откликнулся Интагар.

— Да ладно, куда ж я без вас? — сказал Сварог. — Ладно, пошутили и будет. Ситуация такова, Интагар. В этом футляре — старое, давным-давно закрытое дело. Компьютер вы уже освоили, так что справитесь, благо тут нужно всего-навсего читать и просматривать снимки с фильмами. Как бы вам объяснить поточнее, что мне нужно... Дело вроде бы ясное, но у меня сложилось стойкое убеждение, что там что-то нечисто. Что мы чего-то то ли не понимаем, то ли просто не видим. Так случается, уж вы-то знаете... Смотришь — и не

видишь... Вот я и хочу, чтобы вы взглянули на все, во-первых, как человек со стороны, во-вторых, как опытный сыщик. Мне будет интересно ваше мнение, ваши версии... любые. Пусть вам самому они покажутся идиотскими, понимаете?

— Кажется...

— Это не все дело, конечно, — сказал Сварог. — Я оставил самую суть, убрал ненужные мелочи и подробности. Так что до ночи должны справиться. Граф Элкон станет объяснять то, что вам будет непонятно. После того... нет, не нужно сразу ко мне. Подумайте как следует над всем, что прочитаете и просмотрите. Идите ко мне, когда у вас будут четкие соображения... Пусть, как я уже говорил, самые нелепые. Какие-то соображения у вас непременно будут, как же иначе, если дело просматривает опытный сыщик? В общем, жду вас завтра. Там, в приемной, народец, но я их сейчас разгоню... Надеюсь, Билант-Игрунок может подождать?

— Конечно, — сказал Интагар. — Куда он денется?

— Вот и отлично, — сказал Сварог. — А вдобавок я вам поставлю часового у дверей, так что ни одна живая душа вас с графом не побеспокоит... Удачи!

Он вышел в приемную, развел руками:

— Министр сегодня больше не принимает...

Купец, все еще таращась на него с остолбенелым почтением, первым выскочил в дверь. Следом сыщики, не выказав ни малейших эмоций, увели шулера (он вновь попытался кричать Сварогу, что невиновен и оговорен, но получил от конвоира короткий в печень и заткнулся). Гильдейская девица медлила.

— Не принимает больше министр, красавица... — сказал Сварог. — А что у вас за дело, собственно?

— Я, ваше величество, пришла наниматься в шпионки, — бойко, без всякого почтительного страха ответила девица. — В эти... осведомительницы. Тетка говорит, они всегда нужны, а она жизнь знает, трех мужей пережила, вторую лавку открыла... Ремесло, говорит, полезное для власти, а у нас в мастерской иногда такие интересные разговорчики ведутся... Я памятливая, могу запоминать слово в слово. И приданое собирать надо...

— Тетка у вас умная, — сказал Сварог. — Ремесло для власти действительно полезное. Только не стоит с таким сразу к министру... Вы цифры знаете?

— А то! Аж до ста.

— Вот и прекрасно, — сказал Сварог. — Выйдете, свернете направо, и когда увидите дверь с цифрой «пять», смело заходите. Там сидит человек, который такими делами и занимается. Если будут сложности, скажете, что вас прислал я. Авань подействует.

— Вот спасибо, ваше величество! А вы как на портретах, правда! Вылитый! Тетка и не поверит...

Она еще на какое-то время задержалась, играя глазами и явно ожидая, не будет ли ей сделано *другое* предложение, поинтереснее. Симпатичная была резвушка, с годик назад непременно оставил бы до утра во дворце, но, коли уж теперь, будучи женатым, твердо решил строже следить за своим моральным обликом — увы...

Он сделал властный жест, и резвушка, сообразив, что шутки кончились, упорхнула. Сварог не спеша вышел в коридор, огляделся, поманил ближайше-

го стражника, неподвижно стоявшего у колонны гланского гвардейца. Тот подошел, чеканя шаг, взглянул вопросительно. Сварог распорядился:

— Встаньте у этой двери и не пропускайте к министру ни единой живой души. Никого. Ваше дежурство кончится, когда министр выйдет сам.

— Есть! — браво ответил усатый молодец в тартане цветов Баглю и, не выказав ни малейшего удивления, занял новый пост.

Сварог не спеша пошел по коридору. Быть может, его затея была совершенно идиотской. А быть может, и нет. Вдруг Интагар высмотрит в деле Ледяного Доктора что-то такое, чего не усмотрели прежде и люди Гаудина, и люди Канцлера? Свежим, непредвзятым взглядом человека, не имевшего никакого отношения к тем событиям, вообще о них не знавшего?

Он спустился по широкой мраморной лестнице, прошел по коридору, свернул, еще раз свернул — и вышел к двустворчатой резной двери, за которой располагалась Ванная Королевы. Никакой королевы у него в Латеране, конечно же, не имелось, но, как в таких случаях и бывает, министр двора сохранял полный штат женской прислуги. Что было, в общем, логично: а вдруг у его величества королева все же появится?

Роскошный зал, который, пожалуй что, следовало именовать «предбанником» — теплые полы, под которыми проложены трубы с горячей водой, мраморные скамьи, обогреваемые тем же способом, стены выложены зелено-синей мозаикой, изображающей обитателей морских глубин (тех, что не выглядели уродливо). Две прислужницы в синих платьях и белых фартуках низко присели. Кивнув им, Сварог направился к двери в ванную.

Сама ванная была еще пышнее и величавее: немаленький зал, где впору устраивать учебную маршировку пехотного платунга, мраморные плитки пола покрыты искусным выпуклым узором (дабы ее величество, боже упаси, не поскользнулись), мозаики не из простого стекла, а с обширными вкраплениями драгоценных камней, ванна из чистого золота, над ней рядок золотых крапов... Ванна Короля выглядела примерно так же. Сварог вовсе не собирался выяснять, кто первый устроил эту роскошь, снольдерские короли или ронерские, — он попросту не пользовался этой глупой роскошью (ну, один-единственный разочек, с балеринами из Королевского театра...) — благо, в его личном распоряжении имелись еще три, гораздо скромнее.

Еще две прислужницы, одетые точно так же, прямо-таки навтыяжку, как опытные гвардейцы, стояли у ванны. Обернулись на легкий скрип двери, Сварог сделал повелительный жест (а ведь здорово насобачился!), и они бесшумно улетучились.

Он подошел к ванне, вода сплошь покрыта толстым слоем разноцветной пены, виднелось только спокойное личико Яны, лежавшей с закрытыми глазами. Склонившись так, чтобы не перепачкаться пеной, Сварог осторожно поцеловал ее в щеку. Она медленно открыла глаза, улыбнулась.

— Ну, отошла немножко? — спросил Сварог.

— Кажется... — ответила она почти безмятежно. — Я, наверное, вылезу...

— Сейчас распоряджусь, — сказал он, вышел в «предбанник» и, поневоле глядя поверх голов присевших в низком поклоне прислужниц, кратко распорядился: — Лауретта желает одеваться...

Они проворно бросились к резному шкафу, извлекая огромные полотенца, платье, туфли. Сварог уселся на мраморную скамью, прекрасно понимая, что

одевание женщины (пусть ей предстоит надеть лишь платье и трусики) затянется надолго. Так оно и оказалось, прошло не менее квадранса, прежде чем появилась Яна, не в особенно роскошном, но и ничуть не скромном дворянском платье, тщательно причесанная и чуточку, мастерски подмалеванная здешней косметикой.

— И чего же теперь пожелает дама? — спросил Сварог.

— Присесть, поесть, отдохнуть, — сказала Яна.

— Ну, тогда пошли...

Они направились в ту часть дворца, где располагались личные покои Сварога. По вечерней поре придворных и прочих, имевших доступ, попадалось мало, все, конечно, приветствовали с должным почтением — но относилось это к одному Сварогу. Самое смешное, что за несколько месяцев, в течение коих Яна здесь бывала, ее опознало считанное количество благородных господ и дам (державших язык за зубами согласно распоряжению Интагара), остальные (а слуги и охрана вовсе уж поголовно) искренне считали ее очередной любовницей короля, смазливой провинциалочкой. Сработал все тот же эффект: императрица — это нечто величавое, и она никак не может появиться вот так, запросто, не в самом роскошном платье, без пары горстей бриллиантов в ушах, на шее и на пальцах...

Мимоходом Сварог отметил, что усач в цветах Баглю по-прежнему стоит навтыжку у двери в приемную Интагара — ну конечно, работа только началась... Яну он отвел туда, где она обычно и пребывала, будучи у него в гостях — одна из малых спален с выходившими на Ител окнами. Чтобы туда попасть, сначала нужно было пройти через комнату охраны (трое ратагайцев проворно вскочили и поклонились) и другую, которой названия Сварог так и не подобрал, как ни бился, просто небольшая комната со столом, полудюжиной стульев и парочкой секретеров. Можно трапезничать, можно позвать на бутылочку гостей, можно проводить, наконец, тайные совещания в узком кругу. Будь это комната дамы, ее, не ломая голову, можно было назвать будуаром — но поскольку Сварог дамой, безусловно, не являлся, неопределенность оставалась (и хрен с ней, в общем-то).

Сварог мимоходом распорядился насчет ужина на двоих и, когда они вошли в безымянную комнату, сказал:

— Есть тут идея... Пойдем в спальню.

Яна легонечко поморщилась:

— Я тебя умоляю, не сегодня... Сам понимаешь, настроение не то...

— Прекрасно понимаю, — сказал Сварог. — Я и не имею в виду никаких фривольностей. Я о другом. Уж если ты в шаре видела Древние Дороги, то, быть может, и Горрот сможешь? Я просто не хочу, чтобы *сюда* кто-то вошел и видел шар, а вот в спальню ни одна живая душа без серьезнейшего повода не сунется...

— Ну, это пожалуйста, — с легоньким вздохом облегчения ответила Яна. — Мне самой интересно, что получится... хотя наверняка получится. Ужин подождет, не умираю с голоду...

Они прошли в спальню, тщательно прикрыли дверь, задернули занавеси на обоих окнах, включили ночник. По просьбе Яны Сварог сдвинул два кресла, они уселись рядышком. Яна устала перед собой потемневшими глазами, ее волосы взметнул неизвестно откуда взявшийся порыв ветра, она описа-

ла руками большой круг — и перед их лицами повис в воздухе огромный прозрачный шар.

Что-то прошептав, Яна спросила:

— Дворец, конечно?

— Ага, — сказал Сварог, наклонившись вперед и не отводя глаз.

Неразборчивый шепот Яны — и в шаре возник горротский королевский дворец, словно они смотрели на него с реки, сидя в лодке уардах в ста от берега. Прекрасное, четкое изображение — отличная все-таки штука этот Древний Ветер...

— Будем искать Брашерио? — спросила Яна.

— Да зачем он нам, урод? — пожал плечами Сварог. — Давай лучше посмотрим, что они там нагородили, что за Центр. Я так подозреваю, это вон те крыши, что виднеются над внутренней стеной справа, описание полностью соответствует...

Волосы Яны по-прежнему колыхались, щекоча щеку Сварога пушистыми прядями. Яна и без подсказок сообразила, что ей делать — сначала они увидели все сверху: окруженные высокой стеной четыре больших здания и одно гораздо меньше, жилого вида. Потом попали внутрь. Залы, залы, залы, нагромождение непонятной аппаратуры, ряды пультов, добрая половина всего этого работает вовсю. И очень мало людей, работающих со всем этим, попадаетея, видно, что они, пусть и не суетятся, но стараются в предельном темпе, один выполняет работу двоих-троих... Ну да, у Брашерио очень мало людей — но даже если это и козырь, решительно непонятно, как его можно использовать в своих целях...

Зрелище становилось крайне однообразным, одно и то же: непонятные механизмы и сложные пульта...

— А что это такое, и что они делают? — спросил Сварог.

Яна глянула на него чуть растерянно:

— А вот этого я уже не знаю. Тут никакой Древний Ветер не поможет. Видеть я могу, а вот понять, что это такое... Нет возможности узнать, Ветер из столь незапамятных времен, что вершиной цивилизации, подозреваю, считался лук со стрелами...

— Ну, тогда выключи его, — мрачно сказал Сварог.

«Эх!» — горько воскликнул он про себя. Совершенно та же история, что с его Арсеналом. Примерно та же самая. Есть могучая армада ходящих, летающих, плавающих мощных лучеметов — но использовать ее в открытую никак нельзя, иначе непременно возникнет масса сложностей в отношениях с Канцлером. Есть некая система могучих древних заклинаний, позволяющих в том числе увидеть в шаре любой уголок планеты — но она не способна объяснить, что именно ты видишь... Конечно, благодаря иным своим способностям Сварог, оказавшись за любым из этих пультов, моментально разобрался бы, с чем имеет дело и как этим управлять, — но вот попасть туда нереально...

— Древний Ветер, правда, на *такое* не способен... — чуточку виновато сказала Яна.

— Ну, что же делать, — сказал Сварог, легонько погладив ее по щеке. — Я давно свыкся, когда заходит речь о магии: все эти примечания мелким шрифтом, то бишь ограничения, неперемные условия и прочие барьеры... Есть простой и легкий выход. Ты знаешь профессора Марлока?

— Нет. А кто это?

— А, ну да, он же в свете не бывает... — хмыкнул Сварог. — Это один из лучших ученых Империи на службе у Канцлера. Из Техниона. Технион — это...

— Ну, уж что такое Технион, я знаю, — чуточку обиженно прервала Яна. — Я как-никак реально управляю...

— Вот и отлично. Крупный ученый, что важно — электронщик. Если ты ему все это покажешь, он, думаю, разберется в два счета. У них там должно быть что-то еще, о чем мы не знаем. Я человек в науке темный, но даже мне ясно: слишком много там всякой аппаратуры, чтобы она служила одной-единственной цели — поддержанию «защитного колпака». Что-то еще. Они ведь и каменюги на мою армию обрушивали, и уронили капельку воды размером с приличный дворец. Должно быть что-то еще, но как тут догадаешься? — он угрюмо махнул рукой. — Ломай голову, не ломай... Пойдем ужинать?

Глава X

Визитеры, сплошь незваные

— **О**бъявился у главного входа, ваше величество, — сказал Зенальт, толковый и умный лейтенант дворцовой охраны (которого, пожалуй, пора и в капитаны). — И попросил передать вашему величеству этот конверт. Держится с уверенностью человека из общества, чувствуется военная выправка, усов, правда, не носит, среднего роста, не красавец, но женщинам должен нравиться. Вот только... Он какой-то *другой*...

— А точнее? — спросил Сварог, у которого что-то зашевелилось в памяти, что-то совсем недавнее...

— Не могу объяснить, государь, — сказал лейтенант. — Не могу подыскать слова, чтобы объяснить, чем он от нас отличается, но он какой-то *другой*, голову на отсечение...

Взглянув на простой конверт из плотной белой бумаги — ни герба, ни единой надписи, запечатан чем-то вроде перстня с дворянским гербом — Сварог *рывком* вспомнил, как совсем недавно Арталетта произносила едва ли не те же самые слова, ну буква в букву... Уже определив, что никакой магией тут и не пахнет, он, не трогая печати, аккуратно оторвал край конверта и вытряхнул на стол...

Обыкновенная визитная карточка, выдержанная в том хорошем вкусе, что присущ настоящему старому дворянству: никаких излюбленных нуворищами жирных золотых разводов и прочей безвкусицы, плотная белая бумага с тоненькими сиреневыми прожилками. Вверху изображен герб, опять-таки, согласно хорошему вкусу, такой маленький, что едва различишь детали: дотир, разделен горизонтально на две равных части, в верхней — якорь, который обвила то ли змея, то ли мифологическое морское чудовище, какими их рисовали в старину, внизу — три кольца в ряд.

И надпись в точности та же самая!

Альтерат Лог Дерег

Барон

Тор-полковник

Клорена, Токеранг.

Сварог не смог бы описать свои чувства — тут и любопытство, и азарт, и

злость, и что-то еще...

— Немедленно проведите его ко мне, — распорядился он. — Разумеется, проведите под Кружевной Аркой, проверьте на оружие.

— Прикажете... — лейтенант многозначительно глянул на стену у потолка.

— Пожалуй, — кивнул Сварог.

В считанные минуты у замаскированных бойниц должны были занять места шесть отличных стрелков — кто их знает, этих токеретов... А пуля их, в отличие от ларов, прекрасно берет, своими глазами доводилось видеть...

Он засек время — из чистого любопытства. Уже через шесть с лишним минут лейтенант, распахнув дверь малого кабинета и посторонившись, отрапортовал:

— Господин, не назвавший своего имени, ваше величество! Оружия при себе не имел!

Вошел человек, полностью отвечавший описанию, чуть ли не слово в слово данному лейтенантом и Арталеттой: лет тридцать, темноволосый и темноглазый, лицо волевое и умное, военная выправка, несомненно...

— Прошу вас, господин барон, — Сварог показал ему на кресло.

Токерет спокойно сел, и какое-то время они откровенно разглядывали друг друга — то есть это барон просто разглядывал, а Сварог *врубил* кое-какие свои способности.

Если они и в отношении токеретов не подводят, результаты следующие: обычный человек, ни капли магических способностей... вот только угадывается в нем некая *пустота*, и точнее передать словами невозможно. Быть может, именно так проявляет себя отсутствие у токерета души? И Арталетта, и лейтенант правы: он какой-то *другой*, другой и все, и словами этого не передашь...

Почему он молчит? И смотрит явно выжидательно. Ах, вот оно что, ревнитель строгого этикета — никто не имеет права первым заговорить с королем (кроме тех, конечно, кому это разрешено)...

И Сварог молвил первое, что пришло в голову:

— Как добрались?

— Благодарю вас, без происшествий, — склонил голову барон. — Ваше величество, быть может, мой вопрос покажется вам невежливым, заранее прошу простить... Сколько дул сейчас нацелены мне в голову?

— Полдюжины, — любезно пояснил Сварог.

— Разумно, — не моргнув глазом, сказал незванный гость. — Не много и не мало, в самый раз. Наш король (показалось Сварогу, или на лице гостя в самом деле промелькнуло легкое презрение) держит восемнадцать стрелков, а это, по-моему, излишне... Ваше величество, я прекрасно понимаю, что у вас может возникнуть желание меня схватить...

— И в мыслях нет, господин барон, — ухмыльнулся Сварог. — Вам заранее впрыснут яд, если через полчаса не получите противоядия, умрете, а уж полчаса под пытками продержитесь...

— Все так, государь. Разве что на сей раз мне впрыснут яд, действующий через час — наш разговор может затянуться, впрочем, я и час продержусь... хотя не стану хвастать насчет большего времени, я не настолько самонадеян...

Он не врал насчет яда и противоядия — ну, Сварог давно уже понял, что это крепкие ребята, достойные противники и относиться к ним нужно серьезно...

— Зачем вам понадобилось пугать герцогиню Браг? — спросил Сварог ней-

тральным тоном.

— Ее не пугали. До нее, как она вам, несомненно, рассказала, *довели* наше мнение касательно надписи на постаменте памятнику принцессы Делии. С *нашей* точки зрения, вопрос снят — принцесса убила принца, среднего сына короля, и потому месть была неминуема.

— Так, — сказал Сварог. — Если я правильно понимаю, понятие мести один из краеугольных камней вашей этики, морали, жизненной философии?

— Вы удивительно верно определили, государь. Со своей стороны могу заверить: я не собираюсь говорить о потоплении трех наших подлодок возле Дике. Они ни на кого не напали, но после Батшевы вы имели право на месть... Вопрос снят.

Он произнес все это крайне серьезно: самураи чертовы, хоть и лицами не похожи...

— Ну что же, — сказал Сварог. — Коли уж времени у нас маловато, будем говорить как можно более конкретно, без лишних слов... И постараемся быть друг с другом откровенны, насколько возможно? (токерет молча склонил голову). Излишняя дипломатия порой только вредит... Мне известно о некоем господине Брашери, известно, думаю, все или почти все о его замыслах, известно о вашем с ним тесном сотрудничестве... С чем же вы ко мне в этих условиях пожаловали?

— Чтобы провести переговоры лично с вами, — без малейшего промедления ответил токерет. — Вряд ли вы передадите господину Брашери наш разговор... Если вкратце, мы ему не доверяем, и весьма. Дело не в том, что его цели нам представляются нелепыми, — в конце концов, каждый вправе ставить перед собой свои цели. Здесь другое...

— Никакой загадки, — усмехнулся Сварог. — Вы опасаетесь, что нужны ему исключительно как подручные в затеянном перевороте... а после его успешного завершения станете совершенно не нужны. На вашем месте я бы именно этого опасался. Ну, к чему ему под боком довольно серьезная сила, преследующая свои цели и стремящаяся к самостоятельной политике? Я о нем чуточку наслышан. Подозреваю, он, если посчитает нужным, уничтожит весь Токе-ранг дочиста..

— Именно это подозреваем и мы, ваше величество, — сказал токерет. — Вы — другое дело. Я думаю, мы могли бы сосуществовать бок о бок. Вы прекрасно должны понимать: пройдут долгие столетия, прежде чем мы сможем представлять для Империи серьезную угрозу. Долгие... Наша цель проста: обрести нормальные размеры, выйти наверх и получить жизненное пространство побольше того, каким мы сейчас располагаем. Как считают у нас, нам было бы достаточно четверти территории Трех Королевств — это ведь крайне малонаселенные земли, и вам не составит труда пожертвовать их четвертью. Подчеркиваю: эта площадь выбрана нами с большим *запасом*. В расчете на то, что пройдет еще несколько сотен лет, прежде чем на ней наступит перенаселение.

— Но когда-то же оно наступит?

— И это продумано, — моментально ответил токерет. — В этом случае мы намеревались бы устроить колонию на Сильване. Там у вас нет ни малейших интересов на земле, верно?

— Верно... — задумчиво сказал Сварог.

— Вот видите. У нас с вами нет никаких поводов для вражды или соперничества. Мы могли бы по всем правилам принести вассальную присягу императрице. Нам известно, что вы обладаете на нее некоторым влиянием... В силу вышеописанных обстоятельств мы крайне заинтересованы в том, чтобы и она, и вы оставались на ваших нынешних тронах...

Он не врал. Он просто кое-чего недоговаривал. Обосновавшись на Харуме и еще пару сотен лет развивая свои высокие технологии, эта теплая компания... конечно, и тогда не осмелится противостоять Империи, но вот Сварога из его королевств вышибет запросто. Даже не войной, а простым шантажом. Явится такой же лощеный дипломат и вежливо сообщит, что в паре десятков крупных городов, и в первую очередь в столицах, тайно заложены ядерные заряды и бактериологические бомбы. Быть может, устроит демонстрацию — в каком-нибудь провинциальном городке в глуши. И неизвестно, как обернутся события...

— В свое время императрице было направлено письмо со схожим почти предложением, — сказал барон. — Не знаю, получила ли она его...

— Получила, — сказал Сварог. — Да, кстати... Одним из подписавших его был некий генерал Альконтер Лог Дерег. Вряд ли тут простое совпадение...

— Да, это мой дядя.

— И что с ним сейчас?

— Ему пришлось покончить с собой, как и двум другим авторам письма, — бесстрастно сказал токерет. — За ними вот-вот должны были *прийти*... Но большинство людей, на которых они опирались, остались живы и на прежних должностях. Так что поддержка нашим поступкам обеспечена.

— Не расскажете ли, *каким*? — спросил Сварог. — Тысячу раз простите, но получается, что вы предаете Брашери, с которым заключали союз. А предавший однажды...

— Мы никакого союза с Брашеро не заключали, так что на нашей чести ни единого пятнышка.

— «Мы» — это кто?

— *Дэнго*.

— Не объясните ли подробнее?

— Хорошо, — кивнул токерет. — Я, конечно, выдаю вам государственные тайны... но исключительно те, которые вы не в состоянии использовать против нас. Вот уже примерно три тысячи лет в Токеранге существует *дэнго* — тайный совет при короле из представителей самых старых и влиятельных рядов. Не существуя официально, *дэнго* тем не менее оказывает значительное влияние на жизнь королевства. Более того: в тех случаях, когда члены *дэнго* единогласно решат, что нынешний король ведет не отвечающую интересам государства деятельность, они могут... поправить ситуацию. Вы меня поняли, судя по вашему лицу? Да, именно, поправить... Прецеденты были. Хотя, признаюсь вам, не всегда есть возможность постоянно держать короля под контролем. Иногда события складываются так, что король успевает проделать нечто самостоятельно.

— И остаться после этого в живых? — усмехнулся Сварог.

— Иногда — да, как в нашем теперешнем случае, — серьезно сказал токерет. — Письмо к императрице исходило от *дэнго* — но король сумел нас переиграть. Договор с Брашеро заключал тоже король, без участия *дэнго* — мы по-

ставили бы несколько иные условия и вели несколько иную политику. Но он *успел*. К сожалению, он знал, на чем следует играть: сама по себе идея обрести нормальные размеры и выйти наверх оказалась столь заманчива, что нам просто нечего было противопоставить, — лицо барона стало хищным. — Но *третьей* возможности у него уже не будет...

— Говоря о дэнго, вы дважды обмолвились «мы», — сказал Сварог. — Вы ведь тоже член дэнго?

— Удостоен такой чести благодаря заслугам, старинному происхождению и влиянию рода, — склонил голову токерет. — Могу признаться, я заменил покойного дядюшку. В общем, король и мы — это два совершенно разных понятия, две разных силы. И договариваться с вами собираемся именно мы.

— Один маленький нюанс... — сказал Сварог. — Меня, прежде всего, страшно интересует один вопрос... Кто именно запустил по моему хелльстадскому дворцу ракетой?

— Простите?

— Недавно я, можете поздравить, женился, — сказал Сварог. — Свадьбу играли в Хелльстаде. И аккурат в это время прибыл не вполне обычный подарок: ракета с ядерной боеголовкой. Мои системы ее обезвредили, мы так и не смогли установить точного места, но она, несомненно, была пущена из Хелльстада. А там есть одна-единственная сила, способная запускать ракеты, да еще с ядерными боеголовками...

— Ах, вот оно что... — негромко произнес токерет, и по его невозмутимому лицу промелькнула явственная тень злобной гримасы. — Клянусь гербом, я впервые об этом слышу. Мы тут ни при чем — простите за легкий цинизм, но мы не стали бы, возникни такое решение, выбирать подобные методы, уж мы-то прекрасно знаем, что ваш покойный предшественник обильно оснастил и дворцы, и сам Хелльстад защитными системами, способными противостоять не только нашим скромным придумкам, но и любому оружию ларов.

Он не врал.

— Хотите сказать, это король? — спросил Сварог.

— Больше просто некому. — Серьезно ответил токерет. — Мы могущественны, но не всемогущи. Не в состоянии контролировать *абсолютно* все и всех. Таковую вещь, как единичный пуск ракеты, король в состоянии устроить, у него как-никак немало власти, мы ведь не управляем, а контролируем. А любой контроль может что-то проглядеть. Значит, его величество *взбрыкнул* не дважды, а трижды... Учтем, учтем... Поверьте, это не мы.

— Верю.

— Нам важно как раз договориться с вами.

— А если у короля будет другое мнение? — усмехнулся Сварог. — Впрочем, если уж вы говорите, что не собираетесь предоставлять ему третьей возможности, я, со свойственным мне цинизмом, толкую это как... — он сделал многозначительный жест.

— Любому государственному деятелю присущ определенный цинизм, — усмехнулся токерет. — Вы поняли правильно... Вдобавок ко всему многие еще не отомщены, как например, мой дядя... Я вам кратко обрисую ситуацию. У короля два сына. Средний, принц Фамир, погиб от руки принцессы Делии. Старший, принц Хаутил, нас категорически не устраивает: он туповат, но коварен и одержим прямо-таки патологическим стремлением уничтожить дэнго. Он

даже два раза предпринимал такие попытки — но всякий раз те, кому он это поручал, оказывались нашими людьми. Он нас категорически не устраивает, как и король. Младший сын, принц Кауген — идеальная кандидатура для трона. Он, скажем прямо, простоват, мягок характером и не блещет особым умом... но в наших условиях именно такой король имеет шансы долго, очень долго просидеть на троне... Дэнго сделал ставку на него. Поэтому было бы просто прекрасно, если бы вы спустились к нам и провели переговоры не только с дэнго, но и с ним. Слово чести, вашей жизни ничто не угрожает, вы придете и спокойно уйдете. — Он усмехнулся. — Теперь позвольте мне быть чуточку циничным: захоти мы вас убить, это в сто раз легче было бы проделать наверху, нежели заманивать вас к нам и убивать там. Не так ли? Повторяю: мы заинтересованы как раз в том, чтобы вы оставались живы-здоровы и занимали прежнее место как можно дольше.

Вообще-то он не врал... Сварог усмехнулся:

— А вам не кажется, что у вас я из-за своего роста привлеку излишнее внимание?

Токерет спокойно ответил:

— Но вы ведь можете для визита к нам уменьшиться до наших размеров. В Империи есть соответствующая аппаратура, Брашеро как-то проговорился...

— Да, действительно, я как-то не подумал... — искренне сказал Сварог.

А ведь это именно то, к чему он стремился... Стараясь сохранять невозмутимое лицо, он спросил:

— Вы не будете против, если я прихвачу с собой небольшую свиту? Мои ближайшие соратники из моих королевств. Как советники на переговорах они мне будут крайне полезны.

— О, разумеется, — кивнул токерет. — Это справедливо: дэнго состоит не из одного человека и не из двух, так что все рационально... Об одном я бы попросил не просто настойчиво, а крайне настойчиво: чтобы вы явились к нам в ближайшие дни, не позднее чем через два-три. Я вас крайне настойчиво об этом прошу. Понимаете ли, ситуация в Токеранге сейчас очень сложная: король, ободренный тем, что принц Хаутил полностью на его стороне, строит определенные планы, возможны самые неприятные события... У нас очень мало времени, считанные дни. Я вынужден настаивать. Может случиться так, что через неделю вам уже не с кем будет вести переговоры... Скажу откровенно: важно, кто ударит первым. Два-три дня еще можно себе позволить, а далее — непредсказуемо...

— Хорошо, — сказал Сварог. — Через два-три дня. Вот только как мне вас известить?

— О, это просто, — усмехнулся токерет. — Напишите письмо, запечатайте конверт и напишите на нем: «Господину Логу». И поручите передать его хозяину этой таверны, — он достал из кармана и положил перед Сварогом маленький, сложенный вдвое листок бумаги. Тонко улыбнулся. — Ваше величество, очень прошу не хватать и не пытаться хозяина таверны. Он ничего не знает, всего-навсего за хорошие деньги принимает и передает письма...

— Помилуйте, зачем мне его хватать и пытаться, если я твердо намерен идти к вам на переговоры? Моя сиюминутная выгода, думаю, ясна. Если мы договоримся, если вашим королем по какому-то стечению обстоятельств станет принц Кауген, Токеранг безусловно не поддержит Брашеро?

— Безусловно, — кивнул токерет. — Более того: если мы договоримся, вы узнаете о планах Брашера все, что знаем мы. Мое слово.

— В ближайшие два-три дня я у вас буду, — сказал Сварог. — Мое слово.

— Прекрасно, — токерет мельком глянул на настенные часы. — По-моему, мы все отлично обговорили? Не разрешите ли удалиться? Время еще есть, но возможны досадные случайности...

— Да, конечно, — кивнул Сварог. — Всего наилучшего. И — до скорой встречи.

Когда дверь за токеретом закрылась, Сварог встал, прошелся по комнате, посмотрел на себя в высокое зеркало. Он знал, что там увидит, но все же чуть поразился, *насколько* злой и хищной гримасой исказилось его лицо. Перед глазами у него стояла Морская площадь, в ушах вновь звучали испуганные вопли толпы, грохот копыт полицейских коней — и бледнеющее на глазах лицо Делии с остановившимся взглядом, и липкая кровь на его ладонях, и равнодушное безоблачное небо. Я обязательно буду у вас, господа мои, подумал он, через два-три дня, не позже, как просили. А уж тогда... Я еще не знаю, как это сделать, но у вас там все будет гореть от одного каменного горизонта до другого, и пощады не будет никому, не надейтесь. Вы и представления не имеете, но наши понятия о мести чрезвычайно схожи...

...Спокойный голос раздался едва ли не над ухом:

— Здравствуйте, ваше величество.

Сварог узнал голос. И повернулся нарочито неторопливо. Ответил в тон:

— Здравствуйте, Вингельт.

Они стояли на широкой верхней площадке Мраморной лестницы, вокруг не было никого — если не считать двух одетых придворными ликторов, которые, старательно делая вид, что увлечены негромкой чинной беседой, приблизились почти вплотную, так что Вингельт, вздумай он выхватить оружие, был бы обезврежен во мгновение ока.

Глава Хитрых Мастеров был одет, как дворянин с хорошим достатком — ага, и кольцо с баронской короной на пальце. Ну что ж, может быть, он действительно был бароном.

— Ну да, я понимаю, — сказал Сварог. — Это вы мне демонстрируете вашу оборотистость — вон как ловко, дескать, я умею проникнуть в ваш дворец без надлежащих бумаг или бляхи, без допуска за Черных Егерей, никому тут неизвестный... А?

Вингельт с легкой улыбкой пожал плечами.

— А вам не кажется, что это простое мальчишество? — мягко поинтересовался Сварог.

Некоторое смущение на лице у Вингельта все же отразилось. Ну никак нам всем не избавиться от этого мушкетерства, философски подумал Сварог. Думаем, будто давно распрощались, ан нет, вдруг снова *проснется*...

— Как бы то ни было, я пришел, как мы и говорили, — сказал Вингельт. — Я вижу, вы не заняты и можете уделить мне время?

— Ну, разумеется, — сказал Сварог. — Сколько угодно... Поскольку пришли именно вы, значит, вы и есть Глава, как я давненько подозревал? Ну признайтесь, никто ведь вас не собирается и пальцем трогать. И слово свое я держу — все ваши давно освобождены, и даже вашу машинерию вам вернули...

Ох, как трудно было уговорить Канцлера на это пойти! Если учесть, что

Сварог из гордости не прибег к поддержке Яны, оставив это на крайний случай, если Канцлер все же упрется... Но такие подробности не должны никого интересовать.

— Хорошо, не будем играть в прятки, — согласился Вингельт. — Я — Глава. Для подтверждения у меня с собой грамота с печатями и подписями всех Мастеров общин... разумеется, без указания их местоположения.

— Не доверяете все же? — усмехнулся Сварог.

— Давняя традиция, — серьезно ответил Вингельт. — Сегодня вы отпустили наших, а что вам взбредет в голову завтра... Не будем об этом. Вы не так давно обещали представить меня императрице. Не сможем ли мы обговорить, когда вы сможете отправить меня туда? — он кивнул на потолок.

Сейчас у тебя нижняя челюсть о пряжку пояса звякнет, — не без веселости подумал Сварог.

— Пойдемте в мой кабинет, там и обсудим, — сказал он невозмутимо. — Здесь, в коридорах, столько любителей подслушивать...

Вингельт, не прекословя, направился за ним — он, похоже, знал придворный этикет, держался в шаге позади, как и полагалось тому, кого сам король не удостоил чести шагать локоть к локтю с собой, Сварог его вел не в кабинет, а в совершенно другое помещение — о чем, эффекта ради, конечно же, не стал предупреждать.

Четверо ратагайцев вытянулись с поклоном, глядя на Вингельта с хищным подозрением — ну, они на всех незнакомцев так тарацились, ничего личного...

— Прошу, — сказал Сварог, распахивая дверь.

Они оказались в Безымянной комнате. Дверь в спальню была распахнута, виднелась разобранная постель, а за столом, где на большом серебряном подносе красовался серебряный же кофейник, окруженный блюдами с пирожными, сидела Яна — с чашкой тончайшего фарфора в руке, в простом домашнем палевом платице, с волосами, до половины заплетенными в косу.

Вингельт оглянулся на Сварога с явным недоумением, так, словно спрашивал, что все это должно означать. Похохатывая про себя с легоньким садизмом, Сварог сказал:

— Ну, вы ведь сами просили? Позвольте представить Высокую Госпожу Небес, Императрицу Четырех Миров, ее величество Яну-Алентевиту. Ваше величество, господин Вингельт. Или, учитывая обстоятельства, все же *лорд* Вингельт?

— Мы от этого титулования давно отказались, как от пережитка... — машинально пробормотал Вингельт, и тут до него *дошло*. — Ваше величество, но ведь это действительно вы...

Нижняя челюсть у него, конечно, о пряжку пояса не стукнула, но значительно сместилась вниз.

— Вы знаете, господин Вингельт, это действительно я, — безмятежно и ослепительно улыбнулась Яна. — Не могу, увы, предъявить бумаг, удостоверяющих личность, у меня их никогда и не было...

С утра у нее было прекрасное настроение, и она сейчас откровенно веселилась. Сварог с тем же легоньким садизмом констатировал, что Вингельт потрясен, ошарашен, сбит с панталыку и все такое прочее. Все еще пребывая в некотором трансе, Вингельт покосился на распахнутую дверь в спальню, на

неубранную постель, ошалело глянул на Яну, на Сварога и *ляпнул*:

— Значит, правду говорили, что вы...

— Ну да, он мой любовник, — ангельским голосом сказала Яна. — Ненавижу это дурацкое слово «фаворит». Мало того, я его законная супруга. Правда, исключительно в Хелльстаде, но все равно, я отношусь к этому очень серьезно, хочется верить, и лорд Сварог тоже...

Опомнившись наконец, Вингельт *плюхнулся* на правое, как и полагалось по этикету, колено, сорвал шляпу и склонил голову, прижав подбородок к воротнику камзола. Немая сцена затягивалась. Поставив чашку, Яна вышла из-за стола, подошла к Вингельту и сказала материнским голосом:

— Ну, хорошо, хорошо, коли уж вы так скрупулезно соблюдаете этикет даже в домашней обстановке, вот вам рука для поцелуя... Выражаю свое благоволение... ну и все прочее, что в таких случаях полагается. Вас не затруднит встать и присесть за стол, коли уж мы тут пьем кофе?

Вингельт машинально повиновался — впрочем, Сварог видел, он уже отошел от изумления и изо всех сил старался стать прежним, а также принять независимый и гордый вид. Достав из-за отворота камзола свиток, он протянул его Яне:

— Ваше величество, вот документ, подтверждающий мои полномочия...

— Я верю, — сказала Яна, положила свиток рядом с кофейником, так и не сняв связывающую его тесьму. — Муж вас рекомендовал, и этого достаточно... Хотите кофе? Тогда наливайте себе сами, мы здесь по-домашнему, без лакеев...

«Прольет или нет?» — с любопытством думал Сварог, тоже сев на свое место. Нет. Вингельт уже полностью овладел собой, кофе налил, не пролив и капли на скатерть, и хрупкую чашку, расписанную синими каталаунскими незабудками, держал уверенно. Яна уже чуточку серьезнее сказала:

— Рада вас видеть. Я серьезно. О вас столько лет кружили одни слухи и байки, я и думать не могла, что увижу своими глазами... Значит, вы не считаете себя лордом... А ларом вы себя считаете?

— Простите, нет, ваше величество, — твердо ответил Вингельт.

— *Кем же вы себя в таком случае считаете?* — уже совсем серьезно поинтересовалась Яна.

— Жителями Талара, — ответил Вингельт.

— Понятно... хотя ничего не понятно, — сказала Яна. — Хорошо, не будем углубляться в терминологические дебри. Позвольте для начала дать вам совет? Я думаю, вам не стоит бросать Гартвейн, срывать с насиженных мест. Ваши люди разъезжаются оттуда в спешке.

— Выработанная долгими веками осторожность, ваше величество, — сказал Вингельт.

Яна вздохнула:

— Вы, мужчины, как малые дети... Посмотрите сюда.

Она указательным пальцем небрежно начертила в воздухе небольшой квадрат — и на стене появилась огромная карта Харума, на которой яркими алыми искорками там и сям светились огоньки — штук сорок, если посчитать навскидку.

— Вот это все ваши общины, — сказала Яна. — Посмотрите, по-моему, я ничего не упустила? Разве что не стала показывать острова... Тысячу раз простите, но такие уж у меня способности. Я *посмотрела* и увидела все. Вот и поду-

майте: если я все знаю, какой вам смысл куда-то бежать из Гартвейна? Честное слово, никто не собирается вас трогать.

Вингельт сидел, мрачнее тучи. Такого сюрприза он определенно не ожидал. Яна продолжала:

— Вы наверняка не слышали, но я всерьез взялась проводить реформы. В первую очередь избавляюсь от наиболее одиозных пережитков старины. Вам не кажется, что вы в некотором роде тоже пережиток старины... нет, не вы лично, а вы *все*, и ваш образ жизни? Быть может, вам вернуться назад? — она показала пальчиком на потолок.

Вингельт ответил вежливо, но твердо:

— Тысячу раз простите, ваше величество, но мы считаем, что Империя — в тупике...

Яна прищурилась совершенно по-кошачьи:

— А вы, Хитрые Мастера, не в тупике? Я разыскала в архивах записи тех дискуссий, что велись перед тем, как ваши предки ушли. Они ставили перед собой грандиозные и высокие цели: поднять уровень науки и техники на земле, развивать там прогресс... Прошли тысячелетия. Положа руку на сердце, ответьте мне, как умный человек: хоть *малая частичка* этих планов претворена в жизнь? Вы сами знаете, что нет. Вы не оказываете ни малейшего влияния на жизнь Харума, на земную науку и технику. Вы превратились в тайнейшее общество, варитесь в собственном соку и все, что придумали, используете исключительно для своих нужд. Я не верю, что вы глупы, у вас лицо умного человека... и думаю, умных среди вас очень и очень немало. Может быть, наберетесь смелости и признаете вслух, что вы *тоже* в тупике?

На скулах у Вингельта появились багровые пятна, лицо застыло. А все-таки умница она у меня, с неким приятным чувством собственника подумал Сва-рог. Какое-то время царило тяжелое молчание, потом Вингельт глухо сказал:

— У нас имеет распространение точка зрения, что мы — в тупике...

— Я не буду больше задевать вашу гордость и самолюбие, — сказала Яна. — Видно же, что вы самолюбивы и горды... Давайте о другом. Мы в тупике, и вы в тупике. Но меж нами есть существенная разница: у *меня* достаточно власти и времени, чтобы провести самые серьезные, масштабные и многочисленные реформы. У *вас* нет ни малейшей возможности хоть как-то реформировать вашу жизнь. Вы обречены оставаться в нынешнем вашем состоянии. Если я не права, скажите мне это в лицо.

— Вы умны... — отрешенно сказал Вингельт.

— Сама знаю, — ответила Яна. — Ну как, вы скажете мне в лицо, что я неправа?

— Нет, — произнес Вингельт так, словно это стоило ему величайших усилий (да так, наверное, и было).

— Вот то-то, — сказала Яна без всякого торжества. — Можете оскорбиться, но рискну заявить, что вы попросту помаленечку деградируете. Ваши дети получают все более худшее образование... точнее, самообразование, домашнее. У нас все же худо-бедно развивается наука — но вы от нее отрезаны. Все ваши достижения, я уверена, — большей частью результат работы отдаленных предшественников. Не думайте, что я *такая* уж умная. Просто я говорила с серьезными учеными, и они мне убедительно доказали, что общины вроде вашей, как они выразились, обречены на деградацию. В *этой* ситуации мне ка-

жется, просто нелепо вести какие-то переговоры. У вас просто не может не вестись дискуссий о вашем будущем. Определитесь сначала предельно четко: чего хочет ваше большинство. Вернуться к нам? Вести прежнюю жизнь? Поискать иные варианты? Если все же последнее, выработайте их. И вот тогда мы сядем говорить с вами всерьез... А сейчас, еще раз даю честное слово, никто вас пальцем не тронет. Вот, я высказалась... Вам годится такой вариант?

— Да, — сказал Вингельт. И произнес не без уважения: — Я представлял вас совершенно другой...

— Глупенькой красивой куклой?

— Примерно...

— Это все оттого, что вы отрезаны от информации, — сказала Яна. — И ничегошеньки не знаете о том, что происходит наверху, как мы живем. Честное слово, я не собираюсь ни оскорблять вас, ни унижать. Я просто предлагаю вместе поискать выход. *Вместе*. Это важно, особенно теперь, когда в Горроте и Токеранге затевается такое... Кстати, вы имеете представление о том, что творится в Горроте?

— Очень приблизительное, — нехотя признался Вингельт. — Наши разведчики там пропадают...

— А ваши аппараты? — вмешался Сварог.

— Они падают, — хмуро признался Вингельт.

С нешуточным разочарованием Сварог подумал: на *этих* надеяться бесполезно. Никакой помощи от них мы не получим — а ведь рассчитывали... Но почему же... Ага!

— Вингельт, — сказал Сварог. — Можете вы прямо ответить? В ваших аппаратах, механизмах и прочем используется апейрон?

Чуть подумав, Вингельт ответил:

— Ну хорошо. Это тот секрет, разглашение которого, собственно, ничего не выдает. Конечно, используется. Везде.

Сварог с Яной обменялись понимающими взглядами. Яна печально покивала:

— Ну разумеется... Никаких ребусов...

— Еще бы им не падать... — сказал Сварог.

Вингельт резко поднял голову:

— А вы можете рассказать, в чем тут подвох, или для нас, *улиток*, это тайна?

Сварог переглянулся с Яной. Она кивнула. Тогда он сказал:

— Какая тут тайна, если угроза — *всем*? Нам, вам, обычным землянам... Располагайтесь поудобнее. Я вам подробно расскажу, что происходит, что задумано, кем, какие строятся планы... Вот только вы мне дадите слово, что в срочном порядке посоветуетесь со своими, выясните, можете ли чем-нибудь помочь. Идет?

— Мое слово, — сказал Вингельт.

Его глаза горели нескрываемым любопытством. Вот на *этот* крючок вас и следовало ловить, милейший, подумал Сварог. На информацию. На *знание*. А мы изрядно надурили с лихими налетами, облавами и обысками, снова мушкетерство глупое...

Глава XI

Страшный бородач и другие

- Еще бокал? — вежливо спросил Сварог.
- Не откажусь, — сказал Вингельт. — Келимас у вас прекрасный.
- Еще бы, — сказал Сварог. — Королю пиркет[64] не подсунут...
- Благодарю.
- Ну, и что же? — спросил Сварог серьезно. — Утро вечера мудренее, давно известно, вы многое должны были обдумать за ночь... Итоги?
- Итоги... — протянул Вингельт. — Что же, я не ожидал, что императрица *такая*. Приятный сюрприз... И тем не менее... Не подумайте, что я размяк, умилился и пришел в восхищение... Не обижайтесь, но...
- Да какие там обиды, — ухмыльнулся Сварог. — Наоборот. Вздумай ею восхищаться кто-то, кроме меня, голову откручу... Ну, а если серьезно? Все, что говорилось насчет проведенных реформ, — чистая правда.
- Я верю. Но вот удастся ли провести последующие?
- Удастся, — сказал Сварог, жестко улыбаясь. — У нас за спиной — вся военная мощь, а против нас — скопище светских пустобрехов. В случае чего отучим рот разевать.
- Хотелось бы верить... Итоги? Пожалуй, те же самые, о которых я говорил вчера вечером. Да, у нас есть небольшая партия, считающая, что мы — в тупике. Мы самым тщательным образом обсудим ситуацию и постараемся выработать четкое, единое мнение: каким должно быть наше будущее. Устраивает вас такой ответ?
- Устраивает, — сказал Сварог.
- Если не секрет... Как ей удалось найти все общины?
- Ну, между нами... — сказал Сварог. — Вы не помните, что такое Древний Ветер?
- Я полагал, что это просто легенда, придуманная для выгоды императорской фамилии...
- Ученый вы человек... — хмыкнул Сварог. — А вот любая деревенская колдунья вам скажет, что это правда. Вот только *знающих* по пальцам можно пересчитать. Давайте о другом. Вы так и не придумали ничего, что помогло бы нам справиться с Горротом?
- Вингельт мимолетно усмехнулся:
- Империя оказалась полностью бессильной?
- Злорадствуете?
- Честное слово, нет. Но, простите, легкое удовлетворение все же присутствует.
- Ну, это тоже зря, — сказал Сварог. — Уж вам-то при успехе предприятия придется гораздо хуже, чем простым землянам. Ваши дети гораздо лучше образованны, чем земные, даже у высшей знати. И уж за *вашими* детьми будут охотиться с особым рвением...
- Я понимаю, — сказал Вингельт. — Просто... Неконтролируемые эмоции, знаете ли... За нами охотились веками, как за дикими зверями... — он смотрел печально. — Нет. Мы просто не в состоянии ничем помочь. Даже Древние Дороги перестали открываться в Горроте. Хотя такое казалось невозможным.

Брашерио — сам дьявол...

— К сожалению, нет, — сказал Сварог. — Будь там дьявол... Не слишком легкая, но вполне выполнимая задача для монашеских Братств. Все гораздо хуже. Там не дьявол, а гениальный ученый с несколькими чертовски талантливыми подручными...

— Быть может, разрешите откланяться? Мне хотелось бы побыстрее созвать Ассамблею Мастеров, дела крайне серьезные...

— Да, конечно, — сказал Сварог, вставая. — Только, я вас прошу, зайдите по дороге во второй отдел дворцовой стражи. Спросите лакеев, любой покажет. Вам дадут малую байзу для беспрепятственного прохода во дворец. Я вижу, что вы и так как-то умеете *просачиваться*, но *теперь* не стоит так. Могут и мечом ткнуть. А мне бы хотелось подольше видеть вас живым...

Пропустив Вингельта в дверь, он увидел в приемной нетерпеливо вскочившего Интагара. Сидело там еще несколько человек, но все они были Сварогу знакомы, и он знал, что речь пойдет о текущих делах, сейчас совершенно неважных. И потому кивнул Интагару, приглашая в кабинет. Едва они уселись, нетерпеливо спросил:

— Ну? Я не верю, что у вас *вообще* нет догадок. И я ведь приказал: безо всяких «не по моему скудному разумению». Ну? *Любые* предположения и догадки.

— Догадок, государь, после долгих размышлений осталась одна-единственная, — сказал Интагар. — Рубите мне голову, но я бы стоял на том, что ваш Ледяной Доктор — попросту «страшный бородач».

— Это еще что за зверь?

— Это старый бандитский прием, давно известный полиции. Как бы покорооче... В общем, шайка-банда собралась на совет. Во главе стола сидит главарь — этаким страшным бородач, могучий, грозный, увешанный оружием. Ну, не обязательно бородач, но всегда это человек внушительный, производящий впечатление, по-настоящему грозный. Он дает распоряжения, наказывает провинившихся, одним словом, руководит всем и вся. Только это все — обман, подставное лицо. Где-то в конце стола сидит незаметный человечек, частенько занимающий низшее место в тамошней иерархии — и он-то и есть настоящий главарь. О чем сплошь и рядом и понятия не имеет подавляющая часть членов шайки, кроме пары-тройки особо доверенных лиц — такие, сами понимаете, непременно должны быть, на случай, если у фиктивного главаря по глупости возникнет желание стать реальным. Кто эти доверенные лица, фиктивный, конечно же, не знает. Старый прием. Далеко не каждая банда его применяет, но встречается часто. В чем тут вся соль? Даже если полиция узнает, что это не настоящий главарь, а «страшный бородач», чертовски трудно вычислить настоящего, приходится буквально по человечку перебирать, присматриваться, следить за кучей народа. Что дает мне основания так думать? Я, конечно, не понял всех этих ученых подробностей, да и граф Элкон кое-что плохо понимал. Но мне ведь это и не нужно? Я изучал *события*. Обстановку.

Видите ли, ваше величество, тут масса нестыковок. Ледяной Доктор был достаточно умен, хитер и коварен, чтобы несколько лет втайне руководить достаточно обширным предприятием. И внезапно он, словно бы потеряв здравый смысл и рассудок, собирает случайных людей и показывает им такое... И тут же бежит, словно заранее предвидел немедленные доносы. Но не уничто-

жает здание с этими, — его передернуло, — омерзительными монстрами. Якобы не успел. Однако три здания, гораздо большие по размеру, он уничтожил самым старательным образом, так что в руки следователям не попало ни единой пустяковины... Как-то все это странно... И еще. Эти монстры при всем их ужасающем и отвратительном виде все до одного — не более чем *забава*. Ни один из них не пригоден для какого-нибудь серьезного дела. Как будто их специально оставили, чтобы продемонстрировать: хозяин занимался этим, и только этим. Вот там пишется про «расход энергии». Не так уж трудно было понять графа — это ж примерно то же самое, что расход дров и угля на кухне... И подчеркивается: за все время уцелевший дом израсходовал едва одну сороковую часть от общего расхода. Все остальное шло в уничтоженные дома... Что там делалось, никто не знает. Если такие же бесполезные монстры — то почему такой расход топлива, то есть этой самой энергии? Ведь не так уж ее много понадобилось на монстров... Все вроде бы как на ладони: вот он, мертвый виновник, вот образцы его трудов... но вот полицейское чутье шепчет: *слишком* уж оно гладко и правильно. Как в любой истории со «страшным бородачом» — вот он, грозный, ножами увешан, рыком приказы отдает... А неприметный — в уголке... Вот такие у меня соображения, ваше величество, и других просто нет, не взыщите...

Сварог задумался. Тут следовало не взыскивать, а поощрить.

Этой версией, как проистекало из досье, никто никогда не занимался, никто не выдвигал предположения, что Ледяной Доктор — подставное лицо, парадная витрина, а уцелевший дом с монстрами — ложный след. Во всяком случае, в досье об этом ни словечка. Нельзя исключать, что кто-то все же такую версию выдвигал, но оказался слишком молод, в малых чинах, небольшом авторитете — и его точка зрения в досье не попала. Такое частенько случается, и не только в секретных службах.

Если Интагар прав... А он вполне может оказаться прав. Все логично и убедительно: Брашери работал как раз в маноре Ледяного Доктора, в тех трех зданиях, успел смастерить там много ему полезного и вывезти в Горрот. Ну, а потом закрыл дело крайне эффектной концовкой. Убедительно, черт побери... Бесполезное это знание или нет? Пожалуй, кое-какую пользу все же можно извлечь: если заново, с *этой* точки зрения тщательно перебрать всех постоянных посетителей Ледяного Доктора, посмотреть, кто они по роду занятий — быть может, и удастся *выцепить* кого-то из сообщников Брашери, кто остался в Магистериуме. Есть некоторые шансы. Лишь бы времени хватило...

Интагар напряженно ждал.

— Ну что же... — сказал Сварог. — Ордена вы не получите, но ваши выводы мне крайне полезны, честное слово, — он усмехнулся. — Можете в следующем месяце *экономить* из казенных средств лишнюю пару сотен золотых, разрешаю. Нынешнее положение дочек требует расходов, я понимаю...

— Спасибо, государь! — с искренней радостью воскликнул Интагар. — Я горячо...

— Ну, ну! — отмахнулся Сварог. — Заслужили. Идите.

Он вышел следом, оглядел вскочивших, склонившихся в поклоне придворных и чиновников, спросил:

— У кого-нибудь есть нечто чрезвычайное, срочное, важное? Нет? В таком случае, господа мои, решайте дела без меня. Мое величество сегодня более ни-

кого не примет.

И, ни на кого более не глядя, вышел в коридор, неспешной вальяжной походочкой направился в малую спальню.

Яна уже не валялась в постели со здешним дамским романом, а сидела в Безымянной комнате и слушала Тарину Торемы:

— *Дикий сокол взлетает за облака, в дебри леса уходит лось.
А мужчина должен подругу искать — исстари так повелось.
Мужчина должен подругу найти — летите, стрелы дорог!
Восход нас ждет на краю земли, и земля вся — у наших ног!*

Увидев Сварога, она убавила громкость, поставила на стол высокий стакан с каким-то соком и спокойно спросила:

— Все в порядке? У тебя лицо не то что спокойное, а даже благостное чуточку...

— Все в порядке, Вита, — сказал Сварог, мимоходом взъерошив ей волосы на затылке. — Правда, нужно собираться и лететь. Появились интересные идеи, которые следует обсудить с Канцлером, да и тебе не мешает послушать. Собственно, нам и нечего собирать, а потому...

Почувствовав знакомую дрожь в правом кармане камзола, он вытащил свой всегдашний золотой портсигар — в который давным-давно распорядился *воткнуть* «почтовый ящик». Нажал соответствующий рубин на крышке справа, и над портсигаром вспыхнул небольшой, в пару ладоней, экранчик. Две депеши, причем вторая — шифрованная, что случалось крайне редко. Ну, там и дешифратор имелся, как же без него...

Прочитав первое, он присвистнул — впрочем, без всякой тревоги. Не стоило оно того...

— Интересные дела, Вита, — сказал он спокойно. — Сообщение от маркиза Оклера. Его системы засекли две флотилии подлодок токеретов нормального размера. В одной семь субмарин, во второй — целых девять. Идут от Девайкира — ну точно, у них там база... Как и обговорено, маркиз ничего не предпринимает, просто наблюдает. Ну, в свете последних событий — вроде ничего опасного. А кто у нас второй, и почему он зашифровал...

Он прочитал шифровку от Элкона. Как-то не уложилось в сознание сразу. Прочитал еще раз. *Осознал*. И почувствовал, как по всему телу прошел зябкий холодок. Господи Боже ты мой... Это еще не конец, но чтобы настолько уж скверно...

Он медленно опустился в кресло, так и держа в руке портсигар с не выключенным экраном. Спыхватился, выключил. Когда вынимал сигарету, почувствовал, что пальцы слегка дрожат.

Яна вскочила, вскрикнула:

— Что?! Я у тебя в жизни не видела такого лица!

— Скверные дела, Вита, — сказал он медленно. — Шифровка от Элкона. Четыре с лишним часа назад было полностью потеряно управление сетью боевых орбиталов и утрачена всякая с ними связь. Все восстановилось только через семнадцать минут сорок секунд, причем часть орбиталов оказалась переацеленной. Прецедентов не имеется. Причины не установлены... Понимаешь, что это значит? — и, видя, что глаза у нее стали на пол-лица, что она страшно побледнела, продолжал севшим голосом: — Вот это уже больше похо-

же на генеральную репетицию. Знаешь, что мне пришло в голову? Что токеры-ты крепко настаивали прибыть к ним не позднее, чем через два-три дня, вовсе не из-за своих внутренних сложностей. Что, если они точно знают: дня через три Брашери и *начнет*? И спешат сдать его в обмен на какие-то выгоды?

— Нужно немедленно лететь, — сказала Яна, судя по ее виду, не потерявшая самообладания.

— Чуть погодя, — сказал Сварог. — Час-полтора, сдастся мне, большой роли не играют...

Он пинком распахнул дверь в караульную и сказал ближайшему из вскочивших ратагайцев:

— Немедленно ко мне маршала Гарайлу, генерала Дервуда, герцога Лемара. Хоть из-под земли!

Ратагаец кивнул и кинулся опрометью в коридор. Слышно было, как грохочут, удаляясь, его подкованные короткие сапоги.

...Канцлер сидел за своим столом, Сварог — напротив. Профессор Марлок, попыхивая короткой гнутой трубочкой, медленно расхаживал по кабинету от стены до стены.

Собственно говоря, они трое и являли собою чрезвычайный комитет по спасению Империи, или как там это собрание ни называть. Военных звать бесполезно, поскольку они бессильны, Яну — в общем, тоже не стоит. Самое большее, на что она способна — принять участие в дискуссии, и не более того. Так что они считали: их троих достаточно.

— С орбиталами так ничего и не удалось прояснить, — сказал профессор, яростно пыхая трубочкой. — Никто ничего не понимает. Никаких следов вторжения в систему связи и управления извне. Такое впервые...

Ну, предположим, не впервые, подумал Сварог, следов моих вторжений из Велордерана тоже до сих пор никто не засек...

— Что до аппаратуры в Горроте... — продолжал Марлок. — С помощью императрицы, вернее, ее шара, я наблюдал за ними два часа. Осмотрел все. И ничего не понял. Я не самый худший электронщик, но я попросту не понимаю, что это за устройства, что они там с их помощью делают...

— Вряд ли это оттого, что вы — бездарность, — тихо сказал Канцлер. — Ну какая же вы бездарность? Просто-напросто это, надо полагать, нечто, чего прежде не было, пока Брашери его не изобрел...

— Наверняка, — прямо-таки огрызнулся Марлок. — И что, от этого легче? Ничуть... Так что научных консультаций от меня не ждите. А вот как они будут действовать, я могу примерно предсказать. Как бы я сам действовал на их месте? Окончательно перехватил бы управление орбиталами, перенацелил, произвел несколько демонстрационных залпов — ну, скажем, по манору какого-нибудь ничтожества или безлюдным зданиям. Перехватил бы управление Департаментом транспорта — после этого ни одна боевая машина попросту не сможет взлететь, воинские части окажутся заблокированными в местах дислокации. Да и все *остальные* летательные аппараты *встанут*. Если они способны оказались на первое, второе еще проще выполнить. Отключил бы все системы связи с Сильваной, чтобы оттуда не смогли выслать подмогу. Впрочем, даже если она прилетит, с ней нетрудно проделать тот же фокус... Я попросту исхожу из самого худшего. Предполагаю, что они способны перехватить *любую* систему управления. Мы не сможем ни увезти императрицу на

Сильвану, ни улететь туда сами, — он махнул на Сварога дымящейся трубочкой. — Молчите! Заранее знаю, что вы скажете: императрицу с ее Древним Ветром никто и ничто не в состоянии пленить. Сам знаю. И что же? Оставаясь совершенно свободной, она ничем не сможет помочь. Никакой Древний Ветер ей не поможет вновь завладеть системами управления и связи. Это могучая сила, но она не способна решать *такие* задачи... В общем, следует исходить из того, что они перехватят все и, скорее всего, предложат сдаться. И придется ведь... Иначе всех самым вульгарным и примитивным образом сожгут орбиталы. Бежать не получится. Да и не вижу я такого места, куда можно бежать, нет его.

— Ну, вообще-то есть... — сказал Сварог. — Ко мне в Хелльстад не проникнет и этот долбанный гений, я уверен. А места там хватит, чтобы разместить и всю гвардию, и армию, вообще множество народу...

— И получится роскошная, громадных размеров тюремная камера, — язвительно бросил профессор. — Нет?

Сварог промолчал.

— Ну что же, — сказал Канцлер. — Убедительно. Полагаю, чего-то в этом роде и следует ждать. А мы, следовательно, не способны сделать *ничего*?

— Ну, почему же? — спокойно сказал Сварог. — «Рагнарок» уже идет в Горрот, он сейчас в Харлане.

— Кто управляет? — невозмутимо осведомился Канцлер.

— Мара, — сказал Сварог. — У нее уже неплохо получается. Она успевает к Акобару до того, как Брашеро начнет.

— И тогда?

— А тогда она разнесет дворец в щебенку, — сказал Сварог. — Крайнее средство, но что тут поделать...

Он умолчал, что следом движется полдюжины Золотых Касаток и столько же Золотых Гривастых Крокодилов — для пущей надежности, кашу маслом не испортишь. Лучше уж напороться на неизбежные сложности, выдав существование своей армады, чем проиграть и потерять все. Тут уж, как говорили очень далеко отсюда, общественное выше личного...

— Конечно, при этом наружу может вырваться какая-нибудь зараза, которую они там держат, — сказал Сварог. — Но тут уж ничего не поделаешь. Если Мара разнесет их Центр, мы получим доступ в Горрот, поправим там, что возможно...

— А если у дворца силовая защита? — спросил профессор. — Я бы на их месте поставил...

Сварог не раздумывал и минуты:

— Ну, если... Даже в этом случае силовое поле — *колпак*, который заканчивается на земле или на воде. Я не специалист, но попросил подыскать мне материалы. Никто еще не создавал силового поля в виде *сферы*, которая простиралась бы и под землей. Под защищенным объектом. Верно?

— Верно... И что? — буркнул профессор.

Сварог пожал плечами:

— Ну, если там и в самом деле силовое поле, Мара будет крушить гразертом берег под водой — пока не образуется достаточно большая полость, куда дворец попросту провалится, никакое поле его от этого не спасет.

— А если они все же создали и *сферу*? — спросил профессор. — Между про-

чим, теория это допускает... Или у них есть что-то против «Рагнарока»?

Сварог вновь пожал плечами:

— Ну, тогда нам остается только запираяться в Хелльстаде. Пусть и без надежды оттуда выйти. Все лучше, чем попадать к ним в руки. Уж кого-кого, а нас троих они определенно сразу прикончат.

— Коли уж профессор выступал с позиций крайнего пессимизма, я, пожалуй, буду отстаивать прямо противоположную точку зрения, — сказал Канцлер. — Хорошо. Предположим, мы... то есть ваша Мара разнесла Центр и прикончила их всех. Как нам быть потом с Горротом? Придется ведь что-то предпринимать.

— Ну, это просто, — сказал Сварог. — У горротских границ в Балонге, Ронеро и Глане сосредоточено шестнадцать кавалерийских полков. Они вторгнутся с трех сторон.

— Крепость Корромир... — задумчиво сказал Канцлер.

— Ее будут бомбить, расчищая дорогу коннице, — сказал Сварог. — Я все обсудил со своими генералами и Гарайлой, остается только подать сигнал. Причем, господа мои! — он цинично усмехнулся. — Вы, наверное, забыли, но у нас есть королева Горрота Эгле? Мы не агрессию устраиваем, а идем восстановить на престоле законную королеву, вопреки распространенным манифестам чудом спасшуюся от убийц... И она будет ехать впереди с самым царственным видом. Сейчас уже вовсю печатаются воззвания о чуде спасшейся королеве, их будут разбрасывать с самолетов, главным образом над городами, где грамотных гораздо больше.

— Неплохо... — сказал Канцлер.

— Да прекрасно просто! — рявкнул профессор. — Но что, если «Рагнарок» ничего не сможет сделать?

— Думаю, у нас будет время уйти в Хелльстад, — сказал Сварог. — Кстати, простите за своеволие, но императрицу я уже туда отправил.

— Так... — протянул Канцлер. — А к токеретам на переговоры вы, следовательно, пока не собираетесь?

— Нет, — сказал Сварог. — Не вижу смысла. Я верю, что они меня там не зарезать хотят, а договориться о сотрудничестве, но... Предположим, они многое знают о *планах* Брашера. Охотно верю. Вот только о *планах* мы многое знаем и сами. Брашера наверняка не делился с токеретами техническими секретами и технологиями. Не тот человек. Даже если они точно знают, *что* он собирается делать, представления не имеют, как. Зачем же мне к ним тащиться?

— Резонно... — сказал Канцлер. — К чему же мы пришли? Сдается мне, к тому, что единственная наша возможность — попытаться ударить с «Рагнарока». Получится, или нет, но другой возможности я не вижу. Вы ведь тоже? Ну вот, что же дальше воду в ступе толочь...

— Лучше бы, конечно, захватить их аппаратуру... — вздохнул профессор. — Такая ценность для науки...

— Согласен, — кивнул Канцлер. — Но *как*?

— Действительно, — сказал Сварог. — Гораздо интереснее было бы взять их живьем... или хотя бы одного Брашера. У нас есть крупный козырь: их там *кучка*. По пальцам можно пересчитать. А вся страна... и большинство обитателей дворца ни о чем не подозревают. Живьем бы... Но как?

— Подсказать? — раздался непонятно откуда звонкий и насмешливый го-

лос Яны.

В следующий миг она, как когда-то в замке Сварога, появилась из стены, обитой тисненой кожей, — в том платье, в каком Сварог ее оставил в Хелльстаде, с той же прической. Непринужденно присев в свободное кресло и оглядев троицу, она улыбнулась:

— Неплохо. Вы хорошо держитесь, Канцлер и господин мой супруг — ну, понятно, однажды вы уже такое видели... Профессор, правда, ошеломлен — ему-то не доводилось... Профессор, пожалуйста, поднимите трубку, она у вас изо рта на ковер вывалилась. Красивый ковер, хорошей земной работы, жалко будет, если останется прожженная дыра...

Не сводя с нее оторопелого взгляда, профессор, присев на корточки, поднял трубку, сунул в рот и так сжал челюсти, что едва не перекусил чубук.

— Знаете, что меня страшно радует, лорд Сварог? — невозмутимо спросил Канцлер. — Что это *не моя* супруга...

— А меня вот радует, — сказал Сварог. — Яна...

Она подняла ладонь:

— Никакие упреки не принимаются. Как уже говорилось однажды, монархи не подслушивают, монархи осведомляются. Чтобы избежать лишних вопросов, скажу сразу: я здесь с *самого* начала, — она ослепительно улыбнулась Сварогу. — Я пустилась следом сразу же после того, как ты улетел из Хелльстада. Ясно было, что сейчас начнется совещание, на котором кучка людей будет все решать. И вы хотели, чтобы императрица при этом не присутствовала? — она усмехнулась, глядя свысока. — Самоуверенные болваны, все трое, к профессору это относится менее всего, главным образом к остальным двум. Да, это прямое оскорбление, и я не намерена за него извиняться. Как говорят в Каталауне, перетопчетесь... — в ней не было и тени веселости, глаза потемнели от гнева. — Я бы вас и почище обозвала, в юности в Каталауне всяких словечек наслушалась, но жаль тратить время... Бедняги! У них нет возможности взять Брашерио живьем... Есть у вас такая возможность.

— Соболаговолите объяснить, если так, ваше величество, — с каменным лицом опытного царедворца сказал Канцлер.

И она объяснила. Кратенько, за пару минут, но исчерпывающе.

Едва закончив, повелительно подняла ладонь:

— Никаких возражений. Помешать вы мне не сможете, и вы это прекрасно знаете. Все правильно. Наш сильнейший козырь в том, что их там *кучка*, по пальцам можно пересчитать. А нужен нам, в принципе, один Брашерио, я согласна... У меня плохой план? Ах, молчите... Значит, неплох. Собственно, нам нужно обсудить один-единственный вопрос: мне идти одной, или все же мой супруг благородно согласится сопровождать? Повторяю, возражения не принимаются, а помешать мне никто не сможет...

Сварог про себя высказал в ее адрес несколько фраз, лишенных и намека на изящную словесность. У него было подозрение, что сидевший с непроницаемым лицом Канцлер про себя изрек примерно то же самое. Как бы то ни было, два обстоятельства нельзя было опровергнуть: ей никто не смог бы помешать, и это был неплохой план...

— Нет уж, одну я тебя туда не пущу, — сказал он твердо.

— Я в тебе нисколечко не сомневалась, — обаятельнейше улыбнулась ему Яна. — Тогда обсудим детали, господа?

Глава XII

Гении во плоти и крови

— Я тебя просто умоляю, не надо за меня тревожиться, — сказала Яна тихо. — От тебя тревога такая исходит... Ничего мне здесь не грозит. Абсолютно ничего. Не только из-за моих способностей, но еще и из-за того, что их тут *мало*. Их только шестеро — Орка я даже не беру в расчет. Пойми ты умом...

— Умом-то я понимаю, — проворчал Сварог. — А вот сердцем... Их мало, но, как говорилось далеко отсюда, они в тельняшках...

— О чем ты?

— Потом как-нибудь объясню, когда будет время...

В окно везущей их по роскошной набережной кареты он смотрел на Ител. Река выглядела, как обычно: корабли плывут в обе стороны, горротские — держась ближе к берегам, иностранные, в том числе и военные — по середине реки (центральная треть Итела испокон веков считается «международными водами»). Того парохода под безобидным флагом одного из Вольных Маноров он, разумеется, не увидел — ну что же, держат регламент... Солнечный день, мириады искорок играют на спокойной водной глади, все больше попадается больших, богато украшенных лодок под роскошными балдахинами — господа придворные обоего пола имеют честь прогуливаться — дворец уже совсем близко...

Умом-то умом... А вот куда девать сердце, ноющее от беспокойства за нее? Но ведь все равно отправилась бы одна, и никто не в состоянии был бы ее остановить...

Вот и первые караульные посты на набережной — но это, собственно, не дворцовая стража, это нечто вроде ГАИ, они только тем и заняты, что заворачивают назад непрезентабельные экипажи и непрезентабельного вида прохожих, поскольку ни тем, ни другим не следует осквернять своим убогим видом окрестности королевского дворца...

Их карету, как и следовало ожидать, пропустили беспрепятственно — хотя и наемная, но довольно роскошного вида, такие здесь нанимают богатые дворяне, по какой-то причине не воспользовавшиеся своим собственным выездом (ну, скажем, господин герцог отправился к любовнице, белошвейке, и не хочет светиться в экипаже с собственными гербами), серьезные купцы, члены высших гильдий и прочий денежный народ. Она остановилась у высокой и широкой мраморной лестницы, четырьмя ступенями поднимавшейся к распахнутым воротам в высокой каменной стене (Горрот, черт его знает, почему, оставался единственной державой, где королевский замок окружен стеной, сохранившейся с давних времен, повсюду давно уже перешли на литые и кованые, высокие ограды). Кучер, коlobком скатившись с козел, распахнул дверцу, Сварог вышел первым, подал руку Яне, небрежным жестом великосветского повесы сунул в протянутую ладонь несколько золотых, что едва ли не вдвое превышало установленную плату. Кучер, как и следовало ожидать, рассыпался в благодарностях, но они, как и подобает благородным, оставили это без внимания, неторопливо направились к нижним ступеням.

Народу на лестнице оказалось не так уж много: одни неторопливо подни-

мались, другие, соответственно, спускались, хватало и таких, что просто стояли на площадках, возле обильно украшенных статуями перил, любуясь рекой. Добрая половина из них, Сварог не сомневался — наряженные под дворян «тихари», в любом королевстве так.

Никто из проходивших не обращал на них с Яной ни малейшего внимания (впрочем, на Яну-то как раз многие обращали, — это Сварог был никому неинтересен и определенно не узнан). Единственная причина, вызывавшая к ним интерес и быстрые взгляды — красота Яны. Во всем остальном они выглядели в точности так, как окружающие: дворянин с дворянкой, судя по нарядам, не из высшей знати, но, безусловно, не из захудалых, перстни с баронскими коронами, и платье Яны, и камзол Сварога оторочены как раз сиреневыми кружевами согласно последней здешней моде — жизнь шла своим чередом, считанные единицы знали, кто обосновался во дворце, слишком многое осталось неизменным, в том числе и причудливые выкрутасы моды.

Яна, приложив к правой щеке два пальца, пытливо смотрела вверх.

— Ну что? — тихонько спросил Сварог.

— Во дворце *пятеро* ларов, — так же тихо ответила Яна. — Двух не хватает.

Сварогу ментально припомнилась реплика д'Артаньяна: «Ты слышишь, барон? Их только четверо!» Четверо, пятеро — разница невелика. Недостающие особой роли не играют — ни их наличие, ни их отсутствие.

Лишь бы Брашерио не оказался среди отсутствующих, иначе задуманное провалиться не провалится, но чуточку усложнится...

— Пошли, — решительно сказала она.

И они рука об руку стали неспешно, как подобает благородным, подниматься к воротам. Сварогу только сейчас пришло в голову, что профессор Марлок в своем пессимизме был глубоко неправ, талдыча о гипотетическом, прикрывавшем дворец колпаке силового поля. Все эти годы захватившие власть Брашерио с компанией старательно поддерживают в стране видимость, будто никаких *необычных* изменений не произошло — ну, разве что король разогнал изрядное число придворных и приблизил множество новых людей, но в этом-то как раз ни капли необычного нет. И житье-бытье дворца продолжается, так сказать, в прежнем режиме. Как в таких условиях накрывать его силовым полем? Вся страна выпучит глаза в изумлении. Быть может, «колпак» и существует, чтобы быть включенным, скажем, при неожиданной, непредвиденной атаке, — но прежде его ни разу не врубали, иначе неминуемо пошли бы слухи...

Все. Высоченные ворота из солидных, тщательно выкрашенных светло-коричневой краской досок, скрепленных огромными затейливыми полосами ковеного железа. По обе стороны — не менее двух десятков гвардейцев и дворцовых стражников, да еще несколько личностей в цивильном, чей род занятий угадать нетрудно. Опять-таки ничего необычного — у Сварога в Латеранском дворце у главных ворот церберов ничуть не меньше...

Древний Ветер по-прежнему работал исправно: Яну со Сварогом никто просто-напросто не увидел. Со стороны это никак не могло показаться подозрительным: если дворяне вошли во дворец беспрепятственно, значит, имеют доступ и прекрасно известны в лицо страже... Собственно, теперь можно было и снять «шапку-невидимку», люди, беспрепятственно миновавшие главные ворота, обычно нисколько не интересуют внутреннюю охрану, но из предосто-

рожности Яна ею пользовалась до тех пор, пока они не миновали стражу и у парадного крыльца — мало ли какие свои правила мог тут установить Брашеро.

Все. Прихожая, так сказать — точнее, как это принято в королевских замках, немаленький зал, куда спускаются несколько лестниц. Мозаичный пол с вкраплениями «бархатного» аметиста, чей фиолетовый цвет при вечернем искусственном освещении меняется на густо-красный, колонны из полированного узорчатого орлеца, стены украшены инкрустациями из красной яшмы и вениса. Этаким зал Хозяйки Медной Горы. Сварог мимоходом подумал, что абсолютно все это каменное великолепие добывалось на Дике, каковой Горроту уже не принадлежит.

Они уверенно направились к крайней лестнице справа — за три часа, проведенных перед очередным сотканым из полупрозрачного света шаром тщательно изучили нужную им часть дворца старательно и скрупулезно, так что хорошо ориентировались и способны были, не блуждая и не спрашивая никого, отыскать кабинет Брашеро. Недвижно застывших лакеев и стражников хватало, а вот придворных попадалось мало — надо полагать, с восшествием на престол юного «короля» и появлением регента великосветская жизнь чуточку притихла, в подобных случаях так оно и бывает, неизвестно пока, кто окажется близок к регенту, а кого отодвинут подальше, кто воспарит ввысь, а кто шлепнется в грязь, так что большинство завсегдатаев сидит по домам, обсуждая произошедшие изменения и их возможные последствия, либо строя планы, как сделать так, чтобы именно ты воспарил, а враги, соперники и недоброжелатели отправились в грязь. Малолюдство только на руку — и их планам, и тому, что очень уж мало любопытных глаз заинтересуются совершенно необычным головным убором Яны.

Меча на поясе у Сварога, разумеется, не было — даже военным не дозволено являться в королевский дворец при мече. А потому он себя чувствовал чуточку неуютно. Пустой широкий коридор, где стены опять-таки украшены мозаикой из красной яшмы и орлеца, короткая широкая лестница, небольшой зал, куда выходят четыре коридора...

— Не соблаговолите ли задержаться? — раздался справа насмешливый и очень знакомый голос.

Они остановились, без всякой поспешности повернулись туда — ну что же, следовало предвидеть и такую возможность... В одном из коридоров стоял улыбающийся герцог Орк в форме капитана дворцовой стражи, с мечом и дагой на поясе, по обе стороны от него — два гвардейца с мечами наголо, и в трех остальных коридорах теснились державшие клинки наизготовку гвардейцы. Первоначальные расчеты летели к черту — не смертельно, но досадно...

— Рад приветствовать у нас и ваше величество, и вашего... супруга, — как ни в чем не бывало, светским тоном продолжал Орк с давно известной Сварогу хищно-насмешливой улыбочкой. — Почему вы не известили нас заранее? Была бы устроена подобающая вашему положению торжественная встреча... Ну да, вы по-прежнему скромны, ваше величество, не перестаю вами восхищаться в том числе и за это...

Из одного из коридоров, бесцеремонно растолкав гвардейцев, выскочил юркий субъект с неприметным лицом, оказавшись возле Сварога, несколько-

ми быстрыми и умелыми касаниями *обшарил* одежду. Подбежав к Орку, что-то шепнул ему на ухо и исчез с глаз.

— Лорд Сварог, ну что за детство... — покачал головой Орк. — Судя по докладу, у вас под камзолом парочка бластеров... Неужели до вас не дошло, что здесь они не действуют?

— Запас карман не тянет, — пожал плечами Сварог.

— Ну, вот не действуют, честное слово, — осклабился Орк. — А потому я их у вас даже забирать не буду, балуйте, дитяtko вы наше шустрое... Интересно. Очень интересно. — Его глаза, как обычно, были умными и пытливymi. — Всякого можно было ожидать, но подобный визит... Не соблаговолите ли пройти со мной в кабинет герцога Брашера?

— Мы, собственно, туда и направлялись, — сказал Сварог.

— Тем лучше, — сказал Орк без улыбки. — Ну что же, особы вашего положения никак не могут обойтись без почетного эскорта... Прошу, — он посторонился, и гвардейцы расступились, освобождая дорогу. — Надеюсь, лорд Сварог, вы прекрасно помните, что эти примитивные, но на совесть отточенные клинки для вас смертельны... и не только для вас...

— Я сюда не воевать пришел, — холодно ответил Сварог.

— Ну кто же вас знает, учитывая вашу непоседливую и живую натуру... — усмехнулся Орк. — Вечно вы с кем-то воюете, во что-то ввязываетесь, ну буквально как я... Ваше величество, мы не виделись около полугода... Надеюсь, не будет дерзостью с моей стороны заметить, что вы расцвели и похорошели еще более? Замужество пошло вам на пользу...

Он не паясничал, конечно — просто-напросто оставался собой прежним, насмешливым и дерзким. А еще в его голосе явственно звучали нотки победителя...

— Благодарю вас, герцог, — ледяным тоном ответила Яна.

— Ваш странный головной убор — не хелльстадская ли корона?

— Корона хелльстадской королевы, — не моргнув глазом, ответила Яна.

— Я так и думал. Ну что же, везде своя геральдика... Прошу по этой лестнице, и направо.

Он шагал бок о бок с ними, как приветливый хозяин — и Сварог прямо-таки физически ощущал, слыша топанье сапог за спиной, нацеленный им в спины десяток клинков. Яна мимоходом чуть поправила помянутый головной убор — золотой обруч с шестью золотыми воробьями в натуральную величину. Они сидели, закрыв глаза, — казались намертво прикрепленными к обручу, что действительности несколько не соответствовало...

Высокая дверь, за ней обширная приемная, совершенно безлюдная, если не считать секретаря за золоченым столиком, справа от входа в кабинет. Он вскочил и, переглянувшись с Орком, склонил голову:

— Герцог готов вас немедленно принять...

И проворно распахнул половинку двустворчатой двери. Орк посторонился, сделал привычный галантный жест, пропуская вперед Яну, за ней Сварога, вошел сам, и дверь захлопнулась. Интересно, остались ли гвардейцы в приемной? Правда, это не так уж и существенно...

Обширный кабинет, на сей раз без малейшего минералогического уклона: стены обшиты простыми панелями из светлого дуба, в глубине — несомненный стол для заседаний, для земного королевства достаточно привычный, в

виде буквы «Т», с одним креслом у короткой перекладины и дюжиной по обе стороны длинной. А справа — достаточно большой рабочий стол, из-за которого уже поднимался Брашери, в точности такой, как на фотографиях: умное, волевое, властное лицо. Сразу чувствовалась та внутренняя сила, о которой повествовала Литта. Да, это был *ферзь*...

За его спиной висела единственная в кабинете картина — портрет мальчишки с холеным, надменным лицом, в мантии и горротской королевской короне. И единственное в кабинете украшение — полдюжины мечей веером, из узорчатой толладской стали, рукояти довольно скупо украшены драгоценными камнями и позолотой: добрые *рабочие* мечи, крайне Сварогу приглянувшиеся.

Брашери кинул вопросительный взгляд через плечо Сварога.

— Лорд Сварог верен себе, — насмешливо сказал Орк. — У него два бластера под камзолом.

— То есть — два бесполезных куска металла? — не менее насмешливо уточнил Брашери. — Лорд Сварог, что же вы меня разочаровываете? Вы же умный человек, прекрасно должны знать, что здесь эти игрушки бессильны...

— Привычка... — пожал плечами Сварог.

— Ох уж — эти привычки... — покачал головой Брашери. — В другое время я бы из чистого развлечения попросил бы вас попытаться выпалить в меня из обоих, но вот как раз сейчас нет времени на забавы... Тысяча извинений, ваше величество, я заставил вас стоять... Прошу, садитесь. И вы, лорд Сварог.

Они присели в два кресла, стоявшие не менее чем в трех уярдах от стола — ага, подумал Сварог, все же опасаясь моего броска и *убойного* удара из особо опасных приемчиков рукопашного боя. Что ж, вполне разумная предосторожность, такие удары для нас обоих смертельно опасны...

— Живость вашего характера, лорд Сварог, мне давно известна по свидетельствам солидных людей, — сказал Брашери. — А потому убедительно попросил бы вас, как бы это выразиться, оставаться в рамках этикета. У вас за спиной человек, прекрасно владеющий оружием, с двумя клинками, и первый удар в случае... осложнений не обязательно может остаться *вам*...

— Я все прекрасно понимаю, — сухо сказал Сварог.

— Вот и прекрасно, — кивнул Брашери, усаживаясь. — Ваш визит, впрочем, как и появление ее величества, меня, признаться, удивил.

У него в глазах, и в самом деле, просматривалось легкое, неподдельное удивление. Сварог понимал, в чем тут дело. Этот тип — ученый, привык мыслить строго логически. А их внезапное появление и в самом деле чертовски нелогично, не вписывается в привычные каноны мышления...

— У вас примечательный и необычный головной убор, ваше величество, — сказал Брашери. — Отличная ювелирная работа... Это просто украшение, или оно что-то означает?

— Корона хелльстадской королевы, — невозмутимо ответила Яна.

— Почему же в таком случае его величество хелльстадский король без короны?

— Потому что его корона более замысловата, и он не хотел привлекать внимания, — сказала Яна. — А моя способна сойти за украшение... я ее так и расцениваю, она ведь красивая.

— Ну что же, типично женская логика... — усмехнулся Брашери. — Итак,

чем обязан вашему визиту?

— Мы пришли вести переговоры, — сказал Сварог.

— Вот как... — с непонятым выражением лица протянул Брашерио. — Значит, вы — нечто вроде послов или парламентариев? В таком случае, если строго придерживаться правил, позволю себе заметить, что вы не вручили мне верительных грамот, как полагается послам, и при вас нет атрибутов, неизменных для парламентариев. В этом случае вы, простите, лишены прав на статус послов или парламентариев... и полностью в руках тех, к кому явились. Вы согласны, что с юридической точки зрения так и обстоит?

— Я полагала, что *мне* верительные грамоты или атрибуты парламентария попросту не нужны, — холодно произнесла Яна.

— *Вам?* — Брашерио насмешливо улыбался. — А кто вы, собственно, сейчас такая? Девушка, по странному совпадению крайне похожая на императрицу Яну-Алентевиту, как ее изображают на портретах и не более того... Кстати, то же можно сказать и о вашем спутнике. Можно, конечно, и предположить, что вы настоящие... — он широко улыбнулся. — Я слышал, вы оба любители устраивать юридические казусы. Я иногда тоже развлекаюсь тем же. Вот, скажем, такой казус... Императрицы это, конечно, не касается, а вот земная королева, в том числе и хелльстадская, подвергшись насилию, обязана уйти в монастырь. Предположим, с вами, красавица, как раз и произойдет... сеанс мужской любви без всякого вашего желания. Как вы в этом случае поступите в роли хелльстадской королевы?

— Вы меня хотите запугать или в самом деле питаете такие замыслы? — спокойно спросила Яна.

— И то, и другое, откровенно говоря, — светски улыбнулся Брашерио. — Вы очаровательны, а я питаю слабость к златовласым красоткам. Согласитесь, в этом ведь нет ничего извращенного? Поскольку я не извращенец, я не намерен заставлять лорда Сварога наблюдать это зрелище, все будет происходить в его отсутствие...

— Вы меня запугали, — сказала Яна тоном, полностью противоречившим словам. — Я дрожу от ужаса...

— Я бы вам не советовал держаться так строптиво, — мягко сказал Брашерио. — Позвольте напомнить, что вы полностью в моих руках. И посоветовал бы...

Где-то справа от него послышалось знакомое мелодичное курлыканье. Брашерио тронул кромку стола, и перед ним появился небольшой экран компьютера (ага, устроился в точности, как я, констатировал Сварог). Читал Брашерио недолго. Вскинул на Сварога яростные глаза:

— И что это должно означать? Мне докладывают, ваши бомбардировщики подожгли Корромир. Крепость пылает, как пучок соломы, это никак не могут оказаться обычные бомбы... Что ваши туда сбросили?

Сварог пожал плечами:

— Представления не имею. Не королевское это дело — химия. А там именно какая-то зажигательная химия. Мне гарантировали, что там все запыляется именно как пучок соломы. Ничего, камни не сторят, мы все потом старательно восстановим...

— Но Виглафский Ковенант запрещает... — воскликнул Брашерио и осекся под ироническим взглядом Сварога.

— Вы, сдается мне, чересчур вошли в роль земного министра... — откровенно усмехнулся Сварог.

— Да, пожалуй... — хмыкнул Брашерио. — Так что же происходит? Мало того... Ваша кавалерия вторглась в Горрот со стороны Ронерио и Глана... а, еще и Балонга... — он поднял глаза, в которых *бушевало* недоумение. — Что за игры, лорд Сварог? Согласен, это неприятная неожиданность, мы не вполне готовы... Но вы не можете не понимать: даже двигаясь от ближайшей границы, балонгской, даже не встречая сильного сопротивления, ваша кавалерия доберется до Акобара не ранее чем через сутки... и то, если против нее не применяют ничего *особенного*... В любом случае, вы и она — в моих руках.

— Интересно, с чего это вам в голову взбрело? — пожал плечами Сварог.

Он видел, что собеседника буквально *корезжит* от непонимания происходящего и злости на себя за это. Строгая научная логика, определявшая всю жизнь этого субъекта, гения долбаного, вдруг столкнулась с возмутительными нелогичностями. Брашерио ничего не мог понять, хотя, несомненно, лихоградошно строил гипотезы...

— Все очень просто, — скучным голосом продолжал Сварог. — Я, если вам известно — начальник девятого стола Кабинета императрицы. Секретная служба. У меня достаточно полномочий, чтобы арестовать вас... за что, вы и сами знаете. Это я и намерен сделать. А ее величество решила мне сопутствовать по извечному женскому любопытству: она никогда прежде не видела, как арестовывают «злодеев короны», ей интересно посмотреть...

— Вы с ума сошли? — негромко спросил Брашерио.

— Ничуть, — сказал Сварог.

— Тогда что за игру вы тут затеяли?

Он смотрел хмуро и зло, он чувствовал подвох, но никак не мог его усмотреть...

— Я верю, что вы научный гений, — сказал Сварог (непринужденным движением запустив левую ладонь в правый рукав и большим пальцем вмиг освободив застезжку). — Дело житейское, попадаются... Но известно ли вам, чем проще всего пробивается научный гений?

Бросил быстрый взгляд на Яну, и она опустила ресницы — все в порядке, от Орка с его железяками их уже отделила невидимая, непреодолимая стена...

— Вульгарным примитивом, — закончил Сварог.

И, вскочив, резко выбросил руку. На тренировку ему досталась лишь пара часов, но все прошло отлично: точнехонько в лоб Брашерио ударила небольшая, но тяжеленькая гирька, прикрепленная к выметнувшейся из рукава Сварога длинной веревке, крепкой и тонкой. Интагара следует наградить, а того прохвоста пусть не помиловать, но заменить плаху каторгой — именно история с кинжалом на веревке напомнила Сварогу, как проще *взять* лара...

Брашерио не упал — кресло было довольно тяжелым, но обмяк, если не потерявши сознание, то, безусловно, оглушенный. В следующий миг Сварог уже рванулся к столу и парой точных ударов отправил гения в беспмятство.

Сорвав со стены меч, обернулся, удивленно поднял брови: Орк стоял, преспокойно скрестив руки на груди, с довольно невозмутимым лицом.

— Это он сам, — пожала плечами Яна, перехватив удивленный взгляд Сварога. — Я с ним ничего не делала, зачем?

Орк преспокойно расстегнул пряжку, и пояс с оружием шумно обрушился

на пол.

— Я сдаюсь, — спокойно сказал герцог. — И убедительно прошу не смешивать меня с этой компанией. В их делишках я не мог принимать никакого участия из-за полнейшего невежества в науках. Был застигнут переворотом в Горроте и буквально принужден служить на десятых ролях. Добейся они успеха, они бы меня прикончили, я-то никак не вписываюсь в их картину будущего мироустройства. Ваше величество, я рассчитываю на ваше милосердие. Готов служить...

Ах ты ж сволочь, ласково подумал Сварог, схватив брошенный Яной моток веревки — что ей стоило вмиг вынуть из воздуха такую безделицу? — и старательно спутывая бесчувственного Брашера. Уж ты-то, авантюрист и интриган, надо полагать, моментально понял: коли уж мы заявили только вдвоем, значит, за спиной у нас нечто такое, что мы ничего не боимся. А потому лучше вовремя перекинуться на сторону победителя. В том, что он сейчас высказал, конечно, перемешаны ложь с правдой: вполне возможно, переворот и в самом деле застиг его врасплох, но вряд ли его принуждали силой, наверняка сам согласился, видя нешуточные шансы на победу. И сомнительно, чтобы его прикончили при успехе: высоколобым ученым господам такой «лаборант по грязным делам» будет нужен очень и очень долго. Ну ладно, в конце концов, Орк зло мелкое, насквозь привычное и не особенно опасное...

— Яна, придется... — сказал Сварог, закончив упаковывать гения. Она недовольно поморщилась, но все же подняла руку:

— Полное коронное помилование, герцог...

— Но вам, любезный мой, сами понимаете, придется из кожи вон вывернуться... — усмехнулся Сварог.

— Я понимаю, — спокойно сказал Орк. — К вашим услугам. Вас ведь в первую очередь интересует диспозиция? Двое ученых господ в «Горном гнезде». Это...

— Мы знаем, — сказал Сварог.

— Не удивлен. Наверняка от этой театральной девки? Остальные трое — там, — он кивнул на высокие окна в полночной стене кабинета. — Там еще полдюжины антланцев, но это чистой воды исполнители, их задача — нажимать кнопки и крутить рычажки не раньше, чем прикажут и сколько прикажут...

Сварог подошел к высокому окну. Здешний «академгородок», окруженный высокой стеной, отсюда представал как на ладони: здания, аккуратные дорожки, выложенные темной плиткой, клумбы. И, главное, те четыре ажурных металлических шара высотой в два человеческих роста — антенны. Брашера наверняка выбрал этот кабинет, чтобы любоваться почаще делом рук своих: гении вовсе не обязательно лишены тщеславия...

Сварог кивнул на стол, где по-прежнему красовался экран и панель с клавиатурой:

— Можете вы их вызвать сюда? На срочное совещание?

— Вообще-то могу, — сказал Орк. — Но один из них обязан постоянно оставаться на дежурстве...

— Соврите что-нибудь о чрезвычайной обстановке, — сказал Сварог. — У вас да чтоб не получилось...

— Попробую, — сказал Орк. — Но должен вас предупредить: тут есть на-

чальник тайной полиции из местных — умнейшая сволочь, уважаю... В *главное* он не посвящен, но точно знает: всегда кто-то один остается на дежурстве. И если ему донесут — а ему моментально донесут, — что вышли все трое, он может заподозрить неладное...

— И нагряться со своими молодчиками? — понятиливо подхватил Сварог. — У меня большой опыт общения с начальниками тайной полиции...

— Именно. Где-то тут есть потайная дверь, я не знаю точно, где, но она есть...

— Вон там, — преспокойно показала рукой Яна, глянула на Сварога: — Мне ее *запереть*?

— Ни в коем случае, — сказал Сварог. — Вряд ли с ним ворвется очень уж много народу. А он мне нужен живой... Действуйте, герцог. Да, кстати, вы оставили гвардейцев в приемной?

— Нет, — сказал Орк. — Отослал. Ясно было: вы оба не настолько беззаботны, чтобы прийти сюда, не имея *полного* расчета на успех.

— Прохвост... — с улыбочкой сказал Сварог.

— И еще какой, — сказал Орк без малейшей обиды. — Но не забывайте, что у меня есть принципы. Никогда не наносил ударов в спину и не принуждал женщин силой.

— Вы меня умилили, — уже без улыбки сказал Сварог. — Уважаю людей с принципами. Ну?

Орк подошел к клавиатуре, застучал по ней:

— Связь с «Гнездом» — ну, это ни к чему... «Галерея» с девочками, она у него богатейшая, надо будет потом забрать...

— Герцог! — злым шепотом прикрикнул Сварог.

— Да, конечно... Отойдите в сторонку, чтобы они вас не увидели, вон туда, этого достаточно...

Сварог отошел на два шага. Со своего места он прекрасно видел экран — на котором появились три человека, коих разделяли две тоненьких светящиеся линии. И сразу узнал всех троих — воскресших покойничков...

— Господа, тревога! — сказал Орк. — Первый вызывает всех, и немедленно!

Крайний справа недовольно поморщился:

— Герцог, вы же знаете правила. Я обязан оставаться на дежурстве.

— Все правила летят к черту, — сказал Орк. — Возникла ситуация... Короче, у меня прямой приказ: все трое и немедленно. Первый не любит ждать, вся ответственность на мне...

— Ладно... — недовольно проворчал дежурный. — Лишь бы и впрямь на вас, а не на мне... Идем.

Погасив экран, Орк повернулся к Сварогу:

— И что теперь?

— Наденьте пояс, — сказал Сварог. — Встретите их, посадите за стол — и можете стоять где-нибудь в уголке. Они нас не увидят, когда войдут.

— Уж не Древний Ветер ли? — с неприкрытым любопытством спросил Орк. — Ничем другим не объяснить...

— Действуйте, как я сказал! — прикрикнул Сварог.

Подхватив под мышки, оттащил связанного в угол и старательно забил рот кляпом из собственных замшевых перчаток — согласно этикету, дворянин всегда обязан иметь при себе перчатки, если не надетыми, то за поясом или в

кармане. Иначе, что бросать при вызове на дуэль?

Достал из кармана черный пенальчик рации с «Рагнарока», выдвинул на всю длину кольчатую антенну, нажал кнопку.

— Боевая готовность, — слышался спокойный голос Мары.

— Жди приказа, — сказал Сварог, вывел микрофон на максимум и положил рацию на стол для совещаний, на тот, маленький, за которым сиживал Брашеро.

— Ого! — сказал Орк. — Знаком мне этот девичий голосок... «Рагнарок» подогнали? Умно... А эти его совсем не брали в расчет, даже после того, как вы наведались на нем в гости...

— Терпеть вас не могу, но всерьез уважаю, — усмехнулся Сварог. — За умную голову. — Тут другое. Я направил в Магистерииум просьбу принять «Рагнарок» для ремонта, поскольку там какая-то серьезная поломка, и он встал на мертвый якорь. Судя по всему, как я и рассчитывал, это дошло до тамошних сообщников Брашеро, и они ему радостно сообщили...

— Лорд Сварог... — сказал Орк с ненаигранной грустью. — Как жаль, что вы в свое время отвергли мою дружбу... Сколько мы могли бы наворотить вдвоем...

— Все! — оборвал его Сварог, увидев, как на столе замигала зеленая лампочка. — Они уже в приемной, я так понимаю?

— Ну да.

— Давайте их сюда, и без глупостей...

— Да какие теперь глупости при полном помиловании... — проворчал Орк, направляясь к двери и распахивая одну створку: — Прошу, господа, Первый сейчас появится...

Три живых покойничка вошли преспокойно, уселись за стол *в разбивку* — видимо, на свои привычные места. Ни Сварога, ни Яну, ни связанного Брашеро, уже слегка барахтавшегося, они, разумеется, не видели.

Терять времени не стоило, Сварог кивнул Яне и, зная, что «шапка-невидимка» исчезла, быстро прошел к столу, заняв место Брашеро — не сидя, а стоя, прислонив к столу меч. Трое таращились на него, как на выходца с того света.

— Какая неожиданность, господа! — воскликнул он не без театральности. — Лорд Кларин, лорд Селерт, лорд Окстон... Вот будет радости у ваших родных — вас давно числят в покойниках, а вы живехоньки! Сидеть! — рявкнул он, положив меч перед собой на стол. — Это нарушение этикета, но императрица вам прощает...

Яна приблизилась к столу и спокойно спросила:

— У вас будут какие-нибудь объяснения, господа мои?

Судя по их ошарашенным лицам, даже смутного подобия объяснений не имелось. Куда им до Орка, тот в подобной ситуации моментально бы придумал убедительное вранье...

— Сидеть! — грозно повторил Сварог. — Поскольку ваш главарь у меня в руках, вы меня не особенно и интересуете... Извините за некоторую театральность, но у меня есть пара минут, и я, уж простите, хочу немного позлорадствовать... В лучших традициях дешевых романов. Уж извините, вы столько нервов мне истрепали, и не только мне, не могу удержаться от искушения сообщить вам, что вы — круглые идиоты. И не надо делать столь обиженных лиц, — он широко улыбнулся. — Вы в самом деле идиоты, господа. Вы обезопа-

сили себя от любого оружия, а вот *примитива* не взяли в расчет... Представим, что высоко над вашим защитным полем летит замок ларов — массивное строение из тяжелого камня. Да не один, а с полдюжины. Если они снизятся и упадут в зону действия поля, они, разумеется, рухнут... Точнехонько на ваше научное заведение. Одна щебенка останется.

— Вы с ума сошли! — возопил лорд Селерт, бледнея. — Там ценнейшее научное оборудование, уникальное...

— Уважаю ваш научный фанатизм, — серьезно сказал Сварог. — Между прочим, вы мне сами эту идею подсказали — обрушивая на мои войска каменные глыбы, а на дворец — воду... Ладно, я пошутил. То есть такой план и в самом деле был... но нашлись другие способы. Меня ваше оборудование тоже очень интересует...

— Они приближаются по потайному ходу, — спокойно сказала Яна. — Семь человек.

— Ага, — Сварог повернулся к Орку. — Как выглядит ваш глава тайной полиции?

— Такой лысый коротышка с умным лицом.

— Ясно, — сказал Сварог, торопливо расстегивая камзол. — Присмотри за этими господами, Вита...

Он взялся за две черных рубчатых рукоятки, вынул оружие из-за пояса, двинул предохранители и спрятал руки за спину. Разумеется, он и не подумал тащить сюда бесполезные, Брашера прав, бластеры — он попросту прихватил два пистолета с «Рагнарока», из арсенала для экипажа — простое надежное оружие, сделанное тогда, когда апейрона и близко не было...

Послал мысленную команду — и Золотые Воробьи, мгновенно ожив, взметнулись с обруча на голове Яны под самый потолок. Сварог их прихватил для подстраховки — мало ли с каким сюрпризом можно столкнуться, когда имеешь дело с начальником тайной полиции (Орк его описал точно, не соврал — так же описала Литта...).

Дверь в указанном Яной месте распахнулась неожиданно — створки разошлись в обе стороны, открыв довольно широкий коридор, и в кабинет ворвался помянутый лысый коротышка с пустыми руками, а следом полдюжины молодчиков с характерными рожами и всякой дребеденью в руках — двуствольные пистолеты, скрамасаксы, широкие кинжалы... Створки захлопнулись — видимо, там была пружина или что-то вроде того. Вся орава, не особенно и оглядываясь по сторонам, ринулась к Сварогу, который вовсе не собирался становиться невидимым. А черта ли мне вас жалеть, подумал он с неожиданным ожесточением, вы моих людей не жалели ни в Горроте, ни в Глане...

Он вынул руки из-за спины и открыл огонь едва ли не в упор. Конечно, целя мимо лысого. Два пистолета, шесть мишеней... Все было кончено в какие-то секунды. Оставшись в полном одиночестве, лысый коротышка остановился — и застыл...

— Ага, — сказал Сварог, не опуская пистолетов. — Вы *хороший* начальник тайной полиции, сударь, вы мгновенно оценили ситуацию... Мою скромную физиономию вы наверняка узнали? Узнали, вижу... А эту молодую даму? Наверняка тоже... Я буду краток. Жизнь — гарантирую. Ваши действия?

— Я сдаюсь, — утрюмо сообщил лысый.

— Вы мне сделали большое одолжение... — усмехнулся Сварог. — Не знаю,

что и делал бы, не сдается вы добровольно... Вита, можно еще веревку? — он на лету поймал моток и перебросил Орку. — Свяжите его. Вы что-то хотите сказать, любезный?

Протянув Орку сложенные руки и пепеля его взглядом, лысый вздохнул:

— Я говорил герцогу, что этот мерзавец предаст при первом удобном случае...

— А герцог вас не послушал, да? — понятливо кивнул Сварог. — Ну да, он же гений, он все знает лучше... Ну, не переживайте так. Быть может, я вас еще и на службу возьму, хороший начальник тайной полиции — товар штучный...

Он поставил пистолеты на предохранители и заткнул их за пояс. В кабинете ощутимо и знакомо пахло кровью — но он смотрел на покойников равнодушно — навиделся всякого. Зато ученые господа, судя по их лицам (Кларин явно сейчас начнет блевать, ну и черт с ним) *такое* зрелище наблюдали впервые в жизни. Ага, точно, *хлыщет* прямо себе на колени — а еще власть в империи хотел захватить, яйцеголовый... Орк, конечно, взирает равнодушно, он тоже насмотрелся всякого, а вот Яна отвернулась, но держится замечательно, хорошая моя — ни бледности, ни позывов к рвоте. Что ж, крови, пусть исключительно звериной, навиделась в Каталауне, тем легче...

Тянуть не следовало. Подойдя к столу и для надежности склонившись над рацией, он сказал:

— Кошка, бей по антеннам. И — сигнал «красным»...

Буквально через несколько секунд пронесся свистящий рев, мелькнули быстрые продолговатые тени — и на месте антенн взлетел высоченный фонтан пламени, перемешанного с землей и дымом. Когда он очень быстро опал, на месте антенн оказались лишь жалкие лохмотья покореженного металла.

Проверить, удалось ли, было очень просто. Сварог привычно извлек из воздуха сигарету и прикурил от огонька на кончике пальца. Все в порядке. Раз магия ларов действует — нет больше защитного поля над страной...

Услышав ожидаемые звуки, он перешел к окну, выходящему на набережную. Удовлетворенно кивнул. К набережной пристал кормой большой грузовой пароход под флагом одного из Вольных Маноров. Волной накатывался яростный хриплый рев — по лестнице, все прибывая и прибывая числом, неслась орава в ярко-красных мундирах и такого же цвета сапогах: морская пехота, все поголовно — штрафники армейские, головорезы с каторги, а то и изпод виселицы взятые, шваль и гнусь, прекрасно владевшая любым оружием и не имевшая права под страхом смерти отступить хоть на шаг... Ага, передние палят из мушкетонов — конечно, по часовым у ворот. Ну, тут все кончится быстро...

Он так и стоял у окна, жадно глотая дым, глядя вниз — и не испытывая ни малейшего торжества...

Эпилог

Сварог Барг, король королей и все такое прочее, так и не сменив одежды горротского дворянина на что-нибудь другое — а на черта, собственно? — уверенно сидел в седле вороного красавца, взятого из дворцовой конюшни. Конь оказался норовистым, но фамильное умение Гэйров-лошадников не пропьешь и не потеряешь, так что вороной давно пребывал в покорности.

За его спиной высилось внушительное и красивое здание министерства мореплавания Горрота, перед ним пролегал широченный проспект, по другую сторону которого тянулись сады с редкими, одиноко стоявшими казенными зданиями. По левую руку гремела жарко начищенная медь военного оркестра, наявившего во всю ивановскую старый, один из любимых военным людом Коройтенский марш:

*Прочь застольные беседы,
шагом марш и к черту грусть!
Или я вернусь с победой,
или вовсе не вернусь!
Жизнь висит на нити тонкой,
все бывает на войне...
Осушите два бочонка,
но не плачьте обо мне.
Погулял я по планете,
доводилось пить-любить.
Я успел на этом свете
очень весело пожить...*

Странно: хотя мотив был совершенно другим, в голове у него отчего-то звучало иное:

*Солдат всегда здоров,
солдат на все готов,
и пыль, как из ковров
мы выбиваем из дорог!
И не остановиться,
и не сменить ноги,
сияют наши лица,
сверкают сапоги!*

Кучка всадников рядом с ним — и среди них была Яна — точно так же замерла в ожидании.

Сварог занял Горрот. Ну, предположим, еще не оккупировал его полностью, а кое-где продолжались мелкие стычки, но главное сделано. Он не зря отправил Гарайлу из Балонга — самое удобное из трех направлений, равнины вместо гористой местности — и не зря именно с ним отправил Литту. Самым трудным во всей операции, можно отметить не без юмора, оказалось уговорить Литту во всем этом участвовать — бывшая актриса панически боялась участия в военном походе. Сварог ее уламывал часа два, еле уговорил, пообещав массу житейских благ — в том числе статус «постоянного жителя-помощника», который носят служащие за облаками антланцы и пригоршню бриллиантов. Тогда только согласилась.

И все прошло прекрасно. Уже неподалеку от границы Гарайла наткнулся

на два полка горротских конногвардейцев. Ему, тут и гадать нечего, наверняка страшно хотелось подраться — но, будучи светочем воинской дисциплины, он скрупулезно выполнил все наставления Сварога. Остановил своих орлов, поднял «переговорный» флаг в черно-золотую клетку, послал парламентаров, под честное слово позвал к себе на разговор командиров полков. Оба были приняты при дворе, так что прекрасно знали Литту, то бишь «королеву Эгле» — а в доказательство того, что она не самозванка, Литта им напомнила содержание кое-каких бесед, рассказала, какие танцы танцевала с ними и на каком именно балу, в котором именно коридоре один из бравых полковников объяснялся ей в любви — конечно, не выходя за рамки этикета.

Полковники ее признали. И вместе с ратагайцами Гарайлы двинулись на столицу восстанавливать справедливость — к тому же Гарайла — сподвижник законной королевы, а как же! — с самого начала (как ему было ни противно) вел свои полки под горротским знаменем.

Над королевством носились виманы-самолеты, разбрасывая в больших городах, в расположениях воинских частей кипы прокламаций, которые с обычным своим искусством сочинил герцог Лемар: королеве Эгле чудом удалось спастись от убийц, верные подданные помогли укрыться, а там на помощь ей пришел король Сварог — голубиная душа, бескорыстный благодетель, всегда готовый прийти на помощь жертвам несправедливости, вдовам и сиротам, что всему Талару прекрасно известно. Да вдобавок оба полковника (уже видевшие себя генералами, поскольку первыми примкнули к чудом спасшейся королеве, а такие вещи порядочные монархи не забывают) чуть ли не половину личного состава разослали гонцами в ближайšie военные лагеря и города, с депешами, гласившими то же самое: это не вражеское вторжение, это движется вернуть себе трон законная королева...

Вскоре в Горроте, как и следовало ожидать, наступил если не хаос, то, безусловно, разброд и всеобщая растерянность в умах. На двух других направлениях имели место не особенно серьезные бои — но полки Гарайлы без единой схватки достигли столицы, обрастая к тому времени еще полудюжиной горротских частей. Хотя все, в общем, затихло, по приказу Сварога в Горрот вступали все новые и новые полки — чтобы под шумок получить решительное превосходство над горротской армией — мало ли как обернутся дела, планов на будущее еще никто почти не строил, так, наметки имелись...

По ту сторону проспекта ярко и живописно пылало трехэтажное здание — один из департаментов того самого министерства мореплавания, которому не хватило места в главном здании (чиновники всегда и везде плодятся, как кролики). В столице не было никаких боев, ни единого выстрела не прозвучало — но ведь Сварог обещал своему воинству, вернувшемуся из того бесславного похода в Горрот, что они пройдут по *горящему* Акобару? Так что бюрократов выперли в шею и разогнали, а здание подожгли — для колорита. Так оно красивше.

Ага, показались, голубчики! Оркестр надрывался. Впереди ехал Гарайла, за ним офицеры, а следом все кавалеры медали за горротский поход — в пешем строю, человек по сорок в шеренге. Это было против всяких воинских уставов, но Сварог хотел сколотить довольно компактную «коробочку» — чтобы его слышали все, и не пришлось лишний раз драть глотку.

В одной из шеренг на правом фланге он увидел Элкона — парень стара-

тельно чеканил шаг, стараясь не осрамиться перед остальными: ну что же, полноправный участник похода, кавалер медали, имеет право... Вообще-то медали получили и Мара с Шедарисом, но они, как люди к подобным забавам равнодушные, сейчас занимались делом: Мара вела «Рагнаррок» обратно в Хелльстад, а Шег с дюжиной надежных ребят *потрошил* архив текущих дел тайной полиции.

Дождавшись подходящего момента, Сварог поднял руку, и конные натянули поводья, гвардейцы остановились, четко приставив ногу. Оркестр умолк. Приподнявшись на стременах, Сварог заорал:

— Ну, что вам было обещано, мать вашу за ногу?

Ему ответил тысячеголосый восторженный рев искреннего обожания и преданности. Сварог властно повел рукой — и оркестр вновь грянул марш, а гвардейцы, четко печатая шаг, двинулись дальше, и их лица сияли, а сапоги сверкали, как в песне. Пожалуй, следовало бы сформировать из них полк (хотя их на пару сотен побольше, чем полагается для полка), назвать его гвардейским Акобарским — и уж они-то первыми пойдут за него в огонь и в воду, опережая даже ратагайцев... Король всегда обязан думать о государственных делах...

О государственных делах... Он покосился на Яну — императрица, она же королева Хелльстада, сияла, как новенький золотой аурей, определенно чувствуя себя триумфаторшей...

Сам он ничего подобного не испытывал — его чувства трудновато было описать в точности, но вот чего там точно не было, так это законной гордости победителя. Сложные оказались чувства, пожалуй, что и толика грусти присутствовала, и даже недовольства собой и окружающими.

Как-то *кисловато* было на душе. Он прекрасно понимал, что ему, к бабке не ходи, припишут очередное Геройское Сверхшение — но если разобраться наедине с собой...

Угроза и в самом деле была серьезная, нешуточная, жуткая. Но победили они с Яной *слишком* легко. Исключительно оттого, что против них была жалкая кучка врагов, которых по пальцам можно пересчитать. Это, безусловно, не обесценивает победу — но вот победители, признаемся самому себе, не вполне полноценные. Окажись у Брашера человек с полсотни сообщников-ларов, и раскинь они *широкую* сеть центров управления и прочих поганых заведений, пришлось бы гораздо труднее, несмотря на «Рагнаррок» и Древний Ветер. Они и в этом случае имели большие шансы на победу — многое из задуманного *сейчас* так и не было пущено в дело — но вместо короткого лихого налета получилась бы гораздо более долгая и, уж точно, гораздо более кровавая для обеих сторон военная кампания. Уж кто-кто, а Сварог это прекрасно понимал — а вот до Яны эти нехитрые истины пока что явно не дошли, она сияет, она торжествует по молодости лет, искренне считая себя если не героиней, то, безусловно, триумфаторшей. Когда-нибудь, вполне возможно, и поймет кое-что, но позже, гораздо позже, когда изрядно прибавится жизненного опыта. А пока...

А пока, горько усмехнулся он про себя, быстренько запишут очередное Геройское Сверхшение, уже записали. И бессмысленно, да и не нужно этому препятствовать — из высших политических и государственных соображений. Обязан король Сварог быть героем, хоть ты тресни — и для пущего авторитета

Яны полезно, чтобы ее считали славной воительницей, одолевшей жуткое чудище. Большая политика, ага... И хорошо, что мало кто знает подлинную правду. Порой это чертовски пакостная вещь — *знать правду...*

Красноярск, 2013

Приложения

Стороны света по таларской традиции

Стороны света в морской терминологии Талара

О летосчислении

Первые семьсот с лишним лет после Шторма на земле не существовало ни упорядоченной хронологии, ни четко датированных летописей (по крайней мере, современная наука не располагает фактами, способными как доказать, так и опровергнуть эту точку зрения). В дальнейшем, на протяжении долгих столетий, соперничавшие государства и отдаленные страны, порой вообще представления не имевшие о существовании друг друга, придерживались своих собственных систем летосчисления (более-менее полное представление об этом периоде дает труд Гармара Кора «Хаос и хронология», Магистериум, 3466 г. X. Э.) Впоследствии из-за диктуемого жизнью стремления к упорядоченности после многих попыток достичь взаимопонимания и согласия (и даже нескольких войн по этому поводу) почти повсеместно было установлено единое летосчисление — так называемая Харумская Эра.

В настоящее время текущий год у ларов — 5506 год Небесных Лет (в этой системе датируются все императорские указы, предназначенные для жителей земли).

На земле — 3716 год Харумской Эры, однако есть два исключения:

1. Великие магистры, правители Святой Земли, двести сорок три года назад ввели летосчисление «со дня Гнева Господнего». Таким образом, в Святой Земле сегодня — 5511 год СДГГ.

2. После отделения Глана от Ронеро первый гланский король повелел «считать нынешний год первым годом Вольности». Сегодня в Глане — 613 год Вольности.

Календарь

Таларский год состоит из семи месяцев — Датуш, Элул, Фион, Квинтилий, Ревун, Атум, Северус. Каждый месяц — из семи недель по семь дней. В конце первых шести месяцев есть еще по три дня без чисел, именуемых Безымянны-

ми Днями, или Календами. После Северуса следуют семь дней Календ. Календы Датуша, Квинтилия и Атума считаются «скверными днями», в этот период стараются воздержаться от дел, не пускаются в путешествия или плавания, не играют свадеб, не устраивают никаких торжеств. В древности на эти Календы даже прекращались войны. Календы Элула, Фиона и Ревуна, наоборот, считаются крайне благоприятными для начинаний и временем праздников. Календы Северуса — канун Нового Года, в эти дни торжества особенно пышны, именно к Календам Северуса дворяне стараются приурочивать свадьбы, а гильдии — свои праздники.

Геральдические щиты

Согласно правилам геральдики, существует лишь семь разновидностей гербовых щитов — для гербов государств, городов, дворян. Разновидности эти следующие:

1. Дотир	
2. Джунарг	
3. Даугар	
4. Дроглор	
5. Домблон	
6. Дегоар	
7. Дуарат	

Как правило, дотир и дуарат служат гербовыми щитами лишь для дворян, не имеющих титула, а гербы городов чаще всего имеют форму домблона.

Флаги государств

Флаги Виглафского Ковенанта[65]

Лоран — горизонтальные синяя и зеленая полосы, флаг обведен белой каймой (добавленной как знак траура после завершения строительства Великого Канала и потери провинций, оставшихся на континенте).

Харлан — «шахматная доска» из 6 черных квадратов, 6 белых и 6 коричневых.

Снольдер — желтое полотнище с черным силуэтом сфинкса.

Ронеро — горизонтальные синяя и черная полосы.

Глан — горизонтальные черная и красная полосы.

Горрот — белое полотнище с черным солнцем.

Шаган — вертикальные зеленая, желтая и черная полосы.

Сегур — горизонтальные синяя и красная полосы.

Прочие флаги

Святая Земля — фиолетовое полотнище с желтым крылатым диском.

Балонг — синее полотнище, затканное золотыми пчелами.

Ганза — темно-синее полотнище с белым кругом. В круге — черный силуэт корабля с зарифленными парусами.

Некоторые сведения о геральдическом значении иных цветов. Синий цвет издавна символизировал честь, честность, благородство. Фиолетовый — мудрость. Зеленый — надежду. Черный — упорство. Красный — отвагу, жизненную силу. Желтый — богатство. Белый вообще-то символизирует чистоту помыслов, но из-за того, что он издавна почитается символом смерти, в геральдике его стараются не употреблять.

Гербы государств Виглафский Ковенант

Лоран — дотир. Две синих и одна зеленая вертикальные полосы. На зеленой — три золотых кольца. На синих — по золотому якорю.

Харлан — дотир. Разделен на четыре квадрата, два белых и два коричневых. В белых квадратах — по коричневому мечу острием вверх. В коричневых — по белому мечу острием вверх.

Снольдер — даугар в фиолетово-желтую клетку. В центре щита — золотой лев, стоящий на задних лапах.

Ронеро — даугар. Разделен по вертикали на синюю и черную половины. На синей — золотая лилия, на черной — Зеркало Аннура, имеющее вид серебряного круга в золотой оправе.

Глан — дегоар. Щит — черный с золотой каймой. В центре — золотой силуэт медвежьей головы, по пяти углам — золотые цветы чертополоха.

Горрот — домблон. На белом фоне — черное весло, скрещенное с золотым скипетром.

Шаган — дрогмор. На синем поле — золотой колокол.

Сегур — дуарат. Разделен горизонтальной линией на две половины. Верхняя — золотой парус на зеленом поле, нижняя — пять вертикальных полос (две зеленых, две желтых), и на их фоне — черный герб Морских Королей.

(Нужно добавить, что герб государства является и гербом его короля.)

Прочие гербы

Святая Земля — дуарат. На зеленом поле — золотой одноглавый орел (акилла), держащий в лапах меч и крест Единого Творца.

Балонг — джунарг. На красном поле с пятью узкими вертикальными линиями — золотые весы. Щит окаймлен золотыми (курсив) пчелами.

Ганза — дрогмор. На темно-синем фоне — красная ладонь.

Короны виглафского ковенанта

Лоран — корона закрытая. Обруч шириной в два джайма[66] с изображением дубовых листьев. Шестнадцать зубцов в виде шипов, отклоненных на 45° наружу от вертикальной оси обруча. У основания каждого — рубин, ограниченный «розой». Закрыта остроконечным колпаком из синего бархата на золотом внешнем каркасе в виде 8 сходящихся дуг.

Харлан — обычная герцогская корона, но украшенная четырнадцатью огра-

ненными бриллиантами и закрытая решетчатым плетением в форме полусферы.

Снольдер — корона закрытая. Два разомкнутых круга, каждый шириной в джайм, соединенных четырьмя перемычками. На перемычках — по рубину, ограненному в форме полусферы. В каждом секторе меж перемычками — по три бриллианта, ограненных «розой». Впереди, надо лбом, — золотое изображение кобры с раздутым капюшоном и бриллиантовыми глазами. Туловище кобры, изогнутое дугой выпуклостью вверх, закрывает корону, касаясь противоположного ее края, где вделан черный алмаз Бараини (неограненный, весом 480 квинтунов[67]). Зубцы отсутствуют.

Ронеро — корона открытая. Обруч шириной в два джайма, по которому проходят три пояса из накладных линий, и в центре каждого цветка — рубин, ограненный полусферой. Восемь зубцов в виде равнобедренных треугольников, слегка отклоненных от вертикальной оси обруча.

Глан — корона открытая. Кольцо шириной в джайм, двенадцать зубцов (6 в виде цветков чертополоха, 6 — в виде трилистников клевера). В основании каждого зубца — рубин «ленточной» огранки. Впереди, надо лбом, — желтый алмаз Индари (неограненный, вес 300 квинтунов).

Горрот — корона закрытая. Обруч шириной в два джайма, по верхней и нижней кромкам проходят два накладных пояска, имеющих форму цепи с овальными звеньями. В центре каждого звена — рубин, ограненный в форме трехгранной пирамиды. Восемь прямоугольных зубцов. Закрыта двумя полукругиями-дугами, в точке пересечения которых — солнце, выточенное из черного опала.

Шаган — корона открытая. Обруч шириной в два джайма с семью зубцами в виде «ласточкина хвоста». У основания трех — ограненные рубины, у основания четырех — ограненные изумруды.

Сегур — корона открытая. Обруч шириной в два джайма с гравировкой в виде якорей и скрещенных весел. Семь зубцов в виде трезубца Руагату, у основания трезубцев — ограненные сапфиры.

Прочие короны

Корона Великого Магистра Святой Земли — открытая. Обруч шириной в джайм. Впереди, надо лбом, — крылатый диск с неограненным рубином в центре, на противоположной стороне — крест Единого Творца. Зубцы отсутствуют.

Балонг. Избираемый на три года Старшина Патрициев Круглой Башни носит корону в виде обруча шириной в два джайма с семью зубцами, повторяющими формой Круглую Башню.

Все короны изготовлены из чистого золота, не считая короны Великого Магистра — она из железа.

Дворянские короны и титулы

Дворяне Виглафского Ковенанта и Пограничья носят следующие титулы:

1. Принцы короны.
2. Принцы крови.
3. Герцог.
4. Князь.
5. Граф.
6. Барон.

7. Маркиз.

Принцы и принцессы короны — потомки правящего монарха. Они носят корону в виде обруча шириной в джайм, закрытого двумя полукружьями-дугами, в точке пересечения которых — миниатюрное подобие королевской короны.

Принцы и принцессы крови — потомки братьев и сестер правящего монарха. Носят корону, повторяющую герцогскую, но закрытую полукружием-дугой с миниатюрным подобием государственного герба.

Герцогская корона — обруч с семью прямоугольными зубцами, перемежаемыми семью дубовыми листьями.

Княжеская корона — обруч с семью прямоугольными зубцами, перемежаемыми семью земляничными листьями.

Графская корона — обруч с четырнадцатью шариками.

Баронская корона — обруч с семью треугольными зубцами, перемежаемыми семью шариками.

Корона маркиза — обруч с семью полукруглыми зубцами, и в центре каждого — прорезь в форме дуарата.

Короны титулованных дворян, имеющих права Вольных Ярлов, и украшены рубинами (в 3711 г. Х. Э. Виглафский Ковенант лишил владельцев Вольных Маноров, в том числе и королей, прав Вольных Ярлов, сохранив таковые лишь за ярлами Пограничья, но и для последних введены ограничения по количеству лиц, коих ярлы вольны в течение года возвести в дворянство).

При посещении титулованным дворянином королевского дворца, а также в дни некоторых торжеств следует непременно быть в приличествующей титулу короне. В обычные же дни можно ограничиться золотой цепью, золотыми шпорами и перстнем с миниатюрным подобием короны.

Дворяне, дабы отличить свое положение, носят золотую цепь установленного образца и золотые шпоры.

Гланские обычаи несколько отличаются от иных, там существует своя система, признанная Виглафским Ковенантом:

1. Гланфорт (нетитулованный дворянин) носит золотую цепь и золотые шпоры.

2. Глэв (соответствует маркизу, барону или графу) — золотые шпоры и золотую цепь с семью подвесками в виде цветов чертополоха.

3. Глэрд (соответствует князю или герцогу) — золотые шпоры, золотую цепь с медальоном, на коем изображена медвежья голова.

В Балонге дворянства нет, но для знатнейших и богатейших граждан существуют титулы нобилия и патриция. Нобиль носит на груди золотой медальон с гравировкой в виде весов, окруженных пчелами, стоящий выше нобилия патриций — золотую пектораль с такой же гравировкой и жезл, увенчанный миниатюрным подобием Круглой Башни. Семеро Патрициев Круглой Башни, правящие Балонгом, обязаны во всякое время появляться на публике в алом плаще, затканном золотыми пчелами, и синей шапочке-митре, с четырех сторон украшенной золотыми изображениями Круглой Башни; при сем они опираются на посох с навершием в виде государственного герба. (Всякие попытки Балонга добиться приравнения нобилей и патрициев к дворянам неизменно отклонялись Ковенантом.)

О правилах, заведенных в Святой Земле, более полное представление даст

соответствующий фрагмент из книги реверена Гонзака.

Краткие сведения о реверене Гонзаке

Реверен[68] Гонзак (3627 Х. Э. -?) — скрибанос, служивший при Царской библиотеке в Астрее (Гиперборея, Сильвана). В 3668 г. Х. Э. прибыл на Талар. В период с 3668-го по 3679-й работал в библиотеках разных стран, жил в Лоране, Снольдере, Ронеро, побывал в Пограничье, Иллюзоре, Глане, Балонге, пяти из Вольных Маноров, совершил три морских путешествия. Некоторые историки считают его шпионом царя Гипербореи, но люди из таларских тайных служб никогда не высказывали своего отношения к этой версии. Необходимо учитывать, что порой крайне трудно провести границу меж профессиональным разведчиком и любознательным путешественником из дальних стран, поскольку кропотливо собираемая первым информация частенько попадает на тот же стол, что и ученые записки второго (о чем второй ничего не подозревает). Как бы то ни было, в Равене трудами Коллегии Ремиденума в 3681 г. Х. Э. вышла в свет книга Гонзака «Трижды семь писем скромного книжника Гонзака на Сильвану, другу своему Чей Чедогону о таларских делах, обычаях и установлениях». Вопреки заглавию, писем в книге всего шестнадцать. Гонзак пропал без вести в промежутке меж 36 Северуса 3679 г. и 14 Датуша 3680 г. Его следы теряются в полуночных провинциях Ронеро, малонаселенных и пользующихся дурной славой «диковатых мест». Не исключено, что сильванский скрибанос, человек отнюдь не бедный, любивший жить и путешествовать с комфортом, стал жертвой разбойников или Волчьих Голов. Известно также, что Гонзак намеревался предпринять экспедицию в Хелльстад, для чего, быть может, и отправился в те места, где оборвался его след.

Книга Гонзака, пусть и незавершенная, помимо многих интересных наблюдений, представляет собой еще и своеобразную краткую энциклопедию, дающую постороннему читателю неплохое представление о таларском укладе жизни. Благодаря чему она и была в 4998 г. Н. Г. включена Императорской Коллегией Просвещения в список учебных пособий для благородных ларов по теме «Современный Талар». Выпущена в компьютерном и типографском вариантах.

О титулах, сословиях и многом другом

Письмо третье, реверена Гонзака

П Рассказ об устройении общества, друг мой Чей Чедогон, я начну с королей, чему ты вряд ли удивишься, ибо, когда нам случится озирать гору, взгляд наш непременно падет прежде всего на вершину, а уж оттуда странствовать будет к земле.

Короли таларские — воистину самовластные владыки, что отражено и в тамошних законах, гласящих, что монарх пребывает превыше закона, сам же, буде возникнет такая надобность (или, увы, каприз, как нам известно о венценосцах двух планет), может решать многие дела не по писанным законам, а исключительно по своей воле. Должен тут же оговориться, что самовластье это, кажущееся всеобъемлющим, ограничено иными древними традициями. Есть права дворян, и сословий, и гильдий, и даже крестьян, на кои посягать и король не волен. Однако ж за пределами сих ограничений открывается весьма обширная область для самодержавного произвола, и подданным остается лишь уповать, что восседающий на троне монарх наделен достаточным умом и здравомыслием, дабы не ущемлять народ свой без меры.

Как и в нашем отечестве, дворяне здесь первенствуют над всеми иными. Нельзя стать офицером, ни сухопутным, ни морским, если ты не дворянин. И высшие пять гражданских чинов доступны одним лишь дворянам, и землею с крестьянами могут владеть одни дворяне, и ордена иные жалуются одним дворянам. Им одним дозволено строить в домах балконы и иметь в окнах витражи.

Следом идут так называемые Семь Высоких Сословий.

Сословие Чернильницы объединяет судейских, адвокатов и чиновничество с первого гражданского чина по двенадцатый. Отличительным знаком оно служит серебряный пояс с серебряной же чернильницей установленного образца. Образцы таковые в разных государствах разные, а у чиновников есть еще и мундиры, в каждом ведомстве свои, и каждый гражданский чин имеет свои отличия, подобно тому, как это обстоит с воинскими чинами.

Сословие Храма составляют разных богов служители, коих отличают одеяния и атрибуты, единые для всего Талара, независимо от страны (о Святой Земле же поговорим подробнее в другой раз).

Сословие Мер и Весов образуют купцы, банкиры и ювелиры, причем не всякие купцы, а лишь те, что имеют капиталы не ниже определенного предела. Отличительным знаком сего Сословия служит серебряный пояс с замшевым кошельком особого вида.

Сословие Циркуля — это инженеры и архитекторы, коих отличает короткий плащ особого фасона, скрепленный у горла серебряной цепочкой, крепящейся двумя серебряными же бляхами с изображением циркуля.

Сословие Совы — это ученые, книжники, книготорговцы и учителя. Они носят плащ особого фасона с пелериной, где цепочку крепят две серебряные бляхи с изображением книги и пера, а также круглый берет с серебряным изображением совы. В разных государствах цвет оно наряда бывает разным. Живи мы на Таларе, друг Чедогон, в таком наряде и щеголяли бы, что, впрочем, не лучше и не хуже наших с тобой шапочек реверенов, украшенных жемчужинами, да плащей и посохов.

Сословие Свободных Искусств (художники, музыканты, скульпторы и актеры) знаком своим имеет серебряную цепь с серебряной же бляхой, на коей изящно выгравирована мифологическая птица Сири́н, издавна почитаемая символом творческого вдохновения. И не всякие актеры состоят в сем Сословии, а лишь те, что происходят из семей потомственных актеров театров, имеющих статус королевских. А прочие же актеры именуются пренебрежительно фиглярами, и место им отведено в одной из последних гильдий, о чем напишу ниже.

Сословие Чаши и Ланцета составляют медики и аптекари. Знаком им служит длинная мантия особого фасона, черная шапочка, украшенная серебряной бляхой с изображением обвивающей чашу змеи, а также своеобразного вида кожаная сумка, служащая также и практическим целям, ибо в ней носят снадобья, инструменты и прочее, потребное в работе.

Сословия эти обладают правом на покупку земли, но крестьяне во владение им не положены. В виде особой милости, случается, король жалует кому-либо право в течение определенного срока получать доход с того или иного коронного имения, и срок этот редко превышает год. Понятно, есть имения крайне прибыльные, а есть и скудные, что при оказании монаршей милости

непрерывно и учитывается. Те, кто входит в Сословия, имеют право носить золотые украшения без ограничения количества, но без драгоценных камней — разве что король пожалует кому перстень с драгоценным камнем. Равным образом их столовая утварь из драгоценных металлов может быть украшена самоцветами лишь с соизволения короля.

Здесь стоит добавить, что согласно незыблемым законам природы, применимым и к жизни человеческого общества, недостаток чего-либо немедленно восполняется за счет иного качества — подобно тому, как слепые обладают невероятно тонким слухом, а горбуны бывают необыкновенно сильны. Вот и выходит — Сословия восполняют отсутствие драгоценных камней искусством выделки, а потому украшения их и утварь порой превосходят дворянские изощренностью выработки и мастерством украшательства.

Дворяне поступают на службу во множестве, ибо на Таларе повсюду действует закон первородства, согласно коему все сыновья имеют право на дворянское звание или титул, а вот имение движимое и недвижимое достается в целости самому старшему (или дочери, если нет потомков мужского пола). Прочие же сыновья, получив малое денежное вспомоществование, вынуждены искать службы за жалованье либо по талантам своим искать себе места в одном из Сословий. Предпочтительнее всего военная служба, а также и полицейская, но непременно на должностях, приравненных к офицерским. Кроме военной службы, для дворян, по традиции, более всего предпочтительны занятия, входящие в компетенцию Сословий Чернильницы и Сова, а также Циркуля (но в областях, относящихся к военному делу и мореплаванию). Не возбраняется и войти в иные Сословия, но дворянин, попавший в таковые, стоит в глазах общества несравненно ниже. Что до Сословия Мер и Весов, то дворянину зазорно заниматься торговлей либо банкирским делом. Промыслы, приличествующие дворянину, сводятся к четырем вещам: коневодству, виноторговле, изготовлению винных бутылок, морским перевозкам на собственных судах и ювелирному делу. Дворянин имеет право устраивать в своих землях заводы, но при строгом условии: заводы эти должны работать непременно на сырье, производимом в своих же поместьях, а если сырья этого нет, то и заводы устраивать нельзя. Дворянин еще обладает правом на речные перевозки на собственных судах — но опять-таки при строгом условии, что перевозит произведенное в собственных поместьях или закупленное для нужд такового. Все эти установления заведены в свое время весьма умными людьми, ибо служат к выгоде общества и бесперебойной работе государственного механизма. Гильдии таларские имеют следующий вид:

Золотые гильдии

1. Оружейники (цехи: Доспешных дел мастеров, Мечных дел мастеров, Арбалетных дел мастеров, Копейных дел мастеров, Пушечных дел мастеров, Ружейных дел мастеров, Ракетных дел мастеров. Пороховых дел мастеров).

2. Мастера тонких работ (Ювелирные подмастерья, Мастера врачебного инструмента, Мастера счетных устройств, Оптики, Часовщики, Мастера утвари для ученых).

3. Похоронных дел мастера.

4. Приказчики торговые и банкирские.

5. Меховщики.

6. Мастера каменного строения (цехи: Домостроителей, Строителей и Под-

новителей мостов).

7. Мастера деревянного строения (цехи: Домостроителей, Строителей и Подновителей мостов).

8. Водопроводных дел мастера.

9. Фонарщики (цехи: Фонарщиков, Мастеров фейерверка, Мастеров домашних светильников из металлов).

10. Стеклодувы (цехи: Стеклодувов, Стеклопосуды, Уличных фонарей, Домашних светильников из стекла, Витражных дел мастеров).

Серебряные гильдии

1. Кораблестроители.

2. Моряки.

3. Речные матросы.

4. Мастера изящных работ (цехи: Изящной мебели, Благородной посуды, Благородных тканей).

5. Стражи порядка (сюда входят палачи, тюремная стража, полиция и ночные сторожа).

6. Содержатели псарен и псари.

7. Содержатели постоянных дворов и трактиров, игорных и танцевальных залов (сюда включены лишь те заведения, кои имеют высший разряд и предназначены для благородной публики — дворян и Сословий. А содержатели заведений рангом ниже включены в гильдию градских обывателей).

8. Гуртовщики.

9. Ремесленники по дереву (цехи: Столяров, Каретников, Тележников, Сундучников).

10. Парикмахеры (опять-таки те, кто обслуживает благородную публику. Прочие же именуются скопом цирюльниками).

Бронзовые гильдии

1. Пожарные.

2. Кузнецы.

3. Ветеринары.

4. Почтари и телеграфисты.

5. Шляпники.

6. Садовники и огородники.

7. Горнорабочие.

8. Содержатели домашней птицы, мелкого скота, птицеводы и пчеловоды.

9. Посудных дел мастера (Гончары, Бочары).

10. Торговцы провизией и изготовители таковой (цехи: Мукомолов, Хлебопек, Виноделов, Пивоваров, Мясников, Зеленщиков, Бакалейщиков).

Медные гильдии

1. Портные.

2. Сапожники и обувщики.

3. Печники.

4. Водолазы.

5. Извозный промысел.

6. Вольные слуги.

7. Повара.

8. Мостильщики улиц.

9. Кровельщики.

10. Градские обыватели (к сей гильдии приписаны представители многих ремесел, не вошедших в прочие).

Железные гильдии

1. Заводские мастеровые.
2. Мусорщики.
3. Мастера паровых машин.
4. Мастера воздушных шаров и планеров.
5. Маляры, фигляры, циркачи, газетиры.
6. Портовые рабочие.
7. Ткачи, шерстобиты и обойщики.
8. Нищие и проститутки.
9. Цирюльники.
10. Типографские мастеровые.

У каждой из гильдий есть залы для собраний, гильдейские знамена и праздники, отмечаемые в определенные дни, подчас с превеликой пышностью, когда речь идет о трех высших гильдейских разрядах. Золотые украшения дозволены лишь Золотым и Серебряным гильдиям, но одновременно можно носить не более одного, а во владении иметь неограниченное количество. Серебряные украшения дозволены Золотым, Серебряным и Бронзовым гильдиям — со схожими правилами ношения, не более двух одновременно. Медным же и Железным гильдиям запрещено строить для собственного проживания дома выше одного этажа, а также им не полагается держать в услужении слуг и служанок и запрягать в повозку более одной лошади (исключение составляют извозчики, но и то лишь в тех случаях, когда выезжают на свой промысел).

Легко понять, что система таковая имеет как свои достоинства (скажем, изощренное совершенство, ведущее к более спокойному и плавному течению жизни, равно как и устойчивости общественной пирамиды), так и недостатки. Недостатком, безусловно, следует посчитать то, что человек, будь он талантлив и многообещающ несказанно, не получит хода в ту область, где мог бы принести не в пример большую пользу (а область таковая, не пополняемая притоком свежих сил, неминуемо придет в упадок). Мысли такие, несомненно, посетили в старые времена кого-то из власть предержащих — ибо в каждой державе есть министерство, ведающее Сословиями и гильдиями, в обязанность коего входит устройство экзаменов и иных испытаний, служащих для пополнения гильдий и Сословий новыми членами, достойными сего. Правда, из этого еще не следует, что каждый, кто достоин занять место ступенькою выше, на ступеньку эту поднимется, — увы, слишком часто мы в этой жизни видим примеры обратного, и ни одни писанные правила, сколь бы мудро они ни были составлены, не обеспечат каждому место, его достойное. В особенности если вспомнить о корыстолюбии одних и изворотливости других и предположить, что в иных случаях презренный металл быстрее и успешнее позволит подняться вверх, нежели таланты и способности...

Добавлю еще, что каждый приписанный к гильдии с того момента, как начнет трудиться если не мастером, то подмастерьем, повинен постоянно носить на груди гильдейский знак. Бляха эта очертаньями повторяет гербовый щит государства, разделена на две части, и в верхней помещен герб города (если город гербовый) либо герб короля (если город коронный) а в нижней — эм-

блема данной гильдии. Кроме того, знак снабжен отличиями, наглядно сообщающими окружающим, к какому из пяти гильдейских разрядов его владелец принадлежит.

Жены же членов гильдии носят уменьшенное подобие сего знака на груди, на цепочке. Если женщина не супруга чья-то, а сама есть мастер некоего ремесла (скажем, кондитерша, повариха либо содержательница таверны), то знак она носит на груди, как мужчины.

Есть у разных гильдейских разрядов и правила ношения одежды (запрещающие иным гильдиям иные ткани, признанные чрезмерно для них роскошными), но обширная сия тема требует отдельного письма.

И завершу рассказом о крестьянстве. Оно делится на крестьян сеньоров, крестьян короны и фригольдеров. Первые обитают во владениях дворян, вторые — в землях, числящихся королевскими доменами. Есть у них свои права, нельзя их убивать, пытаться членовредительно и отнимать нажитое, но переходить к другим хозяевам они не вправе. Была у них некогда такая привилегия, но давно отнята, и не скажу, чтобы крестьяне смирились с этим окончательно, иначе не бунтовали бы порой. Фригольдеры же имеют статус вольных, за каковой, легко догадаться, держатся паче жизни.

Фригольдеры повинны носить на шапке оловянный медальон с изображением пшеничного колоса. У крестьян короны таковой снабжен еще короной, а у крестьян сеньоров — гербом хозяина.

Нужно упомянуть, что законы жестоко карают за присвоение человеком отличительных знаков, на которые он не имеет права, пусть даже это совершено шутки ради. А если он пошел на это ради получения выгод, то наказание еще тяжелее. Как ни странно покажется, но наказание, пусть не столь суровое, ждет и того, кто выдает себя за особу, стоящую на общественной лестнице ниже, чем это есть в действительности. Впрочем, в таковых порядках, если призадуматься, есть здравый смысл — человек, добровольно спустившийся ниже, чем его поставила судьба, попросту глуп, если только это не служитель божий, взыскующий аскетизма, или юный влюбленный, не нашедший других путей, дабы видеться со своей возлюбленной.

В чем-то, похоже, стройная система гильдий не критически следует закостенелым традициям. Так, заводские мастеровые и мастеровые паровых машин — люди изрядно образованные и умелые, и Железная гильдия для них, многие соглашались, чересчур уж низка. Но представители молодых ремесел, увы, явились, когда лучшие места были уже заняты. В том-то и суть, что против повышения статуса вышепоименованных возражают в первую очередь сами высшие гильдии, ссылаясь на тысячелетний уклад жизни. Не вижу в том ничего удивительного, ибо давно ведомо, что люди сплошь и рядом питают к ближнему своему даже более сильную неприязнь, ревность и зависть, нежели к высшим. Высшее далеко, и завидовать им нелепо, ибо не всегда и представляешь толком, чему именно из жизни высших завидуешь, ибо не осведомлен о таковой в должной мере. Ближний же — рядом, на глазах, и негоже позволять ему превзойти тебя, особенно если знаешь в глубине души, что он такого превосходства заслуживает... Несовершенен человек, друг мой Чедогон, и не нам изменить природу его...

О купеческом союзе, именуемом Ганза

Выдержки из шестого письма реверена Гонзака

Расскажу теперь, друг Чедогон, как выглядит на Таларе Ганза, чьих купцов нам доводилось встречать и на Сильване.

В противоположность Балонгу, своему извечному сопернику, Ганза не составляет государства в привычном понимании сего слова. Ганза есть союз ста одиннадцати городов, расположенных как на Харуме, так и на значимых морских островах, причем все без исключения города эти помешаются на берегах, морских и речных. А произошло так оттого, что Ганза возникла в древние времена, когда из-за слабости тронов, непрерывных войн на суше и разгула пиратов на водах торговое плавание что по морям, что по рекам было занятием крайне рискованным, и единственной защитой тут был собственный меч. Так и сложился союз купцов-корабельщиков, к вящей своей выгоде и безопасности неустанно укреплявших флот свой и города. И поскольку цели Ганзы были несложными, ясными и четкими, а укрепление государств — процессом не в пример более долгим, путаным и хаотичным, означенная Ганза, пусть и лишившаяся с бегом столетий прежней вовсе уж невиданной мощи, остается все же сильной. Есть у них торговый флот, есть военный, даже с пароходами, а города их изрядно укреплены и располагают сильными гарнизонами. И не подчиняются они законам того государства, где расположены, — не совершая, со своей стороны, ничего такого, что шло бы вразрез с законами «прилегающей державы» (как любят выражаться ганзейцы, коим похвальба и честолюбие свойственны в той же степени, что и всем прочим). А если какой король, что случается даже теперь, посягнет на лежащий в пределах его державы город Ганзы, то все прочие ганзейские города, объявив тревогу, идут на выручку, и сила их такова, что объявленная ими какой державе война способна державу сию не на шутку озаботить. А общего сговора всех королей и владык против Ганзы ждать не приходится — ибо не случалось еще в истории, да и не случится, мне думается, чтобы все без исключения монархи пришли к полному согласию касаясь столь сложного вопроса. Столь сердечного согласия удастся достигнуть лишь в делах более простых, да еще направленных против слабейшего, — как это было с Сандоварским Уложением.[69] Так что Ганзой за последние семьсот лет утрачено лишь четыре города (не включая в это число тех, что оставлены самими ганзейцами под натиском Глаз Сатаны).

Промышляют ганзейцы главным образом торговлей и перевозкой товаров. Занимаются они и банкирским делом, но таковое почти повсеместно в руках Балонга, и успехи Ганзы на сем поприще ничтожны (что ее, говорят, злит). Словия и гильдии у них те же, что и у большинства держав, хотя число гильдий и составляет у ганзейцев не пятьдесят, а сорок восемь, нет в Ганзе ни гуртовщиков, ни мастеров воздушных шаров и планеров — одиночным городам-государствам, стесненным по территории, сии ремесла ни к чему, равно как и телеграфисты. Кроме того, иные гильдии вроде корабельщиков и моряков с речными матросами стоят выше, чем в других державах, а иные — не в пример ниже. Крестьяне есть при сорока шести городах, и все они фригольдеры. А дворянства своего не имеется. Те из ронинов[70] (а таких немало), кто поступает на службу Ганзе, не располагает в ее городах теми привилегиями, что имеют дворяне других держав, зато пользуются всеми правами вольного ганзейца, а это им обеспечивает известное благополучие и защиту. Нужно еще добавить, что преступлений в ганзейских городах не в пример меньше

из-за малого притока посторонних. В этом отношении города Ганзы, даже крупные, схожи с деревнями, живущими патриархально, размеренно и замкнуто. Что, впрочем, не означает идиллии, ибо природа человеческая несовершенна.

Единого правителя у них нет, но раз в год собирается Ганзейская Палата из представителей всех городов для обсуждения накопившихся проблем и решения дел, буде таковые возникнут. Палата эта назначает в каждый союз (ганзейские города на континенте, числом 89, делятся на семнадцать союзов, а остальные, что разбросаны на островах, приравниваются к союзу каждый) Легата Палаты, и означенные Легаты по иным своим обязанностям и должностным функциям выполняют роль правителей.

Относительно ганзейского герба ходит старинная легенда — что-де во времена оны некий богатый судовладелец, готовясь перейти в иной мир, завещал корабль свой тому из сыновей, кто, обойдя в шлюпочном состязании остальных, первым коснется рукой палубы. И один из сыновей якобы, видя, что победа от него ускользает, отсек себе руку и кинул ее на палубу, соблюдя тем самым букву уговора. Иные сказке этой верят, но я подобную слышал частенько и на Таларе, и на Сильване, причем речь шла о иных купцах, не ганзейских. И потому подозреваю, что имеем мы дело с бродячим сюжетом, переходящим от народа к народу.

Вот и все, пожалуй, о Ганзе.

О загадочной и поразительной стране Иллюзор

Письмо седьмое реверена Гонзака

Приступая к рассказу о преудивительном крае Иллюзор, опасаясь, друг мой Чедогон, что ты можешь не поверить, хоть и знаешь прекрасно, что не в моем обычае предаваться шуткам и розыгрышам, когда речь идет о накоплении знаний об окружающем нас мире. И все же места, коим тысячи лет назад кто-то мудрый присвоил удивительно точное название Иллюзор, до того поразительны, что окончательно поверить в их существование можно, лишь повидав собственными глазами. Я и сам, каюсь, считал рассказы преувеличенными, проистекающими из присущей иным странникам манеры сваливать в одну кучу и собственные наблюдения, и пересказы из третьих уст, и упражнения шутников, — мы с тобой и сами, будучи юными студентами, находили порой забавы в том, чтобы угощать наивных чужеземцев байками о чудесах и диковинах, рожденными за кувшином черного пенистого... Иные из этих наших придумок попали и на страницы серьезных книг, за что мне потом было стыдно. Но с Иллюзором все обстоит иначе. Он существует, именно такой — к непреходящей головной боли ученых книжников, перерастающей порой в уныние и тупое изумление многообразию и изощренности загадок, подсунутых нам то ли добрыми духами, то ли злыми, то ли лишенными разума и души силами природы...

Представь, друг мой, что едешь ты верхом по стране, прямо-таки брызжущей жизнью. В лесах рыскают дикие звери, олени и кабаны, на лугах пасутся стада, за плугом ходят пахари, по большим дорогам движется нескончаемый поток путников, обгоняя тебя и спеша навстречу, — тут и пешие, и конные, и повозки купцов, и блестящие дворянские кавалькады, и воинские отряды. Проезжаешь ты городами и деревнями, где кипит жизнь во всем ее многообразии и блеске, и обитатели заняты когда каждодневными своими делами, ко-

гда торжествами и праздниками.

Таким предстает перед путником Иллюзор. Но очень скоро ты заметишь, что все окружающее немо — ни единый звук, кроме топота твоего коня и звяканья уздечки, не нарушает всеохватывающей жуткой тишины. И если пойдешь ты прямо на встречного, пройдешь сквозь, не встретив на пути ничего, кроме пустого воздуха. Ибо все, что ты видишь, и все, кого ты видишь, — суть иллюзия. Не замечают они тебя, не видят, живя своей странной, иллюзорной, несуществующей жизнью. Люди, искушенные в познании, а также причастные к магии и ведовству, уверяли меня, что с призраками и иной нечистью бесплотные обитатели Иллюзора ничего общего не имеют. Скорее уж это запечатленные неведомым путем изображения, никому не делающие дурного и слепые ко всякой попытке установить с ними общение. Истина эта подтверждена за тысячелетия, ибо Иллюзор существовал уже в дописьменные времена, последовавшие за Штормом.

Надобно сказать, что иные строения Иллюзора существуют реально, точнее, остатки таковых — где фундаменты, где стена, где целое почти здание, особо прочно возведенное некогда неведомыми строителями. Но определить это можно лишь на ощупь — ведь всякий дом, амбар или мост взору твоему представляется совершенно целехоньким, будто вчера законченной постройкою. (Правда, там и сям валяются истлевшие доски и груды рухнувшего камня, так что дома предстают одновременно и в виде развалин, и в первозданном своем виде, и зрелище, признаюсь, экстраординарное.) Равно же, если повезет, можешь отыскать и утварь, а то и драгоценности — но немного, потому что лихие кладоискатели за пять тысячелетий постарались изрядно. А подчас отыщется и книга, достаточно сохранившаяся. Но читать тех книг не может никто — написаны они на непонятном языке неизвестными буквами. А храмы их, где бесплотные обитатели Иллюзора поклоняются богам, нам непонятны, и боги такие неизвестны.

Поскольку находимые там предметы выглядят именно так, как и должны смотреться пролежавшие тысячелетия вещи, в иллюзорном своем состоянии представляющие новехонькими, поскольку налицо развалины, легко понять, что Иллюзор есть тень минувшего, отображение существовавшей в неизвестные времена страны, где впоследствии все живое сгнуло неведомо куда (ибо нет там множества скелетов), а неживое понемногу ветшало. Вот только никто не знает, что это была за страна, что за бедствия на нее обрушились и какие причины вызвали нынешнее, столь диковинное и поразительное, состояние дел. Объяснений за тысячелетия накопилось множество, есть и пространные, изложенные весьма ученым языком, да вот беда — во-первых, каждое из них всем прочим противоречит, а во-вторых, ни единое проверить невозможно.

Опасностей Иллюзор не содержит почти никаких. Забредет иногда из других мест настоящий зверь, но редко — звери не любят Иллюзора. Кое-где, рассказывают, обитает нечисть, по всем признакам, укрывшаяся в Иллюзоре, дабы избежать преследований, коим нечистую силу успешно подвергают в иных уголках Талара. Бывает и разбойный народ, пересиживая погоню и укрывая клады, ибо лучшего укрытия и не придумаешь. Заходят сюда и книжники, ищущие истины, и просто любопытные, кому средства позволяют снарядить экспедицию.

А постоянно никто из живых тут не селится, разве что беглые крестьяне,

коим податься уж вовсе некуда. Первоначально я, не освоившись, удивился было, отчего окрестные владетели не воспользовались столь легкой и удобной возможностью расширить свои рубежи, однако ж, проведя в Иллюзоре две недели, принужден был признать правоту моих проводников, толковавших допрежь, что жить здесь «тягостно». Поистине так. С каждым днем, проведенным среди немых теней Иллюзора, нарастает в душе тягостное ощущение то ли тоски, то ли тревоги. Возможно, ты его сам себе внушаешь, возможно, так дразнит твои чувства диковинность окружающего, да только от того не легче. К вечеру пятнадцатого дня не выдержал я и велел поворачивать коней к границам Вольных Маноров, хоть многое, достойное внимания, следовало бы еще осмотреть, и немало любопытного осталось неизученным. Злясь на себя, досадуя, но не в силах превозмочь незримое тягостное давление, ехал я прочь во главе своего повеселевшего отряда...

Словом, Иллюзор необитаем. Лишь в полуночных его областях, где простираются прилегающие к морю обширные степи, что ни год появляются снольдерские и ронерские гуртовщики, пригоняя на летние выпасы рогатую скотину, ибо пастбища там богатейшие, хоть реальные травы и мешаются там с иллюзорными. Лошади, животные умные, тонко чувствующие и наделенные повышенной восприимчивостью ко всему необычному, а также имеющему отношение к потусторонним силам, тех пастбищ не любят, постигнув в меру разумения диковинность Иллюзора. Бык же, тварь тупая, виденным не тяготится, и странность иллюзорских пастбищ его не заботит — знай жрет, нагуливая тушу и покрывая степи диковинного края навозом.

На сей низменной ноте я, пожалуй, и закончу, ибо нечего более добавить к описанию странностей Иллюзора.

О крае, именуемом Святой Землей

Выдержки из восьмого письма реверена Гонзака

В Святая Земля, повествуют, была некогда обычным королевством, где уклад жизни ничем не отличался от налаженного в других державах. Но четырьмя с лишним лет назад, когда страна, сотрясаемая многими невгодами, от засухи до баронских бунтов, находилась в крайне расстроенном состоянии, некий священник по имени отец Патаран, служитель столичного храма Единого Творца, человек незаурядный, наделенный и красноречием, и умением доходчиво излагать толпе свои мысли, встал во главе движения, нареченного «Братством Совершенных», к которому примыкали не одни лишь простолюдины, но и немалое число гильдейских, членов Сословий, дворян, в том числе и титулованных. Братство это, проповедовавшее борьбу против всяческой несправедности и греховности путем отказа от мирской роскоши и разномыслия, в короткое время снискало себе изрядное множество сторонников — ибо во времена потрясений и бед, как мы не единожды имели случай убедиться, нетрудно возбудить в обществе ярость и жажду действия, в особенности если четко обозначить виновных и обещать, что с незамедлительным устранением таковых жизнь наладится быстро...

Из всего этого возникла великая смута, принявшая характер большой войны сторонников короля против приверженцев Братства, причем в обоих лагерях хватало и титулованных дворян, и самого подлого люда, ибо раскол прошел не меж Сословиями, а внутри самих Сословий, не миновав ни одного. Продлившись с переменным успехом около полутора лет, война эта привела к

гибели королевской фамилии, большим людским жертвам. Немалое число городов было разгромлено и сожжено. Победа Братства вынесла на опустевший трон отца Патарана, и новоявленный правитель немедленно приступил к преобразованиям, проходившим быстро и энергично благодаря поддержке закаленной в боях армии. Вот и получилось, что на волне успеха отец Патаран произвел изменения столь всеохватные и решительные, что в иные, мирные времена для таковых потребовалось бы не одно десятилетие (а посему и жертв, как расставшихся с жизнью, так и принужденных бежать в изгнание, нашлось преизрядно).

Ныне Святая Земля управляется Великим Магистром, происходящим от потомков отца Патарана (он, вопреки канонам, безбрачия не соблюдал). И жизнь сего государства всецело посвящена, как заявляется, служению Единому Творцу и подготовке воинских сил, способных выйти против сатанинских полчищ. Это напоминает мне орден монахов-воинов из Гурганского царства, на родной нашей Сильване находящегося, но по обширности территории и многолюдству народонаселения Святая Земля многократно превосходит владения ордена. Прежнее деление на дворянство, Сословия и гильдии давно уничтожено. Есть там Божьи Дворяне — они начальствуют над полками, а землями с крестьянами не владеют, являясь лишь управителями. Есть Божьи Книжники, занятые богословием, есть Божьи Инженеры, Божьи Купцы, Божьи Ремесленники и Божьи Мореходы, суть занятий коих ясна из одних названий сих людских общностей. Есть также Братья Монахи, коих немало, и часть их организована в воинские полки, должным образом вооруженные и вышколенные. Ну а Крестьяне Божьи, как легко уразуметь, пахут и сеют. Изящные искусства там, слышно, не в чести, как и почитаемая преступлением роскошь, а храмы всех иных богов, кроме Единого, давно порушены. И нет там ни наград, ни гильдейского деления, ни сословного, ни титулов, ни сеньоров. Иными словами, по рассказам бывавших в Святой Земле путешественников, жизнь там по сравнению с иными краями не в пример аскетичнее и бесцветнее. Разное говорят о заведенных в Святой Земле порядках, кто одобряет их, кто не принимает. Я же остаюсь верным старой привычке писать только о том, что видел собственными глазами или по крайней мере изучил вдумчиво по множеству книг, представляющих противоположные точки зрения. Памятую к тому же, что правом выносить окончательные суждения наделена лишь сама История. Пока же у меня недостаточно знаний о Святой Земле, в чем не стыжусь признаться, и от суждений воздержусь до путешествия туда, каковое твердо намерен предпринять в ближайшие годы.

Некоторые заметки о военном деле

Выдержки из одиннадцатого письма реверена Гонзака

В Армии на Таларе не собираются от случая к случаю ради той или иной кампании, а постоянны. Содержатся они на долю доходов от королевских имений, а также на долю от налогов, взимаемых со всех, и с дворян в том числе. Армии Виглафского Ковенанта устроены все на единый образец и состоят из гвардии, «безымянных полков» и легионов. Гвардия, пешая и конная, набирается частью из ронинов, частью из горожан. Есть полки, состоящие целиком из дворян, хоть число таких полков и невелико. Гвардейские полки именуются по цвету мундиров и по роду войск — например, ронерские Синие Мушкетеры или горротские Черные Драгуны. Знамена у них четырехугольной фор-

мы, и древки их увенчаны позолоченным орлом, именуемым «акилла». Понятно, что офицеры гвардейских полков происходят из знатнейших дворян, большей частью титулованных, а солдаты получают повышенное жалованье как деньгами, так и в иной форме.

Следом идут «безымянные полки», конные и пешие, артиллерийские, ракетные и саперные. Набираются они из горожан и фригольдеров, хотя попадают там и ронины. Полки эти именуются номерами и по роду войск — например, «пятый кирасирский» или «десятый пикинерский». Вместо знамен у них вексиллумы. Вексиллум есть древко с поперечной перекладиной, прикрепленной пониже вершины, — а уж на этой перекладине и подвешивается полотнище, четырехугольное чаще всего, иногда с бахромой, иногда с кистями. Древко вексиллума увенчано посеребренным акиллой. Служба в сих полках далеко не так почетна, как в гвардейских.

И, наконец, легионы. Эти набираются, что конные, что пешие, из крестьян короны либо сеньоров, именуются также номерами и по роду войск, и офицеры тамошние почитаются ниже всех других. Вместо знамен у них «копье» — древко, увенчанное посеребренным изображением государственного герба и небольшой перекладиной, короче, чем на вексиллумах, с коей свисают ленты определенного цвета.

На службе у каждого короля есть отряды Вольных Топоров, однако таковые используются главным образом на морских островах либо в мелких стычках на границе, когда война по всем правилам не объявляется, а бои тем не менее идут. Впрочем, порой им и в больших войнах доводится участвовать. В офицеры к ним армейские чины идут неохотно, ибо Вольные Топоры, иными спесивцами почитаемые даже ниже легионов, сами о себе весьма высокого мнения. Народ это своенравный, и не всякий офицер с ними уживется.

Есть еще королевская гвардия, почитаемая личной дружиной монарха, и подбору ее самим королем уделяется особое внимание, причем обычные правила в счет как бы и не идут, потому что полки эти — все равно что меч короля, охраняющий его персону и фамилию. По древней традиции (нам на Сильване прекрасно знакомой исстари) королевскую гвардию предпочитают набирать из иноземцев, гланцев в первую очередь, кои славятся высокой боевой выучкой и особенной верностью присяге. Земля в Глане скудна, многие ищут пропитания за его пределами, выбирая в первую очередь военную стезю, как наиболее приличествующую гланскому горцу. Случается еще, что в королевскую гвардию берут крестьян без различия их принадлежности, отдавая предпочтение как раз уроженцам самых глухих и отдаленных провинций — они по неразвитости своей чтят короля как сверхъестественное поистине существо, а в городах не имеют ни корней, ни знакомых, ни родни. Королевская гвардия превосходно обучена бою на улицах, защите зданий и штурму таких — всему, для чего она в первую очередь и предназначена. Помимо того, учат еще рукопашному бою, владению неуставным оружием, обращению с караульными собаками, стрельбе из арбалетов и мушкетов со зрительными трубками, именуемыми оптическими прицелами, а также, несомненно, и другим хитрым воинским искусствам, о которых широкой публике не разглашается. Служба офицером в королевской гвардии, пусть даже в таком полку, что составлен из темных провинциалов (коих долго учат различать правые и левые конечности, привязывая к оным при муштровке то сено и солому, то, ра-

ди пушного поощрения, колбасу и рыбу, кои солдат получает для съедения, как только перестанет путаться), — одна из почетнейших, и многие ее добиваются. Однако отбор туда строжайший — ведь немало в истории случаев, когда король становился жертвой гвардейцев, направляемых узурпаторами. Одним словом, друг мой Чедогон, все, что касается таларской королевской гвардии, мы исстари наблюдаем на Сильване, только что под другими названиями: есть области, где мышление венценосных особ движется совершенно схожими путями, какую державу или планету ни возьми...

Вернемся к армии. Что полком, что легионом командует офицер в чине полковника. И полк, и легион, как правило, состоят из пяти рот (только в кавалерии рота именуется «ала»), и в каждой из этих рот от двухсот до трехсот человек, разделенных на десять платунгов. Ротой командует капитан, и в подчинении у него находятся три-пять лейтенантов и десяток сержантов, командующих по необходимости кто одним платунгом, кто несколькими, в зависимости от обстановки и боевой задачи. При каждом полку имеются: артиллерийская батарея, ракетная батарея (в пехотных еще и особая рота, устанавливающая при нужде рогатки для защиты от неприятельской кавалерии), обоз, походные мастерские, штаб под командой офицера, лекарский отряд, один-два платунга (конные, независимо от рода войск), служащие исключительно для охраны штаба, ибо там много тайных бумаг, ценных для противника. А еще — полицейская команда и особое подразделение, именуемое «волчья сотня», — там собраны головорезы сметливые и дерзкие, способные и разведку провести, и заложить пороховую мину, и посеять панику в тылу противника, перехватывая его курьеров, громя обозы. Вопреки общепринятым правилам войны, «волчья сотня» частенько переодевается в мундиры противника, отчего ставит себя вне законов войны, и при поимке их вешают, как шпионов. Впрочем, в сии сотни набирается столь отчаянный народ, иногда прямо с каторги, что подобная бесчестная участь их не особенно и пугает.

Словом, все вышеупомянутые мною вспомогательные отряды каждого полка, пожалуй, не уступают в численности его пяти строевым ротам, также и «алам».

Артиллерийские полки и ракетные делятся на батареи и роты под командою лейтенантов и капитанов. Солдаты их грамотнее и развитее прочих, поскольку имеют дело со сложными устройствами, — то же и с саперами, обязанными уметь обращаться со сложными осадными машинами, закладывать мины и контрмины и выполнять иные нелегкие задания. В упомянутых полках также есть и свои штабы, и лекарские группы, и «волчьи сотни», и мастерские, и отряды воинского прикрытия.

У лейтенантов, капитанов и полковников с генералами чин обозначает золотое шитье на мундирах, а также обилие оного. Так уж сложилось, что знаками различия для лейтенантов стали повсеместно шитые лавровые ветви, для капитанов — тисовые, для полковников — виноградные листья, а для генералов — дубовые (по сему поводу один лейтенант, подвыпив, загадал мне загадку: «Что такое — дуб, и листья на нем золотые?» Оказалось, недалекий умом генерал). К чему в разных державах добавляются свои эмблемы разнообразного типа.[71]

Есть еще полки воздушные, оснащенные воздушными шарами и планерами. Первые, поднятые на привязи, служат для наблюдения за неприятелем, а

со вторых, бывает, метают и гранаты в осажденную крепость или на позиции, и, хоть урон от таких атак обычно ничтожен, ущерб для боевого духа подвергнутых такому нападению велик. По этой причине повсеместная ненависть сопровождала воздушные войска при их появлении, как это, рассказывают, было в старину с огнестрельным оружием при его начавшемся в войсках распространении. Ненависть эта достигала такого накала, что еще на памяти нынешнего поколения военных пленного летуна, будь он и дворянин, вешали совершенно как шпиона, если не подвергали худшей участи. Специально созванная по сему поводу ассамблея Виглафского Ковенанта после долгих прений постановила такую практику недопустимой, и каждый монарх клялся королевской честью соблюдать законы войны по отношению к летунам, а нарушителей сего карать смертью. А король Снольдера, единственный, кто располагает летательными машинами под названием «самолет», понуждаемыми к летанию особыми механизмами (но ничуть не похожими на наши воздушные колесницы), набирает летунов из одних дворян и присваивает каждому офицерский чин, дабы полностью его обезопасить, — ведь убийство пленного офицера считается поступком недопустимейшим, и дворянство всех держав строго следит за соблюдением сего правила.

Флот таларский состоит из парусных кораблей, пароходов, а также судов, способных ходить и под парусом, и посредством колес. Вооружены они пушками, ракетными станками, метательными устройствами и огнеметами.[72] Малыми кораблями командуют лейтенанты, большими — капитаны, имеющие в подчинении несколько лейтенантов (причем лейтенант, командующий отдельным кораблем, именуется «флаг-лейтенант» и по рангу считается выше обычного лейтенанта, что подчеркивается дополнением к знакам различия). Эскадры же управляются адмиралами. В отличие от суши, где генеральский чин не делится на разряды, адмиральский практически повсеместно на разряды делится, в какой стране на два разряда, в какой — на три. Знаками различия для лейтенантов служит шитье в виде якорной цепи, для капитанов — таковой же цепи с якорями, а в отношении адмиралов существует большое разнообразие. Так, в Снольдере есть адмиралы Трех, Двух и Одного Фонаря, в Ронеро — адмиралы Красной, Синей и Белой эскадр, а в Лоране — адмиралы Небесные и Звездные (чины эти, как говорят, произошли от наименования парусов — один их ряд, средний, в морской практике именуется Небесным, а верхний — Звездным).

Служат в войсках и девушки, главным образом из дворянских семей, иногда и в офицерских званиях, их не столь уж много, но и не настолько мало, чтобы они считались диковинкой. Снисхождения к ним по сравнению с мужчинами не делается никакого, а вот лишние опасности существуют: если попавшая в плен девушка не имеет офицерского звания, то при недосмотре начальников (а то и их попустительстве) может в неразберихе сражения подвергнуться самому разнузданному насилию. Причем порой надругательство оное имеет причиной вовсе даже не распутство, а выражает убеждение иных, что воевать женскому полу негоже. В военный же флот лица женского пола служить категорически не допускаются, чему причиной древняя традиция. Даже в качестве пассажира иные капитаны женщину, будь она в офицерском звании, берут неохотно. Ради курьеза упомяну, что лет десять назад один ронерский крейсер самым натуральным образом взбунтовался, когда его палубу

вознамерилась посетить королева, и даже король, заслуженно прозванный Ужасным, вынужден был простить бунтовщиков, ибо очень уж древний и незыблемый обычай был затронут (но запрет таковой сохраняется лишь в регулярном военном флоте, ибо в торговом, сообщали мне, женщины плавают в небольшом количестве, а у пиратов — и в большом).

Есть на Таларе военные школы, где год, а то и два-три готовят морских офицеров, артиллерийских и саперных. Конница же и пехота обучения в особом заведении не требуют. Молодые люди из дворян, зачисленные в конный либо пеший полк кадетами, там непосредственно постигают военную науку. Когда (речь идет о мирном времени) вышестоящие командиры признают, что кадет достоин звания, ему присваивают чин «кадет-лейтенант», в коем он и пребывает до освобождения вакансии. Бывают и кадет-капитаны (а среди молодых офицеров кружит байка о некоем невезучем кадет-генерале, до кончины своей пробывшем в этаким чине в ожидании вакансии, но это не более чем ходячий анекдот). На войне, понятное дело, производство в чин случается быстрее. Нужно заметить, что во многих полках, гвардейских особенно, в полковники простым продвижением на освободившиеся вакансии не выбьешься — я о полках, где полковников назначает сам король, а не военное министерство.

В солдатах и матросах служат не менее десяти лет, а верхнего предела не назначено — лишь бы был крепок и не увечен, а там служи хоть до седых волос. Отслужившие десять лет могут при соблюдении определенных условий выйти в отставку, однако еще семь лет находятся во «второй очереди», и в случае большой войны их могут вновь определить на службу, потому что так проще и выгоднее, чем брать необученного. Если вышедший в отставку после десяти лет беспорочной службы был до того крестьянином сеньора или короны, он получает статус фригольдера либо право приписаться к одной из трех низших гильдий, а если имеет не менее трех медалей — и к Серебряной. Если же отставник горожанин, может подняться гильдией выше, а при наличии медалей — и шагнуть через разряд. Порядки такие побуждают многих и многих искать военной службы — благо, в полном соответствии с таларской поговоркой «У акиллы из-под крыла не выскочишь», достаточно беглому тюремному сидельцу или сбежавшему от хозяина крестьянину попасть в списки полка и принести присягу, как ни полиция, ни сеньор уже не вправе его из казарм извлечь.

В военном флоте есть свои особые полки морской пехоты, действующие в морском сражении абордажными командами либо штурмующие прибрежные города, когда произойдет такая надобность. Иные из этих полков целиком набираются из каторжников, изловленных пиратов и тому подобного сброда, обязанного в обмен на свободу прослужить равным счетом пятнадцать лет. Свободой такой удел можно назвать с превеликой натяжкой, ибо надзор за ними строгий и за попытку дезертирства вешают немедля, да и за многие другие проступки наказанием петля гораздо чаще служит, чем розга. И все же приток охотников в такие полки велик — лучше служить в морской пехоте, чем надрываться в каменоломнях или висеть на рее, к тому же бывает и военная добыча, а отслуживший пятнадцать лет получает полное прощение прошлых грехов. Вот только доживает до окончания срока не более одной десятой, поскольку их бросают в самые горячие места — да так уж человек устроен, что всегда надеется, будто убьют непременно другого...

Ганза тоже содержит на часть своих доходов и постоянную армию, и военный флот, и отряды Вольных Топоров. В Глане же постоянной армии почти что и нет — лишь два-три королевских полка, обычно размещенных на границах. Зато при угрозе извне тамошний воинственный народ, сызмальства обученный владеть оружием независимо от пола, быстро собирается под знамена своих кланов, и армия эта весьма грозна, ибо защищает свою родную землю.

Постоянную армию не заменишь быстро неопытными рекрутами, стоит она дорого, и часто рисковать ею в крупных сражениях неразумно. Потому, как и у нас на Сильване, особо крупные войны, истощающие государство и требующие предельного напряжения всех сил, на Таларе бывают, но весьма редки. Те же, что вспыхивают и ведутся часто, сводятся к двум-трем битвам, где обе стороны выставляют лишь по несколько полков. Так же обстоит и с морскими сражениями, где сходятся не более десятка-другого вымпелов с каждой стороны. Иные войны ограничиваются осадой крепостей, иные — рейдами одного-двух полков на вражескую территорию.

Мирное же население, считается, не должно участвовать в войне, как бы к ней ни относилось. Единственным исключением предстает лишь воинственный Глан, чьи рубежи сильнее мечей охраняет ясное осознание того, что любому вторгшемуся придется ждать удара от каждой руки, из-за каждого куста. С другой стороны, по законам современной войны и у армии противника нет привычки зверствовать против мирного населения, хотя оно несет неизбежный ущерб в виде увода скота, грабежей и насилий над женским полом, а порой и взятые города бывают отдаваемы войску на разграбление. Такова уж война, сама по себе являющаяся бедствием...

Некоторые заметки о морских островах

Выдержки из четырнадцатого письма реверена Гонзака

О всевозможных чудесах, диковинах, встречах и впечатлениях, с которыми я столкнулся во время трех своих морских путешествий, напишу еще отдельную книгу, каковая, похвастаюсь, на две трети уже готова.[73] А пока что, другой Чедогон, ограничусь тем, что перечислю самые заметные морские острова и опишу их кратко.

Надобно прежде всего заметить с превеликой завистью, что мореплаванию на Таларе благоприятствует одно существеннейшее обстоятельство — моря там, в отличие от наших, пресноводные, и корабельщикам не грозит смерть от жажды. (Ходят даже разговоры среди ученых, что великая река Ител — есть поток, вытекающий из моря, подземным течением проделывающий часть пути и выходящий в Хелльстаде на поверхность. К этому предположению стоит прислушаться, учитывая странное строение реки Ител, словно бы из ниоткуда берущей немалое количество полноводных рукавов, на каковые она разделяется, — а ведь со всеми прочими реками обстоит как раз наоборот: притоки питают реки, а не реки в обилии порождают рукава. Однако проверить это предположение трудно: экспедиции к устью Итела опасны. Пробовали иные сбрасывать с кораблей в Фалейском заливе изрядное количество плотно закупоренных пустых бутылок, надеясь, что некоторые из них, пройдя гипотетическим подводным течением, всплывут в низовьях реки, но не слышно, чтобы принесло это успех, что, впрочем, как не доказывает существование подземного потока, так и не отвергает).

Так вот, планета Талар делится на Полушарие Восхода и Полушарие Заката.

В первом и лежит Харум. К полудню от него расположены острова Бару, числом одиннадцать. Четыре из них, более обширные, принадлежат Снольдеру, а прочие семь — Горроту. Острова эти никакой пользы почти не приносят, не разведано там ни ценных руд, ни благородных металлов, а земля большей частью скудна для земледелия или скотоводства, так что владеющий ими извлекает выгоду главным образом моральную. Ибо государства подобны малым детям, каждый клочок земли для них — что любимая безделушка, какую не отдадут другому, даже если надоела...

К закату от Харума лежит Катайр Крофинд, остров большой, размерами не уступающий Харлану. Там текут две реки, есть обширные пастбища, оловянные и медные рудники, месторождения мрамора и каменоломни, на коих трудятся каторжники. Есть там города и деревни. Катайр Крофинд принадлежит Снольдеру.

К полуночному закату от Катайр Крофинда находится Инбер Колбта. Островов в данном архипелаге около девятисот, но редкий из них превышает размерами двух-трех югеров,[74] и расположены они крайне густо, очень близко друг к другу собраны, так что разделяющие их воды весьма узки, где шириною в полет стрелы, а где можно без труда перебросить камень с островка на островок. Протоки Инбер Колбта являют собой сущий лабиринт, где незнакомый с архипелагом кормщик может блуждать неделями, не находя выхода в океан, да и опытные лоцманы не рискуют углубляться в самое сердце Инбер Колбта, благо что и делать там занятому человеку нечего. Только на внешних островах останавливаются проплывающие корабли, ибо у Инбер Колбта проходит один из оживленных морских путей, и вездесущие ганзейцы еще в древние времена устроили там три порта, а в позднейшие годы разные государства заложили угольные склады для своих пароходов. В глубине же Инбер Колбта любят укрываться превосходно знающие те места пираты, и погоня за ними затруднительна, хотя случается. Всякое болтают о центральных областях Инбер Колбта, но я к этому еще вернусь в своей книге о тайнах океана. Инбер Колбта никому не принадлежит, и большинство его островов необитаемы. На таларском древнем языке, ныне вышедшем из употребления, «инбер колбта» означает «устье реки», и ученые люди уверяют, будто с птичьего полета архипелаг и впрямь напоминает, если мысленно дорисовать недостающее, устье гигантской реки, дельту с многочисленными островками. Возможно, есть правда в легендах, утверждающих, будто до Шторма места те были сушей с протекающей по ней рекой — от чего только и осталось, что Инбер Колбта.

Примерно на равном расстоянии меж Инбер Колбта и Лораном, только лигах в ста к полуночи, лежит остров Стагар, и он невелик. Жители его пользуются мрачной славой первых на Таларе морских колдунов, весьма сведущих во всем, что касается погоды, течений, бурь, дождей и ветров, а также морской нечисти. И слава эта вполне заслуженна — оттого-то, по некоему молчаливому уговору, харумские державы претензий на Стагар не предъявляют, стараясь с ним не связываться, благо и взять с него нечего. Формально остров принадлежит лоранской короне, от каковой на Стагаре присутствует губернатор с небольшим количеством чиновников и солдат, но вмешательства в местную жизнь он не оказывает, и последняя идет своим чередом. Коренных обитателей там насчитывается около трех тысяч, малая часть живет плугом, а большая — рыбной ловлей. Лоранцы туда не переселяются, ибо Стагар скуден и ка-

менист. Есть там при городке, также именуемом Стагаром, большой порт. В городке и пребывают губернатор с гарнизоном, а также некоторое число ссыльных, среди коих есть и знатные.

Примерно в полутора тысячах лиг к полуночному закату от Стагара лежит Темайр. Остров сей служит ларам портом, откуда летают на Сильвану и обратно те межпланетные исполинские ладьи, на одной из которых я сюда и прибыл. На Темайре есть большой порт, куда приплывают корабли, перевозя уходящих на Сильвану и прибывающих оттуда, вкуче с их товарами. Всем на Темайре распоряжаются лары.

Вот и все о Полушарии Восхода. Перейдем теперь к Полушарию Заката, изучая его сверху вниз.

На полуночи лежит Диори, огромный и загадочный остров, весь закованный льдами, что необъяснимо при таларском климате, везде одинаково ровном, не знающем зимы, снега и льда. А посему все сходится, что льды Диори имеют объяснение неестественное. В глубь сей жуткой земли никто не рискует углубляться, да и на берегах Диори появляется еще меньше дерзких смельчаков, чем на рубежах Хелльстада. Если хоть десятая часть страшных рассказов о поджидающих на Диори опасностях верна (а так оно, безусловно, и обстоит), то рекомо сокрытые там клады имеют надежнейших сторожей...

Ниже, на одной примерно широте, расположены Ферейские острова, Хай Грон и Бран Луг.

Ферейские острова, числом пять, принадлежали когда-то королевству Демур, ныне стертому с лица земли Глазами Сатаны. После гибели метрополии жители острова, оказавшись без подданства и защиты, переселились на Бран Луг. Так же поступил и гарнизон имевшегося на одном из островов военного порта, перейдя на ронерскую службу. Ныне на одном из них ронерцы заняли опустевший порт, приспособив его для своих нужд, ибо мимо того острова проходит морское течение, облегчающее путь их кораблям к Бран Лугу. А остальные четыре необитаемы, там пасутся стада одичавших коров, на которых охотится и гарнизон, и пираты, и проплывающие честные мореходы, имеющие потребность в свежем мясе.

Далее лежит Хай Грон. Остров этот мал, площадью около двадцати югеров, и почти весь представляет собой бесплодные скалы, если не считать узкой прибрежной полоски на закатной окраине, где расположился город с портом, наполовину принадлежащим Ганзе. Однако знаменит этот остров на весь Талар. В самой высокой точке Хай Грона стоит храм морского бога Руагату, и легенда гласит, что под этим именно храмом зарыто знаменитое копьё Морских Королей, коим только и можно убить Великого Кракена. Поверье это идет из седой древности и чересчур устойчиво для простой сказки. Но поскольку его сопровождает столь же древнее поверье, гласящее, что разрушение храма Руагату или любой значительный ему ущерб вызовет страшное наводнение, всемирный потоп, не уступающий Шторму, державы Виглафского Ковенанта, все без исключения, держат на острове свои воинские команды, бдительно охраняющие храм днем и ночью. Признаюсь, впервые я столкнулся со случаем, когда все государства столь единодушны в серьезнейшем своем отношении к старинной легенде. Так что поневоле начинаю думать, что для такого поведения у них есть свои причины, и пророчество оное в старые времена действительно прозвучало из уст кого-то, чьи слова сбывались... Но не возьму в толк,

где можно было зарыть копье. Храм я посетил немедля, туда пускают в сопровождении чиновников в дневное время, за умеренную плату. И уверяю тебя со всей ответственностью: храм сей стоит на сплошной скале, где невозможно зарыть что бы то ни было. Позже, уже на Харуме, в кругу ученых, я со всем пылом новичка предположил, что речь идет об устроенном в подземелье храма тайнике, но мои догадки тут же опровергли, рассказав, что за минувшие тысячи лет там, не выдавая своего подлинного лица, побывали многие колдуны и маги, а также горные инженеры и лозоходцы, поднаторевшие в поиске тайников и подземных полостей; и все они пришли к заключению, что подземелье храма (невеликое, кстати) тайников не содержит. Остается разве что предположить, что легендарное копье это, если и впрямь существует, магическим образом заключено в толще камня, откуда извлечь его может лишь посвященный. Случаи таковые нам известны на обеих планетах. И таларские ученые со мной всецело согласились, ибо сами так думали: если копье существует, то разве что заключенным во внутренность камня, подобно мечу фоморов или копьёю Гримтаса.

Далее расположен Бран Луг, размерами не уступающий Катайр Крофинду, а то и превосходящий. Владение это ронерское. Только там, в силу неких природных особенностей, и растет на Таларе хлопок (коим занято две трети острова). Также и сахарный тростник, хоть и растущий в иных уголках планеты, на Бран Луге наиболее хорош и обилен. Им засажена оставшаяся треть острова, из него добывают как сахар, так и излюбленный моряками ром — каковой, очищенный должным образом, весьма хорош. Труд по возделыванию обеих этих культур крайне тяжел, и своей волей туда редко кого заманишь, разве что от крайней нужды. И потому ронерцы посылают туда каторжников, а также нанятых у нас на Сильване рабочих.

К восходу от Бран Луга лежит Сегур. Остров этот невелик, размеров в пятьсот югеров, но история его удивительна. Сегур — последний сохранившийся над уровнем моря клочок некогда обширного и богатого королевства, размерами не уступавшего некогда доброй четверти Харума и включавшего в себя также Бран Луг (но Бран Луг был глухой окраиной, а Сегур — землями, расположенными вокруг столицы). Девятьсот с лишним лет назад земля эта стала вдруг погружаться в океан и на протяжении примерно семидесяти лет погрузилась почти вся, после чего море уже ни Сегур, ни Бран Луг не тревожило. Людей за те семьдесят лет погибло немало, но, поскольку погружение сие было не единовременной катастрофой, а постепенным опусканием суши, жертв все же насчитывается неизмеримо меньше, чем было бы при внезапном могучем катаклизме, и очень многие, прихватив то, что смогли погрузить на корабли, рассеялись по иным землям. А поскольку столица былого королевства, современный город Сегур, пребывает и ныне на суше, то за уцелевшей королевской фамилией сохранены все права, а за островом Сегур — права королевства, в качестве какового Сегур и состоит в Виглафском Ковенанте. Сам я, обремененный житейским опытом и толикой проистекающего отсюда цинизма, полагал, что причиной такого великодушия послужил отказ сегурского короля от образовавшегося острова Бран Луг в пользу великих держав (добавлю, что державы долго вели войны за единоличное обладание сим островом, пока там окончательно и безраздельно не утвердился Ронеро). Есть историки на Таларе, втихомолку со мной согласные, но в архивах письменных следов такой

сделки нет, разве что в королевских, нам недоступных. Ныне на Сегуре, кроме одноименной столицы (понятно, весьма обезлюдившей), сохранился еще невыразимо прекрасный город Сегула, о котором толкуют, что за красоту его пощадили даже морские демоны — или сам Руагату, коего суеверная молва почитает виновником гибели королевства. Население Сегура сейчас не превышает десяти тысяч. Там обитает королевская фамилия с изрядным количеством дворян, и жизненный уклад разительно отличается от бытующего в иных странах. Из-за того, что крестьян и ремесленников осталось крайне мало, ибо именно они в первую очередь бежали из гибнущей страны, а дворян, так и не покинувших в свое время Сегур, насчитывается преогромное количество, то большинству из них ради пропитания пришлось освоить занятия, почитавшиеся до того презренными. И нынешний Сегур являет собой зрелище редкостное. На каждом шагу там можно встретить бакалейщика или гончара, а то и пахаря, щеголяющего при прадедовских золотых шпорах и золотой цепи, дабы подчеркнуть свое происхождение. Дворяне составляют девять десятых всего населения, но подлинно дворянский образ жизни ведут не более двух сотен из них, а прочие заняты делами, относящимися в других краях к обязанностям Золотых, Серебряных, Бронзовых и частью Медных гильдий. Жизнь на Сегуре была бы и вовсе скудна, не сдавай короли три порта в аренду ганзейцам.

Почти в центре Полушария Заката расположены острова Девайкир, числом девять. Иные из них богаты золотом и серебром. По одному острову принадлежит Снольдеру, Ронеро и Горроту, устроившим в своих владениях рудники. Два заняты Ганзой, но не слышно, чтобы там добывали драгоценные металлы (разве что, по купеческой привычке, это держится в тайне). По одному острову досталось Лорану и Харлану, безрезультатно пока что ведущим поиски. Два острова бесхозны, и все, кому вздумается, и государственные рудознатцы, и одинокие ловцы удачи, ищут там следы ценных руд. Если найдут, следует ждать войны за обладание данными островами. Поскольку оттуда на континент часто отплывают корабли, груженные золотом и серебром, вокруг островов Девайкир прямо-таки роятся пираты (правда, остается не подсчитанным, сколько из них старается ради собственной выгоды, а сколько — замаскированные морские офицеры соперничающих держав или попросту нанятые означенными державами каперы).

На полуночном восходе лежит Море Мрака — таинственная обширная область, укутанная нетающим густым туманом, куда даже пароходы с запасом угля заходить не рискуют. С превеликим трудом, выложив столько золота, что хватило бы на покупку неплохого трехмачтового корабля, мне удалось уговорить капитана (далеко не самого трусливого из известных мне таларских мореходов) углубиться в Море Мрака на лигу — и многое я понял, так что отныне не стану упрекать в трусости тех, кто опасается входить в Море Мрака. Но сам туда непременно вернусь для обстоятельной экспедиции, как только подыщу надежную команду и добрый корабль.[75]

На полудне лежит остров Дике, немногим менее Бран Луга, принадлежит он Горроту, обитаем и многолюден, но не пашни и пастбища составляют главную его ценность. В горах, в срединной его части, добывают знаменитый пещерный жемчуг, синее чудо, приносящее королям Горрота немалый доход. Растет там еще красное дерево, а в горных копиях добывают красную яшму и

полосатую,[76] а также особый род аметиста, именуемого «бархатным», — фиолетовый цвет его при вечернем освещении изменяется в густо-красный. Есть там и рубиновые копи, и месторождения полудрагоценных минералов — из них более всего известны венис[77] и бакан.[78] Словом, недра острова Дике столь богаты, что горротских королей подозревают в сговоре с гномами, но слухи эти, верней всего, рождены одной лишь завистью, ибо кто слышал, чтобы гномы обитали на острове, пусть и большом? Даже если Дике, как слышно, есть осколок затонувшей в незапамятные времена земли, гномы давно покинули бы его, ибо островов не любят.

В океане насчитывается несколько десятков прихотливо разбросанных одиноких островов, но они малы, большей частью необитаемы, и для нашего повествования интереса не представляют ни малейшего — разве что из-за связанных с иными легенд и примечательных случаев, поверий и курьезов, которые я постараюсь изложить в своей книге о море.

О городах

Выдержки из пятнадцатого письма реверена Гонзака

Города таларские делятся на дворянские, коронные и гербовые. Первые целиком принадлежат дворянам, на землях коих расположены, вторые — королю, а третьи — вольные, в ознаменование чего и наделены гербом, коим жители такого города крайне горды. Случается, конечно, что гербовый город лежит в границах дворянских владений, бывает, город окружен коронными землями, а случается, что столица, например, ронерская Равена, не королевский город, а гербовый. Происходит это оттого, что владения не раз меняли принадлежность, иным городам герб жаловался за заслуги, а у других отбирался за вину мнимую или подлинную. В городах всех трех разновидностей существуют одни и те же гильдии и сословия. Разница лишь в том, что в дворянском городе, будь он наполовину населен людьми вольными, власть дворянина весьма ощутима, как в коронном — власть короля. Зато гербовые города управляются исключительно своими магистратами, ревностно хранящими старинные привилегии. Для каждой разновидности городов существует известная разница в судопроизводстве и отправлении правосудия, а также в персоналиях, оное отправляющих. Однако система эта чересчур сложна для короткого пересказа, как показали бы сложны чужеземцу наши правила на сей счет.

Некоторые замечания о головных уборах

Головной убор играет на Таларе очень большую роль. По нему безошибочно узнают род занятий и социальное положение владельца. Появиться на людях с непокрытой головой — поступок крайне предосудительный, достойный последнего бродяги.

Бадагар — фетровая широкополая шляпа, обычный головной убор военных и дворян (у дворян украшена перьями, лентами, пряжками из драгоценных металлов с самоцветами).

Бонилон — твердая шляпа с высокой тульей в виде усеченного конуса и неширокими полями. Головной убор членов Золотой, Серебряной и Бронзовой гильдий. В зависимости от гильдии бывает украшена золотым, серебряным или бронзовым медальоном, вместо ленты — крученный шнурок.

Капарат — круглая твердая шапка, как правило, темных тонов. Ее носят члены сословия Мер и Весов. Бывает украшена ярким матерчатым верхом, зо-

лотом и серебряным шитьем, отшлифованными полудрагоценными камнями.

Каталана — фетровая или кожаная шляпа с высокой тульей и узкими полями, заломленными сзади. Наиболее распространена по обе стороны Каталунского хребта, где ее носят дворяне, пограничные егеря, вообще все Сословия, кроме крестьян. В других местах — излюбленный головной убор охотников (поскольку шляпа этого фасона наиболее удобна для ходьбы по чащобе).

Лангила — матерчатая шляпа с очень широкими полями и круглым верхом, плотно сидящая на голове. Пропитывается водоотталкивающими составами и представляет обычный головной убор моряков и рыбаков. По-другому она именуется «штормовая лангила», или попросту «штормовка». Для ясной хорошей погоды существует разновидность, называемая «лангилатан» — твердая, поля не столь широкие. Лангилатан с металлическими головками и кокардами — форменный головной убор военных моряков.

Буниль — остроконечный колпак, войлочный или из плотной материи, с круглыми наушниками и квадратным назатыльником. Будничный головной убор крестьян. Праздничным служит габуниль — вязаный колпак, украшенный лентами.

Виклер — форменный головной убор чиновников, шляпа из твердой лакированной кожи, цилиндрическая, с узкими полями. Высота шляпы, наличие украшений, равно как и их количество, зависят от чина.

Крапон — твердая шляпа с тульей в виде конуса и узкими полями. Головной убор членов Медной и Железной гильдий.

Мурмалка — остроконечный матерчатый колпак с меховой оторочкой, старинный головной убор жителей Ратагайской степи, который носят все без исключения мужчины (сорт материала, разновидность меха, наличие перьев и украшений зависит от положения в обществе).

В Глане мужчины носят разнообразные береты. Все прочие головные уборы совершенно не в обиходе и именуются насмешливыми прозвищами.

Краткие сведения об одежде

Камзол — короткая мужская одежда, едва прикрывающая бедра. Кафтан — более длинный, почти до колен. Колет — камзол без рукавов. Если упоминается, что на военном был мундир, это означает, что его штаны и камзол (или кафтан) — одного цвета. Дворяне, военные и члены некоторых сословий никогда не появляются на людях без плаща. Чиновники носят мундир или сюртук до колен длиной, с пуговицами сверху донизу. Сюртук всегда должен быть застегнут на все пуговицы — как и одежда купцов, длиннополый хомерик. Военные и дворяне, наоборот, держат верхнюю одежду полурасстегнутой или расстегнутой вовсе, открывая кружевное жабо или форменный шейный платок.

Дворянки могут появляться в мужской одежде, но исключительно незамужние (замужним приличия такое позволяют лишь в долгой поездке).

Замечания о богах и храмах

Храмы **Единого Творца** существуют во всех государствах и обитаемых землях (хотя и не везде окружены доброжелательством). Возведенные в старые времена легко отличить по трем-пяти золоченым куполам, каждый из которых увенчан крестом Единого. Храмы более современной постройки несколько выше и уже, с остроконечными четырехгранными крышами, и крест лишь один, в самой высокой точке храма. При всяком есть колокольня. Внутри нет

ни изображений, ни статуй Единого — Творец никогда не показывался людям, и воплощать его в изображении не принято. Зато, как правило, по сторонам алтаря стоят статуи наиболее почитаемых в данной местности святых, окна украшены витражами, а у порога на полу сделано мозаичное или вырезанное в камне изображение дьявола, которого входящие попирают ногами.

Кроме Сословия храмовых священников существует еще четыре монашеских ордена: святого Роха, святого Круахана, святого Катберта-Молота и святого Сколота, занятые самой разнообразной деятельностью — от благотворительности и устройства школ до борьбы с приверженцами Черной Троицы.

АШОРЕМИ — в древности богиня охоты и лесов. Впоследствии стала и повелительницей ночи, каковое обстоятельство по прошествии лет привело к несколько комической ситуации, о какой будет сказано ниже. Первая ипостась богини, то есть патронаж над лесами, всем обитающим в них зверьем, а также теми, чьи труды связаны с лесом (охотники, птицеловы, бортники, смолокуры, дровосеки и т. д.), со временем окончательно перешла к Кернунносу. Ашоремии осталась исключительно Царицей Ночи, а потому ее считают своей покровительницей и влюбленные, и разбойники с ворами (иронически прозванные «ночными служителями Ашоремии»), и странствующие купцы, для которых ночь, заставшая их в дороге, — самое опасное время. Эти категории в основном и составляют паству храмов Ашоремии. По старинке богине поклоняются и представители вышеприведенных «лесных» ремесел — те, кто живет вдали от Каталауна и других горных районов. Горожанки всех сословий и словес общества верят, что молитва Ашоремии облегчает роды и помогает вернуть любовь мужа.

Кое-где, в самых древних храмах, еще можно увидеть изображения Ашоремии в облике мифологической ночной птицы Валари с восьмиконечной Полярной Звездой на груди. Но в основном богиня предстает прекрасной девушкой с луком и колчаном за плечами (это оружие уже считается не символом охоты, а стрелами любви, поражающими сердца).

Самый большой и старинный Храм Ашоремии находится в Пограничье и пришел в изрядное запустение, хотя туда до сих пор приходят паломники и там совершаются богослужения. Храмы Ашоремии отличаются обилием колонн, полным отсутствием окон и плоской крышей, увенчанной статуей богини над входом и Полярной Звездой по всем четырем углам. Служителями Ашоремии могут быть и мужчины, и женщины. К алтарю богини приносят цветы, перед ним жгут благовонную смолу. Есть ежегодные праздники с торжественными шествиями. Животное Ашоремии — кошка.

БРИГИТА — богиня знаний, мудрости и изящных искусств. Изображается в виде птицы с женской головой или, что реже, совы. Ее приверженцы происходят главным образом из Сословий Свободных Искусств, Совы и Циркуля. Храмов Бригиты, собственно говоря, не существует — лишь часовни, выполненные в виде каменных, закрытых с трех сторон навесов с изображением богини внутри. Служителей богини, как профессиональной касты, нет, эту роль выполняют особо уважаемые члены городских Общин Бригиты, носящие звание «смотрителей часовен». Есть ежегодные праздники с торжественными шествиями.

ВЕЛИКАЯ МАТЕРЬ — самое загадочное божество Талара, в чьи секреты так и не смогли проникнуть полностью ни книжники, ни тайная полиция. Глав-

ные приверженцы этой богини — крестьяне обоего пола (исключая побережье, где силен Руагату, Каталаун и горные районы). Святилища Великой Матери, изображаемой в виде примитивно вытесанной из камня или дерева тучной женщины, можно увидеть в каждой деревне. Есть еще священные роци и заветные места, посвященные Матери. И те и другие, по неписаному обычаю, идущему из глубины веков, настрого запрещено посещать мужчинам (слухи о том, что иные убийства были мстью за нарушение запрета, так до сих пор не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть, несмотря на все усилия властей).

Жрицами Великой Матери могут стать исключительно женщины, причем их возраст сплошь и рядом не имеет значения (считается, что будущая жрица с колыбели отмечена богиней, и посвященные это легко определяют). Праздники в честь Великой Матери приурочены к севу, жатве, обмолоту и другим видам полевых работ. В жертву богине приносят злаки, плоды и перворожденных ягнят (слухи о человеческих жертвах были тщательнейшим образом проверены имперской разведкой, но не подтвердились).

Помимо внешней, обрядовой стороны ритуалов, лицезреть которые допускается любой посторонний, существует, вне всякого сомнения, и некое тайное знание, но до нынешних пор не удалось вызнать о нем ничего конкретного. Известно, что Великая Мать олицетворяет Природу, животворящую силу (а по некоторым источникам, и всю планету, полагаемую жрицами Великой Матери живым и чуть ли не разумным существом). Одно время бродили упорные слухи (в городах, естественно), что реверен Гонзак пытался проникнуть в тайны Домов Великой Матери (нечто вроде монастырей, где живут женщины, посвятившие всю свою жизнь служению богине), за что и был убит при самых удивительных обстоятельствах. Насколько известно, проверкой этих слухов никто всерьез не занимался — ибо подобные сплетни во множестве появлялись и раньше в связи со смертью других известных особ, но подтверждения никогда не находили, и к ним перестали относиться серьезно.[79]

Следует отметить, что в военное время даже наиболее буйная и недисциплинированная солдатня обходит стороной Дома Великой Матери и избегает оскорблять жриц. Эта укоренившаяся в древние времена традиция чересчур устойчива для простого суеверия, что неоднократно отмечалось исследователями (так и не докопавшимися, правда, до причин).

КЕРНУННОС — бог лесов, охоты, диких животных и грома. Изображается в виде оленя с лошадиным хвостом или человека с оленьей головой. Главным образом ему поклоняются в области Каталаунского хребта, гор Адантел и Оттершо. Служители Кернунноса — исключительно мужчины. Храмы, как правило, располагаются в лесу (или окружены самое малое семью деревьями), они небольшие, кубической формы, с узкими высокими окнами, крыша крыта оленьими рогами. При храме обязательно имеется башенка, где по особым праздникам (так называемые «дни грома») зажигают священный огонь. Есть заповедные Леса Кернунноса. В общем, Кернунноса нельзя назвать «злым богом», но порой по отношению к людям (особенно тем, кто неподобающим поведением в лесу навлек его гнев) он бывает жесток и мстителен. Особых жертв ему не приносят, но принято оставлять в лесу часть охотничьей добычи или, проезжая мимо заповедного леса, украсить одно из крайних деревьев каким-нибудь подношением. Зверем Кернунноса исстари считается каталаунский тигр, и под особым покровительством бога находятся белые олени.

РУАГАТУ — бог моря, имеющий огромное число приверженцев на побережье и на Островах, особенно среди моряков и рыбаков (а также купцов, плавающих по морю). Изображается в виде могучего бородача с трезубцем, восседающего на касатке. Храмы Руагату (которые полагается возводить не далее чем в лиге от берега), пожалуй, самые пышные и красивые среди всех. Стены в них заменяют ряды колонн, крыши из нескольких куполов ярко раскрашены разноцветными красками в виде чешуи, снаружи и внутри храмы украшены мозаикой, статуями и изображениями как мифологических обитателей моря, так и реальных. Во время богослужения жгут благовония трех видов. У мореходов принято во исполнение обетов дарить храмам модели своих кораблей, зачастую из драгоценных металлов. Среди служителей — и мужчины, и женщины. При некоторых храмах есть приюты для старых и увечных мореходов. Любимицами Руагату считаются касатки, поэтому охотиться на них рискнет лишь самый отпетый, не верящий ни в бога, ни в черта. И наоборот, убить гривастого крокодила или кракена считается угодным Руагату делом.

СИМАРГЛ (КРЫЛАТЫЙ ПЕС) — бог войны. Около двух тысяч лет назад его культ был занесен с Сильваны, и, в отличие от схожих случаев с другими сильванскими богами, не только прижился, но и широко распространился — главным образом среди военных, части обитателей Полуденного Катауна и в Ратагайской Пуште. Изображается в виде пса с орлиными крыльями. Храмы сложены из красного кирпича разных оттенков, по виду напоминают старинные замки — с высокими крутыми крышами, зубцами по их кромке, машикулями, толстыми стенами, узкими стрельчатыми окнами (с витражами, изображающими сражения). Внутри — статуя Крылатого Пса, стены обычно увешаны пожертвованным по обету или дареным оружием (все древние храмы славятся прекрасными коллекциями старинного оружия). Принято освящать в храме купленное у мастера оружие. В старые времена полагалось оставлять перед статуей капельку своей крови, укол палец, но вот уже несколько столетий, как этот обычай исчез.

При иных храмах есть приюты для старых и увечных солдат (каковых немало и среди служителей Симаргла). В противоположность сильванским обычаям, служители Симаргла — исключительно мужчины. Возле храмов Симаргла всегда можно увидеть собак — их подкармливают, так как собакам Крылатый Пес особо благоволит, выделяя среди прочих животных. Для приверженцев Симаргла убить или обидеть собаку — грех (зато отношение к кошкам насквозь противоположное).

Существуют Братства Симаргла — военные ордена. Их членов обязывает равенство независимо от происхождения, обет супружеской верности, клятва участвовать в любой войне, какую ведет государство. Ныне таких Братств семь — три в Снольдере, два в Ронеро, по одному в Глане и Лоране. Они могут выставить отряды, не уступающие по численности полку. На звоннице каждого храма установлен птелос. Симаргл — покровитель гильдии Оружейников.

ХОРС — бог солнца. Изображается в виде всадника на рыжем коне или золотого солнечного диска. Почитается главным образом в городах. Храмы возводятся в виде пирамиды из семи уступов, увенчанной солнечным диском. Внутри стоит статуя Солнечного Всадника и поддерживается неугасимый огонь (возжигаемый от солнца с помощью особых стекол). При храмах (или при главном храме, если в городе их несколько) содержится отобранный в со-

ответствии со сложными каноническими правилами рыжий, «солнечный» конь, символизирующий Хорса в торжественных процессиях по праздничным дням (считается, что на нем невидимо восседает тогда сам Хорс). Служители бога — исключительно мужчины. Хорс покровительствует в животном мире лошадям и петухам («птице Хорса»), а из мастеров его особенным покровительством пользуются кузнецы. На вершинах храмов установлены гонги.

Времена Храмовых Войн давно минули, но определенные трения сохранились до нашего времени — взаимная неприязнь и отчуждение меж приверженцами Ашореми и Симаргла, Симаргла и Кернунноса, Кернунноса и Хорса, Хорса и Ашореми.

По недостатку места нет возможности рассказать о «потаенном народце» — лесных феях, духах источников, «болотных сидельцах» и пр., и пр. Лучше всего отослать читателя к классическому труду Уро Монкагера «Рассказ и размышления о Потаенном Народце» (лучшее иллюстрированное издание вышло в 3710 г. Х. Э. в Ремиденуме). Неплоха также книга «Каталог Иномирья» — старинный труд анонимного автора, часто переиздающийся.

ЧЕРНАЯ ТРОИЦА — так именуется три черных бога, чьи храмы были в конце концов разрушены, а оставшиеся приверженцы загнаны в подполье — Сет-Змееног, Кром Круах (Кром Кровавый) и Рогатый (Клыкастый Козел). До сих пор в глухих уголках, несмотря на все преследования, время от времени еще совершаются «черные ритуалы» с человеческими жертвоприношениями. Адепты «черной троицы» в свое время и создали тайные общества, известные под собирательным названием «Черной благодати» или «Черной радуги».

О Святой Земле

Господствующей религией там объявлено так называемое «учение Совершенства», или «учение святого Патарана, единственного боговдохновенного толкователя воли Единого Творца, очистившего служение Творцу от искажений и излишних сложностей». Но все остальные понтификаты Единого Творца за пределами Святой Земли относятся к этому учению отрицательно, отношений со Святой Землей не поддерживают не признавая самого этого названия, а также не считают Патарана святым.

Роспись классных чинов, или чиновничьих классов

1. Коронный министр.
2. Коронный советник.
3. Тайный советник.
4. Королевский советник.
5. Королевский секретарь.
6. Министерский советник.
7. Министерский секретарь.
8. Советник.
9. Департаментский советник.
10. Департаментский секретарь.
11. Канцелярии советник.
12. Секретарь канцелярии.
13. Секретарь.
14. Канцелярист.
15. Письмоводитель.
16. Писец.

Система эта применяется во всех государствах Харума, за исключением Вольных Маноров, Глана (где существует своя, более простая и патриархальная) и Балонга (где также принята своя). 1–5 классы приравнены к генеральским чином, и получить их могут лишь дворяне (есть, впрочем, редкие исключения), 6–8 классы приравнены к полковникам, 9–10 — к капитанам, 11–12 — к лейтенантам, 13–14 — к сержантам.

Монетная система

Ронеро

Золотой аурей = серебряному аурею = 25 серебряным сестерциям. Есть еще золотые монеты «токен» (5 ауреев) и «солид» — 10 ауреев. *(это не ошибка, так в книге).*

Серебряный сестерций = 10 медным сестерциям = 200 медным грошам.

Медные монеты: полугрош, грош, тройной грош, семигрошевик, десятигрошевик, сестерций, ливра (монета в 5 медных сестерциев).

Все монеты — круглые. Для Бряна Луга чеканятся все их виды, но именуются они «островными», и вместо королевской короны на них изображен государственный герб.

Снольдер

Золотой денарий = 50 серебряным артигам. Есть золотые монеты «латеранский золотой артиг» (денария), «двуденарий» (2 денария), «сфинкс» (3 денария), «Цехин» (7 денариев, хождение имеет главным образом в Ратагайской Пуште).

Серебряный артиг = 14 серебряным патагонам = 280 медным гротирам.

Медный гротир = 5 пулам. Есть монеты в 1, 2, 3, 4 пула.

Все монеты — круглые. (Сфинкс еще с отверстием посередине.) Для Катайр Крофинда чеканятся «морские» деньги.

Горрот

Золотой статер = 40 серебряный ассам либо 10 серебряным венталам = 600 медным ассам. Есть двойной статер, тройной статер и «галиа» — монета в 7 статеров.

Медный асе = 3 медным патарам. Есть монеты в пол-асса, полпатара, двойной патар.

Глан

Златник = 20 серебряникам = 280 медным шелегам. Есть двойной златник, тройной и «медведь» — монета в 5 златников.

Медный шелег = 7 круцежам. Есть полукруцеж.

Шаган

Золотой орт = 14 серебряным фартингам и 140 медным фартингам. Есть двойной орт, «колокол» (монета в три орта).

Серебряный фартинг, двойной серебряный. Медный полуфартинг, фартинг, тройной фартинг. (Монеты всех трех держав — круглые, кроме восьмиугольной в один гланский круцеж.)

Для острова Дике в Горроте особых денег не выпускается, хотя в последние время это, кажется, намерены сделать.

Харлан

Золотой скеллер = 25 серебряным скетам = 500 медным билонам. Есть монеты в 3, 6 и 10 скеллеров.

Серебряный балиган = 5 скетам.

Медные: четверть билона, полубилон, билон, двойной билон, пятерик и семерик.

Все золотые монеты — круглые, балиган — семиугольный, пятерик и семерик — семиугольные с отверстием в середине.

Лоран

Золотой денарий = 28 серебряным фоллисам = 280 медным фоллисам. Есть двойной денарий, «роза» (5 денариев) и «суверен» (15 денариев).

Серебряный фоллис = 7 медным караунам = 10 медным фоллисам.

Медные: полуфоллис, фоллис, караун, «фоллис с барашком» (3 фоллиса), пять фоллисов.

Все золотые и серебряные монеты — прямоугольные (один из лоранских королей, полторы тысячи лет назад заменивший такими монетами круглые, спесиво заявил:

«Пусть они и неудобнее круглых, зато свидетельствуют о нашем величии». В те времена Лоран считался самой мощной державой континента, каковую роль со временем утратил, но облик денег остался прежним).

Все медные монеты — круглые, с отверстием посередине.

Балонг

Вместо золотых монет там находятся в обращении денежные знаки в 5, 7, 10, 14, 40 и 100 дукатов, с большим мастерством изготовленные из ввозимого с Сильваны в малых количествах самшитового дерева, на Таларе не произрастающего. Они обеспечены сокровищами особой кладовой Круглой Башни, довольно большого размера, круглые и охотно принимаются на всем Таларе (нужно заметить, что порой их подделывают точно так же, как и металлические деньги).

Есть серебряные монеты в 1, 2, 3 и 4 дуката, медные — в 1, 2, 5 и 10 дирхамов. И серебряные, и медные — все восьмиугольные, серебряные, вдобавок с отверстием посередине.

Ганза

Ганзейцы пользуются в основном деньгами «прилегающих держав», хотя для особых расчетов существуют круглые монеты — золотой и серебряный далер.

Сегур денег не чеканит давно по причине тщательно скрываемой бедности одного государства. В обращении, впрочем, еще находится небольшое количество древних золотых монет под названием «тымф», или «корабль», но ходят они исключительно на острове и скоро пропадут совсем, так как являются объектом охоты коллекционеров, как и фельсы — серебряный и медный.

Вольные Маноры права на чеканку монет были лишены около пятидесяти лет назад решением Виглафского Ковенанта. «Старые» деньги еще ходят, но понемногу изымаются из обращения, как только сотрут, к тому же купцы увозят их для коллекционеров, а также для переплавки.

Деньги Святой Земли из-за больших примесей серебра, а то и меди, к золоту повсеместно считаются «худыми», «порченными» и за пределами означенного государства хождения не имеют.

Ордена и медали

Глан

Ордена:

Чертополоха.

Пещерного Медведя.

«Громовая гора».

Медали:

«Серебряное кольцо».

«Медное кольцо».

«Железное кольцо».

Все награды исключительно военные. В тех случаях, когда король все же желает наградить кого-то за заслуги на «гражданском» поприще, вместо цепи (так как все три ордена носят на цепи, на шее) орден крепится на бант, прикалываемый к груди.

Балонг

Ордена:

«Круглая башня».

«Ладья богатства».

«Созвездие».

Медали:

«Золотая пчела».

«Серебряная пчела».

«Медная пчела».

«Железная пчела».

Полная противоположность Глану: орденами и медалями награждаются лишь подданные Балонга, «приумножившие его богатства и действовавшие во славу дальнейшего благосостояния». За воинские подвиги (например, отвагу, проявленную экипажем судна в бою с корсарами) награждают деньгами или ценным оружием.

Горрот

Ордена:

«Черное солнце» (награждаются и военные, и гражданские).

«Рубиновый клинок» и Орден Симаргла (военный).

Орден Семи Островов.[80]

Орден Филина (гражданский).

Медали:

«Клинок».

«Орел» (военная).

«Сокровищница» (гражданская).

Харлан

Ордена:

«Трон великих герцогов» (двойного назначения).

«Меч Славы» (военный).

«Фолиант» (гражданский).

Медали:

«Скременные топоры».

«Слава и смелость» (военная).

«Жемчужина мудрости».

«Бронзовое перо» (гражданская).

Ронеро

Высшие, двойного назначения ордена:

«Алмазный венец».

Орден Гербового Щита.

Военные ордена:

«Звезда отваги».

«Золотая лилия».

«Зеркало Аннура».

«Алое пламя».

«Скипетр морских королей» (военно-морской).

Гражданские ордена:

«Камень мудрости Пилу».

Орден Серебряной Совы.

«Бирюзовая цепь».[81]

Военные медали:

«За храбрость».

«Серебряный топор».

«Башня» (вручается главным образом за отвагу, проявленную при защите или взятии крепостей).

«Стрела».

«Якорь» (военно-морская).

Гражданские медали:

«За беспорочную службу».

«Корабль».

«Лилия».

Снольдер

Высшие, двойного назначения ордена:

«Золотой сфинкс».

«Меч Дорана».

Военные ордена:

«Дракон и солнце».

«Огненный вепрь».

«Радуга и меч».

«Крылатый лев».

«Морской конь» (военно-морской).

Гражданские ордена:

Орден Короны.

Орден Ворона.

«Радуга и ларец».

«Великая Река».

Военные медали:

«Тисовая ветвь».

«Ярость и огонь».

«Дубовый лист».

«Львиный коготь».

«Огненное копьё».

«Абордажная сабля» (военно-морская).

Гражданские медали:

«Процветание» (купеческая).

«Око» (полицейская).

«Ларец».

«Сфинкс».

Лоран

Высшие, двойного назначения ордена:

«Три золотых кольца».

«Отличие Престола».

Военные ордена:

«Рыцарская лента».

Орден Заслуги.

«Меч и кольцо».

«Золотой якорь» (военно-морской).

Орден Тигра.

Гражданские ордена:

«Звезда учености».

Орден Верности.

Орден Черного Медведя.

Орден Золотого Журавля.

«Великий канал».

Военные медали:

«Штандарт».

«Серебряная секира».

«Серебряный самострел».

«Победитель пламени».

«Отвага ратного поля».

Гражданские медали:

«Золотой скипетр».

«Свиток».

«Серебряный циркуль».

«Бронзовый циркуль».

«Солнечный луч».

«Серебряный компас».

Шаган

Высшие, двойного назначения ордена:

«Золотой колокол».

Орден святого Сколота.

Военные ордена:

«Меч грома».

«Золотой фрегат» (военно-морской).

«Изумрудный акилла».

Орден Синей Крепости.

«Стрела и скипетр».

Гражданские ордена:

Орден Красного Бобра.

Орден Кедр.

«Золотая кисть».

«Яшмовый кубок».

«Посох святого Роха».

Военные медали:

«Медвежья лапа»

«Алая молния».
«Штурвал и меч» (военно-морская).
«Бастион».
«Трилистник».
Гражданские медали:
«Хрустальный кубок».
«Штурвал и парус».
«Серебряная кисть».
«Жезл мудрости».
«Дубовая ветвь».

В Святой Земле орденов и медалей не существует, зато в ходу так называемые наградные пояса и посохи.

В Ганзе для награждения отличившихся и заслуженных граждан существует схожий с орденом знак трех степеней — «Золотой корабль», «Серебряный корабль» и «Медный корабль».

Ордена Вольных Маноров при всем их калейдоскопическом разнообразии чересчур многочисленны, и тому, кто ими интересуется, лучше обратиться к соответствующим книгам.

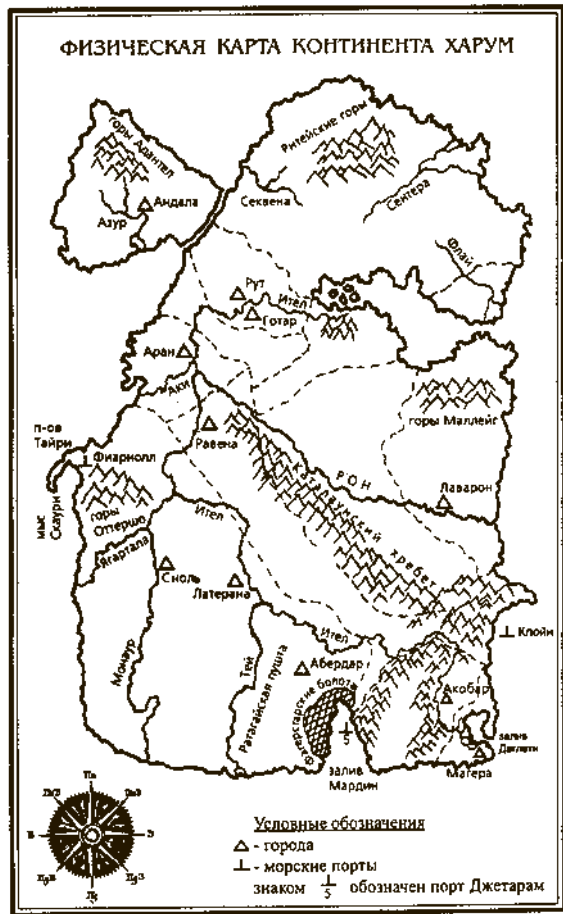
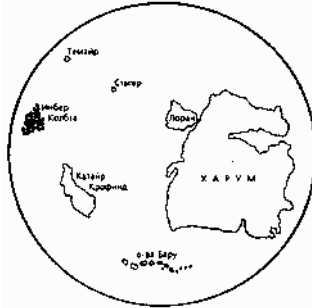
Ордена Сегура, равно как и медали, сохранены после катастрофы все до единого, однако изрядно утратили свой авторитет. Во-первых, по причине упадка Сегур практически не ведет никаких войн, и боевые награды выглядят несколько нелепо в этих условиях; во-вторых, что важнее, все сегурские награды давно превратились в дополнительный источник дохода для королевской казны: всякий, кто пожелает, может за соответствующую сумму стать обладателем любого тамошнего ордена или медали (за исключением высшего Ордена Морских Королей, вручаемого лично королем. Впрочем, и этот орден порой нетрудно раздобыть при отсутствии всяких заслуг, но при наличии должных связей или услуг, оказанных сегурскому престолу). Поэтому давно уже в обиход вошло выражение «сегурская награда», означающее нечто второсортное или добытое не трудами и заслугами, а с помощью тутого кошелька или интриг.

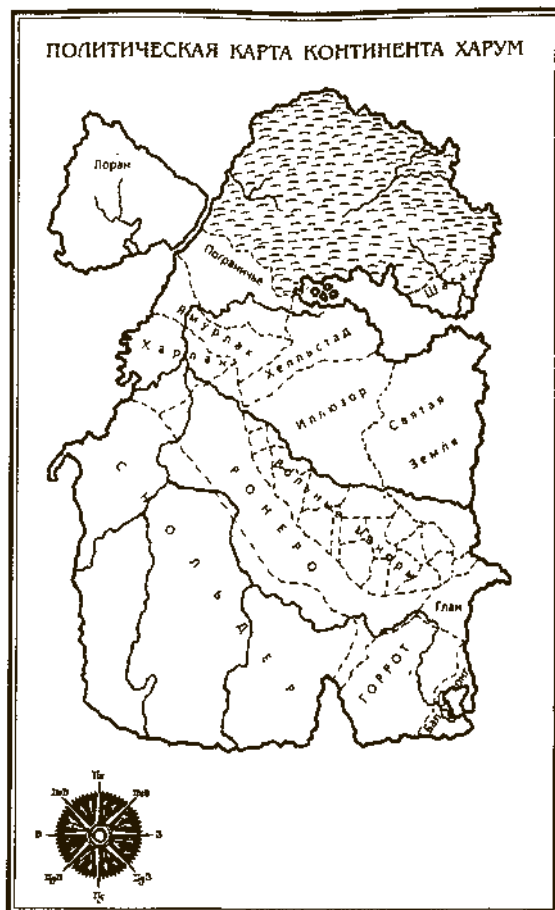
Карты

Планета Талар полушарие заката

полушарие восхода

Александр Бушков Вертикальная вода

— Ты знаешь, — сказал я, — война — это, оказывается, ни капельки не красиво.
Лев Кассиль

Глава I

Хлопоты победителей

Его императорское величество принц Диамер-Сонирил долго стоял у высоко-го окна с резным подоконником, заложив руки за спину, наблюдал происходящее внизу с явным любопытством.

— Изящно придумано, ничего не скажешь, изящно, — произнес он наконец, не оборачиваясь. — Это вы сообразили?

Сварог подошел и остановился рядом. Хмыкнул:

— У меня не хватило бы ловкости, особенно сейчас, когда дел во дворце невпроворот. Герцог Лемар постарался.

И вновь приходилось признать, что Лемар постарался на славу. Третий день самолеты разбрасывали над столицей и городами покрупнее его очередное творение: по-настоящему жуткое и крайне убедительное послание о сути происшедшего в Горроте. Шайка умных и злокозненных проходимцев, несомненно, связанная с самыми черными силами, сумела войти в доверие к королевской чете и коварно обморочить ее своими зловерными умениями, так что король мало того, что шатнулся к необузданному тиранству, обрушив неоправданные кары на верных сподвижников, — дал этой банде приют при дворе и позволил построить несколько зданий, где пригретые на груди змеюки откровенно занимались черной магией и отправляли ритуалы, способные ужаснуть любого, даже не особенно набожного человека.

Но тут, как с ним частенько случалось, светлый король Сварог Барг, известный борец со всевозможной нечистью, благородно пришел на помощь, разгромив окопавшуюся во дворце нечисть в коротком жестоком бою. Ну, а потом появились и благородные лары, поспешившие ему на помощь. Короля, к величайшему сожалению, от меча убийцы спасти не удалось, но королева уцелела — а все главари черного сообщества были пленены и пребывали теперь в ожидании самого строгого наказания...

Толково было сочинено — так что даже умных и грамотных должно было пронять до глубины души — в конце концов прецеденты случались, хотя и давненько — не впервые черные маги входили в доверие к высокопоставленным особам, напуская морок и используя обмороченного для своих темных делишек. Ну, а поскольку в королевстве, как и повсюду на Таларе, грамотеев имелось, дай бог, один на пару сотен, в провинции, по городкам и селам пустилось немалое количество тщательно отобранных Интагаром извечных разносчиков новостей, слухов и сплетен: странствующие монашки, бродячие ремесленники и писцы, фигляры, лекари и тому подобный народец, которому везде рады за неимением газет, радио и телевизоров. Они расцвечивали Лемарово творенье массой живописных подробностей и вовсе уж жутких деталей, сплошь и рядом, как они клялись-божились, почерпнутых из самых достоверных столичных источников. Словоохотливые посетители кабаков, таверен и даже ресторанов для благородных сословий, торговцы средней руки на ярмарках, мнимые студенты (этих слушали особенно охотно, как людей ученых), мнимые дворцовые слуги, бродячие костоправы и прочий народ, чьи рассказы обычно (уже должным образом расцвеченные слушателями) распространяются со скоростью лесного пожара. Агенты Интагара работали даже в Универ-

ситетах, среди Сословий и высших гильдий, а то и дворянства (выискивая тех, кто поглупее и поболтливее и обожает разносить сплетни). Одним словом, операция развернулась всю ширь.

К тому же прокламация Лемара прозрачно намекала, что начали с главарей — но многие еще, без сомнения, из тех, что пониже, пока что избежали карающей руки правосудия. (Это на случай, если придется еще кого-то арестовать, да уже и пришлось, у Брашера хватало и мелких сообщников, посвященных в десятиразрядные тайны.) Как обычно в таких случаях и бывает, в полицию хлынул поток подписанных и анонимных доносов — кто-то и в самом деле сообщал что-то мелкое, но интересное, другие самым вульгарным образом сводили счеты с недоброжелателями и соперниками.

Ну, а чуть погодя Лемар предложил пустить в ход наглядную агитацию (пусть и не зная таких терминов, но смысл был совершенно тот же). Сварог, не особенно раздумывая, одобрил, ибо кашу маслом не испортишь...

Вот так и получилось, что в одно из зданий Брашера (на один-единственный, по размышлению выбранный этаж) уже третий день нескончаемым потоком тянулись любопытные — меж густыми цепочками солдат. С одного конца здания их впускали, с другого выпускали. Отсюда, с третьего этажа, из бывшего кабинета Брашера, прекрасно можно было разглядеть, насколько отличались друг от друга входящие и выходящие: первые спешили, прямо-таки напирая друг другу на плечи, вторые, появившись из здания, скорее уж брели, ошеломленные увиденным, особо впечатлительные цеплялись за спутников, пошатываясь.

Ну что же, внутри им представало зрелище, особенно ошеломительное для всех, кто в жизни не видел компьютеров... В полумраке загадочно мигали цепочками огоньков странные ящики, на экранах то кружили загадочные знаки под электронную музыку, от которой мороз пробирал по спине и людей не робкого десятка, то появлялись хари, давненько ассоциировавшиеся с самой что ни на есть нечистой силой. Сварог особо подчеркнул, чтобы зрителей отбирали среди тех, кто понеграмотнее и потемнее, в том числе и пригородных крестьян — а если и попадался иногда в толпе дворянин, ручаться можно: он из тех самых тупых, как пробка, любителей разносить сплетни, безбожно приvirать, приукрашивая. И никаких ученых либо студентов серьезных университетов. Эти тоже в жизни не видели компьютеров и прочей научной аппаратуры, но по интеллекту стояли на три головы выше крестьянина или неграмотного башмачника с окраины — так что кое у кого из них могли возникнуть пусть и неопасные в общем и целом догадки, да смутные мысли, безусловно в чем-то расходившиеся с заброшенной в массы официальной версией событий...

— Изыячно... — задумчиво повторил принц, отвернулся от окна и, все так же держа руки за спиной, неспешной походочкой направился к небольшому столу для заседаний.

Сварог направился следом, чувствуя себя чуточку неловко — как если бы сопровождал абсолютно голого собеседника. Нет, принц, конечно, полностью одет и обут, даже с претензиями на последнюю горротскую моду, но вот на шее у него, пониже пышного воротника из сиреневых кружев, посверкивала одна-единственная награда, пусть и массивная, золотая, с искусной чеканкой — золотая гурганская пектораль, высшая регалия одного из сивльванских

царей. Для Сварога, всегда видевшего принца, увешанного неисчислимым множеством орденов (отсюда и второе прозвище), Диамер-Сонирил сейчас форменным образом казался голым. Ну что же, старый бюрократ неглуп и конспирацию в нужных случаях блюсти умеет: пожалуй, и в самом деле ни к чему, чтобы случайные свидетели узрели его во всем блеске. Особенно теперь, когда всем непосвященным усиленно вбивали в голову: никакого глобального заговора не было, и никаких ларов тут не было, всего-навсего произошла достаточно редко встречающаяся, досадная, но, в общем, отнюдь не уникальная история: злокозненный черный маг ухитрился войти в доверие к королю и обморочить его чарами. Высшие государственные интересы, ага. Никто внизу не должен знать, что Высокие Господа Небес порой доходят до того, что устраивают друг против друга заговоры, словно вульгарные земные царедворцы. Высокие Господа Небес едины, сплочены, когорты их незыблемы и нерушимы...

Сварог сел, повинувшись небрежному жесту принца, тот протянул задумчиво:

— Знаете, я просмотрел справку об операциях, которые для вас готовил Лемар. В самом деле, ценный специалист, вот и сейчас не оплошал, — он небрежно кивнул сторону окна. — Пожалуй что, следует поощрить. Я как раз составляю наградной список... Особенно баловать не следует, сдается мне, что иных людей следует награждать щедро, другим лучше выдавать милости по капельке. Вы ведь так и поступаете? Достаточно освоились в королевском ремесле.

Сварог молча кивнул.

— Вот именно, — продолжал принц деловито. — Думаю, достаточно будет медали «За усердие»: не самая высшая, не самая низшая, к тому же золотая. Правда, у нее две степени... Как вы полагаете, представить его к первой или будет достаточно банта на грудь?

— Хватит с него и банта, — сказал Сварог.

И мрачно подумал: Лемару по-прежнему везет, как утопленнику. Теперь еще и имперская медаль, которой прохвост, без сомнения, будет щеголять при любом удобном случае. А ведь только что Интагару пришлось мягко заминать два очередных уголовных дела и потаенно платить компенсацию пострадавшим. Первое касалось еще одной юной резвушки, поддавшейся чарам герцога и сбежавшей к нему из родительского дома — но там обошлось без денег, достаточно было дать папаше-чиновнику повышение, которого ему при другом раскладе до пенсии не светило. В другом случае казенных денег пришлось выложить немало: подручные герцога выманили у богатой титулованной вдовушки добрую пригоршню великолепных драгоценностей — ну разумеется, не каким-то там примитивно-вульгарным образом, а с помощью великолепно задуманного, надо признать, спектакля, на сценарии которых Лемар мастак...

Черт знает что такое! За герцогом круглосуточно топчут не самые бездарные сыскари Интагара — правда, открыто, ничуть не скрываясь, наоборот, демонстрируя себя, как красотки на балу. Большая часть подручных герцога, искусники рангом пониже, выявлены, выловлены и без суда и следствия, королевской волей загнаны на каторгу в Три Королевства. Но Лемар и в этих условиях ухитряется, пусть без прежнего размаха, проворачивать талантливые аферы и совращать благонравных девиц из хороших домов...

С легким стыдом Сварог вспомнил, как однажды, раздумывая о Лемаре, решил: ну не может этот криминально-блудливый талант быть чисто человече-

ским! И дал приказ тщательно кое-что проверить. Однако старуха Грельфи вскоре твердо заверила: нет у герцога ни капелюшечки магии, и душу известно кому не продавал, и не замечено ни вблизи него, ни даже в отдалении, ни черных магов, ни нечистой силы. Выходило все же — чисто человеческое. Золотые мозги, повернутые на несправедную дорожку... Бывает.

— Так вот, наградной лист... — продолжал принц. — Вы, разумеется, значите в списке под номером первым, — хотя Сварог не пошевелился и не произнес ни слова, так и сидел с бесстрастным видом, принц решительно поднял ладонь: — И не протестуйте, и не скромничайте. Без малейших натяжек можно сказать: это была самая страшная и серьезная угроза существующему порядку за все время существования Империи, даже не с чем и сравнивать... И именно вы с ней покончили. Разумеется, и королева Сегура будет отмечена должным образом, важную роль сыграла в операции. Я вам потом, когда выдаться спокойная минутка, покажу список. Вы наверняка пожелаете, кроме тех, кого вписал туда я, отметить кого-то из своих людей. Вам виднее: некоторых из них я, конечно же, просто не знаю. Хотя... Как вы считаете, стоит поощрить молодого графа Элкона? Как мне докладывают, очень дельный юноша, вносит немалый вклад...

— Пожалуй, — чуточку подумав, согласился Сварог.

— Вот только... Его бы тоже следовало отметить чем-то скромным... Он отличный парень, ценный сотрудник... но очень молод. В самое короткое время на него прямо-таки обрушились и чин лейтенанта Яшмовых Мушкетеров, и немалый пост в восьмом департаменте, да и в девятом столе он, собственно, второй после меня. Согласитесь, даже у самого отличного парня может в таких условиях закружиться голова, возникнуть ненужное зазнайство...

— Я понимаю, — заверил принц. — Вы совершенно правы: самые ценные молодые специалисты не должны делать карьеру слишком уж резко. Учтем. В общем, вы потом добавите в список всех, кого посчитаете нужным.

— Непременно, — кивнул Сварог.

В первую очередь следует вписать Интагара. Если бы не его рассказ о том убийце, метнувшем стилет на веревочке, как раз и натолкнувший Сварога на полностью оправдавшую себя идею, еще неизвестно, как обернулось бы дело. Наверняка было бы что-то долгое и кровавое. Кое-кто при латеранском и равенском дворах до сих пор косится вслед «безродному выскочке» — но имперская награда на груди либо шее Интагара заставит многих прикусить язычки. Завистников, правда, не убавится, да и черт с ними...

В перехлест через плетень! Только теперь Сварог подумал об имевшей место некоторой странности, о которой стоило задуматься раньше, едва услышав о наградном списке: а, собственно, с какой стати список готовит именно принц? Не представление к наградам, а именно список? С бюрократической точки зрения представления и список — две большие разницы. Согласно писаным артикулам, список готовит Канцлер, всегда... или почти всегда. Что за игры тут начались?

— Есть один немаловажный нюанс... — произнес принц.

Сварог поднял голову. И не увидел на лице принца ни загадочной улыбки опытного дипломата, ни тонкой хитрости. Совсем даже наоборот: лицо наивное, простецкое, взгляд по-детски незамутненно чист и ясен... В общем, всякому хорошо знающему принца ведомо: именно с таким видом он крутит самые

хитрые интриги...

Сварог молча ждал. Наконец его высочество начал не без вкрадчивости:

— Мы знаем, лорд Сварог, сколь великолепную, юридически безупречную жизненную позицию вы себе подобрали. Единоы в трех лицах. Предстаете то земным королем, то начальником восьмого департамента, то директором девятого стола. Как и когда вам выгоднее. И ни одна живая душа не имеет законной возможности хоть как-то такой позиции противостоят. Не подумайте, что я вас порицаю, каждый хитрит, как может, дело житейское... Более того: сейчас эта ваша трехликость мне крайне необходима. Не все же время вам ее использовать исключительно для собственного удобства, можно иногда, так сказать, поставить ее на службу общему делу...

— То есть? — с любопытством спросил Сварог, ничего еще не понявший.

Принц продолжал еще более вкрадчиво:

— Только вы определяете, кем именно вы являетесь в данный момент, и эта позиция, как уже говорил, юридически безупречна... Если окажется, что в момент разоблачения заговора вы действовали именно в качестве начальника восьмого департамента, если так будет написано в официальном отчете, ни одна живая душа не сможет это опровергнуть. Вы согласны, что именно так и будет обстоять?

— Пожалуй, — кивнул Сварог.

И наконец-то все понял. Для этого не нужно быть семи пядей во лбу, достаточно освоиться в лабиринте придворно-бюрократических интриг, что со Сварогом давно произошло. Что ж, неплохо все рассчитал, шельма, ну что же, записной бюрократ сплошь и рядом не глуп, наоборот, наделен острым умом... Изящно...

Угроза существующему порядку и в самом деле была серьезнее некуда, страшнее некуда. И если окажется, что гирьку в лоб Брашерио вклеил именно что начальник восьмого департамента, автоматически окажется, что победитель и триумфатор тут один-единственный: лорд Сварог, то есть восьмой департамент, то есть Канцелярия земных дел, то есть его высочество принц Диамер-Сонирил. Других попросту нет. Все остальные имперские учреждения, как раз и обязанные выявлять и пресекать любые заговоры, все их главы, все высокие сановники, включая Канцлера, оказались бессильны и беспомощны. Самое смешное, что это чистая правда. Согласно давним неписаным традициям, что в покинутом Сварогом мире, что здесь, часть успеха подчиненного всегда принадлежит его начальнику, мудро возглавлявшему, умело направлявшему, вовремя оценившему степень угрозы и принявшему все меры. Так что принц — единственный из сановников Империи, кто сейчас на коне и весь в белом. И тут, принц прав, ни одна живая душа не подкопается, юридически все безупречно...

Хитрован, подумал Сварог. Наверняка получит не самый последний орден. Сам себя в список он, разумеется, не включил, сие не этично — но в сложившихся условиях Яна просто-напросто обязана будет милого дядюшку в список внести самолично, иначе получится опять-таки не этично: на подчиненных обрушился ливень наград, а руководитель остался без регалии? Это неправильно...

Нисколечко не раздумывая, Сварог сказал:

— Вы совершенно правы, ваше высочество. Операция была проведена

именно восьмым департаментом, что и будет отражено в официальном отчете на ваше имя. Конечно, для решения третьестепенных задач привлекались и другие службы, имперские и земные, но так часто бывает. Решающую роль сыграл восьмой департамент...

Он все же подметил на лице принца хорошо скрытое облегчение — ну что же, пусть радуется втихомолку. Чтобы принять именно такой вариант, Сварогу ничуть не пришлось поступаться какими бы то ни было принципами: в конце концов, какая разница, кем он был, когда вlepил в лоб Брашерио гирьку на веревочке? А вот для него самого — и для дела — выйдет одна лишь нешуточная польза. Благорасположение принца значит немало. Еще одна козырная роза в рукаве Сварога. Обстановка в Келл Инире до сих пор сложная. Тайный Совет и Палата Пэров распушены (называя вещи своими именами — разогнаны), но при дворе до сих пор остаются партии придворной знати, настроенные к реформам не то чтобы враждебно, но неодобрительно — да и Сварога, выскочку эдакого, многие откровенно не любят. Вся эта аристократическая шобла не способна в нынешних условиях навредить крупно, но массу мелких пакостей, используя связи, добрые знакомства и родственные отношения, причинить может, да и причиняет порой: там чуточку подтормозить, там заволочить и так далее. Разогнать их невозможно, потому что — это «партия» именно в старинном смысле слова: неофициальная группа единомышленников. Удалять от двора и уж тем более сажать не за что. Даже Яне и Канцлеру эти уроды порой доставляют мелкие хлопоты, что уж говорить о Свароге? Так что спокойнее жить, когда у тебя за спиной не только Яна с Канцлером, но и принц Диамер-Сонирил, персоне крайне влиятельная...

— Рад, что мы поняли друг друга, — сказал принц с явным облегчением.

— Всегда к вашим услугам, в вашем распоряжении, — церемонно раскланялся Сварог, легонько улыбнулся: — Во всех трех лицах.

— Я умею ценить преданность...

Вот и ладушки, подумал Сварог. Галантерейщик и кардинал — это сила. И столь же дипломатично поклонился:

— Мне это прекрасно известно, ваше...

Он замолчал, и оба повернулись к высокому витражному окну, у которого стояли только что. Одна из створок широко открыта, и явственно слышалась пронзительная трель свистка, топот нескольких пар ног. Ничего серьезного вроде бы не должно произойти, учитывая, какие силы введены во дворец, уже изрядно почищенный от прежних обитателей, и все же — явное нарушение налаженного ритма...

Буквально в два прыжка оба оказались у подоконника — принц проявил неожиданное проворство. Сварог всмотрелся и, моментально оценив ситуацию, пожал плечами:

— Дело житейское, такие случаи были предусмотрены...

Справа от калитки, той, из которой выходили посетители зловещего гнезда черных магов, прямо на траве сидел, раскинув ноги, прижавшись спиной к стене, бледный, как смерть, закативший глаза усач в дворянском платье. Его бадагар валялся рядом. Тут же настороженно стояли двое, наряженные дворцовыми стражниками (антланцы из армейского полка), а невысокий человек в мантии и берете Сословия Чаши и Ланцета, с лекарской сумкой на поясе, как раз с профессиональной бесстрастностью подносил к носу сидящего боль-

шой флакон коричневого стекла.

— Нервишки не выдержали? — понимающе хмыкнул принц.

— Явно, — сказал Сварог. — Такое предусматривалось, и врач был поблизости. Но вот от него я такого не ожидал — прямо-таки нервная барышня...

— Вы его знаете?

— Заочно, — сказал Сварог. — Уж эту персону непременно нужно было сюда запустить. Это, извольте ли знать, барон Рагенау, завсегда у всех великосветских салонов столицы, прямо-таки их постоянный житель. Обожает разносить слухи и сплетни, безбожно перевирая, привирая, приукрашивая. При этом — дурак редкостный. Всерьез его, в общем, не принимают, но слушать любят, краснобай тот еще. Грех не запустить сюда такую персону. Вот только не думал, что он окажется столь впечатлительным... Ничего, оклемается.

— Да, уже начинает приходить в себя, отсюда видно... Что вы так странно заулыбались?

— Дурак — необязательно трус, — сказал Сварог. — Он еще и капитан гвардейской кавалерии в отставке, прошел несколько кампаний, говорят, держался храбро, есть ордена. А здесь спекся...

— Странно, — сказал принц. — Вот те — несомненные простолюдинки, но ведут себя совершенно иначе...

Сварог присмотрелся. Из калитки вышла кучка плотных бабенок средних лет, числом с полдюжины. Платья темных тонов и простонародного фасона, темные чепчики, гильдейские бляхи... И точно, они держались совершенно иначе: оживленно тараторили меж собой, живо жестикулируя, едва шли не весело, а, проходя мимо начавшего приходить в себя барона, откровенно захихикали, перешептываясь.

— Ну, еще бы, — сказал Сварог с ухмылкой. — Совершенно другого пошиба народец. Торговки с Большого Рынка, бой-бабы. Языки без костей и в пол-ярда длиной, сплетничать обожают, а главное, их-то никакими чертями не запугаешь. Любому черту хвост выдернут, если попытается удрать, не расплатившись или что-нибудь стянуть с прилавка. Незаменимый для этой акции контингент...

— И здесь вы правы, — одобрительно кивнул Диамер-Сонирил. — Уж эти языками потрещат и долго не угомонятся, знаю я земные дела. Это тоже Лемар придумал?

— Нет, это уже тайная полиция, — усмехнулся Сварог. — Она такие методы давно использует... да и восьмой департамент тоже, вы не можете не знать...

— Знаю, конечно... — отвернувшись от подоконника, принц взял Сварога за локоть сильными сухими пальцами и отвел к столу. — Я понимаю, у вас здесь масса дел... Не хочу мешать. Но напоследок хотел бы прояснить один очень важный для меня вопрос... Мне кажется, мы во многом достигли полного взаимопонимания... Могу я как глава Канцелярии земных дел задать вопрос королю Сварогу Баргу? В совершенно неофициальной обстановке, как видите.

— Пожалуй, — осторожно сказал Сварог.

— Вы уже задумывались, как поступить с Горротом дальше?

Ситуация непростая. Пока они здесь, от высших до низших, изрядно ошеломлены известными новостями. Но рано или поздно это пройдет. И встанет вопрос, обязательно встанет вопрос: с какой статьи Горрот набит войсками ко-

роля Сварога? О, да, конечно, он поступил благородно, помог королеве расправиться с шайкой темных магов... но чем дальше, чем больше это станет напоминать оккупацию. Сначала об этом начнут шептаться, потом заговорят вслух. Горротская армия в полном боевом составе, не понесла ни малейших потерь. У вас гораздо больше войск, но если вы попытаетесь разоружить горротцев, выйдет большая кровь. И оба их флота в полной неприкосновенности. А главное, лишь считанные люди — все они уже под замком, — знают подоплеку. Даже если вы победите, здесь будет обстоять совсем иначе, чем в других ваших королевствах: оккупированная давним неприятелем страна, где вас будут тихо ненавидеть. Рано или поздно начнется нешуточное сопротивление, партизанская война, надолго воцарится кровавый хаос... А народ здесь воинственный.

— Я обо всем этом уже думал, — угрюмо глядя в пол, сознался Сварог. — Вы прекрасно все просчитали.

— Многолетний опыт, знаете ли...

— Войска я буду выводить, — сказал Сварог. — Иначе и в самом деле превращусь из благородного спасителя в вульгарного захватчика. Парочка полков уже ушла, есть график вывода. Правда, у меня хватает хлопот с иными моими генералами — некоторые, простые души, и в самом деле полагают, что мы хитрым маневром именно что завоевали Горрот. Ничего, справлюсь, не первый раз. Время у меня еще есть: пока замок занят имперскими спецслужбами, и они продолжают работать, недовольные прикусят языки.

— Тоже верно, — принц тонко улыбнулся. — И потом, у вас ведь есть королева...

— И первый министр, признаюсь по секрету, у нее уже есть, — хмыкнул Сварог. — Очень толковый человек. И еще парочка — ну, не впервые у трона объявлялись никому не известные фавориты. Какую-то часть здешних придворных придется вернуть во дворец — глупцов, карьеристов и прочую бездельную публику. Впрочем, — он жестко усмехнулся, — Брашерио мне оказал большую услугу, почистив двор от умных и сообразительных... Есть обширные планы, ваше высочество, но о них слишком долго рассказывать...

— Ну что же, напишете подробный отчет. Или мы просто побеседуем, когда выдастся время... Ну что же, желаю удачи, не буду вас более задерживать.

Поклонившись довольно милостиво, принц прошествовал к двери.

Облегченно вздохнув, Сварог присел за стол, придвинул бумаги, исписанные аккуратным, прямо-таки писарским почерком начальника тайной полиции. Подумав, отложил стопу толщиной чуть ли не в ладонь: собственноручную запись падения и прегрешений означенного субъекта, без малейшего принуждения написанную самим в камере после регулярного употребления некоей фиолетовой жидкости. Вдумчиво прочитать эту реляцию можно было и потом.

Зато он бегло пробежал другую стопочку, всего-то листиков в десять. Усмехнулся, покрутил головой: умен, сукин сын, и хитер, как любой начальник тайной полиции, прослуживший не один десяток лет... Третья бумага состояла из одного-единственного листочка: пронумерованный список. Первыми в нем шли Стахор и Эгле (вычеркнутые аккуратной чернильной линией), далее принц (не зачеркнутый), еще семь человек, из которых четверо столь же аккуратно вычеркнуты. О ком шла речь, Сварог решительно не представлял —

должности не указаны, только фамилии и титулы. Одиннадцатым начальник тайной полиции вписал себя — но поставил рядом какой-то странный значок. Ну, не стоит ломать голову, когда имеется первоисточник...

Он нажал кнопку, на пороге возник его латеранский статс-секретарь — как обычно бесстрастный, ничуть не удивленный тем, что работать придется на сей раз в Акобаре.

— Начальник тайной полиции далеко? — осведомился Сварог.

— Поблизости, в боковой комнатке. Вы распорядились держать его поблизости, потому что скоро понадобится...

— Понадобился, — сказал Сварог. — Давайте сюда.

Очень быстро двое крепких ребят в форме дворцовой стражи ввели того самого невысокого лысого бородача, без особых церемоний усадили в кресло напротив Сварога и улетучились, повинувшись небрежному жесту короля. Сварог какое-то время разглядывал пленного, чьи запястья на всякий случай были схвачены широкими серебристыми кольцами, меж которых имелось пустое пространство шириной в ладонь — магнитные наручники, и ноги схвачены такими же, только пошире — мало ли что способен выкинуть такой вот прохвост в отчаянную минуту жизни...

Барон не выглядел ни сломленным, ни особенно испуганным — ну разве что грустным, что в его положении неудивительно. Он тоже разглядывал Сварога — пристально, исподлобья, открыто.

— Жалобы на плохое обращение есть? — осведомился Сварог.

— Никаких, — буркнул барон. — Вот только... Что за зельем меня постоянно пичкают? То синим, то фиолетовым?

— Ну, это просто, — сказал Сварог. — Фиолетовый — эликсир правды, после которого ничего нельзя скрыть ни в разговоре, ни при письме. А синий... Мы все его здесь пьем. Эликсир бодрости, прогоняет сон...

Лысый проворчал:

— То-то я за два дня накатал такой трактат, и ни в одном глазу...

— Как настроение? — спросил Сварог.

— Издеваетесь?

— Ни капли, — сказал Сварог. — Деловой интерес.

— А какое бы у вас было настроение на моем месте? — с легкой нотой строптивости спросил лысый. — Паршивее некуда.

— Какие-то страхи?

— Как вам сказать... Пытать вы меня, конечно, не будете. Зачем? После вашего эликсира все равно ничего не скроешь. А вот будущее насквозь туманно. То ли голову отрубите, то ли заберете туда, — он мотнул головой на потолок. — Очень уж серьезный заговор... Тут всех гребут на сто уардов вокруг, особенно тех, кто в середине...

— А вы были в середине? — с усмешкой спросил Сварог.

— Скорее поблизости. Не то чтобы на подхвате, но и не в ближнем кругу. Они допускали туда только своих.

— Не врете, — сказал Сварог.

— А какой смысл? Вы же вмиг определите...

— Тоже верно, — сказал Сварог. — Ну что же, поговорим о заговоре?

— Разве вы не читали? — он кивнул на стопу бумаг. — Я там, честное слово, выложил до доньшка...

— Мельком пролистал, и только, — сказал Сварог. — Некогда было. И так... Барон Скалитау, дворянство и титул фамильные, не пожалованные... Всю сознательную жизнь в тайной полиции, одиннадцать лет возглавляли тайную полицию при старом короле, а потом и при Стахоре. Судя по тому, что Стахор вас не сменил, вы у него пользовались полным доверием... — он уставился на барона холодным взглядом. — Служили не за страх, а за совесть... Как же так вдруг вышло, что вы взяли да и предали своего короля?

Забавно, но на лице барона явственно отобразилось некоторое смущение. Он опустил глаза, поерзал взглядом и, наконец, решился:

— Так получилось.

— Вообще-то так оправдываются проказливые сорванцы, — сказал Сварог. — Банка с вареньем по недосмотру служанки осталась на столе... В общем, так получилось. А подробнее?

— Брашero у меня давно вызывал подозрения, — сказал барон. — Не люблю, когда неизвестно откуда выныривают такие вот самозванцы, да еще втираются в доверие к королю.

Сварог поднял бровь:

— Вы знали, что он самозванец?

— Ну, это нетрудно было проверить, — словно бы даже с ноткой профессиональной гордости сказал барон... — Не он первый, не он последний. Такой дворянской фамилии в Горроте просто нет — хотя он постоянно себя выставлял как старого горротского дворянина с длинной родословной. Это-то мы выяснили довольно быстро.

— И не дошли с этим к королю?

— Поздно было, — угрюмо сказал барон. — Он слишком быстро вошел к королеве в милость, а потом начались все пертурбации: опалы, изгнания, тюрьмы и казни, двор сменился почти полностью, словно караул у ворот, практически не осталось никого из моих прежних заступников, благожелателей и союзников. Я сам с минуты на минуту ждал ареста или чего-нибудь похуже. Новые люди старых начальников тайной полиции обычно не любят. Но время шло, год прошел, меня никто не трогал, наоборот, Брашero то и дело выказывал расположение, не говоря уж о короле... Ну, я и служил, как привык.

— Не пытались узнать о Брашero побольше! — хмыкнул Сварог. — Странно для неплохого начальника тайной полиции.

— Почему нет? Пытался. Только все следы вели в никуда. А отличные агенты порой исчезали... особенно когда внутри замка стал расти тот «запретный городок», в горах стали воздвигать загадочное «горное гнездо», громоздить эти дурацкие пограничные столбы... Когда целые флотилии фирмы «Кадерат и сыновья» повезли какие-то загадочные грузы... Вот тут уже я начал понимать, что готовится нечто грандиозное, ни на что прежнее не похожее. И король посвящен то ли во многое, то ли во все. Где уж было к нему идти... Я к тому времени уже выяснил, что Брашero и половина его людей — лары, а это все усложняло и делало вовсе уж опасным. Я не настолько глуп, чтобы лезть в дела Высоких Господ Небес — очень уж чревато... — он поднял на Сварога сверкнувшие яростным блеском глаза. — Но я короля не предавал!

— Как же вы оказались в той милой компании? — усмехнулся Сварог.

— Совершенно неожиданно, — сказал барон. — Однажды меня пригласил Брашero. Угостил вином, отпустил несколько комплиментов как великолеп-

ному начальнику тайной полиции, «с которым жалко было бы расставаться». «Вы, любезный барон, проделали отличную работу, хотя и не понимали ее смысла», — улыбнулся он своей неподражаемой улыбочкой, так змея могла бы улыбаться, получишь у нее. И выложил ворох бумаг — оказалось, показания тех моих пропавших агентов, что пытались проникнуть в «горное гнездо», вертелись вокруг «городка», в общем, пытались хоть что-то выведать...

«Вы умный человек, — сказал он напоследок, — вы ведь уже поняли, что столкнулись с чем-то небывалым прежде, грандиозным. Поняли, по лицу видно. Вот только не поняли, насколько оно грандиозно, но это уже не ваша вина, у вас не было достаточно знаний, чтобы сделать правильные выводы. А впрочем... Вы ведь уже догадались, что мы лары?»

Я кивнул — а как я мог ему врать?

«Уже неплохо, — сказал Брашеро. — Давайте не будем зря тратить время, перейдем к делу, мне нужен толковый и умный начальник тайной полиции. Вы вполне подходите. В обмен на верность — самые ослепительные перспективы».

Почему-то мне показалось в первую очередь, что он хочет свергнуть короля — от него этого можно было ожидать.

«Судя по вашему лицу, вы сторяча решили, что вам предлагают участвовать в очередном дворцовом перевороте? — И он засмеялся, честное слово, весело. — Это потому, что вы видите проблему, уж простите, исключительно снизу. А я вам сейчас обрисую ее сверху. Вы ведь знаете самый надежный способ вербовки? Рассказать человеку столько, чтоб он сам понял: дороги ему назад нет».

Я кивнул. Это и в самом деле был самый надежный способ вербовки, самому приходилось применять...

«Налейте вина слушайте», — сказал Брашеро, полное впечатление, безмятежно.

И рассказал мне... нет, я до сих пор уверен, что не *все*, но достаточно, чтобы понять: после таких откровений я, если заартачусь, живым из этой комнаты уже не выйду — разве что в пыточную...

Он рассказал, что королевская чета и принц уже, собственно, убиты в загородном замке, что к полудню во дворец въедут их совершеннейшие двойники, обладающие их внешностью и памятью, которых никто не в состоянии отличить от прежних, настоящих. Правда, на всякий случай, для пущей надежности прежнее близкое окружение королевской четы следует убрать из дворца. Что за всем этим кроется ни много, ни мало — переворот в Империи Четырех Миров — возможно, со сменой династии, а возможно и нет. Переворот, слишком много меняющий в жизни Империи.

— И вы вот так, сразу и поверили?

— Пришлось, — со вздохом сознался барон. — Я ведь к тому времени знал уже, что Горрот полностью изолирован от наблюдения с небес... И он показал мне на этой штуке достаточно, — он кивнул на стоявший перед Сварогом компьютер Брашеро, давно трудами Элкона послушный новому хозяину. — Показал такие секреты, что у меня голова закружилась... Боевые летучие машины, которые будут на стороне его сообщников, нарушенная связь, беспомощная армия... Такое зрелище! Я готов был в обморок упасть...

Его и сейчас чуточку потряхивало. Подумав, Сварог налил полную чарку

«Кабаньей крови» и толкнул ее барону через стол. Тот ловко сцапал ее ладонями и осушил до дна. Не обращая внимания на текущие по бороде капли, сказал, все так же исподлобья:

— Теперь понимаете? Я никого не предавал. Мертвого короля уже не предашь. Я как-то фазу поверил, что он говорит правду. И потом, не мне бороться с таким заговором! И каким образом? Живым бы меня оттуда уже не выпустили. Пришлось, так сказать, присягнуть на верность...

— И они вам моментально поверили? — усмехнулся Сварог.

— Не сразу, — серьезно сказал барон. — Сначала Брашери показал мне кое-какие штучки, с помощью которых будет знать о каждом моем шаге и слове. Это такие крохотные приспособления...

— Я догадываюсь, — нетерпеливо сказал Сварог (ну, конечно, крохотные микрофончики, детекторы и прочие милые штучки). — Дальше?

— Дальше... Сначала убедился, что им и в самом деле известен каждый мой шаг, каждое слово. Потом я вместе с остальными встречал королевскую чету. Брашери был прав: их практически невозможно отличить от настоящих. Вот только в глазах осталось что-то чуточку иное. Тот, кто с ними общался долгими годами, — тот и мог определить... и еще что-то было, почти неуловимое... Тут уж мой профессиональный опыт подсказывал... А дальше... Ну, а дальше я стал работать. В прежней должности. Выполняя приказы исключительно Брашери — а впрочем, Король, противоположность прежнему, ко мне почти и не обращался, доклады стал слушать очень редко, вполуха... Кое-чем он отличался от прежнего, я бы сказал, в худшую сторону, но из ближайшего окружения, которое это могло подметить, остался я один. Ну, разумеется, Брашери. В конце концов, это было не мое дело, я работал, как вол. Брашери меня нагружал изрядно... Там все написано, без малейших упущений, — он кивнул в сторону стопы бумаги.

— И здесь кое-что написано, — Сварог взял в руку ту самую, с десяток листов, пачку. — Аналитическая записка, если можно так выразиться. О том, каким именно способом можно убить короля Сварога, когда он находится на земле. Ваша работа?

— Моя, — признался барон, не отводя глаз. — Брашери велел, и я составил, но обратите внимание на мой вывод: проделать это почти невозможно. У вас великолепная преданная охрана, они бы вас наверняка уберегли от кинжала или пики в спину — все другие способы бесполезны. Нет, почти нереально. Так я и сказал.

— Благодетель вы мой... — проворчал Сварог. — И что, Брашери рассердился, прочитав ваш ученый труд?

— Мне так не показалось. Пробормотал сквозь зубы: «Ну, есть и другие возможности» — и велел мне больше этим не заниматься.

— А вот кстати... — с любопытством сказал Сварог. — Толкового сообщника никогда нельзя держать на одном страхе и запугивании... Вам ведь наверняка было что-то обещано?

Помявшись, барон признался:

— Пост начальника тайной полиции всего Харума...

— Неплохо, да... А как вы думаете, он выполнил бы обещание? Вы не могли над этим не задумываться, с вашим-то житейским опытом...

— Мог и сдержать слово, — без особого промедления ответил барон. — В

конце концов, он собирался править наверху. Но не мог бы обойтись без людей, хорошо знающих Харум... особенно людей специфического ремесла.

— Вот в связи с этим... — сказал Сварог, взяв странный список. — Почему одни вычеркнуты?

— Здесь все, кто знал истинное положение дел... точнее, кто считал нужным сообщить Брашери. Король и королева погибли, еще четверо стали ненадежны, один из них собирался бежать из страны... — барон бледно усмехнулся. — Кажется, именно к вам. Вот и пришлось... вычеркнуть.

— А почему против вашей фамилии вы поставили какой-то странный значок?

Барон открыто взглянул ему в глаза:

— Потому что у меня не было окончательной уверенности, что Брашери выполнит свое обещание. Иногда ценных сообщников щедро вознаграждают, а иногда...

— Тоже верно, — проворчал Сварог. — План бегства имелся? На случай, если оправдаются худшие подозрения и вы успеете это понять?

— Конечно, — криво усмехнулся барон. — Лучше просидеть остаток дней где-нибудь в глуши, но живым... Брашери, правда, небрежно так обещал, что они в случае чего найдут меня везде, но я кое-что сопоставил и понял, что делать... Вас не затруднит пощупать мне мочку правого уха?

— Ну, отчего же нет, — пожал плечами Сварог и вышел из-за стола. В мочке уха барона он без труда нащупал что-то твердое, не больше горошинки. Понятливо кивнув, спросил:

— Еще есть?

— Под кожей левой руки, у плеча. Подозреваю, есть где-то еще, где самому нащупать трудновато.

— Вполне может быть, — сказал Сварог.

— Это можно как-то вырезать? — со жгучей надеждой спросил барон.

— Минутное дело, — сказал Сварог. — Вот только делать я этого не буду. Самому пригодится на всякий случай.

Барон поднял на него глаза, в которых смешались самые разнообразные чувства:

— Это как и почему?

— А потому, что у меня есть на ваш счет далеко идущие планы, — скучным голосом сказал Сварог, все так же стоя над ним. — Проще говоря, я вас намерен оставить в прежней должности в прежнем месте. Хорошие начальники тайной полиции — товар штучный, грех не использовать. Брашери и его банда разбиты наголову, второго такого заговора уже никому не удастся устроить. Лично мне вы ничего плохого не сделали. Предавать меня вам, в общем, некому — разве что королеве Лорна, но вряд ли вы пойдете на атакую мелкую пошлость... — усмехнувшись про себя при виде нешуточной радости, на миг полыхнувшей в глазах барона, он сказал холодно:

— Мне нужен скорее не начальник тайной полиции Горрота, все равно собираюсь отсюда скоро уходить, мне нужен еще один личный агент при дворе, а вы идеально подходите. Я не глупец и не благодушный благодетель, не первый год занимаюсь королевским ремеслом, и вроде бы, говорят, неплохо. Ничего этого, — он легонько помял мочку уха барона со вшитым «маячком», — убирать не буду. И вам самому не советую. Чтобы и в самом деле при нужде

найти вас на краю света. Согласитесь, вы пока что не сделали ровным счетом ничего, чтобы заслужить мое доверие? Вот видите. Так что разумные предосторожности необходимы.

— И конечно, возле меня в тайной полиции будет немало соглядатаев? — спросил барон, державшийся почти спокойно.

— А как же, — пожал плечами Сварог. — Мое доверие еще следует заслужить, любезный барон. Делами... И учтите: теперь, когда Горрот больше не защищен от любого воздействия Империи, подслушивающими и подсматривающими устройствами дворец — и не он один — будет набит, как мешок пшеницей. Вы понимаете, о чем речь?

— Да, Брашero мне кое-что рассказывал. И кое-что я здесь применял.

— Совсем хорошо, — сказал Сварог. — Обойдемся без дополнительных лекций... Ну, так вы готовы дать клятву на верность? Прекрасно понимая, что вас ждет в случае ее нарушения?

Чуть побледнев, глядя ему в глаза, барон тихо произнес:

— Клянусь своим гербом хранить клятву верности вам, и только вам...

— Ну что же, никаких задних мыслей я пока что не вижу, — сказал Сварог. — Значит, поработаем... Пока что, извините, вам еще пару дней придется провести в том самом помещении, что вам отвели. Оно мало напоминает тюремную камеру, так что особых неудобств не будет. А потом, когда я покончу с неотложными делами здесь, мы сядем и побеседуем уже обстоятельно...

— Вы собираетесь приставить меня главным образом следить за юным принцем?

— Ум у вас, я убедился, острый... — сказал Сварог. — Но на сей раз попали пальцем в небо. Юнца пришлось, так сказать, пока что разжаловать из королев. Поскольку его венценосной матушке удалось, в отличие от супруга, спастись от злобных убийц. Добрые люди помогли. А поскольку сыночек еще долго не войдет в совершеннолетие, ей и предстоит долго править в качестве королевы-матери. Вы не удивлены?

Барон севшим голосом сказал:

— Ах, вот оно что... Успело поступить несколько донесений, что в столицу во главе ваших и наших гвардейских полков движется неведомо как воскресшая королева... и вроде бы самая настоящая... Я сначала не поверил... — он уставился на Сварога с нешуточным уважением. — Уму непостижимо... Вы в кратчайшие сроки сумели устроить очередного подменыша, в котором ничуть не усомнились те, кто ее раньше знал?

— Ну, коли уж мы с вами, похоже, сработаемся, пора вам понемногу выдавать кое-какие тайны, — сказал Сварог. — Это не очередной подменыш, это подменыш Брашero. Ну, а как получилось, что она спаслась и попала ко мне в руки, вам пока знать необязательно...

Он помолчал, пытливо глядя в умные и хитрые глаза барона, легонько сгреб его за расстегнутый ворот кафтана и, приблизив лицо, спросил с металлом в голосе:

— Что вы знаете? Ну? Все равно не соврете.

— Я и не собираюсь, ваше величество, коли уж дал вам клятву верности. Виглафский Ковенант, королеву, столь неосмотрительно взявшуюся вызывать демонов, они утащили при довольно жутких обстоятельствах... — и он замолчал, глядя с явным намеком.

Ценный кадр, мать его, подумал Сварог. Если не продаст, мы с ним сработаемся... Небрежно бросил:

— Среди слуг, сопровождавших короля в Ковенант, конечно, был ваш агент?

— Ну, разумеется. Он и описал все, что видел и подслушал краем уха...

Увидев замигавшую в углу экрана синюю лампочку, Сварог привычно нажал нужную клавишу, принял короткое сообщение от секретаря и послал столь же короткий ответ. Встал, следом, чуть неуклюже из-за наручников, поднялся из-за стола барон.

— У меня очень важная встреча, — сказал Сварог. — Но мы все предварительно обговорили, так что можете пока идти...

Глава II

Тайн прибавляется

Канцлер вошел стремительной деловой походкой еще до того, как те же самые конвоиры вывели барона. Коротко глянув вслед захлопнувшейся двери, спросил, как показалось Сварогу, с нешуточной надеждой:

— Удалось допросить?

— Я сделал, как мне показалось, лучше, — сказал Сварог. — Велел накачать его «фиолетом» и «синюшкой», и он за двое суток накатал тот вот фолиант. Сейчас запихну все в компьютер и вместо того, чтобы читать подряд, пройду по ключевым словам. Как-никак научился, спасибо Элкону. Меня в первую очередь интересуют Токереты... а барон немало написал о нашем друге Альдерате. И уверенно опознал по снимку, ему показывали мои люди...

— И нисколько не запырался? — отрывисто спросил Канцлер.

— Судя по тому, что я успел мельком пробежать, судя по разговору — ничуть...

Лицо Канцлера покривилось в жесткой, прямо-таки волчьей улыбке.

— Прекрасно. Просто прекрасно. Это не главное, но хоть что-то... Брашери, в конце концов, не дьявол, а потому способен делать ошибки. А может, на местных это не действует — хотя вот на антланцев подействовало...

— Что именно? — тихо спросил Сварог.

Ему пришло в голову: лицо Канцлера что-то больно уж мрачноватое для победителя, весьма озабоченное. Канцлер, оглядевшись, сел в первое попавшееся кресло, достал черную гнутую трубочку и принялся не торопясь набивать ее табаком — слишком неторопливо, что у него, Сварог давно знал, служило признаком раздражения. Сварог молча ждал.

— Центр и «Горное гнездо» мы захватили, — сказал, наконец, Канцлер, выпустил клуб ароматного дыма. — Других нет, так что это в некотором роде победа. А вот дальше... Мои люди никого не могут допрашивать. Брашери все-таки — коварная сволочь. И себе, и всем здешним сотрудникам поставил нейроблокаду в мозгу. Объясняя совсем просто, мы не можем залезть никому в мозги. Возможно, со временем и удастся, специалисты делают все, что могут, но толку пока нет... У Орка, кстати, ничего подобного нет — но он с самого начала был на десятых ролях, как и ваш министр. Кое-что рассказал, но, по большому счету, сущие пустяки...

— Так... — проговорил Сварог медленно и зло. — Канцлер, по-моему, мы ни-

как себе не можем позволить быть гуманистами. В конце концов, я мог бы попытаться?

— С помощью ваших мастеров? — понятно подхватил Канцлер. — Честное слово, я бы на то пошел — ситуация и в самом деле далека от гуманизма... Но он и это предусмотрел. У всех в мозгу отключен «центр боли» — есть такой, как мне объяснили биологи. Человека можно на части изрезать, а он это будет воспринимать как легкую щекотку... Предусмотрительный мерзавец...

— А что с их аппаратурой? — спросил Сварог.

— Все по-прежнему, — пожал плечами Канцлер. — Можно еще примерно понять, что они делали, — но никто пока не понимает, как. Полное впечатление, сказал Матлок, что она работает на каких-то других принципах, которых мы просто не понимаем, потому что никто раньше этим не занимался. Конечно, никак нельзя это назвать полным и беспросветным тупиком... Другое дело — то, что мы смогли понять, между нами, пугает. У вас есть какие-то срочные дела?

— Никаких, — сказал Сварог.

— У меня тоже. Самое время обсудить иные загадки... Вы ведь любите слушать Тарину Тареми?

— Есть на досуге такая слабость, — кивнул Сварог.

— А не попадалась вам у нее такая песенка:

*Скажи, Бога ради,
Вдруг былого лед
Не растаял сзади,
А уплыл вперед.*

*И в грядущем только
Дней прошедших наст
Предательски тонко
Поджидает нас?..[82]*

— Попадалась, — сказал Сварог.

Канцлер прищурился:

— И вам в ней ничего не показалось странным?

— А что там странного? — пожал плечами Сварог.

— Лед и наст, — сказал Канцлер.

— Ну и что? — Сварог все еще не понимал. — На Сильване и Нериаде того и другого зимой предостаточно.

— Но не на Таларе, — сказал Канцлер. — Вы никогда не задумывались о странностях таларского климата? Здесь нет смены времен года. Круглый год стоит лето, пусть и не особенно жаркое. Правда, в Фионе недели на три температура падает, всего на несколько градусов, и пару недель льют затяжные дожди. Смены времен года нет. На полюсах нет снега и льда. Нет климатических зон.

С точки зрения планетологии все это глубоко неправильно, так не должно быть. Но планетологи которую тысячу лет перестали ломать голову над загадкой, потому что решения так и не нашли. Это насквозь неправильный таларский климат — ему вроде бы по всем законам природы не положено существовать, но он все же существует... А меж тем есть кое-какие указания, что до Шторма обстояло совершенно иначе — полярные шапки, холодные зимы...

Знаете, где я слышал эту песенку? В фильме с участием Тарины Тареми, ну да, она была еще актрисой, вроде бы неплохой. Сам по себе фильм, по моему глубокому убеждению, дешевая мелодрама, — он улыбнулся чуть смущенно, — и жена, и дочери просмотрели раза по три, с носовыми платками... Сюжет, как для таких мелодрам и полагается, незамысловатый: живет себе красotka, муж у нее капитан дальнего плавания, уходил в долгие рейсы, что красавице прибавляет расположения духа. На горизонте, как водится, появляется роковой соблазнитель, какое-то время кажется, что красotka уступит и бросит мужа — ну, надоело ей, что он месяцами не бывает дома. Но в конце концов любовь и супружеская верность побеждают. И понимаете, в чем штука... Действие, несомненно, происходит на Таларе, судя по некоторым признакам, незадолго до Шторма. Так вот, там происходит классическая смена времен года, да вдобавок муж героини плавает главным образом к северной полярной шапке — а мимоходом упоминается еще южная...

— Хотя какие-то объяснения за это время выдвигались? — спросил Сварог.

— Когда-то — множество, — сказал Канцлер. — Но давно уже все это сошло на нет, потому что ни одна версия научного подтверждения так и не получила. Самый удобный виновник, который к тому же не может оправдаться, — апейрон. На него как-то исстари повелось списывать многие загадки и тайны. Ну, вот так получилось: пришел поток апейрона, и многое изменилось самым решительным образом...

Правда, в кое-каких уцелевших после Шторма бумагах есть смутные упоминания о каких-то глобальных экспериментах с погодой, но точных данных опять-таки нет. А сегодня утром ваш Элкон сделал интересное открытие. Обнаружил совершенно чужой, нигде не зарегистрированный орбитал-наблюдатель. Висящий на суточной орбите над Инбер Колбта. И откопал в одном из компьютеров Брашера регулярные отчеты этого орбитала. Он так и не понял, на каком принципе поддерживалась связь между орбиталом и Центром, но донесения говорят сами за себя: Брашера три последних месяца самым старательным образом исследовал Инбер Колбта. Он задался вопросом: что там мог искать Брашера на другом конце света? Ваш парень — суций клад. Он просидел за компьютером часа два, выискивая все, что можно раздобыть об Инбер Колбта. Пиратские клады и прочую романтику отметал с ходу, пока не убедился, что есть одна-единственная серьезная загадка — Крепость Королей. Конечно, и о ней сложено много сказок, ну очень уж старательно ее искали чуть не пять тысяч лет, гораздо активнее, чем многие другие легендарные местечки и клады. Несколько раз он наткнулся в старинных книгах на примечательную фразу: «Тот, кто владеет Инбер Колбта, — владеет стихиями...» Кстати, авторы парочки книг сами плавали к Инбер Колбта, в том числе такой серьезный книжник, как Сен Парат, — и не вернулись оттуда. И по ассоциации, как он сам признался, вспомнил гавань для «Рагнарока», несколько тысяч лет, по сути, торчавшую на виду у всех... И выдвинул версию... Сами догадаетесь или растолковать?

Сварог даже присвистнул:

— Центр управления природой? В глобальном масштабе?

— Именно. Доказательств, правда, пока никаких, нужны хорошо оснащенные экспедиции. Вряд ли там в глубокой тайне обитает какая-то группа хранителей погоды. Если допустить эту версию, там, скорее всего, какое-то слож-

нейшее автоматическое устройство. Я вам рассказал кратко, на скорую руку, но у Элкона там целая грудка материалов, потом посмотрите. — И если там в самом деле есть центр управления погодой, найти его и захватить должны именно мы. Представляете, какое это средство шантажа, угроз, крупных пакостей в чьих-то неправильных руках?

Кажется, Сварог представил. Талар совершенно не готов к зиме и холодам. Даже в королевских дворцах нет систем отопления, а зимнюю одежду видели только на Сильване. Если предположить, что установка существует, если она попадет в скверные руки человека, способного в ней разобраться, — подумать жутко, что можно с ее помощью натворить. Вовсе не обязательно насыпать на планету полярные холода. Градусов десять ниже нуля (по меркам покинутого Сварогом мира), повсюду слой снега толщиной в ладонь — и погибнут посевы, вымерзнет скот, да и людям придется несладко... А если опустить температуру еще ниже? Скверно...

— Вы твердо уверены? — спросил он, не глядя на Канцлера.

— Я ни в чем пока не уверен, — отрезал Канцлер. — Но, во-первых, Элкон собрал неплохой материал и продолжает этим заниматься, а во-вторых, другое не подлежит сомнению: климат на Таларе неправилен, и то неспроста...

— Если Брашеро знал точно, могут знать и его сообщники в Магистерии, — сказал Сварог. — Вряд ли мы выловили всех...

— Одно утешает, — сказал Канцлер. — Пока что никто Крепость Королей не нашел. И если приложить все силы... Я уже убедился, что у Элкона чертовски развита интуиция, — он фыркнул. — Правда, то же самое полагает о себе Канилла Дегро, — он кивнул в сторону окна, выходящего на Центр. — Сейчас она как раз ведет очень оживленную научную дискуссию с моими специалистами по А-физике...

Сварог сердито нахмурился. Пожалуй, даже для Каниллы это было чересчур — ввязываться в «научную дискуссию» с настоящими учеными. Плохих специалистов Канцлер у себя не держал...

— Она что, доставляет там какое-то беспокойство? — спросил он насколько мог небрежнее. Не хватало еще очередных художеств с вовлечением в такие еще и Канцлера. Отличная реклама для девятого стола, хорошо еще светских сплетников поблизости нет ни единого.

Однако Канцлер сказал чуть ли не добродушно:

— Не беспокойтесь, там все обстоит довольно чинно. В конце концов, это даже на пользу делу: аппаратура насквозь незнакомая и непонятная, в этих условиях нелишними будут самые разные версии и гипотезы... Давайте посмотрим?

Он уселся за стол перед компьютером Брашеро. Умело нажал несколько клавиш. На экране появился обширный зал, по периметру уставленный какими-то чертовски сложными пультами, некоторые из них работали: медленно переплетались разноцветные плавные кривые, вспыхивали вертикальные и горизонтальные ряды непонятных знаков, кружились цветные усеченные конусы — да мало ли непонятного там мигало, переливалось всеми красками и подвергалось самым диковинным метаморфозам...

Ученая дискуссия и в самом деле протекала довольно чинно, не то что в земных университетах, где в ходе диспута прямо-таки хорошим тоном считалось прибегать к скамейкам, чернильницам и прочим необходимым для пол-

ноценного научного диспута подручным предметам, Канилла что-то оживленно пыталась втолковать двум мужчинам в форме Техниона, тыча пальцем то в один экран, то в другой. Судя по их лицам, верили ей плохо.

Правда, возражали серьезно, ничего похожего на скрытую насмешку над взбалмошной девчонкой, рискнувшей ввязаться в спор с мэтрами. С некоторым удивлением Сварог понял, что дискуссия идет всерьез — причем, что его удивило еще больше, на каком-то иностранном языке. Другой язык на Таларе? Быть такого не может, потому что не может быть никогда... Что за чудеса?

Да нет, тут другое... Постепенно Сварог стал разбирать в потоке непонятных фраз словечки вроде «вектор», «поляризация», «интенсивность потока». Ах, вот оно что — они просто-напросто изъясняются на своем профессиональном жаргоне, для человека непосвященного звучавшего китайской грамотой...

— Ну что ж, пожалуй, это и в самом деле похоже на относительно чинную научную дискуссию, — сказал Канцлер, выключая экран. — Нормальная рабочая обстановка, если подумать...

— О чем это они? — спросил Сварог.

— Думаете, я понимаю? — фыркнул Канцлер. — Одно сумел уяснить: ваша Канилла уверяет, будто открыла что-то очень важное, а мои люди, как видите, не особенно ей верят... Кто тут прав, кто заблуждается, решительно не берусь судить. Там столько непонятного и экспертам...

— Ничего не понимаю, — решительно сказал Сварог. — Канилла, конечно, умная девочка, но не настолько же, чтобы, не зная предмета, ввязываться в серьезный спор с вашими экспертами...

— Да просто вы, судя по всему, далеко не все о ней знаете, — спокойно сказал Канцлер.

— Я слышал, у нее в свое время нашли нешуточные способности к А-физике, что для девушки изрядная редкость...

— И все?

— И все.

— Да ведь это далеко не все, — сказал Канцлер. — Впрочем, понятно: она не любит вспоминать обо всей этой истории, только ближайшие друзья знают...

— Что за история?

— У нее не просто отыскались способности к А-физике, — сказал Канцлер. — К тому времени она А-физикой увлеклась всерьез, и давно, в раннем, как говорится, отрочестве. А потому, едва достигла должного возраста, была с превеликой охотой принята в Лицей Магистериума, на факультет А-физики, естественно. Как я слышал, уже на первом курсе написала парочку интересных работ, ей прочили большое будущее. А вот на втором... Знаете, в А-физике, как и во многих других науках, существуют свои «ереси». Ученые такого определения не любят, предпочитают более научные, но суть, по-моему, та же самая: направления, которые считаются тупиковыми и ошибочными, так что приличному ученому к ним близко и подходить не стоит, чтобы не испортить репутацию и карьеру...

— Ага! — сказал Сварог. — В особенности если существуют общепризнанные светила и корифеи, способные стереть дерзкого еретика в мелкую пыль. Я с подобным сталкивался на земле, у себя в университетах... — он усмехнулся. — Правда, случается иногда, что ереси бывают вовсе не ересями, а истиной,

а корифеи и светила заблуждались иногда в частностях, иногда на полную...

— Вот именно, — с кривой усмешкой сказал Канцлер. — Вижу, вы и в учебных делах начинаете помаленьку разбираться... Скорее уж, правда, в околонучных...

— Ничего сложного, — пожал плечами Сварог. — В сущности, те же придворные интриги, только в других декорациях... Я недавно переманил из Магистериума одного молодого А-физика на всякий случай — мало ли зачем может пригодиться свой А-физик. Так вот, он так легко согласился перейти ко мне, потому что оказался как раз из «еретиков». Я по невежеству своему в науках так и не понял, в чем эта ересь заключалась, но в Магистериме ему стало очень неудобно. Чем он у меня занимается, я так и не понял. Черт! Так вот почему Канилла с ним так быстро сблизилась и частенько бывает в его лаборатории, так что ее парень даже начал было ревновать. Подозреваю, «ересь» у них одного пошиба... Так что там было в Лицее?

— Ваша Канилла — большая умница...

— Я знаю, — сказал Сварог. — За что и ценю.

— Насколько мне известно, она всерьез заинтересовалась старыми архивами, откопала там какую-то из «ересей» и решила, что это вовсе не ересь, а весьма перспективное направление для работы. У нее хватило ума не защищать свое открытие перед наставниками. — Канцлер широко улыбнулся. — Девушка поступила иначе. Она попросту стала проникать ночью в один из рабочих залов и чуть ли не до рассвета проверять свою теорию на одной из тамошних установок. Благо сделать это было нетрудно, там не было ни кодовых замков, ни ночной стражи... правда, потом ввели и то и другое, как раз из-за этого случая. Это, конечно, было совершеннейшее нарушение регламентов: второкурсникам запрещены ночные работы, тем более без присмотра наставника. Но попробуйте остановить Каниллу Дегро, если ей что-то втемяшится в голову...

— Да уж, — сказал Сварог с чувством. — По собственному опыту знаю.

— Кончилось все тем, что случилась авария. Не особенно и крупная. Она просто-напросто вывела установку из строя — а это был немаленьких размеров агрегат. Не случилось ничего страшного, ни взрыва, ни пожара, вмешались автоматы безопасности, начавшийся пожар погасили, установку обесточили, взрыв, вполне возможный, предотвратили, но автоматы подняли тревогу по всему зданию, туда кинулась аварийная команда, и уйти незамеченной Канилла не успела. Как говорится, с поличным, на месте преступления... Канцлер ухмыльнулся. — Вообще-то, как мне объяснили, ее скорее всего и после этого инцидента оставили бы в Лицее — ну, после хорошей нахлобучки, понятно. Очень уж много от нее ждали, но она сама себе все испортила. Расследовать инцидент прибыл сам академик Уртало. Нынешнее светило и корифей, — Канцлер усмехнулся. — Знаете, в каждом поколении есть свои светила и корифеи... Верный и непреклонный последователь великого Кондери, основоположника А-физики...

Сварог хмыкнул:

— Естественно, враг всех и всяческих ересей и малейших отступлений от канонів...

— Ну, это уж как водится, — пожал плечами Канцлер. — Главный служитель истины и канонів... Короче говоря, содержание разговора меж ними так

и осталось неизвестным — по крайней мере, мне, — но Канилла, судя по всему, не каялась, наоборот, защищала свою гипотезу, причем, по слухам, столь... живо непосредственно, что Светило пришло в ярость, и она вылетела из Лицея, вообще из Магистериума, как пробка из бутылки. И с тех пор занималась А-физикой чисто по-любительски, уже не уделяя тому столько времени, сколько прежде... Вот и вся история. Банальная, если подумать...

— Банальная, — повторил Сварог. — Канцлер, как вы считаете... Могла она там наткнуться на что-то стоящее? Знаете, не раз бывало, что эти так называемые ереси как раз и оказывались чем-то ценным...

— Честно говоря, не знаю, — сказал Канцлер серьезно. — Не берусь судить. Рано... Все эти знания мы заберём наверх и будем исследовать самым тщательным образом, а там будет видно... Кстати, Канилла очень упорно уговаривала меня передать именно эти установки и лаборатории девятому столу... Что думаете?

— А почему бы и нет? — сказал Сварог. — У меня как-никак есть настоящий А-физик, да и в восьмом департаменте найдутся эксперты. Разумеется, если это не нарушает каких-то ваших планов...

— Нет, наоборот, — усмехнулся Канцлер. — Буду только рад, если с меня снимут часть ноши. Считайте, все это за вами, я распоряжусь. По совести говоря, меня сейчас в первую очередь интересует Крепость Королей: слишком серьезная вещь, чтобы ею пренебрегать.

— Если только она существует, — сказал Сварог.

— Если она существует, нужно сделать все, чтобы она не попала в чьи-то чужие руки, — сказал Канцлер. — Ну, а для вас, я догадываюсь, на первом месте — Токереты?

— Ну, разумеется, — сказал Сварог. — Коли уж они поддерживали отношения с Брашеро, нужно в сжатые сроки выяснить, что они замышляют. Без сомнения, у них имелись свои планы, но мы о них ничего не знаем, то-то и опаснее всего. Вряд ли они собирались быть при нем покорными исполнителями, не те ребята... Что-то, чутье подсказывает, он должен был им передать. В рамках союза. Они обязаны были что-то получить взамен еще до переворота, не поверю, что они ничего не просили...

— Я, кажется, знаю, что они просили, — кривя губы, произнес Канцлер. — И, боюсь, получили... Вот, полюбуйтесть.

Он положил перед Сварогом два странных предмета, больше всего напомиравших незамкнутые бублики, сделанные словно бы из прочного стекла — только один был прозрачный, а другой — до предела заполнен некой темно-коричневой субстанцией, словно бы переливавшейся тоненькими струйками, прядями. Сварог присмотрелся: так и есть. На всех четырех торцах «бубликов» золотисто посверкивали небольшие цилиндрики, очень похожие на охотничьи капсулы.

— Можете смело брать в руки, — усмехнулся Канцлер. — Эти штуки совершенно безопасны, пока их не активируют...

Сварог повертел «бублики» в руках. У него осталось впечатление, что «полный» малость потяжелее «пустого» — хотя, быть может, так только казалось.

— Что то? — спросил он, осторожно кладя «бублики» перед собой на стол.

— Не осторожничайте, — все так же жестко усмехнулся Канцлер. — По ним кузнечным молотом можно лупить или подкладывать взрывчатку...

— Что, вы уже провели испытания на полигоне?

— Не было необходимости, — серьезно сказал Канцлер. — Они давным-давно описаны в бумагах из Музея техники. Давным-давно их у нас использовали самым широким образом. Это — сверхпроводники. Вы слышали что-нибудь про сверхпроводимость?

Сварогу в первую очередь пришли в голову не ученые фолианты (когда бы он их листал?), а читанная в детстве фантастика.

— Супераккумулятор, — сказал он. — Заключающий в себе невероятное количество энергии. Правильно?

— Вот именно, — сказал Канцлер. — Может длительное время использоваться в качестве питающего устройства для самых разнообразных агрегатов. — Он печально усмехнулся: — А поскольку человек — сволочь изобретательная, то в качестве оружия — если высвободить энергию разом. По расчетам, одновременно взорванная дюжина таких штучек способна снести с земли, скажем, половину Латераны, останется лишь гигантская воронка...

— «Горное гнездо»! — вырвалось у Сварога.

— Вот именно, — сказал Канцлер. — Там их и заряжали. Энергоприемник и вся сопутствующая аппаратура уже уничтожены... кстати, я распорядился на всякий случай закрыть доступ в Музей техники и превратить его в закрытый объект. Мало ли какая изобретательная сволочь еще может появиться... Так вот. Прежде чем уничтожить компьютеры, мы, разумеется, сняли всю информацию. Получается, что за время работы установки заряжены около четырех тысяч сверхаккумуляторов и отправлены неизвестно куда. Когда наши взяли «Горное гнездо» штурмом, на «складе готовой продукции» их оказалось не более дюжины. Остальные исчезли, мы их не нашли ни там, ни во дворце — а других баз в Горроте у Брашери точно не было... если не считать той, где испытывали подводные лодки. Но и там ни единого. Как по-вашему, долго придется гадать, куда их могли переправить?

Почувствовав, как холодеет лицо, Сварог сказал:

— Никаких ребусов. В Токеранг.

— Наверняка, — кивнул Канцлер. — Самому Брашери они были просто ни к чему: при успехе он получил бы гораздо более мощное оружие, всю сеть боевых орбиталов. Ну, а Токеретам они вряд ли нужны как средства шантажа, заложенные под ваши городами — ну, может, десяток-другой... А вот для успешной реализации проекта «Нормальный размер» им как раз нужно огромное количество энергии.

— Им хватит того, что у них уже есть? — спросил Сварог, не поднимая глаз от стола.

— По нашим подсчетам — вполне, — бесстрастным тоном сказал Канцлер. По крайней мере, для того, чтобы увеличить военную технику и людей, — он хмыкнул, покрутил головой. — Есть еще одно, но, безусловно, благоприятное обстоятельство. Заводы, реакторы, лаборатории и тому подобное они никак не смогут увеличить и вытащить наружу... да и не увеличивая, вытащить не смогут. Дело не в энергии. Чисто технические причины. Чересчур уж сложная задача, у них просто не хватит для ее решения людей и техники. Кое-что я на их месте непременно постарался бы переправить наверх, самое необходимое и компактное... но того опять-таки не может быть слишком много.

— Ну вот, — одними губами усмехнулся Сварог. — Хоть одно благоприятное

обстоятельство у нас есть. И они не могут не понимать: без научно-промышленной опоры будут наверху слишком слабы...

— Часть оборудования, не увеличивая его, они давно уже могли перетащить на поверхность, не увеличивая его до поры до времени.

— Я об этом тоже думал, — сказал Сварог. — Часть — возможно. Но, уж, безусловно не столько, чтобы создать себе могучую базу. Не зря же они приглашают меня на переговоры, — он поднял голову и улыбнулся почти весело, — знаете, Канцлер... Я совершенно уверен: они не собираются меня там убивать. Будем смотреть правде в глаза: у них были... и, наверное, остаются нешуточные возможности убрать меня здесь, наверху, не разводя лишних сложностей. Как бы меня ни охраняли, всегда остается вероятность, что какой-нибудь «спятивший стражник» или «обозленный дворянин» всадит мне нож в спину. Полностью исключить такого варианта нельзя.

— Я бы на вашем месте носил под одеждой что-нибудь вроде кольчуги из толладской стали, — серьезно сказал Канцлер.

— Уже месяц как ношу, — столь же серьезно ответил Сварог. — Надежная штука, тройного плетения, любое лезвие удержит. Нет, им определенно нужны переговоры, — его губы тронула хищная улыбка. — А там посмотрим...

Глава III

Белокурая еретичка

Он стоял у широкого подоконника и, заложив руки за спину, без особых эмоций наблюдал последний акт состоявшейся драмы.

Широкое, почти прозрачное, игравшее радужными отблесками полотнище, идеальный прямоугольник, превосходивший длиной и шириной первое намеченное к уносу здание, коснулся его высокого каменного фундамента почти у самой земли. Вошел в камень, как горячий нож в раскаленное масло, стал продвигаться дальше, дальше, вот уже целиком скрылся под домом, торчат только боковины шириной с пол-уарда. Висевший над высоким козырьком крыши большой полупрозрачный диск брызнул вниз снопами разноцветных лучей — и края полотнища стали загибаться, расти в высоту, пока полностью не сомкнулись с диском, — заключив дом в подобие исполинского пакета. Диск стал медленно уходить в небо, увлекая за собой здание с легкостью тащившего крысу терьера. Осталась только аккуратнейшим образом срезанная половинка фундамента. В немаленькой толпе экскурсантов, собравшейся снаружи у стены под присмотром стражников, прошел шепоток пугливого удивления. Диск со своей ношей уже казался крохотной черной точкой, а они все таращились, задрав головы, у многих слетели с голов шляпы, чего они пока что совершенно не замечали.

«Почему их не вывели за ворота?» — вяло удивился Сварог, но тут же догадался о причине: ну конечно, пусть лишний раз убедятся в нешуточной мощи Высоких Господ Небес, и об том тоже станут болтать на всех углах, привирая и приукрашивая...

Обернулся на едва слышный звук распахнувшейся двери. Она немного отошла, там стояла Канилла, разгоряченная, с азартной физиономией, а за плечом у нее торчал секретарь, вопросительно глядя на Сварога. Вообще-то у него был приказ беспрепятственно пропускать в кабинет любого из юных соратни-

ков, если король там один — но он, должно быть, полагал нынешние обстоятельства особыми. И в чем-то был прав: обыденностью это никак нельзя было назвать...

Сварог кивнул ему, секретарь с поклоном пропустил Каниллу в кабинет и аккуратно притворил за ней дверь.

— Цветешь? — спросил Сварог вполне добродушно. — Проходи, садись. Курить, как всегда, можно.

Канилла прямо-таки плюхнулась в мягкое кресло на вычурных ножках, вытащила свой золотой портсигар с эмблемой девятого стола на крышке, но не открыла, так и вертела в руках — обо всем забыла от избытка впечатлений, надо полагать.

Извлекла, наконец, сигарету, сунула в рот не тем концом, опомнилась, но так и не прикурила. Прямо-таки заморожено помотала золотоволосой головкой:

— Командир, там такая аппаратура...

— Впечатляет? — усмехнулся Сварог.

— Не то слово... Восхищает.

— Ага. И от восхищения ты там устроила шумный научный диспут с дипломированными учеными?

Синие глаза строптиво сверкнули из-под полурассыпавшейся челки:

— Уже донесли?

— Я тебе сто раз говорил, Кани: королю не ябедничают и не доносят — его осведомляют, — и добавил не без злорадства: — Ну, что поделать, если вы там так расшумелись, что привлекли внимание Канцлера...

— И вовсе мы не шумели, — сказала Канилла. — Ну, может, чуточку повысили голос... Вполне пристойно шла дискуссия.

— Да ладно, я шучу, — сказал Сварог. — Я видел. Действительно, вы были само благолепие по сравнению с тем диспутом в Ремиденуме, когда один профессор так увлекся, что ухитрился запустить в оппонента даже не скамейкой, а преподавательской кафедрой, а она, между прочим, потяжелее скамеек. Правда, профессор был не из мозгляков... — Он резко оборвал шутливый тон. — Я, конечно, ничего не понимаю в А-физике, кроме того, что она занимается апейроном, но все равно, у меня осталось впечатление, что тебе так и не удалось им ничего доказать. Верно?

— Верно, — сердито выпалила Канилла. — Ортодоксы замшелые. Лошади зашоренные...

Сварог вкрадчиво спросил:

— Интересно, а во время той знаменитой истории в Лицее ты, случайно, не что-то вроде того выложила одному светилу науки?

Канилла отчаянно покраснела, до кончиков ушей. Красневшая от стыда или смущения Канилла Дегро — зрелище редкостное, Сварог его сейчас наблюдал впервые в жизни.

— Кто вам проболтался? — спросила она, не поднимая глаз.

— Неправильный термин, — сказал Сварог. — «Проболтался» обычно означает, что проговорился кто-то, с кого брали слово сохранить все в тайне. А мне рассказал Канцлер. Есть у него привычка — знать все... ну, будем надеяться, почти все... Ну, так как там было в Лицее?

— Я тогда была совсем молоденькая, — подняла глаза Канилла, — и сдержи-

вать себя умела плохо, но все равно, таких слов не употребляла. Ни в чей конкретный адрес. Хотя, признаться, волю эмоциям дала... Допекли. Обращались со мной так, словно я была крошкой, без спросу стащившей из буфета варенье...

Сварог мягко спросил:

— Тебе не кажется, что ты в каком-то смысле такой и была? По сравнению не только со светилом, но и магистрами?

— Может быть. И все равно, им не следовало держаться настолько свысока, не дать мне договорить... Как бы там ни было, сейчас я воли эмоциям не давала, вы же говорите, что сами видели... — она чуточку понурилась. — И все равно, они мне не поверили, ортодоксы...

— А о чем там шел спор?

— О «семи вкраплениях». Они же «точки Кондери»...

— Стоп, стоп, — поднял ладонь Сварог. — Я примерно знаю, кто такой был Кондери и насколько он велик, но вот тот ваш жаргон для меня — темный лес. Можешь ты объяснить примитивнее, чтобы даже невежда вроде меня понял суть?

Канилла на миг задумалась, вскинула очаровательную головку, улыбнулась:

— А знаете, командир, это, пожалуй, и нетрудно... У вас найдется бумага и стилос?

— Что за вопрос — у короля на столе да не найдется... Держи.

Канилла быстро начертила на белоснежном листе два почти идеальных, словно бы циркулем сделанных круга (она всегда хорошо рисовала, порой и шаржи, в том числе, негодница, и парочку на Сварога. Он не сердился). Потом изобразила внутри обоих кругов по семь фигур. Но если в первом все до одной напоминали детские каракули, то во втором оказалось семь маленьких, аккуратных кружков, умело заштрихованных. Повернула рисунок к Сварогу:

— Вот так, если популярно... Большой круг — это поток апейрона. На самом деле, конечно, круг — чистая условность, нужно же как-то изобразить поток...

— Я понял, — нетерпеливо сказал Сварог. — А эти закорючки-кружки — что такое?

— А это и есть предмет разногласия между официальной «школой Кондери» и отдельными вольнодумцами, к которым я и себя причисляю. Понимаете, в потоке апейрона всегда присутствуют... как бы поточнее выразиться... семь дочерних, что ли, потоков. Они гораздо более маломощны по сравнению с апейроном, но всегда ему сопутствуют. Сам Кондери их и обнаружил, когда практически на пустом месте создавал А-физику. А уж потом, гораздо позже, их называли в его честь. Сам Кондери их именовал «паразитарными излучениями», а то и попросту «соринками». Понимаете?

— Честное слово, понимаю, — сказал Сварог. — Вполне. Ничего особенно сложного. Ну, а ересь-то в чем?

— Видите ли, командир... — Канилла сделала неопишемую гримаску. — Я, конечно, безмерно уважаю Кондери. Он и в самом деле был великим ученым, основоположником, корифеем, создал А-физику, я уже говорила, что практически на пустом месте, заложил основы, вывел едва ли не две трети базовых уравнений, сделал еще многое... И все равно... Вы ведь знаете, что самые великие ученые порой ошибались, чему-то важному не придавали значения, со-

вершали жуткие промахи...

— Слышал кое-то, — сказал Сварог. — От ошибок никто не застрахован...

— Ну вот. В свое время Кондери объявил «точки» именно что мусором, не имеющим никакого научного значения. Эткими примесями, какие встречаются в самых благородных металлах. Совершенно не заслуживающими изучения. Ну, может, он не так уж и виноват, — великодушно добавила Канилла. — Не нам его судить, и уж тем более не мне, недоучке, вышибленной из Лицея на середине второго курса... А-физика только зарождалась, слишком многое предстояло сделать, и некогда было отвлекаться на второстепенное. Правда, уже в те времена раздавались голоса, что «точки Кондери» — никакой не мусор, что это никакие не примеси, а семь видов новых, неизвестных науке излучений. Я раскопала кое-что в архивах. Одно время на эту тему даже открыто дискутировали, но дискуссии очень быстро прекратились. Знаете, порой великие ученые...

— Тяжелый народ, — понятно кивнул Сварог. — Терпеть не могут, когда им противоречат, допустить не могут, что они ошибаются, и так далее, и тому подобное... Я так понимаю, дискуссии сошли на нет еще при жизни Кондери? И не без его влияния?

— Ага, вот именно, — сказала Канилла. — Кондери был слишком большой величиной в науке, его оппоненты не могли похвастать такими достижениями и научным авторитетом... В общем, их довольно быстро, как бы это выразиться, оттеснили на обочину...

— Это я тоже великолепно понимаю, — сказал Сварог. — Возобладало единственно верное учение, и любые отклонения стали считаться жуткой ересью...

— Примерно так, хотя термины у вас какие-то странноватые... — сказала Канилла. — Еще при жизни Кондери поддерживать гипотезу «семи излучений» означало серьезно рисковать научной репутацией, а уж при преемниках Кондери...

«Вышибали за ворота без выходного пособия» — мысленно добавил Сварог. Наука порой — тот еще гадючник, последующие светила и корифеи лишь углубляют идеи Отца-Основателя, любые покушения на основы будут и злодейскими выпадами против славных продолжателей...

— И что же, — сказал Сварог, — никто так и не проводил экспериментов, чтобы доказать, что никакие это не «примеси»?

— Только первое время, еще при Кондери. Тогда еще оставались ученые, хотя и уступавшие ему авторитетом, но все же достаточно решительные и влиятельные... Потом это как-то быстро сошло на нет. Данные в архивах отрывочные, иногда трудно понять, что именно происходило. Очень много пробелов. И потом... И потом, тогда А-физиков было очень мало, их и сейчас немного...

Что ж, это тоже аргумент, подумал Сварог. Конечно, будь это что на покинутой Сварогом Земле, что на Таларе, все могло обернуться совсем иначе — слишком много стран, слишком много ученых. А когда их всего кучка... Во-первых, кучку гораздо легче сплотить вокруг одной, единственно верной теории, во-вторых, когда ученый мирок малочислен, люди своим местом особенно дорожат и откровенно боятся связываться с еретическими теориями.

Вот вышибут его за ересь и вольнодумство из А-физики, и куда он пойдет? Стоп, стоп! Уж не то ли самое произошло с магистром Дальбетом, тем самым

А-физиком, которого Сварог подозрительно легко переманил из Магистериума? Настолько легко, что даже подозревал одно время, что Магистериум таким образом хочет подсунуть ему своего агента (лишь долгая проверка показала, что Сварог тянет пустышку, что у Дальбета и в самом деле сложились крайне напряженные отношения с коллегами по науке... о которых сам он до сих пор говорит крайне скупой). Да или нет?

— В общем, когда я откопала в архивах старинные данные об экспериментах с «точкой пять», загорелась, — продолжала Канилла. — И решила проверить. Сначала все вроде бы шло гладко, а потом эта чертова установка буквально взорвалась. Может, я задала ей задачу, превосходившую ее возможности. А может... — она замолчала, играя портсигаром.

— А может, у тебя попросту не хватало опыта и знаний, чтобы играть в такие игры.

— Возможно, — к его удивлению, покладисто согласилась Канилла. — Хотя подобные аварии случались и у иных корифеев...

— Ты мне вот что скажи, — сказал Сварог. — В последнее время ты что-то слишком уж много времени проводила с магистром Дальбетом, без всякой служебной необходимости.

— Ну да, — безмятежно улыбнулась Канилла. — Родрик даже ревновал, дурачок, без всяких к тому оснований... Но никаких амурных дел там не было, честное слово. Просто мы как-то разговорились, и выяснилось, что мы с Дальбетом — сущие собраты по несчастью. Он в свое время из чистого любопытства провел пару экспериментов с «точкой три». Полной уверенности нет, но он говорит, что результаты были очень интересные, что эксперименты стоило бы продолжать и развивать, — Канилла улыбнулась. — Он уже не в том возрасте, когда ночью, тайком прокрадываются в лабораторию, потому пошел к начальнику сектора за содействием. Тот оказался ярым ортодоксом, и началась у Дальбета невеселая жизнь, тем более что парень он строптивый, самолюбивый, отказался признать, что результаты его экспериментов — банальные сбои аппаратуры. Не прими вы его на службу, его вскоре выжили бы, точно...

— Хорошо хоть, не зарезали бы, — сказал Сварог. — Что ты улыбаешься? Научные дискуссии порой принимают довольно специфические формы. Был у меня года полтора назад в Снольдере такой случай. Один молодой, но дьявольски талантливый химик заканчивал работу, которая должна была камня на камне не оставить от одного из основополагающих трудов некоего корифея. Вообще-то корифей тот, как мне потом объяснили, вовсе не был шарлатаном, однако так уж вышло, что именно эта книга оказалась, как выразился один из экспертов, плодом глубокого заблуждения. Искреннего заблуждения, но дела это не меняет. А по ней уже лет двадцать студенты учатся в трех университетах, за нее золотая медаль Королевской академии наук присуждена. И вдруг, как гром с ясного неба... Есть от чего затосковать. Тем более что корифей совсем не стар, даже в пожилой возраст не вошел, долго ему пришлось бы с этим жить. Этому молодому гению держать бы язык за зубами до поры до времени, а он не удержался, рассказал кое-кому из коллег, как вскорости приложит самого.

— Хотите сказать, что корифей его зарезал?

— Чужими руками, — сказал Сварог хмуро. — Через посредника договорил-

ся с «ночными портными» из какой-то серьезной банды, те ночью прокрались в дом и преспокойно прикончили незадачливого гения. А потом согласно просьбе заказчика собрали все бумаги, какие только нашлись в кабинете, и унесли. Они все были поголовно неграмотны, а потому добросовестно унесли все. Пусть заказчик сам разбирается. Ну, а заодно, чтобы создать видимость обычного ограбления, прихватили немало ценных вещичек, все деньги выгребли — покойный происходил из богатой семьи, получил хорошее наследство, жил безбедно... Займись этим одна только обычная полиция, могло бы ученому мужу и сойти с рук. Но на его несчастье, тот молодой химик не только мирными вещами занимался, а еще и работал с военными. Разрабатывал для военного флота какой-то новый вид пороха, гораздо лучше имеющихся — ну, в эти детали я вникать не стал. В общем, как только стало известно, что из дома пропали не только деньги с ценностями, но и все бумаги, военные сделали стойку и моментально узрели тут шпионские происки. Тем более что лоранские шпионы на дальних подступах уже замаячили. Подняли на ноги и Морское Бюро, и тайную полицию. Бюро так ничего и не раскопало — они работали исключительно в привычной для себя среде, старательно искали именно что шпионов... Тайная полиция сработала лучше. Когда у скупщиков краденого стали всплывать кое-какие ценные вещички из похищенных, они взяли в оборот парочку «черных торговцев», кто-то из них сдал кого-то из «портняжек», тот — остальных, те сдали посредника, ну, а дальше было совсем просто... Взяли корифея без всякого почтения к научным титулам и довольно быстро раскололи.

— И что вы с ним сделали? — с любопытством спросила Канилла.

— Я, знаешь ли, большой гуманист, — жестко усмехнулся Сварог. — К чему рубить головы направо и налево, коли в Трех Королевствах катастрофически не хватает людей? Я и велел законопатить его туда навечно. Правда, не киркой махать, а скрипеть пером в тюремной канцелярии — как-никак серьезный ученый, далеко не стар, может и еще что-нибудь полезное открыть. Но все равно — вечная каторга без права выхода за колючку, с ночлегом в камере.

Все остальные, причастные к делу, тоже пошли на ту же каторгу — но по причине их полной бесполезности для науки всю оставшуюся жизнь будут киркой махать.

Канилла зябко поежилась:

— Ну, у нас такого не бывает...

— Условия специфические, — сказал Сварог. — А вот дай ты им волю, еще неизвестно, что началось бы... Ладно, давай о деле. Что тебя там привлекло, в той именно лаборатории?

— Я не буду вдаваться в научные детали, командир, хорошо? Вы ведь, простите, все равно ничего не поймете.

— И даже пытаться не стану, — хмыкнул Сварог. — Излагай суть в доступной форме.

— Понимаете... Я так и не поняла пока предназначение двух тамошних установок, но голову могу позакладывать: они работают с излучением той самой «точки пять», которую я тогда пыталась исследовать. Полное совпадение с теми архивными данными и парой моих тогдашних экспериментов, — она беспомощно развела руками. — Простите, командир, но дальше начинаются

сплошные формулы и расчеты...

— И пошли они к лешему... — проворчал Сварог. — Суть я уяснил. Ладно... Не ерзай ты так, Канцлер уже распорядился передать ту аппаратуру нам, так что демонстрационщики ее скоро доставят в наш Манор. Крепко подозреваю, он так поступил оттого, что считает ее чем-то третьестепенным, есть вещи, которые его интересуют гораздо больше. Но я тебе этого не говорил, а ты этого не слышала. Ибо подчиненные не должны сплетничать о вышестоящих... В общем, пора открывать и у нас научно-технический отдел, коли уж жизнь заставляет. Состоять он будет пока что только из тебя и Дальбета... кстати, твое честолюбие не особенно пострадает, если руководить отделом будет он, а не ты? Он как-никак профессионал, а ты, сто раз прости, не более чем любитель...

— Да я вовсе не честолюбивая, — заверила Канилла. — Просто люблю разгадывать загадки, тем более такие...

— Тем лучше, — сказал Сварог. — Ну, а кадры понемногу подберем. Есть у меня одна идея...

— А что за кадры?

— Потом узнаешь, — решительно сказал Сварог, смеясь в глубине души — кадры, конечно, специфические, но от них, вполне возможно, будет толк. В Велордеране отличный научный центр, пора, кроме Закона, посвятить в эти тайны и Каниллу, ей вполне можно доверять...

Канилла деловито сказала:

— В таком случае, нам понадобится еще масса аппаратуры...

— Раздобудем, — заверил Сварог. — В полном соответствии с законами и регламентами. Если уж есть научно-технический центр, его следует оборудовать по высшему разряду. Поскольку...

Он вдруг замолчал. До него только сейчас дошло во всей полноте, на что они так неожиданно наткнулись.

— Что с вами? — встревоженно воскликнула Канилла. — У вас вдруг стало такое лицо...

Сварог молчал еще какое-то время. Потом медленно сказал:

— Кани, ты умница, но, похоже, так до сих пор и не поняла, на что наткнулась... Речь идет не о простом решении научной загадки, а о безопасности Империи. Именно так. Если ты права и в самом деле существуют целых семь видов излучений, которыми официальная наука до сих пор так и не занималась, не имеет аппаратуры, способной их фиксировать... Еще не поняла? Как меня наставлял не так давно профессор Марлок, практически любой вид излучения можно использовать для связи, а то и для чего-нибудь похуже.

Вот теперь и до нее, очень похоже, дошло во всей полноте, глаза стали круглыми от изумления, она выдохнула:

— Вы считаете, Брашерио с компанией...

— Вот именно, — сказал Сварог. — Если ты права, здешняя компания использовала как минимум один из видов излучения, не признанный официальной наукой. Если так, они могли часами переговариваться со своими сообщниками наверху, с Токеретами, еще черт знает с кем о делах насущных — причем открытым текстом, потому что ни у одной имперской службы попросту нет аппаратуры, способной их передачи перехватить, вообще засечь...

И кстати, добавил он про себя, мы так до сих пор не доискались, каким образом «черные камни», загадочные компьютеры неизвестного происхожде-

ния, незамеченными подключаются к сетям Империи. Да что там далеко ходить, сам я, хоть и полноправный король Хелльстада, понятия не имею, каким образом проделывают то же самое компьютеры Велордерана. А ведь Золотые Обезьяны должны знать. Просто я их об этом никогда не спрашивал, а логика роботов давно известна: они отвечают только на прямо поставленный вопрос, никогда по собственной инициативе не станут читать лекции и давать пояснения, так уж у них мозги устроены...

Вид у Каниллы был чуточку испуганный — ну да, осознала девочка во всей полноте, с чем они столкнулись...

— И что теперь? — спросила она чуть беспомощно. — Это перерастает, нет... даже не могу точно сформулировать, во что.

Сварог усмехнулся:

— Зато я могу, как бюрократ и начальник спецслужб. Перерастает это в научные работы высшей степени секретности и важности, как имеющие прямое отношение к безопасности Империи. Я сегодня же пойду к Канцлеру, потому что такие вещи мы просто не можем держать при себе. И поговорю с императрицей, — он широко улыбнулся. — Кани, если я хоть что-то понимаю в жизни, у вас с Дальбетом вскоре будет любая аппаратура, какая только понадобится. В любых количествах. Придется строить новый Манор, специально для научно-технического отдела. Работа предстоит...

Канилла сказала почти жалобно:

— Я не думала, что запускаю такую махину.

Сварог хмыкнул:

— Случается такое в жизни, красавица моя. И никуда теперь от всего этого не денешься. Сплошь и рядом...

Он прервался — рядом с его правым локтем мелодично засвиристел портсигар-компьютер, замигала синяя лампочка, искусно выполненная в виде крупного сапфира. Сварог без колебаний придвинул его и поднял крышку: пустяками не пахло, все, кто знал этот канал, предупреждены — пока он работает в Акобаре, беспокоить только по самым неотложным делам.

Перед ним на столе неярко засветилась синяя клавиатура, а на месте крышки портсигара возник немаленький экран.

На экране зеленела спокойная морская гладь, белел наполовину погруженный «Ящер» Морской бригады, и у перил стоял капитан Грайгем, адъютант маркиза (Эклера еще по Серебряной Бригаде. За спиной у него, кажется, урда в сотне, вздымалась прямо из моря странная стена, уходившая за боковины экрана и его верхний обрез. Да, странная стена: такое впечатление, выпуклая чуточку, покрытая черно-зеленым узором, напоминавшим что-то крайне знакомое. Но сейчас Сварога, несмотря на странность стены, больше интересовал капитан. Он держался крайне странно: уставился на Сварога, часто моргая, как это бывает с куклами, когда их вертят дети, а по лицу блуждала глуповатая улыбка. Будь это кто-то другой, можно с ходу заподозрить, что человек изрядно принял на грудь, но капитана Сварог давно знал как офицера толкового и дисциплинированного — других Оклер в своей команде не держал, что прежней, то в новой.

— Ну? — грубовато спросил Сварог.

Капитан молча таращился на него с той же дурацкой ухмылкой. Прямлился наконец:

— У нас тут... Мы здесь... События такие...

Сварог не медлил. Против такого поведения есть давнее вернейшее средство, известное любому армейцу с опытом...

— Доложите, как надлежит! — рявкнул Сварог, что твой медведь.

Он не стал отключать звук, переведя бы тем самым речь собеседника в текстовые сообщения: от Каниллы, как и от многих, у него были кое-какие секреты, но не в тех делах, что касались Морской бригады. Наоборот, ей, сотруднице девятого стола, сейчас как раз надлежит быть в курсе...

Испытанное средство не подвело и на сей раз: капитан живенько подтянулся, убрал с лица дурацкую ухмылку и доложил. Одной-единственной фразой, которой вполне хватило...

Сварог не выказал удивления — хотя именно его испытал, весьма нешуточное. Сказал только:

— Маркиз на месте?

— Так точно!

— Я немедленно вылетаю, — сказал Сварог и выключил экран. Глянув на Каниллу, невольно усмехнулся: у нее от несказанного удивления не только глаза стали квадратными, но и рот приоткрылся совершенно по-детски.

— Вот так, Кани, — сказал он, все еще усмехаясь. — Бывает. Ай да Оклер...

— М-можно... можно мне с вами?

Сварог пожал плечами:

— Поехали... — и коснулся клавиши со значком: — Лейтенант, мы вылетаем. Охрана обычная, только прихватите еще дежурный драккар.

Выключил компьютер, встал, шумно отодвинув массивное кресло, по горотскому обычаю щедро украшенное здешними самоцветными камнями. Нетерпеливо бросил:

— Что ты сидишь? Вперед!

...Он остановил машину высоко в воздухе, чтобы сначала рассмотреть эту весьма незаурядную картину с высоты. А посмотреть было на что: на зеленоватой морской глади неподвижно вытянулись две змеищи в черно-зеленых узорах чешуи, с треугольными плоскими головами. Сверху, как всегда бывает, они казались самыми обыкновенными змеями вроде лесной гадюки. Правда, длину чуть ли не в лигу прекрасно передавали десятка два собравшихся вокруг машин: и «Ящеры», и диски-антигравы (должно быть, как раз и державшие исполинскую дохлятину на плаву), и браганты с драккарами. По сравнению со змеями они казались чуть ли не мошками.

Вот так. Внезапно, незатейливо и наверняка без особых трудов. Маркиз Оклер, определенно сам того не ожидая, прикончил Митгард, одно из Воплощений, и Ермундгада, неизвестно какие функции при ней выполнявшего...

Сварог повел машину вниз, за ним, чуть сзади и по бокам, в идеальном строю шли два драккара охраны и еще один, дежурный. Аккуратно подведя посаженный на воду драккар вплотную к борту флагманского «Ящера», он ловко перелез через невысокие перильца и помог Канилле. Мариз Оклер лихо отдал ему честь — конечно, Морская бригада Сварогу не подчинялась ни с какой стороны, но по положению он был гораздо выше, и бравый служака Оклер такие тонкости прекрасно понимал.

— Ну, что же, вас можно поздравить, мой друг? — сказал Сварог. — Рассказывайте побыстрее, тут любой умрет от любопытства...

Оклер ничуть не походил на бравого триумфатора (хотя, между нами, имел все поводы такой вид принять). Наоборот, он улыбался чуточку сконфуженно, будто совершил что-то такое, чему ему по чину не полагалось.

История оказалась нехитрая. Исполинские змеюги, неизвестно где затаившиеся, внезапно были обнаружены одним из орбиталов Морской бригады — когда целеустремленно шли к поверхности. А, оказавшись на поверхности, стали нападать на корабли, первые попавшиеся, разнося их в щепки — что им стоило — и пожирая бултыхавшихся в воде моряков. Везения и времени им хватило лишь на двух снольдерских «купцов» и горротский военный фрегат. А потом на них обрушились две дюжины «Ящеров» под личным командованием Оклера, окружая, не давая уйти на глубину. На каждом «Ящере» имелись торпеды, предназначенные для подводных лодок Токеретов нормального размера — мало ли как могло обернуться дело. Но использовать их против змеищ никто и не пытался: все равно что попробовать убить дикого вепря булавкой... И Оклер приказал пустить в ход инфразвуковые опухи, рассудив нехитро: если обе твари — какие-нибудь демоны, ему и его людям придет каюк, но если это создания из плоти и крови... Пальба шла неприцельная и хаотичная — никто, в том числе и Оклер, не знал, где у этих змеищ сердце, где вообще бывает сердце у змеи. А потому во время хаотичной схватки Оклер все же потерял двух «Ящеров» — один был «беспилотник», второй, к сожалению, нет. Оба хрупнули в исполинских челюстях, как орехи...

Но вскоре, когда змеищи принялись конвульсивно биться под непрерывным неслышным огнем — так что «Ящеры» едва успели рассыпаться — стало ясно, что они вовсе не демоны, обстрел усилился, пушки работали на максимуме, и примерно через квадранс обе тварюги всплыли неподвижными...

— Вот, собственно, и все, — сказал Оклер, улыбаясь все так же чуточку конфузливо. — Кто бы знал, что так просто...

— Просто или сложно, а в историю вы, маркиз, войдете, — серьезно и искренне сказал Сварог.

Маркиз пожал плечами:

— Вот уж кто бы мог подумать... Но ведь, собственно говоря, так и останется неизвестным, кто именно нанес решающий удар — все палили, как проклятые, может быть, победу одержал вообще какой-то из «беспилотников»...

Сварог усмехнулся:

— Поверьте человеку, имеющему в этих делах кое-какой опыт: в подобных случаях в историю входит командир. Не нами заведено, не на нас и кончится, это что-то вроде закона природы, а потому протестовать бессмысленно.

...Едва они взлетели, Канилла что-то возбужденно затараторила, все еще оглядываясь назад.

— Кани, помолчи минутку, ладно? — серьезно сказал Сварог. — Мне нужно подумать...

Она дисциплинированно умолкла.

Действительно, подумать есть над чем. Сейчас, когда уничтожены три воплощения из четырех, можно анализировать — да и статистика откровенно присутствует...

Два Воплощения оказались уязвимы для современного оружия — неважно, что сейчас в ход были упущены инфразвуковые пушки, а победитель Брелганда справился копьем и мечом. В сущности — самые обычные твари — разве

что змеи были исполинскими, а Брелганд, судя по сохранившемуся в монастырском хранилище черепу, был, в общем, обычных для дракона размеров. В старые времена, что давным-давно подтверждено палеонтологами, драконы водились, в том числе огнедышащие (никакой магии, просто очередная шуточка биологии, носившая под собой вполне научную основу). Брелганд, кстати, огнедышащим не был, так что тот брат-рыцарь, хотя крестьяне и подобрали его после боя с переломами и ранами, выжил и до конца жизни ходил на своих ногах, разве что изрядно скособоченным и с не разгибавшейся почти левой рукой.

Великий Кракен, конечно, был противником не в пример более жутким и могучим — но против него нашлись средства еще до Шторма. Великому Мастеру следовало бы в свое время позаботиться о большей неуязвимости для своих воплощений, наверняка он в состоянии был это сделать. Однако... Если дьявол, как гласит старая поговорка, никогда не делает ошибок, то свои серьезные недостатки есть. Еще года три назад и брат Тивадар, и монахи из Ордена святого Сколота заверяли Сварога, что Великий Мастер начисто лишен способности предвидеть будущее. Свои воплощения он создавал в незапамятные времена, «у начала времен», как любят выражаться книжники, — к тому же в ту эпоху, когда люди еще не пришли сюда с Сильваны, а Таларом владели Изначальные. Нет, «владели» — слишком громко сказано. Пока еще не владели, а просто обитали. О них до сих пор известно чертовски мало, но археологи Империи клянутся, что у Изначальных, судя по некоторым находкам, безусловно были свои первобытные времена — когда, судя по некоторым гипотезам, и были созданы Воплощения. Так что Великий Мастер так и не поднялся выше уровня окружающего мира — не то что инфразвуковых пушек и «Рагнарока» с его так и оставшимися загадкой торпедами (поскольку израсходованы все до единой, и изучать попросту нечего), но и рыцарских мечей не предвидел.

И вот теперь возникает главный, насущнейший вопрос: а каково четвертое Воплощение и на что способно? В старых книгах о нем кое-что все же попадает, но даже если некоторые описания правдивы (как это оказалось с Багряной Звездой), все равно невозможно делать выводы о его могуществе и возможностях... И где он прячется, в конце концов, черт бы его побрал?

— Вот что, Кани, — сказал Сварог, очнувшись от раздумий и подняв голову. — Садись-ка в дежурный драккар, лети наверх. Тебе ведь самой не терпится посмотреть еще раз ту аппаратуру? Ну, вот... А у меня еще дела во дворце, — его губы тронула не такая уж и добрая улыбка. — На сей раз — никаких загадок и интриг. Я бы сказал, парочка чисто воспитательных мероприятий...

Глава IV

Воспитатель и дипломат

Проходя по коридорам, ведущим в королевские покои, он не заметил особенных разрушений: сам давал приказ «багровым» особенно не усердствовать. Кое-где картины висели явно не на месте, и некоторые высокие резные шкафчики, щедро украшенные драгоценными камнями, сдвинуты с прежних мест: ну да, быстренько прикрыли следы от пуль, топоров и мечей, чтобы потом навести благолепие, подобающее полноправной королеве, наконец-то занявшей трон. Правда, во дворце пока что не имелось никого из посторонних — стража сменена полностью, сплошь из антланцев, как и раззолоченные лакеи, от них-то следовало избавиться в первую очередь: эта публика сует нос в любую щель, подслушивает и подсматривает при каждом удобном случае, а потому порой знает государственных тайн даже больше, чем облеченные королевским доверием приближенные (именно по этой причине их всех до единого следовало допросить самым тщательным образом). Доводя дело до логического завершения, Сварог намеревался сменить вообще всю дворцовую прислугу на своих людей — от поваров и прочих кухонных мужиков до кучеров и садовников-огородников. Литте, учитывая кое-какие будущие сложности (а ведь еще не все вычислены навскидку), следовало обитать в обстановке строгой стерильности. А сложности будут, готовиться нужно заранее... Он оставил пока что при принце пару-тройку служанок, но и их следовало в самом скором времени заменить. За пределами дворца не найдется наверняка никаких сообщников, с которыми юный поганец мог бы сноситься через служанок, но все равно, следовало полностью отрезать его от внешнего мира.

Двое стражников, охранявши главную дверь в покои принца, конечно же, моментально его узнали и расступились, один проворно распахнул дверь, боковую, в узорах из красиво ограненного бакана. Лакей, вышагнувший навстречу в высокой раззолоченной приемной, конечно же, тоже был свой. Многозначительно уставился, ожидая распоряжений.

— Где сопляк? — негромко спросил Сварог.

— В кабинете — у него там служанка...

— Понятно, — сказал Сварог. — Урок музыки (лакей ответил легкой циничной улыбочкой). Совершенно не представляю, зачем заниматься этим в кабинете... Ну ладно, подождем, должна же быть мужская солидарность... Как он себя ведет? Не истерит, не буйнит?

— Пожаловаться не на что, — серьезно сказал слуга, он же один из доверенных кадров Интагара. — С самого начала, когда все началось, пытался выскокить в коридор, звал герцога Орка — но быстро сообразил, что к чему, когда мы ему кратенько объяснили суть перемен. Вино и служанок доставляем беспрепятственно, как вы и приказывали...

— Ну, и каковы ваши первые впечатления? — спросил Сварог деловито.

— Змееныш еще тот, — столь же серьезно ответил сыщик. — Держится спокойно, но, судя по глазам, с превеликой охотой велел бы всех передушить. Один-единственный раз пытался скандалить, когда снимали его портрет при всех королевских регалиях — он его велел и в спальне, и в кабинете повесить. Ну, объяснили чисто словесно, но убедительно...

— Из каких он, как по-вашему?

— Крысеныш уличный, — убежденно сказал сыщик. — Из веселых кварталов наподобие ронерских Кривопутных Улочек или Латеранских Дикарских Хижин. Тут, в Акобаре, тоже есть такое местечко, где их нет? — только я не помню, как оно тут называется. Той самой породы. Я, когда только начинал, в молодости как раз по таким местечкам работал, насмотрелся. Кошельки учатся срезать раньше, чем ходить, а уж если собьются в стаю...

— Одним словом, милейший ребенок, — рассеянно сказал Сварог.

Видимо, у Брашерио не было особенного выбора — спектр того щенка, надо полагать, идеально соответствовал плану...

— Да уж, гнида редкостная, — с чувством сказал сыщик.

Сварог пожал плечами:

— Что поделать, если другого у нас нет...

В дальнем конце приемной распахнулась дверь, как и прочие, разместившаяся меж двух колонн из орлеца, выскочила симпатичная служаночка. Перехватив взгляд Сварога, запунцовела до ушей и, прикрыв лицо белым фартучком, выскользнула. Теперь его высочество был свободен от государственных дел, и Сварог решительно направился в кабинет.

Как он и ожидал, стол оказался совершенно свободен от деловых бумаг (впрочем, настоящего принца ими тоже не загружали бы). Зато там лежала парочка толстых альбомов, судя по цветным картинкам на обложке, всецело посвященных обнаженной натуре. Ни следа учебников, карт и прочих учебных пособий, при взгляде на небольшую книжную полку возникает впечатление, что ни одну из книг не открывали отроду. Зато целая стена густо увешана разнообразнейшим оружием — ну, чего еще другого ожидать от юного наследника трона, чьим единственным воспитателем был герцог Орк?

Сам принц сидел на широком диванчике у стены — вот диван, сразу видно, использовался гораздо чаще, чем кресло за столом. К дивану придвинут столик, на котором красовался примечательный натюрморт: бутылка вина с синей этикеткой, хрустальный бокал и серебряное блюдо, на коем помещались большая золотая пепельница, три трубки из красного дерева и парочка резных шкатулок.

Ну, коли уж без церемоний... Сварог поднял за спинку одно из кресел у стола, поставил его посреди кабинета и сел лицом к принцу, прикурил от пальца и стал разглядывать неожиданно попавшее в круг его забот сомнительное сокровище.

По первым впечатлениям — обыкновенный мальчишка, белобрысый и светлоглазый, чем-то даже симпатичный. Вот только глаза у него отнюдь не детские — колючие, полные неприглядного житейского опыта, какого у благополучного пацана его лет и быть-то не может, смотрит исподлобья, неприязненно и зло, сущий волчонок. И уж конечно, такие глаза у него стали отнюдь не по причине событий последних дней — происхождение и жизненный опыт, конечно. Надо думать, даже искусство Брашерио, мастерски изготавливавшего двойников, оказалось бессильно облагородить этакий вот взгляд...

Мальчишка — с некоторым вызовом, покрывив губы — взял одну из украшенных пещерным жемчугом трубок, умело набил светлым табаком, умело раскурил. Принялся пускать дым, поглядывая на Сварога с тем же вызовом — за которым все же чувствовался страх.

— Говорят, курить вредно, — сказал Сварог нейтральным тоном.

— Болтают, — отозвался мальчишка напряженно. — Сами-то...

— Да, дурная привычка, никак не соберусь бросить — то одно, то другое... — сказал Сварог. — Итак... Его королевское высочество принц Каэтан. Мне представляться?

— Не надо, — угрюмо бросил Каэтан.

— Уже проще, — усмехнулся Сварог. — Поговорим?

— Смотря о чем, — настороженно отозвался Каэтан.

— Для начала — о тебе, — сказал Сварог. — Да, между прочим... Коли уж ты о мне немного наслышан и даже в лицо узнал... Слышал, может, что у меня есть привычка безошибочно отличать правду от лжи?

— Доводилось...

— Я об этом помянул исключительно ради экономии времени, — сказал Сварог, — чтобы разговор был коротким и деловым. Откуда родом будешь?

После коротенькой паузы Каэтан ответил, снова не без вызова:

— Из Драной Окраины.

Уточнений тут явно не требовалось. Сварог спросил:

— Родители есть?

— Коли уж появился на свет, были где-то, — ответил Каэтан равнодушно. — Вот только я о них не слыхивал давненько, и не тянет. Нашлись добрые люди, в канаве подобрали...

— ...и обучили куче интересных способов зарабатывать денежки на жизнь, — понятливо продолжил Сварог. — Тем самым, что не одобряет ни одна полиция... Жмуры за душой есть?

— Ни одного, — сказал Каэтан. — Порезанные были — ну, сами виноваты...

— Не врешь, — задумчиво сказал Сварог. — Значит, работал у добрых людей... Подробности меня не интересуют. А потом тебя отыскал еще более добрый дядюшка по имени Брашеро — или его люди отыскали, не того полета человек, чтобы самолично шлеться по воровским трюцобам. И сделали тебе предложение, на которое ты быстро согласился.

— А кто бы отказался? — хмыкнул Каэтан.

— Тоже верно, — сказал Сварог. — В твоём-то положении...

Он нисколько не сердился на мальчишку, не говоря уж о том, что он ничего такого натворить не успел, если не считать шалостей со служанками. Мало ли в помянутых трюцобах таких вот — чуть ли не в младенческом возрасте оказавшихся на улице и быстренько попавших в науку к «добрым людям»? (Впрочем, и жалости к нему Сварог не испытывал ни малейшей — всех не пережалеешь.)

— Крепко на меня злишься? — спросил он.

— Это за что это?

— За то, что я тебе дал побыть королем всего-то пару дней?

— На всех злиться — злости не хватит... — проворчал Каэтан.

— Резонно, — сказал Сварог. — Парнишка ты, нечего и гадать, умный и сообразительный — школа жизни, ага... Так вот. Сам, наверное, отлично соображаешь: даже если бы остался королем, ходил бы по струночке и делал только то, что они скажут.

— Уж это точно, — угрюмо кивнул Каэтан. — Дураку ясно. И все равно — лучше быть у них на ниточках и всюю пользоваться теми выгодами, что бы-

ли бы, чем...

— Так, — сказал Сварог. — Кажется, понятно, в чем тут дело. Ты ведь меня боишься, шустрое чадо? Да? Говори честно, ничего тут нет унижительного для неглупого человека в твоём положении.

— Ну и что? — проворчал мальчишка. — Боюсь. Кто там знает, что у вас на уме?

Сварог дружелюбно улыбнулся:

— Хочешь совершенно точно знать, что у меня на уме? Верить или нет — дело твое, но я намерен оставить тебя на прежнем месте и в прежнем положении. Дело тут не в добротe, а в обстоятельствах. Будь я узурпатором, собравшимся захватить Горрот, просто обязан был бы вырезать прежнюю династию. Без капли злобы — так уж в таких делах полагается... Но намерения у меня совсем другие. Мне нужно, чтобы на троне по-прежнему сидела твоя... мамочка. Ну и ты, соответственно, оставался при ней, коли уж жив и здоров. Веришь?

— Что бы тут и не поверить... Мамочку, я так понимаю, вы уже крепенько захомутали?

— Примерно так и обстоит, — сказал Сварог. — Прекрасно понимает, что я — её единственная защита, опора и надежда.

— Раскладываете, поди? — поинтересовался Каэтан с ухмылочкой.

— Ну, то мое дело, — сказал Сварог преспокойно. — Я ведь в твои забавы со служанками не лезу... Но ситуацию ты ухватил верно.

Твоя названная матушка работает на меня, и только на меня. Мои армии скоро уйдут, а она останется править...

— Под присмотром ваших тихарей? — усмехнулся мальчишка.

— Еще под каким... — усмехнулся и Сварог. — Ну а как же без этого? Давай к делу. Поскольку ты живехонек-здоровехонек, о чем всему королевству известно, тебе необходимо играть строго определенную роль в событиях. То есть, оставаться тем, кем тебя полагают люди непосвященные: наследный принц, пусть и пристрастившийся с ранних лет к иным предосудительным забавам — в общем, ничего необычного, во многих коронованных семействах и не такое бывало... Уяснил? Я от тебя вовсе не требую, чтобы ты разыгрывал любящего сыночка — просто веди себя как можно естественнее, — он усмехнулся. — И забавы свои устраивай чуточку поскромнее, понял? Во всем остальном — самый обычный принц. Задача понятна?

— Понятна, — пробурчал Каэтан. — Вот только совершенно не тянет часто общаться с этой...

— А никто и не заставляет, — пожал плечами Сварог. — Некоторое отчуждение будет вполне мотивировано: взрослеешь, переходный возраст... Главное, вести себя ты должен так, чтобы никто ничего не заподозрил. Выполнять то, что от тебя требуют чисто церемониальные обязанности и придворный этикет. Никакой видимой неприязни, ничего такого. И преспокойно пользуйся всеми благами, что тебе, как принцу, положены — только, еще раз говорю, развлекайся поскромнее. Чтобы девки к тебе средь бела дня в кабинет не шмыгали. Образ я из тебя леплю такой: несмотря на свойственные юности перегибы и мелкие грешки, ты все же достойный наследник короны, юноша с большими задатками (Каэтан ухмыльнулся). Ты не скалься, не скалься. Скоро во дворец вернутся те, кто был близок к прежнему королю. И у них о тебе, на сколько я знаю, самое хорошее впечатление, они ж тебя помнят совсем ма-

леньким... Изволь это впечатление не портить. Тогда проживешь долго и счастливо, в роскоши. Мое слово. Что-то еще объяснять?

— Не надо, — сказал Каэтан. — Лишь бы не обманули.

— Я уже объяснил, почему не собираюсь тебя обманывать, — терпеливо сказал Сварог. — Не по доброте душевной, а потому, что ты мне еще долго будешь нужен. Спросить что-то хочешь?

— А эти никогда уже не вернуться?

— Никогда, — сказал Сварог. — Даже слабенького повторения чего-то подобного никто никогда не допустит.

— И Орка тоже уберете? — на сей раз в голосе Каэтана прозвучало искреннее сожаление.

— Что, пришлись друг другу по душе? — усмехнулся Сварог.

— С ним было чертовски интересно...

— Не сомневаюсь, — сказал Сварог. — Ну, придется обойтись без Орка. Я тебе подберу парочку «близких друзей», чтобы не скучал — охота, разные развлечения и все прочее... — он чуть наклонился вперед, голос стал жестким. — Хватит о пряниках. Мимоходом поговорим и о кнутах... в твоей ситуации всегда есть и пряники, и кнуты. Если ты меня хоть в чем-то капельку подведешь... Нет, убивать не буду, не такой я зверь. Есть способы милосерднее... Если что — попросту, так сказать, выпадешь из обращения, как стертая монета. Не так уж трудно устроить твою «смерть на охоте» или еще что-то подобное. С твоим мнимым папенькой прекрасно прокатило, сам видишь. Я тебя просто-напросто засажу в исправительное заведение для малолетних. Признанных неисправимыми. Местечко не из приятных: режим тюремный, телесные наказания тоже, держат там до совершеннолетия, строго следя, чтобы к тому времени воспитуемый всерьез овладел каким-нибудь ремеслом пары низших гильдий. Потом выпускают, приписывают к означенной гильдии — и зарабатывай себе на хлеб честно. Ну, а потянет на старое — сам виноват. Сам понимаешь: если ты, оказавшись на свободе, начнешь вкручивать окружающим, будто ты — наследный горротский принц, жертва козней, тебя либо к врачам сволокут, либо в тайную полицию... Все понял, любезный отрок?

— Что тут непонятного, — пробурчал Каэтан. — «Сучий приют», ага. У нас они тоже есть.

— Ну да, — сказал Сварог. — Только тебя я в случае чего для пущей надежности отправлю как можно дальше, куда-нибудь в Снольдер... Ну, что? На тугодума ты не похож. Жизнь наверняка приучила рассуждать и решения принимать быстро. Мы договорились?

Каэтан, похоже, от изрядной толики страха избавился. Но протянул все так же угрюмо:

— Лишь бы вы свои обещания сдержали...

Сварог лучезарно улыбнулся:

— Ну, подумай сам: кто мне мешал распорядиться, чтобы тебе в вино или в табачок подмешали какую-нибудь гадость? В неразберихе последних дней никто бы и не удивился, скончайся принц от каких-нибудь желудочных колик... Говорю тебе, ты мне еще долго будешь нужен, — и поднялся. — Ну, вроде бы все обговорили. Подумай еще раз и прикинь, который из двух вариантов выгоднее... Удачи!

Поднимаясь на третий этаж, он подумал: а ведь мальчишка не задал ни

единого вопроса о будущем. Хотя в будущем непременно возникнут чисто династические коллизии: когда принц входит в совершеннолетие, королева-мать обязана уступить ему бразды правления (иные королевы, потверже волей, так и поступают, но употребят всю энергию, чтобы остаться при реальной власти, и тут уж все зависит от характера сыночка: иногда соглашается на такое положение дел, а иногда властная матушка поест не тех грибков...). То ли Каэтан пока что не думал о грядущем, то ли не собирался заглядывать далеко вперед — все же во многих отношениях пацан пацаном. Да и Сварогу не стоило пока что всерьез озабочиваться этими самыми будущими коллизиями: много времени впереди, успеется...

...Входя в приемную королевы, он досадливо поджал губы: чутье подсказывало, что здесь все обойдется не так просто. Литта спит и мечтает, как бы побыстрее удрать из Горрота в безопасные заоблачные выси... В будуар его, разумеется, допустили беспрепятственно: повсюду свои. Как он и подозревал, Литта коротала скуку в компании бутылочки доброго келимаса «Старый дуб» с синим штампом королевских винных погребов. Правда; выпила пока что не особенно много, да и закуска на столике стояла богатая. Сварог уже убедился, что пить она умеет — но вряд ли сейчас эта способность облегчит ему задачу...

На шею Литта ему не бросилась, но встретила с искренней радостью — благодетель, ага... Он сел напротив, привычно вынул из воздуха серебряную чашечку и наполнил ее до половины. Чуть приподнял:

— Ну, за тебя?

Не утруждая себя смакованием благородного напитка (судя по штампу, двадцатилетней выдержки, и настоящий Стахор, и Брашери хорошему спиртному отдавали должное), выпила одним глотком, откусила половину ломтика сыра. И уставилась на Сварога с нешуточной надеждой:

— Скоро это кончится? Ты твердо обещал забрать меня за облака...

Мысленно вздохнув, Сварог сказал как мог мягче и рассудительнее:

— Литта, милая, я не всемогущ и не всемогущ. Есть люди, которые имеют право мне приказывать и отменять иные мои обещания, ты прекрасно понимаешь, о ком я... Ситуация изменилась.

В ее глазах полыхнула нешуточная тревога:

— Ты о чём?

— Понимаешь ли, — произнес он еще мягче. — Тебе придется еще какое-то время побыть королевой Эгле. Не мною решено, увы... — он многозначительно указал пальцем в потолок. — Я просто-напросто получил приказ, который обязан выполнить... Сам я всегда свои обещания сдерживаю, но, бывает, мне прямо велят от них отказаться...

Она не заплакала, как он опасался — просто как-то осунулась вдруг, с лицом жестоко обиженного ребенка, обманутого самым беззастенчивым образом. Вот ее Сварогу было чуточку жаль — но ведь высшие государственные интересы...

Она налила себе еще. Сварог не препятствовал. Осушила до краев, на сей раз не закусывая. Протянула жалобно:

— А я тебе поверила...

— Мне самому неловко, — сказал он тихо. — Повторяю, я не всемогущ и не всемогущ. Делаю для тебя все, что могу, но это была не моя идея, меня поставили перед фактом...

Врал конечно, но особых угрызений совести по тому поводу не испытывал — если разобраться, она для него совершенно чужой человек. И первую скрипку играют те самые высшие государственные интересы. Дорога королей, ага...

И вкрадчиво спросил:

— Ты же не хочешь оказаться в опале... там? — и вновь указал пальцем в потолок. — Прости за откровенность, но это было бы самоубийством. Даже если тебя просто забудут и оставят в покое.

— Ага, оставят, — отозвалась она язвительно. — Женщину, как две капли воды похожую на королеву Эгле... Если и не убьют, то запрут куда-нибудь и ключ выкинут... — она ссутулилась в роскошном кресле. — Вот так влипла девочка, еще почище, чем в прошлый раз... По уши...

— Ну, я бы сказал, есть существенная разница, — сказал Сварог. — Честно. В прошлый раз ты была примитивной куклой, которую уже собирались убрать по миновании надобности. Теперь — совсем другое дело. Ты сейчас — доверенное лицо императорского престола, на тебя возложена ответственная миссия, крайне важная. Есть разница, а? Сплошь и рядом такие миссии на нас возлагают, не интересуясь нашими желаниями... — он наклонился вперед и накрыл рукой ее узкую ладонь. — Я, конечно, постараюсь сделать все, что в моих силах, чтобы, если ты откажешься, обошлось без крайностей... Но даже если добьюсь, чтобы о тебе просто забыли... Что у тебя за будущее в этом случае? Взять узелок с драгоценностями, перебраться на другой конец Харума, насколько можно, изменить внешность... А дальше? Поместье в глуши купить и провести там остаток дней? Поступить в очередной третьеразрядный театрик? На Сильвану податься? Но и там выбор будет невелик... Именьице в глуши или дешевый театрик. Зато, если хорошо себя покажешь, получишь все, что я обещал, и даже гораздо больше.

— Господи! — вырвалось у нее чуть ли не со стоном. — Ну, за что мне все это?

Сварог мягко сказал:

— Между прочим, «это» не я начал. Согласись. Так уж сложилось. В конце концов, ничего страшного. Еще немного побыть королевой Эгле. И все.

— Ага! На всю оставшуюся жизнь? Торчать на троне, будто цепью прикованной?

— Ну, не думаю, чтобы это настолько уж затянулось, — сказал Сварог. — Пару лет, не больше. Пока будем проводить в жизнь кое-какие планы. А там... Никто тебе не помешает «безвременно скончаться». К «сыночку» приставим надежного регента. Паршивец будет под строжайшим контролем.

— А почему бы так не сделать сразу?

— Потому что там решено: какое-то время на троне необходима именно ты. Первые год-два. Пока все не наладится и механизм не заработает сам по себе. Королеве проще и легче за пару лет добиться полного самовластия, чем самому надежному регенту. Убедительно?

— Пожалуй, — сказала она с печальным, отрешенным лицом. — Я не отказываюсь, прекрасно понимаю, что отказаться нельзя, но, боже мой, снова — это лицедейство...

Сварог спросил задушевно:

— Скажи честно: за все эти годы тебе хоть чуточку понравилось быть коро-

левой? Только честно, я же мигом определю вранье...

После недолгого молчания она призналась:

— Понравилось. Это затягивает. Если бы только рядом не было скотины муженька и типа наподобие Брашера, который беззастенчиво дергает за ниточки...

— Так ведь их и не будет, — сказал Сварог, изобразив самую веселую улыбку. — Муженек помер самым всамделишным образом и уже не воскреснет. Брашера с компанией свободы никогда не увидят. Ты, повторяю, будешь вовсе не марионеткой, как в прошлый раз, а доверенным лицом Империи, выполняющим крайне важное задание. И, в отличие от прошлого раза, будешь в совершеннейшей безопасности. Дворцовую охрану, прислугу вплоть до последнего конюха уже заменили на наших людей. Первый министр тоже будет наш. Наплевать, что его никто тут не знает. Легенда железная: очередной умный и энергичный провинциальный дворянин, сумевший попасть на самые верхи. Кстати, это именно он тебя укрывал первое время, когда ты бежала от убийц и скрывалась в глуши. Никто и не удивится, что за такие заслуги человека сделали первым министром. Мало ли сходных примеров в истории? Кстати, Брашера, по легенде, как раз из таких. И что, кто-нибудь за все эти годы почувствовал неладное? Ну, и других ключевых министров подберем если не своих, то наиболее надежных. И наконец, начальник тайной полиции остается на месте и будет заботиться о тебе, как о родной доченьке.

Она вскинула полные тревоги глаза:

— Этот прохвост?

— Именно поэтому, что он прохвост, будет служить верой и правдой, — сказал Сварог. — Понимаешь, ему некому меня на сей раз предавать. Разве что Лорану или Святой Земле — но он прекрасно понимает, насколько это ему невыгодно. Да и следить за ним будут день и ночь, есть способы... Что тебя еще волнует?

— Придется ведь вернуть тех, кто был близок к Настоящей королевской чете...

— Ну конечно, — сказал Сварог. — Одним из первых указов восстановишь справедливость. Конечно, к власти их особенно допускать не стоит, просто вернуть прежнее положение при дворе... Они ведь не заметили в свое время никакой подмены за те несколько месяцев, что еще оставались при дворе. Сейчас тем более не заметят.

Ты многое о них помнишь, в тебя вложили достаточно ее памяти. Да и годы прошли, должны были чуточку измениться и они, и ты...

— А э-тот... гаденыш?

— Уж он-то тебе беспокойства не доставит, — усмехнулся Сварог. — Для серьезных заговоров мал. И наши его окружают железной стеной. Он тоже не дурак. Будет всю пользу пользоваться выгодами своего положения, и только.

И подумал: за всеми «реабилитированными» нужно будет установить самое строжайшее наблюдение. Именно к ним в первую очередь постараются найти дорожку настоящие Стахор и Эгле, люди энергичные и упрямые, вряд ли забравшиеся доживать век инкогнито где-нибудь в глуши... Ну, будет время продумать...

— Все обстоит, смело можно сказать, прекрасно, — произнес Сварог. — Ты уже сидишь прочно, никто в тебе не сомневается, успела ведь убедиться?

— Успела, — бледно улыбнулась Литта. — А если объявятся... настоящие?

— Отвечу со здоровым цинизмом, — сказал Сварог. — Им очень и очень долго придется доказывать, что они настоящие. На этот счет тоже есть парочка примечательных исторических примеров. Но не дадим мы им времени долго что-то кому-то доказывать...

Вингельт, с неудовольствием подумал он. Позицию Хитрых Мастеров в этой ситуации предсказать решительно невозможно. Стахор и Эгле им друзья, безусловно, да и настоящего принца прячут наверняка они. Если захотят восстановить справедливость, как они ее понимают... Ну что ж, не смертельно. Досадная помеха, пусть серьезная, и не более того.

— Ну, и самое главное, — сказал он решительно. — На твоей стороне будет армия. Те честолюбивые полковники и офицеры, что первыми тебя поддержали и участвовали в марше на Акобар. Вот кого следует осыпать повышениями, чинами и орденами. Мои люди уже подготовили длинный список. Говоря по совести, вклад доброй половины из них крайне ничтожен, но какая разница? Служить будут рьяно. Да, кстати, — усмехнулся он. — Рьяно будут служить именно тебе, если все же возникнет какая-нибудь достаточно шумная история с настоящими. Потому что именно от тебя они будут получать сладкие пряники. Пусть даже кто-то из них что-то и заподозрит. Среди этой публики маловато прекраснодушных идеалистов и романтиков. Выгоды от перехода к настоящим смутны и зыбки, зато те, что можно получить от тебя, — близки и реальны. Опять-таки масса примеров в истории...

— Вот, кстати, об армии, — сказала Литта. — Выгоды выгодами, но есть и другая сторона... Как только положение устоится, первое, что от меня потребуют военные, — развязать войну за возвращение Дике...

— Лишний раз убеждаюсь, что ты умница, — усмехнулся Сварог.

— Не в уме дело, — печально улыбнулась Литта. — Мне один адмирал так и заявил вчера: при первой же возможности следует подумать, как взять назад Дике... Насколько я понимаю, твоим планам эта идея только помешает?

— Правильно понимаешь, — сказал Сварог. — Ну, у нас и на этот счет кое-какие идеи припасены... Должно сработать. Есть еще какие-то сложности, которые тебя беспокоят? Нет? Вот и отлично. Значит, на тебя можно полностью полагаться?

— Как будто у меня есть выбор... — совсем тихонько сказала Литта. И вновь вскинула на него невероятно печальные глаза. И вновь он не поддался обычной человеческой жалости — откуда она у королей при исполнении ими служебных обязанностей?

— Только вот что... — так же тихо и печально продолжала Литта. — Ты будешь меня достаточно часто навещать? С тобой гораздо увереннее...

— Вот тут уж — никаких проблем, — сказал Сварог, перебирая ее тонкие пальцы, унизанные огромными самоцветами. — Для тебя время всегда найдется. Кстати, первая приятная новость. Через неделю будет большой императорский бал — не на земле, а в Келл Инире. Ты тоже приглашена, как все земные коронованные особы. Так что заранее озаботься нарядом.

Судя по тому, как просветлело ее лицо, как засияли глаза, все тревоги и хлопоты если и не забылись окончательно, то сразу отодвинулись куда-то очень далеко: женщина остается женщиной, иные вещи моментально заставляют ее забыть о любых невзгодах. Надо будет устроить, чтобы Яна с ней милостиво

поговорила, приветила, придала бодрости духа, подарок какой-нибудь сделала из недешевых...

— Ну, за удачу? — предложил Сварог, наполняя стопочки.

Глава V

Пейзаж перед боем

— Все пока что выглядит удачно, — говорил Канцлер, ни на кого не глядя, — спокойно выпуская клубы ароматного дыма. — В допросах Брашери и его сообщников наметились определенные успехи, остатки заговора мы подметаем. Ваша королева, лорд Сварог, в Акобаре начинает утверждаться прочно. Вот только ваши войска, которыми Горрот по-прежнему набит... Пока что ничего серьезного, но кое-где среди дворянства в армии уже поползли первые разговорчики. Уже есть люди, ставшие задаваться вопросом: а не напоминает ли это оккупацию? Даже парочка дуэлей между вашими и горротскими офицерами зафиксирована.

— И оба раза — между моряками, — усмехнулся Сварог. — Моряки гораздо болезненнее, чем прочие, воспринимают потерю Дике...

— Не в том дело. Это, согласитесь, звоночки. До осложнения ситуации еще далеко, но первые тревожные звоночки есть. Нельзя, чтобы это пошло в массы. Горротская армия и флот не разоружены... вы ведь и не ставите перед собой такой задачи?

— Никоим образом, — сказал Сварог. — Вот уж что мне решительно не нужно, так это большая война горротцев с «оккупантами». Долгое будет предприятие и кровавое.

— Значит, нужно что-то придумать...

— Я уже придумал, Канцлер, — сказал Сварог, не колеблясь. — Уже рассылаю приказы. В самом скором времени будет объявлено: все мои солдаты, до последнего человека, форсированным маршем покинут Горрот. Мы выполнили свою задачу, помогли королеве Эгле вернуться на престол, и теперь уходим, потому что никаких захватнических планов у нас нет и не было. Герцог Лемар только что закончил новый манифест, получилось, как всегда, неплохо... — он усмехнулся. — Вот только крепость Корромир я при любом раскладе оставлю за собой, чересчур уж важный стратегический объект. Если это так уж принципиально, можно распустить слух, что именно Корромиром Эгле со мной расплатилась за восстановление на троне. Многим это придется не по душе, но никакого удивления не вызовет. Отношения меж государствами братской любви и романтики лишены, тут правит бал голая выгода. Не первый случай в истории, когда монархи за подобную помощь расплачивались не то что крепостями, но и целыми провинциями. Дело житейское, горротцы перетерпят, тем более что мне их симпатии не особенно-то и нужны.

Канцлер небрежно махнул рукой:

— Вот здесь я не намерен вмешиваться. Будь по-вашему. Есть проблема посерьезнее — Дике. Очень скоро на Эгле начнут откровенно давить те, кто хочет вернуть остров войной...

— Это тоже предусмотрено, — сказал Сварог. — Во-первых, горротский начальник тайной полиции — мой. Ему не впервые будет сочинить очередной убедительный заговор военных — ну, скажем, намеренных свергнуть короле-

ву Эгле и передать трон принцу при намеченном ими регенте. Ничего удивительного, что во главе заговорщиков окажутся особенно ярые сторонники войны за Дике и те, кто мне в этом плане наиболее опасен. Во-вторых... Есть реальная возможность переориентировать иных амбициозных вояк, как сухопутных, так и морских. С Дике на Святую Землю. В некоторых кругах, среди генералов и адмиралов, такая идея имеет хождение, и она не вчера родилась. Святая Земля — это золотые рудники в горах Маллейг, богатые медные залежи — а Горрот медью беден, — еще немало ценного... А ситуация самая благоприятная: Святая Земля сейчас переживает не лучшие времена — мои войска заняли Их земли по эту сторону Рона, так что столица под ударом. Есть данные, что Великий Магистр всерьез подумывает перенести ее в один из крупных городов к полуночи, на полпути меж рекой и горами Маллейг. Да вдобавок внутреннее положение... Слишком многим надоели прежние порядки, то, что вся страна превращена в подобие самого аскетического монашеского ордена. Уже начались крестьянские бунты, заговоры — он широко, открыто улыбнулся, — и больше половины из них не моими разведками устроены, а возникли исключительно по инициативе местных. Отмечены волнения в иных армейских полках, было даже две попытки покушения на Великого Магистра, пусть и дилетантские, неуклюжие. В общем, тенденция налицо. Святая Земля сегодня слабее, чем когда-либо за четыреста лет ее существования. Так что в Горроте есть люди, считающие, что вторгнуться туда и захватить самые лакомые кусочки, пока не пришел я, — гораздо проще и легче, нежели воевать за Дике со всеми моими королевствами, Вольными Манорами и Ганзой. Прибыль, в общем, выглядит равноценной. Можно ослабить сторонников войны за Дике и, соответственно, усилить сторонников войны со Святой Землей. В особенности если мои дипломаты дадут понять, что я не прочь заключить соглашение о разделе этого географического курьеза. А я при необходимости на такое соглашение пойду. Обойдусь и без золотых рудников Маллейга, и без меди — у меня и того, и другого побольше, чем в Горроте. Одним словом, я не считаю Дике особенно уж сложной проблемой. Конечно, дипломатам, разведчикам и тайным полициям придется поработать серьезно, но есть шансы повернуть события именно в э т о м направлении. Кое-какие планы уже в разработке...

Канцлер, до того неспешно расхаживавший по кабинету от огромного гобелена до стола и назад, остановился на полпути. Выпустил клуб дыма, хмыкнул:

— Неглупо, лорд Сварог, весьма неглупо...

— Осваиваю королевское ремесло, — скромно сказал Сварог. — Кстати, эти планы получили одобрение в Канцелярии земных дел его императорское высочество Диамер-Сонйрил, вы наверняка знаете, по многим причинам не питает ни малейшей симпатии к Святой Земле, я бы сказал, наоборот...

Он замолчал, закончив с главным — дела второстепенные собравшихся не интересовали. Канцлер по своей всегдашней привычке выглядел совершенно невозмутимым. Яна тоже не проявляла нетерпения. А вот профессор Марлок, не царедворец и не дипломат, чистейшей воды ученый, как раз форменным образом кипел от нетерпения, так, что всем присутствующим было заметно. И уж конечно, в первую очередь Канцлеру, который знал его по совместной работе дольше и лучше остальных...

Именно Канцлер и нарушил чуть-чуть затянувшуюся паузу:

— Профессор?

— Как явствует из доклада лорда Сварога, все обстоит нормально, — не потеряв ни секунды, заговорил профессор. — Ни опасностей, ни угроз, можно сказать, рутина. В таком случае, не пора ли отвлечься от земных дел, откровенно второстепенных? Мы ведь собрались в первую очередь ради Токеранга...

— Резонно, — кивнул Канцлер. — В таком случае докладывать опять-таки предстоит лорду Сварогу, именно он вплотную занимался Токерангом...

И вопросительно глянул на Сварога. Сварог, конечно, был готов, кроме того, давно взвесил и обсудил с двумя, только и знавшими все, о чем следует говорить, а о чем категорически не стоит упоминать и словечком...

— Смело можно говорить; что мы уже знаем о Токеранге немало, — начал он ровным голосом. — Это чисто внешние впечатления, но дают они немало. Ее величество, легкий кивок в сторону Яны, — с помощью своего умения неделю наблюдала за пещерой, днем и ночью. Как и в случае с Центром Брашера, ее величество часто не в состоянии была перевести на язык научно-технических терминов то, что видела, но это, я думаю, нисколько не мешает. Главное, по этим описаниям лейтенант Элкон составил подробнейшую карту Токеранга и высказал кое-какие соображения... которые господин профессор наверняка дополнит. Думаю, самая пора пригласить лейтенанта?

Яна молча кивнула. Сварог коснулся в нужном месте своего портсигара, лежавшего перед ним на столе с откинутой крышкой, почти сразу же вошел Элкон в мундире лейтенанта Яшмовых Мушкетеров, с небольшим кожаным футляром под мышкой, с обретенной же сноровкой прищелкнул каблуками, коротко поклонился (комендант Манора девятого стола все же неплохо поработал над строевой подготовкой юных сотрудников, подумал Сварог, нужно будет медальку повесить, заслужил). По кивку Сварога граф сноровисто выложил на столик два небольших компьютера, нажал несколько кнопок, опустился в кресло.

У противоположной стены, от пола до потолка, вспыхнул экран, и в следующий миг на нем появилась огромная карта Токеранга во всей сомнительной красе.

Канцлер и Марлок впились в нее взглядами прямо-таки замороженно — видели впервые «страну подземных рудокопов». Для Сварога — и, конечно, Яны с Элконом — в этом зрелище не было ничего нового или особо интересного, но они терпеливо ждали. Сварог мысленно улыбнулся: прокатило... Яна и в самом деле несколько раз воспользовалась тем умением, что ей дал Древний Ветер — но всего час-другой в день, исключительно для того, чтобы заглянуть внутрь самых интересных зданий. Основную работу проделали Золотые Шмели — о которых Канцлеру пока что рассказывать не следовало, в чем Яна с Элконом легко согласилась со Сварогом.

В конце концов, они не нарушали никаких регламентов, уставов и предписаний: Сварог и Элкон ни в малейшей степени Канцлеру не подчинялись, наоборот, как начальник и сотрудник девятого стола подчинялись как раз Яне. Ну, а Яна стояла выше любых уставов, предписаний и прочих деловых бумаг. Сварог не сомневался, что Канцлер с Марлоком приняли его версию: в конце концов, оба были свидетелями, как Яна с помощью именно своего умения изу-

чала лаборатории Брашера...

Первым, как и следовало ожидать, молчание нарушил Канцлер:

— Ага, вот как это выглядит... Хорошо бы еще сделать съемку с надлежащей высоты...

Яна, не моргнув глазом, лихо солгала:

— Не было такой возможности. Я умею только видеть, а вот как-то фиксировать увиденное не могу. Не умеет такого Древний Ветер...

— Жаль, — с искренним сожалением сказал Канцлер.

Яна невозмутимо продолжала:

— Но я о многом рассказала лейтенанту Элкону подробно и обстоятельно, так что он сможет доложить... Прошу вас, лейтенант.

Элкон достал блестящий цилиндрик указки, и в карту уперся тоненький лучик ярко-синего света.

— Токеранг, я бы сказал, делится на четыре части, — начал он бесстрастным голосом опытного экскурсовода. — Можно их обозначить как Полночь, Полдень, Закат и Восход. — И обвел контуры названных районов. — Я бы начал с самого интересного — с Полуночи, или, если можно так сказать, Заречья. К реке, протекающей по Токерану, этот термин отношения не имеет. Просто... Полночь четко ограничена тем участком, на которых протекает Ител. Почти совпадает. На этой вот линии — сплошной пояс инженерных заграждений: колючая проволока в дюжину рядов, рвы, огневые точки, казармы. Охраняют ее со всем прилежанием и размахом. Из Заречья в остальную часть страны ведут шесть многорядных автострад, и все они под строжайшим контролем. Насколько можно понять, там у них и сосредоточены практически вся промышленность, научные лаборатории, испытательные полигоны. Ни единого пустого клочка земли — здания, дороги, полигоны. Один сплошной поселок или, скорее уж, город, занимающий примерно двадцать процентов территории страны. Очень многое примерно на три четверти упрятано под землю. Кое-что удалось легко опознать по рассказам ее величества — с помощью архивов Музея техники. Ядерные электростанции, от каких у нас давно отказались, конструкторские бюро, где проектируют подводные лодки, боевые самолеты, вертолетный завод, комплексы по сборке ядерных зарядов и ракет, автозаводы, производство бытовой техники — у них в ходу телевидение, компьютеры и прочие предметы чисто мирного назначения.

— Армия? — деловито поинтересовался Канцлер.

— Армии в обычном понимании там нет, — ответил Элкон. — Это и понятно: весь Токеранг — единое государство, внешнего врага нет. Только полицейский корпус, хорошо оснащенный вертолетами и бронетехникой. Вот с бронетехникой обстоит интереснее: полное впечатление, что они в последнее время резко увеличили ее производство. И ведут массовое обучение полицейских новобранцев. И то, и другое — в количествах, совершенно не нужных для, так сказать, повседневной практики. И уж, конечно, совершенно ни к чему у себя в пещере сотни полторы истребителей-бомбардировщиков, исключительно реактивных. Там даже один не нужен — нет для него задач. И, тем не менее, они обучают на тренажерах десятки пилотов. Причем вся боевая авиация и немало бронетехники сконцентрировано на Полудне — собственно, то довольно узкая полоса, не занимающая и пяти процентов территории, примыкающая к тому самому туннелю. У них там, видимо, очень редки дожди — крытых

ангаров нет, и самолеты, и бронетехника стоят под открытым небом. Главная взлетная полоса наделена точнехонько на вход в туннель. Думаю, комментарии излишни?

Все присутствующие промолчали. В самом деле, какие тут комментарии, подумал Сварог. Никаких ребусов — они наверх собрались приличной оравой, подгоняют технику, обучают солдат...

— Самое неинтересное место — Восход, — продолжал Элкон, скользя лучиком указки по карте. — Примерно тридцать пять процентов территории занимают дремучие леса, богатые дичью. Леса окружены тройным рядом колючей проволоки, периметр почти не патрулируется, лишь изредка появляются мобильные группы. Иногда на вертолетах. Скорее уж все это устроено для того, чтобы не проникли наружу животные. Ее величество...

— Я бы сказала, там классические заповедные леса для охоты благородных господ, — кивнула Яна. — Дважды там видела охотничьи кавалькады, ничем не отличающиеся от земных. Разве что наряды другие — и почти нет огнестрельного оружия. Однажды при мне гончие загоняли кабана — совершенно как в Каталауне, когда я там охотилась. Продолжайте, лейтенант.

— И наконец, Закат, — продолжал Элкон. — Примерно сорок процентов территории Токеранга. Там население и сконцентрировано. Вот это и есть их столица, Клорена. Довольно большой даже по земным меркам город с населением, если рассчитать по земному опыту, примерно триста тысяч человек. Других городов практически нет. Есть восемнадцать гораздо меньше размерами... но они скорее похожи на поселки вокруг замков крупных феодалов. Ее величество насчитала как раз восемнадцать относительно крупных владений — и с полсотни гораздо более мелких. И здесь отмечены интересные установления, не имеющие аналогов с заведенными на Харуме порядками. Если не считать двух автострад, ведущих из Заречья к Полудню, дорог с искусственным покрытием там всего восемнадцать, и все они ведут к замкам тех самых восемнадцати крупных владений. Все остальные дороги — немощеные. Что касается техники... У них там она очень интересно распределена. Легковых машин много, но едва ли не все они — исключительно в Клорене. Разве что в тех самых восемнадцати крупных владениях есть по две-три, а в мелких нет и того. Во всех владениях, крупных и мелких, самым активным образом занимаются сельским хозяйством: поля, пастбища, фруктовые сады, огороды в деревнях... кстати, линии электропередач проложены только в те восемнадцать замков. Только они и Клорена освещаются электричеством, на всей остальной территории — те же самые светильники, что и на земле, даже примитивнее, карбамильских ламп очень мало, большинство крестьян пользуется даже не керосиновыми лампами — разными коптилками. Очень важный нюанс: везде сельское хозяйство ведется без применения какой бы то ни было техники. На земле, по крайней мере, есть в крупных поместьях и механические жатки, и паровые молотилки. В Токеранге — ничего подобного. Технологии самые примитивные: конные плуги, бороны, косари, зерно молотят цепями... (Сварог заметил краешком глаза, что профессор Марлок, продолжая самым внимательным образом слушать Элкона, в то же время положил на колено небольшой компьютер и проделывает с ним какие-то манипуляции.) Разные части страны живут как бы в разных временах: в одном месте — заводы, лаборатории и ядерные электростанции, в другом — Клорена, пользующаяся всеми достиже-

ниями технического прогресса, какие только там имеются, — и обширные области сельчан, лет на сто отстающие по развитию от Харума.

— Извините, я перебыю, — вмешался Марлок. — Сколько там примерно населения, удалось подсчитать?

— Если применять земные мерки и методики — а применять их безусловно имеет смысл... Приблизительно два миллиона. С поправками в ту или другую сторону в несколько десятков тысяч человек.

— Рудники, шахты? — отрывисто спросил профессор, левой рукой беспрестанно нажимая клавиши и касаясь кнопок.

Элкон пожал плечами:

— Их практически нет, за исключением двух-трех. На двух, безусловно, добывается уран или другое сырье для ядерного топлива. Третий рудник — полная загадка. Как объяснила ее величество, взгляд не может проникать в подземелья (Яна чуть смущенно пожалала плечами, словно извиняясь). Так что версии я строил исключительно с описания её величеством того, что она видела на земле. Если точнее, описания вывоза добытого. В двух случаях речь явно идет о радиоактивном сырье. Тяжелые фургоны, напоминающие скорее броневики — или покрытые свинцовой защитой. С третьим проще, но также непонятно. Охрана столь же строгая, но добываемое гораздо более компактно, перевозится на обычных грузовиках. Вот, пожалуй, главное. Что еще? Вот здесь, слева, там, где лорд Сварог обнаружил замаскированные люки для выхода в Ител подлодок, военная база со значительным числом субмарин и большая судоверфь. В Клорене — королевский дворец и изрядное число дворов знати. Городских стен нет, а те восемнадцать крупных замков не укреплены. — Элкон слегка пожал плечами. — Есть интересные соображения... но, может быть, у кого-то возникли вопросы?

— У меня, — сказал профессор Марлок так быстро, словно боялся, что его кто-то опередит. — Собственно, это не вопрос, не знаю как и назвать... Такое государство просто не может существовать. Оно нереально — каким вы его описываете.

Канцлер усмехнулся:

— Но ведь существует?

— Не сомневаюсь, — сказал профессор словно бы даже с некоторой печалью. — Существует, но по всем расчетам существовать не должно. Во-первых, для столь массового производства боевых самолетов, автомобилей и прочей техники нужно немалое количество металла, пластмасс, нужна развитая электронная промышленность, а для этого, в свою очередь, необходимы рудники, шахты, заводы... Ее величество, я понимаю, могла просто не узнать сталелитейных заводов или, скажем, фабрики по производству пластмасс...

— Узнала бы, — заверила Яна. — Прежде чем заняться Хельстадом, я три дня провела в Музее техники, примерно представляю, как они выглядят. На всех заводах, куда я заглянула, идет только сборка. Не так ли, лейтенант?

— Именно так, — кивнул Элкон. — Везде, где удалось заглянуть, — только сборка.

— Откуда же они в таком случае берут все? — спросил профессор ничуть не язвительно, скорее уж беспомощно. — Нереально наладить такое производство при полном отсутствии добывающей промышленности и заводов по производству комплектующих. Сверху они в каком случае не смогли бы завозить

нужное им в таких Количествах — еще и потому, что на земле таких заводов нет. И второе... По предварительным подсчетам, такое количество крестьян, ведущих к тому же хозяйство отсталыми, устаревшими методами, ни за что не смогло бы обеспечить страну продовольствием. Их для того слишком мало. Плуги-косари... Совершенно несовместимое сочетание: высокоиндустриальное общество при полнейшем отсутствии сырья и производства комплектующих. Да вдобавок убогое, на уровне какого-нибудь Вольного Манора из самых захудалых, сельское хозяйство... Они существуют, но им как бы и не полагается быть...

— Объяснение есть, — спокойно сказал Элкон. — Точнее, за неимением точных доказательств это пока что гипотеза... но другой гипотезы попросту нет, — он сделал паузу, ничуть не театральную. — Мы советовались со специалистами — конечно, не раскрывая им всей сути, — проводили компьютерные расчеты, моделирование...

— И что? — жадно спросил профессор (Сварогу показалось, на секунду опередив Канцлера, явно собравшегося задать тот же самый вопрос).

— Объяснение одно, — сказал Элкон. — Синтезаторы. Все необходимое они не производят из вульгарного сырья, а синтезируют, соединяя молекулы, а то и атомы, в нужных комбинациях. Так можно изготавливать все — от деталей вертолетов... до продовольствия. Собственно, наши заводы, да и наша бытовая магия — те же синтезаторы. Разве что на основе апейрона — а у них сырьём для синтеза может служить... ну, например, вода. Уж воды-то у них предостаточно. Я поработал в архивах — наши ученые давным-давно теоретически обосновали возможность создания таких синтезаторов. При не столь уж и большом расходе энергии. Другое дело, что нам это было совершенно не нужно, у нас был апейрон... Они пошли другим путем, только и всего. Проверить можно моментально, я сохранил все ссылки...

— На экран, — хрипло сказал профессор.

Элкон убрал карту Токеранга, положил пальцы на световую клавиатуру. По экрану снизу вверх медленно поплыли тексты, то и дело перемежавшиеся строчками формул, математических расчетов, загадочными чертежами, диаграммами, графиками. Сварог мог бы читать тексты свободно, без спешки — если бы понимал хоть что-то. Попадают очень редко знакомые слова, и только. Высшего класса научная заумь, нечего и пытаться... Судя по лицам Яны и Канцлера, они испытывали совершенно те же чувства. Зато профессор Марлок оказался в своей стихии: читал внимательно, порой шевеля губами, иногда кивал, делал какие-то пометки в компьютере, пару раз просил вернуть кусок текста назад. И продолжалось это довольно долго. На лице Элкона мелькнула легкая торжествующая улыбка, но он тут же ее убрал, покосившись на Сварога.

Когда экран наконец опустел, профессор посидел с закрытыми глазами, на ощупь набивая трубочку — впрочем, ловко, сноровисто, не просыпав на колени ни табачинки. Разжег ее, глубоко затянулся, открыл глаза и, ни на кого не глядя, сказал спокойно (слишком спокойно, по мнению Сварога):

— Ну что же, мой юный друг... Вынужден признать вашу правоту. Коли уж Токеранг существует именно в таком виде, другого объяснения просто нет. У них есть синтезаторы...

— Боюсь, не только синтезаторы, — сказал Элкон. — Вот, посмотрите. Я, как

уж умел, с помощью компьютерной графики, изобразил то, что видела ее величество. Вход в туннель со стороны пещеры почти полностью, как головка подсолнуха листьями, окружен какими-то пластинами странной формы и сложными решетками. К ним подведены кабели — вон от того серого здания без окон, справа. Та же картина — в ангаре подводных лодок, с внутренней стороны проемов. Всюду опять-таки подведены кабели. Рискну предположить, что это и есть стандартный брагиум, — перехватив недоуменный взгляд Сварога, он пояснил: — та самая установка, увеличивающая предметы и людей... или уменьшающая, в зависимости от конкретной необходимости. В нужный момент достаточно опустить рубильник — ну, или нажать кнопку — и наружу вылетят самолеты нормального размера, выплывут подводные лодки, повалят орды солдат, не уступающих нам ростом... И все прочее. Командир?

— Вряд ли они до этого сами додумались, — сказал Сварог. — Скорее всего, Брашеро расщедрился. Рисковал, конечно... да нет, не особенно. Сумей он захватить власть над Империей, без особого труда сжег бы боевыми орбиталами всех токеретов, сколько бы их ни оказалось снаружи, со всей их техникой...

— Резонно, — кивнул Канцлер.

— Вот оно в чем дело... — протянул Сварог.

— Вы о чем? — моментально спросил Канцлер.

— Понимаете ли, Канцлер, я долго ломал голову над одной загадкой, — сказал Сварог. — А ответ замаячил только сейчас. Уж в чем нельзя заподозрить токеретов, так это в излишней доверчивости, скорее уж наоборот. Но получалось, что они как бы полностью отдаются на нашу милость, выходя наружу. Предположим, мы подписали все нужные договоры, отвели им кусок территории Харума, и они начали массово переселяться туда... Но ведь какое-то время они будут абсолютно беззащитны, полностью в нашей власти — пока не воссоздадут наверху свои заводы, электростанции, синтезаторы. Конечно, у них будет какое-то количество истребителей, ракет, солдат... Но нам очень уж легко с ними покончить, быстро и качественно. И они не могли не просчитать этого варианта. Любой договор — лишь клочок бумаги и может быть разорван в любой момент, я бы на их месте обязательно включил в расчет этот вариант: мы просто-напросто хотим выманить их из пещеры и уничтожить...

— Мы уже обсуждали нечто подобное, — сказал Канцлер. — Они могли заложить в крупных городах ядерные, бактериологические, химические заряды...

— Не только, — сказал Сварог. — Профессор, какие минимальные размеры могут быть у этого... брагиума?

— Ну, не карманные, конечно, — сказал профессор уверенно... — Хотя... Теоретически допуская... Если в качестве источника энергии у вас есть сверхпроводник, какие делал Брашеро... Пожалуй, может существовать и карманный. Вот только радиус поля все равно получится небольшой, эффективность низкая...

— Ага, — удовлетворенно сказал Сварог. — Ну, карманный пока что рассматривать не будем... хотя и он иногда может пригодиться. Ну, скажем, если вы хотите убить врага или убрать следящего за вами агента, вмиг уменьшаете его, давите подошвой, как таракана... Ладно, не будем отвлекаться. Главное, синтезатор может иметь довольно малые размеры. Лишь бы был источник

энергии... А уж синтезаторы токеретов изначально малы, и брагиумы тоже, наверху их предварительно придется увеличивать. Но я не о том... Я просто хочу довести пессимизм до максимума, иногда это полезно. Мы до сих пор не знаем, что именно токереты ввозили, а главное, вывозили. Они должны были что-то именно вывозить, большими партиями — вспомните расследование в Фиарнолле, те склады. Мы пока что накрыли только две крупные компании, сотрудничавшие с ними. Собственно, накрыли только одну — торговый дом «Астарах Фиар и родственники» — чистой воды перевалочная база. А вот заправила судоходной компании «Каурат и сыновья», перевозчики, успели скрыться. Токереты действуют на земле больше ста лет. Наверняка кто-то из тех, кто перевозит и прячет их грузы, до сих пор на свободе. Как и весьма высокопоставленные особы, с ними сотрудничающие. Судя по некоторым показаниям, такие есть, просто мы пока что на них не вышли... И, наконец, нет гарантии, что у них не нашлись сообщники здесь, пока что не выявленные. Тихие, незаметные люди, быть может, вовсе не имеющие отношения к Магистериуму, ждущие своего часа...

— Куда вы клоните? — резко спросил Канцлер.

— Представьте себе такую картину, — сказал Сварог. — В Келл Инире, в вашей резиденции, еще в какой-нибудь ключевой точке садится безобидная вимана хорошо знакомого вам человека, пустого светского щеголя, которого никто не принимает всерьез. Ее, конечно, никто не досматривает — отроду такого не водилось, как же, вольности благородных ларов... Нельзя приближаться к некоторым секретным объектам, а это совсем другое... Теперь представьте, что двери и окна виманы оборудованы изнутри брагимом, в точности как вход в тоннель или ангары подводных лодок. А внутри полным-полно вооруженных до зубов токеретов — представляете, сколько их может уместиться в вимане? И вот они выскакивают, моментально обретая нормальные размеры... Девяносто процентов наших солдат и охранников — антланцы, пулевое и лучевое оружие для них смертельно... ну, а благородным ларам достаточно и холодного. Вполне реалистичский план. Я в последнее время допускаю все. Очередь претендентов на престол слишком длинная, все прекрасно знают, что подавляющее большинство в ней стоящих так и покинут наш мир, немногим и продвинувшись...

Он, конечно, не стал выдавать того, что ему знать не полагалось, ни словечком не упомянул о том заговоре против Яны, который как раз и возглавлял безобиднейший любитель бабочек, отлично понимавший, что обычным порядком трона ни за что не получит. Но Канцлер с его острым умом и великолепной памятью должен был тот случай помнить... Да и Яна вряд ли выкинула из памяти совершенно...

Страха на лицах присутствующих он не видел — но тягостное раздумье присутствовало на всех без исключения, наверняка и на его собственном лице.

Канцлер поднял голову, его голос звучал ровно и спокойно:

— Благодарю вас, лейтенант, вы прекрасно поработали. Можете идти.

Элкон поклонился и вышел с непроницаемым лицом — хотя ему, конечно же, чертовски хотелось остаться, ведь начиналось главное. Хороший парень, работник отличный, но каждый знает ровно столько, сколько ему положено знать...

Едва за ним закрылась резная дверь, Канцлер продолжил тем же ровным, почти безучастным тоном:

— Ну что же... Даже если не впадать в крайности вроде нарисованной вами, лорд Сварог, картины, нужно признать: на сегодняшний день токереты для нас — главная и серьезнейшая угроза. Одно утешает: она, очень похоже, единственная такая... Гораздо меньше утешает другой факт: мы ничего с ними не в состоянии поделаться, пока они сидят там, у себя, внизу...

— Ну, почему же? — сказал Сварог.

— Что вы имеете в виду?

— Вы не забыли, что они настойчиво приглашают меня на переговоры? Мне кажется, пора идти. Другого выхода попросту нет.

Канцлер уколол его взглядом:

— У вас есть какой-то план?

— Ни малейших наметок, — сказал Сварог. — Я слишком мало знаю о них, чтобы строить точные планы. Скорее уж... Скорее уж я просто-напросто вижу некоторые благоприятные для меня обстоятельства.

— Например?

— Я совершенно уверен: они не собираются меня там убивать, — сказал Сварог. — Задумай они такое, могли бы это сделать гораздо раньше — когда еще никто и не подозревал, что они способны, выйдя к нам, принимать нормальные размеры. И не верю, что они собираются вульгарным образом бросить меня в темницу и в обмен на освобождение потребовать каких-то уступок. Рано им пока что брать заложников и требовать уступок. Все за то, что они намерены всерьез со мной о чем-то договариваться — вполне возможно, не только о деталях и условиях выхода. У них там, точно известно, есть противоборствующие группировки, интриги, разные цели у разных групп. Это можно использовать. Дэнго против короля и одного из принцев, король и принц против дэнго, могут быть еще какие-то противоборствующие силы, о которых мы пока что ничего не знаем...

— А вам не кажется, что вы слишком самонадеянны?

— Честное слово, нет, — сказал Сварог. — Вот если бы я сказал, что в состоянии с кучкой людей разгромить всю их армию... то есть полицию, но суть от этого не меняется... Вот это была бы самая идиотская самонадеянность. А здесь другое. Слишком мало игроков. Уже ясно, что у них там жесткая, централизованная диктатура, способная дать сто очков вперед любой земной тиранической монархии. Это и уменьшает число игроков. К тому же дэнго — не орган власти, а тайное общество, а значит, в их деятельности есть своя специфика, которую можно обернуть в свою пользу. Наконец, главарей у них целых восемь. При таком количестве неизбежны какие-то внутренние противоречия, интриги, разный подход к проблемам, разное видение решений...

— И чего вы, в итоге, хотите добиться?

— Пока не знаю, Канцлер, — серьезно сказал Сварог. — На месте буду определяться.

Он подумал, что самым удачным исходом было бы полное уничтожение токеранга — то самое пламя, бушующее от горизонта до горизонта, что не разуму представилось при воспоминании о Делии, о морской площади. Но вряд ли настолько повезет. Вот о таком думать всерьез — и впрямь самая дурная самонадеянность. Но что-то же у него должно получиться?

Профессор Марлок громко проворчал:

— Авантюра... В одиночку...

— Почему — в одиночку? — улыбнулся Сварог почти весело. — Я возьму с собой Странную Компанию. Она уже показала, на что способна. Или у вас, Канцлер, есть какие-то другие варианты?

— Нет, — после недолгого молчания едва ли не сквозь зубы признался Канцлер.

— Вот видите, и Великодушно простите мне легкое нахальство, но вам я не подчинен, и вы не можете мне запрещать.

И он выразительно посмотрел на Яну. Она сидела с совершенно спокойным видом — но, кажется, что-то быстро пыталась обдумать.

Ненадолго воцарилось неловкое молчание.

Императрица согласна, что другого выхода попросту нет, — произнесла она, наконец, именно тем тоном, каким монархи отдают категорические приказы. — С одним небольшим дополнением. Я тоже туда пойду. Вряд ли там есть опасности, от которых меня неспособен защитить Древний Ветер.

На лице у Канцлера изобразилась крайняя досада, даже злость — однако Сварог, испытывая примерно те же чувства, не дал им воли. Он просто встал и решительно сказал:

— Ваше величество, разрешите минуту поговорить вами наедине?

— Разрешаю, — кивнула она, практически не раздумывая. — Господа...

Канцлер, ни словечком не протестуя, встал — шагая к двери, он посмотрел на Сварога с явной надеждой. Марлок вышел следом, аккуратно притворив за собой дверь. Яна, как и следовало ожидать, моментально вскинулась:

— Если ты за меня боишься...

— Вздор, — сказал Сварог. — Я верю, что Древний Ветер тебя и впрямь убережет от всех тамошних опасностей. И не собираюсь тебя отговаривать долго и прочувствованно. Я просто-напросто кратко объясню, почему тебе туда нельзя. Ты уже давно мне доказала, что не просто умная, а еще и взрослая. Вот и рассудишь по-взрослому...

— Ну-ка, ну-ка?..

— Я нисколечко за тебя не беспокоюсь, честное слово, — сказал Сварог. — Я бы тебя сам попросил с нами Идти... если бы все упиралось в защиту. Если бы от нас требовалось только одно: пройти какой-то опасный путь, имея надежную защиту. Тут тебе равных нет, согласен. Но там, я уверен, все будет выглядеть совершенно иначе... Ты в состоянии разорвать свою защиту на клочья, закутать каждого из нас по отдельности?

— Нет, — сказала Яна. — Только если вы будете держаться достаточно близко ко мне.

— Вот видишь. А там мы наверняка не будем валить куда-то сплоченной толпой... Но дело даже не в этом — ты не умеешь убивать. Тебе никогда не приходилось убивать людей. Твои каталаунские охотничьи подвиги не в счет. Громадная разница меж тем, чтобы метко всадить стрелу кабану под лопатку, и тем, когда, практически не рассуждая, выхватываешь пистолет и всаживаешь человеку пулю в лоб. Тебе никогда не приходилось, у тебя нет такого навыка. А все, кто со мной туда пойдет, умеют убивать не рассуждая и не колеблясь. А убивать там, боюсь, придется. Не хочется, но как бы не пришлось... Вита, милая, подумай серьезно. Мне там гораздо нужнее будут люди, умеющие

хладнокровно убивать, а не, десять Древних Ветров. Я ничего не могу предсказать заранее, но может оказаться так, что в некий момент ты не просто не сможешь помочь — наоборот, чему-то крепко помешаешь, а то и завалишь все дело, исключительно оттого, что не умеешь убивать... Приключением тут и не пахнет...

Больше у него не было слов. Яна, сдвинув брови, смотрела мимо него задумчиво и серьезно. И, в конце концов, сказала:

— Ты меня убедил. Я не иду.

Повзрослела, ликующе подумал Сварог. Положительно, повзрослела.

И спросил:

— Слово?

Яна надменно вздернула подбородок:

— Я когда-нибудь нарушала свое слово?

— Никогда, — сказал Сварог. Склонился и поцеловал ее в щеку. Не испытывая сейчас ничего, кроме радости.

Глава VI

Встречи и расставания

Они неспешно, как подобает и королевским особам, и придворным дамам, шли в ту часть дворца, где располагались личные покои Сварога. Все встречные, конечно же, приветствовали с должным почтением — но, как обычно, относилось это к одному Сварогу.

Яну не то чтобы игнорировали, но ни тени почтения в поклонах и взглядах не присутствовало. Ну как же, не постоянная королевская фаворитка (вот перед такой, происходи она хоть из сточной канавы, на задних лапках ходили бы) — всего-навсего очередная мимолетная подружка, появлявшаяся во дворце не особенно и часто, да при том никогда не присутствовавшая на дворцовых увеселениях, ни с кем не пытавшаяся водить дружбу или хотя бы завязать знакомство (а посему, втихомолку порешило общественное мнение, она еще и глупа, раз не пытается зацепиться). Правда, некий граф, совершеннейший светский бездельник, но человек весьма неглупый, в узком кругу высказал другую версию: по его убеждению, похоже скорее на то, что эта юная баронесса — особо доверенный тайный агент Сварога и трудится на этом поприще где-то вдалеке от столицы (примеров немало). Версия эта благодаря сплетникам быстро перекочевала из узких кругов в широкие, но это самое общественное мнение в нее как-то не поверило, дамы и господа предпочитали считать самыми умными как раз себя.

Забавно, но до сих пор Яну опознало считанное число придворных (молчавших, как один, после мягких отеческих увещеваний Интагара). Глупости тут, в общем, не было — скорее некая инерция мышления. В тронном зале Латеранского дворца (как и во всех прочих на Харуме, от самого большого королевства до самого захудалого Вольного Манора) висел портрет Яны в натуральную величину, в полный рост — мягкое, ненавязчивое напоминание земным владыкам, крупным и мелким, кто на Таларе сеньор, а кто вассал. Но там она, нетрудно догадаться, была другая: величавая, высокомерная, с холодным лицом, в переливчатом платье из паутины редкого вида пауков, обитавших в одном-единственном месте, в труднодоступных чащобах Сильваны (один

паунд пряжи стоит уже пять паундов золота), в роскошной мантии до пола из черных, силванских же соболей (мех этот разрешен лишь женщинам императорской фамилии). Затеяливая прическа, уйма драгоценностей, усыпанный самоцветами скипетр, корона, золотые туфельки с крупными бриллиантами... Одним словом, в лучших традициях парадных портретов. Ничего общего с девушкой, по дворцовым меркам одетой и причесанной «по необходимому минимуму», всего-то с двумя перстеньками и вовсе не роскошными сережками. (Между прочим, именно эта скромность в нарядах и драгоценностях давным-давно породила новые недоуменные сплетни: король Сварог никогда не отличался скупостью, когда речь шла о его подругах, отчего же эта выглядит чуть ли не монахиней? Точно, дура набитая, уж подарков-то могла добиться... (Ну, ничего не поделаешь, инерция мышления — что даже к лучшему.) Сварог (что его порой раздражало не на шутку) на своих парадных портретах тоже выглядел не лучше: чванный, высокомерный идиот, усыпанный самоцветами от ушей до пяток. Что ж, зато, когда он выбирался «в народ», один он или с Яной, его тоже никто практически не узнавал. В конце концов случались казусы и посмешнее — лет пятьдесят назад Ульдан Третий Ронерский, превеликий любитель ежевечерне бродить по кабакам не особенно высокого пошиба в поисках доступных девочек и дублей, специально приказывал, чтобы парадные и обычные портреты имели как можно меньше сходства с оригиналом. Что его в конце концов и сгубило: фехтовальщиком он был искусным, но однажды нарвался на бретера классом выше, и тот уложил короля на месте...

Еще издали, едва они свернули в коридор, упирившийся в дверь упомянутых покоев, Сварог увидел неспешно прохаживавшегося неподалеку, у ряда колонн из розового мрамора, человека в дворянском платье. И, сделав еще несколько шагов, узнал Вингельта. Интересно. Сварог его не приглашал и не получал от Вингельта письма с просьбой о встрече. Ну что ж, гость в дом — Бог в дом...

Когда они подошли, Вингельт не произнес ни слова, ограничился лишь поклоном (довольно учтивым, впрочем, в полном соответствии с этикетом).

— У вас ко мне дело? — спросил Сварог не без любопытства.

— Если у вашего величества нет срочных государственных дел...

— Никаких, вот счастье, — сказал Сварог. — Пойдемте.

Трое ратагайцев в комнате охраны проворно вскочили и поклонились. Кивнув им, Сварог первым вошел в Безымянную комнату (король согласно этикету никогда не пропускает вперед даму, исключая иностранных королев — но раскрывать инкогнито Яны не стоило). Уселся, спросил, как гостеприимный хозяин:

— Вино? Кофе? Что-нибудь еще?

— Нет, благодарю вас, — сказал Вингельт. — Ничего не нужно.

Сварог присмотрелся с легким недоумением: глава Хитрых Мастеров впервые за пять или шесть визитов не хотел ничего. Обычно он хотя бы из приличия просил сока или кофе, а то и чего-то покрепче: когда король угощает, отказываться попросту не принято, о чем Вингельт не может не знать...

И весь он какой-то скованный, можно даже сказать, напряженный. Впервые Сварог его видел таким.

— Что-нибудь случилось? — спросил он без особой тревоги.

— Как сказать... — протянул Вингельт.

— Говорите, как есть, — пожал плечами Сварог.

— Ваше величество, я пришел сообщить, что мы уходим.

Его слова были настолько неожиданными, что Сварог спросил недоумевающе:

— Кто это — «мы»?

— Мы все, — сказал Вингельт. — Хитрые Мастера, как нас кое-кто называет. Собственно, я остался один, все до одного уже ушли.

— Куда? — спросил Сварог все так же недоуменно.

На губах Вингельта мелькнула легкая улыбка:

— С вашего позволения, я бы предпочел не отвечать на этот вопрос. Из этого мира в другой, где нам будет уютнее, лучше, спокойнее. Решение было принято после всеобщего обсуждения, воздержавшихся или голосовавших против не нашлось.

Сварог оглянулся на Яну, она тоже выглядела крайне удивленной. Но не растерялась ничуть: уже знакомым движением указательным пальцем начертила в воздухе небольшой квадрат — и на стене появилась огромная карта Харума, на которой светилась одна-единственная алая искорка — именно там, где располагалась Латерана.

— Все так и есть, — сказала Яна. — Эта единственная искорка — наш гость. Других, и правда, на Таларе не осталось.

— Но почему вдруг? — спросил Сварог удивленно. — С какой стати? Совершенно неожиданно...

— Конечно, мы в чем-то нарушили закон, — сказал Вингельт с явственной ноткой иронии. — Согласно букве закона, мы — ваши подданные. И подданные нескольких других государств. Покидать страну без надлежащим образом выправленных паспорта и подорожной — несомненное нарушение закона. Впрочем, здесь открывается простор для юридической казуистики. Закон сформулирован так, что касается исключительно нашего мира, — он не насмехался — просто-напросто легонько шутил. — В нем ничего не сказано о запрете без паспорта и подорожной уходить на Древние Дороги — как ни словечком не упомянуто и о них самих...

— Почему вдруг? — серьезно спросил Сварог. — Мне казалось, у нас наладились вполне нормальные отношения...

— Вам непременно хочется объясниться, ваше величество?

— А вам бы на моем месте не хотелось? — не без резкости спросил Сварог.

— Пожалуй...

— В таком случае, не соизволите ли объясниться?

— Да, я бы тоже хотела выслушать... — сказала Яна.

— Мы пришли к выводу, что так для нас будет лучше.

— Но должны же быть какие-то серьезные причины? — спросил Сварог. — Вы же не дети малые, чтобы вот так, с бухты-барахты...

— Отнюдь не с бухты-барахты. Как я уже говорил, обсуждение было всеобщим, и решение прямо единогласно. Причины... Серьезные причины есть. Точнее, появились в последнее время. Обсуждение началось после того, что произошло в Горроте при вашем непосредственном участии. Вернее, после того, как мы узнали, какие порядки вы там завели и кого посадили на трон...

— Ах, вот оно что... — сказал Сварог. — Вы, я догадываюсь, приняли близко к сердцу судьбу бедных, обиженных, обделенных Стахора и Эгле?

— В том числе... Я подозреваю, вы не намерены восстанавливать их на престоле?

— Ни в коем случае, — сказал Сварог.

— Я совершенно того же мнения, — сказала Яна холодно.

— Такова уж суровая реальность, Вингельт, — сказал Сварог без тени злости или враждебности. — Так уж сложились обстоятельства. Бывают ситуации, когда и речи не идет о «восстановлении справедливости».

Мотивов я не намерен скрывать. Они лежат на поверхности. И Стахор, и Эгле категорически против существующего порядка — то есть правления ларов над жителями Земли. Если бы дело ограничилось высказанным словесно, в узком кругу, недовольством, все обстояло бы совершенно иначе. Никто не стал бы лишать их трона. Если вы думаете, что они — первые, кто придерживается такого образа мыслей, крупно ошибаетесь. У меня в подчинении две мощных спецслужбы, я прочитал массу докладов... Стахор и Эгле — не первые и даже не сотые. Немало благородных господ — а порой и коронованных особ — втихомолку придерживаются именно таких взглядов. Никак нельзя назвать это всеобщим поветрием — но и чем-то уникальным назвать нельзя.

Один существенный нюанс... До того всегда и везде дело ограничивалось именно что болтовней в узком кругу. В этих рамках и оставалось. Стахор и Эгле первые в другом. Они впервые попытались действовать, — он фыркнул. — Этакие благородные борцы с тиранией. На первый взгляд. Вы — человек многоопытный, немало прожили на этом свете. Должны знать: сплошь и рядом самые благородные намерения приводят к самым поганым безобразиям. Что и произошло... ну, почти произошло. Успели все предотвратить в последний момент... Именно благодаря трудам нашей благородной парочки власть над Империей едва не захватил Брашеро. А уж его диктатура, его порядки, которые он намеревался ввести, почище любой «тирании ларов». Мы ведь как-то говорили о нем и его планах, и вы согласились, что вам это категорически не нравится...

— Я и сейчас могу повторить то же самое, — спокойно сказал Вингельт.

— Вот видите... — развел руками Сварог. — Как же можно после всего «восстанавливать справедливость»? Возвращать им трон? Они умны, молоды, энергичны, во что могут впутаться еще, предсказать решительно невозможно. А они обязательно во что-нибудь впутаются, не те люди, чтобы останавливаться на полпути. Чисто по-человечески мне их жаль, но я не могу себе позволить такой роскоши — быть не человеком. Я, увы, государственный деятель... И сплошь и рядом вынужден отбрасывать все человеческое...

— Ну, что же... — сказал Вингельт. — Некоторым образом вы сами ответили на свой вопрос — о наших мотивах. Дело, разумеется, не только в Стахоре и Эгле, хотя их участь меня по-настоящему волнует — они наши давние и хорошие друзья, пусть во многом мы и расходимся во взглядах... Дело в нас и будущем наших детей. Сейчас вы настроены к нам доброжелательно. Но где гарантии, что завтра вы не решите, что очередную угрозу для Империи представляем именно мы? Вот потому мы и уходим. Мы не собираемся предпринимать против вас... и вашего порядка что бы то ни было. Мы просто уходим.

— А Стахор с Эгле? — спросил Сварог. — Уходят с вами или остаются?

— Позвольте не отвечать на этот вопрос.

— Подозреваю, остаются, — сказал Сварог. — Не та у них натура, чтобы ти-

хонечко доживать век в каком-то уютном и безопасном другом месте. Ведь правда? Возможно, вы пытались их уговорить уйти с вами, но они наверняка не послушались, а? — он наклонился вперед. — Черт побери, Вингельт! Да увезите вы их силой! Им ведь никогда не удастся вернуть трон, и ситуация может зайти настолько далеко, что... Неужели не понимаете?

— Понимаю, — бесстрастно сказал Вингельт. — Но поделаться ничего не могу. Честное слово, не могу. Что до вас... Я не питаю к вам ни злобы, ни вражды — как и к вам, ваше величество, — он поклонился Яне. — Но обязан помнить, что люди вы — во вторую очередь, а в первую — государственные деятели...

Вопреки всем этикетам он вскочил, резко отодвинув стул так, что ножки прогромыхали по дубовому паркету, спиной вперед сделал три быстрых шага, оказавшись у самой стены, покрытой огромным гобеленом со сценой какого-то стародавнего морского сражения.

За его спиной возник аркообразный проем, и там виднелись знакомые деревья со светло-коричневыми стволами...

Сварог прыгнул из положения «сидя», ухитрившись не опрокинуть хрупкий столик. Все было сделано грамотно, четко, но далеко стоял чертов Вингельт, понадобилось два броска.

И Сварог опоздал на какую-то секунду — точно рассчитанный удар пришелся не в болевую точку, а в пустоту, носок сапога замер напротив окутанного пушечным дымом корабля. Вингельт ушел.

Равновесия Сварог не потерял, выправился. Постоял пару мгновений в нелепой позе, встал на ровные ноги, вернулся к столу, мысленно матерясь боцманскими словесами, сел и налил себе до краев чарку рома «Семь якорей».

Яна терпеливо дождалась, когда он выпьет, чуть морщась, прожует кусочек густо наперченного вареного омара (стол сегодня был накрыт с «морским» уклоном). Спокойно произнесла:

— Хотел его допросить.

Это прозвучало не вопросом — утверждением.

— Ну конечно, — сказал Сварог, морщась уже от досады (поганой секунды не хватило!). — Со всем прилежанием. С помощью людей Канцлера — я король, но не зверь, знаю, что когда применять... Сбежали, значит, то ли в Заводь, то ли на какую-нибудь Соседнюю Страницу, и чует моя душа, черта с два их найдешь...

— Вряд ли они будут помогать... Стахору с Эгле.

— Отчего-то я тоже твердо уверен, что не станут, — сказал Сварог. — Дружба дружбой, а тысячелетний уклад жизни так просто не переломишь... Они никогда не вмешивались в земные дела, разве что в той истории с Багряной Звездой — но там они еще и о собственной выгоде заботились, не хотелось им куда-то уходить. А вот теперь все же решились... Да, помогать наверняка не будут. За тысячи лет в мозг впечаталось: укрываться, прятаться, не высываться... Так что тебе волноваться совершенно не о чем: сама по себе эта парочка для Империи опасна даже меньше, чем комарик для дикого кабана. А вот мне они могут напакостить в Горроте... Если они тоже умеют ходить по Древним Дорогам, им ничего не стоит однажды посреди ночи объявиться в королевской спальне. Один удар кинжалом, дел-то... Труп нетрудно скрыть на тех же Древних Дорогах. А убедительную версию сочинить еще проще. В кон-

це концов, если вдруг оказалось, что считавшаяся мертвой королева живехонька, что мешает «чудесно уцелеть» и королю?

— Замок битком набит твоими людьми, — спокойно сказала Яна. — Тебе моментально доложат о неожиданном явлении живехонького Стахора.

— Безусловно, — сказал Сварог. — Вообще-то я пытался предусмотреть все варианты. У Литты в спальне теперь всю ночь дежурят две якобы пажессы — безобидные на вид девочки лет четырнадцати — из того же учебного заведения, что и Мара. Наследство Гаудина, ага. Но черт его знает, на что способна эта парочка, несколько лет водившаяся с Хитрыми Мастерами — да и какие-то наследственные умения у Стахора безусловно есть. Ну... Даже если их быстренько возьмут, моей королевы у меня уже не будет. Правда, остается мальчишка — на него, очень может быть, не поднимется рука — ребенок еще, да вдобавок как две капли воды похож на настоящего... Быстренько назначим подходящего «регента»... И все равно, приятного мало, когда эта парочка болтается где-то поблизости и ее возможности толком неизвестны...

— Полетишь в Горрот?

— Нет, — без колебаний ответил Сварог. — Совершенно ни к чему. Никаких новых мер безопасности попросту не придумать, — он печально покачал головой. — Остается только сидеть и ждать, когда что-нибудь произойдет — и тогда уж действовать соответственно. Ну ладно, не буду я забивать себе этим голову — предстоит задача посерьезнее... Ну что ты насупилась? Смотри веселее. Я и не из таких переделок выходил...

Яна подняла на него грустные глаза.

— Это потому, что ты ни разу не видела в деле Странную Компанию, — сказал Сварог наигранно бодро. — Бывали противники и пострашнее, ситуации посквернее...

— У тебя есть хоть какой-то план?

— Пока никакого, — лихо солгал Сварог. — Придется действовать по обстановке.

Вообще-то был у него план. На крайний случай. Рискованный, дерзкий, но все же вполне реальный, способный и увенчаться успехом... Теперь доподлинно известно, что ядерные заряды у токерефов есть. И наверняка в немалом количестве. Захватить один из них и взорвать к чертовой матери, предварительно отправив соратников наверх. Не самая легкая задача, но, в принципе, выполнимая. Ему самому не случится ни малейшего вреда, даже если он встанет рядом и шарахнет молотком по взрывателю. А вот Токерангу — конец. Характеристики и свойства ядерного взрыва у советского офицера намертво вбиты в подсознание, не пришлось лезть в справочники, в компьютерную память. Для пущей надежности Элкон ему кое-что просчитал на одном из компьютеров девятого стола. Вполне достаточно, учитывая размеры пещеры, примерно такого заряда, какой король Токеранга, сволочь такая, отправил ему в качестве свадебного подарка. Пятнадцать килотонн — вполне достаточно. Хорошо бы рвануть в таком месте, чтобы главный удар достался Клорене и Заречью. В Токеранге наверняка нет противоатомных убежищ. Поражающие факторы памятны наперечет: кто уцелеет после ударной волны, светового излучения и проникающей радиации, радиоактивного заражения местности не перенесет. Вдобавок будет еще электромагнитный импульс, по расчетам Элкона способный выжечь всю тамошнюю электронику. Некому и нечем будет связы-

ваться с агентами на земле. Пусть они даже заложили в земных городах немало всякой пакости — наверняка нет комплекса связи и условного сигнала, способных при необходимости привести все это в действие. Так что план ничуть не фантастический — просто-напросто весьма нелегкий в исполнении, а это уже совсем другое... И уже есть кое-какие задумки касаются некоторых его деталей...

Он очнулся от нелегких раздумий, вскинул голову, услышав тихий голос Яны:

— Тебя Стахор с Эгле настолько обеспокоили? Или все дело в Токеранге? У тебя лицо такое...

— Да нет, все в порядке, — сказал он уверенно. — Настолько, что хочу устроить тебе интересный сюрприз, не имеющий ничего общего с текущими заботами. У меня давно руки чесались... А вот сего дня выпало свободное время. Едва перевалило за полдень, чертов барон появится только завтра, и Странная Компания только завтра слетится... Время есть...

— Ты о чем? — спросила она с извечным женским любопытством.

Сварог усмехнулся и завлекающим тоном сказал:

— О том балконе, за которым — какой-то другой мир. Хочешь заглянуть туда прямо сейчас? Ну, не самолично, а с помощью добротной научной аппаратуры...

Она не то что восторгалась — вскочила:

— Конечно!

— Тогда пошли, — сказал он самым будничным тоном, нисколько не наигранным. — Там все должно быть уже готово. Вита! Шагаем степенно, как этикет предписывает...

Короткий участок коридора, ведущего к его малому кабинету (и той самой комнате, замурованной лет двести назад), давным-давно по распоряжению Сварога перегородили капитальной стеной, отделанной в тон всему коридору: так что теперь, казалось, будто стена тут красуется со времен постройки этого крыла. Дверь охранялась круглосуточно. Легенду, объясняющую такие новшества, придумали железную и убедительнейшую: Интагар с присущим ему рвением распустил по дворцу слух, что король собрался устроить рядом с кабинетом свой личный архив. Новость приняли спокойно, без малейшего удивления и тени подозрений. Совершенно житейское дело: те короли, что всерьез занимались государственными делами, не перекладывая их на первых министров или фаворитов, всегда имели свой личный архив, строжайшим образом охранявшийся... Комната давно уже сияла чистотой — ни пылинки. О чем позаботился сам Сварог, применив те заклинания, что использовали при уборке слуги в заоблачных Манорах. Благородному лару пользоваться ими, конечно, неуместно, но кто ж узнает...

Если уж пришло время заняться загадкой вплотную, нужно было отказаться от пещерных методов первых дней вроде крысы в корзинке, щенка на веревке и даже мощной оптики. Все поставлено на широкую ногу, строго научную основу: комната уставлена хитроумными приборами и агрегатами числом не менее полутора десятков, так что по виду (да и по качеству) ничуть не уступала многим заоблачным лабораториям. Пока что Элкону какое-то время предстояло управляться со всей этой передовой машинерией в одиночку, но вскоре должны были подключиться Томи с Аурикой — Сварог никому сейчас

не доверял так, как своим юным сподвижникам, ну, и Яне, разумеется.

Рано или поздно придется туда пойти. Но прежде (безвозвратно минули времена мушкетерской юности!) следует кое-что самым тщательным образом изучить. Продолжительность тамошних дня и ночи. Доступные наблюдению с балкона участки звездного неба — а потом попробовать поискать аналогии в обширнейшей памяти засекреченных компьютерных сетей. С помощью сверхсильной оптики заснять на видео доступную наблюдению часть города — вывески, рекламы, здания. Заснять машины на автостраде. Судя по развитию техники, там должны существовать радио и телевидение — определить частоты, послушать и посмотреть передачи. Наконец, рискнуть выслать на разведку дюжину-другую Золотых Шмелей, чтобы обзрели и запечатлели ближайшие окрестности, и в первую очередь само здание — нужно же наконец выяснить, какой вид оно имеет там и почему выглядит заброшенным.

Едва Яна со Сварогом вошли, Элкон прямо-таки сорвался с кресла — ну конечно, сгорал от нетерпения, скучая здесь часа два в полной готовности. Обозрев комнату, Яна по-мальчишески присвистнула:

— Солидно подходите к делу...

— Как солидным людям и полагается, — усмехнулся Сварог. — Элкон, вы все наладили? То, о чем договаривались?

— Конечно, командир, — браво отрапортовал Элкон. — Все должным образом экранировано. Даже если какой-нибудь чудак с городской окраины станет пялиться сюда в телескоп, не увидит ни единого отблеска от пультов и экранов. Одна сплошная темень. Только вряд ли найдется такой чудак, вы же сами говорили, что за все время тут ни единой живой души не объявилось.

— С этой стороны не появилось, — педантично уточнил Сварог. — В районе, что доступен взгляду с балкона. Ну да, тут сплошные заросли колючего кустарника, чащоба. А вот что там с другой стороны, толком неизвестно, — он повернулся к Яне, потому что Элкон и так знал все, что Сварог сейчас собирался ей рассказать. — Когда там день, шторы мы не распахиваем ради пущей осторожности.

Один раз все же чуточку рискнули, ночью установили на балконе хорошо замаскированный микрофон и несколько раз слушали тамошним днем. И всякий раз одно и то же: где-то неподалеку — гораздо ближе, чем проходит автострада, частенько подъезжали машины, судя по звукам, не только легковые, но и покрупнее, вроде автобусов. Ходили люди, и немало, мы даже слышали разговоры — но совершенно пустые, неинтересные. В общем, судя по результатам, здание регулярно посещают люди, иногда группами — но никак не похоже, что оно обитаемо.

— Может, и там, у них, здание чертовски старое? — предположила Яна. — Памятник архитектуры, музей, какой-нибудь храм, наконец?

— Да, мы и сами эти версии выдвигали, — сказал Сварог. — Вот только ни одна пока что не проверена на опыте. Одно сомнению не подлежит: там — совершенно мирные времена. Может быть, эта страна какие-нибудь мелкие войны вдалеке отсюда и ведет — скажем, наподобие колониальных. Но большой войны, ручаться можно, нет.

Но совершенно уверенным в этом быть нельзя, добавил он про себя. Во время Второй мировой швейцарские, шведские, испанские, португальские, турецкие города сияли половодьем огней. Не говоря уж о городах обеих Америк.

Окажись году в сорок четвертом пришелец из другого мира, способный наблюдать издали Лос-Анджелес, Стокгольм или Анкару исключительно через такое вот оконце, свободно мог решить, что никакой войны нет. Так что рано делать выводы. Не так уж и далеко отсюда запросто может бушевать именно большая война — просто эта страна нейтральна, вот и все?

— Командир... — почти умоляюще произнес Элкон уже совершенно другим тоном.

Сварог ухмыльнулся про себя: ну да, конечно, сейчас перед ним стоял не солидный специалист с изрядными заслугами перед Империей, отмеченный на Земле медалью, а за облаками — медалью и орденом, пусть и далеко не самым высоким. Сторавший от любопытства мальчишка. Ну, эти чувства вполне понятны и внушения не заслуживают, его самого так и подмывает побыстрее начать, да и Яна, почти не скрывая, нетерпеливо переминается с ноги на ногу... — Начнем, — решительно сказал Сварог.

— С чего? — уточнил Элкон.

Практически не раздумывая, Сварог сказал:

— С поисков телеканалов. Где телевидение, там и новости... Нет, Элкон, шторы я и сам отдерну, какие уж тут церемонии. Займитесь приборами.

Он погасил свет, прошел к высокому окну и распахнул шторы — отлично смазанные металлические кольца не издали ни звука. Вышел на балкон. Яна тут же оказалась рядом. Все было, как обычно: ночь звездная, вдаль протянулся могучий Ител, звезды отражаются в воде далеко внизу, на равнине, по широкой автостраде проносятся машины. У горизонта — городская окраина, россыпь разноцветных огней разной величины, вспыхивают, гаснут, мелькают разноцветные огненные зигзаги, фигуры, вензеля — уличная реклама во всей красе...

На сей раз задерживаться надолго, чтобы наблюдать давно знакомое, не хотелось. Сварог с Яной уселись перед указанным Элконом пультом, над ним тут же загорелся большой квадрат, очерченный тонюсенькой ниточкой сиреневого света. Он пока что оставался темным, только в паре мест светились бледно-молочным сиянием пятнышки в виде размытых запятых хвостиками вверх.

— Сначала — тщательная проверка, — распорядился Сварог.

— Конечно, командир... — так же негромко отозвался Элкон.

Какое-то время царило совершеннейшее молчание, полная тишина. Далеко не все научные приборы работают бесшумно, иные издают разнообразные тихие звуки, но сейчас Элкон все это отключил. Сварог, по правде говоря, чуточку волновался — впервые они вторгались туда с приборами. Двести лет, не помнил он себе. Как минимум двести лет никто оттуда не делал попыток проникнуть на эту сторону. Правда, за эти двести лет здесь впервые работает электронная аппаратура... Ну и что? Никаких следов какой-нибудь военной базы или других секретных объектов, мирная окраина мирного большого города...

Наконец Элкон уверенно доложил:

— Ни малейших следов апейрона. Радиационный фон и магнитное поле отличаются от наших на ничтожные величины. Никаких признаков того, что кто-то нас сканирует какими бы то ни было излучения и полями, — и добросовестно уточнил: — Точнее, нет никаких признаков известных нам сканирую-

щих излучений и полей. Что касается здешнего эфира... Прямо-таки кипит, как котел с похлебкой на сильном огне. Практически на всех диапазонах, — он помолчал и закончил уверенно: — Командир, здесь куча радиостанций и телестудий. Во многих машинах на автостраде включены радиоприемники.

— Вот с них и начните, — сказал Сварог. — Поймайте что-нибудь первое попавшееся, ненадолго...

— Есть, — сказал Элкон преувеличенно бесстрастным голосом старого капрала — ну конечно, тоже волновался...

Яна накрыла ладонью пальцы Сварога, легонечко жжала. Сварог едва не фыркнул: вдруг ощутил себя персонажем фантастических фильмов, на которые бегал мальчишкой: куча приборов, огоньки, экраны, отважные исследователи мужественно перебрасываются скуными репликами, готовые грудью встретить любые сюрпризы Мироздания — и молодая красавица среди них, конечно...

Ага! Заиграл оркестр, не все инструменты можно определить по издаваемым ими звукам, но мелодия безусловно приятная, ничуть не печальная, что-то вроде танго...

— Дальше, — сказал Сварог...

Несомненно, репортаж с какого-то спортивного состязания — диктор сыплет пулеметной скороговоркой, в ненаигранном азарте возвещая, что некто с непривычным именем догоняет другого со столь же непривычным именем, кажется, будет обходить, вот они уже идут голова в голову, слышны совершенно привычные вопли болельщиков, свист, женский визг — но никаких деталей, по которым можно определить, что там за состязание, с равным успехом может оказаться и-бег, и плавание, да что угодно...

— Дальше.

Снова мелодия, веселая, задорная...

— Достаточно, пожалуй, — сказал Сварог. — Давайте лучше займемся телеканалами, своими глазами посмотрим...

— Понял, командир. Восемнадцать телеканалов, три из них — явно местное вещание, а вот для остальных сигнал идет со спутника...

Чуть подумав, Сварог распорядился:

— Пробежимся по всем. Не галопом, но достаточно быстро: пол минуты на канал...

Вспыхнул экран. Палуба большого парусного корабля, на ней кипит ожесточенная сеча: рубятся широкими саблями, порой палят друг в друга из пистолетов, какие можно и сейчас встретить по всему Талару. Интересно, что и те и другие одеты разномастно, ничего напоминающего форму — пиратская разборка? Музыка соответствующая, тревожно-бравурная, это, конечно же, фильм, наверняка о старинных временах — что-то не сочетаются колесцовые пистолеты, парса и сабли с потоком машин на автостраде и залитым электрическим светом городом. Камера упрямо держит на переднем плане высокого брюнета с красивым, мужественным лицом: положительный герой, а? Местный капитан Блад? Похоже. А вон тот, что благоразумно прячется у мачты за спины своих людей, судя по роже, как раз главный злодей и есть... Так, к этой же мачте привязана очаровательная блондинка с разметавшимися волосами и продуманно порванным платьем, она с такой надеждой уставилась на брюнета, что пояснений не требуется...

Откровенно эротический танец — девушки в полупрозрачных накидках, освещенные разноцветными лучами прожекторов. Впрочем, именно что красивая эротика, а не порно, сразу можно определить...

Стадион. Ух ты, «боло»! В точности как в Равене: огромный мяч в два человеческих роста диаметром, на него точно так, как случается на улицах Равены, нападают с двух сторон две команды, ну, разве что эти одеты в спортивную форму, одни в синюю, другие в красную, играют на стадионе...

Еще один эротический танец, но это какой-то другой канал — и скупые наряды другие, и музыка, и сам танец...

Люди в богатой, но, полное впечатление, очень старинной одежде, держась очень величаво, изъясняются длиннейшими монологами, прямо-таки белым стихом. Обстановка — самая роскошная, быть может, даже не дворец магната, а королевский замок. Здешний Шекспир, а?

Человек в непривычном, но, полное впечатление, современном костюме сидит за полукруглым столиком темного дерева и не просто говорит — сосредоточенно вещает, за спиной у него — разноцветные диаграммы, графики, разной величины цветные полосы. Так, курс такой-то валюты к такой-то и сякой-то, изменения курсов не дают оснований для биржевой паники...

Скачки, с первого взгляда видно. Кричат и машут руками зрители на трибунах, трое всадников — кони в разноцветных пополах идут почти голова в голову, явные фавориты: остальные, не менее десятка, растянулись цепочкой, отставая корпусов на полдюжины...

И снова тревожно-бравурная музыка, только на сей раз ожесточенная сеча происходит не на палубе корабля, а на широкой лесной прогалине, дерутся всадники в кольчугах и круглых шлемах, с разноцветными геометрическими фигурами на щитах. Вот только на сей раз трудно определить, кто тут благородный герой, а кто — главный злодей, и прекрасной пленницы что-то не видно...

Мультфильм. Неизвестные, но довольно потешные зверюшки под бравую песенку идут гурьбой по лесной тропинке...

Во весь экран — доска, густо исписанная непонятными знаками и формулами, солидный седовласый человек что-то внятно и с расстановкой объясняет, вода по загадочным иероглифам тонкой и длинной красной указкой. Учебная программа? Похоже.

Под музыку, напоминающую звуки клавесина, камера на высоте птичьего полета медленно плывет над широкой равниной: зеленые кудрявые деревья, обширные поля ухоженной травы, желтые дороги, показался красивый замок непривычной архитектуры, диктор возвестил, что школьники видят место, где обитал в последние годы жизни король Гунгар Великий...

Регата, гонки небольших белоснежных яхт под разноцветными парусами — где-то в открытом море, яркое солнце, спокойная гладь, играющая мириадами солнечных зайчиков...

Снова мультфильм. Старец с длинной белой бородой, в усыпанной золотыми знаками синей мантии и таком же остроконечном колпаке что-то объясняет восторженно внимающей ему детворе: то ли маг, то ли звездочет — над ними раскинулось ясное звездное небо, и большой желтый, уже чуть на ущербе диск справа очень похож на Семел...

Трое мужчин — все довольно солидного возраста, хотя и не старики, — оде-

тые примерно так же, как тот тип, что читал биржевые сводки, сидят вокруг треугольного столика и чинно беседуют. Это явно ученые: иногда попадаются в их речи знакомые слова вроде «вектора» и «фактора», но смысл понять решительно невозможно, непонятно даже, о какой именно науке идет речь. Очень чинно дискутирующие то что в Ремиденуме или ином здешнем очаге культуры, когда под занавес летают скамейки, чернильницы и наглядные пособия...

Ну, а это уж точно оперетта: усатый красавчик в расшитом золотом мундире и дама в богатом платье до пола, перебросившись парой игривых реплик, принялись танцевать, напевая нечто довольно легкомысленное...

Сварог подался вперед. Вокруг круглой эстрады метались пучки разноцветных лучей, в воздухе плавали полупрозрачные цветные ленты, опять-таки похожие на лучи света, а не полосы ткани. И в глубине светились большие, сиреневые с желтой каймой буквы:

ТАРИНА ТАРЕМИ...

— Задержите подольше, Элкон! — быстро приказал Сварог.

Справа появилась молодая женщина в длинном открытом платье, жемчужно-сером с алыми вставками. Черные волосы ниже плеч, смеющиеся голубые глаза... Тихо зазвучала музыка, и она запела, улыбаясь словно бы не залу, а каким-то своим затаенным мыслям:

*Вертикальная вода,
Как и в прежние года,
Гладит море крыш...
И тепла, как никогда,*

*Вертикальная вода,
Что же ты грустишь?
Скоро тучи вдаль уйдут,
И снова птицы запоют...*

*Ты потом поймешь:
Смыла беды навсегда
Вертикальная вода,
Если проще — дождь...*

Только теперь Сварог ее узнал. Понял, отчего, когда первый раз слушал ее записи, голос показался смутно знакомым. Это она тогда появилась на экране телевизора в роскошном хельстадском доме отдыха для военно-морских чинов. Только платье было другое, алое, Да волосы чуточку покороче. Она, никаких сомнений, тот же завораживающий, с легкой хрипотцой голос...

— Дальше, — приказал он. На первом месте были интересы дела, а телеканал, надо полагать, надежно зафиксирован в памяти компьютера...

Игра какая-то? Высокая стена, круг на ней разделен на семь полос, классические цвета радуги, полосы разделены на секторы с цифрами (знакомые цифры, они и здесь в ходу, доставшиеся в наследство от мира до Шторма), центральный кружок — белый, величиной не более чайного блюдца. Показанная со спины светловолосая девушка в коротком желтом платье и вычурных туфельках, с завязанными глазами, азартно повизгивая, мечет в круг нечто вроде стрел с тонкими стальными наконечниками и ярко-алым оперением.

В левой руке у нее целый пучок. Промах... Еще промах... угодила третьей во второй снизу круг, оранжевый. Сбоку не менее азартно завопили зрители (сиденья амфитеатром до самого потолка). Судя по накалу страстей, игра идет на интерес...

Музыка, но уже не бравурная, очень тревожная, так и намекающая на грядущие крайне неприятные сюрпризы. Широкая лесная тропинка, по тропинке, то и дело озираясь, осторожными шажками движется девушка в длинном платье с какой-то непонятной штукой в руке — нечто вроде короткого жезла с навершием в виде то ли ажурного вензеля, то ли каббалистического знака. Справа вскрикнула ночная птица — пронзительно, недобро, словно бы насмешливо. Девушка невольно отшатнулась, но, кажется, большим усилием воли взяла себя в руки, осторожно двинулась дальше. За спиной у нее стал бесшумно выдвигаться из-за дерева на тропинку высокий черный силуэт не вполне человеческих пропорций...

Экран погас.

— Ой! — невольно вскрикнула Яна. — А что дальше?

Сварог усмехнулся:

— Все равно не видели начала. Самое забавное, вполне может оказаться, что девушка — злая фея, а черное страшилище — зачарованный принц, жаждущий вернуть себе человеческий облик. Со сказками никогда неизвестно, может обернуться по-всякому... А это, конечно же, сказка, а не репортаж с места событий... Ну что, кратенько все обсудим? Как полагается на военных советах, начнем с младшего? Элкон?

— По-моему, довольно благоустроенный мир, командир, — сказал Элкон раздумчиво. — Образовательные каналы, научная программа, добрые мультфильмы, спорт, биржевые игры, вполне благопристойная эротика... Ни следа войны. Тишь, гладь, благолепие... Конечно, это еще ничего не доказывает. Воевать могут какие-то другие страны — если тут их несколько, — а эта держит нейтралитет.

— Да, у меня примерно то же впечатление, — сказал Сварог. — Как-то у них тут уютно... — он грустно усмехнулся. — Я, правда, в иных случаях заранее настраиваюсь на пессимизм. Все, что мы видели, вполне может сочетаться с каким-нибудь сатрапом на троне или в Главном Кресле, у которого все тут ходят по ниточке...

— Возможно, — сказал Элкон.

— Вы не о том! — воскликнула Яна. — Где это? Когда? Это Тарина Тареми, никаких сомнений. Канцлер давал мне посмотреть один из ее фильмов. Он предполагает, что Тарина — современница Шторма...

— Предполагать можно все, что угодно, — сказал Элкон. — Все равно не сохранилось точных дат, только приблизительные. Может, и не современница. Просто пользовалась такой известностью, что ее фильмы и концерты имели большой успех и после ее смерти... не исключено, в преклонных годах.

— Ну, это детали, — сказала Яна. — Главное, там — время незадолго до Шторма. Отделенное от него, быть может, десятилетиями, но вряд ли столетиями.

— Еще не факт, — спокойно возразил Элкон. — Может быть, там — одна из Соседних Страниц, время там течет по-своему... а Багряная Звезда туда могла и не прилететь. Не было ее там. О Соседних Страницах у нас знания чисто теоре-

тические, еще ни разу не удавалось ни на одну проникнуть, как ни бьются.

Сварог помалкивал. Пока что он не собирался никому, даже Яне, рассказывать, что однажды ненадолго оказался на какой-то Соседней Странице... где события обернулись так, что Багряная Звезда все же прорвалась к Талару, и они с Яной мертвы... Никак не мог решиться. Мешали те неопишуемые обычными словами ощущения, навалившиеся, когда он перевернул ногой на спину собственный труп, и под пальцами у него, словно сухая веточка, сломалась заледеневшая прядь Яниных волос... Зачем кому-то это вообще знать? Ни малейшей пользы для науки, бортовая аппаратура не зафиксировала тогда ничего необычного, ничего, с чем можно идти к ученым, главное, здесь беду удалось отвести, и мы оба живы, и планета невредима...

— Ну, а ты, что думаешь? — тронула его руку Яна.

— Ничего, — сказал он спокойно. И ничуть не кривя душой.

— Почему?

— Потому что рано, — сказал он. — Слишком мало информации к размышлению, и не хочется переливать из пустого в порожнее. Еще потому, что времени мало, у меня, если помните, очень серьезная поездка намечается, и там многое еще не сделано...

— Может, я тогда попробую Древний Ветер? — предложила Яна. — Пролететь до города — ну, в переносном смысле, конечно — посмотреть и послушать...

— Не пойдет, — решительно сказал Сварог. — Мы ведь о них ничегошеньки не знаем, за таким вот уютным фасадом может скрываться что угодно...

— Например? — чуточку недовольно бросила Яна.

— Например, здешняя Багряная Палата. Которая в два счета отследит вторжение Древнего Ветра. Если он тут есть, может и оказаться вне закона, как у нас — черная магия. Это аргумент?

— Аргумент, — согласилась Яна довольно покладисто. — Но Элкон ведь слушал, и никто его не засек? Можно, я тоже только послушаю, без всяких вторжений?

«А вот это другое дело», — подумав, согласился Сварог. — Пошли на балкон... Или ты можешь и отсюда?

Яна сосредоточилась и почти сразу же сердито фыркнула:

— Нет, не получается. Завеса...

— Ну, пошли на балкон, — встал Сварог первым.

Завесу они обнаружили сразу же, едва пещерным методам Сварога пришел конец, и Элкон объявился здесь с серьезной аппаратурой. Вот именно. Некая невидимая, неосязаемая, не оказывавшая на окружающее никакого влияния завеса, затянувшая от пола до потолка и от стены до стены торец комнаты, где располагались окно и дверь на балкон. Обнаружил ее Элкон сразу же, но, как ни бился, не мог определить, что она такое. Одно выяснилось точно: она не пропускала наружу из комнаты ничего, подходившее бы под определение «вторжение»: ни излучений поисковой аппаратуры Элкона, ни магии, даже примитивной, которой попытался воспользоваться Сварог (типа «подзорной трубы» или «чуткого уха»). Ничего — кроме самих людей, беспрепятственно выходявших на балкон. А теперь, как выяснилось, не пропускала изнутри и Древнего Ветра. Неизвестно, как обстояло со внешними воздействиями любого вида, направленными оттуда. Неизвестно, естественная это преграда или

дело человеческих рук. Главное, она была непроницаемой — и датчики, антенны, приемники излучений Элкону пришлось устанавливать на балконе, в этом случае все исправно работало. Сварог иногда думал: не благодаря ли завесе за двести с лишним лет оттуда так никто и ничто и не проникло сюда? Может, подобная штука — неотъемлемое свойство таких вот окон, соединяющих разные миры. А может, давным-давно кто-то мудрый и сильный ее установил специально, неизвестно уж, с которой стороны — наподобие того, как в старые времена Катберт-Молот запечатал узкую расщелину в горах Оттершо, из которой временами неведомо откуда вылезала всякая нечисть, и с нею приходилось потом разбираться долго и старательно, с превеликим напряжением сил...

— Только ты уж пожалуйста без световых эффектов, — попросил Сварог, когда они все трое встали у каменных перил.

Яна ответила таким тоном, словно показала язык:

— Древний Ветер сплошь и рядом себя не проявляет ни световыми, ни звуковыми... эффектами.

— Ну, тогда начинай, — сказал он, вздохнув.

Действительно, никаких внешних эффектов: Яна попросту сложила ладони перед грудью, потом медленно развела руки, согнутые в локтях, застыла, обратив ладошки, словно антенны радаров, в сторону далекой пляски разноцветный огней. И стояла так довольно долго. Все же совсем без сопутствующих эффектов не обошлось: в какой-то момент Сварог заметил, что ее волосы словно слегка колышет ветерок — хотя сам он не ощущал ни дуновения.

Наконец она медленно опустила руки на перила, чуть пожала плечами:

— Ну, вот... Древний Ветер там есть. Как учено выразился бы Элкон, в качестве постоянного фона. Даже гораздо более сильного, чем у нас на Таларе. Мне показалось даже, что где-то вдали есть другие. С теми же способностями — а вот на Таларе я одна-одинешенька — иногда ощущение это бывает очень неприятным... — и убежденно повторила: — Да, где-то здесь есть и другие...

— Ну, значит, пока больше не пробуй, — сказал Сварог. — Кто его знает, ваш Древний Ветер — если ты их чувствуешь, они тебя тоже могут почуять, запыленговать, или как там это применительно к Древнему Ветру именуется... Мало ли на кого они могут работать — у отца Алкеса в Багряной Палате, да и у Грельфи, состоят на службе свои умельцы...

Яна, касаясь теплыми губами его уха, прошептала чуть насмешливо:

— Что-то ты становишься ужасно осторожным, словно дряхлый дед, идущий без палки по скользкой дороге...

— Повзрослел, — ответил Сварог тоже шепотом, — это в старые времена я только за самого себя отвечал... — и спросил уже в полный голос: — А магию ты там не почуяла?

— Почуяла, — будничным голосом ответила Яна. — Где-то тут и она есть — но никак не поблизости. Однако есть. Только гораздо более слабая. Если Древний Ветер сильный, мощный, воздух им прямо-таки насыщен, то здешнюю магию я бы сравнила со слабым огонёчком далекого костра... или тихим пением на пределе слышимости где-то за горизонтом... Может быть, здешние места просто-напросто на нее слабы. И в других местах ее гораздо больше. Ой, извини! — воскликнула она голосом послушной девочки. — Я снова переливаю из пустого в порожнее?

— Вообще-то да, — проворчал Сварог. — Черт, как же нам все-таки посмотреть город...

— Сейчас устроим, командир, — самым будничным тоном ответил Элкон: — Думаю, все сработает... Вы можете остаться здесь, я сам справлюсь.

Он ушел в комнату и тут же вернулся, кончиками пальцев легонько толкая перед собой — как поступают с предметами, магическим образом лишенными веса, — полусферу радиусом метра в полтора. Торцом она была обращена наружу — и Сварог рассмотрел на нем концентрические круги выпуклых линз, ряды углублений, где виднелись небольшие, но замысловатые антенны.

Остановив ее на середине балкона, Элкон достал узкую Длинную коробочку и что-то так нажал. Ничего не произошло. Но через пару секунд полусфера стала бесшумно таять, пока не исчезла со всем.

— Все, можем садиться к экрану и смотреть, — сказал Элкон, легонько потянул за рукав Сварога. — Нет, командир, обойдите это место, а то еще лбом треснетесь, шишку набьете. И вы тоже, ваше величество. Она так там и осталась, просто сейчас невидимая...

— Что это за штука? — спросил Сварог, когда они вновь уселись перед экраном.

— Самый обычный агрегат, давным-давно известный, — усмехнулся Элкон. — Стандартный орбитал-наблюдатель из арсенала восьмого департамента. Во время горротского похода драгуны меня много раз учили проявлять солдатскую смекалку. Вот я и подумал: с помощью подзорной трубы можно с равным успехом смотреть и сверху вниз, и по горизонтали. Взял обычный орбитал, повернул на девяносто градусов... Он должен работать в любом положении. Вот и посмотрим поближе...

Сварог ухмыльнулся:

— Еще одно доказательство, что армейский опыт идет человеку только на пользу. Мэтра Анраха взять, да мало ли примеров, уж не говоря скромно обо мне самом...

— Только один недостаток, — сказал Элкон. — В таком положении я не смогу орбитал перемещать так, как это удалось бы в небе. Он и в самом деле сможет действовать исключительно как подзорная труба...

— Не переживайте, — сказал Сварог. — Для первого раза вполне достаточно. Ну?

Огромный экран вспыхнул: как всегда, ощущение такое, словно это они сами перемещались по широкой улице, разве что не в легковой машине, а в кабине высокого грузовика. Объемное изображение передает все краски и оттенки, разве что запахов нет.

Городские окраины во все времена бывают всякими. Иногда это — трущобы, набитые нищebroдами и криминальным элементом. Иногда — загородные дворцы знати. Там, можно с первого взгляда определить, окраина играла роль ночного развлекательного центра, причем рассчитанного на толстый кошелек. Главная камера плыла над улицей со скоростью пешехода, иногда подключались крайние. Как ни вглядывался Сварог, он пока что не увидел ни одного жилого дома, одни отели, рестораны, казино и всевозможные увеселительные заведения (иные с соответствующими вывесками, иные только с названиями — видимо, самые знаменитые, не видевшие нужды уточнять, что именно они предлагают почтеннейшей публике).

Очень, скоро начало форменным образом рябит в глазах от обилия и многоцветья рекламы. Отели и иные развлекательные комплексы в основном обходились без мельтешения (что, не исключено, служило признаком особой респектабельности) — их вывески и прочая иллюминация не мигали, не шевелились, чинно себе горели высоко над уличными фонарями. Зато немало других заведений себя являли так, что глазам больно: надписи мигающие, пробегающие по крышам и фасадам, выписывающие зигзаги... Изображения и целые картины: игральные кости выплывают над зелеными столами задорные танцы, карты откалывают нечто зажигательное, очаровательная девушка, улыбаясь в сорок четыре зуба, форменным образом купается в груди золота, а подальше другая пересыпает из ладони в ладонь кучку бриллиантов; неспешно взмахивают крыльями добродушные на вид драконы, рассыпающие в полете золото и сияющие самоцветы; выгибаясь и медленно кружась, красоти не спеша разоблачаются, все же сохраняя минимум приличий, кувыркаются, зазывно машут плавниками сухопутные и морские диковинные создания, то ли реальные, то ли сказочные (с вон тем осьминогом никаких неясностей, зато иные персонажи, скорее всего, сказочные). Какофония цветов, плясок, мельтешения... Довольно быстро Сварог определил, что в основном заведения сводятся к двум категориям: игорные дома и, деликатно выражаясь, танцы на эстраде. Гораздо меньше ресторанов и местечек, чье предназначение невозможно определить только по рекламам и названиям, не попав внутрь. Камера неспешно «прошагала» уже не менее парочки лиг, а окружающие картины нисколечко не меняются. Сварогу пришло в голову: может, это вообще не город? Этакий тамошний Лас-Вегас? Впрочем, и в Лас-Вегасе вроде бы имеются жилые дома...

Час поздний, но жизнь, как и следовало ожидать в таком районе, бьет ключом. Широкая улица забита машинами, широкие тротуары — проходимыми, в основном деловито спешащими в те или иные заведения, но хватает и таких, которые просто гуляют, главным образом парочки, в коих за версту можно угадать влюбленных либо просто любовников. Одни расхаживают с видом за всегдатаев, в других, ошалело вертящих головами, сразу видны провинциалы, оказавшиеся здесь впервые, глаза у них разбегаются почище, чем у Сварога сейчас. Фасоны платьев и костюмов непривычные, незнакомые, однако легко определить, что бедных на улицах что-то не заметно. Роскошные машины (иногда то ли с гербами, то ли с загадочными вензелями на лаковых дверцах) высаживают дам в вечерних платьях (меха, самоцветы, затейливые прически, холеные тела) и их элегантных спутников. Народ попроще выходит из такси. Привычное, устоявшееся коловращение веселья и развлечений...

Пресытившись всей этой оргией красок и мельтешения, Сварог начал высматривать что-то более полезное. Ни следа военных патрулей, полицейские прохаживаются парами, но без малейшей нервозности, словно бы и вовсе не глядя по сторонам, и их не так уж и много — как и полицейских машин, неторопливо проплывающих в крайних рядах (движение на улице двустороннее). Все опять-таки выглядит отлаженным механизмом. Драк и ссор на тротуарах не видно, зато хватает изрядно пьяных, перемещающихся порой зигзагом в одиночку и компаниями. Не заметно, чтобы полиция к ним вязалась. Никого похожего на уличных проституток. Если уж заведения со стриптизом рекламируют себя откровенно, явно имея разрешение властей, в таком местечке не

может не быть и проституток — но и здесь наверняка все обставлено крайне респектабельно, без тружениц панели самого вульгарного облика.

— Уф... — тихонько вздохнула Яна. — Даже глаза заболели...

— Аналогично, — сказал Сварог. — Тебе еще не надоело?

— Начинает уже надоедать, — призналась она. — В принципе, одно и то же...

— Тогда, может быть, пойдём поговорим о серьезных вещах?

— С удовольствием, — Яна встала. — В глазах рябит...

— Подожди минутку, — сказал Сварог. — Слушайте подробные инструкции, Элкон. Вся эта развеселая суета никакой полезной информации не несет, а нам нужна именно полезная. Сделаем так... Нам в первую очередь нужны здешние новости, как можно больше. Здесь просто не может не быть программ новостей, просто мы галопом проскакали по каналам в то время, когда новостей, скорее всего, не передают... Короче говоря, сделайте записи всех каналов в течение суток. Когда прилетят Томи с Аурикой, наладьте дежурство в три смены. Если попадется что-то интересное — да просто наткнетесь на обширную программу новостей — запись сразу же ко мне, в любое время. Потом, когда накопим достаточно материала, прогоним через компьютеры. У нас есть немало информации, почерпнутой на базе «Стагар», попытаемся поискать сходство с миром до Шторма — чем черт не шутит... Далее. Прежде всего, когда за сутки наберется достаточный улов, сделайте... — он подумал, как бы сформулировать точнее. — Сделайте нечто вроде обширного обзора их быта. Как они одеваются, носят ли с собой документы и проверяет ли их полиция. Как они останавливают такси, переходят дорогу... в общем, самый подробный обзор их поведения в быту, какой только возможен... Опа!

Яна тоже повернулась к экрану. Справа от входа в один из роскошных игорных домов красовалась высокая прямоугольная вывеска на двух затейливых подставках, где золотом по синему начертано:

«Посетителей убедительно просят воздержаться от применения магических практик, что никогда не останется незамеченным».

— Не подвело тебя умение, Вита, — хмыкнул Сварог. — Есть здесь магия. И, как явствует из вывески, иные ею владеющие, может, и не черной балуются, но безусловно не стесняются магию использовать для личного обогащения. В самом деле, Вздумай маг управлять с костями, картами и прочими причиндалами, быстренько любое казино по миру пустит... Надо полагать, есть и наблюдающие...

— Интересно, почему на других Игорных домах таких предупреждений не вывешено? — сказала Яна.

— Может быть, внутри, на входе, — пожал плечами Сварог. — А владельцы этого — особенные пессимисты... В конце концов, это сейчас неинтересно. Элкон, вы поняли задачу? Отлично. Пойдем, Вита...

На протяжении всего обратного Пути Яна молчала. Только усевшись за столиком в Безымянной комнате, уставилась на Сварога со жгучим любопытством:

— Эти твои инструкции насчет обширного обзора их быта... У меня зародились определенные догадки.

— Правильно, Вита, — усмехнулся Сварог. — Как только вернусь из край-

ней командировки, надо будет сходить туда вживую. Пора за этих соседей братья всерьез, — увидев, как она поддалась вперед с заблестевшими глазами, поднял ладонь: — Ну конечно, конечно! Ты пойдешь со мной, и никак иначе. Язык тот же, одежду скопируем, мелкие недочеты и промахи, которые у нас непременно будут — всегда, как это водится, — можно списать на неуклюжесть провинциалов... Погоня за приключениями тут ни при чем — необходима глубокая разведка. И самое занятное... — он улыбнулся не без грусти, — без тебя просто не обойтись. Это ты со своим Древним Ветром будешь там основной ударной силой и главной боевой единицей. Твои умения, судя по присутствию и там Древнего Ветра, отлично должны сработать. А вот мне придется, как это ни унижительно для славного героя Сварога, быть на подхвате. Коли уж там нет апейрона, вся магия ларов наверняка бессильна. Будет ли работать хелльстадская, неизвестно. Так что вся надежда на тебя...

— Я постараюсь, — пообещала она серьезно. В ее глазах жгучее любопытство сменилось откровенным беспокойством и тревогой. — Ты только постарайся быть в Токеранге поосторожнее...

— Постараюсь, — кивнул он так же серьезно.

Глава VII

Смотрины, стало быть, у них...

— Наверное, прежде всего мне следовало бы перед вами извиниться? — спросил Сварог. — Как-то неловко на душе: я дал слово короля, что прибуду к вам в определенный срок, но сдержать его не смог... Правда, у меня были уважительные причины: задержался по приказу императрицы...

Барон Лог Дерег из кресла не поднялся, но принял такую позу, словно вытянулся по стойке «смирно».

— Вы чересчур добры ко мне, ваше величество, — сказал он, честное слово, с ненаигранным пафосом. — Мне попросту не подобает принимать извинения от короля, тем более что причины у вас и в самом деле уважительнейшие: приказ ее величества...

Интересно, подумал Сварог. Налицо некая раздвоенность мышления. Там, внизу, свою королевскую фамилию они в грош не ставят, но здесь он держится совершенно иначе. Скорее всего, привычка к четко выраженной вассальной пирамиде, которая у него не впервые проявлялась. Если они всерьез, без обмана собираются мирно — пока что мирно — поселиться наверху, он наверняка уже просчитал, что в первую очередь будет моим вассалом, а уж во вторую очередь — вассалом Империи. И настраивает себя на соответствующий лад. Интересно, каковы остальные семеро, члены этого чертова дэнго. Не спросишь же напрямую...

— Я понимаю, заботы у вас... и у императрицы были нешуточные, — продолжал барон. — Вот кстати, примите мои поздравления. Вы блестяще провели операцию в Акобаре. Я еще не знаю очень многих подробностей, но по тем, что уже известны, и по косвенным данным ясно, что операцию вы провели отлично...

— Я надеюсь, это не огорчило вас и ваших... соратников? — дипломатическим тоном спросил Сварог. — Возможно, вы строили далеко идущие планы касательно Брашеро...

— Далеко идущие планы мы строим в отношении вас, ваше величество, — сказал барон. — У Брашера были собственные планы переустройства мира — он был со мной достаточно откровенен.

Мы его, никаких сомнений, интересовали лишь как временные союзники в борьбе за власть. Потом он от нас, несомненно, постарался бы как можно быстрее избавиться... предварительно выкачав наши научные и технические достижения. Ни в каком другом качестве мы его не интересовали. Вы — совсем другое дело, ваше величество. Конечно, нам с вами, как людям... воспитанным, следует избегать излишней... конкретики, но кое-какие намеки допустить можно, я думаю. У вас совершенно другие планы, — он бросил мимолетный взгляд на парадный портрет Яны, нисколько не скрывая этого от Сварога. — Не думаю, чтобы вас интересовали наши научные и технические знания. А вот надежные союзники в осуществлении ваших планов вам безусловно не помешают...

Сделав уклончиво-равнодушную физиономию, Сварог ласково подумал: вот сукин кот... Уже не первый раз намекает, что в общих чертах «планы Сварога» ему известны, понятны и, в общем, встречают одобрение. Всерьез полагает, что Сварог стремится тем или иным способом воссесть на трон Империи — и о многом судит именно с этой точки зрения. Исходная версия глубоко ошибочна, но все дальнейшие рассуждения, вытекающие из нее, глубоко логичны: в самом деле, лелей Сварог мечты стать Императором Четырех Миров, крепкое государство Токеретов на Харуме оказалось бы и впрямь неплохим союзником. А дальше уж игра пошла бы на опережение: и при таком обороте Токереты стали бы рано или поздно подозревать, что новоиспеченный император в конце концов с ними разделается или, по крайней мере, приведет в состояние, при котором они будут совершенно не опасны. Но, как любой на их месте, постарались бы либо опередить, либо как-то попробовать надежно себя обезопасить. Ладно, не стоит ломать голову над хитросплетениями, которые никогда не наступят: Сварог вовсе не собирался не то чтобы брать их в союзники, вообще помогать переселиться наверх. Совсем другую он перед собой поставил задачу...

— Ну что же... — сказал он, — если уж разговор не прямой, но достаточно откровенный, могу признаться: союзники мне и в самом деле не помешают. И нужны будут, в отличие от Брашера, очень долго.

— Не сомневаюсь, ваше величество, — склонил голову барон.

Нет, он сейчас не врал — но все же сомневался. Ничего удивительного: они там, внизу, весьма неглупы, несмотря на отсутствие души. В таких играх стороны никогда не доверяют друг другу полностью. Чего стоит услуга, которая уже оказана? Любой выскочка, утвердившись на троне Империи, постарался бы со временем отделаться от слишком сильных союзников. Вообще говоря, в такой ситуации узурпатор постарается обойтись вовсе без равноправных союзников, цинично выражаясь, ни к чему они в столь серьезном деле. Любому властелину нужны только подчиненные, любой союзник будет временным. Не нами это заведено, не на нас и кончится... Азбука.

— Ну, теперь все позади, — сказал Сварог. — Все успокоилось, противник разбит, остатки выловлены, ситуация полностью под контролем. Теперь самое время к вам отправиться... если вы не передумали, конечно, — добавил он, тоном давая понять, что шутит.

— Ничуть, ваше величество, — улыбка барона означала, что шутку он понял и оценил. — Мы не настолько легкомысленны, чтобы «передумать». Проект «Нормальный размер» — слишком серьезное, обширное и на годы вперед просчитанное предприятие... — как ни владел он собой, Сварог чувствовал искреннее нетерпение. — Когда мы могли бы ожидать вас и ваших спутников?

— Через сутки, я Думаю, — сказал Сварог. — Гостеванье мое у вас наверняка затянется на несколько дней? Вот видите... Нужно позаботиться, чтобы все эти дни повседневные дела отличным образом крутились без моего надзора и присутствия. Нет никаких конкретных угроз, просто толковый хозяин, покидая имение, непременно даст подробнейшие указания управляющему...

— Я понимаю, ваше величество, — заверил барон. — Я и сам принимаю схожие меры на время отсутствия, мне часто приходится отлучаться сюда. Правда, мое хозяйство гораздо скромнее вашего, но принцип, смею думать, тот же...

— Вот именно, — кивнул Сварог. — Да вдобавок двое из моих спутников — тоже коронованные особы, им следует обеспечить свои указания... Словом, если отсрочка на сутки ничему не мешает и вас полностью устраивает, самое время поговорить о деталях?

... Когда дверь кабинета бесшумно затворилась за бароном, Сварог коснулся правого уголка стола, повернулся к закатной стене кабинета. Моментально растаяли гобелены с охотничьими сценами, двумя высокими фарфоровыми вазами в искусной сине-серой росписи, настенные светильники в виде синих шаров — точнее, все это обнаружилось уардах в пяти подалее. А в пространстве меж настоящей стеной и ее иллюзией у изящного столика сидели Яна со старухой Грельфи. Яна, сразу видно, ни к чему на столике не притрагивалась — а вот старая колдунья успела прикончить стакан «Драконьей крови». Она фыркнула, перехватив многозначительный взгляд Сварога на малость опустевшую бутылку:

— Не беспокойся, твое величество, ум никогда не пропью, особенно когда дела серьезные...

— Да я и не беспокоюсь, — искренне сказал Сварог, — Я и себе, пожалуй что, налью стаканчик в честь благополучного завершения переговоров... — он подошел, сел в свободное кресло, взял синюю пузатую бутылку с пестрой этикеткой и выпуклым силуэтом дракона. — Ну вот, мои милые дамы, вы были свидетельницами... Ваши компетентные замечания? Вита?

— Древнего Ветра он не чувствует совершенно, — легонько пожалла плечами Яна. — И доверяет тебе... в разумных пределах. Вот и все, пожалуй... А души у него и правда нет. Пустота...

— Кто бы сомневался... — проворчала Грельфи. — Нет у них души, я еще когда говорила... Значит, и магии ни капельки нет. Для магии необходима душа, для светлой — светлая, для черной, соответственно, черная. Конечно, нет твердого деления на черное и белое, случаются разные там пересечения-переплетения, отступления от канонов и прочие мелочи. Вот только основа незыблемая: для магии необходима душа. Этот, сами знаете кто, тоже ведь кое-какие умения отдает исключительно в обмен на душу. А значит, Токереты ему совершенно без надобности, как купцу в лавке — нищebroды с пустым кошельком... Так что у тебя там будет одной опасностью меньше — и то хлеб...

— Действительно, — серьезно сказал Сварог. — Ну что же, вроде бы все об-

говорено, Странная Компания уже съехалась... Вита, по-моему, ты явно нетерпеливо ерзаешь...

Она улыбнулась чуть смущенно:

— Так и тянет пойти в ту комнату. Суток еще не прошло, но половина их все же минула, у Элкона наверняка есть что-то новое...

— Ну, ступай, — усмехнулся Сварог. — У тебя все равно нет никаких дел, счастливица ты такая. Да, пароль сегодня — «Боярышник».

Она обрадованно вскочила, простучала позолоченными каблучками к выходу. Вот и отлично, подумал Сварог. Пусть торчит там, сколько ее душевье заблагорассудится, лишь бы не сидела в уголке с этим своим трагическим взором, исполненным беспокойства: с одной стороны — приятно, что о тебе беспокоятся, что есть кому, с другой — все же напрягает, как ни пытается она свои чувства скрыть, не всегда и получается...

— Вот кстати, — сказал Сварог. — Что вы об этом окне думаете?

Часа два там провели, многое осмотрели...

— А ничего не думаю, — чуть уныло призналась Грельфи. — Потому что сказать нечего. Я этого окна не понимаю, и все: тут. Никогда раньше ни с чем подобным не сталкивалась, слухом не слыхивала. Яна ведь тоже не понимает, что оно такое?

— Не понимает, — признался Сварог.

— Вот видишь. — Даже с Древним Ветром не понимает, куда уж мне, убогой, в сто раз ее послабже... Магии там, точно, нет ни капелюшечки, а больше ничего и сказать не могу...

— Ладно, это, в конце концов, не так уж важно, — сказал Сварог. — Меня гораздо больше интересует кое-что другое. Позарез нужно одно заклинание. Токеранг — часть Хелльстада, а значит, и там магия ларов, обращенная вовне, действовать не будет. Хелльстадская, конечно, сработает, я проверял — но в хелльстадском наследстве того, что мне нужно, нет... Заклинание, понятно, должно быть из прошлого, из тех времен, когда апейрона не было...

Выслушав Сварога, старуха особенно не раздумывала. Преспокойно кивнула:

— Я-то думала, нужно чего посложнее, а ты, твое величество, описываешь чистой воды «столбняк». Оно вообще-то редко теперь попадается, из полузабытых, но вот к особенным искусствам его никак не отнесешь. Мигом тебе его напишу, вызубрить легко. Вот только сразу должна тебя предупредить... С давних пор говорят, что оно старое, доштормовое. Но пару раз случалось, и что по поводу других ошибались, хотя говорили то же самое. Правда, ошибались далеко не всегда... В общем, я тебя честно предупреждаю заранее, чтобы чего не вышло: полной уверенности, что оно доштормовое, у меня нет. Ты это учитывай.

— Учту, — нетерпеливо сказал Сварог. — Вот бумага и стилос, пишите, в случае чего вины на вас нет...

...К его приходу все, конечно, успели пропустить по паре стаканов, но делу это не мешает — не те у него подобралась сподвижнички, чтобы от пары стаканов поплыть умом и сообразительностью...

Он занял место во главе стола с таким видом, чтобы всем сразу стало ясно: никаких шумных приветственных воплей и тем более прочувствованных объятий. И они поняли, вмиг: Бони, совсем было собравшийся вылезти из-за

стола с распростертыми объятиями, быстренько опустился на место, посерьезнел. Остальные тоже убрали широкие улыбки с лиц, смотрели выжидательно...

— Я чертовски рад вас всех видеть, — сказал Сварог. — На том и закончим лирику. Дело не терпит.

Он разглядывал старых сподвижников: нельзя сказать, чтобы изменились особенно, но все же за эти годы стали чуточку другими, во многих смыслах. Бархат и парча, тисненый шелк и кружева, ордена-медали, в том числе имперские, дворянские перстни с коронами (и две незримо присутствующих королевских короны), и Бони чуточку раздобрел, и Паколет больше не похож на худющего карманника с окраины, со впавшими щеками (даже усы не прежние кошачьи, а вполне пышные), и на остальных сказалась жизнь в благополучии и покое...

— Что за дело? — спросил Шедарис.

По-прежнему с капитанским шитьем на зеленом егерском мундире — Сварог давно уже не пытался повышать его в звании, Шег прекрасно помнил о пророчестве Лесной Девы, отбивался руками и ногами...

— Да ничего особенного, — сказал Сварог. — Дело где-то даже и житейское. Я через сутки отплываю в Щкеранг, предварительно уменьшившись до их размера. Абсолютно все, посвященные в эту тайну, считают, будто я там буду вести сложные переговоры и добиваться результата, который устроил бы обе стороны. На самом деле, я перед собой поставил совершенно другую задачу: расшибиться в лепешку, но постараться выжечь там все дотла. Чтобы ничего живого не осталось. Кое-какие наметки есть, хотя все пока что вилами на воде писано... Вот такое дело.

Он замолчал, потянулся к бутылке, присутствующие тоже молчали, не выказывая особых эмоций — только Леверлин чуть подался вперед, с отрешенно-хищным лицом: Сварог знал, что за картина стоит сейчас перед глазами у бывшего студента, а ныне полноправного мэтра Сословия Сова (правда, пока что не занимавшего никакой должности где бы то ни было)... Судя по этому лицу, на Леверлина можно было полагаться полностью, не говоря уж о Маре.

— Так-так-так. — протянул Бони, одним глотком прикончив стакан золотистого ратагайского. — Лопни мои глаза, командир, ты как-то неправильно себя держишь. Обсказал, в чем дело, и молчишь, как монах-кордианец. По уму, тебе бы надо тут же продолжить: мол, всем завтра собраться там-то и там-то. И уточнить: свое оружие с собой брать, или там нужное выдадут...?

— А ведь действительно, командир, — тихо сказала Тетка Чари. — Как-то ты по-другому держишься, не так, как в старые времена... Ты что, нас не зовешь?

— Исключительно по желанию, — сказал Сварог, глядя в стол.

— Чего-о? — Бони взмыл, с грохотом отодвинув тяжелое кресло. — Это что за новости такие? «По желанию...» Уж прости на худом слове, но я тебе скажу, как король королю: зараза ты, командир! Ты, значит, туда, а мы, значит, здесь? Ну, ты отчебучил!

— В самом деле, неладно как-то все выходит... — негромко произнес Паколет.

Сварог, все так же глядя в стол, негромко сказал:

— Да понимаете ли... Время течет... и людей иногда меняет. Мало ли что,

мало ли у кого может сейчас быть на уме. Вдруг кто-то решил, что с него хватит прежних дед, а я никого неволить не хочу. Все вы теперь люди благополучные, жизнь устоявшаяся...

— Да чтоб тебя! — рывкнул Бони так, что Сварог невольно поднял голову и встретил его яростный, упрямый взгляд. — Ты что несешь, командир? Ну-ка, покажись, кто тут считает, будто его неволят? Неужто ж средь: нас сыщется такая гнида?

И на кого бы Сварог ни смотрел, встречал тот самый яростный и упрямый взгляд.

— Сто раз прости, командир, но ты сейчас чушь спорол... — сказал Шедарис.

— Чужее не бывает, — убежденно поддержала Тетка Чари.

Под их осуждающими взглядами Сварог даже слегка смутился.

И к сердцу прихлынула этакая теплая волна.

— Ну? — требовательно спросил Леверлин. — Куда приходиться и с чем?

Сварог, не будучи юной гимназисткой, не мог умилиться — просто на душе было тепло. Эти взгляды, эти выражения лиц...

— Командир, — сказал Шедарис, — мы ж не романтические юнцы и девочки, чтобы приключений искать. Просто дело нужное, других у тебя и не бывает. И чтобы — без нас? Оскорбляешь...

— В жизни так не оскорблял, — добавил Паколет.

— Ну, извините, черти и чертовки, — сказал Сварог в некотором конфузе. — Просто лезут в голову всякие мысли... Вот и подумал еще, что отяжелели чуточку...

— Кто отяжелел? — возопил Бони, окончательно вылез из-за стола, распахнул роскошный бархатный камзол с золотым шитьем и одним рывком задрал рубашку из дорогонького тончайшего полотна с корремайскими кружевами. — Я, конечно, не прежний тополечек, чего уж там, но вот ты сам скажи: похожу это на брюхо?

Сварог присмотрелся. Действительно, король Игрира и прочая, и прочая никак не походил уже на прежнего поджарого крестьянского парня, животик наметился — но о брюхе и речь не шла.

— Похоже? — настойчиво повторил Бони.

— Ничуть, — сказал Сварог.

— Вот то-то. Считаю, каждое утро, сколько бы ни выпито накануне, трусцой пробегаю пяток лиг от замка и обратно. И поднимаю ту старую пушечку — помнишь, я тебе говорил? И с пулеметом, что ты тогда на день рожденья подарил, занимаюсь регулярно.

Знал бы заранее, припер бы парочку досок, на которых я пулями и свой полный вензель выписываю, а он у меня заковыристый.

Тетка Чари хмыкнула:

— Знаешь, командир, и я, пусть не каждый день, но балуюсь и с тем, и с этим, чтобы старые навыки не терять.

Про Шега я уж и не говорю — он на службе, так что сам понимаешь...

— А главное, до сих пор не генерал, — широко ухмыльнулся Шедарис. — Так что терять нечего.

— Короче, командир, — сказал Бони, небрежно запихивая рубаху в штаны. — Ты извинился чин-чином, так что проехали и забыли; Все по-старому,

верно я говорю?

Его поддержали одобрительными возгласами и энергичными кивками. Порядок, чуть ли не растроганно подумал Сварог. Скотина я все же, что вздумал в них усомниться, не те люди...

Обретя полную уверенность в былых сподвижниках, чуточку еще маясь легким стыдом, он поднял голову. На всех лицах читалась яростная готовность лезть в зубы к любому черту.

— Короче, командир, — повторил Бони. — Куда приходить, и во сколько?

— Да никуда не надо приходить, — сказал Сварог, улыбаясь. — Уже пришли. Правда, через часок улетим в Хелльстад, так оно будет лучше всего — никому не станем мозолить глаза. Если уж все по-прежнему, слушайте боевой приказ: больше ни глоточка. Мне нужно, чтобы вы эти сутки до седьмого пота потренировались в стрельбе из пистолетов и автоматов. «Рагаарок» стоит в Хелльстаде, и там неплохой арсенал. Я уже распорядился оборудовать в Велордеране стрельбище. Призовыми стрелками это вас, конечно, не сделает, но все же чуточку подучитесь...

— Так, — спокойно сказал Шедарис. — А мечи и прочий холодняк?

— Там ничего этого не понадобится, — сказал Сварог уже насквозь деловым тоном. — У них в ходу исключительно огнестрельное, холодняк, насколько мне известно, таскают только при парадной форме...

— Что, и ножей брать не надо? — уточнил Паколет. — Бони с пулеметом, а я по старой памяти все еще холодняком разминаюсь... И неплохо получается...

— Пожалуй что, возьми, — чуть подумав, сказал Сварог. — Вдруг да пригодится...

— Это что же, — фыркнул Бони. — Всех нас тоже В крохотулечек оборотят?

— Придется ненадолго, — без улыбки сказал Сварог. — Иначе будешь там слишком заметен. Не бойся, потом и ты сам, и то, чем ты особенно дорожишь, в прежний размер придет...

Смех грянул совершенно такой, как в прежние времена.

Глава VIII

Он ушел в лихой поход

Спиртного на столе не имелось ни капли — только всевозможные соки, морсы и наливки без капли алкоголя. Сварог прекрасно знал, что его воинству пара стаканов вина или солидная доза келимаса перед самым серьезным делом — что слону дробина. Однако дело предстояло не из обычных, точнее, самое необычное из прежде бывавших, и потому он объявил пока что полную трезвость. Как будто это могло хоть чем-то помочь, если на них навалятся где-нибудь в тесных отсеках или узких переходах субмарины. Ну ладно, ладно, навалятся, все за то, что никто внизу в его смерти не заинтересован, наоборот — но легкая, зудящая тревога не отпускала. Исключительно из-за необычности предстоящего дела.

Зато его воинство, нетрудно заметить, прямо-таки горело энтузиазмом и боевым задором — для всех это означало возвращение к старым добрым временам, когда трещали пожарища, звенела сталь и мчались лошади, когда на встречу бросались то хваткие вояки с мечами наперевес, то жуткие чудища, когда жизнь была всерьез исполнена высокого смысла. Свинья, легонько выругал себя Сварог. Посмел в ком-то из них чуточку усомниться...

Еще при посадке в виману легко можно было заметить, что отобранная компания в чем-то, незаметном для того, кто их плохо знал, переменилась: лица стали жестче и собраннее, движения более скупыми, — экономными, в походке появилась некая кошачья мягкость. Как в прежние времена. Мало кто видел их такими — и для изрядной части видевших это зрелище оказалось последним, что им довелось в жизни. Казалось даже, что пропала полнота щек и наметившиеся животики. Сварог и сам в чем-то чувствовал себя прежним, с одним-единственным отличием: они, счастливы, лишь исправно выполняли приказы, а он всегда оставался командиром, у которого голова обязана денно и ночью болеть за все и за всех... Поскольку делать пока что нечего, вимана безмятежно летела к границе Хелльстада, он еще раз глянул на соратников, поголовно, как и он сам, одетых в форму подводников Токеранга (барон в последний свой визит оставил ее подробные рисунки, заверив, что то будет наилучшая маскировка: подводники там, подобно авиаторам на Таларе, составляют замкнутую касту, задирают носы независимо от происхождения, словно и не видя окружающих — а сами окружены почтительным уважением, никто не станет не то что навязывать свое общество, но уклонится от малейших попыток пообщаться).

Интересно, что барон, никаких сомнений, прямо-таки автоматически соблюдал некую субординацию даже в маскировке: форма у всех одного образца, из одного материала, но вот разница в знаках различия выражена четко. Каждый мундир украшен на груди шитьем от погон до пояса, но у Мары и Тетки Чари узоры черные, у Паколета, Леверлина и Шега — серебряные, у Сварога и Бони — золотые. У женщин черные погоны «лысые», как говаривали в покинутом Сварогом мире — ни лычки, ничего. У трех «среброшитых» погоны из серебряной канители, каждый с двумя черными семиконечными звездочками, расположенными в точности как советские лейтенантские, только без просвета. Кроме того, погоны у плеч, вокруг звездочек украшены неким подо-

бием бахромчатых эполет.

У Сварога и Бони погоны шиты золотом, у Сварога — две черных девятиконечных звездочки «лейтенантского» расположения, у Бони — одна. И эполеты у обоих погуще, бахрома подлиннее, вита не в два жгута, а в три. То же и с лампасами: на форменных брюках женщин их нет вовсе, у тройцы — узенькие серебряные, у двои «золотопогонников» — столь же тоненькие золотые. Полное впечатление, что барон, обдумывая маскировку, учитывал положение, которое каждый из гостей занимал наверху. Сварог среди них — как бы самый старший, Бони, хоть и гораздо ниже рангом, но тоже король, и потому ему полагается золото (но на одну звездочку меньше). Остальные — обычные дворяне, пусть титулованные, им достаточно серебра. Бот только в одном конце с концами не сходятся. Мара — тоже коронованная особа, причем по таларской табели о рангах помещается выше Бони, рассуждая согласно предполагаемой логике барона, ей тоже положено золото. Да и Тетка Чари — титулованная дворянка, ей бы следовало серебро. Что-то тут не складывается... Кажется бы, мелочь, над которой не следует ломать голову, но когда ничегошеньки не знаешь о внутреннем укладе жизни керанга, любая мелочь важна и стоит того, чтобы над ней всерьез задуматься — особенно когда касательно дела думать пока что не о чем...

Что же, некая дискриминация женщин? В обмундированные ряды их еще допускают, но не дают продвинуться выше (прикинем навскидку) сержантского состава? Пока что — самое убедительное объяснение, какое только идет на ум. Если так в самом деле и обстоит, барон, опять-таки автоматически, следовал въевшимся в кровь уставам и порядкам: будь вы на земле хоть королевой, красавица моя, у нас вам офицерских отличий не полагается... Если так, они продвинулись даже дальше, чем на Таларе: там сухопутчики на женщин-офицеров косятся, но все же, скрепя сердце, допускают их существование. На военном флоте, правда, как раз и обогнали Токеранг: там женщин на службу не берут, они вообще на борт не допускаются ни в каком качестве, даже королевы получили право посещать военные корабли буквально в самые последние годы, незадолго до появления Сварога... Допустим, своего рода дискриминация. Можно ли ее использовать в своих целях, когда и как? Вопрос отнюдь не праздный: на месте Сварога как раз необходимо выискивать у противника любую слабину, шероховатость, трения меж теми или иными категориями Токеретов — вдруг пригодится? Пусть даже ему необходимо ровно столько времени, чтобы добраться до той самой, за неимением лучшего выбранной в качестве орудия возмездия ядерной боеголовки. И никак иначе. В-первых, неизвестно еще, сколько времени уйдет на то, чтобы овладеть боеголовкой, во-вторых, помянутые шероховатости и трения могут и облегчить этот путь.

Распахнулась дверь, вошел Брагерт и выжидательно остановился:

— Все готово командир?..

Сварог встал первым. Невольно улыбнулся: у Брагерта было лицо мальчишки, перед которым наглухо заперта дверь богатейшего игрушечного или кондитерского магазина. Ну что ж, он хороший парень и зарекомендовал себя неплохо, но лучше уж ограничиться Странной Компанией, которую Сварог видел в деле.

Они перешли в соседнюю комнату. Сварог и без пояснений Брагерта понял,

что означает алое кольцо в центре, над которым красовался на потолке блестящий параболоид. И первым направился туда. В углу возвышался невысокий, по пояс человеку, пульт, и возле него стоял не кто иной, как профессор Марлок — секретность высшей степени, конечно.

— Прошу в круг, дамы и господа, — сказал Марлок деловито, без тени волнения. — Становитесь в вольных позах, постарайтесь не шевелиться.

Рядом с ним, как и ожидалось, стоял небольшой серый ящичек с рядами иллюминаторов. Сварог едва сдержал улыбку: больше всего он походил на переноску для кошки, разве что овальная дверца обнаружилась сбоку, распахнутая настежь.

— Я надеюсь, все помнят инструкции? — осведомился Марлок педантичным тоном экзаменатора. — И в таком случае, удачи, дамы и господа...

— Подите вы к черту, — проворчал Сварог традиционное.

— Внимание! Пуск!

Все вокруг с головокружительной быстротой ушло вверх, стало исполинским — пульт, два великана возле него. Все произошло так быстро и буднично, что Сварог не успел испытать никаких особенных чувств — да и на лицах остальных не отразилось особых эмоций. Стены комнаты, потолок с рефлектором оказались высоко-высоко, а алый круг оказался теперь невероятно широким, едва ли не с футбольное поле, великан в серой форме техниона обернулся к семерым, вмиг ставшим коротышками под стать Токеретам, поднял ладонь: все прошло благополучно, пора...

Сварог первым направился к серому ящичку, похожему теперь на небольшой домик. Легко оказался внутри — пол ящичка был почти вровень с полом комнаты, пришлось сделать один-единственный шаг. Внутри стояли в два ряда широкие мягкие кресла, наподобие самолетных точно так же снабженные ремнями с поблескивающими застегжками. Подождав, когда все войдут и рассядутся, Сварог закрыл дверь, чуть слышно щелкнувшую замком при повороте ручки, сел в свободное кресло и застегнул на талии широкий мягкий ремень, огляделся, убедившись, что все пристегнулись. Нащупал под правым подлокотником широкую клавишу, нажал. Под потолком вспыхнула зеленая лампочка.

На миг появилось то самое ощущение, когда самолет отрывается от бетонки — это, конечно, Брагерт, осторожно взявшись за ручку, понес ящичек к выходу из виманы, стараясь держать его как можно бережнее. Все равно самую чуточку покачивало, но все здесь присутствующие немало налетали на виманах, и простых, и «самолетах», так что ничего нового испытывать не должны.

Сварог посмотрел в иллюминатор. Слева вздымались огромные раскидистые деревья — конечно же, прибрежные кусты, а за ними виднелась широкая спокойная гладь Итела. Брагерт пошел вдоль реки, остановился у прогалины, и Сварог увидел пришвартованный к ровному берегу кораблик — крохотный, им под самую статью. Ящичек мягко опустился на землю.

— Ну вот, дамы и господа, прибыли... — сказал Сварог, первым отстегивая ремень. — Началась игра...

Кораблик, одномачтовый, остроносый, выглядевший словно вчера смастеренным на верфи из темно-желтых досок, вооружения, конечно, не нес — к чему? Этакая уютная яхточка для плавания по спокойной реке. Они перешли на борт по короткому мостику с перилами из канатов, и Сварог, обернувшись к

Тетке Чари, сказал:

— Командуйте. Адмирал из меня сами знаете! Никакой...

Тетка Чари подтянулась, в голосе у нее прорезались явственные командные нотки:

— Паколет, поднять трап! Шег, к кабестану! Леверлин, Бони, к парусу!

Сама она проворно поднялась на крохотный капитанский мостик, вправо-влево крутанула штурвал, примериваясь, обернулась к Сварогу:

— Идите сюда, вы хоть и не адмирал, но как-никак командир... По местам стоять, с якоря сниматься. Леверлин... ах ты ж, в дохлого осьминога! Чтобы было понятнее, тyani вон ту веревку, с красной кистью, а ты, Бони, с зеленой. Прости, Руагату, за эти «веревки», но что ж тут делать... По местам стоять, с якоря сниматься!

Шедарис, навалившись на горизонтальный рычаг кабестана, закрутил его без особых усилий. Вскоре под самым окованным медью клюзом повис трехлапый якорь. Легкий ветерок дул навстречу, и Тетка Чари тут же принялась командовать:

— Гик левее, сухопутная команда, да не ту веревку, а вот ту, закрепи за кнехт, горе луковое! Послал бог командочку, хорошо еще, плыть недолго... Вот так крепи!

Она чуть переложила штурвал влево, и безымянный кораблик довольно ходко двинулся против течения, вдоль берега Итела. Пока еще по обычной реке, вдоль обычных берегов. Сварог старательно смотрел вправо, высматривая границу Хелльстада. Тетка Чари временами отпускала ядреные морские ругательства, но сразу видно, порядка ради — двое у мачты управлялись, в общем, неплохо после недолгой тренировки. Сосны, тисы, из обрыва там и сям торчат желтоватые, почти касавшиеся воды корни...

Ага! Над головой упиралась прямо в обрыв заросшая травой канава, широкая, но неглубокая, оплывшая за тысячелетия. По эту сторону, как и во многих других местах, торчал покосившийся плоский каменный обелиск с полу-стершимися остатками то ли надписи, то ли магического рисунка-оберега — древнее пограничное укрепление, некогда возведенное по всем правилам неким давно-давно забытым королем.

Как обычно, тени от росших по обе стороны рва могучих Сосен протянулись навстречу друг другу. Как обычно, Сварог ощутил неопишное словами дыхание Хелльстада — его королевства. И все, чем он владел, как здешний король, все умение словно бы пронизало его насквозь, как диковинный ветер.

Как они и договаривались с бароном, кораблику не было нужды забираться в Хелльстад слишком далеко. Уже через пару минут он увидел справа, впереди, лениво колыхавшийся на спокойной воде треугольный клетчатый вымпел, сине-красный, надежно прикрепленный к вбитым в скальный откос крючьям — что ж, «барон» исправно выполнил свою часть работы. Тетка Чари без его ценных указаний — сама знала, что это означает — скомандовала:

— Отдать якорь! Парус спустить!

«Палубная команда» справилась, в общем, неплохо. Кораблик встал на якорь, едва не касаясь форштевнем вымпела.

— Ну все, ребята, — сказал Сварог. — Пересадка...

Знакомое чувство: когда ничего нельзя изменить, и отступить ни в коем случае нельзя, и от тебя самого уже ровным счетом ничего не зависит...

Он смотрел влево, на быструину, но перископ показался совсем не там, где он ожидал, — гораздо левее. Отсвечивающая фиолетовым линза, влажная труба, поднявшаяся на высоту человеческого роста — их теперешнего человеческого роста. Потом над водой медленно поднялась овальная рубка (там уже втянули перископ), с нее стекали струйки воды, а там и часть корпуса появилась на поверхности. Распахнулась боковая дверь, матрос с черными узорами на груди синего мундира, в черной плоской шапочке проворно сбросил трап с деревянными ступенями. Следом вышел барон Логе, встал в кормовой части рубки, у выдвинувшихся металлических перил. Их разделяло уардов пятнадцать. Короткая команда барона — и матросы проворно стали сбрасывать в воду какие-то серые комки, моментально развернувшиеся в надувные лодки, по двое сели за весла и умело погребли к кораблику.

И ничего нельзя изменить... Сварог распорядился:

— Трап за борт!

Секунду поколебавшись, он пришел к выводу, что здесь наверняка нужно соблюдать ту же самую субординацию: и первым спустился по трапу лицом вперед, следом далеко не с таким флотским шиком сошел Бони, и лодка пошла к субмарине, едва они присели на жесткие скамейки. Оглянулся: ага, «серебряные» без команды спускаются во вторую лодку.

На влажный борт субмарины он взобрался первым. Барон шагнул вперед, протягивая руку, и Сварог без колебаний обменялся с ним рукопожатием. Он заметил на плечах барона те же погоны, что у него самого, и на миг задумался, что же это должно означать: то ли барон действительно в таком звании, правда, на флотский лад, то ли специально выбрал эти погоны, чтобы, так сказать, подчеркнуть равенство высоких договаривающихся сторон. Все за то, что он скорее разведчик, чем моряк... а впрочем, одно другому не мешает, не известно пока, как у них тут все устроено...

За их спинами захлопнулась дверца рубки. Барон, как подобает радушному хозяину, шел на полшага впереди, указывая дорогу легким движением руки. Они спустились по неширокой лестнице с металлическими дырчатыми ступенями, повернули направо, прошли по невысокому переходу с овальным потолком — по стенам тянулись, в одиночку и пучками, какие-то трубы, кабели, под потолком горели лампы в решетчатых колпаках. Ни один человек не попался навстречу, перевозившие их матросы куда-то исчезли... Наконец барон распахнул дверь каюты, украшенной каким-то непонятным символом, и они вошли. Каюта оказалась достаточно просторной, ни единой койки, только овальный стол посередине с дюжиной стульев вокруг. На нем лежал низкий кожаный чемодан, барон тут же открыл его и принялся раздавать перевязи с кортиками, пояснив:

— Моряк без кортика привлекает ненужное внимание — даже учитывая особое назначение нашей субмарины. Когда причалим, вы ничем не должны отличаться от прочих...

«Логично, подумал Сварог, застегивая пояс. Субординация, судя по всему, соблюдалась и здесь: женщинам достались кортики в простых никелированных ножнах, трем „серебряным“ — кортики с серебрением, Сварогу и Бони — золоченые, такие же, как тот, что висел на поясе у барона».

Подождав, пока все закончат, барон указал им на кресла и повернулся к Сварогу:

— Не будете ли вы так любезны побеседовать со мной наедине?

Ну, вот как тут откажешь? Сварог кивнул:

— Как вам будет угодно, барон...

На этот раз путь оказался гораздо короче: миновав две двери с теми же непонятными символами, барон распахнул третью, пропуская Сварога вперед. Вот это, сразу видно, была офицерская каюта: стены отделаны каким-то деревом, койка из того же дерева, заправленная безукоризнейшим образом — наверняка ординарец старается — резной шкафик в углу, на стенах — две картины: какой-то красивый замок без крепостной стены, развесистый дуб на широкой поляне.

Над койкой — опять-таки написанный вручную портрет молодой красавицы, черноволосой, синеглазой, в открытом розовом платье, ожерелье из крупных рубинов, такие же серьги. Столик в углу, два довольно комфортных стула. На нем — поднос, уставленный бутылками и блюдечками с чем-то непривычным на вид.

— Прошу вас, — сказал барон, выждав, пока усядется Сварог. — Я подумал, что старшим следует сразу же поговорить наедине. Не беспокойтесь о ваших людях, им уже подали угощение, — он взялся за высокую прозрачную бутылку с чем-то золотистым. — Немного вина? У нас хорошие виноградники.

Сварог принял от него высокий хрустальный бокал без малейшего промедления. Судя по первым пробам — естественно, незаметным для окружающих — хелльстадская магия исправно работала и здесь. Не было в вине ни яда, ни снотворного. Конечно, самое время вспомнить про «вредный вред» и «безвредный вред» — но стоило ли огород городить, в первую же минуту подсыпать в бокал некую гадость, выламывавшуюся из обычных магических законов? Сто раз могли бы убить, если бы хотели, не стоит пуганой вороной шараться от каждого куста...

— У вас наверняка уже возникли какие-то вопросы? — вежливо осведомился барон, отпив из своего бокала половину.

— Да, пожалуй, — сказал Сварог, отхлебнув примерно столько же. Вино и в самом деле оказалось отличное. — Из чистого любопытства... Та форма, в которую нас нарядили... Женщинам почему-то достались погоны без знаков различия и черное житье, как я подметил, свойственное скорее солдатам... Это что-то означает?

— Сложившийся у нас старинный уклад! — тонко усмехнулся барон. — Я знаю, что одна из них королева, но вековые традиции... Видите ли, женщины у нас находятся в несколько... подчиненном положении. Кое-какие традиции давно перестали соблюдаться, но не исчезли окончательно. Сегодня женщин можно встретить и в научных лабораториях, и в промышленности, даже, как видите, в вооруженных силах... Вот только выше рядовых им никогда не подняться. Пусть даже они и занимают... относительно высокие посты. Я заботился в первую очередь о строжайшей конспирации. Появись кто-то из ваших дам в офицерских каютах, это вызвало бы такой же шок, как если бы мы с вами разгуливали в женских юбках. Кстати, по той же причине я не стал надевать на вас мундир гран-адмирала, который вы безусловно заслуживаете по своему положению наверху. Адмиралов, как вы понимаете, очень и очень мало, вы привлекли бы ненужное внимание моряков... Кстати, и мои погоны — он с легкой улыбкой коснулся пальцем плеча — на три ступени ниже, чем мне

положены в реальности, — он сказал едва ли не доверительно: — Беда том, что не только у нас есть соглядатаи. Некоторые, взять хотя бы короля и его старшего сына, ведут свою игру.

— Без особой надежды на успех, я полагаю? — спросил Сварог.

— Без малейшей, — ответил барон быстро. — Но тем не менее с присутствием соглядатаев нужно считаться...

— Понятно, — сказал Сварог.

Ну вот, находит подтверждение то, о чем он уже думал согласно кое-каким косвенным данным: противоборствующие силы здесь безусловно есть. Вот только как их найти, и окажутся ли они полезны? Уж если дэнго долгими столетиями остаются у власти...

Он спросил небрежно:

— Я надеюсь, о нашем... визите не пронюхал никто из тех, кому не следует?

— Можете быть в этом совершенно уверены, — серьезно сказал барон. Мы приняли все мыслимые меры предосторожности. Из посторонних я позволил себе уведомить одного-единственного человека — принца Каугена, младшего сына короля. Помните, я вам о нем рассказывал?

— Конечно, — сказал Сварог. — Тот, на которого вы... то есть дэнго, сделали ставку.

— Он самый. Уж он-то ни за что не проговорится. Потому что мы дали ему понять, на кого делаем ставку. И его это как нельзя более устраивает. Обычным путем, — улыбка барона была то ли дипломатической, то ли змеиной, — ему Пришлось бы дожидаться трона долгие годы. Король в полном расцвете сил, старший принц молод и крепок, как был... Собственно, при обычных условиях вообще нет гарантии, что он когда-либо получит престол. Но так сложилось, что именно он нас полностью устраивает...

— И когда же я смогу встретиться с Дэнго?

— Завтра, — сказал барон, как о чем-то заранее решенном. — Нужно же, согласитесь, проявить в первую очередь традиции гостеприимства. Люди вроде нас с вами никогда не бросаются за стол переговоров, едва смыв с себя дорожную пыль, это, в конце концов, против этикета... К тому же вы, быть может, захотите после завтрака осмотреть столицу? А то и кусочек страны? Вряд ли мы вам так уж неинтересны...

— Наоборот, — сказал Сварог. — А не будет ли большой дерзостью с моей стороны отпустить кое-кого из моих людей осмотреть то, что именно их интересует? Граф Леверлин, скажем, книжник и поэт, ему очень интересно было бы осмотреть ваши библиотеки. Разумеется, те, что не касаются ваших секретов — я вовсе не намерен в них проникать. Король Арира очень заинтересовался вашим сельским хозяйством. И наконец, дамы... — он многозначительно улыбнулся собеседнику, — какими бы дельными и толковыми помощницами они ни были, это в первую очередь дамы...

— Я понимаю, — кивнул барон. — Новые, неизвестные моды, украшения...

— Да, в первую очередь, — Сварог чуть пожал плечами, словно сокрушался: «Ох уж эти дамы...»

— Ну, разумеется, все это будет совсем несложно устроить, — кивнул барон. — Может быть, у вас будут какие-то особые пожелания. — Он смотрел ясным взглядом сутенера, готового предложить какой угодно товар.

— Там будет видно, — сказал Сварог ему в тон.

— Отлично. Я постараюсь что-нибудь придумать, — баран убрал с лица фривольную улыбку. — А сейчас я хотел бы, не откладывая, поговорить о крайне серьезных вещах, с принцем Каугеном вы встретитесь нынче же вечером — малый прием в узком кругу... а вот что касается дэнго... Я играю с вами предельно честно, лорд Сварог. Есть вещи, о которых вы просто обязаны знать — и с учетом этой информации строить стратегию. Дело в том, — он вздохнул, — дело в том, что среди дэнго, как это ни прискорбно, нет единства. Четверо, в том числе и я, решительно стоят за выход на поверхность. Двое колеблются, но их с огромной долей вероятности удастся перетянуть на свою сторону. Есть обстоятельства... и предложения, от которых невозможно отказаться. А вот остальные двое... С ними хуже всего. Старичье, — сказал он с ненаигранной, кажется, злобой. — Оплот консерватизма. Стойкое следование вековым традициям и все такое прочее. Они попросту боятся таких новшеств. Им и здесь уютно.

— А решение обязательно должны принимать все восемь единогласно? — спросил Сварог.

— В том-то и беда, — задумчиво ответил барон. — В том-то и беда. Традиции... Повторяю, я играю честно и потому просто обязан вас предупредить о такой расстановке сил.

— Значит, моя миссия может и сорваться? — спросил Сварог, подпустив в голос тревоги.

— Я сделаю все, чтобы этого не допустить, — глядя ему в глаза, сказал барон. — И мой род, и другие слишком много вложили в эту идею, в это предприятие, чтобы однажды взять и отступить перед упрямством двух старых консерваторов, поэтому есть кое-какие наработки на этот счет. Мы о них непременно поговорим потом... после того, как вы сами с ними встретитесь и составите о них некоторое представление. Пока скажу одно: шансы на успех очень велики. Очень... Лишь бы мы с вами играли, как одна команда...

— Нужно постараться, — сказал Сварог. — Значит, среди дэнго нет главного?

— Вот именно. Силу имеет только единогласное решение. Когда-то эта система себя вполне оправдывала — пока мы не собрались выйти наверх. Теперь она служит скорее тормозом. Самое занятное, что консерваторы из дэнго в чем-то смыкаются с королем. Он тоже категорически против ухода наверх — потому что ему и здесь уютно.

Сварог небрежно спросил:

— А не означает ли это, что часть консерваторов и король могут выработать какие-то совместные действия?

— Вряд ли, — после короткого раздумья ответил барон. — Некоторые установления чересчур уж незыблемы. Дэнго контролируют короля, но никогда не смогут с ним объединиться, это было бы просто противоестественно. Против вековых традиций...

— Итак, главного нет... — задумчиво сказал Сварог. — Но должен же быть кто-то наиболее авторитетный, к чьему Мнению прислушиваются больше, чем к другим?

— Безусловно, — кивнул барон. — В нашем случае это герцог Витредж... вот только он, к сожалению, из «колеблющихся». А если учесть, что у него сильные позиции в армии... Правда, он не из «противников», а это уже лучше.

— Вот вам и мотив для убеждения, — сказал Сварог: — Что престижнее: контролировать армию Токеранга или армию новой, гораздо более большой и могучей страны?

Барон рассмеялся:

— Иногда кажется, что вы читаете мои мысли... Я собирался попробовать именно этот мотив в качестве главного... хотя есть и другие.

При всех своих отличиях от верхних, честолюбия они не лишены, подумал Сварог. А это хорошо. Это просто прекрасно. Честолюбие — один из самых надежных крючков, на которые ловят человека...

— Это чисто предварительный разговор, — сказал барон. — Перед визитом к дэнго я Постараюсь снабдить вас еще кое-какой информацией — о расстановке сил, о некоторых тонкостях.

Интересно, подумал Сварог, а тобой что движет? Вот лично тобой? Судя по косвенным данным, барон если и не руководит внешней разведкой, то уж, безусловно, персона в ней немаловажная. Хочет сесть на место начальника? Получить больше влияния на будущего короля-марионетку, чем остальные? Черт, ведь не спросишь же прямо... Одно ясно уже теперь: к некоторым своим собратьям по этому их тайному совету барон относится без всякого почтения, очень уж неподдельная злость читалась на его лице, когда он упомянуло о «замшелых консерваторах». Ну, понятно — извечный конфликт поколений. Вот только как его обратить себе на пользу?

— Теперь позвольте мне задать вопрос, который вам может показаться нескромным, — сказал барон. — Мы оба прекрасно понимаем, что не можем полностью и всецело доверять друг другу большая политика не терпит сантиментов. Как я себя обезопасил оба раза во время визитов к герцогине Браг и к вам, вы уже знаете. Интересно, а как обезопасили себя вы? Я и мысли не допускаю, что вы об этом не подумали. Мы прилежно собрали информацию о вас; насколько удалось, и просто обязаны были придумать какие-то меры безопасности. Или вы не хотите отвечать?..

— Ну, отчего же, — сказал Сварог, улыбаясь ясно, светло, задушевно (еще одна из арсенала освоенных им королевских улыбок). — Меры тщательно разработаны. На тех, наверху, — он неопределенно показал на потолок, — я полагаться не могу. То, что я делаю, здесь и там очень многим не понравилось бы... Вы ведь, наверное, догадываетесь, что я сейчас представляю не императрицу, а исключительно свою собственную персону?

— Догадываюсь, — усмехнулся барон. — Не зря с вами нет ни одного человека сверху? — только обитатели Земли, преданные лично вам. В таком случае позвольте задать вовсе уж нескромный вопрос: не намереваетесь ли вы в дополнение ко всем прежним успехам занять трон Империи?

Сварог улыбнулся еще шире и душевнее:

— Вы полагаете такое намерение чем-то предосудительным?

— О, что вы... — тонко улыбнулся барон. — Я бы сказал, вполне понятное решение. Умный и волевой человек не склонен довольствоваться скромными успехами, если увидит шанс получить значительно больше... Среди нас кое-кто высказывал такую точку зрения уже давно — и никто не увидел в том ничего предосудительного. Наоборот, это лишь укрепляет к вам доверие. Позволяет лучше понять, зачем мы вам. И верить, что мы еще долго будем вам нужны. В качестве противовеса... известным силам. Так что же? Вы так и не рас-

скажете, что придумали, чтобы обезопасить себя?

— Ну отчего же, — сказал Сварог, лучезарно улыбаясь. — Я разработал подробную диспозицию и отдал точные приказы. Если я не вернусь через пять дней, сюда ворвется армия Хелльстада, — он небрежно добавил. — ... Мы давно уже обнаружили ваш туннель. И тогда... Тогда Токеранг просто перестанет существовать. Между прочим, я не сделаю то, о чем говорю... Это лишнее доказательство того, что я не питаю к вам никакой вражды. В противном случае здесь все давно уже пылало бы от горизонта до горизонта. Точно так же и вы имели массу возможностей убить меня там, наверху, не заманивая в гости. Надеюсь, я вас не настроил против себя такими откровениями? Поверьте, я в состоянии сделать то, о чем говорю...

— Ну что вы, лорд Сварог, — сказал барон. — Какая тут может быть враждебность или обиды? Вполне разумные меры предосторожности... Значит, Фал арен был не так прост, как считали некоторые... оптимисты (по его лицу вновь промелькнула тень неприязни, даже злости). А я ведь собрал кое-какую информацию, позволяющую судить, что армия в Хелльстаде есть, и серьезная...

Он не врал, определил Сварог. И ухмыльнулся про себя: похоже, у парня давняя и серьезная нелюбовь с теми самыми замшелыми консерваторами — история старая, как мир, ничего нового или удивительного. И надо как-то постараться сыграть именно на этом...

Он спросил небрежно:

— Я полагаю, пяти дней нам хватит, чтобы решить все дела?

— Безусловно, — ответил барон.

Ответил моментально, практически не раздумывая, ничего не прикидывая про себя. То ли он так уверен в себе, то ли действуют некие потаенные, неизвестные Сварогу механизмы. Черт, до чего же мало информации об этой шайке... Хелльстадская магия здесь действует отлично, нетрудно было бы подсмотреть и подслушать разговор этого типа с ближайшими сообщниками, но для этого надо знать точное место, где они собираются. У него должна быть группа особо доверенных лиц, без этого в столь серьезных играх просто невозможно. Но где? Не обшаривать же всю Клорену мысленным взором, дом за домом, комнату за комнатой? Нереально... А вот обшарить Заречье, тот район, где у них наверняка и складированы ядерные боеголовки, — задача гораздо более реальная... Порядок хранения, система охраны...

— И наконец, Король... — сказал Сварог. — Он не в состоянии нам помешать? Или хотя бы узнать о моем прибытии?

— Вот эта сторона дела вас не должна волновать совершенно, — сказал барон, наполняя бокалы. — Конечно, еще не все его соглядатаи нами выявлены, но после истории с ракетой мы утроили бдительность, — его губы покривились в злой улыбке. — В конце концов, время работает на нас...

Уж не пристукнуть ли они собрались своего венценосца? — подумал Сварог. А заодно и его старшего сыночка, немало крови из них выпившего? Ну, даже если и так, кого это волнует? Плевать, что будет с человеком, взявшим привычку посылать столь экстравагантные свадебные подарки...

— Пойдемте? — предложил барон, глянув на часы. — Мы уже через несколько минут войдем в гавань.

Сподвижники Сварога, узрев его живым и невредимым, явно вздохнули

про себя с затаенным облегчением.

Впрочем, за время его отсутствия напитки и закуски они не обошли вниманием.

И снова в сопровождении предупредительно державшегося на полшага впереди барона они зашагали по узким переходам, дырчатым лестницам, поднимаясь все выше и выше. Ага, вот и рубка. На пирс перекинут широкий основательный трап. А вокруг...

Нужно признать, окружающее впечатляло. В огромном длинном зале с ярко светившими на сводчатом потолке гроздьями ламп, бульбообразными носами к пирсу, борт к борту пришвартованы подводные Лодки, на первый взгляд — не менее трех десятков, причем кое-где «стойла» пустуют. Сволочи, конечно, но трудолюбивые — сколько труда во все это утрово... повсюду — деловитая суeta автопогрузчиков со штабелями ящиков, грузовиков, въезжавших в двери многочисленных складов, выстроенных вдоль всей исполинской пещеры.

Они стояли небольшой кучкой у трапа; никто не обращал на них ни малейшего внимания — каждый занят своим делом. Наконец подъехал, остановился прямо напротив трапа большой автобус, казавшийся сплошным слитком черного металла — не видно ни салона, ни водителя в кабине.

— Прошу, дамы и господа, — гостеприимным жестом показал барон на дверь.

Сварог поднялся первым. Ага, вот какие стеклышки они у себя тут завели... Угольно-черные снаружи стены автобуса изнутри совершенно прозрачны. Вошедший последним барон нажал кнопку, закрыв дверь, сказал весело:

— Прошу вас пересестъ на левую сторону, сможете полюбоваться незаурядным зрелищем...

В автобусе насчитывалось не менее десятка рядов мягких кресел, по два с каждой стороны, так что слева разместились вполне комфортно. Правда, пока что зрелище представало вполне заурядное: длинный ряд субмарин (кое-где отсеки пустуют), суeta грузовиков, погрузчиков, небольших самоходных кранов, моряков. Стоит отстать, что ни разу не видно было, чтобы какую-нибудь подлодку разгружали — везде только погрузка. Ну, явно наверх идет непрерывный поток грузов — и вряд ли они мирные. Элементарная логика — в преддверии перехода наверх сначала перебросить все, связанное с оружием и какой-нибудь шпионской аппаратурой, а уж потом заняться мирным багажом... Слева — пока что ничего любопытного. А вот справа...

Автобус ехал довольно медленно — очень уж много разнообразной техники тут суетилось, приходилось то объезжать, то уступать дорогу. Так что Сварог, украдкой кося вправо, прекрасно все рассмотрел: в скале — высокие двустворчатые ворота, крашенные в бледно-голубой цвет, и на обеих створках примечательный знак: в алом овале равнобедренный треугольник вершиной вниз, в вертикальную черно-белую полосу. Учтем. Похоже, версия подтверждается. Он до сих пор мало что знал о Токеранге, исключая географию и архитектуру. Но одно уже ясно: знак этот здесь обозначает радиацию. Им были отмечены и входы в реакторные отделения трофейных подлодок, и ядерные ракеты, в том числе и та, что прилетела в качестве свадебного подарка...

Высокий и широкий сводчатый туннель, отлично освещенный длинным двойным рядом молочно-белых светильников, больших полушарий. У въезда

блокпост: по обе стороны бетонные гнезда с тяжелыми пулеметами и чем-то вроде легких орудий (все устроено так, чтобы защищаться от внешнего вторжения). Не менее десятка автоматчиков размеренно прохаживаются вдоль стен — и еще четверо с какими-то большими черными тубусами: гранатометы? огнеметы?

Уардов через пятьдесят — блокпост-близнец, а там и еще один.

Никто не попытался заступить дорогу, проверить документы, автобуса для охраны словно бы и не существовало. Ну, кто их знает, может, они особенное внимание уделяют въезжающим. Или есть приказ именно этот автобус пропускать беспрепятственно.

Движение левостороннее: как наверху, как было на Таларе до Шторма. Так... Туннель кончается. Последний блокпост, самый крепкий: пушечные и Пулеметные гнезда оборудованы в три этажа и усилены парой шестиколесных броневиков. Снова автобус пропустили беспрепятственно, а вот всякую въезжающую машину, будь то слоноподобный крытый грузовик или что-то вроде легкового вездехода, тормозят, водитель подает какую-то бляху на цепочке, и охрана тщательно ее изучает, прежде чем дать отмашку. Все, автобус под открытым небом. Сероватая хмарь, вечно затягивающая весь потолок громадной пещеры, почти над самой крышей машины. Ага... Слева уже знакомый объект, прилежно заснятый Золотыми Шмелями: тщательно выровненная каменная площадка размерами примерно в пол-югера, То бишь половину квадратной лиги, вся покрыта большими белыми кругами с номером внутри, короткими широкими стрелами с какими-то символами, разноцветными зигзагами. В свое время, когда Сварог обсуждал с небольшим количеством доверенных лиц увиденное, пришли к выводу: это, с огромной долей вероятности, взлетно-посадочная, площадка, но, судя по многим факторам, предназначенная исключительно для вертолетов. Логично. В условиях Токеранга нет смысла иметь грузовые самолеты, достаточно машин — а вот какие-то особо ценные, грузы сподручнее доставить как раз вертолетами. У них тут чертовски много вертолетов: и вооруженных, с давно знакомой эмблемой крылатого меча, и несомненных грузовых. Интересно, что большие вертолетные ангары имеются в восьми самых крупных поместьях из восемнадцати. Еще в десяти тоже есть, но гораздо более скромные, на пару вертушек, не больше — а вот у «восьмерки», судя по размерам, могут вместить пару дюжин. Похоже, полеты на вертолетах — такая же привилегия местной знати, как наверху — балкон у дома. Восемь огромных ангаров в восьми самых крупных поместьях. Восемь членов дэнго. Совпадение или нет?

Автобус тронулся. Попутных машин что-то не наблюдалось, а вот на встречу шел чуть ли не поток. Ух ты!

Действительно, зрелище незаурядное. Слева — вид Токеранга с птичьего полета: кудрявые кукольные леса, тоненькие ниточки дорог, обработанные поля, справа виднеется большой дворянский замок среди маленького городка, а чуть левее, у горизонта, аккуратные ряды городских кварталов, в виде то квадратов, то трапеций. Судя по размерам, это именно Клорена, здешняя столица. Высота, конечно, не такая, чтобы охватить взглядом весь Токеранг, но все же вид открывается на десятки лиг. И все, что видишь, быстро вырастает в размерах, становится ближе: отлогий спуск, проложенный вдоль каменной стены пещеры, длиной лиг пять, автобус довольно быстро приближается к

«плоскости». Все. Подъем кончился, внизу нечто вроде многолепестковой развилки, автобус поворачивает влево, развилка осталась позади, движемся, очень похоже, в сторону Клорены...

Ну да, впереди показались окраинные кварталы, только что виденные с высоты — но автобус на очередной развилке сворачивает влево, на двухрядку, протянувшуюся посреди негустого леса. Впереди торопливо взмывает вверх полосатый, желто-черный шлагбаум. Небольшой домик, несколько автоматчиков рядом, большая вывеска на двух опорах: «Запретная зона!» Автобус тем не менее пропустили в эту неизвестно что скрывающую зону, не останавливая, не требуя никаких благ. Примерно через лигу — еще один шлагбаум, столь же предупредительно взвившийся вверх. Та же вывеска. И рядом щит: «Стоять! Стреляют без предупреждения!»

Куда это их тащит чертов барон?

Словно прочитав его мысли, барон сказал:

— Мы решили, что не стоит поселять вас в Клорене. Здесь, в пригородной резиденции, будет удобнее со многих точек зрения...

Звучит убедительно, но кто его знает... Ладно, остается с философским фатализмом ждать дальнейшего развития событий, на каковые пока что нет возможности влиять...

Дорога плавно поворачивала вправо (лес чуточку погустел), упиралась в высокие ворота, уже раздвигавшиеся. С той стороны — будка у ворот, несколько автоматчиков опять-таки в военно-морской форме (как и те, кто дежурил у двух шлагбаумов). Похоже, гости с самого начала оказались под плотной опекой здешнего ВМФ — а он, хотя и по вполне понятным причинам состоит исключительно из подлодок, несомненно, являет собою структуру крайне влиятельную...

Аккуратные рощицы, ряд уличных фонарей, мощные дорожки. Довольно аскетический облик военного объекта. Там и сям прохаживаются часовые, кое-кто с собаками на поводке. Ну да, так и есть: какая-то военная база...

Несколько довольно больших, но невысоких (максимум в три этажа) зданий — у Сварога, некогда профессионального военного, сразу вызвавших определенные ассоциации. Смешно, но словно бы встретил нечто родное: классический военный объект, пусть чужой... да что там, враждебный. Серые коробки наподобие бункеров, знакомого уныло-казенного облика. Ни единого окна. Правда, там и сям вертикальные и горизонтальные полосы, угольно-черные, словно бы из того же материала, что и кузов автобуса — снова штучки со стеклами односторонней прозрачности? Похоже...

Автобус остановился у неширокой и невысокой лестницы столь же аскетически-военного вида, ведущей к одностворчатой двери меж широких и высоких, во весь фасад, угольно-черных полос.

— Прошу, господа и дамы, — сказал барон с видом радушного хозяина. — Мы прибыли...

Двое часовых у двери вытянулись в струнку. Барон любезно распахнул перед гостями все того же казенного вида дверь с незатейливой ручкой в форме полукруга, кажется, медной. За ней — абсолютно пустая комната этак в десятков квадратных уардов.

Барон распахнул и ее:

— Прошу вас...

Они вошли — и оказались в совершенно другом мире. Вся военно-казенная аскеза осталась за порогом. Обширный вестибюль с красивым мозаичным полом, высокие колонны из чего-то похожего на малахит, большие затейливые люстры, вверх уходит широкая лестница (роскошный узорчатый ковер, резные перила из какого-то явно недешевого дерева, небольшие изящные светильники из сине-красного стекла — на каждой ступеньке, с двух сторон, у перил). Справа от лестницы — шеренга склонившихся в предупредительном поклоне несомненных ливрейных лакеев. Другой мир, на военный объект похожий не больше, чем золоченая дворянская карета — на мужицкую повозку.

— Я думаю, вам здесь понравится, — с легкой улыбкой сказал барон. — Резиденция не из худших здесь.

— Да, у вас попадаются довольно интересные военные объекты... — сказал Сварог ему в тон.

— Внешняя роскошь, по моему глубокому убеждению — дурной тон, — усмехнулся барон. — Еще, оттого, что вызывает зависть у тех, кто не может ее достичь. И из этой неутоленной зависти порой возникают... коллизии. Пойдемте?

Он первым ступил на лестницу, подождал, когда Сварог с ним поравняется (семерка лакеев бесшумно двинулась следом), сказал, прежде чем Сварог успел открыть рот:

— Я отвел вам апартаменты, расположенные по соседству друг с другом. Полагаю, это отвечает вашим желаниям?

Да, конечно, — сказал Сварог. — Благодарю вас.

Он позволил себе чуть расслабиться, напряжение схлынуло.

Двое вытянувшихся часовых. Еще одна дверь, копия входной. Пока что их принимали по высшему классу — впрочем, тюремные решетки могут быть и золотыми, что в данном случае, несомненно, имеет место быть. Здесь, в этой ничуть не аляповатой, стильной роскоши они изолированы от внешнего мира не менее надежно, чем если бы оказались в запертом на три замка глубоком подвале... Что пнем по сове, что сову об пень...

Второй этаж. Теперь ясно, что здание двухэтажное, лестница закончилась. Слева — прозрачная стена с видом на парк, справа — далеко друг от друга расположенные двери (двустворчатые, в резьбе и позолоте), числом не менее десятка.

— Других гостей здесь сейчас нет, — сказал барон. — Вы будете на этаже совершенно одни. Кстати, вон та, последняя дверь ведет в каминный зал, крайне удобный для дружеских посиделок. Ваши апартаменты... господин граф, — он улыбнулся Сварогу. — Конспирации ради не стоит вас именовать ни милордом, ни королем, не так ли?

— Вы правы, — сказал Сварог.

— Ну вот... А «граф Гэйр» звучит совершенно нейтрально...

Сварог вошел в сопровождении бесшумного лакея, и последующие минут десять тот показывал ему апартаменты, подробно объясняя значение некоторых устройств. Вестибюль, гостиная, кабинет, спальня, ванная и прочие удобства... Кнопки для вызова слуг, устройства, с помощью которых можно из любой комнаты связаться с обитателями других «номеров» (и первое, и второе можно сделать даже из помещеньца для «прочих удобств»). В конце концов осведомился, соизволит ли господин граф минут через десять, когда немного

освоится, принять господина барона. Сварог, конечно, ответил, что соизволит.

Оставшись один посреди роскошной гостиной, он, не колеблясь, прошел к показавшемуся самым удобным креслу, сел. Рядом, на столике, стоял предмет, как две капли воды напомилавший массивную хрустальную пепельницу. Сварог и так на девяносто девять процентов был уверен, что магия ларов здесь работать не будет, но чисто ради эксперимента быстренько провел пару опытов, Ну да, и сигарета во рту не возникла, и огонек на кончике пальца не зажегся. Все правильно: здесь Хелльстад, пусть и подземный.

Он достал золотой с камнями портсигар, вынул толстую сигарету (светло-желтый табак в коричневой бумаге, фильтр золотого цвета), прикурил от обычной зажигалки. Все это было прихвачено из Вентордерана. Не пришлось ставить перед своими мастерами-роботами никаких задач на сей счет: давным-давно оказалось, что покойный Фаларен был заядлым курильщиком, так что все необходимое имелось в богатейшем ассортименте. Ну, а когда портсигар опустеет, достаточно произнести несложное заклинание, чтобы он наполнился вновь (предварительно решив, который из дюжины сортов табака выбрать, кстати, добрая половина из них исчезла на Таларе после Шторма и сохранилась лишь у Фаларена). Это уже будет хелльстадская магия, которая и здесь обязана распрекрасно работать.

Что нетрудно проверить в секунду...

Он привычно перескочил мысленным взором в соседние апартаменты. И увидел Леверлина — тот, заложив руки за спину, стоял у высокого окна и смотрел вниз с весьма недобрим выражением лица. Работает; Сварог вернул взгляд назад. Работает. Часть Хелльстада, пусть подземная. Значит, работать будет и все остальное, вот только с подарком Грельфи пока что совершеннейшая неизвестность, но и его нетрудно проверить, хотя бы на том же лакее; Если получится, если сработает, никто ничего не поймет и не узнает: собственной магии здесь нет, как и было установлено во время предварительных исследований...

Когда у входа раздалось мелодичное «дилинь-дилинь-дилинь», подробно проинструктированный лакеем Сварог нисколько не растерялся. Подошел к двери, коснулся узкой золотистой клавиши слева.

Дверь стала прозрачной (внутри, конечно), и за ней обнаружился барон Лог Дерег. Спокойно убрав прозрачность, Сварог повернул прозаическую дверную ручку (позолоченную, правда), впустил гостя, уже на правах хозяина указал на кресло и спросил:

— Выпьете что-нибудь? Мне уже показали здешний роскошный бар...

— Благодарю, что-то не хочется... Ну, разве что бокал вина. Как знаток, я вам рекомендую «Грауселле», вон та бутылка. У вас, наверху, этого сорта винограда больше нет...

И удобно расположился в кресле. Нетрудно было определить, что многое в нем изменилось: осанка, движения, походка, даже манера речи. Наверху он всегда был напряжен, как струна, напоминал то ли идущего по незнакомым местам волка, то ли сапера на минном поле. А сейчас словно бы расслабился. Ничего удивительного, он был дома, где ко всему прочему числился среди тайных правителей Токеранга. А вот Сварог... Они с бароном в чем-то поменялись местами — теперь, в свою очередь, Сварог напоминал того самого волка или сапера. Все логично. Как пелось в той древней песенке — а вот они, усло-

вия, а вот она, среда...

— Я прекрасно помню, куда именно хотят отправиться ваши спутники и спутницы, что именно осмотреть, — сказал барон любезно-деловитым тоном. — Все это нетрудно устроить немедленно — машины, сопровождающие... Я говорил с ними — никто не собирается отдыхать, все хотят ехать. Вы им разрешаете так поступить?

— Конечно, — сказал Сварог.

— Я так и передам... А какие пожелания будут лично у вас?

— Вот лично я хочу одного: завалиться в постель и как следует выспаться, — сказал Сварог. — Всем остальным было проще, они-то выспались прекрасно. А вот мне перед поездкой пришлось двое суток практически без сна и отдыха заниматься кучей дел. Нужно было и поставить все так, чтобы за время моего отсутствия дела в земных королевствах шли без сучка, без задоринки, и наверху кое-зачем проследить. Спать хочется чертовски, — он вежливо добавил: — Конечно, если у вас какие-то другие планы...

— Ну что вы! — энергично поднял ладонь барон. — Гостям всегда в первую очередь предлагают отдохнуть, — он посмотрел на часы. — Сейчас еще далеко до полудня... К вечеру, думаю, вы проснетесь?

— Безусловно, — сказал Сварог. — Часов пяти-шести мне вполне хватит...

— Прекрасно. Свяжитесь со мной, когда проснетесь. Я еду в город, но к вечеру вернусь. Просто нажмите на селекторе клавишу под одиннадцатым номером. Если вы не возражаете, я Хотел бы нынче же вечером познакомить вас с принцем Каугеном, чтобы вы к Нему заранее присмотрелись и составили о нем впечатление... Вы не против?

— Наоборот, — сказал Сварог. — Интересно будет познакомиться. Нам придется куда-то ехать?

— Зачем? — чуть пожал плечами барон. — Это не просто гостиница, а, если можно так выразиться, закрытый загородный клуб для избранных. Несколько отличных ресторанов, больших и поменьше, другие возможности для развлечений и приятного отдыха... Принц здесь бывает часто, у него даже есть личные постоянные апартаменты. Сядем в одном из уютных небольших ресторанчиков... Люди посторонние там тоже будут — но не особенно много. Вряд ли стоило закрывать ресторан на время вашей встречи для завсегдаев клуба, это вызвало бы ненужные размышления и рассуждения... Вы согласны?

— Безусловно, — сказал Сварог. — Вот только... Все же — посторонние...

— Ну, «посторонние» — это, пожалуй, неточное определение, — усмехнулся барон. — Вернее будет сказать — люди, не посвященные в тайну вашей миссии. Во всех остальных отношениях это свои. В этом заведении попросту не бывает чужих. Исключительно свои, верные и надежные не по обязанности. Только члены Восьми Семейств, то есть родов, из которых происходят дэнго. Даже представители остальных Десяти Семейств сюда не попадают, хотя их роды не менее знатны. Так уж исторически сложилось, что у нас восемнадцать особо знатных родов — и масса прочего дворянства, от титулованного до обедневшего... Впрочем, то и другое порой совмещается.

— Ну да, у меня в королевствах такое тоже случается, — с большим знанием вопроса сказал Сварог. — Послушайте... А этим вашим членам Десяти Семейств, случайно, не обидно, что они не могут сюда попасть?

— Безусловно, — не без цинизма усмехнулся барон, — Скажу даже больше:

им еще очень обидно, что страной, по сути, управляют только Восемь, хотя Десять не менее знатны и родовиты...

— А это не приводит к... коллизиям? — с искренним любопытством спросил Сварог:

— Порой. Но всегда к легким, — сказал барон и с видом крайнего простодушия развел руками. — Никто не виноват, что исторически сложилась существующая система правления. Мы — большие консерваторы И не любим ничего менять... Особенно в столь важном и серьезном деле, как система правления. Вам, как королю, это должно быть близко и понятно, вы ведь, насколько я знаю, тоже не стремитесь к серьезным переменам в системе правления?

— Да, безусловно, — сказал Сварог.

И подумал: пример, пожалуй что, неудачный.

У меня — да и до меня — никогда не случалось, чтобы власть прочно захватывали какие-то отдельные роды, оттесняя всех прочих, не уступающих знатностью. Бывали попытки там и сям, и в древние времена, и в относительно близкие, но длилось это всегда недолго и заканчивалось печально для узурпаторов, пытавшихся «монополизировать» короля... Здесь есть какая-то загадка. Дэнго ухитрились продержаться в нынешнем своем положении три с лишним тысячи лет, а это странно. Это предельно странно. Нигде так не бывало. И ситуацию невозможно, никак невозможно удержать под контролем исключительно посредством разветвленной агентуры и террора тайной полиции. Три с лишним тысячи лет... Странно и нереально. Но ведь он не врет насчет трех с лишним тысяч лет! Значит, есть что-то еще. Должно быть. И в эту тайну следует проникнуть, или и это уже неважно? Сколько им всем осталось той жизни...

— Все дело в том, что это клуб — безмятежно продолжал барон. — Строгая система баллотировки, два этапа, тайное голосование... В свое время по известным причинам был забаллотирован даже не член Десяти Семейств — наш старый ненавистник принц Хаутил. Его это, конечно, чертовски взбесило, но что поделать — старинный клуб, старинные традиции и правила...

— Послушайте-ка, — сказал Сварог с любопытством. — Но ведь и они могут создавать подобные клубы, не допуская туда уже вас. Или такое у вас запрещено?

— Ну, отчего же, — сказал барон. — Некоторые дворянские вольности и привилегии незыблемы. Давным-давно создают... клубы-противовесы, если можно так выразиться. И не допускают туда наших. Но существенная разница в том, что у нас там есть своя агентура, а они никого пока что не смогли к нам внедрить. Такие вещи вы должны знать, учитывая наше будущее тесное партнерство...

Очаровательный оборот речи, подумал Сварог. Можно и сделать вывод: есть тайны, которыми они никогда, ни за что не станут делиться, несмотря на все «будущее тесное партнерство». Быть может, сюда же относится и секрет того, каким образом им удалось продержаться у власти столько лет... А он должен быть!

Он обратил внимание, что барон с неподдельным любопытством уставился на столик, где рядом с бокалом Сварога стоял Золотой Воробей — неподвижный, выглядевший сейчас изящной безделушкой прекрасной ювелирной работы, мертвым куском золота. На всякий случай Сварог его прихватил вместе

с пистолетом из арсенала «Рагнарока». Если оценивать в привычных категориях, то Золотой Воробей — не столь уж и серьезное оружие: посильнее пистолета, но слабее бластера. Зато у него есть другое несомненное достоинство: пистолет и здесь легко опознается как оружие, у них хватает своих. А Золотой Воробей обнаружит себя как лучемет, пусть и не особенно мощный, не раньше, чем получит мысленный приказ Сварога. Всякие ситуации смогут сложиться...

— Нечто вроде талисмана, — сказал Сварог, старательно изобразив на лице некоторое смущение. — Давным-давно мне его подарила одна дама... У ее рода в гербе — шесть золотых воробьев на лазурном фоне, считается издавна, что такая птичка приносит удачу и бережет от опасностей даже того, кто не принадлежит к роду. Если только подарена от чистого сердца. У вас нет подобных традиций, наверное?

— Касательно всевозможных талисманов? — понятливо подхватил барон. — Как раз наоборот, есть. Многое можно порассказать, но я это отложу на будущее — вам ведь нужно выспаться...

...Оставшись один, Сварог и не подумал отправиться в спальню. Вообще-то он и в самом деле провел почти бессонную ночь (одну, а не две, как соврал барону), но нельзя сказать, чтобы из-за этого чувствовал себя разбитым. Если прикинуть... Еще удастся и поспать до вечера пару часов, а пока следует заняться насущными делами. И прежде всего...

Он сосредоточился, мысленно произнес нужные заклинания из наследства Фаларена — и комната преобразилась. Все исчезло: мебель, драпировки, обои и ковры, теперь гостиная представляла собой — в глазах одного только Сварога — нечто вроде совершенно пустого продолговатого ящика молочного цвета. И в четырех местах светились ярко-алые огоньки: три в форме шарика, четвертый — в виде короткого цилиндра.

Сварог ухмыльнулся и вернул гостиной прежний вид. Вот так. Любезные хозяева простерли свое гостеприимство настолько, что всадили сюда целых три микрофона и видеокамеру...

Переходя из комнаты в комнату, якобы неторопливо осматривая свое роскошное временное пристанище, он быстро определил: везде (даже в том помещении, куда короли ходят исключительно пешком) — от одного до трех микрофонов и непременно видеокамера. Причем в спальне она направлена прямехонько на постель.

Вот как раз последнее обстоятельство и позволяло предположить, что «глаза и уши» здесь были и раньше, а не вмонтированы перед его визитом. Безусловно, тому же барону чертовски интересно знать, о чем Сварог беседует со сподвижниками — на его месте Сварог тоже натолкал бы микрофонов куда только возможно. Но вот к чему видеокамеры? Особенно эта, в спальне? В классических традициях ремесла собрать постельный компромат... на него? Вздор... Вернее будет предположить: камеры сюда сунули, чтобы прочнее держать на крючке как раз своих. Как учит житейский (он же — королевский) опыт, даже своих порой следует как можно крепче и надежнее держать на крючке... Практичности ради.

Сделанное открытие нисколько не встревожило — с какой стати, если он мог в любой момент наглухо заблокировать всю ту машинерию, оставив Токеретов глухими и слепыми? Поймут, в чем дело? Ну и наплевать. Не могут не

знать, что король Хелльстада обладает определенной магией, так что не удивятся, хоть их это и безусловно раздосадует.

Вполне возможно, за ним наблюдают и сейчас. Из чистого любопытства: а ну-ка, что станет делать, оставшись в одиночестве, лорд Сварог? Если так и обстоит, заблокировать глаза и уши пока что не стоит, чтобы не раскрывать иных своих возможностей раньше времени. Он сказал, что хочет выспаться? Вот и ладушки...

Пройдя в спальню, он разделся и улегся в широченную постель, где вместе с ним вполне комфортно могло бы разместиться с полдюжины плясуний из его Королевского балета: тончайшие простыни, мягчайшие одеяла — да уж, покои для самого что ни на есть бомонда... Вытянулся, прикрыл глаза. Любой наблюдатель мог бы поклясться, что поднадзорный спит. Ну, ничего подобного, конечно: Сварог проверял одну из догадок, особенно укрепившуюся в сознании, когда он увидел на базе подводных лодок, на створках ворот знак радиации. Коли уж лодки вооружены ядерными ракетами, гораздо практичнее не возить их всякий раз с завода, а держать некоторый запас там же, на базе. В покинутом им мире военные всех стран так и поступали. Во всех родах войск так и обстояло.

Прежний военный опыт не подвел и здесь, все так и обстояло: за теми воротами и в самом деле оказалось хранилище ракет и взрывателей к ним. Сварог мысленным взором бродил по нему часа полтора: для осмотра самого хранилища хватило пары минут, а все остальное время следовало уделить вдумчивому изучению системы охраны.

Подробное изучение таковой отнюдь не обрадовало, а наоборот... Тройной пояс охраны, по обе стороны ворот всякий раз — шесть пулеметных гнезд, одни оборудованы на земле, другие — по стенам. Да вдобавок по парочке автоматических пушек и каких-то агрегатов, больше всего напоминавших огнеметы. И пешие патрули, ходившие по коридорам, и кодовые замки, и телекамеры наблюдения... Пришлось признать: сейчас ему хранилище не взять.

В прошлой жизни, в офицерском бытии его неплохо выучили, в том числе и штурмовать такие вот объекты внезапным ударом — но, ежу понятно, не в одиночку, а со столь же грамотно подготовленной группой. Которую никак не могла бы сейчас заменить Странная Компания. В этих условиях верных, храбрых сподвижников попросту перебили бы, как котят — и Мару в том числе, ну, разве что ее-то прикончили бы самой последней — пули и огонь для нее точно так же смертельны... А оставшись в одиночестве, Сварог ничего не добился бы: трезво рассуждая, Странная Компания сложит головы уже на первом поясе охраны. Во-первых, без Паколета он не смог бы справиться с кодовыми замками, во-вторых, не смог бы в одиночку перещелкать всю охрану и вывезти оттуда ракету. Таков печальный итог, в который уж раз повторил он про себя фразу одного из своих любимых писателей.

Не было ни подавленности, ни ощущения поражения. Он с самого начала подозревал, что дело будет обстоять примерно так: военное дело у Токеретов развито неплохо, глупо и смешно полагать, что они стали бы хранить ядерные заряды в покосившемся сарайчике, охранявшемся бы одним-единственным первогодком с ржавой винтовкой устаревшего образца. Ни о каком поражении речи быть не может: просто-напросто предпринятая им разведка дала определенные результаты, вполне предсказуемые.

И только...

В конце концов, времени у него впереди было достаточно. Нет никакой нужды орать — хватай мешки, вокзал отходит! Запасной вариант был, в принципе, начерно продуман заранее: в следующий раз исхитриться вернуться сюда с дюжиной «птенцов Гаудина», вооруженных должным образом, — и шансы на успех возрастут многократно: уж дюжина-то этих детишек расковыряет Хранилище, как медведь — консервную банку. Это в том случае, если все же не найдется какого-то другого варианта, не менее результативного, чем ядерная боеголовка! Так что нет причин для тоски. Еще побарахтаемся!..

Глава IX

«Вы поедете на бал?»

Сон самую чуточку — ровно в той мере, какой требовала ситуация, — беспокоился о разъехавшихся в разные стороны сподвижниках: очень уж удобный момент, чтобы перехватать их поодиночке, а там добраться и до Сварога...

Нет, обошлось. Все они вернулись примерно в назначенное Сварогом время. И Сварог собрал всех в каминной — оказавшейся и в самом деле большой, комфортной, красивой, как все здесь. Микрофоны и видеокамеру он, конечно, загасил первым делом, что не должно было вызвать у противника ни малейших подозрений: ну конечно, отправленная на разведку группа докладывает командиру о своих наблюдениях, дело, можно сказать, житейское с точки зрения шпионажа...

Паколета, Шедариса и Бони, помотавшихся по окрестностям со столь любопытным видом, словно они в жизни не видели сделанных Золотыми Шмелями записей, Сварог не стал заслушивать вообще: они ничего не могли добавить к тому, что засняли Шмели. Главная задача этой троицы в том и состояла, чтобы запудрить мозги Токеретам, уверить их, будто Сварог ничегошеньки не знает о Токеранге, иначе не посылал бы своих орлов оглядеться там и сям...

Рапорты Мары и Тетки Чари оказались кратенькими. Сварога мало интересовали здешние магазины женской высокой моды, обе сподвижницы ездили в столицу с одной-единственной целью — если удастся, подметить что-то мало-мальски интересное. Таковым оказалось одно-единственное наблюдение, отмеченное обеими. Во всех шести самых дорогих магазинах столицы, по которым их провез сопровождающий, выявился один и тот же нюанс: женщины (неважно, дворянки из самых знатных родов или особы рангом пониже) никогда не появлялись, так сказать, самостоятельно, их всегда сопровождал мужчина: муж, друг или слуга. И женщины никогда не расплачивались за покупки сами, за них это всегда делали мужчины. По большому счету, эта информация для целей и задач Сварога виделась совершенно бесполезной: ну вот таковы здешние обычаи, именно так дамы из бомонда делают покупки, и что? Мы не этнографы, в конце-то концов...

В общем, заранее было ясно, что самым интересным станет де доклад Леверлина, несколько часов просидевшего в трех самых больших библиотеках столицы. Так оно и оказалось.

— Ситуация примечательная, — с расстановкой говорил Леверлин, порой скупно прихлебывая из своего бокала. — Богатейший подбор научной и техни-

ческой литературы. Художественной нет вообще ни в каком виде, ни прозы, ни поэзии. После разговоров с библиотекарями у меня осталось впечатление: они попросту не понимают, что такое проза и поэзия. Подбор книг по геральдике, разнообразным этикетам и устройству здешнего общества, сословному делению и прочему — опять-таки богатейший. Музыка... Вот музыка есть. Однако... Я не композитор не музыковед, так себе, чуточку тренькаю на виолоне, но в Ремиденуме был факультативный курс... Короче говоря, вся музыка, которую я прослушал, примитивная донельзя: три аккорда на дагарасе, что-то вроде того. Библиотекари опять-таки форменным образом не понимают, какая еще музыка может быть, уверяют: она вся такая. Что еще? Богатый подбор всевозможных руководств по охотничьему делу — книги предназначены исключительно для дворян, и то не для всех: леса здешние не так уж и велики, так что охотятся главным образом королевская фамилия и люди из Восемнадцати Семейств — но для последних право принять участие в охоте вовсе не право, а нешуточная привилегия, предоставляемая лично королем... Даваемая не постоянно, а всякий раз как бы заново. Ну, это понятно: если здешнее дворянство примется охотиться так, как принято наверху, дичи очень быстро не останется вообще... Что еще... Много литературы по торговым операциям и банковскому делу. Исторические хроники, что старинных времен, что более близких — скупые и примитивнейшие и касаются главным образом королевской фамилии: в такой-то день такого-то месяца такого-то года его величество изволил кататься верхом. Или изволил охотиться на вепря. Или изволил посетить Большой Фейерверк. Не похоже, чтобы у них здесь было то, что можно назвать историей. Если и случалось нечто шумное, вроде больших крестьянских мятежей, дворянских междоусобных войн или переворотов со сменой династии — об этом нигде ни словечка. Вот такая картина предстает. Науку и технику они развивают, открытия и изобретения делают, торговцы торгуют, банкиры банкирствуют — но ни прозы, ни поэзии нет, музыка самая простенькая. Возможно, это как раз и проистекает из-за отсутствия у них души. Вот и все, пожалуй...

Безусловно, это был самый обстоятельный доклад из всех. Ни о чем подобном прежде не было известно — Шмели в библиотеки (как и вообще в дома) не залетали, книги не изучали. Однако главной цели Сварога все это опять-таки ничем помочь не могло...

Чтобы не расхолаживать: команду, он сказал:

— Неплохо поработали, молодцы. А сейчас очередной, не особенно и длинный приказ по гарнизону: все расходятся по комнатам и расфуфыриваются для неофициального вечернего приема с участием одного из принцев. На какой мы все приглашены. Никаких торжеств, просто, я так понял, обычные вечерние здешние посиделки, разве что с участием нас. — Он глянул на Бони, потом на Паколета с Леверлином, ухмыльнулся: — Барон любезно просветил меня, что легкость нравов здесь, можно сказать, на высоте. И тому, кто захочет развлечься по полной программе, предоставляются к тому все возможности — без малейшего риска нарваться на дуэль. Барон в случае чего проконсультирует.

Бони встретил этакую новость с самым живейшим интересом, да и Паколет не остался равнодушным. Только у Леверлина на лице осталось то же выражение, с каким он недавно стоял у окна и смотрел на деревья внизу: отголо-

сок холодной, рассудочной ярости...

Когда они расходились из каминной, Сварог придержал Леверлина за локоть, тихо, понятливо спросил:

— Что, стрелять хочется?

— Во всех и каждого, — сквозь зубы ответил Леверлин с той же рассудочной, отрешенной яростью.

— Главное, чтобы это не отражалось на лице, — серьезно сказал Сварог. — Мы тут с миссией не просто доброй воли, а будущей сердечной дружбы...

— Не беспокойся, командир. — так же серьезно ответил самый, давний, самый первый из встреченных Сварогом сподвижников. — Все понимаю, не мальчик. Я им буду улыбаться тепло и мило, куртуазно плести комплименты дамам... Все, что потребуется. Буду воплощением приязни... пока не настанет время для самой сердечной дружбы...

«А ведь, пожалуй, он ее в самом деле любил по-настоящему, — подумал Сварог. — Сколько лет прошло, а ярость ничуть не потускнела... как и у меня, впрочем. Конечно, Делию я не любил. Я просто-напросто никогда им ее не прощу В принципе, то же самое...»

...Гардероб в его апартаментах оказался набит битком разнообразными цивильными нарядами — судя по атласам-бархатам, шелкам, кружевам и золотому шитью, все на уровне Восемнадцати Семейств. Фасоны, конечно, незнакомые, непривычные — но не более чем силванские дворянские наряды. Так что Сварог, обзрев себя в высоком зеркале, подумал, что ничуть не походит на чучело, всего-навсего незнакомая мода, и не более того. Поправил на шее золотую цепочку с овальным медальоном, украшенным местным эквивалентом графской короны. Снова ничего странного: наверху дворяне носят перстни с соответствующими титулу, если он есть, коронами, а здесь — медальоны, вот и вся разница.

Как там объяснял барон? Два перстня с самоцветами на правую руку, один — на левую. Вполне себе комильфо, ничего от выскочки, как говорится, скромненько и со вкусом. Пистолет, конечно, с собой брать не стоит, да и Золотого Воробья тоже, пусть себе и дальше сидит на столике, усердно притворяясь безобидной статуэткой-талисманом. А пистолет, наплечную кобуру и запасную обойму мы открыто положим на столик у постели, только для пущей надежности сделаем все это хозяйство невидимым. Уже точно известно, что лакеи без конкретного приказа постояльца в его апартаментах не убираются, не появляются вообще...

Еще раз критически обзрев себя и убедившись, что с нарядом все в порядке, он вышел в коридор, прошел к соседней двери и коснулся вычурной резной чашечки — кнопки звонка.

Мара сразу же ему открыла. М-да... Нравы тут у них...

— Ну что ты так уставился, словно монах из Святой Земли? — пожалла обнаженными плечами боевая подруга. — Это я не сама придумала, мне объяснили, что сейчас это самый модный вечерний наряд для благородных дворянок... Вон, журналы мод валяются.

— Да я что? Я ничего, — сказал Сварог, входя и притворяя за собой дверь. — Просто не ожидал от них такой уж раскованности...

Положительно, наверху портовые шлюхи в своих до предела откровенных нарядах выглядел и гораздо приличнее. Куцее золотисто-рыжее платье Ма-

ры несмотря ни на что, удивительным образом сочетавшееся с ее волосами) и платьем-то назвать было трудно. Впереди не просто глубокий вырез: две полосы ткани, соединенных на шее золотой цепочкой, открывают для всеобщего обозрения половину груди и пупок, сзади спина обнажена даже чуть пониже талии, все это — в обтяжку, подол чисто символический. Сварог задумчиво сказал:

— А знаешь что? По-моему, совершенно голой ты бы выглядела гораздо приличней...

— А пожалуй что, — блеснула Мара великолепными зубами. — Но согласишься, мне идет? — и она крутнулась волчком.

— Идет, — проворчал Сварог. — Тебе все идет... Трусики-то хоть под этим есть?

— Ну, разумеется, — сказала Мара.

И с непринужденностью давней подруги продемонстрировала узенькую розовую кружевную полосочку, которую трусиками можно было назвать исключительно из вежливости. «Ну что же, — философски подумал Сварог, — далеко не впервые, и не только на этой планете, великосветские дамы откровенностью вечерних нарядов превосходили портовых шлях... Сварог присмотрелся. — И колье у нее на шее, и серьги, и браслеты, и перстни — все исключительно с сапфирами, подобранными оттенком прямо-таки под цвет глаз».

Мара, кажется, прочла его мысли, как со старыми подругами частенько случается, даже если они и не наделены магическими способностями:

— Ага, это не совпадение. Такая тут мода: платье — под цвет волос, камни в украшениях — под цвет глаз. Между прочим, с чисто женской точки зрения — недурная затея. Там, у нас, наверху, до этого не додумались. Вот вернусь, введу эту моду у себя на Сегуре. Думается мне, и на Харуме дамы быстро подхватят...

— Самое смешное — и впрямь, я так полагаю, быстро подхватят, — фыркнул Сварог. — Что-что, а это вы умеете.

— Но, согласишься, мне идет? — повторила она, безмятежно улыбаясь.

— Говорил же, идет, — проворчал Сварог. — Вот только фасон этот не вздумай наверху вводить, будущая законодательница мод...

— Не буду, не буду. Но чует моя душа, дамы и его подхватили бы...

— Не сомневаюсь, — буркнул Сварог. — Говорю ж, это вы умеете...

— Что ты так набычился?

— Да по-моему, что-то легкомысленно ты настроена...

— Ничего подобного, — сказала Мара. — Ты что, плохо меня знаешь? Как раз наоборот. Все мысли в первую очередь — о работе... Я сейчас — оружие. Убойнейшим образом действующее на мужчин. Скажешь, нет?

Она обворожительно улыбнулась, приняла грациозную позу, чуть выставив вперед правую ногу, послала Сварогу призывнейший взгляд.

— Ну, если с этой точки зрения... — сказал Сварог, — тогда, пожалуй что, и впрямь.

— То-то, — лукаво улыбнулась боевая подруга. — Если я в этом наряде возьмусь чуточку флиртовать с принцем, а то и с бароном, смотришь, и удастся выудить что-нибудь интересное. Это ты не можешь нежно прижаться грудью к тому же принцу и затуманенным взором смотреть ему в глаза, а у меня это получится самым естественным образом. Особенно если учесть, что он, как ты сам говорил, простак простаком. Но какие-то тайны должен знать, коли уж хо-

роводится с дэнго...

На миг Сварог ощутил легкое беспокойство, вспомнив кое-что, происшедшее несколько лет назад в Равене, когда их крайне заинтересовала черно-книжная библиотека герцога Сенгада. Сказал торопливо:

— Оружие оружием, но ты там не особенно увлекайся...

— Ох, милый... — картинно вздохнула она, на миг подняв глаза к потолку. — Ну, когда я тебе наконец втолкую, что увлечена одним тобой — беззаветно и на всю оставшуюся жизнь? А все прочее... Исключительно в интересах дела.

— Вот и не особенно увлекайся в интересах дела... оружие убойнейшее.

— Есть, командир! — она лихо отдала честь на ронерский манер (что позволяло обойтись без головного убора). — Принято к сведению! Да не смотри ты на меня, словно полковник на капрала, пропившего казенную пушку. Никакого легкомыслия в голове у меня и близко нет, просто-напросто старательно готовлюсь к бою. Всякий к нему готовится на свой манер, в зависимости от обстоятельств, сам знаешь...

— Ладно, верю, — сказал он задумчиво. — В таком случае вот тебе последние инструкции, я всех уже предупредил, ты одна осталась... Барон, чтобы надежно замотивировать для непосвященных пребывание в этом райском уголке черт знает кого, то есть нас, никому неизвестных, придумал неплохую, по моему, версию. Мы все семеро — военные моряки, дворяне из захудалых. Только что блестяще выполнили наверху крайне важную и предельно секретную миссию, за что повышены, обласканы начальством и в довершение будем представлены принцу. По-моему, убедительно и жизненно. Все-таки светлая у мерзавца голова, несмотря на полнейшее отсутствие души... Уяснила? Версия эта, говорил барон, уже пошла гулять среди приглашенных, так что будь вдвойне загадочной и таинственной...

— Да запросто, — заверила боевая подруга. — Если что...

У двери мелодично мяукнуло «дилинь-дилинь-дилинь». Уже привычно нажав соответствующую клавишу, Сварог увидел в коридоре барона, тоже в роскошном цивильном, с медальоном на шее. Обернулся к Маре:

— Ну, все, пошла работа...

И открыл дверь, заранее изобразив на лице самую дружелюбную улыбку. Барон светски раскланялся:

— Господин граф, госпожа графиня... Гости уже собираются.

Сварог вышел в коридор, пропустив вперед Мару. Все остальные двери уже распахнуты, возле них — почтительно склонившиеся лакеи, выходят сподвижники, держатся совершенно естественно, никак не похоже, чтобы кто-то чувствовал себя неуверенно в незнакомом наряде, так Леверлин слово сдержал: лицо у него сейчас доброжелательное, исполненное легкого любопытства ко всему окружающему, предвкушения приятного вечера... а вот Шег Шедарис, простая душа, не в силах скрыть легкого раздражения, когда косится на свою спутницу, наряженную столь же символически-легкомысленно, как и Мара... ну да, он всегда был ревнив, как черт, к низким вырезам и коротким платьям относится столь же пуритански, как Интагар, — а тут такое... что касается помянутой спутницы, все обстоит, похоже, как раз наоборот, ей здешняя мода по вкусу, на лице знакомое выражение, с каким она иногда говорит: «Эх, это бы да во времена моей молодости...» Благородные гости двину-

лись вслед за бароном почему-то повернувшим не к лестнице, а к торцовой глухой стене справа, возле которой торчал очередной лакей. У Сварога неведомо почему всплыла в памяти приговорка, сопровождавшая одну из игр раннего детства: «Вы поедете на бал?» Игра была исключительно девчачья, мальчишки к ней не присматривались и не прислушивались, они пребывали еще в том нежном возрасте, когда девчонок полагается сторониться, глядя свысока, — так что в уши лишь чисто случайно залетала парочка реплик, в чем эта игра заключалась, Сварог так и не узнал, да и наверняка уже не узнает...

Ага, вот оно в чем дело. Лакей коснулся мозаичной стены — и открылась довольно высокая и широкая потайная дверь, за которой виднелся изгиб устланной роскошным ковром лестницы, плавно уходившей куда-то вниз. Ну что ж, такие лестницы в темницы и подвальные пыточные не ведут...

Лестница оказалась не особенно и длинной. Кончалась высоким аркообразным проемом, за которым открылся сводчатый зал: десятка два столиков, сделанных из распиленных пополам бочек с большими вырезами для удобства ног. Сварог, естественно, ни малейшего представления не имел, какой была здешняя старина, но все равно осталось стойкое впечатление, что все вокруг как раз старательно стилизовано под нее самую: грубоватая кирпичная кладка стен, массивные жесткие кресла, словно притащенные из дешевого портового кабака, подставки для гроздьев красно-сине-желтых шарообразных фонариков как две капли воды похожи на грубо выкованные держалки для стеновых факелов, ни единого ковра, пол застлан широкими досками столь же грубой работы, хорошо хоть, оструганными, Справа, в углу — камин, в котором горят толстенные обрубки цельных древесных стволов.

Единственный диссонанс — несколько плоских экранов в разных углах рестораника, на них проплывают, сливаются, свиваются в затейливые переплетения разноцветные полосы. Ну да, телевидение у них хотя и существует, но используется в чисто прикладных целях — он помнил телекамеры слежения в хранилище. Все понятно: если нет ни прозы, ни поэзии, нет, соответственно, ни художественных фильмов, ни эстрадной песни. Попросту нечего показывать.

Так... Леверлин уверял, что не обнаружил ни малейшего следа живописи со скульптурой. Однако возле камина стояла изящно выполненная статуя обнаженной женщины из какого-то розового камня, а в двух местах висели большие картины: морской пейзаж при ясной погоде и красивый замок посреди живописного леса. Либо искусство все же существует, но доступно очень узкому кругу (как привилегия королевской охоты), либо все это раздобыто наверху для услаждения взора избранного общества...

Играла негромкая музыка, мелодия и в самом деле весьма незатейливая, но приятная для слуха. Что-то похожее на пару виолонов, скрипку и временами позвякивавший бубен. Гостей обоего пола не так уж и много, человек десять. Сварог отметил, что их компания вовсе не стала объектом всеобщего внимания — ну да, воспитанные люди, сливки сливок, не станут скопом пялиться на незнакомцев, будто деревенщина какая. Что ж, так оно и лучше...

Почтительный седовласый хмырь, осанистый, с золотой цепью на шее — то ли метрдотель, То ли мажордом, Аллах ведает, как он тут именуется — с проворством опытного дирижера как-то особенно ловко и быстро разместил гостей за столиками. Скорее всего, согласно порученной ранее инструкции

Сварог с Марой и барон оказались за одним, Тетка Чари с хмурым кавалером за другим, Леверлин в одиночестве, Бони с Паколетом за четвертым. Последние тут же принялись с самым живым интересом (но и с соблюдением этикета, понятно) разглядывать девичью компанию за ближайшим столиком (три грации, одна краше другой), явно в хорошем темпе прикидывая мысленно моральную стойкость девиц и наличие таковой вообще.

Стол, как и остальные, оказался заранее уставлен яствами и питьями: золотые приборы, хрусталь, начищенное серебро... Приходилось признать, что барон их принимал по высшему разряду, что ж, и они не простые дипкурьеры, а, собственно, высокие полномочные посланники, пусть и нелегальные... Ох ты!

Сварог, конечно, сохранил полнейшее хладнокровие. В конце концов, ничего из ряда вон выходящего не произошло. Просто-напросто зазвучала песня. Приятный, молодой женский голос с легкой хрипотцой в стиле Тарины Таремии (но это, конечно, не она), оркестр, полное впечатление, состоит из гораздо более сложных инструментов, чем прозаические скрипки-виолончели, вроде бы даже электронное звучание слышится. И слова, слова! Каким на земле быть не полагается, а здесь просто неоткуда взяться...

Никого не пощадила эта осень, даже солнце не в ту сторону упало.

Вот и листья разъезжаются, как гости, после бала, после бала, после бала...

Эти двое в темно-красном взяли за руки напрасно: ветер дунет посильней — и все пропало...

Притворяясь, что прилежно цедит из высокого бокала золотистое вино, Сварог мимоходом переглянулся с Марой, и она понятливо опустила на миг ресницы. Интересно, очень интересно. Это уже не укладывается в версию, будто искусство здесь все-таки есть, пусть и для узкого круга. Ключевое слово тут — «осень». Здесь, как и наверху, попросту не бывает смены времен года — иначе следует признать, что песня сочинена еще до Шторма. Наверху всякие упоминания о временах года, особенно снеге и вьюге, прямо запрещены так давно, что выпали из употребления, сохранившись разве что в крестьянских песнях Каталаунского хребта, где изначально позволяли себе легкие вольности ввиду отдаленности от начальства и сыскарей.

А вот в летающих замках подобные песни до сих пор в ходу — да и музыкальные инструменты подозрительно знакомы. Вывод незамысловатый и наверняка верный: кто-то — да барона хотя бы взять — припер эту музыку не просто сверху, не просто... Таковую запись можно раздобыть только у ларов — ну, или в крайнем случае у кого-нибудь из дворян на земле, самым тесным образом связанных с ларами. Хотя это и запрещено, иные благородные лары и лариссы дарят любовницам и любовникам, а то и старым собутыльникам (пример с принцем Элваром) некоторые милые пустячки наподобие музыкальных записей, «вечных» зажигалок, имперской косметики. И прочие мелкие сувениры. Соответствующие службы империи обычно на это смотрят сквозь пальцы, если только соблюдается должная конфиденциальность, что Сварог знал по личному опыту: к нему в восьмой департамент поступала порой информация о подобных подарочках, и ее по давней неписаной традиции полагалось класть под сукно...

Вот это уже серьезно. Лишнее доказательство того, что кто-то у Токеретов

(уж не тот ли, что сидит напротив?) завязал тесные связи либо с высокопоставленным земным дворянством, либо... Либо, наберемся смелости выдвинуть и такую версию, ухитрился как-то проникнуть за облака. Черт бы побрал эту Хартию Вольностей; которую давно пора изрядно подредактировать и безжалостно сократить...

— Ага, вот и его высочество, — сказал барон без малейшего волнения, прямо-таки равнодушно. — Вставать не нужно, встреча насквозь неофициальная, потаенная...

У их столика остановился рослый и плечистый молодой человек, одетый чуть роскошнее всех остальных, поднял руку, сверкнувшую доброй полудюжиной самоцветных перстней (явная дурновкусица по здешним меркам, ага):

— Прошу не вставать, господа и дамы, я здесь запросто, не будем разводить церемоний, да и для дела (он ухарски подмигнул) оно полезнее. Лучше я сам сяду, с вашего позволения. Ага, мушкамбер? Вовсе прекрасно.

— Я хорошо помню ваши вкусы, ваше высочество, — с легким поклоном ответил барон.

— Благодарю, благодарю. Вот попомните мои слова: если все пройдет гладко, сделаю я вас каким-нибудь коронным министром — сколько можно ходить в полковниках и вульгарно заниматься примитивным шпионажем? — и он подмигнул столь же многозначительно.

На лице барона явственно отобразилось легкое страдание:

— Ваше высочество...

— Молчу, молчу! — безмятежно сказал принц. — Ну конечно, конспирация и все такое... Помню, но вечно забываю... Ну не годится моя голова для всех этих сложностей, что уж там, не стыжусь признаться... Мушкамбер, я вижу, десятилетней выдержки? Прекрасно!

Он наполнил до краев пузатый, приличных размеров бокал напитком светло-коричневого цвета и, жмурясь от удовольствия выцедил до дна, словно минеральную водичку. «Силен, бродяга, — не без уважения подумал Сварог. В хорошем стиле принца Элвара». Сам он уже успел опробовать мушкамбер: в самом деле, недурной напиток, особенно выдержанный, аналог земного келимаса, этот сорт, переводя на мерки покинутого мира, крепостью градусов в сорок восемь — а вьюнош с ним разделался, как с компотиком, и непохоже, чтобы захмелел... Чувствуется большая практика и хорошая школа. Тут же наполнив бокал вновь, но отхлебнув один, не столь уж устрашающий глоток, принц Кауген с детским любопытством уставился на Сварога:

— Значит, вы и есть тот самый, легендарный... — он замолчал, сконфуженно улыбнулся, когда барон легонько кашлянул. — Молчу, молчу! В общем, очень рад познакомиться. Надеюсь, все у нас с вами пройдет прекрасно, барон уверяет, что так и будет... — он откровенно уставился на Мару. — Милейшая графиня, там, наверху, все столь же очаровательны, как вы?

— Всекие встречаются... — ответила Мара невозмутимо. И послала принцу такой взгляд вкупе с обворожительной улыбкой, что на лице принца появилась широченная глуповатая ухмылка.

Глядя на него, Сварог прилагал большие усилия, чтобы не ухмыляться самому. Действительность даже превосходила краткую характеристику, данную принцу бароном. Его высочество Кауген, за лигу видно, был прост, как две копейки. Простак из простаков. Весь какой-то нескладный, движения чуточку

неуклюжие, невероятно простецкое лицо с носом картошкой, прическа растрепана, соломенного цвета волосы так и торчат во все стороны, роскошный наряд сидит откровенно неуклюже, как на корове седло — а уж принца-то должны обшивать лучшие мастера, понаторевшие в искусстве кроем и пошивом скрадывать любые недостатки фигуры и осанки высокородного клиента... Ну что же, дэнго можно понять: этого следует, не мешкая и не раздумывая, делать марионеткой на троне, уж он-то не взбрыкнет и коварных замыслов питать не станет, в отличие от старшего братца. Литга, хотя и марионетка, все же чертовски умна, но этот... Наряди его в простое мужицкое платье из домо-тканины, дай в руки вилы — и никто, даже самый проницательный, не отличит от деревенского вахлака...

Сварог все же ухмыльнулся — про себя. Припомнил старый анекдот, рассказанный, кажется, принцем Элваром. Некий король не самой крохотной державы в окружении блестящего кортежа едет мимо обычного крестьянского поля, на котором ковыряется с мотыгой обычный мужик самого затрапезного вида. Оказавшись совсем близко, и свита, и сам король с легким обалдением обнаруживают, что мужик этот похож на его величество как две капли воды — ну вылитый! Если поменяться одеждой, ни за что не отличить! Его величество, решив тонко пошутить, придерживает коня и спрашивает согнувшегося в почтительном поклоне землероба:

— Любезный, твоя матушка, часом, при моем дворце не служила в свое время?

Мужик простодушно отвечает:

— Матушка-то нет, а вот батюшка когда-то десять лет у вашего величества конюхом прослужил...

Разделавшись со вторым бокалом (и лишь легонько покрасневшись после сего свершения), принц энергично сказал:

— Скучно что-то сидеть, хоть и мушкамбер отличный... Не потанцевать ли нам, господа и дамы? Обожаю танцы! Барон, вы бы не могли устроить что-нибудь такое... полиричнее и помедленнее? Что-нибудь из уважения к нашей очаровательной гостье... — он встал и неуклюже протянул руку Маре: — Вы позволите, графиня?

Мара, улыбаясь, встала. Барон сделал какой-то знак неизвестно кому — и под каменным сводом зазвучала натуральнейшая фарагуда. Никаких сомнений, прихваченная на Харуме, и довольно давно: несколько пар, вставши из-за столиков в разных углах зальчика, очень уж привычно исполнили первые фигуры медленного танца. Надо признать, и у принца получалось неплохо — каким бы простаком ни был, а танцор, сразу видно, хороший. Сварог встрепнулся — барон обращался к нему:

— А вы не хотите потанцевать, граф?

— Чуть погода, — сказал Сварог.

— Как пожелаете, — тоном радушного хозяина сказал барон. — Если все же решите, я рекомендовал бы обратить внимание на девушку в зеленом платье, вон ту, золотоволосую, — с тонкой улыбкой он добавил: — роскошная партнерша... во многих смыслах.

Сварог присмотрелся с соблюдением светских приличий. Та самая из девичьей троицы: за недальным столиком, разве что оставшаяся сейчас в одиночестве — ее соседок увели танцевать Бони с Паколетом. Действительно... Рос-

кошныи золотые волосы красивыми прядями струятся чуть ли не до пояса, платье подобрано им в тон, а украшения сплошь с изумрудами, идеально гармонизировавшими с цветом больших, отчего-то чуточку печальных глаз. Вообще, вид у нее был чуточку грустный.

— Кто-то из Восьми Семейств, я так понимаю? — светски поинтересовался Сварог.

— Берите выше, — ответил барон словно бы даже с некоторой небрежностью. — Принцесса Гайния, младшая сестра принцев.

— Принцесса? — искренне удивился Сварог. — Вы никогда не говорили, что есть еще и принцесса.

— Совершенно упустил из виду... — словно бы с легким смущением ответил барон. — Это все наши старинные традиции и уклад... Я ее совершенно не принимал в расчет, как любой на моем месте, поскольку никакого значения она, собственно, не имеет... Видите ли, граф, у нас мужское общество. Женщины, какое бы положение они ни занимали... ну, никак нельзя сказать, что бесправны вовсе, однако крайне ограничены в правах, гораздо больше, чем у вас, наверху. Ни малейшего права на какую бы то ни было самостоятельную Деятельность. Если король умирает, не оставив совершеннолетнего наследника или не оставив его вовсе, королева не имеет права оставаться на троне и править, она обязана удалиться в отдаленное — конечно, отнюдь не убогое — имение и доживать там. То же касается вдов любого другого сословия, от высшего дворянства до захудалого крестьянства. Всегда подыскивается ближайший родственник мужского пола, который и берет на себя управление наследством, будь то королевский трон или жалкая овчарня. Принцесс по старинной традиции всегда выдают замуж за кого-нибудь из Восемнадцати Семейств, а то и дворянина пониже, как уж сложится. Не буду хвастать, но у меня в роду — три принцессы трех разных династий...

Сварог усмехнулся:

— Если подумать... При таких традициях отыщется куча народу, имеющего пусть зыбкие, но все же права на престол...

— Совершенно верно, — кивнул барон. — Если прикинуть... уже семействах в пятидесяти, — его улыбка стала жестче. — Ко всему прочему, это еще, признаюсь вам по секрету, неплохой метод покрепче держать в узде правящую династию. Человек делается гораздо покладистее, когда помнит, что имеется с полсотни людей, которые в любой момент совершенно законным образом — ну, или почти законным — могут заменить его на троне...

— И тем не менее нынешний король, да и старший принц, порой взбрыкивают, а?

— Случалось, и не раз, — серьезно ответил барон. — Но с этим всегда находили способ управляться, а уж тем более в сложившейся ситуации... И все же, какое впечатление на вас произвело принцесса?

— Очаровательное создание, — искренне сказал Сварог.

Ага, вот чем объясняется издали заметная легонькая грусть во всем ее облике — уже уяснила свое незавидное место в этой жизни. Значит, вот какие порядочки они у себя завели. Как это еще до паранджи не додумались...

— Но ведь в военном флоте женщины служат? — спросил он. — И в науке и технике работают, вы сами как-то обмолвились...

— Ну, что поделать, — пожал плечами барон. — И от женщин в этих обла-

стях есть серьезная польза. Другое дело, что во флоте женщина никогда не поднимется выше сержанта, а в науке и технике останется на самой низкой должности... какой бы в реальности важный пост они ни занимали и сколь серьезными проектами ни руководили бы. Старинные традиции, не нам их менять... Вас это, случаем, не коробит?

— Ну что вы, — сказал Сварог. — Никогда не чувствовал себя борцом за права женщин... У всех свои традиции.

И подумал: а ведь традиции эти должны в печенках сидеть у баб, особенно умных, деловых, носящих погоны, занятых в науке или какой-то области техники. Будь настрой на долгую игру, эти противоречия непременно следовало бы использовать на полную, но не стоит размазывать долгие игры... Он оглядел зальчик — стараясь, чтобы со стороны это выглядело не более чем ленивым любопытством. Светильники пригасли, стоял полумрак — но он без труда рассмотрел в дальнем углу Мару с принцем. Полная и законченная идиллия, вперехлест через клюз Фарагуда звучит уже, кажется, в третий раз, Мара безмятежно колыхнется в объятиях принца, никак не реагируя на то, что его ладони покоятся не на талии, а гораздо ниже, смотрит ему в глаза с самой обворожительной улыбкой, что-то то ли отвечает, то ли спрашивает — там у них идет самый оживленный разговор. Ладно, одернул он себя, нечего психовать, ничего страшного: уж из этого она в два счета вытряхнет все тайны, какие только у вахлака найдутся. Работа, и не более того Вот только грабли слишком нагло расположил, скот... И прижимает слишком нахально — что правила фарагуды, впрочем позволяют... Ага, вон и Леверлин танцует с какой-то черноволосой красоткой — само олицетворение галантности и вежливости, улыбается, на ушко что-то веселое шепчет: тоже работает человек, и неплохо. Вот и будем брать с него пример, оставаться хладнокровным..

— Вы позволите пригласить вас? Вы ведь должны хорошо уметь это танцевать, это ваш танец...

Спохватившись, он поднял голову. У столика стояла принцесса Гайния, выглядевшая словно бы чуточку робко. Барон изображал лицом самое доброжелательное поощрение. Недолго думая Сварог встал — ничего не поделаешь, коли уж ситуация требует будем крутиться в вихре светских удовольствий... Интересно, показалось ему, иди нет, что барон только что сделал ей некий знак, еще когда она сидела за столиком? Может и не показалось... Бедная девочка, помыкают ею, как куклой, ага...

А вот этого не надо, резко одернул он себя, в рамках приличий прижимая к себе девушку в ритме бесконечной фарагуды. Не стоит видеть хоть в ком-то из них живых, наг стоящих людей, они не люди — куклы, порождение кошмарного сна, которому жизни осталось всего ничего... Ты об одном должен помнить: Морская площадь, дымная полоса над толпой, глухой хлопок взрыва... Один за другим тонут корабли уходящей от Батшевы эскадры, корабль адмирала Амонда, не сбавляя хода, следует своим курсом прямо по Чернеющим в воде головам. Мертвецы с синими раздутыми лицами, вповалку лежащие на пирсах и в крепостном дворе Батшевы...

— Вам Не нравится у нас? — тихо спросила Гайния; снизу вверх глядя ему в глаза с тем же робким любопытством.

— Почему вы так решили?

— У вас лицо... какое-то грустное.

— Просто изрядно устал, ваше высочество, — сказал он как мог беззаботнее. — Было столько дел.

— Да, я понимаю... — видно было, что она колеблется.

Но все же в конце концов прижалась теснее, прошептала на ухо: — А скоро это будет?

— Что?

— Мы скоро сможем уйти наверх??

— Совсем скоро, — сказал Сварог.

И жестко добавил про себя: вот только не наверх, а, учитывая вашу сущность — в никуда...

И тем не менее... Сейчас он, как ни старался, не мог вызвать в себе должную злость. Обстановка не способствовала. Вроде бы самая обыкновенная девушка в объятиях — очаровательная, хрупкая, послушно подчинявшаяся его движениям... И эти огромные зеленые глазищи, любопытные и печальные... Ну давай, давай, сердито посоветовал он себе. Размякай душой окончательно. Настолько/ что откажешься от всех планов — только потому, что с тобой танцует красивая кукла без души... Нет уж, братец, поздно отступить, да и нельзя...

— А это правда очень красиво — закат и рассвет? — с нешуточным любопытством спросила принцесса.

— Честно говоря, как-то давно уже не выпадало времени любоваться закатами или рассветами, — сказал Сварог чистую правду.

— Ну да, вы должны настолько привыкнуть, что и внимания не обращаете на эту красоту...

Она лепетала что-то еще, но Сварог уже не слушал. Смотрел через ее плечо в дальний конец зальчика, хуже всего освещенный. И прямо-таки скрипнул зубами.

Там, в углу, темнел слабо освещенный сводчатый проход — и в него как раз уходили Мара с принцем — в обнимку, тесно в прижавшись друг к другу, рука вахлака лежала уже не пониже талии, а пониже куцего подола, слышался беззаботный смех Мары, уверенный басок Принца — и они окончательно скрылись с глаз. Взрослому человеку в такой ситуации нет нужды ломать голову, о чем все должно закончиться, а? Паршивка рыжая. Решила работать по полной. Как тогда, в Равене. И на завтра ведь — опять-таки, как тогда в Равене — будет совершенно искренне изумляться его злости, снова заявит, что это работа и не более того, милый, дорогой, любимый, единственный... И, самое печальное, будет искренне убеждена в своей правоте.

И что теперь прикажете делать? Бросаться вслед, хватать за локоть, уводить? Нельзя, нельзя, это как раз тот случай, когда следует засунуть подальше оскорбленное самолюбие и прочие чувства, думать только о деле... Дорога королей, а? Ну да, она самая, черти бы ее побрали...

Фарагуда смолкла, в зальчике стало гораздо светлее. Танцевавшие возвращались за столики. Проводив принцессу к ее месту, Сварог притворился, будто не замечает Явственно читавшегося в ее глазах желания продолжить разговор, вернулся за столик к барону. Весь кипел внутри, но старался ни за что этого не показать. Налил себе мушкамбера вполне пристойную дозу и выпил вполне культурно, не то что принц Элвар или принц Кауген Хотелось стрелять, но какой в этом смысл? Остается, стиснув зубы й Четко печатая шаг, ша-

гать и шагать по бесконечной дороге королей, самой жестокой дороге на свете... Ведь что самое поганое? Да то, что к ревливой злости явственно пришивается сейчас холодная, насквозь деловая мысль: а что, если ей и в самом деле удастся вытянуть из простака какие-то полезные тайны?

— И каковы ваши впечатления от принцессы? — с легонькой ноткой фривольности поинтересовался барон.

— Очаровательна, — кратко ответил Сварог.

— Не хотите ли продолжить знакомство? — с той же фривольностью поинтересовался барон. Поверьте, здесь не будет никаких сложностей. Я хочу, чтобы вы, почетный гость, отдохнули и развлеклись насколько возможно, прежде чем настанет черед серьезных дел...

— Благодарю вас, — сказал Сварог. — Быть может, чуточку попозже. У меня уже замечательный отдых — расслабиться, сидеть и попивать ваш великолепный мушкамбер...

— Что же, не буду навязчив... Вот кстати! Как вам его высочество принц Кауген?

— Болван редкостный, — сказал Сварог. — Но, я полагаю, вам именно такой сейчас и необходим?

— Ну, конечно же, — усмехнулся барон. — Уж этот ни малейшего беспокойства не доставит. Великолепный образчик идиота... Вот Хаутил — это хищник, умный, добавлю, хищник, и оттого вдвойне опасен. А этот преспокойно может сидеть на троне лет пятьдесят... Вы что-то нахмурились.

— Я просто подумал... — сказал Сварог. — Болван-то он удобный, но с другой стороны... Он же не сможет удержать при себе ни одной серьезной тайны, разболтает все...

— Помилуйте! — поднял брови барон, в его голосе явственно прозвучала легкая брезгливость. — Ну подумайте сами: кто бы стал делиться с этим болваном какими-то ни было серьезными тайнами Он всего-навсего знает, что готовится, и какая роль ему отведена. А уж этим он ни с кем делиться не станет, он законченный простак, но не полный идиот, да и инстинкт самосохранения сработает... Так что не беспокойтесь на этот счет...

Он говорил чистейшую правду, Сварог это, как всегда, определил без труда. Но лучше от этого не стало, наоборот. Наверняка он искренне пытался успокоить Сварога, но на деле лишь рассердил. Сварог злился из-за того, что Мара ушла с этим, — а теперь еще добавилось злости оттого, что, как совершенно точно выяснилось, она на это пошла ради пустышки. Самой следовало бы раньше подумать, дуре: ну кто будет посвящать этого в секреты, требующие такого именно способа их выведать?

Его теперь злило абсолютно все: и радушное гостеприимство барона, ставшегося подложить ему принцессу и не ради каких-то коварных интриг, а по принципу «все для кунака», злили бравые сподвижники, отплясывавшие с красотками, злили незнакомые усатые рожи за ближайшими столиками, бросавшие на него любопытные взгляды, когда им казалось, что Сварог этого не замечает. Украденная наверху музыка, роскошь вокруг — все злило. Означало ли это, что он не отдался полностью Дороге Королей, и в душе еще осталось что-то человеческое? Скорее всего... Хотя, кто его знает... В конце-концов, никто и ничто ему не мешало все же догнать быстрым шагом, уходящую парочку, разыграть ревнивца, вернуть ее за столик? Плевать, что это принц, Сварог

для барона ценнее сотни таких вот принцев, он моментально все уладил бы. Но Сварог — давай уж честно признаемся самому себе, ваше величество? — предпочел внушить себе, а будто ничего не может поделаться. Так что все же — Дорогу Королей (эти слова теперь, пожалуй, мысленно придется писать с большой буквы).

Он чуточку презирал себя — и это тоже ЗЛИЛО...

Барон осторожно спросил:

— Все в порядке? У вас вдруг стало какое-то особенное лицо, и выражение его меня отчего-то тревожит...

Сварог вдруг с ходу, толчком придумал отличный способ убраться отсюда, не вызвав ни малейших подозрений.

— Как вам сказать... — произнес он тихо, доверительно, — самую чуточку нездоровится...

— Нужен врач? — с нешуточной озабоченностью спросил барон.

— Нет, — сказал Сварог. — Врач здесь не поможет. Ладно, вы со мной открытвенны, насколько возможно в данной ситуации, я это ценю и, в свою очередь, не стану кое-что скрывать... Вы о нас, верхних, довольно много знаете, так что, я уверен, поймете. Я ведь располагаю определенной магией, вам это должно быть известно...

— Речь идет о магии ларов? — уже скорее с любопытством спросил барон (судя по лицу, у него заработали профессиональные рефлексy).

— Ну, разумеется, — сказал Сварог. — Другой как-то не обучен... Может, вы знаете еще, что в Хелльстаде магия ларов не действует? Перестает действовать?

— Знаю.

— Вы хороший разведчик, — усмехнулся Сварог.

— Стараюсь, — в тон ему усмехнулся барон. — Служба такая...

— Короче говоря, когда магия лара перестает Действовать, испытываешь нечто схожее с недомоганием, — сказал Сварог доверительно. — Какие бы аналогии подыскать... Вялость, тоска, депрессия... В свое время, когда я обосновался в Хелльстаде, это трепало несколько дней. Потом прошло, привык, должно быть, адаптировался. Не ожидал, что снова... Видимо, все дело в том, что здесь не просто Хелльстад — еще и земные недра... В общем, я бы пошел полежать. Пара бокалов на ночь, и станет полегче. А сейчас, простите уж, настолько скверно на душе...

Барон покивал с самым сочувствующим видом но где-то в глубине глаз все же читалось совершенно иное чувство: вполне, понятная радость разведчика, внезапно без малейших усилий получившего информацию, которую считал ценной.

— Проводить вас, граф? — спросил он предупредительно.

— Нет, что вы, — сказал Сварог. — Не настолько уж все скверно, просто тоска... Покажите только, как открывается здешняя потайная дверь. Мои люди пусть и дальше развлекаются как хотят. Им легче, они-то не лары...

Барон встал первым, проводил его наверх, коснулся какого-то позолоченного завитка на затейливой лепнине, и распахнулась потайная дверь. Сказал задумчиво, словно бы самому себе:

— Тоска излечивается не только бокалами... Желаю вам побыстрее... выздороветь.

Оказавшись в своих апартаментах, Сварог собрал и швырнул на спинку кресла роскошный камзол, плюхнулся в другое. Налил себе до краев бокал мушкамбера (какого-то другого сорта — не светло-коричневого, а темно-янтарного цвета), опростал одним духом. Злость не проходила. И, если можно так выразиться, вприпрыжку пустил мысленный взор по окрестностям ресторанчика — где, конечно, же, обнаружилась добрая дюжина роскошных апартаментов. В одних свет не горел, и никого там не было, в других наличествовали увлеченные друг другом парочки — но той; что он искал, все не было. Смешно, но у него теплилось наивное, он сам прекрасно понимал, желание: а вдруг все обойдется? И Мара с присущим ей умением сведет интимную встречу к простой болтовне, а там и ускользнет под благовидным предлогом?

Держи карман шире... Дорога Королей не шутит, дорогой мой, и жалости не знает... Роскошная спальня, огромная овальная постель, белая, на ней обнаженная Мара в объятиях столь же не обремененного одеждой принца, процесс в разгаре...

Побыстрее убравшись оттуда, Сварог налил себе еще. Хотелось, чтобы вокруг грохотало и ревело, чтобы трещало пламя и все живое разбежалось, чтобы...

Дилинь-дилинь-дилинь!

Кого еще черт принес? Пройдя к двери энергичной злобной походкой голодного хищника, Сварог нажал клавишу. За дверью стояла очаровательная принцесса Гаиния, по-прежнему выглядывшая чуточку печальной.

А почему бы и нет? — сердито подумал Сварог. — Если вы так, то мы можем и этак, тоже, знаете ли, скучать не будем...

И открыл дверь. Принцесса вскинула на него зеленые глазищи, тихо сказала с ненаигранной вроде бы с робостью:

— Я решилась прийти...

Врала, конечно. То-то барон на прощанье обронил, что тоска излечивается не только бокалами. Но, в конце концов, какая разница?

— Прошу вас, — он посторонился. Не без легкого цинизма подумал, что принцессу как-то даже и не положено с порога тащить в спальню, необходим минимум светского обращения. — Садитесь. Что выпьете?

Она указала взглядом на высокую бутылку красного вина. Сварог со всем политесом наполнил бокал. Красавица неспешно, но целеустремленно осушила его до половины. Сидела, сдвинув колени, будто первоклассница — не то что там, в ресторанчике, где преспокойно закидывала ноту на ногу. Как ни пытался Сварог вызвать в душе злость и к ней, плохо получалось. Стояло неловкое молчание, самому ему ни о чем не хотелось говорить, а принцесса помалкивала — скромница, чтоб ее, невинное создание, ага... Что-то плохо верится.

Наконец она подняла глаза, произнесла с таким видом, словно долго не решалась заговорить:

— Некоторые у нас говорят... Как вы считаете, мы сможем обрести душу, оказавшись... там у вас, наверху?

Сварог в этом сомневался, и крепко. Не верилось как-то. Душа человеку дается при рождении, и никак иначе — уж это-то он из разговоров с братьями-монахами и отцом Груком накрепко уяснил. И тем не менее... И тем не менее он поймал себя на том, что искренне жалеет эту в прямом смысле слова

безддушную куклу, ничем на вид не отличавшуюся от обычного человека. Мысль эту, конечно, следовало прогнать подальше: пожалеешь одну, начнешь жалеть других а там и всех — ну, почти всех...

Все же он сказал, стараясь, чтобы его голос звучал как можно более убедительно:

— Некоторые у нас считают, что именно так и будет обстоять. В глазах у нее мелькнула неприкрытая радость:

— Правда? Вот хорошо... Жутковато бывает, когда знаешь, что потом не будет ничего...

Ладно, сказал он себе, представь, что тебе все это снится. Одного из персонажей твоего сна можно и пожалеть, это ровным счетом ни на что не влияет... Позволяет остаться спокойным и хладнокровным, четко печатающим шаг по Дороге Королей. Сон, и все тут, мало ли какими реалистичными выглядят иные сны...

Принцесса отставила бокал и встала. Опустила глаза. Все сон, еще раз напомнил себе Сварог, медленно поднялся, подошел к ней и положил руки на плечи, притянул. Она подчинилась, шепнула на ухо:

— Пойдемте в спальню...

Глава X

Сюрпризы чередой

Вопреки легкому беспокойству, ночная гостя никаких особенных беспокойств не доставила, так что и лицедействовать не пришлось. После всего она (чего Сварог терпеть не мог) она не стала плести никаких романтических бредней и не пыталась у него ничего выведать. Так что пришлось согласиться: барон ее подослал не в качестве агентессы, а просто-напросто принимал гостя по полной программе. Правда, одно время она, хоть и достаточно робко, принялась задавать вопросы о верхнем мире: но именно такие, какие могут быть продиктованы именно любопытством. Сварогу не особенно и хотелось читать ей подробные лекции о внешнем мире, и он отделался — не моргнув глазом, ответил: слишком долго было бы рассказывать о том и об этом, ты сама все равно скоро многое увидишь, милая... Она особенно не настаивала: оказалась не то что особенно робкой, но, конечно же, давно уяснила положение женщины в этом мире, и свое собственное тоже. Так что сон оборвался на рассвете — с провожанием до двери, поцелуем в щеку и заверением, что все будет хорошо.

Оставшись один, он подошел к окну. Наступал серый, мутноватый рассвет, окружающий мир выглядел как-то мрачновато, даже охранник с собакой, лениво проходивший по дорожке поодаль, выглядел так, словно отбывал досадную повинность (то же самое выражение удивительным образом читалось и на морде собаки). Вновь вернулась злость на все, учиненное вчера Марой — но какая-то уже устоявшаяся, скорее зудящая, чем болезненная. Он подумал — точнее, вспомнил, — сколько девиц оприходовал со времен знакомства с Марой. И она ни разу не высказывала ни малейших претензий, наоборот, иных сама отправляла в королевскую спальню. Не умела ревновать, и все тут. Так что справедливости ради следовало и ему один-единственный раз стиснуть зубы и потерпеть — тем более что все происходило в интересах дела, как то-

гда, в Равене...

Он пробежался по апартаментам Мары — и нигде ее не обнаружил. Спать что-то не хотелось (может, и впрямь некая адаптация к Токерангу пришедшего сверху человека), развалился на роскошной постели и отправил мысленный взор туда; куда и раньше хотел заглянуть, но не нашел времени: в один из исполинских ангаров базы подводных лодок.

Странный оказался какой-то ангар. Начать с того, что туда вел отдельный туннель — никак не сообщавшийся с тем помещением, где расположились боевые субмарины, — но охранявшийся, пожалуй, даже крепче, чем первый. В отличие от базы боевых подлодок, где добрая треть эллингов оставалась незакрытой, здесь стояли на швартовах все тридцать две лодки — и каждая не менее чем на треть длиннее боевой. И что самое интересное, все они до одной, такое впечатление, были не боевыми. Конечно, были и спаренные носовые орудия, и торпедные аппараты, но у каждой позади овальной рубки имелся один-единственный грузовой люк, наподобие того, что был и у него на Рагнароке. Голову прозакладывать можно, лодки все до одной грузовые. Причем возле них, в том потаенном ангаре не было ни малейшей суеты: ни грузовиков, ни погрузчиков, ни матросов. Разве что там и сям идеально расхаживали часовые, и было их гораздо больше, чем в отсеке боевых. Попробовал заглянуть внутрь одной — умение не подвело и здесь. Посмотрел вторую, третью. Действительно, в корме не видно к боевым частям — только обширные грузовые трюмы, а в некоторых еще, в носовых отсеках — еще и самые настоящие салоны, с креслами, чересчур удобными для простых моряков... Интересно, на что это такое он наткнулся? Обычные грузы, он давно убедился, как раз и перевозили на боевых подлодках, вовсе не снабженных подобными удобствами для путешественников (хотя роскошные кают-компании для офицеров, конечно же, и там имелись). Или это кто-то из дэнго порой выбирается на экскурсии наверх с большим комфортом, как истинным владельцам страны и полагается?

Он встрепнулся, когда часть сознания, оставленная словно бы на страже, подала сигнал. Торопливо оделся, вышел в коридор и, не колеблясь, нажал клавишу звонка в апартаменты Мары, когда увидел, что она, в роскошном белоснежном халате до пят, вышла из ванной с самым безмятежным видом, села в кресло, налила себе золотистого вина.

Мара открыла сразу же, с безмятежной улыбкой, как будто ничего вчера и не произошло, впустила его, кивнула на свободное кресло:

— Выпьешь что-нибудь? Сердишься, конечно? Не забыл, что я тогда тебе говорила в Равене? Ты у меня один, а если временами, очень редко, что-то и случается, то исключительно для пользы дела... Ну, не смотри ты на меня так, я же никогда не ревновала ко всем твоим девкам и не намерена этого делать впредь. Мало ли как в жизни оборачивается... Ты бы без меня, скоро сам признаешь, блуждал бы в потемках неизвестно сколько времени... Поблагодарил бы лучше.

— Благодарю, — сказал Сварог не без язвительности. — Интересно только, за что? Какие такие секреты можно вызнать у этого простака, которого никто не принимает всерьез? Даже те, кто его намерен использовать по полной?

— Ты ему дал удивительно точную характеристику, — сказала Мара, глядя на него поверх бокала с загадочной легкой улыбкой, в которой что-то не заме-

чалось ни тени раскаяния, ни разочарования. — Впрочем, в точности как и остальные здесь, включая всемогущих и вездесущих дэнго. Ах, как он вас всех купил простачок с соломой в волосах, в том числе и тебя тоже, не говоря уж о бароне... В общем, все эти вынужденные постельные кувыркания того стоили. Знаешь, то, что тебя так злит — да, злит не на шутку, по глазам вижу — заняло относительно мало времени. В основном мы говорили о крайне серьезных делах... — она помотала головой с тем же сыгранным выражением. — Знаешь, он меня порой даже чуточку восхищает, не как мужчина, конечно, не бери в голову. Как человек/ ухитрившийся долгие годы носить маску безобидного, туповатого, никому не опасного дурачка.

— Маску? — вырвалось у Сварога.

— Вот именно, — кивнула Мара с ангельской улыбкой. — Это и есть главный заговорщик здесь, человек, твердо намеренный не просто свергнуть дэнго — уничтожить всех до одного. Едва прознал о проекте «Нормальный размер», приступил к делу. Только, в отличие от старшего братца, вовлекавшего в заговор прямо-таки рядами и колоннами, а потому терпевшего поражение за поражением, людей подбирал с большим разбором. Потому сих пор и не разоблачен, мало того, выбран на роль удобной марионетки. Десятка полтора человек, в основном на ключевых постах. Классический «спящий заговор», тебе напомнить, что это такое?

— Не стоит, — мрачно сказал Сварог.

Интагар его в свою время хорошо учил — и начальники других тайных служб внесли свою лепту...

«Спящий заговор» — кошмар любой тайной полиции. И успеха достигает сплошь и рядом гораздо чаще, чем обыкновенный. Узкий круг людей, которые собираются в случае очень уж крайней необходимости, когда в диспозиции нужно изменить что-то важное. Обычно такой заговор не растет ни вширь, ни вглубь, что до предела затрудняет подвод к нему агентов. Его члены не просиживают по уединенным подвалам и прочим романтическим местечкам, не устраивают шумных собраний с проклятьями тирану, не размахивают длинными сверкающими кинжалами, не оставляют планов на бумаге. Они просто-напросто ставят перед собой конкретную цель, идут к ней потаенно и неотвратимо, как термиты, — и однажды в самый неожиданный момент наносят удар, как правило, достигающий цели. Конечно, и такие заговоры порой удается разоблачить — но раз в десять реже, чем обычные. В чем за последние двести лет убедились на своем печальном опыте не менее десятка коронованных особ и временщиков фаворитов, сидевших, казалось бы, прочнее некуда...

— Что, плохо верится? — деловито спросила Мара. — Мне тоже сначала верилось плохо, но это очень быстро прошло, когда речь зашла о деталях и подробностях. Очень уж разительный контраст между внешним обликом и острейшим, коварным умом... Все продумано. Между прочим, даже одежда на нем сидит так нескладно оттого, что старый верный портной давненько ее шьет с легонькими изъянами — последний штрих к завершению образа недалекого простака... Чего он хочет от жизни, тебе, надеюсь, уже понятно?

— Да где ж тут не понять... — сказал Сварог. — Хочет, выйдя наверх, стать единоличным королем. Без всяких надзирателей, опекунов и прочих кукловодов. Считает, что тебе не в пример выгоднее иметь дело с одним-единственным вассалом, чем с кучей амбициозных магнатов... По-моему, тут он прав, а?

— Абсолютно, — сказал Сварог с жестким лицом. — Дэнго — это вещь в себе, контролировать одного-единственного вассала не в пример легче...

— В общем, раньше у него были какие-то другие планы. Он не стал о них подробно рассказывать, лишь заметил мимоходом, что теперь они устарели. Теперь — это когда явились мы. И сейчас он хочет, чтобы мы перебили дэнго к чертовой матери, нам это сделать, согласись, не в пример легче, чем кому бы то ни было другому. Ну, а остальное он берет на себя — сделать так, чтобы роды дэнго навсегда лишились возможности мстить и ничем уже не смогли воспрепятствовать. Чтобы от дэнго и след простыл.

— Так-так-так... — усмехнулся Сварог, — если я правильно понимаю, это будет что-то вроде Чедоварской резни? Когда под нож пошли все — и всеильный вроде бы фаворит, и его обсевшая высокие посты родня и, наконец, те, кто слишком много теряли со сменой фаворита?

— У меня тоже создалось такое впечатление, — безнадежно сказала Мара. — А еще создалось впечатление, что Для этого якобы простака с острым, как бритва, умом, переступить через труп — все равно что переступить через бревно. Не обвинуясь количеством трупов. Он не вдавался в детали. Он просто улыбнулся и небрежно обронил: «В конце Концов, их будет не так уж слишком много». И улыбочка при этом была такая, что холодок по коже... Что скажешь?

— Что нам гораздо выгоднее иметь дело с одним-единственным честолюбцем, — сказал Сварог. — А не с советом из восьми, которые еще и могут не прийти к одному мнению и за которыми стоят немаленькие роды. Хотя... и за ним наверняка кто-то стоит.

— Уж это безусловно, — сказала Мара. — Наверняка те самые обделенные властью Десять Семейств — но пройдет слишком много времени, прежде чем они хотя бы отдаленно сравняются властью с дэнго — да и невозможно это по чисто техническим причинам.

— То есть?

Мара прищурилась:

— Тебе не приходило в голову, как это дэнго удалось так долго и надежно удерживать власть?

— Давненько голову ломал, — признался Сварог.

— Я тоже, — сказала Мара. — Такого просто не должно быть, никакая группа лиц, пусть влиятельных, запустивших щупальца куда только возможно, не смогла бы удержаться так долго. Так вот, он, видимо, решив поставить все на карту, мне этот секрет выдал. Понимаешь ли, существует так называемая Машина Последнего Дня. Техническое устройство, способное начисто уничтожить Токеранг.

Чтобы пустить ее в ход, нужно одновременно вставить восемь ключей... сам догадаешься, кто их постоянно носит на шее? Собственно говоря, это не такой уж страшный секрет, его знает практически все дворянство и многие из простонародья: что дэнго, вставив каждый свой ключ, способны уничтожить Токеранг. Весь. До основания. Он даже подробности рассказал... Когда-то, столетия назад, это был мощный ядерный заряд, заложенный неизвестно где. Но потом появился кто-то особенно умный, с большим знанием человеческой психологии. Видишь ли, ядерный заряд — это некая абстрактная опасность, с течением времени переставшая пугать всерьез. И они переделали Машину.

На участке Итела, проходящем над Токерангом, заложены на дне заряды самой обычной взрывчатки. Восемь таларских лиг в длину, шириной от восьмисот до девятисот ударов — в зависимости от ширины реки. Работы начались примерно сто двадцать лет назад и продолжались не менее сорока. Они построили уйму подводных аппаратов, усилия и жертвы были громадны — но у них тут не считаются с усилиями и жертвами, одна постройка базы подводных лодок чего стоит... Пояс смерти, как его еще называют, постоянно проверяется, подновляется, содержится в идеальном порядке, за это отвечает небольшая контора, возглавляемая, нетрудно догадаться, дэнго. Одним словом, достаточно поворота восьми ключей — и в «потолке» образуется провал. По расчетам, чтобы полностью затопить Токеранг, понадобятся неполные сутки... Одновременно с помощью каких-то устройств начисто уничтожатся все научные и технические Лаборатории Заречья — в пыль, в щебенку. Глушатся ядерные реакторы. От научных достижений Токеранга не остается ни детальки. Принц об этом не говорил, но я подозреваю, что задумано было все не только для устрашения страны; На случай возможного вторжения, отбить которое у них не хватит сил.

— Ну да, похоже на правду, проворчал Сварог. — С их милой привычкой взрывать ангары для подводных лодок... Где эта чертова машина упрятана?

— Вот этого принц не знает, — пожалала плечами Мара. — У меня, увы, нет твоего умения моментально отличать ложь от правды. Но есть сильные подозрения, что все же знает, сукин кот. Не зря он просто хочет, чтобы мы перебили дэнго — он хочет получить еще и ключи. В знак военной и нерушимой дружбы — принц говорил, что нам-то ключи ни к чему, а ему будет легче управлять страной, если станет известно, что ключи перешли к нему...

— Подожди-ка, — сказал Сварог, — но ведь Машину, в конце концов, не так уж трудно вычислить. Я слышал краем уха, что дэнго всякий раз собираются в разных местах, в условиях строжайшей конспирации, да и машина не стоит на виду, но все равно, при долгих и неустанных усилиях...

— Я пробовала кое-что прикинуть на скорую руку... — сказала Мара. — Вряд ли машина скрыта в каком-то особо глухом и потайном подземелье — им самим это затруднит туда доступ при непредвиденных обстоятельствах. И вряд ли они сами собираются в каких-то глубоких подвалах — по тем же причинам. Какая-то военная база, не обязательно расположенная под землей... Или роскошный великосветский притон вроде вот этого. Чье-то поместье, да что там, совершенно безобидное здание вроде Канцелярии уличного движения — с потайными входами и потайными комнатами... Они, мерзавцы, страшно предусмотрительны. Опять-таки многим известно, что Машина Последнего Дня будет работать исключительно тогда, когда в скважины одновременно будут вставлены восемь ключей. Если ее попытаются взломать каким-то образом, тут же и произойдет взрыв, так уж она устроена...

Есть еще какие-то секреты на ниве безопасности, но принц клянется, что их не знает, никто не знает, кроме дэнго...

«Или Паколета, способного открыть без ключей любой замок, подумал Сварог. В конце концов, и с виманой справился, а уж там техника была на порядок выше. Ну что же, кто сказал, что вода хуже ревущего пламени?»

— Что ты усмехаешься? — спросила Мара.

— Да просто подумал... — сказал Сварог. — Если этот хитрец в маске про-

стачка желает править единолично, это как-то не предусматривает наличия в живых ни его папеньки, ни старшего брата...

— Пожалуй, он и через них переступит, — кивнула Мара. — Нужно видеть его лицо, когда он позволяет себе сбросить ненадолго маску. Другой человек.

— И к какому же итогу вы пришли?

— Он хочет встретиться с тобой, — сказала Мара. — Он же прекрасно понимает, что именно ты все решаешь. Вот вы и будете — две высокие договаривающиеся стороны. Кстати, удобный случай подвернется послезавтра. На послезавтра назначена Большая королевская охота — барон говорил, и мы на нее приглашены. Ну, а уж на охоте, в пылу погони, двум всадникам легко оторваться от любой свиты и обговорить дела... Что ты нахмурился?

— Как бы твой принц не оказался даже хитрее, чем он есть, — сказал Сварог. — Откуда мы знаем, что он стремится вверх? Исключительно с его слов. Может, он по-прежнему хочет править именно здесь. Мы приканчиваем дэнго, отдаем ему ключи — после чего получаем клинок в спину — а он остается на троне...

— Но ведь в этом случае твоя Золотая орда...

— А откуда он об этом знает? — пожал плечами Сварог. — И почему не может решить, что это блеф? Ладно, я с ним встречусь. А там посмотрим, насколько он говорит правду и о чем умалчивает. Я просто просчитываю разнообразные варианты, как привык... Между прочим, здесь снова начинаются юридические крюкотворства, примечания мелким шрифтом и все такое прочее, касающееся магии столь же напрямую, как банковских контрактов. Я говорил с Грельфи перед отплытием. Сам он будет уверять, что не намерен причинять нам ни малейшего зла — но где-нибудь в коридоре с парой дюжин гвардейцев засядет вернейший лейтенанту получивший приказ перебить всех до одного, кто первым по коридору Пройдет. Ага, и так можно обойти, если ты не знала...

— И все равно, — сказала Мара. — Придется рисковать...

— А иначе зачем мы сюда заявились? — хмыкнул Сварог. — Будем рисковать, впервые, что ли? Машина Последнего Дня... Это интересно. Крайне.

— Что же, я хорошо поработала? — спросила Мара.

— Хорошо, что у ж там... — проворчал Сварог, поневоле глядя в сторону. — Значит, говоришь: Большая королевская охота... Не глупо.

Дилинь-дилинь-дилинь!

Сварог не спеша подошел к двери, сделал ее прозрачной и увидел в коридоре Леверлина. Торопливо повернул ручку. Войдя, граф с порога окинул прихожую многозначительным взглядом.

— Все в порядке, — сказал Сварог.

У него уже вошло в привычку, едва войдя в Свои апартаменты или к кому-то Из сподвижников, моментально глушить все «глаза и уши» — вдобавок и те крохотные микрофончики, что оказались укрыты в рукавах и воротниках всех без исключения мужских камзолов и женских платьев, начиная с военно-морской формы — ну что ж, барон был предусмотрительным профессионалом, и с этим следовало считаться...

Леверлин присел за столик, налил себе вина. Сказал без выражения:

— Есть интересные новости.

— Вот совпадение, — сказал Сварог. — А уж у нас-то... Вот что. Пусть сначала

ла рассказывает тот, у кого новости короче.

— Тогда, наверное, я, — сказал Леверлин. — Всех новостей у меня — одна записка.

Он запустил пальцы поглубже под алый обшлаг камзола, достал небольшой квадратик бумаги, аккуратно сложенный в несколько раз, подал Сварогу. Пояснил:

— Ну, коли уж ты мне велел держаться в образе... Пришлось весь вечер ухаживать за одной очаровательной белокурой стервой — танцы до последнего, спальня... Между прочим, учитывал все последующее, мне показалось, что это не я ее выбрал, а она меня...

— Женщины это умеют, — кивнул Сварог. — И что было дальше?

— А дальше, когда мы отправились в спальню, она сунула мне эту записочку за обшлаг. И тихим шепотом предупредила: «Отдадите лорду Сварогу». Добавила, что это крайне важно и секретно. И больше до утра не произошло ничего... необыкновенного.

— Интересно, — сказал Сварог. — Вот уж никогда бы не подумал, что здесь найдется дама, вздумавшая бы отправлять мне записочки...

Может быть, принцесса? — подумал он. — Мало ли что ей пришло в голову.

Проще всего было развернуть загадочное послание, что он и сделал. Небольшой листок мягкой бумаги исписан бисерным почерком. Пробежав его глазами, Сварог пожал плечами и негромко прочел вслух:

«Милорд! Две незнакомых вам, но безусловно расположенных к вам дамы хотели бы поговорить по крайне важному делу. Насколько нам известно, время завтрашнего дня до полудня у вас свободно. Ваше желание поехать осмотреть город ни у кого подозрений не вызовет. Ждем в одиннадцать часов пополудни у Зоологического музея. Синий автомобиль с гербом на дверцах. Ваш водитель — человек надежный».

Ниже тонюсенькими штришками, был изображен вышеупомянутый герб — довольно простой, а значит, из самых древних, как с гербами и бывает.

— Да уж, интрига запутывается, — сказал Сварог. — Особенно если учесть, что здешнее положение женщин им прямо запрещает впутываться в какие бы то ни было интриги... А у этих, изволите ли видеть, и мужчина в сообщниках... У кого-нибудь найдутся Соображения?

Судя по лицам сподвижников, у них не было и тени соображений. У Сварога, впрочем, тоже.

— Ловушка? — предположила Мара.

— А смысл? — пожал плечами Сварог. — Убить меня трудновато...

— Но при определенных условиях это и женщина может сделать, уточнила Мара.

— Не спорю, — сказал Сварог. — Ну что же, постараюсь держаться подальше, так, чтобы не достали кинжалом — а никаким другим способом меня не взять... Зоологический музей, насколько я помню — пристойное заведение в центре города... Вот, кстати. Когда вы оба разъезжали по городу, слезки за собой не засекли?

— Ни тени подобного, — уверенно сказала Мара. — Ни на улицах, ни в магазинах.

— На улицах я тоже не заметил, — сказал Леверлин. — И в библиотеке за

мною никто не топал.

— Ну, тогда будет логично предположить, что слезки не будет и за мной... — сказал Сварог... — Я поеду один. Кошка; что ты встрепенулась? Не надо простирать заботу обо мне до такой уж степени. Да и нашему любезному барону это может показаться подозрительным. Интересно, — повторил он. — Кто-то еще знает о нашей миссии, знает, кто я такой, и это, что добавляет странностей, женщины... Леверлин, как выглядела эта твоя белокурая прелестница?

Леверлин пожал плечами:

— Как классическая великосветская шлюха. С графским медальоном, одетая, как все они здесь...

— Никакая не зацепка, — сказал Сварог. — И ни о чем еще не говорит, а? Разве что... Есть одна интересная деталь. Я сам до сих пор представления не имел, что время с завтрашнего утра до полудня у меня свободно — а вот они это прекрасно знают. Любопытно, что они знают еще, чего я не знаю? В общем, нужно ехать, и никаких. Посмотрим...

Дилинь-дилинь-дилинь!

Сварог и этот раз Оказался первым у двери. Увидев в коридоре раззолоченного лакея, подумал с любопытством: неужели будут еще сюрпризы? Нет, непохоже что-то: профессионально бесстрастный благообразный тип в золотых позументах и самоцветных пуговицах низко поклонился:

— Господин граф, господин барон Лог Дерег просит оказать ему честь и позавтракать с ним в Зеленой Гостиной...

— С удовольствием, — сказал Сварог и вспомнил кое-какие сборники этикетов. — Мне следует переодеться?

— О нет, господин граф, здесь этикет не соблюдается особенно уж строго... разрешите проводить вас, господин граф?

— Пойдемте, — сказал Сварог.

Вполне возможно, это означало, что беззаботное безделье наконец кончилось — чему он был только рад.

Неторопливо шагая следом за раззолоченным лакеем, он все еще чувствовал, как где-то глубоко внутри король борется с человеком — но как-то уже крайне вяло, скорее по инерции. Человек по-прежнему злился на Мару —, а вот, король мог быть доволен: не устрой она эту затею, они неизвестно когда получили бы столько важной и секретной информации, что принц Кауген — не простак-марионетка, а умный и коварный интриган, заговорщик номер один в Токеранге. Что существует эта их Машина Последнего Дня, и восемь членов дэнго могут привести ее в ход восемью ключами. Приходилось теперь на ходу менять планы — ну, ничего особенно сложного или печального: хороший командир должен это уметь.

Зеленая Гостиная и в самом деле была выдержана в изумрудно-малахитовых тонах — и, судя по ее небольшим размерам, служила местом совещаний для крайне узкого круга лиц: всего-то четыре кресла у низкого столика. Значит, дэнго собираются все же не здесь... Ничего от будуара, ничего, что свидетельствовало бы о том, что здесь встречаются с женщинами — мебель откровенно делового вида, секретер в углу больше всего напоминает канцелярский шкаф, рядом с ним стол, на котором, сразу видно, удобно раскладывать бумаги и карты...

Барон встал ему навстречу, спросил, полное впечатление, с искренней заботой:

— Как вы себя чувствуете?

— Нельзя сказать, что прекрасно, — сказал Сварог. — Но, в общем, настроение бодрое и деловое. Отпустило, одним словом. Ну, это всегда ненадолго...

И вслед за радушным жестом барона, присел к богато накрытому столу. Есть не особенно и хотелось, поэтому он просто налил себе вина. Впрочем, барон тоже не выказывал желаний предаться чревоугодию: не прикасаясь к неизвестным роскошным яствам, тоже налил себе пол-бокала.

— Ну что же, нет смысла ходить вокруг да около, — сказал он решительно. — Через два часа; вам назначена встреча с дэнго. В полном составе, разумеется. Конечно, это касается и ваших спутников. И потому я хотел бы с вами предварительно поговорить... Во-первых, взвешивайте каждое слово, особенно когда станете беседовать с герцогом Витреджем. Он — самый умный человек там... — барон легонько улыбнулся. — И, как это частенько с умными людьми случается — себе на уме... Не забывайте к тому же, что он — из колеблющихся, окончательного решения еще не принял. Во-вторых, поговорите предварительно с вашими дамами. Попросите их участвовать в переговорах... скажем, без лишней активности. Ну, вы же понимаете — наши старинные традиции, роль и положение женщин в нашем обществе...

— Понимаю, — сказал Сварог. — Не держать язык за зубами вовсе, но вести себя, словно новоиспеченный лейтенант в компании заслуженных полковников...

— Примерно так. Впрочем, им и не придется особенно разговаривать... да и вообще, вероятнее всего, беседа будет вестись лишь между герцогом и вами. Кстати, я тоже буду достаточно пассивен, не удивляйтесь, — он вновь улыбнулся этой своей тонкой коварной улыбочкой. — Я? — самый молодой член совета, мне положено проявлять скромность и особенно не высовываться, играть, скорее, роль консультанта...

Нет, Сварогу не показалось — в его голосе таилась та самая злость, с которой он поминал «замшелых консерваторов». Ну что же, не впервые в истории двух планет: закосневшие фельдмаршалы и молодые честолюбивые лейтенанты, считающие, что у них полнится гораздо лучше... Должен, обязательно должен быть еще один важный мотив: барон чувствует что-то вроде уязвленного честолюбия. На что имеет некоторые основания. В конце концов, именно он делает главную работу наверху, рискуя жизнью, — а сановные старики, сколь бы большого ума ни были, отдавая лишь ценные указания и приказы. А молодчик несомненно честолюбив. Как бы на этом сыграть??..

— Будет что-то вроде обсуждения? — спросил он.

— Не сегодня, — ответил барон. — Сегодня герцог намерен лишь предъявить вам наши... предложения, чтобы вы их вдумчиво рассмотрели. Времени у вас будет достаточно. Завтра после обеда — королевская охота, ну, а послезавтра мы все соберемся с утра, выслушаем ваше мнение, вот здесь могут возникнуть обсуждения и дискуссии. Ну, а потом дэнго примут окончательное решение. Не думаю, что это затянется на сутки, — он усмехнулся. — Они все прекрасно помнят, какие меры предосторожности вы приняли, да и я о них не имею права забывать...

— Вы считаете эти меры чрезмерными, — небрежно спросил Сварог.

— Ну что вы, — спокойно сказал барон, — и никто не считает — в большой политике никогда нельзя доверять всецело. Вполне разумная предосторожность... Мы бы действовали точно так же, придумав что-то в таком же роде...

«А может, уже придумали, — подумал Сварог. — Ничего, дай только срок, красавчик, и я тебя выпотрошу до самых пяток». Сегодняшний ночной эксперимент с принцессой показал, что старуха Грельфи была совершенно права, орден бы ей повесить, но к наградам старая колдунья относится наплевательски, ворча: «В мои годы не хватало еще орденами себя обвешивать...» Интересно, а барон знает, где упрятана Машина Последнего Дня? По своему положению не может не знать. Быть может, не тратить время на дипломатические эквивоки, а пришпорить события резко? Вот прямо сейчас? Нет, не стоит пороть горячку, время еще есть, и не вся информация собрана... И непредвиденные случайности возможны... Так что будем действовать спокойно и хладнокровно — как сам всегда учил своих орлов...

— Ну, а потом, когда все будет решено, займемся чисто техническими подробностями, — сказал барон. — Переселение, обустройство... масса деталей, которые нужно проработать вдумчиво и сообща. Решено, что теперь мы, в свою очередь, отправим к вам представительную делегацию.

— Рад буду принять, — сказал Сварог. — Послушайте, барон... Есть вероятность, что решение будет отрицательным?

— Мы вам так нужны? — с хорошо рассчитанной небрежностью осведомился барон.

Сварог ответил ему в тон:

— Откровенность за откровенность, любезный барон... Никак нельзя сказать, что вы не нужны мне вообще... но нельзя и сказать, что вы мне крайне необходимы, что без вас из моих планов ничего не получится. Однако скрывать не стоит, вы для меня — серьезное подспорье... и еще долго будете оставаться таковым. Планы у меня разработаны долгие, на годы и годы.

Барон усмехнулся:

— По-моему, мы с вами сработаемся... простите за такую вольность в выражениях... ваше небесное величество...

— Ну, не торопите события, — сказал Сварог, подпустив в тон легкую долю цинизма. — Я чуточку суеверен... Вот кстати... На завтрашнее утро у нас намечены какие-то официальные мероприятия?

— Нет, — сказал барон. — Королевская охота начнется после полудня, а дэнго, как я говорил, на следующее совещание приглашают вас только послезавтра. У вас есть желание еще как-то развлечься?

— Не знаю, развлечение ли это... — сказал Сварог. — Мне бы попросту хотелось пару часов покататься по городу, посмотреть Клорену. Чисто человеческое любопытство.

— Никаких сложностей, — тут же ответил барон. — Назначьте время и у главного подъезда вас будет ждать машина. У вас есть какие-то конкретные пожелания?

— Да нет, пожалуй, — сказал Сварог. — Попросту поколесить по городу, когда мы спускались от базы, мне показалось издали, что он довольно красив.

— Безусловно, — сказал барон. — Найдется водитель, который хорошо знает городские Достопримечательности и сможет быть хорошим экскурсоводом.

«Интересно, это тот самый, о котором упоминали в записке неизвестные

дамы? — подумал Сварог. — Если нет — ни черта не получится. В любом случае нужно будет проверить завтра машину на предмет микрофонов...»

— Вы так и не ответили, барон, — сказал он, подумав. — Коли уж разговор у нас крайне откровенный... Есть ли вероятность, что решение будет отрицательным?

— Я сделаю все, чтобы этого не допустить, — немедленно ответил барон, и лицо у него стало таким, с каким, прищулив глаз, смотрят на дичь поверх мушкетного ствола.

Сварог подумал: интересно, насколько далеко простираются твои наполеоновские планы? Самому тебе чертовски хочется наверх, это уже ясно. Переворот? Но принц говорил Маре — дэнго давным-давно просчитали все мыслимые и немыслимые варианты, по которым кто-то один попытался бы захватить власть, — и разработали все мыслимые и немыслимые меры, чтобы этого не допустить. Как и сам Сварог сделал бы на их месте. Как опять-таки признавался принц, за все это время случалась лишь пара попыток, когда кто-то один пытался взять власть — и всякий раз это для него кончалось печально.

Вот только двух вещей они, похоже, все же не предусмотрели: что некий принц окажется не простаком, а коварным заговорщиком, что придет человек, у которого на уме вовсе не взятие власти — совершенно наоборот. Все их предосторожности были рассчитаны исключительно на своих, выскочек из сплоченных рядов... Здесь просто обязана работать определенная инерция мышления — и сработает она на нас...

...Последующие события напоминали классический шпионский боевик. Вся компания в сопровождении барона уселась в тот самый наглухо затонированный автобус, что привез их с базы (все, включая барона, вновь были в морской форме). На сей раз он направился не к главным воротам, а куда-то в объезд, по территории, оказавшейся гораздо более обширной, чем Сварогу представилось поначалу: еще несколько таких же домов, как тот, в котором их поселили, другие здания, отнюдь не убогие, но на фоне остальных выглядевшие домами для прислуги и всевозможными подсобными помещениями (какими они, несомненно, и были), вертолетная площадка с полудюжиной винтокрылов, сразу видно, чисто пассажирских: еще какие-то постройки непонятного назначения. И повсюду над подъездом или крыльцом, даже в самом по здешним меркам убогом домишке; неизвестная корона, та самая, что Сварог уже видел на медальоне принца Каугена. Перехватив его удивленный взгляд, барон усмехнулся:

— Собственно говоря, это одна из загородных резиденций принца. О чем всем известно. И часть ее отведена под роскошный клуб для членов Восьми Семейств. О чем опять-таки многим известно. Ну, а то, что порой здесь проводятся крайне важные совещания, известно уже немногим. Психология чистой воды. Принц Кауген — последний в Токеранге, которого можно заподозрить в том, что у него во дворце порой происходят и серьезные встречи, серьезные разговоры... Принц Кауген — это олицетворение простоты, пустых развлечений, назовем вещи своими именами, туповатый прожигатель жизни, даже на фоне отнюдь не блещущей интеллектом придворной толпы смотрится серенько...

«Вот на это он вас и купил, — не без веселости подумал Сварог. — И вы поймались...» Асфальтированная дорожка упиралась в высокие глухие ворота в

заборе, протянувшемся вокруг отдаленного уголка поместья. Здесь уже не было никаких строений — только красиво разбитый парк с мозаичными дорожками, фонтанами и статуями. Там, перед воротами, стоял еще один автобус — точная копия того, на котором они ехали. Они остановились уардах в ста за ним. Справа от ворот красовалась красивая будочка, ничуть не похожая на уродливый блокпост, и возле нее прохаживались двое с автоматами, в красивой форме, похожей, скорее, на гвардейскую. Один из них обернулся к будочке, ворота медленно разъехались, передний автобус выехал, поверил куда-то и ворота сразу же захлопнулись.

Необходимые предосторожности, — сказал барон спокойно.

Еще через пару минут настала их очередь, ворота распахнулись, и выскочивший из них автобус свернул налево. Вокруг тянулись обширные зеленые лужайки, и только далеко за ними начиналось редколесье. Сварог оценил ландшафт по достоинству — и наблюдателю невозможно приблизиться, достаточное расстояние, и группу для штурма дворца незаметно не накопить.

Автобус проехал с лигу, потом свернул направо и относительно медленно, — без лишних виражей принялся петлять — надо полагать, где-то по городской окраине, меж невысоких бедноватых зданий, каких-то высоких длинных заборов и чахлах рощиц. Пока не оказался перед воротами, украшенными по обеим створкам знакомым гербом подводных сил (и ни единой надписи). Ворота распахнулись моментально. Снаружи охраны не было, а вот внутри обнаружился КПП, и с двух сторон дорожки стояли вооруженные моряки. Оказалось, это еще не конечная цель путешествия. Автобус подвез их к зданию казенного вида с табличкой «Склад № 11», и барон предложил:

— Пойдемте. Здесь нужно будет переодеться и сменить машины... Предосторожности, увы...

Сварог ничего удивительного в этом не видел: дело житейское — дэнго не застрахованы от лихого налета диверсантов, при той-то горячей любви, которую к ним здесь питают... Их развели по двум разным комнатам, для мужчин и для женщин, откуда они — в том числе и барон — вышли уже одетые дворянами средней руки. Но потом повели не прежней дорогой, и они оказались в подземном гараже, где расселись по двум роскошным легковым машинам с какими-то дворянскими гербами на дверцах и затемненными стеклами. Поднявшись по отлогому подземному пандусу, машины выехали, такое впечатление, довольно от здания, в какой-то более благоустроенной части города, и дома там были выше, и особняки среди них попадались чаще, и светофоры. И все же уличное движение не показалось Сварогу особенно уж оживленным — как его и засняли в свое время Золотые Шмели...

Петляния эти затянулись надолго. Барон все это время сохранял полное спокойствие, не оглядывался назад — но в ухе у него красовался маленький шарик на блестящем кольцевом проводе. Вероятнее всего, у их кортежа была какая-то подстраховка, ради выявления возможной слежки.

Очередная ограда — на сей раз не глухой угрюмый забор казенного вида, а высокая, ажурная, с красивыми перекладинами в форме древесных листьев, завитушек и ромбов. И встретил их, не очередной мрачный автоматчик, а привратник в ливрее — правда, Сварог тут же подметил, оттопыренной на левом боку совершенно недвусмысленно. Они подъехали к небольшому особнячку с мраморным крыльцом, где по обе стороны подножия сидели два ка-

ких-то геральдических зверя.

— Ну, вот и все, господа и дамы, — сказал барон почти весело. — Прибыли. Прошу вас.

И вестибюль выглядел самым обыкновенным, вот только с четырех сторон стояли ливрейные лакеи, что-то уж здоровенные и широкоплечие для простых слуг (и у каждого чуть топырилась не одна пола ливреи, а обе...) Барон уверенно шел на полшага впереди (кое-где в коридоре попадались такие же амбалистые лакеи). Свернув налево, распахнул перед ними аркообразную дверь в сине-зеленой росписи орнаментами. Никакой мебели, только мягкие диваны вдоль стен.

— Подождите пару минут, пожалуйста, — сказал Лог Дерег, вынимая из уха свой шарик. — Все благополучно, мне докладывают, что нас никто не проследил. Сейчас вас примут. — И скрылся в невысокой дверце справа...

Сварог ощутил легкое охотничье волнение. Оружие он, конечно, оставил во дворце принца и велел сделать то же самое остальным: слишком мало информации для того, чтобы что-то предпринимать с ходу.

Садиться так и не пришлось: в самом деле, не прошло и двух минут, как из той же самой дверцы вышел уже не барон, а лакей распахнул ее, склонился в поклоне:

— Вас просят...

Вошли в заранее оговоренном порядке, со Сварогом во главе. Небольшая комната, стены и сводчатый Потолок из полированного дерева без всяких архитектурных излишеств, темного дерева овальный стол — из-за которого им навстречу неторопливо, можно даже сказать, величаво поднялись восемь человек в зеленых балахонах наподобие мантий, расшитых черными и белыми узорами. Барон Лог Дерег помещался на правом фланге, можно сказать, с краешку. Сварог мгновенно оценил ситуацию: ага: те, кто помоложе, сидят по краям, а в центре помещаются, мать их за ногу, патриархи. Самых пожилых и благообразных здесь четверо, и Сварог решил не ломать голову: тот, кто заговорит первым наверняка и окажется главным. Вряд ли они тут применяют метод «страшного бородача».

Ага! Один из седовласых чуть наклонил голову:

— Лорд Сварог, рад приветствовать вас, ваших спутников... и спутниц. Прошу садиться. — И указал Сварогу на кресло против себя.

Ну, вот и обозначился глава местного Политбюро. Ничего не скажешь, внушительен.

— Меня зовут герцог Витредж, и мне выпала честь председательствовать на нынешнем совете, — сказал седовласый. — Барона Лог Дереха вы уже знаете, хочу представить остальных...

Он медленно называл имена (и каждый поименованный наклонял, голову). Сварогу все эти имена были ни к чему, но он старательно их запоминал. Потом столь же церемонно представил сподвижников: сначала Бони, как короля, затем Леверлина (в качестве советника по особым делам), затем остальных — женщин, как требовал здешний этикет, последними.

— Если вы не возражаете, лорд Сварог, сразу перейдем к делу, — сказал герцог. — Намерения и побуждения друг друга нам уже в общих чертах известны, но давайте, как и положено на дипломатических переговорах, озвучим их обстоятельно и подробно. Равно как и многое другое.

— Итак... Вы — король Сварог Барг, желающий стать Императором Четырех Миров. Я не спрашиваю вас о деталях и подробностях: мы о вас кое-что знаем. Столь дельный человек, как вы, наверняка уже имеет надежный план действий... (Сварог сделал соответствующее лицо).

— Такодава ваша главная цель. Наша же главная цель — уйти наверх, приобретя нормальные размеры, обустроить себе нормальное королевство и обитать наверху... — он тонко улыбнулся. — В качестве ваших верных подданных и весьма бесполезных союзников. Я думаю, эта формулировка устраивает обе стороны и не требует развернутых толкований и обсуждений? (Сварог дипломатично склонил голову). Прекрасно. Тогда, быть может, некоторые детали? Обсуждение, конечно, не окончательное, но кое-то нужно обговорить уже сейчас... Ваши побуждения мне, смею думать, понятны: получить верных, сильных союзников, которых вы могли бы использовать при... необходимости. Я правильно изложил?

— Совершенно, герцог, — сказал Сварог.

— Полагаю, в таком случае и вам было бы небезынтересно ознакомиться с нашими... просьбами?

— Безусловно, — сказал Сварог, добавив про себя: то есть с требованиями, ага...

Из лежавшей рядом с ним небольшой стопки бумаг герцог достал одну и плавным движением придвинул ее к Сварогу.

Пояснил:

— Это территория земного Токеранга, какой мы хотели бы ее видеть.

Сварог присмотрелся с непроницаемым лицом, земли меж Секвеной и Сентерой (чьи устья для пущей убедительности соединены красной пунктирной линией. Она же проведена по берегам рек). Неплохой аппетит: почти весь Харен, по кусочку Демура и Коора, но главное — на территорию Токеранга целиком попадают Ритейские горы. И это вряд ли случайность: там — богатейшие на Харуме урановые залежи. Таларские рудознатцы о них не знают — ну кто на Таларе добывает уран? — об этом известно только ларам. Нет, вряд ли случайность. Губа у них не дура: отличное подспорье для развития ядерной энергетики, да мало ли где еще они могут использовать уран и сопутствующие редкоземы... Просидевши там лет двести, можно создать державу, с которой и Империи пришлось бы считаться, а уж Харуму...

Герцог мягко спросил:

— Надеюсь, наши требования не кажутся вам чрезмерными? И не мешают вашим собственным планам по освоению Трех Королевств?

Сварог изобразил на лице короткую задумчивость, потом глянул в глаза собеседнику:

— Никоим образом, мне представляется. Там слишком много свободных земель и слишком мало людей, десятки лет пройдут, прежде чем будет освоена хотя бы половина. Вот только... Мне хотелось бы сохранить за своими кораблями право прохода по Сентере и Секване.

— Мы и не намерены на такое право посягать, — заверил герцог. — Реки — всего-навсего границы... У нас не так уж много предложений по будущему обустройству на Харуме. Точнее, всего два. Одно мы только что обговорили. Нам бы хотелось еще получить место под две базы подводных лодок: на Сегуре и островах Бару.

И снова Сварог сделал вид, что ненадолго погрузился в деловые размышления.

Никаких загадок: с этих двух баз ракетные подводные лодки могут держать под обстрелом оба полушария. А вот про острова Девайкир этот хитрец ни словечком не упомянул. Но коли уж именно около них несколько раз замечены эскадры субмарин нормального размера, очень похоже, и база нормального размера там уже втихомолку создана — должны же эти лодки где-то базироваться, это азбука. А может, и не только на Девайкир...

— Что касается островов Бару, сразу могу сказать, что не вижу никаких препятствий, — сказал он. — Это — мои земли. А вот Сегур — владения королевы Мары, быть может, стоит поинтересоваться ее мнением?

На лице его собеседника изобразилось даже не негодование, а едва ли не детское недоумение: ну конечно, впервые в жизни ему приходилось на равных вступать в переговоры с женщиной. Впрочем, герцог тут же принял самый невозмутимый вид и крайне вежливо осведомился у Мары:

— Как вы полагаете, ваше величество?

Изобразив то же короткое раздумье, Мара ответила:

— Не вижу никаких препятствий.

— Вот, собственно, и все наши предложения, — сказал герцог. — Теперь осталось еще упомянуть об одном крайне деликатном вопросе; Именно потому, что мы, я вижу, играем в открытую. Барон Лог Дерег, как ему по должности и положено, доложил о некоторых разговорах с вами перед Вашим прибытием сюда. В том числе и о неких... — он чуть заметно улыбнулся, — мерах предосторожности, которые вы приняли перед визитом сюда. О, не подумайте, что это у нас вызывает какие-то отрицательные эмоции. Наоборот, это понятно и объяснимо: первая встреча с совершенно незнакомым партнером, к тому же, увы, между нами в прошлом состоялись... некоторые трения, которые, я надеюсь, в прошлом безвозвратно и останутся. Вполне разумно и логично, так и должен поступать хороший политик. Мы все понимаем... а потому очень надеемся, что вы поймете нас. Мы тоже, признаюсь, заранее приняли свои меры предосторожности. Потому что, не стыжусь в этом признаться — никогда не стыдно признавать очевидные истины — в наших отношениях мы еще какое-то время будем оставаться слабой стороной. Во время переселения и обустройства на новом месте мы самое малое в течение года будем перед вами совершенно беззащитны, полностью в вашей воле. Теперь, когда ситуация изменилась, когда мы знаем ваши цели, когда ясно, в чем наша взаимная выгода, мы не ожидаем от вас никаких враждебных действий. Но, с другой стороны, как уже говорилось, хороший политик никогда не доверяет партнеру всецело и всегда принимает некие меры предосторожности... как это сделали вы. Поэтому, смею думать, вы с пониманием отнесетесь к тому, что и мы решили подстраховаться.

Сварог лихорадочно соображал. Год на обустройство. Всего год. Столь малый срок можно объяснить одним-единственным обстоятельством: у них и точно есть синтезаторы материи. Без них не то что за год — за десять лет не управиться.

— И как же вы подстраховались, если не секрет? — спросил он.

— О, никаких секретов, — улыбнулся герцог. — Вы ведь не держали в тайне свои меры предосторожности, поэтому я обязан ответить такой же откровенно-

ностью. Мы позволили себе разместить в дюжине крупных таларских городов... достаточно мощные взрывные устройства, способные причинить этим городам весьма значительный ущерб. Разумеется, мы их намерены использовать в одном-единственном случае: если во время переселения и строительства нового Токеранга подвергнемся серьезной агрессии. Когда оснований для беспокойства больше не будет, все эти устройства мы демонтируем, непременно в присутствии ваших людей. Вас не разозлило такое откровение?

Этот благообразный прохвост только что солгал дважды. Когда сказал, что устройств только дюжина (значит, их больше) и когда пообещал демонтировать все. Какую-то часть они намерены оставить в прежних тайниках, хитрованы...

Сварог улыбнулся широко, честно, открыто:

— Не сказал бы, что это мне нравится, но речь идет исключительно об эмоциях. Как король и политик я вас прекрасно понимаю: в сложившихся условиях подстраховка необходима была с обеих сторон... Считайте, что мы и в этом вопросе нашли общий язык.

«Нужно будет поговорить с Яной, — подумал он. — Не исключено, что с помощью Древнего Ветра она обнаружит все устройства так, как обнаружила все до единого обиталища Хитрых Мастеров. Будем яростно верить, что у нее получится...»

— Я очень рад, что мы пришли к полному пониманию склонил голову герцог, и Сварог повторил кивок.

Герцог слегка развел руками:

— Собственно говоря, я сказал все, что хотел. Что ж иногда самые сложные дела решаются очень быстро, если у сторон есть желание идти навстречу друг другу... в особенности если они понимают, что нужны и полезна друг другу. Быть может, у вас есть какие-то свои темы для обсуждения?

— Нет, — сказал Сварог. — К чему? Главное собственно, сказано. Меня теперь интересует чисто техническая сторона дела. Как все будет происходить, в какие сроки... ну, вы понимаете.

— Понимаю, — кивнул герцог. — Если позволите, мы сделаем это темой нашей завтрашней встречи. Сначала, согласно нашим старинным правилам, мы в своем кругу обсудим нашу сегодняшнюю встречу, — он тонко улыбнулся, — я ведь не единоличный правитель и даже не какой-то официальный председатель либо иной глава.

В силу старых традиций у нас нет главы. Все вопросы решаются общим обсуждением и голосованием. Обширный и подробнейший план ухода наверх у нас уже разработан. Послезавтра я его вам вручу, чтобы вы его внимательно изучили там, наверху, у себя. А потом уже наша делегация прибудет к вам для переговоров — возможно, вы пожелаете внести в план какие-то изменения, дополнения.

Тогда и согласуем точно сроки. Вас устраивает такой вариант? Теперь, когда все карты открыты?

— Безусловно, — сказал Сварог. — Рад буду вас принять в любой момент для долгого и обстоятельного обсуждения.

«Демократ, мать твою за ногу, — подумал он с веселой злостью. — Нет у них главы, видите ли. То-то все остальные как воды в рот набрали, сидели смирёхонько, как курочки на насесте. Нет, конечно, какое-то обсуждение-голосова-

ние безусловно будет, барон говорил, что у них до сих пор не пришли к единому мнению... но вот рулит, без сомнения, именно это вальяжный хитрец».

На этот раз в подземном гараже их ожидали не два роскошных автомобиля, а три. Барон кивнул на один из них:

— Не возражаете, если мы поедем только вдвоем?

— Ничуть, — решительно сказал Сварог. И спросил, едва машина тронулась. — Ну что же, каковы ваши впечатления, и будут ли комментарии?

— Конечно, — чуть помолчав, кивнул барон. — Потому-то я и хотел остаться с вами наедине. По-моему, все прошло просто прекрасно, могу вас заверить.

Сварог небрежно сказал:

— Но вы ведь сами говорили, что именно герцог — один из двух колеблющихся. А ведь именно от него зависит очень и очень многое. Давайте уж будем откровенны до конца. Я как-никак король с некоторым опытом. Хотя герцог и говорил, что главы у вас нет, остались сильные подозрения, что — все же есть. И это именно он. Вы сами на нечто подобное недавно намекали.

— Безусловно, он, — ничуть не промедлив, ответил барон. — Неформальный глава есть всегда и везде. Однако... У меня создалось впечатление; что он изменил мнение о вас к лучшему. Я вовсе не хочу сказать, что до этого он — относился к вам плохо. Просто-напросто мне кажется, что теперь вы его полностью устраиваете как деловой партнер, а это придает надежды...

Барон не врал. Впрочем, это означало лишь, что он верил в собственные слова...

Глава XI Волчицы

Утром Сварога у главного входа поджидала светло-зеленая машина с гербом дворцового ведомства на дверцах — не шикарный лимузин, но и не старая развалина. Вполне подходящая, в меру неприметная машина, Барон, стоявший рядом на верхней ступеньке, сказал:

— Я думаю, вряд ли стоит посылать за вами охрану. О вашем присутствии здесь никто не знает, люди короля ни о чем не подозревают, это проверено.

— Ну конечно, — сказал Сварог. — К чему лишние хлопоты? Да и привлечь лишнее внимание ни к чему. К тому же, я так подозреваю, водитель человек надежный?

— Безусловно, — кивнул барон. — Вооружен, снабжен серьезными документами... А впрочем, у полиции совершенно не принято останавливать машины дворцового ведомства, да еще те, что принадлежат принцам... Желая приятной поездки! Поделитесь потом впечатлениями?

— Обязательно.

Барон протянул ему синюю карточку с каким-то узором, величиной в половину почтовой открытки:

— Возможно, вам захочется что-то купить, какие-нибудь сувениры. Тут достаточно солидная сумма.

«Гостеприимство бьет фонтаном, — подумал Сварог, пряча карточку во внутренний карман камзола. — Ну что же, я ему по-настоящему нужен. Вот только первым делом...»

Первым делом, усевшись рядом с шофером (смешно, но и здесь как в без-

возвратно сгнувшем Советском Союзе, почетным считалось именно это место), он в два счета проверил и машину, и собственную одежду, и одежду шофера. С одеждой все было в порядке, а Вот в машине обнаружился микрофон — каковой Сварог тут же и «заглушил». Насторожить барона он этим ни сколько не боялся: в конце концов, они давно уже узнали, что Сварог частенько «глушил» замаскированные в отведенных им апартаментах микрофоны и видеокамеры...

Водитель, здоровенный светловолосый парень (выглядевший кем-то посерьезнее простого шофера), спокойно спросил, едва они выехали за ворота:

— Я слышал, ваша милость, вы намеревались прежде всего посетить Зоологический музей?

— Вот именно, — сказал Сварог. — Мне говорили, интересная достопримечательность... Только провезите меня по центру, я хочу посмотреть и сам город.

Откровенно говоря, Клорена на него особенного впечатления не произвела: достаточно безликий и скучноватый город. Здания современной постройки соседствуют со старинными особняками, окруженными парками и высокими оградами. Встречаются вывески торговых домов (и официальных учреждений, конечно), но практически нет уличной рекламы. Разве что несколько ресторанов давали себе знать не без изящества исполненными вывесками.

Непохоже, чтобы здесь кипела оживленная ночная жизнь, знать если и развлекалась, то в загородных дворцах наподобие резиденции принца (впрочем, об отсутствии насыщенной ночной жизни он узнал еще из съемок Золотых Шмелей). Чутьочку аскетически вид был у здешней столицы. Полицейских на перекрестках, кстати, довольно мало. Непохоже, чтобы здесь что-то назревало... Машин на улицах не так уж много, в основном украшенные гербами (не исключено, что машина здесь — в основном дворянская привилегия).

Вскоре машина, миновав большой парк, остановилась неподалеку от здания в виде темно-синей полусферы, где по обе стороны широкой лестницы стояли огромные статуи: каких-то диковинных зверей самого неприятного облика. Когда машина остановилась на обширной стоянке, Сварог огляделся.

Никак не походило, что это ученое заведение пользуется в столице большой популярностью. На стоянке; где хватило бы места для доброй сотни машин, стояла только та, на которой они приехали. И не единой больше. Сварог вопросительно взглянул на спутника — коли уж того отрекомендовали человеком надежным, следует потребовать разъяснений.

Светловолосый чуть заметно пожал плечами:

— До одиннадцати пополудни еще три минуты. Графиня весьма пунктуальна...

Оставалось сидеть и от нечего делать таращиться на зверей у входа, про которых непонятно даже, млекопитающие это или рептилии. Омерзительные твари, и все тут, а если они еще представлены в натуральную величину... брр!

Ровно в одиннадцать из аллеи показался синий автомобиль — как и машина Сварога, не роскошный, но и не таратайка. На дверцах у него красовался дворянский герб, опять-таки довольно простой. Машина неторопливо подъехала, ловко развернулась так, что они встали капот в капот.

Дверцы не шелохнулись, стекла не опустились. Водитель Сварога вежливо сказал:

— Пожалуйста, сядьте в машину к госпожа графине.

Ну что ж, правила игры тут устанавливал не он... Мимолетно коснувшись пистолетной кобуры под камзолом, Сварог вылез, открыл дверцу синего автомобиля и вежливо раскланялся.

— Прошу вас, — сказала та из двух сидящих там дам, что выглядела постарше — лет сорока, красивая, черноволосая, в дворянском платье и при медальоне с графским гербом на шее. Вторая оказалась лет на десять помоложе, одетая столь же небедно, но медальон у нее был серебряный, с какой-то непонятной эмблемой. Они обе чуть подвинулись, освобождая Сварогу место.

— С кем имею честь? — спросил он, как человек воспитанный.

— Я Альдиана Лон Атрэнг, — сказала графиня. — А это моя доверенная сподвижница, Эльментина Лорн. Значит, вы и есть знаменитый король Сварог... Быть может, не будем тянуть зря время и перейдем сразу к делу?

— Охотно, — сказал Сварог. — Тем более что я стораю от любопытства: у меня здесь очень мало знакомых, и столь неожиданное приглашение...

— Так вот, к делу, — сказала графиня решительным, почти мужским тоном. — Нам все известно о вашей миссии, о ваших намерениях, о ваших переговорах с дэнго... Но суть не в этом. Мы представляем здесь тайное общество «Золотые волчицы».

— Интересно, — сказал Сварог. — Это что-то наподобие дэнго?

— Скорее уж наоборот, — сказала графиня. — Наше общество довольно давно создано для того, чтобы добиться равноправия женщин с мужчинами. Вы ведь наверняка уже немного наслышаны о здешних укладах?

— Наслышан, — сказал Сварог.

— И как вы к этому относитесь?

— Не скажу, чтобы эти уклады мне особенно нравились, — честно признался он. — У нас, наверху, многое обстоит совершенно иначе... можно сказать, абсолютно все.

— И это радует, — сказала графиня. — Откровенно говоря, с вашим появлением у нас появились серьезные надежды. Прежде, глядя правде в глаза, шансы были слишком малы, но теперь, когда Токерангу предстоит переселиться наверх, у нас есть шанс получить те же права, что и у земных женщин. Вы, должно быть, представляете, в каком унижительном положении женщины здесь находятся?

— Примерно, — сказал Сварог.

Ее красивые губы исказила горькая гримаса:

— Вот то-то, что «примерно»... Чисто теоретически. А вот практика... Дело даже не во второсортности, а во всем сопутствующем. Возьмите Эльментину, — она легким кивком указала на насупившуюся подругу. — По сути, именно она руководит ключевым отделом одного из... весьма серьезных институтов. Но обязана передавать все указания и распоряжения через секретаря-мужчину, достоинство которого только в том, что он — мужчина. В том числе и на самых серьезных совещаниях и семинарах обязана сидеть в заднем ряду в сереньком платье с бляшкой младшей лаборантки, что лишь на одну ступеньку выше простой уборщицы. Что до меня, я фактически командую одной из атомных субмарин. Но, как легко догадаться, хожу в форме с узеньким серебряным уголочком кром-ефрейтора, а представляет судно на всех уровнях очередное ничтожество мужского пола. И так обстоит везде — не говоря уж о

дурацких укладах наследования, быта, всей жизни...

Понятно, сказал себе Сварог. На их месте я бы тоже тихонечко остервенел от этакой вопиющей несправедливости бытия. Это даже хуже, чем безвылазно держать в какой-нибудь сакле под паранджой... Ничего удивительного, что однажды родилось тайное общество, настроенное, надо полагать, крайне решительно. Кто это и когда отказывал женщинам в уме и остроте мышления? Даже здесь это понимают и используют всю их труд и ум — не давая подняться выше ефрейторов. А ведь это крайне опасно: доводить до такого состояния женщин умных, образованных, наверняка держащих в руках немало ключевых постов. Однажды может и рвануть, что для хозяев жизни, то бишь мужчин, будет совершеннейшей неожиданностью. А впрочем, у них не должно остаться времени на любые внутренние дразги, на что угодно.

— Ну что же, — сказал Сварог. — Такие несправедливости следует исправлять — тем более что наверху ничего подобного нет. Там все иначе.

— Мы знаем, — сказала графиня. — И, откровенно говоря завидуем. Вообще-то общество состоит не только из одних женщин. Мужчин тоже хватает. — Ее губы вновь тронула ироничная улыбка. — О, отнюдь не потому, что они столь уж благородные сторонники женского равноправия. Впрочем, есть и такие, они понимают, что ситуация во многом нелепа и, по большому счету, лишь вредит государству. Гораздо больше обделенных. Я имею в виду в первую очередь представителей Десяти Семейств и других сословий, которым не по нраву диктат дэнго. Можете поверить, общество довольно сильно...

— Если не секрет, — сказал Сварог, — как же вы собираетесь добиться своей цели? Переворот? По-моему, это не тот случай.

— Мы и сами это прекрасно понимаем, — кивнула графиня. — Речь идет не об обычной смене власти... О решительном изменении вековых укладов. Поэтому очень долго мы находились в откровенном тупике. А вот с вашим появлением и будущим уходом наверх появились нешуточные надежды... Ведь новый Токеранг, как нам известно, будет вашим вассалом? Точнее, в первую очередь вассалом империи, как все прочие земные государства, но и вашим тоже? Ведь именно вы отдаете «в держание» свои земли?

— Да, разумеется, — сказал Сварог. — Вассалы «по праву держания».

— Вот видите. А составлять вассальный договор будете, конечно же, вы...

— После долгих консультаций с дэнго... — усмехнулся Сварог. — Заранее знаю, что переговоры будут долгими и нелегкими, эти господа будут торговаться не хуже заправских купцов... Подозреваю, вы хотите, чтобы я вставил в вассальный договор какие-то статьи об уравнивании женщин в правах.

— Не особенно прямые и откровенные, — тут же ответила графиня. — Мы прекрасно понимаем, что не следует торопить события — очень уж устоялись иные традиции. Некие зацепки, которые впоследствии можно будет развернуть надежно и необратимо. Поспешая медленно. У нас разработаны планы... Я хочу, чтобы вы поняли одно, лорд Сварог: мы — не кучка фантазерок-заговорщиц. Общество достаточно большое, разветвленное, с нами сотрудничают несколько чисто мужских организаций, в основном из Десяти Семейств, давным-давно чувствующих себя обделенными. Есть сильнейшие подозрения, что за одним, по крайней мере, стоят король и старший принц, которые тоже ненавидят дэнго, — она усмехнулась: — Ну, принца Каугена можно не принимать в расчет, этот простяга не годится для мало-мальски серьезных дел (Сва-

рог мысленно ухмыльнулся). А торговаться дэнго будут, безусловно, со всем пылом. Оказавшись наверху, они сохранят массу сил и сообщников, но вот главного своего козыря лишатся; Видите ли? У них есть устройства, способные в считанные сутки уничтожить весь Токеранг...

— Я знаю, — сказал Сварог. — Машина Последнего Дня, да?

— Ах, вы уже знаете... — не походило, чтобы графиня особенно удивилась. — Лишний раз убеждаюсь, что вы человек крайне серьезный. Да, Машина.

— Можно вопрос из чистого любопытства? — спросил Сварог. — Как получилось, что они захватили такое?

На сей раз ответила Эльментина:

— Так уж исторически сложилось... В старые времена, когда стал развиваться научно-технический прогресс, именно ученые оказались на ключевых позициях. И очень быстро кто-то у них, чертовски умный и подлый, понял, как обеспечить себе власть на века. Заложить бомбу и держать фитиль в своих руках, причем особенно этого не скрывая. Сначала это в самом деле были ядерные устройства. Теперь — Машина...

— Но они все же рискуют уходить наверх... — сказал Сварог.

— Ну, во-первых, они полагают, что очень долго будут вам нужны и полезны, — графиня тонко улыбнулась. — До нас дошли сведения о кое-каких ваших планах на будущее... Во-вторых, они постарались обеспечить себе некоторые гарантии, точнее говоря, откровенный шантаж. Вам известно, что самое малое в двух дюжинах ваших самых крупных и важных городов уже заложены мощные ядерные устройства и что-то еще, не менее страшное? Это не моя специальность, Эльментина в этом разбирается лучше...

— Сверхпроводники, верно? — сказал Сварог.

— Вот именно, — кивнула Эльментина. — Всем, этим давно уже занимается барон Лог Дерег. Как глава разведки, Быть может, это самый опасный человек в Хокеранге, но и он, при всем его уме и коварстве, остается в плену старых традиции. А меж тем за одним из его главных компьютеров, куда стекается вся, серьезная информация, давно сидит девушка, нижний чин, как полагается, а потому и отношение к ней соответственное... И так обстоит во многих местах. Поэтому мы много знаем и о верхнем мире, и о вас, лорд Сварог. Раньше шансы на успех были, мы отдаем себе в том отчет, слабоваты, но теперь, с вашим появлением... И все равно, скажу откровенно: нет гарантии, что дэнго, увидев такую необходимость, не успеют включить машину.

— Нуда, я уже сталкивался с этой вашей милой традицией, — сказал Сварог. — При необходимости подрывать себя с гордым и нестибаемым видом...

Графиня негромко рассмеялась:

— Лорд Сварог, это далеко не на всех распространяется. Это, у нижестоящих дэнго давно ввели такие порядки, а сами они слишком любят жизнь... Если придется пустить машину в ход, для себя они давным-давно разработали план эвакуации всех Восьми Семейств. Вертолеты, специальная посадочная площадка, отряд подводных лодок, где поместятся все (Ах, вот оно что подумал Сварог, вспомнив и тот странный отсек грузовых субмарин, и посадочную площадку). Где-то на островах Девайкир разработано надежное убежище, где они со всей роскошью смогут прожить и без Токеранга...

— Вам известно, где стоит Машина? — спросил Сварог.

— Нет, — сказала графиня. И не врала. — Никто так и не доискался пока, Лорд Сварог... Ведь до сих пор нет полной гарантии, что дэнго согласятся выйти?

— Пожалуй, — подумав, кивнул Сварог.

Графиня смотрела на него без улыбки, с совершенно безмятежным лицом:

— Лорд Сварог, есть очень простой и надежный выход. Уничтожить дэнго. На следующей же встрече. Хотя бы для того, чтобы забрать ключи, без которых машина бессильна. Да, в каждом из Восьми Семейств хранится дубликат — но в случае смерти кого-то из членов дэнго, выбора нового или еще какой-нибудь неожиданности сейф с дубликатом может быть вскрыт только несколькими ключами оставшихся в живых... Никто попросту ничего не успеет сделать.

Ага, — сказал Сварог. И останутся Восемь Семейств, насколько я знаю ваши традиции, имеющих право ни мести.

— Ну, это не столь уж и сложная проблема, — сказала графиня. Собственно, это и не проблема вовсе. По нашим традициям, право на мечь имеет довольно ограниченный круг людей: дед, отец, братья родные и двоюродные (но исключительно по мужской линии) племянники, опять-таки строго по мужской линии, сыновья. Подобных в Восьми Семействах останется всего-то сто шесть... — она жестко усмехнулась. — Я же говорю, что Немного наслышана о вас. И мне отчего-то думается, что вы не придете в ужас, если эту жалкую сотню с лишним человек постигнет безвременная кончина?

— Не думаю, что я пророню хотя бы слезинку — жестко сказал Сварог.

— Вот видите. А дальше все было бы гораздо проще... — она чуточку колебалась. — Развивая эту мысль, было бы неплохо для дела, случись что-нибудь с королем и старшим принцем. Из Каугена получится великолепный король, устраивающий и вас, и нас. Ваша задача — только дэнго. Остальное мы без труда взяли бы на себя. Вот тогда можно было бы спокойно выйти наружу и создать нормальное королевство, без этих восьми тиранов. Вряд ли кто-то всерьез будет препятствовать. Если дэнго окажутся мертвы, вряд ли кто-то будет защищать их всерьез — мертвым тиранам верность обычно не хранят, потому что это бессмысленно: не будет больше ни благодеяний, ни наград, — она прищурилась чуть мечтательно. — Обычное земное королевство, в котором у женщин понемногу появятся все права...

«А вот это уже вилами на воде писано, — подумал Сварог. — Судя по ее словам, в заговоре участвуют немало разных сил, со своими побуждениями и мотивами. А меж тем исторический опыт учит: когда такая коалиция достигает победы, очень быстро ее члены, ненадолго объединенные конкретной целью, начинают бороться всякий за свои интересы. Проще говоря, резать друг друга со всем усердием. Только этого мне еще не хватало на Таларе — гражданской войны в государстве, располагающем подводным флотом, боевой авиацией, ракетами и черт знает чем еще. А резня, и к Грельфи не ходи, может начаться очень быстро: как только они начнут обустриваться на земле, у всякой группировки будут свои планы и соображения, как строить жизнь дальше, и заполахает...»

— Необходимые силы и планы имеются, — сказала графиня. — Едва получив известие о смерти дэнго, мы в состоянии пустить их в ход. Пусть даже где-то мы просмотрели соглядатаев дэнго, им уже просто некому будет доносить.

Как, вам такой план, лорд Сварог? Вы видите свежим глазом какие-то изъязнения?

— Никаких, — сказал он, не особенно и раздумывая. — Реально и жизненно. А главное, можно провести в жизнь уже завтра...

— У вас есть оружие? — деловито спросила она. — Если нет, я бы могла...

— Нет, спасибо, — сказал Сварог. — Всего хватает. В прошлый раз они были уверены в себе: ни металлодетекторов, ни стрелков за портьерами. Думаю, и завтра будет точно так же.

— Вот и прекрасно, — графиня подала ему небольшую руку.

— Как только все кончится, позвоните по этому номеру и скажите «Тишина». И все тут же придет в движение. Плохо только, что никто не знает, где они на этот раз назначат вам встречу...

— Ничего, — сказал Сварог. — Бывали переделки и похуже, и — ничего, выбирались.

...Задумчиво глядя вслед отъезжающей машине двух крайне энергичных дам (из коих ни одна ни разу ему не соврала ни в большом, ни в малом), он подумал: на вид — тихий уголок, но какое здесь потаенное коловращение жизни...

Глава XII

И кавалькады в чаще

Если не считать некоторых отличий в одежде, здешняя большая королевская охота практически ничем не отличалась от тех, в которых Сварог участвовал наверху. Разве что нет ни единой дамы. Все остальное знакомо до скуки: кавалькады всадников в охотничьих нарядах, на разные лады трубят егеря, псари, ловчие хищных птиц, азартно лают и натягивают поводки собачьи своры...

Сварог держался в сторонке, согласно инструкциям барона: еще один никому неизвестными дворянчик, в виде милости за какую-то услугу приглашенный на королевскую охоту. Никто не обращал на него ни малейшего внимания, разве что иные косились заносчиво. Издали он видел короля с обоими принцами — ну что же, вид вполне королевский, осанист, гордая посадка головы, тяжелая непроницаемая физиономия. Принц Хаугил — красавчик, чем-то хищным в лице напоминавший герцога Орка. И наконец Кауген, и здесь ухитрявшийся выгладеть растяпой, впервые в жизни взобравшемся на благородного охотничьего коня — не переигрывает, но держится в образе, стервец...

Все шло, как обычно — углубившись в чащобу, кавалькады очень быстро рассыпались в разные стороны: кто-то пустил гончих по следу оленя, кто-то поскакал вслед за стаей собак посерьезнее, мощных кабанятников с обрезанными ушами и хвостами, в шипастых ошейниках и наполовину закрывавших тело кольчугах, кто-то умчался с соколами с колокольчиками на лапках. Наступил момент, когда никто толком ни за кем не может следить, каждый увлечен своей дичиной.

Вскоре Сварог — кому до него было дело? — остался в полном одиночестве там, где и условился с принцем — возле глубокого бочага, окруженного огромными заплесневевшими корягами. Звук труб и рожков, заполошный лай собак понемногу стихли; и конь, наконец, успокоился, перестал прядать ушами

и рваться вслед за уносившейся охотой. Закинув его поводья на одну из коряг, Сварог высмотрел себе пенек посуше, уселся и закурил, на всякий случай растегнув верхние пуговицы камзола так, чтобы моментально выхватить пистолет. Мало ли какая новая интрига могла обнаружиться — их тут, он успел убедиться, что опят на пне...

Слева, в лесу, послышался топот копыт — один-единственный конь шел рысью. Сварог спокойно ждал, держа ругу поближе к оружию. Потом убрал: на поляне показался принц Кауген, неуклюже спешил, оглядевшись, привязал гнедого к той же коряге, что в качестве коновязи выбрал Сварог, подошел и коротко раскланялся. Сварог подвинулся, освобождая ему часть сухого широкого пенька. Принц уселся без всяких церемоний — все тот же простак на вид, чуть ли не с соломой в волосах и ясным, незамутненным взором недотепы. «Великий артист пропадает», — фыркнул про себя Сварог...

Принц произнес с безмятежным видом:

— Тысячу раз простите, но мне крайне важно прежде всего прояснить одно деликатное обстоятельство... Вы, часом, не питаете ко мне злобы за ту историю с королевой Сегура? Вы же сами видели, она ушла со мной по своей воле...

— Не питаю, — кратко ответил Сварог.

— Рад слышать. Я боялся, что это может осложнить наши деловые отношения... а время меж тем поджигает. — он глянул на Сварога как-то незнакомо, цепко. — Вы готовы уже завтра перестрелять дэнго или у вас свои планы?

Сварог с очаровательной улыбкой ответил:

— Да мне как-то, знаете, все равно. Ну, а Восемь Семейств? Обычай мести и все такое?

Принц жестко сказал:

— Можете быть уверены: о них позаботятся моментально, едва все... произойдет. Все подготовлено! И не только это.

«Интересно, — подумал Сварог. В точности повторение слов графини — и ведь он не врет... О двух акциях пойдет речь или об одной? Не исключено, что как раз доверенные лица принца и действуют среди Золотых, Волчиц самого-то его графиня искренне считает никчемным простаком».

— Давайте внесем полную ясность, — сказал принц, — Это у дэнго какие-то грандиозные планы на земле, пусть и не на самое близкое будущее. А я... Нет, я честолюбив, но не хочу впутываться в достаточно сложный) как я понимаю, механизм земной жизни: Я хочу быть обычным земным королем, таким же, как прочие — императорские балы, охоты, стократ превосходящие размахом наши, все прочее... Собственно, мне не так уж и много нужно от жизни. Завоевательных порывов полностью, лишен. Верите?

— При чем тут вера? — пожал плечами Сварог. — Я просто знаю, что вы мне сейчас не врите.

— Да, я слышал краем уха об этой вашей способности.

Кстати... кстати, очень полезная для королей способность. Ей, интересно, нельзя как-то научиться?!

— Увы, нет, — с тенью злорадства сказал Сварог. — На это способны только лары.

— Жаль... — сказал принц. — Вам понадобится оружие?

— Нет, спасибо. Своего достаточно. Одно слегка беспокоит: представления

не имею, где они намерены завтра назначить мне встречу. Придется работать в незнакомом месте, а это всегда чуточку усложняет задачу...

— Ну почему же в незнакомом? — сказал принц где-то даже весело. — Встречу они вам назначат в том самом моем загородном дворце, где вы уже несколько дней имеете честь обитать. Как уже случалось несколько раз, — он заулыбался еще веселее: — Дворец растяпы и простака принца Каугена — последнее место, которое можно связать с заговорами и тайнами. Весь Токеранг знает, что там исключительно пьют, блудят и прожигают жизнь, как могут... Ну что, это облегчает дело?

— Безусловно, — сказал Сварог. — Как насчет стрелков за портьерами и других мер предосторожности?

— Никаких, — уверенно сказал принц. — Они чуточку расслабились и считают, что у меня, болвана, совершенно безопасно, — он чуть посерьезнел. — Конечно, среди моих, гвардейцев и лакеев могут оказаться их люди, даже наверняка, но вряд ли в особенно уж большом количестве. Да, и я предпринял кое-какие меры — буду держать поближе тех, кому доверяю полностью. Я, конечно, не умею, подобно вам, отличать правду от лжи, но есть всякие проверки... В общем, когда все начнется, мои люди займут ту самую часть, замка. А что до Восьми Семейств — как я уже говорил; все готово... — он словно расслабился на миг, произнес мечтательно: — Ключи от Машины Последнего Дня, все восемь... У кого они в висят на шее, тот и будет владыкой Токеранга. Вам, право, не понять, вы здесь пришелец...

— Может, если вы уж столько знаете, вам известно, где расположена Машина Последнего Дня?

— К сожалению, нет, — вздохнул принц.

Вр-рал, стервец! Прекрасно знал! Хочет придержать в рукаве, как лишнюю козырную розу, а? Очень похоже — наверх-то ему хочется искренне...

Принц улыбнулся:

— Но какое это имеет значение? Во-первых, легко пустить слух, что и она в моих руках, а во-вторых, без ключей она полностью бесполезна для кого-либо другого, пусть даже он точно знает, где она стоит... Ну, а когда разойдется слух, что я завладел машиной, будет легко избавиться от самых нежелательных персон... да и выход наверх пройдет как нельзя более гладко. Разумеется, нам еще многое нужно будет обговорить, но это потом...

— Есть у меня вопрос, то ли нескромный, то ли циничный, — сказал Сварог. — А как на этикие новшества посмотрят ваш уважаемый батюшка и старший брат.

Вполне. Мне отчего-то кажется, что этикие новшества им крайне не понравятся. Но и на этот счет разработаны некоторые меры... о, не смотрите на меня так. Я не чудовище, чтобы проливать родную кровь. Просто-напросто давным-давно существуют и акты об отречении, и парочка уединенных замков, откуда очень трудно выйти. Вас не коробит такой образ мыслей?

— Ну что вы, — сказал Сварог ему в тон. Давненько уж тружусь королем, ко всякому притерпелся...

— Прекрасно, — сказал принц чуть ли не растроганно, — я вижу мы без труда найдем впоследствии общий язык...

— Надеюсь, — сказал Сварог.

— Хотите полезный совет? — спросил Принц. — Стреляйте непременно в

голову. У них всегда надеты Под Мантиями кольчуги, защищающие даже от автоматной очереди в упор.

— Я учту, — серьезно сказал Сварог.

— И еще. Первым непременно стреляйте в Лог Дереха. Это и есть главный источник опасности. По крайней мере, для меня — точно, вы-то ему нужны... пока.

— А что с ним не так? — небрежно спросил Сварог.

Принц помолчал. Пожалуй, его лицо явственно омрачилось...

— Не очень-то приятно о таком говорить Меж мужчинами... — сказал он наконец. — Ну, да после истории с королевой Сегура мы с вами оказались почти что в равном положении. Да, именно так. v Только вы промаялись всего одну ночь, а мне приходится терпеть уже четыре месяца... Я человек легкомысленный, но у меня; вот уже больше года есть постоянная подруга. Я ее не люблю по-настоящему, как и вы наверняка не любите королеву, но это если можно так выразиться, словно бы часть меня. Вы ведь знаете, как это бывает? Вот видите. Очень Неглупая девочка. И мечтает стать если не Королевой, то принцессой: Ну; почему бы и нет? Очень уж я к ней привязался... Вот только четыре месяца назад на нее крепенько положил глаз Лог Дерех. И стал откровенно преследовать, — он отвел взгляд. — Вы знаете, я... Я прекрасно знаю, что у барона, несмотря на его Железный характер, есть единственная слабость — красивые девушки. И с ними он порой бывает откровенен, — как никогда. Маленькая слабость, свойственная и железным людям. Вот я и решил это использовать; — он глянул в глаза Сварогу с вызовом. — Думаю, не вам меня осуждать?

«И не собираюсь, — тихо сказал Сварог. Поскольку сам был не без греха — дорога королей...»

— В общем, я откровенно поговорил с Иленой, — сказал принц; — Не особенно тяжелый был разговор, но все же неприятный. Для любого нормального мужчины на моем месте. Она умница, она все поняла... И с тех пор пару ночей в неделю проводит с ним. Мои мысли и ощущения вам должны быть понятны... — он поднял голову, глаза сузились. — Очень долго все было впустую. Но аккуратно перед вашим прибытием у них состоялся интересный разговор. Он и до того не раз предлагал ей выйти за него замуж, видимо не на шутку размяк, те самые слабости железных людей... Кстати, особенно умной он ее не считает, она большей частью разыгрывает простушку под пару мне, и получается у нее неплохо... Когда она в очередной раз отказала, он кивнул с таким видом, словно ему все понятно: «Простой титул баронессы, даже вошедшей в одно из Восьми Семейств, тебя не устраивает, а? Рассчитываешь стать принцессой?» Она невинно похлопала глазками и ответила: почему бы и нет? Тогда он сказал совершенно хладнокровно: «А как бы ты посмотрела на то, чтобы стать королевой Токеранга? Земного Токеранга?» Она уставилась еще более наивно: вы хотите сделать Каугена королем Токеранга? Барон ухмыльнулся так, что у нее, она потом жаловалась, мурашки пошли по коже: «При чем тут этот придурок? Я вовсе не о нем. Ты когда-нибудь слышала, что престол доставался не по праву наследования, а по твердости руки и решимости?» Тут только она сделала вид, что до нее стало туго-туго доходить, и спросила: неужели вы о себе, Альтерат? «А почему бы и нет? — сказал он спокойно. — В конце концов, наш род древностью не уступает этим, что сейчас на троне... Или подобное

первый раз случилось?» И долго живописал ей все прелести земного королевского бытия. В конце концов, она прикинулась, что задумалась всерьез. Но потом очень робко спросила: а разве дэнго такое допустят? Он снова усмехнулся так, что Илене стало зябко, и преспокойно сказал: «В конце концов, дэнго — не более чем люди, а люди смертны...» Прямо-таки волчья, она говорит, была улыбочка. Ну, она повела себя правильно: стала лепетать, что все это очень привлекательно, но страшно связываться со всемогущими дэнго. «А уж об этом, милая, тебе беспокоиться как раз не следует, — сказал он, улыбаясь уже не жутко, а где-то даже беспечно. — Это я беру на себя — и могу поклясться гербом, что все пройдет прекрасно. Будет такая ситуация...» Потом еще какое-то время расписывал ей блеск земных королевских дворов, императорские балы, где они смогут бывать... Полеты в небе, морские прогулки, прочие удовольствия, о которых она сейчас представления не имеет... В конце концов Илена сделала вид, что он ее уболтал, и только порой робко напоминала о всемогущих дэнго — а он уверял, что беспокоиться не о чем, все решено и готово. А уж наверху он сможет развернуться на славу, так, как она себе и представить не может...

«А что же будет с Каугеном? Со всем королевским семейством?» — спросила она. Он усмехнулся: «Тебя так волнует судьба этого дурачка, все достоинства которого заключается в короне наследного принца? Или судьба его папаши с братцем?» И напоследок самым милым голосом пообещал перерезать ей глотку, если она хоть о кому-то проговорится, в первую очередь мне. Назавтра она мне все рассказала, хоть ее при этом и трясло от страха.

— Интересные дела, — сказал Сварог медленно. — Вы знаете его гораздо лучше меня. Это, часом, не пустая бравада?

— Когда речь идет о бароне — вряд ли, — сказал принц. — Всем известно, что он честолюбив неимоверно. От него этого вполне можно ожидать — договорится с вами, что погибнут не восемь, а семь, разделаться с их семьями, с нашей фамилией.

И в глазах у него, где-то глубоко, мелькнул страх — что ж, он вполне мог подозревать, что Сварог с бароном уже договорились, и жить принцу осталось всего ничего... Зря.

Вот уж кто категорически не нужен был бы в случае чего Сварогу в качестве короля, земного Токеранга — так это барон. Уж этот, получи он такую возможность, и в самом деле развернулся бы на славу...

— Ну что же, — сказал Сварог. — Хорошо, что предупредили. Значит, завтра именно барон получит первую пулю. Давайте играть с открытыми картами, принц. Вы меня вполне устраиваете в качестве короля земного Токеранга, а вот барон — категорически нет. Ни к чему мне там, на Таларе, ярые честолюбцы... Слово короля.

Принц облегченно вздохнул, постаравшись сделать это незаметно. Сварог сказал:

— И еще одно обстоятельство...

Замолчал, повернул голову на заполошный стук копыт, приближавшийся со стороны, противоположной той, откуда они с принцем приехали. Трещали ветки — к ним галопом мчалось несколько всадников. Уже через пару секунд они показали на поляне — трое субъектов в мундирах, как уже знал Сварог, министерства двора. Слетев с седел, как мешки, совершенно не заботясь о ло-

шадях, они наперегонки кинулись к сидящим. Оружия при них Сварог не заметил.

Принц чуточку побледнел — но передний, оскальзываясь во влажной траве, пробежав до них, с размаху рухнул на колени:

— Ваше величество! Ваше величество!

Сварог чуточку опешил от удивления. Принц очень медленно словно с тяжелым мешком за плечами, поднялся с пенька и каким-то безжизненным голосом осведомился:

— Что случилось?

Теперь уже все трое стояли на коленях во влажной траве — бледные, лица перекошены от страха.

— Ужасное несчастье, ваше величество! — пролепетал один. — Злодейское покушение! Заговор! Ваш отец и брат только что убиты прилетевшими из чащобы Стрелами. Отныне вы — король!

Покосившись на свежее испеченного короля, видя безграничное изумление на его лице, Сварог подумал: нет, это не ты, при всем твоим таланте лицедейства так не сыграть. Здесь что-то другое: то ли Золотые Волчицы вступили в игру раньше, Чем собирались (не дождавшись смерти дэнго!? плохо верится...), либо, что вероятнее, барон решил пришпорить события...

Поблизости, со всех сторон, ревели рога, и это уже напоминало не охотничьи сигналы, а боевые трубы.

Глава XIII

Ключи последнего дня

Ночь прошла совершенно спокойно — а впрочем, до Клорены было достаточно далеко, чтобы слышать даже танковую пальбу. Вертолеты и самолеты не летали, вокруг загородного дворца принца так и не появились ни солдаты, ни бронетехника. Видимо, дэнго считали, что принц в полной безопасности. Проснувшись рано, Сварог потратил часа полтора, старательно обшаривая дворец — и не узрел никаких особенных перемен. Разве что гвардейцы в нескольких местах стояли на караулах не поодиночке, как прежде, а по двое, да в двух больших гостиных их было собрано десятка по два, поголовно с автоматами и, судя по оттопыренным карманам, не забывшими и гранаты. Ну, никаких тайн тут не имелось: это принц сам их там разместил, чтобы разобрались с охраной дэнго, когда начнется карусель.

Вызвав очередного осанистого лакея из трех приставленных к нему персонально, Сварог велел сервировать завтрак в той самой каминной. Ему так никто и не сказал, на какое именно время дэнго решили назначить очередную встречу, так что время, надо полагать, было. А вот барон, никаких сомнений, должен был приехать гораздо раньше остальных со своим циничным предложением...

— Погодите хвататься за вилки, орлы, — сказал Сварог. — Разве что налейте по бокальчику. Итак, ребятки и девушки, работаем мы сегодня... (судя по лицам, эта новость была встречена с большим энтузиазмом). А потому нужно в темпе обсудить кое-какие детали.

Собственно говоря, тщательнее всего обсудить нужно было одну-единственную деталь: грамотный отход. В подобных операциях это и есть самое

главное. Совсем нетрудно устроить пальбу во всю ивановскую и положить кучу жмуриков, гораздо труднее после этого грамотно отойти, желательно без потерь...

С отходом все обстояло неплохо: Шедарис с Теткой Чари и Мара с Леверлином не один час болтались по окрестностям дворца, изображая влюбленные парочки. Таких, Сварог подметил, здесь хватало, и от скуки они забредали в самые неожиданные места, в том числе и к здешней вертолетной площадке, по докладу Шедариса, охранявшейся из рук вон плохо — так, прохаживалась по периметру парочка гвардейцев, сразу видно, изнывавших от скуки. Конечно, у них не было никаких причин для повышенной бдительности и тревоги: площадка отделена от забора парковыми аллеями шириной в добрых поллиги, внешняя охрана достаточно сильная, и вряд ли разгульные гости пытались когда-нибудь после неумеренных возлияний угонять вертолеты. На площадке — примерно штук пятнадцать винтокрылов, от небольших, этаких стеклянных пузырей с хвостом до достаточно вместительных. Так что с этой стороны все в порядке — с вертолетом без труда справятся и Сварог, и Мара.

— Чертовски важный нюанс, — сказал Сварог, когда с обсуждением отхода было покончено. — Семерых можно решетить в капусту, а вот барон, кровь из носу, мне нужен непременно живьем. Много знает, сволочь, вся внешняя разведка на нем...

— Кто будет брать? — деловито осведомился Шедарис.

— Я сам, — сказал Сварог. — Так что пусть никто под ногами не путается. Ваша задача аккуратненько положить остальных. И в темпе собрать ключи. Все восемь.

Мара не без восхищения уставилась на него:

— Ты что, уже знаешь, где Машина?

— Представления не имею, — признался он. — Но возможность узнать будет. И вот тут-то начинаются уравнения со сплошными неизвестными. Мы же не можем уйти просто так, верно?

Коли уж подворачивается столь великолепная возможность поиграть ключиками. Но не знаю я пока, где к ним замочные скважины. А потому с определенного момента импровизируем, ничего другого не остается... Ну да, мы ж vezучие... Вот и все, кажется, я ничего не упустил, теперь можно и подкрепиться... или нет, лучше не стоит. Все мы тут видывали виды, знаем, что в бой лучше идти с пустым брюхом.

...Все произошло, как он и предвидел: примерно через квадранс после того, как они после завтрака разошлись по своим апартаментам, объявился барон. Выглядел он не самым лучшим образом: глаза чуточку запали, похоже, он вообще не спал в эту ночь — ну, конечно, если короля со старшим принцем кончили они, простая логика событий требовала зачистить столицу от всех неудобных. На то и походило: барон был скорее весел, чем удручен — и Сварог подметил, волновался, хоть и пытался это скрыть.

С самым простодушным видом Сварог спросил:

— Что, пора собираться? Нас ждут?

— Пока нет, — сказал барон. — Встреча состоится примерно через час... а пока что у меня к вам очень серьезный разговор. Крайне серьезный и важный для нас обоих...

— Вы хотите говорить прямо здесь? — Сварог выразительным взглядом

окинул стены.

— Ну, не прикидывайтесь, — чуть усмехнулся барон. — Я давно знаю, что вы умеете как-то блокировать микрофоны и телекамеру. Хотя их здесь полно, и устроено это давно, отнюдь не ради вас. Так что я уверен: никто посторонний нас сейчас не видит и не слышит. Верно?

— Верно? — с улыбкой сказал Сварог.

— Вот и прекрасно... — барон чутьочку нервным движением осушил свой бокал до дна. — Давайте не будем ходить вокруг да около, лорд Сварог...

— Что-то случилось? — Сварог изобразил озабоченность. — Не получилось единодушного голосования?

— А, вы об этом... Нет, с этой стороны все в порядке.

Пришлось приложить немало усилий, но совет единогласно проголосовал за исход. Правда, они намерены предложить вам весьма объемистые, я бы сказал, условия, — он показал ладонью над столом (судя по всему, папка с условиями была толщиной не менее кирпича): Но говорить я хочу не об этом... Спрошу прямо: вас, в, самом деле, устраивает, что впоследствии там, наверху, вам придется иметь дело сразу с восемью некоронованными королями нового Токеранга?

— Откровенно вам скажу, — ответил Сварог; — мне это весьма не по вкусу. Восемь равноправных королей на одно королевство — это уж чересчур. Кто-то может изменить мнение, кто-то — просто закапризничать, наконец, половина из них — люди весьма пожилые, и им на смену всегда могут прийти другие, с другими взглядами. Да мало ли что... Предпочитаю более рациональный вариант: монарх правит единолично, а все эти уитенагемоты и прочие Тайные Советы при сильном и решительном короле должны иметь роль чисто совещательную. На облучке должен сидеть один возница, как гласит старая крестьянская поговорка, ронерская, кажется...

В глазах барона он увидел неприкрытую радость.

— Знаете, лорд Сварог, я всегда придерживался тех же взглядов, — сказал он. — Восемь возниц на одном облучи в самом деле что-то многовато, — он поднял голову и глянул Сварогу в глаза с яростной решительностью. — Как бы вы отнеслись к тому, чтобы сократить число возниц?

— До одного? — усмехнулся Сварог.

— Почему бы и нет?

Знаете, я сейчас проявлю нечеловеческую, пронизательность, — улыбнулся Сварог во весь рот. — Мне отчего-то кажется, что роль единственного возницы вы скромно отводите себе.

— Я вас не устраиваю в этой роли? — весь напрягшись, спросил барон.

— Наоборот, милейший барон, — сказал Сварог. — Именно вы и устраиваете. Я успел вас немного узнать, составить кое-какое представление о ваших деловых качествах. Думается, как раз вы лучше всего и подходите на роль сподвижника в некоторых моих... — он многозначительно улыбнулся, — будущих планах. К чему мне это замшелое старичье, которое наверняка никогда не покидало Токеранга и знает о верхнем мире исключительно по вашим докладам? Вы — другое дело... Мы сработаемся, — он придал себе чутьочку озабоченный вид. — Смело могу сказать, что мы договорились... но ведь проблему придется как-то решать?

— Ее можно решить уже сегодня, — спокойно сказал барон. — Через ка-

кой-нибудь час. Самым решительным образом.

«Прыткий юноша», — с некоторым даже восхищением подумал Сварог. И сказал:

— Я уже имею некоторое представление о ваших обычаях. Останутся члены семейств с правом на месть...

— А почему вы решили, что они останутся? — усмехнулся барон той самой, должно быть, улыбкой, от которой у бедняжки Илены по спине бежали мурашки. — Это не импровизация. Все давно разработано и подготовлено. Достаточно условного сигнала... Кстати, этой ночью мы взяли всех доверенных лиц покойного короля, которые могли представлять Опасность для наших планов.

Так что никто больше не пришлет вам... неприятных подарков.?

«Неприятных подарков от покойного короля, конечно, больше не будет, — подумал Сварог. — Зато останутся столь же неприятные сюрпризы, укрытые по таларским городам трудами вот этого самого сукина кота. Хрен редьки не слаще».

— Ну что же... — сказал он, — а Каугену в этих условиях вы какую роль отводите?

— Я думаю, прежнюю, — сказал барон. — По крайней мере, на первых порах. Если его мысли наверху не примут какое-то неправильное направление, просидит на троне еще долго.

Врал, конечно. Но какое это сейчас имело значение?

— Ну что же. — повторил Сварог. — Я так понимаю, нам осталось обсудить мелкие технические детали?

...Двое раззолоченных лакеев распахнули перед ними высокие, резные дверки, и Странная Компания со Сварогом во главе вошла в выдержанную в золотистых тонах гостиную, где за круглым столом того же цвета их стоя встречали дэнго. Все восемь, конечно, барон давно успел надеть зеленую в белых узорах мантию и присоединиться к старшим товарищам. Лицо у него было совершенно невозмутимое — все же великолепен, прохвост...

Герцог Витредж величаво склонил голову:

— Прошу садиться, господа...

На столе перед ним лежал украшенный тисненым золотом гербом бювар для бумаг, толщиной и в самом деле не менее кирпича — да, крепенько старички собирались торговаться...

— Мы решили принять ваше предложение, лорд Сварог, — сказал Витредж. — Решение принято единогласно, а здесь... — он положил руку на бювар.

Все дальнейшее произошло как-то буднично.

Барон Лог Дерег с тем же непроницаемым лицом вынул небольшой черный пистолет и выстрелил в висок своему соседу справа. Тот еще не успел завалиться лицом на стол, как выстрелы загрели сплошной чередой. Сварог дважды нажал на курок, ни мало не опасаясь за свою спину — он уже знал от барона, что комната, не впервые использовавшаяся для совещаний дэнго, сделана полностью звуконепроницаемой, снаружи не услышат и пушечного выстрела...

Слева частили два пистолета Мары. Все было кончено в какие-то секунды, в воздухе стоял запах пороховой гари и крови — не способный ни ужаснуть, ни даже ошеломить никого из присутствующих. Ничуть не сентиментальный

народ здесь собрался, видывавший и не такое...

Спрятав пистолет куда-то под мантию, барон прошел к изящному телефону на стене, снял золотистую трубку, назвал какой-то короткий номер и спокойно произнес: — Сокол вылетел, — вешая трубку, медленно оборачиваясь к остальным, продолжал: — Ну, вот и все, сейчас начнется... Что вы делаете?!

Сподвижники Сварога преспокойно, без всякой брезгливости снимали у покойников с шей ключи — длинные, с указательный палец и толщиной с него же, с одинаковыми кольцами и разнообразными затейливыми бородками, похоже, стальные, на длинных цепочках.

Сварог впервые видел барона в совершеннейшей растерянности — и пару секунд, благо время позволяло, откровенно любовался этим зрелищем.

— Что вы делаете? — повторил барон.

— Собираем ключи, — любезно ответил Сварог. — Видите ли, так уж получилось, что мне необходима Машина Последнего Дня...

Рука барона нырнула под мантию, но выхватить пистолет он не успел: Сварог сделал шаг, оказавшись к нему вплотную, вытянул руку, коснулся кончиками пальцев его плеча и произнес недлинную фразу из насквозь непонятных ему самому слов. Барон изменился мгновенно: застыл прямой, словно кол проглотил, опустил руки вдоль тела, лицо застыло, стало не рассуждающим, тупым.

Лишь теперь Сварог с облегчением перевел дух. Бабка Грельфи, как сплошь и рядом случалось, оказалась кругом права: мало кому известное, прочно забытое заклинание «на болванчика», и в самом деле оказалось доштормовым, а потому сработало прекрасно. Сварог, правда, уже пробовал его той ночью на принцессе, и все прошло прекрасно, но кто знает, как могло обернуться с бароном, могли всплыть те самые чертовы примечания мелким шрифтом...

Барон стоял у телефона, как нелепая статуя, за которую и мог быть принят человеком несведущим, если бы не дышал. Соратники Сварога разглядывали его в полном обалдении.

— Эт-то что такое? — осведомилась Мара.

— Это Грельфи, — сказал Сварог. — Все-таки сильна старушка... Все собрали? Снимите и с этого двурушника.

Теперь он, в свою очередь, снял трубку, назвал зазубренный наизусть номер и, когда раздался спокойный женский голос, внятно произнес:

— Тишина. Вы меня поняли? Тишина.

— Я вас прекрасно поняла, — отозвался женский голос, молодой и бесстрастный. — Принято. Тишина.

Повесив трубку, Сварог ухмыльнулся: если он хоть что-то понимал в этой жизни, Золотые Волчицы с превеликим воодушевлением должны были очень быстро вступить в игру, что добавит в городе неразберихи и хаоса. Люди барона наверняка уже напали на резиденции Восьми Семейств, чтобы не оставлять мстителей, а если еще и Золотые Волчицы кинутся в драку... Как-то совершенно не верилось, что свое недовольство они будут выражать митингами и уличными шествиями с плакатами. В Клорене очень быстро раскрутится нехилая заварушка, причем многие, облеченные властью, имеющие право отдавать приказы и располагающие вооруженной силой, попросту не поймут сначала, что происходит, и это прибавит хаоса...

— Давайте-ка сюда, — хозяйственно распорядился он. — У командира целее

будет...

Собрав ключи у сподвижников, повесил на шею восемь цепочек и тщательно застегнул камзол. Весили ключи немало, но приходилось терпеть.

— Куда теперь? — азартно спросила Мара.

— Представления не имею, — сказал Сварог. — Сейчас узнаем... — повернулся к барону и спросил: — Где Машина Последнего Дня?

— Здесь, — отчеканил барон жестяным голосом робота.

— А точнее?

— Во дворце в полуночной башенке.

Сварог даже не удивился: ну конечно, по тем же мотивам, по каким именно здесь часто собирались на совещания дэнго: разве в замке принца Каугена, вахлака и простака, может оказаться хоть что-то мало-мальски серьезное?

— Охрана? — спросил Сварог.

— Четыре человека у подножия лестницы, четыре — в прихожей перед комнатой Машины.

«Простенько что-то», — подумал Сварог. Но врать человек в таком состоянии не способен. А, ну да, всем прекрасно известно, что Машина автоматически сработает, если какой-нибудь нахал примется ковырять ее консервным ножом или ломиком... В самом деле, зачем держать там батальон?

— Охрана нас пропустит внутрь, если мы сейчас туда отправимся с тобой вместе?

— Да, — бесстрастно сказал барон. — Если я скажу, что вы — бригада техников. Обычный профилактический осмотр сопутствующей аппаратуры.

— Ну, вот и началась настоящая работа, ребятки, — сказал Сварог. — Оружие на виду не держать, охрану и прочих гвардейцев в случае надобности постараться гасить без выстрелов. Лучше бы выбраться отсюда без пальбы нам еще до вертолетов бежать и бежать... Пошли!

Он кивнул Маре, и они вышли первыми. Раззолоченного лакея справа аккуратно срубил Сварог, а второго, моментально поняв ход его мыслей, снесла Мара. После чего обоих закинули в золотистый зал и тщательно прикрыли двери. Много времени пройдет, прежде чем кто-нибудь полезет в помещение, где заседают дэнго.

Они зашагали по роскошному коридору — впереди барон, в мантии дэнго. Заклинание в данном случае работало и на внешний эффект: деревянная походка барона вполне могла сойти за величавую поступь, а неподвижное лицо — за отрешенную спесь. Господин дэнго со свитой изволит шествовать, куда именно — не ваше собачье дело, господа окружающие...

Работало! Караульные гвардейцы, завидев их издали, вытягивались в струнку, а лакеи сгибались в низких поклонах. И все равно на душе у Сварога было беспокойно: принц наверняка нетерпением исходит, и мало ли что может выкинуть, если ему кто-нибудь доложит о странной процессии. Во дворце слишком много вооруженного народа, вместо чистой акции получится черт-те что, сплошное безобразие...

Тихий пустой коридор... Ага! Вот они, четверо у подножия лестницы, неширокой и не особенно крутой. Настороженно уставились, черти... Волшебная фраза барона — и они расступились. Ступеньки, ступеньки, каменные, шершавые, ну да, по лестнице поднимается в основном народ пожилой, на полированном камне и поскользнуться может... Кто-то ему говорил, то ли принц,

то ли принцесса, что время от времени дэнго, все восемь, навещают комнату с Машиной — просто так, постоять, посмотреть и уйти, какой-то идущим с незапамятных времен ритуал. Лестница поворачивает вправо. Вот она, прихожая без двери, довольно просторная. Еще четверо, такие же хмуронастороженные. Снова реплика о бригаде техников. И эти расступились без малейшего удивления — должно быть, техники конспирации ради здесь появлялись отнюдь не в замасленных Комбинезонах...

Закрыв за собой дверь, Сварог на миг даже ощутил легкое разочарование: настолько обыденно все здесь выглядело. Ажурная решетка на одном из окон, выходявшем в сторону Итела, подозрительно похожа на сложную антенну, к ней по полу и стенам, тянутся металлические кольчатые кабели толщиной в руку, идущие от серого металлического ящика посреди комнаты. И все. Несомненно, тут полно датчиков на случай визита того самого нахала с ломиком или консервным ключом, но где они? Некогда, да и ни к чему выискивать их с помощью того же умения, что помогает выявлять микрофоны — к чему? Приличные люди, не с ломиками, а с ключами пришли...

На верхней крышке грозного ящика с порога заметны были восемь замочных скважин рядком.

— Присмотри за дверью, — бросил Сварог Маре.

Она кивнула и устроилась напротив двери с двумя пистолетами наизготовку. Остальные так и стояли молча, должно быть, охваченные теми же чувствами, что и Сварог: и это — все?

— Помочь, командир? — отчего-то шепотом спросил Наколет.

— Не нужно, — сказал Сварог. — Сам справлюсь. Не будь у нас ключей... А их вон сколько...

Он вывалил на серую металлическую поверхность тяжеленную звякнувшую связку, распутал цепочки, разложил ключи по одному и стал присматриваться к скважинам, прикидывая, какая для которого ключа предназначена. Что-то понемногу начинало проясняться: этот — сюда, этот — сюда, а эта скважина, конечно же... Попробуем осторожненько вставить один, правый крайний, вошел до упора, до половины стержня... Что-то тут не то, хитрушка какая-то... Руки на серый металл... ага!

Вот что они у себя тут придумали. Ключи следовало поворачивать всяк на свой манер. Крайний правый — на сто восемьдесят градусов, соседний — на девяносто, причем уже по часовой стрелке, а не против. С третьим еще хитрее: сорок пять градусов против часовой, потом углубить на длину бородки, и — на девяносто против часовой. И так далее. Вполне возможно, что эту машинерию господ Дэнго в свое время придумали для защиты не от посторонних, а как раз друг от друга: предположим, кто-то один все же ухитрится прикончить остальных и собрать все восемь ключей — но, не обладая способностями Сварога, он будет лишь знать, как поворачивать свой, а если неправильно крутанет какой-нибудь из чужих сигнализация сработает, например... Дэнго должны были давным-давно разработать кучу предосторожностей не только против посторонних, а именно что друг против друга...

Ну вот и последний, восьмой... Даже сердце замирает чуточку...

Длинный мелодичный звонок, и боковая поверхность ящика ушла в пол. Открылась неглубокая выемка, где на полированной стенке не было никакой хитрой машинерии — только два поднятых вверх прозаических рубильника

непривычной формы: синий и красный. И две металлические прорези длиной в ладонь, чтобы было куда их опустить.

Сварог коснулся их кончиками пальцев. Ага. Если опустить сначала синий, включится полчасовое замедление, чтобы господа дэнго успели, прихватив самое ценное, перепорхнуть на вертолетах к базе подводных лодок и уплыть начинать новую жизнь, наплевав на всех остальных. Ну, синий мы не будем трогать вовсе — во-первых; не стоит потакать неприкрытому эгоизму Восьми Семейств, а во-вторых, этих Семейств, возможно, и в живых-то уже нет трудами присутствующего здесь барона. Забыл поинтересоваться у Грельфи: человек в таком состоянии осознает окружающее или отключается полностью? Тьфу ты, что за дурь в голову лезет, не до того...

Сварог плотно, сжал ладонью красный рубильник. Не было ни мыслей, ни чувств. Перед глазами стояла залитая солнцем Морская площадь, завившаяся спиралью белая дымная полоса, и Делия, падающая из высокого седла ему на руки...

И он решительно опустил рубильник, неожиданно легко скользнувший вниз по прорези до упора.

Какое-то время не происходило ровным счетом ничего, так что сердце у него захолонуло от яростного бессилия: что-то не сработало? какая-то ошибка? неизвестный предохранитель? быть может, вся их чертова Машина — бутафория для легковых?

Потом со стороны Итела пришла волна тяжелого, глухого грохота, и что-то невероятно тяжелое обрушилось наземь так, что стекла в окнах задребезжали. Только тогда он очнулся от нечеловеческого напряжения. И понял — получилось. Но опять-таки не было ни мыслей, ни чувств, одна томительная усталость, как не раз уже случалось прежде.

Тетка Чари вскрикнула что-то, показала в окно. Сварог посмотрел туда. От Клорены до Итела, он помнил — не более двадцати лиг. И отчетливо видел казавшуюся неширокой темно-зеленую полосу, протянувшуюся от серых облаков до земли, выглядела она отсюда неподвижным занавесом — но это, конечно же, вливалась в исполинский пролом вода Итела. Вертикальная вода...

Все усталились туда, кроме барона Лог Дереха, так и стоявшего, как робот, опустив руки, вытянув пальцы рук, с тупым, бессмысленным лицом.

— Ну вот и все, — сказал Сварог. — Пора убираться, — кивнул Шедарису на барона: — Шег, доставить целым и невредимым, головой отвечаешь.

Шедарис спокойно кивнул, взял барона за плечо и развернул к двери, как куклу. Бони рявкнул в совершеннейшем восторге:

— Нет, ну командир у нас гений, точно вам говорю!

— Кто б сомневался... — проворчал Сварог. — Ну все, все, уходим! С пальбой, если иначе нельзя. Нам бы только до вертолета добраться... Но особенно не нарывайтесь, только в ответ... Если первые начнут...

И вышел последним, зачем-то тщательно притворив за собой дверь.

Глава XIV

Высокое искусство бегства

В прихожей четверо охранников торчали у выходящей на Ител стены и напряженно прислушивались — в комнатухе не было ни единого окна, но они не могли не слышать грохота взрыва и шума обрушившихся с приличной высоты гигантских обломков камня. Лица у всех испуганные, один растерялся настолько, что бросился к барону, схватил его за рукав мантии и вякнул:

— Ваше великолепие...

Барон, как и следовало ожидать, прошел мимо него деревянной походкой, с бессмысленным лицом, вполне способным сойти за спесивое. Сварог мимоходом рявкнул командирским тоном:

— Пр-родолжать службу!

Часовой с ошалевшим лицом отшатнулся. Обошлось. Никто из них пока что не сложил два и два. Как и те четверо у подножия лестницы — там, правда, имелось окно, у коего все бравые караульчики и сгрудились, таращась на Вертикальную Воду. Сварог, грозно прикрикнул и на этих:

— Ну, что столпились? По местам!

Поддействовало и на этих. Оказавшись в коридоре, Сварог перешел в авангард и двинулся уже быстрым шагом, чутко прислушиваясь. Вроде бы не походило пока, чтобы во дворце начиналась паника — но справа двое, судя по звукам, промчались бегом. Грохотали сапоги — значит, военные, лакеи-то расхаживают в туфлях. Он лихорадочно вспоминал план дворца. Шагов через двадцать свернуть направо, будет витая лестница для слуг, ведущая к одному из боковых выходов...

— Стойте!

Здоровеньки булы, давно не виделись... Посреди коридора стоял принц Кауген — лицо злое, недоумевающее, растерянное. Что-то не понравилась Сварогу небольшая выпуклость под левым локтем роскошного камзола принца — впрочем, уже короля, пусть и некоронованного. Королевство, правда, получилось недолговечное, но тут уж ничего не поделаешь, ребята...

Откуда-то сбоку выдвинулись двое гвардейцев с автоматами наперевес — пока еще наперевес. Их, надо полагать, смущал барон в мантии дэнго, и прицелиться открыто не решались, хотя по рожам видно, что способны..

— Что случилось, лорд Сварог? — выдохнул принц, покосившись на высокое окно, из которого великолепно просматривалась темно-зеленая полоса Вертикальной Воды. — Это же Машина заработала!

— Вам виднее, — сказал Сварог. — Я здесь человек новый... С дороги!

Невероятно, но у принца стало такое выражение лица, словно он понял все. Он бросил руку под камзол, крикнул что-то гвардейцам...

За спиной у Сварога раздалось три выстрела — судя по почерку, Мара — и вся троица, подламываясь в коленках, рухнула на роскошный ковер. Ну вот, началось. Нашумели. А что оставалось?

— Шег, Леверлин, заберите автоматы, — сквозь зубы распорядился он. — Что уж теперь...

Оба кинулись к оружию. Справа запахнулась дверь, послышался приглушенный женский крик. Сварог {Развернулся в ту сторону. Принцесса Гайния

смотрела на него круглыми от ужаса глазами:

— Лорд Сварог, это ведь и правда Машина... Это же конец!

Черт его знает, что на него нашло... Сварог крепко ухватил ее ладошку свободной от пистолета рукой и потащил за собой, крикнув:

— Бежим, дура! Это да, конец!

Она ошеломленно подчинилась, даже не пробуя упираться. Всей компанией они с грохотом ссыпались по витой чугунной лестнице для прислуги, внизу, у входной двери, нос к носу столкнувшись с гвардейцем — тот, держа наперевес ручной пулемет с массивным подствольным магазином и дырчатым кожухом ствола, военных действий не собирался открывать, попросту ошалело таращился, ничего не понимая в происходящем и увиденном. И тут же получил от Сварога ногой под горло. Бони кинулся на пулемет, как кошка на жирную мышь, подхватил, лязгнув затвором оскалился:

— Вот теперь живем... Как люди.

Сварог осторожно приоткрыл дверь и выглянул на улицу. Ни паники, ни суеты там не наблюдалось, там вообще не видно было ни одного человека — зато наверху, в коридоре, из которого они спустились, начиналась беготня, суета, лязг затворов, слышалось что-то похожее на военные команды. Положительно, пора уходить, не прощаясь...

Прикинув направление, он распорядился:

— За мной!

Зачем-то пригибаясь, пересек мощеную розовым камнем дорожку, все еще не выпуская ладони принцессы, остановился, прикрикнул:

— Бегом, орлы!

Орлы, которым было не впервой, припустили во всю прыть. Только вяло переставлявшего ноги барона Шедарису пришлось буквально волочь на буксире. У принцессы с ног давно слетели фасонные золоченые туфельки, но она послушно бежала следом.

Пересекши несколько дорожек и аллей, они уже оказались на бетонированной вертолетной площадке, когда сзади, достаточно далеко пока, послышались; выстрелы. Ну вот, кто-то дернулся в погоню... А буквально в десяти шагах помещался начищенный до блеска, с короной принца на боку, как раз тот самый вместительный винтокрыл.

И два гвардейца рядышком, оторопело таращившихся на странных визитеров. Не теряя времени, не тушуясь, Сварог показал большим пальцем за спину и рывкнул:

— Заговорщики! Мятеж! Нужно спасти господина дэнго и принцессу! Я кому сказал — задержать!

Пули шлепали по деревьям уже совсем близко.

— Задержать, говорю! — рывкнул Сварог некормленным медведем.

Физиономии гвардейцев стали гораздо осмысленнее — оба обрели ясную конкретную цель, властное командное рывканье делает с военными людьми чудеса... Оба, клацнув затворами, встали за ближайшие деревья и принялись огрызаться короткими очередями. Погоня, судя по их стрельбе, проворно залегла.

— Прикрой, — кивнул Сварог королю Арира.

Тот проворно примостился за деревом, упер сошки в траву и выпустил пару коротких очередей, громко бормоча:

— Вот это нашенские игры...

— И вы тоже, пока заведу движок! — приказал Сварог остальным. — Все, кроме Шега! Шег, тащи его сюда!

Распахнув дверцу и пренебрегая невысокой алюминиевой лесенкой, Шедарис зашвырнул барона в вертолет, как мешок картошки, прыгнул следом, принял у Сварога принцессу и опять-таки без особых церемоний толкнул в ближайшее кресло. Сварог плюхнулся в пилотское кресло и, вмиг сориентировавшись, проделал нужные манипуляции, попутно бросив беглый взгляд на приборную доску и убедившись, что бак почти полон.

Над головой у него стали понемногу раскручиваться лопасти, мощное лопотание винта крепло. Он покосился влево. Так, погоню пока что успешно сдерживали — правда, один из гвардейцев лежал неподвижно, но свои все целы. Плохо, что у Бони только один магазин... черт, когда эта скотина наберет обороты...

Бони растерянно обернулся на вертолет — ну вот и все, кончился у него магазин. Однако индикатор уже показывал нужное число оборотов. Сварог жестами велел собрату — королю и остальным бежать к вертолету. Они, пригибаясь, вереницей кинулись к лесенке. Паколет... Леверлин... Мара... Тетка Чари... Все!

Он поднял вертолет на всей скорости, на какую машина была способна. Был уже в лиге над землей, когда из леса (видимо, и второй гвардеец убит) выскочили человек с полдюжины и принялись ожесточенно лупить по вертолету из коротких автоматов, идиоты — на таком расстоянии уже не попадешь...

Чуть подумав, Сварог, миновав высокий глухой забор (там уже никто не пытался в него стрелять), ушел к самой земле и довольно долго шел на бредущем над широкой автострадой — чтобы преследователи не определили направления, в котором он драпанул. Когда дворец исчез за деревьями, развернул машину и взял курс прямехонько на гигантский тоннель, предназначенный для исхода (или улета?) здешней военной авиации.

Эта-то авиация его больше всего и беспокоила. Во дворце да и в столице, надо полагать, паника и неразбериха. Но кто там ведает их дворцовые правила безопасности? — вдруг да сыщутся поблизости истребители, которые недолго послать в погоню? Истребитель на хвосте — это верная смерть, пользуясь преимуществом в скорости, догонит в два счета и разнесет в клочья... Или обойдется? И никто из тех, кто обеспечивал безопасность дворца, не предвидел угона вертолета?

Вертикальной Воды он больше не видел — она осталась за спиной. Несся над дорогами, распаханными полями, городками и деревнями, стадами разбегавшихся коров, бедноватыми замками. Один раз пролетел над военным аэродромом с шеренгами истребителей (наклепали же, черти!), но непохоже, чтобы вызвал там желание пуститься в погоню.

Посмотрел на часы, быстренько проделал в уме несложные расчеты. Примерно через, квадранс следовало притормозить, а в там и вовсе зависнуть — впереди ждала главная опасность. Тот самый охранный пояс, который Токереты возвели, перед входом в туннель, чтобы никто без дозволения начальства не вздумал рвануть наверх самостоятельно, по своему хотению. Он прекрасно помнил, что там понатыкано немало разного добра и для пеших беглецов, и для летящих; пулеметные гнезда, зенитки... Сбить могут в два счета, и фами-

лии не спросят. Быть может, есть какой-то пароль или условный сигнал, но откуда Сварогу его знать? Какова прицельная дальность здешних зениток? Да кто ж ее знает... Конечно, он перед путешествием сюда самым, тщательный образом все рассчитал и приготовил себе великолепное прикрытие, но ведь нужно еще точно знать безопасную дистанцию...

Ага. Не так уж и далеко впереди — стена пещеры, и даже видно жерло туннеля — правда, казавшееся отсюда не шире пивной кружки. И отсюда уже можно разглядеть крохотусенькие зенитные пушки первую пояса... Уж не пора ли?

Не колеблясь, он остановил машину в воздухе, почти над самой землей. И послал мысленный приказ тем, кто страховал его в туннеле. Мушкетерские времена давно миновали, и всякую операцию следовало разрабатывать со всем прилежанием...

Ох, как впечатляюще это выглядело! Из туннеля вынырнули два; Золотых Дракона. И при нормальных размерах Сварога они выглядели внушительно, а уж сейчас, когда он ростом был не больше пальца, даже издали казались стратегическими бомберами.

Золотые гиганты, распростерши неподвижные крылья, величественно прошли над нагромождением дикого камня, разомкнулись, разошлись в стороны, медленно пошли навстречу друг другу — и на землю, на зенитки и пулеметные гнезда, на тройные ряды из колючей проволоки обрушились потоки яркого сиреневого пламени. И еще один боевой заход, и еще... И четвертый — надо полагать, там, на земле, еще уцелело что-то, способное причинит вред королю и его спутникам.

А потом пришел сигнал, гласивший, Что путь свободен. Золотые Драконы, как им и предписывалось приказом, парили по обе стороны туннеля — на случай, если все же объявится какая-то воздушная погоня. Сварог повел вертолет прямехонько в туннель, предварительно включив фары. Вот теперь он точно знал, что ни внизу, ни позади никакой опасности нет.

— Командир, — позвала Мара.

— Что? — спросил Сварог, не оборачиваясь.

— Тут наша принцессочка в обморок ляпнулась. Когда увидела птичек. Не помрет, я так думаю?

— Вот и я так думаю, — сказал Сварог, ведя вертолет посередине туннеля, — а впереди ширилось светлое пятно.

Оказавшись снаружи, он аж прищурился, перед глазами заплясали цветные пятна — несколько дней не видел солнца, и теперь оно показалось нестерпимо ярким. Чтобы не разбить машину к чертовой матери и не угробить людей, едва перелетев через речку, пошел на посадку, отчаянно щурясь и смагивая слезы. Посадка получилась не столь уж мягкая, вертолет ощутимо хряпнулся оземь, но все же это была посадка, а не авария.

Поодаль возвышалось нечто, напоминавшее океанский лайнер без мачт и труб — но это, конечно, была всего-навсего хельстадская летающая лодка. Земля чуть затряслась — это от лодки к вертолету спешила великанша, в которой Сварог не сразу и узнал Яну. Опустившись у вертолета на колени, она попыталась заглянуть внутрь, за иллюминатором показался огромный голубой глаз. Пришедшая было в себя принцесса жалобно пискнула и вновь лишилась чувств, но на эти мелочи уже никто не обращал внимания — не смертельно,

чай...

На великанском глазу заблестела огромная слеза, и Сварог побыстрее сделал жест, означавший, что все в порядке. И почувствовал, что вертолет плавно поднимается в воздух в руках великанши. Яна старалась нести его к лодке как можно бережнее, но все равно их порой потряхивало в креслах — сущие пустяки после всего, что пришлось пережить. Кто-то, сидевший в лодке; столь же осторожно принял у нее вертолет, Яна села рядом, и Сварог почувствовал, как лодка медленно взмывает в воздух.

Оставались сущие пустяки — добраться до виманы, стоявшей буквально в паре уардов от границы Хелльстада, той самой, на которой они сюда прилетели. Ну, а там им в два счета вернули бы нормальный рост — а принцессу, соответственно, сделали бы человеком столь же нормального размера. Да и господина барона тоже — вот с кем в самое ближайшее время начнутся долгие и вдумчивые беседы...

Только теперь Сварог позволил себе блаженно расслабиться, хотя и знал, что отходить придется еще приличное время. Ничего, в вимане наверняка найдется что выпить, чтобы у Брагерта, да еще в такой ситуации, не нашлось?

— Ну что, лилипутики? — спросил он, не открывая глаз. — Кажется, мы и на этот раз лицом в грязь не ударили?

— Уж это точно, — отозвался Бони. — Так ведь на то они и мы, командир, а?

— Короче, жизнь прекрасна, — кратко резюмировала Мара.

Эпилог

Сварог Барг, король королей, несомненный герой дня, повернул, крохотный золотой краник на стоявшем перед ним на столе бочонке из темных дубовых дощечек с клеймами, аккуратно заполненными красной краской. Налил до краев серебряную стопку — тот самый знаменитый келимас с острова Ройре, двадцатилетней выдержки. На сей раз настоящий подарок, присланный царем Гипербореи.

Осушил до половины, откинулся на спинку кресла, слушая звучащий с неповторимой хрипотцой голос Тарины Тареми:

*Хорошо, когда себя нашел и прекратилось чертово мученье.
Хорошо, когда вопрос решен и знаешь ты свое предназначенье.
Хорошо, как хорошо, когда ты четко вычислил свою комету!
А если этого в помине нету, то что прикажете тогда?!
А если нету, нету, нету, нету, то что прикажете тогда?!*

Вообще-то песня нисколько не соответствовала ситуации. Как раз наоборот. У Сварога не должно было быть оснований даже для легкой меланхолии. На сей раз победа получилась настоящая, серьезная, звонкая...

Специалисты Канцлера вывернули барона Лог Дереха наизнанку, как старый носок. Конечно, в переносном смысле, но вытряхнули все. Работа еще продолжалась, спецгруппы Техниона и научно-технических отделов трех имперских разведок со всеми мыслимыми предосторожностями извлекали «закладки» Токеретов, таившиеся порой в самых неожиданных местах: ядерные устройства, контейнеры со сверхпроводниками, устройства, готовые по короткому условному радиосигналу выпустить облака холерных вибрионов, чумных бацилл и прочую дрянь. Сама радиостанция, таившаяся в неприметной

бакалейной лавочке на окраине Снольдера, уже демонтирована, как и запасная, тщательно замаскированная на чердаке некоего благородного графа из Латерацы.

Параллельно гребли агентуру Токеретов на земле — от главарей разбойничьих шаек и университетских лекторов до благонравных купцов, а то и дворян. Был даже арестован некий благородный лар, граф с безукоризненной репутацией при дворе.

В полном соответствии с заранее разработанным планом маркиз Оклер, едва получив сообщение о возвращении Сварога, поднял по боевой тревоге Морскую бригаду. И пустил на дно все замеченные с орбиты подлодки Токеретов — от тех девятнадцати нормального размера до «мелкоты». Все до единой тайные базы подлодок, устроенные на Харуме и островах, либо без церемоний уничтожены, либо захвачены. Ненайденной оставалась только одна, о которой и барон не знал, где она находится — но тревожиться не стоило, это была не военная база, а то самое убежище, обустроенное для себя дэнго где-то на островах Девайкир. Но и ее, в конце концов, как заверяли специалисты, рано или поздно отыщут. Дело времени. В общем, уже сейчас можно сказать, что Талар навсегда избавлен от любой угрозы со стороны океранга.

Да и не было больше никакого Токеранга. Едва сделав Яне и Канцлеру обстоятельный доклад, Сварог полетел в Хелльстад и поднял на ноги всю свою ученую братию, поручив в кратчайшие сроки разработать кое-какую аппаратуру. Когда снабженные ею десятки Золотых Щук проникли в пещеру через тот самый рукотворный провал и обстоятельно поработали, выяснилось, что все кончено. Пещера залита водой под самый свод (затопило даже примерно треть туннеля). Выяснилось, что принц тогда совершенно точно описал Маре все детали Последнего Дня: ядерные реакторы заглушены, практически выведены из строя, все научно-технические заведения уничтожены, база подводных лодок взорвана, и ничего живого, естественно, если не считать речных рыб, преспокойно плававших повсюду.

Одним словом настоящая победа, которой грех бы стыдиться... На груди у Сварога сияла драгоценными камнями и многоцветной эмалью Туманность Андромеды — один из высших и самых старых орденов Империи. Оказалась она там очень быстро трудами Диамер-Сонирила — принц, как и в случае с Брашеро, гордо объяснил четырем мирам и восьми сторонам света, что это именно его Канцелярия в лице начальника восьмого департамента, если еще точнее, лорда Сварога и его группы, добилась столь выдающегося триумфа. С формальной точки зрения к старому бюрократу не придерешься. Голову можно свихнуть, взявшись вдумчиво рассуждать, под которой из своих личин выступал в тот или иной момент лорд Сварог — то ли глава девятого стола, то ли начальник восьмого департамента, то ли земной король. Что ни заяви, опровергнуть невозможно. Сам Сварог и не пытался ничего подтвердить или опровергать — какой смысл? Главное, и Странную Компанию принц не обделил имперскими регалиями, правда, не столь высокими. Диамер-Сонирила не переделаешь, а сподвижникам будет приятно, добавит авторитета и Бони, и королеве Сегура и Дике, и Леверлину в глазах сурового отца... Пусть уж...

Серьезная победа, без дураков. И не имеет значения, что во многом Сварогу помогли победить так быстро сами Токереты — готовые сожрать друг друга, как пауки в банке и ради этого выдававшие секреты, которых ему в других

условиях пришлось бы доискиваться гораздо дольше. Важны не обстоятельства, а результат.

И все же, все же... Он не чувствовал себя триумфатором, ни на мизинчик, и дело тут было не в скромности, а в чем-то другом. Он ни о чем не сожалел, доведись повторить все, поступил бы точно так же — и все равно, где-то в глубине Души таился некий мутный осадок, словно в бутылке скверного вина. Понять это чувство он не мог, хотя несколько раз пытался...

Он встрепенулся, поднял голову, вмиг определил, который из полудюжины золотых колокольчиков в углу стола мелодично позвякивает. Ну да, кому же еще быть, коли уж он отдал приказ беспокоить его сегодня в строго определенных случаях...

Повернул рычажок под колокольчиком, и в малый кабинет бесшумно вошел статс-секретарь — высокий, костистый, с залысинами, исправный служака и человек безусловно преданный.

Встретив вопросительный взгляд Сварога, он негромко доложил:

— Как вы и приказывали, ваше величество, надпись с постамента памятника принцессы Делии сбита со всем прилежанием...

— Мое благоволение мастерам, — вяло сказал Сварог. — Ну, и по десятку золотых, что ли... Да, как там отец Грук?

— Еще не приступал, ваше величество.

— Отлично, — сказал Сварог и встал. — В случае неотложного дела ищите меня у него...

Он резко отодвинул кресло, прошел мимо почтительно отстранившегося статс-секретаря, кивнул вскочившим ратагайцам и пошел в ту часть дворца, где располагались покои для королевских гостей из тех, что попроще (от более роскошных покоев Грук в свое время, отказался категорически, хотя Сварог и предлагал).

Статс-секретарь, как обычно, оказался точен в формулировках — отец Грук еще не приступал, хотя готовился обстоятельно — разложил по тарелкам вяленую кабанятину, вяленую же желтоперку, лесную редиску (которой в Каталауне отчего-то любили закусывать пиво). И в данный момент неторопливо и обстоятельно очищал столовым ножом фиолетовый сургуч с широкой осмоленной пробки. Здоровенный пузатый кувшин с коротким горлышком, и еще три таких же дожидаются своей очереди в углу. Судя по выдавленному на боку клейму и фиолетовому сургучу — отличный черный нэлыг из дворцовых пивоварен. Обычному человеку хватило бы и одного такого сосудика, чтобы оказаться под столом, но отец Грук кое в чем мало уступал принцу Элвару...

Чуть приподнявшись в знак уважения (Сварог ему, как и некоторым другим, разрешил наплевать на правила этикета, предписывавшие встречать короля гораздо более почтительным образом), отец Грук, не прекращая своего занятия обрадованно пробасил:

— Вот кстати, государь! Всему этому великолепию не хватало только доброго сокомпанейца-застольщика. Надеюсь, волей Божьей я его в вашем лице обрел?

Он аккуратно стряхнул на блюдечко остатки сургуча и поставил перед Сварогом, присевшим напротив, второй глиняный стакан хорошей работы, высокий, вмещавший не менее бутылки (любому знатоку известно: «нэлыг любит глину»). Встал, обеими руками взял кувшин, бережно прижимая его к объеми-

стому чреву, первым налил гостю, потом уж себе.

Сварог не прикоснулся к своему стакану. Сидел, чуть ссутулившись, явственно ощущая все тот же мутный осадок в глубинах души. Почему-то вспомнил спасенную им по какой-то глупой прихоти принцессу Гайнию, пребывавшую сейчас на пляжах Ракамерати, роскошном силванском курорте для благородных ларов. Вот у кого все в порядке — как явствует из донесений, в совершеннейшем восторге от моря, солнца, высоких желтых дюн, а особенно от земных нравов с их равноправием женщин. Расчувствовался. Спас, благодетель этакий. Одну из пары миллионов, мало чем из них выделяющуюся...

— Что с вами, государь? — тихо спросил отец Грук.

Вам бы радоваться — такое дело провернули... А вид у вас что-то совсем уж унылый отчего ж так? — он присмотрелся. Знаете, с такими лицами люди обычно приходят отпущение грехов просить, уж простите, если что не так болтнул.

А вы можете дать отпущение грехов? — не глядя на него, тусклым голосом спросил Сварог.

— В два счета, прости Господи, за такую вольностью словесах... — пожал могучими плечами отец Грук. — Я как-никак не расстрижен, хотя и грозились пару раз... — он замолчал, присмотрелся к Сварогу тем взглядом, какой можно встретить лишь у врачей и священников. — Вам? Это за что же такое, государь?

— За Токеранг, — глухо сказал Сварог. — Нельзя было иначе, доведись до дела, повторил бы то же самое, и тем не менее... Понимаете, там были женщины, дети, множество ни в чем не повинных людей... Муторно как-то у меня на душе...

— Ах, вот оно что... — протянул отец Грук. — Там не было людей, государь. Там были создания, как две капли похожие на людей, и не более того. Наделенные речью и разумом, но, лишенные души. А потому как бы и не существующие в глазах Господа. Для него имеет значение лишь бессмертная душа — а они состояли лишь из брэнной плоти. И в глазах Господа были все равно что придорожная трава, смять которую не есть грех.

— Вы так считаете? — тихо спросил Сварог.

— Это не, я так «считаю», — с нескрываемой обидой произнес отец Грук. — Это Господь так установил. Нерадивый порой из меня слуга Божий, что скрывать, да и не богослов я, но уж каноны-то знать обязан... Грех совершает тот, кто губит душу. Отсюда и пошло «душегуб». А вы не загубили ни единой души, государь, так что греха на вас нет, и отпустить нечего. Крестом Единого клянусь так и обстоит. Нельзя отпустить грехи, которых не было... а если сделать это для виду, просто чтобы успокоить мятущуюся человеческую душу, — вот это уже и будет нешуточный грех...

Он говорил негромко, веско — и от этого басистого, убедительного голоса мутный осадок в душе, Сварог чувствовал, стал словно бы истаявать, пропадать.

— Нельзя было иначе, — сказал он то ли собеседнику, то ли самому себе.

— Вот именно, что никак нельзя, — прогудел отец Грук. — Вы уж накрепко запомните, государь: нет погубленной души — нет и греха... И хватит об этом, простите за смелость. Давайте лучше выпьем за что-нибудь хорошее.

— Давайте, — сказал Сварог, протягивая руку к своему стакану и уже не

чувствуя в душе противного осадка.

Красноярск, 2015

Александр Бушков АЛЫЙ, КАК СНЕГ

*В занимательности Александру Бушкову не откажешь.
Книжное обозрение*

*Если вы читали хотя бы одну из историй о Станиславе Свароге, не сомневайтесь, дальше — только интересней.
Радио «Маяк»*

*В деле создания героев Александр Бушков никогда не промахивается... Герой Бушкова всегда обладает провинциальной самоуверенностью, здравомыслием и крепкой психикой советского офицера. Сварог тут не исключение.
Книжная витрина*

*«Сварог» вывел Александра Бушкова в число фантастов первой лиги.
FANтастика*

*Книги Александра Бушкова о Свароге стали мгновенной классикой в то время, когда понятия «русское фэнтези» еще и не существовало.
Мир фантастики*

*...Великолепная фэнтезийная проза. Уникальный, ни на что не похожий, глубоко продуманный мир. Мощная магия, мрачные пророчества. Фирменный стиль, искрометный бушковский юмор.
Русская фантастика*

*Добросовестное отношение к военным и державным реалиям, глобальное авторское видение мира, внятность мотивов и обоснованность поступков персонажей...
Книжное обозрение*

*Есть писатели, которые несут золотые яйца, а есть — которые пишут хорошие книги. Александр Бушков старается это совмещать.
Русский журнал*

*Таларский цикл — самый любимый поклонниками Бушкова. Это изумительный язык: легкий, занимательный, понятный, с приятным юмором.
Ozon.Ru*

Глава I

ДЕЛА ТЕКУЩИЕ

*Их было сильных — семеро, их было смелых — семеро...
Андрей Вознесенский*

*Живите так, словно смерти нет.
Текумсе Падающая Звезда, индейский вождь*

Бумага — проклятье для толковых королей. Тех, кто не передоверяет дела первому министру. Сварог, памятуя завет Мазарини, первого министра себе брать не собирался: глуповатый только испортит дело, а умный и оборотистый непременно постарается забрать себе побольше власти, что не раз случилось в истории обеих планет...

Вот только постоянный поток бумаг... Как их ни распределяет соответствующим конторам и верным людям, самому достается столько, что иногда волком выть хочется...

Он закурил и с превеликим удовольствием отодвинул стопку бумаг, с печатями и без, и грифами учреждений (самых что ни на есть грозных на континенте). Справился. Хорошо еще, что часть документов попала непосредственно на его компьютер — меньше работы... Но все равно, времени и те и другие отняли изрядно.

Обстоятельства сложились так, что он, одолев эту грудку, не испытывал ни малейшей радости. Скорее уж нечто вроде скуки — еще одна зловещая тайна получила самое что ни на есть жизненное объяснение. Собственно говоря, он об этом догадывался еще в те времена, когда остался единственным уцелевшим на перевозившем каторжников корабле. Но тогда перед ним были лишь обрывочки тайны, а теперь ее размотали целиком. Ну, что тут скажешь? Одной заботой меньше. А ведь их еще столько осталось, забот...

Порой самое рядовое на первый взгляд событие влечет за собой целый клубок открытий и тайн. Так и на сей раз произошло.

Очень долго на Сегур, ввиду его полной незначительности в таларских делах короли (и Сварог в свое время тоже) отравляли послами, вообще дипломатами и тайными агентами тех, от кого в хозяйстве и так не было особенного толку: то слезно уприсит кто-нибудь дать перед пенсионом теплое местечко его бездарному родственнику — и придется уважить, потому что просящий человек нужный, следует чем-нибудь отличить, а выполнить такую просьбу королю ничего не стоит. Порой само министерство иностранных дел засунет в сегурскую дыру какого-нибудь бездельника, успешно провалившегося в других местах все, что ему было поручено. До мало ли вариантов...

Однако теперь, когда на троне Сегура (и Дике, господи мои!) сидела королева Мара Первая, игравшая немалую роль в свершениях Сварога Барга, дипломаты подвластных Сварогу стран (и не подвластных тоже) быстро сообразили, что тактику надо менять — на доске для игры в шакра-чатурандж появилась новая серьезная фигура, с которой следовало считаться (причем и Свароговы дипломаты в большинстве своем пришли к этим выводам самостоятельно, без его понуканий).

Так что прежних, ни на что толковое не способных кукол с верительными

грамотами стали отзываться в массовом порядке — а на смену им отправлять людей поумнее и поспособнее (Что интересно, первой сориентировалась Лавиния, сменив весь состав посольства, от дипломатов до немногочисленных шпионов). Вот корабль с ее новым посольством как раз доплыл до Сегура благополучно. А корабль снольдерского посла (лично известного Сварогу, несмотря на молодость) пропал без вести — по некоторым данным, не так уж и далеко от Инбер Колбта, уже миновав архипелаг и двигаясь к Сегуру.

Сварог, понятно, рывкнул. Снольдерское морское бюро (а заодно и все прочие службы других стран, имевшие отношения к морским делам) принялись работать в авральном режиме. Море есть море, не раз случалось, что пропадали без вести и «купцы», и рыбаки, а то и военные корабли, как гласит старинная формула: «От неизбежных на море случайностей...» — но вот корабль с посольством пропал впервые...

По совести говоря, подозревали в первую очередь заклятую подругу Сварога Лавинию — это было в ее стиле. Однако работавшие по Лорану разведки никаких следов не нашли. И взялись копать с удвоенной силой (если только это выражение применимо к морю). Сначала как следует расспросили пиратов, попавшихся под горячую руку в портах. Безрезультатно. Капитаны твердили, как один: они люди солидные, текущий момент понимают прекрасно и ни за что в жизни не стали бы нападать на корабли Сварога — знают, чем это чревато. Вот разве что всевозможные отморозки, не понимающие, что времена изменились, пошедшие на службу к Лавинии Лоранской или Святой Земле... Но и о них что-то не слышно, чтобы *шалили* с кораблями под флагом самого опасного на Таларе короля...

Всех поголовно расспросить не успели — кое-кто еще был в море, неведомо где. Но тут в Фиарноле сыщики даже не Морского бюро — обычной сыскальной полиции, поймав на горячем очередного скупщика краденного, по мелочам не игравшего и скупавшего только дорогие драгоценности и камни, устроили обыск по всем правилам. Искали золотые кубки, украденные у коменданта порта. Кубки вообще-то тоже нашли — но обнаружили еще чуть ли не пригоршню весьма дорогих женских украшений, не числившихся в розыскных листах.

Уже через три дня стало известно: драгоценности — снольдерской работы. А там и выяснилось, что принадлежат они супруге без вести пропавшего снольдерского посла (отыскалось и несколько перстней, принадлежавших ему самому, и его кинжал в дорогой оправе).

За скупщика, естественно, взялись всерьез, обещая, что все неприятности с законом, какие с ним до сих пор случались, сейчас покажутся легкой щекоткой. Скупщик быстро *поплыл* и сдал поставщика — не пирата, просто сизмальства промышлявшего всевозможной контрабандой, вообще всем незаконным, чем можно промышлять на море, дослужившегося на этом тернистом пути от юнги до капитана солидной двухмачтовой бригантины. Ему тоже обещали много веселого, и он не особенно запирался и хотя в прежние времена, до появления на Таларе Сварога, всегда молчал как рыба выдерживая «активное следствие» полегче (с особым пристрастием его никогда не допрашивали, умел прятать концы в воду).

В другие времена, очень возможно, ему не поверили бы, а то и упрятали в соответствующую лечебницу. Однако теперь, когда слишком многие — и Мор-

ское бюро, и обычные капитаны — были осведомлены о том, что иногда плавают под водой, не имеющие отношения к морской живности, Баронесса Герлах, едва донесения дошли до нее, сообщила Сварогу...

Сварог прилетел в Фиарнол немедленно, предварительно велел беречь капитана, как зеницу ока, и до его прибытия не допрашивать. После чего занялся им сам. Капитан, порой постукивая зубами от ужаса, рассказывал, что это ремесло, смело можно сказать, в его роду наследственное: и дедушка им занимался, и папа, и двое дядей. Дедушке в свое время как-то посчастливилось свести «знакомство с загадочными моряками, плававшими под водой на странных штукаках...»

Он в точности описывал ту самую подводную лодку, выпустившую в свое время дакату на корабль каторжников — из темного дерева, длиной уардов в сто, рубка (хотя самого этого слова капитан и не знал) — похожа на распиленную пополам пузатую бочку, круглые иллюминаторы в металлической оправе... Еще перед смертью отец ему рассказал о фамильном промысле, описал внешний вид этой загадочной штуки (по его словам, не имеющей никакого отношения к нечистой силе), места встречи, систему сигналов. И он отправился в море на корабле — да так и прикипел душой. Благо ходить на абордажи и грабить прибрежные городки не было нужды: всего-то встретиться в условленном месте, после обмена сигналами принять груз, продать его верным людям, а потом отвезти деньги (или некоторые тюки, вручавшиеся некими неизвестными). Судя по тому проценту, что ему платили, неизвестные «из-под воды» возили что-то весьма ценное, так что всем участникам цепочки доставалось немало. Однако что это за лодка, капитан так никогда и не определил (но Сварог-то помнил, что их как минимум две).

Дальше было совсем просто — сеть, раскинутую на берегу странными «подводниками», стали выявлять и ловить со всем усердием. Однако попадались только посредники, вроде капитана с его фамильным ремеслом. Никто из них представления не имел, что это за загадочные моряки такие, где обитают и чего, собственно, хотят от жизни (да и с дакатой их практически никто не связывал — даката была как бы сама по себе, вот ее-то как раз считали одной из разновидностей морской чертовщины, известной вроде бы лет шестьсот).

Сварог в морскую чертовщину как-то не верил — ну, в данном случае. Он собрался было посоветоваться с глазу на глаз с маркизом Оклером — но тут появилась Яна...

Оказалось, она из чистого любопытства решила взглянуть в свой магический шар, в котором и высмотрела селения Хитрых Мастеров. Просто так — а вдруг кто-то остался. Ни одного огонька она не высмотрела ни на Харуме, ни на обитаемых островах — но в двух местах на Инбер Колбта все же увидела что-то похожее — правда, огоньки были чуточку не такие, не пронзительно-алые, а бледно-розовые.

Услышав это, Сварог не колебался. Поисками занялись уже не на земле, а за облаками, куда уходили и все трофеи из тайников скупщиков, и даже целых подпольных складов — и все причастные, конечно...

Он исправно доложил Канцлеру, едва только на земле взяли сеть — снова не тот случай, чтобы мушкетерствовать и скрывать что-то. В конце концов, эти чертовы подлодки грабили и уничтожали его корабли.

Кто-то в Технионе сторяча предлагал объявить Белую тревогу — но Канц-

лер, не особенно и задумываясь, сказал, что не видит смысла: угроза не столь уж серьезная, пусть и загадочная крайне...

Но громадный механизм развернулся на полную: восьмой департамент (где никаких данных о связи дакаты с подводными пиратами не отыскалось), девятый стол, Технион, Кабинет Канцлера, Яна в качестве консультанта — благодаря ее Древнему Ветру, и в завершение — Морская бригада со всеми ее нешуточными возможностями, нацеленными как раз на море...

Главные подозрения как-то сразу легли на Инбер Колбта с его девятью сотнями островов и существу лабиринту протоков меж ними. За всем архипелагом восьмой департамент не наблюдал, порой решая чисто мелкие задачи вроде поимки особенно насолившего пирата (тактика, заведенная еще при предшественниках Гаудина, оказавшаяся, как выяснилось, глубоко ошибочной).

Поначалу дела шли туго. Орбиталов слежения туда стянули множество, но они ничего не обнаружили — разве что пару-тройку пиратских кораблей беспредельщиков, по этой причине давным-давно числившихся в розыске сразу в нескольких спецслужбах Сварога (куда они и угодили, когда выяснилось, что к подводным пиратам не имеют никакого отношения). Отловили и с дюжину очередных ловцов удачи, издавна искавших в глубинах Инбер Колбта каждый свое — от старинных кладов до Крепости Королей. Поскольку никаких преступлений они, строго говоря, не совершали, их попросту вышибли за пределы архипелага, припугнув, что загонят в Три Королевства на ударную работу киркой и мотыгой (эти, как и пираты, уверяли, что знать ничего не знают о подводных лодках — ну, разве что слухи иногда ходят, так мало ли слухов клубится вокруг Инбер Колбта...)

В конце концов, взялись за указанные Яной два острова, тоже безрезультатно (те самые примечания мелким шрифтом, Древний Ветер, несмотря на всю свою мощь, не всегда мог помочь и почему-то не действовал в море, ниже уровня моря точнее). Подлодки пиратов должны быть, где-то у них на тех двух островах, должны быть базы, как же без этого — но их не могли отыскать ни Яна, ни орбиталы Морской бригады (когда Сварогу об этом доложили, у него зародились определенные подозрения, впоследствии подтвердившиеся).

Успеха добился не кто иной, как профессор Марлок, пустивший в ход какую-то новинку, в которой Сварог и не пытался разобраться, ограничившись кратким объяснением, что дело связано с гравитацией и магнетизмом. На двух островах обнаружили немаленькие поселения, что-то вроде исполинских землянок, отнюдь не пещеры — именно подобие землянок, прикрытых хорошо замаскированными крышами. И устроенные наподобие токеретских (но гораздо проще по исполнению) подземные ангары для подводных лодок (которых оказалось десять).

По докладу Марлока, там обитало человек шестьсот — не столь уж грозная вражеская армия, если только она не располагает каким-то неизвестным оружием. Ну, а даката, как Сварог убедился на собственном примере, ларам нисколько не страшна.

Так что дальше все происходило без особых сложностей. Как-никак всего шестьсот человек. В Гартвейне обитало даже больше народу, и ничего, справились. Правда, Гартвейн нисколько не готовился к обороне, а вот насчет этих еще неизвестно. Ну да смелым Бог владеет...

Все было расписано, как по нотам, и прошло успешно: середь бела дня на

оба острова обрушились несколько сотен спецназовцев — здесь и гвардия, и восьмой департамент, и девятый стол, и люди Оклера, и люди Канцлера. Ну, и Сварог по живости характера и от вполне понятного нетерпения не удержался от личного командования своими орлами. Канцлер ничего против не имел — у Сварога осталось впечатление, что он и сам бы не прочь с ними отправиться, но тут уж ничего не поделаешь, статус — неуместно Канцлеру участвовать лично в таких забавах. Они вдвоем не без труда убедили Яну, что и императрице такое неуместно.

Спецназ взорвал потолки местах в тридцати, потом, уже имея от Марлока кое-какие сведения о планах «землянок», ворвался туда и в ангары тоже. Оказалось, у местных нет той пакостной привычки, что у токеретов — при малейшей опасности взрывать ангары с собой вместе. Так что все кончилось часа за два. Очень быстро оказалось, что среди жителей подземелий имеются и лары — но Канцлер (с которым Сварог сразу поделился кое-какими своими догадками) учел его опыт в Горроте. Кроме прочего, спецназ был вооружен метателями сетей и клейкой массы — *контактные* стрелялки, действовавшие на ларов, как и на обитателей земли. Спеленали немало народу, делая исключение разве что для женщин и детей. Впрочем, с иными женщинами обращались бесцеремонно, как с прочими — кто б делал исключение для женщины, которая держит в руках что-то незнакомое, но убедительное, и всерьез готова пальнуть из этой штуковины по незванным гостям.

Одним словом, загребли всех подчистую: с точки зрения земной юстиции, действовали законы о подозрении в пиратстве, а со стороны ларов — «Закон о запрещенной технике». Техники, безусловно запрещенной, обнаружили немало: светильники, работающие на неизвестном принципе, такие же плиты для приготовления пищи, несомненные видеоманитофоны и много всякой всячины — чисто бытового назначения. *Серьезной* военной техники тут не нашли — разве что *мелкое* ручное оружие.

Едва Сварог оказался внутри подводной лодки, понял, что его догадка подтвердилась полностью. Двигатель не повторял те, что были на подлодке Тагарона и летающей машине Вингельта, но во многих деталях крайне на них походил. Нашли и совершенно непонятные устройства, судя по идущим от них к палубе трубам, наглухо закрытым снаружи задвижками, пожалуй что, как раз и служившие для пуска дакаты.

Все подлодки и прочую технику увезли наверх, оставив голые стены: в любом случае, пиратам назад уже не вернуться. Технион Канцлера и лаборатории Восьмого департамента заработали с предельной нагрузкой (Магистерium на всякий случай решили пока что в это дело не посвящать). Но еще раньше неплохих успехов добились следователи — те самые, в отличие от Свароговых палачей применявшие гораздо более современную технику и препараты...

Магии так не обнаружилось ни на грош — что тут же определила Яна, прибывшая с Канцлером, когда оба подземных поселка были захвачены. Сварог, чуть ли не сутки не вылезавший с допросов, в конце концов ощутил что-то вроде легкого разочарования и скуки: как случалось не раз, очередная жуткая тайна оказалась не такой уж и жуткой...

Шестьсот с лишним лет назад среди Хитрых Мастеров произошел раскол. Не такой уж и масштабный: примерно десятая часть их настаивала, что пора

переходить к каким-то радикальным средствам борьбы: и, не встретив поддержки большинства, однажды попросту скрылась с глаз остальных, перебравшись в заранее подготовленные укрытия на островах Инбер Колбта.

Дальнейшее носило оттенок некоей трагикомедии. Прошло не так уж много времени, прежде чем беглецы окончательно осознали: ничего более-менее масштабного и радикального они по немногочисленности своей и скудости техники устроить попросту не в силах. Ларов там оказалось не более двух десятков — и примерно сотня самых обычных людей (каких Хитрые Мастера, присмотревшись к ним как следует, вербовали в качестве помощников и сподвижников). Лары старели. Правда, у них рождалось потомство от здешних женщин, но его было слишком мало, чтобы на что-то влиять всерьез. Теперь уже среди беглецов начались жаркие дискуссии: как жить дальни и что делать? Слишком многие среди обычных людей полагали; с их силенками нечего и думать предпринять против ларов что-то мало-мальски серьезное (в чем были, уже сейчас можно сказать, полностью правы).

К тому же они как-то не подумали, что небольшой остров, пусть его и населяет всего-то сотня другая человек, не может существовать сам по себе, очень во многом зависит от снабжений извне — от провизии для сырья, из которого можно производить нужную технику. И неизвестно даже, что необходимее.

Так что очень быстро верх взяли, а там и забрали руководство те, кто видел единственный выход именно в подводном пиратстве: грабить корабли, добычу поценнее продавать на земле, покупая там и тайком перевоза на острова все необходимое. Синтезаторов у них не было — когда Хитрые Мастера рассорились с Империей и ушли вниз, их еще и у ларов не существовало. Рано пока было делать какие-то выводы, но под землей воцарилось что-то вроде диктатуры — с самыми решительными мерами по отношению к оппозиции и инакомыслящим. Диктаторы пока что замешались в толпу рядовых пленных, а их удалось допросить далеко не всех — но это был лишь вопрос времени.

И подводные лодки пошли в море. И была создана надежная сеть земных посредников, за шестьсот лет так и не обнаруженная восьмым департаментом — очень уж искусно была *вплетена* в обычную паутину контрабанды и кладоискательства. Одним словом, произошло то, чему немало аналогий и в истории Талара, и в истории Земли: кучка радикалов, поначалу движимая самыми благородными целями, в конце концов выродилась в примитивную (примитивную, несмотря на всю свою технику) разбойничью банду, да вдобавок периодически резала инакомыслящих. Так что Сварог не зря (да и Канцлер, наверное, тоже) ощущал легкую скуку и разочарование: не оказалось *жуткой* тайны — как и в самой истории Хитрых Мастеров. В конце концов (чего тоже можно было ожидать) появились индивидуумы, заинтересованные в первую очередь собственным процветанием, а не интересами колонии. Из тех, кто не видел смысла в затянувшемся на столетия морском разбое, от которого, в принципе, никакой выгоды: сиди под землей, как крот, без всяких видов на будущее... Вроде бы их нашлось не особенно много — но, привлеченные соблазнами большого мира (иные его повидали в качестве доверенных лиц, контролировавших земных сообщников), находились и те, что бежали на Харум, растворяясь там в безвестности. Причем прихватывали кое-какие чертежи и мелкие устройства, которые можно выгодно продать тем же книжникам и ученым, что имели привычку покупать числившееся запрещенным. По-

добно Тагарону. Это имя пока что не прозвучало, но теперь Сварог не сомневался: именно такие вот беглецы и продали Тагарону секрет двигателя. Хитрые Мастера о них явно помнили — и, опять-таки по рассказам Тагарона, порой охотились рьяно...

Кое-какие секреты пиратов явно были и их секретами. «Одно утешает: гнездо они разнесли целиком», — подумал Сварог. Все до единого, кого успели допросить, клялись и божились, других таких нет, были только они. И подумал еще: когда все кончится и материалов накопится достаточно, нужно будет сориентировать свои спецслужбы на поиски и в *этом* направлении. Глупо думать, что они вскрыли *всю* сеть поставок туда и обратно. Так что работы хватит — но ему самому, слава богу, этим заниматься уже не придется — мало ли у него толковых подчиненных?

Выключив компьютер, аккуратно собрал в немаленькую стопу бумаги и подошел к стоявшему в углу шкафу — высокому, резному, в стиле «школы Доли Чолатара» щедро украшенному искусной резьбой и завитушками. На вид он выглядел настолько хрупким, что любой здоровенный драгун мог вынести дверцы одним добрым пинком. Вообще-то так оно и было бы, окажись шкаф *обычным*. Он и был *обычным* — вот только заключенным в мощное силовое поле, в точности повторявшее очертания антикварной мебели. Ни одна живая душа на земле не смогла бы его преодолеть — да и кое-какие заоблачные технологии не помогли бы...

Коснулся большим пальцем правой руки центрального медальона одной из украшавших крышку завитушек — ключом к невидимому замку служит не только отпечаток пальца, но и кое-какие биологические поля всего Сварогова организма. Спрятал туда бумаги, включил поле и вернулся за стол. Нажал кнопку под столешницей — теперь в приемной на столе секретаря, опять-таки пониже столешницы, загорелась синяя лампочка, означавшая, что его величество свободен от дел и доступен для посетителей. Мимоходом подумал с ухмылкой, что успел забить дворец изрядным количеством всевозможных электронных штучек — но Канцлер ему ни разу на это не попенял, хотя не мог не знать. Умный все-таки человек, прекрасно понимает разницу меж пустыми забавами и интересами дела — к тому же если все «неположенное» надежно укрыто от непосвященных... Даже за компьютер Интагара ни разу ни словечком не покритиковал...

Упомяни о черте — а он тут как тут... Правая створка высокой раззолоченной двери тихонько отошла, и в образовавшейся щели показалась физиономия Интагара. Как и полудюжина других самых верных сподвижников из местных, министр тайной полиции, когда горела синяя лампочка, имел право входить без доклада, но, как и все прочие, считал необходимым проявлять некую деликатность. Так поступали все, за исключением Мары — но на нее слишком многие правила и запреты, как легко догадаться, не распространялись... Даже Яна держалась скромнее — ради сохранения инкогнито, и его орлы из девятого стола тоже. Правда, порой (когда горела даже не желтая лампочка, а красная, означавшая, что король принимает лишь в случае Белой тревоги, а пока что недоступен и для узкого круга сподвижников) и они подавали сигнал, заставлявший вспыхивать фиолетовый огонек на его портсигаре (выполнявшем чертову уйму функций). У всех были браслеты, на которых стояло лишь нажать соответствующий драгоценный камень (в том числе и у Род-

рика — дворяне здесь тоже носили браслеты).

— Входите, старина, — сказал Сварог с некоторой даже радостью (хороший случай отвлечься от двухчасового корпения над бумагами и компьютером). — Надеюсь, никакого заговора? Честно говоря, заработался, небольшой заговор меня бы отвлек.

— Никаких заговоров, государь, — что-то очень уж серьезно ответил Интагар, присаживаясь после жеста Сварога. — Все спокойно. Розыски по известному вам делу понемногу приобретают размах, мои коллеги в других странах, согласно вашему повелению, включаются в работу...

— Что же вид у вас чуточку унылый?

— Вы же знаете, государь, терпеть не могу непонятного. Особенно когда оно случается при таких вот обстоятельствах...

— Ну?.. — спросил Сварог.

Из-за широкого отворота Интагарова камзола появился конверт — не особенно большой, но пухловатый, с синей сургучной печатью, на первый взгляд, припечатанной каким-то простым подручным предметом вроде доньшка стакана. Без всяких надписей. Интагар положил его на стол перед Сварогом сургучом вниз — и тут-то Сварог разглядел надпись. Точнее, рисунок: довольно мастерский изображенный черными чернилами глаз и над ним корона. Старинная эмблема высшей степени секретности — «только для глаз короля».

Чуть удивленно поднял брови: если и появлялись секреты *такого* рода, Интагар всегда передавал их устно — а среди его агентов не было людей, обладавших бы правом передавать королю донесения с *такой* эмблемой. Было вообще-то несколько, но, во-первых, к ведомству Интагара они не принадлежали (хотя нельзя ручаться, что Интагар кое о ком из них не знал — такая уж персона), а во-вторых, подобные конверты всегда передавал статс-секретарь, и они каждый раз были запечатаны в другой, с самой невинной, но много означавшей для секретаря надписью...

— Интересно, — сказал Сварог, взвешивая конверт на руке, (это действительно было интересно, впервые на его памяти случалось). — И в чем тут непонятное? Я хочу сначала выслушать ваши пояснения... Кстати, вы не поддались соблазну раньше меня ознакомиться с содержимым? Вообще-то за самовольное вскрытие такого вот пакета полагается смертная казнь, но я слышал краем уха о бывших министрах тайной полиции, *излишне* любопытных. Печать очень уж простая, ваши мастера без труда подделывают и посложнее...

Интагар решительно сказал:

— Возможно, будь на вашем месте *другой* король... Но с *вами* такое проделывать опасно. Еще спросите, не вскрывал ли я его — и конец...

— Вот за что я вас всегда ценил, Интагар, так это за редкостное здравомыслие. В том числе, — сказал Сварог, по-прежнему вертя конверт — не из самой лучшей бумаги, но все же сразу видно: в лавке куплен, не самодельный... Что не так с этим посланием?

— Дело даже не в послании, а в личности того, кто его для вас передал, — сказал Интагар, насупясь. — От этого человека я в жизни бы не ожидал, что однажды он передаст мне для вас письмо с *такой* эмблемой.

— Давайте по порядку, — сказал Сварог.

— Письмо мне буквально квадранс назад отдал Юл Качер и горячо, я бы даже сказал, возбужденно просил передать вашему величеству. Он парень урав-

новешенный, но сейчас явно волновался, я его редко таким видел... Разве что когда он на *троне*...

— Давайте-ка поподробнее об этом самом Качере.

— Это мой человек, — сказал Интагар. — Три года служит. — Парень молодой, хоть и не юнец, из фригольдеров, но грамотный... Не глупый, сообразительный, взысканий и серьезных упущений по службе нет. Я его два года поддержал в «топтунах», он хорошо справлялся, и я решил его чуточку повысить. Перевел в «коридорные». Вам ведь нет нужды напоминать, кто это такие?

— Я помню, — сказал Сварог.

Он и в самом деле прекрасно помнил. Дворцовые лакеи делятся на две категории: «столбики» стоят на месте (среди них тоже немало агентов Интагара), а «коридорные» прохаживаются по какому-то определенному коридору — чтобы в первую очередь контролировать «столбиков» и присматривать за телохранителями, тоже замершими на своих местах, как статуи. Система эта придумана давным-давно — все исподтишка надзирают за всеми — и частенько приносит пользу. Особенно для королей, опасующихся внезапного покушения в дворцовых коридорах — а у Сварога такие опасения имелись давным-давно и с манией преследования общего ничего не имели, достаточно вспомнить Лавинию Лоранскую и ее милую манеру подсылать убийц — и она, как показывает жизненный опыт, не единственная, кто балуется такими развлечениями.

Интагар почти бесстрастно продолжал:

— Пост у него — Бирюзовый коридор. Ведущий от Мраморной лестницы к вашим личным покоям в этом крыле дворца.

Дальнейших пояснений не требовалось: большая часть проходящих по этому коридору — как раз его ближайшие сподвижники или сановники, вызванные по серьезному делу. Праздных гуляк тут почти не бывает — хотя коридор и не перекрыт постоянно для всех имеющих доступ во дворец — ну, разве что в особых случаях: самые важные совещания в узком кругу, обнаружение загадочного балкона, ведущего в чужой мир...

— Вот это и есть непонятное, — сказал Интагар. — Что он мог узнать на том посту, требующее *такой* эмблемы? Парень ответственный, ни за что бы не стал на службе заниматься дурацкими шуточками, да и не на службе тоже... Непонятно...

— Ну, нетрудно и узнать... — сказал Сварог.

С треском разломив печать, бросил на Интагара быстрый многозначительный взгляд. Тот поднялся, отошел подальше к стене, заложил руки за спину и притворился, что с видом записного искусствоведа разглядывает старинное батальное полотно, где была мастерски изображена конская сеча.

Сварог достал два листа желтоватой бумаги, густо исписанной с обеих сторон мелким, четким, почти канцелярским почерком. Первую сторону одного из листов пробежал бегло, перевернул. Вернулся к началу и прочитал письмо уже гораздо внимательнее. Интересные сюрпризы подбрасывает жизнь... Аккуратно сложив листы и сунув их в конверт, закурил, откинулся на спинку кресла. Никаких особенных мыслей и уж тем более комментариев у него попросту не было. Не знал, что тут сказать, и все тут...

И не знал, как это объяснить. Не хотелось делать поспешных выводов.

— Садитесь, Интагар, — сказал он задумчиво. Отошел к сейфу и спрятал ту-

да конверт.

Интагар живенько уселся, воззрился с немой надеждой.

— И не надейтесь, — сказал Сварог. — Ваш парень был совершенно прав. Это письмо касается только меня. Понятно?

— Конечно, государь. Но если там что-то опасное...

— Будь там что-то опасное, я бы непременно с вами поделился, — сказал Сварог. — Но в том-то и дело, что там нет ровным счетом ничего опасного. Всего-навсего один из тех секретов, которые знаю только я. Вы уже убедились, что попадаютса и такие, пусть крайне редко. И вот что, Интагар... Я надеюсь, вы и на сей раз сумеете удержать любопытство при себе. Поэтому — пусть этот парень и дальше несет службу. И чтобы все у него было нормально, — он подпустил металла в голос: — Понятно вам?

— Понятно, государь, — смиренно сказал Интагар. — Когда это я нарушал ваши прямые приказы? В конце концов, излишним любопытством не страдаю...

— Вот и прекрасно, — сказал Сварог. — Позовите этого парня минут через пять и оставьте нас наедине...

За это время он успел проделать с компьютером нужные манипуляции и побыстрее убрал экран, чтобы не посвящать простого агента третьего разряда в те тайны, что ему по рангу знать безусловно не полагалось.

Когда «коридорный» вошел, низко поклонившись, Сварог какое-то время его рассматривал. Лицо, и в самом деле, довольно смышленное, робеет, конечно, но в меру, не трепещет (Сварог терпеть не мог подобострастия во всех, кто стоял ниже).

— Сначала скажите вот что, Качер, — сказал он вполне дружелюбно, чтобы не отпугнуть резкостью тона. — Когда вы стоите на посту... то есть ходите на посту, часом, не придаете своей физиономии гораздо более тупой, чем обычно, вид? Ну, смелее. Король настроен вполне благосклонно.

Агент решился:

— Не без этого, государь. Начальство наставляет, что лакей должен выглядеть чуточку придурковато. Потому что чересчур уж умных лакеев недолюбливают. Слишком шустрый — он и у дверей подслушать может, и мало ли что...

— Пожалуй что, резон... — чуть подумав, сказал Сварог. — А изобразите-ка мне служебную физиономию...

Качер в мгновение ока преобразился. Нельзя сказать, что он теперь выглядел совершеннейшим болваном — в конце концов, законченных дебилов по облику тоже не любят брать в лакеи, тем более дворцовые, но казался гораздо глупее, чем был на самом деле.

— Неплохо, — сказал Сварог. — Подойдите к столу и посмотрите. — Он выложил в ряд пять фотографий. — Узнаете кого-нибудь на этих картинках?

Качер смотрел недолго. Почти сразу же уверенно сказал:

— Да, и вот эти четверо. Пятая персона мне прекрасно известна, но исключительно по дворцу. Там этого человека не было.

— Не ошибаетесь? — исключительно для проверки спросил Сварог.

— Никоим образом, государь, — так же уверенно ответил Качер. — Я до дворца два года проходил в «топтунах», а там нужно иметь наметанный глаз и память на лица. Чтобы увидел мельком и не забыл — мало ли как оборачи-

вается...

— Понятно, — сказал Сварог. — А теперь будьте-ка любезны ответить: что вы сами обо всем этом думаете? Только правду. Не можете не знать, что я безошибочно умею определять ложь.

Качер чуточку помялся. Решился наконец:

— Не знаю, что и думать, государь, обо всем этом. Явление это известное, главным образом среди крестьян, лет двести о нем толкуют. Я раньше не особенно верил, но вот своими глазами пришлось... Не знаю, что и думать.

Он не врал.

— Ну, а догадки у нас есть? — спросил Сварог. — Ваш министр говорит, что вы — хороший агент, обязательно должны были подумать с этой точки зрения...

— Не знаю, государь, — признался Качер с покаянным видом. — Ну, просто в голову ничего не лезет. Может, это ведьмы с колдунами? Больше вроде бы и некому. Среди крестьян именно такое суждение кружит издавна...

— Ладно, — сказал Сварог. — Есть у вас, Качер, какая-нибудь заветная мечта? Я не имею в виду что-то такое ослепительное и грандиозное. Что-то, как нельзя более подходящее для молодого агента третьего разряда? Мечта, которую король может исполнить, практически не напрягаясь? Ну, скажем, подняться до агента первого разряда?

Качер, практически не раздумывая, подался вперед:

— Ваше величество, мне бы в Гильдию! И, не считите за нахальство, именно в Бронзовую... Я бы... В неоплатном долгу...

— Интересно, — сказал Сварог. — А почему у вас именно такая мечта? Обычно люди просят повышение, медаль, всякие такие вещи... Вы мне оказали серьезную услугу, хотя и не имеете права знать, в чем она состоит. Просите что-нибудь соразмерно чину.

— Понимаете, государь... Есть одна девушка... Честное слово, у нас взаимно... Только отец ее ни за что за меня не отдаст. Он из Бронзовой гильдии, пивовар, три Пивоварни держит в Латеране... Вы, наверное, не знаете тонкостей...

— Знаю, — сказал Сварог.

Он и, в самом деле, эти тонкости прекрасно знал. Даже три высших гильдии, в которых относится и Бронзовая, с большим скрипом отдают дочерей и женят сыновей на членах трех означенных гильдий. А уж тем более, когда речь идет о низших. А уж тем более когда речь идет о крестьянах, пусть и свободных фригольдерах... Тут и пытаться нечего. Особенно если вспомнить еще об одной немаловажной подробности: жених всегда остается в прежнем сословии или гильдии, а вот невеста всегда принимает гильдию или сословие мужа. Или, скажем, становится дворянкой: не так уж и мало дворян женятся на девушках из сословий или гильдий — либо из-за красоты девушки, либо из-за солидного приданого. Да что там далеко ходить — в прошлом году граф Обимонд из Равены женился на ослепительной красотке-фригольдерше. Богач изрядный, а что до происхождения, спесиво заявил: «Знатности у меня хватит на двоих». Случилось несколько дуэлей, но, после того, как граф убил двоих и тяжело ранил третьего, с новоявленной графиней как-то смирились и стали принимать в обществе. Пожалуй, вскоре можно будет его и при Латеранском дворе принять...

Вот только здесь не тот случай. Ни один успешный пивовар не согласится, чтобы его доченька стала фригольдершей, пусть даже фригольдер этот служит в тайной полиции — и, кстати, в небольшом чине...

— Ну что же... — сказал Сварог, открыл два ящика стола, достал из одного чистый листок бумаги, из другого — украшенный Малой королевской печатью. Сначала написал несколько слов на том, что с печатью. Протянул сыщику, смотревшему на него с детской прямо-таки надеждой. — Когда сменитесь с дежурства, отправляйтесь к моему казначею, он вам выдаст пятьсот ауреев золотом. Насчет гильдии решим завтра же, есть у меня некоторый авторитет в Министерстве сословий и гильдий, — он ухмыльнулся. — Сделаю-ка я вас, пожалуй, торговцем пивом. Денег хватит на хорошую пивную в приличном районе, вообще на обзаведение. Сами по занятости в пивной сидеть не сможете, но с вашим опытом службы в тайной полиции, думаю, подыщете дельного, невороватого приказчика. Чего доброго, пивом вашего тестя будете торговать вовсю... — он поднял ладонь: — Только без излишне льстивых и бурных выражений благодарности. Терпеть этого не могу. Понятно?

Прямо-таки заворуженно агент протянул:

— Умру за вас, государь...

— Вот умирать не нужно, — серьезно сказал Сварог. — Вам еще жить да жить... — он написал на чистом листке всего два слова, встал, обошел стол и оказался вплотную к исполненному несказанной радости сыщику. Протянул ему листок: — Отдадите вашему министру, он там, в приемной, передайте на словах: пусть он мне соберет все, что найдется об этом... явлении. Особая спешка не нужна, но и тянуть не следует, — уперся собеседнику указательным пальцем в грудь, повыше золотого галуна на зеленой ливрее, сказал веско и с расстановкой: — Одно неперемное условие, как только выйдете из моего кабинета и отдадите записку, немедленно забудьте обо всем — об этом... явлении, о вашем письме, о нашем разговоре. Напрочь. Навсегда. Ничего этого не было. Если все это выполните, вполне может оказаться, что это не последняя милость... Все поняли?

— Конечно, ваше величество! — воскликнул молодой человек, вытягиваясь прямо-таки по-солдатски. — Уже забыл!

— Прекрасно, — сказал Сварог. — Уберите с лица улыбку, она у вас, уж простите, чуточку идиотская, и ступайте да скажите министру, чтобы зашел ко мне.

Оставшись в одиночестве, он сел за стол, покрутил головой, фыркнул. Мысли как-то не лезли в голову, и он решил подождать, когда хоть что-то прояснится...

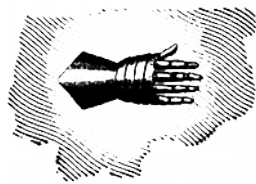
— Вот что, Интагар, — сказал он, когда министр вошел, все еще недоуменно глядя в развернутую записку. — Ничему не удивляться, сами знаете, у нас бывают самые причудливые дела. И вот еще что! Я только что пожаловал этому молодому человеку членство в Бронзовой Гильдии и пятьсот золотых. Придумайте, как мотивировать столь щедрую для его положения награду...

Интагар раздумывал всего несколько секунд:

— Ну, это несложно, государь. Пустим слух, что он задержал ночью подозрительного типа с кинжалом, явного лоранца. Примеры были. Обставим все так, что никто и не засомневается, — и деловито осведомился: — *Пристегнуть* к этому пару-тройку субъектов из тех, по кому давно решетка плачет? Очеред-

ной маленький заговор...

— Вот этого не стоит. — Сказал Сварог. — Лишние разговоры пойдут, а это ни к чему, — он энергично встал. — Займитесь этим немедленно, у вас ведь полно специалистов во всех областях жизни... А я полетел туда, — он показал пальцем на потолок. — К ужину вернусь, пожалуй...

Глава II ЗАЗЕРКАЛЬЕ БЕЗ АЛИСЫ

— Интересно, почему вы не сообщили мне сразу? — бесстрастно спросил Канцлер.

Сварог знал его давно. За бесстрастностью могли крыться самые разнообразные чувства и эмоции. А впрочем, хотя он сейчас и был в какой-то мере подчиненным Канцлера, тот обладал достаточным тактом, чтобы высказывать ему претензии или просто выражать неудовольствие в присутствии Яны.

И Сварог ответил чистой правду:

— Получилось бы короткое, сухое сообщение. Мы хотели подобрать достаточно материала. Вы ведь все равно поручили бы дело нам?

— Пожалуй, — сказал Канцлер. — Ну, и как обстоит с материалами?

Марлок был весь внимание. Они с Канцлером уже вдоволь насмотрелись с балкона на сияющий рекламами ночной город: сейчас здесь был день, а там, соответственно, ночь.

— Вот, — сказал Сварог и показал на футляр для здешних видеокассет, откуда торчал десяток «спичечных головок». — На девяти — все, что мы засняли, перехватывая здешние телеканалы. Десятая — наш анализ увиденного. Конечно, как вы понимаете, самый приблизительный, и выводы поверхностные, но это все, что мы могли пока сделать.

Канцлер с Марлоком посмотрели на футляр — и, без сомнения, моментально прикинули, что на просмотр всего понадобится немало часов. Как и ожидал Сварог, Канцлер сказал:

— Ну, в таком случае... Граф Элкон, вы занимались наблюдениями едва ли не в одиночку. Вот и изложите кратко основное.

— Сутки, как и у нас, состоят из двадцати шести часов, разве что длятся минут на десять короче. Месяцев не семь, как у нас, а девять. Интересно, что среди названий есть Элул и Северус, хотя в их календаре они стоят не на тех местах, что в нашем. В неделе у них тоже семь дней, но дней в неделе — шесть. Можно предполагать, опять-таки приблизительно, что их год короче нашего дней на десять-двенадцать...

Канцлер чуточку поморщился:

— Вряд ли с этого стоит начинать... Меня интересует совсем другое. Граф, вы наткнулись на что-нибудь, позволившее бы с уверенностью сказать — что там? Соседняя Страница, наше доштормовое прошлое или, наоборот, будущее Талара?

— Вот тут придется рассказывать подробно...

— Вот и рассказывайте, — сказал Канцлер, чуть улыбнулся. — Думаю, никто из присутствующих не захочет покинуть комнату, испугавшись долгих объяснений? Нет? Вот и прекрасно.

— Насчет того, будущее ли это, я совершенно не берусь судить, — решительно сказал Элкон. — По причине полного отсутствия фактов, позволивших бы делать хоть какие-то выводы. Вариантов остается только два: Соседняя Страница или прошлое. Здесь, по крайней мере, есть какое-то поле для версий, гипотез и дискуссий. Лично я, пока не поступит больше информации, склоняюсь к варианту «прошлое», но только склоняюсь...

— Основания? — тут же спросил Канцлер.

— Планета, как и Талар до Шторма, именуется Котейр. Есть и более серьезные соображения... — и он коснулся кнопки и вывел на стену, на большой экран, застывшее изображение: перед большой картой полушарий сидел безукоризненно одетый человек, так, что его голова приходилась аккуратно между ними, и карту можно было рассмотреть во всех деталях. Пояснил: — Телепрограмма называется «Хроники планеты», суть ясна без названия. — Вывел рядом еще одну карту полушарий. — А это — карта полушарий, которую наши люди нашли при осмотре базы Стагар. Согласитесь, сходство полнейшее. Даже названия те же: Альдария, Рикобан, Пандичитта... да все без исключения. Как видите, практически все архипелаги там состоят из одного-единственного острова; причем гораздо больших размеров, чем нынешние. При том, что половины нынешних наших архипелагов и островов нет вообще, на их месте — суша. Особенно Харум непохож на нынешний: Лоранского полуострова нет, на полуночи...

— Простите, граф, все это мы и сами видим, — чуточку сварливо прервал его Марлок. — Действительно, карты совпадают полностью. Но простите, вы только на *этом* основании считаете Ту Сторону прошлым?

Элкон чуть развел руками:

— Признаться, да... Но что поделать, если других оснований попросту нет?

— О Соседних страницах нам мало что известно, — сказал профессор с завязатостью любителя ученых дискуссий и диспутов. — Разве что... Иные книжники упорно твердили: Соседние Страницы крайне похожи на наш мир, но сплошь и рядом могут либо отставать во времени, либо опережать. Из чего они сделали такой вывод, неизвестно, но они тысячелетиями считали именно так. Поэтому можно сделать и такой вывод: перед нами — Соседняя Страница, соответствующая доштормовым временам Талара. Не так ли, мой юный друг?

— Безусловно, — сказал Элкон, прямо-таки кротко и смиренно, как подобало самому младшему и по возрасту, и по положению. — У меня по скудости информации нет окончательных выводов, господин профессор. Одни рабочие версии.

Профессор буркнул что-то одобрителное. «Молодец, парень, — подумал Сварог. — Отлично держится. А вот Канилла на его месте могла и погорячиться, дерзостей наговорить...»

— А впрочем... — сказал профессор. — Иные Соседние Страницы, пожалуй что, могут отстоять от нас совсем ненадолго...

Они со Сварогом обменялись быстрыми понимающими взглядами. Из всех присутствующих только Яна не подозревала, что стоит за этой фразой. И

Канцлеру, и Марлоку, и Элкону Сварог все же рассказал, как однажды, сам не понимая, как и почему это произошло, увидел под своим брагантом *другой* Келл Инир. А вот Яне — не смог. Духу до сих пор не хватает рассказывать ей, как он *там* стоял на коленях над ее заочеченевшим телом, как обледеневшая прядь ее волос при легком прикосновении сломалась, словно сухая веточка. Духу не хватает, и все тут...

— Страны, порядок управления, политическая ситуация? — невозмутимо спросил Канцлер. — Уж в таких-то программах о таких вещах наверняка рассказывается подробно?

— Конечно, — сказал Элкон. — Стран здесь четыре: Альдария, Рикобан, Пандичитта и Дорлиорн — наш Харум. Других нет, что легко определить по цветам, в которые раскрашены континенты, — это ведь политическая карта. Кстати, город за окном называется Саваджо. Сейчас он на дне моря, примерно вот здесь, — он направил тоненький пронзительно синий лучик лазерной указки в точку примерно на полпути меж Харумом и Катайр Крофиндом. — Войны меж какими-либо державами нет — вот об этом можно говорить со всей уверенностью. Никакой напряженности не чувствуется. Какие-то трения в области экономики имеются, о них глухо упоминается, но войны безусловно нет, ни одной. Разве что... Диктор мельком упомянул: на юге Альдарии, вот здесь, — он показал указкой на довольно длинный и широкий полуостров, глубоко вдававшийся в море, — правительственные войска все еще ведут бои с сепаратистами. Многие события он комментирует, но это — не стал. Мало того, из его тона совершенно непонятно, выгодно это Дорлиорну или наоборот. Совершенно нейтральным тоном упомянул.

— Ага! — энергично сказал профессор. — Значит, какие-то трения все же обязаны быть. *Серьезные* сепаратисты просто не могут существовать без иностранной помощи, иначе их быстро придушат. Вы обратили внимание: диктор говорил не «стычки», а «бои»?

Канцлер усмехнулся:

— А порой еще и бывает, что самым нейтральным тоном события комментируют именно те, кто в них замешаны... Продолжайте, граф.

— Порядок управления... — протянул Элкон. — Здесь трудно сказать что-то определенное. Монархий, во всяком случае, нет — существуй хоть один монарх, о нем обязательно упомянули бы. С другой стороны, иные имена иногда упоминаются с прибавлением дворянских титулов. Что никоим образом не говорит о существовании монархии: на Сильване, когда в Колини прочно утвердилась республика, дворян изрядно ущемили в правах, земель им оставили процентов пятнадцать, но сами титулы отменять не стали, наоборот, ими и сейчас Высшее Собрание порой жалуется...

Марлок фыркнул:

— К большому неудовольствию как «старых» дворян, так и прочих сильванских держав, которые все до одной остаются монархиями.

Канцлер досадливо поморщился, не сдержавшись. Сварог не знал подробностей, но слышал краем уха, что с Колини у Канцлера связаны неприятные воспоминания. Вроде бы он во время тамошнего мятежа самым активным образом поддерживал монархию, но потерпел одно из немногих в своей жизни поражений. Очень уж активно на стороне мятежников выступала Лига Паруса, сильванский аналог Ганзы, и очень уж важную роль она играла в торговых

отношениях меж Таларом и Сильваной. Так что в конце концов махнули рукой, отступились, и тамошнего посла принимают с тем же респектом, что и послов Ганзы. Во всяком случае, примерно так болтали...

— Давайте не будем отвлекаться, господа, — сказал Канцлер. — Продолжайте, граф.

— Об образе правления судить трудно, — сказал Элкон. — Ясно только, что монархий там нет. А что до остального... Есть и президенты, и премьер-министры, и парламенты... но я помню и из истории, что порой званием президента или премьер-министра прикрывался откровенный диктатор, а парламенты при нем были столь же карманными, как, скажем, уитенагемот при Конгере Ужасном...

Сварог сохранял на лице полнейшую невозмутимость. Если честно, и у него уитенагемоты и подобные им учреждения были чисто карманными (за исключением Глана и Ганзы). Но вот диктатором он себя никак не считал — король как король, бывали и хуже, и свирепее...

— В любом случае, нигде не просматривается и намека на *военную* диктатуру, — сказал Элкон. — Существой она где-то, непременно проскользнули бы пусть беглые, но упоминания. Намеки, которые ничуть не хуже прямых определений... Подводя итоги — общество достаточно спокойное, стабильное — хотя вооруженные силы повсюду мощные. Что еще? Упоминалось об очередном совещании Лиги Четырех Миров и межпланетных полетах. Чем бы ни была Та Сторона, Лига существует и там.

— А названия трех остальных планет? — быстро спросил профессор.

— Те же самые, что и у нас, — ответил Элкон. — Все три. Сам по себе этот факт ровным счетом ничего нам не дает...

— Пожалуй, на этом можно и закончить, господа? — спросил Канцлер. — Ваше величество, вы позволите перейти к делам практическим?

— Конечно, — сказала Яна.

— Я практик и прагматик, — сказал Канцлер. — Меня совершенно не интересуют Древние Дороги (он заметил, что Марлок недовольно поджал губы). — Профессор, каждый судит со своей точки зрения, с точки зрения профессии. От Древних Дорог за все эти тысячи лет не было ни пользы, ни вреда, и потому они мне абсолютно неинтересны как практику, занятому делами государственного управления. По той же самой причине мне неинтересны и Заводи... вы опять морщитесь, профессор, а вот король Сварог — практик, меня понимает гораздо лучше. Вот видите... Достаточно и того, что я много лет выделяю энергию на исследования путей на Древние Дороги и в Заводи, хотя ни те, ни другие не могут похвастать и тенью успеха. Но сейчас... Сейчас качественно иная ситуация, господа. Если там — Соседняя Страница, ее безусловно стоит исследовать, в первую очередь оттого, что это сэкономит ученым усилия и ресурсы. Если там — доштормовое прошлое, к нему нужно отнестись с еще большим вниманием. Граф... вы, случайно, не узнали, какой там год?

— Ну, это-то выяснилось очень быстро, — сказал Элкон. — Две тысячи сто сорок седьмой... правда, я не доискался пока, какой эры, от какой точки они ведут отсчет...

— Ну, это, в конце концов, и неважно... — махнул рукой Канцлер, продолжал тихо и серьезно. — Вы все прекрасно знаете: *точная* дата Шторма и переселения наших предков за облака неизвестна. По разным версиям где-то в ин-

тервале меж две тысячи сто сорок девятым и две тысячи сто пятьдесят первым...

— Великие Небеса! — ахнул профессор Марлок. — Если это прошлое, они совсем близко!

— Вот именно, — невозмутимо сказал Канцлер. — Тут уж мы просто обязаны провести скрупулезные исследования. Я всегда старался допускать самые пессимистические версии...

— Считаете, что Шторм может и к нам прорваться через это чертово окно? — спросил Марлок.

— В качестве самой пессимистической версии — допускаю, — не моргнув глазом, ответил Канцлер. — Но даже если этого не случится, у нас есть наконец возможность изучить доштормовую ситуацию. У нас есть и время — будем считать, год с лишним.

— Немало... Благодарю вас, граф. Я услышал достаточно. Все остальное мы с профессором посмотрим потом. А пока давайте подумаем над практикой...

Он достал одну из своих любимых трубок, прямую, из силванского вереска, стал привычно набивать ее табаком. Профессор извлек свою, темного дерева, с медными украшениями. Видя такое дело, закурил и Сварог. Он всецело соглашался с Канцлером и профессором, что курение содействует активной умственной деятельности, что бы там ни твердили приверженцы здорового образа жизни, которые не курят и не пьют, но все же рано или поздно помрут, разве что здоровенькими...

И тут... К его нешуточному удивлению, Яна достала из сумочки плоский золотой портсигар с ее вензелем, выложенным на крышке крупными сапфирами — совершенно под цвет ее глаз, — сунула в рот длинную коричневую сигарету с черным фильтром, прикурила от огонька на кончике пальца и умело выпустила дым, не поперхнувшись и не закашлявшись. Прodelывала это явно не в первый раз...

«Так-так-так, супруга моя дорогая, — растерянно и сердито подумал Сварог. — Сколько еще у тебя тайн от мужа? А ведь казалось пару раз, что от нее табачком слегка пахнет. Значит, не казалось. Откуда что взялось, и гадать нечего — Канилла Дегро, конечно же, она единственная из ближнего круга Яны, кто дымит, как речной пароход. Наверняка Канилла, бесенок очаровательный, и подбила попробовать, а там...»

Никто из остальных трех не обращал внимания на сигарету меж тонких пальцев Яны. Вообще-то курение для женщин у ларов давно уже не под запретом — нарушением этикета считается разве что, когда женщины курят на людях, «в обществе», на балах, пирах и тому подобных мероприятиях. Открыто, на людях курят лишь пожилые и старухи, причем первые начинают как можно позже — какая женщина согласится открыто признать себя пожилой? Так что в данном случае — никакого нарушения этикета...

И все же Сварог уперся в нее суровым взором. Яна ответила невиннейшим взглядом, чуть пожала плечами, словно бы даже чуточку недоумевая — ладно, потом поговорим...

Какое-то время все с удовольствием пускали дым. Один Элкон косился на них чуть страдальчески. В свое время, вернувшись из неудачного горротского похода и получив, как все остальные новоучрежденную медаль, он, чтобы выглядеть перед девицами вовсе уж бравым воякой, раздобыл трубку из тех, ка-

кие любили Вольные Топоры, и энергично принялся за дело. Но вскоре выяснилось, что курение ему решительно не дается — перхал, кашлял давился дымом, девицы уже начинали похихикивать — так что пришлось бросить. А у Яны, значит, получилось вслед за Каниллой — не особенно ошеломляющий сюрприз преподнесла милая женушка, но все же...

— Итак, господа? — преспокойно спросила Яна, еще не докурив. — Поговорим о практике?

— Можно мне? — с самым невинным видом спросил Сварог, как будто это и не они с Яной обговорили заранее план действий.

— Конечно, — сказал Канцлер.

— Практические шаги сами собой напрашиваются, — сказал Сварог. — Запускать туда нашу аппаратуру рискованно — мало ли какие будут последствия. Остаются *люди*. Разумеется, большую научно-исследовательскую группу туда посылать нельзя — вызовет нездоровый ажиотаж. Остается самый простой и эффективный выход: отправить туда человека два, замаскированных под местных. Язык тот же, различие в выговоре всегда можно списать на какой-нибудь провинциальный акцент — у нас на Таларе такое встречается сплошь и рядом, наверняка и там хватает местных говоров. В случае любых несуразностей они и будут себя выдавать за провинциалов из глуши, не знающих очевидных вещей, — кто этому удивится? Везде обстоит одинаково. Побродить два-три часа, присмотреться и прислушаться... В конце концов, это не пещера людоеда и не придавленный сапогом жесткой военной диктатуры город — беззаботное местечко развлечений и увеселений, где полно приезжих, и к ним давно привыкли...

— Я бы не сказал, что это такая уж глупая идея... — начал было профессор Марлок.

Канцлер его перебил:

— Я правильно понимаю, лорд Сварог, что вы скромно предлагаете свою кандидатуру?

— Ну, конечно, — сказал Сварог с самым невозмутимым видом. — Не жребий же бросать? И среди кого? Не сочтите за похвальбу, но я бывал в переделках и почище. А тут переделки вряд ли возможны, прямо-таки прогулка...

Канцлер, как и подобало человеку с его умом, решительностью и ответственностью, легкую растерянность преодолел уже через пару секунд:

— Но вы же сами рассказывали, как после опытов с крысой и щенком рискнули сами туда спуститься по веревочной лестнице. Отошли на несколько уардов, постояли пару минут. И обнаружили, что там совершенно не действует любая магия ларов...

— Ну да, — сказал Сварог. — Элкон просто забыл упомянуть, что там нет алейрона, а значит, вся магия бессильна... Ну, и что это меняет? Кого бы другого мы туда ни послали, он точно так же будет лишен нашей магии. А я побывал в переделках, и, что немаловажно, везуч...

Яна совершенно ангельским голоском добавила:

— А чтобы уберечь его там от любых возможных опасностей, есть я. *Просто* магия там присутствует, я ее *чуяла*. И дуновение Древнего Ветра чувствовала, оно там в сто раз сильнее, чем здесь — там наверняка гораздо больше людей им владеющих, чем у нас. А с Древним Ветром я, опять-таки не сочтите за похвальбу, неуязвима... значит, и его защитить смогу. Одежду и обувь по

тамошней моде изготовить нетрудно — Элкон сделал столько записей толпы на ночных улицах...

Похоже, у невозмутимости Канцлера были свои пределы. Какое-то время он молчал, ошеломленно глядя то на Сварога, то на Яну. Потом воскликнул:

— Черт побери, да вы же сговорились! Заранее сговорились!

— Я всегда уважала вашу остроту ума, Канцлер, — сказала Яна. — Потому вы и остаетесь Канцлером... Ну да, сговорились заранее и успели многое обговорить. Разве это что-то меняет? Наоборот, это только на пользу делу — что мы многое успели заранее обговорить, — ее голос изменился, в нем звучал *венценосный* металл. — Вы, кстати, не забыли, что это я отдаю вам приказы, а не наоборот? Это наилучшее решение — идти туда нам двоим, — и добавила непререкаемым тоном: — Такова моя воля. И не нужно пугать меня вашей отставкой. Я ее попросту тут же приму, и вы вообще ни на что больше не сможете повлиять... Возражения не принимаются, дискуссия закончена. На Ту Страну идет исследовательская... ну, скажем уж со здоровым цинизмом — разведывательная группа. В составе нас двоих.

Канцлер молчал, сидел с тоскливо-отрешенным лицом. Сварог знал: они оба прекрасно понимают — времена ее юной взбалмошности давно прошли, но решимость, да что там, упрямство остались прежними, особенно когда речь идет о крайне серьезных делах. Так что у Канцлера не было ни единой козырной розы — ни в руках, ни в рукаве. И он должен был это прекрасно понимать.

Глядя куда-то мимо Сварога, он почти рявкнул:

— И вы туда же, господа мои?!

Сварог оглянулся. И профессор Марлок, и Элкон сидели с азартно-оживленными лицами детишек, которых вот-вот пустят на кондитерскую фабрику. Ну, разумеется... Он решительно сказал:

— Простите, господа, но мы пойдем вдвоем. Вы, профессор, уж простите, попросту не бывали в переделках. А вы, Элкон, будете необходимы здесь, как дежурный при аппаратуре.

— Да чем я буду здесь полезен? — едва ли не со стоном разочарования и обиды воскликнул Элкон.

— То есть как это — чем? — поднял брови Сварог. — На вас, *лейтенант*, — он подпустил в голос чуточку командирского металла, — лежит важнейшая задача — техническое обеспечение операции. Дело не исчерпывается прослушиванием радиопереговоров полицейских машин друг с другом и с их центром, — он кивнул на всевозможную аппаратуру, которой с первых дней прибавилось едва ли не втрое. — Какими эффектами сопровождается переход между двумя мирами, мы не знаем, но не исключено, что они последуют, и в этом случае ваша задача — прилежно все зафиксировать.

— Эффекты не исключены, — кивнул Марлок. — Когда вы у нас... *появились*, лорд Сварог, наблюдались и возмущение геомагнитного поля, и легкая гравитационная аномалия, и еще кое-что интересное.

— Слышали, Элкон? — спросил Сварог. — Задача у вас важнейшая, а вы себя ведете, как мальчишка... Ну что, вопрос исчерпан и дискуссии кончены?

— Так точно, командир, — ответил Элкон уже вполне уставным треном.

«Ничего, парень, повзрослеешь скоро окончательно, — подумал Сварог. — И я давно избавился от прежнего лихого мушкетерства, и Яна поумнела, боль-

ше не бросается очертя голову на очередную загадку-тайну, как ворона на блестящую безделушку...»

— О легенде вы подумали? — спросил Канцлер.

Сварог переглянулся с Яной и кивнул:

— Конечно. В случае чего мужем и женой себя объявлять не будем — потому что не разобрались еще, как выглядят здешние обручальные кольца, хотя они тут, безусловно, есть, о них упоминается и в художественных фильмах, и в юмористических передачах. Просто-напросто любовники, решившие весело провести время в Саваджо. Из провинции Токбалат. Вот она, можно сказать, край света. Элкон, покажите. Спасибо. Классический пример, каких и на Таларе в каждой стране хватает: везде есть какая-нибудь провинция, чьи жители служат постоянной мишенью для побасенок и анекдотов. Так и здесь. Мы просмотрели парочку юмористических передач. Токбалатцы считаются туго соображающими недотепами, живущими в патриархальной глуши, где очень мало передовых достижений цивилизации. Этакие пентюхи. Как мы поняли, есть большой цикл анекдотов типа «токбалатец в большом городе», «токбалатец впервые в жизни увидел телевизор» и тому подобное. В общем, есть на что списать наше незнание местных реалий. Пожмут плечами и ухмыльнутся: ну да, токбалатцы, конечно, что с них взять...

У него чуточку отлегло от сердца — судя по интонации Канцлера, он смирился с неизбежным, и на смену спорам-дискуссиям пришла нормальная работа: подробный разбор операции.

— Документы, — серьезно сказал профессор Марлок. — На *таком* уровне развития они просто обязаны существовать. Ваше величество, при всем уважении к вашему... дару я, логически рассуждая, не думаю, что вы можете мастерски скопировать то, чего никогда в жизни не держали в руках...

— Не смогу, — спокойно призналась Яна. — Ну и что? Вовсе не обязательно точно знать, как они выглядят. Если у кого-то вдруг и возникнет идея проверить наши документы, он тут же о ней забудет и оправится восвояси. Уж за *это* я ручаюсь.

— Элкон, приведите кое-какие подробности, — сказал Сварог.

— Я два вечера, часа по четыре, наблюдал исключительно за поведением здешней полиции, — сказал Элкон. — И ни разу не видел проверок документов. Вообще, местная полиция держится очень благодушно. Берут только тех, кто пьяным заснет на улице, а такие часто попадают, затеет драку или еще как-то нарушит порядок. Ко всем прочим, в том числе и к пьяным компаниям, горланящим на улице песни, проявляют снисходительность. Это легко объясняется: Саваджо живет за счет туристов, а значит, не стоит их дергать по любому пустяку... Вообще-то на въезде в город устроено нечто вроде контрольно-пропускного пункта (Канцлер с Марлоком моментально насторожились, но Элкон улыбнулся). Ничего опасного, господа, там не проверяют документы, наоборот. Там стоят такие ящики... Всякого приезжего просят приложить ладонь в определенном месте, посмотреть в какой-то глазок, потом выскакивает небольшая карточка, ее вручают приезжему, и он преспокойно уезжает.

— Понятно... — сказал Марлок. — Отпечатки пальцев и сетчатки глаз — она, как и отпечатки, уникальна...

— Да, очень похоже, — сказал Элкон. — Какой-то пропуск для приезжих — надо же их как-то регистрировать, если они что-то натворят и оставят отпе-

чатки...

— Это-то как раз не загадка, — сказал Марлок. — У нас в подобные места стекаются всевозможные карманники с аферистами, а то и уголовный народец посерьезнее. Здесь наверняка обстоит точно так же, не может тут не быть преступности... Хорошо. Пока что обсуждение идет гладко, но лично я здесь усматриваю еще один серьезный подводный камень. Деньги. То же самое, что и с документами, не подержав их в руках, не изучив, скопировать невозможно. Вы снова кивнули, ваше величество... А ведь в *таком* месте вам понадобится солидная сумма. К тому же в подобных местах, рассчитанных на нескончаемый поток туристов, цены всегда безбожно задраны — и на Таларе до этого давно додумались, а уж там... Как вы эту проблему намерены решать, ваше величество, лорд Сварог?

— Ничего сложного, — пожала плечами Яна. — Легкий толчок — и человек останется в уверенности, что я дала ему деньги, а он их взял.

— Чревато, знаете ли... — с сомнением сказал профессор. — Если вы это проделаете в каком-нибудь многолюдном месте, сможете охватить той же иллюзией всех окружающих? Если их будет немало?

— Не смогу, — сказала Яна.

— Вот видите, — профессор не без легкого торжества нацелился в нее чубуком дымящейся трубки. — И что в этом случае увидят окружающие? Что девушка подает продавцу словно бы кусочек воздуха, а он *это* преспокойно берет... Последствия непредсказуемы. Я тоже видел объявления, убедительно просящие не пользоваться в игорных заведениях магией. Магия там есть, и наверняка области жизни, где ее запрещено применять, гораздо шире игорных заведений... А если у них там есть какой-то аналог вашей, лорд Сварог, Багряной Палаты? И за вами начнут охоту?

— Есть и другой вариант, — почти не раздумывая, ответила Яна с легкой улыбкой. — Если в достаточно укромном местечке попадется достаточно богатый человек, он сам отдаст мне все деньги и тут же обо всем забудет. Конечно, крайне предосудительное для императрицы поведение, но чего не сделаешь для успеха предприятия...

— Вот тут у меня есть полезные дополнения, — сказал Сварог. — Я кое о чем умолчал до поры до времени, решил приберечь, пока не начнется деловое обсуждение операции. Каюсь... Два часа назад я туда спускался по веревочной лесенке *второй* раз. Там, естественно, стояла ночь, была тишина. Вот я и рискнул. Обошел строение, выглянул из-за угла, быстро рассмотрел все, что нужно, и быстренько убрался восвояси. Так вот... С *этой* стороны к зданию примыкает обширный кусок живописной и дикой чащобы, а вот с другой — расцвет цивилизации. От магистрали сюда ведет довольно широкая дорога. Поодаль, уардах в трехстах, стоит трехэтажное здание, и у меня отчего-то сложилось впечатление, что это — стилизация под *тамошнюю* старину. Там гостиница.

— Почему вы так решили? — тут же спросил въедливый Марлок.

Сварог усмехнулся:

— Да потому, что там светилась вывеска: Гостиница «У баронского замка». Горела парочка окон, не больше. А вдоль всего третьего этажа идет широкая галерея со столиками. Оттуда должен открываться прекрасный вид на дикую природу — так что главное веселье там начинается определенно днем. Но это детали. Главное в другом: гостиница явно рассчитана на весьма и весьма

небедный народ. Поблизости — огороженная стоянка с парой дюжин роскошных по здешним меркам автомобилей, иные с гербами или вензелями на дверцах. У входа торчат несколько такси — значит, место считается *хлебным*. Наверняка иные постояльцы посреди ночи решают податься в Саваджо — и платят соответственно. Таксисты, как и наши извозчики, народ чертовски практичный, не стали бы торчать там, где заработки плохие. К чему это я? У тамошних постояльцев должно быть при себе немало денежек...

Он чуточку приврал — исключительно для пользы дела, ну, и для того, чтобы и дальше сохранять в тайне от Канцлера кое-какие хелльстадские штучки. Сам он никуда не лазил. Просто-напросто пустил привезенного из Хелльстада в кармане Золотого Шмеля — и тот за какой-то квадранс заснял все, что Сварога интересовало, вернулся беспрепятственно, и никакого переполоха на Той Стороне не случилось...

— Это облегчает задачу, — сказала Яна обрадованно. — Пройдусь по парочке номеров, мне отдадут деньги и тут же обо всем забудут. Канцлер, я вас умоляю, не нужно так страдальчески морщиться. У вас есть свои предложения, как добыть деньги?

— Нет, — поджав губы, признался Канцлер.

— Ну, вот видите... Между прочим и между нами: дядюшка Элвар в Каталуне порой и не такие номера откалывает, причем не для пользы какого-то дела, а исключительно для развлечения...

— Я знаю, — хмуро сказал Канцлер.

— Вот видите... Не пора ли на этом закончить обсуждение?

— Еще одна деталь, — сказал Канцлер. — Коли уж вы все решили, и вас не отговорить, нужно думать об одном: как извлечь из вашего визита максимальную пользу. Я бы вам посоветовал поискать книжные магазины. Или купить газет. Так можно много полезной информации получить... База «Стагар» нам не особенна и помогла...

Сварог прекрасно понимал, о чем он. Группы, работавшие на базе «Стагар», вывезли оттуда изрядное количество книг и документов. Вот только из-за специфики места информация подобралась однобокая. Документы касались исключительно текущих флотских дел (порой непонятных для экспертов). Книжки... Масса справочников, руководств, даже энциклопедий — но все они опять-таки относились к флотским (а порой и к другим военным делам). Навигация, вооружение, морское дело. И все такое прочее. Справочники и исторические, чисто документальные книги были интересны лишь для узкого круга историков: трехтомная «История самых знаменитых битв на суше и на море», «История развития военного флота» — и несколько десятков трудов на схожие темы, не дававших ни малейшего представления о том, как протекала жизнь «на гражданке». С художественной литературой обстояло не лучше: сплошь бульварное чтиво, вроде того, что Сварог в свое время нашел в номере навигатора Горонеро.

— Я это обязательно учту, Канцлер, — сказал Сварог. — Нужно будет купить в первую очередь какой-нибудь подробный справочник для туристов — в подобном месте их не может не быть...

— И никакого оружия, — сказал Канцлер. — *Наше* там будет бесполезно по причине отсутствия апейрона. *Ваше*, с «Рагнарока», наверняка сработает, как в Горроте — но кто его знает, как тамошняя полиция относится к туристам с

пистолетом под пиджаком...

Яна очаровательно улыбнулась:

— А зачем нам пошлые пистолеты? Я — и *есть* оружие... Полагаю, что можно считать совещание законченным? — она встала первой, и за ней, согласно этикету, поднялись все остальные. — Не будем терять времени. Мы с лордом Сварогом летим в девятый стол, там работают над *реквизитом*...

— Элкон, остаётся на дежурстве, — сказал Сварог. — Прислать вам на смену кого-нибудь из ребят?

— Не стоит, — решительно сказал Элкон, явно намеревавшийся сидеть тут день и ночь, чтобы ничего не пропустить.

Сварог лишь пожал плечами, и они вчетвером вышли. Ратагайцы, как обычно дежурившие в коридоре, почтительно расступились перед Сварогом и Яной (давно и прекрасно им известной как подруга короля), а Канцлера с Марлоком (хотя оба уже пару раз здесь бывали) по всегдашней своей привычке проводили бдительно-подозрительными взглядами: ну, таковы уж дети степей, что с ними поделаешь...

Уже в браганте, высоко в небе, Сварог спросил:

— Значит, дымишь?

— Не я одна, — Яна без всякого раскаяния на лице пожала плечами. — Ты сам, кстати, дым пускаешь, как сказочный дракон. Попробовала и втянулась как-то. В конце концов, это просто так, а не земная курительная дурь...

— Ладно уж, дыми в открытую, — сказал Сварог.

Он вспомнил, что при уровне развития медицины ларов курильщикам, даже самым заядлым, нисколько не грозят ни рак легких, ни прочие хвори, проистекающие от табака. Так что пусть ее это не самая вредная привычка, особенно если учесть, что сам он и в самом деле дымил, как трехглавый дракон...

Не без любопытства покосившись на Яну, он спросил:

— Волнуешься хоть чуточку?

— Нисколько, — тут же ответила она.

— Вот это зря, — сказал Сварог, — всегда надо хоть чуточку волноваться и опасаться. Люди порой как раз и гибнут оттого, что были *совершенно* уверены в себе и не боялись ровным счетом ничего. Ты это учти, пожалуйста.

— Я учту, — столь же серьезно пообещала Яна.

Глава III

ОНИ ПРИХОДЯТ

Женщина в любой ситуации остается в первую очередь женщиной, и ничего ты с этим не поделаешь. А потому Сварог, давно знакомый с этой нехитрой житейской истиной, молча терпел, пока Яна вертелась перед высоким зеркалом — гораздо дольше, чем требовала ситуация.

Одежда с Той Стороны ей шла — ну, ей все шло... Сиреневое платье из тонкого бархата, изрядно покороче даже тех, что носили на Таларе, и за облаками и внизу (так что моралист Интагар наверняка давно фыркал бы — платье вдобавок было сверху донизу на пуговицах, и нижняя расстегнута: Элкон давно подметил, что там все женщины помоложе так ходят). Короткие рукава фонарикам, вырез достаточно смелый, но не настолько, чтобы в Интагаре и на этот счет выиграл моралист, поясок затейливых бляшек золотистого цвета, сумочка на плече (косметика здешняя, но в *тамошних* упаковках — опять-таки следует поблагодарить телерекламу Той Стороны), синие туфли на не особенно высоком каблуке, волосы распущены по плечам (многие там так ходили). Скромная золотая цепочка, перстенок с некрупным сапфиром, серьги в тон перстню.

Наконец, налюбовавшись собой, она отошла, и Сварог бегло глянул на себя в зеркало: в общем, ничего примечательного, светлый костюм, фасоном и кроем не столь уж и разительно отличавшийся от тех, на покинутой Сварогом Земле — ну, лацканы с тремя вырезами, ну, брюки без «стрелок», словно панталоны диккенсовских времен. Галстук ничуть не кричащий. Изучая одежду, он отметил: *там* модны галстуки двух видов: либо полосатые, либо однотонные, в разнообразных геометрических фигурах (причем длина ширина полос и сочетания цветов отмечены величайшим разнообразием). Не особенно и раздумывая, Сварог быстренько выбрал светло-синий в белый горошек. Портсигары они с Яной тоже сработали по тем образцам, что предлагала телереклама, — выбрав попроще, серебряные, без особых украшений. Сварог подумал, что первым делом следует купить зажигалки — здешний вид их известен, но на каком принципе работают, непонятно, так что не стоит нести с собой имитации — правдоподобие должно быть соблюдено буквально во всем.

Конечно, Сварог видел *там* и женщин в вычурных, длиной до пола роскошных платьях, с затейливыми прическами, мужчин, одетых совершенно иначе — в чем-то вроде длинных сюртуков с белоснежными манишками-жабо. Но это была тамошняя аристократия: одетые так люди не ходили по тротуарам, они всегда выходили у самых роскошных заведений из роскошных автомобилей с гербами или вензелями на дверцах, уж никак не наемных. А им с Яной как раз и предстояло затеряться в толпе народа попроще, что, заранее можно предсказать после долгих наблюдений, удастся без труда. В лучших традициях его любимых романов о разведчиках.

Под ложечкой у Сварога ненадолго ожило неопишное словами ощущение, возникшее перед первым прыжком с парашютом. Но быстро пропало.

— Пошли? — как ни в чем не бывало сказала Яна.

Элкон погасил свет в комнате с приборами и не сказал ни слова — Сварог ему из суеверия строго-настрого запретил желать удачи, попросил вообще по-

малкивать.

Вышли на балкон. На Той Стороне все было, как обычно: ночь, вдалеке мельтешение огней Саваджо, Семел в зените, темная лента Итела, прохладная тишина, четкие, черные тени ближайших кустов...

— Поехали? — спросил Сварог.

Яна взяла его за руку, и они медленно поднялись в воздух — над балконом, над перилами, опустились вниз, на небольшую прогалинку меж кустами, высокими, разлапистыми, колючими. Постояли тихонечко: Сварог прислушивался к своим ощущениям, Яна, наверняка, тоже.

Что до него, никаких особенных ощущений он не испытывал — разве что воздух казался чуточку *другим* (возможно, именно что казался). Да во всем теле ощущалось нечто странное, неопишемое словами: то ли некая пустота, то ли что-то наподобие легкого озноба — вот это уж, точно, была реакция лара, внезапно лишившегося всей своей магии. Не сказать, что ощущение особенно уж неприятное — но и к приятным его не отнесешь.

— Впечатления? — спросил он.

Яна спокойно пожалала плечами:

— Ничего особенного. Дуновение Древнего Ветра и магии, оно тут повсюду. Поблизости — никакой опасности или угрозы для нас. Ничего особенного, даже прозаично как-то...

— Это даже и хорошо, — сказал Сварог. — Это просто прекрасно. А то попадались мне места отнюдь не прозаические, вовсе даже наоборот, забыть бы их напрочь, да не удастся... Дай огоньку.

Яна (как она тут же прилежно доложила) все свои способности сохранила полностью — ну конечно, от алейрона они нисколько не зависели... Поднесла ему огонек на кончике пальца. Они, не торопясь, выкурили по сигарете, переглянулись и двинулись по давно присмотренной Сварогом тропинке, огибавшей замок. И вскоре оказались по другую его сторону.

Здание, действительно, больше всего походило на замок — хотя и сохранилось кое-что от прежнего его облика как части Латеранского дворца. А дальше все, как на снимках: трехэтажная гостиница, где горела всего парочка окон, огороженная стоянка роскошных машин (их осталось гораздо меньше, чем было на снимке, видимо, владельцы отправились в Саваджо развлекаться). Сварог видел отсюда: ярко освещенный небольшой холл, красиво отделанный деревом и полосами какого-то синего камня, весьма напоминавшего афганский лазурит (и снова: век бы не помнить!), полированная стойка, за ней стоит пожилой субъект в черном сюртуке (конечно же, ночной портье), за его спиной, как полагается, черная лакированная доска (там всего три-четыре ключа и десятка четыре пустых золотистых крючков). Модное заведение, надо полагать. Такси у входа уже не полдюжины, а всего два.

Он посмотрел влево. В замок ведет невысокая, широкая каменная лестница с каменными же перилами, внизу, по обе стороны — два неизвестных, возможно, мифологических зверя. Рядом с высокой стрельчатой и двустворчатой парадной дверью вывеска: «Памятник истории: замок барона Кленчера». И что-то насчет расписания посещений — но в эти мелочи он не стал вникать. Не в первый раз задумался: как совместить этот, несомненно, стародавний замок и Латеранский дворец? И вновь быстро оставил это занятие, совершенно бессмысленное из-за отсутствия какой бы то ни было информации к размыш-

лению.

— Ну что, пошли? — негромко спросила Яна. — Где портье, там и касса. На завтра он ничего не будет помнить. И такси целых три штуки, а до города всего-то лиги три. Все отлично складывается, — и она торопливо добавила: — Пока что...

— Подожди, — ответил Сварог. — Скажу по совести: мне ничуть не жаль этого старого хрыча, но действовать нужно иначе. Если ты *облегчишь* кассу, останется след. Подумай сама: утречком обнаруживают пустую кассу, а портье совершенно искренне клянется, что ничего не знает и ничего не помнит. Это не шум до небес, но все же — странность, след...

— Что ты предлагаешь?

Он кратенько объяснил.

— Тоже вполне толково, — сказала Яна. — К тому же в кассе может оказаться совсем мало денег — вдруг они вечером увозят выручку в город?

— Ну тогда пошли, прелестная разбойница, — сказал Сварог.

Справа, не так уж далеко, простиралась вторая стоянка — гораздо больше первой, совершенно пустая: явно для туристических автобусов. «Обормоты, — подумал он без малейшего раздражения. — Ухитрились как-то устроить из части моего замка местную туристическую достопримечательность. Если все пройдет гладко, может, зайти в замок днем, посмотреть, как там внутри?»

Они вошли. Портье за стойкой моментально стал на полголовы выше. Ага, сообразил Сварог, ничего загадочного — у него там незаметная снаружи подставка — стульчик, можно присесть, хотя со стороны кажется, что стоит.

На лице осанистого старикана моментально изобразилась самая приветливая и угодливая улыбка:

— Далер?.. — он бросил взгляд на левую руку Яны. — Далеретта?

Снова никакого ребуса — насмотрелись здешних фильмов. Вежливое обращение: замужняя женщина — далерия, незамужняя — далеретта. Судя по всему, обручальные кольца здесь носят на левой руке. Правда, в глазах портье (немало навидавшегося на своем месте) все же просматривалось некоторое удивление: ну да, не было шума подъезжающей машины и никто не внес за ними багаж. Но какая разница, если этому типу предстояло очень быстро стать живым манекеном?

Яна не собиралась медлить. Она всего-навсего подняла правую руку на уровень плеча, ладонью наружу — и со стариканом в мгновение ока произошла метаморфоза: в нем появилось что-то от манекена, а глаза стали пустыми и отрешенными.

— Кто из постояльцев самый богатый? — безмятежным, даже чуточку светским тоном спросила Яна.

— Конечно, далер Тендлей, — пустым голосом ответил портье. — Тот самый. «Судостроительные заводы Тендлея». Тридцать восьмой номер. Наш постоянный постоялец, и...

Яна бесцеремонно прервала:

— Как, по-вашему, может у него быть при себе большая сумма денег?

— Безусловно, — прилежно отрапортовал портье. — Господин далер Тендлей любит развлекаться три-четыре дня, на самый разный манер. А чеки в Саваджо не принимают ни у кого.

— Отлично, — сказала Яна. — Вы нас не видели и ничего не помните. При-

сядьте и отдохайте.

Портье, как механическая кукла, опустился на свой потайной стульчик, бессмысленно уставился в пространство. Сварог с Яной быстро поднялись по лестнице и без труда отыскали тридцать восьмой номер. Судя по длине стены, тянувшейся от двери номера до застекленной двери на галерею, это был здешний суперлюкс. Яна сделала не особенно и замысловатый жест — и слышно было, как замок открылся сам по себе.

Они, не теряя времени, вошли в прихожую, блиставшую самой пошлой роскошью, люстра горела, из-за одной из трех выходивших в прихожую дверей, чуть приоткрытой, слышались возня и женские смешки. Ее-то Яна бесцеремонно распахнула.

Ничего необычного, в общем. На огромной роскошной постели седоватый пожилой мужик и две красотки — блондинка и темноволосая. Далер Тендлей радовался жизни на всю катушку.

Все трое удивленно вскинули головы, увидели Яну — но ничего не успели сказать или сделать. Еще парочка жестов — и обе девицы опустились на постель, закрыли глаза, явно погрузившись в глубокий здоровый сон, — а Тендлей слез с постели и застыл возле нее стойким оловянным солдатиком.

— Халат накиньте приличия ради, — спокойно распорядилась Яна, и судостроительный магнат послушно влез в роскошный халат. — Где у вас деньги?

— В кабинете, в сейфе, — голос был такой же бессмысленный, как у портье.

— Пойдемте, — и, когда они оказались в просторном кабинете, последовала вполне ожидаемая команда: — Выньте из сейфа все деньги, какие там есть, положите на стол.

Он, конечно же, повиновался. Сварог присмотрелся к добыче — она была внушительная. Большинство пачек — в запечатанной банковской упаковке, хотя некоторое число купюр лежит россыпью. Монеты, похоже, серебряные.

— Займись, — сказала Сварогу Яна. — Я возьму немного в сумочку, но все туда не влезет...

Сварог сноровисто, словно с младых лет промышлял грабежом в отелях, принялся распределять добычу, сдирая банковские упаковки. Ага, повсюду: «столько-то ауреев», и у них в аурей... Светло-зеленые тысячные — в левый внутренний карман пиджака, сиреневые пятисотенные — в правый. Красные сотни и розовые полусотенные, соответственно, по наружным карманам пиджака. А это еще что? Тьфу ты...

До этого он только в анекдотах слышал о «пятнадцатидолларовой» и «девятирублевой» купюрах. Но сейчас обнаружил пачечку банкнот достоинством в пятнадцать ауреев — ну, в каждой избушке свои игрушки, возможно, есть какие-то расчеты, при которых удобно именно такими купюрами расплачиваться. Ага, и монеты — один аурей, пять, семь, девять...

Превратив себя в ходячий сейф, он похлопал по карманам, глянул в зеркало: чуточку выпирало там и сям, но особенного внимания, пожалуй что, привлечь не должно. Если чеков здесь не принимают, немало народу должно таскать по карманам приличные суммы, какие не влезут ни в один бумажник...

— Идите в спальню к девушкам, — спокойно распорядилась Яна. — Спите до утра. Нас здесь никогда не было.

Магнат кивнул и едва ли не солдатским шлагом отправился в спальню.

— Послушай... — сказал Сварог. — А у тебя, часом, силы не убавится? Грель-

фи как-то говорила: иные заклинания если не полностью теряют силу, то ослабевают, если их использовать для разных нехороших дел. А мы тут натуральный грабеж устроили...

— Есть такая особенность и у Древнего Ветра, — ничуть не удивившись, ответила Яна. — *Подтаивает*, если его использовать для откровенно злых дел. Но мы же не ради собственной наживы, а для пользы дела. Так что обойдется.

— Ну, тебе виднее... — проворчал Сварог. — Пошли на такси?

Они вышли из номера, аккуратно притворив за собой дверь, и направились к лестнице. С маху остановились. С лестничной площадки появился и загородил им дорогу верзила с лицом, не особенно обремененным интеллектом. Явный охранник: синяя форма с полудюжиной золотых эмблем на груди и руках, берет с прямоугольной бляхой, где красивым шрифтом начертано название отеля, да и черная закрытая кобура на игрушечную не похожа...

— Кто такая? — спросил он, подозрительно уставясь на Яну.

— Девочка по вызову, — с лучезарной улыбкой ответила она. — От клиента иду. А это, соответственно, опекун.

«Сотню ему сунуть, что ли? — подумал Сварог. — Нет, не обойдется: вон как набылчился, так и жжет буркалами...»

— А почему я не знаю? — спросил охранник вовсе уж неприязненно. — Как это вы мимо Торонта прошли, такие шустрые? За такие вещи полагается...

Закончить он не успел: уже знакомый Сварогу жест — и перед ними очередной живой манекен.

— Иди к себе и дрыхни до утра, — сказала Яна. — Нас здесь не было.

Верзила покорно развернулся на месте и стал спускаться по лестнице деревянным шагом. Ну конечно, Сварог с этой стороной жизни был прекрасно знаком по Талару: на постоянных дворах и гостиницах, особенно тех, что подороже, не любят случайных, с улицы заглянувших девок, всегда есть «диспетчер», который за этим делом присматривает и стрижет процент. «Везде одно и то же, — грустно-философски подумал Сварог, — в какой мир ни попади...»

— Таксиста, я думаю, тоже стоит унять? — деловым тоном спросила Яна.

— Безусловно, — ответил Сварог, не раздумывая. — Чем меньше людей нас тут будет помнить, тем лучше...

Оказавшись на улице, он постучал согнутым указательным пальцем в окно ближайшей машины. Таксист моментально проснулся, выскочил, с поклоном распахнул перед ними заднюю дверцу — все это явно по собственному побуждению. Однако, когда они уселись, Яна вновь сделала жест — и, судя по неувлимо изменившейся спине таксиста, накрыло и его.

— В город, — распорядилась она.

Об именах они позаботились заранее. Сварог, не заморачиваясь, собирался назваться Тогиром Горонеро, вспомнив штандарт-навигатора — вряд ли имечко настолько уж редкое и уникальное, мало ли совпадений? С Яной пришлось посложнее, но лишь самую чуточку: имя ей подобрали, посмотрев отрывок одного из здешних телесериалов, — судя по тому, что так звалась простая продавщица, появившаяся в кадре едва на полминутки, имя распространенное. Фамилию свистнули опять-таки из телевизора — она принадлежала третьему помощнику режиссера и располагалась в титрах едва ли не в самом конце. Тогир Горонеро и Миэлла Карбай — простенько и со вкусом...

До Саваджо, как и следовало ожидать, добрались за каких-то пару минут —

дорога, отличная шестирядка, была пуста, и водитель, крепенько подозревал Сварог, превысил дозволенную скорость — но это уже были его проблемы.

Ага! Меж двух крайних домов, больше похожих не на увеселительные заведения, а на какие-то казенные здания без вывесок, у каждой полосы остается довольно широкое пространство, везде стоят те самые блестящие ящики высотой человеку по грудь, и возле каждого торчит полицейский в салатного цвета форме и такой же фуражке, в светло-коричневых ремнях. Кобура у него на поясе все же имелась: ну, безусловно, тут не Эдем...

Он поднял руку небрежно-властным жестом, свойственным полицейским в любом из миров, и водитель аккуратно притормозил (на этот раз Яна, учитывая специфику происходящего, *отключать* его не стала, велела только помалкивать, не задавать вопросов — иначе как бы он, отключенный, машину вел?)

Полицейский подошел к задней дверце, склонился, козырнул и спросил вежливейше:

— У вас имеются карточки гостей или вы только что приехали?

— Только что, — сказал Сварог.

— В таком случае не затруднит ли вас выйти из машины для оформления карточек?

Ничего не поделаешь, пришлось вылезать. Полицейский сначала поинтересовался именем Яны, повторил его в широкий черный браслет на запястье, столь же безукоризненно вежливо попросил пройти к ящику и встать неподвижно на широкой зеленой полосе. Ящик вдруг полыхнул, словно бы фотовспышкой. Потом Яна по просьбе стража порядка проделала ту же процедуру, что Сварог уже видел по телевизору: приложила ладонь к нарисованному красной краской контуру, заглянула в черную трубочку глазка. Полицейский нажал кнопку — и из прорези выскочила небольшая продолговатая карточка. Однако Яне ее полицейский не отдал, пригласил Сварога. Видевший все Сварог проделал процедуру сам, без инструктажа. Обе карточки полицейский протянул ему, добавил два сложенных вдвое листка бумаги, извлеченные из своего планшета, лихо откозырял:

— Желаю приятно провести у нас время, далер, далеретта. Если потеряете карточки или произойдет... другая случайность, немедленно обратитесь к ближайшему патрулю. Веселья и удачи.

Нетрудно было догадаться, что он имеет в виду под «другими случайностями» — карманников здесь наверняка хватает. А потому Сварог попросил Яну отслеживать ситуацию и, если кто-то полезет к нему в карман, легонько *стукнуть*.

Через два квартала они отпустили машину. Вита велела водителю вернуться назад к гостинице, подремывать в ожидании клиентов, а о них начисто забыть. Глянув на счетчик, Сварог хотел было бросить на сиденье рядом с водителем пару банкнот — таксер не виноват, что случайно подвернулся под руку и был использован в качестве живого инструмента. Но тут же решил, что в благородство играть не стоит. Когда водитель проснетя и обнаружит неведомо откуда взявшиеся деньги — это тоже будет странность...

Они замешались в поток туристов на широком тротуаре, мощенном бледно-желтой и серой каменной плиткой, — и двинулись в ритме тех, кто никуда не спешил, а неторопливо прогуливался, глаза на окружающую свистопляску

огней, красок и «живых картин». Правда, в отличие от многих, головами откровенно не вертели: во-первых, не стоит уподобляться очень уж замшелым провинциалам, неудобно как-то, а во-вторых, они все это многоцветное великолепие не раз видели в импровизированной аппаратной Элкона и успели к нему попривыкнуть.

Гораздо больше Сварога интересовала полиция, точнее ее методы работы. Все оказалось так, как докладывал Элкон: полицейские машины, черные с желтым, как осы, с красной полосой по борту, на малой скорости проплывают вдоль тротуаров в немалом количестве, и парных патрулей хватает. Но проверки документов он не увидел ни разу. Однажды ловко и быстро сгребли персонажа, спяну прикорнувшего на краю тротуара, под сенью развесистого клена, — а в другой раз столь же быстро и ловко прихватили двух других — эти как раз стояли, но держали друг друга за галстуки и, пошатываясь, матерились так, что сразу видно было: дело идет к доброй драке. А в остальном полиция демонстрировала полнейшее благодушие.

Никто не обращал на них внимания — ну, разве что на Яну (как не раз случилось и в иных местечках на Таларе) порой откровенно пялились ловеласы, чьи мысли читались без труда, — но Сварог давно относился к этому, как к неизбежному злу, благо приставать никто не пытался, вообще, он не заметил здесь уличных приставал.

В игорные дома они заходить не собирались. Не прельщали и многочисленные заведения с «веселыми танцами» (на Земле — стриптиз, на Таларе — тоголада, а здесь, как выяснилось — «веселые танцы»). Была в этом своя сермяга: в самом деле, танцы какие угодно, только не печальные).

Пора было и *поработать* — вот только где и как? Те же мысли пришли в голову Яне; она негромко спросила:

— А когда делом займемся? Тебе решать, ты у нас командир, а я только оружие, пусть даже очаровательное и могучее...

— *Каким* делом? — спросил Сварог.

Яна чуть смущенно пожала плечами.

— Вот то-то... — сказал Сварог. — А посему у командира родилась очередная гениальная идея... Сядем где-нибудь в уличной кофейне — их тут туча, сама видишь — попьем кофейку и вместе подумаем, как жить дальше. Это мысль?

— Это мысль, — одобрительно кивнула Яна. — Знаешь, я бы с удовольствием еще и поела. Мы так и не успели пообедать, есть уже хочется...

— Да и мне тоже, — сказал Сварог. — Хорошо, высматриваем подходящую кофейню. Там все обсудим, а заодно посмотрим наконец, что за бумажки нам на въезде всучили.

Глава IV

БАЛЛАДА О ФРЕГАТЕ

Они уселись за столик в первой попавшейся кофейне, где столиков было занято с две трети. Здесь подавали и спиртное, а потому в кофейне стоял веселый гомон. Что им было только на руку: можно поговорить без помех, не рискуя, что кто-то невольно подслушает их разговоры — уж безусловно странные для этого города, вообще для этого мира...

Проворный официант принес кофе и блюдо с разнообразными маленькими пирожными, оказавшимися довольно вкусными. Яна с ходу одолела три, сказала:

— Нет, все же надо где-то поесть, пирожные только аппетит разжигают... Итак, командир? Какие-нибудь выводы уже есть?

— Конечно, — сказал Сварог. — Самый главный такой: сюда преспокойно можно засылать агентов, они не возбудят никаких подозрений. А что до прочего... Похоже, в *этом* городе нам просто негде раздобыть более-менее ценную информацию, не то местечко...

— Книжные магазины, как советовал Канцлер?

— Вот это — обязательно, — сказал Сварог. — После того, как поедем — сытому разведчику и работать веселее... И еще. Я тут несколько раз видел вывески компьютерных клубов.

— Ага, я тоже.

— Вот... Если у них есть компьютеры, при здешнем уровне развития техники вполне может существовать и компьютерная сеть в масштабах страны, а то и планеты. Вот только я так до сих пор толком и не научился вести мастерский поиск, да и ты, я помню, тоже. Тут нужен Элкон, уж он-то сумеет быстро выудить немало интересного. Парень будет в восторге... Да, вот что еще. На всякий случай... Как выглядят здешние деньги, мы уже прекрасно знаем. А вот паспорта или иные удостоверения личности, что-то такое здесь просто обязано быть...

— Никаких сложностей, — безмятежно сказала Яна. — Попрошу у кого-нибудь на улице, он отдаст как миленький и тут же нас забудет... Может, заодно еще и полицейское удостоверение?

— Пожалуй, — кивнул Сварог. — Да, нужно же, наконец, посмотреть, что нам всучили...

Отдал Яне ее карточку, присмотрелся к своей. Пластиковая, прямоугольная, размером с половину обычной почтовой открытки из покинутого Сварогом мира (на Таларе поздравительные открытки тоже есть, но они гораздо больше).

Томир Горонеро, провинция Токбалат, город Дельмер...

— Стоп, стоп! — сказал он. — А что это за Дельмер за такой?

— А я его из головы выдумала, — сказала Яна. — Он просил назвать и город — а вот о городе мы совершенно не подумали, когда готовились. Ничего, обойдется. Кто будет проверять? Тут столько туристов... И это, в конце концов, город развлечений, а не военная база или секретный научный центр...

— Логично... — сказал Сварог. — Молодец.

Так... Цветная фотография, аккуратный рядок из пяти отпечатков пальцев,

строчка из букв попеременно с цифрами. Что ж, здешняя полиция явно не так благодушна, какой кажется. По этому документу человека можно опознать безошибочно, соверши он преступление и оставь отпечатки пальцев. Загадочных букв и цифр — две строчки, похоже, чертов ящик, кроме радужки, срисовал еще какие-то уникальные параметры, только им с Яной присущие. Интересно, что бы это могло быть?

— Слушай, — сказал он, — сдается мне, этот чертов ящик все данные о приезжих старательно копит. И он сложнее, чем кажется... Что-то не тянет оставлять здесь такие данные о нас...

— Это тоже простенькая проблема, — заверила Яна. — Когда будем уезжать, я этому ящику изничтожу все нутро — и никто снаружи ничего не заметит.

Они отхлебнули еще кофе, закурили (женщины здесь, почти сразу подмечено, курили открыто, а зажигалки принес официант).

— И еще... — сказал Сварог и тут же замолчал.

Один из двух свободных столиков жалобно скрипнул — на него плюхнулась совершенно незнакомая дама, определенно подвыпившая. Жизнерадостно воскликнула:

— Молодые люди, не будете против, если я составлю вам компанию? Что-то не похоже, чтобы вам было весело...

— Извольте, далерия... — вежливо сказал Сварог.

— *Далеретта*, — с некоторой грустью, как показалось Сварогу, поправила она. — Далеретта Кабиния Датек, из столицы... столичная штучка, ха!

Тут уж ничего не оставалось, как назвать свои вымышленные имена и сказать, из какой они провинции.

— Ничего страшного, — сказала далеретта Кабиния, делая какие-то знаки официанту. — Я, в отличие от многих, ничуть не склонна считать вашу провинцию и ее жителей тем, что представляют юмористы. Я, надобно вам знать, сама из провинции, правда, из Лотшалка, это поближе к столице, но все равно глухая провинция. О нас тоже распускали много анекдотов и шуток — ну, эти напыщенные столичные снобы... — и добавила мстительно: — Зато и мы о столичных жителях давным-давно сочинили массу шуток и анекдотов. У вас, наверное, тоже?

— Конечно, — сказал Сварог. (На Таларе обстояло примерно так же: столица и большие города вышучивали отдаленные провинции, а те не оставались в долгу).

И, коли уж пришлось к случаю, рассказал старый гартвейнский анекдот о том, как коренной житель Равены попал в деревню и впервые в жизни увидел корову. Кабиния хохотала искренне, совершенно по-крестьянски, без тени жеманного светского хихиканья. Сварог попытался определить, кто же она такая. Лет сорока с лишним, с крашеными под блондинку волосами, золота на ней навешано раз в пять больше, чем на Яне, и камни гораздо крупнее. Тем не менее оставалось неуловимое ощущение если не вульгарности, то некоторой простоты. Платье такого же фасона, как на Яне, но материя другая, такое впечатление, подороже — незнакомая золотистая ткань, переливающаяся при каждом движении. Сварогу она ужасно напоминала продавщицу из советского универсама, решившую в отпуске посетить местечко пошкарнее, где бывает «общество». Преуспевающая лавочница? Сорвала куш в лотерею? (Он уже знал, всевозможных лотерей, в том числе и моментальных, здесь поменьше,

чем в Равене, но все же немало). Впрочем, с тем же успехом она могла оказаться и эксцентричной миллионершей, решившей «выбраться в народ», как порой они с Яной на Таларе. На Таларе тоже, кстати, немало пусть не миллионерш, но изрядно разбогатевших купчих, выбившихся в люди из провинции, но на всю жизнь сохранивших ту самую простоту манер, — одни старательно пытаются ее изжить, *просочиться* в свет, а вот другие, наоборот, даже бравируют прошлым. Возможно, очаровательная девочка из провинции ухитрилась выскочить замуж за богача — и такое случается. Толстухой ее, конечно, не назовешь, но некоторая, как бы поделикатнее, приятная полнота присутствует. В юности она явно была красоточкой, да и сейчас ничего — для кого-нибудь постарше Сварога, что греха таить, чуточку избалованного доступными и придворными красотками и проказницами из Королевского Балета...

Официант принес недопитую Кабинией чашку кофе — и черную бутылку с яркой этикеткой. Поставил перед каждым чашечки из красного с белыми прожилками стекла.

— Не откажетесь со мной выпить за приятное знакомство? — спросила Кабиния, не дожидаясь их согласия, наполнила чашки напитком светло-кофейного цвета. — Еще не пробовали? В таком случае стоит попробовать. Здешний знаменитый кофейный ликер, только здесь и производят, почти не вывозят.

Выпили. Ликер Сварогу и в самом деле понравился — прихватить, что ли, с собой домой парочку бутылок? Он осторожно спросил:

— Приехали поиграть, далеретта Кабиния?

— Вот уж нет! — энергично возразила она. — Я, кстати, второго мужа вытурила за то, что играл... ну, точнее, за то, что играть решительно не умел, но играл с утра до ночи. Сама я не играю и вам не советую. Есть такая пословица, хе-хе! Игорный дом — единственный вид разбоя, когда жертва сама приносит разбойникам денежки. Конечно, определенный процент должен идти на выигрыш, есть даже закон... но это касается в основном игровых автоматов — а вот за столами, где карты, кости, шарики и все прочее, с непременным участием крупье... Вот там вас в два счета обчистят до нитки. Потом, правда, благородно подарят бесплатные билеты домой, циники... В общем, не вздумайте, ребята, болтаться по игорным домам.

— Мы и не собирались, — сказал Сварог. — Вот только часа два, как приехали, совершенно не представляем, как развлечься с меньшей опасностью для кошелька...

— Да тут масса хороших мест! — сказала Кабиния. — Всевозможные представления, классом выше, чем примитивные «веселые танцы», цирк, театры, концерты. Говорят даже, что приехала Тарина Тареми (Сварог насторожился). Всякие аттракционы да много чего еще. Тут, за углом, есть автомат, продает путеводители, купите, не пожалеете. А знаете что? — похоже, ее внезапно осенило: — Давайте побродим по таким местам втроем, я вам многое покажу, я-то тут в третий раз, уже неделю, начала скучать, главным образом оттого, что нет приятной компании. Подкатывались пару раз шустрые молодчики, но по виду и ухваткам — типичные жиголо, которых интересуется только мой бумажник... А вы, мне кажется, вполне приличные молодые люди... Пожениться собираетесь?

— Довольно скоро, — сказал Сварог.

— И правильно. По-моему, вы друг другу подходите, — она фривольно под-

мигнула. — И наверняка успели точно в этом убедиться? Ну, не смущайтесь, дело житейское... — она грустно опустила уголки рта. — Мне бы тоже не помешал новый муж, какие мои годы... Но чертовски трудно бывает распознать охотников за денежками, я женщина неглупая, но вот в этом плане иногда бываю страшно доверчивой... У вас в городе, кстати, нет ли подходящего холостяка? Солидного, обстоятельного, понимающего жизнь? И чтобы вредных страстишек было не особенно много. Я на этом свете пожила, точно вам скажу: мужчин вовсе без мелких страстишек и легких пороков не бывает, главное, чтобы было в меру...

— Вот так, сразу, мне сказать трудно, — сказал Сварог. — Но подумать можно...

— Можно даже, чтобы он был постарше — но не особенно, — она вновь подмигнула: — Я еще не в тех годах, когда замуж выходят, чтобы разговоры разговаривать... Ну как? Сбиваемся в веселую кампанию? Сегодня у меня парочка важных встреч, не до развлечений, а вот завтра я совершенно свободна...

— Охотно принимаем, — сказал Сварог.

— Вот мои визитные карточки, одна из отеля, вторая, на всякий случай, столичная...

На гостиничной был указан номер и телефон, а на столичной только телефон — пожалуй, и в самом деле неглупа, первым встречным адреса не дает, да и телефон, скорее всего, швейцара или горничной. Отчего-то вполне верилось, что в столице у нее могут быть и швейцар, и горничная, и прочая прислуга...

— Вот кстати, — сказал Сварог, — не подскажете, где здесь поблизости можно хорошо поесть? В каком-нибудь не пошло-роскошном, но и не затрапезном ресторане?

Она ненадолго задумалась, прищелкнула пухлыми пальцами, унизанными увесистыми кольцами:

— Й-юп! Совсем просто. Вы морскую кухню любите?

Сварог с Яной переглянулись и кивнули — так оно и в самом деле было.

— Я тоже, — сообщила Кабиния. — Свернете... — она вдруг уставилась через плечо Сварога, поморщилась, словно откусила от целого лимона. — Вот черт, везде найдут...

Сварог неторопливо оглянулся. Неподалеку стоял солидного вида пожилой мужчина в черном в серую полоску сюртуке и серых брюках, похожий то ли на адвоката, то ли на врача. И тут же — двое молодчиков попроще, молодые, одетые прилично, но тянувшие не более чем на охранников. Один держал распахнутой дверцу роскошной темно-серой машины (с тем же вензелем на дверце, что красовался на столичной визитной карточке). Солидный чуть страдальчески улыбнулся, слегка развел руками.

— Мой секретарь, — сказала Кабиния. — Давно служит, человек толковый, приворочивает исключительно по мелочам, что хорошему секретарю прощительно — но порой такой зануда... Придется ехать. Ах, да... Подождут минутку. Значит, так: свернете за угол, вон туда, пройдете квартал. В начале следующего увидите фонтан, а напротив него, на другой стороне улицы ресторан «Жемчужница». В это время там наверняка есть свободные столики, но если нет, приплатите, и вам поставят дополнительный. То, что нужно — ни пошлой роскоши, не затрапезности, а морская кухня отличная. Кстати, по дороге увидите автомат, продающий путеводители. Удачи! Позвоните мне завтра непре-

менно, где-нибудь к обеду, без церемоний.

Сварог заверил, что позвонит. Кабиния отнюдь не величественной походкой прошла к машине, привычно уселась, рядом устроился секретарь, молодчики сели к шоферу — и роскошная машина плавно отъехала от тротуара.

Они переглянулись и, улыбаясь, покачали головами.

— Шквал, — сказал Сварог. — Марена... Пожалуй, и в самом деле — эксцентричная миллионерша из простых. Ну, да завтра нас здесь уже не будет, но карточки я сохраню. Неплохой столичный контакт, а? Думается мне, если к ней в столице явится столь же приличная молодая парочка, передаст привет от нас и намекнет, что есть на примете подходящий жених, — она их примет со всем радушием... Пошли искать ресторан? Нет, погоди, грех такому добру пропадать...

Он наполнил чарки (и запомнил название ликера).

— Ребята!

Они повернулись к проезжей части. Там стояла та роскошная темно-серая машина, и Кабиния, перегнувшись через коленки секретаря, выглядывала в окно с опущенным донизу стеклом.

— Совсем забыла! — весело воскликнула она. — Непременно загляните в «Лотерея-Грация»! Очень интересное местечко, — и грустно покривила губы. — Я там была пять раз, но никогда не выигрывала, увы... До завтра!

Отстранилась, стекло плавно поднялось, и машина почти бесшумно укатила.

— Зайдем напоследок, когда закончим с делами? — спросила Яна. — Благо и дел немного...

— Зайдем, пожалуй, — сказал Сварог. — Это явно не вульгарный игорный дом, она же по ним не ходит...

Они допили ликер и встали. Сварог рассчитался за кофе и пирожные (официант сообщил, что за ликер уже заплатила «та дама»). Они свернули за угол. Квартал (конечно же, набитый увеселительными заведениями) оказался довольно длинным, чуть ли не в пол-лиги. Уже на полпути они стали обладателями паспорта и полицейского удостоверения — владельцы беспрекословно с ними расстались по первому слову Яны и удалились, моментально забыв о происшедшем. Сварог фыркнул:

— Вита, тебя бы любая разбойничья шайка с руками оторвала.

— Делать мне больше нечего, — смешливо отозвалась Яна. — Во-он видишь?

Точно, он — высокий и пузатый ящик, сверху донизу раскрашенный разноцветными полосами, со светящейся надписью «Путеводители». Они купили себе по штучке. За каждый автомат содрал по две сотни, но экономить и считать грошики им пока что не приходилось.

В конце концов они и впрямь увидели фонтан — красивый, дюжин из двух высоких струй, подсвеченных разноцветными прожекторами (туристы на его фоне оживленно фотографировались), а на другой стороне улицы — маленькое здание в виде красновато-белой морской раковины, с сине-зеленой вывеской: Ресторан «Жемчужница».

Они перешли улицу на желтый сигнал светофора (у здешних светофоров было другое сочетание цветов: красный-синий-желтый). Швейцар, как и следовало ожидать, оказался сущим пиратом: широченные черные клеша понизу

украшены серебряными «мертвыми головами», красно-желтая тельняшка в прорехах, огромная серьга в ухе, черная повязка на левом глазу, за поясом немаленькая коллекция коротких абордажных сабель и пистолетов. Распахнув дверь, он обрадовался, что свободные столики имеются. Чуть подумав, Сварог сунул ему не находившую прежде применения монету в девять ауреев (до того везде за любую мелочь брали только бумажками) — и, судя по довольной роже, даже самую малость переборщил.

Достаточно обширный зал с прозрачным полом, под которым лениво плавали красивые рыбки — золотистые, радужных расцветок, синие и красные. Под потолком — огромное, уардов в пять, чучело кальмара (непонятно только, настоящий сушеный или синтетика, модели парусных кораблей в стеклянных ящиках, рыбацкие сети на стенах, парочка якорей, картины соответствующего содержания, в углу даже морская пушка-каронада на крохотных колесиках (может, и настоящая, старинная). Одним словом, морская экзотика переклеивалась через край. Вместо столиков половинки бочек с большими вырезами для ног, что делало их похожими на огромные табуретки. Нарочито грубо сколоченные стулья.

Здесь тоже стоял веселый шумный гомон, но заведение и в самом деле выглядело вполне приличным. Они уселись за свободный столик, тут же появилась официантка, тоже наряженная морячком, — вот только клешни изобиловали ажурными вставками, больше похожими на рыбацью сеть с крупными ячейками, а тельняшка из какой-то тончайшей ткани была в обтяжку и украшена прорезами, расположенными более завлекательно, чем у швейцара. Обсудив и приняв заказ, она сообщила, что ждать придется около получаса (но зато все будет с пылу с жару), а пока что принесла «настоящий матросский чай» едва ли не дегтярного цвета, «настоящие матросские» бисквиты и сахар, грубо наколотый кусками. Ну, в конце концов, они никуда не спешили...

— Интересно, — сказала Яна, — морская одежда совершенно такая же, как на Таларе и Сильване. Только на Таларе тельняшки бело-желтые, а на Сильване — сине-желтые.

— А там, откуда я пришел — бело-синие, — сказал Сварог. — И брюки совершенно такие же. Это не совпадение — просто во всех мирах понемногу своим умом додумались до самого оптимального варианта. Мне как-то объяснял адмирал Амонд... Понимаешь, если с кораблем что-то случится и окажешься в воде, такие брюки легче побыстрее сбросить. А тельняшки хорошо видны на фоне парусов, особенно в сумерках или ночью, удобно следить за работой парусной команды.

— Как прозаично... — с легким разочарованием сказала Яна.

— Зато полезно, — сказал Сварог. — Посмотришь трофеи?

Яна внимательно перелистала паспорт, бордовую книжечку с вычурным золотым гербом и надписью «Республика Дорлиорн», раскрыла полицейское удостоверение, кивнула:

— Порядок, при необходимости сделаю такие, что от настоящих не отличишь... — отхлебнула чаю, поморщилась, отставила глиняную кружку: — Нет, крепковато. Лучше бисквит съем, он свежим выглядит...

Сварог, наоборот, отпил треть — не чифир, просто крепко заварен, не раз пивать такой приходилось. Спыхватился:

— Мы же еще те листки не посмотрели...

Подал Яне один, развернул свой. Текст был короткий.

«Уважаемые гости нашего замечательного города! Мы готовы сделать все, чтобы вы приятно и безопасно провели здесь время, но вынуждены уточнить: нарушений закона и порядка здесь не терпят. Тюремное заключение от года до двадцати пяти лет — за любое нарушение закона, в зависимости от степени тяжести.

Штраф в пятьсот ауреев и высылка — за спанье в пьяном виде на улице.

Штраф от пятисот до трех тысяч ауреев и высылка — за попытки драк и драки, в зависимости от обстоятельств.

Высылка — за несоблюдение принятых в том или ином увеселительном заведении правил.

Вниманию господ: штраф в пятьсот ауреев за приставания к дамам.

Вниманию дам: штраф семьсот ауреев и высылка за непристойное уличное поведение.

При отсутствии у виновного денег — арест от трех до четырнадцати дней.

ВНИМАНИЕ! ЗА ЛЮБЫМИ ПОПЫТКАМИ ИСПОЛЬЗОВАТЬ МАГИЮ В ПРЕСТУПНЫХ ЛИБО ДРУГИХ НЕПОДОБАЮЩИХ ЦЕЛЯХ ПОСТОЯННО СЛЕДИТ ОГНЕННЫЙ ШАТЕР!!!»

— Ага... — сказала Яна, — значит, все же *есть* у них своя Багряная Палата.

— А ты не чувствуешь... ничего такого? — спросил Сварог. — *Надзора*, или как это назвать?

— Ничуть, — улыбнулась Яна. — Я же магией тут не занимаюсь. А вот интересно, что это за непристойное уличное поведение для дам? Я сама видела, когда мы ехали: какая-то дамочка голышом купалась в бассейне фонтана, а полиция преспокойно проходила мимо.

Подумав, Сварог сказал:

— Сдается мне, это не против голых дамочек в бассейнах, а простив сторонних проституток. Залетных одиночек. Я, кстати, на улицах ни одной не видел. Все явно организовано проходит, исключительно в заведениях. На Таларе похожее сплошь и рядом, я столько полицейских докладов прочитал... Тебе легче: у тебя там, за облаками, ни преступности, ни проституции, ни грабежей на дорогах.

— Зато других сложностей хватает, — сказала Яна чуть хмуро, — которых у тебя нет. У каждого своя головная боль...

— Тоже верно, — согласился Сварог.

Имевшаяся здесь культурная программа особо уж высоким искусством не блистала. Посреди зала стоял круглый подиум из желтых досок, а на нем — столб толщиной в руку, этак в два человеческих роста, то ли отлитый из цветного стекла, то ли сделанный из прочной синтетики, украшенный рельефными изображениями русалок (в точности так их рисуют на Таларе) и каких-то цветов, очевидно, морских. Вокруг шеста изящно выгибалась длинноволосая брюнетка, успевшая избавиться от одежды полностью.

Присмотревшись к ней, Яна с легкой проказливой улыбкой сказала:

— Да я бы смогла не хуже. У меня способностей больше.

— А кто это тебе сказал? — с интересом спросил Сварог.

Яна улыбнулась еще лукавее:

— Помнишь бал в Латеранском дворце на Календы Северуса?

Еще бы ему не помнить. В Календы Северуса, предновогодние дни, торжества особенно пышные — от крестьянских праздников до королевских балов и Келл Инира. Яна любила танцевать, и танцевала весьма неплохо, но на том балу она особенно расплясалась, так что даже сломала каблук, и пришлось срочно посылать лакеев за новой парой туфельек. Вообще-то была там своя ложка дегтя — Яна в десять раз лучше всех прочих танцевала лассаду и брен оттого, что лары оба эти танца пожаловали земному дворянству лишь три недели назад. Очередная шубейка с барского плеча, ничего, в общем, не стоит, но земному дворянству маслом по сердцу...

— Ну вот... — сказала Яна. — После танцев ко мне деликатно подкатился твой главный балетмейстер и уговаривал пройти у него полный курс. Отпустил массу комплиментов: мол, у меня есть врожденное чувство ритма, необходимое изящество движений и что-то еще, и что-то еще... Заверял, что вполне могу рассчитывать на парочку главных партий. Я, провинциальная простушка, поинтересовалась, опустив ресницы: а не придется ли и тоголаду танцевать? Он сказал: а почему бы и нет, если зритель будет один-единственный? — Она по-кошачьи прищурилась: — И часто твой балет тоголаду танцует при одном-единственном зрителе?

Сварог чуточку смутился, хотя постарался этого не показать — что греха таить, бывало... И сказал чистую правду:

— Давненько уж не случалось. Я ведь обещал угомониться...

— Ну, хорошо, поверю...

— И что дальше?

— Да ничего особенного. Просто очень долго уговаривал, — Яна прыснула. — Знаешь, я сначала подумала, что у него вполне определенные планы, но оказалось, все гораздо благороднее: он таким вот образом хочет помочь «провинциальной дурешке» попрочнее закрепиться при дворе. Поскольку, — она вновь прищурилась: — по его словам, король Сварог при всех своих достоинствах и свершениях обладает еще некоторой ветреностью касательно женского пола... И нужно постараться его удержать. Только, я тебя прошу, ничего ему не делай, обещаешь? Он же не в постель меня тащил — искренне хотел помочь глупой девчонке устроиться в жизни наилучшим образом... Обещаешь?

— Обещаю, — сказал Сварог.

Он и без обещаний ничего бы маркизу Эскилину не сделал — ценил как сугубого профессионала: один из лучших балетмейстеров Снольдера и Ронеро, мэтр и фанатик своего ремесла, еще до Сварога получил парочку орденов и три Серебряных Арфы — знак отличия Сословия Свободных Искусств. Любовница из балерин у него есть — но давняя и постоянная. А вот прежнего директора-распорядителя Королевского Балета пришлось в свое время с треском выставить: балерины хором жаловались, что от него проходу нет, несогласных страшит, что снимет с главных партий или вообще выставит...

Брюнетку сменила гораздо короче стриженная блондинка, еще не начавшая понемногу избавляться от одежды. С тем же лукавым выражением глядя на подиум, Яна сказала дразнящим шепотом:

— Ну, вот представь: я на ее месте. И весь интерес приключения в том, что никто понятия не имеет, кто я такая... Только не говори, что ты отворачивался бы целомудренно, все равно не поверю... И никто не подозревал бы, кто я такая... Потому приключение и было бы страшно интересное, ничего общего не

имеющее с развратом...

— Это как посмотреть... — проворчал Сварог.

— Ну что ты надулся? Ведь не отворачивался бы... Я тебе выдам одну фамильную тайну, если обещаешь никому не рассказывать. Когда императрица Агнеш жила месяц на Бараглайском холме, дважды танцевала тоголаду в кабачках для художников. Ее заводило как раз то, что никто не подозревал, кто она такая.

— Что-то я не помню, чтобы барон Клефт об этом писал, — сказал Сварог. — А я как раз одолел наконец «Там, под облаками».

Яна махнула рукой:

— Барон об очень многом знал из третьих уст... Когда Агнеш *наигралась* и остепенилась, примерно за год до замужества сама написала книгу «Моя жизнь на Бараглайском холме».

— Дашь почитать?

— Никогда! — отрезала Яна. — Рукопись в единственном экземпляре в моем личном архиве. А я должна заботиться о чести фамилии — она там написала слишком о многом, подробно и откровенно, в стиле куртуазных романов той эпохи, высокой моралью сплошь и рядом пренебрегавшей. Видишь ли, для тебя императрица Агнеш чисто исторический персонаж, а для меня — родная бабушка, хотя я ее никогда и не видела... Уверена, такие мемуары своей бабушки ты бы тоже держал за семью замками.

— Пожалуй, — согласился Сварог. — Вот оно, значит, откуда — бабушкины гены... Я и про твою тягу к «интересным приключениям», и тот случай, когда ты на маскараде вырядилась портовой шлюхой...

— Ну, на маскараде было совсем другое, — серьезно сказала Яна. — Нужно же было тебя наконец завлечь, у меня терпение иссякло...

Разговор о высоком искусстве прервала официантка, появившаяся с двумя большими подносами. Кабиния нисколько не соврала, все оказалось на высшем уровне: пузатенькие глиняные горшочки с супом из омаров, приправленным кусочками осьминожьих щупалец и тающими во рту водорослями, копченые и жареные ракушки на маленьких деревянных шпажках, тушенная под соусом морская живность, непонятно какая, но вкусная, салаты, вареные маленькие крабики в мягких панцирях, которых вместе с панцирями можно было есть, — и еще немало всякого. Нарочито грубо сделанная оловянная чарка с ромом для Сварога, такая же, но с темным вином — для Яны.

В какой-то момент окончательно стало ясно: необходимо сделать перерыв, но потом все же эту вкусноту доест. Яна курила, вдумчиво листая путеводитель. Сварог тоже курил, прихлебывая ром, ничуть не уступавший таларским «Семи якорям».

Он поднял голову, услышав со стороны подиума перебор струн. Там появились парень и девушка: настраивавший чем-то похожий на виолон инструмент парень явно был одет по *здесьней* старинной моде, в берете с пышным пером и нашитыми жемчужинками. Красивая длинноволосая блондинка на фоне здесьних официанток выглядела просто-таки монахиней: строгая белая блузка с кружевным воротничком, черная юбка до пола.

Сварог сразу вспомнил один из своих любимых детективов: действие там происходило в притоне со стриптизом, но один-единственный раз появлялась вот так же строго одетая девушка и пела что-то серьезное. Посетители могли

быть довольны собой: они как бы и чуточку приобщались к высокому искусству, а не просто на голых девок глазели...

Яна старательно изучала развернутую, вклеенную в путеводитель карту. Раздались первые уверенные аккорды, девушка запела негромко, приятным голосом с легкой хрипотцой в стиле Тарины Тареми:

*— Погиб ли тот фрегат,
Седой волной разбитый,
Иль, может быть, пират
Пустил его ко дну.
Но капитана ждет
Красотка Маргелита —
А вдруг не утонул,
А вдруг не утонул...*

Сварог легонько коснулся руки Яны:

— Послушай внимательно, я тебя прошу.

Она сделала гримаску, но путеводитель отложила и стала старательно слушать, опершись локтем на днище бочки и положив кулачок на ладонь.

*— Ах, как же страшно жить
В неведенье нелепом,
Песок со дна швырять
В зеленую волну.
Зачем вы зеркала
Прикрыли черным крепом —
А вдруг не утонул,
А вдруг не утонул...*

Яна порой чуточку недоуменно косилась на Сварога — а он, зная, как прекрасно она смогла его изучить, постарался выглядеть как можно более невозмутимым. Но уверенность росла...

*— А вдруг он жив-здоров,
Вдруг рано ставить свечи,
А вдруг он в Толайон
За ромом завернул,
А вдруг случился штиль,
Иль просто ветер встречный,
Ну вдруг не утонул,
Ну вдруг не утонул...*

*И вот, когда беда
Покажет глаз совиный,
И безнадежный мрак
Затянет все вокруг,
Когда приспустят флаг
В порту до половины,
Останется одно
Последнее «а вдруг»...*

Теперь, дослушав до конца, он не сомневался. Парень с девушкой раскланялись. Аплодисменты раздались откровенно жиденькие — впрочем, стриптизершам вообще почти не хлопали. Все-таки заведение не то — народец сюда пришел вкусно поесть, а не заморачиваться искусством любого рода. Впро-

чем, от некоторых столиков к подиуму все же двинулись официантки с кредитками в руках — как подметил Сварог, мелкими. Он жестом подозвал тут же подошедшую официантку, на ощупь достал из правого внутреннего кармана сиреневую пятисотенную, подал девушке:

— Отнесите молодым людям. И обязательно спросите, старая это песня или новая.

Она проворно выполнила просьбу. Вернувшись, прилежно доложила:

— Молодой человек сказал, что эту балладу он написал только месяц назад...

Сварог отослал ее жестом. Молодая пара какое-то время глядела на него с нешуточной надеждой: так, будто он мог оказаться антрепренером и предложить им нечто лучшее, нежели заполнять паузы между «веселыми танцами». Но он отвел глаза, а на подиуме уже появилась очередная блондинка — и молодая пара с некоторой грустью удалилась за кулисы.

— Что с тобой такое? — поинтересовалась Яна (Сварог с радостью отметил, что в ее голосе не было ничего, кроме легкого удивления). — Баллада как баллада, не лучше и не хуже множества других... Или девчонка понравилась?

— Будешь говорить пошлости — и в самом деле отправлю на подиум, — сказал Сварог насколько мог беззаботнее.

— А на слове поймаю? — прищурилась Яна.

— Да ладно, проехали...

— Проехали, — согласилась Яна, так ничего и не понявшая. — Пока ты песенки слушал, я серьезным делом занималась. Вот, смотри. Полный список магазинов, все по алфавиту. Книжных — девять, все под одним названием: «Печатное слово». Видимо, одна фирма-монополист. — Она подсунула Сварогу карту. — Вот здесь — мы. Вот здесь ближайший книжный. Довольно далеко, чтобы тащиться пешком, но разве у нас денег мало? Я слышала, вон тот хлыщ за соседним стойком только что просил официантку вызвать ему по телефону такси...

— Ну, и мы так сделаем, — сказал Сварог, оглядел стол. — Только раньше я твердо намерен разделаться с остатками всего этого великолепия — кое-чего не выдывал ни на Таларе, ни в Келл Инире...

— Вот совпадение, я тоже!

Сварог придвинул расписную глиняную мисочку с чем-то вроде темных кругленьких грибов в кисло-сладком соусе, взялся за серебряную ложечку. Ел, и в голове у него назойливо звучало:

*— Погиб ли тот фрегат,
Седой волной разбитый,
Иль, может быть, пират
Пустил его ко дну...*

Он знал одно: что ошибиться не мог...

Когда с морскими яствами было покончено до крошечки, Яна откинулась на спинку неуклюжего, но добротного стула, сказала весело:

— Так и тянет похлопать себя по пузу, как у крестьян в Каталауне принято... Покурим напоследок — и в книжный?

— Конечно, — сказал Сварог.

Его уже охватила новая идея. Магии ларов он здесь лишился, но *память*

оставалась при нем. И в памяти быстро всплыл номер телефона. Он поднял ладонь, поманил официантку, когда она подошла, спросил:

— У вас здесь где-нибудь есть телефон?

На миг в ее глуповатых красивых глазках явственно мелькнула насмешка над несомненным провинциалом, но тут же исчезла, вытесненная более приземленной мыслью: надеждой на хорошие чаевые. Она со всей учтивостью ответила:

— Если вам нужен телефон, далер, я сейчас принесу...

— Принесите, — кивнул Сварог.

Вскоре она появилась, неся небольшой квадратный поднос с телефоном — синим, изящных очертаний, с короткой антенной. Поставила перед Сварогом, наблюдая с хорошо скрытым любопытством: а вдруг провинциал, не знающий, что телефоны бывают и без проводов, еще и звонить не умеет? Будет о чем вечером рассказать подружкам...

Сварог ее разочаровал: преспокойно поднес трубку к уху и указательным пальцем левой руки настучал по клавишам восемь цифр. Не было ни длинных гудков, ни коротких — серия мелодичных чириканий, — вот и догадайся тут, означает ли это, что номер занят, или просто никто не берет трубку?

Оставалось одно — упрямо держать трубку возле уха, хотя это, конечно, не могло продолжаться до бесконечности. После примерно десяти чириканий слышался гудок другого тона, и спокойный мужской голос произнес:

— Слушаю.

— Я могу услышать штандарт-навигатора Горонеро? — спросил Сварог с колотящимся сердцем.

— Я у телефона, — столь же спокойно ответил собеседник.

Сварог повесил трубку — а что он мог сказать? «Послушай Анеллу, идиот!»? Но даже если он и прав, письма Анелла еще не написала... и вдруг штандарт-навигатор в свое время все же *послушал*?

Жестом отослал официантку с телефоном. Поднял голову. Залпом допил ром — в стакане его еще оставалось не менее трети. Яна смотрела на него покружевными глазами.

— Подожди... — сказала она медленно. — Это что, тот Горонеро?

— И в том же звании, — сказал Сварог. — Ты умница, быстро соображаешь...

— И он ответил?

— Он ответил, — криво усмехнулся Сварог. — Вот только я решительно не представлял, о чем с ним говорить...

Яна думала недолго. Твердо сказала:

— Знаешь, это еще ничего не доказывает. Здесь может оказаться свой Горонеро.

— Вполне допускаю, — сказал Сварог. — И ни на чем не настаиваю, — подождал жестом официантку: — Счет, пожалуйста, вы можете вызвать нам такси?

— Конечно, далер. Мне назвать адрес или вы в машине сделаете это сами?

Сварог повернулся к Яне, и она, заглянув в раскрытый путеводитель, ментально назвала адрес.

Ублагодаренная щедрыми (возможно, даже слишком щедрыми, он ведь совершенно не знал здешние размеры чаевых) чаевыми, «морячка» проводила их до двери. Пригласила заходить еще — искренне, сразу видно. Сварог по-

обещал, — он и, в самом деле, с удовольствием посетил бы это приятное местечко еще раз, но вот выдастся ли случай?

Еще девять ауреев швейцару — кутить так кутить, все равно здешние деньги девать некуда. У входа исправно дожидалось такси — как все местные, бело-красное, с тройным рядом золотистых кружочков от фар до задних фонарей. Таксист проворно выскочил распахнуть перед Яной дверцу — видимо, «Жемчужница» считалась хлебным местом и в расчете на хорошие чаевые следовало подсуетиться...

Глава V ОКРЕСТНОСТИ В ПОЖАРЕ...

Когда машина отъехала от тротуара, Сварог перехватил в зеркальце заднего вида чуть удивленный взгляд водителя и подумал, что причины лежат на поверхности: то ли таксист не часто возил клиентов по *таким* адресам, то ли они с Яной, с точки зрения водителя, не походили на парочку, привыкшую ходить в книжные магазины.

Они переглянулись, и Яна с презрительной гримаской слегка пожала плечами. Сварог ее прекрасно понял: не стоит расходовать Древний Ветер по пустякам, хоть его и не убудет. Ничего подозрительного не произошло. Мало ли какие причуды бывают у клиентов. В конце концов, если кто-то держит здесь целых десять книжных магазинов, есть и посетители, и прибыль. Водила и без Древнего Ветра о них сам распрекрасно забудет уже назавтра...

«Печатное слово» оказалось небольшим стеклянным павильоном не так уж близко от центральных улиц. Таксиста они попросили подождать, согласившись заплатить запрошенные им деньги, — так проще, чем ловить потом другого, а денег, как уже подмечено, все равно девать некуда...

Слева оказался длинный ряд подставок в виде усеченных пирамид с газетами и книгами. Справа — длинная книжная полка на две стороны. Хорошенькая продавщица, встретившая их заученной улыбкой, так и осталась молча стоять за своим столиком с кассой — видимо, тут не принято было навязываться посетителю с советами.

Сварог начал с газет. И очень быстро разочаровался. Несмотря на калейдоскоп названий, они походили друг на друга, как горошины из одного стручка: толстые, многоцветные, с крупными заголовками и снимками на первой странице — ну конечно, местные сенсации. Некоторые были понятны донельзя: министр хапнул взятку, потерпел крушение авиалайнер, куча жертв, почтенный депутат парламента уличен в нездоровом влечении к мальчикам и тайном акционерстве в публичном доме «Прелестница», на шоссе столкнулись сразу восемнадцать машин, альдарийские сепаратисты три дня учили походно-полевой любви неосторожно заглянувшую к ним журналистку столичной телекомпании...

Но порой просто невозможно понять, в чем, собственно, дело. Вот, изволь-

те: огромный заголовок: «Ссора забыта, Мелли и Кауни снова вместе». И фотография: по колению в воде, обнявшись; стоят молодой мускулистый красавчик, брюнет в красных плавках и очаровашка-блондинка в скупом золотистом купальнике. Эстрадные звезды? Актеры? Он — знаменитый футболист, а она — не менее знаменитая дизайнерша? Поди, догадайся, когда непонятно даже, кто из них Мелли, а кто — Кауни...

И все же он отобрал пяток многоцветных толстухек. Мало ли что. Даже в таких газетах может попасться пара-тройка заметок о чем-то серьезном...

С журналами обстояло еще хуже. Забитые цветными фото полуголых и голых девочек, комиксы, журналы для собачников, кошатников, кактусоводов, россыпь всевозможной мистики, гороскопов и тому подобного. Ну, в точности как в Советском Союзе при угаре перестройки. Поразмыслив, он все же снял с подставки один журнал, здешний аналог «Плейбоя» — чисто в эстетических и разведывательных целях, не подумайте чего...

Стал методично обходить книжные полки. Его смутные опасения подтвердились: *ничего* мало-мальски серьезного. Романы любовные и эротические (разница лишь в том, что девицы на обложках вторых были одеты очень скупно, а героини первых часто щеголяли в несомненно старинных платьях), детективы, всевозможные приключения, фантастика, руководства, как покорить в три дня любую красотку, как заработать в неделю миллион, труды лекарей-шарлатанов, астрологов... снова руководства — как сорвать банк в лучшем игорном доме, как за месяц подняться от рассыльного до управляющего компанией...

Он прочесал уже целый ряд полок и половину обратного, но так и не обнаружил ничего хоть мало-мальски пригодного... Стоп! Не раздумывая, Сварог потянул с полки довольно толстую книгу в твердом переплете. На бело-розовой обложке, в овале — фотография красивой блондинки в ало-золотистом намеке на бикини. Мелия Ярдани. «Я восемь лет была секретаршей Горотана Брога». Оставшиеся полки Сварог осмотрел очень тщательно, но, к сожалению, больше ничего подобного не обнаружил.

Когда они с Яной, обойдя весь магазин, встретились, Сварог поначалу чуть не смутился в ожидании ироничного взгляда — журнал был на виду. Однако именно Яна отчего-то с некоторым смущением отвела взгляд. Присмотревшись, Сварог ухмыльнулся про себя: в руках у нее была довольно толстая книга журнального формата в мягкой обложке с изображением красивой девицы в вычурном купальнике и надписью: «Моды. Лето-осень 2147 г.» В который раз подтверждается нехитрая истина: женщина всегда остается женщиной...

Расплатившись и сложив покупки в мягкий пластиковый пакет с изображением «Печатного слова», они вышли на улицу и присели покурить на лавочку здесь же, у дверей. Таксист их заметил, но терпеливо ждал, не напоминая о себе.

— Журнал твой — это еще понятно, — сказала Яна. — Я и сама не удержалась, как видишь... Но записки этой несомненной шлюхи тебе зачем?

— А затем, что там, я уверен, лишь небольшая часть отведена описаниям ее эротических кувырканий с шефом, — сказал Сварог, достал книгу из пакета и раскрыл. — Посмотри аннотацию. Неплохие посты занимал этот самый Брэг, а? И немало...

— Да, действительно...

— Теперь посмотрим оглавление. Каковы названия? «Подлинная история оружейной „сделки века“ с „Хомен Прай“», «За кулисами Соглашения о проливах» «Лига Четырех Миров: „Тайное и явное“», «Департамент финансов изнутри»... И еще много чего... Чует моя душа, отсюда немало интересного можно извлечь.

Яна посмотрела на него не без уважения:

— Умеешь ты работать...

— Ну, не я первый... — скромно сказал Сварог. — Просто слышал как-то от мэтра Анраха, что самый важный и ценный исторический источник из времен короля Гарепо Злосчастливого — это, представь себе, не мемуары министров и дипломатов, а полуграмотные обширные записки мелкого дворцового канцеляриста, ведавшего то ли починкой дворцовых часов, то ли светильниками... Мелочь пузатая — но за сорок лет скучной службы насмотрелся и наслушался больше иных царедворцев... Ну, как будем жить дальше? Лично у меня впечатление, что разведывательная миссия закончилась. Результаты скромные, но для первого раза достаточно и таких. Возвращаемся?

— Ты знаешь... — сказала Яна, чуть смущенно улыбаясь, — мне почему-то не хочется уходить. Задержаться бы еще на пару часиков... Миссия миссией, но получилось, что мы с тобой весело и беззаботно отдохнули, чего с нами давно не было...

— Ну, лишних два часа погоды не делают, — сказал Сварог. — Да и насчет отдыха ты права... Объездим пару магазинов? Может, в ювелирный?

— Не стоит, — сказала Яна. — Видела я мимоходом витрины парочки ювелирных. Магазины дорогие, на главной улице — но драгоценности из твоих хелльстадских сундуков в сто раз изящнее и интереснее. Вот косметический салон я видела любопытный...

— В чем же дело? — пожал он плечами. — Платит судостроительный магнат, уж простит он нам... Значит, твой салон, быстренько заскочим еще в пару моих магазинов — и исчезаем из города. Этот же субъект нас доведет до замка, там ты его отключишь, и мы пойдем домой... Что не так?

— Да знаешь... — нерешительно сказала Яна. — Помнишь, Кабиния хвалила какую-то «Лотерею-Грацию», по ее словам, очень интересное местечко...

— Намек понял, — сказал Сварог. — Добавляем эту «Грацию» в маршрут, только и всего. А то стыдно, в самом деле: в *таком* городе побывали, но ни в одно увеселительное заведение не заглянули — ресторан и магазины... Упущение. Исправим, пошли.

Таксист, вроде бы не смотревший в их сторону, проворно завел мотор и кинулся распахивать дверцу, едва они встали с лавочки.

Проехали всего квартал. Сварог распорядился:

— Притормозите!

Таксист послушно притерся к тротуару. Яна глянула вопросительно. Сварог кивком показал ей вправо. Там, над небольшой площадью, висели в воздухе, словно бы ничем не поддерживаемые огромные сине-красные буквы.

**ТЕАТР ГАЛЕРАНИ! ТАРИНА ТАРЕМИ
С НОВОЙ ПРОГРАММОЙ «ПЕЧАЛЬНЫЕ РЫЦАРИ».
ТОЛЬКО ОДИН КОНЦЕРТ!!!
3:30**

Сварог глянул на часы, которые давно уже успел перевести на местное время. Оставался час. Встретив его взгляд, едва ли не умоляющий, Яна кивнула:

— Как же мне быть против, зная твою к ней отношение...

— Театр Галерани — это далеко? — спросил Сварог таксиста.

— Даже если не гнать и не нарушать, квадранс или самую чуточку побольше...

— Поехали живенько!

Таксист послушно отъехал от тротуара, но тут же сказал нейтральным тоном:

— Мое дело маленькое — везти, куда велят... Только должен вас сразу предупредить, далер: наверняка билетов уже не осталось ни единого. Тарина Тареми, новая программа, театр Галерани...

— Сколько лет вы своим ремеслом занимаетесь? — сухо спросил Сварог.

— Восемь...

— Отлично, — сказал Сварог. — Значит, не вчера родились и знаете тут все и вся. Я тоже не вчера родился. Прекрасно знаю, что порой билеты есть, даже когда их нет...

— Святая правда, — сказал таксист. — Бывает... Вот только, далер, я, уж простите, повторюсь: Тарина Тареми с новым концертом да вдобавок театр Галерани... Удовольствие не только не для тощего кошелька, но и для среднего...

Нисколько не растерявшись, Сварог спросил:

— Магией владеете?

— Храни Праматерь! — воскликнул таксист словно бы даже с некоторым испугом. — Ни с какого боку, и в роду никого не было...

Тогда Сварог спросил холодным, высокомерным, *барским* голосом:

— В таком случае, откуда вы можете знать толщину моего кошелька, любезный?

С таксистом мгновенно произошла некая метаморфоза — ну, Сварог, король со стажем, давно уже привык, что именно так действует на народец холуйского пошиба такой голос.

— Тысяча извинений, даур, — сказал таксист совершенно другим голосом. — Все сделаем в лучшем виде...

Что такое «даур», Сварог, разумеется, не знал, но это титулование было явно повыше «далера». Он небрежно спросил:

— Что, театр Галерани — такое уж респектабельное место?

В зеркальце он видел лицо водителя — на нем смешались почтение и удивление. Промашка, черт. Похоже, *даур* таких вопросов задавать не должен, сам прекрасно знает... Ладно, Яна о труженике баранки позаботится...

— Конечно, даур, — сказал таксист, не подозревавший, что ему вскоре придется начисто забыть и этот разговор, и пассажиров. — Впервые в наших местах?

— Вот именно, — сказал Сварог и снизошел до небрежного пояснения: — Так сложилось, что я много лет прослужил в посольствах на Сильване, там и привык отдыхать...

Пока водилу не *отключили*, его следовало уболтать.

— Понятно, даур, — сказал таксист с несомненным почтением. — Театр Галерани... Как же, достопримечательность, уж мне-то такие вещи знать положено, мало ли чем поинтересуются господа. Построили его лет сто пятьдесят

назад, еще при последнем короле. Когда тут была не игорная столица, а тихий городок, где любили отдыхать господа аристократы, а то и сам король... Много с тех пор воды утекло, а театр Галерани по-прежнему не для всякого кошелька... Извольте любить песни Тарины Тареми? Я вот тоже. Замечательный голос, до печенок прохватывает... — и добавил с нескрываемым сожалением: — Жаль только, что она ни в какую не снимается для цветных журналов, хотя деньжищи, ходит слух, сулили бешеные. Простите, дауретта, сболтнул, не подумавши... Сейчас...

Он вставил в узкую прорезь продолговатую черную коробочку, что-то нажал, подкрутил, и раздался голос Тарины Тареми (получит пару лишних аурев, обормот — хорошо подобрал громкость, в самый раз).

*— Все скрылось, отошло, и больше не начнется.
Роман и есть роман. В нем все как надлежит.
Кибитка вдаль бежит, пыль вьется, сердце бьется,
Дыхание твое дрожит, дрожит, дрожит...*

Сварог, подавшись вперед, слушал внимательно: этой песни у него не было. Или он попросту до нее не добрался, далеко не всю коллекцию записей Фаларена изучил...

*— И проку нет врагам обшаривать дорогу,
Им нас не отыскать средь тьмы и тишины.
Ведь мы теперь видны, пожалуй, только Богу,
А может, и ему — видны, но не нужны...*

Когда песня закончилась, таксист проговорил с нескрываемой завистью:

— Импресарио у нее, конечно, тот еще жучила, вот бы с кем поменялся, не глядя, только ж не бывает таких чудес. Столько про него «бульварки» писали, и если даже правды только половина... Умеет человек жить... Вот и теперь... Правда, тут не он первый придумал, но все равно...

— А в чем секрет? — спросил Сварог.

— Обратили внимание, даур, что там было написано «Только один концерт»? Тут и фокус... Она и так-то всегда собирает полные залы, а уж с такой рекламой... Вот попомните мои слова: сейчас ребятки ее импресарио носятся по городу, как черти, слухи распускают, деньги репортерам «бульварок» суют... А через день окажется, что по мольбам почитателей Тарина даст еще концерта три-четыре, но уже где-нибудь в «Горном хрустале» или «Колоссе». «Хрусталь» вмещает две тысячи человек, а «Колосс» все три, да еще можно уйму приставных стульев под такое дело поставить... и, главное, обычные цены на билеты подзадрать так, чтобы и владельцы залов свое урвали, и импресарио откупил жирный процентик... да и самой Тарине достанется немало, хотя она, болтают, об этих махинациях ни сном ни духом. Ну вот, видите?

Прав был, знаток всего и вся. Здание театра, не такое уж и большое, как-то неувловимо отдавало не мастерской стилизацией под старину, подобно гостинице у замка, а *самой* стариной. Широкая лестница, ведущая к парадному входу, предваряемому полукруглой колоннадой, была отгорожена синим шнуром на золотистого цвета стойках, и там суежилась целая орава капельдинеров в синих с золотом ливреях. Время от времени после их пронзительных свистков немаленькая толпа, теснившаяся у шнура, послушно расступалась, и по образовавшемуся узкому проходу шли счастливики с билетами наготове, перед

которыми тут же размыкали шнур. Сварог заметил в толпе не только «обычных» людей, одетых так, как они с Яной, но здешних республиканских аристократов (аристократы всегда есть, и при монархии, и при республике) — элегантные сюртуки, иные в тонкую полоску кружевные манишки, дамы в вечерних платьях...

— Ну, любезный? — нетерпеливо спросил Сварог.

Таксист проворно выскочил из машины и рысцой припустил куда-то вправо: там протянулись рядом шесть полукруглых окошечек (закрытых) со светящимися буквами «Кассы». Впрочем, «Кассы» светились бледно-зеленым гнилушечьим светом, а повыше горела красным большая надпись: «ПРОСИМ ИЗВИНИТЬ, БИЛЕТОВ БОЛЬШЕ НЕТ». Там тоже стояла кучка людей, человек в двадцать, но державшихся спокойнее и увереннее, чем не попавшие в театр зрители: те, даже аристократы, беспокойно толкались, иные пытались пролезть в первые ряды, как будто это могло чем-то помочь.

Яна усмехнулась:

— Пожалуй, придется и мне твою любимую Тарину послушать всерьез. Канилла с Томи от нее с ума сходят не хуже тебя, да и Канцлер, по точным данным, пару раз был замечен за вдумчивым слушаньем ее концертов...

— Послушай, послушай, — сказал Сварог. — Она того стоит. Может, сейчас и сама убедишься.

— А ты уверен, что билеты будут?

— Эта изнанка жизни... — вздохнул Сварог. — Да вот видишь — уже шлепает...

Таксист той же рысцой семенил к машине, а следом, отставая на несколько шагов, гораздо более степенно двигался усатенький субъект в элегантном костюме. Он остановился шагах в пяти от машины, изящно опершись на фасонную черную трость с вычурным набалдашником золотистого цвета (может быть, и золотым), а водитель распахнул правую переднюю дверцу, просунулся в машину и почтительно зашептал:

— Все в порядке, даур, извольте сами с ним уладить...

Сварог неторопливо вылез, подошел. «Черный маклер» держался так же степенно, всем видом показывая, что билеты он продает отнюдь не в дешевое варьете на окраине.

— Что можете предложить, далер? — тем же барским голосом осведомился Сварог.

— Все, что пожелаете, даур, — отвечивал субъект. — Правда, не так уж много осталось билетов, но есть и партер, и ложи...

Он привычным движением вынул из внутреннего кармана черную пластинку размером с книгу, очень тонкую, покрытую золотистыми крапинками, коснулся ее боковинки — и возникло цветное изображение: театр без крыши, зрительный зал, надо полагать, скопирован с максимальной точностью: подковообразный, ряды малинового цвета кресел в партере, ложи в несколько ярусов. Субъект медленно пластинку повернул перед Сварогом, чтобы тот мог рассмотреть ложи сбоку. Вежливо спросил:

— Я полагаю, даур, вы предпочтете ложу, вы ведь с дамой? Красные огоньки означают уже проданные места, синие — свободные...

«Отличная у них тут техника, — подумал Сварог. — И ее, как обычно, живенько приспособили для темных дел и темноватых делишек...» Он присмот-

релся к синим огонькам. Один из них горел напротив ложи в первом ярусе, расположенной у самой сцены. На нее Сварог и показал пальцем.

— У вас тонкий вкус, даур, — уже с долей услужливости сказал маклер. — Это королевская ложа, последний король ее специально обустроил для себя и своей... симпатии. *Полная* стоимость ложи — двадцать пять тысяч ауреев. Вы же понимаете: Театр Галерани, королевская ложа, сама Тарина Тареми...

И уставился цепко, пытливо, не без некоторого любопытства: ну-ка, что ты за меломан будешь? Не теряя времени, Сварог запустил руку в левый внутренний карман, ногтем большого пальца отделил, прикинув, подходящее количество бумажек и, достав деньги, стал неторопливо отсчитывать тысячные. Двадцать пять. Оставалось еще две кредитки. Подумав, Сварог все с тем же небрежным барством протянул и их торгашу, процедив:

— Вы меня очень выручили, далер...

Вот теперь того *пробило* то же холуйство, что и таксиста. Он, чуть изменившись в лице, поклонился не так уж низко, сказал почтительно:

— Приятно видеть, даур, что на свете еще остались настоящие господа...

И протянул Сварогу два билета: плотная бумага, слева изображено здание театра, справа — такое впечатление, каким-то старинным шрифтом, — название, обрамленное изящными завитушками. Ниже — незнакомая корона и крупная надпись тем же шрифтом КОРОЛЕВСКАЯ ЛОЖА.

— Желаю вам и вашей даме приятного времяпровождения, — сказал маклер, приподнял шляпу уже гораздо выше, поклонился и степенно направился назад, к кучке несомненных собратьев по ремеслу. Сварог посмотрел на обратную сторону билетов. Ну да, так и есть, именно там цена билета была обозначена. Две тысячи ауреев. Ухмыльнулся: нехилый навар достался прохвосту. Правда, ему наверняка придется делиться — театральные кассиры, а то и мелкое театральное начальство не могут не быть в доле, да и полицию забывать не след, вон они прохаживаются, по двое с двух сторон... Все равно, не сухой корочкой питается...

Философски вздохнул про себя: ничего нового, по данным тайной полиции, во всех его столичных и крупных городах, где имеются респектабельные театры, — совершенно то же самое. Сыскная полиция испокон веков на таких вот субчиков смотрит сквозь пальцы: в конце концов, не грабят и не кошельки режут, деньги им отдают добровольно, а посади их — быстренько новые набегут. Ну, и мзда от них капает регулярно...

Он фыркнул и направился к машине.

Таксист уехал, получив щедрую плату, причем не *обработанный* — к чему? Что такого удивительного или подозрительного в том, что очередной богач выкинул бешеные деньги, чтобы послушать Тарину Тареми? Несомненно, таксисту капнет от маклера процентик за выгодного клиента, хотя наверняка небольшой. Да и маклер ничегошеньки не заподозрит: Королевскую Ложу, сомнений нет, продавали и до этого бесчисленное множество раз...

К ним с Яной отнеслись с величайшим респектом. Те капельдинеры, что торчали снаружи, с другой стороны толпы, едва завидев билеты, засвистали, как Соловьи-Разбойники, и тут же у подножия лестницы раздалась ответные трели. Толпа привычно, хоть и нехотя расступилась, Сварог с Яной прошли сквозь длинный коридор откровенно завистливых взглядов, перед ними откинули кусок шнура, и они поднялись к распахнутым дверям парадного входа,

где седобородый старикан (судя по обилию золотых нашивок и шнуров, капельдинерское начальство) по очереди прищепил уголки обоих билетов какими-то хитрыми никелированными щипцами. На билетах после этого не осталось ни малейшего следа, но старикан начал кланяться, как заведенный, потом достал свисток, издавший уже совершенно другую трель. Подскочили еще двое «рядовых». Один деликатно забрал у Сварога пакет с книгами, вежливо заверив, что почтенному дауру он по окончании концерта будет возвращен прямо в ложе (никакого номерка не дал, видимо, такие тут порядки). И смылся. Второй, почтительно держась на шаг впереди, повел Сварога с Яной по коридору, куда выходили двери лож первого яруса. Многие были открыты, возле них курили и болтали великосветские дамы и господа. Сварог ожидал косых, высокомерных взглядов, но, к его некоторому удивлению, на них смотрели вполне благожелательно, как на своих. Причина, думается, ясна: подобные роскошные заведения, точнее, их посетители повидали немало эксцентричных миллионеров, каковые, всем известно, любят *чудесить* разнообразно и с размахом (Теперь Сварог уже понимал, что они с Яной, по здешним меркам, одеты довольно простенько). Когда-то в Равене, что далеко ходить, герцог Браул, богач и коллекционер драгоценностей, любил расхаживать по лучшим ювелирным лавкам в облике даже не гильдейского, а замурзанного фригольдера, в потрепанной одежде и дырявых сапогах (с набитыми золотом карманами). Поначалу швейцары его, естественно, гнали в шею — и тогда «фригольдер», довольно ухмыляясь, принимался пересыпать из горсти в горсть золото. После чего, понятно, был со всем почтением допускаем к прилавкам. В конце концов, его повсюду стали узнавать, но он еще несколько лет развлекался, переезжая то в Снольдер, то в Латерану, то в Балонг...

Действительно, последний здешний король умел радоваться жизни: два золоченых, обитых малиновым бархатом кресла у барьера ложи, еще два у изящного столика, в углу — огромный низкий диван, застеленный шитым золотыми нитями покрывалом. Одним словом, все что душевненьке угодно. Жизнерадостный, должно быть, был малый. Интересно, что с ним случилось и каким образом монархия стала республикой?

Столик и сейчас был накрыт для двоих: Три бутылки вина, одна — неплохого здешнего келимаса (Сварог в одной из кофеен уже успел его попробовать — в научных целях, а как же), фрукты, пирожные, тонко нарезанные и красиво разложенные ветчина, сыр, копченая рыба, еще что-то... Перехватив взгляд Сварога, капельдинер конфиденциально сообщил на ухо: господин даур и после концерта может здесь оставаться, сколько ему угодно, хоть до утра, не первый случай и даже не сотый (при этом он дипломатично намекнул, что потребует некоторое вознаграждение — и столь же дипломатично был заверен, что оно воспоследует). Подумав, Сварог сунул ему пятнадцать ауреев, учитывая специфику места. Тот поблагодарил и улетучился.

— Все продумано, — фыркнула Яна. — Посмотри.

Он посмотрел. Ложа была декорирована тяжелыми шторами из того же бархата, разве что темно-синего, позволявшими надежно отгородиться от посторонних глаз.

Что его ничуть не удивило: он читал где-то, что подобные ложи были оборудованы в лучших европейских театрах галантного восемнадцатого века, а на Таларе и сейчас имеют место быть.

Стояли там и хрустальные пепельницы, лежали пачки дорогих сигарет — но Сварог и не думал подходить к столу: чересчур уж большой пошлостью было бы пить или курить на концерте Тарины Тареми. Тем более что до начала оставалось меньше квадранса.

Они с Яной уселись у барьера, разглядывая зал. Последний король на культуру денег определенно не жалел: позолота, лепнина, барельефы на потолке, изображавшие в основном крылатых красавиц в чем-то вроде коротких туник — быть может, здешних муз. Высокий тяжелый занавес, светло-синий, расшит серебряными искусными узорами. Спокойная такая роскошь, без дурной вычурности или дурновкусия, мастера у короля были неплохие... Две огромные хрустальные люстры, светильники на стенах, богатые ковры...

Точно в назначенное время погас верхний свет в ложе, тут же медленно стали гаснуть светильники и люстры. Еще до того, как настала совершеннейшая темнота, два луча скрестились перед занавесом. Потом в световом пятне появился осанистый господин с благородными сединами, в темно-синем сюртуке с белым цветком в петлице.

Ему похлопали — недолго, вежливо, чисто церемониально. Чуть поклонившись, он сказал:

— Очень рад вас видеть, почтенные дамы и господа...

Микрофонов Сварог нигде не увидел, но отчетливо различал каждое слово. Правда, до сцены было рукой подать — первый ярус лож приподнят над ее уровнем уарда на два, но все равно Королевская вплотную к сцене.

— Позвольте вас поздравить, дамы и господа, — продолжал седовласый. — Вы первыми в мире услышите новый концерт неподражаемой Тарины Тареми «Печальные рыцари». Тарина совершит с ним большое турне по городам Юга, но начинается она с театра Галерани. Даже традиционный запев будет новым. Вы счастливы, дамы и господа! — он картинно выбросил руку в сторону занавеса: — Тарина Тареми!

Вот тут аплодисменты обрушились шквалом. Сварог с Яной не отставали, главным образом Сварог. Занавес дрогнул и медленно распахнулся. Сварог затаил дыхание.

Открывшуюся картину он, признаться, не ожидал увидеть: сцена представляла собой обширное поле, покрытое унылой серой грязью и редкими пучками столь же унылой бледно-зеленой травы, наискосок тянулась избитая копытами и тележными колесами, размякшая узкая дорога. Небо — низкое, неприветливое, хмурое. Ближе к ломам лежал невысокий серый валун в рыжеватых пятнах лишайников. Не особенно и приятный пейзаж, откровенно говоря. Из глубины сцены появилась женщина и неторопливо пошла к валуну. Подол ее роскошного, до земли, платья, будь это в жизни, очень быстро перепачкался бы грязью — невероятно, но он оставался чистым. Голография, и отличная, догадался Сварог, давно знакомый с такими штучками по Келл Иниру.

Усевшись на валун в грациозной позе, она какое-то время молчала. Сварог ее жадно разглядывал — девушку с экрана телевизора в номере штандарт-навигатора Горонеро. Рукой до нее, конечно, не дотронуться, но все равно, она шагах в четырех, то ли кажется, то ли, и в самом деле, доносится запах ее духов; ненавязчивый, чуть горьковатый, почему-то *грустный*.

Ажурное алое платье кое-где расшито золотой нитью. Распущенные черные волосы схвачены надо лбом золотой цепочкой с большим каплевидным

камнем светло-медового цвета. Прелестное ее личико, отрешенное и чуточку грустное, как запах ее духов. Тонкую талию охватывает пояс из чеканных золотых колечек.

По залу, словно легкий ветерок над заросшим высокой травой полем, *прошелестел* тихий удивленный вздох: слева на дороге показался медленно, почти шагом ехавший рыцарь в полном доспехе, с опущенным забралом, щитом с незнакомым гербом и копьем у стремени. Он вовсе не повесил голову, смотрел вперед, и лошадь не плелась, не казалась заморенной — но все равно осталось впечатление, что и всадник, и конь безмерно устали, а ехать им еще долго, и дорога нелегка...

Когда он скрылся за кулисами справа, Тарина, глядя в никуда прекрасными синими глазами, пропела тихо, задушевно:

*— ...Он тихо едет мимо стен
и кровель, слабо освещенных...
Как много есть неотомщенных,
а отомщенных нет совсем...*

И умолкла. Снова шквал аплодисментов. Оборвав их решительным взмахом ладони, Тарина не встала — вскочила, протянула вперед руку, словно решительно преграждая кому-то путь. Сцена мгновенно изменилась: земля теперь была не грязной, а покрытой пеплом, вдали, в глубине сцены, казалось, встает огонь и дым над горящими деревнями (Сварог видел такое на войне), повсюду вокруг девушки плясали ало-болотистые, багрово-черные отблески. Музыка зазвучала резкая, тревожная, с выделявшимся на ее фоне ритмичным грохотом барабана — будь это на Таларе, Сварог поклялся бы, что барабан военный. Далекий конский топот, звяканье кольчуг, тяжелая поступь усталой, бредущей не в ногу пехоты...

Голос Тарины ударил в сердце — глубокий, чуть хриловатый завораживающий:

*— Окрестности в пожаре,
покинуты дома.
Король наш, старый Парри
совсем сошел с ума...
На нивах опаленных
зерна не соберешь —
летят отряды конных,
вытаптывая рожь...
К чему страдать, трудиться —
все пущено на слом.
Не дай вам Бог родиться
при Паррике Шестом!*

Сварог сторбился, словно под невыносимой тяжестью — иногда на человека так действует *знание*. Но глаз от Тарины не отводил, теперь прекрасно видел, что ей лет двадцать пять, не больше, искусство гримеров тут в ни при чем, она и в самом деле молода — но какое, к черту, имели значение эти подробности? Дело совершенно в другом... Он слушал, чувствуя, как закаменело лицо.

*— Чье над полками знамя?
За что ведется торг?*

*Кто править будет нами —
 Чонкастер или Борг?
 Какого бы вельможи
 ни взяли короля,
 для нас одно и то же —
 и плаха, и петля.
 Безрадостные лица,
 зола и бурелом...
 Не дай вам Бог родиться
 при Паррике Шестом!*

Теперь не осталось никаких загадок. Он все знал совершенно точно. И это было мучительно больно.

Глава VI ОТЗВУК БЫЛЫХ ВЕКОВ

Занавес задернут, партер опустел, люстра погасла, горят только светильники на стенах.

Яна старательно задернула шторы, обернулась, довольная, веселая, с лукавыми глазами:

— Теперь я, кажется, понимаю, что вы все в ней нашли... В самом деле, сердце холодеет, особенно после *этого* концерта. А знаешь, я видела мимоходом, на той стороне едва ли не в каждой ложе шторы задернуты, — она перевела взгляд на диван, улыбнулась: — Нет, не стоит заходить так далеко. У нас, в конце концов, серьезная миссия, нам еще в пару магазинов и в эту самую «Лотерею-Грацию», посмотреть, что же там за развлечения такие... А вот выпить по бокалу и отдохнуть с полчаса, я думаю, можно... Что ты вдруг стал такой зажатый?

Сварог молча наливал себе светло-янтарного цвета келимас в винный бокал. Тоска на душе стояла непередаваемая.

А Яна ничего не замечала. Она уселась напротив, налила себе зеленоватого-болотистого вина, присмотревшись, выбрала с блюда персик посочнее, сказала все так же весело:

— За успех предприятия, все знают, заранее пить не стоит — удачу спугнешь, если не хуже... Выпьем за Тарину? Вот она какая — живая...

Келимас Сварог выцедил, как воду, хотя вместительный винный бокал был налит едва ли не до краев. Как порой случалось, не забрало. Он плеснул себе еще, гораздо меньше, *закинул* в рот, сжевал прозрачный ломтик темно-красной рыбы. Закурил, утрюмо сутулясь.

Теперь только с лица Яны сбежала улыбка, она тихо спросила:

— Что случилось? Уж я-то тебя успела узнать... Я думала, ты будешь только радоваться, наконец, увидев ее, живую... Не беспокойся, я не такая дура, чтобы ревновать, прекрасно понимаю: тут совсем другое...

Сварог поднял глаза, медленно произнес, чувствуя, как лицо стянула гри-

маса то ли злости, то ли боли:

— Она не живая, Вита. Она давным-давно мертвая. Они все тут мертвые. Кроме нас с тобой. Это прошлое. Доштормовое прошлое. Теперь я абсолютно уверен.

Ожидал чего угодно — удивления, недоверия, даже насмешки. Однако недооценил Яну, хотя должен был хорошо ее знать. Яна спросила спокойно, пытливо:

— Ты расскажешь подробно, в чем дело? Потому что я могу сказать одно: ничего не понимаю. Мы постоянно были вместе... Ну, разве что иногда кто-нибудь выходил в туалет. Видели и слышали одно и то же. Тебе просто *неоткуда* было взять точное знание.

— Вот тут ты крупно ошибаешься, Вита, — сказал Сварог, найдя в себе силы улыбнуться нормально. — Все дело в том, что ты — *небесная* императрица, а я — *земной* король. Два разных мира все-таки. По порядку? Что ж... О Соседних Страницах мы до сих пор не знаем ровным счетом ничего. Есть только версии ученых книжников, за неимением лучшего придется их придерживаться. Я, например, вполне разделяю точку зрения по которой, чем ближе к нам Страница, тем больше она похожа на наш мир (он, разумеется, промолчал, что имел случай сам в этом убедиться отнюдь не в теории). Ничего удивительного, если на ближайшей Соседней Странице живут *своя* Тарина Тареми, свой Горонеро. Вполне укладывается в теорию. Но вот когда начались *песни*...

— *Песни*? — прямо-таки ошеломленно воскликнула Яна.

Сварог бледно усмехнулся:

— Вот именно. Песни. Они самые. Началось с «Жемчужницы». Девушка слово в слово спела таларскую «Балладу о фрегате». На Таларе ее любят в основном моряки, так что в глубине суши балладу можно услышать гораздо реже. Я ее несколько раз слышал и в Джетараме, и в Фиарнолле, и в одном плавании. Даже имя героини то же самое — Маргелита. Правда, на Таларе вместо никому не известного Толайона поют «Джетарам», но это, по-моему, понятно: до Шторма Джетарам не был портом, располагался лигах в пятистах от моря. А где сейчас Толайон, поди догадайся. И зеркала в нашем варианте, понятно, завешивают не черным, а белым крепом — у нас давно траурным стал белый, а у них еще остается черный... Помнишь, ты удивлялась, когда я стал интересоваться песней?

— Конечно, помню. Пара часов прошла...

— Я попросил официантку выяснить у парня, что за баллада — новая или старинная? Он ответил, что написал ее только месяц назад. Вот тут-то я и призадумался... А потом мы оказались здесь, — он кивнул в сторону сцены. — Получилось не менее интересно... Мне приходилось у себя иметь дело с крестьянскими мятежами, поневоле пришлось потребовать обширный отчет: история, традиции, характерные особенности и все такое прочее... Мои люди палец о палец не ударили — оказалось, такие отчеты давно лежат в архивах. Так вот, «Баллада о короле Паррике Шестом» — крестьянская *бунтарская* песня. Распевают ее исключительно во время бунтов — по всему Талару. Единственное отличие — на Таларе после каждого куплета добавляют припев: «Бросай соху, приятель, берись за арбалет!» С давних пор считается самой крамольнейшей песней и к распеванию в *спокойные* времена категорически запрещена. Приди кому-то в голову такая дурь ее затянуть просто так — зазвонят цепями

и певец, и слушатели. Судя по отчетам, в кабаках пару раз ее затягивали сдурру, ничуть не собираясь бунтовать — но закон есть закон, а потому на каторгу шли все, включая кабатчиков... Самое интересное, что и Тарина, и наши крестьяне поют одинаково: «Чонкастер или Борг». Кстати, наши историки не знают такого короля — Паррика Шестого. И других Парриков не знают. И дворянских родов Чонкастер и Борг. Есть только старинная легенда: в «давние, давние» времена жил такой король Паррик Шестой, состарился, выжил из ума, а более-менее законных наследников не было. А Чонкастер и Борг по той же легенде — два знатнейших и богатейших рода. В каждом были люди с королевской кровью — потомки незаконных королевских отпрысков. Ну, дальше понятно: усмотрев удобный случай, они выдвинули каждый своего кандидата и принялись драться. У обоих были свои сторонники среди дворян, городов и мужиков. Да вдобавок подключились и роды помельче, тоже со своими кандидатами — на Таларе немало потомков королевских бастардов... Но главную роль играли все же Чонкастер и Борг. Неизвестно точно, сколько это продолжалось, но, уверяют, довольно долго. В конце концов новым королем стал и основал новую династию Борг. А может, и Чонкастер — я эту легенду читал мимоходом, давно, не знал, что она пригодится — да и какая, в сущности, разница, кто победил, даже если это не легенда, а правда? Тарина спела эту балладу впервые, она, как и «Баллада о фрегате», *новая*. С иголочки, можно сказать. Не знаю, верить ли тем, кто считает обе песни доштормовыми, так о многих говорят, иногда подтверждается, а иногда полной ясности так и не доискаться. Но вот в том, что им пара-тройка тысяч лет, никто не сомневается — есть куча старинных вирилэ,^[83] где упоминается, точнее, приводится целиком «Баллада о фрегате». И много внушающих доверие старинных исторических хроник, где упоминается «Баллада о Паррике Шестом». Так что возникает вопрос: каким образом обе баллады из здешней *современности* могли попасть в наше далекое *прошлое*? Ответ, по-моему, один-единственный: только в том случае могли попасть, если здесь именно что прошлое, а не отставшая от нас на несколько тысячелетий Соседняя Страница. Вот и все у меня. Что скажешь?

Яна долго молчала с бледным, серьезным лицом. Потом сказала:

— И все-таки полной уверенности нет. Почему бы все же не Соседняя Страница, а отставшая от нас во времени на несколько тысячелетий? Тот же вопрос, я уверена, зададут и Канцлер, и профессор Марлок. И что ты им ответишь?

Сварог вдруг понял, что она сумела его твердую уверенность поколебать. В самом деле, *точного* ответа нет. Точнее, нет *железных* доказательств.

— Можно привлечь Оклера с его Морской Бригадой, — не сдавался он. — Примерное местонахождение Саваджо известно с точностью до пары десятков лиг. Если база «Стагар» *легла* на дно так спокойно, что даже стекла в окнах целыми остались, почему того же самого не могло произойти с Саваджо? Если Оклер его найдет...

— ...то все равно не будет точного доказательства, — мягко сказала Яна. — Может быть, это будет *наше* Саваджо. А песни... Их в соответствии с ходом времени «перепридумали» потом, здесь... Нет доказательств...

— Есть! — воскликнул Сварог, вскинувшись с кресла от избытка эмоций. — Вита, есть способ!

— Какой?

— Следи за моей мыслью, — сказал Сварог, не в силах убрать с лица широкую, быть может, глуповатую улыбку. — Мы забрасываем сюда людей. Они подыскивают местечко, о котором можно с уверенностью сказать, что и здесь, и в наше время тут не произошло никаких природных катаклизмов: горы не вздыбились, море не залило, в общем, ничего подобного, как была равнина, так и осталась. Насколько я помню из хроник, после Шторма на Таларе даже кое-где города уцелели, хотя потом их разобрали на свои нужды — или они сами превратились в руины... В том месте — а для гарантии лучше в нескольких — они закапывают определенные предметы. Лучше всего, мне с ходу в голову пришло, — обыкновеннейшие глиняные горшки. Можно битые. Обожженная глина может пролежать в земле тысячелетия. Когда они возвращаются, мы немедленно проводим раскопки в тех местах. Если ничего не находим — здесь все же Соседняя Страница. Но вот если находим, никаких неясностей не остается...

— Ты у меня гений, — сказала Яна, глядя на него с неподдельным восхищением.

— Накатывает иногда, — скромно сказал Сварог. — Как, по-твоему, это будет достаточно убедительный эксперимент и для Канцлера, и для Марлока?

— Пожалуй, — ненадолго задумавшись, кивнула Яна. — Вот только... Ты об одном не подумал. Если это прошлое, здесь через неполных два года грянет Шторм. Если Соседняя Страница... быть может, тоже. А меж двумя мирами есть окно...

Она замолчала, нервно потянулась к бутылке. Горлышко звякнуло о край бокала один раз, но тем не менее... У Сварога по спине прополз поганый холодок. Он живо представил, как в окно, снося хрупкое стекло, врывается нечто непредставимое, как рушится дворец, как землю сотрясают жуткие корчи наподобие тех, что он видел на дискете принца Элвара, как рассыпается тучей каменной пыли, гибнет красавица Латерана, а за ней, очень возможно...

— Это ведь вполне возможно? — каким-то незнакомым голосом спросила Яна.

— Возможно, — хрипло сказал Сварог. — Но у нас есть в запасе почти два года. И вся научно-техническая мощь Империи. Сдастся мне, в *этом* случае даже вольнодумный Магистерий не останется в стороне... Горрот тоже казался неодолимой угрозой — но ведь справились? — он постарался улыбнуться как можно естественнее и теплее. — Не опускай руки, милая, прорвемся...

— А кто опускает? — вскинула подбородок Яна, ставшая почти прежней. — Ну, а что нам делать здесь? Теперь? Сломя голову мчаться к Канцлеру нет смысла — несколько часов роли не играют и ничего не решают...

— Вот именно, — сказал Сварог. — Кинься мы сейчас опрометью к замку, это походило бы на паническое, где-то даже позорное бегство. А для такого нет никаких причин. Ни один командир в такой ситуации подобного не допустит. Посему командир приказывает: идем по-прежнему маршруту. Нервишки успокоим малость, а то еще что-нибудь полезное в хозяйстве выудим...

— Есть, командир, — сказала Яна без тени неудовольствия. — Все правильно...

Сварог налил себе еще. Яна подошла, присела на широкий мягкий подлокотник вычурного золоченого кресла (быть может, оставшегося от последнего короля, для королей мастера работают на века). Погладила ладонями его вис-

ки, макушку, затылок, неожиданно стала негромко, задушевно напевать:

— *И волки спят,
и медведи спят,
и тигр уснул,
и уснула рысь,
страхи все в лесу,
к нам и не придут...*

Его голову стало обволакивать какое-то странное тепло, сознание самую чуточку замутилось. Высвободившись, он сердито воскликнул:

— Это еще что такое?

— Да ничего особенного, — сказала Яна. — Каталаунская баюкалка-утешалочка, махонькое колдовство деревенских старух. Я там, переняла кое-что...

— Но оно ведь действует, — сказал Сварог чуть растерянно. — А на меня магия не должна действовать...

— *Вредная*, — уточнила Яна таким тоном, словно показала ему язык. — Зато полезная... Старухи этой баюкалкой детям помогают засыпать, если тем не спится, испугавшихся утешают... Ничего тут нет вредного.

— А, ну да, — проворчал Сварог. — Примечания мелким шрифтом, в который раз... С чего это ты взялась меня *утешать*?

— Уж прости, но душа у тебя была не на месте, — серьезно сказала Яна. — Я тоже поначалу чуть запаниковала, а потом прикинула все трезво... Логика у тебя, сразу видно, получается типично мужская, насквозь материалистическая. Технион, научная мощь империи, приборы и устройства... Глупости. Ты уж мне, пожалуйста, поверь: при необходимости я поставлю Древним Ветром такую стенку, что никакой Шторм не прошибет. Не знаю пока всего, трудно дается *полное* понимание, но всерьез подозреваю, что Шторм — это нечто *извне*. А Древний Ветер — это Матушка-Земля, она может и раны получить, и пострадать серьезно, но не погибнет...

— Твоими бы устами... — проворчал Сварог, не без удивления обнаруживший, что ему и в самом деле изрядно полегчало, улетучилась особенно уж щемящая тоска и тревога.

— Это не мои уста, — серьезно сказала Яна. — Это Матушка-Земля. Ну ладно, не будем терять времени, — она принялась листать путеводитель, и это занятие несколько затянулось. — Ах, вот оно в чем дело... «Лотерея-Грация» значится под рубрикой «Аттракционы» — и, между прочим, их по городу целых двадцать восемь — популярное заведение, надо полагать... Ну, звони лакею?

Сварог вызвал звонком капельдинера, тот проворно явился с их невеликим багажом, почтительно проводил к выходу, в два счета поймал такси, за что, конечно, был вознагражден.

Оказалось еще, что представления в «Лотерее-Грации» даются каждый час — коротенько что-то для солидного зрелища, ну да кто их знает, и за час можно немало завлекательного показать.

К одной из «Граций» они подъехали примерно через час, запасшись сувенирами: у Яны был роскошный косметический набор, целый плоский чемоданчик, обтянутый натуральной кожей, с тисненной золотом эмблемой фирмы (как помнил Сварог по здешней телерекламе, одной из самых престижных — ну, и цену заломили соответствующую). У него самого — черный чемоданчик из пластика, тонкого, но прочного — внутри в гнездах покоились пять

бутылок кофейного ликера. Как справедливо заметили древние латиняне, каждому свое (когда-то Сварог помнил, как это будет по-латыни, но потом, как многое, так и не пригодившееся десантному майору и уж тем более таларскому королю, забыл совершенно).

Оказалось, это небольшое куполообразное здание, кремового цвета, покрытое веселенькими узорами из светло-синей керамической плитки. Никаких касс — войдя в парадную дверь, Сварог с Яной оказались в хвосте не столь уж длинной очереди — к чему бывшему советскому человеку было не привыкать, а вот таларский король почувствовал раздражение, но быстро его погасил: что тут поделывать, в чужой монастырь со своим уставом не ходят.

Кассирша, белокурая куколка, сидела не за окошечком, а за изящным деревянным столиком, занимавшим половину прохода, возле которого чинно стояли у стеночки два добрых молодца в желтых с синей вышивкой ливреях, больше похожие на вышибал или охранников. Над головой кассирши висела большая вывеска, где синим по розовому сообщалось: «Извините, администрация оставляет за собой право отбора посетителей».

И в самом деле, Сварог быстро подметил: посетителей тут *сортировали*. По какому-то непонятному принципу: те «двое из ларца, одинаковых с лица» не пропустили вполне приличную компанию из трех выпивших лишь самую чуточку туристов, одетых вполне стильно. Сначала кассирша отказалась продавать им билеты, а когда они принялись качать права, выдвинулись оба жлоба, вежливо, но непреклонно что-то растолковав, указывая на вывеску, и компания, ругаясь под нос, удалилась. Зато двух мужчин с двумя довольно вульгарными красотками пропустили без малейшего скрипа, хотя все четверо пьяны были изрядно.

Впрочем, Сварога с Яной пропустили беспрепятственно: куколка, заученно им улыбнувшись, подала два квадратика розовой бумаги, где среди кудрявых завитушек и букетиков цветов стояли крупные цифры «16», сообщила, что это — номер их стола. И содрала за билет всего-то по сотне ауреев, что по здешним меркам, определил уже малость пообтесавшийся здесь Сварог, цена вполне божеская.

Они оказались в круглом зале с довольно интересными декорациями: десятка три столиков тройным полумесяцем окружали светло-желтый подиум со знакомым уже по «Жемчужнице» столбом — но не сине-зеленым, как там, а золотистым. Небольшой помост от подиума ведет к нешироким кулисам. Слева — громадные песочные часы меж двух стоек, справа — большой, выше человеческого роста, круг на подставке, разделенный на разноцветные секторы-клинышки с цифрами в широкой части, а на стене над ним — обращенная вниз короткая золотистая стрелка. Походило на обычное заведение «веселых танцев», но к чему тут вся остальная машинерия? Колесо и в самом деле вызвало смутные ассоциации с некой лотереей. Но Сварога заинтересовало даже не оно, а высокое зеркало, протянувшееся над часами, подиумом, кругом. Вроде бы оно тут и ни к чему, если подумать... Сварог показал на него глазами Яне. Она с рассеянным видом коснулась двумя пальцами левой щеки, тут же сообщила:

— Там ложи. Человек десять. Одни мужчины.

Слева что-то легонько проскрежетало — там над столиками раздвинулась казавшаяся монолитной стена, и за ней обнаружился оркестр из дюжины му-

зыкантинов, что служило признаком некоторой респектабельности: заведение с «живым» оркестром повыше классом, чем такое же с музыкальным центром.

Свет в зале стал медленно гаснуть, осталось лишь несколько фонариков по углам, так что воцарился полумрак. Зато подиум ярко осветился. Под короткую браваурную увертюру из-за кулис проворно выскочил невысокий толстячок, протрусил на подиум и раскланялся на три стороны. Одет он был определенно по-клоунски, брюки в крупную бело-синюю клетку, пиджак в широких вертикальных красно-желтых полосах, вместо галстука или манишки — пышный зеленый бант. Да и лицо — *резиновое* лицо старого клоуна.

Оркестр *сбацал* нечто напоминавшее туш. Публика сдержанно зааплодировала — видимо, завсегдатаев тут не было, и народ не торопился щедро выплескивать эмоции, еще не зная, что им за их денежки преподнесут.

— Дамы и господа! — воскликнул толстячок, откровенно гримасничая. — Рад вас приветствовать в нашем заведении, где все посвящено двум самым важным в этом мире вещам: красоте и удаче!

Вдоль рядов шустро прорысили официанты, ставя перед каждым посетителем большой пузатый бокал с чем-то золотистым, искрившимся пузырьками. Сварог пригубил — походило на шампанское, и неплохое.

Толстячок, чуть приплясывая, продолжал:

— Дамы и господа! Не буду вас мучить долгими разговорами, да и моя персона, увы, увы, на *этом* подиуме не доставит никакого удовольствия, что я, как человек самокритичный, прекрасно понимаю. А посему, не теряя времени, перейдем к лотерее!

Оркестр взорвался веселой мелодией, похожей на быструю плясовую. Клоун проворно прыгнул с подиума, коротким прыжком наподобие балетного оказался у колеса, и, ухватившись за него обеими руками, с большой сноровкой раскрутил как следует, отскочил, встал рядом, картинно скрестив руки на груди.

Колесо завертелось так, что разноцветные клинышки слились в один туманный круг. Медленнее... медленнее... совсем медленно. Остановилось окончательно. Точнехонько напротив стрелки оказался зеленый сектор с цифрой 16. Оркестр вновь исполнил нечто вроде туша.

— И вновь сплелись воедино и красота, и удача! — жизнерадостно завопил клоун. — Шестнадцатый номер! Очаровательная даулетта из-за шестнадцатого столика — и квадранс веселого танца! Поприветствуем и подбодрим, дамы и господа!

Раздались гораздо более оживленные аплодисменты. «Вот так влипли, — ошеломленно-сердито подумал Сварог. — И что теперь прикажете делать? Ну да, все получает объяснение: подиум, песочные часы...»

Он посмотрел на Яну — она выглядела совершенно спокойной, глаза в полумраке поблескивали чуть загадочно. Клоун, в три прыжка оказавшийся у их столика, сказал тихонько:

— Вы, конечно, можете отказаться, даулетта, но тогда вам, согласно правилам, придется немедленно покинуть город вместе с вашим спутником...

Сварог и в полумраке рассмотрел, что глаза у него отнюдь не веселые — цепкие, неприятные. Это не белый клоун и не рыжий клоун — нечто третье, никогда Сварогу в цирке не встречавшееся ни за Земле, ни на Таларе. Словно вместо глаз веселой клоунской маске воткнули два острых осколка битой бу-

ТЫЛКИ...

Он так и не успел принять какое-то решение: Яна наклонилась к нему через неширокий столик и шалым, решительным шепотом спросила:

— Один-единственный раз в жизни... Позволишь?

Неожиданно для себя он кивнул — не исключено, оттого, что так и не смог понять, что же выражают ее глаза. Уж никак не стремление к вульгарной, развратной забаве, здесь что-то другое, сложнее...

Он остался сидеть, прихлебывая шампанское. Яна шла к подиуму, клоун что-то спросил на ходу, она ответила. Оба поднялись на подиум, и клоун закричал:

— Дамы и господа, очаровательная далетта Миэлла!

Грохнули аплодисменты, заиграл оркестр. Спрыгнув с подиума мимо коротенькой, в три ступеньки, лесенки, клоун сказал что-то, неслышное за музыкой. Яна сбросила туфельки, клоун их проворно подхватил и потащил за ширму, словно хомяк в норку, вернувшись, нажал что-то на одной из стоек, и двойной пузырь песочных часов крутнулся на девяносто градусов, тонюсенькая струйка ярко-желтых песчинок потекла вниз, ударили литавры, Яна, ослепительно улыбаясь, расстегнула вторую пуговицу платья.

Она танцевала грациозно, как всегда, без тени смущения, сверкая улыбкой, посылая в зал игривые взгляды — пополам классической тоголады и импровизации. Золотые волосы летали над плечами, и во всем этом, вот удивительно, не было ни капли вульгарного, пошлого, так что Сварог поневоле залюбовался. Оркестр сначала, это чувствовалось, пытался ее *вести*, но очень быстро стал подлаживаться под ее танец. Какое-то время она откровенно дразнила зал, делая вид, что вот-вот сбросит расстегнутое сверху донизу платье — и сбросила в самый неожиданный момент под всплеск аплодисментов. Поймав платье на лету, клоун и его уволок за ширму.

Сварог смотрел. Самое удивительное, он не чувствовал злости, не сердился ничуть. Какие-то сложные чувства клубились в душе. Может быть, она хотела таким вот образом навсегда *отбросить* некое напоминание о давнем, неприглядном прошлом, освободиться от какого-то гнета на душе. Очень может быть. Но и доля отнюдь не невинной забавы тоже присутствовала — Сварог видел это по ее глазам и улыбке.

Клоун третий раз сбегал за ширму — и еще один раз, последний. Яна танцевала вокруг столба, держась так, словно была здесь одна-одинешенька. Сварог подумал: в конце концов, если он прав, тут все до единого — мертвые, исключая их с Яной, их нет на свете несколько тысячелетий... И вдруг ощутил нешуточный прилив типично мужской гордости: пяльтесь, пяльтесь, корявые, хоть глаза проглядите — но девушка только моя, так что пускайте слюнки, сколько вам угодно...

Последние песчинки просыпались вниз, оркестр врезал во всю ивановскую и замолк. Яна, обеими руками отбросив волосы за спину, непринужденно раскланялась — лишь щеки чуточку порозовели — и грациозной походкой удалилась за ширму. Зал исходил овацией.

Из открывшейся неприметной дверцы появилось человек семь, элегантно одетых субъектов и, когда Яна, уже полностью одетая, вышла из-за ширмы, — кинулись, обступили, что-то принялись наперебой втолковывать, совали визитные карточки. Сварог ухмыльнулся, допивая шампанское, — кажется, по-

нимал, в чем там дело.

Яна все карточки приняла — но в ответ на обращенные к ней темпераментные реплики всякий раз с улыбкой качала головой. В конце концов вся кодла отхлынула с разочарованным видом.

Клоун деликатно подхватил Яну под локоток, но повел не к столику, а вновь на подиум. Вскинул руки, прося тишины. Когда она воцарилась, торжественно возгласил:

— Обладательница нашего коронного приза — далетта Миэлла!

Оркестр грянул туш, зрители захлопали. Клоун достал что-то из кармана, Яна, догадавшись, склонила голову — и клоун и надел ей на шею цепочку с овальной подвеской. Галантно подав руку, проводил до столика. Светильники медленно разгорались.

— Лотерея закончена, дамы и господа! — кричал с подиума клоун. — Всего вам наилучшего, и пусть кому-то из дам повезет в другой раз!

Яна, успевшая за ширмой причесаться, смотрела на него с примечательной смесью смущения и вызова. Сварог не собирался ей пенять — значит, так ей было надо. Присмотрелся к «коронному призу»: не такая уж и тонкая цепочка золотого цвета, на ней подвешена крупная раковина, очень похожая на каури. Тронув ее кончиками пальцев, Яна сообщила тихонько, чуть удивленно:

— Ты знаешь, настоящее золото, не такой уж низкой пробы...

— Солидная фирма, — усмехнулся Сварог.

— А почему — раковина?

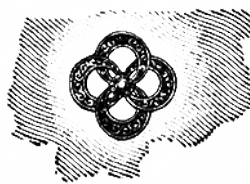
— Ну, так тут, видимо, принято, — пожал он плечами.

Она то ли не читала, то ли подзабыла старинные куртуазные романы, иначе вспомнила бы, что там символизирует раковина.

И уж, конечно, не бывала в притонах, где девиц определенной профессии опознавали как раз по браслетам, увешанным ракушками. Сварог спокойно сказал, вставая:

— Пошли? Уже почти никого не осталось...

Яна поднялась вслед за ним.

Глава VII

В ТИХОМ ОМУТЕ

Оказавшись на улице, Сварог осмотрелся и сказал:

— Пошли-ка вон туда. Уютное местечко, чтобы покурить на дорожку...

Там, слева, ездили взад-вперед машины, но не было ни единого здания — кленовая аллея, где деревья перемежались с причудливо подстриженными кустами и красивыми скамейками. Прохожих почти и не было.

Яна шагала рядом, первое время поглядывала на него чуть настороженно, но вскоре перестала, убедившись, что комментариев и уж тем более легкой выволочки не последует. Они уселись, положив рядом багаж, которым как-то незаметно успели обрасти. Сварог поднес ей огонек зажигалки, сам затянулся со вкусом и сказал:

— Осталось поймать такси и ехать к замку... «Ящик» порушить не забудь. Ну что, самое время подвести итоги? Или ты сказать что-то хочешь?

— Меня там, на подиуме, с двух сторон снимали видеокамеры. Я их заткнула.

— Ничего удивительного, все укладывается в стройную картину, — усмехнулся Сварог.

— То есть?

— Выручка у них, если прикинуть, несерьезная, — сказал Сварог. — Даже если учесть, сколько таких заведений и работают они, как сообщает путеводитель, восемнадцать часов в день. По сравнению с игорными домами, хорошими ресторанами и «веселыми танцами» — равно как и сетью борделей, я уверен — сущие пустяки. Значит, тут есть *другой* интерес. Видеозапись танца можно растиражировать и продавать любителям, а отдельные кадры — в виде фото в соответствующие газеты. Вот тут уже совсем другие деньги. Эти типы, как я понимаю, тебя на работу усиленно приглашали?

— Ну да, — весело сказала Яна. — И приличные деньги сулили. Я все визитные карточки сохранила, как-никак тоже трофей, нас любые мелочи должны интересовать...

— Правильно мыслите, рядовой, — сказал Сварог. — Покажи-ка. Так, так, так... Ну да. Три заведения «веселых танцев», три несомненных борделя, похоже, из дорогих... ого! Еще и киностудия «Альмиона» — тоже никаких неясностей. Наверняка не все избранницы удачи оказываются такими благонравными, как ты. Идеальное место, чтобы присматривать кадры. Теперь-то я понял, в чем их принцип отбора заключался: они попросту не пускали сюда компании без женщин, на кой им такие? И старушенцию какую-то бодренькую завернули... Отбирают красоток, что тут непонятного...

— Как же тогда Кабиния сюда попадала? Целых четыре раза?

— Ну, вероятнее всего, в компании, где были молодые красотки, — сказал Сварог. — А вот никакой «удачи» наверняка и нет. Голову могу прозакладывать: с колесом — чистейшей воды жульничество. Быстренько высматривают самую красивую и останавливают колесо на номере ее столика. На Таларе в иных игорных притонах есть подобные «крутилки», разве что настольные — и там давно насобачились с хитрыми *приспособлениями*, останавливающими стрелку на нужной цифре. А уж здесь-то, где техника повыше... — он посмот-

рел на цепочку. — Как я понимаю, прибыль идет достаточно жирная, чтобы раскошелиться на настоящее золото — должно окупаться...

— Если хочешь, я ее выброшу, — быстро сказала Яна.

— Да зачем? — пожал плечами Сварог. — Оставь на память. — И широко улыбнулся. — А знаешь, вдруг обнаружилось, что у тебя есть куча профессий, которыми в случае чего можно честно заработать на хлеб без всякого грабежа судостроительных магнатов...

— Да ну тебя! — отмахнулась Яна и спросила вкрадчиво: — А ты ведь не отворачивался? Ясно, что нет...

— Ну, у меня же развито эстетическое чувство...

Яна придвинулась, шепнула на ухо:

— Хочешь, как-нибудь станцюю для тебя одного? Одна моя подруга часто танцует для своего... друга. Обоим нравится.

— Имен я у тебя не спрашиваю, — усмехнулся Сварог. — Сам их прекрасно знаю.

Ну конечно, Канилла, кому же еще? Абсолютно в ее стиле.

— Хочешь...

— Хочу, — сказал Сварог. — Что ж душой-то кривить? Ладно, давай о деле. По-моему, операция закончилась удачно. Сделали все, что могли в данных обстоятельствах. Кое-какой плацдарм обеспечили. Еще немного поработать — и можно засылать через Саваджо агентов по стране. Крутить операции посерьезнее. Согласна?

— Абсолютно, командир. Вдобавок...

Она вдруг замолчала, лицо стало чуточку обеспокоенным.

— Что? — встревоженно спросил Сварог.

— Опасность слева, — негромко сказала Яна. — Не особенно и серьезная, пустяк, в общем, но она приближается...

Сварог посмотрел в ту сторону. Слева подплывал длинный роскошный автомобиль, сверкавший темно-вишневым лаком.

— Это?

— Ага.

— Люди или нечто другое?

— Люди, — сказала Яна. — Четверо. Пустяки.

— Если что, гаси их без команды. Пора убираться.

— Есть, командир...

Сварог привычно подобрался, без особых эмоций — бывали в переплетах и похуже...

Машина плавно затормозила напротив лавочки, распахнулись две дверцы, вылезли трое и неторопливо направились к ним. Рослые, крепкие, элегантно одетые ребята — и дурная роскошь определенно присутствует: массивные золотые браслеты и часы, перстни с камнями (какие в родном мире Сварога звали «цыганскими»), в галстучных заколках — безусловно не стекляшки, но камни опять-таки вульгарно крупные. Дурновкусие высокого полета. Что интересно, костюмы, рубашки и галстуки у всех разные, а вот шляпы, все три, совершенно одинаковые: черные с белыми лентами вокруг тульи, поля поуже, чем предписывает здешняя мода... Кого еще черт принес?

Тот, что вылез с сиденья рядом с водителем, остановился перед Сварогом:

— Далер, можно вас на пару слов?

Характерная такая физиономия: наглая, уверенная в себе, украшенная коротким шрамом на скуле. Здешние «ночные портняжки», а? Ну, это даже и несерьезно... Водитель остался за рулем — тоже не сложность...

Сварог спокойно встал и отошел следом за незнакомцем на пару шагов. Встал так, чтобы краешком глаза наблюдать за Яной — один из стоявших над ней что-то тихо говорил, судя по ее лицу, не самые приятные вещи.

— Ну? — просил Сварог.

Он был совершенно спокоен: магии у него не осталось никакой, но никуда не делись ухватки десантного майора из прошлой жизни, отточенные уже здесь тренировками при первой возможности. Так что — не противник. Да и Яна рядом...

— Парень, как у тебя со здравым смыслом? — спросил незнакомец.

— Да вроде не жалуясь, — сказал Сварог. — Имеется ровно столько, сколько нужно для жизни.

— Вот и ладненько. Чего тогда калиткой хлопать взад-вперед, давай сразу к делу. Понимаешь, хозяин только что был в «Грации». Очень ему понравилось, как твоя девочка танцует...

— Что за хозяин такой?

Незнакомец небрежно, картинно отвел полу пиджака. Ну да, скучно даже... Под мышкой у него висела коричневая кобура, откуда торчала внушительная рукоять черного пистолета.

— Но ты понял, турист?

— Понял, думается мне, — сказал Сварог.

— Умница... Это *наш* город, усек? Или не веришь?

— Отчего же, — сказал Сварог.

— Ну, ты и вовсе башковитый... Короче, хозяин хочет, чтобы твоя девочка съездила к нему потанцевать и все такое. Отказывать хозяину не принято, иначе что это за хозяин? Однако имей в виду: хозяин строгий, но справедливый, — он извлек пухлый бумажник и выразительно похлопал им по ладони. — Сколько тебе отстегнуть? Тут у меня много... Что притих? Прикидываешь, сколько тебе надо для полного счастья, или ерепениться будешь?

— Я еще не решил, — сказал Сварог.

— Решай побыстрее. А то хозяин у нас справедливый, но строгий. У нас тут порой туристы пропадают, как не было... Ты откуда? — он ловко выдернул из нагрудного пиджака кармана Сварога «карточку гостя». — А, вот ты откуда... Еще лучше. Провинциалов из такой глухомани ищут и вовсе вяленько, точнее говоря, совсем не ищут, если намекнуть кому следует...

— А ваш хозяин, случайно, не просил, чтобы ему Тарина Тареми спела? — спросил Сварог с невинным видом.

— Ты не умничай! — прикрикнул «ночной портной». — Что-то ты слишком умный для Токбалата...

Сварог видел, что собеседника удалось уязвить: здешний «хозяин», очень может быть, и не прочь бы пригласить Тарину Тареми «спеть и все такое», — но у нее должен быть столичный продюсер столь высокого полета, что провинциальных «хозяев» в бараний рог скрутит, не особенно и напрягаясь. И охрана у нее должна быть серьезная...

— Короче, слушай расклад, — сказал бандит. — Хозяин не зверь и честно платит, когда это надо. Сейчас я тебе отслюню, сколько скажешь, потом отвезу

в приятное местечко, где будешь развлекаться, как душе угодно за счет заведения. Туда и девочку твою подвезут, куда она денется. Тоже с деньгами в сумочке. Ну, решай в темпе. Обручальных перстеньков я у вас что-то не вижу. А если у вас романтическая любовь или что-то вроде, ты так и скажи, я тебе еще добавлю. Хозяин как раз не любит явных шлюх... Ну?

Краешком глаза Сварог видел, что Яна уже стоит, и один из «черных шляп», взяв ее за локоть, не грубо, но настойчив подталкивает к распахнутой дверце машины, а второй поигрывает блестящим стилетом, прикрыв его полой пиджака.

— Ну?

— Кота за хвост тяну, — ответил Сварог в рифму.

И ударил — коротко, жестоко, в полную силу. Добавил с левой. С удивленным оханьем и стоном бандит рухнул, как сноп. Сварог нанес ему короткий удар ногой — уже из чистой вредности, там и так все было в порядке.

Развернулся к Яне. Но и там все было в порядке: оба верзилы механическим шагом заводных игрушек прошли к скамейке, уселись бок о бок и, откинув головы на выгнутую спинку, закрыли глаза. От машины той же деревянной походкой к ним шел водитель. Ушибленный Сварогом вдруг задергался, словно его поднимали на невидимых веревках, и, не открывая глаз, явно все еще пребывая в бессознательном состоянии, кое-как утвердился на ногах, во все уж дерганой, вихляющейся походкой добрался до скамейки, где и успокоился рядом с друзьями.

Сварог быстро огляделся. Машин проезжало мало, а прохожих не было во все. Они двое и мирно спящая на скамейке четверка — картина, конечно, не из обычных, но и не столь уж поразительная, чтобы заставить кого-то беспокоиться и звонить в полицию. Вообще, где бы ни происходило дело, в чужие сцены из ночной жизни благоразумные люди стараются не вмешиваться, особенно в насквозь непонятные. Ну, а если проедет полиция... Вряд ли наглец преувеличивал: у таких вот «хозяев» и в полиции все схвачено. И все равно, самое время убираться...

— Ну, ты как? — спросил он.

Яна с улыбкой пожалала плечами:

— Ерунда. Все равно, что тебе кошку ногой пнуть. Поехали отсюда?

— Поехали, — сказал Сварог. — Вещички сложи на заднее сиденье.

Он приоткрыл водительскую дверцу, заглянул: ага, ключ зажигания на месте. Подумав, вернулся к скамейке, снял шляпу со своего незадачливого собеседника и без малейшей брезгливости надел — это, несомненно, нечто вроде мундира у военных, дополнительный штрих к картине, да и номера наверняка «с фокусом», знаем мы эти штучки...

Яна уже уложила вещи и сидела в машине. Сев за руль, Сварог наклонился и открыл бардачок. Там лежал еще один солидный черный пистолет. Без колебаний Сварог распахнул дверцу и закинул его под машину — а на кой он нужен? Включил зажигание и под тихий мерный рокот мощного мотора двинулся с места, свернул направо и поехал себе, не торопясь. Здешних правил движения он не знал, но вряд ли они так уж особенно отличались от тех, что остались на покинутой им Земле. За все время, что они здесь пробыли, он ни разу не видел, чтобы полицейские тормозили машины. Денег хватит на тысячу штрафов, к тому же — черная шляпа с белой лентой и, как уже думалось, не

исключены номера с фокусом... Сойдет. Не такой уж и долгий путь предстоит. Вот только...

Увидев подходящее местечко — такую же тихую аллею с причудливо подстриженными кустами и скамейками, только липовую, — он аккуратно притер машину к тротуару и выключил мотор.

— Что? — спокойно спросила Яна.

Сварог перегнулся к заднему сиденью, полез в пластиковую сумочку из книжного магазина:

— Посмотрю карту. Честно говоря, совершенно не представляю, где мы есть...

Вклеенная в путеводитель карта была не из бумаги, а из тончайшего крепкого пластика. Очень подробная карта: условными значками обозначены практически все указанные в путеводителе «достопримечательности». Что-то, а читать карты он умел...

— Так, значит... — бормотал он под нос. — Вот это — «Грация», та самая, под номером четырнадцать, это та самая аллея... Мы стало быть, вот здесь... Сюда, сюда, а дальше по прямой...

Аккуратно свернул карту и спрятал путеводитель в сумочку. Удовлетворенно сказал:

— Порядок. Поедем как по ниточке. Что ты так смотришь?

— Ты, правда, не сердись? — спросила Яна, отведя глаза... — За... «Грацию»...

— Ничуть, — сказал Сварог. — Лишь бы ты не вздумала претворять в жизнь другие привычки бабушки Агнеш...

Реакция оказалась неожиданной: Яна подалась к нему, схватила за лацкан и возмущенно воскликнула:

— Никогда больше не смей такого говорить! Я твоя и только твоя!

Она так сверкала синими глазищами, что Сварог почувствовал себя виноватым. Удивительные все же существа женщины: поозорничают не по-детски, а потом как-то так незаметно оказывается, что ты сам и виноват...

— Не буду, — сказал Сварог. И, вспомнив о том конверте, подумал, что последнее слово все же останется за ним...

Отпустив его лацкан, Яна откинулась на спинку широкого кожаного кресла, не отрывая от него головы, повернула к нему лицо. На губах играла легкая лукавая улыбка:

— Если еще раз такое услышу, если ты во мне засомневаешься... Сошлю на Сильвану.

— Твое право, — сказал Сварог. — Только, я тебя умоляю, непременно в Гурган. Говорят, там самые красивые девушки на Сильване.

— Вот потому и будет тебе не Гурган, а Баланайские острова.

— А что там? — с любопытством спросил Сварог.

— Жуткая дыра, — сказала Яна. — Я там из любопытства была один раз — посмотреть, как разделывают кита. Несколько убогих деревушек, рыбаки и китоловы — примитивный народец, жены-толстухи, дочери какие-то корявые... — и добавила язвительно: — Говорят, там самые некрасивые на Сильване девушки.

— Твое право, — повторил Сварог. — А тебе не приходило в голову что я, еще не попав на Сильвану, сумею тебе отомстить полной мерой? Так, что не

умру от тоски и среди баланайских девушек?

— Это как? — с любопытством спросила Яна.

— Элементарно, — сказал Сварог. — Тебе, чтобы добраться до своей Большой печати, придется лететь в Келл Инир, а мои, в том числе и хелльстадская, в Латеранском дворце. Пока ты долетишь, будут готовы и припечатаны два указа. Одним я тебя лишу титула королевы Хелльстада, а вторым с тобой разведусь. И потеряешь ты корону и митру, которыми пугаешь придворную шухеру в Келл Инире...

Поддерживая игру, Яна самым серьезным тоном спросила:

— А это будет законно?

— Ну, вообще-то вряд ли, — подумав, сказал Сварог. — Точно прописанных законов у меня в Хелльстаде на сей счет нет. Но плохо ты знаешь моих орлов из тайной полиции. Они задним числом в два счета состряпают что-нибудь чертовски убедительное: ну, скажем, ты хотела продать Хелльстад какому-нибудь Вольному Манору, предварительно распродав поштучно глорхов снольдерским и лоранским зоопаркам... Уж они придумают.

Яна вздохнула с наигранной печалью:

— Мать-Земля, за каким низким интриганом я оказалась замужем...

— Ты первая начала, — сказал Сварог. — Сошлет она на Сильвану да вдобавок на Баланайские острова...

— Я больше не буду, — сказала Яна.

Улыбаясь, медленно закрыла глаза. Сварог потянулся к ней. Недолгие взаимные угрозы закончились поцелуем. Авторы исторических хроник обычно не посвящены в такие детали...

Внезапно Сварог сразу почувствовал, что-то резко изменилось. Яна словно одеревенела в его объятиях, воздух будто сгустился вокруг, стал каким-то неприятным на вкус.

Сварог отодвинулся. Яна сидела на краешке сиденья, напряженная, прямая, как деревянный уард в лавке торговца сукном.

— Что? — тихонько спросил Сварог.

Она медленно повернула голову. Глаза были какие-то странные, на лицо напознала бледность.

— Нужно побыстрее уезжать, — сказала она каким-то жестяным голосом. — Меня кто-то ищет... или *что-то*. Я не могу объяснить словами, нет таких слов...словно сверху упал сильный луч прожектора и шарит по окрестностям...

— Оно тебя нащупало? — быстро спросил Сварог.

— Пока нет. Но старательно ищет...

Не раздумывая, Сварог рванул машину с места и уверенно погнал к выезду из города. «Доигрались, — смятенно подумал он. — Сколько раз она пускала в ход Древний Ветер? Значит, здесь и такие вещи кто-то отслеживает, не зря же в правилах поведения для туристов упоминался некий Огненный Шатер. Может быть, это и не инквизиция в ее классическом виде — каковой, положила руку на сердце, и является Сварогова Багряная Палата. Все-таки общество довольно развитое, в новостях о деятельности какой бы то ни было церкви не упоминалось ни разу. Секретная военная лаборатория, старательно отлавливающая людей с магическими способностями и использующая их в своих целях? Коли уж на Таларе тайная полиция до такого давным-давно додумалась...

Такая лаборатория, пожалуй, будет похуже инквизиции...»

Близилось к рассвету, ночная жизнь города утихала. Автомобилей на улицах осталось совсем мало, и Сварог то и дело превышал дозволенную скорость там, где не видел полицейских машин (не так уж трудно было в первый же час опознать соответствующие знаки — те же цифры, только не в белом круге с красной каймой, а черные в желтом треугольнике вершиной вниз, с черной же каймой, ничего сложного...)

Временами он поглядывал на Яну и с радостью видел, что на ее щеки понемногу возвращается румянец. Она уже сидела, свободно откинувшись на спинку.

— Потеряло? — спросил он.

Она кивнула:

— Потеряло. Шарит где-то в стороне, уже далеко позади. Сбилось со следа.

— Тебе так и непонятно, что это такое?

— Непонятно, — сказала Яна. — Одно ясно: это не другой Древний Ветер, иначе выглядело бы... А это... Непонятно. Не похоже, что очень уж сильное, просто какое-то... неприятное.

— Учтем и его... — сказал Сварог. — Да, а та четверка? Когда проснутся утром, ничего не будут помнить?

— Не совсем, — сказала Яна с легкой улыбкой. — Такое выглядело бы подозрительно: у четырех человек вдруг отшибает память на несколько часов... Они просто будут помнить, что зверски напились в каком-то кабаке, болтались по другим, с кем-то дрались, машину где-то потеряли...

— Молодец, — сказал Сварог.

— Рада стараться, командир, — ответила Яна.

— Ага, вот уже и выезд, — сказал Сварог. — Про ящик помнишь?

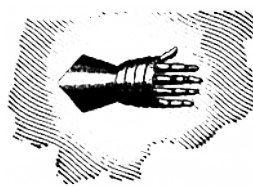
— Конечно.

На выезде, на всех трех полосах, тоже стояли пузатые ящики — ну да, таксист, когда разболтался обо всем на свете, упоминал: если приезжие уезжают за город, им ставят в карточку какой-то штамп, действительный в течение суток. Не обернешься вовремя — придется получать новую (что, в общем, не напряжно).

Сварог исправно сбавил скорость — он так и не уточнил у таксиста, тормозят ли на выезде местные машины, кто же знал что покидать город придется на «собственных» колесах?

Полицейский у ящика на их полосе сделал движение, словно собирался их тормознуть, но в последний момент неуклюже сделал вид, что прохаживается просто так — и отвернулся. Ну да, в свете уличных фонарей прекрасно можно было рассмотреть за лобовым стеклом черную шляпу с белой лентой на голове Сварога — а может, и насчет номеров он догадался правильно.

Оказавшись за городом, он притоптал газ. Оставались сущие пустяки.

Глава VIII

СТЕНА И НОЧНЫЕ КАВАЛЬКАДЫ

В гостинице уже не горело ни одно окно, а у крыльца не осталось ни одного такси. Портье за стойкой даже не посмотрел в их сторону — до сих пор действовало «напутствие» Яны, что до рассвета он их видеть не должен, а про ночной визит вообще забыл. Сварог поставил машину у крыльца, надел свою, извлеченную из пакета, шляпу, кинул черную на заднее сиденье. Подумав, бросил на пол перед пассажирским сиденьем рядом с водителем все полученные Яной визитные карточки — чтобы еще более запутать след. Очухавшись, незадачливые гангстеры начнут всю разыскивать свою машину — и наверняка никому об этом не рассказывая, чтобы не стать посмешищем для коллег по ремеслу (ага, те самые, которые нажрались настолько, что неведомо где потеряли роскошную тачку!). И наверняка довольно быстро найдут у гостиницы. И, как любой на их месте, в гостинице и начнут искать следы. Отсюда вытекает, что возможны интересные коллизии: в гостинице обитает народ денежный, столичный, влиятельный, вроде обкраденного судостроительного магната, и, если что не так, сможет местным налить сала за шкуру. И в одном можно быть точно уверенным: вся четверка получит нешуточный втык: вместо того, чтобы четко выполнить поручение, привезти заказанную красотку готовой к употреблению, ни с того ни с сего пустились пьянствовать по кабакам. Ну, вот о ком совершенно не болит душа, так это о них — да и о магнате скорбеть что-то не тянет: не последних денег лишился, для него это семечки...

Прихватив всю свою поклажу, так никем и не замеченные, они пустились в обратный путь знакомой тропинкой. Стало чуть-чуть светлее — небо уже из черного понемногу становилось серым, близился рассвет. Оба невольно ускорили шаг — как всегда бывает, когда до дома остается всего ничего.

Вот и балкон. Взяв в правую руку левую ладонь Сварога, Яна нетерпеливо переступила на месте — и оба взмыли над землей, бесшумными ночными призраками полетели к балкону...

Трах!

Перед глазами у Сварога так и посыпались искры, показалось сначала, что он ослеп. Рядом легонько вскрикнула Яна, но его руки не выпустила — и он, полуголушенный, чувствуя резкую боль в носу и что-то теплое, ползущее на верхнюю губу, уже понемногу обретая зрение, опустился рядом с ней на покрытую влажной из-за утренней росы травой землю, откуда только что взлетал...

Присел на траву, мотая головой, пытаюсь вернуть себя к реальности полностью. Вернул вроде бы. Хотел включить «ночное зрение», но вовремя вспомнил, что здесь и этого лишен. Однако глаза уже привыкли к полумраку, и он видел, что Яна стоит на коленях рядом с ним, держа у лица, напротив носа, ладонь. Его собственный нос болел неимоверно. Сварог осторожно его потрогал кончиками пальцев: ну да, распух, как слива. Вытер большим пальцем кровь, уже попавшую в рот, на подбородок.

— Как ты? — спросила Яна, отнимая руку от лица. Голос у нее был совершенно нормальный, а вот его собственный прозвучал довольно невнятно:

— Черт знает как... Нос разбил...

— Я тоже, — сказала Яна. — Словно треснулись лицами в невидимое проч-

нейшее стекло... или силовое поле. Я-то уже себе все залечила... Посиди спокойно. Сейчас все пройдет.

Ее узкая ладошка оказалась напротив его носа. Все лицо обволокло приятное тепло, кожу чуть-чуть покалывало, но не больно. Вскоре Яна отняла руку:

— Ну вот, все...

Он осторожненько попробовал нос, потом, осмелев, помял его сильнее. Нос был как прежний, опухоль прошла, кровь на лице осталась, но больше не текла.

— Препятствие. Невидимое, — сказала Яна. — Что же это такое?

— Представления не имею, — холодея от злости на собственное бессилие, сказал Сварог. — Один раз лазил сюда здешним днем, один — здешней ночью и всегда без всяких преград возвращался.

Он посмотрел на второй балкон, левее. *Дома* за ним располагался один из его кабинетов, а здесь, наверняка — одна из комнат замка-музея, так что и пробовать нечего... Кожу на затылке сводило от непонятности.

— Я попробую еще раз, Древним Ветром, — сказала Яна. — Ты посиди пока, я обязательно за тобой вернусь.

— Да уж, конечно, не бросишь... — проворчал Сварог.

И стал смотреть вверх. Яна поднялась в воздух, стала медленно приближаться с вытянутой рукой к невидимой преграде, и вдруг остановилась, замерла в воздухе так, что стало ясно: на эту самую преграду и наткнулась ладонью.

Какое-то время ничего не происходило: никаких световых или звуковых эффектов, Яна просто *стояла* в воздухе без всякой опоры, все так же упиравшись ладонью вытянутой руки во что-то невидимое, но явно непреодолимое. Продолжалось это довольно долго, в конце концов она подняла и вторую руку. Меж ладонями возникла неширокая полоса бледного зеленого сияния — и тут же погасла.

Яна опустила руки и вернулась к нему.

— Ничего не понимаю, — пожаловалась она, зябко поеживаясь (вряд ли из-за утренней прохлады). — Так не должно быть...

— Не хватает силы это проломить? — осторожно спросил Сварог.

— Если бы... Здесь что-то другое, совершенно непонятное. У меня даже слов нет... — она помолчала. — Совсем другое, совсем... Древний Ветер никуда не пропал, он остается во мне, до последней искорки, я же чувствую. Просто он *не действует*. А такого не должно быть...

Страха в ее голосе пока что не чувствовалось — но там явственно звучало *приближение* страха, что немногим лучше: если страх приближается, он непременно придет...

— Вита, успокойся, — как мог убедительнее сказал Сварог, обнимая ее за плечи и прижимая к себе.

— Да я спокойна... Просто так не должно быть...

— Ничего, — сказал Сварог, — никакой погони нет, ничего страшного не происходит. Будем думать, благо есть испытанное средство активизации умственной деятельности...

Он нашел валявшийся в стороне чемоданчик, открыл его, достал бутылку ликера (ни одна не разбилась, умеют делать тару), распечатал и отпил из горлышка не менее стакана. Когда он опустил руку, Яна забрала у него бутылку,

поднесла горлышко к губам. К удивлению Сварога, она не пролила ни капли — правда отпила гораздо меньше. Впрочем, он тут же вспомнил: Яна годами охотилась в Каталауне, давно привыкла пить из фляги...

— Тебе не холодно? — спросил он. — Пиджак наброшу, если...

— Спасибо, не надо, — бледно улыбнулась Яна. — Если станет холодно, я сама сделаю так, что будет тепло... Может, тебе холодно? Я могу...

— Не надо, — сказал Сварог.

Он и в самом деле не ощущал утреннего холодка — наоборот, охватило некое подобие простудного жара. Ему по-прежнему удавалось не допускать в душу ни тоску, ни безнадежность, но они маячили где-то поблизости, не так уж и далеко. Средства проломить неведомо откуда взявшуюся преграду он не находил никакого. Мысли поневоле устремлялись в будущее. Нехитрый вопрос: что делать, если это — навсегда? Ну, предположим, со способностями Яны они не пропадут и здесь неким образом пристроятся в каком-нибудь тихом уголке. Даже если Шторм все же грянет, вполне может оказаться, что Яне по силам обоих и от него защитить. Но посреди чего им придется прожить несколько сотен лет...

А главное, Империя останется без Яны, а его королевства — без него. Думать и прикидывать не хочется, что может начаться... Если в Империи Канцлер наверняка сможет найти какой-то выход и надежно стабилизировать обстановку, то на земле начнется такое, что не приведет Господь. Орава претендентов на опустевшие троны; воспрянут все его нынешние враги, кто нынче сидит тихо, как мышка, сознавая свою слабость оживет старая вражда меж державами, которую он *сгладил*, но за эти несколько лет, разумеется, не мог погасить совершенно. Странная Компания без командира, его юные сподвижники из девятого стола без него...

Он сердито отхлебнул из бутылки, словно надеялся, что это поможет найти выход, — конечно, не помогло нисколечко...

— У тебя есть какие-нибудь мысли? — спросила Яна. — У меня, честно тебе скажу, ни одной толковой...

В ее голосе Сварог с раздражением почувствовал жалобные нотки, слабенькие пока, но тем не менее...

— Знаешь, у меня есть привычка: в тяжелых случаях сидеть и ждать — авось рассосется... Иногда срабатывало. Главное — не паниковать и не терять голову...

— *Всегда* срабатывало? — спросила Яна почти спокойно.

— Ну, не всегда... — сказал он честно. — Подождем рассвета, не так уж и долго осталось. Во множестве случаев, связанных как раз со странным, с первыми лучами солнца многое меняется самым решительным образом...

— Да, я слышала... — сказала Яна, и по голосу чувствовалось, как яростно ей хочется ему верить.

Сварог тем временем думал: два прошлых раза он проникал сюда темной ночью и ночью же возвращался без малейших препятствий, Ну, мало ли что... Может, такой уж день сегодня, такой месяц, не то расположение звезд и положение Семела на небе... В конце концов, преспокойно можно снять номер в гостинице и каждую ночь пытаться снова и снова...

Бутылку они прикончили, однако Сварог не чувствовал себя хмельным да и Яна, сразу видно, тоже: ну да, бывают ситуации, когда пьешь — будто в пе-

сок льешь...

Он откупорил вторую: когда небо стадо синим, первые солнечные лучи мазнули по кронам деревьев и балкону, и Яна вновь взмыла в воздух — но вернулась, в очередной раз наткнувшись на невидимую стену.

«Должен же быть выход?!» — воззвал Сварог неизвестно к кому. Сделал пару добрых глотков, распростерся на земле, раскинул руки, вжимаясь затылком во влажную росистую траву, непонятно чего ожидая и непонятно на что надеясь...

И вдруг вскочил: что-то смутное стало складываться в четкие образы, ясные мысли...

— Что? — вскинула глаза Яна, так и сидевшая на влажной траве (в ее позе уже, что печально, чувствовался первый прилив безнадежности).

Не отвечая, Сварог снял пиджак, чтобы не терять времени, извлекая из всех карманов деньги, аккуратно его свернул в некое подобие скатки, сунул поглубже под самый разлапистый куст. Пошарив по карманам брюк, отправил следом мелочь, здешнюю зажигалку, купленную здесь из любопытства пачку дорогих сигарет. Затолкал туда же чемоданчик с оставшимся ликером, сумку с книгами и журналами, чемоданчик с косметикой. Спросил Яну отрывисто:

— У тебя есть в сумочке что-нибудь *здешнее*?

Она щелкнула позолоченными застежками, заглянула:

— Зажигалка, сигареты... Все здешние бумажки, сдача из косметического салона...

Ничего еще не понимала, но в глазах у нее полыхала надежда.

— Давай сюда, — сказал Сварог и отправил все торопливо поданное следом. — Ах, да...

Снял у нее с шеи дурацкую цепочку с ракушкой, бросил туда же. Крепенько приложился к бутылке и сказал тем жестким голосом, каким опытный командир пресекает зародыш паники в подразделении:

— Давай руку. Попробуем...

Яна прямо-таки схватила его руку, они взмыли в воздух, выставив вперед свободные руки с поднятыми ладонями: Яна — левую, Сварог — правую. Взмыли в воздух... и проплыли меж двумя каменными филинами по сторонам балконных перил, не встретив никакой незримой преграды, опустились на балкон в двух шагах от плотно задернутой портьеры.

Удалось. Как частенько бывает в подобных случаях, Сварог не ощутил ни радости, ни облегчения — одну томительную усталость. Судя по лицу Яны, она испытывала нечто схожее. Нетерпеливо шагнув вперед, он отдернул портьеру с правой стороны, пропустил вперед Яну и вошел в уставленную аппаратурой комнату. Тщательно задернув портьеру, обернулся.

Элкон и Томи, так и оставшись сидеть за своими пультами, смотрели на них во все глаза. Вообще-то, раз Томи сменила Элкона, он мог уйти отдышаться, но, конечно, не ушел...

Яна устало опустилась с ближайшее кресло, откинула голову на спинку.

— Ну, что вы так таращитесь, сподвижнички? — спросил Сварог с напускным весельем. — Гляди веселей! А, ну...

На верхней губе у Яны явственно виднелась засохшая кровь. Сделав пару шагов и глянув на себя в зеркало, Сварог убедился, что выглядит еще предосудительнее: у него кровь засохла и на усах, и на подбородке. Какие пустяки, ес-

ли подумать...

— Отставить! — командным тоном прикрикнул он, когда Томи начала подниматься из-за пульта — ни кровинки в лице, глаза на пол-лица. — Сесть! Ничего страшного не произошло!

Подействовало, она опустилась в кресло. Элкон, молодчага, исправно молчал, ничуть не изменившись в лице, — все же прошел кое-какую жизненную школу, серьезнее, чем все остальные, дисциплинированно ждал, когда заговорит командир. «Вышколил я обормота», — с неким подобием отцовской гордости подумал Сварог.

Яна встала, подошла к нему, прильнула к груди, крепко обняв за шею.

— Как тебе пришло в голову? — прошептала она на ухо с нескрываемым восхищением.

— Вспомнил кое-какие старые предания моего мира, — так же шепотом, на ухо, ответил он. — Один мореход попал на некий зачарованный остров и прожил там какое-то время. Когда решил все же уплыть, ему не то что не позволили взять с собой ничего, даже мелкого пустячка — заставили тщательнейшим образом отряхнуть с сапог землю острова, до пылиночки... Значит, вот так... Возвращаться можно свободно, а вот взять оттуда ничего нельзя, никакой мелочи, иначе возникнет стена... Пожалуй, зря мы заранее запаниковали — этак и Шторм не прорвется...

— Дождь же попадает на балкон с той стороны...

— Дождь — явление природы, — сказал Сварог. — А Шторм, чует мое сердце, к явлениям природы никак не отнесешь... Пошли. Элкон, я сейчас вернусь...

Он вывел Яну в кабинет, где висели два длинных плаща с капюшонами: в них они и пришли сюда из Безымянной комнаты, чтобы ни одна живая душа не видела их диковинной для этого мира одежды. Сам накинул второй. Распахнул дверь в коридор. Барута и еще трое ратагайцев моментально вскочили с мягких скамеек.

— Госпожу сопроводить в мои покои, — распорядился Сварог. — Одному остаться здесь на карауле.

— Слушаю, гусударь, — поклонился Барута.

И сделал почтительный жест, пропуская Яну вперед. К ней (и к Маре тоже) он относился с нескрываемым почтением: пусть и не посвящен в некоторые тонкости, происходившее как нельзя лучше укладывалось в нехитрую жизненную философию степняка — перед ним Женщины Вождя, а следовательно, в отличие от всех прочих особ женского пола заслуживают величайшего почтения. То, что женщин две, нисколечко этой философии не противоречило, наоборот: в большей части Ратагайской Пушты (в каких бы богов ни верил тот или иной ее обитатель) до сих пор сохраняется старинный обычай иметь двух, а то и трех, если в состоянии достойно содержать, жен, и каждая считается законной. Обычай столь древний, что с ним, не в силах справиться, молчаливо смирились и служители всех без исключения богов, и снольдерские короли. Есть все же своя польза от некоторых старинных традиций...

Вернувшись в комнату, Сварог невольно улыбнулся, увидев выражение лица Элкона: парень сторал от нетерпения, жаждал подробностей — но дисциплина брала верх. Томи не скрывала тех же чувств, но тоже стоически молчала.

Достав из воздуха бокал келимаса, Сварог его осушил одним глотком, усмехнулся:

— Подробности будут, ребята, потом, когда я немного отдохну. Вообще-то ничего такого уж завлекательного не услышите... Элкон, что Канцлер?

— Велел немедленно доложить, когда вы вернетесь.

— Вот и выполняйте приказ, — сказал Сварог. — Передайте: мы вернулись целыми и невредимыми, собрав немного полезной информации...

Элкон уселся за один из столов, где небольшой компьютер был снабжен серебристой коробочкой шифратора. Проворно застучал по клавишам. Ответ появился на экране через пару минут, так что Сварог успел спокойно выкурить сигарету. Элкон, чуть поиграв клавишами, сказал:

— Канцлер спрашивает: есть ли что-то настолько важное, что не может ждать ни минуты, или доклад можно отложить до завтра? Он там занят чем-то очень серьезным...

— Передайте, что подойдет и до завтра, — сказал Сварог, не раздумывая. И, когда Элкон отправил шифровку, распорядился: — Погасите свет в комнате — там, на той стороне уже день, могут заметить — и ступайте-ка за мной...

Элкон последовал за ним с превеликой готовностью. Томи невольно сделала движение, собираясь встать, но Сварог на ходу погрозил ей пальцем, и она осталась на месте. Они вышли на балкон со всеми предосторожностями, сначала старательно прислушавшись. Внизу — ни единой живой души. Стояла спокойная утренняя тишина, солнечные лучи крохотными радугами играли на последних каплях росы, видневшихся кое-где в паутине.

— Посмотрите влево, — сказал Сварог. — Видите, там под кустами нечто синее?

— Вижу, командир.

— Завтра с темнотой спуститесь туда, — сказал Сварог, усмехнувшись про себя безудержной радости, появившейся на лице Элкона, не сумевшего ее сдержать. — Возьмете с собой самый быстродействующий сканер, какой найдется в нашей конторе... а еще лучше, если с вами пойдет Родрик с таким же сканером, я потом распоряжусь. Там пакет, в нем лежит книга. Отсканируете ее целиком, с обложкой включительно, — он усмехнулся. — Там лежит еще журнал мод, на нем так и написано, отсканируйте и его и газеты. Третий журнал копировать не стоит. Соблюдать предельную осторожность, чтобы ни одна живая душа там вас не засекала. Группа прикрытия у вас будет. Все понятно?

— Так точно, командир! — радостно воскликнул Элкон.

— Тс! — Сварог приложил палец к губам. — Еще услышат внизу. Какая-нибудь ранняя или, наоборот, припозднившаяся влюбленная парочка, они сюда забредают... Вот что еще запомните накрепко; когда закончите, спрячьте все назад. Оттуда не брать ничего, ни единой мелочи. Ничего. Ясно?

— Так точно! — радостным шепотом рявкнул Элкон.

— Вот и отлично, — сказал Сварог. — А я пойду отдохну.

Накинув в кабинете плащ, не набрасывая капюшона, он неторопливо пошел по коридору в Безымянную комнату. Лишних свидетелей не имелось: в его личные покои в этом крыле дворца вел один-единственный коридор, который при необходимости (как сейчас) перекрывался охраной. Ну, а тем телохранителям, сыщикам и гвардейцам (не говоря уж о ратагайцах), что дежури-

ли по это сторону «кордона», не полагалось удивляться никому и ничему. Ага, вот он, Юл Качер, новоиспеченный агент первого разряда и будущий зять солидного пивовара, прохаживается с таким видом, словно никакого короля и не видит — службу знает...

...Обстановка в малой спальне, примыкавшей к Безымянной комнате, была, честное слово, исполнена семейного уюта: Яна в атласном домашнем халатике, с заплетенной наполовину косой, лежала на застеленной постели, с блаженно-бездумным выражением лица смотрела в потолок. Сварог курил в кресле, временами поглядывая на Яну. Она выглядела такой безмятежной, милой и домашней, что жаль было нарушать идиллию — но ничего не поделаешь, придется устроить легонькую моральную экзекуцию, чтобы не откладывать все на потом, а одним махом с ним покончить... Чтобы никаких неясностей не осталось. Он, правда, ломал голову, как перейти к делу.

Яна, сама того не ведая, облегчила ему задачу: бросив на него мимолетный взгляд, присмотрелась внимательнее, спросила:

— Ничего не случилось? У тебя лицо... В общем, оно таким бывает, когда что-нибудь случается...

Умница, успела неплохо его изучить. Ну что же...

— Отдохнула, я вижу? — сказал Сварог. — Вечер, конечно, на дворе, но спать ложиться еще рано, самое время поговорить о некоторых деталях морального облика моей молодой супруги.

Яна чуть приподняла брови:

— Ты же говорил, что не будешь сердиться...

— За «Грацию»? — сказал Сварог. — Я и не собираюсь. Речь пойдет совершенно о другом. Сейчас я тебе дам прочитать одну интересную бумагу...

Здесь, в спальне, стоял такой же сейф, как в паре его кабинетов: хрупкий на вид шкафчик, закрытый силовым полем. Сварог еще вчера принес рапорт Качера сюда. Достал конверт, извлек оба листа и протянул Яне:

— Читай внимательно...

Она стала читать — как и следовало ожидать, ничего не подозревая. В какой-то момент ее взгляд вдруг *споткнулся*, она вскинула на Сварога растерянные глаза, прочитала еще несколько строк и покраснела жарко, отчаянно, до кончиков ушей так, что обзавидовался бы любой светофор в Саваджо.

— Читай до конца, — безжалостно сказал Сварог. — Мужа надо слушаться...

Она дочитала, правда, сразу видно, бегло. И сидела на постели, поджав ноги, по-прежнему красная, старательно избегая встречаться с ним взглядом.

— Что же у нас есть? — спросил Сварог голосом прокурора (правда, не самого свирепого). — Лигах в восьмидесяти от Латераны, возле фригольдерской деревни Марлайн, означенный агент увидел ночью на лесной дороге странноватую кавалькаду: девять всадников, обнаженных юношей и девушек, проехавших рысью совершенно беззвучно. Четверых он опознал сразу — там написано почему. Он не знает, конечно, кто вы такие — вы ему известны под теми именами, что носите здесь, во дворце. Но глаз у парня, согласись, острый. А потом я показал ему фотографии остальных четверых, он и их опознал сразу. Обрати внимание, он вовсе не утверждает, что вы — это вы, пишет просто: «Как две капли воды похожие на...» Толковый сыщик, не строит скороспелых версий и ничего не берет пока что утверждать со всей определенностью... — он помолчал, с легкой усмешкой глядя на пунцовое личико Яны, старательно

избегавшей встречаться с ним взглядом. — Элкона там не было. Только в этот раз, или он с вами не ездит?

— Не ездит, — машинально ответила Яна, тихонько ойкнула. — Он это считает примитивным и пошлым развлечением...

— Умный парень, за это и ценю... — сказал Сварог.

— А откуда ты знаешь, что это не в первый раз? Ни один орбитал нас не видит, я так устроила...

— А я и не знал, — ухмыльнулся Сварог. — Сама сказала. Один из самых простых полицейских трюков... Стука копыт не было слышно из-за соответствующих заклинаний?

— Да.

— Может, тебе наколдовать тазик холодной водички и полотенце? Умоешься. А то от твоих щечек прикуривать можно...

— Я сама справлюсь...

— Ну, справляйся, — сказал Сварог. — А я пока тебе расскажу кое-что интересное, о чем ты, пожалуй, и не знаешь... Ты читала что-нибудь Гонтора Корча? Нет? Зря, я тебе как-нибудь дам, весьма интересно... Совсем недавно жил такой книжник — из тех, что увлечены не научными загадками, а всякими занятными случаями и курьезами, как мистического характера, так и самой обычной природы... Видишь ли, когда я прочитал рапорт, по обыкновению позвал Интагара, а он очень быстро меня переадресовал к мэтру Анраку — ну, а тот, не особенно и раздумывая, тут же вспомнил о Гонторе Корче. Совсем молодой, не было и сорока, написать успел немного. Была у него задумка создать трилогию. Первая часть лет пятнадцать как напечатана — «Ночные колеса». Вита, я буду словоохотлив, даже болтлив — такое случается после серьезного нервного напряжения вроде нашего недавнего... «Колеса» — интереснейшая книга, написанная по рассказам ночных извозчиков Равены: и смешные, и грустные житейские истории, загадочные случаи, с *обычным* миром не имеющие ничего общего... Третья, так и оставшаяся не написанной, книга «Ночные паруса», его и сгубила. Поехал в Фиарнолл собирать столь же интересные истории из жизни моряков — и пропал бесследно. Не нашли, как ни искали — как в свое время Гонзака. Видимо, как и Гонзак, наткнулся на что-то, чего не следовало касаться. Тайну Гонзака в свое время раскрыли, может, и следы Корча отыщутся, — но в любом случае рукопись пропала, бумаг Гонзака и мы ведь так и не нашли... Вот... А вторая книга — вот она. — Сварог взял со стола и показал ей пухлый томик в черной обложке с белым контурным рисунком, представлявшим вереницу всадников. — «Ночные кавалькады». Название придумал не Корч, оно появилось лет двести назад, когда впервые объявились Кавалькады, кто их так назвал, неизвестно, но название прижилось. Гонтар Корч ими занимался два года со свойственным ему прилежанием и цепкостью: изучил историю вопроса, ездил по стране, беседовал со свидетелями, пытался вычислить, нет ли тут какой-нибудь регулярности — с иными привидениями так бывает, в том числе и здесь, во дворце: какие-то определенные дни, расположение звезд и планет, да мало ли... Ничего подобного он не усмотрел, но кое-какие закономерности вывел. Ночные Кавалькады потому так и названы, что появляются исключительно ночью, как правило, в глухих деревушках или маленьких провинциальных городках. От двух-трех человек до пары десятков. Это всегда обнаженные, молодые парни и девушки — прав-

да, порой не такие уж и юные. Стука копыт никогда не слышно. Иногда они едут рысью по большой дороге, иногда, взяв аллюр побыстрее, проносятся через деревни и городки, пугая народ. Вреда не причиняли никогда и никому. Хотя, с какой стороны посмотреть... — он взял со столика лист пожелтевшей бумаги и пробубнил на манер прожженного канцеляриста: — «Означенный крестьянин Дареп Тулор, увидев означенную Ночную Кавалькаду и убегая от нее, в панике свалился в канаву и сломал правую ногу...»

— Мы не знали... — все так же не поднимая глаз, сказала Яна жалобно.

Сварог ухмыльнулся:

— Да ладно, это не о вас. Это рапорт сельского стражника, поданный лет сорок назад, а деревня — в Снольдере... Пойдем дальше. Поскольку за двести лет Ночные Кавалькады не причиняли никому вреда, в конце концов крестьянская молва стала считать их безобидными призраками — тем более что на них не действовало деревенское колдовство, против разнообразной нечистой силы иногда очень эффективное. Ну да, с чего бы ему действовать... Вот еще интересная деталь: обычно кони Ночной Кавалькады — в великолепной, прямо-таки роскошной сбруе — а вот ваша, как опять-таки отметил зоркоглазый сыщик, ехала на неоседланных лошадях, без уздечек... — Сварог с любопытством присмотрелся: — Ага... Виноватость все еще присутствует, но ты уже не такая красная, от тебя уже не прикуришь... — Он фыркнул. — Ладно, я ничему особенно не удивляюсь, но вот Аурика, известная скромница... Ее-то как втянули?

Яна на миг подняла глаза:

— Она просто не смогла отстать от других, как прежде... Вообще, я все это придумала и Аури уговорила...

Сварог улыбнулся:

— Полицейский в таких случаях грохает кулаком по столу и орет: «Крутишь-вертишь, зараза!» А то и без лишних слов бьет в ухо. Но мы-то люди воспитанные, по крайней мере ты — меня, признаюсь, и не воспитывали особенно... Вита, врешь. Ручаться могу: во всех случаях, когда ты говоришь «я», звучать это должно несколько иначе: «Мы с Каниллой». Канилла Дегро во всех проказах вашей компании, начиная с детства, всегда была то одной из заводил наравне с тобой, то главной. Есть большущее досье о ваших проказах, если ты не знала. Мои специалисты его в свое время выдернули из не особенно секретного архива министерства двора, я пробежал ради любопытства.

Яна на миг вскинула глаза:

— Ну и что? Там нет ничего непристойного или плохого.

— Согласен, — сказал Сварог. — В общем, безобидные проказы, иные оригинально задуманы и с блеском проведены, тут опять-таки прослеживаются ваши с Каниллой старания... Но вот Ночные Кавалькады... Как, по-твоему, мне нравится, что моя жена скачет голышом по ночам, пугая мирных обывателей? Ну?

— Я думаю, не особенно, — покаянно призналась Яна, не поднимая глаз.

— Мягко сказано, — сказал Сварог.

Она на миг вскинула голову, глаза блеснули лукавством:

— Ну, конечно, отпираться бессмысленно... И все равно, голос у тебя не такой уж злой. Не похоже, что собираешься вклеить мне подзатыльник.

— А неплохо было бы, — мечтательно сказал Сварог. — Ты бы приняла до-

вольно смиренно, а?

— Пожалуй... Ты имеешь право сердиться...

— Вот именно, — сказал Сварог. — Но есть тут свои нюансы... Я бы, наверное, осерчал гораздо больше, окажись, что вы это первыми придумали, но после того, как я прочитал все, что только нашлось у Анраха и Интагара, осталось стойкое впечатление, что и раньше не было никаких привидений. Что это — старое развлечение ларов. Это вас в некоторой степени оправдывает, но не полностью. Посмотри мне, наконец, в глаза, не съем. Что, я прав?

Яна подняла голову:

— Прав... Эту забаву лет двести назад придумала императрица Агнеш, до замужества, конечно...

— Ну да, следовало ожидать, — сказал Сварог. — Твоя бабушка в молодости, уж прости, была большой проказницей... впрочем, насколько я знаю, бабушка Каниллы — тоже. Интересные гены вам обоим достались... Ну, дальше?

— С ее легкой руки это развлечение вошло в моду, — сказала Яна, на сей раз стараясь не отводить глаз. — И до сих пор остается в моде, главным образом среди молодежи и семейных пар помоложе, но иногда и люди постарше забавляются. Между прочим, барон Клегг, собравший немало пикантностей в «Там, под облаками», о своих собственных забавах скромно умолчал. А он, среди прочего, однажды ночью в компании трех обнаженных девиц проскакал не где-нибудь — по главной улице Сноля, пуская цветные огни и оставляя цветные дымы...

— Ну, он не выставлял себя моралистом... — сказал Сварог. — А вот интересно, почему в Глане практически ни разу не появлялись Ночные Кавалькады? Лорд Баглю ни о чем подобном и не слыхивал, говорил, было что-то такое очень, очень давно, но быстро пропало...

Яна улыбнулась почти весело:

— Потому что твои гланцы — народ своеобразный. У них быстро появилась своя забава — догнать галопом «призрака» и рубануть палашом по башке. Для лара это столь же опасно, как для обычного человека, вот и перестали туда ездить...

— Да уж, у меня в Глане не забалуешь... — сказал Сварог с законной гордостью за своих подданных. — И сколько раз вот так раскатывали?

— Три... — призналась Яна. — Заслужила три подзатыльника... Но ты ведь не станешь? Я же тебе не изменяла, ничего такого не сделала, просто не удержались, попробовали старинную забаву. Откровенность за откровенность, можно? Как вообще вышло, что этот твой сыщик нас углядел?

— Стечение обстоятельств, — сказал Сварог. — Он, ты сама читала, родом из той деревушки. Родители давно погибли при пожаре, и из родных осталась только тетушка, которую он очень любит и часто к ней в свои вольные недели ездит. Парень молодой, неженатый, вот и пошел ночью с местной красоточкой посмотреть на небесные созвездия и планеты. Благо леса там спокойные, ни зверья, ни разбойников. А тут вы... Девица сомлела, а он в городе пообтесался, да и полицейские рефлексы сработали...

— Тоже не моралист, — заключила Яна.

— А вашу теплую компанию в какой-то степени это оправдывает? — прищурился Сварог.

— Ну, вообще-то нет... Нас другое оправдывает.

— Интересно, что? — с нешуточным любопытством поинтересовался Сварог.

Яна открыто посмотрела ему в глаза:

— Мы, можно смело сказать, больше ставили научные эксперименты, чем развлекались.

— Ох, какие интересные бывают научные эксперименты, я и не знал...

— Не язви, — сказала Яна. — Послушай лучше. Этот Гонтор Корч все правильно подметил: кони Ночных Кавалькад и в самом деле в роскошной сбруе, при седлах и уздечках. Мы сами в первый раз так выезжали, исключительно для развлечения. А потом мне знакомые молодожены, немногим меня старше, рассказали интересные вещи... Мы проверили, и все подтвердилось. Знаешь, что оказалось? Если скакать во весь опор на неоседланном, неподкованном коне по какой-нибудь широкой равнине, где не видно ни малейших следов человеческой деятельности, очень быстро приходят странные, необычные ощущения... Даже словами не передать. Представляется, что ты сливаться с чем-то непонятным, огромным, благожелательно к тебе настроенным, становишься его частицей, летишь по каким-то словно бы призрачным *другим* местам, порой над вершинами гор, над необозримым морем... И ни малейшего страха, наоборот, так покойно и приятно, что словами не опишешь...

Ее щеки вновь зарумянились, но на сей раз, похоже, не от стыда, взгляд затуманился, она продолжала заворуженно:

— То взлетаешь в невероятные выси, словно паришь над всей Вселенной, то несешься вниз, в какие-то глубины — и они вовсе не пугают... огонь и тьма, ветер и шквал... Все остальные тоже это чувствуют, только слабее...

Сварог слушал внимательно и очень серьезно. Потому что то, о чем она говорила, весьма походило на те ощущения, что он сам испытал в Глане, когда голым распростерся на вершине Холма, чтобы, как думал и он сам, и старые «хранительницы земли», выполнить рутинный обряд — и неожиданно *обнялся* с Матушкой-Землей по-настоящему...

— На *любой* равнине? — спросил он, когда Яна замолчала.

— Похоже, на любой, — сказала Яна. — Мы дважды пробовали на разных, а те мои знакомые трижды на разных. Всегда одно и то же, все описывают одинаково. Я так и не поняла, что это такое, но оно существует. Главное: чтобы на тебе не было и ниточки, а конь — не подкован. Ничего, сделанного человеческими руками. Вот возьми и сам попробуй!

— А ведь попробую... — сказал Сварог.

— Только ничего не говори им... в девятом столе. Им будет очень неудобно... Они тебя всерьез уважают...

— Неудобно? Кому как... — проворчал Сварог. — Думается мне, что Канилла великолепно изобразит мнимое раскаяние, и только... Ладно, не скажу... экспериментаторы.

Помолчав, Яна настороженно спросила:

— Запретишь?

Подумав, Сварог сказал:

— Пожалуй, нет. Продолжай вы простые развлечения в старинном стиле, запретил бы точно, но тут, и в самом деле, что-то интересное. Экспериментируйте уж. Я с вами, конечно, не поеду — все, кроме тебя, мои подчиненные, не стоит ронять авторитет командира. Но попробую...

Яна прыгнула с постели, подбежала к нему и расцеловала. Сообщила:

— Ты у меня чудо!

— Только сейчас заметила? — усмехнулся Сварог. — По большому счету, я...

Он замолчал и повернул голову: на столе размеренно мигала синяя лампочка. Еще, конечно, не настала пора отхода ко сну, но статс-секретарь не стал бы его беспокоить так поздно без особой необходимости.

— Пойдешь? — спросила Яна, прекрасно зная, что означает мигание этой лампочки.

— Конечно, — сказал Сварог, вставая. — Королевская обязанность, сама понимаешь. Статс-секретарь у меня не из шутников...

«Только бы не случилось ничего скверного, — думал он, шагая к двери и на ходу застегивая камзол. — Такое спокойное и безмятежное настроение пришло, жаль, если его испортят очередной тягостной государственной необходимостью...»

Однако вернулся он, улыбаясь. Сказал весело:

— Там прилетела Мара, без всякого предупреждения — ну, это у нее в обычае. На ночь глядя, но все равно... Статс-секретарь говорит, она ничуть не выглядит встревоженной или озабоченной. Я ее приму? Уже распорядился быстренько собрать легкий ужин в Безымянной комнате.

— Мы ее примем, — сказала Яна. — Давно собираюсь с ней подружиться, и все как-то некогда...

«И, слава богу, — в который уж раз подумал Сварог. — Ничего в этом страшного нет, но только их тесной дружбы не хватало... Две твоих женщины, которые тебя неплохо знают и ничуть не ревнуют друг к дружке, будут устраивать девичьи посиделки... Непривычная какая-то ситуация».

— Как ты думаешь, Мара не обидится на нарушение этикета, если я останусь в халатике?

Сварог фыркнул:

— Вот уж кому плевать на все и всяческие этикеты, так это Маре...

— Тогда пошли?

Мара и в самом деле не выглядела ни озабоченной, ни встревоженной. Сидела за столиком в Безымянной комнате, смакуя келимас «Старый дуб». Поприветствовав их, сказала печально:

— Везет вам. Что здесь, что в Хелльстаде — великолепные винные погреба. А у меня на Сегуре оказалось такое убожество — стыдно гостей приглашать. Я, конечно, пытаюсь положение исправить, но пока наладится...

— И молчала, — укорил Сварог, наливая немного и Яне, и себе. — Сказала бы раньше, я бы тебе давно помог.

— И я, — сказала Яна. — От всей души.

— Ну, уж нет, — решительно сказала Мара, прямо сверкнув синими глазами из-под рыжей челки. — Выступать в роли просительницы? Я как-никак королева, и после взятия Дике — не такая уж кукольная. Сама справлюсь. И вот тогда вас в гости приглашу.

Сварог уже видел, что она в отличном настроении. Но все же спросил:

— Ничего не случилось?

— Да что может случиться? — пожалала плечами Мара. — Такая скука... Даже завоевать нечего. Вокруг, куда ни глянь — твои острова. А те необитаемые, что никому не принадлежат — маленькие и скучные, никакой славы не при-

несут. Захватить, что ли, Сегур? Исключительно для того, чтобы натянуть нос этой стервочке Лавинии?

«А ведь не такая уж взбалмошная идея, — подумал Сварог. — Лавиния и в самом деле будет в ярости, так просто не оставит — а у меня военные флоты давно скучают без хорошей драки... С другой стороны, с давних пор Стагар пользуется этакой мрачной славой, как опасное обиталище морских колдунов, которых там и в самом деле хватает... но она, в общем, ничем реальным не подтверждена, кроме старых поверий. В общем, стоит подумать...»

Яна засмеялась:

— Мне, как императрице, такие вещи слышать как бы и не пристало... Но я ничего не слышала.

Мара непринужденно сказала Сварогу:

— Чудесная женщина тебе досталась, а ты наверняка не ценишь, дубина...

— Он мне сегодня подзатыльник дать хотел, — пожаловалась Яна с лукавинкой в глазах.

— От него и не того можно ждать... — сказала Мара.

— За дело, — уточнил Сварог.

— Вздор, — уверенно сказала Мара. — Наверняка сам что-нибудь дурацкое придумал, — повернулась к Яне: — Моя старшая венценосная сестра, разве у вас ноготков нет? Держите его в строгости, а главное — вовремя хватайте за шиворот, когда он попытается ушмыгнуть очередной подвиг совершать — есть у него такая дурная привычка...

«Споются, чертовки, — не без грусти подумал Сварог, глядя, как они смешливо переглядываются. — И нигде от них не спрячешься, даже в Хелльстаде...»

— Послушайте, — сказала Мара, — у вас послезавтра нет никаких серьезных государственных дел?

— Вроде не намечается, — сказал Сварог.

— И у меня тоже, — сказала Яна.

— Это просто прекрасно, — энергично отреагировала Мара. — Ваши государственные дела не чета моим скромным, и потому вы, ручаться могу, забыли, что будет послезавтра? — оглядела их с улыбочкой... — Судя по лицам, забыли...

Яна чуть пожала плечами. Сварог сказал:

— Ну, напомни.

— Да у вас же послезавтра полгода со дня венчания! — выпалила Мара не без превосходства. — И забыли... Это ведь классическая «кружевная свадьба», ее отмечать полагается. Даже в самом что ни на есть крестьянском захолустье. Вот у меня и появилась идея... Никакого шумного застолья. Соберем только Странную Компанию — сто лет не сиживали по-свойски. Собрать их просто — я пошлю виману... Как вам идея?

Сварог с Яной переглянулись, и Сварог сказал:

— Действительно, сто лет не собирались...

— Ну, а я давно хотела посидеть со Странной Компанией, — призналась Яна.

— К тому же это будет не просто пьянка, а «кружевная свадьба», — значительно подняла палец Мара. — Значит, согласны? Вызови какого-нибудь лакея, у тебя наверняка есть звонок...

Усмехнувшись, Сварог тронул золотой шпенек на краю столика. В комнате

моментально появился лакей со сложным золотым плетением на рукаве синей раззолоченной ливреи пониже левого плеча, означавшим, что он состоит не просто при дворе, а при личных королевских покоях. Мара небрежно бросила:

— Позовите моего адъютанта. Он там, в коридоре, в сиреновом мундире, лейтенант.

Лакей вопросительно вперился на Сварога. Тот молча кивнул. Лакей улетучился, и вскоре появился подтянутый, в зеркально сверкающих сапогах офицер с лейтенантскими золотыми лавровыми листьями на мундире. Вытянувшись в струнку, поедая глазами всех присутствующих.

Мара тоном строгого генерала распорядилась:

— План «Звезда» — к немедленному исполнению.

— Слушаюсь, моя королева! — рявкнул лейтенант, безукоризненно четко повернулся через левое плечо, приставил ногу и парадным шагом удалился в коридор.

— Ну вот, — сказала Мара, — сейчас полетит самолет собирать Странную Компанию... ну, то есть вимана в виде самолета, но кто отличит?

— Хорошо ты их вымуштровала, — покачал головой Сварог.

— Как толковой королеве и полагается, — сказала Мара. — Одна беда: влюбился в меня по уши, болван, стишки сочиняет, печальные баллады под Асверуса пробует кропать, однажды даже записку подбросил. Но я его предупредила: если еще раз попробует или будет пялиться влюбленно, или вздыхать, как больной бегемот, уши отрежу. Так-то он дельный и исполнительный, главное — в руках держать...

— А вы ведь отрежете, моя младшая сестра... — смеясь, сказал Яна. — Все рьез...

— Безусловно, — заверила Мара.

И с намеком покосилась на едва початую бутылку «Старого дуба».

Глава IX

КРУЖЕВНАЯ СВАДЬБА С СЮРПРИЗАМИ

Звенели струны сразу двух виолонов — в руках Шедариса и Леверлина. Сварог тоже мог сыграть, не вызывая у слушателей желания дать ему виолоном по голове, — но решил с этими двумя не соревноваться.

*— Семеро нас было,
было нас немало.
Глупый нам однажды
отдали приказ,
одного не стало, будто не бывало —
и шестеро осталось нас...
Шестеро нас было,
было нас немало.
Дельный получили мы приказ.
Одного не стало, как и не бывало,
и пятеро осталось нас...
Пятеро нас было,
было нас немало.
Нам пришлось скрестить
мечи с дубьем.
Одного не стало, как вовсе не бывало,
вот мы и остались вчетвером...*

Давно известно: одну и ту же песню, пусть и грустного содержания, можно петь и как печальную балладу, и как бравурный военный марш. Смотря по обстоятельствам. Сейчас не было равным счетом никаких оснований для печали, наоборот, и музыканты играли браво. И пели браво.

*Четверо нас было,
что не так уж мало.
За дурное дело
биться понесло.
Одного не стало, будто не бывало,
трое нас живыми только и ушло...
Трое нас осталось,
пожалуй, что и мало.
На святое дело
собрались в тот раз.
Одного не стало, словно не бывало,
и двое лишь осталось нас...*

Это была старинная, одна из самых любимых песен Вольных Топоров. Все остальные старательно подтягивали Шедарису с Леверлином. Конечно, выходило у каждого по-своему. Мара и Тетка Чари петь умели, Сварог, в общем, тоже не ударил лицом в грязь. Бони с Паколетом, давно известно, медведь на ухо наступил, — но они старательно возмещали недостаток мастерства усердием и глоткой.

*Двое нас осталось,
нас осталось мало.
Вышли против черта самого.
Одного не стало, как и не бывало,*

*остался я один всего...
Я один остался,
а мне и горя мало.
За кого рубился,
уж не помню сам.
И меня не стало, как вовсе не бывало,
лишь песенка осталась вам...*

Одна Яна не подтягивала, сидела молча — что ее, по глазам видно, заставило самую чуточку взгрустнуть. У нее был хороший голос, и пела она неплохо, но слов «Семерых сорвиголов» не знала. Но все равно ей было весело, она сидела во главе стола, рядом со Сварогом, в роскошном и затейливом вишневого цвета платье, открывавшем точеные плечи, с золотистым кружевным бантом, приколотым справа. У Сварога пониже правого плеча тоже красовался такой — как и полагалось на «кружевной свадьбе».

Отзвучали последние аккорды, зазвенели золотые чарки с хелльстадским гербом Сварога. Он смотрел на храбрых сподвижников, на душе было тепло и покойно — ничего не осталось от потрепанных, запыленных бродяг, когда-то пробиравшихся в совершенную неизвестность, к хелльстадской границе. Таларская королева, король из Вольных Маноров, граф, маркиз и дважды барон Паколет, все остальные — благородные титулованные дворяне, успешные, веселые. Все, в том числе и Сварог, в парадных мундирах гвардейской гран-алы, которой командовал он сам, при имперских и таларских орденах.

И в голове неведомо с какого перепугу вдруг пронеслась мысль: видела бы его сейчас бывшая жена... Впервые за все годы, что прожил здесь, эта мысль навестила. Ни малейшего злорадства он не ощущал, лишь легкое удовлетворение. Возможно, он и чуть позлорадствовал бы — все мы люди, все человеки — останься он на Земле, разойдись с ней и, скажем, выбейся в полковники, получи полк. А так... Слишком высоко он поднялся, чтобы всерьез злорадствовать над дешевой шлюхой. Забыл не только ее лицо, но и имя — он многое забыл, немало помаленьку вымывалось из сознания, потому что возврата к нему не было, его миром на всю оставшуюся жизнь был один, этот...

Все ничуточки не изменились — мушкетеры встречались не двадцать лет спустя и даже не десять, всего-то полгода прошло с тех пор, как Странная Компания гуляла на свадьбе Сварога и Яны, и было что вспомнить. Никто не считает мелочей вроде взятия Дике (в котором участвовали только трое из шести), того, как Мара почистила Пограничье от разбойников, а потом вместе с Шедарисом едва ли не начисто извела в Ямурлаке тамошнюю нечисть. Кто бы такие мелочи считал, когда за спиной три серьезнейших и опаснейших дела, где все до одного могли потерять головы, — операция в Равене, закончившаяся уничтожением Глаз Сатаны, рейд в Море Мрака и Токеранг...

Бони с прежним крестьянским старанием округлял и приращивал доставшуюся ему землю: был теперь властителем уже восьми Вольных Маноров и собирался обзавестись девятым. Самое последнее его приобретение граничило с королевством Шотер, тем самым, чей король на свадьбе у Сварога распищал по карманам немало золотой утвари. На сей раз дело было не в здоровых крестьянских рефlekсах — Бони всерьез решил стать королем королей, пусть и Вольных Маноров. Его армия уже без особых боев продвигалась по означенному королевству — и король Тейл, как докладывала разведка Сварога, на

свое будущее смотрел пессимистически и силы свои оценивал трезво: уже отправил за границу обоз с казной, сбережениями и драгоценностями и готовился со всем семейством и немногими согласившимся сопровождать его приближенными отправиться следом.

Паколет носил четыре дворянских титула по тем же причинам, что и Бони свои — к некоторому удивлению Сварога, он всерьез принялся воевать соседей, занял два соседних Манора и нацелился на третий. Конечно, полководец из него, как из Шедариса балерина, но он обзавелся парочкой нестарых и толковых отставных полковников (не без помощи Гарайлы) и внушительным отрядом оставшихся не у дел Вольных Топоров (не без помощи Шедариса), так что дело шло гладко. Сварогу он с глазу на глаз признался откровенно: все от скуки, просто так сидеть на троне в Вольном Маноре — тоска смертная, тем более что балов он как-то не любит, охота его не привлекает, а фаворитками почти что и не увлекается. Так что война — все же какое-никакое развлечение.

Сварог всерьез подозревал: если так пойдет, парочка в конце концов, чего доброго, захватит и честно поделит пополам все до одного Вольные Маноры. Изгнанные со своих тронов прежние властители по сложившейся уже практике слали слезные жалобы Сварогу, как Высокому Покровителю Вольных Маноров. Всякий раз Сварог подмахивал давно заготовленный его канцеляристами стандартный текст: он весьма сожалеет, но старинное право ваганума никто не отменял. Отменить его может лишь Виглафский Ковенант, да и то, если соберет три четверти голосов. Новых жалоб, как правило, не поступало — все прекрасно знали расклад, сложившийся в Виглафском Ковенанте. Тем, кто в поисках правды добирался до Диамер-Сонирила, принц отвечал опять-таки стандартно: такими вопросами не занимается ни Канцелярия Земных Дел, ни сама императрица, они находятся в ведении исключительно Виглафского Ковенанта (в чем с точки зрения писанных параграфов был абсолютно прав). Так что Бони с Паколетом продолжали резвиться, один тешил исконную крестьянскую тягу к приращению земли, второй боролся со скукой... Имелась, конечно, пара-тройка Маноров, где резвая парочка могла столкнуться с серьезным отпором, — но Сварог не сомневался, что они и с этим справятся, очень уж вошли во вкус и приобрели должную сноровку...

Тетка Чари и Шедарис купили приличный особняк в Латеране, да вдобавок Сварог им отписал имение из королевского домена. Чари из-за крестьянского происхождения, как и Бони, тянуло к земле. В законный брак они так и не вступили — Тетка была привержена церкви Руагату, а Шедарис — Симаргла, и ни один не соглашался проводить обряд по правилам другого. Но им, судя по всему, хорошо и так.

Леверлин давно помирился с отцом, переставшим считать его шалопаем после нескольких имперских орденов и близости ко двору Сварога. Леверлин, закончив полный курс, остался при Ремиденуме «кандидатом факультета» (нечто вроде советского аспиранта) — вот только никто, кроме Сварога и еще пары-тройки человек, не знал, что пишет он не магистерскую диссертацию, а с разрешения Сварога, получив все секретные бумаги, ищет подлинную биографию Асверуса. Книга, конечно, в ближайшие лет двадцать напечатана для широкого читателя не будет, распространение получит лишь в узком кругу, и за облаками, и на Земле, но Леверлин вовсе не одержим честолюбием и не пе-

чалится оттого, что не станет известен как автор очередного сенсационного труда, срывающего покровы с тайн прошлого...

Мара... Ну, земная история ее жизни известна превеликому множеству народа, в том числе и непосвященного. Пользуясь суконным языком советских характеристик — перспективная, растущая королева. А ведь, пожалуй что, и Стагар возьмет, что в первую очередь в интересах самого Сварога...

Шарик в левом кармане его камзола запульсировал так, что это почувствовалось моментально. Никому ничего не объясняя, Сварог встал из-за стола и прошел к двери. За дверью стоял верный статс-секретарь, как обычно, невозмутимый. Подал свернутую трубочкой бумагу и вновь застыл в ожидании распоряжений. Прочитав расшифрованную депешу, Сварог поневоле ухмыльнулся, привычным жестом отпустил секретаря и вошел в комнату, в Рыцарский зал, который он специально выбрал для дружеской пирушки. Быть может, не самое подходящее место, чтобы отмечать юбилей свадьбы, но Сварогу этот зал нравился, Яне тоже, да и Странная Компания себя здесь чувствовала как рыба в воде: рыцарские доспехи в нишах, стены увешаны богатейшими коллекциями оружия разных времен с двух планет, выцветшими знаменами и вексиллумами (трофеи прежних королей, как ронерских, так и снольдерских). Сводчатый потолок, светильники в форме старинных факелов, массивный стол из черного дерева, сделанный нарочито грубовато, с простотой давних рыцарских эпох, такие же кресла — в общем, уютное местечко. Особенно когда за столом не придворные кавалеры и благородные жеманницы, а Странная Компания...

— Тишина! — гавкнул Сварог, и моментально воцарилась тишина. — Всем наполнить чарки, есть хороший тост!

Он не хотел, чтобы под ногами путались лакеи — какие бы они ни были надежные и перепроверенные, вечеринка, можно сказать, домашняя, и лишние уши ни к чему. Тем более кое-что из прозвучавшего уже здесь относилось к событиям, о которых большинство людей на Таларе и представления не имели. Поэтому с самого начала роль виночерпия стал исполнять Паколет. Вот и сейчас он проворно прошелся вокруг стола с большой оплетенной бутылкой, наполняя чарки отличным таромайским вином, самую чуточку густоватым, темно-алым с черным отливом.

Все, в том числе и Яна, выжидательно воззрились на Сварога, а он, взяв свою чарку, остался стоять. Сказал, улыбаясь во весь рот:

— Кто хочет, остается сидеть, но, думаю, все же следует встать. Выпьем за короля королей Вольных Маноров! — и сделал легонькое движение чаркой в сторону Бони.

Загрохотали отодвигаемые тяжелые стулья, встали все, даже Яна, зазвенели чарки, сталкиваясь. Послышались поздравления во всю глотку. Бони со скромным видом раскланивался.

Когда чарки осушили и все уселись, Сварог покачал над столом бумажной трубочкой:

— Только что пришла депеша... Час назад конница его величества без боя заняла столицу Шотера. Король давно бежал, бароны съезжаются выказать почтение новому властелину, хотя его там и нет пока. Бони, я вот одного не пойму... Тут уточняется: король, убегая, выгреб из дворца все ценное, что только умещалось в повозки, а вот корону со скипетром и все Королевские Печати

оставил на прежнем месте... Странно это чуточку... А?

— Да ничего странного, — сказал Бони с хитроватым крестьянским видом. — Еще до того, как мои сорвиголовы поскакали через границу, я ему отправил письмо с гонцом. Сам писал, выучился, а как же, королю положено... В общем, я его предупредил: если только, когда будет удирать, прихватит регалии и королевские печати — под землей найду и самолично... — он сконфуженно осекся, покосился на Яну. — Короче, бяку заделаю...

— Дипломат ты у нас, — сказал Сварог под общий смех.

— Ремесло такое, — потупился Бони.

— И вижу я...

Он вновь ощутил вибрацию шарика, подумал с легкой досадой; ну что за вечер сегодня, непременно должно объявиться что-то срочное, не терпящее отлагательств...

— Сейчас вернусь, — сказал он и вышел в коридор.

На сей раз там стоял Интагар, прямо-таки сиявший от радости — хотя при его бульдожьей физиономии ему следовало бы улыбаться пореже. Он и сам это знал, улыбку обычно пускал в ход на допросах как дополнительное средство убеждения (и отлично действовало, между прочим), но и в обычной жизни не всегда мог сдержаться.

— Ну, что там? — спросил Сварог, уже догадываясь, что произошло нечто интересное (и радостное, несомненно, иначе Интагар держался бы совершенно иначе).

Выслушав короткий доклад, Сварог, как не раз бывало в подобных случаях, бурной радости не ощутил — этакую чуть усталую. Так бывает, когда дело затягивается надолго и успеваешь к успешному финалу перегореть... А поиски шли больше года...

Чуть подумав, он спросил:

— Как он там, хворым не выглядит?

— Ничуть, государь, — сказал Интагар. — Живехонек-здоровехонек, хотя и напуган изрядно, что в его положении не удивительно. Вина просит чуть ли не на коленях...

— Ну, принесите ему, — сказал Сварог. — Бутылочку чего-нибудь полегче, мне он пьяный не нужен. Я приду через несколько часов, когда все закончится, — он кивнул на приотворенную дверь, из-за которой доносились веселый гомон, звон чарок и перебор виолона. — В кои-то веки удалось посидеть со старыми друзьями. Ждали больше года, так что еще несколько часов потеряем.

Интагар склонил голову:

— Слушаю, государь. Можно, я пока легонечко...

— Ну конечно, — сказал Сварог. — Убедите его с помощью вашей неподражаемой улыбки и ласкового обращения, что со мной следует быть полностью откровенным. Ведь крутит легонечко, а?

— Крутит легонечко... Чего-то явно боится.

— Вот и растолкуйте ему, что здесь надо бояться в первую очередь меня, а потом уж всего остального... Идите.

Он вернулся на свое место, и в самом деле не испытывая особенного нетерпения. Однако получилось так, что дожидаться окончания пирушки не пришлось: Яна прошептала на ухо:

— Я бы тут с превеликим удовольствием просидела до утра, раньше ведь не утомонятся?

— Уж это точно, — так же шепотом заверил Сварог.

— Только мне, думаю, лучше уйти, — прошептала Яна не без сожаления. — Я же чувствую, что изрядно их стесняю своим присутствием...

В точку угодила, умница. Не будь ее, давно бы перешли с вина на келимас, и шутки стали бы гораздо вольнее, и песни — фривольнее, и в выражениях можно не стесняться...

Сварог поднял ладонь, и настала тишина.

— Ее величество вынуждена нас покинуть, — сказал он, вставая и подавая Яне руку. — Неотложные государственные дела, сами понимаете, тут двое в королевских коронах да и остальные не дети... Я скоро вернусь.

Яна, обведя всех взглядом, сказала звонко:

— Вы замечательные люди, правда!

Загрохотали стулья — Странная Компания, щелкая каблуками в лучшем гвардейском стиле, встала навытяжку. Да так и стояла, пока за Яной со Сварогом не закрылась дверь.

— Пошли, — сказал Сварог.

Яна чуть недоуменно пожала плечами:

— Зачем тебе меня провожать? Сама прекрасно дойду, спальня недалеко. Тебе ведь хочется повеселиться с ними всерьез...

— И тем не менее придется отлучиться, — сказал Сварог. — Думаю, и ты с превеликой охотой пойдешь со мной к Интагару. Только «личину» надень, чтобы не было лишних разговоров...

— Случилось что-то? — с любопытством спросила Яна.

— Да нет, в общем, — сказал Сварог. — Просто сцапали наконец брата Юло, как ни прятался по закоулкам...

Глаза Яны распахнулись, что называется, во всю ширь души:

— Того, кто знает, где четвертое Воплощение?

— *Якобы* знает, — уточнил Сварог (вдруг придется разочароваться?). — Идешь?

— Ну конечно!

Вечер был поздний, и придворных уже не было — в коридорах одни лакеи и караульные гвардейцы. Все равно они видели не Яну, а ничем не примечательного гвардейского лейтенанта Зеленых Егерей, незнакомого им, но не вызывавшего никаких недоуменных мыслей, — мало ли по какой надобности гвардеец таковой мог оказаться вечером в королевском дворце?

Охранявшие одну из комнат в отведенной Интагару части дворца сыщики в цивильном, увидев Сварога, вытянулись в струнку.

В небольшой, казенного вида комнате сидели двое: Интагар и как раз наливавший себе вина незнакомец: в потрепанной монашеской рясе, невысокий, плюгавенький, почти совершенно лысый, с незначительным, скучным лицом. Увидев его, Сварог даже почувствовал нечто вроде легкого разочарования: *этого* недомерка плюгавого больше года искали по всему Харуму и агенты восьмого департамента, и все тайные полиции Сварога, и все четыре Братства Единого, и даже братья-рыцари из военных орденов Симаргла, тоже не питавшие любви к Князю Тьмы, — тысячи людей сбивались с ног...

Монах отставил бутылку и устался на Сварога с почтительным страхом.

Сварог, оглядевшись, кивнул Яне на расшатанный канцелярский стул, сам уселся на другой. Достал из воздуха сигарету, прикурил, сказал ворчливо:

— Интагар, вы бы мебелишку обновили, что ли, а то сидишь и не знаешь, когда ножки подломятся... Мало я вам денег выделяю?

— Прослежу лично, — заверил Интагар. — Я не думал, что именно здесь...

— Ладно, — махнул рукой Сварог. — Давайте к делу. Как случилось, что этого субъекта больше года не могли найти? Должны быть веские причины...

— Они и сыскались, государь... — ответил Интагар. — И монахи из Братств, и наши люди, и все прочие искали брата Юло... А он уже не один год жил под другим именем... (монашек угодливо покивал). Видите ли... Все как-то забыли про орден братьев парротингов. Самый маленький и захудалый, всего-то три монастыря — в Ронеро, в Снольдере и на Катайр Крофинде. У них одних и принято каждые семь лет принимать новые имена — согласно абзацу в какой-то книге...

— Святой Пригенус, — шелестящим шепотом, явно желая угодить, подсказал монашек. — «О сущности духовной и телесной», глава...

— Это неважно, — сказал ему Сварог. — Продолжайте, Интагар.

— В общем, государь, парротины давным-давно считают, что каждые семь лет телесная сущность человека обновляется полностью — вот и меняют имена. Еретиками их, как мне объяснил брат Кормик из Братства Святого Роха, все же не считают, но относятся без особого расположения, распространения их взгляды не получили, вот и прозябают... Девять лет назад этот вот проказник, состоя в монастыре братьев-синоритов, стянул и пропил несколько серебряных сосудов из монастырской церкви (монашек в ужасе вжал голову в плечи). Ну, быстро выяснилось... Сосуды нашли у трактирщика, выкупили, хотели сначала лишить этого прохвоста сана, но решили не поднимать шума, чтобы не было ущерба для репутации ордена, — у монахов такое тоже случается, не только в обычной жизни... Выставили его за ворота, до конца жизни переводя в странствующие монахи, а все упоминания о нем из монастырских книг вычеркнули. Этот монастырь тоже проверяли, но не было ни строчки о брате Юло... Странствовать до смерти ему не хотелось, он и прибил к парротинам, — Интагар ухмыльнулся. — Во всех прочих орденах проверяют прошлое таких вот гостей, одни парротины, скудные числом, сплошь и рядом принимают кого попало. Через семь лет ему, как у них полагается, переменяли имя, так что он уже два года живет как брат Ксантий, а монастырские книги у них запущены и толком не ведутся. Многие братья-парротины выпить не дураки, хотя и не докатываются до такого, как этот вот... Один из них попался нашему агенту в кабачке, помянул мельком об этой истории — наш тут же доложил, и мы потянули ниточку...

— Что же это вы так, брат Ксантий? — усмехнулся Сварог. — Знаю я иных служителей божьих, что позволяют себе разные... вольности. Все мы — живые люди, даже святой Рох в молодости изрядно покуролесил, но чтобы церковную утварь пропивать...

— Еще лет двести назад на костер бы отправили, — злорадно сказал Интагар. — Мне монахи говорили...

Плюгавый монашек уставился на Сварога с нескрываемым ужасом, явно ожидая для себя самого худшего. Прошелестел, бледнея и потея:

— Ваше величество, черт попутал...

— Ну да, конечно, — кивнул Сварог. — В таких делах всегда черт виноват, а человек — нисколючко... Ну, успокойтесь, брат Ксантий, успокойтесь. Наказывать вас я не собираюсь. Это дело не светское, а церковное, моему суду не подлежит, коли уж вас столько лет назад отпустили с миром, так тому и быть... Налейте себе стакан, если хотите. Интагар, помогите ему, а то он и прольет все, и себя обольет... Да не тряситесь вы так, отец Ксантий, — сказал он мягко. — Наказывать вас никто не собирается, а вот вознаградить по-королевски могу. Выпили? Отлично. Если перестанете трястись как овечий хвост и будете отвечать на мои вопросы толково, велю еще бутылочку принести, да получше, чем этот пиркет для кухонных мужиков... Ну?

Он сам вынул из воздуха бокал с келимасом, сделал так, чтобы второй появился на столике перед Интагаром. Видел краем глаза, что и у Яны в руке появился стакан с вином. Усмехнулся.

— Ну вот, господа мои, как-то незаметно создалась самая непринужденная обстановка... — и сменил тон на более жесткий: — Вот что вы себе накрепко уясните, брат Ксантий... Отвечать на мои вопросы следует незамедлительно и обстоятельно. У меня, как и в любом королевском дворце, сыщутся и подземелья с золотыми, и пыточные. Ну, предположим, в самом дворце пыточных нет, но ехать до них недалеко. Да, имейте в виду: я умею безошибочно определять, когда мне врут.

— Я слышал...

— Вот и прекрасно, — сказал Сварог. — Вы когда-то хвастались в кабаке одному моему... знакомому, что знаете, где обитает Воплощение Воздуха, и что оно собой представляет. Даже какие-то карты ему рисовали на первом попавшемся клочке бумаги. Брехали ради угощения или это правда? Отвечайте!

После недолгой паузы монашек решился:

— Тут правда с брехней пополам, ваше величество...

— Подробнее, — сказал Сварог.

— Карту, что уж теперь, я и в самом деле рисовал ради угощения, — признался монашек. — Ради подкрепления рассказа. Так оно убедительнее. Что оно такое, я знаю... то есть знаю, что говорили отец с дедушкой. Безумный Зодчий. У нас в семье это знание держалось с давних времен, я толком и не знаю, с каких — прапрапрадедушка или кто-то еще постарше... А вот где... Я и знаю, и, получается, не знаю...

Самое любопытное, что он нисколючко не врал. Сварог спокойно, без лишнего нажима спросил:

— И как это понимать — знаете, но не знаете? Странновато звучит...

— Да уж... Только так оно и есть.

— У вас в роду все были монахами? — спросил Сварог, чтобы его разговорить.

— Ваше величество, будь все монахами, как бы продолжался род?!

— Да, действительно, — сказал Сварог. — Тут я недодумал... Дальше. Поконкретнее.

— Все у нас в роду были печниками, Медная гильдия, я первым пошел в монахи... («Наверняка в поисках легкой жизни», — подумал Сварог, но перебивать не стал). И с давних пор, так уж исстари повелось, учились грамоте, читали книги, ученые тоже... Я был самый старший сын... Когда вошел в совершеннолетие, отец с дедушкой мне рассказали... И сделали... Извольте посмотреть

ваше величество...

Он задрал до плеча просторный рукав потрепанной рясы. Сварог, не вставая (комната была ярко освещена, и разделяла их какая-то тройка уардов), наклонился вперед и присмотрелся к щуплой немой руке. Там красно-бурой тушью была довольно искусно наколота татуировка: две недлинных строчки, какие-то символы перемежаются с числами. Где-то он подобное уже видел... Но где?

Монашек продолжал:

— И на другой руке тоже есть, и на обеих ногах... Дедушка был человек предусмотрительный, сказал: мало ли что, бывает люди и без рук, и без ног остаются, так уж, чтобы было надежнее... Это — указание на место, где обитает Безумный Зодчий, только я понятия не имею, что за указание и что за место — ни отец, ни дедушка сами не знали, их отцы и дедушки тоже...

— И что со всем этим следовало делать? Какие наставления вам дали?

— Ждать случая, когда появится подходящий человек, который в этом что-нибудь поймет. Все предки всю жизнь так и делали. Кое-кто из них пару раз показывал татуировки ученым книжникам, я тоже, только никто ничего не мог понять... Хотел как-то пойти к вам, о вас ходили слухи, что вы причастны к смерти двух Воплощений... Но не решился... Прижился как-то в глуши, и уютно там было... Дедушка с отцом говорили, что особо распространиться об этом не следует — могут прозвать и заявиться эти не к ночи будь помянуты, и в лучшем случае, унести надписи вместе со шкурой, а в худшем... — он пере-дернулся. — Ну не подвижник я, ваше величество, чего уж там, мне бы тихонечко дожить где-нибудь в уголке... Да и насчет вашей милости — только слухи...

Действительно. Только слухи. Канцлер по каким-то своим соображениям разрешил сообщить *правду* об участии Великого Кракена и Митгард с ее *дружкой* только четырем Братствам Единого. Весь остальной мир должен был знать одно: с обоими Воплощениями покончено, и точка. Слухи, конечно, поползли, иные из них связывали как раз со Сварогом смерть не только Кракена, но и гигантских морских змеев — но слухами они и остались, о Свароге ходило немало самых разнообразных слухов, и забавных, и жутковатых, и многие из них не имели ничего общего с реальностью. К некоторым он относился равнодушно, а некоторые тайной полицией было предписано строжайшим образом пресекать — иные не просто портили ему репутацию, откровенно порочили в глазах людей, Интагар давно уже подозревал, что их распускают не просто так, не из одной глупости людской, но доказать пока что ничего не мог... Это историю с Глазами Сатаны Канцлер (опять-таки по неведомым Сварогу соображениям) нисколько не секретил, наоборот...

— А больше мне и сказать нечего, ваше величество, — сказал монашек, робко потянувшись к бутылке. — Хоть что вы со мной делайте, а сказать больше нечего...

И ведь не врал... Сварог решительно не представлял, о чем его еще спрашивать, все и так как на ладони.

— Писать умеете? — спросил он.

— Как все в роду, государь, грамотен...

— Интагар, — сказал Сварог, — устройте нашего... гостя где-нибудь в отдельной комнатке, под дружеской опекой... — он бросил Интагару многозна-

чительный взгляд, и тот понятливо кивнул. — Кормить, поить... Впрочем, вином пока что не особенно баловать. Дайте бумаги, чернил и стилос, пусть завтра же подробнейшим образом напишет все о своем роде — точнее, о *знании*, которым род обладал. Все, что только сможете вспомнить, брат Ксантий. Понятно вам?

— Конечно, конечно...

— Когда напишет все, тогда дадите и вина получше, — продолжал Сварог. — Успокойтесь, брат Ксантий, я кое-что проверю и, если вы принесли пользу, без награды не останетесь...

Он встал, и за ним поднялась Яна. Интагар самую чуточку растерянно спросил:

— А... дальше?

— А дальше я буду думать, — сказал Сварог. — Всего наилучшего!

Они медленно пошли по коридору. Как обычно в эту пору, половина светильников уже не горела, а телохранителей на постах тоже, как обычно, прибавилось.

— А я ведь вспомнила, где уже видела такие знаки, — сказала Яна тихо.

— Я тоже, — сказал Сварог. — Примерно с помощью такого же кода ты через мой компьютер в Вентордеране улизнула в Заводь с озерным чудовищем. То же сочетание символов и чисел, часть символов схожа... Разве что здесь две строчки, а не одна, но количество символов-чисел то же самое — пятнадцать. Очень похоже, дорога лежит через мой компьютер...

— Очень похоже, — согласилась Яна. — Я, правда, до сих пор не возьму в толк, каким образом те символы попали из Хелльстада в книгу, написанную тысячу лет назад...

— Попали как-то, — сказал Сварог. — А как они попали к предкам этого типа? Помнишь, я тебе рассказывал: кроме мэтра Лагефеля у Фаларена был и второй придворный?

— Ну, конечно. Тот, что сразу после... сбежал через компьютер? А значит, умел с ним обращаться...

— Безусловно, — сказал Сварог. — Кстати, я его давненько объявил в тайный розыск, рожу запомнил прекрасно, но пока не нашли — забился куда-то, надо полагать. Надо потом тебе попробовать, может, Древний Ветер поможет. Не нравится мне, что где-то разгуливает человек, обладающий кое-какими знаниями о моем компьютере... Я сейчас о другом думаю. А что, если у этого чертова беглеца были предшественники? Иначе никак не объяснить, почему такие знания оказывались в большом мире, к книжникам попадали, таким вот потомственным печникам... Вообще-то можно подыскать и другие версии, но нет смысла ломать над ними голову, все равно получатся чистейшей воды умозаключения, фактами не подкрепленные...

— И что теперь делать? Проверить, конечно? Ты ведь должен был знаки запомнить накрепко, раз не стал записывать.

— Накрепко, — сказал Сварог. — Вот завтра утром и полетим в Хелльстад, если тебе интересно...

— Еще бы!

— Завтра утром, — повторил он, подумав. — Смысла не вижу немедленно нестись туда сломя голову. Как думаешь?

— Точно так же.

— Значит, мы с тобой повзрослели, — хмыкнул Сварог. — Лет несколько назад я немедленно вызвал бы виману и очертя голову помчался в Хелльстад, да и ты тоже. А теперь оба прекрасно понимаем: то, что ждало несколько тысяч лет, может подождать еще одну ночь. Так что... Тьфу ты!

Он встал как вкопанный, взял Яну за локоть, остановил. Как-то незаметно они свернули на Ажурную лестницу, прозванную так за то, что когда-то была целиком изготовлена из чугуна искусным мастером — ну, не вся целиком, конечно, по частям, которые потом собирали. Ажурные, несказанной красоты перила... ступеньки, правда, сплошные, чтобы не проваливались каблуки сапог, башмаков или дамских туфельек...

— Давай-ка вернемся и пойдем другой дорогой, — сказал Сварог.

— А что такое?

— Последняя неделя Фиона, перед Календами, — сказал Сварог. — Все дворцовые призраки, сколько их ни есть, вылезают... И не только они. Мы на той самой площадке, откуда можно увидеть...

И замолчал. Это и называется, накликал. На один лестничный пролет ниже, на такой же широкой площадке, неведомо откуда появилась она, Алая Плясунья — молодая, красивая черноволосая женщина в пышном алом платье, принадлежавшем неизвестно какой эпохе, — ни один книжник подобного платья не нашел ни в одной стариной книге...

Сварог ее уже видел однажды, мельком, издали — и сразу ушел, чтобы не испытывать судьбу, памятуя все, что о ней говорили, и как-то не горя желанием проверить это на практике...

Как и в первый раз Алая Плясунья, то ли и в самом деле не замечая их, то ли притворяясь, принялась танцевать под слышную только ей одной музыку: грациозно, поднимая над головой согнутые руки, медленно вертясь волчком и выписывая незнакомые пируэты. Какое-то время смотреть можно, но следует побыстрее уходить: все старинные поверья сходятся на одном — как только и ты начнешь слышать эту музыку, тут тебе и конец. И ведь бесследно исчезали во дворце, пусть и редко, и титулованные придворные, и лакеи...

— Пошли отсюда, — сказал Сварог. — Ты про нее не могла не слышать...

— Подожди, — сказала Яна, оставаясь на месте и с любопытством разглядывая Алую Плясунью. — Подожди, это очень интересно...

И вдруг преспокойно шагнула на ступеньку ведущего вниз пролета. Высвободила локоть из пальцев кинувшегося следом Сварога, не оборачиваясь, подняла согнутую в локте руку:

— Мне это ничем не грозит. Честное слово. Стой спокойно!

Он все же метнулся следом — и наткнулся на незримую преграду — Яна, конечно... Бессильно выругался про себя: он ничего не мог, ровным счетом ничего, оставалось только стоять и смотреть...

Яна преспокойно спускалась вниз. К его несказанному удивлению, Алая Плясунья, когда Яна оказалась на той же площадке буквально в паре шагов, вдруг перестала танцевать. Стояла, опустив руки, — и у Сварога создалось впечатление, что Яну она видит... Мысли суматошно скакали в голове: Яна давно перестала устраивать всякие взбалмошности, если уж она так уверена в себе, быть может, и обойдется... Что он, в конце концов, знал о Древнем Ветре? Всего ничего...

Яна и Алая Плясунья стояли, глядя друг другу в глаза, а сверху на них бес-

сильно смотрел Сварог, повторяя про себя, как заведенный: лишь бы обошлось, лишь бы обошлось...

Странно: они не произнесли ни слова, их губы не шевелились, но все равно отчего-то казалось, что они беседуют...

Он не знал, сколько времени прошло в мучительном ожидании. Внезапно Алая Плясунья стала медленно отступать, медленно пятиться — и вдруг исчезла, как не бывало. Яна посмотрела на него, спокойно сказала:

— Пошли, она не вернется... ну, по крайней мере, сегодня.

Он сбежал по лестнице, заранее зная, что невидимой преграды больше нет.

— Не надо на меня смотреть так укоряюще, — сказала Яна. — Могу тебя заверить: мне она ничего не сделала бы. Тебе — вполне возможно. А вот против Древнего Ветра она бессильна...

— Вы что, говорили? — спросил Сварог оцепенело.

— В каком-то смысле... — сказала Яна. — Не словами и не мысленно, но — в каком-то смысле... Не могу объяснить точнее, слов таких нет...

— Что она такое?

— Я не поняла до конца... Не человек, безусловно. Но и не нечистая сила.

— А люди пропадали...

— Верю, — сказала Яна. — К людям она бывает недоброй, похоже, это ее натура. И ее не переделаешь. Самое интересное, она — не отсюда.

— А откуда?

— Я не смогла понять, — пожала плечами Яна. — Но точно не из нашего мира. Знаешь, она заблудилась, вот это я поняла, и ошибки быть не может. Заклубилась где-то между мирами, меж временами, меж реальностями... Я так и не поняла до конца. Но она заблудилась. Очень, очень давно. И не знает, как ей вернуться назад. Ее гложет тоска...

— Ага, — сердито фыркнул Сварог. — А она от гложащей тоски гложет других...

— Какая уж есть, — сказала Яна. — Решительно не представляю, как ее вернуть туда, откуда она пришла, или изгнать. Говорю тебе: это не человек и не нечистая сила, что-то другое... Продолжайте обходить ее стороной, коли уж с ней ничего не поделать, вот и все. Пошли?

«Черт знает что, — сердито думал Сварог, вспомнив Радужного Демона. — Какая только нежить не шляется по моим землям: пережившая свои времена на миллион лет, заблудившаяся на неких неведомых тропах...»

— Я пойду спать, а ты иди к ним, — сказала Яна. — Тебе же хочется... Там сейчас, подозреваю, самое веселье...

Она оказалась права: когда Сварог вошел в Рыцарский зал, Паколет разливал уже келимас, а Шедарис, перебирая струны, горланил «Балладу о путнике и Прекрасной мельничихе» — как говорится, детям до шестнадцати... Сев на свое место, он кивком поблагодарил Паколета, тут же наполнившего его чарку келимасом, и постарался отрешиться от всех забот.

Глава X

НА ДАЛЬНИХ ПОДСТУПАХ

Конечно, им с Яной было тесновато вдвоем внутри небольшого цилиндра с янтарно-желтой поверхностью, где стены сплошь покрыты неярко светившимися алыми, синими и зелеными квадратами со всевозможными знаками, буквами алфавитов Аугел и Дарант, рунами и цифрами. Но ничего не поделаешь.

Сварог коснулся указательным пальцем алого квадрата с буквой «ро». Вертикальный участок стены перед ним, полоса от пола, до потолка шириной в локоть, покрылась россыпью новых знаков, букв и цифр — но они давно уже не казались россыпью разноцветной абракадабры. Сварог со своим компьютером освоился вполне.

Волновался он лишь самую чуточку — сердце не заходило, не колотилось. Вариантов всего два — либо получится, либо нет — к чему волноваться? Неторопливо набрал комбинацию из пятнадцати символом и цифр, первую из строчек татуировки — и совсем не удивился, когда часть цилиндра стала дверью в иной мир, где стоял ясный солнечный день и белели стволы деревьев. Там царила покойная тишина, даже птиц не слышно.

Легонько отодвинув Яну, он шагнул на ту сторону первым, на ходу нажав застежку и выхватив Доран-ан-Тег из придуманного им и сделанного хелльстадскими заводскими автоматами чехла — некоего подобия пистолетной кобуры, в которой помещалось лезвие топора с верхней третью рукоятки. Встал в двух шагах от двери, держа топор наготове, чутко прислушиваясь и пустив в ход все свои умения.

Дверь выходила на пологий склон, заросший белыми деревьями с коричневатыми поперечными отметинами на голых стволах. Кроны зеленели высоко над головой, будь отметины не коричневыми, а черными, деревья как две капли воды походили бы на березы. Он не почувствовал ни черной магии, ни чьего-либо присутствия поблизости. Яна встала рядом, плечом к плечу, с любопытством оглядываясь. Вот только ничего примечательного здесь не было: куда ни глянь — пологий склон и деревья, заслоняющие окружающее. Не дремучая чащоба, вполне могут проехать конные, но и не такое уж редколесье. Высокая зеленая трава под ногами ни о чем не говорила: что-что, а курс ботаники ему никогда не вкладывали в голову, и из всего неисчислимого многообразия трав он мог безошибочно опознать не более полудюжины знакомых.

— Лично я представления не имею, куда мы попали, — признался он честно. — Может, у тебя лучше получится?

Яна сделала шаг вперед, вытянула перед собой руки со сжатыми ладонями, медленно их развела, подняла ладони и замерла в этой позе. Далеко справа беззаботно засвиристела какая-то птица. У соседнего дерева Сварог видел большой гриб, как две капли воды похожий на подберезовик, — уж в грибах-то он разбирался, частенько бегал за ними в детстве в ближний лес. Вот только потом очень редко удавалось выбраться в места «тихой охоты» — а в монгольской степи, разумеется, никаких грибов не было...

Яна пошевелилась, опустила руки, сказала будничным голосом, как о самой обыденной вещи:

— Ясно одно: это не Заводь. В Заводях я всегда чувствую *пределы*. А здесь никаких пределов нет. Это планета, и никак иначе.

Сварог пожал плечами:

— Сколько меня носило по Талару, не помню таких деревьев... Там, откуда я, росли в точности такие грибы, но вот таких деревьев не было. Очень похоже на березу, но не береза...

— Ну конечно! — воскликнула Яна. — Мне бы сразу догадаться... Я подсознательно ждала чего-то диковинного, вот и настроилась соответственно... — она кивнула на ближайшее дерево, как и береза, кое-где покрытое прозрачными отслоившимися полосочками верхнего слоя коры. — Сделай затес, чтобы полностью снять кору, только небольшой, чтобы дерево не губить...

Сварог примерился, взял топор за древко у самого обуха и в секунду сделал затес величиной с ладонь. Открылась древесина в красивых, замысловатых бело-желтовато-коричневых узорах, отлично ему знакомых.

— Сильванская горная береза! — воскликнул он.

— Она самая, — кивнула Яна. — Прямо-таки напрашивается вывод, что мы на Сильване. На *нашей* Сильване — ведь проникать на Соседние Страницы твой компьютер не может...

— Не может, — согласился Сварог. — Тьфу ты, сколько здесь живу, а на Сильване впервые в жизни... Значит, *первая* строчка ведет на Сильвану... Но есть еще и вторая...

— Совет можно?

— Ради бога.

— Я бы, не закрывая дверь, попробовала вторую строчку, — сказала Яна. — Почему-то кажется, что так и надо...

— Верю, — сказал Сварог. — У самого сколько раз случались толковые озарения... Пошли?

Они вернулись в янтарный «стакан», стояли, тесно прижавшись друг к другу (что обоим ничуть не угнетало, наоборот), и Сварог нажимал очередные клавиши.

Результат обозначился моментально: *дверь* на миг заволокло сизым непроницаемым туманом, а когда он рассеялся, пейзаж оказался совершенно другим: равнина вместо высокого склона, такой же, не особенно густой и не особенно редкий лес — только вместо сильванской горной березы какие-то неизвестные деревья: стволы покрыты сероватой, ноздреватой корой, высокие узколистые кроны начинаются примерно на середине ствола, уардах в пяти над головой! Сварог вышел первым, и, не теряя времени, сделал на ближайшем дереве широкий затес — самая обычная древесина, желтоватая, с тоненькими чуть неправильными кругами годовых колец. Вполне возможно, такие деревья росли на Таларе или Сильване, но он знал далеко не все, нужды не было, практической потребности...

Не теряя времени, попробовал кое-что из того, чем владел. Сигарета исправно появилась меж пальцев, и на кончике пальца зажегся огонек. Еще один мысленный *толчок* — и под ноги ему упал круг копченой колбасы. Так, магия ларов здесь работает исправно, ничего удивительного — здесь не Хелльстад. А вот хелльстадскую магию пока что не на чем и не на ком проверить, выясним в процессе...

Яна уже стояла рядом, разведя руки тем же жестом, что и в прошлый раз.

Сварог сосредоточился. Так... Давным-давно вложенное ему в голову чутье на опасность молчало — не было поблизости ни опасности, ни угрозы. Пока. А вот другое... Черной магии, вообще магии не чувствуется, но пришло ощущение не из приятных: в ноздри лез густой, отвратительный запах падали, словно неподалеку давненько валялся дохлый зверь... или мертвый человек. Сварог побыстрее отключил это умение, все равно не мог догадаться, что чувствует... Обернулся, услышав рядом сдавленный вскрик, тревожно взял ее за локоть:

— Что, Вита?

Яна чуть побледнела, по лицу катились крупные капли пота, взялась рукой за горло, сделала такое движение губами, словно ее вот-вот стошнит. Сказала, бледно улыбаясь:

— Ничего страшного, но лучше вернемся... Противно...

Они вернулись в цилиндр, а из него — в тронный зал.

Дверь Сварог не закрывал, только поставил невидимую «решетку», которую не смогла бы проломить средних способностей нежить или нечисть. А если полезет что-то посерьезнее, Вентордеран на многое способен...

Они уселись в кресла неподалеку от трона. Сварог с радостью видел, что Яна, похоже, оклемалась, вульгарно выражаясь — и румянец на щеки вернулся, и пот пропал, и лицо уже не страдальческое... И повторил:

— Что, Вита?

Яна сердито покрутила головой:

— Я хотела осмотреться... Это, конечно, Заводь — там есть *пределы*. Вот только тут же навалилось что-то такое, чему и слов не подберешь, отвратительное, мерзкое, я боялась, начнет тошнить... Не пойму, что это такое. Но поиск мне там вести будет нелегко. Какое бы сравнение подыскать... Извини, если придется употреблять грубые слова...

— Не помру, — скупно усмехнулся Сварог. — Не девица из пансиона для благородных...

— Представь большое озеро, наполненное не водой, а дерьмом, гноем и прочими омерзительными жидкостями. Представь, что тебе в нем долго нужно плавать и нырять, причем то и дело набираешь полный рот этой дряни... — ее передернуло. — Омерзительно, но непонятно...

— Есть подозрения, — сказал Сварог, чувствуя, как сводит лицо в злую гримасу. — *Похоже*, он здесь. Я тоже чувствую нечто вроде запаха падали и не могу определить, что это такое. У меня нет заклинаний, способных определить близость, вообще наличие Воплощения... А твой Древний Ветер, значит, именно так и реагирует... Послушай, ты можешь вести поиск, «отключив» часть способностей? Тех, что вызывают эти мерзкие ощущения?

— Не могу, — сокрушенно сказала Яна. — Дор Террах нельзя «отключать», ни совсем, ни какую-то частичку...

— Мне проще... — угрюмо буркнул Сварог.

Ее лицо стало упрямым, решительным, злым — с такими идут в атаку.

— Ничего, это не смертельно, — сказала Яна. — Ну, выворачивать будет, ну, ощущения будут мерзейшие... Я эту Заводь исследую подробнейшим образом, если нельзя иначе, если нужно для дела, переживу...

— Нет смысла тебя мучить, Яночка, — мягко сказал Сварог. — Ты забыла, сколько полезных вещей сыщется в нашем хелльстадском семейном хозяй-

стве... С темнотой я туда запущу парочку Золотых Шмелей, а если они вернутся из ближней разведки целыми и необнаруженными, брошу туда всю ораву, а она очень даже немалая. До утра, если все пройдет гладко, нарисуют полную картину, — и добавил предусмотрительно: — Вот только, если получится, — он откровенно сплюнул через левое плечо, — для Канцлера придется выдумать другое убедительное объяснение. Не стоит ему знать слишком много о наших семейных тайнах, а?

— Не стоит, — кивнула Яна, улыбнувшись наконец почти весело.

— До темноты всего-то пара часов, — сказал Сварог. — Если Шмели справятся...

Они справились...

...Канцлер чуточку задерживался, и они, включая Яну, довольную разрешением курить в открытую, пускали дым. Курил и четвертый член узкого совещания, лорд Стаффан, граф Тоунир, человек лет сорока с тонким лицом профессора математики (только очков в золотой оправе не хватало для полного сходства, но очки здесь никто не носил, кроме Элкона, продолжавшего из неизжитого целиком прежнего выпендрежа носить круглые очки, в каких ходят таларские книжники, — но с простыми стеклами, разумеется).

В прошлый раз, когда Сварог впервые в жизни увидел Стаффана, Канцлер его отрекомендовал как начальника третьего стола своего кабинета — и никаких пояснений давать не стал. Однако Сварог — как-никак не два года по третьему — быстро догадался, что собой представляет третий стол: знаменитая личная разведка Канцлера, о которой до сих пор ничего неизвестно (в компьютерные сети Канцлера Сварог, исполняя обещание, не лазил — в конце концов, Канцлер частенько закрывал глаза на кое-какие откровенные нарушения Сварогом законов, вроде врученного Интагару компьютера, так что играть следовало честно — ну, почти честно, кое-что утаивая от Канцлера, как тот, без сомнения, кое-что утаивает от Сварога).

Стаффан ему нравился как профессионал — каковые качества продемонстрировал очень быстро, когда обсуждались наметки широкого агентурного проникновения на Ту Сторону. Идеи у него были толковые: малыми партиями, но в большом количестве, распродать в разных местах драгоценные камни, золото, платину, чтобы получить настоящие немалые деньги (как выяснил Элкон из телепередач на темы экономики и торговли, там есть вполне легальные рынки и того, и другого, и третьего). Попытаться купить гостиницу у замка — идеальное место для постоянной базы. Стаффан высказал немало дельного о путях распространения агентурной сети, о ключевых точках, куда следует внедриться. И поддержал идею Сварога насчет предметов, которые нужно закопать там, а потом посмотреть, найдутся ли они здесь. Единственный способ убедиться совершенно точно, прошлое там или все же Соседняя Страница. Сварог согласился без всякого отпора: нельзя строить версии, основываясь на одних песнях...

Вошел Канцлер, как обычно, невозмутимый, подтянутый, сел в свое кресло и вытащил трубку:

— Извините, ваше величество, господа — дела немного задержали... Я весь внимание.

Яна со Сварогом обговорили все заранее — и сейчас она уверенно сказала:

— С моим даром и еще кое-какими методами Дор Терраха я выяснила — в

той Заводи обстоит сложнее, чем обычно. Подробности я опущу: подробно рассказывать вам о Древнем Ветре — все равно что мне слушать долгую лекцию профессора касаясь А-физики. Я думаю, обойдемся без ненужных подробностей? (Канцлер склонил голову). Если вкратце, все обстояло так: я рассказывала и рисовала, а мой муж и граф Элкон делали компьютерную реконструкцию. В любом случае *полная* картина у нас есть, — она кивнула Сварогу.

Сварог пересел к овальному столу, положил на него портсигар-компьютер, вывел на столешницу световую клавиатуру. Сказал спокойно:

— Все внимание на эту стену, господа. Отлично подходит, чтобы вывести на нее экран. Итак... — он зажег карту и взял световую указку. — Это Заводь. Деревья, кстати, опознаны, обычная разновидность тополя, растет и на Таларе, и на Сильване... Заводь из тех, где не бывает ни солнца, ни звезд, так что выглядит все так, будто днем там постоянные сумерки. Чуть неправильный вертикальный прямоугольник. Ради точности — трапеция, но короткие стороны почти что и не отклоняются от прямой, так что все же ближе к прямоугольнику... Короткие стороны — примерно по восемьдесят лиг, длинные — примерно по четыреста. Я думаю, такая точность сейчас не нужна, обойдемся приблизительными размерами? Заводь обитаемая, обитатели ничуть не отличаются от людей, как видите. Уровень развития невысокий — огнестрельного оружия не видно, нет ни электричества, ни паровых машин. Вооружение — мечи, копья, стрелы. Транспорт — конные повозки, на реке — парусные кораблики и весельные лодки. Рыбаков много, охотников тоже, — он повел по карте синим лазерным лучиком. — Вот здесь, на полуночи, в левой половине — место, которое я не могу назвать иначе, как столицей. В центре — большой замок, во многом похожий на те, что были на Таларе в старые времена, а кое-где и сейчас встречаются. Вот он. Вокруг самый настоящий городок со всевозможными мастерскими и ярмарками. Население, по нашим прикидкам — тысячи три человек. Вот виды сверху.

Он не видел ни на одном из лиц и тени подозрения. Элкон с помощью Обезьянов немало постарался, чтобы сделанные Золотыми Шмелями видеозаписи, точнее, их кадры как две капли воды походили на компьютерную реконструкцию, и, приободрившись, продолжал:

— И городок, и замок там в единственном числе. Значит, несомненно, один-единственный правитель. Нравы незатейливые, расцветом гуманизма и не пахнет: как видите, на площади и плаха устроена, и виселицы... Желтые точки — деревни, мы насчитали не менее восьмидесяти. По первым грубым прикидкам, в самой маленькой живет не менее двухсот человек, в тех, что покрупнее, может оказаться и до пятисот, а то и побольше. Деревни занимают главным образом левую половину Заводи. Обратите внимание на их расположение: чем ближе к полуночи, тем гуще они расположены, соответственно, чем ближе к полудню и правой половине, тем реже. Вот здесь и здесь, на довольно больших пространствах, разбросаны вовсе уж редко. Сельское хозяйство и садоводство очень развито: много пашен и садов. Вот... И вот (профессор Марлок, поглядывая на него вполглаза, положил на колено свой уже знакомый Сварогу компьютер, серебристый пенальчик, пальцы забегали по клавиатуре) довольно большое по тамошним меркам войско: вот это — казармы, императрица видела там и по всем обитаемым местам всадников в кольчугах. По моему собственному королевскому опыту я бы предположил, что воинов

что-то чересчур уж многовато при отсутствии внешнего врага... Определенно многовато.

— Стойкие бунтарские традиции? — предположил Канцлер.

— Пока не знаем, — сказал Сварог, — если и так, чисто техническими средствами не определить... Примерно две трети правой половины и часть полудня слева занимают леса. К ним особенно императрица не приглядывалась, но мы знаем, что там полно живности — и что-то наподобие оленей, и крупные хищники. Там охотятся. А теперь наиболее интересующее нас место — примерно треть правой половины. Нечто вроде котловины, лежащей уардов на двести ниже уровня земли всей Заводи. Откосы кое-где достаточно отлогие, спуститься при желании можно... Но вряд ли тамошние жители это делают: к Откосу, как мы его называли в рабочем порядке, нет дорог. В котловине кое-где — леса, она кишит зверьем одной-единственной породы. Вот изображение. Неприятные твари, этакая помесь силванской гиены с каталаунской рысью. Несомненные хищники. В глубине котловины — горная гряда, не такая уж высокая, человек в нескольких местах там вполне в состоянии пройти. Осталось самое интересное. За грядой, так сказать, в уголке Заводи — снежная равнина площадью примерно в сто югеров. Вот только снег — а это чертовски похоже на снег, по заверениям ее величества — не белый, а алый. И посередине... мы так и не подобрали ему названия. Дом не дом, замок не замок... Строение. Вот довольно точная реконструкция, вид с разных сторон...

Он замолчал, сел и закурил, чтобы дать им возможность налюбоваться вдоволь — впрочем, любоваться там было нечем. Профессор Марлок, покосившись на Яну, пошевелил губами, и осталось стойкое убеждение, что он выругался про себя, длинно, затейливо (в отсутствие дам он был мастак).

Сварог его прекрасно понимал: он и сам, просматривая записи Шмелей (подобравшихся довольно близко и заснявших *строение* примерно с половины его высоты), выругался — такие уж эмоции *это* в первую очередь вызывало. И желание крыть матом, и некое подсознательное отторжение, и даже легкое отвращение, пожалуй...

Такое впечатление, что архитектор и строители с начала и до конца, от первых эскизов до «сдачи под ключ» пребывали то ли в белой горячке, то ли всеми возможными способами употребляли неслабые наркотики, во много раз превосходящие тот нехитрый ассортимент, что имелся на Таларе и на Сильване. Нечто несуразное, нелепое, гротескное, уродливое. Напоминавшее пучок на разную длину сгоревших свечей, причем не только круглых — прямоугольники, треугольники, башни вовсе уж идиотских очертаний, дающие в сечении то цветок, то подобие шестеренок. Можно еще предположить, что архитекторов было десятка три: один возводил что-то одно, приходил другой и лепил рядом нечто совершенно не гармонирующее с прежним, ему на смену являлся новый, так они шли длинной вереницей, пока не закончили. Скопице разных по высоте башен и строений, окна разнообразной формы, вплоть до треугольников, вогнутых и выпуклых ромбов, десятка три крыш — и ни одна не повторяет формой и материалом остальные: черепица, крашенные доски, какая-то разноцветная чешуя. Вдобавок выкрашено строение в разнообразнейшие краски — режущие глаз пестротой и несовместимостью колеров. Этакая какофония, только не в музыке, а в строительном деле. Кое-где из стен и башен выступают полуovalы, круглые пузыри, без складу и ладу разбросан-

ные балкончики — иногда на глухих, без дверей и окон стенах.

— Вот такая там архитектурная достопримечательность... — сказал Сварог. — И последнее. Рядом, как видите, не такое уж маленькое строение без всяких выкрутасов — дом как дом, только архитектура незнакомая. И еще одно, крайне интересное: длинный навес, а под ним прямо на снегу — как видите, десяток самых обычных корабликов, не особенно и больших: дощатые, с палубой и мачтой без паруса, но с нижней и верхней реями... Вот собственно, и все.

Какое-то время царило молчание. Потом Канцлер сказал, морщась:

— Действительно, строителя такого иначе как Безумным Зодчим и не назовешь... Погань редкостная.

— Хозяину, возможно, нравится... — покривил губы Стаффан. — Но и в этом случае он крайне не нравится *мне*... Ваше величество, вам не удалось с помощью ваших способностей проникнуть внутрь этого архитектурного бреда?

— Не получается, увы... — чуть пожала плечами Яна.

Ну, естественно, Сварог не рискнул посылать Золотых Шмелей не то что внутрь, но и запретил приближаться очень уж близко...

— А вы, лорд Сварог, что скажете? Как хелльстадский король?

— Попробовать можно, — сквозь зубы сказал Сварог. — Но издали я не могу, мне нужно подойти к дому вплотную... Кстати, господа, вы обратили внимание? У этого бреда вполне приличная на вид парадная лестница, самая обычная, широкая, со статуями зверей вместо перил. И обе створки парадной двери гостеприимно распахнуты настежь... Я бы предположил, что от гостей там не запираются, наоборот. Вот только что происходит с гостями, гадать не берусь...

— Что происходит с мышью в мышеловке... — проворчал профессор Марлок.

— Вот и у меня впечатление, что гостей там не кормят яствами и не поят выдержанными винами, — усмехнулся Сварог. — Как-то решительно не сочетаются этот милый домик и душевное хлебосольство...

Марлок полностью был поглощен своим компьютером. Стаффан спросил негромко, без выражения:

— И все же нет точных доказательств, что там четвертое Воплощение?

— Нет, — сказал Сварог. — Ни императрица, ни я не можем определять наличие такового...

— Нужно будет потом порыться в архивах, — сказал Стаффан. — Мне смутно помнится, что в старых крестьянских сказках были упоминания о летучих кораблях...

— В Каталлауне их и сейчас рассказывают, — уточнила Яна.

— И я что-то такое слышал краем уха, — сказал Сварог.

— И я, — кивнул Канцлер. — Ну, летучие корабли не самое удивительное, с чем можно столкнуться... и приходилось сталкиваться. Учитывая полное отсутствие воды на десятки лиг вокруг, нельзя исключать...

— Ох, вы все не о том... — поднял глаза Марлок. — Есть вещи любопытнее. Я тут быстренько подсчитал, не в первый раз приходится... Перепроверил — вывод тот же. Пашен и садов недостаточно, чтобы обеспечить едой столько населения. Это не гипотеза, а точный расчет. Я повидал несколько Заводей — там совсем другое соотношение населения и урожайных земель. Они

давно должны были выловить всю рыбу и все зверье, вплоть до хищников; там должен стоять голод...

— Самое интересное, что императрица ничего такого не заметила, — сказал Сварог. — Наоборот. Все выглядят вполне здоровыми, сытыми, ничуть не похожи на вырожденцев. Вот кстати, хотя это и не имеет отношения к делу... Меня всегда занимало: почему население в тех Заводях, куда меня заносило, не выглядит вырожденцами? Даже при недостатке еды — ограниченное число людей на небольших территориях. Причем живут они там тысячи лет. По всем законам биологии давно должны были начаться близкородственные браки, а это непременно сказалось бы на внешнем виде. Но ничего подобного я не видел...

— Никто еще не разобрался почему, — буркнул Марлок. — Мы очень мало и недолго занимались Заводями, — он покосился на Канцлера с явным намеком, даже укором.

— Ну да, — спокойно сказал Канцлер. — У меня к Заводям такое же отношение, как к Древним Дорогам — от них тоже ни пользы, ни вреда, чтобы тешить чисто научное любопытство, нет ни людей, ни потребности, простите великодушно, профессор. У вас у самого не хватает времени...

— Не хватает, — буркнул Марлок.

— Вот видите... На моей памяти лишь однажды случился *прорыв* — но это были всего-навсего лихие пираточки из Коргала? Успели захватить пару-тройку кораблей на Ителе, а потом проход к ним закрылся так же необъяснимо, как возник... Ну, и тысячи две лет назад из одной из Заводей выбралось какое-то чудище, не особенно и серьезное — когда прилетели наши, крестьяне уже успели его ухайдакать. С полдюжины, правда, сожрало и покалечило, но это, по большому счету, такие мелочи...

— Еще одна подробность, — сказала Яна. — Я женщина, и меня гораздо больше интересовали не те подробности, что, скажем, *мужа*. Они ненормально *много* рожают. У них *слишком* большие семьи даже для крестьян. И в городке то же самое. И беременных ненормально много, я попросила у себя в Кабинете посмотреть кое-какую статистику по Талару и Сильване. Меня и заверили, что я не ошиблась — это именно аномалия. И женщины, и дети выглядят сытыми, ничуть не голодающими.

«Вот черт, — подумал Сварог. — Я тоже все это видел, но как-то отодвинул в уме на задний план...»

Профессор Марлок раздраженно фыркнул:

— Еще более странно. Им должно *не хватать* продовольствия, но они живут так, словно все едят досыта. Примерно та же картина была в Токеранге — но там-то были синтезаторы...

— Ни следа высоких технологий, — покачал головой Сварог. — Разве что все старательно укрыто в каких-то подземельях, незаметных при наших методах наблюдения...

— Тысяча извинений, что я вмешиваюсь, — сказал Стаффан. — Все это очень интересно, обсуждать и строить гипотезы можно до бесконечности... Но вот что нам дальше *делать*?

«Ну наконец-то», — подумал Сварог, ожидавший этого вопроса.

— Сделать тут можно только одно, — сказал Сварог, пожав плечами. — Разобраться на месте. Выяснить точно, Воплощение там или нечто иное.

— И как вы себе это представляете? — небрежно спросил Канцлер.

— Дело знакомое, — сказал Сварог. — Я беру Странную Компанию, вооружаю ее до зубов, и мы идем туда. Выход туда открывается в этой вот красной точке, — он показал указкой. — До замка — будем называть его так для простоты и краткости — не более шестидесяти лиг. По сути — дневной переход... хотя, чтобы не выходить к цели слишком измотанными, где-то по дороге следует устроить ночлег. Двери, вы сами видели, распахнуты настежь. И похуже бывало...

Так же невозмутимо Канцлер спросил:

— Значит, вы все обдумали?

— Ну да, — сказал Сварог. — Благо думать особенно и не пришлось, не такая уж головоломка...

— Шестидесят лиг... — фыркнул профессор Марлок. — Из них не менее десяти придется на ту котловину со множеством зверья.

— У меня есть средства ее безопасно преодолеть, — спокойно сказал Сварог. — Не стоит пускаться сейчас в лишние объяснения, просто перечитайте мой отчет о поисках принцессы Делии и всем последующем. Наследство бабки-гусятницы. Столько лет лежало в дальнем ящике, а теперь вот как нельзя лучше пригодится... — Он обвел всех взглядом. — Это не авантюра, господа. Всего-навсего очередной рейд. Не знаю, насколько он окажется опасным, но мы и из весьма опасных возвращались, это не хвастовство, а констатация факта.

— Вот так, прямо сейчас? — покривил губы Канцлер.

— Ну, не нынешним вечером, — сказал Сварог. — Еще день-два на дальнейший осмотр и подготовку... А зачем тянуть? Если там и в самом деле последнее, четвертое Воплощение... Господа, вы все читаете те же сводки, что и я. С исчезновением Воплощений дважды резко падало число черных магов и наличие черной магии. Черные массами куда-то бегут... я так пока и не выяснил куда, но это несущественно. Главное, они бегут с Талара и уже не возвращаются. Бегут, уж точно, не на Сильвану, иначе бы там давно зарегистрировали всплеск... К чему тянуть? Если там и в самом деле Безумный Зодчий... Вы что-то хотите возразить, профессор?

— Нет, — сказал Марлок. — Я тоже читал сводки, тут вы правы — бегут каналы и уже не возвращаются... Я о другом. Давненько уже ломаю голову над Воплощениями, их силой. И не могу тут усмотреть никакой системы. Дракон Брелганд был тварью крупной, сильной и опасной, но с ним мечом и копьем разделался самый обычный, правда, весьма опытный рыцарь. Покалечился, но долго еще жил, хоть и ходил с костылем и воевать больше был неспособен. Сына даже родил, долго прожил... Великий Кракен — в чем-то полная противоположность Брелганду: пожалуй, вам бы с ним не справиться без торпед «Рагнарока», к великому сожалению, их не осталось ни одной, нечего изучить и понять, что они были такое... Митгард и ее дружка прихлопнули как-то просто и буднично, само собой напрашивается сравнение: как мух. Хватило мощного инфразвукового залпа... Никакой системы... К чему это я? Безумный Зодчий — если там все же он — может оказаться и относительно слабым противником, и опаснейшим...

— Я это сам прекрасно понимаю, — сказал Сварог. — Если у кого-то есть план лучше... — он выдержал долгую паузу. — Ведь нет? Я все обдумал... Нашу

здесьнюю мало-мальски серьезную боевую технику ни за что не протащить в разобранном виде через ту дверь. Я специально запрашивал, у меня же куча допусков... И даже окажись возможность... Где гарантия, что на Зодчего подействует даже «Белый шквал»? Который, кстати, дважды оказывался бессильным — против Багряной Звезды и в случае с Горротом.

— Семь человек... — с сомнением покачал головой Марлок.

— Скромно позволю себе напомнить, что у этих семи за душой есть три победы над кое-чем *весьма* опасным, — сказал Сварог. — Вообще, дело не в количестве. Если там что-то очень опасное, с тем же успехом могут погибнуть не семь, а семьсот. Логично?

— Логично... — проворчал профессор.

— Вот видите, — он усмехнулся. — В конце концов, господа, это не тема для дискуссий. Я на службе. Я служу в Кабинете Императрицы и уже получил от ее величества не просто одобрение — прямой приказ.

Выразительно посмотрел на Яну — и все остальные уставились на нее. Яна, чуть побледневшая, очаровательная, серьезная, выпрямилась в кресле:

— Господин директор девятого стола прав. Он, и в самом деле, получил соответствующий приказ. Поэтому в дальнейшей дискуссии не вижу смысла — разве что у кого-то будут деловые дополнения. Если таковых нет — совещание считаю законченным.

«Умница моя, милая моя...» — подумал Сварог.

...Едва брагант взлетел, Сварог притянул Яну к себе и поцеловал в щеку. Сказал, задыхаясь от нежности:

— Вита, ты чудо. Великолепно подыграла, хотя о своем приказе впервые услышала...

— Я же прекрасно понимала, что ты туда полезешь, — сказала Яна чуть напряженно. — Успела тебя изучить. А уж когда ты оставил во дворце Странную Компанию, все стало окончательно ясно. Послушай... Марлок прав: нет никакой системы. Мы не знаем, *что* там...

— Зато мы знаем, что *черные* разбегаются, как тараканы, — сказал Сварог. — И если удастся окончательно отрезать ему путь в наш мир... Вита, милая, — сказал он насколько мог убедительнее, — мы так часто возвращались без потерь, что это уже стало образом жизни. Мы ведь везучие... да и Таверо мне кое-что предсказал, сама знаешь. Правда, змеев убил не я, а ребята Оклера, но предсказания не всегда исполняются в точности.

— Вот именно. И, между прочим, нигде не предсказано, что ты непременно вернешься живой...

Сварог легонько отстранил ее, заглянул в глаза. Глаза были сухие, но невероятно печальные.

— Кое-какие предсказания еще не исполнились, — сказал он. — А это позволяет думать, что жить мне еще долго... Мы об этом подробнее поговорим потом, ладно?

Яна взглянула на него с нескрываемой надеждой:

— А если...

Он понял. И сказал веско:

— Яночка, ты с нами не пойдешь. Помнишь, мы подробно обсуждали расклад перед Токерангом? Сейчас все то же самое. Мне нужна не могучая защита, а люди, умеющие убивать. Что бы там ни было, а убивать придется. Вряд

ли хозяин обитает в замке в одиночку. Возле дома рядом с навесом для кораблей болтались какие-то субъекты... Ты же умница, все поняла?

— Поняла, — слегка отвернувшись, сказала Яна.

— И наконец... — сказал Сварог. — Если тебя так *прихватило*, стоило тебе сделать по тамошней земле каких-то пару шагов, что будет в дороге? А в замке?

— Да все я понимаю, — сказала Яна тусклым, грустным голосом. — И не прошусь. Просто... Просто никогда прежде мне не приходилось *ждать* мужа, когда он отправляется на смертельно опасное дело.

— Ну, знаешь! — фыркнул Сварог. — А Токеранг?

— Тогда у меня отчего-то была твердая подспудная уверенность, что все кончится благополучно.

— А сейчас такой уверенности нет?

— Я не говорю, что нет... Просто это оказалось так тягостно — *ждать*...

— Привыкай, — сказал Сварог серьезно. — Прекрасно знала, что не с мирным книжником связываешься. Что ж теперь делать... Ничего. Мы обязательно вернемся, займемся Той Стороной, и уж там-то тебе найдется столько интересных дел, там без тебя просто не обойтись. Ну, улыбнись!

Она добросовестно попыталась улыбнуться, но улыбка получилась вымученной и грустной. «Хорошо хоть, не плачет, — подумал Сварог, — все же не оранжерейный ребенок — каталаунская школа принца Элвара кое-чему научит...»

— Возьми с собой... ну хотя бы Золотого Филина, — сказала Яна. — Вдруг поможет.

Сварог подумал: если там что-то *очень* серьезное, и все золотое воинство не поможет, как наверняка не помогло бы с Кракеном. Однако кивнул:

— Возьму. Одно-го-то в заплечном мешке унесу...

...Остановившись в Мраморном коридоре, он мимоходом глянул на себя в зеркало, фыркнул и пошел дальше. На груди у него, на вычурной золотой цепи, висел овальный медальон: вокруг украшения, в которых сразу узнаются морские волны, на медальоне — восьмиконечная звезда синей эмали — четыре длинных луча, четыре покороче, в центре крупный сапфир, — и ее поддерживают, встав на задние лапы, два серебряных льва. Мара осчастливила, как и всех остальных из Странной Компании. Оказывается, только что учредила новый орден — Звезда Двух Островов. Пожалуй, стоило согласиться с ее объяснениями: что никакого выпендрежа здесь нет, а есть лишь мягкое и ненавязчивое напоминание заинтересованным лицам — остров Дике останется сегурским на веки вечные. Он лишь рассмеялся тогда:

— А если возьмешь Стагар, что вполне реально? Звезду Трех Островов учредишь?

Мара с самым серьезным видом ответила:

— А почему бы и нет? Весьма символично будет...

Сварог вошел. Странная Компания в полном составе, все в тех же мундирах гвардейской гран-алы с одноименным названием сидела в рыцарском зале вокруг стола. Бутылок на столе имелась всего-то парочка, причем вина, а не келимаса или чего-то другого покрепче. Да и те едва начаты. Сварог им не приказывал соблюдать трезвость — они, вероятнее всего, и сами прекрасно поняли, что к чему. Поняли, почему Сварог задержал их в замке, а сам исчез ку-

да-то, ничего не объяснив... Судя по пытливым, внимательным взглядам, прекрасно поняли, черти...

Он уселся на свое старое место. Сказал спокойно:

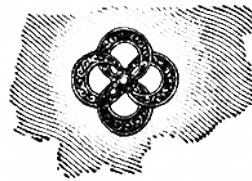
— Такие дела, господа гвардейцы... Снова подвернулось серьезное и опасное дело, откуда мы все можем не вернуться...

Наученный опытом, он на сей раз не стал выпрашивать, все ли согласны, — помнил, как жестоко их оскорбил такими речами совсем недавно, перед Токерангом. Все было видно и по глазам, ставшим прежними, хищно-азартными, и шестеро знакомо подобрались, как звери перед прыжком. Только Шедарис громко проворчал:

— Да ладно... Попривык я что-то возвращаться... Обойдется.

Сварог поневоле припомнил строчку из песни, которую любил петь под гитару еще в курсантские годы: «Гвозди бы делать из этих людей...» Кому-то это, может, и покажется слишком высокопарным, но что поделать, коли так оно и есть. Гвозди бы делать из этих людей...

— Итак, детали и подробности... — сказал он уже насквозь деловито, как было не раз. — Один монашек...

Глава XI ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ ПУТИ

Они один за другим проходили мимо Сварога с совершенно невозмутимыми лицами, давно знакомой упругой походкой хищников, готовые ко всему на свете. Выстраивались в шеренгу меж серых тополей. Последним, бесшумно ступая, чуть оцетинив затылок, бдительно нюхая воздух, вышел Акбар. Сварог досадливо поморщился — но что он мог сделать? Прежде такого не случилось, но теперь пес буквально *прилип* к нему, всем видом давая понять, что на сей раз без него не обойдется и он пойдет со всеми. Уговорам он не поддавался, а запирать его было бессмысленно — проникнет через любую дверь. Сварог так и не взял в толк, что это может означать: за гармами не числилось способности к предчувствиям, что хорошим, что дурным. Но вот втемяшилось ему в башку тоже отправиться в поход, и точка.

С одной стороны, такой пес непременно привлечет к ним лишнее внимание. А вот с другой... Здесь все-таки Заводь. Появление семерки несомненных чужаков, одетых и вооруженных так, как здесь и не видывали, само по себе привлечет внимание любого, у кого есть глаза и хоть бы одна извилина в голове.

Оглядев всех и чуточку подумав, Акбар уселся на правом фланге — он и сидя был гораздо выше рослого Шедариса, которому при всех построениях выпадала роль правофлангового. «Самомнение, однако, — подумал Сварог, — покрутив головой. Ну, да откуда гарму разбираться в воинских построениях...»

Он вернулся в «стакан», встал лицом к лицу с Яной. Глаза у нее были грустные и сухие. Она прилежно отрапортовала:

— Инструкции помню: держать дверь открытой, перекрыв ее «стеной». Если появятся местные, напугаю их миражами так, что только пятки засверкают. Или, смотря по обстоятельствам, выпущу на них Летучие Рожи.

— Отлично, — сказал Сварог. — По всем расчетам, *туда* мы доберемся завтра, еще до обеда. Сколько времени отнимет *работа*, не знаю. Но возвратимся, не исключено, гораздо быстрее: есть у меня подозрение насчет этих корабликов, что они все-таки летучие. Иного объяснения, почему они там, и не подберешь. Через восемь часов тебя сменит Элкон, потом Родрик...

— Нет, — сказала Яна. — Сама дождусь. Великое дело — дня три без сна. На что у нас «синий эликсир»?

Сварог слегка пожал плечами: ну, в конце концов, ничего страшного не произойдет, если суток трое просидит на «синем эликсире». По собственному опыту знал: после него будешь без просыпу дрыхнуть пару суток, и только...

— Я тебя не буду целовать на прощанье, — сказала Яна. — В Каталауне это считается дурной приметой...

— Я помню, — сказал Сварог. — И правильно, что не будешь. Ты меня и перед Токерангом не целовала — и все обошлось в лучшем виде... Может, все же улыбнешься напоследок?

Она добросовестно попыталась улыбнуться. Получилось, хотя улыбка и выглядела *тускловато*. Сказала чуточку жалобно, глядя ему в глаза:

— Только ты возвращайся, пожалуйста...

— О чем разговор, — сказал Сварог. И добавил, вспомнив своих любимых авторов: — Знаешь, еще не было случая, чтобы я не вернулся... Ну, я пошел.

Прекрасно зная, что не стоит надолго *размазывать* прощание, он повернулся и вышел в тополевы лес. Остановился перед шеренгой, придирчивым командирским взглядом окинул свое невеликое, но безусловно доблестное воинство. Он сделал все, что мог, когда снаряжал отряд: мечи из толладской стали, кинжалы, тесаки (которые буквально через минуту пригодятся), у каждого автомат из арсенала «Рагнарока», а за пазухой — пистолет того же происхождения с запасными обоймами. Сам он сунул еще в карман две гранаты — и две отдал Шедарису, единственному из всей шестерки, кто наострился обращаться с талерскими ручными бомбами. Бони, обвешанный запасными магазинами в виде усеченного конуса, вместо автомата держал на плече ручной пулемет — легкий, красивый, как многое сделанное человеком оружие. Шедарис еще прихватил свой старый боевой топор. Сам Сварог меча брать не стал — успел уже привыкнуть к Доран-ан-Тегу. А Паколет повесил через плечо перевязь с полудюжиной метательных ножей — с ножом он до сих пор управлялся гораздо лучше, чем с мечом, хотя и меч, конечно, Сварог его заставил взять.

Ну что же, против *местных* хватит с лихвой — вооруженная таким образом семерка способна, пожалуй, разогнать всю здешнюю армию. Вряд ли она когда-нибудь сталкивалась с опытным пулеметчиком, которого поддержат шесть автоматов. А вот что будет в замке — предсказать решительно невозможно...

— Вижу я, кое-кто до сих пор недоумевает, зачем эти тесаки? — сказал он. — Будем делать затесы на деревьях, как можно чаще. Компас компасом, а прадедовские средства надежнее... Достали тесаки — и шагом марш!

Двинулись. Мелькали широкие лезвия тесаков, пластами отлетала серая кора. Шагая чуть в стороне, как и полагается командиру на марше, Сварог по-

думал: даже по сравнению с «Рагнароком» рейд начался в комфортнейших условиях: оружия навалом, карта точнейшая, компас здесь отлично работает, заклинания на извлечение из воздуха еды и воды — тоже, уардах в двадцати впереди летят два Золотых Шмеля, держась низко над кронами деревьев, так что врасплох их не застанешь. Даже шагомер красуется на правой ноге у бедра — поговорил с Марлоком, тот быстро отыскал в Музее техники подходящий образчик и скопировал у себя в Технионе.

Но, несмотря на всю эту благодать, расслабляться не стоит — все это помогает в дороге, а вот что будет в замке...

Лошадей бы для ускорения пути... Верховых тут взять неоткуда, но впереди несколько деревень, сойдут и крестьянские, а все могут ехать охлюпкой, жизни научила. Сварог наштамповал в Хелльстаде и прихватил с собой сотню золотых монет — фантазийных, с филином на лицевой и цифрой «5» на оборотной стороне. Золота здесь могут и не знать, но если знают, есть шанс перейти в кавалерию — самый темный крестьянин в золоте обычно понимает.

Сигнал от Шмелей! Ага, впереди что было духу улепетывает здешний невысокий олень, закинув рога на спину. Значит, и тут, в относительном редколесье (по сравнению с чащобами правой верхней половины Заводи) дичина водится. Будем иметь в виду, если умение ларов вдруг откажет. По той же причине Сварог прихватил запас сигарет, а прочих курящих — Шедариса и Паколета — заставил взять запас табачку к их трубкам. Мало ли что. Фляги с водой на поясах — по той же причине. Старый девиз: надейся на лучшее, но готовься к худшему...

Шагалось легко — ни густого кустарника, ни зарослей травы, то и другое присутствует, но в меру. Непривычное щебетанье незнакомых птиц, умолкавших и разлетавшихся, если оказывались на пути — знакомы с человеком, ага... Лес порой сменялся большими равнинами с редкими деревьями и зарослями кустарника — Сварог и в нем приказывал прорубать узкую просеку. Конечно, они таким образом оставляли за собой след, но обычной погони он не особенно и опасался, а тот другой (кто бы он ни был, Зодчий или кто-то еще, замок безусловно обитаем), не исключено, их уже засек. Правда, Сварог ничего такого не чувствовал, но кто его знает... Время от времени включая нужное умение, он ни разу не ощутил *присмотра*, но всякий раз возникал крепкий, устойчивый запах падали...

Шагалось легко. Золотой Филин в заплечном мешке весил не так уж много, ну, а к тяжести автомата на шее он привык так давно, что и чувствовать ее перестал. Через три с лишним часа, когда отшагали почти восемнадцать лиг, он распорядился устроить привал — его команда не подавала признаков утомления, но тем не менее он заранее разбил путь на три участка: дневной привал, потом ночной, а там последний переход, точнее, перелет...

Перекусили, напились, отдохнули квадранс — и Сварог снова скомандовал поход. Двинулись. Примерно через полчаса Акбар, чутко шагавший впереди, вдруг ринулся куда-то вправо, превратившись в темную туманную полосу — и, вернувшись таким же образом, уселся перед Сварогом с крайне довольным видом. В зубах у него висел задушенный заяц — здоровенный, серый. Похвалив его, Сварог велел зайца ободрать, освежевать — и Паколет понес его в заплечном мешке, завернутым в листья здешнего лопуха — до вечера не протухнет, настоящее мясо всегда лучше стандартных яств, изготавливаемых магиче-

ским образом.

Предпоследнюю на маршруте деревню они далеко обошли стороной по редколесью — Сварог возлагал надежды на последнюю перед откосом. Тот же житейский опыт: чем глуше деревня, тем раскованнее в некоторых смыслах тамошний народец, тем меньше задает вопросов, тем легче идет на разные сделки...

Широкая равнина лиг в несколько длинной, деревьев нет вообще, только курстарник. У Сварога на карте она была, так что он ее ждал. И приказал ускорить шаг — в их положении открытые места лучше проскакать с ходу...

Собачий лай далеко слева, едва слышный?! Да, никаких сомнений... Сварог проворно послал в ту сторону Шмелей, приказав им подняться уардов на сто, чтобы болтались незамеченными. Поднял руку, приказывая оставаться на месте, когда увидел то, что видели Шмели. Все равно бросаться бегом в сторону леса поздно — до него далековато, конные опередят...

Конные крупной рысью спускались с высокого, пологого склона слева. Вперед вырвались трое всадников в тусклых кольчугах, шлемах горшком, перед ними неслись на длинных поводках высокие, поджарые псы. Следом, отставая корпуса на три, двигалось еще не менее полусотни. Чем менее крутым становился склон, тем они убыстряли аллюр, перейдя уже на короткий галоп.

Они уже менее чем в лиге, а до леса — не менее трех, так что он поступил правильно. Полсотни конных — ерунда. Мечта пулеметчика...

— Конница слева! — спокойно сказал он. — Всем залечь, принимаем оборону! Стрелять только по моей команде! Бейте в первую очередь по лошадям...

— Ну, это нашенская игра... — проворчал Бони, крепко утвердив на земле пулеметные сошки, аккуратно разложив рядышком запасные магазины.

Сварог похлопал Акбара по шее, мысленно приказывая лечь. Тот повиновался. Да, вот именно — в первую очередь по лошадям. Он давно усвоил: при всех своих достоинствах лошадь обладает одним крупным недостатком — очень уж *слаба* на пулю. Даже при не таком уж тяжком ранении останавливается, а то и вообще заваливается наземь. Следует перевести в пехоту как можно больше скачущих прямо к ним, а уж с пехотой управиться будет полегче. Что же, каким-то образом увидели? Никак не могли их заметить издали обычным человеческим взглядом, но прут прямо на них, целеустремленно, словно идущий в атаку торпедный катер... Надо будет постараться взять «языка», а уж разговорить-то его будет нетрудно...

Так... Всадники уже должны их видеть — они в своей темной дорожной одежде выделяются на фоне ярко-зеленой травы, как на ладони. Ничего, для выстрела из лука слишком далеко... да и для прицельной стрельбы из их стволов тоже. Еще с пол-уарда — и они окажутся достаточно близко, чтобы начинать мясорубку. Ну, да, мясорубку — а чего вы еще хотели на войне?

— Та-ак... — процедил он сквозь зубы.

Трое с собаками резко осадил коней так, что те присели на задние ноги, молотя передними в воздухе, еще не достигнув намеченной Сварогом дистанции. Остальные тоже на всем скаку остановили разогнавшихся коней. Встали, растянувшись неровной линией. Только собаки никак не могли уняться, ожесточенно рвались вперед, доносился их лай и визг, они вставали на задние лапы, хрипели, удивленные и разозленные неожиданной задержкой. Всадники натягивали поводки, слышно было, как они орут на разгоряченных псов.

Вперед выехал субъект несомненно командирского вида: у него одного по кольчуге от плеча к плечу протянулся ряд из полудюжины блях золотистого цвета — ага, знают золото? — а горшкообразный шлем украшен невысоким гребнем, сдается, из белого конского волоса.

Чтобы лишний раз не *казать* здесь магию, Сварог не стал пускать в ход «дальнее видение» — поднял к глазам бинокль, обычный десятикратник без капли магии. Так... Тот тоже поднял к глазу подзорную трубу длиной с поллоктя. Как порой случается, казалось, что они смотрят друг другу прямо в глаза. Ничего диковинного: не такое уж пожилое лицо с вислыми усами, кольчуга вычищена лучше, чем у рядовых, синий плащ, меч на поясе, синие шаровары... Плащи и шаровары у всех одинаковые — форма? Похоже.

Казалось, они находятся от Сварога уардах в пяти. Лица ничуть не испуганные, просто напряженные, злые. Этот хрен с горы тоже должен хорошо рассмотреть их всех, словно бы с расстояния в несколько уардов...

«Игра в гляделки», прикинул Сварог, продолжалась с минуту. Потом предводитель резким движением вогнал трубу в кожаный чехол у седла, резко развернул коня, закричал что-то, повелительно махая рукой, — и вся орава галопом ринулась прочь, вверх по высокому склону. Стрелять им вслед было бесполезно: далеко, собьешь пару-тройку последних, от чего никакого толку.

— Встали! — скомандовал Сварог. И, чтобы избежать ненужных дискуссий, неизбежных в такой ситуации, продолжал жестко: — Быстрым шагом к лесу, поднажми!

Приказ, конечно, был выполнен беспрекословно. Сварог размашисто шагая справа от цепочки сподвижников, ломал голову: что же произошло? Почему они драпанули? Знакомы с автоматическим оружием? Откуда? Неужели здесь часто шляются чужаки со скорострелами? Или, по крайней мере, были здесь совсем недавно, оставив о себе хорошую память? Но откуда они взялись, такие? Уж безусловно не с Талара и не с Сильваны, хотя как знать — пулеметы и там имеются, пусть гораздо более громоздкие и в малом числе... Не стоит ломать голову, все равно разгадке по скудости информации не поддается. Одно ясно: теперь об их присутствии знают. Интересно, какотреагируют? Бросят вдогонку отряд покрупнее? Все равно будет мясорубка... Черт, непонятно, чего и ждать...

Акбар вдруг остановился, повернулся вправо, вбирая воздух расширившимися ноздрями, весь вытянувшись в струнку, — что-то почувал... Сварог моментально послал в ту сторону Шмелей. Не прошло и минуты, как он распорядился:

— Сворачиваем в ту сторону, живенько! Кажется, есть «язык»! Бегом!

Они не пробежали в ту сторону и пары сотен уардов, как из густого кустарника выскочил человек без шапки, в темно-зеленом, припустил что есть мочи к лесу, держа в руке меч, как нож — острием к земле. Сварог, да и вся Странная Компания наддала. Кто бы это ни был, это готовенький «язык», и не похож на простого обывателя — с чего бы простому обывателю шататься вдали от обитаемых мест с мечом без ножен?

Они постепенно нагоняли. Бегущий то и дело оглядывался — уже можно рассмотреть, что он, несмотря на бороду и усы, вовсе не стар (вон как чешет!).

Ни к чему эта игра в догонялки... Жестом остановив рванувшегося было вперед Акбара — меч все-таки, — Сварог крикнул:

— Мара! Бери его!

Лучше нее ни у кого не получится... Мара *рванула* в хорошем спринтерском стиле, далеко опережая остальных, быстро догнала отчаянно озиравшегося бегущего, сбила подножкой, надела, вмиг выбив меч, заломив руку, уткнув физиономией в траву. Примерно через квадранс минуты подоспели и остальные. Встали полукругом, наведя стволы.

— Да ладно вам, — сказал Сварог. — Нашли монстра... По сторонам лучше поглядывайте...

Послав Шмелей описывать круги высоко в небе, чтобы заранее высмотрели любого, кто приблизится, неважно, зверь или человек, поднял меч, осмотрел. Самый обычный меч, сработанный поглубже таларских, с медной рукоятью, обтянутой кожаным ремнем. Ни в нем самом, ни в пленнике — ни капли магии.

— Отпусти-ка его, — распорядился Сварог. — И присматривай, чтобы опять в лес не кинулся... Пусть лучше сидит, так спокойнее. Эй, ты! Ты меня понимаешь?

Пленник, усевшись на землю и уронив руки меж колен, уставился на него так, что стало ясно: понимает. Таращится с явной неприязнью — как всякий на его месте. Вряд ли старше тридцати, волосы и короткая борода взлохмачены, но не выглядят давно нестриженными — похоже, совсем недавно покинул места, где есть цирюльники...

— Понимаю, что тут непонятного... — проворчал пленник.

Он на непривычный манер глотал иные согласные, но язык был тот же самый.

— Вы откуда такие?

— Если совсем просто, то — не отсюда, — ответил Сварог.

— Это я и сам вижу...

Сварог кое-что сопоставил и спросил:

— Это не за тобой ли гнались? Целая орава на конях и в кольчугах, с собачками?

Пленник закусил губу и промолчал.

— За тобой... — уверенно сказал Сварог. — Беглый, значит... А что натворил, если не тайна? Разбойничал? С другой стороны, разбойник давно смастерил бы к мечу какие-никакие ножны... Ну, что молчишь? Мы к здешним делам никакого отношения не имеем, у нас свои дела. А вот узнать побольше о том, что здесь творится и как вы тут живете, хотелось бы. Так что не молчи. Мы — люди ко многому привычные и разговорить тебя сумеем быстро и без всякой доброты... Без всякой... — жестко повторил он. — Уяснил?

— Еще и вы на мою голову...

— Да пойми ты, — сказал Сварог. — Ты нам не нужен. Узнать бы о том, о сем — и можем расходиться. И меч отдадим, зачем он нам, своих девать куда... Ну, поговорим по-хорошему, пока не началось по-плохому?

— Поговорим...

— Вот и ладненько, — сказал Сварог. — Только на ходу. Нам здесь тоже не следует рассиживаться.

— Что, и вас ловят?

— Вроде бы пока нет, — сказал Сварог. — Но могут и начать... — и повернулся к своим: — Быстрым шагом в лес! Мара, идешь следом и приглядываешь

за нашим новым знакомым, чтобы не задал стрекача. — Кивнул пленному: — Пошли. Вряд ли тебе самому хочется тут торчать, как таракану на столе...

Он усмехнулся — пленник вскочил и, когда все тронулись, зашагал рядом со Сварогом. Шаровары и куртка навывпуск из темно-зеленого сукна, со шнуровкой вместо пуговиц, добротные кожаные сапоги. Не из благородных, конечно, но все же не в домотканине и не в грубых крестьянских башмаках — а вот в здешнем городке многие так одеты, в отличие от крестьян. Шмели немало засняли...

— Как зовут?

— Томир...

— Чем на жизнь зарабатываешь?

— Оружейник. По щитам.

— Из города?

— Ну...

— Значит, не разбойник?

— И близко нет...

Он нисколечко не врал.

— Ну, а чего же в бега пустился? — сказал Сварог. — Налоги недоплатил? Соседа по пьянке пристукнул? Или еще что-то утворил?

— Ничего я не творил. Совсем...

И снова не врал, обормот, ни капельки.

— Запомни на будущее, Томир, — сказал Сварог. — Я умею безошибочно определять, когда мне врут, а когда говорят правду. Ты пока что ни разу не соврал. Давай и дальше в том же духе. Значит, ничего не натворил...

— Маг, что ли?

— Не совсем, — сказал Сварог. — Так, умею кое-что, но не настолько полон самомнения, чтобы именовать себя магом... Значит, здесь есть маги?

— Парочка у господина графа... Ну, и по деревням кое-что знают... Вы кто?

— Об этом потом, — сказал Сварог. — Так что случилось?

— Прилетели слуги Господина Алых Снегов. Как всегда, раз в две недели. Чтобы тянули жребий. Обычно они летают по деревням, но порой и в город за-являются...

— А Господин Алых Снегов живет в замке, вон в той стороне? Той самой, куда мы идем? Как раз посреди алых снегов?

— Ну да. Там вроде бы есть замок, хоть никто его и не видел. А говорите, ничего здесь не знаете...

— Я же не сказал, что совсем ничего, — добавил Сварог. — Значит, господин граф... Как я понимаю, это его замок посреди городка, и он тут полный хозяин?

— Холуй он в бархате, а не хозяин, — зло бросил Томир. — Настоящий хозяин здесь — Господин Алых Снегов. С начала времен. Никто его не видел, но он там живет...

— Прилетали, говоришь? — спросил Сварог. — На таких дощатых кораблицах с мачтами без парусов?

— Ну...

— Давай теперь подробнее, что за слуги, что за жребий...

Томир заговорил — порой захлебываясь словами, зло, даже зубами поскрипывая. Сварог догадался правильно — корабли оказались летучими. Те, кто прилетал на них, ничем не отличались от людей — разве что одеждой. Сами

они оружия не носили, но на подмогу им моментально выезжала дружина графа.

Эти *летуны*, если называть вещи своими именами с незапамятных времен прилетали раз в две недели, чтобы брать дань живыми людьми. Всякий раз уводили с собой несколько человек, причем не хватало кого попало. В каждой деревне стояла бочка, а то и две-три в тех, что покрупнее — а в городе целых десять. В обычное время они были наглухо закрыты и круглосуточно охранялись графскими дружинниками. Когда прилетали... эти, бочки открывали. К ним сгоняли народ (за исключением, понятно, графской семьи, его дружинников, слуг, придворных и их семейств) — народ обоего пола, от четырнадцатилетних до старых, способных ходить. Выстраивали в длиннющие очереди, и люди доставали из бочек деревянные шарики — обычные некрашеные, но среди них было несколько черных. Тех, кто вытянул черный, тут же связывали и бросали на корабли. Никто никогда не слышал, чтобы кто-то из увезенных возвращался.

— Интересно, к чему такие сложности? — вслух подумал Сварог. — Можно было хватать первых попавшихся, коли уж ваш *настоящий* хозяин всемогущ...

Томир горько усмехнулся:

— Давным-давно, в те самые незапамятные времена объявлено: Господин Алых Снегов суров, но справедлив. Произвола не чинит. В услужение к себе берет тех, кто сам вытянул жребий... Только никто не верит, что это — в услужение. Зачем ему столько слуг да каждые две недели новые и новые? Шепчутся, что он — людоед. О многом шепчутся, но никто толком не знает...

Сварог подумал, что дело тут отнюдь не в справедливости. Просто-напросто при *такой* системе гораздо труднее поднять людей на серьезный мятеж. Такова уж человеческая натура: каждый считает, что несчастливый жребий выпадет другому. А хватай они кого попало, еще неизвестно, как обернулось бы...

Три дня назад, когда *эти* прилетели в очередной раз, все повторилось, как обычно. Сам Томир жребия не тянул, как и кое-какие другие мастера, но на членов их семей такая льгота не распространялась. Черный шарик вытащила его жена... И тихого оружейника прорвало: отведя трехлетнего сынишку к бабке, он подстерег в переулке одинокого дружинника, двинул по голове колом, выдернул из ножен меч, вскочил на коня и ринулся прочь из города. Рассчитывал пробраться в «Закатную Чащобу» — судя по его описаниям, те самые дремучие леса в верхней правой четвертушке прямоугольника. Там издавна обитали не такие уж многочисленные, но *упертые* беглецы, подавшиеся в леса кто по той же причине, что и Томир, кто по другим, не менее серьезным. Жили в искусно замаскированных землянках, кормились охотой. Кто-то просто отсиживался всю оставшуюся жизнь, а кто и нападал порой на графских людей, чтобы мстить, мстить и мстить. На них нередко устраивали облавы графские дружинники с собаками, но, как и следовало ожидать, борьба с незапамятных времен шла с переменным успехом: порой охота возвращалась с пленными (которым лучше бы умереть еще в лесу), а порой из леса не возвращались дружинники.

В Чащобу Томир пробраться не сумел — наткнулся на графский разъезд, моментально вызвал подозрения — и поскакал на полдень, в места малонаселенные и все же лесные. Укрыться там было гораздо труднее, но ничего больше не оставалось. Он рассчитывал отсидеться, а потом как-нибудь все же про-

браться в Закатную Чащобу, хотя бы прибившись к рыбакам (река текла с полудня на полночь, неизвестно где начинаясь и неизвестно где кончалась). Загнал коня, шел на своих двоих...

«Ну что же, — подумал Сварог, — во все времена и под любыми звездами хватало таких вот беглецов — всегда и везде найдутся люди, не желающие идти на бойню, как бараны. Или попросту те, кому встали поперек горла существующие порядки, особенно когда это задело их семьи. Ничего нового...»

— А на крупные мятежи, что, никогда не поднимались? — спросил он.

Томир зло сверкнул глазами:

— Последний случился при дедушке, когда он был мальчишкой. Всякий раз прилетали слуги Господина Алых Снегов, метали молнии с кораблей... Вот руки и опустились...

Сварог вспомнил: на всех кораблях, по четыре с каждого борта, имелись какие-то странные предметы: нечто вроде прямоугольных ящиков с короткими трубами конусом, косо направленные вниз. Теперь понятно...

— Кто вы все-таки? — спросил Томир настойчиво.

— Странники, — пожал плечами Сварог.

— Из *большого* мира?

— Можно и так назвать.

— Значит, старики не ввали? Есть *проходы*?

— Если знать, где искать, — так же уклончиво ответил Сварог.

— У нас многие искали, но я не слышал, чтобы кому-то повезло... Хотя, если кому повезло, он наверняка не возвращался, чтобы рассказать... А идете куда?

Сварог не видел смысла что-то скрывать от человека, с которым случилось *такое*.

— Да тут недалеко, — хмыкнул он. — В замок этого вашего Господина. Чтобы оторвать ему голову...

Томир уставился на него округлившимися глазами:

— Но это же Господин! Непобедимый...

— Случалось нам побеждать и непобедимых, — сказал Сварог. — Веришь ты или нет, но случалось...

— Вы что, Светлые Мстители из сказок?

— Я этих сказок не слышал, — сказал Сварог. — Но если рассудить — нечто подобное...

— Вам не пройти, — сказал Томир убежденно. — Там, впереди, лежит Низина, где полно зверья...

Сварог усмехнулся:

— А если у нас есть способ ту Низину благополучно преодолеть? Что тогда?

— Все равно, остается замок... И Господин... Вроде бы в старинные времена кто-то пытался туда пройти — иногда здешние, а иногда чужаки вроде вас. Только это все старые сказки...

— Попробуем, — усмехнулся Сварог.

— Вообще-то при вас столько всего странного... Так что кто вас знает... — его глаза вдруг загорелись решимостью. — Отдайте меч! Я с вами.

— Хорошо подумал? — спросил Сварог. — Дело опасное, сам говоришь... Мало ли как обернется...

— Терять нечего, — сказал Томир.

Сварог видывал такие лица — лица людей, которым абсолютно нечего в

этой жизни терять. Кивнул:

— Ладно. Как хочешь. Меч, извини, отдадим чуть погодя... Ты с ним, кстати, умеешь обращаться?

— Не так чтобы... Но рубануть смогу.

Как боевая единица этот парень никакой ценности, пожалуй что, не представлял. Но не гнать же его в неизвестность? К тому же человек с мечом (которым, правда, не владеет), одержимый жаждой мести, — все же не бесполезная обуза. Не может оказаться так, чтобы *совсем* не пригодился...

— Золото у вас в ходу? — спросил Сварог. — Драгоценности, монеты...

— Больше драгоценности. Там, на полуночи есть рудники, хотя их почти дочиста уже выбрали... Монет мало. Медь и серебро главным образом. Мне за золотой месяц трудиться надо, а другим и побольше... А что?

Не ответив, Сварог спросил:

— Погоня за тобой будет?

— Вроде бы должна. Господин граф не любит беглых, их следует непременно ловить — и, публично, в назидание другим... В Закатную Чащобу они за мной одним не полезли бы всего-то полусотней — там из любого куста стрела может вылететь, и ищи потом по буреломам... А здесь, на полудне, леса пореже, пустошей много, тут ловить гораздо удобнее. Они ж и ловили, вы сами видели. Только не пойму, отчего они вдруг ускакали...

— А что, не было причин нас пугаться? — усмехнулся Сварог.

— Что-то я не вижу таких причин... Ну, чужаки, ну, штуки у вас всякие необычные... а что за штуки, к слову?

— Да так, — сказал Сварог. — Разные необходимые вещи. Значит, испугаться нас они не могли?

— Никак, — уверенно сказал Томир. — Ничего не понимаю...

«Я тоже, — подумал Сварог. — Если они не видели в нас и нашем снаряжении ни малейшей угрозы, отчего же командир быстро и не колеблясь увел отряд? Никак он не мог знать о нас заранее. Или мог? И западня давно готова? Поди догадайся...»

— Значит, золотые монеты есть... — сказал он задумчиво. — А крестьяне как к ним относятся?

— Как к сокровищу, — ответил Томир. — Всю жизнь при любой возможности копят по штучке, чтобы детям оставить. Не все они беднота, есть и зажиточные. Поколениями клады копят...

— Это хорошо, — сказал Сварог.

— А что задумали?

— Да что уж от тебя скрывать, — сказал Сварог. — Коли ты с нами одной веревочкой повязан... а вздумаешь бежать, далеко не убежишь. Там, впереди, есть деревня. Последняя перед Низиной. Вот я и прикидывал, не купить ли там лошадей, чтобы быстрее добраться.

— В Низину на лошадях не спуститься. Я сам и близко не бывал, но говорят: человек там еще кое-как пройдет, а вот лошадь ни за что...

— Низину мы и без лошадей преодолеем, — сказал Сварог. — А вот до нее на лошадях быстрее доберемся. Понятно?

— Это-то понятно... Я сам так спешил, что загнал коня... Того, что у дружинника взял...

— Ну, мне загонять коней смысла нет, — сказал Сварог. — Просто выйдет

быстрее.

— Оно конечно...

— Как думаешь, крестьяне за золото лошадей продадут? Золото у нас найдется.

Какое-то время нежданный попутчик искренне раздумывал.

— Вот если честно, то не знаю, — сказал он наконец. — По совести, я в деревнях редко бывал, и то в тех, что недалеко от города. Главным образом в одной и той же: у дитенка что-то с животом, лекарь советовал утиными яйцами кормить, да свежими. Короче говоря, пригородных я знаю, а в глуши — кто их знает, врать не буду... Пригородные бы вам за золото все отдали, знают, что новых быстро прикупят и поимеют на этом выгоду. А эти глухоманщики... Говорят, они другие какие-то, так что не стану врать...

«Тоже знакомо, — подумал Сварог. — Пригородный крестьянин и крестьянин из глуши — два разных человека. Другие нравы, образ мышления другой, еще многое. Но ведь золото — везде золото? Ладно, попытка — не пытка...»

Он развернул карту (Томир смотрел на нее так, что сразу стало ясно: отроду карт не видел), присмотрелся и прикрикнул:

— Шире шаг! Недолго осталось...

...К деревне они вышли через час. Лес кончился, потянулись поля, засеянные чем-то светло-желтым, с колосками, — Сварог в сельском хозяйстве не разбирался совершенно, что в прошлой жизни, что в нынешней, и определить, что тут посеяно, не мог. Вспомнив, что двое из Странной Компании — деревенские, обернулся к сподвижникам:

— Что это тут растет?

— Пшеница, — уверенно сказала Тетка Чари. — Давно не видела, но с детства помню...

Бони сорвал ближайший колос, размял его в ладонях, сдул шелуху и высыпал зерна в горсть. Присмотрелся: — Она самая. Только дохловатая она какая-то, видимо, земля то ли бедноватая, то ли истощенная. У нас в Скатуре колосья по грудь стояли...

И помрачнел. Не один год прошел, а он до сих пор мрачнел, вспоминая Скатур...

— Ладно, в конце концов, какая нам разница? — сказал Сварог. — Нам ее не покупать... Пошли, вон дома виднеются...

Поле протянулось далеко вправо, и пришлось его долго обходить по дикой траве. Наконец наткнулись на утоптанную тропинку и пошли по ней к деревне. Издали можно было рассмотреть, что домишки довольно убогие, крытые и залатанные кое-как, чем придется, от соломы до почерневшей от дождей дранки.

— Убогая деревушка, точно, — сказал Бони с некоторым превосходством. — Земля скудная, сразу видно, под пшеницу и не особо годится, здесь бы картошку... Эй, беглый! У вас картошка растет?

— А это что такое? — с искренним недоумением спросил Томир.

Бони фыркнул, но промолчал.

— Вот что, деревенские, — сказал Сварог, — подскажите-ка, как нам, странно выглядящим чужакам, лучше всего держаться, чтобы от нас не разбежались и вилами швыряться не начали?

— Лучше всего в деревню не входить, — сказал Бони. — Встать у околицы,

высмотреть кого-нибудь и попросить старосту кликнуть. В любой, самой задрипаной деревушке, есть староста, а он всегда поумнее и посообразительнее остальных, иногда и мир повидал, а уж как золото звенит и каково оно на зуб, знает непременно. На то он и староста...

— Пожалуй, так и надо, — кивнул Томир.

— Ну, поверим экспертам... — сказал Сварог. — Акбара бы не испугались, вон Томир на него до сих пор косится...

— А кто бы не косился? — смущенно пожал плечами Томир. — Убедительная собачка, я про таких только в сказках слышал...

— Диспозиция такая, — сказал Сварог. — Мара, убери Акбара в арьергард, он послушается. Становимся на околице и зовем старосту. Если начнется какая-нибудь заварушка, стреляйте поверх голов и под ноги — хватит этого, я думаю... Только если будет что-то серьезное, бейте на поражение. Кольчуги наши против вил в бок не пляшут...

Перед выходом, вспомнив тех же любимых авторов, хотел поначалу заменить боекомплект с «Рагнарока» на другой, с серебряными пулями — в Хелльстаде и не то могли сделать. Но, поразмыслив, отказался от этой идеи: серебро отлично действовало против мелкой нечисти, а вот на Воплощения, экземпляры, так сказать, особо приближенные к Князю Тьмы, могло и не повлиять, как не влияло на него самого. Однако все же велел всем поддеть под кафтаны серебряные кольчуги, и сам надел — мало ли что, вдруг хоть чуточку поможет. Монастырские хроники пишут, что в свое время в Брелганда пускали стрелы с серебряными наконечниками, но они на него действовали не сильнее обычных. И все же... Вполне может оказаться, что тут есть своя *мелкая* нечисть, мало ли кто у Господина Алых Снегов в прислужниках состоит. Но как бы то ни было, а удар вилами, как и любым холодным оружием серебряная кольчуга держит в десять раз хуже, чем стальная, так что излишне увлекаться гуманизмом в случае чего не следует...

— Деревня, конечно, убогая, — сказал Сварог, — но конского навоза там и сям немало валяется. Есть лошади...

Они подошли совсем близко. Замурзанные детишки в длинных рубахах, без штанов, игравшие за околицей с каким-то корявым пеньком, увидели их и Акбара, которого никак не спрятать за спинами, — подхватились дружно и с визгом улепетнули по узкой улочке, свернули за угол, пропали с глаз.

— Сейчас объявятся, — фыркнул Бони. — Уж сорванцы наговорят...

— Аккуратнее, если что... — сквозь зубы сказал Сварог.

События стали разворачиваться даже быстрее, чем он прикидывал — из обеих боковых улочек за околицу хлынула целая толпа, остановилась вплотную к крайним домишкам. Людей понемногу прибывало. Причем каждый что-то да прихватил — вилы, топор, цеп, даже ухваты и простые колья, явно только что выдернутые из заборов, попадались. Вдалеке, за спинами, маячили женщины и дети.

Впрочем, вели они себя пока что спокойно: угрожающих выпадов не делали, молчали, стояли, подталкивая друг друга локтями и, таращась на чужаков со страхом. Оборванцев нет, но сразу видно, что благополучием тут и не пахнет: сплошь домотканина с веревочками вместо пуговиц, грубые разбитые башмаки, народец подтощальный, щуплый...

В толпе, примерно посередине, началось какое-то движение. Ага! Крестья-

не расступались перед субъектом, выглядевшим не в пример более довольным жизнью: физиономия от жира не лоснится, но упитаннее очень многих, одежда из сукна, пусть и не первосортного, даже похуже, чем у Томира, с роговыми пуговицами, на шее — тонкая серебряная цепочка с какой-то небольшой бляхой. Ну, если это не староста, то они — ансамбль песни и пляски...

— Староста? — спросил Сварог вежливо.

Его, а следом и остальных, ощупали подозрительным взглядом цепкие глазки. Староста сделал несколько шагов — хотя, видно было, ему страшновато, — и оказался уардах в трех от Сварога. Несомненно, особое впечатление на него производил Акбар — староста старательно делал вид, что не видит никакого пса размером с лошадь, но то и дело косился в его сторону.

— Вы здесь будете староста? — так же вежливо спросил Сварог.

— Оно, конечно...

— Мы люди мирные, — сказал Сварог. — Собачку редкостную вот ведем продавать господину графу... Нам бы лошадей купить, староста, по одной на человека.

— Нету у нас верховых и не бывало... — сказал староста осторожно. Толпа безмолвствовала.

— А нам верховых и не нужно, — сказал Сварог. — Любые сойдут. Лишь бы не клячи. Чем уплатить, найдется...

Он вынул из кармана горсть золотых и неторопливо принялся их пересыпать с ладони на ладонь. Судя по глазам старосты, он прекрасно соображал, что видит не свинец...

— Называйте цену, староста, — сказал Сварог. — Торговаться не станем, нужда у нас в лошадях. Господин граф ждет...

У старосты был вид человека, который на что-то решился. Тихо, с причудливой смесью робости и решительности, он сказал:

— Шли бы вы отсюда, чужаки, со своим золотом. Вот вам мое первое и последнее слово и другого не будет...

Обернувшись к толпе, он, несомненно, подал какой-то знак — толпа загомонилась, заорала, потрясая своим импровизированным оружием, даже придвинулась на шагок, не более. Но ясно было: по новому знаку могут и броситься. Мечи и кинжалы им, конечно знакомы, но автоматы и пулемет Бони они вряд ли воспринимают как оружие, что должно придавать им смелости. Роба у старосты непреклонная, диспуты устраивать не намерен...

Сварог какое-то время прикидывал варианты. Можно, конечно, разогнать их автоматными очередями над головами и под ноги — вот тут уж точно разбегутся. А что потом? Ходить по деревне, самим разыскивая лошадей? Могут прилететь и вилы в спину, и топор из-за угла. Даже для Сварога это опасно, что говорить об остальных? В конце концов, нет у них *крайней* потребности в крестьянских сивках-бурках, пешком выйдет на несколько часов дольше, только и всего. Все равно придется устраиваться на ночлег поблизости от Откоса, или, как он тут именуется, Низины... Словом, не особенно-то и хотелось. Была бы честь предложена, а от убытка Бог избавил...

— Ну ладно, что поделать, — примирительно сказал Сварог, поднимая ладонь. — Уходим, староста, уходим...

Они отходили бочком-бочком, зорко следя за землеробами, держа пальцы на спусковых крючках. Толпа безмолвствовала, как народ в известной траге-

дии, разве что двое-трое — видимо, самые отчаянные — грозно помахали вилами-топорами. Сварог ухмыльнулся, покрутил головой: были у него стойкие подозрения, что этот случай войдет в деревенский фольклор изрядно приукрашенным, с массой живописных деталей: brave землепашцы отважно изгнали попытавшихся было сунуться в деревню чужаков самого жуткого облика, да вдобавок пришедшее с ними омерзительное чудище... Бывает такое с деревенским фольклором.

Деревня осталась далеко позади. Бони выругался простыми крестьянскими словечками, пожал могучими плечами:

— Ну, уроды корявые... Золота они не берут... Сразу ведь определил, что это золото...

— Кто их знает... — сказал Сварог. — Глухомань-то особенная — последняя деревня перед Откосом... Пугливые они тут, я так думаю... — Он посмотрел на часы, сверился с картой, с компасом, показал направление: — Вон туда. Обычным шагом — нам все равно на ночь привал делать. Попадутся деревья — не забывайте затесы делать и кустарник рубите...

Глава XII ТРИ ЧЕТВЕРТИ ПУТИ

На ночлег остановились практически там, где Сварог и рассчитывал, сверившись с картой и шагомером: лигах в пяти от края Откоса, на опушке довольно густой рощицы (их несколько было поблизости разбросано). Ни один хищник так и не попался. Томир сказал, что здесь, на полудне, их и не бывает меж Чащобой и этими землями — густонаселенные места, пашни, конезаводы, деревни и пастбища, где любого случайного хищника постараются ухайдакать очень быстро. А вот вторым зайцем разжились, опять-таки трудами Акбара. Жирные были зайцы, упитанные, видимо, здесь сейчас стояло соответствовавшее осени время (Томир не знал никаких таких «смен времен года», попросту не понимал, о чем его спрашивают. Твердил: так, как сейчас, — круглый год).

Зайцы тут же пошли в дело. Пока еще не окончательно стемнело, Шедарис собрал в рощице сухих веток, нарубил с поваленного дерева столь же сухой коры и проворно развел бездымный костер, предварительно с большой сноровкой вырыв для него топором яму, чтобы со стороны не видно было пламени. Бони по дороге надрал и распихал по карманам несколько пучков зелени, уверенно объяснив, что это дикий чеснок, дикий укроп, а две остальные травы на Таларе прекрасно известны и тоже годятся как приправы.

Таган, котел, миски и ложки обеспечил Сварог. Как и хлеб. Заячий супчик получился на славу. Хлебали его спокойно, не прислушиваясь к ночной тишине и уж тем более не озираясь, — все равно темень стояла непроглядная, хоть глаза к ней чуточку и попривыкли. Один Сварог с его «ночным зрением» видел, как днем. Он не опасался визита непрошенных гостей, тех самых, которые

хуже татарина, — за два дня наблюдений Шмели ни разу не засекали патрулировавшие бы ночью летучие корабли. Вряд ли был смысл отправлять их в ночные дозоры: Низина, шириной лиг в пять, где разгуливало множество хищников, служила надежной преградой для местных смельчаков (а такие, хотя и страшно редко, находились, сказал Томир). Да и Странной Компании, двинься она через Низину пешком, пришлось бы расстрелять боезапас: даже учитывая, что Сварог мог делать патроны, как гайки на конвейере, если бы сбежалось все зверье, драка предстояла бы долгая и нешуточная... Неизвестно, какие здесь порядочки заведены: то ли звери, увидев первых скошенных пулями сородичей, разбегутся, то ли наоборот, хлынут, как лемминги.

Ходившие кругами высоко в ночном небе Золотые Шмели пока что не обнаружили ни в воздухе, ни на земле никакой угрозы. И Сварог в который раз подумал, вычерпывая остатки похлебки: чем же здешнее зверье питается, если, кроме него, никаких других животных, годившихся бы в пищу, нет? Никакой «пищевой цепочки» — а сородичей ни один хищник в пищу не употребляет, что на Земле, что здесь. Были кое-какие версии, но их пока что не проверить...

Они лежали возле мерцавших еще в яме углей, чуть разомлевшие от горячей сытной еды — но оружие держали под рукой.

— Как же мы все-таки полетим, командир? — спросил Бони. — Много чего за тобой знаю, но вот летать не доводилось... Или ты хитрый самолет сделаешь?

— Да нет, — сказал Сварог. — Не стоит привлекать лишнее внимание. Есть другой способ, за него лишний раз надо бабку Паколета поблагодарить... В общем, сами увидите. Черт, я так до сих пор и не могу определить, наблюдают за нами или нет...

Мара сказала:

— Не знаю, что ты там измыслил, но, по моему скромному разумению, летящие люди привлекут не меньше внимания, чем «хитрый» самолет...

— Резонно, — ответил Сварог. — Ну, что поделать. Кто его знает, на что он еще способен. Может, он и невидимых умеет видеть, что людей, что виману. Я о другом думаю... Если он тут полный хозяин и давно наблюдает за нами, как я могу наблюдать за Хелльстадом, почему никто до сих пор не пробовал нас остановить, как-то воспрепятствовать?

— Это, конечно, задачка... — согласилась Мара. Она полулежала, опершись на локоть, и багровые отблески догорающих углей делали ее лицо прелестно-таинственным. — Я вот о другом подумала. Завтра — первый день Календ Фиона. Крайне благоприятных для любых начинаний. Ты специально так подгадал?

— Да нет, — сказал Сварог. — Само собой подгадалось. Что-то я не помню, чтобы мы хоть раз учитывали благоприятные или «скверные» Календы... Поскольку... — он замолчал, резко вздернул голову и вскочил первым. — Все в рощицу, живо! Шег, костер погаси!

Все повскакали, хватая оружие, Шедарис — опять-таки с немаленькой сноровкой — ухватил тесак за рукоятку и, действуя им, как кожевник скребком, проворно сбросил в яму вынутую землю, предусмотрительно насыпанную рядом аккуратной кучкой.

— Опасность? — тихо спросила Мара, когда они укрылись на окраине ро-

щицы.

— Очень похоже, — сказал Сварог сквозь зубы. — Со стороны замка прямо на нас идет летающей объект, уардах в ста над здешним уровнем суши, скорость — лиг тридцать в час... — он помолчал, глядя на то, что видели Шмели. — Ну да, вот именно. Летучий, а корабль. Один-одинешенек. Четверо рыл на палубе, один торчит у тех штук, что кораблем управляют, остальные у бортов... Бони, дай-ка мне пулемет, все равно ты в этой темнотице видишь гораздо хуже меня...

— Да уж, конечно... — не без сожаления проворчал Бони, передавая ему пулемет.

— Держи наготове парочку магазинов, если что, будешь быстренько подавать.

— Есть, командир... Далеко они?

— Уже прошли над Низиной, — сказал Сварог. — Идут, сволочи, прямо на нас, как по ниточке... Ага, показались в прямой видимости! Вон в той стороне...

— Не видно ни черта... — проворчал Шедарис. — Хотя... Вроде в одном месте темень погуще, будто кусок ее вдруг вздумал полетать...

— Ну да, это он, — сказал Сварог. — Тишина!

Он стоял, укрывшись за деревом, держал пулемет стволом вверх. Летучий корабль, видимый ему, как днем, сбросил скорость и неторопливо снижался, направляясь, хорошо еще, не к рожице, а к кострищу. Да, один управляет, трое торчат у бортов, на них определенно, какая-то форма...

Корабль повис уардах в десяти над кострищем. Сварог затаил дыхание и большим пальцем передвинул прицел на соответствующее расстояние, к цифре «100».

Фшиуххх!

С борта корабля, электрически потрескивая, по-змеиному шипя, сорвалась ветвистая фиолетовая молния, ударила в кострище, вверх брызнула земля и дотлевающие еще угли.

Не стоило терять времени. Сварог, выдвинувшись меж двумя деревьями, поднял пулемет, совместил бледно-зеленую фосфоресцирующую прорезь прицела с такой же мушкой. Нажал на спусковой крючок, повел стволом слева направо — чтобы сначала снять тех, кто стоял у этого их чертова излучателя, а уж потом попотчевать рулевого.

И дистанция была небольшая, и стрелял он неплохо... Фигуры в неизвестной форме одна за другой, нелепо взмахивая руками, опрокидывались на палубу. Страшная все же штука — неожиданно заработавший по цели с близкого расстояния пулемет... Летучий корабль как-то нелепо мотнулся, дернул кормой, провалившись вниз, на миг выровнялся — и рухнул наземь. Затрещали ломающиеся доски обшивки.

— *Этих*, будем знать, пули берут... — процедил Сварог. — Стоим тихо!

Они добросовестно выждали пару минут, но корабль, нелепо скособоченный на левый борт, лежал неподвижно, тела, перевалившись через низкий фальшборт, лежали неподвижно на земле, и на палубе не было ни малейшего шевеления. Там есть трюм, вон тот квадратный люк с кольцом, перед мачтой — явно крышка люка, но она не шелохнулась...

— Вперед! — скомандовал Сварог. — Гасите все, что шелохнется.

И первым с пулеметом наперевес бросился к кораблю, вскочил на палубу — скособочилась, но стоять на ней можно, и кивнул топавшему следом Бони:

— Отвали люк!

Тот ухватился за большое железное кольцо и без натуги отвалил крышку. Сварог подумал, что порядка ради следовало бы кинуть туда гранату, по старому принципу: «В незнакомый дом врывается вдвоем: впереди граната, а ты за ней...» Нет, не стоит шуметь лишний раз, и в темноте он видит, как кошка...

Согнув колени, как в парашютные времена перед приземлением, он спрыгнул вниз, мимо аккуратной лесенки с перилами. Развернулся вправо-влево, поводя стволом.

Никого и ничего, трюм пустехонек, с обеих сторон торчат шпангоуты, а по дну протянулось толстое бревно — забыл, как оно именуется на морском жаргоне. Сварог вылез по лесенке наверх, пошел к лежавшим в нелепых позах телам.

Наклонился без всякой брезгливости, присмотрелся. По облику — несомненные люди, соответствующее умение докладывает о том же самом — вот только внутри у каждого — нечто вроде светящегося черным шарика. Неизвестно, как это может быть, но он светится черным... И на глазах истаивает, меркнет, сжимается в теннисный мячик, в горошину, пропадает совсем — отгуляли свое, твари...

Двое лежали мордами вниз, другие двое — на спине, так что легко можно было рассмотреть их форму: черные глухие кафтаны почти до колен, темно-красные шаровары, черные сапоги. На груди непонятная эмблема в золотом контуре овала — две змеи, переплетенные изящными спиралями, уставившиеся друг другу в глаза, а над ними — неизвестная геральдике корона: обруч с несколькими зубцами в виде высоких, острых, узких треугольников, наклоненных наружу. Герб? Больше всего похоже на герб... В точности такой же он видел над парадной, когда просматривал записи Шмелей. Эмблемы во всю грудь, от стоячего воротника до пояса из тускло-желтых нитей и такие же, только маленькие — на голенищах сапог под коленями, вроде старинных уланских кокард.

Время, похоже, их не подгоняло — Шмели пока что не зафиксировали в той стороне ничего летающего, вообще никакой угрозы. Сварог, на всякий случай оставив пулемет при себе, повесив на плечо, прошел в корму. Самый настоящий небольшой штурвал, по обе стороны — по паре гнутых рычагов, две поставки с рычагами поменьше, компас, а это явно спидометр или как он там именуется на корабле. Не реактивный истребитель, конечно — судя по цифрам за круглыми стеклышками, может выжать максимум сорок лиг в час (если только здешние меры те же самые, что и в большом мире). А зачем эта деревянная стеночка перед штурвалом с торчащей оттуда металлической штукой наподобие узких раззявленных челюстей? Ага, вот оно что — примитивный, можно сказать, автопилот...

Потрогав рычаги, он знал теперь, как этой штукой управлять — не великое искусство, да и агрегат не столь уж сложный... На какое-то время он задумался: что теперь делать? Ничего похожего на устройство связи не обнаружено — умение подсказывает, что ничего подобного нет. Техника отнюдь не на грани фантастики, будут их искать или нет? Вполне может оказаться, что они летели куда-то по другим делам и по чистой случайности их маршрут пролег че-

рез лагерь Сварога. Поджечь эту лайбу, в принципе, нетрудно — но *дотла*, до пепла, который можно закопать, сжечь не удастся. Если будут искать, увидят обгорелый остов: судя по тому, как уверенно они летели и маневрировали, умеют видеть в темноте без всяких приспособлений, как и он... Ладно, черт с ними... Главное известно: пули их берут самым распрекрасным образом. Если даже пустятся всей оравой — там еще осталось девять кораблей, возможно, экипажей на всех хватит, — бой, учитывая их излучатели, будет серьезным, но на стороне Странной Компании — эффект внезапности... Семь стволов, один из них — пулемет... Напрасно не прихватил что-нибудь вроде гранатомета, на «Рагнароке» есть с полдюжины — но кто же знал про эти их «молнии»...

Он спрыгнул наземь и скомандовал:

— Быстренько в ту рощицу!

Сварог ее заранее присмотрел, на случай, если придется ночью передислоцироваться — небольшая, но густая, уардах в трехстах.

Сподвижники топотали следом, бесшумно неся Акбар, Томир старался не отставать. Шмели молчали — не было пока что никакой угрозы...

...Ее так и не оказалось, остаток ночи прошел спокойно. Никто не нагрязнул на поиски пропавшего корабля — возможно, Сварог не ошибся, и он летел куда-то по другим делам. Он так и торчал на прежнем месте — накренившийся, нелепо выглядывший на суше (да и в воздухе тоже).

В большом мире, пожалуй, окончательно рассвело — да и часы, изготовленные под сивльванские сутки, врать не будут. Сварог выдал каждому по куску хлеба с колбасой и по кружке кофе, а перед Акбаром навалил груды сырого мяса. Завтракали быстро. Томир, как оказалось, кофе в жизни не пробовал — но, хоть и морщась, осушил кружку до дна, пояснив с бледной улыбкой:

— Для меня — дрянь жуткая, но согревает...

— Ну, все готовы? — глянул на них Сварог. — Становимся гуськом в затылок друг другу, на расстоянии шага. Восхищения командиром не выражать, он тут ни при чем — как уже говорилось, бабку Паколета благодарить будем...

Он достал кожаный мешочек, несколько лет пролежавший в столе в манере, — невеликое наследство от бабки-гусятницы, уже дважды здорово помогшее. Клубок-пробойник изничтожил в Хелльстаде Князь Тьмы, не зная, на чем еще сорвать злобу. Вырезанный из черного камлота волк, предназначенный для одного-единственного раза, свою задачу выполнил надлежащим образом. Остались две красных ленточки и одна синяя. Бросить красную через левое плечо, произнести короткое заклинание — и меж тобой и погоней встанет широкая стена пламени, которое утихнет лишь через час. То же самое и с синей — только бросать ее надо через правое плечо, и заклинание другое. В этом случае от преследователей тебя спасет широкий бурный поток воды — опять так способный продержаться час. Пока что не было случая пустить в ход ленточки. А вот большой клубок светло-коричневой бечевки — крученой, добротной — то, что именно сейчас необходимо, спасибо, бабушка, светлая тебе память.

Он отмотал кусок длиной в пол-уарда, намотал на указательные пальцы, подергал, попробовал. Бечевке, должно быть, много, очень много лет, но выглядит она надежной, ничуть не обтрепалась, не разлохматилась — ну, она ж не обычная, конечно...

Подойдя к Маре, стоявшей последней, Сварог обвязал ее тонкую талию по-

выше пояса с мечом, так, чтобы было не туго, но и слабины не давало, накрепко завязал узел. Боевая подруга взирала с нешуточным любопытством — как и остальные, смотревшие через плечо.

— Это что, мы *так* и полетим? — спросила Мара.

— Бабка заверяла, что полетим, — сказал Сварог. — А ее наследство до сих пор осечки не давало.

— Офигеть...

Сварог перешел к Паколету. Вот тут уже оказалось чуточку труднее, пришлось повозиться: вместо конца бечевки у него в руках был весь клубок, а резать бечевку на куски ни в коем случае нельзя... Справился наконец — а там пошло легче и легче. Сложнее всего пришлось с Акбаром — добравшись до него, смиренно стоявшего, Сварог пару минут прикидывал, что тут можно придумать. Наконец сообразил, все так же, не туго, но без слабины, опоясал гарма в двух местах: по животу и по груди около передних лап. Отматывая бечевку, встал перед Акбаром и опоясался сам, оставив кусок пол-уарда. Вот теперь бечевку можно было разрезать, что он и проделал кинжалом. Осталось чуть меньше половины — будем надеяться, еще пригодится...

Завязал три узелка — тридцати уардов высоты вполне достаточно, не стоит вбираться в заоблачные выси, хотя бечевка и на это способна, смотря сколько узелков завязать. Произнес должное заклинание и почувствовал, что его подошвы отрываются от земли. Он взмыл вверх, как воздушный шарик, совершенно не чувствуя своего веса. Сзади удивленно вскрикнул Томир — да и парочка его старых сподвижников невольно охнула: всякое с ними бывало, но такого...

Дальше было совсем просто: направляй зажатый в кулаке свободный конец бечевки в нужном направлении — и лети в ту сторону, что твой дирижабль. Со скоростью велосипедиста, лиг пятнадцать в час, но больше, пожалуй, и не надо: ветер не так бьет в лицо.

Одно плохо: если навстречу вылетят летучие корабли, значительно превосходящие в скорости, воздушный бой завяжется, пожалуй что неравный, с явным перевесом противника. Ну что ж, приходится рисковать. Шмелей он отправил на лигу вперед — если сообщат об опасности, следует побыстрее приземляться, будет больше шансов...

Вереница людей и гарм плыли над Низиной. Земля здесь чуточку другая: бурая, суховатая, островков травы гораздо меньше, хотя порой попадаются не просто рощицы — протяженные лесные заросли. Несколько раз Сварог видел внизу зверей, казавшихся с такой высоты не больше котенка. Одни спокойно бродили, всегда поодиночке, другие лежали, вытянув лапы и, казалось, дремали. Находились и такие, что садились, задирали головы к небу и провожали воздушный караван внимательными взглядами. Но следом не бежали, оставались на месте.

Порой Сварог оглядывался, видел, что все обстоит благополучно: Акбар смирихонько висит в воздухе, вытянув лапы и опустив хвост (но, судя по прижатым ушам и общему выражению морды, ему все же чуточку неуютно: ну да, он не раз летал со Сварогом и на брагантах, и на виманах, но *таких* путешествий ему еще не приходилось совершать). Томир, очень похоже, до сих пор не пришел толком в себя, но все остальные вполне освоились и с любопытством смотрели вниз. Мара, улыбаясь во весь рот, помахала ему рукой.

В конце концов, стало элементарно скучно: опасности не было, а плыть в воздухе над однообразным пейзажем — не самое увлекательное занятие на свете. Сварог чуть оживился, когда внизу проплыл высокий, довольно крутой откос — они достигли противоположного края Низины, прошли над горами — и потянулось уходящее за горизонт алое поле. Сверху оно выглядело в точности как снежная равнина — вот только вот снег был алым. Никакой магии на ощущалось, а вот запах, когда он разок попробовал *нюхнуть*, стал еще гуще, дерзостнее, тошнотворнее. Теперь он хорошо понимал; что тогда чувствовала Яна, — самого стало подташнивать, и он побыстрее отключил *умение*.

И вновь — долгий, скучный полет над алой равниной в совершеннейшем безветрии и при отсутствии какого бы то ни было противника...

Получив донесение от Шмелей, он встрепнулся, насторожился, вернул их, велел лететь поближе, уардах в сотне от «каравана». Вскоре на горизонте показался замок, и Сварог, когда решил, что время настало, принялся развязывать один за другим не так уж туго затянутые узелки. Они спускались ниже, ниже, ниже... И наконец встали на твердой земле.

Сапоги по щиколотку ушли в алый снег. От него тянуло заметным холодком, достигавшим колен, — но температура воздуха явно была ничуть не ниже, чем за пределами странной равнины.

Сварог распорядился:

— Режьте бечевку. Второй раз она уже не сработает, свое дело сделала...

Освободился сам, стряхнув обрезки бечевки прямо в снег, освободил сразу приободрившегося Акбара. Томир разрезал бечевку мечом, возвращенным ему перед полетом. Огляделся, прислушался. Тишина прямо-таки мертвая — ох, не надо бы таких сравнений... Замок высился впереди, уардах в трехстах — абсурдное, нелепое строение, вновь казалось, сооруженное парой дюжин спятивших архитекторов. Они приземлились у его боковой стороны — но на поле выходило множество окон ни разу не повторявшейся формы, оттуда простым глазом можно рассмотреть на алой равнине кучку людей в темной дорожной одежде, и уж тем более черного пса размером с коня...

Наклонился, присел на корточки, зачерпнул ладонью пригоршню — самый обычный снег, прохладный рассыпчатый, разве что алый. Как ни проверял Сварог на нем свои магические умения, *ничего* не обнаружил, снег как снег.

Снег в его руке стал помаленьку таять, как и положено снегу. На ладони появилась алая жидкость, похожая на разведенную акварельную краску, и его почему-то передернуло от отвращения, он выбросил остатки и тщательно вытер ладонь о полу кафтана.

— Ну, что скажешь? — спросил он Акбара.

Гарм, как с ним уже случалось раз, когда вошел в Заводь впервые, вытянулся в струнку, напряженно нюхая воздух расширенными ноздрями. Издал тихое, короткое, клокочущее рычанье.

— Ну да, я и сам вижу, что место поганое... — сказал ему Сварог. Обернулся к сподвижникам: — Ну что, не будем тут торчать, пойдём в гости? Приказов никаких отдавать не буду, потому что понятия не имею, с чем мы там столкнемся. Стреляем и рубим по всему, что покажется опасным, — возможно, ничего *другого* тут и нет...

— Уж это наверняка... — проворчал Бони, привычно перехватывая пулемет поудобнее. — Поганое местечко?..

Сварог криво усмехнулся:

— Ну что, оружейник, не передумал?

— С чего бы вдруг? — с застывшим лицом сказал Томир, крепко сжимая рукоять меча. — А вдруг она там? И ей ничего не успели сделать?

Его глаза пылали столь яростной надеждой, что Сварог невольно отвел взгляд. Сказал негромко:

— Посмотрим. Разберемся. Пошли!

Они волчьей цепочкой двинулись к замку, обходя его справа. Акбар ступал осторожнее всех, словно по тонкому льду. И время от времени коротко рычал.

Сварог оглянулся — почему-то показалось, что за их спинами алый снег тут же затянёт их следы, сомкнется, как потревоженная болотная вода. Нет, ничего подобного — следы людей и гарма четко виднелись, начиная от места приземления. Снег похрустывал легонько под ногами.

Они остановились урдах в тридцати от парадного крыльца, над которым красовался тот самый герб. Широкая лестница из серого камня, казавшаяся ничуть не тронутой временем, невысокие перила, украшенные фигурами неизвестных, но, безусловно, хищных зверей — по четыре с каждой стороны. Высокая двустворчатая дверь гостеприимно распахнута настежь, за ней виднеется что-то вроде обширного вестибюля с мозаичным полом и громадной люстрой под потолком, выглядевшей так, словно и ее делал безнадежно спятивший мастер: нагромождение прозрачных висюлек, лишённое всякой симметрии и гармонии, под стать замку. Справа — то самое большое здание (никакого движения незаметно) и навес, под которым летучие корабли стоят на подставках вроде тех, что бывают у моделей, только размерами побольше. Одна пара пустовала — и Сварог подумал не без злорадства, что ее корабль уже не займет.

Он послал Золотых Шмелей внутрь. Мозаичный пол, по обе стороны — ряды колонн...

И все оборвалось, Сварог ничего больше не видел, а значит, не видели Шмели. Сузил глаза — там, в вестибюле, ни шевеления, ни вспышек. Попытался их вернуть — но они не вернулись. Очень возможно, их больше не было. Ну, не торчат же тут вечно, робкими просителями, ожидающими, когда к ним выйдет барин?

— Ну, с Богом, — сказал Сварог.

И первым направился к лестнице, положив руку на чехол Доран-ан-Тега, не испытывая ничего, кроме яростной отрешенности, как часто случается перед боем.

Глава XIII

ДВЕ ЧЕТВЕРТИ ПУТИ

Серый камень под ногами. Шаги звучат именно так, как и должны звучать шаги людей, идущих по каменной лестнице. Уже можно рассмотреть вестибюль, пустой и обширный.

Вошли. Мозаика под ногами, шаги звучат именно так, как и должны звучать шаги людей, идущих по мозаичному полу. Ни звука, ни шевеления вокруг. Мозаичный пол, по обе стороны высокого зала ряды розоватых колонн странноватой формы — сверху донизу покрыты желобками, сплетающимися в некий абстрактный рисунок, без тени красоты и гармонии. Точно так же желто-черно-синяя мозаика под ногами глаз не радовала, наоборот — то же самое хаотическое сплетение прямых и кривых линий, зигзагов, неправильных кругов и косых треугольников...

Пройдя шагов двадцать, Сварог поднял руку, приказывая остановиться, осмотрелся еще раз. Впереди — не особенно крутая, но высокая лестница, заканчивающаяся площадкой с высокой двухстворчатой дверью — ручки то ли золотистые, то ли из чистого золота, сделаны в виде двух сплетенных змей с герба. Справа от двери — белая статуя обнаженной женщины: лицо улыбающееся, прическа замысловатая, одна рука приподнята, другая вольно опущена, зрачки глаз зеленые.

Он на миг испробовал умение и тут же выключил его: ноздри прямо-таки залепил густой, непереносимый запах падали, настолько тошнотворный, что едва не вывернуло. Да, это гнездо... Испробовал другое умение, уже хелльстадское, попытался проникнуть взглядом за дверь наверху, но ничего не вышло. Причем ощущения странные: не было преграды, магического щита, скорее уж взгляд соскользнул, как соскальзывает упавшая на ледяную горку монетка. Непонятно. Одни умения, что заоблачные, что хелльстадские, исправно срабатывают, другие оказываются бессильными... Никакой системы, никакого объяснения...

Выбора нет, остается одно: подняться по лестнице и попытаться войти в дверь — других нигде не видно... Сварог оглянулся на сподвижников, замерших с оружием наготове, сказал:

— Идем цепочкой. Действуем по обстоятельствам, опасаемся всего на свете и ждем чего угодно...

Чуть подумав, взял Томира за локоть и поставил его предпоследним, сделав замыкающим Шедариса. Сказал оружейнику:

— Держись в сторонке, в общую кучу не лезь. Шег, приглядывай...

И первым стал подниматься по лестнице. Оказавшись у самой двери и уловив краешком глаза шевеление справа, резко развернулся туда.

Белая статуя ожила: красивое личико свела словно бы гримаса испуга, она прикрылась обеими руками, словно застигнутая деревенскими парнями стыдливая купальщица. Не раздумывая, Сварог взмахнул топором. Удар пришелся по талии, верхняя половина статуи рухнула на пол, разбрызгивая зеленоватую жидкость с какими-то темными сгустками, — а нижняя так и осталась стоять, словно чаша странной формы, наполненная той же жидкостью.

Сварог ждал с топором наизготовку, но больше ничего не произошло, поло-

винки статуи не шевелились. Уж не шутка ли юмора здешнего хозяина? Поди разберись...

Осторожно протянув ладонь к ручке, сжал ее — ничего не произошло — потянул на себя. Дверь отворилась легко и бесшумно. Акбар первым влетел в сводчатый зал, расставил передние лапы, вытянул шею, пригнувшись, гавкнул куда-то влево.

Следом вошел Сварог. Такой же мозаичный пол в отгаликивающих узорах, разве что сине-желто-серый. В противоположном конце такая же дверь, близнец той, в которую они вошли. По стенам выступают полуколонны, розовато-серые, как и весь зал, а слева...

А слева — большой стол неправильной формы, напоминающий очертаниями небрежно выплеснутую черную краску, застывшую причудливым пятном, на гнутых корявых ножках. На нем — какие-то сосуды, высокие, вроде бы глиняные, в белых хаотичных узорах. И возле стола стоит молодая женщина в зеленом платье до пят, красивая, с аккуратно расчесанными светлыми волосами, улыбается им дружелюбно и открыто...

Томир вдруг кинулся к ней, с неопишуемой радостью крича:

— Лиона!

Ничего еще не понимая, Сварог рявкнул:

— Назад!

Не слушая его, оружейник, отшвырнув меч, подбежал к женщине, обхватил ее обеими руками, прижал... Мозаичный пол вспучился волной над их головами, накрыл обоих, вмиг осел — и уже не было ни оружейника, ни женщины, пол казался ровным и неподвижным. Запоздало стрекотнула автоматная очередь — ага, Мара — пули выбили щербины в мозаике. «Началось...» — подумал Сварог с удивившей его самого отстраненностью и махнул рукой:

— Вперед!

Они пошли к двери. За ней, открывшейся так же легко и бесшумно, оказалась очередная лестница, уходившая влево, к очередной площадке с очередной дверью, но на сей раз там не было никаких статуй.

Поднялись к двери, Сварог потянул ручку на себя. Очередной зал, разве что не сводчатый, с плоским потолком, расчерченным черными линиями на большие прямоугольники, покрытые косо́й решеткой, напоминавшей рыболовную сеть. Ни полуколонн, ни мозаики: стены, пол и потолок унылого грязно-серого цвета, решетки — желтоватые. И ничего больше, пусто и голо. В противоположном конце — очередная дверь.

— В лешеву бабушку... — проворчал Бони, поводя пулеметом. — Так и будут гонять?

— Вперед... — сквозь зубы сказал Сварог, направляясь к двери, потому что ничего другого больше не оставалось.

Акбар опередил его длинным прыжком — когти скребанули по каменному, судя по звуку, полу — пошел шаг на три впереди, встопорщив шерсть за затылке, осторожно ступая.

Сверху вниз мелькнуло что-то большое, прямоугольное, чуть светившееся — один из решетчатых прямоугольников рухнул прямо на Акбара и провалился с ним вместе, исчезнув в полу. Выкрикнув что-то, Сварог бросился к тому месту, ударил топором, и еще раз, и еще...

Ничего не произошло. Три глубоких проруба в камне, и все. Сварог покри-

вился от тупой боли в сердце, уже понимая, что никогда больше не увидит верного пса. Перед глазами встал узкий скальный проход, лежащий на боку огромный щенок... Он отогнал все чувства и эмоции — не было времени и возможности позволять себе такую роскошь, рывкнул:

— Вперед!

Очередная лестница, закрученная вправо, очередная дверь. Очередной зал, больше всего напоминающий внутренность огромной коробки из-под обуви, сплошь выкрашенной в черный цвет с оранжевыми крапинками. Сварог отметил, осторожно шагая к двери в противоположном конце: ни одного окна, ни одного светильника ни разу не увидел, но все залы довольно ярко освещены неизвестно откуда идущим светом. Мир без теней — никто из них не отбрасывает тени, как случается только с призраками. Но они-то живы, черт возьми!

Под резкий переливчатый свист сверху пролился ливень из маленьких, косматеньких, огненно-багровых шариков, сухой жар навалился, опалил, запахло горелым сукном и горелыми волосами, вокруг и перед глазами что-то звонко лопалось, разбрасывая искры и дым...

Все кончилось так же неожиданно, как и началось. Сварог оглянулся — все были невредимы, только одежда прожжена и опалена во многих местах, и волосы опалены, лица в копоти. Проведя по щеке левой ладонью, он увидел на ней жирную копоть, окинул взглядом одежду — да, он выглядел не лучше остальных. Но все были целехоньки, ожогов не видно ни на лицах, ни на руках. Снова шуточки здешнего хозяина?

Дверь распаивается бесшумно и легко... Нечто новое: большой квадратный зал в сине-зеленых тонах, почти весь занятый бассейном: спокойная вода, чистая, прозрачайшая, глубину определить трудно, но не менее уардов пяти, пол светло-голубой, бугристый, кое-где растут невысокие розоватые кустики, больше всего напоминающие кораллы. По периметру — полоса синего пола уарда в три шириной, напротив, по другую сторону бассейна — очередная дверь. Вот только как до нее добраться? Разве что вплавь, свернув одежду в узлы и держа огнестрелы над головой — холодному оружию ничего не будет, пусть даже окунется... если только это *обычная* вода, не только на вид обычная. Хотя... Блеснула интересная мысль. А ведь должно получиться — хотя по-ди пойми, какое из умений тут сработает, какое — нет...

Они стояли, растянувшись в шеренгу, в шаге от двери и стены. Ощущение угрозы оставалось, но не превышало обычного. С того самого момента, когда они вошли, Сварог чувствовал угрозу как фон, она присутствовала везде, словно ею был пропитан воздух — постоянный фон, без единого всплеска...

— Ну что, плыть придется? — спросила Мара спокойно.

— Погоди, — сказал Сварог. — Есть у командира кое-что в запасе на всякие случаи жизни... Паколет, назад! Мало ли...

Паколет подошел к самому краю бассейна, с любопытством глядя вниз. Он успел услышать Сварога, но больше ничего не успел...

Странно дернулся, взмыл вверх, тело стало почти невидимым — лишь кое-где виднелись полосы одежды, каблук одного сапога. Или... Или его крепко опутали невидимые щупальца. Коротко простучал его автомат и тут же смолк. Видимые части одежды и правой руки взмыли вверх, по дуге обрушились в бассейн, подняв фонтан брызг. Сварог ничего не видел и *другим* зрени-

ем — умения вновь работали избирательно, по непонятной системе...

— Всем стоять на месте! — рявкнул он, увидев, что шеренга колыхнулась.

Проворно сорвал со спины заплечный мешок, дернул шнур, завязанный хитрым узлом, позволявшим вмиг его распустить, распахнул горловину. Из мешка взмыл Золотой Филин и, выполняя мысленную команду, прошел над бассейном, мечая из глаз сиреневые молнии, оставлявшие на воде клубы пара, методично прочесывал зал, поливая огнем бассейн так, чтобы не пропустить и участка размером с ладонь. «Работает, — облегченно вздохнул Сварог, — через раз, но работает...»

Он смотрел вниз. Прозрачная вода замутилась синеватыми клубами, медленно, словно на опущенном в кювету фотоснимке, проступали контуры, становясь все явственнее, сливаясь во что-то весьма знакомое...

Огромные осьминоги, десятка два. Еще извивались щупальца, еще подергивались округлые тела, но кровь поднималась от них распухавшими клубами — у осьминогов кровь голубая, — и видно было, что Золотой Филин прикладывает их *убойно*...

Вот все и кончилось — последние конвульсии распростертых щупалец, твари выкошены все до одной. А недалеко от стенки бассейна, у которой они стояли, лежит на дне скелет в оставшейся нетронутой одежде, с разбросанным вокруг оружием.

«Осьминоги, — пронеслось в голове у Сварога. — Много съедобного мяса без костей...»

Не было времени горевать, вообще отвлекаться на чувства.

Не столь уж длинное заклинание, произнесенное про себя, секунды томительного ожидания, показавшиеся невероятно долгими... Отчаянный треск ломающегося дерева и возле них, и на том конце бассейна... Получилось!!!

Поперек бассейна легла на воду «Принцесса», достопамятный кораблик, выручавший уже дважды и вот теперь пригодившийся в третий раз — как мост. Она оказалась чуть длиннее бассейна, нос и корму снесло, подскочив к краю бассейна, Сварог видел, что в образовавшийся пролом потекла вода, — но времени хватит, должны успеть...

— Вперед! — крикнул он. — На ту сторону!

Странная Компания припустила бегом, цепочкой, Сварог кинулся замыкающим — и, уже почти достигнув искореженного носа, спохватился: а филин? Оглянулся. Золотой Филин, распростерши крылья, неподвижно лежал на дне у самого борта «Принцессы», на спине клювом вверх. Когда его *накрыло*, Сварог не заметил...

Осточертевшая уже очередная лестница все той же длины и наклона, на сей раз уходящая вправо, вверх. Все лестницы вели вверх...

Открыл дверь, остановился на пороге, озираясь. Прежде он ни разу не видел двух схожих залов — вот и сейчас обнаружилось нечто новое. Квадратная коробка, стены и потолок покрыты черно-белыми узорами, как обычно здесь, хаотичными, неприятными для глаза. Как и следовало ожидать — дверь в противоположном конце зала. Пол — из огромных квадратов, белых и черных, напоминающих что-то знакомое, но чувства в таком раздрае, а мысли в боевой отрешенности, и как-то не лезет в голову догадок...

— Вперед, — хрипло сказал он.

Он не подал команды держаться цепочкой, и сподвижники двинулись эта-

ким журавлиным клином, по тройному ряду квадратов. Уже одолели полпути... Сварог машинально сосчитал клетки — восемь в ширину, восемь в длину, общим числом шестьдесят четыре...

Шакра-чатурандж!

Он ничего не успел ни крикнуть, ни сделать — справа от него огромный белый квадрат встал на ребро, словно повернулся на невидимой оси, проходившей аккуратно посередине, и Тетка Чари провалилась туда, взмахнув руками, далеко внизу раздался затухающий крик, из образовавшегося проема ударило жаром, словно взметнулось высокое пламя. И тут же белый квадрат встал на место. Нечеловеческий рев Шедариса, он кинулся туда, упал на колени, попытался вцепиться руками в пол, что-то сделать — но ничего, конечно же, не вышло, растопыренные пальцы скользили по белоснежной поверхности.

Смерть тебе сулит шакра-чатурандж...

Сварог одним прыжком оказался рядом, громко рыча что-то нечленораздельное, поднял за шиворот, толкнул вперед, закричал что было мочи:

— За мной! След в след!

«Что же выходит? — смятенно подумал он. — В каждом зале гибнет кто-то один, согласно давнему предсказанию? А сколько таких залов вообще? Не хватит ли на всех?»

Страха не было, отчаяния тоже, но тоскливая безнадежность, если быть честным перед самим собой, маячила где-то поблизости, и не так уж далеко...

Он постарался отогнать эти мысли, шагал с величайшей осторожностью — и, едва край черного квадрата, на который он ступил — предпоследнего перед белым, за которым была дверь, вдруг ушел из-под ног, Сварог отчаянным прыжком метнулся в сторону, растянулся на соседнем белом квадрате, гремя оружием, успев крикнуть:

— Всем стоять!

Слева от него ударило жаром, но почти сразу же черный квадрат встал на место — больше всего походило на тупой, нерассуждающий механизм, а не устройство, управлявшееся чьей-то волей. Сварог, все еще лежа на прохладном и твердом полу, видел лицо Шедариса — не лицо, звериную морду, готовую рвать клыками направо и налево, брызгая кровью, перехватывая глотки и дробя позвонки.

Но ведь до сих пор нет конкретного, осязаемого противника, на которого можно броситься и попытаться убить. Нет, хоть ты тресни. Быть может, это и есть самое жуткое...

Сварог поднялся. Пошел первым. До двери они добрались благополучно. Конечно же, очередная лестница, высокой кривой уходящая влево. Ну да, они поднимаются все выше и выше, хотя невозможно определить даже приблизительно, насколько высоко поднялись...

Овальная зала, напоминающая разрезанное вдоль вареное вкрутую яйцо, и не только формой: посередине — неправильный желтоватый круг, от него расходятся концентрические беловатые и желтоватые полосы. Стены и сводчатый потолок покрыты сплошной россыпью беловатых и желтоватых клякс, прилегающих друг к другу плотно, как мозаичные камешки. По обеим сторонам, от двери до двери растут в один ряд деревца не выше человека — темно-серые, корявые, голые ветви усыпаны ярко-алыми круглыми плодами размером с детский кулачок. Лихорадочно перебрал в памяти предсказания Лес-

ной Девы, Сварог так и не нашел подходившего бы к *этому* залу — или очередной подвох?

— Коробочкой! — приказал он.

Они двинулись к двери, сбившись в кучку, оцетинясь стволами. Прошли уже треть пути, ничего не произошло...

Резкий звон, словно дернули струну расстроенной великанской гитары!

Все до единого плоды вдруг *раскрылись*. Из них таращились самые натуральные глаза — белок, бледно-зеленая радужка с вертикальным, кошачьим черным зрачком... Сварог положил палец на спуск, самую малость надавив — и они продолжали путь, потому что ничего другого больше не оставалось. Ярко-алые плоды шевелились на черенках, как рачьи глаза, провожали их пристальным нелюдским взглядом. Сварог уже взялся за ручку — а ничего так и не случилось, ровным счетом ничего, лишь глаза пялились им вслед...

Лестница, конечно. Уходящая вверх несколькими зигзагами разной длины — словно декорация к какому-нибудь авангардистскому спектаклю. Но высота примерно та же — наблюдается некий стандарт. «Значит, не в *каждом* зале ждет смерть?» — подумал Сварог с некоторым облегчением. Прошли ведь благополучно, а на лестницах ни разу *ничто* не подстерегало, если не считать ожившей статуи, не причинившей ни малейшего вреда...

— Привал, — решительно сказал он и первым присел на нижнюю ступеньку, как на скамейку.

Остальные последовали его примеру. Пятеро нас было, было нас немало...

Глянул на сидевшего слева Шедариса — уже не звериная морда, самое обыкновенное человеческое лицо, только закаменевшее. — Достал из воздуха сигарету, прикурил, коснулся фильтром пальцев друга:

— Шег, покури...

Шедарис, не поворачиваясь в его сторону, застыв, взял сигарету, стал затягиваться механическими движениями заводной игрушки. Глядя в никуда пустым взглядом, сказал, почти не шевеля губами:

— Добраться бы до этой твари...

— Повезет — доберемся, — сказал Сварог.

Посмотрел на остальных — лица сосредоточенные, злые, но ни на одном не видно ни страха, ни безнадежности. Никто не сломлен, а это глазное...

— Ну что, — сказал Сварог с кривой улыбкой. — Затащил я вас?

— Да ладно тебе, — сказала Мара с вымученной улыбкой. — Не дети малые, знали, куда шли...

— Вот именно, — сказал Леверлин.

— Доберемся, — с яростной убежденностью сказал Бони. — Доберемся, клочки по закоулочкам пустим... Сам видишь, командир, *оно* не везде бьет...

— Вижу, — сказал Сварог, поднялся и раздавил подошвой окурков. — Ну, пошли?

Дверь. Куполообразный зал с очередной дверью на противоположной стороне. Стены и пол — зеленоватые, стены чистые, а пол довольно густо усеян большими белыми кругами. Чувство опасности и угрозы на том же уровне — постоянный фон, которым воздух насыщен и в тех залах, где погибли друзья, и в том, где ничего не произошло. Ничего невозможно предсказать наперед...

— Цепочкой, — распорядился Сварог.

Мало того, что ничего не предсказать заранее — в *этом* зале просто невоз-

можно определить, откуда может навалиться смертельная опасность. Мостов, во всяком случае, здесь нет. Вот разве что эти белые круги, на которые почему-то не хочется наступать, не хочется, и все тут... Единственное тут, что способно... — Он оглянулся. Крикнул:

— Бони, в сторону! Не...

Поздно! Король королей Вольных Маноров не успел убрать ногу с краешка круга — и тот взвился, превращаясь в скопище не белых, а прозрачных, словно чисто вымытое оконное стекло, лент. Клубок этот охватил ноги Бони, подсек, свалил, проволока поближе к центру (очертания круга остались на полу белесоватым контуром), опутал до бедер...

— Назад! — прикрикнул Сварог, видя, что сподвижники ринулись на помощь. — Черту не переступать!

И вовремя крикнул — едва Мара заступила носком сапога за черту, часть лент проворно метнулась к ней, разворачиваясь пучком хищных щупалец, готовых схватить, оплести...

Рыжая кошка, юная королева неуловимым движением скользнула за пределы круга (у Сварога в диком несоответствии с ситуацией промелькнуло в голове: «впервые вижу здесь *правильную* геометрическую фигуру...»), и ленты отдернулись словно бы разочарованно, сплелись вокруг Бони.

Бони кричал, как кричат люди от невыносимой боли. Тщательно прицелившись, Сварог выпустил короткую очередь по верхушке высокого клубка. Бесплезно. Пули прошли, как сквозь дым, видно было, как из стены напротив летит нечто вроде каменной крошки.

Сварог не сдавался. Он занес топор и бросился вперед, через контур круга — и, когда к нему метнулись прозрачные ленты, взмахнул Доран-ан-Тегом. И снова — бесполезно, блестящее лезвие прошло сквозь них, как через дым или туман, Сварог едва успел отпрыгнуть, благо ленты двигались теперь заметно медленнее и гораздо быстрее возвращались назад в клубок, словно обладали то ли разумом, то ли инстинктом хищника, и их тянуло к уже пойманной добыче...

Бони кричал с искаженным от боли лицом, нелепо взмахивая руками, дергая головой. Сварог многое повидал, но сейчас волосы, такое ощущение, встали дыбом...

Клубок его жрал. На свой невиданный манер. Прекрасно было видно, что сапог уже нет, только голые ноги — и медленно, словно бы растворилась, истаяла живая плоть, показались кости ступни, а там и они начали помаленьку таять, это распространялось выше по ногам, но медленно, очень медленно, и Сварог с ужасом понял, что продлиться это может долго, очень долго... Кровь брызнула из обрубков ног — и тут же растаяла в переплетении прозрачных лент.

Бони должен был испытывать невероятную боль — сердце от его крика ledenelo. Вопли внезапно стали осмысленными, сложились в слова, и Сварог понял, что кричит сподвижник...

Но остался на месте — не мог себя заставить, и дело было вовсе не в лентах... *Такого* он никогда прежде не делал, хотя хлебнул всякого... Не мог.

Мимо него метнулся Шедарис, оскалась, с побелевшим решительным лицом, взмахнул топором и нанес точный, безжалостный удар. Ленты взметнулись, но как-то вяло — и Шедарис в три прыжка оказался за кругом.

Крик стих. Отсеченная голова Бони лежала на зеленоватом полу лицом вниз — а *прозрачное* все так же медленно пожирало его неподвижное тело, добираясь до колен.

Голову тебе отрубят лучший друг...
— Вперед! — яростно крикнул Сварог.

Глава XIV ЧЕТВЕРТЬ ПУТИ

Очередная лестница оказалась прямой, вела влево. И в *этом* Сварог не видел никакой системы — да и какой смысл был искать в происходящем систему, чем это могло помочь? Он шагнул впереди тройки сподвижников, старательно прогоняя дурацкие мысли — начинало казаться, что никакого противника нет, что замок по неизвестным причинам пуст, что здесь больше нет *хозяина*, что остались только те самые слуги, действующие не по приказу, а согласно какому-то тупому инстинкту, раз и навсегда заложенной программе. Что они оказались внутри столь же тупого, не рассуждающего механизма, однажды пущенного в ход и способного вращаться *вечность*, — с этим механизмом невозможно вступить в переговоры, и победить, уничтожить его нельзя, не зная его уязвимых мест. Хотя, конечно же, уязвимые места есть у *любого* механизма — но как их отыскать?

Потом стало еще хуже: в голову назойливо лезли кадры из старого военного фильма времен его детства: орудия разбиты, живых почти и не осталось, контуженный телефонист, отрешившись от всего окружающего, глухой и слепой к внешнему миру, повторяет в трубку, как автомат:

— Мы все погибли здесь, выполняя приказ... Мы все погибли здесь, выполняя приказ...

Приказ отдал сам Сварог — ну, пусть не приказ отдал, предложение сделал, от которого никому отказаться не позволила честь, какая, собственно, разница? Тут другое: приказ это был или предложение, он шел с ними, и шансов у него, пожалуй, не больше, чем у остальных — неизвестно, кому что выпадет. Сугубо сухопутный вояка неожиданно для себя оказался в роли адмирала: есть старая морская пословица: «Генерал посылает в бой, а адмирал — ведет». В двадцатом столетии на Земле исключения из нее стали редчайшими — хотя на Таларе сплошь и рядом обстояло иначе, как на Земле в прежние века...

Дверь открывается бесшумно и легко. Они остановились на пороге. Сварогу уже крепенько *опалило* душу в этом замке, но сейчас он ощутил настоящее, неподдельное, нешуточное удивление: настолько это не походило на все, прежде виденное в этом абсурдном творении спятившего архитектора...

Большой прямоугольный зал. В глухой стене напротив, конечно же, дверь, а вот в двух боковых — по два стрельчатых окна, за которыми виднеется — с немаленькой высоты — алая снежная равнина. Огромный ковер во весь зал покрыт приятными для глаза ало-золотистыми узорами. Зал полон танцую-

щих — дамы с незнакомыми высокими прическами, в пышных платьях незнакомо́го фасона до пола, кавалеры в столь же незнакомых роскошных нарядах. Неизвестно откуда звучит музыка — негромкая, мелодичная, приятная, девичий голос, чистый, высокий, нежный, выводит с надрывом, с несомненной грустью:

— Аleo траманте,
беле аграманте,
чедо каладанте,
э виле...

Впечатление такое, словно играют клавесин и два виолончели. Медленный, плавный танец чем-то напоминает менуэт, хотя и нет полного сходства — дамы и кавалеры движутся неторопливо, то протягивая друг другу руки так, что ладони соприкасаются, то отступают в разные стороны с поклонами и грациозными движениями рук от сердца к партнеру или партнерше и наоборот. Свет, льющийся неизвестно откуда, кажется колышущимся, чуть мерцающим, словно идет от множества свечей. Безмятежные улыбки на лицах, нежные, лукавые взгляды, никто не обращает внимания на вошедших, никто не отбрасывает тени, как и вошедшие...

Картина столь умиротворенная и красивая, что Сварог невольно расслабился, даже опустил руку с топором — но только на миг. Тут же опомнился, кинул быстрый взгляд вправо-влево, отметив с неудовольствием, что сподвижники тоже немного *помягчели*, даже у Шедариса на застывшем лице отразилась *тень* человеческих чувств. Скомандовал резко, даже грубо:

— Подтянулись!..

Все словно очнулись, лица посуровели, руки крепче сжали оружие. Сварог какое-то время ломал голову: как поступить? Танцующих здесь столько, что нет никакой возможности пройти меж ними к двери, никого не задев, ни к кому не прикоснувшись — а попробуй прикоснись, и неизвестно, что будет... Но не торчать же тут до бесконечности? Надежнее будет предположить, что *мирного, доброго* здесь встретиться не может, не тот замок...

Он уже знал, кому отдать приказ, сопровождавшийся многозначительным жестом:

— Шег!

Шедарис поднял автомат и ударил от пояса длинной очередью, ведя стволом справа налево, во всю ширину зала. Почти беззвучно застучали по ковру падающие гильзы. И ничего не изменилось, абсолютно ничего. Словно и не было прошедшего по залу ливня свинца. Танцующие по-прежнему не обращали на них внимания, продолжали изящные плавные пируэты, пули никому из них не причинили ни малейшего вреда, словно зал был полон призраков — а может, так оно и было? Во многих старинных замках обитают призраки, даже в Латеранском дворце их немало — почему бы даже здесь не оказаться безобидным призраком неизвестно каких, но безусловно старинных времен?

Сварог шагнул вперед, занося топор — черт его знает, что там творилось в подсознании, но он все же в последний момент выбрал не женщину, а мужчину, нанес без размаха удар кавалеру в вишневом камзоле, расшитом белыми цветами.

И — ничего. Лезвие, как и в том зале, где погиб Бони, рассекло словно бы дым или туман — и кавалер, улыбаясь очаровательной девушке в светло-зеленом, продолжал танцевать, как ни в чем не бывало.

— И что? — шепотом спросила Мара.

Сварог решил. У них просто не было другого выхода.

— За мной! — приказал он и двинулся на толпу танцующих.

Ускорил шаг. Ничего не происходило. Он шел сквозь танцующих, как через полосу тумана, и ничего не делалось ни с ним, ни со спутниками. Казалось иногда, что, минуя очередного призрака, он на миг ощущает зябкий холод — но, не исключено, что так именно *казалось*.

Они благополучно добрались до двери — и вышли целыми и невредимыми. Впереди очередная лестница — на сей раз зигзаг состоит из множества совсем коротких отрезков-маршей.

— Надо же, — сказала Мара с некоторым удивлением. — *Второй* безопасный зал. Интересно, это наши шансы повышает или как?

— Спроси что полегче... — сквозь зубы сказал Сварог.

И первым направился к лестнице. Все обошлось, но в подсознании что-то вертелось, не выливаясь в конкретные мысли, что-то вертелось...

Дверь с золотой ручкой в виде переплетенных змей открывается бесшумно и легко, черт, это уже каким-то припевом становится, право слово...

Показалось в первый миг, что они никуда и не уходили — описав круг по неведомым тропинкам, вернулись в только что покинутый зал. Нет, есть отличия, но очень похоже...

Такие же стрельчатые окна по бокам, и алая снежная равнина за ними. Тот же зыбкий, колышущийся свет, идущий словно бы от свечей. Только ковер другой — узоры золотисто-белые, но столь же приятные для глаза. Платья на дамах и кафтаны на кавалерах тоже отчего-то кажутся старинными — но определенно другого фасона. И танец другой — не быстрый, но все же чуточку энергичнее того, первого. А вот музыка практически та же самая — клавишин и два виолончели — только мелодия иная. И высокий, нежный, чистый девичий голос начисто лишен и тени грусти, полон невероятной, завораживающей, покоряющей сердце *нежности*:

— *Конеченто ленте,
моле неференте,
теле наджаленте,
таде...*

Впечатление такое, что язык тот же самый, хотя какой из него лингвист... Вот девичий голос точно другой, уж это-то ясно. Зал, как и первый, заполнен танцующими настолько, что невозможно пройти к двери, никого не коснувшись. Что же, два раза подряд — четыре туза и джокер? А почему бы и нет? «Я везучий, ваше сиятельство!»

Мара сказала тихо:

— А вдруг мы *миновали* все опасные места?

На сей раз Сварог не позволил себе расслабиться ни на миг.

Как-то плохо верилось, что здесь могут вот так вот взять и кончиться опасные места, не тот замок, следует заранее себя настраивать на самое худшее — тогда, быть может, и повезет, в конце концов, методика старая, но эффектив-

ная...

— Шег, — сказал он на сей раз без всяких уточняющих жестов.

Как он и ожидал, Шедарис его прекрасно понял. Автоматная очередь справа налево прошла по залу, не причинив ни малейшего вреда танцующим, — и они, как те, из первого, словно и не замечали незваных гостей. Сварог взмахнул топором, когда совсем близко от него оказался кавалер в сиреновом, с пышными кружевными манжетами — уже заранее зная результат.

Ну да, так оно и оказалось — будто полосу дыма рубанул, танцор безмятежно проплыл дальше, держа в высоко поднятой руке пальчики юной красавицы в алом.

— За мной, — сказал Сварог, решительно шагая вперед.

И все повторилось — они благополучно достигли противоположной двери, а ощущение зябкого холодка, когда он проходил сквозь очередного призрака, пожалуй, все же следовало отнести на счет самовнушения. Рука лежит на ручке двери, высокий, чистый девичий голос наплывает волной неизъяснимой нежности:

— *таре аталанте,
белео даранте,
чере кондаранте,
годе...*

Он распахнул высокую створку двери, пропустил в коридор Мару и Шедариса, обернулся:

— Леверлин!

А Леверлин стоял в трех шагах от него напротив очаровательной синеглазой девушки в красивом розовом платье, на месте ее неведомо куда стинувшего кавалера — и девушка, понял Сварог, Леверлина *видит*. С улыбкой протягивает ему руку — пальцы сверкнули отблесками бриллиантового сверкания — и Леверлин *берет* ее руку так, словно она живая и теплая, и в зале абсолютно ничего не изменилось, но как-то так получается, что девушка в розовом и Леверлин с каждым пируэтом удаляются вглубь зала под нежный голос невидимой певицы...

И тут Сварог вспомнил.

Он рванулся было вперед, чтобы схватить, вытащить из толпы призраков, — но что-то отшвырнуло его к двери так, что он ударился спиной. Музыка стала бравурной и быстрой, танцующие закружились так, что превратились в размытые силуэты, слившиеся в пестрый вихрь, захлестнувший весь зал, скрывший Леверлина с глаз, бушевавший, словно внезапно оказавшаяся в тесной клетке стая хищных зверей, искавших воли. Музыка оборвалась на высокой, скребущей ноте, словно иголка проигрывателя сорвалась с дорожки, *чиркнула* по пластинке, нежный девичий голос закончился скрежещущим во-ем...

И все исчезло. Вместо красивого ковра лежал слой тускло-серого пепла — слева белел скелет, валялось оружие...

«Берегись нежных песен, — сказала когда-то Леверлину Лесная Дева, — они могут принести и смерть...»

Охнув от болезненного укола в сердце, Сварог приказал:

— Пошли отсюда!

Дверь, очередная осточертевшая лестница, уходившая влево. Зал, где они оказались, превосходил размерами все прежние, был просто громадным, как стадион, так что дверь на противоположном его конце казалась совсем маленькой. *Такого* они еще не видели. Высокий, — потолка они так и не рассмотрели — очень высокий, словно бы разделенный на две половины. Нижняя ярко освещена, с буроватым полом из необработанного дикого камня, — а верхняя каким-то здешним чудом представляет собой совершеннейший мрак, в котором...

В котором помещалась самая натуральная Солнечная система — *здешняя*. Косматый шар огненно-рыжего Солнца, а вокруг него неторопливо кружат знакомые планеты: наполовину затянутая облаками Нериада со своим большим серо-коричневым спутником, бело-голубая Сильвана с зеленой Селеной, светло-рубиновая Тетра с тремя маленькими спутниками... Талар... Огромный золотистый Семел... И все остальные...

Они остановились в центре зала, растянувшись невеликой шеренгой, зачарованно глядя вверх. Медленно кружили планеты, сияло Солнце.

— Интересная машинерия, — сказала Мара. — И к чему все это?

— Хороших лекарей здешнему обитателю не хватает... — проворчал Шедарис. — Ничего, доберемся — вылечим...

Сварог молчал. Снова что-то навязчиво крутилось в подсознании, не отливаясь в ясные слова. Что-то, что-то, что-то...

Связанное с лесной Девой и ночью пророчеств...

Солнце!

— Мара, бежим! — отчаянно крикнул он.

И вновь опоздал — Солнце обрушилось из мрака, словно брошенный с высокой башни камень, накрыло Мару, поглотило. — Сварог не ощутил настоящего жара — только волна горячего воздуха ударила в лицо. А когда светило взмыло с той же быстротой, рядом лежал скелет, ничуть не опаленный огнем — и разбросанное рядом оружие.

Берегись Солнца...

Он стоял, не в силах пошевелиться, в груди вместо сердца был ледяной комок. Все видел, все понимал, но поверить до конца не мог, слишком быстро, словно бы играючи все произошло. Неизвестно, сколько он торчал бы столбом, но почувствовал сильный толчок в спину, услышал яростный рык Шедариса:

— Пошли отсюда!

Дверь. Лестница, изгибом уходящая влево. Вот это уже что-то новое...

На зал не похоже, совсем не похоже. Каменный пологий откос уардов в пять шириной, на противоположной стороне расселины такой же, и там видна дверь. Расселина шириной уардов в пятьдесят, уходит в обе стороны так далеко, что краев отсюда не видно. Высокий потолок — из того же бугристого камня. А через расселину перекинут мост: узкий, одному человеку пройти, белоснежный, с ажурными перилами, непонятно, из чего сделанный, снизу его поддерживают соединяющие края расселины широкие, выгнутые изящные фермы, две дуги с тем же ажурным плетением меж ними и мостом.

Мост... Берегись мостов... Сварог подумал спокойно, даже отрешенно: «Что же, моя очередь? Как это кричал тот генерал — не вспомнить сейчас, русский или прусский? Вы что, каналы, собрались жить вечно?»

— Шег, — сказал он тихо. — Иди первым. Не подумай ничего такого. Просто тут *все* сбывается, а мне мост напророчен... Случись что, один тут застрянешь...

— Да все я понимаю, командир, — сказал Шедарис спокойно. — И в самом деле, мало ли... Одному тут застревать — не тянет что-то.

И он быстрым, размашистым шагом направился по белоснежному мосту, судя по всему, чертовски прочному — мост не качался, не прогибался. Оказавшись на той стороне, повернулся к Сварогу, и тот столь же быстрым шагом, почти бегом, пошел по мосту — не торчат же тут до скончания времен? И кто сказал, что ты будешь жить вечно?

На середине он ощутил под ногами некое шевеление. Ускорил шаг, оглянулся. Оставшаяся за спиной часть моста легонько колыхалась, словно бы оплывая и проседая, как попавшая в печь свеча, это начиналось от покинутого берега и понемногу распространялось все ближе, ближе...

Сварог побежал, чувствуя, как белоснежная дорожка под ногами словно бы опускается вниз. Надал, оглянулся еще раз — противоположный конец моста вместе с фермами уже отделился от каменного откоса, искореженный, причудливо смятый, медленно проваливался вниз...

И все же он успел — мост, сминаясь в огромный бесформенный комок, провалился в пропасть, казавшуюся бездонной, бесшумно, словно они оглохли. Снизу на миг поднялось зеленое сияние и тут же погасло.

Пальцы у Сварога самую чуточку подрагивали, и это ему крайне не нравилось. Он сел прямо на камень, сказал глухо:

— Перекур?

Шедарис опустился рядом, взял у него зажженную сигарету, и какое-то время они молча пускали дым, а потом, отшвырнув окурки, взяли по второй — неизвестно, когда еще придется...

— Одно ясно: это не *мой* мост, — сказал Сварог. — Знаешь, Шег... Не могу отделаться от впечатления, что эта тварь с нами играет... Кажется так, и все тут...

— Доберемся, я с ним поиграю... — сказал Шедарис.

Сварог попытался улыбнуться, но чувствовал, что ничего у него не получается. Сказал с ненаигранной бодростью:

— Что самое интересное... По всему выходит, у тебя даже больше шансов, чем у меня. До сих пор все предсказанное сбывалось в точности. Насчет меня, рассуждая без соплей, ничего толком неизвестно, может грохнуть за этой самой дверью. А вот про тебя, наоборот, известно точно, что помрешь ты генералом. А ты пока что капитан, и если бы даже на меня нашла такая дурь — в генералы тебя произвести прямо сейчас — нет ни бумаги, ни чернил, ни королевской печати. Так что шансов у тебя побольше...

— Да ерунда, — отрешенно сказал Шедарис, глядя в никуда холодными глазами. — Равные у нас шансы, командир. Я уже давно генерал, с тех самых пор, как вернулись из Моря Мрака...

— Как это? — не на шутку удивился Сварог.

— Да очень просто. Через полгода после Моря Мрака копался в военных уставах по какой-то мелкой надобности — и наткнулся на параграф... Старый, но не отмененный. Рядовой гран-алы, которой командует сам король, носит генеральский чин. Так что давненько уж я самый настоящий генерал, без ду-

раков...

— И молчал?

— А смысл? — пожал плечами Шедарис.

— И пошел...

— А что я, Симарглом обосранный или трус? С тобой, командир да не пой-ти... Вот только дойти бы, а там уж за всех поквитаемся...

— Ну, тогда пошли, — сказал Сварог вставая.

Впервые за все время их блужданий по этому сумасшедшему дому за дверью не оказалось лестницы! Длинный, очень длинный светло-коричневый коридор начинался сразу за дверью без единой ступеньки. Примерно треть его, близкая к ним, отгорожена темно-коричневой, странно бугристой каменной, кажется, стеной с аркообразным проемом. И кончается коридор дверью — такой же двустворчатой, аркообразной, как все прежние, но на сей раз она не из темного дерева — цвета золота, в тон все тем же ручкам...

— Шег... — сказал Сварог тихонечко, севшим голосом. — А не похоже ли, что мы *дошли*?

— Хорошо бы, хур Симаргл... — процедил Шедарис.

Они невольно ускорили шаг. Коридор был чист, тих и совершенно пуст. Чем ближе, тем лучше видно — проем не просто бугристый, стена покрыта выступами, напоминающими половинку желудя, — сплошь, сверху донизу, искусные здесь потрудились камнерезы, надо признать, времени и умения, несомненно, потребовалось...

ВВВ-зи-ууу!!!

Стена словно *вскипела* — то, что казалось половинками желудей, отделилось от нее, оставив бесчисленные ряды аккуратных ямок. Туча коричневых «желудей», на лету выпуская блестящие острия, рванулась навстречу с невероятной скоростью — так, что Сварог не успел ничего сделать...

Налетела — и отхлынула, как набежавшая на берег морская волна, разлетаясь во все стороны, падая на пол. Сварог ошарашенно огляделся. Весь пол перед ним усыпан неподвижными «желудями» с длинными блистающими иглами. А там, где только что стоял Шедарис...

То, что там лежало, весьма напоминало очертаниями человеческую фигуру, но сплошь покрытую «желудями», превратившими генерала в гротескную статую, совершенно неподвижную.

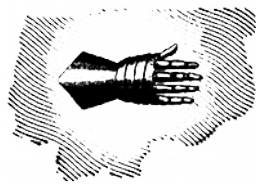
— Значит, вот так... — сквозь зубы сказал Сварог. — Ну что же, шагом марш...

Он шагал по коридору, твердо ставя ноги, держа топор наготове, в душе и в мыслях была совершеннейшая пустота, *клокотавшая* болью и яростью. Понятия не имел, чем для него это все закончится, но твердо знал, что обязан дойти и поквитаться за все и за всех, за прошлое и будущее...

Справа и слева — хаотично разбросанные черные ниши. Из них с пронзительным визгом на Сварога кинулась орава каких-то вертких тварей, проворных, ничуть не похожих на людей. Он взмахнул топором — и крошил, крошил, крошил... Разлетались бесформенные куски, фонтанами брызгала зеленая липкая жидкость, пятнавшая его одежду, попадавшая на кожу, — а он крушил, как берсерк, пока не увидел, что остался совершенно один посреди нагромозданных кусков и луж зеленой жидкости.

Пошел вперед. Ниш по сторонам коридора больше не было. Дверь, когда он

приблизился вплотную, показалась отлитой из чистого золота — но отворилась так же бесшумно и легко, как все прочие здесь. Еще не сделав ни единого шага, он уже понял, что наконец добрался...

Глава XV ПЯТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ПУТИ

Большой сводчатый зал. С двух сторон возле двери — два высоких стрельчатых окна, закрытых цветными витражами, — снова неприятные на вид черно-зелено-белые узоры, напоминавшие переплетение безголовых змей. Все остальное пространство обеих стен закрыто тяжелыми темно-фиолетовыми портьерами. Пол — мозаичный, черно-синий, выглядевший так, словно разноцветные кусочки разбрасывали пригоршнями, как сеятель зерно, и они так и остались там, где упали, образовав даже не узор, а хаотичную россыпь без складу и ладу.

У противоположной стены — высокий черный трон, спинка заканчивается остроконечными столбиками, поставленными «шалашиком», меж ними и человеческой фигурой на троне тот самый намозоливший глаза герб. Ну что же, со свиданьем...

Человеческая фигура на троне пошевелилась. Послышался сухой, язвительный, неприятный голос:

— Ну что же вы стоите, дорогой гость? Разрешаю приблизиться. Только убедительно прошу не переступить Черты, это в ваших же интересах...

Сварог, опустив руку с топором, пошел к трону чуткой походкой хищного зверя, уже отчего-то совершенно не опасаясь очередных подвохов — почему-то возникла стойкая уверенность, что больше их не будет. Сошлись лицом у лицу...

Ага, это, надо полагать, и есть Черта — полоса тускло-золотистого цвета, чуть-чуть выступающая над мозаикой — округло, словно верхушка тонкий трубы. Остановившись перед ней и оказавшись у ардах в семи от трона, он во все глаза разглядывал сидевшего на нем человека. Кто бы это ни был, он выглядел совершенно как человек: невысокий, пожилой на вид (сколько ему миллионов лет от роду?), узкое лицо с застывшим на нем выражением хронического недовольства всем на свете, как у язвенника со стажем, острый подбородок, туфлеобразный нос с глубокими морщинами, идущими от его крыльев ко рту, маленькие колючие черные глазки, выглядит чистейше выбритым, а вот старательно расчесанные длинные черные волосы падают гораздо ниже плеч. На голове — та самая корона с герба. Узорчатый черно-зеленый камзол, вызывающий ассоциации со змеиной кожей, черные шаровары, черные низкие сапоги. А еще он горбат, и горб немаленьких размеров, так что сидит он, чуть отстранившись от высокой спинки кресла, в которую горб упирается. Рот маленький, бледный. Никаких украшений. Узкие ладони с длинными пальцами, причем все, кроме большого — одинаковой длины, с черными ногтями,

казавшимися аккуратно подстриженными. Так вот ты какой, северный олень... Тварь, погубившая его лучших друзей...

Сварог постарался отрешиться от любых эмоций, сохранить совершеннейшее хладнокровие: он всего лишь добрался и не более того, главное не сделано...

— Ну, что вы молчите? — спросил человек на троне. — Столько трудов потратили, добираясь сюда... Не боитесь же вы меня? Чего-чего, а страха на лице у вас нет...

— Это не вас ли кличут Безумным Зодчим? — спросил Сварог.

— Иногда и так, — кивнул человек на троне. — Правда, сам я категорически не согласен с эпитетом «Безумный». Помилуйте, ну ведь ничем не заслужил... Предпочитаю, чтобы меня именовали просто Зодчим. Что же вы не задаете вопросов? Чуть ли не все ваши предшественники обожали задавать вопросы, хотя в толк не возьму, какую в этом они видели для себя выгоду... Но такова уж человеческая натура, надо думать: даже оказавшись здесь, задавать вопросы, как будто это поможет или спасет... Не стесняйтесь, мне все равно нечем заняться, а впереди у меня — Вечность. («Ну, это мы еще посмотрим, сколько тебе осталось той вечности», — подумал Сварог угрюмо). Впрочем... Сначала, я сам задам парочку вопросов, любопытства я не лишен, в чем подобен людям... Что с вами со всеми там случилось, в *большом* мире?

— То есть? — искренне не поняв вопроса, спросил Сварог.

— Ваша компания — первая за много, невероятно много лет. Когда-то ко мне едва ли не вереницей тянулись глупцы, желавшие меня убить. Их становилось все меньше и меньше, в конце концов перестали приходить... Вряд ли из страха: я достаточно долго прожил, чтобы уяснить: человек — странное животное, он продолжает лезть даже туда, откуда, о чем ему точно известно, не возвращался живым никто из его предшественников... Что же там у вас случилось?

— Как бы вам сказать... — пожал плечами Сварог. — Дорогу завалило. Можно и так выразиться.

— Ага... А вы, значит, сумели пробраться вместе с вашей весьма интересной собакой?

— Сумели, — кратко ответил Сварог.

— Уж не означает ли это, что ко мне вновь потянутся *гости*?

— Вполне возможно.

— Замечательно, — на узком лице появилось нечто напоминающее довольную улыбку. — Просто замечательно! Не скажу, что я способен скучать в точности, как человек, но что-то похожее на скуку все же испытываю. Так давно не было гостей... У вас, право, великолепный топор. Таких красивых и не видел, хотя ко мне приходили... да с чем только ко мне не приходили... Не угодно ли полюбоваться?

Он повел указательным пальцем — и портьера слева от Сварога плавно и бесшумно, собираясь в толстые складки, уползла к задней стене. От пола до потолка открывшееся пространство было увешано самым разнообразным оружием: мечи, копья, боевые топоры, шестоперы, боевые вилы, гуфы и глефы, кривые сабли — да чего там только не было... Сварогу бросился в глаза меч Мары — в зеленых ножнах с золотыми украшениями в виде морских волн, позолоченной рукоятью и сегурским гербом на крестовине эфеса. Он увидел и

пулемет Бони — рядом с шизофренической педантичностью красуются все до единого запасные магазины. Один автомат, один пистолет — тоже с магазинами и обоймами. Гранаты Шедариса, осколочная и термитная.

— Вот любопытно... — сказал Зодчий. — Эти черные штуки... Что-то новенькое, такого прежде не было. Похоже, у вас многое совершенствуется, вы не стоите на месте... Аккуратненько сбросьте с плеча вашу вещицу. Я понял принцип ее действия, еще ночью перед вашим появлением, мне это не нравится... Сбросьте, сбросьте, у меня есть возможность вас убедить, если заартачитесь.

Сварог левой рукой снял с плеча ремень автомата, опустил руку, автомат глухо стукнулся об пол. «Кое-что проясняется, — подумал он. — Значит, Зодчий за нами следил, по крайней мере в ту ночь. Уж не потому ли он боится огнестрела, что пули могут его убить? Слишком часто повторялось, что Великий Мастер не умеет предвидеть будущее, — а в те времена, когда он создавал Воплощения, вершиной военно-технической мысли был лук со стрелами...»

— А топора вы не боитесь? — спросил он без тени язвительности.

— Нет, — спокойно сказал Зодчий. — Вы попросту не успеете, не дадут вам броситься... Или не верите?

Сварог криво усмехнулся:

— Я как-то привык полагаться на доказательства...

— Извольте, — пожал плечами Зодчий.

Он не сделал ни единого жеста, в лице ничего не изменилось, но то, что Сварог считал его горбом, вдруг шевельнулось, распалось, вытянулось... Над головой Зодчего взмыли две длинные змеи, словно растущие прямо из тела — в черно-зеленом узоре, повторявшем расцветку камзола (или это камзол повторял их расцветку), гибко заколыхались, уставясь на Сварога немигающими желтыми глазами с черным вертикальным зрачком, чересчур большими для обычных змей.

— Они успеют раньше, если вы все же окажетесь настолько глупы, что броситесь, — сказал Зодчий с подобием улыбки. — Дотянутся до вас, когда и шага не успеете сделать... Они убедительны?

— Весьма, — сказал Сварог.

Он только что получил ценнейшие знания: Безумный Зодчий боится и топора. Ладно, если даже он и наблюдал за ними с самого начала и до конца, ни разу не мог видеть, как летает в воздухе Доран-ан-Тег — будем надеяться, способный опередить и этих милых гадючек... Должен быть шанс...

— У вас что же, совсем нет вопросов? — поднял тонкие брови Зодчий. — Непохоже на человека...

— Отчего же, есть, — сказал Сварог, уже понявший: убивать его наверняка будут, но только после долгих разговоров. — Вы с нами *играли*?

— Ну конечно же! — воскликнул Зодчий живо. — Единственное развлечение, единственная отрада старого отшельника... Давным-давно я перепробовал многие другие *вещи*, но они наскучили. Все, кроме игры. С вами, новыми, было очень интересно играть. Кое-кого я останавливал в Низине — в них не было ничего интересного, таких уже приходило немало. Но ваша компания — это нечто прежде невиданное. Поэтому я и позаботился, чтобы вам не мешали по пути. А потом, ночью, послал корабль. Ради игры, посмотреть, что вы делаете. И сразу понял: с вами будет особенно интересно. И не ошибся, получил

большое удовольствие. Мне даже начинает казаться, что вы заслуживаете вознаграждения за столь увлекательную игру. Если будете просить пощады, можете ее и подучить... Будете?

— Я еще не решил, — сказал Сварог.

Он стоял, опустив руку с топором так, что верхний край лезвия едва не касался пола. Мог метнуть Доран-ан-Тег и из такого положения, достаточно легкого движения пальцев...

Он взглянул на чуть колыхавшихся змей, не сводивших с него пристальных немигающих взглядов. И *вспомнил!* Забыл только, на которой планете слышал эту сказку. Жил-был в незапамятные времена царь Зохак, жаждавший бессмертия и могущества, недостижимого для простого смертного. Кончилось все тем, что он дружески расцеловался с дьяволом, и после этого поцелуя у него над лопатками выросли две змеи, которых регулярно следовало кормить человеческим мозгом. И ведь сходится! Ненормально большое число беременных и родившихся детей, регулярные *жребии*...

— У вас такое лицо, словно вас осенило... — сказал Зодчий.

— Царь Зохак! — вырвалось у Сварога.

— Занятно, — без всякого неудовольствия сказал Зодчий. — Весьма занятно. Не вы первый, конечно, догадались, но это было так давно... Я и не припомню, когда в последний раз обо мне вспоминали *гости*... Значит, не забыли у вас, там, откуда вы пришли?

— Не забыли, — сказал Сварог. — Значит, люди вам нужны...

— Ну, разумеется! — живо воскликнул Зохак. — А для чего же еще они могут быть нужны, если не считать некоторого количества слуг? Я их *пасу*.

— И кормите?

— Конечно. Какой хороший пастух будет держать стадо впроголодь? Зверей в Низине кормлю тоже. Столько времени прошло, а у вас меня еще помнят... Я как-то незаметно лишился почти всех человеческих чувств, в том числе и тщеславия, но все равно, приятно...

Он вдруг быстро глянул куда-то за спину Сварога. В ту же сторону бдительно повернула голову одна из змей. В следующий миг рядом со Сварогом мелькнула широкая темная полоса, и бок о бок с ним встал Акбар.

Выглядел он *жутко*: длинная шерсть сплошь слиплась острыми сосульками, пропитанными чем-то зеленым, та же вязкая зеленая жидкость (который был обляпан и Сварог) медленно капала из оскаленной пасти, на левом боку проплешина ладони в две, шерсть определенно сожжена до кожи и виден ожог, хлебнул горького... Но гарм не выглядел ни раненым, ни ослабевшим — глаза пылали яростью, на ногах он стоял прочно. Расставив передние лапы, прижав уши, рыкнул на Зохака.

Тот безмятежно сказал:

— Вы ведь умеете им командовать? Прикажите стоять, где стоит, змеи опередят и его...

Сварог послал мысленный приказ. Акбар остался стоять, глухо ворча.

— Замечательная собачка, — сказал Зохак. — Столько пройти ловушек — и все же выбраться... Пожалуй что, она достойна, чтобы с ней обращались, как с полноправным игроком...

Он вновь повел указательным пальцем — и портьера справа от Сварога раскрылась так же бесшумно и быстро. У Сварога защемило сердце. Там, в об-

ширной прямоугольной нише длинными рядами стояли высокие кольца золотистого цвета — быть может, и золотые — и на них были надеты человеческие черепа: много, очень много. Все они пожелтели, посерели — но передний ряд, совсем короткий по сравнению с остальными, состоял лишь из восьми колец. На шести из них белели черепа, а два оказались пусты.

— Улавливаете мою мысль? — почти любезно спросил Зохак. — Ваш песик столь великолепно проявил себя в игре, что достоин кола, как и вы, как и все прочие. Иногда, очень редко, иные приводили собак, но это были обычные шавки, не способные *играть*, а вот такого я вижу впервые. Откуда он взялся?

— Очень уж долго рассказывать, — сказал Сварог. — В конце концов, ничего интересного...

— Хорошо, — покладисто сказал Зохак. — Раз неинтересно, значит, неинтересно... У вас больше нет вопросов? Тогда не перейти ли нам к насущным делам? Убить вас просто так, как других? Но пищи для змей и так достаточно. Мне пришло в голову, что мне, пожалуй, кроме этих тупых созданий, что занимаются кораблями, пригодится еще и слуга, ведающий играми. Вы уже показали, что играть умеете интересно. Значит, сможете и организовать увлекательные игры. Коли уж каким-то образом путь, я так понимаю, перестал быть завален... Это открывает новые возможности для игры. Управитель по играм... — произнес он задумчиво. — Что-то новое, само по себе интересное. Только не подумайте, что все будет *просто*. Что я заставлю вас пробормотать какую-нибудь клятву, после чего стану полностью доверять. Надеюсь, вы понимаете, что так просто дела не делаются?

— Понимаю, — сказал Сварог.

— Положительно от вас будет польза... — сказал Зохак. — Слишком многие до вас были ограниченнее, глупее... Ну, конечно же, придется пройти некоторые... церемонии, после которых вы как раз и станете достойны *полного* доверия...

«Догадаться примерно можно», — подумал Сварог. И спросил:

— А мой пес?

— Вы уже начинаете торговаться? Неплохо...

— Я к нему привык.

— Ваш пес, ваш пес... А знаете, он тоже может пригодиться для игры. Тем более что с животными некоторые церемонии проделать даже гораздо проще, чем с людьми. Хорошо, — он небрежно взмахнул рукой. — Считайте, что попадаете на службу оба. Бросайте топор, он вам больше не понадобится. Ну? Вы что, не поняли? Бросайте топор!

Сварог стоял неподвижно, чуть-чуть сильнее стиснув древко и напрягши кисть. Кажется, разговоры кончились...

— В *последний* раз говорю: бросайте топор! — прикрикнул Зохак. — Иначе... Ну, как знаете...

Змеи словно *выстрелили*, явственно утончаясь, с нереальной быстротой метнулись к нему с Акбаром — и Сварог успел крикнуть на змеином языке:

— Назад, дура!!!

Он все же *сбил* ее с темпа и отвел от цели — она, несомненно, метила в горло, но, услышав его крик, на миг *растерялась*, нелепо мотнулась в воздухе... и впилась в левую руку ниже плеча, словно по инерции.

Доран-ан-Тег взлетел — и из перерубленного туловища змеи ударила чер-

ная кровь. Не теряя ни секунды, Сварог, перебросив древко топора в левую руку, ухватил обрубок позади плоской головы и рванул что есть силы, несмотря на дикую боль. Оторвал, швырнул под ноги. Бросил быстрый взгляд вправо — там все было в порядке, Акбар стоял чуть правее, а перед ним валялась змеиная голова, явно оторванная ударом когтистой лапы.

По ушам ударил пронзительный, нечеловеческий вопль — Зохак выгибался на троне, потеряв корону с головы, закатив глаза, безостановочно выл.

Сварог метнул топор. Туманный круг со светившимся почти по кромке ярко-алым пояском — рубин в наверхии — взмыл с упругим, шелестящим свистом, описал плавную дугу, вернулся в руку, как встарь...

Отсеченная голова покатила по полу. Пролаял Акбар — словно испустил победный клич. Сварог стоял, расставив чуть подкашивавшиеся ноги — левая рука горела острой болью, не было ни радости, ни торжества, лишь облегчение и в то же время тягостная усталость, но не тела, а души... «Не так уж сложно, — повторял он про себя, — не так уж сложно оказалось. Вот только ради этого здесь навсегда остались шестеро лучших друзей, с которыми прошел огни и воды...»

Опомнившись, зорко огляделся. Змеиные тела уже не шевелились, чернели лужи крови — а нелепо скособоченная безголовая фигура на троне залита такой же черной кровью, все еще толчками выбивавшейся из горла. И никто не врывается на помощь — значило попросту некому...

Наклонился, левой рукой, по-прежнему горевшей от боли, поднял за волосы голову. Удивительно, но она еще жила — гримасничала, пялясь на Сварога с бессильной яростью, шевелила бледными губами...

Хотя так давным-давно уже не делают при возвращении из военного похода, ее нужно прихватить с собой. Особый случай. В одном из монастырей Братства Святого Роха, в подземелье, хранится и череп дракона Брелганда, и сосуд с водой из Моря Мрака (потому что от Великого Кракена ничего не осталось), и подвергнутые чему-то вроде бальзамирования исполинские головы морских змеюк (Яна, узнав от Сварога, в чем дело, разрешила передать их монахам). Теперь и *это* там же упокоится: все четыре Воплощения в сборе, кончено...

Но вот как отсюда выбираться?

Акбар требовательно ткнул его влажным носом в ухо. Сварог непонимающе посмотрел на него. Гарм коротко, тревожно пролаял, вертя головой, все еще оскалась, встопорщив на загривке слипшуюся шерсть.

Сварог огляделся. Действительно, что-то не то творилось: по стенам, по полу, по потолку — и это ничуть не мерещилось — словно бы проходили судороги, все усиливавшиеся, прокатывавшиеся волнами, пол под ногами колебался, дрожал, трясся, словно палуба попавшего в бурю корабля...

— Вижу, что скверно, малыш... — сказал Сварог. — Ну, а делать-то что?

Акбар оглушительно гавкнул, словно укоряя за глупость, лег рядом, повернул лобастую башку, выразительно глядя на Сварога. И Сварог понял. Сунув топор в чехол, щелкнув застежкой, не выпуская трофея, упал на теплую спину, здоровой рукой крепко вцепился в липкую шерсть.

Темная туманная полоса, на которой он каким-то чудом удерживался, метнулась к высокому витражу. В последнюю секунду Сварог понял, что ему эту преграду так просто не преодолеть — и наклонил голову, прикрыл лицо левой рукой.

Зазвенело стекло — самое, надо полагать, обыкновенное. Вышибив его всем телом, Сварог оказался снаружи, высоко над алой снежной равниной, темная полоса увлекла его по крутой дуге вниз, коснулась снега и вновь стала гармом. Сварог скатился с его спины, удержался на ногах, осмотрелся.

Прямо перед ним был дом для слуг, к которому примыкал навес для летающих кораблей, где одно гнездо было пустым — уже навсегда. В окнах замаячили испуганные рожи, и Сварог, не раздумывая, ощерясь, бросил гранаты — сначала осколочную, за ней термитную. Они со звоном разнесли стекла, внутри громыхнул взрыв, следом взметнулось ярко-белое пламя. Ага! Там, должно быть, имелась задняя дверь, черный ход — видно было, как из-за дома выскочили несколько человек в знакомой форме, заполошно припустили прочь по снежной равнине, сами не зная, куда бегут, лишь бы оказаться от всего этого подальше. Автомат он забыл в тронном зале, пистолет оставался за пазухой — но не стоило тратить время на *мелких* тварюшек, если покончено с хозяином, сами где-нибудь сдохнут, будем надеяться...

— Пошли, — сказал он Акбару.

Подошел к крайнему кораблю, запрыгнул на палубу — и весь скособочился от прошившей левую руку боли. Пожалуй, совсем плохо, нужно побыстрее... Скрутил черные волосы в жгут, привязал голову царя Зохака к нижней рее. Оглянулся, услышав лай Акбара, и глянул в ту же сторону.

С чудом шизофренической архитектуры происходили новые изменения: замок колыхался, словно Сварог смотрел на него сквозь раскаленный воздух над гигантским костром, на глазах становился ниже, оседал, проваливался внутрь себя, словно, и в самом деле, был пучком поставленных на раскаленную сковородку свечей. Все было кончено.

— И черт бы с ним, малыш... — сказал Сварог, осторожно передвигая нужный рычаг.

Летучий корабль вздрогнул, медленно приподнялся над подставками, медленно выплыл из-под навеса. Глянув на компас — его собственный, как и шагомер, неизвестно когда разбились, — чуть крутанул штурвал, направляя нос корабля по нужному курсу, вывел скорость на максимум. Выдвинул здешний «автопилот» — металлический стержень, сомкнул «челюсти» на штурвале — незатейливо, но эффективно...

Вот теперь было время подумать и о себе. Он положил правую руку на левое предплечье, ощутив под ладонью горячее длинное вздутие, и произнес должные заклинания.

Безуспешно. Они не помогали, лечебные, ни одно. Руку уже жгло так, словно в рукав напихали раскаленных угольев, дергало, тянуло, волнами накатывали, сменяя друг друга, то озноб, то жар, прошибал пот. Все дело, видимо в том, что это были не *обычные* змеи, а заклинаний, способных излечить укус этой, вполне возможно, и не существовало в природе. Плохо. Ничего, продержаться каких-то полтора часа, а там, быть может Яна сумеет что-то сделать. Чертовски обидно было бы помереть от змеиного яда на обратном пути, возвращаясь победителем...

Вскоре показались горы — и остались за кормой. Никакого кресла для штурвального, как и на обычных кораблях, тут не было, и Сварог опустился на палубу — ноги не держали, противная слабость распространялась по всему телу, что-то изнутри ощутимо давило на левый рукав. Он достал из ножен кин-

жал толладской стали — узкое лезвие в синевато-серых разводах, еще один секрет тамошних оружейников — вспорол рукав у плеча, оборвал его к чертовой матери.

Посмотрел. Да, скверно... Под кожей вздулась опухоль мерзкого белесоватого цвета, длиной уже почти в ладонь и шириной пальца в два — и она, пусть медленно-медленно, но все же на глазах распространялась, причем только в сторону плеча... А если дойдет до сердца? Звериное чутье подсказывает: ничего хорошего...

Пожалуй, здешние меры расстояния все же будут покорооче таларских лиг — стрелка указателя скорости стояла на сорока, но на скорость в сорок лиг в час это определенно не походило — медленнее летим, черт...

— Ну, и чего ты добился? — слышался от мачты сварливый знакомый голос.

Цепляясь правой рукой за борт, Сварог обошел мачту справа, сторбившись, шатаясь, добрал до реи, растянулся на палубе лицом вверх. Он мог голову прозакладывать, что это не галлюцинации: бледные губы царя Зохака шевелились, рожа гримасничала, голос звучал не в голове, как бывает при галлюцинациях, а именно с той стороны.

— Дурак, болван, очередной печальник о благе человечества, — цедил слова Зохак. — Не в том даже дело, что человечество, ручаюсь, и не узнает о своих спасителях. Ты, олух, *положил* здесь лучших друзей, всех до единого, таких больше *никогда* не будет...

— Они все знали, на что шли, — сказал Сварог пересохшими губами, глядя в сероватый сумрак, что считался здесь небом.

— А какая разница? Их большие *никогда* не будет... И ради чего? Согласен, дорогу Повелителю ты в этот мир отрезал... Ты хоть знаешь, сколько во Вселенной еще миров, по которым он может ходить свободно?

— А ты уверен, что в тех мирах нет таких, как мы? — спросил Сварог. — Что молчишь? Ответь, падаль, на вопрос, а не увиливай. Молчишь? Молчишь, погань? — и выкрикнул с надрывом: — Там есть такие, как мы, не может их не быть везде, где есть люди! Мы, может, и не первые такие... Наверняка не первые...

И, не слушая уже бормотающую что-то голову, вернулся к штурвалу уже вдоль левого борта, все так же цепляясь за него правой, — левая рука висела плетью, Сварог попытался пошевелить пальцами, но они не шелохнулись. Рукояткой кинжала постучал повыше левого локтя — рука потеряла чувствительность.

— Сдохнешь, — доносился голос Зохака. — Сдохнешь по дороге, и твою девку будет трахать кто-нибудь другой, она не сможет хранить тебе верность всю жизнь, а твои королевства превратятся в кровавую чашу, все будет гореть, все, кого ты ценил и награждал, погибнут, и твоя обожаемая Тарина Тареми растворится в Штурме... Ты уверен, что это достойная цена моей головы?

— Не каркай, сволочь, мне все равно плевать... — и понял, что не произнес это вслух, лишь пошевелил губами.

Не колеблясь, преодолевая головокружение и подступавшую к горлу тошноту, примерился и кончиком кинжала вспорол опухоль, не ощутив ни малейшей боли. Нажал лезвием плашмя, выдавливая омерзительно вонявший желтый гной, растекавшийся по руке к кисти. Стало чуть полегче, но нена-

много, опухоль помаленьку продолжала распространяться к плечу. Оказалось, он все же поранился о стекло — кровь пролилась по волосам и стянула кожу на висках, на щеках. Но она уже подсохла, и не было смысла заниматься такими пустяками, не до них, хотя уж с этим мог справиться в два счета.

Поднял себя на ноги отчаянным усилием. У него хватило сил добрести до носа. Низина осталась позади, Сварог — в глазах чуточку двоилось — высмотрел внизу узкую просеку в кустарнике, самую чуточку изменил курс, вновь защелкнул металлические захваты на штурвале. Акбар пытливо оглянулся на него.

— Все нормально, — смог Сварог произнести достаточно громко.

Выдавил еще гной, сколько мог. Закурил, надеясь, что это поможет, но дым драл горло, как никогда прежде, колело в легких, и он отбросил сигарету. Чуточку больше, но не намного — помогла осушенная чарка келимаса.

Только теперь он в полной мере осознал все происшедшее. И встало слово «никогда». Никогда больше он не увидит ни Мару, ни всех остальных. Никогда Леверлин не допишет книгу о настоящем Асверусе. Никогда не закончат начатые деда Шедарис и Тетка Чари, Бони и Паколет. Никогда. Тоска нахлынула такая, что не умещалась в сознание. Да вдобавок где-то в отдалении звучал *другой* голос, рассудительный, деловой, суховатый, твердивший: нужно будет срочно решать что-то с Сегуром, с Дике, с оставшимися без хозяев Вольными Манорами, кое-какие планы переделать с учетом сложившейся обстановки, а иные, не исключено, отменить вовсе. И ничего нельзя с этим поделать, потому что это был его собственный голос — голос короля, не имевшего права ни на какие человеческие чувства. Он крикнул самому себе: сгинь, пропади! И тут же понял, что это бессмысленно — изгонять из сознания самого себя. Дорога Королей никуда не делась, шагать по ней и шагать...

Снизился над равниной — он все же лег на правильный курс.

Потом стало хуже: вокруг корабля порой вставали зыбкие полупрозрачные тени, которые могли быть только галлюцинациями без четких контуров и форм. Он явственно слышал гитарные переборы и молодой мужской голос:

*— У кого жена, дети, брат —
пишите, мы не придем назад.
Адмиральским ушам простукал рассвет:
«Приказ исполнен. Спасенных нет».
Гвозди бы делать из этих людей,
крепче бы не было в мире гвоздей...*

Откуда-то он совершенно точно знал, что слышит свой собственный голос и переборы той самой, чуть расстроенной его гитары, что окончила свое существование, разлетевшись на куски на голове одного из исконных врагов, курсанта в черных погонах. Обе стороны считали мушкетерами себя, а противника упорно именовали гвардейцами кардинала — Боже мой, какие дети...

Потом — снова не в голове, а где-то рядом — зазвучал высокий девичий голос:

*— Что это, что это, что это за песнь?
Тихо-тихо руки белые свесь.
Звонкие гитары, стыньте, дрожь —
Синие гусары под снегом лежат...*

Конечно же, Алька-филологиня, второй курс, а он на третьем. Легкий, ни к чему не обязывающий роман, расстались без тени неприязни, вполне дружески...

Он не знал, сколько это продолжалось — голоса из прошлого, песни из прошлого. Вдруг увидел Мару, улыбающуюся, веселую, в легком платице сидевшую на фальшборте — и встречный ветер не трепал ее волосы, она смеялась и что-то говорила, но Сварог не слышал ни слова. Зажмурился, потряс головой — при этом явственно слышал тоненький стеклянный перезвон — и, когда открыл глаза, Мары там уже не было.

Надавил лезвием плашмя на опухоль, уже заползшую на плечо, словно гротескный погон. Глянув на часы, разомкнул металлические челюсти, высвободил штурвал, сбросил скорость до «десяти», нечеловеческим усилием воли заставил себя встать на ноги, взялся за темные пузатенькие ручки и опустил летучий корабль гораздо ниже. Превозмогая слабость и боль — сердце уже пару раз словно бы тронула ледяная лапка, *примериваясь*, — стараясь сфокусировать взгляд, вертя головой вправо-влево, высматривая затесы, повел корабль на высоте человеческого роста, меж голых серых стволов.

Ага! Акбар вдруг сел на носу, обернулся к нему, радостно гавкнул и неотрывно смотрел вперед. Сварог по нему держал курс, и, похоже, поступил правильно: затуманенным взглядом видел и затесы с обеих сторон, и сиявший впереди крохотный прямоугольничек. Дверь...

Его шатало, как пьяного, и он уже плохо справлялся со штурвалом, корабль швыряло, как лодку в бурю, он то и дело с треском ударялся о стволы то левым бортом, то правым, отлетел кусок фальшборта, отлетали доски, корабль просел кормой, один раз задел днищем землю, и Сварог едва его выправил...

Отчаянный треск! Корабль левой скулой налетел на очередной серый ствол в два обхвата — и развалился. Сварога швырнуло к правому борту, он не удержался на ногах и кулем осел на землю, приподнявшись на правом локте, посмотрел вперед. Дверь не так уж и далеко, шагах в двадцати, но уже не было сил встать на ноги и идти, как он ни корячился, даже ползти не смог бы, упираясь только одним локтем.

Распространившаяся на плечо опухоль спускалась по ключице к сердцу. Акбар залаял над ним гулко, тревожно, словно звал на помощь. Сварог перевалился на живот и попытался все же ползти — хватило только на пару шагов, и он уткнулся лицом в пахнущую свежестью траву. В голове назойливо крутилось: мы все погибли здесь, выполняя приказ, мы все погибли здесь...

Сильный рывок вздернул его на ноги, Сварог почувствовал затылком влажный нос, шею сдавил натянувшийся ворот камзола, его потянуло вперед, и Сварог понял, что это Акбар, ухватив его зубами за воротник сзади, волокет к двери так, что каблуки чертят по земле.

Перед глазами все качалось и плыло, но он все же увидел Яну — с белым, как стена, лицом она торопливо посторонилась, Акбар проволок его через «стакан», затащил в тронный зал, опустил осторожно, как только мог, но Сварог все равно слегка приложился затылком, не чувствуя боли.

Бросил взгляд на левую руку и отвернулся — то еще зрелище... И тут же над ним склонилась Яна, вскрикнула:

— Лежи спокойно!

— Лежу, — еле выговорил Сварог. — Лежу, помирать буду потихонечку...

— Я тебе умру! Нашел от чего... Сейчас...

Она что-то делала руками, и Сварога с ног до головы окутало приятное тепло, левую руку словно охватил плотно невидимым панцирь, но от этого стало только легче. Золотистые, пушистые на вид огоньки заплясали над ним, заволакивая все вокруг, он не понимал, галлюцинация это или что-то другое. В этом завораживающем танце вдруг появилось лицо Яны, ничуть не похожее на видение, и Сварог, ощущая, как отползает от сердца ледяная лапка, услышал:

— Где все?

— Там, — ответил он, чувствуя, как по лицу ползут слезы. — Все — там...

И с превеликим облегчением провалился в беспамятство.

* * *

«Городу и миру!

Герцог Аулих, Генерал гвардии королевства Ронеро, со скорбью извещает: позавчера в Полуденном Каталауне, на больших маневрах „Серебряное копье“ при катастрофе военного самолета погибли гвардейцы Королевской гран-алы „Странная Компания“:

Мара Первая, королева Сегура и Дике.

Бони Первый, король королей Вольных Маноров.

Леверлин, граф Грелор.

Шег, барон Шедарис.

Чари, графиня Лендор.

Паколет, маркиз Гранау, владелец Вольных Маноров.

Память и честь!»

«Это тоже итог», — подумал Сварог, не поднимая глаз от пахнувшей еще типографской краской страницы «Гвардейского вестника». Некролог в самой престижной военной газете, пусть и насквозь лживый. Многие из тех, кого он знал по прежней жизни, по службе, не получили и этого — потому что там, где они погибли, их словно бы и не было никогда...

Поднял голову:

— Интагар?

Интагар с готовностью встал, хотя мог и остаться сидеть:

— В ущелье уже есть разбившийся и сгоревший самолет, ваше величество. И свидетели падения есть, разумеется, все ограничено узким кругом особо доверенных людей. Те, кому поручены похороны, ничего не подозревают, как и все прочие. Эскадры Морской Лиги вышли к Сегуру и Дике. Адмирал Амонд заверяет, что они обеспечат полную безопасность островов. Третья эскадра крейсирует у полуночи от полуострова Тайри — если лоранцы попытаются что-то предпринять, их перехватят уже в открытом море.

Что ж, пусть идет, как идет... Не стоило расхолаживать адмирала Амонда, представления не имевшего, что на свете живет маркиз Оклер, помимо прочего, еще сегурский дворянин, как его юная супруга. К чему маркиз относится крайне серьезно. Сварог вспомнил его злое и решительное лицо, когда маркиз говорил:

— Я приказал вывести в море четыре эскадры «Ящеров». Если лоранцы дернутся, я их буду топить к чертовой матери, и плевать мне на последствия...

«Да не будет никаких последствий, — подумал тогда Сварог. — Замну, слово чести...»

— Маноры?

— Туда отправлены чиновники Канцелярии Покровителя Вольных Маноров, — сказал Интагар. — Маршал Гарайла докладывает, что туда двинулись два конных полка. Любые *сюрпризы* исключены. Ваше величество... я посоветался с начальником дворцовой стражи и министром двора... Вы простите мне самовольство? Я дерзнул вашим именем на несколько дней закрыть дворец для посещений придворными. У всех ворот — гланские гвардейцы.

— Правильно сделали, — сказал Сварог.

Вот уж кого он хотел бы видеть в последнюю очередь — так это толпу придворной шушеры с фальшивой скорбью на лицах, пользующуюся любым предлогом, чтобы лишний раз оказаться на глазах короля...

— Что-нибудь еще?

— Я поставил людей у комнат маркизы Томи. Не пропустят ни единой живой души, кроме, разумеется, вас и... баронессы Вальдор (под этим именем в Латеранском дворце и знали Яну).

— Тоже правильно, — сказал Сварог.

Он был там час назад. Томи уже не плакала — лежала, отвернувшись к стене, глухая и слепая ко всему окружающему. Ей впервые довелось *терять*, а это особенно тяжело — впервые. Правда, и потом не легче...

— Баронесса?

— Просила передать вам, что улетает в Каталаун. За какими-то *бабками*. Я так предполагаю, для маркизы Томи...

«И это правильно, — подумал Сварог. — Глядишь, и поможет малость — таковы уж каталаунские *бабки*...»

Интагар сказал негромко:

— Неотложных дел, требовавших бы вашего участия или вмешательства, нет. Вы всегда разрешали мне откровенность... Вам следовало бы отдохнуть, ваше величество. Ваш вид...

Сварог и сам знал, как он выглядит — лицо исхудавшее, изможденное, словно он голодал недели две. Яна *вытащила* его не в самую последнюю минуту (по крайней мере, она так говорила) — но *лечение* Древним Ветром оставляет следы, и с этим ничего не поделать.

— Отдохну, — сказал Сварог. — Непременно...

Он встал из-за стола, подошел к высокому окну Большого кабинета и, заложив руки за спину, смотрел вдаль. На шпигеле Янтарной башни, самого высокого из дворцовых строений, хелльстадский флаг увит белыми лентами. Но не приспущен, конечно — традиции незыблемы, королевские знамена приспускают до половины исключительно в случае смерти члена династии. Это в Сегуре и тринадцати Вольных Манорах флаги приспущены до половины...

В ушах у него звучала «Пляска смертей», старинный марш, под который принято хоронить военных.

Гроб на лафет! Он ушел в лихой поход...

Гроб на лафет! Пушка медленно ползет.

Гроб на лафет! Все мы ляжем тут костьми.

Гроб на лафет! И барабан — греми!

Что добавляло тоски — перед ним встал вопрос, на который, Сварог всерьез подозревал, ему никогда так и не удастся найти ответа. Как соотносить со всем

происшедшим то, что они не погибли в бою, а стали жертвами затеянной безумцем игры? Умаляет это хоть что-то или — нисколечко? Он даже не пытался искать ответ, знал, что и впереди не будет...

— Ваше величество... — осторожно сказал Интагар. — Выходит, от *монаше-ка* была польза?

Сварог обернулся. Сказал без тени раздражения, просто-напросто устало:

— Интагар, будьте так добры... Избавьте меня от вашей пронизательности хотя бы на сегодня...

— Слушаюсь. Я одного не понимаю... Вы позволите?

— Ну?

— Почему это нужно держать в тайне? Следовало бы как раз наоборот...

Помолчав, глядя ему в глаза, Сварог веско сказал:

— Так надо...

Он никогда в жизни не сказал бы *другое*, то, что как раз и хотелось сказать: «Я сам ничего не понимаю». *Такое* говорить нельзя. Старое незыблемое армейское правило: перед подчиненными нельзя оправдывать себя ссылками на приказы вышестоящих (в данном случае — Канцлера). Твой приказ — это твой приказ, и точка. Так надо. Молчать, смирно!

Он вновь сел за стол. Пододвинул к себе ближайшую бумагу, послание профессора Марлока, пришедшее на его личный компьютер. Марлок, умница, соболезнования выражал крайне скупно, как на его месте поступил бы и сам Сварог. И просил содействия — его биологи, познакомившись с той частью отчета Сварога, что их непосредственно касалась (а остальное их не касалось вовсе и потому было засекречено), просили оказать им содействие, помочь попасть в ту Заводь. По их уверениям, можно было провести поистине уникальный научный эксперимент, наблюдая за хищниками в Низине: полностью лишившись пищи, станут они теперь, вопреки инстинктам и условным рефлексам, жрать друг друга или нет?

Ну что же, жизнь продолжается. Это и есть самое грустное — жизнь продолжается, что бы ни случилось, как будет продолжаться, когда не станет и нас: так было, так есть, так будет...

Содействие так содействие. И никому не следует знать, что еще до того, как попадут туда биологи, туда пойдет группа людей Сварога, которые перестреляют к чертовой матери и тамошнего графа, и его холуев. Ни малейшего нарушения законов и регламентов, ни тех, ни других попросту не существует — даже многомудрые старцы из Геральдической Коллегии, не одну собаку съевшие на самых замысловатых коллизиях, пока так и не пришли к единому выводу — каким должен быть юридический статус Заводей? Так что писанных параграфов нет. В числе рабочих версий есть и такая: всякая Заводь подлежит юрисдикции той страны, откуда можно в нее попасть. Сгодится, пока нет параграфов, никто не сможет ни к чему прицепиться...

— Интагар, — сказал Сварог, — налейте-ка мне «Старого дуба»...

Медленно осушив чарку, он откинулся на спинку стула, прижавшись затылком к вишневому, шитому золотом бархату. В голове звучала совсем другая песня.

*Аleo траманте,
беле аграманте,
чедо каладанте,*

э виле...
Конеченто ленте,
моле неференте,
теле наджаленте,
таде...
Таре аталанте,
белео даранте,
чере кондаранте,
годе...

Странное дело... Ему следовало бы ненавидеть эту песню, помня, при каких обстоятельствах она прозвучала. Однако — хотя Сварог не понимал ни единого слова — она отчего-то привязалась, он подозревал, на всю оставшуюся жизнь. Привязалась, и все тут. Быть может, она не имела отношения к замку и была украдена Безумным Зодчим из каких-то позабытых времен. Наверняка так и обстояло: эти твари неспособны творить. Если что и создают — исключительно вредное и злобное, ничего общего не имеющее с творчеством...

Интагар без всяких просьб наполнил чарки вновь.

ЭПИЛОГ

...И каждый вечер в первый день Кален Фиона происходит одно и то же... Ратагайцы перекрывают коридор, ведущий в залу короля Лауберта, держась подальше от высокой двери с полукруглым верхом, — потому что у двери, положив голову на лапы, лежит Акбар, и нет такого самоубийцы, чтобы рискнул подойти близко.

Снаружи, на земле, башню окружают гланские гвардейцы, стоя локоть к локтю. Те, кому это полагается знать, знают — это единственный вечер в году, когда король королевей слаб и незащищен — хотя и заикаться об этом нельзя.

Сварог Барг, король королевей, остается один в круглом зале — зал сплошь в черных и красных тонах, высокие стрельчатые окна в золотисто-алых витражах, в простенках черные рыцарские доспехи былых времен, никакой мебели, только массивный темный стол посередине, круглый, окруженный такими же темными стульями с высокими закругленными спинками, — только теперь их не одиннадцать, как во времена Лауберта, а семь. Спинка одного повыше остальных, и в нее врезано золотое изображение хелльстадской короны — вместо ронерской, которая была раньше.

Перед каждым креслом — плоская золотая чаша с темно-багряным вином. Шесть так и остаются полны.

Из седьмой пьет король королевей — не особенно торопясь, но и не делая долгих пауз. В памяти у него проплывают лица, улицы и чащобы, воспоминания неторопливо сменяют друг друга, боль и тоска давным-давно стали *устоявшимися*, частью его самого, не рвущей душу.

Случается иногда — но не всегда — что в утешительном винном дурмане ему видятся *друзья*. Они рассаживаются вокруг стола, веселые и, конечно, ни-

чуть не изменившиеся, надолго затягиваются беспечные разговоры, вспоминается былое, звучат любимые песни. Всякий раз, проснувшись утром на полу — ну да, что греха таить, так и обстоит, — он решительно не в силах понять: привиделось ему, или они все же были? Очень уж реальными предстают воспоминания — а в этом мире порой случаются вещи, никак не укладывающиеся в материалистическую картину жизни. И всякий раз он не находит ответа.

Всегда, большей частью в одно и то же время, наступает момент, когда король королей, оказавшись где-то на середине пути, берет виолон. В коридор из-за двери не проникает ни звука, но те, что стоят под окнами, слышат песню на незнакомом языке и, конечно, не понимают ни слова.

*— Над землей бушуют травы,
облачка плывут, кудрявы,
и одно, вон то, что справа —
это я.
Это я...
Ничего уже не надо
мне и тем, плывущим рядом,
нам бы жить — и вся награда.
А мы плывем по небу...*

И всякий раз, в нескольких шагах от гвардейцев, стоит и слушает песню маршал Гарайла. И всегда у Черного Князя чувства человека, пытающегося понять в этом мире еще что-то, так и оставшееся непонятым и недосказанным. Но он уходит, не получив ответа, еще и оттого, что у него нет *точных* вопросов, есть только то, что он сам не может определить словами, и от этого на душе всегда грустно.

И всякий раз маршал, уходя, вспоминает слова короля королей, с которыми согласен полностью.

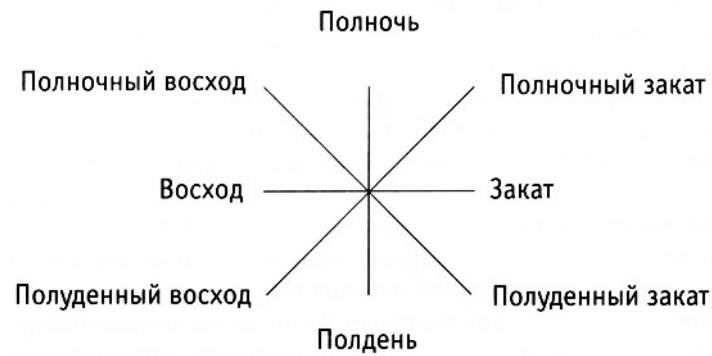
Живите так, словно смерти нет...

Красноярск, 2016

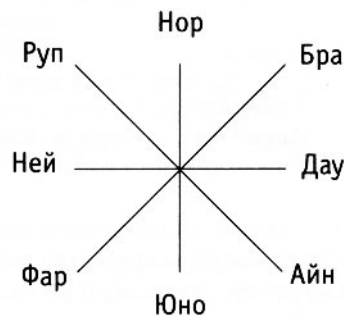

ПРИЛОЖЕНИЯ

Стороны света по таларской традиции

Стороны света в морской терминологии Талара

О ЛЕТОСЧИСЛЕНИИ

При изучении хронологии следует непременно иметь в виду, что не существует до сих пор какой-то единой точки отсчета. Даже летосчисление ларов, Небесные Годы, было введено лишь через некоторое количество лет после окончания Шторма и переселения ларов в небеса. И это количество до сих пор не определено точно, разные исследователи называют разные цифры (от 7 лет до 11). К тому же ни у ларов, ни у кого-либо другого нет точно фиксированной даты окончания Шторма — ибо какое-то время его затухающие волны все еще прокатывались по планете.

Первые семьсот с лишним лет после Шторма на земле не существовало ни упорядоченной хронологии, ни четко датированных летописей (по крайней мере, современная наука не располагает фактами, способными как доказать, так и опровергнуть эту точку зрения). В дальнейшем, на протяжении долгих столетий, соперничавшие государства и отдаленные страны, порой вообще представления не имевшие о существовании друг друга, придерживались своих собственных систем летосчисления (более-менее полное представление об этом периоде дает труд Гармара Кора «Хаос и хронология», Магистерииум, 3466 г. Х. Э.) Впоследствии из-за диктуемого жизнью стремления к упорядоченности после многих попыток достичь взаимопонимания и согласия (и даже нескольких войн по этому поводу) почти повсеместно было установлено единое летосчисление — так называемая Харумская Эра.

В настоящее время текущий год у ларов — 5506 год Небесных Лет (в этой системе датируются все императорские указы, предназначенные для жителей земли).

На земле — 3716 год Харумской Эры, однако есть два исключения:

1. Великие магистры, правители Святой Земли, двести сорок три года назад ввели летосчисление «со дня Гнева Господнего». Таким образом, в Святой Земле сегодня — 5511 год СДГГ.

2. После отделения Плана от Ронеро первый гланский король повелел «считать нынешний год первым годом Вольности». Сегодня в Глане — 613 год Вольности.

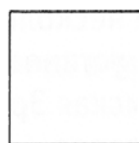
КАЛЕНДАРЬ

Таларский год состоит из семи месяцев — Датуш, Элул, Фион, Квинтилий, Ревун, Атум, Северус. Каждый месяц — из семи недель по семь дней. В конце первых шести месяцев есть еще по три дня без чисел, именуемых Безымянными Днями, или Календами. После Северуса следуют семь дней Календ. Календы Датуша, Квинтилия и Атума считаются «скверными днями», в этот период стараются воздержаться от дел, не пускаются в путешествия или плавания, не играют свадеб, не устраивают никаких торжеств. В древности на эти Календы даже прекращались войны. Календы Элула, Фиона и Ревуна, наоборот, считаются крайне благоприятными для начинаний и временем праздников. Календы Северуса — канун Нового Года, в эти дни торжества особенно пышны, именно к Календам Северуса дворяне стараются приурочивать свадьбы, а гильдии — свои праздники.

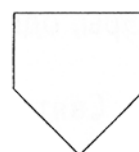
ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЕ ЩИТЫ

Согласно правилам геральдики, существует лишь семь разновидностей гербовых щитов — для гербов государств, городов, дворян. Разновидности эти следующие:

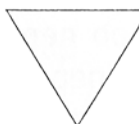
1. Дотир

2. Джунарг

3. Даугар

Как правило, дотир и дуарат служат гербовыми щитами лишь для дворян, не имеющих титула, а гербы городов чаще всего имеют форму домблона.

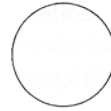
ФЛАГИ ГОСУДАРСТВ

Флаги Виглафского Ковенанта[84]

Лоран — горизонтальные синяя и зеленая полосы, флаг обведен белой каймой (добавленной как знак траура после завершения строительства Великого Канала и потери провинций, оставшихся на континенте).

Харлан — «шахматная доска» из 6 черных квадратов, 6 белых и 6 коричне-

4. Дрогмор

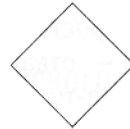
5. Домблон

6. Дегоар

7. Дуарат

ВЫХ.

Снольдер — желтое полотнище с черным силуэтом сфинкса.

Ронеро — горизонтальные синяя и черная полосы.

Глан — горизонтальные черная и красная полосы.

Горрот — белое полотнище с черным солнцем.

Шаган — вертикальные зеленая, желтая и черная полосы.

Сегур — горизонтальные синяя и красная полосы.

Прочие флаги

Святая Земля — фиолетовое полотнище с желтым крылатым диском.

Балонг — синее полотнище, затканное золотыми пчелами.

Ганза — темно-синее полотнище с белым кругом. В круге — черный силуэт корабля с зарифленными парусами.

Некоторые сведения о геральдическом значении иных цветов. Синий цвет издавна символизировал честь, честность, благородство. Фиолетовый — мудрость. Зеленый — надежду. Черный — упорство. Красный — отвагу, жизненную силу. Желтый — богатство. Белый вообще-то символизирует чистоту помыслов, но из-за того, что он издавна почитается символом смерти, в геральдике его стараются не употреблять.

ГЕРБЫ ГОСУДАРСТВ

Виглафский Ковенант

Лоран — дотир. Две синих и одна зеленая вертикальные полосы. На зеленой — три золотых кольца. На синих — по золотому якорю.

Харлан — дотир. Разделен на четыре квадрата, два белых и два коричневых. В белых квадратах — по коричневому мечу острием вверх. В коричневых — по белому мечу острием вверх.

Снольдер — даугар в фиолетово-желтую клетку. В центре щита — золотой лев, стоящий на задних лапах.

Ронеро — даугар. Разделен по вертикали на синюю и черную половины. На синей — золотая лилия, на черной — Зеркало Аннура, имеющее вид серебряного круга в золотой оправе.

Глан — дегоар. Щит — черный с золотой каймой. В центре — золотой силуэт медвежьей головы, по пяти углам — золотые цветы чертополоха.

Горрот — домблон. На белом фоне — черное весло, скрещенное с золотым скипетром.

Шаган — дрогмор. На синем поле — золотой колокол.

Сегур — дуарат. Разделен горизонтальной линией на две половины. Верхняя — золотой парус на зеленом поле, нижняя — пять вертикальных полос (две зеленых, две желтых) и на их фоне — черный герб Морских Королей.

(Нужно добавить, что герб государства является и гербом его короля.)

ПРОЧИЕ ГЕРБЫ

Святая Земля — дуарат. На зеленом поле — золотой одноглавый орел (акилла), держащий в лапах меч и крест Единого Творца.

Балонг — джунарг. На красном поле с пятью узкими вертикальными линиями — золотые весы. Щит окаймлен золотыми пчелами.

Ганза — дрогмор. На темно-синем фоне — красная ладонь.

КОРОНЫ ВИГЛАФСКОГО КОВЕНАНТА

Лоран — корона закрытая. Обруч шириной в два джайма[85] с изображением дубовых листьев. Шестнадцать зубцов в виде шипов, отклоненных на 45° наружу от вертикальной оси обруча. У основания каждого — рубин, ограниченный «розой». Закрыта остроконечным колпаком из синего бархата на золотом внешнем каркасе в виде 8 сходящихся дуг.

Харлан — обычная герцогская корона, но украшенная четырнадцатью ограниченными бриллиантами и закрытая решетчатым плетением в форме полусферы.

Снольдер — корона закрытая. Два разомкнутых круга, каждый шириной в джайм, соединенных четырьмя перемычками. На перемычках — по рубину, ограниченному в форме полусферы. В каждом секторе меж перемычками — по три бриллианта, ограниченных «розой». Впереди, надо лбом, — золотое изображение кобры с раздутым капюшоном и бриллиантовыми глазами. Туловище кобры, изогнутое дугой выпуклостью вверх, закрывает корону, касаясь противоположного ее края, где вделан черный алмаз Бараини (неограниченный, весом 480 квинтунов[86]). Зубцы отсутствуют.

Ронеро — корона открытая. Обруч шириной в два джайма, по которому проходят три пояса из накладных линий, и в центре каждого цветка — рубин, ограниченный полусферой. Восемь зубцов в виде равнобедренных треугольников, слегка отклоненных от вертикальной оси обруча.

Глан — корона открытая. Кольцо шириной в джайм, двенадцать зубцов (6 в виде цветков чертополоха, 6 — в виде трилистников клевера). В основании каждого зубца — рубин «ленточной» огранки. Впереди, надо лбом, — желтый алмаз Индари (неограниченный, вес 300 квинтунов).

Горрот — корона закрытая. Обруч шириной в два джайма, по верхней и нижней кромкам проходят два накладных пояса, имеющих форму цепи с овальными звеньями. В центре каждого звена — рубин, ограниченный в форме трехгранной пирамиды. Восемь прямоугольных зубцов. Закрыта двумя полукругиями-дугами, в точке пересечения которых — солнце, выточенное из черного опала.

Шаган — корона открытая. Обруч шириной в два джайма с семью зубцами в виде «ласточкина хвоста». У основания трех — ограниченные рубины, у основания четырех — ограниченные изумруды.

Сегур — корона открытая. Обруч шириной в два джайма с гравировкой в

виде якорей и скрещенных весел. Семь зубцов в виде трезубца Руагату, у основания трезубцев — ограненные сапфиры.

ПРОЧИЕ КОРОНЫ

Корона Великого Магистра Святой Земли — открытая. Обруч шириной в джайм. Впереди, надо лбом, — крылатый диск с неограненным рубином в центре, на противоположной стороне — крест Единого Творца. Зубцы отсутствуют.

Балонг. Избираемый на три года Старшина Патрициев Круглой Башни носит корону в виде обруча шириной в два джайма с семью зубцами, повторяющими формой Круглую Башню.

Все короны изготовлены из чистого золота, не считая короны Великого Магистра — она из железа.

ДВОРЯНСКИЕ КОРОНЫ И ТИТУЛЫ

Дворяне Виглафского Ковенанта и Пограничья носят следующие титулы:

1. Принцы короны.
2. Принцы крови.
3. Герцог.
4. Князь.
5. Граф.
6. Барон.
7. Маркиз.

Принцы и принцессы короны — потомки правящего монарха. Они носят корону в виде обруча шириной в джайм, закрытого двумя полукружьями-дугами, в точке пересечения которых — миниатюрное подобие королевской короны.

Принцы и принцессы крови — потомки братьев и сестер правящего монарха. Носят корону, повторяющую герцогскую, но закрытую полукружием-дугой с миниатюрным подобием государственного герба.

Герцогская корона — обруч с семью прямоугольными зубцами, перемежаемыми семью дубовыми листьями.

Княжеская корона — обруч с семью прямоугольными зубцами, перемежаемыми семью земляничными листьями.

Графская корона — обруч с четырнадцатью шариками.

Баронская корона — обруч с семью треугольными зубцами, перемежаемыми семью шариками.

Корона маркиза — обруч с семью полукруглыми зубцами, и в центре каждого — прорезь в форме дуарата.

Короны титулованных дворян, имеющих права Вольных Ярлов, и украшены рубинами (в 3711 г. Х. Э. Виглафский Ковенант лишил владельцев Вольных Маноров, в том числе и королей, прав Вольных Ярлов, сохранив таковые лишь за ярлами Пограничья, но и для последних введены ограничения по количеству лиц, коих ярлы вольны в течение года возвести в дворянство).

При посещении титулованным дворянином королевского дворца, а также в дни некоторых торжеств следует непременно быть в приличествующей титулу короне. В обычные же дни можно ограничиться золотой цепью, золотыми шпорами и перстнем с миниатюрным подобием короны.

Дворяне, дабы отличить свое положение, носят золотую цепь установленного образца и золотые шпоры.

Гланские обычаи несколько отличаются от иных, там существует своя система, признанная Виглафским Ковенантом:

1. Гланфорт (нетитулованный дворянин) носит золотую цепь и золотые шпоры.

2. Глэв (соответствует маркизу, барону или графу) — золотые шпоры и золотую цепь с семью подвесками в виде цветов чертополоха.

3. Глэрд (соответствует князю или герцогу) — золотые шпоры, золотую цепь с медальоном, на коем изображена медвежья голова.

В Балонге дворянства нет, но для знатнейших и богатейших граждан существуют титулы нобилия и патриция. Нобиль носит на груди золотой медальон с гравировкой в виде весов, окруженных пчелами, стоящий выше нобилия патриций — золотую пектораль с такой же гравировкой и жезл, увенчанный миниатюрным подобием Круглой Башни. Семеро Патрициев Круглой Башни, правящие Балонгом, обязаны во всякое время появляться на публике в алом плаще, затканном золотыми пчелами, и синей шапочке-митре, с четырех сторон украшенной золотыми изображениями Круглой Башни; при сем они опираются на посох с навершием в виде государственного герба. (Всякие попытки Балонга добиться приравнения нобилей и патрициев к дворянам неизменно отклонялись Ковенантом.)

О правилах, заведенных в Святой Земле, более полное представление даст соответствующий фрагмент из книги реверена Гонзака.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О РЕВЕРЕНЕ ГОНЗАКЕ

Реверен[87] Гонзак (3627 Х. Э. — ?) — скрибанос, служивший при Царской библиотеке в Астрее (Гиперборея, Сильвана). В 3668 г. Х. Э. прибыл на Талар. В период с 3668-го по 3679-й работал в библиотеках разных стран, жил в Лоране, Снольдере, Ронеро, побывал в Пограничье, Иллюзоре, Глане, Балонге, пяти из Вольных Маноров, совершил три морских путешествия. Некоторые историки считают его шпионом царя Гипербореи, но люди из таларских тайных служб никогда не высказывали своего отношения к этой версии. Необходимо учитывать, что порой крайне трудно провести границу меж профессиональным разведчиком и любознательным путешественником из дальних стран, поскольку кропотливо собираемая первым информация частенько попадает на тот же стол, что и ученые записки второго (о чем второй ничего не подозревает). Как бы то ни было, в Равене трудами Коллегии Ремиденума в 3681 г. Х. Э. вышла в свет книга Гонзака «Трижды семь писем скромного книжника Гонзака на Сильвану, другу своему Чей Чедогону о таларских делах, обычаях и установлениях». Вопреки заглавию, писем в книге всего шестнадцать. Гонзак пропал без вести в промежутке меж 36 Северуса 3679 г. и 14 Датуша 3680 г. Его следы теряются в полуночных провинциях Ронеро, малонаселенных и пользующихся дурной славой «диковатых мест». Не исключено, что сильванский скрибанос, человек отнюдь не бедный, любивший жить и путешествовать с комфортом, стал жертвой разбойников или Волчьих Голов. Известно также, что Гонзак намеревался предпринять экспедицию в Хелльстад, для чего, быть может, и отправился в те места, где оборвался его след.

Книга Гонзака, пусть и незавершенная, помимо многих интересных наблюдений, представляет собой еще и своеобразную краткую энциклопедию, дающую постороннему читателю неплохое представление о таларском укладе жизни. Благодаря чему она и была в 4998 г. Н. Г. включена Императорской

Коллегией Просвещения в список учебных пособий для благородных ларов по теме «Современный Талар». Выпущена в компьютерном и типографском вариантах.

О ТИТУЛАХ, СОСЛОВИЯХ И МНОГОМ ДРУГОМ

Письмо третье, реверена Гонзака

Рассказ об устройении общества, друг мой Чей Чедогон, я начну с королей, чему ты вряд ли удивишься, ибо, когда нам случится озирать гору, взгляд наш непременно падет прежде всего на вершину, а уж оттуда странствовать будет к земле.

Короли таларские — воистину самовластные владыки, что отражено и в тамошних законах, гласящих, что монарх пребывает превыше закона, сам же, буде возникнет такая надобность (или, увы, каприз, как нам известно о венценосцах двух планет), может решать многие дела не по писанным законам, а исключительно по своей воле. Должен тут же оговориться, что самовластье это, кажущееся всеобъемлющим, ограничено иными древними традициями. Есть права дворян, и сословий, и гильдий, и даже крестьян, на кои посягать и король не волен. Однако ж за пределами сих ограничений открывается весьма обширная область для самодержавного произвола, и подданным остается лишь уповать, что восседающий на троне монарх наделен достаточным умом и здравомыслием, дабы не ущемлять народ свой без меры.

Как и в нашем отечестве, дворяне здесь первенствуют над всеми иными. Нельзя стать офицером, ни сухопутным, ни морским, если ты не дворянин. И высшие пять гражданских чинов доступны одним лишь дворянам, и землю с крестьянами могут владеть одни дворяне, и ордена иные жалуются одним дворянам. Им одним дозволено строить в домах балконы и иметь в окнах витражи.

Следом идут так называемые Семь Высоких Сословий.

Сословие Чернильницы объединяет судейских, адвокатов и чиновничество с первого гражданского чина по двенадцатый. Отличительным знаком оно служит серебряный пояс с серебряной же чернильницей установленного образца. Образцы таковые в разных государствах разные, а у чиновников есть еще и мундиры, в каждом ведомстве свои, и каждый гражданский чин имеет свои отличия, подобно тому, как это обстоит с воинскими чинами.

Сословие Храма составляют разных богов служители, коих отличают одеяния и атрибуты, единые для всего Талара, независимо от страны (о Святой Земле поговорим подробнее в другой раз).

Сословие Мер и Весов образуют купцы, банкиры и ювелиры, причем не всякие купцы, а лишь те, что имеют капиталы не ниже определенного предела. Отличительным знаком сего Сословия служит серебряный пояс с замшевым кошельком особого вида.

Сословие Циркуля — это инженеры и архитекторы, коих отличает короткий плащ особого фасона, скрепленный у горла серебряной цепочкой, крепящейся двумя серебряными же бляхами с изображением циркуля.

Сословие Совы — это ученые, книжники, книготорговцы и учителя. Они носят плащ особого фасона с пелериной, где цепочку крепят две серебряные бляхи с изображением книги и пера, а также круглый берет с серебряным изображением совы. В разных государствах цвет оного наряда бывает разным. Живи мы на Таларе, друг Чедогон, в таком наряде и щеголяли бы, что, впро-

чем, не лучше и не хуже наших с тобой шапочек реверенов, украшенных жемчужинами, да плащей и посохов.

Сословие Свободных Искусств (художники, музыканты, скульпторы и актеры) знаком своим имеет серебряную цепь с серебряной же бляхой, на коей изящно выгравирована мифологическая птица Сирина, издавна почитаемая символом творческого вдохновения. И не всякие актеры состоят в сем Сословии, а лишь те, что происходят из семей потомственных актеров театров, имеющих статус королевских. А прочие же актеры именуются пренебрежительно фиглярами, и место им отведено в одной из последних гильдий, о чем напишу ниже.

Сословие Чаши и Ланцета составляют медики и аптекари. Знаком им служит длинная мантия особого фасона, черная шапочка, украшенная серебряной бляхой с изображением обвивающей чашу змеи, а также своеобразного вида кожаная сумка, служащая также и практическим целям, ибо в ней носят-ся снадобья, инструменты и прочее, потребное в работе.

Сословия эти обладают правом на покупку земли, но крестьяне во владение им не положены. В виде особой милости, случается, король жалует кому-либо право в течение определенного срока получать доход с того или иного коронного имения, и срок этот редко превышает год. Понятно, есть имения крайне прибыльные, а есть и скудные, что при оказании монаршей милости непременно и учитывается. Те, кто входит в Сословия, имеют право носить золотые украшения без ограничения количества, но без драгоценных камней — разве что король пожалует кому перстень с драгоценным камнем. Равным образом их столовая утварь из драгоценных металлов может быть украшена самоцветами лишь с соизволения короля.

Здесь стоит добавить, что согласно незыблемым законам природы, применимым и к жизни человеческого общества, недостаток чего-либо немедленно восполняется за счет иного качества — подобно тому, как слепые обладают невероятно тонким слухом, а горбуны бывают необыкновенно сильны. Вот и выходит — Сословия восполняют отсутствие драгоценных камней искусством выделки, а потому украшения их и утварь порой превосходят дворянские изощренностью выработки и мастерством украшения.

Дворяне поступают на службу во множестве, ибо на Таларе повсюду действует закон первородства, согласно коему все сыновья имеют право на дворянское звание или титул, а вот имение движимое и недвижимое достается в целости самому старшему (или дочери, если нет потомков мужского пола). Прочие же сыновья, получив малое денежное вспомоществование, вынуждены искать службы за жалованье либо по талантам своим искать себе места в одном из Сословий. Предпочтительнее всего военная служба, а также и полицейская, но непременно на должностях, приравненных к офицерским. Кроме военной службы, для дворян, по традиции, более всего предпочтительны занятия, входящие в компетенцию Сословий Чернильницы и Сова, а также Циркуля (но в областях, относящихся к военному делу и мореплаванию). Не возбраняется и войти в иные Сословия, но дворянин, попавший в таковые, стоит в глазах общества несравненно ниже. Что до Сословия Мер и Весов, то дворянину зазорно заниматься торговлей либо банкирским делом. Промыслы, приличествующие дворянину, сводятся к четырем вещам: коневодству, виноторговле, изготовлению винных бутылок, морским перевозкам на собственных су-

дах и ювелирному делу. Дворянин имеет право устраивать в своих землях заводы, но при строгом условии: заводы эти должны работать непременно на сырье, производимом в своих же поместьях, а если сырья этого нет, то и заводы устраивать нельзя. Дворянин еще обладает правом на речные перевозки на собственных судах — но опять-таки при строгом условии, что перевозит произведенное в собственных поместьях или закупленное для нужд такового. Все эти установления заведены в свое время весьма умными людьми, ибо служат к выгоде общества и бесперебойной работе государственного механизма. Гильдии таларские имеют следующий вид:

1. Оружейники (цехи: Доспешных дел мастеров, Мечных дел мастеров, Арбалетных дел мастеров, Копейных дел мастеров, Пушечных дел мастеров, Ружейных дел мастеров, Ракетных дел мастеров, Пороховых дел мастеров).
2. Мастера тонких работ (Ювелирные подмастерья, Мастера врачебного инструмента, Мастера счетных устройств, Оптики, Часовщики, Мастера утвари для ученых).
3. Похоронных дел мастера.
4. Приказчики торговые и банкирские.
5. Меховщики.
6. Мастера каменного строения (цехи: Домостроителей, Строителей и Подновителей мостов).
7. Мастера деревянного строения (цехи: Домостроителей, Строителей и Подновителей мостов).
8. Водопроводных дел мастера.
9. Фонарщики (цехи: Фонарщиков, Мастеров фейерверка, Мастеров домашних светильников из металлов).
10. Стеклодувы (цехи: Стеклодувов, Стеклянной посуды, Уличных фонарей, Домашних светильников из стекла, Витражных дел мастеров).

СЕРЕБРЯНЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Кораблестроители.
2. Моряки.
3. Речные матросы.
4. Мастера изящных работ (цехи: Изящной мебели, Благородной посуды, Благородных тканей).
5. Стражи порядка (сюда входят палачи, тюремная стража, полиция и ночные сторожа).
6. Содержатели псарен и псари.
7. Содержатели постоянных дворов и трактиров, игорных и танцевальных залов (сюда включены лишь те заведения, кои имеют высший разряд и предназначены для благородной публики — дворян и Сословий. А содержатели заведений рангом ниже включены в гильдию градских обывателей).
8. Гуртовщики.
9. Ремесленники по дереву (цехи: Столяров, Каретников, Тележников, Сундучников).
10. Парикмахеры (опять-таки те, кто обслуживает благородную публику. Прочие же именуются скопом цирюльниками).

БРОНЗОВЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Пожарные.
2. Кузнецы.

3. Ветеринары.
4. Почтари и телеграфисты.
5. Шляпники.
6. Садовники и огородники.
7. Горнорабочие.
8. Содержатели домашней птицы, мелкого скота, птицеводы и пчеловоды.
9. Посудных дел мастера (Гончары, Бочары).
10. Торговцы провизией и изготовители таковой (цехи: Мукомолов, Хлебопеков, Виноделов, Пивоваров, Мясников, Зеленщиков, Бакалейщиков).

МЕДНЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Портные.
2. Сапожники и обувщики.
3. Печники.
4. Водолазы.
5. Извозный промысел.
6. Вольные слуги.
7. Повара.
8. Мостильщики улиц.
9. Кровельщики.
10. Градские обыватели (к сей гильдии приписаны представители многих ремесел, не вошедших в прочие).
 1. Заводские мастеровые.
 2. Мусорщики.
 3. Мастера паровых машин.
 4. Мастера воздушных шаров и планеров.
 5. Маляры, фегляры, циркачи, газетиры.
 6. Портовые рабочие.
 7. Ткачи, шерстобиты и обойщики.
 8. Нищие и проститутки.
 9. Цирюльники.
 10. Типографские мастеровые.

У каждой из гильдий есть залы для собраний, гильдейские знамена и праздники, отмечаемые в определенные дни, подчас с превеликой пышностью, когда речь идет о трех высших гильдейских разрядах. Золотые украшения дозволены лишь Золотым и Серебряным гильдиям, но одновременно можно носить не более одного, а во владении иметь неограниченное количество. Серебряные украшения дозволены Золотым, Серебряным и Бронзовым гильдиям — со схожими правилами ношения, не более двух одновременно. Медным же и Железным гильдиям запрещено строить для собственного проживания дома выше одного этажа, а также им не полагается держать в услужении слуг и служанок и запрягать в повозку более одной лошади (исключение составляют извозчики, но и то лишь в тех случаях, когда выезжают на свой промысел).

Легко понять, что система таковая имеет как свои достоинства (скажем, изощренное совершенство, ведущее к более спокойному и плавному течению жизни, равно как и устойчивости общественной пирамиды), так и недостатки. Недостатком, безусловно, следует посчитать то, что человек, будь он та-

лантлив и многообещающ несказанно, не получит хода в ту область, где мог бы принести не в пример большую пользу (а область таковая, не пополняемая притоком свежих сил, неминуемо придет в упадок). Мысли такие, несомненно, посетили в старые времена кого-то из власть предержащих — ибо в каждой державе есть министерство, ведающее Сословиями и гильдиями, в обязанность коего входит устройство экзаменов и иных испытаний, служащих для пополнения гильдий и Сословий новыми членами, достойными сего. Правда, из этого еще не следует, что каждый, кто достоин занять место ступенькою выше, на ступеньку эту поднимется, — увы, слишком часто мы в этой жизни видим примеры обратного, и ни одни писанные правила, сколь бы мудро они ни были составлены, не обеспечат каждому место, его достойное. В особенности если вспомнить о корыстолюбии одних и изворотливости других и предположить, что в иных случаях презренный металл быстрее и успешнее позволит подняться вверх, нежели таланты и способности...

Добавлю еще, что каждый приписанный к гильдии с того момента, как начнет трудиться если не мастером, то подмастерьем, повинен постоянно носить на груди гильдейский знак. Бляха эта очертаниями повторяет гербовый щит государства, разделена на две части, и в верхней помещен герб города (если город гербовый) либо герб короля (если город коронный) а в нижней — эмблема данной гильдии. Кроме того, знак снабжен отличиями, наглядно сообщающими окружающим, к какому из пяти гильдейских разрядов его владелец принадлежит.

Жены же членов гильдии носят уменьшенное подобие сего знака на груди, на цепочке. Если женщина не супруга чья-то, а сама есть мастер некоего ремесла (скажем, кондитерша, повариха либо содержательница таверны), то знак она носит на груди, как мужчины.

Есть у разных гильдейских разрядов и правила ношения одежды (запрещающие иным гильдиям иные ткани, признанные чрезмерно для них роскошными), но обширная сия тема требует отдельного письма.

И завершу рассказом о крестьянстве. Оно делится на крестьян сеньоров, крестьян короны и фригольдеров. Первые обитают во владениях дворян, вторые — в землях, числящихся королевскими доменами. Есть у них свои права, нельзя их убивать, пытаться членовредительно и отнимать нажитое, но переходить к другим хозяевам они не вправе. Была у них некогда такая привилегия, но давно отнята, и не скажу, чтобы крестьяне смирились с этим окончательно, иначе не бунтовали бы порой. Фригольдеры же имеют статус вольных, за каковой, легко догадаться, держатся паче жизни.

Фригольдеры повинны носить на шапке оловянный медальон с изображением пшеничного колоса. У крестьян короны таковой снабжен еще короной, а у крестьян сеньоров — гербом хозяина.

Нужно упомянуть, что законы жестоко карают за присвоение человеком отличительных знаков, на которые он не имеет права, пусть даже это совершено шутки ради. А если он пошел на это ради получения выгод, то наказание еще тяжелее. Как ни странно покажется, но наказание, пусть не столь суровое, ждет и того, кто выдает себя за особу, стоящую на общественной лестнице ниже, чем это есть в действительности. Впрочем, в таковых порядках, если призадуматься, есть здравый смысл — человек, добровольно спустившийся ниже, чем его поставила судьба, попросту глуп, если только это не служитель

божий, взыскующий аскетизма, или юный влюбленный, не нашедший других путей, дабы видеться со своей возлюбленной.

В чем-то, похоже, стройная система гильдий не критически следует за костелным традициям. Так, заводские мастеровые и мастеровые паровых машин — люди изрядно образованные и умелые, и Железная гильдия для них, многие соглашались, чересчур уж низка. Но представители молодых ремесел, увы, явились, когда лучшие места были уже заняты. В том-то и суть, что против повышения статуса вышешепоименованных возражают в первую очередь сами высшие гильдии, ссылаясь на тысячелетний уклад жизни. Не вижу в том ничего удивительного, ибо давно ведомо, что люди сплошь и рядом питают к ближнему своему даже более сильную неприязнь, ревность и зависть, нежели к высшим. Высшее далеко, и завидовать им нелепо, ибо не всегда и представляешь толком, чему именно из жизни высших завидуешь, ибо не осведомлен о таковой в должной мере. Ближний же — рядом, на глазах, и негоже позволять ему превзойти тебя, особенно если знаешь в глубине души, что он такого превосходства заслуживает... Несовершенен человек, друг мой Чедогон, и не нам изменить природу его...

О КУПЕЧЕСКОМ СОЮЗЕ, ИМЕНУЕМОМ ГАНЗА

Выдержки из шестого письма реверена Гонзака

Расскажу теперь, друг Чедогон, как выглядит на Таларе Ганза, чьих купцов нам доводилось встречать и на Сильване.

В противоположность Балонгу, своему извечному сопернику, Ганза не составляет государства в привычном понимании сего слова. Ганза есть союз ста одиннадцати городов, расположенных как на Харуме, так и на значимых морских островах, причем все без исключения города эти помешаются на берегах, морских и речных. А произошло так оттого, что Ганза возникла в древние времена, когда из-за слабости тронов, непрерывных войн на суше и разгула пиратов на водах торговое плавание что по морям, что по рекам было занятием крайне рискованным, и единственной защитой тут был собственный меч. Так и сложился союз купцов-корабельщиков, к вящей своей выгоде и безопасности неустанно укреплявших флот свой и города. И поскольку цели Ганзы были несложными, ясными и четкими, а укрепление государств — процессом не в пример более долгим, путаным и хаотичным, означенная Ганза, пусть и лишившаяся с бегом столетий прежней вовсе уж невиданной мощи, остается все же сильной. Есть у них торговый флот, есть военный, даже с пароходами, а города их изрядно укреплены и располагают сильными гарнизонами. И не подчиняются они законам того государства, где расположены, — не совершая, со своей стороны, ничего такого, что шло бы вразрез с законами «прилегающей державы» (как любят выражаться ганзейцы, коим похвальба и честолюбие свойственны в той же степени, что и всем прочим). А если какой король, что случается даже теперь, посягнет на лежащий в пределах его державы город Ганзы, то все прочие ганзейские города, объявив тревогу, идут на выручку, и сила их такова, что объявленная ими какой державе война способна державу сию не на шутку озаботить. А общего стовора всех королей и владык против Ганзы ждать не приходится — ибо не случалось еще в истории, да и не случится, мне думается, чтобы все без исключения монархи пришли к полному согласию касаясь столь сложного вопроса. Столь сердечного согласия удастся достигнуть лишь в делах более простых, да еще направленных против слабей-

шего, — как это было с Сандоварским Уложением.[88] Так что Ганзой за последние семьсот лет утрачено лишь четыре города (не включая в это число тех, что оставлены самими ганзейцами под натиском Глаз Сатаны).

Промышляют ганзейцы главным образом торговлей и перевозкой товаров. Занимаются они и банкирским делом, но таковое почти повсеместно в руках Балонга, и успехи Ганзы на сем поприще ничтожны (что ее, говорят, злит). Словия и гильдии у них те же, что и у большинства держав, хотя число гильдий и составляет у ганзейцев не пятьдесят, а сорок восемь, нет в Ганзе ни гуртовщиков, ни мастеров воздушных шаров и планеров — одиночным городам-государствам, стесненным по территории, сии ремесла ни к чему, равно как и телеграфисты. Кроме того, иные гильдии вроде корабельщиков и моряков с речными матросами стоят выше, чем в других державах, а иные — не в пример ниже. Крестьяне есть при сорока шести городах, и все они фригольдеры. А дворянства своего не имеется. Те из ронинов[89] (а таких немало), кто поступает на службу Ганзе, не располагают в ее городах теми привилегиями, что имеют дворяне других держав, зато пользуются всеми правами вольного ганзейца, а это им обеспечивает известное благополучие и защиту. Нужно еще добавить, что преступлений в ганзейских городах не в пример меньше из-за малого притока посторонних. В этом отношении города Ганзы, даже крупные, схожи с деревнями, живущими патриархально, размеренно и замкнуто. Что, впрочем, не означает идиллии, ибо природа человеческая несовершенна.

Единого правителя у них нет, но раз в год собирается Ганзейская Палата из представителей всех городов для обсуждения накопившихся проблем и решения дел, буде таковые возникнут. Палата эта назначает в каждый союз (ганзейские города на континенте, числом 89, делятся на семнадцать союзов, а остальные, что разбросаны на островах, приравниваются к союзу каждый) Легата Палаты, и означенные Легаты по иным своим обязанностям и должностным функциям выполняют роль правителей.

Относительно ганзейского герба ходит старинная легенда — что-де во времена оны некий богатый судовладелец, готовясь перейти в иной мир, завещал корабль свой тому из сыновей, кто, обойдя в шлюпочном состязании остальных, первым коснется рукой палубы. И один из сыновей якобы, видя, что победа от него ускользает, отсек себе руку и кинул ее на палубу, соблюдя тем самым букву уговора. Иные сказке этой верят, но я подобную слышал частенько и на Таларе, и на Сильване, причем речь шла о иных купцах, не ганзейских. И потому подозреваю, что имеем мы дело с бродячим сюжетом, переходящим от народа к народу.

Вот и все, пожалуй, о Ганзе.

О ЗАГАДОЧНОЙ И ПОРАЗИТЕЛЬНОЙ СТРАНЕ ИЛЛЮЗОР

Письмо седьмое реверена Гонзака

Приступая к рассказу о преудивительном крае Иллюзор, опасаясь, друг мой Чедогон, что ты можешь не поверить, хоть и знаешь прекрасно, что не в моем обычае предаваться шуткам и розыгрышам, когда речь идет о накоплении знаний об окружающем нас мире. И все же места, коим тысячи лет назад кто-то мудрый присвоил удивительно точное название Иллюзор, до того поразительны, что окончательно поверить в их существование можно, лишь повидав собственными глазами. Я и сам, каюсь, считал рассказы преувеличенны-

ми, проистекающими из присущей иным странникам манеры сваливать в одну кучу и собственные наблюдения, и пересказы из третьих уст, и упражнения шутников, — мы с тобой и сами, будучи юными студентами, находили порой забавы в том, чтобы угощать наивных чужеземцев байками о чудесах и диковинах, рожденными за кувшином черного пенистого... Иные из этих наших придумок попали и на страницы серьезных книг, за что мне потом было стыдно. Но с Иллюзором все обстоит иначе. Он существует, именно такой — к непреходящей головной боли ученых книжников, перерастающей порой в уныние и тупое изумление многообразию и изощренности загадок, подсунутых нам то ли добрыми духами, то ли злыми, то ли лишенными разума и души силами природы...

Представь, друг мой, что едешь ты верхом по стране, прямо-таки брызжущей жизнью. В лесах рыскают дикие звери, олени и кабаны, на лугах пасутся стада, за плугом ходят пахари, по большим дорогам движется нескончаемый поток путников, обгоняя тебя и спеша навстречу, — тут и пешие, и конные, и повозки купцов, и блестящие дворянские кавалькады, и воинские отряды. Проезжаешь ты городами и деревнями, где кипит жизнь во всем ее многообразии и блеске, и обитатели заняты когда каждодневными своими делами, когда торжествами и праздниками.

Таким предстает перед путником Иллюзор. Но очень скоро ты заметишь, что все окружающее немо — ни единый звук, кроме топота твоего коня и звяканья уздечки, не нарушает всеохватывающей жуткой тишины. И если пойдешь ты прямо на встречного, пройдешь сквозь, не встретив на пути ничего, кроме пустого воздуха. Ибо все, что ты видишь, и все, кого ты видишь, — суть иллюзия. Не замечают они тебя, не видят, живя своей странной, иллюзорной, несуществующей жизнью. Люди, искушенные в познании, а также причастные к магии и ведовству, уверяли меня, что с призраками и иной нечистью бесплотные обитатели Иллюзора ничего общего не имеют. Скорее уж это запечатленные неведомым путем изображения, никому не делающие дурного и слепые ко всякой попытке установить с ними общение. Истина эта подтверждена за тысячелетия, ибо Иллюзор существовал уже в дописьменные времена, последовавшие за Штормом.

Надобно сказать, что иные строения Иллюзора существуют реально, точнее, остатки таковых — где фундаменты, где стена, где целое почти здание, особо прочно возведенное некогда неведомыми строителями. Но определить это можно лишь на ощупь — ведь всякий дом, амбар или мост взору твоему представляется совершенно целехоньким, будто вчера законченной постройкою. (Правда, там и сям валяются истлевшие доски и груды рухнувшего камня, так что дома предстают одновременно и в виде развалин, и в первозданном своем виде, и зрелище, признаюсь, экстраординарное.) Равно же, если повезет, можешь отыскать и утварь, а то и драгоценности — но немного, потому что лихие кладойскатели за пять тысячелетий постарались изрядно. А подчас отыщется и книга, достаточно сохранившаяся. Но читать тех книг не может никто — написаны они на непонятном языке неизвестными буквами. А храмы их, где бесплотные обитатели Иллюзора поклоняются богам, нам непонятны, и боги такие неизвестны.

Поскольку находимые там предметы выглядят именно так, как и должны смотреться пролежавшие тысячелетия вещи, в иллюзорном своем состоянии

предстающие новехонькими, поскольку налицо развалины, легко понять, что Иллюзор есть тень минувшего, отображение существовавшей в неизвестные времена страны, где впоследствии все живое сгнуло неведомо куда (ибо нет там множества скелетов), а неживое понемногу ветшало. Вот только никто не знает, что это была за страна, что за бедствия на нее обрушились и какие причины вызвали нынешнее, столь диковинное и поразительное, состояние дел. Объяснений за тысячелетия накопилось множество, есть и пространные, изложенные весьма ученым языком, да вот беда — во-первых, каждое из них всем прочим противоречит, а во-вторых, ни единое проверить невозможно.

Опасностей Иллюзор не содержит почти никаких. Забредет иногда из других мест настоящий зверь, но редко — звери не любят Иллюзора. Кое-где, рассказывают, обитает нечисть, по всем признакам, укрывшаяся в Иллюзоре, дабы избежать преследований, коим нечистую силу успешно подвергают в иных уголках Талара. Бывает и разбойный народ, пересиживая погоню и укрывая клады, ибо лучшего укрытия и не придумаешь. Заходят сюда и книжники, ищущие истины, и просто любопытные, кому средства позволяют снарядить экспедицию.

А постоянно никто из живых тут не селится, разве что беглые крестьяне, коим податься уж вовсе некуда. Первоначально я, не освоившись, удивился было, отчего окрестные владетели не воспользовались столь легкой и удобной возможностью расширить свои рубежи, однако ж, проведя в Иллюзоре две недели, принужден был признать правоту моих проводников, толковавших допрежь, что жить здесь «тягостно». Поистине так. С каждым днем, проведенным среди немых теней Иллюзора, нарастает в душе тягостное ощущение то ли тоски, то ли тревоги. Возможно, ты его сам себе внушаешь, возможно, так дразнит твои чувства диковинность окружающего, да только оттого не легче. К вечеру пятнадцатого дня не выдержал я и велел поворачивать коней к границам Вольных Маноров, хоть многое, достойное внимания, следовало бы еще осмотреть, и немало любопытного осталось неизученным. Злясь на себя, досадуя, но не в силах превозмочь незримое тягостное давление, ехал я прочь во главе своего повеселевшего отряда...

Словом, Иллюзор необитаем. Лишь в полуночных его областях, где простираются прилегающие к морю обширные степи, что ни год появляются снольдерские и ронерские гуртовцики, пригоняя на летние выпасы рогатую скотину, ибо пастбища там богатейшие, хоть реальные травы и мешаются там с иллюзорными. Лошади, животные умные, тонко чувствующие и наделенные повышенной восприимчивостью ко всему необычному, а также имеющему отношение к потусторонним силам, тех пастбищ не любят, постигнув в меру разумения диковинность Иллюзора. Бык же, тварь тупая, виденным не тяготится, и странность иллюзорских пастбищ его не заботит — знай жрет, нагуливая тушу и покрывая степи диковинного края навозом.

На сей низменной ноте я, пожалуй, и закончу, ибо нечего более добавить к описанию странностей Иллюзора.

О КРАЕ, ИМЕНУЕМОМ СВЯТОЙ ЗЕМЛЕЙ

Выдержки из восьмого письма реверена Гонзака

Святая Земля, повествуют, была некогда обычным королевством, где уклад жизни ничем не отличался от налаженного в других державах. Но чetyреста с лишним лет назад, когда страна, сотрясаемая многими невзгодами,

от засухи до баронских бунтов, находилась в крайне расстроенном состоянии, некий священник по имени отец Патаран, служитель столичного храма Единого Творца, человек незаурядный, наделенный и красноречием, и умением доходчиво излагать толпе свои мысли, встал во главе движения, нареченного «Братством Совершенных», к которому примыкали не одни лишь простолюдины, но и немалое число гильдейских, членов Сословий, дворян, в том числе и титулованных. Братство это, проповедовавшее борьбу против всяческой несправедности и греховности путем отказа от мирской роскоши и разномыслия, в короткое время снискало себе изрядное множество сторонников — ибо во времена потрясений и бед, как мы не единожды имели случай убедиться, нетрудно возбудить в обществе ярость и жажду действия, в особенности если четко обозначить виновных и обещать, что с незамедлительным устранением таковых жизнь наладится быстро...

Из всего этого возникла великая смута, принявшая характер большой войны сторонников короля против приверженцев Братства, причем в обоих лагерях хватало и титулованных дворян, и самого подлого люда, ибо раскол прошел не меж Сословиями, а внутри самих Сословий, не миновав ни одного. Продлившись с переменным успехом около полутора лет, война эта привела к гибели королевской фамилии, большим людским жертвам. Немалое число городов было разгромлено и сожжено. Победа Братства вынесла на опустевший трон отца Патарана, и новоявленный правитель немедленно приступил к преобразованиям, проходившим быстро и энергично благодаря поддержке закаленной в боях армии. Вот и получилось, что на волне успеха отец Патаран произвел изменения столь всеохватные и решительные, что в иные, мирные времена для таковых потребовалось бы не одно десятилетие (а посему и жертв, как расставшихся с жизнью, так и принужденных бежать в изгнание, нашлось преизрядно).

Ныне Святая Земля управляется Великим Магистром, происходящим от потомков отца Патарана (он, вопреки канонам, безбрачия не соблюдал). И жизнь сего государства всецело посвящена, как заявляется, служению Единому Творцу и подготовке воинских сил, способных выйти против сатанинских полчищ. Это напоминает мне орден монахов-воинов из Гурганского царства, на родной нашей Сильване находящегося, но по обширности территории и многолюдству народонаселения Святая Земля многократно превосходит владения ордена. Прежнее деление на дворянство, Сословия и гильдии давно уничтожено. Есть там Божьи Дворяне — они начальствуют над полками, а землями с крестьянами не владеют, являясь лишь управителями. Есть Божьи Книжники, занятые богословием, есть Божьи Инженеры, Божьи Купцы, Божьи Ремесленники и Божьи Мореходы, суть занятий коих ясна из одних названий сих людских общностей. Есть также Братья Монахи, коих немало, и часть их организована в воинские полки, должным образом вооруженные и вышколенные. Ну а Крестьяне Божьи, как легко уразуметь, пашут и сеют. Изящные искусства там, слышно, не в чести, как и почитаемая преступлением роскошь, а храмы всех иных богов, кроме Единого, давно порушены. И нет там ни наград, ни гильдейского деления, ни сословного, ни титулов, ни сеньоров. Иными словами, по рассказам бывавших в Святой Земле путешественников, жизнь там по сравнению с иными краями не в пример аскетичнее и бесцветнее. Разное говорят о заведенных в Святой Земле порядках, кто одобряет

их, кто не принимает. Я же остаюсь верным старой привычке писать только о том, что видел собственными глазами или по крайней мере изучил вдумчиво по множеству книг, представляющих противоположные точки зрения. Памятью к тому же, что правом выносить окончательные суждения наделена лишь сама История. Пока же у меня недостаточно знаний о Святой Земле, в чем не стыжусь признаться, и от суждений воздержусь до путешествия туда, каковое твердо намерен предпринять в ближайшие годы.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О ВОЕННОМ ДЕЛЕ

Выдержки из одиннадцатого письма реверена Гонзака

Армии на Таларе не собираются от случая к случаю ради той или иной кампании, а постоянны. Содержатся они на долю доходов от королевских имений, а также на долю от налогов, взимаемых со всех, и с дворян в том числе. Армии Виглафского Ковенанта устроены все на единый образец и состоят из гвардии, «безымянных полков» и легионов. Гвардия, пешая и конная, набирается частью из ронинов, частью из горожан. Есть полки, состоящие целиком из дворян, хоть число таких полков и невелико. Гвардейские полки именуются по цвету мундиров и по роду войск — например, ронерские Синие Мушкетеры или горротские Черные Драгуны. Знамена у них четырехугольной формы, и древки их увенчаны позолоченным орлом, именуемым «акилла». Понятно, что офицеры гвардейских полков происходят из знатнейших дворян, большей частью титулованных, а солдаты получают повышенное жалованье как деньгами, так и в иной форме.

Следом идут «безымянные полки», конные и пешие, артиллерийские, ракетные и саперные. Набираются они из горожан и фригольдеров, хотя попадают там и ронины. Полки эти именуются номерами и по роду войск — например, «пятый кирасирский» или «десятый пикинерский». Вместо знамен у них вексиллумы. Вексиллум есть древко с поперечной перекладиной, прикрепленной пониже вершины, — а уж на этой перекладине и подвешивается полотнище, четырехугольное чаще всего, иногда с бахромой, иногда с кистями. Древко вексиллума увенчано посеребренным акиллой. Служба в сих полках далеко не так почетна, как в гвардейских.

И, наконец, легионы. Эти набираются, что конные, что пешие, из крестьян короны либо сеньоров, именуются также номерами и по роду войск, и офицеры тамошние почитаются ниже всех других. Вместо знамен у них «копье» — древко, увенчанное посеребренным изображением государственного герба и небольшой перекладиной, короче, чем на вексиллумах, с коей свисают ленты определенного цвета.

На службе у каждого короля есть отряды Вольных Топоров, однако таковые используются главным образом на морских островах либо в мелких стычках на границе, когда война по всем правилам не объявляется, а бои тем не менее идут. Впрочем, порой им и в больших войнах доводится участвовать. В офицеры к ним армейские чины идут неохотно, ибо Вольные Топоры, иными спесивцами почитаемые даже ниже легионов, сами о себе весьма высокого мнения. Народ это своенравный, и не всякий офицер с ними уживется.

Есть еще королевская гвардия, почитаемая личной дружиной монарха, и подбору ее самим королем уделяется особое внимание, причем обычные правила в счет как бы и не идут, потому что полки эти — все равно что меч короля, охраняющий его персону и фамилию. По древней традиции (нам на Силь-

ване прекрасно знакомой исстари) королевскую гвардию предпочитают набирать из иноземцев, гланцев в первую очередь, кои славятся высокой боевой выучкой и особенной верностью присяге. Земля в Глане скудна, многие ищут пропитания за его пределами, выбирая в первую очередь военную стезю, как наиболее приличествующую гланскому горцу. Случается еще, что в королевскую гвардию берут крестьян без различия их принадлежности, отдавая предпочтение как раз уроженцам самых глухих и отдаленных провинций — они по неразвитости своей чтят короля как сверхъестественное поистине существо, а в городах не имеют ни корней, ни знакомых, ни родни. Королевская гвардия превосходно обучена бою на улицах, защите зданий и штурму таких — всему, для чего она в первую очередь и предназначена. Помимо того, учат еще рукопашному бою, владению неуставным оружием, обращению с караульными собаками, стрельбе из арбалетов и мушкетов со зрительными трубками, именуемыми оптическими прицелами, а также, несомненно, и другим хитрым воинским искусствам, о которых широкой публике не разглашается. Служба офицером в королевской гвардии, пусть даже в таком полку, что составлен из темных провинциалов (коих долго учат различать правые и левые конечности, привязывая к оним при муштровке то сено и солому, то, ради пущего поощрения, колбасу и рыбу, кои солдат получает для съедения, как только перестанет путаться), — одна из почетнейших, и многие ее добиваются. Однако отбор туда строжайший — ведь немало в истории случаев, когда король становился жертвой гвардейцев, направляемых узурпаторами. Одним словом, друг мой Чедогон, все, что касается таларской королевской гвардии, мы исстари наблюдаем на Сильване, только что под другими названиями: есть области, где мышление венценосных особ движется совершенно схожими путями, какую державу или планету ни возьми...

Вернемся к армии. Что полком, что легионом командует офицер в чине полковника. И полк, и легион, как правило, состоят из пяти рот (только в кавалерии рота именуется «ала»), и в каждой из этих рот от двухсот до трехсот человек, разделенных на десять платунгов. Ротой командует капитан, и в подчинении у него находятся три-пять лейтенантов и десяток сержантов, командующих по необходимости кто одним платунгом, кто несколькими, в зависимости от обстановки и боевой задачи. При каждом полку имеются: артиллерийская батарея, ракетная батарея (в пехотных еще и особая рота, устанавливающая при нужде рогатки для защиты от неприятельской кавалерии), обоз, походные мастерские, штаб под командой офицера, лекарский отряд, один-два платунга (конные, независимо от рода войск), служащие исключительно для охраны штаба, ибо там много тайных бумаг, ценных для противника. А еще — полицейская команда и особое подразделение, именуемое «волчья сотня», — там собраны головорезы сметливые и дерзкие, способные и разведку провести, и заложить пороховую мину, и посеять панику в тылу противника, перехватывая его курьеров, громя обозы. Вопреки общепринятым правилам войны, «волчья сотня» частенько переодевается в мундиры противника, отчего ставит себя вне законов войны, и при поимке их вешают, как шпионов. Впрочем, в сии сотни набирается столь отчаянный народ, иногда прямо с каторги, что подобная бесчестная участь их не особенно и пугает.

Словом, все вышеупомянутые мною вспомогательные отряды каждого полка, пожалуй, не уступают в численности его пяти строевым ротам, также и

«алам».

Артиллерийские полки и ракетные делятся на батареи и роты под командою лейтенантов и капитанов. Солдаты их грамотнее и развитее прочих, поскольку имеют дело со сложными устройствами, — то же и с саперами, обязанными уметь обращаться со сложными осадными машинами, закладывать мины и контрмины и выполнять иные нелегкие задания. В помянутых полках также есть и свои штабы, и лекарские группы, и «волчьи сотни», и мастерские, и отряды воинского прикрытия.

У лейтенантов, капитанов и полковников с генералами чин обозначает золотое шитье на мундирах, а также обилие оного. Так уж сложилось, что знаками различия для лейтенантов стали повсеместно шитые лавровые ветви, для капитанов — тисовые, для полковников — виноградные листья, а для генералов — дубовые (по сему поводу один лейтенант, подвыпив, загадал мне загадку: «Что такое — дуб, и листья на нем золотые?» Оказалось, недалекий умом генерал). К чему в разных державах добавляются свои эмблемы разнообразного типа.[90]

Есть еще полки воздушные, оснащенные воздушными шарами и планерами. Первые, поднятые на привязи, служат для наблюдения за неприятелем, а со вторых, бывает, метают и гранаты в осажденную крепость или на позиции, и, хоть урон от таких атак обычно ничтожен, ущерб для боевого духа подвергнутых такому нападению велик. По этой причине повсеместная ненависть сопровождала воздушные войска при их появлении, как это, рассказывают, было в старину с огнестрельным оружием при его начавшемся в войсках распространении. Ненависть эта достигала такого накала, что еще на памяти нынешнего поколения военных пленного летуна, будь он и дворянин, вешали совершенно как шпиона, если не подвергали худшей участи. Специально созванная по сему поводу ассамблея Виглафского Ковенанта после долгих прений постановила такую практику недопустимой, и каждый монарх клялся королевской честью соблюдать законы войны по отношению к летунам, а нарушителей сего карать смертью. А король Снольдера, единственный, кто располагает летательными машинами под названием «самолет», понуждаемыми к летанию особыми механизмами (но ничуть не похожими на наши воздушные колесницы), набирает летунов из одних дворян и присваивает каждому офицерский чин, дабы полностью его обезопасить, — ведь убийство пленного офицера считается поступком недопустимейшим, и дворянство всех держав строго следит за соблюдением сего правила.

Флот таларский состоит из парусных кораблей, пароходов, а также судов, способных ходить и под парусом, и посредством колес. Вооружены они пушками, ракетными станками, метательными устройствами и огнеметами.[91] Малыми кораблями командуют лейтенанты, большими — капитаны, имеющие в подчинении несколько лейтенантов (причем лейтенант, командующий отдельным кораблем, именуется «флаг-лейтенант» и по рангу считается выше обычного лейтенанта, что подчеркивается дополнением к знакам различия). Эскадры же управляются адмиралами. В отличие от суши, где генеральский чин не делится на разряды, адмиральский практически повсеместно на разряды делится, в какой стране на два разряда, в какой — на три. Знаками различия для лейтенантов служит шитье в виде якорной цепи, для капитанов — таковой же цепи с якорями, а в отношении адмиралов существует большое раз-

нообразии. Так, в Снольдере есть адмиралы Трех, Двух и Одного Фонаря, в Ронеро — адмиралы Красной, Синей и Белой эскадр, а в Лоране — адмиралы Небесные и Звездные (чины эти, как говорят, произошли от наименования парусов — один их ряд, средний, в морской практике именуется Небесным, а верхний — Звездным).

Служат в войсках и девушки, главным образом из дворянских семей, иногда и в офицерских званиях, их не столь уж много, но и не настолько мало, чтобы они считались диковинкой. Снисхождения к ним по сравнению с мужчинами не делается никакого, а вот лишние опасности существуют: если попавшая в плен девушка не имеет офицерского звания, то при недосмотре начальников (а то и их попустительстве) может в неразберихе сражения подвергнуться самому разнузданному насилию. Причем порой надругательство оное имеет причиной вовсе даже не распутство, а выражает убеждение иных, что воевать женскому полу негоже. В военный же флот лица женского пола служить категорически не допускаются, чему причиной древняя традиция. Даже в качестве пассажира иные капитаны женщину, будь она в офицерском звании, берут неохотно. Ради курьеза упомяну, что лет десять назад один ронерский крейсер самым натуральным образом взбунтовался, когда его палубу вознамерилась посетить королева, и даже король, заслуженно прозванный Ужасным, вынужден был простить бунтовщиков, ибо очень уж древний и незыблемый обычай был затронут (но запрет таковой сохраняется лишь в регулярном военном флоте, ибо в торговом, сообщали мне, женщины плавают в небольшом количестве, а у пиратов — и в большом).

Есть на Таларе военные школы, где год, а то и два-три готовят морских офицеров, артиллерийских и саперных. Конница же и пехота обучения в особом заведении не требуют. Молодые люди из дворян, зачисленные в конный либо пеший полк кадетами, там непосредственно постигают военную науку. Когда (речь идет о мирном времени) вышестоящие командиры признают, что кадет достоин звания, ему присваивают чин «кадет-лейтенант», в коем он и пребывает до освобождения вакансии. Бывают и кадет-капитаны (а среди молодых офицеров кружит байка о некоем невезучем кадет-генерале, до кончины своей пробывшем в этаким чине в ожидании вакансии, но это не более чем ходячий анекдот). На войне, понятное дело, производство в чин случается быстрее. Нужно заметить, что во многих полках, гвардейских особенно, в полковники простым продвижением на освободившиеся вакансии не выбьешься — я о полках, где полковников назначает сам король, а не военное министерство.

В солдатах и матросах служат не менее десяти лет, а верхнего предела не назначено — лишь бы был крепок и не увечен, а там служи хоть до седых волос. Отслужившие десять лет могут при соблюдении определенных условий выйти в отставку, однако еще семь лет находятся во «второй очереди», и в случае большой войны их могут вновь определить на службу, потому что так проще и выгоднее, чем брать необученного. Если вышедший в отставку после десяти лет беспорочной службы был до того крестьянином сеньора или короны, он получает статус фригольдера либо право приписаться к одной из трех низших гильдий, а если имеет не менее трех медалей — и к Серебряной. Если же отставник горожанин, может подняться гильдией выше, а при наличии медалей — и шагнуть через разряд. Порядки такие побуждают многих и многих искать военной службы — благо, в полном соответствии с таларской по-

словицей «У акиллы из-под крыла не выскочишь», достаточно беглому тюремному сидельцу или сбежавшему от хозяина крестьянину попасть в списки полка и принести присягу, как ни полиция, ни сеньор уже не вправе его из казарм извлечь.

В военном флоте есть свои особые полки морской пехоты, действующие в морском сражении абордажными командами, либо штурмующие прибрежные города, когда произойдет такая надобность. Иные из этих полков целиком набираются из каторжников, изловленных пиратов и тому подобного сброда, обязанного в обмен на свободу прослужить ровным счетом пятнадцать лет. Свободой такой удел можно назвать с превеликой натяжкой, ибо надзор за ними строгий и за попытку дезертирства вешают немедля, да и за многие другие проступки наказанием петля гораздо чаще служит, чем розга. И все же приток охотников в такие полки велик — лучше служить в морской пехоте, чем надрывать в каменоломнях или висеть на рее, к тому же бывает и военная добыча, а отслуживший пятнадцать лет получает полное прощение прошлых грехов. Вот только доживает до окончания срока не более одной десятой, поскольку их бросают в самые горячие места — да так уж человек устроен, что всегда надеется, будто убьют непременно другого...

Ганза тоже содержит на часть своих доходов и постоянную армию, и военный флот, и отряды Вольных Топоров. В Глане же постоянной армии почти что и нет — лишь два-три королевских полка, обычно размещенных на границах. Зато при угрозе извне тамошний воинственный народ, сызмальства обученный владеть оружием независимо от пола, быстро собирается под знамена своих кланов, и армия эта весьма грозна, ибо защищает свою родную землю.

Постоянную армию не заменишь быстро неопытными рекрутами, стоит она дорого, и часто рисковать ею в крупных сражениях неразумно. Потому, как и у нас на Сильване, особо крупные войны, истощающие государство и требующие предельного напряжения всех сил, на Таларе бывают, но весьма редки. Те же, что вспыхивают и ведутся часто, сводятся к двум-трем битвам, где обе стороны выставляют лишь по несколько полков. Так же обстоит и с морскими сражениями, где сходятся не более десятка-другого вымпелов с каждой стороны. Иные войны ограничиваются осадой крепостей, иные — рейдами одного-двух полков на вражескую территорию.

Мирное же население, считается, не должно участвовать в войне, как бы к ней ни относилось. Единственным исключением предстает лишь воинственный Глан, чьи рубежи сильнее мечей охраняет ясное осознание того, что любому вторгшемуся придется ждать удара от каждой руки, из-за каждого куста. С другой стороны, по законам современной войны и у армии противника нет привычки зверствовать против мирного населения, хотя оно несет неизбежный ущерб в виде увода скота, грабежей и насилий над женским полом, а порой и взятые города бывают отдаваемы войску на разграбление. Такова уж война, сама по себе являющаяся бедствием...

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О МОРСКИХ ОСТРОВАХ

Выдержки из четырнадцатого письма реверена Гонзака

О всевозможных чудесах, диковинах, встречах и впечатлениях, с которыми я столкнулся во время трех своих морских путешествий, напишу еще отдельную книгу, каковая, похвастаюсь, на две трети уже готова.[92] А пока что, другой Чедогон, ограничусь тем, что перечислю самые заметные морские остро-

ва и опишу их кратко.

Надобно прежде всего заметить с превеликой завистью, что мореплаванию на Таларе благоприятствует одно существеннейшее обстоятельство — моря там, в отличие от наших, пресноводные, и корабельщикам не грозит смерть от жажды. (Ходят даже разговоры среди ученых, что великая река Ител — есть поток, вытекающий из моря, подземным течением проделывающий часть пути и выходящий в Хелльстаде на поверхность. К этому предположению стоит прислушаться, учитывая странное строение реки Ител, словно бы из ниоткуда берущей немалое количество полноводных рукавов, на каковые она разделяется, — а ведь со всеми прочими реками обстоит как раз наоборот: притоки питают реки, а не реки в обилии порождают рукава. Однако проверить это предположение трудно: экспедиции к устью Итела опасны. Пробовали иные сбрасывать с кораблей в Фалейском заливе изрядное количество плотно закупоренных пустых бутылок, надеясь, что некоторые из них, пройдя гипотетическим подводным течением, всплывут в низовьях реки, но не слышно, чтобы принесло это успех, что, впрочем, как не доказывает существование подземного потока, так и не отвергает.)

Так вот, планета Талар делится на Полушарие Восхода и Полушарие Заката. В первом и лежит Харум. К полудню от него расположены острова Бару, числом одиннадцать. Четыре из них, более обширные, принадлежат Снольдеру, а прочие семь — Горроту. Острова эти никакой пользы почти не приносят, не разведано там ни ценных руд, ни благородных металлов, а земля большей частью скудна для земледелия или скотоводства, так что владеющий ими извлекает выгоду главным образом моральную. Ибо государства подобны малым детям, каждый клочок земли для них — что любимая безделушка, какую не отдадут другому, даже если надоела...

К закату от Харума лежит Катайр Крофинд, остров большой, размерами не уступающий Харлану. Там текут две реки, есть обширные пастбища, оловянные и медные рудники, месторождения мрамора и каменоломни, на коих трудятся каторжники. Есть там города и деревни. Катайр Крофинд принадлежит Снольдеру.

К полуночному закату от Катайр Крофинда находится Инбер Колбта. Островов в данном архипелаге около девятисот, но редкий из них превышает размерами двух-трех югеров,[93] и расположены они крайне густо, очень близко друг к другу собраны, так что разделяющие их воды весьма узки, где шириною в полет стрелы, а где можно без труда перебросить камень с островка на островок. Протоки Инбер Колбта являют собой сущий лабиринт, где незнакомый с архипелагом кормщик может блуждать неделями, не находя выхода в океан, да и опытные лоцманы не рискуют углубляться в самое сердце Инбер Колбта, благо что и делать там занятому человеку нечего. Только на внешних островах останавливаются проплывающие корабли, ибо у Инбер Колбта проходит один из оживленных морских путей, и вездесущие ганзейцы еще в древние времена устроили там три порта, а в позднейшие годы разные государства заложили угольные склады для своих пароходов. В глубине же Инбер Колбта любят укрываться превосходно знающие те места пираты, и погоня за ними затруднительна, хотя случается. Всякое болтают о центральных областях Инбер Колбта, но я к этому еще вернусь в своей книге о тайнах океана. Инбер Колбта никому не принадлежит, и большинство его островов необитаемы. На

таларском древнем языке, ныне вышедшем из употребления, «инбер колбта» означает «устье реки», и ученые люди уверяют, будто с птичьего полета архипелаг и впрямь напоминает, если мысленно дорисовать недостающее, устье гигантской реки, дельту с многочисленными островками. Возможно, есть правда в легендах, утверждающих, будто до Шторма места те были сушей с протекающей по ней рекой — от чего только и осталось, что Инбер Колбта.

Примерно на равном расстоянии меж Инбер Колбта и Лораном, только лигах в ста к полуночи, лежит остров Стагар, и он невелик. Жители его пользуются мрачной славой первых на Таларе морских колдунов, весьма сведущих во всем, что касается погоды, течений, бурь, дождей и ветров, а также морской нечисти. И слава эта вполне заслуженна — оттого-то, по некоему молчаливому уговору, харумские державы претензий на Стагар не предъявляют, стараясь с ним не связываться, благо и взять с него нечего. Формально остров принадлежит лоранской короне, от каковой на Стагаре присутствует губернатор с небольшим количеством чиновников и солдат, но вмешательства в местную жизнь он не оказывает, и последняя идет своим чередом. Коренных обитателей там насчитывается около трех тысяч, малая часть живет плугом, а большая — рыбной ловлей. Лоранцы туда не переселяются, ибо Стагар скуден и каменист. Есть там при городке, также именуемом Стагаром, большой порт. В городке и пребывают губернатор с гарнизоном, а также некоторое число ссыльных, среди коих есть и знатные.

Примерно в полутора тысячах лиг к полуночному закату от Стагара лежит Темайр. Остров сей служит ларам портом, откуда летают на Сильвану и обратно те межпланетные исполинские ладьи, на одной из которых я сюда и прибыл. На Темайре есть большой порт, куда приплывают корабли, перевозя убывающих на Сильвану и прибывающих оттуда, вкупе с их товарами. Всем на Темайре распоряжаются лары.

Вот и все о Полушарии Восхода. Перейдем теперь к Полушарию Заката, изучая его сверху вниз.

На полуночи лежит Диори, огромный и загадочный остров, весь закованный льдами, что необъяснимо при таларском климате, везде одинаково ровном, не знающем зимы, снега и льда. А посему все сходятся, что льды Диори имеют объяснение неестественное. В глубь сей жуткой земли никто не рискует углубляться, да и на берегах Диори появляется еще меньше дерзких смельчаков, чем на рубежах Хелльстада. Если хоть десятая часть страшных рассказов о поджидающих на Диори опасностях верна (а так оно, безусловно, и обстоит), то рекомо сокрытые там клады имеют надежнейших сторожей...

Ниже, на одной примерно широте, расположены Ферейские острова, Хай Грон и Бран Луг.

Ферейские острова, числом пять, принадлежали когда-то королевству Демур, ныне стертому с лица земли Глазами Сатаны. После гибели метрополии жители острова, оказавшись без подданства и защиты, переселились на Бран Луг. Так же поступил и гарнизон имевшегося на одном из островов военного порта, перейдя на ронерскую службу. Ныне на одном из них ронерцы заняли опустевший порт, приспособив его для своих нужд, ибо мимо того острова проходит морское течение, облегчающее путь их кораблям к Бран Лугу. А остальные четыре необитаемы, там пасутся стада одичавших коров, на которых охотятся и гарнизон, и пираты, и проплывающие честные мореходы, име-

ющие потребность в свежем мясе.

Далее лежит Хай Грон. Остров этот мал, площадью около двадцати югеров, и почти весь представляет собой бесплодные скалы, если не считать узкой прибрежной полосы на закатной окраине, где расположился город с портом, наполовину принадлежащим Ганзе. Однако знаменит этот остров на весь Талар. В самой высокой точке Хай Грона стоит храм морского бога Руагату, и легенда гласит, что под этим именно храмом зарыто знаменитое копьё Морских Королей, коим только и можно убить Великого Кракена. Поверье это идет из седой древности и чересчур устойчиво для простой сказки. Но поскольку его сопровождает столь же древнее поверье, гласящее, что разрушение храма Руагату или любой значительный ему ущерб вызовет страшное наводнение, всемирный потоп, не уступающий Шторму, державы Виглафского Ковенанта, все без исключения, держат на острове свои воинские команды, бдительно охраняющие храм днем и ночью. Признаюсь, впервые я столкнулся со случаем, когда все государства столь единодушны в серьезнейшем своем отношении к старинной легенде. Так что поневоле начинаю думать, что для такого поведения у них есть свои причины, и пророчество оное в старые времена действительно прозвучало из уст кого-то, чьи слова сбывались... Но не возьму в толк, где можно было зарыть копьё. Храм я посетил немедля, туда пускают в сопровождении чиновников в дневное время, за умеренную плату. И уверяю тебя со всей ответственностью: храм сей стоит на сплошной скале, где невозможно зарыть что бы то ни было. Позже, уже на Харуме, в кругу ученых, я со всем пылом новичка предположил, что речь идет об устроенном в подземелье храма тайнике, но мои догадки тут же опровергли, рассказав, что за минувшие тысячи лет там, не выдавая своего подлинного лица, побывали многие колдуны и маги, а также горные инженеры и лозоходцы, поднаторевшие в поиске тайников и подземных полостей; и все они пришли к заключению, что подземелье храма (невеликое, кстати) тайников не содержит. Остается разве что предположить, что легендарное копьё это, если и впрямь существует, магическим образом заключено в толще камня, откуда извлечь его может лишь посвященный. Случаи таковые нам известны на обеих планетах. И таларские ученые со мной всецело согласились, ибо сами так думали: если копьё существует, то разве что заключенным во внутренность камня, подобно мечу фоморов или копьёю Гримтаса.

Далее расположен Бран Луг, размерами не уступающий Катайр Крофинду, а то и превосходящий. Владение это ронерское. Только там, в силу неких природных особенностей, и растет на Таларе хлопок (коим занято две трети острова). Также и сахарный тростник, хоть и растущий в иных уголках планеты, на Бран Луге наиболее хорош и обилен. Им засажена оставшаяся треть острова, из него добывают как сахар, так и излюбленный моряками ром — каковой, очищенный должным образом, весьма хорош. Труд по возделыванию обеих этих культур крайне тяжел, и своей волей туда редко кого заманишь, разве что от крайней нужды. И потому ронерцы посылают туда каторжников, а также нанятых у нас на Сильване рабочих.

К восходу от Бран Луга лежит Сегур. Остров этот невелик, размером в пятьсот югеров, но история его удивительна. Сегур — последний сохранившийся над уровнем моря клочок некогда обширного и богатого королевства, размерами не уступавшего некогда доброй четверти Харума и включавшего в себя

также Бран Луг (но Бран Луг был глухой окраиной, а Сегур — землями, расположенными вокруг столицы). Девятьсот с лишним лет назад земля эта стала вдруг погружаться в океан и на протяжении примерно семидесяти лет погрузилась почти вся, после чего море уже ни Сегур, ни Бран Луг не тревожило. Людей за те семьдесят лет погибло немало, но, поскольку погружение сие было не единовременной катастрофой, а постепенным опусканием суши, жертв все же насчитывается неизмеримо меньше, чем было бы при внезапном могучем катаклизме, и очень многие, прихватив то, что смогли погрузить на корабли, рассеялись по иным землям. А поскольку столица бывшего королевства, современный город Сегур, пребывает и ныне на суше, то за уцелевшей королевской фамилией сохранены все права, а за островом Сегур — права королевства, в качестве какового Сегур и состоит в Виглафском Ковенанте. Сам я, обремененный житейским опытом и толикой проистекающего отсюда цинизма, полагал, что причиной такого великодушия послужил отказ сегурского короля от образовавшегося острова Бран Луг в пользу великих держав (добавлю, что державы долго вели войны за единоличное обладание сим островом, пока там окончательно и безраздельно не утвердился Ронеро). Есть историки на Таларе, втихомолку со мной согласные, но в архивах письменных следов такой сделки нет, разве что в королевских, нам недоступных. Ныне на Сегуре, кроме одноименной столицы (понятно, весьма обезлюдевшей), сохранился еще невыразимо прекрасный город Сегула, о котором толкуют, что за красоту его пощадили даже морские демоны — или сам Руагату, коего суеверная молва почитает виновником гибели королевства. Население Сегура сейчас не превышает десяти тысяч. Там обитает королевская фамилия с изрядным количеством дворян, и жизненный уклад разительно отличается от бытующего в иных странах. Из-за того, что крестьян и ремесленников осталось крайне мало, ибо именно они в первую очередь бежали из гибнущей страны, а дворян, так и не покинувших в свое время Сегур, насчитывается преогромное количество, то большинству из них ради пропитания пришлось освоить занятия, почитавшиеся до того презренными. И нынешний Сегур являет собой зрелище редкостное. На каждом шагу там можно встретить бакалейщика или гончара, а то и пахаря, щеголяющего при прадедовских золотых шпорах и золотой цепи, дабы подчеркнуть свое происхождение. Дворяне составляют девять десятых всего населения, но подлинно дворянский образ жизни ведут не более двух сотен из них, а прочие заняты делами, относящимися в других краях к обязанностям Золотых, Серебряных, Бронзовых и частью Медных гильдий. Жизнь на Сегуре была бы и вовсе скудна, не сдавай короли три порта в аренду ганзейцам.

Почти в центре Полушария Заката расположены острова Девайкир, числом девять. Иные из них богаты золотом и серебром. По одному острову принадлежит Снольдеру, Ронеро и Горроту, устроившим в своих владениях рудники. Два заняты Ганзой, но не слышно, чтобы там добывали драгоценные металлы (разве что, по купеческой привычке, это держится в тайне). По одному острову досталось Лорану и Харлану, безрезультатно пока что ведущим поиски. Два острова бесхозны, и все, кому вздумается, и государственные рудознатцы, и одинокие ловцы удачи, ищут там следы ценных руд. Если найдут, следует ждать войны за обладание данными островами. Поскольку оттуда на континент часто отплывают корабли, груженные золотом и серебром, вокруг остро-

вов Девайкир прямо-таки роятся пираты (правда, остается неподсчитанным, сколько из них старается ради собственной выгоды, а сколько — замаскированные морские офицеры соперничающих держав или попросту нанятые означенными державами каперы).

На полуночном восходе лежит Море Мрака — таинственная обширная область, укутанная нетающим густым туманом, куда даже пароходы с запасом угля заходить не рискуют. С превеликим трудом, выложив столько золота, что хватило бы на покупку неплохого трехмачтового корабля, мне удалось уговорить капитана (далеко не самого трусливого из известных мне таларских мореходов) углубиться в Море Мрака на лигу — и многое я понял, так что отныне не стану упрекать в трусости тех, кто опасается входить в Море Мрака. Но сам туда непременно вернусь для обстоятельной экспедиции, как только подыщу надежную команду и добрый корабль.[94]

На полудне лежит остров Дике, немногим менее Бран Луга, принадлежит он Горроту, обитаем и многолюден, но не пашни и пастбища составляют главную его ценность. В горах, в срединной его части, добывают знаменитый пещерный жемчуг, синее чудо, приносящее королям Горрота немалый доход. Растет там еще красное дерево, а в горных копиях добывают красную яшму и полосатую,[95] а также особый род аметиста, именуемого «бархатным», — фиолетовый цвет его при вечернем освещении изменяется в густо-красный. Есть там и рубиновые копи, и месторождения полудрагоценных минералов — из них более всего известны венис[96] и бакан.[97] Словом, недра острова Дике столь богаты, что горротских королей подозревают в сговоре с гномами, но слухи эти, верней всего, рождены одной лишь завистью, ибо кто слышал, чтобы гномы обитали на острове, пусть и большом? Даже если Дике, как слышно, есть осколок затонувшей в незапамятные времена земли, гномы давно покинули бы его, ибо островов не любят.

В океане насчитывается несколько десятков прихотливо разбросанных одиноких островов, но они малы, большей частью необитаемы, и для нашего повествования интереса не представляют ни малейшего — разве что из-за связанных с иными легенд и примечательных случаев, поверий и курьезов, которые я постараюсь изложить в своей книге о море.

О ГОРОДАХ

Выдержки из пятнадцатого письма реверена Гонзака

Города таларские делятся на дворянские, коронные и гербовые. Первые целиком принадлежат дворянам, на землях коих расположены, вторые — королю, а третьи — вольные, в ознаменование чего и наделены гербом, коим жители такого города крайне горды. Случается, конечно, что гербовый город лежит в границах дворянских владений, бывает, город окружен коронными землями, а случается, что столица, например, ронерская Равена, не королевский город, а гербовый. Происходит это оттого, что владения не раз меняли принадлежность, иным городам герб жаловался за заслуги, а у других отбирался за вину мнимую или подлинную. В городах всех трех разновидностей существуют одни и те же гильдии и сословия. Разница лишь в том, что в дворянском городе, будь он наполовину населен людьми вольными, власть дворянина весьма ощутима, как в коронном — власть короля. Зато гербовые города управляются исключительно своими магистратами, ревностно хранящими старинные привилегии. Для каждой разновидности городов существует из-

вестная разница в судопроизводстве и отправлении правосудия, а также в персоналиях, оное отправляющих. Однако система эта чересчур сложна для короткого пересказа, как показались бы сложны чужеземцу наши правила на сей счет.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ГОЛОВНЫХ УБОРАХ

Головной убор играет на Таларе очень большую роль. По нему безошибочно узнают род занятий и социальное положение владельца. Появиться на людях с непокрытой головой — поступок крайне предосудительный, достойный последнего бродяги.

Бадагар — фетровая широкополая шляпа, обычный головной убор военных и дворян (у дворян украшена перьями, лентами, пряжками из драгоценных металлов с самоцветами).

Бонилон — твердая шляпа с высокой тульей в виде усеченного конуса и неширокими полями. Головной убор членов Золотой, Серебряной и Бронзовой гильдий. В зависимости от гильдии бывает украшена золотым, серебряным или бронзовым медальоном, вместо ленты — крученный шнурок.

Капарат — круглая твердая шапка, как правило, темных тонов. Ее носят члены сословия Мер и Весов. Бывает украшена ярким матерчатым верхом, золотом и серебряным шитьем, отшлифованными полудрагоценными камнями.

Каталано — фетровая или кожаная шляпа с высокой тульей и узкими полями, заломленными сзади. Наиболее распространена по обе стороны Каталаунского хребта, где ее носят дворяне, пограничные егеря, вообще все Сословия, кроме крестьян. В других местах — излюбленный головной убор охотников (поскольку шляпа этого фасона наиболее удобна для ходьбы по чащобе).

Лангила — матерчатая шляпа с очень широкими полями и круглым верхом, плотно сидящая на голове. Пропитывается водоотталкивающими составами и представляет обычный головной убор моряков и рыбаков. По-другому она именуется «штормовая лангила», или попросту «штормовка». Для ясной хорошей погоды существует разновидность, называемая «лангилатан» — твердая, поля не столь широкие. Лангилатан с металлическими головками и кокардами — форменный головной убор военных моряков.

Буниль — остроконечный колпак, войлочный или из плотной материи, с круглыми наушниками и квадратным назатыльником. Будничным головной убор крестьян. Праздничным служит габуниль — вязаный колпак, украшенный лентами.

Виклер — форменный головной убор чиновников, шляпа из твердой лакированной кожи, цилиндрическая, с узкими полями. Высота шляпы, наличие украшений, равно как и их количество, зависят от чина.

Крапон — твердая шляпа с тульей в виде конуса и узкими полями. Головной убор членов Медной и Железной гильдий.

Мурмалка — остроконечный матерчатый колпак с меховой оторочкой, старинный головной убор жителей Ратагайской степи, который носят все без исключения мужчины (сорт материала, разновидность меха, наличие перьев и украшений зависит от положения в обществе).

В Глане мужчины носят разнообразные береты. Все прочие головные уборы совершенно не в обиходе и именуются насмешливыми прозвищами.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОДЕЖДЕ

Камзол — короткая мужская одежда, едва прикрывающая бедра. Кафтан — более длинный, почти до колен. Колет — камзол без рукавов. Если упоминается, что на военном был мундир, это означает, что его штаны и камзол (или кафтан) — одного цвета. Дворяне, военные и члены некоторых сословий никогда не появляются на людях без плаща. Чиновники носят мундир или сюртук до колен длиной, с пуговицами сверху донизу. Сюртук всегда должен быть застегнут на все пуговицы — как и одежда купцов, длиннополый хомерик. Военные и дворяне, наоборот, держат верхнюю одежду полурасстегнутой или расстегнутой вовсе, открывая кружевное жабо или форменный шейный платок.

Дворянки могут появляться в мужской одежде, но исключительно незамужние (замужним приличия такое позволяют лишь в долгой поездке).

ЗАМЕЧАНИЯ О БОГАХ И ХРАМАХ

Храмы ЕДИНОГО ТВОРЦА существуют во всех государствах и обитаемых землях (хотя и не везде окружены доброжелательством). Возведенные в старые времена легко отличить по трем-пяти золоченым куполам, каждый из которых увенчан крестом Единого. Храмы более современной постройки несколько выше и уже, с остроконечными четырехгранными крышами, и крест лишь один, в самой высокой точке храма. При всяком есть колокольня. Внутри нет ни изображений, ни статуй Единого — Творец никогда не показывался людям, и воплощать его в изображении не принято. Зато, как правило, по сторонам алтаря стоят статуи наиболее почитаемых в данной местности святых, окна украшены витражами, а у порога на полу сделано мозаичное или вырезанное в камне изображение дьявола, которого входящие попирают ногами.

Кроме Сословия храмовых священников существует еще четыре монашеских ордена: святого Роха, святого Круахана, святого Катберта-Молота и святого Сколота, занятые самой разнообразной деятельностью — от благотворительности и устройства школ до борьбы с приверженцами Черной Троицы.

АШОРЕМИ — в древности богиня охоты и лесов. Впоследствии стала и повелительницей ночи, каковое обстоятельство по прошествии лет привело к несколько комической ситуации, о какой будет сказано ниже. Первая ипостась богини, то есть патронаж над лесами, всем обитающим в них зверьем, а также теми, чьи труды связаны с лесом (охотники, птицеловы, бортники, смолокуры, дровосеки и т. д.), со временем окончательно перешла к Кернунносу. Ашоремии осталась исключительно Царицей Ночи, а потому ее считают своей покровительницей и влюбленные, и разбойники с ворами (иронически прозванные «ночными служителями Ашоремии»), и странствующие купцы, для которых ночь, заставшая их в дороге, — самое опасное время. Эти категории в основном и составляют паству храмов Ашоремии. По старинке богине поклоняются и представители вышеприведенных «лесных» ремесел — те, кто живет вдали от Каталауна и других горных районов. Горожанки всех сословий и слоев общества верят, что молитва Ашоремии облегчает роды и помогает вернуть любовь мужа.

Кое-где, в самых древних храмах, еще можно увидеть изображения Ашоремии в облике мифологической ночной птицы Валари с восьмиконечной Полярной Звездой на груди. Но в основном богиня предстает прекрасной девушкой с луком и колчаном за плечами (это оружие уже считается не символом охо-

ты, а стрелами любви, поражающими сердца).

Самый большой и старинный Храм Ашореми находится в По-граничье и пришел в изрядное запустение, хотя туда до сих пор приходят паломники и там совершаются богослужения. Храмы Ашореми отличаются обилием колонн, полным отсутствием окон и плоской крышей, увенчанной статуей богини над входом и Полярной Звездой по всем четырем углам. Служителями Ашореми могут быть и мужчины, и женщины. К алтарю богини приносят цветы, перед ним жгут благовонную смолу. Есть ежегодные праздники с торжественными шествиями. Животное Ашореми — кошка.

БРИГИТА — богиня знаний, мудрости и изящных искусств. Изображается в виде птицы с женской головой или, что реже, совы. Ее приверженцы происходят главным образом из Сословий Свободных Искусств, Совы и Циркуля. Храмов Бригиты, собственно говоря, не существует — лишь часовни, выполненные в виде каменных, закрытых с трех сторон навесов с изображением богини внутри. Служителей богини, как профессиональной касты, нет, эту роль выполняют особо уважаемые члены городских Общин Бригиты, носящие звание «смотрителей часовен». Есть ежегодные праздники с торжественными шествиями.

ВЕЛИКАЯ МАТЕРЬ — самое загадочное божество Талара, в чьи секреты так и не смогли проникнуть полностью ни книжники, ни тайная полиция. Главные приверженцы этой богини — крестьяне обоего пола (исключая побережье, где силен Руагату, Каталаун и горные районы). Святилища Великой Матери, изображаемой в виде примитивно вытесанной из камня или дерева тучной женщины, можно увидеть в каждой деревне. Есть еще священные рощи и заветные места, посвященные Матери. И те и другие, по неписаному обычаю, идущему из глубины веков, настрого запрещено посещать мужчинам (слухи о том, что иные убийства были мстью за нарушение запрета, так до сих пор не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть, несмотря на все усилия властей).

Жрицами Великой Матери могут стать исключительно женщины, причем их возраст сплошь и рядом не имеет значения (считается, что будущая жрица с колыбели отмечена богиней, и посвященные это легко определяют). Праздники в честь Великой Матери приурочены к севу, жатве, обмолоту и другим видам полевых работ. В жертву богине приносят злаки, плоды и перворожденных ягнят (слухи о человеческих жертвах были тщательнейшим образом проверены имперской разведкой, но не подтвердились).

Помимо внешней, обрядовой стороны ритуалов, лицезреть которые допускается любой посторонний, существует, вне всякого сомнения, и некое тайное знание, но до нынешних пор не удалось вызнать о нем ничего конкретного. Известно, что Великая Мать олицетворяет Природу, животворящую силу (а по некоторым источникам, и всю планету, полагаемую жрицами Великой Матери живым и чуть ли не разумным существом). Одно время бродили упорные слухи (в городах, естественно), что реверен Гонзак пытался проникнуть в тайны Домов Великой Матери (нечто вроде монастырей, где живут женщины, посвятившие всю свою жизнь служению богине), за что и был убит при самых удивительных обстоятельствах. Насколько известно, проверкой этих слухов никто всерьез не занимался — ибо подобные сплетни во множестве появлялись и раньше в связи со смертью других известных особ, но подтверждения никогда не находили, и к ним перестали относиться серьезно.[98]

Следует отметить, что в военное время даже наиболее буйная и недисциплинированная солдатня обходит стороной Дома Великой Матери и избегает оскорблять жриц. Эта укоренившаяся в древние времена традиция чересчур устойчива для простого суеверия, что неоднократно отмечалось исследователями (так и не докопавшимися, правда, до причин).

КЕРНУННОС — бог лесов, охоты, диких животных и грома. Изображается в виде оленя с лошадиным хвостом или человека с оленьей головой. Главным образом ему поклоняются в области Каталаунского хребта, гор Адантел и Оттершо. Служители Кернунноса — исключительно мужчины. Храмы, как правило, располагаются в лесу (или окружены самое малое семью деревьями), они небольшие, кубической формы, с узкими высокими окнами, крыша крыта оленьими рогами. При храме обязательно имеется башенка, где по особым праздникам (так называемые «дни грома») зажигают священный огонь. Есть заповедные Леса Кернунноса. В общем, Кернунноса нельзя назвать «злым богом», но порой по отношению к людям (особенно тем, кто неподобающим поведением в лесу навлек его гнев) он бывает жесток и мстителен. Особых жертв ему не приносят, но принято оставлять в лесу часть охотничьей добычи или, проезжая мимо заповедного леса, украсить одно из крайних деревьев каким-нибудь подношением. Зверем Кернунноса исстари считается каталаунский тигр, и под особым покровительством бога находятся белые олени.

РУАГАТУ — бог моря, имеющий огромное число приверженцев на побережье и на Островах, особенно среди моряков и рыбаков (а также купцов, плавающих по морю). Изображается в виде могучего бородача с трезубцем, восседающего на касатке. Храмы Руагату (которые полагается возводить не далее чем в лиге от берега), пожалуй, самые пышные и красивые среди всех. Стены в них заменяют ряды колонн, крыши из нескольких куполов ярко раскрашены разноцветными красками в виде чешуи, снаружи и внутри храмы украшены мозаикой, статуями и изображениями как мифологических обитателей моря, так и реальных. Во время богослужения жгут благовония трех видов. У мореходов принято во исполнение обетов дарить храмам модели своих кораблей, зачастую из драгоценных металлов. Среди служителей — и мужчины, и женщины. При некоторых храмах есть приюты для старых и увечных мореходов. Любимицами Руагату считаются касатки, поэтому охотиться на них рискнет лишь самый отпетый, не верящий ни в бога, ни в черта. И наоборот, убить гривастого крокодила или кракена считается угодным Руагату делом.

СИМАРГЛ (КРЫЛАТЫЙ ПЕС) — бог войны. Около двух тысяч лет назад его культ был занесен с Сильваны, и, в отличие от схожих случаев с другими сильванскими богами, не только прижился, но и широко распространился — главным образом среди военных, части обитателей Полуденного Каталауна и в Ратагайской Пуште. Изображается в виде пса с орлиными крыльями. Храмы сложены из красного кирпича разных оттенков, по виду напоминают старинные замки — с высокими крутыми крышами, зубцами по их кромке, машикулями, толстыми стенами, узкими стрельчатыми окнами (с витражами, изображающими сражения). Внутри — статуя Крылатого Пса, стены обычно увешаны пожертвованным по обету или дареным оружием (все древние храмы славятся прекрасными коллекциями старинного оружия). Принято освящать в храме купленное у мастера оружие. В старые времена полагалось оставлять перед статуей капельку своей крови, укол палец, но вот уже несколько сто-

летий, как этот обычай исчез.

При иных храмах есть приюты для старых и увечных солдат (каковых немало и среди служителей Симаргла). В противоположность силванским обычаям, служители Симаргла — исключительно мужчины. Возле храмов Симаргла всегда можно увидеть собак — их подкармливают, так как собакам Крылатый Пес особо благоволит, выделяя среди прочих животных. Для приверженцев Симаргла убить или обидеть собаку — грех (зато отношение к кошкам насквозь противоположное).

Существуют Братства Симаргла — военные ордена. Их членов обязывает равенство независимо от происхождения, обет супружеской верности, клятва участвовать в любой войне, какую ведет государство. Ныне таких Братств семь — три в Снольдере, два в Ронеро, по одному в Глане и Лоране. Они могут выставить отряды, не уступающие по численности полку. На звоннице каждого храма установлен птелос. Симаргл — покровитель гильдии Оружейников.

ХОРС — бог солнца. Изображается в виде всадника на рыжем коне или золотого солнечного диска. Почитается главным образом в городах. Храмы возводятся в виде пирамиды из семи уступов, увенчанной солнечным диском. Внутри стоит статуя Солнечного Всадника и поддерживается неугасимый огонь (возжигаемый от солнца с помощью особых стекол). При храмах (или при главном храме, если в городе их несколько) содержится отобранный в соответствии со сложными каноническими правилами рыжий, «солнечный» конь, символизирующий Хорса в торжественных процессиях по праздничным дням (считается, что на нем невидимо восседает тогда сам Хоре). Служители бога — исключительно мужчины. Хоре покровительствует в животном мире лошадям и петухам («птице Хорса»), а из мастеров его особенным покровительством пользуются кузнецы. На вершинах храмов установлены гонги.

Времена Храмовых Войн давно минули, но определенные трения сохранились до нашего времени — взаимная неприязнь и отчуждение меж приверженцами Ашореми и Симаргла, Симаргла и Кернунноса, Кернунноса и Хорса, Хорса и Ашореми.

По недостатку места нет возможности рассказать о «потаенном народце» — лесных феях, духах источников, «болотных сидельцах» и пр. и пр. Лучше всего отослать читателя к классическому труду Уро Монкагера «Рассказ и размышления о Потаенном Народце» (лучшее иллюстрированное издание вышло в 3710 г. Х. Э. в Ремиденуме). Неплоха также книга «Каталог Иномирья» — старинный труд анонимного автора, часто переиздающийся.

ЧЕРНАЯ ТРОИЦА — так именуется три черных бога, чьи храмы были в конце концов разрушены, а оставшиеся приверженцы загнаны в подполье — Сет-Змееног, Кром Круах (Кром Кровавый) и Рогатый (Клыкастый Козел). До сих пор в глухих уголках, несмотря на все преследования, время от времени еще совершаются «черные ритуалы» с человеческими жертвоприношениями. Адепты «черной троицы» в свое время и создали тайные общества, известные под собирательным названием «Черной благодати» или «Черной радуги».

О СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Господствующей религией там объявлено так называемое «учение Совершенства», или «учение святого Патарана, единственного боговдохновенного толкователя воли Единого Творца, очистившего служение Творцу от искажений и излишних сложностей». Но все остальные понтификаты Единого

Творца за пределами Святой Земли относятся к этому учению отрицательно, отношений со Святой Землей не поддерживают, не признавая самого этого названия, а также не считают Патарана святым.

РОСПИСЬ КЛАСНЫХ ЧИНОВ, ИЛИ ЧИНОВНИЧЬИХ КЛАССОВ

- 1.** Коронный министр.
2. Коронный советник.
3. Тайный советник.
4. Королевский советник.
5. Королевский секретарь.
6. Министерский советник.
7. Министерский секретарь.
8. Советник.
9. Департаментский советник.
10. Департаментский секретарь.
11. Канцелярии советник.
12. Секретарь канцелярии.
13. Секретарь.
14. Канцелярист.
15. Письмоводитель.
16. Писец.

Система эта применяется во всех государствах Харума, за исключением Вольных Маноров, Глана (где существует своя, более простая и патриархальная) и Балонга (где также принята своя). 1–5 классы приравнены к генеральским чинам, и получить их могут лишь дворяне (есть, впрочем, редкие исключения), 6–8 классы приравнены к полковникам, 9–10 — к капитанам, 11–12 — к лейтенантам, 13–14 — к сержантам.

МОНЕТНАЯ СИСТЕМА

Ронеро

Золотой аурей = серебряному аурею = 25 серебряным сестерциям. Есть еще золотые монеты «токен» (5 ауреев) и «солид» — 10 ауреев.

Серебряный сестерций = 10 медным сестерциям = 200 медным грошам.

Медные монеты: полугрош, грош, тройной грош, семигрошевик, десятигрошевик, сестерций, ливра (монета в 5 медных сестерциев).

Все монеты — круглые. Для Бран Луга чеканятся все их виды, но именуются они «островными», и вместо королевской короны на них изображен государственный герб.

Снольдер

Золотой денарий = 50 серебряным артигам. Есть золотые монеты «латеранский золотой артиг» (денария), «двуденарий» (2 денария), «сфинкс» (3 денария), «Цехин» (7 денариев, хождение имеет главным образом в Ратагайской Пуште).

Серебряный артиг = 14 серебряным патагонам = 280 медным гротирам.

Медный гротир = 5 пулам. Есть монеты в 1, 2, 3, 4 пула.

Все монеты — круглые. (Сфинкс еще с отверстием посередине.) Для Катайр Крофинда чеканятся «морские» деньги.

Горрот

Золотой статер = 40 серебряный ассам либо 10 серебряным венталам = 600 медным ассам. Есть двойной статер, тройной статер и «галиа» — монета в 7

статеров.

Медный асс = 3 медным патарам. Есть монеты в поласса, полпатара, двойной патар.

Глан

Златник = 20 серебряникам = 280 медным шелегам. Есть двойной златник, тройной и «медведь» — монета в 5 златников.

Медный шелег = 7 круцежам. Есть полукруцеж.

Шаган

Золотой орт = 14 серебряным фартингам и 140 медным фартингам. Есть двойной орт, «колокол» (монета в три орта).

Серебряный фартинг, двойной серебряный. Медный полу-фартинг, фартинг, тройной фартинг. (Монеты всех трех держав — круглые, кроме восьмиугольной в один гланский круцеж.)

Для острова Дике в Горроте особых денег не выпускается, хотя в последние время это, кажется, намерены сделать.

Харлан

Золотой скеллер = 25 серебряным скетам = 500 медным билонам. Есть монеты в 3, 6 и 10 скеллеров.

Серебряный балиган = 5 скетам.

Медные: четверть билона, полубилон, билон, двойной билон, пятерик и семерик.

Все золотые монеты — круглые, балиган — семиугольный, пятерик и семерик — семиугольные с отверстием в середине.

Лоран

Золотой денарий = 28 серебряным фоллисам = 280 медным фоллисам. Есть двойной денарий, «роза» (5 денариев) и «суверен» (15 денариев).

Серебряный фоллис = 7 медным караунам = 10 медным фоллисам.

Медные: полуфоллис, фоллис, караун, «фоллис с барашком» (3 фоллиса), пять фоллисов.

Все золотые и серебряные монеты — прямоугольные (один из лоранских королей, полторы тысячи лет назад заменивший такими монетами круглые, спесиво заявил:

«Пусть они и неудобнее круглых, зато свидетельствуют о нашем величии». В те времена Лоран считался самой мощной державой континента, каковую роль со временем утратил, но облик денег остался прежним).

Все медные монеты — круглые, с отверстием посередине.

Балонг

Вместо золотых монет там находятся в обращении денежные знаки в 5, 7, 10, 14, 40 и 100 дукатов, с большим мастерством изготовленные из ввозимого с Сильваны в малых количествах самшитового дерева, на Таларе не произрастающего. Они обеспечены сокровищами особой кладовой Круглой Башни, довольно большого размера, круглые и охотно принимаются на всем Таларе (нужно заметить, что порой их подделывают точно так же, как и металлические деньги).

Есть серебряные монеты в 1, 2, 3 и 4 дуката, медные — в 1, 2, 5 и 10 дирхамов. И серебряные, и медные — все восьмиугольные, серебряные, вдобавок с отверстием посередине.

Ганза

Ганзейцы пользуются в основном деньгами «прилегающих держав», хотя для особых расчетов существуют круглые монеты — золотой и серебряный далер.

Сегур денег не чеканит давно по причине тщательно скрываемой бедности оного государства. В обращении, впрочем, еще находится небольшое количество древних золотых монет под названием «тымф», или «корабль», но ходят они исключительно на острове и скоро пропадут совсем, так как являются объектом охоты коллекционеров, как и фельсы — серебряный и медный.

Вольные Маноры права на чеканку монет были лишены около пятидесяти лет назад решением Виглафского Ковенанта.

«Старые» деньги еще ходят, но понемногу изымаются из обращения, как только сотрутся, к тому же купцы увозят их для коллекционеров, а также для переплавки.

Деньги Святой Земли из-за больших примесей серебра, а то и меди к золоту повсеместно считаются «худыми», «порченными» и за пределами означенного государства хождения не имеют.

ОРДЕНА И МЕДАЛИ

Глан

Ордена:

Чертополоха.

Пещерного Медведя.

«Громовая гора».

Медали:

«Серебряное кольцо».

«Медное кольцо».

«Железное кольцо».

Все награды исключительно военные. В тех случаях, когда король все же желает наградить кого-то за заслуги на «гражданском» поприще, вместо цепи (так как все три ордена носят на цепи, на шее) орден крепится на бант, прикалываемый к груди.

Балонг

Ордена:

«Круглая башня».

«Ладья богатства».

«Созвездие».

Медали:

«Золотая пчела».

«Серебряная пчела».

«Медная пчела».

«Железная пчела».

Полная противоположность Глану: орденами и медалями награждаются лишь подданные Балонга, «приумножившие его богатства и действовавшие во славу дальнейшего благосостояния». За воинские подвиги (например, отвагу, проявленную экипажем судна в бою с корсарам) награждают деньгами или ценным оружием.

Горрот

Ордена:

«Черное солнце», (награждаются и военные, и гражданские).

«Рубиновый клинок» и Орден Симаргла (военный). Орден Семи Островов.
[99]

Орден Филина (гражданский).

Медали:

«Клинок».

«Орел» (военная).

«Сокровищница» (гражданская).

Харлан

Ордена:

«Трон великих герцогов»

(двойного назначения).

«Меч Славы» (военный).

«Фолиант» (гражданский).

Медали:

«Скрещенные топоры».

«Слава и смелость» (военная).

«Жемчужина мудрости».

«Бронзовое перо» (гражданская).

Ронеро

Высшие, двойного назначения ордена:

«Алмазный венец».

Орден Гербового Щита.

Военные ордена:

«Звезда отваги».

«Золотая лилия».

«Зеркало Аннура».

«Алое пламя».

«Скипетр морских королей» (военно-морской).

Гражданские ордена:

«Камень мудрости Пилу».

Орден Серебряной Совы.

«Бирюзовая цепь».[100]

Военные медали:

«За храбрость».

«Серебряный топор».

«Башня» (вручается главным образом за отвагу, проявленную при защите или взятии крепостей). «Стрела».

«Якорь» (военно-морская).

Гражданские медали:

«За беспорочную службу».

«Корабль».

«Лилия».

Снольдер

Высшие, двойного назначения ордена:

«Золотой сфинкс».

«Меч Дорана».

Военные ордена:

«Дракон и солнце».

«Огненный вепрь».
«Радуга и меч».
«Крылатый лев».
«Морской конь» (военно-морской).
Гражданские ордена:
Орден Короны.
Орден Ворона.
«Радуга и ларец».
«Великая Река».
Военные медали:
«Тисовая ветвь».
«Ярость и огонь».
«Дубовый лист».
«Львиный коготь».
«Огненное копьё».
«Абордажная сабля» (военно-морская). Гражданские медали:
«Процветание» (купеческая).
«Око» (полицейская).
«Ларец».
«Сфинкс».

Лоран

Высшие, двойного назначения ордена:
«Три золотых кольца».
«Отличие Престола».
Военные ордена:
«Рыцарская лента».
Орден Заслуги.
«Меч и кольцо».
«Золотой якорь» (военно-морской). Орден Тигра.
Гражданские ордена:
«Звезда учености».
Орден Верности.
Орден Черного Медведя.
Орден Золотого Журавля.
«Великий канал».
Военные медали:
«Штандарт».
«Серебряная секира».
«Серебряный самострел».
«Победитель пламени».
«Отвага ратного поля».
Гражданские медали:
«Золотой скипетр».
«Свиток».
«Серебряный циркуль».
«Бронзовый циркуль».
«Солнечный луч».
«Серебряный компас».

Шаган

Высшие, двойного назначения ордена: «Золотой колокол».

Орден святого Сколота.

Военные ордена:

«Меч грома».

«Золотой фрегат» (военно-морской). «Изумрудный акилла».

Орден Синей Крепости.

«Стрела и скипетр».

Гражданские ордена:

Орден Красного Бобра.

Орден Кедрa.

«Золотая кисть».

«Яшмовый кубок».

«Посох святого Роха».

Военные медали:

«Медвежья лапа»

«Алая молния».

«Штурвал и меч» (военно-морская). «Бастион».

«Трилистник».

Гражданские медали:

«Хрустальный кубок».

«Штурвал и парус».

«Серебряная кисть».

«Жезл мудрости».

«Дубовая ветвь».

В Святой Земле орденов и медалей не существует, зато в ходу так называемые наградные пояса и посохи.

В Ганзе для награждения отличившихся и заслуженных граждан существует схожий с орденом знак трех степеней — «Золотой корабль», «Серебряный корабль» и «Медный корабль».

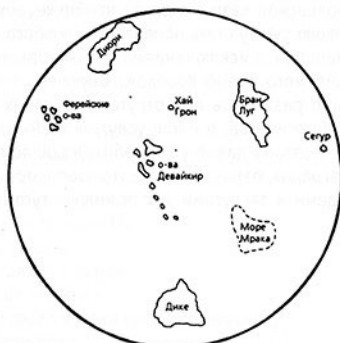
Ордена Вольных Маноров при всем их калейдоскопическом разнообразии чересчур многочисленны, и тому, кто ими интересуется, лучше обратиться к соответствующим книгам.

Ордена Сегура, равно как и медали, сохранены после катастрофы все до единого, однако изрядно утратили свой авторитет. Во-первых, по причине упадка Сегур практически не ведет никаких войн, и боевые награды выглядят несколько нелепо в этих условиях; во-вторых, что важнее, все сегурские награды давно превратились в дополнительный источник дохода для королевской казны: всякий, кто пожелает, может за соответствующую сумму стать обладателем любого тамошнего ордена или медали (за исключением высшего Ордена Морских Королей, вручаемого лично королем. Впрочем, и этот орден порой нетрудно раздобыть при отсутствии всяких заслуг, но при наличии должных связей или услуг, оказанных сегурскому престолу). Поэтому давно уже в обиход вошло выражение «сегурская награда», означающее нечто второсортное или добытое не трудами и заслугами, а с помощью тутого кошелька или интриг.

КАРТЫ

Планета ТАЛАР

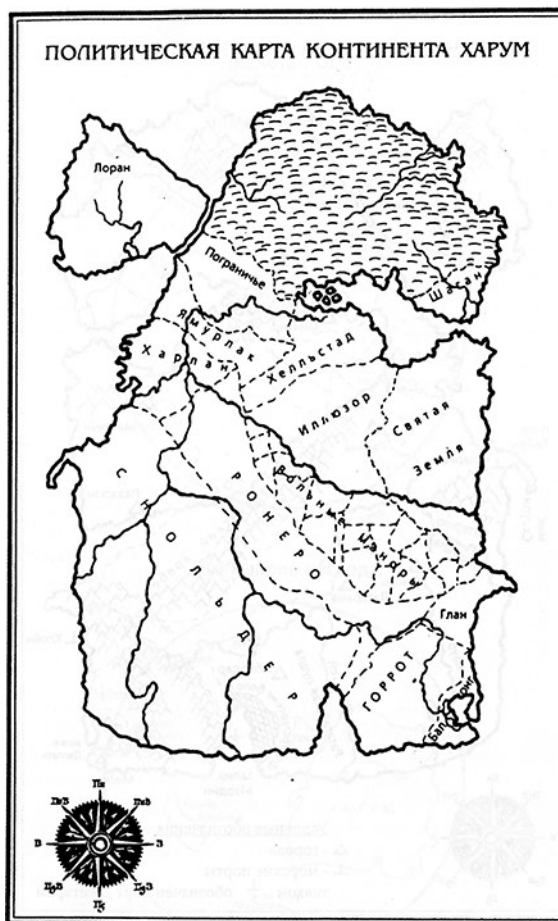
полушарие заката

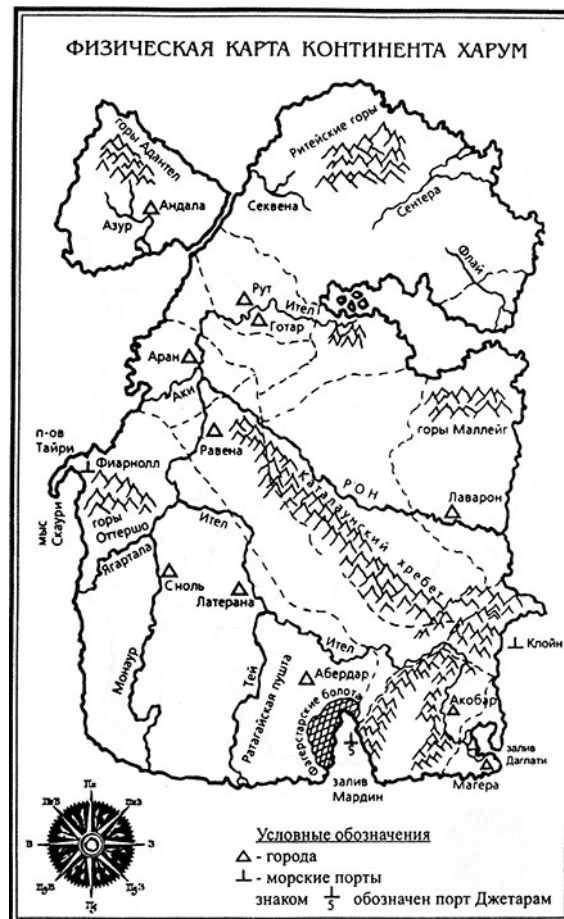
полушарие восхода

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА КОНТИНЕНТА ХАРУМ

Авторы стихов, приведенных в романе: Николай Асеев, Александр Городницкий, Ольгерд Довмонт, Вадим Егоров, Алексей Иващенко, Редъярд Киплинг, Валентин Миляев, Николай Тихонов, Михаил Щербаков.

Александр Бушков НАД САМОЙ КЛЕТКОЙ ЛЬВА

*Быть счастливым вообще как-то совестно, а в наш печальный век и
подавно.*

Владимир Соловьев

Глава I

МЕЧ И КОРОНА

Сварог, заложив руки за спину, стоял у высокого окна одной из комнат капитаната и не без досады смотрел вниз. Отсюда как на ладони можно было рассмотреть небольшой домик с вычурной зеленой крышей — еще с прошлого раза отведенный под Турнирное Собрание, регистрировавшее претендентов на трон. Вот только после прошлого раза его закрыли и собрались было передать какому-нибудь портовому учреждению — но кто же знал, что так обернется...

Кто знал, что Сварогу, помимо прочего, придется еще заниматься сегурскими делами? И никуда от них не денешься, нельзя чтобы сегурский трон достался кому попало — у него еще не было четкого плана, так, наметки...

Основная масса претендентов, как ему доложили, уже зарегистрировалась и схлынула — но перед домиком еще чинно, как и полагается дворянам, прохаживалось человек семьдесят, каждый с футляром в руке, в каких здесь носят деловые бумаги: ну, понятно, как же тут без грамот, подтверждающих дворянские права...

Время от времени из домика показывался очередной зарегистрированный — то прямо-таки сияющий от радости (из тех, что поглупее), то, наоборот, с лицом напряженным и тревожным (значит, умный, хорошо представляет, что предприятие предстоит нелегкое).

— Сколько их уже набралось? — спросил он, не оборачиваясь.

Советник Айкес, начальник сегурской тайной полиции, ответил без промедления:

— Если считать и тех, что еще дожидаются регистрации, — не менее четырехсот. В прошлый раз мне докладывали, едва набралось двести, причем исключительно сегурцев, если не считать... — он склонил голову. — Теперь все обстоит совершенно иначе. Больше половины — приезжие из Снольдера, Ронеро, Харлана. Только лоранцев объявилось две дюжины. Есть даже парочка владетелей Вольных Маноров. Вы же понимаете ситуацию...

Ну еще бы не понимать... *Прежний* Сегур, кукольное королевство, был мало кому интересен, и за корону дрались одни местные. Но вот теперь, когда к Сегуру присоединили еще и Дике со всеми тамошними богатствами, — игра стоила свеч... Тут можно было и рискнуть. И уж кто-кто, а Лавиния Лоранская, никаких сомнений, постаралась отобрать лучших фехтовальщиков...

— Ага, — сказал Сварог. — Горротцы подтянулись. Видите вон ту компанию в сиреневых кружевах? Ну что же, логично... Десяток, не меньше.

— Мой учитель сказал бы: проблему нужно как-то решать...

— Сам знаю, — проворчал Сварог.

Учителем у Айкеса был не кто иной, как Интагар — как раз по поручению Сварога и подыскавший начальника тайной полиции из *своих*, надежных. И первый министр был не из местных, и казначей, и еще несколько высокопоставленных сановников. Сварог в свое время позаботился, чтобы Мару окружали надежные люди, способные в ее отсутствие вести государственный корабль в правильном направлении и не допустить никаких *сюрпризов*.

Айкес сказал безразличным тоном:

— Вообще-то с теми силами, которыми вы здесь располагаете, государь...

Сварог и сам прекрасно знал, чем он здесь располагает. В трех портах — семнадцать вымпелов (снольдерских и ронерских), а также двенадцать вооруженных кораблей ганзейцев и четырнадцать — пиратские, нанятые еще Марой. Вдобавок на Сегуре — три сотни Вольных Топоров (при том, что своей армии здесь нет с незапамятных времен, одна полиция). И военные корабли, и Топоры здесь пребывают абсолютно легитимно — по просьбе первого министра, в рамках одного из соглашений Морской Лиги, для обеспечения порядка и законности выборов. Ну, а Дике буквально набит войсками Сварога... Если что, получится бой тигра с котенком...

Айкес сказал вкрадчиво:

— Государь, мы с вами по своему ремеслу люди циничные... Не так уж трудно организовать в столице серьезные беспорядки уже к вечеру... Ну, а там обнаружится какое-нибудь собрание, которое потребует передачи престола вам... По примеру Балонга несколько лет назад...

Сварог раздумывал недолго.

— Не пойдет, советник, — сказал он решительно. В Балонге тогда были совсем другие условия. Там мы не нарушили никаких законов, у нас была поддержка необходимого большинства патрициев и армейских генералов. А если мы устроим что-нибудь подобное здесь — нарушим законы даже не Виглафского Ковенанта, а имперские. «Положению о Турнире» совсем немного времени от роду, но оно признано Канцелярией земных дел и включено в соответствующие кодексы. Так что *события* не подведешь ни под ваганум, ни под завоевание. К сожалению. Очень скверно я буду выглядеть там — он указал пальцем на потолок, — сатрап и тиран, нарушивший имперские законы... А мне это совершенно ни к чему. Здесь свои сложности...

— Можно откровенный вопрос, ваше величество?

— Конечно.

— Почему вы не послали сюда искусных фехтовальщиков из *наших*? Не тех, что приплыли сюда по своему желанию, людей с особой миссией?

— Была такая мысль, — сказал Сварог. — Вот только, согласитесь, не было полной гарантии, что кто-то из наших бретеров окажется самым лучшим. А ведь на сей раз игра пойдет *всерьез* — ставки велики... А впрочем... Я как-то не подумал сразу... Маркиз Оклер здесь?

— Да, появился часа три назад.

— Прекрасно, — сказал Сварог. — Ну что ж. Как говорится, держите руку на пульсе, а я вас ненадолго покину...

Именно в этом порту Оклер устроил тайную подводную стоянку для своих «Ящеров» (как он откровенно признался Сварогу, используя опыт токеретов). Сварог спустился этажом ниже, вошел в небольшую приемную. Секретарь (лар, но одетый в ронерский военно-морской мундир) вытянулся.

— Посетителей нет? — кивнул Сварог на дверь кабинета.

— Никого, ваше величество. Вам, конечно же, положено без доклада...

Сварог вошел. Оклер радостно поднялся ему навстречу, протянул руку:

— Рад вас видеть! «Драконья кровь»?

— Да, пожалуй, — сказал Сварог.

На Оклере тоже был мундир ронерского офицера — ничего интересного, их здесь много, и в гораздо более высоких чинах. Кому надо — тот знает.

— Видели, сколько их там собралось? — фыркнул Оклер, кивнув на окно, выходящее на ту же сторону. — Всех, конечно же, манит Дике... Но я надеюсь, вы давно успели что-нибудь придумать? Даже я догадался. Любой из дворян, приплывших из ваших Королевств, вынужден будет оглядываться на вас решительно во всем...

— Если только победит, — хмуро сказал Сварог, приканчивая свой стакан. — Поэтому не будем ходить вокруг да около. Оклер, а вы не хотите стать сегурским королем?

— Я?! — маркиз даже стакан отставил от удивления.

— А почему бы и нет? — серьезно спросил Сварог. — Вы отличный фехтовальщик, я помню, сколько призов вы взяли там, наверху. Вы владеете неизвестными на земле приемами боя. Вы их всех сделаете одной левой. Мне нужен свой, абсолютно надежный человек на здешнем троне. Будь один только Сегур, я бы махнул рукой и ни во что не вмешивался. Но теперь есть еще и Дике... Так что нельзя отдаваться на волю случая, никак нельзя... У вас еще есть время зарегистрироваться, до вечера далеко. К тому же вы еще и *здешний* дворянин — совсем просто...

— Но у меня попросту не будет времени управляться еще и со здешними делами. Особенно Дике отнимет массу времени, я примерно представляю...

— Ну, это дело поправимое, — сказал Сварог. — Практически все здешние сановники, от которых зависят серьезные решения, — люди из моих королевств. Подберем и для Дике толковых управителей, есть уже на примете кандидатуры... От вас, собственно, ничего и не требуется — разок-другой поучаствовать в необходимых торжествах...

Оклер смотрел в стол с непонятым выражением лица. Наконец поднял глаза:

— Лорд Сварог, я прекрасно помню, чем вам обязан...

— Вздор, — сказал Сварог. — Честное слово, я вовсе не хочу, чтобы вы чувствовали себя чем-то мне обязанным. Я, собственно, ничего для вас и не сделал, это все... королева. Уясните это себе накрепко, хорошо?

— Хорошо, — сказал Оклер. — И все равно мне чертовски неловко перед вами... Я все понимаю, но вынужден отказаться.

— Почему? Не хотите мне помочь?

— Я вам всегда готов помочь в чем угодно *другом*, — сказал Оклер, глядя упрямо и непреклонно. — Но вот кем ни за что не соглашусь быть, так это марионеткой. Вы только поймите меня правильно, лорд Сварог! Я вас уважаю, смею считать себя вашим другом, но марионеткой не буду даже у вас. Полноценного короля из меня не получится, не то что из вас, а быть декоративной куклой...

Сварог видел, что любые уговоры здесь бесполезны — не тот человек. Как там звучит его фамильный девиз? «Оклеры служат, но не прислуживают».

— Ну, что же, — сказал он, вставая. — Жаль, я на вас рассчитывал...

— Лорд Сварог...

— Да?

— Ваше отношение ко мне изменилось?

— Честное слово, ни капельки, — сказал Сварог, подавая ему руку. — Скажу больше: такое поведение делает вам честь, маркиз.

«Это все прекрасно, — думал он, шагая по длинному коридору, — честь, бла-

городство, гордые фамильные девизы... Но вот что теперь прикажете делать? Пускать все на волю случая? Чревато, ох как чревато... Местных байбаков, уже забывших, с какой стороны у меча эфес, в расчет принимать особенно не стоит. Если королем станет кто-то из его дворян, все устроится. А если победит лоранец или горротец? Непременно начнется большая война, главным образом за Дике — а мне бы сейчас парочку мирных лет, чтобы и дальше обустроивать Три Королевства...» — Когда он вошел, лицо Айкеса было откровенно тревожным.

— Государь, — сказал он тихо, понуро. — Только что в соседнем порту пришвартовалась лоранская бригантина. Агенты донесли: с нее сошел герцог Орк, взял извозчика и поехал сюда, в Турнирное собрание...

«Только его тут не хватало, — зло подумал Сварог. — Зачем он приплыл, догадаться нетрудно и, судя по всему, на сей раз крутит шашни с Лавинией, отнюдь не постельные (хотя, зная эту парочку, легко заподозрить, что он совмещает приятное с полезным). Орк — это уже совсем серьезно. Человек, владеющий неизвестными на земле приемами боя, которые ему позволят в конце концов *выбить* с доски все остальные фигуры. И противопоставить ему некого. Кроме...»

— Будут какие-нибудь распоряжения, государь? — спросил Айкес.

— А какие тут могут быть распоряжения? — пожал плечами Сварог. — Оставайтесь здесь и собирайте информацию. А я пошел. Записываться на Турнир, — он хищно улыбнулся. — В конце концов, это не запрещено никакими законами, верно?

«Вот так, — думал он, спускаясь по лестнице и стараясь не спешить, — кое-кто знал его здесь, как короля, и следовало заботиться об этикете. — Наконец-то выпал случай сойтись лицом к лицу, а там уж будем полагаться на удачу...»

Перед домиком оставалось еще человек пятьдесят. Тут только Сварог сообразил, что представления не имеет, как происходит эта процедура. Скромно встал в сторонке. Знакомых лиц поблизости не увидел, и особенного внимания на него не обращали: одет был не так уж и богато, разве что с орденом «Звезда двух островов» на шее.

Подумав, вежливо спросил соседа:

— Не подскажете ли, лаур, как здесь все происходит?

Субъект с повадками записного бретера окинул его не самым уважительным взглядом, но все же объяснил вежливо:

— Ничего сложного, лаур. Все, кого вы здесь видите, уже сдали патенты и грамоты. Какое-то время их проверяют, потом выкликают очередного претендента, признанного достойным участником.

«Вот черт, — подумал Сварог. — Откуда у меня патенты и грамоты, отроду их с собой не таскал, разве что в те времена, когда не был королем. Короли всегда обходились без подобной бюрократии... Ладно, наглость — сестра таланта...»

Он стал осторожно протискиваться к крыльцу, благо претенденты особенно и не толпились. Кое-кто на него косился, всегда на лице было одно и то же выражение: «...Ну вот, еще один приперся...»

Он был уже шагах в пяти от невысокого крыльца, когда очередной дворянин, которого он было миновал, вдруг сорвал бадагар и раскланялся по всем

правилам этикета:

— Ваше величество?!

Сварог присмотрелся: камзол несомненно пошит в Снольдере, золотая пряжка на бадагаре овальная, на отворотах сапог золотистые кружева — опять-таки по снольдерской моде. Подданный, ага.

Ближайшие моментально обернулись к ним, в толпе возникли шепотки, еще несколько человек торопливо сорвали шляпы и раскланялись. Не раздумывая ни секунды, Сварог направился к крыльцу, величественным королевским кивком отвечая на очередные поклоны. Слышал, как за спиной шепотки превратились в сущий гул, — новость, судя по всему, распространилась мгновенно.

В не особенно большом помещении с куполообразным потолком за двумя заваленными бумагами столами вовсю трудились два чиновника — изучали бумаги (сплошь и рядом невероятно ветхие с виду), рассматривали на про-свет, в лупы, порой вставали с мест и шепотом обменивались мнениями. Видно было, что люди свое дело знают.

Третий стол, ближе к двери, был пуст, сидевший за ним чиновник откровенно скучал, скорее всего, догадался Сварог, он и принимал документы от соискателей, а сейчас ему было абсолютно нечем заняться. Не зря он откровенно оживился при виде Сварога, вежливо приподнялся, указал на стул:

— Прошу вас, лаур. Ваши бумаги?

Сварог посмотрел в дальний конец комнаты — там за очередным столом, где бумаг лежала всего-то парочка, тоже откровенно скучали трое: один в синем мундире с нашивками ганзейского капитан-бургомистра, двое в зеленых с золотом кафтанах министерства двора. Ага, наблюдательная комиссия или как она там...

На Сварога они не обратили никакого внимания: один из «зеленых» откровенно подремывал, а второй и ганзеец, судя по их позам, чуть отодвинулись от стола и, положив на колени игральную доску, рубились то ли в шакра-чатурандж, то ли в слайн.

— Ваши бумаги, лаур? — уже настойчивее попросил чиновник, нацеливаясь стилосом на длинный список.

— Вот с бумагами у меня некоторые затруднения, — сказал Сварог чуть громче, чем следовало, чтобы привлечь внимание троицы в углу.

Чиновник на него форменным образом вытаращился, словно на восьмое чудо света:

— Простите, то есть как?

Сварог задушевно сказал:

— Я и не предполагал, что они понадобятся. Понимаете, обычно у королей не бывает ни патентов, ни прочих бумаг. Разве что коронационные грамоты, но они обычно хранятся за семью замками в королевских дворцах, и никто из королей их с собой не носит...

Чиновник таращился на него в совершеннейшем обалдении, явно не представляя, что ему сказать и как себя повести. В углу стукнуло — это упала на пол доска в черно-белых квадратиках, но не разбилась (на совесть была сделана), звонко раскатились по полу фигурки шакра-чатуранджа, дремлющий мгновенно проснулся, все трое вскочили и практически хором возопили:

— Ваше величество!

Ничего от легковерия тут не было — именно с этим ганзейцем Сварог утром разговаривал в капитанате, а что до бездельников из министерства двора — очень многие прекрасно знали Сварога по прежним прилетам к Маре.

Сварог ответил милостивым наклонением головы и спросил:

— Не откажетесь ли подтвердить этим господам, что я говорю чистую правду?

Ганзеец проворно кинулся к одному из чиновников, а служивые из министерства двора подскочили к другому сразу с двух сторон и принялись шептать в уши так громко и азартно, что Сварог прекрасно расслышал:

— Сварог Барг... Доподлинный... Король королей...

Вот тут и чиновники, рассыпая бумаги и роняя лупы, вскочили, согнувшись в поклонах. На всех лицах возникли, как по волшебству, льстивые улыбки, только ганзеец кланялся не так низко и улыбался не так льстиво — любили ганзейцы порой демонстрировать и толику независимости даже перед Сварогом: вольные мореходы, однако, у них собственная гордость...

Ганзеец и спросил первым:

— Значит вы, ваше величество, тоже хотите участвовать в Турнире?

Глаза у него определенно стали радостные — ну конечно, лучше иметь дело с сегурским королем в лице собственного Генерала-Старшины, чем с неким неизвестным субъектом, заброшенным на трон волей удачи...

— Да вот, возникло такое желание, — сказал Сварог. — Законом не запрещается, верно?

— Конечно, господин Генерал-Старшина, — он повернулся к одному из чиновников: — Я полагаю, в данном случае можно обойтись без документов? Благо есть кому удостоверить личность соискателя?

— Конечно, — торопливо кивнул чиновник.

Перед ним лежала стопка одинаковых листов бумаги, украшенных сегурским гербом, обрамленных какими-то завитушками, с большой печатью и подписью. Проворно схватив стилос, он написал что-то на верхнем, поставил какую-то цифру и с поклоном протянул Сварогу:

— Извольте, ваше величество. Удачи!

Сварог мельком проглядел бумагу — красиво украшенное свидетельство на право участия в Королевском Турнире за номером 402 — да, набежало их со всех концов света. Поблагодарил кивком и вышел, так и держа лист в руке.

Должно быть, уже всех собравшихся снаружи облетела новость о нежданном визитере — они проворно раздались на обе стороны, многие сняли шляпы. Сварог, скупно кивая направо и налево, миновал их и направился к капитанату.

И остановился. Сказал без всякого удивления:

— Какая встреча! Тоже решили поучаствовать, герцог?

Герцог Орк, раскланявшись по всем правилам политеса, уставился на него пытливо и, надо сказать, чуточку неприязненно. Одного в его взгляде не было — страха, кем-кем, а трусом герцог никогда не был. С легким удивлением он справился моментально, ухмыльнулся своей неподражаемой хищно-дерзкой улыбочкой:

— Насколько мне известно, законы этого не запрещают? Благо, все бумаги у меня в порядке.

— Горротские, я так понимаю? — спросил Сварог (он давно знал по агентур-

ным сообщениям, что Орк получил от несостоявшегося короля-мальчишки за несколько дней сидения того на троне титул горротского графа).

— По-моему, они ничуть не хуже любых других? — с улыбочкой спросил Орк.

— Ну, конечно, — сказал Сварог. — Что же, желаю удачи...

Они вежливо раскланялись и отправились каждый своей дорогой. Вот так, добавилась еще одна головная боль: что *этому* понадобилось на Турнире? Теперь, когда он точно знает, что участвует и Сварог? Мечом они должны владеть примерно одинаково — одна школа (правда, у Сварога есть в запасе и кое-какие приемчики, Орку совершенно неизвестные). Рано или поздно в порядке жеребьевки им придется сойтись лицом к лицу: *прочих* Орк — как и Сварог — наверняка быстренько выведет из игры. И что тогда? Неужели рассчитывает победить? Но даже если ему это удастся, должен понимать: королем Сегура ему ни за что не бывать: и Сегур, и Дике набиты людьми Сварога, войсками, Вольными Топорами, флотскими, которые с этаким вот повелителем ни за что не смирятся и уж что-нибудь быстро придумают. Особенно если учесть, что здесь люди из тайной полиции интагаровой выучки, адмирал Амонд и лично Сварогу известные капитаны Вольных Топоров, люди поголовно не сентиментальные. С его-то умом и опытом интриг должен понимать: покоряется недолго, хорошо еще, если успеет на троне посидеть...

Тогда? Учитывая их давнюю неприязнь и то, что в деле вдруг замаячил лоранский след? Уж не рассчитывает ли вульгарно избавиться этот мир от Сварога, который ему столько лет мешает жить? А что, если он все же владеет мечом лучше? Вообще-то и в этом случае, если он убьет Сварога, ноги ему живым не унести — *особенно* в этом...

Ну ладно, не стоит паниковать раньше времени. Случались передряги и похуже. А кто лучше владеет мечом, мы еще посмотрим, не надо умирать прежде смерти...

Он аккуратно свернул казенную бумагу в трубочку, сунул за отворот кафтана и направился к капитанату.

...Советник Айкес откровенно улыбался:

— Появление вашего величества наделало переполоха... В последний день перед Турниром еще можно вернуть свидетельство и обратиться восвояси без всякого ущерба для дворянской чести. Разбегаются, простите, как тараканы, до вечера еще несколько часов, а из четырехсот четырех человек уже осталось двести одиннадцать, и, как мне докладывают, дело этим не ограничится...

Сварог хмыкнул:

— Вот уж не думал, что у меня *такая* репутация...

— Ну, что поделать, ваше величество, — Айкес тоже позволил себе легкую улыбку. — Что есть то есть... Вас интересует состав беглецов?

— Конечно. Уже выяснили?

— Там сидел мой человек и старательно всех отмечал... Во-первых, отступились три четверти сегурцев, остались, надо полагать, самые отчаянные. Или просто такие, которые, разок скрестив меч с вашим величеством, тут же выйдут из боя, а потом до старости будут рассказывать, что однажды дрались с самим королем Сварогом. Благо там есть пункт «До первой крови», а под него можно подверстать самую пустяковую царапину, дающую возможность без ущерба для чести выйти из боя. Уплыли, конечно, все дворяне из подвластных

вам королевств. Сами понимаете, дело тут уже не в трусости: дворянин не имеет права драться на дуэли со своим королем... Зато горротцы и лоранцы остались все до одного.

— Оптимисты... — проворчал Сварог.

— Или, что вероятнее, выполняют соответствующий приказ... Орк тоже остался как ни в чем не бывало. Ваше величество... Вот *эта* персона меня беспокоит больше всего, простите за откровенность.

— Опасаетесь, он владеет мечом лучше меня?

Советник с непроницаемым лицом пожал плечами:

— Я бы не стал утверждать что-то определенное... Вы сами мне показывали его досье. За пять лет не проиграл ни одной из примерно семидесяти дуэлей — и это только те, о которых вашей службе... да и нам известно.

— И что же вы мне предлагаете? — усмехнулся Сварог. — Сдать бумагу и смирнехонько уплыть восвояси?

— Я понимаю, вы на это никогда не согласитесь... Но, в конце концов, тут крайне серьезное государственное дело. За оставшееся время можно что-нибудь придумать.

Я не говорю об убийстве, не подумайте...

— Кружкой по башке в каком-нибудь кабаке, где он каждый вечер сидит? — не без цинизма усмехнулся Сварог.

— Хотя бы, — серьезно сказал советник. — Простите, ваше величество, но в данной ситуации, по-моему, правила чести не обязательно и соблюдать во всей полноте... Слишком уж велики ставки, нельзя полагаться на случайности...

— Не вздумайте предпринять что бы то ни было, — сказал Сварог. — Я вам категорически запрещаю, ясно? Встречались мне в жизни опасности и посерьезнее герцога Орка... — он усмехнулся. — И наконец... Не забывайте, что это — лар. Разбитую кружкой голову, а то и сломанную ногу, он залечит за квадранс, и все будет бессмысленно. — Он подошел и похлопал советника по плечу: — Не беспокойтесь, Айкес. И не с такими препятствиями справлялись...

Турнир должен был состояться на огромном ипподроме, построенном давным-давно, во времена процветания Сегура, еще не превратившегося в крошечный островок. Со времен катастрофы его по прямому назначению больше не использовали — обедневшим сегурским дворянам, вынужденным самим зарабатывать себе на хлеб, было не до конских ристалищ. Но сохранился каменный амфитеатр неплохо. И публикой обоего пола и всех возрастов был набит сверху донизу — такое впечатление, что здесь собралось все нынешнее население Сегура. По гребню — сплошная череда штандартов, знамен, вексиллумов и щитов с сегурскими гербами. Высокая трава на овальном скаковом поле старательно выкошена, поле покрыто кругами из щедро насыпанного красного мела диаметром уардов в пять — еще один пункт из трех: тот из дуэлянтов, кто отступал за круг, считался проигравшим схватку бесповоротно, пусть даже оставался целехонек.

Сварог смирнехонько стоял в шеренге соискателей. После вчерашнего Великого Драпа шеренга значительно поредела — осталось только сто двадцать восемь человек. То есть, как легко вычислить — предстоит семь поединков, не столь уж тяжкое предприятие...

Орка он со своего места не видел — тот помещался где-то далеко на левом

фланге. Выглядели все одинаково: сапоги, штаны и рубахи с распахнутым воротом: чтобы ни у кого не возникло соблазна поддеть кольчугу под кафтан, камзол или колет. Мечи без ножен все держали в руках — ножны порой при серьезном поединке только мешают...

Шестьдесят четыре меловых круга, как легко догадаться. Между ними все еще суетилась целая орава пышно наряженных распорядителей — делать им вроде больше было нечего, видимо, просто хотелось покрасоваться на публике — когда еще выпадет такой случай? Главный герольд в накидке с гербом Сегура и высоким золоченым жезлом стоял левее, окруженный несколькими помощниками, а рядом с ним помещался здешний лотерейный барабан — горизонтально установленный на оси бочонок, который как раз старательно раскручивал один из младших герольдов, перемешивая бляшки с номерами. Сварогу это настолько напомнило полузабытое земное «Спортлото», что он не удержался от легкой улыбки.

Герольд сделал жест — и один из его помощников звонко затрубил в рог. Ага, началось... Бочку остановили, один из младших герольдов откинул дверцу, запустил туда руку, извлек бляшку, пару секунд присматривался к ней, потом зычным голосом заорал едва ли не на весь ипподром:

— Триста сорок три!

Человек через пять от Сварога из шеренги выступил усатый субъект довольно-таки бретерского вида. Соискателей осталось гораздо меньше четырехсот, но здешние чиновники решили не устраивать еще на целый день возню с перерегистрацией: попросту оставили в бочонке бляшки тех участников, что не уехали, с их прежними номерами.

Усатый подошел к ближайшему красному кругу и остановился посередине — как человек, хорошо знающий правила.

— Семьдесят один!

Вот тут уж вышел человек совершенно другого облика: на вид здешний дворянин от сохи или гончарного круга, шагавший явно более робко и державший меч гораздо неувереннее. Когда они встали в круге, к ним тут же подбежал распорядитель — их было шестьдесят четыре, по числу кругов — и что-то спросил у второго. Сварог не расслышал ответа, но по лицу бретера скользнула пренебрежительная гримаса. Благодаря Айкесу, Сварог знал весь механизм до тонкостей: именно у второго распорядитель спрашивает, на каких условиях будет идти бой: «до невозможности продолжать схватку» или «до первой крови». Судя по усмешке бретера, он услышал именно второе: конечно, способ трусовато выйти из боя, но законом не запрещено...

Какое-то время все происходило крайне скучно: помощник герольда выкрикивал номера, вызванные проходили в круг, распорядитель спрашивал пришедшего вторым об избранных им условиях боя... Скука. Когда были заполнены четыре ряда целиком и половина пятого, Сварог встрепенулся, услышав:

— Четыреста два!

И бодро направился к свободному кругу, не без любопытства гадая, с кем сведет судьба поначалу.

— Девяносто один!

Так-так-так... Похоже, и ему достался очередной дворянин от сохи: довольно молодой, лихие усики, лицо являет собой примечательную смесь робости и

натужной отваги. Есть сильные подозрения... Ну да, так и есть, на вопрос распорядителя соперник быстро ответил:

— До первой крови!

И на елку сесть, и рыбку съесть... Еще долго пришлось стоять, положив руки на эфес упертого в землю меча, — не менее получаса продолжалась жеребьевка. Сварог хотел поискать взглядом Орка, но вовремя вспомнил, что вертеть головой тут не полагается, не в цирке. Уставился на противника, как он рассчитывал, ничуть не зверским взглядом. Тот чувствовал себя неуютно, но держался. Сварог вежливо спросил:

— Прекрасная погода, лаур, не правда ли?

И перед дуэлью, и даже во время нее, согласно старинному дуэльному кодексу, можно разговаривать, о чем угодно — главное, чтобы этот разговор не имел отношения к предмету дуэли и не содержал оскорблений.

— Да-да, прекрасная... — ответил соперник, явственно поеживаясь.

Сварог быстренько прикинул в уме: сто двадцать восемь участников, значит, восемь поединков. Побольше бы попало вот таких, готовых после первой царапины выйти из боя — сэкономит время и силы перед *главной* дракой. У него сложилось стойкое убеждение, что им с Орком придется вскоре сойтись в последней паре: два лучших фехтовальщика здесь, без хвастовства...

— Господа мои, бой!

Сварог где-то даже лениво сделал первый выпад, проверяя оборону противника, тот сумел заслониться клинком, и стало ясно: фехтовать ему все же приходилось. Охваченный внезапным нетерпением — к чему эти дурацкие игры согласно старинным традициям? — Сварог откровенно насел, пустив в ход пару ратагайских приемов, о которых противник, сразу видно, и понятия не имел, так что едва не лишился меча, но в последний миг успел его удержать и даже заслониться. Отступил на два шага. Твердо решив покончить все побыстрее, Сварог насел, крутя клинком, — и, усмотрев брешь в довольно бездарной защите противника, сделал выпад, полоснул сверху вниз. Как и предписывал дуэльный кодекс «с уговором», отступил на шаг, отсалютовав противнику мечом. Тот, бледнея на глазах, отступил за пределы круга.

К нему уже спешила парочка лекарей. Сварог усмехнулся про себя. Все было сделано изящно и без серьезного членовредительства: всего-навсего острием меча распорол руку от плеча до запястья, рана не глубокая, серьезные кровеносные сосуды не задеты, даже зашивать не придется, походит с месяц с рукой на перевязи. Зато до седых волос будет живописать всем и каждому, как однажды скрестил клинки с самим Сварогом Баргом, да не где-нибудь, а на Королевском Турнире. То-то и физиономия у него вовсе не скорбная, а скорее, довольная — успел рассмотреть, что рана пустяковая, и свою секундочку славы урвал...

Сварог встал на прежнем месте. Буквально сразу же к нему присоединились еще двое «победителей» — судя по виду, из того же разряда, что и его поцарапанный соперник: местные малость позвенели клинками, поцарапали противника и навсегда остались в гордом звании участников Королевского Турнира — благо, согласно старым правилам, каждому участнику, чем бы для него ни кончилась схватка, полагается памятный медальон. Ага, вон там бредут явно их противники — каждый в сопровождении двух врачей, но на своих ногах, один прижимает к груди перевязанную окровавленным бинтом руку,

второй хромает, нога перевязана выше колена. «Ну, вашим противникам повезло, ребята, — подумал Сварог, — покосившись на гордых собой победителей, — а вы, поскольку впереди еще шесть схваток, еще неизвестно, на кого можете нарваться...»

Так-так... А вот там бодрой походочкой возвращается Орк — а в другую сторону, в боковые ворота, прислужники в темном проворно уволакивают носилки, покрытые грубой материей, из-под которой торчат каблуки сапог с золотыми дворянскими шпорами. Судя по всему, герцог не намерен ни шутить, ни маяться гуманизмом — на свой лад хочет закончить дело побыстрее. Как явствует из финала, он наверняка вышел в круг вторым — вот и предложил свои условия, от которых соперник, понятное дело, не мог отказаться... Судя по тому, что лицо человека на носилках закрыто, убит наповал.

Схватки продолжались еще минут сорок. Толпа дерущихся довольно быстро редела, причем многие уходили на своих ногах, только двоих пронесли на носилках, но с незакрытыми лицами. Отсеивалась мелочь...

К месту второго поединка Сварогу выпало идти вторым, а потому он заранее наметил план действий: ему вовсе не нужны были звонкие победы, ему требовалось побыстрее со всем этим покончить... Второй противник оказался гораздо серьезнее: судя по сиреневым кружевам на отворотах сапог и пряжкам — несомненный горротец. И смотрел он иначе: с холодной, *устоявшейся* злобой. Безусловно, «первая кровь» его ничуть не прельщала, замыслы простирались гораздо шире, но что поделать, если он пришел первым... А потому Сварог со спокойной совестью ответил на вопрос распорядителя:

— До первой крови...

Судя по лицу горротца, тому такое явно пришлось не по вкусу, но вслух неудовольствие он выразить не мог...

«Господа, бой!»

Вот горротец о защите не думал нисколечко — сразу перешел в атаку, и довольно хватко. Тут уже ни о какой небрежности речь не шла — Сварог дрался всерьез, отмечая, что противник старательно защищается и от серьезных ударов, и от шанса получить легкую ссадину — прицепился, как банный лист, ни за что не хочет выходить из боя...

Выпад! Столь молниеносный и ловкий, что в два счета мог загнать пол-ярда стали в кого-нибудь неопытнее Сварога.

Сварог не стал парировать — ушел вправо. Это тем, кто видел поединки только в кино, может показаться, что главная задача дуэлянтов — как можно чаще и красивее эффектно скрещивать клинки, чтобы лязг стали не утихал ни на миг.

В жизни многое иначе. Часто скрещиваясь, клинки портятся — щербятся, тупятся. Поэтому *настоящий* бой состоит не из дурацкого лязганья клинков, а из выпадов и ударов — иногда лучше уйти, иногда лучше парировать... Если сможешь и успеешь.

Злющие глаза, тонкие бледные губы сжаты в ниточку, лицо без малейшего выражения. Быть может, он по жизни такой злой — а может, прекрасно знает, с кем дерется. Как бы там ни было, он себя *завел* на убийство: целит то в сердце, то в шею, то норовит приложить по голове или по виску. И все время старается, чтобы не попасться на «первую кровь». Ага! На миг упав на колени, попытался достать Сварога лезвием по внутренней поверхности бедра — а там

одна из самых крупных артерий, кровь хлынет фонтаном...

Так... Парочкой знакомых маневров попытался повернуть Сварога лицом к солнцу — ну, эти фокусы мы знаем и уходить от них умеем... Точно, он вовсе не старается привести Сварога в непригодное для боя состояние, планы у него покруче: он пришел *убивать*. Значит, кто-то умный просчитал все заранее и понял, что Сварог непременно полезет на Турнир — и не так уж трудно было это вычислить... Лар, конечно, самые разные раны может залечить себе и другим, но, во-первых, далеко не все, а во-вторых, чтобы излечить себя, он должен быть в сознании.

Значит, пора кончать. Ему отчего-то совершенно не хотелось убивать — здесь, под ясным солнцем, под азартные крики публики, на дурацком состязании за королевский трон... Даже горротца не хотелось. Будь это где-нибудь на обочине грязной, мокрой дороги, под серым, набухшим дождевыми тучами небом...

Но и делать что-то пора. Противник все это время не дает возможности пустить ему «первую кровь». Значит, надо пожестче.

И Сварог стал драться совершенно по-другому — так, словно и он намеревался убить. Он заметил мелькнувшее в злых глазах удивление: противник и, в самом деле, решил, что за него взялись *всерьез*. И не должен видеть в этом ничего удивительного: не раз случалось, что на турнире, что на дуэли, когда один из бойцов *осатанеет* и, не думая абсолютно, что нарушает кодексы, пойдет на крайность...

Так, он поверил. Он стал обороняться так, что ясно уже: *всерьез* опасается смертельного удара. Подержим его в этом заблуждении еще немного, еще парочка выпадов «на смерть» — те, что он должен знать. Знает, оба отбил, это же классика... Но вряд ли у него за спиной ратагайская школа боя... проверим... нет, и гланских приемов не знает... и каталаунских... Не говоря уж о тех, которым учат *наверху*... Держи!

Сварог сделал пируэт по всем правилам — и, отбив эфесом вверх эфес чужого меча, с невероятной быстротой крутнув лезвие своего, загнал клинок тому в правую руку чуть повыше локтя, почти на ладонь.

Пальцы горротца моментально разжались, и меч упал в траву. Распорядитель, прямо-таки гопака танцевавший вокруг красного мелового круга, конечно, тут же закричал:

— Бой кончен, господа! Врача!

Ох ты ж, сволочь упрямая! Горротец, присев на корточки, попытался схватить меч левой (на что, согласно кодексу, имел полное право, драться здоровой левой не запрещено, другое дело, чтобы ты это умел, иначе зарежут, как барана) — но кровь плыла из сквозной раны густым потоком, противник побледнел, пошатнулся и по инерции завалился на левый бок, уже не предпринимая попыток встать. Только тогда распорядитель выхватил серебряный свисток — позвать врачей.

И на этот раз схватки продолжались еще достаточно долго, чтобы Сварог успел отдохнуть и как следует восстановить дыхание, — горротец его не измотал, но оказался крепким орешком.

Жаль, что не достать сигарету из воздуха, чтобы не смущать собратьев по Турниру и зрителей. Вообще-то, на приличных турнирах для отдыха участников стоят скамейки, дуэлянтов поят прохладительным — но здесь, очевидно,

были свои правила: преодолеть на пути к вожделенному королевскому трону как можно больше трудностей. Вообще-то правильно, если подумать, — не за золотой кубок из королевских рук махаловка идет и не за ленту с плеча прекрасной дамы: уж ради трона изволь выложиться по полной...

Когда в третий раз выкрикнули его номер, он уже уверенно направился в свой круг, как и полагалось победителю. Он шел вторым — а в круге уже стоял субъект, которого Сварог сразу узнал и досадливо поморщился: и этот туда же... Это был хозяин трактира «Якорь и осьминог» в одном из портов, где Сварог уже сживал раза четыре, — вино там, вопреки ожиданиям, оказалось хорошее, да и тушеные в горшочках «морские гребешки» неплохи — как, впрочем, и многое другое. Как там его? Ах, да, Ласар. Несомненно, потомственный дворянин, иначе не допустили бы на турнир. И чего человеку не сиделось? Самая мирная профессия, две дочки на выданье, сынишка подрастает, процветает заведение, в армии никогда не служил, а вот поди ж ты, сунулся в эту опасную забаву, где можно и жизни лишиться — смотря на кого нарвешься, попадется какой-нибудь бретер-скотина в дурном настроении, наподобие Орка...

Сварог едва не фыркнул в голос — меч Ласар держал, как держат палку, когда хотят прогнать из огорода нахальную соседскую свинью. И тарашился на Сварога с несказанной тревогой — ну конечно, ждал, какие прозвучат условия...

Вот уж кого Сварог не хотел обижать, так это веселого толстяка, с которым успел не раз поболтать о том о сем и выслушать кучу неизвестных ему анекдотов, в том числе и весьма пикантных. А потому он сказал спокойно:

— До первой крови.

И мог поклясться, что на лице трактирщика нешуточное облегчение. Заметил краем глаза, что распорядитель тоже готов ухмыльнуться — но в последний момент сделал лицо непроницаемым, как ему по обязанности и полагалось. Звонко выкрикнул:

— Господа, бой!

Ласар, полное впечатление, просто-напросто не знал, что ему делать. Он переступил с ноги на ногу, грозно нахмурил брови в тщетных попытках сделать румяную толстощеку физиономию суровой и грозной.

Неуверенно выбросил меч в сторону Сварога — едва ли не *вытянул*. Сварог, сохраняя на лице полнейшую серьезность, отбил клинок в сторону, черкнул острием по руке трактирщика повыше запястья. «Рана» получилась смешная: длиной в палец, едва кожу рассадило — но все правила были соблюдены. И распорядитель с явным облегчением — быть может, тоже завсегда с кабачка — закричал:

— Бой кончен, господа! Врача!

Свистеть лекарей, впрочем, не спешил: прекрасно видел, что за «рана» — иная разъяренная кошка, а то и разъяренная дама с острыми ноготками распахает почище. Ласар просто-напросто извлек огромный клетчатый носовой платок, которого хватило бы, чтобы прикрыть три таких раны, посмотрел на Сварога не без благодарности и направился к той арке, в которую уходили — а кого и уносили — побежденные. Неторопливо шагая следом к месту для победителей (которых уже не осталось и двух десятков), Сварог подумал, что у толстяка Ласара были свои резоны рисковать. Чего не сделаешь для повышения репутации заведения? Штука в том, что каждый участник Турнира, и победи-

тель, и проигравший по традиции получали памятный знак, и роскошный — золотой кружок чуть не с блюдце с выгравированной полукругом надписью «Королевский Турнир», мечом и короной. До самой смерти его можно было носить на груди на такой розетке цветов национального флага, а после смерти он оставался потомкам вкупе с прочими регалиями, если имелись, — наглядное доказательство того, что его обладатель однажды дрался за королевскую корону (за подделку полагалось какое-то суровое наказание). (Естественно, из всех оставшихся в живых участников турнира знака такого не получал один-единственный — тот, кому и доставалась корона).

Ручаться можно, что дядюшка Ласар знак носить на груди не будет, а прикрепит над стойкой, начистив до немыслимого блеска. А может быть, и будет — но его изображение поместит на вывеску, переименовав заведение, скажем, в «Меч и корону». И уж болтовни ему хватит на всю оставшуюся жизнь. Кто такой Сварог, он понятия не имел. Сварог подумал: надо будет как-нибудь зайти и представиться, чтобы рассказы стали еще красочнее, — жалко, что ли, для хорошего человека, который в жизни вино водичкой не разбавлял, а если обсчитывал, то на сущие гроши.

Четвертым противником — подошедшим вторым — оказался лоранец. Что Сварог моментально определил по штанам из черного бархата, расшитым сложным узором из серебряной канители (в каждом королевстве была своя мода в одежде, так что опознать нетрудно).

Интересно, Лавиния его подслала или по собственной инициативе возмечтал в короли? Сварог ждал, упершись в противника тяжелым взглядом. Тот, хотя и бравый на вид — одни усищи чего стоят, — все же сразу видно, чувствовал себя неуверенно. Полное впечатление, что он прекрасно знал, кто такой Сварог, и отнюдь не пылал восторгом с ним схватиться.

Пауза, с точки зрения правил Турнира, неприлично затянулась. Справа и слева уже звенели клинки. И распорядитель поторопил недовольным тоном:

— Условия, благородный лаур!

Еще секунда — и лоранец выпалил как в воду бросился:

— До невозможности продолжать схватку!

Хотя на лице у него явственно читалось, что он предпочел бы «первую кровь». Точно, подсланный. И страшно, и отказаться нельзя — с Лавинией шутки плохи, терпеть не может, когда ее приказы не выполняются или выполняются скверно...

Первые выпады, лязг скрестившихся клинков — это лоранец заслонился от рубящего удара (которым Сварог просто-напросто хотел проверить, на что годится противник). Тот дрался не так уж плохо, это вам не дядюшка Ласар. Расслабляться не приходилось.

Слева послышался залиvistый свисток — призывали лекаря. Ага, там стоял Орк — он и на сей раз наверняка не играл в гуманность и хотел закончить схватку побыстрее. Сварог, впрочем, тоже не испытывал ни малейшего желания красоваться перед публикой отточенными пируэтами и красивыми выпадами. Хотелось, чтобы побыстрее все кончилось, вот и все.

Ему в голову пришла отличная идея. Кто сказал, что этого усача в расшитых серебром портках непременно нужно протыкать так, чтобы он оказался не в состоянии продолжать бой? Турнирные правила допускают самые разнообразные приемы...

Противник попытался повернуть его лицом к солнцу — ну уж на этот прием не поймаешь, не дети малые... Сварог тщательно все прикинул, качнулся на расставленных ногах вправо-влево (чтобы противник не понял, с какой стороны ждать атаки) — и пустил в ход классическую каталаунскую «мельницу», малоизвестную за пределами Хребта. Каталаунские мастера меча считали ее одним из своих секретов, и, не будь Сварог добрым знакомым принца Элвара, мог в жизни не научиться...

Перед лицом лоранца крутилась блестящая сталь. Одно из достоинств «мельницы» — противник сплошь и рядом не в состоянии угадать, рубящий удар пойдет или колющий и с какой стороны. Порой меч описывает круг, порой свистит над самой макушкой.

Вот оно! Лоранец не выдержал незнакомой манеры атаки, сделал шаг назад. Приободрившись, Сварог наддал. Выиграл еще шаг, еще... Неизвестно, понял ли лоранец, что с ним собираются делать, но по лицу видно: помаленьку теряет бодрость духа и уверенность в себе. А ты не ходи в наш садик...

Сварог напирал и напирал, выписывая клинком затейливые вензеля, иногда делая вид, что хочет выбить меч, но в последний миг меняя направление удара...

И наконец добился своего: вытеснил лоранца за пределы красного мелового круга. Тут же раздался громкий крик распорядителя:

— Бой окончен, господа!

Сварог откровенно ухмыльнулся, опуская меч. «Невозможность продолжать бой» вовсе не означает, что противник непременно должен получить в организм пол-уарда железа. Она наступает еще и тогда, когда один из дуэлянтов вытеснит другого за пределы круга, — возвращаться уже нельзя, бой проигран. Либо достаточно трижды выбить у противника меч в пределах круга. Либо один раз — но так, чтобы меч улетел за пределы круга. В общем, неведомые составители турнирных правил особой жестокостью явно не отличались.

Прямо-таки испепелив Сварога ненавидящим взглядом, лоранец резко отвернулся и зашагал к арке для проигравших. Сварог усмехнулся ему вслед: королевская воля королевской волей, но надо же точно знать, когда рубишь дерево по себе...

И в пятый раз ему выпало идти в круг первым.

Тьфу ты! Доставшийся ему противник был еще моложе того, с которым Сварог дрался первым и отпустил душу на покаяние «малой кровью». Чуть ли не мальчишка, местный, по всему видно, едва усики пробились, на опытного фехтовальщик похож не больше, чем Сварог на кухарку. Царапнуть и отпустить восвояси. Жаль, что нельзя дать еще доброго пинка под пятую точку, чтобы не лез в серьезные игры взрослых мужиков...

— До невозможности продолжать бой!

Услышав такое, Сварог в первый миг даже опешил: настолько это бравое заявление, способное и привести к смерти, не совмещалось с мальчишеской физиономией сопляка. Ах, вот оно что. На плече у него красовался оранжево-синий бант — Цвета Прекрасной Дамы. Ну вот, кое-что проясняется: где-то на трибуне в восторженном ужасе замерла такая же соплюшка, которую юнец возмечтал сделать королевой, — но явно представления не имел, с кем связался. Однако начал кое-что соображать, поджилки наверняка трясутся, меч держит не то чтобы неумело, но и мастера в нем не чувствуется — откуда?

Юнец сделал выпад, во время которого Сварог мог его проткнуть в трех местах. Стало окончательно ясно, с кем на сей раз свел жребий. И что прикажете делать? Выбить меч, вытеснить из круга... и опозорить навсегда перед Прекрасной Соплюшкой. Положеньице...

Сварог не раздумывал долго: плавным неуловимым движением ушел влево и рубанул противника по мышце меж правым плечом и локтем. Получилась не царапина, но и не такая уж глубокая рана — и тем не менее пальцы у сопляка тут же разжались, меч упал в траву, незадачливый дуэлянт зажал рану левой рукой. Сквозь пальцы густо поползла кровь. Распорядитель (наверняка повидавший все на свете, что только связано с дуэлями) закричал:

— Невозможность продолжать бой!

И засвистел в свисток, призывая лекарей. Отчаянный юнец, бледнея на глазах, пошатнулся, со страхом глядя на кровоточащую руку. Опустив меч, Сварог шагнул вперед, чтобы поддержать сопляка, пока не ляпнулся в обморок при виде такого количества своей крови. Однако врачи опередили, шустро подбежали с носилками и понесли раненого прочь (один трусцой бежал рядом и на ходу бинтовал руку).

Сварог усмехнулся вслед. Пожалуй, все обернулось как нельзя лучше для неосмотрительного юнца. Здешние лекари неплохо умеют накладывать швы. Рана совершенно неопасная, примерно через месяц заживет. Зато в глазах своей симпатии сей юноша будет выглядеть полноправным участником серьезного поединка, получившим нешуточную рану, — поспорить можно, руку на перевязи он будет носить даже подольше, чем предпишут врачи, знаем этих кичливых сопляков, сами такими же были... Интересно, как он ухитрился до Сварога пройти четыре поединка совершенно не поцарапанным? Жалели дурака, должно быть... Даже без «первой крови» обошлось...

Ну вот впереди шестой этап. Поединчиков осталось четверо — сам Сварог, герцог Орк, высокий лоранец средних лет, вероятнее всего, опытный бретер (такой у него вид) и...

Сварог видел ее лишь уголком глаза — вертеть головой, разглядывая соперников, не полагалось — но и этого хватило, чтобы рассмотреть как следует. Сердце странно защемило.

Она чем-то неуловимо походила на Мару — примерно тех же лет, синеглазая, рыжие волосы подстрижены в точности так же, есть что-то общее в посадке головы, осанке, в том, как держит меч. И правую ногу выставила так же, да вдобавок сапоги на ней излюбленного Марой фасона: светло-коричневые, с узорчатой аппликацией из черной кожи посередине голенища. Не двойник, никоим образом не двойник, просто чем-то неуловимо напоминает и все... Что за амазонка и откуда взялась? Ну мало ли на свете похожих людей...

В бочке оставалось лишь четыре бляшки — и младший герольд запустил туда руку по самое плечо, даже прижался ухом к бочке и громко выкрикнул номер Сварога.

Сварог направился в круг, ощущая странную смесь скуки с любопытством: кто на сей раз? Неплохо бы — Орк...

Нате вам! К нему шагала рыжая. Вошла в круг, остановилась, держа меч перед лицом в положении «подвысь» — и звонко выкрикнула:

— До невозможности продолжать бой!

Вот тут Сварог ощутил нешуточное удивление: еще одна самонадеянная ду-

рочка вроде только что подраненного юнца? Или...

Или неизвестно кем подосланная Белая Лиса, с которой нужно держать ухо востро? А некоторое сходство с Марой ей, насколько могли, придали, чтобы Сварог малость дрогнул душой?

Что же, опасность подкралась с самой неожиданной стороны? Ее клинок взлетел. Ошибиться Сварог не мог — это был один из коронных ударов Мары, правда, он-то знал, как его отбивать, в отличие от многих. И отбил. Сам сделал парочку выпадов, *проверяя* ее на разный манер.

И очень быстро пришел к выводу, что первоначальные подозрения не подтверждаются. Какая, к черту, Белая Лиса... Конечно, кто-то учил ее владеть мечом (а научить этому удару могла только Мара), но учили недолго, какое там мастерство... Схватка длилась минуты две, и Сварог уже понял, что столкнулся с крайне слабым противником, вроде того юнца. Никак не походило, что она притворялась неумехой, чтобы потом, в самый неожиданный момент, нанести коварный удар. Она дралась *скверно*. Сварог уже раз десять мог проткнуть ее насквозь, не говоря уж о легких ранах. Как она только дотянула почти до финала?

Слева послышался свисток — ага, наверняка это Орк разделался со своим противником — другого исхода как-то и ждать не стоит. Ну, а что прикажете делать с *этой*? Заявленные ею условия никак не позволяют отпустить ее с простой царапиной. Но и рубануть ее, как того юнца, рука не поднимается — не будь она так похожа...

Она нападала отчаянно, но все так же неумело, так что Сварог большей частью уклонялся, лишь пару раз отбил клинок. Вот привязалась, как репей к собачьему хвосту... И ведь главное — ни тени испуга или неуверенности в глазах, только какая-то странная отрешенность, как у игрока, поставившего все на последнюю карту: либо придет грудка золота, либо придется пускать пулю в лоб. Странноватая девушка, точно...

И все же пора было с ней что-то делать... Олух царя небесного, раньше надо было догадаться!

Вновь засверкала каталаунская «мельница», о которой девчонка, сразу видно, и понятия не имела. Шажок за шажком она поневоле отступала перед мелькающей у самого лица сталью. Кинув быстрый взгляд под ноги, Сварог убедился, что рассчитал все правильно — и, сделав ложный выпад, заставив ее заслонить мечом лицо, защищаясь от неминуемого, казалось, удара в голову, крутанул мечом, подхватил крестовиной эфеса ее эфес, провел прием по всем правилам...

Она охнула от боли, когда удар крестовиной пришелся по запястью — и, как Сварог и рассчитывал, меч рыбкой выскользнул из ее руки, взлетел, вертясь, сверкая в солнечных лучах, упал за пределами красного мелового круга. Все по правилам. Не придерешься.

И тут же раздался крик распорядителя:

— Невозможность продолжать бой!

Кажется, на лице у него было хорошо скрытое облегчение — распорядители тоже люди...

Девушка взглянула на Сварога как-то странно — то ли с обидой, то ли с тоской. Молча повернулась и преувеличенно бодрой походкой направилась к арке для проигравших. Ну, а Сварог вернулся на прежнее место, где теперь бок о

бок стояли только они с Орком. На трибунах воцарилась мертвая тишина. «Ну вот, — подумал Сварог, — присказки кончились, началась сказка, похоже, жутковатенькая. Тут уж пойдет всерьез...»

Его вдруг охватила нешуточная злость — немало счетов накопилось к этому субъекту. Если выпадет второй номер — никакой «первой крови». Впрочем, и Орк, оказавшись вторым, наверняка поступит точно так же — пора этот узел разрубить раз и навсегда...

Младший герольд вновь запустил руку в бочку по самое ухо, на сей раз вошел еще дальше: там всего-то оставалось две бляшки. Уцепил одну наконец, бросил на нее беглый взгляд и выкрикнул номер Сварога. Сварог направился в круг, охваченный чем-то вроде охотничьего азарта, перемешанного со злостью: ну вот и сподобились встать лицом к лицу, теперь нужно отрешиться от всего, кроме двух клинков — своего и вражеского...

Орк встал перед ним, отсалютовал мечом по всем правилам и громко сказал:

— *До первой крови.*

Сварог даже не успел удивиться — раздалась команда распорядителя:

— Господа, бой!

Вот тут уже не было ни одного лишнего движения, ни одного неловкого выпада — сошлись *волки*. Сварог очень быстро понял по выпадам противника и его отбитым ударам, что Орк, и в самом деле, намерен соблюдать заявленные условия (а как же иначе, турнирные правила строги), — от чего, впрочем, было не легче. При любой паршивой царапине Сварог проигрывал так же надежно, как если бы получил меч в горло...

Но что интересно, что интересно... С определенного момента ему стало казаться, что герцог не то чтобы поддается, но дерется, честное слово, с некоторой *ленцой*. Ошибиться Сварог никак не мог, и это было не менее странно, чем желание Орка драться всего-то «до первой крови». Так, каталаунская «мельница» для него оказалась полной неожиданностью — как-то так вышло, что Орк всегда обходил стороной Каталаун, его там отчего-то крепко недолюбливают... «Взмах ястребиного крыла»... ну, против этого защиту Орк знает... а если «косой полет»...

Ага! Клинок Сварога насквозь пробил правую руку Орка пониже локтя, герцог выронил меч. Бодрый вопль распорядителя:

— Бой окончен, господа!

И пронзительная трель свистка. Орк отстранил подбежавших врачей, сказал небрежно:

— Нет необходимости, господа, справлюсь сам... Поздравляю, лорд Сварог.

И направился к арке для проигравших, зажимая рукой рану и, несомненно, произнося для себя нужные лечебные заклинания, — уж для таких-то ран их имелось предостаточно. Сварог смотрел ему вслед чуточку ошеломленно: он готов был поклясться чем угодно, что герцог *намеренно* пропустил удар, хотя успевал закрыться. А вот это уже нешуточная загадка: этот человек ничего и никогда не делал зря. Значит, с самого начала хотел проиграть. Вот и гадай теперь, что все это означает — а за этим должно что-то стоять, никаких сомнений...

Распорядитель — само почтение — отступил на шаг и низко поклонился:

— Ваше величество, соблаговолите пройти к возвышению... Позвольте по-

ка что ваш меч...

Там, куда он показывал, возвышался уардов на пять довольно изящно сработанный из темного лакированного дерева помост с фигурными перилами — и такими же была снабжена лесенка. Сварог неторопливо двинулся туда, не испытывая ровным счетом никаких особенных чувств: начинались скучные королевские будни. Обступившие помост герольды, все до одного, трубили в рога и фанфары, почти неслышные за криками повскакавшей на ноги толпы зрителей. Над амфитеатром взлетали, звонко лопаясь, синие и красные огни фейерверка — цветов государственного флага. Где-то слева надрывался оркестр, наигрывавший лихой марш. Одним словом, все было привычно и скучно — за эти годы случались церемонии и в сто раз пышнее, но ничего тут не поделаешь, есть масса обязанностей, которые король должен исполнять...

Он медленно поднялся на помост, где уже стоял Главный Герольд. Положил руки на перила и бездумно смотрел на вопившую толпу новоявленных подданных. Герольд поднял обе руки в пышных фасонных рукавах — и по амфитеатру стала волнами распространяться тишина. Когда воцарилось совершеннейшее молчание, герольд хорошо поставленным голосом закричал:

— Добрые подданные королевства Сегура и Дике! С радостью объявляю городу и миру, всем восьми сторонам света, что у нас отныне есть король! Король Сварог Барг, король королей!

Новые вопли ликования, над амфитеатром взлетели огни фейерверка. Герольд тихо сказал:

— Ваше величество, сейчас господа сановники проводят вас во дворец. Коронация состоится завтра, если вы не возражаете.

— Не возражаю, — сказал Сварог.

Из очередной арки показалась дюжина раззолоченных сановников, шагавших колонной по двое, тут же несли знамена и вексиллумы, надрывались фанфаристы. Одним словом, было шумно и весело — одному Сварогу как-то не особенно. По сути, он всего лишь выполнил докучливую обязанность — не выпустил осиротевшее королевство из-под своей власти.

Глядя на приближавшихся павлинов в приличествующих титулу коронах, бледно улыбнулся: больше половины были его людьми, прибывшими сюда с Харума, — и первый министр, и министр финансов, и еще несколько, расставленные по ключевым точкам в помощь Маре. Свои люди, одним словом.

На почтительном расстоянии от раззолоченного «политбюро» чинно двигалась толпа дворян попроще — все при золотых поясах и дворянских коронах, хотя наряды на иных были определенно дедовские.

Когда он спустился с помоста, неведомо откуда, как и полагается хорошему начальнику тайной полиции, возник советник Айкес, а вокруг Сварога бдительно сомкнулись телохранители — ну что же, необходимая предосторожность, когда у короля хватает врагов, а кольчуги на нем сейчас нет...

Процессия под гром оркестра направилась в сторону королевского дворца, принаравливаясь к шагу Сварога. Сварог думал о своем. Загадку Орка он не надеялся в скором времени разрешить, а вот вторую... Он поманил Айкеса и склонился к его уху:

— Вот что, советник... Нужно срочно выяснить, что это за рыжая девушка, с которой я дрался предпоследней... Та, у которой я выбил меч.

Советник чуть заметно пожал плечами:

— Ваше величество, здесь и не нужно ничего выяснять. Это — Айвика, графиня Оттоне. Заведует... то есть заведовала Кабинетом королевы. Я вам о ней сообщал в донесениях.

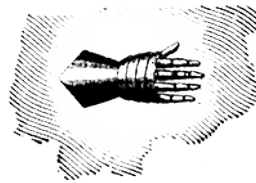
— Ах да... — сказал Сварог. — Только я отчего-то полагал, что это пожилая дама с тяжелым взглядом, коли уж она заведует и заграничной разведкой королевства...

— Нет, так получилось, что королева выбрала именно ее...

— Ну что же, — сказал Сварог. — Устройте мне с ней встречу сегодня же. Через пару часов, я чуточку отдохну...

— Будет исполнено, ваше величество.

Впереди показался королевский дворец, наполовину стоявший в лесах, — Мара так и не успела его отремонтировать полностью. Сварог подумал с горечью: *сколько она не успела...*

Глава II СЛОЖНОСТЕЙ ПРИБАВЛЯЕТСЯ

Министр двора перехватил Сварога на полпути к Малому королевскому кабинету — Сварог шагал туда уверенно и быстро, не впервые был в этом дворце. Собственно, «перехватил» — чересчур сильно сказано, министры в отношении своего короля таких действий не предпринимают. Но он стоял *почти* на дороге с непреклонным и упрямым видом человека, намеренного, кровь из носу, поговорить безотлагательно.

Сварог остановился посреди широкого пустого коридора с восстановленной уже мозаикой — ремонт начинали с королевских покоев. Стояла тишина, кроме них, в коридоре имелся только навтыяжку стоявший уардах в десяти лирейный лакей — точнее, переодетый *тихарь* (Сварог со своим не столь уж малым королевским стажем уже научился отличать тех от других по какой-то особой *подобранности*).

Вот с *ним*, как-то так сложилось, Сварог прежде практически не общался. В отличие от многих, кого он в свое время *внедрил* во дворец, министр был местный. Поскольку пост был не таким уж важным, чтобы непременно ставить на него своего, надежного человека. Это в больших королевствах министр двора, как правило, персона из влиятельных, а на крохотном Сегуре, где придворных чуть ли не по пальцам пересчитать можно, выполняет главным образом роль главного церемониймейстера и ни на что серьезное не влияет. Когда Мара короновалась, прежний министр двора, столь же дряхлый, как и покойный король, покинул наш мир — вот и назначили, не особенно ломая голову, его главного помощника, вот этого самого. Пока что справлялся, невелика премудрость — присматривать за лакеями и устраивать балы. Придворные интриги тут практически на нуле, из коронованных иностранных особ бывал в гостях один Сварог, так что на этой должности не переутомишься. В конце концов, если Мару он вполне устраивал...

— И так? — спросил Сварог выжидательно.

Министр, оглянувшись на лакея, понизил голос почти до шепота:

— Ваше величество, я слышал, вы приказали снять печати с двери Малого королевского кабинета...

— По-моему, я имею на это право, хотя и не короновался еще, — сказал Сварог холодно.

— О, разумеется! Но я слышал еще, что вы намерены встретиться с графиней Оттоне...

Сварог вдруг понял, что этот благообразный тип с физиономией честнейшего человека ему не нравится. Категорически не нравится, и все тут. Причем причины понять трудно. Не интриган — потому что тут нет *настоящих* придворных интриг, в шпионстве не замечен, в тайных пороках тоже, по причине скудости сегурской казны (еще не успевшей прирасти доходами от Дике), казнокрадствует так микроскопически, что его коллеги из крупных королевств умерли бы со смеху. Послужной список безупречный, ни в чем предосудительном не замечен — а вот поди ж ты, не нравится отчего-то...

— Намерен, — сказал Сварог. — Уже через квадранс. А что, и в этом есть нечто?..

— Ваше величество, как верный слуга престола хотел бы предупредить: этой особы следует опасаться во дворце более, чем кого-либо...

«Ну вот, — подумал Сварог. — Рано радовался. Короноваться еще не успел, а уже интриги начались...»

— И чем же она так опасна? — спросил он небрежно.

Министр двора буквально зашептал:

— Ваше величество, начнем с того, что это лоранская шпионка вкравшаяся в доверие к покойной королеве.

— А доказательства? — спросил Сварог.

— Дворцовая стража так и осталась в моем подчинении при новом царствовании. И продолжала прилежно исполнять свои обязанности. Мои люди три недели назад взяли приплывшего к ней связного из Лорана, он давно признался и выдал зашифрованное письмо... Речь идет не более, не менее, о покушении на королеву... покойную королеву и перевороте. Я передал все материалы начальнику тайной полиции, но королеву он ознакомить с ними не успел ввиду известных печальных событий... Вам ничего не стоит их запросить. Кроме того... Вы ведь знаете, что она, заведая Кабинетом королевы, занималась и заграничной разведкой?

— Конечно, — сказал Сварог.

— Королевство у нас маленькое, агентуры на континенте немного... но кое-какое количество есть. Мои люди получили сведения, что с помощью этих агентов графиня наладила устойчивый поток контрабанды — беспошлинные дорогие ткани и кружева, золотая иностранная монета, даже курительная дурь. Мои люди уже вычислили два портовых кабака, которые служат перевалочными пунктами... не исключено, что есть и другие. Насчет этого тоже собрано достаточно материалов, есть двое арестованных, которые дают показания...

А ведь он не врал... Нравился он Сварогу или нет, но он не врал, все так и обстояло, как он рассказывал...

— Все бумаги по контрабанде я тоже передал советнику Айкесу. Скорее все-

го, он просто-напросто не успел вас с ними ознакомить, вы ведь еще не занимались всерьез государственными делами, верно?

— Просто-напросто не успел пока, — сказал Сварог.

— Вот видите... Имеет ли смысл с ней встречаться вообще? Не проще ли арестовать сразу?

«А выглядит так молодо и невинно, — подумал Сварог. — Олицетворение романтической юности — не будь у нее романтических склонностей, не стала бы устраивать *такое* на Турнире...»

И все же, все же... Министр двора говорил правду, но что-то здесь было не так. Сварог давно привык доверять своей интуиции. Иногда важна не только правда, но и личность того, кто ее приносит. А здесь что-то было не так...

— Мне доложили, она уже во дворце, — сказал министр двора. — Если прикажете, мои люди ее арестуют, прежде чем она доберется до Малого кабинета. Или вам будет угодно поручить это людям советника Айкеса?

— Мне будет угодно все же сначала с ней поговорить, — сказал Сварог непреерекаемым тоном. — Вообще-то... Передайте советнику, чтобы прислал в приемную парочку своих людей. Исполняйте.

Министр двора низко поклонился и удалился прямо-таки трусцой. Показалось Сварогу или на лице у него и впрямь мелькнуло злобное торжество?

Когда он вошел в приемную Малого кабинета, секретарь уже был на месте — опять-таки из *своих*, из латеранского дворцового ведомства. Небрежно кивнув в ответ на низкий поклон, Сварог сказал:

— Как только появится графиня Оттоне, пригласите ее ко мне.

И, не дожидаясь ответа, прошел в кабинет. На душе стояла прежняя устоявшаяся горечь, не отпускавшая все время пребывания на Сегуре: в этом кабинете он бывал часто, знал его, как любой из *своих*, но впервые уселся по *ту* сторону стола, в кресло Мары, а не в свое обычное.

Изящный стол с золочеными углами, два шкафа для бумаг, секретер с запасом хорошего спиртного, глобус в углу, стилизованный под старинный. Большие стереофотографии на стене. На одной — Яна в зеленом охотничьем костюме и кожаной каталане, у ее ног уткнулся рылом в землю истыканный стрелами, как подушечка для булавок, громадный секач. На другой — он сам, улыбаясь, опершись локтями на вычурные перила, стоит на одной из галерей Латеранского дворца, и на груди у него один-единственный орден, «Звезда Двух Островов» (Сварог машинально подумал, что теперь придется снять и сегурские ордена).

Справа, на огромном ковре, внушительная коллекция мечей и кинжалов, современных, как на подбор (страстью к антикварному оружию Мара как-то не страдала). Слева, в углу — резная дверь, ведущая в небольшую спальню, с которой связано много приятных воспоминаний. Все на месте, все по-прежнему — вот только Мары нет и никогда уже не будет...

Он сидел, бездумно уставясь в стену. В голову пришла неожиданная мысль: если есть Соседняя Страница, где они с Яной погибли, быть может, найдется и другая, где Странная Компания жива и здорова, потому что все обошлось как-то иначе? Хотелось бы так думать. Однако, даже если и так, это уже не *его* Странная Компания, а *того* Сварога, и никого из них он, наверное, никогда не увидит... А и увидел бы, что толку?

Бесшумно вошел секретарь, прикрыл за собой дверь и доложил:

— Графиня Оттоне в приемной, — и, значительно понизив голос: — пришли и двое помощников советника Айкеса.

— Вот они пусть пока подождут, — сказал Сварог. — А графиню просите...

Она вошла, уже ничем не похожая на растрепанную амазонку с Турнира — рыжие волосы аккуратно причесаны так, как любила причесываться Мара, вишневое модное платье, довольно скромное рубиновое ожерелье на шее (плохо у откровенно бедного здешнего дворянства с фамильными драгоценностями).

— Садитесь, графиня, — сказал Сварог. Подумал мимоходом, что под таким легким платьем серьезного оружия спрятать невозможно, это удалось бы только *настоящей* Маре, а не девице, явно стремившейся подражать ее облику. Впрочем, нет пока что никаких оснований для тревоги — не этой соплюшке его *взять*. Да и слова, в конце концов, всего лишь слова...

— Ну что же, — сказал Сварог, — поскольку я теперь здешний король, а вы — здешняя придворная дама, пользовавшаяся, насколько мне известно, большим доверием королевы, думаю, нам пора познакомиться поближе? В хорошем смысле слова, понятно. Итак, Айвика, графиня Оттоне... Фрейлина императрицы...

— Бывшая, — сказала она каким-то тусклым голосом, не сводя глаз с мысков своих туфелек. — Королевы ведь больше нет...

— Да, вот тут ничем не могу вам помочь, — сказал Сварог. — Здесь я не женат. Впрочем... Фрейлинами моей супруги, хелльстадской королевы, становились и иностранки, — он усмехнулся. — Честно говоря, *одни* иностранки, потому что собственных дворян у меня в Хелльстаде нет. Это я с точки зрения юридического крюкотворства...

Он улыбался, говорил весело, плавно — хотел ее разговорить. Но она так и сидела этаким Снегурочкой, как скромная школьница в классе, не поднимая взгляда от туфелек. Что-то не налаживается контакт...

— Остается еще Кабинет королевы, — сказал Сварог. — Королевы больше нет, есть король, но кто сказал, что я собираюсь лишать вас должности?

Она впервые вскинула глаза:

— Вы готовы меня оставить?

— Если вы устраивали Мару, почему вы не должны устраивать меня? — пожал плечами Сварог. — Отзывы о вас самые благоприятные, — он усмехнулся, — правда, я полагал, что вы — этакая пожилая дама с суровым взглядом строгой учительницы. Как-никак Кабинет императрицы и заграничная разведка...

— Ну а я — вот такая, — сказала Айвика с некоторым вызовом, уже не опуская глаз. — Как-то так получилось, что мы с вами ни разу не встречались, хотя вы бывали здесь часто...

— Отзывы о вас самые благоприятные... — повторил Сварог (имея, в виду, конечно, не министра двора, а Мару). — Работы у вас, конечно, прибавится — теперь у нас еще и Дике... Давайте сразу внесем ясность. Вы очаровательны, но ухаживать за вами я не собираюсь. Правда, есть другая проблема, и, по моему, серьезная. Кстати, как мне к вам обращаться? По титулу или по имени?

— Как хотите.

— С вашего позволения, по имени, — сказал Сварог. — У вас красивое имя, на континенте редко встречается... Так вот, Айвика, у меня есть давняя и

устойчивая привычка: я не люблю, чтобы со мной работали люди, в которых я что-то не понимаю. А в вас мне кое-что откровенно непонятно. Мне, например, решительно непонятно ваше поведение на Турнире. С мечом вы обращаетесь из рук вон плохо... хотя, как я убедился, королева вам и показала парочку неплохих приемов, это не меняет дела, фехтовальщица вы никудышная. Почему же вы, когда нас свел жребий, выдвинули столь жесткие условия? «До невозможности продолжать бой»? Вы же не могли не знать, что мечом я владею не в пример лучше вас...

Айвика, все так же дерзко глядя ему в глаза, ответила:

— Я такие условия предлагала не только вам. Трое моих противников оказались вторыми, все были сегурцы и предложили «первую кровь» — так что поневоле пришлось их поцарапать. Второй я была у какого-то горротца и герцога Орка. Им я предложила те же самые условия. — Синие глаза потемнели от гнева. — Только они даже не стали драться. Они попросту выбили у меня меч, как потом вы...

— А что же вы еще хотели? — усмехнулся Сварог. — Не знаю, что там за горротец, но он явно не подонок из тех, кто способен проткнуть мечом едва научившуюся держать его девчонку. Да и Орк... Скажу откровенно, терпеть его не могу, и грязных дел за ним знаю предостаточно, но и он на такое ни за что не пошел бы. Ну, наконец, и я не людоед. Есть одна-единственная женщина, которую я непременно убью, если встречу, но это, безусловно, не вы...

— А кто она? — тихо спросила Айвика.

— Да так, — сказал Сварог. — Черная колдунья. Мерзавка первостатейная, такие по земле ходить не должны... Ну так что же? Почему вы так себя вели? Не могли не понимать, что народ на свете живет разный. Мог попасться и такой, кто без колебаний всерьез проткнул бы вас мечом, благо все было бы по закону. Тогда? Так себя ведут либо сумасшедшие, либо самоубийцы. Ни одна живая душа о вас не отзывается как о сумасшедшей. Остается... Айвика, — сказал он насколько мог убедительнее, — вы не на допросе в полиции, вы вовсе не обязаны мне отвечать. Можете гордо встать и преспокойно уйти. Слово чести, это не повлечет для вас ровным счетом никаких неприятных последствий... хотя, конечно, оставить вас в прежней должности я не смогу. Ну поймите вы, не могу я работать с людьми, которых не понимаю. Это старая, въевшаяся привычка... На моем месте вы, скорее всего, вели бы себя точно так же.

— Я понимаю, — тихо сказала она.

И с места не сдвинулась.

— Выпьете что-нибудь? — предложил Сварог.

Без особой заминки она ответила:

— Бокал вина, если можно.

— Ну, разумеется, — сказал Сварог. — Присаживайтесь к столу, я помогу переставить кресло. Вот так.

Он уверенно открыл секретер, выбрал из тамошнего великолепия бутылку «Русалочьих слез», достал два бокала, пару тарелочек со сладостями. По его глубокому убеждению, ничто так не сближало людей, как посиделки за бутылочкой чего-то доброго.

Айвика, не жеманясь, отпила половину бокала, закусила крохотным марципаном. Как бы то ни было уходить она не собиралась, а это внушало Сварогу определенные надежды.

— Так что же? — мягко спросил Сварог. — Может быть, здесь какие-то личные проблемы? Неудачная любовь? Если так, не буду настаивать, свои личные тайны держите при себе. Но у меня остается устойчивое впечатление, что вы таким образом пытались совершить самоубийство — а вдруг получится? В конце концов, примеры бывали, я читал в одной старой книге о дуэлях...

Айвика допила бокал и спокойно сказала, глядя ему в глаза:

— Угадали. Правда, никакой несчастной любви нет. Но я хотела, чтобы меня убили.

— Почему? — настойчиво спросил Сварог. — Почему вдруг молодая, очаровательная девушка, занимающая неплохое положение при дворе, вдруг возжелала, чтобы ее убили? Не самое разумное желание, сдается мне...

— Вы можете не поверить...

— Вы были с королевой в достаточно близких отношениях? Пусть и не по-други...

— Пожалуй.

— Она вам что-нибудь рассказывала обо мне?

— Немножко.

— Ага, — сказал Сварог. — И явно не рассказала одной весьма существенной вещи: я безошибочно могу определить, когда мне говорят правду, а когда врут. Так что вопрос «верить-не верить» не стоит совершенно. Понимаете? И поэтому не обижайтесь на пару прямых вопросов. Вы когда-нибудь работали на какую-нибудь иностранную разведку?

— Никогда.

— Вы когда-нибудь занимались контрабандой?

— Никогда.

— Вы были любовницей министра двора?

— Да.

— А вот теперь врете, — сказал Сварог. — Это я вас так проверяю.

Она бледно улыбнулась:

— Я вас тоже...

— Я так и понял, — сказал Сварог.

— Значит, иностранная разведка и контрабанда... — задумчиво произнесла Айвика. — Ну да, это они мне намерены пришить...

— Давайте-ка с самого начала, — сказал Сварог. — Так оно проще и выгоднее.

— Ну, если с начала... Вы ведь знаете, как у нас обстоит с дворянством? Подлинно дворянский образ жизни ведет кучка людей — из тех, что сохранили свои поместья и состояние на Сегуре. А вот подавляющее большинство...

— Прекрасно знаю, — сказал Сварог. — А остальные добывают средства к жизни самыми разными способами, вплоть до тех, что в других королевствах служат уделом самых низших гильдий. Такая уж у вас уникальная страна, все к этому давно привыкли... Настолько, что перестали удивляться и критиковать. Дворяне-трактирщики, дворяне-булочники, даже, я слышал, дворяне-кучеры.

— Вот именно, — столь же бледно улыбнулась Айвика. — Поместья нашей фамилии давно уже на дне морском. Правда, нашему семейству повезло, не пришлось опускаться до булочников и кучеров. В свое время сохранились кое-какие деньги в банке Сегулы, парочка домов... Одним словом, графы Оттоне

стали потомственными галантерейщиками. Сейчас у нас три галантерейных лавки для не самых бедных покупателей. Так что не нищенствуем... правда, и не роскошествуем. Зажиточные галантерейщики... Теперь представляете мое будущее, ваше величество? Хозяйка одной из этих лавок и не более того. Ко мне сваталась парочка женихов, но примерно того же уровня... Уныло, правда?

— Пожалуй, — сказал Сварог.

— И тут на Сегуре появляется новая королева... Я тогда работала приказчицей в одной из отцовских лавок... старшей приказчицей, — иронически добавила она. — С перспективой лет через пять стать управляющей лавкой. Великолепная перспектива, правда? Однажды к нам приехала королева — посмотреть кружева для нового бального платья. Кое-что купила, потом заезжала еще пару раз. Знаете, в ней совсем не было чванства, спеси...

— Знаю, — тихо сказал Сварог, наливая себе еще. И, увидев многозначительный взгляд Айвики, наполнил и ее бокал.

— Мы еще в первый раз разговорились. И во второй. Потом она пригласила меня на бал. Знаете, у нас до сих пор приглашают на королевские балы членов старинных фамилий, чем бы они сейчас ни занимались. Старые традиции, уникальная страна, как вы подметили... Не сочтите за хвастовство, но у меня в свое время обнаружили способности к торговле — не зря отец сделал главной приказчицей самой большой лавки меня, а не старших сестер или тетушек. И вышло так, что я однажды дала королеве очень дельный совет насчет торговых пошлин — она тогда как раз начала заниматься *хозяйством*. Потом еще парочку. Потом еще, но уже на другую тему — об иностранных шпионах. У меня дядя много лет работал в морской контрразведке и много интересного рассказывал. Наши разведчики хотя и крохотные по сравнению с харумскими, но работать умеют. Одним словом, кончилось все тем, что месяца через три королева мне предложила возглавить ее Кабинет. Его прежний глава был такой же дряхлый, как король, и пережил его буквально на месяц. Мне, конечно, было страшновато — а вдруг завалю дело, — но королевство у нас все же крохотное. Вот... И дело как-то незаметно наладилось, и с заграничной разведкой тоже. Я просто-напросто позвала на службу кое-кого из дядиных сослуживцев, они очень помогли.

«Ага, — подумал Сварог без всякого раздражения. — Так это наверняка твои люди, красавица, прилежно донесли Маре, что произошло на том маскараде меж мной и Яной. Некому больше. Ну что поделать, служба такая...»

— И вдруг все рухнуло, — сказала Айвика печально. — Королева погибла... ваше величество... Это ведь все вранье — насчет маневров и самолета? Когда королева улетала, она ни словечком не упомянула ни про какие маневры, держалась совершенно иначе — намекнула, что ей предстояло какое-то серьезнейшее дело. Хотя о подробностях словечком не обмолвилась. Я потом проверяла — не было в то время в Каталауне никаких маневров, ни гвардейских, ни других...

«Умница, — подумал Сварог. — История с самолетом была чистейшей воды импровизацией, устроенной в сжатые сроки. И никаких маневров, в самом деле, не было, так, мелкие перемещения войск, отнюдь не гвардейских, вызванных какими-то насущными нуждами».

Он ничего не сказал. Просто пожал плечами и посмотрел на девушку эта-

ким грустно-философским взглядом.

— Я все поняла, ваше величество, — сказала Айвика, уже чувствовавшая себя гораздо свободнее. — Мне этого знать не полагается. Значит, не полагается. Я только хочу верить, что королева погибла достойно — все, что я о ней знаю... Ох, ваше величество...

— Что такое? — спросил Сварог почти грубо.

— У вас лицо стало *больное*, уж простите на дерзком слове...

Не походи она так на Мару, Сварог бы промолчал. Но вот не выдержал. Наполнил бокалы, осушил свой и сказал медленно:

— Все погибли достойно, Айвика. А я жив только потому, что дурацкого везенья оказалось больше, чем у других...

Дело даже не в том, что она походила на Мару (между прочим, не такое уж и большое сходство), просто было в ней что-то такое... Он сам не мог определить словами.

— Все, — сказал он. — И не будем больше об этом. Продолжим о тебе — тем более, мне кажется, начинается самое интересное... По-моему, ты умница с сильным характером. Это не комплимент. Просто толковому королю положено разбираться в людях. У вас были прекрасные отношения с королевой...

— Я ею восхищалась, если честно. О ней ведь все столько знают...

Сварог сказал:

— И все равно ты не глупенькая сентиментальная девчонка. Именно *такая* рвалась бы покончить с собой после смерти королевы. А ты совсем не такая. Должно быть что-то еще. Вряд ли твоя придворная карьера рухнула бы бесповоротно. Умная девушка, занимаешься в том числе и разведкой, должна прекрасно разбираться в ситуации на Таларе. В любом случае, не стань я здешним королем, им непременно стал бы *мой* человек. Я ни за что не выпустил бы из-под своего влияния Сегур и Дике. И непременно оставил бы на прежних местах всех, кого ценила... Мара. Неужели не просчитывала такие варианты?

— Сложность совершенно не в этом, — серьезно сказала Айвика. — Какая там карьера... Я не была уверена, что останусь жива. Они меня зажали в угол и в выражениях уже не стеснялись...

— Подробнее, — сказал Сварог.

— Месяц назад мои люди обнаружили контрабанду, идущую через порт Найент.

— Это где?

— Лигах в ста от Сегулы. Самый маленький и тихий из наших портов — подозреваю, поэтому его и выбрали... К тому времени, когда мы это обнаружили, поток контрабанды шел приблизительно полгода. Накрывать его не стали, начали следить... Чтобы вскрыть всю цепочку. И вскрыли. *Выдернули* кое-кого, так, чтобы не возбудить подозрений у остальных, разговорили, потом взяли еще парочку... Картина получалась такая: контрабанда идет из Ронеро, через Джетарам, на кораблях компании «Бадеш и сыновья». Один из крупных таможенных чинов в Найенте — в доле. А здесь, в Сегуле, всем заправляют помощник бургомистра столицы и главы крупного торгового дома «Тене Дитрич». Сам Дитрич умер лет двадцать назад, компанией владеют два племянника. Именно через лавки и магазины «Тене Дитрич» товар распространяется совершенно легально и имеет большой спрос...

— А что за товар?

— Товар — одна сплошная странность и непонятность. Это насквозь неправильная контрабанда. *Такой* просто не должно быть, но ею занимаются со всем усердием очень солидные люди, — она глянула чуть смущенно. — Вообще-то, когда я к вам ехала, нужно было купить образцы, ими ведь свободно торгуют в дюжине городских лавок, но я волновалась... — она показала на тот шкаф для бумаг, что стоял справа. — Вообще-то там лежат и мой доклад королеве, и образцы, но... Левый шкаф — самый обыкновенный для маловажных бумаг, он даже на ключ не запирается. А вот правый... Он только выглядит хрупким, обычным шкафом, а на самом деле это неприступный сейф...

— Кому как... — проворчал Сварог, вставая и направляясь к сейфу, для которого он, можно сказать, был своим человеком — иногда доставал оттуда серьезные бумаги и работал с ними здесь в отсутствие Мары, иногда сам привозил что-то. Тот же принцип, что в его латеранских сейфах: несокрушимое силовое поле, но здесь замок настроен не только на Мару, но и на него.

Он заглянул в круглый глазок — сканер сетчатки глаза, замаскированный под простое украшение, круглый шлифованный сердолик в серебряной оправе, приложил большой палец к нужному месту. Легонько потянул на себя дверцу, и она без труда открылась.

Внутри, на полках, аккуратными рядами стояли картонные футляры, в которых хранятся деловые бумаги. А на третьей снизу полке, справа, лежала небольшая стопка (три — машинально сосчитал Сварог — каких-то странных диска).

— Посмотрите, Айвика...

Она подошла, взглянула из-за его плеча:

— Ну да, это они. А вон в том футляре — мой доклад.

— Ну, доклад мы оставим на потом, времени, думаю, достаточно...

— Если меня не арестуют раньше, — с вымученной улыбкой сказала Айвика, возвращаясь вслед за ним к столу. — А к тому, боюсь, идет. Сразу за мной в приемную вошли двое субъектов с характерными физиономиями, преспокойно расположились у входа, и секретарь им не задал ни одного вопроса, словно заранее знал, кто они такие...

— Бросьте, — сказал Сварог. — Вас могут арестовать только в том случае, если приказ отдам я. А я что-то не вижу оснований его отдавать... Давайте посмотрим.

Он взял один диск, взвесил на руке, поковырял ногтем, постучал по нему стилосом. Это определенно был камень, только совершенно незнакомый: разводами напоминал малахит, но цвета был другого: приятного для глаза янтарно-золотистого. Хорошо отшлифованный с обеих сторон диск размером с блюдце и толщиной в полмизинца. На одной стороне довольно искусно выгравирован какой-то красивый замок. На другом — идущий под всеми парусами корабль, на третьем — обнаженная женщина во вполне пристойной позе. Наверху каждого диска просверлено аккуратное отверстие, куда вполне пройдет средних размеров гвоздь.

— Значит, это и есть ваша контрабанда? А что это, собственно такое?

— Настенное украшение, — сказала Айвика. — Видите, дырочка для гвоздика?

Чуть подумав, Сварог взял диск с обнаженной женщиной, подошел к стене

и приложил его к обоям из тисненой кожи на уровне глаз. Пожал плечами:

— Я бы сказал, красиво. Сам бы повесил у себя в кабинете...

— Именно этот? — глядя с лукавинкой, спросила Айвика.

— А что? — пожал плечами Сварог, вернувшись к столу. — Никаких непристойностей, скорее же в некоем классическом стиле... Ладно, о прекрасном мы поговорим потом. Значит, именно эти штуки привозят контрабандой, но открыто продают в дюжине лавок, где они пользуются большим спросом... А что с ними не так?

— Цена. — сказала Айвика. — Если учитывать все взятки, расходы в несколько раз превосходят выручку. Знаете, я в отцовской лавке не за прилавком стояла — четыре года возилась с торговыми книгами. Многое изучила: что такое себестоимость, окупаемость, накладные расходы, торговые надбавки с учетом пошлин для иностранных товаров... И еще многое. Кто же знал, что судьба так резко повернется, отец увидел у меня способности и хотел сделать толковую управляющую... Точных расчетов пока сделать не удалось, только приблизительные, но и по ним выходит: затраты на контрабандную доставку и оформление фальшивых бумаг примерно впятеро превосходят выручку. Это странно?

— Это очень странно, — серьезно сказал Сварог. — Что-то я не припомню купцов, торговавших бы *таким* манером... И почему их продают?

— А вы разбираетесь в ценах на всякие мелочи? Короли обычно никогда ни за что не платят, за них это всегда делает казначей.

— Ну, я не всегда был королем, — сказал Сварог. — Было время, жил в Равене самым обычным человеком, так что за все платил сам (он не стал рассказывать, как они с Яной переодетыми путешествовали по Талару и за все опять-таки платил он, к чему лишние да и чисто личные подробности?) Лучше всего я разбираюсь в ронерских деньгах и ценах, именно там бывал чаще всего...

— Цена везде неизменная — один серебряный сестерций.

Что ж, было чему удивиться, было в чем узреть странное... Сварог быстро припомнил то, с чем, что греха таить, сталкивался чаще всего: цены в кабаках, тавернах и тому подобных заведениях.

— Не знаю, как на Сегуре, — сказал он. — Но в Равене один серебряный сестерций, монетка, в общем, мелкая — это кувшин не самого лучшего пива, пусть не в низкопробном, но дешевом кабаке для народа попроще...

— У нас примерно так же, — она улыбнулась. — Я не хожу по кабакам, но расспросила своих сыщиков. Они тоже в первую очередь сопоставили цену с ценой на пиво... Пресловутая мужская логика, надо полагать, везде одинакова...

Сварог внимательно рассматривал диск — тот, что с кораблем. Отличная шлифовка, довольно искусная гравировка — ручная работа, естественно, на Таларе пока что нет механизмов, способных производить такие вот штуки машинным способом на конвейере.

— Я, конечно, плохо разбираюсь в искусстве, — сказал он. — Но мне одно время пришлось жить в одном интересном местечке, где обитает самый разный творческий народ. Кое-чего насмотрелся и послушался... Такое впечатление, что за работу хороший мастер возьмет даже побольше сестерция...

— Вот именно, — сказала Айвика. — У нас есть камнерезных дел мастера, немного, но есть. Я с двумя говорила. Они были в недоумении. И порознь ска-

зали одно: и тот, и другой за такую работу взял бы не меньше четырех-пяти серебряных сестерциев. А если довелось бы продавать, продавали бы не меньше чем по десять.

— Значит, вот такие филантропы эти ваши племянники Дитрич, — сквозь зубы сказал Сварог. — Продают товар в несколько раз дешевле, чем он им обошелся. Да вдобавок ввозят его контрабандой. Кстати, а на легальный ввоз таких штук есть какие-нибудь запреты?

— Никаких, — сказала Айвика. — Обыкновенное дешевое украшение. И ввозная пошлина была бы небольшая. Но они почему-то действуют именно так: ввозят контрабандой, платят большие взятки и таможенникам, и тем, кто им подделывает бумаги, согласно которым товар происходит из одного из Вольных Маноров. Я даже с дядей советовалась. Он лет десять как на пенсии, ему уже далеко за семьдесят, но ясность ума сохранил. А уж о контрабанде знает решительно все. Он в совершеннейшем недоумении. *Такой* контрабанды, себе в убыток, просто не должно быть. Контрабанда испокон веков служит для того, чтобы получить прибыль. И речь не обязательно о чем-то запрещенном законом вроде курительной дури: самые что ни на есть законные товары ввозят контрабандой, чтобы избежать уплаты пошлин...

— Лично у меня пока что одно-единственное объяснение, — сказал Сварог. — Вместе с этими безобидными штуками ввозят что-то гораздо менее безобидное. Ту же Дурь.

— Дядя сначала сказал то же самое. А потом подумал и заверил, что на это никак не похоже. Когда что-то весьма небезобидное прячут среди безобидного, безобидное всегда ввозят открыто. А здесь контрабандой ввозят одно безобидное. Не знаю, как было раньше, но за последний месяц, когда мы этим занялись, нашли возможность тайком проверять содержимое ящичков. Их из порта, не вскрывая, везут прямо на склад Дитричей — вот мы и *подцепили* человечка, одного из тех, кто ящички вскрывает как раз на складе. Он клянется и божится: всегда были только эти каменные штуки и ничего другого... Потом выправляют бумаги, по которым камни прибыли из Вольных Маноров, выставляют в продажу вполне открыто.

— И еще одного я не пойму, — сказал Сварог. — Что им мешает *заранее* выправить фальшивые бумаги и ввозить товар открыто? Так было бы гораздо дешевле, чем платить таможенникам гораздо больше обычной мелкой мзды...

— У меня тоже никто не понимает, — призналась Айвика. — Фантасмагория какая-то...

— Вот такие фантасмагории мне страшно не нравятся, — сквозь зубы сказал Сварог. — Потому что за ними сплошь и рядом скрывается такое, отчего у многих прибавляется седых волос, а то и трупы случаются — из тех, что кончают с собой семнадцатью ударами ножа... Ну ладно. Гадать тут бессмысленно, нужна глубокая разработка. Кстати, что это за камень?

Айвика пожала плечами:

— Наши камнерезы такого не знают... Правда, честно признаются, что не знают *всего* на свете...

— Ну ладно, — сказал Сварог. — С камнями и племянниками закончили. Теперь давайте о вас. Как получилось, что вы всерьез ждете ареста?

— *Они* как-то узнали, — сказала Айвика, — о нашей работе во всех деталях. Объяснение одно: кто-то из моей службы предал: подкупили, запугали, еще

что-то... За три дня до отъезда королевы я решила передать ей дело и образцы, чтобы она дала санкцию взяться за всю цепочку. Поручила своим людям привести в порядок все бумаги, оформить, как полагается, упаковать камни... На другой же день меня пригласил на обед тот самый помощник бургомистра. И меж переменах блюд спокойно, даже весело открыл карты. Сказал: они все знают о моем расследовании. И привел такие подробности, что сомнений не осталось: знают. Все. Потом предложил забыть о расследовании и передать ему все бумаги. Камни отдавать не обязательно: сами по себе они не улика. За это он мне обещал тридцать тысяч ауреев золотом.

Сварог покачал головой:

— Ничего себе взяточка... Лишний раз убеждает: здесь что-то крайне серьезное... Если по правде: колебаний не было — взять, не взять?

Айвика надменно вздернула подбородок:

— Ни малейших. (Не врет, отметил Сварог). Я просто-напросто сказала, что подумаю до вечера, а сама, едва закончили обед, отнесла все королеве. Она очень заинтересовалась, сказала, что непременно этим займется, но — чуть погодя. Что сейчас у нее на плечах крайне серьезное дело, важнее которого в данный момент ничего нет. Ну, а потом она улетела... и уже не вернулась. Настало *безвременье*. Вечером того дня, когда мы получили «Гвардейский вестник», ко мне приехал помощник бургомистра и стал выпрашивать, где бумаги. Я сказала, что не знаю, что королева, скорее всего, отправила их вам. Простите, что я вас впутала, но вы им явно не по зубам...

— Да уж, надо полагать, — сказал Сварог с недоброй улыбкой.

— Он сказал, что я вру. Что бумаги где-то во дворце. Потребовал, чтобы я сказала, где. Уж не в том самом ли несокрушимом сейфе королевы, о котором ходит столько рассказов? Я твердила, что не знаю. Он настаивал...

«Интересно, на что этот урод рассчитывал? — подумал Сварог. — Силовое поле ему никак не по зубам. Впрочем... Есть другой метод. Уязвимое место сейфа в том, что силовое поле не весит *ничего*. Так что *особый* шкаф по весу не превосходит обыкновенные. В конце концов, чтобы избавиться от компромата не обязательно нейтрализовать поле. Имея в сообщниках министра двора, не особенно и трудно под благовидным предлогом просто-напросто унести шкаф из дворца. Вывезти на корабле подальше в море и утопить где-нибудь на глубине. Поди поищи потом... Люди советника Айкеса могли и не уследить — против них тоже можно придумать какой-нибудь хитрый финт...»

— В конце концов, он дал на размышление сутки. И сказал, что выбор у меня невелик. Либо я все же беру те тридцать тысяч и обо всем забываю, либо ваша тайная полиция получит документы, копии которых он мне любезно оставляет для подробного ознакомления. Выложил стопку бумаг, вежливо раскланялся и ушел, — она прямо-таки вспыхнула от злости. — Что там было написано! Что я связалась с лоранцами и участвую в готовящемся покушении на жизнь королевы. Что есть даже захваченный лоранский шпион, который плыл ко мне связным с шифрованной депешей, где подробно изложен весь план, и тут же расшифровка депеши, показания шпиона... Что я как раз, пользуясь своими возможностями и близостью к королеве, и организовала в двух портах ввоз контрабанды с большим размахом — от дорогих тканей до курительной дури. И снова — протоколы допросов сообщников, описание выстроенной мной *цепочки*... Честью клянусь, ничего подобного в жизни не было!

— Успокойтесь, я же вижу, что вы не врете, — сказал Сварог ободряюще. — Давайте еще по бокальчику ради успокоения расстроенных нервов...

— В общем, я оказалась в безвыходном положении. Кто станет новым королем — решительно неизвестно. Пусть даже это будет ваш человек — бумаги составлены крайне убедительно, этот мерзавец заверил, что люди, давшие нужные показания, и в самом деле существуют, сидят под замком... Убивать меня они не будут, сказал он с обаятельной улыбкой. Исключительно потому, что им нужно знать, где бумаги. Но если я и через сутки не расскажу, они найдут способ это из меня выбить. Он так и сказал: есть весьма надежные виды пыток, не оставляющие следов. Такие, что люди покрепче меня ломались. Ну, а потом мной займется ваша тайная полиция — и у меня в свое оправдание не будет ровным счетом ничего, — она потупилась. — Честно скажу, ваше величество: пыток я бы не выдержала... Когда начался Турнир, отведенные мне сутки еще не истекли, и я решила — уж лучше так... Удар мечом — и все кончится...

— Хорошего же вы мнения о моей тайной полиции, — усмехнулся Сварог.

— Ни хорошего и не плохого, — пожалала плечами Айвика. — Просто... Эти гнусные бумаги были составлены чертовски убедительно, и я верю, что у них есть «свидетели» и «улики».

— Пожалуй, — задумчиво сказал Сварог. — От людей, которые, не моргнув глазом, предлагают взятку в тридцать тысяч золотом, этого можно ожидать...

— Вот видите. Помощи и поддержки ждать было неоткуда...

— Почему вы не обратились к советнику Айкесу?

Чуть помявшись, Айвика призналась:

— Мы с ним в очень плохих отношениях. Долго рассказывать, отчего так получилось. Он мог и не поверить...

«А ведь мог, — подумал Сварог. — Школа Интагара — суровая школа. Конечно, в конце концов, может, и разобрались бы: когда я вскрыл бы сейф Мары, стал изучать ее бумаги, наткнулся на это дело, заинтересовался... Однако...»

Знал он свою тайную полицию. И ее методы — к которым относился грустно-философски — да, им можно ужасаться, но без них порой не обойтись. Чего доброго, пока он добрался бы до бумаг, девчонка могла сознаться решительно во всем и уж в любом случае пережить массу не самых приятных вещей...

Вообще-то интересная ситуация: она не врет, что не совершала ничего из того, в чем ее обвиняют. Но и министр двора не врет, что его люди взяли лоранского шпиона с шифрованной депешей, что есть два «сообщника» Айвики по контрабандным делам, которые уже арестованы и дали показания.

А впрочем, ничего удивительного в этом нет — достаточно вспомнить историю с зеркалом, превратившим его в собаку. Молодой полицейский, которого тогда к нему *подвели*, искренне верил во все, что ему навешали на уши. Точно так же и министра двора могли сыграть *втемную*: «лоранского шпиона» ему вульгарно подставили, а о двух арестованных «контрабандистах» и свершениях Айвики в этом предосудительном ремесле министру сказал кто-то, кому он вполне доверяет... В конце концов, по данным Айкеса, министр двора — просто-напросто услужливый дурак. Тот самый, который иногда опаснее врага...

Он поднял глаза. Айвика смотрела на него с тревогой и надеждой, и неиз-

вестно, чего в ее беспомощном взгляде было больше...

Ничего, план действий уже сложился...

— Успокойтесь, — сказал он властно. — Это приказ. Ваши неприятности кончились, даю слово короля. Итак, какова у нас обстановка... Коронация состоится завтра, и торжества продлятся лишь до вечера, верно?

— Ну, разве что будет еще ночной фейерверк... Торжества у нас бедноватые, под стать стране...

— Значит, перед вами стоит совсем несложная задача: дожить до завтрашнего вечера, точнее, до конца фейерверка. Потом я улечу в Латерану... и заберу вас с собой. Заинтересованные лица — ну, вы понимаете, о ком я — будут думать, что вас все же арестовали. Ну, а мои люди постараются кого следует в этом убедить — они это умеют... Одновременно среди заинтересованных лиц будет пущен слух, что мне так и не удалось открыть сейф королевы, что этого никто не может сделать, кроме нее. Так что противники наши, торговцы со странными привычками, ручаться можно, чуточку расслабятся и успокоятся. А тем временем сюда без лишнего шума нагрянет целая орава отличных сыщиков, которые займутся уже всей цепочкой, — ну, а попутно будем выяснять, откуда и с чьей помощью эти камешки попадают в Джетарам... Извините, я вас на минутку оставляю.

Он вышел в приемную, кивнул торопливо вскочившим сыщикам:

— Можете идти, работы не предвидится. Найдите Баруту, пусть срочно явится ко мне, — и, когда за ними бесшумно закрылась дверь, повернулся к секретарю: — Свяжитесь с девятым столом, пусть дежурный немедленно пришлет сюда брагант с курьером, мне нужно туда кое-что переправить... Вооруженная охрана не нужна... впрочем, пусть курьер и пилот на всякий случай возьмут боевой брагант. И сами прихватят оружие.

Лучше пересолить, чем недосолить... Не позднее чем через полчаса камни будут *наверху* — и, когда Сварог вернется после коронации, будет точно знать одно: что это за камешки, откуда они. Уже что-то...

Когда он вернулся в кабинет, Айвика так и подалась навстречу:

— Ваше величество, но как мне выжить? Сутки истекли...

— Ну, это совсем просто, — усмехнулся Сварог. — Считайте, что вы под домашним арестом. Здесь, в этом кабинете. Шагу отсюда не сделаете до окончания завтрашних торжеств. Что до житейских удобств — за той дверью... ах, вы знаете? Совсем хорошо. В приемной все это время будет дежурить даже не тайная полиция — моя личная охрана. Конкретнее, ратагайцы. Вы о них наверняка кое-что слышали... Очень убедительные ребята, с ними сам черт не страшен. Ну, а скрупулезности ради, вызову во дворец десятка два моряков с одного из моих кораблей — их немало в порту. Так, о чем я не подумал? — Он подошел к окну, выглянул во двор: — Второй этаж, высоко... Ладно, все равно поставлю под окнами тех же моряков. Кажется, обо всем подумал... Ну, улыбнитесь, Айвика, здесь вам никто не страшен...

Она все же улыбнулась, но улыбка была, скорее, бесконечно усталой, чем радостной. Ну что же, Сварог ее понимал...

...Сварог стоял, совершенно голый, возле рыжего ратагайского жеребца, держа его под уздцы — уздечка была связана из калчуга, аркана из конского волоса, а конь — не подкован. Ни с ним, ни при коне не было и самого крохот-

ного предмета, искусственного происхождения. Пришлось, послушав шамана, снять даже нательный крест. Сварогу это было как-то не по душе, но он вспомнил: в родной Сибири в былые времена крещеные люди, отправляясь к тунгусским шаманам, всегда снимали крест. Так уж полагалось. Считалось, грех небольшой, Бог простит...

Семел стоял в зените, заливая золотистым сиянием дикую степь, поросшую высокой травой и кое-где — кустами дикой розы, скорее уж алого шиповника.

Перед ним дымили восемь костров, на приличном расстоянии друг от друга, вытянутые в две шеренги. Шаман приближался к нему от самого дальнего, приплясывая и подпрыгивая, так что звякали и брякали многочисленные вилюльки, литые из бронзы и костяные, покрывавшие его меховую одежду сверху донизу. Он громко бормотал что-то непонятное, подбрасывая в очередной костер пригоршню какого-то порошка из мешочка на поясе, отчего пламя высоко взметывалось с треском, разбрасывая багровые и синие искры.

Сначала он хотел пуститься в эту скачку в том же месте, что и Яна с друзьями — лигах в ста к полуночи от Равены. Однако отправляться одному в такое путешествие никак не годилось, он решил взять с собой Баруту с парочкой ратагайцев. Естественно, пришлось сначала рассказать, в чем дело, чтобы степняки не решили, будто государь тронулся умом. К его удивлению, Барута не удивился. Абсолютно. Он сказал, что в Ратагайской Пуште эта церемония, именуемая отчего-то «полет слепого ястреба», известна с незапамятных времен и еще осталось не так уж мало шаманов, умеющих *помочь* (хотя и не так много, как в былые времена, когда люди по всему миру жили *просто*, без всяких этих железных придумок, пыхающих огнем, дымящих и коптящих, летающих по воздуху и проделывающих еще многое, чего прежде никто и не знал). Он сказал с откровенной горечью, что эти *придумки* понемногу губят разные старые *умения*, и те потихоньку истаивают, как кусок сахара в чае. Сварог тут же вспомнил жалобы Грельфи на технический прогресс, убивающий многое из *прежнего*. Барута, собственно говоря, выражал ту же мысль, только другими словами. Ну что же, давным-давно известно, что в техническом прогрессе имеются не одни лишь светлые стороны...

Шаман, двоюродный дедушка Баруты, сказал ему честно: он сделает все, что может и умеет (а умением этим он овладел в совершенстве), но это еще не значит, что все получится. Не у каждого получается. Зато это совершенно безопасно: даже если получится, с человеком не случится ничего плохого, он благополучно вернется, потому что имеет дело с Матушкой-Землей, никогда не причиняющей вреда тем, кого допускает на свои *тропки*. Тут же вспомнив гланскую церемонию, Сварог решил, что потом со стариком обязательно стоит обстоятельно побеседовать — он явно знает многое из того, что в других местах давно забыли. Даже Грельфи и те гланские колдуньи честно признались: очень мало знают о том, что касается *жизни* Матушки-Земли — некому было учить, почти не осталось владеющих знаниями...

Ближайший костер справа высоко брызнул багровыми и синими искрами, высоко взметнулось пламя, рыжий чуточку забеспокоился, приплясывая на месте — но в панику не впадал, и Сварог легко его успокоил. Неподалеку всхрапнули и затопотали кони Баруты и трех его спутников.

Что-то гортанно выкрикнув, шаман махнул рукой так многозначительно, что в словах не было нужды. Сварог взлетел на коня и ударил его голыми но-

гами по теплым бокам. Рыжий взял с места крупной рысью, ускоряя бег, переходя едва ли не на галоп. Пока он несся меж высокими кострами, Сварог, следуя наставлениям шамана, его чуточку осаживал — но, когда костры остались позади, согласно тем же наставлениям, ударил пятками по бокам, прикрикнул. Рыжий понесся галопом по обширной равнине, где, пожалуй, тысячи лет люди ничего не строили и не появлялись с теми самыми *придумками*. Справа и слева взлетали вырванные копытами высокая трава и кусты шиповника.

Это пришло внезапно, Сварог, хотя и ждал чего-то подобного, так и не смог уловить момент, когда все началось.

Что-то вроде теплого урагана пронизало его тело *насквозь*, как порыв ветра проносится сквозь развешанную для просушки рыбацью сеть. Сварог на миг растворился в чем-то, чему, он отчего-то знал точно, названия на было изначально.

Сначала все походило на то, что он уже испытал в Глане: то ли растворился в чем-то необозримом, то ли вся Вселенная заполнила его, замелькали картины и образы, пейзажи и звери, огонь и тьма, он несся то над океанской гладью, то в полупрозрачных облаках...

Потом началось нечто, прежде не испытанное. Рыжий по собственному хотению замедлил бег, хотя Сварог и не пытался его придержать, перешел с галопа на крупную рысь, с нее почти на шаг. Вокруг лежал золотистый свет, точно такой же, что заливал степь, когда он пустился меж кострами, но травы под ногами коня не было вовсе, он ехал через густой лес, вот только деревья, незнакомые и какие-то странные, казались сотканными из переплетений блекло-зеленого и блекло-алого дыма, форму они не меняли, но дым струился, неспешно колыхался, завивался в сложные переплетения, не выходя за некие границы.

Сварог совершенно ничего не понимал, он просто отпустил поводья, предоставив коню самому выбирать путь, смотрел по сторонам. Он сам не мог объяснить, как это происходит, но все сильнее чувствовал приступы тягостной тревоги — они не у него в сознании возникали, а словно бы невидимыми потоками струились по окружающему странному лесу, то и дело касаясь Сварога, — он их не видел, но чувствовал. И всякий раз сердце замирало в той самой непонятной, тягостной тревоге.

Внезапно он оказался на обширной прогалине — и посреди нее, спиной к нему стоял всадник. Копыта рыжего стучали в точности так, как они стучали на *обычной* равнине, но всадник не повернулся на их стук, даже не пошевелился. По-прежнему сидел в седле незнакомой формы с высокой задней лукой, закинув голову, глядя в небо.

Оказавшись ближе, Сварог увидел и саблю на боку, и отороченный каким-то пятнистым, желтым с черным мехом кафтан — тоже незнакомой формы, высокую шапку с той же меховой оторочкой. Он решительно не знал, что делать — не получал от шамана никаких инструкций касаясь встречи с такими вот всадниками, вообще с кем бы то ни было, что людьми, что зверями. Значит, решать предстояло исключительно самому. И он не сделал *ничего* — не взял уздечку, предоставив коню шагать прямо к загадочному всаднику. Если магические умения Сварога не потеряли силы и здесь (*где?!*), от незнакомца не веяло магией вовсе — ни черной, ни той, что годится для человеческой пользы.

Он был уже в нескольких шагах — всадник все так же неотрывно смотрел в небо. Поначалу он показался Сварогу статуей, призраком, пусть и выглядывшим вполне плотики, — нет, пошевелился, словно бы тяжело вздохнул...

Вздохнула. Когда кони встали голова к голове, Сварог разглядел, что это девушка, темноглазая и светловолосая. Волосы подстрижены довольно коротко, едва касаются плеч — что совершенно не в ратагайских традициях, у них носят косы (заплетенные и уложенные по-разному у незамужних, замужних, вдов, тех кто к старости замужем никогда не был). Ну что же, обликом она лишь походила на жительницу Ратагайской Пушты, но все было совсем другое: одежда, конская сбруя, седло, сабля. С ее шапки свисали короткие цепочки с какими-то затейливыми подвесками — опять-таки у ратагайцев ничего подобного не водилось. Красивая. И совсем молодая.

— Здравствуй, — чуть подумав, сказал он.

Если только она не глухая, должна была слышать, как он подъехал и остановился рядом. Теперь уже совершенно ясно, что это не призрак, что они пребывают в *одном* пространстве: от ее высокого гнедого коня остро пахнет потом так, словно он проскакал не одну лигу.

Прошло с полминуты, прежде чем она все же повернула к нему очаровательное личико, не выражавшее никаких особенных эмоций, и довольно равнодушно ответила:

— Здравствуй.

Похоже, то, что Сварог был абсолютно голым, ее не смутило и не удивило — как будто она каждый день видела *таких* вот, разъезжавших по здешним местам. Совершенно спокойное личико — и главное, на нем ни тени вражды. Впрочем, и дружеского расположения не видно. Полное впечатление, что девушка почти отрешена от всего окружающего.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она с прорезавшейся наконец ноткой интереса. — И почему ты голый? Ты Странник?

Чуть подумав, Сварог решил сказать чистую правду:

— Я просто не знаю, кто такие Странники. Может, я он и есть, а может, и нет. Честное слово, не знаю.

Она сделала непонятную гримаску, больше всего похожую на реплику: «ПопадетсЯ же такое чудо морское!». А вот любопытства в красивых карих глазах определенно прибавилось.

«Женщины, — философски подумал Сварог. — Любопытство, выходит, присуще даже таким вот странным всадницам, встретившимся на неведомых тропинках».

— Во всяком случае, ты не опасен, — произнесла она задумчиво. — От тебя ничем таким не *веет*...

Ее скрещенные руки в тонких кожаных перчатках с расшитыми золотом раструбами лежали на луке седла — но Сварог, решивши, что здесь особой доверчивостью маяться не следует, на всякий случай прикинул, как выбьет оружие, если ей вдруг вздумается выхватить саблю. Неизвестно, кто она такая и что ей нужно от жизни...

— Как тебя зовут? — спросил он.

Она вскинула длинные ресницы — как показалось Сварогу, чуточку удивленно, словно он был обязан ее знать.

— Меня зовут Бади Магадаль (положительно, и в голосе прозвучало легкое

удивление). Я не боюсь называть имя, потому что злой магией от тебя не веет...

— Ну, в таком случае я тоже, — сказал он. — Меня зовут Сварог Барг.

— Странное имя...

Сварог решил:

— Ты знаешь, мне твое имя тоже кажется чуточку странным. В жизни подобного не слышал.

— А что тут удивительного? — пожала она плечами. — Ты откуда?

Сварог, решив чрезмерно не обобщать, ответил:

— Из Ратагайской Пушты.

— А, знаю... Я и там бывала.

— А ты?

— Из Антупая, — сказала она с определенно грустной улыбкой.

— В жизни о таком месте не слышал, — сказал Сварог. — Это где?

Ясно было одно: она не с Талара и не с Сильваны — совершенно другая одежда и конская сбруя.

Девушка улыбнулась очень уж печально:

— Если бы я знала, меня бы здесь не было...

— Как так?

— Долго объяснять, — сказала она. — Ты, случайно, не можешь мне помочь попасть домой?

— Совершенно не представляю, как это сделать, — честно признался Сварог.

— Всегда одно и то же... — грустно сказала она. — Я надеюсь, ты не будешь предлагать мне любовь?

— Да как-то не было у меня таких мыслей, — сказал Сварог.

— Это хорошо. Некоторые предлагают. И бывают очень навязчивы... — она словно бы мимолетно коснулась рукояти сабли и убрала руку на прежнее место. — Глянула в небо и словно бы передернулась, увидев нечто омерзительное, или прикоснулась к такому: — Да, все сильнее...

Сварог тоже посмотрел в небо, но не увидел там ровным счетом ничего особенного или нового: Семел в зените, россыпь звезд...

— Что там? — спросил он недоуменно. — Ничего вроде бы необычного — небо, Семел, звезды...

— Значит, у тебя нет *другого* зрения, — констатировала Бади словно бы с легоньким превосходством. — Пожалуй, ты и правда не Странник...

Только теперь Сварог понял, что она имеет в виду. И пустил в ход *другое* зрение, пусть и именовавшееся у ларов иначе.

Действительно, зрелище... Это напоминало виденный им однажды метеорный дождь: из точки меж созвездиями Стремени и Золотого Коня непрерывно вылетали широким пучком словно бы тонкие полосы пронзительно-синего света, неслись к земле, таяли на некотором расстоянии от нее, им на смену вспыхивали новые, и поток был нескончаемым. Чем дальше Сварог смотрел, тем больше крепло странное чувство: почему-то этот ливень непонятного света казался неприятным, даже отвратительным, показалось что стрелы синего света жгут глаза, словно огонь электросварки... Он передернулся и вернул обычное зрение. Небо, звезды, Семел...

— Ага, — сказала Бади. — Значит, все-таки видишь?

— Синие лучи, вылетающие из одной точки?

— Видишь...

— Что это?

— Зло, — сказала Бади. — К вам идет зло.

— Что за зло? — насторожился Сварог.

— Я не умею объяснить, — сказала Бади. — Мы *думаем* по-разному. Я не умею думать, как ты, пусть это и не всего касается, а ты, я чувствую, далеко не во всем можешь думать так, как я.

— Подожди, — сказал Сварог. — Это что же, мы с тобой *мыслями* разговариваем?

Бади усмехнулась:

— Меня всегда потрясала ваша мужская сообразительность. Догадался наконец...

— Но ты же шевелишь губами?

— Конечно, а как же иначе? — пожалала плечами Бади с таким видом, словно показала ему язык. — Но откуда же мне знать твою речь, а тебе мою, если я не *отсюда*?

— Ага, — сказал Сварог. — Значит, я-то по-прежнему в своем мире?

— Конечно. Ну, почти. Ты на Тропе вашей Матушки-Земли, но все равно, в своем мире. — В ее голосе вновь зазвучала неприкрытая грусть: — Не то что я... К вам идет Зло...

Отчего-то Сварог после собственных ощущений склонен был ей верить. И почувствовал нешуточную тревогу, уже не идущую с ее стороны невидимыми потоками, а родившуюся в его собственном сознании: однажды, не так уж и давно, на небе уже появлялось самое натуральное Зло, правда, тогда оно было багряного цвета...

— Знаешь, мне, пожалуй, пора возвращаться, — сказал он решительно. — Если уж объявилось новое, непонятное Зло...

— Ты его можешь остановить? — с любопытством спросила Бади.

— Посмотрим, — сквозь зубы сказал Сварог. — Однажды удалось... Мне пора. Прощай.

Он, резко дернув повод, повернул рыжего. И, уже пуская его галопом, услышал удалявшийся голос (да нет, как оказалось, удалявшуюся *мысль*) Бади:

— Может быть — до свиданья, кто знает...

Обратный путь оказался *другим*. Какое-то время он скакал по тому же лесу из клубящегося дыма, но потом рыжий попеременно влетал то в широкие полосы почти непроглядного мрака, то в столь же широкие участки залитой золотистым сиянием степи. Потом несся словно бы через полупрозрачный туман, кишаций мириадами золотистых искорок. И внезапно Сварог увидел впереди двойную полосу догорающих костров. И понял, что вернулся.

Проскакал меж кострами, спрыгнул с коня. Барута и один из его спутников торопливо кинулись к нему с его одеждой. Барута кивнул в сторону:

— Мы тут чай сварили. Путника всегда встречают горячим чаем...

Там, и в самом деле, догорал небольшой костерок, над которым на раскладном походном треножнике висел котелок с крышкой и длинным носиком — консервативные степняки с незапамятных времен использовали его вместо чайника и, даже давным-давно познакомившись с настоящими чайниками, обзаводиться ими не спешили. «А какая разница? — пожал плечами Барута,

когда Сварог как-то раз заговорил об этом. — Никакой между ними разницы, так что и дальше стоит держаться прадедовских обычаев...»

У костра сидел шаман и мелкими глоточками прихлебывал горячий чай из крайне напоминавшей пиалу чашки. Увидев подходившего Сварога, он взял другую и, ловко наклонив котелок хворостиной, наполнил ее почти до краев, протянул Сварогу, когда тот сел рядом — он давно уже приобвыкся к степному обычаю сидеть на кошме, подогнув под себя ноги, — крайне напоминавшему среднеазиатский.

Оглянувшись, он увидел, что Барута и его спутники к костру не пошли, остались возле лошадей.

— Молодые еще, чтобы слушать серьезные разговоры, — сказал шаман. — Ну, рассказывай. Только не нужно чересчур подробно: чем больше слов, тем меньше толку... Рассказывай о *главном*, если оно было.

Сварог рассказал. Шаман слушал с непроницаемым выражением лица — ну да, профессия обязывала... Отхлебнув чаю, протянул задумчиво:

— Значит, Бади Магадаль все еще ездит по Тропам...

— Кто она такая? — спросил Сварог. — Если это не какая-нибудь ваша тайна...

— Какая там тайна... Бади Магадаль — Заблудившаяся Всадница. Как-то так вышло, что она заблудилась на Тропах и не может вернуться в свой мир. Почему так, никто не знает. Разные люди говорят по-разному, я за свою жизнь слышал объяснений десять, и ни одно не походило на другое — а значит, истину пока что найти невозможно. От нее ни добра, ни зла — она просто ездит, ищет дорогу в свой мир и никак не находит. С очень давних времен ездит, никто не знает точно, с каких. Во всяком случае, при моем деде она уже ездила...

— А кто она такая?

Шаман пожал худыми плечами:

— Человек с небольшой примесью чего-то еще. Вот на *этом* все сходятся. Иногда ездит по Тропам, иногда объявляется в нашем мире. Никаких примет с ней не связано, ни счастливых, ни несчастливых. Ездит, ищет свой мир... Многим ее жаль. Мне тоже. Но как помочь ей вернуться, никто не знает...

«Действительно, — подумал Сварог. — Жаль девчонку. Коли уж никакой она не демон и не призрак. Черт знает что в нашем мире случается... Но как ее ни жаль, думать сейчас надо совсем не об этом...»

— Что это за синее Зло? — спросил Сварог.

— Не знаю, — сказал шаман. — В мире столько зла, и частенько объявляется новое, какого никто прежде не видел... Я вот сейчас пытаюсь его увидеть — не получается. Интересно, у тебя получится увидеть его *здесь*?

Сварогу самому стало интересно. Он поднял лицо к небу. И вновь из той же точки ночного небосвода нескончаемым потоком *хлынули* пронзительно-синие стрелы, совсем немного не достигавшие земли. И вновь ощущалось отвращение — хотя при виде Багряной Звезды, он никогда никаких чувств не испытывал. Что это за новая напасть на нашу голову? Снова придется поднимать на ноги и спецслужбы, и книжников, задействовать старуху Грельфи, на всякий случай перелопачивать вороха старинных книг, рыться в памяти компьютеров... Как же иначе, если к Талару *прется* очередное Зло? Как говорится, не было печали, да черти накачали. Вроде бы не так уж плохо шли дела, все личные невзгоды были *мелкими*, с которыми в конце концов можно спра-

виться. А вот Зло Из Космоса — это уже, как учит жизненный опыт, угроза по-серьезнее... Ага! Первым делом нужно рассказать Яне — вдруг она со своим Древним Ветром сможет определить, что за подлянку на сей раз устраивает Космос, а то и подсказать, как с этим разделаться. Сам он решительно не мог определить, с чем столкнулся. И шаман тоже, а он в Пуште один из лучших. Что-то *новое*? Как знать...

Он допил чай, как предписывали степные обычаи, выплеснул остатки не на землю, а в костер, решительно поднялся, махнул Баруте. Виману-самолет он оставил в полулиге отсюда.

— Нужно лететь и посоветоваться с людьми, — сказал он.

— Очень правильно, — одобрительно кивнул шаман.

Глава III

КАМНИ, РУЧЕЙКИ, ДЕВУШКА

Когда вимана-самолет взлетел, Сварог взял со столика три листа бумаги, только что извлеченных из дешифратора. Лететь чуть ли не полчаса, за это время можно изучить материалы и пообъемистее...

Заключение департамента геологии канцелярии земных дел. Химический состав представленного для изучения предмета (то бишь каменной тарелочки), твердость, удельный вес... Яркая выраженная икосаэдрическая структура... Сохраняет линии магнитного поля, но сам магнитным полем не обладает, радиоактивность не выходит за пределы природного фона, то есть ничтожна и абсолютно неопасна для человека, в реакцию с большинством химических соединений не вступает, серная и соляная кислоты действуют на него разрушительно... Самый обыкновенный камень. Вот только ни на Таларе, ни на Сильване таких нет — или, точности ради, пока что не обнаружены.

Вторая бумага — от эксперта-искусствоведа (судя по всему, Элкон решил выжать из ситуации все, что только возможно). Камень обладает несомненной ценностью для декоративно-художественных изделий, его нельзя отнести даже к полудрагоценным, но все равно, красив, изделия будут стоить недешево. По мнению эксперта, камень этот следовало бы использовать для гораздо более сложных и интересных поделок, чем эти, в сущности, вульгарные «тарелочки»: вазы, статуэтки, кубки, скульптуры, наконец, всевозможные маленькие фигурки, которые и взрослые любят поставить куда-нибудь на видное место, и дети охотно с ними играют. Резьба выполнена вручную искусным мастером.

Сварог, хоть на душе и было *смурно*, поневоле ухмыльнулся. Знал бы эксперт, *насколько* дешево эти изделия продаются, наверняка прокомментировал бы матерно. Но он, понятно, не знает. Экспертам обычно не сообщают *лишних* подробностей — не из-за каких-то там соображений секретности, а попросту оттого, что эксперту они не нужны. Эксперт получает для изучения некий предмет или вещество, исследует, представляет заключение, копию оставляет в своих бумагах и, если не потребует вторичная экспертиза, тут же выбрасы-

вает все из памяти, зачем оно ему?

Третья бумага тоже заставила Сварога ухмыльнуться — она была украшена сложной эмблемой и грифом «Одиннадцатый отдел дворцовой охраны» (с ро-нерским гербом). Это старуха Грельфи не так давно попросила Сварога именно так поименовать свою контору, придать ей официальный статус и снабдить необходимой канцелярщиной, вплоть до печати. Вероятнее всего, старая колдунья таким образом хотела получить что-то вроде моральной компенсации за то, что большую часть жизни провела гонимой и преследуемой той же Багряной Палатой. Сварог, пожав плечами, вызвал секретаря и поручил оформить все должным образом — сущие пустяки для него и всех прочих, а старушке будет приятно.

Заключение Грельфи оказалось самым коротким. Корявым старушечьим почерком (она была грамотна, но писала с ошибками), нацарапано: «Магии в этой штуке ни больше, чем в старам башмаке. Странностей никаких нету, даже крохатных». Печать и столь же корявая неразборчивая подпись — понравилось бабуле играть в бюрократию...

Итак... Снова камень, каких нет ни на Таларе, ни на Сильване. Черные камни-компьютеры, точно установлено, происходят с Нериады, так что в качестве рабочей версии не так уж и глупо будет предположить, что и «тарелочки» оттуда. Если так, снова возникают три вопроса, на которые нет и тени ответа. Камни, с какой бы планеты они ни происходили, не обладают способностью самостоятельно отломиться вдруг от своего месторождения и пуститься в путешествие по космосу на другую планету. За все время существования человечества такого за ними не замечено ни разу. Должен был постараться кто-то безусловно *разумный* — особенно если учесть, что «черные», в отличие от «тарелочек» — натуральнейшие компьютеры. И с каждым их обладателем всякий раз предварительно вступал в контакт опять-таки кто-то безусловно *разумный*. Но Канцлер руку дает на отсечение, что обитатели Нериады, ведущие прямо-таки растительное существование, на подобные кунштюки никак не способны, а следов каких бы то ни было *других* обитателей не нашли, хотя в свое время искали долго и самым тщательнейшим образом. Кто-то из Кабинета еще прежнего, так сказать, позапрошлого Канцлера, предположил, что на Нериаде могут обитать эти самые другие потаенно, не выказывая себя, и именно они стоят за всеми странностями жизни *обычных* обитателей Нериады. Искали полгода, пустив в ход абсолютно все, чем располагали спецслужбы для таких случаев, вплоть до емкостных детекторов, способных засечь любого невидимку (кто-то, развивая версию, сказал: а если они научились быть невидимыми?). И не нашли ни следа *других*.

Вопрос номер два, не менее головоломный: как камни попадают на Талар? Здесь свои хитрушки. Сварог давно уже знал, что существует находящаяся в ведомстве Кабинета Канцлера и военного министра Сфера — примерно тысяча станций слежения, охвативших сферой орбиты планет Империи. И около пятисот установок с мощными излучателями. Причина самая прозаическая: даже для Империи при всей ее мощи представляют угрозу самые что ни на есть вульгарные астероиды, имеется в виду, достаточно крупные, чтобы, *вмазавшись* в одну из планет, причинить серьезные (а то и *очень* серьезные) разрушения. Равно как и ядра комет, хотя и не всех. Сфера была обустроена вскоре после Вьюги, за это время установки обнаружили и превратили в пар сот-

ню астероидов — часто они были не такого опасного размера, часто должны были пролететь в стороне от обитаемых планет, но все равно уничтожали все подряд — чтобы не шлялись где попало, нечего им тут делать... Ну, и комет по тем же причинам было расстреляно с полсотни.

Одним словом, давно существовала великолепно отлаженная система, направленная *вовне*. И не было другой, которая вела бы наблюдение за космосом *внутри* Сферы — поскольку при существовании Сферы это просто бессмысленно, *внутри* даже самому паршивому метеоритику размером со спичечный коробок взяться просто неоткуда. Однако после того, как узнали о камнях-компьютерах и установили, откуда они происходят, Канцлер, посоветовавшись со Сварогом, вывел в космос на постоянные орбиты две дюжины следящих установок, нацеленных исключительно на Нериаду. Увы, за все это время ни разу не засекали ни одного предмета, летевшего бы с Нериады на Талар. В общем, черные камни безусловно с Нериады, но как они попадают на Талар, никому непонятно.

И наконец, вопрос номер три, быть может, самый важный: зачем? Предположим (хотя никаких подтверждений нет), что на Нериаде все же обитает некто разумный, ухитрившийся остаться необнаруженным. Но зачем, какого черта, какого лиха он все это проделывает? Зачем подбрасывает компьютеры случайным людям, от городского бандита до шестилетней девочки? А если окажется, что «тарелочки» все же с Нериады, вопрос усложнится и станет вообще уж головоломным: какого лешего непонятным образом забрасывать на Талар самые обычные камни, чтобы здесь их продавали по дешевке, неся несомненные убытки? Впрочем, если предположить существование кого-то разумного и злонамеренного, убытки, несомненно, компенсируются — иначе кто бы из жителей Талара взялся за контрабанду и убыточную торговлю? Айвике предлагали тридцать тысяч золотом — значит, есть откуда взять такие суммы...

Конечно, на Сегуре уже *шуруют* вовсю. Интагар отправит туда два десятка хороших сыщиков — и у советника Айкеса их десятка два, успевших обрасти кое-какой агентурой. Да и Сварог озадачил резидента восьмого департамента на Сегуре и отправил ему в помощь десяток оперативников, щедро снабженных аппаратурой. И в Ронеро Интагар приказал работать днем и ночью, чтобы выявить *гнездо* в Джетараме и проследить, куда оттуда ведет цепочка (к чему Сварог опять-таки подключил немалые силы восьмого департамента). Одно плохо — когда-то еще будут результаты... Никто не будет хватать выявленных супостатов сразу, это азбука сыскного дела, за ними долго придется следить. Присутствие снабженных средствами для подслушивания и подсматривания людей Сварога задачу облегчает, но все равно должно пройти время...

И вдобавок эти чертовы синие лучи, *лупящие* по Талару из космоса. Ну, в конце концов, найдется нужная техника, чтобы и ими заняться вплотную. Неизвестно, сколько времени эта загадочная хрень *поливает* Талар, но пока что *вроде* бы никаких последствий это не вызвало, так что не стоит заранее паниковать и бегать по потолку...

Темнело, вот-вот должны были появиться звезды. Перед тем как сесть, Сварог остановил виману в воздухе уардах в ста над манором, изрядно преобразившимся за недолгое время его отсутствия, а не было его десять дней. Хотя

Яна его и *вытащила*, обнаружились какие-то поганные последствия (это все же были не простые змеи, ох, какие не простые...), и он два дня провалялся у себя в маноре под неотступным присмотром медиков, что-то ему коловших, подключивших кучу хитрой аппаратуры и проделавших уйму загадочных процедур, в суть которых он и не пытался вникать. Потом ему прописали еще пять дней строгого постельного режима (опять-таки с уколами и процедурами раза по четыре в день). Ну, а потом, едва он с превеликим облегчением встал с постели (и чуточку подлечился уже чисто народными средствами, в том числе и привезенной навестившим его принцем Элваром отличной каталаунской настоечкой на кедровых орехах — в Каталауне были большие кедровые леса, чертовски походившие на сибирские), пришлось срочно лететь на Сегур, самому понаблюдать за Турниром...

Летающий остров увеличился в размерах раз в шесть. Кроме прежнего здания девятого стола рядом появилось еще одно, в точности такое же — ну да, Сварог собирался расширять контору, увеличивать штаты. Неподалеку стояло большое двухэтажное здание абсолютно нежилого вида, с плоской крышей, почти сплошь покрытой чащобой замысловатых антенн разнообразного типа — ну да, научно-технический отдел, в котором установили необходимую Канилле аппаратуру из «хозяйства Брашера» и кое-какую другую, необходимую для намеченных дел. Еще два небольших домика — вот эти определенно жилого вида, наверняка для охраны и тех, кому приходилось работать по ночам. Вот и сейчас на втором этаже «лаборатории» светились два высоких прямоугольных окна — на посадочной площадке, кроме драккара охраны и прекрасно ему знакомого браганта коменданта, стоял еще один брагант — тоже, кажется, знакомый, хотя Сварог и не смог с ходу определить по расцветке, чей он. Одно ясно: кто-то то ли припозднился, то ли собирался работать ночью. И наконец, левее площадки чернел обширный прямоугольник фундамента, там то и дело металась разноцветные лучики, вспыхивали огни — это строили здание для еще одной лаборатории киберы-строители, не ведавшие разницы меж днем и ночью и не нуждавшиеся ни в сне, ни в отдыхе. В общем, было чем полюбоваться: солидное хозяйство обозначилось, а ведь не так уж и давно начиналось все с единственного здания, Сварога, девяти его юных сподвижников и дюжины охранников и технического персонала... «Отсель грозить мы будем шведу», — подумал он, фыркнул и пошел на посадку.

Еще издали он увидел у крайнего браганта фигуру в безукоризненном мундире и фуражке, сидевшей на голове даже без миллиметрового отклонения от уставных предписаний, — комендант, истовый служака, явился встречать и рапортовать. Другого ожидать и не следовало.

Едва Сварог спустился по лесенке, комендант промаршировал к нему и отдал честь.

— Вольно, — сказал Сварог и, чтобы сделать коменданту приятное, рявкнул голосом ротного старшины:

— Доложите обстановку!

— Господин директор, за время вашего отсутствия никаких происшествий, равно как инцидентов и нарушений дисциплины не имело места! Учреждение работает в обычном режиме, строительство нового научно-технического корпуса продолжается!

— Отлично, — сказал Сварог. — Кто-то там работает? — он кивнул на два

светящихся окна.

— Штаб-сержант Дегро записалась в ночную смену, что предписаниям не противоречит, наоборот.

— Одна? — спросил Сварог.

Логично было бы предполагать, что там поблизости отыщется Родрик, а после ночной смены парочка обоснуется в одном из домиков для отдыха. Ну что ж, нет нужды им больше летать на Сегур, все замотивировано (ночная смена в связи с возросшими объемом и сложностью работ), все приличия соблюдены (каждый якобы направится в свою комнату, а о том, что они окажутся в одной, никто и знать не будет — комендант не обязан следить за такими вещами без прямого приказа, и никто не обязан).

— Так точно, одна! — браво рявкнул комендант.

«Интересные штуки выкидывает судьба, — подумал Сварог, глядя на коменданта. — Благороднейший лар, барон и маркиз — а вот поди ж ты, нашел себя именно в роли коменданта, эдакого советского прапорщика, и ничего ему больше от жизни не надо, весел и счастлив...»

— Странно, — сказал Сварог знакомым каждому военному тоном, допуская *неуставняк*. — У нее это было не в обычае.

Комендант, моментально уловив *нюанс*, ответил тоже не столь служебным тоном:

— Последнюю неделю штаб-сержант Дегро так себя и ведет: остается работать в ночную смену, ночует здесь же.

Он прекрасно знал, что обязан осведомлять Сварога обо всем происходящем, отклонявшемся от обычной практики. И оба знали, что это не имеет ничего общего с вульгарным стукачеством — хороший командир обязан знать, что происходит у него в подразделении, в особенности именно что об отклонениях от обычной практики. Что, неужели поссорились? Мирить придется, новые хлопоты, пусть и мелкие... Беда в том, что ему пришлось быть для своих сподвижников, учитывая их молодой возраст, не только командиром-руководителем, но и чем-то вроде воспитателя. Не сказать, что это было особенно хлопотно — он просто не думал, что однажды на голову свалятся еще и такие обязанности. Но куда денешься?

И он подумал не без гордости: а ведь кое-чего добился, грех отрицать...

— И каждый раз одна?

— Каждый раз, — ответил комендант нейтральным тоном.

«Точно, поссорились, — подумал Сварог. — А то и что похуже — вроде романа на стороне. И ведь разбираться придется...»

— А как капрал Ролатон?

— Через сутки после вашего отъезда в командировку два дня не выходила на службу без объяснения причин. Я собирался согласно правилам возбудить дисциплинарное расследование, но штаб-сержант Дегро мне рассказала... — он продолжал уже вовсе не служебным тоном: — Я все понимаю, господин директор... Я позволил себе записать, что эти два дня она отсутствовала по болезни.

— Совершенно правильно поступили, — сказал Сварог. — Как она сейчас?

— Работает, — сказал комендант. — Правда, выглядит не лучшим образом. Я хотел сначала предложить ей взять короткий отпуск, но потом подумал: иногда работа до одури как раз и есть лучшее лекарство...

— И снова правильно, — сказал Сварог.

— Она носит на лбу белую траурную повязку. Я опять-таки не стал вмешиваться — в уставах на сей счет нет ни разрешения, ни запрета...

— Да вы у меня просто молодец, — сказал Сварог. — Благодарю за службу.

— Рад стараться! — рявкнул комендант прежним уставным басом. — Будут какие-то распоряжения?

— Пока нет, — сказал Сварог. — Я сейчас схожу в комнату спецсвязи, а там уж будет видно...

Комендант, отступив на шаг, прилежно сопровождал его до штаб-квартиры, где и остался на первом этаже, — ему-то доступ в комнату спецсвязи разрешался в исключительных случаях, каковых за время существования конторы не случилось — и, дай-то бог, не случится. Сварог поднялся на второй этаж, к двери нужной комнаты, отмеченной лишь белым эмалевым овалом с черной цифрой «пять», — конспирация, доведенная до абсурда, как это частенько в армии и иных близких ей по духу конторах случается; кем-то давным-давно подписано и подкреплено циркуляром: комнаты спецсвязи таблички, в отличие от прочих, иметь не должны, следует ограничиться номером. Ну что же, он в своей жизни, и в прежней, и в нынешней, не раз сталкивался с приступами начальственного идиотизма и относился к ним философски. Бывало и почище — что там, что здесь. Иностраный шпион тут, за облаками — от кого еще такое секретить? — это даже не дурная фантастика, а шизофрения. Что поделать, начальство — это особый вид фауны и особый способ мышления, так было, так есть, так, имеются сильные подозрения, будет...

Он приложил подушечку большого пальца, где следовало, и, когда откинулась одна из дверных филенок, открыв пластинку с цифрами от единицы до нуля, привычно набрал код. Свет, когда он вошел, зажегся автоматически. Не теряя времени, Сварог сел за стол перед крайним справа пультом, ввел свой код и набрал номер суперзасекреченного канала Канцлера. Даже если Канцлера в кабинете нет, вызов по этому каналу автоматически переадресовывается на его карманный дешифратор.

Над пультом в воздухе возникла рамка из голубого света, тут же зажегся экран. Канцлер, как оказалось, был все же в кабинете: Сварог узнал деревянные панели за его спиной — темный дуб, никаких узоров и прочих излишеств. Над правым плечом Канцлера — парадный портрет Яны.

— Рад вас видеть, лорд Сварог, — сказал Канцлер. — Похоже, вы полностью оправились? Очень рад, — он покривил губы в своей неподражаемой улыбочке: — Вас можно поздравить с очередной королевской короной?

— Да как-то так вышло... — сказал Сварог. — Канцлер, не внесете ли ясность? Я четырежды пытался связаться с императрицей, в том числе и по спецканалу — никакого ответа. Она не у себя ли в Хелльстаде, часом?

Канцлер глянул на него как-то странно. Помолчал и ответил:

— Видите ли, лорд Сварог... Она на Той Стороне. Вместе с графом Элконом, профессором Марлоком и остальными.

Вот это был сюрприз! Сварог тихо спросил:

— Что-то случилось?

— Ну что вы! Не волнуйтесь. Просто... За эти десять дней мы провели на Той Стороне немаленькую работу. Я вам завтра могу рассказать все в деталях. А пока... Короче говоря, мы там успели очень неплохо внедриться. Сейчас

идет очередная операция... Без Древнего Ветра императрицы она отнимет неизвестно сколько времени. С ее участием — считанные часы, — он улыбнулся чутью беспомощно. — Как это уже не раз случалось, ее величество меня *убедила*, что без нее не обойтись. — Он тяжело вздохнул. — В конце концов, в ваше отсутствие в ту комнату ваша охрана пропускает только ее и графа Элкона — а Элкон уже был *там*...

Понятно, какими методами Яна его убеждала. Мягким и ненавязчивым шантажом, каковой она мастерица применять, даже порой к Сварогу. «Либо я туда иду, либо никто из вас туда не попадет». Что-нибудь вроде этого. И ведь никуда не денешься. А Древний Ветер, и в самом деле, несказанно облегчает выполнение иных задач...

— Я надеюсь...

— Лорд Сварог, — сказал Канцлер *серьезнейше*, — могу вас заверить, я принял все возможные меры безопасности, какие только мог. Все...

Сварог этому верил. Так что не волновался за Яну. Кто-кто, а уж Канцлер ради ее безопасности сделает все, что в человеческих силах, и даже больше... В иных случаях при общении Яны с Канцлером коса находит на камень, и любой шантаж сталкивается с непререкаемым ультиматумом...

Канцлер продолжал:

— Я помню: *там* есть что-то такое, что пытались ее выследить. Но она побывала там уже два раза, сейчас пошла в третий — и эта, черт ее знает, как ее назвать, сила никак себя не проявила. Все предусмотрено. Если *это* снова даст о себе знать, императрица немедленно скажет, и охрана ее переправит на нашу сторону. Это не займет и минуты — она в той самой гостинице, — он усмехнулся, — которую мы уже почти купили. Получится неплохая опорная база. Охрана у императрицы, заверяю вас, мощная, отлично вооружена *нашим* оружием и готова в случае серьезной угрозы уходить с боем. Поверьте, все предусмотрено. Может быть, вы прилетите ко мне рано утром? Нам о многом нужно поговорить.

— Непременно, — сказал Сварог. — Тем более что и у меня есть кое-какие интересные новости, которыми с вами просто необходимо поделиться...

— В таком случае до завтра.

— До завтра, — сказал Сварог. — Ждите меня ранним утром. В восемь можно? Отлично...

Он вышел из комнаты, тихо притворив автоматически захлопнувшуюся дверь, спустился на первый этаж, где на месте дежурного сидел сам комендант — за длинной стойкой из темного полированного дерева, с обратной стороны которой имелась куча разнообразной аппаратуры. Комендант вскочил:

— Господин директор?

— Мы со штаб-сержантом Дегро поработаем час-полтора, — сказал Сварог. — Ночевать я буду здесь.

— Ваша комната отдыха, как всегда, в полном порядке.

— Нет, — сказал Сварог. — Ночевать я буду в гостинице, такая вот прихоть... Как там с ними обстоит?

— «Гостиниц», как вы сами видели, две — «Кираса» и «Русалка». Так они официально в документах и именуются. Названия дал архитектор — по изображениям над входом. Разумеется, если вы считаете, что названия неудачные...

— Да нет, какая разница... — вяло сказал Сварог. — Так как там с ними?

— Полагаю, вам следует ночевать в «Русалке». «Кираса» — для охраны, а «Русалка» — для сотрудников, там более комфортабельные комнаты. Все тридцать обставлены практически одинаково — я ведь не знал, что у вас появится желание ночевать именно там, и не давал распоряжений устроить особую комнату...

— Пустяки, — отмахнулся Сварог. — Что годится для моих сотрудников, годится и для меня... Я полагаю, свободных комнат хватает?

— Свободны все, кроме одной — ее зарезервировала штаб-сержант Дегро. Она собирается работать всю ночь. Сейчас...

Он протянул руку куда-то влево, извлек нечто вроде большого непрямоугольного блокнота, черного, с эмблемой девятого стола, раскрыл, подал Сварогу карточку — электронный ключ, спросил предусмотрительно:

— Быть может, в комнату нужно что-нибудь доставить?

— Да, пожалуй... — сказал Сварог.

Запустил два пальца в нагрудный карман, за ребристый серебряный шарик вытянул чеканную серебряную цепочку с овальным жетоном, кажется, иридиевым — его собственный ключ, открывавший и приемную, и кабинет, и комнату отдыха. Подал коменданту:

— Где у меня винный поставец, вы знаете. Бутылку келимаса. «Старинный корвет». Ну, и соответствующую закуску. Но, главное... Где у меня шкаф с мундирами, вы тоже знаете. Мне понадобится повседневный, без наград — завтра с утра лечу к Канцлеру...

— Будет сделано, командир.

Сварог кивнул ему и пошел к выходу. Душа у него не лежала к комнате отдыха — потому что там на стене висела большая фотография, сделанная на его свадьбе: Яна и Мара весело беседуют, Яна опустила глаза, а Мара с азартным видом делает какой-то жест. Ну да, тот самый момент, когда она откровенно проказила, объясняя Яне, как надлежит лучшим образом ублажать мужа. Нет, не стоит сейчас в комнату отдыха...

Мрачный как туча он неторопливо направился к зданию с чащобой антенн на крыше, насвистывая «Балладу о неудачной атаке», «прихваченную» сюда из прошлой жизни:

*Мы знаем все, кто был виновник,
но суть не в том.*

*Напрасно наш седой полковник
махал клинком.*

*Просты военные законы,
грустны, как быль.*

*Напрасно наши эскадроны
взметали пыль.*

*Что это дело для пехоты,
никто не знал.*

*И вышло, что на пулеметы
нас генерал послал.*

*И все теперь бесповоротно,
прощай, краса...*

*Уходим мы поэскадронно
на небеса.*

И нету места для печали —

война, приказ...
За то, что мы не доскакали,
простите нас...

Пытался — как всегда, безуспешно — отогнать проклятый вопрос, навязчиво всплывавший в сознании чуть ли не в каждую свободную, не занятую делом минуту: была ли *другая* возможность и победить, и не положить Странную Компанию?

В который раз думал, что идти следовало одному, даже без Акбара. В который раз всплывало оправдание: никто не мог знать, что там, в замке. В который раз некая трезвомыслящая и рационалистическая часть рассудка напоминала: велики были шансы на то, что в одиночку он мог и не добраться, где-нибудь посередине пути погибнуть на одной из ловушек (которые идеальнейшим образом сочетались с предсказаниями Лесной Девы). И в который раз покусывала гаденькая мысль: ну, а все-таки? Вдруг бы и прошел даже в одиночку? Сварог никак не мог ни ее прогнать окончательно, ни избавиться от тягостных раздумий.

Двое часовых в вестибюле вытянулись (это была не его инициатива, а прямой приказ Канцлера, неведомо чем продиктованный, — набить манор охраной). Кивнув им (не мог же он козырять, одетый в штатское), Сварог столь же неторопливо поднялся на второй этаж и пошел в сторону, где, как он помнил, горели окна. Сориентировался правильно: еще издали увидел, что поперек слабо освещенного коридора лежит полоса яркого света.

Двери там не было — просто аркообразный проем. Каниллу Сварог увидел издали — она сидела перед каким-то хитроумным пультом (сразу на двух экранах клубились разноцветные путаные линии и кружились огни), но не походило, чтобы работала: сидела, откинувшись на спинку кресла, отрешенно глядя вверх пультов, курила, медленно выпуская дым, и ее очаровательное личико было чертовски грустным. Положительно, что-то где-то пошло наперекосяк, и *работы* это касаться никак не может, когда что-то не выходит или проваливается, Канилла никогда не печалится и не мается черной тоской: стискивает зубы и с яростным азартом начинает все по новой. Как, собственно, умные люди с характером и поступают...

Он остановился в проеме и согнутым указательным пальцем громко постучал по притолоке. Канилла повернула голову с недовольным видом, но тут же прямо-таки просияла, вскочила:

— Командир! Ну наконец-то! Жаль, что я тут одна, все бы порадовались. Ходят слухи, что Яна вас *вытащила* буквально в последнюю минуту...

— Может быть, — сказал Сварог, проходя в комнату и косясь на непонятное мельтешение линий и огней. — Выходит, я свое везение до доньшка еще не вычерпал... Это хорошо, — он придвинул кресло на колесиках к ее креслу, уселся, достал портсигар. — Садись, Кани, поговорим...

Закурил и присмотрелся к ней внимательно. Ну да, что-то определенно не так: как только схлынула радость от его появления, ее глаза вновь стали невероятно грустными.

— В работу крепко погружена? — спросил он.

Канилла пожала плечами:

— Да нет. Рутина, собственно, разве что это надолго...

— Что случилось, Кани? — спросил он напрямик. — У тебя такая печаль в

глазах... С Родриком поссорились?

Она не стала ни отмалчиваться, ни уводить разговор в сторону. Грустно усмехнувшись, ответила откровенно и просто:

— Если бы так, командир!.. Было бы гораздо лучше. Когда поссоришься, всегда можно помириться. А тут другое.

— Или — *другая*?

— Да нет, командир, все и проще, и печальнее... Помните, я как-то говорила: мы с Родриком и сами не понимаем, что у нас пылкая любовь или пылкая страсть?

— Конечно.

— Ну вот... — сказала Канилла. — В один далеко не прекрасный момент вдруг оказалось, что все же — не более чем пылкая страсть. А она вдруг взяла и прошла у обоих. Догорела, как свечка, была — и пропала...

— Вы, надеюсь, не поскандалили? Расставания иногда бывают очень бурными, даже если обе стороны согласны, что иначе нельзя...

— Ну что вы, командир, — все так же грустно усмехнулась Канилла. — С *этой* стороны обстоит, можно сказать, прекрасно. Мы совершенно спокойно обсудили ситуацию, совершенно спокойно согласились, что все кончено, остаемся друзьями... Хорошо, что вы прилетели. Мне не перед кем было выговориться, а хотелось невероятно...

— И правильно, — сказал Сварог. — Выговоришься, чуточку легче будет... Что, Аурики нет в маноре?

— Ага. Она на Сегуре, у нее два вольных дня. А у Томи свои печали, почище моих... Вот и не перед кем было... Кстати, поздравляю с новой короной...

— Пошли бы они, эти короны... — проворчал Сварог. — Складывать некуда, а новых хлопот — выше крыши... Это хорошо, что вы спокойно разошлись и даже остались друзьями. Это хорошо... Но вот глаза у тебя... Ты что, никак не можешь *отойти*?

Канилла улыбнулась грустно, вымученной улыбкой:

— Оказывается, не могу. Не в чувствах дело — не было никаких чувств. Просто... Как бы объяснить... Из меня вдруг вырвали очень приятный кусок жизни. Он был долго и, казалось, долго еще будет, и вдруг его не стало. Насо всем. Стало так пусто и зябко, я просто не представляю, как теперь жить без этого вырванного куска...

Сварог погасил сигарету, встал и, заложив руки за спину, медленно прошелся взад-вперед за ее креслом, подыскивая слова. Все гораздо легче, чем он опасался. Вот только... В ее возрасте случившееся... *Первая* утрата для него тоже была нешуточной трагедией, какую он, если вспомнить, однажды и пережил. Это сейчас та незатейливая история вспоминается не то что равнодушно — даже со смехом над собственной тогдашней щенячьей глупостью, превратившей банальнейшее расставание прямо-таки в шекспировскую трагедию. Но тогда, лет двадцать назад...

— Кани, — сказал он как мог мягче, тщательно подбирая слова, — такова уж взрослая жизнь, ничего не поделаешь. Иногда подбрасывает такие вот печальные сюрпризы. Я тебя уверяю, как человек, по возрасту в отцы годящийся... правда, в весьма юные отцы, но все равно... Это пройдет. Оно всегда проходит. Честное слово, когда-нибудь ты над этим форменным образом посмеешься. Я тебя уверяю. Все будет казаться мелким и смешным — в том числе и

твоя сегодняшняя тоска...

— Легко вам говорить... — выпалила она и тут же осеклась.

Сварог ощутил очередной ледяной укол в сердце. Остановился за ее креслом, все так же держа руки за спиной. Сказал севшим голосом, чувствуя, как каменеет лицо:

— Ну да. Мне легко. Сплошная головешка вместо души, а так — гораздо легче. Всего-то навсего потерял шестерых лучших друзей, в том числе многолетнюю подругу... И Томи легко. Наши горести в сравнении с твоими — такой смех...

Скрипнул резко отодвинутый стул, Канилла вскочила, ее щеки пылали.

— Командир, простите! — выпалила она. — Сто раз простите! Я беспросветная дура, эгоистка, скотина бездушная... — порывисто сделала шаг и, оказавшись к нему почти вплотную, чуть повернула голову вправо. — Дайте мне пощечину, я заслужила...

— И не подумаю, — сказал Сварог. — Подумаешь, ляпнула сторяча. С каждым может случиться, особенно в твоем возрасте. Мне в свое время в похожей ситуации тоже казалось, что жизнь кончена и мир рушится, а теперь вспомнить смешно...

Канилла пытливо вглядывалась в него:

— Вы, правда, не обиделись?

Сварог усмехнулся:

— Я бы тебе дал слово короля, но его не разменивают по таким пустякам...

Она подошла вплотную, медленно опустила ресницы:

— Тогда поцелуйте меня. И я буду знать, что вы не сердитесь.

«Воспитатель, мать твою, — сердито подумал Сварог. — Выпало же на долю...»

Он наклонился и коснулся губами ее щеки.

Канилла открыла глаза, воскликнула с долей возмущения и обиды:

— И только?!

Положила ему руки на плечи и прильнула долгим поцелуем.

Губы у нее оказались невероятно нежными. Поцелуй опасно затягивался, и Сварог, откровенно испугавшись самого себя, отстранил ее деликатно, но непреклонно, сказал командным голосом, едва ли не рявкнул:

— Штаб-сержант Дегро!

Подействовало. Она отступила на два шага, лицо стало едва ли не как у коменданта при исполнении, из огромных синих глаз исчезла шалая дурь.

— Еще раз простите, командир, — сказала она тихо. — Что-то меня, дуреху, то и дело не туда бросает...

— Прощаю, — сказал Сварог. — От таких закидонов есть одно хорошее средство — работа. Я как раз шел к тебе работать... Ты как, в состоянии?

— Ну конечно, — ответила она с толикой обиды. — Я в вашем распоряжении, командир.

— Садись, — сказал Сварог. — Поработаем немного. Как у вас здесь дела продвинулись, пока меня... не было? Я имею в виду в первую очередь «точки Кондери».

— Больших открытий нет, но некоторые успехи найдутся, — сказала Канилла уже насквозь служебным голосом. — Мы совершенно точно установили: Брашеро для связи с сообщниками в Магистериуме использовал «пятый

ручеек»...

— Что использовал?

— Понимаете, мы с Дальбетом как-то подумали и решили использовать в качестве рабочего названия термин «ручеек». «Точки» и «соринки» — это нечто, имеющее очень малый объем... если совсем точно, точка, как геометрическая фигура, его не имеет вообще. А они протяженные, и весьма, их можно посылать как радиолучи, в отличие от апейрона. Вот мы и придумали «ручейки». Вам не нравится?

— Ну почему, — сказал Сварог. — Термин, как термин, пусть будет. Что еще?

— А это, собственно, и все, — чуточку грустно призналась Канилла. — Пока Командир, это и в самом деле было чертовски трудно. Результат укладывается в одну фразу: «Мы установили, что...» Но чтобы его добиться, пришлось работать десять дней. Сначала мы осваивали аппаратуру, разбирались в ней — а посоветовать и подсказать было, сами понимаете, некому. Честно признаюсь, мы и сейчас разобрались во всем примерно на три четверти, осваивать еще и разбираться... Зато мы хорошо отработали и изучили одну деталь: «пятый ручеек». Теперь мы знаем, как он связывался со здешними сообщниками — в благостных условиях, когда попросту не было аппаратуры, способной разговоры перехватить или хотя бы засечь. Знаем, как эта аппаратура действует, знаем теперь, как перехватывать передачи с использованием «пятого ручейка». Еще немного усилий — и можно будет делать такие аппараты связи для наших нужд. Как всегда бывает, первые образцы получатся неуклюжими и несовершенными, но так уж всегда... Профессор Марлок помогает, чем может... но у него уйма своих хлопот... и очень мало людей. Он сам смог выделить только двух А-физиков — но ребята толковые, с ними дело пошло гораздо быстрее...

— Вот на сей счет есть интересный разговор, — сказал Сварог. — Честно признаюсь, скорее личного характера, не имеющий отношения к нашей официальной службе. На тебя можно полагаться? В тайне держать сумеешь?

— Чем хотите поклянусь.

— А поможешь? Дело, повторяю, некоторым образом частное...

— Командир, — серьезно сказала Канилла, — я как-то говорила, что готова за вас умереть. И, между прочим, не шутила. Так что помочь вам готова во всем, что в моих силах. А что нужно сделать?

— Сейчас подумаю, как бы поточнее сформулировать... — сказал Сварог. — Ага... Есть рабочие чертежи, спецификации, или как это все назвать... В общем, материалы, по которым я мог бы в другом месте создать точное подобие этого здания? С той же аппаратурой, с теми же антеннами? Поняла мою мысль?

— Конечно, — сказала Канилла и уставилась на него с нешуточным любопытством: — «Другое место» — это ваш компьютерный центр в Хелльстаде?

Оба-на! Сварог спросил вкрадчиво:

— А с чего ты решила, красавица моя, что такой центр существует?

В Элконе он был уверен — парень никак не мог проговориться. Тогда как все это объяснить, вперехлест и через клюз?

— А я ваш центр вычислила, — безмятежно сказала Канилла. — Он у вас есть, и достаточно серьезный. Во-первых... Я не такой компьютерный гений, как Элкон, мне до него далеко, но все же в компьютерах понимаю. Вы три раза

давали мне для работы материалы, которые никак не могли быть получены ни в компьютерном центре нашего стола, ни восьмого департамента. Вообще кое-что позволяет судить, что это совершенно какой-то *другой* компьютерный центр, кое в чем не похожий на здешние. Я не буду объяснять, как пришла к таким выводам, ладно? Извините, но вы все равно не поймете... Просто поверьте на слово.

— Поверю, — сказал Сварог. — А что там «во-вторых»?

— Во-вторых, Элкон что-то очень уж часто летает в Хелльстад и часто надолго там задерживается. Зная Элкона, это можно объяснить только одним: там у вас есть компьютеры, которые его страшно интересуют. Других причин просто не может быть. Девушка у него в Равене... да у вас в Хелльстаде и нет девушек, насколько я знаю. А чтобы устраивать себе экскурсии по Хелльстаду, он слишком занят... Вот такой был ход мыслей.

Ну что ж, она ошиблась только в одном: в Хелльстаде *есть* все же парочка девушек, но это не имеет отношения к делу...

Сварог вздохнул:

— Кани, я тебе столько раз говорил, что ты не только красавица, но и умница... Придется еще раз повторить, — он усмехнулся. — Ну что ж, ты меня приперла к стенке. Есть у меня в Хелльстаде компьютерный центр. И мне бы хотелось получить еще копию этого здания. Сама понимаешь, против Империи это нисколько не будет направлено, наоборот...

— Я и не сомневаюсь, командир, — сказала Канилла с комической важностью. В ее глазах все еще стояло жгучее любопытство. — Но кто же у вас там работает, если в Хелльстаде практически нет людей? Что за компьютерщики загадочные такие? Вы ведь, такое впечатление, полностью уверены, что они справятся и с этой аппаратурой...

— Кани, когда-нибудь, много времени не пройдет, я тебе и расскажу многое, и покажу, — сказал Сварог. — Честное слово. А пока у меня голова забита другими заботами... Так есть то, что мне нужно, или нет?

— Есть все, что вам нужно, — уверенно сказала Канилла. — Здесь же, в памяти главного компьютера. Я вам в два счета все скачаю, в том числе и полный пакет необходимых программ. Это займет часа полтора, но вам ведь не срочно?

— Конечно, — сказал Сварог. — Кани, ты чудо...

— Я знаю, мне уже говорили, — сказала она с *оттаявшей* улыбкой. — И не раз... Командир, я все сделаю. И ни одна живая душа не узнает.

— Спасибо, Кани, — искренне сказал Сварог. — А теперь немного поработаем. Я тут хочу поставить вполне научный эксперимент.

— Что мне нужно будет делать? — деловито спросила Канилла, кладя руки на пульт.

— А ничего пока, — сказал Сварог. — Бывают эксперименты, когда аппаратура и не нужна... Посиди пока, я тебя сейчас позову...

Он вышел на галерею, окружавшую весь второй этаж. Переходить на противоположную сторону, через коридор, не пришлось: эта сторона здания как раз и выходила на нужные ему созвездия.

Сварог быстро нашел нужное — Золотого Коня. Он был никудышным знатоком здешней астрономии, но полдюжины-то созвездий мог отыскать на ночном небе легко — из-за их характерной формы. А вот, соответственно, и

Стремя. Включаем «другое» зрение...

Все та же картина: из некой точки на небосклоне огромным конусом вылетали лучи пронзительно-синего света, неслись к земле и пропадали на некотором расстоянии от нее.

Вот только на сей раз лучи исходили из совершенно другой точки — правее и выше, уже справа от Золотого Коня и выше его пальца на три, считая вульгарно и ненаучно, пониже большой синей звезды — кажется, в созвездии Змееносца. Сварог не был точно уверен, что это Змееносец, но это не имело значения...

— Кани! — громко позвал он. — Выйди-ка сюда!

Тут же простучали каблучки, она остановилась рядом у фигурных перил. Убрав «другое» зрение, Сварог спросил:

— Кани, как у тебя с астрономией?

— Как у всех, — она пожалала плечами. — Краткий курс общих знаний.

— Ну, это, в принципе, не важно, — сказал Сварог. — В данном случае сгодятся и методы далеких предков... Видишь вон ту большую синюю звезду?

— Конечно, — сказала она. — В голове смутно вертится, что она самая крупная и яркая в том созвездии, но вот как оно называется, хоть убейте, не вспомню.

— Вроде бы Змееносец, — сказал Сварог. — Но это не имеет значения. А теперь посмотри-ка туда «другим» зрением.

Сам он на сей раз им не воспользовался — спасибо, насмотрелся. Канилла удивленно охнула, присвистнула по-мальчишески.

— Это-то еще что за чертовня?

— Представления не имею, — сказал Сварог. — Но она там, сама видишь, есть. У тебя тут найдется аппаратура, которой это чудо-юдо можно *пощупать*?

— Конечно.

— А в одиночку сможешь?

— Обижаете, командир, задача для практиканта. Только нужно перейти в другой зал, управление антеннами там.

— Ну вот и пойдём, — сказал Сварог.

В указанном зале он тихонечко сел, чтобы не мешать подлинно научным работам с использованием современной аппаратуры. Сказал только:

— Насколько я помню, в применении к метеорному потоку такая точка именуется радиант... Можешь заодно и определить координаты *этого* радианта?

— Ну, не особенно трудно...

Ее пальцы порхали по клавишам, сразу на трех экранах мельтешили непонятные символы, сходились и расходились разноцветные дуги и зигзаги, проплывали ряды цифр, то короткие, то длинные. «Премудрость», — подумал Сварог, поглядывая уважительно.

Наконец все, такое впечатление, кончилось. Больше ничего не мельтешило, не плясало и не менялось. Застыли цифры и символы, аккуратными рядочками, застыла плавная светло-зеленая дуга.

— Получилось? — спросил он едва ли не шепотом.

Лицо у Каниллы было странноватое — и нешуточное удивление, и еще что-то...

— Понимаете, командир... — сказала она тоже едва ли не шепотом. — По

всем параметрам выходит, что это третий «ручеек», и ошибки быть не может... Но это неправильно, так не должно быть...

— Почему?

— Потому что *так* ни один «ручеек» себя не ведет, уж это-то мы успели выяснить совершенно точно. «Ручейки», конечно, во много раз уступают размерами потоку апейрона, но все они — тоже *потоки*. В составе апейрона идущие из центра Галактики. Если изобразить в виде иллюстрации — пусть и примитивной, — это должно выглядеть вот так...

Она зажгла самый большой экран. Посередине неподвижно застыла Солнечная система (Вид сверху — исключительно для удобства, — пояснила Канилла. — Поток идет почти перпендикулярно к плоскости орбиты), а все остальное немаленькое пространство экрана, явно выходя за его рамки, занимал и впрямь некий поток: бледно-голубые лучи, безукоризненно прямые, строго параллельные, вроде бы неподвижные, но таким-то образом создавалась иллюзия, что они безостановочно *текут*. Действительно, поток...

— Вот так все выглядит, если примитивно, — сказала Канилла. — Вам этого достаточно?

— Вполне, — сказал Сварог. — Боюсь, чего-то самую чуточку менее примитивного я просто не пойму... Значит, так оно выглядит... Ну да, ручеек — по сравнению с размерами потока апейрона, а их даже я помню, сунули как-то в голову...

— Мы только-только начали их изучать — много времени ушло, чтобы разобраться в аппаратуре Брашеро... Но одно установили со всей уверенностью: каждый раз речь идет о *потоках* солидных размеров. И никаких радиантов. Но главная загадка не в этом, думается мне. Понимаете, командир, «ручейки», как и сам апейрон, нельзя увидеть «другим» зрением — только с помощью приборов. И никак иначе.

— Подожди, — сказал Сварог. — Я сам видел апейрон в Магистериуме, огромный такой золотистый шар...

— Так это вы видели концентрированный, — пояснила Канилла. — Вот его можно видеть не то что «другим» зрением, но и простым глазом — концентрированный, опять-таки вульгарно выражаясь, со страшной силой. Степень сжатия на порядки сильнее, чем у воздуха, когда его делают жидким... но эти детали вряд ли сейчас интересны, они к делу отношения не имеют. Вполне возможно, и концентрированные «ручейки» можно видеть самым обычным зрением, но мы ведь только начали. *Такие* эксперименты у нас отложены далеко на будущее, сначала нужно изучить все свойства и способности... — она вздохнула. — Аппаратура великолепная, но нас только четверо, в том числе одна недоучка с двумя курсами Лицея...

— Так... — сказал Сварог. — Значит, по теории, видеть мы этот чертов «ручеек» никак не можем, ни обычным зрением, ни другим.

— Вот именно.

— И тем не менее это, — он кивнул на один из экранов, — третий «ручеек»?

— Стопроцентно, — сказала Канилла с некоторой беспомощностью на лице. — Уж в этом-то я уверена.

— Налицо логическое противоречие, а?

— Оно самое, — грустно согласилась Канилла.

Сварог раздумывал недолго — он не видел здесь тупика, потому что было

от чего отталкиваться... Ободряюще улыбнулся:

— Кани, не надо меланхолии... Логические противоречия сплошь и рядом можно разрешить логическими же рассуждениями. А ключик у нас есть... Тот самый отчет.

Историю с Брашеро от «широкой общественности», конечно же, засекретили — точнее, пустили в обиход в крайне урезанном виде. Ни словечка о планах переворота и намерениях установить «ученую диктатуру». Общественность узнала лишь, что несколько ученых, инсценировав собственную смерть, занимались в Горроте научными экспериментами из разряда запретных. Однако человек сорок на двух планетах, те, кому полагалось по должности (в том числе и Сварог), получили подробный отчет Техниона об исследовании «хозяйства Брашеро». Этот труд на трехстах страницах оказался абсолютно неудобочитаемым — Сварог мог поклясться, что все остальные в нем поняли не больше, чем он, а он не понял абсолютно ничего. Очень уж ученые математики затрагивались, очень уж *высоконаучно* было изложено, с многочисленными формулами, непонятными графиками и прочим высокомудрием. Сварог даже не пробовал его читать — листанул, заглянув в пару мест, и отложил, а потом, подумав, под строжайшим секретом дал прочитать Канилле. Канилла сидела над ним три дня, потом честно призналась, что поняла пока две трети, не больше.

Хорошо еще, что профессор Марлок был реалистом и практиком. А потому к каждому пухлому тому прилагалась брошюрка страниц всего-то на двадцать — и вот в ней простым человеческим языком, так, что любой невежа мог понять, излагались те выводы и заключения, которые уже успели сделать (хотя, уточнял Марлок, исследования далеко не закончены). Вот из нее многое становилось ясно...

— В самом деле, никакого тупика, — сказал Сварог. — Давай-ка устроим небольшой «мозговой штурм». Отчет, я тебе уже говорил, и не пытался изучать — не по моим знаниям. А вот брошюра здорово помогла... Насколько я понял, апейрон нельзя создать искусственно. А вот «ручейки»... Вполне возможно, Брашеро искусственно генерировал «пятый». С его помощью и связывался с сообщниками наверху и творил еще много предосудительного.

— Но остальными он занимался в десятую очередь, к его главной задаче они отношения не имели, ему хватало для повседневных нужд и пятого...

— Это уже детали, — сказал Сварог. — Главное, можно выдвигать версию: если искусственным путем можно получить «пятый», не исключено, что можно получить и остальные. Логически непротиворечивая версия, а?

— Конечно.

— Ну, а поскольку *этот* поток, — он кивнул на экран, где конус лучей по-прежнему с размеренностью часового механизма *бил* из неведомого радианта, — естественным быть никак не может, сам собой напрашивается вывод... Почему бы и нет?

— Почему бы и нет? — подхватила Канилла, стряхнувшая всякую грусть.

— Характеристики созданного Брашеро «ручейка» прекрасно известны. Известно, что он, нетрудно предположить, нес информацию. Известно, как отличить искусственный «ручеек», несущий информацию, от естественного потока... Кани, пользуясь той же методикой, можно определить то же самое касемо «третьего»...

— Я попробую... Только нужно перейти в другой зал, к другому компьютеру.

— Делов-то... — проворчал Сварог, вставая.

Перешли. Сварог смотрел на свистопляску загадочных цветных кривых, таинственных символов и непонятных формул на трех экранах, не пытаясь ничего понять. Пальцы Каниллы порхали по клавишам, ее лицо становилось все азартнее и веселее, и продолжалось это минут пять. Сварог сидел тихо, как мышка, не задавая вопросов, боясь спугнуть *вдохновение*.

Наконец все непонятное на экранах застыло неподвижно. Снизу на центральный экран выполз длинный ряд алых символов вперемежку с цифрами, достиг середины да так там и остался поверх отмеченных непонятными значками синих и алых синусоид, расходявшихся из единого центра.

Лицо Каниллы стало прямо-таки счастливым.

— Все сходится, командир, — сказала она торжествующе. — Это искусственное излучение, как и «пятый» у Брашера... вот только никакой информации поток не несет. Правда, даже если бы и нес, подозреваю, я бы не смогла ее расшифровать — над «пятым» до сих пор бьются дешифровщики Марлока...

— Ну, это сейчас неважно, — сказал Сварог. — Что нам осталось? А осталось нам заняться самим радиантом, посмотреть, что он такое, вычислить орбиту и все прочее... Сможешь?

— Ну, это совсем просто, — уверенно сказала Канилла. — Для этого годятся давно имеющиеся программы из разряда «Космопоиск». Их давным-давно применяет Сфера, они ничуть не секретные, а после Багряной Звезды еще и усовершенствованы. Несколько минут — и будем знать, что это такое...

Она нажала пару клавиш — и вскоре на самом большом экране вспыхнула карта звездного неба. Канилла пояснила:

— Радиант я отметила красной точкой...

— Я понял, — сказал Сварог. — Подожди-ка минутку...

Он взял световой карандаш и направил на экран тонкий синий лучик. Тщательно примерившись, остановил пятнышко меж созвездиями Стремени и Золотого Коня. Сказал:

— Зафиксируй и эту точку. Позавчера я именно там видел радиант. Получается, он, в отличие от метеоритного, перемещается в пространстве. Что скажешь, располагая этими двумя точками, можно вычислить орбиту?

— Не получится, — сказала Кани. — Слишком маленький отрезок.

— Ну, тогда сделай, что получится: приближается он к Талару или нет, масса... В общем, все, что удастся.

Канилла кивнула и опустила пальцы на клавиши. Сварог вновь настроился на долгое ожидание, но не прошло и пары минут, как на экране возник тонкий желтый эллипс, в одной из точек которого красовался бело-голубой кружок. Глаза у Каниллы стали безмерно удивленными, она смотрела на Сварога, кажется, не в силах вымолвить ни слова.

— Что? — спросил он почему-то шепотом.

— Это... Это Нериада, — с явной растерянностью сказала Канилла. — Она и есть — радиант...

— И никакой ошибки?

— Ни малейшей. Это ее масса, ее орбита... Кстати, «конус» накрывает и Сильвану. Командир, но там же нет никого и ничего, способного такое вытво-

рять...

Некогда было удивляться. Да и ничем это удивление не помогло бы...

— Значит, есть, — сказал Сварог. — Сама видишь.

Первая мысль, пришедшая ему в голову, — остатки заговора Брашери. Людей у него было больше, чем считалось, и кто-то обосновался на Нериаде, *лупил* оттуда по Талару и Сильване «третьим ручейком». Нет, в этом случае их непременно обнаружили бы. С давних времен, с тех самых пор, когда отступились от всех попыток отыскать на Нериаде кого-то *другого*, планету, разумеется, не оставили в покое — над ней несли рутинное дежурство штук тридцать орбиталов. Если бы люди Брашери и там попробовали бы отгородиться от наблюдения, как они это проделали в Горроте, засекли бы моментально... Отчеты он получал регулярно — половина орбиталов принадлежала восьмому департаменту. Бегло проглядывал и отправлял в соответствующий архив, потому что содержание их долгие века сводилось к одной-единственной фразе: «Ничего *нового* не обнаружено».

— Сюрреализм какой-то, — сказала Канилла. — Установки, создающие поток искусственного «третьего ручейка», — у *этих*... Техника у них на таком уровне, что ее и техникой-то назвать смешно, а науки нет вообще...

— Значит, там есть кто-то еще, — сказал Сварог, — у которого гораздо лучше обстоит и с наукой, и техникой.

— Но ведь в свое время искали так скрупулезно... Да и до сих пор нет никаких данных...

— Ох, Кани... — вздохнул Сварог. — Ну какие у меня могут быть ответы? У меня даже версий нет, кроме одной-единственной: там есть кто-то еще, каким-то образом ухитрившийся остаться незамеченным. Ты согласна, что это единственная версия?

— Согласна...

— Ну вот. За неимением лучшего ее и будем придерживаться. Коли уж мы, честно признаться, в тупике. Возникает масса вопросов, но мы их пока что игнорируем, потому что нет и тени ответов... Мы даже не знаем, *сколько* это продолжается.

— И что же делать?

— Ждать, — сказал Сварог. — Завтра утром я встречаюсь с Канцлером, будет о чем поговорить. То, чем ты собиралась заниматься сегодня ночью, очень важная вещь или может подождать?

— Ну, вполне может подождать...

— Вот и отлично, — сказал Сварог. — Установи постоянное наблюдение за Нериадой: нужно изучить, не меняется ли интенсивность потока, не «отключится» ли он в какой-то момент... в общем, все, что возможно. Потом отправляйся спать. Чует мое сердце, завтра с утра весь ваш отдел будет загружен работой выше крыши. Канцлер проволочек не любит, а уж теперь... Что ты так смотришь?

— Вы плохо выглядите, — сказала Канилла. — Не припомню, когда я вас таким и видела...

Сварог вымученно улыбнулся:

— Ну, что поделать — слишком много на плечи свалилось... Ладно перебедем. Действуй, а я пошел. Переночую в «Русалке», а утречком полечу к Канцлеру. И выше нос, не такие загадки раскалывали...

Он вышел в коридор, с облегчением убрал с лица вымученную улыбку — не следовало представлять перед девчонкой раскисшим и разбитым. Умница, все подмечает... Медленно пошел к выходу, даже не пытаясь ломать голову над очередной загадкой, которую вместе с другими предстояло решать и ему...

Проходя мимо высокого зеркала, приостановился и посмотрел на свое отражение, стараясь сделать это с точки зрения постороннего, беспристрастного наблюдателя. Кажется, это у него получилось, но результат не радовал: человека в зеркале никак нельзя было назвать бодрым и энергичным — весь какой-то понурый и осунувшийся, плечи опустились, глаза потухшие... Махнув рукой, он пошел дальше. Ничего, пройдет. Есть отличное средство от всех горестей и печалей: работа на износ. А ее в самом скором времени навалится столько...

Свою комнату в «Русалке» он нашел быстро. Комендант, конечно же, оказался на высоте: келимас заказанного сорта, поднос с обильными закусками, серебряная чарка соответствующего размера — не на воробьиный глоток, но и не особенно большая, как раз достаточно, чтобы легонько забрало. Причем стояло все это не на столике у кресла возле окна, а на столике у изголовья кровати — свой мужик, комендант, все понимает. Можно и не заглядывать в шкаф — мундир там наверняка висит и начищенные сапоги стоят...

Сварог разделся, залез в постель, переложил подушку к спинке кровати, чтобы можно было сидеть. Притушил верхний свет, зажег настольную лампу и аккуратно наполнил чарку. Выпил, пожевал кусочек чего-то копченого, включил музыку, не выводя на особенную громкость. Хрипловатый, высокий голос Тарины Тареми...

*— А где-то позади, за далью и за пылью
Остался край чудес. Там человек решил,
Что он рожден затем, чтоб сказку сделать былью.
Так человек решил. Да, видно, поспешил...
И сказку выбрал он с печальной развязкой,
И призрачное зло в реальность обратил.
Теперь бы эту быль обратно сделать сказкой,
Да слишком много дел и слишком мало сил...*

Уже не в первый раз Сварога царапнула неприятная мысль: а ведь она наверняка погибнет, когда на Той Стороне станет бушевать Шторм. А если не погибнет... Все равно судьба ждет незавидная. Что же, ничего нельзя сделать? А кто сказал, что нельзя? Попробовать, во всяком случае, стоит...

*— А мы все мчимся вдаль, печаль превозмогая,
Как будто ничего еще не решено,
Как будто век прожив и все-таки не зная,
Что истина, что нет, что свято, что грешно...
И бесконечен путь, и далека расплата,
Уходит прочь недуг, приходит забвенье...*

...Вторая чарка, как обычно бывает, пошла еще легче. Забвенье понятно, не получилось, да он его и не ждал — но все же чуточку отпустило. Набраться как следует, уснуть мертвым алкогольным сном, завтра хлебнуть отрезвляющего — и работать, рыть землю, рвать жилы, потому что...

Он резко повернул голову к двери.

Замок, которому полагалось быть запертым, звонко щелкнул, и дверь при-

открылась. Здесь, в своем хозяйстве, надежно охраняемом отборными бойцами и парочкой повисших невысоко над манором небольших боевых орбиталов (требование Канцлера), вряд ли стоило чего-то опасаться, но в последнее время случилось столько всякого, не укладывающегося в прежние рамки... Так что Сварог бросил взгляд на висевший на стуле камзол и припомнил, в каком кармане у него бластер — ага, в правом.

И тут же облегченно вздохнул — нет, пожалуй, что не облегченно...

Тихонечко вошла Канилла, аккуратно притворила за собой дверь и, бесшумно ступая по толстому ковру босыми ногами, пошла к нему. Халат на ней был длинный, почти до пят, но из столь тончайшей материи, что каждое движение словно бы делало ее обнаженной. «Только этого мне не хватало для полного счастья, — смятенно подумал Сварог, — мало мне жизненных сложностей?»

Подойдя, Канилла непринужденно присела на край постели, улыбнулась своей неподражаемой лукавой улыбкой, всегда напоминавшей Сварогу сказки о китайских оборотнях, лисицах, прикидывавшихся девушками, — что для их ничего не подозревавших любовников кончалось иногда хорошо, а иногда так, что хуже некуда. Вот уж чего не ожидал...

— Ну, и что это все значит? — спросил он, стараясь подпустить в голос побольше суровости.

— А вы не догадываетесь? — ослепительно улыбнулась Канилла. — Никогда не поверю...

— Как ты ухитрилась...

Она, улыбаясь, разжала пальцы. На ладони у нее лежал небольшой предмет, больше всего напоминавший виолончель без грифа, черный, с золотой каемкой и несколькими золотыми пятнышками-сенсорами. Стандартная электронная отмычка из арсенала девятого стола. Канилла положила ее на столик, пожала плечами:

— Здесь повсюду стандартные простые замки, ничего сложного. Вот я и взяла в арсенале...

— Очень мило, — сказал Сварог. — Пришла и взяла... Помнится мне, любое снаряжение из арсенала, даже такую мелочь, выдают исключительно по предъявлении соответствующей бумаги с моей подписью...

Канилла смотрела на него с самым невинным видом:

— Так уж вышло, что у меня была соответствующая бумага с вашей подписью. И с печатью. Стандартный бланк, честь по чести...

Он чувствовал себя настолько вымотанным, что даже рассердиться как следует не было сил. Только pokrutil головой:

— Ну, Кани... Придется мне завести гауптвахту, каковую здешние военные уставы предусматривают. А мы как-никак гвардейское подразделение. Я серьезно. И знаю уже, кто ее обновит.

— Да пожалуйста, — безмятежно сказала Канилла. — Отсиджу, сколько влечете... Можно, я немножко выпью?

Не дожидаясь разрешения, протянула руку к бутылке, налила полчарки и лихо опрокинула, ничуть при этом не поморщившись, закусилa розовой конфетой, улыбнулась:

— Командир, я и подумать не могу, что вы меня возьмете за шиворот и выкинете за дверь... Смешно и глупо выглядело бы.

Он бы, пожалуй, и в самом деле, не смог — так что методы убеждения оставались исключительно словесные, а это иногда слабое подспорье...

Канилла пересела ближе к нему, насколько позволил столик. Невесомый халат распахнулся, почти что ничего уже и не прикрывая. Положение, если откровенно, было самое дурацкое — Сварог ее хорошо знал и всерьез подозревал, что словесные методы убеждения окажутся бесполезными. Но не выставить же, в самом Деле, за шиворот?

— Кани, — вздохнул он, — не надо нам этого делать...

— Надо, — отрезала Канилла. — Командир, вы только не подумайте, что я развратная. Ну какая я развратная, если вы у меня будете только второй? Отрубите мне голову, но с вами надо что-то делать. На вас смотреть страшно, выглядите, как поднятый колдуном покойник... Такое впечатление, что вместо души — один пепел. Да и у меня горсточка пепла присутствует... Я вовсе не собираюсь вас жалеть. Я просто хочу вас утешить. Это будет один-единственный раз, и мы больше никогда к этому не вернемся. Я все обдумала.

— Думаешь, поможет? — вяло усмехнулся Сварог.

— Поможет, — уверенно сказала Канилла. — Уж я постараюсь. Я многое обдумала... Вы, конечно, ничего не ответите — вы мужчина, дворянин, офицер, король, наконец... Но я уверена: Янка добросовестно пыталась вас утешить, как только могла. Ну, вы понимаете, о чем я. Только ничего из этого не вышло. Может, оттого, что она *ваша* — а здесь нужен кто-то посторонний... Вроде меня. Один-единственный раз... И не говорите, что я вам не нравлюсь, все равно не поверю...

— А ты не думала, что потом нам обоим будет перед Яной чертовски стыдно?

На ее очаровательное личико набежала тень:

— Конечно, думала. Конечно, будет стыдно. Очень. Но я думаю один-единственный раз нам небеса простят. Потому что с вами необходимо что-то делать, сил нет смотреть на вас, *такого*. Вы просто не имеете права быть *таким*, король Сварог...

Она одним движением сбросила халат на пол, прильнула к Сварогу и решительно прошептала на ухо:

— Все. Хватит болтать. Обнимите меня...

Совесть покусывала, конечно, и чувствительно — но он обнял девушку и притянул к себе. Дальше была только шалая, жестокая нежность, долгая, то медленная, то пылкая — и полное отсутствие Времени...

И потом он не знал, сколько времени прошло, когда лежал, бездумно уставясь в потолок, обнимая прижавшуюся к нему Каниллу. Что странно, не ощущалось ни капли раскаяния или стыда, словно произошла самая естественная вещь на свете.

Канилла легонько пошевелилась, прошептала на ухо:

— Вам было хорошо?

— Очень, — честно сказал Сварог.

— А теперь прислушайтесь к себе. Как следует...

Он добросовестно прислушался к себе. И понял: с ним что-то произошло. Не мог описать свои чувства в точности, но знал одно: это никак не походило на то, что испытываешь после близости с юной искусной красавицей. Что-то совершенно другое. Боль и тоска от недавних утрат не исчезли совершенно,

но теперь отодвинулись на периферию сознания, перестали жечь душу, как жгли совсем недавно который день. Он чувствовал себя совершенно *иначе*, и это никак не могло оказаться самовнушением — прежде-то оно не помогало, как ни старался...

— Кани, — сказал он в некоторой растерянности, — что это такое?

— Ага, почувствовали?

— Ну да. Это не может быть просто так, случилось что-то...

— Вот именно, — сказала Канилла. И продолжала тоном, каким говорят о самых обыденных вещах, — моя бабушка по матери — дриада. Значит, я тоже, пусть всего на четверть. Честное слово. Или не верите?

— Верю, — серьезно сказал Сварог.

И нисколько не кривил душой. Поверил еще в Равене, когда они сидели в кольце облавы и Сварог для скоротания времени вел долгие разговоры о всевозможных ученых материях с мэтром Анрахом. Анрах говорил, что существование дриад признавали весьма серьезные книжники, не склонные к выдумкам и не верившие авторам всевозможных баек. Один из них — и Анрах дал ему с собой почитать очередную книгу — сам встречался с дриадой в Брамилонских лесах, чуть ли не три тысячи лет назад. К сожалению, в отличие от многих других трудов, этот был написан невероятно сухим, можно даже сказать, суконным языком, словно отчет о некоем научном эксперименте из ряда длинных и скучных. Но все равно, было интересно.

Анрах говорил потом: когда-то дриад обитало в лесах не так уж и мало — но понемногу, утверждали серьезные люди, становилось все меньше и меньше. Некоторые современные книжники полагают, что они исчезли совсем. Что с ними произошло, так никому и неизвестно, кто-то считал, что они постепенно перестали *быть*, кто-то писал, что они ушли в какой-то другой мир, но доказательств у него не было. Были — и не стало их. Как случилось и с наядами, исчезнувшими гораздо раньше: Девами Ручьев, Девами Родников, Девами Озер. По этому поводу Анрах отпустил длинную тираду словечек из своего конногвардейского прошлого: всевозможная поганая нечисть процветает как ни в чем не бывало, а создания, никогда никому не причинявшие зла, исчезли из нашего мира...

— Вот оно как, — сказал Сварог. — Значит, правду писали старинные книжники, что дриады, да и наяды, могли становиться обычными девушками и выходить замуж за своих возлюбленных?

— Чистую правду, — сказала Канилла. — И те, и другие... но это было бесповоротно, вернуться в прежнее состояние они уже никогда не могли и прежних способностей сохраняли малую часть, но сохраняли. — Продолжала задумчиво: — А это ведь был большой риск: вдруг разлюбит и бросит? А в прежнее состояние вернуться нельзя. Я бы, наверное, не смогла... а впрочем, я ведь никогда не любила еще по-настоящему...

Вот *теперь* кое-какие наблюдения Сварога получали полное объяснение. С бабушкой Каниллы он знаком, дважды был у нее в гостях — жизнерадостная, ничуть не казавшаяся дряхлой старушка очень интересовалась Хелльстадом — и, как он теперь понимал, обиняками расспрашивала, не обитают ли там дриады или наяды. Но не в том дело. Манор вдовствующей маркизы в некотором смысле уникален. Практически при всех есть парки, порой обширные. Но только замок маркизы окружал самый настоящий дремучий лес чуть

ли не в десять югеров — значит, она хотела жить именно так, даже став человеком...

И с матерью Каниллы он был знаком. У нее-то парк был самым обыкновенным, стандартным, можно сказать. Тут другое. Всякий раз, общаясь с бабушкой, с матерью, да и с самой Каниллой, Сварог испытывал странное чувство: словно бы чуял в них некую *инакость*, некое неуловимое отличие от обычного человека — хотя так никогда и не мог понять, в чем это заключается. Хотя знал твердо: *это есть*. Вот в чем разгадка, оказывается...

— Что ты со мной сделала? — спросил он.

Канилла фыркнула ему в ухо:

— Если бы я сама точно знала, как это называется... Дриады умели *забирать* душевную тоску, загнать ее глубоко, чтоб она перестала постоянно *грызть*. Именно таким способом, и только им. Потомки дриады понемногу теряют те способности, что у нее еще оставались, — так и с матерью случилось, и со мной. Но чтобы утратить их окончательно, двух поколений мало. Кое-что у меня осталось, в том числе и *это*. Бабушка вас видела в Келл Инире четыре дня назад. Поняла, что с вами творится. Вызвала меня и велела вас *полечить*.

— Она торопливо добавила: — Но я бы это сделала и без ее наставлений, ради вас, командир, я бы и не то сделала... — она тихонечко рассмеялась. — А знаете... Может, вам и не стоит терзаться угрызениями совести... касаясь Яны. Вполне может быть, она, узнав, и не рассердилась бы, она ведь умница и поняла бы *суть* происшедшего... и того, что еще произойдет до утра, я надеюсь, потому что до утра еще далеко, а это у нас первый и последний раз...

— Может, и Танец Дриад — не выдумка книжников?

— Нисколечко. Сейчас докажу.

Канилла выскользнула из-под одеяла, встала в полосе лунного света, падавшего из широкого окна (сколько лет прошло, а Сварог никак не мог отделаться от привычки именовать этот свет «лунным»). Медленно, плавно подняла руки над головой и стала танцевать. Видно было, что отсутствие музыки ей нисколечко не мешает, — ну да, книжники писали, что дриады и наяды обходились без всяких музыкантов, это феи любили устраивать свои пляски непременно под оркестр (конечно, из *своих* музыкантов, хотя порой и заманивали на ночной дороге какого-нибудь странствующего менестреля).

Этот танец нельзя было описать человеческими словами. Грация, красота, нечто завораживающее — все это были лишь приблизительные определения. Сварог просто смотрел, представления не имея, сколько времени прошло. Одно мог бы сказать: танцует человек, и все движения, все пируэты и фигуры, соответственно человеческие — но явственно ощущается нечто *не вполне* человеческое, нечто *другое*...

Канилла легла с ним рядом, прижалась, грустно сказала:

— У меня получается довольно скверно...

— Ну что ты, — сказал Сварог. — Красивее танца я и не видел.

— Потому что вы видели только *меня*, — с той же легкой грустью сказала Канилла. — Я ведь дриада только на четверть, это сказывается. Видели бы вы бабушку, когда она меня, совсем маленькую, учила танцевать в своем лесу... Часть способностей она потеряла, но все равно, куда мне до нее...

Сварог усмехнулся:

— Мэтр Анрах руку бы отдал на отсечение, точно, чтобы увидеть, как ты

танцуешь...

— Не сомневаюсь, — фыркнула Канилла. — Только постараемся уж обойтись без ученых книжников, и больше ни о чем меня не спрашивайте, пожалуйста. Чтобы я не чувствовала себя таким объектом научного исследования...

— Не буду, — сказал Сварог. — Честное слово.

— А вообще-то у нас в семье об этом говорили очень мало и скупно, — сказала Канилла. — Мне всегда казалось, что бабушка в самой глубине души все же чуточку тоскует о *прежней* жизни. Ни о чем не жалеет — они с дедушкой всегда жили счастливо, — но чуточку тоскует... Правда, мне думается, она тосковала бы сильнее, оставайся в этом мире другие дриады. Но они исчезли — то ли в другие места, то ли *навсегда*...

— А один-единственный вопрос можно? — спросил Сварог. — Что, никто так и не знал, кто она?

— Ну, конечно, — сказала Канилла. — Представляете, каким объектом нездорового любопытства она бы стала, выплыви правда наружу? Жизни бы не было...

— Да уж... — сказал Сварог.

— А то и впрямь... объектом научных исследований, — сказала Канилла сердито. — Магистериум, Мистериор... Технион тоже уже существовал. Ученые и книжники не в состоянии пройти мимо чего-то необычного, как пройца не в состоянии пройти *мимо* кабака... — она звонко рассмеялась. — Хотя я сама в этом отношении ничуть не лучше, меня теперь от «семи ручейков» не оторвать... Благо получается вроде бы неплохо...

«Интересно, — подумал Сварог. — Возможно в генеалогии и секрет ее нешуточных успехов, достигнутых в самые короткие сроки». Профессор Марлок совершенно серьезно сказал ему как-то: «Черт его знает, как так получается, но эта соплячка, не закончившая и двух курсов Лицея, уже работает на очень серьезном уровне, как настоящий ученый». Быть может, все дело в четвертушке крови дриады? Написал же не так давно один молодой астрофизик из Магистериума интересную статейку, где утверждал: вполне возможно, наука получила бы крайне любопытные и оригинальные результаты, если бы удалось привлечь к научной работе *нелюдей*. Правда, доказательств он никаких привести не мог, и научная общественность — да и он сам — отнеслась ко всему, как к шутке.

— Тех, кто *знает*, по пальцам можно пересчитать, — задумчиво сказала Канилла, видимо, следуя каким-то своим мыслям. — Яна. Я ей под великим секретом рассказала, когда мы были совсем девчонками, — а секреты она хранить умеет, — засмеялась. — А самое забавное, знает и принц Элвар. Это сейчас он забросил всякую фамильную магию, за исключением необходимой для лара бытовой. А когда был совсем молоденький и не пил так люто, многим интересовался. И как-то почуял. Бабушка рассказывала: в один прекрасный день появился к ней с визитом и с порога бухнул: «А я знаю, кто вы, маркиза!». Но пообещал держать язык за зубами и до сих пор держит. Они с бабушкой какое-то время даже чуточку приятельствовали, но потом она неосторожно предложила навсегда излечить его от пьянства — это когда он уже пил вовсю. Принц страшно обиделся и заявил, что не может приятельствовать с людьми, делающими ему *такие* предложения. Столько лет прошло, а они так и не по-

мирились...

— Интересно, а бабушка разрешала тебе все это мне рассказывать? — спросил Сварог.

— Разговора об этом не было, — сказала Канилла. — Не разрешала, но и не запрещала, а что не запрещено, то разрешено. Вы ведь, я совершенно уверена, никому не расскажете?

— Слово короля, — сказал Сварог.

— Я в вас не сомневалась, командир... — и добавила уже другим тоном: — А ночь уходит...

И первая обняла его.

Глава IV О КАМНЯХ И НЕ ТОЛЬКО О НИХ

Он всегда просыпался чутко, а уж в последнее время... Открыл глаза. Небо за высоким окном было уже синеватым, рассветным, Канилла стояла у постели, смотрела на него ласково и печально. Увидев, что он проснулся, бледно улыбнулась, наклонилась, приложила палец к его губам и сказала тихо:

— Это был первый и единственный раз, и мы никогда больше об этом не вспомним. Правда?

— Слово короля, — сказал Сварог. — Спасибо, Кани. Слов не могу подобрать...

— И не нужно, — сказала она, полное впечатление, заботливо. — Я бы для вас что угодно сделала, к чему тут слова... — и улыбнулась чуточку веселее. — Ну вот, бабушка была права, вы ни капельки не похожи на себя вчерашнего, совершенно такой, как всегда... Я пойду, пожалуй, скоро начинается рабочий день, а мне еще снять с компьютеров то, что вчера обговаривали...

— Действительно, — сказал Сварог. — Как бы не увидел кто...

Канилла улыбнулась:

— Мы же одни во всем здании. И моя комната как раз напротив.

«Ай да комендант, служака с непроницаемой рожей, — подумал Сварог. — Поди, угадай, что творилось у него в голове, когда он отвел ему номер как раз напротив комнаты Каниллы. Ну, всегда было впечатление, что он умнее, чем старается показать... Да ладно. Что бы он там себе ни решил, молчать будет, как рыба... Верный человек и жизнь понимает так, как ее кое в чем понимают только военные...»

Хотелось сказать что-то нежное и теплое, но он не находил слов. Канилла произнесла просто:

— До встречи на службе, командир...

Грациозно повернулась и пошла к двери. Сварог смотрел ей вслед, и такова уж мужская натура, что он не чувствовал ни раскаяния, ни стыда — только легкую грусть оттого, что это никогда не повторится, а оно ведь никогда не повторится, Канилла свое слово держит железно, да и сам он не стал бы пытаться ни за что...

Когда за Каниллой защелкнулся замок, он посмотрел на часы. Времени было достаточно — и выпить кофе, и быстренько пройтись по зданию — вдруг есть что-то новое? — и к Канцлеру он успевал распрекрасно. Извлек из воздуха большую кружку кофе, глиняную, пузатую — сейчас не до гурманства, а кофе он давно уже «настроил» именно такой, какой любил, в меру крепкий, не особенно горячий, без сахара. Подумав, поставил ее на столик и прошлепал босыми ногами к высокому зеркалу, по пути движением пальца включив свет. Присмотрелся к себе.

Все так и есть: ничего похожего на понурого типа с потухшим взглядом, плетущегося вчера по коридору научного здания. Такой, как всегда — ну, разве что в глубине глаз затаилось что-то, *отсветы* тоски и грусти. Что поделать, есть вещи, с которыми и дриада не в состоянии справиться. Но вот *жечь* душу перестало, как жгло все прошлые дни. Теперь работать и работать, лучшего лекарства не придумано...

Когда он вышел на крыльцо — собранный и деловой начальник девятого стола, готовый яростно *работать* с самыми головоломными загадками, уже совсем рассвело.

«Они, в первую очередь, мне не простили бы, превратись я в медузу, — подумал Сварог, — все они успели проникнуться тем самым цинизмом войны, что людям, в жизни не попадавшим в жестокие переделки, незнаком и способен иных прекраснодушных мечтателей ужаснуть».

Он задержался на крыльце — на посадочную площадку как раз опустился синий с серебром брагант Томи, а там и она вышла, направилась к зданию — упругим шагом человека, знающего, что у него впереди масса серьезных дел. В мундире, на лбу — белая повязка, *здесь* такого в заводе нет, это чисто таларский военный обычай: так носят неделю траур по погибшим друзьям. Откуда она о нем узнала? Ах да, она же знакома с Гаржаком...

Он не то чтобы избегал девушку в эти дни — просто старался без лишней необходимости с ней не встречаться. Как ни вдалбливал себе, что все это глупость и самовнушение, не мог отделаться от мысли, что Томи смотрит ему вслед и думает: «Почему ты вернулся, а *он* остался там?». Это не здесь родилось — еще в прошлой жизни он не раз испытывал нечто подобное, когда возвращался из *горячих* мест, а другие оставались там навсегда. И не он один, ох, не один...

Хорошо еще, с ним никогда не бывало того, что порой случалось с другими: когда вдова, себя не помня в горестной истерике, выкрикивает в лицо: «Почему *ты* вернулся, а он — нет?»

И не объяснить ей, что так уж легли пуля или осколок, или прилетел нож. Ладно, не будем больше об этом, работать пора...

Он вошел в приемную. Там все было, как обычно: бдительно прохаживалась парочка часовых, двое дежурных сидели за пультами, в углу за своим столом, тоже уставленным парой-тройкой электронных устройств, расположился комендант. А справа протянулся рядок кресел для посетителей, которых по тем или иным причинам не следовало до выяснения пускать дальше приемной. Кресел имелась дюжина, все пусты, кроме одного.

В нем сидел герцог Орк — без меча, со шляпой на коленях. Вскочивший при виде Сварога, вот чудо, прямо-таки радостно. Комендант прилежно доложил:

— Господин герцог прилетел час назад и, узнав, что вы здесь, попросился к вам на прием.

«Эт-то еще как прикажете понимать? Ни свет, ни заря, собственно. Когда рабочий день еще не начался... Однако, если вспомнить, что этот субъект ничего не делает зря...»

— У меня к вам дело, не терпящее отлагательств, лорд Сварог, — сказал Орк с крайне примечательным выражением лица: там смешались и стремление сохранить гордое достоинство, и явное нетерпение, и словно бы, вот чудо, тень некоего *искательства*, а может, робости — ни то, ни другое чувство Орку как-то не свойственно... Что-то серьезное должно было стрястись, чтобы у него стал *такой* взгляд...

Сварог глянул на часы: к Канцлеру он успевал вполне, времени было с запасом.

— Ну что же, пойдете, герцог, — сказал он, делая приглашающий жест в сторону парадной лестницы.

Краем глаза заметил, что комендант, не сводивший с них бдительного взгляда, опустил руку на клавиатуру одного из своих пультов. Усмехнулся про себя: насколько он знал коменданта, едва Орк окажется в его кабинете, возле кабинета Сварога непременно окажется пара-тройка терминаторов из здешнего спецназа. Ну, когда имеешь дело с Орком, лучше пересолить, чем недосолить...

Как он и думал, секретарь в его личной приемной оказался на месте — нет, ну когда он спит и где живет? Лицо свежее, полное энергии и готовности исполнить любой приказ. Здесь же сидела и Канилла — в мундире, аккуратно причесанная, с невозмутимейшим лицом, словно ничего и не было — женщины это отлично умеют. Она проворно встала и подала Сварогу плоскую синюю коробочку, в которых обычно хранились здешние флэшки-«спички», сказала насквозь служебным тоном:

— Здесь все материалы, что вы просили, командир.

— Спасибо, — сказал Сварог. — Можете идти, штаб-сержант.

Она четко повернулась через левое плечо и вышла (успев все же бросить быстрый любопытный взгляд на нежданного гостя).

— Проходите, герцог, — сказал Сварог. — Садитесь. Келимаса хотите? Настоящего?

— Не откажусь...

Направляясь к шкафчику, Сварог мимолетно бросил взгляд на маленький экранчик, установленный так, что любому посетителю он был не видел. Там светилась надпись: «При посетителе нет ни оружия, ни работающих электронных устройств». Это, конечно, комендант, пока Орк торчал внизу, постарался посмотреть, что у него за душой.

Сварог свою чарочку лишь пригубил из вежливости — время чересчур уж раннее, — а вот Орк осушил до дна и смотрел с таким выражением, словно не прочь был тут же отправить следом вторую. Определенно, он волновался. Сварог — что тут скромничать? — налил ему вторую, столь же молниеносно повторившую судьбу первой.

Кивнув на дверь, Орк сказал с чуточку вымученной улыбочкой:

— Поразительно, как вы ухитрились так быстро вымуштровать этих юных шалопаев...

— Опыт, — сказал Сварог сухо. — Еще?

— Если вас не затруднит...

Да что с ним такое? На себя не похож...

С третьей Орк разделался столь же моментально, на миг прикрыл глаза, чуть откинув голову:

— Пожалуй, хватит, спасибо... Разговор нужно вести на трезвую голову...

— С чем пожаловали в такую рань? — спросил Сварог не то чтобы сухо, но тоном насквозь деловым.

Орк на секунду отвел взгляд:

— Хотелось бы поговорить по душам...

— Почему бы и нет? — сказал Сварог, положительно, игра приобретала интерес. — Коли уж по душам... Уж извините за вульгарное любопытство, но чертовски хотелось бы знать, почему вы себя повели на Сегуре именно *так*? «До первой крови»? Учítывая, что несколько лет назад вы как-то подробно расписали, насколько «тепло» ко мне относитесь... У вас ведь был шанс. Честно признаться, я не знаю, кто из нас лучше в бою на мечах. Убить вы меня, может, и не убили бы, но серьезно поранить могли. Что вас автоматически делало королем Сегура и Дике.

Вот *теперь* Орк улыбнулся давно знакомой улыбкой — хищной, умной.

— Верите вы или нет, лорд Сварог... — сказал он. — Но сейчас я об этих словах сожалею. Мы оба тогда были гораздо моложе. Можно сказать, в нас бурлила юность... С тех пор многое изменилось. Очень уж высоко вы взлетели, чтобы всерьез пытаться претворять в жизнь юношеские угрозы. Здесь нет ничего от трусости, не подумайте. Просто-напросто я за эти годы научился, как бы это назвать, разумной предусмотрительности. Если человек откажется выходить на каталаунского тигра с одним дамским кинжальчиком, никто ведь не почитает его трусом, верно?

— Безусловно, — сказал Сварог.

— Ну вот, вы понимаете...

«Интересно, врет или нет? — подумал Сварог. — Быть может, и нет, умен он был всегда. Я ему сейчас попросту не по зубам, должен понимать...»

— Так вот, — сказал Орк. — Даже если бы я вас не убил, а просто серьезно ранил, нет никаких сомнений: сегурским королем мне удалось бы пробыть в лучшем случае неделю. Непременно всадил бы кинжал в спину кто-нибудь из ваших головорезов — вы собрали, должен признать, отличную команду... Иногда даже завидно. Если бы я знал с самого начала, что и вы будете участвовать, не полез бы в это дело... Вас удовлетворяет такое объяснение?

— Полностью, — сказал Сварог. — Ну, а что же за дело, заставившее вас нагрянуть ни свет ни заря?

Словно не слыша, Орк задумчиво продолжал:

— Конечно, те юношеские угрозы были сущей мелодрамой из комедии масок, но все равно, отношение к вам не изменилось. Как-то так получилось, что мне не осталось достойного места на Таларе, куда ни посмотри — всюду ваши короны и флаги. — У него вырвалось с неподдельным надрывом: — Черт побери, ну как это вам удалось?

Возможно, ему просто хотелось выговориться. Сварог серьезно сказал:

— Возможно, все дело в том, что меня почти каждый раз *приглашали*. Сами. И кое-что я сделал, дававшее основание для таких приглашений. Надеюсь, вы

не усматриваете в этом похвальбы?

— Не усматриваю, — сказал Орк. — Простая констатация факта, я понимаю. И все равно, какая разница? Главное, *теперь* мне нечего делать на Таларе. А здесь, за облаками, ядохну от скуки, это место не для меня...

— Отправляйтесь на Сильвану, — усмехнулся Сварог. — Вот уж где непаханое полюшко для ваших интриг и каверз... Меня там в ближайшую пару сотен лет уж точно не будет.

— Кто вас знает...

Сварог демонстративно посмотрел на часы:

— У меня не так уж много времени. Мне вскоре лететь к Канцлеру, а он любит пунктуальность. Так что, давайте оставим эту лирику для более подходящего случая. Как я понял, вы пришли с каким-то серьезным делом... К начальнику серьезной конторы. Не будете ли так любезны...

Орк натянуто улыбнулся:

— Сложилась странная ситуация, лорд Сварог, прямо-таки парадоксальная. Я вас ненавижу, но, поразмыслив, почему-то именно к вам решил обратиться за помощью...

— За помощью? — небрежно повторил Сварог. — В жизни не помню, чтобы вы искали у кого-то помощи...

— А теперь вот пришлось, — сказал Орк без улыбки. — Дело в следующем. При весьма загадочных обстоятельствах ко мне в руки попал весьма загадочный предмет. Вот... — Он сунул руку в карман камзола и выложил на стол классический черный камень-компьютер тех же размеров, что у патриция, идеально отполированный, овальный, с выступавшим на одной стороне круглым бортиком с продолговатой луночкой внизу.

Сварог знал, что сохраняет на лице совершеннейшую невозмутимость — как-никак он давно уже не был королем-первогодком, научился владеть лицом и в нелегких словесных поединках с земными дипломатами, иным из которых пальца в рот не клади, и в беседах с Канцлером. И на допросах присутствовал не единожды. Так что опыт имелся. Орку совершенно ни к чему знать одну из *тяжелых* государственных тайн — что он со своим компьютером далеко не первый...

Поэтому он поднял брови и постарался прибавить в голосе самого естественного удивления:

— И что это за булыжник? Это и есть ваше серьезное дело?

Ручаться можно, Орк *купился*. Он воскликнул словно бы даже с негодованием:

— Это не булыжник! Это компьютер.

— Это? — показал Сварог пальцем с оттенком легкой брезгливости.

— Представьте себе, — прямо-таки огрызнулся Орк. — Оказывается, бывают и такие...

— В жизни не видел.

— Вы еще столько в этой жизни не видели... Говорю вам, это самый настоящий компьютер!

— Вообще-то всякое бывает, — примирительно сказал Сварог. — Иногда для спецопераций компьютерам придают самый необычный вид... Можно посмотреть? — он повертел камень в руках так, словно видел его впервые. — Интересное исполнение, ни за что не подумаешь... Покажите, как он включается.

— У вас не получится, — сказал Орк. — Так уж сложилось, что включать его и работать на нем могу только я.

— Интересно... — сказал Сварог с таким видом, словно впервые слышал о таких вещах. — Герцог, простите великодушно, но здесь явно присутствует логическая неувязка. Компьютер вам достался «при весьма загадочных обстоятельствах», но управляться с ним можете только вы...

— Так уж сложилось. Это отдельный разговор, и долгий.

— Ладно, отложим на потом, — сказал Сварог. — Время поджидает. Покажите тогда, что там есть... там ведь наверняка что-то есть, и вы пришли показать его, а не сам компьютер...

— Извольте. Только должен предупредить сразу: *сам* я туда ничего не вводил. Все, что там есть, уже там было...

— Показывайте.

Повторилось то, что Сварог уже наблюдал у патриция Кадората, — Орк положил подушечку большого пальца в луночку, зажмурился, пошевелил губами. Сварог обошел стол и встал за плечом Орка. На темной поверхности стола, меж его краешком и компьютером, появилась клавиатура из неяркого синего света. Над компьютером засветилась тускло-синяя полоса прямоугольного экрана.

Орк коснулся нескольких клавиш. Экран залило синим светом, ярче рамки загорелись черные буквы — стандартный компьютерный алфавит, принятый повсеместно. Крупными буквами:

ИМПЕРАТРИЦА, ВАРИАНТ ПЕРВЫЙ.

Потом появилось изображение коридора. Сварог его узнал по люстрам, малахитовым медальонам на стенах, высоким вазам в полукруглых проемах. Келл Инир, коридор за Бриллиантовыми Пикинерами, ведущий в личные покои Яны.

Потом показалась она сама, в знакомом Сварогу бежевом платье, шла как бы на камеру, в сопровождении незнакомого сановника — судя по роскоши одежды. То ли видеозапись, то ли отличная компьютерная графика. Сановник, как и полагалось, предупредительно держался в шаге за ее левым плечом. Лицо у нее было спокойное, безмятежное.

И вдруг что-то произошло. Яна сбилась с шага, словно споткнулась на безукоризненно ровном полу, устланном мягким ковром, приостановилась, лицо стало удивленным, застывшим — и она стала падать, подламываясь в коленках, заваливаясь на правый бок.

Сановник не дал ей упасть, подхватил за талию левой рукой — в правой у него был кинжал с широким лезвием, — осторожно опустил на ковер. Она не шевелилась, смотрела в потолок застывшим взглядом. Наклонившись над ней и, видимо, убедившись том, что все кончено, сановник бросил рядом окровавленный кинжал, быстрым шагом направился прочь, свернул направо, в первый же боковой коридор, исчез с глаз. Картинка оставалась неподвижной: Яна, уставившаяся в потолок безжизненным взглядом, ни единой живой души в коридоре...

У Сварога захолонуло сердце — до того натурально все выглядело, настоящая документальная съемка... Орк нажал клавишу — и картинка исчезла, экран вновь стал синим.

— Что это такое? — спросил Сварог в полной растерянности.

— Смоделированное покушение на императрицу, — кривя губы, сказал Орк. — Там есть еще несколько вариантов. И не на нее одну — еще на нескольких человек, на вас в том числе...

— А еще?

— Оба принца и Канцлер.

«Господи ты, боже мой! — подумал Сварог. — За Яну не стоит особенно беспокоиться — у барона Абданка каждый человек проверен на сто кругов. Канцлер с некоторых пор держит в своей резиденции серьезную охрану и без нее не летает. А вот у обоих принцев охраны нет вообще. Канцелярию земных дел охраняют четверо чисто декоративных раззолоченных гвардейцев, предназначенных исключительно для того, чтобы производить должное впечатление на земных монархов. У Элвара в его каталаунском замке нет ни единого охранника, по Каталауну он болтается в сопровождении одного-единственного камердинера, не обученного военному делу...»

— Ну, и что все это должно означать? — спросил он тихо, недобро, нависая над герцогом, так и державшим пальцы на светящихся квадратах клавиатуры.

— Представления ни имею, — ответил Орк, чуть побледнев. — Слово чести, я сам сюда ничего не вводил, каким его получил, таким и привез. Лорд Сварог... не стоит паниковать. У вас еще есть время. Она сказала, что пройдет не меньше месяца, прежде чем эти... планы начнут претворяться в жизнь, а то и побольше.

— Я и не думаю паниковать, — сухо сказал Сварог. — Я просто думаю, как мне лучше всего выполнять свои служебные обязанности. Значит, есть еще какая-то загадочная «она»...

— Вот именно... Она пришла сама... Я ни о чем подобном не просил, мне бы и в голову не пришло... Понятия не имею, почему они обратились именно ко мне...

Сварог покривил губы:

— Вероятно, оттого, что всем известен ваш высокоморальный облик и безукоризненная репутация... Ладно, некогда болтать. Ваш брагант здесь?

— Где ж ему еще быть?

— Выключайте эту штуку. Сейчас полетите со мной к Канцлеру, там мы все это вместе посмотрим, все и расскажем. Не вздумайте перечить — арестую, власти хватит...

Но Орк, сразу видно, перечить и не думал. Сварог впервые видел его таким — прямо-таки в совершеннейшей растрепанности чувств. Тогда, в Горро-те, он и то держался гораздо хладнокровнее. А впрочем, компьютер, да еще невиданного облика, врученный при каких-то загадочных обстоятельствах, с таким содержимым, и человека вроде Орка способен всерьез напугать. В особенности если сам он не собирался ни во что подобное впутываться...

— Да, когда вам его дали? — спросил Сварог, подхватывая портфель с «тарелочками» и всеми привезенными из Сегура бумагами.

— Вчера, поздно вечером, чуть ли не в полночь...

— Ладно, пошли, — сказал Сварог. — Идите в свой брагант, я на минутку задержусь...

Когда Орк вышел из приемной, Сварог повернулся к секретарю и сказал,

стараясь, чтобы в голосе не прозвучало ни тени растерянности или уж тем более паники:

— Девятому столу — Белая Тревога. Сколь у нас солдат в маноре?

— Тридцать два.

— Шестерых отправите в Канцелярию земных дел, пусть возьмут под охрану приемную его императорского высочества, — он понизил голос: — Возможно покушение на обоих принцев, так что при любой угрозе пусть оружие пускают в ход без церемоний. Все понятно?

— Так точно, господин директор! — приняв некое подобие стойки «смирно», ответил секретарь (человек изначально штатский, но, как и все прочие, не обойденный вниманием коменданта и потому усвоивший кое-какие азы). — Но вот принц Элвар...

— Да уж, — с чувством сказал Сварог. — Выясните, где он сейчас. Если у себя в маноре или у кого-то в гостях здесь, за облаками, достаточно будет шести человек. Если в Каталауне — пошлите на поиски человек двадцать на десятке брагантов. Если у принцев возникнут вопросы — у первого они наверняка возникнут, у Диамер-Сонирила, — пусть старший группы ссылается на мой приказ и высшую государственную необходимость. И твердит, что сам представления не имеет, в чем тут дело... и, кстати, ничуть не покривит душой. В общем, обеспечить защиту от любого возможного покушения. Выполняйте.

Резко развернулся и сбежал по ступенькам. С собой он охрану брать не стал — брагант у него был боевой, весьма даже неплохо вооруженный. А Орк вряд ли пустится в бега — он, никаких сомнений, хоть и не сказал об этом прямо, кинулся сюда спасаться от неожиданных сложностей жизни...

Два браганта рванулись, как пущенные в небо стрелы. «Ну вот и доигрались, — подумал Сварог. Началось вроде бы с пустяков — если считать пустяками помощь пирату в отлавливании самых жирных „купцов“; давным-давно убитому бандиту — в планировании безупречных по исполнению операций, а патрицию Кадерату — в воровстве информации из Канцелярии земных дел, позволяющей зашибать неплохую денежку. А кончилось вовсе уж серьезно. Орк сказал „она“. Интересно, что за персона? И под какой личиной на сей раз выступает загадочный противник? Одно уже сейчас можно сказать со всей уверенностью: против них играет разумная сила, уж в этом-то никаких сомнений...»

...Герцог Орк трудился старательно и прилежно, стахановец хренов, исправно выполнял просьбы зрителей, чаще всего — Канцлера. Останавливал изображение стоп-кадром, возвращал назад; выводил на весь экран лицо очередного убийцы. Канцлер, Сварог и профессор Марлок сидели за его спиной. Четвертый, неприметный человек средних лет, несомненно, один из особистов Канцлера, снимал все происходящее на экране крохотной видеокамерой: ну понятно, все придется просмотреть еще не раз, а как скачать информацию с этого компьютера, никто понятия не имел, Орк в том числе.

«Второй вариант» — то есть второе покушение на императрицу. Снова пустой коридор Келл Инира, только другой. Ни единой живой души, если не считать неподвижно стоявшего у колонны Бриллиантового Пикинера. Когда показалась Яна, он остался стоять статуей, как дворцовому часовому и положено. А когда Яна его миновала, выхватил из-под щедро расшитого бриллиантами парадного мундира небольшой черный бластер и выстрелил ей в спину.

Еще когда она падала ничком, отшвырнул свое табельное оружие — нечто вроде гуфы с несколькими сверкающими трубочками по обе стороны вычурного лезвия — и резво припустил прочь по коридору, тут же исчезнув из кадра.

(Так уж сложилось, что только после самоубийства Гаудина Сварог узнал кое-что о степени опасности для ларов лучевого оружия. Прежде как-то речь не заходила, повода не было. Лучевое оружие бывает двух видов. «Пунктирное», то есть стреляющее отдельными импульсами, для лара не опаснее щекотки. А вот бьющее непрерывным лучом на манер гиперболоида — стопроцентная смерть. Те же правила, что касается копья, топора, ножа. Луч точно так же является *продолжением руки*. Сварог никого ни о чем не спрашивал, но давно и крепко подозревал: в давние времена, когда магическая система защиты ларов только-только формировалась, кто-то из тогдашних владык с умыслом установил именно такие правила: чтобы его подданные не были *очень уж неуязвимы*. Благоразумный, право, был человек. Любой король вам скажет, что подданные — та еще публика, способная устроить и мятеж, и переворот, и цареубийство. Так что весьма неосмотрительно было бы в данном случае делать их полностью неуязвимыми от оружия посерьезнее меча или копья. Один серьезный промах этот неведомый умник допустил: Сварог на его месте сделал бы себя и свое семейство как раз неуязвимым полностью даже для ножей с алебардами. Благоразумный человек просто обязан был об этом подумать. Ну, возможно, вступили в игру те самые примечания мелким шрифтом, нашлись некие непреложные законы, делавшие *полную* неуязвимость невозможной. Возможно, по тем же причинам не появились и какие-нибудь «магические кольчуги» — некое силовое поле, делающее человека неуязвимым для любого абсолютно оружия — от луча бластера до примитивного удара поленом по голове. За несколько тысяч лет кто-то да должен был о таком подумать. Но никаких «магических кольчуг» так и не появилось. Есть, правда, комбинезоны с капюшонами, выполняющие как раз эти функции, но какой король, даже проведав, что ему грозит покушение, стал бы в нем расхаживать по дворцу круглые сутки? Что интересно, земная магия тоже не знает никаких «магических кольчуг» — только заклинания, касающиеся, так сказать, частностей — отводящие, когда стрелы, когда пули, хранящие то от топора, то от ножа, то от меча, но никогда — от *всех* видов холодняка сразу... Примерно так обстоит с ним самим: на земле носит под одеждой великолепную толладскую кольчугу тройного плетения, снимая ее только в спальне. Но голова-то остается беззащитной, и по ней в любой момент можно приложить чем угодно, хоть кочергой...).

Третье покушение — Сварог невольно скрипнул зубами — произошло в Латеранском дворце. Яна (для Латераны — баронесса Вильмер) спокойно спускалась по Ажурной лестнице. Поднимавшийся навстречу ливрейный лакей, почтительно поклонился (ну, каждая собака во дворце знает, в каком качестве состоит при его величестве баронесса), а поравнявшись с Яной, молниеносно выхватил кинжал и ударил ее в сердце. Нелепо распластавшаяся на ступеньках фигурка в знакомом палевом платье, расплзающееся пятно крови, казавшееся черным на черном чугуне...

Сварог надеялся, что на этом и кончится. Напрасно: вспыхнула надпись: «Императрица. Четвертый вариант». На сей раз — лесная чащоба, определен-

но Каталаун: поляна, густо заросшая алыми гроздьями «вдовьих слез» и золотистыми шарообразными скоплениями мелких цветочков асендаля, и те и другие цветы на Таларе растут только в Каталауне. Вокруг поляны — типично каталаунский лес: сосны со свисающими с веток пучками горной омелы, заросли раскидистых папоротников... Почти посередине поляны уткнулся клыкастой мордой в густую траву здоровенный секач, утыканный стрелами (и обитатели земли, и лары до сих пор ради остроты ощущений предпочитают огнестрельное оружие на охоте не использовать, разве что по птице).

Вокруг — с дюжину всадников, кто-то уже спешил, кто-то еще в седле, успокаивая разгоряченного азартной погоней коня, Сварог машинально отметил, что у половины на поясах — черные стандартные кобуры с солидными бластерами: ага, охрана. Вот и барон Абданк, бдительным взглядом обшаривающий окрестности. И все, кто с кобурами, не на зверя смотрят — наблюдают за подступами, грамотно рассредоточившись, охотничий азарт их не затронул нисколько, люди на службе, а службу они знают...

Он наконец высмотрел Яну — как и все остальные, она была в зеленом костюме, кожаной каталане, со скрамасаксом на поясе и колчаном за спиной (луки у всех в притороченных к седлам саадаках). Яна и еще трое стояли над кабаном и о чем-то оживленно толковали, показывая на стрелы. Точнее, на их оперение, сразу же поймет знающий человек. Сварог сам два раза побывал на каталаунских охотах и знал, в чем тут дело: у каждого охотника свой цвет оперения стрел, и всякий раз над добычей начинается беззлобный (сердиться и горячиться — дурной тон), но весьма темпераментный и долгий спор — чья именно стрела оказалась смертельной, а чья, в общем, все равно, что пропала зря.

Из леса с двух сторон вдруг выметнулись пронзительно-синие лучи бластеров, скрестились на людях в зеленых костюмах и вмиг *выкосили* все живое — и людей, и лошадей. Крепко досталось и мертвому кабану, но ему было уже все равно...

Смотреть клятый «четвертый вариант» оказалось гораздо тягостнее, чем предыдущие, — потому что лучи оказались синими. Желтый луч бластера прожигает дыру, пусть и несовместимую с жизнью, но все же... Синий — *режет*. В точности как гиперболоид инженера Гарина. Есть еще зеленый, но это вовсе уж форменная жуть, не к ночи будь помянута...

Пятого варианта, слава тебе, господи, не последовало. Экран недолгое время мерцал — ни букв, ни изображения. Сварог успел с облегчением подумать, что на этом гнусь и кончилась, — но тут же оказалось, что радовался рано. Появилась надпись: «Принц короны Диамер-Сонирил. Первый вариант». Выходит, это не просто подготовка покушения на Яну, тут что-то более сложное...

В кабинет принца входит человек, одетый, как лар. Судя по лицу Диамер-Сонирила, визитера он хорошо знает. Вот только визитер выхватывает бластер... Короткий, справа-налево, росчерк синего луча — и в роскошном кресле сидит безголовое тело в усыпанном орденами мундире. Крови нет — от жара луча кровеносные сосуды моментально спекаются...

Длинный коридор Келл Инира. Принц неторопливо, как и подобает человеку его положения, вообще благородному лару (спешат только лакеи, адъютанты и прочая *подчиненная* публика), идет по коридору, показанный со спины. Навстречу ему гораздо более быстрым шагом, как и положено, движется ли-

врейный лакей. Вот он, поклонившись, разминулся с принцем... и, оказавшись за спиной, делает быстрый полуоборот. Кинжал вонзается под лопатку, напротив сердца (у Сварога мелькнула дурацкая в этих условиях мысль: ну да, в грудь нечего и пытаться, ордена являют собой такую кольчугу).

Лес, не густой и не редкий, в самую, как говорится, пропорцию. Земля голая, ни травинки, ни кустика. Ага! Это наверняка скадер-клуб (скадер — очень популярная здесь игра, похожая на гольф, только, в отличие от гольфа, мячик следует прогнать по лесу из конца в конец, аккуратно меж деревьев, чем меньше рикошетов от стволов, тем больше очков). Ну да, катится полосатый, сине-голубой мячик, появляется принц с клюшкой. Значит, это «Радуша» — принц играет только в этом клубе, привычки у него устоявшиеся.

Из-за дерева за его спиной бесшумно появляется человек в ливрее клубного служителя, вскидывает руку с бластером. Желтый луч впивается в затылок Диамер-Сонирила, и тот рушится ничком, нелепо вывернув руку с клюшкой, а убийца так же бесшумно исчезает... Как было только что с Яной, и здесь четвертый вариант оказался самым мерзостным...

Малая столовая в маноре Диамер-Сонирила (Сварог однажды обедал у принца и сразу ее узнал). За столом, рассчитанным на десяток персон, принц с супругой, оба его сына с женами. Сварог и это уже знал: раз в неделю принц устраивает семейный обед, каковую традицию блюдет свято, как и все остальные свои установления, ну, педант же невероятный...

Дверь в дальнем конце столовой резко распахивается, в проеме возникают две фигуры — и навстречу зрителю ударяют два луча «синих» бластеров, проходятся над столом вправо-влево. Все кончено в какие-то секунды. Никого живого.

Но самым гнусным оказалось не это... На экране появилась комната, где под присмотром пожилой нянюшки играют все три внука принца (старшему — шесть, младшему — три). Врываются двое, то ли те же самые, что устроили резню в столовой, то ли их сообщники, и пронзительно-синие лучи *хлещут* по ничему не успевшим понять малышам...

Сварогу пришлось приложить некоторые усилия, чтобы подавить позывы к тошноте. Он побывал не на одной войне, и в прежней жизни, и здесь повидал всякое, не раз убивал сам, но это зрелище... Сидевший слева от него Марлок тихо, яростно выругался последними словами.

Картинка исчезла, на экране снова лишь синее мерцание — Орк сидел в прежней позе. Значит, будет продолжение. Сварог знал, кто станет следующим...

Так и есть. Принц Элвар... Снова коридор Келл Инира, снова навстречу идет ливрейный лакей, минует с поклоном — и бьет кинжалом в спину, против сердца. Второй вариант. Неширокая быстрая речушка, водяная мельница, на ней крутятся колеса, на падающих с лопастей каплях воды играют крохотные радуги — день прекрасный, солнечный. Справа, в тени раскидистого клена, за простым столом из некрашенных досок сидит принц Элвар, благостно поглядывая на стоящую перед ним большую бутылку из темного стекла, — в таких крестьяне держат домашнее вино. К столу, улыбаясь, идет симпатичная женщина лет тридцати пяти, в чепчике, обшитом узенькой белой каймой, — значит, овдовела давно. В руках у нее большое блюдо с малосольными огурчиками и крупно нарезанной розовой ветчиной. Ага, это, надо полагать, и есть та самая

мельничиха, давняя сердечная подруга принца, о которой, похоже, знает весь Каталаун и многие за облаками, — Элвар не делает из этого тайны, зачем? Старый холостяк и одинокая вдовушка — что тут дурного?

Откуда-то справа, из подступившего к самой реке лесочка, ударяет желтый луч, и принц рушится с простецкого стула, мельничиха роняет поднос, хватается за щеки, разинув рот в беззвучном крике...

В третий раз смерть настигает принца в его собственном маноре, в собственной спальне. Он спит, лежа на спине, определенно храпит во всю ивановскую, полностью одетый, сбросив только сапоги — надо полагать, пито было хорошо. В спальню проскальзывает проворный, несуетливый субъект, и над спящим занесен широкий кинжал...

И наконец каталаунский дворец принца (Сварог и там бывал пару раз, сиживал за столом в этом самом зальчике, так что узнал его сразу). Никакой роскоши, обстановка довольно скромная, ни за что не скажешь, что здесь обитает принц короны, похоже скорее на жилище небогатого дворянина средней руки. Стол ломится от бутылок и блюд с закусками, гульба идет вовсю, сам принц и с полдюжины непритязательно одетых на каталаунский манер собутыльников (явно из самых что ни на есть простых) — еще за столом, а вот трое уже под столом в совершеннейшем блаженстве, то есть в полной отключке.

Врываются двое, тоже скромно одетые на каталаунский манер, и по бражникам хлещут пронзительно-синие лучи...

Канцлер. Снова коридор Келл Инира, идущий навстречу лакей, кинжал в спину... Сварог подумал: *они* сплошь и рядом работают по шаблону — а, впрочем, шаблон довольно действенный, в *таких* делах, в общем, нет нужды изощряться, придумывая какие-то сложные варианты...

Похоже, одна из лестниц в здании, в котором они сейчас находятся. Канцлер энергичными шагами спускается к ее подножию, где вытянулся в струнку человек в ало-синей форме фельдъегеря императорского двора. И получает прямо в лицо удар того же луча...

Спальня. Надо полагать, поздняя ночь — свет погашен, на широкой супружеской постели мирно спят двое. В дверь бесшумно проскальзывает темная фигура — и на постель, как топор палача, обрушивается пронзительно-синий луч...

Снова спальня, но уже другая. На сей раз у изголовья горит неяркая лампа в виде золотистого шара, и Канцлер уже не с супругой, а с молодой очаровательной блондинкой — ну да, про эту блондинку давненько уже ползают осторожные слухи, даже и ему прекрасно известно (Сварогу рассказала Яна). Канцлер вдруг, изменившись в лице, быстрым движением сует руку под подушку. Поздно — по лежащим в постели ударяет пронзительно-синий луч...

Так-так... Ну что же, следовало ожидать, логично, в общем...

Теперь на экране умирает он сам. Келл Инир, коридор, лакей, кинжал... Шаблон работает. Нож на сей раз в спину...

Сварог — сейчас король королей — неторопливо идет по прекрасно ему знакомому Смарагдовому коридору Латеранского дворца, ведущему в его «личное» крыло. Окон там нет, но, судя по горящим лампам, всем до единой, наступил вечер. Он проходит мимо очередного постового дворцовой стражи — тот, как и положено, застыл статуей, чуть расставив ноги, уперев в каменный пол обнаженный меч, держа обе руки на эфесе. И едва Сварог его ми-

нует, стражник с невероятным проворством бросается на него сзади, вгоняет в спину меч. Сварог машинально отметил: эти мерзавцы явно понятия не имеют, что по дворцу, даже на балах, он никогда не ходит без поддевой под одежду толладской кольчуги — так что, случись это в реальности, Сварог отделался бы синяком, а вот покушавшемуся пришлось бы скверно...

Вот это уже что-то новенькое... Он едет верхом в сопровождении двух ратагайцев по незнакомой улочке, неширокой и безлюдной. Явная окраина, но район, сразу видно, из приличных — аккуратные домики небогатых градских обывателей, то в один, то в два этажа, вперемешку с солидными купеческими лабазами. Из окна одного из таких домиков и ударяет по всадникам пронзительно-синий луч. Сварог поморщился: собственно, это все равно, что кино, но все же чертовски неприятно видеть, как рушится на немощеную улочку твоя голова вместе с левой рукой...

Вообще, педантичные сволочи: каждой *мишени* отведено четыре варианта, всякий раз четыре...

Погасив экран и клавиатуру, Орк обернулся к ним и с чуточку вымученной улыбкой сказал:

— Это все. Больше там ничего нет...

— Ну что же, — бесстрастно сказал Канцлер, — теперь, думаю, пришла пора поговорить?

Он уселся за стол, на свое обычное место, достал трубку и кiset, сказал так же бесстрастно:

— Переставляйте кресла, господа, как вам удобнее... — подождал, когда все это сделают, и, упершись в Орка тяжелым взглядом, промолвил с явственными приказными нотками в голосе: — Ну, а теперь рассказывайте, герцог, как к вам попала эта штуковина. Подробно, обстоятельно, по-деловому.

— Я ни о чем подобном никогда не слышал, а ведь многое повидал... — начал Орк.

— Без лирики, пожалуйста, — тем же тоном сказал Канцлер.

— Да, конечно, простите... — видно было, что Орк волнуется, хотя и старается это скрыть.

Канцлер, чуть усмехнувшись, сделал небрежное движение пальцами — и на столе перед Орком возникла немаленькая серебряная чарка, определенно с келимасом.

— Выпейте, — сказал Канцлер. — Нервы у вас, я смотрю, в последнее время подрасшатались...

— Подрасшатаются после такого... — сказал Орк. — Благодарю вас.

Он одним махом осушил чарку, чуть поморщился, совершенно по-крестьянски утер губы рукавом. «Крепенько же тебя прижало, прыткий ты наш, — не без легкого злорадства подумал Сварог, доставая сигарету из своего *обычного* портсигара. — Сам не свой, хотя изо всех сил стараешься фасон держать...»

— С чего же начать... — протянул Орк.

— Обычно лучше всего начинать с начала. Как-нибудь вроде: «Началось все с того...»

— Началось все с того... — послушно, словно школяр за учителем, повторил Орк. — Началось все с того, что я прилетел к себе в манор вечером, настроение было не приподнятое и не скверное — так, обычное... Решил посидеть за буты-

лочкой, как раз привез с земли ящик неплохого келимаса. Ну, и устроился в каминной. У меня там, кроме прочей мебели, зеркало от пола до потолка, довольно старое, осталось от отца, он собирал земной антиквариат, еще когда я был мальчишкой, привез откуда-то из Ронеро. Я антиквариатом не интересуюсь, но отец говорил, что какой-то известный старый мастер... — он вскинул на Канцлера исполненные какой-то собачьей тоски глаза. — Я и пьян-то не был, успел опрокинуть пару чарочек, как раз налил третью, и тут...

— Я, простите, на секунду прерву, — сказал Канцлер. — Сколько было времени? Особенная точность не нужна, можно примерно.

— Примерно час до полуночи, — сказал Орк. — Верхний свет не горел, я зажег только лампу на столике, люблю так вот посидеть за бутылочкой в полумраке, — добавил он таким тоном, словно извинялся. — Я сидел перед камином, разжигать его не стал, зеркало было справа, уардах в пяти от меня. И вдруг увидел краем глаза: оно словно бы наливаясь неярким сиянием изнутри... Повернулся туда. А сияние становилось все ярче и ярче... Признаюсь, испугался. Чутьочку, — торопливо добавил он. — Самую чутьочку. Исключительно потому, что никогда прежде о таком не слышал, хотя повидал всякое. Неизвестное порой пугает, знаете ли.

— Да, случается, — ровным голосом сказал Канцлер. — И дальше?

— В конце концов *там*, по ту сторону зеркала, стало совсем светло, как в солнечный день, хотя непонятно было, откуда идет свет, никаких ламп я не видел. Там было что-то вроде сводчатого коридора. Почти вплотную к *той стороне* зеркала стояло кресло, а в нем сидела девушка. По моему глубокому убеждению, самый обычный человек, я ведь, как любой лар, умею определять... Не почувствовал ни черной магии, ни присутствия нечистой силы. Тут испуг, знаете, как-то улетучился: уж девушками-то меня не запугать, пусть даже объявившимися таким вот образом. Для пуцего успокоения чувств опрокинул чарку одним махом. Какое-то время стояла тишина. Я смотрел на нее, а она смотрела на меня с легонькой такой улыбочкой, стерва...

— Почему стерва? — спросил Канцлер.

— Да потому, что нагрянула в гости таким вот образом... — зло поморщился Орк.

— Как она выглядела?

— При других обстоятельствах я бы... Совсем молодая, чертовски красивая. Волосы длинные, светлые, глаза голубые, вид самый что ни на есть добродетельный и невинный, так выглядят либо благодетельные, либо дорогие шлюхи высокого полета... Длинное, едва ли не до пят платье, светло-серое. Встретясь она мне на земле, я бы с уверенностью сказал, что портной у нее хороший и дорогой. Никаких украшений. Потом она улыбнулась — право, обворожительно — и спросила, не испугался ли я. Мелодичный такой голосок, приятный. Я к тому времени совершенно опомнился. Не показывать же страх перед какой-то девкой, пусть и нагрянувшей в гости столь необычным образом. Так и сказал, что у меня нет привычки пугаться очаровательных девушек, я им всегда готов поцеловать ручку... Встал, подошел к зеркалу. Хотелось и в самом деле к ней прикоснуться, окончательно убедиться, что это обычный человек. Ничуть не боялся, что она обернется чем-то жутким, сцапает и уволочет неизвестно куда, — никак не мог ошибиться, там не было ни черной магии, ни нечистой силы. Только ничего не получилось. Стекло, такое впечатление, ку-

да-то исчезло, но что-то не пускало. Невидимая преграда, наподобие силового поля. Эта стерва с улыбочкой, медовым голоском попросила меня вернуться в кресло, сказала, что дотронуться до нее не получится. Добавила, что знает меня, назвала мое имя. Я спросил, как зовут ее. Она мило так, непринужденно сказала: «Фея Желаний». В жизни не слышал о такой фее. А вы, господа? Тоже нет? Но она представилась именно так... Я спросил, чему обязан столь высокой честью видеть очаровательную фею (на какое-то время он стал прежним Орком, напористым нахалом, ценителем молодых красоток). Вот тут она мне и объяснила все подробно... По ее словам, ее жизненное предназначение в том и заключается, чтобы исполнять человеческие желания... почти любые. В том числе и те, что каким-нибудь моралистам могут показаться неприглядными. Мол, такова уж ее натура: она стоит, если можно так выразиться, по ту сторону добра и зла, она — нечто *другое*. Конечно, она не исполняет *грязных* желаний всевозможных маньяков, садистов и извращенцев, она просто «Как бы поточнее выразиться?» — мило улыбнулась эта стервочка — на многое смотрит гораздо шире, нежели моралисты и приземленные обыватели. Черт побери, да я сам такой, что скрывать, господа. На многое смотрю... шире.

Так я ей и сказал. Она ответила, что рада встретить родственную душу. И мои желания ей известны: подняться гораздо выше той ступенечки, на которой я сейчас стою. Добавила, что лично она не видит в таких желаниях ничего грязного, порочного, извращенного. И может мне помочь. И спросила: как бы я отнесся к предложению стать Канцлером Империи? Я, простите за вульгарность, чуточку обалдел. И сказал то, что думал: занять этот пост мне, пожалуй, будет довольно-таки трудновато. Ничего подобного, ответила она, при определенных условиях это как раз будет довольно-таки легко. И с улыбочкой опытной шлюхи промурлыкала: необходимо уточнить, что это предприятие связано с кое-какими событиями, способными ужаснуть моралиста или человека высоконравственного. Но ведь вы, продолжала она с той же сучьей улыбочкой, насколько ей известно, не относитесь ни к тем, ни к другим? Я ей сказал чистую правду: именно так и обстоит. И почувствовал себя вовсе уж спокойно, — он усмехнулся. — С людьми *такого пошиба*, неважно, будь то мужчина или женщина, я всегда себя чувствовал крайне спокойно и непринужденно, совершенно по-свойски. Ну вот такой я аморальный тип, господин Канцлер, таким уж уродился...

Канцлер все тем же ровным, бесстрастным голосом сказал:

— Герцог, я не монах и не священник. У меня хватает дел и без того, чтобы выносить оценку чьему-то моральному облику. Она, конечно же, вам подробно объяснила, в чем *предприятие* заключается?

— Вот именно, — сказал Орк. — Очень подробно, мило улыбаясь, как будто речь шла о покупке нового платья или замене управляющего имением. — Он криво усмехнулся. — Без предрассудков девочка, мне такие нравятся... С безмятежной улыбкой, с невинным личиком все это изрекала... По ее словам, здесь, у нас, существует группа заговорщиков — сильная, крепкая, состоящая из людей высокопоставленных, влиятельных, с немалыми возможностями. Имен она пока что называть не будет, но придет время, когда введет меня в их круг. Она уже кое-что с ними обговорила, и они ничего не имеют против того, чтобы Канцлером стал я... Как обладатель кое-каких полезных качеств и человек определенного склада. А дело, сказала она, в следующем. Они намерены,

ни много ни мало, сменить династию. Называя вещи своими именами, уничтожить императрицу, принцев короны... ну, и вас, господин Канцлер и лорд Сварог, как людей наиболее для них опасных. И с любопытством наблюдала за моей реакцией. Простите великодушно, я не упал в обморок, в общем, остался спокоен. В конце концов, ничего особо жуткого я не услышал. У нас ничего подобного не случилось, но на земле происходило не раз... Простите за цинизм, но дело чуть ли не житейское, кое-кто из здесь присутствующих с подобным сталкивался сам.

И он с неприкрытым намеком уставился на Сварога. Сварог постарался сохранить каменное лицо — но в глубине души закопошилось нечто вроде стыдливой досады. Крыть было нечем, мерзавец это должен прекрасно понимать. Он вспомнил пылающий загородный дворец снольдерского короля, затонувшее судно, на котором погибли все, кто имел кое-какие права на ронерский трон, потворство Бони в приращении *хозяйства*, кое-что еще... К превеликому сожалению, многое из оставшегося за спиной словно бы ставило его на одну доску с Орком, и нечем тут крыть...

— Не отвлекайтесь, герцог, я вас душевно прошу, — холодно сказал Канцлер. Уж он-то, при его уме, должен был тут же понять, что творится у Сварога на душе, и Сварог был благодарен за вмешательство...

— Корочеговоря, далеко не впервые в истории, — сказал Орк. — Конечно, императрица очаровательна, признаюсь, господа, в юности я одно время был в нее по-настоящему влюблен, но жизнь, знаете ли, сложилась так, что романтического во мне осталось мало... Точнее говоря, не осталось вовсе. Так что я остался спокоен. Она, конечно же, это отметила. Положила на пол этот камушек, подтолкнула его носком туфельки, и он выкатился на мою сторону зеркала. Она пояснила, что это компьютер, объяснила, как с ним работать. И добавила, что это и будет моим первым поручением: просмотреть все, проанализировать, обдумать и для каждого случая выбрать лучший, на мой взгляд, вариант. Потом, сказала она, придется выполнить еще парочку поручений — ну конечно, самому мне рук пачкать в крови не придется, никто этого от меня не требует. Но кое-какие поручения выполнить нужно — мне тоже придется потрудиться ради будущей высокой должности, я наверняка должен прекрасно понимать, что заговорщики — отнюдь не благодетели. Сказала: через пару дней со мной свяжутся — естественно, через этот компьютер.

В особой спешке нет нужды, времени достаточно, *события* развернутся самое малое через месяц, а то и через полтора. На этом, по ее мнению, и следует закончить беседу — она прекрасно видит, что я не намерен отказываться или проявлять эмоции. Очаровательно мне улыбнулась, свет в зеркале стал тускнеть, и очень быстро вновь появилось самое обычное стекло... Вот, собственно, и все, господа.

— Все? — переспросил Канцлер, не сводя с него умного, цепкого взгляда. — Она что же, не пыталась вам угрожать какими-нибудь... неприятностями в том случае, если вы поступите так, как поступили? Всегда, когда человека вовлекают в заговор — а уж тем более в *такой*, его непременно предупреждают о суровых карах, которые обязательно последуют в случае измены...

— И тем не менее... — сказал Орк. — Не было и намека на угрозы, что меня даже чуточку удивило. Вы совершенно правы, в таких случаях угрозы непременно следуют. Но их не было...

— И что вы делали дальше?

— Пил, — с вымученной улыбкой сказал Орк. — Надирался. Все же это было настолько неожиданно и ошеломительно... Даже для человека вроде меня. Пил, пока не уснул в кресле. Проснулся очень рано, глотнул отрезвляющего и спокойно все обдумал. Решил во всем этом не участвовать, более того, сдать эту стерву к чертовой матери, — он улыбнулся уже чуть увереннее. — Не буду врать, господа, дело не в моих высоких моральных качествах — нет у меня таковых, что греха-то таить. Просто... Как бы вам объяснить... Понимаете, слишком уж все это *необычно*: эта, простите, сучка из Зазеркалья, странный компьютер... Заговор сам по себе ничего необычного в себе не таил — мало ли случалось подобных? А вот эта чертова фея, или кто она там... Категорически не хотелось связываться с *таким*. Никогда не был трусом, но *непонятное* сплошь и рядом пугает. Особенно такое... Вот и полетел рано утром к лорду Сварогу. Больше мне, собственно, нечего рассказать...

— Ну что же... — сказал Канцлер. — Крайне любопытно, крайне... Что ж, герцог, вы заслуживаете лишь искренней благодарности, — он жестко усмехнулся. — Вот только... боюсь, хотите вы этого или нет, вам придется несколько дней погостить здесь, в маноре. Для вас найдутся отличные комнаты, ни в чем не будет недостатка... но несколько дней вам провести надо у меня в гостях. Обсуждению это не подлежит, — в его голосе прозвучали металлические нотки.

— Вы меня арестовываете? — напряженно улыбаясь, спросил Орк.

— Да помилуйте! — воскликнул Канцлер словно бы даже с негодованием. — Ну что вы такое говорите, герцог? Арестовывать человека, добровольно выдавшего *такой* заговор? Достойного всяческих похвал? Речь идет о чисто практических, деловых соображениях. Мы не знаем ни одного из заговорщиков. Эта гостья из Зазеркалья могла вам солгать насчет месяца-полтора или чего-то недоговорить. Второе, согласен, под вопросом, а вот первое... В такой ситуации следует на любые *события* реагировать прямо-таки молниеносно. Когда они выйдут с вами на связь, — а они непременно выйдут — мы должны будем узнать об этом моментально. Так что вы должны быть под рукой. — Он сузил глаза: — Повторяю, обсуждению это не подлежит.

— Как вам угодно, я и не думаю ни спорить, ни протестовать, — сказал Орк, натянуто улыбаясь. — Если того требуют интересы дела, остается подчиниться...

— Рад, что мы поняли друг друга, — кивнул Канцлер. — Сейчас вас проводят. Если с вами выйдут на связь, немедленно поставьте в известность человека, который будет находиться... поблизости. Вот и он...

Вошел молодой человек с холодком в глазах и, глядя на Орка, сделав приглашающий к выходу жест, сказал с вежливой непреклонностью:

— Пойдемте, господин герцог, я вам покажу ваши апартаменты.

Орк встал, с деланой невозмутимостью поклонился Канцлеру и вышел в коридор. Молодой человек пошел следом, дверь за ними закрылась. Сварогу пришло в голову, что он уже четвертый раз сталкивается с загадочными непонятностями, исходящими от зеркал. То странное зеркало в доштормовом метро под Равеной. Случай в Глане. Зеркало, превратившее его в собаку, — это уже не загадки и непонятности, это гораздо хуже. А уж то, что он только что услышал...

Вошел человек лет сорока, с тонким лицом учителя математики или музыканта, державшийся с уверенностью *своего*.

— Вам давно следовало познакомиться, лорд Сварог, — сказал Канцлер. Замотался, простите, столько дел... Лорд Галан, граф Элонг, начальник четвертого стола моего Кабинета... Я думаю, вы уже догадались, чем этот стол занимается?

— Конечно, — сказал Сварог, пожимая протянутую руку.

Хотя какие там догадки, Яна ему давно рассказала, что собой представляет четвертый стол — личная спецслужба Канцлера. Галан сказал ему непринужденно, словно старому знакомому:

— Лорд Сварог, пожалуйста, учитывайте одно обстоятельство. Герцог Орк меня знает в совершенно другом качестве, считает обычной канцелярской крысой, пусть и в немалом чине. Как и многие другие. Я бы хотел, чтобы все и далее оставались в этом заблуждении. Потому и пришлось наблюдать за вашей беседой из соседней комнаты...

— Понял, — сказал Сварог. — Можете не беспокоиться, ни одна живая душа не узнает...

— Будем работать вместе?

Сварог усмехнулся:

— Как гласит одна старая пословица, толпой и папашу бить легче...

— Садитесь, Галан, — сказал Канцлер чуточку нетерпеливо. — Нам очень многое нужно обсудить. Начнем, пожалуй, с Орка. За все время разговора он ни разу не соврал, но трижды о чем-то *умолчал*. Лорд Сварог, вы так удивленно на меня смотрите...

— Вы так уверенно это говорите, словно умеете читать мысли. Никогда не замечал за вами этой способности...

— Ну что вы, — усмехнулся Канцлер, — мысли я читать не умею. И никто не умеет. Новейшие технологии...

Он коснулся клавиши на одном из пультов — кроме компьютера и дешифратора на его обширном столе помещались еще четыре небольших, но сложных пульта совершенно непонятного Сварогу назначения. Справа послышалось тихое шуршание, и он повернулся в ту сторону. Квадратный кусок стены отъехал в сторону, открыв скрывавшийся за ним круг — с тарелку размером, золотистого цвета, сплошь покрытый шестигранными ячейками и оттого похожий на пчелиные соты. Дав Сварогу время его рассмотреть, Канцлер вновь тронул клавишу, квадрат скользнул на прежнее место, и стена вновь казалась монолитной.

— Мысли этот прибор не читает, — сказал Канцлер. — К превеликому сожалению. Устройство для чтения мыслей так и не удалось пока создать, хотя отдельные энтузиасты — и в Магистериуме, и у Марлока не опускают рук до сих пор... Научное название у него крайне заковыристое, никак не могу запомнить, да в этом и нет необходимости. В обиходе мы его зовем «индикатором искренности». Как он работает, на каких принципах, не знаю не только я, но и Марлок — это не его область. Да и ни к чему мне знать принципы... Мне достаточно одного: я твердо знаю, что, когда человек солжет в ответ на прямой вопрос, на экранчике — он показал куда-то под столешницу — загорится определенный значок, а когда о чем-то умолчит — другой. И знаю, что «индикатор» не дает ни осечек, ни «недосмотров».

— Когда я принимал восьмой департамент, мне о таком приборе ничего не сообщили, — сказал Сварог. — Неужели от меня там что-то скрывают?

— Нет, — сказал Канцлер. — Просто это — самые новейшие технологии. У меня пока что первый прибор, недавно запущенный в серийное производство. Когда будет готов второй, вы его непременно получите, пригодится.

— Еще как, — кивнул Сварог.

И постарался сохранить абсолютно невозмутимый вид. До него только сейчас *дошло...*

Во время двух разговоров с Канцлером в этом самом кабинете, он пару-тройку раз именно что *лгал* в ответ на прямые вопросы. И пару-тройку раз кое о чем *умалчивал* — речь всегда шла о тех возможностях, которыми он располагал в Хелльстаде. На миг стало зябко. Разговоры эти состоялись не так уж и давно. Был тогда здесь уже установлен этот чертов индикатор или еще нет? Если был, зная Канцлера, стоит всерьез предполагать, что во время разговоров со Сварогом аппарат был включен. И зафиксировал как ложь, так и умолчание. Скверно, если так. Нельзя предугадать, чем все кончится, с Канцлером никогда ничего неизвестно. И никак нельзя спрашивать прямо, когда был установлен аппарат. Весьма неприятная ситуация...

Показалось ему или в самом деле в глазах у Канцлера таится некая многозначительная хитринка? Поди пойми Канцлера... Самый закрытый человек из всех, кого Сварог здесь знал, что за облаками, что на земле. Криптограмма без ключа.

— Лорд Сварог... — сказал Канцлер, — вы больше других общались с Орком, вы его знаете лучше...

Сварог пожал плечами:

— За все годы, что я здесь, я с ним общался шесть раз. Причем одна встреча, предыдущая, свелась к поединку и только. В Сегуре. Так что меня никак нельзя считать большим специалистом по Орку.

— Я неточно выразился, — сказал Канцлер. — Говоря о «других», я имел в виду здесь присутствующих. Марлок с ним не общался вообще. Я беседовал дважды, включая сегодняшнюю встречу. Галан с ним пересекался раза четыре — именно *пересекался*. Ни разу не было *общения*. Как уже прозвучало, Орк искренне считает Галана неинтересной канцелярской крысой, не заслуживающей внимания. Так что всякий раз достаивал его пары фраз, не более. На *нашем* фоне вы, и в самом деле, представляете, как вы удачно выразились, большим специалистом по Орку, согласитесь.

— Ну, пожалуй...

— За время его рассказа о визите загадочной гостьи он о чем-то умолчал трижды, — сказал Канцлер. — В первую очередь меня интересует третий, последний раз. Когда говорил о мотивах, подтолкнувших его пойти к вам и все выдать. Он нисколько не врал, когда говорил, что непонятное его пугает. Но чего-то недоговаривал. Должно быть что-то еще, кроме страха перед непонятным. Как по-вашему, что бы это могло быть? Подумайте, я не тороплю. И вовсе не жду от вас непререкаемых истин. Мне просто интересны ваши соображения на этот счет.

— Соображения есть, — сказал Сварог, подумав. — Не могу сказать, что знаю Орка очень уж хорошо, но кое-какое представление о нем составил. Он никоим образом не трус, ни в малейшей степени, но вот чутье на опасности

и прочие жизненные сложности у него, как у хищного зверя. Он мог заподозрить, что его собираются надуть. Использовать, а потом вместо обещанного поста прикончить. В сочетании с непонятным это и могло привести к приходу с повинной.

— Резонно... — сказал Канцлер.

— Меня удивляет одно, — признался Галан. — Чересчур уж высокий пост ему предлагали, а это странно. Большинство заговоров как раз и устраивают для того, чтобы *возвыситься*. Зачем же отдавать один из самых лакомых кусков Орку? По сути, пришедшему на готовенькое? Зачем им *вообще* Орк? Не велика ценность, если рассудить. Что он такое, в сущности? Здесь, у нас, ни малейшим влиянием не пользуется. Болтается на земле. Авантюрист и интриган со стажем, но — неудачник. Прямо-таки роковое невезение его преследует. Если присмотреться и вспомнить его биографию... Искал на Инбер Колбта Крепость Королей — не нашел. Сунулся на Диори — но и там что-то не сложилось, потерял два корабля из трех и ретировался. Болтался в Лоране, пытался стать там первым министром, но лоранские царедворцы, сто собак на интригах съевшие, его довольно быстро переиграли. Ограничилось все тем, что он несколько раз переспал с Лавинией, а это достижением назвать нельзя. В Ронеро спутался с очередными высокородными заговорщиками, возмечтавшими убить Конгера и посадить на трон одного из своих, — но тайная полиция заговор раскрыла, Орк еле ноги унес. Вы, часом, не знаете эту историю, лорд Сварог? Вы как-никак ронерский король.

— Знаю, — сказал Сварог. — Мне давали читать дело. «Еле ноги унес» — чересчур громко сказано. Тайная полиция дала ему сбежать, потому что никто не хотел связываться с ларом...

— Все равно. Очередной провал, верно? Он *вертел* какие-то интриги с герцогиней Мораг, но чем все кончилось в Харлане, присутствующие должны помнить. Месяца три он искал в Иллюзоре, Ямурлаке и Пограничье легендарные клады, где даже якобы лежит Черная Корона, — но и тут успеха явно не добился.

— А что такое Черная Корона? — спросил Сварог.

— Вы не слышали? — слегка удивился Галан.

— Не приходилось как-то, — пожал плечами Сварог. — Судя по тому, что мне о ней ни разу не говорили серьезные люди там, внизу, это что-то третьестепенное, а на такое у меня нет времени...

— Я бы не назвал это третьестепенным, — сказал Галан. — Конечно, если только Корона действительно существует, во что лично я не верю. Черная Корона — это и в самом деле корона, артефакт из времен, бывших глубокой древностью еще до Шторма... А иные считают даже, что она принадлежала Изначальным. Дает своему владельцу огромную магическую мощь... вот только лишь малое число серьезных книжников верят в ее существование — а большинство полагают очередной сказкой. Кстати, и те и другие сходятся в одном: эпитет «Черная» к ней прилагается не просто так... В общем, и Корону Орк не нашел. И так — во всех его «предприятиях». Все проваливалось. Самое последнее — тоже. Мои люди мне уже доложили, лорд Сварог, как он пытался стать королем Сегура и Дике — что для него вовсе уж мелко, но и там не повезло, нарвался на вас... Одним словом, хронический неудачник. На кой черт он заговорщикам, задумавшим столь серьезное дело с самой высокой ставкой — тро-

ном Империи?

Канцлер сказал ровным голосом:

— Галан, я вас чертовски ценю и уважаю, вы отличный работник, вы на своем месте... Но, простите великодушно, вы сделали крупную промашку. Кое о чем забыли. За Орком числится один достаточно серьезный успех. *Навыи*. Да, что бы они там ни замыслили с Мораг, все провалилось, однако вспомните числа. Еще покойный Гаудин обследовал могилы в Ямурлаке и Пограничье, вскрытые Гарпагом определенным образом, — так, что извлечены были только черепа. Таковых его люди насчитали около семи тысяч. А в Харлане навьев было перебито не более шестисот. Шесть с лишним тысяч куда-то *запропали*. Гарпаг был, по точным данным, последним, кто владел искусством создания навьев и командованием ими... Если только можно назвать это гнусное ремесло искусством. Насколько я помню из отчета лорда Сварога по операции «Полночные Ворота», Орк говорил ему в Равене, что харланские навьи принадлежали как раз ему.

— Был такой разговор, — кивнул Сварог.

— Это автоматически означает, что Гарпаг его научил если и не созданию навьев, то управлению ими. Есть сильные основания подозревать, что и остальные были, так сказать, заказаны для себя Орком. Не такой уж он хронический неудачник. Хозяин войска из шести с лишним тысяч навьев, которых где-то прячет в расчете на некий удобный случай. Лорд Сварог, вы знакомы со свойствами навьев?

— Как-то не изучал, — сказал Сварог. — Со времен харланских событий они ни разу не давали о себе знать, и я ими не стал заниматься...

— По сути это — боевые машины. Крайне долговечные. Их можно оставить в каком-нибудь подземелье или пещере, *усыпить*, — и они там могут простоять сотни лет, понемногу обрастая паутиной, — а потом их можно *разбудить* и пустить в дело. Шесть тысяч навьев — сила, опасная даже для нас. Конечно, наши солдаты с нашим оружием с ними справятся в открытом бою в два счета — но только в том случае, если успеют подготовиться заранее. А при внезапном налете еще неизвестно, за кем останется победа. Рассуждая трезво: если в этот манор сейчас внезапно ворвутся сотни две навьев — боюсь, они понесут нешуточные потери, но все же вырежут всех, кто сейчас тут находится... Мы так и не доискались, какие именно возможности есть, чтобы без летательных аппаратов попасть к нам с земли, но они *есть*. Уж если сюда способна проникать та примитивная шлюпка с горы Гун-Деми-Тенгри, о которой вы, лорд Сварог, писали в одном из отчетов... Я серьезно отношусь к рассказам о Вратах, или порталах, сквозь которые к нам можно попасть с земли. Судя по некоторым данным, люди Вингельта, освобождая Стахора и Эгле, воспользовались именно такими Вратами. Два других умолчания Орка приходятся на его рассказ о беседе с этой... феей. Вполне возможно, заговорщиков он интересуется именно как владелец войска навьев, а значит, достаточно серьезная персона, каковой стоит заплатить за участие и постом Канцлера... Потом, правда, можно и убить. Скажем, каким-то образом овладев секретом управления навьями. Так что вы его недооцениваете, Галан...

— В самом деле, про навьев я как-то запамятовал... — чуть сконфуженно признался Галан. — По тем же мотивам, что и лорд Сварог: о них слишком долго не было ни слуху ни духу... Но где он их может прятать?

— Да в каких-нибудь подходящих горных пещерах, которых превеликое множество, — и никто их не изучает, не составляет списка. Зачем, собственно? Или, скажем, в какой-нибудь Заводи — мы знаем далеко не обо всех, да и не во все известные знаем пути... — он помолчал, задумчиво уставясь куда-то вдаль, потом усмехнулся: — Знаете, господа мои, не могу не отдать этим чертовым заговорщикам должное: задумано с большим изяществом. Если допустить — хотя и крайне этого не хочется, — что их план увенчается успехом, серьезного сопротивления они не встретят. Наши друзья и соратники наверняка не вступят в бой — потому что это бессмысленно, коли уж мы все мертвы. За что в таком случае драться? И за кого? Особенно, если главари скроют свое участие в заговоре, свалят все на каких-нибудь пешек, которых быстренько пристукнут при попытке к бегству... Трон без особых потрясений и волнений займет новый император — у них наверняка уже есть марионетка, а может, и не марионетка, может, сия личность и возглавляет заговор...

— Простите, Канцлер, можно вопрос? — сказал Сварог. — Я совершенно не интересовался *этой* темой, не видел смысла, никогда не предполагал, что возможен *такой* заговор... Предположим, и в самом деле, заговор прошел успешно, и все показанные нам компьютером Орка мертвы. Я примерно понимаю, кто в этом случае займет трон — кто-то из принцев или принцесс крови. Какими бы высокородными ни были заговорщики, лары не допустят к трону *стороннего*, верно?

— Совершенно верно, — сказал Канцлер. — Разве что в том случае, если не останется вообще никого из особ императорской крови или приравненных к ним — принцы и принцессы крови, их супруги и мужья, дети... Но их в качестве жертв компьютер нам не показал. Это означает, что марионетку-императора, а то и главу заговора следует искать среди них. Тем более что печальный прецедент имеется. Посвящу вас еще в одну строжайше охраняемую государственную тайну, лорд Сварог. Вы их и так немало знаете, одной больше, одной меньше... В подробности, уж простите, посвящать не буду, но суть расскажу: совсем недавно, и десяти лет не прошло, нашелся принц крови... Долго и успешно притворялся безобидным простачком, а сам разработал достаточно умный план захвата престола, имевший огромные шансы на успех...

Сварог, естественно, не сказал, что прекрасно знает, о чем и о ком идет речь.

Спросил:

— А каков *механизм*, дающий возможность в этом случае попасть на престол?

— Не такой уж сложный, — досадливо поморщился Канцлер. — Раньше в сложных случаях — когда, например, неожиданно умер отец Яны-Алентевиты и ей было всего шесть лет — судьбу престола большинством голосов решали на совместном заседании Палата Пэров и Тайный Совет. Что греха таить, вокруг них происходили, скажем так, дипломатические хитросплетения и политические баталии... С участием и других лиц. Вы как король с некоторым опытом понимаете, как все это выглядело...

— Увы... — грустно усмехнулся Сварог.

— После того как императрица распустила и Палату, и Совет, автоматически потерял силу и «Эдикт о престолонаследии». Требовался новый. Его составили быстро... и, боюсь, несколько небрежно, наспех. Отнеслись к этому чу-

точку несерьезно: императрица совсем молода, о судьбе трона думать рано, хватало более важных дел... Короче говоря, процедура упростилась: нового императора выбирают большинством голосов принцы и принцессы крови. Конечно, и в этом случае возможно, так сказать, неофициальное участие других лиц, но все равно процедура упростилась: принцев и принцесс чуть ли не впятеро меньше, чем было членов Палаты и Совета... — он помолчал, хмурясь. — Да, не исключено, что глава заговора — кто-то из принцев или принцесс, учитывая помянутый прецедент. — Он хмыкнул. — По-человечески их понять можно: крайне невесело прожить жизнь, зная, что имеешь некоторые права на престол Империи, но никогда его не займешь... Можно поддаться соблазну... — он задумчиво протянул: — Принцев и принцесс крови — девятнадцать, следовательно, столько же и подозреваемых... Впрочем, нет. Восемнадцать. Принц крови Келивер — на пределе дряхлости, врачи уверяют, что жить ему осталось считанные недели. Он уже не в том состоянии, чтобы замышлять что бы то ни было, а в качестве марионетки он никому не нужен — куда годится марионетка, которой осталось пара недель?

— Строго говоря, одиннадцать, а не восемнадцать, — сказал профессор Марлок. — Трое несовершеннолетние, а четверо вообще малыши.

— Дружище, вы большой ученый, но никогда не были сильны в политических интригах, — мягко сказал Канцлер. — Вспомните *прецедент*. Несовершеннолетние, а уж тем более малыши распрекрасным образом годятся в марионетки. Кто-то из главарей заговора станет регентом, только и всего. Так что у нас — одиннадцать кандидатов в подозреваемые и семь — в марионетки. Все здесь присутствующие прекрасно знают, что за совершеннолетними принцами и принцессами осуществляется плотное наблюдение с помощью и агентуры, и аппаратуры. Еще более усилившееся после... прецедента. Вдобавок двое из присутствующих как раз этот надзор и осуществляют помимо прочего...

— Мой соответствующий отдел восьмого департамента до сих пор не обнаружил ничего подозрительного, — сказал Сварог.

— Отдел Галана тоже, — сказал Канцлер. — Как и соответствующий отдел Кабинета императрицы. Что ни о чем еще не говорит. Есть способы утаить все и от агентуры, и от аппаратуры. В конце концов, прошлый заговор обнаружили чисто случайно, и не службы, а люди, не имевшие к ним никакого отношения...

«Как же, помню, — подумал Сварог. — Простая деревенская бабка-сказочница родом с земли... История повторяется, похоже — но на сей раз у нас и бабки-сказочницы нет, мы знаем о заговоре, но не знаем ни одного имени, а где искать эту чертову фею, решительно неизвестно...»

— Вот что, господа мои, — сказал Канцлер. — По моему глубокому убеждению, мы до сих пор занимаемся второстепенным. *Главный* вопрос и главная загадка, мне думается, — Нериада. Судя по камням-компьютерам и ночной гостье Орка, против нас играет кто-то несомненно *разумный*. Природа на такие фокусы не способна. С этим, думаю, все согласятся. И вот тут-то начинаются вовсе уж головоломные загадки. Обитателей Нериады не зря в свое время метко прозвали «куклами», они решительно неспособны на *подобное*. А никого другого на Нериаде нет. По крайней мере, не было во времена операции «Невод»... Ах да! Лорд Сварог, вы о ней что-нибудь знаете?

— В общих чертах, особо и не интересовался, — сказал Сварог.

— Ну, понятно, оснований не было... — кивнул Канцлер. — Сейчас расскажу. Тем более что отчеты о ней в число государственных тайн не входят, всего лишь числятся под грифом «совершенно секретно», и ваш допуск, лорд Сварог, позволяет в любой момент с ними ознакомиться... Операция «Невод» была проведена шестьсот лет назад по приказу тогдашнего императора, перед тем как объявить Нериаду запретной зоной и оставить там рутинное наблюдение в виде орбиталов, до сих пор, кстати, безрезультатное. Помните, я вам рассказывал, как долго и старательно искали, но не нашли тот фактор, что делает обитателей Нериады «куклами»?

— Прекрасно помню, — сказал Сварог. — Он, конечно, должен быть, я ведь помню еще: те, кого с Нериады увезли, очень быстро стали из «кукол» обычными людьми.

— Совершенно верно. Так вот, перед тем как «закрыть» Нериаду и прекратить там исследования, решено было окончательно убедиться, что там нет никого *другого*, как раз и являющегося инициатором так и не обнаруженного фактора. Грандиозная была операция. Второй такой в нашей истории, пожалуй что, и не сыщешь. Длилась она два месяца, участвовали в ней все секретные службы, Технион, Магистериум и Мистериор. Орбиталов и всевозможной аппаратуры доставили прямо-таки несметное количество. Сначала искали *людей*, таких, как мы. Потом — каких-либо *сущест*, способных такие у штуки проделывать. Потом — аппаратуру. Кто-то из наших предшественников довольно логично рассудил, что невозможно привести население всей планеты в такое состояние и постоянно держать в нем несколько тысяч лет без некоей разветвленной сети излучателей. Но ничего не нашли во всех трех случаях. Для надежности, — он усмехнулся, — или от безнадежности, на всякий случай, стали проверять и самые экстравагантные версии. Кто-то предположил, что виновники невидимы, есть у них такое свойство. Долго и старательно искали *невидимок* — есть методы... Не нашли. Была гипотеза, что виновники — не белковые существа, а сгустки полей. Разумная жизнь на основе энергетических полей. И такого не нашли. В конце концов, операцию свернули и *ушли*... Но теперь оказывается, что *некто* разумный на Нериаде все же есть. И он человекообразен. Будь облик этой ночной гостьи лишь маской, за которой кроется нечто иное, Орк это обнаружил бы, он на это способен, как любой лар. Если бы даже он увидел нечто ему непонятное, все равно *увидел* бы. А он видел в ней исключительно человека — и при этом не врал... У кого-нибудь есть соображения, версии, гипотезы?

Когда молчание затянулось, Сварог сказал:

— Гипотез у меня найдется даже две. Правда, обе скороспелые, только сейчас пришли в голову, когда я слушал рассказ про неудачную операцию...

— Ничего, — сказал Канцлер. — У остальных, я вижу, и скороспелых нет. Излагайте.

— Первая. Тогдашняя аппаратура была несовершенной и *что-то* не смогла обнаружить. Например, то самое излучение, делающее людей «куклами». Аргумент есть. Как выяснилось, чуть ли не вчера Брашерио создал аппаратуру, способную искусственно создавать «пятый ручеек», и несколько лет ее успешно использовал для связи с сообщниками, а у наших служб попросту не было аппаратуры, способной эти передачи перехватить, — он pokrивил губы. — По-

тому что светило и корифей академик Уртало держит в руках бразды правления, а согласно его глубокому убеждению, «ручейки» не заслуживают ни малейшего внимания. И никто их не исследует.

Марлок проворчал:

— Вообще-то, он большой ученый. Но с «ручейками», что уж там, дал маху...

— Что могло привести к самым печальным последствиям, — сказал Сварог.

Он представил Каниллу, совсем девчонку, растерянно стоящую перед вальяжным, безмерно уверенным в себе, язвительным светилом, стирающим ее в порошок. Сволочь, пусть и большой ученый. Все и в самом деле могло кончиться скверно — победой Брашери и его шайки...

Марлок сказал удрученно:

— Я его, конечно, не защищаю... Но что поделать, если в науке не раз случилось, что крупнейшие ученые-корифеи совершали немаленькие ошибки и допускали глупейшие промахи...

— Вот только это не всегда могло привести к *столь* трагическим последствиям, как пренебрежение к «ручейкам», — сказал Сварог. — Теперь — гипотеза номер два. Этот пресловутый «фактор» — а он, вы меня убедили, должен существовать — является не делом рук кого-то разумного, а одним из последствий Шторма. Может быть, она высказывалась и прежде?

— Высказывалась, — сказал Марлок. — Но, как вы сами видите, ее пока что не удалось ни доказать, ни опровергнуть.

— Ну, в таком случае... — сказал Сварог, — то ли завершение гипотезы номер два, то ли гипотеза номер три. *Виновники* — я не берусь сейчас гадать, кто они — появились на Нериаде уже *после* объявления Нериады запретной зоной. Быть может, не так уж и давно, потому что камни-компьютеры не так уж и давно известны.

— И откуда же они, по-вашему?

— Представления не имею по недостатку информации, — сказал Сварог. — Из Большого Космоса, из каких-то иных миров, скажем, Соседних Страниц...

— Гипотеза, в общем, толковая, — сказал Канцлер. — Но и ее, как вторую пока что нельзя ни доказать, ни опровергнуть... У вас все?

— Ну что вы, Канцлер, — усмехнулся Сварог, — я еще только вхожу во вкус... Есть еще вполне материальные вещи, обнаружившиеся в последние дни. Из-за них я к вам и прилетел ни свет ни заря. Сейчас я все расскажу и покажу — и будем ломать головы все вместе, потому что мне уже поперек души заниматься этим в одиночку. Вот извольте.

Он открыл портфель, выложил на стол довольно пухлую пачку листов — доклад Айвики, заключения экспертов-искусствоведов и даже листок с посланием от бабки Грельфи — как ни крути, а это, смейтесь не смейтесь, была официальная бумага, вышедшая из стен официального учреждения и подписанная официальным лицом в чине советника. Положил рядом две «тарелочки». Сказал уверенно:

— Как видите, господа, документы объемистые, да и написаны от руки, кроме четырех-пяти листов. Почерк разборчивый, но тем не менее, если вы начнете читать это по очереди, пройдет слишком много времени. Я все равно оставлю бумаги вам, Канцлер. Так что лучше будет, если я просто расскажу сам. Только главное, остальное вы сами потом прочтете...

— Рассказывайте, — невозмутимо сказал Канцлер.

Сварог принялся рассказывать, выделяя главное: о том, как встретился с Айвикой, о том, как побывал в Ратагайской Пуште и видел в каком-то другом мире *хлещущий* по Талару с Нериады поток «третьего ручейка», как увидел его, вернувшись в этот мир, как Канилла определила, *что* это за поток лучей, и убедилась, что его источником является именно Нериада.

Выдержка у слушателей была отменная, у всех трех — за все время, пока он говорил, никто не притронулся к «тарелочкам». Только когда он сказал, что закончил, «тарелочки» пошли по рукам. А следом — и все три экспертных заключения. Потом на какое-то время воцарилось угрюмое молчание. Нарушил его, как Сварог и подозревал, Канцлер:

— Девушка в безопасности?

— В полной, — сказал Сварог. — Я ее увез в Латеранский дворец, поселил в своих личных покоях. Там двойная цепь охраны — у моего личного крыла и у находящихся в таковом моих личных покоев. Ратагайцы и гланцы. Чтобы через них прорваться, нужна рота, а кто ж ее во дворец пустит? Все слуги — из моего манора.

— Есть еще и яды... — сказал Канцлер. — А личного повара у вас наверняка нет.

— Нет, — сказал Сварог. — Есть, конечно, отдельная королевская поварня, но повара там прежние... Я и это продумал. Еду и напитки ей возят из хорошего ресторана поблизости, а уж тут яд никак не подсыплешь заранее: кто может знать, что именно мои люди на этот раз потребуют? К тому же они сразу проходят на кухню, берут готовое блюдо или следят за его приготовлением, так что яд подсыпать невозможно, — он усмехнулся. — Правда, проныра-ресторатор под этим соусом выклянчил через моего лейтенанта звание «Поставщик королевского двора». Ну, мне это ничего не стоит — всего-навсего вывеска, которую он к тому же будет заказывать за свой счет... Вообще-то я собирался сегодня привезти девушку сюда, к нам — вы ведь наверняка захотите с ней побеседовать, Канцлер?

— Непременно, — сказал Канцлер. — И Галан, я уверен, тоже, как-никак коллеги по ремеслу...

— Мне ее везти в девятый стол — у меня там неплохая гостиница — или сразу к вам?

— Давайте сразу ко мне, — сказал Канцлер. — У меня здесь тоже неплохие гостиницы... Предприняли что-нибудь еще?

— Ну конечно, — сказал Сварог. — Поднял на ноги все свои секретные службы на земле и агентуру восьмого департамента. Интагар у меня — золотая голова. Он быстро отыскал ответ на вопрос, над которым я сам долго и безуспешно ломал голову: почему столь безобидные вещицы возят контрабандой, хотя это распрекрасно можно было делать открыто, не вызывая ни малейших подозрений? Он считает, все просто: они хотят держать в тайне *источник*, откуда эти штуки поступают. «Бадеш и сыновья» — чисто судовладельческая кампания, они не занимаются ничем, кроме перевозок. И на Сегуре все торговцы наверняка — посредники. Должен быть какой-то *источник*. Может быть, он в Равене — именно там расположена главная контора Бадеша. Интагар туда улетел, должен вернуться сегодня вечером. Арестовывать мы пока никого не стали — рано, к чему нам посредники? Мне нужен *источник*. Вот

когда мы его найдем и понаблюдаем как следует, можно и подумать насчет активного следствия, — он жестко, недобро усмехнулся. — Есть у меня на земле мастера и по этой части... Еще я, когда Интагар вернется, «приставлю» к каждому кораблю Бадеша орбитал восьмого департамента — пока что я не знаю, сколько у него кораблей, Айвика засекала только один, а их, у Бадеша, она выяснила в капитанате Сегулы, не менее двух десятков, фирма крупная... Вот и все. По-моему, в данной ситуации это все, что можно сделать.

— Пожалуй... — кивнул Канцлер. — Помощь вам нужна? Скажем, лорда Галана?

— Наверное, нет, — сказал Сварог. — У меня достаточно людей и техники, а моя тайная полиция уже на хвосте У Бадеша... — он беззлобно усмехнулся. — Правда, я подозреваю, лорд Галан все равно будет заниматься расследованием самостоятельно. Знаю я нас, спецслужбистов...

Галан широко, открыто улыбнулся и пожал плечами с таким видом, что моментально стало ясно: будет. Как и Сварог на его месте. Ну ладно, пусть. Толпой и батьку бить легче...

— Ну, а вы что думаете по поводу услышанного от лорда Сварога? — спросил Канцлер, глянув на Галана с Марлоком.

— Лично мне эти настенные украшения *чертовски* не нравятся, — тихо сказал Галан. — Даже больше, чем компьютеры. С компьютерами ничего не понятно, но тарелочки — еще хуже. Из-за того, что эти самые обычные, по мнению экспертов, камни продают по весьма заниженной цене и перевозят контрабандой. Боятся, что какой-нибудь ученый книжник-минералог определит, что это не таларские и не сильванские камни? Но коли уж они пошли в открытую продажу, такой книжник рано или поздно может найтись... Абсурд какой-то... а меж тем все это, несомненно, имеет какую-то цель и смысл. Меня давно уже научил жизненный опыт: чем абсурднее и непонятнее выглядит нечто происходящее; тем оно опаснее и серьезнее...

— Полностью согласен... — проворчал Сварог.

— Да и я тоже, — кивнул Канцлер. — Профессор, что скажете?

— Ну, одна рабочая версия есть... — сказал профессор, уминая большим пальцем табак в трубке. — Допустим, это полностью на нас похожие пришельцы из Большого Космоса. Допустим, они, как предположил лорд Сварог, и в самом деле, прибыли относительно недавно... Что, если мы имеем дело с каким-то научным экспериментом? Подбрасывая компьютеры — и, непонятно зачем «тарелочки», — изучают человеческую психологию.

— В том числе и явившись в гости к Орку с очередным компьютером? — не без некоторой язвительности спросил Сварог.

— Почему бы и нет?

— А практический смысл? — сказал Сварог. — Какую научную ценность может иметь то, что Бетта общалась с заоблачными друзьями, вор крал, пират захватывал корабли, а патриций зашибал денежки, воруя информацию? Какая научная ценность в том, чтобы подбрасывать *такое* Орку? Посмотреть, пойдет он в спецслужбы или согласится примкнуть к заговору? И только? Странные какие-то получаются эксперименты...

— У них может быть своя логика, о которой мы пока что ничего не знаем, — живо ответил Марлок.

Сварог с сомнением пожал плечами:

— Не исключено, в виде гипотезы, и тем не менее... Сдается мне, профессор, вы смотрите на происходящее в первую очередь как ученый...

— Каковым и являюсь, — сказал Марлок.

— Вот то-то... — сказал Сварог. — А я — король и спец-службист, причем неизвестно, чего во мне больше... Мне в первую очередь — и во вторую, третью, в десятую — подворачиваются кровь и грязные интриги. Так что я чуточку пессимист. И потому вижу в происходящем именно что заговор, а не научные эксперименты чужих...

— Я, конечно, не настаиваю, что моя гипотеза верная, — сказал Марлок. — Как и прежние, касательно Нериады, ее пока что нельзя не подтвердить, ни опровергнуть... но и вы пока что не можете доказать, что речь идет о *реальном* заговоре, ведь так?

— Так, — хмуро признался Сварог.

— Господа, — спокойно, но решительно сказал Канцлер, — по-моему, вам стоит эту дискуссию прекратить. Любые дискуссии бессмысленны, пока у нас нет новой информации... Поэтому, я считаю, совещание можно заканчивать. Я сейчас распоряжусь, чтобы бумаги отдали размножить... Вам ведь тоже нужен экземпляр, лорд Сварог? Сделают. Никаких приказов и никаких поручений давать не буду... — он усмехнулся. — Потому что не представляю, какие на данном этапе нужны приказы и поручения. Чем вы сами намерены заняться?

— Полечу работать, — сказал Галан, улыбаясь Сварогу так, словно хотел сказать: «Ну ты же свой парень, все понимаешь?»

Сварог ответил искренне дружелюбной улыбкой — он все понимал и не сердился — как можно сердиться на хорошую гончую, бросившуюся за зайцем?

— Ну, а я бы полетел в девятый стол и побеседовал с Каниллой Дегро, — сказал профессор.

— Извольте, — сказал Сварог. — Она там.

— Ну, а вы, лорд Сварог? — спросил Канцлер.

— Я, пожалуй, полечу в Глан и поговорю с начальником моей тамошней тайной службы и с книжниками, — сказал Сварог. — Гостья к Орку пришла из *зеркала*. А именно в Глане чаще всего себя проявляли всевозможные, как там выражаются, *зеркальщики*. Может, удастся узнать что-то полезное. Ну, а вечером буду ждать Интагара в Латеране. Не может случиться так, чтобы он вернулся *совершенно* ни с чем, не тот человек. Что-то да привезет.

— Ну вот, все при деле, — сказал Канцлер. — А сейчас, господа, я хотел бы поговорить с глазу на глаз с лордом Сварогом о некоторых других делах...

Галан и Марлок встали без малейшей обиды на лицах. Марлок спросил Канцлера:

— Можно, я сам отнесу бумаги, чтобы их размножили? Быстрее будет...

— Извольте, — кивнул Канцлер.

Марлок повернулся к Сварогу:

— Лорд Сварог, вы разрешите взять одну из этих штучек?

— Сделайте одолжение, — сказал Сварог. — Вторую я тоже могу оставить. Если понадобятся еще, у меня в девятом столе они лежат, я привез с Сегура штук десять, на всякий случай...

Марлок сунул в карман «тарелочку», взял со стола бумаги, тщательно под-

ровнял стопочку и вышел. Следом кабинет покинул Галан, «тарелочку» не попросивший, — должно быть, не видел необходимости отдавать ее своим экспертам после того, как с ней поработали у Сварога, — а Марлок явно намеревался отдать ее в лабораторию Техниона.

Канцлер спросил непринужденно:

— Мне показалось, или вы, в самом деле, начали вдруг держаться настороженно?

Изо всех сил стараясь выглядеть невозмутимым, Сварог соврал без зазрения совести:

— Наверняка показалось, с чего бы мне вдруг... настораживаться?

— Действительно, с чего бы? — пожал плечами Канцлер. — Значит, показалось, эту ночь не спал вовсе, а в прошлую удалось подремать часа два, голова не такая уж и ясная, а *зелий* пить не хочется... Ну, давайте о деле. Я отослал профессора и Галана отнюдь не потому, что речь пойдет о чем-то тайном, чего им знать нельзя. Тут другое. Мы будем говорить о Той Стороне и предстоящей конкретной операции. Галан и так знает о ней все, нет нужды заставлять его выслушивать это вторично. А Марлок Той Стороной интересуется исключительно по долгу службы, как мой главный научный консультант и глава Техниона. Он не историк, ему попросту скучно... Единственное, чем он с удовольствием занялся бы, — это изучение уровня тамошней науки и техники, но мы пока что не вышли на уровень, позволяющий такие исследования вести. Не вышли за пределы Саваджо. Хотя в ближайшее время намереваемся это сделать.

— Яна, — утвердительно сказал Сварог.

Канцлер кивнул:

— Ну конечно. Как бы иначе наши люди туда попали? Ваша охрана пропускает в ту комнату только тех, кто приходит с ней. Судя по тому, что вы отдали именно такой приказ, вы ничего не имели против визитов *посторонних* туда?

— Ну да, разумеется, — сказал Сварог. — В конце концов, Та Сторона — не моя собственность, и изучать ее нужно не по-любительски. Перед тем, как... *уйти*, я с ней говорил об этом. Просил рассказать вам и не сомневался, что вы тотчас же захотите послать туда людей, как и я на вашем месте. Вот охрана и получила соответствующий приказ...

— Спасибо, — серьезно сказал Канцлер. — Я уже говорил, в ваше отсутствие мы добились кое-каких успехов. Чем в значительной степени обязаны опять-таки Яне: никто другой просто не может привести человека в каталептическое состояние, качественно допросить, а потом внушить, чтобы он все забыл. А также — *подтолкнуть* человека к какому-то решению и сделать так, чтобы он остался в убеждении, будто эта идея сама собой пришла ему в голову. Она отсюда буквально не вылезала — ей эта работа страшно нравится: как она говорит, у нее никогда еще не было столь серьезного занятия.

— Она и сейчас там, я так понимаю? — спросил Сварог.

— Да, я уже говорил и повторяю еще раз: о ее безопасности заботятся строжайше. Та... штука... явление... в общем, не знаю, как это назвать... то непонятное, что в первый ваш визит пыталось ее *высмотреть*, больше не появлялось ни разу. В город я ей разрешал съездить лишь единожды — уж простите, для пользы дела пришлось соврать, что именно таков был договор с вами, и я дал вам слово его соблюсти во что бы то ни стало. Вы не сердитесь?

— Нисколько, — сказал Сварог. — Все правильно, так и следовало поступить.

— Успехи наши скромные, но все начинается с малого, — сказал Канцлер. — Мы создали базу. Купили ту гостиницу, возле замка. Нельзя сказать, что она стала убыточной, но все шло к тому, что она вскоре начнет приносить убытки. Потеряла прежнюю популярность, клиенты теперь предпочитают останавливаться в городских, большинство самых дорогих номеров пустует... Хозяин живет в Саваджо. Он, оказалось, уже подумывал, не избавиться ли от гостиницы — ну, а Яна его легонько *подтолкнула*. Позавчера мои люди заключили сделку, выправили у нотариуса купчую по всем правилам...

— И заплатили денежками нашей работы? — усмехнулся Сварог.

— Ну что вы, — серьезно сказал Канцлер. — Не стоило рисковать. Мало ли что... Скажем, мы могли поставить на кредитки номера, которые уже присутствуют на настоящих. Это могло открыться, след мог привести к бывшему хозяину, а от него — к нам. Нельзя же было ему внушать, чтобы он забыл о сделке — это вызвало бы еще большие подозрения... Деньги были самые настоящие. Оказалось, их достаточно легко добыть. В городе, где превеликое множество казино, игорных домов и прочих подобных заведений, множество и ювелирных магазинов. Проигравшиеся в пух и прах распродают имевшиеся у них драгоценности, а сорвавшие банк частенько бросаются шиковать, покупают дорогую ювелирку. Наши люди, не вызвав ни малейших подозрений — самое обычное для Саваджо дело, — под видом проигравшихся вдрызг объехали десятка два ювелирных магазинов и продали по две-три вещички каждый — настоящее золото, настоящие драгоценные камни, причем крупные. Учитывалось, конечно, что ювелиры, как их собратья во все времена — да и у вас на Таларе сейчас — стараются купить изделия за полцены, на что клиент, будучи в безвыходном положении, соглашается. У них там круговая порука — у ювелиров, я имею в виду — так что *настоящей* цены не дадут нигде. И все равно мы выручили столько, что, кроме расходов на покупку гостиницы, осталось еще немало на текущие расходы. Купили четыре автомобиля, разные полезные мелочи... Весь персонал рассчитали, Яна внушила каждому, что он сам захотел уйти, потом мягонько *подтолкнула* постояльцев уехать. В общем, гостиница теперь наша, персонал полностью состоит из наших людей. Один из номеров целиком отведен под компьютерное хозяйство Элкона, и он с превеликим энтузиазмом чуть ли не сутками *шарит* по тамошним компьютерным сетям. Уверяет, что остается незамеченным. Информация самая разная идет потоком. Да, купили еще парочку скромных квартир в городе, опять-таки в качестве баз. Словом, быстро там освоились — в первую очередь благодаря Яне и Элкону...

— Неплохо, — сказал Сварог.

— Еще немного поработаем в Саваджо и будем отправлять людей в столицу. *Шлепать* здешние документы мы уже научились, получается безукоризненно, — Канцлер усмехнулся. — А вчера приключилась смешная... и оказавшаяся очень полезной история. Заявилась парочка нагловатых верзил, потребовала «нового хозяина» и объявила ему, что теперь он будет им платить «за покровительство», как исправно платил прежний хозяин. Иначе, мол, и гостиница может случайно сгореть от брошенного пьяным постояльцем непогащенного окурка, и с самим хозяином могут приключиться всякие нехорошие

случайности...

— И оба — в черных шляпах с белыми лентами? — со знанием дела спросил Сварог.

— Вот именно. В точности такие молодчики, которых вы описывали в отчете. Организованный криминал... Впрочем, неорганизованного здесь попросту нет, *залетных* тут не привечают. К нашему везению, в это время Яна пребывала в гостинице...

— Понимаю, — фыркнул Сварог. — Я же писал в отчете, как она обошлась с их коллегами в городе...

— Ну что вы! — энергично воскликнул Канцлер. — Это было бы грубейшей ошибкой — выставить их отсюда, приказав все забыть. Это же не одиночки, а представители серьезной и многолюдной конторы, такого спрута, опутавшего щупальцами весь город. Их отправили с конкретным поручением — и вдруг они возвращаются с провалом в памяти, ничего не в силах объяснить толком... Представляете, что началось бы в их штаб-квартире?

— Да, действительно, — сказал Сварог. — Я как-то не подумал...

— Платить новый хозяин, конечно, будет, чтобы не выходить из образа, — продолжал Канцлер. — Кстати, потребовали они не такую уж большую ежемесячную дань... да, в конце концов, к чему нам скупердяйничать и жалеть тамошние *бумажки*? Если понадобятся деньги, к ювелирам проторенной тропкой заявятся очередные «вдрызг проигравшиеся», только-то и всего. Мы поступили иначе. Яна в секунду сделала из них *манекенов*, долго и скрупулезно расспрашивала о здешнем криминале, а потом велела все забыть. Узнали много интересного... Никаких конкурирующих банд — единоначалие. Есть только один хозяин, который и держит в руках весь город. Мы провели совещание и пришли к выводу: чтобы легче работалось здесь, этого хозяина с милой кличкой Удав нужно *оседлать*. Что не так уж трудно сделать: к нему просто-напросто явится в гости Яна, привезет с собой обаятельного человека, а потом Удав объявит своим приближенным, что к нему приехал из столицы любимый и надежный двоюродный брат, который теперь и будет его правой рукой. Как мне объяснили специалисты по таларскому криминалу, — который от здешнего отличается лишь тем, что не располагает машинами, автоматами, карманными телефонами и прочей техникой, — в серьезных бандах обычно так и заведено: главарь старается для пущей надежности брать в ближайшее окружение близких родственников...

— Есть такая традиция, — кивнул Сварог. — Я от своей полиции немало наслушался об обычаях «ночных портных».

— Здесь они себя именуют «пастухами», — сказал Канцлер. — Удав бы тоже так поступил, но он, вот беда, сиротинушка из приюта, о чем, впрочем, не любит распространяться. Вот теперь будет ему новехонький, с иголки, близкий родственник. Никто ничего не заподозрит. Внушение Яны держится долго. Полезной информации к нашему человеку будет стекаться немало, к тому же он подберет себе пару-тройку ближайших помощников — как вы понимаете, из наших людей. В Саваджо безопаснее и легче всего работать под личиной «черных шляп». Есть только одна загвоздка. Мы бы его *сделали* в два счета, но приехавшие в гостиницу обормоты не знают, где он живет. И не знают никого, кто бы знал — рядовая пехота, что с них возьмешь... Знают только, что у Удава несколько городских квартир и пригородных вилл, которые он постоян-

но меняет. Вы ведь и с этим у себя на земле сталкивались?

— Конечно, — сказал Сварог. — Везде одно и то же... В крупных бандах — да и в тех, что помельче, — частенько попадаются прыткие ребята, однажды задумавшие пролезть в главари. Проще всего этого добиться, если старый главарь нечаянно упадет на нож раз десять подряд или с ним произойдет какая-нибудь другая трагическая случайность. Так что многие главари, имеющие такую возможность, стараются, кроме всем известной «главной конторы», которую знают все, завести несколько логовищ, о которых знают считанные люди.

— Действительно, везде одно и то же... А уж здесь, где доходы верхушки «пастухов» считают на миллионы... Удав наверняка понимает что к чему и не хочет однажды десять раз случайно упасть на ножик или сломать шею, оступившись на лестнице... К тому же к нему по каким-то своим причинам крайне недоброжелательно настроены столичные «пастухи», работающие уже в масштабах страны. Поговаривают, намерены заменить его своим человеком, поскольку Удав для них недостаточно свой. Слухи об этом разошлись настолько широко, что о них знают даже приехавшие в гостиницу задрипанные пехотинцы... В общем, мы попали в неловкую ситуацию. *Обработать* Удава — раз плюнуть, но мы понятия не имеем, где его искать. «Главная контора» нам известна, но там он бывает только днем, и там работать слишком рискованно. Искать его квартиру или виллу слишком долго, к тому же их с десяток, и нужно еще знать, в которой и когда он будет пребывать. Пускать за ним слежку днем, от «главной конторы» — тоже излишний риск...

— Вы хотите, чтобы я что-нибудь посоветовал? — спросил Сварог. — Сразу скажу: ничего не приходит в голову. Вот уж по криминалу я не специалист. Могу, конечно, порасспросить того же Интагара, вдруг подскажет что-нибудь дельное...

— Нет необходимости, — сказал Канцлер. — Мы нашли способ прищучить сие пресмыкающееся... В той «Лотерее-Грации», где вы были с Яной, события развернулись именно так отнюдь не случайно. Постоянной любовницы у Удава нет — такой уж человек, любит разнообразие. Именно в *этом* заведении он просиживает три вечера в неделю, а то и вне графика, когда обстоятельства позволяют. Высматривает очередную красотку, которую потом его ребята бесцеремонно приглашают в гости. Особенно западает он на голубоглазых блондинок — у каждого свои вкусы. Так что задача предстоит не столь уж и сложная: мы посылаем в заведение ослепительную голубоглазую блондинку — примерно известно, когда Удав там появляется, так что подгадаем к его приезду, — а на улице машину перехватывает Яна. Уж те ребята, что «приглашают в гости» девушек, прекрасно знают, где будет пребывать в ожидании очередной «гостьи» Удав... Что скажете?

— Отличный план, — сказал Сварог. — И никакого риска.

— Здесь есть еще одна загвоздка, — сказал Канцлер удрученно. — У меня попросту нет среди особо доверенных агентов очаровательных голубоглазых блондинок. А те, что найдутся, не настолько доверенные, чтобы посвящать их в тайну Той Стороны... Проще всего было бы вновь послать Яну, но это рискованно: и сам Удав, и его свита — а с ним постоянно человек пять-шесть — могут ее вспомнить. Удав наверняка не забыл не такого уж давнего странного случая: когда ребята, которым он поручил привезти очередную красотку, об-

наружились вдрызг пьяными и совершенно не могли объяснить, почему провалили дело. Как считают наши аналитики, худо-бедно изучившие Ту Сторону, Удав, вероятнее всего, решил, что они напоролась на колдунью, — здесь хватает колдунов и магов, хотя они стараются держаться в тени. Есть какая-то спецслужба наподобие вашей ронерской Багряной Палаты, нельзя сказать, что на тех, кто владеет колдовством или магией, охотятся масштабно и круглосуточно, но все же эти ремесла не поощряются, и засветившихся магов частенько хватают... Весь риск состоит в том, что Удав попросту смоемся... или останется, но Яну прикажет не трогать. И поддавливай его потом...

— Она ведь может надеть «личину», — сказал Сварог. — Не менее очаровательную, чем ее естественный облик.

— Опять-таки может случиться осечка, — сказал Канцлер. — Эти обломы рассказали, помимо всего прочего, что возле Удава постоянно находится не только охрана, но и пара «колдунцов», как они выражаются. А заклинание «личины», вы, наверное, знаете — одно из *слабых*. С ним без труда справляется не самый сильный маг. Кто их знает, этих «колдунцов»... — он помолчал и, пытливо глядя на Сварога, сказал: — Весьма даже не исключено, что именно вы можете помочь...

— Каким образом? — искренне удивился Сварог.

— Канилла Дегро, — сказал Канцлер. — Очаровательная голубоглазая блондинка, которая безусловно может считаться особо доверенным сотрудником. Девушка достаточно раскованная: я слышал краем уха, что она частенько балует танцами с раздеванием, то есть баловала до недавнего времени, «выступая» перед одним-единственным человеком, *другом*, с которым недавно рассталась. Но все равно, это уже означает некоторую психологическую раскованность...

«Краем уха он слышал, видите ли, — сердито подумал Сварог. — Можно подумать, о привычках Кани треплют на углах так запросто, что это долетело до Канцлера». Зная Канцлера, объяснение может быть одно: у него есть все же агент в девятом столе... хотя нет, *таких* вещей не может знать кто-то посторонний — а во всех своих юных сподвижниках Сварог полностью уверен. Они не вербуются, хоть ты их режь, что показала неудача покойного Гаудина. Скорее уж, агент или агентесса — в ближайшем окружении Каниллы вне девятого стола. Кани — девушка общительная, у нее сыщется не менее пары дюжин близких друзей и друзей среди «посторонних». Кто-то из них как раз и может знать — современная молодежь раскованная, порой делится интимными секретиками. Учтем на будущее и поищем источник утечки...

— Мне думается, вы сумеете ее уговорить, — сказал Канцлер. — Скажете, что это важное государственное дело... как, собственно, и обстоит. Это Аурика у вас скромница, если не брать в расчет маркиза Оклера, а Канилла — девушка раскованная, с ярко выраженной авантюрной жилкой. У меня есть все основания думать, что она, по присущему ей озорству, легко согласится. Попробуете ее уговорить?

— Попробую, — сказал Сварог.

Хорошо зная Каниллу, он подозревал, что она легко может согласиться, видя во всем этом интересное приключение. Канцлер прав: и озорство присутствует, и авантюрная жилка, и тяга к приключениям — но последнее качество ей просто негде реализовать. Если она узнает про Ту Сторону...

— Я попробую, Канцлер, — сказал он уже увереннее. — Назначена какая-то конкретная дата?

— Да, — сказал Канцлер. — Послезавтра Удав там точно будет — это, так сказать, посещение по графику... Я имею в виду, послезавтра днем, когда там наступает вечер.

— Постараюсь, — сказал Сварог.

Канцлер вздохнул с ненаигранным облегчением:

— Лорд Сварог, я буду вам очень благодарен...

— Не за что, — сказал Сварог и добавил голосом таларского пехотинца-деревенщины: — Мы службу не понимаем? Очень даже понимаем, не извольте беспокоиться!

Канцлер улыбнулся, давая понять, что по достоинству оценил шутку и вообще, допускает толику юмора даже в серьезных разговорах. И тут же согнал ее с лица, став, такое впечатление, даже угрюмым. Помолчал, глядя в стол, поднял глаза:

— Есть еще одна тема для разговора. Боюсь, для вас она будет неприятной, но я всегда стремился, чтобы между нами оставалось как можно меньше недомолвок. Надеюсь, вы тоже к этому стремитесь?

— Да, — сказал Сварог, исполненный нехороших предчувствий.

Открытым текстом прозвучало, что ему стоит ждать каких-то неприятностей. Ну, будем настороже...

— Возникло недоразумение, которое просто необходимо разрешить, — ровным, бесстрастным тоном продолжал Канцлер. — Мне не хочется, чтобы между нами оставались недомолвки. Я всегда испытывал к вам некое дружеское расположение, а людей, к которым я питаю такие чувства, очень мало. И старался быть с вами предельно откровенным... Не полностью, конечно. Людей, с которыми я был бы откровенен *полностью*, нет вообще. Даже от императрицы порой что-то скрываю. Потому что должность такая... поганая, — он улыбнулся, точнее, обозначил улыбку. — Наподобие королевской. Вы умный человек и наверняка согласитесь со мной: поганая это должность — король...

— Соглашусь, — сказал Сварог.

— Людей, с которыми я был бы *предельно* откровенным, очень мало. Вы входили и входите в их число. Оцените это по достоинству.

— Давно оценил, — тихо сказал Сварог.

— Когда вы увидели индикатор, вы на какие-то мгновения всерьез обеспокоились. Очень быстро овладели собой, но эти несколько мгновений были. Об этом мы поговорим после, а сейчас я хочу вернуться в далекое прошлое, или, как любят выражаться летописцы, сказочники и романисты, в незапамятные времена. Перед нашими спецслужбами не вставало неразрешимых проблем. Кроме одной-единственной, получившей название «Нахальный Призрак». Вскоре после того, как оформились в стройную систему наши компьютерные сети и хранилища информации, кто-то посторонний начал регулярно в них вторгаться. Он преодолевал любую защиту самого высшего уровня. Проникал *всюду*. Иногда что-то скачивал, и ни разу не удавалось установить что. Было кое-что похуже: его невозможно было отследить. Хотя наши специалисты всегда, без единого исключения довольно быстро отлавливали людей, вторгавшихся в закрытые для посторонних компьютеры, сети, хранилища. А таких бывало довольно много — иногда это оставалось только попытками, иногда

некоторым искусникам удавалось преодолеть первые пояса защиты. Правда, никогда, в отличие от Призрака, не справлялись с высшими. Всякий раз, повторяю, их быстро отлавливали и отлавливают. Эти вторжения продолжаются и в наши дни, последнее случилось буквально неделю назад. Что характерно, лишь дважды — а случаев таких было несколько тысяч — речь шла о злом умысле. Это были заговорщики. Серьезные, настоящие. И то в довольно давние времена. Все остальные незаконные вторжения на счету подростков, главным образом мальчишек, хотя попадались и девчонки, а в последнее время число девчонок увеличилось, они больше стали интересоваться компьютерами. Так они забавлялись — из подростковой бравады, из желания показать собственную лихость, а то и просто на спор. Знаете, так на земле сорванцы лезут по чужим садам. Порой у их родителей сады и ягодники даже богаче, но они лезут в чужие — из лихости... Среди них попадались многообещающие личности, не раз их, когда подрастали, брали на службу в серьезные учреждения, часто для того чтобы работали по обеспечению компьютерной безопасности. Один Призрак продолжал резвиться. Возникла даже версия, что он пользуется не компьютерной сетью ларов, а работает с земли. Вот только эту версию не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть — Призрак оставался неуловим. На земле искали источник энергии, без которого не способен работать ни один компьютер. Не нашли. Привлекали даже магов — безрезультатно. В конце концов, кто-то предположил, что это Фаларен — первоочередное внимание Призрак уделял Хеддъстаду. Но подтвердить эту версию опять-таки не удалось. Наши предки спустились на землю — и почти сразу же объявился Призрак. Когда они вернулись за облака, Призрак не заставил себя долго ждать. В конце концов, бросили всякие попытки его отследить. Нахальный Призрак стал неизбежным злом, с которым приходилось мириться...

— Интересно, — сказал Сварог, воспользовавшись паузой. — Вот только при чем тут я?

Он уже начал понимать, куда клонит Канцлер. Неприятно...

— Не спешите, — сказал Канцлер. — Сначала я расскажу о Призраке до конца. Есть одна любопытная деталь: *стиль* его вторжений время от времени менялся. Какое-то время он действовал, можно сказать, несколько хаотично и нерегулярно, без всякой системы. Была информация, которой он отдавал предпочтение, и тем не менее... Потом стиль радикально изменился. Теперь Призрак действовал строго по определенной системе, ее очень быстро удалось проанализировать. Заранее можно было предсказать и никогда не ошибиться — в какой последовательности он будет *лазать*. И появлялся он в строго определенное время, хоть часы по нему проверяй. Так длилось несколько тысяч лет. Кто-то из специалистов сказал: полное впечатление, что сначала действовал *человек*, а потом его сменил бездушный *автомат*, работающий по раз и навсегда заданной программе. Проверить это не было никакой возможности...

«Прав был ваш специалист, — мысленно прокомментировал Сварог, — Фаларен полностью потерял интерес к собственноручным, если можно так выразиться, вторжениям, и эти несколько тысяч лет *лазал* и исключительно Золотые Обезьяны, и в самом деле работавшие по раз и навсегда заданной программе...»

— Около восьми лет назад стиль внезапно и неожиданно резко изменился.

Если очень долгий период можно было именовать работой автомата, то теперь, такое впечатление, вновь появился человек. Вторжения вновь стали нерегулярными и хаотичными, вдобавок изменился их характер — теперь он в первую очередь буквально *греб* все, что касалось Яны. Что меня тревожило страшно: я не знал его целей...

«Зато я, очень похоже, знаю, — подумал Сварог. — Предназначенная для Яны комната в Красном Павильоне. Очень похоже, этот скот всерьез намеревался ее похитить в поисках новых развлечений...»

— Столь же внезапно, как и появился, человек пропал, вернулся автомат, — Канцлер уперся в него холодным, тяжелым взглядом. — По какому-то странному совпадению исчезновение «человека» идеально совпадает по времени с вашим проходом через Хелльстад, когда вы там прикончили Фаларена. Всякие совпадения в жизни случаются... Несколько лет работали «автоматы». С год назад вновь объявился «человек». Но *стиль* радикальным образом изменился и нисколько не походил на прежний. Теперь Призрак работал по другой системе, гораздо реже стал заходить в сети и архив моего Кабинета, а Кабинет императрицы вообще обходил стороной, хотя раньше «человек» там буквально *пасся*... Так вот, у меня есть основания подозревать, что это и в самом деле компьютеры Хелльстада, которыми последний год пользовались либо вы, либо один прекрасно нам обоим известный компьютерный гений...

— У вас и доказательства есть? — небрежно спросил Сварог, уже понимая, что его загоняют в угол, прижимают к стене.

— Сейчас будут, — столь же небрежно, в тон ему ответил Канцлер. — Индикатор включен. Любая ложь в ответ на прямой вопрос будет выявлена моментально. Разумеется, вы вправе уйти, хлопнув дверью. У меня нет никаких доказательств, одни стойкие подозрения. Презумпция невиновности... Но если вы так поступите, это осложнит и усложнит наши прежние отношения. Черт, я забыл... Вы в два счета можете уговорить Яну отправить меня в отставку и загнать в почетную ссылку куда-нибудь на Сильвану. Что ж, я ничем не смогу помешать. — И он слегка наклонился вперед. — Но всю оставшуюся жизнь, а жить мне еще долго, я вас буду люто презирать. Может быть, вам на это будет глубоко наплевать... А может, и нет. Вы не встаете... Что, вас непременно нужно загонять в угол? Задавая прямой вопрос? Или хватит смелости самому сказать правду?

Сварог молчал недолго. Сказал, приложив нешуточную силу воли, чтобы не отводить взгляда:

— Хорошо. В Хелльстаде *есть* компьютеры.

— Следовательно, нет смысла задавать следующий вопрос... Конечно же, *новый* Нахальный Призрак — это вы... или тот самый компьютерный гений. Яна знает?

— Знает, — сказал Сварог, подумав: «Уж ей-то вы, сударь мой, ничего не в состоянии сделать».

— И молчит, — сказал Канцлер. — Что ж, логично: любой умный монарх что-то скрывает от самых доверенных министров... как наверняка поступаете и вы на земле. К тому же она имела случай убедиться, что и я кое-что от нее порой скрываю — тот эпизод, когда я принес вам сводку, которую никогда ей не показывал. И не показал письмо того моряка, которое вы нашли в Хелльстаде... Логично... Сердиться на нее не стоит. Там у вас что, и в самом деле есть

какие-то автоматы? Долго работавшие вместо Фаларена? Почему он сам устранился?

— Ему попросту надоело, — сказал Сварог.

— Черт... — сказал Канцлер. — Такое простое объяснение... А почему он лет восемь назад вновь заработал сам, активнейшим образом?

Сварог едва ли не рявкнул:

— Да потому что этот скот поганый всерьез собирался похитить Яну, к чему имел все возможности, и сделать сексуальной игрушкой! И если бы я его не прикончил, так и произошло бы! Верьте уж на слово! Доказательства имелись, но я их уничтожил к чертовой матери!

— Ну зачем же «на слово», — спокойно сказал канцлер. — Индикатор показывает, что вы говорите чистую правду... Интересные дела... Похоже, вас стоит поблагодарить. Я говорю совершенно серьезно.

— Не за что, — язвительно бросил Сварог. — Эти доказательства я обнаружил гораздо позже, уже не один год будучи хелльстадским королем. Раньше как-то кое до чего руки не доходили. Я его прикончил, ничего не зная о его планах касательно Яны. Исключительно потому, что он собирался нас там задержать, и, похоже, навсегда...

— И тем не менее... — сказал Канцлер, — вольно или невольно вы ее спасли. Вопрос, продиктованный чистым любопытством: что именно вы скачали из моего архива? Однажды вы что-то скачали. Что именно, как всегда, отследить не удалось...

— Документ с длиннющим суконно-канцелярским названием, — сказал Сварог, рассудив, что терять ему больше нечего. — «Подробный и обстоятельный отчет о жизни и поведении...»

— Достаточно, — прервал Канцлер. — Я понял, о чем идет речь, такое название там только одно... Значит, вы его прочитали... И все знаете о той истории на Сильване... — Он улыбнулся. — И что же, вас радует, что теперь вы и это о ней знаете?

— Ничуть, — сказал Сварог. — Лучше бы и не знать...

— Ну вот, теперь сами видите, что неумное любопытство иногда не доставляет ничего приятного... — сказал Канцлер без тени язвительности. — Со всем наоборот... Интересно, у вас найдутся какие-нибудь оправдания?

— Найдутся, — усмехнулся Сварог. — Никаких законов я не нарушал.

— А подробнее?

— «Закон о компьютерах» содержит четко сформулированную статью: «Запрещено вторжение в закрытые для не имеющих допуска лиц компьютеры, сети, хранилища информации и архивы с любого нашего компьютера». Нашего. То есть здешнего. Про другие компьютеры ничего не сказано.

Канцлер покачал головой, улыбаясь почти весело:

— Ну да, лорд Сварог, вы большой мастер выискивать юридические прорехи, что не раз проделывали... В самом деле, с точки зрения действующих законов, привлечь вас к ответственности невозможно... А чисто моральный аспект вас не заботит? Вы рассказывали, что в прежней жизни, едва войдя в совершеннолетие, стали военным и пробыли им семнадцать лет. Да и здесь возглавляете конторы, требующие строгой дисциплины... каковой требует и королевский титул, я так полагаю. И вдруг обнаруживается, что вы ведете себя, как сопливый мальчишка. «Отчет» вы скачали, несомненно, из чистого любо-

пытства. Я уверен, и со многим другим обстояло точно так же. Совершеннейшее мальчишество...

Было бы легче, начни он кричать, ругаться, грозить. Но этот спокойный, насмешливый с укоризной тон... На какой-то миг Сварог не выдержал и опустил глаза.

— Пойдем дальше, — продолжал Канцлер. — На один вопрос я получил ответ. Есть и второй, интерес к которому еще более окреп после того, как вы сказали, что Фаларен имел все шансы похитить Яну. Где-нибудь на охоте, я думаю? Самый удобный случай. Но ведь вы отлично знаете, что после сильванских событий ее повсюду сопровождала на земле сильная охрана, вооруженная и лучевым, и другим, не менее, а то и более сильным оружием, — я о тех «стволах», что рвут водородные связи меж молекулами и мгновенно превращают что человека, что зверя в облако пара. И тем не менее вы уверены, что у Фаларена были все шансы. А если вспомнить, что вы в свое время солгали в ответ на прямой вопрос, есть ли в Хелльстаде оружие, способное справиться с шайкой Брашеро... Ответ на второй вопрос напрашивается сам собой: серьезное оружие в Хелльстаде *есть*. Я прав?

— Правы, — сказал Сварог. — Но большая его часть для Империи совершенно не опасна... хотя его было бы достаточно, чтобы легко одолеть охрану Яны где-нибудь на земле.

— А меньшая?

— А меньшую я просто не успел до сих пор опробовать в деле и совершенно не представляю, как оно действует и на что способно.

— И оба раза не соврали... — сказал Канцлер. — Собственно, я узнал все, что хотел знать...

— Интересно, а что дальше? — спросил Сварог, прекрасно зная, что улыбка у него сейчас вымученная. — Выйду я отсюда в *одиночестве*? Или нет?

— Что за вздор вы несете! — досадливо сказал Канцлер. — И выйдете — один, пойдете на все восемь сторон света, не потеряете ни одной должности, останетесь в прежнем положении. Слово чести. Нам с вами еще работать и работать бок о бок. На Той Стороне прежде всего. Кстати, в ваше отсутствие мы осуществили вашу идею.

— Которую? — спросил Сварог, все еще державшийся настороженно.

— Закопать на той стороне, в месте, о котором известно, что оно останется таким и сегодня, какой-нибудь предмет, а потом как следует там покопаться, уже в нашем мире. Если что найдется закопанное — станет ясно, что там — не Соседняя Страница, а наше доштормовое прошлое.

— Если только какие-нибудь кладоискатели не добрались... — проворчал Сварог.

— Ну, мы же там не золото зарыли... — усмехнулся Канцлер. — Дешевый глиняный горшок со слитком свинца внутри, парочку лошадиных подков и бутылку из грубого стекла. Никто на такой «клад» не позарится, если доберется. Оставит все в яме. И с Нериадой нам с вами следует поработать бок о бок. Видите ли, я решил, не дожидаясь, пока хоть что-то прояснится, повторить операцию «Невод». В тех же масштабах, благо старая аппаратура усовершенствовалась за эти столетия и появилась новая. От вас, как от главы восьмого департамента, потребуется некоторое количество людей и техники, как и от прочих задействованных ведомств.

— Охотно, — сказал Сварог. — Дело полезное...

— Теперь вернемся к вам персонально, — непринужденно сказал Канцлер. — Я не собираюсь против вас ничего предпринимать или замышлять по одной-единственной причине: не вижу в вас угрозы Империи. Если бы я ее видел, живым бы вы отсюда не вышли. Не так просто, но вполне реально было бы организовать вашу «пропажу без вести», оставив *следочки*, ведущие, скажем, к «Черной Благодати». Вы здорово насолили черным, они на вас злы... Ваши отношения с Яной меня бы не остановили: я не сентиментален, вы знаете. Когда на одной чаше весов — судьба Империи, меня не волнует участь того, что находится на другой. Но пока что угрозы для Империи с вашей стороны я не вижу... А вот польза от вас немалая. К власти вы не стремитесь: отказываетесь жениться на Яне здесь, отказались занять мое место, когда Яна вам это предлагала... В общем, я считаю, нам выгоднее дружить, чем враждовать. Не так ли?

— Согласен, — сказал Сварог.

Канцлер сказал с несколько сокрушенным видом:

— И тем не менее кое-какие ваши хелльстадские тайны меня, признаюсь по совести, тревожат, потому что я о них ничего не знаю, а непонятное, как сто раз говорилось до нас, внушает страх... а страх порой может подвигнуть человека на необдуманные поступки... — он улыбнулся открыто, широко (ну просто отец родной!): — Лорд Сварог, давайте заключим договор, который снимет меж нами последние недоразумения и взаимные подозрения? Вы покажете мне ваш арсенал, который у вас наверняка есть, и дадите слово чести ничего предварительно не прятать. Когда выдастся свободная минутка, вы изучите то оружие, что не успели изучить, и, если отыщется что-то, способное представлять хоть малейшую опасность для Империи, уничтожьте.

— В вашем присутствии? — спросил Сварог.

— Необязательно. Если дадите слово чести. Ваши компьютеры меня совершенно не интересуют — что в них интересного? Несколько совершеннее наших, я полагаю, только и всего. А значит, ничего интересного, я не ученый. Вот только вы пообещаете никогда больше не *лазить* по закрытым архивам, не проникать туда, куда посторонним нет доступа. А я, со своей стороны, дам слово чести, что буду предоставлять вам секретную информацию, которую вы не можете получать обычным путем, — он с улыбкой развел руками. — Как вы понимаете, не всю. Всеми секретами я никогда и ни с кем не делюсь. Но *значительную* часть гарантирую. Устраивает вас такой договор?

Как будто был выбор...

— Устраивает, — сказал Сварог.

И встал следом за Канцлером, догадываясь, что тягостная беседа подошла к концу. Канцлер протянул ему руку:

— Слово чести, что я свою часть договора исполню.

— Слово чести, что я исполню свою, — сказал Сварог, пожимая ему руку.

— Вот и прекрасно. Можете идти. Ваш экземпляр бумаг заберете в пятой комнате, это на первом этаже. Пока вы дойдете, я с ними свяжусь. Значит, вы в Глан сейчас?

— Туда, — сказал Сварог.

— Желаю найти что-нибудь полезное.

— Благодарю, — сказал Сварог, повернулся и вышел.

«Красиво он меня сделал, — думал он, шагая к своему браганту. — Почтище, чем Мюллер Штирлица. Обыграл в два счета, загнал в угол, добился всего, чего хотел, мат не поставил, но ферзя отыграл. Мои выгоды от этого клятого договора туманны и непредсказуемы: быть может, еще сто лет не потребуются какой-нибудь секретной информации, которую нельзя получить обычным путем... Но что остается делать, когда с доски по всем правилам снимают твоего ферзя? Ладно, примем проигрыш по-мужски, без соплей и истерик. К тому же проигрыш не так уж и велик, если рассудить...»

Глава V ДВОРЦОВЫЕ БУДНИ

Сварог остановился у перил галереи, посмотрел вниз. По обширному залу с колоннами, мягкими диванчиками вдоль стен уже степенно прогуливались несколько особо нетерпеливых парочек. С противоположной стороны зала, от балкона для оркестрантов, доносились звуки, напоминавшие этакий кошачий концерт, — там настраивали музыкальные инструменты. Трудно было поверить, что они, вскоре принявшиеся бы услаждать слух прекрасными мелодиями, сейчас вразнобой визжат и скрипят самым отвратительным образом, словно кошки, которым прищемили хвосты дверями.

Примерно через полчаса должен начаться бал. Если называть вещи своими именами — не более чем танцевальный вечер, какие Сварог с некоторых пор устраивал раз в неделю. Если совсем просто — местная дискотека. Настоящий Королевский бал — это нечто великолепное. Залы и коридоры, богато украшенные цветочными гирляндами, драгоценными тканями и прочими красотами, иллюминации и фейерверки, а порой и пушечная пальба, мэнстрели и певицы, акробаты и жонглеры, танцовщицы, клоуны и глотатели мечей. Приглашенные разодеты насколько возможно пышно, кавалеры залиты сиянием драгоценных самоцветов от ушей до каблуков, а дамы — от ушей до подолов. Сейчас же не прибавилось даже цветка в горшочке, все осталось, как и в будни. Словом, обычный танцевальный вечер — но, поскольку речь идет о королевском дворце, столь вульгарное определение не подходит. Не допускает придворный этикет вульгарностей, еженедельные танцульки, хоть ты тресни, положено именовать балом...

Он вошел в приемную своего Малого кабинета. Статс-секретарь встал из-за стола, проворно, но без малейшего подобострастия (Сварог его ценил еще и за отсутствие этого качества, которое не терпел в окружавших его людях). Еще проворнее вскочили, слаженно прицелкнув каблуками, двое в форме снольдерских летчиков: поверх голубых мундиров — черные кожаные куртки (до которых здешние авиаторы додумались совершенно самостоятельно) с золотым орлом на левой стороне груди и крылатым мечом повыше правого локтя, черные береты наподобие гланских с золотыми драконами в виде кокарды. Правые накладные карманы у обоих одинаково оттопыривались — поскольку они возили секретнейшие бумаги, в карманах у них лежали даже не

бластеры, а то самое жутковатое оружие, что превращает любое живое существо в облачко пара. Если откровенно, это были никакие не снольдерские летчики, а орлы из дружины Сварога, из той ее половины, что стала спецназом девятого стола.

Тот, что справа, протянул Сварогу толстый пакет из желтоватой плотной бумаги, украшенный там и сям доброй полудюжиной синих и черных сургучных печатей:

— Почта из Горрота, ваше величество!

Сварог взял конверт, кивнул:

— Благодарю, можете идти.

Оба столь же слаженно щелкнули каблуками, четко повернулись через левое плечо и вышли. Взвешивая на руке конверт — барона Скалитау обуял нешуточный эпистолярный зуд, — Сварог глянул на секретаря:

— Баронесса Вольмер?

— Еще не возвращалась из лаборатории, ваше величество.

— Интагар?

— Должен прибыть часа через три.

— Меня ни для кого нет, — сказал Сварог. — Разве что случится какая-нибудь Белая Тревога. Потом я, может быть, загляну на бал. Как только прилетит Интагар, известите меня немедленно.

Статс-секретарь молча склонил голову. Сварог направился в кабинет, невольно ухмыляясь на ходу: лаборатория, да уж...

По размышлении он отказался от прежней «легенды» касательно комнаты, откуда можно было проникнуть на Ту Сторону. Версия о личном королевском архиве далеко не все объясняла бы. В первую очередь, стали бы гадать, отчего это в отсутствие короля в его кабинет и личный архив постоянно ходят какие-то неизвестные личности. Пересуды пошли бы, сплетни, а лишняя болтовня ни к чему.

На ум пришла другая «легенда», гораздо более удобная. Сварог изрядно сдвинул во времени возраст печатей на двери, сильно их омолодив (благо настоящие видели считанные люди, которые умеют молчать). Теперь печатям было не пятьсот лет, а всего сто пятьдесят. И наложил их король Кардош. Ученый, почувствовав приближение смерти, велевший замуровать отраду всей своей жизни — алхимическую лабораторию. Двое ловких и неглупых агентов Интагара из благородных дворян, в чью задачу входили лишь две обязанности: старательно фиксировать все слухи и сплетни, гуляющие по дворцу, а при необходимости распускать свои, как всегда, сработали на совесть. Шепнули на ушко паре-тройке завязтых сплетников, о которых прекрасно известно, что они не способны удержать при себе ни одной новости, якобы сугубо конфиденциальную информацию: король Сварог, наткнувшись в архивах на старинные документы, узнал о запечатанной лаборатории, велел ее открыть, посмотрел-посмотрел и сам увлекся алхимией. А вслед за ним этой же страстишкой заразилась баронесса Вольмер (женские причуды неисповедимы). Широкие дворцовые массы *это* скушали с совершеннейшим доверием. И никого теперь не удивляло, что и в отсутствие короля баронесса Вольмер ходит в лабораторию всякий раз в сопровождении нескольких человек в плащах и беретах Сословия Совы, и они остаются там надолго, порой засиживаясь сутками. Придворная общественность понимающе кивала: дело совершенно житейское, ко-

роль Сварог, не он первый, не он последний, ищет способ добывать золото из черепков и мусора, а то и бери выше философский камень, способный превращать в золото любой мусор, обеспечивать владельцу долголетие, а то и бессмертие, и так далее и тому подобное, в зависимости от фантазии рассказчика. В философский камень до сих пор верили даже иные серьезные книжники, что уж говорить о придворных, в массе своей образованием не обремененных?

О том, что король Кардош много лет отдал поискам философского камня и прочим алхимическим упражнениям, помнили многие. Вот только все как-то забыли, что свою алхимическую лабораторию он держал не во дворце. В противоположность многим алхимикам, человек был рассудительный и предусмотрительный, а потому с умыслом выбрал для нее двухэтажный домик напротив пожарной части. И рассчитал все правильно: однажды очередной эксперимент закончился нештучным пожаром, а потом два раза что-то качественно взрывалось, опять-таки вызывая пожары. Так что близкое соседство пожарных оказалось как нельзя более кстати (пожарные весьма гордились, что некоторым образом принимают участие в высоконаучных экспериментах, проводимых к тому же самим королем, хвастались этим в кабаках и задирали нос перед другими частями).

Исторической точности ради, необходимо добавить, что король Кардош, как и все его многочисленные предшественники, философского камня не нашел, вообще ничем алхимию не обогатил. Зато чисто случайно, желая достичь чего-то совершенно другого, сотворил рецепт изготовления великолепного напитка, по сей день пользующегося большой популярностью, под названием «келимас Кардоша». По этой причине многие выпивохи имеют обыкновение первый тост поднимать в память короля Кардоша...

Именно чарочку «келимаса Кардоша» Сварог себе налил, садясь за доставленные из Горрота бумаги, вышедшие из-под пера начальника тайной полиции. Лысый коротышка изо всех сил пытался доказать Сварогу свою полезность — и, надо сказать, это у него получалось. Он *нарисовал* обширный, детально проработанный, крайне убедительный, без единого логического изъяна проект заговора, который в ближайшее время с большим шумом и оглаской собирался эффектно разоблачить. В заговор было вовлечено немало важных персон: флотские и армейские офицеры и генералы, банкиры и крупные купцы, чьи интересы в первую очередь связаны были с островом Дике, вмиг лишившиеся своего добра владельцы рудников и копей, хозяева пещер, где добывают пещерный жемчуг, владельцы лесов красного дерева, крупных лесопилок. Прицепом шли судовладельцы, завязанные на перевозке дорогой древесины и прочих природных богатств острова, несколько биржевиков, парочка влиятельных журналистов, работавших на вышеупомянутую публику... Вся эта компания, как вскорости окажется, строила злодейские планы убийства вдовствующей королевы и намеревалась приставить регентом к принцу своего человека, а все ключевые посты в королевстве заполнить своими ставленниками. Хватало жутковатых деталей, способных ужаснуть обывателя, имелись надежные свидетели и внедренные к заговорщикам агенты тайной полиции. История обнаружения и полного разоблачения заговора напоминала добротный приключенческий роман.

Все это, конечно, была брехня от первого до последнего слова, выдумка чи-

стейшей воды, поклеп и навет. Но что поделаться; если не было другого способа разгромить довольно влиятельную группировку, состоявшую из всех вышеперечисленных? Конечно, никаких заговоров они не строили — но откровенно давили на Литту, требуя санкционировать крупномасштабную военную операцию, чтобы вернуть Дике Горроту. Сварогу эти планы решительно не нравились. Вот и пришлось... С разгромом сторонников отвоевания Дике, автоматически приобретала немалый вес и выходила на передний план другая группировка, с совершенно противоположными целями. Такие же флотские и армейские чины, такие же банкиры, купцы, биржевики и горнозаводчики — но не имевшие на Дике ни малейших интересов, а потому относившиеся к судьбе острова довольно прохладно. Их интересы были направлены как раз в противоположную сторону, идею они вынашивали другую: ударить по погрязшей во внутренних противоречиях и ослабевшей Святой Земле, захватить, в первую очередь, тамошние богатые золотые и медные рудники. Вот это интересы Сварога никоим образом не ущемляло, наоборот, все, что отвлекало внимание влиятельных горротских кругов от Дике, его только радовало.

«Ну да, форменный тридцать седьмой год, — философски подумал он, — отложив последнюю страницу. — А что еще делать? Гораздо предпочтительнее запихнуть за решетку сотню человек, чем впутываться в очередную войну, тратить массу денег, терять военные корабли и людей». Чтобы успокоить легонько попискивающую совесть, он решил: ни одного смертного приговора не будет, сидеть они будут в относительно комфортных условиях, а лет через несколько, когда они в результате отсидки растеряют всякое влияние и значение, можно их потихоньку выпустить, подогнав под какую-нибудь памятную дату или особо торжественное событие большую амнистию, которая затронет не только «заговорщиков».

Он налил себе еще чарочку, отодвинул кресло, откинулся на спинку, вытянув ноги, включил свой музыкальный центр и какое-то время прикидывал, что именно из Тарины Тареми запустить первым. Душа просила чего-нибудь бравурного, напоминающего лихие военные марши, — чтобы взбодриться, отогнать дурное настроение и легонькую хандру... Ага!

— Железным будь, железным будь,
железным!
Пусть путь —
без губ любимой, без костра,
без трав полезных, компасов любезных, —
ищи свой Полюс
и топчи свой страх.
Железным будь!
Сжав челюсти до боли,
скользи,
ползи,
но — верь,
что —
будет Полюс!

Он глотнул келимаса и прикрыл глаза, стараясь отогнать хандру. Понемногу более-менее удавалось.

— Но где же Полюс,
где же Полюс,

где же?
Все те же льды,
обрюзгшие моржи.
И, веки, смежив,
хочется в одежде
упасть,
лицом зарыться в снежный жир...

Сварог машинально отметил: моржи, и в самом деле, обитали на Таларе до Шторма, это достоверно установлено — в Саваджо, помимо прочих увеселительных заведений, есть парочка неплохих зоопарков, и один из людей Канцлера видел там моржа. Вот только потом вымерли, бедолаги, как и прочая фауна, обитавшая возле полюсов, — исчезли льды. На Сильване, правда, и после Шторма остались приполярные холодные области, так что зверье благоденствует.

Сам сидишь сейчас, как обрюзгший морж... Дурное настроение было вызвано вовсе не моральными терзаниями по поводу вымышленного заговора, который вскоре отправит за решетку сотню человек. Не было никаких таких моральных терзаний. Причина в другом...

Глэрд Баглю разводил руками: информации о реальных Зеркальщиках у него нет, если не считать прекрасно знакомого самому Сварогу случая с глэрдом Рейтом, когда именно в его замке облюбовали зеркало пришельцы с неведомых дорожек. Снабдил Сварога тремя толстыми старыми книгами, из которых габаритами и толщиной выделялся ученый труд под названием «О злокозненной нечисти, Зеркальщиками именуемой, о злодеяниях их и вреде, честному человеку наносимом». Сварог по дороге в Латерану полистал их в самолете. «Ученый труд», как и два других фолианта, оказался не более чем сборником страшных сказок, разве что оформленным более научнообразно, чем остальные две книжицы. Как тогда говорила юная хозяйка замка Барраль: «С малолетства помню, как пастухи рассказывали страшные сказки про зеркала, зазеркальные омерзительные страны, про чудовищ, что оттуда вылазят, кровь пьют и порчу наводят...»

Вот именно. Просто в Глане народный фольклор отводит зеркальщикам гораздо больше места, чем в других странах, только-то и всего. В Ронеро больше всего песен и сказок о зверях-оборотнях (что, несомненно, вызвано близостью Каталауна с его чащобами). На Сегуре больше всего легенд, сказок и баллад о всевозможных морских чудовищах, диковинах и ужасах — как, впрочем, и на других крупных населенных островах. И что?

Вообще-то, не приходится сомневаться, что порой из зеркала и в самом деле могут вылезти какие-нибудь злобные твари, — самого в замке навещали, убили верного домового. Вот только ни одну из приведенных в трех томах историй нельзя проверить и доказать ее реальность — ищи ветра в поле, столетия прошли...

Он полистал «ученый труд», сердито плюхнул его на стол, глянул на часы и решительно вышел в приемную. Сказал статс-секретарю:

— Схожу-ка я на бал. Прилетит Интагар, ищите там...

Развеселую мелодию райды он услышал еще издали — но, пока дошел, она умолкла, кончился танец. И тут же заиграли ванжилль. Как всегда, ярко освещена была лишь середина зала, где танцевали, а по периметру, для удобства

влюбленных парочек, царил полумрак. Особых вольностей на диванчиках, конечно, не допускалось, танцы в королевском дворце, как их ни именуй, все же не маскарад — но подержаться за руки и пошептаться имелись все возможности.

Пройдя мимо пары таких диванчиков, занятых увлеченно шепчущимися парочками, Сварог, не замеченный никем, отыскал свободный, удобно на нем устроился и стал лениво разглядывать танцующих, высматривая знакомые лица.

Маргилену отплясывала с собственным мужем, выглядела веселой и довольной жизнью. Сварог невольно усмехнулся: с ветреной красавицей произошла неожиданная метаморфоза — ухитрилась все же сделать из графа отличного любовника. Как-то, когда они наедине перекинулись парой слов, выпалила с присущим ей наивным цинизмом: «Размер достойный, только мастерства не хватало...» И в последнее время практически не заводила любовников на стороне. Среди придворных ловеласов, помнивших прежние времена, царило уныние. Сварог подумал, что эта его очередная победа, пусть маленькая, совсем даже крохотная, но никоим образом не связанная с боями и нечистью, с кровью и грязью политических интриг, пожалуй, заслуживает того, чтобы чуточку ею гордиться. Благодаря его усилиям, воцарилась счастливая семейная жизнь, граф излечился от своей застарелой меланхолии, воспрянул, набросился на дела служебные, как волк на овцу... Тьфу ты, опять мысли сбиваются на дела, чистой воды прагматику...

Канилла танцевала с Гаржаком. Она была великолепна: волна золотых волос взлетала над обнаженными плечами, как пламя костра в ночи, синие глазищи *опутывали* сеть лукавых взглядов. Граф, известный дамский угодник, никогда не терявший головы, на сей раз, судя по его затуманенному взору, готов был оную потерять. Канилла — это Канилла. «Что же, красивая пара», — подумал Сварог, провожая Каниллу взглядом не без легкой грусти о том, чего никогда уже не будет.

С некоторым удивлением он обнаружил Яну в незнакомом ему вишневого цвета платье. А впрочем, чему тут удивляться. Вернувшись с Той Стороны, она не нашла Сварога в его личных покоях и отправилась потанцевать, не заглянув к статс-секретарю, полагая, что Сварог где-то далеко отсюда по уши погрузился в очередные жизненные сложности. Так уже бывало.

Танцевала она с личностью в некотором смысле примечательной, главным персонажем пересудов и сплетен последнего месяца. Совсем молодой, одет роскошнейше, богаче всех в зале, но чертовски безвкусно, драгоценностями, опять-таки в противоположность всем прочим, увешан, как новогодняя елка — украшениями. В подобном виде являлись лишь на Королевский бал, а на еженедельные танцы одевались гораздо скромнее и украшений надевали немного. А тут — мама родная! — ходячая витрина ювелирной лавки: перстни на каждом пальце, мужская серьга в левом ухе, мужское ожерелье, два браслета, бриллиантовые булавки, золотые цепочки... Явно, радостное похмелье до сих пор не схлынуло.

Именовался сей разряженный попугай герцог Данир — в последнее время получивший кличку Везунчик (и, в общем, заслуженно). История была примечательная. Парень был единственным наследником, отец, в противоположность иным герцогам, порой перебивавшимся с хлеба на квас, славился богат-

ством. Вот только и сам он, и его супруга отличались редкой прижимистостью, откровенно говоря, были невероятными скрягами, так что содержание единственному сыночку определили откровенно мизерное. Супруги могли похвалиться отменным здоровьем, оба едва достигли сорока пяти — так что существовала нешуточная опасность, что в столь убогом состоянии юноше придется пребывать еще лет двадцать, если не больше. От лютого безденежья единственный наследник безуспешно искал клады в Ямурлаке и хотел даже податься в пираты, но оказалось, что малейшая качка вызывает у него тяжелейшие приступы морской болезни.

Месяца три назад Сварог, как любят выражаться романисты, принял участие в судьбе молодого человека. Его об этом слезно просил министр двора, приходившийся герцогам Данирам дальним родственником. По его словам, молодой человек помаленьку катился по наклонной плоскости: под будущее наследство (и под людоедские проценты) занимал деньги у ростовщиков, болтался по игорным домам, где чаще всего проигрывался...

Министр двора был у Сварога, в общем, в милости: мужик деятельный, толковый, на своем месте. Казнокрадствует, правда, помаленьку, но, в отличие от многих, меру знает. Так что Сварог подмахнул распоряжение, ничего ему не стоившее. «Приписал» бедолагу к Казначейству в чине советника.

Была такая разновидность монаршей милости, применявшейся не столь уж редко, поскольку монарху это ничего не стоило, все расходы ложились на многострадальную государственную казну. Пожалованный таким вот образом официально зачислялся на службу в то или иное учреждение, получал право носить полагавшийся ему по чину мундир, получал жалованье, но на службу не ходил ни при какой погоде. «Служить» так можно было до седых волос, до пенсии, сплошь и рядом повышаясь в чинах согласно канцелярскому порядку о выслуге лет, парочку орденов получить опять-таки из тех, что полагаются за выслугу... Жалованье советника Казначейства было раза в три выше ежемесячного родительского содержания. Правда, Сварог, не любивший *глупой* филантропии, велел министру двора передать юному герцогу: если не перестанет шляться по ростовщикам и игорным домам, лишится всего пожалованного. Юный герцог, надо отдать ему должное, внял и королевским указаниям последовал.

Ох, не зря народ сочиняет пословицы — они частенько находят отражение в реальности... Человек предполагает, а Бог располагает. Не было бы счастья, да несчастье помогло. И так далее. Месяц назад сквалыжные родители молодого герцога оказались среди погибших, когда в устье Тея взорвался паровой котел речного парохода, на котором они плыли в гости к родственникам...

Нежданно-негаданно молодой человек стал обладателем огромного родового замка, роскошных особняков в Сноле и Латеране, трех обширных и доходных имений (овцеводство, неплохие пахотные земли, отданные в аренду небедным фригольдерам, денежки от деловых людей, добывавших на территории одного из имений каменный уголь). И вдобавок чуть ли не миллион ауреев золотом на банковских счетах...

От столь смачного поцелуя Фортуны у новоявленного богача малость сорвало крышу. Ел-пил отныне исключительно на золоте, закатывал роскошные пиры и балы, оббил карету серебром (кони маялись), на людях появлялся не иначе как увешанный добрым килограммом бриллиантов, завел собствен-

ный театр, домашний зоопарк (для которого купил на Сильване мамонта и супружескую пару моржей), со страшной силой приударял за красотками, невзирая на их происхождение, причем несговорчивых частенько убеждал с помощью пригоршни-другой золотых. Одним словом, оттягивался по полной программе, словно голодный нищий, получивший вдруг в наследство богатую колбасную лавку. При дворе над ним втихомолку насмешничали — но многие из насмешников, не способные похвастать такими богатствами, втайне завидовали...

Обозревая другую половину зала, Сварог вдруг зло сузил глаза. Крепко выругался про себя.

Томи танцевала сандугар с герцогом Лемаром. Лемар, обнимая ее за плечи и талию со всей допустимой в сандугаре вольностью, что-то непрестанно шептал на ухо, *врубив* все свое нешуточное обаяние.

«Предупреждал же скота, чтобы и близко к ней не подходил, — сердито подумал Сварог. — Открытым текстом предупреждал. Законопатить его, что ли, на годик на Стагар, где он уже обвыкся при Конгере?» Созданные им Братство Юных Витязей Короны и Лига Юных Сподвижниц Короны уже работают, как хорошо отлаженные механизмы, ничего не изменится, если вместо Лемара поставить во главе кого-то другого. А работать над очередными проектами Сварога он может и на Стагаре: прилетевший на самолете гонец привезет подробное «техническое задание», а потом увезет готовый материал. Работать будет, как миленький, если пригрозить, что в случае забастовки останется там пожизненно...

Сварог уже хотел было привычным жестом подозвать кого-нибудь из одетых в лакейские ливреи дворцовых стражников — их тут торчало немало, примерно столько же, сколько и настоящих лакеев. Это для танцующих он оставался незамеченным, а вышколенные лакеи и хваткие стражники, судя по быстрым взглядам, засекли его в тот момент, когда он вошел в зал. Как тем и другим по службе и полагалось. Имелись тут и люди Интагара, и люди Сварога из восьмого департамента (добрая половина их имела строжайший приказ не спускать глаз с Яны — после того, что Сварог увидел на компьютере Орка, он, едва выйдя от Канцлера, отдал распоряжение усилить охрану Яны насколько возможно). Одним словом, тихарей достаточно, чтобы повязать Лемара, как пучок редиски...

Сварог уже начал было поднимать руку — и опустил.

Томи *улыбалась*. Впервые за много дней. Пусть слабо, но почти весело, и щеки утратили прежнюю бледность, чуть зарумянились. Она уже начинала походить на себя прежнюю. Ради того, чтобы видеть ее такой, можно было стерпеть и Лемара...

Почти не глядя в ту сторону, Сварог небрежно поманил указательным пальцем — и к нему бесшумной тенью подлетел лакей с подносом, уставленным хрустальными бокалами с золотисто-зеленоватым санганом, здешним аналогом шампанского. Столь же бесшумно и проворно вернулся на прежнее место.

Сварог так и сидел, по глоточку прихлебывая вино, наблюдая за Лемаром и Томи, когда заиграли андемир. Вторая половина этого танца состоит из импровизации. И вдруг...

Мысль была шальной, сумасшедшей, но отчего-то он остался в убеждении,

что не ошибается. Что в танцевальных движениях Лемара — они с Томи подняли руки над головой, переплели пальцы, медленно кружились — есть нечто *знакомое*. Уже виденное не далее, как этой ночью. Чем дальше, тем больше крепнет уверенность, что он не ошибается. Но ведь не может же оказаться... Но ведь могло однажды? Да не однажды, черт... Она улыбается, *оттаивает*... Ни одна из похищенных Лемаром девушек не принесла на него жалобу, а ведь вряд ли он их запугивал. Это его прямо-таки колдовское умение очаровывать...

Уже привычно, не глядя, он отвел в сторону руку с пустым бокалом — и бокал моментально, словно сам собой, исчез из его пальцев. Танец кончился. Наступил короткий перерыв. Сварог решительно встал и пошел через зал, целеустремленно, энергично, решив разгадать эту загадку раз и навсегда.

Перед ним, тут же узнавая, поспешно расступались. Он успел в тот самый момент, когда Лемар и Томи собирались направиться к одному из диванчиков. Похлопал Лемара по плечу. Тот спокойно обернулся, глядя без всякого страха. Томи улыбнулась Сварогу почти прежней улыбкой. Он сказал с наигранной веселостью:

— Томи, прости, я буквально на пару минут украду твоего кавалера, срочные государственные дела...

И, крепко сжав локоть герцога, повел его в полумрак. Остановился у колонны, спросил без злости:

— Герцог, вы помните, что я обещал оторвать вам голову, если еще раз увижу возле этой девушки?

— Ну оторвите, если пришло такое желание, — спокойно сказал Лемар. — Только, я вас прошу, после бала.

— Хотите мне что-то сказать?

— Да, наверное, — сказал Лемар. — Ваше величество... Не хотелось бы унижаться, рассыпаясь в заверениях, но, слово чести, в *этот* раз у меня совершенно другие намерения. Самые безобидные. Я всего-навсего хотел, чтобы девушка немного *оттаяла*, и не более того. У нее большое горе, и я всего-навсего хотел *это* снять, насколько удастся...

И ведь он не врал, с нешуточным удивлением определил Сварог. Крепко взял Лемара за левую руку у самого плеча и потеснил к стене, почти прижав к ней. Тихонько спросил:

— Лемар, у вас в роду были *нелюди*?

— Конечно, — сказал герцог буднично, словно о самой обыденной вещи. — Моя мать была дриада. Одна из последних дриад Каталауна. У отца было имение близ Хребта, однажды они с матерью встретились в лесу... Все началось, и, в конце концов, она решилась...

— Стать человеком, — утвердительно кивнул Сварог. — Я кое-что знаю о дриадах... — И продолжал еще тише: — Но ведь этого мало, Лемар? Недостаточно, чтобы она полностью *оттаяла*? Мало одних танцев и разговоров?

— Мало, ваше величество, — кивнул Лемар. — Уж если вы кое-что знаете о дриадах, должны знать, что необходимо...

Сварог приблизил лицо почти вплотную к его лицу и выговорил яростным шепотом:

— Я вам разрешаю все, Лемар. Понятно? Все. Один-единственный раз. Но если я завтра увижу, что она не стала *прежней*, я вас сгною на Стагаре...

— Она *станет* прежней, ваше величество, — сказал Лемар со спокойной уверенностью. — Горе останется, но уйдет настолько вглубь, что перестанет мучить. А если этого не случится, можете отрубить мне голову.

— Можете не сомневаться, отрублю, — сказал Сварог жестко. — Ну, что вы стоите? Идите к ней...

Глядя вслед, он видел, как Томи радостно подалась навстречу герцогу — так, словно опасалась больше никогда его не увидеть. «Господи, лишь бы удалось, и я закрою глаза на все его будущие грехи, лишь бы удалось, и Томи вновь стала прежней, пусть с ней произойдет то же, что и со мной...»

Наступил перерыв, как обычно, после полудюжины танцев. Проворные лакеи обносили гостей вином и прохладительными. Сварог удовлетворенно наблюдал, как Томи о чем-то своем беседует с Лемаром — порой улыбаясь, пусть бледно, но очаровательное личико уже не похоже на застывшую маску горя. Ну, пусть идет, как идет, если все получится, Лемару много грехов простится...

В левом кармане почувствовалась знакомая пульсация — кто-то что-то сообщал. Настоящий портсигар лежал у него в правом, а в левом он носил *особый*, имевший лишь вид портсигара, а на деле представлявший собой футляр, набитый устройствами связи в миниатюрном исполнении, да вдобавок там был дешифратор. Присев на диванчик, Сварог быстро огляделся. Придворные его не замечали, а тихарям ничему удивляться не положено...

Он достал «портсигар», повернул его так, чтобы окружающие не видели небольшого, в ладонь, экрана, нажал «рубин» на крышке справа.

Сообщение от резидента девятого стола в Глане — зашифрованное, но без отметок тревоги. Все законно, господа мои: сотрудники имперских спецслужб как раз и связываются и меж собой, и со штаб-квартирами с помощью таких вот устройств, резидентом в Глане сидит антланец, штатный сотрудник девятого стола, *завязанный* на глэрда Баглю. Вот то, что он дал Интагару компьютер, как раз и являет собою вопиющее нарушение правил, предписаний и законов — но, судя по тому, что Канцлер даже сегодня ни словечком о том не упомянул, *это* он не намерен ставить Сварогу в строку, понимая, что тут не прихоть, а производственная необходимость, идущая лишь на пользу делу.

Так. Баглю докладывает. Что ж, все логично, хотя по-прежнему насквозь непонятно. Нет пока что ничего тревожного или опасного, противник продолжает разыгрывать свою партию — ну, а мы будем ждать возможности сделать ответный ход, каковой вскоре обязательно последует, как только мы будем знать больше...

Высмотрев Яну с кавалером — Везунчик что-то прилип к ней неотвязно, — Сварог не спеша направился в их сторону, держась в полумраке на самой границе света.

Ого! Яна внезапно резко повернулась к кавалеру и залепила ему оглушительную пощечину так, что звонкий треск далеко разнесся. Сварог не ускорил шаг, наоборот, остановился, не без любопытства наблюдая развитие событий, — опасности ведь никакой не было, так что вмешаться он всегда успеет.

Везунчик замер соляным столбом, улыбаясь криво, растерянно, жалко. Придворные притворились, будто ничего не видели и не слышали, что ничего и не произошло. Случись это с кем-нибудь другим, вокруг моментально столпились бы любопытные, как при любом скандале на балу, а такой вот эпизод — несомненный скандал. Однако все прекрасно знали, какое положение

при короле занимает «баронесса Вольмер», а потому благоразумно не стали любопытствовать.

Вокруг Яны и ее потиравшего щеку с той же жалкой улыбкой кавалера моментально сомкнулась охрана. Посторонние ничегошеньки не заметили, но *кольцо* было выстроено грамотно: трое «придворных» и пятеро «лакеев», якобы невзначай расположившихся так, чтобы надежно прикрыть «баронессу» от любых случайностей. Они, конечно, стояли не плечом к плечу — и внутрь «кольца» кинулись Гаржак с Каниллой. Охрана на них никак не отреагировала, прекрасно знала: люди *свои*.

Гаржак что-то коротко спросил — явно «Что случилось?» Яна, нахмурясь и сердито сверкая потемневшими от гнева глазами, ответила довольно короткой фразой. На лице Гаржака моментально появилась давно знакомая Сварогу хищная улыбка, он повернулся к герцогу, и произошла чуточку странная сцена: Гаржак, упершись в герцога недобрый взглядом, черкнул по лбу указательным пальцем правой руки, слева направо — а герцог после короткого промедления приложил правую ладонь к левой щеке.

Кажется, Сварог догадался, в чем тут дело. Был сделан — и принят — вызов на дуэль, каковой был строжайше запрещен в королевском дворце — что словесный, что сделанный посредством брошенной перчатки. Однако Сварогу доложили, что изобретательные бретеры давненько отыскивали выход, разработав несколько условных жестов.

Забавно, но это тут же напомнило ему школьное детство, точнее, седьмой класс. Девчонки придумали систему условных знаков, наподобие азбуки глухонемых, охватывавшую весь алфавит, и очень быстро наловчились болтать на нем оживленно. Мальчишки злились — в шаге от них шел разговор, в котором они нисколько не понимали, — но девчонки секрет хранили свято, пока в восьмом эта забава как-то незаметно не вышла из употребления.

«Вот теперь пора и вмешаться, — решил Сварог. — Король, как ему и положено, выдвигается творить справедливость — что порой оборачивается крайне печально для провинившихся...» Выйдя на свет и подойдя вплотную к участникам событий, он распорядился тихо и властно:

— Всем оставаться на местах.

После чего он подхватил Яну под локоток, отвел в полумрак — она не противилась — и тихонько спросил:

— Сколько он тебе предлагал за ночь?

— Догадался? — фыркнула Яна рассерженной кошкой.

— А что тут голову ломать? — пожал плечами Сварог. — Я что-то не видел, чтобы он распускал руки, в конце концов, тут не маршчет на маскараде. На обычный двусмысленный комплимент ты бы так не отреагировала. Зная появившиеся у него после нежданного обретения наследства привычки, ответ напрашивается сам собой... Так сколько?

— Пятьдесят тысяч ауреев золотом, — сказала Яна, уже остывшая. — И чтобы непременно с «игрой на флейте» и «тюремным наездником». Вот, кстати, что такое «тюремный наездник»? В жизни не слышала.

— Это потому, что ты воспитанная девушка, — сказал Сварог, невольно ухмыляясь во весь рот, не ожидал такой дерзости от сопляка. — Я тебе потом объясню. А сейчас схожу-ка, на скорую руку сотворю справедливость... Посиди здесь, подожди меня, есть разговор...

Он вразвалочку подошел к оставшейся троице, уставился на помертвевшего проказника отнюдь не дружелюбно и с ухмылочкой спросил:

— Я вижу, вам деньги некуда девать, сударь мой?

Бледный как смерть герцог тихонечко постукивал зубами — только сейчас сообразил, обормот, что ненароком зарвался. Взяв его за руку у плеча, Сварог с ласковой угрозой спросил:

— Слушать и понимать в состоянии?

— Да, в-ваше... — откликнулся герцог сквозь постукивание зубами. — П-помилуйте...

— Везет вам, что настроение у меня сегодня не такое уж дурное, — сказал Сварог. — Завтра утречком, едва откроются банки, переведете сто тысяч аурев золотом Ордену Возрождения Трех Королевств. При дворе не появляться месяц. Этим моя немилость, на ваше счастье, и ограничится. Все понятно?

— К-конечно, в-ваше... — пролепетал герцог, уже сообразивший, что отделился, в общем, легко. — Н-непременно... Утречком...

— Вон отсюда, — сказал Сварог.

Герцог покивал, пару шагов пятился, потом развернулся и чуть ли не бегом направился к выходу. Возле уже стояли с выжидательным видом один из младших церемониймейстеров, как раз и распорядившийся подобными балами, и начальник тихарей. Сварог сказал им небрежно:

— Печальное недоразумение разрешилось, бал продолжается как ни в чем не бывало...

Взял за локоть Гаржака, отвел его в полумрак и тихонько спросил:

— Вы ведь его вызвали на дуэль, я так понимаю? Врать не стоит, прекрасно знаете, что я это моментально определю...

— Вызвал, — покаянно сказал Гаржак. — Запрет запретом, но, по-моему, тут особые обстоятельства...

— И он, сдается мне, вызов принял?

— Ага. Он не трус...

— Ловко же вы, господа бретеры, наострились обходить запреты... — сказал Сварог ворчливо. — Ладно, я сам виноват: в указе о запрете вызовов во дворце ничего не говорится о вызовах *жестами* (подумал: вообще-то я сам такой, при необходимости использую малейшую юридическую прореху). Ничего, я это упущение быстренько исправлю завтра же... Гаржак, дуэль должна состояться не ранее полудня. Пусть сначала переведет деньги. Мыслить нужно по-государственному: ничего не стоило прямо сейчас отправить его в ссылку, но приведение в порядок Трех Королевств постоянно требует немалых денег... Понятно?

— Конечно, ваше величество. Я и сам так решил, когда услышал про сто тысяч...

Сварог, не видя вранья, одобрительно кивнул:

— Хвалю за сообразительность... Только вот что, граф: до смерти его не убивать. Это прямой приказ. Если убивать каждого дурака за дурацкие поступки, мир наш ощутимо обезлюдует. Я, конечно, ревнив, как любой нормальный мужчина, но не до такой же степени... Все ясно?

— Конечно, — сказал Гаржак. — Ничего, у меня есть задумки, вовсе не угрожающие жизни... — он продолжал тише и неувереннее: — Ваше величество... Я не вызову вашего неудовольствия, если рискну... подружиться с графиней

Дегро?

(Это Яне по вполне понятным причинам приходилось пользоваться «рабочим псевдонимом». Остальные юные сподвижники и сподвижницы Сварога выступали здесь под своими подлинными именами и титулами. Что ничуть не нарушало конспирацию: кто возьмется проверять? В любом королевстве множество захудалых провинциальных дворян, чьи имена в столице никому не известны — и порой они попадают ко двору в результате удачного для них стечения обстоятельств. Никто из придворных не будет старательно изучать геральдические справочники, а почти все земные спецслужбы в цепких руках Сварога...)

Сварог подумал не без веселости: судя по замеченному прежде чуточку затуманенному взгляду графа, на сей раз его зацепило всерьез. Что нередко случается и с записными ловеласами, привыкшими крутить легкие, ни к чему не обязывающие романчики. Канилла есть Канилла — безобидная обликотворность оружия массового поражения. Сколько дуэлей из-за нее приключилось за то время, что она бывает во дворце, и не сосчитать толком. Хотя она никому не подавала надежд, дуэли тем не менее частенько случаются — как бывает и на земле, и за облаками...

— Ничего не имею против, — сказал Сварог. — Никакого неудовольствия — она девушка взрослая и свободная. Вот только... Если вы ее как-то обидите, Гаржак, или, скажем, бросите так, что она будет несчастна... Вот тогда разозлюсь. И не посмотрю, что вы крайне нужны для дела.

— Никогда в жизни, ваше величество! — воскликнул граф с нешуточным пылом.

Усмехнувшись про себя — да, зацепила крепко, — Сварог сказал:

— Вы же из дуэлей вылезать не будете...

— Дело привычное, ваше величество, — усмехнулся ободренный Гаржак. — Справлюсь, не впервые...

— Ну, смотрите, — сказал Сварог, заметив краем глаза, что в шаге от них нарисовался начальник тихарей, стоявший с явно выжидательным видом. — Ладно, идите...

Едва Гаржак отошел, лейб-тихарь просунулся к уху Сварога:

— Государь, господин Интагар прилетел и ждет в приемной Малого кабинета...

— Отлично, — сказал Сварог. — Передайте, что я... и баронесса Вольмер сейчас придем.

Подошел к Яне и деловито спросил:

— Тебе что интереснее — танцы или новые загадки?

— Что за вопрос! — Яна проворно вскочила с диванчика. — Загадки, конечно!

— Ну, тогда пошли.

Когда они вышли из зала, Сварог усмехнулся:

— Вита, твоя цена возрастает поразительными темпами. Тогда, на танцах в Пограничье, тебе предлагали всего-то шесть серебряных, а теперь...

— Пошлые у тебя все же шуточки... — она пытливо взглянула на Сварога, и вместо деланой обиды ее лицо озарилось нешуточной радостью. — *Шутишь?* Значит, *отболел?*

— Пожалуй, что так, — сказал Сварог.

Яна облегченно вздохнула:

— Вот и прекрасно. Ты и не представляешь, как я рада. Тягостно было видеть тебя *таким*...

— Одного я не пойму, — сказал Сварог. — Там, в Пограничье, ты все восприняла спокойно, даже с юмором. Хотя тебе там не просто деньги предлагали, а еще и пониже спины хлопнули. А сейчас взбеленилась...

— Тут совсем другое, — сказала Яна. — Тогда, в Пограничье, тот хам представления не имел, кто я такая: небогатая горожаночка и все тут. Этот болван тоже не знает, *кто* — я, но прекрасно осведомлен, что я — твоя... Разозлишься тут. Ты, надеюсь, предупредил Гаржака, чтобы его не убивал? В общем, человек не такой уж и скверный, просто немного одурел от шальных денег...

— Вот и я то же самое подумал, — сказал Сварог. — И велел не убивать... — усмехнулся: — Правда, содрал с него денежки в двойном размере — все равно промотает, а так хоть часть пойдет на нужды Трех Королевств... — и повторил: — Мыслить нужно по-государственному...

— Изяцно, — одобрила Яна. — А куда мы идем?

— Интагар прилетел из Равены только что. Не может быть, чтобы он не накопал совсем ничего нового о «тарелочках».

— О *чем*? — удивленно спросила Яна. — О каких таких тарелочках?

Сварог недоуменно воззрился на нее, но тут же сообразил: безвылазно просидев на Той Стороне более суток, она попросту ни о чем еще не знала — о «радианте», о «тарелочках», о явке Орка с повинной. Обо всем этом деле.

— Давай-ка постоим пару минут, — сказал он, останавливаясь у беломраморной с розовыми прожилками колонны. — Сейчас расскажу кратенько, ты ведь совершенно не в курсе. Интагар подождет, будь там что-то, не терпящее отлагательств, мне бы так и доложили... Только, я тебя прошу, оставайся веселой и беззаботной, король воркует с фавориткой, обычное дело. А если тебя увидят озабоченной и нахмуренной, моментально сплетни поползут, сама знаешь...

— Поняла, — сказала Яна, улыбаясь весело и беззаботно, даже где-то лучезарно. — Рассказывай.

Он тихонечко, почти шепотом, принялся рассказывать, выделяя главное — потом сама посмотрит подробные материалы. Яна все это время продолжала улыбаться лучезарно и счастливо. Предосторожность не лишняя: пока он говорил, мимо в обоих направлениях трусцой пронесли три лакея, «настоящих», и два раза проходили придворные, дамы с кавалерами. Ни те ни другие на них вроде бы не обратили ни малейшего внимания, но Сварог давно убедился, что краешком глаза все ухитрились рассмотреть их и оценить выражение лиц. Окажись Яна хмурой или озабоченной, моментально расползутся сплетни о размолвке, а к чему им лишняя болтовня?

— Вот такие дела, Вита, — сказал он, закончив.

Яна помолчала немного, подняла на него глаза. Взгляд у нее был спокойный.

— Но ведь ничего страшного пока что не усматривается? — спросила она. — Никакой угрозы?

— Пока — нет, — сказал Сварог искренне. — У нас просто мало информации, вот и все. На Той Стороне за день — то есть за тамошнюю ночь — не случилось ничего интересного? Последний раз о том, что ты там, Канцлер мне го-

ворил ранним утром.

— Совершенно ничего, — сказала Яна. — Так что я хорошо выспалась... — Она бросила на него лукавый многозначительный взгляд.

— Понял, — сказал Сварог. — Ничего не имею против, наоборот... Пошли?

Сидевший в приемной Интагар проворно встал, когда они вошли. Статс-секретарь остался сидеть (по установленному порядку он вставал лишь при первом в этот день появлении Сварога). В руке верный бульдог держал объемистую матерчатую сумку с двумя ручками — с такими небогатые хозяйюшки или горничные и служанки из не особенно зажиточных домов ходят на рынок и в лавки за продуктами. Судя по ее виду, там было что-то другое, не бумаги — их Интагар, как министру и положено, носил в портфеле с тисненными золотым государственным гербом и эмблемой министерства тайной полиции. Содержимое сумки глухо стукнуло, и у Сварога появились определенные догадки.

Сварог сел за свой стол, Яна устроилась чуть поодаль, в кресле, Интагар, как обычно, занял место «докладчика» напротив Сварога. Нельзя сказать, что его бульдожья физиономия лучилась радостью, но и печальным он не казался, а это позволяло верить, что он все же раскопал толику полезного.

— Интагар, стопку келимаса? — спросил Сварог. — А ты, Вита?

Сейчас не было никакой нужды в конспирации — уж Интагар-то прекрасно знал, кто она такая. И далеко не сразу поборол некоторую робость, остатки коей сохранялись до сих пор.

— Не отказался бы, ваше величество, — сказал он. — Весь день на ногах, носился по городу, как собака... простите... баронесса.

— Ничего страшного, — лучезарно улыбнулась Яна. — Я и почище словечки слышала на каталаунских охотах...

Сварог переставил кресло Яны к торцу стола. Она попросила:

— А мне — бокал вина, если найдется.

— У короля да не найдется? — фыркнул Сварог. Он налил себе и Интагару по чарке «Старого дуба», Яне — бокал темно-рубиновой «Медвежьей крови» (одно из ее любимых вин), выставил тарелочки с тонко нарезанным копченым мясом, конфетами и гиперборейскими финиками, ларчик с сигаретами и хрустальную пепельницу (Интагар крепкие напитки весьма даже жаловал, но не курил, а с курением Яны Сварог с самого начала примирился). Удовлетворенно оглядел этот натюрморт и сказал:

— Ну вот, рабочая атмосфера создана. Выпьем за удачу и начнем, пожалуйста...

Они с Интагаром осушили чарки, Яна отпила пол-бокала.

— Ну, а теперь о деле, — сказал Сварог. — Я так понимаю, Интагар, что-то вы да раздобыли? — и кивнул на сумку, стоявшую у ножки кресла министра тайной полиции. Да, ничуть не походило на бумаги — судя по тому, как свободно опала на сторону верхняя половина сумки, там лежало что-то объемистое.

— Что вам известно... баронесса? — осведомился Интагар.

— Все главное, — сказала Яна.

— Это хорошо... Итак. Пожалуй, стоит начать с тех судовладельцев? (Сварог молча наклонил голову.) «Бадеш и сыновья». Дела ведут сам Коринт Бадеш и два его сына. Компания старая, основал ее еще дед Бадеша, потом она перешла

к отцу, и только потом к Коринту, до того значившегося среди «...и сыновья». Сорок два судна, из них тридцать одно — пароходы. Тридцать речных и, соответственно, двенадцать морских. Шестая по величине среди подобных ей компаний. Пользуется хорошей репутацией — в контрабанде не замечена ни во времена Бадеша-деда, ни во времена Бадеша-отца, ни при нынешнем главном владельце. С давних пор грешила одним — частенько перекрашивала «трюмные марки». Вы знаете, что это за штука?

— Не слышал, — сказал Сварог. — Как-то не занимался я судовыми делами...

Яна отрицательно мотнула головой.

— Ну, а я об этом узнал довольно давно, — сказал Интагар. — Мне как раз судовыми делами заниматься приходилось, еще не будучи министром... Штука несложная. На борту каждого грузового судна есть линия с особым знаком. Когда при погрузке ее закрывает вода, это означает, что достигнут крайний предел загрузки. Однако частенько ее закрашивают и переносят повыше. Это дает возможность взять неучтенный груз и тем самым платить меньшие пошлины. Особенно выгодно такое проделывать на крупных судах. В основном этим занимаются на речных судах и на тех морских, что ходят в спокойные районы, — при сильном волнении на море, а уж тем более при шторме очень велик риск, что перегруженное судно затонет быстрее, чем идущее без перегруза... что порой и происходит. А вот на реках, на спокойной воде риск потонуть невелик, примеры по пальцам можно пересчитать... А потому перекраской «марок» грешат практически все без исключения солидные компании. Так что это еще не свидетельствует об особых преступных склонностях Бадеша. Порой ловят, конечно, но законы предписывают лишь денежные штрафы, не столь уж и чувствительные для крупной компании. Я простите, отвлекусь, ваше величество, но закон не мешало бы ужесточить. Во-первых, недоплаченные пошлины довольно велики, во-вторых, распространяется продажность среди соответствующих чиновников...

— Ужесточу в ближайшее время, — кивнул Сварог. — Я такие вещи быстро делаю... Дальше.

— Одним словом, в контрабанде Бадеш никогда не был замешан, до этой истории. Быть может, ему предложили деньги, перед которыми он не смог устоять, — случается такое с людьми... У нас было слишком мало времени, чтобы установить с ходу, выгружал ли еще Бадеш эту загадочную контрабанду в других портах. Я связывался с бароном Фатерусом, он сумел раскрыть единственный случай. Так что пока у нас только два: тот, о котором вы мне рассказали, и тот, на который наткнулся Фатерус. Но теперь, когда он на примете, это лишь вопрос времени. Во всех находящихся под вашей властью королевствах и прочих землях тайная полиция и соответствующие морские и таможенные службы подняты на ноги. Гораздо легче искать, когда знаешь, где искать. Скоро будет сплетена сеть, в которую непременно попадутся жирные мухи, — я не исключаю, что перевозит эти штуки не один Бадеш... Само собой разумеется, за его конторами и кораблями поставлена плотная слежка, начинаем понемногу там и сям засылать агентов. Ручаюсь, ваше величество, это лишь вопрос времени...

— Имейте в виду, — сказал Сварог. — Времени в нашем распоряжении, вполне может оказаться, не так уж и много. Какие-то недели, от силы месяц...

— Я учитываю, ваше величество. Все работают с предельным напрягом жил... Теперь — о самих «тарелочках». У меня есть сведения пока что только из Снольдера, Ронеро и Балонга...

Сварог прервал его привычным движением руки:

— В таком случае вы, возможно, уже усмотрели некую *систему*? Четыре страны, включая Сегур, позволяют, по-моему, усмотреть систему, которая просто должна быть...

— Кое-что просматривается, ваше величество...

— В таком случае быстренько добавьте туда и Глан, — сказал Сварог. — Я буквально полчаса назад получил сообщение от своего человека в Глане, а он, в свою очередь, получил сведения от Баглю. Вот уже семь с лишним месяцев в Глане торгуют «тарелочками». Тот, кто все это затеял, учитывал местные особенности. «Тарелочки» украшены излюбленными гланцами мотивами: медведь и медвежья голова, чертополох, репейник, всевозможное оружие. Стоит одна «тарелочка» один гланский серебряник, что, как мне объяснили, составляет примерно половину серебряного сестерция. Глан — держава небогатая, для нее и эта цена высока... если речь идет о простолюдинах, небогатых членах Гильдий и Сословий. Но те, у кого лишние деньги водятся, покупают охотно. В первую очередь, дворяне побогаче, а за ними, как водится, тянутся и те, что победнее... Подумайте, как это уложить в вашу систему.

Интагар задумался, но ненадолго.

— Это совсем нетрудно, — сказал он вскоре. — Семь с лишним месяцев... Примерно столько же времени ими торгуют в Снольдере. В Сегуре, как вы сами говорили — полгода. А вот в Ронеро — восемь с половиной. И не только «тарелочками»... С вашего позволения, я сначала покажу?

Сварог снова кивнул. Интагар поднял на колени глухо стукнувшую сумку, принялся выкладывать на стол аккуратные свертки, потом развернул их. Уже насмотревшийся «тарелочек» Сварог окинул выложенные в длинный ряд предметы лишь беглым взглядом: те же выгравированные рисунки, разве что добавились новые — женская головка, скрещенные мечи и тому подобное. Зато Яна, впервые с этим столкнувшаяся воочию, рассматривала и вертела в руках тарелочки с большим интересом.

— И кое-что другое, — сказал Интагар, — пока что это появилось только в Ронеро, но продается в немалых количествах...

Он развернул последний сверток, самый маленький. Теперь и Сварог приоткрылся с интересом. Маленький, в половину его мизинца крест Единого, такой же величины медальоны с каноническими изображениями Ашореми, Бригиты, Кернунноса, Руагату, Симаргла и Хорса.

— Нет Черной Троицы, и то хорошо, — сказал он. — Но нет и Великой Матери, которую никто и никогда не причислял к черным божествам...

— По-моему, объяснение есть, — сказал Интагар. — За редчайшими исключениями, Великой Матери поклоняются только в деревнях. Возможно, деревня тех, кто все это затеял, не интересуется, они «осваивают» города. В Ронеро с чьей-то легкой руки — обладателя этой «легкой руки» мы сейчас усиленно ищем, потому что есть стойкие подозрения: мода родилась не сама по себе, а была кем-то искусно *запущена* в обиход...

— Что за мода?

— В последний месяц распространилась в Равене, а из столицы, как всегда

бывает, потихоньку перекидывается в провинцию. У дворян вдруг стало модно вешать дома такую тарелочку с изображением своего герба. В Равене работают уже пять мастерских, где гравировают гербы на имеющихся у них чистых «тарелочках», и в последнюю неделю еще две открыты в самых близких к Равене провинциях. Мы, конечно, быстро проверили все, что могли. На бумаге все пять мастерских и те две провинциальные принадлежат разным людям. У нас пока что нет прямых улик, но появились стойкие подозрения, что принадлежат они кому-то одному, а мнимые владельцы — лишь подставные лица. Очень уж *слаженно* они открылись, как по команде, наборы инструментов словно вышли из одной мастерской, они не пробуют меж собой конкурировать, что для *нескольких* заведений в одном городе нехарактерно. Разумеется, мы и их тщательно *изучаем*. Агентов, правда, туда не внедрить — число работающих там невелико и новые там не нужны. Если подытожить все, мне думается, что *источник* — в Равене. Там раньше всего начали продавать «тарелочки», там появились первые гравировальные мастерские, там и только там начали торговать символами Единого и других божеств. Кстати, имеющими большой спрос у поклоняющихся этим божествам — раньше до этого как-то не додумались, каждый, кто хотел их носить, заказывал у мастеров самостоятельно, производство символов поставлено на поток только у членов Братств Единого и некоторых его монастырей. Мы уже обнаружили два торговых дома, поставляющих в лавки «тарелочки» и символы, и одну — промышленяющую грузовым извозом, у которой, похоже, форменное монопольное право на перевозки. Один торговый дом и одну извозную контору нашел у себя в столице барон Фатерус. Все это — на скорую руку. Не исключено, есть другие. Но все они, создается впечатление — не более чем посредники. Ничего. Теперь, когда мы знаем, где искать, отыскать *гнездо* будет быстрее и проще. Так уже не раз бывало с другими делами — ухватив ниточку, быстро разматываешь клубок... Вот и все у меня, ваше величество. На сегодняшний день. Но мы и работали-то всего сутки, так что упрекать нас, сдается мне, пока что не стоит...

— Я и не собираюсь, — сказал Сварог. — Наоборот. Вы в кратчайшие сроки провернули хорошую работу. Если и дальше пойдет такими же темпами, выйдет просто отлично.

Вертя в руках «тарелочку» с изображением корабля, Яна задумчиво сказала:

— Они как-то очень уж беспечны, если ведут торговлю на широкую ногу и вдобавок открыли гравировальные мастерские...

— Вот это вряд ли, — серьезно сказал Сварог. — Они торгуют, самое малое, восемь с половиной месяцев, не исключено, и дольше. Никто ничего не заподозрил — это просто безобидные камни. А контрабанду впервые обнаружили не сильные тайные службы держав Харума, а совсем молодая девушка с небольшим опытом работы, в крохотном Сегуре. (Интагар с сокрушенным видом приподнял плечи и чуть развел руки). Нет, беспечностью тут и не пахнет, а вот точным расчетом — за лигу...

— Пожалуй, вы правы, государь, — согласился Интагар (никогда не льстивший, знавший, что пустой лести Сварог не переносит). — Чисто случайно на них наткнулись... Девчонка утерла нос всем.

Когда Интагар вышел, Сварог вольготно раскинулся в кресле в неподобающей королю позе, курил и смотрел на Яну, все еще перебиравшую «тарелоч-

ки» и медальоны, порой, то положив ладонь на «тарелочку», то зажав медальон в ладонях. Она что-то коротко шептала, устремив взгляд в потолок, — и всякий раз делала недовольную гримаску. В конце концов, похоже, нашла это занятие безнадежным. Пожала плечами:

— Одно скажу: магии тут ни на грош.

— Грельфи говорила то же самое, — сказал Сварог. — А как насчет *технологий*? — и тут же смущенно осекся. — Да, конечно...

Дававший владельцу нешуточное могущество Древний Ветер технологий, вульгарно выражаясь, не просекал совершенно. С месяц назад произошел примечательный случай, кое-что прояснивший. На последней охоте в Каталлауне егерь из тамошних жителей случайно задел руку Яны повыше локтя наконечником короткого охотничьего копья. Точнее, задел бы. Неведомая сила отбросила копье в сторону так, что егерь едва не вывихнул запястье. Вернувшись домой, Яна, не теряя времени даром, принялась экспериментировать. Велела срочно изготовить ей «научное оборудование» в виде копий, ножей и топоров, позвала двух Бриллиантовых Пикинеров, надела кафтан из прочной кожи сильванского буйвола... Эксперименты оказались крайне полезными. Было точно установлено: в отличие от других ларов, Яне нисколько не опасно холодное оружие, находящееся в чьей-то руке. Но не всякое. Она заполучила все же несколько царапин — пустяковых, вмиг ею залеченных, — но никаких неясностей не осталось. Отлетали отброшенные той же силой копья с косяными и каменными наконечниками, косяные и каменные ножи, топоры и мечи. Оружие из железа, бронзы, меди, серебра и золота (Яна решила не доводить дело до абсурда и прочие металлы не испытывать), пребывавшее в руке, было для нее столь же смертельно опасно, как для всех остальных ларов. Наконечник копья егеря был как раз из камня, в Каталлауне же добывавшегося черного обсидиана. При надлежащей обработке изготовленные из него наконечники копий и стрел и кинжалы иные охотники предпочитали стальным, потому что они были острее стали. Из эксперимента проистекал логический вывод: Древний Ветер, чем бы он ни был, возник в те незапамятные времена, когда люди еще совершенно не знали металлов. Какие уж тут технологии...

— Я и забыл... — сказал Сварог. — А твой шар ничем помочь не может?

— Я, конечно, попробую, — сказала Яна. — Но подозреваю, что не получится. Если там самые обычные люди — не получится. Как бы тебе объяснить... Я могу найти, глядя в шар, любого *известного* мне человека — но не того, о котором мне ничего неизвестно. С Хитрыми Мастерами обстояло иначе: шар их *увидел* вовсе не потому, что они обладали техникой, превосходящей земную. Техники этой он вообще не видел. Просто эта техника была чужой, инородной в этом мире. Вот инородность он усмотрел безошибочно. Вот если бы Интагар нашел *гнездо*, я бы, точно зная место, смогла смотреть и слушать...

— Если точно знать место, мои хелльстадские компьютеры легко делают то же самое... Но ты все же попробуй, ладно?

— Попробую. Налей мне еще немного.

Сварог налил. В голове сама собой всплыла песенка, которую еще в прежней жизни, в полузабытые тогда (а ныне почти начисто забытые) времена больших несбывшихся надежд, он пел под гитару по-французски, поскольку изначально она и была французской, — а потом, когда надежды не сбылись и потянулась рутинная, французский забыл вовсе.

*Его отец был арлекином,
а мать наездницей была.
И с колыбели был подкинут
он в мир добра и зла.
А колыбель его висела
над самой клеткой льва...*

«Это про нас, — подумал он. — Ну, почти. Мы стоим *перед клеткой* — и есть все основания думать, что там обосновалась зверюга даже почище льва, и клетка не заперта, и когда она бросится наружу, решительно неизвестно. Правда, мы не младенцы в колыбели, но все равно есть что-то общее... Над самой клеткой льва...»

Видя, что ее бокал опустел, а сигарета докурена, он предложил:

— Пойдем к себе?

— Пойдем, — встала Яна.

Они вышли из кабинета... и Сварог с некоторым недоумением узрел Интагара, о чем-то говорившего с секретарем. Лицо у верного бульдога было хмурое — с таким он заявлялся сообщать неприятные новости.

— Случилось что-то? — спросил Сварог.

— Нет, собственно... Но если позволите, ваше величество, я бы хотел недолго с вами поговорить наедине...

— Конечно, — сказал Сварог и повернулся к статс-секретарю: — Вызовите Амину, пусть проводит баронессу...

Секретарь коснулся нужной кнопки. Яна послала Сварогу выразительный взгляд, читавшийся легко, словно детская книжка на родном языке: а не чересчур ли? Мы меж двух линий надежнейшей охраны, пройти уардов сто — коридор, невысокая лестница, еще один коридор...

Он ответил не менее выразительным взглядом: прости, милая, но я в свете последних событий предпочту перестраховаться... Прекрасно знал, что при посторонних она с ним спорить не будет.

Очень быстро появилась девчонка лет четырнадцати в классическом наряде: короткие штаны с буфами, кафтан особого покроя с буфами на плечах, чулки и туфли, синий берет с роскошным пером. Совсем сопл юшка на вид, но смертельно опасная, как дюжина гремучих змей. Питомица заведения Гаудина, готовившего малолетних суперменов и суперменш, — оно досталось Сварогу по наследству вместе со всем восьмым департаментом, хотя использовал он этих юных убийц крайне редко. Вообще-то пажей и пажесс, согласно этикету, полагалось приставлять исключительно к несовершеннолетним членам королевской фамилии, но кто бы пискнул поперек? При том что Барги издавна прославились как самодуры и тираны? Вот Сварог и приставил ее с сегодняшнего вечера к Яне ради пущей надежности — девчонка даже надежнее пары-тройки ратагайцев... вот только он чуть помрачнел, поневоле вспомнив другую...

Яна одарила его сердитым взглядом и вышла. Сварог распахнул дверь в кабинет:

— Заходите. В чем там дело?

Тщательно прикрыв за собой дверь, Интагар сказал с тем же крайне хмурым видом:

— Государь, во дворце творятся неприглядные дела...

— А точнее?

— После бала графиня Дегро проследовала в свои покои в сопровождении графа Гаржака. Хуже того, маркиза Лейт покинула дворец в карете герцога Лемара...

Сварог ощутил нешуточное облегчение и вдобавок досаду: он-то полагал, что и впрямь случилось что-то скверное. А это, извольте ли видеть, единственная жизненная ситуация, когда Интагар проявляет обычные человеческие чувства — если речь идет о добродетели и благодетели молодых девиц. Но каков! За квадранс с небольшим успел собрать донесения...

— И что теперь? — спросил Сварог.

— Если прикажете, я пошлю людей... Девушкам не пристало... Тем более когда речь идет о Лемаре...

Тяжко вздохнув про себя, Сварог сказал насколько мог убедительнее:

— Интагар... Девушки взрослые и самостоятельные... с определенным жизненным опытом. Вольны поступать, как им вздумается, и ничего тут не поделаешь...

— К тому же я полагал, что графиня Дегро — замужем...

— Они в разводе, — сказал Сварог, чтобы не громоздить лишние сложности. — И обе — отнюдь не наивные простушки, которым легко заморочить голову. Ну, а о принуждении и речи быть не может, сами понимаете. Попробуйте принудить к чему-либо Каниллу Дегро — она вам кости переломает... И Томи — отнюдь не простушка. Ну вот так они живут, Интагар, в полном соответствии с нравами той среды, где выросли. Здесь, на земле, я сплошь и рядом наблюдаю то же самое...

— Значит, не прикажете... — уныло сказал Интагар, хорошо изучивший Сварога и знавший, когда настаивать бесполезно.

— Наоборот, решительно запрещаю, — сказал Сварог, положил верному министру руку на плечо (что считалось нешуточным выражением монаршей милости). — Интагар, дружище, они обе на меня смертельно обидятся и никогда мне этого не простят, а мне с ними еще работать и работать, они мне необходимы. Пусть их... И мне бы не хотелось, чтобы с Лемаром или Гаржаком произошел какой-нибудь несчастный случай, вам понятно? Гаржак мне нужен, а Лемар просто необходим, я на многие его прегрешения вынужден закрывать глаза. Вы прекрасно знаете, что на многое порой приходится закрывать глаза для пользы дела. А сейчас, никаких сомнений, речь идет о добром согласии... Идите уж спать, вы изрядно вымотались...

— Как прикажете... — проворчал Интагар с горестным видом. — Эх, ваше величество... Если бы родители знали...

Он махнул рукой и побрел к двери. Сварог смотрел ему вслед со смешанным чувством легкой иронии и сочувствия. Если бы родители знали... Если бы сам Интагар знал, что его старшая дочка не первый месяц состоит во вполне взрослых отношениях с неким лейтенантом Синих Мушкетеров (который, правда, намерен вскоре по всем правилам просить ее руки и сердца, там настоящая любовь), а младшая три дня назад все же уступила нежному натиску возлюбленного — по точным данным разведки в лице Каниллы Дегро, как раз и помогавшей парочке отыскать подходящее местечко и обеспечившей надежное алиби... Вот только он никогда об этом не узнает — чтобы жизнь молодых людей осталась вне опасности, неплохие парни, судя по тому, что о них

известно...

...Сварог сидел тихонечко, как мышь под метлой, чтобы, боже упаси, чем-нибудь не помешать. Яна в легком домашнем халатике сидела спиной к нему перед тем самым шаром, ее волосы, как всегда в этом случае, развевал неощутимый Сварогом ветерок, взметывая и перебирая золотые пряди.

В голове у него навязчиво крутилась еще одна песенка из прошлой жизни, вовсе уж старый зонт:

Семь ворчунов зашли в кафе
чего-нибудь поесть.

Один скривился: «Вот бурда!»

Их осталось шесть...

Шесть ворчунов шли на парад,
один хотел отстать.

Его заметил штурмовик...

Их осталось пять.

Почему привязалась именно эта, крайние напоминающая сюжетом «Семь ро нас было»? — тоскливо подумал он. — Вот это уж вовсе не про нас, ничего похожего. Мы не теряем человека за человеком, как это случилось в той клятвой Заводи, где алел снег, мы вообще никого еще не потеряли, не понесли ущерб и на ломаный грош, мы всего-навсего знаем слишком мало, но скоро, никаких сомнений, будем знать гораздо больше. Если Интагар *настолько* продвинулся за сутки, что будет через неделю? И все равно прицепилась песенка...

В шаре по-прежнему словно бы тяжело плавали клубы дыма, черного и темно-фиолетового. Вдруг они пропали, шар вновь приобрел прозрачность хрусталя. Яна решительно встала:

— Бесполезно, ничего не получается. Не могу отыскать простые камни, пусть даже с другой планеты. Вообще-то иногда отсутствие результата — тоже результат. Камни я не нашла — зато можно с уверенностью сказать, что *источником* заправляют самые обычные люди. Будь там кто-то *иной*, я бы его непременно нашла и увидела. Самые обычные люди. Это чуточку облегчает задачу, правда?

— Правда, — отозвался он угрюмо.

Яна присела на широкий подлокотник его кресла и взъерошила ему волосы:

— Ну перестань ты печалиться. Только-только я тебя увидела *прежним* — и опять... Вы же всего лишь первый шаг сделали. Интагар их найдет, ему да не найти...

— Да я и сам так думаю, — сказал Сварог все так же угрюмо. — Просто непонятное и напрочь неизвестное меня чуточку бесит, и ничего не могу с собой поделывать...

— Как бы тебя отвлечь... — в ее голосе появились игривые нотки. — Вот кстати... Ты мне так и не рассказал, что такое «тюремный наездник».

— Ушко подставь, — вяло улыбнулся Сварог.

И в четырех словах объяснил ей, что к чему.

— А-а... — чуть разочарованно протянула Яна. — Я-то думала, тут что-то гораздо более интересное. А об этом я сто лет знаю. В «Фонтане наслаждений» это именуется «Обходной путь странника». И картинка есть.

Ну разумеется, — усмехнулся про себя Сварог. — Следовало ожидать. «Фонтан наслаждений» — здешний аналог «Камасутры», старинный трактат об искусстве любви, исключительно меж мужчиной и женщиной, без всяких извращений. И «картинок» множество. И земные книжники, и библиофилы ларов едины во мнении: судя по стилю гравюр, трактат еще до Шторма считался старинным — после Шторма уцелела пара дюжин книг старых времен, есть с чем сравнивать. Подразумевается, что девицы до совершеннолетия о нем и слышать не должны — однако и на земле, и за облаками означенные девицы ухитряются его раздобыть в довольно юном возрасте и в глубочайшей тайне передают друг другу. На земле это дочери дворян, членов Гильдий и Сословий, вообще девицы из зажиточных семей, располагающие карманными деньгами и возможностью послать в книжную лавку кого-то взрослого, — «Фонтан» стоит недешево, и большинство книготорговцев несовершеннолетним его ни за что не продадут (не из соображений высокой морали, а оттого, что наказание уличенному полагается довольно суровое). Родители с этой книгой борются беспощадно, на земле тех, у кого книгу обнаружат, беспощадно порют, даже в дворянских семьях, за облаками пороть не порют, но и пряниками не кормят. Однако запретный плод сладок, и все усилия напрасны, «Фонтан» продолжает странствия, и на земле провалились все попытки законодательным образом запретить его издание и продажу — поскольку немало взрослых, в том числе знатных и влиятельных, держат книгу в своей библиотеке, хотя порой у иных вся библиотека из «Фонтана» и состоит.

— Ну конечно, — сказал Сварог. — Следовало ожидать... Прелесть моя, а сколько вам было лет, когда ваша спаянная девичья компания ознакомилась с сим шедевром изящной словесности и рисовального мастерства? Только честно.

Потупившись в наигранном смущении, Яна призналась:

— Двенадцать...

— И раздобыла книгу, конечно же, Канилла?

— Какой ты у меня догадливый и проницательный...

«Ну да, вот именно, — подумал Сварог. — Как утверждают знающие люди, изрядное количество девиц как раз в эти примерно года с „Фонтаном“ ухитряется познакомиться. А потом как-то сами собой приключаются истории наподобие ее сильванской. Или, если обратиться к земному опыту — эпизоды из досье на герцога Лемара...»

Ухо ему защекотал дразнящий шепот:

— А почему ты мне это никогда не предлагал?

— Неловко было, — сказал Сварог чистую правду.

— Но ведь «Фонтан» утверждает, что меж мужчиной и женщиной это вовсе не извращение...

Сварог повернул голову и посмотрел ей в глаза:

— Я тебя правильно понял?

— Правильно... — опустив длиннющие ресницы, тихонечко сказала Яна. — Рассказывали мне кое-что замужние подруги...

Кажется, она Сварога отвлекла-таки от унылых раздумий.

Глава VI

МИМОЛЕТНЫЕ ПОБЕДЫ, ДОСТИЖЕНИЯ И ОТКРЫТИЯ

Когда Сварог подошел к каменным перилам, темная фигура внизу подняла руку, и дважды мигнул синий огонек. Все в порядке, путь безопасен. Сварог выбросил за перила веревочную лестницу с деревянными ступеньками и довольно ловко спустился на каменистую землю то ли Соседней Страницы, то ли далекого прошлого. Обернулся, махнул рукой. Лестницу тут же втянули назад.

— Чертовски рад вас видеть, лорд Сварог, — жизнерадостно сказал Брагерт, всегдашний веселый ветрогон. Когда Канцлер попросил у Сварога парочку подходящих людей, Сварог в первую очередь подумал о Брагерте: рыжий ветрогон чем-то крайне напоминал графа Гаржака — за канцелярским столом он киснул от тоски, но приходил в восторг, едва обозначались дела в стиле «плаща и кинжала», причем всегда справлялся отлично.

— Я тоже, — сказал Сварог.

— Ну, как вам тут, на нашей стороне?

— Милорд, не забывайтесь, — сказал Сварог, беззлобно ухмыляясь. — Как-никак я, могу скромно напомнить, и есть первооткрыватель вашей стороны. Чужой славы мне не надо, но и от собственной не откажусь...

— Да все я прекрасно помню, — сказал Брагерт. — Конечно же, вы — первооткрыватель и первопроходец. Просто привыкли мы как-то именовать здешние места «нашей стороной». Профессиональный шик, что поделать...

— Вообще-то, по совести, я — третий, — сказал Сварог. — Первой была крыса, изловленная в дворцовом подвале, вторым — щенок с дворцовой поварни. Но поскольку эти создания по скудоумию не способны осознать, что были первопроходцами, я себе это почетное звание присвоил. Тем более что первооткрыватель — уж точно я...

— Пойдемте?

— Пошли, — сказал Сварог, поправил пиджак, сшитый (точнее, изготовленный) по последней здешней моде, педантично проверил кобуру пистолета под мышкой. — Как обстановка?

— Идеальная, — ответил Брагерт. — Посторонних — ни души. В гостинице — только наши. Таксисты сюда больше не ездят — мы им быстренько растолковали, что новый хозяин начал небольшой косметический ремонт и затеял кое-какие переделки, так что постояльцев в ближайшее время не ожидается. Вы, я смотрю, рановато? До начала операции еще часа два, а дорога до места отнимет не менее получаса...

— Да так как-то... — сказал Сварог. — Делать было совершенно нечего.

— Понимаю. Я сам тут сижу безвылазно вторую неделю, о чем нисколько не сожалею: затягивают эти места... Ее величество и Канилла Дегро прибыли с полчаса назад, хотя не было никакой необходимости являться так рано.

— Как Канилла?

— Госпожа графиня, она же штаб-сержант, в совершеннейшем восхищении, — поведал Брагерт. — Ждет не дождется, когда поедет в город. Говорит, что такого приключения у нее еще не было — ну разумеется...

Как Сварог втихомолку и рассчитывал, Канилла, не особенно и задумываясь, быстро согласилась с отведенной ей в операции ролью, весело заявив: «Я им устрою представление, долго будут помнить и облизываться так, что языком до ушей достанут. А этот ваш бандюган в штаны... в общем, сомлеет». Словом, уговаривать ее не пришлось — понадобилось лишь убедительно напомнить, что к операции следует относиться серьезно. Она обещала быть серьезной, как принц Диамер-Сонирил при исполнении служебных обязанностей.

— Элкон работает?

— Как обычно, лишь изредка отвлекаясь, чтобы перекусить и вздремнуть, — сказал Брагерт. — Получает несказанное удовольствие на свой лад. Когда я уходил вас встречать, перед ним горели три экрана сразу, и он играл пальцами по клавишам, словно темботист[101] высокого полета. В город не ездил вообще, заявил, что Саваджо его нисколечко не привлекает, сначала нужно собрать побольше информации. Каждому свое...

— Это хорошо, что он на месте, — сказал Сварог. — Я, собственно, потому и пришел пораньше, чтобы кое-что с его помощью посмотреть...

— Если только вас не опередят ее величество с Каниллой, — фыркнул Брагерт. — Обе чертовски интересуются здешними модами, уже немало скачали...

Они вышли из-за угла, и Сварог увидел гостиницу — естественно, ничуть не изменившуюся, совсем немного времени прошло. У крыльца не было ни одной машины, только на стоянке — три.

— А давайте-ка я блесну могучим интеллектом и железной логикой, — сказал Сварог. — Канцлер говорил, что машин у вас четыре. Тут их три. Кто-то в городе?

— Ну да. Почти всегда кто-то в городе — текучка... Даже не знаю, что на сей раз. Очередные мелкие дела. Вот наша операция — не мелочь...

— С Каниллой идете вы?

— Эх, если бы... — тяжело вздохнул Брагерт. — К превеликому сожалению, нет. Душа в тоске: лишиться единственной в жизни возможности увидеть такое зрелище... Подобрали человека более подходящего, как мне объяснили, облика: чтобы выглядел плюгавеньким, в годах, трусливым ловеласом. Меньше будет подозрений. Я им напомнил, что вы тогда выглядели отнюдь не плюгавым, и тем не менее они преспокойно стали отбирать у вас девушку. Но начальству всегда виднее, мне сказали, что ваш рейд был чистой воды самодеятельностью, а сейчас речь идет о серьезно организованной операции...

— Стервецы, — искренне сказал Сварог.

— Законченные, — грустно подтвердил Брагерт. — Говорят, этот тип — хороший оперативник. Но и я, во-первых, не растяпа, а во-вторых, сдается мне, у него не настолько развито эстетическое чувство, чтобы оценить по достоинству подобный танец в исполнении Каниллы Дегро. Но с начальством не поспоришь... Я уверен, если бы роли распределяли вы, вы бы отправили меня.

— Пожалуй, — сказал Сварог. — В конце концов, к чему старательно лепить образ, если Яна все равно их тут же срубит?

— Ну, хоть на это зрелище полюбуюсь...

Они вошли в вестибюль, где половина люстр была погашена. «Портье» сидел на стуле с внешней стороны стойки, часть противоположной стены наполовину завешена грубым брезентом, в углу стоят несколько больших металлических бочоночков с яркими надписями, свидетельствующими, что там находится краска, тут же — краскопульт, еще какие-то замысловатые штуковины. Неплохая имитация ремонта.

— Значит, вы к Элкону?

— Ну да.

— Пойдемте, покажу комнату, это на втором этаже... Стучаться не обязательно, он и пушечного выстрела в коридоре не услышит.

Брагерт подвел его к двери под номером двести семь, кивнул на нее и сказал:

— Пойду сообщу императрице, что вы прибыли. Мне сказали: хотя роли расписывали и не вы, именно вам поручено руководить операцией. Так что имейте в виду: за полчаса до выезда будет совещание. А впрочем, я за вами зайду...

Он отдал честь на ронерский манер и пошел к лестнице. Сварог повернул ручку двери, вошел, оказавшись в коротком коридоре, куда выходило три двери, постоял, чтобы сориентироваться, — и услышал из-за одной, справа, чуть приоткрытой, тихое курлыканье компьютера, работавшего в поисковом режиме. Вошел. Под потолком горела люстра, окно плотно зашторено. Перед сидевшим к нему спиной Элконом, и в самом деле, светились три экрана, изображения сменяли друг друга с калейдоскопической быстротой, так что Сварог так и не понял, что видит. Подошел к увлеченно работавшему Элкону, громко покашлял и, не дождавшись никакой реакции, похлопал юношу по плечу.

Нервы у Элкона были крепкие — он спокойно повернул голову, просиял:

— Ну наконец-то, командир! Присаживайтесь.

У стены стояла парочка таких же, как у Элкона, легких креслиц на колесиках. Сварог подкатил одно, уселся. Элкон что-то нажал, изображения на всех экранах замерли: какой-то печатный текст, город с высоты птичьего полета, географическая карта.

— Как работается? — спросил Сварог.

— Распрекраснейшим образом, — во весь рот улыбнулся Элкон. — Порой даже неловко себя чувствуешь, когдаходишь в закрытые сети, — словно конфеты у малышни ворует. У них, конечно, хватает защитных систем, иные сложные, в несколько уровней, но самая хитрая ни в какое сравнение не идет даже со средненькой нашей, не говоря уже о наших самых серьезных, которые я на раз проходил.

— Можете отвлечься от своих дел и немного помочь в моих?

— Что за вопрос, командир! Срочных конкретных поручений у меня нет, обычный поиск по заданным темам. Подождут. Что вас интересует?

— База данных военно-морского флота, — не раздумывая, сказал Сварог. — Точнее, Полночный флот.

— Сейчас поищем, — кивнул Элкон.

Он погасил два экрана, оставив только центральный, пальцы запорхали по клавишам со знакомой уже Сварогу виртуозностью классного темботиста. Сварог терпеливо ждал. С минуту на экране мельтешили разноцветные полосы, потом появилось изображение рыцаря в черных латах, с опущенным за-

бралом и грозно поднятым мечом.

— Первый пояс защиты, — сказал Элкон. — Сейчас мы его...

Очень быстро рыцарь исчез с экрана, снова замельтешили полосы, потом возникло мохнатое оскаленное чудище наподобие Кинг-Конга, угрожающе воздевшего когтистые лапы.

— Ай-яй-яй, какие мы страшные... — фыркнул Элкон. — А если по блудливой морде?

С чудовищем он разделался так же сноровисто, а потом и с черным омерзительного вида пауком, обосновавшимся в центре сложной, как лабиринт, паутины. Экран стал светло-синим, на нем появилась золотого цвета эмблема: горизонтально, рукоятями к центру — два меча, вертикально, проушинами к центру — два якоря, и этот крест посередине скреплен кругом, точнее, змеей со странной головой, глотающей собственный хвост. Очень знакомая эмблема. Сверху и снизу полудугами надпись «Полночный флот». Ага, выходит, это эмблема не просто соединения, а всего Полночного флота...

— Что именно, командир?

— База «Стагар». И имя командующего.

— Так... Базы... Ага, вот «Стагар». Командующий — архонт-адмирал Крагонар Диртуэн. Снимок, послужной список?

— Нет, достаточно. Серебряная эскадра и имя командира.

— Так... Идем, как по паркету... Есть такая. Командир — краг-адмирал Колин Делутер.

— Достаточно. Возвращаемся на базу «Стагар». Списки личного состава... точнее, командного. Посмотрите, есть ли там штандарт-навигатор Тогир Горонеро, начальник отдела штаба. Какого именно отдела, я не знаю, но вряд ли их такое уж несметное количество...

— Пройдем по алфавиту... — на экране быстро поползли снизу-вверх имена, фамилии, звания. Список остановился. — Есть такой, все совпадает.

— Если найдется снимок, выведите на экран.

— Вот он...

Сварог сразу узнал лицо, которое видел на найденном в гостинице удостоверении. Какое-то время вглядывался в него, словно чего-то ждал, потом тряхнул головой и сказал:

— Теперь пройдемся по списку кораблей, его просто не может не быть. Если есть снимки, вообще прекрасно. Начнем с крейсеров, пожалуй что. Посмотрите, есть ли там «Турул».

— Снимки имеются... И «Турул» есть.

Значит, в свое время на морском дне Сварог угадал правильно — «Турул» оказался именно что крейсером. И узнать его не составило особого труда: название на борту, те же орудийные башни, надстройки, решетчатые мачты. И «Рагнарок» отыскался, как две капли воды похожий на ту субмарину, что сейчас принадлежала Сварогу. Совпадало абсолютно все, что ни возьми: имена, воинские звания, лицо штандарт-навигатора, облик крейсера и субмарины...

И все это ничего еще не доказывало. Соседняя Страница могла оказаться крайне похожей на доштормовое прошлое Талара, а различия — настолько мелкие, что их пришлось бы искать долго и кропотливо. Как в каком-то давным-давно читанном фантастическом романе: туфли не на шнурках, а на пряжках, скамейки в парке не того цвета, дорожки уже, памятник Пушкину в

другом месте... Стопроцентную ясность мог внести лишь задуманный Сварогом и осуществленный людьми Марлока эксперимент.

— Что дальше? — спросил Элкон.

— Это все были дела служебные, — медленно сказал Сварог. — А если не в службу, а в дружбу?

— Командир, какой может быть разговор! Жесткие сроки мне не заданы, так что располагайте мною, как вам угодно.

— Можете скачать все, что найдется касательно Тарины Тареми?

— Не вопрос. Сейчас мы ее найдем... Солидный файлище. Концерты, фильмы, интервью, публикации о ней, снимки... Пустяки, если прикинуть, квадранс с лишним — на максимальной скорости. Все равно за электричество наши платят бумажками, которых можно в любой момент без труда раздобыть сколько угодно. Видите, как я здесь освоился, командир, хотя ни разу не ездил в город. Я год прожил на земле, в Латеране, прекрасно усвоил, что там за многое надо платить, но здесь еще и за электричество, за горючее для машин, черт знает за что еще... Чем выше техническое развитие общества, тем больше разнообразных плат...

— А вы как думали? — усмехнулся Сварог. — Вы год прожили в мире, где за многое нужно платить, а я — тридцать пять. Хорошо еще, что у нас есть возможность грести здешние деньги лопатой и, по сути, даром. За пиво платит дон Рэба, точнее, никто не платит...

— Простите?

— Это цитата из романа... из моей прежней жизни. Пришел кто-то, слышите?

Негромко стукнула входная дверь, послышался звонкий женский смех, и появились Яна с Каниллой, Яна — в бежевом брючном костюме и голубой кружевной блузке, Канилла одета гораздо более легкомысленно: в коротеньком алом платице того фасона, в котором со Сварогом здесь была Яна, — сверху донизу на пуговицах, в обтяжечку, причем проказница Канилла расстегнула и вверх, и вниз побольше пуговиц, чем Яна тогда. Она была обворожительна, с распущенными волосами и умело наложенной косметикой. Когда начнет танцевать, с Удавом, если он там будет, и в самом деле может произойти то, о чем Кани недоговорила, оборвала на полуслове. В общем, сомлеет.

— Опередили! — с наигранной грустью воскликнула Яна. — Опередили, Кани, и не кто иной, как мой грозный супруг... Что-то скачивает, я из деликатности не интересуюсь что, у мужчин могут быть свои интересы...

— Да ну, — сказал Сварог. — Тарина Тареми. *Пикантных* снимков она всегда избегала, так что не строй беспочвенных подозрений.

— Ах, ну да, Тарина... Следовало догадаться. А фильмы скачиваешь тоже? Дочка Канцлера мне расхваливала один, о капитане, который плавал во льдах, и его жене...

— И фильмы, — сказал Сварог. — Это самое большее квадранс займет, так что вам хватит времени...

— Не хватит, — теперь уже с ненаигранной грустью сказала Яна, посмотрев на часы. — Через двадцать минут начнется совещание, а нам с Кани, чтобы вдумчиво изучить последние моды, понадобится часа полтора, как в прошлый раз...

— Вообще-то два с половиной, — уточнил Элкон.

— Элкон, не будь таким мелочным, — фыркнула Канилла. — Полтора или два с половиной, какая разница? Служебное время мы не занимаем, а эта дурацкая «плата за электричество», ты сам говорил, ничего нам не стоит. А чтобы совсем уж никому не мешать, я в следующий раз захвачу свой компьютер. Мне до тебя далеко, но я и не собираюсь взламывать защиту секретных сетей... ну разве что парочку.

— Кани, — искренне удивился Сварог, — а тебе-то зачем секретные сети? Тебе, насколько я знаю, ничего подобного не поручали.

— А я проявляю инициативу, командир, — ослепительно улыбнулась Канилла. — Ручаться можно, есть вещи, о которых вы с Элконом понятия не имеете. Оказалось, что здесь лучшие Дома мод держат в строгом секрете последние наработки, еще не показанные на публике, — чтобы конкуренты не украли. Соответственно, у них есть засекреченные файлы. Их и буду цинично взламывать. Ты ведь сможешь, Элкон, если у меня что-то не получится?

— Куда я денусь... — вздохнул Элкон.

— Действительно, куда ты денешься? — улыбнулась Канилла.

— Канилла... — сказал Сварог укоризненно.

— Да? — откликнулась она чуть настороженно: прекрасно знала, что полным именем Сварог ее называет лишь, когда ею не доволен или устраивает легонькую выволочку.

— Канилла, я тебя душевно умоляю: держись посерьезнее, — сказал Сварог. — Мы сюда пришли не в игрушки играть...

— Я понимаю, — сказала Канилла. — Командир, у меня просто-напросто такая манера держаться перед серьезным делом. Честно. Кто-то сидит в уголке и хмурится, а я шучу вовсю...

— Ладно, верю... — проворчал Сварог.

— Готово, командир, — прилежно доложил Элкон. — Вы ведь потом забереете, когда будете возвращаться?

— Конечно, — сказал Сварог. — Смысла нет с собой таскать.

Яна взглянула на свои дорогие *здесьние* часики, которые, к сожалению, не могла забрать домой, решительно уселась рядом с Элконом:

— У нас есть почти десять минут... Я, с вашего позволения, посмотрю хотя бы крохотный эпизодик того фильма, о полярном капитане.

Элкон кивнул и заиграл на клавишах. На экране появилось немаленькое судно, плывущее среди льдов, потом — человек на капитанском мостике, судя по суровой мужественной физиономии, классический Главный Герой. За кадром его сопровождала знакомая мелодия и голос Тарины Тареми:

*— Но где же Полюс,
где же Полюс,
где же?
Все те же льды,
обрюзгие моржи,
и, веки смежив,
хочется в одежде упасть,
лицом зарыться в снежный жир...*

Ага, вот откуда взялась песня — из этого фильма... Усмотрев подходящий момент, Сварог глазами показал Канилле на дверь; она понятливо кивнула, и они тихонько выскользнули в коридор.

— Кани, пожалуйста, учти на будущее, — сказал Сварог. — Ведите себя поаккуратнее, оба. Ты приглашаешь к себе гостя поздним вечером, и об этом не одному человеку становится известно...

— Так, — сказала Канилла. — Уже... осведомили?

— Через какой-то квадранс, — кивнул Сварог. — Интагар — мерзавец первостатейный, но я ему оттого и позволяю легонько казнокрадствовать, что мозги у него золотые, а высокоморальные и душевные люди на таких должностях не нужны... Вы бы поступили, как все делают: снимите какой-нибудь уютный уединенный домик, ты ведь как раз через Гаржака это делала уже раз. Деньги выделю как раз... — он усмехнулся, — из секретных фондов тайной полиции, они и не такие расходы стерпят. Мне просто не хочется, чтобы Интагар опять заявлялся ко мне и ныл, это как-то напрягает — а он, точно, не уймется. Ты же знаешь его пунктик...

— Ну еще бы, — фыркнула Канилла, — Томи он в свое время достал несказанно: и юбки короткие, и вырезы смелые... Она по некоторой мягкости характера все это не раз выслушивала и терпела. А вот со мной у него обломилось. Я его быстренько, пусть и в деликатной форме, послала очень далеко. На меня, где сядешь, там и слезешь. Лучше бы за дочурками своими присматривал, прохвост мордастый, вы же знаете, как с ними обстоит...

— Темнее всего под пламенем свечи, — философски сказал Сварог. — Ты подумай насчет домика, ладно? Интагар твоего... друга к тому же давненько ненавидит, еще при Конгере пытался добиться, чтобы его повесили.

— Сволочь толсто... мордая, — убежденно сказала Канилла. И добавила не без тревоги: — Командир, вы, надеюсь, его в обиду не дадите?

— Конечно, не дам, — сказал Сварог. — Он у меня в списке особо ценных сотрудников, да и вообще мне симпатичен. Не беспокойся, Интагар точно знает, где следует остановиться. Но насчет домика не тяните. Вот только я вскоре твоего друга отправлю в командировку на неизвестный срок.

Канилла надула губы:

— Ну вот, все так хорошо началось...

— Ничего, потом наверстаете, — сказал Сварог. — Разлука укрепляет чувства... Служба, Кани, мне там нужен надежный человек, — поколебавшись, он все же признался: — Понимаешь, в Полуденном Каталауне *замаячили* Стахор с Эгле. Надо бы без деликатностей отловить. А Гаржак хорошо знает те места, уже готов отряд из надежных каталаунцев, исходивших там все тропки... Не могу я допустить, чтобы эта парочка разгуливала на свободе, особого вреда от них не вижу, но все равно...

Дверь открылась, появилась Яна:

— Пойдемте, пора...

Совещание заняло даже меньше получаса. В небольшом конференц-зале (гостиницу прежде посещали не только беззаботные туристы, но и деловые люди, собиравшиеся здесь, в отдалении, обсуждать серьезные сделки) сидели шестеро мужчин, из них Сварогу был знаком только Брагерт. Сварог моментально определил, кто из них назначен спутником Канилле. Что ж, фактура и в самом деле убедительная: невысокий, пониже Каниллы мужичок, пузатый, с обширной лысиной, одетый дорого, но безвкусно, щеголявший с двумя излишне крупными для человека *стильного* бриллиантами в перстнях и с такой же галстучной булавкой. Подходящий персонаж: за сто уардов видно человека

денежного, но лишённого и капли хорошего вкуса, за одним-единственным исключением: в прекрасном поле знает толк. Вот и сейчас подцепил красотку, конечно, за приличные деньги — какая красивая девушка с таким чудом бесплатно пойдёт?

Один за другим присутствующие (в том числе Яна с Каниллой) вставали и кратко, емко излагали свою задачу. Сварог признал, что каждый знает свой маневр. Вполне возможно, командовать и не придется.

«Собственно говоря, командовать, вполне возможно, и не придется, — сказал Канцлер. — Но на любой операции у группы должен быть командир. Вы, во-первых, профессиональный военный в прошлом, а во-вторых, тридцать пять лет прожили в мире, крайне близком по уровню развития к Той Стороне. Что еще важнее, психологически вам там наверняка комфортнее, чем остальным. Они отличные работники... но пока еще не изжили некоторое удивление Той Стороной. Зато вы там наверняка чувствуете себя даже чуточку равнодушно, я прав? Вот видите. Так что будете командиром. Задача простая: приглядывайте за происходящим и, если произойдет что-то непредвиденное, импровизируйте на ходу. У вас — да не получится? И при малейшей угрозе уводите Яну на нашу сторону. Она обещала подчиняться вашим распоряжениям и, я уверен, слово сдержит — давно повзрослела...»

Выехали на двух машинах, в первой — Сварог с Яной и Канилла со спутником, во второй — все остальные. Сварог потрогал большим пальцем твердое удостоверение в нагрудном кармане пиджака, усмехнулся. Он и сам собирался предложить то же самое, но Канцлер опередил.

Наилучшее прикрытие в подобных случаях — убедительные документы грамотно подобранной спецслужбы. Подобрали. Военные негодились — местные полицаи к военным спецслужбам как-то не привыкли и не научились видеть в них авторитет. Политическая полиция здесь имеется, отнюдь не тайная — но она ничуть не напоминает НКВД, гестапо или тонтон-макутов: ее попросту не особенно боятся, тут царит умеренный разгул демократии, с сильной оппозицией в парламенте и влиятельными газетами, часть которых рада любому случаю куснуть президента с премьером и любую государственную службу. МВД здесь существует, и уголовная полиция при нем имеется, но для обычной полиции и «уголовка» — не особенный авторитет, в конце концов, под одним министром ходят, да вдобавок главы обоих ведомств откровенно конкурируют.

Хорошо еще, имеется и СД — Сыскной Департамент. Контора, во многом напоминающая американское ФБР: замкнута непосредственно на президента (он тут играет первую скрипку, а премьер — на вторых ролях), занимается борьбой с уголовным элементом по всей стране, подчиняется только столичному центру, и полномочия широкие, права большие. Ребятки жесткие, вот перед ними любая полиция встает навтыжку: могут и крупные неприятности устроить, и попросту в ухо врезать, и ничего им за это не будет.

Как только о существовании этой конторы узнали, дальнейшее было делом техники. Элкон со своей всегдашней в таких случаях бесцеремонностью без особого труда преодолел три защитных пояса и незамеченным проник в секретнейшие архивы СД. Очень быстро раздобыл образцы удостоверений — и грозные ксивы лежали сейчас в кармане у каждого, даже у девушек в сумочках. Очередная группа агентов СД, нагрянувшая в один из центров организо-

ванной преступности страны, не могла вызвать ни малейшего удивления ни у одного полицейского...

На памятном Сварогу здешнем КПП их не тормозили — к пассажирам машин с местными номерами полиция не цеплялась с выяснениями, есть ли у них должным образом оформленные документы гостей города. Их машины, объяснил Брагерт, не из самых роскошных, но достаточно респектабельных марок. Так что цепляться не будут.

Половодье разноцветных огней, мельтешение реклам, подсвеченные фонтаны, светящиеся вывески... На сей раз Сварог смотрел на все это без особого любопытства — не давали покоя дела поважнее, оставшиеся по другую сторону балкона. Пожалуй, он понимал Элкона, всецело поглощенного добычей информации и оттого не интересовавшегося городом. Собственно, своего человека к Удаву собирались внедрять ради той же цели: сбор информации. К Удаву она поступает самая разнообразная, какую сплошь и рядом в компьютерах не раздобудешь: «крестный отец» ее прилежно к себе стаскивает, как хомяк в норку, — никогда в его положении не знаешь, что может пригодиться завтра, а потому умный человек гребет все...

Ага, вот он, знакомый перекресток. И сверкающее огнями здание «Лотереи-Грации», значащееся в путеводителе под номером четырнадцатым. Машина свернула влево и остановилась почти напротив той скамейки, где сидели Сварог с Яной, когда объявились «черные шляпы» пополнить коллекцию Удава.

Сидевший слева Сварог опустил стекло, увидев направлявшегося к ним человека. Тот наклонился и негромко сообщил:

— У черного хода для «важняков» топчутся двое жлобов характерного вида. И машина с известным номером тут же. Удав, несомненно, внутри.

Сварог уже знал, в чем тут подробности: в заведении устроено два черных хода, один — для всех, пришедших по тем или иным делам, и персонала, второй — для особо важных персон ведет прямым ходом в ту самую ложу с зеркальными окнами.

— Отлично, — сказал он. — Начали.

Человек кивнул и пошел прочь, отправился на прежнее место. Водитель вылез из-за руля и тоже ушел. Канилла с пузатым кавалером вылезли из машины и направились ко входу в веселое заведение, к хвосту короткой очереди. Сварог пересел на водительское место, рядом с которым на переднем сиденье поместилась Яна.

Вскоре в правом кармане у него пискнул и тут же умолк карманный телефон — были тут и такие, размером с его портсигар, но наполовину потоньше. Удобная штука, Сварог сразу оценил. Канилла подавала сигнал — они вошли в зал. Оставалось спокойно высидеть квадранс и ждать дальнейшего развития событий.

Они и сидели, время от времени целовались — отнюдь не притворно. Подобная сценка — парочка в припаркованной в тихом местечке машине ни у кого не вызовет подозрений.

— Как впечатления от вчерашнего? — шепотом на ушко спросил ее Сварог.

— Генерал, ведите себя... — с деланным возмущением фыркнула Яна. — Мы на задании...

— Интересно же... Сама напросилась.

— Интересные ощущения, — медленно сказала Яна. — В этом что-то есть, «Фонтан» оказался прав... Ага, внимание!

Сварог моментально отодвинулся от нее, посмотрел в сторону выхода: очередное выступление кончилось, публика расходилась. Вот и Канилла со спутником... как и следовало ожидать, на шее у нее, отсюда хорошо видно, золотая цепочка с подвеской-ракушкой: другого финала и ожидать не следовало, Канилла есть Канилла. Берегите пенсне, Киса, сейчас начнется... Если они рассчитали все правильно и Удав там, сейчас появятся его ребята. Сам он, как выяснила Яна у тех бандюганов, в гостинице просидит еще пять-шесть представлений — подбирает подходящих кандидатов про запас, словно завсегда-тай игорного дома, прикупающий и прикупающий карты в расчете на козырные розы. Эстет с развитым чувством прекрасного, блин...

Канилла со спутником уселись на ту самую скамейку, где сидели тогда Сварог с Яной, закурили... Ага! Низкая, сверкающая темно-серым лаком машина неспешно, плавно подкатила и остановилась неподалеку, неторопливо вылезли двое в черных шляпах с белыми лентами и вразвалочку двинулись к скамейке.

Сварог тоже не видел смысла торопиться. Вынул и положил в карман ключ зажигания. Канилла и ее кавалер уже стояли, парочка верзил что-то крайне убедительно втолковывала лысому — о содержании разговора догадаться было легко. Сварог вылез, следом вылезла Яна. И первой пересекла улицу. Мимходом легонько махнула рукой в сторону водителя — и тот, Сварог прекрасно видел, застыл за рулем манекеном.

И тут же накрыла парочку, приехавшую за Каниллой, оба легонько дернулись, словно от разряда слабого электрического тока, встали, опустив руки. Не обращая на них внимания, Сварог поднял руку, подавая условный знак, — за ними сейчас следило несколько пар глаз, все должны отреагировать моментально.

Так и произошло, вокруг началось несуетливое движение. К ним подошли Брагерт и один из незнакомых Сварогу агентов, подкатила вторая их машина. Сварог сказал:

— Спасибо, Кани, хорошо сработано. Давайте в гостиницу, вы свое отыграли...

Они сели в машину, и та, мигая поворотником, отъехала.

Яна подошла к замершим гангстерам, что-то тихонько стала им говорить с интонациями опытной учительницы младших классов. Длилось это недолго, в конце концов оба подошли к скамейке, уселись, вытащили сигареты — тут им и предстояло проторчать часа два, что их в нынешнем своем положении нисколько не напрягало. Один вытащил карманный телефон, принялся набирать номер. Сварог не шелохнулся — это входило в программу, то бишь в сеанс внушения: обормот докладывал боссу, что драгоценный груз в машине. Закончив недолгий разговор, бандюган поднял голову и граммофонным голосом доложил стоявшей над ним Яне: — Удав сказал, что выедет через полчаса. Девушку доставить к нему на виллу.

«Раненько сорвался, вопреки обыкновению, — подумал Сварог. — Торопится пообщаться с Каниллой, тонкий ценитель прекрасного...»

— Поехали? — спросила Яна.

— Поехали, — кивнул Сварог. — Машину я запер, «потаенку» включил.

Угон машин тут не принял характера эпидемии, но все же имелся промышленный этим народец, как же без него — так что люди Канцлера вмонтировали в укромном месте тумблерчики, размыкавшие цепь зажигания.

Он, Брагерт и третий, которому вскоре предстояло стать «столичным родственником» Удава, разместились на широком заднем сиденье. Яна села рядом с водителем и безмятежно сказала:

— Ну, что сидишь? Повезли девушку.

Водитель включил зажигание и медленно отъехал от тротуара. Гипноз — или как там это называть — никоим образом не должен был повлиять на его шоферское умение. Проще было бы *выдернуть* Удава из заведения и потолковать с ним по душам в машине — но не стоило взваливать на Яну лишнюю работу, время их не поджимало. К тому же не мешает своими глазами взглянуть, где Удав обосновался, не исключено, что «родственнику» придется завтра туда и ехать.

Они катили по ярко освещенным улицам минут двадцать — обормот за рулем вел уверенно и довольно лихо. Потом город внезапно кончился, машина оказалась на четырехполосной дороге посреди соснового леса, ярко освещенной фонарями на тонких металлических столбах с загнутыми вниз верхушками. Вот и указатель, черные буквы на желтом фоне. Сварог как следует изучил карту Саваджо с прилегающими окрестностями и узнал название на указателе — небольшой поселок из частных особнячков лигах в десяти от города, таких вокруг Саваджо отыщется поболее дюжины, больших и поменьше, как тот, куда они ехали.

Встречных и попутных машин почти не попадалось. Пару раз дорога круто сворачивала — вправо, потом влево. Водитель прибавил газу, и они быстро домчали до высоких распахнутых ворот — ажурных, металлических, — над которыми укреплен вывеска с тем же названием, что стояло на указателе.

Машина слегка замедлила ход. Справа и слева тянулись аккуратные особнячки, не особенно и большие, но с обширными участками — переводя на полузабытые уже советские мерки, соток по двадцать. Судя по тому, что на каждом произрастали сосны, поселочек возвели посреди обширного леса.

Водитель поехал совсем медленно, свернул направо, на асфальтированную дорожку, ведущую к высокой кованой ограде с ажурными воротами. Уже отсюда видно: посреди участка в окружении неизбежных сосен разместился небольшой домик: одноэтажный, четыре окна по фасаду (горит только одно, справа от двери), с мансардой. Удав, судя по всему, весьма неглуп: одно из своих лежбищ устроил в поселке, где обитает народец, надо понимать, не из живущих на одну зарплату, но и никак не туго набитые денежные мешки. Миллионеры в таких «хижинах» не живут, разве что особо эксцентричные. То-то водитель, перед тем как въехать в ворота, торопливо сдернул «форменную» шляпу и сунул под сиденье — не светится Удав лишний раз...

И точно. Когда водитель посигналил явно условно — короткий-длинный-короткий — по ступенькам сбегали и торопливо направились к воротам двое в самых обычных шляпах, разного цвета и другого фасона.

Сварог, разумеется, не мог определить, когда Яна стала *действовать* — но он видел, как двое в шаге от ворот вдруг легонько дернулись, словно бы споткнувшись, и их движения приобрели некую деревянность. Получили свою дозу... И они проворно распахнули ворота.

— В доме еще один, — сказала Яна. — Накрыть его отсюда для надежности?

— Давай, — сказал Сварог.

Машина остановилась у невысокого крыльца в четыре ступеньки с горящим над ними ало-синим светильником, стилизованным явно под какую-то старину, — такой у него был вид.

— Мне нужно уезжать, — бесстрастно, тем же грамофонным голосом сказал водитель.

— Подождешь нас, — сказала Яна. — Пойдемте?

Она вылезла первой. Двое, вернувшись от ворот, так и торчали на крыльце, один предупредительно распахнул дверь перед незваными гостями, которых наверняка не видел в обычном смысле этого слова, пребывая в неведомых пространствах, в полном отрыве от реальности.

Яна приостановилась, небрежно спросила того, что держал распахнутой дверь:

— Где вы обычно находитесь?

— В вестибюле, — раздался в ответ бесстрастный голос робота.

— Вот там и сидите, когда мы войдем. Приедет Удав — откроете ворота. Вести себя, как обычно.

И она вошла внутрь, а следом — остальные трое. Вестибюль оказался довольно обширным: судя по размерам, в глубину домик раза в два длиннее, чем по фасаду. Вот и лестница в мансарду — из темного дерева, с массивными перилами. В уголке сидит третий, замер, как манекен. Ай-яй-яй, шалуны... В углу стоит вороненый ручной пулемет с высокими сошками и объемистым магазином в виде усеченного конуса. Бережется Удав, и, глядя с его колокольни, прав совершенно: лучше перебдеть, чем заполучить несовместимое с жизнью отравление организма свинцом, в случае, если кто-то из его «офицеров» захочет подняться повыше или столичные конкуренты нагрянут...

«Все идет, как по маслу, — подумал Сварог. — Даже непривычно».

Ну, так гладко проходит — и пройдет — исключительно потому, что есть Яна-Алентевита, единственная в Империи обладательница и полноправная хозяйка Древнего Ветра. Иначе все было бы гораздо дольше и сложнее. А ведь она говорила, здесь есть и другие, владеющие Дор Террахом... Нужно будет потом ими поинтересоваться, вдруг из этого получится что-то полезное...

М-да, уютно устроился наш Удавчик, любит ценить прекрасное со вкусом и комфортом. Всю площадь мансарды занимает одна большая комната. У стены — широченная кровать, застланная розовым атласным покрывалом, в изголовье низкий столик, уставленный бутылками и закусками. Легко опознанный телевизор, нечто вроде музыкального центра, а это, скорее всего, цветомузыка... Стены покрыты зелеными обоями в красивый белый цветочек. Хозяин определенно не чужд и высокому искусству: на стенах целых пять картин, на всех — обнаженная натура. Не дешевая мазня, впрочем, работал не такой уж плохой мастер, это чувствуется.

— Уставились. Уставились... — насмешливо сказала Яна ему с Брагертом. — Прихватите на память, если хотите. Кто нам запретит хоть весь дом вынести?

Брагерт сверкнул белозубой улыбкой:

— Что ж, если разрешаете, ваше величество, я вот эту рыжую обязательно прихватчу. Я человек холостой, попрекать меня некому, к тому же волосы у нее — в точности, как у меня...

— Милорд, это ведь вульгарная кража... — улыбалась Яна.

— Вовсе нет, ваше величество, — серьезно сказал Брагерт. — Это спасение культурных ценностей — в том случае, если мы действительно в прошлом. — Он вдруг стал вовсе уж серьезным. — Ваше величество, милорды... Мне пришло в голову... Если это и в самом деле прошлое, что-то надо обязательно спасти: книги и картины из музеев...

— Не получится, — сказал Сварог. — И эту картину забрать не получится. Вы запомнили, Брагерт: *балкон* не пропускает к нам ничего материального, принадлежащего этому миру...

— Да, я и забыл... — сконфуженно сказал Брагерт. — Вот интересно, а *людей* отсюда он пропустит? Что-то мне подсказывает, вы с превеликой охотой спасли бы ту же Тарину Тареми. Если это прошлое, она либо погибнет, либо будет скитаться среди развалин в толпе таких же оборванных и голодных...

— Вы мне подали дельную мысль, — без улыбки сказал Сварог. — В самом деле, если это прошлое, так и случится...

Яна посмотрела на него пытливо и внимательно. Сварог так и не смог понять, что означает ее взгляд. Брагерт, подойдя к столику и присмотревшись к этикеткам на бутылках разнообразной формы, прозрачных и темного стекла, предложил:

— А не выпить ли нам по бокальчику в ожидании хозяина? Он все равно не обидится, не успеет. Дешевки я тут не вижу...

Знает толк, прохвост.

— По бокальчику, пожалуй, можно, — согласилась Яна. — Как вы смотрите, лорд Калвер?

— Не откажусь.

— Только потребуется еще два бокала, тут всего два... — она извлекла из воздуха два бокала, точные копии стоявших на столике, только не из прозрачного хрусталя, а из синего. Пояснила: — Другой цвет — чтобы отличить потом, какие именно уничтожить. Не годится оставлять материальных следов. Сама не знаю почему, но у меня стойкое убеждение, что — не годится. Откупорьте вон ту бутылку, Брагерт. Очень уж солидно выглядит, — она присмотрелась. — И вряд ли надпись на этикетке врет насчет двадцатилетней выдержки...

— Наверняка не врет, — сказал Брагерт, смыкая на горлышке бутылки клещи большого позолоченного штопора. — Я уже пробовал. Обходится, как мне объяснил Элкон, примерно в месячное жалованье городского чиновника ранга нашего советника — а оно не маленькое...

Он с большой сноровкой ввинчивал штопор. Хлопнула выдернутая пробка. Брагерт разлил по бокалам густоватое багровое вино. Все четверо стояли с бокалами в руках, словно на дипломатическом приеме а-ля фуршет — сесть было просто некуда, разве что на постель, тут не стояло ни единого кресла или стула, вся здешняя жизнь хозяина протекала, надо понимать, на постели.

— Присядете, ваше величество? — спросил Брагерт.

— Благодарю, постою, — отрезала Яна. — На эту постель в жизни не сяду... — она подошла к высокому окну и посмотрела вниз, на ярко освещенную дорожку, аккуратные клумбы и стоявший в стороне от крыльца автомобиль. — Пожалуй, их следует *накрыть* сразу, как только машина заедет во двор. Он ведь явно велел водителю уезжать, оставив здесь девушку. Когда уви-

дит, что тот торчит во дворе, непременно разозлится и кинется выяснять отношения. Лишняя суета.

— Наверняка, — сказал Сварог. — Ну, глуши их сразу, какая разница, минутой позже или раньше...

— Легко на помине, — сказала Яна. — Выключите свет... а впрочем, уже все равно, свет они наверняка видели, подъезжая...

Остальные моментально оказались рядом с ней. Длинный черный автомобиль отчаянно засигналил, на условный сигнал это не походило ничуть.

— Боюсь, он меня увидел издали, — спокойно сказала Яна. — Но он явно намерен заехать во двор, вон и холуи поспешают... Отойдите от окна, меня он уже видел, мне поздно...

— Я так подозреваю, он с ходу кинется разбираться, что происходит, — сказал Сварог. — Должен понимать: окажись тут засада соперников или конкурентов, девушка с бокалом не стояла бы у окна и не зажигала свет...

— Ну, я все равно успею раньше... — сказала Яна. — Да, ты, похоже, прав...

Едва ворота распахнулись, автомобиль рванул к крыльцу, затормозил с отчаянным визгом покрышек... Но Яна уже смотрела вниз с холодным, жестким выражением лица, пошевелила губами. Все четыре дверцы распахнулись... да так никто и не показался. Конечно же, она успела раньше.

Потом из правой задней дверцы вылез мужчина в светлом костюме и сдвинутой ухарски набок шляпе, чуточку деревянным шагом направился к крыльцу. Ну, все в порядке...

Вскоре дверь распахнулась, и вошел Удав. Остановился у порога, уставился на них совершенно пустыми глазами, лишенными и проблеска сознания. Как это частенько случается, в нем не было ровным счетом ничего демонического или хотя бы отталкивающего: крепкий мужик лет сорока, в обычном своем состоянии, пожалуй, даже обаятельный, женщинам должен нравиться. Аккуратные тонкие усики, перстень с бриллиантом отнюдь не вульгарен, не так уж и велик, торчащий из нагрудного кармана носовой платок подобран в тон галстуку — то ли сам такой тоняга, то ли держит на жалованье понимающего толк в хорошем стиле специалиста.

— Проходите — сказала Яна. — Садитесь на постель...

Он повиновался, как автомат.

Уходили они примерно через полчаса, оставив за собой полное благолепие, не способное вызвать ненужные раздумья: Сварог привел в беспорядок постель, Брагерт с Калвером тем временем откупорили еще парочку бутылок и половину вина и келимаса — явно с глубокой душевной печалью — вылили в белоснежный унитаз (ванная и туалет были тут же, за двумя дверцами). Передвинули бутылки, придали закускам такой вид, словно хозяин и «гостья» отдали им должное. Удав сейчас раздевается догола, плюхнется в постель и уснет. Утром он будет помнить, что облюбованная им красотка у него побывала и ночь прошла самым приятным образом. И накрепко запомнит, что завтра должен здесь и оставаться, пока к нему не приедет двоюродный брат... да, его двоюродный брат, с которым они сто лет не виделись, — и Удав его сделает своей правой рукой. Все будут помнить, что им надлежит: охрана — что девушку привозили и увозили. Водитель довезет их туда, где они оставили машину, заберет своих корешков, смирнехонько сидящих на лавочке, и преспокойно уедет.

Выбрав какой-нибудь глухой тупичок, они беспробудным сном будут дрыхнуть в машине до утра, а потом вспомнят, что по распоряжению босса отвезли девушку в гостиницу, и будут помнить в которую. Тип-топ, как выражался герой старой кинокомедии. Операция «Шаровая молния» успешно завершена...

«Стоп, — одернул себя Сварог. — Опыт еще прежней жизни учил: операцию можно считать завершенной не раньше, чем группа вернется в точку выхода. Никогда нельзя расслабляться на обратном пути, мы еще только выехали за ворота. Не видно никакой угрозы, но будем уже соблюдать традиции, потому что кое-кто из тех, кто опрометчиво позволил себе расслабиться на обратном пути...»

Он вскинулся, услышав легонький вскрик Яны:

— Что, Вита?

Яна повернулась к нему с переднего сиденья. Глаза стали на пол-лица:

— Оно... То, что меня *вынюхивало* в прошлый раз. Только теперь оно где-то совсем близко, а я так и не пойму, что это такое... Оно ищет... и, кажется, на сей раз нашло...

Брагерт преспокойно достал пистолет и оттянул затвор.

— Уберите, — резко бросила ему Яна. — Не поможет, я отчего-то уверена... Оно совсем близко...

— Вели этому болвану дать полный газ, — сказал Сварог. — Авось в городе отвяжется...

Яна велела. Машина летела по пустой дороге, фонарные столбы мелькали мимо, сердце у Сварога сжалось в болезненной тоске — он ничего не мог сделать, чтобы отогнать опасность...

— Ну? — выдохнул он. — Не молчи, комментируй...

— Догоняет, — сказала Яна. — И вот-вот догонит... *Особенной* мощи там нет, но и ничего светлого, мрак и грязь... — она повернулась к водителю: — Сбавь скорость, потом — на обочину!

— Вита... — сказал Сварог, охваченный нешуточной тревогой.

— Нам все равно не уйти, — сказала Яна с поразившим его спокойствием. — Оно быстрее. Придется драться. Не путайтесь под ногами, сидите в машине, вы все еще ничем помочь не в состоянии...

Водитель гасил скорость, потом съехал на обочину, к самым соснам. Яна так же хладнокровно продолжала:

— Оно совсем близко... Уже почти над ними...

— *Существо?* — зачем-то спросил Сварог, как будто это имело какое-то значение. — Или какой-то аппарат?

— Существо... Разум там есть... но ничего, кроме зла... Все! Оно над нами... Ну, посмотрим...

В следующий миг это, пролетевшее явно над самой крышей машины, резко замедлило полет, буквально пикируя на обочину уардах в десяти перед машиной. Больше всего оно напоминало зеленовато-белесого огромного, под стать человеку нетопыря, словно бы и нематериального. Коснувшись усыпанной сосновыми иголками земли, оно моментально изменило облик — теперь там стояла огромная, в полтора человеческих роста, фигура, столь же зеленовато-белесая, похожая на великана в монашеской рясе с опущенным на лицо капюшоном — и вот она-то выглядела гораздо более материальной...

Рывком распахнув дверцу, Яна выскочила из машины. Сварог выскочил

следом, выхватывая пистолет. Яна выкинула перед собой руки, переплетя пальцы, вывернув ладони наружу — а в следующий миг перед ней разбрызгался ярко-синими искрами и погас метнувшийся было к ней синий клубок огня.

Сварог отскочил на пару шагов направо, вскинул пистолет, держа его обеими руками, и стал нажимать на спуск. Выстрелы исправно хлопали — но всякий раз после очередного перед самой грудью загадочной фигуры вспыхивал желтый комочек огня.

— Перестань! — отчаянно закричала Яна, не оборачиваясь. — Мешаешь только!

Сварог опустил пистолет, видя, что от пальбы нет никакого толку. Еще один синий шар метнулся к Яне — и тоже погас, разбрызгавшись о невидимую стену. С ладоней Яны сорвались ветвистые, ярко-зеленые молнии. Ударили в загадочное создание... или не коснулись? Не слухом, а как-то иначе Сварог слышал — именно слышал! — противный звук, напоминавший скрипенье ножа по тарелке. На него навалилось что-то непонятное: парализующее, липкое, вязкое, словно кто-то из огромной бадьи лил на него сверху невидимое густое варенье. Пошатнулся, но устоял на ногах. Навстречу друг другу метались разноцветные молнии и разноцветные огненные шары, лопались, причудливо выгибались. Ехавшая со стороны города машина отчаянно взвыла мотором и с дикой скоростью пронеслась мимо них, сидящий за рулем определенно спасался от непонятных сложностей жизни... Или наоборот, слишком понятных... Неизвестно, сколько это продолжалось, — но вдруг, после очередного обмена ударами, на месте зеленоватой фигуры взметнулся гейзер холодного голубого сияния, пронизанного алыми вспышками. И растаял. На том месте никого и ничего больше не было. Яна согнулась, зажимая ладонями голову. В два прыжка Сварог оказался возле нее, схватил за плечи:

— Что, Вита?

И поневоле отдернул руки — словно током чувствительно ударило, даже зубы лязгнули. Подбежали Брагерт с Калвером, растерянно остановились возле. Яна медленно выпрямлялась, опустив руки, вокруг нее слабо засветился словно бы повторявший очертания фигуры кокон из желтоватых огоньков — и, будто уходя в землю, погружаясь, понемногу растаял.

Они трое стояли и молча ждали — а что им еще оставалось?

— Кажется, я его прикончила... — невероятно усталым, но довольным голосом сказала Яна, рукавом пиджака утирая с лица обильный пот, — она выглядела так, словно на голову ей вылили ковш воды. — Да, похоже. Оно не ушло. С ним кончено. Оно оказалось слабее. Но как яростно пыталось до меня добраться...

— Что это такое было? — тихо спросил Сварог.

— Представления не имею, — сказала Яна. — Не в состоянии была определить, никогда такого прежде не встречала. Что-то безусловно разумное, хищное... и насквозь *черное*. У меня осталось впечатление, что оно люто ненавидит Дор Террах...

У Сварога, похоже, изменилось отношение к этому миру, стало гораздо хуже. Хорош мир, где над неоновыми вывесками и потоками автомобилей летают *такие* твари... Причудливое смешение технологий, примерно соответствующих концу двадцатого века той Земли, откуда он пришел, и самых невероят-

ных тварей непонятной, но весьма необычной природы...

Яна вытирала лицо и мокрые волосы то правым, то левым рукавом. Они уже потемнели. Взяв ее за локоть, Сварог подтолкнул к распахнутой дверце:

— Садись, поехали быстро. А вы что стоите?

Когда машина трогалась, он, оглянувшись назад, увидел два быстро приближавшихся желтых огня — походило на мигалки на крыше автомобиля, более высокого, чем тот, на котором они ехали. Полиция? Нет, у них мигалки зеленые...

— Скажи-ка ему, чтобы прибавил газу, — бросил он, не отрывая взгляда от заднего стекла. Чем-то ему эти мигалки не нравились, и точка. Точно, машина, которую с такого расстояния уже не рассмотреть, остановилась ровнехонько на том месте, где они только что были. Вот не нравилось ему это, и все тут, самому непонятно, почему, но в подсознании сидела какая-то неприятная заноза — а Сварог в таких случаях привык доверять интуиции...

— Вита, — сказал он, наклонившись к ней. — Ты немедленно, как только мы доберемся до гостиницы, уходишь на *нашу* сторону.

— Мы с Каниллой хотели посмотреть у Элкона... — запротестовала она почти нормальным голосом.

— Так, — сказал Сварог. — Моды, часика два, да? Ну, коли уж разговор после *такой* драки зашел о модах, ты окончательно опамятовалась. Значит, действительность воспринимаешь адекватно. А она такова: если ты помнишь, команду операцию я. И вы все обязаны подчиняться моим распоряжениям. Не забыла?

— Не забыла, — чуть сварливо откликнулась она. — Но я ведь его прикончила...

— Приказ понятен? — металлическим голосом спросил Сварог.

— Понятен, командир... — откликнулась она недовольно.

— Вот и отлично, — сказал Сварог, продолжил мягче: — Только один аргумент, но, по-моему, достаточно весомый... Ты не думаешь, что таких тварей может оказаться целая стая? А гостиница за городом, *они*, я вижу, таких мест не боятся. Ты уверена, что отобьешься от *стаи*? Молчишь? Вот то-то. Скажи этому чурбану, чтобы прибавил газу, что-то мы медленно едем...

...Землекопы уже настолько углубились, что над раскопом виднелись лишь четыре макушки. Притоптав сапогом очередной окурочек — их под ногами была уже целая россыпь, он от волнения дымил, как паровоз, — Сварог спросил:

— А вы уверены, что метод проверки выбрали, гарантирующий стопроцентную надежность? Вдруг это все же Соседняя Страница, где есть наши аналоги, которые тоже закопали что-то?

— Исключено, — сказал профессор. — Мои сотрудники кое-что скрупулезно рассчитали. Понимаете ли, мы еще очень мало знаем о Соседних Страницах и не умеем туда проникать, но способны многое рассчитать теоретически. С помощью той же С-топологии хотя бы. Мои С-топологи, не хвастаясь, сильнее тех, что работают в Магистериуме. Выводы недвусмысленны: то, о чем вы говорите, невозможно в принципе. Иначе оказалось бы, что материальный объект, — он показал на дворец, — и материальные субъекты, то есть мы с вами, принадлежат к *разным* пространствам, тем не менее одновременно занимают одно и то же место в *одном* пространстве. Такое невозможно. Вот, я выпи-

сал главные уравнения, убедитесь сами...

Он достал толстый блокнот в черной кожаной обложке с эмблемой Техниона и протянул Сварогу. Сварог пожал плечами. Спыхватившись, Марлок убрал руку:

— Простите, конечно, вы не поймете...

Сварог, в жизни не слышавший об С-топологии, осторожно сказал:

— Профессор... а не может оказаться так, что ваши С-топологи ошиблись? Как крупно ошиблись А-физики с «точками Кондеры»?

— Исключено! — мотнув головой, отрезал Марлок. — Здесь совсем иная ситуация. А-физика работает с излучениями. С-топология, наоборот, исключительно с уравнениями. Излучение, какой-то его вид, можно *просмотреть*, что и произошло. Все базисные законы С-топологии давно открыты, «просмотреть» какие-то просто не могли, можете вы себе представить, чтобы математики «просмотрели» часть таблицы умножения, и она появилась в неполном виде, скажем, без умножения на шесть? Это просто нереально. Так и здесь. Если бы какой-то из базисных законов упустили, С-топология попросту не смогла бы состояться как наука. Так что поверьте уж на слово: если наши с вами аналоги и обитают на какой-то из Соседних Страниц, что вполне возможно, они никак не могут оказаться посредством «балкона» в одно и то же время в одном и том же пространстве. Вы как-то странно улыбаетесь...

— Вспомнил одну историю, — сказал Сварог. — Дело было в моем прежнем мире лет триста назад. Мой мир тогда по уровню развития примерно соответствовал земным королевствам — разве что без парашютов, паровозов, самолетов и пулеметов... но я не о том. Один знаменитый математик, дворянин, взялся учить математике великовозрастного сынка-лоботряса какого-то вельможи. И однажды долго и безуспешно пытался ему доказать, что такая-то теорема верна — доказать с помощью математики. Не понимал лоботряс математических доказательств, и все тут. В конце концов, уставши с ним биться, математик воскликнул: «Даю вам честное слово дворянина, что теорема верна!» Лоботряс просиял: «Вы бы так и сказали сразу, сударь! Как я могу сомневаться в честном слове дворянина?»

— Неудачный пример, — сказал Марлок, ничуть не обидевшись. — Право же, неудачный...

— Наверняка, — согласился Сварог. — Ну что же, я привык верить ученым на слово — пусть не всегда и не всем... Значит, стопроцентная гарантия?

— Стопроцентная... Извините, я отлучусь.

Он подхватил с земли мерную рейку, какой пользуются на земле, длинную, расчерченную черными и красными полосками, подошел к раскопу, присмотрелся — видимо, прикидывал, как не помешать землекопам, — опустил рейку в яму, из которой уже не видно было и макушек. Вернувшись к Сварогу и положив рейку, досадливо покачал головой:

— Два уарда семь пальцев... Вообще-то на такой глубине мы на Той Стороне и закапывали. Но это еще ничего не значит: за тысячелетия уровень земли мог немного подняться. Геологи меня заверили: не более, чем на уард. Пусть уж для надежности пройдут два...

Они замолчали. Сварог сунул в рот очередную сигарету, а профессор раскурил трубку. Из раскопа размеренно вылетала земля — ее уже набралась изрядная куча. В полусотне уардов от них протянулась полукругом цепочка стояв-

ших спиной к раскопу гланских гвардейцев: обычно люди сюда не ходили, да случайный зевака ничего и не понял бы, но Сварог все равно велел оцепить раскоп. Рефлекс какой-то выработался: засекречивать абсолютно все, имевшее отношение к некоторым делам...

Земля вдруг перестала вылетать. Профессор восторженно: из раскопа явно донесся стук лопаты о что-то твердое, тихий разговор. Потом оттуда громко крикнули:

— Нам бы лестницу, глубоко!

Опередив профессора, Сварог подхватил аккуратно сработанную деревянную лесенку, позаимствованную у дворцовых фонарщиков, опустил ее в раскоп. Оттуда проворно выкарабкался один из землекопов (все они были переодетыми в простое платье спецназовцами Сварога). Улыбаясь во весь рот, доложил:

— Ваше величество, есть что-то такое! Дальше мы поостереглись копать, вы такой приказ и отдавали...

Прямо-таки подбежав к раскопу и заглянув вниз, Марлок взмахнул рукой:

— Поднимайтесь все! Дальше я сам справлюсь!

— Лопаты оставлять?

— Нет, берите с собой! — отозвался профессор. — Справимся и без лопат!

Землекопы полезли с лопатами наверх. Едва на землю встал последний, Марлок кинулся к лестнице, полез вниз с невиданным проворством. Сварог последовал за ним. В яме, получившейся не менее двух с половиной уардов в глубину, стоял сырой запах свежевзрыхленной земли. Марлок, безбожно пачкая бархатные штаны, опустил на колени и принялся голыми руками копать в нетронутой земле. Досадливо отплюнулся, повернул руку ладонью вверх, беззвучно пошевелил губами, и в руках у него оказался кинжал. Марлок принялся осторожно ковырять землю вокруг чего-то темного, торчащего из желтоватой земли. Сварог смотрел ему через плечо. С торжествующим возгласом Марлок показал ему темно-коричневый черепок, больше всего похожий на часть горлышка обычного глиняного горшка, отбитый вместе с куском самого горшка:

— Именно его мы и закапывали, именно такой!

И продолжал орудовать кинжалом, выковыривая из слежавшейся земли осколки горшка, пыхтя:

— Ничего удивительного, что он разбился, небольшие подвижки почвы, может быть, небольшое землетрясение, чего только не было при Шторме и при Вьюге... — слышался звук, словно металл лязгнул о металл. — Ага! Вот и подковы, и бутылка, тоже битая!

Он еще поковырял кинжалом, выворотил какой-то странный предмет и принялся отряхивать с него землю. Закончив, показал его с торжеством Сварогу: свинцовый, похоже, слиток своеобразной формы — плоский, наподобие солнышка с лучами разной длины. Профессор принялся считать лучи, касаясь каждого пальцем:

— Шесть... Девять... Одиннадцать... Семь длинных лучей и четыре покореоче... Все сходится. Он самый.

— Как он мог так хорошо сохраниться? — спросил Сварог.

— Мы его предварительно на совесть обработали антикоррозийным составом, — сказал Марлок, встал с колен и произнес как-то буднично: — Вот и от-

вет, лорд Сварог. Со стопроцентной гарантией. Это не Соседняя Страница, Та Сторона — доштормовое прошлое...

Странно, но Сварог не ощутил ни радости, ни даже восторга — одно тупое облегчение, словно поднялся по склону, таща на спине тяжеленный мешок, и сбросил его, достигнув вершины. Лицо Марлока почему-то стало вовсе уж печальным.

— Что вы загрузили? — напрямик спросил Сварог. — Вас бы больше устроила Соседняя Страница?

— В каком-то смысле, — кивнул профессор безрадостно. — Видите ли, лорд Сварог, окажись Та Сторона Соседней Страницей, с ней не было бы тех сложностей, которые возникнут с прошлым...

— Какие? — с любопытством спросил Сварог.

— Не могу вот так сразу сформулировать точно, — признался Марлок. — Что-то смутное крутится в голове. Но сложности с прошлым, я уверен, будут, возможно, нешуточные...

Глава VII

ВСЕ ТЕ ЖЕ ЛЬДЫ, ОБРЮЗГШИЕ МОРЖИ...

Небольшой зал (резные дубовые панели по стенам, высокое окно, вернее, Нало-сине-белый витраж из приятных для глаза узоров) служил для совещаний в узком кругу, а потому там стояло всего три ряда удобных мягких кресел, по семь в каждом (семерка здесь считалась «счастливым числом», а три семерки — «Благоприятным сочетанием»). Занято было менее половины из них: Яна, Канцлер, Сварог, лорд Галан, лорд Финеас, глава Кабинета императрицы и шеф его спецслужбы, профессор Марлок, директор Магистериума, не столь уж и пожилой человек с красивой проседью на висках. И, наконец, главный объект интереса Сварога — академик Урталло, директор Института А-физики Магистериума, корифей и светило означенной науки. Сварог специально занял кресло, откуда мог наилучшим образом разглядывать его краем глаза.

Корифей был импозантен, вальяжен и внушителен. Хотя ему недавно стукнуло шестьсот, выглядел он моложе, как все пожилые и старые лары. Пластическая хирургия (пользовавшаяся не скальпелями, а какой-то сложной аппаратурой) здесь достигла больших высот. Так что крайне мало было морщин, вовсе не было вторых подбородков, отвислых щек, дряблой кожи. Медальный, как писали классики о совсем другом человеке, профиль, красивое массивное лицо с решительным подбородком и уложенной волнами седой шевелюрой. Сварог совсем недавно просмотрел его обстоятельное досье. Волевой, жесткий, обладатель цепкого ума, бесспорный талант. Что до частной жизни — гурман, держит повара, самолично готовящего еду, состряпанной магическим путем никогда не пользуется, знаток хороших вин и келимасов. До сих пор крутит отнюдь не платонические романчики с красивыми студентками Лицея. Канилла как-то призналась под настроение: еще на первом курсе корифей чуть ли не открытым текстом стал завлекать ее в постель. Однако она, как многие

ее ровесницы, накопила немалый теоретический опыт (и любила довольно прозрачно намекать подругам, что уже испытала иные взрослые радости жизни во всем их многообразии), но опыт практический равнялся нулю (если не считать легких шалостей со сверстниками). Так что она попросту легонько испугалась и взаимностью академику не ответила. Сварог подозревал, что корифей ее выставил из Лицея не только за дерзость после того случая с взорвавшейся лабораторией, но и за неговорчивость.

На фоне окружающих академик смотрелся сущим павлином. Все пришли в обычной одежде, один корифей появился в парадном академическом мундире, расшитом спереди золотыми листьями неведомого растения от ворота до подола, достигавшего колен сюртука. При всех регалиях: шесть имперских орденов, шесть Золотых Колб в золотом круге. Золотая Колба, высшая награда Ученого Сообщества, объединявшего ученых Магистериума и Техниона, а также их силванских филиалов, вдобавок тех научных сотрудников других учреждений, что получили хотя бы первую ученую степень, — а магистрами было добрых три четверти ученой братии, три золотых шейных медали — в честь коронации дедушки Яны, ее отца и ее самой. Подобные совещания вовсе не требовали являться при полном параде — так что у невольного выступившего в роли новогодней елки академика вид был хотя и пышный, но на фоне остальных — чуточку смешной. Походило на то, что здесь имела место некая интрига — Сварог несколько раз перехватывал полные веселой иронии и, пожалуй что, легкого злорадства взгляды, которые украдкой бросал на корифея директор Магистериума. Он знал из досье, что эти двое, будь такая возможность, с превеликим удовольствием загрызли бы друг друга насмерть.

Корифей давненько уже *копал* под директора, стремясь спихнуть его и занять его место, — но тот, будучи, собственно, не ученым, а крупным администратором, не давал себя сожрать так просто (как успешно отбивал покушения академика на свое кресло Председатель Ученого Сообщества). Весьма возможно, что именно директор (вряд ли самолично) уверил Уртало, будто совещание будет из разряда тех, что требуют полного парада, и тот повелся, выставив себя в нелепом виде. Как и в политике, ученые интриганы пользуются любой возможностью насолить врагу, пусть и по мелочам...

Вот уже минут пять стояло молчание — Канцлер, как догадался Сварог, *держал* паузу, словно опытный актер, легонько подогревая интерес у непосвященных (каковыми здесь были только оба ученых мужа). Военных и командира Серебряной Бригады не пригласили оттого, что никто до сих пор не представлял, *какие*, собственно, задачи перед ними ставить.

Восемь минут... Поскольку Яна пока что не произнесла ни слова, согласно этикету полагалось молчать и остальным, воздерживаясь от разговоров меж собой. Ага! Канцлер встал, повернулся лицом к невеликой аудитории, поклонился Яне:

— Ваше величество, милорды... Нынешнее совещание касается чисто научных вопросов, точнее говоря, некоего открытия, которое может привести и к отрицательным последствиям. В научных вопросах я себя не чувствую достаточно компетентным, поэтому передам слово лицу компетентному, вдобавок автору открытия. Заместитель начальника сектора А-физики научного отдела девятого стола Кабинета императрицы, лейтенант гвардии Канилла, графиня Дегро.

Должно быть, он подал какой-то сигнал — невысокая дверь у дальней стены распахнулась, и энергичной походкой вошла Канилла. Она тоже была великолепа. Парадный мундир девятого стола, на сей раз не безбожно зауженный, а нормального покроя (прямой приказ Сварога именно так и одеться), на плечах знаки различия, прямоугольники из витого золотого шнура с восьмиконечной звездочкой посередине каждого (это еще были не полноценные погоны, но Сварог намеревался вскоре ввести настоящие — как-то тосковала по ним душа, а здешняя армия погон не знала ни за облаками, ни на земле). Общегвардейский шеврон на левом предплечье, белоснежные сапоги (старое гвардейское пижонство вне строя), красивый золотой знак «За заслуги» (Сварог их учредил недавно, трех степеней), на златотканом поясе — красивый кортик, сработанный опять-таки по эскизам Сварога (в гвардии новинкой заинтересовались самым живейшим образом и сейчас вместо парадных мечей срочно разрабатывали свои варианты кортиков, каждому полку — особый).

Волосы заплетены в высокую строгую косу, весь облик насквозь деловой, как и надлежит. Канилла прищелкнула каблуками, сделала короткий офицерский поклон. Ухмыляясь про себя во весь рот, Сварог неотрывно наблюдал за академиком.

Ну конечно, челюсть у него не отвалилась — ученые интриги требуют не меньше искусства владеть лицом, нежели практические. Но все равно видно было, что корифея проняло всерьез. Никак не ожидал увидеть вышвырнутой им из Лицея соплячку в *такой* роли. «Подожди, сволочь старая, — ласково подумал Сварог, — это только присказка, сказка будет впереди...»

Сделав два шага вправо, к стене, Канилла остановилась у лакированного стола из темного дерева со стоящим на нем компьютером, включила его — на стене зажегся экран от пола до потолка. Наверняка она несколько раз прорепетировала свое выступление, возможно, и перед зеркалом — говорила гладко, четко, со скупыми жестами, слишком отточенными, чтобы быть импровизацией. Рассказывала, как с помощью захваченной у обосновавшихся в Горроте заговорщиков аппаратуры обнаружила идущее из Нериады излучение «третьего ручейка», или «третьей точки Кондери» и убедилась в его искусственном происхождении. О «тарелочках» (и о камнях-компьютерах) она умолчала совершенно, потому, что ученым мужам (по общему мнению начальников спецслужб, Канцлера и Марлока) рановато было знать такие секреты. Ни словечком не упомянула о том, что первым поток с Нериады обнаружил именно Сварог — потому что это было сделано в насквозь ненаучной обстановке, и заправлял «экспериментом» не дипломированный служитель науки, а неграмотный ратагайский шаман. Таким образом, первооткрывателем представала именно она — но Сварог вовсе не собирался бороться за свой приоритет и ничуть не сердился, что лавры первопроходца достались не ему, наоборот — именно он и набрасывал черновик доклада, а Канилла добавила лишь чисто научные детали. Тактика, знакомая еще по прежней жизни: не было никакого Сварога ни на километр, ни на лигу вокруг, а кто станет утверждать обратное, тому померещилось... Вот уж к чему он не стремился, так это к научным лаврам первооткрывателя.

Время от времени Канилла иллюстрировала на экране свой рассказ формулами, диаграммами, схемами, графиками и прочей премудростью. Порой на пару минут переходила на высокопробную научную *фению*, из которой все

присутствующие, кроме трех ученых, понимали лишь отдельные слова, и то не всегда. Однако (опять-таки по совету Сварога) постаралась ограничиться необходимым минимумом ученой тарабарщины.

Экран погас.

— У меня все, ваше величество, милорды, — сказала Канилла.

— Может быть, у кого-нибудь будут вопросы? — громко осведомился Канцлер. Подождав с полминуты в молчании, благосклонно кивнул: — Вы можете идти, лейтенант.

Вновь прищелкнув каблуками и коротко поклонившись, Канилла четко повернулась через левое плечо (не пропали даром труды коменданта, констатировал Сварог), приставила ногу и той же энергичной походкой удалилась. Канцлер сказал:

— Ваше величество, милорды, прошу приготовиться к перемещению мебели...

Впервые столкнувшись с этим явлением Сварог тем не менее проворно оторвал подошвы от пола, уперев ноги на специальную приступочку под сиденьем. Кресла пришли в движение — пустые отъезжали к стенам, те, в которых сидели люди, перемещались в центр зала, образуя незамкнутый круг — доклад кончился, начиналось совещание.

Довольно быстро круг установился. Канцлер сказал:

— Итак, господа, вы всё слышали. Могу добавить лишь, что по моей просьбе Технион проверил сделанные лейтенантом Дегро исследования и убедился как в их достоверности, так и полном отсутствии ошибок. Нет никаких сомнений: *поток* с Нериады существует в реальности, и происхождение у него — искусственное. Проблема, как легко догадаться, требует принятия неотложных и решительных мер. В значительной степени меры эти будут принимать спецслужбы, их руководители уже подали соответствующие проекты, поэтому не вижу смысла заслушивать их сейчас. Однако свой вклад, как вы понимаете, должны внести и научные учреждения. Профессор Марлок уже представил проект мер, которые Технион намерен предпринять. Очередь за Магистериеумом. Господин директор, господин академик, вы можете вкратце изложить первые наметки? Чем конкретно нам в данной, не самой простой ситуации может помочь Магистериеум?

Оба научных сановника молчали, словно застигнутые за курением младшие школьники. В конце концов директор с убитым видом легонько пожал плечами:

— Не располагая нужной аппаратурой и специалистами...

Упершись в Сварога тяжелым неприязненным взглядом, академик Уртало, не изменив невозмутимого выражения лица, сказал:

— К сожалению, часть изъятой в Горроте аппаратуры забрал к себе не только Технион, но и почему-то лорд Сварог...

— Полагаю, я правильно понял, господа? — спросил Канцлер. — Вы в состоянии оказать любую потребную помощь, но не раньше, чем вас снабдят нужной аппаратурой и дадут консультацию специалистов со стороны? А сами вы, называя вещи своими именами, бессильны что-либо предпринять? Судя по вашему молчанию, так и обстоит...

Мысленно Сварог ему поаплодировал: это и называется — грязным лаптем да по блудливой роже... И сказал нейтральным дипломатическим тоном:

— Позвольте мне? Признаться, мне не вполне понятно, *почему* господин академик употребил в мой адрес слово «почему-то». В каждой спецслужбе Империи существуют научно-исследовательские отделы, а потому я организовал такой и в девятом столе. Впрочем... Я могу ответить, *почему* попросил предоставить часть аппаратуры мне. Простите, господин директор, господин академик, но у вас попросту нет специалистов, способных грамотно работать с «точками Кондери», — он сделал продуманную паузу и тем же нейтральным тоном нанес удар: — Собственно... специалисты у вас *были*. Двое. Однако они, как бы это сформулировать, работали частным порядком, иначе говоря, обеспечивали связь засевших в Горроте заговорщиков со своими сообщниками здесь, у нас. Местонахождение обоих, думаю, вам известно. Боюсь, в ближайшее время в Магистериум они не вернуться... Так вот, у меня как раз *есть* нужные специалисты. Трое. Потому я и попросил часть аппаратуры, на что, легко догадаться, получил санкцию вышестоящих инстанций. Разумеется, я всецело готов к сотрудничеству. Ситуация требует самой тесной консолидации сил. В любой момент, когда вам будет удобнее, к вам прилетит лейтенант Дегро, передаст чертежи и схемы, по которым вы в сжатые сроки создадите нужную аппаратуру. Она же даст все необходимые консультации, сколько бы времени это ни отняло. Вам остается лишь назначить время.

Уставившийся на него исподлобья Уртало спросил, явно прилагая нешуточные усилия, чтобы выглядеть невозмутимым:

— Лорд Сварог, у вас не найдется более опытного специалиста? Простите великодушно, но лейтенант Дегро мне представляется чересчур юной для столь серьезной миссии. К тому же она не имеет должного образования.

— Юность — это недостаток, который с годами проходит, — отпарировал Сварог. — Что до недостатка образования, ей это ничуть не помешало сделать открытие, которого почему-то не сделали люди с должным образованием и учеными степенями. Так уж сложилось, что именно лейтенант Дегро является сейчас самым компетентным специалистом из трех у меня имеющих. Ее доклад не вызвал ни вопросов, ни принципиальных возражений, а ее работа полностью одобрена Технионом. Не вижу причин посылать к вам кого-то другого. Или вы все же намерены возражать? Не могу настаивать, это вне моей компетенции...

— Господин директор, господин академик... — сказала Яна тем самым тоном, что и здесь, и на земле считается явным признаком монаршего неудовольствия. — Я не вполне понимаю вашу позицию... которая мне, прямо скажу, не нравится. Ситуация сложная и откровенно опасная: непонятно откуда взявшийся источник искусственного излучения на Нериаде... Нужно собрать все силы в единый кулак... но вы, такое у меня создалось впечатление, противитесь визиту самого компетентного на сегодняшний день специалиста? Я правильно поняла?

Ее взгляд был полон холодного, рассудочного монаршего гнева — ничуть не наигранного. Директор, явно пребывая в некотором расстройстве чувств, промямлил:

— Ну что вы, ваше величество... Как можно противиться в такой ситуации? Разумеется, мы готовы к визиту лейтенанта Дегро и хотим, чтобы он состоялся как можно скорее...

— Господин академик? — подняла бровь Яна.

Уртало, державшийся гораздо лучше директора, сказал:

— Мне остается лишь присоединиться к господину директору...

«Интересно, — подумал Сварог, глядя на обоих дружелюбно, — кто из вас двоих, стервецы, в результате этой конфузии получит дополнительные очки в вашей долгой потаенной драке?» И сказал:

— В таком случае, давайте обговорим сроки. Хотя, минуточку. Мне кажется, кое-какая аппаратура у вас все-таки *есть*. Те двое заговорщиков использовали, как я помню из материалов расследования, аппаратные Магистериума? Если их аппаратура годилась для работы с «пятой точкой», быть может, она сойдется и для исследования «третьей»? Пока вы не смонтируете согласно консультациям лейтенанта Дегро новую?

— Обе аппаратные опечатаны, аппаратура законсервирована, — хмуро сообщил академик.

— Это долго — расконсервировать? — спросил Сварог с деловитым видом.

— Неполный рабочий день, — радостно сказал директор.

— А чьи печати? — спросил Сварог.

Устало усмехнулся уголком рта:

— Восьмого департамента Канцелярии земных дел...

— Я сразу же после окончания совещания распоряджусь их снять, — заверил Сварог.

«Вот так, научный ты барин, — подумал он, с той же дружелюбной, открытой улыбкой глядя на господина академика. — Прилетит девчонка, которую ты когда-то крупно обидел, и будет *учить* тебя, корифея, А-физике. Никак не скажешь, что это *мелкая* месть...»

Однако, покидая главное здание Кабинета Канцлера минут двадцать спустя, Сварог пребывал отнюдь не в самом лучшем расположении духа. Конечно, Канилла получит нешуточную моральную сатисфакцию. Конечно, здорово, что Магистериум еще раз чувствительно макнули мордой в грязь. Однако все это нисколько не поможет решить *главную* проблему.

Но где же Полюс, где же Полюс, где же?

А если без красивостей — где *источник*, из которого распространяются по Талару каменные поделки непонятного назначения? На него до сих пор не вышли сбившиеся с ног сыщики и агенты. Не один посредник взят под колпак, но их контактов с источником пока что не проследили. Интагар предполагает: их пока что и не было за ненадобностью. Всего неделю назад, говорил он, посредники получили довольно крупную партию «тарелочек» и подвесок и не скоро ее *переварят*. Им пока что не нужен источник, как и они — ему. Остается ждать у моря погоды.

Как там писала Екатерина Вторая по поводу Пугачева? «Противу злодея наряжена такая армия, что едва ли не страшна соседям была». Примерно то же самое можно сказать и сейчас. Подняты на ноги все спецслужбы империи и тайная полиция всех подвластных Сварогу королевств — и ей готовы оказать любое содействие все разведки и контрразведки. Имперская армия и Серебряная Бригада готовы по первому сигналу сыграть боевую тревогу и выставить армаду, способную разнести при необходимости Нериаду в пыль...

Вот только неизвестно, куда наносить удар, и кто ему должен подвергнуться...

Он угрюмо подумал: если такое положение затянется, придется применять

уже не единожды испытанный на практике метод. Брать все же кого-то из посредников. И вскоре посредник узнает, что в его доме произошел пожар, найдены обугленные трупы — и один из них может оказаться его собственным, в зависимости от степени искренности. В божедомках хватает неопознанных, никому не нужных трупов, которые ничего не стоит забрать для оперативных надобностей. Тамошние служители охотно всех до единого отдадут, чтобы избавить себя от лишних хлопот. Метод этот несколько раз применялся на памяти Сварога — и не всегда приносил удачу. Не потому, что подвергнутый такой обработке человек запирался — как правило, никто не запирался, — а оттого, что он не знал того, что стремились узнать допрашивающие. Выявленных посредников немало, и трудно определить, кого из них следует потихоньку *изъять*. А мало-мальски массовые аресты производить нельзя — можно вспугнуть источник, и он затаится, а то и сменит логово. И с Орком выходить на связь не спешат. Так что топчемся на прежнем месте...

Он зло выдохнул сквозь зубы и пошел к своему браганту, угрюмо мурлыкая под нос:

— Мы будем все мобилизованы,
вдали военный слышен гром.
Войны ботинки зашнурованы
тугим бикфордовым шнуром...

ЭПИЛОГ

Заложив руки за спину, Сварог стоял у длинного некрашеного стола и задумчиво разглядывал выложенные в аккуратные линии две дюжины образцов — продолговатые куски разноцветного гранита размером примерно в два кулака. Выглядели они все одинаково: камень не тронут резцом, только один из торцов аккуратно срезан и отшлифован. Торопиться не следовало, нужно было хорошо присмотреться, прежде чем сделать выбор.

Мэтр Самой стоял рядом и терпеливо ждал. Сварогу он понравился: во-первых, видел его работы — памятники и скульптуры, во-вторых, у мастера не было и капли лъстивости, он и с королем держался со спокойным достоинством знающего себе цену человека. Здоровенный могучий мужик на голову выше Сварога и изрядно шире в плечах, с короткой, но густой черной бородой и аккуратно подстриженными волосами без единой ниточки седины — хотя у многих в таком возрасте она появляется. Что ж, ничего удивительного в таком телосложении нет: это поэт или художник, чьи орудия труда — стилос и кисть, могут быть subtilными, а скульптор-каменотес как раз и похож больше на портового грузчика, потому что трудится не хуже грузчика, всю жизнь работает долотом и молотком, порой с особенно твердым камнем наподобие гранита...

— Вот этот, — решительно сказал наконец Сварог. — Да, вот этот...

Он взял кусок самого приглянувшегося камня: красный крупнозернистый гранит с многочисленными выступами правильной шарообразной формы, окруженными зелеными кольцами. Спросил:

— Как на ваш взгляд, мэтр? Вы разбираетесь в таких вещах гораздо лучше...

— Ваше величество, это должен быть памятник людям гражданским или военным?

— Военным, — глухо сказал Сварог, чувствуя, как лицо *стягивает* холодом. — Геройски погибшим военным...

— В таком случае, государь, вы сделали верный выбор. Цвет символизирует пролитую кровь...

— Сколько ей еще литься? — произнес Сварог едва ли не шепотом.

Могучий скульптор его тем не менее услышал. И сказал:

— Наверное, до скончания времен, государь...

— Боюсь, так и обстоит... — медленно произнес Сварог. — Ладно, давайте о деле. Где залегает такой гранит, как выломать подходящую глыбу, как доставить — все это меня не интересует. Вы ведь обычно это делаете сами и знаете в этом толк?

— Конечно.

— Расходы вас заботить не должны, — сказал Сварог. — Сколько б ни понадобилось денег, они будут. К вам сегодня же приедет человек от меня, познакомьтесь, он будет следить, чтобы не было никаких заминок, и вам, если понадобится, оказывалось любое содействие. Оно ведь вам может понадобиться?

— По совести говоря, да, ваше величество. Порой случаются разные досадные помехи: чиновники вымогают взятки, бывают хлопоты с дорожными пошлинами, судовладельцами, да мало ли...

— Не будет ни помех, ни хлопот, — жестко сказал Сварог. — Человек этот не в богадельне служит... Теперь — о том, что должно быть изображено. — Он

коснулся указательным пальцем отшлифованного гранита: — Вот здесь, сверху — орел из чистого золота, классический акилла из военной геральдики. Тут необходим ювелир. Вы решали и такие дела? Отлично. На остальном пространстве — шесть сломанных мечей. Композицию продумайте сами, сделайте несколько вариантов, я потом посмотрю и выберу. И... И все.

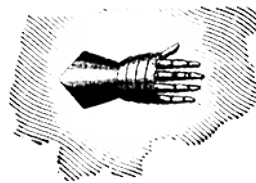
— А надписи, ваше величество? Их не будет?

— Нет, — сказал Сварог. — Хотя, подождите... (он вспомнил дев с герба Якова Вилимовича Брюса). Надпись будет внизу совсем короткая. МЫ — БЫЛИ! Дайте мне знать, когда будут готовы эскизы. Никакой спешки, лишь бы получилось хорошо...

Он кивнул мэтру и неторопливо вышел из мастерской, разместившейся в уютном, тихом переулке, где стояли лишь солидные склады, так что шум никому не мешал (камнерезное ремесло — дело шумное). Охрана уже взлетела в седла, Барута подал ему поводья, и в ясном безоблачном небе светило солнце. Знак ликтору — и тот первым сорвался с места. Сварог прыгнул в седло и дал коню шенкеля. Крупной рысью выехав из переулочка на широкую, мощеную тесаным камнем улицу, поднял рыжего ратагайского жеребца в галоп. Ликтор скакал далеко впереди, хриплый рев его бронзовой буцины *расшвыривал* к тротуарам экипажи и всадников, подковы слаженно гремели по мостовой, и понемногу Сварогу стало казаться, что он несется к какой-то цели, что она у него есть вот сию минуту, и вскоре она будет достигнута, и придет победа, и смерти нет...

Но где же Полюс?

Красноярск, 2016

ПРИЛОЖЕНИЯ

Стороны света по таларской традиции

Стороны света в морской терминологии Талара

О ЛЕТОСЧИСЛЕНИИ

При изучении хронологии следует непременно иметь в виду, что не существует до сих пор какой-то единой точки отсчета. Даже летосчисление ларов, Небесные Годы, было введено лишь через некоторое количество лет после окончания Шторма и переселения ларов в небеса. И это количество до сих пор не определено точно, разные исследователи называют разные цифры (от 7 лет до 11). К тому же ни у ларов, ни у кого-либо другого нет точно фиксированной даты окончания Шторма — ибо какое-то время его затухающие волны все еще прокатывались по планете.

Первые семьсот с лишним лет после Шторма на земле не существовало ни упорядоченной хронологии, ни четко датированных летописей (по крайней мере, современная наука не располагает фактами, способными как доказать, так и опровергнуть эту точку зрения). В дальнейшем, на протяжении долгих столетий, соперничавшие государства и отдаленные страны, порой вообще представления не имевшие о существовании друг друга, придерживались своих собственных систем летосчисления (более-менее полное представление об этом периоде дает труд Гармара Кора «Хаос и хронология», Магистерийум, 3466 г. Х. Э.) Впоследствии из-за диктуемого жизнью стремления к упорядоченности после многих попыток достичь взаимопонимания и согласия (и даже нескольких войн по этому поводу) почти повсеместно было установлено единое летосчисление — так называемая Харумская Эра.

В настоящее время текущий год у ларов — 5506 год Небесных Лет (в этой системе датируются все императорские указы, предназначенные для жителей земли).

На земле — 3716 год Харумской Эры, однако есть два исключения:

1. Великие магистры, правители Святой Земли, двести сорок три года назад

ввели летосчисление «со дня Гнева Господнего». Таким образом, в Святой Земле сегодня — 5511 год СДГГ.

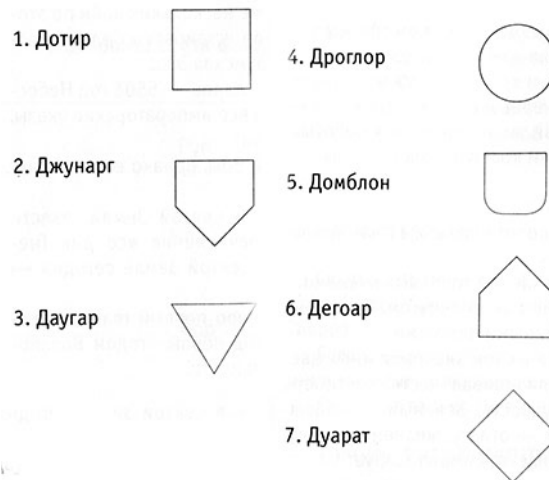
2. После отделения Плана от Ронеро первый гланский король повелел «считать нынешний год первым годом Вольности». Сегодня в Глане — 613 год Вольности.

КАЛЕНДАРЬ

Таларский год состоит из семи месяцев — Датуш, Элул, Фион, Квинтилий, Ревун, Атум, Северус. Каждый месяц — из семи недель по семь дней. В конце первых шести месяцев есть еще по три дня без чисел, именуемых Безымянными Днями, или Календами. После Северуса следуют семь дней Календ. Календы Датуша, Квинтилия и Атума считаются «скверными днями», в этот период стараются воздержаться от дел, не пускаются в путешествия или плавания, не играют свадеб, не устраивают никаких торжеств. В древности на эти Календы даже прекращались войны. Календы Элула, Фиона и Ревуна, наоборот, считаются крайне благоприятными для начинаний и временем праздников. Календы Северуса — канун Нового Года, в эти дни торжества особенно пышны, именно к Календам Северуса дворяне стараются приурочивать свадьбы, а гильдии — свои праздники.

ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЕ ЩИТЫ

Согласно правилам геральдики, существует лишь семь разновидностей гербовых щитов — для гербов государств, городов, дворян. Разновидности эти следующие:

Как правило, дотир и дуарат служат гербовыми щитами лишь для дворян, не имеющих титула, а гербы городов чаще всего имеют форму домблона.

ФЛАГИ ГОСУДАРСТВ

Флаги Виглафского Ковенанта[102]

Лоран — горизонтальные синяя и зеленая полосы, флаг обведен белой каймой (добавленной как знак траура после завершения строительства Великого Канала и потери провинций, оставшихся на континенте).

Харлан — «шахматная доска» из 6 черных квадратов, 6 белых и 6 коричневых.

Снольдер — желтое полотнище с черным силуэтом сфинкса.

Ронеро — горизонтальные синяя и черная полосы.

Глан — горизонтальные черная и красная полосы.

Горрот — белое полотнище с черным солнцем.

Шаган — вертикальные зеленая, желтая и черная полосы.

Сегур — горизонтальные синяя и красная полосы.

Прочие флаги

Святая Земля — фиолетовое полотнище с желтым крылатым диском.

Балонг — синее полотнище, затканное золотыми пчелами.

Ганза — темно-синее полотнище с белым кругом. В круге — черный силуэт корабля с зарифленными парусами.

Некоторые сведения о геральдическом значении иных цветов. Синий цвет издавна символизировал честь, честность, благородство. Фиолетовый — мудрость. Зеленый — надежду. Черный — упорство. Красный — отвагу, жизненную силу. Желтый — богатство. Белый вообще-то символизирует чистоту помыслов, но из-за того, что он издавна почитается символом смерти, в геральдике его стараются не употреблять.

ГЕРБЫ ГОСУДАРСТВ Виглафский Ковенант

Лоран — дотир. Две синих и одна зеленая вертикальные полосы. На зеленой — три золотых кольца. На синих — по золотому якорю.

Харлан — дотир. Разделен на четыре квадрата, два белых и два коричневых. В белых квадратах — по коричневому мечу острием вверх. В коричневых — по белому мечу острием вверх.

Снольдер — даугар в фиолетово-желтую клетку. В центре щита — золотой лев, стоящий на задних лапах.

Ронеро — даугар. Разделен по вертикали на синюю и черную половины. На синей — золотая лилия, на черной — Зеркало Аннура, имеющее вид серебряного круга в золотой оправе.

Глан — дегоар. Щит — черный с золотой каймой. В центре — золотой силуэт медвежьей головы, по пяти углам — золотые цветы чертополоха.

Горрот — домблон. На белом фоне — черное весло, скрещенное с золотым скипетром.

Шаган — дрогмор. На синем поле — золотой колокол.

Сегур — дуарат. Разделен горизонтальной линией на две половины. Верхняя — золотой парус на зеленом поле, нижняя — пять вертикальных полос (две зеленых, две желтых) и на их фоне — черный герб Морских Королей.

(Нужно добавить, что герб государства является и гербом его короля.)

ПРОЧИЕ ГЕРБЫ

Святая Земля — дуарат. На зеленом поле — золотой одноглавый орел (акилла), держащий в лапах меч и крест Единого Творца.

Балонг — джунар. На красном поле с пятью узкими вертикальными линиями — золотые весы. Щит окаймлен золотыми пчелами.

Ганза — дрогмор. На темно-синем фоне — красная ладонь.

КОРОНЫ ВИГЛАФСКОГО КОВЕНАНТА

Лоран — корона закрытая. Обруч шириной в два джайма[103] с изображением дубовых листьев. Шестнадцать зубцов в виде шипов, отклоненных на 45° наружу от вертикальной оси обруча. У основания каждого — рубин, ограниченный «розой». Закрыта остроконечным колпаком из синего бархата на золотом внешнем каркасе в виде 8 сходящихся дуг.

Харлан — обычная герцогская корона, но украшенная четырнадцатью ограниченными бриллиантами и закрытая решетчатым плетением в форме полу-

сферы.

Снольдер — корона закрытая. Два разомкнутых круга, каждый шириной в джайм, соединенных четырьмя перемычками. На перемычках — по рубину, ограненному в форме полусферы. В каждом секторе меж перемычками — по три бриллианта, ограненных «розой». Впереди, надо лбом, — золотое изображение кобры с раздутым капюшоном и бриллиантовыми глазами. Туловище кобры, изогнутое дугой выпуклостью вверх, закрывает корону, касаясь противоположного ее края, где вделан черный алмаз Бараини (неограненный, весом 480 квинтунов[104]). Зубцы отсутствуют.

Ронеро — корона открытая. Обруч шириной в два джайма, по которому проходят три пояса из накладных лилий, и в центре каждого цветка — рубин, ограненный полусферой. Восемь зубцов в виде равнобедренных треугольников, слегка отклоненных от вертикальной оси обруча.

Глан — корона открытая. Кольцо шириной в джайм, двенадцать зубцов (6 в виде цветков чертополоха, 6 — в виде трилистников клевера). В основании каждого зубца — рубин «ленточной» огранки. Впереди, надо лбом, — желтый алмаз Индари (неограненный, вес 300 квинтунов).

Горрот — корона закрытая. Обруч шириной в два джайма, по верхней и нижней кромкам проходят два накладных пояска, имеющих форму цепи с овальными звеньями. В центре каждого звена — рубин, ограненный в форме трехгранной пирамиды. Восемь прямоугольных зубцов. Закрыта двумя полукругиями-дугами, в точке пересечения которых — солнце, выточенное из черного опала.

Шаган — корона открытая. Обруч шириной в два джайма с семью зубцами в виде «ласточкина хвоста». У основания трех — ограненные рубины, у основания четырех — ограненные изумруды.

Сегур — корона открытая. Обруч шириной в два джайма с гравировкой в виде якорей и скрещенных весел. Семь зубцов в виде трезубца Руагату, у основания трезубцев — ограненные сапфиры.

ПРОЧИЕ КОРОНЫ

Корона Великого Магистра Святой Земли — открытая. Обруч шириной в джайм. Впереди, надо лбом, — крылатый диск с неограненным рубином в центре, на противоположной стороне — крест Единого Творца. Зубцы отсутствуют.

Балонг. Избираемый на три года Старшина Патрициев Круглой Башни носит корону в виде обруча шириной в два джайма с семью зубцами, повторяющими формой Круглую Башню.

Все короны изготовлены из чистого золота, не считая короны Великого Магистра — она из железа.

ДВОРЯНСКИЕ КОРОНЫ И ТИТУЛЫ

Дворяне Вишпафского Ковенанта и Пограничья носят следующие титулы:

1. Принцы короны.
2. Принцы крови.
3. Герцог.
4. Князь.
5. Граф.
6. Барон.
7. Маркиз.

Принцы и принцессы короны — потомки правящего монарха. Они носят корону в виде обруча шириной в джайм, закрытого двумя полукружьями-дугами, в точке пересечения которых — миниатюрное подобие королевской короны.

Принцы и принцессы крови — потомки братьев и сестер правящего монарха. Носят корону, повторяющую герцогскую, но закрытую полукружием-дугой с миниатюрным подобием государственного герба.

Герцогская корона — обруч с семью прямоугольными зубцами, перемежаемыми семью дубовыми листьями.

Княжеская корона — обруч с семью прямоугольными зубцами, перемежаемыми семью земляничными листьями.

Графская корона — обруч с четырнадцатью шариками.

Баронская корона — обруч с семью треугольными зубцами, перемежаемыми семью шариками.

Корона маркиза — обруч с семью полукруглыми зубцами, и в центре каждого — прорезь в форме дуарата.

Короны титулованных дворян, имеющих права Вольных Ярлов, украшены рубинами (в 3711 г. Х. Э. Виглафский Ковенант лишил владельцев Вольных Маноров, в том числе и королей, прав Вольных Ярлов, сохранив таковые лишь за ярлами Пограничья, но и для последних введены ограничения по количеству лиц, коих ярлы вольны в течение года возвести в дворянство).

При посещении титулованным дворянином королевского дворца, а также в дни некоторых торжеств следует непременно быть в приличествующей титулу короне. В обычные же дни можно ограничиться золотой цепью, золотыми шпорами и перстнем с миниатюрным подобием короны.

Дворяне, дабы отличить свое положение, носят золотую цепь установленного образца и золотые шпоры.

Гланские обычаи несколько отличаются от иных, там существует своя система, признанная Виглафским Ковенантом:

1. Гланфорт (нетитулованный дворянин) носит золотую цепь и золотые шпоры.

2. Глэв (соответствует маркизу, барону или графу) — золотые шпоры и золотую цепь с семью подвесками в виде цветов чертополоха.

3. Глэрд (соответствует князю или герцогу) — золотые шпоры, золотую цепь с медальоном, на коем изображена медвежья голова.

В Балонге дворянства нет, но для знатнейших и богатейших граждан существуют титулы нобилия и патриция. Нобиль носит на груди золотой медальон с гравировкой в виде весов, окруженных пчелами, стоящий выше нобилия патриций — золотую пектораль с такой же гравировкой и жезл, увенчанный миниатюрным подобием Круглой Башни. Семеро Патрициев Круглой Башни, правящие Балонгом, обязаны во всякое время появляться на публике в алом плаще, затканном золотыми пчелами, и синей шапочке-митре, с четырех сторон украшенной золотыми изображениями Круглой Башни; при сем они опираются на посох с навершием в виде государственного герба. (Всякие попытки Балонга добиться приравнения нобилей и патрициев к дворянам неизменно отклонялись Ковенантом.)

О правилах, заведенных в Святой Земле, более полное представление даст соответствующий фрагмент из книги реверена Гонзака.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О РЕВЕРЕНЕ ГОНЗАКЕ

Реверен[105] Гонзак (3627 Х. Э. — ?) — скрибанос, служивший при Царской библиотеке в Астрее (Гиперборея, Сильвана). В 3668 г. Х. Э. прибыл на Талар. В период с 3668-го по 3679-й работал в библиотеках разных стран, жил в Лоране, Снольдере, Ронеро, побывал в Пограничье, Иллюзоре, Глане, Балонге, пяти из Вольных Маноров, совершил три морских путешествия. Некоторые историки считают его шпионом царя Гипербореи, но люди из таларских тайных служб никогда не высказывали своего отношения к этой версии. Необходимо учитывать, что порой крайне трудно провести границу меж профессиональным разведчиком и любознательным путешественником из дальних стран, поскольку кропотливо собираемая первым информация частенько попадает на тот же стол, что и ученые записки второго (о чем второй ничего не подозревает). Как бы то ни было, в Равене трудами Коллегии Ремиденума в 3681 г. Х. Э. вышла в свет книга Гонзака «Трижды семь писем скромного книжника Гонзака на Сильвану, другу своему Чей Чедогону о таларских делах, обычаях и установлениях». Вопреки заглавию, писем в книге всего шестнадцать. Гонзак пропал без вести в промежутке меж 36 Северуса 3679 г. и 14 Датуша 3680 г. Его следы теряются в полуночных провинциях Ронеро, малонаселенных и пользующихся дурной славой «диковатых мест». Не исключено, что сильванский скрибанос, человек отнюдь не бедный, любивший жить и путешествовать с комфортом, стал жертвой разбойников или Волчьих Голов. Известно также, что Гонзак намеревался предпринять экспедицию в Хелльстад, для чего, быть может, и отправился в те места, где оборвался его след.

Книга Гонзака, пусть и незавершенная, помимо многих интересных наблюдений, представляет собой еще и своеобразную краткую энциклопедию, дающую постороннему читателю неплохое представление о таларском укладе жизни. Благодаря чему она и была в 4998 г. Н. Г. включена Императорской Коллегией Просвещения в список учебных пособий для благородных ларов по теме «Современный Талар». Выпущена в компьютерном и типографском вариантах.

О ТИТУЛАХ, СОСЛОВИЯХ И МНОГОМ ДРУГОМ

Письмо третье, реверена Гонзака

Рассказ об устройении общества, друг мой Чей Чедогон, я начну с королей, чему ты вряд ли удивишься, ибо, когда нам случится озирать гору, взгляд наш непременно падет прежде всего на вершину, а уж оттуда странствовать будет к земле.

Короли таларские — воистину самовластные владыки, что отражено и в тамошних законах, гласящих, что монарх пребывает превыше закона, сам же, буде возникнет такая надобность (или, увы, каприз, как нам известно о венценосцах двух планет), может решать многие дела не по писанным законам, а исключительно по своей воле. Должен тут же оговориться, что самовластье это, кажущееся всеобъемлющим, ограничено иными древними традициями. Есть права дворян, и сословий, и гильдий, и даже крестьян, на кои посягать и король не волен. Однако ж за пределами сих ограничений открывается весьма обширная область для самодержавного произвола, и подданным остается лишь уповать, что восседающий на троне монарх наделен достаточным умом и здравомыслием, дабы не ущемлять народ свой без меры.

Как и в нашем отечестве, дворяне здесь первенствуют над всеми иными.

Нельзя стать офицером, ни сухопутным, ни морским, если ты не дворянин. И высшие пять гражданских чинов доступны одним лишь дворянам, и землю с крестьянами могут владеть одни дворяне, и ордена иные жалуются одним дворянам. Им одним дозволено строить в домах балконы и иметь в окнах витражи.

Следом идут так называемые Семь Высоких Сословий.

Сословие Чернильницы объединяет судейских, адвокатов и чиновничество с первого гражданского чина по двенадцатый. Отличительным знаком оно служит серебряный пояс с серебряной же чернильницей установленного образца. Образцы таковые в разных государствах разные, а у чиновников есть еще и мундиры, в каждом ведомстве свои, и каждый гражданский чин имеет свои отличия, подобно тому, как это обстоит с воинскими чинами.

Сословие Храма составляют разных богов служители, коих отличают одеяния и атрибуты, единые для всего Талара, независимо от страны (о Святой Земле поговорим подробнее в другой раз).

Сословие Мер и Весов образуют купцы, банкиры и ювелиры, причем не всякие купцы, а лишь те, что имеют капиталы не ниже определенного предела. Отличительным знаком сего Сословия служит серебряный пояс с замшевым кошельком особого вида.

Сословие Циркуля — это инженеры и архитекторы, коих отличает короткий плащ особого фасона, скрепленный у горла серебряной цепочкой, крепящейся двумя серебряными же бляхами с изображением циркуля.

Сословие Совы — это ученые, книжники, книготорговцы и учителя. Они носят плащ особого фасона с пелериной, где цепочку крепят две серебряные бляхи с изображением книги и пера, а также круглый берет с серебряным изображением совы. В разных государствах цвет оно наряда бывает разным. Живи мы на Таларе, друг Чедогон, в таком наряде и щеголяли бы, что, впрочем, не лучше и не хуже наших с тобой шапочек реверенов, украшенных жемчужинами, да плащей и посохов.

Сословие Свободных Искусств (художники, музыканты, скульпторы и актеры) знаком своим имеет серебряную цепь с серебряной же бляхой, на коей изящно выгравирована мифологическая птица Сири́н, издавна почитаемая символом творческого вдохновения. И не всякие актеры состоят в сем Сословии, а лишь те, что происходят из семей потомственных актеров театров, имеющих статус королевских. А прочие же актеры именуются пренебрежительно фиглярами, и место им отведено в одной из последних гильдий, о чем напишу ниже.

Сословие Чаши и Ланцета составляют медики и аптекари. Знаком им служит длинная мантия особого фасона, черная шапочка, украшенная серебряной бляхой с изображением обвивающей чашу змеи, а также своеобразного вида кожаная сумка, служащая также и практическим целям, ибо в ней носят снадобья, инструменты и прочее, потребное в работе.

Сословия эти обладают правом на покупку земли, но крестьяне во владение им не положены. В виде особой милости, случается, король жалует кому-либо право в течение определенного срока получать доход с того или иного коронного имения, и срок этот редко превышает год. Понятно, есть имения крайне прибыльные, а есть и скудные, что при оказании монаршей милости непременно и учитывается. Те, кто входит в Сословия, имеют право носить зо-

лотые украшения без ограничения количества, но без драгоценных камней — разве что король пожалует кому перстень с драгоценным камнем. Равным образом их столовая утварь из драгоценных металлов может быть украшена самоцветами лишь с соизволения короля.

Здесь стоит добавить, что согласно незыблемым законам природы, применимым и к жизни человеческого общества, недостаток чего-либо немедленно восполняется за счет иного качества — подобно тому, как слепые обладают невероятно тонким слухом, а горбуны бывают необыкновенно сильны. Вот и выходит — Сословия восполняют отсутствие драгоценных камней искусством выделки, а потому украшения их и утварь порой превосходят дворянские изощренностью выработки и мастерством украшения.

Дворяне поступают на службу во множестве, ибо на Таларе повсюду действует закон первородства, согласно коему все сыновья имеют право на дворянское звание или титул, а вот имение движимое и недвижимое достается в целостности самому старшему (или дочери, если нет потомков мужского пола). Прочие же сыновья, получив малое денежное вспомоществование, вынуждены искать службы за жалованье либо по талантам своим искать себе места в одном из Сословий. Предпочтительнее всего военная служба, а также и полицейская, но непременно на должностях, приравненных к офицерским. Кроме военной службы, для дворян, по традиции, более всего предпочтительны занятия, входящие в компетенцию Сословий Чернильницы и Совы, а также Циркуля (но в областях, относящихся к военному делу и мореплаванию). Не возбраняется и войти в иные Сословия, но дворянин, попавший в таковые, стоит в глазах общества несравненно ниже. Что до Сословия Мер и Весов, то дворянину зазорно заниматься торговлей либо банкирским делом. Промыслы, приличествующие дворянину, сводятся к четырем вещам: коневодству, виноторговле, изготовлению винных бутылок, морским перевозкам на собственных судах и ювелирному делу. Дворянин имеет право устраивать в своих землях заводы, но при строгом условии: заводы эти должны работать непременно на сырье, производимом в своих же поместьях, а если сырья этого нет, то и заводы устраивать нельзя. Дворянин еще обладает правом на речные перевозки на собственных судах — но опять-таки при строгом условии, что перевозит произведенное в собственных поместьях или закупленное для нужд такового. Все эти установления заведены в свое время весьма умными людьми, ибо служат к выгоде общества и бесперебойной работе государственного механизма. Гильдии таларские имеют следующий вид:

1. Оружейники (цехи: Доспешных дел мастеров, Мечных дел мастеров, Арбалетных дел мастеров, Копейных дел мастеров, Пушечных дел мастеров, Ружейных дел мастеров, Ракетных дел мастеров, Пороховых дел мастеров).

2. Мастера тонких работ (Ювелирные подмастерья, Мастера врачебного инструмента, Мастера счетных устройств, Оптики, Часовщики, Мастера утвари для ученых).

3. Похоронных дел мастера.

4. Приказчики торговые и банкирские.

5. Меховщики.

6. Мастера каменного строения (цехи: Домостроителей, Строителей и Подновителей мостов).

7. Мастера деревянного строения (цехи: Домостроителей, Строителей и Под-

новителей мостов).

8. Водопроводных дел мастера.

9. Фонарщики (цехи: Фонарщиков, Мастеров фейерверка, Мастеров домашних светильников из металлов).

10. Стеклодувы (цехи: Стеклодувов, Стеклодувы, Уличных фонарей, Домашних светильников из стекла, Витражных дел мастеров).

СЕРЕБРЯНЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Кораблестроители.

2. Моряки.

3. Речные матросы.

4. Мастера изящных работ (цехи: Изящной мебели, Благородной посуды, Благородных тканей).

5. Стражи порядка (сюда входят палачи, тюремная стража, полиция и ночные сторожа).

6. Содержатели псарен и псари.

7. Содержатели постоянных дворов и трактиров, игорных и танцевальных залов (сюда включены лишь те заведения, кои имеют высший разряд и предназначены для благородной публики — дворян и Сословий. А содержатели заведений рангом пониже включены в гильдию градских обывателей).

8. Гуртовщики.

9. Ремесленники по дереву (цехи: Столяров, Каретников, Тележников, Сундучников).

10. Парикмахеры (опять-таки те, кто обслуживает благородную публику. Прочие же именуются скопом цирюльниками).

БРОНЗОВЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Пожарные.

2. Кузнецы.

3. Ветеринары.

4. Почтари и телеграфисты.

5. Шляпники.

6. Садовники и огородники.

7. Горнорабочие.

8. Содержатели домашней птицы, мелкого скота, птицеловы и пчеловоды.

9. Посудных дел мастера (Гончары, Бочары).

10. Торговцы провизией и изготовители таковой (цехи: Мукомолов, Хлебопек, Виноделов, Пивоваров, Мясников, Зеленщиков, Бакалейщиков).

МЕДНЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Портные.

2. Сапожники и обувщики.

3. Печники.

4. Водолазы.

5. Извозный промысел.

6. Вольные слуги.

7. Повара.

8. Мостильщики улиц.

9. Кровельщики.

10. Градские обыватели (к сей гильдии приписаны представители многих ремесел, не вошедших в прочие).

ЖЕЛЕЗНЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Заводские мастеровые.
2. Мусорщики.
3. Мастера паровых машин.
4. Мастера воздушных шаров и планеров.
5. Маляры, фигляры, циркачи, газетиры.
6. Портовые рабочие.
7. Ткачи, шерстобиты и обойщики.
8. Нищие и проститутки.
9. Цирюльники.
10. Типографские мастеровые.

У каждой из гильдий есть залы для собраний, гильдейские знамена и праздники, отмечаемые в определенные дни, подчас с превеликой пышностью, когда речь идет о трех высших гильдейских разрядах. Золотые украшения дозволены лишь Золотым и Серебряным гильдиям, но одновременно можно носить не более одного, а во владении иметь неограниченное количество. Серебряные украшения дозволены Золотым, Серебряным и Бронзовым гильдиям — со схожими правилами ношения, не более двух одновременно. Медным же и Железным гильдиям запрещено строить для собственного проживания дома выше одного этажа, а также им не полагается держать в услужении слуг и служанок и запрягать в повозку более одной лошади (исключение составляют извозчики, но и то лишь в тех случаях, когда выезжают на свой промысел).

Легко понять, что система таковая имеет как свои достоинства (скажем, изощренное совершенство, ведущее к более спокойному и плавному течению жизни, равно как и устойчивости общественной пирамиды), так и недостатки. Недостатком, безусловно, следует посчитать то, что человек, будь он талантлив и многообещающ несказанно, не получит хода в ту область, где мог бы принести не в пример большую пользу (а область таковая, не пополняемая притоком свежих сил, неминуемо придет в упадок). Мысли такие, несомненно, посетили в старые времена кого-то из власть предержащих — ибо в каждой державе есть министерство, ведающее Сословиями и гильдиями, в обязанность коего входит устройство экзаменов и иных испытаний, служащих для пополнения гильдий и Сословий новыми членами, достойными сего. Правда, из этого еще не следует, что каждый, кто достоин занять место ступенькою выше, на ступеньку эту поднимется, — увы, слишком часто мы в этой жизни видим примеры обратного, и ни одни писанные правила, сколь бы мудро они ни были составлены, не обеспечат каждому место, его достойное. В особенности если вспомнить о корыстолюбии одних и изворотливости других и предположить, что в иных случаях презренный металл быстрее и успешнее позволит подняться вверх, нежели таланты и способности...

Добавлю еще, что каждый приписанный к гильдии с того момента, как начнет трудиться если не мастером, то подмастерьем, повинен постоянно носить на груди гильдейский знак. Бляха эта очертаниями повторяет гербовый щит государства, разделена на две части, и в верхней помещен герб города (если город гербовый) либо герб короля (если город коронный) а в нижней — эмблема данной гильдии. Кроме того, знак снабжен отличиями, наглядно сообщающими окружающим, к какому из пяти гильдейских разрядов его владе-

лец принадлежит.

Жены же членов гильдии носят уменьшенное подобие сего знака на груди, на цепочке. Если женщина не супруга чья-то, а сама есть мастер некоего ремесла (скажем, кондитерша, повариха либо содержательница таверны), то знак она носит на груди, как мужчины.

Есть у разных гильдейских разрядов и правила ношения одежды (запрещающие иным гильдиям иные ткани, признанные чрезмерно для них роскошными), но обширная сия тема требует отдельного письма.

И завершу рассказом о крестьянстве. Оно делится на крестьян сеньоров, крестьян короны и фригольдеров. Первые обитают во владениях дворян, вторые — в землях, числящихся королевскими доменами. Есть у них свои права, нельзя их убивать, пытаться членовредительно и отнимать нажитое, но переходить к другим хозяевам они не вправе. Была у них некогда такая привилегия, но давно отнята, и не скажу, чтобы крестьяне смирились с этим окончательно, иначе не бунтовали бы порой. Фригольдеры же имеют статус вольных, за каковой, легко догадаться, держатся паче жизни.

Фригольдеры повинны носить на шапке оловянный медальон с изображением пшеничного колоса. У крестьян короны таковой снабжен еще короной, а у крестьян сеньоров — гербом хозяина.

Нужно упомянуть, что законы жестоко карают за присвоение человеком отличительных знаков, на которые он не имеет права, пусть даже это совершено шутки ради. А если он пошел на это ради получения выгод, то наказание еще тяжелее. Как ни странно покажется, но наказание, пусть не столь суровое, ждет и того, кто выдает себя за особу, стоящую на общественной лестнице ниже, чем это есть в действительности. Впрочем, в таковых порядках, если призадуматься, есть здравый смысл — человек, добровольно спустившийся ниже, чем его поставила судьба, попросту глуп, если только это не служитель божий, взыскующий аскетизма, или юный влюбленный, не нашедший других путей, дабы видаться со своей возлюбленной.

В чем-то, похоже, стройная система гильдий не критически следует закостенелым традициям. Так, заводские мастеровые и мастеровые паровых машин — люди изрядно образованные и умелые, и Железная гильдия для них, многие соглашались, чересчур уж низка. Но представители молодых ремесел, увы, явились, когда лучшие места были уже заняты. В том-то и суть, что против повышения статуса вышепоименованных возражают в первую очередь сами высшие гильдии, ссылаясь на тысячелетний уклад жизни. Не вижу в том ничего удивительного, ибо давно ведомо, что люди сплошь и рядом питают к ближнему своему даже более сильную неприязнь, ревность и зависть, нежели к высшим. Высшее далеко, и завидовать им нелепо, ибо не всегда и представляешь толком, чему именно из жизни высших завидуешь, ибо не осведомлен о таковой в должной мере. Ближний же — рядом, на глазах, и негоже позволять ему превзойти тебя, особенно если знаешь в глубине души, что он такого превосходства заслуживает... Несовершенен человек, друг мой Чедогон, и не нам изменить природу его...

О КУПЕЧЕСКОМ СОЮЗЕ, ИМЕНУЕМОМ ГАНЗА

Выдержки из шестого письма реверена Гонзака

Расскажу теперь, друг Чедогон, как выглядит на Таларе Ганза, чьих купцов нам доводилось встречать и на Сильване.

В противоположность Балонгу, своему извечному сопернику, Ганза не составляет государства в привычном понимании сего слова. Ганза есть союз ста одиннадцати городов, расположенных как на Харуме, так и на значимых морских островах, причем все без исключения города эти помешаются на берегах, морских и речных. А произошло так оттого, что Ганза возникла в древние времена, когда из-за слабости тронов, непрерывных войн на суше и разгула пиратов на водах торговое плавание что по морям, что по рекам было занятием крайне рискованным, и единственной защитой тут был собственный меч. Так и сложился союз купцов-корабельщиков, к вящей своей выгоде и безопасности неустанно укреплявших флот свой и города. И поскольку цели Ганзы были несложными, ясными и четкими, а укрепление государств — процессом не в пример более долгим, путаным и хаотичным, означенная Ганза, пусть и лишившаяся с бегом столетий прежней вовсе уж невиданной мощи, остается все же сильной. Есть у них торговый флот, есть военный, даже с пароходами, а города их изрядно укреплены и располагают сильными гарнизонами. И не подчиняются они законам того государства, где расположены, — не совершая, со своей стороны, ничего такого, что шло бы вразрез с законами «прилегающей державы» (как любят выражаться ганзейцы, коим похвальба и честолюбие свойственны в той же степени, что и всем прочим). А если какой король, что случается даже теперь, посягнет на лежащий в пределах его державы город Ганзы, то все прочие ганзейские города, объявив тревогу, идут на выручку, и сила их такова, что объявленная ими какой державе война способна державу сию не на шутку озаботить. А общего сговора всех королей и владык против Ганзы ждать не приходится — ибо не случалось еще в истории, да и не случится, мне думается, чтобы все без исключения монархи пришли к полному согласию касаясь столь сложного вопроса. Столь сердечного согласия удастся достигнуть лишь в делах более простых, да еще направленных против слабейшего, — как это было с Сандоварским Уложением.[106] Так что Ганзой за последние семьсот лет утрачено лишь четыре города (не включая в это число тех, что оставлены самими ганзейцами под натиском Глаз Сатаны).

Промышляют ганзейцы главным образом торговлей и перевозкой товаров. Занимаются они и банкирским делом, но таковое почти повсеместно в руках Балонга, и успехи Ганзы на сем поприще ничтожны (что ее, говорят, злит). Словия и гильдии у них те же, что и у большинства держав, хотя число гильдий и составляету ганзейцев не пятьдесят, а сорок восемь, нет в Ганзе ни гуртовщиков, ни мастеров воздушных шаров и планеров — одиночным городам-государствам, стесненным по территории, сии ремесла ни к чему, равно как и телеграфисты. Кроме того, иные гильдии вроде корабельщиков и моряков с речными матросами стоят выше, чем в других державах, а иные — не в пример ниже. Крестьяне есть при сорока шести городах, и все они фригольдеры. А дворянства своего не имеется. Те из ронинов[107] (а таких немало), кто поступает на службу Ганзе, не располагают в ее городах теми привилегиями, что имеют дворяне других держав, зато пользуются всеми правами вольного ганзейца, а это им обеспечивает известное благополучие и защиту. Нужно еще добавить, что преступлений в ганзейских городах не в пример меньше из-за малого притока посторонних. В этом отношении города Ганзы, даже крупные, схожи с деревнями, живущими патриархально, размеренно и замкнуто. Что, впрочем, не означает идиллии, ибо природа человеческая несо-

вершенна.

Единогo правителя у них нет, но раз в год собирается Ганзейская Палата из представителей всех городов для обсуждения накопившихся проблем и решения дел, буде таковые возникнут. Палата эта назначает в каждый союз (ганзейские города на континенте, числом 89, делятся на семнадцать союзов, а остальные, что разбросаны на островах, приравниваются к союзу каждый) Легата Палаты, и означенные Легаты по иным своим обязанностям и должностным функциям выполняют роль правителей.

Относительно ганзейского герба ходит старинная легенда — что-де во времена оны некий богатый судовладелец, готовясь перейти в иной мир, завещал корабль свой тому из сыновей, кто, обойдя в шлюпочном состязании остальных, первым коснется рукой палубы. И один из сыновей якобы, видя, что победа от него ускользает, отсек себе руку и кинул ее на палубу, соблюдя тем самым букву уговора. Иные сказке этой верят, но я подобную слышал частенько и на Таларе, и на Сильване, причем речь шла о иных купцах, не ганзейских. И потому подозреваю, что имеем мы дело с бродячим сюжетом, переходящим от народа к народу.

Вот и все, пожалуй, о Ганзе.

О ЗАГАДОЧНОЙ И ПОРАЗИТЕЛЬНОЙ СТРАНЕ ИЛЛЮЗОР

Письмо седьмое реверена Гонзака

Приступая к рассказу о преудивительном крае Иллюзор, опасаясь, друг мой Чедогон, что ты можешь не поверить, хоть и знаешь прекрасно, что не в моем обычае предаваться шуткам и розыгрышам, когда речь идет о накоплении знаний об окружающем нас мире. И все же места, коим тысячи лет назад кто-то мудрый присвоил удивительно точное название Иллюзор, до того поразительны, что окончательно поверить в их существование можно, лишь повидав собственными глазами. Я и сам, каюсь, считал рассказы преувеличенными, проистекающими из присущей иным странникам манеры сваливать в одну кучу и собственные наблюдения, и пересказы из третьих уст, и упражнения шутников, — мы с тобой и сами, будучи юными студентами, находили порой забавы в том, чтобы угощать наивных чужеземцев байками о чудесах и диковинах, рожденными за кувшином черного пенистого... Иные из этих наших придумок попали и на страницы серьезных книг, за что мне потом было стыдно. Но с Иллюзором все обстоит иначе. Он существует, именно такой — к непреходящей головной боли ученых книжников, перерастающей порой в уныние и тупое изумление многообразию и изощренности загадок, подсунутых нам то ли добрыми духами, то ли злыми, то ли лишенными разума и души силами природы...

Представь, друг мой, что едешь ты верхом по стране, прямо-таки брызжущей жизнью. В лесах рыскают дикие звери, олени и кабаны, на лугах пасутся стада, за плугом ходят пахари, по большим дорогам движется нескончаемый поток путников, обгоняя тебя и спеша навстречу, — тут и пешие, и конные, и повозки купцов, и блестящие дворянские кавалькады, и воинские отряды. Проезжаешь ты городами и деревнями, где кипит жизнь во всем ее многообразии и блеске, и обитатели заняты когда каждодневными своими делами, когда торжествами и праздниками.

Таким предстает перед путником Иллюзор. Но очень скоро ты заметишь, что все окружающее немо — ни единый звук, кроме топота твоего коня и звя-

канья уздечки, не нарушает всеохватывающей жуткой тишины. И если пойдешь ты прямо на встречного, пройдешь сквозь, не встретив на пути ничего, кроме пустого воздуха. Ибо все, что ты видишь, и все, кого ты видишь, — суть иллюзия. Не замечают они тебя, не видят, живя своей странной, иллюзорной, несуществующей жизнью. Люди, искушенные в познании, а также причастные к магии и ведовству, уверяли меня, что с призраками и иной нечистью бесплотные обитатели Иллюзора ничего общего не имеют. Скорее уж это запечатленные неведомым путем изображения, никому не делающие дурного и слепые ко всякой попытке установить с ними общение. Истина эта подтверждена за тысячелетия, ибо Иллюзор существовал уже в дописьменные времена, последовавшие за Штурмом.

Надобно сказать, что иные строения Иллюзора существуют реально, точнее, остатки таковых — где фундаменты, где стена, где целое почти здание, особо прочно возведенное некогда неведомыми строителями. Но определить это можно лишь на ощупь — ведь всякий дом, амбар или мост взору твоему представляется совершенно целехоньким, будто вчера законченной постройкою. (Правда, там и сям валяются истлевшие доски и груды рухнувшего камня, так что дома предстают одновременно и в виде развалин, и в первозданном своем виде, и зрелище, признаюсь, экстраординарное.) Равно же, если повезет, можешь отыскать и утварь, а то и драгоценности — но немного, потому что лихие кладоискатели за пять тысячелетий постарались изрядно. А подчас отыщется и книга, достаточно сохранившаяся. Но читать тех книг не может никто — написаны они на непонятном языке неизвестными буквами. А храмы их, где бесплотные обитатели Иллюзора поклоняются богам, нам непонятны, и боги такие неизвестны.

Поскольку находимые там предметы выглядят именно так, как и должны смотреться пролежавшие тысячелетия вещи, в иллюзорном своем состоянии представляющие новехонькими, поскольку налицо развалины, легко понять, что Иллюзор есть тень минувшего, отображение существовавшей в неизвестные времена страны, где впоследствии все живое сгнуло неведомо куда (ибо нет там множества скелетов), а неживое понемногу ветшало. Вот только никто не знает, что это была за страна, что за бедствия на нее обрушились и какие причины вызвали нынешнее, столь диковинное и поразительное, состояние дел. Объяснений за тысячелетия накопилось множество, есть и пространные, изложенные весьма ученым языком, да вот беда — во-первых, каждое из них всем прочим противоречит, а во-вторых, ни единое проверить невозможно.

Опасностей Иллюзор не содержит почти никаких. Забредет иногда из других мест настоящий зверь, но редко — звери не любят Иллюзора. Кое-где, рассказывают, обитает нечисть, по всем признакам, укрывшаяся в Иллюзоре, дабы избежать преследований, коим нечистую силу успешно подвергают в иных уголках Талара. Бывает и разбойный народ, пересидевшая погоню и укрывая клады, ибо лучшего укрытия и не придумаешь. Заходят сюда и книжники, ищущие истины, и просто любопытные, кому средства позволяют снарядить экспедицию.

А постоянно никто из живых тут не селится, разве что беглые крестьяне, коим податься уж вовсе некуда. Первоначально я, не освоившись, удивился было, отчего окрестные владельцы не воспользовались столь легкой и удобной возможностью расширить свои рубежи, однако ж, проведя в Иллюзоре

две недели, принужден был признать правоту моих проводников, толковавших допрежь, что жить здесь «тягостно». Поистине так. С каждым днем, проведенным среди немых теней Иллюзора, нарастает в душе тягостное ощущение то ли тоски, то ли тревоги. Возможно, ты его сам себе внушаешь, возможно, так дразнит твои чувства диковинность окружающего, да только оттого не легче. К вечеру пятнадцатого дня не выдержал я и велел поворачивать коней к границам Вольных Маноров, хоть многое, достойное внимания, следовало бы еще осмотреть, и немало любопытного осталось неизученным. Злясь на себя, досадуя, но не в силах превозмочь незримое тягостное давление, ехал я прочь во главе своего повеселевшего отряда...

Словом, Иллюзор необитаем. Лишь в полуночных его областях, где простираются прилегающие к морю обширные степи, что ни год появляются снольдерские и ронерские гуртовщики, пригоняя на летние выпасы рогатую скотину, ибо пастбища там богатейшие, хоть реальные травы и мешаются там с иллюзорными. Лошади, животные умные, тонко чувствующие и наделенные повышенной восприимчивостью ко всему необычному, а также имеющему отношение к потусторонним силам, тех пастбищ не любят, постигнув в меру разумения диковинность Иллюзора. Бык же, тварь тупая, виденным не тяготится, и странность иллюзорских пастбищ его не заботит — знай жрет, нагуливая тушу и покрывая степи диковинного края навозом.

На сей низменной ноте я, пожалуй, и закончу, ибо нечего более добавить к описанию странностей Иллюзора.

О КРАЕ, ИМЕНУЕМОМ СВЯТОЙ ЗЕМЛЕЙ

Выдержки из восьмого письма реверена Гонзака

Святая Земля, повествуют, была некогда обычным королевством, где уклад жизни ничем не отличался от налаженного в других державах. Но четыреста с лишним лет назад, когда страна, сотрясаемая многими невзгодами, от засухи до баронских бунтов, находилась в крайне расстроенном состоянии, некий священник по имени отец Патаран, служитель столичного храма Единого Творца, человек незаурядный, наделенный и красноречием, и умением доходчиво излагать толпе свои мысли, встал во главе движения, нареченного «Братством Совершенных», к которому примыкали не одни лишь простолюдины, но и немалое число гильдейских, членов Сословий, дворян, в том числе и титулованных. Братство это, проповедовавшее борьбу против всяческой несправедности и греховности путем отказа от мирской роскоши и разномыслия, в короткое время снискало себе изрядное множество сторонников — ибо во времена потрясений и бед, как мы не единожды имели случай убедиться, нетрудно возбудить в обществе ярость и жажду действия, в особенности если четко обозначить виновных и обещать, что с незамедлительным устранением таких жизнь наладится быстро...

Из всего этого возникла великая смута, принявшая характер большой войны сторонников короля против приверженцев Братства, причем в обоих лагерях хватало и титулованных дворян, и самого подлого люда, ибо раскол прошел не меж Сословиями, а внутри самих Сословий, не миновав ни одного. Продлившись с переменным успехом около полутора лет, война эта привела к гибели королевской фамилии, большим людским жертвам. Немалое число городов было разгромлено и сожжено. Победа Братства вынесла на опустевший трон отца Патарана, и новоявленный правитель немедленно приступил к преоб-

разованиям, проходившим быстро и энергично благодаря поддержке закаленной в боях армии. Вот и получилось, что на волне успеха отец Патаран произвел изменения столь всеохватные и решительные, что в иные, мирные времена для таковых потребовалось бы не одно десятилетие (а посему и жертв, как расставшихся с жизнью, так и принужденных бежать в изгнание, нашлось преизрядно).

Ныне Святая Земля управляется Великим Магистром, происходящим от потомков отца Патарана (он, вопреки канонам, безбрачия не соблюдал). И жизнь сего государства всецело посвящена, как заявляется, служению Единому Творцу и подготовке воинских сил, способных выйти против сатанинских полчищ. Это напоминает мне орден монахов-воинов из Гурганского царства, на родной нашей Сильване находящегося, но по обширности территории и многолюдству народонаселения Святая Земля многократно превосходит владения ордена. Прежнее деление на дворянство, Сословия и гильдии давно уничтожено. Есть там Божьи Дворяне — они начальствуют над полками, а землями с крестьянами не владеют, являясь лишь управителями. Есть Божьи Книжники, занятые богословием, есть Божьи Инженеры, Божьи Купцы, Божьи Ремесленники и Божьи Мореходы, суть занятий коих ясна из одних названий сих людских общностей. Есть также Братья Монахи, коих немало, и часть их организована в воинские полки, должным образом вооруженные и вышколенные. Ну а Крестьяне Божьи, как легко уразуметь, пашут и сеют. Изящные искусства там, слышно, не в чести, как и почитаемая преступлением роскошь, а храмы всех иных богов, кроме Единого, давно порушены. И нет там ни наград, ни гильдейского деления, ни сословного, ни титулов, ни сеньоров. Иными словами, по рассказам бывавших в Святой Земле путешественников, жизнь там по сравнению с иными краями не в пример аскетичнее и бесцветнее. Разное говорят о заведенных в Святой Земле порядках, кто одобряет их, кто не принимает. Я же остаюсь верным старой привычке писать только о том, что видел собственными глазами или по крайней мере изучил вдумчиво по множеству книг, представляющих противоположные точки зрения. Памятую к тому же, что правом выносить окончательные суждения наделена лишь сама История. Пока же у меня недостаточно знаний о Святой Земле, в чем не стыжусь признаться, и от суждений воздержусь до путешествия туда, каковое твердо намерен предпринять в ближайшие годы.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О ВОЕННОМ ДЕЛЕ

Выдержки из одиннадцатого письма реверена Гонзака

Армии на Таларе не собираются от случая к случаю ради той или иной кампании, а постоянны. Содержатся они на долю доходов от королевских имений, а также на долю от налогов, взимаемых со всех, и с дворян в том числе. Армии Виглафского Ковенанта устроены все на единый образец и состоят из гвардии, «безымянных полков» и легионов. Гвардия, пешая и конная, набирается частью из ронинов, частью из горожан. Есть полки, состоящие целиком из дворян, хоть число таких полков и невелико. Гвардейские полки именуются по цвету мундиров и по роду войск — например, ронерские Синие Мушкетеры или горротские Черные Драгуны. Знамена у них четырехугольной формы, и древки их увенчаны позолоченным орлом, именуемым «акилла». Понятно, что офицеры гвардейских полков происходят из знатнейших дворян, большей частью титулованных, а солдаты получают повышенное жалованье как день-

гами, так и в иной форме.

Следом идут «безымянные полки», конные и пешие, артиллерийские, ракетные и саперные. Набираются они из горожан и фригольдеров, хотя попадают там и ронины. Полки эти именуются номерами и по роду войск — например, «пятый кирасирский» или «десятый пикинерский». Вместо знамен у них вексиллумы. Вексиллум есть древко с поперечной перекладиной, прикрепленной пониже вершины, — а уж на этой перекладине и подвешивается полотнище, четырехугольное чаще всего, иногда с бахромой, иногда с кистями. Древко вексиллума увенчано посеребренным акиллой. Служба в сих полках далеко не так почетна, как в гвардейских.

И, наконец, легионы. Эти набираются, что конные, что пешие, из крестьян короны либо сеньоров, именуются также номерами и по роду войск, и офицеры тамошние почитаются ниже всех других. Вместо знамен у них «копье» — древко, увенчанное посеребренным изображением государственного герба и небольшой перекладиной, короче, чем на вексиллумах, с коей свисают ленты определенного цвета.

На службе у каждого короля есть отряды Вольных Топоров, однако таковые используются главным образом на морских островах либо в мелких стычках на границе, когда война по всем правилам не объявляется, а бои тем не менее идут. Впрочем, порой им и в больших войнах доводится участвовать. В офицеры к ним армейские чины идут неохотно, ибо Вольные Топоры, иными спесивцами почитаемые даже ниже легионов, сами о себе весьма высокого мнения. Народ это своенравный, и не всякий офицер с ними уживется.

Есть еще королевская гвардия, почитаемая личной дружиной монарха, и подбору ее самим королем уделяется особое внимание, причем обычные правила в счет как бы и не идут, потому что полки эти — все равно что меч короля, охраняющий его персону и фамилию. По древней традиции (нам на Сильване прекрасно знакомой исстари) королевскую гвардию предпочитают набирать из иноземцев, гланцев в первую очередь, кои славятся высокой боевой выучкой и особенной верностью присяге. Земля в Глане скудна, многие ищут пропитания за его пределами, выбирая в первую очередь военную стезю, как наиболее приличествующую гланскому горцу. Случается еще, что в королевскую гвардию берут крестьян без различия их принадлежности, отдавая предпочтение как раз уроженцам самых глухих и отдаленных провинций — они по неразвитости своей чтят короля как сверхъестественное поистине существо, а в городах не имеют ни корней, ни знакомых, ни родни. Королевская гвардия превосходно обучена бою на улицах, защите зданий и штурму таких — всему, для чего она в первую очередь и предназначена. Помимо того, учат еще рукопашному бою, владению неуставным оружием, обращению с караульными собаками, стрельбе из арбалетов и мушкетов со зрительными трубками, именуемыми оптическими прицелами, а также, несомненно, и другим хитрым воинским искусствам, о которых широкой публике не разглашается. Служба офицером в королевской гвардии, пусть даже в таком полку, что составлен из темных провинциалов (коих долго учат различать правые и левые конечности, привязывая к оним при муштровке то сено и солому, то, ради пущего поощрения, колбасу и рыбу, кои солдат получает для съедения, как только перестанет путаться), — одна из почетнейших, и многие ее добиваются. Однако отбор туда строжайший — ведь немало в истории случаев, когда

король становился жертвой гвардейцев, направляемых узурпаторами. Одним словом, друг мой Чедогон, все, что касается таларской королевской гвардии, мы исстари наблюдаем на Сильване, только что под другими названиями: есть области, где мышление венценосных особ движется совершенно схожими путями, какую державу или планету ни возьми...

Вернемся к армии. Что полком, что легионом командует офицер в чине полковника. И полк, и легион, как правило, состоят из пяти рот (только в кавалерии рота именуется «ала»), и в каждой из этих рот от двухсот до трехсот человек, разделенных на десять платунгов. Ротой командует капитан, и в подчинении у него находятся три-пять лейтенантов и десяток сержантов, командующих по необходимости кто одним платунгом, кто несколькими, в зависимости от обстановки и боевой задачи. При каждом полку имеются: артиллерийская батарея, ракетная батарея (в пехотных еще и особая рота, устанавливающая при нужде рогатки для защиты от неприятельской кавалерии), обоз, походные мастерские, штаб под командой офицера, лекарский отряд, один-два платунга (конные, независимо от рода войск), служащие исключительно для охраны штаба, ибо там много тайных бумаг, ценных для противника. А еще — полицейская команда и особое подразделение, именуемое «волчья сотня», — там собраны головорезы сметливые и дерзкие, способные и разведку провести, и заложить пороховую мину, и посеять панику в тылу противника, перехватывая его курьеров, громя обозы. Вопреки общепринятым правилам войны, «волчья сотня» частенько переодевается в мундиры противника, отчего ставит себя вне законов войны, и при поимке их вешают, как шпионов. Впрочем, в сии сотни набирается столь отчаянный народ, иногда прямо с каторги, что подобная бесчестная участь их не особенно и пугает.

Словом, все вышеупомянутые мною вспомогательные отряды каждого полка, пожалуй, не уступают в численности его пяти строевым ротам, также и «алам».

Артиллерийские полки и ракетные делятся на батареи и роты под командою лейтенантов и капитанов. Солдаты их грамотнее и развитее прочих, поскольку имеют дело со сложными устройствами, — то же и с саперами, обязанными уметь обращаться со сложными осадными машинами, закладывать мины и контрмины и выполнять иные нелегкие задания. В упомянутых полках также есть и свои штабы, и лекарские группы, и «волчьи сотни», и мастерские, и отряды воинского прикрытия.

У лейтенантов, капитанов и полковников с генералами чин обозначает золотое шитье на мундирах, а также обилие оного. Так уж сложилось, что знаками различия для лейтенантов стали повсеместно шитые лавровые ветви, для капитанов — тисовые, для полковников — виноградные листья, а для генералов — дубовые (по сему поводу один лейтенант, подвыпив, загадал мне загадку: «Что такое — дуб, и листья на нем золотые?» Оказалось, недалекий умом генерал). К чему в разных державах добавляются свои эмблемы разнообразного типа.[108]

Есть еще полки воздушные, оснащенные воздушными шарами и планерами. Первые, поднятые на привязи, служат для наблюдения за неприятелем, а со вторых, бывает, метают и гранаты в осажденную крепость или на позиции, и, хоть урон от таких атак обычно ничтожен, ущерб для боевого духа подвергнутых такому нападению велик. По этой причине повсеместная ненависть со-

проводила воздушные войска при их появлении, как это, рассказывают, было в старину с огнестрельным оружием при его начавшемся в войсках распространении. Ненависть эта достигала такого накала, что еще на памяти нынешнего поколения военных пленного летуна, будь он и дворянин, вешали совершенно как шпиона, если не подвергали худшей участи.

Специально созванная по сему поводу ассамблея Виглафского Ковенанта после долгих прений постановила такую практику недопустимой, и каждый монарх клялся королевской честью соблюдать законы войны по отношению к летунам, а нарушителей сего карать смертью. А король Снольдера, единственный, кто располагает летательными машинами под названием «самолет», понуждаемыми к летанию особыми механизмами (но ничуть не похожими на наши воздушные колесницы), набирает летунов из одних дворян и присваивает каждому офицерский чин, дабы полностью его обезопасить, — ведь убийство пленного офицера считается поступком недопустимейшим, и дворянство всех держав строго следит за соблюдением сего правила.

Флот таларский состоит из парусных кораблей, пароходов, а также судов, способных ходить и под парусом, и посредством колес. Вооружены они пушками, ракетными станками, метательными устройствами и огнеметами.[109] Малыми кораблями командуют лейтенанты, большими — капитаны, имеющие в подчинении несколько лейтенантов (причем лейтенант, командующий отдельным кораблем, именуется «флаг-лейтенант» и по рангу считается выше обычного лейтенанта, что подчеркивается дополнением к знакам различия). Эскадры же управляются адмиралами. В отличие от суши, где генеральский чин не делится на разряды, адмиральский практически повсеместно на разряды делится, в какой стране на два разряда, в какой — на три. Знаками различия для лейтенантов служит шитье в виде якорной цепи, для капитанов — таковой же цепи с якорями, а в отношении адмиралов существует большое разнообразие. Так, в Снольдере есть адмиралы Трех, Двух и Одного Фонаря, в Ронеро — адмиралы Красной, Синей и Белой эскадр, а в Лоране — адмиралы Небесные и Звездные (чины эти, как говорят, произошли от наименования парусов — один их ряд, средний, в морской практике именуется Небесным, а верхний — Звездным).

Служат в войсках и девушки, главным образом из дворянских семей, иногда и в офицерских званиях, их не столь уж много, но и не настолько мало, чтобы они считались диковинкой. Снисхождения к ним по сравнению с мужчинами не делается никакого, а вот лишние опасности существуют: если попавшая в плен девушка не имеет офицерского звания, то при недосмотре начальников (а то и их попустительстве) может в неразберихе сражения подвергнуться самому разнузданному насилию. Причем порой надругательство оное имеет причиной вовсе даже не распутство, а выражает убеждение иных, что воевать женскому полу негоже. В военный же флот лица женского пола служить категорически не допускаются, чему причиной древняя традиция. Даже в качестве пассажира иные капитаны женщину, будь она в офицерском звании, берут неохотно. Ради курьеза упомяну, что лет десять назад один ронерский крейсер самым натуральным образом взбунтовался, когда его палубу вознамерилась посетить королева, и даже король, заслуженно прозванный Ужасным, вынужден был простить бунтовщиков, ибо очень уж древний и незыблемый обычай был затронут (но запрет таковой сохраняется лишь в ре-

гулярном военном флоте, ибо в торговом, сообщали мне, женщины плавают в небольшом количестве, а у пиратов — и в большом).

Есть на Таларе военные школы, где год, а то и два-три готовят морских офицеров, артиллерийских и саперных. Конница же и пехота обучения в особом заведении не требуют. Молодые люди из дворян, зачисленные в конный либо пеший полк кадетами, там непосредственно постигают военную науку. Когда (речь идет о мирном времени) вышестоящие командиры признают, что кадет достоин звания, ему присваивают чин «кадет-лейтенант», в коем он и пребывает до освобождения вакансии. Бывают и кадет-капитаны (а среди молодых офицеров кружит байка о некоем невезучем кадет-генерале, до кончины своей пробывшем в этаким чине в ожидании вакансии, но это не более чем ходячий анекдот). На войне, понятное дело, производство в чин случается быстрее. Нужно заметить, что во многих полках, гвардейских особенно, в полковники простым продвижением на освободившиеся вакансии не выбьешься — я о полках, где полковников назначает сам король, а не военное министерство.

В солдатах и матросах служат не менее десяти лет, а верхнего предела не назначено — лишь бы был крепок и не увечен, а там служи хоть до седых волос. Отслужившие десять лет могут при соблюдении определенных условий выйти в отставку, однако еще семь лет находятся во «второй очереди», и в случае большой войны их могут вновь определить на службу, потому что так проще и выгоднее, чем брать необученного. Если вышедший в отставку после десяти лет беспорочной службы был до того крестьянином сеньора или короны, он получает статус фригольдера либо право приписаться к одной из трех низших гильдий, а если имеет не менее трех медалей — и к Серебряной. Если же отставник горожанин, может подняться гильдией выше, а при наличии медалей — и шагнуть через разряд. Порядки такие побуждают многих и многих искать военной службы — благо, в полном соответствии с таларской поговоркой «У акиллы из-под крыла не выскочишь», достаточно беглому тюремному сидельцу или сбежавшему от хозяина крестьянину попасть в списки полка и принести присягу, как ни полиция, ни сеньор уже не вправе его из казарм извлечь.

В военном флоте есть свои особые полки морской пехоты, действующие в морском сражении абордажными командами, либо штурмующие прибрежные города, когда произойдет такая надобность. Иные из этих полков целиком набираются из каторжников, изловленных пиратов и тому подобного сброда, обязанного в обмен на свободу прослужить ровным счетом пятнадцать лет. Свободой такой удел можно назвать с превеликой натяжкой, ибо надзор за ними строгий и за попытку дезертирства вешают немедля, да и за многие другие проступки наказанием петля гораздо чаще служит, чем розга. И все же приток охотников в такие полки велик — лучше служить в морской пехоте, чем надрываться в каменоломнях или висеть на рее, к тому же бывает и военная добыча, а отслуживший пятнадцать лет получает полное прощение прошлых грехов. Вот только доживает до окончания срока не более одной десятой, поскольку их бросают в самые горячие места — да так уж человек устроен, что всегда надеется, будто убьют непременно другого...

Ганза тоже содержит на часть своих доходов и постоянную армию, и военный флот, и отряды Вольных Топоров. В Глане же постоянной армии почти что и нет — лишь два-три королевских полка, обычно размещенных на грани-

цах. Зато при угрозе извне тамошний воинственный народ, сызмальства обученный владеть оружием независимо от пола, быстро собирается под знамена своих кланов, и армия эта весьма грозна, ибо защищает свою родную землю.

Постоянную армию не заменишь быстро неопытными рекрутами, стоит она дорого, и часто рисковать ею в крупных сражениях неразумно. Потому, как и у нас на Сильване, особо крупные войны, истощающие государство и требующие предельного напряжения всех сил, на Таларе бывают, но весьма редки. Те же, что вспыхивают и ведутся часто, сводятся к двум-трем битвам, где обе стороны выставляют лишь по несколько полков. Так же обстоит и с морскими сражениями, где сходятся не более десятка-другого вымпелов с каждой стороны. Иные войны ограничиваются осадой крепостей, иные — рейдами одного-двух полков на вражескую территорию.

Мирное же население, считается, не должно участвовать в войне, как бы к ней ни относилось. Единственным исключением предстает лишь воинственный Глан, чьи рубежи сильнее мечей охраняет ясное осознание того, что любому вторгшемуся придется ждать удара от каждой руки, из-за каждого куста. С другой стороны, по законам современной войны и у армии противника нет привычки зверствовать против мирного населения, хотя оно несет неизбежный ущерб в виде увода скота, грабежей и насилий над женским полом, а порой и взятые города бывают отдаваемы войску на разграбление. Такова уж война, сама по себе являющаяся бедствием...

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О МОРСКИХ ОСТРОВАХ

Выдержки из четырнадцатого письма реверена Гонзака

О всевозможных чудесах, диковинах, встречах и впечатлениях, с коими я столкнулся во время трех своих морских путешествий, напишу еще отдельную книгу, каковая, похвастаюсь, на две трети уже готова.[110] А пока что, друг мой Чедогон, ограничусь тем, что перечислю самые заметные морские острова и опишу их кратко.

Надобно прежде всего заметить с превеликой завистью, что мореплаванию на Таларе благоприятствует одно существеннейшее обстоятельство — моря там, в отличие от наших, пресноводные, и корабельщикам не грозит смерть от жажды. (Ходят даже разговоры среди ученых, что великая река Ител — есть поток, вытекающий из моря, подземным течением проделывающий часть пути и выходящий в Хелльстаде на поверхность. К этому предположению стоит прислушаться, учитывая странное строение реки Ител, словно бы из ниоткуда берущей немалое количество полноводных рукавов, на каковые она разделяется, — а ведь со всеми прочими реками обстоит как раз наоборот: притоки питают реки, а не реки в обилии порождают рукава. Однако проверить это предположение трудно: экспедиции к устью Итела опасны. Пробовали иные сбрасывать с кораблей в Фалейском заливе изрядное количество плотно закупоренных пустых бутылок, надеясь, что некоторые из них, пройдя гипотетическим подводным течением, всплывут в низовьях реки, но не слышно, чтобы принесло это успех, что, впрочем, как не доказывает существование подземного потока, так и не отвергает.)

Так вот, планета Талар делится на Полушарие Восхода и Полушарие Заката. В первом и лежит Харум. К полудню от него расположены острова Бару, числом одиннадцать. Четыре из них, более обширные, принадлежат Снольдеру, а прочие семь — Горроту. Острова эти никакой пользы почти не приносят, не

разведано там ни ценных руд, ни благородных металлов, а земля большей частью скудна для земледелия или скотоводства, так что владеющий ими извлекает выгоду главным образом моральную. Ибо государства подобны малым детям, каждый клочок земли для них — что любимая безделушка, какую не отдадут другому, даже если надоела...

К закату от Харума лежит Катайр Крофинд, остров большой, размерами не уступающий Харлану. Там текут две реки, есть обширные пастбища, оловянные и медные рудники, месторождения мрамора и каменоломни, на коих трудятся каторжники. Есть там города и деревни. Катайр Крофинд принадлежит Снольдеру.

К полуночному закату от Катайр Крофинда находится Инбер Колбта. Островов в данном архипелаге около девятисот, но редкий из них превышает размерами двух-трех югеров,[111] и расположены они крайне густо, очень близко друг к другу собраны, так что разделяющие их воды весьма узки, где шириною в полет стрелы, а где можно без труда перебросить камень с островка на островок. Протоки Инбер Колбта являют собой сущий лабиринт, где незнакомый с архипелагом кормщик может блуждать неделями, не находя выхода в океан, да и опытные лоцманы не рискуют углубляться в самое сердце Инбер Колбта, благо что и делать там занятому человеку нечего. Только на внешних островах останавливаются проплывающие корабли, ибо у Инбер Колбта проходит один из оживленных морских путей, и вездесущие ганзейцы еще в древние времена устроили там три порта, а в позднейшие годы разные государства заложили угольные склады для своих пароходов. В глубине же Инбер Колбта любят укрываться превосходно знающие те места пираты, и погоня за ними затруднительна, хотя случается. Всякое болтают о центральных областях Инбер Колбта, но я к этому еще вернусь в своей книге о тайнах океана. Инбер Колбта никому не принадлежит, и большинство его островов необитаемы. На таларском древнем языке, ныне вышедшем из употребления, «инбер колбта» означает «устье реки», и ученые люди уверяют, будто с птичьего полета архипелаг и впрямь напоминает, если мысленно дорисовать недостающее, устье гигантской реки, дельту с многочисленными островками. Возможно, есть правда в легендах, утверждающих, будто до Шторма места те были сушей с протекающей по ней рекой — от чего только и осталось, что Инбер Колбта.

Примерно на равном расстоянии меж Инбер Колбта и Лораном, только лигах в ста к полуночи, лежит остров Стагар, и он невелик. Жители его пользуются мрачной славой первых на Таларе морских колдунов, весьма сведущих во всем, что касается погоды, течений, бурь, дождей и ветров, а также морской нечисти. И слава эта вполне заслуженна — оттого-то, по некоему молчаливому уговору, харумские державы претензий на Стагар не предъявляют, стараясь с ним не связываться, благо и взять с него нечего. Формально остров принадлежит лоранской короне, от каковой на Стагаре присутствует губернатор с небольшим количеством чиновников и солдат, но вмешательства в местную жизнь он не оказывает, и последняя идет своим чередом. Коренных обитателей там насчитывается около трех тысяч, малая часть живет плугом, а большая — рыбной ловлей. Лоранцы туда не переселяются, ибо Стагар скуден и каменист. Есть там при городке, также именуемом Стагаром, большой порт. В городке и пребывают губернатор с гарнизоном, а также некоторое число ссыльных, среди коих есть и знатные.

Примерно в полутора тысячах лиг к полуночному закату от Стагара лежит Темайр. Остров сей служит ларам портом, откуда летают на Сильвану и обратно те межпланетные исполинские ладьи, на одной из которых я сюда и прибыл. На Темайре есть большой порт, куда приплывают корабли, перевозя уходящих на Сильвану и прибывающих оттуда, вкупе с их товарами. Всем на Темайре распоряжаются лары.

Вот и все о Полушарии Восхода. Перейдем теперь к Полушарию Заката, изучая его сверху вниз.

На полуночи лежит Диори, огромный и загадочный остров, весь закованный льдами, что необъяснимо при таларском климате, везде одинаково ровном, не знающем зимы, снега и льда. А посему все сходятся, что льды Диори имеют объяснение неестественное. В глубь сей жуткой земли никто не рискует углубляться, да и на берегах Диори появляется еще меньше дерзких смельчаков, чем на рубежах Хелльстада. Если хоть десятая часть страшных рассказов о поджидающих на Диори опасностях верна (а так оно, безусловно, и обстоит), то рекомо сокрытые там клады имеют надежнейших сторожей...

Ниже, на одной примерно широте, расположены Ферейские острова, Хай Грон и Бран Луг.

Ферейские острова, числом пять, принадлежали когда-то королевству Демур, ныне стертому с лица земли Глазами Сатаны. После гибели метрополии жители острова, оказавшись без подданства и защиты, переселились на Бран Луг. Так же поступил и гарнизон имевшегося на одном из островов военного порта, перейдя на ронерскую службу. Ныне на одном из них ронерцы заняли опустевший порт, приспособив его для своих нужд, ибо мимо того острова проходит морское течение, облегчающее путь их кораблям к Бран Лугу. А остальные четыре необитаемы, там пасутся стада одичавших коров, на которых охотятся и гарнизон, и пираты, и проплывающие честные мореходы, имеющие потребность в свежем мясе.

Далее лежит Хай Грон. Остров этот мал, площадью около двадцати югеров, и почти весь представляет собой бесплодные скалы, если не считать узкой прибрежной полоски на закатной окраине, где расположился город с портом, наполовину принадлежащим Ганзе. Однако знаменит этот остров на весь Талар. В самой высокой точке Хай Грона стоит храм морского бога Руагату, и легенда гласит, что под этим именно храмом зарыто знаменитое копье Морских Королей, коим только и можно убить Великого Кракена. Поверье это идет из седой древности и чересчур устойчиво для простой сказки. Но поскольку его сопровождает столь же древнее поверье, гласящее, что разрушение храма Руагату или любой значительный ему ущерб вызовет страшное наводнение, всемирный потоп, не уступающий Шторму, державы Виглафского Ковенанта, все без исключения, держат на острове свои воинские команды, бдительно охраняющие храм днем и ночью. Признаюсь, впервые я столкнулся со случаем, когда все государства столь единодушны в серьезнейшем своем отношении к старинной легенде. Так что поневоле начинаю думать, что для такого поведения у них есть свои причины, и пророчество оное в старые времена действительно прозвучало из уст кого-то, чьи слова сбывались... Но не возьму в толк, где можно было зарыть копье. Храм я посетил немедля, туда пускают в сопровождении чиновников в дневное время, за умеренную плату. И уверяю тебя со всей ответственностью: храм сей стоит на сплошной скале, где невозможно

зарыть что бы то ни было. Позже, уже на Харуме, в кругу ученых, я со всем пылом новичка предположил, что речь идет об устроенном в подземелье храма тайнике, но мои догадки тут же опровергли, рассказав, что за минувшие тысячи лет там, не выдавая своего подлинного лица, побывали многие колдуны и маги, а также горные инженеры и лозоходцы, поднаторевшие в поиске тайников и подземных полостей; и все они пришли к заключению, что подземелье храма (невеликое, кстати) тайников не содержит. Остается разве что предположить, что легендарное копье это, если и впрямь существует, магическим образом заключено в толще камня, откуда извлечь его может лишь посвященный. Случаи таковые нам известны на обеих планетах. И таларские ученые со мной всецело согласились, ибо сами так думали: если копье существует, то разве что заключенным во внутренность камня, подобно мечу фоморов или копьёу Гримтаса.

Далее расположен Бран Луг, размерами не уступающий Катайр Крофинду, а то и превосходящий. Владение это ронерское. Только там, в силу неких природных особенностей, и растет на Таларе хлопок (коим занято две трети острова). Также и сахарный тростник, хоть и растущий в иных уголках планеты, на Бран Луге наиболее хорош и обилен. Им засажена оставшаяся треть острова, из него добывают как сахар, так и излюбленный моряками ром — каковой, очищенный должным образом, весьма хорош. Труд по возделыванию обеих этих культур крайне тяжел, и своей волей туда редко кого заманишь, разве что от крайней нужды. И потому ронерцы посылают туда каторжников, а также нанятых у нас на Сильване рабочих.

К восходу от Бран Луга лежит Сегур. Остров этот невелик, размером в пятьсот югеров, но история его удивительна. Сегур — последний сохранившийся над уровнем моря клочок некогда обширного и богатого королевства, размерами не уступавшего некогда доброй четверти Харума и включавшего в себя также Бран Луг (но Бран Луг был глухой окраиной, а Сегур — землями, расположенными вокруг столицы). Девятьсот с лишним лет назад земля эта стала вдруг погружаться в океан и на протяжении примерно семидесяти лет погрузилась почти вся, после чего море уже ни Сегур, ни Бран Луг не тревожило. Людей за те семьдесят лет погибло немало, но, поскольку погружение сие было не единовременной катастрофой, а постепенным опусканием суши, жертв все же насчитывается неизмеримо меньше, чем было бы при внезапном могучем катаклизме, и очень многие, прихватив то, что смогли погрузить на корабли, рассеялись по иным землям. А поскольку столица бывшего королевства, современный город Сегур, пребывает и ныне на суше, то за уцелевшей королевской фамилией сохранены все права, а за островом Сегур — права королевства, в качестве какового Сегур и состоит в Виглафском Ковенанте. Сам я, обремененный житейским опытом и толикой проистекающего отсюда цинизма, полагал, что причиной такого великодушия послужил отказ сегурского короля от образовавшегося острова Бран Луг в пользу великих держав (добавлю, что державы долго вели войны за единоличное обладание сим островом, пока там окончательно и безраздельно не утвердился Ронеро). Есть историки на Таларе, втихомолку со мной согласные, но в архивах письменных следов такой сделки нет, разве что в королевских, нам недоступных. Ныне на Сегуре, кроме одноименной столицы (понятно, весьма обезлюдившей), сохранился еще невыразимо прекрасный город Сегула, о котором толкуют, что за красоту его

пощадили даже морские демоны — или сам Руагату, коего суеверная молва почитает виновником гибели королевства. Население Сегура сейчас не превышает десяти тысяч. Там обитает королевская фамилия с изрядным количеством дворян, и жизненный уклад разительно отличается от бытующего в иных странах. Из-за того, что крестьян и ремесленников осталось крайне мало, ибо именно они в первую очередь бежали из гибнущей страны, а дворян, так и не покинувших в свое время Сегур, насчитывается преогромное количество, то большинству из них ради пропитания пришлось освоить занятия, почитавшиеся до того презренными. И нынешний Сегур являет собой зрелище редкостное. На каждом шагу там можно встретить бакалейщика или гончара, а то и пахаря, щеголяющего при прадедовских золотых шпорах и золотой цепи, дабы подчеркнуть свое происхождение. Дворяне составляют девять десятых всего населения, но подлинно дворянский образ жизни ведут не более двух сотен из них, а прочие заняты делами, относящимися в других краях к обязанностям Золотых, Серебряных, Бронзовых и частью Медных гильдий. Жизнь на Сегуре была бы и вовсе скудна, не сдавай короли три порта в аренду ганзейцам.

Почти в центре Полушария Заката расположены острова Девайкир, числом девять. Иные из них богаты золотом и серебром. По одному острову принадлежит Снольдеру, Ронеро и Горроту, устроившим в своих владениях рудники. Два заняты Ганзой, но не слышно, чтобы там добывали драгоценные металлы (разве что, по купеческой привычке, это держится в тайне). По одному острову досталось Лорану и Харлану, безрезультатно пока что ведущим поиски. Два острова бесхозны, и все, кому вздумается, и государственные рудознатцы, и одинокие ловцы удачи, ищут там следы ценных руд. Если найдут, следует ждать войны за обладание данными островами. Поскольку оттуда на континент часто отплывают корабли, груженные золотом и серебром, вокруг островов Девайкир прямо-таки роятся пираты (правда, остается неподсчитанным, сколько из них старается ради собственной выгоды, а сколько — замаскированные морские офицеры соперничающих держав или попросту нанятые означенными державами каперы).

На полуночном восходе лежит Море Мрака — таинственная обширная область, укутанная нетающим густым туманом, куда даже пароходы с запасом угля заходить не рискуют. С превеликим трудом, выложив столько золота, что хватило бы на покупку неплохого трехмачтового корабля, мне удалось уговорить капитана (далеко не самого трусливого из известных мне таларских мореходов) углубиться в Море Мрака на лигу — и многое я понял, так что отныне не стану упрекать в трусости тех, кто опасается входить в Море Мрака. Но сам туда непременно вернусь для обстоятельной экспедиции, как только подыщу надежную команду и добрый корабль.[112]

На полудне лежит остров Дике, немногим менее Бран Луга, принадлежит он Горроту, обитаем и многолюден, но не пашни и пастбища составляют главную его ценность. В горах, в срединной его части, добывают знаменитый пещерный жемчуг, синее чудо, приносящее королям Горрота немалый доход. Растет там еще красное дерево, а в горных копиях добывают красную яшму и полосатую,[113] а также особый род аметиста, именуемого «бархатным», — фиолетовый цвет его при вечернем освещении изменяется в густо-красный. Есть там и рубиновые копи, и месторождения полудрагоценных минералов —

из них более всего известны венис[114] и бакан.[115] Словом, недра острова Дике столь богаты, что горротских королей подозревают в стоворе с гномами, но слухи эти, верней всего, рождены одной лишь завистью, ибо кто слышал, чтобы гномы обитали на острове, пусть и большом? Даже если Дике, как слышно, есть осколок затонувшей в незапамятные времена земли, гномы давно покинули бы его, ибо островов не любят.

В океане насчитывается несколько десятков прихотливо разбросанных одиноких островов, но они малы, большей частью необитаемы, и для нашего повествования интереса не представляют ни малейшего — разве что из-за связанных с иными легенд и примечательных случаев, поверий и курьезов, которые я постараюсь изложить в своей книге о море.

О ГОРОДАХ

Выдержки из пятнадцатого письма реверена Гонзака

Города таларские делятся на дворянские, коронные и гербовые. Первые целиком принадлежат дворянам, на землях коих расположены, вторые — королю, а третьи — вольные, в ознаменование чего и наделены гербом, коим жители такого города крайне горды. Случается, конечно, что гербовый город лежит в границах дворянских владений, бывает, город окружен коронными землями, а случается, что столица, например, ронерская Равена, не королевский город, а гербовый. Происходит это оттого, что владения не раз меняли принадлежность, иным городам герб жаловался за заслуги, а у других отбирался за вину мнимую или подлинную. В городах всех трех разновидностей существуют одни и те же гильдии и сословия. Разница лишь в том, что в дворянском городе, будь он наполовину населен людьми вольными, власть дворянина весьма ощутима, как в коронном — власть короля. Зато гербовые города управляются исключительно своими магистратами, ревностно хранящими старинные привилегии.

Для каждой разновидности городов существует известная разница в судопроизводстве и отправлении правосудия, а также в персоналиях, оное отправляющих. Однако система эта чересчур сложна для короткого пересказа, как показали бы сложны чужеземцу наши правила на сей счет.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ГОЛОВНЫХ УБОРАХ

Головной убор играет на Таларе очень большую роль. По нему безошибочно узнают род занятий и социальное положение владельца. Появиться на людях с непокрытой головой — поступок крайне предосудительный, достойный последнего бродяги.

Бадагар — фетровая широкополая шляпа, обычный головной убор военных и дворян (у дворян украшена перьями, лентами, пряжками из драгоценных металлов с самоцветами).

Бонилон — твердая шляпа с высокой тульей в виде усеченного конуса и неширокими полями. Головной убор членов Золотой, Серебряной и Бронзовой гильдий. В зависимости от гильдии бывает украшена золотым, серебряным или бронзовым медальоном, вместо ленты — крученный шнурок.

Капарат — круглая твердая шапка, как правило, темных тонов. Ее носят члены сословия Мер и Весов. Бывает украшена ярким матерчатым верхом, золотом и серебряным шитьем, отшлифованными полудрагоценными камнями.

Каталана — фетровая или кожаная шляпа с высокой тульей и узкими поля-

ми, заломленными сзади. Наиболее распространена по обе стороны Каталаянского хребта, где ее носят дворяне, пограничные егеря, вообще все Сословия, кроме крестьян. В других местах — излюбленный головной убор охотников (поскольку шляпа этого фасона наиболее удобна для ходьбы по чащобе).

Лангила — матерчатая шляпа с очень широкими полями и круглым верхом, плотно сидящая на голове. Пропитывается водоотталкивающими составами и представляет обычный головной убор моряков и рыбаков. По-другому она именуется «штормовая лангила», или попросту «штормовка». Для ясной хорошей погоды существует разновидность, называемая «лангилатан» — твердая, поля не столь широкие. Лангилатан с металлическими головками и кокардами — форменный головной убор военных моряков.

Буниль — остроконечный колпак, войлочный или из плотной материи, с круглыми наушниками и квадратным назатыльником. Будничный головной убор крестьян. Праздничным служит габуиль — вязаный колпак, украшенный лентами.

Виклер — форменный головной убор чиновников, шляпа из твердой лакированной кожи, цилиндрическая, с узкими полями. Высота шляпы, наличие украшений, равно как и их количество, зависят от чина.

Кретон — твердая шляпа с тульей в виде конуса и узкими полями. Головной убор членов Медной и Железной гильдий.

Мурмолка — остроконечный матерчатый колпак с меховой оторочкой, старинный головной убор жителей Ратагайской степи, который носят все без исключения мужчины (сорт материала, разновидность меха, наличие перьев и украшений зависит от положения в обществе).

В Глане мужчины носят разнообразные береты. Все прочие головные уборы совершенно не в обиходе и именуются насмешливыми прозвищами.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОДЕЖДЕ

Камзол — короткая мужская одежда, едва прикрывающая бедра. Кафтан — более длинный, почти до колен. Колет — камзол без рукавов. Если упоминается, что на военном был мундир, это означает, что его штаны и камзол (или кафтан) — одного цвета. Дворяне, военные и члены некоторых сословий никогда не появляются на людях без плаща. Чиновники носят мундир или сюртук до колен длиной, с пуговицами сверху донизу. Сюртук всегда должен быть застегнут на все пуговицы — как и одежда купцов, длиннополый хомерик. Военные и дворяне, наоборот, держат верхнюю одежду полурасстегнутой или расстегнутой вовсе, открывая кружевное жабо или форменный шейный платок.

Дворянки могут появляться в мужской одежде, но исключительно незамужние (замужним приличия такое позволяют лишь в долгой поездке).

ЗАМЕЧАНИЯ О БОГАХ И ХРАМАХ

Храмы ЕДИНОГО ТВОРЦА существуют во всех государствах и обитаемых землях (хотя и не везде окружены доброжелательством). Возведенные в старые времена легко отличить по трем-пяти золоченым куполам, каждый из которых увенчан крестом Единого. Храмы более современной постройки несколько выше и уже, с остроконечными четырехгранными крышами, и крест лишь один, в самой высокой точке храма. При всяком есть колокольня. Внутри нет ни изображений, ни статуй Единого — Творец никогда не показывался людям, и воплощать его в изображении не принято. Зато, как правило, по сторонам алтаря стоят статуи наиболее почитаемых в данной местности

святых, окна украшены витражами, а у порога на полу сделано мозаичное или вырезанное в камне изображение дьявола, которого входящие попирают ногами.

Кроме Сословия храмовых священников существует еще четыре монашеских ордена: святого Роха, святого Круахана, святого Катберта-Молота и святого Сколота, занятые самой разнообразной деятельностью — от благотворительности и устройства школ до борьбы с приверженцами Черной Троицы.

АШОРЕМИ — в древности богиня охоты и лесов. Впоследствии стала и повелительницей ночи, каковое обстоятельство по прошествии лет привело к несколько комической ситуации, о какой будет сказано ниже. Первая ипостась богини, то есть патронаж над лесами, всем обитающим в них зверьем, а также теми, чьи труды связаны с лесом (охотники, птицеловы, бортники, смолокуры, дровосеки и т. д.), со временем окончательно перешла к Кернунносу. Ашоремии осталась исключительно Царицей Ночи, а потому ее считают своей покровительницей и влюбленные, и разбойники с ворами (иронически прозванные «ночными служителями Ашоремии»), и странствующие купцы, для которых ночь, заставшая их в дороге, — самое опасное время. Эти категории в основном и составляют паству храмов Ашоремии. По старинке богине поклоняются и представители вышеприведенных «лесных» ремесел — те, кто живет вдали от Каталауна и других горных районов. Горожанки всех сословий и слов общества верят, что молитва Ашоремии облегчает роды и помогает вернуть любовь мужа.

Кое-где, в самых древних храмах, еще можно увидеть изображения Ашоремии в облике мифологической ночной птицы Валари с восьмиконечной Полярной звездой на груди. Но в основном богиня предстает прекрасной девушкой с луком и колчаном за плечами (это оружие уже считается не символом охоты, а стрелами любви, поражающими сердца).

Самый большой и старинный Храм Ашоремии находится в Пограничье и пришел в изрядное запустение, хотя туда до сих пор приходят паломники и там совершаются богослужения. Храмы Ашоремии отличаются обилием колонн, полным отсутствием окон и плоской крышей, увенчанной статуей богини над входом и Полярной звездой по всем четырем углам. Служителями Ашоремии могут быть и мужчины, и женщины. К алтарю богини приносят цветы, перед ним жгут благовонную смолу. Есть ежегодные праздники с торжественными шествиями. Животное Ашоремии — кошка.

БРИГИТА — богиня знаний, мудрости и изящных искусств. Изображается в виде птицы с женской головой или, что реже, совы. Ее приверженцы происходят главным образом из Сословий Свободных Искусств, Совы и Циркуля. Храмов Бригиты, собственно говоря, не существует — лишь часовни, выполненные в виде каменных, закрытых с трех сторон навесов с изображением богини внутри. Служителей богини, как профессиональной касты, нет, эту роль выполняют особо уважаемые члены городских Общин Бригиты, носящие звание «смотрителей часовен». Есть ежегодные праздники с торжественными шествиями.

ВЕЛИКАЯ МАТЕРЬ — самое загадочное божество Талара, в чьи секреты так и не смогли проникнуть полностью ни книжники, ни тайная полиция. Главные приверженцы этой богини — крестьяне обоего пола (исключая побережье, где силен Руагату, Каталаун и горные районы). Святылища Великой Мате-

ри, изображаемой в виде примитивно вытесанной из камня или дерева тучной женщины, можно увидеть в каждой деревне. Есть еще священные роци и заветные места, посвященные Матери. И те и другие, по неписаному обычаю, идущему из глубины веков, настрого запрещено посещать мужчинам (слухи о том, что иные убийства были местью за нарушение запрета, так до сих пор не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть, несмотря на все усилия властей).

Жрицами Великой Матери могут стать исключительно женщины, причем их возраст сплошь и рядом не имеет значения (считается, что будущая жрица с колыбели отмечена богиней, и посвященные это легко определяют). Праздники в честь Великой Матери приурочены к севу, жатве, обмолоту и другим видам полевых работ. В жертву богине приносят злаки, плоды и перворожденных ягнят (слухи о человеческих жертвах были тщательнейшим образом проверены имперской разведкой, но не подтвердились).

Помимо внешней, обрядовой стороны ритуалов, лицезреть которые допускается любой посторонний, существует, вне всякого сомнения, и некое тайное знание, но до нынешних пор не удалось вызнать о нем ничего конкретного. Известно, что Великая Матерь олицетворяет Природу, животворящую силу (а по некоторым источникам, и всю планету, полагаемую жрицами Великой Матери живым и чуть ли не разумным существом). Одно время бродили упорные слухи (в городах, естественно), что реверен Гонзак пытался проникнуть в тайны Домов Великой Матери (нечто вроде монастырей, где живут женщины, посвятившие всю свою жизнь служению богине), за что и был убит при самых удивительных обстоятельствах. Насколько известно, проверкой этих слухов никто всерьез не занимался — ибо подобные сплетни во множестве появлялись и раньше в связи со смертью других известных особ, но подтверждения никогда не находили, и к ним перестали относиться серьезно.[116]

Следует отметить, что в военное время даже наиболее буйная и недисциплинированная солдатня обходит стороной Дома Великой Матери и избегает оскорблять жриц. Эта укоренившаяся в древние времена традиция чересчур устойчива для простого суеверия, что неоднократно отмечалось исследователями (так и не докопавшимися, правда, до причин).

КЕРНУННОС — бог лесов, охоты, диких животных и грома. Изображается в виде оленя с лошадиным хвостом или человека с оленьей головой. Главным образом ему поклоняются в области Каталаунского хребта, гор Адантел и Оттершо. Служители Кернунноса — исключительно мужчины. Храмы, как правило, располагаются в лесу (или окружены самое малое семью деревьями), они небольшие, кубической формы, с узкими высокими окнами, крыша крыта оленьими рогами. При храме обязательно имеется башенка, где по особым праздникам (так называемые «дни грома») зажигают священный огонь. Есть заповедные Леса Кернунноса. В общем, Кернунноса нельзя назвать «злым богом», но порой по отношению к людям (особенно тем, кто неподобающим поведением в лесу навлек его гнев) он бывает жесток и мстителен. Особых жертв ему не приносят, но принято оставлять в лесу часть охотничьей добычи или, проезжая мимо заповедного леса, украсить одно из крайних деревьев каким-нибудь подношением. Зверем Кернунноса исстари считается каталаунский тигр, и под особым покровительством бога находятся белые олени.

РУАГАТУ — бог моря, имеющий огромное число приверженцев на побережье и на Островах, особенно среди моряков и рыбаков (а также купцов, плава-

ющих по морю). Изображается в виде могучего бородача с трезубцем, восседающего на касатке. Храмы Руагату (которые полагается возводить не далее чем в лиге от берега), пожалуй, самые пышные и красивые среди всех. Стены в них заменяют ряды колонн, крыши из нескольких куполов ярко раскрашены разноцветными красками в виде чешуи, снаружи и внутри храмы украшены мозаикой, статуями и изображениями как мифологических обитателей моря, так и реальных. Во время богослужения жгут благовония трех видов. У мореходов принято во исполнение обетов дарить храмам модели своих кораблей, зачастую из драгоценных металлов. Среди служителей — и мужчины, и женщины. При некоторых храмах есть приюты для старых и увечных мореходов. Любимицами Руагату считаются касатки, поэтому охотиться на них рискнет лишь самый отпетый, не верящий ни в бога, ни в черта. И наоборот, убить гривастого крокодила или кракена считается угодным Руагату делом.

СИМАРГЛ (КРЫЛАТЫЙ ПЕС) — бог войны. Около двух тысяч лет назад его культ был занесен с Сильваны, и, в отличие от схожих случаев с другими сильванскими богами, не только прижился, но и широко распространился — главным образом среди военных, части обитателей Полуденного Катауна и в Ратагайской Пуште. Изображается в виде пса с орлиными крыльями. Храмы сложены из красного кирпича разных оттенков, по виду напоминают старинные замки — с высокими крутыми крышами, зубцами по их кромке, машикулями, толстыми стенами, узкими стрельчатыми окнами (с витражами, изображающими сражения). Внутри — статуя Крылатого Пса, стены обычно увешаны пожертвованным по обету или дареным оружием (все древние храмы славятся прекрасными коллекциями старинного оружия). Принято освящать в храме купленное у мастера оружие. В старые времена полагалось оставлять перед статуей капельку своей крови, укол палец, но вот уже несколько столетий, как этот обычай исчез.

При иных храмах есть приюты для старых и увечных солдат (каковых немало и среди служителей Симаргла). В противоположность сильванским обычаям, служители Симаргла — исключительно мужчины. Возле храмов Симаргла всегда можно увидеть собак — их подкармливают, так как собакам Крылатый Пес особо благоволит, выделяя среди прочих животных. Для приверженцев Симаргла убить или обидеть собаку — грех (зато отношение к кошкам насквозь противоположное).

Существуют Братства Симаргла — военные ордена. Их членов обязывает равенство независимо от происхождения, обет супружеской верности, клятва участвовать в любой войне, какую ведет государство. Ныне таких Братств семь — три в Снольдере, два в Ронеро, по одному в Глане и Лоране. Они могут выставить отряды, не уступающие по численности полку. На звоннице каждого храма установлен птелос. Симаргл — покровитель гильдии Оружейников.

ХОРС — бог солнца. Изображается в виде всадника на рыжем коне или золотого солнечного диска. Почитается главным образом в городах. Храмы возводятся в виде пирамиды из семи уступов, увенчанной солнечным диском. Внутри стоит статуя Солнечного Всадника и поддерживается неугасимый огонь (возжигаемый от солнца с помощью особых стекол). При храмах (или при главном храме, если в городе их несколько) содержится отобранный в соответствии со сложными каноническими правилами рыжий, «солнечный» конь, символизирующий Хорса в торжественных процессиях по праздничным

дням (считается, что на нем невидимо восседает тогда сам Хоре). Служители бога — исключительно мужчины. Хоре покровительствует в животном мире лошадям и петухам («птице Хорса»), а из мастеров его особенным покровительством пользуются кузнецы. На вершинах храмов установлены гонги.

Времена Храмовых Войн давно минули, но определенные трения сохранились до нашего времени — взаимная неприязнь и отчуждение меж приверженцами Ашореми и Симаргла, Симаргла и Кернунноса, Кернунноса и Хорса, Хорса и Ашореми.

По недостатку места нет возможности рассказать о «потаенном народце» — лесных феях, духах источников, «болотных сидельцах» и пр., и пр. Лучше всего отослать читателя к классическому труду Уро Монкагера «Рассказ и размышления о Потаенном Народце» (лучшее иллюстрированное издание вышло в 3710 г. Х. Э. в Ремиденуме). Неплоха также книга «Каталог Иномирья» — старинный труд анонимного автора, часто переиздающийся.

ЧЕРНАЯ ТРОИЦА — так именуется три черных бога, чьи храмы были в конце концов разрушены, а оставшиеся приверженцы загнаны в подполье — Сет-Змееног, Кром Круах (Кром Кровавый) и Рогатый (Клыкастый Козел). До сих пор в глухих уголках, несмотря на все преследования, время от времени еще совершаются «черные ритуалы» с человеческими жертвоприношениями. Адепты «черной троицы» в свое время и создали тайные общества, известные под собирательным названием «Черной благодати» или «Черной радуги».

О СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Господствующей религией там объявлено так называемое «учение Совершенства», или «учение святого Патарана, единственного боговдохновенного толкователя воли Единого Творца, очистившего служение Творцу от искажений и излишних сложностей». Но все остальные понтификаты Единого Творца за пределами Святой Земли относятся к этому учению отрицательно, отношений со Святой Землей не поддерживают, не признавая самого этого названия, а также не считают Патарана святым.

РОСПИСЬ КЛАССНЫХ ЧИНОВ, ИЛИ ЧИНОВНИЧЬИХ КЛАССОВ

1. Коронный министр.
2. Коронный советник.
3. Тайный советник.
4. Королевский советник.
5. Королевский секретарь.
6. Министерский советник.
7. Министерский секретарь.
8. Советник.
9. Департаментский советник.
10. Департаментский секретарь.
11. Канцелярии советник.
12. Секретарь канцелярии.
13. Секретарь.
14. Канцелярист.
15. Письмоводитель.
16. Писец.

Система эта применяется во всех государствах Харума, за исключением Вольных Маноров, Плана (где существует своя, более простая и патриархаль-

ная) и Балонга (где также принята своя). 1–5 классы приравнены к генеральским чином, и получить их могут лишь дворяне (есть, впрочем, редкие исключения), 6–8 классы приравнены к полковникам, 9–10 — к капитанам, 11–12 — к лейтенантам, 13–14 — к сержантам.

МОНЕТНАЯ СИСТЕМА

Ронеро

Золотой аурей = серебряному аурею = 25 серебряным сестерциям. Есть еще золотые монеты «токен» (5 ауреев) и «солид» — 10 ауреев.

Серебряный сестерций = 10 медным сестерциям = 200 медным грошам.

Медные монеты: полугрош, грош, тройной грош, семигрошевик, десятигрошевик, сестерций, ливра (монета в 5 медных сестерциев).

Все монеты — круглые. Для Брян Луга чеканятся все их виды, но именуются они «островными», и вместо королевской короны на них изображен государственный герб.

Снольдер

Золотой денарий = 50 серебряным артигам. Есть золотые монеты «латеранский золотой артиг» (денария), «двуденарий» (2 денария), «сфинкс» (3 денария), «Цехин» (7 денариев, хождение имеет главным образом в Ратагайской Пуште).

Серебряный артиг = 14 серебряным патагонам = 280 медным гротирам.

Медный гротир = 5 пулам. Есть монеты в 1, 2, 3, 4 пула.

Все монеты — круглые. (Сфинкс еще с отверстием посередине.) Для Катайр Крофинда чеканятся «морские» деньги.

Горрот

Золотой статер = 40 серебряный ассам либо 10 серебряным венталам = 600 медным ассам. Есть двойной статер, тройной статер и «галиа» — монета в 7 статеров.

Медный асе = 3 медным патарам. Есть монеты в поласса, полпатара, двойной патар.

План

Златник = 20 серебряникам = 280 медным шелегам. Есть двойной златник, тройной и «медведь» — монета в 5 златников.

Медный шелег = 7 круцежам. Есть полукруцеж.

Шаган

Золотой орт = 14 серебряным фартингам и 140 медным фартингам. Есть двойной орт, «колокол» (монета в три орта).

Серебряный фартинг, двойной серебряный. Медный полу-фартинг, фартинг, тройной фартинг. (Монеты всех трех держав — круглые, кроме восьмиугольной в один гланский круцеж.)

Для острова Дике в Горроте особых денег не выпускается, хотя в последние время это, кажется, намерены сделать.

Харлан

Золотой скеллер = 25 серебряным скетам = 500 медным билонам. Есть монеты в 3, 6 и 10 скеллеров.

Серебряный балиган = 5 скетам.

Медные: четверть билона, полубилон, билон, двойной билон, пятерик и семерик.

Все золотые монеты — круглые, балиган — семиугольный, пятерик и семе-

рик — семиугольные с отверстием в середине.

Лоран

Золотой денарий = 28 серебряным фоллисам = 280 медным фоллисам. Есть двойной денарий, «роза» (5 денариев) и «суверен» (15 денариев).

Серебряный фоллис = 7 медным караунам = 10 медным фоллисам.

Медные: полуфоллис, фоллис, караун, «фоллис с барашком» (3 фоллиса), пять фоллисов.

Все золотые и серебряные монеты — прямоугольные (один из лоранских королей, полторы тысячи лет назад заменивший такими монетами круглые, спесиво заявил:

«Пусть они и неудобнее круглых, зато свидетельствуют о нашем величии». В те времена Лоран считался самой мощной державой континента, каковую роль со временем утратил, но облик денег остался прежним).

Все медные монеты — круглые, с отверстием посередине.

Балонг

Вместо золотых монет там находятся в обращении денежные знаки в 5, 7, 10, 14, 40 и 100 дукатов, с большим мастерством изготовленные из ввозимого с Сильваны в малых количествах самшитового дерева, на Таларе не произрастающего. Они обеспечены сокровищами особой кладовой Круглой Башни, довольно большого размера, круглые и охотно принимаются на всем Таларе (нужно заметить, что порой их подделывают точно так же, как и металлические деньги).

Есть серебряные монеты в 1, 2, 3 и 4 дуката, медные — в 1, 2, 5 и 10 дирхамов. И серебряные, и медные — все восьмиугольные, серебряные, вдобавок с отверстием посередине.

Ганза

Ганзейцы пользуются в основном деньгами «прилегающих держав», хотя для особых расчетов существуют круглые монеты — золотой и серебряный далер.

Сегур денег не чеканит давно по причине тщательно скрываемой бедности одного государства. В обращении, впрочем, еще находится небольшое количество древних золотых монет под названием «тымф», или «корабль», но ходят они исключительно на острове и скоро пропадут совсем, так как являются объектом охоты коллекционеров, как и фельсы — серебряный и медный.

Вольные Маноры права на чеканку монет были лишены около пятидесяти лет назад решением Виглафского Ковенанта.

«Старые» деньги еще ходят, но понемногу изымаются из обращения, как только сотрутся, к тому же купцы увозят их для коллекционеров, а также для переплавки.

Деньги Святой Земли из-за больших примесей серебра, а то и меди к золоту повсеместно считаются «худыми», «порченными» и за пределами означенного государства хождения не имеют.

ОРДЕНА И МЕДАЛИ

Глан

Ордена:

Чертополоха.

Пещерного Медведя.

«Громовая гора».

Медали:

«Серебряное кольцо».

«Медное кольцо».

«Железное кольцо».

Все награды исключительно военные. В тех случаях, когда король все же желает наградить кого-то за заслуги на «гражданском» поприще, вместо цепи (так как все три ордена носят на цепи, на шее) орден крепится на бант, прикалываемый к груди.

Балонг

Ордена:

«Круглая башня».

«Ладья богатства».

«Созвездие».

Медали:

«Золотая пчела».

«Серебряная пчела».

«Медная пчела».

«Железная пчела».

Полная противоположность Глану: орденами и медалями награждаются лишь подданные Балонга, «приумножившие его богатства и действовавшие во славу дальнейшего благосостояния». За вонские подвиги (например, отвагу, проявленную экипажем судна в бою с корсарами) награждают деньгами или ценным оружием.

Горрот

Ордена:

«Черное солнце», (награждаются и военные, и гражданские).

«Рубиновый клинок» и Орден Симаргла (военный).

Орден Семи Островов.[117]

Орден Филина (гражданский).

Медали:

«Клинок».

«Орел» (военная).

«Сокровищница» (гражданская).

Харлан

Ордена:

«Трон великих герцогов» (двойного назначения).

«Меч Славы» (военный).

«Фолиант» (гражданский).

Медали:

«Скращенные топоры».

«Слава и смелость» (военная).

«Жемчужина мудрости».

«Бронзовое перо» (гражданская).

Ронеро

Высшие, двойного назначения ордена:

«Алмазный венец».

Орден Гербового Щита.

Военные ордена:

«Звезда отваги».
 «Золотая лилия».
 «Зеркало Аннура».
 «Алое пламя».
 «Скипетр морских королей» (военно-морской).

Гражданские ордена:

«Камень мудрости Пилу».

Орден Серебряной Совы.

«Бирюзовая цепь».[118]

Военные медали:

«За храбрость».

«Серебряный топор».

«Башня» (вручается главным образом за отвагу, про явленную при защите или взятии крепостей). «Стрела».

«Якорь» (военно-морская).

Гражданские медали:

«За беспорочную службу».

«Корабль».

«Лилия».

Снольдер

Высшие, двойного назначения ордена:

«Золотой сфинкс».

«Меч Дорана».

Военные ордена:

«Дракон и солнце».

«Огненный вепрь».

«Радуга и меч».

«Крылатый лев».

«Морской конь» (военно-морской).

Гражданские ордена:

Орден Короны.

Орден Ворона.

«Радуга и ларец».

«Великая Река».

Военные медали:

«Тисовая ветвь».

«Ярость и огонь».

«Дубовый лист».

«Львиный коготь».

«Огненное копьё».

«Абордажная сабля» (военно-морская).

Гражданские медали:

«Процветание» (купеческая).

«Око» (полицейская).

«Ларец».

«Сфинкс».

Лоран

Высшие, двойного назначения ордена:

«Три золотых кольца».
«Отличие Престола».
Военные ордена:
«Рыцарская лента».
Орден Заслуги.
«Меч и кольцо».
«Золотой якорь» (военно-морской).
Орден Тигра.
Гражданские ордена:
«Звезда учености».
Орден Верности.
Орден Черного Медведя.
Орден Золотого Журавля.
«Великий канал».
Военные медали:
«Штандарт».
«Серебряная секира».
«Серебряный самострел».
«Победитель пламени».
«Отвага ратного поля».
Гражданские медали:
«Золотой скипетр».
«Свиток».
«Серебряный циркуль».
«Бронзовый циркуль».
«Солнечный луч».
«Серебряный компас».

Шаган

Высшие, двойного назначения ордена: «Золотой колокол».
Орден святого Сколота.
Военные ордена:
«Меч грома».
«Золотой фрегат» (военно-морской).
«Изумрудный акилла».
Орден Синей Крепости.
«Стрела и скипетр».
Гражданские ордена:
Орден Красного Бобра.
Орден Кедра.
«Золотая кисть».
«Яшмовый кубок».
«Посох святого Роха».
Военные медали:
«Медвежья лапа»
«Алая молния».
«Штурвал и меч» (военно-морская).
«Бастион».
«Трилистник».

Гражданские медали:
«Хрустальный кубок».
«Штурвал и парус».
«Серебряная кисть».
«Жезл мудрости».
«Дубовая ветвь».

В Святой Земле орденов и медалей не существует, зато в ходу так называемые наградные пояса и посохи.

В Ганзе для награждения отличившихся и заслуженных граждан существует схожий с орденом знак трех степеней — «Золотой корабль», «Серебряный корабль» и «Медный корабль».

Ордена Вольных Маноров при всем их калейдоскопическом разнообразии чересчур многочисленны, и тому, кто ими интересуется, лучше обратиться к соответствующим книгам.

Ордена Сегура, равно как и медали, сохранены после катастрофы все до единого, однако изрядно утратили свой авторитет. Во-первых, по причине упадка Сегур практически не ведет никаких войн, и боевые награды выглядят несколько нелепо в этих условиях; во-вторых, что важнее, все сегурские награды давно превратились в дополнительный источник дохода для королевской казны: всякий, кто пожелает, может за соответствующую сумму стать обладателем любого тамошнего ордена или медали (за исключением высшего Ордена Морских Королей, вручаемого лично королем. Впрочем, и этот орден порой нетрудно раздобыть при отсутствии всяких заслуг, но при наличии должных связей или услуг, оказанных сегурскому престолу). Поэтому давно уже в обиход вошло выражение «сегурская награда», означающее нечто второсортное или добытое не трудами и заслугами, а с помощью тугого кошелька или интриг.

Авторы стихов, приведенных в романе: Бертольд Брехт, Ольгерд Довмонт, Виктор Соснора, Вадим Шефнер, Михаил Щербаков.

Александр Бушков

РАДИАНТ

*Смотрите, я иду на вас в полный рост.
Александр Зиновьев*

Глава I О СМЕРТИ И ЖИЗНИ

Действительно, прогалина оказалась столь маленькой, что обычный самолет здесь ни за что не сел бы — только замаскированная под него вимана. Более подходящей не виделось лиг на двадцать вокруг, Сварог в этом убедился, подлетая.

Аккуратно посадив виману, он выключил двигатель. Вокруг оставалось свободного места уардов на пять, не больше. Он еще не успел встать с кресла, как один из его людей распахнул дверцу и проворно выставил легкую лесенку. Сварог спустился и направился напрямик к стоящему у крайних сосен Гаржаку. Понадобилось всего-то четыре шага — Сварог зачем-то подсчитал их машинально. Гаржак понурил голову, он выглядел подавленным. Сварог впервые видел его таким, обычно граф, несмотря на все невзгоды и удары судьбы, шагал по жизни со своей знаменитой хищной улыбочкой, пусть и наигранной порой.

Гаржак стоял без шляпы, волосы всклокочены, на левой щеке три длинных царапины, уже подсохших, одежда перепачкана смолой, порвана кое-где. Но не похоже, с радостью отметил Сварог, что он ранен.

— Докладывайте, — распорядился он бесстрастно.

Не поднимая глаз, Гаржак начал:

— Я ничего не мог сделать, кроме... У меня не было приказа брать их непременно живыми... да и будь такой приказ, я бы его не смог выполнить, нас наверняка в минуту перебили бы всех до одного... Иначе не получилось бы, только так...

— Бросьте, — сказал Сварог, ободряюще положив ему руку на плечо. — Вас не в чем упрекнуть, совершенно. Виноват один я. Мне следовало просчитать все варианты... и вместо вас послать *других*, вооруженных как раз для такого оборота дел... Так что вы не виноваты, мое слово. Давайте о подробностях.

Гаржак поднял на него глаза, полные ярости и боли:

— Здесь мы никак не рассчитывали их встретить. Мы ехали в Каранталь — это такая деревушка лигах в пятнадцати на полуночный восход. После того как их первый раз заметили в этих местах, я *посадил* людей деревнях в десяти. Как раз из Каранталя прискакал человек и доложил, что они там у одного из местных живут самое малое два дня. Ну, обычное дело для здешних мест: еще один охотник со спутницей, ничего интересного, даже скучно... Мы и поехали в Каранталь очередной звериной тропой, их тут превеликое множество. Сам не знаю почему, но я выслал двоих парней на разведку, вперед. Как толкнуло что-то. Они их и заметили. Оба спокойно ехали верхом, никого больше с ними не было. Ну, я и выбрал единственный возможный вариант. Мы их окружили. Незамеченными остаться ни за что бы не смогли — полян там нет, но долго тянется редколесье. Показалось, все будет просто: нас — двенадцать, их двое, кони у нас не хуже, да к тому же у всех арканы и боласы... Я крикнул, чтобы

они спешили и сдавались. Они буквально в несколько секунд оценили обстановку. И наверняка поняли, что бегством не спастись — мы их окружили довольно плотно, кое-кто из парней уже держал арканы наготове... И тут они открыли огонь, оба. Какие-то синие молнии, бьющие с шумным, поганым таким свистом... Никаких видимых повреждений — но люди и кони падали за смертью. Я, конечно, по часам не засекал, но впечатление такое, что не прошло и квадраса минуты, как они *выкосили* шесть человек и еще под двумя убили лошадей. Продолжайся это чуть дольше, они бы нас положили всех до одного. Я скомандовал стрелять... — он, видимо, перехватил взгляд Сварога, натянуто усмехнулся. — Ничего страшного, ваше величество. Когда засверкали эти чертовы молнии и люди с лошадьми стали падать, сиганул прямо с седла за хороший такой куст, густой и большой, а он был из колючих, так что царапнуло немного... Пустяки. Коня они моего они убили, а меня не успели, зато я успел по *нему* два раза пальнуть. И попал... Ваше величество, ничего нельзя было сделать...

— Я же сказал: виноват один я, — сухо бросил Сварог. — Хозяина дома, где они укрывались, взяли?

— Успели. Без всяких сюрпризов вроде этого... — он показал себе за плечо большим пальцем. — По первому впечатлению — самый обычный здешний житель, из местных шустряков. Браконьерство и контрабанда по мелочам, за хорошую денежку спрячет тех, кому нужно спрятаться, и все такое... В доме не нашли ровным счетом ничего интересного, только дорожные сумы с обычными для охотников вещами...

— Ребенок?

— Никто его не видел. Они приехали без ребенка, без спутников. Но зачем-то же они обосновались именно здесь, должно что-то быть, не просто так...

— Пожалуй, — кивнул Сварог. — До горротской границы не будет и полусотни лиг, может, они с кем-то должны были встретиться. Вы оставили засаду в Карантале?

— Конечно. Вообще, мы там постарались не шуметь и уж тем более не показывать, кто мы такие. Обставили все так, будто это — очередная разборка меж шустряками. Такое у подобного народа не так уж редко случается, окружающие, по старой традиции, носа не суют и притворяются, будто ничего не видели и не слышали. Если кто-то придет, сграбастают...

— А если придет кто-то вроде них? — задумчиво сказал Сварог. — Я, пожалуй что, добавлю к вашим людям парочку своих, мы это попозже обговорим...

Он оглянулся. Семеро прилетевших с ним стояли у лесенки с выжидательно терпеливым видом, свойственным опытным агентам. Двое с длинными металлическими шестами, повыше человеческого роста, которые они держали, как копья, двое с пустыми руками, у троих на плечах — объемистые сумки с кое-какой аппаратурой.

— Шесть из двенадцати, — сказал Гаржак, глядя в сторону. — Таких потерь у меня еще не было. Отличные были ребята, не первый год знал, у половины дети остались...

Ощувив жгучее чувство вины (ничуть не мнимой), Сварог веско сказал:

— О близких и о семьях позаботимся.

Гаржак молча склонил голову. На душе у Сварога было мерзко — любой ли-

вень королевских милостей, любые посмертные почести, ордена и монументы никогда и никого еще не вернули... Старая истина, но всякий раз погано на душе...

— Ну что ж, пойдёмте, — сказал он, обернулся к своим и выразительно дернул подбородком.

Гаржак пошел первым меж могучих сосен, обходя самые непролазные заросли кустарника и папоротников выше человеческого роста, равнодушно сшибая крупные грибы, которых в другое время непременно стоило бы набрать пару-тройку корзин — отец Гриук умел их готовить лучше дворцовых поваров. Вскоре, уардов через двести, и точно, потянулось редколесье, где и конным проехать очень легко, и засады не устроишь: заметят тебя издали, и следить за кем-то, оставаясь незаметным, не получится.

Вскоре Сварог увидел первую мертвую лошадь — действительно никаких видимых повреждений... И еще несколько... Они оказались на чем-то вроде прогалины — но все же поросшей деревьями так, что и вимана не опустилась бы. Кучка людей стояла в стороне, держа под уздцы коней. Чуть левее протянулся аккуратный рядок, при виде которого вновь защемило сердце: шесть продолговатых предметов, прикрытых короткими плащами, из-под которых виднелись сапоги.

Завидев Сварога, пятеро сорвали каталаны и поклонились. Коротко кивнув им, Сварог подошел к двум телам, лежавшим почти бок о бок возле мертвых лошадей, — вот эти двое, сразу видно, убиты пулями...

Почуялся резкий запах пороховой гари — скорее всего, показалось, все произошло часа два назад, любой пороховой дым давно развеяло бы...

Он стоял над ними с застывшим лицом. Лица Стахора он не видел, того пули швырнули ничком (да, вот и четыре следа от них на спине), руки под грудью, ноги поджаты, словно он собирался куда-то прыгнуть в свой последний миг. Эгле лежала навзничь — три пули в грудь, лицо не задето, на нем так и застыла яростная решимость. В откинутой правой руке так и зажат небольшой, никогда раньше не виденный предмет: черная гнутая рукоять, вместо ствола — толстая серебристая спираль. Одеждой ничем не отличаются от местных: зеленые костюмы, высокие сапоги, охотничьи ножи на поясах, тут же валяются каталаны с окаймляющими тулью ожерельями из звериных зубов — Сварог не стал присматриваться чьих.

Не было ни сожаления, ни сочувствия, ни чувства вины. Если уж откровенно, только облегчение от того, что разрешалась еще одна проблема, способная стать крайне серьезной из-за своей загадочности: неизвестно было, чего следует ожидать, абсолютно неизвестно.

И, как случается в таких вот ситуациях — что-то вроде тоскливой усталости и легкой злобы на жизнь за то, что она именно такова и другой никогда не станет...

— Давайте, — кивнул он своим.

Ни единого вопроса не последовало — все обговорили заранее. Работа началась: из мертвых рук со всеми предосторожностями вынули неизвестное оружие и упаковали в надежные контейнеры, металлические шесты в два счета превратили в носилки (Марлок настаивал, чтобы тела скрупулезно исследовали, учитывая, что Стахор и Эгле обладали кое-какими *странными* способностями), двое с приборами принялись обследовать деревья и трупы — следова-

ло на всякий случай поискать и следы, какие оружие оставило — если оставило). Сварог, без которого, в общем, все и так крутилось, как часовой механизм, постоял немного, потом, отшвырнув сигарету, подошел к пятерым оставшимся в живых. Те подтянулись на военный манер. Как и Гаржак, они выглядели понурыми и подавленными, но ни у кого Сварог не увидел признаков *сломленности*, и это было хорошо. Твердые ребята, пусть и с пятнышками на биографиях. С двумя он встречался лично во время инструктажа перед очередной операцией, а об остальных знал немало, как и обо всех людях Гаржака. В подобной ситуации людей просто необходимо подбодрить, заверить, что они старались не зря. А потери всегда были и всегда будут...

— Молодцы, ребята, — сказал он, переводя с одного на другого один из сугубо *королевских* взглядов. — Сделали все, что могли, большего от человека и требовать невозможно...

Лица у них стали теми, каких он и ожидал. Великое все-таки дело — похвала Главнокомандующего, как бы он ни именовался. Тот, что стоит справа, брюнет с ястребиным носом, чуть повел головой в сторону покрытых плащами и сказал ничуть не робко:

— Похоронить бы как следует, Ваше величество...

Правильные были парни.

— Уж это непременно, — сказал Сварог. — Сейчас прилетит второй самолет, заберет всех, я распорядюсь, чтобы сделано было все, что надлежит...

Монументов, конечно, не будет, подумал он — людям этой профессии их не ставят. Наград тоже не будет — не по скупердяйству, а оттого, что эти парни ни при какой погоде не романтики, подобная мишура им абсолютно не нужна, предпочитают брать деньгами. А в общем, как не раз уже было думано-передумано, итог как итог. Не хуже и не лучше многих других...

...Сварог Барг, король королей и прочая, и прочая, пребывал в Малом кабинете. Поместился в кресле, в позе, не вполне приличествующей королю: вытянув ноги, едва не съехав с кресла седалищем, закинув руки за голову. К счастью, свидетелей столь вопиющего нарушения этикета не имелось. А вот повод расслабиться имелся нешуточный.

Над входом в «королевскую половину» с утра висел узкий, золотистого цвета прапорец с тремя плетеными косицами — знак, что король на сегодня изволил быть свободным от всех текущих дел, так что беспокоить его не следует (что, естественно, не касалось всех причастных к спецслужбам). Сварог давно уже с живейшим интересом поглядывал на изящный шкафчик с запасом лучшего спиртного — но лень было вставать.

Он и в самом деле провернул нешуточную работу — ну, не один, конечно, сплошь и рядом с многочисленными помощниками, однако мотором всего предприятия был именно он...

На девственно чистом столе перед ним лежали только три стопы бумаг — долго готовившиеся, но доведенные наконец до ума проекты — и каждую стопу венчал королевский указ, по всем правилам подписанный золотыми чернилами, припечатанный Большой королевский печатью и украшенный двумя подвесными на витых шнурках из золотой канители.

Одну из них назвать стопой можно было из чистой вежливости — не считая указа, там имелось всего-то три листочка, после обнаружения которых герольдами крестьяне возрадуются, а благородное дворянство немного закру-

чинится — но это уже его проблемы...

Сим указом Сварог отменял одну из старых привилегий сеньоров — согласно которой крестьяне могли печь хлеб исключительно на господских пекарнях. Далеко не самая важная привилегия — но дворянство за нее держалось, как за все прочие, а крестьяне, соответственно, терпеть не могли, это им обходилось в год в нешуточную копейку — этакий исполнительный налог. Повинность эта не раз становилась не главной, но серьезной причиной крестьянских мятежей и всегда вносилась в список требований (если таковой составлялся).

Вот так я вас, подумал Сварог, — буду гуманно рубить кошке хвост по частям. А там еще одно послабление, и еще. В меру, конечно, не увлекаясь чересчур, не пробуя с маху развалить тысячелетиями вертевшиеся механизмы...

Собственно, хватило бы и одного-единственного листочка — но пришлось присовокупить еще парочку, где Лемар со свойственным ему изяществом и красноречием обосновывал очередное мудрое решение короля. Проглотят, подумал Сварог. Это все же не покушение на основы, перетерпят, поворчат и привыкнут — конечно, как порой бывает, может вынырнуть псих с кинжалом, но не будет ни общего возмущения, ни рокошей — ну, разве что дернутся провинциальные романтики вроде графа Сезара. Вот, кстати. Нужно будет еще продумать указ об отмене рокошей, чересчур уж архаичного пережитка, во времена регулярных армий, самолетов и пушек казавшегося дурной комедией.

Вторая стопа — толщиной с широкую мужскую ладонь. Указ об учреждении Сословия Огненного Колеса, над которым давно уже работали герцог Брейсингем и его советники. Все проработано и прописано до мелочей: права и обязанности, особые плащи, отличительные знаки, головные уборы. Объединяет всех инженеров, работающих с паровыми машинами, электричеством (оно хоть и в зачаточном состоянии, но кое-где применяется), паровозами и пароходами, рудниками и фабриками — одним словом, со всеми здешними передовыми технологиями. На базе всех технических училищ (пусть они здесь и называются иначе) будет создан Университет «Огненное Колесо». А рядовые мастера и те, кого можно назвать техниками, для поднятия престижа переводятся из Железной гильдии в Серебряную, приписываются к Кораблестроителям. В списке Сословий новое отныне стоит на третьем месте — что непременно привлечет туда дворян и отпрысков других Сословий, среди них немало светлых голов.

Сварог удовлетворенно потянулся, еще раз смерив взглядом толщину стопы — все же неплохая работа проделана...

А вот третья, хотя и в полтора раза толще, особой радости не вызывала — поскольку являла собой исключительно сладкий пряник для благородного дворянства — одной рукой что-то отнимаем, другой даем...

Указ о возобновлении регулярных рыцарских турниров, прекратившихся лет четыреста назад — о чем дворянство до сих пор сожалеет. Четыре больших турнира в год — три по отдельным королевствам, четвертый, выражаясь спортивным языком, финальный. На каждом, кроме главного приза, традиционно имелось еще с полдюжины второстепенных, но тоже престижных — скажем, за трех подряд соперников, выбитых из седел, или победу в стрельбе из лука.

Вот *это* их проймет до глубины души, моментально забудут и о «пекарной» привилегии, и о парочке других, которые Сварог собирался отменить уже в этом году. Наперегонки станут готовиться, дни считать...

В общем-то, сам Сварог никаких трудов и не затратил — всю работу провернули земные герольдмейстеры, старички из имперской Геральдической коллегии, давние и верные союзники Сварога. Конечно, придется многих наградить — а первым в списке поставить графа Дино.

Именно граф, уже давно излечившийся от черной меланхолии касательно личной жизни, едва услышав о проекте, предложил отличную идею: финансисты тоже немного циники, работа такая... В два счета объяснил Сварогу, как сделать турниры не просто благородной потехой, но и постоянным источником дохода для казны...

Должность главного распорядителя турнира испокон веков считалась почетной. Таковой она и останется — но будет привилегией, за которую как главному, так и полудюжине его ближайших помощников придется ежегодно вносить в казну кругленькую сумму. Раскошелятся, как миленькие, — ни за что честолобцы не платят так дорого, как за всевозможную почетную мишуру. Свой взнос будут платить и участники турнира. Плата будет браться и со зрителей, правда, исключительно мужского пола (сделаем приятное женщинам). Турнирные доспехи предстоит заказывать не где попало, а в строго определенных мастерских, принадлежащих опять-таки короне. То же касается и оружия. Налог с торговцев, которые всегда кишели на турнирах. Школы выездки турнирных могучих лошадей — в руках казны. Общий итог получался довольно впечатляющим — а в Трех Королевствах деньги нужны постоянно, их там вечно не хватает... А что же вы хотели, господа мои? За развлечения, особенно сопряженные с получением почетных званий, надо платить...

Хорошо бы еще ввести для участников обязательное страхование, это добавило бы к ожидаемой прибыли не менее двадцати процентов. Но тут уж ничего не поделаешь: дворяне-с... Страхование здесь процветает не первую сотню лет, но для дворянина страховать столь же позорно, как показаться на людях без шляпы или завести гончарный заводик, не располагая сырьем в своих землях. Купцы страхуют корабли и грузы, склады, магазины, лавки и лавчонки, таверны и все прочее, что только возможно, ремесленники — мастерские, крестьяне побогаче — урожай от плодоярки или засухи, а вот дворянину подобное неместно. Правда, в последнее время появились крамольники, в основном из захудалых, начинают помаленьку страховать дома и те же урожаи, но отношение к ним самое неодобрительное...

И обязательно, как следует обдумав, сделать что-то с дуэлями — совсем запретить не получится, но стоит попытаться оставить несколько самых важных поводов, когда уж честь по-настоящему задета, а превеликое множество пустяковых («лаур, ты кого имел в виду, столь гнусно ухмыляясь?») — поневоле пришлось на ум) отменить к чертовой матери.

Стоп, стоп! Это уже дела, и отнюдь не текущие. Так что нужно старательно отвлечься, в кои-то веки выпадает... Может быть, взять Яну и махнуть на денек в Ратагайскую Пушту? Она давно хотела. Но ведь ратагайцы, раньше чем через три дня, не отпустят, иначе получится нешуточный ущерб для чести, по всей степи пойдут пересуды: эти-то, Черные Шапки, гостю уже через день уехать позволили, стыд им и позор, сквалыгам и нарушителям обычаев... И не

объяснишь им, что в любой момент могут выдернуть по неотложным делам... Забудем пока.

Он позвонил статс-секретарю, чтобы унес документы и передал указы печатникам. С привычной сноровкой накрыл себе небольшой достархан, опрокинул пузатую чарочку и придвинул к себе одиноко красовавшуюся посреди стола большую картонную коробку для канцелярских бумаг, заменявшую здесь папки. Эмблема тайной полиции, аккуратнейшим писарским почерком выведено: «АССАМБЛЕИ». Вытряхнул из нее на стол с дюжину других, толстых и тоненьких. Это уже были не дела, а чистой воды утоление любопытства — порой бумаги Интагара для этого и служили.

На всех стояла та же эмблема, канцелярским почерком выведено где «Безобидно», где «Заслуживает внимания». Одна папка выделялась из прочих, поперек шла жирно намалеванная красная полоса (с канцелярской точки зрения ничего не означавшая, просто чья-то самодеятельность, чтобы привлечь внимание), и уже не полицейский писарь, а Интагар начертал пониже полосы коряво и размашисто: «Суцая мерзость».

Подумав, Сварог решил, что с мерзости начинать не стоит, ее и так хватает, лучше оставить на потом. Поворошив папки, выбрал одну из безобидных.

Ассамблеями здесь именовалось то, что в Англии назвали бы клубами, а в Советском Союзе — кружками по интересам. Устав, членство, система рекомендаций для гостей и кандидатов...

Больше всего имелось игорных — карты, кости, корут[119], скидель[120]. Примерно в половине играли без ставок, интереса ради, в оставшейся половине — на деньги. От обычных игорных домов Ассамблеи такие отличались тем, что туда не мог попасть посторонний с улицы (а вот шулера, маскируясь под приличных, все же просачивались по чьей-нибудь рекомендации). На всех тех, где игра шла на деньги, стоял давно знакомый Сварогу штампик, заключенный в квадрат глаз, означавший, что агентурное наблюдение за данным заведением ведется, и тихари туда внедрены.

Куда только Интагар ни внедрял агентуру, разве что к монахам из боевых Братств не удавалось — чтобы к ним *врасти*, нужны годы, да и контрразведка у них своя, о которой известно только то, что она существует...

О причинах появления штампика Сварог догадался и без пояснений — бывали печальные примеры. Члены таких Ассамблей — люди денежные, игра частенько идет по крупной, а среди завсегдатаев хватает чиновников, обремененных государственными тайнами.

Проигравшиеся в пух и прах, без надежды поправить дела ведут себя по-разному: у военных хорошим тоном считается стреляться, а вот гражданские... Иные как раз и пытаются торгаться доверенными им государственными секретами, и не всегда вовремя удается схватить за руку. Были примеры, были. А потому таким заведениям уделяют особое внимание иностранные шпионы — и здесь хватало примеров. Да что там далеко ходить, в те времена, когда Сварог еще не был снольдерским королем, люди того же Интагара из внешней разведки...

Он ухмыльнулся и отложил папку — что было, былшем поросло. Немало Ассамблей (кстати, им всем дают названия, стараясь подбирать по красивее) по сути своей — те же самые дворовые компании, в которых прошла юность Сварога: гитара, бутылочка, все прочее... Правда, в здешних Ассамблеях собирает-

ся «золотая молодежь» обоего пола, дворяне и верхушка Сословий, но суть под любыми звездами одинакова: танцы, флирт, бутылочка-другая, а то и задние комнаты для удобства влюбленных пар. Правда, в том случае, если Ассамблея собирается в чьем-то родительском доме, о бутылочках и задних комнатах и речи быть не может: родители бдят (явно помня собственную молодость), обычно отряжают в надсмотрщицы какую-нибудь пожилую тетюшку, и та, якобы прикорнув в углу за своим вязаньем, на деле следит за происходящим не хуже интагаровых сыскарей. Да и лакеи стучат, что им в прямую обязанность вменено. А в общем, предоставлять свой дом для таких вот Ассамблей считается хорошим тоном. В чем наверняка есть немало и от житейской практичности — пусть уж дети, особенно дочери, будут на глазах, чем болтаться по друзьям и подругам. Да и те, у кого дочери на выданье, могут подходящего жениха присмотреть, как это имеет место быть на балах, вообще приглядеться к молодым холостякам...

Те, на чье месячное содержание родители не скупятся, проявляют порой побольше изобретательности. Сварог, перелистывая очередную сводку, не без удивления узнал о двойном дне респектабельного ресторана «Золотой олень», где они с Яной порой ужинали и танцевали — кухня там была хорошая, особенно морская и оркестр неплох. Оказывается, ресторан давным-давно перекупила у хозяина (оставив его управляющим) Ассамблея «Лесной василек» — и трижды в неделю заведение было открыто только для своих. А если учесть, что там был еще и второй этаж с неплохо обставленными комнатами... Правда, никак нельзя сказать, чтобы молодежь так уж погрязла в предосудительных развлечениях — все обстояло довольно прилично, в пределах некой нормы — знали меру...

Чего никак не скажешь о некоторых других Ассамблеях, например о «Парчовой маске». В полном соответствии с названием, члены туда являлись исключительно в масках, полностью скрывавших лицо. Никто никого не знал, и уж там-то развлекались по полной. Тут же имелась справка от начальника внедренных туда агентов, сообщавшая, в чем прикол: «верные» жены и «верные» мужья с безукоризненной репутацией в обществе, о которых самые завзятые сплетники не в силах раскопать ничего дурного, да вдобавок благонравные доченьки титулованных родителей, которых весь окружающий мир полагал образцом добродетели и невинности. Некоторых агентам Интагара все же удалось проследить и опознать. Тут тоже следовало держать ухо востро: еще одно грибное и рыбное местечко для сбора компромата, способное привлечь иностранных шпионов.

Ну, а уж «Молодая лань», которой и посвящена та самая папочка с красной полосой, собственноручно Интагаром подписанная, единственная из всех... Читая, Сварог крутил головой, фыркал, иногда ругался про себя: в конце концов, есть же какие-то пределы светских развлечений. А тут... Не всякий бордель способен конкурировать. Ассамблею создали некий молодой граф с супругой и принимались туда только молодые супружеские пары, на время заседаний, так сказать, Ассамблеи перестававшие быть таковыми. И начиналось...

Он сердито бросил папку на стол, подавив желание вытереть руки носовым платком: положительно, есть же пределы... И все это в паре, тройке кварталов от королевского дворца — граф не из бедняков, а степень престижности

здесь определяется близостью жилья ко дворцу. Опять-таки, все члены Ассамблеи приняты при дворе, никто ни разу не дал повода для сплетен, с графиней Сварог несколько раз танцевал на балах, оставалось впечатление чистоты и свежести. А в узком кругу, значит, вот так...

Хорошо еще, настроение подняла следующая папочка, не содержащая никакой грязи, наоборот способная лишь развеселить. С десятков мастеров цеха Фонарщиков Золотой Гильдии организовали Ассамблею «Тайны земли и неба», на заседания которой и уходили почти каждый вечер. Женам они с таинственным видом, сплошь недомолвками, сообщали, что занимаются поиском кладов посредством лозоходства, а также кое-чем столь тайным, о чем и близким говорить нельзя. Заседания всякий раз проходили в задней комнате таверны «Кошка и кастрюля» и заключались исключительно в распитии нескольких жбанов доброго пива с хорошей закуской. Жены пока что верили.

Сварог фыркнул, на сей раз весело. Мужички подыскивали себе надежную и убедительную легенду. Лозоходство наказуемой магией не считалось, числилось среди «не до конца познанных стихийных сил» и никем не преследовалось. (Ученые, с которыми Сварог как-то говорил по этому поводу, разводили руками: никто не может объяснить, как и почему, но это *работает*.) Что не исключает появления шарлатанов, но это уже забота полиции. С некоторым сочувствием к выдумщикам Сварог подумал, что эта благодать до бесконечности тянуться не сможет — рано или поздно кто-то из жен что-то заподозрит, начнет думать, сопоставлять, поделится сомнениями с приятельницами. Подозрительные жены кое в чем не уступают полицейским сыщикам, даже самым хватким. Рано или поздно запорются, а жаль: совершенно безвредные мужики, озабоченные, кроме работы, одним: как бы им собираться на дружеские посиделки за добрым пивом чаще, чем позволяют сварливые жены? При чем женам при этом не изменяют, не то что некоторые — ни единого раза не зафиксировано присутствия на Ассамблее особ противоположного пола, посторонних своего пола, впрочем, тоже. Так-так-так... Матушка[121] Таммаж, супружница одного из мастеров, недавно замечена в «Кошке и кастрюле». Совала монеты парочке слуг, подающих напитки и закусь в задние комнаты, пыталась разузнать, о чем на заседаниях Ассамблеи говорится. Началось. И будет, несомненно, иметь продолжение. Может быть, дело тут не в нелюбви женушек к подобным посиделкам, а в названии Ассамблеи. Весьма возможно, кто-то из жен мог подумать, что их мужья связались с теми предосудительными видами магии, что запрещены и неустанно преследуются. Ведь не успокоятся матушки, туда их батюшку. И ничего нельзя сделать. А почему, собственно, нельзя? Кто сказал, что нельзя? Королю Сварогу Варгу многое можно...

Согнав с лица лукавую ухмылку, он нажал шпенек вызова статс-секретаря, и когда тот вошел, протянул ему одну из бумаг, касавшихся «лозоходцев»:

— Приготовьте для каждого из здесь упомянутых Королевскую Привилегию. Поскольку достоверно установлено, что деятельность Ассамблеи «Тайны земли и неба» ни в коей степени не связана с предосудительными разновидностями магии, преследуемыми законами королевства, его величеству благоугодно выдать означенной Ассамблее привилегию и далее продолжать деятельность так долго, как найдут нужным члены Ассамблеи. При условии, что они и впредь не вступят в противоречие с «Кодексом о черной магии и близким оной занятиям». Формулировка... Ничего нового. «За искусное и быстрое

выполнение работы, вызвавшей удовлетворение короля». Пусть гонец, который будет бумагу доставлять, выдаст каждому по золотому («За сообразительность», — мысленно усмехнулся он), но моим именем накажет: более число членов Академии не расширять.

Он был доволен собой. Раз в кои-то веки сделал доброе дело, не преследуя при этом никакой выгоды для себя или государства. Любая матушка, если муженек ей с торжествующим видом сунет под нос такую бумагу, навсегда прикусит язычок, не говоря уж о том, чтобы вынюхивать в «Кошке и кастрюле».

— Да, вот что еще, — сказал он. — Эти люди должны знать: привилегия им дана за то, что они искусно выполнили порученную им работу во дворце. Им велено не удивляться и помнить, что король знает все...

Статс-секретарь чуть поклонился в знак того, что все понял, содержание бумаги по своему обыкновению запомнил накрепко и вопросов не имеет. Застыл в выжидательной позе — могли последовать и другие распоряжения.

— Пока все, — сказал Сварог.

Когда за секретарем бесшумно затворилась дверь, взялся за оставшиеся бумаги, коих было не так уж много. Ничего особенно интересного, если не считать жуткого скандала, разразившегося на заседании Ассамблеи «Родниковая Вода», несколько лет пропагандировавшей воздержание от алкоголя путем издания за собственный счет соответствующих брошюр и распространения их по кабакам (распространители ломили за свой нелегкий труд жалованье втрое больше обычного, ссылаясь на то, что регулярно подвергаются насмешкам, а то и рукоприкладству). Председатель Ассамблеи маркиз Дегелен явился на заседание вдрызг пьяным, с трибуны швырнул в зал свою нагрудную цепь председателя с эмблемой общества и заявил, что ноги его не будет... (нецензурные определения канцеляристы деликатно заменили парой строк точек). Сварог фыркнул, не удержавшись. Сколько маркиз продержался в громогласно объявленной завязке? Ага, четыре года. Ну, так оно чаще всего с завязавшими и бывает...

Все время, пока он читал бумаги, думал: решится Интагар или нет. Ага, все же решился. Последняя папка содержала один-единственный лист, на котором написано всего несколько строчек. Две недели назад графиня Канилла Дегро создала свою Ассамблею, поименовала ее Ассамблеей Боярышника и взяла бразды правления в свои руки. Примерная численность членов. Место проведения заседаний. И все, ничего больше.

Четко все же Интагар понимает субординацию. Уж ему ли не знать истинного лица графини Дегро, ее места и роли в этой жизни. Тихарей к Канилле не подсунил и особенно вникать в ее развлечения не стал, но дипломатично проигнализировал — мало ли что, вдруг король не знает... Король все прекрасно знал — так уж сложилось, что о «Боярышнике» ему известно почти все, так уж обстоятельства сложились, и никакого компромата он тут не усматривает: Канилла соблюдает совершеннейшую благопристойность, если не считать одной интересной детали, но и она, в общем, ни о чем дурном не свидетельствует. Человек тридцать обоего пола, две трети — лары и лариссы (не только из числа юных соратников Сварога), танцы до упаду, вполне безобидные игры. Есть, правда, и «задние комнаты», но они предназначены исключительно для сложившихся пар, у которых просто-напросто нет своего любовного гнездышка, а пользоваться номерами, пусть даже самых респектабельных гостиниц,

они просто стесняются или боятся огласки (как в первую очередь дочки Интагара, тоже состоящие в Ассамблее). Добрая душа — Канилла Дегро. Сама в свое время немало намыкалась без того самого гнездышка, так что покровительствует влюбленным вовсю, коли уж есть теперь все возможности. Хороший все же человек растет. Впору в который раз мимолетно удивиться: каким чутьем Яна в свое время отобрала в друзья и подруги людей без самой ничтожной капли *гнили*? А ведь Древним Ветром тогда еще не владела...

Когда замигала синяя лампочка, установленная так, что видна была только ему, Сварог нажал шпенек. Бесшумно вошедший статс-секретарь доложил:

— Текст Привилегии записан и передан печатникам. Господин Интагар только что справлялся, можете ли вы его принять...

Формулировка эта давно вошла в обиход: таким образом Интагар давал знать, что ничего срочного или важного у него нет, но кое-какие новости рассказать может. Ну что же, будем считать это очередным мероприятием в рамках объявленного на сегодня безделья, иные сплетни, принесенные верным бульдогом, только веселят...

— Пригласите, — сказал Сварог. — И вот что еще... Пошлите верхового в «Медвежью пещеру». Пусть передаст герцогине Латери, что я хотел бы с ней поговорить. Это не срочно. Скажем, часа в четыре. Идите.

Кое-какие текущие дела все же предстояло решить сегодня, чтобы не затягивать — ну, не особенно и сложные дела...

С первого взгляда Сварог определил, что вид у Интагара крайне удрученный и даже подавленный. Таким его Сварог видел крайне редко и прекрасно знал: это неспроста, тут что-то кроется. Даже о крайне серьезных опасностях Интагар сообщал с непроницаемым выражением лица...

А посему Сварог первым делом налил ему добрую чарку, от которой Интагар, конечно же, не отказался, никогда в таких случаях не жеманился.

Когда он прожевал прозрачный ломтик мастерски завяленной кабанятины (недавно в гости заглядывал отец Грук и привез мешок каталаунских вкустостей), Сварог спросил:

— Ничего не случилось?

— Если говорить о делах — ничего особенного, — ответил Интагар как-то загадочно. — Хотя ваш совет мне необходим.

— Что стряслось?

— По дворцу распространился новый слух, — сказал Интагар. — Достаточно широко, раньше, чем мы успели его *загасить*. Вот мне и нужен ваш совет, вам, по-моему, виднее... Понимаете ли, государь, дворцовые сплетники и сплетницы вновь начали болтать о... баронессе Вольмер, точнее, ее истинном лице. Нет, я неточно выразился. Не об истинном, а как бы сказать... Одним из... В общем, широко пошли разговоры, что она — не просто провинциальная дворяночка, а ваша законная супруга, королева Хелльстада. Источник убедительный — король Тейл из Шотера. Хвастался, что был гостем на вашей свадьбе, так что знает все точно и ошибиться никак не может.

Сварог выругался сквозь зубы. Следовало ожидать. Большинство из приглашенных на свадьбу — люди свои, народ серьезный и понимающий, болтать никто не стал бы. А вот несколько особ совершенно посторонних, которых пришлось тем не менее допустить на торжество... Тейл, паршивец. Тот самый королек из Вольных Майоров, что беззастенчиво тырил на свадьбе со стола зо-

лотые вилки-солонки. Ну да, неделю назад он приезжал приносить Сварогу как Высокому Покровителю Вольных Майоров слезную жалобу на соседа — у того, пусть всего-навсего маркиза, и державочка была побольше и покрепче, и армия посильнее. Вот он без церемоний и оттяпал у короля обширные заречные луга, одним махом сократив пастбищные земли крохотного королевства на добрую треть. При дворе королек болтался три дня, значит, видел Яну, императрицу в ней не опознал, но вот супругу короля Хелльстада... Скотина клептоманская, хоть свергай... Но не стирать же им всем было память?

— Не подумайте, государь, что я боюсь брать на себя ответственность, — торопливо заверил Интагар. — Просто... В прошлый раз именно вы, а не я, нашли удачное решение. Вот я и подумал, что нужно посоветоваться...

Он нисколько не льстил — Сварог и в самом деле отыскал изящное, оказавшееся крайне эффективным решение. Когда нашлись болтуны, опознавшие-таки в Яне императрицу (или, по крайней мере, усмотревшие «поразительное сходство»), Сварог моментально применил метод «встречного пожара». *Навстречу* тут же была оперативно пущена другая сплетня: что королю Сварогу, самодуру и бабнику, приелись доступные придворные красотки и балерины. И он приказал тайной полиции хоть из-под земли раздобыть девушку, как можно более похожую на императрицу. Что полиция и исполнила, отыскав где-то в глуши захудалую дворяночку.

Верили этому охотно, поскольку прецеденты давно имелись. Владельцы самых элитных борделей заколачивали немалую денежку, используя двойников (или правильнее будет — двойниц?) самых соблазнительных придворных красоток, знаменитых актрис, певиц. Происходило все это в глубокой тайне — поскольку оригиналы, узнав о таком, могли причинить нешуточные неприятности... Как это было три года назад с Маргиленой Дино. Проведав, что в одном из борделей-люкс Равены ударно утрудится шлюха, похожая на нее, как горошинка из одного стручка, она не стала топтать ногами и гневаться — сказался опыт работы на восьмой департамент. Она просто-напросто созвала своих дворян, ватагу безденежных удальцов, отсыпала им золота и поставила задачу. Ватага, предварительно пропив золото в одном из кабаков до последнего грошика, села на коней и поскакала в бордель, где по причине утреннего времени стояло затишье...

Морды они особенно не били — так, мимоходом, если рожа особенно не понравилась, — и уж тем более не обнажали мечей, но потрудились на славу. От борделя, собственно говоря, остались только стены и крыша, все остальное было превращено в щепки, черепки, осколки и драные тряпки. Владельца по шейку поместили в выгребную яму со строжайшим наказом сидеть так до темноты. Шлюху убедительно попросили моментально исчезнуть из Равены, забиться куда подальше и более не отсвечивать, иначе жутко и представить, что с ней будет. Как и следовало ожидать, полиция не нашла следов разгромивших бордель неизвестных, а вот воспитательный эффект получился знатный. Все остальные заведения, пользовавшие двойников, самое малое на месяц бросили это денежное занятие, а один, самый пессимистически настроенный, вообще отказался от таких заработков. А две «двойняшки», уstraшенные случившимся, смылись неизвестно куда.

Но дело было, конечно, только не в этом убедительном примере, отнюдь не единственном. Сплетни прекратились, как отрезало, оттого, что они затраги-

вали личность Высокой Госпожи Небес, а сие могло плохо кончиться — законы об оскорблении величества существуют не только на земле и мягкостью не отличаются. Недоброжелатели Сварога злорадно посмеивались по углам, ожидая для него нешуточных неприятностей (вполне возможных, если бы речь шла о ком-то другом), и были страшно разочарованы, когда так ничего и не произошло, молния с небес не грянула. Самый упорный из них (Сварог вытурил его родного брата из генералов гвардии за редкую бездарность в военном деле, а самого выпер из департамента мясной торговли за взятки и казнокрадство) даже накатыл на Сварога кляuzu наместнику — но, получив в ответ строжайший наказ не отвлекать серьезных и занятых людей пустыми выдумками (Сварогом же и продиктованный), затосковал, мрачно запил и в конце концов совершенно добровольно удалился от двора в свое ближайшее поместье.

Вот только сейчас этот прием решительно не годился, поскольку ситуация оказалась совершенно иная. Следовало пустить в ход что-то новое — а кое-какие идеи, между прочим, были и до того, как Интагар доложил о сплетнях...

Сварог разлил келимас по чаркам и сказал:

— Сейчас прикину кое-что, есть наметки...

Интагар напряженно ждал, непроизвольно вертя в толстых пальцах пустую чарку. Сварог наконец поднял глаза:

— У вас, я помню, есть знаток и умелец как распускать слухи, так и противодействовать. Совсем молодой, но толковый. Я с ним как-то встречался у вас... Вихрастый, чуточку забавный, похож на моего Элкона, когда тот только начинал служить — но голова светлая. Он мне еще выкрикнул, когда завязался спор: «Да что вы в этом понимаете, Ваше величество!»

— Мэтр Доритас, — осторожно сказал Интагар. — Вы не рассердились?

— Да вздор, — сказал Сварог. — Не первый год меня знаете. Уж если тогда не рассердился, то почему теперь, задним числом... К тому же, он был прав. Я тогда и в самом деле далеко не все понимал. Итак, Доритас... Имя я забыл, но хорошо помню, что он мне рассказывал о трех категориях знания. Любые сведения, распространяемые, так сказать, из уст в уши, проходят три стадии: сначала сплетни, потом они перерастают в слухи, в том случае, если приобретают полную убедительность, и наконец, становятся точными сведениями, которые власть по той или иной причине признавать не хочет...

— Вот именно. Слишком часто так и обстояло.

— Отлично, — сказал Сварог. — Надеюсь, вы его не выставили за тот случай?

— Конечно, нет. Вы же велели тогда оставить без последствий. А работник он ценный... несмотря на все издержки молодости.

— Ну, молодость — такой недостаток, что с годами непременно проходит... — усмехнулся Сварог. — Бросьте его на это дело, пусть подберет людей и запускает механизм. Задача: сплетням не препятствовать. Наоборот — как можно быстрее и качественнее перевести их из первой категории в третью. Как именно это обеспечить, пусть ломает голову ваш Доритас, но это нужно сделать как можно быстрее, — он посмотрел на изумленного до крайней степени Интагара, усмехнулся. — Да, именно так мы и поступим. Я приготовил операцию в несколько ходов, это ее начало... Нет, это вовсе не один тех случаев, когда вам не полагается что-то знать. Просто она до конца не продумана, а

я не люблю выносить такие на обсуждение... Когда начнется, вы все узнаете первым.

— А биография баронессы Вольмер? — уже деловым тоном спросил Интагар.

— Оставьте прежней, — не особенно раздумывая, сказал Сварог. — Дворяночка из захудалого рода, жила в примыкающих к Хелльстаду районах и однажды попалась Королю на глаза... Бывало не раз и не только в балладах, в конце концов, с Лавинией Лоранской именно так и произошло... Ну, что же, кажется, у нас не осталось текущих дел?

Он машинально постукивал по краю стола папкой с красной полосой, на которую Интагар уставился с явным неодобрением.

— Да уж, грязь... — сказал Сварог тоном, каким обычно давал понять, что серьезные дела кончились — началась обычная беседа. — Послушайте, Интагар... Не как король с министром, а как мужчина с женщиной... Такое впечатление, что я чего-то в этой жизни не понимаю. Я о графе с графиней и их спешейся компании. Как-то в голове не укладывается. Его молодую красавицу жену пользуют сразу двумя «янтарными жезлами», а он любит. Ну, и остальные не отстают... Что, ничего нельзя сделать?

— Ничего, ваше величество, — угрюмо отозвался Интагар. — Это при Кадарене Свирепом таких жгли, несмотря за знатность рода, но это было четыреста лет назад... да кстати, это и было одной из причин его убийства. Даже Конгер, как ни хмурился, не мог ничего поделать. Там нет ни малолетних, ни принуждения. А «янтарные жезлы» и прочая такая дрянь открыто продаются в аптекарских лавках, хоть и не лежат на самом видном месте... И что хуже всего, за это уцепились в Лоране, там вышла добрая дюжина анонимных памфлетов. Никаких имен, конечно, не приводят, ни малейшей зацепки для дипломатов, я справлялся — но ко всем этим забавам припутывают и «некоего короля», опять-таки без зацепок. У них тоже есть неплохие мастера таких дел. Серьезного вреда не причинят, но все равно неприятно... Занести вам как-нибудь папку?

— Пожалуй, — сказал Сварог. — Посмотрим, как работают у них. Интересно, а мы можем ответить в том же духе?

— Если как следует покопаться, — сказал Интагар, нехорошо ухмыляясь. — Я поручу мэтру Доритасу еще и это, у нас есть кое-что... И вот что еще... Коли уж разговор у нас неофициальный... Вы можете и не знать, но мы-то выяснили совершенно точно...

— Что там опять на мою голову? — спросил Сварог.

— Маркиза Ролатон...

— И что с ней не так?

Интагар чуточку помялся, решительно вскинул голову:

— Ваше величество, с *того самого* вечера она всякий раз, когда остается ночевать на земле, проводит ночи в особняке герцога Лемара. Вот уже полтора месяца. Нельзя сказать, что они особенно уж скрываются, так что и сплетникам эта тема уже наскучила...

Вот сволочь, подумал Сварог. Ведь предупреждал же: один-единственный раз...

Интагар осторожно сказал:

— Отношений графини Дегро и графа Гаржака я, как вы и приказали, боль-

ше не касаюсь. Но здесь совсем другие характеры, если вы понимаете, о чем я...

— Понимаю, кажется, — сквозь зубы сказал Сварог.

Интагар спросил еще осторожнее:

— Может, на Стагар его? Работать он и там будет.

Сварог вздохнул:

— Ну да. А она, и к гадалке не ходи, поедет за ним туда. Поскольку это Высокая Госпожа Небес, вы ничем не сможете воспрепятствовать, да и я не смогу приказать. А обидится она на меня страшно... Придется терпеть. И ничего тут не попишешь. Вот, кстати, а как у него за эти полтора месяца отношения с *другими*? Он ведь никогда одной подругой не ограничивался.

Интагар поджал губы:

— Самое занятное, государь, что за эти полтора месяца других у него не было. Никаких сомнений — так, как он обложен...

— Ну, вот видите, — сказал Сварог. — Может, и остепенился — годы, чувства и все такое? В конце концов, не только в балладах случается, но и в жизни порой... Бывало ведь, а?

— Бывало, — пожал плечами Интагар. — Я и не говорю, что такое невозможно вовсе... Но вот от *других* своих привычек он явно не собирается отказываться.

— Чтоб его... — сказал Сварог. — Сколько случаев? Что-то серьезное?

— За эти полтора месяца — один. Как мои люди ни бдили. Снова сообщники, до которых мы еще не добрались. Один почтенный судовладелец лишился ста тысяч ауреев золотом — и на сей раз нет никаких зацепок, чтобы завести дело. И, как всегда, проделано все, надо отдать ему должное, с большим изяществом. Ну, по-другому у него, стервеца, и не бывает...

Крепко выругавшись про себя, Сварог распорядился:

— Ну что ж, пустите все обычным порядком. Купцу устройте какой-нибудь выгодный казенный подряд, чтобы хоть как-то возместил убытки... — он ухмыльнулся: — А знаете, что мне пришло в голову? Не кольнуть ли герцога его же оружием? Да, вот именно. Провернуть какую-нибудь аферу, в результате которой он потеряет кучу денег — да вдобавок получится огласка. *Осмеянный* Лемар — это что-то совсем другое... Неужели два таких, что уж там, прохвоста, как мы с вами, ничего не придумаем? Мало ли у нас умельцев?

На лице Интагара появилось хищно-радостное предвкушение:

— Ваше величество, стоит подумать! Я поговорю у себя кое с кем...

— Я тоже, — сказал Сварог. — Ну, еще по чарке за успех предприятия? Вот кстати... Интагар, у меня стойкое впечатление, что вы чем-то всерьез подавлены. Касайся это служебных дел, вы ни за что не смолчали... Что случилось? Я могу чем-нибудь помочь? Уж вы-то всегда можете на меня рассчитывать...

— Да нет, ваше величество, — уныло отозвался Интагар. — Это исключительно мои хлопоты, да и помощь тут не нужна...

— Рассказывайте, — сказал Сварог приказным тоном. — Вы же знаете: терпеть не могу, когда мои ближайшие сотрудники отягощены какими-то личными проблемами... Ну, рассказывайте.

Интагар вздохнул грустно и тяжело, как простуженный морж:

— Понимаете ли, ваше величество... Ко мне вчера приехал с визитом граф Субирон, лейтенант Черных Драгун, и по всем правилам попросил руки стар-

шей, Фионеллы...

— Ну и в чем же тут хлопоты? — с искренним недоумением спросил Сварог. — Уж о нем-то я немного наслышан. В свое время проводили некую операцию в Святой Земле силами исключительно офицеров, я тщательно отбирал кандидатов, военная контрразведка представила на каждого внушительное досье. В общем, вполне приличный молодой человек. Семья не из богачей, но и не из захудалых, единственный наследник. В гвардии на хорошем счету, несмотря на то, что драгун, пьет и играет не в пример скромнее иных сослуживцев, да и в борделях не замечен. По-моему, хорошая партия. Что вас останавливает?

— Да ничего, — столь же уныло ответил Интагар. — Я и сам все это знаю и понимаю. Я дал согласие, не особенно и раздумывая. Думать начал потом... Понимаете ли, он держался очень уж уверенно, так, словно заранее знал, как отнесется к этому Фионелла. А она, едва услышав, прямо-таки засияла от радости и тут же сказала, что никто другой ей не нужен.

— Вот тут уж я решительно ничего не понимаю, — сказал Сварог.

— Как вам сказать, ваше величество... У них на лицах было написано, что они любят друг друга... но ведь такие чувства не возникают внезапно. Это только в рыцарских романах и балладах блестящий рыцарь проезжает по улице, видит в окне девушку, и... как там это... «стрела любви вмиг поразила оба юных сердца, и они поняли, что не могут жить друг без друга...» Вот, примерно так. В жизни так не бывает. Чтобы возникли *отношения*, им должно что-то предшествовать, и порой достаточно долго. Какой-то флирт, роман, свидания, быть может даже... — он понурился вовсе уж горестно: — А я, получается, все это *просмотрел*... И ведь все свободное время старался уделять их воспитанию, насколько удавалось... Выходит, просмотрел. Фионелла — не мечтательный подросток с забитой рыцарскими романами головой, да и граф — не сопливый юнец. Что-то должно было предшествовать...

Вот оно в чем дело, подумал Сварог, стараясь сохранять крайне серьезное выражение лица. Действительно, нешуточный удар по самолюбию: всемогущий и вездесущий начальник тайной полиции, опутавший своими щупальцами весь Талар, не видел того, что творилось у него под самым носом, и полагал, что воспитывает дочек *правильно*. Затоскуешь тут... И ведь высчитал все верно...

Интагар угрюмо продолжал:

— Вот сижу теперь и маюсь раздумьями, а если и у Вилеретты что-то такое... Не зря говорят, что темнее всего под пламенем свечи...

Так-так-так, подумал Сварог, увидев мелькнувшую на лице Интагара сугубо профессиональную гримасу. С огромной долей вероятности можно предположить, что красавица Вилеретта уже обложена опытными сыскарями так, как не всякий особо опасный иностранный шпион. Нужно будет связаться с Каниллой, чтобы предупредила. Ни Вилеретта, ни ее лейтенант не учены выявлению квалифицированной слежки, а лейтенант ее, судя по отзывам — парень неплохой, жалко будет, если с ним что-нибудь случится. Нрав у Интагара крутой, а уж когда речь идет о дочках, и вовсе свирепеет...

— Ну, в конце концов, ничего страшного не произошло, — сказал Сварог. — Ничего мрачного я пока что не вижу.

— Кроме того, что я оказался слепым дураком... — сказал Интагар. — Под

самым носом...

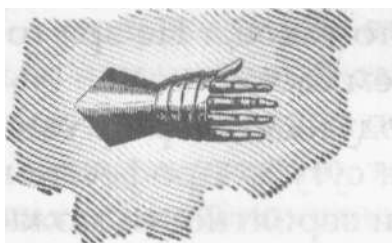
Сварог встал, обошел стол — Интагар торопливо поднялся — похлопал верного министра по плечу:

— Бросите вы печалиться. Что уж теперь... Главное, все идет отлично. Сыграете свадьбу, меня пригласите... Хотите в посаженные отцы принца Элвара?

— А это возможно? — уныние на лице Интагара моментально сменилось нешуточной радостью.

— Почему бы и нет? — сказал Сварог. — Принц знает и любит это ремесло, а отношения у меня с ним хорошие. Вряд ли он мне откажет. Смотрите веселей, Интагар. Когда посаженным отцом на свадьбе вашей дочери будет принц короны, а почетным гостем — король, вся эта придворная шушера, которая даже сейчас косится на ваш золотой пояс, подохнет от тоскливой зависти... Ну-ка, смотрите веселей!

Интагар добросовестно пытался.

Глава II ДЕВУШКА ИЗ БАЛЛАДЫ И ПРОЧIE

Когда Томи вошла и села, Сварог не заметил в ее глазах ни напряженности, ни тревоги. Что отнюдь не облегчало ему задачу: какое-то время он откровенно мялся, не зная, с чего начать. Трудное это дело — быть не только командиром, но и воспитателем юной оравы. В особенности, когда речь идет о вещах крайне деликатных. А родительского опыта у него, естественно, быть не могло: ребенок имелся один-единственный, да и тому пока совершенно не за что читать мораль...

— Так-так, — сказала Томи. — Я так понимаю, предстоит воспитательная лекция о моем моральном облике?

— Догадалась? — хмыкнул Сварог.

— Вычислила, — сказала Томи. — Судя по вымпелу, вы сегодня отдыхаете, о служебных делах докладывать мне нечего. Да и Интагар только что прошел мимо, бросив весьма выразительный взгляд. И наконец, все эти полтора месяца за нами таскаются его тихари. Рано или поздно встал бы вопрос...

— Умница ты у меня, — хмуро сказал Сварог. — Облегчила задачу.

Ну конечно, уж она-то в два счета засекала слежку, пусть и весьма искусную — их всех, едва зародился девятый стол, хорошо учили, в том числе и оперативным премудростям...

— Ругать будете? — не без любопытства поинтересовалась Томи. — По вашему лицу не похоже.

— Да за что тебя ругать... — мрачно сказал Сварог. — Ты девушка взрослая. Так, поговорить...

— Ну да, — безмятежно сказала она. — Я его любовница. Все эти полтора месяца. У вас на языке, наверное, вертятся разные слова?

— Ты знаешь, нет, — сказал Сварог — Просто не ожидал как-то... Ты и он...

— Вы это таким тоном произнесли, будто он — какое-то чудовище. А он, между прочим, человек очень интересный, во всех смыслах.

— Вот то-то, что — во всех смыслах... — проворчал Сварог.

Томи прищурилась с видом вполне уверенной в себе зрелой женщины:

— Уж если тихари нас обложили так плотно, должны были донести, что *другой* за это время у него не было.

— Верю, — сказал Сварог. — Всякие чудеса на свете случаются. Как выразился бы отец Грук — Господь попускает... Уж не любовь ли на манер принца Люциара и его прекрасной пастушки?

— Вряд ли, — серьезно сказала Томи. — Нам просто хорошо вдвоем, вот и все.

— Бывает... — сказал Сварог. — А как насчет *других* его развлечений на стороне? Уж ты-то о них не можешь не знать.

— Знаю, — сказала Томи. — Ну и что? Другие *развлекаются* далеко не так безобидно. По крайней мере, он не у бедных вдовушек отбирает на большой дороге последний грошик. Можете не верить, но он всегда *облегчает* только тех, у кого за душой немало грязи.

— Да? — иронически усмехнулся Сварог.

— Представьте себе. Взять последний раз, того судовладельца... Знаете, что он выкинул месяц назад? Починил и подкрасил два своих самых старых корыта, за взятки застраховал их как совершенно новые, опять-таки за взятки загрузил песком вместо груза дорогих вин. Закрасил старые трюмные марки, новые велел нарисовать так высоко, как только возможно — и отправил на Катайр Крофинд маршрутом, которого обычно опытные моряки избегают, очень уж часто там штормит. Ну, они и затонули при не столь уж сильном волнении. Три моряка погибли, между прочим. А страховую премию он получил немалую, конечно, не сто тысяч золотом, но все же... А историю с гарнитуром из черных алмазов знаете?

— Наслышан...

— Так вот, их хозяйка, милая благонравная старушка, драгоценности эти отсудила у законных наследников, своих юных племянниц, исключительно оттого, что сунула немаленькие денежки коронному судье. И тот навиртуозил с законами. Все остальные не лучше.

— Ну да, — с нескрываемым сарказмом сказал Сварог. — И твой Лемар, конечно же, восстановил справедливость, вернув драгоценности законным наследникам? Ага, потупилась? Значит, не вернул. Что-то не похож он, прости, на благородного разбойника Агилона из знаменитого романа...

— Я его не оправдываю и не защищаю, — чуть покраснела Томи. — Просто принимаю таким, какой он есть. А все эти люди и в самом деле имели на душе немало грязи. Конечно, это не значит, что с ними можно так поступать, и тем не менее... Вы не подумайте, командир, я не попала под его влияние. Просто принимаю его таким, какой он есть. Будете читать нотации?

— Не моя стихия, — сердито фыркнул Сварог. — Собственно, как тебе сказать... Я просто опасуюсь...

— Я, кажется, поняла, — подхватила Томи. — Опасаетесь, что он меня злодейски бросит, и я умру от разбитого сердца, в хорошем стиле тех же романов? Успокойтесь. Я прекрасно понимаю, что это не навсегда. И умирать от разбитого сердца или бросаться в Ител не собираюсь. Мы давно уже об этом погово-

рили. Если настанет такой момент... разойдемся без слез и взаимных попреков. Но пока что момента такого не предвидится. Мы друг другу нужны. Честное слово, не стоит за меня беспокоиться.

Сварог испытал нешуточное облегчение: все разрешилось быстро, просто и легко.

— Извини, Томи, — сказал он тихо. — Но я и в самом деле беспокоился. Беспокоюсь за вас за всех, что поделаться...

— Спасибо, командир, — сказала она с легкой улыбкой. — Я вас еще и за это уважаю...

Оставшись в одиночестве, Сварог тяжело вздохнул. Вот уж поистине, жизнь наша многогранна и сложна. Томи ни за что не стала бы ему врать, не тот человек. Воровать, конечно, нехорошо и у вора — но никакого лакомого подряда судовладельцу теперь не дожидаться, наоборот, следует натравить на него сыскарей из Морской полиции... И, коли уж так с Лемаром обстоит... Не подкинуть ли Интагару идею использовать его в качестве своеобразного индикатора преступлений и темных делишек? Тщательно проверять очередную жертву аферы — не сыщется ли за ней нечто противозаконное?

Увидев загоревшуюся лампочку, он нажал шпенек. Моментально вошедший статс-секретарь по обыкновению бесстрастно сообщил:

— Графиня Дегро только что прибыла в Яшмовый дворец.

— Пусть войдет, как только приедет, — кивнул Сварог.

Посмотрел на часы — ждать оставалось минут пятнадцать. Канилла, как и многие, добиралась во дворец, так сказать, обходным путем. Не представляло никакого труда сажать невидимые виманы на плоскую крышу одной из башенок над личными покоями Сварога — но пользовались этим лишь в экстренных случаях. Королевский дворец — это скопище любопытных глаз. Рано или поздно, но непременно пойдут разговоры, что многие молодые придворные из числа новых появляются из ниоткуда и исчезают в никуда. Поступили проще. Виманы садились в обширном парке Яшмового дворца, где персонал состоял сплошь из своих, прибывшие как ни в чем не бывало садились на коня или в экипаж и ехали к Сварогу — все обыденно, никаких странностей, никаких поводов для пересудов...

Канилла, в зеленом мужском костюме для верховой езды, с хлыстиком в руке, вошла, улыбаясь во весь рот. Настроение у нее, сразу видно, превосходное, а значит, есть какие-то новые успехи: не столь срочные, чтобы выходить на связь, а сюрпризы она любила. Уселась, закинув ногу на ногу, привычно извлекла свой плоский золотой портсигар с эмблемой девятого стола на крышке, но открывать не стала, уставилась на Сварога лукаво и загадочно.

— Ну, не тяни кота за хвост, — сказал Сварог. — Все равно не поверю, что случилось нечто эпохальное — иначе ты давно обрывала бы спецсвязь...

— Ничего, когда-нибудь доживем и до эпохального, — заверила Канилла. — Но результаты все равно стоящие. Два немаловажных обстоятельства о Радианте, то бишь об этой лупящей по Талару синей пакости, «тройке». Первое. Достоверно установлено, что излучение привязано к какому-то стационарному источнику на Нериаде. Он перемещается в полном соответствии с вращением той либо другой планеты... — она грустно покривила тубы. — Вот только не удалось пока установить точку, мы только начали работать, но рано или поздно доберемся... Усовершенствуем и отладим аппаратуру, а там посмотрим, кто

кого...

— А второе?

— Командир, какие у вас отношения с математикой?

— Довольно прохладные, — сказал Сварог с усмешкой. — Подсчитать что-нибудь смогу, но к математике как к науке никогда малейшей любви не питал, давно вылетела из головы...

— Ничего, я объясню доступно, ничего сложного... Знаете, так с иными открытиями и бывает: достаточно его сделать, а потом подробности и детали хлынут, как зерно из распоротого мешка, успевай только фиксировать... «Третий ручеек», как и остальные, не являет собой нечто неизменное. Он подвержен модуляциям. Модуляция — это...

— Кани, — прервал Сварог, — Возможно, тебя это удивит, но я прекрасно знаю, что такое модуляция.

— *Прошлый* опыт?

— Ну, да, — сказал Сварог. — Я как-никак был не интендантским офицером и даже не простым пехотным. Приходилось иметь дело с радиоэлектронной аппаратурой, так что прекрасно знаю, что такое модуляция.

— Тем лучше, — кивнула Канилла. — Меньше понадобится объяснений. Всего мы обнаружили семь видов модуляции, которые могут следовать в разнообразных комбинациях, как это присуще другим излучениям искусственной природы. Этаким алфавит из семи букв. Количество комбинаций легко определить путем несложных расчетов — пять тысяч сорок.

— Интересно, — сказал Сварог. — Алфавит... Насколько я разбираюсь в научных делах, такие открытия обычно получают имя первооткрывателя, как это было с «точками Кондери» и многим другим...

Очаровательная и лукавая мордашка Каниллы была исполнена законной гордости, на которую она безусловно имела право.

— В общем так и обстоит, — сказала она с наигранной скромностью.

— Неплохо, — сказал Сварог. — Весьма, учитывая твои юные годы и полное отсутствие должного образования. «Алфавит Дегро»...

— Точнее, «Алфавит Дегро-Дальрета», — сказала Канилла, на сей раз нисколько не играя. — Так будет справедливо. Одна я либо не справилась бы, либо возилась гораздо дольше.

— Все равно здорово, — сказал Сварог. Особенно если вспомнить иных обрюзгших моржей, которым такие новости будут словно горячие угольки за шиворот... Интересно, а найдутся какие-нибудь «эффекты Уртало»? Или нечто подобное?

— Конечно, — сказала Канилла. — Все же нельзя стать академиком благодаря связям или протекции. Есть с полдюжины, — она прищурилась. — Вот только едва ли не все они относятся ко временам, когда он был молодым, дерзким и отчаянным, часто вплотную к той границе, за которой располагаются научные ереси, не одному сломавшие карьеру, вот Дальрета хотя бы взять... Вот только потом Уртало, в отличие от Дальрета, стал ужасно благонамеренным и держался от этих границ подальше... Каждому свое. Командир... Неужели у вас нет соображений по поводу нашего «алфавита»?

— Подожди, подожди... — сказал Сварог. — Как-то не задумывался... Пятьсот сорок комбинаций... Черт! Да ведь это позволяет вести зашифрованные переговоры...

Канилла энергично кивнула:

— И посылать какие-то сигналы, и отдавать какие-то команды. Брашери, теперь никаких сомнений, использовал «пятый ручеек» для бесед с сообщниками в Магистериуме. Кстати, в «пятом ручейке» комбинаций даже побольше, там больше букв, так что получается более миллиона вариантов. Хотя с практической точки зрения достаточно, чтобы число комбинаций соответствовало числу букв нашего алфавита. Открытие, в общем, нам для конкретных дел и не нужно. Разве что позволяет более вдумчиво наблюдать за Радиантом. Но в собственной работе оно нам ни к чему. Нам вполне хватит и той шифросвязи, что уже есть, мы, в отличие от Брашери, никаких заговоров не плетем... Ну, вообще-то бесполезных открытий не бывает, может, когда-нибудь на что-нибудь и пригодится...

— Ничего, — сказал Сварог. — Первое открытие гораздо важнее. Значит, там есть какой-то стационарный излучатель, остается его найти и посмотреть, кто с нами балует... Это все вы с Дальретом?

— Ну, конечно.

— Молодцы, — сказал Сварог, перехватил ее взгляд и усмехнулся. — Ты куда это уставилась? А если у короля на столе сверхсекретные бумаги?

На столе у него все еще были разбросаны папки об Ассамблеях из Интагарова футляра — в том числе и листок с несколькими строчками об Ассамблее Боярышника.

— Ну что вы, командир, — сказала Канилла. — В секретные бумаги я бы глаз запускать не посмела, а тут во-о-от такими буквами значит, что ничего секретного нет. Ассамблеи, и только. О них и так все все знают.

— И о «Молодой лани» тоже? — усмехнулся Сварог.

Канилла поморщилась:

— Мерзость какая. Они там все больные, по-моему...

— Что делать, — сказал Сварог. — Некоторые разновидности больных, увы, приходится держать на свободе...

— Интересно, а что о моем «Боярышнике» докладывают? — с любопытством спросила Канилла. — Что вы так смотрите? Ваша школа, командир, Интагар, конечно, ко мне не стал бы лезть, но я-то догадываюсь, что вся прислуга во дворце герцогини — ваша. Не могут не... осведомлять. Из чистой рутины, дело житейское...

— Ну, у тебя-то самая лучшая репутация, — сказал Сварог, ухмыляясь. — Правда, иных орлов старшего поколения, помнящих времена, когда приличное платье было обязано прикрывать колени, чуть шокирует ваша привычка устраивать танцы в платьях, как они выражаются, самым варварским образом обрезанных...

— В чем, в чем? — Канилла недоумевающе уставилась на него, потом что-то сообразила, рассмеялась звонко, весело, искренне. — Ох уж эти мужчины... А, впрочем, откуда им знать... Нет у меня в Ассамблее никаких «варварски обрезанных» платьев. Мы туда приходим потанцевать в платьях с Той Стороны, а они по сравнению с нашими, сами знаете, коротковаты. Помните, я самым беззастенчивым образом обокрала на Той Стороне ведущие дома моды? Ну вот, у меня в маноре уже есть мастерская. Девушкам фасоны нравятся, так что не удивляйтесь, если эти моды будут распространяться и наверху... Кстати, Яна тоже хочет поехать ко мне потанцевать, но не решается у вас спросить.

— Вот не думал, что я домашний тиран... — сказал Сварог. — С чего бы я ей запрещал потанцевать в коротеньком платье? Да сколько угодно. Не боится же она меня, грозного мужа?

— Нет, конечно, — сказала Канилла. — Просто Янка — девушка ответственная и серьезно относится к своему положению мужней жены... вы меня только не выдавайте, ладно? Она особо не рассердится, но все равно...

— Могила, — сказал Сварог. — Так что ты ей так и скажи: я прослышал краем уха и ничего против не имею. Может быть, и сам как-нибудь загляну. Пустишь?

— О чем разговор, командир!

— Вот, кстати, — сказал Сварог уже серьезно. — Обе дочери Интагара у тебя в Ассамблее ведь тоже состоят?

— Ага. В превеликой тайне. Если грозный папаша узнает, в каких платьях они щеголяют...

— Вот именно, грозный папаша со своими специфическими взглядами на мораль... — сказал Сварог. — Когда ты сможешь увидеть Вилеретту?

— Да хотя бы сегодня днем. Я к ней иногда заезжаю в гости, — Канилла тоже посерьезнела. — А что случилось?

— Ничего пока, — сказал Сварог. — Но последствия возможны самые непредсказуемые. Слушай внимательно...

...Заложив руки за спину, Сварог чуточку нетерпеливо прохаживался по кабинету. Он уже давно продумал, как построит разговор, но еще с четверть часа предстояло ожидать молодую женщину, чья судьба могла послужить темой для баллады или сюжетом для рыцарского романа. И в том, и в другом случае конец оказался счастливым, что как нельзя лучше укладывалось в каноны поэзии и изящной словесности.

В чем-то история герцогини Латери, до замужества баронессы Таргайл, напоминала неизвестную здесь историю прекрасной Анжелики — вот только здесь романтики не было ни капли, а вот грязи имелось выше головы...

Герцог Латери, родовитейший вдовец, считался хозяином одной из провинций, расположенных лигах в ста от Латераны, — ничего удивительного, если учесть, что его владения занимали добрую треть провинции. Классический магнат старого времени: все крестьяне состоят на положении крепостных, расположенные на его землях гербовые города стараются особой строптивости не проявлять (есть разные способы у господ магнатов изрядно навредить даже гербовому городу, не нарушая законов), губернатор почитает за честь приглашение на обед, пышные охоты, роскошные балы для знати не только этой, но и двух прилегающих провинций, и все такое прочее, вплоть до приглашений на имперские балы и приемы. Одним словом, жизнь удалась.

Барон Таргайл, отец будущей герцогини, был полной противоположностью соседу: чуть ли не клочок земли с четырьмя деревушками, бедные пашни, каменистые пастбища да водяная мельница, обеспечивавшая барону больше половины годового дохода. Словом, еще один классический персонаж, только с обратным знаком: замок ветшает, наполовину уже не пригоден для жилья, а чинить не на что, из крестьян, как ясно умному человеку, много не выжмешь, хоть ты их каленым железом жги, они и сами едва сводят концы с концами, сыновей, которых можно было бы и пристроить на выгодную службу, нет, богатые дальние родственники давно уже предпочитают с обнищавшим неудач-

ником не водиться, приданого для единственной дочери практически нет, накопления на черный день у зажиточных крестьян в иных местах побольше... В общем, полный абзац.

А дочка, которой едва исполнилось двадцать, — писаная красавица. Вот только и на выгодное замужество рассчитывать нечего — красота красотой, а более богатые соседи воротят нос и прозвали красавицу Вердиану «пастушкой».

И вдруг все меняется, как в сказке или том самом рыцарской романе. Блестящая охотничья кавалькада герцога однажды проезжает через «владения» барона и останавливается у его замка перековать потерявшего подкову коня главного ловчего. Герцог замечает стоящую на балконе красавицу Вердиану, вышедшую полюбоваться столь непривычным для нее зрелищем.

Поначалу ничего не происходит. Герцог благодарит барона и скачет дальше. Вот только у барона вскоре после этого по какой-то злой прихоти судьбы начинаются невзгоды. Он вдруг лишается главного источника своего благосостояния, той самой водяной мельницы, сторевшей дочиста, — ну, правда, была гроза... Восстанавливать не на что. Еще через пару недель вдруг всплывают ветхие, всеми позабытые документы, по которым выходит, что половиной своих земель, тремя деревнями из четырех, барон долгие годы владел совершенно не по праву, а по праву они принадлежат одному из соседей — просто так уж вышло, что документы завалялись в каком-то пыльном углу, что и с более важными бумагами не раз случалось. Коронный судья провинциария подлинность документов подтверждает и передает спорное имущество законному владельцу. Барон в трансе. Впору вешаться (точнее, травиться или стреляться, потому что для дворянина вешаться позорно) — но на кого оставить дочку?

Тут все снова все волшебным образом меняется. К барону заявляются трое расфуфыренных, как павлины, дворян герцога, все с золотисто-синими бантами сватов на плече, выкладывают на стол кельсий[122] (при виде которого у барона язык отнимается и наступает общее оцепенение организма) и по всем правилам объявляют, что герцог просит руки прекрасной Вердианы, которую полюбил с первого взгляда и очень просит не затягивать с ответом.

Затяжки не происходит. Уведя дочку в другую комнату, барон падает перед ней на колени и слезно молит согласиться, иначе, чего доброго, придется и по миру пойти. Герцог уже в годах, прямых наследников у него нет. В общем, суровая наша жизнь на грешной земле — штука жесткая...

Красавица Вердиана, конечно, и почитывает баллады с романами, и, как практически все в ее возрасте, втихомолку мечтает о юном красавце на белом коне — но, во-первых, сердце ее никем не занято, а во-вторых, житейской практичности у нее достаточно — ясно, что отца надо спасать, не она первая, не она последняя, такова жизнь...

Согласие дается моментально. Ну, свадьба, конечно, роскошная с парой сотен приглашенных окрестных дворян, жареными быками и бочками вина для крестьян, фейерверками и прочными понтами.

Никак нельзя сказать, что новобрачная была несчастной, в чем сама честно признавалась Сварогу. Герцогу за пятьдесят, но мужчина он видный, невинности лишает бережно, и в дальнейшем ночью не разочаровывает. С ходу осыпает драгоценностями, возит на все балы и охоты, так что новоявлен-

ная герцогиня первые пару месяцев замужества ходит чуточку хмельная и без вина — чересчур уж велик контраст между жизнью прежней и нынешней, у любой голова закружится...

А вот потом началось что-то не то. Герцог предложил юной супруге новое развлечение, и она, как примерная жена, согласилась, не спрашивая о подробностях.

Развлечение оказалось, мягко говоря, нестандартным. В огромном парке герцогского дворца имелся отгороженный высокой стеной уголок, именовавшейся Медвежьей Чащобой. Ключ от ворот имелся только у герцога. Забава была незатейливая: герцогиня бродила по лесу в одной легкой ночной рубашонке, а герцог ее старательно выслеживал — одетый в искусно изготовленную медвежью шкуру с медвежьей же головой. Выследив, торжествующе ревел и исполнял супружеский долг, не снимая шкуры.

Занятно, но первое время герцогиня подчинялась, не прекословя. Дело в том, что определенного опыта у нее не было совершенно, не имелось опытных подруг, способных бы просветить касаясь нормы и извращений, и она попросту была в растерянности: а может, в семейной жизни так и полагается? И законный супруг вправе выдумывать всякие забавы?

Чуть погода стало ясно, что происходит все же что-то неладное, — когда к ней вечером бесцеремонно ввалились в спальню трое пажей герцога. Мальчики крепкие без труда сломали слабое сопротивление и принялись вытворять, что душе угодно (в подробности она не вдавалась, только густо краснела и отворачивалась, да Сварог до подробностей, понятно, и не доискивался, хватало общей картины). Вскоре явился и герцог — и тут уж началось такое, с участием всех пятерых одновременно...

Тут уж любая неопытная поняла бы, что началось что-то крайне неправильное. Тем более что на следующую ночь к ней заявили три юных пажессы (тут уж она и вовсе отворачивалась, закрывая лицо руками, и Сварог с превеликим трудом уговорил ее продолжать).

Пажессы, уходя, пообещали ей в ближайшем будущем новые интересные сюрпризы. Тут только герцогиня поняла, во что влипла. Вдобавок старый слуга, прихваченный из отцовского дома, человек преданный, сметливый и неглупый, поделился результатами втихую проведенных изысканий: по его уверениям герцогский дворец мог дать сто очков вперед любому столичному борделю, и звездой борделя должна была служить...

Особой твердостью характера Вердиана не отличалась, но и оранжерейным цветочком ее не назовешь: деревенская жизнь в довольно суровых условиях характер лишь укрепляет. Она и слуга, стараясь не привлекать взимания окружающих, принялись шушукаться, перебирая варианты и прикидывая, как из этой грязи выбраться.

Вариантов, увы, имелось немного. Вернись она к отцу, герцог моментально возвратил бы беглую женушку с помощью своих егерей — в чем с точки зрения закона был бы совершенно прав. И развод, и таньяж, отдельное проживание супругов, в королевстве существовали. Но легко их можно было получить только в том случае, если ничего не имели против обе стороны. А вот если одна из сторон ни того, ни другого категорически не желала, дело усложнялось. Решать его пришлось бы коронным судом — в котором у Вердианы не было ни малейшего шанса, учитывая влияние и богатство мужа. По той же

причине бессмысленно было подавать на него в суд — хотя иные забавы, как просветил знавший жизнь слуга, прямо подпадали под кое-какие параграфы Карного кодекса.

Она уже впала в уныние, но слуга, знаток жизни (доводилось и в больших городах жить, и на военной службе побывать, и даже в матросах походить), предложил единственный выход: тайно бежать ночью из замка в Латерану, броситься к ногам короля Сварога, рассказать ему все и попросить ярдат[123]. Ходят слухи, что король Сварог — человек справедливый (ну, насколько бывают справедливыми короли). К тому же герцог при дворе не принят, на Латерану его влияние не распространяется, и вообще он по неким неведомым причинам вот уже двадцать два года безвыездно пребывает в этих местах.

Это был единственный шанс, и следовало им воспользоваться, несмотря на весь риск. Хорошо, что кроме общей супружеской спальни имелись и отдельные. В свою Вердиана и ушла, едва только прозвучал призыв «Гасите огни!» [124], соврав мужу насчет классических женских недомоганий. Собрала в узелок драгоценности, выждала часа полтора, пока замок окончательно отошел ко сну, потом пришел слуга. Тут по ходу дела возникла еще одна проблема: одежда. Никак не годилось скакать сотню с лишним лиг в обычном женском платье — а ее охотничий мужской костюм висел в гардеробе, к которому пришлось бы идти через спальню герцога. Однако проблема была не столь уж тяжелая: слуга попросту принес свой костюм и сапоги. Вердиане и то, и другое оказалось, конечно же, велико, но тут уж не до разборчивости.

В конюшню они попали без всяких хлопот: тех, кто знал о забавах герцога и роли в них молодой супруги, не насчитать и десятка, а прочая многочисленная прислуга, как ей и следовало, относилась к хозяйке замка с нешуточным почтением. Ну, а удивляться каким бы то ни было причудам господ (вроде ночного визита в конюшню хозяйки в мужской одежде не по росту) челяди не полагалось испокон веку. Так что они быстро добрались до ворот, герцогиня приказала их отпереть, что и было исполнено.

А вот тут уже начались сложности. Выскочил какой-то субъект и принялся довольно бесцеремонно допытываться, куда это они собрались на ночь глядя, да еще в таком виде. И одет был побогаче сторожей, при мече и двух пистолетах. Видимо, особо доверенный привратник герцога — о ком-то таком, особой ночной страже, герцогиня слышала краем уха. Следом появились еще трое.

Получилась схватка. Слуга отмахивался охотничьим ножом, как мог, но, заработав удар в бок мечом, упал с коня, успев крикнуть хозяйке, чтобы спасалась. Она галопом вылетела в ворота, голову не потеряла и, проскакав лиг пять, свернула в лес, где и затаилась на опушке. И поступила правильно: вскоре по дороге галопом промчались человек пятнадцать егерей — несомненная погоня.

В каком бы расстройстве чувств Вердиана ни была, взяла себя в руки и два часа так и пробыла на опушке. Видела, как егеря возвращались — уже шагом, ругаясь так, что слышно было на лигу вокруг — особенно честили одного из своих за то, что тот впопыхах не взял собак, иначе беглянку непременно изловили бы. Несмотря на всю серьезность ситуации, в ней обнаружился и комический момент: трое из егерей в замок возвращаться не стали, ускакали прочь, заявив товарищам, что лучше уж податься в Волчьи Головы, чем полагаться на милость разъяренного герцога.

Засаду на дороге они безусловно не оставили — сколько их ускакало, столько и вернулось, Вердиана сосчитала. И решила пуститься в неизвестность — нелегкие ночные странствия. Сама она никогда прежде в Латерану не ездила, дорогу знала лишь по описаниям слуги — а потому путь, который хороший сытый конь способен, не особенно и измотавшись, преодолеть где галопом, где крупной рысью часа за четыре, отнял у нее все десять. Она два раза путала мерные столбы, сбивалась с дороги, с превеликим трудом на нее возвращалась, вновь сбивалась, два раза в каких-то деревушках будила крестьян, бесцеремонно колотя рукоятью плетки в окошки, расспрашивала о дороге...

Одним словом, до Латераны она добралась, когда уже давно рассвело, на совершенно замороженном коне, едва передвигавшем ноги, голодная и усталая. И, конечно же, обращавшая на себя внимание прохожих. Хорошо еще, полиция не привязалась, пока она, расспросив дорогу, добиралась до королевского дворца (задержавшись немного на постоялом дворе, где за золотую сережку без камешков раздобыла коню воды и овса и дала ему немного отдохнуть).

Потом снова едва не начались серьезные неприятности. На ее несчастье дворцовая стража и тайная полиция, вульгарно выражаясь, стояли на ушах. За день до того на Сварога бросился у главного входа какой-то псих с кинжалом. Его, конечно, быстренько скрутили ратагайцы (потом совершенно точно выяснилось, что это и в самом деле псих-одиночка, действовавший, в общем, без всяких мотивов). Псих психом, но как-то же он ухитрился добраться до главного входа во дворец? Так что все, отвечавшие за безопасность, были на нервах и бросались на всех мало-мальски подозрительных, считая, что лучше перебдеть, чем недобдеть.

А уж Вердиана выглядела подозрительнее некуда: простоволосая, растрепанная девица (шляпу она где-то потеряла, а гребень не взяла), от ушей до пяток покрытая дорожной пылью, в мужском костюме не по росту и таких же сапогах, с перстнем с герцогской короной на пальце. Держит в поводу замороженного коня и твердит, что хочет видеть короля по важному и неотложному делу — причем не знает никаких паролей для тайных агентов (которые порой появляются и в более диковинном виде).

Ничего особо жуткого с ней наверняка не случилось бы — но под замком могла насидеться и подвергнуться нешуточным допросам (при том, что свое настоящее имя называть никак не следовало — могли принять за малость повредившуюся умом и вернуть законному мужу, что было бы самой худшей из неприятностей).

Офицер дворцовой стражи подал условный сигнал, и вокруг герцогини стали смыкаться хмурые здоровяки из тайной полиции.

На ее счастье, в ворота как раз въезжала верхом Канилла Дегро — и заинтересовалась весьма нетипичной сценой. Отвела в сторонку, немного поговорила (все сотрудники девятого стола давно получили то самое умение мгновенно определять, где правда, а где ложь), после чего объявила, что берет девушку под свое попечение — и повела во дворец. Тихари сговорчиво расступились — они прекрасно знали Каниллу как обладательницу особо *тяжелой* бляхи тайной полиции — с широкой золотой каймой, означавшей, что обладатель пребывает в немалом чине.

В общем, к Сварогу Вердиана попала уже через четверть часа — благо дел у него не было ровным счетом никаких, и он с превеликим удовольствием объ-

явил себе выходной.

Ну, то, что странная гостья не врет, он, конечно, определил сразу — и усмотрел в ее рассказе кое-какие крайне интересные моменты, как раз и позволявшие отвлечься от текущих дел. Самый интересный вопрос: почему один из родовитейших вельмож королевства на двадцать два года удалился в добровольное изгнание в свои поместья. Был в свое время похожий пример, когда некий столь же родовитейший граф аж тридцать лет прожил отшельником в своем самом маленьком поместье вовсе уж у черта на куличках. Но там мотивы были другие: граф, как рассказывал отец Грук, малость перебрал с религиозным фанатизмом, в монастырь по каким-то своим причинам не ушел, но затворился от мира, все эти годы старательно умерщвляя плоть, постясь и молясь до обмороков (церковь вообще-то таких *переборов* не одобряет, см. трактат Катберта-Молота «О рвении в вере и пределах такового»). Однако герцог, судя по его поведению, верой не озабочивался нисколечко, наоборот...

Вердиану увела Канилла — выкупать, накормить и устроить на отдых. А Сварог, как легко догадаться, вызвал Интагара, ибо давно подмечено: кто у нас ближе всех к населению? Полиция, ясен день...

Интагар управился к вечеру. Никаких документов он не нашел — их и не было. Просто-напросто отыскал нескольких знатоков былых дворцовых сплетен, пребывавших уже в преклонных годах, но при ясной памяти.

История вскрылась интереснейшая. Тогда, двадцать четыре года назад, внезапно овдовевший герцог (Интагар сказал: самоубийство герцогини в некоторых отношениях выглядит крайне подозрительно) принялся развлекаться на всю катушку в своем великолепном латеранском дворце «Медвежья пещера». Да так, что Лемар по сравнению с ним выглядел светочем праведной жизни: предметом интереса герцога большей частью были вовсе уж малолетки обоего пола — либо привезенные из его поместий, либо дети из низших Гильдий, чьим родителям без всякого труда можно было заткнуть рот золотом либо угрозами.

Сладкая жизнь длилась два года. А поломал ее, кто бы мог подумать, простой мусорщик из Железной гильдии, чью семилетнюю дочку люди герцога схватили прямо на улице и увезли на неделю в «Медвежью пещеру». Так уж сложилось к несчастью для герцога, что брат мусорщика сделал фантастическую по меркам Железной гильдии карьеру: служил в Сноле, в королевском дворце камер-лакеем при покоях королевы и был у нее на хорошем счету. Мусорщик собрал последние гроши и поехал к брату. Брат назавтра же упал на колени перед королевой и по старинной формуле попросил «защиты и милости».

Будущая Старая Матушка, а в ту пору не достигшая еще тридцати лет красавица, вдовствующая (то есть правящая) королева Киралина пришла в ярость. Сама она никогда не страдала соблюдением супружеской верности (но в умеренных пределах, никак не позволявших применить к ней кое-какие неприглядные эпитеты), но вот подобных забав с малолетками на дух не переносила и забавников при любой возможности преследовала беспощадно. В Латерану помчались два ее доверенных человека из тайной полиции — и очень быстро с помощью местных коллег накопили на герцога массу интересного с точки зрения строгой юстиции. Плаха по нему рыдала горячими слезами.

Однако королева оказалась в затруднительном положении. Будь это кто-

нибудь другой, калибром помельче... Очень уж родовит был герцог, его раскидистое генеалогическое древо там и сям переплеталось веточками едва ли не с половиной знатнейших (и, что печальнее, влиятельнейших) родов королевства — и даже с королевским домом (пусть в данном случае родство было очень уж далеким, но оно было). Ну, а обладающие реальной властью и богатством магнаты — это каста, не дававшая своих в обиду по разным пустякам. С точки зрения касты, безусловно подлежащие суду забавы герцога были именно что пустяками — речь, в конце концов, шла всего-навсего об отпрысках последних простолюдинов, а то и вовсе крепостных, ниже которых никто попросту и не стоит. Сварог, король с некоторым стажем, прекрасно знал, как это бывает: открытых мятежей, упаси Боже, не поднимает никто, однако тихий, незаметный внешне, но хорошо организованный отпор сплотившейся касты являет собой силу, перед которой пару раз отступали даже Дарил Золотой Топор, Саугер Суровый, а в более близкие времена — и Конгер Ужасный (самому Сварогу, к счастью, сталкиваться с таким пока не доводилось).

Да вдобавок дело осложнялось еще и тем, что Киралина после смерти супруга сидела на троне не вполне прочно. *Утвердиться* еще не успела, так что прямое столкновение с *кастой* ей было решительно ни к чему, при самом неблагоприятном исходе могла и проиграть. К тому же у нее были трения с Ратагайской Пуштой, что сил не прибавляло, наоборот.

Однако она (Сварог мысленно поаплодировал) все же отыскала выход, позволявший пусть не прекратить, но ограничить герцогские развлечения. В «Медвежьей пещере» к герцогу прибыл с визитом один из тех двух доверенных лиц и, не повышая голоса, наверняка еще и приятно улыбаясь, слово в слово передал герцогу устное послание королевы: «Не всегда можно покарать человека за то, что он *сделал*. Однако иногда очень легко лишить человека головы за то, чего он не *делал*».

Герцог моментально понял, что к чему (как и Сварог, едва услышал об этом от Интагара). С подачи коронованной особы любая тайная полиция в два счета мастерски сошьет убедительное дело против самого родовитого, приписав государственную измену, заговор с целью цареубийства или шпионаж с особым размахом. Верная плаха. И вот в *этих* случаях каста и не пискнет, не говоря уж об организованном отпоре, все будут сидеть тихонечко, как мыши под метлой — неизвестно, как далеко простираются королевские замыслы, что там задумано и кто может оказаться следующим...

Далее визитер кратенько изложил пожелания королевы, не столь уж и сложные. Уже на следующий день герцог, торопливо собрав пожитки, отправился в свое поместье, где и засиделся на двадцать два года. Прежних привычек он не оставил (отучите свинью в грязи валяться), но вот получилось у него лишь бледное подобие прежнего размаха. Крепостные крестьяне, конечно, народ бесправный, но тут есть своя специфика. Отдельные выходки еще сойдут сеньору с рук, но если его забавы примут *массовый* характер, в два счета может грянуть бунт. Примеров предостаточно. Так что герцогу приходилось изворачиваться: искать сироток, беззастенчивых родителей или опекунов, способных за горсть золота продать не только малолетнее чадо, но и свою бессмертную душу, отправлять доверенных далеко за пределы провинции, чтобы заманивали глупеньких юных красоток, якобы в услужение на хорошее жалованье, и все такое прочее. Да вдобавок тайная полиция не оставляла его вни-

манием (вот тут есть документы, сказал Интагар), и порой кое-кому из таких посланцев приходилось сплестись с Конопляной Тетушкой...

Герцог воспрянул духом, когда двенадцать лет назад молодой принц вошел в совершеннолетие и мать передала ему власть (отнюдь не по своему желанию, была там какая-то темная интрига, которую Сварог пока что не раскапывал — а может, вовсе не следовало тревожить дела давно минувших дней).

Однако сиятельному потаскуну пришлось остаться в деревенской глуши. Покойный король был личностью жалкой и никчемной, едва не развалившей страну, но одна-единственная положительная черта у него, пожалуй, все же имелась: во всем, что касается женщин, он был совершенно нормальным мужиком и педофилов ненавидел столь же люто, как и мать.

Ну, а когда королем стал Сварог, герцог и не пробовал высунуть нос за пределы своих владений — прослышал, какое положение нынче заняла Старая Матушка с ее цепкой памятью на старые обиды и прегрешения...

Вот таким образом нежданно-негаданно на руках у Сварога оказалась очаровательная обуза. Впрочем, обузой Вердиану никак нельзя было назвать, проблема решалась просто и быстро: пара часов размышлений с участием Интагара, полчаса на сочинение соответствующих указов... Это не обуза, а скорее, развлечение. И, кроме того, Сварогу подворачивалась прекрасная возможность сделать доброе дело *просто так*, не преследуя ни малейших собственных интересов, как в случае с «лозоходцами» — а такое редко случалось...

Больше всего ему хотелось, не мудрствуя, отправить этого скота на плаху. И дело тут не только в том, что этот скот наворотил: крайне неприятно знать, что в какой-то сотне лиг от твоей столицы процветает такое. Сегодня объявился растлитель малолеток, а завтра, чего доброго, в паре конных переходов от Латераны гнездо «Черной Благодати» объявится — их, уверяют отец Алкее, монахи из Братств и Грельфи, все же не удалось выжечь все до единого.

Что будет по этому поводу пищать *каста*, его не интересовало совершенно. Перетопчутся и перестрадают. Даже не придется привлекать кое-какие свои имперские возможности или зловещую репутацию хельльстадского короля — когда у тебя за спиной, помимо прочего, железной когортой стоят Ратагайская Пушта и Глан, на любые мнения касты можно плевать с высокой башни...

Отговорил Интагар. Убедил, что устраивать судебный процесс по обвинению в педофилии и сопутствующих противозаконных деяниях даже при наличии совершенно ручных коронных и королевских прокуроров и понятливых судей — дело все же долгое и тягостное и при стопроцентной уверенности в успехе. Гораздо проще и рациональнее сшить, скажем, дело об участии герцога в лоранском заговоре с целью убийства Сварога. Так оно будет гораздо быстрее: ускоренные правила судопроизводства, другие юридические хитрости. В замок нетрудно заслать агентов, которые быстренько осмотрятся и подберут надежных свидетелей, а уж те в два счета покажут, что герцог каждый вечер перед отходом ко сну возглашал: «А Сварога я, точно, зарежу!» В тюрьмах сыщется парочка лоранских шпионов, которые ради сохранения своей драгоценной жизни приплетут герцога к чему угодно. Наконец, случалось уже с полдюжины реальных лоранских заговоров с целью убийства Сварога, так что раскрытию еще одного никто и не удивится — в конце концов, это даже скучно уже...

Следующий ход напрашивался сам собой — освободить Вердиану от этого скота самым законным образом. Что можно было сделать в два счета с помощью того самого понятливого судьи, каких немало — и герцог не выиграет с помощью всех адвокатов Талара, сколько их ни наберется. Можно даже устроить так, чтобы Вердиане досталась изрядная часть герцогского имущества — закон это позволяет, если будет доказана супружеская неверность герцога (а покажите-ка Сварогова прокурора, который ее не докажет. Да хоть с козой...).

Однако, чуть поразмыслив, Сварог выбрал другой способ. Сейчас, когда перед ними стоит загадка Нериады, на которую и следует бросить все силы, нельзя отвлекаться на пустяки, каковым случай с герцогом и является. Дело о заговоре будут шить не спеша, как говорится, в свободное от основной работы время. Так что пару месяцев, не меньше, герцог еще на свободе погуляет. А значит, есть риск, что, пусть и ограниченный в возможностях, женится на очередной юной дворяночке, прельщенной блеском его богатств и не подозревающей, что скрывается за красивым фасадом. Все можно сделать гораздо быстрее и проще. Пара часов на составление нужного документа и приведение его в официальный вид — и готово...

Примерно столько на все и ушло. Интагар быстренько доставил во дворец самых, по его уверению, искусных крючкотворов латеранской юридической братии: прокурора, двух судей и дорогого адвоката. Поставленную перец ними задачу они ухватили влет, Сварог даже не успел договорить. И быстренько составили все нужные документы.

Отправился с ними к герцогу Советник Габель, один из самых доверенных людей Интагара (а таковых имелось не очень много), великий мастер вести проникновенные беседы с *клиентами*, Сварог из любопытства заглянул как-то на допрос крупного горротского шпиона, вздумавшего поначалу играть в молчанку. Габель, обликом вылитый Дед Мороз, усевшись рядом с собеседником, задушевно, едва ли не со слезою в голосе, вещал:

— Голубчик мой, вы, может, и не поверите, но сам я таракана прихлопнуть не могу, рука не поднимается, всякий раз лакея звать приходится. А вот в пыточных у нас — зверь на звере. Служба у них такая — зверями быть, коли начальство кулаком по столу лупит и велит: «Доискаться! А то самих...» У вас ведь дома то же самое, правда? Вот видите, душа моя... Человек вы молодой, видный, девок, как мне доложили, со страшной силой валяете, и не каких-то там, а самых что ни на есть благородных. Жизни радоваться умеете. А эти звери подвальные перед тем, как ногти выдрать, и куда только можно раскаленных углей напихать, мужское ваше достояние вмиг откусят — там у них клещи есть специальные... И какая у вас жизнь будет после этого? А ведь всего-то и дел — рассказать, кто такой Барсук и с каких пор он вам запродавался. А еще лучше — вдобавок нам перепродаться. И денег прибавится, и жить станет спокойнее, если дело поставить грамотно, дома и не узнают ничего...

В таком примерно ключе. Минут через пять собеседник выдал Барсука (немаленького чина из Адмиралтейства, которого тщетно пытались до того вычислить больше года), а еще через пять — перевербовался...

Для почета Сварог отправил с советником двух гвардейских капитанов, командовавших у себя в полках «волчьими сотнями» и потому *хитрым* делам не чуждых. А чтобы произвести должное впечатление, выделил им бомбардировщик. Должное впечатление было произведено, в том числе и на самого

герцога — когда он покинул Латерану, самолеты были еще диковинной новинкой, которую лицезрели считанные люди. К тому же на подлете бомбер нечаянно уронил две бомбы на примыкавший к замку обширный луг (потом советник, сидя напротив герцога, сокрушенно разводил руками: техника — вещь несовершенная, случаются досадные казусы).

Незванные гости выложили перед герцогом три документа. Первым шло прошение в Высокий Коронный Суд (по меркам покинутого Сварогом мира — Верховный), в котором герцог с герцогиней просили по обоюдному согласию разрешить им таньяж (подпись герцогини там имелась, герцога, понятно — нет). Второй документ — составленный по всем юридическим канонам упомянутым судом «Акт о таньяже», сиречь разрешение. Две обычных печати разного цвета и одна серебряная подвесная, эмблемы и узорчатая каемка, подписи Главы Высокого Суда и двух чиновников пониже рангом, а также герцогини (для подписи герцога и тут имелось свободное место). И наконец, «Прилагаемые условия данного таньяжа» — выражаясь по-советски, раздел имущества.

Сварог не стал обдирать герцога, как липку, но пощипал изрядно. В полную собственность герцогини переходили огромный латеранский дворец «Медвежья пещера» с его обширным парком, больше напоминавший небольшой лесок, одно из поместий (Сварог, посмотрев документы, цинично выбрал не самое большое, но самое доходное), а также изрядная сумма денег — на обустройство на новом месте.

Габель, как всегда мягко и задушевно, предложил герцогу, не откладывая, подписать все три документа. Герцог не протестовал бурно — но все же попытался что-то такое вякнуть. На что Габель со своей всегдашней обаятельной улыбкой напомнил о некоем устном послании, полученном некогда герцогом от королевы — и намекнул, что аналогичное может последовать и от короля Сварога, нрав которого должен быть прекрасно известен и здесь, в провинции. Герцог увял и побледнел. Закрепляя успех, Габель небрежно заметил: в любом случае подпись герцога на всех документах будет. И пусть потом герцог ищет правдочку там, где только пожелает. Если успеет начать поиски, конечно. Гвардейцы все это время помалкивали, но грозно крутили усы, смотрели волками и многозначительно хмыкали.

После чего Габель с той же душевной улыбкой извлек походную чернильницу и стилос. Все три документа герцог подписал моментально. Победа оказалась столь легкой и быстрой, что Сварог ощутил нечто вроде брезгливой жалости к растоптанному противнику. И подумал: а может, и не шить дела? Ограничиться тем, что заблокировать любые попытки герцога найти очередных малолеток. Всех его «охотничков», действующих в провинции и за ее пределами, переловить и демонстративно повесить, а герцогских крестьян перевести во фригольдеры. Они и в этом случае будут нести некоторые мелкие повинности, но вот их дети от притязаний герцога будут избавлены совершенно: согласно четко прописанным законам. Пусть уж уныло блудит с теми, кто у него остался в замке и вышел из малолетства.

Так он и поступил, подписав соответствующий указ, в темпе составленный той же четверкой. И вдобавок велел Интагару распустить среди знати слух, что это стало карой герцогу за некое неповиновение, проявленное перед лицом его величества. Так что, господа мои, прецедент создан, имейте в виду... Согласно поступившим сведениям, знать поняла не столь уж тонкий намек и

примолкла, как та мышь под метлой.

Поскольку Сварогу, что скрывать, была свойственна некоторая мстительность (не выходящая за разумные пределы), через пару недель он провел еще одно мероприятие: отправил герцогу именной указ, не просто разрешавший пребывание при дворе — прямо обязывавшей там бывать, поскольку ему пожалован чин камергера, а камергер, всем известно, обязан находиться при дворе почти безотлучно и жить в столице.

Сварог похвалил себя: все же идеально придумано. Ни капли крови, ни кандалов, ни ссылок. А вот моральных терзаний — хоть лопатой греби. Во-первых, в Латеране герцог будет под строжайшим присмотром, и уж в случае чего... Во-вторых, что важнее, он чуть ли не каждодневно будет лицезреть во дворце свою бывшую супругу, очаровательную и недоступную. «А сволочь я все же, если подумать, — фыркнул Сварог, подмахивая последние бумаги. — Но что поделать, со сволочами сволочью и быть...»

Чтобы быть последовательным до конца и предусмотреть все случайности, он распорядился вышвырнуть из «Медвежьей пещеры» всех без исключения герцогских слуг, от мажордома до последнего поваренка — и заменить их антланцами (с примесью некоторого числа агентов восьмого департамента). Были все основания предполагать, что герцог попытается предпринять нечто, позволившее бы ему овдоветь вторично.

Вот так при дворе и появилась очаровательная Вердиана, герцогиня Латери, довольно быстро освоившаяся среди золотой молодежи обою пола. Тем более что ее взялась опекать Канилла Дегро. Появилась у нее в последнее время такая привычка, опекать девушек, попавших в затруднительное положение, — герцогиню, Айвику, дочек Интагара, молодую графиню, которую супруг начал было колотить по пьяной лавочке в лучших традициях запойного советского сантехника. Марлок, которому Сварог как-то за нэльгом об этом рассказал, фыркнул в густые усы:

— Ничего странного, лорд Сварог. Коллизия, давно известная психологам: девушка таким образом стремится выглядеть в собственных глазах взрослее и серьезнее, чем сейчас. Счастливый возраст, когда хочется выглядеть не моложе, а старше...

...Она вошла в церемониальном поклоне и, повинувшись жесту Сварога, села в кресло напротив. Сварог внимательно присмотрелся. Поза у нее оказалась примечательная: Вердиана сидела, выпрямившись, не касаясь спиной мягкой спинки кресла, сложив руки на коленях, напряженная, как туго натянутая гитарная струна: чуть прикоснись — отзовется звоном. Во взгляде, кроме того выражения, что когда-то Сварога не на шутку заинтересовало, был теперь еще и откровенный испуг. Пожалуй, он угадал все правильно: после всего, что с ней в замке творили, она откровенно боится мужчин. Канилла говорила: танцевать она любит, но всегда выбирает исключительно те танцы, в которых кавалер пальцем не касается дамы. Сварог подумал тогда: следует уберечь ее и от ухаживателей. Самое безобидное прикосновение самого галантного кавалера (а какой без этого флирт?) будет для нее... Вообще, с этим надо что-то делать. В восьмом департаменте хорошие психологи и психотерапевты, вооруженные последними достижениями медицины — иной раз без них не обойтись, порой сотрудники попадают в такие переплеты... Нужно подвести к ней парочку таких под видом обычных здешних врачей, пусть поработают. А

проблему ухажеров он решил просто: велел Интагару распусть слух, что Вердиана — его незаконная дочь, воспитывавшаяся в глуши и неудачно вышедшая замуж. Чем и объясняются все пролившиеся на нее королевские милости. «Общественное мнение» этот слух приняло за чистую монету, поскольку он давал отличный ответ на многие вопросы — а ухажеры сделали для себя выводы и вокруг красавицы пока что не крутились. Со временем, конечно, осмелеют — но и она, смотришь, отгадет...

— Герцогиня, — сказал Сварог спокойно. — Вы не согласились бы поговорить со мной откровенно? Я бы сказал, *довольно* откровенно...

Настороженный взгляд больших серых глаз:

— Конечно, ваше величество...

— Вы во дворце уже три месяца, — сказал Сварог. — И я давненько подметил любопытную вещь: то и дело я постоянно ловлю на себе какие-то довольно странные ваши взгляды. Полное впечатление, исполненные некоего напряженного ожидания, тревоги, а то и испуга... Так случается всякий раз, когда мы встречаемся в одном помещении.

Он сделал выразительную паузу. Герцогиня опустила длинные пушистые ресницы:

— Вам просто показалось, ваше величество...

— Я человек не мнительный, — сказал Сварог мягко. — Как-то мне ничего не «кажется». Это есть. Ведь правда? Ответьте честно. Вы ведь наверняка уже знаете, что я умею моментально определять, когда мне говорят правду, а когда лгут... Я жду. *Король* ждет ответа...

Она какое-то время сидела, потупясь, потом подняла глаза и выпалила, словно в холодную воду бросалась:

— Вы не ошиблись, Ваше величество...

— Ну вот, я так и думал, — сказал Сварог. — Вряд ли я человек великого ума, но есть вещи, которые угадать нетрудно... Кажется, я понял, чего вы боитесь и напряженно ждете. Что за все сделанное для вас я однажды потребую благодарности... определенного рода. Я угадал? И снова — *король* ждет ответа...

С тем же бледным и решительным лицом Вердиана выпалила:

— Угадали, ваше величество.

— И вы этого не хотите?

— Не хочу, тысячу раз простите! — воскликнула она с тем же видом человека, которому нечего терять. — Я понимаю, что королю отказывать просто не полагается, но так уж сложилось... Ваше величество, я не могу... Для меня мужчины сейчас... Любое мужское прикосновение — как укус... Поймите меня... Если вы гневаетесь, отберите все, что соизволили пожаловать, выгоните из дворца, только не возвращайте... к мужу. А впрочем... Я предусмотрела...

Перехватив ее взгляд, брошенный на собственную левую руку, Сварог приоткрылся, подошел и бесцеремонно снял с безымянного пальца кольцо с крупным сапфиром. Очень быстро нажал на крохотный шпенок. Камень чуть сдвинулся в оправе, открыв крохотное углубление с парой щепоток тончайшего зеленоватого порошка. Широко ухмыльнувшись, Сварог высыпал его в рот. Порошок совершенно безвкусный.

Глаза Вердианы округлились от ужаса, она замерла, вцепившись в подлокотники кресла. Все так же широко улыбаясь, Сварог сказал:

— Успокойтесь, герцогиня. Как видите, я до сих пор жив и здоров, хотя действие у *настоящего* яда мгновенное.

— Но как...

— Вы слишком молоды и совершенно не искушены в тонкостях столичной жизни, — сказал Сварог. — Тот мастер, с улицы Златошвеек, у которого вы заказывали кольцо, в тот же вечер доложил кому следует. Он, понимаете ли, как и многие люди специфического ремесла, состоит на жаловании в тайной полиции — со многими так, дело житейское... Ну, а подменить кольцо точной копией с безобидным порошком для моих сыщиков — вовсе уж детская забава... Простите уж, но пришлось именно так и поступить. Мало ли что вам могло прийти в голову после всего перенесенного... А я отчего-то чувствую за вас некоторую ответственность. Вы одна в чужом городе, вам всего двадцать лет, отец далеко, появились, конечно, подруги, но надежнее будет, если вас стану опекать еще и я. Хотя бы оттого, что возможностей у меня гораздо больше, чем у всех ваших подруг, вместе взятых, включая Каниллу Дегро. Так что хотите вы или нет, но я буду вас опекать.

Она сидела неподвижно, с растерянным и печальным видом, на ресницах поблескивали слезинки. Недолго думая, Сварог прошел к шкафчику, налил высокий хрустальный стакан с медальонами из алого и синего стекла почти до краев синей жидкостью. Протянул девушке:

— Выпейте. Это вкусно.

— Что это? — настороженно спросила она.

— Ну, не яд, конечно, — сказал Сварог. — И даже не вино. Всего-навсего сок синей малины. Ее мало кто знает, она растет только в Каталауне, да и там встречается довольно редко. У меня в Каталауне есть добрые знакомые, то и дело присылают всякие гостинцы... Ну, выпейте и успокойтесь.

Она отпила несколько глотков, явно распробовав и оценив, осушила стакан до половины. Вообще-то налицо безбожное нарушение этикета — наедине с королем дама не может выпить и глотка сока (если только она не королевская любовница). Но Сварог, матерый самодур, и не такие этикетки с хрустом ломал через колено...

— Еще? — спросил Сварог, видя, что стакан опустел.

— Нет, благодарю вас. И в самом деле вкусно...

Ее щеки приобрели нормальный румянец, голос звучал ровно. Сварог мысленно ухмыльнулся. Он не стал уточнять, что сок синей малины обладает еще и легоньким успокаивающим действием, за что высоко ценится у городских лекарей (а некоторые огородники в последнее время стали синюю малину высаживать у себя, но она не принимается — есть в каталаунской почве, надо полагать, что-то особенное...).

— Успокоились чуточку? — спросил Сварог. — Прекрасно. Пойдем дальше. Вердиана, как вы считаете, можно доверять королевскому слову?

На сей раз никаких этикетов он не нарушал — король вправе называть любого из своих подданных просто по имени — что даже считается знаком некоторого расположения. Чересчур уж напыщенно выглядело слово «герцогиня» в применении к этой, в сущности, девчонке.

— Ну, конечно! — воскликнула она убежденно. — Иначе и быть не может!

— Просто прекрасно, что вы так считаете, — сказал Сварог. — Так вот... У меня не было, нет и никогда не будет мыслей требовать у вас вознагражде-

ния... определенного рода. Слово короля. Никакого вознаграждения мне от вас не нужно.

Она переменялась на глазах: исчезли напряженность и тревога, щеки зарумянились, глаза заблестели, и в кресле она устроилась гораздо свободнее. Тихо сказала:

— Вы очень добрый человек, ваше величество...

— Ничего подобного, — сказал Сварог, чувствуя, что вместо улыбки получилась лишь ее *тень*. — Добрых королей не бывает — не то ремесло, — он вдруг почувствовал острое желание хоть пару минут, да поговорить более-менее откровенно с этой красавицей: — А если и каким-то чудом появляются, то живут и правят очень недолго... Поверьте моему опыту.

— У отца есть книга, где что-то подобное написано. «О сути царского и королевского ремесла и последствиях, из оной проистекающих».

— Знаю, читал, — сказал Сварог. — Чей Чедагон, сильванец. Очень толковая книга, заверяю вас. Король обязан в любой момент проявить злость и жестокость...

— Но вы столько для меня сделали совершенно бескорыстно...

— Ну, мне это, признаться, ничего не стоило, Вердиана, — сказал Сварог. — Пару часов посоветоваться с нужными людьми, подмахнуть пару бумаг... И потом... Я в жизни сделал немало злого не в силу каких-то свойств характера, а по королевской обязанности. И вдруг появляется случай сделать добро совершенно бескорыстно, без малейших задних мыслей — политических, экономических, да любых — это так редко случается...

Вердиана смотрела на него с непонятным выражением лица, потом тихо сказала:

— Как же вам должно быть тяжело...

Умница, подумал Сварог. Чей Чедагона читала, без малейшей запинки название его книги произнесла... И сказал веско:

— Не особенно. Со временем привыкаешь... Вердиана, а что, если мы просто посидим и поболтаем? Мне совершенно нечем заняться, такое редко бывает, чтобы никто не приставал с неотложными делами...

— С удовольствием.

— Ну, в таком случае, можно устроить маленькое застолье, — сказал Сварог, прошел к шкафчику, стал вынимать оттуда всякую всячину. — Вы будете пить сок, а я позволю себе что-то покрепче. Рекомендую вот эти зеленые шарики, такого вы тоже наверняка никогда не пробовали — каталаунский домашний марципан.

— Вообще-то это против этикета... — неуверенно сказала Вердиана, тем не менее с любопытством разглядывая незнакомые сласти.

— Этикет здесь — это я, — сказал Сварог. — Сатрап я, или нет? Завтра же введу какой-нибудь совершенно другой этикет, и все его будут соблюдать, как миленькие. — Он вспомнил матушку Елизавету Петровну и одну из ее *шалостей*. — Например, издам указ, чтобы на придворные балы мужчины являлись непременно в женских платьях, а женщины, соответственно, в мужских нарядах. Что вы улыбаетесь? Между прочим, такое однажды случилось...

— Никогда не слышала...

И неудивительно, подумал Сварог. Сказал:

— Это было очень давно и далеко отсюда, мало кто и помнит, даже книж-

ники... Вы мне вот что скажите — и больше никогда не будем к этому возвращаться... Эти все ваши страхи, что я потребую благодарности... Должны же они были быть на чем-то основаны? У меня что, столь отвратительная репутация в королевстве? Говорите, не смущайтесь и без дипломатии. Мне далеко не всегда говорят правду даже те, кто это обязан делать по долгу службы, а король обязан знать о себе *правду*.

Вердиана чуточку замялась, но наконец ответила, открыто глядя ему в глаза:

— Как вам сказать, ваше величество... Никакой такой отвратительной репутации у вас, пожалуй, нет. Но очень много сплетничают о вас и ваших женщинах... Говорят, вы их меняете, как щеголь — перчатки и шейные платки. Простите, если я сболтнула что-то не то, но вы сами просили быть откровенной...

— Да нет, все правильно, — сказал Сварог. — То есть, в том смысле правильно, что я жду от вас откровенности, а не насчет женщин.

И со стыдом подумал, что в том, что гуляют именно такие слухи, виноват сам. Конечно, женщин он не менял, как перчатки, но до женитьбы покуролесил изрядно — доступные грации из Королевского Балета, придворные красотишки, что сами вешались на шею, да и в Империи...

— Откровенность за откровенность, — сказал он. — Да, я не был в свое время образцом благонравия, хотя и не с таким размахом, какой приписывает молва. Но я, так случилось, год как женат и пообещал жене не изменять.

В ее глазах полыхнуло неистребимое женское любопытство:

— А кто она? И почему об этом никто не знает?

— Совсем скоро узнают, вот увидите, — пообещал Сварог. — Но обо мне говорить неинтересно — у меня все на виду, а что не на виду — то государственные тайны... Давайте о вас. Как отец?

— У него все отлично, — сказала Вердиана. — Поселился в том поместье, что вы мне пожаловали, отношения с крестьянами, пишет, складываются нормально. Знаете, именно мелкопоместные дворяне как раз и умеют ладить с крестьянами гораздо лучше богачей — жизнь учит... — она улыбнулась. — Он только говорит, что боится однажды проснуться и обнаружить, что все это приснилось...

Ну что же... Пусть и очень, очень редко, но и Сварог ловил себя на том, что боится проснуться и обнаружить, что все было не более чем сном. А на самом деле он только что очнулся от долгого запоя, произошедшего от полной неизвестности и безвыходности — на Бараглайском холме, в кольце облавы, когда совершенно непонятно было, как же отсюда выбраться, и удастся ли выбраться вообще... Глупости, конечно, но ведь случаются такие мысли, хотя прекрасно знаешь, что столь долгих и *подробных* снов не бывает... А хорошо бы — были. Тогда оказалось бы, что никто не погиб, что иные подлости лишь приснились и ни разу не пришлось в интересах дела и ремесла наступать на горло собственной совести. Правда, это означало бы, что все победы и достижения тоже приснились — но это, быть может, и не такая уж большая утрата, зная, что и горе с потерями и мерзостью в душе было только сном...

— Ваше величество, вы вспомнили что-то плохое? У вас стало такое лицо...

— Да нет, ничего, — сказал Сварог. — Вы сказали о снах, и я подумал: сколько всего с ними связано, и веселого, и грустного... — Как вам живется в замке?

Она улыбнулась почти беспечно:

— Сейчас уже немного привыкла. А первое время чуточку не по себе было в этой громадине. Дворецкий мне все старательно растолковал, так что я наизусть запомнила, — она подняла глаза к потолку и старательно произнесла, как заученное: — Восемьдесят три комнаты, большой и малый танцевальный залы, три каминных, залы для стрельбы, игры в кегли, парадная столовая на пятьдесят персон, еще несколько залов для игр и развлечений. Знаете, в первое время я себе выбрала три комнаты на первом этаже, там и жила, не расхаживала по замку. Потом стало веселее, появились гости, и Канилла, и Алента... Ваше величество, я не фамильярничаю, они сами хотели, чтобы я их называла по имени. Ну, а потом Канилла попросила приютить ее Ассамблею, я тут же согласилась, стало еще оживленнее и веселее... Вы ничего не имеете против, что я так поступила?

— Помилуйте, — усмехнулся Сварог. — Это ваш дворец, можете с ним делать что угодно, хоть завтра проиграть в кости... хотя, думается мне, от вас таких глупостей ожидать не следует. Ну, и как вам Ассамблея?

— Великолепно. У Каниллы все очень прилично — хотя я слышала про другие Ассамблеи, где нравы... гораздо свободнее. Вот только Алента пока что ни разу не приходила на танцевальные вечера. Вы ей запрещаете?

— Никоим образом, — сказал Сварог. — У нее просто хватало своих дел. В ближайшее же время собирается. Да и я загляну, если вы не против...

Он усмехнулся про себя. Ну что же, новое имя Яны ни у кого подозрений не вызывало и не выглядело необычным. *Легализуя* ее в Латеранском дворце, Сварог подобрал первую попавшуюся фамилию, лишь бы звучала правдоподобно, а вот с именем не стал заморачиваться: взял ее второе имя, чуть сократил, чуть изменил — вот и получилась баронесса Алента Вольмер. Мало ли каких редких для столицы имен и фамилий встречается в глухих провинциях...

— Ваше величество! Если мы разговариваем так откровенно и запросто... Мне бы хотелось кое о чем спросить, но не знаю, удобно ли будет...

Совсем освоилась девочка, подумал Сварог. Вот и хорошо, быстрее отгадет...

— Вообще-то для меня нет неудобных вопросов, — сказал он, не раздумывая. — Разве что когда речь идет о государственных тайнах. Все остальное дозволено. Так что смелее.

— Я порой не могу понять, почему вы подписали «Акт о таньяже», а не дали окончательного развода? Вы ведь и в этом были вольны, вы король...

— По очень простой причине, — сказал Сварог. — Чтобы ваш бывший муженек не вздумал повторить тот же фокус. Он отнюдь не стар, а в округе, как мне доложили, хватает молодых незамужних дворянок, сплошь и рядом живущих довольно бедно. Пока он официально считается женатым, ничего подобного не сможет сделать.

— Понятно. Но вот другое, уж не обессудьте, мне решительно непонятно...

— Что именно? Говорите смело.

Она чуть поколебалась, но все же решилась:

— Судя по всему происшедшему, вы не питаете к нему и тени симпатии...

— Да я бы его завтра на плаху отправил, будь к тому законные основания, — честно признался Сварог.

— Почему же тогда с него сняли многолетнюю опалу, допустили ко двору и даже пожаловали в камергеры?

Сварог пожал плечами:

— Откровенно говоря, в рамках мести, что женщинам, с которыми поступили скверно, обычно свойственна. Мне хотелось, чтобы он часто ездил мимо «Медвежьей пещеры», которая ему больше не принадлежит. Чтобы видел вас при дворе, веселую и довольную жизнью — но, разумеется, не смел приблизиться... Примерно так. Я что-то сделал неправильно?

— Вы только не гневайтесь...

— И не подумайте, — сказал Сварог. — Запомните: я обычно гневаюсь по очень и очень серьезным причинам. Ваши вопросы в их число, безусловно, не входят. Так что отбросьте всякие мысли, что я когда-нибудь собираюсь на вас гневаться. Договорились?

— Хорошо. Извините, мне не приходилось раньше общаться с королями... Так вот... Мне как-то совсем не свойственна та женская месть, о которой вы думали. Было — и прошло. Я просто-напросто рада, что навсегда *от этого* избавилась. И мне не доставляет никакого удовольствия видеть его при дворе, наоборот. Этот его змеиный взгляд, которым он меня провожает при первой возможности... И еще... Вы его совершенно не знаете. Все происшедшее у него наверняка не вызвало ничего, что хоть отдаленно похоже на душевные терзания. Не тот человек. Он просто понемногу копит и копит злобу, как змея — яд. И как это прорвется, сказать невозможно...

— Ну, беспокоиться вам незачем, — сказал Сварог. — У вас отличная охрана, хотя вы наверняка ее не замечаете — ну, на то она и отличная...

— Я беспокоюсь даже не о себе...

— Обо мне? — усмехнулся Сварог. — Благодарю, конечно, но все это совершенно ни к чему. Ну что он мне может сделать? И заговор устроить, и убийц подослать — кишка тонка. Все подобные опасности давным-давно предусмотрены, как и подобает толковому королю. Так что не беспокойтесь за меня. И не такие пытались...

— И все же... Этот человек на все способен...

А ведь она что-то недоговаривает, подумал Сварог, определенно. Это чувствуется. О чем же это такое она не хочет говорить в самой непринужденной доверительной беседе? Пожалуй, следует дать приказу Интагару: пусть шьет дело о государственной измене — что в отношении камергера двора сделать гораздо проще, чем в отношении субъекта, пребывающего в глуши, в опале.

— Хорошо, — сказал Сварог. — Ну что же, я допустил промах... с королями такое тоже случается. Если он вам неприятен здесь, совсем нетрудно лишить его всех милостей и отправить назад киснуть в опале... Вы ничего больше не хотите мне о нем рассказать?

Она зябко передернулась:

— Простите, нет. Все это настолько гнусно...

— Как хотите, — сказал Сварог, оставшись в твердом убеждении, что что-то недосказанно. — Вы не против, если мы немножко поговорим о деле? Отлично. Получилось так, что мне необходима от вас небольшая помощь...

— От меня? — она удивленно распахнула глаза.

— Ну да, так уж сложилось... — сказал Сварог. — Вам хоть чуточку нужны дворцовые флигеля?

— Абсолютно не нужны! — воскликнула она живо. — В них просто нет

необходимости, для гостей хватает места в замке, флигеля, я чувствую, еще неизвестно сколько лет будут стоять необитаемыми... Подождите. Вы хотите сказать, что они вам зачем-то понадобились?

— Угадали, — сказал Сварог. — На оба я пока что не замахиваюсь, речь идет только об одном. Не могли бы вы, выражаясь казенно, сдать мне его в аренду?

— Ну, конечно же, ваше величество, — с энтузиазмом воскликнула она. — И при чем тут аренда? Неужели я возьму с вас деньги? Занимайте хоть оба и пользуйтесь столько, сколько считаете нужным. Почему вы не сказали раньше?

— Потому что мне эта идея в голову пришла совсем недавно, — сказал Сварог.

Он не лукавил, все так и было. С неделю назад осенило. Оба флигеля, учитывая, с каким размахом дворец возведен, — по сути и не флигели вовсе, а довольно большие трехэтажные здания, не уступающие величиной иному дворянскому особняку человека состоятельного. Между тем он давно уже подыскивал местечко в Латеране, где мог бы разместить сильную резидентуру всех подчиненных секретных служб — на что имел полное право и как земной король, и как имперский чиновник. Вот только подходящего здания не находилось: с тех пор, как он обосновался в Латеране и следом хлынули дворяне из нескольких королевств, в городе наступил натуральнейший жилищный кризис. По каковой причине на полночной окраине, на обширной пустоши в лиге от города, ударными темпами строили Новую Латерану (со строжайшим наказом архитекторам и зодчим сделать все, чтобы по стилю и облику она ничем не отличалась от старой).

Меж тем флигели «Медвежьей пещеры» подходили идеально. На трех этажах комфортно уместятся и сотрудники девятого стола, и восьмого департамента, и люди Интагара. На обширном чердаке можно поставить немало полезной аппаратуры (на что он опять-таки имеет полное право), да и подвалы пригодятся солидной секретной службе для своих специфических нужд... Место удобнее — дворец и флигели окружены обширным парком, а тот, в свою очередь, высоченной чугунной оградой, охрану (с применением должной аппаратуры) организовать легко, до королевского дворца каких-нибудь три четверти лиги...

Он глянул на девушку, усмехнулся про себя: она, сразу видно, сгорала от любопытства, но держалась, как стойкий оловянный солдатик, и вопросов не задавала. Ну, полуправду-то можно, и Яна, и Канилла заверяют, что девушка надежная...

— Вердиана, я вам вполне доверяю, — сказал Сварог. — А потому посвящу в кусочек государственной тайны. Молчать ведь умеете?

— Клянусь!

— Вы наверняка знаете, что королям сплошь и рядом приходится заниматься и кое-чем *тайным*, — сказал Сварог. — Не всякий доверенный человек может появляться во дворце, не всегда королю стоит открыто навещать официальные резиденции иных контор. Частенько там и сям на некотором отдалении от дворца существуют и *тайные* канцелярии.

— Да, я слышала...

— Вот и отлично, — сказал Сварог. — Именно такую я намерен и устроить в вашем флигеле. Никто ничего не заподозрит: мои люди умеют держаться так,

что их не видно и не слышно. И декорация убедительная: обыкновенный дворец, где молодая красивая хозяйка принимает гостей, устраивает балы и вечера Ассамблеи Боярышника... Вы не имеете ничего против?

— Ну что вы, ваше величество! Простите, что я вылезая со своими *бытовыми* делами, но мне кажется, так будет даже безопаснее...

— Уж это наверняка, — сказал Сварог. — Поместье, битком набитое моими людьми, — одно из самых безопасных мест на Таларе, я так думаю... Учитывая, к тому же, что ваш бывший муженек очень скоро покинет столицу и ничего скверного предпринять не сможет... Да и куда ему против моих людей... — он широко улыбнулся — Ну, а медведей бояться не следует, правда?

— Правда, — сказала Вердиана, улыбаясь чуточку смущенно. — Честно говоря, я в первые дни все же боялась выходить на крыльцо в сумерки — там, в поместье, об этом столько сплетничали слуги, некоторые чем угодно клялись...

В самом деле, со старинных времен кружило поверье, что два огромных каменных пещерных медведя тонкой работы, стоящие по сторонам парадного входа, иногда в безлунные ночи оживают, спускаются с лестницы и подстерегают на ближайших улицах невезучего прохожего, от которого остаются рожки да ножки. В свое время Сварог, давно заимевший привычку на всякий случай не проходить мимо *необычайного*, предпринял короткое расследование (памятуя о кошке из черной бронзы и пантерах в собственном Вентордеране). Однако Яна в качестве главного эксперта не усмотрела в мишках никакой магии. А чуть позже Интагар через барона Фатеруса раздобыл любопытные пожелтевшие бумаги чуть ли не вековой давности — следственное дело, давным-давно отправленное в архив.

Тогда, почти сто лет назад, показалось, что легенда и в самом деле оказалась правдой: в окрестностях замка за какой-то месяц подняли не менее дюжины трупов, растерзанных так, как это мог сделать только дикий зверь. Ментально поползли жуткие слухи, как водится, стократ преувеличенные молвой, с наступлением темноты тот район пустел (и наоборот, нашлись лихие головушки из отчаянных молодых дворян, решившие ночью поохотиться на оживающие статуи — и двое из них погибли столь же страшной смертью). Дошло до того, что толпа горожан из низших гильдий, вооруженная в основном кузнечными молотами, нагрянула ко дворцу, твердо намереваясь статуи разбить в щебенку, — но была отогнана конной полицией протектора и драгунской алой (правда, тогдашний герцог на всякий случай уехал к себе в имение, оставив замок под сильной охраной — человек был крайне суеверный и во многое готов был поверить).

А вот в те времена начальник тайной полиции Латераны суеверным не был нисколечко. Анализируя и сопоставляя, он пришел к выводу: все без исключения убитые были загулявшими дворянами, и небедными, причем с трупов исчезло все, представлявшее хоть какую-то ценность. А это уже наталкивало на размышления. Сыщики, приставленные ночью следить за парадным входом во дворец, заверяли: во время очередного убийства медведи с места не сдвинулись, так и простояли смирнехонько до рассвета. Так что работать стали в более реалистическом, так сказать, направлении, выслали тайные патрули, пустили «подсадных уток» — и уже через несколько дней сграбастали шайку человек из шести, вооруженную приспособлениями, отлично имитиро-

вавшими клыкастые медвежьи пасти и когтистые лапы. А там и остальных подгрести, отыскивали укрытые драгоценности — главарь оказался человеком крайне умным, не толкал добычу перекупщикам, а старательно копил, рассчитывая потрудиться еще с месяц, а потом сбежать с добычей подальше, куда-нибудь на Сегур или в Лоран, предварительно устроив своей шайке торжественный ужин с подмешанным в вино настоем ядовитого ратагайского болиголова... Тогдашний король голубиным нравом не отличался — а потому, учитывая обстоятельства, повелел применить казнь нестандартную и побросать всю банду в загоны к пещерным медведям в своем зоопарке. Что и было старательно исполнено при большом стечении народа.

— Да уж, какие там медведи... — сказал Сварог. — Люди бывают в сто раз опаснее... Ну вот, все устроилось. В ближайшие дни мои сотрудники займутся всем необходимым. А в остальном, как я уже говорил, — вы там полная хозяйка.

— Значит, я могу пригласить на Ассамблею Аленту Вольмер? Канилла говорила, вы не против...

— Ну, конечно, — сказал Сварог. — Я ее вовсе не держу взаперти. И полностью ей доверяю. Что вы так странно смотрите?

— Конечно, это совершенно не мое дело — давать вам советы, особенно в столь деликатном предмете...

— А вы попробуйте, — сказал Сварог. — Ничего не имею против, когда мне дают советы, если они толковые.

— Ваше величество... А почему бы вам на ней не жениться? Она чудесная девушка, я это поняла за три месяца знакомства...

Сварог ухмыльнулся про себя: ну большинство женщин прямо-таки горят желанием женить и выдавать замуж... Ну, в конце концов, вскоре и так тайна перестанет быть тайной...

— Не могу, — сказал Сварог. — По весьма существенной причине: мы и так уже женаты. По всем правилам. В Хелльстаде.

Вот теперь он поразил девушку до глубины души. Глаза у нее прямо-таки округлились:

— Но ведь... Получается... Выходит... Алента — королева Хелльстада... Многие уже знают, что в Хелльстаде вы обвенчались с какой-то девушкой...

— Ну да, — сказал Сварог. — На сей раз я вам не выдаю никаких государственных тайн. Можете рассказывать об этом, едва выйдя отсюда. Просто... Просто нынешнее положение дел какое-то время сохранялось по весьма веским государственным соображениям. А теперь об этом можно и объявить широко — что и будет сделано через день-другой.

— Ой... — сказала Вердиана, прижимая ладонь к губам. — А я к ней обращалась по имени, вообще держалась, как с подругой...

— Вот и продолжайте, — сказал Сварог. — Коли уж она не имеет ничего против. Скажу вам по секрету, в ней нет ни капли спеси, так что...

Он с неудовольствием почувствовал, как «портсигар» в кармане явственно завибрировал — и вибрация была довольно сильной, что далеко не всегда случалось. Выругался про себя: в кои-то веки удалось отрешиться от всех забот и безмятежно поболтать с милой девушкой, к которой к тому же не испытываешь ни капли мужского интереса...

Однако расслаживаться не стоило. Он торопливо встал:

— Извините, я отлучусь, вызывает секретарь...

Вышел в приемную и открыто достал «портсигар» из кармана: в приемной были только свои, люди надежные, видевшие и не такое — статс-секретарь и двое ратагайцев. Нажал соответствующий «самоцвет», над «портсигаром» вспыхнул небольшой экран — видимый, правда, только с его стороны.

Лицо у профессора Марлока выглядело спокойным. Вот только глаза...

— Белая Тревога, лорд Сварог, — сказал он, четко и бесстрастно выговаривая слова. — Вимана в Латеранский дворец за вами уж вылетела. Поспешите.

И исчез с экрана. Сварог длинно и затейливо выругался про себя — но ничего тут не поделаешь...

Глава III КОГДА ПОЛЗАЮТ КАМНИ

Сварог неотрывно смотрел вниз. Обзор оказался великолепным — высокое окно виманы наклонено наружу под углом в сорок пять градусов.

Отсюда, с высоты примерно в пол-лиги, зрелище не представляло ни пугающим, ни опасным и больше всего походило на большое пятно серой, почти черной краски, выплеснутой на прекрасно выполненную рельефную карту местности — с крохотными деревьями, малюсенькими домиками, неправильной формы распаханными полями, узкой речушкой с мельницей на ней. По форме оно больше всего напоминало чуточку неправильный овал, одним узким краем упиравшийся в густолесье — другой уже переполз через речушку и захватил край деревни, часть крестьянских домов. Можно было и с такой высоты рассмотреть неяркие сиреневые вспышки, то и дело мелькавшие по всему периметру овала.

А вот то, как он перемещался — точнее, разрастался все стороны, рассмотреть было трудно — не столь уж и велика скорость.

Стоявший рядом профессор Марлок сказал:

— Если хотите, сделайте увеличение. Окно для этого и служит. Справа от вас, на подоконнике, пластинка с верньером. Чтобы увеличить, крутите к себе.

Найдя взглядом пластинку, Сварог так и поступил. Показалось, что вимана стала спускаться, но это, конечно, оптическая иллюзия. На стекле над пластинкой быстро сменяли друг друга цифирки, явно соответствующие уардам: 300... 250... 200... Сварог остановился на восьмидесяти. Теперь он не видел границ «пятна», но хорошо мог разглядеть его поверхность, гладкую, чуть-чуть бугристую, слегка ноздреватую. Вот теперь прекрасно видно, как пятно распространяется — примерно со скоростью быстрым шагом идущего человека. Что происходит в «хвосте», Сварог не видел — однако «носовая часть» загадочного объекта методично и как-то отрешенно рушила дома: наползала на них, и они очень быстро превращались в груды обломков, исчезающих под вертикальным, почти черным «откосом». И все происходило в совершеннейшей ти-

шине, при ясном солнце и безоблачном небе — что показалось неправильным. Для таких вот непонятных катаклизмов скорее подошли бы серое небо, хлябь и грязь, налетавший порывами дождь...

— В деревне ни души, — сказал он севшим голосом.

— Еще бы, — хмыкнул Марлок. — Они припустили сломя голову, когда это было еще далеко... Оно движется не очень быстро, скорее всего, все благополучно спаслись...

— Откуда оно взялось? — спросил Сварог.

— Самого появления зафиксировать не успели. Просмотрели. Спихватились, когда оно достигло приличных размеров и стало крушить лес, подминать под себя, доползло до деревни... Вот тогда дежурный и объявил Белую Тревогу — быть может, и погорячился... Ну, посмотрим. Предварительные итоги: сейчас оно примерно пяти лиг в ширину и семи-восьми в длину. За все время наблюдений распространяется с неизменной скоростью — около пяти лиг в час. Радиоактивного и каких бы то ни было других излучений не испускает. Разве что самым активным образом испускает озон — в тех местах, где сверкают эти сиреневые вспышки...

— Высота «откоса»... — Сварог прикинул. — Уардов сто?

— Примерно так. Высота остается постоянной.

— Это что-то живое?

— Вот это вряд ли, — криво усмехнулся Марлок. — Первая же группа первым делом опустила беспилотник как можно ниже, направила луч лазерного анализатора и изучила пары. Как ни странно, но по химическому составу — это *камень*. Самый обыкновенный базальт — здесь, в округе попадаются его выходы. Живого в нем ни на грош. Ни малейших следов органики. Просто-напросто самый обычный базальт вдруг ожил и слоем в сотню уардов толщиной стал распространяться по окружающему пространству. Кстати, ни малейших следов магии. Это тоже довольно быстро выяснили, кто сюда только ни слетелся...

Сварог вернул увеличение к прежнему, соответствующему реальной высоте, оглядел небо вокруг. Действительно, на небольшом пространстве скопилось десятка три самых разнообразных летательных аппаратов: виманы, наподобие той, в которой он сейчас находился, со скошенными наружу стеклами, с эмблемами Техниона и Магистериума, виманы Мистериора, драккары Серебряной Бригады, какие-то серебристые полусферы без окон, обращенные куполом к небу (кажется, беспилотные орбиталы одной из моделей для самых серьезных контор), несколько брагантов разнообразной расцветки (одна, очень похоже, Канцлера), серебристые небольшие веретена, державшиеся вокруг полусфер, боевые машины, опять-таки с разнообразными эмблемами, в том числе и парочка девятого стола, и восьмого департамента, и армейские), наконец, гвардейские корветы, в солнечных лучах сиявшие стальным блеском треугольники. Ни одной оружейной башенки на них не видно — ну конечно, корабли того типа, что предназначены для действий исключительно против земли, все дула располагаются в днищах и отсюда не видны: корветы парили ниже всех остальных, словно прикрывая скопище аппаратов от всевозможного обстрела вниз. Вот только эта непонятная... субстанция ничуть не походила на нечто, способное обстреливать воздушные цели... А, впрочем, береженого Бог бережет...

Справа от них в трех креслах за непонятными пультами сидели трое в форме Техниона, сосредоточенно наблюдая загадочную для Сварога пляску цветных огней и зигзагов. Четвертое слева кресло оставалось свободным. Марлок плюхнулся в него, зажимая в зубах погашенную трубку, удалил по клавишам:

— Что у вас, Пятый?

— Все по-прежнему, — послышался спокойный мужской голос. — Скорость распространения, отсутствие излучений, прочие параметры остаются прежними. Можно сказать, эта штука сохраняет стабильность.

Сварог все еще смотрел на загадочный черный блин, медленно, но неотвратимо распространявшийся дальше и дальше. Рушились и исчезали крохотные домики, валились деревья — и тоже исчезали под напором черного.

За спиной у него что-то щелкнуло — и он, оглянувшись, увидел пустое кресло, выросшее из пола рядом с креслом Марлока. Профессор бросил чуть сварливо:

— Садитесь, лорд Сварог, в ногах правды нет. Пялиться на это бессмысленно, в конце-то концов...

Сварог сел, чуть склонился к пульту, явно выполнявшему тут функции передатчика — коли уж его сюда допустили, имел право. Никаких переговоров, только легонькое потрескивание фона. В голове не было ни мыслей, ни догадок — откуда им взяться, если ни с чем подобным прежде не сталкивался? Стыдно, но на миг он ощутил легонькую радость — от него сейчас ничего не зависело, не нужно было командовать и брать на себя ответственность.

— Внимание! — он сразу узнал холодный голос Канцлера. — Что у вас, Третья?

В ответ послышался звенящий от возбуждения голос Каниллы Дегро, явно не способной похвастать хладнокровием:

— Результаты есть. Согласно инструкциям, не для оглашения. Канцлер, вы сами приказывали...

— Я помню, — бесстрастно отозвался Канцлер. — Внимание, всем машинам, всем, кто в воздухе! Подняться на высоту лиги, на лигу в сторону. Стекла затемнить до одной пятой!

То, что наблюдал Сварог на земле, словно отпрыгнуло назад с приличной скоростью — конечно, это вимана полным ходом ушла в сторону и вверх. Сварог видел, как остальные аппараты рассыпаются, словно испуганные птицы и повисают в воздухе там, где было приказано. Прошло совсем немного времени, и снова раздался властный голос Канцлера:

— Атака первой эскадрилье!

Тройка серебристо-стальных треугольников, чуть разомкнувшись, рванулась к земле. Сквозь затемненные стекла Сварог видел все отлично: едва они оказались над черным пятном, вниз обрушились потоки сиреневого сияния — должно быть, и вовсе ослепительного, если наблюдать за ним невооруженным глазом. Корветы повисли невысоко над пятном, вытянувшись в линию, сиреневое сияние водопадом рушилось вниз, и это невольно напомнило ему Токеранг. «Это не „Белый шквал“, — подумал он. — Но что-то достаточно серьезное, Канцлер не собирается мелочиться, и правильно, я думаю...»

Продолжалось это совсем недолго. Когда сиреневое сияние пропало, от загадочного феномена не осталось и следа — только соответствующий ему по размерам черный эллипс глубоко выжженной земли. И снова голос Канцлера:

— Внимание! На месте происшествия высадиться только двум исследовательским группам. Все остальные возвращаются на базы.

Два даккара рванулись вниз, приземлились у границы выжженного эллипса, и оттуда повалили фигуры в здешних скафандрах — сиреневых комбинезонах с глухими капюшонами — несмотря на несерьезный вид, защищавшими от многих серьезных опасностей. Видно было, что практически все навьючены довольно габаритной аппаратурой.

— Я бы тоже там походил, — сказал профессор Марлок с некоторым сожалением. — Но Канцлер прав — это было бы пустое любопытство, и только... Родерик, возвращаемся.

...Канцлер как всегда выглядел спокойным и невозмутимым. Обвел присутствующих холодным взглядом и сказал:

— Возможно, кто-то будет против, но я решил сформировать кризисный штаб именно в таком составе. Военных приглашать не стоило — для них пока что нет масштабных задач. Моя спецслужба, как ни стыдно признать, а также служба Кабинета императрицы, по существу, не более чем на старте, только начинают работать, так что нерационально выслушивать их мнение. А вот лорд Сварог — он усмехнулся уголком рта, — по всегдашней живости характера ухитрился и здесь всех опередить. У него одного далеко продвинулись исследования «точек Кондери», и пока-только его земные агенты вышли на достаточно интересных людей...

— Так уж случилось, — пожал плечами Сварог.

— Ваша скромность, лорд Сварог, общеизвестна, — столь же скупое усмехнулся Канцлер. — У кого-нибудь будут возражения по поводу состава кризисного штаба?

Естественно, он смотрел на Яну, сидевшую чуть в сторонке, в кресле у стены — явно для того, чтобы показать: своим положением она давить не собирается и намерена главным образом слушать. Так что за столом в кабинете Канцлера расположились лишь он сам, Марлок и Сварог с Каниллой. Невеликое воинство, но хватает проблем, которые многолюдством не решаются, уж Сварог-то знал...

— Никаких, — спокойно сказала Яна.

Канцлер чуть склонил голову:

— Благодарю вас, ваше величество. Итак... Марлок, может быть, в первую очередь вы? Исследовательские группы были ваши.

Марлок неторопливо набил трубочку волокнистым желтым табаком, затянулся (такая уж у него была привычка начинать серьезный разговор).

— Собственно, обрисовать ситуацию можно быстро. По неизвестным причинам один из самых обыкновенных выходов базальтовой породы на поверхность вдруг стал разрастаться, достиг толщины в сто уардов и принялся расширяться, то есть вести себя не как камень, а как некое достаточно пластичное вещество. При этом определенно происходили какие-то реакции, сопровождавшиеся многочисленными молниями и выделением озона. Как оказалось, эта субстанция прекрасно уничтожается «Сиреневым ливнем». Вот и все. Ровным счетом никаких соображений, а уж тем более объяснений у нас нет — поскольку нет практически никакой информации. Не зафиксировано ровным счетом ничего — никаких излучений, никаких возмущений в гравитационном или магнитном поле планеты. Базальт просто начал *расползаться*, как

перестоявшее тесто из квашни...

Сварог краем глаза заметил непроизвольное движение Каниллы, Канцлер, очевидно, тоже, он сказал:

— Минуточку, лейтенант Дегро. Пусть профессор закончит. Марлок, а *соображения* у вас есть? Хотя какие-то — поспешные, приблизительные... Мы, несомненно, имеем дело не с явлением природы, а с кем-то разумным. А посему крепко сомневаюсь, что мы недавно наблюдали природный феномен. Есть еще соображения в этом свете?

Марлок задумчиво протянул:

— Прежде всего на ум приходит, что это — эксперимент, затеянный с непонятными пока целями. Проверить какие-то наши реакции...

— Или разведка боем, — сказал Сварог. — С целью проверить наши возможности по борьбе с такими вот... феноменами.

Марлок, любитель вьедливой точности в формулировках, на сей раз в дискуссию вступать не стал. Пожал плечами:

— Теоретически можно допускать и такой вариант...

— Будем допускать оба, — сказал Канцлер. — Лейтенант Дегро?

Канилла почти спокойным голосом начала:

— В нашей вимане была аппаратура слабее стационарной, но ее хватило. Все это время точка, которую мы в рабочем порядке именуем Радиантом, по-прежнему обстреливала Талар потоком «третьего ручейка». Излучения остальных «точек» не зафиксированы. Мы только начали их изучать, в отличие от «третьей», но вот отмечать их наличие или отсутствие наша аппаратура уже в состоянии. Только «третий ручеек», — она заторопилась, словно боялась, что ее прервут. — Есть еще одно обстоятельство...

— Спокойнее, лейтенант, — невозмутимо сказал Канцлер. — Никто вас перебивать не собирается. Говорите ровно столько, сколько считаете нужным.

— Я еще не успела написать докладную, — сказала Канилла. — Мы только что закончили работы, тут и грянула Белая Тревога, все сорвались с места... Мы установили совершенно точно: Радиант привязан к конкретной точке на поверхности Нериады. Установили лишь приблизительные координаты, но именно так и обстоит. Радиант *бьет* по Талару лишь тогда, когда закатное полушарие Нериады, где он расположен, и восходное полушарие Талара, где лежит Харум, оказываются друг против друга, можно сказать, в пределах прямой видимости. Когда Талар или Нериада поворачиваются другим полушарием, поток не фиксируется. Это какая-то стационарная точка, по Нериаде она, безусловно, не перемещается. Установка, я бы рискнула предположить. Я плохо помню астрономию, забыла, как называется такое положение планет...

— Я, признаться, тоже, — с легкой улыбкой сказал Канцлер. — Быть может, кто-нибудь помнит? Нет? Плохие из нас знатоки астрономии... а, впрочем, она сейчас и не особенно нужна. Простоты ради обозначим такое положение планет как «встречу». Чисто рабочее название, но нам сейчас ничего другого и не нужно. Значит, предполагаемая стационарная установка... Можете показать примерно, где она расположена?

Он опустил пальцы на клавиши — и на стене вспыхнула большая карта Нериады, физическая, с белыми полосками гор, голубыми ниточками рек, окрашенными в разные оттенки голубизны морями.

Канилла взяла световую указку, какое-то время присматривалась:

— Простите, у меня на экране был гораздо меньший масштаб... Но я тоже накладывала на физическую карту... Вот здесь, — тонкий красный лучик очертил по карте небольшой кружок (Канцлер что-то сделал на пульте, и кружок на карте остался). Да, здесь. Правда, территория достаточно обширная...

На фоне планеты скрестились покрытые делениями линии, передвинулись вправо, влево, пропали...

— Да уж... — сказал Канцлер. — Несколько сот югеров. По первым прикидкам. Не вешайте нос, лейтенант, это гораздо лучше, чем ничего, а дальнейшее — дело техники... Посмотрим теперь, что это за район...

Зажглась другая карта, политическая: границы государств, зеленые точки городов, реки, главные тракты. Очень быстро Канцлер кивнул:

— Полночная окраина королевства Даркаш, места столичные, но чем-то напоминающие наш Каталаунский хребет — малонаселенные, леса и горы... ага, там крупные рудники, связанные с более населенными местами вот этим трактом... — лучик указки скользнул по карте. — Места совершенно ничем не примечательные: рудников на Нериаде хватает, а Даркаш ничем не отличается от остальных королевств материка, точно так же населенных ярко выраженными «куклами». По размерам — на третьем месте. — Он задумчиво повторил: — Ничего примечательного... И все же это какая-то отправная точка. Не столь уж большой район, чтобы его нельзя было быстро прочесать... — он погасил карту, повернулся к присутствующим. — У вас все, лейтенант Дегро? Ну что же... Поскольку обсуждать сегодняшний случай нет смысла по скупости информации, я бы перешел к сути. Какова ситуация? С Нериады против нас действует кто-то безусловно разумный. Которого нам, несмотря на все усилия, не удастся обнаружить. Проявил он себя три раза, и всякий раз это было связано с камнями: черные камни-компьютеры, загадочные изделия, которые с совершенно неизвестными целями распространяют на Таларе, и сегодняшний случай, опять-таки устроенный с совершенно неизвестными целями. Меж тем у любого разумного существа, прилагающего к чему-то немалые усилия, должна быть цель, вы согласны? Откровенно говоря, меня так и подмывает ударить по всему району, указанному лейтенантом Дегро, чем-то вроде «Белого шквала»... но я не уверен, что это снимет проблему. Кто бы они ни были, они вряд ли сгруппировались именно там, и только там, как пчелы в улье. Такие удары следует наносить, когда знаешь о противнике много. А мы о них знаем ничтожно мало. Не знаем даже, как они выглядят.

— Судя по гостю Орка, они вполне человекоподобны.

— Или притворяются таковыми, — не преминул встрять со своей въедливой точностью профессор Марлок.

— Или притворяются таковыми, — спокойно согласился Сварог. — Будем допускать любые варианты. Способы проверки есть. Я уже приказал набить каминную Орка всевозможной аппаратурой, датчиками всех видов. Если она появится снова, что-то о ней мы да узнаем.

— Если зеркало не сыграет роль силового поля, — и снова не утерпел Марлок.

— Посмотрим, — сказал Сварог, которого эти штучки профессора никогда не раздражали, поскольку по большому счету были необходимы в серьезном расследовании. — Что касается цели... По-моему, о ней можно говорить уверенно, судя по тому заданию, что она дала Орку. Убить императрицу, Канцле-

ра, обоих принцев короны, меня, наконец, что можно расценивать исключительно как намерение захватить власть в Империи. Зачем это им, представления не имею. Но цель, несомненно, именно такая. О ней ночная гостья открытым текстом говорила Орку. И добавила, что здесь существует группа заговорщиков, сильная, крепкая, состоящая из людей высокопоставленных.

— Все это может оказаться и дезинформацией, прикрывающей какую-то другую, истинную цель, — сказал Марлок.

— Все возможно, — невозмутимо ответил Сварог. — Но ведь в существовании заговора нет ничего необычного или уникального? Они и раньше случались, разве что без привлечения *внешних* сил. Ну, а теперь такие силы появились...

— У вас есть какие-то данные? — спросил Канцлер.

— Ни малейших, — сказал Сварог. — Я просто обратил внимание на один нюанс: «гостья» ни словом не упоминала о каких-то замыслах против принцев и принцесс крови. Не хочу выдвигать скороспелых гипотез, но не так уж и давно был пример: тот самый фанатик бабочек...

Какое-то время стояло молчание. Потом Канцлер раздумчиво произнес:

— Как версия вполне допустимо. Однако можно допускать и другие. К примеру, они не стали взваливать на Орка *слишком* много, и принцами и принцессами крови займется кто-то другой. Возможно, если уж наши неизвестные намереваются извести династию под корень, их оставили на потом, я бы так выразился. Охрана у них никогда не была особенно серьезной, и в случае каких-либо потрясений кто-то жестокий и решительный — да вот хотя бы наподобие Орка — их быстро вырежет малыми усилиями... Вот, пожалуй, и вся, я бы выразился, теоретическая часть — с теорией у нас откровенно слабовато. Давайте перейдем к чисто контрразведывательной практике. Тут уж вам карты в руки, лорд Сварог. Не может быть, чтобы вы не продумали каких-то планов...

— Продумал, конечно, — сказал Сварог. — Манор Орка, как я уже говорил, буквально нашпигован аппаратурой. Что касается земли... Мои люди уже *засветили* нескольких крупных купцов, занятых распространением «тарелочек» и «амулетов». И есть все основания думать, что ниточки сходятся к одному из них, Коринту Бадешу. Не буду здесь говорить о скучных, чисто полицейских подробностях, но уже есть серьезные основания думать, что он крайне похож на паука в центре паутины. Слишком уж многое на него завязано — и распространяются изделия от него, и гравировальные лавки в большинстве случаев принадлежат ему. Если у *них* и есть здесь резидент, то это — Бадеш. У меня очень хорошая тайная полиция, я верю, что другие ниточки и *других* пауков они не могли просмотреть... — он увидел в глазах Канцлера невысказанный вопрос и прекрасно его понял. — Увы... К превеликому моему сожалению, его пока что не на чем брать. Предметы, которые появляются у него на складах словно бы неизвестно откуда — еще не повод. Вполне возможно, у него отыщется на этот счет какое-то убедительное объяснение. Мои аналитики в тайной полиции уже кое-что просчитали... Скажем, он может преспокойно заявить, что дед-алхимик оставил ему какие-то старинные манускрипты, и он с их помощью теперь в массовом порядке и *шлепает* эти камешки, сбывает их так дешево потому, что производство обходится ему в вовсе уж сущие гроши, и он берет свое количеством. И вообще он, как хороший купец, приучает лю-

дей к этим камням, а впоследствии намерен изготавливать гораздо более дорогие предметы, для которых, по мнению экспертов, камень вполне подходит. Или он просто-напросто обнаружил в глухих местах залежи этого камня, вмиг оценил выгоду и теперь их разрабатывает. Такое в истории Талара бывало, я выяснял. Наш противник, такое впечатление, отнюдь не слаб — и вполне способен оборудовать убедительные декорации в виде алхимической лаборатории, а то и рудника — давайте уж допускать и такие варианты... В конце концов, алхимия, в отличие от черной магии, давно уже всерьез не преследуется — разве что если с ее помощью совершаются какие-то чисто уголовные преступления. А торговля безобидными каменными поделками к таковым не относится, тут можно припасть разве что контрабанду. — Он жестко усмехнулся. — Я не страдаю гуманизмом, дамы и господа. Я бы без колебаний отправил этого клятого Бадеша к себе в Глан, а там уж найдутся люди, способные с ним вдумчиво побеседовать. Ну, а если это ничего не даст? Вспомните Брашера и его шайку — от них так и не удалось ничего добиться. Против нас играет кто-то, располагающий возможностями, безусловно превосходящими таларские. Чего от него ждать, я просто не представляю — и на всякий случай считаю, что ждать можно всего... Я должен поймать Бадеша на действиях. Каких-то действиях, которые грозили бы плахой. В этих случаях люди очень разговорчивы. Даже человек, наделенный нечувствительностью к боли, перед плахой беззащитен... Я жду, что мне удастся подловить Бадеша на каких-то действиях, я жду, что ночная гостья Орка заявится снова. Ничего другого мне просто не остается. Или кто-то придерживается другого мнения?

Все молчали, и от этого настроение у Сварога чуточку поднялось — никто не спешил его упрекать ни в ошибках, не в недосмотре.

— Ну, что же, — сказал наконец Канцлер. — Не нахожу возражений против вашей позиции, лорд Сварог... Вы что-то хотите сказать, Марлок?

Пыхнув трубочкой, профессор начал без малейшего запала:

— Я не спецслужбист, обсуждать действия лорда Сварога не берусь, ему безусловно виднее. А вот научно-техническая сторона дела... По моему глубокому убеждению, нужно серьезно взяться за Нериаду — силами и Техниона, и соответствующих отделов всех спецслужб. Локализовать местонахождение излучателя, о котором говорила лейтенант Дегро. Провести комплекс других наблюдательных мероприятий. Повторить операцию «Невод», которую шестьсот лет назад провели наши предшественники. Бросить туда изрядное число орбиталов. Благо техника с тех пор шагнула далеко вперед, да вдобавок появилась аппаратура, какой у наших предков попросту не было — я имею в виду, с которой работают лейтенант Дегро и ее напарник — и которую у меня Технионе тоже, кстати, начинают понемногу осваивать. Мистериор в это дело посвящать не следует — там нет никакой магии. И Магистериум нужно отодвинуть в сторонку — Уртало и его компания здесь совершенно бесполезны. Наконец, можно забросить туда агентуру. В тамошних условиях, среди «кукол», от нее будет мало толку — я читал старинные отчеты...

— Я тоже читал, — отреагировал Сварог. — Действительно... И все равно я попробую. В такой ситуации любые крохи информации ценны — а уж какие-то крохи они безусловно добудут...

— Ну... — ровным голосом продолжил Канцлер. — Думаю, дальше обсуждать ситуацию нет смысла? Вроде бы все сказано... Перейдем к конкретным

мерам. Вы, Марлок, в сжатые сроки готовите «Невод-2» — вместе с научно-техническими отделами всех трех спецслужб, в первую очередь — с подразделением лейтенанта Дегро. На вас, лорд Сварог, — вся контрразведывательная работа, хотя и другие службы следует подключить. Это не тот случай, когда толпа охотников, несущаяся за зайцем, только мешает друг другу — это, скорее, облава, где стоят локоть к локтю... От Орка не следует ожидать каких-то... сюрпризов?

— Вот это вряд ли, — вступил Сварог. — Умен все же, мерзавец. Должен понимать, что в этих условиях слишком рискованно предавать нас — да к тому же существам, чьи возможности толком неизвестны. К тому же, я, сатрап этакый, своей волей упрятал его под домашний арест — у него в маноре целая группа моих людей, так что ему оттуда не выскользнуть...

— А этого вашего Бадеша нельзя как-то *спровоцировать*? На конкретные действия?

— Я перед своей тайной полицией такой задачи не ставил, — сказал Сварог. — Но попробую в ближайшее время озадачить — они у меня ребята с выдумкой и фантазией...

— И еще одно... — Канцлер посмотрел на Яну... — Ваше величество. Как вы думаете, в поисках на Нериаде нам может чем-то помочь Древний Ветер?

Яна задумалась, прикусив нижнюю губку. Потом подняла голову и открыто взглянула Канцлеру в глаза:

— Честное слово, не знаю, Канцлер. Древний Ветер — слишком сложная вещь, я в нем сама не до конца разобралась. Иногда он бывает бессилен, это от многого зависит... Но я приму любое участие, если вы это имеете в виду...

Глава IV БЕЗМЯТЕЖНЫЕ ПЛЯСКИ

Бесшумно возникший из привратничкой человек в ливрее какой-то миг вглядывался во всадников, потом распахнул створку высоких, ажурных чугунных ворот. Сварог с двумя ратагайцами рысью двинулся по широкой, обсаженной вековыми дубами аллее, тянувшейся на добрых пол-лиги. Издали увидел, что в правом крыле замка, на втором этаже освещены три высоких стрельчатых окна, а потом услышал слабые отголоски музыки — Ассамблея Боярышника уже веселилась вовсю.

Спрыгнул на землю, отдал поводья словно из воздуха возникшему лакею и неторопливо поднялся по широкой лестнице. Вот-вот должны были спуститься сумерки, но еще довольно светло, и фонари в парке не горели. Он задержался возле одного из каменных пещерных медведей — искуснейшая работа старинных камнерезов — чья недобро оскаленная пасть пребывала на уровне его лица. Похлопал твердый холодный бок, весь в тщательно вырезанных завитках шерсти, спросил негромко:

— Ну что, по ночам не шляемся?

Каменный медведь, как ему и полагалось, безмолвствовал. Нельзя сказать, чтобы настроение у Сварога было особенно лучезарным, но и скверным его никак нельзя назвать — с одной стороны, они пока что ни на шаг не продвинулись вперед, с другой — никаких новых неприятностей пока что не приключилось, а это само по себе не так уж плохо...

Самое время чуточку развеяться и самому. Огромный, ярко освещенный холл носил явственные следы увлечений предков герцога и его самого, любивших охотиться на Сильване на пещерных медведей, давным-давно исчезнувших на Таларе: в разных углах аж три медвежьих чучела, два стоят спокойно, а третий взмыл на задние лапы, растопырил передние, оскалился. Впрочем, и в гербе у герцога — пещерный медведь под белой восьмиконечной звездой — происхождению герба, как водится, сопутствует какая-то старинная легенда. Справа огромный гобелен во всю стену изображает медвежью охоту — причем явно в старинные времена: ни следа огнестрельного оружия, в руках у стоящих против разъяренного зверя только рогатины — смелые были все же ребята и вряд ли ожидали, что их дальний потомок окажется таким подонком. Нигде ни пылинки, ни паутинки, дворец люди Сварога содержали в безупречном порядке (а здесь все до последнего поваренка были его людьми).

Он жестом показал ратагайцам на диванчик в углу — уж здесь-то ему ничего опасаться не следовало и не было нужды тащить за собой охрану. Осанистый дворецкий (безукоризненная имитация) принял у него шляпу и перчатки, почтительно держась на полшага впереди, повел на второй этаж.

Музыка становилась все громче — какой-то из знакомых Сварогу каталаунских танцев. По капризу Каниллы добрую половину здешних танцев составляли те, что в «свете» презрительно именовали «простонародными» и танцевать ни за что не стали бы, в отличие от членов Академии Боярышника, во многом равнявшихся на Каниллу. Сварог как-то задумался философски: вот отчего так? Хваленый марчерет с его *крайними* вольностями, излюбленный на маскарадах и ларами, и земными дворянами, те самые «простолюдины» посчитали бы полнейшей непристойностью и у себя ни за что не допустили бы — а вот от их вполне приличных танцев высокородные господа брезгливо вороти-

ли нос. Причудливы зигзаги дворянского мышления...

Словхватившись, Сварог провел ладонью ото лба к подбородку, прошептал нужные слова, и на лицо ему легла «маска» — из простеньких, но все равно, *местные* ничего не заподозрят, а свои все поймут.

— Баронесса Вольмер? — спросил он дворецкого.

— Прибыла полчаса назад, к началу, — исправно доложил дворецкий. — Один раз играла в «костяшки-целовашки». Проиграла.

Сварог хмыкнул, ничуть не рассердясь, покрутил головой — пусть развлекается, как в ее возрасте и положено, в конце концов, забава безобидная, в той же «Молодой лани» подобные игры обставляются так, что статуи по углам краснеют...

— Флигель? — спросил он.

— Насколько я знаю, обустройство близится к завершению. Собираются завтра все закончить.

— Отлично... — рассеянно сказал Сварог, сворачивая направо, к малому танцевальному залу.

Он уже слышал веселый перестук каблучков и каблуков. Точно, Каталаун, «Ясный месяц». Высокий приятный баритон выводил:

*— По небу, сказал он,
месяц плыл, сказал он,
озарил, сказал он, горы над селом.
У окна, сказал он, девушка, сказал он,
вот бы с ней, сказал он, посидеть вдвоем...*

Музыка совершенно ничем не отличалась от игры обычного каталаунского оркестра, но Канилла просто-напросто установила на задернутом шторой балкончике для музыкантов привезенный сверху отличный музыкальный центр (который не устанет и стаканчик вина украдкой не пропустит). Многие из местных подозревали, в чем тут дело, но это никого не удивляло: чуть ли не всем придворным, исключая самых нелюбопытных, было прекрасно известно, кто такая Канилла, точнее, откуда, что все воспринимали совершенно спокойно — не она первая, не она последняя. Это Яну, благодаря принятым мерам конспирации, почти все (за исключением пары-тройки особенно догадливых, которым Интагар настрого велел держать язык за зубами) считали здешней.

Он вошел и, никем не замеченный, устроился в уголке у дверей, на диванчике возле крайне необходимого предмета обстановки — столика с бутылками отличного вина, хрустальными бокалами и классной закуской (Канилла и сама «сухого закона» не придерживалась, и других не заставляла его соблюдать — что за танцы без пары бокалов хорошего вина?). Таких диванчиков со столиками вдоль стен стояло поболее дюжины — вокруг некоторых какими-то ухищрениями светотехники стоял полумрак, друг влюбленных (пресловутых задних комнат, каких хватало в иных, более разгульных Ассамблеях, Канилла здесь завела буквально пару-тройку — исключительно для сложившихся, устоявшихся пар, которым негде было найти приют, как ей самой когда-то).

Здесь, согласно введенным Каниллой правилам, лакеи не путались под ногами и вообще появлялись лишь в случае крайней необходимости. Так что Сварог без малейшего недовольства налил себе сам сивьянского «Золотого ревеня», пригубил обстоятельно и стал наблюдать за танцующими.

Ну да, «Месяц ясный».

*— И была, сказал он, у меня девчонка,
был в нее, сказал он, по уши влюблен.
Но она, сказал он, предпочла другого,
чем я был, сказал он, очень огорчен...*

Танцевальный зал, хотя и именовался во дворце Малым, мог вместить добрую сотню танцующих, и они ничуть не мешали бы друг другу даже во время тех танцев, что требуют известного пространства. Сейчас здесь отплясывало примерно наполовину меньше. Большинство были Сварогу незнакомы, но некоторых он прекрасно знал: все без исключения его юные сподвижники с девушками. Аурика с Оклером, Томи с Лемаром — и сюда проник! — Канилла, разумеется, с Гаржаком. Элкон — со своей ронерской маркизой (что-то крепко парень к ней прилип). Маргиленна с супругом (сейчас вовсе не унылым, выкаблучивавшим не хуже молодежи), обе дочери Интагара, старшая с известным ему в лицо женихом, младшая с каким-то бравым усачом в форме лейтенанта Смарагдовых Мушкетеров. Видел бы суровый папаша, удар бы хватил — ну что ж, жизнь есть жизнь, а девчонки, в общем, приличные, не потрепушки...

Мужская половина присутствующих пребывала в костюмах здешнего фасона (вообще-то мужские костюмы Той Стороны безнадежно проигрывали здешним), зато женская поголовно вырядилась так, что не вызвала бы подозрений ни в одном танцевальном зале в Саваджо: исключительно тамошние моды, пока что не предъявленные публике на Той Стороне, коротенькие юбочки колокольчиком, колготки в причудливую сеточку, неизвестные здесь туфельки.

После недолгих наблюдений Сварог без труда установил, что здесь имеются две ярко выраженных группы модниц. Те, что поскромнее (как дочери Интагара), выбрали платья, оставлявшие открытыми лишь плечи и руки (что соответствовало и иным здешним фасонам), а вот особы более озорные стеснялись меньше: платья изрядно открытые, бретельки-ниточки, обнаженные спины, вставки из газа и прочие портняжные ухищрения доштормового прошлого, приятные мужскому глазу. Юбки и у «скромниц», и у «озорниц», правда, были одинаковой длины, то бишь довольно символические.

Двое-трое щеголяли в вечерних платьях прошлого — длиной до пола, но опять-таки с дерзко открытыми, с лихими разрезами до бедра. И не было, разумеется, двух одинаковых платьев, колготок или туфель — ни одна женщина такого не допустит, в точности как и здесь.

Очень быстро Сварог высмотрел и Яну с Каниллой — обе в крайне «озорных» платьях, одна в сиреновом, другая в розовом. Канилла танцевала с Гаржаком, Яна — с незнакомым капитаном гвардейской конной артиллерии.

На Яну Сварог смотрел без всякой ревности, а на Каниллу — не без уважения. Было за что уважать. Вдобавок ко всем своим, выразимся так, серьезным достоинствам, девчонка ухитрилась взбаламутить всю Империю, пусть и в специфическом деле — женской моде (впрочем, с точки зрения самих женщин, вопрос этот, крайне важный, по мнению иных — важнее даже всяких там серьезных мужских игр).

Совершив не без помощи Элкона грандиозный рейд по засекреченным закромам ведущих домов моды Той Стороны, Канилла без зазрения совести стянула оттуда не меньше трех сотен (больше, жаловалась она, не было) фасонов

платьев, колготок, туфель и абсолютно неизвестной здесь новинки, которую и на Той Стороне только-только собирались ввести в моду — женских брючных костюмов из разноцветных кружев, достаточно густых, чтобы костюмы не выглядели непристойными.

А через две недели Сварог лениво, через строчку просматривал очередную сводку восьмого департамента, касавшуюся бала в Аркетане. Восьмой департамент и за балами приглядывает по извечной привычке спецслужб совать нос куда только возможно — мало ли что интересное можно услышать, да и слухи со сплетнями издавна принято собирать и анализировать (чем тайная полиция занимается и на земле — никогда не знаешь, на что можно наткнуться).

Обычно такие сводки были крайне рутинными — но не эта... По отчетам агентурного отдела, не менее восьмидесяти светских дам появились в платьях с Той Стороны и тех самых костюмах — и девушки, и молодые замужние женщины, и ветреницы средних лет.

Оказалось, Канилла эгоисткой себя не проявила, наоборот — вместо того, чтобы сделать добычу достоянием узкого круга подруг, выложила ее для общего доступа в компьютерную сеть Империи, в раздел, посвященный женским модам, да вдобавок передала в Коллегиум Золотой Иглы — имперский центр моды.

А учитывая, что и Яна появилась в Аркетане в таком платье (правда, не столь озорном, как сейчас)... Сварог без всякого труда мог предугадать дальнейший ход событий: пройдет совсем немного времени, и новые моды начнут распространяться по Империи со скоростью лесного пожара. А из-за облаков очень быстро это поветрие перекинется на землю: земные благородные дворянки (в первую очередь удостоенные чести иметь дома телевизор) и дамы из Сословий (за исключением разве что самого консервативного, Храма, да и то с исключениями) бдительнейшим образом следят за имперскими модами и перенимают очень быстро, а вдобавок в столицах случаются и телесеансы «для всех», где новые платья может увидеть кто угодно. Зная женщин, легко предсказать, что совсем скоро ручеек превратится в могучий водопад — а Канилла Дегро войдет в историю как возмутительница спокойствия, пустившая в обиход новые фасоны и мини-юбки... Есть в этом что-то от революции.

Правда, Сварог тут же подумал и о другом, чуть сокрушенно, но уже как король, привыкший взвешивать вред и пользу самых разных сторон бытия. В Империи есть апейрон, а потому и не существует понятия «экономика». А вот земная экономика кое в чем получит нешуточный ущерб. Когда широко войдут в моду мини-юбки, соответственно упадут доходы ткачей одной из Серебряных гильдий, занятых исключительно «благородными тканями», снизится их производство (как это было лет десять назад, когда платья выше колен сменили платья до полу), следует ждать и некоторого упадка в других отраслях, тесно связанных с этими двумя: сократятся закупки шелка на Сильване, производство ткацких станков, иных «благородных красителей», да мало ли что еще. И ничего с этим не поделаешь, запрещать ту или иную моду — зверство, на которое решится далеко не всякий король-сатрап. Всеобщее возмущение женской половины королевств похуже крестьянского бунта и повлечет самые печальные последствия для репутации любого короля, будь он трижды тиран. А журить Каниллу бессмысленно: она, как и все прочие лары, слово «экономи-

ка» узнала, лишь начав служить в девятом столе, да и тогда в это понятие наверняка не вникала...

Сварог только сейчас обратил внимание: слева от него, в ближайшем кусочке полумрака, сидела девушка, отпивала вино небольшими глотками, держа высокий бокал у губ. Они двое были тут единственными, кто не танцевал.

Заинтересовавшись, он включил «ночное зрение» и узнал герцогиню, чему нисколечко не удивился. «Месяц ясный» наполовину состоял из фигур, когда дама и кавалер оказывались в объятиях друг друга, самых что ни на есть приличных — руки дамы на плечах кавалера, руки кавалера на талии дамы. Но герцогиня избегала любых мужских прикосновений и явно ждала танца, в котором их не будет. Бедная девочка, подумал он. Нужно побыстрее связаться с доктором Латроком, пусть заберет ее на Сильвану, в «Лазурную бухту». Красивейшие места, судя по снимкам, крохотный, закрытый для посторонних курорт — и отличный Медицинский центр восьмого департамента, где *выправляли* психологические травмы потяжелее, чем у нее. Порой люди возвращались с задания в таком состоянии, что их прямым ходом отправляли на Сильвану, не спросив отчета... Вряд ли трудно будет уговорить ее туда поехать.

Герцогиня вдруг встала и направилась прямехонько к нему — очаровательная и оживленная, ничуть не выглядевшая подавленной. Присела рядом, улыбнулась:

— Добрый вечер, ваше величество. Рада видеть вас у себя.

Вот так, значит... Сказать ей, кто скрывается под личиной, никто не мог — с тех пор, как Сварог появился в зале, танцы не прекращались...

— Интересно, — сказал он. — Я мог бы поклясться, что магией вы не владеете, а без магии опознать меня трудновато...

Вердиана рассмеялась непринужденно, даже весело:

— Магия тут совершенно ни при чем, все проще... Вы сейчас в том же самом наряде, в каком принимали меня в вашем кабинете. — Она окинула Сварога особым женским взглядом. — Алый шелк в разрезах на рукавах и буфах, оторочка из золотой тесьмы с тисненым узором, от плеч к поясу, — двойные ряды той же тесьмы, настоящие пуговицы — сапфиры в золотой оправе, декоративные — из синего пещерного жемчуга, по семь на рукаве, по семь меж рядами тесьмы, по семь у самых манжет. Вы же знаете этикет лучше меня...

Сварог знал. Согласно строгому этикету, ни один придворный не должен появляться в наряде, *крайне* похожем на наряд короля. Необходимы значительные отличия многих деталей. Для того, кто в этом разбирается, одежда короля столь же уникальна и неповторима, как отпечатки пальцев. Кто бы мог подумать, что иные женские ухватки порой действуют столь же эффективно, как магия?

— Великолепно, — сказал он. — А я вот о таком повороте событий как-то не подумал. Хотя кое-кто из придворных здесь присутствует. Коли уж зашел разговор... Вердиана, что вы думаете о моей маске? Смелее, вы уже успели убедиться, что на правду я никогда не сержусь.

Она чуть поколебалась, но взгляда не отвела:

— Я бы сказала, типичный гвардеец. Навидалась при дворе. Усищи вразлет, лицо особенным умом не блещет, хотя обращение знает, несомненный повеса и выпивоха... Я ничего обидного не сказала?

— Ничего, — успокоил Сварог. — Это ведь к маске относится, а не к моей ис-

тиной физиономии, отмеченной неизгладимой печатью величия и ума... Именно такая маска и нужна, чтобы остаться неприметным — именно что типичный гвардеец... Правда?

— Правда, — улыбнулась она. — Я так рада, что вы пришли, ваше величество. Здесь весело: танцы, игры... В завершение я всегда устраиваю поздний ужин, в парадной столовой хватает места для всех... — и спросила с надеждой: — Может быть, вы останетесь?

— Пожалуй, — сказал Сварог. — Кое с кем из присутствующих здесь добрых знакомых давненько не сиживал за одним столом...

Она чуть поколебалась, но все же решилась:

— Обычно все заканчивается чуть ли не с рассветом... Стоит ли тащиться во дворец? Быть может, вы с... баронессой Вольмер и ночевать останетесь у меня? — она улыбнулась. — Как-никак вы не просто устоявшаяся и сложившаяся семейная пара. Графиня Дино с супругом всегда у меня ночуют.

— Неплохая идея, — сказал Сварог. — Если только мы вас не стесним.

Она улыбнулась в знак того, что оценила шутку:

— В этой громадине?

— С одним условием, — сказал Сварог ей в тон. — Вы потом не будете вывешивать над входом корону, как обычно поступают со зданиями, где провели ночь коронованные особы.

— Конечно, — безмятежно улыбнулась она. — К тому же могут не так понять.

Совсем оттаяла девочка, удовлетворенно подумал Сварог: танцует, смеется, шутит... Но в «Лазурную бухту» ее все же следует отправить...

Музыка смолкла, танец кончился. Кто-то направился к столикам с вином, там и сям в полумраке обосновались парочки — но большинство обступило стол, который Канилла легко выкатила из угла: длинный, расчерченный на квадраты с цифрами, у торцов тесными кучками стояли какие-то фигурки, кажется, янтарные, стеклянные полушария с разноцветными узорами внутри. Сварог такой игры в жизни не видел — впрочем, с Каниллы станется и ее (точнее, ее полное описание) притащить с Той Стороны, как она уже с одной проделала. Судя по лицам, игра была интересная и увлекательная, посложнее примитивных, что уж там, «костяшек-целовашек».

— Идите, Вердиана, веселитесь, — сказал Сварог, заметив, с каким оживлением девушка смотрит в ту сторону. — А я посижу тут за вином, пока снова танцы не начнутся...

— Вам, правда, не будет скучно одному? — спросила она тоном заботливой хозяйки.

— Наоборот, — сказал Сварог. — Это у меня один из видов развлечения: посидеть за бокалом в одиночестве. Никто не отвлекает со срочными делами — благодать...

Она отошла к столу. Сварог сидел, попивая отличное силванское вино. Его давно заметили, но никто не обращал на него особенного внимания и своего общества навязывать не торопился. О здешних порядках он был наслышан. Коли уж человек сюда попал — безусловно одобрен Каниллой. То, что он смирнехонько сидит пока что в уголке, свидетельствует опять-таки в его пользу — новичок держится с должной скромностью.

Посмотрел вправо, где стояли человек восемь. Мушкетерский лейтенант,

танцевавший с младшей дочерью Интагара (и чем-то неуловимо напоминавший физиономией маску Сварога — «типичный гвардеец»), как раз протягивал ей небольшую плоскую коробочку, обтянутую синим бархатом, каковой цвет символизировал бескорыстный подарок (будь они любовниками, бархат оказался бы красным, вообще была целая система цветов, очень многое учитывавшая).

Коробочка раскрылась. Велеретта Интагар оглянулась на окружающих, словно спрашивая совета, и, когда все закивали, коробочку приняла, поблагодарив обаятельной улыбкой.

У Сварога форменным образом затылок свело, как у сделавшей стойку на добычу охотничьей собаки.

Со своего места он прекрасно разглядел, что там лежало — натуральная «тарелочка», правда, таких он еще не видел: по окружности украшенная медово-желтыми камнями, отшлифованными в вице полусфер...

Что ж, формально все приличия соблюдены: согласно этикету посторонний человек не может дарить благородной девице подарки дороже одного золотого аурея — а «тарелочка» стоит гораздо дешевле. Отчего же у Сварога не пропало стойкое — и неприятное — ощущение взявшей след собаки? Оттого, что эта «тарелочка» была в отличие от всех прежде виденных украшена камнями? Оттого, что девушка была дочерью Интагара, и это могло означать классический *подход*? Он и сам не понимал толком, что его тревожит, но возможность кое-что проверить была...

Он видел, как быстро, *цепко* переглянулись Яна и Канилла — тоже что-то такое почувствовали, в особенности Яна с ее Древним Ветром? Но до сих пор применение Древнего Ветра к «тарелочкам» не давало никаких результатов...

Поставив бокал на столик, он встал и неторопливо направился в ту сторону, четко просчитывая маневр. Улучив момент, когда лейтенант оказался чуть в отдалении от остальных и ни с кем не говорил, со всей необходимой деликатностью коснулся его локтя:

— Простите! благородный лаур...

Спокойно, непринужденно обернувшись, лейтенант поднял брови, что соответствовало вежливому вопросу «Чем могу?»:

— Слушаю вас, благородный лаур...

Сварог сказал вполголоса:

— Если я не кажусь вам навязчивым, хотел бы посоветоваться...

— Извольте, — сказал лейтенант, и они отошли к стене. — Простите, не имею чести...

— Барон Готар, — сказал Сварог. — Я совсем недавно в Латеране.

— Маркиз Чендор, лейтенант Смарагдовых Мушкетеров, — добавил он на случай, если столкнулся с вовсе уж неотесанной деревенщиной, не разбиравшейся в чинах и мундирах гвардейских полков.

— Понимаете ли, маркиз, — сказал Сварог. — Я только что видел подарок, преподнесенный вами лауретте...

В глазах лейтенанта мелькнула настороженность. Походило на то, что он здесь — человек новый. Настороженность объяснилась просто. Фразу «я недавно в Латеране» можно толковать по-всякому, и как «неделю», и как «месяц». Сварог мог оказаться вовсе не деревенщиной, а сердечным другом девушки. Подарок ни в малейшей степени не противоречил строгому этикету,

но с точки зрения неписаного дуэльного кодекса давал сердечному другу все права вызвать дарителя на поединок. Правда, Канилла, как и Сварог, у себя во дворце, категорически запретила в Ассамблее вызовы на дуэль, словесные ли, жестами ли (насчет жестов, несомненно, просветил записной бретер Гаржак) — но мало ли как можно все обставить? Вышли поодиночке «прогуляться по вечернему парку» — и все сладилось...

— Видите ли, лаур, — сказал Сварог с видом крайнего простодушия. — Я тоже хочу сделать подарок... одной знакомой. Из категории тех, что не дороже золотого аурея. Я так и не придумал, что подыскать — и вдруг увидел ваш подарок. В нашей глуши таких вещичек еще нет, меж тем она очень красива...

Настороженность из глаз лейтенанта исчезла, он сказал с ноткой покровительства:

— А здесь, в столице, они как раз вошли в моду.

— Нужно ли понимать так, что эта вещь дешевле аурея?

— О, гораздо! — успокоил лейтенант. — Всего пара серебряных сестерциев, так что этикет полностью соблюден...

— Великолепно! — воскликнул Сварог со всей восторженной наивностью провинциала. — И этикет соблюден, и вещица недурна... Вы сами придумали ее подарить?

— Конечно, — небрежно сказал лейтенант.

Он врал! Сохраняя полнейшую невозмутимость, Сварог спросил с прежней интонацией:

— Трудно было все это устроить?

— Ничутьки, — сказал лейтенант. — Обычно на этих вещичках гравировать разные изображения, но немало и чистых — как раз для подарков. Я купил чистый (он определенно рисовался чуточку перед провинциалом), отнес в мастерскую и велел выгравировать герб лауретты...

И снова он врал — от первого до последнего слова. Неизвестно, как обстояло дело, но безусловно не так, как *втирал* лейтенант. А потому следовало ему уделить самое пристальное внимание: что-то за этим крылось, и вряд ли доброе...

— Значит, мне следует поступить таким же образом? — спросил Сварог.

— Безусловно, — кивнул лейтенант. — У вашей... знакомой есть герб?

— Конечно.

— Отправляйтесь в лавочку, купите «чистую», без изображений, вещицу и отдайте граверам. Я охотно назвал бы вам адреса, но у меня на них, откровенно признаюсь, дырявая память, помню только свой, да полка, ха-ха! Но заведения у нас в столице достаточно известные, вам быстро покажут...

Интересно. На сей раз перемешались ложь и правда: он врал насчет своей дырявой памяти на адреса, но адресов лавочника и гравера, положительно, не знал.

Поблагодарив лейтенанта в самых вежливых и цветистых выражениях, он вернулся к диванчику и налил себе вина. На него по-прежнему не обращали внимания — кто выпивал и болтал у столиков (к одному лейтенант и подошел), кто флиртовал в полумраке. Стола уже не видно было за спинами, судя по азартным вскрикам, неизвестная игра развернулась вовсю. В общем, скуки не было, каждый нашел себе занятие по душе и увлеченно ему предавался.

Тут Сварог увидел, что к нему своей грациозной летящей походкой идет

Яна — чуть покраснелась после быстрого танца, колготки под цвет платья, на шее светло-синий платок, заколотый алмазной брошью — опять-таки один из аксессуаров высокой моды Той Стороны.

Села рядом, закинула ногу на ногу (что при ее наряде выглядело крайне приманчиво), достала сигареты. В ответ на его вопросительный взгляд небрежно махнула рукой с сапфировым браслетом на тонком запястье:

— Ничего. Видишь, повсюду пепельницы стоят? Курение — один из внутренних секретов Ассамблеи. У всех Ассамблей есть внутренние секреты, за разглашение коих безжалостно изгоняют...

— Тьфу ты, а я не заметил... — проворчал Сварог и с превеликим удовольствием потащил из кармана портсигар.

— Что ты фыркаешь?

— Видел бы вас Интагар, особенно тебя сейчас...

— Нас увидел Интагар, и его хватил удар... — нараспев продекламировала Яна. — Отличное начало для комических куплетов, нужно будет сочинить всей компанией...

— С вас станется...

— Как тебе здесь? — спросила Яна, пребывавшая, сразу видно, в отличном расположении духа.

Сварог пожал плечами:

— Я из-за дел припозднился, едва успел осмотреться...

И мысленно добавил: и тут же получил на шею серьезную и непонятную загадку. Он обратил внимание: бравый мушкетер ничуть не пытается флиртовать с Велереттой, держится от нее далеко, даже не смотрит в ее сторону. А ведь приличные подарки всегда свидетельствуют о намерении ухаживать, это все знают. Полное впечатление, что он выполнил задание: потанцевал с ней, перекинулся парой слов, вручил подарок — и счел миссию выполненной. И с характером бравых мушкетеров это не вяжется, и флирт в рамках приличий правилами Ассамблеи отнюдь не запрещен, и девушка исключительно красивая, а вот поди ж ты...

— В следующий раз нужно приехать к началу, — сказала Яна. — Здесь, правда, очень интересно: танцы, игры, головоломки, всякие шуточные состязания... Под занавес будет ужин.

— Я знаю, — сказал Сварог. — Хозяйка простерла гостеприимство настолько, что предложила нам с тобой здесь и ночевать.

— Хорошая идея, — сказала Яна. — Разъезжаться начнут не раньше четырех утра. Сначала тащиться во дворец, потом тащиться по дворцу... Лучше всего прихватить пару бутылочек «Сильванского ревеня» и обосноваться тут. Или ты против?

— Да никоим образом, — сказал Сварог. — Что-то вдруг словно тень набежала на твое прелестное личико...

— Ты не будешь меня убивать? — спросила вдруг Яна.

— А что, есть поводы? — с интересом спросил Сварог.

Она мастерски изобразила смущение и раскаяние:

— Понимаешь, все начали играть в «костяшки-целовашки», и я тоже решила попробовать, только один разок... И проиграла. Теперь вот трепещу перед тобой. У тебя ничего на поясе нет, но здесь столько оружия по стенам развешано...

Сварог нисколечко не сердился — было бы за что. Всего-навсего безобидный здешний аналог «игры в бутылочку» в покинутом им мире, способный рассердить лишь патологических ревнивцев. Составленные по жребии пары бросают кости. Если проигрывает девушка, расплачивается поцелуем. Если проигрывает кавалер, выполняет какое-нибудь шутивное желание дамы: скажем, с выражением прочесть балладу, стоя на голове, или сходить посчитать окна во дворце. На что тут сердиться?

— Живи уж, — великодушно разрешил Сварог. — Слушай, а ты что, не могла с помощью Древнего Ветра выбросить три шестерки?

— Запросто, — сказала Яна. — Только это было бы нечестно. Что ты улыбаешься так загадочно?

— Думаю о государственных делах, — сказал Сварог. — Если в казне станет не хватать денег, пошлю тебя, чтобы обчистила до нитки парочку игорных домов — уж их-то не жалко, у них самих сплошь и рядом процветает нечистая игра... Тут тебе и банкеты-шулера, и кости с изъянцем в пользу хозяев, и прочие изыски творческой мысли. У меня лежит обстоятельный Доклад тайной полиции. Сгоряча хотел закрыть, но решил, что это не по-хозяйски — и увеличил налоги вдвое. Кряхтя, но платят... Да, кстати. На твои игры в кости я закрыл глаза, но вот когда ты танцевала с этим пушкарем-лошадником, я хорошо видел, что его рученьки были откровенно не в состоянии определить с границей талии...

Яна прищурилась, медовым голосом произнесла:

— Помнится мне, когда мы первый раз оказались вместе на балу, тогда, в Келл Инире, и потом пошли гулять в лес, твоя рученька тоже никак не могла определить с границей талии. Поправлять пришлось.

— Во-первых, ты тогда не щеголяла с голой спиной, — сказал Сварог. — Платье было даже чуточку строгое. А во-вторых, не заметил, чтобы ты *этого* поправляла.

— Поправляла. Словесно.

— Что-то я не заметил, чтобы это возымело действие.

— А может, я тебя заметила и решила подразнить?

Сварог вздохнул:

— Рассуждая философски, столько ветреных красавиц расстались с жизнью за такие вот отговорки...

— Это семейная сцена? — с любопытством спросила Яна. — Как интересно! Впервые в жизни... Подскажи, как себя жены ведут в таких случаях? Мне рыдать, клясться и обещать, что никогда впредь... или в ответ самой что-нибудь интересное припомнить?

Сварог вздохнул:

— Яночка, пошутили и будет. Не до шуток.

Она всегда тонко чувствовала перемены в его настроении — вот и сейчас посерьезнела моментально, совершенно другим тоном спросила:

— Что-то случилось?

— Случилось, — сказал Сварог. — Прямо здесь. Между прочим, у тебя на глазах. Вы ведь с Каниллой рядом стояли, когда этот мушкетерский ухарь дарил Велеретте «тарелочку»?

— Ну, да. Правда, я таких, с камешками, не видела, но разве тут есть что-то странное? Эти штуковины, ты сам говорил, в большой моде.

— Есть нюансы... — сказал Сварог. — Интагар сам рассказывал, сколько раз к нему пытались делать разнообразные *подходы*, в том числе через дочерей...

— Но это же безделушка в пару сестерциев ценой.

— Я не закончил, — сказал Сварог. — Понимаешь, я прикинулся провинциальным дурачком, который хочет сделать такой же подарок; и стал расспрашивать о деталях. Он мне все время врал: что ему самому пришло в голову преподнести именно «тарелочку», что он ее сам купил, сам отдал выгравировать герб... К чему столь упорное вранье, если речь идет о безобидной безделушке? Ценой в пару серебрушек? Дворянину ничуть не зазорно ее покупать и самому отдавать граверу. А он врал и врал. Мне такое поведение кажется подозрительным. А тебе?

— Пожалуй, — после некоторого раздумья призналась Яна. — Знаешь, я только сейчас подумала... Он больше не пытается за ней ухаживать, а ведь с начала вечера буквально не отходил. «Приличные подарки» служат недвусмысленным посланием...

— Вот именно, — сказал Сварог. — Еще одна странность: обрывать флирт на середине. За мужчинами — да и дамами — такого как-то не водится. Объяснение, конечно, подыскать можно: скажем, он не знал, что это дочери Интагара, а потом ему кто-то рассказал, и он испугался, что неудивительно. Интагар, дворянин как-никак, вынужден отпускать дочек на балы — но там всегда есть его люди, которые за ними присматривают. Даже Лемар не рискует за ними ухаживать. Мотив как мотив. Вот только мне больше нравится другая версия... Он — непрофессионал. Ему дали разовое поручение, вполне возможно, навязали, ему это крайне не по душе, опять-таки из-за того, что пришлось иметь дело с дочкой Интагара. И он, поручение выполнив, с превеликим облегчением подался в сторонку...

— Что ты намерен делать?

— Как это — что? — Сварог даже чуточку удивился. — Прикажу, чтобы его тихонечко, незаметно для всех, взяли и отправили во флигель. Вызову Интагара и душевно поговорим втроем. Флигель уже почти полностью обустроен...

— А если он ни в чем не виноват, и здесь какое-то причудливое стечение обстоятельств?

— Добрая ты у меня... — сказал Сварог. — Вита, ситуация такова, что про доброту, как частенько случается, приходится забыть. Если ни в чем не виноват — выпустим, придумаю что-нибудь в виде вознаграждения за перенесенные неприятности: ну, золото, чин капитала досрочно, а то и камер-юнкерство... Ладно. Времени у нас в запасе пока что достаточно, но лучше не медлить. Отведи Велеретту в сторонку, так, чтобы никто не слышал. Скажи, чтобы подошла ко мне и прихватила подарок. Ну, конечно, скажи ей, кто я.

— Ох... Ты и ее намерен допрашивать?

— Не смотри на меня так, — сказал Сварог. — Уж ей-то я не собираюсь причинять никаких неприятностей, наоборот. Но подарочек нужно у нее выманить, не мешкая. Действуй.

— Есть, генерал! — Яна отдала честь на ронерский манер (энергичное движение правой руки, ребром ладони к сердцу), встала и направилась к игрокам.

Сварог налил себе еще вина. Неприятно чуточку, что этого субъекта прохлопала его собственная служба. Академию Боярышника держало под при-

смотрим подразделение восьмого департамента — здесь бывали его сотрудницы, а уж когда стало известно, что намерена бывать и Яна... Внешней охраны в лице многочисленных «лакеев» недостаточно, он завел еще и внутреннюю. Вон тот обаятельный лейтенант Черных Егерей и не менее обаятельный виконт, классический светский хлыщ — но оба неглупы, наблюдательны, решительно действовать в случае чего смогут. Сварог их по размышлению взял исключительно на тщеславии: под обещание строжайше хранить тайну, рассказал, кто такая Яна и какие обязанности им предстоит выполнять. Как он и рассчитывал, оба преисполнились нешуточной гордыни, узнав, что им предстоит стать тайными телохранителями императрицы — и от всякого жалованья отказались прямо-таки с негодованием.

То же подразделение проверяло всех, кого Канилла принимала в качестве новых членов. Проверяли и этого мушкетера. И не нашли ровным счетом никакого компромата. «Типичный представитель своего класса», как выразились бы советские пропагандисты. Фамилия старая, семья более-менее зажиточная, хотя до магнатов никак не дотягивает, лейтенант любит перекинуться в картишки, и в кости, и в «гусек», имеет долги, не особенно и большие (но это среди гвардейцев не редкость), по части женского пола предприимчив, что опять-таки в Гвардейских традициях, все. А впрочем, винить тут некого. Ситуация не вполне подходит под определение «прохлопали». Иного агента просто невозможно засветить и лучшим специалистам, пока он не начал работать. Перед нами, похоже, именно такой случай...

Он поднял голову — к дивану подошла Велеретта Интагар с синей коробочкой в руке, остановилась перед Сварогом, взглянула вопросительно.

— Садитесь, лауретта, — сказал Сварог.

Она села, аккуратно сдвинув колени, как школьница в классе, одернула платье, насколько это было возможно. Сказала с легким оттенком робости:

— Баронесса Вальмер сказала, что вы хотите со мной поговорить...

— Да, — сказал Сварог. — Заранее прошу прощения, если разговор вам придется не по вкусу, но я, поверьте, вынужден... Ради вашего же блага, может, вы потом с этим согласитесь... Ретта, я ни за что на свете не стал бы вмешиваться в ваши личные дела *просто* так, но ведь король, считается, некоторым образом отец всем своим подданным. Вы согласны?

— Безусловно, ваше величество, — сказала она (судя по глазам, все еще ничего не понимала).

— Вот и отлично, — сказал Сварог. — Позвольте уж чисто по-отцовски... Речь пойдет о вас, вашей сестре и ваших кавалерах. Честно признаться, я все о вас знаю. Такова уж королевская доля — все знать... Вы хотите что-то сказать?

— Ваше величество... — сказала она робко. — Но ведь ничего предосудительного в этом нет. Это жизнь, мы уже взрослые... Фионелла и Каррет обручены уже по всем правилам. У нас с Миталом тоже все серьезно, мы уже... — она опустила глаза, чуть зарумянилась. — Митал собирается просить моей руки...

Сварог сказал наставительно:

— Вот на этом обручении вы с сестрой, простите за вульгарность, и погорели...

— Как это?

— Ваш отец — умнейший человек и старый полицейский, — сказал Сварог. — Он вмиг сообразил, что подобные предложения никогда не делаются

с бухты-барахты, в результате полыхнувшей, как молния, любви с первого взгляда. Вокруг нас — жизнь, а не любовный роман... Он пришел к выводу, что предложению непременно должно было *предшествовать* нечто, что он проглядел. Теперь понимаете? Может, представите себе и дальнейший ход его мыслей? В конце концов, вы его знаете гораздо дольше, чем я, вы как-никак его дочь...

— Я, кажется, понимаю, — сказала Велеретта. — Он теперь начнет подозревать, что и у меня есть... отношения...

— Позвольте мимолетный комплимент? Мне кажется, вы не только красавица, но и умом пошли в отца. Однако вынужден вас поправить. Не «начнет». Насколько я его знаю, уже начал. И за вами наверняка уже топают больше опытных сыщиков, чем за каким-нибудь крупным шпионом. К чему это я? Да к тому, чтобы вы с вашим Миталом соблюдали предельную осторожность.

— Мы и так...

— Доведите осторожность до крайнего предела, — сказал Сварог. — С вашим отцом иначе нельзя. А совсем хорошо будет, если ваш Митал как можно быстрее попросит вашей руки — тогда всякая опасность для него исчезнет. Как можно быстрее. Он согласится?

— Конечно! Он сам очень настойчиво предлагает, — она вновь опустила глаза. — Это я чуточку тяну, мне как-то страшновато — и замужество, и совершенно новый образ жизни...

Женщин понять невозможно, в который раз констатировал Сварог. Спать вместе уже не страшновато, а вот замужество пугает. Пойми их...

— Ретта, вы уж как-нибудь постарайтесь эти страхи побороть, — сказал Сварог. — Для вашей же пользы. Я вижу, его сегодня с вами нет?

— Он дежурит по полку. До 7 утра.

— Найдете способ завтра с ним встретиться?

— Конечно...

— Вот и изложите ему ситуацию. На меня ссылаться не стоит, выдайте это за собственные размышления и тревоги. И пусть немедленно делает предложение. Тогда я буду за него спокоен. Мне говорили, он неплохой человек и толковый офицер, не хотелось бы, чтобы с ним что-то случилось. А зная вашего отца... Вы сделаете, как я сказал?

— Конечно, ваше величество.

— Вы, часом, не сердитесь, что я так бесцеремонно вторгся в ваши сердечные дела?

— Ну что вы! — воскликнула Ретта. — Совсем наоборот. Я вам очень благодарна, я сама и не подумала о таких вещах...

Сварог усмехнулся:

— Если вы — дочь министра тайной полиции, вам следует думать о вещах, которыми обычные девушки не задаются...

— Мне как-то раньше не приходило в голову... Спасибо, ваше величество.

Ну вот, момент самый подходящий. Сварог сказал небрежно:

— Да, вот что еще... Вы мне не одолжите на пару дней ваш подарок? Я хочу заказать копию — тоже собрался сделать подарок, но таких вот украшений с камешками мне в лавках что-то не попадалось. Не сомневайтесь, я обязательно верну.

— Я и не сомневаюсь, ваше величество, как можно... — Ретта подала ему ко-

робочку с некоторым сожалением в глазах — видимо, вещьца ей понравилась, как и многим другим.

— Красивая вещь, — сказал Сварог. — Что вы с ней собирались делать?

— Повесить на стену в своей комнате, конечно. Там есть ушко.

— Ну да, разумеется... — сказал Сварог. — Ну что же, идите, веселитесь, только не забудьте нашего разговора и сделайте все, как мы договорились. Тогда я буду совершенно спокоен за вашего Митала.

Она робко улыбнулась:

— А уж как я буду спокойна... спасибо, ваше величество, вы были так добры...

Встала и отошла к одному из столиков с вином. Раскрыв коробочку, Сварог долго смотрел на загадочный диск с выгравированным гербом Интагара, окруженным кольцом полупрозрачных, медово-желтых камешков. По правде говоря, тупо пялился — никаких догадок не приходило в голову, ни одной толковой мысли. Какая-нибудь *подслушка*, излаженная неведомыми умельцами? Но ведь заранее должно быть понятно, что висеть ей не в кабинете Интагара, а в комнате его дочери. Что еще? Ну никаких догадок, хоть волком вой от бессилия и умственной импотенции...

Он поднял голову, когда раздался взрыв ликующих возгласов и рукоплесканий, быстро определил, что они адресованы белокурой подруге Элкона, явно оказавшейся победительницей в этой непонятной игре. Опустил коробочку в карман камзола и решительно встал.

Глава V «КАМЕННЫХ ДЕЛ МАСТЕРА»

Вышел в широкий роскошный коридор, подошел к высокому стрельчатому окну, смотревшему на зады. Флигеля отсюда прекрасно видны. В том, что справа, горит свет во всех, тщательно зашторенных окнах, по мощеной дорожке ко входу идут шесть человек, попарно несущих длинные ящики. Спецслужбы в авральном темпе обустройстваются. Уардах в двухстах, в парке, нашлась отличная лужайка, довольно обширная, туда удобно сажать ставшие невидимыми летательные аппараты ларов. Все-таки идеальное место для резидентуры.

Справа, уардах в десяти, возле красивой статуи из фиолетового с черными прожилками шерритского мрамора (типичный для дворца сюжет — храбрый охотник упер рогатину в грудь взмывшему на дыбки пещерному медведю), стоял «лакей» в ливрее цветов герцогини. Как и полагается вышколенному лакею, замер словно статуя, опустив руки по швам, глядя перед собой в ожидании, когда кому-то понадобится.

Сварог легонько поманил его пальцем. «Лакей» моментально ожил, быстро подошел, глянул вопросительно и тихо произнес: — Господин генерал?

— Интагар мне нужен во флигеле, — сказал Сварог. — Пошлите за ним верховых, он либо дома, либо во дворце...

— Нет необходимости. Интагар и так во флигеле, присматривает за обустройством. Кажется, намерен там и ночевать.

Ситуация, подумал Сварог не без некоторой игривости. Доченьки в крайне предосудительных с точки зрения строгого отца нарядах весело проводят время — а строгий отец пребывает в двух шагах, ни о чем не подозревая. Ну, субординацию он понимает четко, ни за что не пойдет во дворец, куда не приглашен — а его людей во дворце нет и быть не может.

— Во флигеле? — сказал он. — Отлично. Тогда вот что... Один из гостей, лейтенант Смарагдовых Мушкетеров, вам знаком?

— Маркиз Чендор? Разумеется. Досье на него есть — как на всех прочих, на которых приказано завести досье. Вы что-то хотите знать?

— Нет, — сказал Сварог. — Мне нужно, чтобы вы как-то выманили его из зала, взяли так, чтобы никто не заметил. Немедленно. Сумеете?

— Конечно, господин генерал, — ответил тихарь из восьмого департамента словно бы с некоторой обидой на то, что были высказаны сомнения в его квалификации. Задумался на несколько секунд. — Так... Я ему скажу, что его конь сорвался с привязи, носится по парку, затевает драки с другими жеребцами, никому не дается в руки. Такое случается. А конь у него и в самом деле норовистый...

— Отлично, — сказал Сварог.

— И потом?

— Сдадите его Интагару. Скажите, что я скоро приду, и мы вдвоем будем его допрашивать. А для начала пусть Интагар на нем испробует парочку стандартных полицейских приемчиков. Типа «Попался, наконец, сволочь!», «Нам всем известно, говорить будешь, или шкуру с тебя драть?» Ну, Интагар знает... А потом... Помариновать его где-нибудь под замком... хотя, насколько я знаю Интагара, он уже и камеры в подвале оборудовал. Если так — в камеру. По дороге — пару подзатыльников, чтобы гонор сбить... Действуйте.

— Слушаю, господин генерал!

Тихарь проворно нырнул в зал, где уже откатывали столик в угол, на прежнее место — видимо, вновь ожидались танцы. Сварог видел, как он бесплотным духом скользнул к лейтенанту, что-то почтительно ему сказал с обеспокоенным лицом, и лейтенант, похоже, крепко выругался про себя, направился следом за «лакеем» к противоположной двери. Все в порядке, уж эти ребята вмиг повяжут, как пучок редиски...

И хотя впереди простиралась совершеннейшая неизвестность, Сварог резко повеселел — наконец-то после долгого периода беспомощных наблюдений и констатации фактов начались активные действия. Уже что-то...

Гости разбивались на пары. Ускорив шаг, Сварог успел как раз в тот момент, когда неотвязный «пушкарь-лошадник» подошел к Яне, но еще не успел сделать предписанные этикетом жесты, приглашавшие к танцу. Тронул его за локоть:

— Тысяча извинений, капитан... Не уступите ли танец? Вы же понимаете, мужу после продолжительной разлуки хочется потанцевать с женой...

Капитан молча поклонился и отступил. При других обстоятельствах дело так просто не кончилось бы, но в таких вот случаях вступать в пререкания с законным мужем и уж тем более вызывать его на дуэль означает стать всеобщим посмешищем. Так что Сварог правильно все рассчитал.

Заиграла музыка — ну, это мы умеем... Приходилось танцевать, и именно с Яной — излюбленная в Каталауне (больше в тамошних городах) «Баллада о неразумных игроках».

*Иные сядут за картишки —
что им беседы, что им книжки —
дела забыты и детишки!
Не редкость также дураки —
отъявленные игроки.
Кому без их игорной страсти
нет в жизни радости и сласти...*

Это было что-то вроде здешнего шейка, половина заданных фигур, половина — импровизация. Яна, грациозная и прекрасная, четко отбивала каблучками ритм, посылая Сварогу обольстительные взгляды, хулиганка такая, волна золотых волос взметалась над обнаженными плечами, взлетал подол платья — так, что чертовски хотелось плюнуть на все расследования и увести ее наверх — чего он, конечно, не мог себе сейчас позволить: марш вперед, труба зовет, черные гусары...

Глянув через ее плечо, он увидел в дверях тихаря, перехватил его взгляд, и тот чуть заметно кивнул — значит, все прошло гладко...

*Бывает часто с игроком:
сел богачом — встал бедняком.
Кто карты взял, прельстясь наживой,
тому не знать игры счастливой.
Игра азартная грешна:
она не Богом нам дана —
ее придумал Сатана!*

Он постарался хоть на несколько минут отрешиться от забот, изо всех сил пытался соответствовать партнерше. Нельзя сказать, чтобы он танцевал пло-

хо — но по сравнению с Яной все равно выглядел дрессированным медведем, каких фогороши водят по ярмаркам.

*Кто любит сам с собой играть,
не будет со стыда сгорать.
Встал должником из-за стола,
и не побьют его со зла...*

Он протанцевал с Яной еще два танца (капитан, оставив всякие поползновения, держался в сторонке), столь же быстрых. Потом свет пригасили, раздалась медленная, томная мелодия фальтарады — самого близкого к танго из покинутого Сварогом мира таларского танца, по неведомым причинам тоже отнесенного к простонародным (каковые на балах Империи, в отличие от земли, танцевали часто и охотно).

Яна колыхалась в его объятиях, склонив голову ему на грудь, а поскольку стоял полумрак, ладони Сварога, что греха таить, никак не могли определиться с границами талии.

— Положи руки, куда следует, — шепнула Яна. — Я же тоже не железная, а до конца вечера столько времени...

Он подчинился.

— Ты как-то резко повеселел...

— Яночка, мы наконец-то *стронулись* с места, — так же тихо ответил Сварог. — А это уже кое-что...

— Тем не менее ты не спешишь во флигель...

— Тактика допроса, — сказал он. — Пусть посидит и помучается неизвестностью.

— Мне бы тоже хотелось пойти...

— Не стоит, — серьезно сказал Сварог. — Интагар будет держаться скованно, ты его стеснишь своим присутствием. В его представлении императрица обязана пребывать в недостижимых высях и выслушивать доклады.

— Когда мы с ним общаемся во дворце, я что-то в нем не вижу особой скованности.

— Так то во дворце, — сказал Сварог. — А тут — допрос с пристрастием в мрачном сыром подвале.

— Ты же его не стесняешь своим присутствием?

— Ты императрица, а я — король, — сказал Сварог. — Значительная разница. Королям как-то даже и полагается по должности...

После фальтарады он протанцевал с Яной еще быстрый ригодон, выпил у столика бокал вина, посмотрел на часы. С тех пор как лейтенанта повязали, прошло три квадранса — вполне достаточно. Воспользовавшись грянувшим очередным быстрым танцем, он шепнул Яне:

— Оставьте мне свободное местечко за столом, ладно? Чувствую, могу припоздниться...

Незамеченным покинул зал, вышел через парадный вход направился к флигелю. Уже на крыльце спохватился, движением руки и коротким заклином убрал маску — вестибюль охраняли верзилы из его спецназа, ребята решительные и магией не владевшие, так что был реальный риск до полного выяснения схлопотать по организму. А так — обошлось, узнали, пропустили и показали, куда идти.

Кабинет Интагара оказался обставленным уже полностью: полка с бумагами, железный ящик с хитрым запором для особо важных дел, компьютер. Сварог сел напротив верного бульдога, спросил:

— Как он там?

— Должно быть, ему невесело, — сказал Интагар с подобием улыбки. — Камеру для *ожидания* мои ребята оборудовали на совесть: окна нет, каморка мрачная и сырая, всей мебели — ворох грязной соломы. Они туда даже парочку здоровенных крыс запустили, для пуцего колорита. Классическое «мрачное узилище», дальше некуда.

— Ну, с крысами они, может, и перегнули палку, — задумчиво сказал Сварог. — Хотя... Ладно, пусть остаются крысы. Колорит так колорит, смотришь, на кого-нибудь из постояльцев как раз крысы и окажут самое большое впечатление — понятно, до экскурсии в пыточную... Ну, а теперь слушайте...

Он изложил всю историю, опуская мелкие подробности. Ничего тут не поделать, о Велеретте умолчать было нельзя. При первом упоминании о ней на лице Интагара мелькнула тень страдальческий грусти, но он, конечно, не позволил себе вопросов и высказываний, не относящихся к делу. Все ж кремень-человек.

— Вот такие дела... — сказал Сварог, закончив. — Кстати, как он себя вел?

— Да как все они, — сказал Интагар. — Напоминал, кто он таков есть, целый лейтенант гвардии и благородный маркиз, пугал дядей из министерства двора, виселицу всем обещал. Потом получил пару раз по загривку, и крепко, после чего утомился... опять-таки, как все они. Государь... Я ничего не понимаю. В любом случае, — он посмотрел на стоящую меж ними синюю коробочку с поднятой крышкой. — Эта штука должна была попасть не ко мне в комнату, а к Велеретте...

— Я тоже ничего не понимаю, — сказал Сварог. — И никто ничего не понимает. Дохлое, но утешение... Но что-то же это должно означать, вперехлест через клюз?! Вы слышали что-нибудь о таких вот «тарелочках», украшенных камешками?

— Ни разу. За лавками продолжают наблюдать, но там и «тарелочки», и символы простые, без дополнительных украшений.

— Вот то-то, — сказал Сварог. — У меня те же сведения. И тем не менее эту штуку делали, как говорится, по особому заказу и подкинули именно Велеретте. Что-то это да означает... Ну, не будем ломать голову, пойдемте к постояльцу. Черт, на ногах стоять не хочется, но ведь придется...

— Ну что вы, государь, я все предусмотрел, — заверил Интагар. — Там напротив есть комнатка для допросов. Опять-таки не похожа на ваш кабинет, но найдется на чем посидеть...

Они спустились в длинный подвал (целиком отданный под «хозяйство Интагара», потому что двум другим спецслужбам был без надобности, а если и им понадобятся «камеры ожидания», то у Интагара их с дюжину, всем хватит). Свернули направо, прошли по широкому чистому коридору, ярко освещенному карбамильскими лампами. Справа и слева как раз и располагались камеры — судя по низеньким дверям с зарешеченными окошечками. Коридор кончался свежестроенной деревянной стенкой, в которой имелась дверь без замков и засовов (Сварог без объяснений догадался, что за ней).

Остановились у последней двери справа, возле которой торчал верзила с

примечательной физиономией, в простом сером кафтане, оттопыренном с двух сторон какими-то служебными инструментами. Вытянулся, как уж умел, при виде начальства.

— Как он там? — тихонько спросил Сварог.

— Поначалу в дверь колотился и орал, — так же тихо доложил верзила. — Сначала пужал по-всякому, грозился, потом стал предлагать бешеные деньги, чтоб я его выпустил. Ну, а там устал и утомонился, как всегда она...

Сварог заглянул в маленькое окошечко. Такой роскоши, как карбамильские лампы, в камере не полагалось, и она освещалась простой масляной копилкой, прикрепленной к стене как раз над приготовленным для «постояльца» «ложем». Так что Сварог пленного разглядел хорошо: гот, очевидно устав торчать на ногах и смилив гордыню, сидел на охапке грязной соломы, уронив руки на колени, повесив голову — едва ли не точная копия картины под названием «Узник в безнадежности», принадлежавшей кисти кого-то из мастеров прошлого (Сварог ее видел в Равене в собрании графа Дино). Одним словом, клиент понемногу созревал — все же в тайной полиции знали свое дело, такая камера чего-чего, а оптимизма заведомо не прибавляла...

— Откройте! — распорядился Сварог.

И широкий засов, и дверные петли оказались смазаны на совесть — засов отодвинулся практически бесшумно, и так же без малейшего скрипа, совершенно неожиданно для узника, распахнулась дверь. Вот тут они недодумали, понял Сварог, входя вслед за Интагаром в низкую, (затылок едва не царапает сводчатый потолок) камеру. И дверные в петли, и засов должны скрипеть — громко, пронзительно, мерзко. Надо будет указать на недочет. И продумать что-нибудь, чтобы в камерах отвратительно воняло — колорит так колорит...

Впрочем, и так уже явственно пованивало — парашу не поставили, и постоялец, видимо, не вытерпев, ходил по нужде в дальний угол. Сварог хмыкнул — увидел двух сидевших там бок о бок большущих серых крыс, настороженно следивших за вошедшими.

Лейтенант вскочил с грязной соломы, словно подброшенный сильной пружиной, заорал на Интагара:

— Убейте крыс, твари, я их боюсь!

— Вообще-то гвардейскому офицеру стыдно должно быть бояться крыс, мышей и прочих насекомых, — сказал Сварог, становясь рядом с Интагаром. — А еще кого — или чего — вы боитесь, любезный? Что-то мне стало интересно...

Лейтенант оторопело уставился на него — и, судя по глазам, безусловно узнал. Среди допущенных ко дворцу он не числился, но Сварог несколько раз принимал парады гвардии в те или иные торжественные дни, традиционно присутствовал потом на обедах, и уж кто-кто, а гвардейские офицеры в Латеране поголовно должны были знать его в лицо.

— В-ваше величество...

— Да? — вежливо спросил Сварог.

Лейтенант, сразу видно, отчаянно подыскивал слова — и у него с этим не ладилось. Наконец он с цыганским надрывом в голосе воскликнул:

— Ваше величество, за что? Восемь лет безупречной службы, три медали, одну вы сами вручали, дядя в Министерстве дворца...

— Министром? — все так же вежливо поинтересовался Сварог.

Лейтенант машинально ответил:

— Нет, секретарь в третьем департаменте...

То есть, мысленно уточнил Сварог, в переводе на военные чины — сержант. А занимается Третий департамент вещами довольно непрестижными: канализацией, водопроводом, освещением территории за пределами дворцовых зданий...

— Ну что ж... — сказал Сварог. — Пойдемте беседовать по душам?

И первым пошел к двери. Верзила проворно сцапал лейтенанта за шкуру и протащил следом — еще одна деталь колорита, *клиент* не должен ходить своими ножками, не на курорте...

Комната напротив была, конечно, комфортабельнее — но исключительно в сравнении с камерой. Окошко имелось — маленькое и под самым потолком. Из мебели — добротный сработанный, но весьма неказистый стол и такие же стулья — неподъемные, какие ставят в дешевых кабаках, где то и дело случаются драки. Использовать такой стул в качестве подручного предмета по силам только людям богатырского сложения.

Сварог взглядом приказал Интагару сесть за стол, кивнул верзиле. Тот толкнул подконвойного на стул и остался стоять за спиной, грозно и шумно сопя. Сам Сварог закурил, прошелся по комнате, повернулся к лейтенанту:

— Тянуть кота за хвост не будем — бедная животинка ни в чем не виновата... Нам нужно знать одно: кто вам поручил преподнести такой подарок лаврете Велеретте Интагар? То, что вы мне преподнесли в качестве объяснения, — вранье от начала и до конца. Убедительная просьба его не повторять, иначе приятный молодой человек у вас за спиной может и по шее приложить... Итак?

Пожевав губами, обшарив комнату испуганным взглядом, лейтенант поднял глаза на Сварога, сказал прямо-таки проникновенно:

— Да, соврал, но это же не преступление... — перевел взгляд на Интагара. — Господин министр, можете злиться, но мне очень нравится ваша дочь. Очень. Ничего грязного у меня и в мыслях не было. Она ведь взрослая, разве это извращение — поухаживать за девицей с соблюдением всех приличий? Ну да, я не сам все придумал. Рассказал дяде, он и посоветовал сделать «приличный подарок», он купил эту штучковину, отдал граверам, — вновь уставился на Сварога. — Поймите, ваше величество... Стыдно было бы рассказывать совершенно чужому человеку, что я, офицер, гвардеец, оказался чем-то вроде ребенка, которого водили за ручку... Вот и все.

Сварог несколько раз ему поаплодировал, довольно громко. Сказал:

— Неплохо придумало и гладко изложено. Наверняка заранее придумали, не в камере?

Интагар вопросительно глянул на него.

— Врет, стервец, — сказал Сварог. — От начала и до конца. Любезный мой! Вы же столичный житель, гвардеец... Неужели не слышали, что король Сварог наделен умением безошибочно определять, когда ему врут, а когда говорят правду? Ну ладно, потратим пару минут, чтобы окончательно вас убедить. Я буду задавать вопросы, а вы всякий раз отвечайте «да». Начали? Балуете с мальчишками?

— Да.

— Врете. Бордель «Улыбка дриады» навещали?

— Да.

— Не врете. Любовником Маргилены Дино были?

— Да.

— Врете. Иностранные награды имеете?

— Да.

— Врете. В «гуськи» играть умеете?

— Да.

— Не врете. Ну что, достаточно? Убедились, что никакая ложь не прокатит? Уставясь на носки своих сапог, лейтенант проворчал:

— Я думал, врут... Мало ли что про вас болтают...

— Вот и отлично. Так что рассказывайте: кто, как, когда...

Лейтенант вскинул на него глаза, уже с некоторым оттенком наглости спросил:

— А что я сделал преступного? Подарил девушке дешевенькую безделушку. Даже этикет не нарушен, не говоря о законах...

Сварог подошел к нему вплотную и холодно сказал:

— Подробности вам знать не стоит. Скажу одно: вы ненароком вляпались в историю, по сравнению с которой обычная государственная измена покажется детской игрой в камушки. Затронуты интересы не только моих королевств, но и Империи. Слово короля, так и обстоит. Или вы полагаете, что король солжет касательно своего слова перед таким ничтожеством, как вы?

— Нет, — угрюмо пробурчал лейтенант. — Королевское слово — всегда королевское слово...

— Рад, что вы это понимаете. Судя по тому, как вы мнетесь, то, что вы только что рассказали, было единственным оправданием, заготовленным заранее. Но какое это имеет значение, если я вмиг отличу правду от лжи? — он повысил голос. — Рассказывайте!

— Нечего рассказывать...

Сварог пожал плечами:

— Я не намерен тратить время впустую... — посмотрел на верзилу. — Покажите гостю нашу мастерскую...

Верзила вмиг сдернул лейтенанта со стула, вытащил в коридор, распахнул третью дверь и, как котенка, зашвырнул лейтенанта туда. Ухитрившись удержаться на ногах, лейтенант обвел «мастерскую» паническим взглядом.

Обширное помещение, ярко освещенное карбамильскими лампами, человеку в его положении душевного спокойствия не прибавляло, как раз наоборот. Великолепно оборудованная пыточная: классическая дыба, столь же испытанная временем скамья для растягивания, вороха зловещих приспособлений...

Сварог взял со стола песочные часы в оправе из темного дерева, показал лейтенанту:

— Вы тут пока осмотритесь, здесь немало интересного, а мы подождем за дверью. Ровно пять минут. Если и после этого будете запираяться, придут мастера добиваться правды...

И вышел вместе с остальными, захлопнул дверь, перевернул часы, поставил на пол. Тонкой золотистой струйкой песок потек в нижнее полушарие.

Интагар тихонько сказал:

— По-моему, он опомнился от первого потрясения и помаленьку обретает уверенность в себе. Как-никак не книжный червь — гвардеец, бретер, одна во-

енная кампания за спиной... Может и вспомнить...

Сварог его прекрасно понял. Пыточная была чистейшей воды бутафорией, с помощью которой предполагалось психологически ломать людей не стойких духом. То есть все жуткие приспособления были настоящими, но применять их здесь Сварог не имел права. Две самых больших и сильных державы континента еще до его появления сделали шагжок к гуманизму: в Снольдере пытки запрещены королевским указом лет тридцать назад, в Ронеро — несколькими годами позже. Полиция, конечно, била, бьет и будет бить — кулаком и сапогом по организму, толстенным фолиантом без обложки по башке, охаживать защитым с обеих сторон голенищем сапога, куда насыпан песок. Но пытки с помощью прежних орудий запрещены — есть законы, завизированные Канцелярией земных дел, которые и Сварогу не следует нарушать. Правда, у него остается патриархальный Глан, где до такого гуманизма пока что не докатились, и лету туда часа два...

— Глан, — усмехнулся Сварог.

— Да, действительно, как-то забыл... Значит, вы уже выбрали метод?

— Конечно, — сказал Сварог. — Но это будет не Глан...

С некоторых пор он применял два метода допроса.

К Одноглазому отправлял только тех, кто совершил что-то гнусное — наподобие мерзавца Сувайна и ему подобных. Всем остальным попросту заливали в глотку «эликсир правды». Но и в этом случае придется ждать с полчаса, пока сверху не прилетят два специалиста. В свое время Сварог не без удивления обнаружил: в отношении «эликсира правды» действуют правила даже построже тех, что в Советском Союзе касались казенного спирта. Даже он, глава департамента, не может держать эликсир при себе — непременно нужно вызывать тех двух несуетливых и хватких молодых людей.

— Пять минут прошли, ваше величество...

— Ну, тогда пошли, — сказал Сварог, распахнул дверь и вошел первым.

Лейтенант, стоявший на прежнем месте, обернулся к нему:

— Ваше величество, пытки у нас запрещены! О каком бы преступлении ни шла речь!

Вспомнил, ага... Поморщившись, Сварог прошел к столу, взял лежащую с краю затейливую железную штуку, предназначенную для действий, о которых к ночи лучше не вспоминать, повертел в руках, бросил назад:

— Мерзость какая... Любезный, вы забыли одно немаловажное обстоятельство: я еще и гланский король. А там пыточная работает столь же исправно, как кабаки... Самолеты в Латеране всегда наготове, лететь всего-то часа два... Заодно и на самолете прокатитесь, никогда ведь раньше не доводилось? А в Глане познакомитесь с интересными людьми, напроць лишенными доброты и сентиментальности — служба такая...

Он говорил равнодушным, даже чуточку скучающим голосом — Интагар давно объяснил, что именно такой тон действует гораздо эффективнее, чем рывканье и стук кулаком по столу. И с холодным удовлетворением видел, что лейтенант начинает *ломаться*, осознавать помаленьку свое безвыходное положение...

Когда Сварог увидел, что клиент, очень похоже, доведен до нужной кондиции, спросил чуть ли не ласково:

— Ну что, идем к самолетам?

С видом что-то решившего для себя человека лейтенант вскинул на него глаза, полные яростного желанья *выкрутиться*, махнул рукой:

— А! В конце концов этот мерзавец — мне не брат и не друг...

— Это еще больше облегчает дело, — кивнул Сварог. — В самом деле, несправедливо будет, если с вас примутся драть шкуру, а он будет на свободе пользоваться всеми благами жизни. При том, что закоперщик — он, а вы не более чем исполнитель, верно?

— Верно! — лейтенант отчаянно закивал. — Верно! Ваше величество... А что будет, если я...

— Расскажите абсолютно все? — понятиливо подхватил Сварог. — Ничего вам не будет. Совершенно. Слово короля. Правда, в интересах дела придется посидеть под замком несколько дней — но уже в лучших, чем в той камере, условиях.

— Но в полку...

— В полку будут думать, что вас куда-то послали с секретным королевским поручением, — сказал Сварог. — Гвардейским офицерам не так уж редко поручают такие миссии, никто не удивится... Ну что, пойдёмте, поговорим?

Лейтенант первым, чуть ли не рысцой направился к двери. Едва плюхнувшись на кабацкий стул, заговорил:

— Вы совершенно правы, ваше величество, я просто исполнитель, у меня не было другого выхода, он меня загнал в угол...

Сварог поднял ладонь:

— Давайте без ненужных эмоций. Он загнал вас в угол... Кто?

— Коринт Бадеш. Это...

Сварог вновь поднял ладонь:

— Я знаю, кто это. Рассказывайте, как все было.

— Мы с ним несколько раз встречались у графа Лакорена. Граф держит «чистый подвальчик». Это...

— Я знаю, что это, — сказал Сварог.

Никакого ребуса. Этаким частный игорный дом, там собирается «чистая публика», достаточно узкий круг, куда шулерам проникнуть трудновато (хотя порой ухитряются, черти), закон против подпольных игорных домов в этом случае бессилён — если «подвальчик» располагается в доме благородного хозяина. У себя дома всякий дворянин волен хоть на голове ходить, хоть играть в азартные игры на деньги с друзьями. Постоянная головная боль полиции — как и с любым игорным домом, с «подвальчиком» связано немало неприглядного, вплоть до убийств прямо за карточным столом — но прикрыть его нельзя...

— Я, можно сказать, обычный игрок, ваше величество, — не сказать, что невезучий, не сказать, что везучий. По-всякому выходит. Вот только раньше все было как-то в меру — и выигрыши, и проигрыши. А в тот вечер я впервые продулся вдребезги, в пух и прах. Мы с Бадешем играли в энураль. Вы играете в энураль?

— Нет, — сказал Сварог. — Объясните кратко, в чем там специфика.

— В отличие от других игр, там можно каждую следующую ставку повышать вдвое. Если...

— Я понял, — сказал Сварог, вспомнив покер. — Если выигрываешь, враз возвращаешь проигранное, да еще остаешься с прибылью. Так?

— Именно так, ваше величество. Я повышал, повышал... А козыри никак не приходили. Дикое невезение какое-то — за Бадешем шулерства никогда не замечали... В конце концов, я бросил карты, но к тому времени... он тяжело вздохнул.

— И сколько просадили? — спросил Сварог.

— Две тысячи ауреев золотом. В жизни столько не проигрывал... А самое печальное — пришлось Бадешу выдать «белую» расписку — без даты, он может потребовать уплаты в любой день, хоть и завтра. Представьте мое положение — по глотку в дерьме. *Таких* денег мне было взять просто неоткуда. Идти играть куда-нибудь еще, чтобы выиграть, не рискнул — а вдруг опять проуюсь? Родители помогли бы, зайди речь о сотне-другой, пожурили бы крепко, но помогли. Однако две тысячи... Такое вот положение. Или пустить пулю в лоб, или уходить из полка — а куда? С военной службой было бы покончено — с неоплаченным «долгом чести» и в безымянный полк не возьмут, разве что солдатом. Да и на гражданской службе в более-менее приличных местах посмотрели бы косо. Честное слово, оставалось в лучшем случае наняться в охрану в купеческий обоз — там наплевать, что у тебя за душой, лишь бы хорошо владел оружием. И это в самом лучшем случае... Никогда еще жизнь так к стенке не припирала...

Сварог уже примерно догадывался, что было дальше — но следовало выслушать лейтенанта до конца, чтобы проверить его правдивость.

— Дальше, — сказал он.

— Через день Бадеш меня пригласил пообедать в «Упитанном гусе». А это было вдвойне странно: во-первых, мы до того общались исключительно за картами, во-вторых, не походило, чтобы он собирался требовать долг. Ну подумайте сами: когда это в таких случаях кредитор приглашал должника пообедать в дорогом ресторане, да еще предупреждал, что обед будет за его счет?

— Действительно... — сказал Сварог.

— Где-то к середине обеда он и *начал*. Сказал, что слышал краем уха, как я хвастал, что попал в члены Ассамблеи Боярышника. Я ответил, что так оно и есть, и что причины для легкого хвастовства имеются: это очень престижная Ассамблея — из-за графини Дегро и *других*... Вот тогда он и взял быка за рога. Положил передо мной ту коробочку и сказал: он не только вернет мне расписку, но и заплатит еще пятьсот ауреев, если я это подарю Велеретте Интагар...

— Он не спрашивал до того, состоит ли она в Боярышнике?

— Нет, — сказал лейтенант. — Видимо, и так знал. Положил тут же мешочек, сказал, что там те пятьсот ауреев, и я могу их забрать. А расписку вернет, когда дело будет сделано.

— И вы не спросили у него, в чем тут дело? Поручение, в общем, пустяковое, зато плата чрезмерно велика...

— Конечно, спросил, — сказал лейтенант. — Я же не дурак. Вы все правильно подметили, ваше величество: поручение пустяковое, зато плата... Выглядело все совершенно безобидно — но *странно*. С этими купцами можно влипнуть черт знает во что: порой и крупные, с безупречной репутацией, занимаются такими делами, что... К тому же речь шла о дочери господина Интагара. Он сказал, что группа крупных латеранских купцов хочет проложить подходы к господину Интагару. То, что мне предстоит сделать, — лишь мелкая частичка большого и сложного плана, о котором мне лучше не знать. Действи-

тельно, в иные купеческие секреты лучше не лезть, прикончат не хуже бандитов — уж настолько-то я жизнь знаю...

— И вы поверили?

— Да как вам сказать, ваше величество... Сам не знаю. С одной стороны... С другой стороны... Купцы, всем известно, не раз делали подходы к министрам. Правда, непонятно, что это за мелкая частичка плана за такая. Зачем дарить лауретте безделушки, каких она может сама купить хоть мешок? Но он же дал пятьсот золотых и обещал вернуть расписку... А самое главное — от меня не требовалось ничего противозаконного. Подарить девушке безделушку — и только. Так что я не особенно долго раздумывал, быстро согласился. — Лейтенант криво усмехнулся. — Правда, предупредил его: если не отдаст расписку, я его пристрелю, как собаку. У меня военная кампания за спиной. Мне ничего не стоит... Он сказал, что непременно вернет. Вот и все...

— Так, — сказал Сварог. — Вы должны были только вручить девушке подарок? — он покосился на восседавшего с каменным, недобрим лицом Интагара. — Он от вас не требовал, чтобы вы с ней... подружились? Сблизились?

— Ничего подобного! — воскликнул лейтенант, тоже косясь на Интагара. — Сделать подарок, и все.

— Еще что-нибудь рассказать можете? — спросил Сварог.

— Да это все, собственно... — он заторопился: — Ваше величество, можете не сомневаться: если вы нас поставите лицом к лицу, я все повторю...

— Не сомневаюсь, — сказал Сварог, повернулся к Интагару. — На этом можно и закончить, я думаю. Устройте нашего... гостя где-нибудь, где нет ни грязной соломы, ни крыс. Я свое слово держу, лейтенант, но придется уж вам здесь погостить...

Интагар кратко распорядился:

— В четвертую.

Верзила сгреб лейтенанта за шиворот и, поддавая коленом пониже спины, вытащил из комнаты. Интагар с немим вопросом уставился на Сварога.

— На сей раз он говорил чистейшую правду, — сказал Сварог. — Ни капельки не приврал. Все так и было.

— Но *зачем?* — воскликнул Интагар прямо-таки с тоской. — Две с половиной тысячи ауреев за сущий пустяк...

— Значит, никакой это не пустяк, — сказал Сварог. — Значит, зачем-то очень нужно было, чтобы эта штуковина попала к вам в дом, и не спрашивайте меня, кто такие «они», я сам не знаю, и никто пока не знает... Зачем? А зачем они продают эти хреновины по смешным ценам, хотя они стоят гораздо дороже? Зачем они тратят бешеные деньги на контрабандные пути и взятки, хотя могли бы возить открыто? Одно мы о них знаем: что денег у них куры не клюют, и расставаться с деньгами им совершенно не жаль. Аурике на Сегуре они предлагали тридцать тысяч золотом. С купеческими делами и настоящей контрабандой такое поведение не имеет ничего общего. Ладно, отбросим эмоции. Бадеша, я считаю, нужно брать, и немедленно. Даже если он не главарь, которого мы ищем, все же не последняя спица в колесе.

— Вот и я так думаю...

Сварог уселся на только что покинутый лейтенантом стул, закурил, пустил дым к потолку. Подумал немного и сказал:

— Вот только есть одна загвоздка... Взять паршивца нетрудно — но нужно

сделать так, чтобы некоторое время никто об этом знать не знал — иначе сообщники всполошатся, это классика. Затаятся по углам... Где он сейчас, кстати? Если разъезжает по делам, ситуация упрощается: можно и «нападение разбойников» оформить, и кораблекрушение...

— Он сейчас в Латеране, — сказал Интагар. — Но не у себя дома. Еще до сумерек уехал к любовнице. Проследить не составило бы особого труда даже неопытным сыскарям — он ничуть не скрывается, о ней многие знают. И принимают, как должное — в конце концов он вдовец и вовсе не стар... Раньше утра он от нее не уедет. Домик в тихом, приличном месте — квартал Деррери. У дворян престижем не пользуется, но там живут члены Сословий — те, что без гербов — и высших Гильдий. Небольшие, но уютные домики, все с небольшими садами и парками. Брать человека в таком месте, особенно на рассвете, когда сон особенно крепкий — одно удовольствие. Все можно проделать тихо, и не будет свидетелей. Но, вы совершенно правы, арест нужно как-то скрыть... — он неуверенно спросил: — Может быть, пожар? Все сгорели. Невостребованных жмуриков в божедомках девать некуда, кто их там опознает, когда будут похожи на головешки...

— Ну что вы такое говорите, Интагар... — поморщился Сварог. — Поджигать что-то в Латеране? История нам этого не простит. Точнее, мне. Люди вашей профессии частенько в историю, на скрижали, так сказать, не попадают, а вот мне этого, увы, не избежать. И если кто-то потом дознается... Короля Гартелла историки полторы сотни лет полощут за то, что он во время очередной войны за Латерану плохо проинструктировал своих пушкарей, и они сожгли два дома на окраине, причем это были не шедевры архитектуры...

— Это шутка, ваше величество?

— Самую чуточку, — сказал Сварог. — Есть более серьезные возражения. Мне тут пришло в голову... Никого не удивит пожар в борделе, в дешевом кабаке и тому подобных непрезентабельных местах. А вот пожар в тихом и спокойном квартале Деррери привлечет внимание и вызовет толки.

— Вы правы, государь, я как-то не подумал...

— Значит, надо искать что-то другое... — задумчиво сказал Сварог. — Давайте добросовестно поломаем голову...

Молчание длилось меньше минуты. Интагар вдруг форменным образом просиял:

— Государь, да не нужно ломать голову! Есть отличный способ! Как я, дурак, сразу не подумал...

— Ну-ка?

— Его любовница — вдова очень интересного субъекта. Был членом Сословия Мер и Весов, для отвода глаз держал два больших магазина — овощи-фрукты и табак. Но главным его занятием было тайное ростовщичество. Каковое, вы, должно быть, сами знаете, считается уголовным преступлением...

— Знаю, — фыркнул Сварог. — И крепенько подозреваю, что этот закон в свое время протолкнули банкиры — чтобы только они могли давать ссуды под процент, а конкуренты были бы вынуждены ютиться по темным уголкам.

— Вполне возможно, государь... Так вот, лихварь был не из мелких, работал главным образом с дворянами, и большей частью не из захудалых. Ну, знатные и высокопоставленные тоже частенько испытывают нужду в деньгах, а в

банк по разным своим причинам идти не хотят. Всякое бывает — ну, например, в прошлом году один юный высокородный герцог заложил у лихваря добрую пригоршню фамильных драгоценностей, в полицию семья обращаться не хотела, дело получилось запутанное и с кровью. В общем, этот тип процветал: особняк чуть ли не в центре города, домик в Деррери, жена-красавица на тридцать лет моложе...

Вот только три года назад его нашли на улице с ножом в спине... Карманы вывернуты, обчистили дочиста, вроде бы обычное ограбление, но знающие люди не сомневались, что его прикончил обозленный кредитор. С лихварями такое случается. Вдова, видимо, о его делишках кое-что знала: продала особняк, магазины и почти безвылазно обитает в Деррери.

— Что-то я не вижу, где тут для нас выгода...

— Я как раз к этому подошел, государь. Понимаете, лихвари никогда не хранят свои денежки в банках. Опасаются полиции Казначейства.

Сварог понятиливо кивнул: уж король-то обязан знать такие вещи. Полиция Казначейства гоняла неплательщиков налогов и любителей «черной налички» не хуже, чем их коллеги в США. Любые незаконные доходы конфисковывались до последнего гроша.

— Ну да, — сказал он. — Он не смог бы доказать праведное происхождение денежек?

— Вот именно, государь. Вдова положила в банк — и заплатила с них налоги — только те денежки, что выручила за особняк и магазины. Честнейшая сделка, комар носа не подточит. А вот то, что осталось от мужа, наверняка лежит в надежном тайнике в ее домике. Хватало примеров. Между прочим, кроме обычных для такого домика слуг и служанок, там еще обитают три сущих мордворота, не особенно убедительно изображающих кто садовника, кто швейцара. Охранники, я уверен. Значит, есть что охранять. Такими лихварями и такими вдовушками всегда интересовалась не только полиция...

— Так, — сказал Сварог. — Я, кажется, понял... Незадолго до рассвета в домик нагрянули «ночные портные», слугам дали по голове и связали, а вдовушку увезли, чтобы в спокойном местечке вдумчиво расспросить про тайник. Это были умные воры-разбойнички и прекрасно понимали, что искать тайник самим, в спешке — слишком трудная задача. Ну, а заодно прихватили и Бадеша — коли уж спит с хозяйкой, может знать что-то про тайник. Правильно я догадался?

— Совершенно правильно, государь. Такие вещи до сих пор случаются, хоть и реже, чем в других больших городах. Полиция старается вовсю, выполняя ваш приказ касаясь очистки Латераны. Однако еще никогда в истории не удавалось очистить ни один город от «ночных портных» полностью. Перевяжешь своих — понаедут иногородние... Короче говоря, такое ничуть не удивит людей, особенно тех, кто знает изнанку жизни. А если мы вдобавок распустим соответствующие слухи... Никто ничего не заподозрит, ручаюсь. Даже *они*. Не похоже, чтобы они были *очень* уж могущественны. Пока что я с никаким таким могуществом не сталкивался. Странностей хватает, это да. И необъяснимых пока вещей — тоже.

— Вот именно, — сказал Сварог. — Пока что это могущество, если оно есть, никак себя не проявило... — он взглянул на часы. — Время позднее, но до рассвета еще далеко... Вы успеете грамотно разработать операцию, чтобы взять

их сегодня?

— Успею, государь, — уверенно сказал Интагар. — Смогу. Опыт в таких делах у моих людей есть, план дома имеется, кое-какие сведения о его обитателях собрали. Или вы предпочитаете, чтобы действовали ваши люди?

— Нет, — сказал Сварог. — Я уверен, что вы справитесь... но пару-тройку своих я все же к вашим присовокуплю. На всякий случай. Вы в претензии, часом?

— Ну что вы, государь — сказал Интагар.

Сварог еще неделю назад на всякий случай расквартировал в восьмом департаменте полдюжины мальчишек и девчонок из того учебного заведения, что окончила Мара. При воспоминании о ней сердце вновь пронзила мимолетная тоска, но некогда было ей предаваться.

— Да, вот что еще, Интагар, — сказал Сварог. — Мои люди вам могут показаться сопливыми мальчишками и девчонками, но поверьте уж: любой из них стоит дюжины ваших.

— Я понял, государь, — наклонил голову Интагар. — Приходилось слышать краем уха о таких «сопляках» и «соплячках», а одну из них мне выпала честь знать... — он словно бы спохватился. — Простите, если я...

— Ну что вы, — хмуро сказал Сварог. — Ничего... — он встал. — Ну, начинайте думать, я пошел...

Он приостановился. Интагар уставился на него как-то странно, с неприкрытой грустью во взгляде. Сварог понял. Подошел к столу и положил верному бульдогу руку на плечо:

— Не бередите себе душу, Интагар. Нет никаких причин. Ассамблея Боярышника — вполне добропорядочное общество, ваши дочери там в полной безопасности. Старшая к тому же с женихом. И все знают, что они — под моим особым покровительством. Будь там хоть капля чего-то... порочного, я бы ни за что не отпустил туда... баронессу Вольмер. Так что работайте спокойно. Если все пройдет гладко и вы привезете Бадеша сюда, передайте моим людям, пусть немедленно меня будят. Я буду ночевать здесь, во дворце. Успехов!

Он вышел на крыльцо, в ночную прохладу, постоял у нижней ступеньки, не спеша выкурил сигарету. Справа загадочными дебрями чернел обширный парк. Слева, совсем близко, во дворце, на втором этаже ярко светились четыре высоких стрельчатых окна парадной столовой, или, как она именовалась в обиходе, пиршественного зала. Никаких занавесей не было — от кого прятаться? — и Сварог с того места, где стоял, прекрасно мог рассмотреть сидящих за длинным столом из темного дерева. Судя по всему, застолье началось совсем недавно, но пару-тройку бокалов уже успели опрокинуть и малость завеселели. В хлам пьяных, конечно, не будет, на таких застольях они редко случаются — при здешнем-то обилии и разнообразии блюд и закусок...

Отчетливо доносились звуки виолы, кто-то пел — вроде бы Гаржак, но слов Сварог не разобрал. Гаржак любил поиграть и попеть на таких вот посиделках, а поскольку играл и пел он неплохо, его с удовольствием слушали. Наверняка и теперь он. Сварог чуточку расслабился. Приятно было знать, что на несколько часов можно забыть о делах, что сейчас он присоединится к общему веселью, беззаботно проведет время, а потом они с Яной отправятся в комнату для гостей, где он, между нами, мужиками, оставит на ней только колготки и драгоценности, что вряд ли встретит протест с ее стороны, она ничего не

имеет против разных новшеств...

Правда, прежде чем туда идти, нужно было завершать дела. Он достал «портсигар» и отдал пару распоряжений дежурным восьмого департамента и девятого стола — после чего мог считать себя свободным от всех служебных обязанностей. Ни от него, ни от Интагара пока что ровным счетом ничего не зависело. Все, что они могли, уже сделали. Работа начнется только утром — если все пройдет гладко, и привезут Бадеша...

Он спрятал «портсигар» в карман — другой чуть оттягивала коробка с «тарелочкой». Что до нее, у Сварога начала оформляться смутная, быть может, сумасшедшая идея — но ведь других попросту не было... Решительно направился дворец.

Еще издали, в коридоре, он узнал и голос Гаржака, и «Балладу о Неоткрытом Острове»:

*— Он есть на старых картах, он был знаком корсарам...
Как? Остров Неоткрытый? Что? Остров — пилигрим?
Он не стоит на месте, и моряки не даром
ранее не знают, где ждет их встреча с ним.*

*Себя благоуханьем, подобно даме знатной,
он выдает. Он рядом, подаренный судьбой...
И вдруг он исчезает — прекрасный, непонятный,
уже не отличимый от дали голубой...*

Во главе стола, на дальнем торце, где обычно располагаются хозяин с супругой, сидели Канилла и Вердиана: ну правильно, герцогиня — хозяйка дворца, а Канилла — глава Ассамблеи. У ближнего торца остались свободными с десяток кресел — рядом с Яной Сварог сразу увидел пустое, приготовленное для него. Он тихонько вошел и направился туда за спинами сидящих. Гаржак, стоявший неподалеку от Каниллы, его увидел, но своего занятия не оставил — не те у них были отношения, чтобы граф при виде короля, тем более здесь, вставал навытяжку. Да и маска ему незнакома.

А вот другие... Произошло что-то непонятное. Сварог был еще на полпути — а добрая половина сидевших на противоположной стороне стола вдруг встала и склонилась в поклонах. Те, мимо кого Сварог проходил, стали оглядываться — и некоторые тоже вставали, почтительно кланялись. Все, как на подбор — *местные*, Сварог узнавал многих, допущенных ко двору. Это еще что такое? Как они узнали? Добравшись до пустого кресла, Сварог прямо-таки плюхнулся в него — Яна тут же склонилась к нему и произнесла, практически не шевеля губами (этим искусством владеют многие при дворах монархов, чтобы, не нарушая этикета, беседовать непринужденно во время каких-нибудь обязательных, скучных и длинных церемоний):

— Ты без маски...

Тут только Сварог спохватился: взволнованный и взбудораженный новостями, обозначившимся следом, просто-напросто забыл надеть «маску», покинув флигель. Ничего удивительного, что земные члены Ассамблеи моментально узнали своего короля...

Воцарилась чуть напряженная тишина, все так и стояли, что до Гаржака, он попросту перестал играть и петь, и, кажется, с любопытством ждал дальнейшего развития событий. Свароту стало чертовски неловко: испортил лю-

дям застолье...

Тут с кресла встала Канилла, ударила серебряной палочкой в стоящий рядом с ее прибором маленький серебряный гонг — знак главенства. Мелодичный звук разнесся по залу. Не успел он умолкнуть, как Канилла звонко, непринужденно, весело произнесла, очаровательно улыбаясь:

— Дамы и господа! Его величество оказал нам честь, согласившись стать членом Ассамблеи... что ставит нас выше всех прочих Ассамблей, а это приятно, не правда ли? Его величество не хотел бы никого стеснять и потому считает, что можно на время его пребывания здесь значительно урезать обычные правила этикета. Подобное в истории случалось нередко, вспомним королеву Дайни Барг...

И послала Сварогу многозначительный взгляд, явно означавший что-то вроде: ну подыграйте, что вы сидите! Сварог торопливо поднялся и сказал громко:

— Действительно, дамы и господа, здесь так весело, что мне захотелось побыть среди вас и как один из вас. Надеюсь, никто не станет возражать?

На лицах некоторых появились первые неуверенные улыбки. Ну, кажется, лед тронулся и начал таять, с облегчением подумал Сварог. И продолжал:

— Вы мне доставите большое удовольствие, если не будете держаться скованно. Иначе, чтобы не мешать непринужденному веселью, мне придется вас покинуть, а мне бы этого совсем не хотелось, мне у вас очень нравится... Забудьте, что среди вас король, — он широко улыбнулся. — Конечно, не стоит доводить вольность в обращении до того, чтобы хлопать короля по плечу и называть по имени (улыбки стали шире, послышались смешки), но в остальном, я вас душевно прошу — отбросьте всякую скованность. Мне будет приятно.

Он сел. Стоявшие один за другим стали опускаться в кресла. За плечами Сварога бесшумными тенями обозначились лакеи — скорее всего, настоящие, не все слуги здесь были оперативниками. Кто-то знал его вкусы: перед ним, словно из воздуха, возникло блюдо с вальдшнепами под брусничным вареньем, блюдо с тонко нарезанным и невероятно красиво уложенным ноздреватым ратагайским сыром, в бокал зеленоватой струйкой полился «Сильванский ревень».

Гаржак ударил по струнам:

*— Надежды прочь, сомнения долой,
забыты и досада, и бравада.
Граница между небом и водой
уже неразличима, и не надо.
По-прежнему свободный свой разбег
сверяя с параллелью голубою,
плывет неутомимый наш корвет,
волнуемый лишь смертью и любовью...*

Очень походило на то, что он, моментально оценив ситуацию, подыгрывал Канилле и Сварогу, добавляя непринужденности. И в самом деле, Сварог с радостью увидел, что застолье понемногу возвращается в привычную колею, безмятежное течение: понемногу к яствам потянулись вилки и ножи, зазвенели бокалы, стала вновь разгораться веселая болтовня. Гаржак, послав Свароту быструю ухмылку, с замашками опытного менестреля прошелся вдоль стола:

— Воистину ничем не дорожа

*за этим легкомысленным занятием,
мы верим, что не будет платежа,
Но если он и будет, мы заплатим...
Чего бояться нам — тюрьмы, тоски,
Ущерба очагу, вреда здоровью?
Но это все такие пустяки
в сравнении со смертью и любовью...*

Облегченно вздохнув, Сварог осушил до дна свой бокал. К нему вновь склонилась Яна, спросила тихо, нетерпеливо:

— Ну, что там?

— Пока ничего, Вита, — ответил он так же тихо. — Но если все пройдет гладко, еще до рассвета возьмут человека, который, никаких сомнений, сможет рассказать немало интересного...

...В конце концов вибрация стала настолько сильной, что Сварог проснулся. Перед тем как заснуть, он положил «портсигар» под уголок подушки, поближе к лицу, сначала хотел вообще не спать, но вот сморило. Прочитав сообщение, тихонько выбрался из постели, оделся, не разбудив Яну — она всегда спала крепко. Выскользнул за дверь и едва ли не бегом пошел по коридору — собранный, жесткий, готовый к любым сюрпризам.

Гончие не просто взяли след — догнали зверя...

Утро стояло прекрасное, казалось, весь мир свеж, чист и совершенно лишен грехов и грязи. Ох, если бы...

Интагар дожидался его на крыльце, стоял с крайне довольным лицом. Сварог нетерпеливо сказал:

— Как я понял из сообщения, все отлично. Взяли чисто, я так понимаю. Какие-нибудь текущие соображения есть?

— Выглядит крепким орешком, ваше величество, — сказал Интагар. — И тем не менее... Понимаете ли, именно с купцами сплошь и рядом работать гораздо легче. Купец привык всю свою сознательную жизнь, что ни день, взвешивать, оценивать и переоценивать, рассчитывать, просчитывать наперед. У купцов все эти качества гораздо более ярко выражены, чем у многих других (вспомнив патриция Кадората, Сварог согласно кивнул). Когда мы их брали, он не танцевал, не дергался, ничем таким не пугал — даже когда оказался здесь и понял, что имеет дело вовсе не с «ночными портными». Я бы сказал, очень выжидательно держался — и в башке, я уверен, уже заработала счетная машинка... Чтобы не терять времени, я рискнул проявить некоторое самовольство: сказал ему, по чьему приказу он арестован, показал пыточную. Он, стараясь сохранять хладнокровие, тут же напомнил, что пытки у нас запрещены. Ну, а я напомнил ему, что вы — еще и гланский король, а до Глана часа два полета. Вот тут у него в глазах что-то примечательное мелькнуло, отрубите мне голову, но он прекрасно понял свое положение и должным образом оценил, ваши люди, о которых вы предупреждали, прилетели, сидят в соседней комнате. Простите за самовольство...

— Пустяки, — отмахнулся Сварог. — Вы все правильно сделали, мне не придется повторять лишний раз... пойдете.

Он не собирался заморачиваться долгими психологическими ловушками-подвохами. Как там говорил тот гестаповец в знаменитом романе Юлиана, а потом и в фильме? «Сейчас не первый год войны, а четвертый. Время убыст-

рилось, у нас нет возможности держать вас в камере и разрабатывать тщательным образом». Да, мы в схожей ситуации, даже худшей. Мы понятия не имеем, сколько у нас осталось времени, прежде чем они начнут — а они непременно что-то начнут. Данное Орку поручение не похоже на глупый розыгрыш — и на дезинформацию тоже. Дезинформация призвана отвлечь противника от чего-то конкретного, что ему удалось, узнать — но мы-то не знаем ничегошеньки. Так что — минимум разговоров и никаких угроз. Дозу эликсира в глотку — и понеслось...

Еще издали Сварог услышал за дверью пыточной отчаянный женский визг. Повернулся к Интагару. Тот преспокойно пожал плечами, хмыкнул:

— Ничего особенного, ваше величество. Рабочие будни, не имеющие отношения к главному...

Сварог больше ничего не стал спрашивать: плевать на все, что не имеет отношения к главному...

Коринт Бадеш сидел на стуле для посетителей, а над ним возвышался тот верзила, моментально исчезнувший из комнаты по знаку Интагара. Сварог с некоторым усилием придвинул неподъемный (действительно, трудновато драться такими в кабаке) стул к торцу Интагарова стола, сел и принялся рассматривать Бадеша. Крепкий кряжистый мужик лет пятидесяти, в темных волосах и аккуратно подстриженной бородке уже появилась седина, глаза умные, настороженные, верится Интагару, что в голове у этого типа уже давно щелкает счетная машинка...

— Вы не смазливая служаночка, а я не хваткий драгун, — сказал Сварог резко. — Долгих и проникновенных *убалтываний* не будет. Кратко и по существу... Вы знаете, кто я такой?

— Конечно, ваше величество...

— Доводилось слышать, что я безошибочно отличаю правду от лжи?

— Ходят такие разговоры...

— Так и есть, — сказал Сварог. — Слово короля. Будем проводить испытания этой моей способности, или так поверите?

— Пожалуй, так поверю, — сказал Бадеш. — Достаточно серьезные люди говорили...

— Вот и прекрасно, — сказал Сварог. — Закрашенные трюмные марки и прочие чисто купеческие грешки — не та мелочь, которой станет заниматься лично король... Догадываетесь, за что вас арестовали?

После непродолжительного молчания Бадеш ответил:

— Да.

— Положение свое понимаете?

— Да.

— А все проистекающие из него печальные перспективы?

— Конечно...

— Одно удовольствие с вами беседовать, Бадеш, — усмехнулся Сварог. — Я серьезно. Мы прямо-таки галопом преодолели путь, на котором с человеком другого склада понадобилось бы гораздо больше времени... Капельку лирики. Вам есть что терять, Бадеш, вы чертовски много теряете, вплоть до самой жизни... — он закурил и продолжал неторопливо: — Не будем тянуть кота за хвост, идет? Я уверен, вы и сами прекрасно понимаете, какие вопросы я вам задам, какие ответы хочу услышать и о чем... Так?

— Примерно так... — сказал Бадеш. — Вот только... Простите за приземленный образ мыслей, ваше величество, но я не благородный и не книжник, я купец, и образ мыслей у меня соответственный, что поделывать...

— Ясно, — сказал Сварог. — Торговаться будете?

— Самое время в моем положении...

— Торгуйтесь, — разрешил Сварог.

— Ваше величество, вы можете сказать под слово короля, что меня ждет в случае полной откровенности?

— Ничего, — усмехнулся Сварог. — Абсолютно ничего вас не ждет. Я даже не буду напускать на вас полицию из-за тех покрашенных марок — мелко для короля, пусть сами копают, а там уж как повезет... Ничего вам не будет, слово короля. Правда, вам придется на меня исправно поработать, потому что какое-то время я буду вести игру... Но тут уж ничего не поделаешь, для человека в вашем положении это прямо-таки детское наказание — побыть какое-то время агентом. Нет?

— Пожалуй, ваше величество, вы правы...

— Ну, тогда рассказывайте, не размазывая и не отвлекаясь на третьестепенные детали.

— Простите, ваше величество... — сказал Бадеш. — Не благоугодно ли вам будет рассказать, что вам уже известно? Чтобы я знал с чего начинать.

— С самого начала, — сказал Сварог. — Меня интересует, как все это началось. А когда мы дойдем до того, что мне уже известно, я вам скажу... Валяйте, Бадеш, зарабатывайте полное прощение...

— С начала... Ну, началось все с того, что я однажды вечером кончил с делами и сидел за бутылкой в кабинете. Там у меня большое зеркало, повыше человеческого роста. И вдруг оно стало наливаться сиянием изнутри. Все сильнее и сильнее. Я, конечно, удивился, но не особенно испугался — всякое в жизни испытал. Там, за зеркалом, появилось что-то вроде коридора, возле изнанки зеркала стояло кресло, а в нем сидела девушка...

Сварог поднял ладонь:

— Приостановимся... Молодая девушка, красивая, длинные светлые волосы, голубые глаза, длинное, едва ли не до пят, светло-серое платье, никаких украшений...

— Вы ее в точности описываете. Вот только что касемо украшений... Не знаю, что и сказать. У нее на шее висело этакое странное ожерелье из серых, в синих прожилочках, брусочков, длиной этак с мой мизинец, шириной пальца в два, каменные на вид, и выглядят такой дешевкой, что их и украшением-то назвать никак нельзя...

— Об украшениях не будем, — сказал Сварог (а ведь Орк ни о чем подобном не упоминал, хотя к нему она могла заявиться без этой штуки). — Давайте дальше.

— На видение от вина это никак не походило, — прилежно продолжал Бадеш. — Уж я-то себя знаю и пить умею, да и в тот вечер едва успел опрокинуть стакан... Она мне улыбнулась и сказала, чтобы я ее не боялся, она человек, а не что-то другое, и у нее ко мне деловой чисто купеческий разговор.

— А вы испугались? — спросил Сварог.

— Да как-то не особенно, — пожал плечами Бадеш. — Удивился, это да. А сразу пугаться... Я же говорю, всякое повидал, в молодости, когда ездил с от-

цовскими обозами, оборотня видел, и еще всякое, не от нашего мира... Вот и решил защититься. Купцу от многих опасностей приходится высчитывать защиту заранее, все нужно учесть: разбойников, происки конкурентов, нечисть. Тем более что у меня младший брат в монахах-витольдинцах, он научил... Короче говоря, взял я со стола крест Единого, поднял перед ней, прочитал «Отходную черным гостям». Это, если вы не знаете...

— Знаю, — сказал Сварог.

Он прекрасно знал — монахи из Братства святого Роха научили. Не такая уж длинная молитва. «Отходная черным гостям» моментально прогоняет любую нечистую силу — кроме Великого Мастера.

— И что?

— И ничего не случилось. Преспокойно сидела и ухмылялась. Потом еще раз повторила, что она — человек, и против нее все это просто не нужно. Вышла, как будто никакого зеркала больше и не было, подошла ко мне. Я ей приложил ко лбу крест Единого — снова ничего. А она, заразка, все улыбается — и предлагает ее потрогать, чтобы я окончательно убедился. Ну, я и потрогал, — Бадеш ухмыльнулся, сложил ладони ковшиком и поводил ими в воздухе. Действительно, человек, теплая такая, ладненькая. Я бы еще потрогал, как следует, только она отстранилась и попросила не увлекаться — мол, она не одна. Я посмотрел в зеркало — а там стоит мордovorot, в плащ закутанный, целит в меня из какой-то непонятной штуки. Телохранитель, ага. Ну, я убрал руки. Она преспокойно села к столу и сказала, что хочет поговорить о делах, которые мне принесут большую выгоду. Ну, я и сел. На купца, сами понимаете, слово «выгода» действует магически, в любом случае выслушать не мешает, от этого не убудет. Она сказала, что пришла из другого мира, из какого, рассказывать не будет — во-первых, слишком долго и сложно объяснять, во-вторых, это, собственно говоря, ни к чему — мы с ней не ученый мужи, я купец, и она тоже. Ага, вот именно. Там, у себя, она — купец высокой гильдии. И намерена предложить мне быть здесь ихним торговым представителем.

Сварог вновь поднял ладонь:

— Теперь снова я... Она вам предложила распространять здесь эти каменные штуковины, да? Действуя так, чтобы никто не определил, откуда они исходят: контрабандой... Так?

— Все правильно. И торговать этими штуковинами, и устроить мастерские, где на них делали бы гравировку. А потом пошли еще и символы богов, но это уже потом...

— И быстро вы согласились?

— Довольно-таки, — сказал Бадеш. — Есть у меня знакомец в Глане, тоже судовладелец. Пили мы с ним как-то, болтали о разном, о всяких диковинах в том числе, и он после третьей бутылки рассказал, что у них давно ходят слухи про каких-то купцов из другого мира, которые шастают из зеркал с товарами — правда, у нас ими не торгуют, а просто проходят из одного мира в другой... И платят пошлину тем, чьими зеркалами пользуются. Я тогда не знал, что и думать — в конце концов, чего на свете не бывает. А теперь сообразил, что он мне, пожалуй, и не врал. Вот она сидит, купец из Другого мира... Самая настоящая, своими руками щупал... Ну где тут было мне не согласиться? Если она подробно условия изложила? За каждую... штуковину — а потом и за каждый символ — мне полагается золотой аурей. Причем все расходы, что по кон-

трабанде, что по устройству граверных мастерских и прочего она оплачивает отдельно. Я моментально прикинул разницу меж продажной ценой и своей прибылью — прибыль ожидалась такая, что в глазах туманилось... К тому ж... Она сделала знак своему мордовороту, и он бросил ей на колени мешочек. И высыпала она на стол куну ауреев — на глазок не менее двухсот. Потом оказалось — двести шестнадцать. Сказала, что это даже не задаток, а подарок для закрепления дружеских отношений. В общем, я не ломался. Когда ожидается такая прибыль, только сумасшедший будет ломаться...

— И что же, вы никакого объяснения у нее не попросили? — сказал Сварог. — Прибыль прибылью, но обстоятельства очень уж необычные...

— Обижаете, ваше величество! Я о том же самом подумал. Пусть она натуральный живой человек, но обстоятельства больно уж диковинные... Она объяснила. У н и х таких камней сказала, что грязи — а вот серебра очень мало, и оно ценится дороже, чем у нас алмазы, не золото даже... Ну, убедительно... На Сильване есть места, где горную березу можно взять за гроши, а наши мебельных дел мастера за нее платят дурные деньги. Такие, что после всех накладных расходов прибыль остается *жирная*. И еще есть примерики... А что до низкой цены, она сказала дельную вещь: чуть попозже, когда покупатель *привыкнет* к товару и он войдет в большую моду, цены можно и повысить. Тоже вполне по-купечески, ничего необычного, так часто делают. Ну, и пошла работа...

— Так, — сказал Сварог. — Значит, за всем этим вы стоите? Вы один?

— Вот то-то, что я один! — сказал Бадеш не без самодовольства, не вполне уместного в его положении. — К чему посвящать в тайну многих? Главное — платить людям столько, чтобы не задавали вопросов. Правдочку знают только два сына и мой молочный брат, но он мужик надежный, в моих делах давно и по уши. Ваше величество! Вы только поймите меня правильно. В конце концов, это и не нечистая сила, и не курительная дурь. Никому не было никакого вреда. Камушки и камушки. А серебра у нас хватает...

— Ну, а как все это происходит на практике? — спросил Сварог.

— Очень просто. Она мне подробно объяснила, что делать. Есть у меня лабаз, довольно большой. Я велел его почистить от всего, что там было, потом туда перенесли пять здоровенных зеркал и поставили у стены в рядок — и повесили портьеру, чтобы ею наутро зеркала задегивать и никто их не видел. Ключ только у меня. Ну, иногда я его передаю сыновьям или молочному брату. Приходишь утром — а весь лабаз завален аккуратными такими ящиками с товаром. Ну, а возчики, которые за ними приезжают, понятия не имеют, что вчера ночью лабаз был пустехонек — откуда им знать? Также и с вырученным серебром — оставляем его ночью у зеркал, а утром его уже нет. Значит, действительно нужно им серебро...

Или притворяются, что оно им нужно, подумал Сварог. Сказал:

— Дальше.

— А дальше, собственно, и ничего. Все шло, как по накатанной, — он с явным сожалением покачал головой. — Такие денежки в карман текли... Она появлялась время от времени, чтобы что-то уточнить или обговорить.

— И это она вам поручила сделать так, чтобы «тарелочка» попала к Велеретте Интагар?

— Ну конечно. Зачем бы мне самому? Она сказала, что хочет, чтобы такие

вот, новые, с камешками, вошли в моду у самых знатных и высокопоставленных — цены вскоре можно будет повышать. Вот и нечего больше рассказать. Разве что... Или неважно...

— Рассказывайте, — сказал Сварог. — Все важно.

— Да понимаете... — сказал Бадеш. — Я же не старик и не железный, чтобы смотреть, как она ходит. Платье хоть до пят, но она в нем, как голая... Вот я ей как-то и объяснил прямыми словами: для дальнейшего закрепления отношений есть диван в углу, мягкий, широкий, удобный... Знаете, ваше величество, тут не в ней одной дело. Интересно мне стало проверить. Насколько далеко она в интересах дела зайдет. Девка *породистая*, по всем манерам и ухваткам, высоко там у себя стоит. И не похожа на шлюху, которая из удовольствия с каждым вторым, не считая каждого первого. Я, простите, в бабах неплохо разбираюсь. Вот и подумал: если я им *очень* нужен, согласится. А если откажет, рискуя испортить отношения — значит, у нее есть и другие тропинки... Короче, она нисколько не ломалась, не возмущалась — подошла к дивану, скинула платье, легла...

— Ну, и какие чисто мужские впечатления?

— Смачная девочка, — сказал Бадеш. — Все умеет. Я ей кое-что предлагал опять-таки проверки ради — так она на все соглашалась, как миленькая. И уж безусловно, самый натуральный человек, ни малейших отличий не углядел. Любопытно мне стало, решил я на этом не останавливаться. Когда пришла в следующий раз, сказал: ради закрепления отношений придется и с двумя моими сыночками... Она опять-таки без возражений согласилась. Парни ее как последнюю шлюху, часа два... — он усмехнулся с той же ноткой самодовольства. — И понял я окончательно, что *другой* тропинки у них нет, все в меня упирается. А раз так, есть интересные перспективы. Стал продумывать, как бы пограмотнее ее прижать к стенке — ну, в переносном смысле. Предложить, чтобы платили по два аурея за штучку, все равно они будут повышать цены. Рискованно, конечно, могли и послать меня к чертовой матери, кто их там знает, но в нашем деле иногда и рискнуть не грех ради хорошей прибыли. Начал я все это продумывать — а тут и ваши налетели. Вот и все, ваше величество, а больше рассказать нечего, хоть зарежьте...

Он не врал. Сварог спросил:

— Вы что же, так ни разу и не встревожились происходящим? Не задумались, что тут что-то может быть нечисто? С вашим-то житейским и деловым опытом?

Бадеш вздохнул:

— Конечно, задумывался, первое время. Странновато все же, как ни крути. Насчет камней и серебра — убедительно, но все равно... Только потом думать перестал. Потому что так и не придумал подходящего объяснения. Если они мне врут, и у них совсем другой интерес, то в чем он? — он энергично потряс головой. — Ничего в голову не приходило, как ни ломал мозги! В конце концов плюнул, махнул рукой — пусть идет, как идет. Самое главное — вреда от камней никакого, и нечистой силой тут и не пахнет. Когда бы это нечистая сила кресты Единого мастерила, вот скажите вы мне? В общем, так и шло, и ничего я от вас не скрыл, вы ведь сами можете определить...

— Уже определил, — сказал Сварог. — Нисколько не врете. Это похвально... — он встал, подошел к купцу и навис над ним. Заговорил холодно, жест-

ко: — Теперь — о дальнейшем. Через несколько часов мы вас выпустим. Прошло слишком мало времени, чтобы кто-то успел всполошиться из-за вашего исчезновения, вообще о нем узнать. Но предусмотреть нужно все. Слуги и служанки могут начать болтать о происшедшем...

— Я их настрого предупреджу, что языки отрежу, — угрюмо сказав Бадеш.

— Иных болтунов даже такие угрозы не пугают... — сказал Сварог. — Если что-то станет известно и пойдут разговоры, намекните с таинственным видом, что на дом напали «ночные портные» и с ними пришлось кое о чем договариваться. А о подробностях вы говорить, понятно не хотите. Как по-вашему, это прозвучит убедительно?

— Конечно, — сказал Бадеш. — Случались иногда у людей нашего ремесла... коллизии с «ночными портными». Никто в таких случаях не делится подробностями...

— Тем лучше, — сказал Сварог. — Итак, через несколько часов мы вас освободим... что вы ерзаете? Ага... Ну разумеется, и вашу подругу тоже. Здесь с ней поговорят, но вы, со своей стороны, внушите ей, что язык следует держать за зубами, иначе возникнет риск его лишиться...

— Уж она-то сумеет, — сказал Бадеш. — Помогала покойному мужу во всех делах, так что соображает, что к чему, и молчать умеет.

— Ну, смотрите... Ваша задача, собственно, будет несложной: всего-навсего продолжать заниматься тем, чем занимались. Как будто ничего и не случилось. И я вас убедительно прошу, Бадеш, не вздумайте вести двойную игру. Даже если ваши загадочные хозяева, узнав обо всем, окажутся настолько благородны, что спрячут вас у себя в Зазеркалье, в чем лично я серьезно сомневаюсь, что у вас будет за жизнь? Приживальщик в каких-то неведомых краях... Здесь у вас устоявшееся положение, спокойная и богатая жизнь. И обеспечить вам ее и далее могу только я. Хорошо это понимаете?

— Хорошо, — сказал Бадеш. — Ну ее к болотному черту, двойную игру, не купеческое это дело... Ваше величество, а каким образом мне вам докладывать, если возникнет надобность?

— А никак, — Сварог обаятельно ему улыбнулся. — Понимаете ли, уважаемый Бадеш, как только вас выпустят, вы круглосуточно будете под наблюдением — и отнюдь не земной полицией. Я, вы прекрасно должны знать, еще и король Хелльстада. А там у меня есть... устройства, с помощью которых за вами можно присматривать и слушать каждое ваше слово. Слово короля... точнее, в данном случае слово короля королев, так и обстоит. Вы уж это учитывайте... Ну, а если понадобится дать вам какое-то поручение, к вам попросту придет человек... Ну, вот и все, я думаю?

— Можно один вопрос, ваше величество? Нельзя ли узнать, на чем я *сгорел*? Простите за нахальство, но у меня привычка всегда понимать ситуацию во всех подробностях. Мне один ответ подворачивается: это гвардейский щенок провалил дело... Конечно, если мне знать нельзя, ничего не попишешь...

— Ладно, — усмехнулся Сварог. — Доставлю уж вам такое удовольствие, куда вам теперь от нас деться, болтать все равно не пойдете. Ну да, вот именно. Этот бравый гвардеец. Вот кстати... Его тоже скоро выпустят, так что, уж будьте так любезны, верните ему его долговую расписку, как обещали. Он добросовестно ваше поручение исполнил — и не виноват, что у нас были основания его после этого взять. Понятно?

— Да понятно... — Бадеш скривился, словно от зубной боли. — Значит, если бы не то чертово поручение, вы бы ко мне не привязались?

— Вот именно, — обаятельно улыбнулся ему Сварог. — У нас было несколько человек на примете, мы никак не могли сделать выбор — и решили брать того, что начнет как-то *действовать*. Начали вы. Кто ж в этом виноват?

— С-С-стерва... — прошипел сквозь зубы Бадеш так, что любая змеюка обзавидовалась бы. — Спалила меня, как пучок соломы...

— А что же вы хотели? — пожал плечами Сварог. — В таких делах никак не получится обойтись только сладкими пряниками, иногда случается и уксус хлебнуть... Ладно, не будем зря болтать языком, — он повернулся к Интагару. — Устройте его где-нибудь на несколько часов в относительно приличных условиях, если захочет — покормите.

— Полезет тут кусок в глотку... — проворчал Бадеш.

— Ну, в таком случае не кормите, — спокойно сказал Сварог. — Расходов для казны меньше, кормежка тоже денег стоит...

— А бутылочку вина можно вместо кормежки? — с надеждой спросил Бадеш. — Покрепче бы, не слабенького дамского питья...

— Горе топить будете? — понятно подхватил Сварог. — Ладно, вы себя хорошо вели... Интагар, раздобудьте ему бутылку чего-нибудь покрепче. Только не слишком увлекайтесь утоплением горя, Бадеш, горе частенько хорошо плавает...

Он кивнул Интагару, а тот подошел к двери, приоткрыл, что-то тихонько сказал. Вошел давешний детинушка, взял Бадеша за шиворот и выволок в коридор, как мешок картошки.

— Вы были совершенно правы, Интагар, — сказал Сварог. — Договариваться с купцами — одно удовольствие. Вот у кого счетная машинка в голове щелкает, побольше бы таких клиентов... Ну что же. Вроде бы больше и нечего пока обговаривать. Вы, со своей стороны, продолжайте за ним слежку, как и за прочими. Мало ли какую штуку он может выкинуть, чтобы скрыться от моих ушей и глаз. Устройства мои, признаюсь по секрету, не всемогущи — а вот от *людей* не спрячешься... А я займусь своими делами, — он сделал шаг к двери, но вдруг остановился. — Да, а что за женщина в пыточной орала? Отвлекаетесь на рутину?

— Не совсем, — сказал Интагар, скупно ухмыляясь. — Просто-напросто решил подцепить на один крючок двух рыбин, коли уж подвернулся удобный случай. Я предположил, что у нее есть тайник в доме, как вы помните. Ну, а коли уж она у нас в руках, отчего бы и не проверить точно? Ребятишки Мои отвели ее в пыточную, растолковали, для чего предназначена «растяжка», положили на скамью, пригрозили, что сейчас привяжут... Женщины в большинстве своем создания слабые. Она и не вспомнила, что пытки давно отменены... Повизжала малость — и все выложила.

— И что? — с любопытством спросил Сварог.

— *Есть* тайник, — сказал Интагар. — Покойный лихварь оставил немало. Там сорок три тысячи с чем-то ауреев золотом и горсть драгоценностей, сданных в заклад — из тех, которые пока что не следует светить. В доме на всякий случай пока остается парочка моих ребят, они только что доложили: слуги смирнехонько лежат связанными, исчезновения хозяйки и ее дружка никто не заметил, и долго еще не заметит — у нее нет таких соседей или знакомых,

способных нагряться в гости спозаранку. Я сейчас пошлю несколько человек с инструментом, тайник в подвале, они его аккуратненько подломают и все выгребут. Получится неплохой прибыток для вашей казны. Частенько бывают нужны деньги на непредвиденные траты, не предусмотренные росписью государственных доходов...

— Правильно мыслите, Интагар, — одобрительно сказал Сварог. — Тысячу можете взять себе, заслужили вознаграждение.

— Благодарю, ваше величество...

— Пустяки, — махнул рукой Сварог. — Деньги шальные, с неба упали. А вам замуж выдавать... дочку.

Он выругал себя: чуть-чуть не ляпнул «дочерей» — а откуда бы ему, спрашивается, знать, что и Велеретта в скором времени собирается замуж?

— Ну, удачи вам, — сказал Сварог. — Я пошел.

Он кивнул Интагару и вышел на крыльцо. Солнце уже поднялось над верхушками деревьев в парке. Поблизости слышался стук копыт и колес — гости разъезжались. Ничего не скажешь, Канилла устроила приятное местечко для отдыха, надо тут бывать по возможности почаще...

Не торопясь, он выкурил сигарету, прикидывая план дальнейших действий. Таковой был несложным: лететь в Хельстад и посадить Золотого Обезьяна круглосуточно следить за Бадешем. Роботы не нуждаются ни в отдыхе, ни в подмене, разве что им надо иногда подзаряжать какие-то там аккумуляторы (Сварог не вникал в тонкости устройства своих механических слуг — к чему?) — но не чаще раза в год.

А потом... А потом во всем, что касается Радианта, — сидеть и смотреть, куда кривая выведет. Ничего другого не остается — при отсутствии действий со стороны противника. А противник...

Почувствовав вибрацию, он достал «портсигар». На экранчике появился дежурный девятого стола (судя по широкой мерцающей сиреневой кайме, охватившей экранчик рамкой, вышедший на связь не по обычному каналу, а по секретному, суперзащищенному).

— Доброе утро, господин директор. Можно узнать, где вы находитесь?

— В Латеране. Случилось что-нибудь?

— Нет, ничего. Для вас есть срочная шифровка.

— Сбрасывайте — распорядился Сварог.

Дежурный кивнул и отключился. Сварог держал «портсигар» включенным, на ладони. Шифровка на него упала секунд через пять — а манипуляции с дешифратором заняли немногим больше.

Пряча «портсигар» в карман и быстрой походкой направляясь к дворцу, Сварог прямо-таки ликовал. Не то чтобы он был на седьмом небе от счастья, но пребывал в прекраснейшем расположении духа, жаль только, что ждать придется долго, изведешься, измаешься...

Навстречу по дорожке, ведущей к каретному сараю, прошла Велеретта, молча поклонилась. Разумеется, закутана она была в летящий дворянский плащ чуть ли не до пят, надежно скрывавший предосудительный наряд. Хотя... Сварог быстро догнал ее, придержал за локоток:

— Велеретта, в следующий раз переодевайтесь здесь. И сестре скажите. Все «предосудительные» наряды перевезите сюда, так будет надежнее.

— Вы не преувеличиваете, ваше величество? — улыбнулась она. — Отец

вряд ли станет рыться в наших гардеробах.

По некоторым деталям легко было догадаться, что эту ночь она провела не в одиночестве. Торопится жить молодежь, подумал Сварог. А впрочем, я в их годы был не благонравнее...

— Кто его знает, как он поступит в непредвиденной ситуации... — сказал Сварог. — Всего доброго.

На крыльце у двери о чем-то тихо разговаривали Канилла и Гаржак с виолоном за спиной. Канилла безмятежно попыхивала сигареткой — от ворот слишком далеко, чтобы кто-нибудь увидел с улицы, а своих этим зрелищем не удивишь. Она уже переделалась в свой любимый мужской костюм, зеленый, каталаунского фасона — приехала сюда верхом, кареты терпеть не могла по причине их крайней медлительности с точки зрения жительницы небес (в чем Сварог был с ней полностью согласен).

— Ребята, работать пора, — сказал Сварог.

— Все, мы уже уезжаем, — заверила Канилла.

Отличное настроение переполняло его до краев.

— Дайте-ка сюда... — сказал Сварог и бесцеремонно снял с плеча графа виолон.

Разумеется, он был безупречно настроен. Пройдясь по струнам, Сварог решил не утруждать себя переводом песни на таларский язык:

*На тебе сошелся клином белый свет,
на тебе сошелся клином белый свет,
на тебе сошелся клином белый свет,
но пропал за поворотом санный след.*

Канилла и Гаржак смотрели на него с некоторым удивлением, но он ничего не мог с собой поделать — не стоит торжествовать заранее, дурная примета, и все же, все же...

*Я могла бы побежать за поворот,
я могла бы побежать за поворот,
я могла бы побежать за поворот,
я могла бы, только гордость не дает...*

Пройдясь по струнам последним размашистым аккордом, он вернул виолон Гаржаку. Канилла, испытующе приглядываясь к нему, не удержалась:

— Что-то вы ненормально веселы, командир...

— А почему бы и нет? Жизнь прекрасна, ребята, особенно в такое утро... Ладно, попрощаюсь пойду с нашей гостеприимной хозяйкой. Время у меня есть.

У него было время. У него было очень много времени... Краткая шифровка сообщала: герцог Орк прилежно сообщил своему связнику из девятого стола, что на его компьютер-камень (который гостя из Зазеркалья велела постоянно носить при себе) только что свалилось сообщение — ровно за час до полуночи быть в каминной своего манора. Означать это могло только одно — она собирается вновь заявиться в гости. Следует ждать каких-то интересных новостей: это Бадешу отведена роль простого распространителя по Талару зазеркальных изделий, а вот Орк, судя по уже данному ему заданию, как бы там ни обстояло с посуленным ему канцлерством, на агентурной лесенке поставлен гораздо выше блудливого купца...

Вообще-то времени не так много — нужно еще связаться с Канцлером, чтобы тот привел в боевую готовность своих техников, а техникам понадобится несколько часов. Но все равно, нет нужды спешить, хватит времени, чтобы и попрощаться с Вердианой, и для подстраховки дать кое-какие распоряжения своим техникам, и выслушать кое-какие рапорты...

Глава VI ЛИРИЧЕСКИЕ БЕСЕДЫ У КАМИНА

— Не волнуетесь, часом? — поинтересовался Канцлер.
— Я?! С какой стати?! — искренне изумился Орк. — Подумаешь, какая-то стерва из-за зеркала... И не такое видывал.

— Вот кстати, — сказал Сварог. — Вы говорили в прошлый раз, что у нее не было украшений. Совсем никаких?

Орк пожал плечами:

— Ну, висело на шее что-то такое. Связка серых с синими прожилками камней, они у меня абсолютно не ассоциировались с украшением. Украшение... На Таларе такое и последняя крестьянка не наденет. Я подобные видел на шее у сивльванских дикарей, разница только в том, что у нее камни отполированы. Вообще странно: такая женщина могла бы себе позволить настоящие украшения.

Действительно, подумал Сварог. Золото они рассыпают прямо-таки лопатой. Хотя... Всякое бывает. На Земле, в свое время, когда не научились еще промышленным методам производства алюминия и получали примитивным способом всего-то несколько килограммов в год, алюминий считался драгоценным металлом, едва ли не дороже золота, шел на украшения и столовые приборы для знати, не всякий аристократ мог себе позволить есть алюминиевыми ложками-вилками. Можно допустить, что эти камни в ее родных местах встречаются реже, чем алмазы на Таларе, и по тамошним меркам она таскает на шее целое состояние.

И повторил это вслух — разумеется, не упоминая про алюминий.

— Возможно, — сказал Канцлер. — В любом случае это должно что-то означать, — он поджал губы. — Орк, будьте чуточку посерьезнее... Веселитесь, как мальчишка...

— Натура такая, — безмятежно ответил Орк. — Особенно если учитывать, какое поручение мне дал лорд Сварог. — Он послал Сварогу свою фирменную хищно-обаятельную улыбочку. — В конце концов, я дисциплинированно выполняю все ваши указания, Канцлер...

— Попробовали бы не выполнить... — проворчал Канцлер, посмотрел на часы. — До срока — восемь минут, но все равно, идите-ка в каминную...

Орк проворно встал, поклонился и преувеличенно церемонным шагом гвардейца на параде вышел из прилегающей к его каминной комнате.

— Фигляр... — буркнул Канцлер.

— Черт с ним, лишь бы работал хорошо... — сказал Сварог.

— И все равно, сколько лет он меня злит не на шутку, а упрятать под замок не подворачивается случая — всякий раз ухитряется выкручиваться... Занимаем места, господа?

Они сели в кресла перед стеной, за которой располагалась каминная. Правее за сложными пультами помещались трое техников — один из Техниона, один из разведки Канцлера, один из девятого стола. Никакой высокой дипломатии в таком сочетании не было — просто каждой конторе требовалась информация, которую можно начать обрабатывать немедленно, не тратя времени на одалживание у «соседей».

— Экран, — негромко распорядился Канцлер.

На стене вспыхнул большой экран — словно в стене вдруг образовалось окно. Четкость изображения, как всегда, была потрясающей, но Сварог давно к этому привык. В каминной установили не только «глаза» и «уши» — она была набита всевозможными датчиками, детекторами и анализаторами, словно знаменитые пирожки с Кадильварской ярмарки — изюмом. Из ситуации следовало выкачать все, что возможно...

Один из техников доложил:

— Какого бы то ни было энергетического воздействия не фиксируется. Побочных излучений нет. Присутствие «третьего ручейка» не фиксируется.

Профессор Марлок, вертя в руках погасшую трубку, проворчал:

— Вполне возможно, что наша аппаратура ничего не фиксирует, а на самом деле тут полно всякого...

В кризисном штабе Марлок усердно играл роль «адвоката дьявола». Сварога это иногда раздражало, но он прекрасно понимал, что в сложных делах штатный скептик необходим. К тому же Марлок мог оказаться прав: в конце концов, как ни бились, не смогли установить, каким именно образом те связываются из своего неведомого укрытия с камнями-компьютерами. Даже хелльстадская аппаратура Сварога не смогла. Единственное, что удалось установить, — это случается всякий раз, когда происходит «встреча», и Радиант обстреливает Талар старательно и безостановочно (сейчас, кстати, именно такой момент). Но это знание не давало ровным счетом ничего...

— Внимание, господа! — сказал Канцлер.

Но все и так видели, что высокое старинное зеркало потихонечку стало наливать изнутри мерцающим голубоватым сиянием, возникшим словно бы из одной точки, быстро распространившимся до краев тяжелой вычурной рамы из черного дерева. Сияние мигнуло — и исчезло. Стал виден сводчатый коридор и молодая женщина, сидящая в мягком кресле у самой границы Зазеркалья.

Сварог разглядывал ее во все глаза. В точности такая, как ее описывали Орк и Бадеш: золотистые волосы по плечам, синие глаза, штучная красавица, непринужденная поза, длинное светло-серое платье, отчего-то казавшееся очень дорогим. И те самые камни на шее — Орк прав, на украшение это нисколечко не похоже, такое и в самом деле впору носить сильванскому дикарю — разве что аналогия с алюминием верна...

Техники по-прежнему молчали — значит, ничего не фиксировали. Сварог обратил внимание: возле ее кресла стоит довольно большая корзина, плетеная из лозы, очень похожая на те, с какими на Таларе ходят на базар или в

продуктовые лавки крестьянки или кухарки.

Сварог, как и остальные, видел только спину Орка, но стервец, чувствуется, держался крайне непринужденно, в самом деле без малейшего волнения:

— Я несказанно рад видеть вас снова, прелестная Фея, — он галантно раскланялся по всем правилам политеса. — Вы озарили мое скромное жилище и в прямом, и в переносном смысле...

Незнакомка улыбнулась — этакой отработанной дежурной улыбкой, принятой на вооружение дамами в высшем свете, не сохранившей ни теплоты, ни радости:

— Я тоже рада видеть вас, герцог... Вы приготовили то, о чем я вас просила?

— Конечно, — Орк достал из кармана небольшой, сложенный вдвое листок бумаги. — Я вашу просьбу выполнил в точности: не стал проводить углубленный анализ, просто написал номера тех вариантов, которые мне представляются самыми предпочтительными... Или вы хотите все же выслушать обоснования?

— Нет необходимости, — сказала она, протянула руку. — Давайте. Что же вы? Или боитесь?

Ее протянутая рука оставалась в Зазеркалье. Орк, не раздумывая, ответил:

— Когда я оказываюсь наедине с прекрасной дамой, боюсь только одного: что она признает меня недостаточно искусным...

Шагнув вперед, протянул руку в Зазеркалье. Девушка развернула листок, окинула взглядом. Кивнула, похоже, удовлетворенно:

— Надеюсь, вы подошли к поручению со всей серьезностью и ответственностью...

Орк моментально отозвался:

— Ровно с теми же, с какими отнесся к вашему обещанию известного поста...

— Мы всегда сдерживаем свои обещания, — ответила она. — Лишь бы поручения выполнялись исправно и не случилось двойной игры...

— Не надо во мне сомневаться, — сказал Орк. — Выгода взаимная, а ставки велики.

— Рада, что вы это понимаете... У меня вновь будет к вам маленькое поручение, — она протянула руку и коснулась высоких ручек корзины. — Возьмите это.

Орк столь же решительно шагнул в Зазеркалье, поднял корзину, вернувшись в каминную, взвесил ее на руке:

— Ого! Вы что, туда камней наложили?

— В каком-то смысле вы правы... — улыбнулась девушка. — Я прекрасно понимаю, что мужчины не менее любопытны, чем женщины — хотя почему-то именно женщин принято считать воплощением и символом любопытства... Поэтому могу сказать сразу: если у вас возникнет такое желание, можете осмотреть содержимое корзины сразу после моего ухода. Я не буду в претензии.

— Должен признаться, я так и поступлю, — сказал Орк. — Любопытен, что поделает... Тем более в такой ситуации.

— Ничего страшного, — сказала она. — В данном случае любопытство — не порок и наказанию не подлежит...

— И что мне с этой корзиной делать?

— Завтра же, прямо с утра, отправитесь к принцу крови Агеляру и передадите корзину ему. Вы ведь дружите?

— Ну, вряд ли это можно назвать дружбой... Несколько раз выпивали вместе, несколько раз совершали поездки на землю...

— Я прекрасно осведомлена о характере этих... поездок (на сей раз ее улыбку вполне можно было назвать улыбкой стервы). В любом случае, вы хорошие знакомые и ваш визит к принцу никого не удивит. Я права?

— Конечно. И все же вы, боюсь, не имеете представления о некоторых деталях...

В голосе Орка Сварогу послышалась неподдельная озабоченность — и Сварог понимал ее причины. Девушка чуть подняла брови...

— Вы что, отказываетесь?

— Никоим образом, — сказал Орк. — Просто есть некоторые реалии, о которых вы, надо полагать, не знаете. Наши принцы и принцессы крови — под неусыпным наблюдением спецслужб. Их круглые сутки подслушивают, а порой, бывает, и подсматривают...

— Могу вас заверить, я прекрасно знаю о... некоторых реалиях. Ну и что? Они ничем не осложнят вам жизнь. Содержимое корзины — волне безобидно, сами убедитесь. Хотите, прямо сейчас? Достаньте одну коробочку и откройте.

— Охотно... — Орк присел на корточки.

Судя по движениям, он доставал что-то, разглядывал — но что именно, рассмотреть было невозможно, он присел на корточки спиной к камере. Огорчаться не стоило — все равно эта корзина очень скоро должна была попасть к ним в руки...

Орк выпрямился, произнес с ноткой удивления:

— В самом деле, вполне безобидные штуковины...

— Я же говорила. Вот уж никак не предполагала в вас такой боязливости. У вас репутация человека смелого, иногда даже чересчур...

Орк пожал плечами:

— При чем тут боязливость? Просто не хочется попадать в поле зрения спецслужб. Я им, признаться, и без того намозолил глаза по живости характера. Не хочется лишних неприятностей.

Она сказала тоном величайшего терпения, словно учительница, в десятый раз объясняющая тупому двоечнику теорему Пифагора:

— Ну, какие у вас могут быть неприятности? Разве самый обычный, безобидный визит к принцу их вызовет?

— Вообще-то нет...

— Вот видите. Вы просто меня не дослушали. Или вы вообразили, что я вам поручу, прибыв к принцу, заявить с порога, что вы намерены вовлечь его в заговор против императрицы? Ничего подобного. Переложите коробочки в другую корзину, повместительнее, добавьте к ним несколько бутылок земного вина, того сорта, который принц особенно предпочитает... «Аромат цветущего луга», верно ведь? У него послезавтра день рождения, если вы забыли...

— Помню, — с ноткой утрусости ответил Орк. — Я уже получил приглашение.

— Вот видите, — повторила она с очаровательной улыбкой. — Все складывается просто идеально. Вы поздравите его с днем рождения, подарите вино, извинитесь, что не сможете на дне рождения быть, сошлетесь на крайне сроч-

ные дела на земле — такие у вас порой случаются. Потом скажете, что выполнили его просьбу — и отдадите коробочки. Да, на всякий случай, если кто-то все же спросит... Вы ведь в последний раз были на земле с принцем месяц назад?

— И откуда вы столько обо мне знаете...

— Женское любопытство... — улыбнулась она. — Там, на земле, в одной из лавок, вы эти штуковины и увидели — и принц решил, что они прекрасно подходят для «ответных подарков». И попросил вас заказать нужное количество — земная экзотика, и там пока не получившая широкого распространения. Вы, конечно же, пообещали — и обещание выполнили. После чего преспокойно можете откланяться. Скажите сами, *такой* визит может повлечь за собой какие бы то ни было неприятности для вас?

— Ни малейших...

— Что и требовалось доказать, любезный герцог... Кстати, для пущего правдоподобия вам и в самом деле лучше заранее вечером накануне дня рождения принца на денек-другой слетать на землю — вы там бываете очень часто, это ни у кого не вызовет подозрений. Собственно, ничто и никто вам не мешает на дне рождения присутствовать — я всего-навсего не хочу, чтобы вы лишний раз *светились* возле принца. По-моему, это вполне отвечает и вашим желаниям?

— Вполне.

— Ну что же, все обстоит прекрасно. Позвольте попрощаться.

Ну, давай, стервец, подумал Сварог. Самое время, она сейчас исчезнет, и неизвестно, когда появится в следующий раз... Неужели не рискнешь, с твоим-то жизненным опытом определенного рода?

Нет, все шло по накатанной. От рамы стало распространяться синее мерцающее сияние — но Орк решительно сказал:

— Подождите!

— Что еще? — подняла она брови.

— Мы не закончили разговор, моя прекрасная дама...

— А я полагала, что закончили...

— А я полагаю, что нет — уже со своей обычной наглостью ответил Орк. — Право же, найдется, о чем поговорить... Или вы куда-то спешите?

— Пожалуй, нет...

— В таком случае, не задержитесь ли еще ненадолго?

— На предмет?..

Орк заговорил давно знакомым Сварогу насмешливо-циничным тоном:

— Видите ли, прелесть моя, я себя чувствую в нашем с вами договоре обделенной стороной. Обещания ваши, что скрывать, крайне заманчивые, но пока что обещаниями и остаются. Однако ваши поручения я выполняю исправно, рискуя попасть в поле зрения наших спецслужб. Вы уверены, что они на вас пока что не вышли?

— Уверена.

— И тем не менее... Так уж испокон веков повелось, что хорошая работа должна вознаграждаться...

Она сделала крайне наивное выражение лица:

— Вы хотите денег?

— Не такой я пошляк, — сказал Орк. — В присутствии такой красавицы из

головы вылетают всякие мысли о деньгах, думать начинаешь исключительно о высоких материях, лирике и романтике, большой и чистой любви... Вы ведь, такая красивая и молодая, не можете не верить в любовь с первого взгляда?

Она не выглядела ни смущенной, ни оскорбленной. Чуть улыбнулась:

— Ах, вот оно в чем дело... Следовало ожидать... А это обязательно?

— Думается мне, обязательно, — заверил Орк. — Воспоминания о вас меня будут побуждать на любые решительные действия...

Сделав гримаску, она встала и вышла из Зазеркалья — на сей раз за ее спиной никто не маячил с пушкой наперевес, как о том рассказывал Бадеш, — коридор был пуст. Подошла к Орку вплотную, вскинула на него исполненные отнюдь не оскорбленной невинности глаза:

— Вы нахал, герцог...

— Я же не виноват, что женщинам это нравится... — ответил Орк.

Провел пальцем по ее шее, потом (опять-таки во исполнение инструкций Сварога) коснулся вязанки камешков:

— Снимем сначала это? Терпеть не могу, когда на женщинах хоть что-то остается...

И якобы небрежно ощупал странное ожерелье.

— Вот это — ни в коем случае, — сказала она. — Это такой талисман, у нас их полагается носить, не снимая, до самой смерти...

— Ну, в чужие обычаи не суюсь со своим мнением... — покладисто сказал Орк. — Как тебя зовут?

— Ильяна, — сказала она, нисколько не противясь грубоватыми ласкам.

— Красивое имя, — сказал Орк. — Тебе идет. А платье снять тебе ваши обычаи не запрещают?

— Нисколько, — улыбнулась она улыбочкой опытной шлюхи. — Отпусти тогда...

Отступила на шаг и принялась снимать платье. Канцлер бросил технику:

— Уберите изображение, да и звук приглушите, — и обернулся к Сварогу с профессором: — Ну, как вам наша таинственная гостья?

— Странно чуточку, — сказал Сварог. — Выглядит, голову можно прозакладывать, холеной надменной аристократкой, но исправно собой расплачивается с особо ценными агентами...

— Разведка, — пожал плечами Канцлер. — Вам ли не знать? А при их уровне развития — компьютеры и прочее — у них не может не существовать разведки. Или она — записная шлюха наподобие всем нам знакомой леди Черелет, которая земными конюхами не брезгует... Черт с ней. В конце концов, не она сейчас самая интересная фигура, а помянутый принц крови Агеляр, не правда ли? Давайте не будем делиться скороспелыми выводами. Времени достаточно, спокойно обдумаем эту интересную новость. Вас, лорд Сварог, это касается в первую очередь: принцы и принцессы крови — ваш забота...

Он достал трубочку и с отрешенным видом опустил ее в кожаный кисет с табаком. Марлок занялся тем же самым. Сварог закурил. Судя по доносившимся из каминной звукам, любовь с первого взгляда без долгих прелюдий вступила в решающую фазу.

Действительно, принцы и принцессы — его головная боль, от которой он с превеликой радостью отказался бы, чтобы не отвлекала от более серьезных дел. Однако такого не дожидаться: Диаметр Сонирил ни за что не согласится пе-

редать какому-нибудь другому ведомству ни единого сотрудника, что уж говорить о таком крупном подразделении, как отдел по наблюдению за принцами и принцессами...

Орк всего-навсего высказал вслух то, о чем втихомолку поговаривают многие: за принцами и принцессами следят круглосуточно, их манеры набиты подслушкой и подглядкой, половина слуг, если не больше, заагентурена и исправно снабжает информацией о хозяевах, все их передвижения, встречи и застоля — под неусыпным наблюдением. Ничего удивительного: на земле точно так же поступают с людьми, имеющими права на престол. И в случае необходимости не стесняются применять самые жесткие меры — как сделал Конгер, усыновляя Сварога. В Империи эта традиция сохранилась с незапамятных пор — и наблюдение было резко ужесточено несколько лет назад, после известных событий на Сильване. Порой люди, имеющие права на трон, но прекрасно знающие, что смогут его занять лишь по стечению самых фантастических обстоятельств, склонны поддаваться искушениям...

Итак, принц крови Агеляр... По земным меркам лет тридцать с небольшим, женат, есть дочь, никогда не проявлял желаний занять какую-либо военную или гражданскую должность (хотя принцы крови при наличии деловых качеств могут претендовать на некоторые, пусть и не самые высокие). В строго расписанной очереди на престол — шестой от конца, что для него вдвойне печально. Особенным умом не блещет, но и далеко не дурак (а среди принцев есть и такие, что глупы, как пробки). Беззаботно кружится в вихре светских удовольствий, на которые Империя богата, но порой проявляет некоторый интерес к ученым материям: иногда посещает полигон Магистериума, чтобы понаблюдать за очередным экспериментом (но исключительно таким, чтобы выглядел крайне эффектно, а на его научную значимость принцу наплевать). Гораздо чаще посещает инкогнито земные столицы и большие города, где внимание делит примерно поровну между хорошими ресторанами и доступными красотками. Впрочем, ярмарками и сельскими праздниками тоже не брезгует — там тоже без особого труда можно найти стоворчивых красоток. Именно в таких поездках ему и сопутствует частенько герцог Орк. Никаких реальных выгод он от этого получить не рассчитывает (трудновато их ждать от шестого с хвоста очереди), просто-напросто ценит как подходящего напарника: принц отнюдь не трус, любитель позвенеть мечом в ночных дуэлях и прочих стычках, так что на него можно полагаться в небезопасных местах.

Вот такой у нас принц. Соответствующему отделу восьмого департамента до сих пор никаких хлопот не доставлял — разве что порой оказывался вне поля зрения и технических средств, и агентов, но *умысла* в этом пока что не усматривали: внутри дома технические средства не действуют (в отличие от тех, какими Сварог располагает в Хелльстаде), что до агентов, они не всегда могут пойти куда-то следом за принцем. Одним словом, как принято было писать в досье когда-то (в том мире, откуда Сварог пришел): «Компрометирующими материалами не располагаем».

Он поднял голову. Канцлер и Марлок смотрели на него с нетерпеливым ожиданием. Канцлер тут же спросил:

— Ну, что скажете, лорд Сварог?

Сварог пожал плечами:

— До сих пор у восьмого департамента на него ничего не было. Мое мне-

ние... Если только это не дезинформация, чтобы отвлечь нас от настоящего главного, повторяется история с любителем бабочек. Если мы на правильном пути, к принцу однажды пришли и сделали предложение, крайне его соблазлившее. С любителем бабочек так и обстояло, разве что пришли к нему не загадочные визитеры из неведомого мира, а здешние знатные господа... Чисто технических возможностей обговорить все с заговорщиками у него имелось немало, да и сейчас имеется. Отдел у меня скрупулезно фиксирует каждый случай, когда объект оказывался без наблюдения. Я не держу в голове точной цифры по каждому объекту, но за год таких случаев обычно накапливается немало, и всегда они получают безобидное объяснение, или такое, что выглядит безобидным, но проверить, как все же обстояло на самом деле, мы не в состоянии.

— Особенно если они ему, как Орку, дали компьютер-камень, а? — подхватил профессор Марлок. — В этом случае всякая техника не в состоянии засечь разговор, верно?

— Не только наша, — сказал Сварог. — Вся техника Империи.

— И ваша хелльстадская тоже? — небрежно спросил Канцлер.

— И моя тоже, — сказал Сварог. — Мой... предшественник совершенно не занимался «точками Кондери», он был практик и рационалист. Вообще-то Канилла Дегро с магистром Дальретом сейчас отлаживают прибор, по их заверениям, способный перехватывать разговоры с использованием «третьего ручейка», а там, смотришь, и других — но это опытный образец, еще даже не испытывался.

— Ага, — сказал Марлок. — Значит, он может засесть в своем роскошном отхожем месте и провести краткий сеанс связи? Или вы и там держите «глаза и уши»?

— «Глаз» не держим — сказал Сварог. — А вот «уши» с некоторых пор держим. Был случай несколько лет назад, еще при Гаудине. Один из принцев кое-что задумал и со своей сообщницей вел беседы именно что в своем роскошном отхожем месте, благо оно было приличных размеров и комфортабельно обставлено — видео, музыка... В подробности я не стану вдаваться, это, в конце концов, сейчас неинтересно... Нет, никакого заговора — но интрига задумывалась довольно грязная. Тогда и стали всаживать «уши» и в роскошные сортиры. Кстати, если у него и в самом деле есть компьютер-камень, — а почему бы и нет? — «уши» совершенно бесполезны — компьютер работает бесшумно, к тому же, как выяснилось в случаях Орка и Кадората, способен глушить наши микрофоны... хотя я неточно выразился. Не глушить, а поставить некий «экран», так что оператор решит, будто в помещении стоит тишина... В общем, несмотря на надзор, у него есть возможность встречаться с сообщниками и, не исключено, вести с ними переговоры.

Канцлер недовольно покосился на погасший экран — там по-прежнему раздавались звуки, неопровержимо свидетельствовавшие, что загадочная гостья Орка в таких вот случаях к молчуньям не относится, наоборот:

— Когда они там уймутся... Лорд Сварог, у вас есть какие-то мысли? Предложения?

— Я бы за принца с удовольствием взялся, — сказал Сварог. — И постарался бы расколоть — в тайной полиции многому научишься. На земле именно такие люди быстро раскалываются — знатные баловни судьбы, жизнь прожив-

шие в роскоши, довольстве и безопасности. Никто им ни разу не заезжал в ухо, не пугал вполне реальными крупными неприятностями — и вдруг все меняется самым решительным образом, человек осознает, что серьезно влип и церемониться с ним не будут... Но не получится, — добавил он с сожалением. — Мне попросту нечем напугать его всерьез. У нас, конечно, будет запись этой милой беседы, — он кивнул на погашенный экран. — Но ею серьезно не напугаешь, когда нет ничего другого. Он мне просто расхохочется в лицо, и мне придется уйти, как оплеванному...

Марлок с надеждой сказал:

— Может быть, удастся зацепиться за эти «ответные подарки»? Для чего-то же она их принесла?

— Нет пока смысла гадать, — сказал Канцлер. — Мы еще не видели, что там такое, вот когда посмотрим...

На этом разговор как-то сам собой прервался — потому что о чем было разговаривать серьезно, все, что смогли, обговорили. Оставалось сидеть, курить, пропуская мимо ушей несущиеся из каминной сладострастные стенания загадочной гостьи — очень похоже, непритворные, хотя кто ее знает, любая опытная проститутка и не такую страсть изобразит... Техники прилежно сидели за пультами, все это время молча.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем из каминной послышалось:

— Вы были великолепны, любезный герцог...

— Всегда к вашим услугам, — отозвался Орк. — Когда я вас вновь увижу?

Канцлер махнул рукой, и техник зажег экран.

— Когда возникнет деловая надобность, — ответила Ильяна.

Она, уже одетая и причесанная, стояла у входа в Зазеркалье.

— А просто так вы не можете запросто прийти в гости? — спросил Орк.

— Если выдастся свободная минутка... — лукаво улыбнулась Ильяна. — Но у меня сейчас столько дел... До встречи!

Она небрежно чмокнула герцога в щеку и вошла в коридор. Мерцающее голубоватое сияние тут же поползло от рамы к центру, скрыло Зазеркалье, сгустилось — и появилось обыкновенное зеркало, в котором, как полагается, отражался Орк в расстегнутом камзоле и часть комнаты с камином. Пригладив волосы перед зеркалом, Орк подхватил корзину и вышел к ним, опять-таки во исполнение инструкций: самим туда входить не следовало, вполне возможно, из Зазеркалья могли наблюдать за каминной и тогда, когда зеркало становилось обычным зеркалом — никто ничегошеньки не знает о Зазеркалье...

— Вот, извольте, — сказал Орк, поставив корзинку, ухмыльнулся... — Подглядывали, а?

— Мы не извращенцы, — сухо бросил Канцлер.

— Ну да, я тоже предпочитаю не смотреть, а участвовать. — Орк выглядел как кот, стрескавший крынку сметаны. — Ну и стерва, господа, вы бы знали... Ее бы куда-нибудь в Фиарнолл, в дорогой бордель для мореходов с тугим кошельком, она бы там блистала... А то и в Латерану...

Так же сухо Канцлер спросил:

— Как по-вашему, это человек? И держитесь посерьезнее...

Орк убрал с лица фирменную улыбочку:

— Если это не человек, то совершеннее имитации в мире быть не может, но если судить по ощущениям и результатам... исследований — самая настоя-

щая женщина, во всех, как бы удачнее подобрать слово, подробностях. Канцлер, вы разрешите и мне взглянуть, что она там притащила? Мне будет легче с принцем. Смогу войти и непринужденно сказать с порога: «Ваше высочество, я достал вам именно такие...»

— Ладно, оставайтесь пока, — махнул рукой Канцлер.

— Да, а что там с ожерельем? — спросил Сварог.

Орк пожал плечами:

— Судя по всему, действительно полированные камни, никакой синтетической имитации. Очень похоже, цепочка, на которой они висят, запаяна — замочка я так и не углядел. Черт его знает, может, это и впрямь какой-то амулет, который у них таскают, не снимая?

Сварог нетерпеливо отвернулся к корзине. Они с Марлоком присели на корточки, так синхронно, что легонько стукнулись лбами, искры посыпались из глаз. Выпрямились, потирая ушибленное, сконфуженно потоптались — оба опасались повторения сцены. В конце концов Сварог показал рукой:

— Давайте вы, профессор, по старшинству лет...

Моментально справившись с застежкой крышки, обычным кожаным ремешком с пуговкой, Марлок откинул ее. Сварог вытянул шею. Внутри лежали тщательно уложенные плоские коробочки, обтянутые сине-золотистым бархатом — это сочетание цветов будило в памяти некие ассоциации... Ну конечно же! Цвета императорской фамилии, синий и золотой (как-то Сварог в шутку назвал Яну живым символом императорской фамилии — синие глаза, золотые волосы. Шутка ей понравилась).

Марлок схватил одну из верхних коробочек — так, словно передергивал затвор автомата перед атакой. Расстегнул вычурную застежку, то ли золоченую, то ли золотую.

В коробочке лежала самая обыкновенная, уже знакомая «тарелочка», но не обычная, а как две капли воды похожая на ту, что преподнесена Велеретте — по окружности украшена дюжиной полупрозрачных камней, не похожих на драгоценные, только не желтых, а красных. Гравировка — герб императорской фамилии.

Марлок трудился в лихорадочном темпе — хватал коробочки одну за другой, открывал, показывал остальным, складывал возле корзины аккуратной стопочкой. Одно и то же, «тарелочки» походили друг на друга, как две капли воды.

Корзина опустела.

— Восемнадцать... — задумчиво сказал Канцлер. — С чем-то это у меня ассоциируется, вот только не могу определить с ходу...

— А я, кажется, могу, — преспокойно сказал Орк. — Столько у нас принцев и принцесс крови — если не считать одного...

Канцлер повернулся к нему и непререкаемым тоном сказал:

— Любезный герцог, побудьте пока у себя в кабинете. Когда понадобится, мы вас пригласим.

Орк не протестовал, молча направился к двери. Едва она за ним захлопнулась, Канцлер спросил:

— Что думаете, господа?

— Орк — не просто стервец, а умнейший стервец... — сказал Сварог. — Действительно, все совпадает: девятнадцать минус один. Если учесть, что об этих

штуковинах говорилось как об «ответных подарках», это, похоже, не совпадение. Не будет же принц вручать подарок самому себе...

Что такое «ответные подарки», Сварог прекрасно знал. Традиция старая, соблюдавшаяся и за облаками, и на земле. Гостям, пришедшим с подарками на какое-то торжество, хозяин непременно дарит ответные — не особенно и дорогие, гораздо дешевле преподнесенных ему, всего-навсего соблюдает правила хорошего тона. Значит, именно это получают прибывшие поздравлять Агелюра с днем рождения принцы и принцессы...

— Но зачем? — прямо-таки рявкнул Марлок. — Зачем им это?

— А для чего точно такую же, но с желтыми камнями, вручили Велеретте? — пожал плечами Сварог. — Зачем они вообще распространяют их на Таларе? Я даже не пытаюсь ломать голову. Не верю, что мы самостоятельно дойдемся — таких озарений попросту не бывает. Нам нужен человек, который знает точно — вроде этой Иляны. Уж она-то должна знать. А вот принц может и не знать. Впрочем, его все равно пока что не на чем прижать. Канцлер, вы не возражаете, если экспертизу проведут мои люди? Они в последнее время собаку на этом съели. Отнимет все не более часа...

— Конечно, — кивнул Канцлер. — Какая, по сути, разница, кто именно... Берите одну, все равно Орк полетит к принцу только завтра утром...

Сварог положил коробочку в правый карман камзола — а из левого достал другую, взятую у Велеретты. Спросил:

— Профессор, вы уже получили от Каниллы Дегро излучатель «третьего ручейка»?

— Вчера вечером, со всей документацией, — профессор ухмыльнулся. — Мои рыцари науки спать не ложились, занимались этим всю ночь — ну, мне и самому страшно любопытно...

— А бумаги вы читали?

— Внимательно изучил.

— Тогда знаете про модуляции «ручейка»...

— Ну конечно, — сказал Марлок. — Этаким алфавит из семи букв, дающих пять тысяч сорок комбинаций... Куда вы клоните?

— У вас, я слышал, есть хороший полигон, — сказал Сварог. — У меня в девятом столе пока что нет. В восьмом департаменте есть, но я хочу соблюсти предельную секретность. У меня возникла сумасшедшая идея — может быть, от бессилия... Вы бы не могли провести на полигоне Техниона несложный эксперимент?

— С превеликой радостью, — тут же ответил Марлок, завязтый экспериментатор, о чем Сварогу было давно известно. — Я бы даже предпочел сложный...

— Нет, у меня на уме довольно простой — сказал Сварог. — Полигон у вас на Сильване?

— Нет, на орбите. Иные эксперименты заканчиваются... совершенно неожиданными и нехорошими последствиями. Так что порой мы даже отводим одну из платформ подальше в космос и управляем всем дистанционно...

— Отлично, — сказал Сварог и протянул ему коробочку. — Идея у меня такая — «обстрелять» эту штуковину излучением «третьего ручейка», перебирая комбинации. Я уже прикинул: если тратить на каждую секунд десять, это займет не более полутора суток. Если ничего так и не выйдет, вы всего-навсего

потеряете время, и только...

— Подумаешь, невелик ущерб, — фыркнул профессор с охотничьим азартом в глазах. — В науке порой необходимы самые сумасшедшие эксперименты.

— Только отведите платформу на такую орбиту, чтобы Талар все время закрывал ее от Нериады, — сказал Сварог. — На всякий случай. Они могут за нами каким-то образом наблюдать — техника их, насколько можно предполагать, высокоразвитая...

— Хорошо, сделаю, — заверил профессор.

Канцлер, стараясь сохранять свое обычное бесстрашие, спросил вроде бы небрежно:

— У вас появились какие-то конкретные идеи, лорд Сварог?

— Честно говоря, никаких, — признался Сварог. — Как бы сказать... Просто-напросто в определенный момент вдруг возникла идея такого вот сумасшедшего эксперимента. Других ведь, более осмысленных, попросту нет... Есть излучение Радианта. Есть странные изделия, неизвестно зачем распространяемые по Талару... а теперь, как оказалось, еще и среди принцев и принцесс крови, вот мне и пришло в голову: а что выйдет, если совместить то и другое? Дурацкая идея, но...

— Но более умных и осмысленных все равно нет, — кивнул Канцлер. — Ну что же, действуйте, Марлок...

Глава VII ПОЩЕЧИНА И ПРОЧИЕ СЮРПРИЗЫ

На сей раз компьютер в кабинете Сварога закурлыкал особенным образом — сие означало, что включилась крайне редко пускавшаяся в дело секретная линия высшей степени защиты, носившая официальное название «Алмазная броня». Ну, неудивительно — в свете последних событий постановлено было Канцлером все особо важные разговоры по ней и вести. Марлок? Если все же будет какой-то результат, на него можно наткнуться гораздо ранее полутора суток — когда перебираешь все возможные комбинации, так порой случается...

Он торопливо плюхнулся в кресло, нажал клавиши. На экране возникла, к его немалому удивлению, желтая рожица на черном фоне, забавная, походившая на какого-нибудь доброго персонажа мультфильма. Сварог оторопело уставился на нее — а она улыбнулась во весь рот, залихватски подмигнула и спросила обычным человеческим голосом:

— Ну что, хочешь посмотреть, недотепа, как твоя женушка развлекается на земле?

И исчезла. На ее месте появилась комната с низкой широкой кроватью и массивными креслами — вся мебель в таларском стиле, она и сейчас в моде. Ярко горят карбамильские лампы, портьера задернута...

Кровь бросилась Сварогу в лицо. У постели стояла Яна, а рядом помещались два голых по пояс усача в форменных черных штанах с синими лампасами и золотым шитьем. Их рубашки и камзолы валялись тут же на кресле — прекрасно знакомые Сварогу камзолы Черных Егерей со старинной эмблемой полка у левого плеча.

Один, стоя за спиной Яны и что-то нашептывая на ухо, неторопливо растегивал на ней коротенькое красное платьице с Той Стороны. Второй запустил ладони под подол. Яна стояла смиренхонько, опустив руки, уставясь в потолок, на ее губах играла безмятежная блудливая улыбочка. Платьице легло на кресло поверх камзолов, туда же отправились сиреневые кружевные тряпочки. Яна все так же стояла, поддаваясь грубоватым неторопливым ласкам. Посмотрела в глаза стоявшему перед ней:

— Только не оба сразу, хорошо? Я не настроена пробовать какие-то изыски. Просто-напросто хочется отомстить мужу за все измены той же монетой...

— Как вам будет угодно, ваше величество, — сказал усач. — Со своей стороны, хочу заметить, что вы выбрали самый эффективный способ мести... и самый приятный. Хочу выразить...

— Вы — первый, — прервала Яна, улыбаясь.

Высвободилась из нахальных объятий, отошла к постели и раскинулась на алом атласе. Усатый лихорадочно сбросив сапоги и штаны, лег рядом.

— Без долгих прелюдий... — прикрыв глаза, ерзала Яна.

— Как пожелаете... — хрипло отозвался усач.

Слияние двух тел, размашистые движения гвардейца, удовлетворенные стоны... Сварог смотрел, стиснув зубы, чувствуя, как горит лицо, словно после нескольких хлестких пощечин.

Он смотрел, смотрел... И вдруг ощутил прямо-таки нечеловеческое облегчение, стал спокойным, как удав. Почти не глядя, нажал клавишу записи, сунул в рот сигарету, жадно затянулся и процедил сквозь зубы:

— Значит, вот так изволите...

На душе стало невыносимо легко. Ее тело, ее лицо, ее голос — и все же это не она. Достаточно долго пробыли в одной постели, чтобы заключить со всей уверенностью: это совершенно не ее манера заниматься любовью, ничего и отдаленно похожего, уж ему ли не знать...

Следовательно... Он резко отодвинул кресло, встал и вышел в приемную. Секретарь показал на лежащий в углу стола конверт с эмблемой девятого стола:

— Ваше величество, донесение из второго научного корпуса, седьмая лаборатория...

Ну, пусть это кому-то покажется абсурдом, чрезмерными предосторожностями, но лучше уж такой абсурд — кого стыдиться? Все материалы по Радианту пересылаются не с помощью компьютерной сети, самых засекреченных ее каналов — вот так, на старинный манер, в конвертах и пакетах, пусть даже конверт пропутешествовал между двумя соседними зданиями...

Сейчас, впрочем, было не до седьмой лаборатории. Взяв конверт и запихав его в карман, не обинуясь тем, что конверт при этом смялся, Сварог распорядился:

— Разыщите лейтенанта Элкона, немедленно. Хотя из-под земли достаньте, если понадобится, поднимите...

— Нет необходимости, господин директор, — вежливо, но решительно прервал его секретарь (что ему в определенных случаях дозволялось). — Лейтенант Элкон — в первом научном корпусе, в пятом зале.

Ага, там, где работает Канилла... Сварог сказал:

— Прекрасно. Вызовите немедленно. Бегом ко мне. Именно бегом. И пусть захватит «неразлучника»...

Не дожидаясь ответа — а какой тут нужен ответ? — вернулся в кабинет, неторопливо прошелся из угла в угол, сел за стол и уставился на экран все с тем же холодным любопытством. Чужие стоны и вскрики, чужие позы... Криво усмехаясь, не удержался, вновь негромко произнес сквозь зубы:

— Ну, суки, попадетесь вы мне... С дерьмом смешаю...

Распахнулась дверь, вошел Элкон, чуть запыхавшийся — видно, что и в самом деле бежал. На плече у него висел коричневый кожаный футляр размером с книгу — небольшой, но мощный компьютер, который Элкон постоянно носил при себе, если позволяла окружающая обстановка. Сварог вышел из-за стола, кивком показал на компьютер:

— Садитесь на мое место, посмотрите...

Элкон подчинился без вопросов. Поднял на Сварога глаза. Вид у него был не то что удивленный — оторопелый. Он выпалил:

— Это за... — это словечко он мог подхватить исключительно у кавалеристов во время достопамятного похода в Горрот.

— Вот именно, — сказал Сварог. — Удивительно точное определение, Элкон, лучше и не подберешь... Это не Яна. Она ведет себя совершенно иначе... ну, мы с вами взрослые люди, вы меня прекрасно понимаете... Беритесь за работу. Сначала установите, откуда идет передача, все такое прочее... Потом возьмитесь за сам... фильм, определите точно, что это такое, вы ведь можете?

— Смогу, командир.

— А сможете работать в то время, когда зрелище продолжается?

— Свободно. Запараллелю передачу на свой, всего и дел. Я так полагаю, квадранса мне хватит, ну, самое большее — полчаса, — сказал Элкон со спокойной уверенностью в себе.

— Валяйте, — сказал Сварог. — Я пока поболтаюсь по манору, когда закончите, свяжитесь...

Элкон извлек «неразлучник», поставил на стол, зажег клавиатуру, пальцы запорхали по ней проворно и ловко, лицо стало, как всегда в таких случаях, отрешенно-азартным — Элкон уже не видел ни Сварога, ни кабинета, с головой ухнув в работу. Все обстояло прекрасно. Сварог вышел из кабинета, из приемной, из здания, сел на вычурную скамейку (их много стояло по бокам лестницы, надо сказать коменданту, чтобы заменил на что-нибудь менее вычурное). Подумав, вскрыл конверт, пробежал взглядом коротенькое, в пару строчек заключение — ну, он и не ждал длинного. Что же, ничего удивительного — чего-то в этом роде и следовало ждать. Прокололись, сволочи, в точности по классикам... а в общем, это даже и неинтересно, особенно уж полезной информации не содержит...

Он небрежно засунул конверт в карман, скомкав его вовсе уж немилосердно, откинулся затылком на гнутую спинку и за неимением другого занятия замурлыкал под нос одну из «жалъниц» воров-разбойничков, услышанную в свое время на каторжанском корабле:

*— Не могу я ни ходить,
Ни стоять, ни сидеть.
Надо будет посмотреть,
не смогу ли я висеть...*

Вообще-то «жалъница» не подходила его настроению категорически — оно, смело можно сказать, было прекрасным, но ему как-то не приходило на ум ничего из «веселильниц». Если только он их вообще тогда слышал — там было не до веселых песен...

А потом сидел, пуская дым, пока из-за угла внезапно не появилась Яна. Сюрприз, однако — обычно она всегда предупреждала, что собирается к нему...

Подошла и остановилась у скамейки, поглядывая как-то странно. Сварог сказал чуть сердито:

— Без охраны? Ты же обещала...

— Да с охраной, не переживай, — отмахнулась Яна. — Два браганта, люди Абданка и твои детишки... Я их оставила на посадочной площадке — уж здесь-то, думается, охране нет смысла за мной по пятам ходить?

Она закурила и сидела, напряженно выпрямившись. Лицо — то ли напряженное, то ли даже тревожное. Что-то здесь было не так, и крепенько...

— Вита, — осторожно сказал Сварог. — Случилось что-нибудь?

— Как тебе сказать... Мне тут пришла на компьютер очень похабная запись...

Она открыла свою плетенную из золотых колечек сумочку и показала Сварогу флэшку. Не выдержав, он ухмыльнулся во весь рот:

— Знаешь что, Вита? Давай-ка я сыграю в нечеловеческую проницательность, ладно? Тебе прислали запись, на которой я, потаскун такой, всю развлекаюсь с кем-то из придворных... э-э, красоток, а то и двумя?

— Вот именно, — ответила Яна чуть удивленно. — Только сначала появилась такая уморительная рожица, спросила, не хочу ли я посмотреть, чем муженек занят, когда меня с ним нет. А потом началось... Ты, леди Ронкал и леди Барельтон...

— Логично... — проворчал Сварог.

Две помянутых красотищи давно и по заслугам числились в Келл Инире в первой десятке придворных дам, как бы это поделикатнее выразиться, побивших все рекорды легкомыслия. Ну, а если без деликатности — словечки следует потреблять исключительно драгунские, хотя и моряцкие подойдут. Милейшие особы, обе в разное время в поисках острых ощущений с недельку *прослужили* в таларских портовых кабаках. Обе когда-то всерьез пытались присовокупить к своей коллекции и Сварога, и приходилось проявлять порой чудеса проворства, чтобы от них улизнуть...

— Ну, а ты? — с любопытством спросил Сварог. — Что-то ты не похожа на женщину, твердо намеренную приложить неверному муженьку чайником по макушке...

— Честно сказать, я сначала и в самом деле вскипела, а потом присмотрелась и как-то сразу успокоилась... Уж не знаю, как там обстоит с этими двумя... — она явно вовремя проглотила то ли драгунское, то ли моряцкое словечко. — Но ты был не ты, — она на миг опустила ресницы, щеки чуточку порозовели. — Ты все делаешь совершенно иначе... Это никак не мог быть ты... Поймай! А откуда ты знаешь?

Сварог, все так же весело ухмыляясь, показал кивком себе за спину, на здание:

— У меня в кабинете, Вита, очень может быть, до сих пор компьютер *кажет* запись, на которой ты очень непринужденно развлекаешься с двумя таларскими гвардейцами. Очень живописное зрелище, несовершеннолетние не допускаются...

— Что-о-о?!

— Да то же самое, что и у тебя, только наоборот, — сказал Сварог. — Похожа на тебя как две капли воды, но это совершенно не ты... Тоже сначала вскипел, но быстро успокоился, когда сообразил, что к чему. Не смотри ты так удивленно. Голову можно прозакладывать, шуточки Радианта. И ведь нельзя сказать, что так уж глупо задумано. Будь мы с тобой людьми другого склада, больше склонными поддаваться эмоциям, чем рассудку, черт знает, чем могло кончиться. В любом случае — жуткой ссорой, которая пошла бы во вред делу...

— Но мой компьютер...

Сварог ее понял. Ее компьютер — самый защищенный из всего, что только найдется в Империи. Там стоит не «Алмазная броня», а что-то вовсе уж запредельное, о котором Элкон отзывается с неприкрытым уважением, хотя говорит: если бы он взялся со всем своим умением, невозможно заранее сказать, чем кончилось бы, вполне возможно, и триумфом — как выражался герой одного отличного фильма, виденного Сварогом в покинутом им мире: что один человек сделал, другой завсегда разломать может...

— Значит у Радианта есть способные умельцы, — сказал Сварог, морщась. — Нужно учитывав это. Я думаю, записи нужно показать Канцлеру...

— Придется... Но нужно же что-то делать?

— У меня в кабинете сидит Элкон, — сказал Сварог. — Выясняет все, что

только в его компетенции. А делать... Больше мы, собственно, ничего и не можем сделать. Принца Агеляра мне пока что нечем *прижать*. Посмотрим, что даст «Невод-2»...

— Агеляр... — задумчиво сказала Яна. — Я с ним, так уж получилось, гораздо лучше знакома, чем с иными другими родственниками. Весьма неглупый человек...

— Это-то и плохо, — проворчал Сварог. — Умный мерзавец всегда опаснее глупого. Помню...

Он замолчал, почувствовав вибрацию, вытащил «портсигар» и, прочитав короткое сообщение, поднялся:

— Пошли, Вита. Элкон закончил.

Она прямо-таки вскочила.

Пропустив Яну в кабинет, Сварог сразу определил, что запись еще не кончилась: от компьютера по-прежнему доносились сладострастные стоны и крайне похабные реплики. Усмехнулся, легонько подтолкнул Яну к столу:

— Иди, посмотри на «себя»...

Не садясь, она через плечо Элкона глянула на экран, присмотрелась. И не сдержалась, у нее вырвалось короткое, но выразительное словечко, о происхождении которого не стоило и гадать — подхватила где-то, когда они инкогнито разъезжали по Пограничью, бывали и на ярмарках, и на танцах, и в кабаках для вовсе уж простого народа. Как выражался герой другого отличного фильма — там было много новых слов. Не затыкать же ей было уши ватой...

Сварог с Элконом, как настоящие джентльмены, притворились, будто ничего и не слышали. Сварог подошел, убрал звук — но запись не отключил. Показал Яне на кресло в уголке, откуда она не могла бы видеть экран, открыл шкафчик и с вопросительным видом показал ей бутылку «Кабаньей крови». Она сердито кивнула. Сварог налил всем и сказал:

— Ну, до чего докопались?

— Что до передачи, командир, с ней обстоит в точности, как с камнями-компьютерами: откуда ведется и каким путем подключились, выяснить невозможно, по крайней мере, с помощью *нашей* аппаратуры. Передача из ниоткуда...

— Так... — сказал Сварог, покосился на свой компьютер. — У меня передача до сих пор идет... Свяжитесь с первым корпусом. Канилла давно наладила наблюдение за Радиантом... Пусть доложат, есть ли он сейчас в прямой видимости... вообще, результаты наблюдений.

Элкон кивнул и склонился над «неразлучником». Не прошло и минуты, как он поднял голову:

— Радиант в прямой видимости, очередная «встреча» будет длиться не менее четырех часов. Они сообщают еще: все это время он излучает в варианте модуляции номер семьсот два...

— Ну вот, уже кое-что, — сказал Сварог. — Теперь знаем, на каком режиме они залезают в наши компьютеры... правда, насколько я знаю, пока еще никто не придумал, как их глушить, хотя и у Каниллы, и в Технионе мозги дымятся от усилий... Ладно. Что насчет самого маловысокохудожественного фильма?

— Подделка, — сказал Элкон. — Компьютерная графика — но высочайшего класса, как и та, у Орка, с проектами покушений. У них отличные компьютер-

щики, командир, выпади случай, я бы с ними с удовольствием пободался...

— А уровень? — спросил Сварог. — Превосходят они нас? Насколько, если превосходят? Или уступают? Можно сказать что-то определенное?

— Конечно, — сказал Элкон. — Я бы выразился так: очень похоже, мы с ними идем голова в голову. Примерно — паритет... — и быстро добавил: — Но это мнение — исключительно на основании того, что мы наблюдали на данный момент. Не хочу быть пессимистом, но если рассуждать теоретически, у них может оказаться отложенным на черный день что-то и посильнее...

— Посильнее нашего? — спросил Сварог спокойно.

— Командир, вы же сами нас учили: если нет точной и всеобъемлющей информации, на всякий случай стоит подозревать самое худшее, по максимуму. Мы о них практически ничего не знаем...

У Сварога чуть не сорвалось с языка: «Кроме того, что их бабы-агентессы преспокойно рассчитываются с ценными агентами своей...» Но он вовремя вспомнил о Яне и прикусил язык.

— Ну, что ж, — сказал Сварог, подумав. — Особых успехов нет, но на пару шажков мы все же продвинулись, а это лучше, чем ничего. И позволяет делать кое-какие умозаключения. О нас они, похоже, знают немало, значит, просто обязана быть агентура из *местных*, занятая исключительно сбором информации. Правда, как ее засечь, ума не приложу... — он посмотрел на Яну. — Знают даже, какие у нас отношения, но это не говорит о каких-то их сверхъестественных способностях — об этом очень уж многие знают... И вот что мне кажется... Эта пакость со «взаимным компроматом» по большому счету — мелковата... Ох, мелковата... наших *точных* психологических характеристик у них нет — для этого одной агентуры мало, для этого нужно долго и старательно за нами наблюдать, в том числе и в быту, чтобы узнать характеры, составить психологические портреты, а уж исходя из этого что-то предпринимать...

— А они на авось, — бледно улыбнулась Яна. — Вдруг ты меня из ревности зарежешь, или я тебя застрелю, или, в крайнем случае случится та самая жуткая ссора, сложности вызовет, отвлечет от дел...

— Вот я и говорю, — сказал Сварог. — Действовать на авось — это всегда мелковато. Что-то я не вижу у нас в противниках таких суперсуществ. Как только что сказал Элкон — примерный паритет. Уже легче...

...Вопреки своему всегдашнему обыкновению, Канцлер не сидел за столом, а неторопливо прохаживался по кабинету, зажав в зубах погасшую трубку. Сварог так и не догадался, есть ли это признак сильного, умело скрываемого волнения. Очень уж замурованная наглухо личность — наш Канцлер...

Зато Марлок не скрывал своих чувств так искусно. Он сидел, как на иголках, то и дело поглядывая на свое небольшое устройство, аналогичное «портсигару» Сварога — остававшееся немым как рыба. В чем тут дело, Сварог прекрасно знал: излучатель на полигоне почти сутки лупил по «тарелочке» комбинациями, коих перебрали уже добрых две трети...

— У меня две *скверноватых* новости, ваше величество, лорд Сварог, — сказал он, остановившись посреди кабинета и оборачиваясь к ним. — Одна свежайшая, рапорт поступил, пока вы сюда летели, другой уже несколько часов. Не знаю, с чего и начать, обе новости, я бы сказал, равноценны...

— Я бы начал с самой свежей, — сказал Сварог. — Коли уж они равноцен-

НЫ.

— Пожалуй, присоединюсь к мнению лорда Сварога, — сказала Яна.

— Ну что же... — продолжил Канцлер. — Вам, ваше величество, безусловно неприятно будет слушать, но ничего не поделаешь... Четыре часа назад, точно по расписанию, начался плановый сеанс телевещания на землю. Стандартная программа: придворная хроника, музыка на фоне пейзажей, две серии бесконечных типовых сериалов, приключенческого и любовного... — он хмыкнул. — Которые, увы, у нас иные обожают столь же страстно, как на земле. Вот только вместо придворной хроники на экранах появилась та мастерская подделка, которую скинули на компьютер лорду Сварогу... В телецентре поначалу растерялись, пытались что-то подавить, как-то убрать, но потом кто-то сообразительный и энергичный вообще вырубил вещание. Передача шла чуть менее минуты, вряд ли кто-то успел узнать «вас», ваше величество, а если и узнал, сплетничать побоится. Но даже если и начнет, ничего страшного: всеобщего изумления не будет...

— Станет сплетничать — отловим... — сказал Сварог.

— Да, конечно, но не в том дело... На сей раз речь шла не о том, чтобы поспорить ваше величество и лорда Сварога — дело, несомненно, было вызвать на земле нешуточное смятение в умах. И тут угроза, по-моему, переходит на качественно новый уровень. Оказалось, они могут влезть в телевещание на землю, что хуже — в неплохо защищенный компьютер лорда Сварога в девятом столе, и, что совсем скверно — в личный компьютер ее величества, защищенный на пределе наших возможностей. Это сегодня. А завтра? Что, если они в состоянии влезть в систему управления боевыми орбиталами? В сети военных и спецслужб? И полностью их парализовать — а тем временем предпринять какие-то действия? Брашero в свое время это удалось, правда, тогда успели раньше, чем он начал с размахом.

— Можно попытаться кое-что прояснить, — сказал Марлок. — Все мы тут осведомлены о некоторых тонкостях... Лорд Сварог, ваши хелльстадские умельцы, кто бы они там ни были, могут проникнуть в личный компьютер ее величества?

— Представления не имею, — сухо ответил Сварог. — Никогда не ставил таких задач и не собираюсь.

— Канцлер, а если мы разрешим лорду Сварогу поэкспериментировать в интересах дела?

— Зачем?

— В любом случае сможем составить более полное представление об их возможностях...

— Не вижу смысла, — отрезал Канцлер, досадливо поморщился. — Ваша страсть к экспериментам, Марлок... Делу это ничего не даст. Вряд ли нам так уж необходимо знать точные границы их возможностей. Гораздо важнее придумать, как им противостоять... называя вещи своими именами, как нам защищаться. Как это ни прискорбно для нашего самолюбия, мы пока что именно защищаемся... Особенно, если учесть вторую скверную новость, по-моему, в некотором смысле примыкающую к первой. С «Неводом-2». Чередой пошли помехи и сбои — в работе и орбиталов, и аппаратуры лейтенанта Дегро. Полночные районы королевства Даркош, те, где находится Радиант, невозможно изучить, как надлежит. Помехи и сбои хлынули буквально потоком. Мы про-

верили, это касается только интересующего нас района. Так что локализовать место, где находится Радиант, пока что невозможно. Они там пытаются что-то сделать, уводят орбиталы на более высокие орбиты, срочно перебрасывают к Нериаде другие разновидности наблюдательной аппаратуры. Но... — он печально усмехнулся. Я прекрасно помню одну из любимых поговорок лорда Сварога — «Ожидаем лучшего, но готовимся к худшему». Поэтому я заранее настроен пессимистически. Предугадать следующий ход невозможно. Остается... — он помедлил. — Остается жесткое силовое решение. В конце концов, мы в состоянии перепахать всю Нериаду на десять уардов вглубь с земли: подтянуть «Белый шквал», «Глаз Балора», «Протуберанец» наконец. Крепко сомневаюсь, что они смогут защититься. Разумеется, это крайняя мера, но ее нужно взять в расчет. Лорд Сварог, у вас, как и в прошлый раз, будут возражения против такого варианта?

— Ничего подобного, Канцлер, — сказал Сварог. — Я только что поймал себя на том, что судьба обитателей Нериады мне совершенно безразлична. Злюсь на себя, но так и обстоит. Земные королевства — мои, там люди, с которыми я хорошо знаком, которых уважаю и ценю... и миллионы незнакомых, за которых я отвечаю, как за своих подданных. Ни одного жителя Нериады я никогда не видел вживую, они для меня совершенно чужие, к тому же это словно бы даже и не люди, а некие куклы. Если встанет вопрос «Они или Империя?», буду всецело на стороне Империи... еще и оттого, что угроза возникает не только для Империи, но и для моих королевств. И все же... Я был бы категорически против силового решения. Не из гуманизма, а по соображениям насквозь практичным. Кто бы они ни были, откуда бы ни пришли, из Зазеркалья, о котором никто не знает ничего, или из каких-то других миров — на Нериаде они именно пришельцы. Будь их там много, мы бы их непременно обнаружили раньше. Все за то, что их мало, что Нериада для них — не более чем база. И ее уничтожение нам ни малейшей пользы не принесет. Они всего-навсего отступят в свой мир — а потом могут нанести удар в другом месте, как-то иначе, и это для нас будет совершеннейшей неожиданностью, последствия которой я просчитывать не берусь...

— Разрази меня гром, лорд Сварог прав, Канцлер... — сказал Марлок.

— Пожалуй... — согласился Канцлер. — Но все равно, если дело дойдет до критической точки — я надеюсь, мы сможем ее усмотреть вовремя, не останется ничего другого...

— Я и не спорю, — сказал Сварог. — В случае, если...

Он замолчал — мелодично засвиристела блестящая коробочка Марлока, профессор сцапал ее, как кот мышь, зажег клавиатуру, невидимый остальным экран. Судя по всему, пришло какое-то сообщение — ничей голос так и не раздался. Профессор напряженно уставился на экран, на его лице сменяли друг друга самые разнообразные чувства. Все остальные молча ждали.

— Вот такие дела... — сказал Марлок с непонятым выражением на лице. — Рапортуют с полигона. Лорд Сварог, ваша идея оказалась несколько не безумной, совсем наоборот... Когда пошла в ход комбинация за номером три тысячи сто семьдесят два, на месте «тарелочки» образовался огненный шар диаметром около двадцати уардов — и продержался пять секунд, потом пропал. Температура составляла примерно три с половиной тысячи градусов, — он криво, вымученно усмехнулся. — При такой температуре кипят, как вода в

чайнике, медь, олово и кобальт, и не только они. А уж человек испаряется, как капля воды на раскаленной плите...

Значит, вот так, подумал Сварог, вспомнив двухэтажный, но не особенно и большой дом Интагара. В какой бы комнате ни полыхнуло, от дома останется выжженная изнутри коробка, а то и ее не будет — коли уж кипит медь и другие металлы. Ночью, когда Интагар дома... Порой он, впрочем, дома не ночует, но поблизости от его дома можно посадить агента и совершенно точно знать, что **он** приехал...

— Неглупо, — сказал Сварог глухо. — Интагар — весьма важная шестеренка в моем государственном механизме, на него очень многое замыкается. Я запрошу других *ключевых* персон — не попадали ли к ним в дом такие вот «тарелочки». Мало ли еще кому могли подсунуть безобидный внешне подарок, как это пытались проделать с дочкой Интагара... подождите! — почти вскрикнул он, озаренный внезапной догадкой. — Логично предположить, что и подарки принца должны *полыхнуть*...

— Это бессмысленно, — сказал Канцлер... — *Рукотворный* огонь. Совершенно безопасный для ларов. Слуги погибнут, а лары останутся невредимы.

— Я помню, — сказал Сварог. — Я и не утверждаю, что полыхнет непременно *огонь*. Это может быть что-то другое, столь же смертельное для ларов, как и для жителей земли... вот только я пока что совершенно не представляю, что это может быть...

— Проверить предельно просто, — сказал Марлок. — Отвезти на полигон «синюю тарелочку» и обстрелять ее «третьим ручейком». Если все сделано по тому же принципу... Надеюсь, вы не считаете эту идею излишней страстью к экспериментаторству, Канцлер?

— Не считаю, — угрюмо отозвался Канцлер. — Наоборот, поддерживаю. — Он взглянул на часы. — В маноре принца Агеляра давно уже началось праздничное застолье. Поскольку это не гулянка принца Элвара, а чинное семейное торжество, гости разъедутся к вечеру. Нужно подумать, как изъять у кого-то из них «тарелочку». Следует выбрать кого-то самого слабыхарактерного, который, будучи настроено предупрежден, станет держать язык за зубами...

— А зачем *изымать*? — спросил Сварог, вспомнив иные детективные романы и фильмы. — Гораздо практичнее будет *подменить*. Я могу прямо сейчас отправить приказ моим людям, они в два счета купят чистую «тарелочку», а мастера быстро выгравировуют герб и подберут похожие поделочные камушки — на земле их много, всевозможных цветов. Если все же не найдется подходящего, пошлю самолет в Маррано, там лучшие на Таларе стеклодельные мастерские, в два счета сварят стекло любого цвета и оттенка — кроме «разноцветного хрусталя», секрет которого утрачен. Простое синее — запросто. Понадобится совсем небольшой слиток, остынет он быстро... Если напрячься, вполне можно управиться к утру. В манорах полно агентуры восьмого департамента. Где бы «тарелочка» ни висела, ее нетрудно украдкой подменить. Никто и не заметит...

— Толково, — сказал Канцлер. — Посылайте приказ немедленно.

Сварог достал «портсигар» и отправил Интагару не особенно и длинную шифровку, что заняло минуты три. Все это время присутствующие молчали, словно опасаясь чему-то помешать.

— Вот и все, — сказал Сварог, пряча «портсигар» в карман. — Сейчас Инта-

гар пошлет человека за тарелочкой и станет подыскивать подходящих мастеров — а у него, я уже убедился, есть мастера на все случаи жизни.

Канцлер задумчиво сказал:

— Если и со второй «тарелочкой» что-то произойдет, будет, с чем идти к принцу, чтобы взять его за глотку...

— Думаете? — спросил Сварог. — А я вот не уверен... Даже если «тарелочка» сработает, *прямых* улик не будет. Он может твердить от рассвета и до заката, будто понятия не имеет, что ему подsunул злодей Орк, которого он просил достать самые безобидные «тарелочки» — и уличить его попросту нечем. Возможно, эти, из Радианта, Орку вульгарно соврали насчет канцлерства, и он им был нужен исключительно для того, чтобы «тарелочки» попали к принцу, не вызвав ни малейших подозрений. Можно, конечно, взять его на пушку, но «тарелочки» маловато для серьезных психологических игр. Будь у меня еще кое-что, чего пока нет, но создать его нетрудно...

И сделал хорошо просчитанную паузу. Он не импровизировал, заранее готовился к этому разговору, многое продумал и изучил...

Как он и ожидал, и Канцлер, и Марлок воскликнули одновременно:

— *Что?*

Яна промолчала, но с интересом подалась вперед.

— Смертная казнь, — спокойно ответил Сварог. — Я бы очень просил меня до поры до времени не перебивать... У меня многое продумано, так что я как следует поразмыслил... Сметная казнь, которую тысячу с лишним лет назад по благородству души отменил император Анишер Четвертый — что в последующие времена не раз придавало уверенности участникам нескольких заговоров, твердо знавших, что жизни они не лишатся при любом обороте дел. На собственном опыте убедился, пока сидел на земных престолах — смертная казнь не способна искоренить ни один вид преступлений полностью, но многих способна остановить вовремя — и ее наличие частенько облегчает допросы. Позвольте сначала пример из собственной практики? Мне, да и многим моим начальникам тайной и обычной полиции, хуже горькой редьки надоели так называемые «тарабарские принцы»... вы знаете, кто это такие? Отлично, обойдемся без лишних объяснений. Я созвал совещание, пригласил с дюжину вышеупомянутых лиц, мы все обговорили. В общем, я месяц назад подписал очередной указ... Татуировки «тарабарских принцев» и матерых бандитов рангом пониже известны превосходно, у полиции есть подробные справочники. Так вот, указ не особенно длинный. Каждый, у кого на теле будет обнаружена хотя бы одна такая татуировка, без суда и следствия подлежит смертной казни. Соответствующие изменения в Карный кодекс внесены. С дополнением: если тот, кого это касается, сдастся полиции и поклянется покончить с прошлым, ему делается еще одна татуировка, означающая, что отныне он чист перед законом, — Сварог жестко усмехнулся. — Правда, если такой все же попадется на нарушении клятвы, его ждет уже не петля, а нечто похуже... Полиции — и вообще любому, кто передаст в руки закона такого субъекта, — положено серьезное денежное вознаграждение. Первые итоги внушают оптимизм. Схвачено за этот месяц более сорока человек — примерно половину сцапала полиция, другую половину либо цинично сдали сообщники — награда достаточно заманчивая — либо просто случайные люди. Их вешают в людных местах, голыми — чтобы все знали, за что это тут человечка вывесили...

Еще одиннадцать сдались полиции. Трое сбежали на Сильвану — но об этом указе знают и там, а золото любят не меньше, чем на Таларе. По данным полиции, еще трое пытались татуировки как-то удалить, что не удалось. Учитывая, что подлежащих повешению субъектов на Таларе, по точным данным полиции, не более шестисот, результаты *обнадеживают*... Если и дальше будет продолжаться теми же темпами... К чему я веду? Я изучил архивные документы. Отмененный императором закон о смертной казни был отнюдь не людоедским и охватывал крайне узкий круг лиц. Касался лишь, я вам сейчас приведу точную формулировку, «совершеннолетних персон независимо от пола, каковые примут участие в заговоре с целью свержения либо убийства правящего монарха, либо его супруги, либо правящей монархини, либо принца трона». Распространялся этот закон и на принцев и принцесс крови либо короны... По-моему, ничего людоедского — а вот потенциальных заговорщиков в узде закон держал крепко. Сейчас принц — или принцесса — во что бы они ни оказались замешаны, прекрасно знают, что им не грозит ни замок Клай, ни тюрьма Лоре. Самое худшее, что их ждет, — пожизненная ссылка на Сильвану, в достаточно обширное поместье. А вот точное знание, что впереди может ожидать плаха, поневоле заставит на многое смотреть иначе. Если бы я явился к принцу, имея в кармане только что изданный императрицей указ о восстановлении смертной казни, мне было бы гораздо легче взять его на пушку... Гораздо легче...

— Юридические детали? — спросила Яна.

— С ними обстоит крайне просто, — ответил Сварог. — Указ был бы коротким, в две строчки: «Традиционное обращение к „сторонам света, четырем мирам“». Далее «Повелеваю исключить из Эдикта о прегрешениях и наказаниях статью седьмую». Подпись императора. Большая императорская печать. И все. Так что достаточно будет столь же короткого указа, повелевающего вернуть в Эдикт статью седьмую... Я говорил с Прокурором Высокой Короны, он подтвердил, что так и обстоит...

Он замолчал. Яна прервала его решительным жестом. Выпрямилась в кресле — лицо чуточку побледневшее и решительное, губы плотно сжаты, — потом сказала тоном, после какого коронованным особам перечат разве что добровольные самоубийцы:

— Милорды, попрошу вас несколько минут посидеть молча...

Протянула руку, пошевелила губами — и перед ней на темном полированном столе возник лист гербовой бумаги, сразу видно, того образца, что предназначен для императорских указов: вверху императорский герб в несколько красок со всеми полагающимися геральдическими красотами вроде намета и фигур — щитодержателей, кайма из затейливого золотого узора, таившего в себе какие-то секреты, своеобразные «водяные знаки», защищающие от подделки. Вынув из воздуха стилос, Яна на недолгое время задумалась, подняв глаза к потолку, потом не торопясь, аккуратно вывела пару строчек, поставила размашистую, вычурную подпись. Обвела присутствующих холодным взглядом *монархини*. Спросила бесстрастно:

— Канцлер, надеюсь, у вас нет возражений? Это указ о возвращении в Эдикт седьмой статьи.

— Ни малейших, ваше величество, — сказал Канцлер, явно понимавший, что никакие возражения сейчас не помогут. — С одной стороны, кто-то может

усмотреть в этом возвращение к старинном варварству, с другой — таковое мнение не будет иметь особого значения.

— Я бы уточнила — никакого значения! — поправила Яна. — Печать приложу немедленно, как только после совещания прилечу в Келл Инир. Лорд Сварог, вы получите копию первым.

— Давно пора, — недобро насупясь, бросил профессор Марлок. — А то распустились...

Яна нетерпеливо спросила:

— Есть еще какие-то деловые вопросы?

— Пожалуй, нет, — сказал Канцлер.

— Один-единственный все же найдется, — сказал Сварог. — Вы позволите, ваше величество?

— Конечно.

Сварог извлек из кармана тот самый мятый конверт, за последнее время ставший еще более мятым, перевернул вскрытой боковинкой вниз и вытряхнул на ладонь три золотых аурея. Аккуратно положил их на середину стола:

— Вот, извольте. Некоторые дополнения ко всему прозвучавшему.

— На вид выглядят самыми обыкновенными, — сказала Яна, много раз бывавшая на земле в самом разном облике и знакомая с тамошними деньгами. — Но тут, несомненно, есть какой-то подвох? Иначе бы вы их не доставали...

— Вот то-то и оно, — сказал Сварог. — Все очень просто. Содержание золота в аурее — семьдесят процентов. Остальное — серебро. Золото — металл мягкий, чем выше проба, тем быстрее стирается монета, если она не лежит в банке или в денежном ящике и тайниках, а ходит по рукам, обращается в торговле, в игорных делах... Самое занятное, что бумага из полиции Казначейства залежалась среди обычных сводок более месяца, но потом Интагар кое-что вспомнил и сопоставил. Золотая голова... Полиция Казначейства занимается неплательщиками налогов и незаконными прибылями во вторую очередь, а в первую — фальшивомонетчиками, наряду с обычной полицией. К ним обратился один купец из Фиарнолла и принес ауреи, показавшиеся ему какими-то подозрительными. Они слишком быстро приобретали потертый вид. Обычно аурей так быстро не стирается. Монеты, судя по дате, отчеканены в прошлом году — он глянул на собственный, отнюдь не медальный и не орлиный профиль, философски усмехнулся: а куда денешься, королям положено красоваться на монетах. — И, безусловно, не должны были столь быстро стереться, в конце концов, золотые монеты переходят из рук в руки гораздо реже серебра, бронзы и меди... Полиция заинтересовалась. На земле не могут пока давать результаты с точностью до долей процента, но все же химический анализ делают более-менее точно. Оказалось, что ауреи, как написано в докладе Пробирной палаты, «почти целиком» состоят из золота. В полиции Казначейства, понятное дело, были крайне удивлены: фальшивомонетчики всегда подмешивают к благородным металлам неблагородные — ни разу не случилось, чтобы они повышали пробу в своих с позволения сказать, изделиях. И тем не менее все так и обстояло. Что им оставалось делать? Написать доклад и начать поиски. Когда Интагар пришел ко мне, я распорядился взять у Бадеша несколько аурев из тех, что он получил из Зазеркалья, отвез их в восьмой департамент, там их проверили уже более точными методами. Так и есть. Содержание золо-

та — девяносто девять целых девяносто девять сотых. Совершенно ненужная в обиходе высокая проба. Это деньги Радианта. Что позволяет сделать некоторые выводы. Лишний раз подтверждается, что они не всемогущи, не вездесущи, не всезнающи, допускают самые нелепые ошибки. Кое-что не способны проработать детально. У них попросту нет на земле достаточно серьезной агентуры, знающей жизнь во всей полноте. Да и здесь... Канцлер, вы знаете пробы земных монет?

Канцлер пожал плечами:

— Как-то не видел в этом особенной нужды. Разумеется, есть узкие специалисты, которые знают...

— Вот видите, — сказал Сварог. — Коли уж они допускают такие ошибки, мы имеем дело не с дьяволом и не с какими-то сверхразумными созданиями, превосходящими нас. Они крайне близкие к нам по уровню интеллекта и возможностям. А значит, есть реальные шансы их перехитрить, победить, обыграть...

Он посмотрел на Марлока, ожидая каких-то продиктованных стремлением к въедливой точности замечаний. И не ошибся в предположениях, профессор сказал знакомым, самую чуточку сварливым тоном:

— Вероятнее всего, у них есть синтезаторы. Столь высокую химическую чистоту металла дают либо развитые технологии, либо синтезаторы.

— Ну, это уже детали, — сказал Сварог. — Опять-таки свидетельствующие не в пользу сверхмогущества и всезнания...

— Если рассуждать теоретически...

— Милорды... — мягко прервала Яна. — По-моему, все главное сказано. Не пора ли кончить совещание? И вновь его созвать, когда появятся какие-то практические результаты?

Возражений не последовало.

Глава VIII НОВОСТИ И РАЗГОВОРЫ

Казалось, будто и не было прошедших суток — они сидели в том же кабинете, на тех же местах, даже в той же одежде. Только на сей раз по кабинету прохаживался из конца в конец не Канцлер, а открывший заседание профессор Марлок. Выглядел он бодрым и веселым, а вот Канцлер, наоборот, был мрачен, что Сварогу крайне не понравилось. С таким лицом сообщают о чем-то скверном... Он подметил, что и Яна украдкой бросает на Канцлера быстрые пытливые взгляды и озабоченно хмурится.

— Результат был получен, когда пошла в ход комбинация под номером две тысячи восемьсот семьдесят пять, — говорил профессор, попыхивая трубочкой. — Итог интереснейший. На сей раз никакого огня. Возникла некая сфера, окруженная силовым полем диаметром примерно уардов в сто. Держалась она пять минут сорок секунд. А когда исчезла, оказалось, что внутри в это время сохранялось безвоздушное пространство, которое тут же заполнил окружающий воздух. Подобные силовые поля мы создавать умеем, они-то как раз загадки не представляют. Но непонятно пока, каким именно образом удалось без видимых эффектов уничтожить кислород внутри сферы. Впрочем, это второстепенный вопрос, будем работать...

— Кислород... — задумчиво протянул Канцлер. — Нужно признать, изящное решение...

Сварог его прекрасно понимал. Лар может дышать под водой — но не в безвоздушном пространстве. Пяти с лишним минут без кислорода хватило бы, чтобы погибли все до единого обитатели манора, от антланской прислуги до благородных ларов...

— Можно замечание с точки зрения контрразведки? — спросил он.

— Разумеется, — сказала Яна.

— Сразу же возникают кое-какие соображения, — начал Сварог. — С большой долей уверенности можно предполагать, что проекты покушений, переданные Орку «на экспертизу», — не дезинформации высокой марки, а часть реального плана. Все выглядит очень правдоподобно. Все должно произойти одновременно — на их месте я бы так и поступил. Покушения на императрицу, Канцлера, обоих принцев крови и меня. Интагар — а возможно, кто-то еще из моих ключевых фигур — гибнет в пламени. Восемнадцать принцев и принцесс попросту задыхаются. Поскольку для успеха нужно, чтобы все, кого нужно устранить, находились дома, вероятнее всего, акция должна проходить ночью.

— Не обязательно, — сказал Канцлер. — Большинство сценариев покушений как раз рассчитано на светлое время...

— Да, я как-то не подумал... — сказал Сварог. — Ну, возможно, акция рассчитана на два этапа. Или они придумали какой-то ход, в результате которого все потенциальные жертвы — или подавляющее большинство — будут сидеть по домам. Совершенно не представляю, что бы это могло быть, но придумать можно много. И все же это детали. Знаете, что самое примечательное? Заговор, если все пройдет гладко, может никак не проявлять себя внешне. Все может выглядеть так, словно никакого заговора и не было. То есть, открыто он не даст о себе знать, пусть даже некоторые сразу начнут подозревать, что дело нечисто. Как все будет выглядеть для непосвященных? Последовала череда

очень странных смертей, императорская фамилия буквально выкошена. Но заговорщикам нет нужды предпринимать какие-то силовые акции, что-то захватывать, кого-то арестовывать. Принц Агеляр автоматически становится императором, потому что больше просто некому. Он — единственный из живущих член императорской фамилии... Отсюда следует, что круг заговорщиков может быть и не особенно широким. Власть им в руки должна упасть сама...

— Все это интересно, — сказал Канцлер. — И выглядит очень убедительно. И все же не об этом следует сейчас говорить... Есть вещи важнее. — Он помолчал, уставясь в столешницу, потом резким движением поднял голову. — Ваше величество, милорды... Уже можно говорить, что «Невод-2» провалился полностью. К сожалению, именно так и обстоит. Мы пустили в ход всю аппаратуру, какой только располагаем, пытались действовать с разных орбит, даже опускали орбиталы и другую технику до полулиги. Результат один: помехи и сбои довольно скоро слились в сплошную завесу, примерно так, как в свое время обстояло с Горротом. Полуночная часть королевства Даркаш остается недоступной для наблюдения, локализовать Радиант мы не можем. Правда, никто не пытался наши орбиталы сбивать или перехватывать управление, но от этого не легче. Мы слепы, как новорожденные щенки. Боюсь, мы достигли той самой критической точки, когда вопрос ставится ребром: «Или они, или Империя». А потому я на свой страх и риск — точнее, пользуясь доверенными мне полномочиями — уже начал формировать две ударных флотилии. «Белый шквал», «Пляска пламени», «Глаз Балора», «Протуберанец» и, для пущей надежности, «Синий гром». По-моему, лучше переборщить, чем оказаться слабыми. Для удара по Нериаде мне понадобится ваша санкция, ваше величество. Решение нужно принимать незамедлительно, мы не знаем, сколько у нас времени в запасе. Возможно, меньше, чем мы рассчитывали. После «Невода-2» они, несомненно, поняли, что мы ими заинтересовались всерьез, что нам что-то о них известно. И могут начать раньше, чем планировали — тем более что планы, точнее, та их часть, о которой мы знаем, а может быть и другие, могут осуществиться хоть завтра, хоть сегодня. «Тарелочки» на месте, убийцы тоже могут быть в готовности. Времени нет. Чтобы полностью сформировать флотилии и вывести их к Нериаде, потребуется не более двух часов. Флотилия выйдет на достаточно высокую орбиту, в точку, где окажется вне зоны действия излучения Радианта. Вряд ли они будут в состоянии создать помехи по всем пяти видам оружия. — Его лицо прямо-таки исказила злая гримаса. — А если смогут, придется пустить в ход с орбиты над Таларом «Безмолвную грозу» — от нее нет защиты теоретически. Правда, в этом случае Нериада разлетится на тучу мелких обломков, а потому нужно в течение этих двух часов продумать план их полного уничтожения, пока не превратились в метеоритные рои, но над этим уже работают. Все упирается в вашу санкцию, ваше величество...

— Следовало бы выслушать мнение и других, — сказала Яна с непреклонным видом. — Милорды? Профессор?

Марлок сделал такое движение, словно хотел пожать плечами, но в последний момент передумал.

— Конечно, лучше бы захватить пленных и трофеи, — сказал он с тем самым яростным огнем заядлого экспериментатора в глазах. — Бесценные ре-

зультаты для науки... Но, с другой стороны, если нет другого выхода, кроме удара флотилии, Канцлер прав, не стоит рисковать и тянуть...

Яна так же спокойно и непререкаемо сказала:

— Тысяча извинений, Канцлер, вы отличный государственный деятель... но, все же, невоенный. А лорд Сварог до того, как попасть к нам, всю сознательную жизнь был военным...

Канцлер ответил бесстрастно, без тени сарказма:

— В несколько иных условиях, я бы так выразился...

— А вот это как раз особого значения не имеет, — сказал Сварог. — У меня было время присмотреться, сравнить, даже чуточку повоевать. *Орудия войны* в разных мирах отличаются, а вот некоторые законы войны, стратегия и тактика остаются теми же. Я уже говорил: даже уничтожив Нериаду, мы, вполне возможно, этим не уничтожим их *тропы* в Зазеркалье, и они могут вновь нагрянуть, уже с чем-то новым. Но не том речь... Один книжник в моем прежнем мире написал как-то: «Господь помогает не большим полкам, а тем, кто лучше стреляет». Это далеко не для всех военных ситуаций справедливо, но иногда — очень даже соответствует истине... В чем я с вами совершенно согласен, Канцлер, так это в том, что нам нельзя ввязываться с ними в затяжную войну в ситуации, когда мы знаем о них гораздо меньше, чем они о нас. Просто необходим блицкриг...

— Простите? — поднял бровь Канцлер.

Сварог спохватился, что последнее слово произнес по-русски. Точнее, по-немецки.

— Есть такой термин, — сказал он. — Молниеносная война. Внезапный мощный удар, чтобы покончить с противником или по крайней мере нанести ему непоправимое поражение, после которого он уже не оправится. Собственно, именно это вы и предлагаете — но я бы предпочел совершить это *иными* средствами... — он подыскал подходящие слова. — Ее величество совершенно права: я всю сознательную жизнь был военным... только с довольно специфическим опытом. Служил в частях, которые можно уподобить здешним «волчьим сотням». Вы знаете, что это такое?

— Конечно, — сказал Канцлер. — Уж такие-то вещи я знаю.

— Отлично, — сказал Сварог. — Ничего не придется объяснять. Как показывает мой опыт, частенько удар малой группы оказывается эффективнее, чем атака кавалерийского полка... Вот это я и хочу предложить. Это не импровизация — у меня уже готов подробный план, хотя и не все доработано до конца. О том, что «Невод-2» практически провалился, я узнал за шесть часов до того, как сюда вылететь...

— Ну да, разумеется... — поджал губы Канцлер. — Канилла Дегро? Больше и некому...

— Она, — сказал Сварог. — Никаких нарушений тут нет. Она остается сотрудником девятого стола, прикомандированным к проводившей «Невод-2» группе, и никто ей не запрещал докладывать начальству о результатах. Как только она поняла, что, по ее глубокому убеждению, операция провалена...

— Ну ладно, ладно! — с досадой прервал его Канцлер. — Я не собираюсь во всем этом копать. Доложила и доложила, режим общей секретности это никак не нарушило... И что у вас за план?

— Блицкриг, но малыми силами, — сказал Сварог. — Я и далее буду упо-

треблять это слово, вы ничего не имеете против? Так мне как-то привычнее, а запомнить термин легко... (Ну вот, мимолетно подумал он, обогащая здешнюю военную науку новым термином. Знай фон Шлиффен, он бы порадовался...) Давайте для начала рассмотрим наше положение. Оно не такое уж скверное. Переворот у них не получится. Остальные семнадцать «тарелочек» мои люди тихонечко изъяли у принцев и принцесс крови, подменив безобидными имитациями. Все, кого они наметили в качестве мишеней, надежно охраняются... — он усмехнулся. — Ну, разве что кроме меня, мне частенько приходится немного рисковать, но я обычно рискую в местах, которые их планами не предусматривались. Вряд ли у них есть запасной план, столь же тщательно проработанный. Иногда, когда дела идут очень уж гладко, люди преисполняются некоторого самодовольства, успокаиваются, о запасных планах уже не думают. А само существование Иляны доказывает, что мы имеем дело именно с людьми. На этом сошлись эксперты, изучившие все записи, сделанные в мааноре у Орка... Впрочем, вы все это не хуже меня знаете. Далее. Даже если мне удастся расколоть принца Агелюра — а у меня есть некоторые основания думать, что получится, — сомневаюсь, чтобы мы продвинулись далеко вперед. Я уверен, что он предназначен на роль живого знамени, и не более того. Конечно, он просто обязан знать какую-то крупную рыбу, но она может оказаться персоной, которую мы не сможем изъять из обращения тут же — скажем, ее пропажа с глаз сама по себе будет сигналом тревоги... В общем, остается блицкриг.

— Согласен, согласен... — нетерпеливо сказал Канцлер. — Давайте детали.

— Излагаю, — кивнул Сварог. — Только я бы очень просил сначала выслушать меня до конца, а уж потом высказывать свои соображения и критику... Итак. Мы немедленно начинаем возводить во всех столицах шести нериадских королевств резиденции имперских Наместников. Я справлялся, это займет не более суток. Что может быть естественнее желания восстановить прежний контроль над вассалами? Шестьсот лет назад это прошло гладко, хотя они, есть сильные подозрения, уже тогда обосновались на Нериаде, вообще, у меня есть подозрения, что они это сделали очень давно, и тамошние жители стали «куклами» в первые десятилетия после шторма, я хорошо помню материалы. Но тогда они не могли строить планов борьбы с Империей — скажем, не имели достаточно сил, не сразу достигли нынешнего уровня развития техники. Ну, не буду отвлекаться... Короче говоря, строительство резиденций отнимет не более суток. После чего в каждую прибывает наместник с полным штатом персонала. Пять — чисто отвлекающий маневр, в столицу Даркаша — не помню, как она зовется, да это сейчас и неважно, — в роли наместника полечу я. Естественно, багаж наместника проверять никто не станет, я возьму с собой кое-какую аппаратуру, которую, когда она отключена, не обнаружат никакими детекторами.

И парочку людей, способных с ней хватко управляться. Остальные — боевики. На всякий случай. Правда, эта аппаратура будет предназначена для решения второстепенных задач. *Главный* поиск я проведу своими силами.

— Интересно, какими это? — спросил Канцлер. — Нет гарантии, что аппаратура будет там работать, — в его глазах мелькнуло нечто напоминающее озарение. — Или вы намерены...

— Да, — сказал Сварог, ждавший этого вопроса и отлично к нему подгото-

вившийся. — Я собираюсь использовать кое-какие хелльстадские хитрости...

Он опустил руку в карман, достал Золотого Шмеля и аккуратно поставил его на стол. Не теряя времени, мысленно отдал нужные приказы. Даже в столь непростой и, что уж там, тяжелой ситуации можно себе позволить шутку — если она длится пару секунд, не более... Шмель заложил крутой вираж в сторону Канцлера и тот машинально отшатнулся, совсем, самую чуточку, но все-таки... За что ему, по лицу видно, тут же стало стыдно.

Шмель взмыл к потолку и принялся описывать идеальные с точки зрения геометрии круги вокруг люстры. Марлок следил за ним жаждающе-хищным взором экспериментатора. Ну уж нет, подумал Сварог, штуковину я вам не отдам, профессор, потому что у вас нет другой цели, кроме как потешить ученое любопытство... Только Яна осталась совершенно спокойной — она в Хелльстаде навидалась не только Шмелей, но и Филинов с Драконами.

Шмель неторопливо нарезал круги вокруг затейливой люстры из синего хрусталя. Марлок провожал его взглядом опытного зенитчика. Канцлер осведомился уже с непритворным спокойствием:

— И что это за штуковина?

— Нечто вроде орбитала-наблюдателя, — сказал Сварог. — Разве что действует с малых высот и захватывает гораздо меньший участок. Но это компенсируется многочисленностью. Я возьму их туда сотни две и в первую же ночь выпущу на разведку — сначала пару-тройку, а потом, если все пройдет гладко, всю стаю. Судя по прежнему опыту, они управятся задолго до рассвета — им предстоит обследовать не такой уж и большой район... правда, вдобавок еще и столицу — коли уж она размещаете в том месте, которое от нас скрыли помехами, что-то это да значит...

Канцлер спросил:

— «Прежний опыт» — это не Горрот ли?

— Он самый, — сказал Сварог. — Я не стал включать в отчет кое-какие подробности, вы сами согласились, что они не имеют большого значения... Именно эти крохи провели там разведку, нашли Горное Гнездо... причем шайка Брашера так и не смогла их засечь. Потому что они другие. Они сделаны в мире, где апейрона нет и никогда не было, и потому любая здешняя аппаратура на них попросту не реагирует. В точности так, как и на изготовленные до Шторма предметы — я плавал в Горрот на «Рагнароке» и вернулся незамеченным, потом взял с собой доштормовые пистолеты, аппаратура Брашера не отреагировала и на них, точнее зафиксировала их наличие, но посчитала обычными бластерами, которые в условиях Горрота должны были стать бесполезными кусками железа... Это-то и позволяет надеяться, что Шмели останутся незамеченными и в Нериаде. Нериада, в конце концов, мир апейрона... Если так и случится, я буду еще до рассвета знать, где находится Радиант, и примерно смогу указать, что он собой представляет и каковы его возможности. А дальше... Я не намерен геройствовать в одиночку — не тот случай. Дам сигнал флотилии... или спецназу. Я бы вам посоветовал, Канцлер, перебросить поближе к Нериаде не только ударную флотилию, но и большой отряд спецназа. Если окажется, что мы способны драться с ними на равных, лучше не крушить там все вдребезги и пополам, а послать спецназ. Пленные, трофеи — нам это чертовски пригодится... (Марлок машинально закивал с тем же огнем в глазах, пылавшим страстью к познанию.)

Вот, собственно, и все. Детали можно проработать уже совместно. Вот теперь я с радостью выслушаю ваши соображения и критику, если таковая отыщется...

Канцлер не раздумывал долго. Взглянул на позабытого Шмеля — не получая новых приказов, тот по-прежнему кружил вокруг люстры — протянул:

— Я бы не сказал, что ваш план мне не нравится. Выглядит он вполне реалистичным. В самом деле, то, что сработало в Горроте, может сработать и на Нериаде. Вот только есть одно-единственное, но крайне важное уязвимое место. Вы, я думаю, сами понимаете, где оно?

— Ну, разумеется, — сказал Сварог. — Я долго все обдумывал, взвесил варианты и шансы... Эти, из Радианта, могут все же засечь моих Шмелей, а то и забить им помехами обзор, как они это проделали с орбиталами. Я уже говорил, что не намерен геройствовать в одиночку. При таком обороте дел я немедленно даю сигнал флотилии. Эвакуировать на орбиту всех наших из шести резиденций можно быстро, если заранее все обдумать. Если не останется другого выхода, пусть флотилия нанесет удар...

— А вы не думали, что при таком обороте дел можете попасть в плен сами?

— Думал, — сказал Сварог. — Но тут уж приходится рисковать. Никак не похоже, чтобы их техника так уж значительно превосходила нашу. Пока что нет никаких оснований такое предполагать. Даже на Таларе, где резиденциям никто и ничто не угрожает, они надежно защищены силовыми полями и кое-чем еще. Ну, а на Нериаде можно пустить в ход все средства защиты, которыми мы только располагаем. Вряд ли это вызовет у противника подозрения. Конечно, они могут заподозрить неладное, когда после перерыва в несколько столетий вдруг объявились вновь Имперские посланники, но вряд ли тут же начнут штурмовать резиденции — чересчур уж глупый ход. Не похоже, чтобы их логика так уж значительно отличалась от нашей. Должны понимать, что любая атака не просто вызовет подозрения уже у нас, а повлечет за собой ответный удар. Любой на их месте, и я тоже, сначала постарался бы установить наблюдение с применением всех средств, какие только имеются в распоряжении. Тщательно исследовать, за каким чертом мы нагрянули и что держим за пазухой. Такое наблюдение требует времени, а времени мы им как раз и не дадим. Это должен быть блицкриг. На поиск мне хватит ночи. Если Шмели засветятся, придется действовать немедленно. Если нет... Я бы попросил еще день-другой на разведку уже собственными силами. Оглядеться немного в столице, присмотреться к тамошней жизни, ко дворцу короля, которому предстоит представиться всем правилам, в соответствии с церемониалом. Вдруг да обнаружим что-то интересное и за пределами Радианта, в столице? Что, если они не сидят затворникам в Радианте, а как-то действуют в столице? У меня неплохо получается выявлять и определять, кто есть кто и что есть что. Это не только присущие ларам умения, но и кое-какая выучка на земле у специалистов вроде Грельфи — в Токеранге кое-что из ее знаний мне оказало неоценимую услугу. А впрочем... Я намерен, если позволите, взять с собой кого-то из боевых монахов, лучше всего из Братства святого Роха: там чуточку лучше других умеют выявлять и давать оценку выявленному. Что еще? Нам благоприятствует еще и то, что язык и письменность на Нериаде остались неизменными, как и на Таларе после Шторма. В общем, мне представляется, что шансы на успех не так уж и малы. У меня все.

Он сел, вытащил сигареты, но сначала налил себе сока, в глотке чуточку пересохло. Нельзя сказать, что он не волновался вообще — если Канцлер заупрямится, предстоит долгая словесная баталия. Вся надежда на Яну...

Канцлер и на сей раз не стал предаваться долгим раздумьям — острого ума человек... Он сказал с расстановкой:

— В принципе... Серьезных возражений по существу дела у меня нет. В конце концов, нас еще не приперли к стене, несколько дней мы можем себе позволить. Нам действительно не помешали бы пленные и трофеи. Ох, не помешали бы... Я готов поддержать план лорда Сварога. При одном-единственном условии: если лорд Сварог будет вести себя так, как только что нам изложил, никакой лишней импровизации и ненужной отсебятины. Никаких геройств в *прежнем* стиле — не та ситуация...

— Я это прекрасно понимаю, Канцлер, — облегченно вздохнув про себя, сказал Сварог. — Слово чести, никаких геройств в одиночку. Риск в пределах разумного. Ваше величество... — он вопросительно глянул на Яну.

Яна медленно произнесла:

— Мне нужно немного подумать, милорды. В одиночестве. Канцлер, у вас найдется комната, где я могла бы спокойно подумать?

— Разумеется, ваше величество, — Канцлер поспешно встал. — Я вас провожу...

Когда за ними захлопнулась дверь, Сварог посмотрел на люстру и поднял руку ладонью вверх. Шмель моментально спикировал на ладонь, сложил на спине золотисто-прозрачные крылышки, замер. Сварог хозяйственно спрятал его в карман. Перехватил взгляд Марлока, напоминавшего сейчас ребенка, у которого отняли игрушку, усмехнулся:

— Не переживайте, профессор. Может быть, одного я вам потом и подарю. Мне самому интересно знать, что они этакое...

И тут же подумал, что никогда этого не сделает. Золотой Шмель, по сути, обычный инструмент, их в Хелльстаде многие сотни — и все равно, отчего-то неприятно думать, что один из принесших уже немалую пользу золотых красавцев попадет на лабораторный стол, в загребущие лапы экспериментаторов, одержимых лишь жаждой познания — а эта жажда, если разобраться, частенько никакой пользы и не приносит, познание ради познания, по его глубокому убеждению, чересчур уж напоминает рукоблудие. Ну, узнает он в точности, что собой представляет Золотой Шмель, — что это изменит в окружающем мире, в мыслях, расчетах и делах? Ровным счетом ничего...

Вернулся Канцлер, сел на свое место, задумчиво уставился на Сварога. Сварог торопливо сказал:

— Канцлер, я не хотел бы, чтобы в наших отношениях возникла хотя бы тень напряженности... Слово чести, мы с императрицей ничего заранее не обговаривали, она сама обо всем узнала только сейчас...

— Верю, — хмуро сказал Канцлер. — Распиши вы сценарий заранее, она не стала бы доводить игру до абсурда и уходить, чтобы поразмыслить в одиночестве...

— Значит, одному моему слову вы не верите? — с натянутой улыбкой спросил Сварог.

— Да верю, верю, не напрягайтесь вы так... — проворчал Канцлер. — Просто привык учитывать все, натура такая... Если что-то пойдет не так, нам придет-

ся уговаривать ее вдвоем. Есть много толкового в этом вашем блицкриге... Я правильно все запомнил?

— Именно так, — сказал Сварог. — Блицкриг... Не самым бездарным военачальником в свое время придумано...

Яна вернулась быстрее, чем он предполагал, через каких-то пару минут. С порога обвела их серьезным взглядом и сказала почти спокойно:

— Я решила одобрить план лорда Сварога. Проработайте все необходимые детали...

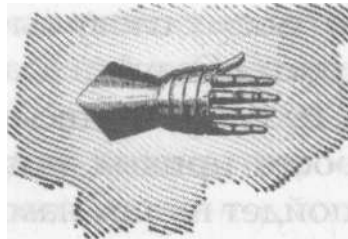
У Сварога гора свалилась с плеч — хорошо, что не пришлось уговаривать еще и ее... Он сказал:

— Думается мне, обсуждение деталей можно отложить на пару часов, время терпит. Мне сначала хотелось бы побеседовать по душам с его императорским высочеством, принцем крови Агиляром. Самое время. Вдруг найдутся какие-нибудь крохи полезной информации, которые помогут при окончательной разработке плана...

Судя по недоброй усмешке Яны, она не питала и тени дружеского расположения к дальнему родственнику — все верно, с чего в такой ситуации взяться расположению и жалости? Сказала с той же улыбкой:

— Только не бейте его слишком сильно, лорд Сварог...

— Ну что вы, ваше величество, — сказал Сварог весело. — Я же не зверь. И прекрасно помню этикет, как-никак — его императорское высочество... — И добавил уже без улыбки: — А впрочем, битье по физиономии — грубая работа. Мои сыщики потолковее предпочитают обходиться без этого, а я у них много полезного перенял...

Глава IX БЛИЦКРИГ: ПРЕЛЮДИЯ, ОНА ЖЕ УВЕРТЮРА

Со стороны все выглядело буднично и безобидно: вимана, окрашенная в фамильные цвета Гэйров (или, исторической точности ради, Гайров), плавно и мягко опустилась на обширную зеленую лужайку перед замком — конечно, он был больше и роскошнее, чем обычные маноры, как-никак принадлежал принцу крови. В окно Сварог видел: к вимане уже спешит осанистый дворецкий, как все они здесь, чем-то неуловимо похожий на прочих — прекрасно вышколен, разумеется, ухитряется и не поспешать, но в то же время идти быстрее обычного. И никаких дружинников с огненными клинками: принцы крови стоят гораздо выше обычных ларов, но, в отличие от ларов, держать свою дружину принцам и принцессам не дозволено с незапамятных времен — кто-то из первых императоров был человеком предусмотрительным и о многом позаботился, в отношении как ларов, так и лиц императорской фамилии...

Пора. Он поправил на поясе церемониальный меч, означавший, что прибыл по служебным делам, взял небольшой светло-коричневый портфель с тисненой золотом эмблемой девятого стола и спустился на первый этаж. Не моргнув глазом, прошел мимо спецназовцев в полной боевой выкладке, занявших позиции по обе стороны двери так, чтобы снаружи их никто не увидел. Открыл дверь, спустился по трем ступенькам. Чуть кивнул в ответ на витиеватое церемониальное приветствие дворецкого и с удовлетворением выслушал известие, что его императорское высочество готовы принять господина камергера.

Именно так, камергера, подумал он, шагая к замку чуть позади дворецкого. «Генералом» он меня именовать не стал — интересно, означает ли это, что принц не питает ровным счетом никаких подозрений касательно его внезапной просьбы об аудиенции и ничуть не встревожен? А почему бы и нет? Жаль, что умение моментально отличать правду от лжи не работает, когда беседуют друг с другом заоблачные жители...

Принц простер гостеприимство настолько, что встретил Сварога в роскошном вестибюле — а мог бы, согласно статусу, дожидаться в кабинете, этикет позволяет. Остался, разумеется, на месте, и Сварог, подумав: «Мы люди не гордые опять же, вспомнить Магомета и гору...» — сам к нему подошел, вторым, как и полагалось, протянул руку. Рукопожатие у принца было крепким, в отличие от вялой расслабленности парочки других, с которыми Сварогу довелось встречаться на приемах. И он нисколько не выглядел встревоженным — улыбка, как и следовало ожидать, лишена и тени подлинных чувств, отработанная, светская. Судя по взгляду, *отметил* наличие церемониального меча, а не знать, что это означает, просто не мог — но ни в лице, ни в глазах ничего не изменилось.

Согласно этикету, Сварог вручил меч дворецкому, торжественно, на вытянутых руках понесшему его к особой вешалке в углу, сейчас пустовавшей. Впрочем, ручаться можно, она пустовала и раньше — ни у кого попросту не находилось причин являться к принцу по каким-то *служебным* делам. Ну что же, будет почин...

Судя по размерам кабинета, куда его принц привел, — относительно небольшой кабинет был *малым*. Ну, опять-таки ничего против этикета...

Сварог дождался, когда усядется принц, занял место по другую сторону сто-

ла — столешница являет собою плиту из дымчатого горного хрусталя, ножки наверняка не позолоченные, а золотые. Вся прочая обстановка соответствует: предводитель команчей жил в пошлой роскоши... Поскольку это *малый* кабинет, личного компьютера не видно (хотя ничто мешает установить его и здесь) — ну что же, так гораздо лучше, к большой выгоде для Сварога...

Принц откровенно его рассматривал — в отношении дамы такой взгляд считался бы нахальным, ну, а на мужика может пялиться до посинения, благо, по точной информации, порочной склонности к своему полу не испытывает ни малейшей, мы люди простые и денег за погляд не берем...

— Вино, кофе? — как и полагалось по этикету, предложил принц.

— Нет, благодарю вас, ваше высочество, — сказал Сварог.

— В таком случае, курите, — принц кивнул на массивную хрустальную пепельницу, украшенную эхолотом, где уже лежала пара окурков — ну да, агенты так и докладывали, золотистая тончайшая бумага, черный табак, один из лучших силванских сортов, по причине относительной редкости попадает только к членам императорской фамилии, ну, и к Сварогу через Яну...

— Может быть, вы позволите вас угостить... — принц выжидательно положил сильную ладонь с одним-единственным рубиновым перстнем на указательном пальце на золотую шкатулку, судя по размерам, сигаретницу.

— Благодарю вас, ваше высочество, но я привык к своим, — сказал Сварог, извлекая свой портсигар без кавычек.

Мало ли что этот титулованный сукин кот мог туда подмешать. Сварог давно убедился, что понятие «безвредный вред» — крайне растяжимое. Мог *зарядить* все до одной сигареты, старый фокус, сам, между прочим, не закурил, хотя, по тем же донесениям, смолит нещадно, не хуже Сварога. Так что будем соблюдать разумную осторожность по максимуму, в нынешней ситуации это необходимо...

Принц сказал непринужденно, в лучших традициях пустой светской болтовни:

— Любопытство — не обязательно женская черта характера, мужчинам она тоже свойственна, если соблюдать меру. Вы меня очень заинтриговали, камергер, — тем, что заявили со *служебным* визитом. Последний раз такое случалось... не скажу даже точно, очень много лет назад, когда Главный Герольд явился сообщить, что батюшка, посчитав свой возраст преклонным, решил передать титул мне. К тому же, со служебным визитом вдруг прилетает не кто-нибудь, а легендарный лорд Сварог...

— Вы излишне добры ко мне, ваше высочество, — сказал Сварог. — Сам я никогда не стал бы употреблять в отношении себя совершенно незаслуженный эпитет «легендарный».

— Ваша скромность делает вам честь.

— Благодарю вас, ваше высочество.

Ни малейшего раздражения затянувшейся светской прелюдией Сварог не испытывал — времени у него хватало.

— Чувствуйте себя свободно, — сказал принц.

— Благодарю вас, — склонил голову Сварог.

Эта реплика означала, что более не требуется, как предписывает этикет, добавлять к каждой фразе «ваше высочество». Ну что же, подумал Сварог не без веселости, свободно так свободно...

И небрежно коснулся мимоходом синего самоцвета в браслете на правой руке, по собственному разумению выбирая степень свободы.

Никакого ответа, конечно, не последовало, но он знал, что сейчас его люди, держа оружие наизготовку, *рванули* ко дворцу молниеносным отточенным броском. А все, кто был здесь его агентами, за исключением женщин, приготовились к неожиданностям. Не пройдет и минуты, как дворец будет занят по всем правилам спецназа, всех, кто не агент, возьмут под бдительный присмотр, всякую связь с внешним миром заблокируют кому бы то ни было, проделано все будет четко и бесшумно, так что принц ничегошеньки не заподозрит до того, как придет пора играть с открытыми картами словно при последней раздаче в «трех семерках». Для окружающего мира все останется тайной. Чтобы исключить любые случайности, Сварог выбрал время, когда манор заслонен от Радианта Таларом...

Он не расслаблялся ни на миг: берегите пенсне, Киса, сейчас начнется... Загнанный в угол человек способен на самые неожиданные поступки, в особенности тот, кто всю сознательную жизнь прожил в уверенности, что стоит выше законов и самым страшным наказанием в случае чего будет пожизненная ссылка в роскошное сивланское поместье. Просмотрев ради любопытства кое-какие донесения, Сварог узнал: чертов любитель бабочек, конечно, удручен своим положением, но головой о стены не бьется, по ночам не рыдает в подушку и о самоубийстве не думает — многие радости жизни остались ему доступны, пусть и на ограниченном пространстве.

А значит... В хрустальной столешнице нет ящичков. Шкатулка с сигаретами (а есть ли там сигареты) чересчур мала для того, чтобы держать в ней оружие... но оно может оказаться миниатюрным. Либо лежит у принца в кармане. Некоторые виды лучевого оружия для лара столь же смертельны, как для обычного человека: непрерывный луч, идущий от дула к цели, играет ту же роль, что копье, меч в чьей-то руке или та гирька на веревочке, которой Сварог оглушил тогда Брашера (она и сейчас, между нами, таилась в правом рукаве мундира, надежно удерживаемая пружинной застежкой).

С другой стороны... Как раз такой человек, уверенный в своей безопасности, может и не держать при себе оружия. Ну, что же, не стоит ломать голову, нужно просто-напросто быть настороже, мне рановато умирать, сколько еще не завершено, вообще не сделано...

Походило, что принц несколько удивлен затянувшимся молчанием. В конце концов он заговорил первым:

— Господин камергер...

Вот она, зацепочка! Сварог, наплевав на этикет, бесцеремонно прервал собеседника:

— Простите, но сейчас я не камергер. Как видите, на мне мундир не камергера, а девятого стола. В этой роли я и выступаю. Думаю, уместнее было бы обращение «господин директор» или «господин генерал»... Впрочем, можно и без «господина», ни к чему лишние церемонии. В качестве директора я и прилетел вас допросить... как участника заговора, имеющего целью убийство правящего монарха. Не свержение, а именно убийство. Все в полном соответствии с седьмой статьей Эдикта о преступлениях и наказаниях.

Понеслось, сказал он себе. Если этот субъект глупее, чем я думал, — начнет чваниться, пыжиться, орать, упирая на свое положение и проистекающие из

этого немалые привилегии. Если он умнее, чем я думал, — останется более-менее невозмутимым и начнет отбиваться, как опытный земной бретер. Ну-ка...

Нельзя сказать, чтобы принц особенно уж изменился в лице, но что-то такое в глазах мелькнуло, то ли недоумение, то ли тревога, то ли все вместе. Он сказал ровным голосом:

— Вы меня озадачили... директор. На сумасшедшего вы не похожи, а шутить так не стали бы. Извольте объясниться.

Второй вариант, констатировал Сварог. Может быть, так даже лучше: порой умного человека гораздо легче колоть, чем чванного глупца, та же история, что с купцами, умеющими в хорошем темпе просчитать грозящие убытки или выгоды...

— По-моему, я выразился достаточно ясно, — сказал Сварог. — Могу, конечно, повторить слово в слово, но вы, по-моему, прекрасно все слышали.

— Седьмая статья Эдикта отменена еще во времена моего деда... — произнес принц почти бесстрастно.

Отлично, подумал Сварог. Он начал разведку боем. И улыбнулся, хотелось верить, обаятельнейшим образом:

— Вы знакомы с юриспруденцией, принц? Любой монарх имеет полное право отменять указы кого-то из предшественников... кроме нескольких статей Эдикта о вольности, в просторечии, среди законников, именуемых «нерушимыми». Императрица вернула седьмую статью в Эдикт...

— Мне об этом ничего не известно, — сказал принц все так же бесстрастно.

— Вы просто, как многие, поленились посмотреть почту, — сказал Сварог. — Прикажете принести из большого кабинета личный компьютер, там, как полагается, уже должно быть сообщение. Такие известия в первую очередь рассылают членам императорской фамилии и некоторым сановникам и должностным лицам...

Справа, у кромки, стояли аккуратной шеренгой шесть золотых статуэток высотой в пол-локтя — рыцари в доспехах, в разных позах, кто атакует, кто обороняется, кто просто стоит, положив обе руки на эфес меча. Не меняясь в лице, принц плавным движением протянул руку и коснулся шлема второго от себя рыцаря.

Дверь распахнулась буквально через несколько секунд — вот только вместо осанистого дворецкого объявился спецназовец в своих марсианских доспехах, остановился у входа, держа лучемет немалых размеров дулом вверх. Его лица Сварог, конечно, не видел за опущенным дымчатым забралом.

— Уж не посетуйте... — сказал Сварог. — Мои люди заняли замок. Этот человек назначен исполнять роль дворецкого, если вам что-нибудь понадобится. Вы позволите ему принести компьютер из главного кабинета? Заверяю вас, человек надежный и дисциплинированный, какую-нибудь ценную безделушку ни за что в карман не смахнет, да и нет у него карманов...

— Сделайте одолжение, — тихо сказал принц.

Сварог кивнул, и спецназовец словно испарился, оставив дверь открытой. Принц открыл шкапулку — Сварог на мгновение напрягся — но там, отсюда видно, лежали только сигареты. Какое-то время стояло молчание. Сварогу вдруг с поразительной четкостью представилось, что это уже случилось однажды в его жизни. Однако он моментально нашел ответ, лишенный всякой мистики или неясностей: просто-напросто по ассоциации вспомнил, как вошел в

кабинет безвременно ушедшего снольдерского Короля и увидел девственно чистый пол. Абсолютно чистый. У принца, по крайней мере, стоит пепельница, сигаретницы и эти рыцари...

Посланный вернулся быстро, поставил перед принцем небольшой плоский компьютер, отдал честь и вышел, притворив за собой дверь. Принц зажег клавиатуру. Сварог, конечно, не видел, что появилось на экране, но это никакого значения не имело.

У принца невольно вырвалось:

— Но закон не... — и он, спохватившись, замолчал.

— Не имеет обратной силы, — понятливо подхватил Сварог. — Нюанс в следующем... Сообщение к вам поступило четырнадцать минут назад, а следствие по вашему делу еще не открыто... Какая тут обратная сила...

Принц с застывшим лицом произнес:

— Императорские указы приобретают силу не раньше, чем бывают оглашены перед Палатой Пэров и Тайным... — вновь спохватился и вновь замолчал.

Сварог откровенно улыбался:

— Запамятовали, конечно... Давно уже нет ни Палаты Пэров, ни Тайного Совета. Есть только временный Избранный Совет, выполняющий некоторые их функции. Указ именно что *оглашен* перед ним четырнадцать минут назад. Следовательно, вступил в силу. Вы наверняка прочитали только одно сообщение, а там есть и второе...

Второе принц прочитал быстро. Очень уж примечательное, интересное стало у него лицо. Лицо пешехода, перебежавшего улицу на красный свет — а там, на другой стороне, его встретили милиционеры и растолковали — пока он скакал зайцем, уворачиваясь от машин, законы поменялись, и теперь за переход улицы в неположенном месте полагается десять лет тюрьмы, вот и газета, где напечатан полный текст нового закона, вступившего в силу после публикации...

Принц попытался улыбнуться, и это у него получилось. Почти.

— Вы сказали, что следствие еще не открыто...

— Так и обстоит, — кивнул Сварог. — Так что вы можете встать во весь рост, величественно простерши руку, указывая мне на дверь, и велеть мне убраться. Я как человек законопослушный вынужден буду забрать своих людей и улететь. Прекрасно помню, что и по возвращении седьмой статьи для открытия следствия против принца крови необходимо согласие императрицы — письменное, с подписью и приложением печати, причем достаточно и Малой. И что же? Заверяю вас, я вернусь менее чем через час со всеми нужными бумагами. Это время вы никак не сможете использовать к своей выгоде: всякие попытки связаться с сообщниками будут засечены соответствующими службами, а если вы решите полететь к ним сами, за вами будут следить, едва вы покинете манор. Выйдет коротенькая отсрочка, и не более того... Я готов покинуть манор, если вам будет так благоугодно...

Лгал, конечно. Все необходимые документы лежали у него в портфеле, и он не собирался оставлять принца одного: у того может отыскаться в кармане камень-компьютер, как у Орка, и он пошлет сообщникам весточку, которую никто не сможет перехватить. Но нужно же посмотреть, как он станет держаться дальше. Умный человек постарается узнать, что именно мне известно, тем более что я не собираюсь ничего скрывать.

— По-моему, ваше молчание свидетельствует, что я могу остаться, — сказал Сварог. — Ну что же, извольте... — он щелкнул позолоченным замком портфеля. — Вот копия указа. Вот подлинник решения Прокурора Высокой Короны об открытии следствия. Как видите, наложена соответствующая резолюция: собственной рукой императрицы, с подписью и Малой печатью. Я человек беззастенчивый, должность такая, в средствах порой не стесняюсь, но даже я не рискнул бы подделывать руку императрицы и печать, неважно, Большую или Малую. В конце концов, вы можете связаться с императрицей, и она все подтвердит. Будете настолько последовательным? Кажется, не собираетесь... Вот и подумайте, как вам жить в условиях, когда впереди плаха... Канцлер к вам настроен очень недоброжелательно, я тоже, помилования императрица ни за что не подпишет...

И вот тут принц сорвался. Выкрикнул тоненько, визгливо, едва ли не бибим голосом:

— У вас же нет палачей...

И умолк, зло посверкивая глазами. Ну да, ему приходилось импровизировать, *такой* развязки он не ждал и не готовился к ней, не продумал линию защиты...

— Господи, принц... — поморщился Сварог. — Нашли проблему... Палачей у меня на земле хватает.

Насколько я знаю, и во времена действия седьмой статьи палача либо брали из антланцев, либо привозили с земли. Не цепляйтесь за несущественные детали... Ваша реплика?

— На каком основании...

— Хорошая реплика, — сказал Сварог. — Отличная. Логичная, вполне ожидаемая и уместная. Янисколько не иронизирую, поверьте. Вы, конечно же, хотите знать, что мне известно? Извольте. Вы играете в «три семерки»? Прекрасно. Настала последняя раздача, все козырные розы открываются. Я не собираюсь ничего от вас скрывать, все равно вы никому уже не проболтаетесь. Если мы не договоримся, вы отправитесь прямиком в замок Клай — для этого мне уже не требуются какие бы то ни было разрешения и резолюции...

— Здесь нет даты...

— Действительно, — сказал Сварог, сокрушенно кивая, и приложил все силы, чтобы сокрушение выглядело именно что нарочитым. — Действительно, на решении об открытии следствия нет даты. Эти канцеляристы порой так небрежны... Ничего непоправимого, сейчас я все впишу, — он достал стилос, придвинул к себе казенные бумаги, глянул на часы. — И время поставлю. Ничего противозаконного... а, впрочем, пойдите докажите потом, что это я у вас на глазах все вписал. Дата, время... Ну вот, следствие открыто минуту назад. Ситуация проста, я могу вам гарантировать Именем императрицы: если все выложите, никаких последствий не будет, исключая краткосрочное пребывание под домашним арестом. Можете связаться с императрицей, она подтвердит. Будете запирайтесь — механизм завертится. С несомненной плахой в финале. Выбор, как часто случается, небогат. Решать вам. Я дам вам время подумать, не особенно долго, пока горит сигарета, — он беззастенчиво достал из золотой шкатулки длинную сигарету. — Умному человеку и этого достаточно. Думайте...

Он закурил и демонстративно сделал глубокую затяжку, чтобы покончить

с сигаретой быстрее. Принц опустил голову на руку, оперся локтем в столешницу, лицо стало еще более напряженным, хмурым, безрадостным. Конечно же, он лихорадочно искал выход — и не находил...

— Сигарета догорела, — сказал Сварог, тщательно гася окурок в роскошной пепельнице. — Итак?

Принц вскинул него глаза — и они, и лицо приобрели уже иное, не допускавшее двойного толкования выражение.

— Прекрасно, — сказал Сварог. — Тот момент, когда человек жалеет, что не может убивать взглядом, подобно василиску...

И подумал: у него нет оружия, иначе непременно выхватил бы. С такими лицами и убивают в приступе слепой не рассуждающей ярости...

— Прекрасно, — продолжал он. — У вас в глазах полыхает лютая ненависть. Боже, как вы меня ненавидите... Причины не соизволите привести? В конце концов, не считается преступлением, если кто-то кого-то за что-то ненавидит всей душой. Вряд ли все только из-за того, что я вас разоблачил. Должно быть, что-то еще... Ну? Как мужчина мужчине?

Принц немного овладел собой, но ненависть в глазах не погасла совершенно.

— Потому что я всегда ненавидел *фаворитов*, — сказал принц. — Вне зависимости от того, умны они или глупы. В любом случае, мне противна скотина, которой дозволено плевать на законы и обходить их исключительно оттого, что она спит с императрицей, и...

— Хватит! — сказал Сварог резко. — Все равно не поверю, что ваша благородная душа кипит праведным гневом, направленным против мерзавцев-фаворитов. Не верю я в душевное благородство людей, которые со спокойной душой собираются перебить всех родственников, включая императрицу, и вскарабкаться на опустевший престол. Все проще, а? Вы меня ненавидите за то, что до императрицы можно добраться только через мой труп... И не вы один. Это гораздо более жизненная версия, лишённая глупой романтики... Ну? Молчите? Тоже объяснимо. Вы не собираетесь сдаваться просто так, вас необходимо припереть к стене. Ну что же, разумно... Мало ли как я могу блефовать... Времени у меня достаточно. Могу себе позволить не спешить и методично загонять вас в угол, как в шакра-чатурандже короля или королеву теснят к тем клеткам, где они уже не смогут более двигаться... — он полез в портфель. — Вот, извольте. Эти материалы те, кто за всем стоит, дали Орку, чтобы он выбрал лучший, по его мнению, способ покушения на нескольких особ, в том числе и на императрицу. Только я бы посоветовал просмотреть в ускоренном режиме — ну, большую часть. Запись достаточно длинная, нет смысла смотреть ее целиком...

Судя по тому, как поехали по клавиатуре пальцы принца, он так и поступил: сначала посмотрел пару минут нормальной записи, а потом принялся ее *гонять*, время от времени останавливаясь на каких-то эпизодах. Сварог терпеливо ждал. Наконец принц поднял голову:

— Ну и где здесь мое участие? Где здесь я?

— Вы совершенно правы, — сказал Сварог. — Там вас нет. Зато подарочки, которые вы вручили на своем дне рождения принцам и принцессам крови — целиком на вашей совести. То, что вам их привез Орк, подтверждается как показаниями Орка, так и, что скрывать, сделанными в вашем манере записями.

Вам продемонстрировать то и другое? Ах, не хотите... Правильно, я на вашем месте тоже отказался бы. Короткая проволочка, и не более того. Лучше ознакомьтесь с этой вот бумагой. Официальный и обстоятельный отчет Техниона о проведенном над одним из ваших подарков эксперименте. Тут всего две страницы. Документов пока что нет, не успели составить, но сегодня утром на полигоне Техниона провели эксперимент со вторым подарочком. С теми же результатами. Логично предположить, что и остальные должны выполнить ту же задачу. Вот тут уж вы *есть*, — он помолчал. — Разумно... Вы не пытаетесь свалить вину на Орка... потому что не знаете, сколько он нам рассказал и что именно. Могу вас заверить: он рассказал все, что знал. Когда мы его допрашивали, указа о возвращении седьмой статьи еще не было — но он не принц крови, ссылкой на Сильвану не отделался бы, а для столь деятельной природы пожизненное заключение в замке Клай было бы хуже смерти... Так что его без особого труда вывернули наизнанку, как наволочку при стирке. Вот еще одна запись встречи Орка с некоей особой — точнее нужный в данный момент коротенький кусочек записи, где недвусмысленно излагается, кому Орк должен передать подарки и для чего. Посмотрите, это не займет и минуты... — какое-то время он молча курил, не без злорадства наблюдая, как на лице принца прибавляется безнадежности. — Посмотрели? — он вновь собрался встать. — Есть и другие записи, и другие показания, но я их предъявлять не стану ради экономии времени, у нас запас времени все же не безграничен. Достаточно этой записи и двух экспериментов...

Насчет второго эксперимента он не врал. Коли уж в их распоряжении оказались все восемнадцать тарелочек, не было смысла беречь их. На сей раз, не затягивая, по второй *выпалили* уже известной комбинацией — как и следовало ожидать, сработало, все повторилось...

— Вполне достаточно этой записи и двух экспериментов, — повторил Сва-рог напористо. — Вы, конечно, можете сказать, что ничего не подозревали, понятия не имеете о секрете подарков. Может быть, и правда не имели. Но такое заявление автоматически означает, что вы все же *были* в заговоре. И уже не имеет никакого значения, знали или нет. В таких делах лишаются голов и главари, и простые исполнители. Вполне достаточно уже имеющихся улик, чтобы отправить вас на плаху. Учитывая отношение ко всему императрицы, обоих принцев короны и Канцлера, другого приговора и ждать не стоит. В конце концов принцев крови у нас, простите за хамство, как собак нерезанных... Если вы лишитесь головы, Империя от этого ничего не потеряет, наоборот — другим будет впредь наука, чтобы сидели, как мыши под метлой и ни во что не ввязывались. Самое скверное в жизни человека — когда требуется наглядный пример, и именно ему предстоит в этой роли выступить. В нашем случае примером должна служить скатившаяся с плахи голова, — он собрал бумаги и флешки, уложил их в портфель и старательно его застегнул. — Разговорам подходит конец, пора принимать решение — вам принимать, я имею в виду. Могу только добавить: конечно, мы знаем не все, врать не буду, но знаем *главное*. С покушениями ничего не выйдет. Все до единого ваши подарки потихонечку изъяты и заменены безобидными копиями... В полной боевой готовности, как выражались в старину, все, способные держать оружие. Любую попытку переворота мы задавим, не стесняясь в средствах. Несколько кусочков головоломки еще не уложены, правда — и вы один из них, не более того. Впол-

не возможно, вы не просто «живое знамя». Человек вашего ума мог и не удовлетвориться столь незавидной, по сути, ролью марионетки... а то и потребовать гарантий в виде дополнительной информации. Я поставил себя на ваше место... Лично я непременно потребовал бы такой информации — чтобы решиться впутаться в такой заговор, нужно получить полную уверенность, что вы имеете дело с серьезными и сильными людьми, это азбука любого заговора, никто не верит не подкрепленным аргументами обещаниям... Умный человек всегда требует более-менее убедительных доказательств. Орк, как человек умный и изворотливый, такие доказательства получил в свое время — и не мог предполагать, что за ним уже наблюдали... Как и за вами. Ваш кусочек головоломки не главный, но нас он тоже интересует. Не буду врать, что мы знаем все — но знаем достаточно, чтобы отправить вас на плаху. В то время как *другие* из наших рук благополучно выскользнут. От вас останется только пепел, а они будут разгуливать на свободе и радоваться жизни... — он резко изменил тон. — *Все*, Агеляр, — он и не подумал добавлять титул. — Кончились душевные беседы. Либо будете откровенны, либо отправитесь в замок Клай. Повторяю, в случае полной откровенности останетесь на прежнем месте в прежнем положении, императрица гарантирует. Лгать я вам не собираюсь. Можете, в конце концов, спросить ее. Она тоже не станет унижаться до лжи такой персоне... как вы. Если вы будете для нас полностью безопасны — черт с ним, живите. Только не думайте слишком долго, времени у меня много, но и дел посерьезнее немало. Вы мне уже не так уж и интересны. Найдется, кому поручить вести дальнейшие допросы... Ну?

Ну вот, собственно, и все, подумал Сварог. Либо он сломается, либо откажется говорить, других вариантов попросту нет. Улик против него и в самом деле достаточно для плахи. Пусть им дальше занимаются специалисты Канцлера в оборудованной по последнему слову науки и техники пыточной, вряд ли ему поставили такую же защиту, что Брашерио — они ведь чувствовали себя в полной безопасности...

Он ощутил прилив злого торжества: лицо принца стало именно таким, каким оно бывает у людей, когда они ломаются и понимают, что другого выхода нет. Он слишком многое теряет вместе с жизнью, а рисковать ею или ставить на кон у него, в отличие от Орка, навыка нет. Орк, битый жизнью и не раз смотревший смерти в глаза, моментально сдал все и всех, когда понял, во что влутывается. А уж этот...

Принц поднял на него глаза. Прежняя ненависть куда-то сгинула, осталось простое желание жить, и жить по-прежнему...

— С императрицей я связываться не буду, — сказал он мрачно. — Если уж обманывают, дают любые клятвы, а если нет... — и продолжал тусклым, бесцветным, безжизненным голосом. — Вы не представляете себе психологию людей, имеющих права на престол, но понимающих, что никогда на него не взойдут, так и проживут жизнь в длинной очереди возможных претендентов... Она несколько отличается от психологии других людей... И порой хватаешься за шанс...

И совершенно при этом не думаешь, через сколько трупов — причем трупов твоих родственников — придется переступить, мысленно закончил Сварог. Нет, сейчас ему нельзя читать мораль, если вообще будет на это время.

— Самое занятное, что я вас понимаю лучше, чем другие, — сказал Сва-

рог. — Потому что я еще — и земной король. И мне, что скрывать, приходилось иногда переступать через кровь... Вот именно, особая психология...

Старый прием, избитый и затасканный, но действует до сих пор — допрашиваемый должен увидеть в сыщике пусть и не друга, но родственную душу, способную многое понять, в отличие от «обычных» людей... Подействовало, кажется, он несколько расслабился, голос звучит ровно...

— Так что рассказывайте, — сказал Сварог. — Как пишут в романах, все началось с того...

Тем же отрешенным голосом принц повторил:

— Все началось с того разговора в «Зарослях хмеля»...

— Знакомое название, — сказал Сварог. — В голове вертится... Ага, ну да... Бордель высшего класса в Равене. Не стану врать, часто там не бывал (он и не врал — ну, старые дела, как-то они с Леверлином...).

— Мы там сидели с Саторнином...

— Кто это?

— Магистр. Возглавляет одни из отделов Магистериума. Мы с ним и прежде несколько раз выбирались на землю, не реже, чем с Орком, — принц вымученно улыбнулся. — Он тоже не лишен страсти к развлечениям, хороший спутник для иных путешествий, и, в отличие от многих своих коллег, отлично владеет мечом, не прочь подраться где-нибудь в переулке, ночью... Я у него несколько раз бывал в Магистериуме — иные их эксперименты очень занятны. Раз уж вы бывали в «Зарослях хмеля», должны знать их Селадоновый зал...

Сварог кивнул. Прекрасно знал. Лестница ведет направо и вниз, в подвальный зал, выдержанный в селадоновых, то бишь светло-зеленых тонах с добавлением черного и золотого. Очень уютное местечко, едва ли не лучшее там — кроме общего зала с подиумом для музыкантов и танцовщиц, имеются по всему периметру и кабинеты, большие, уютно обставленные, можно при желании развлекаться с девицами прямо там, а можно и вести доверительные разговоры о делах, никак не связанных с музыкой, вином и девицами — отчего зал давно облюбовали авантюристы высшей марки, шпионы и тому подобная публика. Подслушивать у двери практически невозможно, заметят ментально. Правда, есть еще мастерски устроенные слуховые трубы, о чем многие, убаюканные мнимой надежностью кабинетов, и не подозревают. А потому владельца заведения давно прибрала к рукам тайная полиция и всю использует в своих интересах. То же касается и «номеров» на втором и третьем этажах. Правда, случаются казусы — ловкачи, знающие жизнь, затыкают почти незаметные снаружи отверстия «подслушки» вульгарными тряпками — и не пойдешь же туда просить: дескать, простите великодушно, не уберете ли затычку, а то нам не слышно...

— Мы сидели в подвале, в кабинете. Едва вошли, Саторнин заткнул тряпкой какую-то дыру в стене, почти и незаметную, сказал, что теперь нас не услышат. Он и раньше заводил порой разговор о нашей жизни, о переменах, устроенных императрицей, о том, что вы забрали слишком большое влияние на государственные дела. Если вы не в курсе, многие о вас говорят и далеко не все отзываются лучшим образом...

— Знаю, — кратко прокомментировал Сварог. — Дальше?

— Мы давно уже сошлись во мнении, что нам обоим это не по нутру, что

многое следовало бы изменить. Потом я понял, что он долго и старательно меня изучал... И тогда, в кабинете, заговорил вовсе уж откровенно. Предупредил: если я кому-нибудь передам наш разговор, у меня не будет никаких доказательств... и был прав. И рассказал, что существует заговор. Отстранить Императрицу от власти, равно как и вас и кое-кого еще, возвести на престол кого-то более серьезного и ответственного... и в этой роли они видят меня. Я поначалу отнесся ко всему этому довольно скептически — как бы ни тяготился своим положением, прекрасно понимал, что против вас с Канцлером бороться трудновато. Я, конечно, ни минуты не верил, что он ваш провокатор... или чей-то еще. Знал о нем кое-что. Знал, что он и в самом деле среди тех в Магистериуме, кто настроен против вас... и всего прочего, имеющего место быть. В Магистериуме более, чем где-либо, критически смотрят на многое... Не так давно кружили смутные слухи, что кто-то из Магистериума все же устроил заговор, укрываясь в Горроте — но их разоблачили. Именно это меня и останавливало, о чем я ему честно сказал. Нет смысла участвовать в безнадежном предприятии... Что я Саторнину и выложил. Он ничуть не огорчился. Сказал, что на сей раз ситуация совсем другая: помогают крайне могущественные силы из Другого мира, с которыми в Магистериуме наладили связь. Так что на этот раз все будет совсем иначе. И он мне может это доказать. Я согласился... не на участие в заговоре, а на то, чтобы эти доказательства увидеть своими глазами. Мы поднялись в номер на третьем этаже, Саторнин его заранее нанял. Ждали примерно с квадранс. Там было большое зеркало, чуть ли не до потолка... (Сварог насторожился.) И вдруг оно...

— Я за вас закончу, — сказал Сварог. — Оно налилось синим сиянием, потом зеркало словно бы пропало, вместо него было что-то вроде коридора или тоннеля, и оттуда вышла женщина. Молодая, красивая, синеглазая, златовласая, в длинном сером платье. Сказала, что ее зовут Ильяна. Так?

Принц уставился на него с явным изумлением:

— Вы и это знаете?!

— Я же сказал, что знаем мы многое, — сказал Сварог. — Она вам наверняка повторила примерно то же самое: что они помогают заговору, что на сей раз в распоряжении заговорщиков будут средства и силы, которым никто не сможет противостоять...

— Да, вот именно...

— Интересно, а чем она мотивировала дружеское соучастие?

— Вы стали для них опасны. Вы стоите у входа в их мир, куда не преминете вторгнуться. Вот они и хотят вас опередить, так что цели у нас схожи.

— Вы поверили?

— Все равно я не мог ничего проверить, — сказал принц. — Но ее появление само по себе было чертовски убедительным аргументом. О Зазеркалье кружат разные побасенки, никто ничего не знает точно, одно ясно: его обитатели и в самом деле способны добиться своего. Потому что у вас нет надежной защиты от них, да и ни у кого нет. Дело представало в совершенно ином свете — как и шансы на успех... Потом Саторнин ушел, мы с ней остались одни, она мне сделала то же самое предложение... и я на сей раз его принял. Все было очень серьезно и убедительно... Их мотивы тоже, они хотели, чтобы новый император остановил кое-какие работы, позволяющие проникнуть в их мир. Ничто другое их не интересует... и знаете, в этом был свой резон. Если бы они

замышляли вторгнуться к нам сами, могли бы сделать это уже давно, вы согласны с такой логикой?

— Да, пожалуй... — задумчиво сказал Сварог. — И дальше?

— Дальше... Собственно, ничего особенного. Она сказала, что мне нет необходимости вникать в детали. Главное сделают и без меня, от меня требуется лишь выполнять просьбы, которые могут последовать, и готовиться занять трон. Мягко намекнула, что если я их выдам, выгоды от этого мне не будет никакой, а вот потерять я могу очень многое, не только будущий престол, но и жизнь. Знаете, я ей поверил: где гарантии, что из моего собственного зеркала в спальне ночью не вылезет какой-нибудь мерзавец и не ткнет меня кинжалом? — он повторил задумчиво, мечтательно: — Теперь дело предстало в совершенно ином свете, как и шансы на успех... Это уже было гораздо серьезнее прежних заговоров, затеянных собственными силами. С такими союзниками... Потом... Ну, потом она осталась на пару часов... вы прекрасно понимаете, о чем я. Очаровательная женщина... Человек, несомненно. Ничего общего с нечистой силой — меня в свое время научили кое-что распознавать... Пожалуй, это все. Впоследствии она приходила один-единственный раз. Саторнин пригласил меня на землю, на сей раз в Сноль, где снимал домик... Это было две недели назад. Там тоже было большое зеркало, из него вышла Иляна. На сей раз Саторнин ушел сразу, Иляна сказала, что все готово, остались считанные недели. Что ко мне прилетит Орк и привезет некие подарки, которые я на дне рождения должен вручить всем остальным принцам и принцессам, как ответные. Эти предметы в нужное время погрузят всех в сон — в том числе и вас, и императрицу, и других. Всех отправят в замок Клай, я останусь единственным претендентом на престол, произойдет некая акция — без всякой стрельбы и крови, просто-напросто меня выберет Избранный Совет...

— И вы поверили? — спросил Сварог. — В то, что ограничится замком Клай?

— Почему бы и нет?

Ты хотел верить, сукин кот, подумал Сварог. Как я когда-то в Снольдере старательно вдавливал себе в голову, чую обойдется уединенным замком в глуши... Вот только я не собирался убивать два десятка своих родственников, известить фамилию под корень, быть может, это чуточку меня оправдывает и позволяет не встать с ним на одну доску...

— Что-нибудь еще можете рассказать?

— Я рассказал все, что знал, — буркнул принц.

К превеликому сожалению, умение моментально отличать правду от лжи могло помочь только с земными жителями, лар не в состоянии пустить его в ход против лара. Ну, скорее всего, он не врал. Те, из Радианта, показали себя жесткими прагматиками, они не сделали ни одного лишнего движения, мы могли так и не выйти на них, не присмотреться к ночному небу, не встретиться на очередных таинственных тропинках красивая, загадочная, несчастная Бади Магадаль. Агентуру они задействуют, когда это по-настоящему необходимо. Принц оказался незаменим, когда потребовалось раздать «подарочки» членам императорской фамилии. Использовать его в каких-то других делах слишком рискованно: нельзя исключать, они узнают от своих здешних информаторов, сколь *плотная* слежка установлена за принцами-принцессами. Интересно, должны ли, по их расчетам, Орк с принцем *выжить*? На их месте

я, решив подмять Империю, ни за что не поставил бы на *серьезные* посты людей умных и ловких, гораздо надежнее марионетки. С одной стороны, принца они могли бы и оставить в своих расчетах живым — но, с другой стороны — нельзя исключать, что он им понадобился только для вручения подарков, а потом и с ним, и с Орком что-нибудь случится. Если не останется ни единого члена императорской фамилии, в Империи возможны серьезные потрясения, а это Радианту только на руку...

Он поднял на собеседника холодные глаза. Принц уставился на него исподлобья — настороженно, зло. Банальное сравнение, но что поделать, если крайне не походил на попавшего в капкан волка? Случалось им с дедом Мишей однажды встретить на охоте такого волка... Те же самые глаза, пусть и не того цвета...

— Что же, в таком случае на этом и закончим, — сказал Сварог, вставая и подхватывая портфель. — Можете не беспокоиться, все данные вам обещания будут выполнены...

— Я и не беспокоился, — с наигранной надменностью сказал принц, явно только для того, чтобы сохранить лицо.

— Правда, как я и говорил, несколько дней вам придется провести под домашним арестом...

— Вы что же, не уберете этих... — он никак не мог подобрать нужного слова.

— Вам они мешают?

— Мне — нет. Но ко мне могут прилететь гости. И что я им объясню?

— Уберу, — сказал Сварог. — Самое большее через полчаса прилетят другие люди, уже не столь устрашающего вида, сменят охрану... Всего наилучшего!

У самой двери он бросил быстрый взгляд через плечо. Принц сидел, сгорбившись, пустым взглядом уставившись в пространство. Интересно, о чем он сокрушается, подумал Сварог в коридоре.

О том, что провалился, или о троне, который ему теперь, ежу понятно, не видать, как своих ушей? Наверняка о троне — провал ему ничем не грозит, разве что слезку ужесточат до предела...

Оказавшись в вимане, тут же взлетевшей, он прошел на второй этаж, сказал пилоту:

— В Латерану...

Зашел в одну из комнат, распахнул дверцу гардероба и стал неторопливо переодеваться в королевский наряд. Он не чувствовал себя победителем и не считал, будто они в тупике — они просто-напросто снова не продвинулись ни на шаг. Показания принца дополняли общую картину — и только. Что до магистра... Нетрудно повязать его вечером в его собственном манере — но что, если он будет держаться тверже, чем все остальные, угодившие до него в капкан? Его можно и не напугать плахой — против него нет никаких улик, не считая показаний принца, а принца к суду привлекать не будут, что магистр может просчитать заранее, эти яйцеголовые из Магистериума, высоколобые и фронтеры, иначе устроены. Вообще-то, если у него нет той защиты, что поставил для себя и своих людей Брашеро... Кто-кто, а глэрд Баглю отправит к Одноглазому любого, на кого укажет Сварог. Беда в том, что его отсутствие в Магистериуме обнаружат очень быстро, а там у него могут оказаться и сообщники. Беда еще и в том, что, если заговорит — а у Одноглазого и мертвый загово-

рит — не расскажет ничего полезного. В отличие от всех прежних заговоров, устроенных исключительно «внутренним врагом», в игре участвует внешняя сила. А значит, нет необходимости заводить главу заговора среди ларов. Гораздо прагматичней действовать, если можно так выразиться, на гастролях. Из Зазеркалья приходит красавица Ильяна, раздает поручения и возвращается в свой мир. Технически несложно взять и ее во время очередного дружественного визита, но в Радианте моментально сыграют боевую тревогу. Можно обойтись и той информацией, что уже имеется. Все готово для *блицкрига*, строительство резиденций для наместников закончено, аппаратура загружена, флотилия уже в космосе, поблизости от Нериады...

...Доктора Латрока он раньше видел раза два, на многолюдных совещаниях в восьмом департаменте, издали. И, лишь оказавшись с ним лицом к лицу, оценил в должной мере. Гораздо шире Сварога в плечах и чуть ли не на две головы выше, громадина с кошачьей плавностью движений, широколицый, светло-синие глаза исполнены некоей наивности, конечно же, наигранной, лет сорока на вид, но волосы совершенно седые — почему он не восстановит естественный цвет, в его же собственной клинике такую пустяковину можно проделать в два счета? Впрочем, и некоторые старики ничего не предпринимают против своих седин. Участливое, располагающее к себе выражение лица — ну, это у него явно профессиональное...

Как многие, Сварог подсознательно испытывал перед психиатрами легонькую робость — ну, самую чуточку. Все время казалось, вот он сейчас посмотрит и узнает нечто такое, чего ты сам о себе не знаешь...

— Она вас ждет, — сказал Сварог. — Вы будете с ней просто разговаривать, или...

Доктор достал из кармана золотистый шар величиной с крупное яблоко, усыпанный хаотично разбросанными черным точками, казавшийся очень легким, положил его на широкую ладонь, посмотрел на него — и шар стал вертеться не быстро и не медленно, примерно как пластинка на тридцать три оборота. Черные точки, вроде бы разбросанные как попало, очень быстро стали сплетаться в струйки, несложные узоры, их кружение, переплетение, неспешные изгибы завораживали, притягивали, подавляли волю...

Легонько потрянув головой, Сварог моментально избавился от наваждения.

— Конечно, на вас это не действует, — усмехнулся доктор. — А вот на нее подействует. Гипноз, да... Так будет лучше для начала.

— Ну, вам виднее, — сказал Сварог. — Сколько вам потребуется времени?

Доктор посмотрел на часы, что-то прикинул:

— Приходите без квадранса шесть. Я к этому времени все закончу...

Нажал на вычурную золоченую ручку и скрылся в комнате Вердианы. Не раздумывая особо, Сварог направился во флигель — там можно было убить время с пользой. Именно так все и произошло, он обошел все три этажа, где листовые свежие сводки, где решая мелкие дела, скоротал время незаметно. Неизвестно, прилетела ли за это время Яна — он никого не просил докладывать о ее прибытии, а все летательные аппараты шли на посадку невидимыми, таковыми и оставались, так что обширный зеленый луг, окруженный невысокой, белой ажурной оградой казался совершенно пустым. Приземлившись, все по периметру обозначают машины тускло мерцающим светло-синим контуром; чтобы никто не налетел, не набил шишку — но он виден, когда

подойдешь вплотную, отсюда не рассмотреть...

Когда Сварог шел по коридору, доктор как раз направлялся к двери. Сварог спросил с наигранной беспечностью:

— Ну, как там, доктор?

Латрок, тщательно прикрыв за собой дверь, чуть заметно пожал плечами:

— Что вам сказать? *Тяжелого* пока что не усматривается, но может появиться...

— Вы уж подходчивей, — сказал Сварог. — Будьте так добры...

— Постараюсь. Только сначала... Лорд Сварог, у врачей, когда они на работе, не бывает нескромных вопросов... Она вам нужна как женщина?

— Ни в малейшей степени, — сказал Сварог, энергично мотнув головой. — Можете не верить, но я о ней забочусь без всяких задних мыслей. Можно себе это когда-нибудь позволить? А к чему этот вопрос?

— Для общей картины, — сказал Латрок. — Ну почему же не верю? Верю. Что ж, если подходчивее... У нее почти все в порядке, психика устойчивая, крепкая. Вполне вероятно, из-за того, что она росла в деревне, пусть и не в крестьянской избе, а в замке — деревенские жители всегда тверже рассудком, чем городские. Но все же, то, что ей пришлось пережить, не могло не оставить рубцов. Если не принять мер, эта подсознательная боязнь мужских прикосновений из тонюсенькой трещинки может превратиться в *разлом*, превратиться в манию или фобию... Точно предсказать невозможно, но следует ожидать самого худшего.

— Это лечится?

— Лорд Сварог, лечится все, кроме разве что несчастной любви, тут уж медицина бессильна... я бы забрал ее на Сильвану, в «Лазерную бухту». Нет, не делайте такого лица, с ней не происходит ничего, что потребовало бы *срочного* вмешательства. Просто-напросто — к чему откладывать? Там сейчас ни одного пациента, отличная аппаратура, вдобавок, кроме чисто медицинских процедур — пляж, море, солнце, морские и воздушные прогулки, поездки по красивым местам, масса новых приятных впечатлений, особенно для земной девушки... Недели за две мы бы полностью привели ее в порядок. Бывали случаи и посложнее, потяжелее. Сможете ее уговорить?

— Думаю, без особого труда, — сказал Сварог.

И шагнул было к двери, но доктор плавным движением, словно бы невзначай, загородил ему дорогу:

— Вот что еще... Вам бы тоже не помешало, лорд Сварог, на пару недель отправиться в «Лазурную бухту».

— Очень мило, — натянуто улыбаясь, сказал Сварог. — Вы что же, и во мне что-то такое... усматриваете?

— Как вам сказать... В медицинской *помощи* вы не нуждаетесь, ну, разве что, парочка легчайших, можно выразиться, процедур, профилактики ради. В этом очень многие нуждаются, хотя не все понимают. Здесь другое... Когда вы последний раз отдыхали по-настоящему? Самое малое две недели провести где-нибудь на курорте, полностью отрешившись от дел...

Сварог старательно перебрал в памяти все эти годы. Несколько охот, по два-три дня... поездки с Яной на землю, тоже ненадолго... С тех пор, как он здесь, он и не отдыхал по-настоящему ни разу, в том смысле, какой вкладывает это понятие доктор...

— Пожалуй что, и никогда, — сказал он честно.

— Вы работаете на износ, лорд Сварог, а это никогда не обходится без последствий. Я не взялся бы выносить какие-то суждения без долгой беседы с вами, но уже сейчас могу сказать, что у вас может развиваться «синдром штурвала».

— И что это такое?

— Человеку начинает казаться, что без него нигде и ни в чем не обойдутся. Что без него все рухнет, пойдет прахом, что подчиненные непременно завалят дело, что необходим постоянный контроль абсолютно за всем, в больших и малых делах. Незаметно для себя он начинает вникать в то, что и без него прекрасно работает, опека становится мелочной, навязчивой, фигурально выражаясь, человек боится хоть на секунду отойти от штурвала. Развивается это медленно, но приводит к самым печальным последствиям и для человека, и для дела. Перерастает в манию. Пока вам нечего опасаться, но вы, по моему глубокому убеждению, уже на этой тропинке. Поверьте, такие ситуации плохо кончаются. Я вам могу показать несколько историй болезни... разумеется, пациенты везде фигурируют под криптонимами. Вы сами убедитесь. Лорд Сварог, послушайте моего совета... Берите... жену и прилетайте на Сильвану. Кроме «Лазурной бухты», если вам там не понравится, у нас есть еще четыре курорта. Наконец, мы располагаем двумя базами на Селене. Многим там нравится — прекрасные пейзажи, экзотические местечки, да вдобавок сила тяжести гораздо меньше, чем на Таларе или Сильване. Как и этой очаровательной девушке, я бы вам посоветовал отправиться в одно из этих мест, не особенно откладывая. Сейчас в Империи и на Таларе полный порядок, можно даже сказать, благодать, никаких серьезных тревог и угроз...

Сварог уставился на него прямо-таки оторопело. Не сразу уяснил себе, что о происходящем знают люди, которых можно по пальцам пересчитать, а все остальное человечество, на земле и за облаками, полагает, что царит суцная благодать, и не следует их из этого приятного заблуждения выводить. Доктор, хотя и возглавляет медицинское управление департамента, знает только то, что ему необходимо знать по работе.

— Я непременно воспользуюсь вашим советом, доктор, — сказал Сварог. — Но — чуть попозже. Вы уж поверьте на слово — сейчас как раз сложилась довольно серьезная ситуация, когда мое присутствие просто необходимо. И никаких синдромов. То, что *внешне* царит благодать, ни о чем еще не говорит...

— Понимаю, — кивнул Латрок. — Как-никак, всю сознательную жизнь прослужил в восьмом департаменте. У вас чересчур озабоченное лицо, а до развития синдрома еще очень и очень далеко, так что я вам верю... Ну, а что мы решим с девушкой?

— Сейчас я с ней поговорю.

— Я подожду здесь, — сказал доктор. — Скажите ей, что никакого багажа собирать не нужно. У нас там отличные синтезаторы и каталоги. Любые платья и прочее, что ей может понадобится, будет сделано немедленно...

Бесшумным духом объявился лакей, судя по ухваткам, мнимый. Бросил быстрый взгляд на доктора Латрока, коего знать не знал, сориентировался в какие-то секунды:

— Малая каминная на втором этаже...

— Скажите, что я скоро буду, — кивнул Сварог.

Лакей улетучился. Доктор легонько коснулся локтя Сварога, уже взявшегося за ручку двери:

— Да, вот что еще... Я не стал выводить ее из транса. Хлопните в ладоши, можно не особенно громко, и она проснется.

Сварог вошел. Вердиана сидела в мягком кресле в той же позе, что и в начале визита к нему в кабинет: выпрямившись, не касаясь спиной спинки кресла, положив руки на колени. Глаза были не то чтобы бессмысленные, но лишённые всякого выражения, как у младенца.

— Медицина... — проворчал Сварог и легонько хлопнул в ладоши.

Взгляд Вердианы моментально стал осмысленным, чуть удивленным, она откинулась на спинку кресла:

— А где доктор? Он здесь только что был...

— Вышел, — сказал Сварог. — У меня мало времени... Ты мне доверяешь?

— Вам первому...

— Отлично, — сказал Сварог. — Доктор считает, что тебе нужно на пару недель поехать на курорт... и чуточку подлечиться. Тогда пройдет все, что тебя мучает. Понимаешь? *Все.*

— Ваше величество, вы тоже считаете, что это необходимо?

— Конечно, — кивнул Сварог. — Мне было бы очень приятно, если бы ты поехала.

— Ну, тогда я поеду. А где это?

— Тут недалеко, — сказал Сварог. — На Сильване. Полетите с доктором...

Хотел было доверительно положить ей ладонь на руку, уже лежавшую на подлокотнике кресла, но вовремя опомнился. Она, округлив глаза, посмотрела снизу вверх в совершеннейшем восторге, к которому, похоже, примешивалась капелька нешуточного удивления:

— *Лететь?* Да вдобавок и на Сильвану?

— Ну да, — сказал Сварог. — Я тебя уверяю, это просто и быстро. Прямо сейчас, доктор ждет...

— Но нужно же собраться... — проговорила она в полной растерянности. — Платье... и еще...

— Не нужно, — сказал Сварог. — Там есть такие штуковины... В общем, у тебя вмиг будет любое платье, которое ты захочешь. Ты таких и не видела. И все необходимое. Ну, пойдём?

Она послушно встала и пошла за ним. В коридоре Сварог негромко сказал доктору:

— Покажите ей, пожалуйста, Талар с орбиты... — повернулся к Вердиане: — Ну, будь умницей. Девушки наверняка прилетят к тебе в гости... Но в любом случае ты там скучать не будешь, честное слово. Всего хорошего, Вердиана...

Кивнул и пошел прочь, оставив ее в легоньком ошеломлении. Поднялся на второй этаж, вошел в одну из малых каминных. Яна сидела за столиком, задумчиво вертя меж пальцев пустой бокал. Сварог присел напротив, улыбнулся, он надеялся, лучезарно:

— Налей и пей. Коли уж передышка выдалась...

Она молча наполнила пузатые золотистые бокалы маррунского стекла «Драконьей кровью». Ее чуточку печальный вид Сварогу категорически не понравился — тем более что он, кажется, знал причину. Чтобы как-то разрядить обстановку, взял прислоненный к креслу виолон — явно Гаржак оставил, зна-

комый инструмент — прошелся по струнам.

Следовало пустить в ход одно из верных, испытанных средств.

Когда выпадало время для дружеских посиделок, и Яне, и его юной гвардии из Девятого стола очень нравилось, когда он пел по-русски. Вся компания только теперь столкнулась с понятием «иностранный язык». Учившие детей наставники о том, что на Таларе в древности существовали разные языки, обычно упоминали одной фразой, как правило, тут же забывавшейся. Все старательно пытались угадать, о чем очередная песня — о любви, о смерти, о войне? Чаще всего угадывала Канилла — то ли кровь дриад тому причиной, то ли интуиция острее, чем у остальных...

Еще раз прошелся по струнам, надеясь, что пальцы сами отыщут подходящую мелодию. В памяти всплыло вовсе уж полузабытое:

*— Штанишки до колен,
бинокль наперевес —
английский джентльмен
приехал в Бенарес.
И холоден, и горд,
стоит надменный бритт.
В боях за Красный Форт
Был отец его убит.
Над ним со всех сторон —
британская земля.
Здесь жил и умер он
во имя короля...*

И замолчал — дальше он не помнил. Это была песня не его поколения, а предыдущего. Совсем пацаном ее слышал от старших во дворе, а когда и их компания заняла место старших, появились другие песни. Впрочем, продолжать и ни к чему — сразу видно, испытанное средство не помогло, Яна по-прежнему сидела мрачная, напряженная, глядя так тоскливо, что у Сварога защемило сердце. Он осторожно сказал:

— Вита, в чем дело?

— Сам прекрасно знаешь, — сказала она тусклым, безжизненным голосом. — Опять ждать... Я и не знала, что это так мучительно — ждать...

Перед глазами у него встало прошлое: каменистые отроги, сухие как мумия, заполошный треск бивших наугад ручных пулеметов, шелест летевших сверху вниз зарядов из гранатометов, показавшиеся на горизонте припоздавшие «крокодилы», жарко и чадно пылающий БТР, из которого никто не успел выпрыгнуть, включая прапорщика Вильчура. И вспомнил, как они потом, дома тянули спички — кому идти к жене Вильчура и *сказать*. И как чертовская спичка досталась ему...

— Яночка, — сказал он негромко. — Иногда это просто замечательно — когда есть кого ждать. А вот когда ждать некого... — И он вспомнил классиков. — Ты знаешь, не было случая, чтобы я не вернулся. В конце концов, работы там на пару дней, а то и поменьше. День, чтобы осмотреться, ночь, чтобы пустить шмелей. Если им все удастся, завтра утром будут работать уже без нас. А если у шмелей провалится, мы тут же, ночью, улетим с планеты, и все опять-таки будет без нас. Два дня...

— Ты уже не так давно уходил на два дня. Вы уходили всемером. А вернул-

ся ты один... какое там «вернулся», Акбар тебя принес. И жить тебе оставалось всего ничего — пока опухоль не дойдет до сердца. Будь Заводь побольше...

— Помнишь «Трактат о случайностях» Жембло?

Под этим наименованием здесь знали то, что на Земле именовалось теорией относительности.

— Смутно, — сказала Яна. — Это Кани в точных науках, как рыба в воде, а у меня с ними вечно не ладилось...

Ну хоть в более-менее нормальный разговор втянул, подумал Сварог. И сказал:

— Я тоже смутно, но кое-какие основы помню. Очень уж ничтожный шанс на то, что событие повторится в точности, два раза подряд. Наука на нашей стороне. И везение тоже.

— И все равно...

— Ну, что же делать... — сказал Сварог.

Вновь прошелся по струнам — мелодию он давно подобрал.

*— Алео траманте,
беле аграманте,
чедо каладанте,
э виле...*

Сложные у него были отношения с этой песней, в которой он не понимал ни словечка. Он ее ненавидел: когда она звучала, погиб Леверлин. И в то же время она чем-то притягивала, едва ли не завораживала. Сварог пел ее снова и снова, словно надеялся однажды понять, о чем она все-таки. Благо Яна, и Грельфи, и боевые монахи были едины во мнении: заклинаний в ней нет, не то что злых, враждебных, вообще никаких. Просто песня на незнакомом языке, и все тут...

*Конченито ланте,
мале нефоренте
теле наджаленте,
тале...
Таре аталанте,
белео даранте
чере кондаранте
годе...*

Отставив виолон и вновь наполнив свой бокал, он сообразил, что с Яной уже обстоит чуть получше: лицо не такое горестное, глаза сухие, даже бледная улыбка появилась на губах. Может, песня тому причиной — кто скажет, как с ней обстоит? Или она взяла себя в руки?

— Вита, ты же у меня умная и сильная, — сказал он как мог убедительнее. — Мне не придется бегать по буеракам с топором, я буду сидеть в здании и нажимать кнопки. Будет крупная военная операция, весь упор на боевую флотилию, а я — так, шпиону в безопасном отдалении. Первый раз со мной такое. Мне и не придется ничего делать, не та операция...

В глубине души он плохо верил, что все обернется для него так благостно, но делиться с ней этими мыслями безусловно не следовало. Нет, он, конечно, будет без Доран-ан-Тега, и тем не менее...

— Когда вы улетаете? — спросила Яна почти спокойным голосом.

— Через два часа, — сказал Сварог. — У меня еще будет время заглянуть к

Грельфи. Понимаешь, она мне когда-то дала хорошее заклинание. Мелкий пу-
стячок, можно сказать, бытовой, но в Токеранге это мне чертовски помогло.
Авось и на Нериаде поможет, я надеюсь...

Яна вскинула на него сухие глаза:

— Раз тебе понадобилось заклинание, значит, ты собираешься во что-то
ввязаться?

— Оно мне понадобится для употребления исключительно внутри резиден-
ции, — сказал Сварог, на сей раз надеясь, что так и случится. — Вита, ты же у
меня умная и сильная. К чему перед отлетом напрягать мои нервы, как стру-
ны на виолоне?

— Ну вот ничего не могу с собой поделатъ, — она улыбнулась чуть винова-
то.

— Превозмоги, — сказал Сварог серьезно. И встал. — Ну, пора ехать. Давай
без долгих прочувствованных прощаний, ладно? Мы же с тобой не герои ста-
ринного рыцарского романа... Я тебя уверяю: не могу себе позволить такой
роскоши — погибать...

Яна подошла, прижалась на миг, тут же отстранилась, поцеловала в щеку и
глянула в лицо огромными сухими глазами.

— Я тебя очень прошу, не геройствуй понапрасну...

— Я и не собираюсь, — сказал Сварог. — Пройденный этап. Говорю тебе, не
та обстановка будет, чтобы геройствовать на старый лад. Одни жмут кнопки,
другие висят на орбите в боевых кораблях...

Улыбнулся ей, как он надеялся, открыто и весело, вышел, не оглядываясь.

Совсем повзрослела, подумал он удовлетворенно, размашисто шагая по ко-
ридору. Заикнулась было, что хочет отправиться на Нериаду с нами, но, полу-
чив от нас с Канцлером слаженный и решительный отпор, замолчала... Вооб-
ще-то, будь там совершенно безопасно, все равно надежды на Древний Ветер
мало — он не раз ничем не мог помочь, когда речь шла о чем-то *современном*
...

Он вышел на крыльцо, сбежал по низким ступенькам, вскочил в седло, во-
круг слаженно и проворно сомкнулись ратагайцы, и Сварог послал Рыжика
рысью в распахнутые ворота; оказавшись на широкой улице, он не сменил ал-
люра — времени хватало, пусть даже сейчас не мчались впереди ликторы с
буцинами.

Проехав чинную купеческую Жемчужную, он сделал круг примерно в
несколько кварталов длиной — считайте это суеверием, но не хотелось проез-
жать неширокой Гончарной, хотя было бы ближе — но именно на Гончарной
в одном из вариантов покушения его должен был скосить лучемет. Все равно
никому ничего не придется объяснять, а береженого Бог бережет...

Глава X АНГЛИЙСКИЙ ДЖЕНТЛЬМЕН ПРИЕХАЛ В БЕНАРЕС

Если говорить о *декорациях*, их троица абсолютно ничем не отличалась от *иных* окружающих. Три человека в нарядах не особенно зажиточных дворян при мечях гармонично вписываются в общую картину. Современных записей никто не делал, не дал Радиант такой возможности, но, учитывая здешнюю специфику, Сварог приказал мастерить одежду по образцам шестисотлетней давности, по записям, сделанным во времена первого «Невода». И оказался прав: фасоны одежды ничуть не изменились за прошедшие столетия, как не менялись и за прошедшие тысячелетия...

Даркаш-Ват, столица королевства Даркаш, принял их без малейшего отпора, но вот хорошей погодой порадовать не смог. Здесь стояла поздняя осень, голые деревья уныло растопырили ветви, небо затянуло занудной серой хмарью, порой в ней расплывались черные пятна и пробрасывало мелким снежком, недолгим, но душу безусловно не радовавшим.

Они, конечно, приготовились должным образом — теплые кафтаны, подбитые беличьим мехом плащи, шапки грубой вязки, закрывавшие уши. Но все равно Гаржак, никогда не бывавший на Сильване, впервые столкнувшийся лицом к лицу с явлением под названием «смена времен года», в уныние, конечно, не впал, не тот парень, но пришел в скверное расположение духа. Брат Ролан, коего, как Сварог слышал краем уха, на Сильвану заносило не раз, держался здесь, на Нериаде, не то чтобы веселее — просто без тени унылого раздражения. Кряжистый, средних лет, бородатый как все боевые монахи, выглядевший надежным спутником в опасном предприятии — каковым, несомненно, и был, братство святого Роха не выделило бы ему молодого и неопытного.

Что до самого Сварога, он в скверное расположение духа не пришел — но, оказалось, все эти годы начисто отвык от такой погоды. А на Сильвану, так уж сложилось, ни разу не выбрался — и сейчас чуточку зяб, холодок прихватывал кончик носа и пальцы рук.

Снег тут же таял, едва достигнув земли, но оставалась промозглая слякоть, холодный ветер гонял по мостовой грязные, отвердевшие талые листья, последние остатки осеннего листопада. В голове навязчиво крутилось:

*— Не прожить нам в мире этом,
не прожить нам в мире этом
без потерь. Без потерь...
Не уйдет, казалось, лето,
Не уйдет, казалось, лето,
а теперь... А теперь
Листья желтые над городом
кружатся...*

Он мог себе позволить роскошь — отвлекаться на посторонние мысли. Вокруг не происходило ровным счетом ничего, заслуживающего особого внимания, ни над чем, имеющим бы отношение к заданию, ломать голову пока что не приходилось. Нужные наблюдения уже сделаны, было время над ними поразмыслить. Так что ровным счетом ничего не происходило — три человека неспешно шагали к тому самому месту встречи, которое изменить нельзя. И не более того.

Перевалило за полдень, движение на улице в такую пору очень оживлен-

ное. Идут пешеходы, скачут всадники, неспешно движутся повозки и гораздо быстрее — кареты. Все как полагается. Обычная картина для города такого уровня развития. Однако...

Очень быстро Сварог заметил то, чего не передавали в полной мере никакие записи. Правда, писанные отчеты именно о таком подробно повествовали. И все же совсем другое дело — увидеть своими глазами...

Никакие отчеты оказались не в состоянии в полной мере описать кукольность окружающей жизни. Сварог словно оказался посреди киносъемки, где мало того, что роли и эпизоды расписаны и поведение строго предписано — каждое движение и каждый жест педантично, подробнейше определены режиссером. Вот только найдись такой режиссер, он, несомненно, оказался бы душевнобольным — такой скрупулезности никогда не требовала ни одна киносъемка, все гораздо интереснее и где-то даже отвратительнее...

Более всего походило на то, как если бы все поголовно прохожие заключены в некое силовое поле, вторую кожу, и это поле жестко, по заранее заданной программе изрядно ограничивает свободу движений, даже больше ведет человека, управляет им, словно марионеткой на ниточках — движениями, мимикой, выражением лица. К такому заключению Сварог пришел после первых наблюдений и анализа таковых. Удачнее сравнения и не подберешь — и пока что не произошло ничего, нарушавшего бы картину. Живые куклы идут, едут верхом, разыгрывают всевозможные бытовые сценки — мастерски, надо сказать. Режиссер безусловно чертовски талантлив, продумал все до мельчайших деталей, он ничуть не безумен, он просто-напросто точно знает, чего хочет, и без малейших сбоев претворяет это в жизнь...

*И пускай волной промчатся эти дни.
Были поводом для счастья
были поводом для счастья
и они...
Листья желтые над городом кружатся...*

С кем он тогда танцевал под эту песню, классический медляк времен курсантской юности? Стерлось в памяти, помнится только одно: она была красивая. Как-то так сложилась жизнь, что ему всегда — чему порой завидовали — везло на красивых, вот и с женой, казалось, в первые годы, повезло... Ладно, эти воспоминания держатся в памяти по чисто техническим причинам и душу не трогают нисколько, так что...

Брат Ролан коснулся его локтя, сказал тихо:

— Они по-прежнему за нами топают, те двое. Хорошо топают, грамотно...

Ну да, эта парочка села им на хвост, едва они вошли в город и миновали заставу — что брат Ролан, опытный в таких делах, засек моментально, на нем как раз лежала еще и обязанность выявлять возможную слежку, у него это, по рекомендациям боевого аббата, получалось лучше, чем у Гаржака, и, уж безусловно лучше, чем у Сварога.

Вот так. Пока неизвестно, какое место отвести сему факту в общей картине и как его объяснить — именно что примитивную по сравнению с техническими достижениями Радианта слежку, освоенную с тех стародавних времен, когда появились первые государства — а с ними, конечно, и первые секретные службы. Хотя... Другим агентурное наблюдение и быть не может, учитывая тот самый уровень развития здешних королевств, прямо-таки первобытный

по сравнению с Радиантом...

Вспомнив все уроки, старательно преподанные сыщиками из тайной полиции, Сварог, пожалуй, мог бы оценить происходящее безошибочно. Если двое ведут одного — значит ему уделяется повышенное внимание. Если двое или больше ведут нескольких — учитывают, что наблюдаемые могут разделиться. Двое за тремя... Тоже не ребус: один из трех считается самым важным объектом, а остальные — второстепенными. Есть серьезные подозрения касательно кандидата в самые важные объекты — но стопроцентной уверенности пока нет, так что воздержимся от скоропалительных выводов, мало ли что...

Вот теперь — самая пора отбросить все посторонние мысли — впереди совсем недалеко, широкую улицу косо пересекает другая, гораздо уже, как раз и ведущая к «Синей кошке», удобное место для некоторых фокусов...

— Ускоряем шаг, — тихонько распорядился Сварог. — Отрываемся, насколько удастся, сворачиваем направо. Вы, как ни в чем не бывало, шагаете в «Синюю кошку», а я догоню чуть попозже...

Они ускорили шаг.

— Ну что? — спросил Сварог.

— Тоже чуть наддали, — сказал брат Ролан. — Стараются держаться на том же расстоянии. Уардов пятнадцать...

— Ну, это ничего, — процедил Сварог.

Едва они свернули за угол, он, убедившись, что улочка совершенно пуста, через пару шагов прижался к глухой кирпичной стене, ограждавшей чей-то небедный домик, привычно в который раз стал невидимым.

Гаржак с братом Роланом быстро удалялись. Очень скоро объявились оба шпики, одетые как горожане средней руки, разумеется, чертовски неприметные, ничем не примечательные...

А впрочем, с какой стороны посмотреть... Они прошли мимо скорым шагом, Сварог видел их лица какие-то секунды, а дальше лишь смотрел в спину. Но этого хватило, чтобы сделать вывод: эти двое ничуть не походят на превеликие множество кукол, полное впечатление, что этих никакое помянутое силовое поле не сковывает, они держатся совершенно иначе, как люди, располагающие полной свободой действий... как красавица Ияна. Ничего удивительного, скорее уж, именно этого следовало ожидать: вряд ли Радиант располагает одним-единственным агентом здесь, логичнее предположить, что таких немало. И снова возникает вопрос, на который пока что не доискаться ответа: Ияна и эти двое — представители противника или каким-то образом освобожденные от кукольности местные уроженцы? Есть кое-какие аргументы в пользу второй версии, но они пока что не дают оснований ее безоговорочно принять...

Он оставался невидимым, прижимаясь спиной к прохладной стене, холодок от которой проникал и через беличий мех. Вскоре по следам шпииков быстро прошагали еще двое, столь же неприметно одетые, со столь же незапоминающимися лицами, точно так же и избавленные от «второй кожи». Ну, тут уж совершенно нечему изумляться, поскольку эти двое — оперативники восьмого департамента, для того и пущенные следом на значительном отдалении, чтобы засекать возможную слежку, подстраховывая брата Ролана...

С превеликим удовольствием отойдя от холодной стены, Сварог мигом стал видимым и направился в том же направлении. На перекрестке свернул нале-

во, благополучно добрался до корчмы «Синяя кошка» — как водится на двух других обитаемых планетах, и здесь название проиллюстрировано изображением означенной кошки (как и на помянутых планетах частенько бывает, потрудились, мягко скажем, не самый искусный художник).

Когда он вошел, спутники уже сидели за столом. Обычная картина: столы и стулья пусть и из струганного крашеного дерева, но неказистые, и, в отличие от тех, что можно порой видеть в иных трактирах Талара и Сильваны, выглядят здесь, на Нериаде, довольно легкими — мечта каждого драчуна, привыкшего использовать любые подручные средства. Ну да, судя по выводам, сделанным в результате «Невода», кабацкие драки здесь случаются редко, словно бы по некоему расписанию, где несколько процентов в графе «Трактирный быт» под них скрупулезно отведены...

Присев за стол к спутникам, он, стараясь делать это незаметно, разглядывал корчму. Прямо-таки классическая картина: за стойкой помещается хозяин, без камзола, в распахнутой рубашке, основательный, кряжистый, за его спиной — ряды бутылок и парочка бочек. У стойки неторопливо выпивают несколько человек, судя по манерам, завсегдатаи, перебрасывающиеся шутками с хозяином. В углу сдвинуты два стола, весело гулеванит компания небогатых дворян. Чинно беседуют купцы, едят и пьют представители других сословий. В другом углу воробьиными глотками прихлебывая пиво из глиняных кружек, в ожидании клиентов терпеливо проводят время три особы женского пола, чей род занятий угадывается за лигу — и парочка таких же лахудр уже прочно бросила якорь за столами развеселой компании.

Действительно, картина классическая. Даже слишком — потому что все до единого напоминают не живых людей, а кукол из музея восковых фигур, в сотый раз теми же движениями разыгрывающих сценку «В корчме».

Ага! Объявился один из шпииков, присел за стол поодаль, к нему, покачивая бедрами, тут же направилась одна из служанок, судя по ухваткам, не гнушавшаяся побочным заработком — ну, таких хватает и в заведениях классом выше, разве что там они и одеты лучше, и манеры изящнее...

Шпик, со скучающим видом ожидавший заказанного, выглядел единственным живым человеком среди марионеток, ну да, как ни старайся, а полностью имитировать поведение кукол живому человеку, пожалуй, и не удастся... Второй на случай каких-то неожиданностей остался снаружи — у крыльца таверны. Как обычно собралась кучка уличных игроков в кости, вокруг торчат зеваки, и среди них нетрудно замешаться топтуну...

Объявилась вторая служанка с громадным подносом, сноровисто расставила тарелки и кувшинчики, положила ножи и вилки, тяжелые, железные, в том числе, не обойдя вниманием и пустовавший пока стол, водрузила посередине темную бутылку вина приличных размеров, глиняные стаканы. Оставшись с пустым подносом, чуть задержалась, явно ожидая, не последуют ли интересные предложения. Не дождавшись таковых, соорудила едва заметную недовольную гримаску (режиссер точен в мелких деталях!) и отошла в комнату за стойкой, где с товарками дожидалась очередного гостя или распоряжений от уже сидящих.

— Рискнем, господа мои? — негромко спросил Сварог, показав глазами на бутылку. — Благо я что-то не чувствую ни яда, ни «безвредного вреда»...

Гаржак привычно наполнил стаканы, отпил первым, прокомментировал:

— Не высший сорт, конечно, но могло быть хуже...

Удивительно точное определение, подумал Сварог, тоже отпив солидный глоток. То же самое касается и закусок и прочей принесенной снеди. Ну, наконец... Не было поводов тревожиться, но ожидание — всегда штука неприятная, а уж в таких обстоятельствах, когда можно ожидать всего...

Судя по тому, что появился именно старший группы, обошлось, однако, без неприятных сюрпризов. Сварог заранее поставил задачу перед тремя десятками агентов — и они до того, как рассвело, ушли в столицу пешком, через ту же заставу, группами по два-три человека. С задачей как следует прочесать город в поисках чего-то интересного, примерно описать его. Мегалополисов здесь не водилось. Столица, один из самых больших городов Нериады, по прикидкам, насчитывала тысяч тридцать жителей — примерно как райцентр, в котором Сварог родился и провел детство. И размерами не так уж и отличалась. Несколько часов достаточно, чтобы неплохо ее изучить, разбитую на тридцать участков. Довольно легко работать в таких условиях — это вам не Сноль или Равена, не Фиарнолл и даже не провинциарий в многолюдных губерниях...

(Коли уж отвлекаться на посторонние мысли — в свое время Сварог, прочитав «Трех мушкетеров», был не на шутку удивлен: почему мушкетеры при срочной необходимости то и дело бегают друг к другу, когда у каждого есть конь? Лишь гораздо позже понял, что к чему, когда ему попался план Парижа времен кардинала Ришелье — в длину город тогда был километра три с половиной, и в ширину не более трех — они все жили совсем неподалеку друг от друга, проще добежать, чем ждать примерно столько же времени, пока слуга заседлает тебе коня...)

Как и полагалось по роли, они встретили пришедшего, как старого знакомого, но без бурных восторгов — господа дворяне еще не успели как следует принять на грудь, это в пьяных компаниях опоздавшего встречают бурным гомоном...

Как и полагалось по роли, пришедший сел, не торопясь, выпил стаканчик, закусил колбасой, вынул трубочку и кисет — куклы дымили примерно так, как и обитатели двух других планет, это входило в образ. Согласно неумолимой статистике, какой-то процент должен умирать от рака легких и прочих недугов, угрожающих курильщикам, — но курильщики не сами выбрали такую привычку, им режиссер определил, тварь такая...

Пришедший был в дворянском платье — как и остальные из отправившихся осмотреться. Самая убедительная мотивировка: большинство горожан других сословий бесцельно по улицам не бродят, разве что набравшиеся в кабаке, а вот дворянам, особенно приезжим, как раз и свойственно от скуки болтаться, где попало, забредать в самые неожиданные места. Это стало привычным на Таларе и Сильване, будем надеяться, что и здесь режиссер то же самое ввел в обиход...

Выглядел пришедший совершенно спокойным, не походило, чтобы он из-за чего-то волновался. Можно подумать, все прошло без сучка, без задоринки...

— Итак? — спросил Сварог.

— Все прошло гладко, без единого инцидента, — доложил пришедший. — Слежку зафиксировали только три группы — видимо, они не ожидали столь

массированного вторжения агентуры и не держали у заставы много топтунов. Во всех трех случаях топтуны явно были не ориентированы на кого-то конкретного — когда группы разделялись, шпик без колебаний устремлялся за кем-то одним, никаких колебаний не выказывая.

А вот те, что за нами топают, явно ориентированы на некую конкретную персону, мысленно отметил Сварог. Агент продолжал:

— Я бы рискнул сделать вывод, что топтуны не располагают какими бы то ни было средствами связи ни друг с другом, ни с центром, который просто обязан быть. Те, кто к нашим приклеился, так за ними и топали до самого их возвращения. *Новых* так и не появилось. В резиденции аппаратура не зафиксировала никаких переговоров... что ни о чем еще не говорит, разговоры с помощью нашей тоже невозможно засечь и подслушать никакой аппаратурой... Согласно инструкциям, люди искали что-то такое, что выламывается из обычной картины. Причем появившихся после первого «Невода» «неправильных» объектов обнаружено два. Первый — это Канцелярия недр. Канцеляриями здесь именуются министерства...

— Я помню.

— Канцелярия недр, во времена «Невода-1» ничем не отличавшаяся от прочих, на сей раз ненормально велика, превосходит размерами даже соответствующие министерства в самых развитых державах двух планет. Создается впечатление, что она — главнейшее здесь государственное учреждение, которому придается первостепенное значение. Громадина в четыре этажа и длиной на целый немаленький квартал. Второй «неправильный» объект — столь же огромное здание на полуночной окраине города. Окружено высоким забором из тщательно пригнанных досок, так что, сколько там в точности этажей, установить наблюдением было невозможно — вы приказали соблюдать максимальную осторожность, и наш человек болтался на окраине, смотрел уардов с двухсот. К зданию ведет широкая дорога, отходящая от большого тракта, ведущего на полночь. По нему то и дело въезжают повозки, тяжело груженные, идущие с полуночи, обратно выезжает поток пустых — уходит на полночь. Было уже светло, наш человек, по-прежнему разыгрывая скучающего приезжего дворянина, остановил парочку прохожих и поинтересовался, что это там за домина. Оба отвечали одинаково: королевская камнерезная фабрика, туда привозят камень с полуночных рудников и делают всякие штуки. И оба советовали благородному господину возле фабрики не отираться — она королевская, и потому ее хорошо охраняют, не любят, когда кто-то шатается поблизости, так что никто туда не ходит... Знаете, что самое интересное? Судя по всему, фабрика всю зарботала с утра — день не выходной и не праздничный, мы точно разгадали. Но наш человек не видел ни единой дымовой трубы, а возле фабрики не протекает не то что речки, даже ручейка...

Это действительно было интересно. Очень интересно. Не фабрика как таковая — она всего-навсего позволяет выдвинуть довольно убедительную версию о том, что «тарелочки» и прочие поделки изготавливают не в загадочном Зазеркалье, а прямо здесь — не зря говорят о повозках именно с *камнем*... А вот другое обстоятельство как раз и делает ситуацию крайне интересной. Станки на большой фабрике должны чем-то приводиться в движение, и уж безусловно не магией, присутствия коей на Нериаде попросту не отмечено. На Таларе и в паре самых развитых держав Сильваны используют паровые машины — ну,

учитывая уровень развития Нериады, следует ждать водяных колес, появившихся уже во времена, которые можно сравнить со Средневековьем Земли. Но нет ни дымовых труб, ни реки. Действительно, крайне интересно...

— Если не считать этих двух объектов, все остальное ничем не отличается от того, что заснято во время первого «Невода». Чуть ли не во всем практически повторяет прежние наблюдения. Разве что за шестьсот лет добавились новые улицы и дома, а некоторые старые перестроены — но всевозможные стройки и ремонт или снос старых зданий были много раз замечены и в прошлый раз. Вот и все результаты. Тщательно прочесав свои участки, агенты вернулись в резиденцию, состоялось совещание, я изучил все доклады и отправился к вам. По дороге в «Синюю кошку» меня столь же старательно пасли — сначала пешком, потом, когда я неподалеку от заставы взял извозчика, двинулись следом на своем. По-моему, один вошел за мной следом.

Ну да, подумал Сварог, сидевший лицом к двери. Вон тот, неприметный-незаметный. Привлекший внимание в первую очередь тем, что тоже выглядит *живым*.

— Что же... — сказал он спокойно. — Чтобы не привлекать лишнего внимания, старательно и не спеша все допиваем и доедаем. Что это за дворяне, которые бросят вино недопитым? Жратву еще можно оставить на тарелках, но вот вино... Оно, кстати, не такое уж скверное, потом закажите еще бутылку, граф. Нам совершенно некуда спешить, у нас масса времени...

Действительно, до темноты еще долго — не выпускать же Шмелей в белый день? Слишком высоко их не поднимаешь, к тому же при удаче они пойдут большими стаями, днем их можно разглядеть невооруженным глазом, так что не будем рисковать. А больше делать нечего, разве что готовиться к королевскому балу, на котором волей-неволей придется присутствовать, но это много времени не отнимет. А на бал нужно ехать — есть шанс и там увидеть кого-то интересного. Хорошо бы...

Он ощущал присутствие Иляны каким-то звериным чутьем, не имевшим ничего общего с магией, — и был уверен, что не ошибается, что ему это не кажется. Чувал — и все тут. К тому же, при подробном разборе предстоящей операции были выдвинуты кое-какие предположения...

Украдкой глянул на шпииков. Те держались совершенно непринужденно, умело притворяясь, что ни за кем не следят, так, покушать зашли. Один наворачивал сосиски и запивал их пивом, второй, натура очевидно более утонченная или просто больший гурман, коротал время в компании бутылки вина и тарелок с закусками. Как это принято у шпииков всех времен и народов, оба наверняка расплатились заранее под каким-нибудь безобидным предлогом, чтобы при необходимости моментально подорваться следом, и не погнался вышибала — вот он, прохаживается, голубь, очень убедительный, как все здешние марионетки, одет подходяще, рожа соответствующая. Ну что же, милые, топайте следом, мы люди открытые, за пазухой ничего не держим, от слежки уходить не намерены — поскольку нет поводов...

Они посидели еще с часок, прикончили вторую бутылку, потом расплатились с приличными чаевыми, поручили служанке поймать извозчика и отправились в резиденцию. Экипажи здесь, как и на Таларе, были поместительные, так что в тесноте, но не в обиде уселись все четверо. Шпиики, как и следовало ожидать, потащились следом, тоже на извозчике, судя по быстроте, с ка-

кой он объявился, на своем. Ну и черт с ними. Не стоит рубить хвосты, это-то как раз и вызовет подозрения у тех, кто за всем этим стоит. Коли уж они, надо полагать, неплохо изучили жизнь Талара (их присутствия на Сильване пока не зафиксировано), должны знать: не так уж и редко люди из канцелярии наместника (а то и он сам), переодевшись в *туземное*, отправляются в город в поисках развлечений по своему вкусу и разумению. Конечно, тридцать четыре человека — может, и многовато, но для этого есть мотивировка: резиденция появилась на Нериаде после шестисотлетнего перерыва, многим интересно взглянуть на столь экзотические для них места в первый же день.

Конечно, если у шпииков при себе качественные направленные микрофоны, они записали разговор, ничего общего не имеющий с обычным любопытством, от первого слова до последнего. Или в распоряжении хозяев имеются какие-то средства наблюдения, которых наша аппаратура не в состоянии засечь. При том, что вся она — стационарная, установлена в резиденции, а у нас ради пущей конспирации нет при себе никаких детекторов, ничего такого...

И в первом, и во втором случае (гораздо больше верится во вторую версию) они нас быстренько расколют, если уже не раскололи. Но это, в принципе, неважно. Даже если раскололи, не кинутся моментально в атаку, не настолько они глупы. Будут какое-то время наблюдать самым пристальным образом — это закон любой спецслужбы, вдобавок можно уже сказать с уверенностью, что логика и способ мышления этих, из Радианта, во многом похожи на наши.

А вот времени мы им как раз не дадим. Все в точности так, как он говорил Яне, нисколечко не совравши: при удаче блицкриг во всей своей красе развернется завтра, спозаранку, при неудаче — все незамедлительно отсюда уберутся, и едва они окажутся в безопасности на орбите, флотилия примется за работу. Не дадим мы им времени. Подумаешь, одна бессонная ночь — для таких случаев и существует синенький «эликсир бодрости», каковой уже не раз приходилось пить, так что все пройдет гладко...

Резиденцию наместника обустроили на пустыре, в полулиге от городской окраины и уардах в трехстах от большого тракта, ведущего из столицы на полдень — кто бы указывал Высоким Господам Небес, где им располагаться? Устроено это было, в общем, из чистой вредности, чтобы затруднить кому бы то ни было наружное наблюдение, вероятность коего учитывали заранее. Чем бы ни располагал для данного случая противник, ему ни за что не устроить поблизости стационарного пункта. Любую аппаратуру придется устанавливать в ближайших домах — а если техника не будет в игре и все ограничится подзорными трубами, опять-таки ближе не устроиться...

Резиденция наместника (они все возводились по единому образцу), конечно же, должна была производить должное впечатление — роскошный дворец странноватой архитектуры, не имеющей аналогов ни в Империи, ни на обеих планетах (как оно и было задумано изначально, чтобы здание отличалось от любых земных построек, а кто-то в свое время решил — заодно и от имперских тоже). Конюшни, каретные сараи и прочие подсобные помещения в том же стиле. Как водится, окружено все это затейливой решеткой в два человеческих роста — из-за световых лучей густо-алого цвета, временами мерцавших золотыми искрами. Это уже не красоты ради, а пущей безопасности для: дотронешься рукой — останешься без руки, вздумаешь по дурости бодать лбом...

Ну, соответственно.

Извозчик, завидев все это издали, поначалу собирался тормознуть на большом тракте и оставить их там — боязливость вовсе не свидетельствовала о его свободе воли. Как ни приглядывайся, классическая кукла. Видимо, заложенная ему в голову программа (а такие тут просто обязаны быть) предусматривала типичные для извозчика реакции на разнообразные ситуации. На двух других планетах, кстати, извозчики, в общем, не боятся подъезжать с седоками к резиденциям, но при этом всегда им чуточку не по себе...

Они пустили в ход тоже вполне стандартные ухватки, каких и следовало ожидать от дворян в таких случаях — пригрозили, что, во-первых, уши отрежут, а во-вторых, могут и не отрезать, ладно уж — добавят денежку. Судя по тому, что извозчик согласился на второй вариант и без всякого удивления принял первый, здешним дворянам программа предписывала держаться именно так, как держались бы в схожей ситуации их таларские и силванские братья по классу...

Должным образом настроенная калитка при их приближении моментально исчезла. Сварог вошел во дворец первым, и, кивнув спутникам, направился на второй этаж, повернул направо, нажал на ручку двери в комнате, куда не мел права входить никто, кроме него и Каниллы.

Помянутая благородная девица (она очаровательный бесенок в юбке, ценный сотрудник и глава Ассамблеи Боярышника) пребывала на рабочем месте, как и два Золотых Обезьяна, которых Сварог вместе с кое-какой аппаратурой из Белордерана привез сюда. Что никаких технических сложностей не составило — Сварог их просто-напросто закутал в плащи до пят и велел надвинуть капюшоны пониже. Так что конспирация соблюдалась в отношении всего персонала резиденции, кроме Каниллы — что персонал принял со спокойствием профессионалов, каждый знает ровно столько, сколько ему положено знать, если шеф привез с собой двух закутанных с головы до пят незнакомцев, значит, так надо. Никто и не мог предположить, кто они такие, — благо роботы, в отличие от Каниллы, могли пребывать на своих местах круглосуточно, не нуждаясь в сне, еде и отдыхе.

Вся троица прилежно восседала за пультами, установленными в ряд у левой стены, каждый за своим. Пульты, как обычно, мигали разноцветными огоньками, показывали на экранах загадочные для непосвященных (и для Сварога тоже) разноцветные линии и загадочные символы. Премудрость, в который раз подумал он не без уважения и прикрыл за собой дверь.

Канилла повернулась к нему и встала из-за пульта, пересела в кресло у низенького стола из блестящего металла — тоже своеобразного экрана, которому предстояло заработать при удачном повороте дел. Обезьяны, по своему всегдашнему обыкновению, повернули головы на девяносто градусов, лицами к нему, как это делают совы, тем и ограничились. Ну, глупо было бы вводить субординацию в отношении роботов...

Сварог присел во второе кресло — их тут было только два, для него и Каниллы.

— Результаты? — спросил он.

— Никаких, — прилежно доложила Канилла. — За все время, что вы провели в городе, ни единой попытки к нам проникнуть... с помощью чего бы то ни было, — она подумала и предусмотрительно добавила: — По крайней мере, не

наблюдалось ничего, что наша или ваша аппаратура могла бы выявить.

— Вот именно, — проворчал Сварог. В конце концов, аппаратура ларов тоже не способна была засечь работу наблюдательных устройств Велордерана...

— Отрицательный результат — тоже иногда результат, — сказал он старую банальность. — Если у них нет ничего, что мы не способны засечь нашими устройствами, задача облегчается. Если есть... если есть, пожалуй что, усложняется, так бы я сказал. А Радиант?

— Ну, этот постоянно бьет по Талару, Талар сейчас в периоде «встречи»... Сейчас это даже неинтересно, верно? Все параметры прежние, ничего нового, изменений никаких.

Сварог кивнул. Появился прекрасный способ узнать, когда именно Радиант начнет боевые действия — как только сигнал вместо обычного потока будет содержать какую-то из комбинаций для сработки «тарелочек», считай началось...

— Верно, — сказал он не без утрюмости.

Перевел взгляд на того Обезьяна, что сидел справа, красовавшегося под номером шесть. Их тут было, как легко увидеть, двое, Шестой и Четырнадцатый — и Сварог именно Шестого назначил старшим. Согласно старому армейскому принципу: если группа и состоит всего из двух человек, все равно одного следует назначить старшим. Вот Сварог и назначил старшим Шестого — исключительно оттого, что так быстрее было произносить.

— Докладывайте! Шестой, — сказал он.

Рапорт Шестого оказался еще короче, чем у Каниллы — по излучению Радианта Обезьяны не работали, а насчет остального могли повторить то же, что и Канилла: никаких попыток постороннего вторжения... по крайней мере, с помощью аппаратуры, которую они могли бы засечь.

У него чесались руки испробовать хелльстадские системы наблюдения, один из пультов для управления ими и предназначался — но не стоило раньше времени тыкать в берлогу рогатиной, совать палку в осиное гнездо. Только после того, как пойдут в разведку Шмели — и неважно, будет разведка, удачной или неудачной...

— А у вас как дела? — спросила Канилла (от которой в этой операции секретов не было).

— Ничего особенного, — сказал Сварог. — За нами все это время таскались шпики, ничуть не похожие на марионеток. Подобные скорее Иляне.

Потом рассказал о Канцелярии недр, о чуточку странной фабрике (гораздо подробнее в том числе и о тянущихся туда обозах с полуночи). Канилла о чем-то ненадолго задумалась, догадавшись, что больше рассказать нечего, отошла к Шестому и негромко с ним заговорила. Насколько расслышал Сварог, касалось это компьютеров — и потому он понимал не все слова. Усмехнулся, когда она вернулась к столу:

— Нашли общий язык?

— Ну да, — серьезно сказала Канилла. — Сначала я чуточку дичилась, о роботах только читала и видела по телевизору — а в фильмах они иногда очень злобные, замышляют всякие коварства. Потом как-то незаметно разговор пошел о технике, и я с ними освоилась. — Она округлила глаза в неспритворном изумлении. — Та-акие компьютерчики, командир! Теперь понятно, почему Элкон у вас регулярно пропадает. Можно будет как-нибудь и мне?

— Ну разумеется, — сказал Сварог. — Только сначала нужно здесь разобраться, да так, чтобы у нас не было с ними потом никаких забот и хлопот...

— Командир...

— Да?

— Возьмите меня с собой на королевский бал.

Сварог усмехнулся:

— Хочешь посмотреть платья? Достаточно будет потом изучить старые записи — фасоны с тех времен практически не изменились. Или тебе непременно нужно их увидеть самой?

— Ну, и это тоже, — сказала Канилла, не ответив на его улыбку. — Вот только платья меня сейчас меньше всего интересуют... За вами пустили шпииков... Если они все же нас не подслушивают и не подглядывают, у них есть все основания считать, что мы прилетели сюда *надолго*. Самый логичный следующий ход в такой ситуации — начать нас разрабатывать, вы сами учили...

— Логично, — вынужден был согласиться Сварог. — Только для этого нужно до нас добраться вживую, а это нелегко... разве что из зеркала у меня полезет загадочная красотка Ильяна... а то и кто-то еще...

— Вот на этом я расчеты и строю, — сказала Канилла. — Вы несколько часов провели в городе, делать было нечего, и я все обдумала. Следите за моей мыслью, командир. Проще и легче всего к нам подкатиться как раз на королевском балу, где мы на их территории, они же люди, у них человеческая логика... Ко мне, можно решить, гораздо легче подкатиться, чем к вам. Вполне может обернуться так, что возле меня объявится роковой красавчик. Я молодая, очаровательная, а уж прикинуться дурочкой всякая женщина умеет мастерски. Грех не попытаться счастья — я имею в виду дела разведывательные — со столь подходящей особой. Предположим, так и произойдет, тем более что я буду играть откровенную блудливость. Если что, к нему я не поеду, скажу, что нам настрого запрещено проводить ночи вне резиденции. Думаю, поверит: вряд ли они интересовались регламентами канцелярий заместников, им это попросту не нужно. Приведу его сюда, попробую разговорить. А если он окажется из тех, кто разговоры откладывает на потом, если попытается очень уж бурно покушаться на мою добродетель, я его без затей срублю парализатором. У нас целый ящик парализаторов. Должно подействовать. Я два раза прочитала отчеты техников, наблюдавших визит Ильяны к Орку. Они пустили в ход все датчики и детекторы, какие только имелись. Вывод категорический: это самый натуральный человек, и никто другой...

— Может оказаться так, что она — человек, — сказал Сварог. — Но есть другие, устроенные совершенно иначе.

— Если что, попробую еще убойные приемчики, — безмятежно ответила Канилла, словно отмахнулась. — Вы же знаете, у меня по боевой рукопашке результаты неплохие. Ну, а если и это не поможет, наши люди будут рядом. Это не дворец, а большущий капкан. Скрутят, отнесут в виману, и она тут же стартует. А уж на Таларе его быстренько разговорят. Вы же сами говорили, что нам нужен пленный. Что скажете?

— План заманчивой... и довольно толковый, — сказал Сварог задумчиво. — Может закончиться успехом... при условии, что они нас не подслушивают.

— Даже если подслушивают, подглядывают и будут знать заранее, что мы задумали, — какие тут неприятности? Не будут же они на нас набрасываться

прямо на балу, вообще в городе. Просто будут знать, что мы знаем, и в соответствии с этим вести игру дальше. Мы же еще здесь не обосновались толком, вы не вручали королю верительных грамот, он только готовит пышную церемонию. А приказ я соблюдаю старательно...

Сварог знал, о чем она — на последнем инструктаже перед отлетом он отдал строжайший приказ всем без исключения: на Нериаде всем до единого ни словечком не упоминать о задуманной операции, о пребывавшей не так уж далеко от Нериады боевой флотилии — именно допуская, что их могут подслушать...

— А если они не смотрят и не слушают — шансы на успех огромные, — сказала Канилла. — Я бы на их месте на такую безобидную приманку клюнула: молодая, красивая, глупенькая, блудливая... И одета соответственно. У них женщины одеваются, как тысячи лет назад — платья до пола, вырезов практически нет. А я поеду в нашем платьице. Кто запретит высокой Госпоже Небес? Я ж на них буду действовать убойно, не хуже «Белого шквала»...

Она крутнулась волчком — медленно, так что короткое платьице и не взметнулось. Сварог вздохнул, ничуть не скрываясь. С Каниллой ему порой бывало трудновато, чисто психологически. Сотрудник отличный, ценный, к дисциплине относится со всем уважением, но частенько при обсуждении самых сложных вопросов и дел держится так, что посторонний, впервые с ней столкнувшийся, сочтет взбалмошной, легкомысленной, безалаберной. Тут уж действовали вьевшиеся в подсознание армейские рефлексy: в армии всегда недолюбливали редкое несоответствие формы и содержания. Люди в погонах обычно, в отличие от штатских, не видят ничего смешного в одной из статей «Воинского артикула» Петра Первого: дабы не смущать начальство, подчиненный должен иметь вид лихой и придурковатый...

— Дело опасное... — сказал он скорее машинально, чем возражая.

— На Той Стороне, по-моему, было опаснее, — сказала Канилла. — Но вы разрешали туда идти не только мне, но и Янке... А уж там гораздо легче было заработать нож под ребро... Вы мне что, запрещаете?

— Да нет, — сказал Сварог, сдавшись окончательно перед ее несокрушимой, в общем, логикой. — Разрешаю. Вообще-то могут и на меня клюнуть...

Он подошел к овальному зеркалу и еще раз с удовольствием обозрел свою физиономию, точнее, чужую. По-человечески она Сварогу не нравилась, от нее тошнило, но вот с точки зрения дела — лучшего и не придумаешь...

Уж его-то эти, из Радианта, прекрасно знали в лицо, так что соваться на Нериаду в своем подлинном облике было бы не самоубийством, конечно, но моментальным провалом. А потому специалисты своего дела изготовили ему «маску» — постоянную, снимающуюся заклиниванием. Великолепная рожа: за лигу видно, что ее обладатель глуп, как пробка, но преисполнен самомнения, чванства, тупой гордыни — то есть великолепный экземпляр для вербовки. Занятно: при изготовлении «маски» в качестве прототипов использовались сразу три реальных фигуры, благородные лары, обладавшие вышеперечисленными качествами в полной мере. Один из них — небезызвестный барон Копер, которого, по уму, давно пора бы загнать в замок Клай, тюрьму Лоре или, по крайней мере, выслать на Сильвану за все его художества на земле, но, увы, нет юридических зацепок. От него Сварогу достались еще и дурацкие усики — коротенькие, не достигавшие углов рта, закрученные в виде запятой.

Хоть какую-то пользу принес, скотина...

Он отвернулся от зеркала, шагнул к креслу. Тут его и накрыло...

Словно могучий порыв ветра пронизал насквозь ставшее бесплотным, как туман, тело, ворвался в мозг, промчался меж ребрами и вырвался со спины — но этот шквальный порыв был не холодным, а приятно теплым, всепроникающим, растворившим на миг в чем-то, чему названия не было изначально...

Погруженный в некий мерцающий туман, не дававший шевельнуться, он испугался бы — но страха отчего-то не было, как и любых других чувств. Туман стал светлее, в нем четко проступило изображение здешнего королевского дворца, пышно-старомодного, возведенного в стиле былых тысячелетий — как все прочее, и архитектура здешняя застыла, словно доисторическая муха в янтаре. Этакая коробка из-под обуви с прорезями, каменная стена вокруг, крыши унылого, болотного темно-зеленого цвета, несоразмерные угловые башенки, слишком тонкие по сравнению со зданием, опять-таки несоразмерные огромные крыши, похожие на китайскую соломенную шляпу низким конусом...

Потом на фоне дворца появилось лицо Иляны, спокойное, надменное, волосы на сей раз не распущены по плечам, а уложены в затейливую прическу, смотрит словно бы свысока. Исчезло, и на смену ему явились другие, проплывающая неторопливой чередой, так что их удавалось хорошо рассмотреть — главным образом мужские, хотя появляются и женские, довольно симпатичные, но безусловно уступающие красотой Иляне, лица молодые, пожилые, а то и старые, как из тех, что легко всплывают в памяти, так и совершенно неприметные, словно принадлежащие хорошим шпиикам...

Их было много, и на всех, даже неприметных, застыло то же, что у Иляны, выражение холодного презрения ко всему окружающему и всем окружающим. Неприятные были лица, все до одного...

В конце концов они исчезли, туман понемногу стал таять — он почувствовал затылком, всем телом твердый пол, пусть и застланный ковром, услышал звонкий, тревожный голос Каниллы:

— Командир! Командир! Да что с вами?

Окончательно вернувшись в реальность, он обнаружил, что лежит навзничь посередине комнаты, а над ним склонилась стоящая на коленях Канилла, невероятно испуганная, какой он никогда прежде не видел. Нигде ничего не болело, сознание стало ясным — он вернулся...

Сел без малейших усилий, тут же поднялся на ноги. Канилла встала с колен гораздо медленнее, уставилась на него шалыми покруглевшими глазами:

— Что случилось, командир? Это они?

Шагнув к ней, Сварог взял ее за плечи и крепко встряхнул, прикрикнул жестко:

— Кани, успокойся!

Поддействовало, она быстро опомнилась — ну, не тот был характер, чтобы сорваться в истерику... Тяжко, облегченно вздохнула, повторила:

— Это они?

— Ничего подобного, — сказал Сварог. — Тут совсем другое. Бывало уже, но редко... Это не они, уверяю тебя...

— Вы никогда о таком не говорили...

— Когда-нибудь обязательно расскажу, — сказал Сварог. — Сейчас не стоит

тратить времени, потому что это не имеет никакого отношения к делу.

Уже совершенно точно вспомнил, где с ним случилось подобное прежде — один-единственный раз, слишком необычным было пережитое, чтобы о нем забыть. Интересно... Не то слово...

— Как это выглядело со стороны? — спросил он деловито.

— Вы вдруг замерли, изменились в лице, — прилежно доложила Канилла, похоже, окончательно приведенная в чувство его насквозь командным голосом. — Лицо стало каким-то *другим*, у меня даже слов нет, чтобы описать... Потом стали... нет, не падать, медленно так опускаться на пол, глаза остекленели, смотрели сквозь меня... сквозь весь мир... Я не знала, что делать...

— Будет время, непременно расскажу, — сказал Сварог. — Главное, это не они. И ничего тут нет страшного... Всего-то...

Он замолчал, повернул голову — пульт Каниллы испускал громкое свиристенье, вспыхнула пара лампочек, на одном из экранов зажегся загадочный синий знак, да так и остался. Обезьяны оставались неподвижными, даже головы не повернули, а их пульта были молчаливыми без всяких звуковых или световых эффектов.

— Кани... — кивнул Сварог в ту сторону.

Но она уже без понуканий бросилась к пульта, упала в кресло, что-то нажала, что-то повернула. Лампочки погасли, синий иероглиф пропал. Канилла машинально выругалась — не драгунскими словечками, но все же не сочетавшимися с обликом молодой благонравной девицы из знатной семьи, с титулом и положением в светском обществе. Обернулась к Сварогу, разочарованно протянула:

— Рутинка... Радиант перестал излучать, значит, либо он обратился к Талару другим полушарием, либо Талар к нему, точно выяснять не стоит — будни... Жаль, я-то думала, что-то полезное... Командир, с вами и в самом деле все в порядке?

— В совершеннейшем, — сказал Сварог чистую правду. — Клясться не буду, поверь уж на слово, ладно? — Он посмотрел на часы. — Ну, пора собираться на бал. Я-то соберусь быстро, но прекрасно знаю, сколько женщинам нужно времени, чтобы подготовиться к балу во всеоружии...

Канилла живо вскочила:

— Я постараюсь быстро.

— Только ты там не перегибай палку...

— Ну что вы, командир, — улыбнулась она лукаво и загадочно. — Неужели вы еще не открыли, что каждая женщина — актриса в душе? С молодых ногтей?

— Давно открыл... — проворчал Сварог.

...Как и следовало ожидать, большой зал с высоким потолком, под которым перекрещивались темные балки из мореного дуба, освещали факелы — как тысячелетия назад. Вот, именно, мухи в янтаре. Даже на Сильване, отстававшей от Талара в развитии техники, давным-давно научились изготавливать керосин и использовать его в светильниках наряду с минеральным маслом. Что же, там не было янтара...

Впрочем, необходимо уточнить, что света факелы давали достаточно — вставлены в кованые железные держатели на высоте в два человеческих роста очень густо, промежутками не более чем в ладонь, горят ровным жарким

пламенем, практически без копоти — это, безусловно, не смола, что-то посложнее. Значит, именно такие факелы, чуть совершеннее вовсе уж первобытных или тех, что горели в Середине Времен (так на Таларе называли те времена, что на Земле именовались Средневековьем), и были уже в обиходе, когда Нериаду накрыло.

Касательно этого имелись некоторые логические неувязки. В точности определить, когда все случилось, невозможно: лишь лет через двести, когда орбитальные убежища беглецов превратились в нечто большее, окончательно оформились в Империю, к другим планетам отправили космические корабли и обнаружили, что на Нериаде словно остановилось время. О причинах никто до сих пор ничего не знает, ученые предполагают, что это какое-то поле, исключительно потому, что *других* факторов попросту не нашли, много раз брали образцы воздуха, воды и почвы в разных уголках планеты, скрупулезнейше исследовали, но ничего подозрительного не обнаружили. «Положительно, это какое-то поле, — говорил как-то профессор Марлок. — Мы просто не можем его обнаружить нашими приборами. Как не смогли бы обнаружить радиацию магнитометром, не имея ничего, кроме него. Я не настолько самоуверен, чтобы полагать, будто все наперечет поля науки известны...»

Предположим, все так. Но, тем не менее, логические неувязки остаются. Загадочное поле и Радиант как-то между собой связаны, или нет? Или *они* просто высадились — или *прибыли* — именно здесь, потому что в других местах не могли бы с ходу подмять под себя планету, а вот с куклами это прошло идеально? С одной стороны, раньше они никак себя не проявляли... или мы просто-напросто ничего не знаем о прежних попытках, оставленных без внимания? Предположим, по каким-то веским причинам они были поначалу слишком слабы, чтобы всерьез строить планы завоеваний Империи, переживали, скажем, свое Средневековье, медленно эволюционировали, развили науку и технику — и наконец, войдя в силу, начали действовать? Никаких убедительных доказательств, фактов нет, одни домыслы...

— Неужели вы и сейчас погружены мыслями в государственные дела, герцог? — раздался справа голос короля.

Сварог моментально вернулся к реальности, ответил со всей светской вежливостью:

— Нет, ваше величество, просто засмотрелся на ваших красавиц.

— О да, они достойны внимания... — ответил король, с некоей вороватостью покосился на супругу, сидевшую с отрешенно-властным видом и вроде бы совершенно не интересовавшуюся их разговорами.

Такое вот величество... Если быть точным, его величество Парташ Девяносто Восьмой — не удивительно, что его порядковый номер крайне удивил бы монархов Талара и Сильваны, здесь не бывает ни дворцовых переворотов с целью смены династии, ни цареубийств, сущее сонное царство, если династия и пресекается, то чисто по естественным причинам, иногда просто не остается наследников. Кукла как кукла — за сорок, лицо обычное, ничем особенным не примечательное, не отмеченное ни силой воли, ни печатью тиранства — откуда здесь взяться и тому, и другому? Богато одет, декорирован несколькими орденами, полными аляповатой вычурности, один на массивной золотой цепи, другие по обе стороны груди — значит, здесь, в отличие от Талара и Сильваны, короли преспокойно носят ордена своего королевства: даже если допу-

стить, что иные из них вручены заграничными братьями по классу, тот, что на цепи, несомненно, местный — цепь украшена медальонами с гербом Даркаша. Королева ему под стать: красива, примерно того же возраста, но, можно так выразиться, лицо не отмечено признаками яркой индивидуальности, столь же непримечательное, как у супруга. Не видно никаких принцев или принцесс — то ли не достигли еще возраста, позволяющего посещать взрослые увеселения, то ли венценосная чета бездетна пока. А впрочем, такие детали не имеют значения...

Он вновь стал разглядывать танцующих — их было человек пятьдесят. На высоте человеческого роста, на противоположной стене — полукруглый балкон с кованой балюстрадой. Там всюду старается живой оркестр из полдюжины музыкантов, музыка приятная, мелодичная — но, конечно же, возрастом в несколько тысячелетий. Как все здесь, кроме людей и животных. Танец чем-то напоминает старинную каталунскую тарантуру. По периметру зала — полдюжины длинных столов с бутылками, бокалами и закусками, возле них выжидательно застыли лакеи в раззолоченных ливреях. Несколько индивидуумов мужского пола, явно не намереваясь предаваться вульгарным пляскам, прочно бросили якорь возле столов, несколько пар чинно беседуют, не глядя на танцующих, — по виду парочек, они толи уже состоят в определенных отношениях, то ли движутся к ним на всех парусах.

Что ни возьми, полная аналогия с придворными балами на Таларе. Одно существенное различие...

Происходящее крайне напоминает музыкальный ящик с марионетками, о котором писал в отчете шестьсот лет назад кто-то из наблюдателей. И кавалеры, и дамы, как и все виденные горожане (за исключением шпигов), затянуты в невидимую «вторую кожу» — разве что степени свободы у них другие, приспособленные для исполнения очередной программы. Вроде бы танцуют, вроде бы флиртуют, вроде бы улыбаются друг другу, но каждое движение, каждый жест словно направляются невидимой рукой, отточены и предсказуемы. Словно работает ткацкий или другой станок, набор заранее известных манипуляций, полностью исключающих импровизацию и свободу воли — откуда они у нехитрого механизма?

Что характерно, господа мои, так ведут себя не все поголовно... Сварог при беглых наблюдениях обнаружил четырех, самого разного возраста, от молодых людей до пожилых, державшихся совершенно иначе — подобно тем шпигам, обладающим и свободой воли, и свободой движений. Кажутся живыми людьми, каким-то чудом оказавшимися на экране среди актеров, играющих в костюмном историческом фильме. Возможно, есть и другие такие, не только эти четверо придворных кавалеров — но Сварог пока что не разглядывал *всех* присутствующих. Ну, разумеется, почему бы им не оказаться здесь, таким? Управлять марионетками, надо полагать, не так уж сложно — но гораздо рациональнее иметь среди них *живых* — чтобы, скажем, быстрее и легче проводить в жизнь ценные указания неведомого центра. Коли уж простые шпики обладают свободой... Вряд ли шпигов специально к прилету Сварога сделали именно такими, освободили от некоего наваждения, от *янтаря*... А вот Иляны нигде не видно... или у нее свой, строго определенный круг обязанностей, не включающих в себя посещение королевских балов? Кто ее знает. Как бы там ни было, даже сейчас, когда бал длится уже не менее часа, порой появляются в

широкой арке (дверей нет) новые персонажи обоего пола — видимо опоздание на бал здешнему этикету не противоречит, приходи когда хочешь...

Он без труда нашел взглядом Каниллу, благодаря наряду выделявшуюся в толпе, словно изумруд в россыпи фасолин. Она с самого начала танцевала непринужденно и умело — вообще-то она всегда хорошо танцевала, тем не менее, для того, чтобы моментально включиться в общие переплясы, одного чувства ритма мало, она должна была прилежно изучить старые записи, сделанные наблюдателями в рамках первого «Невода». И правильно. Уж не задумали она еще на Таларе этот план — надо признаться, весьма толковый? С ее острым умом — вполне возможно...

Канилла, с полувзгляда ясно, имела большой успех, вокруг нее прямо-таки вились кавалеры всех возрастов, наперегонки бросавшихся к ней, едва должен начаться очередной танец, непрерывно, судя по мимике, отпускавших комплименты, в перерывах между танцами липнувших с разговорами. Ну, ничего удивительного — программа «Королевский бал» предусматривает именно такое поведение, придворные кавалеры просто-таки обязаны так себя вести, ценители прекрасного. Тем более — незнакомая красавица с отличной фигуркой, подол золотистого платья на полторы ладони выше колен, невиданный здесь вырез...

Плохо только, что ее форменным образом осаждают одни куклы. Никто из той четверки, никто другой из свободных ни разу с ней не танцевал, ни разу не заговорил. Канилла держится непринужденно, выглядит веселой, улыбается очаровательно и часто, охотно болтает — но в глубине души, конечно, должна потихоньку злиться — на крючок насажена аппетитнейшая приманка, а рыба, чтоб водяной задал, никак не клюет...

Внимание! Сварог насторожился. очередной припоздавший, наскоро осушивший бокал у стола, оглядевшись, уверенно направился к Канилле и успел, опередив прочих соискателей, пригласить ее на очередной танец. Он, безусловно, из живых, подобно той четверке, по внешности — именно роковой красавец из очередного телесериала. В точности таких и подставляют красивым дурочкам, вообще женщинам, ищущим романтической любви. Кажется, Канилла рассчитала все правильно — желанная рыбка наконец цапнула приманку. Ну да, танец кончился, и он уводит Каниллу к столу с вином, причем из прежних ухажеров никто и не пытается вклиниться: то ли причиной тому небрежная уверенность, с какой он держится, то ли ему определили такую роль, что куклы держатся в сторонке — скажем, всемогущий фаворит короля или королевы — как нельзя более подходящая должность для введения каких-то новшеств, необходимых именно этим, из Радианта, взять хотя бы королевскую камнерезную фабрику, канцелярию недр — два объекта, своими размерами явно превышающих те, какие потребовались бы для кукол. Сварогу было достаточно времени, чтобы послать запрос и получить ответ, так что можно говорить со всей уверенностью: раньше не было ни фабрики такого размера, ни какой бы то ни было канцелярии, старые записи ничего такого не показывают, так что это явно нововведение... а здесь имеется лишь одна разумная и организованная сила, которой новшества необходимы, — Радиант. Просто некому больше...

Ага, на новый танец он ее не пригласил, так и стоят у стола, оживленно беседуют, Канилла играет глазами со всем прилежанием глупенькой красотки,

не отягощенной особой моралью, одаривает его широкими, ослепительными (и блудливыми чутью, да) улыбками. Роковой красавец, в рамках этикета проявляющий нешуточный интерес к стройным ножкам и вырезу, судя по его поведению и легким, дозволенным правилами приличия прикосновениям к обнаженным локтям, поставил себе простую и конкретную задачу и движется к ней на всех парусах. Так-так-так... Канилла, улыбаясь, отрицательно качает головой, что-то с улыбкой объясняет, красавчик не выглядит огорченным. Кажется, довольно быстро красотка получила предложение поехать к нему домой — музыку послушать, рыбок в аквариуме покормить, посмотреть коллекцию марок. Такие темпы удивлять не должны — и на земных, и на имперских балах подобные парочки, точно знающие, чего хотят, столь же быстро находят общий язык. Поедете в резиденцию? А почему бы ему не поехать? Если они не подслушивали? Ну что же, мы люди гостеприимные, хотя сплошь и рядом наше гостеприимство принимает преувеличенные формы, вплоть до немедленного приглашения в гости на Талар, чего сей персонаж вряд ли жаждет...

Краем глаза он видел арку — и напрягся, на мгновение посмотрел прищуром охотника, каким поверх мушкетного ствола радостно выцеливают наконец-то объявившуюся дичь.

В зале появилась Ильяна. С видом давным-давно обвыкшейся здесь прошла к ближайшему столу, непринужденно взяла у лакея бокал вина, отпивая деликатными глоточками, разглядывала танцующих с некоторой скукой, знающей все наперед придворной дамы, которой хочется новых развлечений и впечатлений, потому что старые осточертели. Мазнула Сварога внимательным взглядом и вновь разглядывала танцующих.

Он *держал* ее краем глаза, ощущая тот же охотничий азарт. На сей раз выглядит чутью иначе: роскошные золотистые волосы уложены в прическу, неизвестную на двух других планетах — но многие из присутствующих дам с такой щеголяют: две косы тугими бараночками прикрывают уши, третья на затылке, две длинных пряди свободно падают у висков. Вместо неизменного простенького платья, в котором она выявлялась на Таларе и на земле, и за облаками — гораздо более роскошное, из тонкой светло-зеленой материи в мелкую золотую крапинку, чеканный пояс низко опущен на бедра и украшен впереди овальным медальоном с каким-то узором — и пояс, и медальон, конечно же, не золотые, только позолоченные — будь они из чистого золота, весили бы изрядно, даже мужчины такую тяжесть не таскают. А вот затейливые золотые, браслеты с зелеными камнями на запястьях вполне могут оказаться и золотыми, и уж наверняка из чистого золота, и серьги с такими же зелеными неограненными самоцветами — похоже, янтарь сковал людей во времена, когда гранить драгоценные камни еще не умели, ограничивались шлифовкой.

Очень, знаете ли, интересно... Украшения золотые, с драгоценными, надо полагать, камнями, несомненно, подобранными так, чтобы гармонировали с платьем, но в то же время на лебединой шее, открытой здешним скупым вырезом, — та самая связка полированных каменных брусочков, продолговатых, серых с синими прожилками. Довольно-таки странное сочетание — а ведь ничего подобного у прочих дам не наблюдается, на какую ни глянь — на шее, в ушах, на пальцах и запястьях исключительно золото с самоцветами. Положительно, это неспроста, что-то должно означать...

Король склонился к его уху, тихонько сказал тоном матерого заговорщика:

— Я вижу, вы заметили очаровательную графиню Фереташ...

— Ее невозможно не заметить, ваше величество, — сказал Сварог с должной галантерейностью.

— Ну разумеется, любезный герцог. Украшение двора, смело можно выразиться...

— К сожалению, ваше величество, иные украшения, как правило, имеют хозяина...

Король живо ответил:

— Только не в этом случае, герцог, графиня славится свободой поведения... о, я в хорошем смысле! Это означает лишь, что она сама выбирает пути и цели...

Ну да, разумеется, подумал Сварог, вряд ли ей интересно, каковы бы ни были рубежи ее морали, спать со скучными куклами, вряд ли это нужно этим, из Радианта. Спать с собственными инструментами — прямо-таки извращение. Очень похоже, она, подобно земным валютным проституткам, на иностранцах специализируется...

Король вновь покосился на жену, еще больше понизил голос:

— Правда, любезный герцог, это вовсе не означает, что она недотрога...

Судя по тону и ухваткам, ему в этом кукольном театре выпала роль игривого потаскуна, какие среди обычных королей не редкость. Ну что же, не самая незавидная роль, бывают хуже. Интересно только, какая роль досталась его супруге — ревливой мегеры или тихой страдальцы? Среди королей широко представлены те и другие...

— Вот это слышать приятно... — сказал Сварог, ответив на улыбочку короля такой же игривой.

— Что же, вы наш высокий гость. Только предупреждаю заранее — есть ситуации, когда и король неволен приказывать. Вам придется всецело полагаться на себя...

— Я, пожалуй, рискну, ваше величество, — сказал Сварог с ухарским видом.

Король приподнял левую руку и звучно щелкнул пальцами. Лакеи, даже кукольные, всегда на высоте: тут же возле него материализовался раззолоченный экземпляр в черно-зеленой ливрее — такими уж несколько мрачноватыми были Здешние королевские геральдические цвета, соответственно, и знамя у них — черное с зеленым...

— Голубчик, — сказал король небрежно. — Передайте графине Фереташ, что я хотел бы с ней перемолвиться словечком...

Слегка поклонившись, лакей проворно направился к Иляне, и, кланяясь даже более почтительно, что-то сказал. Иляна глянула в их сторону (у Сварога осталась впечатление, что смотрела она не на короля, а исключительно на него), небрежно, не глядя отвела руку с бокалом в сторону (виночерпий его проворно подхватил) и без тени недовольства направилась к ним. Королева все так же отрешенно смотрела перед собой (пожалуй, ей досталась роль Тихой Печальницы), зато король явно оживился, улыбаясь Иляне прямо-таки ослепительно:

— Милая графиня, позвольте вам представить имперского наместника Герцога Кавадора...

При этом во взгляде у него явственно просматривалась тоска — надо пола-

гать, как ему положено по роли, пытался красавицу заманить в постель, а она вряд ли согласилась заходить настолько далеко с одним из своих инструментов.

Ну вот и встретились лицом к лицу... Сварог торопливо встал, уже знакомый с местным этикетом, раскланялся по всем правилам: правая ладонь прижата к сердцу левая — ко лбу. Не самый дурацкий церемониальный поклон из тех, что встречаются при королевских дворах.

Ильяна тоже ответила по всем правилам: скрестив руки на груди, чуть присела, выставив правое колено. Грациозно выпрямилась, посмотрела Сварогу в глаза осмысленным, чуточку дерзким, совершенно *живым* взглядом — пожалуй, что оценивающим. Улыбаясь непринужденно, сказала с той самой легкой дерзостью, что красивым женщинам простительна и даже придает им шарма:

— Рада с вами познакомиться, герцог. Вы — первый Высокий Господин Небес, которого мне довелось увидеть своими глазами.

Сварог без особого труда сохранил на лице прежнее заинтересованно-светское выражение. Но вспомнил некоторые эпизоды ее бурной деятельности на Таларе — уж с парочкой Высоких Господ Небес знакома близко, возможно, мы не обо всех знаем, неизвестно еще, как там обстояло с ученым магистром, а то и с кем-то еще, до кого мы пока не добрались. Ну что же, именно таким невинным взглядом умеют смотреть прожженные шлюхи...

— Графиня Ильяна Фереташ...

— Герцог Шерлок Кавадор...

Сочиняя перед отлетом себе новое имя, Сварог подумал, а почему бы не позволить себе безобидную шутку, не способную нанести малейшего ущерба делу? Шутки украшают жизнь... и снимают напряжение перед боем. В *этом* мире все равно не найдется ни единой живой души, способной шутку юмора понять, только он один...

Он так и не придумал, с чего начать разговор — будь то на Таларе или в Империи, без труда подыскал бы слова, но эта красавица была не из простых... Выручил его король, тихо сказал с понимающим видом:

— Право же, герцог, воспользуйтесь всеми радостями бала. Это нам с супругой этикет велит сидеть, как пришитым, а вас нисколько не обязывает...

Поклонившись ему, Сварог сделал приглашающий жест, и Ильяна пошла с ним рядом к одному из столов — другому, не тому, возле которого сначала задержалась. Сварог как бы невзначай направил ее к столу, откуда мог видеть Каниллу и ее неотвязного кавалера. Ильяна нисколько не противилась.

Разумеется, дворцовое вино оказалось гораздо лучше того, каким потчевали клиентов в «Синей кошке». Марионетки они там или кто, но вино делают отличное, еще одно умение, доставшееся *янтарю* от прежних времен...

Вот теперь, под светло-зеленое и густо-красное вино, разговор быстро завязался — классическая беседа на балу, каскад пустыньких светских банальностей. «Как вы находите наш город, герцог?» — «Он красив, графиня». — «Как вам нравятся наши дамы?» — «Они прекрасны, графиня (следует чуть бесцеремонный взгляд, откровенно раздевающий — в лучших традициях придворных волокит, причем ответный взгляд графини никакого протеста не содержит, наоборот — опять-таки в лучших традициях придворных шлюх)».

Очень скоро Сварог, давно уже не новичок на балах, мог с уверенностью сказать: Ильяна не без изящества ведет болтовню в строго заданном направле-

нии: тонкие намеки на извечные отношения меж мужчиной и женщиной, на свою доступность — завсегдатай балов и других светских увеселений такое определяет легко, так что не нужно соответствующей ленточки, какую дамы носят на маскарадах. Сомнений не оставалось никаких: она целеустремленно шла в атаку, как подводная лодка со стороны солнца. Вот только понятия не имела, что противник подобрался ей под стать...

Так, и на противоположной стороне зала события развернулись в нужном направлении: Канилла и ее кавалер идут к выходу, и никто не обращает на них внимания. Сварог перехватил внимательный взгляд Иляны. Спросил:

— Ваш этикет позволяет покидать бал до того, как король подаст знак, означающий, что бал закончен? У нас именно так и обстоит, уходить раньше считается дурным тоном и простительно лишь какой-нибудь деревенщине — но и таких перед балом посвящают во все тонкости этикета...

На сей раз он нисколько не врал, все так и обстояло.

— У нас то же самое, — сказала Иляна, загадочно прищурилась: — Есть одно-единственное исключение: когда кавалер и дама уходят вместе. Ваша очаровательная спутница освоилась быстрее, чем вы, а вы на это смотрите совершенно спокойно...

Сварог легонько пожал плечами:

— Какие у меня причины беспокоиться? Дама совершеннолетняя и вправе располагать собой, как хочет. Что заставило вас столь таинственно улыбнуться?

Иляна улыбалась:

— Я просто решила, что вас с ней связывают определенные отношения. Она выглядит слишком молодо для титула коронного советника...

Что ж, логика безукоризненная — и в Империи, и на земле не раз случалось, что облеченные какой-то серьезной миссией благородные господа забирали с собой юных любовниц, приличия ради добившись для них чина в посольстве или резиденции. Вот только наша красавица допустила серьезный прокол: откуда она может знать, какой чин у Каниллы? Из всех здешних обитателей это знал только король, получивший от Сварога за час до бала послание, в котором сообщалось, что герцог прибудет в сопровождении коронного советника, графини Баради — именно такого послания требовал этикет. Значит, у нее есть возможность читать королевскую почту...

Этот ее прокол Сварога воодушевил: лишний раз он убедился, что им противостоят не сверхсущества, не суперинтеллект — это люди, способные допускать проколы и ошибки...

— Вы наверняка знаете, как это бывает, графиня, — сказал он непринужденно. — Влиятельный отец, честолюбивая юная дочка, стремящаяся как раз к чинам и высоким постам...

— О да, разумеется... Признаться меня только *обрадовало*, что дело обстоит именно так... — и вновь многозначительный взгляд записной великосветской шлюхи, какие кавалер с опытом должен распознавать моментально. — Герцог, по совести, вам не прискучило здесь? Танцевать вы не можете, вы не знаете наших танцев и, конечно, понимаете, что выглядели бы неуклюже и смешно, что повредило бы вашей репутации, высокому положению наместника... Вино — не более чем вино, за пределами королевского дворца может отыскаться не хуже...

Да, она шла к поставленной цели, как торпеда — то ли не хотела терять времени зря на долгие прелюдии, то ли, изучив физиономию Сварога, точнее, маску, полагала его именно тем, на кого он был чертовски похож — недалеким типом, с которым можно управиться быстро. Ну что же, корабль охотно поворачивает бортом к торпедо — резиденция и в самом деле представляет собой большущий капкан...

— У вас есть лучшие идеи, графиня? — спросил он.

— Найдутся... Не считите меня ветреной, но я бы предложила вам посмотреть мою коллекцию оружия. Мужчины такие вещи обожают...

— Вы правы, — сказал Сварог. — Но вот беда: кое в чем меня ограничивают строгие регламенты. Мне, как и прочим, категорически запрещено проводить ночи вне резиденции. Не считите за дерзость, но у меня отыщется встречное предложение: не согласитесь ли нанести мне визит? Я мог бы показать вам свою коллекцию шуртанского хрусталя. Многие наши дамы любят такие вещи, быть может, и вам понравится...

— Охотно, — прищурилась она с ослепительной улыбкой. — Обожаю шуртанский хрусталь...

Очень мило, ни малейших недомолвок не осталось — если учесть тот неоспоримый факт, что никакого такого шуртанского хрусталя в природе не существует...

Четверка лошадей под пронзительно-яростные вопли кучера вынесла карету в распахнутые ворота королевского дворца — стражники в кирасах и непривычного вида шлемах отсалютовали здешним подобием гуф. За воротами стояла темень, лишь кое-где зиявшая *прорехами* тусклого света — в уличных фонарях, широких стеклянных цилиндрах с конусообразными железными крышками, чуть приподнятыми над стеклом, чтобы дать доступ воздуху, горели ровным пламенем такие же факелы, как в королевском дворце. Ночная жизнь, как всегда было на такой стадии развития техники, здесь наверняка очень скудна — пылкие любовники, пробирающиеся к предмету своей страсти, да разбойный народ, согласно программе имеющиеся в должной пропорции, да, пожалуй что, спешащие к больным лекари...

Едва карета оказалась за воротами, Ияна, не теряя времени, придвинулась к нему, закинула руки на шею и впиалась в губы долгим умелым поцелуем. Пришлось держаться соответственно, так что дорога длиной всего-то лиг в пять, показалась и вовсе короткой. Опираясь на протянутую Сварогом руку, Ияна спустилась по откинутой приступочке в три ступеньки на мощный двор, взяв Сварога под руку, направилась, куда веди. И на ярко освещенном дворе, и в блиставших пошлой роскошью коридорах резиденции ее ровным счетом ничего не интересовало — а вот тут она переигрывает, следовало бы проявить толику свойственного женщинам любопытства, как-никак она, по легенде отроду не знавшая другого мира, кроме Нериады, впервые в жизни оказалась в имперском дворце, хотя бы парочку любопытно-восхищенных взглядов бросила вокруг... Что же, это люди, а людям свойственны промахи в игре — тем более что игра не особенно и искусная, коли тебе кажется, что ты имеешь дело с недалеким болваном, не заслуживающим более тонких подходов...

Точно так же не произвела на нее впечатления и роскошно обставленная спальня наместника, ярко освещенная невиданными здесь карбамильскими

лампами. Глядя на огромную постель под балдахином из золотистой парчи, она театрально удивилась:

— Куда вы меня привели, герцог? Бы, право же, изрядно напористы, меня это даже чуточку пугает...

Ага, гимназистка, которую, пообещав показать плюшевых мишек, заманили в бордель... Ну, вылитая...

По мановению руки Сварога на столике у постели появился огромный поднос, щедро уставленный бутылками и тарелками, раздалась тихая приятная музыка, по стенам неспешно поплыли разноцветные узоры. Не похоже, чтобы и это произвело на нее хоть какое-то впечатление. Довольно бесцеремонно притянув ее к себе, Сварог сказал ей на ухо:

— Я давно успел убедиться, что женщинам нравится напористость... Пригасить свет?

— А зачем? — тихонько отозвалась Иляна, прямо-таки мурлыкающим голосом. — Он не мешает...

Когда через часок, как это описывал Дюма, восторги влюбленной пары утихли, Сварог потянулся за сигаретой, левой рукой небрежно обнимая прильнувшую к нему нагую растрепанную красавицу, выказавшую немалое искусство в подобных баталиях. Вообще-то ни он, ни она влюбленными не являлись — но в описанной Дюма сцене и д'Артаньян безбожно лицедействовал...

Мимолетно коснулся кончиками пальцев ее каменного ожерелья. Еще в начале процесса он, как и следовало не знающему здешних реалий человеку, поинтересовался, нельзя ли эту вульгарную штуку снять — и выразил неприкрытое удивление тем, что помимо приличествующих даме украшений, золотых с самоцветами, она носит такую дешевку. Иляна пустила в ход уже применявшуюся легенду — это амулет, который здесь никогда не снимают, так что цепочка запаяна в свое время намертво. Как определил Сварог, якобы из пустого любопытства перебиравший каменные брусочки, так и обстояло, хоть в чем-то не врал. Цепочка выглядела стальной — ну, именно предвидя такое, он навел Грельфи, не оплошавшую и на сей раз...

— Я себя чувствую пастушкой из сказки, нежданно-негаданно попавшей в королевский дворец, — сказала она доверительно, то есть соврала в очередной раз. — Эта роскошь, эти лампы... Мы ведь сможем теперь посещать Империю?

Сварог наполнил ее бокал — светло-зеленым слабеньким вином, как она и просила, а себе налил до краев рубинового нектара, здешнего аналога портвейна или таларского гульдеса, — и, в отличие от нее, осушил единым глотком, тут же налил себе еще — и тоже до капельки отправил по принадлежности. Налил третий, отпил немного. Настала пора играть по намеченному, сделав вид, что его чуточку развезло и никаких подозрений у нее не возникнет, должна же знать, что у каждого своя мера: доза, какую заядлый кутила прикончил исключительно для разминки перед серьезной пьянкой, у другого вызовет как раз нешуточное забалдение...

— Сможете, я думаю, — сказал он, сделав свободной рукой широкий жест. — В отличие от меня...

— Как так? — спросила она то, что спросила бы любая на ее месте, услышав такое.

Сварог приговорил и третий бокал, приобнял девушку, протянул с класси-

ческим паяным надрывом:

— А вот так... Со стороны все красиво выглядит — господин имперский наместник, все вокруг сияет роскошью, глупцы завидуют, а на деле... — он налил себе еще бокал, притворяясь, что явственно *поплыл*. — Коли уж в кои-то веки можно расслабиться без присмотра... Нечему тут завидовать, Иляна. Имперские наместники и все имеющие чины их сподвижники четко делятся на две категории — карьеристы и ссыльные. Первые с удовольствием служат, делают карьеру. Вторых просто-напросто под благовидным предлогом засунули в почетную ссылку подальше от императорского двора. Впрочем, такое случается и с теми, кого посылают на две других планеты... Но там далеко не все ссыльные, а мы тут — все до одного... Ну, в конце концов, проиграл, так проиграл, хорошо еще почетной ссылкой отделался...

— Я и подумать не могла... — сказала Иляна с наигранным удивлением. Потом столь же талантливо сыграла извечное женское сочувствие. — Что-то случилось, Шерлок?

Добавив в голос и жесты еще немного забалдения, Сварог сказал с нескрываемой горечью:

— Когда сюда прибыл наш посланец, чтобы сообщить вашему королю о возрождении наместничества, привез этаким фолиант о положении дел в Империи, о том, из чего она складывается, чем живет. Для короля и высшего дворянства...

— Я тоже прочитала с большим интересом.

Сварог добавил горечи:

— Вот только там ничего не сказано о кое-каких потаенных пружинах жизни императорского двора... В списке камергеров месте на десятом скромненько значится лорд Сварог. Очень скромный человек, ага... Тварь первостатейная! Фаворит императрицы, давно ее *подмял* и фактически заправляет всеми государственными делами. Подгрел под себя тайные службы, еще многое, разогнал Палату Пэров и Тайный Совет, чтобы не мешались под ногами... и ничего с ним поделать, сама понимаешь, невозможно, эта дурочка смотрит ему в рот, и плевать ей, что она более чем кукла в короне... А он творит, что хочет. Надобно тебе знать, что графиня Баради — тоже ссыльная. Отказалась спать с этим скотом, он ее и загнал сюда. Но снаружи все выглядит без изъянов и червоточин: девушка делает великолепную карьеру на императорской службе, в столь молодые годы получила высокий чин... Вот только сидеть нам с ней в ссылке до седых волос... или до того времени, когда, очень хочу надеяться, со Сварогом что-нибудь случится... Мы пытались кое-что предпринять... — он улыбнулся во весь рот и продолжал с цыганским надрывом: — И по совести тебе признаюсь, хотели пустить в ход самые решительные меры — живой он опасен даже в опале. Он, сволочь, успел раньше. Подозреваю, кто-то выдал. Или у него были свои шпионы среди нас. В общем, у него не хватило духу ответить крайними мерами — умная скотина, но трусливая. Вот и разогнали в ссылку. Рано радуется! — как частенько с пьяными случается, уныние сменилось неприкрытой злобой, он с яростной гримасой погрозил пальцем мозаичному потолку. — Волка прикончили, а зубы остались. Они, как ни старались, не смогли выявить *всех*, кое-кто остался вне всяких подозрений — и вовсе не намерен считать это окончательным поражением. И это далеко не последние в заговоре люди. Мы ему еще покажем, кто кого...

Вот и все, пожалуй, главное сказано. Не стоит перегибать палку и громоздить излишние детали. Она и так услышала достаточно, и это не может ее не заинтересовать: заговор против клятого Сварога, не попавшие в сети легли на дно, надеясь не отсидеться в безопасном местечке, а повторить попытку, учитывая печальный опыт... Конечно, может оказаться, что эти, из Радианта, сочтут, что задуманный ими переворот с убийствами можно претворить в жизнь и без дополнительных сообщников. И все же... В подобной ситуации новые агенты всегда пригодятся, чем их больше, тем выгодней... Ну что ж ты молвишь, шлюха чертова?

С пьяной фанаберией он вновь погрозил потолку:

— Нет уж, старое дворянство этому выскочке еще все припомнит, заявился! Мало ему показалось императрицы в постели, титулов и орденов, захотел в «ночные императоры»... Чем он лучше других? Да ничем! Найдутся люди знатнее...

Замолчал, уставясь в потолок, сердито выдыхал дым. Ильяна легонько погладила его по плечу:

— Какие страсти кипят, кто бы мог подумать... Шерлок, милый, я надеюсь, у вас все наладится. А я... Не знаю, как ты ко мне относишься, но вот ты для меня — отнюдь не мимолетная прихоть, я хотела бы, чтобы мы подружились...

— Вот совпадение, — он вернулся к прежнему тону беззаботного волокиты. — Мне хотелось бы того же... Знала бы ты, как уныло и безрадостно тут торчать...

— Милый, я постараюсь все сделать, чтобы тебе жилось веселее, — пообещала Ильяна, гладя его плечо. — Я как раз устраиваю у себя большой прием в честь церемонии вручения тобой грамот, рада буду, если ты придешь, а я уж постараюсь тебя развеселить, насколько это в моих скромных силах...

— Ну конечно, приду, милая...

Расклад ясен, отметил он. Сейчас она не станет вести деловые разговоры — а вот на помянутом приеме, скорее всего, и станут вербовать. Вполне логично. Значит, они ничего не подозревают и не знают, что при любом обороте мы им времени не дадим, начнем уже завтра...

Следовательно, пора кончать игру. К тому же не терпится узнать, как обстоят дела у Каниллы — беспокойства за нее нет никакого, надежнейшим образом прикрыта, как он сейчас, но хочется знать, что там...

Тщательно продумав каждое движение, он произнес полученное от Грельфи заклинание. Почувствовал, как по телу откуда-то от сердца растекается, достигая кончиков пальцев, горячая волна. Теперь следовало быть предельно осторожным, чтобы ненароком не покалечить эту стерву, она нужна живой и здоровой. Сейчас его силы неизмеримо превышали обычные человеческие, он мог указательным пальцем проткнуть кирпичную стену, завязать в узел рельс, переломить, как камышинку, вековой дуб. Через пару минут это *схлынет* — старинное заклинание не стоит удерживать в себе надолго, иначе последствия для человеческого организма будут самые печальные — в лучшем случае полный упадок сил и долготе беспамятство, а в худшем... Одними заклинаниями можно пользоваться долго, как зубной щеткой, — а иные лучше использовать, так сказать, в сжатые сроки — за все в этом мире нужно платить, кое-что нелегко дается...

Хорошо, что цепочка не охватывала шею плотно, висела свободно, оставляя зазор пальца в три. Он действовал молниеносно, прежде чем она успела что-то сообразить, запустил под цепочку указательный палец, обернул вокруг него, рванул...

Цепочка лопнула, как гнилая нитка, полированные камни упали на постель по обе стороны от шеи Иляны — и Сварог соскочил с постели, чтобы обеспечить себе свободу действий при любом обороте событий. Мимолетно задел пальцами левой руки тяжелый золотой графин с выдержанным гиперборейским котрасом — и тот от легкого прикосновения полетел со столика, словно по нему наподдали кузнечным молотом — еще действует...

Горячая волна прокатилась по телу от кончиков пальцев куда-то к сердцу, схлынула. Все в порядке. Готовый ко всему, он стоял у постели и во все глаза смотрел на Иляну. А с ней происходило что-то непонятное: уставившись в мозаичный разноцветный потолок остекленевшими глазами, билась на постели, как оказавшаяся на берегу рыба, тело содрогалось в длинных судорогах, в уголках губ пузырилась слюна, лицо стало каким-то тупым, бессмысленным...

Похоже, догадка оказалась правильной: каменное ожерелье каким-то образом нейтрализует поле, превращающее всех остальных в кукол, позволяющее этим, из Токеранга, сохранять свободу воли и мыслей, то-то цепочка запаяна наглухо — конечно, снимать ни в коем случае нельзя, иначе...

Интересно, что иначе? Сварог наблюдал за ней с холодным любопытством, без тени жалости — с чего бы вдруг? — беспокоясь только об одном: как бы не отдала концы от несомненного шока. В голове, словно птица в клетке, билась единственная ликующая мысль — это люди, люди! Равный противник!

Она перестала биться, лежала спокойно, все так же уставясь в потолок, взгляд стал другим — уже не стеклянный, а словно бы затуманенный, грудь поднималась и опускалась уже не конвульсивно, почти в обычном ритме спокойного человеческого дыхания, лицо стало пусть и отрешенным, но все же не похожим на бессмысленную маску...

— Иляна! — громко позвал Сварог. — Что с тобой?

Кажется, она его услышала. Произнесла ровным голосом:

— Со мной... никак... Не понимаю. Где Хозяева? Я не могу без Хозяев, без их дыхания и поддержки...

— Придется обойтись, — сказал Сварог без тени жалости. — Кто ты? Что ты?

— Я — орудие, — откликнулась она каким-то жестяным голосом, напомиравшим некую механическую игрушку. — Я послушное и хорошее орудие, достойное Пещеры...

— Что за Пещера? — спросил Сварог, уже осознавший, что никаких хлопот с этой тварью, несомненно, ставшей такой же куклой, как и почти все здесь, не будет. — Где она?

— Там, где и была изначально, — откликнулась Иляна. От ее голоса мурашки пробежали по коже, настолько он был *иным*. — С начала времен. Мне нужно ощутить Дыхание Хозяев, иначе я не попаду в Пещеру...

Не похоже, что от нее удастся добиться чего-то более осмысленного... Время сейчас было наивысшей ценностью — и Сварог, отпрянув от постели, схватил свою одежду, вновь очутился в прошлой жизни, где при сигнале боевой тревоги следовало облачиться в форму и запрыгнуть в сапоги как можно быстрее.

Покончив с башмаками, коснулся в нужном месте покрытого искусной резьбой столбика, одного из тех, что поддерживали балдахин. Моментально распахнулись обе половинки высокой двери, покрытой тем же резным орнаментом в виде виноградных лоз со спелыми кистями. Влетели несколько человек, кое-кто с оружием на изготовку, в том числе и Канилла, выглядевшая воинственной и чуточку возбужденной — ну да, впервые участвовала в очередном деле, как говорили в старину, в качестве активного штыка.

Дула опустились — все оценили ситуацию. Не теряя времени, Сварог спросил:

— Что там, Кани?

— Все, как я рассчитала... — отозвалась она звонким от напряжения голосом. — Не мог не клюнуть на такую лапочку...

— Я видел. Что было в резиденции?

— Тоже по расчетам... он явно решил отложить серьезные разговоры на потом, полез с руками, пришлось упокоить парализатором... Распрекрасно подействовало...

Сварог перевел взгляд на человека, назначенного руководить группой, прикрывавшей Каниллу и обеспечивавшей все дальнейшее. Тот вытянулся:

— Все прошло без сучка, без задоринки, господин генерал.

Его перенесли в виману, и она тут же стартовала. С орбиты передали: квадранте назад она взяла курс на Талар. Никакого воздействия извне.

— Квадранс — и никакого воздействия извне... — сквозь зубы процедил Сварог. — Это хорошо, очень хорошо... Рыбачим дальше, — он посмотрел на упершуюся взглядом в потолок Иляну. — Займитесь красоткой. Одевать не стоит — к чему нам лишняя галантность? Заверните в покрывало и быстренько несите в виману. Немедленно на Талар... Подождите!

Он отстранил ближайшего агента, оказавшегося ближе всех к постели, наклонился и собрал светло-серые в красивых синих прожилках камни — большинство остались на разорванной цепочке, только два с нее слетели. Уложил в карман. Кивнул:

— Несите. Все свободны. Канилла, останься.

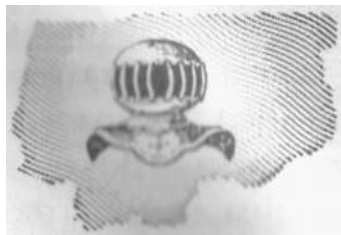
Иляна, пока ее заворачивали в покрывало, не оказала ни малейшего сопротивления, двое ее вынесли, остальные вышли следом, притворив за собой дверь. Сварог особо хмельным себя не чувствовал, но и трезвым не был после нескольких бокалов здешнего гульдаса. А потому взял с подноса ничем не отличавшийся от других графинчик чеканного золота, большим пальцем откинул вычурную крышечку и глотнул прямо из горлышка. Как и ожидалось, в следующий миг оказался трезвехоньким, как стеклышко. Канилла стояла, опустив руки с зажатым в правой блестящим цилиндром парализатора — убрать его некуда, карманов в платье такого фасона нет. Судя по очаровательному личику, возбуждение унялось, азарт схватки прошел.

— Ну, как ты? — спросил Сварог.

Она пожалала плечами, глядя с дерзкой бодростью:

— А что со мной будет, командир? Я его вполне грамотно взяла, — она засмеялась. — Вот только он на меня рухнул, как мешок с зерном, пришлось изпод него форменным образом выползть — тут уж никакая рукопашка не поможет, а силы у меня все же не мужские... Гаржак влетел первым, дал ему хорошего пинка, хотя он уже валялся в беспамятстве...

— Ну, от хорошего пинка еще никто не умирал... — задумчиво сказал Сварог. Ну что, глотнем синенького эликсира и пойдем в аппаратную? Самое время продолжать...

Глава XI БЛИЦКРИГ: СКРЫТЬСЯ ОТ ОСЕНИ

Докуривая жадными затяжками, Сварог с неудовольствием подумал, что доктор Латрок может оказаться и прав касательно этого чертова «синдрома штурвала». Если не лукавить перед самим собой, разведку с помощью Шмелей и хелльстадской аппаратуры прекрасно могли провести и Золотые Обезьяны, пока он пребывал на королевском балу. Разумеется, у него имелось великолепное оправдание при неудаче того или другого — а то и обоих сразу попыток: последствия могли оказаться непредсказуемыми, они с Каниллой без всякого прикрытия оставались там, где добраться до них было крайне легко, следовало вернуться в резиденцию, и уж тогда...

И все же, все же... Сколько в этом от холодного делового расчета и сколько от чертова синдрома? Вряд ли доктор Латрок ошибается, он знаток своего дела, а уж на шутку или розыгрыш абсолютно не способен — какие тут розыгрыши, не та ситуация. Возможно, стоит, если все пройдет гладко, и в самом деле сдать медикам в рамках пресловутого отпуска, работа на износ, тут Латрок совершенно прав, еще никого до добра не доводила...

Еще раз скрупулезно просчитал все — никаких изъянов в инструкциях на случай неудачи. Все здесь находившиеся получили приказ на срочную эвакуацию и готовы к ней. Если случится некая атака, с орбиты ринется эскадрилья корветов и прикроет. Правда, жизнь учит, что противник может поломать самые детальные планы, но это уже вторично...

Он тщательно погасил сигарету в хрустальной пепельнице, придавливая окурком все крохотные искорки тлеющего табака. Надел серебряную митру хелльстадского короля, необходимую в иных случаях. Присел на корточки и поднял крышку плоского серого чемоданчика-футляра. Внутри, в гнездах пластикового листа, аккуратными рядками, десять по десять, лежали Золотые Шмели.

— Свет и окно, — приказал он.

Канилла вмиг оказалась возле выключателя, и в комнате воцарилась темнота, лишь на пультах светилось несколько огоньков. Бесшумно распахнула правую створку окна, в комнате поплыл холодный ночной воздух, забросивший пригоршню снежинок, тут же растаявших.

Пять Золотых Шмелей вереницей выплыли в распахнутое окно. Тот самый расклад, когда началось, и ничего уже нельзя изменить — не в первый раз и, тут к Грельфи не ходи, далеко не в последний...

Кое-какие изменения он внес, насколько оказался в состоянии это сделать. Теперь Шмели передавали все не в его сознание, а на экран пульта Шестого. Он тут же зажегся — часть стены словно исчезла, большой прямоугольник

над пультом показывал то, что видели Шмели. В голубоватом инфракрасном сиянии медленно проплывали острые высокие крыши, крытые где черепицей, где крашеной жстью, безлюдные улицы, тусклые фонари, башни королевского дворца...

И *ничего* со Шмелями не происходило, ничто им не мешало, не ослепляло, не нападало!

Они довольно быстро прошли над столицей с полудня на полночь — и Сварог, ободренный первыми успехами, послал их еще дальше на полночь, над большим трактом, по которому и в эту пору тянулись в город обозы с камнем — интересно, они всегда работают по такому расписанию, или это какой-то аврал? Поди догадайся...

Так, теперь левее, в сторону от тракта... Леса и перелески, голые деревья кажутся мертвыми, узкие петлястые тропинки... И *мишень!*

Он обернулся в сторону футляра — и Шмели взмыли рядок за рядком, длинной вереницей ушли в распахнутое окно, по-прежнему обдававшее холодом, ветерком, снегом. Ничего не поделаешь, приходилось терпеть. Взбодренный синим эликсиром, он чувствовал себя свежим и бодрым, исполненным холодной деловитости.

Развернул кресло в сторону низкого блестящего стола, над которым уже поднимались словно бы клубы разноцветного дыма, рисуя объемную картинку того, что видела, зависая над лесом и горами, сотня Шмелей.

Не прошло и получаса, как они увидели Радиант.

Далеко протянулось плоское, как стол, плато с редкими возвышенностями, выходами камня. В одном месте оно в виде неправильного эллипса обрывалось со всех сторон почти вертикальными откосами высотой в пару сотен уардов, образуя низкую котловину, на первый взгляд, самого что ни на есть естественного происхождения — природа откалывает и не такие номера, создает ландшафты и причудливее.

Там, в котловине, расположился Радиант.

Нечто вроде низкого купола, занимавшего почти всю котловину, и вокруг него — с десятков высоких скальных пиков с острыми верхушками, напоминавших ободранные наждаком толстые карандаши. И пики, и купол казались тоже игрой природы, щедрой на выдумки, — но что-то в них настораживало, вызывало смутные подозрения, никак не походило на дело рук человеческих, и все же, все же... Есть некая *неправильность*.

Сварог послал Шмелей ниже, часть отправил обследовать откосы, часть старательно кружила вокруг Радианта.

Так, в одном месте — узкая расщелина, от которой на плато поднимается довольно крутая дорога. Начинается она возле темного проема, единственного такого в Радианте, петляет меж скалами и лесом уходит в сторону большого тракта и сливается с ним. Это именно *дорога* — по ней ездили или ходили не так уж часто, но все же достаточно долго, чтобы натоптать, сделать заметной для наблюдения с воздуха.

Деловитое кружение Шмелей продолжается не менее квадранса — и никакой реакции противника. Радиант по-прежнему *дремлет*, он не излучает — это полушарие Нериады сейчас обращено в противоположную сторону от Талара. Окрестности Радианта изучены достаточно, чтобы без труда сориентироваться на местности, свернув с большого тракта. Теперь этот проем, зияющий

у самой земли. Там и кончается дорога.

Широкий полукруглый туннель, достаточно большой для того, чтобы в него прошел человек — а вот всаднику уже придется спешиться... Форма слишком правильная, чтобы быть игрой природы. Он уже видел нечто подобное у себя в Хелльстаде — вход в туннель, ведущий в Токеранг. Только у того были чуточку другие очертания, больше всего он походил на половинку эллипса. Но и тот и этот — несомненное творение человеческих рук. А ведь здесь нет той техники, что имелась у токеретов, проем слишком уж геометрически правилен, чтобы быть прорубленным с помощью здешних горняцких кирок. Внесем поправку: творение кого-то разумного, так оно будет правильнее...

Несколько Шмелей нырнули в проем. Цвет изменился — погасло инфракрасное сияние, стены и пол туннеля — опять-таки идеально гладкие, обработанные уж никак не кирками, светятся так, что, пожалуй, и человеку не потребуется фонарь, а Сварогу — «кошачий глаз». Стоп!

Поперек тоннеля — силовое поле непонятной природы, за ним, уардах в пятидесяти, тоннель под прямым углом сворачивает вправо, и что там, за поворотом, уже не увидать. Не стоит зарываться, вполне достаточно того, что Сварог увидел, что осталось накрепко запечатленным в компьютерной памяти. Для того чтобы завершить дело, необходим подверженный многим опасностям, но самый нужный в такой ситуации инструмент под названием «человек». Есть что доложить Канцлеру — он сейчас на борту одного из крейсеров, повисшего над столицей на «суточной» орбите...

На экране чуть смазанными полосами неслись скалистые равнины, леса — Шмели на полной скорости уходили от Радианта. Сварог позволил себе чуточку расслабиться, откинулся на спинку кресла, сунул в рот сигарету. Канилла уставилась на него прямо-таки замороженно:

— Командир, вы гений...

— Да будет тебе, — ответил Сварог спокойно. — Ну при чем тут я? Техника прекрасно сработала, только и всего...

— И что теперь? — почти прошептала она.

— То есть как это — что? — жестко усмехнулся Сварог, чувствуя, как камнеет лицо. — Теперь — блицкриг...

Впрочем, блицкриг должен был начаться чуточку позже, сначала следовало проверить, как обстоит со *вторым* средством, имевшимся в его распоряжении. Надежды на успех нешуточные: коли уж все отлично прошло с первым...

Да нет, не прошло, из чистого суеверия не следует забегать вперед, задание считается выполненным лишь тогда, когда группа вернулась на базу...

Он сидел, глядя на приотворенную створку окна, откуда по-прежнему налетали порывы сырого ветра, а то и горсть снежинок. Наконец Золотые Шмели вереницей потянулись в комнату, летели прямо к футляру и замирали в гнездах. Вернулись без потерь. Дождавшись последнего, Сварог встал и с облегчением захлопнул створку. Вернулся к пульту Шестого. Там, за плечом Обезьяна, уже стояла Канилла, неотрывно глядя на пустой пока что экран.

Подготовка заняла гораздо больше времени, чем обычно — на Таларе все нужные координаты заданы давным-давно, а здесь приходится привязываться к местности... Не менее квадранса на фоне подробной карты столицы светились синие концентрические круги, пересеченные восемью линиями (по чис-

лу сторон света и направлений), покачивалась вправо-влево стрелка компаса, вспыхивали и гасли загадочные знаки, которых Сварог не знал, да и не было в том нужды.

Ну, наконец... Канцелярию недр он изучил мельком, хватило пробежки по первому этажу: длинные широкие коридоры неистребимо казенного вида погружены во мрак, самые обычные канцелярские кабинеты, на всех населенных людьми планетах похожие друг на друга, как две капли воды, разве что с поправкой на уровень техники: уныло — аскетичные, скучные. Обширные помещения, занятые длиннющими высокими стеллажами с бесконечными рядами пухлых картонных папок. Этим можно и ограничиться, вряд ли тут найдется что-то интересное — размеры Канцелярии свидетельствуют лишь о том, что горному делу тут уделяется непропорционально много внимания и трудов — но мы и так знаем причину...

Вот и высокая ограда «королевской камнерезной фабрики». На сей раз наблюдения были долгими и скрупулезными. Огромное здание фабрики, несколько домов, крайне похожих на жилые — точнее, на казармы, такой уж у них вид. Несмотря на время — то ли поздняя ночь, то ли раннее утро — в распахнутые ворота въезжают обозы с рудой, тянутся наружу разгрузившиеся. Так и что же у нас происходит с рудой, точнее, с кусками очень знакомого по цвету необработанного камня? Того самого, из которого сделаны «тарелочки» и символы богов и богинь?

Интересные вещи с камнем происходят. Мешки спускают подвал по крутому деревянному помосту своим ходом... а внизу их подхватывают проворные работники, перегружают на тележки, увозят по широкому пандусу на первый этаж. А там уже совершенно другой мир, там технологии, превосходящие здешний уровень развития с его кузницами и примитивными станками, которые приводит в действие ремесленник, и трудяга и сам себе механизм. Во всю длину зала (освещенного, блин, электричеством!) тянутся в четыре ряда металлические, несомненно, высокие короба, кое-где отстоящие друг от друга, соединенные конвейерными лентами. Камень загружают в широкий проем первого короба, по конвейерам неспешно проплывают изделия разной степени готовности — и, наконец, из последнего выезжают готовые «тарелочки», которые столь же проворно пакуют рабочие, складывают в ящики из тонких досок, перекалывают стружками, уносят на склад.

Что у нас на втором этаже? Да та же картина, только здесь на выходе — не тарелочки, а символы, которые в соседнем помещении уже вручную дополняют ремешками для ношения на шее. Работа кипит прямо-таки по-стахановски, полное впечатление, что они собрались облагодетельствовать своими поделками всех жителей Талара...

На третьем и последнем этаже — снова символы. Кажется, понятно, почему их больше: «тарелочки» — все же бытовое украшение, не всякий и соблазнится, а вот богов и богинь приверженцы оных, как свидетельствуют доклады людей Интагара, раскупают в гораздо большем количестве. Неплохо продумано.

На третьем обнаружилось не такое уж большое, но крайне любопытное помещение: там стояли прекрасно знакомые Сварогу синтезаторы, неотличимые от тех, что и сегодня применяются в Империи, способные в том числе и изготовить золото из любого мусора, в точности как у классиков. Как две капли воды... Из плоских воронок ручейками текут в небольшие ящики золотые

монеты — теперь понятно, почему они так щедры, эти, из Радианта — эта щедрость им ничего не стоит, как ничего не стоит ларам... Работающие на земле агенты восьмого департамента и девятого стола именно таким образом снабжаются полновесным золотом — разве что синтезаторы настроены так, чтобы выдерживали должную пропорцию золота и серебра. Есть догадки, от кого синтезаторы сюда попали, — и небезосновательные...

Рабочие... Четко делятся на две категории: те, кто занят примитивным трудом, таскают круглое и катают квадратное, судя по пластике движений, несомненно, куклы, а вот те, что наблюдают за работой станков, конвейеров и синтезаторов — очень похоже, свободные, наподобие Иляны. Одежда застегнута доверху, и потому не видно, есть ли у них на шее каменные ожерелья — но они должны быть...

Обезьян мелодично прочесывал один этаж за другим — Сварог пытался найти те дорожки, по которым через Зазеркалье изделия из камня попадают на Талар. Но так ничего и не обнаружил. Ящики с изделиями и золотом оседали на складах. Скорее всего, вход в Зазеркалье находился где-то в другом месте, которое, не зная точно, где оно, никакой техникой не засечь, для этого нужны пленные, способные объяснить внятно — но, учитывая то, что произошло с Иляной, неизвестно еще, окажутся ли они на это способны...

Когда Сварог, увидев все, что хотел увидеть, распорядился прекратить наблюдения, за окном уже обозначился бледный осенний рассвет. Упершись лбом в прохладное стекло, он долго смотрел на унылую равнину и видневшийся вдалеке большой полуденный тракт, в отличие от полуночно, где во всякое время суток тянулись обозы с камнем, в эту пору совершенно пустой. Ну что же — с богом, потихонечку начнем.

...Трое всадников неслись во весь опор по неширокой, едва различимой с седла дороге, петлявшей меж голых корявых веток подступавшего с обеих сторон леса и скальными выступами. Когда попался прямой участок длиной поболее лиги, Сварог обернулся. Далеко позади виднелись два всадника, казавшиеся совсем крохотными — шпики, прицепившиеся сразу же, едва Сварог с Гаржаком и отцом Роланом въехали в город. Дистанция меж «хвостом» и ними оставалась почти неизменной. Сварог, учитывая, в каком мире придется работать, принял меры заранее. В Саваджо он, понятно, взял бы машину с форсированным движком, а здесь требовалось нечто иное...

Прорабатывая планы самым тщательным образом, он в конце концов вспомнил о «живых минах», которые помимо прочего, производил его подземный завод в Хелльстаде. Точнее, о тех из них, что являли собою великолепную имитацию старых кляч, способных привлечь внимание и вызвать интерес разве что у живодеров. Не так уж трудно было поставить вопрос ребром: может быть, завод способен качественно улучшить продукцию с упором на дизайн?

Оказалось, способен. Нужно было внести в программу небольшие изменения, с чем быстренько справился один из Золотых Обезьянов. Получилось несколько неотличимых от настоящих великолепных верховых коней, они и на ощупь были теплыми, как живой конь, вот только превосходили в скорости любого живого коня. И таили в себе те же самые бомбы — на всякий случай... Любой здешний всадник от них безнадежно отставал — как это и происходило сейчас со шпиками: сколько бы они ни нахлестывали коней, дистан-

ция не сокращалась. Стальной конь идет на смену крестьянской лошадке, вспомнил он мимолетно и невольно улыбнулся.

Разница в скорости небольшая, каких-то десяток лиг в час — но этого вполне достаточно. Безусловно, не стоит тащить за собой хвост к Радианту — но подходящее местечко, где нетрудно срубить его тляпой, уже намечено. Для этого не требовалось особой проницательности: конным следовало ожидать конного же хвоста, ничего нового, все, как на Таларе. А изучить данные аэрошмелесъемки тоже было нетрудно...

Вот он, поворот, за ним густой лес, несмотря на голые ветки, способный легко укрыть всадников от глаз преследователей. Сварог свернул туда первым. Они остановили коней уярдах в десяти от дороги — углубись всадники дальше, дороги бы уже не видели.

— Командир... — тихонько произнес Гаржак, с азартным видом запустивший руку под камзол.

В руке у него оказался большой черный пистолет из арсенала «Рагнарока». Буквально за неделю до рейда Сварог возил графа за облака, где Гаржак прошел неплохой курс стрельбы из многих видов ручного оружия — и сейчас явно горел желанием применить полученное умение на деле.

Сварог недовольно поморщился: при всех своих достоинствах Гаржак еще не достиг черты, за которой человек с более богатым опытом привыкает убивать лишь в случае крайней необходимости. А таковой не имелось. Достаточно было старинного умения Гэйров-лошадников, оказавшегося сейчас необходимым подспорьем — впервые за все время пребывания Сварога здесь.

Решительным жестом он велел Гаржаку убрать пистолет, и граф дисциплинированно подчинился, хотя с гримасой сожаления, промелькнувшей на лице. Ничего, повзрослеет, научится не драться ради драки...

Сварог увидел несущихся галопом всадников, восторженно поднял ко рту согнутую ковшиком ладонь и произнес нужные слова про себя, шевеля губами.

Фамильное умение и здесь прекрасно действовало — кони сбились с аллюра, встали, бороздя задними ногами каменистую землю, едва не сбросив всадников, а потом, поплясав на месте, оскалась, разбрасывая пену, развернулись и вновь помчались галопом, но уже в обратную сторону, чтобы остановиться лиг через десять, не ближе. Отчаянно пытавшиеся как-то укротить взбесившихся коней всадники исчезли с глаз — и Сварог выехал на дорогу, пустил коня галопом.

Холодный ветер бил лицо тугими струями, превращая лицо в холодную застывшую маску, тяжелые, подбитые беличьим мехом плащи взметывались за спиной так, словно сделаны из тонкого шелка. Небо казалось низким, его затянула сплошная серая пелена, порой раздражавшаяся снежной крупкой, обжигавшей лицо многочисленными уколами. Но это лишь придавало бодрости и боевой злости — такая вот окружающая пятница... По таларскому счету, конечно, у них тут свой календарь на который, откровенно говоря, сейчас глубоко плевать...

Увидев справа характерную скалу, заранее назначенную в качестве ориентира, Сварог свернул с дороги. Не стоило подъезжать к Радианту с «парадного входа» — хотя все равно придется именно через него войти внутрь, потому что другого пути попросту нет, хоть ты тресни. И никакого нарушения прика-

за нет — Канцлер согласился с таким вариантом, ну, а то, что он может оказаться смертельно опасным, уже дело десятое. Можно подумать, впервые. Так что не стоит пугать ежика известным предметом...

Лес кончился, окружающее пространство *распахнулось*, как театральный занавес, только быстрее. Они перешли на рысь, оставили коней неподалеку от крутого откоса, откуда прекрасно можно было рассмотреть Радиант — именно такой, каким его увидели Шмели, — так что это не наведенный противником *мираж*, наподобие «голографической завесы», используемой имперскими спецслужбами. Реальный облик врага. Вот она, дорога, вот он, проем...

Кони, разумеется, стояли смирнехонько, в отличие от живых собратьев, ни разу хвостами не взмахнули, не переступили с ноги на ногу, не мотали головами. Вообще-то они и на это были способны, но соответствующей команды не получили.

Спрыгнув на сухую каменистую землю, не теряя времени, Сварог вмиг развязал хитрый узел седельного мешка — у него, единственного из троих, он был при себе. Расстегнул у горла большую, массивную застежку-бляху, аккуратно перебросил теплый плащ через седло. Моментально навалился промозглый холод, но ничего тут не поделаешь, приходилось терпеть.

Расстегнул пояс с мечом, вновь застегнул квадратную вычурную пряжку, повесил вряд ли пригодное здесь оружие на луку седла. Перекинул через плечо кожаную перевязь с несколькими кобурами, с которой выглядел как герой какого-нибудь лихого голливудского боевика, но что же тут поделаешь, неизвестно, с кем там придется столкнуться, так что необходимы самые разнообразные стволы, как говорится, на все случаи жизни...

Нахлобучил серебряную митру хельстадского короля, поправил ее, как привык это делать с фуражкой. Набросил на плечи алую королевскую мантию, щелкнул верхней застежкой. Посмотрел на спутников. Брат Ролан, мужик опытный, повидавший виды, держался, как и следовало ожидать — сидел в седле с непроницаемым лицом, готовый к любым неожиданностям. Гаржак, как опять-таки следовало ожидать, прямо-таки пылал яростным желанием пойти со Сварогом, но дисциплинировано помалкивал. Сварог протянул ему черную коробочку, рацию:

— Как обращаться, помните?

— Конечно, командир, — сказал Гаржак с застывшим лицом. — Помню все, что следует сказать, если вы через полчаса не вернетесь или случится что-то, видимое отсюда...

— Отлично, — сказал Сварог.

И взмыл над краем откоса, бесшумно, как призрак, полетел к проему. Если удастся пройти через силовое поле, получаса вполне достаточно для разведки, а чтобы погибнуть при неудаче, вообще нужны какие-то секунды. Идеальный выход при неудаче — попасть в плен. Такой вариант предусмотрен, в ход пойдет безопасное для лара оружие, так что Сварог имеет все шансы уцелеть посреди катаклизма — еще и поэтому не следовало брать с собой спутников, для них такой финал был бы смертельным...

Он коснулся земли подошвами сапог, встал перед проемом, видел отсюда, что он озарен неярким сиянием, ничуть не ослепляющим, напоминавшим ясный день, не особенно и солнечный. И, не колеблясь, шагнул вперед, откинув мантию за спину так, чтобы в случае чего моментально выхватить нужное

оружие. Не было ни чувств, ни эмоций, ни мыслей — как много раз прежде, он превратился в расчетно-наводящую приставку к оружию, не имевшую права на мысли и чувства и уж тем более на эмоции.

Старался ступать как можно тише и мягче — очень уж неприятным эхом отозвались под сводами тоннеля первые шаги. Тихо и пусто. Каменное ожерелье Иляны со старательно запаянной цепочкой давно нагрелось от тела и нисколько не холодило кожу.

Ага... Вот оно, то самое место. Для надежности Сварог достал из кармана камзола Золотого Шмеля и пустил его вперед. Шмель, трепеща крылышками, остановился, почуяв поле, примерно в том месте, где Сварог и рассчитывал. Как он ни старался не допустить посторонние мысли — но попробуйте не думать о белой обезьяне... В голове промелькнула мысль: с точки зрения неизблемых законов аэродинамики ни шмель, ни майский жук попросту не имеют права летать — но как-то же ухитряются, стервецы... И давненько уж чешет репу в тягостном раздумье ученый мир, ничего не в силах объяснить...

Взяв застывшего в воздухе Шмеля, Сварог положил его обратно в карман, осторожненько, шагок за шагом двинулся вперед, вытянув перед собой левую руку: если это *активная* защита, наподобие тех полей, что закрывают *настоящие* резиденции наместников (здесьние *фальшаки*, впрочем, тоже), в худшем случае лишится пальцев, что не так уж и опасно: заклинание, чтобы остановить кровь, есть, как и другое, позволяющее моментально создать кучу бинтов. Имперская медицина в состоянии регенерировать все, кроме мозга. Придется, будучи пораненным, в хорошем темпе отступить и дать сигнал к атаке — только-то и дел. Правда, нужно учитывать, что те, впереди, получают сигнал тревоги и вдогонку ринется некая стража, если она тут есть — но перевязь при нем, снаряжи можно и разобраться...

Силовое поле он миновал беспрепятственно — вполне возможно, догадка оказалась верной, и каменное ожерелье служило еще и чем-то вроде пропуска сюда. За поворотом — такой же коридор, только длиннее, он нисколько не понижается, идет строго горизонтально... Эх!

Не было ни страха, ни растерянности. Он просто остановился и выдернул из кобуры торч — оружие, рвавшее связи меж молекулами, ту его разновидность, что была предназначена для *неживого*.

Вторая линия защиты, конечно. Примерно на середине коридора путь преграждала шеренга темно-зеленых ящериц размером с крупную собаку, другие, неведомо как удерживаясь, застыли поперек полукруглого тоннеля, на стенах, на потолке. Было их штук тридцать, этакий пояс в один ряд. Ну?

Сварог сделал пару шагов вперед. Вновь остановился — ящерицы словно ожили, подняли головы, разинули зубастые пасти — одного цвета со шкурой, что ему поневоле напомнило черных пантер Вентордерана.

Пожалуй, он выбрал оружие правильно — было много общего, ящерицы казались ожившими каменными скульптурами, такой уж у них был вид. Ничего странного: эти, из Радианта, мастера проделывать с камнем разнообразные штуки...

Ящерицы двинулись к нему — неторопливо, целеустремленно, с хищной грацией, словно бы бесшумно *переливаясь* в воздухе, подобно капелькам ртути. Вполне возможно, каменное ожерелье служило пропуском и для них — но чересчур опасно экспериментировать, нельзя подпускать их близко, если на-

валится вся свора, живым уже не выйти...

Он нажал на спуск, описывая дулом контуры, повторяющие очертания тоннеля. Все происходило в совершеннейшей тишине — ящерицы исчезали одна за другой, превращаясь в облачка пара, медленно тающие под сводом, их становилось все меньше и меньше, пока не осталось ни одной.

Кривя губы в усмешке, Сварог стоял, не убирая оружие. Однако ничего не происходило, никто не появился в тоннеле по его душу. Защита, безусловно, рассчитана на *здешних* людей с их скромными возможностями, и не более того... Что, если они имели основания думать, что однажды куклы смогут взбунтоваться? Не время строить догадки...

Он двинулся вперед, держа оружие наизготовку.

Добравшись до конца туннеля, увидел Радиант.

Огромная пещера, не имеющая второго выхода, залита тем же неярким сиянием, что и тоннель. Сварог шагал, как во сне, и вскоре остановился, решив, что идти дальше нет смысла, все и отсюда прекрасно видно.

Пещера, где стены и слегка выгнутый подобием купола потолок словно бы выложены черными камнями величиной с человеческую голову, напоминая булыжную мостовую. Внутри каждого неторопливо кружили цепочки, ручейки огоньков, главным образом зеленых, но были и рубиновые в гораздо меньшем количестве.

А на полу валялось в разнообразных позах много человеческих скелетов. В ноздри ударил омерзительный запах разложения — ага, вот оно, неподалеку очередной покойник был на полпути к превращению в скелет...

Зеленые и рубиновые огоньки слегка ускорили плавное скольжение, складываясь в новые узоры, помигивая — и на Сварога словно обрушилась невидимая волна, несущая в себе злость, раздражение и враждебность. Он не смог определить, что это такое, но знал одно: все эти вполне понятные эмоции были чем-то *иным*, холодным, нечеловеческим.

Как волна накатилась, так и отхлынула. Никакого присутствия магии — но если бы он взял с собой спутников, они сейчас лежали бы на каменном полу, в лучшем случае лишившись сознания, а в худшем... Это на него загадочная волна не подействовала ничуть — а обычным земным людям могла принести и смерть...

Нахлынула новая волна, слабее — безграничное удивление. Так вот оно что!

Никаких других хозяев Радианта нет. Только *эти*. Загадочные камни, наделенные нечеловеческим разумом, виновники всего — в том числе, вполне возможно, и создатели окутавшего Нериаду неизвестного поля, превратившего людей в кукол, освоившие загадочные тропы Зазеркалья.

Откуда они взялись, такие? Если предположить, что до Шторма их не было, догадка напрашивается сама собой. На Таларе Шторм, помимо разрушений, создал Хелльстад. По Сильване прошелся жутким катаклизмом, вроде бы не принесшим никаких загадочных чудес. Тетру превратил из обитаемой благополучной планеты в настоящее пекло.

А здесь возник Радиант. Невероятно чуждый человеку разум, в конце концов решивший перейти в наступление. Почему только теперь? Возможно, они неспешно эволюционировали, набирались сил и умений, приобретали новые способности...

Волны раздражения, тягостного непонимания, досады накатывались одна за другой. Не было смысла здесь оставаться — кто знает, какие еще сюрпризы у них в запасе? Отступая спиной вперед, Сварог оказался в туннеле — и, ни-сколечко этим не удручаясь, припустил бегом, время от времени оглядываясь через плечо.

Оказавшись снаружи, он тут же взмыл в воздух и на предельной скорости помчался к плато, где стояли, по привычке держа коней под уздцы, его спутники, слишком взволнованные сейчас, чтобы как-то выказать радость, увидев его целым и невредимым.

Выхватив у Гаржака рацию, Сварог нажал клавишу и, когда отозвался звенящим от возбуждения голосом дежурный офицер эскадры, кратко изложил все необходимое. Услышав в ответ, что его прекрасно поняли, отключил связь. Подошел к самому краю высокого откоса и неотрывно смотрел на Радиант, не в силах понять собственных мыслей и чувств — если они вообще были.

Ветер трепал алую мантию, но холода Сварог уже не чувствовал. Рядом плечом к плечу, стояли его спутники, которым так и не выпало ни малейшей okazji проявить себя — но так даже лучше, чем меньше драк, тем спокойнее жить...

Как он и думал, ожидание продлилось недолго, так что оказалось не столь уж томительным. Под серым низким небом показались серебристо-стальные треугольники гвардейских корветов, полдюжины, они бесшумно снижались, выходя на боевой заход...

Повисли над Радиантом совсем невысоко. Казалось, ничего не происходит, не видно никаких световых эффектов — но котловина словно вспучилась, вскипела, поднималось тяжелое темное облако, в конце концов быстро скрывшее и высокие пики (явно антенны здешних излучателей), и Радиант. Все так же, в совершеннейшей тишине, облако распухло, ширилось, почти достигнув кромки откоса, полностью скрыв, затопив котловину. А потом в некий неуловимый миг стало словно бы таять, оседать, открывая возникшую на месте Радианта глубокую, почти геометрически правильную воронку, словно обрезанную снизу, исполинскую, человек на ее плоском дне казался бы муравьем.

Сварог смотрел вниз, замерев статуей, чувствуя, как лицо застыло холодной маской. Как уже случалось однажды, в голове звучал высокий, чистый женский голос, на сей раз другой — голос неизвестной девушки, умершей тысячелетия назад.

*Аleo траманте,
беле аграманте,
чедо каладанге,
э виле...
Конеченто ленте,
моле неференте,
теле наджаленте,
маде...
Таре аталанте,
белео царанте,
чере кондаранте,
годе...*

Незатейливая мелодия, удар барабана после каждой третьей строки, чет-

вертая звучит прямо-таки *чеканно*, легоньким вскриком. Он понятия не имел, почему к нему так привязалась эта песня, почему он испытывает непонятную смесь любви и ненависти — но подозревал, что это неспроста. Слишком многое, с чем он сталкивался в странствиях и боях, потом напоминало о себе в самый неожиданный момент и самым неожиданным образом...

Не было ни радости, ни тоски, ни тяжелой усталости. Не было вообще никаких чувств. Он смотрел на исполинскую воронку, оставшуюся на месте Радианта, на низкое, грязно-серое небо, в котором давно исчезли корветы, без малейших эмоций. Впервые со времени появления здесь он стал участником чего-то *прежнего* — грандиозной войсковой операции, где ему, если подумать, оказалась отведена роль командира разведвзвода — ну, предположим, успешно выполнившего задание, но это мало что меняет, не вызывая ничего, кроме привычной, отнюдь не буйной радости оттого, что бой наконец кончился.

Не было ни долгих странствий, ни особых опасностей, ни схваток с диковинными тварями или нечистью. Не такая уж долгая технотронная войнушка, завершившаяся блицкригом в лучшем стиле фон Шиффена, разве что с поправкой на технические достижения времени и века. В схватке, где выжить позволялось только кому-то одному, сошлись примерно равные по силе соперники и каждый располагал чем-то, чего не имелось у противника. В конце концов победил тот, чье оружие давало ему нешуточное преимущество в данной конкретной ситуации: ни один человек не погиб и даже не ранен. То же касается созданий не разумных. Как стояло в титрах какого-то виденного в детстве кинофильма, во время съемок ни одно животное не пострадало. Список боевых потерь чист, как праздничная скатерть, только что постеленная, еще пахнущая крахмалом — так что никаких чувств и эмоций... Итог как итог, не хуже и не лучше многих других...

Он повернулся к спутникам, все еще ошеломленно глядевшим туда, где больше не было Радианта, произнес без всякого выражения:

— Ну что, господа мои, на коней?

И первым вскочил в седло. А все же это здорово, это просто прекрасно — что не приходится ни о ком сожалеть...

ЭПИЛОГ

Он неторопливо шагал по одной из главных улиц Даркаш-Вата — уже без маски, в своем подлинном обличье — отпала всякая нужда в маскировке. Никто не обращал на него внимания — еще один дворянин средней руки, только и всего. Оставался человеком-невидимкой, хотя...

Хотя в поведении горожан произошли интересные перемены, заметные с первого взгляда. Все так же проезжали экипажи и всадники, павлинами держались прогуливавшиеся пешком дворяне, степенно шагали купцы, чиновники и судейские, суетились уличные торговцы с лотками на груди...

И все же что-то изменилось. Теперь люди держались совершенно иначе, исчезло то силовое поле, что укутывало каждую куклу. На многих лицах легко читалась ошарашенность, растерянность, оторопелость. Они ничего еще толком не осознали, но не могли не почувствовать свободы — и не знали, как с ней теперь управляться, походка и движения выглядели чуть неуверенно, как у больного, впервые вставшего с постели после долгих месяцев неподвижности.

Ничего, понемногу придут в себя, как показал старый эксперимент. Многие выглядят так и не проснувшимися до конца после долгого и тягостного кошмарного сна — но это пройдет. Некоторые воспримут внезапные изменения свободы тела и мысли быстрее и легче других. Взять хотя бы короля, который наверняка не без удовольствия станет вести прежнюю развеселую жизнь игривого потаскуна — так же будет и со многими, чья программа просто-напросто так и перельется в новую жизнь без особых изменений в поведении и обретенном образе мыслей, свободе воли...

Эта их оторопелость как нельзя более благоприятствовала действиям армейцев и спецслужб, которые не проснувшиеся до конца жители столицы, как показали первые примеры, не замечали.

Полсотни десантников, обрушившись из низкого серого неба, за пару минут заняли «королевскую камнерезную фабрику», не встретив ни малейшего сопротивления: большая часть персонала, все с каменными ожерельями на шее — особо доверенные лица, ага — лежала на рабочих местах в совершеннейшей прострации, подобно тому, как это случилось с Иляной, вмиг лишившейся связи с кукловодами. Их попросту оттаскивали в сторонку, если мешали. Другие, все время пребывавшие куклами, по инерции пытались доделать прежнюю работу, что при отсутствии доброй половины работников было не более чем бессмысленной суетой. Этих быстренько согнали в табунок и со свойственной любой десантуре непринужденностью загнали в один из жилых домов, чему они, в общем, не противились.

Следом нагрянули люди Марлока и всевозможные эксперты всех без исключения спецслужб. Беглый осмотр быстро показал, что Сварог нисколько не ошибся: камнерезные станки оказались сделанными с помощью старинных имперских технологий, с незапамятных пор пылившихся в Музее техники. Кое в чем повторялась история Брашера, именно там пошарившего. Синтезаторы современных моделей, один в один. Кроме того, обнаружился источник питавшей фабрику энергии, опять-таки стандартный генератор апейрона, внутри которого мирно светился золотистый шарик величиной с лесной орех, способный обеспечить питанием на многие десятилетия вперед. В кражи как-

то плохо верилось. Без участия людей из Магистериума здесь не могло обойтись.

Ну что же, магистр Саторнин уже арестован — без церемоний и соблюдения тайны. Люди Канцлера его повязали прямо в Магистериуме, на глазах у всех, чуточку демонстративно. В том, что он очень быстро начнет петь, как каталаунский соловей, сомнений не было: улик против него целый ворох. Принц Агеляр, стремясь загладить вину и остаться в сторонке, готов выступить коронным свидетелем, да вдобавок над головой высоколобого Дамокловым мечом повисла седьмая статья Эдикта.

Рано делать какие-то заключения, но Сварог, в чем был не одинок, полагал, что перед ними — осколочек заговора Брашера. Вполне возможно, магистр от того и спутался с Радиантом, что ему пообещали претворить в жизнь планы Брашера по превращению всех обитателей двух планет, как ларов, так и землян, в уходящие за горизонт колонны ярких служителей науки. Вполне правдоподобная версия.

Если она верна, высоколобый ученый муж предстает форменным идиотом, не способным просчитывать ходы наперед. Вряд ли Радиант стал бы своими руками усиливать конкурента и позволять ему стать сильнее с развитием науки и техники. Радианту требовались послушные куклы, не более того. Так что об участии магистра в случае успеха заговора догадаться нетрудно...

Ничего у них пока что не было, кроме версий. Радиант сметен с лица земли, а его «разумные» инструменты наподобие Иляны окажутся совершенно бесполезными, именно потому, что они не более чем инструменты, знаниями обладали лишь уничтоженные хозяева Радианта.

«Коллективный разум... — задумчиво хмурясь, говорил профессор Марлок. — Любопытно... Надо полагать, включавший и частичку человеческого — судя по словам Иляны, судя по найденным вами в Пещере скелетам, камни вбирали в себя и сознание людей. Вы наверняка не обратили внимания, но я несколько раз просмотрел ленту с извлеченными из вашей памяти воспоминаниями. У всех скелетов на шее — каменные ожерелья. Когда возникала такая необходимость, их *высасывали*. Коллективный разум. Обширная деланка для дискуссий, гипотез и предположений, но сейчас некогда этим заниматься...»

Кто доволен жизнью несказанно, так это Марлок. С полудюжины ближайших сотрудников и он, как ракета, носится по столице, разрываясь меж тем, что ему интересно. Сварог предусмотрительно дал им хельстадских коней — живых они, пожалуй что, загнали бы. Его собственные подчиненные из обеих контор, как и агенты других спецслужб, тоже метались по столице, стараясь обнаружить и отловить «доверенных лиц» — чьи физиономии опять-таки извлечены из памяти Сварога...

Ему еще здесь работать и работать. Хорошо, что донесение моментально ушло на Талар, и Яна за него уже не беспокоится. А кое-кто уже всерьез озабочен собственными проблемами...

Сварог не сомневался: стоит ему вернуться на Талар, вскоре пригласит Диамер-Сонирил и вновь в мягкой дипломатичной форме сделает недвусмысленный намек. И Сварог, как в прошлый раз, напишет отчет, из которого будет следовать, что победу, конечно же, одержал именно что восьмой департамент в лице его начальника, а все остальные играли роль чисто вспомогательную.

Принц и его канцелярия... чуть не ляпнул по привычке «на белом коне, все в белом». Здесь традиции другие, белый — цвет траурных одеяний, а на белых конях возят исключительно покойников, Победитель, триумфатор здесь предстает на «солнечном» коне, то есть рыжем. Но какая разница... Снова, как в песне.

*Я стою сегодня перед строем,
в этот раз стою к нему лицом.
Кажется, чего-то удостоен,
награжден и назван молодцом...*

Уж это непременно. У Диамер-Сонирила хватает недостатков, как у всех, но следует признать за ним и несомненное достоинство — он умеет быть благодарным. На всех, кто каким-то боком причастен к только что отшумевшей операции «Марен», вскоре ливнем прольется немало наград, от скромных медалей до звезд. Самому Сварогу на них глубоко плевать. Еще в прошлой жизни он в свое время исполнился некоего спокойного равнодушия к регалиям. Знающие люди подтвердят: нешуточную радость приносит первая награда, как впечатывается в память первая женщина, невзирая на обстоятельства, в которых все происходило. Последующие, помимо легкого удовлетворения, неизменно сопровождаются мыслью: «Ну вот и еще одна...» Волнительная прелесть новизны уже не вернется. Ну что же...Ему самому очередная блямба никакой радости не доставит, а вот Канилле разлапистая, сверкающая самоцветами звезда будет в радость, да и в жизни поможет, репутацию в ученом мире укрепит. Марлок обещал из кожи вон вывернуться, но добиться для нее Золотой Колбы — еще лучше. Да и Гаржаку с Интагаром, как и другим, будет радостно...

Он старательно думал только об этом — но прекрасно понимал, какие мысли отгоняет. Мысли о том случае, когда на него неожиданно обрушилась вереница образов — Ильяна на фоне Радианта, лица других «доверенных». И это по всем ощущениям как две капли воды походило на приключившееся с ним в Глане, когда он не обязательный ритуал, как оказалось, выполнил, а всерьез обнялся с Землей-Матушкой к ошеломлению старух-ведуний. Как две капли воды...

— Ничего нового, — сказал профессор Марлок, задумчиво хмурясь. — Давным-давно есть гипотеза, что планеты — живые и даже разумные существа. Конечно, их разум, эмоции, чувства и побуждения не имеют ничего общего с человеческими — но во вред человечеству не направлены, пока оно не станет некой угрозой для планеты. Библиография обширная, — сказал Марлок, — и публикации имперских ученых, и труды земных книжников, вы просто никогда этим не интересовались всерьез, лорд Сварог. Вот только гипотезы так и остаются гипотезами, не получившими научного подтверждения — а то, что пишут книжники, получено эмпирическим путем, и потому для науки аргументом быть не может. Одним словом, никто пока что не занимается этим всерьез, хотя то, что вы рассказываете, безусловно интересно и творением вашего собственного мозга оказаться никак не может. Ну, не до того пока, слишком многое приходится оставлять на потом...

Значит, Нериада... Вполне возможно, Радиант для нее был чем-то вроде злокачественной опухоли, с которой она не могла отчего-то справиться собствен-

ными силами. Чуть только позволит основная работа, нужно закопаться с головой, научные материалы подберут Канилла с Элконом, а труды книжников — мэтр Анрах...

Он столь же неторопливо свернул в ту самую узкую улочку, ведущую к «Синей кошке». Именно там Сварог устроил свой штаб — почти центр города, место удобное, мало ли куда придется срываться, так лучше, чем сидеть за городом в резиденции. Все прошло гладко: еще не вполне *проснувшегося* хозяина навестили двое несомненных дворян и сняли заведение на неделю, объяснив, что намерены как следует отпраздновать там некое торжество, поваров, подавальщиц и слуг привезут своих. На двух других планетах подробное случилось нередко — как оказалось, и здесь тоже, хозяин ни малейшего удивления не выказал, так что силовые методы применять не пришлось. Золото, которым с ним расплатились, было самым настоящим, монеты ничуть не отличались от имеющих здесь хождение...

Как и в прошлый раз, улочка была пуста, и Сварог неторопливо шагал по булыжной мостовой меж двух рядов узких, в пару-тройку окон, домов с высокими острыми крышами, затейливыми водосточными трубами, завершившимися у земли тронутыми ржавчиной и зеленым окислом, головами каких-то мифологических тварей, из разверстых пастей которых струились в водостоки мутноватые ручейки — вновь моросил редкий дождик, временами сменяясь вихорьком влажных снежинок, тающих еще в полете.

— Лорд Сварог...

Сварог резко обернулся. В нескольких шагах от него стоял посреди узенькой улочки незнакомец в черном плаще с серым беличьим воротником, какие здесь носят небогатые купцы и разные стряпчие невеликого достатка. Узкое брюзгливое лицо с тонкими бледными губами, физиономия ничем не приметная, хотя на шпика не похож, вот только интересно, как он ухитрился незамеченным и не услышанным оказаться за спиной Сварога примерно на середине квартала? Как ни задумался Сварог, а кое о чем автоматически помнил. Никак не смог бы незнакомец красться в своих сапогах бесшумно по булыжной мостовой...

— Не уделите ли мне пару минут вашего драгоценного времени, лорд Сварог? — спросил незнакомец с некоторой иронией в голосе. — Разговор будет интересным...

Сварог, цепко глядя на него, пустил в ход кое-какое умение — до боевых монахов ему было, конечно, далеко, но кое-какая сноровка имелась. Брезгливо покривил губы: вот ты кто... Безусловно, черный. Вот только... Перед ним стояло не создание из плоти и крови, а некая проекция, не имеющая ничего общего с призраками и бесплотными духами. Проекция человека — или создания, имеющего вид человека, находившегося сейчас где-то далеко отсюда. На Таларе подобные визитеры давненько уже не показывались среди бела дня, а здесь держатся нагло, похоже...

— А как насчет «Отходной черным гостям»? — усмехнулся Сварог недобро.

— Ваша воля, — незнакомец покривил бледные губы в подобии усмешки. — Мне, конечно, придется удалиться... но разве вам не интересно знать, с какой миссией меня к вам направил Великий Мастер? Вы всегда были любопытны...

— Ах, вот оно что... — протянул Сварог. — Что же он сам не явился? Ну да, я

и запомнил. Ему сейчас как-то не с руки...

Незнакомец бесстрастно отозвался:

— Ну, в конце концов, у него остается дорога во множество других миров, так что не стоит чваниться мимолетной победой, особо не затрагивающей наши интересы... Лорд Сварог, я прибыл, чтобы от лица Великого Мастера выразить вам искреннюю благодарность за свершенное и поздравить с победой над этими проклятыми камнями, в результате глупой случайности получившими разум. Верить или не верить — ваше дело, но и поздравления и особенно благодарность — самые искренние, горячие. Вы оказали Великому Мастеру серьезнейшую услугу...

— Вы полагаете? — спокойно спросил Сварог.

— Именно так и обстоит, — усмехнулся незнакомец в черном. — Разумеется, вы об этом не подозревали, но с иными серьезными услугами именно так и обстоит... Позвольте, я внесу полную ясность?

— Сделайте одолжение, — сухо сказал Сватрог, отгоняя некие неприятные предчувствия, смутные, не оформившиеся в ясные мысли.

— Все дело в *душах*, лорд Сварог, — сказал незнакомец. — Несколько тысяч лет здешние жители не знали ни греха, ни добродетели, ни зла, ни добра. Потому что были лишены собственной воли. Соответственно, их души после смерти не попадали ни к Великому Мастеру, ни к... другому. Для них отведено место, куда попадают души тех, кто оказался недостаточно грешен... и недостаточно добродетелен. Предназначенное изначально не для них одних, но оказавшееся самым подходящим для них место. Вы не можете об этом месте не знать, вы много общаетесь с монахами и этими... служителями.

— Знаю, — сказал Сварог. Неприятные предчувствия охватили сильнее. — И что?

— Вы освободили местных жителей, вернули им свободу воли, — бесстрастно сказал незнакомец. — Тем самым вернули в этот мир и добро, и зло. Они будут воевать, грабить, убивать, насиловать, совершат все мыслимые грехи, и тем погубят свои души. Которым предстоит обогатить сокровищницу Великого Мастера. К нему до скончания времен будут попадать новые и новые...

— Не все, — сказал Сварог, ощутив вокруг то ли холод, то ли пустоту. — Далеко не все...

— Я и не утверждаю, что это будут *все*, — сказал незнакомец словно бы с превосходством. — Однако их будет немало. Вы прекрасно знаете, сколько в этом мире грешников, знаете, что путь греха многим и многим представляется гораздо более легким и привлекательным, нежели путь добра. И знаете, куда этот путь греха ведет... Так что поверьте: благодарность Великого Мастера искренняя и горячая, вы ему оказали неоценимую услугу... Позвольте откланяться, я все сказал...

Он коротко поклонился — и в следующий миг его уже не было в узкой улочке, на мокрой булыжной мостовой. Сварог остался один. Смотрел перед собой невидящими глазами, и душу леденила смертная тоска. Незванный гость не произнес ни слова лжи. Все так и обстояло — не располагая свободой воли и выбора, человек не способен ступить ни на путь добра, ни на путь зла, не может ни спасти, ни погубить свою бессмертную душу.

О *таком* повороте событий Сварог не задумывался совершенно. Нельзя было иначе, доведись пережить все снова, он поступил бы точно так же, даже

зная все наперед. Другое дело, что у победы всегда есть своя цена, и порой она велика, ложится на плечи тяжким бременем, с которым предстоит прожить все отведенное время, и эту тяжесть не снимут никакие покаяния, никакие свершения во имя добра...

Он долго еще стоял на узкой грязноватой улочке, невидящими глазами уставясь куда-то вдаль так, словно ожидал, будто появится кто-то добрый и заботливый, снимет с плеч неподъемную тяжесть, с которой предстоит пройти всю оставшуюся жизнь.

И прекрасно знал, что на выручку никто не придет, что за иные победы предстоит расплачиваться в одиночку...

Красноярск, 2017

Авторы стихов, приведенных в романе: Франсуа Вийон, Владимир Высоцкий, Гвидо Гоццано, Ганс Сакс, Михаил Танич, Николай Тихонов, Михаил Щербаков.

1

См. глоссарий к роману А. Бушкова «Сварог. Пленник Короны».

[^^^]

2

См. глоссарий к роману А. Бушкова «Сварог. Пленник Короны».

[^^^]

3

Морли — морская лига, примерно 1500 м. — *Прим. автора.*

[^^^]

4

Манор (от англ. *manor*) — средневековое феодальное поместье. — Прим. ред.

[^^^]

5

Авторы стихов, приведенных в романе — Роберт Бернс, Ольгерт Довмонт, Борис Пастернак, Перси Биши Шелли.

[^^^]

6

Более 2 литров. — *Прим. автора.*

[^^^]

7

Гай Скалигер, автор вывески «Жены боцмана» и статуи Маргилены, герой романа «Летающие острова». — *Прим. ред.*

[^^^]

8

Имеется в виду установленный законом срок, который положено пробыть в подмастерьях, прежде чем держать экзамен на звание мастера. — *Прим. автора.*

[^^^]

9

Скрамасакс — боевой нож с односторонней заточкой. — *Прим. ред.*

[^^^]

10

Провинциарий — главный город провинции. — *Прим. автора.*

[^^^]

11

Чита — низшая административно-территориальная единица, наподобие уезда. — *Прим. автора.*

[^^^]

12

Ковенант — от слова «ковенантус», означавшего на одном из древних языков «согласие». Виглафский Ковенант, или Большой Концерт, — принятое в обиходе название ежегодного конгресса семи королей и великого герцога Харланского, съезжавшихся в ронерском городе Виглаф, где решаются самые важные дела и принимаются решения по вопросам большой политики.

[^^^]

13

Джайм — мера длины, принимаемая лишь в геральдике (около 3 см.).

[^^^]

14

Квинутн — мера веса в ювелирном деле (0,25 г.).

[^^^]

15

Реверен — «почтенный». Так именуются на Сильване люди из сословия книжников — скрибаносы. Соответствуют таларскому «мэтр».

[^^^]

16

Сандоварское Уложение узаконило упоминавшееся выше решение о запрете владикам вольных Маноров возводить людей в дворянство.

[^^^]

17

Ронины — младшие сыновья из дворянских родов, не имеющие права на наследство.

[^^^]

18

С тех пор как были написаны эти строки, в этой области военного дела произошли определенные изменения.

[^^^]

19

Пулеметы в те времена на вооружении еще не появились.

[^^^]

20

Ни этой книги, ни каких-либо относившихся бы к ней заметок в бумагах Гонзака не обнаружено.

[^^^]

21

Югер — квадратная лига.

[^^^]

22

Намерение это осталось неосуществленным, хотя кое-какие шаги Гонзак успел предпринять.

[^^^]

23

За «полосатую яшму» малосведующий в горном деле Гонзак принял одну из разновидностей орлеца.

[^^^]

24

Речь идет о гранате-альмандине.

[^^^]

25

Бакан — родонит, или орлец.

[^^^]

26

Точности ради стоит упомянуть, что существует одиннадцать противоречащих друг другу версий исчезновения Гонзака, сведенных воедино и проанализированных в книге профессора Латеранского университета Пага Альмадовара «Путешествие в никуда» (Латерана, типография «Хоневир и сыновья», 3706 г. Х.Э.).

[^^^]

27

В последнее время этим орденом стали награждать и военных моряков, проявивших храбрость в схватке с пиратами (ибо награждать за такое полноценными боевыми орденами в самом деле как-то не вполне уместно).

[^^^]

28

Этим орденом награждают главным образом гражданских чиновников, инженеров сословия Циркуля и высших полицейских чинов — так что простяга Паколет, привлеченный красотой ордена, немного промахнулся (или наоборот, из хитрости пожелал носить ту же награду, что и полицейские, его недавние гонители).

[^^^]

29

Ковенант — от слова «ковенантус», означавшего на одном из древних языков «согласие». Виглафский Ковенант, или Большой Концерт, — принятое в обиходе название ежегодного конгресса семи королей и великого герцога Харланского, съезжавшихся в ронерском городе Виглаф, где решаются самые важные дела и принимаются решения по вопросам большой политики.

[^^^]

30

Джайм — мера длины, применяемая лишь в геральдике (около 3 см).

[^^^]

31

Квинтан — мера веса в ювелирном деле (0,25 г).

[^^^]

32

Реверен — «почтенный». Так именуются на Сильване люди из сословия книжников — скрибаносы. Соответствует таларскому «мэтр».

[^^^]

33

Сандоварское Уложение узаконило упоминавшееся выше решение о запрете владикам Вольных Маноров возводить людей в дворянство.

[^^^]

34

Ронины — младшие сыновья из дворянских родов, не имеющие права на наследство.

[^^^]

35

С тех пор как были написаны эти строки, в этой области военного дела произошли определенные изменения.

[^^^]

36

Пулеметы в те времена на вооружении еще не появились.

[^^^]

37

Ни этой книги, ни каких-либо относившихся бы к ней заметок в бумагах Гонзака не обнаружено.

[^^^]

Югер — квадратная лига

[^^^]

39

Намерение это осталось неосуществленным, хотя кое-какие шаги Гонзакуселл предпринять.

[^^^]

40

За «полосатую яшму» малосведущий в горном деле Гонзак принял одну из разновидностей орлеца.

[^^^]

41

Речь идет о гранате-альмандине.

[^^^]

42

Бакан — родонит, или орлец.

[^^^]

43

Точности ради стоит упомянуть, что существует одиннадцать противоречащих друг другу версий исчезновения Гонзака, сведенных воедино и проанализированных в книге профессора Латеранского университета Пага Альмадовара «Путешествие в никуда» (Латерана, типография «Хоневир и сыновья», 3706 г. Х. Э.).

[^^^]

44

В последнее время этим орденом стали награждать и военных моряков, проявивших храбрость в схватке с пиратами (ибо награждать за такое полноценными боевыми орденами в самом деле как-то не вполне уместно).

[^^^]

45

Этим орденом награждают главным образом гражданских чиновников, инженеров Сословия Циркуля и высших полицейских чинов.

[^^^]

46

Ковенант — от слова «ковенантус», означавшего на одном из древних языков «согласие». Виглафский Ковенант, или Большой Концерт, — принятое в обиходе название ежегодного конгресса семи королей и великого герцога Харланского, съезжавшихся в ронерском городе Виглаф, где решаются самые важные дела и принимаются решения по вопросам большой политики.

[^^^]

47

Джайм — мера длины, применяемая лишь в геральдике (около 3 см).

[^^^]

48

Квинтн — мера веса в ювелирном деле (0,25 г).

[^^^]

49

Реверен — «почтенный». Так именуются на Сильване люди из сословия книжников — скрибаносы. Соответствует таларскому «мэтр».

[^^^]

50

Сандоварское Уложение узаконило упоминавшееся выше решение о запрете владикам Вольных Маноров возводить людей в дворянство.

[^^^]

51

Ронины — младшие сыновья из дворянских родов, не имеющие права на наследство.

[^^^]

52

С тех пор как были написаны эти строки, в этой области военного дела произошли определенные изменения.

[^^^]

53

Пулеметы в те времена на вооружении еще не появились.

[^^^]

54

Ни этой книги, ни каких-либо относившихся бы к ней заметок в бумагах Гонзака не обнаружено.

[^^^]

55

Югер — квадратная лига.

[^^^]

56

Намерение это осталось неосуществленным, хотя кое-какие шаги Гонзак успел предпринять.

[^^^]

57

За «полосатую яшму» малосведущий в горном деле Гонзак принял одну из разновидностей орлеца.

[^^^]

58

Речь идет о гранате-альмандине.

[^^^]

59

Бакан — родонит, или орлец.

[^^^]

60

Точности ради стоит упомянуть, что существует одиннадцать противоречащих друг другу версий исчезновения Гонзака, сведенных воедино и проанализированных в книге профессора Латеранского университета Пага Альмадовара «Путешествие в никуда» (Латерана, типография «Хоневир и сыновья», 3706 г. Х. Э.).

[^^^]

61

В последнее время этим орденом стали награждать и военных моряков, проявивших храбрость в схватке с пиратами (ибо награждать за такое полноценными боевыми орденами в самом деле как-то не вполне уместно).

[^^^]

62

Этим орденом награждают главным образом гражданских чиновников, инженеров Сословия Циркуля и высших полицейских чинов.

[^^^]

63

Титулованный дворянин, не просто владеющий поместьями, а сохранивший свои фамильные феодальные владения, пусть и не целиком. Поскольку короли столетиями пытались лишить таких магнатов их владений (чтобы не стали слишком независимы), «земельных» из всего дворянства осталась едва десятая часть. По неписаной иерархии они считаются выше «неземельных», даже будучи ниже титулом.

[^^^]

64

Пиркет — самое скверное вино, делается не из винограда, а из виноградных
ВЫЖИМОК.

[^^^]

65

Ковенант — от слова «ковенантус», означавшего на одном из древних языков «согласие». Виглафский Ковенант, или Большой Концерт, — принятое в обиходе название ежегодного конгресса семи королей и великого герцога Харланского, съезжавшихся в ронерском городе Виглаф, где решаются самые важные дела и принимаются решения по вопросам большой политики.

[^^^]

66

Джайм — мера длины, применяемая лишь в геральдике (около 3 см).

[^^^]

67

Квинутн — мера веса в ювелирном деле (0, 25 г).

[^^^]

68

Реверен — «почтенный». Так именуются на Сильване люди из сословия книжников — скрибаносы. Соответствует таларскому «мэтр».

[^^^]

69

Сандоварское Уложение узаконило упоминавшееся выше решение о запрете владикам Вольных Маноров возводить людей в дворянство.

[^^^]

70

Ронины — младшие сыновья из дворянских родов, не имеющие права на наследство.

[^^^]

71

С тех пор как были написаны эти строки, в этой области военного дела произошли определенные изменения.

[^^^]

72

Пулеметы в те времена на вооружении еще не появились.

[^^^]

73

Ни этой книги, ни каких-либо относившихся бы к ней заметок в бумагах Гонзака не обнаружено.

[^^^]

74

Югер — квадратная лига.

[^^^]

75

Намерение это осталось неосуществленным, хотя кое-какие шаги Гонзак успел предпринять.

[^^^]

76

За «полосатую яшму» малосведущий в горном деле Гонзак принял одну из разновидностей орлеца.

[^^^]

77

Речь идет о гранате-альмандине.

[^^^]

78

Бакан — родонит, или орлец.

[^^^]

79

Точности ради стоит упомянуть, что существует одиннадцать противоречащих друг другу версий исчезновения Гонзака, сведенных воедино и проанализированных в книге профессора Латеранского университета Пага Альмадовара «Путешествие в никуда» (Латерана, типография «Хоневир и сыновья», 3706 г. Х. Э.).

[^^^]

80

В последнее время этим орденом стали награждать и военных моряков, проявивших храбрость в схватке с пиратами (ибо награждать за такое полноценными боевыми орденами в самом деле как-то не вполне уместно).

[^^^]

81

Этим орденом награждают главным образом гражданских чиновников, инженеров Сословия Циркуля и высших полицейских чинов.

[^^^]

82

Авторы стихов, приведенных в романе, — Ольгерд Довмонт, Анэс Зарифьян, Николай Шипилов.

[^^^]

83

Вирилэ — сборники баллад, как допечатных времен, так и печатных.

[^^^]

84

Ковенант — от слова «ковенантус», означавшего на одном из древних языков «согласие». Виглафский Ковенант, или Большой Концерт, — принятое в обиходе название ежегодного конгресса семи королей и великого герцога Харланского, съезжавшихся в ронерском городе Виглаф, где решаются самые важные дела и принимаются решения по вопросам большой политики.

[^^^]

85

Джайм — мера длины, применяемая лишь в геральдике (около 3 см).

[^^^]

86

Квинутн — мера веса в ювелирном деле (0,25 г).

[^^^]

87

Реверен — «почтенный». Так именуются на Сильване люди из сословия книжников — скрибаносы. Соответствует таларскому «мэтр».

[^^^]

88

Сандоварское Уложение узаконило упоминавшееся выше решение о запрете владикам Вольных Маноров возводить людей в дворянство.

[^^^]

89

Ронины — младшие сыновья из дворянских родов, не имеющие права на наследство.

[^^^]

90

С тех пор как были написаны эти строки, в этой области военного дела произошли определенные изменения.

[^^^]

91

Пулеметы в те времена на вооружении еще не появились.

[^^^]

92

Ни этой книги, ни каких-либо относившихся бы к ней заметок в бумагах Гонзака не обнаружено.

[^^^]

93

Югер — квадратная лига.

[^^^]

94

Намерение это осталось неосуществленным, хотя кое-какие шаги Гонзак успел предпринять.

[^^^]

95

За «полосатую яшму» малосведущий в горном деле Гонзак принял одну из разновидностей орлеца.

[^^^]

Речь идет о гранате-альмандине.

[^^^]

97

Бакан — родонит, или орлец.

[^^^]

98

Точности ради стоит упомянуть, что существует одиннадцать противоречащих друг другу версий исчезновения Гонзака, сведенных воедино и проанализированных в книге профессора Латеранского университета Пага Альмадовара «Путешествие в никуда» (Латерана, типография «Хоневир и сыновья», 3706 г. Х. Э.).

[^^^]

99

В последнее время этим орденом стали награждать и военных моряков, проявивших храбрость в схватке с пиратами (ибо награждать за такое полноценными боевыми орденами в самом деле как-то не вполне уместно).

[^^^]

100

Этим орденом награждают главным образом гражданских чиновников, инженеров Сословия Циркуля и высших полицейских чинов.

[^^^]

101

Тембот — музыкальный инструмент, весьма схожий с роялем.

[^^^]

102

Ковенант — от слова «ковенантус», означавшего на одном из древних языков «согласие». Виглафский Ковенант, или Большой Концерт, — принятое в обиходе название ежегодного конгресса семи королей и великого герцога Харланского, съезжавшихся в ронерском городе Виглаф, где решаются самые важные дела и принимаются решения по вопросам большой политики.

[^^^]

103

Джайм — мера длины, применяемая лишь в геральдике (около 3 см).

[^^^]

104

Квинутн — мера веса в ювелирном деле (0,25 г).

[^^^]

105

Реверен — «почтенный». Так именуются на Сильване люди из сословия книжников — скрибаносы. Соответствует таларскому «мэтр».

[^^^]

106

Сандоварское Уложение узаконило упоминавшееся выше решение о запрете владикам Вольных Маноров возводить людей в дворянство.

[^^^]

107

Ронины — младшие сыновья из дворянских родов, не имеющие права на наследство.

[^^^]

108

С тех пор как были написаны эти строки, в этой области военного дела произошли определенные изменения.

[^^^]

109

Пулеметы в те времена на вооружении еще не появились.

[^^^]

110

Ни этой книги, ни каких-либо относившихся бы к ней заметок в бумагах Гонзака не обнаружено.

[^^^]

111

Югер — квадратная лига.

[^^^]

112

Намерение это осталось неосуществленным, хотя кое-какие шаги Гонзак успел предпринять.

[^^^]

113

За «полосатую яшму» малосведущий в горном деле Гонзак принял одну из разновидностей орлеца.

[^^^]

114

Речь идет о гранате-альмандине.

[^^^]

115

Бакан — родонит, или орлец.

[^^^]

116

Точности ради стоит упомянуть, что существует одиннадцать противоречащих друг другу версий исчезновения Гонзака, сведенных воедино и проанализированных в книге профессора Латеранского университета Пага Альмадовара «Путешествие в никуда» (Латерана, типография «Хоневир и сыновья», 3706 г. Х. Э.).

[^^^]

117

В последнее время этим орденом стали награждать и военных моряков, проявивших храбрость в схватке с пиратами (ибо награждать за такое полноценными боевыми орденами в самом деле как-то не вполне уместно).

[^^^]

118

Этим орденом награждают главным образом гражданских чиновников, инженеров Сословия Циркуля и высших полицейских чинов.

[^^^]

119

Игра, во многом напоминающая лото.

[^^^]

120

Игра, где мечут кости и в зависимости от выпавших очков двигают фишки по доске. Есть не менее двух десятков разновидностей.

[^^^]

121

Обычное вежливое обращение к жене мастера из трех высших гильдий (независимо от ее возраста и наличия детей).

[^^^]

122

Кельсий — подарок, преподносимый невесте при сватовстве. Давно уже стал архаикой, но кое-где еще соблюдается этот обычай.

[^^^]

123

Ярдат — обычай, по которому человек любого сословия при свидетелях заявляет, что отдается под покровительство короля, чтобы получить помощь или защиту в том или ином деле. До сих пор применяется не так уж редко.

[^^^]

124

В старые времена, когда пользовались только открытым огнем, до появления современных безопасных ламп, это был прямой приказ городских и сельских стражников гасить в доме все огни, во избежание пожара. Сейчас — чисто церемониальный обычай, означающий наступление ночи. (Впрочем, в глухих местах, где до сих пор в ходу только открытый огонь, этот призыв остается прямым приказом.)

[^^^]